

9
В. 26
№ 13

Вебер, Т
Всеобщая исто-
рия
т. 13 - 18 стол-
тие
М., 1891г

909 В.26:
XIII

x

ВСЕОБЩАЯ XXVI, I

ИСТОРИЯ В.26

ГЕОРГА ВЕБЕРА.

ПРОВЕРЕНО
25-го Августа 1928 г.

ПЕРЕВОДЪ СО ВТОРАГО ИЗДАНИЯ,

ПЕРЕСМОТРѢННАГО И ПЕРЕРАБОТАННАГО ПРИ СОДѢЙСТВІИ СПЕЦІАЛІСТОВЪ.

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ВОСЕМНАДЦАТОЕ СТОЛѢТІЕ.

Переводъ Э. Циммермана.

Проверено
1956 г.

Издание К. М. Солдатенкова

В КРАЕВЪЙ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Списано по дублетности

МОСКВА.

Типо-литографія В. О. Рихтеръ, Тверская улица, домъ Талалаевой.
1891.

Менделѣевъ
217526

ВІСЮТНІ РАДНОУЯ

ПІТАЦІА АННОТ. ГМОТ.

ГЕНЕРАЛЪ

9
B.26
N 13

15.9 100.
XIX

ИСТОРИЯ

Проверено
1940 г.

2016

309 ⁵/₈₅
ГЛАВНА БИБЛИОТЕКА
на Публ. Науч.-изд.
библиотека

ВОСЕМНАДЦАТОЕ СТОЛѢТІЕ.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>Стр.</i>
A. Войны между Австріей и Пруссіей при Маріи Терези и Фридрихѣ II.	1
Литература	—
I. Европа въ войнѣ за австрійское наслѣдство и двѣ первыя силезскія войны.	2
1. Австрія по смерти Карла VI и Нимфенбургскій союзъ	—
2. Фридрихъ II и первая силезская война	9
3. Невзгоды Австріи и спасеніе ея.	13
4. Вторая силезская война и событія въ Шидерландахъ и Велико- британіи	27
Карль Стюартъ и возстаніе якобитовъ.	36
5. Исходъ войны и Ахенскій миръ	46
6. Австрія послѣ Ахенскаго мира.	56
II. Семилѣтняя война.	62
1. Союзы и вооруженія	—
2. Война 1757 года	74
3. Цорндорфъ и Гохкирхъ (1758)	82
4. Отъ Кунерсдорфа до Торгау (1759. 1760).	88
5. Исходъ войны и мирные трактаты.	96
B. Эпоха просвѣщенія и предвѣстники революціи.	106
I. Литературное и филологическое образованіе эпохи.	—
Литература	—
II. <i>Культурная и умственная жизнь въ Англии</i>	107
а. Развѣтїе и характеръ англійскаго образованія вообще	—
б. Подробности	110
1. Дрейдепъ и его преемники	—
2. Локке и сенсуализмъ	113
3. Шефтсбери и вольнодумцы (деисты)	115
4. Волингброкъ и Попе	118
5. Свифтъ и его сатиры	123
6. Правственныя ежепедѣльные изданія и семейный романъ.	126
7. Философія и исторія	132
III. Литература просвѣщенія во Франціи	135
1. Философско-литературное направленіе эпохи	—
2. Подробности	141
а. Вольтеръ	—
б. Монтескьё и Руссо	145

	Стр.
с. Дидро и энциклопедисты	151
d. Материализмъ на его вершинѣ. Гольбахъ, Гельвецій и др.	160
III. Успѣхи въ области политической экономіи.	163
IV. Практическія дѣйствія идей просвѣщенія	171
V. Исторія математики и естественныхъ наукъ до начала девятнадцатаго столѣтія.	176
III. Образованіе сѣверо-американскаго союза и европейскія державы	193
Литература	—
1. Британскія колоніи Сѣверной Америки до Парижскаго мира	195
а. Основаніе англійскихъ колоній.	—
б. Вражда между англійскими и французскими колонистами.	201
с. Расширеніе англійскихъ колониальныхъ владѣній въ Америкѣ	208
2. Разладъ партій и конституціонная борьба	214
а. Министерство Гренвилля и штемпельный актъ	—
б. Министерство Рокингема и право налагать подати	221
с. Большой министр и упорная страна	225
d. Политическое возбужденіе въ Англии и письма Юніуса.	229
е. Англійское правительство и кризисъ въ Америкѣ.	232
3. Отпаденіе американскихъ колоній отъ Англии	237
а. Вилья о бостонскомъ портѣ и конгрессъ выборщиковъ въ Филадельфій	—
б. Начало междоусобія	242
с. Торгъ солдатами и объявленіе независимости въ Америкѣ	247
4. Расширеніе англо-американской войны	255
а. Америка, Англія и Франція до капитуляціи Саратоги.	—
б. Чатамъ и Лафайетъ. Бѣдствія войны въ Америкѣ и нужда въ деньгахъ	261
с. Всеобщая борьба и вооруженный нейтралитетъ	265
d. Заатлантическая сухопутная и морская война; заговоръ Арнольда и Андрэ.	273
е. Катастрофа въ Горктоунѣ и перемѣна министерства въ Англии	280
f. Продолженіе войны. Осада Гибралтара	284
g. Версальскій миръ. Голландская республика и американскіе Соединенные штаты.	289
5. Англія и Остъ-Индіа	296
а. Англія послѣ Версальскаго мира.	—
б. Возникновеніе нидо-британской державы.	302
1. Положеніе и условія въ Остъ-Индіи	—
2. Европейскія колоніи въ Передней Индіи	307
3. Англо-Остидская кампанія при лордѣ Клейвѣ и Варренѣ Гастингсѣ.	311
III. Общественная жизнь подъ вліяніемъ идей просвѣщенія	321
Литература	—
I. Государства въ западной и южной Европѣ и борьба противъ іезуитовъ	322
1. Португалія и министерство Помбала	—
а. Іоаннъ V. и Іосифъ. Начатки Помбала	—
б. Португальское правительство въ борьбѣ противъ іезуитовъ и папства	327
с. Реформы Помбала и его кончина	339
2. Бурбонскія державы	347
A. Франція въ послѣднія десятилѣтія истекшаго вѣка.	—

	Стр.
а. Король Людовикъ XV. и версальскій дворъ	—
б. Государство и церковь	351
с. Царствованіе Людовика XVI.	359
1. Дворъ и министерство Тюрго-Мальзербера	—
2. Трудное положеніе финансовъ. Неккеръ и Колоннъ. Государственные чины	365
В. Испанія и Италія.	377
а. Испанія при Филиппѣ V. и Фердинандѣ VI. Неаполь при Карлѣ III	—
б. Король Карлъ III и уничтоженіе ордена іезуитовъ.	383
с. Послѣдніе годы царствованія Карла III.	390
3. Нидерланды.	393
а. Голландія и революціонныя движенія въ 1786 и 1787 г.	—
б. Австрійскіе Нидерланды при Іосифѣ II. и событія въ Люттихѣ.	400
II. Германія и германскія великія державы.	417
I. Нѣмецкая имперія при императорѣ Іосифѣ II.	417
1. Политическое состояніе въ Германіи.	—
2. Война за баварское наслѣдство и союзъ государей.	422
II. Австрія послѣ Губертсбургскаго мира	430
1. Послѣднее время царствованія Маріи Терезин; юность и принципы Іосифа II.	—
2. Іосифъ II. единодержавный монархъ.	435
а. Отношеніе Іосифа къ церкви и папству	—
б. Реформы въ учебной системѣ, въ государственномъ управленіи и въ гражданскихъ отношеніяхъ	443
с. Отношенія къ заграничнымъ областямъ и событія въ Венгріи	447
3. Характеръ Іосифа и его кончина. Императоръ Леопольдъ II.	450
III. Пруссія при Фридрихѣ II. и Фридрихѣ-Вильгельмѣ	456
1. Внутреннее правленіе и кончина Фридриха Великаго	—
2. Начало царствованія Фридриха-Вильгельма II.	471
III. Сѣверъ и востокъ	478
Литература	—
I. Скандинавія.	479
1. Давія въ восемнадцатомъ столѣтіи. Величіе Струэнзе и его паденіе.	—
2. Швеція подъ дворянскою олигархіей и король Густавъ III.	492
3. Польскія условія и партія.	500
IV. Литература и умственная жизнь въ Германіи до исхода восемнадцатаго столѣтія.	508
Литература	—
A. Нѣмецкая поэзія на ея вершинѣ	509
I. Движеніе поэтическаго образованія	—
II. Клопштокъ и окружавшая его группа поэтовъ.	512
1. Клопштокъ и Швейцарцы	—
2. Вліяніе Клопштока на нѣмецкую поэзію. Общество поэтовъ въ Гёттингенѣ	514
3. Раціоналистическое противное теченіе	519
III. Виландъ.	520
IV. Лессингъ и Винкельманъ.	525
1. Объ искусствѣ и о древности. Винкельманъ	527
2. Драмы и драматургія	529
3. Теологія и философія. Натанъ Мудрый	531

	<i>Стр.</i>
V. Гердеръ	533
1. Гениальная эпоха. Гаманъ и Книггеръ	—
2. Жизнь и дѣятельность Гердера	536
VI. Гёте и Шиллеръ	540
1. Гёте въ періодъ бурь и порывовъ	—
2. Гёте въ Италиі и Фаустъ	544
3. Гёте и французская революція	547
4. Юность и юношескія стихотворенія Шиллера	549
5. Годы духовнаго сообщества Гёте и Шиллера	551
6. Послѣдніе годы Шиллера	554
VII. Романисты и Жанъ Поль	556
V. Научная дѣятельность и прозаическая литература	561
I. Духовная жизнь Германіи въ области церкви и школы, религіи и философіи	—
1. Общій обзоръ	—
2. Переворотъ въ теологіи	568
1. Религіозное просвѣщеніе	—
2. Теологическіи рационализмъ	571
3. Ортодоксія и суиранатурализмъ въ борьбѣ съ просвѣщеніемъ	573
4. Мистицизмъ и его фанатическіе отпрыски	578
3. Переворотъ въ педагогикѣ	584
1. Фридрихъ Великій и просвѣщеніе	—
2. Вазедовъ и филантропизмъ въ Дессау	588
3. Филантропіи въ Маршлѣ и Гейдесгеймѣ; Плана и Бардтъ	592
4. Нѣмецкая система обученія въ восемнадцатомъ столѣтіи	598
5. Реформа Песталоцци	601
4. Переворотъ въ философіи	605
1. Популярная философія	—
2. Критическая философія	607
II. Публицистика и историческая литература въ восемнадцатомъ столѣтіи	613
1. Научные труды въ области государственнаго права и политики	—
2. Исторіографія и публицистика	621
C. Нѣмецкое искусство	633
I. Образовательное искусство	—
II. Классическая эпоха музыки	640
C. Эпоха революціи	649
Литература	—
I. Французская революція въ восхожденіи	651
I. Годы учредительнаго національнаго собранія	—
1. Государственные чины въ Версалѣ	—
2. Взятіе Бастиліи	659
3. Человѣческія права и паденіе феодальнаго государства	668
4. Пятое октябри и переселеніе въ Парижъ	676
5. Государственное устройство. Ассигнаты. Разверстка страны и организація суда. Гражданскій уставъ клира	684
6. Развѣтїе революціи. Клубы. Праздникъ федераціи. Смерть Мирабо	695
7. Бѣгство королевскаго семейства	702
8. Завершеніе конституціи. Конечъ учредительнаго собранія	710

	<i>Стр.</i>
II. Законодательное собраніе и паденіе королевской власти	716
1. Законодательное собраніе, эмиграція, иностранныя державы	—
2. Жироуда и начало революціонной войны	725
3. Буря противъ королевской власти	734
4. Десятое августа и его послѣдствія	744
II. Революція на вершинѣ	752
I. Республиканская Франція до паденія жироуды и европейская коалиція	—
1. Парижская коммуна и сентябрскіе дни	—
2. Война въ Шампани	761
3. Национальный конвентъ и смерть короля	767
4. Война и завоеванія въ пограничныхъ областяхъ	775
5. Происшествія въ Нидерландахъ и присоединеніе Англии къ коалиціи	782
6. Измѣна Дюмурье и потери Бельгіи и Майнца	790
7. Побѣда партіи горы и паденіе жироуды	796
II. Терроризмъ и всемірная война	811
1. Тираниа якобинцевъ	—
2. Возстаніе на югѣ и западѣ и ихъ исходъ	816
3. Коалиціонная война	823
4. Терроризмъ комитета общаго блага и борьба партій въ конвентѣ	833
а. Терроризмъ, ея орудія и жертвы	—
б. Паденіе дантонистовъ и гебертистовъ	836
с. Паденіе Робссьера	838
III. Революція на исходѣ	842
I. Послѣднія времена конвента	—
1. Термидорианцы и якобинцы	—
2. Паденіе террористовъ. Заключенные въ Тамплѣ	852
3. Конвентъ и коалиція. Миръ въ Базелѣ съ Пруссіей и Испаніей. Испанія и французская революція	858
4. Коалиціонная война съ Австріей и Англійей и происшествія въ Вандеѣ и на Квиберонѣ	869
II. Переходъ къ директоріи	875
Литература	—
1. Конечъ конвента и 13. Вандемьера	876
2. Юные годы Наполеона Бонапарта. Приобрѣтенія революціи	881
3. Франція подъ властію директоріи до 18. фруктидора	887
4. Итальянскіе походы Бонапарта и миръ въ Кампо-Форміо	900
а. Отъ Альмовъ до Эчи	901
б. Венеція и другія итальянскія государства	906
с. Осеннія кампаніи въ Италиі и Германіи	909
д. Аркола. Мантуа. Толентино	912
е. Кампанія во внутрь Австріи	917
г. Прелиминарныя условія въ Леобенѣ	920
г. Паденіе господства патрицевъ въ Венеціи и Генуѣ	922
h. Миръ въ Кампо-Форміо и паденіе Венеціи	930

А. ВОЙНЫ МЕЖДУ АВСТРИЕЙ И ПРУССИЕЙ ПРИ МАРИИ ТЕРЕЗИИ И ФРИДРИХЪ II.

Литература. Къ приведеннымъ XII, 324, 682 и въ другихъ мѣстахъ творениямъ общаго содержания для слѣдующихъ отдѣловъ надо еще прибавить: *Geschichte Maria Theresias von Alfr. Ritter v. Arneth*, 10 т. Вѣна 1863—1879; *Maria Th. ihr Staat und ihr Hof. Aus den Papieren des Grosskanzlers v. Fürst in Ranke*, *Hist. polit. Zeitschr.* II. Берл. 1833—1836; *F. I. Lipowski, Lebens und Regierungsgesch. des Kurfürsten Karl Albert*, Мюнх. 1830; *K. Th. Heigel, Der österreich. Erbfolgestreit und die Kaiserwahl Karls VII.* Nordl. 1877.—0 Карлъ Эд. Стюартъ: помимо упомянутой уже *Hist. of Engl. cet. by Lord Mahon* (также въ нѣмецкомъ переводѣ Штегера, Брауншв. 1855. 8 т.), старая монографія Гендерсона и Гома (*Rebellion in the years 1745. 1746*); *Pichot, Vie de Charles Ed. dern. prince de la maison de St. Paris* 1830 2 т.; *C. L. Klose, Leben des Pr. Karl aus dem Hause Stuart (Graf von Albany)*. Лейпц. 1842; *Lord Stanhope, The Forty-five*. Лонд. 1851; *W. v. Hassel, Der Aufstand des jungen Präntendenten Karl Ed. Stuart in den J 1745. 1746*. Лейпц. 1876.—Сочиненія Ранке, Дройзена и др. о прусской исторіи въ эту эпоху, Биограф. Фр. В. Преяса намъ извѣстны уже изъ XII т. Сверхъ того: *Th. Carlyle, Hist. of Fr. II. called the Great*. 6 т. Лонд. 1858—1865. Понѣмцами Neuberg. Berl. 1858—1869.—0 военной исторіи силезскихъ войнъ въ особенности имѣется богатая литература; помимо твореній самого Фридриха: *Histoire de mon temps, Hist. de la guerre de sept ans* и др. къ исторіи первыхъ двухъ силезск. войнъ слѣдуетъ еще присоединить: *L. v. Orlich, Gesch. der schles. Kr.*, Берл. 1841, 2 т.; *H. Wuttke, Fr. d. Gr. Besitzergreifung v. Schles.*, Лейпц. 1842. 1843. 2 т. излагающіе прежнюю исторію Силезіи; *Grünhagen, Geschichte des ersten schles. Kriegs.* 2 т. Гота 1881.—Старѣйшія, отчасти современниками изложенныя описанія семилѣтней войны: *Lloyd, The history of the late war in Germany between the king of Prussia and the empress of Germany and her allies*. 2 т. Лондонъ. 1786 и 1780. Перевелъ на нѣмецкое и дополнилъ: *Tempelhoff, Geschichte des Siebenjähr. Kriegs in Deutschland* Берл. 1783 и сл. 6 т.; *v. Archenholz, Geschichte des Siebenjähr. Kriegs in D.* 2 т. Берлинъ. 1789. 1793.; *v. Retzow, Charakteristik der wicht. Ereign. des Siebenjähr. Kriegs.* 2 т. Берл. 1804; *P. F. Stühr, Forschungen und Erläuterungen über Hauptpunkte des Siebenjähr. Kriegs.* 2 т. Гамб. 1842; 2 т., и *der Siebenjähr. Krieg*. Лемго 1834; *Gesch. des Siebenjähr. Kriegs*, составл. офицерами генеральнаго штаба. Берл. 1824—1847, 8 т.; *Arnold Schäfer, Gesch. des Siebenjähr. Kriegs*. Берл. 1867—1874, 2 т. въ 3 отд.; *L. v. Ranke, Der Ursprung des Siebenjähr. Kriegs*. Leipz. 1871 и: *Zur Gesch. v. Österr. u. Pr. zwischen den Friedensschl. zu Aachen u. Hubertusb.* Лейпц. 1875; *Th. v. Bernhardt, Friedr. d. G. als Feldherr*. 2 т. Берлинъ 1881; *v. Tausen, Zur Beurtheilung des Siebenjähr. Kriegs*, Berlin 1883; *Hans Delbrück, Über den Unterschied der Strategie Friedrichs d. Gr. und Napoleons in „Hist. und polit. Auf-*

sätze“. Берлинъ, 1886. Потомъ еще сборникъ писемъ: K. W. v. Schöning, Der Siebenjähr. Krieg nach der Originalkorrespondenz Fr. d. Gr. Потд. 1851. 1852. 3 т., Polit. Korr. Friedr. d. Gr. m. 12—14., Берлинъ 1884—86. (для 1756 и сл. лѣтъ); Friedr. d. Gr. Histoire de mon temps, редакція 1746 г., издан. М. Поснеромъ въ извѣстияхъ прусск. государств. архива, 4 т., Лейпцигъ 1879; K. Koser, Pr. Staatsschriften aus der Regierungszeit König Friedrichs II. 2 т., Берлинъ 1877, Лейпцигъ 1886.—Болѣе подробные эпизоды семилѣтней войны излагаютъ: Fr. d. Gr. von Kollin bis Leuthen, nach den Kabinetsorders herausgeg. von der hist. Abteil. des preuss. Generalstabs. Берл. 1858.; Gesch. der Feldzüge des Herzogs Ferd. von Braunsch., nachgel. Manusk. von dessen Sekretär Chr. H. Phil. v. Westphalen, издан. внукомъ автора, прусск. министромъ Вестфаленомъ. Берл. 1859. 1871, 3 т.; Ferd. Herzog. zu Braunsch. während des Siebenjähr. Kriegs von E. v. d. Knesebeck. Ганн. 1857. 1858. 2 т.; Die drei Kriegsjahre 1756, 1757, 1758 in Deutschland. Aus den Nachlass I. F. Husebbergs, издан. Вутке. Лейпц. 1856; Объ исторіи 1757 г. ср. Zimmermann in den Beiheften zum Militär. Wochenblatt. Берлинъ 1882 и 1884; Sämmerer, Friedrichs d. Gr. Feldzugsplan für das Jahr 1757. Берлинъ 1883.—Сверхъ того вышель еще цѣлый рядъ монографій о битвахъ въ семилѣтнюю войну, болѣею частью по поводу ихъ годовщинъ, такъ напр.: о Корндорфѣ (Этцеля, Берл. 1858; Шоттмюллера Берл. 1858), объ Лейтенѣ (Мюллера, Берл. 1857; Кутцена, Бреславль 1831), о Росбахѣ (Ад. Мюллера, Берл. 1857), Кунерсдорфѣ (Штале, Берл. 1859), Лисницѣ (Кутцена, Бресл. 1860) и др.—Нѣсколько біографій генераловъ того времени (Леоп. v. Dessau, Seydlitz, Winterfeld, Schwerin, Keith) написалъ Варнгагенъ фонъ Элизе, частью въ его «Biographische Denkmale, частью особыми трактатами. Потомъ еще біографію Зейдлица (Виттахъ, Дюссельд. 1861), Цитена (В. Ганъ, Берл. 1850, Г. Винтеръ, 2 т., Лейпцигъ 1886), Лаудона (Янко, Вѣна, 1869) и др. — v. Beau lieu-Marcopau, der Hubertusbürger Friede. Leipzig, 1871.

I. Европа въ войнѣ за австрійское наслѣдство и двѣ первыя силезскія войны.

1. АВСТРІЯ ПО СМЕРТИ КАРЛА VI И НИМФЕНБУРГСКІЙ СОЮЗЪ.

Императоръ Карлъ VI и его совѣтники. Октября 20. въ 1740 г. скончался императоръ Карлъ VI. Мы въ разныхъ періодахъ жизни ознакомились съ этимъ Габсбургомъ, съ которымъ погасла мужская линия славнаго дома: не только обвислая нижняя губа и другія семейныя черты изобличали его происхожденіе, но и по природнымъ свойствамъ, по наклонностямъ и образу жизни онъ также оказался истымъ отпрыскомъ своего отца и большинства своихъ предковъ. Онъ не былъ одаренъ ни военными, ни политическими способностями для того, чтобы играть выдающуюся роль на чреватомъ событіями поприщѣ, на которое былъ поставленъ судьбою; а все-таки онъ былъ проникнутъ сильнымъ чувствомъ долга, руководившимъ его дѣйствіями и намѣреніями. Душа его была болѣе склонна къ дѣламъ мира чѣмъ войны, хотя его правленіе то и дѣло

оглашалось громомъ оружія: какъ почти всѣ Габсбурги онъ любилъ и понималъ музыку; придворный театръ, академія, бібліотека свѣдѣтельствовали о его любви къ искусствамъ и наукамъ; почти со всѣми народами своей многочисленной державы онъ могъ объясняться на ихъ родномъ языкѣ. Подобно своему отцу Леопольду, онъ придавалъ большое значеніе богатому, пышному придворному штату и строгому, при испанскомъ дворѣ выработанному этикету; въ религиозныхъ воззрѣніяхъ онъ также согласовался скорѣе съ отцомъ, чѣмъ съ братомъ: іезуиты и члены другихъ орденовъ пользовались большимъ вліяніемъ; блестящія церковныя празднества, процессіи, паломничество поощрялись; онъ самъ съ рабскимъ усердіемъ исполнялъ всѣ церковныя требы. У него благодушіе, эта семейная габсбургская черта, смѣнялось гордымъ отчужденіемъ. Говорятъ, будто даже принцъ Евгений опредѣлилъ свое отношеніе къ тремъ императорамъ такими словами: Леопольдъ былъ его отецъ, Іосифъ—его братъ, а Карлъ—господинъ. Императоръ обладалъ скудными державными дарованіями: онъ лишь письменно сносился съ своими министрами, составлявшими его «тайную конференцію». Въ этомъ высшемъ государственномъ совѣтѣ въ качествѣ главнаго канцлера председательствовалъ Филиппъ Людвигъ фонъ-Синцендорфъ, господинъ преклонныхъ уже лѣтъ, про котораго всѣмъ было извѣстно, «что онъ выше всего ставилъ собственныя выгоды, и поэтому всегда держалъ сторону того, въ чьихъ рукахъ находилась власть и отъ кого можно было ожидать наиболѣе значительной прибыли»; онъ притомъ избѣгалъ труда, былъ надокъ на удовольствія, неумѣлый какъ въ рѣчахъ такъ и въ дѣлопроизводствѣ. Второй въ совѣтѣ, графъ Гундакеръ фонъ-Штарембергъ, былъ, правда, человекъ безукоризненнаго характера и по заслугамъ не уступалъ своему сводному брату, фельдмаршалу, однако и онъ также находился въ такихъ преклонныхъ уже лѣтахъ, что ему не по силамъ было управлять финансовыми дѣлами, которыми въ былое время онъ умѣло и добросовѣстно заведывалъ, упрочивъ ихъ основаніемъ вѣснаго городского банка. Двое остальныхъ, а именно—извѣстный уже намъ по событіямъ, предшествовавшимъ войнѣ за испанское наслѣдство, графъ Алоисій Раймундъ фонъ Гаррашъ (XII, 522), предводитель дворянства въ нижней Австріи, потомъ—графъ Кёнигсзель, возведенный послѣ злополучнаго похода противъ Турокъ въ обергофмейстеры императрицы Елисаветы, отличались только тѣмъ, что они принадлежали къ высшему дворянству, которое словно непроницаемая фаланга осаждало всѣ выдающіяся правительственныя мѣста. Пробриться сквозь эти преграды удалось, благодаря дарованіямъ и трудолюбію, только одному законовѣду, надворному совѣтнику фонъ-Барментейну, сыну страбургскаго профессора; подобно фельдмаршалу Трауну и др. онъ, перемѣнивъ вѣру, проложилъ себѣ путь къ высшимъ государ-

ственнымъ должностямъ (XII, 720). Въ качествѣ секретаря онъ былъ душою тайнаго совѣта, составлялъ всѣ государственные акты, и докладывалъ о нихъ императору. Но его-то именно, какъ выскочку и чужестранца, и ненавидѣла аристократія, и презирала за его притязанія и безцеремонныя манеры.

Марія Терезія.

Марія Терезія, которой пошелъ двадцать четвертый годъ по смерти Карла VI, вмѣстѣ съ статною паружностью и образованиемъ своей матери соединяла и религіозное чувство и властолюбивый духъ отца, но превосходила обоихъ энергіей и политическою прозорливостью. Впослѣдствіи она горько сѣтовала на то, что отецъ оставлялъ ее въ полномъ невѣдѣніи государственныхъ дѣлъ; однако она скоро наверстала эти упущенія. Отличаясь красотою и граціей, царственнымъ величіемъ, живымъ умомъ и природнымъ даромъ слова, соединяла кротость и нѣжность съ твердостью, она обладала всѣми свойствами, способными овладѣть привязанностью и уваженіемъ людей. Но, вступивъ на престолъ, она тутъ же встрѣтилась съ затрудненіями, преодолѣть которыя можно было развѣ, благодаря самымъ устойчивымъ усиліямъ и всѣмъ ея добродѣтелямъ.

Прагматическая санкція и курфирствъ Карлъ Альбрехтъ Баварскій.

Мы знаемъ уже, сколько трудовъ и жертвъ стоило императору Карлу склонить европейскія державы къ признанію прагматической санкціи, того домашняго закона, въ силу котораго родовыя австрійскія владѣнія должны были оставаться нераздѣльными, а въ случаѣ пресѣченія мужеской линіи, перейти къ женской. Всѣ правительства признали прагматическую санкцію; даже нѣмецкіе князья, которые, женившись на дочеряхъ Юсифа I., состояли въ близкомъ родствѣ съ императорскимъ домоу, — а именно, Августъ III. король-курфирствъ Саксонскій, мужъ старшей дочери, Маріи Іозефы, и Карлъ Альбрехтъ (Альбертъ) Баварскій, женатый на младшей эрцгерцогинѣ, Маріи Амаліи, — и они даже, вступивъ въ бракъ, дали свое согласіе и отреклись отъ всякихъ наслѣдственныхъ притязаній на австрійскія земли. Но, когда въ императорской семьѣ не оставалось болѣе надежды на рожденіе наслѣдника, тогда въ Мюнхенѣ вновь пробудились властодержавныя поползновенія. А такъ какъ въ виду старшей дочери императора въ Саксоніи нельзя было предъявить наслѣдственные права въ пользу младшей супруги баварскаго курфирста, то прибѣгли къ другимъ претензіямъ. По завѣщанію императора Фердинанда I. въ случаѣ пресѣченія мужеской отрасли габсбургскаго дома дочь его Анна, выданная замужъ въ Баварію, и ея потомки имѣли наслѣдовать эрцгерцогство Австрію и королевство Богемію; основываясь на этомъ, курфирствъ Карлъ Альбрехтъ представилъ свои притязанія на сказанныя земли и внесъ въ регенсбургскій сеймъ протестъ по поводу прагматической санкціи. Предъявивъ подлинный актъ, вѣнскій дворъ доказалъ, что въ брачномъ договорѣ рѣчь идетъ не о мужскихъ, а вообще о законныхъ потомкахъ, чѣмъ и опровергъ мнимыя права баварскаго претендента

Въ юридическомъ и дипломатическомъ мірѣ мнѣнія по поводу права престолонаслѣдія раздѣлились. Когда въ безконечномъ рядѣ трактатовъ и заявленій истоцились всѣ доводы за и противъ, то въ концѣ концовъ выяснилось, что рѣшеніе вопроса подлежитъ не праву, а силѣ, что послѣднее слово предоставлено пушкамъ.

Однако для Бурбоновъ во Франціи и Испаніи эти обстоятельства были слишкомъ благоприятны, и они не преминули воспользоваться ими, съ тѣмъ чтобы сокрушить могущество Австріи и вновь отнять у дунайской державы доставшіяся ей по Утрехтскому міру владѣнія. Молодая неопытная женщина на престолѣ многоплеменной Австріи, какъ казалось, не сможетъ отстоять нидерландскія и италійскія области, когда ей и безъ того предстояло вести борьбу за собственные родовыя земли; а мужъ ея, Францу Стефану, весьма неохотно промѣнявшему на Тоскану свои наслѣдственные лотарингскія владѣнія и все еще не забывавшему родину своихъ предковъ, въ такомъ случаѣ и въ голову не придетъ съ помощью австрійскихъ армій вновь отвоевать свое родовое герцогство. Намъ изъ прежнихъ событій уже извѣстно, что въ Мадридѣ никакъ не могли забыть утрату Милана. Честолюбивой королевѣ Елисаветѣ, за которой признавалось рѣшающее слово при испанскомъ дворѣ, хотѣлось бы возвратитъ своимъ сыновьямъ состоявшія нѣкогда подъ испанскимъ владычествомъ италійскія земли. Мы знаемъ, что старшій инфантъ, Донъ-Карлосъ, вступилъ уже во владѣніе Неаполемъ и Сициліею (XII, 645); но и для младшаго — для Дона-Филиппа, она также требовала герцогства Пармы и Пиаченцы, которое по пресѣченіи фарнезскаго рода присвоилъ себѣ императоръ Карлъ. Не удивительно поэтому, что обѣ родственныя державы задумали возстановитъ прежній союзъ съ Баваріей и, пользуясь болѣе благоприятными условіями, возобновитъ противъ того-же габсбургскаго дома войну за испанское наслѣдство, плоды которой были утрачены Утрехтскимъ миромъ. Для союзниковъ было бы, конечно, выгодно, если бъ также и другіе державцы заявили свои требованія; и въ самомъ дѣлѣ, ни притязанія Фридриха II. на Силезію, ни поползновенія дрезденскаго двора вознаградитъ себя нѣсколькими владѣніями въ Богеміи и Моравіи и возведеніемъ Саксоніи въ королевство, не могли быть помѣхою баварскимъ и бурбоискимъ цѣлямъ. Франція, какъ казалось, могла только выиграть, когда въ Германіи сократится значеніе и власть Австріи и усилятся нѣсколько державъ втораго разряда, — когда императорскій санъ не будетъ болѣе обладать чуть-ли не наслѣдственными правами, а напротивъ, — когда путемъ настоящихъ выборовъ онъ перейдетъ къ другой династіи, — когда, наконецъ, Марія Терезія будетъ признана лишь «королевою Венгрии», какъ ее и называли уже.

Бурбоискіе дворы.

Вступивъ на престолъ, она тотчасъ же провозгласила своего супруга, великаго герцога Франца, соправителемъ, отнюдь не нарушая тѣмъ праг-

матической санкціи и установленнаго въ ней престолонаслѣдїи; вмѣстѣ съ тѣмъ она передала ему избирательный голосъ курфирста богемскаго; а потому хотѣла еще добиться для него императорской короны. Если бъ ей удалось это, то по смерти короля Станислава переходъ Лотарингіи къ Франціи, пожалуй, опять подлежалъ бы сомнѣнію. Опасеніе французскаго двора усилилось еще болѣе, когда братъ герцога, Карлъ Лотарингскій, красивый, свѣтски образованный кавалеръ, обладавшій привлекательными свойствами и воинскими познаніями, былъ возведенъ въ санъ фельдмаршала и главнокомандующаго.

Людвигъ XV. Оттого-то и стали настоятельнѣе принимать къ свѣдѣнью просьбы, и Карлъ Альбертъ. съ которыми еще до смерти императора курфирстъ обращался въ Версаль. Вѣдь прагматическая санкція была признана лишь съ оговоркою «не въ ущербъ правамъ третьяго лица», и могла быть объявлена несостоятельною, тѣмъ болѣе что вѣнскій договоръ, въ которомъ заключалась гарантія, не былъ утвержденъ сеймомъ. Престарѣлый министръ Флѣри, правда, не рѣшался нарушить такъ удачно поддерживаемую имъ политику мира и новыми расходами обременить безъ того истощенное государство. Онъ успокоивалъ австрійскаго посланника обѣщаніями, и въ Вѣнѣ долгое время питали увѣренность, что французскій кабинетъ будетъ строго блюсти прагматическую санкцію. Къ сожалѣнію, старый министръ не пользовался уже прежнимъ вліяніемъ. Нѣсколько честолюбивыхъ и распутныхъ дворянъ, во главѣ ихъ, оба брата *Бель-Иля*, внуки бывшаго оберъ-интенданта Фуке, принцъ *де-Субизъ*, герцогъ *Ришелье* и др. завладѣли уже королею и вывели его на покатый путь, по которому онъ и государство устремились къ пропасти. Рано увядшая королева, Марія Лещинская, предавшись религіозному благочестію, не могла сдержать сладострастный и вѣтреный нравъ супруга; ее все болѣе и болѣе устраивали и замѣняли любовницами, которыя въ связи съ развратною дворянскою партіей и завлекли короля въ свои сѣти. При содѣйствіи графини де Мэлльи братья Бель-Иль и ихъ соучастники побудили короля къ воинственной политикѣ, которая, какъ они надѣялись, возвеличитъ могущество Франціи, а имъ самимъ доставить случай удовлетворить ихъ суетности и честолюбію. Старшій братъ, графъ Карлъ Людвигъ, даровитый господинъ съ важными пріемами, тщеславная душа котораго жаждала широкой политической дѣятельности, подалъ памятную записку, убѣдительно изложивъ въ ней всѣ доводы въ пользу войны. Надѣялись вернуть блестящій періодъ Людовика XIV. Благодушный, но слабый курфирстъ баварскій, вовлекшись вслѣдствіе придворной пышности и удовольствій въ издержки, далеко превышавшія средства и безъ того истощеннаго края, вполне зависѣлъ отъ Франціи. Если версальское правительство снабдитъ его средствами, съ тѣмъ чтобы ему присвоить себѣ императорскую корону и лучшія земли австрійской державы, осуществивъ, такимъ образомъ, завѣтныя мечты, какія лелѣялъ уже отецъ его, то Фран-

ція этимъ путемъ и достигнетъ превосходства въ политическомъ мірѣ Европы. Со взглядами двора и аристократіи, поневолѣ, пришлось сообразоваться также и кардиналу Флѣри. Вслѣдствіе всего этого его переговоры съ баварскимъ уполномоченнымъ, графомъ Террингомъ, касательно предлагаемыхъ Франціею пособій деньгами и войскомъ, привели къ благопріятному исходу. Флѣри примирился съ мыслью о войнѣ, до окончанія которой ему не суждено было дожить.

Весною графъ Бель-Иль посѣдилъ нѣмецкіе дворы, съ цѣлью убѣ-^{Нимфенбургскій союзъ. Мартъ 1741.} диться въ ихъ настроеніи и условиться въ Берлинѣ и Дрезденѣ касательно военныхъ дѣйствій противъ Австріи: въ Мюнхенѣ этого суетнаго, тщеславнаго француза приняли словно «протектора». Французскій кавалеръ снисходительно отнесся къ оказаннымъ ему почестямъ. Въ своихъ письмахъ онъ выставялъ курфирста самымъ признательнымъ союзникомъ Франціи, «лучше котораго королю и желать нельзя для занятія императорскаго престола». Во время пребывания его въ увеселительномъ замкѣ Нимфенбургѣ близъ Мюнхена ^{Июнь 1741.} былъ заключенъ союзъ между Испаніей и Баваріей. Утверждали, правда, будто тамъ же состоялся договоръ между Баваріей и Франціей, по которому послѣдней за оказанную Карлу Альберту помощь присуждены были всѣ завоеванія какъ въ Нидерландахъ, такъ и на Рейнѣ; однако, судя по засвидѣтельствованному *Гейтелемъ* изслѣдованью *Дройзена* (въ извѣстіяхъ о прусск. ист.), эту гнусную страну надлежитъ вычеркнуть изъ нѣмецкой лѣтописи. Напротивъ, въ союзѣ, который и безъ того обезпечивалъ за Французами всякое существенное вліяніе на Германію, послѣдніе великодушно отказались отъ какого-бы то ни было захвата нѣмецкихъ земель.

Съ этихъ поръ Бель-Илю принадлежалъ рѣшающій голосъ въ Гер-^{Политическая дѣятельность Франціи.} маніи. Саксонско-польскій курфирстъ-король Августъ III., не желая выйти съ пустыми руками изъ предстоявшаго раздѣла Австріи, рѣшился примкнуть къ союзникамъ, не смотря даже на то, что графу Брюлю прискорбно было идти рука объ руку съ Фридрихомъ II. и отправить въ походъ саксонскую армію о-бокъ съ Пруссаками. Во Франкфуртѣ, гдѣ курфирсты собрались на выборы императора, Бель-Илю воздавали почести словно германскому имперскому князю. На сѣверѣ обстоятельства сложились также благопріятно. Извѣстно, что французская дипломатія была сильно замѣшана въ петербургскіе дворцовые перевороты, а вліяніе версальскаго правительства въ Стокгольмѣ оказалось достаточно сильнымъ для того, чтобы возжечь войну между Швеціей и Россіей; такъ что сначала Елисавета вовсе не могла вмѣшиваться въ дѣла Германіи. Покушенія Лопухина и враждебной Французамъ партіи произвести новый переворотъ въ пользу сосланныхъ въ Сибирь, повели къ непріязненнымъ отношеніямъ между Петербургомъ и Вѣною, тѣмъ болѣе, что австрійскій посланникъ Ботта былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ заговорщиками; а потому фран-

цузско-прусское вліяніе возымѣло перевѣсъ при дворѣ императрицы. Елисавета была крайне недовольна тѣмъ, что Австрія по ея требованью не выдала, или по крайней мѣрѣ сама не наказала маркиза Ботты, на котораго подвергаемые пытки Лопухинъ и его сообщники указывали какъ на главнаго виновника заговора. Марія Терезія считала обвиненія недоказанными. Однако царица не примкнула также и къ Пруссіи. Въ Италіи король Пьемонта-Сардиніи, Карль Эмануилъ, по совѣту своего искуснаго всемогнутаго министра, маркиза д'Ормеи, присоединился къ бурбонскимъ дворамъ, несмотря даже на то, что былъ женатъ на сестрѣ великаго герцога тосканскаго.

Фридрихъ II. и Марія Терезія. Даже прусскій король, предпочитавшій всегда дѣйствовать самостоятельно и независимо, не отвергъ предложенныхъ ему версальскимъ правительствомъ выгодныхъ услугъ въ его борьбѣ съ Австріею. Король Фридрихъ Вильгельмъ I. былъ скудно вознагражденъ за свое признаніе прагматической санкціи и за свою вѣрную преданность императорскому дому; его великій сынъ, вступивъ на прусскій престолъ съ полгода тому назадъ, не замедлилъ осуществить ожиданія своего умиравшаго отца, указавшаго на него со словами: «вотъ кто отмститъ за меня». По смерти императора онъ тотчасъ же твердо рѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ для расширенія своихъ владѣній. Войска его, прежде даже чѣмъ былъ заключенъ договоръ между Баваріею и Франціей, вступили уже въ австрійскія владѣнія. Его требованья были отвергнуты въ Вѣнѣ: Марія Терезія охотнѣе вошла бы въ соглашеніе съ Баваріей; а враждебнымъ покушеніямъ Франціи она все еще не вѣрила. Даже тогда, когда, тѣсно сомкнувшись, великій бурбонскій союзъ въ связи съ нѣмецкими врагами габсбургскаго дома пытался привлечь также и Пруссію на свою сторону, Фридрихъ все еще не рѣшался вступить въ соратничество съ Франціею; онъ опасался французскаго господства и охотно вошелъ бы въ соглашеніе съ Австріей за незначительную уступку въ Силезіи. Однако, Марія Терезія съ негодованіемъ отвергла всѣ подобныя предложенія. Она полагала, что всякое уклоненіе отъ прагматической санкціи будетъ прегрѣшеніемъ противъ чести и правды. Да развѣ такими уступками она не поощрила бы также Саксонію и Баварію въ ихъ притязаніяхъ? Итакъ, она рѣшилась поднять оружіе противъ своего ближайшаго и опаснѣйшаго врага. Съ этой поры, какъ увѣряетъ Ариетъ, Марія Терезія до конца дней своихъ считала прусскаго короля «злымъ началомъ, на котораго она взваливала всѣ невзгоды, постигшія ея государство, ея домъ и лично ее самою». Бартештейнъ вторилъ своей государынѣ въ этой ненависти, благодаря чему и пользовался такимъ сильнымъ вліяніемъ на рѣшенія Маріи Терезіи.

2. Фридрихъ II. и первая силезская война.

Мы знаемъ, какіе скудные плоды пожинало прусское государство, на- Пруссія и Ав-
чиная съ Великаго курфирста, за преданность интересамъ Германіи и Ав- стрія и силез-
стріи, за энергическое участіе во всѣхъ имперскихъ войнахъ; при мирныхъ ская претензіи.
договорахъ Пруссію всякій разъ покидали и отстраняли; а по поводу мел-
кихъ территориальныхъ требованій и цѣлей бранденбургскаго дома за-
вистливое австрійское правительство то и дѣло оттягивало рѣшеніе, обна-
деживало и въ концѣ концовъ обманывало ее. Стѣдствіемъ такой безчест-
ной и завистливой австрійской политики было то, что традиционная пре-
данность бранденбургско-прусскаго курфирста и короля перешла наконецъ
въ сильную вражду. Мы знаемъ уже, какъ Великій курфирстъ по С-ъ
Жерменскому миру (XII, 454) лишился вознагражденія за свои боевые
подвиги; извѣстны также (XII, 455) стародавнія бранденбургскія притязанія
на силезскія герцогства, на *Тегеридорфъ*, который въ тридцатилѣтнюю
войну императоръ отнял у одного изъ членовъ бранденбургскаго дома,
ничѣмъ не вознаградивъ его, вопреки наследственнымъ правамъ курфир-
стовъ, — также на *Липпизъ*, *Бригъ* и *Волау*, которые по пресѣченіи герцогска-
го рода Пистовъ (1675), несмотря на родонаследственный союзъ съ Бранден-
бургомъ (1537), были отобраны; — мы знаемъ о той во всякомъ случаѣ без-
честной сдѣлкѣ, по которой уступкою округа Швибуса выторговали у пре-
старѣлаго курфирста Фридриха Вильгельма I. его силезскія претензіи, а
въ концѣ концовъ не выдали даже этой скудной платы. Такимъ же пзмѣн-
ническимъ образомъ поступила австрійская политика по поводу другаго
прусскаго притязанія, а именно — спора за наследіе герцогства Юлихъ-
Клеве, который въ различныхъ его фазахъ болѣе цѣлаго столѣтія вмѣши-
вался въ великую нѣмецкую политику. Продолжительная распрія между
Новымъ Пфальцемъ и Бранденбургомъ была, наконецъ, въ 1666 году рѣ-
шена полюбовною сдѣлкою, вслѣдствіе которой Клеве, Маркъ и Равенсбергъ
достались бранденбургскому курфирсту, а Бергъ и Юлихъ — пфальцграфу,
и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждено было вѣчное родонаследіе (XII, 441). Такъ
какъ нейбургскому роду, соединявшему Юлихъ съ Курипальцемъ, со смертью
старога и бездѣтнаго курфирста Карла Филиппа предстояло пресѣчься, то
вслѣду упомянутой сдѣлки за Пруссіей сохранились права на пфальцскую
половину тѣхъ нижнерейнскихъ владѣній. Одна изъ главныхъ заботъ ино-
странной политики при королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ I. и состояла въ томъ,
чтобы обезпечить за собою тѣ права и приобрести по крайней мѣрѣ гер-
цогство Бергъ съ Дюссельдорфомъ; однако Пфальць-сульцбахская линия въ
то же время стремилась присвоить себѣ какъ курфиршество, такъ и все
Юлихъ-бергское наследіе и, благодаря австрійской поддержкѣ, она дѣйстви-
тельно отстранила прусскія притязанія. Обѣщаніе удовлетворить прусскимъ
требованьямъ относительно бергскаго наследія, послужило, какъ мы ви-
дѣли, однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ для того, чтобы привлечь короля
Фридриха Вильгельма къ австрійскимъ интересамъ и заставить его гаран-
тіею въ пользу прагматической санкціи; при всемъ томъ императоръ
Карль VI. и до послѣ того строжайше обязался во всей цѣлости поддер-
жать наследіе за сульцбахскимъ домою. Съ нарушеніемъ этого самаго
существеннаго условія, съ какимъ Пруссія поручилась за прагматическую
санкцію, всякое данное съ ея стороны обязательство превратилось, ко-
нечно, само собою; Фридрихъ Вильгельмъ уже на закатѣ дней, негодую и
раскапываясь, узналъ, наконецъ, что значитъ „благодарность австрійскаго
дома“; а потому ни въ нравственномъ, ни въ юридическомъ отношеніи

Um. 31. dec.
1742.

нельзя обвинять Фридриха II., если онъ, наконецъ, потребовалъ удовлетворенія за то, что вслѣдствіе австрійскаго двуязычія предки его въ теченіе десятилѣтій давались въ обманъ, — за то, что, благодаря бесплодной ихъ преданности габсбургскому дому, они упустили не одинъ прекрасный случай, извлечь изъ великой европейской сумятицы выгоды для своего государства. Иные, правда, называли эти силезскія притязанія сложнымъ въ архивъ и сомнительнымъ юридическимъ вопросомъ; однако прусское правительство никогда не отказывалось отъ нихъ и даже со стороны Австріи не разъ признавалось обязательство вознаградить за нихъ Пруссію. Не ея вина, что эти требованія въ теченіе болѣе одного столѣтія оставались нерѣшеннымъ спорнымъ предметомъ.

Первая силез-
ская война,
1740—1742.
Дек. 1740.
3. янв. 1741.

За рѣшеніемъ Фридриха вскорѣ послѣдовало также исполненіе. Снарядить армію было недолго, такъ какъ Фридрихъ Вильгельмъ во все свое царствованіе занимался вооруженіемъ и подготовкою войска къ бою. Въ исходѣ 1740 года Пруссаки вступили въ Силезію; сначала они не встрѣтили никакого отпора; крѣпости находились въ разстроенномъ состояніи, австрійскаго войска въ томъ краѣ было не много, а въ самомъ силезскомъ населеніи, которое отъ австрійскаго господства сносило лишь нескончаемую цѣпь политическихъ и религіозныхъ напастей, пробудились самыя живыя симпатіи къ Пруссіи. Никогда еще не удавалось такъ легко завладѣть странюю. Лучшимъ союзникомъ прусскаго владычества былъ протестантскій духъ народа, который не могли искоренить никакими насиліями. Болѣе двухъ вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ по смерти Людвига, короля Венгрии и Богеміи (1526), Силезія какъ составная часть богемской державы перешла къ габсбургскому дому; а все-таки нигдѣ не проявлялось ни малѣйшей привязанности къ австрійскому владычеству; религія, исторія, интересы торговли и сношеній соединяли Силезію съ германскимъ сѣверомъ, и прусскій король явился какъ бы спасителемъ отъ долголѣтняго гнета. По прошествіи нѣсколькихъ дней Фридрихъ вошелъ уже въ Бреславль; скоро вся страна за исключеніемъ нѣсколькихъ крѣпостей была занята.

«Фридрихъ проникъ въ область державы», говоритъ Ранке, «которая была воодушевлена самымъ сильнымъ чувствомъ собственного достоинства и располагала неистощимыми средствами, искони пользовалась уваженіемъ въ Европѣ и мировымъ значеніемъ, возбуждавшимъ къ ней невольныя, на большихъ интересахъ основанныя, симпатіи. Въ упроченной торжественными договорами системѣ европейскіхъ державъ Фридрихъ возобновилъ притязанія, о которыхъ помимо бранденбургскаго дома никто болѣе не думалъ, и не входилъ въ переговоры, завладалъ какъ своею собственностью обширною областью. Странѣе всего было то, что онъ, повидимому, и не думалъ даже окончательно разойтись съ Австріею. Отстаивая свое право противъ Австріи, онъ въ то же время рѣшительно имѣлъ въ виду помочь этому дому въ затруднительномъ положеніи, какое неминуемо предстоитъ ему по поводу нарушенія прагматической санкции. Вторгшись въ Силезію, Фридрихъ былъ того мнѣнія, что онъ нисколько не нарушаетъ австрійскаго права наследства: онъ вѣдь и не имѣетъ въ виду наследовать что-либо, а просто вступаетъ во владѣніе провинціями, принадлежавшими ему по всѣмъ правамъ».

Наслѣдный принцъ Леопольдъ, сынъ «старика Дессауэца», только что успѣлъ распахомъ взять крѣпость Глогау, какъ въ концѣ марта фельдмаршалъ графъ Нейппергъ подошелъ изъ Моравіи съ 15,000 войскомъ. Тутъ же при *Мольвицѣ* близъ Брига дана была первая болѣе значительная битва Пруссаковъ съ Австрійцами. Прусское войско превосходило численностью и искусствомъ пѣхоты, а сила австрійскаго, какъ тогда, такъ и въ теченіе всей этой борьбы, основывалась на превосходствѣ конницы. И въ самомъ дѣлѣ, едва завязался бой, какъ правое прусское крыло неодолимою кавалерійскою атакою обращено было въ беспорядочное бѣгство; генералъ графъ Шуленбергъ, племянникъ знаменитаго венеціанскаго фельдмаршала, палъ отъ выстрѣла, самъ король былъ увлеченъ въ бѣгство; по настоятельному совѣту генераловъ онъ покинулъ эту суголоку и уѣхалъ, думая, что битва для него проиграна. Однако доблестный графъ *Шверинъ* и принцъ Леопольдъ блестящимъ образомъ вновь возстановили пошатнувшееся боевое счастье. Австрійцы не устояли противъ хладнокровнаго спокойствія, стойкой сомкнутости и страшной палбы прусскихъ пѣхотныхъ батальоновъ. Нейппергъ велѣлъ отступить; первая стычка завершилась противъ него и нравственное вліяніе прусской побѣды оказалось даже еще сильнѣе военнаго успѣха. Въ этотъ день первой битвы Фридрихъ отнюдь не обнаружилъ еще своихъ дарованій полководца; онъ самъ заявилъ про себя: «Мы какъ бы наперерывъ состязались, кто надѣлаетъ болѣе промаховъ, король или Нейппергъ; Мольвицъ была школою короля и его войска». Нѣсколько недѣль спустя послѣ того сдалась крѣпость Бригъ.

Битва при Мольвицѣ.

10. апрѣль, 1741.

4. мая.

Подъ вліяніемъ мольвицкой побѣды анти-габсбургскій союзъ сомкнулся еще тѣснѣе. Бель-Иль привязалъ Баварію къ бурбонскимъ державамъ; Французы стали настойчивѣе добиваться содѣйствія въ прусскомъ лагерѣ. А съ другой стороны Англія все болѣе сближалась съ угрожаемою Австріею, въ которой лондонское правительство чаяло лучшаго союзника противъ французскаго преобладанія на материкѣ и поддержку въ морской и колониальной борьбѣ съ Франціею. Англійскому правительству казалось, что сохраненіе Австрійскихъ владѣній во всей цѣлости послужитъ охраною противъ всякаго рѣшительнаго нарушенія европейскаго равновѣсія и противъ возврата Франціи къ завоевательнымъ покушеніямъ Людовика XIV. Попытка лондонскаго двора примирить обѣ германскія державы на основаніи уступки какой нибудь области въ Силезіи, была вновь отринута въ Вѣнѣ. Тогда лишь Фридрихъ, опасаясь погибнуть подъ гнетомъ союза Австрійцевъ съ Англіею и Россіею, съ Ганноверомъ и Саксоніею, заключилъ договоръ съ Франціею. Въ этомъ Бреславскомъ договорѣ, заключенномъ на пятнадцать лѣтъ, Фридрихъ отказался въ пользу Пфальцъ-Сульцбахъ отъ своихъ притязаній на Бергъ и обѣщалъ на выборахъ императора подать голосъ за курфюрста баварскаго, а Франція взаменъ того обезпечивала за нимъ владѣніе Нижнею Силезіею съ Бреславлемъ; обѣ державы оборонительнымъ союзомъ гарантировали другъ другу свои владѣнія. — Когда наконецъ враждебныя намѣренія Франціи, которымъ Марія Терезія такъ долго не хотѣла вѣрить, не подлежали никакому сомнѣнію, когда

5. іюня 1741.

Клейншмеллен-курфирсть перешелъ австрійскую границу, то въ Вѣнѣ согласились принять англійское посредничество и войти въ сдѣлку съ Пруссіей. И въ самомъ дѣлѣ, въ Клейншмеллендорфѣ уже приступили къ переговорамъ, причемъ Марія Терезія рѣшилась уступить Пруссіи Нижнюю Силезію и Бреславль, лишь бы добиться мира хоть съ этой стороны и такимъ образомъ свободно располагать единственною австрійскою арміею. Однако ни съ той, ни съ другой стороны не отнеслись къ дѣлу съ надлежащимъ довѣріемъ и съ рѣшительностью; въ австрійской уступчивости Фридрихъ видѣлъ лишь поползновеніе отдѣлать его отъ союзниковъ. Военныя дѣйствія пока приостановились; однако окончательный миръ, ожидаемый отъ Клейншмеллендорфской сдѣлки, не состоялся. Даже сохраненіе этихъ переговоровъ въ тайнѣ, что поставилъ условіемъ Фридрихъ, вовсе не соблюдалось. Когда же военное счастье Австріи, вопреки ожиданію, вновь быстро поднялось, когда даже Баварія подверглась неприятелискому нашествію, то Фридрихъ сталъ опасаться, сможетъ ли та сомнительная сдѣлка обезпечить его. Съ одной стороны онъ боялся, какъ бы вновь усилившаяся Австрія не лишила его всѣхъ плодовъ его усилій; а съ другой стороны онъ недовѣрчиво и ревниво взиралъ на возраставшее французское могущество съ ея широко затѣянными планами. Въ немъ тогда же возникла мысль, соорудить противъ обѣихъ державъ оплотъ при помощи значительнаго усиленія Баваріи и Саксоніи, помочь имъ овладѣть Богеміею и Моравіею. „Какое положеніе заняла бы Пруссія между этими, благодаря столь великимъ заслугамъ задобренными, отдѣленными отъ Франціи, навсегда враждебными австрійскому дому сосѣдями!“ То была пора, когда политическіе планы и комбинаціи измѣнялись чуть ли не съ каждымъ днемъ, когда проектъ смѣнялся проектомъ, и смотри по измѣнявшимся ожиданіямъ и временнымъ успѣхамъ измѣнялись также и взаимныя отношенія между державами. Но, чтобы на всякій случай обезпечить за собою обладаніе Силезіею, связать Австрію болѣе надежными обязательствами, пріобрѣсть господство надъ теченіемъ политическихъ и военныхъ событій, для этого Фридрихъ рѣшился вновь открыть военные дѣйствія.

Кампанія въ Моравіи и Богеміи. Янв., февр. 1742. Апрѣль. 17. май.

Теперь предстояло завладѣть Моравіею, къ чему и приступилъ король въ связи съ Саксонцами. Страна болѣею частью подчинилась ему; Ольмюць, Иглау были заняты, Брюннъ былъ обложенъ; однако на Саксонцевъ и Французовъ нельзя было положиться, а сопротивление въ самой странѣ было до того обременительно, что Пруссаки стали отступать въ Богемію, когда противъ нихъ двинулась главная австрійская армія. Моравская кампанія не удалась, за то въ битвѣ при *Хотузицѣ* или *Чеславѣ* Пруссаки снова выказали свое боевое превосходство. Тутъ-то, въ ожесточенномъ, переходчивомъ бою, Фридрихъ впервые проявилъ свое блестящее дарованіе полководца, что по настоящему и рѣшило битву въ его пользу; принцъ Карлъ Лотарингскій, начальникъ австрійской арміи, не медля сталъ отступать подалѣе отъ побѣдоноснаго противника.

Бреславскій миръ.

Теперь-то, наконецъ, въ Вѣнѣ убѣдились въ необходимости, рѣшительными жертвами искупить миръ съ Пруссіей: довольствуясь нейтралитетомъ, Австрія отказалась отъ требуемой прежде прусской военной помощи противъ союзниковъ и расширила свои уступки въ Силезіи; а Фридрихъ въ свою очередь отказался отъ намѣренія от-

торгнуть Моравію и Богемію отъ Австріи. На такихъ основаніяхъ и состоялись предварительныя условія въ Бреславлѣ, а въ наступившемъ затѣмъ мѣсяцѣ—и самый Бреславскій миръ. Вся Нижняя и Верхняя Силезія вмѣстѣ съ графствомъ Глаць за изытіемъ Тешена, Тропнау, Ягерндорфа и земель по ту сторону Оппы перешли къ Пруссіи.

Такимъ образомъ Пруссія присоединила къ своей державѣ около шести съ половиною сотенъ квадратныхъ миль и около 1,200,000 жителей, добрую треть бывшаго доселѣ ея владѣнія, страну древней культуры, плодородную, богатую и промышленную. Введенное тутъ же министромъ Мюнховымъ цѣлесообразное и благодатное прусское управление съ его религіозною терпимостью, съ его справедливымъ распределеніемъ повинностей, съ его прибыльною, но все-таки не обременительною системою податей, съ дарованными крестьянскому сословію льготами, съ его попеченіемъ о народномъ образованіи, о промышленности и земледѣліи, накрѣпко и надолго привязало сердца силезскаго населенія, а неотлагаемое улучшеніе военнаго устройства, отстройка силезскихъ крѣпостей обнаружили въ то же время, что рѣшились не выпускать изъ рукъ этого новаго пріобрѣтенія.

3. невзгоды австріи и спасеніе ея.

Въ лѣтніе и осенніе мѣсяцы 1741 года Австрія находилась въ весьма затруднительномъ положеніи. Въ то же самое время какъ Фридрихъ занималъ Силезію, французское войско перешло черезъ Рейнъ. Одна ея часть соединилась съ войсками Карла Альбрехта, который, взявъ распахомъ городъ Пассау, открылъ военныя дѣйствія противъ Маріи Терезіи; а другая часть двинулась къ нижнему Рейну, съ тѣмъ чтобы, опираясь на подкупленныхъ субсидіями кельнскаго и пфальцскаго курфирстовъ, угрожать Ганноверу и такимъ образомъ удержать англійскаго короля отъ союза съ Австріей. Мы знаемъ, что Георгъ II. при посредствѣ своихъ посланниковъ, лорда Гиндфорда и сэра Томаса Робинсона, тшетно предлагалъ свое посредничество Фридриху и Маріи Терезіи. Саксонскій дворъ, долго колебавшійся между присоединеніемъ къ Австріи или къ Франціи, подъ впечатлѣніемъ мольвицской битвы также примкнулъ наконецъ къ антиавстрійскому союзу. Баварскій курфирсть безъ большаго сопротивления прошелъ по почти безоружной, удрученной военными «невздами и издержками» верхней Австріи; въ сентябрѣ уже онъ побѣдителемъ вступилъ въ Линцъ, гдѣ и былъ провозглашенъ эрцгерцогомъ. Большая часть дворянства и почти все духовенство привѣтствовали «всемилостивѣйшаго государя», изынявъ свою преданность и почтивъ его празднествами и подарками. Такимъ образомъ Карлъ Альбрехтъ въ теченіе нѣсколькихъ дней успѣлъ завладѣть одною изъ самыхъ цвѣтущихъ австрійскихъ провинцій; страна по р. Энсу, казалось, была поте-

11. іюня.

27. іюль 1742.

Силезія подъ владычествомъ Пруссіи.

Карлъ Альбрехтъ въ Линцѣ и избраніе его въ императоры. 31. іюль 1741.

15. сент. 1741.

рына для Маріи Терезіи, и ничто не препятствовало побѣдоносному шествію курфирста къ Вѣнѣ. Генералъ Шметтау, отличный воинъ (XII, 681), перешедшій изъ австрійской службы въ прусскую и посланный Фридрихомъ въ Линцъ, совѣтовалъ курфирсту тотчасъ же двинуться къ столицѣ; при всеобщемъ переполохѣ въ народѣ, при ненависти дворянства къ назначенному въ соправители иноземцу, великому герцогу Францу, и при недостаточныхъ оборонительныхъ средствахъ онъ могъ бы завладѣть Вѣною и нижнею Австрією такъ же легко, какъ завладѣлъ верхнею. Но Карлъ Альбрехтъ повернулъ съ баварско-французскою армією въ Богемію; воспользовавшись тѣмъ временемъ, фельдмаршалъ *Кевениггеръ*, испытанный воинъ изъ школы Евгенія, успѣлъ привести крѣпости въ лучшее состояніе и призывомъ на службу усилить армію. Курфирстъ опасался, какъ бы Пруссаки и Саксонцы не предупредили его въ занятіи Богеміи; онъ и спѣшилъ поэтому въ Прагу, чтобы и тамъ также принять присягу и корону. Дворомъ Маріи Терезіи овладѣло уныніе, такъ что не только съ Фридрихомъ заключили упомянутый договоръ въ Клейншнеллендорфѣ, но даже съ Бель-Илемъ вступили въ переговоры во Франкфуртѣ. Богемія пала такъ же быстро, какъ и верхняя Австрія. Пока великій герцогъ Францъ, воинскую неспособность котораго не сознавала ослѣпленная любовью супруга, въ качествѣ главнокомандующаго австрійско-богемскими войсками подвигался впередъ медленными переходами, въ то же время французско-баварская армія, присоединивъ къ себѣ саксонскіе полки подъ начальствомъ Рутовскаго, Морица и двухъ другихъ сыновей Августа Сильнаго, приступомъ взяла главный городъ Прагу. И здѣсь также въ присутствіи Бель-Иля отпраздновали блестящую коронацію, причемъ знатнѣйшее богемское дворянство засвидѣтельствовало новому королю свою вѣрность и преданность, и всѣ сословія соревновали между собою въ изъявленіи покорности. Карлъ Альбрехтъ находился теперь на высотѣ своего счастья. Даже ганноверскій курфирстъ (англійскій король Георгъ II.) въ виду близости французскихъ войскъ вынужденъ былъ заключить договоръ, обязуясь не помогать «венгерской королевѣ» и на выборахъ подать голосъ за баварскаго курфирста. Избраніе императора и состоялось единогласно въ пользу Карла Альбрехта, такъ какъ Богемію выключили изъ списка избирателей. Курфирстъ въ радостномъ настроеніи поспѣшилъ во Франкфуртъ, чтобы и тамъ, при блестящихъ празднествахъ, которыхъ такъ сильно жаждала его душа, короноваться какъ императоръ Карлъ VII. «Въ такихъ случаяхъ нечего скаредничать»,—писалъ онъ своимъ посланцѣмъ. Протестъ Маріи Терезіи остался безъ послѣдствій. Новый императоръ даровалъ санъ и титулъ имперскаго князя своему покровителю Бель-Илю, который съ своими «Миридонами въ золотыхъ позументахъ» существенно способствовалъ подъему торжества. Людовикъ XV. прежде уже возвелъ его въ маршалы и герцоги.

26. нояб.
1741.

24. янв. 1742.

Марія Терезія узнала о паденіи Праги въ Пресбургѣ, куда пришла около Троицы. Она залилась горькими слезами, сѣтуя на то, что богемское дворянство выказало такъ мало преданности и вѣрности. Она никогда не забывала пережитыхъ ею въ то время горькихъ дней. Но эти жестокіе роковые удары послужили лишь для того, чтобы поднять ея твердость и мужество. Въ душѣ ея не было мѣста ни унынію, ни мыслямъ объ уступкѣ. «Я бѣдная королева»,— сказала она, «но у меня сердце короля». Такая твердость духа оказалась не безъ вліянія; въ эту пору величайшаго гнета Австрія проявила нравственный порывъ, подобный которому не представляла вся минувшая исторія государства. Въ Венгрии также была признана прагматическая санкція Карла VI; однако, развѣ нельзя было опасаться, чтобы такъ часто враждовавшая съ вѣнскимъ правительствомъ венгерская нація не воспользовалась случаемъ свергнуть съ себя ненавистное господство Нѣмцевъ, съ цѣлью возстановить исконное избирательное королевство? А Порта, у которой Боппеваль, врагъ императорскаго дома, все еще пользовался значеніемъ, — развѣ она не могла вторгнуться черезъ Дунай и вновь отвоевать Темешваръ? Къ счастью, съ тѣхъ поръ какъ внутреннее спокойствіе было обезпечено законными договорами, Габсбурги приобрѣли въ средѣ магнатовъ вліятельныхъ и преданныхъ друзей, вступившихъ теперь за Марію Терезію. Сердца войнолюбиваго дворянства оживились рыцарскимъ чувствомъ и суровые воины воодушевились мыслью помочъ притѣсняемой и покинутой женщицѣ. Между этими дворянами въ первомъ ряду находились графъ Іоаннъ Пальффи, старецъ преклонныхъ лѣтъ, со славою участвовавшій съ принцемъ Евгениемъ въ турецкихъ походахъ и только что получившій санъ палатина,—фельдмаршалъ и земскій судья (Judex Curiae) Іосифъ Эстергази и канцлеръ графъ Людвигъ Баттіани. На открытомъ въ Пресбургѣ 18. мая 1741 и длившемся пять мѣсяцевъ ландтагѣ не обошлось, правда, безъ противной партіи, требовавшей самостоятельнаго управления уроженцами края, реформъ въ податной и таможенной системѣ, употребленія венгерскихъ войскъ исключительно въ собственной странѣ и другія уступки въ смыслѣ болѣе широкой автономіи; однако, когда юная прекрасная королева, недавно передъ тѣмъ родившая перваго своего сына Іосифа (13. марта 1741), въ богато убранномъ венгерскомъ дамскомъ платьѣ проѣхала внизъ по Дунаю, въ украшенномъ венгерскими знаменами суднѣ и «инавгуральнымъ дипломомъ» признала за королевствомъ всѣ вольности, привилегіи и права, то это противодѣйствіе улеглось понемногу. Въ пресбургскомъ соборѣ 25. іюня состоялось коронованіе съ великимъ торжествомъ; народъ восклицалъ: «Да здравствуетъ госпожа, нашъ король!» а саповники, присягая, привѣтствовали ее какъ «священное апостольское величество». Одушевленіе, правда, было мимолетное: Марія Терезія не рѣ-

Марія Терезія и венгерскіе чины.

шалась признать широкія требованія чиновъ; тайный совѣтъ министровъ въ Вѣнѣ предостерегъ ее, «какъ бы, создавъ привилегированное государство въ государствѣ, на долю котораго при чрезвычайномъ избыткѣ преимуществъ выпала бы самая малая часть обязанностей», не вызвать всеобщаго народнаго вооруженія, которое пожалуй, обратится, противъ самой Австріи. Переговоры затянулись; закоренѣлая антипатія противъ чужеземнаго господства пробуждалась все сильнѣе; королева не могла добиться, чтобы супруга ея признали соправителемъ. Лишь тогда, когда въ Пресбургѣ пришло извѣстіе о томъ, что французско-баварская армія вторглась въ верхнюю Австрію, что непріятель угрожаетъ Богеміи и Моравіи, Марія Терезія твердо рѣшилась безусловно отдаться въ руки магнатовъ. Тогда-то и совершилось всемірноисторическое событіе: заручившись преданностью знатнѣйшихъ членовъ дворянства, королева созвала во дворецъ обѣ половины ландтага и въ траурной одеждѣ, съ короной святаго Стефана на челѣ, съ удрученнымъ видомъ обратилась съ престола къ вѣрнымъ чинамъ Венгріи съ воззваніемъ для обороны ея личности, ея дѣтей, ея вѣнца. «Всѣми покинутая», сказала она, «прибѣгаю единственно и только къ вѣрности и искони прославленной храбрости Венгерцевъ. Насколько отъ насъ зависитъ, все будетъ исполнено для того, чтобы вновь возстановить благое состояніе Венгріи и ея народа, блескъ ея имени. Въ этомъ отношеніи вѣрные чины убѣдятся въ нашихъ благихъ намѣреніяхъ». Возвнованнымъ голосомъ и со слезами на глазахъ сказанная рѣчь ея произвела глубокое впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Все собраніе разразилось восторженными кликами: «Мы посвящаемъ нашу жизнь, нашу кровь!» Сцена была слишкомъ увлекательна и вовсе не нуждалась въ выдуманной впослѣдствіи легендѣ, будто Марія Терезія при этомъ держала на рукахъ своего шестимѣсячнаго эрцгерцога Юсифа. Она оставила его въ Вѣнѣ.

Венгерскія
войска въ Ав-
стріи и Баваріи.

Послѣ этого устранились всякія затрудненія признать соправителемъ великаго герцога Франца, и по всему королевству пронеслось воззваніе къ оружію, раздавался кличъ народной войны. Изъ венгерскихъ низменностей и окраинъ вскорѣ выступило въ походъ многочисленное войско. Воинственные племена по Тиссѣ и Марошѣ, дикіе, искусные въ разбѣздахъ и набѣгахъ толпы Кроатовъ, Славонцы и порубежники, Пандуры въ фантастическихъ нарядахъ, предводимые отважными удалцами, Трепкомъ и Менцелемъ, и другія полчища, вступили въ Австрію подъ начальствомъ Бериклауа, весь вѣкъ свой прожившаго въ лагерѣ и на войнѣ. Фельдмаршалъ Кевенгюллеръ изъ Вѣны соединился съ ними и принялъ главное начальство. Не встрѣтивъ значительнаго сопротивленія, они перешли черезъ Энисъ, безъ большаго труда отогнали назадъ баварскіе и французскіе отряды и вновь завладѣли занятыми городами. Взявъ приступомъ предмѣстье

24. янв. 1742.

Линца, рьяные порубежники предали его пламени, а когда затѣмъ истощились съѣстные припасы, то начальникъ, графъ Сегюръ, вынужденъ былъ сдать его на извѣстныхъ условіяхъ; Кевенгюллеръ побѣдителемъ вступилъ въ главный городъ верхней Австріи и чинилъ судъ и расправу надъ невѣрными или слабодушными дворянами. Дѣло въ томъ, что великій герцогъ Францъ, прибывъ въ армію, передалъ фельдмаршалу посланіе своей супруги, которымъ она высказывала хвалу и благодарность своему «герою и вѣрному васаллу», а также всему войску, но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣщала его, «безъ пощады судить клятвопреступниковъ». Какъ благодарность, замѣчаетъ Арнетъ, такъ и ненависть пускали глубокіе корни въ души ея. Послѣ одержанной при Шердингѣ надъ Тёррингомъ побѣды Бериклауомъ австрійскія войска вновь взяли Пассау и проникли въ Баварію, разорили и опустошили страну; съ юга перешли уже границу и приступили къ Траунштейну Тирольцы, вновь доказавъ по этому случаю свою исконную привязанность къ габсбургскому дому. Въ то самое время, какъ Карлъ Альбрехтъ, благодаря вліянію Франціи и при ея помощи на пышныхъ торжествахъ красовался въ вождѣленной императорской коронѣ, непріятели вступили уже въ его столицу Мюнхенъ, заняли Ландегуть, и дикія конницы ватаги рыскали до самаго Леха. Какъ въ прошломъ поколѣніи, такъ и теперь баварскому народу опять пришлось тяжкимъ гнетомъ и военными бѣдствіями поплатиться за честолюбіе своего державца. Народъ долго еще помнилъ грабежи, разбои и злодѣйства Пандуровъ и Кроатовъ. Лишившись своихъ наследственныхъ владѣній, новый императоръ Карлъ VII. скоро впалъ въ такую нужду, что благодаря лишь французскому пособію, едва могъ покрыть издержки на свое содержаніе.

18. янв. 1742.

Февр. 1742.

Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ Кевенгюллеру поневолѣ пришлось отослать часть своей арміи въ Богемію, гдѣ принцъ Лотарингскій не въ силахъ былъ справиться съ французско-саксонскими войсками и направишимъ въ то же время Пруссакими. Ибо Богемія считалась тогда какъ бы „невѣстой“, къ которой присвтались всѣ враги Австріи. Впрочемъ изъ этихъ враговъ одинъ только Фридрихъ II. былъ опасенъ; и въ самомъ дѣлѣ, ни Саксонцы, которымъ вообще это дѣло было не совсѣмъ по душѣ, ни Французы, которымъ приходилось издаലെка поставять провіантъ и главные начальники которыхъ, Бель-Иль и Бролье были въ ссорѣ и разладѣ другъ съ другомъ, не могли надолго противостоять соединеннымъ силамъ вновь окрѣпшей Австріи. А потому Марія Терезія поступила весьма разсчитливо, когда, преодолевъ свою ненависть къ прусскому сопернику, согласилась, какъ уже знаемъ, на Бреславскій мѣръ. Это соглашеніе состоялось, благодаря главнѣйше посредничеству Англіи: правительство и парламентъ послѣдней изъ ревности и антипатіи къ Франціи и Испаніи все болѣе и болѣе склонились къ союзу съ „венгерской королевой“ и намѣревались приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Георгу II., однако, не хотѣлось при всемъ томъ враждовать съ Пруссіею, оттого что угрожаемое съ двухъ сторонъ курфиршество его могло очутиться въ опасномъ положеніи. Британская нація была до того расположена къ Маріи Терезин, что устраи-

Перемѣна об-
стоятельствъ.
Мартъ 1742.

т. хш.

2

217526

лись денежные сборы для добротного дара, а парламент по предложению нового министра, лорда Картерета, разрышиль значительныя субсидіи на военныя издержки. Какъ быстро рухнули теперь французскія надежды на побѣду! „Всѣ горделивыя замыслы, разгромить австрійскую державу, — сразу сокрушились“. Престарѣлый министръ Флѣри пытался было поправить дѣло, однако всѣ его торжественныя завѣренія въ мирныхъ и доброжелательныхъ замыслахъ неблагоприятно были приняты разгнѣвannoю императрицею въ Вѣнѣ.

Богемская война. Отступление изъ Праги.

Вскорѣ обнаружилось опасное положеніе, въ какое должны были впасть въ этомъ дальнемъ краѣ недостаточно поддерживаемыя нѣмецкими союзными отрядами французскія войска. Въ Парижѣ раздражались жесточайшею бранью противъ Сегиора и прусскаго короля. Начальникъ осадной арміи въ Прагѣ, Бель-Иль, тщетно покушался возбудить народную войну, издавъ именемъ императора Карла VII манифестъ, которымъ сулилъ всѣмъ поднявшимъ оружіе противъ Австріи освобожденіе отъ крѣпостной зависимости и трехлѣтнюю льготу отъ податей: строгость, съ какою наказывались распространители воззванія и подавлялись единичныя попытки къ возстанію, разстроили всѣ подобныя замыслы. Вскорѣ вся Богемія, за исключеніемъ главнаго города и нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ мѣстъ, была вновь покорена и великій герцогъ Францъ со всею арміею подступилъ уже къ Прагѣ, съ тѣмъ чтобы принудить ее къ сдачѣ. Благодаря лишь медленности и воинской неспособности главнокомандующаго, Французамъ удалось, не смотря даже на недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, удержаться въ городѣ до тѣхъ поръ, пока находившійся на нижнемъ Рейнѣ подъ командою маршала Меллебоа отрядъ не подошелъ черезъ верхній Пфальцъ къ богемской границѣ. Для того чтобы преградить ему путь въ королевство, великій герцогъ снялъ осаду Праги и двинулся къ югу въ Баварію, присоединивъ къ себѣ фельдмаршала Кевенгюллера. Тогда Бель-Илю удалось заставить провѣнтомъ и усилить оборонительныя средства, а между тѣмъ Секендорфъ, покинувшій подобно Шметтау австрійскую службу и предложившій свои услуги императору, успѣлъ съ союзною арміею отбѣснить къ Инну слабые нестройныя полчища Бериклауа и вновь занять Мюнхенъ. Какъ обрадовался Карлъ Альбрехтъ, когда опять могъ посѣтить, хотя и на короткій лишь срокъ, свою столицу! Обѣ непріятельскія арміи проводили все время въ переходахъ взадъ и впередъ и въ ничтожныхъ предпріятіяхъ, такъ что и въ Парижѣ и въ Вѣнѣ всѣмъ наскучило уже ждать и хотѣлось приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. А потому князю Лобковичу поручено было съ одною частью арміи великаго герцога вновь двинуться къ Прагѣ, тогда какъ Брольи отправился въ лагерь Меллебоа, съ тѣмъ, чтобы принять вмѣсто него главное начальство и, соединившись съ баварскими и саксонскими союзными войсками, удержать за императо-

6. окт. 1742.

ромъ Богемію. Вслѣдствіе поздняго времени года Брольи не былъ впрочемъ въ состояніи двинуться съ арміею къ Прагѣ и выручить городъ. А потому Бель-Илю пришлось позаботиться о томъ, какъ бы увести изъ осажденнаго города свое войско, 11,000 человекъ пѣхоты и 3000 конныхъ, пока голодъ и болѣзни не истощили его окончательно; тѣмъ болѣе, что послѣ передачи Австрійцамъ лейтенанта отрѣзанъ былъ всякій подвозъ. Искусство, съ какимъ Бель-Иль исполнилъ среди зимы это замѣчательное отступленіе изъ Праги въ Эгеръ, совершая утомительныя переходы днемъ и ночью черезъ покрытый снѣгами лѣсной край, то и дѣло отбиваясь отъ гусаръ, доказало, что Французы не совсѣмъ еще утратили воинскій духъ, и что въ тактическомъ отношеніи они превосходили Австрійцевъ. Тщеславію Бель-Иля льстило, когда современники прославили его вторымъ Ксенофонтъ. Однако, нельзя было утаить и то, что путь его покрытъ былъ убитыми и ранеными, оконченными и умершими съ голоду, и что даже уцѣлѣвшіе вынесли съ собою въ груди зародышъ смерти. Все это было слѣдствіемъ необдуманнаго военнаго плана. Впрочемъ на Австрійцевъ этотъ отважный подвигъ произвелъ такое впечатлѣніе, что Лобковичъ заключилъ съ полковникомъ Шеверомъ, оставшимся въ городѣ съ отрядомъ около шести тысячъ человекъ, отчасти больныхъ, капитуляцію, всилу которой всѣ они покинули крѣпость съ оружіемъ и знаменами.

18.—27. декабря.

2. янв. 1743.

„Отправивъ впередъ конницу черезъ Карльсбадъ къ Эгеру“, — такъ описываетъ Арнетъ этотъ переходъ, — „маршалъ Бель-Иль, избѣгая Австрійцевъ, самъ двинулся туда по гористой дорогѣ черезъ Штебенъ и Лудицъ. Его войска ужасно страдали отъ навѣяннаго рѣзкимъ сѣвернымъ вѣтромъ трескучаго мороза. Переходы совершались большею частью по ночамъ при мѣсячномъ сіяніи. Какъ семьдесятъ лѣтъ спустя въ дружныхъ снѣгахъ, такъ и здѣсь въ Богеміи лагерныя стоянки французскаго войска обозначались горами замерзшихъ солдатъ; дорога была устлана оконченными; пробраясь при блѣдномъ мѣсячномъ свѣтѣ по покрытому снѣгомъ и льдами лѣсному краю, французскія рати являли жалкій, фантастическій видъ. Подернутыя гололедцею горныя дороги не разъ представляли, казалось, неодолимыя препятствія для перевозки телегъ и орудій. Однако, благодаря непоколебимой волѣ Бель-Иля и охватившему всѣхъ его солдатъ порыву, лишь бы не попасться въ руки непріятелю, въ концѣ концовъ все преодолѣвалось. Въ ночь съ 23. на 24. декабря Бель-Иль прибылъ въ Тейснитцъ; сочельникъ онъ провелъ въ Эйзиделѣ; тутъ подъ гнетомъ испытанныхъ страданій умеръ графъ Пахта. Въ полночь Бель-Иль вновь выступилъ изъ Эйзиделя; съ разсвѣтомъ онъ достигъ вершинной точки лѣснаго кряжа, а къ обѣду остановился въ Кеннсвартѣ. Числа 27. онъ разбѣстилъ свои рати по квартирамъ близъ Эгера. По его расчету у него убыло свыше 1500 человекъ; можно впрочемъ, не преувеличивая, положить, что въ Эгеръ прибыло развѣ немногимъ болѣе половины способныхъ къ службѣ французскихъ солдатъ“.

Подъ вліяніемъ этихъ тревожныхъ событій скончался кардиналъ Смерть Флѣри. Съ раскаяніемъ и душевною скорбью сошелъ онъ въ могилу. †29. янв. 1713.

Участіе Англии въ континентальной войнѣ.

Война, на которую онъ такъ неохотно рѣшился, причиняла до сихъ поръ одни только бѣдствія; и вотъ Англія также собирается приступить къ дѣлу, и высадила уже въ Нидерландахъ свои передовые отряды. Благодаря общему интересу короля и націи, не дать усилиться Французамъ и Испанцамъ, защитить отъ непріятельскихъ нападений какъ австрійскіе Нидерланды, такъ и ганноверское курфиршество, слѣдовало ожидать энергическаго вмѣшательства въ континентальную войну.

Англо-испанская борьба.

До начатія войны за австрійское наслѣдство возгорѣлась уже коммерческая и морская борьба между Испаніею и Англіею. Островная нація воспользовалась преимуществами, добытыми Утрехтскимъ миромъ и другими договорами, съ тѣмъ чтобы изъ приморскихъ странъ и острововъ испанской Америки извлечь выгоды для своей торговли и промышленности. Англичане, между прочимъ, изъ Кампешскаго залива вывозили красильное дерево, а съ черепаховаго острова Тортуги, близъ сѣверной окраины Ганти—соль, и организовали обширный контрабандный торгъ съ испанскими колоніями. При р. Саваннѣ они zaloжили новую колонію Георгію, словно колы въ утробу испанской Флориды. Вотъ изъ такихъ-то и другихъ поводовъ истекали непрестанныя распри между морями, служившія въ парламентѣ поводомъ къ цыдкимъ нападкама и патетическимъ жалобамъ на жестокости Испанцевъ и возбуждавшія въ англійскомъ народѣ враждебное чувство. Съ какимъ содроганіемъ читались въ газетахъ ужасныя происшествія, разсказанныя капитаномъ Дженкинсомъ въ нижней палатѣ! Министръ Робертъ Вальполь,

Янв. 1739.

избѣгая войны, тщетно пытался договоромъ въ Эль Пардо укротить волненіе въ обществѣ; этотъ договоръ отнюдь не отвѣчалъ притязаніямъ и ожиданіямъ англійской націи, такъ что министръ, поневолѣ, уступилъ національному настроенію, лишь бы удержаться на своемъ мѣстѣ. Въ октябрѣ война была объявлена и тотчасъ же открыта канерами; снаряжаемые изъ Франціи матросами и морскими солдатами Испанцы давали сильный отпоръ. Въ американскихъ водахъ разыгралась жестокая, для обѣихъ сторонъ крайне убыточная война, и была уже въ полномъ ходу, когда въ Европѣ возгорѣлась борьба за австрійское наслѣдство. Англійскій адмиралъ Вернонъ взялъ приступомъ Портобелло и захватилъ несмѣтную добычу; въ то самое время, какъ Фридрихъ II. вторгся въ Силезію, великая армада подъ начальствомъ того же вождя пыталась овладѣть Картагеною и Даріенскимъ перешейкомъ, чему Ансонъ долженъ былъ содѣйствовать со стороны Тихаго океана. Предпріятіе Вернона противъ Картагены и Кубы не имѣло успѣха; за то Ансонъ, благополучно объѣхавъ южную оконечность Америки, своими плаваньями и своими отважными подвигами въ мало еще извѣстномъ Великомъ океанѣ возвелъ славу англійскаго имени. Онъ приставалъ къ берегамъ Чили и Перу, овладѣлъ городомъ Панамою, захватилъ нагруженный драгоценностями и товарами корабль Герміону изъ Акапулько; послѣ трехлѣтняго плаванья онъ возвратился чрезъ Австраліюскія воды мимо Ладронъ, обогнувъ южную оконечность Африки, къ своимъ роднымъ островамъ, совершивъ такимъ образомъ кругосвѣтное путешествіе, сильно возбуждавшее фантазію современниковъ. Ансонъ приобрѣлъ заслуженную славу, замѣчаетъ Банкрофтъ, какъ своимъ страданіями, такъ и своимъ благоразуміемъ и своею осторожностью, своею мужественною настойчивостью, и его имя во всей Европѣ произносилось всѣми друзьями романтики.—При такихъ-то условіяхъ и становится понятнымъ, что англійская нація стояла за Марію Терезію, что парламентъ снабдилъ своего короля средствами нанять датскихъ и гессенскихъ солдатъ, для охраны Гал-

Апрѣль и июль. 1741.

новера. Однако ни Вальполь, ни Георгъ II. долго не могли рѣшиться принять непосредственное участіе въ войнѣ: въ собраніи курфирстовъ король подаль свой голосъ въ пользу французскаго протече Карла Альбрехта и ограничился защитою своихъ нѣмецкихъ владѣній; а правительство и парламентъ удовольствовались тѣмъ, что оказали венгерской королевѣ помощь деньгами. Мало того, англійскій адмиралъ Гаддокъ не рѣшился даже помѣшати испанскому флоту и его экипажу, переплыть въ Генуэзскій заливъ, съ цѣлью отнять у Австрійцевъ Миланскую область. Когда при собравшемся въ концѣ года новоизбранномъ парламентѣ Вальполь, въ виду сильной оппозиціи, отказался отъ столь долго имъ занимаемаго предсѣдательства въ министерствѣ и занялъ, въ качествѣ графа Оксфордскаго, мѣсто въ верхней палатѣ, тогда лишь приступили къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ. Лордъ Картеретъ (впослѣдствіи графъ Гренвиль), пользуясь вмѣстѣ съ герцогомъ Ньюкаслскимъ и его братомъ Пельгемомъ наибольшимъ вліяніемъ въ министерствѣ, побудилъ парламентъ разрѣшить значительныя суммы—частью въ видѣ субсидій для Маріи Терезы, частью для новаго набора войска, предназначеннаго подъ началомъ лорда Стѣра дѣйствовать въ австрійскихъ Нидерландахъ. Сверхъ того, Лондонскій кабинетъ старался привлечь къ участію Генеральныя штаты и побудилъ короля Сардиніи-Пиемонта, Карла Эмануила, вопреки его родству съ Францемъ Тосканскимъ, дѣйствовавшимъ за одно съ Франціей и Испаніей, отстать отъ этого союза и войти въ соглашеніе съ Австріей.

Мы знаемъ уже, съ какимъ успѣхомъ Савойскій домъ воспользовался измѣнчивою военною политикою въ восемнадцатомъ столѣтіи (XII, 599, 647). На этотъ разъ, однако, пришлось обѣщанное Маріей Терезіей приобрѣтеніе небольшихъ владѣній заслужить военными усиліями противъ Испанцевъ въ Моденѣ и Французовъ въ Савойѣ. А впрочемъ, Савойскій князь, котораго при вѣнскомъ дворѣ прозвали „пруссскимъ королемъ Италіи“, и его искусный министръ д'Ормеа успѣли составить договоръ съ Австріей въ такомъ родѣ, что у нихъ всегда были развязаны руки, съ цѣлью воспользоваться всякимъ оборотомъ дѣла. Когда англійскій адмиралъ Маттью, котораго Ладиславъ фонъ-Вельтесъ, принадлежавшій прежде къ партіи Ракоци, побудилъ къ содѣйствію въ пользу венгерской королевѣ, явился въ виду столицы, угрожалъ бомбардировкою, то даже неаполитанскій король вынужденъ былъ предать испанскаго вождя Монтемара на произволъ судьбы. Вслѣдствіе этого испанская армія, и безъ того очень мало преуспѣвавшая подъ начальствомъ трусливаго и неспособнаго вождя, лишилась опоры и всякой возможности дѣйствовать. Приставшій къ Бурбонскому союзу герцогъ моденскій, Францъ фонъ Эсте, поневолѣ предоставилъ свои владѣнія австрійско-сардинскимъ вождямъ и обратился за помощію и убѣжищемъ къ венеціанскому правительству, твердо уклонившемуся отъ всякаго участія въ войнѣ. Строй и положеніе испанской арміи улучшились лишь тогда, когда графъ де Гажесъ принялъ начальство вмѣсто Монтемара. Хотя въ битвѣ при Кампосанто на р. Панаро австрійско-сардинское войско подъ начальствомъ Трауна и одержало побѣду, однако Испанцы все-таки утвердились въ Болоньѣ. Несмотря на военные успѣхи, Траунъ не долго пользовался благосклонностью вѣнскаго двора. Его постоянныя требованія денегъ показались докучливыми; его обвиняли въ томъ, что онъ не обладалъ смѣткою и умѣньемъ завѣдывать административною частью и недовольно строго слѣдилъ за своими чиновниками и подчиненными. Его поэтому отозвали изъ Италіи и назначили главнокомандующимъ въ Моравіи. Преемникомъ Трауна былъ надменный, заносчивый князь Лобковичъ, гордившійся сильными семейными связями. Назначенный губернаторомъ и генералъ-капитаномъ миланскаго, мантуанскаго, пармскаго и піаченскаго герцогствъ,

Событія въ Италіи.

Августъ 1742.

10. сент. 1743. Лобковичъ прибылъ въ австрійскую главную квартиру въ Карни и принялъ изъ руки Трауна главное начальство. Намѣреваясь отнять у Испанцевъ Болонью, онъ вступилъ въ папскую область, что подало поводъ къ неприязненнымъ сношеніямъ между Римомъ и Вѣною. При австрійскомъ дворѣ болѣе чѣмъ когда либо лелѣяли планъ о завоеваніи вновь Неаполя. Лобковичъ, подобно графу Дауну въ 1707. году, долженъ былъ быстро двинуться въ нижнюю Италію и съ помощью приверженныхъ Габсбургамъ Неаполитанцевъ занять королевство. Но для этого необходимо было заручиться содѣйствіемъ Англій и Сардиніи; а его-то и нельзя было добиться. Габсбургское господство въ итапеннской странѣ также какъ и бурбонское отнюдь не отвѣчало политикѣ европейскаго равновѣсія. Англійскій флотъ, сверхъ того, былъ задержанъ испанско-французскимъ, который принудилъ его къ морской битвѣ у Герскихъ острововъ; хотя она и оказалась нерѣшительною, однако все-таки повела къ тому, что адмиралъ Маттью былъ отозванъ и преданъ военному суду. Пьемонтцы и безъ того были заняты обороною сѣверо-западной Италіи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ генуезская республика, недовольная Вормскимъ договоромъ, угрожавшимъ отнять у нея маркизатъ, примкнула къ Испаніи и Франціи. Вслѣдствіе этого Лобковичъ очутился въ сомнительномъ положеніи; онъ нѣсколько недѣль простоялъ въ Римѣ, ожидая инструкцій отъ вѣнскаго фокригерата. Находясь въ зависимости отъ предписаній этого высшаго военнаго вѣдомства, изъ вождей рѣдко кто рѣшался дѣйствовать на свой страхъ. Притомъ же Лобковичъ, то и дѣло, ссорился съ своими полковыми командирами и епископомъ Гуркскимъ, поддерживавшимъ сношенія съ габсбургской партіей въ Неаполѣ. Австрійскій военачальникъ, наконецъ, все-таки, принялъ мѣры къ завоеванію нижней Италіи. Св. отцу было вовсе не по-путру то, что Лобковичъ прошелъ черезъ Римъ и отряды его заняли высоты озера Нэми, и что Церковная область подверглась опасности, сдѣлаясь поприщемъ войны между Австріею и испанско-неаполитанскими войсками. Онъ не могъ помѣшать Лобковичу подойти съ своею арміею къ неаполитанской границѣ и сразиться съ неприятелемъ. Положеніе стало еще опаснѣе, когда, благодаря распространяемой гуркскимъ епископомъ прокламаціи отъ имени Маріи Терезіи, Неаполитанцы блестящими обещаніями возбуждались къ отпадению отъ испанскаго владычества и въ тылу короля Карла возникли мятежные движенія. Если бъ удался замыселъ служившаго при Лобковичѣ фельдмаршала Броуна, — а именно, ночнымъ нападеніемъ овладѣть городомъ Беллетри и захватить въ плѣнъ находившагося тамъ короля вмѣстѣ съ гарнизономъ, — то неаполитанское королевство, пожалуй, опять перешло бы къ габсбургскому дому; но послѣ жестокаго и кровопролитнаго боя у воротъ и по улицамъ города нападеніе было отбито и Броунъ вынужденъ былъ отступить. Затѣмъ пришлось отложить и походъ противъ Неаполя. Лобковичъ опять сталъ лагеремъ у Речи, гдѣ и пробылъ безъ дѣла до тѣхъ поръ, пока не получилъ настоятельнаго приказанія двинуть свои полки въ верхнюю Италію, съ тѣмъ чтобы въ связи съ Карломъ Эмануиломъ защищать Пьемонтъ, и Миланъ отъ напавшихъ съ сильными войсками неприятелей. Въ Вѣнѣ опасались новаго поворота военной политики со стороны сардинскаго короля. Карлъ Неаполитанскій послѣдовалъ по пятамъ за Лобковичемъ, направившимъ свой путь черезъ Болонью къ Моденѣ; спустя нѣсколько недѣль Карлъ вступилъ въ Римъ, гдѣ она привѣтствовала его какъ избавителя. А въ верхней Италіи Испанцы подъ началомъ Гажеса и инфанта Донъ-Филиппа перешли въ наступленіе. Тогда, наконецъ, убѣдились въ Вѣнѣ, что предводительство не по плечу Лобковичу, одолженному своимъ высокимъ положеніемъ не столько своимъ способностямъ, а скорѣе

24. май 1744.

10, 11 авг. 1744.

Ноябрь 1744.

знатному происхожденію и сильному покровительству. Потому его и отозвали именнымъ приказомъ самой королевы, а главное начальство надъ Весной 1745. австрійскими войсками въ Италіи передано было въ руки князя *Венцеля Лихтенштейнскаго*. Однако, соединенная французско-испанская армія подъ командою инфанта Донъ-Филиппа, къ которому Генуезцы выставили вспомогательныя войска и пособія, была гораздо сильнѣе непріятельской; союзники овладѣли Тортоною, осадили Парму и Пиаченцу, заняли Павію, Алессандрію и Асти, и послѣ битвы при Бассиньянѣ завладѣли городомъ Миланомъ и всею Ломбардіею, такъ что будущее весною у Австрійцевъ изъ италійскихъ владѣній остались только миланская цитадель и крѣпость Мантуя. Французское правительство помышляло уже о раздѣлѣ, съ тѣмъ чтобы Австрійскій домъ совсѣмъ вытѣснить изъ Италіи. Общій доло въ добычѣ королю сардинскому, надѣялись и его также отвлечь отъ Маріи Терезіи и примкнуть къ противной ей сторонѣ.

Сент.—декаб. 1745.

Послѣ взятія Праги и битвы при Кампосанто дѣла Австріи приняли такой оборотъ, какой за годъ тому назадъ сочли бы невозможнымъ. Мрачное настроеніе въ вѣнскомъ императорскомъ дворѣ смѣнилось радушною общительностью, и Марія Терезія съ удовольствіемъ предавалась карусели, общественнымъ развлечениямъ, верховой ѣздѣ и баламъ, что и послужило признакомъ подъема радостно возбужденнаго духа! Какъ восторгались Венгерцы и австрійское дворянство, когда императрица мчалась верхомъ на конѣ, такъ что свита едва поспѣвала за нею! Старые министры Синцендорфъ и Гаррахъ скончались и замѣнились болѣе молодыми силами: графъ Венцель Кауницъ, которому впоследствии суждено было занять такое выдающееся положеніе, выказалъ уже первые опыты своего политическаго и дипломатическаго искусства: сперва при папскомъ дворѣ, куда онъ доставилъ извѣстіе о рожденіи эрцгерцога Юсифа, а потомъ въ Туринѣ у Карла Эмануила. Весною Марія Терезія готовилась короноваться въ Прагѣ, чѣмъ и предстояло запечатлѣть воссоединеніе королевства Богеміи со всею Австріею. Однако, развѣ магнаты и высокопоставленные сановники, которые такъ поспѣшили присягнуть баварскому претенденту и протезе французовъ, Карлу Альбрехту, и поступить къ нему на службу, — развѣ они могли остаться безпаказанными и пожалуй еще занять почетныя должности въ предстоявшей церемоніи? Такая мысль была невыносима для гордой и строгой души австрійской государыни. Потому и была назначена судебная коммиссія, имѣвшая разобрать поступки дворянства и высшихъ сановниковъ при овладѣніи Богеміей баварско-французскими войсками и покарать виновныхъ. При капитуляціи, правда, Лобковичъ прямо общалъ, «что жители Праги не будутъ подлежать отвѣтственности ни за данную королю присягу, ни за оказанныя ему услуги»; но вѣнскій дворъ не счелъ себя обязаннымъ исполнить такое фельдмаршаломъ самовластно данное обещаніе. Вслѣдствіе этого многие изъ знатнѣйшихъ дворянъ и сановниковъ осуждены были въ ссылку, къ конфискаціи имѣній и денежнымъ пенямъ.

Подъемъ духа въ Вѣнѣ.

Нѣкоторымъ изъ нихъ, благодаря семейнымъ связямъ или письменнымъ оправданіямъ удалось добиться снисхожденія или помилованія.

Еврейство въ Богеміи. За то евреймъ, которыхъ королева ненавидѣла во всю свою жизнь, всегда считая ихъ „злѣйшею язвою государства“, пришлось сильно пострадать отъ ея гнѣва. Они не только были обложены значительными денежными пенями, но сверхъ того Марія Терезія издала приказъ, чтобы всѣ евреи были высланы изъ Праги, даже изъ всей Богеміи и Моравіи. Англія и Голландія тѣшето вступались за притѣсняемыхъ; тѣшето знать и магистратъ предъявляли доводы противъ мѣропріятія, которое нанесетъ величайшій ущербъ торговлѣ и благосостоянію края; евреймъ на нѣсколько лѣтъ пришлось покинуть главные города, Прагу и Ольмюць. Въ Вѣнѣ едва могли добиться того, чтобы продлили срокъ до изгнанія; а въ теченіе этого промежутка пражскимъ евреямъ позволялось проживать въ окрестныхъ мѣстахъ. Гнѣвъ строгой императрицы укротился лишь мало-по-малу. По неотступнымъ просьбамъ сановниковъ и городскихъ жителей, она согласилась отерочить евреямъ пребываніе еще на десять лѣтъ; этой уступкой, впрочемъ, имѣлось лишь въ виду прикрыть совершенную отмѣну приказа.

Коронованіе въ Прагѣ. Деттингенъ и война въ Баваріи, 12. мая 1743. Послѣ того, какъ исполнилось справедливое возмездіе, въ Прагѣ совершенно было коронованіе со всѣми обычными церемоніями. Торжество и праздничное настроеніе существенно поднялись еще, благодаря извѣстію о томъ, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ принцъ Карлъ и фельдмаршалъ Кевенгюллеръ одержали при Симбахѣ, близъ Браунау, блистательную побѣду надъ императорскимъ войскомъ и вновь приступили къ завоеванію Баваріи. Это завоеваніе совершилось довольно быстро. Вскорѣ весь край между Инномъ и Изаромъ находился уже во власти Австрійцевъ, города Дингольфингъ, Ландау, Деггендорфъ были разграблены и преданы пламени, Мюнхенъ былъ опять взятъ и императоръ, поневолѣ, вновь обратился въ бѣгство. «Нечастіе не покинетъ меня до тѣхъ поръ, пока я его не покину», воскликнулъ онъ со скорбью. Удрученный нуждою и горемъ, онъ чрезъ посредство Секендорфа вступилъ въ переговоры съ Карломъ Лотарингскимъ и Кевенгюллеромъ. Соглашеніе состоялось на самомъ дѣлѣ; однако Марія Терезія оттягивала исполненіе. Въ Вѣнѣ замыслили присвоить себѣ Баварію, вознаградивъ курфирста австрійскими Нидерландами или вновь покоряемымъ Эльзасомъ. Вообще, по мѣрѣ успѣховъ поднимались и притязанія: мы знаемъ уже, что имѣлось даже въ виду овладѣть Неаполемъ. Эти притязанія успѣли еще болѣе, когда «прагматическая армія» подъ начальствомъ лорда Стѣра, состоявшая изъ Англичанъ, Австрійцевъ, Ганноверцевъ и британскихъ наемныхъ ратей, при которой находились король Георгъ II и его второй сынъ, герцогъ Кумберландскій, подошла къ Майну и въ битвѣ при *Деттингенѣ* одержала славную побѣду надъ французскимъ войскомъ подъ командою маршала Ноэлье. Однако союзники не воспользовались этой побѣдою для быстрого дружнаго натиска; такъ что Ноэлье успѣлъ въ стройномъ порядкѣ перейти съ лѣваго берега Майна

черезъ Рейнъ, вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ Граммономъ, который въ честолюбивомъ порывѣ къ отличіямъ и въ рыцарской отвагѣ своею преждевременною атакою и былъ собственно главнымъ виновникомъ поражения. Пока завѣдывавшій главнымъ начальствомъ король Георгъ II. въ Ганау проводилъ нѣсколько недѣль кряду въ бездѣйствіи, досадуя, что къ нему не присоединяется австрійская армія изъ Баваріи, въ то же время вожди послѣдней довершали покореніе края, а потомъ, перейдя черезъ Дунай, они неспѣшными переходами двинулись къ верхнему Рейну. Такъ-то каждый изъ обоихъ отрядовъ союзной арміи дѣйствовалъ самъ по себѣ, вслѣдствіе чего война велась съ меньшею энергіею. Георгъ II. безусловно подчинялся совѣтамъ бездарнаго генерала Нейпперга (XII, 681), такъ что лордъ Стѣръ негодую сложилъ съ себя начальство. Осенью прагматическая армія подъ веденіемъ короля находилась близъ Вормса и Шпейера, частью на лѣвомъ, частью на правомъ берегу Рейна, тогда какъ принцъ Карлъ расположился въ окрестностяхъ Брейзаха и Фрейбурга. Отъ намѣренія занять Эльзасъ и Лотарингію отказались, удовольствовавшись одними прокламаціями къ населенію съ цѣлью свергнуть «невыносимое французское иго»; это впрочемъ не произвело никакого дѣйствія. А тѣмъ временемъ французскіе гарнизоны въ Ингольштадтѣ и Эгерѣ вынуждены были сдать на капитуляцію, первые Бернклау, а послѣдніе Коловрату, чѣмъ и завершилось окончательно покореніе Богеміи и Баваріи.

Этими успѣхами Марія Терезія одолжена была главнѣйше разумной политикѣ въ отношеніи Пруссіи. Королева избѣгла болѣе значительныхъ утратъ, благодаря тому, что ей удалось своею своевременною уступкою отдѣлить Фридриха II. отъ остальныхъ союзниковъ. Та же политика примѣнялась и къ владѣтелю Пьемонта - Сардиніи, котораго всегда уподобляли прусскому королю. Сильно заискиваемый какъ Бурбонами такъ и вѣнскимъ дворомъ умный государь пользовался въ Италіи такимъ же рѣшающимъ голосомъ какъ и Фридрихъ II. въ Германіи. И никто не сумѣлъ воспользоваться этимъ положеніемъ лучше короля и его министра. Онъ съ полнымъ правомъ могъ заявить въ Вѣнѣ, что бурбонскіе дворы за его присоединеніе къ ихъ союзу охотно признаютъ за нимъ право на миланское герцогство и еще на другія владѣнія. Король могъ угрожать отпаденіемъ отъ австрійской стороны, если за помощь его не вознаграждать тѣмъ же. И вотъ онъ отправилъ посла въ главную квартиру прагматической арміи въ Вормсъ, поручивъ ему добиться окончательнаго рѣшенія, а не то поѣхать въ Версаль для заключенія союзнаго договора. Едва ли король въ самомъ дѣлѣ имѣлъ въ виду такой выборъ: вѣдь бурбонская гегемонія отнюдь не могла быть для него желательна. Какое положеніе заняли бы его наследственные владѣнія, Савойя-Пьемонтъ, между Франціею и испанскимъ Миланомъ! Однако, онъ достигъ своей цѣли. Благодаря посре-

Договоры съ Сардиніею и Саксоніею.

13 сент. 1743.

дничеству и ходатайству Англии въ Вормсѣ между Австріей, Англіей и Сардиніей-Пьемонтомъ состоялся военный союзъ, всилу котораго Карль Эмануиль примкнулъ къ прагматической санкціи, пообѣщавъ выставить войско въ 45,000 человекъ для защиты австрійскихъ владѣній въ Италіи. Въ вознагражденіе за свои услуги онъ отъ Маріи Терезіи имѣлъ получить: городъ и округъ Витевано, всю страну по правому берегу Лаго Маджіоре и Тессина, область Павіи по лѣвому берегу По, наконецъ Пиаченцу съ ея округомъ до Стуры. Проданный Карломъ V. маркизатъ Финале Генуезцамъ, по уплатѣ купчей суммы республикѣ, также имѣлъ перейти къ сардинскому королю. Англія обязалась выдавать Карлу Эмануилу ежегодную субсидію въ 200,000 фнт. и поддержать сухопутную войну средиземноморскимъ флотомъ. Въ добавочной конвенціи Англія обезпечила за венгерскою королевою выдачу 300,000 фнт. во все продолженіе войны въ вознагражденіе убытковъ. Напротивъ того, предложеніе вѣнскаго правительства, присоединить Баварію къ Австріи и вознаградить домъ Виттельсбаховъ въ Италіи, не было одобрено Англіею и рѣшительно отринуто Фридрихомъ II. Но въ Вѣнѣ все-таки дѣляли принципъ, «удержать за собою безъ дальнихъ разговоровъ Баварію». Приобрѣсть курфиршество въ возмѣщеніе за Силезію—этою мыслью не потступались ни предъ «корыстною завистью» Пруссіи, ни предъ протестами императора. Великія мирныя предложенія, клонящіяся къ очисткѣ края, отвергались; а для того, чтобы въ новой предстоявшей войнѣ выступить противъ Пруссіи съ нераздѣльными силами, Австрія заключила оборонительный трактатъ съ Саксоніею. Мы знаемъ, какъ графу Брюлю всегда не понутру было сходиться съ Пруссіею. А потому, воспользовавшись случаемъ, когда въ Вѣнѣ оказали ему дружелюбную предупредительность, онъ присталъ къ прагматическому союзу. Какъ бы сильно курфирстина-королева Марія Іозефа ни завидовала многопрославляемой родственной государынѣ, однако питаемая къ Пруссіи ревность терзала ее еще сильнѣе, а обѣщанныя Англіею субсидіи оказались также не безъ вліянія. Итакъ, уставъ объ австрійскомъ наслѣдствѣ былъ вновь признанъ и за венгерскою королевою во всей цѣлости обезпечивалось спокойное обладаніе «занимаемыхъ» ею наслѣдственныхъ владѣній. Данное за то королю Августу разрѣшеніе на проѣздъ изъ Саксоніи въ Польшу съ отрядомъ въ 1200 человекъ черезъ австрійскую область было ничтожною лишь уступкою, а признаніе Маріею Терезіею, въ случаѣ пресѣченія ея собственнаго потомства, наслѣдственныхъ правъ за дрезденскою эрцгерцогинею и ея преемниками, при господствовавшихъ тогда условіяхъ, оказалось пустою формальностью.

20 дек. 1743.

4. ВТОРАЯ СИЛЕЗСКАЯ ВОЙНА И СОБЫТІЯ ВЪ НИДЕРЛАНДАХЪ И ВЕЛИКО-БРИТАНИИ.

Австрія съ высренними надеждами встрѣтила новый годъ: межъ тѣмъ какъ императоръ Карль VII, первый монархъ въ средѣ европейскихъ державцевъ, въ горѣ, нуждѣ и зависимости проживалъ вдали отъ родины; въ то же время Марія Терезія помышляла о томъ, какъ бы ей вновь отвоевать уступленные территории, вернуть назадъ прежнія владѣнія, удержать за собою покоренную Баварію и обезопасить отдаленныя области. Прекрасную сестру свою, эрцгерцогиню Маріанну она выдала замужъ за брата любимаго ею супруга, за принца Карла Лотарингскаго, который провелъ австрійскія войска отъ Инна до Рейна, и назначила его намѣстникомъ въ Нидерландахъ. Бракъ съ безземельнымъ княземъ могъ, пожалуй, считаться неровнымъ. Но этотъ недостатокъ былъ поправимъ, лишь бы впоследствии принцу досталось наслѣдіе его отцовъ, лотарингское герцогство. Сопровождаемые Кауницемъ, котораго королева назначила въ обергофмейстеры эрцгерцогини, новобрачные уѣхали въ Брюссель. Незадолго передъ тѣмъ 26 янв. 1744. скончался Кевенгюллеръ; на его мѣсто главное начальство надъ войсками въ Баваріи поручено было графу Трауну. Ему предстояло поддерживать движенія принца Карла по Рейну. Ибо королевѣ, точно такъ же какъ и супругу и зятю ея, сильно хотѣлось приурочить Лотарингію и Эльзасъ къ габсбургскимъ владѣніямъ. А потому ей было какъ разъ на руку, когда Франція, наконецъ, отказалась отъ поддерживаемой доселѣ фикціи, будто она участвуетъ въ борьбѣ лишь въ качествѣ союзницы императора Карла VII, и когда весною она открыто объявила войну Англіи и Австріи. Вслѣдствіе этого борьба приняла европейскій характеръ и лондонскій и вѣнскій кабинеты сблизились еще тѣснѣе. Большая часть Европы, какъ и сорокъ лѣтъ тому назадъ, опять сомкнулась въ союзъ противъ Франціи; но только теперь кромѣ баварскаго курфирста на сторону послѣдней вновь перешелъ болѣе сильный союзникъ—пруссскій король Фридрихъ. Карль Лотарингскій съ австрійско-венгерскими полчищами перешелъ уже черезъ Рейнъ; онъ мнилъ уже возобновить побѣдоносный походъ Евгения и вновь завладѣть странною своихъ отцовъ; но событія въ Богеміи и Саксоніи вдругъ понудили его отвести армию назадъ черезъ западную порубежную рѣку и, соединившись съ фельдмаршаломъ Трауномъ, направиться къ Эльбѣ. Въ то же время и Марія Терезія послѣдила въ Пресбургъ, чтобы новыми обѣщаніями возбудить Венгерцевъ къ новому напряженію силъ.

Марія Терезія весьма неохотно дала свое согласіе на Бреславскій миръ, и Фридриху поневолѣ пришлось сомнѣваться въ томъ, признала ли противница окончательно и честно утрату и примирилась ли съ

Распространеніе войны.

15 мартъ, 26. апр. 1744.

Причина второй силезской войны.

нею; соглашаясь, не имѣла ли она лишь въ виду выпутаться изъ временнаго затрудненія? Вслѣдствіе вмѣшательства въ континентальную борьбу Англии, король которой, Георгъ II, какъ извѣстно было Фридриху II., отнюдь не былъ дружески расположенъ къ Пруссіи, — вслѣдствіе явныхъ поподзновеній англійскаго кабинета при лордѣ Картеретѣ, сдѣлать Австрію господствующею державою на материкѣ, въ особенности въ Итали и Германіи, совершенно измѣнить имперскія учрежденія и европейское равновѣсіе, принизивъ Францію, — а также вслѣдствіе опаснаго саксонско-австрійскаго союза, при непріязненномъ расположеніи графа Брюля, при неискоренимой ревности и зависти саксонской политики, направленной, конечно, прямо противъ устоя Пруссіи и вновь занятаго ею сильнаго положенія: вслѣдствіе всего этого дѣла запутывались еще болѣе и приняли для Пруссіи угрожающій характеръ. Побѣдоносное наступленіе австрійско-англійской арміи вновь пробудило прежнія притязанія; при вѣнскомъ дворѣ питали надежду совершенно подавить императора Карла VI, отобрать у него наслѣдственное владѣніе, Баварію, уступивъ за то какія-нибудь отдаленныя земли въ Итали или по ту сторону Рейна; виттельбахское императорство никогда не могло рассчитывать на признаніе со стороны Австріи. Имперія, какъ казалось, опять готова была подчиниться габсбургской власти, а какаю опасность угрожаетъ обладанію Силезіею, въ этомъ Фридрихъ убѣдился по всеобщему положенію, по недвусмысленнымъ заявленіямъ высокопоставленныхъ особъ и по тому факту, что въ трактатахъ Австріи съ Сардиніей и Саксоніею умышленно умалчивалось о Бреславскомъ мирѣ. Фридрихъ поневолѣ опасался, какъ бы ему не пришлось поплатиться впоследствии при заключеніи мирнаго договора. И дѣйствительно, не подлежало никакому сомнѣнію, что прежніе, покинутые имъ два года тому назадъ союзники въ такомъ случаѣ отнюдь не задумаются и его также предать на жертву. А потому Фридрихъ уже послѣ битвы при Деттингенѣ рѣшился вновь взяться за оружіе. Поддержка баварскаго императорства, служившаго какъ бы оплотомъ противъ обычнаго злоупотребленія имперской власти въ габсбургскихъ интересахъ, также входила въ политическіе расчеты, побуждавшіе къ войнѣ. Тѣмъ еще болѣе, что онъ нуждался въ дружбѣ императора ради своихъ видовъ на восточную Фрисландію. Эта область, какъ узнаемъ впоследствии, давно уже рейхстагомъ была обѣщана бранденбургскому дому въ вознагражденіе за военныя издержки. Въ виду предстоявшаго пресѣченія княжескаго дома Фридрихъ теперь уже присвоилъ себѣ титулъ и гербъ этой области. Но для того, чтобы вопреки заявленію Ганновера добиться дѣйствительнаго обладанія, необходимо было получить ту землю въ ленъ по именному указу императора. Такъ что теперь у него оказался еще особенный поводъ вновь соединиться съ носителемъ императорской короны, что и совершилось во

«Франкфуртскомъ союзѣ» въ одно время съ Пфальцемъ и Гессенъ-Касселемъ. Итакъ, Фридрихъ въ качествѣ союзника императора, съ «императорскими вспомогательными войсками», во второй разъ началъ войну противъ Австріи, съ цѣлью, какъ обнародовалъ онъ въ манифестѣ, добиться свободы для германскаго государства, поддержки императорскаго достоинства и мира для Европы. Съ Франціей онъ также 5 іюня 1744. заключилъ наступательный союзъ, вслѣдствіе котораго Французы должны были выступить противъ Нидерландовъ и Ганновера, а Пруссаки противъ Богеміи.

«Въ теченіе послѣдняго года», говоритъ Ранке, «Австрія слишкомъ усилилась, такъ что Фридриху нельзя было не ожидать новаго нападенія. Сознавая, что предоставленный себѣ одному, онъ окажется черезъ-чуръ слабъ, и встревоженный разными признаками вновь возникшей непріязни, онъ опять обратился къ французской партіи; теперь въ связи съ Франціей онъ надѣялся достичь того, что не удалось ему въ 1741 году, а именно — создать устойчивое учрежденіе въ Германіи, потомъ — задержать побѣдоносное движеніе Австріи и добиться для самого себя болѣе надежнаго положенія.

Австрійскія войска были разсѣяны въ Баваріи и по Рейну; земли Пруссіи въ габсбургской державы почти безъ всякой защиты были преданы нападению съ сѣвера, когда Прусскій король, воспользовавшись двумя мирными годами для того, чтобы пополнить государственную казну, увеличить армію и привести въ надлежащее состояніе крѣпости, съ войскомъ въ 80,000 человекъ выступилъ противъ Богеміи. Не встрѣтивъ сильнаго сопротивленія, Пруссаки прошли черезъ Саксонію, съ которою впрочемъ обращались пока не враждебно; тремя колоннами, подъ начальствомъ наслѣднаго принца Леопольда, сына старика Дессауэца, фельдмаршала Шверина и самого короля, они явились передъ Прагою. Плохо вооруженный городъ съ недостаточнымъ гарнизономъ, послѣ непродолжительной бомбардировки сдался на капитуляцію. Войска продолжали идти къ югу, то и дѣло вступая въ незначительныя стычки. Таборъ, Будвейсъ и Фрауенбергъ сдались. Впрочемъ, эти черезъ-чуръ отдаленныя завоеванія не могли удержаться надолго; они были сдѣланы въ надеждѣ, что Французы поведутъ войну такъ же энергично, а Саксонцы останутся нейтральными. Однако, все было тщетно: Французы дѣйствовали вяло, а Саксонцы еще тѣснѣе соединились съ Австрійцами, продавъ свое соратничество, въ надеждѣ пріобрѣсть силезскія и бранденбургскія области; сверхъ того, продовольствовать армію въ враждебно настроенной странѣ, было крайне затруднительно. Когда съ береговъ Рейна въ Богемію двинулось сильное австрійское войско подъ предводительствомъ Карла Лотарингскаго и фельдмаршала Трауна и соединилось съ Саксонцами, то Пруссаки нашлись вынужденными отступить и съ большимъ урономъ покинуть занятые ими города. Осторожный Траунъ постоянно избѣгалъ битвы и единственно искусными маневрами отвоевалъ ко-

ролевство назадъ. Къ концу года Пруссаки, опасаясь быть совсѣмъ отрѣзанными отъ родины, покинули гористую Богемію и отступили въ Силезію. Въ Богеміи не происходило почти никакого дѣла, за то здѣсь вскорѣ закипѣли бои. Сначала Траунъ въ Силезіи также дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ и овладѣлъ для Австріи вновь пограничными областями. Противники по цѣлымъ недѣлямъ проводили время въ незначительныхъ стычкахъ другъ съ другомъ, въ нападеніяхъ и переходахъ взадъ и впередъ; въ этой малой войнѣ совершались между прочимъ славные боевые подвиги. Прусскіе генералы Винтерфельдтъ и Цитенъ тогда уже проявляли доблестное мужество и дарованіе полководцевъ, прославившее впоследствии ихъ имена въ военной исторіи.

Гансъ Иоахимъ фонъ-Цитенъ, этотъ гусарскій рѣзакъ-генералъ, поставилъ вообще конницу, къ которой въ прусской арміи относились тогда все еще съ пренебреженіемъ, на такую ногу, что она заслужила высокой славы и уваженія; прусская кавалерія собственно и возникла лишь въ связи съ его именемъ. Тогда-то, полагаясь на новыя, неприятелю еще незнакомыя мундиры, онъ совершилъ отчаянное дѣло: какъ бы принадлежа къ австрійскому лагерю, Цитенъ съ своими гусарами проскакалъ прямо черезъ него, съ тѣмъ чтобы передать вѣсть отдѣльному военному отряду. А подполковникъ *Георгъ фонъ-Ведель*, этотъ „прусскій Леонидъ“, съ своими двумя батальонами гренадеръ въ теченіе пяти часовъ препятствовалъ въ Богеміи принцу Лотарингскому со всею его арміею и съ пятидесятью орудіями перейти черезъ Эльбу; этотъ храбрый воинъ изъ солдатской семьи, тогда уже, а также и впоследствии много прославляемой въ прусской военной исторіи, въ наступившемъ затѣмъ году палъ при Зоорѣ.

Возвратъ императора въ Мюнхенъ. Въ то же время и Баварія также испытала превратности новой борьбы. Австрійско-венгерскіе полки подъ начальствомъ Беркклауа и графа Баттіани не въ силахъ были воспротивиться баварско-французскому войску, которое фельдмаршалъ Секендорфъ велъ съ береговъ Рейна къ Изару. Въ октябрѣ императоръ Карлъ VII., только что оправившись послѣ тяжелой болѣзни, вступилъ вновь въ свою столицу Мюнхенъ, гдѣ жители привѣтствовали его восторженными заявленіями любви и преданности. Бель-Иль и искусный дипломатъ Шавиньи также прибыли въ баварскую столицу, съ тѣмъ чтобы вдохнуть новую жизнь въ военную политику. Секендорфъ сложилъ съ себя начальство, такъ какъ присланный Фридрихомъ Шметтау наставвалъ у императора на болѣе энергическія военныя дѣйствія. Въ то же самое время австрійское гарнизонное войско во Фрейбургѣ вынуждено было сдаться на капитуляцію французскому военачальнику. Въ Нидерландахъ Французы также дѣйствовали съ успѣхомъ; а подъ исходъ этого обильнаго переворотами года мѣра скорбей и горя для Маріи Терезіи неполнилась еще печальною вѣстью изъ Брюсселя, гдѣ послѣ тяжелыхъ родовъ скончалась эрцгерцогиня Маріанна, между тѣмъ какъ супругъ ея, Карлъ Лотарингскій, находился въ дальнемъ походѣ.

Въѣздъ и пріемъ императора въ Мюнхенъ были послѣднимъ проблескомъ въ жизни государя, испытавшаго много превратностей. Вѣсть о томъ, что Пруссаки изъ Богеміи оттиснуты въ Силезію, что предводимые генераломъ Тунгеномъ Австрійцы вторглись въ верхній Пфальцъ и осадили Амбергъ, а прагматическій союзъ, благодаря Варшавскому договору между Австріею, Саксоніею, Англіею и Голландіею, запасся свѣжими силами,—сверхъ того опасеніе, что баварско-французскіе полки не въ состояніи будутъ отразить многочисленныхъ враговъ и что ему вновь угрожаетъ бѣгство изъ его столицы,—все это оказало такое потрясающее дѣйствіе на его давно уже разстроенное здоровье, что 20. января онъ внезапно скончался, едва доживъ до сорока восьми лѣтъ отъ роду. Смерть его придала новый оборотъ военной политикѣ. Марія Терезія имѣла теперь главнѣйше въ виду доставить своему супругу, Францу Тосканскому, императорскую корону и такимъ образомъ вновь присвоить Австріи высшее достоинство. А потому она и желала примириться съ виттельбахскимъ домомъ и пуще всего заключить миръ съ баварскимъ наслѣднимъ принцемъ, Максимилианомъ Іосифомъ, принявшимъ по смерти отца санъ курфюрста. Марія Терезія сознавала, конечно, что все это не отвѣчало уже планамъ касательно присоединенія; за то, обративъ всѣ свои силы противъ прусскаго короля, она надѣялась тѣмъ скорѣе вновь отнять у него Силезію. Не легко было въ разгарѣ войны побудить мюнхенскій дворъ покинуть поддерживаемую имъ доселѣ политику: французско-прусская партія, особенно Шавиньи и Тёррингъ, всѣми силами старались удержать молодого курфюрста при прижемѣ союзѣ и при политикѣ его отца; въ пользу Австріи горячо вступились за то овдовѣвшая императрица Марія Амалия, фельдмаршалъ Секендорфъ и его племянникъ. Какъ много интригъ и дипломатическихъ козней совершалось въ мартѣ и апрѣлѣ въ Аугсбургѣ и Мюнхенѣ, пока не добились наконецъ соглашенія! Переговоры продлились бы, пожалуй, еще долѣе, еслибъ Баттіани съ австрійскою арміею подѣ Пфаффенгофеномъ не обратился въ бѣгство предводимые графомъ Сегоромъ французско-баварскіе полки. Для того чтобы предупредить новое занятіе курфиршества и столицы, Максимилианъ Іосифъ и согласился на *мирный договоръ въ Фюссенѣ*, всилу котораго онъ за полное возвращеніе всей баварской области отрекся отъ всякихъ притязаній на австрійское наслѣдство, призналъ прагматическую санкцію законою и обѣщалъ при новомъ выборѣ императора подать свой голосъ въ пользу великаго герцога Франца. Съ этой поры баварскій княжескій домъ перешелъ на болѣе скромные пути (XII, 710).

Неужели, однако, Франція можетъ допустить, чтобы Францъ все-таки добился императорскаго достоинства? Развѣ миновала опасность относительно Лотарингіи, по поводу которой и поддерживались притязанія Карла

Смерть Карла VII. Договоръ въ Фюссенѣ. 6 янв. 1745.

8 янв.

20 янв. 1745.

22 апрѣль, ратификовано 2. мая 1745.

Дрезденскій дворъ въ покушеніи.

Альбрехта? Въ Версалѣ рѣшились всѣми силами воспротивиться такому исходу. На этотъ конецъ стали съ еще большею энергіею вести войну въ Нидерландахъ и въ то же время пытались, отдѣливъ Саксонію отъ Австріи, разстроить Варшавскій союзъ. А именно, Франція и Пруссія обѣщали курфирсту-королю Августу III. выхлопотать императорскую корону, если онъ опять присоединится къ нимъ. Прусскій король едва ли всаправду думалъ исполнить это предложеніе. Однако, если такимъ путемъ у габсбургскаго дома отнимется важный союзникъ и выставится противъ него новый врагъ, то отчего бы и не обнадежить подобнымъ обѣщаніемъ. Честолюбивый суетный король Польши и дрезденскій дворъ не отклонили отъ себя предложенія; а въ то же время графъ Брюль воспользовался выгодными обстоятельствами, съ тѣмъ чтобы побудить Австрію къ уступкѣ земель курфиршеству. Итакъ, въ Дрезденѣ двудушничали. Въ концѣ концовъ, однако, антипатія и ненависть противъ Пруссіи оказались сильнѣе завлекательнаго будущаго почета. Варшавскій договоръ былъ подтвержденъ новымъ соглашеніемъ; по немъ саксонскому курфиршеству было обѣщано нѣсколько территорій, которыя имѣлось пока въ виду отнять у прусскаго короля вмѣстѣ съ Силезіею. Что же касается до императорскаго выбора, то Августъ III. все-таки приберегъ за собою эту лазейку.

Битва при Го-
генфридбергѣ.
4 іюня 1745.

Теперь всѣ средства обратились главнѣйше на войну противъ Пруссіи. Карлу Лотарингскому, зятю Маріи Терези, котораго все еще считали великимъ полководцемъ, предоставлялось пожнать лавры и снова отвоевать Силезію. А потому престарѣлый заслуженный фельд-маршалъ Траунъ, къ которому принцъ какъ къ сопернику относился неблагосклонно и ревниво, стараясь принизить его, былъ отдѣленъ отъ главной арміи и откомандированъ къ Рейну. Въ преемники ему назначили отозваннаго изъ Италіи князя Лобковича, стратегическія дарованія котораго ужъ никоимъ образомъ не могли бы помрачить воинскую славу высокоороднаго главнокомандующаго. Между Лигницемъ и Швейдницемъ, въ холмистой, обильной лугами и лѣсами мѣстности находятся небольшіе города *Госенфридбергъ* и *Стришау*, имена которыхъ такъ сильно прославились въ прусской военной исторіи. Тутъ-то на рѣшительный бой сошлись огромныя массы войскъ; съ одной стороны Саксонцы съ герцогомъ Вейсенфельсомъ и Австрійцы съ принцемъ Лотарингскимъ на челѣ, а съ другой—прусскія войска, которыя теперь послѣ первыхъ крещеній опиемъ, проявляли вполнѣ хладнокровную стойкость, то безстрашное мужество и превосходное боевое искусство, что и впредь такъ часто склоняло побѣду къ ихъ знаменамъ. Славная битва дана была по личнымъ мастерскимъ распоряженіямъ короля; а на глазахъ у него въ этотъ день отличились храбрый братъ его Генрихъ и молодой принцъ Брауншвейгскій. Обѣ неприятельскія арміи, выходящія въ чащны побѣды изъ горныхъ проходовъ, удалось опрокинуть порознь, сперва Саксонцевъ, потомъ Австрійцевъ. Въ теченіе двухъ-трехъ утреннихъ часовъ все было рѣшено. Въ числѣ многихъ блистательныхъ подвиговъ этой битвы современниками и потомствомъ въ особенности прославлялась отчаянная кавалерійская атака байрейтскаго драгунскаго полка подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Гесслера и майора Шазо.

Благодаря этой побѣдѣ Австрійцы и Саксонцы очистили Силезію; война вновь перешла въ Богемію въ то самое время, какъ во Франк-фуртѣ императорскій вопросъ рѣшился въ угоду Маріи Терези и великій герцогъ тосканскій большинствомъ курфирстовъ, за исключе- ніемъ лишь Бранденбурга и Пфальца, былъ избранъ въ императоры подъ именемъ Франца I. При селеніи *Зооръ* (Зоррѣ) близъ Трауте-нау произошло второе рѣшительное сраженіе въ эту кампанію; оно опять завершилось великою прусскою побѣдою, не смотря на то, что Австрійцы пользовались и превосходнымъ числомъ войска и болѣе выгоднымъ положеніемъ, и что Фридрихъ, никакъ не ожидая нападенія, былъ застигнутъ въ расплохъ. Атака прусскихъ полковъ противъ занятыхъ неприятелемъ крутыхъ высотъ, подъ жесточайшей огонь артиллеріи, относится къ самымъ блистательнымъ боевымъ подвигамъ. Болѣе всѣхъ отличился принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій, который, обнаживъ мечъ, шелъ во главѣ гренадерскаго батальона и самъ былъ раненъ. «Изъ четырехъ битвъ, которыя я до сихъ поръ видѣлъ», писалъ Фридрихъ, «эта была самая горячая; намъ еще ни разу не пришлось выдерживать такую канонаду». Съ этихъ поръ исчезъ ореолъ, какимъ окружалъ себя доселѣ принцъ Карлъ. «Судя по тому», увѣряетъ самъ Арнетъ, «какъ ведена была армія въ день битвы, всякая искра надежды на воинскій духъ должна была окончательно потухнуть». Изъ всего этого слѣдовало, «что принцъ не обладалъ ни малѣйшими данными для полководца въ широкихъ размѣрахъ». Однако, въ изнуренной Богеміи среди непріятельскихъ войскъ и враждебнаго населенія нельзя было расположиться на зимовку; а потому, несмотря на одержанную побѣду, король въ октябрѣ отступилъ въ Силезію, гдѣ тѣмъ временемъ генераль-лейтенантъ Нассау завладѣлъ крѣпостью Козель.

Считая кампанію на этотъ годъ законченною, Фридрихъ расположился было уже на зимнія квартиры; однако, въ лагерѣ Саксонцевъ и Австрійцевъ, только что заключившихъ новый тѣсный союзъ, вопреки даже позднему времени года, замыслили попытать еще разъ военное счастье, и нанести рѣшительный ударъ ничего не подозревавшимъ Пруссакамъ. Принцъ Карлъ въ связи съ Саксонцами намѣревался изъ Лузаціи проникнуть въ Силезію, тогда какъ другая австрійская армія подъ начальствомъ генерала Грюне должна была въ то же время вторгнуться въ Бранденбургъ. Провѣдавъ однако, благодаря преданнымъ друзьямъ, о планахъ противниковъ, Фридрихъ рѣшился предупредить ихъ. Двѣ прусскія арміи, одна предводимая самимъ королемъ, а другая—старикомъ Дессауэцемъ двинулись въ Саксонію. Фридрихъ вторгся въ Лузацію и битвою при Гросгеннерсдорфѣ понудилъ неприятеля отступить; а въ то же время престарѣлый князь Леопольдъ, которому на закатѣ дней суждено было возобновить воинскую славу юныхъ лѣтъ, овладѣлъ Лейпцигомъ, Торгау и Мейс-

Битва при
Зоорѣ.
13. сент. 1745.
30. сент. 1745.

Кампанія въ
Саксоніи.
25. авг.

23. ноября
1745.

Начало деп.

сеномъ; а потомъ въ трескучій морозъ въ страшно кровопролитномъ бою при *Кессельсдорфѣ*, близъ Дрездена, разбилъ окончательно наголову австрійскій корпусъ и Саксонцевъ подъ начальствомъ фельд-маршала графа Рувоскаго, одного изъ многихъ побочныхъ сыпоевъ сильнаго Августа. Самымъ блистательнымъ дѣломъ въ этотъ день была атака гренадеръ съ геройски павшимъ при этомъ Герцбергомъ во главѣ противъ селенія, занятаго Саксонцами и защищаемаго ужаснымъ картечнымъ огнемъ; вопреки всѣмъ усиліямъ прусскіе гренадеры не могли овладѣть селеніемъ; понесши страшныя потери, они отступили; Саксонцы преслѣдовали ихъ, довременно торжествуя побѣду. Въ пылу преслѣдованья ряды Саксонцевъ разстроились, и тутъ-то прусская конница съ полковникомъ Людерицемъ и свѣжіе пѣхотные полки съ генераломъ фонъ-Левальдтомъ во главѣ вторглись въ разрозненные ряды, произвели ужасное кровопролитіе и, обративъ враговъ въ безпорядочное бѣгство, овладѣли горячо оспариваемымъ Кессельсдорфомъ. Такого же блистательнаго успѣха Пруссаки добились противъ центра саксонской позиціи, несмотря даже на разнаго рода мѣстныя препятствія. Здѣсь въ особенности отличился младшій сынъ Дессауца, Морицъ. Фридрихъ съ радостью и благодарностью встрѣтилъ вѣсть о славной побѣдѣ стараго полководца, ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ начавшаго свое боевое поприще подъ бранденбургскими знаменами въ Нидерландахъ. Соединившись съ нимъ, король 18. дек. пошелъ затѣмъ на Дрезденъ. Городъ тотчасъ же сдался. Союзныя арміи Саксонцевъ и Австрійцевъ, не смѣя болѣе сопротивляться, отступили въ Богемію.

Саксоніи пришлось тяжкими контрибуціями заплатить за недалеко-видную, всегда пагубную политику графа Брюля. Министръ и его слабодушный король, бѣжавшіе съ чрезвычайною поспѣшностью въ Прагу, теперь горячо ухватились за англійское посредничество, которое они такъ еще недавно отвергли въ безумномъ ослѣпленіи и въ заносчивости; при вѣнскомъ дворѣ также превозмогли наконецъ упорство и согласились признать въ основѣ мирный договоръ, касательно котораго Англія и Пруссія давно уже сошлись другъ съ другомъ. Лондонское правительство грозило удержать субсидіи, безъ которыхъ не могли обойтись въ Австріи; а сверхъ того дѣла въ Итали также пришли въ разстройство. Нѣсколько дней спустя послѣ всѣхъ этихъ событий и состоялся между Пруссіей и Австріей съ Саксоніей Дрезденскій миръ, всилу котораго бреславскія условія были вновь подтверждены, Францъ I., который торжественно короновался уже во Франкфуртѣ въ присутствіи своей супруги, былъ признанъ императоромъ, а Саксонія обязалась выслать милліонъ талеровъ въ вознагражденіе военныхъ издержекъ. Пруссія, правда, не извлекла никакой матеріальной прибыли изъ этой войны, габсбургскій домъ также не утратилъ преобладающаго положенія въ имперіи; однако обезпеченье

Битва при Кессельсдорфѣ, 15. дек. 1745.

Миръ въ Дрезденѣ.

25. дек. 1745.

прежнихъ приобретений и прогремѣвшая по всей Европѣ военная слава короля, прослышавшаго съ этой поры «Великимъ», были, конечно, достаточнымъ возмѣщеніемъ понесенныхъ жертвъ.

На другой годъ послѣ кессельсдорфской побѣды умеръ „старикъ Дессауецъ“. За два года до него скончалась также его жена, „Анна-Лиза“, польда Дессау-дочь аптекаря въ Дессау; князь прожилъ съ нею въ самомъ счастливомъ супружествѣ около пятидесяти лѣтъ и оставилъ по себѣ славное потомство. При Фридрихѣ V. строптивому властолюбивому старцу пришлось подвергнуться отчасти пренебреженію и оскорбленію; вышедши изъ старой полгической и военной школы, онъ не могъ воздержаться отъ своихъ вѣскихъ доводовъ и опасеній по поводу силезскихъ предпріятій и, осторожничая не въ мѣру, часто былъ невыносимъ, пока наконецъ при Кессельсдорфѣ не проявилъ еще разъ вполне свою воинскую доблесть.

Во время второй силезской войны прусскому правительству удалось сдѣлать важное приобретение въ княжествѣ *восточной Фрисландіи*. Родъ Цирксены, который съ четырнадцатаго столѣтія уже вознесся надъ остальными владѣтелями и достигъ верховной власти, вымеръ въ маѣ 1744 съ княземъ Карломъ Эдзардомъ. Сильный разладъ между княземъ, къ которому пришла одна часть чиновъ, и другою ихъ частью повергло страну въ величайшую безурядицу, такъ что правительство пришло въ совершенное разстройство; нѣкоторые изъ сосѣднихъ державъ, между прочимъ также и Бранденбургъ со времени великаго курфирста, содержали гарнизоны въ фрисландскомъ краѣ. На это наслѣдіе заявили притязанія именно графы фонъ Видъ-Рункель на основаніи происхожденія отъ одной изъ дочерей князя восточной Фрисландіи и домъ Брауншвейгъ-люнебургскій всилу родонаслѣдственнаго союза. А съ 1694 года, напротивъ, право преемства на упраздненную землю императоромъ Леопольдомъ и двумя его наслѣдниками обѣщано было бранденбургскому курфиршеству въ вознагражденіе жертвъ, понесенныхъ въ имперскія войны. Фридрихъ II. не медля велѣлъ занять княжество своими войсками и безъ затрудненія принять присягу населенія; оно крайне томилось внутренними распрями. Страна и оставалась за Пруссіей впредь до наполеоновскихъ временъ. Протесты другихъ претендентовъ на рейхстагъ и въ имперскомъ верховномъ судѣ остались безъ послѣдствій. Связанныя съ обладаніемъ этого выгодно расположеннаго побережья коммерческія выгоды, правда, не совсѣмъ осуществились. Основанныя кородемъ въ Энденѣ китайская и бенгальская компаніи вскорѣ опять прекратились. За то страна, за которой сохранились давнишнее выборное начало, нѣкотораго рода мѣстная самостоятельность, свобода отъ рекрутской повинности, быстро поднялась подъ разумнымъ прусскимъ владычествомъ и подчинялась ему съ вѣрною преданностью.

Приобрѣтеніе восточной Фрисландіи.

1747.

Май. Июнь 1744.

Пока Австрія и Пруссія вели кровопролитную борьбу въ долинѣ Эльбы, въ то же время въ Нидерландахъ и въ Итали также сражались съ переменнымъ успѣхомъ, а въ Остиндіи морской герой де-Лабурдонне изъ Бретанни, доведшій французскія острова Франсъ и Бурбонъ до высокаго расцвѣта, овладѣлъ при помощи Дюпле, губернатора въ Пондишери, англійскою колоніею Мадрасъ. Сначала война въ Нидерландахъ велась безуспѣшно со стороны союзниковъ: каждая изъ участвовавшихъ въ ней націй, Англичане, Ганноверцы, Голландцы и Австрійцы, дѣйствовала на свой ладъ, оттого что

Война въ Нидерландахъ. Битва при Фонтенуа.

не могли сойтись въ выборѣ главнокомандующаго. Весною Французы отправили болѣе многочисленную армію подъ началомъ маршала Морица Саксонскаго, даровитаго сына Фридриха Августа Сильнаго и графини Авроры Кёнигсмаркъ (XII, 713). Они возымѣли намѣреніе завладѣть удобно расположенною по направленію отъ Турне старою, съ тѣмъ чтобы съ болшею настойчивостью дѣйствовать во время предстоявшихъ мирныхъ переговоровъ. Однако, храбрый и рѣшительный, но мало опытный герцогъ Кумберландскій, любимый сынъ Георга II., командовалъ только Англичанами и Ганноверцами, тогда какъ Австрійцы состояли подъ начальствомъ фельдмаршала графа Кёнигсегга, а Голландцы — князя Вальдекскаго. Такому-то недостатку единодушія со стороны союзниковъ и слѣдуетъ отчасти приписать, что 11. мая 1745. ужасная битва при Фонтенуа, недалеко отъ упомянутой крѣпости, послѣ восьмичасоваго боя завершилась въ пользу Французовъ. Король Людовикъ XV., новая любовница котораго, графиня Шатору, желала видѣть его озареннымъ славою героя, самъ присутствовалъ при битвѣ. Французы воспользовались побѣдою для овладѣнія крѣпостей. Въ теченіе лѣта они подчинили своей власти Турне, Гентъ, Уденарде, Остенде и Ньюпортъ, утвердились въ Геннегау и Фландріи и приняли мѣры для покоренія Брабанта. Однако города Брюссель и Антверпенъ въ теченіе цѣлаго года удерживались Кёнигсеггомъ за собою; но Кумберландъ съ англійскими и шотландскими полками вернулся назадъ черезъ Каналь, съ тѣмъ чтобы въ своемъ родномъ краѣ двинуться противъ болѣе опаснаго врага и подавить послѣднее стюартовское возстаніе, которое противъ ганноверской династіи въ Англии было возбуждено Франціей и Испаніей, а въ концѣ концовъ покинуто ими.

КАРЛЬ СТЮАРТЪ И ВОЗСТАНІЕ ЯКОБИТОВЪ.

Стюарты и шотландскіе горцы.

Извѣстный претендентъ изъ Стюартовъ, котораго папа возвелъ въ кавалеры св. Георгія, который въ глазахъ легитимистовъ и ультрамонтановъ подъ именемъ короля Якова III. слылъ законнымъ державцемъ Великобританіи и Ирландіи, вскорѣ послѣ тщетныхъ попытокъ, добиться „слезами и молитвами“ съ чужеземною помощью утраченнаго наслѣдія своего дома (XII, 664), вступилъ въ Болонью въ бракъ съ Марією Клементиною, внучкою польскаго короля Іоанна Собѣскаго. Невѣста успѣла соединиться съ женихомъ, благодаря лишь тайному бѣгству изъ монастыря въ Инсбрукъ, гдѣ она давно уже содержалась по распоряженію императорскаго двора. Въ послѣдній день наступившаго затѣмъ года она родила въ Римѣ принца, нареченнаго въ крещеніи Карломъ-Эдуардомъ. Пять лѣтъ спустя послѣ того она осчастливила своего супруга вторымъ сыномъ, Герцогомъ Йоркскимъ и Альбанскимъ. При всемъ томъ бракъ не былъ счастливымъ. „Король“ Яковъ часто подавалъ супругѣ поводъ къ ревности и другимъ жалобамъ, такъ что она промѣняла наконецъ дворецъ на монастырь въ Римѣ, гдѣ и скончалась въ 1835 году; она была похоронена въ храмѣ св. Петра о-бокъ съ шведскою королевою Христиною. Мужъ прожилъ послѣ

13. мая 1719.

нея тридцать лѣтъ, болшею частью въ одиночествѣ, въ замкѣ Альбано. На него часто находило искушеніе, воспользоваться правами своего семейства; но у него не хватало ни духа предприимчивости, ни отваги; онъ обладалъ свойствами и добродѣтелями монаха. Совѣтъ инаго пошпа былъ его первенецъ, Карлъ Стюартъ. Надѣленный дарованіями и знаніями, усвоенными имъ благодаря болѣе свободному тщательному воспитанію, пріятнымъ привлекательнымъ обхожденіемъ и рыцарскимъ духомъ и мужествомъ, онъ, какъ казалось, былъ достойнымъ отпрыскомъ знаменитаго рода, судьбы котораго служили какъ бы разительнымъ доказательствомъ исконнаго изреченія, что за злодѣйства отцовъ покажутся дѣти и потомки ихъ. Карлъ едва вышелъ изъ поры отрочества, какъ уже ознакомился при своемъ родственникѣ, герцогѣ Бервикѣ, съ боевою жизнью въ Нижней Италіи; а потомъ, съ цѣлью дальнѣйшаго своего образованія, онъ посѣтилъ города и дворы въ Италіи и Франціи, гдѣ его принимали съ почетомъ и поддерживали въ его честолюбивыхъ замыслахъ. При началѣ войны за австрійское наслѣдство онъ опять находился въ отчьемъ домѣ, въ Римѣ. Тогда-то на материкѣ появились тайные агенты якобитскаго общества въ Шотландіи, съ цѣлью содѣйствовать возстановленію изгнанной королевской фамили. Въ свискѣ членовъ значились высокопоставленныя личности, между прочимъ лордъ Ловатъ, герцогъ Пертскій, графъ Тракверскій, сэръ Яковъ Кемблъ изъ Аунинбрека, лордъ Друммондъ и др. Шотландцы, въ особенности горные кланы все еще помнили, какъ нѣкогда при Стюартахъ они были самостоятельнымъ народомъ, жили подъ собственнымъ управленіемъ; симпатіи къ Стюартамъ пустили у нихъ глубокіе корни, тѣмъ болѣе что съ ними были связаны воспомнанія о многихъ павшихъ за нихъ доблестныхъ жертвахъ. Предписанное правительствомъ обезоруженіе народа они успѣли обойти. Въ одной изъ старыхъ народныхъ пѣсенъ значится: „Спи, мой добрый мечъ, подъ густымъ верескомъ межъ скалъ, гдѣ дремлетъ также честь Шотландіи, пока второй Монрозе или второй Дѣнде не подастъ знака къ возстанію“.

Въ Версалѣ лордъ Мюррей могъ сослаться на существовавшее нѣкогда сорабничество между Французами и Шотландцами и на союзъ Бурбоновъ и Стюартовъ. Прошло однако много времени, пока планъ къ высадкѣ не созрѣлъ; лишь тогда, когда вмѣсто Флѣри кардиналъ Тансенъ вступилъ въ управление государственными дѣлами и любовница короля, герцогиня Шатору, заинтересовалась дѣломъ, приняты были надлежащія мѣры. Карлъ Стюартъ подъ чужимъ именемъ проѣхалъ черезъ Тоскану и Геную во Францію, запасшись притомъ документомъ, которымъ кавалеръ св. Георгія призывалъ жителей Великобританіи къ повиновенію Карлу „какъ непосредственному представителю Нашей королевской особы и дѣйствующему по Нашему полномочию“; сверхъ того — манифестомъ, которымъ за возвратъ къ законнымъ владѣтелямъ сулили Шотландцамъ отмѣну всѣхъ бѣдъ и тягостей, наложенныхъ на нихъ чужеземнымъ управленіемъ, и свободу вѣроисповѣданія. Въ Дункирхенѣ собирались десантныя войска и транспортныя суда, съ тѣмъ чтобы весною выйти въ море; маршалъ Саксонскій имѣлъ сопровождать принца, принаважнаго имя рыцаря Дугласа, а графъ Кейтъ — высадиться въ Шотландіи съ французскими морскими солдатами. Морскія бури однако разстроили это предпріятіе; въ Версалѣ обнадѣживали нетерпѣливаго принца пустыми обѣщаніями, а маршалу Саксу данъ былъ приказъ отправиться въ Нидерланды. Тѣмъ временемъ въ Англии, куда дошла вѣсть о планѣ претендента, уже приняты были мѣры для отпора; берега и гавани строго оберегались, милиція была вооружена, войско усилили, габеасъ-корпусъ-актъ былъ отмѣненъ. Стюартъ слишкомъ годъ тщетно поджидалъ французской помощи; надежды его откладывались все

Карлъ Стюартъ во Франціи.

Дек. 1743.

Мартъ 1744.

болѣе въ дальнее будущее. Тогда-то въ его юной, полной честолюбивыхъ замысловъ груди пробудилась отважная мысль отправиться безъ войска на своей страхъ, съ тѣмъ чтобы съ приверженцами своего дома, которыхъ онъ надѣялся собрать подъ свое знамя, завоевать британское государство. Его рыцарской, пристрастной къ приключеніямъ души льстила мысль самому и одному добиться высшей награды за храбрость. Вѣдь споконъ вѣка говорится: смѣлымъ Богъ владѣетъ. И развѣ въ исторіи войнъ бѣлой и алой розы не проявлялись подвиги чудеснаго романтизма? Красивый, высокаго роста молодой человѣкъ, съ выразительнымъ лицомъ, которому задумчивый видъ придавалъ особенную прелесть, съ голубыми глазами и свѣтлорусыми въ длинныхъ кудряхъ, до плечъ спадавшими волосами, обладалъ тѣлесными и душевными достоинствами, невольно увлекавшими чувство и воображеніе, тѣмъ еще болѣе что съ привлекательной наружностью связаны были обаяніе, какое внушается рожденіемъ, геройскимъ чувствомъ въ бѣдѣ, отважнымъ духомъ предпримчивости.

Переѣздъ и
высадка.

Въ Англіи, въ полбруѣ мѣсяцѣ, герцогъ Ньюкестль и его братъ Пельгемъ смѣнили въ министерствѣ лорда Картерета, и иностранное вѣдомство при лордѣ Гаррингтонѣ преслѣдовало нныя цѣли. Тамъ не вѣрили болѣе въ осуществленіе прошлогодняго плана; дѣятельность была ослаблена, и большая часть полковъ отправлена на материкъ. Пока такимъ образомъ все вниманіе Англіи и Франціи обращено было на Нидерланды, тѣмъ временемъ принцъ путемъ займа и продажи своихъ драгоценностей успѣлъ заготовить небольшими деньгами для закупики оружія; съ помощью вѣселившагося якобита, лорда Вальша, завѣдывавшаго коммерческими дѣлами въ Вестиндіи, онъ приобрѣлъ французскій военный корабль, „Елисавету“, и фрегатъ. На вихрь-то изъ Нантской гавани съ складомъ оружія и нѣсколькими сотнями солдатъ и вѣхали принцъ и его спутники, изгнанные или бѣжавшіе приверженцы Стюартовъ. Атакованная английскимъ судномъ и поврежденная „Елисавета“ вынуждена была вернуться въ Брестъ, такъ что Карлъ и его спутники прибыли къ Гебридамъ почти безоружные и высадились на островокъ Эрискей близъ южнаго Уиста. До отбѣзда своего онъ высказалъ своему отцу рѣшимость, или побѣдить или умереть, но не уступать, пока хоть единый воинъ будетъ биться о-бокъ съ нимъ. Первый пріемъ не ободрялъ: принцу представляли, что безъ посторонней помощи его предпріятіе неминуемо рухнетъ и погубитъ всѣхъ соучастниковъ; ему совѣтовали, какъ можно скорѣе вернуться во Францію. Но твердая настойчивость съ его стороны и мужественная самоувѣренность разсѣяли, наконецъ, всякія сомнѣнія. Съ своими спутниками, „съ семью мужчинами изъ Мойдарты“, онъ высадился на противоположный берегъ и водворился въ укрѣпленномъ замкѣ Бородэлѣ въ самомъ средоточіи горъ. Вскорѣ знаменитые вожди клановъ и якобитовъ, а именно Камеронъ Докельскій, Друммондъ Пертскій, Макдональдъ Кеннокскій, Тюллібардинъ Атольскій, лордъ Элько, два лорда Мюррей и др. вооружились съ цѣлью вступить подъ знамя своего законнаго, такъ довѣрчиво имъ предавагося державца, въ борьбу за исконныя права, за обычаи и уставы отцовъ. Къ тому же примѣшалось еще и религіозное чувство, такъ какъ между горными Шотландцами встрѣчалось много приверженцевъ римской церкви. Въ уединенной долинь Глазфишнѣ до сихъ поръ латинскою надписью отмѣчено мѣсто, гдѣ при пронзительныхъ звукахъ шотландской волынки на пригоркѣ водрузилось королевское знамя Стюартовъ. Недѣлю спустя послѣ того къ Карлу примкнулъ Кюлип, весьма знатный вождь Макферсоновъ въ графствахъ Абердинъ и Инвернесъ, благодаря чему и тестъ его, лордъ Фразеръ Ловатскій, кланъ котораго былъ одинъ изъ самыхъ круиныхъ, также рѣшился выйти изъ

Весна 1745.

2. авг. 1745.

Партія Карла
усиливается.

30. авг. 1745.

своего двусмысленнаго доселѣ положенія и пристать къ инсургентамъ. Въ обращеніи рыцарскаго принца, одѣтаго горцемъ, усвоившаго себѣ нравъ, жинзбѣтъ и даже туземное нарѣчіе, проводившаго среди своихъ соратниковъ ночи, завернувшись въ пледъ, на голой землѣ, въ четыре минуты кончавшаго свою трагезію, утолявшаго свой голодъ зачашую коркою хлѣба— во всемъ этомъ было что-то чарующее для простыхъ и закаленныхъ шотландцевъ горъ и скалистыхъ долинъ. Къ его знаменамъ съ каждымъ днемъ приставали новые приверженцы. Въ особенности же сердца женщинъ неслись къ юному, статному, прекрасному кавалеру. Въ половинѣ сентября Карлъ вступилъ въ городъ Пертъ, близъ котораго находится древній престольный Скоулъ, и велѣлъ здѣсь провозгласить своего отца королемъ Яковымъ VIII. Пресвитеріанскій священникъ въ его присутствіи сказалъ проповѣдь о Исаіи XIV, 1, 2. „Ибо помилуетъ Господь Якова, и снова возлюбитъ Израиля; и поселитъ ихъ на землѣ ихъ, и присоединятся къ нимъ шоземцы, и приидутся къ дому Якова. И (народъ) возьметъ въ плѣнъ плѣннвшихъ его, и будетъ господствовать надъ угнетателями своими“.

14. сентября
1745.

Разсѣявппя по разнымъ укрѣпленіямъ королевскія рати не могли оказать значительное противоѣдѣствіе наиску инсургентовъ. Подкрѣпленный свѣжими силами, Карлъ въ тотъ же мѣсяцъ завладѣлъ Стирлингомъ, знаменитымъ въ исторіи Шотландіи мѣстами Думбленомъ, Баннокберномъ, Линдигто и др. Въ Лондонѣ за голову возмутителя назначили цѣну въ 30,000 фнт. ст.; по настоянію своихъ приверженцевъ Карлъ въ отпѣску назначилъ такую же цѣну за голову Георга II. Въ его рати, когда онъ подошелъ къ столицѣ, насчитывалось до 1500 человѣкъ; противники до того растерялись при его неожиданнымъ появленіи, что назначенные противъ него драгуны по первому выстрѣлу обратились въ послѣнное бѣгство, а разбитая для защиты стѣнъ милиція упала духомъ. Народный юморъ долго еще потѣнялся надъ этою „скачкою у Кольбриджа“. Стюартъ отправилъ изъ своего лагеря у мельницы Грегъ воззваніе къ горожанамъ, требуя мирнаго пріема въ городѣ и ручаясь за цѣлость лица и собственности. Городская дума вступила въ переговоры; но не успѣли еще прійти къ роковому рѣшенію, какъ раннимъ утромъ въ одинъ изъ городскихъ воротъ ворвалась шайка вооруженныхъ горцевъ и выстроилась на рынкѣ. Затѣмъ и самъ принцъ при восторженныхъ кликахъ вѣхалъ въ городъ и расположился въ старомъ королевскомъ замкѣ Голлрудѣ, торжествуя благополучный возвратъ въ отчій домъ.

Въѣздъ въ
Эдинбургъ.

27. сентябрь
1745.

Вскорѣ велѣлъ затѣмъ генералъ Коппъ высадился съ королевскими войсками въ Дюнбаръ и двинулся противъ Эдинбурга. Стюартъ, рать котораго возрасла до 2500 человѣкъ, пошелъ навстрѣчу непріятелю. Послѣдній съ такими же силами расположился у Гаддингтона и селенія Престона, недалеко отъ пустоши Гладсмюиръ. Здѣсь-то въ тумашный октябрьскій день дано было сраженіе при Престонпелль, окончившееся совершеннымъ пораженіемъ королевскаго войска и предавшею всю Шотландію во власть Стюарта. Въ однихъ только цитаделяхъ Эдинбурга и Стирлинга остались еще королевскіе гарнизоны. Оружіе, пушки, военная касса, добычи всякаго рода, и вмѣстѣ съ тѣмъ много плѣнныхъ достались горцамъ. Принцъ съ торжествомъ, при звукахъ старой стюартовской королевской пѣсни, вернулся въ Эдинбургъ, гдѣ его встрѣтили восторженными заявленіями патристическаго чувства. Какъ соревновали теперь жонги и мужья, задавалъ прайднества, изъясняя знаки преданности побѣдителю „гашверскаго курфюрста“. Но никто не могъ лучше и ловче престоискаго побѣдителя воспользоваться искусствомъ нравиться; онъ благосклонно относился къ друзьямъ, кротко и человѣколюбиво къ врагамъ, съ терпимостью къ иномыслимъ. „Принцъ-

Пораженіе
королевск.
войска.

2. окт.

регентъ“, какъ теперь называлъ себя Стюартъ, шесть недѣль пробылъ въ Эдинбургѣ. Въ теченіе этого времени войско егоросло до пяти-шести тысячъ человекъ, хотя нѣкоторые изъ самыхъ могучихъ вождей, а именно Александръ Макдональдъ, лордъ Маклеодъ, Макиннонъ все еще воздерживались отъ соучастія: лордъ Доватъ отправилъ къ Карлу лишь своего сына съ 700 ратниковъ изъ клана, а самъ въ то же время поддерживалъ дружескія сношенія съ королевскимъ лордъ-президентомъ, Дюнканъ Форбесомъ. Благодаря правильнымъ налогамъ, какіе велѣлъ взимать Карль, займамъ, добродетельнымъ приношеніямъ его приверженцевъ и французскимъ субсидіямъ, онъ располагалъ значительными капиталами, назначилъ государственныи совѣтъ и поступалъ уже какъ самодержавный государь. Принцъ обратился къ созванному на 28. октября английскому парламенту съ посланіемъ, въ которомъ, заявивъ свои права, обѣщавъ охранять законы, религію и собственность.

Вступленіе въ Англію. Английская нація вступила нѣкогда съ домогъ ганноверскаго курфирста въ разсудочный бракъ съ извѣстными условіями, причемъ о любви и симпатіи думъ не было и помини. Мы знаемъ однако, какъ многие изъ строптивыхъ якобитовъ были недовольны этимъ биллемъ о наслѣдствѣ. Сравненіе между принцемъ ихъ крови, пустившемся во главѣ семи человекъ на завоеваніе скипетровъ и коронъ, и королемъ чуждаго племени, все-таки нѣмецкимъ курфирстомъ по душѣ, конечно, болѣе благоприятствовало первому и одушевляло приверженцевъ Стюарта даже въ Англии новыми надеждами. А потому духу этого отважнаго предпріятія вполнѣ отвѣчало то, что Карль Стюартъ рѣшился съ своею нѣхотою изъ горцевъ перейти границу и напасть на врага въ его собственной странѣ. Онъ ожидалъ, вѣроятно, что французское правительство выйдетъ, наконецъ, изъ соблюдаемой имъ доселѣ сдержанности и въ добрый часъ явится къ нему на помощь съ кораблями, съ войскомъ и деньгами. Не даромъ же другъ юности его, герцогъ Бульонскій, безустанно хлопоталъ въ его пользу при версальскомъ дворѣ. Стюартъ полагалъ, что съ своими закаленными Шотландцами онъ справится съ смѣшаннымъ, состоявшимся изъ Англичанъ, Голландцевъ и Ганноверцевъ войскомъ, которымъ генералъ Ваде со стороны Ньюкестля охранялъ Нортгумберландъ. Самый починъ сулилъ хороній успѣхъ: гарнизонъ Карлейля сложилъ оружіе и сдалъ какъ городъ, такъ и крѣпость; въ Манчестерѣ приняли принца и его шотландское войско съ изъявленіями восторга; въ Стокпортѣ восьмидесятитрѣхлѣтняя дама, видѣвшая нѣкогда на рукахъ своей матери въѣздъ Карла II, поднесла наслѣднику Стюартовъ всѣ свои сокровища. Тѣмъ временемъ однако Кумберландъ прибылъ изъ Нидерландовъ съ свѣжими войсками; онъ не успѣлъ еще соединиться съ Ваде, а шотландское войско подъ начальствомъ Карла и лорда Мюррейа форсированными, искусно расчитанными маршами перешло уже далеко на югъ,

24. ноября 1745. такъ что въ половинѣ декабря оно вступило въ Дерби. Принцъ въ то же время получилъ извѣстіе о томъ, что лордъ Друммондъ, братъ состоявшаго во французской службѣ герцога Пергскаго, прибылъ съ своимъ полкомъ въ Шотландію и что въ Кале и Дюнкирхенѣ готовятся къ переправѣ десантнаго войска. Не удивительно поэтому, что молодой Стюартъ задесся высренними надеждами и мечталъ уже о въѣздѣ въ Лондонъ. Обуявшій тамъ всѣхъ жителей переполохъ служилъ доказательствомъ, что такой исходъ не казался несбыточнымъ. Всѣ мнили уже видѣть Аннибала у самыхъ воротъ.

Рѣшено отступить. Но въ то самое время, когда Карлу такъ близко казался успѣхъ предпріятія, его военный совѣтъ съ лордомъ Мюррейемъ во главѣ объявилъ, что необходимо отказаться отъ дальнѣйшаго движенія впередъ и начать отступление въ Шотландію. Напрасно принцъ со всѣмъ пыломъ сво-

его краснорѣчія доказывалъ, что такое рѣшеніе равняется полному пораженію, что нравственное впечатлѣніе, которому онъ одолженъ до сихъ поръ своими успѣхами, обратится вслѣдствіе этого противъ него: военачальники упорствовали въ своемъ мнѣніи. Сдержанность английскихъ якобитовъ, обнаруживавшихъ мало охоты жертвовать своимъ достоинствомъ и своею жизнью въ угоду ставшаго для нихъ чуждымъ Стюарта и его горцевъ-вождей,—въ тылу и съ фронта три арміи, каждая вдвое сильнѣе шотландскихъ ратей,—усиленіе партій вигговъ въ самой Шотландіи, а въ Каналѣ и шотландскихъ водахъ двѣ английскія эскадры подъ начальствомъ Вернона и Бинга, готовы воспрепятствовать всякой попыткѣ вражескихъ судовъ и десанту,—эти и другіе вѣскіе доводы казались горцамъ неодолимыми. Они вообще заботились не столько о томъ, чтобы Карль Стюартъ былъ королемъ Великобританіи и Ирландіи, а скорѣе о томъ, чтобы Шотландія вновь могла добиться своей прежней самостоятельности. Итакъ, изъ Дерби началось отступление. Въ дождливые дни подъ исходъ этого года населеніе Макльсфильда, Манчестера, Ланкастера видѣло, какъ тѣ же люди, которые не такъ еще давно съ высренними надеждами на побѣду направлялись къ югу, теперь словно разбитые въ поныхахъ, преслѣдуемые полками Кумберланда, сбѣжили къ сѣверу. Оставивъ въ Карлейлѣ отрядъ английскихъ якобитовъ, принцъ перевелъ своихъ шотландскихъ ратниковъ черезъ разливающуюся пограничную рѣку Эскъ назадъ въ родной край. Нѣсколько дней спустя послѣ того Карлейль сдался королевскому сыну, забравшему солдатъ въ плѣнъ. На шотландской землѣ претендентъ опять опуталъ твердую почву подъ ногами, и въ душѣ его вновь воскресла прежняя самонадѣянность. Этимъ мастерскимъ отступленіемъ шотландская армія доказала свою боевую способность: собранныя съ приверженныхъ королю городовъ Дѣмфрисъ, Глазгоу и др. контрибуціи дали принцу возможность снабдить войско одеждою и другими потребностями; къ нему присоединился лордъ Друммондъ съ своимъ полкомъ, другіе горцы дополнили ряды; вскорѣ онъ былъ въ состояніи вывести 9000 воиновъ противъ английскаго полководца Гауле, который пріявалъ начальство на мѣсто стараго мѣшкотнаго Ваде и вновь окружилъ Эдинбургъ. На прославленныхъ въ шотландской исторіи поляхъ *Фалькирка* дѣло вскорѣ дошло до битвы; она окончилась поражениемъ Гауле. Четыреста воиновъ его пали отъ мечей „горной сволочи“, которую принцъ и оба его полководца, Георгъ Мюррей и лордъ Друммондъ, въ дождь и зимнюю бурю повели въ бой.

Фалькирскал побѣда оказалась однако бесплодною для претендента. Между обими его военачальниками, Друммондомъ и Мюррейемъ, возникла вражда; многие изъ горцевъ ушли на родину, съ тѣмъ чтобы, какъ водилось у нихъ, прибрать добычу въ надежное мѣсто, а изъ-за убійства одного изъ сыновей племеннаго вождя Глингерри два клана питали другъ противъ друга кровавую месть. Когда поэтому осада укрѣпленнаго замка Стирлинга оказалась безуспѣшною и узнали, что непріятель въ Эдинбургѣ все болѣе усиливается, когда сверхъ того подъ вліяніемъ дурной погоды ратники лишились мужества и самоувѣренности, то армія опять принудила Стюарта отвести ее въ горы, съ тѣмъ чтобы запастись тамъ свѣжими силами и въ болѣе благоприятное время года вновь открыть военны дѣйствія. Требованіе было рѣшительное и всеобщее, такъ что противникъ этому было немислимо. Въ половинѣ февраля войско Стюарта выступило изъ Стирлинга, съ тѣмъ чтобы двумя разными путями направиться въ главный городъ Инвернесъ. Въ то же самое время въ Эдинбургъ прибылъ сынъ английскаго короля, герцогъ Кумберландскій и пріявалъ главное пачальство. Эти два принца однихъ лѣтъ явились передовыми бой-

Битва при Фалькиркѣ 28. января 1746.

Отступление къ Инвернесу.

14. февралъ 1746.

цами двухъ политическихъ и религиозныхъ принциповъ, но рѣзко отличались другъ отъ друга какъ по наружному виду, такъ и по правамъ и свѣтскому образованию.

Битва при
Кюллодинѣ.

Карлъ слѣшкомъ два мѣсяца пробылъ въ Ивернесѣ и Моѣ; симпатіи народа еще не потухли; въ немъ сохранились еще романтическія черты; такъ напр., хитростью и преданностью леди Макферсонъ разстроено было нападеніе на Моѣ. Какъ бывало въ Единбургѣ, такъ точно и въ Ивернесѣ принцъ на праздникахъ и балахъ успѣлъ очаровать прекрасный полъ, а на охотѣ и на полковыхъ ученіяхъ привязать къ себѣ рыцарское дворянство клановъ. Однако положеніе его съ каждымъ днемъ становилось опаснѣе: деньги и съѣстные припасы истощались, французскіе корабли, предназначенные доставить ему подкрѣпленіе, попались болѣею частью во власть Англичанъ; послѣ горькихъ испытаній въ Дерби и Стирлингѣ онъ потерялъ довѣріе къ горцамъ и отдавалъ преимущество приставшимъ къ его знаменн ирландско-французскимъ воинамъ. Совершенно въ иныхъ условіяхъ оказалось англо-нѣмецкое войско, которое Кумберландъ въ первые весенніе дни повелъ изъ Единбурга въ Абердинъ. Въ Ивернесѣ солдаты рады были „получить изъ арендаторскаго огорода хоть сколько-нибудь канутовыхъ листьевъ“, тогда какъ у враговъ всего было въ избыткѣ. Съ обѣихъ сторонъ жаждали рѣшительнаго исхода. За этимъ дѣло не стало. Въ апрѣлѣ королевскія войска, переправившись черезъ быстрый горный потокъ Спе, расположились въ сѣверномъ приморскомъ городѣ Нерифи и его окрестностяхъ. Между этимъ городомъ и Ивернесомъ, на холмистыхъ поляхъ Кюллодина завязалась битва. Карлъ все еще въ состояніи былъ выставить шесть тысячъ закаленныхъ и воинственныхъ горцевъ, готовыхъ жертвовать жизнью за короля Якова VIII и принца Барла Стюарта. Однако почной переходъ подъ бурей и дождемъ, цѣликомъ по болотистой почвѣ, съ цѣлью застичь непріятеля въ располхѣ, не удался; воины поневолѣ толпами вернулись въ Кюллодинъ, куда и прибыли раннимъ утромъ голодные, изнуренные и до смерти усталые. По совѣту лорда Мюррейа слѣдовало бы отсрочить битву и занять укрѣпленную позицію; но мысль объ отступленіи была въ душѣ ненавистна принцу: онъ приказалъ выстроиться. Тамъ началась *битва при Кюллодинѣ*, до сего дня воспѣваемая горцами въ эпическихъ плачевныхъ лѣсняхъ. Самъ принцъ безстрашно подвергался опасности, центръ его войска и правое крыло отважно ворвались въ ряды непріятеля; не смотря на то численное превосходство и лучшее вооруженіе королевскихъ полковъ, причѣмъ гессенскіе наемники выказали свою испытанную храбрость, а сверхъ всего этого еще упорный отказъ Макдональдъ вступить въ битву на лѣвомъ крылѣ, оттого что имъ не дали требуемаго почетнаго мѣста на правомъ,—эти и другія обстоятельства все вмѣстѣ были причиною совершеннаго пораженія Стюартова войска. Поле битвы покрылось убитыми и ранеными; все орудія и весь багажъ горцевъ достался непріятелю. Разбитыя рати болѣе или менѣе стройными отрядами достигли Ивернеса и дружныхъ укрѣпленныхъ мѣстъ, а раненый въ ногу принцъ сперва пользовался убѣжищемъ въ замкѣ лорда Ловата, а потомъ поѣхалъ къ берегу. Проскакавъ верхомъ съ небольшими лишь остановками три дня и три ночи, Карлъ съ тремя спутниками остановился близъ Мойдарты, тамъ же гдѣ за десять мѣсяцевъ передъ тѣмъ онъ выплылъ на берегъ. Георгъ Мюррей собралъ въ Рутвенѣ около тысячи двухъ сотъ бѣглецовъ и пригласилъ принца еще разъ попытать свое счастье. Послѣдній однако потерялъ всякую надежду; онъ совѣтовалъ всѣмъ разойтись и позаботиться о собственной безопасности; а самъ намѣренъ былъ возвратиться во Францію и просить свѣжей помощи. Карлъ не разъ уже клялся, что онъ или

27 апрѣля
1746.

1 мая 1746.

побѣдить, или умереть; первое ему не удалось, а на второе у него не хватило Катюнова мужества, геройскаго духа древнихъ временъ. Онъ не отважился въ рѣшительной битвѣ встрѣтиться съ смертью лицомъ къ лицу; а теперь подвергался опасности, опальнымъ бѣглецомъ попасть въ руки врага и подвергнуться позорной казни. Однако судьба предохранила Стюарта отъ такой крайности: вѣрность и приверженность, чудеснымъ образомъ спасшія нѣкогда Карла II. въ подобномъ положеніи, еще не совсемъ исчезли. Въ дождь и бурю онъ съ нѣсколькими сподвижниками былъ перевезенъ въ утлой ладѣ Макдональдомъ Бородалскимъ на одинъ изъ маленькихъ Гебридскихъ острововъ; тамъ бѣглецы расположились на голой землѣ, утоляя голодъ простымъ ячмымъ хлѣбомъ. Бѣдствуя и во всемъ нуждаясь, они нѣсколько дней прожили на маленькихъ островахъ подъ чужимъ именемъ, выдавая себя за потерявшихъ крушеніе торговцевъ, для того чтобы назначенная за голову Карла высокая награда не соблазнила алчности бѣднаго населенія. Наконецъ-то вѣрному спутнику Маклеоду удалось въ Сторновеѣ, въ гавани острова Люиса, нанять судно; на немъ-то принцъ и товарищи его, преодолевъ чрезвычайныя опасности, препятствія и заключенія, добрались до южнаго Угста. Нуждаясь зачастую въ самыхъ необходимыхъ вещахъ, Карлъ спасался съ своими спутниками съ одного острова на другой, отъ скалы къ скалѣ, мучимый голодомъ и жаждою, подвергаясь холоду, непостояннымъ бурямъ и дождевымъ потокамъ, находясь въ постоянной опасности попасть въ руки враговъ, рыскавшихъ по сушѣ и по морю и порывавшихся заслужить обѣщанную награду. Онъ то и дѣло, днемъ и ночью мѣнялъ свое пребываніе. Благодаря привязанности якобитскаго семейства Кланреналда и другихъ приверженцевъ, а также—самоотверженной преданности Флоры Макдональдъ, онъ послѣ долгихъ блужданій отправился наконецъ, въ платьѣ ирландской работницы п прихв, на островъ Скей. Но и тутъ также ему нельзя было долго скрываться; онъ опять перебрался на твердую землю въ Шотландіи, гдѣ все лѣто и осень провелъ въ глуши сѣверо-западнаго побережья, скрываясь у лѣсовичковъ, но оврагами и горнымъ ущельямъ, а не то въ домахъ преданныхъ ему якобитовъ, причѣмъ отъ поисковъ шпіоновъ и гонителей. Наконецъ-то ему удалось въ Бородалѣ при Лохнануагѣ добраться до фрегата, присланнаго на выручку французскимъ правительствомъ. На этомъ, какъ нарочно именемъ „Счастливыи“ прозванномъ кораблѣ Карлъ Стюартъ, сопровождаемый сотнею опальныхъ якобитовъ, присталъ къ Морле въ Бретань. Никакой романъ, никакія вымыслы поэзи и фантази не изобилуютъ такими чудными приключеніями и превратностями, такими опасностями и спасеніями героевъ или проходивцевъ, такими трогательными чертами вѣрности и преданности, отвагою и хитрыми выдумками, какими исполнена повѣсть о жизни претендента Карла Стюарта въ теченіе шести мѣсяцевъ, начиная отъ битвы при Кюллодинѣ до его прибытія ко двору Людовика XV. въ Версалѣ. И никогда, даже голодный и изнуренный, лежа въ лохмотьяхъ на сырой землѣ, спасаясь въ тундрахъ и пещерахъ отъ опасности быть захвачену, никогда его не покидало веселое настроеніе, никогда онъ не падалъ духомъ. Какъ часто бывало удавалось ему какою-нибудь шотландскою народною пѣсню разсѣять страхъ и тревогу своихъ спутниковъ и спасителей.

Эта личность не мало способствовала тому, что преданные горцы такъ долго сохраняли память о послѣднемъ отпрыскѣ древняго королевскаго рода, что, тоскуя въ задушевныхъ и скорбныхъ пѣсняхъ, они оплакивали трагическій исходъ возстанія, которымъ завершалось старое время и благодатному которому пролито много крови въ родную землю. Съ его личностью

Бѣгство и
спасеніе
Карла.

30. сент.
1746.

10. окт. 1746.

Окончательная
участъ Карла.
Выморокъ
Стюартовъ.

связано было все историческое прошлое, все уряды и обычаи ихъ прежняго жизне-быта; и все это было сокрушено суровою рукою побѣдителя, — вотъ что этому исходу и придало трагическій отпечатокъ. Храброму Стюарту въ полной мѣрѣ достались симпатіи, служащія идеальному наградю всякому доблестному предпріятію. Даже во Франціи сначала онъ былъ героемъ дня: король принялъ его съ почетомъ; благодаря ходатайству маркизы Помпадуръ, ему назначена была пожизненная рента въ 200,000 ливровъ; придворные и аристократическіе кружки оказывали ему лестное вниманіе; но какъ въ Парижѣ, такъ и въ Мадридѣ, куда онъ отправился, съ тѣмъ чтобы склонить на свою сторону новаго короля Фердинанда VI, политическія расчеты взяли верхъ надъ романтическими чувствами. Англійское правительство поставило условіемъ мира, чтобы Франція впредь не только лишила претендента всякаго пособия, но возбранила ему даже пребываніе въ краѣ; такъ какъ Карла не могли уговорить, чтобы онъ отрекся отъ своихъ правъ и притязаній и призналъ ганноверское наслѣдіе, то его малодушно предали. По королевскому приказу его арестовали въ оперѣ и отвезли въ Венсенъ, а по истеченіи недѣли вывезли за границу съ тѣмъ, чтобы онъ водворился по ту сторону Альпъ. Съ этой поры родъ Стюартовъ не принималъ болѣе никакого дѣятельнаго участія въ историческихъ событіяхъ. Младшій братъ Генрихъ вступилъ въ духовное званіе и умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ подъ именемъ кардинала Юрка (+ 1807); отецъ его, кавалеръ св. Георгія, прожилъ въ Римѣ въ мрачномъ уединеніи, пока, наконецъ, 1. января 1766 г. смерть не положила предѣла его бездѣятельной жизни. Самъ Карлъ наступивше затѣмъ года провелъ въ путешествіяхъ по разнымъ странамъ, питая все еще тщетную надежду, что благоприятныя обстоятельства когда-нибудь да возведутъ его на престолъ Великобританіи. Разъ онъ покусился даже захватить въ самый Лондонъ! Однако онъ предался распутной жизни, чѣмъ и умалилось внутреннее его отважнымъ предпріятіемъ и романтическимъ спасеніемъ сочувствіе къ нему. Проживъ долгое время съ дочерью шотландскаго якобита, Клементиною Валькеншоу, поступившею по простствіи нѣсколькихъ лѣтъ съ дочерью въ парижскій монастырь, Карлъ водворился окончательно подъ именемъ графа Альбаскаго во Флоренціи и 17. апрѣля 1772 вступилъ въ бракъ съ двадцатилѣтнею княгинею Луизой фонъ Штольбергъ-Гедернъ. Бракъ былъ несчастливый; по простствіи нѣсколькихъ лѣтъ супруги разошлись, а затѣмъ воспослѣдовалъ законный разводъ. На супружескій разводъ, какъ кажется, помимо пьянства, которому Стюартъ предавался все сильнѣе, имѣла вліяніе также страстная любовь, какую поэтъ Альфиери питалъ къ графинѣ и на которую та отвѣчала. На закатѣ дней Карлъ становился все задумчивѣе, грустнѣе и раздражительнѣе; въ его душѣ часто возникало воспоминаніе о его шотландскихъ друзьяхъ и паводило на него грусть и печаль. Въ Римѣ, куда Стюартъ прибылъ по желанію папы Пія VI, онъ 31. января 1788 умеръ отъ удара. Кромѣ упомянутой дочери отъ Клементины Валькеншоу, не признанной впрочемъ братомъ его, Карлъ не оставилъ по себѣ никакихъ дѣтей. Тѣло его было похоронено въ соборѣ во Фраскати. Въ этомъ же городѣ 13. іюля 1807 скончался также Генрихъ Стюартъ, кардиналъ, послѣдній мужской потомокъ древняго королевскаго рода; походя болѣе на отца и дѣда, онъ никогда не предъявлялъ династическихъ правъ и притязаній, предпочиталъ небесный вѣнецъ земному. Монументъ изъ каррарскаго мрамора въ храмѣ Петра посвященъ Кановою памяти послѣднихъ Стюартовъ.

Уголовная
расправа.

Пока Карлъ блуждалъ по Гебридамъ и горнымъ пустынямъ, въ то же время мѣстность при Кюллодинѣ и Инвернесѣ и дальнія ущелья горъ

служили поприщемъ самыхъ яркъ военныхъ ужасовъ и жажды мести. Раненые и плѣнные разстрѣливались массами, „солдатъ какъ бы снѣжила облегчить палачу его трудъ“; весь край, на пятьдесятъ миль кругомъ, былъ обращенъ въ пустыню, жители побивались, жены и дочери изнасиловались на трупахъ ихъ родныхъ, скотъ и имущество захватывались въ добычу. Затѣмъ послѣдовали казни по суду, по свирѣлости и жестокости не уступавшія кровавымъ расправамъ Джефриса при Іаковѣ II. Якобитскій гарнизонъ, какъ офицеры, такъ и рядовые, сдавшійся нѣкогда въ Карлейлѣ, осужденъ былъ на висѣлицу; лордъ Доватъ, котораго вытащили изъ дуллистаго дерева, мужественный лордъ Бальмерино, который на эшафотѣ еще, на „послѣднемъ своемъ изголовьи“, провозгласилъ здравицу въ честь „короля Іакова“, лорды Кильмернокъ, Радклиффъ изъ Дервентватера и др. были обезглавлены. У всѣхъ городскихъ воротъ торчали отрубленныя головы и другія части тѣла, во всемъ краѣ стояли висѣлицы съ человѣческими остовами. Конца не было казнямъ и конфискаціямъ; темницы отъ Эдинбурга и до Лондона наполнились якобитами. Угнетенные и гонимые въ скорбныхъ пѣсняхъ изливали свое грустное и тоскливое настроеніе. Много лѣтъ спустя послѣ того Карлъ Стюартъ на своей вилиѣ подъ Флоренціей въ музыкальномъ вечернемъ собраніи услышалъ однажды трогательный напѣвъ пѣсни, которую Лохелевъ братъ пѣлъ въ тюрьмѣ передъ своею казнью (Well may be return to Lochaber no more *), и душа его была до того потрясена, что онъ залился слезами. Память о послѣднемъ патріотическомъ возстаніи и о несчастномъ королевскомъ сынѣ какъ ненарушимое завѣщаніе переходила изъ рода въ родъ. Когда Флора Макдональдъ послѣ долгаго заключенія вернулась на родину, то ее чтили и прославляли, тогда какъ Джонъ Мюррей, секретарь принца, искупившій жизнь измѣнительскими показаніями, былъ покрытъ всеобщимъ народнымъ презрѣніемъ и провелъ остатокъ дней своихъ въ позорѣ. — Англійское правительство не довольствовалось однако тѣмъ, что подавило стюартовское возстаніе; ему хотѣлось предотвратить и на будущее время всякую возможность подобнахъ смуть. На такой конецъ были уничтожены прежнія ленныя связи, отмѣнены патріархальные учрежденія и порядки; Шотландія была тѣснѣе приурочена къ Англии. Парламентскимъ актомъ отмѣнилось дворянское право наслѣдственнаго суда, запрещалось носить оружіе и военную одежду. Исконныя условія и общины клановъ въ шотландскомъ нагоры скоро стали историческимъ лишь преданіемъ. Многие жители выселились и прискивали себѣ на материкъ, во Франціи, на Пирнейскомъ или Аппенинскомъ полуостровахъ, а не то въ другихъ мѣстахъ, новую родину. Страна, благодаря чужеземному искусству и новымъ поселенцамъ, стала лучше воздѣлываться, культура и благосостояніе поднялись, однако, какъ замѣчаетъ Шлоссеръ, вдумчивый и одинокій наблюдатель, сѣтовать на то, что вся поэзія жизни уступила мѣсто деньгамъ. „Счастливые въ былое время, хотя и очень бѣдные васаллы помѣщиковъ вынуждены были по простствіи нѣсколькихъ лѣтъ предоставить излюбленную почву новымъ рачительнымъ арендаторамъ; скорбѣя разстались они съ могилами отцовъ и съ воспоминаніями старины, съ тѣмъ чтобы въ Америкѣ обрѣсть свободу безъ исторіи, благоденствіе безъ поэзіи. Съ патріархальнымъ и дикимъ бытомъ изсякъ геройскій духъ, исчезла жизнь бѣдности и естественной простоты; деньги стали вездѣ единственною цѣлью стремленій, и теперь отъ береговъ Тибра и до острова Фулы на крайнемъ сѣверѣ только одни деньги имѣютъ значеніе, господствуетъ одна только пошлая нажива“.

*) Не возвратиться мнѣ болѣе въ Лохаберъ.

5. исходъ войны и ахейскій миръ.

Война въ Верхней Италіи 1746.

Послѣ Фюссенскаго договора и Дрезденскаго мира война въ Германіи на дѣлѣ прекратилась. Благодаря этому, вѣнское правительство въ состояніи было съ большими силами выступить противъ враговъ въ Италіи и Нидерландахъ. Мы знаемъ уже, что весной 1746 почти вся Верхняя Италія, за исключеніемъ нѣсколькихъ крѣпостей, находилась во власти бургонской арміи и что имѣлось уже въ виду, совершенно вытѣснить Австрійцевъ изъ Италіи; Карла Эмануила, всегда готоваго пристать къ той сторонѣ, которая сулила наибольшихъ выгодъ, старались обещаніемъ доли въ добычѣ привлечь къ француско-испанской политикѣ. Этотъ планъ могъ бы разстроиться, еслибъ императорскія войска въ Италіи быстро и энергично двинулись впередъ и такимъ успѣшнымъ натискомъ понудили сардинскаго короля отказаться отъ шаглаго двусмысленнаго положенія и придерживаться Вормскаго договора. Благодаря тактикѣ фельдмаршала Броуна, хотя и подчиненнаго князю Лихтенштейну, но далеко превосходившаго его въ военномъ и стратегическомъ искусствѣ, Австрійцы въ битвѣ при Пиаченцѣ одержали рѣшительную побѣду надъ француско-испанскими войсками, заняли герцогство Парму и проникли на западъ, съ тѣмъ чтобы освободить отъ непріятели Ломбардію и Пьемонтъ. Карлъ Эмануилъ, участвуя въ битвѣ, предоставилъ однако главное дѣло императорскимъ войскамъ. Послѣ прежнихъ неудачъ вѣсть о побѣдѣ возбудила въ Вѣнѣ радостное высреннее настроеніе. Теперь намѣревались какъ можно энергичнѣе приняться за внутреннихъ враговъ. Нѣсколько аристократическихъ домовъ въ Миланѣ, съ графиней Кле-дией Борромео и ея племянникомъ княземъ Мельци во главѣ, оказывали содѣйствіе испанскому господству и строили козни противъ Маріи Терезіи. Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агентовъ этой партіи, пронырливый графъ Бианкани, былъ тамъ казненъ на Корсо. — Вскорѣ послѣ битвы Лихтенштейнъ покинулъ команду. Слѣдовало бы ожидать, что на его мѣсто главнокомандующимъ назначать Броуна; но вслѣдствіе педаптично соблюдаемой въ имперіи табели о рангахъ младшимъ по чину, хотя бы и заслуженнымъ начальникамъ трудно было пробиться сквозь обычный рядъ производства въ цѣпи военной іерархіи. Такимъ-то образомъ главное начальство перешло къ престарѣлому маркизу Ботту д'Адорно, разыгравшаго уже на дипломатическомъ поприщѣ столь жалкую роль. Не смотря на то въ дру-

16. іюнь 1746.

26. ноябрь 1746.

10. авг. 1746.

велъ себя такъ, что ему все еще открытъ былъ путь къ соглашенію съ союзниками; благодаря чему бургонское войско и могло отступить въ порядкѣ къ Тортогѣ и удержаться въ этой крѣпости.

Тѣмъ пуще за то пострадала Генуя за свое присоединеніе къ испанско-францускому сорагничеству. Тщетною оказалась софистическая попытка снѣборин, оправдаться передъ австрійскими военальниками тѣмъ, будто республика подала помощь союзникамъ изъ опасенія за свое владѣніе Финале, которому угрожали-де завоевательные замыслы Карла Эмануила: Броунъ взявъ приступомъ Боккетту, послѣ чего гордая приморская республика, управляемая бездушною олигархіею, вынуждена была покориться суровымъ и унижительнымъ условіямъ, вознаграждать военныя издержки и помѣстить у себя австрійско-сардинскій гарнизонъ. Дождь и сенаторы должны были всенародно извиниться и счесть еще за милость, что императрица не настаивала, подобно Людовику XIV въ былое время, на томъ, чтобы этотъ актъ уничтоженія совершился во дворцѣ въ Вѣнѣ, а лишь передъ лицомъ ея намѣстника, главнокомандующаго Ботты въ Генуѣ. Этотъ маркизъ самъ былъ изъ рода генуезскихъ патриціевъ, блиставшаго нѣкогда въ золотой книгѣ республики. Отецъ его, подозрѣваемый въ преступленіи, былъ присужденъ къ смертной казни и лишенію имущества, но успѣлъ спастись бѣгствомъ. Вслѣдствіе этого сынъ таймъ въ душѣ сильную злобу противъ роднаго города своихъ предковъ и воспользовался своимъ положеніемъ, чтобы отомстить господствовавшей аристократіи и въ связи съ крисъ-коммиссаромъ чинить чрезвычайныя притѣсненія. Военная контрибуція, которую возвысили до трехъ милліонновъ дженовиновъ (9 милліонновъ гульденовъ), была заимствована у банка Санъ-Джорджіо, куда отдавали свои сбереженія менѣе достаточные жители; сверхъ того потребовались еще значительныя суммы на зимнія квартиры для войска; грубыя выходки и насилія со стороны гарнизонныхъ солдатъ оставались безнаказанными; склады и магазины были опустошены. Карлъ Эмануилъ питалъ такую же ненависть къ враждебному городу; по его вызову англійскій военный корабль остановился передъ гаванью и грабилъ входившія суда. Побѣдоносные враги хотѣли заставить генуезцевъ до дна испить горькую чашу позора и гнета. Господствовавшіе нобили поневолѣ терпѣли неистовства чужеземцевъ, но въ сердцахъ простолюдинъ накопились ярость, негодованіе и отчаянье, что въ свое время должно было обнаружиться въ проявленіяхъ мести и злобы.

Тогда-то на военномъ совѣтѣ прагматическихъ державъ рѣшено было, чтобы австрійско-сардинское войско предиринило набѣгъ на Провансъ и городъ Тулонъ. На такой конецъ фельдцейгмейстеръ Броунъ съ болѣею частью императорскихъ полковъ въ связи съ сардинскими ратями и двинулся вдоль по берегу; захвативъ Ментону и Ниццу, онъ перешелъ черезъ пограничную рѣку Варъ и готовился уже осадить Антибъ. Пока передъ

Покореніе и наказаніе Генуи.

2. сент. 1746.

Возстаніе Генуезцевъ.

30. ноября 1746.

стѣнами французской крѣпости онъ ожидалъ орудія изъ Генуи, въ этомъ городѣ, гдѣ Ботта остался съ незначительнымъ лишь гарнизономъ, 5. дек. 1746. вспыхнуло народное возстаніе, грозившее уничтожить всѣ плоды одержанныхъ побѣдъ. Городское начальство пыталось было возстановить спокойствіе, а можетъ быть дѣлало это только для виду; какъ-бы то ни было, но оно оказалось безсильнымъ; толпа подъ веденіемъ избраннаго ею самою народнаго совѣта овладѣла спрятанными въ домахъ оружіями, разставила у воротъ и на возвышенныхъ мѣстахъ нѣсколько оставленныхъ здѣсь пушекъ, и воздвигла брустверы и баррикады. Находившіеся въ городѣ въ качествѣ военнопленныхъ офицеры и солдаты присоединились къ возставшимъ и руководили нападеніемъ; сельское населеніе послѣдовало примѣру горожанъ и препятствовало подачѣ вооруженной помощи извнѣ. Ботта вступилъ съ сенатомъ въ переговоры и соглашался на уступки; однако спѣшныя, поступавшіе прежде такъ трусливо и подло, теперь вдругъ оказались очень храбрыми и притязательными; главнокомандующій поэтому прервалъ переговоры и рѣшилъ прибѣгнуть къ силѣ. Но вотъ, съ колоколенъ разнесся набатный звонъ, закаленные и храбрые окрестные жители толпами устремились въ городъ, многие военные, даже изъ высшихъ классовъ примынули къ возставшимъ, которые захватили разставленные при Молѣ Векчи, у Понте Реале, при Дарсенѣ оружія. Ботта окончательно растерялся. Въ Санъ Пьеръ д'Аренѣ состоялся военный совѣтъ, которымъ рѣшено было отступить. понесши сильныя потери въ стычкахъ, гарнизонъ 10. дек. отдѣльными отрядами достигъ Гави и Нови; онъ даже Боккетту не могъ удержать за собою; Генуя была свободна; народъ восторгался своею побѣдою; даже сто лѣтъ спустя послѣ того Генуезцы праздновали день изгнанія Австрійцевъ изъ города.

13. дек. 1746.

Осадная война въ окрестностяхъ Генуи. Извѣстіе о потерѣ приморской республики возбудило въ Вѣнѣ крайнее неудовольствіе; императрица въ особенности была сильно разсержена. Она отклонила всякое посредничество и приказала, чтобы всѣми силами приступили вновь къ овладѣнію «мятежнымъ» городомъ. Ботта, котораго считали главнымъ виновникомъ невзгоды, оттого что, раздраживъ сначала населеніе своею заносчивостью, онъ потомъ упустилъ изъ виду всякія мѣры предосторожности, былъ по разстроенному здоровью отрѣшенъ отъ команды и замѣненъ фельдцейгмейстеромъ графомъ фонъ-Шуленбургомъ. Однако вскорѣ сказалось нравственное впечатлѣніе этого событія: оно вообще парализовало военныя дѣйствія Австрійцевъ въ Италиі. Благодаря перемѣнѣ команды, прекратился, правда, разладъ съ Карломъ Эмануиломъ, который сѣтовалъ на императорскаго фельдмаршала Ботту за то, что по взятіи Генуи онъ лишилъ его участія въ добычѣ и торжествѣ; теперь же король изъявилъ готовность защищать Савону отъ нападений инсургентовъ и поддержать фельдмаршала Броуна передъ Антибомъ, доставивъ ему оружіе и солдатъ; не смотря на то, не могли привести въ исполненіе военный планъ въ южной Франціи, ни даже овладѣть Антибомъ и Тулономъ. Принявъ на мѣсто Мелльбеуа главное начальство надъ усиленной южною арміей, герцогъ Бель-Иль оживилъ мужество и предприимчивый духъ солдатъ и, благодаря своему дипломатическому искусству, побудилъ къ болѣе ревностному содѣйствію

испанскаго полководца Ласъ Минаса, который изъ ненависти къ Мелльбеуа мало споспѣшествовалъ военнымъ операціямъ Французовъ. По движеніямъ непріятеля Броунъ скоро могъ убѣдиться въ томъ, что имѣется въ виду, отрѣзать отъ Италиі австрійско-пьемонтское войско и подавить его превосходствомъ силъ. Онъ снялъ поэтому осаду Антиба и спѣшилъ предупредить непріятеля, переправившись черезъ Варъ. Онъ въ порядкѣ совершилъ отступленіе черезъ эту пограничную рѣку. Австрійцы подъ начальствомъ Шуленбурга тѣмъ временемъ пытались вновь захватить мятежную Геную. При безурядицѣ въ городѣ, гдѣ низшіе и средніе мѣщанскіе классы вздорили съ аристократіей, а народный совѣтъ съ сенатомъ, гдѣ какъ городская, такъ и сельская милиція лишена была всякой военной организаціи, австрійскимъ полкамъ, собраннымъ въ Нови Шуленбургомъ, легко было бы преодолѣть городъ, еслибъ дѣла не велись такъ мѣшкотно и неумѣло. Пока Броунъ и Шуленбургъ препирались изъ-за главнаго начальства, пока гоффригератъ порѣшилъ наконецъ на томъ, чтобы первый завѣдывалъ высшею командою надъ всѣми войсками въ Верхней Италиі, и чтобы Шуленбургъ съ одною частью арміи самостоятельно продолжалъ осадныя дѣйствія противъ Генуи, тѣмъ временемъ Бель-Иль и Ласъ Минасъ, занявшіе зимнія квартиры въ Ницѣ, успѣли доставить Генуезцамъ вспомогательное войско, деньги и оружіе. Эти подкрѣпленія въ связи съ военно-плѣнными, которые были насильно, какъ они увѣряли, задержаны инсургентами, внесли планъ и порядокъ въ оборонительную войну. Нападеше, предпринятое Шуленбургомъ съ берега, не удалось вслѣдствіе мѣстныхъ препятствій. Нѣсколько дней спустя послѣ того герцогъ Буффлеръ, одинъ изъ знатнѣйшихъ дворянъ, проникъ съ нѣсколькими французскими офицерами въ приморскій городъ и обѣщалъ ему защиту отъ короля. Тогда наконецъ императорское правительство стало побуждать Карла Эмануила къ болѣе дѣятельному содѣйствію, обѣщая ему по новому договору половину всей ожидаемой прибыли землями и добычею; благодаря этому, теперь можно было настойчивѣе нападать съ востока и съ запада; однако предпріятіе это также рушилось вслѣдствіе приближенія французско-испанской арміи подъ начальствомъ Бель-Иля и Ласъ Минаса; они сперва принудили австрійскій гарнизонъ на островѣ Маргариты сдать ее на капитуляцію, а потомъ вдоль Ривьеры черезъ Мантую и С. Ремо двинулись прямо къ республиканской области. Шуленбургъ снялъ осаду Генуи и отвелъ войска и орудія въ Нови. Итакъ, республика избавилась наконецъ отъ мстительныхъ замысловъ разгнѣванной императрицы.

Французско-испанская армія между тѣмъ вступила въ Италию. Съ Цѣли по результату восторжествовавшаго на престолѣ Фердинанда VI въ Мадридѣ честолюбивая татя италийской королевы Елисавета лишилась того всемогущаго вліянія, какимъ она пользовалась въ царствованіе ея королевскаго супруга, Филиппа V.;

3. февр. 1747.

11. апрѣля 1747.

30. апрѣля.

Май 1747.

Іюнь.

18. іюля 1747.

широкіе замыслы, присоединить къ испано-бурбонскому дому также австрійскія владѣнія въ Средней и Верхней Италіи, были покинуты. Всѣ стремленія мадридскаго двора ограничивались теперь лишь тѣмъ, чтобы для инфанта донъ Филиппа приобрести герцогства Парму и Пиаченцу. Дѣло въ томъ, что Фердинанду хотѣлось бы удалить отъ двора своего единоутробнаго брата. А потому Ласъ Минасу поручено было не слишкомъ настойчиво вести войну противъ Австріи, лишь бы побудить императрицу согласиться на сказанную уступку. Въ Версальѣ тоже нечего было думать болѣе о томъ, чтобы разгромить Австрію и императорскую корону приурочить къ новому дому, съ тѣхъ поръ, какъ Францъ I. короновался во Франкфуртѣ. Имѣлось лишь въ виду удержать за собою Лотарингію, сохранить свое значеніе и вновь утвердившійся военными дѣйствіями политическій перевѣсъ, создать на границахъ дружественныя сосѣднія области. На такой конецъ пуще всего и хотѣли силою оружія возстановить французскій перевѣсъ въ Верхней Италіи. Потому-то подерживалась Генуа и настойчивѣе велась война противъ Карла Эмануила съ цѣлью, отвлечь его отъ союза съ Австріею. Тогда какъ Бель-Иль двинулся вдоль по берегу, въ то же время младшему брату его поручено было съ отрядомъ арміи черезъ Монъ-Женевръ проникнуть въ Эксилье и Сузу, а оттуда въ Туринъ. Но Коль д'Ассъетъ охранялся сардино-австрійскими ратями, занявшими укрѣпленное шанцами мѣсто на крутой горной вершинѣ. Желая блистательнымъ боевымъ подвигомъ заслужить маршальскій жезлъ, храбрый начальникъ хотѣлъ, вопреки совѣту своихъ офицеровъ, взять окопы приступомъ; въ этомъ сумасбродномъ дѣлѣ пало 5000 храбрыхъ воиновъ, и вмѣстѣ съ ними самъ отважный вождь ихъ. Впрочемъ, неудача эта не особенно повліяла на ходъ войны. Когда Буффлеръ умеръ въ Генуѣ, то на его мѣсто поступилъ герцогъ Ришелье. Благодаря его дѣятельности, приморскій городъ былъ укрѣпленъ и въ значительной мѣрѣ снаряженъ всякими военными припасами, такъ что Австрійцы и не отваживались даже на новое нападеніе. Однако республикѣ было мало пользы отъ такихъ усилій. Какъ только миновала опасность отъ врага, то аристократія при помощи Французовъ тотчасъ же стала подавлять тѣ самыя демократическіе элементы, благодаря которымъ добились освобожденія республики: прежнее олигархическое правленіе вновь воцарилось. Итакъ Генуа опять вернулась къ тому же положенію, въ какомъ находилась до войны, одну только Корсику нельзя уже было удержать за собою (XII, 649).

Война въ Нидерландахъ. Въ Нидерландахъ французскія войска достигли большаго успѣха нежели въ Италіи и Германіи. Послѣ битвы при Фонтенуа, какъ извѣстно, большая часть англійскихъ полковъ вмѣстѣ съ наемными Гессенцами были переправлены за море для укрощенія шотландскихъ якобитовъ (стр. 36). Маршалъ Саксонскій, опытный вождь фран-

цузской арміи, воспользовался этимъ ослабленіемъ непріятеля. Онъ 27. янв. 1746. въ январѣ уже выступилъ съ войскомъ изъ Гента, съ тѣмъ чтобы овладѣть столицею, Брюсселемъ. Состоявшій въ отсутствіи Карла Лотарингскаго во главѣ управленія Кауницъ, не смотря даже на разстроенное здоровье, принялъ вмѣстѣ съ голландскимъ начальникомъ гарнизона, генераломъ ванъ деръ Дуинъ, всѣ мѣры для обороны. Когда же маршалъ Саксонскій осадилъ расположенный между Брюсселемъ и Антверпеномъ фортъ «Къ тремъ башнямъ», потомъ обложилъ столицу со всѣхъ сторонъ, отрѣзавъ всякую возможность освободить ее, то пришлось сдаться на капитуляцію, всилу которой весь гарнизонъ, 7000 солдатъ, былъ отведенъ въ плѣнъ. Немного спустя послѣ того получившая подкрѣпленіе французская армія, при которой для возбужденія храбрости находился самъ Людовикъ V. въ сопровожденіи маркизы Помпадуръ, взяла городъ 3. іюня 1746. цитадель Антверпенъ; а въ наступившій затѣмъ мѣсяцъ, когда король уѣхалъ уже въ Версаль, голландско-австрійскій гарнизонъ Менса положилъ оружіе и сдалъ непріятелю сильную крѣпость. Вскорѣ Шарлеруа также досталась во власть французамъ, такъ что оставалось еще немного, и они окончательно овладѣли бы австрійскими Нидерландами. Желая воспрепятствовать этому, союзники напрягли всѣ свои силы. Герцогъ Кумберландскій привелъ къ устьямъ Шельды состоявшую изъ Англичанъ, Ганноверцевъ и Гессенцевъ армію и двинулся къ Маасу. Австрійское войско подъ начальствомъ принца Лотарингскаго соединилось съ остальными, такъ что совокупныя ихъ войска своею численностью были теперь равны непріятельскимъ. Но въ средѣ союзниковъ господствовали неудовольствія и разладъ, что и тормозило дѣло. Принцъ, котораго братъ его возвелъ въ санъ имперскаго фельдмаршала, въ безцѣльныхъ переходахъ растратилъ и время и силы; воспользовавшись этимъ, непріятель овладѣлъ городомъ Намюромъ вмѣстѣ съ укрѣпленною цитаделю: желая возстановить упавшую военную славу и спасти Люттихъ, принцъ рѣшился дать сраженіе близъ этого города; но онъ выбралъ такую невыгодную мѣстность и принялъ такія оплошныя мѣры, что пораженіе было неминуемо. Сраженіе при *Рокю* въ туманный осенній день окончательно погубило воинскую славу Кумберланда, прибавивъ за то свѣжую вѣтку къ лавровому вѣнку маршала Саксонскаго. Если битва окончилась не совершеннымъ пораженіемъ, и разбитыя полчища союзниковъ успѣли еще въ порядкѣ отступить къ Матрихту, то всѣмъ этимъ они одолжены были отчасти нѣкоторымъ недоразумѣніямъ со стороны Французовъ, частью также мужественной стойкости Голландцевъ, предводимыхъ генераломъ Вальдекомъ и соединенныхъ съ ними нѣмецкихъ наемныхъ войскъ, особенно Баварцевъ.

Во Франціи и у морскихъ государствъ возникло наконецъ сильное желаніе прекратить военныя дѣйствія. И дѣйствительно, уполномочен-

Конгрессъ въ Бредѣ.

19. іюля 1747.

21. февр. 1746.

3. іюня 1746.

3. авг.

20. сент. 1746.

11. окт. 1746.

ные воюющихъ державъ собрались на конгрессъ въ голландскомъ городѣ *Бредѣ*. Однако интересы все еще слишкомъ расходились, требованья бурбонскихъ дворовъ были черезъ-чуръ натянуты; такъ что длившіеся осенью и зимою переговоры не увѣщались успѣхомъ. Предлагаемыя французскимъ посланникомъ маркизомъ д'Аржансономъ условія изобличали уже такія тенденціи, которымъ суждено было осуществиться спустя лишь два поколѣнія: онъ предлагалъ мелкія государства Италіи и югозападной Германіи соединить въ конфедераціи, подчиненныя, конечно, протекторству Франціи; а протестантскія державы сѣверной Германіи могли бы въ такомъ случаѣ стать подъ гегемонію Пруссіи. Этимъ послѣднимъ предложеніемъ, къ которому англійскій посолъ также отнесся сочувственно, надѣялись Фридриха II. вновь привлечь къ анти-австрійскому союзу. Уполномоченный императрицы, графъ Фердинандъ Гаррахъ, братъ котораго, Фридрихъ вель дрезденскіе мирные переговоры, искусно и энергично отстаивалъ интересы своей государыни; однако, онъ не былъ посвященъ во всѣ планы и замыслы. Марія Терезія вовсе не желала уступкою земель создать отдѣльное герцогство для инфанта Филиппа; а потому и не удалась попытка, разрознить бурбонскіе дворы и съ этою цѣлью вступить въ сепаратныя условія съ чуть ли не восьмидесятилѣтнимъ донъ Мельхоромъ де Маканазомъ, который въ теченіе многихъ лѣтъ уже разумно и либерально завѣдывалъ государственными дѣлами Испаніи; будучи сосланъ, онъ изъ Парижа даже вліялъ на политику Филиппа V. И вотъ настала весна, а конгрессъ въ Бредѣ не добился никакого соглашенія, ни умиротворенія.

Возстановленіе
наслѣдствен-
наго штатгал-
терства въ Ге-
неральныхъ
штатахъ.

Съ цѣлью произвести давленіе на собраніе и побудить по возможности къ принятію французскихъ предложеній, въ апрѣлѣ 1747 французы перешли голландскую границу, завоевали Изендикъ и нѣсколько другихъ укрѣпленныхъ мѣстъ въ южной Зеландіи. Въ Генеральныхъ штатахъ это повело къ такимъ же переворотамъ, какъ и въ 1672 году (XII, 294), но только менѣе насильственнымъ путемъ. Война причиняла республикѣ одинъ лишь ущербъ и позоръ. За исключеніемъ битвы при Року голландскія войска всюду оказывались трусливыми и неспособными; они вовсе не напоминали доблестной стойкости ихъ предковъ; сами Французы насмѣхались надъ тѣмъ, какъ гарнизоны торопились сдавать имъ пограничныя крѣпости; а въ иностранныхъ дѣлахъ заявленія правительства не придавалось никакого значенія. Настроенный большею частью въ пользу оранскаго дома народъ приписывалъ это аристократическому правленію, которому, какъ извѣстно уже (XII, 669), подлежали тогда общественныя дѣла. Высокомощныхъ господъ обвиняли въ томъ, что они своими полумѣрами, шаткимъ политическимъ направленіемъ, назначеніемъ неспособныхъ личностей въ арміи и администраціи оказали растлѣвающее вліяніе, уничтоживъ всякое честолюбіе, всякую самосто-

ятельность,—что они, пренебрегая общественнымъ благомъ, пользовались своимъ положеніемъ для своекорыстныхъ цѣлей, — что въ близорукомъ партикуляризмѣ ослабили общую связь между штатами и тѣмъ притупили національное чувство,—что уступками и вялымъ противодѣйствіемъ Франціи усилили притизанія и требованья алчныхъ сосѣдей. Магистратскія должности въ голландскихъ городахъ передавались въ господствовавшихъ фамиліяхъ чуть ли не наслѣдственнымъ порядкомъ изъ рукъ въ руки. Народныя симпатіи къ сыну храбраго Вильгельма Фризо, который успѣлъ оживить даровитый какъ ораторъ и какъ поэтъ, выдающійся государственный мужъ Вильгельмъ Цвиръ ванъ Гаренъ, презирались и оскорблялись надменными и властолюбивыми аристократами. Потомокъ фамилии, благодаря дарованіямъ и усиліямъ которой создана была республика, едва могъ добиться сана штатгалтера во Фрисландіи и Гельдернѣ, но въ Голландіи и Зеландіи его то и дѣло устранили отъ государственныхъ дѣлъ, отъ всякаго вліянія на политику и на войско. А между тѣмъ князь, находясь тогда въ полной силѣ мужскаго возраста, за привѣтливость и образованность, за честный прямодушный нравъ и патриотическое чувство, былъ все-таки любимцемъ народа. Давно уже носился таинственный слухъ, будто регенты въ Гаагѣ тайкомъ затѣяли измѣнительское дѣло съ Франціею. Этотъ слухъ какъ будто подтвердился, когда надъ Флиссингеномъ показалось французское знамя: подозрѣвали, что Французы, стаскнувшись съ голландскимъ правительствомъ, овладѣли укрѣпленными мѣстами. По всей Зеландіи разнесся кличъ: Вильгельмъ Оранскій да будетъ штатгалтеромъ! И воля народа сказала съ такою неодолимою мощью, что ратманы въ Гаагѣ не осмѣлились воспротивиться. Народное движеніе быстро распространилось также и по провинціи Голландіи. Сигналъ подалъ зеландскій корабль, когда, украшенный оранскимъ флагомъ, онъ въ базарный день вошелъ въ Роттердамъ. Вскорѣ всѣ значительные города перешли на сторону наслѣдника старой династіи, и правителямъ поневолѣ пришлось признать прища Вильгельма IV. Оранскаго штатгалтеромъ, генераль-капитаномъ и великимъ адмираломъ всѣхъ Соединенныхъ штатовъ и поставить его во главѣ всей арміи. Въ Гаагѣ и Амстердамѣ Оранскаго приняли съ невыразимымъ восторгомъ. Ему вручены были всѣ почетныя должности. Мало того, не довольствуясь тѣмъ, что его назначили штатгалтеромъ и главнокомандующимъ надъ войскомъ и флотомъ, по предложенію голландскаго дворянства, этотъ верховный государственный санъ былъ признанъ наслѣдственнымъ какъ въ мужскомъ, такъ и въ женскомъ потомствѣ.

28. апрѣля
1747.

Май 1747.

Окт. 1747.

При такихъ-то событіяхъ разошелся конгрессъ въ Бредѣ и воен-Морская и сунья дѣйствія начались снова. Штатгалтеръ Вильгельмъ IV., зятъ хопутная война. Георга II., тѣснѣе соединился съ Англіею и ревностиѣ повелъ какъ 1747—1748. сухопутную, такъ и морскую войну. Назначенная въ Нидерландахъ

армія противъ Французовъ, всилу новыхъ договоровъ между Австрією и морскими державами, была доведена до 100,000 человекъ, начальство надъ которыми теперь вручено было герцогу Кумберландскому. Въ то же время и на морѣ приняты были болѣе сильныя мѣры. Въ маѣ семнадцать англійскихъ военныхъ кораблей подъ начальствомъ вице-адмирала и кругосвѣтнаго путешественника Ансона произвели у мыса Финистерре нападеніе на французскій военный и торговый флотъ и нанесли ему большой вредъ; нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того на высотѣ острова Бель-Иля произошло другое жестокое столкновение, которое, не смотря на храброе сопротивление Французовъ, обошлось для нихъ также не безъ ущерба; правда, Ла-Бурдонне въ качествѣ губернатора Иль де Франса и Бурбона совершилъ въ Индѣйскихъ водахъ удачныя плаванья и отнялъ у Англичанъ Мадрасъ, а его соперникъ Дюпле защищалъ съ великимъ мужествомъ остиндскій приморскій городъ Пондишери; за то Англичане утвердились у восточнаго поморья сѣверной Америки на островѣ Капъ Бретонъ съ его старымъ главнымъ городомъ Луисбургомъ. Однако въ сухопутной войнѣ побѣда сильно льнула къ знаменамъ Французовъ. Битва при деревнѣ *Лавельдъ* близъ Мастрихта рѣшилась въ ущербъ союзникамъ и вновь покрыла военною славою французскаго полководца изъ Саксоніи. Генералъ Лёвендалъ, откомандированный съ частью арміи для осады сильной крѣпости Бергенъ опъ Сомъ, смѣлымъ приступомъ овладѣлъ этой твердынею голландскихъ провинцій; а самъ Морицъ тѣмъ временемъ приступилъ къ знаменитой осадѣ Мастрихта; продлившійся цѣлую зиму, она окончилась сдачею укрѣпленнаго города на Маасѣ. Этими двумя великими подвигами и завершилась восьмилѣтняя борьба. Когда происходила сдача, то новый конгрессъ въ Ахенѣ былъ уже въ полномъ ходу и боевыя усилія подъ Мастрихтомъ послужили лишь для того, чтобы оживить переговоры и ускорить заключеніе мира. Изнуреннымъ державамъ хотѣлось прекратить военные дѣйствія; а такъ какъ вѣнскому правительству удалось побудить и Россію пристать къ союзу, то Франція, не смотря даже на боевыя успѣхи своихъ войскъ въ Нидерландахъ, сочла необходимымъ сократить свои требованья и тѣмъ предупредить болѣе широкое распространеніе войны.

Союзъ Австріи съ Россією. Императрица Елисавета долго отказывалась отъ вмѣшательства въ европейскую войну. Наконецъ, однако, привлеченный на сторону Австріи всемогущій при петербургскомъ дворѣ государственный канцлеръ Бестужевъ успѣлъ побудить свою императрицу заключить договоръ съ Маріей Терезією, по которому въ Германію назначалось тридцатитысячное войско, съ тѣмъ чтобы подкрѣпить боевыя силы союзниковъ. Англія и Голландія тоже приняли участіе въ договорѣ, и лондонскій кабинетъ изъявилъ готовность, помимо назначенныхъ Австріи и Сардиніи значительныхъ субсидій, выдать также Россіи денежное вспоможеніе. Въ обнародованныхъ статьяхъ этого трактата о Пруссіи вовсе не упоминалось; не

подлежитъ однако никакому сомнѣнію, что въ тайной статьѣ имѣлась въ виду новая война противъ Фридриха II., хотя впоследствии съ австрійской стороны и старались всячески доказать, будто договоръ имѣлъ лишь оборонительный характеръ. Елисавета, точно такъ же какъ и Марія Терезія, питала тогда сильную ненависть къ берлинскому государю съ его острымъ языкомъ и такимъ же острымъ мечемъ. На случай войны съ Турцією Австрія обязалась поддержать Россію такою же армією. Для скрѣпленія дружбы вѣнскій дворъ принялъ также подъ свое покровительство притязанія великаго князя Петра на Шлезвигъ-Гольштинію. Въ походѣ отправились уже тридцать шесть тысячъ русскихъ солдатъ подъ начальствомъ Рейнина, съ тѣмъ чтобы черезъ Полюну и Богемію проникнуть къ Рейну, а оттуда въ Нидерланды, такъ что войнѣ не предвидѣлось конца. Тѣмъ еще болѣе что въ Вѣнѣ послѣ вновь заключеннаго союза, стали черезчуръ требовательны; Марія Терезія и слышать не хотѣла о какихъ либо уступкахъ; она думала сохранить въ цѣлости все унаслѣдованное отъ отца государство. Отказавшись отъ завоеванія королевства Неаполъ-Сициліи, она тѣмъ еще крѣпче ухватилась за обладаніе Ломбардією и великимъ герцогствомъ Тосканскимъ. Но все всего ей хотѣлось возвратитъ себѣ Силезію. Оттого-то союзъ съ Россією и былъ для нея такъ дорогъ. Съ Портою она тоже возобновила Вѣлградскій миръ.

При такихъ-то обстоятельствахъ было мало надежды, чтобы новыя Отношеніе державъ къ миру. конференции, открытыя въ Ахенѣ, пошли бы успѣшнѣе переговоры въ Бредѣ. Въ это самое время, когда французскія войска достигли такихъ блистательныхъ успѣховъ, а въ походѣ находилась русская вспомогательная армія, въ Вѣнѣ вовсе не желали приступить къ мирнымъ переговорамъ, такъ какъ они могли бы, пожалуй, рѣшиться въ ущербъ имперіи. Во Франціи, однако, какъ самъ король, такъ и маркиза Помпадуръ и нація жаждали покончить войну, оказавшуюся безцѣльною съ той поры, какъ императорская корона опять досталась габсбургскому дому и когда объ имѣвшемся въ виду разгромѣ Австріи нечего было и думать. Въ Англіи незадолго передъ тѣмъ лордъ Гаррингтонъ удалился отъ дѣлъ, и иностраннымъ министерствомъ завѣдывалъ ловкій прозорливый государственный мужъ, Честерфильдъ (тотъ самый, что въ пресловутыхъ письмахъ къ своему побочному сыну Фил. Стангопу выше всего ставилъ свѣтское образованіе со всѣми его обольстительными искусствами, а добродѣтели и нравственности придавалъ цѣпу и значеніе лишь настолько, насколько онѣ полезны для успѣховъ въ обществѣ); и тамъ — въ Лондонѣ — также дворъ и правительство были за миръ, тѣмъ болѣе, что сама Франція повидимому отказалась отъ мысли присвоить себѣ новыя области. Потому между Версалемъ и Лондономъ завязались непосредственные переговоры. Лордъ Честерфильдъ могъ бы, пожалуй, пойти по слѣдамъ Болингброка и, подобно тому какъ послѣдній сдѣлалъ въ Утрехтѣ, утвердить мирныя условія съ одною лишь великою державою по ту сторону Канала.

Такимъ-то образомъ наконецъ состоялся *Ахенскій миръ*. По немъ за Австріей признали прагматическую санкцію Карла VI. и импера-

Ахенскій миръ. 18. окт. до 7. ноября 1748.

торскій санъ Габсбурговъ, за Пруссіей обезпечился Дрезденскій договоръ, въ Италіи уступлено было въ пользу испанско-бурбонскаго инфанта донъ Филиппа герцогство Парма съ Пiacенцею и Гвасталлою, герцогу Францу III. Эсте была возвращена Модена, а за сардинскимъ королемъ помимо возврата Савои подтверждены были уступленныя по Вормскому трактату территоріи. Къ великой досадѣ Карла Эмануила, напротивъ того, Финале было возвращено генуезской республикѣ, такъ что ему былъ отрѣзанъ доступъ къ морю. Франція кромѣ воинской славы не вынесла для себя никакой пользы. Она очистила австрійскіе Нидерланды, страшно пострадавшіе отъ хищничества маршала Саксонскаго и генераль-интенданта Сешелля, возвратила остиндскій городъ Мадрасъ английской торговой компаніи и препроводила претендента Карла Стюарта за-границу. Въ свою очередь ей возвращены были за то островъ Канъ Бретонъ и всѣ остальные иноземныя владѣнія, которыя Англичане захватили во время войны. Великобританія также вышла изъ этой войны, нисколько не расширивъ своихъ владѣній; только государственный долгъ ея увеличился больше чѣмъ на 31 миллионъ фунт. стерл.; за то Англія стала теперь первою морскою державою, тогда какъ Франція, помимо совершеннаго распада своихъ финансовъ, пострадала еще отъ гибели своего флота, отъ сокращенія торговли и колониальной системы. Англійскій флотъ оказался самымъ сильнымъ, и Испанія была вынуждена, не только отказаться отъ обладанія Гибралтаромъ, но вновь подтвердить «ассиэнта» (XII, 599), т. е. тотъ трактатъ, отъѣна котораго и была собственно главною цѣлью испанско-англійской войны, и которымъ вновь пришлось уступить британскимъ негодіантамъ всю прибыль отъ торговли неграми. Баварія и Саксонія не получили никакого вознагражденія за опустошенія ихъ земель и за понесенныя жертвы деньгами и людьми; имъ достались однѣ только раны отъ злополучной борьбы. Императрица съ трудомъ лишь могла согласиться на такія условія. Кауницъ уступалъ шагъ за шагомъ, и Марія Терезія не скрывала даже, что въ ея глазахъ Ахенскій миръ такое дѣло, на которое она по неволѣ только могла дать свое согласіе. Императрица сильно негодовала на морскія державы, на Англію и Голландію за то, что онѣ измѣнили союзу.

6. австрія послѣ ахенскаго мира.

Марія Терезія Историкъ первыхъ лѣтъ царствованія Маріи Терезіи, въ заключеніи Фридрихъ II. піе войны за наслѣдство, проводитъ параллель между обѣими державными личностями въ Австріи и Пруссіи, взаимная вражда которыхъ «съ этой поры и въ теченіе слишкомъ трехъ десятилѣтій служила главнымъ средоточіемъ политическихъ отношеній державъ въ Европѣ». Въ этой параллели на Фридриха II. въ сравненіи съ габ-

сбургскою личностью наносится густая тѣнь. Его вторженіе въ Силезію представляется грязнымъ пятномъ, не смываемымъ ни «изысканными доводами въ пользу призрачнаго права», ни ссылкой на яко бы «политическую миссію прусской державы»; даже военные лавры, которыми король покрылъ свою главу, не могутъ смыть это пятно; императрица же, напротивъ того, вела справедливую оборонительную войну за унаслѣдованное отъ отца царство. Съ этической точки зрѣнія такой приговоръ въ настоящемъ случаѣ можетъ показаться, пожалуй, не совѣмъ голословнымъ; но въ политикѣ и международныхъ отношеніяхъ чувства великодушія, рыцарства и романтизма не имѣютъ никакого значенія; въ этой области покопъ вѣку признавались и преуспѣвали лишь искусство воспользоваться благоприятнымъ положеніемъ и случаемъ, практическое соображеніе реальныхъ условій и рѣшительныя боевыя дѣйствія. Да развѣ сами Габсбурги когда либо прибѣгали къ инымъ средствамъ? Развѣ дунайское царство расширилось и усилилось благодаря одному только праву, а не насилію? Вѣдь роковое возмездіе не всегда постигаетъ самаго виновника проступка: всемірно-историческое движеніе рѣдко завершается *однимъ* поколѣніемъ. Марія Терезія пожинала то, что посѣяли Фердинанды. А нравственное сравненіе Арпета между гениальнымъ королемъ «съ его либерально звучащими изреченіями» и благородной государыней въ ея «простомъ, лишенномъ пышности величій», съ ея «глубокою религіозностью», съ ея твердымъ упованіемъ на Бога и на свое право оказывается еще болѣе въ ущербъ прусскаго монарха, этого друга Вольтера. Выспреннія добродѣтели и отмѣныя качества высокой державицы, добрые нравы при дворѣ и въ семейномъ кругу, непоколебимость и вѣрность долгу, разумныя распоряженія какъ въ государственныхъ дѣлахъ, такъ и въ семейныхъ обстоятельствахъ: все это справедливо признавалось и всегда превозносилось; а развѣ жажда мести, которая все сильнѣе виѣдрялась въ ея душу и заправляла всею виѣшнею политикою въ наступившіе года, развѣ жестокіе позорные указы противъ некатоликовъ и евреевъ свидѣтельствуютъ о христіанской любви, или о милосердіи и терпимости? Въ глазахъ патеровъ эта богомольная, преданная папству преемница Габсбурговъ стояла, конечно, гораздо выше вольнодумнаго философа въ Сансуен; однако, страстность ея души не была отмѣчена печатью божества, а жестокость противъ протестантовъ въ Австріи, Штирії и Каринтіи, которымъ мѣстные начальники обязаны были возбранять всякое общественное богослуженіе, которые, къ великому ущербу своего имущественнаго состоянія, вынуждены были выселиться въ Трансильванію,—все это состоитъ въ рѣзкомъ контрастѣ къ терпимости короля: онъ напротивъ всѣмъ своимъ подданнымъ предоставилъ полную свободу вѣроисповѣданія; даже іезуитамъ, изгнаннымъ или угнетаемымъ во всѣхъ

католическихъ краяхъ, онъ предложилъ спокойное убѣжище въ своихъ силезскихъ владѣніяхъ; при посредствѣ бреславскаго епископа онъ вступился передъ императрицею за лишаемыхъ многихъ религиозныхъ правъ Венгерцевъ аугсбургскаго или гельветическаго исповѣданія.

Преобразова-
тельная дѣя-
тельность Ма-
ри Терезіи.

Великія правительственныя дарованія императрицы никогда не обнаруживались въ такомъ блескѣ, какъ въ теченіе восьми мирныхъ лѣтъ, протекшихъ отъ борьбы за австрійское наслѣдство и до семилѣтней войны. Она личнымъ горькимъ опытомъ извѣдала тѣ извы, которыми при вступленіи ея на престолъ поражено было государство: безсиліе правительственной власти и государственнаго авторитета, недостаточныя боевыя средства и злоупотребленія въ экономической финансовой и податной системахъ. При Карлѣ VI. государство было федеративнаго свойства. «Провинціальныя права хотя не по имени, но на самомъ дѣлѣ до крайности ограничивали высшую власть. У провинцій преобладало чувство обособленія; сообщество всѣхъ чувствовалось развѣ при дворѣ, а отнюдь не въ населеніи. Государство рѣшительно лишено было единодушнаго сознанія, благодаря которому страна выполняетъ великія предпріятія, отражаетъ пагубныя нападенія». Къ этой областной разрозненности присоединилось еще обособленіе сословій, традиціи и привилегіи дворянства и духовенства, требовавшихъ отъ государства лишь правъ и преимуществъ, но избѣгавшихъ по возможности всякихъ обязанностей и тягостей. Марія Терезія имѣла главнѣйше въ виду, приурочить въ государствѣ болѣе общій характеръ, создать всеобъемлющую центральную власть, сравнять по возможности различіе сословій, и на этой болѣе широкой и твердой основѣ совершить преобразование военной системы и экономической жизни. Ранке въ упомянутой статьѣ «Марія Терезія, ея правительство и дворъ» обращаетъ вниманіе на то, что на эту преобразовательную дѣятельность прусское государство оказало сильное вліяніе. «Система финансовой и военной администраціи, которую Фридрихъ-Вильгельмъ I. проводилъ съ такою необычайною энергіею и прозорливостію въ то самое время, когда Карлъ VI. занимался бесплодными проектами, — система, которая въ устойчивости Фридриха II. наглядно представила такой поразительный результатъ, произвела теперь мощное воздѣйствіе на Австрію. Взиманіе прямыхъ налоговъ было преобразовано по прусскому образцу; по тому же плану составлена главная директорія; строевое ученіе войскъ и разныя военныя учрежденія были возобновлены по примѣру Пруссіи». Въ реформахъ финансовой и податной системы императрицѣ совѣтомъ и на дѣлѣ помогали ея супругъ: въ денежныхъ дѣлахъ Францъ-Стефанъ обладалъ отличными свѣдѣніями и опытностію; его «меркантильныя способности» не разъ служили мишенью для колкихъ остротъ прусскаго короля. Мы знаемъ (XII, 657), что въ своемъ то-

сканскомъ великомъ герцогствѣ онъ усвоилъ себѣ коммерческій пошибъ своихъ медіцейскихъ предковъ: въ томъ же смыслѣ онъ и при австрійскомъ дворѣ также исполнялъ обязанности рачительнаго домохозяина, усчитывая кухню и кладовую, выдавая жалованье чиновникамъ и придворной прислугѣ. Въ государственныя дѣла Марія Терезія не давала ему много вмѣшиваться, а въ обыденной его жизни (замѣчаетъ великій канцлеръ Ф. Фюрстъ) за нимъ строго слѣдили, такъ что ему не легко было измѣнить своей супругѣ. А все-таки, говорятъ, это случалось иногда. При дворѣ и въ модномъ свѣтѣ онъ не игралъ выдающейся роли; простой, спокойный и небрежный въ отношеніи наружности и одежды, онъ избѣгалъ выступать на первый планъ или обращать на себя вниманіе. Изъ совѣтниковъ, помимо Бартенштейна и Кауница, высшимъ довѣріемъ императрицы пользовался графъ Гаулицъ, саксонскій дворянинъ перешедшій въ католическую церковь. Какъ ловкій государственный сановникъ онъ добился согласія богемскихъ, моравскихъ и австрійскихъ чиновъ на преобразование существовавшего доселѣ военного налога, благодаря чему наборъ усилился, а областныя вносы преобразованы были въ одну общую сумму.

Это и послужило починомъ новой организаціи войска, которая была приведена въ исполненіе во всѣхъ областяхъ по сю сторону Лейты и довела постоянную армію до 200,000 человекъ, тогда какъ при Карлѣ VI. даже 100,000 никогда сполна не набиралось. Подъ предѣлательствомъ принца Карла Лотарингскаго, обладавшаго, не смотря на скудные имъ обнаруженные способности полководца, недожинными свѣдѣніями въ военныхъ наукахъ, составила комисія изъ опытныхъ высшихъ офицеровъ; она совѣщалась о реформахъ, какимъ подлежали артиллерія, воинскій уставъ, выправка и ученіе солдатъ, вооруженіе и другіе предметы, принявъ при этомъ въ образецъ прусскія учрежденія. Затѣмъ Марія Терезія основала знаменитую военную академію, которая въ связи съ другими заведеніями для артиллеріи и инженернаго дѣла подъ вѣдѣніемъ фельдмаршала Дауна имѣла въ виду лучшее образованіе молодыхъ дворянъ для предстоявшей военной службы. Въ то же время были изданы постановленія противъ всякаго рода безчинства и насилія, съ тѣмъ чтобы боевому сословію внушить лучшія нравы и искоренить понемногу грубость и жестокость. Много шуму надѣлало, когда Францъ фонъ-деръ Тренкъ, вождь Пандуровъ, за совершенныя имъ въ Силезіи непростовства и жестокости военнымъ судомъ былъ осужденъ на пожизненное заключеніе въ Шпильбергѣ. Черезъ два года онъ и умеръ тамъ кающимся грѣшникомъ въ одеждѣ капуцинскаго монаха.—Дворяне и духовенство негодовали на то, что для усиленія арміи отменена была свобода отъ податей, которую они всегда пользовались. Марія Терезія рѣшилась не допускать болѣе, чтобы нѣкоторые знатныя фамиліи пользовались правомъ и привилегіей уклоняться отъ общественныхъ тягостей, слагая ихъ на болѣе бѣдныя классы и стѣсняя государя. Сильному гнѣву императрицы за оказанную имъ противъ предполагаемаго ограниченія сословныхъ преимуществъ оппозицію подвергся графъ Фридрихъ Гаррашъ: по своему положенію въ качествѣ богемскаго канцлера, по своему богатству и своимъ семейнымъ связямъ отъ считался главнымъ вождемъ и руководителемъ австрійскаго дво-

Военная система.

1. окт. 1749.

4. июнь 1749. **Управление и судъ.** ранства; не смотря на то, графъ былъ вынужденъ сложить свою высокую должность; вскорѣ затѣмъ онъ умеръ въ лучшую пору жизни.

Велѣдъ затѣмъ императрица приступила къ реформѣ управления и судопроизводства. Обѣ дворцовыя канцелярии для австрійскихъ и богемскихъ областей, высоко-аристократичные представители которыхъ пользовались самостоятельнымъ, чуть ли не самодержавною властью были уничтожены и замѣнены директоріей для администраціи и для финансовыхъ дѣлъ, а сверхъ того еще судебнымъ вѣдомствомъ для судопроизводства; имъ затѣмъ подчинилось нѣсколько „областныхъ судовъ“. Въ то же время была предпринята кодификація гражданскаго права въ разныхъ областяхъ. Это были первыя попытки, слѣдъ въ духѣ времени въ одно монархическое государственное цѣлое средневѣковые, разрозненные имперскіе элементы.

Духовенство и церковь. Строго набожной императрицѣ, пожалуй, не легко было односторонне относиться къ духовенству съ меншею угодливостію, нежели ея предки; она однако была слишкомъ умна и хорошо поняла, что клерикальное направление прежней Австріи не соответствуетъ болѣе политическому строю. Не взирая на великое усердіе, съ какимъ она выполняла всѣ релігіозныя требы, не взирая на то, что она неукоснительно изо дня въ день посѣщала обѣдню, соблюдала всѣ обряды и службы, присутствовала при церковныхъ торжествахъ, она все-таки пыталась освободить государство и правительство отъ вліянія клерикаловъ, прорвать моцъ духовенства. Императорское правительство долгое время не имѣло своего посла въ Римѣ: это впрочемъ можно было еще оправдать и извинить тѣми явными симпатіями, какія папскій престолъ обнаруживалъ къ бургундскимъ дворамъ. Мало того, вопреки даже всѣмъ наущеніямъ паперовъ и монаховъ сократили еще число праздниковъ, ограничили право пристанища освященныхъ мѣсть, отмѣнили вѣдательство духовныхъ судовъ въ брачныя дѣла и т. п., все это повело уже къ освобожденію государства отъ господства клерикаловъ. Благодаря однако клерикальной системѣ прежняго правительства, казовая набожность и суевѣріе народа до того укоренились въ сердцахъ, что императрица съ трудомъ лишь успѣла провести указъ, вѣсилу котораго въ бывшіе доселѣ праздничные дни, всего числомъ двадцать четыре, разрѣшалось работать, допускались купли и продажа; благодаря лишь военной силѣ и полиціи она могла сломить казанное паперами и монахами сопротивление.

Марть 1754. **Народное хозяйство.** Подстрекательства духовенства имѣли сильное вліяніе, тѣмъ болѣе что въ городахъ и селеніяхъ господствовало великое неудовольствіе по поводу народно-хозяйственныхъ новшествъ. Всѣ надѣялись, что введенныя во время войны подати, подушныя для низшихъ классовъ и крестьянскаго населенія и съ имущества для высшихъ—какъ духовнаго такъ и мірскаго сословія, около десятой части всего дохода, будутъ отмѣнены по заключеніи мира; тѣмъ болѣе, что въ указахъ постоянно ссылались лишь на временныя крайнія нужды какъ на причину такихъ тягостей: когда же эти налоги, хотя бы и въ другомъ видѣ и подъ другимъ именемъ взымались по прежнему, когда, благодаря изобрѣтательной дѣятельности графа Гаугвица и его сотрудника, коммерціи директора Рудольфа Хотека, введенны были новыя подати для усугубленія государственныхъ доходовъ: штейный сборъ, соляная и табачная монополія, такса на казенныя мѣста и чины,—когда для подъема туземной культуры иностранные товары стали облагаться высокою пошлиною,—то неудовольствіе достигло такихъ размѣровъ, что надо было опасаться народныхъ возстаній. А эти учрежденія все-таки обнаруживали болѣею частью отвѣчающій современнымъ требованіямъ прогрессъ въ народно-хозяйственной жизни. Одно развѣ введеніе лото оказало вредное, растлѣвающее вліяніе, а оно-то какъ разъ болѣе всего и нравилось народу. Кто рассчитываетъ на невѣжество, лѣнь и суевѣріе толпы, тотъ обыкновенно

вѣрнѣе всего достигаетъ цѣли. Изъ упомянутыхъ записокъ Фюрста можно видѣть, сколько полезныхъ дѣлъ именно въ политико-экономическомъ отношеніи исполнено въ мирные года въ Австріи, частью по совѣту и при содѣйствіи опытныхъ иностранцевъ: фарфоровыя, бархатныя, суконыя фабрики способствовали туземной промышленности; было введено и поддерживалось шелководство; для болѣе удобнаго сбыта венгерскихъ произведеній, въ особенности убойнаго скота и вина, заложена была торговая дорога въ Триестъ, который вскорѣ и сдѣлался главнымъ складочнымъ мѣстомъ для австрійскихъ товаровъ въ Левантъ. Дворцовая коммиссія руководила созиданіемъ портовъ и гидравлическими постройками, а горная коллегія пеклась объ усовершенствованіи горнозаводскаго дѣла. Въ обѣихъ коллегіяхъ завѣдывалъ дѣлами франкфуртскій уроженецъ Визенюттеръ, не совсѣмъ-то разсудительный и осторожный дѣлецъ; онъ перешелъ въ католическую церковь и женился на дочери Бартепштейна; однако успѣлъ два раза обанкрутиться.

Марія Терезія вполнѣ постигла, что всѣ преобразовательныя дѣйствія ея только тогда поведутъ къ желанной цѣли, когда они будутъ основаны на прочномъ народномъ образованіи. А потому она обратила особенное вниманіе на народное просвѣщеніе и на усовершенствованіе учебныхъ заведеній всякаго рода. Она основала спротскій домъ, въ которомъ дѣятельный іезуитъ Игнацъ Паркгемеръ руководилъ релігіознымъ и практическимъ воспитаніемъ; она старалась поднять народныя школы, покровительствовала среднимъ училищамъ, поручила своему лейбъ-медику, *ванъ Свитену* изъ Лейдена, начертать планъ реорганизации медицинскихъ наукъ при вѣнскомъ университетѣ, открыла въ увеселительномъ замкѣ Фаворитѣ „Терезіанъ“, великолѣпное управляемое іезуитами воспитательное заведеніе для образованія будущихъ государственныхъ сановниковъ изъ дворянскихъ домовъ; здѣсь, точно такъ-же какъ и въ „Восточной академіи“, имѣлось въ виду сообщать всякія необходимыя для высшихъ должностей, для дипломатовъ, кавалеровъ знанія и искусства; она велѣла воздвигнуть новое университетское зданіе и положила основаніе институту, изъ котораго впоследствии возникъ „тайный дворцовый и государственный архивъ“. Всеобщая академія наукъ, имѣвшая главнѣйше посвятить себя попеченію и разработкѣ нѣмецкаго языка, должна была служить вѣнцомъ всѣхъ этихъ научныхъ заведеній. Эта академія впрочемъ была предоставлена позднѣйшей эпохѣ. Мы знаемъ, что Готтшедъ имѣлъ въ виду переселиться въ Вѣну (XII, 732), въ надеждѣ стать во главѣ ея: однако еслибы даже и состоялось это заведеніе, то преемница Габсбурговъ на такое почетное мѣсто никогда не назначила бы протестанта и недворянина.

Императрица обратила также вниманіе на житейскія удовольствія: при вѣнскомъ дворѣ ревностно занимались музыкою; театръ процвѣталъ, не обходилось также безъ баловъ, празднествъ и маскарадовъ; увеселительный замокъ Шёнбрунъ былъ расширенъ и разукрашенъ; не смотря на безсонныя ночи, на часто повторявшіяся роды, императрица сохранила все еще легкую поступь и величественную осанку и зачастую верхомъ выѣзжала въ тотъ свой излюбленный дворецъ, съ тѣмъ чтобы пройти по прекраснымъ садамъ его.

Посвятивъ себя этимъ внутреннимъ дѣламъ, Марія Терезія не упускала однако изъ виду иностранной политики. Самымъ вождѣльнымъ помысломъ ея было возвратить утраченныя области. Въ Ахенскомъ мирѣ къ передачѣ герцогства Пармы донъ Филиппу прибавлена была оговорка, а именно: если прекратится мужское колѣно этого инфанта или если кто-либо изъ его потомковъ поступитъ на сицилій-

Обученіе и наука.

Искусство.

Политическія цѣли.

скій или испанскій престолъ, въ такомъ случаѣ герцогство опять должно перейти къ Австріи; вслѣдствіе этого оставалась все еще надежда на возвратъ, тѣмъ болѣе, что у Донъ Карлоса Неаполитанскаго долго не было дѣтей. При посредствѣ ловкаго дипломата Бельтрамъ Христіани, которому поручено было управление Миланомъ, императрица заключила съ моденскимъ герцогомъ Францемъ договоръ о бракѣ и наслѣдованіи, всилу котораго дочь его сына Геркулеса Эсте имѣла сочетаться съ эрцгерцогомъ Фердинандомъ и по предстоящемъ прекращеніи дома Эсте вступить во владѣніе моденскимъ герцогствомъ; такимъ путемъ она надѣялась подготовить будущее сліяніе всей Верхней и Средней Италіи съ Австріей или по крайней мѣрѣ габсбургско-лотарингское господство въ большей ея части и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить австрійской имперіи политическій перевѣсъ на всемъ полуостровѣ. Пуще всего однако императрица жаждала завладѣть вновь Силезіею. На такой конецъ она помимо внутренняго усиленія имперіи старалась также подкрѣпить себя иноземными союзниками. Короля прусскаго, заявляя графъ Кауницъ въ совѣтѣ министровъ въ мартѣ 1749, слѣдуетъ считать злѣйшимъ и опаснѣйшимъ сосѣдомъ свѣтлѣйшаго австрійскаго дома. А потому настоящая политика Австріи должна состоять въ томъ, чтобы всѣми средствами ограничить его преобладаніе и возвратитъ вновь утраченное. Хотя императоръ Францъ, а вмѣстѣ съ нимъ многіе изъ знатнѣйшихъ совѣтниковъ, Кевенгюллеръ, Ульфельдъ, Коллоредо и возставали противъ предложенія вступить съ Франціею въ союзъ противъ Пруссіи: однако взглядъ графа Кауница вполне отвѣчалъ возрѣніямъ и желаніямъ Маріи Терезіи, а потому мнѣше его и было принято за «главное правило, которымъ съ этой поры руководилась австрійская политика». Самый планъ однако, какъ государственная тайна, сохранялся въ груди императрицы и ея министра, пока не припѣлъ срокъ для его осуществленія. Немного времени спустя послѣ того Кауницъ былъ назначенъ государственнымъ канцлеромъ и поставленъ во главѣ иностранныхъ дѣлъ. Это и дало ему возможность, на править политику согласно съ новыми взглядами и тенденціями.

II. Семилѣтняя война.

1. союзы и вооруженія.

Положеніе послѣ Ахенскаго мира. Ахенскій миръ былъ заключенъ вслѣдствіе всеобщаго истощенія; онъ съ самаго начала отличался скорѣе характеромъ перемирія, нежели прочнаго соглашенія; и дѣйствительно, важнѣйшіе спорные во-

просы не были рѣшены, а только отерочены и разобраны лишь поверхностно. Колоніальныя и коммерческія споры, источникъ нескончаемой распри между Франціей и Англіей, не были устранены, ни утверждены также границы въ Сѣверной Америкѣ; этихъ статей мелькомъ лишь коснулись въ неопредѣленныхъ, многозначащихъ оговоркахъ. Великая заморско-колоніальная борьба между обѣими западными державами господствовала надъ всею политикою. Территориальныя сдѣлки въ Европѣ также не могли быть порукою прочнаго мира. Болѣе всѣхъ недовольна была Марія Терезія, ибо ни одна изъ ея надеждъ не исполнилась. Ей не удалось вытѣснить Бурбоновъ изъ Италіи, и она лишилась возможности возвратитъ себѣ Силезію: и дѣйствительно, это прусское владѣніе состояло теперь подъ европейскою гарантіею. Оттого-то при вѣнскомъ дворѣ и возникло сильное негодованіе противъ бывшаго доселѣ англійскаго союзника, а дальнѣйшимъ слѣдствіемъ всего этого было полное преобразованіе прежнихъ союзныхъ отношеній. Неизмѣнною цѣлью австрійской политики, главнымъ предметомъ вѣнскихъ поползновеній было, какъ уже извѣстно, отвоеваніе Силезіи и составленіе сильной европейской коалиціи съ цѣлью смирить Пруссію; употреблены были всѣ средства личныхъ интригъ и дипломатическихъ происковъ, съ тѣмъ чтобы возбудитъ европейскіе дворы противъ Фридриха II, и готовы были на всякія жертвы, лишь бы достигъ самой главной цѣли.

Скорѣе всего удалось уговорить русскую императрицу Елисавету и ея продажнаго министра Бестужева. Мы знаемъ уже (стр. 54), что во время войны за наслѣдство состоялся австрійско-русскій союзъ. Обезпечивъ тайными статьями за императрицею возвращеніе Силезіи и опредѣливъ количественный составъ вспомогательной арміи противъ Пруссіи, этотъ союзъ составлялъ одну изъ главнѣйшихъ основъ австрійскихъ комбинацій и плановъ. При управляемомъ интригами, личными прихотями, наущиваньемъ и подкупамъ петербургскомъ дворѣ не было ни государственнаго пониманія, ни твердой политики; тамъ просто ненавидѣли Фридриха II., язвительные и неприязненные отзывы котораго какъ объ императрицѣ, такъ и о русскомъ канцлерѣ, подхватывались и передавались услужливыми людьми. Вслѣдствіе чего тамъ всегда рады были повредить королю; тѣмъ еще болѣе, что къ личной ненависти присоединилось негодованіе за то, что Фридрихъ рѣшительно воспротивился русскимъ завоевательнымъ поползновеніямъ касательно шведской Финляндіи *).

* Вотъ что по этому поводу сказано въ Исторіи Россіи Соловьева (т. XXIV): «Участвіе Россіи въ семилѣтней войнѣ объясняли личнымъ раздраженіемъ Елисаветы противъ Фридриха II., который позволилъ себѣ насмѣшки надъ ней! Но мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ такимъ повидимому легкимъ объясненіямъ. Мы знаемъ, какъ просты были основанія тогдашней внѣшней политики: они состояли въ сохраненіи политическаго равновѣсія Европы, особенно если это равновѣсіе нарушалось вблизи своего государства».

Прим. перев.

Русская политика вообще руководилась принципом воспрепятствовать дальнѣйшему расширенію Пруссіи и всѣми силами стараться низвести ее въ прежнее состояніе. Къ счастью, ни военныя, ни финансовыя средства дурно управляемаго государства не давали ходу такимъ неприязненнымъ замысламъ.

Разладъ между Англійей и Австріей.

А съ другой стороны, натянутыя отношенія между Англійей и Австріей и въ сущности далеко между собою расходившіеся ихъ интересы скоро повели къ открытому разрыву. При вѣнскомъ дворѣ отчаявались въ возможности, поддержать прежній союзъ съ Англійей хоть настолько, чтобъ побудить кабинетъ С-ть Джемса къ рѣшительнымъ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ Пруссіи; а потому и не очень-то дорожили союзомъ съ этою островною державою. Англійская политика съ своей точки зрѣнія интересовалась континентальными отношеніями лишь постольку, поскольку она могла воспользоваться ими въ предстоявшей морской борьбѣ противъ Франціи; когда же входили въ расчетъ личныя воззрѣнія короля, то—поскольку они были выгодны для ганноверскаго курфиршества. Одною изъ главнѣйшихъ заботъ англійской политики съ давнихъ поръ было, защитить австрійскіе Нидерланды отъ французскихъ захватовъ; ибо обладаніе этимъ прибрежнымъ краемъ усилило бы во вредъ Англійи морское положеніе Франціи и предало бы Голландію французскимъ завоевательнымъ побужденіямъ. Въ бывшихъ испанскихъ Нидерландахъ свободныя дѣйствія самодержавной власти стѣснялись такъ называемымъ «барьернымъ трактатомъ», т. е. голландскимъ правомъ содержать гарнизоны, и другими международными, крайне неудобными коммерческими обязательствами; а потому въ Вѣнѣ они все болѣе и болѣе считались владѣніемъ сомнительнаго свойства и тамъ не прочь были бы отказаться отъ нихъ за извѣстное вознагражденіе. Главная причина шаткости и распада союза между Маріей Терезіей и морскими державами заключалась въ притязаніи послѣднихъ исключительно для себя воспользоваться торговыми выгодами въ бельгійскихъ областяхъ, содержать эти штаты въ нѣкотораго рода коммерческой зависимости, и въ нежеланіи Австріи при такихъ условіяхъ энергично и рѣшительно вступить за весьма скудную цѣну такого территоріальнаго владѣнія. Матеріальныя и политическія выгоды отъ продолжавшейся независимости южныхъ Нидерландовъ были пригодны скорѣе для Англійи, а для Австріи, напротивъ того, въ этомъ не было никакой существенной пользы. Съ одной стороны вѣнская политика отказывалась принять энергичныя мѣры для защиты Нидерландовъ, Англійи и Ганновера отъ французскихъ посягательствъ, а съ другой—англійскій кабинетъ тоже не хотѣлъ быть замѣшанъ въ частныя австрійскіе интересы противъ Пруссіи. Когда этотъ фактъ рѣшительно обнаружился, то австрійско-англійскій союзъ, на которомъ въ теченіе долгаго времени основывалось равновѣсіе Европы,

былъ расторгнутъ, и пришлось сооружать новую систему. Такъ-то все болѣе и болѣе совершалась рѣшительная перетасовка великихъ политическихъ точекъ зрѣнія и союзныхъ отношеній.

Разрывъ съ Англійей не очень-то затруднилъ вѣнскій дворъ; и въ самомъ дѣлѣ, послѣ Ахенскаго мира уже имѣлось въ виду вступить въ тѣсную связь съ Франціей, къ чему и были приняты предварительныя мѣры. Это, какъ намъ извѣстно, былъ излюбленный планъ императрицы Маріи Терези и всемогущаго министра ея, графа *Венцеля Антона фонъ Кауница*; онъ же самъ и отправился потому въ качествѣ посланника въ Парижъ. Кто замѣчалъ одну только фатовскую наружность этого министра, говорить А. Шеферъ, и слышалъ о дурачествахъ, которымъ онъ предавался чуть ли не по цѣлымъ днямъ, тотъ могъ бы подумать, что онъ всецѣло занятъ одними пустяками; всмотрѣвшись однако внимательнѣе и проникши сквозь эту странную оболочку, всякій поневолѣ признавалъ въ Кауницѣ государственнаго мужа остраго методическаго ума, твердыхъ правилъ и настойчивой силы воли. Марія Терезія цѣнила его по заслугамъ и почтила неограниченнымъ довѣріемъ и искреннимъ расположеніемъ. Какъ бы императрица ни старалась владѣть сама собою, все-таки политика ея зачастую истекала изъ чувства и обуславливалась непосредственными побужденіями, ненавистью и пристрастіемъ. Кауницъ, напротивъ того, не допускалъ страстности: онъ внесъ строй и методъ въ австрійскую политику и съ самымъ трезвымъ расчетомъ начерталъ систему, отъ которой по его убѣжденіямъ зависѣло величіе императорскаго дома. Эта система имѣла цѣлью, извлечь изъ распадавшейся имперіи какъ можно болѣе пользы для австрійскаго государства, частью непосредственными территоріальными приобрѣтеніями, частью расширеніемъ австрійской власти и державнаго вліянія на нѣмецкіе дворы и правленія. А такому стремленію рѣзко противорѣчило самостоятельное и сильное положеніе прусскаго королевства, которое уже отняло у габсбургскаго дома лучшую его провинцію и выступило въ составъ германскихъ государствъ самостоятельную перво-степенную державою. Смирить Пруссію и, напротивъ, склонить и привлечь къ австрійскимъ интересамъ другую опасную для Австріи силу въ Германіи, именно французскій дворъ,—вотъ что было исходною точкою политики Кауница. Французско-австрійскій союзъ противорѣчилъ, правда, стародавнимъ традиціямъ: вѣдь европейская политика испоконъ вѣка уже занята была противоборствомъ между Валуа-бурбонскимъ и габсбургскимъ домами; почти во всѣхъ мировыхъ вопросахъ французскіе и австрійскіе интересы даже за послѣднее время рѣзко противорѣчили другъ другу. Однако при парижскомъ дворѣ давно уже господствовали причуды и интриги вмѣсто твердыхъ принциповъ. Маркиза Помпадуръ, всемогущая фаворитка, властный голосъ которой имѣлъ вѣсъ не только во внутренней, но также и

Австрія и Франція. Графъ Кауницъ.

въ иностранной политикѣ, и любимцы которой занимали наиболѣе вліятельныя должности, съ самаго начала склонялась къ австрійскому союзу, именно по личной ненависти къ Фридриху II, не оказавшему ей тѣхъ почестей, какими она пользовалась отъ остальныхъ дворовъ и раздражившему ее разными колкими замѣчаніями. Острый языкъ гениальнаго короля, который никакъ не могъ воздержаться отъ пикантнаго, подъ часъ оскорбительнаго слова, надѣлалъ ему много враговъ; а въ ту эпоху самаго неограниченнаго царственнаго деспотизма расположеніе или ненависть высокопоставленной личности оказывали рѣшающее вліяніе на политику. Кауницъ и преемникъ его въ Парижѣ, графъ Георгъ Штаргембергъ, относились къ постарѣвшей метрессѣ съ самою изысканною вѣжливостью, сама даже нравственно-строгая Марія Терезія по временамъ оказывала ей вниманіе. Хотя повторяемая многими исторія о собственноручномъ лестномъ и интимномъ письмѣ императрицы къ маркизѣ рѣшительно опровергается первою и едва ли согласна съ истинною, однако при вѣскомъ дворѣ все-таки съ успѣхомъ пользовались сильнымъ вліяніемъ этой дамы. Сверхъ того, въ ту эпоху преобладавшихъ матеріальныхъ интересовъ религіозная точка зрѣнія, — союзъ передовыхъ католическихъ державъ противъ протестантскаго сѣвера, — отнюдь не казалась еще совсѣмъ ничтожною, ни въ средѣ ханжей во дворцѣ Людовика XV. и Помпадуръ, ни при правотѣрномъ императорскомъ дворѣ. Борьба противъ Пруссіи, противъ этой сильной твердыни нѣмецкаго протестантизма, считалась святою обязанностью католическаго міра. Папа Климентъ XIII. въ послѣдствіи довольно внушительно выставилъ на видъ церковныя заслуги священной войны противъ протестантскихъ державъ. Мы уже упоминали о томъ, что въ Вѣнѣ готовы были въ возмездіе за пособіе противъ Пруссіи уступить бельгійскіе Нидерланды и угодить такимъ образомъ давно лелѣянному желанію Бурбоновъ. Итакъ, дѣло примиренія съ Франціей шло, повидимому, успѣшно; однако крайне перепутанные интересы и затрудненія въ теченіе долгаго времени мѣшали окончательному заключенію союза, а сверхъ того и даже вопреки всѣмъ этимъ побужденіямъ дипломатія въ своихъ тишнѣхъ передержкахъ сворачивала опять-таки въ прежнія политическія колеи, пока наконецъ дѣла не выяснились сами собою силою обстоятельствъ.

Англо-пруссое обличеніе.

Чѣмъ болѣе обнаруживались охлажденіе и разладъ между Англіей и Австріей, чѣмъ тѣснѣе сближались габсбургскій и бурбонскій дома, тѣмъ, какъ въ Лондонѣ такъ и въ Берлинѣ, яснѣе сознавали, что обѣимъ изолированнымъ державамъ не обойтись другъ безъ друга; особенно съ той поры, какъ Андрю Митчель въ качествѣ посланника при прусскомъ дворѣ руководилъ взаимными отношеніями обоихъ государствъ. Король Фридрихъ надѣялся еще надолго удержать за собою французскій союзъ; онъ самъ, какъ оказалось, съ весны 1755 г. нѣсколько разъ побуждалъ Францію

занять Ганноверъ, съ цѣлью принудить Георга II. заключить миръ; сдѣлать это отъ себя, онъ отказывался, оттого что для него важнѣе всего было удержаться среди державъ и сохранить всеобщій миръ. А французская политика, какъ обнаруживалось все яснѣе, хотѣла лишь воспользоваться Пруссіей для нападенія на нѣмецкія владѣнія англійскаго королевскаго дома, не общая съ своей стороны за то никакой дѣйствительной защиты отъ враждебныхъ покушеній Австрій и Россіи. Сближаясь съ Англіею, Фридрихъ II. побуждался къ тому пуще всего въ виду опасности со стороны Россіи. Продажный петербургскій дворъ, какъ уже извѣстно, находился съ Австріею въ самомъ тѣсномъ, явно противъ Пруссіи направленномъ союзѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ то самое время какъ ожидалось вторженіе Пруссаковъ въ Ганноверъ, англійскій кабинетъ въ свою очередь также обязался договоромъ выдать Россіи денежное пособіе, съ тѣмъ чтобы сильная русская армія во всякое время готова была въ интересахъ Англіи вступить въ Германію. Заключивъ союзъ съ лондонскимъ дворомъ, Фридрихъ и надѣялся избѣжать опасности съ этой стороны, а англійские дипломаты поддерживали его въ увѣренности, будто русская политика вполне подчиняется ихъ указаніямъ. Въ этомъ, однако, они заблуждались: втянувъ Россію въ западную сумятицу, нельзя уже было остановить ее, и когда Англичане примирились съ Пруссіею, то субсидный договоръ ихъ оказался теперь безразсуднымъ, оплошнымъ шагомъ. При петербургскомъ дворѣ война противъ Пруссіи была уже дѣломъ рѣшеннымъ, хотя русская политика не побуждалась къ тому никакимъ существеннымъ интересомъ.

Чудно, говоритъ Шеферъ, перепутались между собою пути европейской дипломатіи того времени. Марія Терезія настойчиво преслѣдовала планъ, заключить союзъ съ Франціей, а въ то же время всѣми силами старалась воспользоваться противъ Пруссіи пособіемъ Англіи, враждовавшей съ Франціею. Англійское правительство домогалось въ Австрій и Россіи поддержки противъ Франціи и Пруссіи, и въ то самое время, когда надѣялось, что подкупило Россію значительными суммами, оно прибѣгло къ болѣе простому средству, а именно вступило въ нейтралитетъ съ Пруссіей. Это дѣлалось, съ тѣмъ чтобы какъ Русскимъ, такъ и Французамъ возбранить вступленіе въ Германію и обезпечить миръ на материкѣ, частью ради Ганновера, частью для того, чтобы у Марш Терези отнять поводъ къ содержанію своихъ войскъ противъ Пруссіи и затѣмъ назначить въ Бельгію болѣе значительныя гарнизоны. Французскій дворъ присталъ къ союзу съ Австріею и въ то же время замышлялъ воспользоваться прусскими войсками противъ англійскаго короля; а Фридрихъ II., соединившись съ Англіею, льстилъ себя при всемъ томъ надеждою, что онъ въ то же время поддержитъ оборонительный союзъ съ Франціею. Такъ-то перекрещивались нити прежнихъ отношеній и новыхъ комбинацій, пока, благодаря естественному ходу дѣлъ, не распутались наконецъ несомѣстными между собою начала.

Путаница дипломатовъ.

Пока дипломатія въ Европѣ изъ всѣхъ силъ добивалась, какъ бы составить наиболѣе выгодныя группировки державъ, въ то же время составились въ сѣверо-американскихъ поселеніяхъ между Англіей и Франціей закипѣла уже война, состоявшая въ постоянномъ взаимно-дѣйствіи съ европейскими событіями. Французы воздвигли при рѣкахъ св. Лаврентія и Огеё, при великихъ озерахъ внутри материка рядъ сильныхъ укрѣпленій и пытались задержать преобладавшую британско-

и Версали.

германскую расу от поступательнаго движенія на западъ. Однако, болѣе самоувѣренные и энергичные англійскіе колонисты напирали съ своими поселеніями все далѣе и далѣе во внутрь края, въ бассейны Огеё и Миссиссипи, въ области, которыя Франція считала своею собственностью. Въ этой непрерывной борьбѣ изъ-за неизслѣдованныхъ еще земель мало сообразовались съ договорами между кабинетами; переселенческая война кипѣла не переставая. Однако борьба между обѣими колониальными областями изъ-за преобладанія на сѣверо-американской почвѣ понемногу расширилась и оживилась еще болѣе, такъ что обѣ метрополи стали энергичнѣе помогать своимъ соплеменникамъ. Начиная съ весны 1755 г. въ водахъ Ньюфаундланда, по рѣкамъ св. Лаврентія и Огеё, въ Канадѣ происходили битвы между англійскими и французскими военными судами. Подъ влияніемъ этихъ-то внѣевропейскихъ военныхъ событій теперь наконецъ разрѣшилась и выяснилась также и запутанная игра дипломатовъ. Эта французско-англійская война, которая каждое мгновеніе могла распространиться по европейскимъ водамъ и матеріку, и понудила къ заключенію сказанныхъ связей. Прежде всего былъ подписанъ *Вестминстерскій нейтральный трактатъ* между Англіею и Пруссіею, съ цѣлью поддержать миръ въ Германіи и воспрепятствовать всякой чужеземной державѣ вводить туда свои войска. Въслѣдствіе этого Англія отказалась отъ русской помощи для сохраненія Ганновера, а Фридрихъ обязался противоборствовать вторженію Французовъ. Этотъ договоръ отнюдь еще не былъ наступательнаго свойства; и Фридрихъ могъ бы, пожалуй, возобновить при немъ французскій союзъ; его уполномоченный въ Парижѣ, умный и даровитый Додо Генрихъ фонъ Кнингаузенъ, все еще добивался французскаго соглашенія въ пользу нѣмецкаго нейтралитета; самъ король убѣдительно разъяснялъ французскому посланнику, герцогу Нивернуа, что такой договоръ не только составляетъ необходимость для Пруссіи, но что даже въ интересахъ Франціи надлежитъ удалять войну отъ нѣмецкихъ областей. Однако въ Парижѣ не вняли доводамъ, представляемымъ съ прусской стороны; поступки Фридриха тамъ сочли отступничествомъ и измѣною, что и возбудило негодованіе и гнѣвъ. При такомъ-то настроеніи и былъ наконецъ заключенъ давно обсуждаемый австрійско-французскій союзъ. Въ этомъ *Версальскомъ трактатѣ* содержались конвенція о нейтралитетѣ и оборонительный дружественный союзъ; обѣ стороны обоюдно ручались за цѣлость ихъ государствъ и обязались оборонять другъ друга отъ всякаго нападенія. Происходившая тогда война между Франціею и Англіею, правда, исключалась вообще изъ вооруженнаго обязательства; впрочемъ, если по поводу этой войны какая либо держава нападетъ на императорскія области или помимо Англій другое государство на французскія провинціи, то выговоренная въ союзномъ трактатѣ помощь все-таки имѣетъ быть оказана.

16. янв. 1758.

1. мая 1756,
ратификованъ.
28. мая.

Хотя версальскія соглашенія и были заключены, повидимому, только для обороны, однако они открывали Французамъ путь въ изытую изъ нейтралитета германскую имперію и ими очень легко можно было воспользоваться для нападенія на Пруссію, для чего собственно они и были предназначены. Велись уже переговоры касательно обмѣна австрійскихъ Нидерландовъ на бурбонскія владѣнія въ Итали и за поддержку въ отвоеваніи Силезіи; а въ наступившій затѣмъ годъ, какъ скоро увидимъ, былъ заключенъ еще болѣе тѣсный, болѣе рѣшительный и враждебный союзъ противъ прусскаго государства и короля.

Исполненное ненависти петербургское правительство готово было Фридрихъ рѣшиться начать войну. чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше ударить на Пруссію и начертало уже планъ раздѣла, по которому прусская монархія въ пользу всѣхъ ея сосѣдей сокращалась до размѣровъ бранденбургскаго курфиршества. Австрія съ трудомъ лишь помѣшала такому опрометчивому предпріятію, пока еще не были закончены дипломатическія и военныя приготовленія; а сверхъ того, въ виду оборонительнаго, пока лишь на случай непріятельскаго вторженія заключеннаго договора съ Франціею, предусмотрительный Кауницъ счелъ цѣлесообразнѣе, предоставить противнику начать военныя дѣйствія. Вооруженія и скопленія войскъ на границѣ должны были вскорѣ убѣдить Фридриха, что въ совѣтѣ обѣихъ императрицъ рѣшено погубить его, такъ что онъ вынужденъ былъ обнажить мечъ, пока его не раздавили еще превосходныя силы противниковъ. Между тѣмъ, какъ надъ его головою со всѣхъ сторонъ скоплялись грозныя тучи, онъ стоялъ совершенно одинъ противъ цѣлой толпы враговъ, опираясь лишь на собственные силы и на сомнительный англійскій союзъ. Дипломатическія и военныя извѣстія, со всѣхъ сторонъ, уже съ іюня 1756, доходившія до прусскаго короля, а именно отъ подкупленнаго саксонскаго канцеляриста Менцеля, окончательно убѣдили его, что будущею весною Россія и Австрія ударятъ на него всѣми силами и что присоединеніе Франціи къ наступательному союзу составляетъ лишь вопросъ времени. Хотя и было извѣстно, что готовились весною открыть военныя дѣйствія, но навѣрное можно было также разсчитывать на то, что ни въ Россіи, ни въ Австріи не были еще готовы тотчасъ же осенью выступить въ походъ. При такихъ-то обстоятельствахъ для Фридриха В. ничего болѣе не оставалось, какъ предупредить съ своей стороны нежданымъ натискомъ собиравшійся противъ него грозный вооруженный союзъ и быстрыми успѣхами по возможности разсѣять коалицію. Въ нарушеніи мира повиненъ не тотъ, кто первый нападаетъ, а тотъ, кто довелъ дѣла до крайности, такъ что остается лишь прибѣгнуть къ военной силѣ. Самозащита и личная оборона побуждали уже къ тому, чтобы помѣшать противнику безпрепятственно исполнить опасный замыселъ. Когда, сверхъ того, на сдѣланные вѣнскому двору запросы Фрид-

риха касательно цѣли австрійскихъ вооруженій, отвѣтили уклончиво, высокоумно, то король обнажилъ мечъ.

Вторженіе въ Саксонію.

Война съ Австрією подвергалась еще большей опасности до тѣхъ поръ, пока Пруссія не обезпечила себя со стороны промежуточнаго края, Саксоніи, такъ какъ онъ могъ отрѣзать сообщеніе съ Мархією, подвозъ и доставку войскъ. У всѣхъ сохранилась еще въ свѣжей памяти угрожавшая во вторую силезскую войну попытка (стр. 33), проникнуть со стороны Саксоніи въ нѣдра прусскаго государства. Этотъ край нельзя было оставить за собою въ сомнительномъ нейтралитетѣ. Невозможно было, конечно, сомнѣваться во враждебныхъ намѣреніяхъ саксонской политики подъ руководствомъ графа Брюля; саксонскіе агенты давно уже старались во всѣхъ дворахъ, особенно въ русскомъ, возбудить ненависть и вражду противъ Пруссіи; хотя по наружности саксонскій кабинетъ и соблюдалъ лицемѣрный нейтралитетъ, а все-таки онъ принималъ участіе во всѣхъ замыслахъ и непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ Фридриха. Не подлежало никакому сомнѣнію, что курфиршество, гдѣ завистливо и ревниво слѣдили за подъемомъ Пруссіи, гдѣ министръ Брюль питалъ къ королю затаенную злобу за его насмѣшки, при первомъ удобномъ случаѣ открыто присоединится къ противникамъ; король Фридрихъ могъ подтвердить это на самомъ дѣлѣ актами, попавшими въ его руки, частью также перехваченными впоследствии при взятіи Дрездена. Въ составленной свѣдущимъ статъ-секретаремъ, Фридрихомъ фонъ Герцбергомъ, статьѣ: «Достоверныя показанія незаконныхъ поступковъ и опасныхъ замысловъ и покушеній вѣнскаго и саксонскаго дворовъ» передъ всѣмъ міромъ неопровержимо изобличались замышляемые планы для разгрома прусской державы. А потому Пруссаки и вступили въ Саксонію, въ числѣ 70,000 подъ начальствомъ самого короля. Вслѣдствіе безденежья и нерадивости управленія саксонское войско находилось въ самомъ жалкомъ состояніи, такъ что оно и не отважилось противостать въ открытомъ полѣ; графъ Рutowскій занялъ войсками укрѣпленный лагерь подъ Пирною и поджидалъ шедшихъ къ нему на выручку Австрійцевъ изъ Богеміи. Саксонскія области, города Лейпцигъ, Торгау, Виттенбергъ были заняты безъ затрудненій; вскорѣ Пруссаки вступили въ Дрезденъ. Предложенный нейтралитетъ былъ отвергнутъ Фридрихомъ, а наступательный и оборонительный союзъ—курфиршествомъ. Подъ вліяніемъ обрушившихся на нихъ бѣдъ саксонскіе генералы и администраторы совершенно растерялись, такъ что у нихъ не хватило мужества рѣшиться на что-нибудь. Лагерь подъ Пирною былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ, а прусскій передовой отрядъ съ Фердинандомъ Брауншвейгскимъ во главѣ вступилъ въ Богемію.

29. авг. 1756.

9. сент.

Лобозницъ и Пирна.

Австрійскій фельдмаршалъ, графъ *Максимиліанъ Броунъ*, опытный и храбрый военачальникъ ирландскаго происхожденія шелъ на выручку къ Саксонцамъ и направился къ сѣверу, къ границѣ курфиршества.

Не дойдя до нее, онъ наткнулся на прусскій корпусъ, вступившій съ Фердинандомъ Брауншвейгскимъ въ Богемію. Къ этому авангарду прибылъ самъ король вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ *Яковомъ Кейтомъ*, бѣжавшимъ изъ Шотландіи Якобитомъ и поступившимъ сперва въ Россіи, а потомъ въ Пруссіи на военную службу; онъ равно какъ и даровитый братъ его, дипломатъ графъ Маршалъ, были въ большомъ почетѣ у Фридриха. Близъ мѣстечка *Лобозницъ* на Эльбѣ завязалось 1. сраженіе, разрѣшившееся послѣ мужественнаго отпора все-таки въ пользу Пруссаковъ. Жаркая семичасовая битва убѣдила короля въ томъ, что австрійская армія отлично воспользовалась мирнымъ промежуткомъ и многому научилась въ этотъ десятилѣтній срокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилась также участь саксонскаго войска; о соединеніи съ Австрійцами нечего было и думать; голодомъ и холодомъ изнуреннымъ саксонскимъ полкамъ подъ *Пирною* не оставалось ничего болѣе, какъ сдаться на капитуляцію. Восемнадцатитысячная армія попалась въ плѣнъ, всѣ эти храбрые и испытанные воины сдѣлались жертвою крайней опрометчивости военнаго и административнаго начальства. Король Августъ III. и Брюль бѣжали въ Варшаву. Солдаты вынуждены были вступить въ прусскую службу; но они толпами убѣгали въ Польшу, такъ что это средство, усилить войско, совсѣмъ не удалось. Съ наступившимъ между тѣмъ позднимъ временемъ года неудобно было пускаться въ походъ въ Богемію, и Пруссаки въ Саксоніи расположились на зимнія квартиры. Введено было прусское земское управленіе; подати, общественныя кассы и доходы были конфискованы, наложены тяжкіе военные поборы; въ Дрезденѣ находилась главная квартира Пруссаковъ.

1. сент. 1756.

16. сент.

Военный союзъ противъ Пруссіи былъ слишкомъ крѣпко заключенъ, такъ что онъ не могъ разстроиться вслѣдствіе ея успѣховъ. Всюду стали снаряжаться къ рѣшительной кампаніи съ наступившею весною. Теперь и Франція также открыто разошлась съ берлинскимъ дворомъ и отозвала своего посланника, дѣльнаго и лично весьма дружнаго съ королемъ, маркиза Валори. За то англійское правительство вышло, наконецъ, изъ своего шаткаго и безпомощнаго состоянія. Слабое и нерѣшительное министерство Ньюкестля пало подъ давленіемъ всеобщаго негодованія. Вѣдь англійскіе интересы и англійская честь всюду предавались на произволь судьбы. Французы съ значительнымъ успѣхомъ повели уже морскую войну въ европейскихъ водахъ: уступленный Англии по Утрехтскому миру островъ *Минорка* былъ атакованъ герцогомъ Ришелье и захваченъ послѣ капитуляціи небольшого гарнизона въ крѣпости Портъ Магонъ. Адмиралъ *Бинъ* покинулъ островъ, лишь бы спасти по крайней мѣрѣ Гибралтаръ. Правительство тщетно пыталось укротить жертвою возбужденное во всей англійской націи негодованіе по поводу утраты такого важнаго мѣста: адмиралъ былъ осужденъ военнымъ судомъ и разстрѣлянъ у

Франція и Англія.

28. іюня 1756.

мачты своего корабля. Другимъ ударомъ въ Средиземномъ морѣ было вынужденное у Генуезцевъ согласіе принять французскій гарнизонъ въ Корсику. Какъ въ Средиземномъ морѣ, такъ и въ Сѣверной Америкѣ и въ Индіи Англичанъ стѣсняли въ ихъ лучшихъ позиціяхъ, а французское вліяніе, напротивъ того, усиливалось. Новое министерство герцога Девонширскаго, въ которомъ Вильямъ Питтъ управлялъ иностранными дѣлами, скоро приняло болѣе сильный размахъ. Рѣшились наконецъ энергичнѣе поддерживать британскія колоніи и на нѣмецкомъ театрѣ войны выставить армію, которая подъ начальствомъ герцога Кумберландскаго противоборствовала бы угрожающимъ нападѣніямъ Французовъ на Ганноверъ и на прирейнскія владѣнія Пруссіи; готовились обширныя вооруженія; помимо существовавшаго субсиднаго трактата съ ландграфомъ Гессенъ-кассельскимъ были заключены еще новыя съ Саксенъ-Готою, Брауншвейгомъ, съ Шаумбургъ-Липпе; ревностно поддерживаемыя вѣнскимъ дворомъ французскія мирныя предложенія, съ цѣлью изолировать Пруссію, были отвергнуты. Однако и этотъ сильный размахъ скоро ослабѣлъ, а именно когда по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ первое министерство Питта пало отъ козней двора.

Возбужденіе
Имперіи про-
тивъ Пруссіи.

Вѣнскій дворъ неутомимо старался возбудить и усилить къ веснѣ обширный вооруженный союзъ противъ Пруссіи. Прибѣгли даже къ заржавѣлымъ формамъ нѣмецкаго имперскаго устава противъ «нарушителя мира». Императорскимъ «дегортаторіемъ» («предостереженіемъ») прусскому королю, повелѣвалось «прекратить всякія крамолы и мятежныя насилія», грозя иначе за тяжкое преступленіе подвергнуть его карѣ по имперскимъ законамъ; прусская армія освобождалась отъ присяги знамени, Силезія призывалась къ родовой императорской власти. «Курфирсть бранденбургскій» простымъ императорскимъ указомъ, безъ всякаго суда и приговора, вопреки всѣмъ законнымъ порядкамъ, объявленъ былъ мятежникомъ и врагомъ имперіи. Прусскіе протесты и письменныя оправданія не произвели никакого дѣйствія; благодаря преобладанію католическихъ имперскихъ чиновъ была наконецъ формально рѣшена имперская война; предложенная «имперская медиация» съ цѣлью возстановить миръ была отвергнута. Эти пустыя формальности, въ которыхъ вращалась официальная политика въ Регенбургѣ, съ давнихъ поръ уже утратили всякое важное значеніе: вслѣдствіе императорской отзывной грамоты изъ прусской арміи не убыло ни одного человѣка, а имперское вооруженіе оказалось довольно скуднымъ. Такіе императорскіе декреты менѣе всего отвѣчали настроенію нѣмецкаго народа, который съ самаго начала большею и лучшею частью своею, не обвиняясь, отозвался въ пользу справедливаго дѣла Фридриха. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того императорскій дворъ заявилъ формальное требованіе, подвергнуть «бранденбургскаго курфирста» стародавнему средству им-

17. янв. 1757.

перскаго правосудія, опалѣ и изгнанію. По такому случаю и послана была повѣстка имперскаго фискала прусскому посланнику въ Регенбургѣ, барону фонъ Плото. А этотъ спустилъ съ лѣстницы государственнаго нотариуса вмѣстѣ съ его повѣсткою, въ чемъ и состояла вся короткая расправа съ освященными формальностями государственной канцеляріи; ко всему этому съ явнымъ одобреніемъ отпеслись во всей имперіи, и прямодушный Плото пользовался обширною популярностью, что отозвалось даже въ классическихъ очеркахъ Гёте. Въ концѣ концовъ отказался отъ формальнаго присужденія къ опалѣ, тѣмъ болѣе что евангелическіе чины энергично протестовали противъ такого нарушенія уставовъ, и прусскій посланникъ остался на своемъ мѣстѣ въ Регенбургѣ.

Для низверженія Пруссіи важнѣе всякаго заступничества немощной имперской власти была помощь соединенныхъ силъ Франціи и Россіи. Съ послѣднею теперь возобновили прежніе договоры и условія касательно наступательныхъ военныхъ дѣйствій. Въ новомъ трактатѣ заключалось соглашеніе относительно обоюдной военной помощи и операціоннаго плана, а вмѣстѣ съ тѣмъ обязательство, не заключать мира, пока Силезія не будетъ возвращена и Пруссія—ограничена надлежащими предѣлами; имѣлось въ виду привлечь къ союзу также и другія державы; Австрія сверхъ того обязалась выплачивать императрицѣ Елисаветѣ ежегодно миллионъ рублей. Въ австрійско-прусскомъ союзномъ трактатѣ озлобленіе на Пруссію выразилось гораздо сильнѣе, чѣмъ бы слѣдовало въ государственномъ договорѣ. Хотя платъ раздѣла не былъ еще утверждёнъ, однако было рѣшено при всестороннемъ по возможности содѣйствіи европейскихъ державъ прилизить и раздробить прусское государство. Въ угоду габсбургскому дому должны были умолкнуть всякія соображенія о томъ, что вмѣстѣ съ этимъ будетъ раздроблена также и вся Германія и предана чужеземной власти. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ заключенъ былъ французско-австрійскій союзъ. Созывались полки курфирстовъ Ифальца и Кельна, состоявшихъ съ Франціей въ субсидныхъ трактатахъ, а съ Баваріей и Вюртембергомъ вступили въ новыя договоры касательно найма солдатъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Франція привлекла и шведскій государственный совѣтъ къ союзу противъ Пруссіи. Шведское дворянское правительство, вся вышняя политика котораго послѣ тридцатилѣтней войны ограничивалась лишь заботою, какъ бы воспользоваться французскими субсидіями, которому сверхъ того посулили прежнія владѣнія въ Помераніи, не посовѣстилось даже вступить въ сообщество съ своими естественными и традиціонными противниками, съ Россіей и Австріей, противъ протестантскаго сосѣда. Французы перешли уже черезъ Рейнъ, и теперь-то наконецъ, въ самую годовщину перваго трактата, осуществился давно уже замышляемый союзный и раздѣльный актъ между Австріей и Франціей, служившій 1. мая 1757.

Союзъ Ав-
стріи съ Рос-
сіей и Фран-
ціей.
22. янв. 1757.

вѣнцомъ въ обширномъ заговорѣ противъ Фридриха. Помпадуръ и управлявшій въ то время министерствомъ иностранныхъ дѣлъ аббатъ Бернисъ господствовали неограниченнѣе чѣмъ когда-либо и поддерживали въ королѣ привязанность къ Австріи и ненависть къ Пруссіи.

Цѣлью договора прямо выставляется: отразить насилие короля прусскаго и сократить власть его настолько, чтобы онъ не могъ болѣе нарушать общественное спокойствіе. На такой конецъ Франція обязуется, выслать въ помощь императрицѣ войско въ числѣ 105,000 и въ продолженіе войны выдавать по 12 милліоновъ гульденовъ ежегодной субсидіи; мира отнюдь не заключать до тѣхъ поръ, пока Пруссія не уступитъ герцогства Силезію и Магдебургъ, княжества Кроссенъ и Гальберштатъ, бывшую шведскую Померанію, область Клеве и верхнюю часть Гельдерна. Императрица передаетъ Франціи владѣнія Шиме и Бомонъ, города Остенде, Ньюпортъ, Ипернъ, Монсъ и др. части австрійскихъ Нидерландовъ. Все остальное въ нихъ уступается инфанту Довъ-Филиппу, въ обмѣнъ за его перешедшія къ Австріи герцогства Парму, Паченцу и Гвасталлу. Укрѣпленія въ Люксембургѣ надлежитъ срыть до основанія. Условились также пригласить другія державы пристать къ союзу, а всякіе прежде заключенные договоры съ Англіею и Пруссіею должны прекратиться.

А. Шеферъ въ слѣдующемъ видѣ представляетъ цѣли и, въ случаѣ удачи, послѣдствія тогдашнихъ сдѣлокъ: габсбургская домашняя полтишка торжествовала необычайный успѣхъ; слѣдуетъ однако прибавить, никогда еще не относилась она такъ враждебно къ благоденствію нѣмецкой паціи и къ протестантизму. Устья Одера были обѣщаны Шведамъ; Россія послала на Пруссію; а изъ прибалтійскихъ земель во власти нѣмецкихъ правительствъ имѣли оставаться только заднія Померанія и Мекленбургъ. Бельгія, которая въ качествѣ оплота свободныхъ Нидерландовъ и Германіи въ европейскихъ договорахъ признавалась неотчуждаемымъ наследіемъ Австріи, предавалась Бурбонамъ; Люксембургъ, это передовое укрѣпленіе на Рейнѣ, обрекался разрушенію. Вотъ что было наградою для вѣрныхъ и преданныхъ габсбургскому дому подданныхъ. Сообразуясь съ принципомъ, выравнять территории съ обѣихъ сторонъ такъ, чтобы враждебныя столкновенія стали невозможны, императорскій дворъ, обезоруживъ зарейнскія земли, предалъ ихъ въ разрастающуюся французскую власть. Опасность усугублялась еще тѣмъ, что въ то же время имѣлось въ виду швергнуть и разбить въ прахъ прусское государство, которое, охраняя нѣмецкіе рубежи, стояло на стражѣ у нижняго Рейна, у Прегеля и Мемеля. Еслибъ удалось съ помощью Россіи, Швеціи и Франціи разрушить и раздать ипоземнымъ или католическимъ дворамъ созданіе четырехъ поколѣній, благодаря которому изъ крайняго бѣдствія возникла достигшая благоденствія, просвѣщенія и силы протестантская держава съ европейскимъ значеніемъ, то сѣверная Германія погибла бы неминуемо и протестантизмъ на материкѣ подчинился бы власти иновѣрцевъ. И въ самомъ дѣлѣ, борьба Фридриха V. противъ преобладавшихъ силъ европейскихъ кабинетовъ была борьбою въ охрану Германіи и такую-то она и отзывалась въ нѣмецкихъ сердцахъ.

2. Война 1757 года.

Пруссаки
вступаютъ въ
Богемію.

Прусскій король нисколько не сомнѣвался въ скопившейся надъ его головою грозной опасности; вполнѣ сознавая, на что идетъ, но

окончательно рѣшившись приложить къ дѣлу всѣ силы, и свои и своей страны, онъ готовъ былъ противостоять преобладавшимъ силамъ враговъ. Передавъ своему министру Финку фонъ-Финкенштейну инструкціи на всѣ возможные случаи, а именно—пораженія, плѣненія или смерти самого короля,—славный памятникъ его самоотверженныхъ заботъ о благѣ своего государства,—онъ вмѣстѣ съ преданнѣйшими ему генералами, а именно съ Гансъ Карломъ фонъ Винтерфельдтомъ и фельдмаршаломъ Швериномъ, начерталъ планъ кампаніи. Непрестанно обучавшись въ строю, войско достигло чрезвычайной стойкости; учреждено было нѣчто въ родѣ ополченія. Прусская армія и на этотъ разъ также пользовалась быстротою движенія, пораженіемъ непріятели воспользовалась какъ лучшимъ средствомъ, обезпечить за собою успѣхъ. Въ австрійской главной квартирѣ полагаги, что непріятель имѣетъ лишь въ виду отстоять Саксонію, а въ это самое время Пруссаки, въ числѣ свыше 100,000 воиновъ, вступили уже въ Богемію. Австрійское войско было хорошо вооружено и отлично вышколено; не даромъ воспользовались опытомъ силезской войны и прусскимъ примѣромъ. Въ одномъ только высшемъ вѣдомствѣ коренились все тѣ же старые недостатки: разногласіе, подчиненіе способныхъ генераловъ великокняжескимъ фигурантамъ, вмѣшательство бюрократіи гофкрисрата въ операціи войны. Принцъ Карлъ Лотарингскій, зять императрицы, опять былъ назначенъ главнокомандующимъ, не смотря на то что онъ достаточно обнаружилъ свою неспособность. А фельдмаршалъ графъ Броунъ, вожь выдающихся дарований, былъ подчиненъ любимцу двора.

Неожиданное вступленіе прусской арміи въ Богемію произвело сумятицу въ главной императорской квартирѣ; Австрійцы отступили къ Прагѣ и заняли высоты вокругъ города. Подъ *Прагою* и произошло первое рѣшительное сраженіе. Австрійцы на крутыхъ скатахъ пользовались, конечно, превосходствомъ положенія; однако при стремительномъ натискѣ атакующей прусской пѣхоты одна позиція ихъ сдавалась за другою; въ особенности отличились принцы Фердинандъ Брауншвейгскій и Генрихъ Пруссскій. Жаркая борьба завершилась блистательною побѣдою Пруссаковъ. Австрійцевъ загнали въ самый городъ, Броунъ былъ тяжело раненъ и нѣсколько недѣль спустя послѣ того умеръ. Но и побѣдители также понесли тяжкія потери; австрійская артиллерія ужасно громила ряды атакующихъ. Изъ славныхъ павшихъ жертвъ Фридрихъ болѣе всего скорбѣлъ о графѣ *Курдъ Христовъ фонъ Шверинъ*; этотъ семидесяти-двулѣтній герой верхомъ на лошади съ знаменемъ въ рукѣ повелъ въ атаку батальонъ и палъ пораженный картечью. Большая часть императорской арміи была теперь обложена въ Прагѣ; вскорѣ надѣялись понудить къ сдачѣ осажденныхъ. По всей германской имперіи распространились страхъ и ужасъ, но не мало также и непритворной радости. Смѣлые парти-

Конецъ апр.
1757.

Битва подъ
Прагою.
6. мая 1757.

заны, въ родѣ полковника Майра совершали отважные набѣги во Франконію и Тюрингію; сеймъ въ Регенсбургѣ находился въ большой опасности; курфирстъ баварскій заявилъ съ своей стороны нейтралитетъ; въ Вюртембергѣ полки воспротивились поступить на французскую службу по договору; имперская война, не приступивъ еще къ дѣлу, готова уже была разстроиться. Въ Англии народъ рукоплескалъ прусскому торжеству, даже малодушное ганноверское правительство, все еще добывавшееся нейтралитета для своей страны, приступило теперь отчасти къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ.

Вскорѣ однако дѣло приняло иной оборотъ. Фельдмаршалъ графъ *Леопольдъ Даунъ* поторопился собрать послѣдніе наличные полки на выручку осажденной Праги. Противъ него отъ осадной армии отряженъ былъ обсервационный корпусъ подъ начальствомъ герцога Августа Вильгельма Брауншвейгъ-беверискаго; за нимъ послѣдовалъ самъ король. Однако, собранныя Дауномъ боевыя силы были гораздо значительнѣе, чѣмъ предполагалъ Фридрихъ, и численностью превосходили прусскій корпусъ. Оба войска сошлись при *Коллинѣ*, по дорогѣ изъ Праги въ Пардубиць, и частью вслѣдствіе тактическихъ промаховъ, приписанныхъ королемъ принцу Морицу Ангальтскому, Пруссаки потерпѣли поражение. Послѣ ужаснаго истощенія солдатъ и громаднхъ потерь убитыми Фридрихъ вынужденъ былъ прекратить бой; противъ напавшихъ все снова свѣжихъ австрійскихъ полковъ у него не осталось уже ни одного цѣльнаго батальона; сокрушительный натискъ саксонско-австрійскихъ эскадроновъ порѣшилъ дѣло. Сраженіе было проиграно, войско болѣею частью разсѣяно, перебито, въ плѣну.

Послѣ пораженія при Коллинѣ исчезла надежда, порѣшить войну однимъ ударомъ. Король счелъ невозможнымъ продолжать обложеніе Праги; онъ снялъ осаду, высвободилъ вмѣстѣ съ тѣмъ главную австрійскую армію и вскорѣ очистилъ всю Богемію: Австрійцы настойчиво преслѣдовали отступавшихъ въ Саксонію и Лузацію Пруссаковъ; значительныя потери понесъ въ особенности корпусъ принца Августа Вильгельма Прусскаго, за что ему пришлось выслушать рѣзкіе упреки отъ короля-брата. Фридрихъ былъ въ крайне мрачномъ настроеніи. Въ богемскомъ походѣ армія его лишилась до 50,000 воиновъ; со всѣхъ сторонъ приходили дурныя вѣсти. Французскія войска и имперскіе полки двинулись уже на Тюрингію; подъ Штральзундомъ собирались Шведы и заняли уже нѣсколько мѣстъ въ прусской Помераніи, откуда впрочемъ они вновь были изгнаны подъ конецъ года. На Кенигсбергъ шла русская армія, въ числѣ 100,000 чело-
вѣкъ, подъ предводительствомъ графа Апраксина, назначеннаго главнокомандующимъ скорѣе по пристрастію къ нему двора, чѣмъ по заслугамъ. Дикія, необузданныя орды навели ужасъ на край и открыли его пепелищами. При *Гросьегерндорфѣ* близъ Инстербурга

Битва при Коллинѣ.

18. іюня 1757.

Отступление изъ Богеміи. Битва при Гросьегерндорфѣ.

30. авг. 1757.

выступилъ противъ нихъ старый храбрый фельдмаршалъ фонъ - Левалдтъ съ войскомъ вдвое слабѣйшимъ; несмотря на геройское сопротивленіе, онъ былъ отраженъ съ большимъ урономъ.

Въ то же время и съ запада получались печальныя вѣсти. Свыше 100,000 чело-
вѣкъ французской арміи перешли весною черезъ Рейнъ; она состояла подъ начальствомъ стараго осторожнаго маршала д'Эстре, которому не легко было бороться съ придворными интригами и кознями, внесенными въ лагерь разными фаворитами королевскаго кружка и великокняжескими генералами. Прошедъ по дружественнымъ областямъ Кельна и Ифальца при нижнемъ Рейнѣ, рассыпавшись по прусскимъ владѣніямъ въ Клеве, войско это безъ сопротивленія достигло Вестфалии; нѣсколько отрядовъ заняло восточную Фрисландію и Гессенъ, владѣтель котораго ландграфъ Вильгельмъ VIII. искалъ убѣжища въ чужбинѣ. Въ Вестфалии д'Эстре засталъ «обсервационный корпусъ» извѣстнаго уже намъ по прежнимъ войнамъ герцога Кумберландскаго, состоявшій изъ однихъ нѣмецкихъ наемниковъ изъ Ганновера, Брауншвейга, Гессена. При *Гастенбекѣ*, недалеко отъ Гамельна, завязался бой. Хотя нѣмецкая армія отнюдь не была еще разбита, напротивъ, даже вновь заняла утраченныя было сначала позиціи, однако герцогъ все-таки покинулъ поле битвы, отступилъ къ Везеру и къ нижней Эльбѣ. Итакъ, Ганноверъ и Брауншвейгъ были отданы во власть неприятеля и передъ нимъ открылся проходъ въ самыя нѣдра Пруссіи. На мѣсто д'Эстре главнокомандующимъ назначили теперь устарѣвшаго герцога Ришельё, пресловутаго соучастника любовныхъ похожденій Людовика XV. Онъ и не преминулъ воспользоваться безоружнымъ состояніемъ всей сѣверо-западной Германіи. Алчный, распутный маршалъ производилъ позорные грабежи въ Ганноверѣ, Брауншвейгѣ и Гессенѣ и возмутительнѣйшимъ образомъ разорялъ край контрибуціями и военными поборами. Стиснутый между Везеромъ и Эльбою въ древнемъ герцогствѣ Бременѣ герцогъ Кумберландскій заключилъ постыдную конвенцію въ *Клостеръ-Севернѣ*, всилу которой утверждено было перемиріе: союзная армія обязалась разойтись, а нѣмецкіе наемные отряды распускались, такъ что на самомъ дѣлѣ все это походило скорѣе на капитуляцію, хотя избѣгалось такое позорящее названіе и съ отрядами не обращались какъ съ военноплѣнными.

Въ эту пору энергичный Питтъ вновь завѣдывалъ англійскимъ министерствомъ и въ особенности иностранными дѣлами; не смотря на то судьба ганноверской арміи не возбуждала никакого участія. Въ войнѣ противъ Франціи обнаружился, правда, болѣе сильный размахъ; но это относилось скорѣе къ дальнимъ морскимъ и колониальнымъ интересамъ, много пострадавшимъ, конечно, отъ распухлости за послѣдніе года. Прусскому королю предлагались также болѣе значительныя субсидіи; снарядили даже флотъ для высадки на французскій берегъ у Рошфора; это предпріятіе при

Бой при Гастенбекѣ и конвенція въ Клостеръ-Севернѣ. Мартъ 1757.

26. іюля 1757.

8. сент. 1757.

Положеніе Англии.

Сент. 1757.

скудныхъ оборонительныхъ средствахъ во Франціи могло бы имѣть весьма важныя послѣдствія, еслибъ оно не оказалось тщетнымъ вслѣдствіе минительности и нерѣшительности начальника сухопутныхъ войскъ, Джона Мордоунта. При всемъ томъ однако соблюдался тотъ политическій принципъ, что не слѣдуетъ въ ущербъ Англій отставивать ганноверскіе частныя интересы. Оттого-то и обрекли на гибель войско Кумберленда, и Георгъ II. въ качествѣ ганноверскаго курфирста вступилъ съ Франціей и Австріей въ прежніе переговоры по поводу нейтралитета; но теперь они встрѣтили весьма холодный пріемъ. Двумѣрное положеніе Георга II. въ качествѣ короля и курфирста никогда не находилось въ такомъ жалкомъ видѣ какъ въ ту пору, когда англійское министерство общало прусскому королю сильную поддержку и приняло даже энергичныя мѣры на обширномъ морскомъ военномъ поприщѣ, а король въ качествѣ нѣмецкаго державца домогался покровительства парижскаго и вѣнскаго дворовъ, — крайне непріятныя и невыгодныя отношенія.

Смерть Винтерфельдта при Мойсѣ.

Король Фридрихъ оставилъ ядро своей арміи подъ начальствомъ герцога брауншвейгскаго Августа Вильгельма Беверна и Винтерфельдта въ Лузациі противъ австрійской арміи; движенія послѣдней существенно задерживались постоянными ссорами герцога Лотарингскаго съ фельдмаршаломъ Дауномъ. Самъ же король съ болѣе слабымъ корпусомъ двинулся противъ Французовъ и имперскихъ войскъ. Герцогъ Бевернъ былъ храбрый и искусный генералъ, заявившій себя при Лобозницѣ и Прагѣ; но громадная отвѣтственность за сохраненіе послѣдней прусской арміи лишила его самоувѣренности, такъ что онъ все болѣе и болѣе отступалъ въ Силезію; а вслѣдъ за нимъ шли Австрійцы, которые теперь въ отсутствіе короля въ виду гораздо слабѣйшей арміи надѣялись уже, что настало время отвоевать этотъ край. Въ стычкѣ при *Мойсѣ*, передъ воротами Гёрлица, съ фельдцейгмейстеромъ Надасди, палъ тогда генералъ *Гансъ Карлъ фонъ-Винтерфельдтъ*, одинъ изъ ближайшихъ друзей короля. Надѣленный боевыми дарованьями, воспитанный въ суровой школѣ военной службы при Фридрихѣ Вильгельмѣ I. и Леопольдѣ Дессаускомъ, онъ въ первыхъ силезскихъ походахъ въ высшей степени выказалъ прозорливость, благоразуміе и отвагу, а своимъ благодушіемъ и своими выдающимися изъ ряда боевыми качествами приобрѣлъ довѣріе подчиненныхъ и дружбу короля; воинъ отъ головы до пятокъ, онъ и тѣломъ и душою жилъ для чести и славы прусской арміи. Въ то же самое время скончалась мать Фридриха. Надо было по истинѣ обладать всею душевною мощью этого государя для того, чтобы не изнемогнуть и не пасть духомъ при такихъ вѣдшихъ невзгодахъ и сердечныхъ скорбяхъ.

Французская и имперская арміи въ Тюрингенѣ.

Фридрихъ изъ Лузациі двинулся въ Тюрингенъ. Тамъ находилась имперская экзекуціонная армія подъ начальствомъ принца Юсифа Фридриха Саксенъ-гильдбурггаузенскаго, мало способнаго, но благодаря княжескому званію и придворнымъ связямъ быстро выслужив-

шагося военачальника. Намъ знакома уже военная система св. римской имперіи съ ея отсутствіемъ всякаго единства, порядка и дисциплины, съ ея пестрымъ, безъ толку перетасованнымъ сбродомъ, скуднымъ вооруженіемъ, негодными офицерами, съ ея отовсюду сбѣжавшими ратниками. Едва ли когда либо въ полѣ появлялось болѣе жалкое войско, которое подвергалось такимъ всеобщимъ насмѣшкамъ, даже со стороны самихъ вождей контингентовъ. Съ этими ратями соединился французскій вспомогательный корпусъ подъ командою принца Субиза, знатнаго фаворита Помпадуръ и главнаго наперника оргій Людовика XV.; эта составная армія простиралась до 50,000 человекъ. Однако тутъ не было ни единодушія, ни искренняго желанія отнять у Пруссаковъ Саксонію, какъ было предназначено. Много времени тратилось въ переходахъ взадъ и впередъ по берегамъ Салы, около Эрфурта и Готы, и Фридрихъ отчаялся уже понудить непріятели къ битвѣ. Случались неважныя стычки, въ родѣ славнаго набѣга на Готу, гдѣ Зейдлицъ съ двумя-тремя гусарскими эскадронами обратилъ въ послѣднее бѣгство непріятельскій генералитетъ, и тутъ же самъ съ своими офицерами съѣлъ за только что приготовленный для генераловъ обѣдъ. Все это, правда, свидѣтельствовало о доблестномъ мужествѣ, одушевлявшемъ Пруссаковъ вопреки всемъ напастямъ, но не доводило дѣла до рѣшительнаго боя. А между тѣмъ набѣгъ летучаго отряда Кроатовъ подъ начальствомъ Гаддика на Берлинъ обнаружилъ, какъ опасно положеніе Пруссіи при раскинутыхъ далеко другъ отъ друга и недостаточно сильныхъ военныхъ отрядахъ. Гаддикъ успѣлъ проникнуть въ прусскую столицу и собрать контрибуцію, затѣмъ счелъ однако необходимымъ вернуться назадъ.

16. окт. 1757.

Отъ такого-то опаснаго положенія среди превосходныхъ числомъ враговъ король избавился, благодаря рѣшительному удару. По настоянію вѣнскаго двора, сборная армія Французовъ и имперскихъ ратей послѣ продолжительнаго бездѣйствія двинулась наконецъ на Лейпцигъ; Пруссаки ревностно воспользовались этимъ случаемъ для того, чтобы помѣриться съ сильнѣйшимъ вдвое противникомъ. При *Росбахѣ* между Мерзебургомъ и Вейсенфельсомъ враги очутились лицомъ къ лицу. Король еще во время успѣлъ догадаться о замыслѣ непріятели, обойти прусскій лагерь и атаковать его съ двухъ сторонъ; сначала онъ думалъ было, что противникъ готовится къ отступленію. Французы не успѣли еще двинуться во флангъ прусской арміи, какъ Фридрихъ подалъ знакъ къ атакѣ. Смѣлый вождь кавалеріи, *Фридрихъ-Вильгельмъ фонъ Зейдлицъ*, одинъ изъ самыхъ доблестныхъ рыцарскихъ обличковъ въ эту войну, открылъ бой; непріятельская конница не въ силахъ была надолго устоять противъ мощнаго натиска прусскихъ кавалеристовъ; отбивъ нѣсколько атакъ, она наконецъ въ страшномъ безпорядкѣ разсыпалась во всѣ стороны. Этимъ участь

Битва при Росбахѣ.

5. ноябр. 1757.

дня и была рѣшена. Благодаря быстротѣ прусскихъ движеній, французская пѣхота также была захвачена врасплохъ и растерялась среди всеобщаго смятенія; баталіоны не успѣвали выстроиться въ боевой порядокъ, и наконецъ пѣхота тоже отступила. Чрезвычайные услуги при этомъ оказалъ принцъ Генрихъ: несмотря на его сочувствіе Французамъ и на то и дѣло предлагаемый ему совѣтъ, примириться съ парижскимъ дворомъ, онъ въ этой битвѣ постоялъ за себя. Не выждавъ даже исхода боя, имперская армія обратилась въ поспѣшное бѣгство; насмѣхаясь, народъ эту «рейхсармію» (т. е. имперскую) прозвалъ затѣмъ «рейсаусарміей» (Reissausarmee т. е. улепѣтывающая армія). Отступление совершилось въ полномъ смятеніи и разстройствѣ; наступившая ночь спасла «сборные отряды» отъ окончательной гибели. Прусскія потери были ничтожны; да и неприятельскія не очень значительны въ самомъ бою; но армія была совершенно разсыпана, она разбѣжалась и совсѣмъ разстроилась. Во всю эту войну не было одержано болѣе блестящей побѣды; не только въ Германіи, но даже далеко за ея предѣлами великій прусскій король возбуждалъ удивленіе и восторгъ; а народъ въ пѣснѣ прославилъ и его и героевъ его; изъ подвиговъ этой войны поэзія черпала и вдохновеніе и лучшіе мотивы свои; пѣсни гренадера славнаго Глейма были во всѣхъ устахъ. Благодаря этой нѣмецкой побѣдѣ, приободрилось патріотическое самосознаніе и возникла вѣра въ національное возрожденіе изъ политическихъ современныхъ бѣдъ въ новую жизнь на развалинахъ устарѣвшей имперіи. Въ Англіи Фридрихъ сталъ кумиромъ націи; а во Франціи это несчастіе возбудило народное негодованіе противъ двора.

Отмѣна Се-
венской кон-
венціи.

Вліяніе росбахской побѣды вскорѣ отразилось въ отмѣнѣ Севенской конвенціи. Вслѣдствіе такого происшествія, крайне позорнаго въ военномъ отношеніи и предающаго ганноверское курфиршество всякаго рода гнету и насилію, король Георгъ пришелъ къ убѣжденію, что единственное для него спасеніе заключается въ тѣсной и крѣпкой связи съ Пруссіей; а иначе пришлось бы переносить всѣ тяжести нейтралитета, не пользуясь его выгодами. Онъ и рѣшился теперь отказать въ ратификаціи договора, отрѣшиться отъ команды герцога Кумберландскаго и чистосердечно прекратить безплодные и пагубные переговоры о нейтралитетѣ. Такъ какъ конвенція не была еще утверждена, то и союзное войско, Ганноверцы, Брауншвейгцы и Гессенцы, было еще въ сборѣ. Главнымъ начальникомъ теперь назначили *Фердинанда Брауншвейгскаго*; выборъ весьма удачный. И дѣйствительно, прищъ, съ которымъ мы уже ознакомились въ силезскія войны какъ съ храбрымъ и осмотрительнымъ офицеромъ подъ знаменами его царственного родственника, успѣлъ даже при самыхъ затруднительныхъ условіяхъ оживить духъ войска и при всей кротости характера съ величайшею энергіею исполнить свою задачу. Весьма

даровитымъ помощникомъ оказался паперникъ и секретарь его *Филиппъ Вестфальскій*; онъ то и составлялъ стратегическіе планы и занималъ въ сущности мѣсто начальника генеральнаго штаба, онъ же написалъ исторію этихъ походовъ.

Фердинандъ частью убѣжденіемъ, частью силою удержалъ при войскахъ полки своего брата, герцога Карла Брауншвейгскаго, намѣревавшагося соединиться съ Франціей; а потомъ онъ открылъ военныя дѣйствія противъ Риннелѣ. Такимъ-то образомъ вдругъ вновь возникла совсѣмъ было покинутая армія. Въ то же время англійское правительство рѣшилось на большія жертвованія и успѣло; всѣ отрасли распушенной общественной службы были приведены въ строгій порядокъ; принялись съ большимъ рвеніемъ за вооруженіе флота, начальство поручалось энергическимъ предводителямъ, и вскорѣ вліяніе сильнаго государственнаго управленія отразилось на почти уже утраченныхъ заморскихъ владѣніяхъ. Скоро и съ Пруссіей также состо- 11. апр. 1757
ялся новый договоръ, вену котораго англійское правительство обязалось выдать четыре милліона талеровъ субсидій и усилить нижнесаксонскую армію до 50,000 человекъ на британскій счетъ; оба правительства сверхъ того условились, не заключать никакого односторонняго мира, ни иного соглашенія. Однако, послать англійскій флотъ въ Балтійское море, съ тѣмъ чтобы обуздать Россію и Швецію,—на это министерство не могло согласиться въ такую пору, когда британскій флотъ и безъ того былъ занятъ во многихъ мѣстахъ, а также въ виду торговыхъ сношеній съ прибалтійскими странами, не смотря на то, что подобная диверсія была крайне желательна прусскому королю.

Фридриху не пришлось еще отдыхать на лаврахъ Росбаха, ни преслѣдовать также безостановочное бѣгство имперскихъ ратей и Французовъ на западъ. Самый мощный врагъ держался все еще твердо, и чуть ли не вся Силезія была уже потеряна. Герцогъ Бевернъ отступилъ уже до Бреславаля и занялъ передъ городомъ укрѣпленный лагерь, а противъ него стояла втрое сильнѣйшая императорская армія подъ начальствомъ Карла Лотарингскаго и Дауна. Другой австрійскій корпусъ осаждалъ крѣпость Швейдницъ, господствующую надъ проходами въ Богемію, и принудилъ ее сдаться на капитуляцію со всѣми изобиловавшими въ ней магазинами, съ значительнымъ запасомъ орудій и снарядовъ, съ ея отличнымъ гарнизономъ. А вслѣдъ затѣмъ 12. ноябр. 1757.
и Пруссаки передъ Бреславлемъ были разбиты и загнаны въ городъ. 22 ноябрь.
Самъ герцогъ Бевернъ при рекогносцировкѣ попалъ въ плѣнъ, и столица Силезіи сдана была неприятелю; полки продолжали отступать въ крайнемъ разстройствѣ. Тутъ во время подоспѣлъ король съ своимъ побѣдоноснымъ войскомъ и соединился съ остатками силезской арміи. Теперь офицерами и солдатами вновь овладѣла самоувѣренность, рѣшительность и доблестный порывъ. И вскорѣ «потдамскій вахт-парадъ», какъ глумились надъ Пруссаками въ австрійскомъ лагерѣ, прибавилъ еще новую вѣтку къ своему славному вѣнку. Принцъ Карлъ Лотарингскій надѣялся превосходствомъ своихъ силъ легко

Битва при
Лейтентъ.

одолеть слабые прусские корпуса и, к великому удовольствию короля, вышел из своих укреплений под Бреславлем к ним навстречу в открытое поле. Недалеко от Бреслава и загорелась великая битва, прозванная по деревне *Лейтенъ*. Съ раннего утра в пасмурный зимний день бились съ чрезвычайнымъ ожесточениемъ. Важнѣйшую позицию составляла деревня Загноцъ, гдѣ расположилось лѣвое крыло Австрійцевъ подъ командою Надасди. Когда генераламъ Велю, Цитену, принцу Морицу Ангальтскому удалось послѣ кровопролитнаго боя вытѣснить оттуда непріятели, и вслѣдъ затѣмъ атаковать также деревню Лейтенъ, то участь дня была рѣшена. Дѣло завершилось неодолимымъ натискомъ прусской конницы съ генераломъ Дризеномъ во главѣ на непріятельскіе кавалерійскіе эскадроны, пытавшіеся обойти наступавшую пѣхоту. Когда настали сумерки, то Пруссаки вездѣ уже одержали верхъ; совершенно разстроенная императорская армія отступила къ Богеміи; убитыми и ранеными было десять тысячъ, двѣнадцать тысячъ попались въ плѣнъ; въ этотъ чрезвычайно-кровавый, но также рѣшительный день въ яркомъ свѣтѣ выказалось стратегическое и тактическое искусство Фридриха, возбуждавшее удивленіе всѣхъ военныхъ современниковъ и потомства. Такъ называемый «косвенный строй» никогда не исполнялся въ такомъ совершенствѣ и съ такимъ успѣхомъ. Во всей арміи отозвалось значеніе побѣды. Когда въ холодную зимнюю ночь воины молча и хмуро проходили по полю битвы, то старый гренадеръ полною грудью затынулъ пѣснь: «Возблагодаримъ Господа!» Полковая музыка тутъ же подхватила напѣвъ, и всѣ 25,000 воиновъ, что было на лицо, запѣли въ одинъ голосъ: «Возблагодаримъ Господа всѣмъ сердцемъ и всѣми помыслами; Онъ творитъ надъ нами дивныя дѣла». Тотчасъ же послѣ битвы сдался и Бреславль съ чрезвычайно сильнымъ гарнизономъ; Силезія опять перешла къ Пруссакамъ, и 1757 годъ, обогривъ нѣмецкую землю потоками крови, на исходѣ своемъ былъ исполненъ благихъ надеждъ.

5. дек. 1757.

21. дек.

3. цорндорфъ и гоххирхъ (1758).

Кампанию 1758 года открыли Русскіе. Они не воспользовались побѣдою при Гросъегерндорфѣ, а непосредственно послѣ того отступили къ границѣ. Дѣло въ томъ, что тогда изо дня въ день ожидали кончины заболѣвшей императрицы Елисаветы. Австрійскій союзъ зависѣлъ единственно отъ ея прихоти, а всѣми подкупленный ненадежный и пронырливый канцлеръ Бестужевъ давно приглядывался къ новому правительству, которое съ своей стороны вовсе не сочувствовало австрійскому союзу. Имѣлось сверхъ того въ виду при предстоявшей перемѣнѣ паслѣдника Петра Гольштейнъ-Готторпскаго отрѣшить отъ престола и провозгласить правительницею супругу его, Екатерину;

Русскіе въ Пруссіи.

а на такой конецъ потребовались бы находившіяся въ походѣ войска. Послушный Бестужеву генералъ Апраксинъ слѣдовалъ его предписаніямъ и приостановилъ на нѣсколько мѣсяцевъ операцию. Однако императрица оправилась и весь гнѣвъ ея обрушился на канцлера какъ на виновника этого заговора. Его заставили выйти въ отставку и уѣхать въ одно изъ дальнихъ его помѣстій; на мѣсто умершаго тотчасъ послѣ того Апраксина начальство въ Германіи поручено было *Вильгельму Фермору*. Съ наступленіемъ года новый предводитель

Янв. 1758.

опять вступилъ въ Пруссію. Онъ не встрѣтилъ никакого отпора въ этой отдаленной провинціи, лишенной войскъ; Кѣнигсбергъ былъ занятъ безъ боя; взимались тяжкіе военные налоги и вездѣ понуждали къ присягѣ, словно страна стала уже неотъемлемою добычею. Тогда какъ на востокъ враги рѣшительно наступали, въ то же время принцу Фердинанду удалось очистить нѣмецкій западъ отъ вторгшихся туда чужеземцевъ. Безъ труда овладѣвъ прошлою осенью рейнскими и вестфальскими, ганноверскими и гессенскими областями, Ришелье предался бездѣятельности и только раздроблялъ свои силы въ безцѣльныхъ предпріятіяхъ, какъ напр. противъ Бремена и Гальберштадта. Совершенно разстроенное состояніе главной французской арміи, что усилилось еще болѣе морозною зимою, и военная неспособность и безопасность полководца были виною такого дурнаго положенія. Самыя позорныя контрибуціи и насильственные поборы—вотъ все, что онъ совершилъ. Потому-то Ришелье и былъ такъ скоро отозванъ, а на его мѣсто назначили принца королевской крови, графа Людовика Клермонскаго; это былъ патерскій военачальникъ, про котораго говорили, «онъ сражается какъ священникъ, а проповѣдуетъ какъ солдатъ». Но дисциплина и боевыя способности все-таки не вернулись. Ни для кого также не было тайною, что французское правительство въ ту пору питало уже мирныя наклонности; министръ кардиналъ Берни приводилъ въ Вѣнѣ весьма дѣльные доводы въ этомъ смыслѣ: жертвы денегами и людьми достигли невыносимыхъ размѣровъ. Благодаря энергіи вѣнскаго кабинета и его настойчивымъ совѣтамъ удалось, правда, поддержать еще въ придворныхъ кружкахъ воинственный пылъ и привязать Францію къ союзу; по все это не могло, конечно, ободрить войска. А потому, когда Фердинандъ съ большимъ искусствомъ и съ энергіею возстановилъ боевую способность союзной арміи и рѣшительно двинулся противъ Французовъ, то они не въ силахъ были дать отпора. До сраженія дѣло вовсе не доходило. Изъ всей нижней Саксоніи и Вестфалии отступление совершалось въ полномъ разстройствѣ словно настоящее бѣгство; въ нѣсколько недѣль Фердинандъ и принцъ Генрихъ прогнали непріятели за Рейнъ; тамъ собралась едва ли третья часть той арміи, кака въ прошлый годъ перешла черезъ ту же рѣку. Эта безпощадная травля Французовъ по славѣ и по успѣху имѣла значеніе чуть ли не великой побѣдоносной битвы.

Французы отступаютъ за Рейнъ.

Февр. 1758.

У нѣмецкихъ имперскихъ чиновъ пропала всякая охота продолжать войну въ виду такихъ событій, особенно когда принцъ Генрихъ учинилъ еще отважный набѣгъ по всей Франконіи; имперскую армію подѣ начальствомъ перекрещенца пфальцграфа Фридриха Михаила Цвейбрюкенскаго пришлось для большей вѣрности перевести въ Богемію; Баварія обнаружила сильнѣйшее желаніе отказаться отъ французскаго союза; австрійскому двору насилу удалось побудить князей противъ ихъ воли остаться при союзномъ знамени.

Битва при
Крефельдѣ.

23. іюня
1758.

Съ тѣхъ поръ какъ маршалъ Бель-Иль сталъ завѣдывать военнымъ министерствомъ, Французы ревностно старались привести свою разстроенную армію въ боевой порядокъ; они имѣли въ виду съ наступленіемъ лѣта вновь начать военныя дѣйствія на правомъ берегу Рейна. Однако Фердинандъ Брауншвейгскій предупредилъ ихъ и самъ перешелъ черезъ рѣку, крайне озадачивъ тѣмъ неспособнаго главнокомандующаго Клермона и французскихъ генераловъ, никакъ не ожидавшихъ такого смѣлаго наступленія. Французы заняли укрѣпленный лагерь при *Крефельдѣ*; тутъ и атаковалъ ихъ нѣмецкій военачальникъ, и разгорѣлась великая битва; несмотря на превосходство положения и численности Французовъ, она кончилась ихъ совершеннымъ пораженіемъ, благодаря разумнымъ распоряженіямъ Фердинанда и мужеству его солдатъ; въ числѣ павшихъ былъ единственный сынъ маршала Бель-Иля, молодой храбрый графъ Гизоръ. Исконная боевая слава Французовъ въ эту войну совсѣмъ утратилась; весь нижній Рейнъ и австрійская Бельгія были беззащитно преданы побѣдителю. Если бѣ Англичане приняли энергичныя мѣры для нападенія на Нидерланды, то это было бы плодотворнѣе всѣхъ ихъ продолжавшихся безъ пользы высадокъ на французскіе берега. Лондонское правительство теперь, правда, рѣшилось наконецъ послать съ герцогомъ Марльборо, внукомъ великаго полководца, англійскій корпусъ къ нижнесаксонской арміи; однако въ то же время и Французы также получили значительное подкрѣпленіе: къ нимъ шла предназначенная въ Богемію майнская армія принца Субиза, вызванная теперь для поддержки маркиза Контата, замѣвившаго собою Клермона. Истошая край поборами, Субизъ прошелъ по Гессену, разбилъ при Зондерсгаузенѣ гессенскій-ганноверскій корпусъ и проникъ въ Вестфалію и Ганноверъ. Главная французская армія также перешла въ наступленіе и принудила принца Фердинанда вернуться черезъ Рейнъ. Не смотря однако на значительное превосходство силъ, Французамъ все-таки не удалось болѣе упорчить за собою завоеванія въ сѣверной Германіи. Фердинандъ искусными дѣйствіями съ успѣхомъ отражалъ непріятельское нашествіе; съ наступленіемъ холодовъ Французы расположились на зимнія квартиры при Рейнѣ и въ южномъ Гессенѣ. Захвативъ располхо-мъ имперскій городъ *Франкфуртъ*, причемъ городской старшина Тексторъ, дѣдъ Гете, какъ сторонникъ Австрійцевъ, игралъ довольно

2. янв. 1759.

позорную роль, Французы завершили эту кампанію, отъ которой на ихъ долю выпали одни только потери, упреки, ненависть и насмѣшки.

Весною 1758 года и король также покинулъ свои сilesкія зимнія квартиры, принудилъ Швейдницъ, это послѣднее владѣніе Австрійцевъ на прусской почвѣ, сдать на капитуляцію, вступилъ затѣмъ въ Моравію и осадилъ Ольмюцъ. Въ Вѣнѣ стали уже опасаться страшнаго прусскаго нашествія. Однако, вслѣдствіе захвата значительнаго провіантскаго транспорта въ стычкѣ при Домштедтѣ храбрымъ генерал-маіоромъ *Гидеономъ Эрнстомъ Лаудономъ*, изъ древней дворянской шотландско-лифляндской фамилии, и вслѣдствіе приближенія фельдмаршала Дауна, который теперь вмѣсто неспособнаго Карла Лотарингскаго одинъ командовалъ императорскою арміею въ Богеміи, Пруссаки вынуждены были снять осаду. Разумный и осторожный Даунъ уклонялся отъ битвы, но планъ его, отрѣзать Пруссакамъ отступление, не удался. Мастерскимъ переходомъ черезъ Богемію Фридрихъ вновь достигъ силезской области. Да и было уже пора двинуться туда съ неизнуренною еще арміею. Съ сѣвера напирала грозная боевая сила. Русская армія подѣ начальствомъ Фермора, подвигаясь понемногу черезъ бранденбургскую и польскую Пруссію, достигла уже Одера, производя по пути всякаго рода дикія неистовства, грабежи, убійства и разрушенія. Ферморъ имѣлъ въ виду идти прямо на Берлинъ; наѣзды козаковъ проникали уже далеко въ Укермархію и Померанію, а нерѣшительная и слабая шведская армія опять вступила туда же и проникла даже до Мархіи; однако она ни въ этотъ, ни въ наступившій затѣмъ годъ не могла совершить прочныхъ завоеваній; собранныя чуть ли не изъ инвалидовъ толпы ратниковъ и гарнизоны достаточны были для обузданія Шведовъ.

Походъ въ
Моравію и
Богемію.
Апрѣль 1758,
30. іюня
1758.

Русскіе въ
Мархіи.

Русская армія расположилась лагеремъ подѣ Кюстриномъ, сожгла городъ и тщетно пыталась взять крѣпость. Къ прибывшему съ войсками изъ Помераніи генералъ-лейтенанту графу Дону прусоединился самъ король съ частью испытанной въ бою силезской арміи и перешелъ ниже Кюстрина черезъ Одеръ въ тылъ Русскихъ. Тутъ-то загорѣлось убіиственное сраженіе при *Цорндорфѣ*. Превосходя Пруссаковъ числомъ, отличаясь стойкимъ хладнокровнымъ мужествомъ, хотя и плохо предводимые, русскіе воины оттиснули назадъ прусскій авангардъ; участь дня находилась въ сильной опасности; тутъ-то *Зейдлицъ*, росбахскій герой, улучивъ настоящий мигъ, нагрянулъ съ неотразимою мощью своихъ эскадроновъ на русскіе полки; этимъ геройскимъ и своевременнымъ нападеніемъ опрокинуто было все правое русское крыло. Однако бой продолжался еще до сумерекъ. Русское главное войско еще было цѣло и твердо противостояло новому нападенію; прибывшіе изъ Помераніи полки не исполняли своей обязанности подобно обстрѣленнымъ лейтенскимъ героямъ. Бой склонялся то на одну, то на другую сторону, и вотъ Зейдлицъ, кавалеристы

Битва при
Цорндорфѣ.

25. авг. 1758.

котораго цѣлый день оставались на сѣдлѣ, опять рѣшили участь дня. Битва то и дѣло переходила въ отчаянную рукопашную схватку грудью съ грудью, пошли въ ходъ штыки и приклады. Наконецъ-то русскіе полки стали отступать по всей линіи и сраженіе было выиграно Пруссаками. Обѣ стороны понесли ужасныя потери: десять тысячъ Пруссаковъ и чуть ли не вдвое болѣе Русскихъ лежали мертвые или раненые на полѣ, и несмотря на пораженіе русская армія отнюдь не была уничтожена, ни даже слишкомъ обезсилена, подобно французской послѣ Росбаха или австрійской при Лейтенѣ. Однако, Фридрихъ не могъ далѣе преслѣдовать побѣжденныхъ; его настоятельно вызывали въ Саксонію, чтобы снова начать борьбу съ Австрійцами. Русскіе затѣмъ вторглись въ Померанію; они тщетно пытались взять крѣпость Кольбергъ, гдѣ сотни двѣ милиціи и инвалидовъ геройски отражали ихъ; съ наступленіемъ зимы Русскіе опять вернулись въ Пруссію. Они приписывали себѣ побѣду при Цорндорфѣ; однако безуспѣшность ихъ кампаніи доказала несомнѣтельность подобныхъ заявленій. Точно также бесплодны были предпріятія мятежнаго и разнузданнаго шведскаго войска подъ командою Гамильтона, несмотря на то что въ Бранденбургѣ и Помераніи находились ничтожныя боевыя средства. Къ концу года Шведы опять ограничились только Штральзундомъ и Рюгеномъ.

Окт. 1758.

Нападеніе при Гохкирхѣ.

Въ отсутствіи Фридриха Австрійцы проникли въ Лузацію и Саксонію и все болѣе и болѣе отѣсняли слабыя отряды принца Генриха. Саксонія была почти потеряна, когда король форсированнымъ маршемъ прибылъ къ Дрездену. Фельдмаршалъ Дауицъ, истый «Фабій Кунтаторъ», занявъ при Китлицѣ въ Лузаціи укрѣпленный лагерь въ самыхъ выгодныхъ позиціяхъ и выжидалъ тутъ нападенія Пруссаковъ. Король предполагалъ, что непріятельскій главнокомандующій намѣревается отступить въ Богемію, и ему во что-бы то ни стало хотѣлось понудить послѣдняго къ битвѣ. Въ этой жаждѣ боя и крайне возбужденномъ состояніи Фридрихъ упустилъ изъ виду необходимыя предосторожности и расположился вопреки всемъ предостереженіямъ въ через-чуръ открытой позиціи при Гохкирхѣ противъ слишкомъ уже пренебрегаемыхъ Австрійцевъ. Дауицъ улучилъ добрый часъ и рано утромъ врасплохъ напалъ на прусскій лагерь.

14. окт. 1758.

Битва при *Гохкирхѣ* такъ и кончилась чувствительнымъ пораженіемъ Пруссаковъ. Ночное нападеніе, взятіе приступомъ Гохкирха, ожесточенный бой на разсвѣтѣ, рукопашная свалка изъ-за обладанія кладбищемъ, все вмѣстѣ относится къ самымъ кровопролитнымъ и ужаснымъ событіямъ этой войны. Настоящимъ героемъ дня былъ Лаудонъ, заставившій отступить даже старика Цитена. Атакую утраченную большую батарею, палъ храбрый, честный фельдмаршалъ *Кейтъ*, о которомъ его братъ отзывался, что онъ, взиравъ со всей Богеміи контрибуцію, оставилъ по себѣ всего семьдесятъ дукатовъ. Францъ Брауншвейгскій, младшій изъ доблестныхъ принцевъ, такъ же

палъ; Морицъ Ангальтскій, самый даровитый изъ сыновей старика Дессауэца, былъ раненъ и въ плѣну. Тѣснимые со всѣхъ сторонъ Пруссаки должны были наконецъ покинуть свои позиціи, не смотря на всѣ попытки вновь утвердиться тамъ. При всемъ томъ, однако, спокойное и въ порядкѣ совершившееся отступление вопреки пораженію вновь доказало превосходство прусскаго войска и стратегическое искусство короля. Правда, ряды полковъ страшно поредѣли и весь багажъ былъ потерянъ. Въ ту же ночь скончалась сестра Фридриха, Вильгельмина фонъ Байрейтъ, — ударъ, сильно поразившій короля и усилившій и безъ того мрачное настроеніе его по поводу военныхъ невзгодъ. И вопреки всемъ этимъ роковымъ ударамъ дивный мужъ не поникъ головой. Австрійцы не пожалы никакихъ плодовъ отъ своей побѣды; они тщетно пытались укрѣпиться въ Саксоніи и Силезіи; не успѣла еще наступить зима, а они уже вновь были оттиснуты въ Богемію, безъ всякой даже новой битвы, а единственно цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ пезначительныхъ прусскихъ боевыхъ отрядовъ, искусно избираемыми позиціями и быстрыми переходами.

Обильный битвами 1758 годъ не привелъ ни къ какому рѣшенію; положеніе воюющихъ сторонъ въ сущности ни въ чемъ не измѣнилось противъ истекшаго года. Надежда, соединенными боевыми силами трехъ великихъ державъ раздавить прусскаго короля, опять-таки не сбылась. Однако Марія Терезія все съ тѣмъ же упорствомъ и съ тою же ненавистью настаивала на предназначенной цѣли и успѣла даже союзниковъ одушевить новою жаждою битвы. Не легко было удержать при союзѣ Францію, на долю которой отъ нѣмецкаго похода выпали одни только жертвы, потери и позоръ. Самъ даже завѣдующій управленіемъ Бернсъ, который иѣкогда болѣе всего и содѣйствовалъ австрійскому союзу, убѣдился теперь въ необходимости заключить по возможности скорѣе миръ и ревностно вліялъ въ этомъ отношеніи. Онъ разошелся изъ-за этого съ дворомъ, но дружба съ Австріей была еще настолько сильна, что его удалили отъ должности и выслали изъ Парижа. На его мѣсто поступилъ ловкій, энергичный и остроумный герцогъ *Шуазель* (Стеньвилъ), бывший доселѣ посланникъ въ Вѣнѣ; первымъ дѣломъ его было заключить новый договоръ съ Австріей. По немъ возвратились къ первому трактату отъ 1756 года, ограничили размѣръ имѣвшихся въ виду территориальныхъ прибрѣтеній, отмѣнили обязательство продолжать войну до тѣхъ поръ, пока не будетъ завоевана Силезія и сократили даже французскія субсидіи; всемъ этимъ уже ясно обнаруживалось, что цѣль военнаго союза принизилась и прежней самонадѣянности не осталось и слѣда. Но императорскій дворъ и тѣмъ уже былъ чрезвычайно доволенъ, что союзъ все-таки былъ вновь скрѣпленъ, и Шуазель съ энергіей и умѣньемъ принялся за дѣло. Армію въ Германіи увеличили и привели въ боевой порядокъ; вновь заручились виттельсбахскими дворами въ Маггеймѣ и Мюнхенѣ и юртембергскимъ герцогомъ, хотя и сократили ихъ субсидіи. Въ то же время начертали планъ высадки въ Англіи, хотя тщетно добивались содѣйствія Швеціи и Голландіи на этотъ конецъ.

Возобновленіе французско-австрійскаго союза.

30. 31. дек. 1758.

4. отъ Кунерсдорфа до Торгау (1759. 1760).

Положеніе и настроеніе Фридриха. Союзъ враждебныхъ державъ былъ вновь заключенъ и всюду снаряджались и напрягались все силы, такъ что съ открытіемъ кампаніи 1759 года Фридрихъ весьма озабоченно глядѣлъ на будущее. Продолжительная война до крайности истощила средства небольшого государства. Ряды пострадавшихъ въ бояхъ старыхъ полковъ пришлось съ трудомъ пополнять обременительнымъ наборомъ молодыхъ неопытныхъ рекрутовъ, размѣщеніемъ плѣнныхъ и перебѣжчиковъ, вербовкою въ сосѣднихъ краяхъ; однако эти ненадежныя рати не могли замѣнить прежнихъ испытанныхъ боями войскъ; составъ офицеровъ также все болѣе рѣдѣлъ и утратилъ прежнюю доблесть и самоувѣренность. Все эти утраты не вознаграждались англійскими субсидіями, жестокими военными поборами и палогамъ въ подлежащихъ прусскому господству краяхъ; зловердныя средства, какъ напр. чеханка низкопробной монеты (позорные саксонскіе ефремовскіе гульдены), служили жалкимъ и опаснымъ подспоріемъ. «Я усталъ отъ такой жизни», писалъ тогда Фридрихъ, «вѣчный жидъ, и тотъ не уставалъ такъ. Я всего лишился, что любилъ и чтилъ въ жизни; моя фантазія полна опустошеній и ужасовъ». Его печальное и горестное настроеніе отразилось въ его письмахъ и сатирическихъ брошюрахъ. Онъ охотно заключилъ бы миръ, но только не во что-бы-то ни стало, ни съ малодушнымъ уныніемъ, а съ почетомъ, не въ ущербъ жизненнымъ условіямъ своего государства. Но до такого мира было еще далеко.

Битвы при Бергенѣ и Минденѣ. Кампанія этого года открылась рядомъ смѣлыхъ прусскихъ набѣговъ въ среднюю Германію; принцъ Генрихъ вторгся въ Богемію и опустошилъ австрійскіе магазины; потомъ онъ повернулъ на Франконію, прогналъ имперскую армію, проникъ въ Бамбергъ и доходилъ почти до Вюрцбурга; но тутъ былъ отозванъ защитить Саксонію. Не такъ удачлива была сначала нижнесаксонская армія. Имѣя въ виду освободить Франкфуртъ и разбить французскую майнскую армію, Фердинандъ Брауншвейгскій прошелъ чрезъ Гессенъ противъ герцога Брольи, командовавшего теперь на мѣсто Субиза; однако потерпѣлъ у *Бергена* въ виду Франкфурта чувствительное пораженіе; храбрость брауншвейгскихъ и гессенскихъ полковъ сокрушилась о крѣпкую позицію и многочисленность Французовъ, такъ что Фердинанду поневолѣ пришлось отступить въ Вестфалію. Брольи и главная французская армія съ Контадомъ на челѣ послѣдовали за нимъ туда же. Однако планъ прогнать союзниковъ опять за Везеръ и овладѣть Ганноверомъ, разстроился послѣ битвы при *Минденѣ*: благодаря цѣлесообразнымъ распоряженіямъ Фердинанда и самоотверженной храбрости его воиновъ, они одержали блистательную побѣду и напесли Французамъ тяжкій уронъ. Французскія войска были бы окол-

13. апр. 1759.

1. авг.

чательно уничтожены, еслибъ лордъ Секвиль съ англійскою конницею не преинунлъ такъ оплошно исполнить свой долгъ, за что и былъ исключенъ изъ британской службы. Они впрочемъ и безъ того оказались безвредными на этотъ годъ. Послѣ капитуляціи крѣпостей Миндена и Мюнстера Вестфалія вновь перешла во власть союзниковъ. Тѣснимые храбрыми молодыми брауншвейгскимъ наследнымъ принцемъ, племянникомъ Фердинанда, и графомъ Вильгельмомъ Бюкебургскимъ, зпатокомъ артиллеріи, Французы очистили также и Гессенъ и расположились лагеремъ между Ланомъ и Майномъ. Когда же, наконецъ, послѣ минденской неудачи принятый вновь во французскую службу вюртембергскій корпусъ потерпѣлъ сильное пораженіе при Фүльдѣ, то Французы, осрамившись также и въ эту кампанію, прекратили до поры до времени военныя дѣйствія.

30. полбра 1759.

На восточномъ театрѣ войны, напротивъ того, Русскіе и Австрійцы сражались съ болѣею удачею. Весною русская армія, теперь подъ начальствомъ стараго и менѣе энергичнаго графа Петра Салтыкова, которому подчинился болѣе его способный Ферморъ, двинулась изъ своихъ зимнихъ квартиръ за Вислою къ Одеру, съ тѣмъ чтобы, согласно съ военнымъ планомъ, подать руку Австрійцамъ въ Силезію; не подкрѣпляемый никакою военною, силою нейтралитетъ польской области нисколько не соблюдался. Близъ *Цюльмисау*, при селеніи *Кай* безразсудный Карлъ-Генрихъ Ведель былъ разбитъ на голову съ превеликимъ урономъ. Прибывъ къ Одеру, Русскіе расположились лагеремъ подъ Франкфуртомъ, на высотахъ Кунерсдорфа, ожидая здѣсь прибытія Австрійцевъ; и дѣйствительно, къ союзникамъ вскорѣ присоединился отборный корпусъ подъ предводительствомъ быстрого и энергичнаго Лаудона. Фридрихъ тотчасъ же рѣшился выступить противъ сѣвернаго врага, не смотря на то, что фельдмаршалъ Даунъ изъ Богеміи пропикалъ въ Лузацию и Силезію. Пришлось до послѣдней крайности обезсилить прусскіе боевые отряды въ Силезію, очистить почти всю Саксонію, лишь бы снабдить короля средствами для борьбы противъ Русскихъ. Фридрихъ форсированными маршами подошелъ къ Франкфурту; когда онъ тамъ присоединилъ къ себѣ все корпусъ, то у него насчитывалось около 50,000 воиновъ, а у союзниковъ 80,000. Король напиралъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ; не смотря на предстоявшія мѣстныя препятствія, онъ рѣшился атаковать Русскихъ въ ихъ укрѣпленномъ лагерѣ при *Кунерсдорфѣ*. Загорѣвшаяся здѣсь ужасная битва сначала, казалось, склонялась въ пользу Пруссаковъ. Повтореннымъ натискомъ Русскіе были уже вытѣснены изъ окоповъ, полуразрушенная деревня Кунерсдорфъ была взята геройскимъ приступомъ, непріятель сталъ всюду отступать. Королю совѣтовали прекратить бой; достигнутые доселѣ успѣхи имѣли бы значеніе побѣды, а сверхъ того прусскіе пѣхотные полки были изнурены до смерти и страшно порѣдѣли. Но Фридриху

Битва при Кунерсдорфѣ.

23. іюля 1759.

12. авг. 1759.

хотѣлось во что бы то ни стало этимъ днемъ порѣшить войну; овладѣвшее имъ отчаяніе преодолѣло его бывалое спокойствіе и благо-разуміе. И вотъ, послѣ полудня онъ сталъ продолжать сраженіе; те-перь-то въ блестящемъ видѣ проявились стратегическія дарованія и прозорливость Лаудона. Ему удалось предупредить Пруссаковъ и за-нять позицію на «Шницбергѣ», отчего и зависѣла участь этого дня. Тамъ вновь собрались австрійскіе и русскіе полки; тщетно самъ Фридрихъ посылалъ усталые, сильно пострадавшіе батальоны на приступъ; они не въ силахъ были овладѣть крѣпкою позиціею. Конница также шла на смертный бой; Зейдлицъ сознавалъ бесплодность жертвы, онъ самъ былъ тяжело раненъ и надолго оказался неспособенъ къ бою. Напрасны были всѣ усилія. Кавалерійская атака Лаудона разсѣяла, наконецъ, послѣдніе остатки прусской пѣхоты. Во всю битву король Фридрихъ подвергался крайней опасности; подъ нимъ убиты были двѣ лошади, одежда его была прострѣлена: пуля отскочила отъ золотого футляра въ его карманѣ. Въ отчаяніи, презирая жизнь, онъ все еще стоялъ на Мюльбергѣ; тутъ засталъ его ротмистръ Притвицъ во главѣ сорока цитенскихъ гусаръ и убѣдилъ покинуть мѣсто пораженія. Эти гусары и составили конвой короля, защищая его отъ напавшихъ козаковъ. Фридрихъ никогда не забывалъ Притвицу, что онъ спасъ его отъ смерти или отъ плѣна. Въ отчаяніи онъ съ поля сраженія писалъ своему министру графу Финкенштейну: «У меня нѣтъ больше никакихъ средствъ, для меня все пропало; я не переживу гибели моего отечества. Прощай навсегда!» Армія была совсѣмъ разстроена, 18,000 человекъ убиты, ранены, въ плѣну; собравшіеся поемногу остатки утратили и мужество и дисциплину. Въ числѣ павшихъ былъ также маіоръ Эвальдъ фонъ-Клейстъ, пѣвецъ весны, «поэтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ герой». Здѣсь исполнилось то, что онъ самъ предрекъ: «Быть можетъ и мнѣ суждено нѣкогда пасть за отчизну».

Послѣдствіи
пораженія при
Кунерсдорфѣ.

Путь въ сердцѣ прусскихъ владѣній былъ открытъ побѣдителямъ; казалось, страшнымъ пораженіемъ должна бы завершилась война; въ Берлинѣ готовились уже къ скорой встрѣчѣ непріятеля; королевская семья и правительство удалились въ Магдебургъ. Однако побѣдою не воспользовались. Русскіе полагали, что они достаточно поработали за этотъ годъ; теперь пора бы и Дауну съ австрійскою главною арміею приступить къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ; а то, не изнурия самихъ себя, хотѣть пожертвовать одними только русскими. Они и безъ того не менѣе Пруссаковъ потеряли убитыми; ихъ утомили ужасныя битвы, а въ войскѣ никогда не было дружескаго расположенія къ Австрійцамъ. Даунъ въ свою очередь и теперь поступалъ все также осмотрительно и осторожно, такъ что король успѣлъ нѣсколько оправиться отъ тяжкаго пораженія и вновь приготовить къ бою свои полки. Русскіе, не согласившись съ Дауномъ касательно совмѣстнаго плана дѣйствія, перешли опять за Вислу. Кунерсдорфское пораженіе суще-

ственно повліяло только на Саксонію, почти совсѣмъ покинутую прусскими отрядами. Когда подоспѣлъ туда принцъ Цвейбрюкенскій, то сдались одинъ за другимъ Лейпцигъ, Торгау, Виттенбергъ, наконецъ 4. сент. 1759. также Дрезденъ, главное сборное мѣсто Пруссаковъ и господствующая надъ Эльбою позиція. Пруссакамъ, правда, удалось вновь овладѣть утраченными мѣстами въ Саксоніи, Дрезденъ однако держался.

Для прикрытія города къ нему подошелъ Даунъ, и здѣсь еще разъ сосредоточились главныя силы противниковъ. Самъ Фридрихъ опять прибылъ въ Саксонію и принялъ главное начальство. Съ тѣмъ чтобы австрійскую армію захватить одновременно въ тылъ, онъ отрядилъ съ генераломъ Финкомъ корпусъ въ Диппольшвальде къ югу отъ Дрездена. При численномъ превосходствѣ Австрійцевъ это былъ отчаянный планъ, опасности котораго Финкъ хорошо сознавалъ; но король все-таки настаивалъ; онъ составилъ себѣ черезчуръ преувеличенное мнѣніе о способности и энергіи генерала, не разъ отличившагося, а именно при Кунерсдорфѣ. Несчастная экспедиція скоро горько разочаровала его. Подавленный превосходствомъ, отрѣзанный со всѣхъ сторонъ, Финкъ согласился на безславную *Максенскую* капитуляцію; 12,000 воиновъ сложили оружіе и отдались въ плѣнъ Австрійцамъ; этотъ небывалый доселѣ въ прусской военной исторіи случай крайне огорчилъ Фридриха. Финкъ впоследствии былъ отрѣшенъ и поступилъ на датскую службу. Хотя этотъ во всей войнѣ самый злополучный годъ и завершился такимъ ударомъ, однако Пруссаки все-таки не были еще изгнаны ни изъ Силезіи, ни изъ Саксоніи. Дауну пришлось подвергнуться со всѣхъ сторонъ насмѣшкамъ и упрекамъ за медленность и нерѣшительность.

Максенская
капитуляція

12. ноября
1759.

Пожавъ въ континентальной войнѣ одинъ только позоръ и пораженіе, Англо-фран-Франція вмѣстѣ съ тѣмъ утратила свое прежнее морское и колониальное цузская коло-могущество, тогда какъ за послѣднее время передъ Питтовымъ управленіемъ она приняла при храбромъ маршалѣ Монкальмѣ широкій размахъ; Ан-на. гличане тогда опять были вытѣснены изъ всей области по рѣкамъ Огею и св. Лаврентія. А въ 1758 году Французы были изгнаны съ береговъ Сенега-негамби и африканская торговля ихъ рушилась; ихъ владѣнія въ Остѣ-индіи все болѣе и болѣе ограничивались; въ Вестъ-индіи у нихъ отняли Антилльскій островъ Гваделуу. Но самыхъ важныхъ успѣховъ Англичане достигли въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ французская метрополія безразсудно предавала свои колоніи. Крѣпкій Луисбургъ, средоточіе французскихъ вла-дѣній по рѣкѣ св. Лаврентія и ключъ Канады, былъ взятъ; нѣсколько мѣ- сяцевъ спустя послѣ того вся область по Огею отступила Французамъ. Июнь 1758. Наконецъ пала и Канада. Подъ Квебекомъ молодой рыцарскій генералъ 13. сентября *Джесемъ Вольфъ* разбилъ Французовъ и канадскую милицію подъ предводи- 1759. тельствомъ Монкальма; оба начальника умерли геройскою смертію. Нѣ- сколько дней спустя послѣ того городъ Квебекъ сдался, и съ этимъ охло- томъ рухнуло французское владычество въ Канадѣ. Въ наступившій затѣмъ годъ къ Англичанамъ перешли Монреаль и остальные французскіе форты въ Сѣверной Америкѣ; господство Франціи въ Новомъ Свѣтѣ кончилось.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того палъ также Пондшери, послѣднее владѣніе въ Индіи. Желая притомъ избавиться отъ докучной улики, изболчившей правителей въ забвеніи ихъ долга, а именно—отъ генерала *Лалли-Толендалла*, стойкаго и храбраго защитника послѣднихъ индійскихъ владѣній, французское правительство, послѣ долговременнаго заключеніи его, яко бы за измѣну и превышеніе власти, предало его казни на эшафотѣ. Десять лѣтъ спустя сынъ казненнаго, поддерживаемый Вольтеромъ, добился пересмотра процесса и возстановилъ честь своего имени. Также жалокъ былъ исходъ французскихъ предпріятій въ европейскихъ водахъ. Во Франціи составили смѣлый планъ высадки на англійскій берегъ, для чего и готовились уже громадныя сооруженія. Однако Англійскій флотъ отразилъ опасность. Тулонскіе корабли были уничтожены адмираломъ Воскеномъ у португальскихъ береговъ близъ Лагоса; та же участь три мѣсяца спустя послѣ того постигла брестскій флотъ, надъ которымъ адмиралъ Гавке одержалъ блистательную побѣду въ бухтѣ Квиберонѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и планъ высадки и лучшая часть французскаго флота были уничтожены.

17. авг. 175.

20. ноябри.

Переговоры о мирѣ.

Въ теченіе 1759 года Англія и Пруссія согласились между собою касательно мирныхъ предложеній и въ „Рисвикской деклараціи“ передали воюющимъ державамъ формальное заявленіе о мирномъ конгрессѣ. Это предложеніе возникло частью встѣдствіе искренняго желанія покончить обильную жертвами войну, частью вслѣдствіе усилій Питта, отразить проски внутреннихъ враговъ, доказавъ, въ противность враждебнымъ и робкимъ заявленіямъ въ кабинетѣ и въ народѣ, что отъ отпущу не такъ ревностно предавъ военной политикѣ и всегда готовъ протянуть руку для заключенія мира, лишь бы согласнаго съ честью и благодествіемъ Англіи и ея союзниковъ. Въ виду совершеннаго истощенія французской государственной казны и неминуемаго банкротства Шуазель и согласился бы съ предложеніемъ; но въ его попыткѣ, добиться сепаратнаго мира съ Англіей и отдѣлить нѣмецкую войну отъ морской, прощательный и стойкій Питтъ призналъ ловушку, съ цѣлью разрознить союзниковъ и, помирившись съ Англією, навѣрняка погубить Пруссію; этотъ планъ разбился о союзную вѣрность и честность Питта. Въ Россіи какъ въ арміи, такъ и въ народѣ и въ кружкѣ послѣдника давно господствовало сильное отвращеніе отъ нѣмецкой войны, такъ что одна только императрица Елисавета упорно придерживалась существовавшей дотошъ политики; а въ Австріи ничего и знать не хотѣли о мирѣ. Итакъ, на предложеніе конгресса отвѣтили уклончиво

4. апр. 1760.

21. марта 1760.

Пораженіе Фукѣ при Ландесгутѣ.

общую „контрдекларацию“, въ сущности отказавшись отъ него. Однако и русское правительство также вмѣсто неопредѣленныхъ посуловъ требовало уже теперь извѣстнаго вознагражденія за ея военную помощь, а именно восточную Пруссію вмѣстѣ съ польскимъ Далцигомъ, слѣдовательно—полнаго господства въ Балтійскомъ морѣ. Съ сокрушеннымъ сердцемъ согласился вѣнскій дворъ на „Шуваловскія“ условія, которыя обезпечивали за Россією это обладаніе и заключали въ себѣ, въ ущербъ Швеціи, Польши и Данціи, переворотъ бывшихъ доселѣ отношеній при Балтійскомъ морѣ.

Такъ-то поползновеніями вѣнскаго двора миръ снова разстроился и кровопролитная борьба продолжалась по прежнему. Австрійцы довели свои боевыя средства до недосягаемыхъ доселѣ размѣровъ и мнили уже въ эту кампанію завершить войну. Даунъ съ главной арміей расположился подъ Дрезденомъ противъ короля, въ то же время фельдцеймейстеръ Лаудонъ съ другимъ сильнымъ корпусомъ двинулся въ

Силезію, гдѣ командовалъ генералъ *Генрихъ Августъ де ла Моттъ Фукѣ*; на Одерѣ Лаудонъ имѣлъ въ виду соединиться съ Русскими. Хотя у него было втрое болѣе войска, однако Фукѣ, побуждаемый энергичнымъ приказомъ самаго короля, двинулся противъ него на отчаянный бой. Со всѣхъ сторонъ окруженный императорскими полчищами въ лагерѣ при *Ландесгутѣ* прусскій корпусъ, болѣею частью 23. іюня 1760. все ветераны, обрекъ себя на безнадежную погибель. Никто не сдался, какъ при Максенѣ; подстрекаемые примѣромъ и желѣзною волею Фукѣ батальоны напрягли всѣ свои силы; каждую позицію приходилось отбивать шагъ за шагомъ. Все это кончилось, однако, совершеннымъ истребленіемъ прусскаго корпуса; успѣли пробиться ничтожныя лишь остатки. Самъ Фукѣ, искренній другъ короля послѣ кюстринскихъ и рейнсбергскихъ событій, тяжело раненый попался въ плѣнъ, въ которомъ и пробылъ до самаго мира. Фридрихъ впоследствии всегда уважалъ доблестнаго воина за эту славнѣйшую изъ прусскихъ пораженій. Первымъ слѣдствіемъ австрійской побѣды было за- 26. іюля 1760. воеваніе важной крѣпости Глацъ. Однако Бреславль храбрый комендантъ, генералъ Тауэнцинь, покровитель Лессинга, защищалъ черезчуръ настойчиво, и Лаудонъ вынужденъ былъ отступить, тѣмъ болѣе что принцъ Генрихъ изъ Мархіи спѣшилъ уже на выручку.

Въ Силезіи собрались теперь громадныя войсковыя массы. Въ началѣ августа прибыла туда русская армія; въ то же время и король Фридрихъ, который до сихъ поръ тщетно пытался съ помощію сильной бомбардировки завладѣть городомъ Дрезденомъ; параллельно съ нимъ шелъ Даунъ съ австрійскою главною армією. Однако соединеніе непріятельскихъ армій и теперь тоже не удалось, благодаря искуснымъ маневрамъ Фридриха, першительности Дауна и медлительности Русскихъ. Пока австрійскій главнокомандующій собирался напасть на Пруссаковъ въ лагерѣ подъ Лигницемъ, Фридрихъ тайкомъ покинулъ эту опасную замкнутую позицію; тутъ немного ниже *Лигница*, на берегу *Каубаха*, онъ раннимъ утромъ наткнулся на шедшій для соединенія съ Дауномъ корпусъ Лаудона. Съ обѣихъ сторонъ были съ чрезвычайнымъ напряженіемъ и храбростію; наконецъ-то Лаудонъ, не получая подкрѣплений, вынужденъ былъ отступить съ большимъ урономъ. Въ непосредственной близости находившійся Даунъ слишкомъ поздно уже произвелъ слабую атаку на правое прусское крыло и былъ легко отраженъ Цитеномъ; осторожный, вялый образъ дѣйствія австрійскаго главнокомандующаго всеми рѣзко осуждался. Блестящая побѣда при Лигницѣ открыла Фридриху путь къ Бреславию, отвратила потерю Силезіи, разстроила общій планъ военныхъ дѣйствій и соединеніе Русскихъ съ Австрійцами, исполнило вновь самоувѣренностью прусскую армію, а враговъ—недовѣрчивостію и опасеніемъ. При всемъ томъ положеніе Фридриха было довольно трудное.

Послѣ удаленія короля имперская армія въ связи съ австрійскимъ

Битва при Лигницѣ.

Въ половинѣ іюля.

15. авг. 1760.

Саксонія и корпусомъ вытѣснила изъ всей Саксоніи слабое войско генерала Гюль-Бранденбургъ зена, несмотря даже на поражение въ стычкѣ при Стрелѣ; укрѣпленный Торгау долженъ былъ сдаться; въ области Заалы необузданные стѣненны. 20. авг. 1760. Вюртембергцы самымъ возмутительнымъ образомъ вымогали поборы. Русскій и австрійскій корпуса, опустошая и грабя, ворвались въ открытую Мархію: послѣ храбраго отпора они принудили Берлинъ сдаться и выплатить значительную контрибуцію. Скоро впрочемъ вѣсть о приближеніи короля вновь заставила непріятели удалиться изъ прусской столицы; этотъ набѣгъ оказался почти вовсе безплоднымъ. Въ то же время, благодаря стойкому мужеству гарнизона въ Кольбергѣ подъ командою полковника Гейде и подоспѣвшей во время выручки, не удалась также вторая съ такими обширными приготовлениями, съ сильными русскими и шведскими морскими и сухопутными войсками предпринятая осада этой приморской крѣпости, которая должна была служить опорнымъ пунктомъ при завоеваніи Помераніи; какъ тогда, такъ и впослѣдствіи этотъ городъ занялъ достославную страницу въ прусской исторіи.

9. октбри. Извѣстившись объ австрійско-русскомъ нападеніи на Берлинъ, Фридрихъ выступилъ изъ силезскаго нагорья, съ тѣмъ чтобы спасти Мархію. Вслѣдъ за нимъ шелъ Даунъ съ главной австрійской арміей. Однако непріятели покинули Берлинъ, когда Фридрихъ находился еще только въ Лузаціи; теперь онъ снова рѣшился занять Саксонію. Тамъ же и Даунъ расположился лагеремъ въ чрезвычайно крѣпкой позиціи при Торгау. Королю во всякомъ случаѣ надо было изгнать Австрійцевъ изъ Саксоніи; тѣмъ болѣе, что Русскіе тоже готовились занять зимнія квартиры въ Бранденбургѣ; такъ что сообщеніе съ Силезіей, Помераніей, Берлиномъ будетъ отрѣзано, и лишенная всякаго подвоза прусская армія подвергнется крайней опасности. Фридрихъ во что бы то ни стало хотѣлъ добиться сраженія. Позиція Австрійцевъ на Сюптицкихъ высотахъ была, правда, превосходная, но король все-таки отважился напасть на нее. Оставивъ одну часть войска съ Цитеномъ на югѣ, онъ съ сѣвера началъ атаку. Эта битва при *Torgau* была одна изъ кровопролитнѣйшихъ и ужаснѣйшихъ во всей войнѣ; она же была и послѣднею въ такихъ большихъ размѣрахъ. Прусскіе батальоны съ изумительнымъ самоотверженіемъ штурмовали сюптицкія высоты, откуда зіяли жерла австрійскихъ пушекъ. Историкъ этой войны, Архенгольцъ, участвовавшій въ битвѣ въ качествѣ офицера, такъ изображаетъ этотъ приступъ: «Даунъ встрѣтилъ Пруссаковъ канонадою, небывалою съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтенъ порохъ. Четыреста разставленныхъ по батареямъ пушекъ были направлены какъ бы къ одной точкѣ, и ихъ огненные жерла не переставая изрыгали смерть и гибель. Казалось, разверзся самый адъ, поглощая свою добычу. Ветераны обѣихъ армій отъ роду не видѣли такого огнедышащаго зрѣлища; самъ король то и дѣло восклицалъ, обратившись къ

3. нояб. 1760.

своимъ флигель-адъютантамъ: «Какая ужасная канонада! Случалось ли вамъ слышать когда нибудь подобную?» Да и самое дѣйствіе было невообразимо ужасное. Пять съ половиной тысячъ гренадеровъ, переступивъ черезъ засѣки и атаковавъ съ изумительнымъ мужествомъ, въ полчаса легли мертвые или раненые на мѣстѣ, едва успѣвъ дать по выстрѣлу». И все-таки Пруссакамъ удалось взять высоты; однако онѣ скоро опять были отвоеваны преобладавшими силами Австрійцевъ. Ужасно пострадавшая и разстроенная прусская пѣхота порывалась вновь на приступъ, но была отброшена; день уже клонился къ вечеру, силы ея истощились, конница также была отражена и разсыпалась. Битва, казалось, проигранною: съ оставшимися полками нечего было и думать о новомъ приступѣ; самъ король, безъ оглядки подвергавшійся опасности, былъ раненъ и поневолѣ сдалъ команду. Даунъ, также раненый, отправилъ уже въ Вѣну вѣсть о побѣдѣ. Но вотъ, поздно вечеромъ съ бой вступилъ *Цитенъ*; штурмъ былъ возобновленъ съ запада и съ юга, а вмѣстѣ съ тѣмъ и майоръ Лествицъ съ собранными изъ остатковъ главной арміи батальонами еще разъ ударилъ во флангъ Австрійцевъ; тутъ послѣдніе покинули наконецъ такъ храбро отстаиваемыя ими высоты. Итакъ, битва все-таки рѣшилась въ пользу Пруссаковъ. Этотъ убійственный бой поглотилъ однако страшныя жертвы съ обѣихъ сторонъ; прусская армія лишилась 10,000 убитыми и ранеными, 3000 плѣнными; Австрійцы потеряли еще болѣе. Даунъ въ порядкѣ отступилъ къ Дрездену, гдѣ и расположился на зимовку; прогнавъ имперскія войска во Франконію, Пруссаки также размѣстились въ Саксоніи. Но тысячи воиновъ не нуждались болѣе въ пристанищѣ: лагерь Дауна былъ ихъ могилою. А русская армія подъ начальствомъ фельдмаршала Бутурлина опять вернулась за Вислу.

На западѣ Германіи въ этотъ годъ въ военномъ отношеніи не произошло никакихъ существенныхъ перемѣнъ. Хотя Франція и выставила двадцатитысячную армію подъ начальствомъ маршала Броули, съ тѣмъ чтобы двинуть ее въ одно время съ нижняго Рейна и съ Майнца; однако она не достигла никакихъ рѣшительныхъ успѣховъ. До сраженія въ эту кампанію дѣло вовсе не доходило; все лѣто прошло въ переходахъ и отдѣльныхъ стычкахъ съ перемѣннымъ счастьемъ. Гессенъ-кассельское ландграфство, гдѣ въ этотъ годъ Вильгельму VIII., этому неизмѣнному приверженцу англійскаго союза, наследовалъ менѣе надежный, перешедшій въ католическую вѣру сынъ его, Фридрихъ II., вновь подверглось французскому нашествію; попытка, проникнуть въ Вестфалію, не удалась, благодаря стычкѣ при Вартбургѣ, а цѣлесообразныя дѣйствія Фердинанда Брауншвейгскаго и теперь также спасли сѣверную Германію отъ французскаго завоеванія. Французы опять совершили весьма дорогую и обильную жертвами 31. июля 1760. кампанію съ крайне скуднымъ успѣхомъ.

Безплодность французскихъ предпріятій.

5. исходъ войны и мирные трактаты.

Положеніе
воюющихъ
державъ.

Въ 1760 году положеніе воюющихъ державъ не подверглось никакимъ рѣшительнымъ переменамъ, и въ самой Вѣнѣ начали уже терять всякую надежду на то, чтобы совершенно разгромить Пруссію; при вѣнскомъ дворѣ даже привыкали понемногу къ мысли о мирномъ трактатѣ и значительно умѣрили свои притязанія; финансовое истощеніе настоятельно побуждало примириться съ ненавистнымъ противникомъ. Шуазель, какъ было уже упомянуто, тоже призналъ миръ политическою необходимостью для Франціи. Въ Россіи и народъ и войско давно уже питали крайнее отвращеніе отъ прусской войны, и только все болѣе и болѣе въ летаргію впадавшая императрица Елисавета какъ будто недостаточно еще выместила свой гнѣвъ на прусскомъ королѣ. Потому за эту зиму между обоими дворами шла ревностная корреспонденція по поводу мира; однако однѣ уже формальности касательно мирныхъ переговоровъ, быть ли имъ связанными съ перемиремъ, совершать ли ихъ на всеобщемъ конгрессѣ или частными сдѣлками, не говоря уже о матеріальныхъ условіяхъ, породили столько препятствій, затрудненій и разногласій, что дипломаты не могли сойтись даже въ предварительныхъ условіяхъ. А между тѣмъ поворотъ въ англійской политикѣ сталъ возбуждать мрачныя опасенія. Въ эту зиму скончался король Георгъ II., и ему наследовалъ его юный внукъ того же имени; новое правительство повлекло за собою новыхъ людей и новые принципы. Въ началѣ правленіе Георга III. въ отношеніи континентальной политики шло, правда, прежнимъ путемъ: субсидный трактатъ съ Пруссіей былъ возобновленъ. Когда однако, по ту сторону Канала въ самыхъ широкихъ размѣрахъ использовались промахи французской политики, то легко можно было подмѣтить упадокъ воинскаго духа, какъ въ правительствѣ, такъ и въ народѣ; положеніе Питта, котораго Фридрихъ V. почиталъ своею самою твердою опорой, все болѣе и болѣе подрывалось, а человекъ будущаго, суетный царедворецъ лордъ Бьютъ, не внушалъ довѣрія. Благодаря близкимъ сношеніямъ съ матерью короля, этотъ шотландскій дворянинъ съ ограниченнымъ умомъ и религіозными предразсудками возымѣлъ большое вліяніе при дворѣ, чѣмъ и воспользовался теперь для того, чтобы направить Георга III. по инымъ политическимъ путямъ.

27. окт. 1769.

Упадокъ энер-
гій въ воен-
ныхъ дѣйстви-
яхъ.

Пока дипломатія обмѣнивалась своими безплодными идеями о мирѣ, война продолжалась по прежнему. Однако всеобщее истощеніе весьма замѣтно отражалось на отсутствіи смѣлыхъ подвиговъ и великихъ предпріятій. Въ Саксоніи, гдѣ австрійская главная армія съ Даупомъ во главѣ расположилась противъ принца Генриха, въ этотъ годъ не совершилось ничего важнаго; съ обѣихъ сторонъ поддерживалось оборонительное положеніе

и соблюдалась занятая позиція; не удивительно поэтому, если Австрійцевъ упрекали въ томъ, что они отъ союзниковъ то и дѣло требуютъ величайшихъ жертвъ, а сами ничего не дѣлаютъ. Въ Силезіи король Фридрихъ все дѣло простоялъ противъ Русскихъ съ Бутурлинымъ и австрійской арміи съ Лаудономъ во главѣ, но и здѣсь также вслѣдствіе разногласія и нерѣшительности союзниковъ дѣло не доходило до битвы. Въ случаѣ совместнаго энергическаго наступленія прусское войско было бы подавлено превосходствомъ силъ; но искусныя передвиженія Фридриха, взаимная зависть и вѣчный разладъ въ союзномъ лагерѣ препятствовали соединенію и согласнымъ дѣйствіямъ. Не смотря ни на какія успія, Лаудону не удалось побудить русскіхъ генераловъ къ содѣйствію замышляемаго имъ противъ короля удара; они вскорѣ отошли въ Польшу, преслѣдуемые и тревожными прусскими легкими отрядами. Одно только значительное дѣло удалось австрійскому полководцу: взятіе приступомъ крѣпости *Швейдница*, которая существенно усилила положеніе Австрійцевъ въ Силезіи и доставила имъ большіе запасы. Самого же Лаудона чуть не обвинили за то, что онъ совершилъ этотъ приступъ безъ соизволенія гофкригсрата; а это между тѣмъ былъ способнѣйшій предводитель, но все пренебрегаемые офицеры изъ высокой знати ненавидѣли его какъ иноземца и выскочку. Такая практика и такіа побужденія составляли большое мѣсто австрійскаго военачальства.

1. окт. 1761.

Русскіе менѣе всего заботились о томъ, чтобы помочь Австрійцамъ отвоевать Силезію; они за то тѣмъ энергичнѣе вели войну въ Помераніи, лишь бы возстановить честь своего оружія и исполнить строгія предписанія двора. Имъ хотѣлось пуще всего покорить наконецъ дважды тщетно осаждаемую морскую крѣпость *Кольбергъ*. Около этой твердыни горячо бились и лѣтомъ и осенью; генералъ Румищевъ и сухимъ путемъ и моремъ получалъ большія подкрѣпленія, такъ что принцъ Евгений Вюртембергскій, младшій братъ владѣтельнаго герцога, генералы Вернеръ, Платенъ, и другіе храбрые военачальники тщетно пытались разсѣять ихъ; въ безцѣльныхъ переходахъ расточалась пропасть дюжей силы. Гарнизонъ защищался мужественно и рѣшительно какъ и прежде; однако, когда исчезла всякая надежда на выручку, а припасы и снаряды истощились, то полковникъ Гейде поневолѣ сложилъ оружіе передъ настойчивостью Русскихъ и сдался на самыхъ почетныхъ условіяхъ. При этомъ вся восточная Померанія перешла во власть Русскихъ; только Штеттинъ осмотрительно и стойко охранялся герцогомъ Беверномъ, а энергичный гусарскій полковникъ Беллингъ такъ удачно сдерживалъ Шведовъ, что они не успѣли сдѣлать ни существенныхъ успѣховъ, ни прочныхъ завоеваній; имъ не удалось даже освободить Мекленбургъ отъ обременительнаго прусскаго постоя.

Паденіе Коль-
берга.

16. дек. 1761.

За то взоры съ напряженіемъ обратились на западный театръ войны. Французская армія еще разъ прибѣгло къ крайнимъ успіямъ, съ тѣмъ чтобы при мирныхъ переговорахъ на чашку вѣсовъ возложить по возможности болѣе вѣские успѣхи. Въ первые же мѣсяцы этого года завязалась борьба изъ-за гессенскихъ зимнихъ квартиръ; не смотря одна-

Французская
кампанія 1761
года.

ко на всё усилія, герцогу Фердинанду не удалось-таки вытѣснить изъ Гессена маршала Брольи. Къ этой сѣверорейнской арміи присоединилась еще нижнерейнская, команда надъ которою опять поручена была неспособному царедворцу Субизу; такъ что всего набралось до 150,000 человекъ, а Фердинандъ могъ противопоставить этому развѣ одну половину. При всемъ томъ эта кампанія тоже была не плодотворнѣе прежней. Въ юнѣ французскія войска выступили и соединились при Сестѣ; по распри и взаимной зависти предводителей мѣшали совмѣстнымъ дѣйствіямъ. Послѣ злополучнаго боя при Беллингаузенѣ маршалы опять разошлись. Субизъ вступилъ въ монстерскій округъ, въ Оснабрюкъ и восточную Фреландрю, и занялся опустошеніемъ и злодѣйствами въ безоружныхъ краяхъ, пока наконецъ не отразилъ его брауншвейгскій наслѣдннй принцъ. Благодаря искуснымъ маневрамъ Фердинанда, Брольи тщетно пытался проникнуть въ Ганноверъ и Брауншвейгъ; онъ наконецъ опять-таки ограничился своими прежними квартирами въ Гессенѣ. Придворная козни скоро довели дѣло до того, что его немилостиво отставили, а между тѣмъ онъ былъ самый дѣльный изъ всѣхъ слабыхъ преемниковъ французскихъ маршаловъ школы Людовика XIV. Вся эта съ большими надеждами открытая кампанія ограничилась мелкими стычками и нападеніями, переходами, разбѣздами и изнурительною борьбою съ трудностями продовольствія. Фердинандъ Брауншвейгскій своими цѣлесообразными дѣйствіями вновь списалъ себѣ благодарность короля Фридриха и отчины.

15. 16. іюля 1761.

Бурбонскій фамильный договоръ.

Переговоры о мирѣ между Англіей и Франціей тянулись цѣлый 1761 годъ, и эти державы почти уже согласились между собою; въ то же время въ Аугсбургѣ приступили къ предварительнымъ условіямъ касательно мирнаго конгресса. Однако дѣла еще недостаточно созрѣли, такъ что дипломатія не могла еще добиться какаго нибудь рѣшенія. Напротивъ, англо-французское сближеніе вновь грозило полнымъ разрывомъ, и Шуазель, раздраженный самоувѣреннымъ и угрожающимъ тономъ англійскаго кабинета, вывелъ еще новаго союзника на театръ войны. Правительство давно уже имѣло въ виду втѣлуть въ свои интересы бурбонскаго короля Испаніи, Карла III. Почва здѣсь благоприятствовала такимъ поползновеніямъ; и дѣйствительно, въ Испаніи накопились цѣлый рядъ жалобъ на Англію по поводу каперства и призовыхъ судовъ, по поводу нарушенія торговыхъ интересовъ и колониальныхъ условій, а король сверхъ того обнаруживалъ признаки личнаго неудовольствія, наиболѣе вліятельные испанскіе государственные люди также были расположены въ пользу союза съ Франціей. Когда переговоры съ Англіей начали колебаться, то Шуазель заключилъ давно подготовленный союзъ съ Испаніей. И вотъ теперь подписанъ былъ *Бурбонскій семейный договоръ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и конвенція относительно войны съ Англіей. Оба короля обязались, всякаго врага одной державы считать также своимъ врагомъ, и гарантировали другъ другу владѣнія во всѣхъ частяхъ свѣта; на случай нападенія опредѣленъ былъ даже размѣръ вспомогательнаго войска. Въ конвенціи было также обусловлено, чтобы Испанія 1. мая наступающаго года объявила войну Англии, если до тѣхъ поръ не будетъ заключенъ французско-англійскій миръ; Франція, однако, обязалась не заключать этого мира до тѣхъ поръ, пока не устранятся испанскія жалобы. Испанія въ видѣ вознагражденія выговорила себѣ островъ Минорку. Затѣмъ Шуазель имѣлъ также въ виду, призвать всѣ морскія державы Европы къ войнѣ противъ Англій, а съ несогласными на это обращаться какъ съ врагами; однако такому великолѣпно задуманному плану не суждено было осуществиться.

15. авг. 1761.

Министерскій переворотъ въ Англии.

Съ прекращеніемъ французско-англійскихъ переговоровъ рушился также проектъ Аугсбургскаго конгресса. Тенденціи французско-испанскаго союза

не были, конечно, обнаружены всему свѣту; однако Питтъ тотчасъ же отгадалъ ихъ и хотѣлъ предупредить опасность, объявивъ не медля войну, прежде чѣмъ будутъ окончены испанскія вооруженія; ему воспротивились малодушные, злокозненные члены министерскаго совѣта, и великій государственный дѣятель вынелъ въ отставку. Скоро однако враждебные замыслы испанскаго двора обнаружались до того явно, что англійское правительство было вынуждено, какъ хотѣлъ Питтъ, объявить войну Испаніи, 4. янв. 1762. Окт. 1761. 4. янв. 1762. Напрасно упустивъ лишь много драгоцѣннаго времени. Въ континентальной войнѣ тоже скоро обнаружались дурныя качества, непониманіе дѣла и распущенность новаго правителя, лорда Бьюта. Средства для рейнско-нижне-саксонской войны были, правда, вновь разрѣшены, но субсидный договоръ съ Пруссіей не былъ возобновленъ, частью влѣдствіе отвращенія отъ всей Питтовой системы, частью чтобы въ будущихъ переговорахъ о мирѣ съ Франціей не былъ связанъ по рукамъ обязательствами въ отношеніи къ Пруссіи. Бьютъ всячески старался дать понять королю Фридриху, что для заключенія мира съ Австріею ему слѣдуетъ пожертвовать областью и людьми; онъ даже при петербургскомъ дворѣ противодействовалъ возникшему тамъ соглашенію съ Пруссіею: все это были пошлыя, пелѣныя и вѣроломныя продѣлки вмѣсто честной, чистой и твердой политики Питта.

Въ этотъ послѣдній годъ войны всѣ стороны испытывали крайнее истощеніе. Фридрихъ едва могъ восполнить утраты своихъ полковъ; въ его собственныхъ областяхъ человѣческія силы были высосаны до мозга костей; округи, гдѣ еще можно было набирать рекрутовъ, все болѣе и болѣе сокращались, самый матеріалъ набора былъ въ крайне жалкомъ состояніи. Принцъ Генрихъ жаловался, что ему присылаютъ отжившихъ калѣкъ, дѣтей и бродягъ. Король былъ въ самомъ дурномъ, угрюмомъ настроеніи. Его поддерживало чувство долга и утѣшали литературныя занятія. Не лучше чувствовали себя противники его въ Парижѣ и Вѣнѣ. Австрійцы не знали уже какъ справиться съ финансовыми затрудненіями и нашлись вынужденными сократить армію; въ Парижѣ теперь дорожили скорѣе испанскимъ союзомъ и новою морскою войною противъ Англии, нежели безплодными нѣмецкими походами; въ Петербургѣ все болѣе и болѣе усиливались и разстройство и распущенность всей администраціи; въ германской имперіи, наконецъ, всѣ крайне тяготились сильнымъ гнетомъ, который приходилось выносить не только отъ враговъ, но почти въ той же мѣрѣ отъ союзниковъ. И какъ разъ теперь совершилось событіе въ высшей степени благоприятное для Пруссіи, а именно: кончина императрицы Елисаветы, самой непримиримой ненавистницы Фридриха, которая одна только и вовлекала Россію въ войну съ Пруссіей. Наслѣдникъ и племянникъ покойной императрицы, Петръ III, давно уже былъ великимъ почитателемъ прусскаго короля и не обинуясь обнаруживалъ свои помыслы. Причудливое пристрастіе ко всему прусскому усиливалось еще надеждою, съ помощію Фридриха порѣшить въ угоду Петра споръ съ датскимъ правительствомъ по поводу шлезвигъ-голлштинскихъ герцогствъ. Благодаря такому-то настроенію

Всеобщее истощеніе. Вступленіе на престолъ Петра III.

5. янв. 1762.

царя военныя дѣйствія прекратились, плѣнныхъ распустили, а сверхъ
 19. іюня 1762. того былъ еще заключенъ миръ и союзный договоръ съ условіемъ
 оборонять обоюдныя области отъ всякаго нападенія. Въ то же вре-
 мя и Швеція прекратила войну, причинившую ей одно только без-
 честіе, и примирилась на основаніи существовавшихъ доселѣ правъ
 22. мая 1762. владѣній; точно также и Мекленбургъ, которому жестоко пришлось
 заплатить за свое соучастіе въ борьбѣ противъ Пруссіи.

Русско-Прус- Благотворныя послѣдствія этихъ мирныхъ договоровъ для Фрид-
 снѣй воору- риха состояли прежде всего въ томъ, что онъ могъ отозвать свои
 женный союзъ. отряды изъ сѣверныхъ областей и усилить войска противъ Ав-
 стрійцевъ. Въ Саксоніи и Силезіи война вновь загорѣлась. Тамъ
 принцъ Генрихъ по прежнему все еще успѣшно противоборствовалъ
 имперскимъ ратямъ и Австрійцамъ; а тутъ самъ Фридрихъ пытался вы-
 манить фельдмаршала Дауна изъ его позиціи подъ Швейдницемъ, при-
 чемъ его поддерживалъ русскій вспомогательный корпусъ подъ на-
 чальствомъ Чернышева. Однако русско-пруссскій вооруженный союзъ
 не долго продлился. Послѣ полугодоваго царствованія Петръ III
 палъ жертвою старорусской реакціи, и супруга его, Екатери-
 на овладѣла престоломъ. Новая императрица тотчасъ же расторгла
 прусскій союзъ и отозвала Чернышева, но поддержала миръ. А рус-
 скій полководецъ оказалъ королю услугу, пробывъ еще дня два въ
 лагерь, съ тѣмъ чтобы подкрѣпить предпріятіе противъ Швейдница.

21. іюля 1762. Благодаря взятію приступомъ укрѣпленныхъ высотъ *Буркерсдорфа*,
 главная австрійская армія была отрѣзана отъ сообщенія съ крѣпостью,
 16. авг. а вслѣдствіе стычки при *Рейхенбахъ* разстроилась попытка выручить
 9. окт. гарнизонъ. Послѣ стойкаго сопротивленія крѣпость *Швейдницъ* сда-
 лась на капитуляцію; этою съ трудомъ одержанною побѣдою Прус-
 саконъ завершилась война въ Силезіи.

Конецъ войны Въ Саксоніи Пруссаки въ эту послѣднюю кампанію также достигли
 въ Саксоніи и значительнаго успѣха. Принцъ Генрихъ, поддерживаемый старымъ ге-
 въ имперіи. роємъ Зейдлицемъ, при *Фрейберт* на голову разбилъ Австрійцевъ и
 и имперскія войска подъ командою графа Штольберга. Для Силезіи и
 Саксоніи заключены были перемирія. Одной только имперіи пришлось
 еще испытать на себѣ, во что ей обошлась австрійская охрана. Когда
 въ другихъ мѣстахъ борьба уже прекратилась, въ то же время ге-
 нераль *Фридр. Вильм. фонъ-Клейст* вторгся во Франконію, занявъ
 Нбр. Дябр. Бамбергъ, Ротенбургъ и Нюринбергъ, нагнавъ ужасъ на сеймъ въ Ре-
 генсбургъ и всюду собиралъ контрибуцію и налоги; почти всѣ им-
 перскіе чины поспѣшили заключить миръ съ Пруссіею; вскорѣ и
 самъ сеймъ формально заявилъ нейтралитетъ и распустилъ импер-
 скую армію.

Послѣднія воен- На западѣ между тѣмъ война тоже кончилась. Французы, теперь
 ныя дѣйствія опять подъ начальствомъ престарѣлаго маршала д'Эстре и Субиза, огра-
 на Рейнѣ. ничили свои дѣйствія, стараясь лишь удержать за собою до заключенія

мира завоеванныя области. Однако они не достигли даже этой скром-
 ной цѣли. Фердинандъ Брауншвейгскій съ союзнымъ войскомъ шагъ
 за шагомъ оттѣснялъ ихъ назадъ. При *Вильгельмсталъ*, недалеко 24. іюня 1762.
 отъ Касселя, Французы потерпѣли жестокое пораженіе, а при *Лу-* 23. іюля 1762.
тернберт разбитъ былъ также и саксонскій вспомогательный кор-
 пусъ; непрерывныя нападенія и набѣги приводили въ отчаяніе фран-
 цузскихъ маршаловъ. Обойденные съ юга, они опасались быть от-
 рѣзанными отъ сообщенія съ Майномъ, а потому и покинули свои
 позиціи подъ Геттингеномъ, Мюнденемъ и Касселемъ, отступивъ къ
 Франкфурту. При *Аменебургъ*, недалеко отъ Марбурга, произошла 21. сент.
 еще разъ жестокая схватка; городъ перешелъ во власть Францу-
 зовъ, однако союзники удержали свои позиціи и воспрепятствовали
 непріятелю перейти черезъ Омъ. Взятіе союзниками *Касселя* было 1. ноябрь.
 послѣднимъ подвигомъ Фердинанда, во всю войну стойко и искусно
 охранявшаго сѣверозападную Германію; этимъ и тутъ также заверши-
 лась кампанія.

Тѣмъ временемъ бурбоцскій военный союзъ также попыталъ свои слабья Война въ Пор-
 тугалии и въ тугалии и въ
 силы на владычій морей, на Великобританіи. Прежде всего учинено было заморскихъ
 нападеніе на Португалію, какъ на государство, состоявшее съ Англійей въ дав- колоніяхъ.
 ней союзной связи и съ Метвенскаго договора (XII, 573) въ совершенной эконо-
 мической зависимости отъ нея. Благодаря однако энергіи маленькаго ко-
 ролевства подъ вѣдѣніемъ Помбала, разстройству въ испанской арміи и ан-
 глійской поддержкѣ, это нападеніе не удалось. Графъ Вильгельмъ Шаум-
 бургъ-Букебургскій (стр. 89) довелъ португальское войско до такого состоя-
 нія, что оно съ успѣхомъ противостало Испанцамъ. Португальскій походъ 1762.
 не доставилъ ни славы, ни пользы, а въ заморскихъ колоніяхъ испанско-
 французскій вооруженный союзъ потерпѣлъ еще болѣе жестокіе удары. Ан-
 глійскій флотъ былъ неодолимъ, и Французамъ даже съ помощью Испан-
 цевъ не удалось избѣгнуть утраты заатлантическаго господства. Весною 13. февр. 1762.
 адмираль Родней захватилъ важный островъ *Мартинику*; за сѣмъ послѣ-
 довали и остальные французскія колоніи въ Вестъ-Индіи. Нѣсколько мѣся-
 цевъ спустя послѣ того взята была приступомъ испанская *Гавана*, бога-
 тѣйшій и наиболѣе крѣпкій городъ въ тѣхъ моряхъ, ключъ къ обладанію
 всей Центральной Америки; въ Остъ-Индскомъ морѣ храбрый генераль Виль-
 ямъ Дреперъ захватилъ *Мапилу* и вмѣстѣ съ тѣмъ овладѣлъ испанскими
 Филиппинами; сверхъ того англійскіе каперы по всѣмъ морямъ препят-
 ствовали испанской и французской торговлѣ и забирали богатые призы.

Однако подвиги войска и флота не избавили англійскаго кабинета отъ Французско-
 малодунія и слабости. Въ Лондонѣ хотѣли мира во что бы то ни стало, англійскій мир-
 не прииная въ соображеніе ни чести націи, ни вѣрности въ отношеніи ный трактатъ.
 къ союзникамъ, ни будущей безопасности. „Въ исторіи“, говоритъ А. Ше-
 феръ, „не встрѣчается ничего подобнаго тѣмъ мирнымъ переговорамъ, ка-
 кие въ 1762 году велелъ между Англійей, Франціей и Испаніей. Вмѣсто того,
 чтобы съ самосознательнымъ спокойствіемъ и твердостью выждать, когда
 французскому и испанскому дворамъ угодно будетъ протянуть руку примире-
 нія, англійское министерство само заискивало у противниковъ, которые
 только что съ такимъ нахальствомъ вызвали Англійю на бой, и поусердство-
 вало даже предупредить всѣ ихъ желанія. Пока тянулись эти переговоры,
 лордъ Бьютъ, а съ нимъ и король также опасались лишь, какъ бы войска

Великобританія и ея союзниковъ своими новыми побѣдами не помѣшали ихъ продѣлкамъ; вѣдь, въ такомъ случаѣ имъ нельзя было бы оправдать передъ англійскимъ народомъ тѣ выгодныя условия, какия они готовы были предоставить неприятелю. И вмѣсто того, чтобы воспользоваться въ угоду своимъ союзникамъ тѣмъ перевѣсомъ, какаго добилась Англія, и обезпечить ихъ, англійскій дворъ съ своей стороны предалъ Пруссаковъ ихъ врагамъ и расторгъ союзъ, который, подъ напоромъ опасности, казалось, былъ заключенъ ненарушимо. После тщательныхъ переговоровъ Франція, Испанія и Англія заключили, наконецъ, между собою отдѣльный миръ. По *пре-*
 3. нбр. 1762. *лиминарїямъ въ Фонтенебло* Англія отдавала Гавану, Гвадалупу, Мартинику, Филиппины, Горею у африканскихъ береговъ, возстановила прежнія владѣльческія условия въ Ост-Индіи, и приобрѣла за то Канаду, Флориду и Луизиану къ западу отъ Миссисипи, рядъ мелкихъ Вестъ-Индскихъ острововъ (Гренаду), а въ Африкѣ Сенегамбію; Минорка (стр. 71) была возвращена. За уступку Флориды Испанія получила остальную Луизиану. Хотя Англія и не пожинала всѣхъ плодовъ своей побѣдоносной морской борьбы, однако приобрѣтенія ея были все-таки весьма значительны. Америка была завоевана въ Германіи, говорилъ Питтъ, и не смотря на то для Пруссіи почти ничего не выговорили. Франція, правда, очистила завоеванныя области въ Германіи и обѣщала не посылать болѣе помощи союзникамъ, однако ей все-таки предоставлялось передать императрицѣ занятія прусскія владѣнія по Рейну и подъ видомъ субсидныхъ доплатъ выдавать Австріи дальнѣйшія пособія. Быстрыя мѣропріятія Фридриха воспрепятствовали, впрочемъ, передачѣ нижнерейнскихъ областей императорскимъ войскамъ. Питтъ тщетно еще разъ истощилъ свое мощное краснорѣчіе, чтобы заклеймить позоромъ „коварный и измѣнническій“ поступокъ съ лучшимъ союзникомъ и выставить скудныя выгоды мирныхъ условий; парламентъ, подкупленный милостями, деньгами и угрозами, изъявилъ согласие. Прелиминарїи подтверди-
 10. февр. 1763. лись Парижскимъ миромъ, въ который включена была также и Португалия.

Миръ въ Гу- По завершении прелиминарїи въ Фонтенебло на западъ Германіи
 бертсбургъ. вновь воцарился миръ; союзное войско, получавшее жалованье отъ Англіи, было распущено, а Французы очистили занятія ими области. Теперь война велась только между императрицею и королемъ Фридрихомъ, однако и тутъ также миръ не надолго отсрочили. Вслѣдствіе обоюднаго истощенія нечего было и думать продолжать борьбу; новая кампанія никому уже не могла доставить существенныхъ выгодъ. Итакъ, благодаря саксонскому почину, съ ноября начались совѣщанія о формѣ и условіяхъ мирнаго договора; 30. декабря въ саксонскомъ охотничьемъ замкѣ Губертсбургѣ собрались представители трехъ державъ: отъ Австріи придворный совѣтникъ Колленбахъ, отъ Пруссіи баронъ Герцбергъ, искуснымъ перомъ котораго написаны болѣею частью берлинскіе политическіе отчеты о той эпохѣ, а отъ Саксоніи Томасъ Фричъ. Благодаря искреннему со всѣхъ сторонъ желанію мира, не смотря даже на разныя препятствія и разногласія, скоро добились вождедѣннаго рѣшенія. Вѣнскій кабинетъ льстилъ себя надеждою, удержать за собою по крайней мѣрѣ графство Глацъ; однако вслѣдствіе рѣшительнаго сопротивленія Фридриха, уступить хотя бы пядь своей земли, отказались отъ этого требованья и просто возста-

новили бывшія до войны владѣнія. Отъ вознагражденія за военныя жертвы также уклонились, сколько имъ добивалась этого сильно пострадавшая Саксонія. Обѣщаніе касательно избранія въ императоры эрцгерцога Иосифа — вотъ въ сущности единственная выгода, каковую Австрія вынесла изъ войны. Въ составъ *Губертсбургскаго мира*, за- 15. февр. 1763. ключеннаго главнѣйше между Пруссіей, Австріей и Саксоніей, вошли не только имперія, но также союзники и друзья обѣихъ сторонъ.

Фридрихъ V. въ доблестной безпримѣрной борьбѣ съ средствами *Вліяніе семип-*
 небольшого и бѣднаго края возсталъ противъ вооруженной громады *лѣтней войны.* и сохранилъ въ цѣлости наружный составъ прусскаго государства; преданность вѣрнаго, храбраго народа и личная твердость и геройская доблесть отвратили самую ужасную опасность, какаю когда-либо грозилъ развивавшемуся германскому королевству. Благодаря этому, нѣмецкая миссія Пруссіи и положеніе ея въ средѣ европейскихъ великихъ державъ твердо установились, и не смотря на всѣ понесенныя бѣдствія отъ семилѣтней войны, германскій народъ вполне сознавалъ высокую національную пользу отъ этой борьбы; подвиги великаго Фридриха воодушевляли сердца всѣхъ патриотовъ въ теченіе цѣлаго вѣка. Вѣдь всякому, даже недалновидному уму было ясно, что въ прусской державѣ, побѣдоносно боровшейся съ императоромъ и имперіей вмѣстѣ съ половиною Европы, возрасла и утвердилась мощь, котóрая при политической немощи старой оконечѣвшей имперіи призвана была охранить будущность Германіи и честь націи. Однако сама Пруссія также страшно пострадала отъ войны; благосостояніе истощилось, край былъ болѣею частью опустошенъ, управленіе, армія, весь государственный урядъ находились въ разстройствѣ, торговля и сношенія были въ упадкѣ. Тутъ-то Фридрихъ и доказалъ, что онъ не только великій побѣдитель въ бояхъ, но также мудрый законодатель и правитель, доброжелательный и рачительный государь. Наступившіе за симъ благодатные годы мирной дѣятельности такъ же прославили его имя въ исторіи, какъ и военныя лавры на поляхъ битвъ въ Богеміи и Силезіи.

Общественное мнѣніе въ Англии отнюдь не сочувствовало дѣйствіямъ пра- *Построеніе въ*
 вительства за послѣдніе годы войны и обильмъ мирнымъ трактатамъ. Во- *Англии. Джонъ*
 жаконъ правительства и мирныхъ переговоровъ, Бьюта, Голланда, Бедфор- *Вилькисъ.*
 да, даже овдовѣвшую Вельскую принцессу не преминули всенародно обви-
 нить въ томъ, что они были подкуплены Франціей. Когда же въ наступив-
 шее затѣмъ засѣданіе парламента Георгъ III, въ тропной рѣчи похвалялся *Апрѣль 1763.*
 своими заслугами по поводу возстановленія мира, то *Джонъ Вилькисъ*, да-
 ровитый, но безнравственный человѣкъ, написавшій и прежде уже нѣ-
 сколько памфлетовъ противъ администраціи Бьюта и, благодаря вліянію
 нѣкоторыхъ лордовъ вигской партіи, въ особенности Темпла, избранный въ
 нижнюю палату, помѣстивъ въ своей газетѣ „Сѣверный Британецъ“ („North
 Briton“ № 45) статью, въ которой та хвастливалъ рѣчь подверглась ѣдкой
 критикѣ. Это сочли оскорбленіемъ величества, и для того чтобы укротить

гнѣвъ короля, статсъ-секретарь Галифаксъ далъ приказъ, арестовать автора и всѣхъ сотрудниковъ газеты, не назвавъ никого по имени и не обозначивъ даже въ точности свойства преступленія, какъ то непременно требовалось габеасъ-корпусъ-актомъ. Въмѣсто того, чтобы арестованнаго памфлетиста тотчасъ-же, какъ предписывалось закономъ, предать настоящему суду, Вилькиса, отказавшагося отвѣчать на допросъ статсъ-секретаря, отвели въ Тоуеръ, вопреки даже тому, что онъ былъ членомъ нижней палаты. Тогда-то друзья и единомысленники журналиста и оратора обнародовали незаконный поступокъ. Поднялось волненіе, имѣвшее слѣдствіемъ то, что Вилькиса предали обыкновенному суду, съ тѣмъ чтобы послѣдній рѣшилъ касательно законности ареста, который „слѣдую давно существовавшему обычаю“ учинилъ Галифаксъ. Но верховный судья Праттъ объявилъ арестъ незаконнымъ, такъ какъ члена парламента можно преслѣдовать судомъ развѣ за вѣроломство или за нарушеніе мира, а отнюдь не за насквилю. Вилькисъ, снабженный отъ Темпли денежными средствами, завелъ съ статсъ-секретаремъ и со всѣми содѣйствовавшими ему при арестѣ чиновниками рядъ тяжбъ, которыя продолжались цѣлый годъ, поддерживали народъ въ постоянномъ возбужденіи и придали незаслуженное значеніе смѣлому агитатору. „Вилькисъ и свобода!“ — было лозунгомъ дня. Онъ самъ и всѣ его соучастники получили вознагражденіе, которое король возмѣстилъ приговореннымъ изъ собственной казны, считая тяжбу своимъ личнымъ дѣломъ. Такимъ образомъ габеасъ-корпусъ-актъ, этотъ залогъ личной свободы, побѣдонсно вышелъ изъ борьбы противъ министерскаго деспотизма и посягательства короны. Однако роль Вилькиса была еще не совсемъ сыграна. Возбужденный рыною оппозиціею, какую „Сѣверный Британецъ“ поддерживалъ въ своихъ слѣдующихъ затѣмъ нумерахъ противъ господствовавшей системы правленія, король при открытіи вновь парламента въ тронной рѣчи потребовалъ отъ собранія, чтобы оно „укротило дерзкій духъ, возстающій противъ основъ англійской конституціи“. На это по поводу предложенной газетной статьи въ нижней палатѣ послѣ горячихъ прешій было заявлено, что газета ничто иное какъ насквилю и Вилькисъ поддѣлать суду за государственную измену. Въ верхней палатѣ этотъ приговоръ встрѣтилъ болѣе сильное сопротивленіе, и семнадцать лордовъ заявили противъ него протестъ; но и здѣсь также билъ прощель большинствомъ и было постановлено, чтобы признанная насквилемъ газета была публично сожжена палачомъ и чтобы Вилькисъ вопреки состоявшемуся судебному приговору былъ обжалованъ какъ лжеблудникъ. Однако лондонское населеніе было возмущено до такой степени, что вырвало изъ рукъ палача газету, когда онъ собирался жечь ее. Итакъ, судъ и народъ вступились за честь и права парламента, тогда какъ нижняя палата изъ раболѣпства измѣнила имъ. Съ этой поры Вилькисъ въ газетныхъ статьяхъ и памфлетахъ сталъ такъ дерзко и безстыдно нападать на своихъ противниковъ, что его не только обжаловали вновь, но вызвали даже на дуэль. Парламентъ заявилъ, что вслѣдствіе насквилюныхъ статей онъ не достоинъ болѣе занимать мѣсто въ нижней палатѣ, и исключилъ его, а лордъ Сандвичъ, пресловутый по своей распутной жлзни перъ, подавъ на него жалобу въ верхнюю палату за непечатанное, правда, но ходившее по рукамъ циническое стихотвореніе „О женщинахъ“; это была въ родѣ Вольтеровой Орлеанской дѣвственницы пародія на „Опытъ о человѣкѣ“ Понсе; богохульными выходками и злостными нападками на двухъ епископовъ эта сатира провинилась передъ церковью и верхней палатою. Угрожаемый судами, преслѣдуемый кредиторами, Вилькисъ вынужденъ былъ бѣжать во Францію. Его потомъ заочно осудили и объявили

14. нбр. 1763.

Янв. 1746.

безправнымъ. Однако демагогическій памфлетистъ и послѣ этого даже не сошелъ съ поприща общественной жлзни. Когда наступила переменна въ министерствѣ, то послѣ четырехлѣтняго отсутствія единомысленники вызвали его, снабдивъ деньгами для уплаты долговъ; но возвращеніи онъ былъ восторженно принятъ оппозиціею какъ мученикъ тирани. Послѣ сопрвождавшагося народнымъ волненіемъ и вооруженнымъ насиліемъ судебного производства приговоръ за неявку въ судъ кассировали, а когда въ то же время созданъ былъ новый парламентъ, то въ графствѣ Мидльсексѣ Вилькиса избрали въ нижнюю палату. Послѣдняя однако не хотѣла принять его, оттого что онъ бѣгствомъ уклонился отъ показанія за насквилю. Тогда Вилькисъ явился въ судъ и былъ приговоренъ къ двухлѣтнему заключенію въ тюрьмѣ. Парламентъ не удовольствовался этимъ: новый яко бы измѣническій насквилю противъ одного изъ министровъ, лорда Веймута, послужилъ раболѣпной палатѣ удобнымъ поводомъ, опять исключить изъ своей среды агитатора. Однако избиратели Мидльсекса не измѣнили смѣлому поборнику конституціонныхъ правъ; они вновь избрали его; когда же парламентъ упорно отказывался принять его, то повторили свое избраніе три раза сподрядъ. Тогда нижняя палата прибѣгла къ роковому нарушенію права: она признала законно избраннымъ представителемъ графства Мидльсекса кандидата меньшинства, полковника Лѣттрели, не смотря на то, что онъ на выборахъ получилъ невступно 200 голосовъ противъ 1100, выгнавшихъ за Вилькиса. Это дѣйствіе парламента произвола возбудило вопль негодованія въ рядахъ либераловъ; гонимаго и оскорбляемаго демагога сочли жертвою деспотизма, и популярность его возрасла болѣе чѣмъ когда либо. Его исключеніе изъ палаты сочли вопросомъ о принципахъ, которымъ и воспользовалась оппозиція противъ господствовавшей системы. Мы скоро ознакомимся съ возбужденнымъ настроеніемъ партій, которое проникло во всѣ слои англійской наци вслѣдствіе распри съ сѣвероамериканскими колоніями и которое такъ рѣзко отразилось въ письмахъ Юниа. Это пришлось какъ разъ кстаи ловкому, не знавшему отдыха агитатору. Вышедъ изъ тюрьмы, онъ лондонскими гражданами былъ избранъ въ альдермены, добился признанія его членомъ парламента и провелъ послѣдніе годы своей жизни въ знатныхъ должностяхъ, чтимый какъ стойкій поборникъ конституціи, парламентскихъ правъ и преимуществъ. Вилькису въ качествѣ члена городской управы еще разъ представился случай, стать во главѣ оппозиціи противъ правительства. По жалобѣ нѣкоторыхъ членовъ парламента, будто бы ихъ рѣчи неточно и невѣрно передаются въ газетахъ, палата, обойдя городскую полицію, велѣла своимъ курьерамъ арестовать людей, печатавшихъ тѣ будто бы искаженныя рѣчи; лордъ-меръ и управа сочли это вмѣшательствомъ въ городское судопроизводство. А потому они освободили арестованныхъ. Распри между нижней палатою и управою обострилась еще вслѣдствіе билля о плотинѣ по поводу заложения новаго дока, что повело къ суженію русла Темзы, считавшагося собственностью города. Дѣло дошло до жалобъ, арестовъ, до уличныхъ мителей, до адресовъ и прошеній къ королю, причемъ Вилькисъ постоянно находился на челѣ движенія. Въ благодарность, за это его на 1775 годъ выбрали въ лордъ-меры, въ санѣ котораго мы впоследствии встрѣтимся съ нимъ еще разъ. Этимъ и завершилась его роль демагога. Вилькисъ умеръ 1. декабря 1797.

Весной 1768.

3. февр. 1769.

8. мая 1769.

1770.

В. ЭПОХА ПРОСВѢЩЕНІЯ И ПРЕДВѢСТНИКИ РЕВОЛЮЦІИ.

1. Литературное и философское образованіе эпохи.

Литературныя пособия. 1. *Англія*: Помимо указанныхъ въ IX т. твореніяхъ и культурноисторическихъ перечней въ Исторіи восемн. стол. Шлоссера въ слѣдующемъ отдѣлѣ пользовались: Herm. Hettner, Gesch. der engl. Litteratur. Braunschw. 1856 u. in spätern Auflagen. Erster Theil; H. Taine, Hist. de la littérature Anglaise. Par. 1863, 64. 4 voll.; Lechler, Gesch. des engl. Deismus. Stuttg. u. Tüb. 1841; Macaulay's ausgewählte Schriften gesch. u. litter. Inhalts. Braunschw. 1860 u. sonst; K. Fischer, Francis Bacon und seine Nachfolger (Locke, Berkeley, Hume). 2. Aufl. Leipz. 1875. — Главныя произведенія авторовъ, очерки и тенденція которыхъ мы приведемъ для характеристики образованія эпохи и умственнаго направленія, встрѣчаются во многихъ полныхъ собраніяхъ ихъ сочиненій, нѣкоторыя также въ нѣмецкихъ переводахъ и передѣлкахъ (Pope von Oelkers u. Böttger. Leipz. 1842. 4 voll.). — 2. *Франція*: Помимо названныхъ въ XII т. стр. 267 и 495 сочиненій, въ особенности Лагарпа, Нивара, Арида, Виалемэна (Cours de littérature française, tableau du 18 me siècle): Hettner, Gesch. d. franz. Litteratur. Zweiter Teil des angef. Werkes; O. Henne-Am Rhyn, Kulturgesch. der neuern Zeit. Leipz. 1871. 3 Bde.; D. Fr. Strauss, Voltaire. Sechs Vorträge. Leipz. 1870; Ellissen, Volt. als pol. Dichter. Leipz. 1847; Bungenier, Volt. et son temps. Par. 1851; Bockerhoff, Jean Jacques Rousseau. Sein Leben und seine Werke. Leipz. 1863. 3 voll.; Musset-Pathay, Hist. de la vie et des ouvrages de J. J. Rousseau. Par. 1821. 2 voll.; K. Rosenkranz, Diderots Leben und Werke. Leipz. 1866. 2 voll.; F. A. Lange, Gesch. des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung für die Gegenwart. Iserlohn 1866, und seitdem in 3. Aufl. — Имѣется много изданій полныхъ сочиненій названныхъ писателей; также имѣются переводы и передѣлки нѣкоторыхъ сочиненій (Руссо Крамеромъ, Гейнхомъ, Ф. Геллемъ и др.). — Ср. также Adolph Stern, Geschichte der neuern Litteratur 7 Bde. Leipzig 1882—1886. — 3. *По политической экономіи*: Blanqui, Histoire de l'Économie politique. 1837 fig., verdeutsch von Buss 1840; Villeneuve-Bargemont, Hist. de l'éc. pol. 1839; L. Bianchini, Della Scienza del ben vivere sociale e della Economia degli Stati. Parte storica 1845; Travers Twiss, View of the progress of political economy in Europe since the 16. century 1847. Главное твореніе: J. Kautz, Die geschichtliche Entwicklung der Nationalökonomik. Wien 1860. Ср. также Roscher, Die Geschichte der Nationalökonomik in Deutschland. München 1874. — 4. Для историческаго очерка *математики и естествознанія* важенъ въ особенности изданный исторической комиссіей въ Мюнхенѣ сборникъ историческихъ сочиненій объ отдѣльныхъ наукахъ, а именно: Исторія химіи *Коппа*, зоологія *Каруса*, минералогія *Кобелла*, географія *Пешеля*. Потомъ еще ист. математики *Монтюлла*, механика *Дюринга*, историческое введеніе къ механикѣ *Лагранжа*, къ геол. творенію *Жоффрау де Санта-Илера*. Poggendorf, Handwörterbuch der exakten Wissenschaften. Нѣсколько лекцій: Du Bois-Reymond, Über Voltaire als Naturforscher; Helmholtz, Über Goethes naturwissensch. Arbeiten и др. соч.

1. КУЛЬТУРНАЯ И УМСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ АНГЛІИ.

а. Развѣтіе и характеръ англійскаго образованія вообще.

Подобно тому какъ въ эпоху возрожденія европейскія культурныя страны прониклись всемірною литературою, которая, созидаясь на вновь воскресшей древности, имѣла въ виду обновить челоѣчество идеями гуманизма, точно также и два столѣтія спустя возникла другая всемірная литература, которая одновременно развилась въ Англии и Франціи и просвѣтила также Германію косвенными лучами (XII, 728). У этой второй всемірной литературы также были свои общія цѣли и тенденціи; она имѣла въ виду озарить свѣтомъ разума и просвѣщеннаго раціонализма господствовавшія воззрѣнія и формы образованія, при посредствѣ пытливаго и мыслящаго ума побороть и уничтожить традиціонныя понятія, правила и обычаи, на мѣсто устарѣвшихъ отжившихъ учреждений, ученій и нравственныхъ правилъ установить новое, на философіи и гуманности основанное міровоззрѣніе и настроеніе духа. Въ Англии пришлось пройти надъ глубокими пропастями, пока не достигли правоваго государства, въ которомъ царилъ законъ и гармоническій порядокъ поддерживался равновѣсіемъ общественныхъ властей; затѣмъ, какъ въ каждомъ единичномъ челоѣкѣ, такъ и въ обществѣ тоже надлежало заложить новый религіозный и бытовой урядъ, новую гармонию. Уже цѣлый вѣкъ тому назадъ строгій, до фанатизма благочестивый государственный мужъ, лордъ *Гербертъ Чербюри*, въ самый разгаръ политическихъ и религіозныхъ противорѣчій сдѣлалъ въ своей книгѣ «Объ истинѣ» попытку, открыть высшую, болѣе свободную точку зрѣнія въ понятіи объ естественной религіи, которую онъ призналъ даже въ язычествѣ; теперь же, въ болѣе спокойную эпоху можно было съ еще болѣе большимъ успѣхомъ добиться той же цѣли. Со времени Ньютона мірозданіе представлялось твореніемъ вѣчно зиждущей законности, въ самомъ себѣ установившимся и само себя поддерживающимъ. Это воззрѣніе на устройство вселенной примѣнялось къ натурѣ челоѣческаго духа, который точно также представлялся сущимъ въ самомъ себѣ, независящимъ отъ какихъ бы то ни было произвольныхъ вліяній. *Локке* первый доказалъ, что въ духовной жизни, въ мірѣ понятій и представлений должны совершаться такая же пытливая и все изслѣдующая дѣятельность, такой же постепенный переходъ къ принципамъ и элементамъ, какъ и въ самой природѣ, что только внѣшній или внутренній опытъ ведетъ къ наукѣ и къ истинѣ, и слѣдовательно врожденные идеи и откровенныя ученія не могутъ считаться достовѣрными. И объ откровеніи также надлежитъ судить разуму. Исходя отъ такого умственнаго кругозора путемъ научнаго

мышления и критическаго изслѣдованья, дошли до философскаго міровоззрѣнія, передъ которымъ не могли устоять традиціонныя положительныя ученія и догматы. Новый методъ воспитанія, для котораго самъ Локке далъ первыя указанія, имѣлъ падѣлать человѣка способностью, безъ предвзятыхъ мыслей, безъ предубѣжденій изслѣдовать высшія задачи и извѣдать существо и духовную природу человѣка. Тутъ-то мужи въ родѣ *Боллингброка*, воспитаннаго по принципамъ Локке политика, въ родѣ лорда *Шефтсбѣри* и *деистовъ* пришли къ философскимъ воззрѣніямъ и основнымъ положеніямъ, состоявшимъ въ рѣзкомъ противорѣчьи съ господствовавшими идеями и ученіями. Интеллектуальныя и моральныя силы современнаго имъ общества они вывели на борьбу противъ всего исторически сложившагося и всѣми признаннаго; они положили основаніе моральной философіи, которая установила нравственность независимо отъ религіи и сочла первую природеннымъ свойствомъ человѣческой природы; цѣлью жизни они признали ученіе о блаженствѣ, имѣющее корнемъ не вѣру въ Библію, а осуществленіе идей добра, красоты и истины. По библейско-теологическому воззрѣнію земля проклята, человѣческая природа испорчена наслѣднымъ грѣхомъ, тогда какъ *Шефтсбѣри*, подобно своему современнику *Лейбницу*, утверждалъ, что міръ устроенъ наилучшимъ и самымъ цѣлесообразнымъ образомъ, что человѣкъ отъ природы способенъ познать и постичь добро, красоту и истину, что исполненная добродѣтели и гуманности жизнь ведетъ къ блаженству. *Боллингброкъ*, хотя и желалъ сохранить для толпы народную вѣру, былъ однако того мнѣнія, что здравымъ человѣческимъ разумомъ признаются только естественная религія и нравственный законъ, а все остальное придумано пустосвятами, остроумными, но лукавыми людьми; и рядъ писателей, прозванныхъ деистами или вольнодумцами, пытались историческое христіанство замѣнить философскою вѣрою въ Бога, а церковный культъ—нравственнымъ ученіемъ. Изобрѣтательный *Дефо* въ исторіи *Робинзона Крузэ* показалъ, какъ человѣкъ путемъ самовоспитанія, личной энергіи и душевной бодрости изъ низшаго и бѣднѣйшаго естественнаго состоянія способенъ дойти до культуры и достойной уваженія жизни.

Въ другихъ отрасляхъ духовнаго творчества помогали также реформы, благодаря которымъ просвѣщалось и облагороживалось чело-вѣчество, возбуждалось въ обществѣ чувство нравственности и добродѣтели, богаче слагалась внутренняя жизнь. Драматическая муза, принявшая при королѣ *Карлѣ II*, благодаря *Дрейдену* и его сподвижникамъ, паглыя черты куртизанки, перешла поемногу къ болѣе благопристойнымъ приемамъ и формамъ, пока наконецъ сценою не овладѣла трогательная мѣщанская драма съ ея назидательною тенденціею. Рука объ руку съ этими драматическими писателями *Аддисонъ* и *Стимъ* преслѣдовали ту же цѣль, положивъ въ своихъ еже-

недѣльныхъ изданіяхъ дѣйствительную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ въ основу своихъ привлекательныхъ очерковъ; романисты также описывали событія въ домашней жизни и въ мѣщанскомъ обществѣ, характеры и свойства отдѣльныхъ личностей, чувства и порывы въ нѣдрахъ сердца и души, людскія побужденія и страсти, то въ выспреннихъ идеальныхъ образахъ подобно *Ричардсону*, то въ родѣ *Филдингъ* и *Смоллета* въ веселыхъ описаніяхъ дѣйствительности, или подобно *Стерне* съ его любвеобильною прощипательностью и добродушнымъ смѣхомъ въ юмористическихъ очеркахъ своеобразно сложившихся характеровъ по ихъ поступкамъ и помышленіямъ. Въ то же время царь рѣимы, многосторонній поэтъ *Поупъ* старался развить поэтическій вкусъ своихъ современниковъ и пробудить въ свѣтѣ и въ искусствѣ чувство изящнаго и величаваго: своими звучными рѣимованными стихами онъ поэмѣ Гомера сдѣлалъ доступною для англійской націи, комическимъ эпосомъ о похищеніи локона—развилъ вкусъ къ свѣтлымъ образамъ гетія, а въ своемъ опытѣ о человѣкѣ выразилъ философское пониманіе *Шефтсбѣри* и *Боллингброка* о мірѣ и добродѣтели. Его картины природы внушили шотландскому поэту *Томсону* описательное стихотвореніе о временахъ года. Преобразовательною тенденціею отличались также сатирическія произведенія, въ которыхъ *Свифтъ*, изображая дѣйствительность въ карикатурѣ, съ язвительною ироніею и насмѣшкою изливалъ свое чувство горечи по поводу состоянія церкви, государства и общества. Въ сказкѣ о бочкѣ и въ путешествіяхъ матроса Гулливера онъ бичевалъ пороки и безобразіе, безразсудныя понятія и пологнозенія партій той эпохи, окропивъ все это ѣдкою желчью ироніи и сатиры.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы узнаемъ, какъ въ теченіе всего этого столѣтія сильно вліяли одна на другую англійская и французская литературы просвѣщенія: Французы сначала заимствовали много идей и выводовъ у англійскихъ философовъ и вольнодумцевъ, за то подъ исходомъ столѣтія литературное образованіе и міросозерцаніе островнаго царства мощно возбуждались и оплодотворялись культурною странною по другую сторону Канала. Великіе историки *Юмъ*, *Гиббонъ* и даже болѣе умѣренный и осторожный *Робертсонъ* въ ихъ значительныхъ твореніяхъ слѣдовали скептическо-раціоналистическому міровоззрѣнію *Вольтера* и его единомысленниковъ. Въ гостиныхъ богатой леди *Вортлей Монтею*, этой много путешествовавшей дамы, которая посѣщала даже гаремъ султана въ Константинополь и прославилась какъ своими путевыми письмами, такъ и стараніемъ ввести оспопрививаніе, потомъ еще въ кружкахъ г-жи *Везе* и г-жи *Траль* собирались, точно такъ же какъ въ парижскихъ салонахъ, представители періодической и современной литературы. Однако въ англійскихъ обществахъ, гдѣ судилъ и рядилъ главнѣйше ученый педантъ *Джонсонъ* Джонсонъ
1709—1784.
Самуилъ Джонсонъ; составитель англійскаго словаря и авторъ мно-

жества критическихъ, сатирическихъ, біографическихъ и поучительныхъ сочиненій и брошюръ, господствовалъ менѣе либеральный тонъ. Въ этихъ аристократическихъ кружкахъ не осмѣливались неводержанною критикою и философіею затрогивать «блаженную конституцію» старой Англии и существующую государственную церковь. Тогда какъ во Франціи все болѣе и болѣе расширяется пропасть между традиціонными порядками государства съ его церковью и проблесками свободного и смѣлаго мышленія, тогда какъ сомнѣніе и безвѣріе все сильнѣе подрываютъ нравственныя основы всей націи, въ то же время въ Англии критическая и скептическая философія ограничивается извѣстными предѣлами и общественными кружками. Во Франціи церковныя обряды и напыщенный риторическій пафосъ проповѣдниковъ утрачиваютъ все болѣе и болѣе власть надъ образованными людьми; а въ Англии, благодаря ученымъ и краснорѣчивымъ священникамъ и поборникамъ христіанства, въ родѣ Тилотсона, Стилингфлита, Клерка, благодаря святости и одушевляющему вліянію Библии и всеобщаго молитвенника, благодаря христіанской ревности Вейтефильда, Весли и др., епископальная церковь съ ея набожными благочестіемъ, съ ея наивною искреннею вѣрою въ тріединаго Бога и въ откровенія священнаго Писанія охраняется и спасается отъ напора дерзновеннаго разума и безбожнаго духа времени.

в. Подробности.

1. ДРЕЙДЕНЪ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ.

Въ средѣ англійской націи политико-религіозная борьба партій въ семнадцатомъ вѣкѣ проникла также въ литературу и научныя изслѣдованья. Мы видѣли уже, какъ у Мильтона и Бѣтлера поэзія, а у Гоббеса философія сильно обусловливались вопросами дня (XII, 207). Въ противоположность Гоббесу и его современнику *Роберту Фильмеру*, который въ своемъ сочиненіи: „Патріархъ или естественная власть королей“ пытался доказать, что неограниченная монархія, какъ установленная Богомъ, есть единственная законная форма правленія, вожди виговъ крѣпко держались принципа народнаго самодержавія и противопоставляли ученію о пассивномъ повиновеніи подданныхъ права и обязанность открытаго сопротивленія. Статья, за которую республиканскій поборникъ *Эльжернонъ Сидней* попалъ на эшафотъ (XII, 373), служила главнѣйше опроверженіемъ принциповъ вышеупомянутой теории государственнаго права. Поэзія также состояла на службѣ политико-церковнаго направленія эпохи. *Джонъ Дрейденъ*, прославивъ прежде въ „героическихъ стансахъ“ протектора Кромвеля, въ своей „Возвратившейся Астреи“ льстивыми стихами привѣтствовалъ восстановление Стюартова королевства, а затѣмъ въ качествѣ драматическаго поэта трагической и комической музы сталъ угождать вкусамъ Карла II. и его двора. Дѣло въ томъ, что Стюартъ во время своего изгнанія пристрастился къ французской сценѣ и перенесъ изъ сосѣдняго государства въ новооткрытыя театры своей столицы какъ эпическую трагедію, такъ и распутныя водевили.

Дрейденъ.
1631—1700.

Не обладалъ ни поэтической глубиной, ни творческою сплюю, одаренный однако чуткимъ пониманіемъ искусства и ловко владея стихомъ, Дрейденъ сочинялъ трагедіи и комедіи („Все для любви“, „Испанскій братъ“, „Донъ Севастіанъ“ и др.); какъ своею дощатою напыщенною формою и римовапною, высокопарною рѣчью, такъ и соблазнительнымъ содержаніемъ опыты отвѣчали чопорному, пышному и притомъ необузданному и безнравственному характеру высшаго общества въ эпоху Стюартовой реставраціи. Оттого-то такъ и восхищались имъ и рукоплескали имъ, хотя извѣстный намъ лордъ Букингамъ въ сатирическомъ фарсѣ „Проба“ (rehearsal) остро осмѣялъ растянутые десятистопные стихи, напыщенную и пустозвонную риторіку и замѣтствованье у чужихъ авторовъ. Про историческое стихотвореніе Дрейдена „Чудный годъ“ (Annus mirabilis 1666) Маклей говоритъ, что въ немъ нѣтъ никакихъ поэтическихъ достоинствъ, развѣ съестъ таковыми преувеличенную лесть и сладкозвучный героическій стихъ. Свое званіе придворнаго поэта, въ которое возвелъ его Карлъ II., Дрейденъ заслужилъ ѣдкими сатирами на партію виговъ: „Абсалонъ и Ахитофель“ (Монмутъ и Шефтсбери) и „Медаль“ („Medal“) противъ ѣмтежа. Выступивъ въ догматическомъ стихотвореніи („Religio laici“) поборникомъ откровенія въ вѣрѣ безъ чувства убѣжденія, онъ при Іаковѣ II. перешелъ въ римско-католическую церковь; прославляя ее и опровергая секты, онъ написалъ аллегорическое стихотвореніе „Лань и пантера“, пытаясь доказать, что остается одинъ только выборъ между совершеннымъ безвѣріемъ и полною авторитетною вѣрою, и что никакая человѣческая пылливость не въ состояніи устранить завѣсу божественныхъ тайнъ. Невпшная, бѣлоснѣжная лань, облизывая римской церкви, растянутыми, догматическими рѣчами опровергаетъ чубарую и крапчатую пантеру, англиканскую епископальную церковь. Дрейденъ былъ тогда „царемъ вкуса, признаннымъ судьбою въ литературѣ“. После революціи 1688 поэтъ лишился своихъ мѣстъ и подвергся стѣсненному положенію. Но какъ разъ въ это время онъ и написалъ нѣсколько сочиненій, которые относятся къ лучшимъ его произведеніямъ, переводы, басни или рассказы, драматическій опытъ и пр. Волѣе всего прославила его ода на годовщину Цециліи, „мастерское произведение поэзіи втораго разряда“. — У Дрейдена и его современника *Натанася Ли*, сошедшаго тридцати пяти лѣтъ отъ роду съ ума, преобладало еще стремленіе, соединить въ особенный родъ драматическое искусство Шекспировой эпохи съ французскимъ классицизмомъ; тогда какъ *Тома Отвай*, умершій въ 1685 году послѣ безпутной жизни въ крайней бѣдности, вполне перешелъ къ французскому вкусу и слѣдовалъ образцамъ Корнели и Расина, не усвоивъ себѣ, впрочемъ, изящныхъ приемовъ парижскихъ поэтовъ. Ли и Отвай были даровитые писатели, но необузданы какъ въ жизни, такъ и въ поэзіи. Пьесы Ли, содержаніе которыхъ замѣтствовано большею частью изъ древности (Эдипъ, Митридатъ, Софонизба и др.), не лишены размаха и трагической энергіи, хотя нерѣдко страдаютъ отъ преувеличенія и напыщенности; а его драма „*Феодосій*“ не уступитъ, пожалуй, прославленнымъ французскимъ пьесамъ. Трагедіи Отвая еще болѣе обнаруживаютъ художественное чувство и техническое искусство; изъ нихъ „*Спрота*“ и „*Спасенная Венеція*“ весьма прославились въ свое время.

Если трагедія служила художественнымъ выраженіемъ величія и славы новаго королевскаго достоинства, то комедія, въ томъ видѣ какъ она изображалась Дрейденомъ и его младшими современниками, *Вильямомъ Вичерли* и *Вильямомъ Конгревомъ*, была вѣрнымъ слѣпкомъ безнравственнаго и распутнаго общества той эпохи. Мы прежде уже ознакомились со дворомъ и знатною „веселаго короля“ Карла II. (XII, 344); распутство и раз-

Драматическіе писатели изъ Дрейденской школы.
Ли † 1633.
Отвай † 1685.

гудь вошли въ моду; хотѣли противоположною до тла искоренить пуританизмъ. Свѣтскому человѣку слѣдовало быть кутлой, а свѣтской женщинѣ — кокеткою или любовницей. Комедія служила этому направлению съ такимъ безстыдствомъ и наглостію, какая встрѣчалась въ древности при совершенно иныхъ условіяхъ. Перешедшая съ материка вмѣстѣ съ Карломъ комическая муза, — говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей, — была дикая, безпутная Ланса, удалая, смѣющаяся, сладострастная, безстыжая, при всемъ томъ исполненная драматической живости, мѣткихъ характерныхъ чертъ, дѣйствія и движенія. „Трагедія этой эпохи вычурна, а потому большею частью пустозвонная и холодная“, замѣчаетъ Геттнеръ, „тогда какъ комедія полна остроты, забавныхъ шутокъ и непритворнаго веселья; въ ней много мѣткой сатиры, живости характеровъ и положеній, удачнаго и остроумнаго разговора“. Въ пьесахъ Вичерли „Любовь въ лѣсу“, „Деревенская барыня“, „Откровенный малый“ и др. также обнаруживается весь омутъ тогдашняго общества. Въдъ и вся жизнь этого поэта, который два раза мѣнялъ религію и пользовался благоволеніемъ королевской любовницы, герцогини Клевеландской, „была нескончаемою цѣною дурачества, подлости и невзгодъ“. Если прославленные Конгревовы комедіи „Старый холостякъ“, „Любовь за любовь“, „Обманщикъ“ (Double-dealer) оказываются болѣе пристойными, если его драма „Скорбящая супруга“ завершается назидательнымъ правоученіемъ, то причина заключается въ томъ, что само время и знатное общество, въ которомъ вращался поэтъ, отрѣшилось отъ нравственной порчи Стюартова періода. Благодаря великимъ политическимъ событіямъ люди становились степеннѣе; критическіе писатели, въ родѣ Блеклора и знаменитаго въ качествѣ историка церкви якобита Іеремія Колльера, ратовали противъ разнузданности театра. Безнравственность и грѣховность на сценѣ все болѣе и болѣе перестали правиться, и на ней опять появились гражданская добродѣтель и христіанское благочестіе, не подвергаясь уже насмѣшкамъ подъ видомъ пуританскаго ригоризма. Этотъ переворотъ совершился исподволь, не безъ нѣкотораго сопротивленія въ комедіяхъ пылкаго и даровитаго ирландца *Джоржеса Ферньюгара* („Любовь и фляшка“, „Вѣрная чета“, „Близнецы соперники“ и др.), но еще рѣшительнѣе въ пьесахъ *Джона Ванбруга* („Исправленіе или добродѣтель въ опасности“, „Ошибка“ и др.), въ комедіяхъ котораго пристойность и нравственность опять вошли въ почетъ, точно такъ же какъ и въ комедіяхъ *Стиля* („Нѣжный супругъ“, „Живая любовь или женская дружба“, „Добросовѣстный любовникъ“). Въ строгой драмѣ англійскіе поэты взяли себѣ въ образецъ французскихъ классиковъ съ Аристотелевскою пѣнкою о трехъ единствахъ и съ возбужденіями страданія и страха; имъ пришлось по душѣ нравственные трогательныя пьесы, какъ напр. *Томаса Сутерна* („Несчастный бракъ“, „Ороноко“) и *Николая Роу* („Кающаяся красавица“, „Джанъ Шоръ“ и др.). „Катошъ“ *Аддисона*, этотъ прототипъ Готшедовской драмы, своимъ успѣхомъ одолженъ политическимъ отношеніямъ къ современной исторіи Англій, а въ „гражданскихъ драмахъ“, въ которыхъ *Джорджъ Лилло*, подобно современнымъ ему романистамъ, имѣлъ въ виду „исправленіе дурныхъ страстей“, искусство состоятъ на службѣ полезнаго правоученія. Однако его передѣланная въ драму исторія преступленія „Лондонскій купецъ“ произвела сильное впечатлѣніе. Гражданская драма Эдуарда Мурса „Игрокъ“ стремилась къ той же цѣли, но съ меньшимъ успѣхомъ. Все это „трогательныя пьесы“, но лишеныя силы, необходимой для просвѣтленія и подъема души. Благодаря знаменитымъ артистамъ *Футу* и *Гаррику*, пытавшимся также писать пьесы, драматическая поэзія вновь сдѣлалась отраженіемъ дѣйстви-

Вичерли.
1640—1716.

Конгревъ.
1670—1729.

Ферньюгаръ.
1678—1707.

Ванбругъ.
1672—1726.

Стиль.
1671—1729.

Лилло.
1693—1739.

тельной жизни, у Фута въ сатирически-шуточной формѣ („Несовершеннолѣтній“, „Лжецъ“ и др.), у Гаррика, Кольмана и Гольдсмита („Заблужденія по всемъ концамъ“) съ болѣе тонкимъ комизмомъ.

Преимуществами Дрейденовой музы: легкостью и искусствомъ въ стихосложеніи, живостью, веселымъ настроеніемъ и изящною дикцією, обладали также младшіе современники его, *Метью Прейоръ*, котораго мы встрѣчали уже на дипломатической миссіи (XII, 556, 576). Сначала онъ былъ противникомъ Дрейдена и осмѣялъ его „Пантеру и лань“ въ удачной пародіи „Мышь сельская и городская“; но впоследствии онъ перешелъ къ Стюартовой партіи и сдѣлался поборникомъ Болингброка, благодаря чему по восшествіи на престолъ Георга I. подвергся вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ судебному преслѣдованію и долго просидѣлъ въ тюрьмѣ. Въ исполненной превратностей жизни онъ, какъ видно, на самомъ себѣ переиспыталъ ту „суету мірскую“, которую изобразилъ въ дидактическомъ стихотвореніи „Соломонъ“.

2. ЛОККЕ И СЕНСУАЛИЗМЪ.

Связанный съ изгнаніемъ Стюартова переворотъ въ общественныхъ дѣлахъ повліялъ на научную жизнь, на возрѣнія и идеи образованныхъ сословіи еще сильнѣе и рѣшительнѣе нежели на поэзію. На политическомъ поприщѣ съ графомъ Шефтсбери (Ашлей), съ тѣмъ гениальнымъ смѣлымъ бойцомъ выговъ, дѣятельность и судьба котораго намъ извѣстны уже изъ XII тома, 370 стр. и сл., въ тѣнѣйшихъ сношеніяхъ находился *Джонъ Локке*. Родившись въ Рейнтонѣ близъ Бристоля, онъ въ научной области Локке 1632—1704. былъ такимъ же вліятельнымъ вождемъ и знаменосцемъ, какъ и доблестный лордъ, образованіемъ котораго Локке завѣдывалъ и который въ качествѣ лорда-канцлера доставилъ ему государственную должность. Подувъ отличное воспитаніе, онъ дообразовался въ путешествіяхъ по Франціи, Германіи и Нидерландамъ; потомъ пробылъ долгое время въ Голландіи, куда послѣдовалъ за своимъ спасавшимся отъ враговъ покровителемъ и гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вращался въ философско-критической средѣ Вейля и Леккера. На основѣ Беконскаго эмпиризма Локке создалъ философскую систему, которая охватила все стороны человѣческой жизни и ясностью и строгостью своихъ доказательствъ оказала мощное вліяніе на идеи и возрѣнія современниковъ. Его „Опытъ о человѣческомъ умѣ“ имѣлъ цѣлю, изслѣдовать источникъ человѣческаго познанія и опредѣлить такимъ путемъ границы и мѣру объективной истины. Не смотря на нападки и возраженія, это главное твореніе его пользовалось до конца восемнадцатаго столѣтія возрастающимъ успѣхомъ. Исходя отъ Беконова положенія, что не существуетъ никакихъ прирожденныхъ идей, что душа новорожденнаго подобна чистой доскѣ, Локке пытался доказать, что все наше знаніе имѣетъ своимъ источникомъ и происхожденіемъ частью впечатлѣніе или чувственное ощущеніе, частью рефлекцію или внутреннее постиженіе, т. е. способность духа сознать свою собственную дѣятельность; а потому все познаніе основано на опытѣ и индукціи, всякое же сверхчувственное знаніе ничто иное какъ результатъ нашей собственной умственной дѣятельности; заблужденія и недоразумѣнія возникаютъ большею частью лишь вслѣдствіе недостаточнаго пониманія языка и значенія словъ. Пока Локке трудился надъ этимъ твореніемъ, въ то время въ Англій совершились тѣ политическія событія, съ которыми мы ознакомились въ предшествовавшемъ томѣ. Они не разъ замѣшивались какъ во внѣшнюю, такъ и во внутреннюю жизнь философа. Обвиняемый въ соучастіи или въ прико-

Философія
Локке.

Локке 1632—
1704.

сновенности къ Монмутскому заговору, онъ вынужденъ былъ скрываться въ разныхъ голландскихъ городахъ, такъ какъ Стюартъ требовалъ его выдачи. Когда Вильямъ Пеннъ предложилъ свое ходатайство, то Локке не хотѣлъ обратиться къ королю за помилуваньемъ: „кто не совершилъ никакого преступленія, тотъ не нуждается въ прощениі“. Возвратившись въ Лондонъ по вошествіи на престолъ Вильгельма III., Локке занялъ должность въ министерствѣ колоній; однако по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ удался въ сельское затишье, съ цѣлью на досугъ изложить и издать плоды своихъ размышленій. Такимъ образомъ появился цѣлый рядъ трактатовъ о церкви и религіи, объ управленіи государствомъ и о воспитаніи. Строго изложивъ въ нихъ свои изслѣдованія объ источникѣхъ и предѣлахъ нашего познанія, свою великодушную „Исторію человѣческаго ума“, онъ по принципамъ разсудка и свободы разсмотрѣлъ и установилъ религіозныя и политическія воззрѣнія и доктрины и пытался распространить по свѣту терпимость и человѣческія права. Эти творенія его представляютъ собою какъ бы „сложившуюся въ умѣ сущность совокупныхъ современныхъ ему стремленій, въ нѣкоторомъ родѣ совѣсть и сознание той эпохи“. Такъ между прочимъ въ трактатѣ: „О разумности христіанства въ Библии“ доказывается, что въ религіи откровенія нѣтъ ничего такого, чѣмъ противорѣчило бы понятіямъ разума. Апостолы учили только, чтобы вѣрили въ Иисуса какъ въ Мессію, чтобы каились въ своихъ грѣхахъ и жили въ добродѣтели. Въ письмахъ о терпимости Локке поучалъ, что въ государствѣ слѣдуетъ допускать всякія религіозныя общины, которыя держатся въ предѣлахъ гражданскихъ законовъ и нравственныхъ уставовъ, за исключеніемъ развѣ панистовъ, глава которыхъ находится въ Римѣ и которые поэтому повинуются мѣстному начальству лишь настолько, насколько то разрѣшаетъ имъ духовный ихъ владыка,—также богоотступниковъ, не признающихъ возможности откровенія, ибо ихъ точка зрѣнія несостоятельна. Опровергая въ религіозныхъ трактатахъ доктрины епископальной церкви, въ особенности ученаго ворчестерскаго епископа Стиллингфлита, онъ въ то же время въ богатой содержаніемъ книгѣ: „О гражданскомъ управленіи“ ратуетъ противъ политическаго абсолютизма Фильмера и Гоббеса. Написанная въ 1689 году съ заявленнымъ въ ней намѣреніемъ, „утвердить престолъ великаго возстановителя англійской свободы, короля Вильгельма, вывести права его изъ народной воли и по поводу новой революціи оправдать передъ міромъ англійскую націю“, упомянутая книга содержитъ въ себѣ ясныя и основательныя доказательства народнаго самодержавія и возникновенія государства изъ взаимнаго договора между правителемъ и управляемыми для охраны и во благо каждой личности при извѣстныхъ, для обѣихъ сторонъ обязательныхъ законахъ; это — первый опытъ теоріи законнаго и конституціоннаго правленія съ раздѣльными властями, причѣмъ понятіе о политической свободѣ составляетъ основу, а законъ заключаетъ въ себѣ высшую власть и верховный авторитетъ. Знаменательнымъ контрастомъ къ этой, проникшей вскорѣ во Францію и Германію, политической теоріи является составленный имъ за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ съ помощью лорда Шефтсбѣри проектъ конституціи для Южной Каролины. Онъ вполне соиздался на феодальной основѣ, причѣмъ впрочемъ въ религіозныхъ дѣлахъ поддерживался принципъ терпимости, самоопредѣленія общины и раздѣленія государства и церкви. Какъ въ политическихъ доктринахъ Локке былъ предтечею Руссо и Монтегкѣ, точно такъ же и въ своей наукѣ о воспитаніи онъ проложилъ пути, по которымъ слѣдовали потомъ Руссо и нѣмецкіе педагоги. Въ противность схоластическому методу преподаванія, имѣвшему въ виду изученіемъ языковъ

и упражненіемъ памяти достигъ безплодной учености, Локке предлагалъ практическое обученіе и умственное развитіе на основѣ болѣе тщательнаго наблюденія и постиженія природы и человѣческаго міра. Его трактаты о монетной системѣ существеннымъ образомъ повліяли на устраненіе финансовыхъ затрудненій, какъ уже извѣстно по XII. т. 426.

3. ШЕФТСБЕРИ И ВОЛЬНОДУМЦЫ (ДВИСТЫ).

Ньютонъ своимъ закономъ тяготѣнія заложилъ въ насъ мысль о томъ, что вселенная есть міръ разума и истины, міръ вѣчно спокойно существующей законности,—Локке, въ свою очередь, ясно изложилъ духовныя дѣятельности по аналогіи съ процессомъ естественнаго развитія и изобразилъ государство духовнымъ организмомъ, который созданъ свободнымъ актомъ человѣческой воли и поддерживается разумными законами и юридическими институтами, имѣющими цѣлью общее благо. Послѣ всего этого мыслящему духу предстояла задача, изслѣдовать отношеніе человѣка къ Богу, проникнуть въ тайны религіи и догматической вѣры. Съ разобненіемъ государства и церкви, съ ученіемъ о религіозной терпимости, которое пытался утвердить Локке, была подготовлена почва для дальнѣйшаго развитія мысли: какъ мнѣніе Фильмера и другихъ абсолютистовъ о томъ, что монархическая власть есть божеское учрежденіе, вытекающее изъ Адамова патриаршества, оказалось несостоятельнымъ передъ новымъ ученіемъ о государственномъ правѣ, такъ и догматика государственной церкви оказалась уже несомѣстимою съ понятіемъ о врожденной свободѣ и о самоопредѣленіи человѣка. И вотъ, одновременно съ великими переворотами въ политической и народной жизни, передъ нами возникаетъ внутренняя борьба въ религіозной области, въ которой традиціонное ученіе церкви поборається оружіемъ разума и науки. Локке и умѣренные его послѣдователи все еще старались поддержать иллюзію, будто ихъ воззрѣнія согласуются съ священнымъ Писаніемъ, лишь бы оно вѣрно толковалось, они все еще вѣровали въ возможность откровенія, тогда какъ Шефтсбѣри, Коллинсъ, Толадъ и другіе писатели отрѣшились отъ этой фикціи, ратуя то въ остроумныхъ и ученыхъ, то въ легковѣсныхъ статьяхъ противъ теологіи и догматической вѣры; примѣнивъ свободу мысли также и къ религіознымъ предметамъ и разрушивъ положительное или историческое христіанство, они добивались полнаго соглашенія христіанской религіи съ естествою. Въ исторіи литературы и науки они извѣстны подъ именемъ „вольнодумцевъ“ или „денстовъ“, оттого что отвергали христіанское ученіе о тріединномъ Творцѣ и поклонялись лишь одному высшему духовному Существому какъ Богу (Deus). „Доводами здраваго человѣческаго разума, а иногда и при посредствѣ научныхъ пособій они отстаивали убѣжденіе, что естественное богопознаніе и совѣсть составляютъ вполне удовлетворительную религію; а потому христіанство и чтилось нѣкоторыми лишь постольку, поскольку въ немъ содержится зародышемъ эта естественная религія, а другіе отвергали его какъ подлогъ духовенства, и все отказывали ему въ историческихъ основахъ и значеніи“.

Геніальнѣйшимъ провозвѣстникомъ новыхъ свободныхъ пдѣй былъ *Амлей Шефтсбѣри Кутеръ графъ Шефтсбѣри*, внукъ упомянутаго безпокойнаго вождя виговъ. 1670—1713. Воспитавшись по принципамъ Локке, онъ основательно изучилъ языки и литературу классической древности, освоился во время долгаго пребыванія въ Голландіи, во Франціи, въ Италіи со всѣмъ, что было открыто передовыми писателями и мыслителями той эпохи. Одаренный критическимъ и

Дальнѣйшее развитіе Локковой философіи.

скептическимъ умомъ Бейля и вѣрою идеалиста въ благородство человѣческой природы, Шефтсбѣри изслѣдовалъ сущность и задачу религiи. Съ тонкимъ чувствомъ и искуснымъ увлекательнымъ изложениемъ онъ пытался основать житейскую философію, которая, вращаясь надъ господствовавшими доктринами, воззрѣніями и формами, служила бы образованнымъ людямъ путеводною нитью для мышления, вѣрованія и поступковъ; въ духѣ Платона онъ признавалъ красоту, добродѣтель и здравый умъ высшими благами, сущностью истинной гуманности, чѣмъ только и упрочивается счастливая жизнь. Въ исторiи Вильгельма III. мы не разъ уже встрѣчались съ этимъ даровитымъ дворяниномъ. Король, питавшій къ нему довѣріе и дружбу, старался привлечь къ государственной службѣ богатаго и высоко-поставленнаго лорда, однако Шефтсбѣри все-таки не рѣшался надолго покинуть свое независимое положеніе и пожертвовать для практическихъ дѣлъ своимъ литературнымъ досугомъ. Слабый здоровьемъ, онъ послѣдніе годы жизни провелъ въ Италiи и скончался въ Неаполѣ всего сорока двухъ лѣтъ отъ роду. Его подъ заглавіемъ „Характеристики людей, нравовъ и эпохъ“ появившіяся философскія сочиненія, въ которыхъ онъ религію разума и законъ нравственности выставляетъ самыми вѣрными путеводителями въ жизни, своимъ легкимъ слогомъ, остроумнымъ и яснымъ изложеніемъ произвели сильное впечатлѣніе въ образованныхъ классахъ. Господствующей религіи, которая страхомъ и надеждою на воздаяніе на томъ свѣтѣ добивается благочестивой и добродѣтельной жизни и не признаетъ никакой заслуги, ни значенія за безкорыстной честностью, Шефтсбѣри противопоставляетъ добродѣтель, какъ нѣчто совершенно существенное и само въ себѣ обосновавшее, возникшее не вслѣдствіе вѣрннхъ учрежденій, а независимое отъ привычки, фантази, воли, не измѣняемое даже самимъ Божествомъ. Глубокое, съ раннихъ лѣтъ уже поддерживаемое изученіе древней литературы, въ особенности Платона, и близкое знакомство съ художественными произведеніями итальянскаго искусства навели его на мысль о томъ, что ученіе о добродѣтели совпадаетъ съ правоученіемъ, что этика должна быть эстетичкой нравовъ, и что задача жизни состоитъ въ сличеніи добра и красоты, въ калокагаѣи Грековъ, въ pulchrum и honestum Римлянъ. Блаженство и добродѣтель совпадаютъ у Шефтсбѣри. Это воззрѣніе ярче всего высказывается въ поэтично вдохновленной „Рассудки моралистовъ“, въ этой теодицеи въ разговорной формѣ, и въ статьѣ „О заслугѣ и добродѣтели“. Въ первой, подобно Лейбницу годъ спустя послѣ него, философъ пытался вопреки богословамъ доказать, что существующій міръ хорошъ и совершенъ,—оптимизмъ, достигшій своей вершины въ многопрославленномъ вдохновленномъ оправданіи Творца. Вопреки ученію церкви, которая изображаетъ землю юдолюю плача и предоставляетъ лишь небесамъ всякое воздаяніе добродѣтели и благочестія, онъ доказываетъ красоту и гармонию вселенной, познаніе и созерцаніе которой ведетъ къ истинному понятію о Божествѣ. Многимъ впрочемъ вѣра Шефтсбѣри въ Бога казалась чѣмъ-то въ родѣ фатализма.

Коллинсъ Къ подобнымъ выводамъ пришелъ *Антонъ Коллинсъ*, восторженный послѣдователь Локке, съ которымъ онъ въ дни юности состоялъ въ перепискѣ, ученый мужъ, добивавшійся истины. Выбывшій въ школьный споръ двухъ правовѣрныхъ католиковъ, онъ дошелъ до системы сомнѣнія. Между многими основательными его трактатами, которыми пользовались впоследствии Французы, наиболѣе извѣстны „Рѣчь о свободномыслии“ и „Изслѣдованіе библейскихъ пророчествъ“. Однимъ изъ самыхъ рьяныхъ противниковъ христіанства и всего, что съ нимъ связано, былъ *Джонъ Толандъ*, ирландецъ, перешедшій къ протестантизму; въ своемъ „Христіанствѣ безъ

Коллинсъ
1676—1729.

Толандъ
† 1722.

тайнствъ“ и другихъ твореніяхъ онъ оспаривалъ подлинность книгъ новаго заветъа, обнаружилъ еврейскій характеръ христіанства и такъ сильно ратовалъ противъ всякой положительной вѣры, что по рѣшенію парламента книга его была сожжена палачемъ и онъ самъ подвергся преслѣдованью. Это сочиненіе все-таки оказывается умѣреннымъ въ сравненіи съ его позднѣйшими трудами, гдѣ онъ вѣру въ личнаго Бога и въ безсмертіе души считаетъ суевѣріемъ, а въ своихъ письмахъ къ Серенѣ (вѣроятно къ прусской королевѣ Софiи Шарлоттѣ) онъ проповѣдуетъ пантеизмъ, и въ концѣ концовъ переходитъ къ матеріализму; мы еще встрѣтимся съ нимъ впоследствии вмѣстѣ съ французскими энциклопедистами. Въ анонимно изданномъ сочиненіи „Пантеистиконъ“ Толандъ требуетъ, чтобы, устранивъ совершенно откровеніе и народную вѣру, ввели новую религію, согласную съ философіею. „Его Богъ ничто иное какъ вселенная, изъ которой все рождается и къ которой все возвращается. Его культъ служить истинѣ, свободѣ и здоровью, тремъ высшимъ благамъ мудрецовъ. Его святые и отцы церкви суть высокіе умы и превосходные писатели всѣхъ вѣковъ, въ особенности классической древности; но и они отнюдь не составляютъ авторитета, который могъ бы связывать свободный умъ человѣка“. Второе письмо къ Серенѣ озаглавлено: „Движеніе какъ существенное свойство матерiи“.— *Матью Тиндаль*, имѣя болѣе въ виду существующій въ Англии церковный строй, въ своей книгѣ „О лжецерквахъ“ ратуетъ противъ всякаго связаннаго съ государственною системою и посягающаго на мірскія блага церковнаго учрежденія, а въ своемъ „Христіанствѣ, столь же древнемъ какъ міръ“ онъ учитъ, что оно ничто иное какъ очищенная отъ еврейскихъ придатковъ и примѣсей первобытная религія разума, и что вообще существуетъ одна только истинная религія, а именно естественная. Честный *Воластонъ*, болѣе скромный и умѣренный, въ своемъ „Очеркѣ естественной религiи“ имѣлъ въ виду основать религію чистаго разума, понимая подъ этимъ стремленіе къ счастью путемъ ревностнаго изслѣдованія истины и образованія ума, не нуждаясь при томъ ни въ откровеніи, ни въ отлученіи грѣховъ. Его основательныя, весьма читаемыя творенія, такъ же какъ и *Коллинсъ*, переводилъ, распространялись и заимствовались Французами. *Тома Вульстонъ*, обозвавшій всѣхъ священниковъ слугами буквы и антихриста, въ цѣломъ рядѣ трактатовъ объяснялъ воскресеніе и чудеса Иисуса аллегорически, т. е. онъ доказывалъ, что всѣ приводимыя въ новомъ заветѣ чудеса, въ томъ числѣ и рассказъ о воскресеніи Иисуса, никогда въ дѣйствительности такъ не совершались, а просто сообщались евангелистами съ цѣлью наглядно представить духовныя истины. За то онъ и умеръ въ тюрьмѣ. *Тома Морганъ* въ книгѣ „Натурфилософъ“ въ разговорной формѣ между „христіанскимъ денстомъ и христіанскимъ иудеемъ“ доказывалъ, что все историческое въ христіанствѣ ничто иное какъ подлогъ священниковъ; онъ хотѣлъ религію замѣнить моралью. *Бернаръ де Мандевилъ*, лондонскій врачъ, родомъ Французъ, въ противность ученію Шефтсбѣри о лучшемъ мірѣ и объ естественной у человѣка любви къ добродѣтели, въ „Баснѣ о пчелѣ“ и въ комментаріи къ ней представилъ страсти и пороки необходимыми для процвѣтанія государства,—это была „сатира на нравственность и идеалы церкви“. Человѣческая природа и человѣческое общество подвизаются-де подлыми побужденіями.— *Тома Чэббъ*, который сначала былъ ремесленникомъ, а потомъ усвоилъ себѣ ревностными занятіями обширную ученость, въ своемъ „Истинномъ Евангеліи“, завершавшемъ собою множество его сочиненій, былъ того мнѣнія, что непонятое Апостолами, а потому облеченное въ чудеса и въ странныя примѣсы христіанство ничто иное какъ откровеніе естественнаго нравственнаго закона, нарушеніе котораго иску-

Тиндаль
1636—1733.

Воластонъ
† 1724.

Вульстонъ
† 1733.

Морганъ
† 1743.

Мандевилъ
† 1733.

Чэббъ † 1747.

пается покаяніемъ и будетъ наказано грядущимъ судомъ. *Петръ Аннетъ* въ своей книгѣ „Воскресеніе Іисуса, по мнѣнію нравственнаго философа“, пытается убѣдить міръ, что основанная на исторіи вѣра не можетъ быть истинною религіею.

Результаты. У всѣхъ этихъ писателей, не смотря на различіе характеровъ, образованія и положенія въ жизни, хотя бы одни изъ нихъ преслѣдовали цѣль оружіемъ прои и сатиры, а другіе путемъ ученыхъ изслѣдованій и доводовъ, вообще обнаруживается рѣзкая оппозиція противъ господствовавшихъ церковныхъ воззрѣній и догматовъ, въ томъ же видѣ какъ она и прежде проявлялась въ парламентѣ. Локке и англійскіе деисты,—говоритъ Геттнеръ,—открыто ратовали противъ господствовавшаго вѣроисповѣданія и доискивались такъ называемой естественной религіи, въ которой человѣкъ, ограничившись простымъ поклоненіемъ всемогущему Творцу, черпаетъ истину и добродѣтель не изъ ученій библейскаго откровенія, а изъ собственнаго человѣческаго разума; христіанство же цѣнилось и уважалось лишь постольку, поскольку содержаніемъ его было чистѣйшее правоученіе, а цѣлью—праведное блаженство. Если у Толанда боевой кличъ гласитъ: „Нѣтъ догматическаго христіанства“, у Тѣбба,—„нѣтъ историческаго христіанства“, то у Болингброка онъ возвѣщаетъ: „Нѣтъ вообще никакого христіанства“. Обширный расходъ этихъ сочиненій, который не могли удержать ни возраженія церковниковъ, ни судебныя преслѣдованія, служилъ самымъ яснымъ доказательствомъ, что большинство мыслящей и читающей части націи порывалось избавиться отъ ярма церковности и религіозной традиціи и какъ въ государственномъ бытѣ, такъ точно и въ области мысли и вѣры достигъ состоянія свободы, человѣческихъ правъ, терпимости и любви къ ближнему. Ученіе, по которому изъ-за грѣхопаденія Адама земля и человѣчскій міръ преданы будто бы во власть злему началу и гибели, не отвѣчало уже болѣе свободнымъ и образованнымъ умамъ; напротивъ, средства для охраны и исцѣленія отъ мнимой грѣховности и порчи человѣческой природы, идеалъ добра, красоты и правды, присущій чистой, но омрачаемой лишь бреднями и заблужденіями душъ, и цѣль жизни, считающая праведную усладу совместимою съ добродѣтелью и нравственностью,—все это обрѣталось въ философіи. Относительно направленія этой эпохи весьма знаменательно, какъ замѣтилъ Геттнеръ, что именно въ ту пору совершилось преобразование масонства изъ средневѣковыхъ цеховъ въ орденъ гуманности, въ которомъ исчезли всякія разграниченія по сословіямъ и вѣроисповѣданіямъ. Надлежало созидать впредь не наружный видимый храмъ, а внутренний невидимый, храмъ чистой человѣчности, терпимости, гуманности, дѣятельнаго человѣколюбія. Масонство было „внутреннею миссіею“ деизма.

4. БОЛИНГБРОКЪ И ПОПЕ.

Болингброкъ. *Генри с-тъ Джонъ виконтъ Болингброкъ*, съ которымъ мы познакомились 1672—1751. уже какъ съ министромъ и вождемъ торіевъ (XII, 596), о которомъ другъ его Вольтеръ сказалъ, что онъ съ познаніями Англичанина соединяетъ утонченность Француза, во многомъ сходилъ съ деистами, хотя по государственнымъ и политическимъ соображеніямъ не сочувствовалъ ихъ побужденію, просвѣтить народъ и возбудить въ немъ недовѣріе къ догматамъ церкви. Болингброкъ былъ одинъ изъ остроумнѣйшихъ и гениальнѣйшихъ мужей Англии, мастерски владѣлъ языкомъ и краснорѣчіемъ, хорошо зналъ высшій свѣтъ и господствовавшій въ немъ тонъ, но лишенъ былъ религіозныхъ и нравственныхъ принциповъ, вѣры въ идеалы и самоотверженную

добродѣтель. Какъ вольнодумцы или деисты сдѣлали догматическую и историческую сторону христіанства подводкою своихъ нападеній, такъ и Болингброкъ смотрѣлъ на религію, христіанство и церковь лишь какъ на средство для государства, какъ на систему ученій, избрѣтенную разумными законодателями для обузданія дикаго звѣря-человѣка, развитую и охраняемую властолюбивымъ духовенствомъ для іерархическихъ и политическихъ цѣлей; она поддерживается и должна поддерживаться ради общественнаго спокойствія и благоденствія. Христіанство лишь настолько имѣетъ своимъ основаніемъ истину, насколько оно согласуется съ естественною религіею: вся на мнимою откровеніи основанная, догматическая вѣра съ ея символами, обрядами и таинствами, по его мнѣнію, ничто иное какъ созданіе людей, которое сооружено умствованіями философовъ и богослововъ, поддерживается ради государственныхъ цѣлей и преподается облыжнымъ духовенствомъ суевѣрному народу подъ видомъ божескаго установленія. Однако какъ аристократическій свѣтскій и государственный человѣкъ онъ въ видахъ цѣлесообразности хотѣлъ поддержать эту вѣру въ массѣ населенія; народную религію отнюдь не слѣдуетъ разстроивать, хотя она и оказывается несостоятельною предъ философскимъ образованіемъ. Вѣдь назвалъ же онъ однажды вольнодумцевъ „язвою общества“. Оширавшаяся на вѣру и церковные уставы государственная религія казалась ему необходимымъ для управленія. Свои мысли и взгляды касательно религіи и церкви, государства и политической жизни, Болингброкъ изложилъ во многихъ мелкихъ статьяхъ, трактатахъ, очеркахъ, письмахъ, въ еженедѣльномъ изданіи „Крафтмана“ и пр.; написанныя болѣею частью въ сельскомъ уединеніи въ Англии или во Франціи, эти сочиненія были собраны и изданы по смерти его. Изъ его философски-историческихъ твореній всего болѣе прославились „Письма объ изученіи и о пользѣ исторіи“. Эта книга отличается блестящимъ краснорѣчіемъ, искуснымъ языкомъ и изложеніемъ; въ ней противъ сторонниковъ церкви доказывается, что тотъ же міровой разумъ, который нынѣ направляетъ исторію, всегда и прежде направлялъ ее; противъ школьныхъ ученыхъ,—что здравый смыслъ разумнаго свѣтскаго человѣка глубже проникаетъ въ жизнь народовъ нежели ихъ ученые, а противъ тѣхъ, которые спокойствіе считаютъ наивысшимъ благомъ,—что борьба и порывы неразрывны съ свободою. Изъ его политическихъ трактатовъ замѣчательна въ особенности посвященная принцу Вельскому книга „Идея патріотическаго короля“. Это была направленная противъ выговъ полемическая статья о томъ, что господствующее парламентское правленіе съ его порчею и съ его духомъ партій можетъ быть исправлено только укрѣпленіемъ коронной власти. Болингброкъ впервые вывелъ всемірную и англійскую исторію изъ царства мертвыхъ на поприщѣ живыхъ. Онъ отважился одною лишь властью здраваго человѣческаго смысла напасть на господствовавшую систему въ церкви и государствѣ и открыто выразить то, что думали въ большинствѣ разумные люди, что однако никто не осмѣлился высказать во всеуслышанье. Своимъ острымъ оружіемъ разрушилъ онъ образы заблужденія, лицемерія, лжи; однако, выставивъ съ великосвѣтскою холодною своекорыстіе и себялюбіе главными пружинами всѣхъ поступковъ, онъ въ то же время поколебалъ вѣру въ добродѣтель и въ любовь къ отчизнѣ. Такъ какъ безсмертіе, по его мнѣнію, весьма сомнительно, то человѣкъ долженъ воспользоваться своимъ умомъ, съ цѣлью добыть себѣ то, что всего болѣе способствуетъ его счастью, т. е. что упрочиваетъ за нимъ долгій рядъ самыхъ пріятныхъ ощущеній и удовольствій.—Еще на шагъ впередъ ступилъ знакомый уже намъ лордъ *Честерфилдъ*: въ письмахъ къ своему сыну онъ оставилъ по себѣ „руководство царедворской морали и аристо-

критически холодной великосвѣтской мудрости“, написанное гладкимъ сло-
гомъ, но не принимаемая въ уваженіе ни добродѣтели, ни нравственности
(55). Поучая великосвѣтскому образованію, онъ не упускаетъ также изъ
виду искусства, обольщать женщинъ. Чистое человѣколюбіе, — говоритъ Шло-
серъ, — самопожертвованіе, вообще все, что считается дѣйствіемъ божескаго
начала въ человѣческой душѣ, — все это Болингброкъ выводитъ изъ себялю-
бія; онъ вовсе не признаетъ присудаго лишь въ духѣ, не связаннаго ни
съ временемъ, ни съ пространствомъ міра. Для его философскаго и крити-
ческаго ума не имѣли никакого значенія созданія средневѣковья, которымъ
позднѣйшее поколѣніе удивлялось какъ идеаламъ человѣчества.

Кружокъ Бо- Болингброкъ служилъ средоточіемъ гениальныхъ, остроумныхъ писателей,
лингброма. между которыми, помимо знакомаго уже намъ Префора, первое мѣсто за-
нимали Арбутнотъ, Попе и Свифтъ. Прислкнувъ, подобно самому Болинг-
броку, къ Стюартовой оппозиціи, они сатирически и полемически отно-
сились противъ направленія господствовавшей партіи. Такъ и *Джонъ Ар-*

Арбутнотъ. *бутнотъ*, лейбъ-медикъ королевы Анны, написалъ аллегорическій очеркъ
1675—1735. подъ заглавіемъ „Исторія Джона Булля“, съ цѣлью осмѣять Марльборо
и вигговъ и отбить у народа охоту къ войнѣ противъ Франціи; потомъ еще
сатиру „Мемуары Мартына Скриблера“, гдѣ, на подобіе Донъ-Кихота, пе-
данты, схоластическіе ученые и фанатическіе приверженцы старины подъ
предводительствомъ героя того же пошиба выступаютъ въ походъ, съ цѣ-
лью возстановить царство тьмы и тупоумія; очеркъ этотъ, по видимому, былъ
общимъ произведеніемъ трехъ друзей между собою авторовъ. И тутъ
такъ же какъ у Болингброка, всему устарѣвшему и отжившему противо-
ставляется ученіе здраваго человѣческаго разума, все цѣлесообразное и по-
лезное, — противъ безплодныхъ ученыхъ занятій и застоя выводится въ бой
новѣйшее просвѣщеніе, — схоластическая ученость поборається рационализ-
момъ эпохи.

Попе. Какъ Болингброкъ въ области житейской философіи образованныхъ ари-
1688—1744. стократическихъ слоевъ, такъ и въ царствѣ поэзіи знаменосцемъ выступилъ
другъ и единомысленикъ его, *Александръ Попе*. Онъ, подобно отцу
своему, зажиточному купцу и ревностному Якобиту, принадлежалъ къ като-
лической церкви и смолоду уже прислалъ къ оппозиціи противъ господ-
ствовавшей системы; но его честолюбіе, его тщеславіе и стремленіе попасть
въ кружокъ знати, въ среду „рыцарей духа“, были слишкомъ сильны, такъ
что ему не хотѣлось уже пристать къ партіи недовольныхъ и смѣшаться съ
толпою религіозно-политическихъ обскурантовъ. Напротивъ того, Попе,
упражнявшій уже скорозрѣлымъ отрокомъ въ стихотворствѣ и усвоивъ
себѣ неутомимымъ трудомъ и изученіемъ всѣ сокровища изящной литера-
туры, на всѣхъ нарусахъ понесся по потоку просвѣщенія и новѣйшей му-
дрости и занялъ мѣсто въ средѣ умственной аристократіи той эпохи, до-
биваясь почестей, знатности и денегъ. Попе былъ поэтомъ лишь вто-
раго разряда, но, благодаря вѣдшимъ достоинствамъ, изящной формѣ,
ясности и правильности языка и изложенія, благодаря легкому и цвѣтистому
слогу, какимъ прославились сочиненія Болингброка, онъ также сталъ из-
любленнымъ поэтомъ націи. Его прозвали „царемъ рѣмы и великимъ по-
этомъ разсудка“. Подобно своему прототипу Буало и онъ также съ мастер-
скою виртуозностью и техникой владелъ стихомъ, дилжіей и поэтической
рѣчью; но не ему было проникнуть въ тотъ горній міръ, гдѣ витають
идеи, чувства, творческая фантазія. И дѣйствительно: въ „*букомическихъ*
стихотвореніяхъ“ поэтъ изображаетъ идеальный міръ, а въ „*элегіяхъ*“ онъ
сѣтуетъ о томъ, что этотъ идеальный міръ исчезъ изъ дѣйствительности;
въ своемъ „Опытѣ о критикѣ“ онъ гладкими благозвучными строфами на-

писалъ по пѣнію Буало дидактическую поэмѣ въ духѣ современнаго на-
правленія и литературной композиціи, а въ рѣмованномъ „Посланіи Элоны
къ Абелару“ онъ съ риторической напыщенностью изобразилъ мощь и бла-
женство любви; въ сатирическихъ произведеніяхъ: „Похищеніе локона“ и
„Дунсиада“ онъ, подъ видомъ величаваго эпоса съ веселою насмѣшкою пред-
ставляетъ мелочныя побужденія общественной жизни, смѣшныя и безраз-
судныя проявленія эпохи; всюду его муза охотнѣе всего носится по вер-
хамъ, гдѣ въ самодовольномъ сознаниіи своего превосходства можно ще-
гольнуть извѣстнаго рода проинческою и критическою выходкою про-
тивъ дѣйствительности, въ замѣткахъ и разсужденіяхъ выразить слегка
оппозицію противъ міра. Даже много восхваляемый переводъ поэмъ Го-
мера рѣмованными ямбами оказывается лишь попыткою представить,
насколько прославленное достоинство и величаяя прелесть древняго іоній-
скаго пѣвца уступаютъ легкой граціи новѣйшаго стихотворнаго искусства.
Илиада, которую Попе перевелъ самъ, и *Одиссея*, обработанная имъ съ
постороннею помощію, не только прославили англійскаго поэта, но еще
обогатили его такъ, что онъ въ состояніи былъ купить себѣ въ Твикен-
гемѣ имѣніе и жить на большую ногу, наравнѣ съ знатными классами дво-
рянства и джентри. Современники и потомство удивлялись передѣланному
на новѣйшій ладъ Гомеру; но эта передѣлка Попе по знанію греческаго
языка и древности, конечно, много ниже Фоссовой: въ ней исполнѣ отра-
зились отсутствіе основательнаго знанія. „Эта рѣмованная и въ каждой
строфѣ изукрашенная Илиада, — но строгому сужденію Шлоссера, — точно
такъ же какъ и англійское общество, лишена всего естественнаго, всей про-
стоты, всего греческаго; стихотворецъ ступевалъ колоритъ древней эпохи
и чуждыхъ странъ, съ тѣмъ чтобы нанести другія краски, которыя больше
нравятся Англичанамъ. Древній греческій патриархъ является знатнымъ
Британцемъ, одѣтымъ сверхъ того по послѣдней французской модѣ; онъ
выступаетъ передъ нами съ театральною напыщенностью, а свѣтская знать,
привычная къ блестящимъ и румянамъ, въ изумленіи любитъ имъ и руко-
плещетъ!“

Изъ поэтическихъ произведеній Попе ни одно не пользовалось такою сла- Похищеніе ло-
вою какъ комическій эпосъ „Похищеніе локона“, причемъ образцомъ слу- кона и опытъ
жилъ ему „Налой“ Буало. Шутка изъ великосвѣтскаго общества служить о челоѣвъѣ.
основою воздушному зданію грандіозной конструкціи и цвѣтистыхъ при-
красъ. Лордъ тайкомъ ножницами отрѣзалъ у молодой прекрасной дамы
одинъ изъ ея прелестныхъ локоновъ. Горе и печаль оскорбленной возбу-
дили борьбу въ великосвѣтскомъ обществѣ; къ ней припуганы добрые и
злые духи изъ царства эльфовъ и гномовъ въ качествѣ олицетворенныхъ
представленій веселья и страданій, радости и скорби и великихъ кружныхъ
и мелкихъ страстей души человѣческой; тутъ въ то же время кишитъ и
волнуется великосвѣтское общество съ его карточной игрой, съ его яства-
ми и вапцками, сопроложаемое всѣмъ сонмомъ фатовъ, кокетокъ, кавал-
еровъ и субретокъ, пока, наконецъ, похищенный локонъ не появился въ
видѣ блестящей звѣзды, и оскорбленная красавица не возникла, гордая
и торжествуя. Контрастъ между такимъ пустымъ содержаніемъ и велико-
лѣпной отлѣвкой по формѣ и языку представляетъ собою такую забавную
бытовую картину въ широкомъ фресковомъ стилѣ, такую „остроумную па-
родію на веледніе“, которая оказывается тѣмъ привлекательнѣе, чѣмъ
изящнѣе и свѣжѣе очерчены поэтомъ его воздушные боги и его педантски
пегелеватые герои. Гораздо ниже по достоинству и не совсѣмъ понявша
вслѣдствіе аллегорій и намековъ другая комическая поема, „Дунсиада“, гдѣ
Попе одного изъ своихъ литературныхъ соперниковъ изобразилъ героемъ

педантовъ и рутинистовъ и всѣхъ своихъ враговъ и противниковъ обдалъ ядомъ своей насмѣшки и своихъ остротъ. Въдѣ въ этомъ малоросломъ, уродливомъ съ виду, тщеславномъ и честолюбивомъ апостолѣ философъ и музъ скрывалась страстная, впечатлительная душа; всякій, кто съ нимъ не соглашался, считался глупцомъ. Въ дидактическомъ стихотвореніи „Опытъ о человѣкѣ“, въ четырехъ письмахъ Попе цвѣтистыми стихами излагаетъ воззрѣнія и ученія Шефтсбери, Боллингброка и деистовъ о мѣрѣ и человѣчествѣ. Вопреки всѣмъ недостаткамъ, какіе замѣчаются близорукими и поверхностными наблюдателями, мѣръ, каковъ онъ есть, являетъ собою созданіе премудрости, исполненное внутренняго созвучія и совершенства, заключающее въ себѣ всѣ условія человѣческаго блага. Блаженство въ одной только добродѣтели; согласіе съ Божиимъ мировымъ строемъ составляетъ вѣнецъ добродѣтели и блаженства. Вся наша мудрость гласитъ: познай самаго себя. На этой, въ стихахъ изложенной теодицеи лежитъ таковой отпечатокъ философскаго самодовольства и евдоимистскаго мирозерпанія, что самъ Попе счелъ необходимымъ отклонить отъ себя упрекъ въ наклонности къ безвѣрію и фатализму; Боллингброкъ, воззрѣнія котораго онъ передалъ, названъ имъ „учителемъ поэта и пѣсни“.

Поэтическая школа Попе. Попе не только въ человѣческомъ мѣрѣ, но и въ природѣ также заимствовалъ содержаніе для своихъ прелестныхъ стиховъ. Его „Буколическія стихотворенія“ и „Виндзорскій лѣсъ“ свидѣлствуютъ о чуткости къ красотамъ природы. Въ этомъ отношеніи онъ послужилъ образцомъ другому поэту, о влияніи котораго на нѣмецкую литературу было уже упомянуто (XII, 544), а именно *Джемсу Томсону*, сыну пресвитеріанскаго священника въ Шотландіи. Про его описательное дидактическое стихотвореніе „Времена года“ по всей справедливости можно сказать, что элегично-идиллическіе стихи отличаются правдою, ясностью и музыкальною прелестью, что въ нихъ на переѣны и настроенія въ природѣ симпатично отзываются живыя человѣческія настроенія и душевныя тревоги; благодаря чему, поэму и встрѣтили весьма сочувственно, ее переводили, ей подражали. Она въ особенности произвела сильное впечатлѣніе на нѣмецкихъ поэтовъ, на Бронеса, Галлера, Клопштока; даже композиторъ Гайднъ заимствовалъ у нея текстъ и мотивы для своего безсмертнаго музыкальнаго творенія подъ тѣмъ же заглавіемъ. Этотъ всеобщій восторгъ зависѣлъ частью отъ достоинства поэмы, а частью также отъ настроенія эпохи. Сентиментальное влеченіе къ природѣ, изъ котораго она возникла, религіозная торжественность общаго тона, отзвѣвавшаяся затѣмъ то въ кротко заунывныхъ, то въ прелесть идилическихъ звукахъ, встрѣтили восторженное сочувствіе въ эпоху, возбужденную религіозною поэзію Мильтона и Клопштока, когда въ грезахъ чаялись уже и Руссо и Гетевскій Вертеръ; хотя впрочемъ таковаго рода поэзія, которая исполнена одними описаніями, гармоничными образами и лишена всякаго поступательнаго дѣйствія, отнюдь не отвѣчаетъ идеалу художественнаго произведенія. Остальные стихотворенія Томсона, его сказочная аллегорія „Замокъ льви“, написанная во славу искусства и науки, его „Поэма о свободѣ“, содержавшая въ себѣ политическія и нравственныя размышленія о старомъ и новомъ времени,—не имѣютъ никакого выдающагося значенія.

Юнгъ. 1681—1765. Подобно Томсону, другой поэтъ изъ школы Попе, *Эдуардъ Юнгъ*, англійскій священникъ, также сильно повліялъ на нѣмецкую поэзію временемъ Клопштока (XII, 735). Не лишены таланта и фантазіи, но далеко не обладавъ изящною формою и стихотворнымъ искусствомъ Александра Попе, Юнгъ не добился особеннаго сочувствія ни своимъ религіознымъ стихотвореніемъ „День страшнаго суда“ по образцу Мильтона, ни своими сатирами на направленіе эпохи; но когда онъ въ „Ночныхъ думахъ“ далъ волю своему

мрачному настроенію, до котораго довели его роковыя невзгоды, тогда лишь его элегическія скорби о суетѣ и тщетѣ земныхъ благъ и утѣшительное обращеніе къ силѣ и обѣтованіямъ христіанской вѣры возбудили сочувствіе и были благосклонно встрѣчены симпатично къ нимъ настроенными современниками. Въ такую пору, когда всѣмъ овладало критическое направленіе ума, вытекавшее изъ глубины и тайника души помыслы и сердечныя изліянія шли въ разладѣ съ преобладавшимъ въ Англіи и Франціи душевнымъ настроеніемъ; но этотъ контрастъ собственно и доставилъ произведенію сочувствіе и значеніе. Его „Отреченіе“ ничто иное, какъ мрачный отголосокъ „Ночныхъ думъ“. — Еще болѣе сильное влияніе, нежели стихотворенія Томсона и Юнга на душевный строй эпохи, особенно въ Германіи, оказала книга, появившаяся въ первый разъ въ 1760 году, а потомъ новымъ изданіемъ въ Эдинбургѣ, подъ заглавіемъ „Отрывки древней поэзіи, собранныя въ горахъ и переведенныя съ галльскаго и герцскаго нарѣчій“; это, по увѣренію издателя, *Джемса Макферсона*, пѣсни шотландскаго пѣвца *Оссіана*, Фингалова сына (IV, 758), въ томъ видѣ, какъ онѣ сохранились въ устахъ народа. Эти стихотворенія были съ восторгомъ приняты и скоро переведены на всѣ европейскіе языки. Изъ романа „Страданія Вертера“ достаточно извѣстно, съ какою мощью элегическіе напѣвы стараго слѣпаго барда на обвѣянныхъ бурями высотахъ сѣверной Каледоніи повліяли на нѣжныя воспримчивыя души. Впослѣдствіи разсѣялся этотъ восторгъ, когда послѣ долгой литературной борьбы, вопреки даже патріотической ревности Шотландцевъ, все сильнѣе возникало сомнѣніе въ подлинности стиховъ. Нынѣ критикой подтвердилось, „что такъ называемыя пѣсни Оссіана ничто иное какъ собственныя произведенія Макферсона, написанныя по образцу старинныхъ шотландскихъ пѣсенъ и въ особенности ирландскихъ преданій и сказокъ“. Не смотря на то Оссіанскіе напѣвы съ ихъ величавыми живописными изображеніями природы и до сегодня не совсѣмъ еще утратили свое значеніе, и понятно, что въ Вертеровскую эпоху разочарованные, исполненные тоски, порывающіеся къ природѣ и свободѣ умы увлекались этими заунывными пѣснями барда. „Вѣдъ и въ нихъ слышится тотъ же грустный и страстный напѣвъ, тотъ же идилическій порывъ къ величавому уединенію на лонѣ сельской природы и къ безпорочнымъ людямъ болѣе чистой древности, какъ у Томсона и у Юнга, какъ въ разукрашенныхъ лентами буколическихъ стихахъ Попе и Гесснера, такъ тоже въ раздумчивыхъ грезахъ Руссо о блаженствѣ первобытнаго міра“. Мы узнаемъ впослѣдствіи, что успѣхъ Макферсона увлекъ молодого англійскаго поэта Чаттертона къ подобнымъ передѣлкамъ.

Макферсонъ.
1738—1796.

5. свифтъ и его сатиры.

Когда королева Анна обратилась къ партіи торіевъ и лордъ Боллингброкъ былъ вліятельнѣйшимъ мужемъ въ Англіи, то къ нему примкнулъ священникъ, бывший до тѣхъ поръ рѣшительнымъ приверженцемъ партіи виговъ, *Джонатанъ Свифтъ*, уроженецъ Дублина, съ материнской стороны родственникъ сержанту Вильяма Темпля. Предводители торіевъ охотно приняли въ свою среду писателя, который пользовался уже великою славой въ качествѣ сатирика и прежде еще небольшою политическою статью о гражданско-войнѣ въ Аеннахъ и Римѣ подкрѣпиль и утвердилъ пошатнувшееся министерство виговъ при лордѣ Сомерсѣ; торіи выхлопотали ему мѣсто декана церкви св. Патрика въ Дублинѣ, и Свифтъ съ ревностью ренегата поддерживалъ своихъ сообщниковъ въ газетѣ „The Examiner“. Иллучее че-

Джонатанъ
Свифтъ.
1667—1745.

столюбіе побудило его къ этому поступку. Не обладая состояніемъ и не довольствуясь дѣятельностью сельскаго священника, онъ домогался епископства: дѣло въ томъ, что въ многолѣтней связи съ лордомъ Темплемъ онъ пристрастился къ политикѣ и желалъ занять мѣсто въ верхней палатѣ. Но ему не удалось достичь цѣли; вернувшись въ Ирландію послѣ паденія торіевъ, онъ провелъ несчастную жизнь, подавляемій несбывшимися надеждами и терзаемій страстью и душевною скорбью. Въ немъ пробудилась сильная любовь къ Есепри Джонсонъ, дочери управляющаго Темпли, и онъ въ письмахъ и дневникахъ посвящалъ ей подъ именемъ Стеллы самыя страстныя признанія. А по прошествіи нѣкотораго времени въ немъ загорѣлась такая же страсть къ другой молодой дамѣ, извѣстной подъ именемъ Ванессы. Это повело къ раздиравшимъ сердце отношеніямъ. Терзаемая ревностью Стелла добила, что Свифтъ безъ свидѣтелей сочетался съ нею бракомъ. Открытіе тайнаго брака и страстная сцена съ возлюбленнымъ повергли Ванессу въ горячку, бывшую причиною ея смерти. Убитая горемъ Стелла тоже вскорѣ скончалась. Самъ Свифтъ положилъ повѣсть своихъ страданій въ основу аллегорическаго стихотворенія „Кадеусъ и Валесса“. При нервной впечатлительности его организма въ связи съ огорченіемъ по поводу неудавшейся жизни и неудовлетвореннаго честолюбія эти скорби до того потрясли поэта, что на закатѣ дней онъ впасть въ мучительную хроническую болѣзнь, близкую къ душевному разстройству, такъ что въ послѣдніе три года своей жизни онъ сдѣлался неподвижнымъ и почти вовсе не говорилъ. Увидѣвъ вязь съ разбитою верхушкою, онъ сказалъ: я умираю какъ это дерево.

Письма сукон-
щипа и
сказка о бочкѣ.

Въ этихъ-то иптеискихъ невзгодахъ, полныхъ разочарованій, сокрушен-
ныхъ желаній и надеждъ и заключается источникъ сатиры и юмористи-
ческой полемики, какими Свифтъ поражаетъ исполненный противорѣчій
міръ. Злоба на превратности рока, помѣшавшія ему достичь честолюбивыхъ
цѣлей, лишившія его возможности, надлежащимъ образомъ развить свои
великія дарованія, довела его до сатирическаго глумленія надъ существо-
вавшими порядками, надъ злоупотребленіями въ государствѣ, надъ порчею
и криводушіемъ въ церкви, надъ несообразностями въ человѣческомъ об-
ществѣ. Въ послѣдніе годы правленія Георга I. въ Ирландіи предпола-
галось ввести новую монету. Съ тѣмъ, чтобы угодить герцогинѣ Кендалъ,
любвициѣ короля (XII, 665), министерство Вальполя поручило чеканку
нѣкому Вильяму Вуду; тотъ изготавилъ размѣнную монету ниже надле-
жащей пробы и подѣлился съ метрессою выроченными изъ такой продѣлки
барышами. Тутъ появился цѣлый рядъ писемъ какого-то М. В., якобы су-
коннаго торговца въ Дублинѣ, о фальшивыхъ монетахъ Вильяма Вуда;
эта политико-полемическая статья надѣлала много шуму. Скоро узнали
анонимнаго автора „Писемъ суконщика“, и съ той поры деканъ св.
Патрика сталъ самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Ирландіи; тогда какъ
прежде ни онъ его, ни онъ ихъ терпѣть не могли. Правительство тщетно
пыталось потушить дѣло, приказавъ лондонскому монетному вѣдомству, во
главѣ котораго находился Исаакъ Ньютонъ, провѣрить повочеканную мо-
нету и признать ее полнопробною; оно тщетно назначило награду за от-
крытіе автора; поддерживаемое свѣжими памфлетами и сатирами возбуж-
деніе заявляло себя такъ настойчиво, что правительство вынуждено было
уступить. Патентъ Вуда былъ взятъ назадъ. Въ то же время появилась
„Сказка о бочкѣ“ (The tale of the tub), беспощадная пародія на христіан-
скія вѣрованія и догматы. Треть одновременно рожденнымъ братьямъ,
Петру, Мартину и Якаку (папѣ, Лютеру и Кальвину) отецъ, умирая,
оставилъ всего только три кафтана, съ тѣмъ чтобы они привели ихъ

въ порядокъ, носили и поддерживали въ чистотѣ не иначе какъ по
давнымъ въ завѣщаніи указаніямъ. Въ этомъ разсказѣ англиканскій
священникъ съ рѣзкою прозой и сатирическимъ юморомъ изображаетъ,
какъ, благодаря искусному истолкованію завѣщаннаго приговора, разными
объясненіямъ перешедшихъ по преданію и писанныхъ актовъ, символиче-
скому и аллегорическому изложенію документовъ оказалось возможнымъ
исправлять кафтаны всякій разъ по господствовавшей модѣ, такъ что ни-
кто не могъ обнаружить явный подлогъ. Петръ, самый умный изъ братьевъ,
завнавшись и возгордившись, нахлобучилъ на голову три шляпы, привѣсилъ
связку ключей къ поясу, потомъ вооружившись удлинцемъ, сталъ распростра-
нять величайшую ложь и божбою и клятвами выдавать ее за неопровержимую
истину; тогда Мартинъ и Якакъ отдѣлились отъ него и хотѣли восстано-
вить кафтаны омыти по первоначальному указанію завѣщанія; но за этимъ
дѣломъ они поссорились другъ съ другомъ, такъ какъ Мартинъ у себя удер-
жалъ еще часть придуманныхъ впоследствии украшеній, а Якакъ,—на кото-
раго англиканскій деканъ изливаетъ всю гущу своей ѣдкой сатирической
жизни,—напротивъ того, такъ рьяно занялся отпарываньемъ и обрываньемъ
прикаса, что весь кафтанъ распался наконецъ въ лохмотья. Эта пародія
направлена прежде всего противъ римско-католической, лютеранской и
кальвинистской церкви; христіанства она какъ будто не касается. Однако
Вольтеръ уже замѣтилъ, что розги, которыми тутъ сѣкутъ сыновей, на-
столько длинны, что задѣваютъ подъ часъ и отца. Въ отступленіяхъ, ко-
торыми уснащается разбивчатый составъ сказки, не мало достается также
и ученымъ; такъ между прочимъ въ спорѣ Войлеса (графа Оссори) про-
тивъ Бентли онъ всгунился за перваго и сказалъ про браннолюбиваго фи-
лолога, будто „онъ наполнилъ немомѣрною ученостью цѣлую книгу чуть ли
не въ тысячу страницъ, лишь для того, чтобы передать намъ полное и
правдивое извѣстіе о какомъ-то крайне важномъ спорѣ между нимъ и князь-
нымъ торговцемъ“.

Путешествіе
Гулливера.

Самою громкою славою, отголосокъ которой и теперь даже слышится въ
поговоркѣ, пользовались сатирическіе очерки и рассказы, которые распро-
странились по всему свѣту подъ названіемъ „Путешествіе Гулливера“ и
переведены на всѣ европейскіе языки. Въ рамкѣ сказочнаго чудеснаго опи-
санія путешествія, какое нерѣдко встрѣчалось въ прежней литературѣ,
Свифтъ начерталъ рядъ картинъ, нравоописаній, бытовыхъ очерковъ;
въ комически-фантастическихъ формахъ, въ потѣшномъ видѣ и въ карикатурѣ
представляютъ они воображенію читателя разныя проявленія эпохи,
возврънія и порывы, людскія безумія, недуги и пороки, несообразныя
учрежденія, обычаи, предразсудки общества, государства и отдѣльныхъ со-
словій. Это какъ бы настоящая вереница пестро переплетенныхъ другъ съ
другомъ очерковъ, въ которыхъ сумеречный полусвѣтъ суней дѣйствитель-
ности дивно сливается съ сказочнымъ міромъ чудесъ; но презирающее лю-
дей, враждебное міру настроеніе автора придавало краскамъ такое смѣше-
ніе, что все уродливое и безобразное, смѣшное и грубое черезъ-чуръ рѣзко
бросается въ глаза. Нельзя не восхищаться, когда въ царствѣ лиллипутовъ
осмѣиваются государственныя и общественныя бытъ, волнения и борьбы
политическихъ и церковныхъ партій словно ребяческія потѣхи,—когда би-
чуются козни, злодѣйства и преступныя страсти при дворѣ и въ средѣ
высшихъ сановниковъ,—когда у великановъ Бробдингага сатирическимъ
целокомъ обливаются и чувственность, и развратъ, и грубая ихъ натура,
ихъ лишь на практичность и пользу обращенныя способности, побужденія
и наклонности; однако, когда Свифтъ, мигая на Ньютона, поражаетъ сво-
ими сатирическими стрѣлами математическія и естественнонаучныя ученія,

оттого что подъ ихъ покровомъ нерѣдко наживаются шарлатаны и прожектеры, или когда онъ людей изображаетъ въ видѣ отвратительнаго рода обезьянъ, мѣнѣе благородныхъ и мудрыхъ чѣмъ лошади и нинья животныя. то мы съ негодованіемъ отвращаемся отъ юмора и скептическаго міровоззрѣнія, причѣмъ перомъ водить уже не шутникъ, а завистливый, злобный демонъ, и подъ сатирическою оболочкою слышится уже не добродушный смѣхъ, а желчное брюзжанье. Въ отношеніи этой склонности и этого душевнаго настроенія деканъ св. Патрика былъ много ниже Рабеле, „добродушнаго Мѣдонскаго патера“, у котораго онъ впрочемъ позаимствовалъ нѣкоторыя черты. Въ заключеніе приведемъ еще миѣніе Геттнера: Свифтъ былъ въ сущности памфлетистъ, конечно одинъ изъ самыхъ великихъ и наиболѣе могучихъ, какіе когда-либо жили. Онъ въ высшей степени обладалъ всѣми необходимыми для такого рода авторства свойствами: ясностью ума, холодомъ души, жаждою мнѣнія, безсовѣстнымъ злословіемъ, крайне находчивою мѣткою острою, близкимъ знакомствомъ со всею пошлостью и мерзостью въ человѣческой природѣ и по истинѣ удивительнымъ умѣньемъ владѣть языкомъ, особенно его болѣе низкимъ и провинціальнымъ говоромъ. Всѣ безъ исключенія сатиры его насквозь проникнуты этими чертами, вся разница въ томъ, что однѣ направлены противъ отдѣльныхъ личностей, другія противъ цѣлыхъ сектъ и партій, а нѣкоторыя даже—противъ всего человѣческаго рода. Предметы никогда не появляются въ томъ видѣ, каковы они сами по себѣ, а всегда лишь такъ, какъ они отражаются въ вогнутомъ все искривляющемъ зеркалѣ гениальнаго, но ни съ Богомъ, ни съ людьми не поладившаго чудака.

6. ПРАВСТВЕННЫЯ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЯ ИЗДАНИЯ И СЕМЕЙНЫЙ РОМАНЪ.

Болтувъ и Наблюдатель. Подъ именемъ Исаака Бикерстефа Свифтъ осмѣялъ астролога и календарника, Джона Партриджа, возбуждавшаго своими нелѣпыми пророчествами суевѣріе въ народѣ. Это имя скоро стало нарицательнымъ, которыми обозначали всякаго рода острья, забавныя, сатирическія, юмористическія изложенія злобы дня. Оттого-то *Ричардъ Стиль*, съ которымъ мы познакомились уже какъ съ авторомъ комедій, задумавъ послѣ безпутной тревожной жизни основать періодическое изданіе, и сталъ издавать свой еженедѣльный журналъ, „Болтувъ“ („Tatler“), подъ этимъ столь популярнымъ у народа именемъ. Его „Христіанскій герой“, состоявшій въ такомъ рѣзкомъ противорѣчій съ его собственнымъ житьемъ, и правоучительныя комедіи были весьма неудачны; за то Стиль добился большаго успѣха своими занимательными и поучительными журналами, которые онъ издавалъ вмѣстѣ съ *Иосифомъ Аддисономъ* въ 1709—1719 годахъ, сначала подъ заглавіемъ „Болтувъ“, потомъ „Наблюдатель“ („Spectator“), а съ 1713 подъ именемъ „Сторожежь“ („Guardian“). Оба они обладали дарованіемъ и обширными свѣдѣніями. Недаромъ Аддисонъ, который студентомъ уже въ Оксфордѣ усвоилъ себѣ глубокія знанія римской литературы и развитъ свой вкусъ въ путешествіи по Франціи и Италіи, заслужилъ своими латинскими стихами одобренія Буало. Оба, и Стиль и Аддисонъ, въ качествѣ виговъ находились въ самомъ средоточіи тогдашней политической жизни и служили своей партіи не только какъ ораторы, но также какъ чиновники и писатели. Аддисонъ воспѣлъ Ривсскій миръ и битву при Пленгеймѣ, и мы прежде уже видѣли, какъ сильно своею республиканскою трагедіею „Катонъ“ воспламенилъ онъ рвеніе партіи. Оба были не только проникательными наблюдателями обыденныхъ происшествій, нравовъ, эстетическаго

вкуса и житейскихъ воззрѣній современниковъ, но также остроумными и рѣчистыми писателями о всякихъ предметахъ, которые возбуждали любознательность или снабжали общественныя бесѣды богатымъ по содержанию матеріаломъ. Политика не исключалась у нихъ, но она отошла на задній планъ за „нравственными“ статьями, въ которыхъ съ мастерскимъ даромъ изложенія, прекраснымъ легкимъ слогомъ, съ увлекательнымъ искусствомъ представлялись всѣ проявленія и интересы внѣшней и внутренней жизни. Такого рода беллетристическая литература обладаетъ, конечно, свойствомъ, не погружаться въ глубь человѣческаго бытія и души, слегка лишь касаться важнѣйшихъ вопросовъ, не мѣрять жизнь мѣриломъ стоическаго или пуританскаго ригоризма, а представлять ее въ свѣтѣ дѣйствительности и яснымъ юморомъ снисходительно карать проступки, недуги и всякое безуміе; оттого-то эти нравственныя еженедѣльныя изданія и пользовались такимъ единодушнымъ сочувствіемъ. Англичане вообще съ хвалою и уваженіемъ отзывались о направленіи и влияніи ихъ содержанія, а въ особенности объ ихъ изящномъ слогѣ въ легкой формѣ бесѣды. Имъ приписывалось самое благотворное преобразование художественнаго вкуса и вообще нравственнаго и политическаго склада мыслей. Отвѣчая философскому направленію эпохи, эти разнородныя статьи, которыя Тэнъ прозвалъ „проповѣдями мірянина“ или „настойною книгою честнаго мужа“, пытались обратить образованный міръ къ добродѣтели и нравственности, къ гуманности и истинному благочестію, возбудить терпимость и человѣколюбіе и распространить въ кружкахъ интересъ къ искусству, къ литературѣ и болѣе образованную общительность. Всѣ ихъ наблюденія и рассказы проникнуты свѣтлою и веселою задумчивостью, говоритъ Геттнеръ, которая, правда, не захватываетъ самые глубокіе и трудные вопросы человѣческихъ мыслей и подвиговъ, но, развлекая и возбуждая, поддерживаетъ большую частью основательную бесѣду. Аддисоновы статьи, очерки, картины нравовъ, характеристики свѣта и людей въ разныхъ положеніяхъ и условіяхъ жизни до сихъ поръ еще считаются образцами превосходной прозы. Самъ Стиль говоритъ про своего друга, что онъ никогда не идеализируетъ ни жизни, ни нравовъ, что онъ строго придерживается природы и свѣтлымъ юморомъ возбуждаетъ сочувствіе къ домашнимъ сценамъ и явленіямъ дѣйствительности. Въ эпоху Утрехтскаго мира оба писателя стали глубже проникать въ политику, вслѣдствіе чего ихъ журналы получили другой характеръ. Аддисонъ поставилъ на сцену своего „Катона“, какъ поборника свободы, республики и патриотизма въ духѣ виговъ, но это было неестественное, холодное, риторическое произведеніе искусства. Стиль въ качествѣ парламентскаго оратора съ такимъ рвеніемъ отстаивалъ въ своихъ изданіяхъ интересы партіи, въ особенности ганноверское наслѣдство, что его изгнали изъ нижней палаты. За то при Георгѣ I. онъ достигъ высокихъ почестей, а Аддисонъ былъ назначенъ главнымъ статсъ-секретаремъ.

Въ политическихъ тревоженіяхъ Стюарто-оранскихъ партій выдающуюся роль игралъ *Даниэль Дефо*, одинъ изъ гениальнѣйшихъ умовъ этой тревожной эпохи. Вышедъ изъ мѣщанскихъ кружковъ диссентеровъ, онъ въ рѣчахъ и печати ратовалъ за релігіозную и политическую свободу, за благо и права народа. Спасаясь при Яковѣ II. отъ преслѣдованья, осужденный при Аннѣ іерархіею господствовавшей церкви за сатирическую статью къ позорному столбу и заключенію, энергичный мужъ стойко держался національной партіи, содѣйствовалъ объединенію Англии и Шотландіи, также ганноверскому престолонаслѣдію, писалъ стихи, съ восторгомъ распеваемые народомъ, сочинялъ рѣзкія сатиры, памфлеты и политическія статьи, имѣвшія сильное влияніе. При всемъ томъ онъ былъ бѣденъ и низкимъ не воз-

Дефо.

1661—1731.

награждаемъ. Скорбною брошюрою: „Воззваніе къ чести и справедливости“ онъ распространился въ 1715 году съ политикою и принялся за другое дѣло, отъ котораго ему удалось пожать болѣе плодовъ и благодарности. Послѣ нѣсколькихъ сочиненій общепользнаго содержанія, онъ въ 1719 издалъ книгу, прославившую имя его во всемъ свѣтѣ: „Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузэ“; это ничто иное какъ петорія моряка, замствованная изъ пережитыхъ шотландскимъ матросомъ Александромъ Селькиркомъ на островѣ Жуанъ-Фернандецъ событій; она исполнена увлекательнаго содержанія и мастерскаго изложенія; своею психологическою характеристикою и живыми очерками мельчайшихъ подробностей Робинзонъ Крузэ занимаетъ воображеніе и возбуждаетъ сочувствіе. Связавъ правду и вымыселъ въ одно художественное цѣлое, эта книга въ ту эпоху морскихъ предпріятій и открытій произвела сильное обаяніе во всемъ свѣтѣ, возбуждая и подстрекая въ особенности фантазію молодежи. Она переводилась на всѣ языки, ее передѣлывали, ей подражали, и она съ жадностью всѣмъ читалась. Этотъ романъ былъ какъ бы практическимъ примѣненіемъ современныхъ философскихъ идей о развитіи человѣка, общества, государства на основаніи терпимости, любви къ ближнему, добродѣтели и гуманности. Робинзонъ—это образецъ и олицетворенный обликъ всего человѣчества; его островъ—это міръ въ маломъ видѣ. Продолженія, которыя Дефо написалъ послѣ первой книги, много уступаютъ ей и по значенію, и по интересу. Они подали поводъ разнымъ передѣлкамъ въ родѣ „сказочныхъ робинзонадъ“, а изъ очерковъ первой части возникла педагогическая дѣтская литература.

Нравственные и юмористическіе романы.

Стиль и Аддисонъ своими еженедѣльными изданіями возбудили интересъ къ дѣйствительной жизни, къ домашнимъ и семейнымъ, городскимъ и сельскимъ, церковнымъ, театральнымъ и общественнымъ событіямъ и проявленіямъ и низвели поэтическую музу съ высоты богатырскаго эпоса и романтики или искусственнаго описанія природы въ реальный обывательный міръ. По проложенному такимъ образомъ пути естественно было воспользоваться этою богатою жизнью дѣйствительности для болѣе подробныхъ изображеній въ повѣствовательной формѣ въ томъ видѣ, какъ она развивается въ обывательныхъ и приключеніяхъ, въ государственномъ бытѣ, въ гражданскомъ обществѣ, также во взаимодѣйствіяхъ чувства и души. Такъ возникъ новый семейный романъ, замѣнившій напыщенныя, высокопарныя, растянутыя повѣствованія прежняго періода новымъ міромъ, въ которомъ вымышленныя приключенія и житейскія событія переплетались чувствованіями, характеристиками, наставленіями въ добродѣтели и правочненіями, назидательными размышленіями въ пользу и поученіе читающей публики. Эти сентиментальныя романисты увлекательнымъ изображеніемъ порождаемыхъ фантазіею идеальныхъ житейскихъ и характерныхъ образовъ пробуждали чувство, воспріимчивость и влеченіе къ высреннему настроенію души; они вывели романъ изъ неопределеннаго туманнаго міра фантастическихъ приключеній въ непосредственную дѣйствительность, преобразовали его въ „естественную исторію души“. Между ними первое мѣсто занимаетъ *Самуилъ Ричардсонъ*. Вышедъ изъ небогатой ремесленной семьи, онъ простымъ наборщикомъ долго жилъ въ бѣдности, но благодаря ревностному усилію и труду, усвоилъ себѣ познанія, въ связи съ его естественнымъ даромъ изобрѣтенія и вымысла послѣднія открыли передъ нимъ широкое поле наблюденій, описаній, размышленій. Этотъ небольшого роста первичный человѣкъ слабого здоровья болѣе всего любилъ общество дамъ. Его первый романъ „*Памела* или награжденная добродѣтель, рядъ писемъ молодой прекрасной дамы, изданныхъ съ цѣлью развитія въ умахъ

Ричардсонъ.
1689—1761.

молодыхъ людей правила добродѣтели и религій“ и т. д., сдѣлался излюбленною книгою мѣщанскихъ кружковъ въ Англіи, въ средѣ которыхъ врачаются поэтическіе образы автора. Однако Ричардсонъ достигъ вершинной точки своей славы, благодаря восьмитомному роману подъ слѣдующимъ значительнымъ заглавіемъ: „*Кларисса* или исторія молодой дѣвочки, содержащая въ себѣ важнѣйшія отношенія семейной жизни и въ особенности разоблачающая несчастія, какія возникаютъ вслѣдствіе того, что родители и дѣти бываютъ неосмотрительны въ дѣлахъ брака“. Эта весьма распространенная книга породила много подражаній, она переводилась, передѣлывалась и сокращалась. Главная прелесть ея заключается въ характеристикѣ идеальной женщины, Клариссы, и ея любовника и соблазнителя, Ловеласа, джентльмена со всѣми пороками и достоинствами высшего общества, развратника и преступника, при всемъ томъ любезнаго и обаятельнаго, считающаго высшимъ торжествомъ преодолѣть противоборствующую ему добродѣтель. Въ контрастъ Ловеласу появился сэръ *Чарльсъ Грандисонъ*, герой третьяго романа въ шести томахъ. Тутъ изображенъ христіанскій типъ, какимъ онъ долженъ быть. Однако этотъ мужской идеалъ менѣе удаченъ, нежели женскій въ Клариссѣ, и хотя „Грандисонъ“ представляетъ отличныя характеристики, но онъ все-таки менѣе другихъ интересенъ. Ричардсонъ долгое время былъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ авторовъ; имена его героев и героинь повторялись всѣми устами; его даже въ проповѣдяхъ прославляли какъ нравственнаго писателя; французскіе и нѣмецкіе авторы черпали изъ его сочиненій. Однако, не смотря на его поэтическій даръ изображать характеры, па его ясность и живость въ изложеніи не только чувствованій и человѣческаго сердца, но также обстановки и наружныхъ проявленій, ему все-таки не далась художественная идеальность; его назидательная и правочительная тенденція слишкомъ явно обнаруживается; „тутъ никакъ не избавишься отъ пошлой земной тяготы обывательнаго мѣщанства. Взвѣсто пылкаго слова поэта слынишься болѣею частью елеяная рѣчь проповѣдника“.

Романы Ричардсона врагались въ черезъ-чуръ односторонней ограниченной сферѣ, характеры его были явно начертаны по правилу и образцу предвзятаго правоченія и благочестія для мѣщанскихъ кружковъ, такъ что неволью подстрекали къ противорѣчію, вызывали иное противоположное возрѣніе на жизнь. Это въ самомъ рѣзкомъ видѣ и было исполнено *Генрихомъ Фильдингомъ*. Потомокъ знатной фамилии, родословная которой доводилась до графовъ габсбургскихъ—самое имя происходитъ отъ Рейнфельденя, Ринфильдингъ, — сынъ генерала, соратника Марьборо, Фильдингъ обучался въ Итонѣ и Лейденѣ. Оттуда онъ, лишенный всякихъ средствъ, прибылъ въ Лондонъ, гдѣ снискалъ себѣ извѣстность драматическаго писателя и разгульнаго весельчака. Женвшись въ 1755 г., онъ удалился въ пынье своей супруги. Но своею расточительностью разстроилъ только что приобретенное имъ состояніе, и поневолѣ вступилъ въ адвокаты, а впоследствии въ мировые судьи, причѣмъ должность свою отираивалъ съ особеннымъ рвеніемъ. Нужда заставила его опять взяться за перо, и тутъ-то онъ написалъ обезсмертившія его творенія. О романахъ Фильдинга, между которыми „*Исторія Тома Джонса*“ (1749) занимаетъ первое,—а „*Исторія Джозефа Андріо и Амелии*“ второе мѣсто, Геттнеръ говоритъ: Онъ вездѣ стремится саркастическою острою снять маску съ лицемѣрія. Имъ изблнчаются ханжи и пристойныя съ виду, но въ сущности пустыя и порочныя характеры; милые бродяги, не признаваемые и презираемые свѣтомъ, пользуются почетомъ и достигаютъ побѣднаго вѣика; все это—простодушныя, безопасно, но дня въ день проживающіе люди съ разнымъ прихотями и

Фильдингъ.
1707—1754.

сумасбродствами, но щьбныи патуры, самодовольныи, не обуруаемыи никакими бреднями и сомнѣнныи. Въ противоположность расплывчивому благодупию Ричардсоновыхъ разсказовъ сатирикъ Фильдингъ съ поразительною правдою и съ знаніемъ челоѳческаго сердца, съ художественнымъ совершенствомъ изображаетъ челоѳческий мѣръ во всей его дѣйствительности; добродѣтель и порокъ взаимно уравновѣшиваются у него, хотя въ нѣкоторыхъ личностяхъ и преобладаетъ либо добро, либо зло. Его романы, правда, не могутъ служить зеркаломъ нравственности, когда онъ, подобно нидерландскимъ живописцамъ, съ пристрастіемъ воспроизводитъ сцены изъ низшихъ слоевъ, но сама добродѣтель никогда не бываетъ у него предметомъ сатиры. Какой бы проступокъ ни совершилъ Томъ Джонсъ, онъ всякій разъ карается за то разными невзгодами и дурными послѣдствіями; вездѣ витаетъ пеллцемѣрная поэтическая справедливость, въ какомъ бы впрочемъ соблазнительномъ видѣ ни представлялось зло. Поѳхавъ въ слѣдствіе разстроеннаго здоровья въ Португалію, Фильдингъ умеръ въ Лиссабонѣ.

Гольдсмитъ. Родственною натурою, но болѣе элегическаго пошиба, былъ *Омверъ Гольдсмитъ* 1728—1774. Сынъ сельскаго священника въ Ирландіи, воспитавшись въ Дублинѣ, развившись потомъ въ многолѣтнихъ путешествіяхъ по всѣмъ краямъ европейскаго материка, въ разныхъ житейскихъ положеніяхъ, Гольдсмитъ послѣ нѣсколькихъ литературныхъ попытокъ въ родѣ „Путешественника“, „Поклнутаго деревня“, послѣ нѣсколькихъ комедій, добился славы и обезпеченнаго состоянія, благодаря своему роману „Вакфильдскій священникъ“ и легко написаннымъ популярнымъ сочиненіямъ о греческой, римской и англійской исторіи. Известно, какъ обстоятельно и съ какою любовью Гѣте судилъ объ этомъ прелестномъ семейномъ романѣ, который словно „сентиментальная идиллія“ развивается въ Вакфильдскомъ церковномъ домѣ. Вѣдь и въ самой чистой любви юнаго Гѣте эта книга такъ живо представлялась его уму, что въ церковномъ домѣ въ Сезенгеймѣ ему чудились отголоски задушевныхъ идиллическихъ очерковъ англійскаго поэта. Не смотря на недостатки, какіе критика подмѣтила бы въ планѣ и расположеніи, въ начертаніи характеровъ, все-таки, благодаря удачному повѣствовательному складу, мелочнымъ подробностямъ, какими поэтъ приковываетъ насъ въ чарамъ этого домашняго затншья, и въ особенности благодаря художественной характеристикѣ самаго священника Примрозы, въ его разныхъ положеніяхъ и превратностяхъ жизни, этотъ романъ сталъ излюбленною книгою всего цивилизованнаго міра.

Смоллетъ. Гольдсмитъ уже во многомъ развился на Фильдингѣ, но въ еще большей мѣрѣ это можно сказать про *Тобіаса Вильгельма Смоллета* изъ знатной шотландской фамиліи. Послѣ тревожной жизни въ качествѣ флотскаго врача во время войны противъ Испаніи и Франціи Смоллетъ посвятилъ себя авторству, издалъ продолженіе англійской исторіи Юма и написалъ рядъ романовъ („Родрихъ Рандомъ“, „Пирегринъ Пикль“, „Серъ Лашелотъ Гревсъ“ и др.). Послѣднее и самое знаменитое свое произведеніе „Путешествіе Гумфрея Кликера“ написалъ онъ на дачѣ близъ Ливорно, гдѣ и умеръ. Смоллетъ не обладаетъ такою чистою отдѣлкою характеровъ и такою художественною композиціею, какими мы любуемся у Фильдинга; въ его романахъ лица часто являются въ черезъ-чуръ карикатурномъ видѣ; за то онъ мастеръ въ описаніяхъ. Изображая омуты разврата, представляя читателю прионы порока и преступленія или приключенія и превратности морскаго плаванья, онъ вездѣ изобличаетъ автора, одареннаго пронцагательною наблюдательностью и много пережитаго на своемъ вѣку. Картины правовъ и описанія его, освѣщаемыя часто лучами комизма и веселаго юмора, отличаются поразительною вѣрностью жизни, оттого что черпаются изъ самыхъ нѣдръ дѣйствительности.

На одну доску съ этими романистами по всей справедливости былъ по- Живописецъ ставленъ также и живописецъ *Гогартъ*: сатирическіи и юмористическіи изображения современныхъ ему общественныхъ условій со всѣми ихъ пороками и сумасбродствами, съ ихъ безнравственными, преступными или пошлыми побужденіями и привычками возбуждали восторгъ какъ въ самой Англии, такъ и за границей. Но въ сатиру художника презрѣніе къ людямъ проглядываетъ сильнѣе, нежели веселый юморъ и насмѣшка; въ его картинахъ болышею частью изображаются омуты нравственной порчи лишь съ язвительнымъ презрѣніемъ челоѳкопонавистника, а не плутовская жизнь съ ея продувной стороны, съ ея шуточными и добродушными чертами. Картины Гогарта лишены прелести и любви, въ нихъ не видать зиждущаго Бога, солнце котораго свѣтитъ какъ добродѣтельнымъ, такъ и порочнымъ, — картины его ничто иное какъ мрачныи моральныи произведенія.

Въ иномъ видѣ является свѣтъ въ романахъ юмориста *Лоренца Стерна*: онъ на всѣ явленія смотритъ челоѳколюбивыми взорами, у него то и дѣло раздаются задушевные отголоски; онъ признаетъ право и значеніе за всякимъ индивидуальнымъ проявленіемъ въ жизни, и глубокая душа его даже въ минуты горькаго опыта не отрекается отъ вѣрующей любви. И въ самомъ дѣлѣ, собственная жизнь его вовсе не такъ сложилась, чтобы изъ нея можно было почерпнуть горячее челоѳколюбіе. Сынъ офицера изъ Ирландіи, проживавшаго болышею частью внѣ дома, Стернъ занималъ мѣсто сельскаго священника въ сѣверной Англии; слабого здоровья, онъ былъ болышею частью покидаемъ своею бездушною женою, которая жила въ южной Франціи и лишала его даже присутствія любимой имъ дочери Лиди. Только два раза оставалъ онъ свою родину, съ тѣмъ чтобы объѳхать Францію и Италію. Тутъ-то онъ и собралъ матеріалъ для своего „Сентиментальнаго путешествія“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для романа „Тристрамъ Шенди“, для этого главнаго его произведенія. Подъ именемъ Юрихъ, какимъ въ послѣднемъ сочиненіи изобразилъ самого себя, онъ издалъ сверхъ того проповѣди или „Нравственныи рѣчи“ и Письма Элзѣ, прекрасный памятникъ его любвеобильной чувствительной души. Эти два главные произведенія Стерна и рядъ повѣстей, очерковъ и эпизодовъ, слабо другъ съ другомъ связанныхъ и недоконченныхъ, представляютъ сцены и картины изъ домашней жизни съ рѣзко выступающими чертами индивидуальностей и съ глубокимъ знаніемъ челоѳческаго сердца въ его сокровеннѣйшихъ изгибахъ. Личности, выведенныи въ Тристрамъ Шенди, въ особенности отецъ съ его педантичными умствованіями и дядя Тоби съ безустанною жалдою дѣятельности, вошли въ поговорку подобно героямъ Сервантеса, которые зачастую мерещились автору. Все это рѣзко очерченные облики чудаковъ, выводимыхъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ и отношеніяхъ другъ съ другомъ, но съ чрезвычайнымъ юморомъ, съ любвеобильнымъ выпковненіемъ въ ихъ личныи свойства, съ добродушнымъ смѣхомъ и прелестными мелочными подробностями. Не разъ уже указывали въ старой литературѣ на источники, откуда Стернъ черпалъ нѣкоторые мотивы для своихъ изображеній; однако, чѣмъ бы онъ ни воспользовался изъ тщательно имъ собраннаго, онъ все вполнѣ усвоилъ себѣ размышленіемъ и трудомъ, все чуждое разработалъ совершенно на свой ладъ, перечеканилъ въ свою монету и отмѣтилъ печатью своего личнаго духа. Описаніе столкновеній, въ какія индивидуальная натура вслѣдствіе ея страпностей то и дѣло приходитъ съ влѣтнимъ міромъ и съ неизбѣжными препятствіями, исполнено благодушной ироніи, добросердечнаго юмора и челоѳколюбивой терпимости, что и дѣйствуетъ на душу, облагораживая и освѣжая ее. Много споровъ было по поводу того, что болѣе вліяло на трогательныи сцены и на само-

Живописецъ Гогартъ. 1697—1764.
Стернъ. 1713—1768.

испытания, — сердце и личное ощущение или скорбь умъ и художественное изучение? Во всякомъ случаѣ юморъ Стерна, какъ въ самой Англии, такъ и за границею оказалъ сильное и прочное дѣйствіе на современниковъ. „Сентиментальное путешествіе“, прозванное такъ „оттого, что оно имѣетъ въ виду не описаніе видѣнныхъ предметовъ, художественныхъ произведеній и достопримѣчательностей, а изложеніе впечатлѣній и чувствованій, — всего, что пережито душою“, чище по отдѣлкѣ, но бѣднѣе содержаниемъ, нежели другое его юмористическое произведеніе.

7. философія и исторія.

Литер. отно-
шеніе между
Англіею и
Франціею.

Плодотворная дѣятельность Англичанъ въ развитіи политической и юридической жизни, такъ же какъ и въ области мышленія и поэзіи, отразилась на умственное творчество во Франціи. Наиболѣе извѣстные въ ней писатели возбуждались и пользовались англійскими идеями; они заимствовали у богатыхъ сосѣдей много умственныхъ данныхъ и сокровищъ и разрабатывали ихъ съ свойственнымъ имъ вкусомъ и чувствомъ изящнаго въ художественныя произведенія своеобразнаго отпечатка. Уму Монтеスキ въ идеальномъ видѣ представлялась англійская конституція, этотъ примѣръ націй, сумѣвшей въ формѣ монархіи сохранить свободу. Вѣдь и Вольтеръ и энциклопедисты, даже самъ Руссо заимствовали много данныхъ и разныхъ понятій у естественныхъ испытателей и философовъ Англии! Свободнорелигіозное философское міросозерцаніе довершило свое побѣдоносное шествіе на образованномъ діалектѣ французской націи; Англичане съ удивленіемъ воспринимали разработанные художественные образы, для которыхъ сами поставляли столько матеріала, а затѣмъ они же слѣдовали новымъ образцамъ. Даже ирландскій епископъ *Георгъ Берклеи*, идеализмъ котораго состоялъ въ своеобразномъ противрѣчій съ реалистическимъ и материалистическимъ образованіемъ эпохи, благодаря своему неоднократно пребыванію во Франціи, въ сношеніяхъ съ Малебраншемъ получилъ первый толчокъ къ своимъ „Началамъ человѣческаго познанія“. Судя по нимъ, вслѣдствіе недостаточности и недостаточности всякаго знанія, приобретаемаго наблюденіемъ и опытомъ, истинною признаются лишь внутреннія представленія, „по изволенію Волею“ внутренняго человѣческой природѣ.

Берклеи.
1684—1753.

Юмъ.
1771—1776

Вліяніе французскаго образованія еще ярче обнаруживается у Юма, Гиббона и Робертсона. *Давидъ Юмъ* изъ Эдинбурга, пробывъ долгіе годы въ Парижѣ, занимаясь то литературными трудами и изслѣдованіями, то политическими дѣлами своего правительства, подобно Берклею, ратовалъ противъ теоріи постиженія Локке; и по его мнѣнію такъ нѣтъ никакого познанія дѣйствительныхъ предметовъ, а существуютъ только единичныя представленія, т. е. наглядныя или постиженія, элементами которыхъ служатъ единичныя чувственныя ощущенія; однако Берклею отъ ничтожества явленій возносился къ философскому идеализму, созерцая міръ въ Богѣ и доходя путемъ теологической натурфилософіи до сознанія, что „истинное міросозерцаніе ничто иное какъ теодицея“; тогда какъ Юмъ въ своихъ „Изслѣдованіяхъ о человѣческомъ разумѣ“, въ своихъ „Философскихъ опытахъ“ и въ другихъ сочиненіяхъ, отрицая возможность постичь дѣйствительные предметы, дошелъ до скептицизма, не признающаго ничего за истинное, развѣ одни впечатлѣнія, получаемыя нами отъ чувственнаго міра; сопоставляя и связуя при посредствѣ умственной дѣятельности эти впечатлѣнія одно съ другимъ и съ самими предметами, образуя изъ нихъ при помощи сужденій и умозаключеній всеобщія идеи, мы послѣднія въ правѣ призвать лишь за субъектив-

ныя истины, за человѣческой призракъ правды и за человѣческую вѣру; съ этимъ противрѣчьемъ между мышленіемъ и жизнью можно примириться только, подчиняясь законамъ необходимости. „Итакъ, Юмъ отвергаетъ возможность постичь качество и свойство объективной связи между причинами и слѣдствіями, и всякую философскую правоспособность, перешагнувъ при посредствѣ вѣрнопонятнаго за предѣлы опыта, дѣлать выводы о бытіи Божьемъ и о безсмертіи души“. Онъ порвалъ такимъ образомъ не только съ вѣрою въ откровеніе, но даже съ разсудочной и естественной религіею, которую поддерживали англійскіе вольподумцы. Философія его сводится къ изреченію Валленштейна у Шиллера: „Это — то исполнѣе обычное, то вѣчно вчерашнее, что будетъ чтиться завтра, оттого что читалось сегодня; вѣдь изъ обычнаго сложился человѣкъ, и привычку зовутъ оное своею кормилицею. Божественно для него то, что посѣдѣло отъ старости“. — Съ этой скептической точки зрѣнія и Юмъ также смотритъ на всеобщую исторію. Государство, по немъ, отнюдь не результатъ договора между державцемъ и народомъ, а ничто иное какъ созданіе необходимости, самопомощи, привычки. Всякое отправление власти верховнымъ главою, говоритъ онъ, могло сперва требоваться лишь частнымъ образомъ и насущными потребностями положенія, но вслѣдствіе пользы это отправление стало совершаться чаще, а благодаря частому повторенію и возникло поемному оспованію на привычкѣ согласіе народа. Подобно тому, какъ познаніе опирается на привычный опытъ, такъ и государство — на привычное повиновеніе. „Привычка призываетъ людей къ политическому строю, съ которымъ они сжились, и обезличиваетъ устои его отъ всякаго насильственнаго напора. Юмъ поэтому состоитъ въ противрѣчій къ Руссо, что и выразилось такъ рѣзко въ личномъ сближеніи и въ отвращеніи другъ отъ друга обихъ философовъ“.

Благодаря именно этой свободной философской точкѣ зрѣнія, шотландскій историкъ и могъ избрать новые пути, установить новыя воззрѣнія. Отрѣшившись отъ прѣжняго хроникообразнаго повѣствованія историческихъ событій и судебъ, Юмъ изслѣдуетъ руководящія идеи, обращаетъ вниманіе также на культурную жизнь и на нравы общества. Эпоха Стюартовъ съ ея могучею внутреннею борьбою составляла ядро и основу; къ пей поемному примыкали предшествовавшіе вѣка. Его вольному философскому взгляду фанатизмъ и религіозное безсердечіе Пуританъ были ненавистнѣе іерархическаго-епископальнаго строя господствовавшей церкви; оттого-то онъ сочувствуетъ особенно Стюартамъ, къ которымъ какъ Шотландецъ родомъ питалъ болѣе сильную симпатію, и склоняется скорѣе на сторону торіевъ, чѣмъ виговъ. Однако, изслѣдуя историческое поступательное движеніе, Юмъ отнюдь не подчиняется ограниченности точки зрѣнія какой-нибудь авглійской партіи; словно съ свѣтлыхъ высейзираетъ онъ съ нѣкоторою проницательностію на суету людскую, на тревоженія страстей; ему антипатичны всякое религіозное рвеніе, всякій христіанскій догматизмъ, проявляется ли онъ въ крестовыхъ походахъ или въ реформаціи, выступаетъ ли въ насильственномъ видѣ въ средѣ монаховъ и миссіонеровъ или панкетовъ и сектантовъ. Съ широкимъ и свѣтлымъ взглядомъ государственнаго и свѣтскаго мужа, который собственнымъ опытомъ извѣдалъ человѣческую и общественную жизнь и скептически-философскимъ умомъ прошикъ въ нѣдра человѣческой души, онъ передъ глазами читателя съ драматическою живостью проводитъ историческихъ героевъ и замѣчательныя событія. „Только тотъ въ состояніи пролить свѣтъ на самую суть и на дѣйствія людскія во временахъ и въ пространствѣ, кому суждено постичь истинный человѣческой мудрости, связь всего сущаго, фантазіи и воззрѣнія, законовъ духовнаго и тѣлеснаго міра, —

Исторія Англии
Юма.

тотъ, кто сознаетъ, что логическое сочетание мысленнаго равно сочетанію устроенной по вѣчнымъ законамъ вселенной,—словомъ, тотъ, кто въ состояніи проникнуть въ самую суть вещей и понятій“. Благодаря такому широкому философскому взгляду, Исторія Англій Юма сдѣлалась національнымъ твореніемъ; его не могли вытѣснить никакія позднѣйшія произведенія, несмотря даже на указанныя критикою неточности, неосновательность, скудное изслѣдованіе источниковъ и другіе недостатки этой книги.

Гиббонъ. „Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи“ Эдуарда Гиббона, еще болѣе заслуживаетъ названія національнаго творенія. Гиббонъ подобно Юму также былъ образованъ на французскій ладъ; оба они поддерживали тѣсную связь съ Вольтеромъ и парижскими образованными кружками, оба поклонялись принципамъ умственной свободы и философскаго міросозерцанія; вслѣдствіе деистической вѣры въ необходимость вѣчнаго міроваго строя они утратили болѣе глубокое пониманіе и правильную оцѣнку историческаго христіанства, и оба смотрѣли на духовную жизнь средневѣковья сквозь призму современнаго имъ просвѣщенія. Въ великолѣпномъ историческомъ твореніи Гиббона, большую часть котораго онъ написалъ въ Лозаннѣ на берегу прелестнаго Женевскаго озера, всѣмъ вообще превозносишь сочетание обширной учености, художественнаго, риторически возвышеннаго слога и изложенія съ свободнымъ, философскимъ воззрѣніемъ. Нѣкоторые изъ отдѣловъ, какъ напр. исторія византійской имперіи и того же двора при Юстиніанѣ, Теодорѣ и при полководцахъ Велисаріи и Нарсесѣ, или догматическій споръ между Афанасіемъ и Аріемъ, воинственный натискъ Аравитянъ при первыхъ калифахъ — все это поэтически художественныя произведенія, исполненныя драматической жизни и увлекательнаго краснорѣчія. Исторія Юліана Отступника представляетъ историческую картину, написанную съ личнымъ сочувствіемъ и особеннымъ пристрастіемъ; въ Гиббонѣ никогда не скрываетъ, что христіанство, разрушившее и похоронившее прекрасный античный міръ, составляетъ для него ненавистное явленіе. Съ какою проныей, съ какимъ сатирическимъ презрѣніемъ относился онъ къ культу святыхъ, къ монашеству, къ сказаніямъ о мученикахъ, къ обращеніямъ язычниковъ въ средніе вѣка! Въ противоборствѣ между христіанскимъ и магометанскимъ міромъ онъ явно переходитъ на сторону послѣдняго. Идеаломъ государственнаго организма и, слѣдовательно, самую счастливую эпоху Рима англійскій историкъ считаетъ краткое и мудрое господство Антониновъ, когда міромъ правили философы, и народы охотно подчинялись власти разума и порядка, когда подавлялся фанатизмъ и уважалась и возносилась стоическая добродѣтель, а престолонаслѣдіе исполнялось не вслѣдъ за преемственнаго права, но путемъ разумнаго усмотрѣнія. Много удивлялись учености и начитанности Гиббона, искусству, съ какимъ онъ владѣлъ, какъ англійскимъ, такъ и французскимъ языкомъ, художественному ораторскому дарованію и философскому міросозерцанію, за то не очень-то хвалили его характеръ. Нерѣдко строго порицалось, что онъ въ припадкѣ легкомыслія перешелъ къ католической церкви, а годъ спустя нослъ того опять вернулся къ прежней, что по весьма непохвальному поводу онъ разорвалъ любовную связь съ дѣвицею Кюршо, впоследствии супругою Небера, что изъ честолюбивыхъ видовъ добивался покровительства и дружбы знатныхъ и знаменитыхъ особъ, царившихъ тогда въ самыхъ образованныхъ кружкахъ Парижа и Лондона. Шлоссеръ, какъ про Гиббона, такъ и про Юанна Мюллера высказалъ такой приговоръ: „Оба они поневолю обращаются къ риторикѣ и софистикѣ, подобно тому какъ герои и завоеватели—къ вѣроломной политикѣ: оттого что какъ тѣ, такъ и другіе добиваются лишь призрачной сла-

вы. Безпредѣльное тщеславіе, жажда почестей и блеска, подрѣдильемы умомъ и трудомъ, могутъ создать художниковъ и художественныя произведенія; но настоящее воодушевленіе истинною и правомъ, здравый смыслъ, тихая задушевная жизнь, чувства, какія должна бы питать и поддерживать исторія, изображая бурныя тревоженія вѣшняго міра, избѣгаютъ ихъ словно злыхъ демоновъ“.

Шотландскій священникъ, *Вильямъ Робертсонъ*, прославляемый какъ историкъ на ряду съ Юмомъ и Гиббономъ, много уступаетъ по уму, размаху и смѣлости своимъ современнымъ соотрудникамъ. Ограничившись узкимъ кругозоромъ своего роднаго края, гдѣ онъ провелъ всю жизнь, мало знакомый съ тревогами, волновавшими тогда государство и литературу, Робертсонъ никогда не покушался перешагнуть за предѣлы, отведенный вѣрою, обычаемъ и общественнымъ мнѣніемъ. Хотя и его также коснулось французско-философское образованіе той эпохи, хотя и онъ въ формѣ и изложеніи старался угодить пзичному вкусу и общественному тону, однако въ немъ нѣтъ искры гениальности, которая увлекала и воспламеняла въ тѣхъ обонхъ, — возбуждая то провиворѣчіе, то восторгъ. Либеральный и снисходительный теологъ съ благородными убѣжденіями и гуманными наклонностями, но чуждый враждебному церкви направленію эпохи, Робертсонъ оказалъ сильное влияние на религиозныя и политическія воззрѣнія среднихъ кружковъ въ своемъ шотландскомъ отечествѣ. „Его публику составляли такъ называемые образованные люди, которымъ нѣтъ охоты погружаться въ слишкомъ глубокія думы о людскихъ тревоженіяхъ, ни пугаться молніепосныхъ идей, ни также соблазняться сомнѣніями въ обычной вѣрѣ и въ господствующихъ системахъ“. Его много читаемыя сочиненія: „Исторія Шотландіи при Маріи Стюартъ и Яковѣ VI.“, „Исторія императора Карла V.“, съ введеніемъ по примѣру Вольтера, „Исторія открытія Америки“ — все это тщательно отдѣланныя, по сухія произведенія. Самъ Гиббонъ въ своихъ смѣшанныхъ сочиненіяхъ тонко замечнулъ, что онъ опасается соперничества Юма, но ужъ никакъ не Робертсона: „Удачно задуманный планъ исторіи Шотландіи, твердая рѣчь, округленные періоды доктора Робертсона воспламеняли во мнѣ честолюбивыя надежды, что и мнѣ когда нибудь удастся пойти по его стопамъ. Спокойная философія, неподражаемая, безъискусственно возникающая красота его друга и соперника часто заставляли меня откладывать книгу съ смѣшаннымъ чувствомъ восторга и отчаянія“.

II. Литература просвѣщенія во Франціи.

1. Философско-литературное направленіе эпохи.

Образованные и аристократическія сословія Франціи и Англійни когда еще не сближались такъ сильно, какъ въ эпоху Людовика XV. Это сходство въ свѣтскомъ обращеніи и согласіе въ умственныхъ воззрѣніяхъ и направленіяхъ усилились еще болѣе, благодаря взаимнымъ сношеніямъ, которыя поддерживались и развивались путешествіями и продолжительнымъ пребываніемъ въ столицахъ по ту и другую сторону Канала, также переводами или передѣлками авторскихъ

Сходство и различіе между англійскимъ и французскимъ образованіемъ.

произведеній обѣихъ націй. Лордъ Честерфильдъ не могъ указать своему сыну лучшей школы для великосвѣтскаго образованія, какъ посовѣтовавъ ему, строго слѣдить за всѣмъ, что дѣлается въ знатномъ парижскомъ обществѣ, и по возможности усвоить себѣ искусство бесѣдовать, умѣнье со всѣми обходиться, воззрѣнія и образъ мыслей, изящныя манеры и животрепещущій разговоръ той просвѣщенной аристократіи. Сношенія и размѣны мыслей и воззрѣній облегчались тѣми общественными кружками, какіе въ извѣстные дни собирались въ салонахъ эстетически и литературно образованныхъ дамъ, въ родѣ мадамъ Жоффренъ, мадамъ дю-Деффапъ, дѣвицы Л'Эспинасъ и другихъ, и богатыхъ, посвятившихъ себя искусству и философіи господъ, въ родѣ Гольбаха и Гельвеція. Тутъ-то на свободѣ высказывалось общественное мнѣніе; тутъ образовалось средоточіе и поприще для живаго французскаго ума. И не только наружная жизнь и свѣтское обращеніе согласовались между собою въ обѣихъ странахъ, но также научное и литературное направленіе. Какъ тутъ, такъ и тамъ религія откровенія противопоставлялась доступная человѣческому уму разсудочная вѣра, основанная на чувственномъ постиженіи, на мышленіи или на естественнонаучныхъ и философскихъ доводахъ; какъ тутъ, такъ и тамъ правоученіе выводилось не изъ воли Божьей и не изъ священнаго Писанія, а постигалось какъ проявленіе и завершеніе кореннаго человѣческаго чувства справедливости и любви къ ближнему или какъ необходимое согласіе единичной воли съ благоденствіемъ цѣлаго; какъ тутъ, такъ и тамъ божественное право королей замѣнилось самодержавіемъ народа, а сословныя преимущества дворянства и духовенства подрывались ученіемъ о человѣческихъ правахъ и о прирожденномъ всеобщемъ равенствѣ. Это была величавая борьба свободнаго духовнаго изслѣдованія и вольной умственной дѣятельности противъ преданія и рабства, противъ ископныхъ злоупотребленій и заблужденій, противъ всего, что въ церкви и государствѣ нарушало неизмѣнныя права человѣка; эта борьба повела къ цѣлесообразнымъ реформамъ, но въ ея же пѣдрахъ таились зародыши революціонныхъ переворотовъ. Исходя изъ побѣдопоснаго самосознанія духа, изъ гордой вѣры въ силу и истину собственныхъ воззрѣній и спекуляцій, смѣлое поколѣніе забыло предѣлы разума и достигло тѣхъ высей философскаго просвѣщенія, которое не признавало и не уважало ни правъ историческихъ формъ развитія, ни реальныхъ условій, — которое религію и церковь считало лишь произведеніемъ рукъ человѣческихъ и выдумкою патеровъ, а государство постигало лишь, какъ заключенный въ видахъ самосохраненія договоръ, — которое правственныя и общественныя права и обязанности составляло изъ отвлеченныхъ понятій.

„Понятіе о государствѣ выводилось какъ бы изъ первобытнаго, естествен-

наго состоянія неограниченной свободы личности. Соединеніе въ государство совершается отдѣльными личностями лишь съ извѣстною цѣлью: единичное лицо поступило въ немъ, правда, своею абсолютною свободою, однако все-таки лишь въ своихъ же интересахъ и въ свою выгоду, съ тѣмъ чтобы воспользоваться гарантіей наиболее широкой по возможности свободы. Но единичное лицо есть членъ высшаго цѣлаго, въ совершенномъ уединеніи оно ни въ какой области не можетъ достигъ правственыхъ цѣлей жизни; напротивъ, оно нуждается въ восполненіи чрезъ посредство общенія съ другими, а государство есть высшій, надъ единичною личностью стоящій правственный строй, созданный не отдѣльными лицами и не только для нихъ, — вотъ эти понятія были совершенно чужды тогдашней философіи права.

Однако въ Англии, благодаря отчасти историческимъ и политическимъ событіямъ, отчасти болѣе твердому устою традиціонныхъ воззрѣній, привычекъ и учрежденій, задерживалось смѣлое пареніе мыслей; тамъ ограничивалось примѣненіе идей къ міру дѣйствительности; тогда какъ въ болѣе возбужденной сосѣдней странѣ, гдѣ подобно неисцѣлимому наследственному недугу распространилось такъ много закоренѣлыхъ злоупотребленій, тутъ, напротивъ того, революціонныя зародыши достигли болѣе быстрого практическаго развитія. Мы замѣтили уже, что французскіе писатели много возбуждались и пользовались литературою и научнымъ изслѣдованіемъ Англии. Такъ, исходя изъ сенсуализма Локке, остроумный философъ *Кондильякъ* въ своей книгѣ «О возникновеніи человѣческаго сознанія», о чувственныхъ ощущеніяхъ и пр. отвергъ прирожденныя идеи, призналъ функціи мышленія лишь производными, путемъ навыка усовершенствованными видами ощущенія, а всю умственную дѣятельность онъ свелъ къ дару слова. Всякія духовныя отправленія, состоянія и дѣятельности, всякое сочетаніе идей между собою, такъ же какъ и вытекающее отсюда хотѣніе, по его мнѣнію, ничто иное какъ послѣдствія извнѣ возбужденныхъ чувственныхъ впечатлѣній, — всякое мышленіе и хотѣніе ничто иное какъ постепенно развившееся, усиленное, преобразованное ощущеніе; духовная жизнь есть чувственная жизнь. Извѣстно, что *Руссо* съ своимъ новымъ методомъ воспитанія послѣдовалъ по стопамъ Локке, что *Монтескьё* изъ англійской конституціи почерпнулъ свое пристрастіе къ конституціонному образу правленія, что *Вольтеръ* изъ ученыхъ сочиненій денетовъ заимствовалъ многіе изъ своихъ религіозно-философскихъ доводовъ. Благодаря однако искусному изложенію, благодаря чувству изящнаго и прекрасно обработанному ясному языку, французскіе писатели гораздо практичнѣе успѣли воспользоваться тѣми идеями и сдѣлать ихъ общимъ достояніемъ всего цивилизованнаго міра! Такъ точно и тѣ трое авторовъ своими распространенными произведеніями сильно способствовали преобразованію обычныхъ понятій въ церкви и государствѣ, искорененію предразсудковъ, закоренѣлыхъ нравовъ и привычекъ во всѣхъ областяхъ жизни и общества. Вольтеръ, истый глава французской философіи просвѣщенія, во всѣхъ видахъ поэтическаго

Кондильякъ.
1715—1789.

и научнаго изложешя поборалъ орудіями остроты и здраваго смысла все традиціонное и обычное, всякія господствовавшія мѣткія, догматы, учрежденія и нравы, мало заботясь о томъ, чѣмъ замѣнить все это. Онъ пользовался даже сценою, съ тѣмъ чтобы подобно народному витіи путемъ риторики и декламации по возможности устойчивѣ внушить людямъ свои принципы и убѣжденія. Монтескье доказалъ несообразность и пошлость всего установившагося, съ цѣлью исправить и преобразовать это согласно съ требованьемъ эпохи; а Руссо ратовалъ противъ дѣйствительнаго состоянія, противопоставивъ господствовавшей церковной системѣ естественную религію, поколебавъ неограниченную власть ученіемъ объ общественномъ договорѣ на основахъ народнаго самодержавія и вѣчной неотъемлемости свободы; онъ ученіемъ о первобытномъ равенствѣ всѣхъ людей поборалъ неравенство сословныхъ правъ и состояній, восторженнымъ изображеніемъ простой естественной жизни, исполненной невинности и чело-вѣколюбія, подрылъ неестественность нравовъ, общественныхъ условий и образованія, общепринятыхъ свѣтскихъ пріемовъ. Проходя разными путями, оба они сходятся опять въ томъ, «что, основываясь на нѣсколькихъ простыхъ и неизмѣнныхъ началахъ, по нимъ уже судятъ о состоятельности всего традиціоннаго и о возжелѣнной цѣли». Старшій братъ Кондильяка, аббатъ Мабли, «этотъ заблудившійся въ восемнадцатое столѣтіе Спартанецъ», хотя не во всемъ поклонялся скептическому и отрицательному направленію эпохи, а все-таки соглашался съ философіею просвѣщенія въ томъ, что самъ рѣзко осуждалъ ошибки и недостатки господствовавшихъ условий и нравовъ; въ своихъ отшельническихъ суровымъ, строгимъ характеромъ журнальныхъ и историческихъ сочиненій онъ, не уступая Монтескье и Руссо, пытался преобразовать существовавшія условія, основываясь на прототипахъ древности и на ученіяхъ разума и опыта. А какъ поразительны и мѣткі были удары, которые *Дидро*, этотъ передовой боецъ за матеріализмъ, проникшій въ науку и жизнь, — которые энциклопедисты и *Гольбаховъ клубъ* наносили догматизму и вѣрѣ въ откровеніе, преемственнымъ воззрѣніемъ и правоученіемъ; эти отважные матеріалисты, доводя до крайнихъ предѣловъ сенсуализмъ Локке, признавали за истину одни только чувственныя постиженія и ощущенія, считали силу и матерію неразрывно связанными вмѣстѣ; признали высшимъ основнымъ закономъ всякой дѣятельности себялюбие и полагали цѣль жизни въ блаженствѣ и наслажденіи, не помышляя ни о Богѣ, ни о безсмертіи! — Во Франціи подражали также англійскимъ еженедѣльнымъ изданіямъ и нравственнымъ романамъ; впрочемъ одинъ только *Мариво* держался въ предѣлахъ Наблюдателя и назидательнаго романа; остальные же, въ родѣ пресловутаго по житейскимъ превратностямъ и приключеніямъ аббата *Превю* съ его «Исторіей шеваля де Гріе и Манонъ Леско» и младшаго *Кребиллона*

съ его соблазнительнымъ романомъ «Заблужденія сердца и ума», въ изображеніяхъ сладострастія и всякихъ пороковъ превосходили даже Ричардсона и Фильдинга.

Въ блестящее время Людовика XIV. литература, искусство, наука имѣли, казалось, цѣлью, лишь превозносить царившее счастье, прославлять все существующее, тогда какъ теперь они приняли отрицательный характеръ. Вся жизнь въ церкви, государствѣ и обществѣ подверглась критическому зонду. Что прежде въ наукѣ парило въ златозарной выси, то теперь повергалось въ прахъ. — Такъ между прочимъ *Франсуа Кене*, лейбъ-медикъ Людовика XV., своимъ фізіократическимъ ученіемъ о народномъ хозяйствѣ, по которому земля признается единственнымъ источникомъ богатства, а земледѣліе — единственнымъ занятіемъ, умножающимъ имущество, поколебалъ уже господствовавшую дотогдѣ «меркантильную систему», считавшую исключительное покровительство городскихъ промысловъ, въ особенности вишней торговли путемъ привилегій, монополій, пошлинъ, запрещенія ввоза и пр. главнымъ условіемъ общественного благосостоянія. Исходя изъ фізіократической системы, *Адамъ Смитъ*, другъ и соотечественникъ историка и философа Юма, положилъ основаніе наукѣ политической экономіи, на которомъ продолжали создавать его преемники. Твореніе Смита о «Богатствѣ народовъ» было тѣмъ арсеналомъ, изъ котораго борцы за экономическую свободу въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній брали лучшія свои оружія. — А какое глубокое впечатлѣніе на нѣмецкихъ художниковъ Готшедовой эпохи произвела эстетика *Баттѣ*, поставивъ цѣлью всякаго художественнаго произведенія подраженіе природѣ, но лишь съ прекрасной ея стороны! Какое сильное вліяніе произвели также на нѣмецкую театральную литературу драматическія пьесы Дидро, тѣ мѣщанскія драмы, которыя, занимая середину между комедіей и трагедіей, созидались на реализмѣ домашняго и семейнаго быта, и сила которыхъ заключалась въ сентиментальныхъ трогательныхъ сценахъ съ моральными тенденціями! Какъ сильно въ свою очередь *Райналь* своею «философскою и политическою исторіею европейскихъ коммерческихъ колоній въ обѣихъ Индіяхъ» способствовалъ пониманію современниковъ одной изъ самыхъ мрачныхъ сторонъ всемірной исторіи, давъ возможность вникнуть въ лабораторію челоѣческихъ страстей. Парижскій парламентъ приказалъ всенародно сжечь это произведеніе, чѣмъ увеличилъ лишь славу его. — Такъ-то время французскаго просвѣщенія и было переходною эпохою со всеми тѣми надеждами и разочарованіями, но также со всеми тѣми плодотворными зародышами, какіе свойственны подобнымъ временамъ творчества и развитія, попытокъ и преобразованій. Вѣдь дѣло шло о низверженіи и обновленіи міра, полнаго призраковъ и заблужденій, лжи и лицемерія. Однако избытку распукавшихся почечъ и силъ, какія внешнимъ дуновеніемъ ума прежде-

временно предоставлены были солнечнымъ лучамъ, лишь послѣ многихъ бурь суждено было развиться въ новую жизнь. Не подлежитъ сомнѣнію, что писатели эпохи просвѣщенія подверглись многимъ промахамъ и заблужденіямъ: они были дѣти испорченнаго времени; руда была покрыта шлакомъ. Зачастую у нихъ появлялась одна лишь глумищаяся острога тамъ, гдѣ требовалась нравственная строгость, научная основательность. Однако, надо сознаться, ихъ заблужденіямъ тѣмъ не менѣе присущи были неувядаемыя зерна истины, ихъ думамъ и подвигамъ — доблестное воодушевление и энергія. Эти люди хотѣли свѣточью ума озарить мрачные пути заблужденія, они мнили силою мысли исцѣлять порчи и недуги дѣйствительности. Побуждаемый современными либеральными и философскими идеями Миланецъ *Беккариа* въ своемъ знаменитомъ твореніи «О преступленіи и наказаніи» живою прочувствованною рѣчью ратовалъ противъ варварскаго средневѣковаго уголовного судопроизводства, противъ пытокъ, и требовалъ отмѣны смертной казни. Даже въ католическомъ Неаполѣ *Гаetano Филанджери*, хотя и былъ самъ членомъ правительства, въ своей подъ влияніемъ *Монтескье* написанной книгѣ о законодательствѣ («La scienza della legislazione» 1780) возсталъ противъ феодализма и іерархій, отстаивалъ преобразование уголовного права и наказанія, свободу печати и просвѣщенное правительство, которое обезпечивало бы за своими гражданами матеріальное и духовное благоденствіе. Самъ *Вольтеръ*, наиболѣе трезвый между критическими и отрицавшими умами, какъ въ своихъ философскихъ и историческихъ сочиненіяхъ, такъ и во многихъ драматическихъ, эпическихъ и лирико-дидактическихъ произведеніяхъ помимо политической и сатирической цѣли имѣеть въ виду, въ какомъ бы то ни было видѣ, также и положительное направленіе — побѣду ума и просвѣщенія надъ заблужденіемъ и ложью. Въ появившейся лишь въ наше столѣтіе въ печати «Литературной перепискѣ» касательно всѣхъ событій того тревожнаго времени, всей общественной и литературной жизни въ Парижѣ; Нѣмецъ родомъ, онъ въ качествѣ секретаря и повѣреннаго разныхъ государей большую часть жизни провелъ во французской столицѣ, и какъ бы въ качествѣ тайнаго агента на службѣ русской императрицы *Екатерины*, *Фридриха Великаго*, разныхъ нѣмецкихъ мелкихъ дворовъ сообщалъ въ интимныхъ письмахъ извѣстія о лицахъ и предметахъ и въ особенности обо всѣхъ литературныхъ новостяхъ. Сынъ протестантскаго священника, *Гриммъ*, послѣ нѣсколькихъ поэтическихъ опытовъ въ родѣ *Готшеда*, вполнѣ освоился съ мыслями французской литературы просвѣщенія и доносилъ объ ней своимъ высокимъ покровителямъ въ остроумныхъ и дѣльныхъ письмахъ. Обладая изящными формами, но суетный и честолюбивый, онъ добился доступа въ самые высшіе кружки парижскаго общества и состоялъ въ самыхъ дружескихъ сно-

Беккариа. 1738—1794.

Филанджери. 1752—1788.

Гриммъ. 1733—1807.

шеніяхъ со всѣми знаменитыми писателями, особенно съ *Дидро*. Онъ и съ *Руссо* также долго поддерживалъ знакомство, пока наконецъ противоположность ихъ натуръ не повела къ разрыву и враждѣ. На старости лѣтъ *Гриммъ* въ *Готѣ*, гдѣ прожилъ послѣдніе годы, написалъ свои воспоминанія, — отголосокъ минувшаго поколѣнія въ новую иначе сложившуюся эпоху.

2. подробности.

а. Вольтеръ.

Ни одинъ изъ писателей не оказывалъ такого громаднаго вліянія на свое время какъ *Вольтеръ* (François Marie Aronnet de Voltaire). Сынъ казначея счетной палаты и съ материнской стороны сродни дворянской фамиліи въ *Пуату*, родившись 21. ноября 1694 г. въ *Парижѣ*, *Вольтеръ* получилъ хорошее воспитаніе въ основанномъ иезуитами коллегіѣ (College de St. Louis le Grand); благодаря одному изъ своихъ дядей, онъ рано попалъ въ знатное общество, гдѣ остроумная насмѣшка вошла въ моду и задушевные помыслы находились въ рѣзкомъ противорѣчій съ кажущейся наружностью. Понятно поэтому, что даровитый молодой человѣкъ тотчасъ же съ перваго литературнаго дебюта своего ударился въ то направленіе, какое болѣе всего отвѣчало его натурѣ и сулило ему наибольшій успѣхъ — въ сатирическую поэзію. Вскорѣ однако вслѣдствіе дерзкой насмѣшки надъ правительствомъ и высокопоставленными личностями онъ подвергся униженіямъ, аресту и преслѣдованью, что и побудило автора, когда уже упрочилась его литературная слава, удалиться на время въ *Англію*. Восторженная хвала англійской конституціи въ *Геспріадѣ* свидѣтельствуетъ о томъ сильномъ впечатлѣніи, какое произвело на него островное государство. Свѣдѣнія, какія онъ почерпнулъ въ здѣшнихъ высшихъ, проникнутыхъ французскимъ образованіемъ кружкахъ, и знакомство съ писателями-деистами снабдили его свѣжими средствами для борьбы противъ отжившихъ учреждений и убѣжденій. Вернувшись во Францію, онъ въ „Англійскихъ письмахъ“ познакомилъ своихъ соотечественниковъ съ политической и общественной жизнью, съ литературными и церковными условіями и особенно съ скептической религіозною философіею Англичанъ, но съ такимъ смѣльемъ, при всемъ томъ однако гешальнымъ и остроумнымъ пошибомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такими хлесткими ударами по Франціи, что вновь подвергся преслѣдованіямъ со стороны правительства, возбудивъ въ то же время удивленіе высшихъ сословій, государей и придворныхъ во всей *Европѣ*. Онъ находился за границей, когда въ *Парижѣ* книга его какъ „созблзнительная, противорѣчающая религіи, добрымъ нравамъ и уваженію къ началству“ была разорвана и сожжена палачемъ. „Храмъ вкуса,“ бѣдная сатира на педантичныхъ школьныхъ ученыхъ, высокоумныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ раболѣпныхъ академиковъ и невѣжественныхъ рнемонлетовъ, въ духѣ *Дунсиады* *Поэне*, былъ также плодомъ его пребыванія въ *Англіи*. Прелестное стихотвореніе его „Чадо міра сего“, въ которомъ съ веселымъ юморомъ прославляется неминуемо связанная съ цивилизованною жизнью роскошь, мѣстами тоже паиомпшааетъ *Мандевилеву* басню о пчелѣ. „Защита чада“, на которую *Вольтеръ* былъ вызванъ жестокими нападеніями на это шутивое стихотвореніе, была дѣломъ сатирической обороны про-

Вольтеръ.

1694—1778.

Жизнь и сочиненія.

тивъ лицемѣрныхъ святошей и противъ идеалистическаго философа Руссо.— Затѣмъ Вольтеръ водворился въ Сирефъ, въ имѣніи своей пріятельницы, маркизы *дю-Шателе*, ученой поклонницы сочиненіи Ньютона и Лейбница. Здѣсь прожилъ онъ нѣсколько лѣтъ кряду въ сношеніяхъ съ дамою, у которой умъ и образованіе соединились съ суетностью и безпутными правами, которая ревностно занималась литературными трудами, особенно математическими и физическими науками. Прежде уже и во время здѣшняго пребыванія Вольтеръ состоялъ въ перепискѣ съ Фридрихомъ II. Хотя послѣдній и зналъ несуразную, самолюбивую натуру философа, однако, онъ все-таки не преминулъ выразить свое лестное уваженіе „божествамъ въ Сирефъ“. Послѣ неожиданной смерти маркизы вслѣдствіе тяжелыхъ родовъ, Вольтеру невыносимо было оставаться долже на мѣстѣ, и онъ послѣдовалъ приглашенію прославленнаго монарха. Въ мирный промежутокъ, предшествовавшій семилѣтней войнѣ, когда слава французскаго писателя достигла вершинной точки (1750), онъ прожилъ въ Берлинѣ и Потсдамѣ въ интимныхъ сношеніяхъ съ королемъ. Когда же корыстный и неуживчивый характеръ писателя и его ѣдкія сатиры на Моцертюи повели къ непріятнымъ столкновеніямъ, то послѣдовалъ разрывъ, прекратившійся лишь по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ. Вольтеръ вернулся въ отчизну черезъ Лейпцигъ, Готу и Франкфуртъ. Въ послѣднемъ городѣ его крайне оскорбилъ и разсердилъ полицейскій обыскъ по поводу будто бы похищенныхъ писемъ и стиховъ Фридриха. Отвергнутый Германією, онъ правителями Франціи былъ принятъ не такъ радушно, какъ бы желалъ, потому и поселился во французской Швейцаріи, гдѣ на рубежѣ своей родины, близъ Женевы купилъ имѣніе Ферней. Тамъ прожилъ онъ въ завидной независимости, пользуясь большимъ состояніемъ, которое пріобрѣлъ своими сочиненіями и умножилъ ловкими оборотами. Хотя онъ былъ холостъ, но жилъ въ пышномъ домѣ, въ которомъ хозяйничала племянница его, мадамъ Деннсъ; въ то же время онъ ревностно старался путемъ промышленности и трудолюбія расширить благосостояніе въ средѣ мѣстнаго населенія. Мая 30. въ 1778 году Вольтеръ скончался въ Парижѣ, куда поѣхалъ изъ Ферней, съ тѣмъ чтобы присутствовать на представленіи своей послѣдней драмы „Ирене“. Написанное пьесъ за два мѣсяца до смерти вѣрословіе гласитъ: „Умираю въ благоговѣніи къ Господу, въ любви къ моимъ друзьямъ, безъ ненависти къ врагамъ и проклиная суевѣріе“.—Вольтеръ изложилъ свои взгляды въ самыхъ разнородныхъ сочиненіяхъ: въ стихахъ, сатирахъ и романахъ, въ историческихъ и философскихъ трудахъ. Онъ велъ переписку со многими державцами въ Европѣ и его сужденіе вездѣ принималось къ свѣдѣнію. Рѣзкое перо его обращалось противъ всего, что доселѣ считалось святынею на свѣтѣ, уважалось по обычаю и чему подчинялись какъ закону. Религія и церковь, духовенство и слѣбная вѣра подверглись жесточайшимъ нападкамъ. „Ecrasez l'infame“ (т. е. la superstition, закоспѣлую религію)—вотъ отголосокъ его самыхъ непренныхъ писемъ. Въ *Генриадѣ* онъ прославлялъ терпимость къ иновѣрцамъ и сдѣлалъ смѣлую, мѣстами удачную попытку, примѣнить требованія поэмы къ одному изъ событій новѣйшей исторіи. Отсюда перенесъ онъ къ въ скабрзному стихотворенію въ эпической формѣ, къ „*Орлеанской дѣвѣ*“, въ которомъ соединилъ все, что въ состояніи создать самое дерзкое остроуміе и самая ядовитая насмѣшка надъ религіею и правами, надъ лицами и предметами, на которые привыкли смотрѣть съ уваженіемъ. Все, что сразу казалось неслышимъ здравому уму, признавалось патерскимъ обманомъ, суевѣріемъ, предубѣжденіемъ, и поборалось всѣми оружіями сатиры и критики. Нельзя, конечно, отрицать, что Вольтеръ разрушилъ много предубѣжденій, устранилъ не мало суевѣрій, выр-

валъ не одну жертву изъ рукъ фанатизма и нетерпимости 1); однако не подлежитъ также сомнѣнію, что онъ у многихъ людей искоренилъ религіозное чувство, поселить въ умахъ сомнѣніе и невѣріе, выставилъ холодную житейскую мудрость, а вмѣстѣ съ нею и своекорыстіе, и себялюбіе, и эгоизмъ высшими двигателями человѣческихъ дѣйствій. Не только религія и церковь, ихъ носители и учрежденія подвергались его колымъ нападкамъ, но также и всякія другія, освященные давностью и обычаемъ учрежденія: государственное устройство, королевская власть, судопроизводство, права сословій, система обученія, искусство и наука. Онъ вывелъ на народную площадь все, что до сихъ поръ составляло сокровенное ученіе единичныхъ кружковъ. Вольтеръ былъ завоевателемъ въ области духа, и, преслѣдуя свои цѣли, онъ не обращалъ вниманія на наносимыя человѣчеству раны. Суетность и себялюбіе были главными пружинами его дѣйствій. Какъ въ знаменитой надписи на фернейской часовнѣ: „Voltaire exeat Deo“, такъ и вездѣ онъ считалъ себя равнымъ Богу. Онъ низвергалъ всякій идолъ, оттого что самъ хотѣлъ быть кумиромъ. Едва ли найдется какой-либо вопросъ человѣческаго образованія, котораго Вольтеръ не коснулся бы хоть мимоходомъ, или какаго-либо форма поэтическаго и научнаго изложенія, которою онъ не пользовался бы большою частью съ чрезвычайнымъ усиліемъ. Онъ многое заимствовалъ у другихъ, но, благодаря ясности, изяществу и многосторонности его мышленія и литературнаго творчества, онъ все добытое въками сдѣлалъ общимъ достояніемъ цивилизованнаго міра.—Весьма важны историческія сочиненія Вольтера, въ которыхъ онъ въ обширномъ размѣрѣ пытался подражать Боллингброку. Хотя его исторіи Карла XII. и Петра I., много прославляемый *Викъ Людовика XIV.* и въ тонѣ царедворца написанный *Викъ Людовика XV.* не были плодами основательныхъ изслѣдовацій, ни безпристрастными, ни

1) Онъ самъ ничѣмъ такъ не гордился, какъ своимъ заступничествомъ за семейство Каласа. *Жанъ Каласъ*, протестантскій купецъ въ Тулузѣ, обвинялся въ томъ, будто онъ повѣсившагося въ припадкѣ меланхоліи въ отеческомъ домѣ сына лишилъ жизни, оттого что послѣдній намѣревался перейти къ католицизму. Фанатическіе священники возбудили народное возстаніе и до того настраивали тулузскій парламентъ, что онъ, вопреки явному опроверженію этого слуха, присудилъ несчастнаго Каласа къ колесованію и конфисковалъ его имущество (1762). Каласъ претерпѣлъ казнь съ большою твердостью, до послѣдняго вздыханія заклиная о своей невинности. Вдова и младшій сынъ казненаго отправились въ Швейцарію, гдѣ Вольтеръ и познакомился съ ними. Возмущенный явнымъ юридическимъ убійствомъ, онъ тщательно собралъ всѣ документы, изобличившіе неслыханное судопроизводство во всей его гнусности и несправедливости, и написалъ затѣмъ свое знаменитое сочиненіе «Трактатъ о терпимости по поводу смерти Жана Каласа» (1765); вслѣдствіе этого процессъ вновь пересмотрѣли, приговоръ отменили какъ несправедливый, честь семьи была восстановлена, а за потерю имущества ей выдано было вознагражденіе въ 36,000 ливровъ.—Также сильно вознегодовалъ Вольтеръ по поводу другаго фанатическаго дѣла въ Аббевиллѣ, гдѣ двое юношей приговорены были къ смерти (1766), за то что попортили распятіе, не сняли шалы во время процессіи и распѣвали богохульные пѣсни. Одинъ изъ нихъ бѣжалъ въ Пруссію, гдѣ вслѣдствію Вольтера и вступился за него, а другаго (дела-Баръ) пытали и казнили.—Такой же случай какъ въ Тулузѣ произошелъ въ Кастрѣ: тутъ кальвиниста Сирвена обвиняли, будто онъ потопилъ въ колодезь свою нерешдую къ католицизму дочь. На этотъ разъ также вступился Вольтеръ; онъ добился пересмотра процесса и оправданія бѣжавшаго Сирвена.—Въ Артуа несправедливымъ приговоромъ присудили къ смерти чету Монбельи. Мужа колесовали, но жена, казнь которой отсрочили, была спасена, благодаря запискѣ Вольтера. Стараніями Фернейскаго философа восстановлена была также честь претерпѣваго юридическое убійство генерала Лаллы.

достоверными произведениями, однако они все-таки составили эпоху; и действительно, легкой и изящной слог, применение мпнувшей жизни къ современной и смѣлая критика вытѣснили педантское и сухое бытописание и сдѣлали назидательное изучение истории доступнымъ—образованнымъ кружкамъ. Всего замѣчательнѣе его трактатъ „*O духѣ и правахъ народовъ*“, очеркъ всемирной истории, направленный противъ сочинения Боссоюета (XII, 511). Последний все основываетъ на вѣрѣ, тогда какъ Вольтеръ начинаеть съ сомнѣнія.—Боссоюетъ все обращаетъ во славу христіанской церкви, тогда какъ Вольтеръ всѣ бѣдствія среднихъ вѣковъ приписываетъ христіанству, властолюбію и порокамъ духовенства. Средневѣковье у него представляется „безпутною сумятицею преступленій, безумія и бѣдствій“; за одно съ современниками онъ увлекался, напротивъ того, Китаемъ (XII, 523). Вольтеръ былъ деиствъ въ смыслѣ тѣхъ англійскихъ вольнодумцевъ, которые хотя и порвали съ христіанскимъ откровеніемъ, однако, основывался на вытекшей изъ человѣческаго сознанія такъ называемой религіи разума, все-таки вѣрили въ личнаго Бога какъ въ ядро и начало всѣхъ вещей, и поддерживали также вѣру въ безсмертіе души, хотя и подлежащую отчасти сомнѣнію. Онъ всѣми доводами старался подтвердить ученіе о томъ, что причиною міра можетъ быть только Существо, находящееся внѣ міра, само въ себѣ заключающее причину своего бытія. Существеннымъ свойствомъ божества Вольтеръ считаетъ справедливость, отблескъ которой запалъ въ человѣческое сердце и породилъ тамъ потребность нравственнаго порядка въ семьѣ и въ гражданскомъ обществѣ. Понятіе о добродѣтели и нравственный законъ—вогъ его основныя, отъ Бога исходяція идеи человѣческой натуры, тогда какъ вѣроученіе и культъ ничто иное какъ дѣло рукъ человѣческихъ. А потому онъ всегда былъ рѣшительнымъ противникомъ атеизма, считая его не освобожденіемъ, а приниженіемъ духа, такъ какъ онъ лишаетъ совѣсть самой важной ея опоры, именно вѣры въ пеннүемое грядущее возмездіе вслѣдствіе Божьей справедливости. Вольтеръ изслѣдовалъ также тайны нравственнаго міра, которыми занимались мыслители всѣхъ вѣковъ, именно: отношеніе между свободою и необходимостю, связь духа съ матеріею, источникъ зла; однако послѣ обширныхъ и острыхъ разсужденій онъ поневолѣ сознался въ томъ, что эти загадки неразрѣшимы. Онъ обладалъ чрезвычайно широкимъ и свободнымъ умомъ, такъ что ни въ этомъ, ни въ другомъ отношеніи не могъ замкнуться въ особенной системѣ. Своимъ отважнымъ и гнѣвливымъ духомъ онъ касался всякихъ спекулятивныхъ вопросовъ, проникалъ иногда острымъ взглядомъ въ самую внутреннюю суть ихъ; но покидалъ ихъ тотчасъ же, какъ только замѣчалъ, что утратилъ подъ собою твердую почву. Ибо ясность и достоверность составляли господствующую потребность его ума. При всемъ томъ ни сознание существующихъ на свѣтѣ золь, ни также необъяснимыя невзгоды, въ родѣ Лиссабонскаго землетрясенія, не могли сокрушить въ немъ оптимистической вѣры въ цѣлесообразное устройство вселенной и въ божескую справедливость.

Историческое
значение Вольтера.

Слова поэта: „Подъ смутнымъ вліяніемъ то сочувствія, то ненависти партій характеристика его колеблется въ исторіи“, ни къ одному изъ писателей не примѣнимы въ такой мѣрѣ какъ къ Вольтеру, въ одно и то же время и сыну и знаменосцу тревожной, обильной идеями, пристрастной къ нововведеніямъ и запоспшвой эпохи. Всякая хвала и всякое порицаніе, выпадавшія на самую эпоху, обрушались прежде всего на голову умственнаго вожака и глашатая: подъ исходъ жизни его прославляли какъ торжествующаго побѣдителя, а впоследствии, когда измѣнилось настроеніе, когда по поводу наступившихъ бурныхъ переворотовъ на Вольтера и его единомысленниковъ звали всю вину, то на него же посыпались самыя ярки ру-

гательства и проклятія. Останки его изъ монастырской церкви Селвера въ Шампань, гдѣ ихъ похоронили тайкомъ, были перенесены въ парижскій Пантеонъ и украшены достославнымъ памятникомъ, а потомъ ихъ опять вынесли оттуда и похоронили въ неосвященномъ мѣстѣ. Впрочемъ, не отъ одной только перемѣны мнѣній колебалась характеристика Вольтера; его собственное, исполненное противорѣчій, многостороннее существо, въ которомъ свѣтъ и тѣни то и дѣло смѣнялись другъ друга, подавало поводъ къ самымъ разнорѣчивымъ сужденіямъ. Церковники негодовали на него за то, что онъ съ непримиримою враждою отпосился къ христіанству, отиѣтилъ его печатью позора, въ духѣ Луцана злобно осмѣялъ все сверхъестественное и мистическое, все догматическое и чудесное; а вольнодумцы укоряли его за то, что онъ сохранилъ вѣру въ личнаго Бога и не только считалъ церковные обряды, обѣдню и исповѣдь необходимыми и полезными для необразованной толпы, но даже самъ продѣлывалъ все это. Не даромъ порипали его, когда, вступаясь въ своихъ сочиненіяхъ за свободу и права человѣческія, поборалъ самовластіе и общественное раздѣленіе сословій и отстаивалъ государственную конституцію съ равноправностю, онъ въ то же время втирался къ сильнымъ міра сего и къ знати и заискивалъ у нихъ, что онъ принялъ званіе придворнаго исторіографа, въ торжественномъ представленіи „Храма славы“ сравнилъ Людовика XV. съ Траяномъ и домогался ордеповъ и чиновъ. Нельзя не упрекнуть философа за то, что онъ съ неутолимой жадноію мщенія преслѣдовалъ своихъ враговъ и противниковъ, что онъ Ж. Ж. Руссо, Фрерона, Мопертюи и другихъ отравлялъ ядомъ своихъ злостныхъ сатиръ, изливалъ на нихъ всю желчь своего оскорбленнаго самолюбія, что пользовался своими сношеніями съ Фридрихомъ II. для утоленія своей алчности, для денежныхъ и вексельныхъ оборотовъ, что давалъ полную волю своимъ страстямъ, своей „мепстопфелевской натурѣ“ и, предаваясь своему скептическому и сатирическому юмору, забывалъ о человѣколюбіи. А все-таки нельзя утверждать, чтобы онъ вовсе былъ лишень благородства души, чтобы въ немъ не пробуждались чисто человѣчныя чувства. За одно съ низкими побужденіями въ немъ обнаруживались также черты великодушія и доблестнаго настроенія, дружбы и преданности. Съ какимъ нѣжнымъ чувствомъ заботился онъ о проживавшей въ бѣдности дальней родственницѣ Корнельи, съ какимъ благороднымъ самоотверженіемъ защищалъ онъ угнетаемую певинность отъ фанатизма и юридическаго варварства! Нѣтъ ни одного лишняго слова въ надписи, начертанной на посвященномъ Вольтеру памятникѣ: „Поэтъ, историкъ и философъ, онъ возвелъ чловѣчскій духъ и научилъ его быть свободнымъ. Онъ защитилъ Каласа, Сирвена, де ла Барра и Монбелли, поборалъ атеистовъ и фанатиковъ, внушалъ терпимость и ратовалъ за права чловѣческія противъ рабства и феодализма“.

в. Монтескье и Руссо.

Поэтъ и философъ Вольтеръ свою сатиру направлялъ преимущественно Монтескье. противъ религіи, церкви и ученія духовенства, а правовѣдъ и членъ Бордосскаго парламента, Шарль де Секонда баронъ де ла Бредъ и де Монтескье— противъ политическихъ учрежденій, монархическаго и министерскаго деспотизма во Франціи, и какъ тотъ такъ и другой подъ вліяніемъ англійскихъ возрѣвій и образованія. Однако, литературное ихъ развитіе совершалось разными путями. И въ самомъ дѣлѣ, Вольтеръ во всю свою жизнь отрицательно критически и сатирически отпосился къ дѣйствительности, и

ни Бастилия, ни цензурная тирания не могли сбить его съ пути, тогда какъ Монтескьё только въ первомъ своемъ твореніи, въ „Персидскихъ письмахъ“ поддерживалъ рѣзкую оппозицію своихъ младшихъ современниковъ; въ позднѣйшихъ же сочиненіяхъ, напротивъ того, онъ перешелъ къ болѣе строгому, положительному и поучительному тону. Въ „Персидскихъ письмахъ“ восточныя и западныя условія, интриги и похоти восточной гаремной жизни и сатирическія изображенія европейскіхъ нравовъ сливаются въ привлекательную картину съ романтическимъ исходомъ. Въ нихъ - то Монтескьё съ тѣмъ же легкимъ смѣхомъ и съ тою же вѣскою пропею какъ и Вольтеръ возстаеъ противъ христіанской вѣры и всей церковной системы, противъ монархическихъ учреждений и административныхъ злоупотребленій, противъ современныхъ нравовъ и общественныхъ условій. Непонятныя ученія схоластической теологіи, іерархіа и папство, монастыри, дѣйствія и обряды католической церкви и пр.—все это въ перепискѣ двухъ путешествующихъ Персовъ принимается въ сравненіи съ магометанскими и восточными формами и учреждениями и выставляется какъ суевѣріе и безуміе. „Нападки производились съ неслышанною смѣлостью. Ихъ дѣйствіе было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ долче и замисловатѣе они обострялись. Въ каждомъ предложеніи звучала эпиграмма; многія изъ нихъ какъ пословицы переходили изъ устъ въ уста.“— Затѣмъ Монтескьё сложилъ свою должность и отправился за границу. Онъ проѣхалъ по Швейцаріи, Италіи, Голландіи и Англии. Въ послѣдней странѣ Монтескьё прожилъ два года въ сношеніяхъ съ лордомъ Честерфилдомъ и съ другими высокопоставленными государственными людьми. Вернувшись, онъ написалъ небольшой глубокомысленный трактатъ: О причинахъ величія и упадка Римлянъ и ихъ государства; въ немъ въ сжатыхъ предложеніяхъ онъ доказывалъ, что любовь къ свободѣ и отчизнѣ, строгое воспитаніе и трудъ, разумная политика и довѣріе къ собственнымъ силамъ возвеличиваютъ государство, а распри партій, своекорыстіе и деспотизмъ, напротивъ того, влекутъ его къ упадку. Въ этой книгѣ историческими „прорицаніями“ указывается на недостатки французскаго устройства и правленія, съ тѣмъ чтобы, руководясь римскою исторіею, возбудить гражданскія добродѣтели и политическое сознаніе. Она составляетъ какъ бы введеніе къ его болѣе обширному труду „О духѣ законовъ“, въ которомъ Монтескьё изложилъ плоды своихъ ученыхъ занятій и изслѣдованій въ изысканной формѣ и въ строгомъ философско-историческомъ содержаніи. За то тѣмъ сильнѣе вліяли эти спокойно и ясно изложенныя ученія о разумной свободѣ. Въ описаніи различныхъ государственныхъ формъ первое мѣсто занимаетъ республиканская—какъ идеаль, который достигается только при высокой гражданской доблести. Затѣмъ слѣдуетъ конституціонное правленіе Англии съ его, впрочемъ, не совсѣмъ еще удовлетворительнымъ для автора разграниченіемъ трехъ властей, законодательной, исполнительной и судебной, и съ признаніемъ сословныхъ и корпоративныхъ правъ; наконецъ — абсолютизмъ, который легко переходитъ въ деспотизмъ и считается причиною всякаго растлѣнія и всякой порчи нравовъ. При этомъ сильно порицались судопроизводство, податная система и другія господствовавшіе во Франціи недостатки и указывалось на ошибки въ образѣ правленія всѣхъ государствъ на материкѣ Европы; однако религія и церковь щадилась болѣе, нежели въ „Персидскихъ письмахъ“. Основная идея въ „Духѣ законовъ“ заключается въ строгомъ признаніи того, что всякія юридическія и политическія учрежденія естественно обусловливаются почвою, климатомъ, правами, образованіемъ и религіею. Вслѣдствіе такого тѣснаго взаимодѣйствія между закономъ и народнымъ духомъ государство по коренному свойству оказывается не чѣмъ-то произвольно сдѣланнымъ, и по-

тому произвольно измѣняемымъ, а напротивъ, чѣмъ-то необходимо, естественно и само въ себѣ развивающимся. Цѣль государства, во всякомъ случаѣ, заключается въ восстановленіи законной свободы. Такъ какъ эта цѣль скорѣе всего достигается сочетаніемъ народнаго представительства съ королевскою властью, то конституціонная монархіа и считается самою прехорошею государственною формою. Намечатанная сперва въ Женевѣ, эта книга имѣла такой успѣхъ, что не прошло еще и двухъ лѣтъ, какъ уже вышло двадцать два изданія. Она въ теченіе цѣлаго столѣтія считалась идеальною теоріею новаго государственнаго права. Монтескьё составляетъ противоположность маркизу д'Аржансону: послѣдній, правда, также хотеть обновить и усилить монархію демократическими учреждениями и подчинить дворянство и духовенство податной обязанности, но, высказавшись противъ всеобщихъ имперскихъ чиновъ и за ограниченіе или отмену всякихъ корпоративныхъ правъ, онъ хотѣлъ вновь укрѣпить независимость королевской власти.

Чуть ли еще не болѣе сильное вліяніе на политическія взгляды слѣдующей за нимъ эпохи оказали *Жанъ Жакъ Руссо*, за одно и преемникъ и противникъ французскаго просвѣщенія. Онъ рѣдился въ Женевѣ и предназначался къ ремеслу своего отца, часовщика; рано лишившись родителей, Жанъ бѣжалъ отъ своего хозяина и съ этой поры велъ скитальческую жизнь, то въ Савойѣ и верхней Италіи, то въ Парижѣ или въ деревенскомъ затишнѣ близъ Монморанси, то спасаясь отъ преслѣдовавшей на островѣ св. Петра въ Вилерскомъ озерѣ, въ Нейенбургскомъ кантонѣ, подъ охраною Фридриха II., то наконецъ въ Англии у историка Юма. Подавленный тоскою и преслѣтившись жизнью, терзаемый подозрѣніемъ и сомнѣніемъ онъ внезапно скончался въ пмѣніи одного изъ своихъ поклонниковъ близъ Парижа. Это былъ философъ-мечтатель и человекъ своеобразный, а вмѣстѣ съ тѣмъ прорицатель духа своего времени. Руссо самъ въ „*Признаніяхъ*“ съ рѣдкою искренностью изложилъ всѣ обстоятельства своей внѣшней и внутренней жизни, между прочимъ намѣренно преувеличивая свои слабости и проступки; эта біографія важна тѣмъ болѣе, что ею объясняется направленіе его воззрѣній. Рано лишившись матери, онъ пользовался скуднымъ образованіемъ. Съ своимъ отцомъ онъ безъ всякаго разбора прочелъ пронасть романовъ, что крайне возбуждало чувство, наполнило воображеніе ложными и идеальными образами, тогда какъ умъ не усвоилъ себѣ ни дѣльныхъ познаній, ни надлежащаго образованія. Въ Италіи онъ занимался преимущественно изученіемъ музыки, въ Парижѣ принималъ участіе въ тревожной литературной жизни, но и то скорѣе съ небрежностью дилетганта, нежели съ основательностью изслѣдователя или ученаго. За то онъ тѣмъ болѣе созерцалъ самого себя и вокругъ себя, тѣмъ проницательнѣе слѣдилъ за противорѣчіями между внѣшнимъ міромъ и своими внутренними идеалами. По рожденію и воспитанію онъ привыкъ къ простотѣ и къ скромной мѣщанской жизни, а потому весь свой вѣкъ былъ врагомъ роскоши и неравенства состояній. Въ скитальческой жизни онъ встрѣчался съ гнетущею бѣдностью, дурнымъ обращеніемъ богатыхъ и значныхъ людей съ слугами и рабочими, и душа его возмущалась такою несправедливостью. Гражданскія условія съ ихъ разграниченіемъ сословій и рѣзкими противоположностями званій и достоинствъ казались ему извращенными и неестественными. Онъ воспользовался первыми представшимъ случаемъ, съ тѣмъ чтобы подтвердить свое мнѣніе, будго причиною всѣхъ этихъ недуговъ слѣдуетъ считать успѣхи цивилизаціи. Дижонская академія въ 1749 году предложила на конкурсѣ тему: О вліяніи наукъ и искусствъ на нравы. Руссо отвѣтилъ на вопросъ отрицательно, указавъ на науки и искусства какъ на самыя пагубныя блага человѣчества;

Жанъ Жакъ
Руссо.
1713—1778.
1. Жизнь и
сочиненія.

умственное образование поставило талант выше добродѣтели, оно вытѣснило изъ міра естественность и свободу, невинность и простоту, питая наклонность къ блеску и пышности, оно внесло порчу нравовъ въ родъ человѣческой. Рѣзкими словами бичуетъ онъ мишурную ничтожность современнаго образованія. Эта книга восторженными рѣчами глубоко возбужденной души и вдохновеннымъ убѣжденіемъ произвела увлекательное дѣйствіе, „нѣчто въ родѣ революціи“ въ литературныхъ кружкахъ. Какъ бы въ дополненіе къ ней Руссо написалъ трактатъ „О причинахъ неравенства между людьми“. Въ этомъ не менѣе значительномъ сочиненіи онъ превознесъ естественное состояніе, существовавшее, будто-бы, до возникновенія государства и общества, и пытался доказать, что переходъ изъ этого естественнаго состоянія къ государственнымъ и социальнымъ формамъ жизни былъ уклоненіемъ отъ чистой человѣческой природы, что разграниченіе собственности повело къ основанію государства, введенію начальства, къ разобщенію людей по сословіямъ и образованію, и что изъ всего этого возникли войны, рабство и бѣдствіе. Въ обоихъ сочиненіяхъ Руссо восхваляетъ воображаемое естественное состояніе какъ пріютъ свободы и невинности, ожидая спасенія міра единственно отъ возврата къ послѣднему и отъ сверженія съ себя всѣхъ путъ, наложенныхъ образованіемъ и воспитаніемъ, насильемъ и привычкою. Сочиненіе о неравенствѣ людей вызвало насмѣшку Вольтера: „Никогда еще не тратилось столько ума, для того чтобы преобразить пастъ въ скотовъ; право, такъ и хочется побѣгать на четверенькахъ“; оно, однако, въ то же время было „страстнымъ воплемъ бѣдныхъ и угнетенныхъ, пылкимъ и рѣшительнымъ объявленіемъ войны противъ основъ и уставовъ господствующихъ государственныхъ формъ, возбужденіемъ народа, постановившаго правительству вслѣдъ собственнаго произвола и полномочія, противъ захватовъ власти, незаконно и насильственно присвоившей себѣ неограниченное самодержавіе“. Высказанныя въ послѣднемъ сочиненіи въ слабой связи мысли Руссо соединилъ въ политическую систему въ другой книгѣ, принципы которой имѣли сильное вліяніе на ходъ французской революціи, а именно въ „Общественномъ договорѣ“ (Contrat social). Тутъ онъ выставляетъ свободу и равенство всѣхъ людей основнымъ условіемъ всякаго государства и наиболее совершенную правительственную форму признаетъ не конституціонное правленіе, какъ опровергаемый имъ Монтескьё, а полную демократію съ законодательными народными собраніями, высшею же цѣлью государства—общественную пользу и матеріальное благосостояніе народа. Въ какой бы формѣ ни проявлялась правительственная власть, она вообще должна быть лишь измѣненіемъ народнаго самодержавія, вслѣдствіе добровольной передачи.—Этимъ Руссо поколебалъ существующія формы правленія, также и своими самыми знаменитыми произведеніями, „Новая Элоиза“ и „Эмиль“—нравы, привычки, образъ жизни и воспитаніе того времени. Въ первомъ изъ нихъ онъ поэтически языккомъ и въ формѣ романа, изложеннаго въ письмахъ представляетъ преимущества сентиментальной жизни въ природѣ предъ искаженными существующими условіями, возникновеніе и развитіе любви двухъ прекрасныхъ душъ, полныхъ избытка чувствъ, страстей и душевныхъ тревогъ, въ борьбѣ съ міромъ и дѣйствительностью; чувственная похотливая сторона этой борьбы въ теченіе повѣствованія сглаживается нравственнымъ и добродѣтельнымъ романомъ, исполненнымъ прелестной домовитости, супружеской вѣрности и свѣтлаго семейнаго счастья, основаннаго на исполненіи долга и религіозной искренности. Послѣднимъ произведеніемъ, этимъ „естественнымъ евангеліемъ воспитанія“, онъ пытался установить основанное на природѣ и родительской любви разумное разви-

тіе дитяти. Въ „Эмиль“, въ этомъ романѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ руководствѣ имѣется въ виду устроить воспитаніе такимъ образомъ, чтобы отъ первобытнаго естественнаго человѣка сохранилось какъ можно болѣе; Эмиля надлежитъ образовывать и укрѣпить такъ, „чтобы въ водоворотѣ свѣта его не могли увлечь ни людскія страсти, ни суевѣрія; онъ долженъ все видѣть своими глазами, прочувствовать своимъ собственнымъ сердцемъ, и надъ нимъ помимо разума не должна господствовать никакая земная власть“. Слова Руссо служатъ выраженіемъ глубокаго внутренняго чувства и проникаютъ въ душу, оттого что сказаны отъ души; благодаря этому его сочиненія и оказали чрезвычайное вліяніе, въ особенности на женщинъ. Въ музыкѣ, о которой высказаны имъ остроумныя мысли, онъ также сводилъ все къ природѣ и простотѣ. Имъ отрицалось правило, будто гармонія—единственная основа музыки; онъ указалъ на первобытное мелодическое искусство, „которое проникнуто естественностью и словно второй языкъ черпаетъ свое выраженіе изъ душевныхъ тревоженій, а не изъ правилъ генералбаса“. Руссо не очень-то уважалъ церковь и ея догматы, доказательствомъ чему служить уже то, что онъ дважды мѣнялъ свою вѣру. Однако онъ не глумился надъ послѣднею подобно Вольтеру и вольнодумцамъ той эпохи, а напротивъ, возвышалъ религію сердца и чувства. Онъ старался стереть съ христіанства все несущественное, лишь бы спасти ядро, возвращаясь и здѣсь такъ же какъ вездѣ къ простотѣ, къ природѣ и разуму. Онъ съ одной стороны возстаетъ противъ религіи откровенія, противъ вѣры въ Библию и ученія церкви, за то съ другой—ратуетъ противъ матеріализма за личнаго Бога, за духовность и безсмертіе души, за свободу воли, за правдивость, добродѣтель, справедливость и совѣсть. Высокомѣрная философія, говоритъ онъ, порождаетъ безсердечное вольнодумство, а слѣдая вѣра—ярый духъ гоненія. Избѣгайте и той и другой односторонности: счудуйте непоколебимы въ истинѣ или въ томъ, что въ простотѣ душевной считаете истиннымъ. Имѣйте мужество, признайте Бога передъ философами, имѣйте мужество, отстаивать человѣчность предъ яркими гонителями. Говорите правду, творите благо. Кто печется лишь о своей выгодѣ, тотъ обманываетъ самъ себя; одна только надежда праведника не посрамится. Не смотря на то, что Руссо „исповѣдью савойскаго Викарія“ въ Эмиль заявлялъ свое уваженіе къ религіи, а все-таки вслѣдствіе вольнаго отношенія къ господствующей церкви, онъ подвергся преслѣдованью какъ со стороны правовѣрныхъ католиковъ, такъ и со стороны вѣрующихъ въ откровеніе протестантовъ. По судебному приговору книга была сожжена палачемъ, а самъ Руссо вынужденъ былъ бѣжать изъ Франціи. Женева и Бернъ также отказали ему въ убѣжищѣ. Въ посланіи къ Бомону, парижскому архіепископу, издавшему папѣское увѣщаніе противъ „Эмиля“, и въ „Письмахъ съ горы“, противъ фанатизма своихъ женеvскихъ согражданъ, онъ съ сокрушительною мощью и страстнымъ пыломъ выступилъ въ борьбу противъ малодушной истеричности и духа гоненія правовѣрныхъ.

Едва ли его изъ писателей повліялъ такъ сильно на свою эпоху, возбудилъ такъ много идей, чувствъ, возрѣній, но вмѣстѣ съ тѣмъ и предубѣжденій какъ Руссо. Оттого-то отзывы о знаменитомъ женеvскомъ писателѣ, черезъ мѣру набрасывая и свѣтъ и тѣни, всегда далеко расходились, начиная съ самаго рѣзкаго порицанія и кончая самымъ восторженнымъ поклоненіемъ. Ему суждено было родиться въ прелестной мѣстности, въ средѣ мѣщанскаго быта съ его живыми чувствами и ощущеніями, и эти впечатлѣнія и склонности всегда составляли самую сокровенную основу его внутренняго существа. Его очерки блаженнаго естественнаго состоянія въ воспитательной обстановкѣ и домовитой жизни, полной идиллической невин-

ности и простоты, возсозданные на основании прекрасных чувствований, благородной первобытной человечности, оттого и увлекают и очаровывают так сильно, что они живым ключем берут из его собственного сердца, из сокровеннейших ндрей его души. Из его „Признаний“ мы убеждаемся, что ему действительно хорошо жилось только на лоне природы, в уединении лесов, среди деревьев и растений; что лучшая и самая высокая идея о благоденствии человечества порожденная в его уме в пустынном одиночестве. Это свежее чувство любви к природе всего рвуще и сильнее отпечатлелось в его существе; отсюда и вытекал главный догмат его вѣры в то, что все созданное природою хорошо, а всякая порча есть дѣло рукъ человеческих. Исходя изъ общихъ принциповъ, которые онъ усвоилъ себѣ путемъ наблюденія и размышленія и считалъ неопровержимыми истинами, онъ съ логическою послѣдовательною созидаетъ государство, общество и воспитаніе, постоянно ссылаясь, однако, на высшее духовное Существо какъ на Творца и Зидителя вселенной. Съ такими прирожденными способностями и съ такимъ душевнымъ настроеніемъ онъ вступилъ въ людскую среду, въ высшіе житейскіе кружки. Какъ тутъ было обойтись безъ крутыхъ столкновеній, безъ душевныхъ тревоженій и борьбы! Руссо и въ знатномъ обществѣ оставался тѣмъ же сыномъ природы, со всеми прелестями и недостатками, со всѣми прекрасными и дурными чертами избалованнаго дитяти. Жизнь его наполнилась страданіемъ, оттого что у него не хватило силъ, гармоніею воплотить законченнаго образованія или практическимъ чувствомъ долга преодолѣть и примирить между собою противорѣчія и столкновенія дѣйствительности. Какъ у Салтъ-Прѣ въ новой Элонзѣ, такъ тоже и у самаго Руссо миръ чувствъ, страстная возбужденность впечатлѣній некотливой природы вѣчно ратовали противъ правовъ, противъ уставовъ приличій и общественныхъ преградъ. Онъ всегда сохранялъ самодовольство ребенка; оно росло за одно съ его литературными успѣхами; даже въ носимой имъ странной одеждѣ и въ напускной простотѣ домашняго хозяйства—словно изъ дряваго плаща. Антисоена, какъ замѣтилъ Сократъ,—просвѣщивала суетность. Онъ облекся въ сознание добродѣтели, а между тѣмъ ни его бракъ, ни домашній бытъ вовсе не были созданы такъ, чтобы гордиться добродѣтелью! Какой рѣзкій контрастъ между его собственною семейною жизнью и супружескимъ, домашнимъ образомъ во второмъ отдѣленіи новой Элонзы! Неловкіе, обидчивость и подозрительность запутали его въ общественныя дразни, распри и во вражду; а когда къ этому присоединились еще политическія и релігиозныя гоненія, то онъ сталъ человѣкомъ ненавистникомъ и впалъ въ безвыходныя заблужденія. Исторія Руссо, говоритъ Геттнеръ, это—исторія болѣзни быющаго черезъ край, самому лишь себѣ предоставленнаго чувства, возбужденнаго противъ всякихъ неизбежныхъ условій и законовъ дѣйствительнаго обихода на свѣтѣ. Въ жизни и сочиненіяхъ Руссо нельзя, конечно, отрицать нѣкоторые заблужденія, противорѣчія и преувелченія, софизмы и ложныя предположенія; не смотря на то, этотъ высоко одаренный писатель, этотъ философскій фанатикъ природы и простоты все-таки былъ поборникомъ за идеализмъ сердца противъ реалистическаго образованія ума, — пророкомъ естественной релігии и чистаго богопочитанія противъ библейской вѣры и атеизма, — провозвѣстникомъ прирожденныхъ правъ и неотъемлемыхъ свободы и равенства людей: не даромъ авторъ Эмилія и Новой Элонзы остался самымъ вліятельнымъ писателемъ, истымъ апостоломъ духа новаго времени. „Руссо высказалъ то, что въ смутномъ чаевьи постигалось всѣмъ человечествомъ. Вліяніе его отразилось не только на тѣхъ герояхъ французской революціи, которые провозгласили че-

ловѣскія права, но также на титаническихъ юношей нѣмецкаго періода бурь и порывовъ, на Фаустово стремленіе къ непосредственности и цѣлости человѣческаго знанія и дѣйствія, на юнныя произведенія Шиллера, ратовавшія противъ деспотизма гражданскаго строя“. Мощь искренняго личнаго убѣжденія и увлеченіе новыми образовательными идеалами,—вотъ что сдѣлало бѣднаго пустыяника-мечтателя глашатаемъ юной порывистой эпохи. Благодаря осуществленію принципа, говоритъ Брокергофъ, вслѣдствіе котораго всѣ прирожденные человѣку силы требуютъ отвѣчающаго имъ естественному назначенію развитія, освободились отъ оковъ сокровенныя въ глубинѣ души способности и стремленія и могли свободно и безъ помѣхи добиться духовнаго и гуманнаго образованія, „Страсть могла проявить свою увлекающую мощь, вдохновеиіе могло вознестись смѣлымъ пареніемъ, гевій могъ распустить свои могучія крылья. Освобождая природу человѣка, освобождаемъ и духъ его, поскольку онъ проявляется какъ непосредственно дѣйствующая, естественная сила“. Послѣдній, однако, сохраняетъ за собою свою собственную самостоятельную область; онъ придаетъ матеріальному міру жизнь и движеніе, а человѣческой природѣ форму и мѣру, законъ и правило.

с. Дидро и энциклопедисты.

При Людовикѣ XIV умственная и общественная жизнь исходила отъ дво- Литературные
ра: литература и искусство, наука и вкусъ возбуждались и направлялись салоны. (Salon
изъ Версаля. При Людовикѣ XV дворъ лишился этого мощнаго вліянія: d'Esprit).
Парижъ сдѣлался независимымъ отъ Версаля, интелектуальная жизнь сто-
лицы создала себѣ новыя средоточія, самостоятельныя сборныя мѣста и
усвоила себѣ оиозиціонный характеръ. Тогда какъ въ придворныхъ и пра-
вительственныхъ кружкахъ охранялось и поддерживалось, по крайней мѣрѣ
по наружности и для виду, монархическая и іерархическая система, въ то
же время въ парижскомъ мірѣ все болѣе и болѣе распространялось отри-
цаніе всего существующаго. Вольнодумство вошло въ моду; быть невѣрующимъ
и политически свободномыслящимъ считалось признакомъ знатности.
Такое направленіе инталось и обострялось литературными собраніями
(„Bureau d'Esprit“), гдѣ въ извѣстныя дни сходились знаменитые писатели,
государственные мужи, художники и ученые, съ цѣлью за чайнымъ столомъ
переговорить о вопросахъ для, о философскихъ теоріяхъ, о релігии и
церкви, о государствѣ и литературѣ, то въ строго научномъ видѣ, то—и
даже чаще всего—въ остроумномъ, замысловатомъ, легкомъ тонѣ веселой
бесѣды, какая мастерски ведется на французскомъ языкѣ. Эти кружки
образованными, честолюбивыми, богатыми и пристрастными къ искус-
ству, великосвѣтскими дамами собиравсь въ ихъ салонахъ и пользо-
вались великимъ значеніемъ, тѣмъ болѣе что король былъ равнодушенъ ко
всему, что не относилось къ релігиознымъ обрядамъ, къ охотѣ и красивымъ
женщинамъ, а королева подчинилась господству іезуитовъ и всецѣло пре-
далась набожности и церковнымъ интересамъ. Помпадуръ, правда, доса-
довала на такое отчужденіе отъ двора образованныхъ умовъ Франціи, од-
нако у нея не хватило умѣнья привлечь во дворецъ художниковъ, писате-
лей, философовъ и побудить ихъ къ увѣреніямъ въ предавности. Такимъ-
то образомъ эти литературныя салоны въ Парижѣ стали средоточіемъ не
одного только французскаго, но и вообще всего европейскаго современ-
наго образованія, высшимъ судилищемъ вкуса, литературы, научныхъ про-
изведеній. Въ этихъ обществахъ, по словамъ Розенкрауца, собиравсь не

только дворяне всѣхъ европейскихъ націй, по также цвѣтъ всѣхъ актеровъ и пѣвцовъ, танцовщицъ и музыкантовъ, цѣлый сонмъ остроумныхъ абба-товъ, легионъ очаровательныхъ гетеръ, и не мало высокихъ талантовъ, преуспѣвавшихъ въ наукахъ. Доступъ въ общество былъ открытъ всякому дарованію, красотѣ, остроумію. Какъ родовая, такъ и денежная аристократія принималась лишь тогда, когда вмѣстѣ съ тѣмъ связаны были умъ, острота, философское образованіе. Изъ дамъ, которыя своими общительными дарованіями, интеллектуальными интересами или положеніемъ въ большомъ свѣтѣ привлекали и возбуждали литературныя знаменитости и собирали ихъ въ разное время въ своихъ салонахъ, Шоссеръ называетъ магнитами беллетристическихъ кружковъ мадамъ де-Тансенъ, мадамъ Жоффренъ, мадамъ дю-Деффанъ и дѣвицу Л'Эспинасъ. Къ имени столь же легкомысленной какъ и остроумной мадамъ де-Тансенъ пристади отчасти теплыя пятна. И въ самомъ дѣлѣ, своего побочнаго сына, столь знаменитаго впоследствии д'Аламбера, она подынула ребенкомъ и преспокойно представила женѣ бѣднаго стекольщика воспитать его какъ свое родное дѣтище; а во время финансовыхъ операций Джона Ло она обогатилась посредствомъ обманныхъ спекуляцій; ее заподозрили также по поводу убійства одного изъ любовниковъ ея, за что она и была посажена въ Бастилію. Не смотря на то, эта дама долго занимала высокое положеніе въ обществѣ; кардиналъ Ламбертини, посѣщавшій во время своего пребыванія въ Парижѣ ея кружокъ, продолжалъ переписываться съ нею также и въ качествѣ папы Бенедикта XIV; благодаря своему влиянію, она добилась кардинальской шапки для своего брата; ея романы, въ особенности мемуары графа де-Компенжа, пользовались значительнымъ успѣхомъ. Монгескѣ запросто посѣщала ее. Впоследствии, однако, эти общества затмились салономъ мадамъ Жоффренъ, которая обладала, правда, меньшимъ остроуміемъ, за то большою свѣтскостью, радушною прелестью и любезностью. Салонъ ея, гдѣ ораторствовалъ Мармонтель, былъ сборнымъ мѣстомъ государственныхныхъ людей, писателей, художниковъ, знатныхъ иностранцевъ и путешественниковъ всѣхъ странъ. Не только король Станиславъ Лѣщинскій, но даже императрицы Екатерина и Марія Терезія оказывали ей вниманіе и уваженіе. Къ отрицающимъ умамъ она относилась воздержно и строго. Съ нею въ умѣнныя собирать около себя знаменитости соперничала М-мъ дю-Деффанъ. Долго еще разсказывалось о томъ, съ какою любезностью она приняла однажды императора Юсифа. Остроуміе и ученіе своей соперницы, она была также либеральнѣе въ своихъ взглядахъ. Дю-Деффанъ приняла на себя роль судьи въ философій и эстетикѣ, поддерживала также переписку съ Вольтеромъ. Съ годами впрочемъ обѣ дамы перешли на болѣе положительное поприще; въ высшихъ кружкахъ сочили возможнымъ поддерживать вѣрованіе и пабожность съ повымъ образованіемъ. Впоследствии дю-Деффанъ ослѣбла и остроуміе ея смѣнилось горечью и сарказмомъ; тогда компаньонка ея, дѣвица де-Л'Эспинасъ, составила свой кружокъ. Салонъ Мюш де Л'Эспинасъ, которая подобно другу и почитателю ея д'Аламберу была незаконнорожденнымъ пріемышемъ, вскорѣ стала главнымъ сборнымъ мѣстомъ философскихъ реформаторовъ. Въ ея салонѣ сходились всѣ писатели, участвовавшие въ качествѣ сотрудниковъ въ обширномъ *Энциклопедическомъ словарѣ*, который издавалъ книгопродавецъ Ле Бретонъ. Это замѣчательное твореніе, итъчто въ родѣ перечня всего человѣческаго знанія, широкое либеральное, но враждебное всякому высиреннему стремленію, было посителемъ чувственныхъ доктринъ. Почти всѣ болѣе или менѣе значительные писатели доставляли статьи для этой энциклопедіи; характеръ ея былъ до того ярко очерченъ, что названіе „энциклопедисты“ значило то же, что мате-

Мадамъ де Тансенъ.

Мадамъ Жоффренъ.

М-мъ дю Деффанъ.

Дѣвица де Л'Эспинасъ.

Энциклопедисты.

ріалсты; мало того, это имя сдѣлалось нарицательнымъ для всѣхъ вообще посителей и приверженцевъ тогдашней философіи. Энциклопедисты возвели испорченные нравы высшаго французскаго общества въ систему энциклопедической философіи; „въ этой системѣ выводы теоріи о зависимости духа отъ вѣдшихъ чувствъ представляются безъ прикрасъ во всей ихъ наготѣ; случай оказывается по ней творцомъ вселенной, послѣднею руководить фатализмъ, а человѣкъ ничто иное какъ машина“. Однако, „Энциклопедія“ въ семнадцати томахъ, какъ по своей законченности, такъ и по громадному успѣху была самымъ значительнымъ литературнымъ явленіемъ эпохи. Господствовавший въ ней духъ просвѣщенія былъ до того могучъ, что распространенію и окончанію этого труда не въ силахъ были воспрепятствовать ни изданное противъ него парижскимъ архіепископомъ папское посланіе, ни указъ государственнаго совѣта, запрещавшій продолженіе его: „такъ какъ вытекающая изъ него для искусствъ и наукъ польза не искупается вредомъ, наносимымъ религіи и нравственности“.

Вождями энциклопедистовъ были Дидро и Д'Аламберъ. *Денисо Дидро*, сынъ почтенной мѣщанской семьи изъ Лапгре за одно съ Вольтеромъ оказалъ самое сильное влияніе на литературную жизнь той эпохи, хотя и былъ менѣе блестящъ и скромнѣе друга Фридриха II. Стремясь подобно Руссо къ личной свободѣ и независимости, онъ трудъ литератора предпочелъ всякому другому занятію, всякой духовной и свѣтской службѣ. Его отецъ, зажиточный ножевщикъ, негодуя на сына за то, что онъ не принимался за практической промыслъ, лишилъ его всякой поддержки. Дидро, женившись около тридцати лѣтъ отъ роду на молодой, благообразной, но крайне бѣдной дѣвушкѣ, вынужденъ былъ списать свое пропитаніе переводами английскихъ сочиненій, уроками и литературными трудами. Въ эти года живою, одаренный рѣдкими способностями, для всякаго знанія воспримчивый и оупевленный мужъ прошелъ поучительную житейскую школу; возрѣнія и убѣжденія его сложились при этомъ окончательно и приняли то направленіе, вслѣдствіе котораго онъ сдѣлался самымъ дѣятельнымъ и вліятельнымъ органомъ духа того времени. Воспитанный подобно Вольтеру иезуитами, и имѣя даже въ виду поступить въ пхъ орденъ, онъ вскорѣ до такой степени предался отрицанію, что всецѣло обратился къ материализму и „всякіе социальные интересы свелъ къ нравственной самодѣятельности, которая не нуждалась ни въ какомъ божествѣ“. Этого впечатлительный, жаждущій любви человѣкъ терзался сверхъ того сильными душевными тревогамъ. Недовольный своею супружескою жизнью съ честной, правда, но мало образованной и несочувствовавшей его умственнымъ стремленіямъ женою, онъ добивался пониманія и сочувствія вѣд дома. У него возникла склонность къ мадамъ де *Нюиссѣ*, къ пошлой вѣроломной женщицѣ, которая увлекала однако блестящимъ остроуміемъ. Онъ нѣсколько лѣтъ подчинялся недостойнымъ узамъ этой бездушной, злоупотреблявшей имъ дамы. Дидро освободился отъ нея, благодаря лишь стодневному аресту въ Венсеннѣ, которому подвергся въ 1749 году за свои материалистическія сочиненія. Вскорѣ затѣмъ онъ сошелся съ *Софією Воландъ*, образованною, увлекательною дочерью почтенной вдовы чиновника; эта вторая любовь весьма благотворно подѣйствовала какъ на душевное настроеніе, такъ и на литературную производительность его. Розенкранцъ сравниваетъ эту связь съ сношеніемъ между Гете и госпожею Штейнъ. „Эта любовь пропикла въ самую глубь души, идеально окрыляла его, и хотя ему было уже за сорокъ лѣтъ, но онъ проживалъ какъ бы новую вѣсную юность“. Письма, писанныя пмъ къ возлюбленной, когда она съ матерью и сестрами жила на своей дачѣ при Марнѣ, служатъ прекраснымъ памятникомъ душевнаго настроенія

Дидро. 1713—1784. 1. Его жизнь.

поэта и философа въ измѣнчивыхъ переходахъ его ощущеній, думъ и чувствованій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „важнѣйшимъ источникомъ для изслѣдованія всѣхъ внутреннихъ мотивовъ и сокровенныхъ отношеній знаменательной литературной и общественной жизни того вѣка“.

2. Первые Вступивъ въ упомянутую вторую связь, Дидро достигъ уже той философско-социальной точки зрѣнія, съ которою связано его имя въ потомствѣ. Въ 1745 году онъ въ своемъ сочиненіи „О разумѣ и добродѣтели“ не выходилъ еще изъ круговора Шейтсбери, трактатъ котораго о томъ же предметѣ онъ перевелъ или, вѣрнѣе, передѣлалъ уже прежде; въ религиозныхъ воззрѣніяхъ онъ даже на шагъ отсталъ отъ англійскаго вольнодумца, связавъ добродѣтель, счастье и религію самымъ тѣснымъ взаимодействіемъ: „Безъ добродѣтели нѣтъ счастья, безъ вѣры въ Бога нѣтъ добродѣтели“. Въ напечатанномъ гораздо позже сатирико-аллегорическомъ очеркѣ „Прогулка скептика“ онъ съ пренебреженіемъ отнесся къ христіанскому вѣро-и нравоученію; но два года спустя уже (1747) въ „Философскихъ думкахъ“ Дидро является рѣшительнымъ вольнодумцемъ, допуская одну только выработанную вольною умственной дѣятельностью естественную религію. Въ этихъ разсужденіяхъ рядомъ отрывочныхъ, мало связанныхъ другъ съ другомъ предложеній онъ пыгается, въ противность Паскалю (XII, 508), подтвердить убѣжденіе въ томъ, что никто изъ смертныхъ ни собственнымъ размышленіемъ, ни откровеніемъ не въ состояніи достигъ когда либо сверхъестественнаго знанія; отвергая съ точки зрѣнія деиста атеизмъ, онъ въ то же время замѣчаетъ: нѣтъ такого убѣдительнаго философскаго довода, который не возбуждалъ бы основательнаго сомнѣнія. Дидро указываетъ на шаткій авторитетъ библейскихъ писаній и выставляетъ на видъ, какъ ненадежна должна быть божеская миссія, которая опирается на вѣру въ чудеса. Вмѣсто того, чтобы, подобно теологамъ его церкви, полагать совершенную добродѣтель и нравственность въ умерщвленіи страстей, онъ, напротивъ того, оправдываетъ страсти какъ источникъ всякаго вдохновенія. Это обильное мыслями сочиненіе было осуждено парламентомъ, благодаря чему оно, отчасти подъ другимъ заглавіемъ, тѣмъ еще скорѣе разошлось по всему свѣту. Вслѣдъ за тѣмъ Дидро издалъ „Письма слѣпца на пользу зрячихъ“ (1749), въ которыхъ развиваетъ физикотеологическія школьныя доказательства бытія Бога. Однако онъ притомъ осторожно принимается за дѣло, ссылаясь на Николая Сандерсона, слѣпца профессора математики и физики въ Кембриджѣ: послѣдній отвергъ воззрѣніе, „будто урядъ и цѣлесообразность вселенной служатъ доказательствомъ существованія созидющей съ сознательными цѣлями и намѣреніями міровой причины“, и пытался объяснить природу, ссылаясь на одну лишь матерію и на присущее ей движеніе. Не смотря на то, что онъ прикрылся чужимъ авторитетомъ, не смотря на заключительную замѣтку, что слѣпой профессоръ умеръ деистомъ, Дидро все-таки былъ арестованъ какъ матеріалистъ и богоотступникъ и, какъ было уже упомянуто, отведенъ въ Вепсенъ; заключеніе послужило лишь для того, чтобы окружить его ореоломъ мученика и прославить еще болѣе. Итакъ, бывший питомецъ іезуитовъ путемъ деизма и естественной религіи Шейтсбери дошелъ до матеріалистическихъ воззрѣній „сильныхъ умовъ“. Онъ избѣгалъ, однако, штурмовавшихъ небо ревнителей; всякій фанатизмъ противъ былъ его любвеобильной, гуманной и благодушной натурѣ. Благодаря ходатайству друзей и мощному голосу общественнаго мнѣнія, Дидро по истеченіи трехъ съ половиною мѣсяцевъ былъ выпущенъ на свободу и тутъ-то онъ принялся за ту обширную энциклопедію, о положеніи и значеніи которой мы уже упоминали. Редакція этого французскаго реального словаря всѣхъ наукъ, искусствъ, промысловъ, ремесель залучала его въ

бездну непріятныхъ дѣлъ и препирательствъ то съ книготорговцами, то съ сотрудниками, гонорарій которыхъ онъ считывалъ, наконецъ съ правительствомъ, которое то запрещало, то вновь разрѣшало изданіе, смотря по тому, кто оказывался слышнѣе: духовенство или вольнодумная оппозиція. Не смотря на то, онъ чуть ли не двадцать лѣтъ пестъ это чрезвычайное бремя и самъ написалъ не только проспектъ, но также многія изъ важнѣйшихъ статей, въ особенности все, что относится къ искусствамъ и ремесламъ; для этой цѣли онъ по цѣлымъ днямъ проводилъ въ мастерскихъ и техническихъ заведеніяхъ, что и служило лучшимъ доказательствомъ его неутомимаго рвенія на пользу науки и прогресса.

Планъ всего энциклопедическаго творенія Дидро начерталъ вмѣстѣ съ д'Аламберомъ. Извѣстнымъ уже намъ д'Аламберомъ, знаменитымъ математикомъ съ яснымъ логическимъ умомъ и съ многосторонними свѣдѣніями. Имъ написано предисловіе, „Discours préliminaire“, многозначительный очеркъ всего человѣческаго знанія, намѣтившій и опредѣлившій духъ и направленіе всего заданія, мастерское произведеніе стройно изложеннаго ученаго метода. Исходя изъ теоріи сознанія Бекона и Локке, д'Аламберъ рядомъ тѣсно связанныхъ между собою предложеній доходитъ до слѣдующаго вывода: „рефлексія, сравненіе чувственныхъ постиженій и ихъ взаимныхъ отношеній при посредствѣ разума, сознаніе того, что вредно и что полезно намъ, — вотъ все что составляетъ человѣческое знаніе, а слѣдовательно духовная дѣятельность отнюдь не господствующій, а лишь служебный членъ“. Ощущеніе и чувственный опытъ — вотъ, по его мнѣнію, начало и основа всякаго общественнаго порядка, всякихъ искусствъ и наукъ, а потому реальное и практическое знаніе должно предшествовать всякому другому; государство развивается изъ общезжитія, пуща и польза ведутъ къ понятіямъ о правѣхъ и несправедливости, къ установкѣ законовъ. Все, что выходитъ за предѣлы чувственнаго постиженія и умственнаго пониманія, въ родѣ ученія о Богѣ и безсмертіи, все это д'Аламберъ исключаетъ изъ области своей научной системы какъ предметы неизвѣстные и сомнительные. Для внутренней, основанной на откровеніи стороны въ энциклопедіи человѣческихъ наукъ нѣтъ мѣста. Это предисловіе д'Аламбера ничто иное какъ ясно и опредѣленно изложенная программа рациональнаго образованія эпохи, оно знаменуетъ совершенный „поворотъ науки“, полную перестановку господовавшаго дотошъ уряда въ царствѣ мысли, новое расчлененіе всего человѣческаго знанія. Тутъ не только вся теологія лишена и почвы и основы, а вѣра въ откровеніе совсѣмъ исключена, но даже всякія идеальныя побужденія, направленные на абстрактное и метафизическое начало, поступаютъ въ подчиненное положеніе. Эмпирически добытыя представленія и ихъ сочетанія составляютъ основныя ученія; всякіе образы фантазіи и спекуляціи, всякіе запасы памяти отступаютъ на задній планъ передъ пріобрѣтеннымъ, добытымъ чувствомъ и умомъ; всякое человѣческое знаніе обсуждается прежде — вотъ со стороны цѣлесообразности и пользы. — Эта строго научная система такъ ясно, такъ остроумно и послѣдовательно излагала отношеніе наукъ къ образованію и направленію эпохи, и притомъ такъ осторожно, такъ бережно и искусно обходила великіе жизненные вопросы или только слегка касалась ихъ, что поневолѣ возбуждала всеобщее удивленіе: академія избрала математика въ свои члены, благодаря чему д'Аламберу пришлось произнести тамъ много рѣчей; Фридрихъ II., состоявшій съ нимъ въ перепискѣ, побудилъ его, какъ бы въ видѣ дополненія къ его „Предисловію“, написать энциклопедическій трактатъ о „Началахъ философіи“. Екатерина II. также читала французскаго ученаго. О спорѣ между ею и Руссо касательно нравственнаго значенія театра было уже прежде

д'Аламберъ.
1717—1783.

говорено (XII, 502). Д'Аламберъ хвалилъ Женевцевъ за ихъ терпимость, за то что они вопреки суровымъ нравственнымъ правиламъ Кальвина намѣревались выстроить театр; а ихъ знаменитый соотечественникъ воспользовался этимъ случаемъ и въ превосходно написанной, но односторонне софистической статьѣ, не признавая нравственнаго благотворивающаго вліянія художественнаго произведенія, указалъ на вредное вліяніе драматическихъ произведеній на нравственныя понятія зрителей. Отвѣтъ д'Аламбера въ ловкой полемической формѣ заключалъ въ себѣ острѣе и сатирическіе намеки на поэтическій и музыкальный вкусъ замечавшагося въ идиллической сентиментальности чудака. Однако, какъ замѣчаетъ Шлоссеръ, ни тотъ, ни другой не постигъ сокровенной въ истинной поэзии искры Божьей,—ни тотъ, ни другой не сознавалъ, что человѣческій духъ единственно только своею творческою силою бываетъ сроденъ Божеству,—что наслажденіе творчествомъ есть высшее блаженство, и созерцаніе величія и красоты художественныхъ произведеній служить лучшимъ противовѣсомъ всякому злу, возникающему изъ страстей и чувственности.

Материалистическая мировоззрѣніе Дидро. Благодаря изданію реальной энциклопедіи, въ которой сотрудничали всѣ первостатейные умы того плодovitаго періода, Дидро сталъ великою знаменитостью. Онъ находился въ средоточіи литературной жизни французскаго міра. Это сознаніе подстрекало его умъ и его трудолюбіе на новую дѣятельность; Дидро испыталъ свои силы во всѣхъ родахъ литературы. Онъ не только составлялъ для энциклопедіи множество статей съ точки зрѣнія рационально-материалистической системы, но сверхъ того сочинялъ еще философскіе и критическіе трактаты, романы и драмы. Такъ въ 1753 году онъ написалъ „Мысли объ истолкованіи природы“, подъ стать „Философскимъ размышленіемъ“. Предметомъ послѣдняго творенія было понятіе о духѣ на его вершинной точкѣ, въ отношеніи человѣческаго—къ божескому; предметомъ же перваго было понятіе о природѣ въ отношеніи съ одной стороны къ человѣческому, а съ другой къ божескому духу. Путемъ индукціи онъ выводилъ, что міръ развивается изъ чувственныхъ атомовъ или одушевленныхъ частицъ (молекулъ) въ восходящей постепенности вслѣдствіе имъ законности и самостоятельности стихійной жизни, причемъ исключается всякое содѣйствіе творческаго Бога и всякое теологическое понятіе. Эту точку зрѣнія Дидро поддерживалъ до конца жизни, такъ что послѣдовавшія затѣмъ сочиненія его философскаго содержанія можно считать дополненіями, слѣдствіями и распространеніями этого міросозерцанія съ постояннымъ указаніемъ на появившіяся въ то время другія изслѣдованія и системы. Между ними въ художественномъ отношеніи первое мѣсто занимаютъ два діалога, извѣстные подъ заглавіемъ „Бесѣда между Дидро и д'Аламберомъ“ и „Сонъ д'Аламбера“. Тутъ въ интимныхъ разговорахъ, которые своею драматическою живостью и диалектической тонкостью во многомъ напоминаютъ Платона, проводится ученіе объ обмѣнѣ веществъ, о пескончаемомъ круговоротѣ жизни, вслѣдствіе чего все находится въ вѣчномъ токъ, претвореніи и переходѣ одного въ другое; идеи же и все духовное ничто иное какъ высшее проявленіе и завершеніе находящагося въ непрерывномъ коловращеніи вещественнаго состава, высшая форма образованія элементовъ, одаренныхъ чувствительностью и способностью движенія; психологія поэтому ничто иное какъ физиологія нервовъ, а свобода воли и личное безсмертіе — немислимы. Каждая особь, возникши изъ кругооборота смѣняющихся вещественныхъ составовъ, въ свою очередь точно также подвергается тому же кругообороту и поглощается имъ. Вѣчна—одна лишь посмертная слава; она — плодъ высокыхъ и доблестныхъ подвиговъ, которые въ свою очередь имѣютъ источникомъ добродѣтель и нравствен-

ность, самоотверженныя на благо ближнихъ направленные страсти и побужденія, коренищаяся въ человѣческой сущности. И въ самомъ дѣлѣ, какъ бы измѣнчива ни была единичная особь, но человѣчество въ его внутреннемъ свойствѣ остается все одинаковымъ, а съ этимъ свойствомъ неразрывно связаны понятія о правѣ, добрѣ и красотѣ, также любовь къ „благодѣянію“ и ненависть къ „злу“.

Итакъ, Дидро вопреки своему философскому материализму въ этическихъ воззрѣніяхъ вернулся въ концѣ концовъ къ своей исходной, англійской точкѣ зрѣнія Шефтсбѣри, а именно къ тому, что наклонность къ гуманности коренится въ сущности человѣка, а развитіе этой наклонности ведетъ къ практической дѣятельности, къ добродѣтели и нравственности. А въ критическихъ, эстетическихъ и поэтическихъ произведеніяхъ Дидро еще болѣе нежели въ философскомъ развитіи идей находился подъ вліяніемъ англійскихъ образцовъ. Онъ расхвалилъ Ричардсона и болѣе всѣхъ способствовалъ распространенію нравственныхъ семейныхъ романовъ этого писателя; также юмористически-сентиментальныхъ очерковъ Фильдинга и Стерна; его эстетическіе и критическіе статьи объ искусствѣ, помѣщенные въ энциклопедіи и въ разныхъ изданіяхъ, его поэтическія произведенія основаны во первыхъ на впечатлѣніяхъ, которыя онъ усвоилъ себѣ изъ англійскихъ сочиненій, а во-вторыхъ—на собственномъ той эпохѣ побужденіи, вернуться отъ правилъ и натаянутости минувшаго времени къ природѣ и дѣйствительности. Хотя Руссо въ своихъ личныхъ сношеніяхъ съ литературными знаменитостями парижскаго свѣта плохо ладилъ съ ними, хотя въ особенности его прежняя дружба съ Дидро кончилась совершеннымъ разладомъ и враждою; все-таки его чуткость къ природѣ, его любовь къ простотѣ, къ септимальности и благодушію были слишкомъ сильны и настойчивы, такъ что не могли не повліять на посетителей новаго образованія, на „сильные умы“ оппозиции, которые впрочемъ съ злорадною улыбкою взирали на вѣру въ Бога и на мистицизмъ женеваго мудреца и чудака. А потому поворотъ былъ такъ же необходимъ въ области искусства, поэзии, театра, какъ и—философій, религіозныхъ и политическихъ воззрѣній и учрежденій, преподаванія и воспитанія. Когда съ легкой руки артистки Клеронъ во французскихъ театрахъ костюмы дѣйствующихъ лицъ стали принаравливаться къ эпохамъ и странамъ, гдѣ происходило дѣйствіе, то этимъ сдѣлана была великая уступка духу времени и тогдашнему образованію, вопреки даже обычаямъ и традиціямъ. Это былъ первый шагъ къ освобожденію отъ путъ классицизма. Но какъ вся эпоха была сильнѣе въ дѣлѣ отрицанія, нежели преобразованія, такъ и въ искусствѣ тоже, подражая природѣ, покинули идеальную точку зрѣнія и перешли къ реальному изображенію дѣйствительности и естественности. Противъ ложнаго, отрѣшеннаго отъ всякой естественной правды идеализма возсталъ такой же ложный, чуждый всякому идеальному одухотворенію и подъему реализмъ. Этотъ переходъ совершился почти инстинктивно, но самымъ рѣшительнымъ образомъ благодаря Дидро; область искусства расширилась при этомъ, но само искусство было сведено съ неба на землю, перенесено изъ идеальныхъ высей въ міръ дѣйствительности. Выше было уже замѣчено, что Дидро воспользовался для драматическаго искусства англійскими семейными и бытовыми романами съ нравственными тенденціями и создалъ особый родъ театральныхъ пьесъ; врапаясь между высшней торжественной трагедіей и веселой поучительной комедіей, онъ создавался на событіяхъ домашней и мѣщанской жизни и пользовались большимъ успѣхомъ въ Германіи, гдѣ подражали имъ. При всемъ томъ эти драмы Дидро, въ родѣ „Побочнаго сына“, „Отца семейства“ и др., ничто иное какъ передаваемые въ разговорахъ семейныя картины,

Дидро въ качествѣ поэта, критика и романиста.

Театръ и драма.

имѣюща, подобно ихъ англійскимъ прототипамъ, непосредственно цѣлью нравственное умиленье и исправленіе; это — драматическіе слѣпки хилой натупной дѣйствительности, лишенной естественной правды и душевнаго размаха. Въ образовательномъ искусствѣ Дидро также высшею цѣлью ставилъ подражаніе природѣ и на такой конецъ говорилъ въ пользу жанра и пейзажа; въ виду художественной неестественности и порчи того времени, это были, конечно, все прекрасныя и вѣрныя правила и замѣтки, но имъ не доставало высшаго пониманія художественной цѣли и полета фантазій. Всего обстоятельнѣе онъ высказалъ свои мнѣнія въ составленномъ по желанію его друга Гримма отчетѣ о парижской художественной выставкѣ 1765 года; этотъ отчетъ, изданный подъ заглавіемъ: „Салоны“, положилъ основаніе художественной критикѣ во Франціи. Очерки о произведеніяхъ живописи и пластики, представленные въ этомъ трактатѣ Дидро и въ его „Опытѣ о живописи“, „походятъ на мелкія стихотворенія, легкія, прелестныя, ясныя, которыя поражали все дурное и любовно относились ко всему хорошему“. Онъ вездѣ говоритъ какъ знатокъ, „рѣзко и безпристрастно“; и о критическомъ и эстетическомъ умѣ его свидѣлствуетъ установленный имъ принципъ, „художнику слѣдуетъ изображать всегда одно объединенное въ себѣ самое и законченное дѣйствіе, избѣгать пуще всего пестраго и безтолковаго скучиванья историческихъ и аллегорическихъ образовъ“.

Романы.

Многосторонній писатель брался также за романъ и повѣсть; но добывая имъ на этомъ поприщѣ слава нѣсколько занятнаея. И въ самомъ дѣлѣ, въ его юношескомъ романѣ „Нескромныя драгоценности“, такъ же какъ у Монтескье въ „Персидскихъ письмахъ“, подъ покровомъ восточной сказки въ самомъ зазорномъ видѣ изображаются высокопоставленныя личности, распутная и безнравственная жизнь при дворѣ Людовика XV; ни искусство соблазнительнаго разсказа, ни критико-сатирическія разсужденія, ни характеристичныя по поводу литературныхъ, научныхъ и общественныхъ состояній не примирютъ насъ съ тѣмъ цинизмомъ, съ какимъ эти „нескромныя драгоценности“ дамы, въ дѣломъ рядѣ мелкыхъ повѣстей, съ гениальною рѣзвостью и грубою насмѣшкою разоблачаютъ ихъ эротическія грѣшки. Извѣстный диалогъ его „Племянникъ Рамо“, съ чѣмъ Гете прежде всего ознакомилъ Нѣмцевъ, также вращается въ атмосферѣ, пропитанной порокомъ и мерзостью. Гениальный бродяга и сластолюбецъ подъ именемъ племянника музыканта Рамо изображается типомъ того класса остроумныхъ, но безнравственныхъ и безхарактерныхъ людей, которые, забывъ религію, добродѣтель и чувство чести, гонятся лишь за самыми пошлыми чувственными наслажденіями; въ этомъ обликѣ, какъ въ зеркалѣ, отражается все направленіе и настроеніе эпохи, гнусныя черты разоблачаются съ ироніей и карикатурнымъ преувеличеніемъ, и тутъ же въ разговорной формѣ съ художественнымъ искусствомъ вплетаются важнѣйшіе вопросы жизни, образованія и воспитанія. „Племянникъ Рамо — это сладострастный философъ, разочарованный софистъ. Онъ надѣленъ всѣми средствами и преимуществами образованія, но пользуется ими для того только, чтобы съ самодовольнымъ торжествомъ возстановить духъ противъ духа, чтобы нравы и образованіе представить излишними, а страсть къ наживѣ, роскошной одеждѣ, лакомымъ яствамъ и винамъ, красивымъ женщинамъ и подлымъ льстецамъ — единственнымъ господствующимъ началомъ“. Въ повѣсти „Монахиня“ („La Religieuse“), въ этой исторіи молодой дѣвушки, насильно заключенной въ монастырь, также выставляются человѣческія заблужденія и очерки развращеннаго и испорченнаго свѣта, по нравственное чувство тутъ менѣе оскорбляется. Хотя эта исторія вымышлена лишь по поводу свѣтской шутки, однако повѣсть даетъ такую вѣрную картину внутренняго

монастырскаго быта, злодѣйствъ и тайныхъ грѣховъ, что въ ней подозрѣвали даже дѣйствительное происшествіе. „Методы образованія монахинь, денежные интересы монастырей, ихъ взаимная ревность, невольна развивающіяся въ каждой монахинѣ любовь и притворство, вызванныя задержаннымъ половымъ побужденіемъ распутства фантазіи, — все это изображено у Дидро съ неподражаемою правдою и съ изумительнымъ знаніемъ дѣла, проникающимъ до самыхъ сокровенныхъ подробностей. Въ своей „Монахинѣ“ Дидро изображаетъ передъ нами борьбу благородной, по истинѣ дѣвственной природы съ неестественною жестокостію и съ сладострастіемъ, какія поражаются въ таинственныхъ нѣдрахъ монастыря“. При всемъ томъ повѣсть „Монахиня“ не даромъ прозвали „психологическою мрачною картиною“, при отдѣлкѣ которой автору представлялись душевные очерки Ричардсона. Къ послѣднимъ произведеніямъ музы Дидро относится „Какъ фаталистъ“ или, какъ онъ названъ въ старомъ нѣмецкомъ переводѣ: „Яковъ и его господинъ“. Это рядъ повѣстей болѣею частью изъ эротической области, гдѣ любовь воспѣвается на всякіе лады; книга эта во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ собою Боккачіо и Шосера, а по формѣ Тристрама Шанди. Путешествіе господина и слуги служатъ лишь рамкою для циничныхъ отчасти разсказовъ, содержащихъ въ себѣ, безъ сомнѣнія, много личныхъ портретовъ; подтверждая примѣрами, что въ жизни все случается иначе, чѣмъ мы ожидаемъ и предполагаемъ, эти разсказы какъ бы поучаютъ, что такъ называемая нами судьба отнюдь не дѣло фаталистическаго предопредѣленія или провидѣнія, которое будто бы предупреждаетъ событія и таинственно направляетъ ихъ, — она ничто иное, какъ необходимое слѣдствіе совершенно естественнаго сдѣленія фактовъ.

Путешествіе и любовныя похождения въ Жакѣ фаталистѣ Дидро написалъ, вернувшись изъ Петербурга, куда по настоятельному приглашенію императрицы Екатерины поѣхалъ въ 1773 году. Эта французскимъ писателемъ прославляемая государыня всегда очень внимательно и благосклонно относилась къ философу и поэту. Она прежде еще купила у него библиотеку и не только предоставила ему пользоваться ею, но назначила его же библиотекаремъ при ней съ окладомъ въ тысячу ливровъ, выплативъ жалованья за пятьдесятъ лѣтъ впередъ. На одиннадцатомъ году послѣ того Дидро умеръ въ Парижѣ, нѣсколькими мѣсяцами позже своей подруги Софи Воляндъ. Его послѣднія слова были: „Невѣріе — первый шагъ къ философіи“. По „Предисловію“ Розенкранца къ „Жизни и твореніямъ Дидро“ можно составить себѣ понятіе о томъ, какъ различно отзывались и въ прошломъ и въ настоящемъ столѣтіи объ этомъ замѣчательномъ писателѣ. Однако, даже порицатели его литературной дѣятельности какъ опасной для религіи и вредной для нравовъ, поневолѣ признаютъ въ немъ авторскій талантъ, искусство излагать и разсказывать, многостороннее образованіе и воспримчивый живой умъ; а объ его характерѣ, о благодушной, сострадательной, любвеобильной натурѣ всѣ были одного мнѣнія. Письма къ дѣвицѣ Воляндъ служатъ самымъ искреннимъ выраженіемъ его стремленія къ истинѣ, добродѣтели и гуманности. „Будемъ поступать такъ“, писалъ онъ своей подругѣ, „чтобы жизнь наша была безъ лжи. Чѣмъ болѣе буду уважать васъ, тѣмъ болѣе буду дорожить вами; чѣмъ добродѣтельнѣе покажусь вамъ, тѣмъ сильнѣе вы меня полюбите. А потому, да будемъ строгими цензорами другъ друга“. Въ „Жизни философа Сенеки“, одномъ изъ послѣднихъ трудовъ его, онъ, намекая на самого себя, пытается доказать, какъ трудно мудрецу въ испорченномъ мірѣ и въ порочной обстановкѣ сохранить добродѣтель и нравственность; въ этой попыткѣ, оправдать римскаго философа отъ приставшихъ къ его имени пятенъ и упрековъ, легко провидѣть намѣренье,

Послѣдніе
годы Дидро
и характеръ.

защитить самого себя: въ омутъ порока и грѣха невозможно избавиться отъ клеветы и злорѣчья. Этою защитою Сенеки Дидро подаль своимъ противникамъ, особенно Лагарпу, поведъ, распространить параллель далѣе и всѣ грѣшники, недостатки и безправственныя поступки, какіе приписываются римлянину, ввалить также на его французскаго защитника.

д. Матеріализмъ на его вершинѣ. Гольбахъ, Гельвицій и др.

„У Дидро все еще таится доля идеализма“, заявляетъ Геттнеръ. „Извѣчные атомы, изъ которыхъ по Дидро возникло все въ мірѣ, дѣйствуютъ и ощущаютъ сами по себѣ; въ нихъ все творить и зиждетъ присущая имъ органическая жизненная сила, скрытая, но подвизающая мировая душа“. На такой же точкѣ зрѣнія находился философъ *Робинъ*, который надъ матеріей и ея развитіемъ изъ живыхъ зародышей поставилъ еще божество въ видѣ „единосущной, творческой, но непослужимой причины“. Однако, философское изслѣдованіе обладаетъ свойствомъ, путемъ послѣдовательнаго развитія мысли доводить принципы до ихъ крайнихъ выводовъ и результатовъ, преодолевая всякія шаткости и недоумѣнья. Это и выполнилось нѣсколькими даровитыми и остроумными писателями, часто собиравшимися у *Шавля Гольбаха*, богатаго и гостепріимнаго барона изъ Шфальца, который въ Парижѣ сдѣлался совершеннымъ Французомъ; Руссо и др. съ ироническимъ презрѣніемъ обзывали эти собранія „Гольбаховскимъ клубомъ“. Самымъ важнымъ твореніемъ, какъ бы программою и знаменемъ этой матеріалистической философіи, была „Система природы“, проникшая сначала въ свѣтъ подъ чужимъ именемъ, но настоящимъ авторомъ которой былъ самъ Гольбахъ. Противъ этой замѣчательной книги не только возстали духовенство и парламентъ, но возникло даже сильное негодованіе во многихъ кругахъ образованнаго міра. Первая ея часть трактуетъ о природѣ, о душѣ и нравѣ, имѣя въ виду доказать во второй, что предполагаемая видъ природы существа ничто иное какъ созданія нашего воображенія, что всѣ доводы касательно бытія Бога несостоятельны, что источникъ религіи заключается лишь въ чувствѣ зависимости отъ стихійныхъ силъ и въ страхѣ передъ ними. Природа вѣковѣчна; безконечною цѣлью причинъ и дѣйствій она поддерживается въ вѣчномъ движеніи, въ постоянномъ кругоборотѣ зарожденія и смѣны, возникающаго и прехожденія единичныхъ частицъ вещества. Самъ человѣкъ съ его чувствованіями, думами и поступками ничто иное какъ продуктъ и осадокъ такихъ движущихся и движениемъ связанныхъ другъ съ другомъ матеріальныхъ частицъ. Всѣ эти движенія, эти вѣчныя сочетанія и разбѣденія сущихъ формъ воспослѣдовали съ необходимостью по вѣчнымъ законамъ безъ всякихъ неправильностей и чудесъ. Душа ничто иное какъ свойство матеріи и подлежитъ всѣмъ ощущеніямъ тѣла, также и смерти. Мозгъ — это средоточіе, въ которомъ сходятся всѣ нервы, т. е. всѣ органы такъ называемой душевной дѣятельности. Правственность человѣка зависитъ не отъ самоволея, не отъ свободной воли, а обуславливается темпераментомъ, воспитаніемъ, привычками и превратностями судьбы; себлюбіе, стремленіе къ счастью и самосохраненіе — вотъ чѣмъ главнѣйше побуждаются всѣ поступки, а въ сочетаніи этого побужденія съ общественною пользою и заключается мѣрило правственности и добродѣтели; согласно съ правиломъ, не причиняй другимъ того, чего не желаешь для самого себя, человѣкъ обязанъ быть добрымъ, такъ какъ отъ этого зависитъ его личное счастье; итакъ, добродѣтель, нравственность, челоѣколюбіе становятся обязательными уже вслѣдствіе собственнаго счастья

Гольбахъ.
1728—1789.

и благоденствія. Преступники тоже дѣйствуютъ лишь по естественному побужденію; на нихъ и слѣдовало бы смотрѣть какъ на помѣшанныхъ, и правительству обязано сдѣлать ихъ безвредными. Этика Гольбаха строга и чиста, заявляетъ Ланге, хотя онъ не идетъ далѣе понятія о блаженствѣ. Ей не достаетъ только искренности и поэтическаго духа, оживляющаго Эпикурово ученіе о гармоніи душевной жизни; за то она сильно стремится преодолѣть точку зрѣнія личности и утвердить добродѣтели съ точки зрѣнія государства и общества.

Общее вниманіе, возбужденное этою книгою во всемъ образованномъ свѣтѣ, имѣло слѣдствіемъ, что тѣ же самыя пачала еще рѣзче излагались въ другихъ болѣе популярныхъ сочиненіяхъ и распространялись частью самимъ Гольбахомъ, частью его единомысленниками, въ родѣ *Нежсона*, а нѣкоторыми также анонимно. Объ одной изъ такихъ книгъ Гриммъ, который самъ находился въ связи съ философскимъ кружкомъ Гольбаха, говоритъ, „что она прилаживаетъ атензмъ для гризетокъ и парикмахеровъ“. Ученіе, которое не признавало ни Бога, ни безсмертія души, постановило своекорыстіе и себлюбіе главнымъ побужденіемъ человѣческихъ дѣйствій, а чувственное довольство и земное блаженство — цѣлью жизни, угрожало нравственности, морали и чувству долга. Высшее общество не только во Франціи, но и во всей Европѣ все-таки удивлялось уму и бойкимъ остроуміямъ этихъ философскихъ писателей; книги ихъ пользовались сильнымъ сочувствіемъ; ихъ принципы проникали въ болѣе обширные круги; любопытство, желаніе блеснуть, пристрастіе къ запретному плоду еще сильнѣе подстрекали къ чтенію этихъ сочиненій; понемногу весь образованный міръ сталъ поклоняться литературной оппозиціи, философскому прогрессу. Не удивительно поэтому, что все разлагающія и все разрушающія сочиненія разрослись словно плелевы, что соблазняющія мысли выступали все смѣлѣе. Мало тому было въ томъ, что духовенство, суды и правительество вступились за притѣсняемыя религіи и нравоученіе, что они подвергали сочиненія и ихъ авторовъ суду, запретамъ и арестамъ: благодаря вліянію общественнаго мнѣнія, бѣгствамъ за границу, защитѣ великихъ міра сего, правосудіе оказалось безсильнымъ. Известно, что въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ Нидерландская республика открыла всѣмъ вольнодумцамъ безопасное убѣжище, откуда отрицательныя и оппозиціонныя сочиненія пробирались въ самую Францію; извѣстно также, съ какою благосклонностью Фридрихъ II. относился ко всѣмъ французскимъ писателямъ и какъ охотно онъ позволялъ гонимымъ и бѣжавшимъ жить въ своемъ государствѣ. Овъ вызвалъ къ себѣ маркиза *д'Аржанъ*, отъ котораго отеклась семья за его безпутную, безшабашную жизнь, который, унавъ съ лошади, не способенъ былъ нести военную службу, и повятивъ себя въ Голландіи литературѣ въ духѣ Вольтера и Монтескьё. Король еще кронпринцемъ пригласилъ къ себѣ угнетаемаго духовенствомъ маркиза; по вслѣдствію своего чрезвычайнаго роста *д'Аржанъ* опасался при королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ I. показаться въ Пруссіи. Лишь по смерти его овъ прибылъ въ Потсдамъ и былъ произведенъ своимъ покровителемъ въ камергеры и директоры художествъ при Академіи. Въ рядѣ сочиненій, названныхъ по прилѣфу Монтескьё „еврейскими“, „китайскими“, „кабалистическими“ письмами, *д'Аржанъ* ироніей и сатирой поборалъ традиціонныя понятія и существующую систему, потому овъ въ связи изложилъ свои взгляды подъ заглавіемъ „Философія здороваго челоѣческаго ума“ и какъ авторъ романовъ и мемуаровъ составилъ себѣ имя въ литературномъ мірѣ. Собравъ изъ древнѣйшей греческой литературы оружія для опроверженія христіанства, овъ, находясь въ Германіи, сталъ сподобникомъ ратовавшей

Литературная оппозиція и берлинскіе французы.

д'Аржанъ.
1704—1771.

противъ церкви когорты своей родины. Онъ перевелъ сомнительныя сочиненію Опелла Лукана „О сущности вселенной и вѣковѣчности матеріи“ и Тимея изъ Локръ „О мировой душѣ“, также рѣчь императора Юліана противъ христіанъ. Д'Аржанъ попалъ ко двору Фридриха по рекомендаціи Вольтера, а медикъ и философъ *Ламеттри*—по ходатайству Мопертюи. Въ качествѣ полковаго врача герцога Грамона Ламеттри, заболѣвъ во время осады Фрейбурга, сдѣлалъ замѣчаніе, что духовныя силы истощаются за одно съ тѣлесными. Написанный имъ на основаніи этого наблюденія трактатъ „Естественная исторія души“, точно также и снабженное всѣми риторическими красотами сочиненіе „Человѣкъ машина“ отмѣчены были отпечаткомъ через-чуръ явнаго материализма и атеизма, такъ что авторъ считалъ за лучшее бѣжать въ Голландію, лишь бы спастись отъ преслѣдованья. Однако и Голландцы также соблазнялись ученіемъ, по которому одно только незваніе естественныхъ силъ повело къ идеѣ о Богѣ, — по которому миръ никогда не будетъ счастливымъ, если не будетъ атеистическимъ,—по которому Ламеттри самый нагой эгоизмъ легкомысленно выставилъ нравственнымъ закономъ: по немъ дѣлъ жизни состоитъ въ удовлетвореніи чувственности; а истинное правоученіе—въ „искусствѣ наслаждаться“: добродѣтель и честность отнюдь не способствуютъ ко благу жизни. Онъ только въ средѣ сильныхъ умовъ въ Берлинѣ и Потсдамѣ могъ прожить безъ опасности. Знаменательно, что этотъ человѣкъ, котораго едва ли впрочемъ можно было упрекнуть въ его образѣ жизни, погибъ жертвою своей невоздержности и своего безумія. Онъ умеръ отъ индигестіи, когда, „желая похвастать своею способностью наслаждаться“, съѣлъ цѣлый паштетъ съ трюфелями. Фридрихъ II заставилъ въ Берлинской академіи прочесть имъ самимъ сочиненное похвальное слово на провозвѣстника самаго грубаго эвдемонизма, который, какъ доказывается въ трактатѣ „О счастіи“, сводится къ „ученію о слаголюбіи“.

Гельвецій. Помимо „Системы природы“ изъ философскихъ сочиненій материалистическаго направленія самое сильное вниманіе обратила на себя книга „О духѣ“, которую, послѣ нѣсколькихъ авторскихъ опытовъ въ родѣ Вольтера и Монтескье, въ 1758 году издалъ богатый, образованный и суетный *Клодъ Адриенъ Гельвецій*. Она въ короткій срокъ вышла пятнадцатымъ изданіемъ и переводилась почти на всѣ европейскія языки. Эта книга пользовалась такимъ успѣхомъ не столько вслѣдствіе своего содержанія, въ которомъ повторялись лишь изложенные нами материалистическіе выводы, а скорѣе благодаря тому, что она написана высокопоставленнымъ знатнымъ господиномъ, всѣмъ извѣстнымъ своею честностью, благотворительностью и гуманностью, и тому еще, что преслѣдовалась всѣмъ почти духовенствомъ, иезуитами и янсенистами, а также и парламентомъ. Гельвецій провелъ затѣмъ нѣсколько лѣтъ въ Англіи и у Фридриха II въ Потсдамѣ. Другая его книга: „О человѣкѣ, объ его интеллектуальныхъ свойствахъ и воспитаніи“, вышла лишь по смерти автора. Какимъ бы нападкамы ни подвергались обѣ книги, однако всѣ восхваляли характеръ и образъ жизни автора. Руссо обратился къ нему со словами: „Твой умъ свидѣтельствуетъ противъ твоихъ принциповъ, твое благодѣтельное сердце отвергаетъ твое ученіе“.

Бюффонъ. Къ материалистамъ-философамъ можно, пожалуй, причислить еще автора 1707—1788. „Катехизиса правоучешя“, *Ламберта*, счастливаго соперника Вольтера у маркизы дю-Шатле и Руссо у графини д'Удето; но вообще, всѣ они въ ихъ метафизическихъ системахъ пользовались крайне скудными естественно-научными знаніями. Повитно поэтому, что Бюффонъ, сомнаясь даже въ основныхъ возрѣнїяхъ съ материалистами, но стремясь къ истинной наукѣ и къ реальному знанію естественныхъ предметовъ, уклонился отъ подобныхъ имъ тенденцій и выводовъ. *Жоржъ Луи Лекеркь графъ Бюффонъ* изъ

Бургундіи, о научномъ значеніи котораго упомянемъ еще въ другомъ мѣстѣ, въ обширномъ естественно-историческомъ произведеніи предметомъ своего изложенія и описанія избралъ совокупную жизнь природы и возсоздалъ естественную исторію на твердой великолѣпной основѣ. Въ „Эпохахъ природы“ и онъ также считаетъ стихійныя силы высшею мощью во вселенной; „однако это материалистическое основное возрѣніе никогда не проявляется у него протетомъ и оспоромъ. Оно служитъ ему только подтвержденіемъ несокрушимой вѣчности и красоты природы и внутренняго, постоянно развивающагося, ни какою произволомъ, ни скачками ненарушаемаго порядка и устава ея“.

III. Успѣхи въ области политической экономіи ¹⁾.

Въ эту столь живую въ умственномъ отношеніи эпоху, когда изслѣдовались и испытывались всѣ стороны человѣческаго бытія, когда поборались и разрушались всѣ историческія и традиціонныя возрѣнія и доктрины, когда новыя системы и реформы покушались вытѣснить все унаслѣдованное и обычное, положеніе было также знаменательный починъ развитію новой науки о „политической экономіи“; впоследствии въ ней стали отличать три отдѣльныя ученія: народное хозяйство, теорію финансовъ и политическую экономію въ тѣсномъ смыслѣ.

Отдѣльныя экономическія явленія въ средѣ людей, образовавшихъ общество и государства, въ родѣ „раздѣленія труда“, денегъ, стоимости или цѣны предметовъ и т. п., изслѣдовались отрывочно уже древнеэллинскими и древнеримскими мудрецами, Ксенофонтомъ и Аристотелемъ; въ поэтической государственной мудрости Платонъ создалъ и установилъ идеальное государственное зданіе, своеобразная форма экономическихъ учреждений занимаетъ такую роль, что это государство слѣдуетъ считать „коммунистическою“ общинною системою. Древнеримскіе юристы также зачастую приходилось прибѣгать къ экономическимъ изслѣдованьямъ, въ особенности по поводу вопросовъ облигаціоннаго права. Но древнее умственное образованіе вообще не выходило за предѣлы такого рода единичныхъ изслѣдованій. При этомъ слѣдуетъ еще напомнить о двухъ экономическихъ крайне важныхъ правилахъ древнеклассической политики, въ силу которыхъ интересы особи должны всецѣло подчиняться интересамъ и требованьямъ всего государства, а слѣдовательно экономическіе вопросы — политическимъ. Съ этимъ согласуется также теоретическое оправданіе рабства у Аристотеля: экономическій трудъ невольниковъ необходимъ, для того чтобы его дѣятельности для общественной жизни. А различныя стадіи въ такомъ важномъ законоположеніи, какъ напримѣръ, о долговомъ уставѣ и о раздѣлѣ государственныхъ земель, также нельзя отнести къ различнымъ взглядамъ на экономическое свойство займа и т. п.: тутъ дѣло рѣшалось скорѣе въ силу преобладанія той или другой партіи въ государствѣ и въ силу политическихъ соображеній.

¹⁾ Составлено специалистомъ.

Народно-хозяйственной государственной жизни.

Въ среднѣ вѣка. Возникшія затѣмъ съ наступленіемъ средневѣковья своеобразныя условія въ экономическомъ бытіи народовъ основывались на началахъ, почти противоположныхъ сказаннымъ античнымъ воззрѣніямъ на государство и особь. Германцы прежде всего вступились, какъ привыкли теперь выражаться, за „индивидуализмъ“ и за „ограниченіе правительственной власти“. Въ средѣ отдѣльныхъ хозяйствъ, особей или товариществъ и корпорацій хозяйство владѣтельнаго князя считалось лишь самою обширною частію экономіею съ доходами съ казенныхъ имѣній („удѣлы“). А съ другой стороны всякаго рода занятія научными изслѣдованьями и званіями долгое время предоставлялось монахамъ и вообще членамъ духовнаго званія. Такимъ-то образомъ и объясняется тотъ фактъ, что—помимо повтореній выводовъ Аристотеля, особенно Томою Аквинскимъ—въ средневѣковье разбирался собственно одинъ только экономически-научный спорный вопросъ, за то однако чрезвычайно обстоятельно и широко: а именно, о допущеніи и о правѣ роста за ссуду. По римскому праву, какъ то было окончательно утверждено Юстинианомъ и передано потомству, закономъ установилась правда, наивысшая величина роста, и онъ не только допускался, но даже охранялся. Средневѣковая церковь, напротивъ того (послѣ Никейскаго собора 325 и до Віеспскаго 1311), съ возрастающею строгостію преслѣдовала ростъ за ссуду и наконецъ наложила на него даже самыя тяжкія эпитиміи. Она добилась, чтобы и свѣтскія власти также всѣмъ христіанамъ запретили ростъ и наказывали за него, тогда какъ евреймъ разрешалось взимать проценты, „ибо про жидовъ каноны не писаны“. Нѣкоторые каноническіе писатели, впрочемъ, пытались оправдать этотъ религіозными доводами поддерживаемый запретъ также экономическими свойствами ссуды и въ особенности развивали разсматриваемый уже Аристотелемъ и древнеримскими юристами вопросъ о сущности и пользѣ денегъ.

Измѣнившіяся условия. Основы для первоначальнаго развитія новаго народнаго и государственнаго хозяйства, напротивъ того, совершенно измѣнились. Владѣтельные князья достигли почти неограниченной державной власти, въ отношеніе къ которой всякая особь и всякій кружокъ личностей причислялись къ „подданнымъ“. Эти князья нуждались въ деньгахъ, въ громадныхъ капиталахъ для новыхъ постоянныхъ армій, для нескончаемыхъ военныхъ распей, для новаго придворнаго штата и т. п. На все это далеко не хватало доходовъ съ государственныхъ имуществъ и ленныхъ поборовъ, а подати до тѣхъ поръ собирались лишь для временныхъ исключительныхъ нуждъ, и то въ ограниченныхъ лишь размѣрахъ путемъ переговоровъ съ неподатливыми представителями сословныхъ правъ. Такимъ образомъ при помощи „фискальной дворцовой юриспруденціи“ для новыхъ правительственныхъ властей развилась особая обширная область доходовъ, которой придали названіе „регалій“. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе въ особенности на тѣ „регаліи“ или коронныя монополіи, въ силу которыхъ правительства пользовались исключительнымъ правомъ располагать извѣстными экономическими отраслями производства, такъ что они поручали эти дѣла своимъ чиновникамъ или предоставляли ихъ за особое вознагражденіе отдѣльнымъ частнымъ лицамъ. Наибольшая лишь часть этихъ регалій существовала уже ископни и поддерживалась особымъ постановленіемъ (захватомъ собственно вѣдомочныхъ имѣній): горныя, водныя и охотничьи регаліи. Правительство задало, однако, притязанія еще на разныя другія отрасли производства, между прочимъ въ особенности на мануфактурную промышленность и на оптовую торговлю со включеніемъ заморской; дѣло въ томъ, что средневѣковыми экономическими учрежденіями „промышленное право“, за исключеніемъ сельскаго и лѣснаго хозяйства, обезпечивалось только для уряжен-

ныхъ городскихъ цеховыми уставами промысловъ, а эти цеховые уставы не имѣли еще никакого понятія о многихъ новыхъ ремеслахъ и большихъ фабричныхъ производствахъ. Хотя правительство съ своей стороны имѣло въ виду лишь фискальную цѣль, съ тѣмъ чтобы добиться новыхъ доходовъ, однако многіе изъ привилегированныхъ промышленныхъ производствъ, технически хорошо управляемыхъ и снабжаемыхъ значительными капиталами, достигли высокаго расцвѣта, такъ что правительствамъ во всякомъ случаѣ открылось притомъ еще новое политикоэкономическое правило. И въ самомъ дѣлѣ, они могли оказать матеріальную поддержку также и непривилегированнымъ промышленнымъ производствамъ частныхъ предпринимателей, технически повліять на нихъ полицейскими предписаніями и, благодаря широко развитой промышленности, воспользоваться для государственной казны болѣе обильными податями.

Вотъ тутъ-то и обнаруживается національно-политическая черта въ народной жизни послѣ среднихъ вѣковъ, когда фискальное право неограниченныхъ правительствъ сталкивается съ первыми попытками политикоэкономической теоріи. По мѣрѣ того, какъ утрачивалось значеніе внутреннихъ разграниченій между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, между однимъ городомъ и другимъ, между тою и другою областью, возвысилось значеніе интернациональныхъ рубежей и сообщности подданныхъ одного государства. Въ то же время сильно возрасла экономическая роль серебряной и золотой монеты; отсюда не оттого только, что правительства ревностно добивались значительныхъ денежныхъ доходовъ, но скорѣе оттого, что въ измѣнившемся народно-хозяйственномъ производствѣ стали болѣе пользоваться деньгами какъ средствомъ обмѣна и уплаты, также съ цѣлью накопленія капиталовъ. А это золото и серебро въ изобиліи и добывалось въ „Новомъ Свѣтѣ“, въ Америкѣ, тогда какъ въ туземныхъ европейскихъ рудникахъ вообще не оказалось этого металла, развѣ въ скудномъ лишь количествѣ.

При такихъ-то условіяхъ мало-по-малу, по одновременно въ разныхъ странахъ обнаружился рядъ съ одной стороны экономическихъ теорій, а съ другой—административныхъ мѣропріятій правительствъ; вслѣдствіе большой роли, какую занимаетъ при этомъ заграничная торговля, самымъ теоріямъ и придано названіе „меркантилизмъ“. Перешедшія изъ средневѣковья цеховые тормазы и преграды труда и торговли внутри государства и между его подданными оказались негодными и вредными, тѣмъ еще болѣе, что сдѣлавшіяся противъ заграничной населеніемъ стала развиваться прибыльная промышленная производительность; для этого правительству надлежало взять на себя руководство, оказывать помощь, въ случаѣ нужды основать образцовыя заведенія, и по безразсудству и распущенности подданныхъ прибѣгать даже и къ поудительнымъ мѣрамъ. Международныя сношенія подчинились правилу, что существуютъ такіе интересы національнаго производства и богатства, которымъ слѣдуетъ способствовать „выгодными“ сношеніями съ заграничьею въ ущербъ постыдней. За деньги,—говорили тогда,—можно все купить, а гдѣ много денегъ въ обращеніи, тамъ для всѣхъ открывается хорошій заработокъ. Если два торговыхъ дома, доставляя другъ другу товаръ, подъ конецъ года сводятъ свои счета, то обладающій болѣе выгоднымъ балансомъ получаетъ въ уплату деньги за избытокъ цѣнностей. Поэтому и надлежитъ пещься о томъ, чтобы нація въ сношеніи съ другою націей добилась выгоднаго баланса и получила по возможности болѣе денегъ за избытокъ вывезенныхъ цѣнностей. Эта цѣль достигается, если вывозятся товары, въ цѣнѣ которыхъ (выплачиваемой заграничьею) содержится много платы за туземный трудъ, тогда какъ по-

Политическая экономія вслѣдствіе открытія Нового Свѣта.

Меркантильная система.

добного рода издѣля для мѣстнаго потребленія изготовляются въ своей же странѣ. Такимъ образомъ на правительство возлагается народно-хозяйственная обязанность, тщательнымъ наблюдениемъ за международнымъ товарнымъ балансомъ и движениемъ серебряной и золотой монеты споспѣшествовать возникновенію и расцвѣту вывозной промышленности и противодействовать такому рода ввозу изъ заграницы. Главными средствами для этого служатъ покровительственная система и „охранительныя пошлины“ (со включеніемъ премій за вывозъ) на границѣ; они въ частности обуславливаются слѣдующими указаціями: „по возможности больше вывоза, по возможности меньше ввоза фабричныхъ издѣлій, безпрепятственный ввозъ, но по возможности меньше вывоза сырыхъ и всякихъ вспомога-тельныхъ для фабричнаго производства продуктовъ!“ Последнее правило касалось тоже сыѣстныхъ припасовъ. Если туземный земледѣлецъ, продавая мѣстнымъ жителямъ, получалъ болѣе скудную плату, то онъ лично былъ, конечно, въ ущербъ, за то для страны это было выгодно, такъ какъ при низкихъ цѣнахъ на сыѣстные припасы фабрикантъ меньше платилъ за работу и поэтому скорѣе могъ вывозить за границу. Потомъ само по себѣ считалось еще полезнымъ покровительствовать особенно внутренней горной промышленности по части драгоцѣнныхъ металловъ, пренятствовать по возможности вывозу денегъ и приобретать заморскія колоніи для безпрепятственнаго производства прибыльной торговли.

Изъ прежнихъ меркантильныхъ теоретиковъ приводимъ слѣдующихъ: Итальянецъ А. Серра (Breve trattato delle cause, che possono far abbondare i regni d'oro e d'argento, dove non sono miniere, 1613); Англичанинъ Т. Мѣль (Englands treasure by foreign trade, 1664); Нѣмцы: Борницъ (De nummis in republica percutiendis et conservandis, 1608), Клокъ (De acrio, 1651) и Шредеръ (Die fürstliche Schatz- und Rentkammer, 1686); Французъ: Монхретьенъ (Traité d'économie politique, 1615 — въ прежнемъ значеніи этого слова) и Мелонъ (Essai politique sur le commerce, 1735). Впрочемъ «періодъ меркантилистовъ» — начиная съ второй половины шестнадцатаго и до второй—восемнадцатаго столѣтія—надо считать пременель, когда разсматривались вопросы, касавшіеся меркантильныхъ теорій. Въ особенности весьма распространенное ложное мнѣніе о деньгахъ и объ ихъ международной функціи, также о «торговомъ балансѣ» отнюдь не вездѣ господствовало въ одинакой мѣрѣ; нѣкоторые писатели даже сильно ратовали противъ него. Такъ между прочимъ Итальянецъ Ботеро (Della ragion di stato, 1591), Французъ Буа-Жильберъ (Factum de la France, 1707), Вобанъ (Dîme royale, 1707), Англичанинъ В. Петти (Quantulumcumque concerning money, 1682), Портъ (Discourse upon trade, 1691). Изъ относящейся сюда практики государственныхъ мужей того времени укажемъ еще въ особенности на промышленный уставъ Кольбера (съ 1661 *contrôleur général des finances* при Людовикѣ XIV), на навигаціонный актъ. Кромвеля и на обширныя восточно- и западно-индійскія торговыя компаніи.

Физиократическая школа. Въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія во Франціи возсталъ сильная и весьма распространенная реакція противъ меркантильной теоріи и практики. Полновластное правительство въ этомъ государствѣ въ самомъ строгомъ видѣ проводило какъ положительныя, такъ и отрицательныя требованія меркантилизма. Тогда возронтали не только жестоко угнетаемые крестьяне, но возстали также ремесленники и торговцы, сильно жалуйсь на непріязнующую и пагубную правительственную опеку. Это народное настроеніе освящалось наукою, благодаря теоріи новой политико-экономической школы: укрьпляясь сама собою и подкрьпляемая, она соединилась противъ всей существующей правительственной системы съ тѣми теченіями, которыя отличались скорѣе конституціоннымъ и во-

обще политическимъ характеромъ. Эта политико-экономическая школа сущность своего ученія прозвала физиократіей, что означаетъ: господство „естественнаго порядка вещей“ (*ordre naturel des choses*), которое съ этой поры имѣетъ быть признано вмѣсто существовавшихъ доселѣ заблужденій и несообразностей. Основателемъ этой теоріи былъ Франсуа Кене, лейбъ-медикъ Людовика XV (*Tableau économique et Maximes générales du gouvernement économique, Versailles 1758*), къ которому потомъ присоединились еще Дюпонъ (авторъ „*Physiocratie, ou constitution naturelle du gouvernement le plus avantageux au genre humain, 1768*“), Мирабо (отецъ), Мерсье де ла Ривьеръ, ле Тронъ и др. По ученію физиократовъ (или „экономистовъ“, какъ называли ихъ въ противоположность прежнимъ „финансистамъ“), необходимыя и полезныя для людей предметы составляютъ такіе продукты, которые производятся природою и извлекаются изъ земли человеческимъ трудомъ. (*La terre est l'unique source des richesses*—земля единственный источникъ богатства). Количество этихъ изъ года въ годъ вновь получаемыхъ продуктовъ равняется совокупности всѣхъ новыхъ добытковъ народа, и оно не увеличивается ни коммерческими операціями обыкновенныхъ оборотовъ, ни промышленными производствами. Последнимъ, правда, повышается стоимость тѣхъ продуктовъ, но лишь постольку, поскольку на нихъ переносится стоимость, какалъ заключается въ другихъ почвенныхъ произведеніяхъ, которыя потребились производителями во время ихъ дѣятельности. Однимъ только трудомъ при землѣ и въ ней сверхъ возмѣщенія издержекъ получается избытокъ, чистый доходъ („*produit net*“), какъ плодъ естественныхъ силъ; онъ поступаетъ въ пользу землевладѣльца и имѣющаго въ нѣкоторомъ родѣ право на доходъ съ земли. (Зародыши появившейся впоследствии „теоріи земельной ренты“ Рикардо). Согласно съ этимъ слѣдовало бы одно только земледѣльческое населеніе считать собственно „производительнымъ“ классомъ; къ нему затѣмъ приобщено было сословіе землевладѣльцевъ вслѣдствіе первоначальной и плодотворной воздѣлки бывшей нови и вслѣдствіе введенныхъ тѣми же владѣльцами старыхъ и новыхъ усовершенствованій въ почву. (Зародыши ученія о производительности капитала). Этимъ обоимъ классамъ, вмѣстѣ взятымъ, все остальное населеніе противопоставалось какъ „непроизводительные члены“, которыя за свои услуги получаютъ плату изъ чистыхъ доходовъ сельскаго хозяйства. Итакъ, къ непроизводительнымъ классамъ не относились поэтому ни государь съ его удѣлами, ни дворянство съ его помѣстьями, ни церковь съ ея фундами и десятинными сборами. Какъ этимъ, такъ еще нѣкоторыми отдѣльными заявленіями въ угоду „просвѣщеннаго“ самовластиа государей и объясняется бывшая „царедворческая наклонность“ физиократовъ во Франціи. Вообще же это не имѣло большаго значенія при ихъ ученіяхъ, побуждавшихъ къ борьбѣ противъ существовавшихъ политическихъ и социальныхъ условий. Убѣдительно и энергично стѣтуютъ они на нужды низшихъ сословій, на пагубный вообще гнетъ феодальныхъ повинностей и привилегій; отъ искусственныхъ, вышнеею властью поддерживаемыхъ современныхъ условий слѣдуетъ перейти къ простотѣ самаго по себѣ существующаго естественнаго порядка всякихъ отношеній и признать равноправность всѣхъ подданныхъ относительно экономическаго промышленнаго труда. Не обходилось также безъ заявленій рѣшительно космополитическаго духа. И, наконецъ, главное дѣло состояло въ томъ, что физиократы всю вину за понесенныя экономическія невзгоды ввалили на минувшее и на настоящее правительство. Непривилегированнымъ промышленникамъ и всему торговому сословію были весьма пріятны выводы изъ ученія Кене, направленные противъ правительственнаго вмѣшательства въ

экономическим условиям. Они составляли особую группу приверженцев физиократии, а промышленник Гурне, который признавал также и ремесла производительными, оказался их даровитым и энергичным представителем. Эта группа преимущественно и требовала свободы конкуренции (*Liberté de la concurrence*); из уст Гурне и вышло то пресловутое предостережение правительству: „Laissez faire, laissez passer!“, в чем, будто бы, и заключалось единственно верное и целесообразное правило вообще для всей экономической политики правительства. Помимо формулированного в таком виде требования полной и чистой свободы промыслов и торговли другой вывод из физиократического принципа точно также должен был повлечь за собою совокупность доходов финансового управления. А именно, если в странах действительно один только по почве влагаемый труд дает избыток сверх издержек производства, предоставляемый для потребления в край, то в этом только и заключается единственный реальный источник для государственных доходов; из него-то последние на самом деле и черпаются или прямым или косвенным путем. Поэтому, сь кого бы ни взимались налоги, они во всяком случае падают на землевладельцев, а так как всякие инаго рода сборы ведут лишь к бесполезным издержкам, то и следовало бы ввести исключительно один непосредственный поземельный налог. И последний поэтому — заявляли физиократы — послужит как раз также в пользу черт-чуть обремененного досель земледельческого сословия: если оно лишено благосостояния, то и не добьется значительных государственных доходов. („*Pauvre paysan, pauvre ouvrier, pauvre marchand, pauvre roi!*“ — бедный мужик, бедное государство; бедное государство, бедный государь!).

Распространение теории физиократов. Тюрго.

Пока учения физиократов не были вытеснены более обширною теориею, — что, впрочем, скоро и совершилось, — до тех пор у них было много восторженных приверженцев во Франции. Им, без сомнения, и посвящена смена того „социального“ законодательства в первую французскую революцию, благодаря которому устранены были цеховые уставы промышленного производства, феодальные условия крестьянского хозяйства и всякого рода привилегии. Их распространение за границею было незначительно, сравнительно всего сильнее в Германии. В особенности следует упомянуть о высокоодаренном германском князе, о маркграфѣ баденскомъ Карлѣ Фридрихѣ: онъ не только примкнулъ къ физиократамъ въ качествѣ писателя (*Abrégé des princ. de l'écon. pol.* 1772), но велѣлъ еще чрезъ физиократа Шлетвейна сдѣлать опытъ (неудачный), применивъ на самомъ дѣлѣ тѣ практическія требованія въ трехъ смежныхъ другъ съ другомъ селеніяхъ. — Французъ Тюрго въ сущности также придерживался физиократии. Его сочиненіе: *Reflexions sur la formation et la distribution des richesses*, 1766, было самымъ значительнымъ изъ всѣхъ научныхъ произведеній ея послѣдователей и въ некоторыхъ статьяхъ даже опережаетъ ее. Тюрго, не забывавшій среди множества занятыхъ благоденствіемъ міра современниковъ, „что существуютъ политическія государства, отдѣленные другъ отъ друга и различно управляемыя“, былъ вмѣстѣ съ Мальзербомъ назначенъ, въ 1776 году уже, Людовикомъ XVI въ министерство, съ тѣмъ чтобы привести въ порядокъ финансовыя дѣла и преобразовать внутреннее управленіе. Предложенныя министромъ Тюрго реформы, безъ всякаго сомнѣнія, скорѣе могли бы предохранить престолъ отъ пагубной революціи, нежели принятыя впоследствии мѣры Некера. Однако „Богу угодно смиреніе ума“ охватило всѣхъ угрожаемыхъ гибелью: дворянство и духовенство, парламентъ и магистратъ единодушно возстали противъ этихъ реформъ, въ силу которыхъ, между прочимъ, свободные дотошны отъ податей

доходы духовенства и дворянства, вслѣдствіе распространенной по всему краю поземельной повинности, также облагались пошлинами. И слабый король, признавая всѣ эти реформы, согласился все-таки на то, чтобы Тюрго сложилъ съ себя должность. Шестнадцатый Людовикъ лишилъ физиократа королевской поддержки, тогда какъ четырнадцатый — вѣечне долгого времени оказывалъ такую поддержку меркантилисту Кольберу.

Въ тотъ самый годъ, когда Тюрго былъ министромъ во Франціи—1776— Адамъ Смитъ. въ Лондонѣ появилось твореніе Адама Смита: *An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations*. Объ этой книгѣ о причинахъ благосостоянія (или богатства) народовъ всегда будутъ упоминать въ тѣхъ случаяхъ, когда придется сопоставлять между собою сочиненія всѣхъ странъ и вѣковъ, сильнѣе и шире всего повліявшія на общественную жизнь людей.

Адамъ Смитъ родился 5. июня 1723 въ Киркальди, что въ Шотландіи, гдѣ отецъ его былъ таможеннымъ контролеромъ. Отецъ умеръ прежде рожденія сына; трехлѣтняго мальчика похитила шайка цыганъ; но дядя его матери успѣлъ вернуть его. Окончивъ съ большимъ успѣхомъ ученіе въ элементарной и средней школахъ, Смитъ въ Глазго поступилъ въ университетъ, гдѣ ревностно изучалъ философію у Ретчисона. Онъ отказался отъ избраннаго имъ сначала духовнаго званія, но продолжалъ научныя занятія въ Оксфордѣ и 1848 поступилъ доцентомъ въ Единбургъ. Тутъ Смитъ подружился съ Давидомъ Юмомъ и поддерживалъ знакомство съ купцами, которые помогали свободѣ торговыхъ сношеній. Съ 1751 Смитъ въ Глазго съ большимъ успѣхомъ читалъ въ университетѣ лекціи сперва логики, а съ 1752 и до 1763 „нравственной философіи“. Тутъ онъ издалъ свое первое знаменитое сочиненіе, *Теорію нравственныхъ чувствъ* (*Theory of moral Sentiments*), 1759. Въ немъ изслѣдуется нравственное значеніе всего совершающагося въ человѣческомъ обществѣ и нравственныя побужденія людей сводятся къ благоволенію, къ „симпатіи“, которая признается общественною склонностью, влеченіемъ людей къ сообществу съ ближними. Смитъ и тогда уже помимо этой этики имѣлъ въ виду „въ другомъ отдѣлѣ дать отчетъ о всеобщихъ принципахъ законодательства и образа правленія, о переворотахъ, каковыя они подвергались въ разныя эпохи и на разныхъ общественныхъ ступеняхъ, не только относительно права, но также касательно внутренней политики, полиціи, общественного дохода, военной системы и вообще всего, что входитъ въ составъ законодательства“. Онъ самъ въ предисловіи къ своей *Теоріи*, 6 изданіе, 1790, заявляетъ, что это обѣщаніе имъ отчасти исполнено въ „Исслѣдованіи о богатствѣ народовъ“, но крайней мѣрѣ въ отношеніи внутренней политики, общественного дохода и военной системы. Однако прежняя „Теорія“ и позднѣйшее „Исслѣдованіе“ отнюдь не такъ тѣсно связаны и не такъ согласны между собою, какъ бы следовало ожидать по этому: всесвѣтная слава „Исслѣдованія“ Смита основана отнюдь не на политическихъ разъясненіяхъ права, общественного обученія, военной системы, публичныхъ построекъ и финансовъ, а на экономическихъ изысканіяхъ. Въ 1763 году Смитъ, сопровождалъ герцога Беклефа, совершилъ путешествіе по Итали и Франціи и прожилъ довольно долго въ Парижѣ; здѣсь онъ вступилъ въ интимныя сношенія съ Кене, Дюрономъ и Тюрго и посѣщалъ даже лекціи перваго. Въ 1766 году Смитъ вернулся во своен и занялъ единственно жмзпью съ своею искреннею любимою матерью въ Киркальди. По выходѣ его „Исслѣдованія“ онъ и въ Лондонѣ также поддерживалъ сношенія съ передовыми соотечественниками своими, съ Беркомъ, Гиббономъ и др. Съ 1778 года и до своей смерти, 1790, онъ былъ главнымъ таможеннымъ комиссаромъ въ Единбургѣ.

Его жизнь.

Значение его книги „О богатстве наций“.

Адам Смит очень многим одолжен хорошо знакомым ему французским физиократам, а именно Кене и Тюрго, также некоторым предшественникам в Англии, Локке, Нортю, Стюарту, Юму. При всем том его книга не только по многим новым и исправленным статьям, но также по научному цѣльному изложению представляет такое оригинальное произведение, что в настоящее время необходимо противопоставлять друг другу политико-экономическую литературу до и послѣ Адама Смита. Смит осуждает всякое одностороннее признание производительности как относительно промышленности, так и земледѣлія. Онъ признаетъ частью три фактора производства совмѣстно: землю, трудъ и капиталъ (съ подробными новыми поясненіями послѣдняго), частью человѣческой трудъ, какъ общій факторъ производства, въ томъ видѣ какъ онъ проявляется индустриальнымъ трудомъ въ горной промышленности и земледѣліи, въ ремеслахъ и торговлѣ реальными предметами (оттого и названіе „индустриальная система“). Начиная свое сочиненіе съ удивившаго всѣхъ объясненія „раздѣленія труда“, онъ, конечно, связалъ это съ описаніемъ дѣйствительно введеннаго тогда раздѣленія работъ на шпальной фабрикѣ; а вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ также причины, почему такое раздѣленіе труда въ земледѣліи примѣнимо лишь въ ограниченной мѣрѣ. Послѣдовательно опровергая своихъ предшественниковъ, вступавшихъ за интересы то одного, то другаго класса производителей, Смитъ средоточіемъ своихъ соображеній поставилъ интересъ потребителей, который всегда и по всѣмъ направленіямъ однородно слагаясь, имѣетъ въ виду добитья по возможности дробнаго и дешеваго товара на рынкѣ. Этотъ интересъ потребителей достигается *свободною конкуренціею* всѣхъ производителей и продавцовъ внутри страны, причемъ однако необходимо открыть также свободный доступъ соперничеству иноземныхъ производителей и продавцовъ въ самихъ по себѣ менѣе важныхъ международныхъ сношеніяхъ. Смитъ возставалъ противъ перешедшихъ изъ средневѣковыхъ цеховыхъ уставовъ и другихъ ограниченій, точно также и противъ современнаго вмѣшательства правительствъ въ естественный строй экономической жизни. Каждый человѣкъ исполненъ и руководится инстинктомъ личнаго интереса, *Self-interest*; всякая особь при естественной ея способности сама лучше всего сознаетъ собственную выгоду и достигаетъ ея, лишь бы правительство исполняло главную свою обязанность, охраняя личную свободу и собственность (*liberty and property*). Если каждый будетъ радѣть о своемъ личномъ интересѣ, то этимъ въ то же время будетъ, конечно, способствовать общему благу. Далѣе Смитъ (въ связи съ тѣми тремя факторами производства) излагаетъ учене о раздѣленіи доходовъ; согласно съ этимъ въ раздѣлѣ первоначальнаго дохода участвуютъ землевладѣльцы, капиталисты вмѣстѣ съ хозяевами промысловъ и рабочіе (земельная рента, ростъ съ капитала, задѣльная плата). Доходъ остальныхъ людей считается какъ бы производнымъ: они получаютъ плату за услуги, которыя, правда, необходимы, но въ экономическомъ отношеніи непроизводительны. Цѣна товара въ свободномъ обращеніи слагается изъ составныхъ частей за земельную ренту, за ростъ съ капитала и заработную плату; отсюда объясняется также связь высоты и измѣчивости товарныхъ цѣнъ съ состояніемъ и движеніемъ тѣхъ трехъ доходныхъ отраслей. Изложенію пошлины Смитъ также предпосылаетъ слѣдующее объясненіе: „такъ какъ доходъ каждаго лица первоначально всегда происходитъ или отъ земельной ренты или отъ роста съ капитала или отъ заработной платы, то и всякая пошлина въ концѣ концовъ должна уплачиваться тѣмъ или другимъ изъ этихъ трехъ родовъ дохода или всѣми вмѣстѣ.“

Твореніе Смита, которое обнимаетъ всю область политической экономіи, нельзя, конечно, считать учебникомъ въ извѣстномъ смыслѣ слова; оно лишено даже хорошихъ свойствъ такого учебника, а именно систематическаго распредѣленія цѣлага и неопровержимаго согласія всѣхъ частей. За то оно увлекаетъ читателя своимъ, обильнымъ мыслями, всегда свѣжимъ изложеніемъ даже самыхъ трудныхъ вопросовъ и кстаті приводимыми историческими очерками по поводу благородныхъ металловъ, задѣльной платы, коммерческихъ компаній и т. п. Благодаря притомъ заявленному теплomu сочувствію свободѣ личности и праву на трудъ, разъясненія многихъ несправедливыхъ стѣпеній личной свободы въ (тогдашней) экономической жизни и теперь даже не утратили своей силы, тѣмъ болѣе, что авторъ сдѣлалъ ихъ главнымъ предметомъ своихъ изслѣдованій. Во всякомъ случаѣ, однако, Смитъ своимъ громаднымъ успѣхомъ въ современномъ ему и въ слѣдующемъ затѣмъ поколѣніи одолженъ частью тому обстоятельству, что въ нѣкоторыхъ важныхъ основныхъ вопросахъ онъ раздѣлялъ великія заблужденія своей эпохи. Въ виду фискальнаго и самовластнаго способа управленія въ „полицейскомъ государствѣ“ восемнадцатаго столѣтія онъ въ особенности также лишенъ былъ почти всякой идеи о государствѣ вообще и о политико-экономической дѣятельности правительственной власти о-бокъ съ частными лицами; всѣ его надежды въ будущемъ возлагались на свободу личности и общественныхъ сношеній, хотя, впрочемъ, онъ подробно излагаетъ экономическую политику правительства самаго по себѣ. Всякія не для реальныхъ предметовъ оказанныя услуги по немъ непроизводительны въ экономическомъ смыслѣ. Сверхъ того А. Смитъ какъ въ индивидуальной дѣятельности, такъ и въ общественной жизни людей ошибочно подозрѣвалъ закономъ обусловленные явленія даже тамъ, гдѣ намъ представляются лишь измѣчивые образы историческаго развитія и подлежащіе усовершенствованію продукты этическихъ и политическихъ двигателей. Вѣдь ему не суждено было видѣть дальнѣйшее развитіе экономической жизни въ возникшемъ впоследствии „законоустановномъ государствѣ“: во всякомъ случаѣ, высокое значеніе этого литературнаго произведенія достаточно подтверждается уже тѣмъ, что А. Смитъ сталъ либо благодарно уважаемымъ, либо сильно побораемымъ наставникомъ для многихъ слѣдующихъ за нимъ теоретиковъ, которые постоянно стараются установить свою точку зрѣнія, объясняя свое положеніе относительно Адама Смита.

IV. Практическія дѣйствія идей просвѣщенія.

Изъ вышеприведенныхъ очерковъ и указаній слѣдуетъ, что дѣйствительность и умственный міръ въ кружкахъ состоявшихъ подъ господствомъ французской литературы и философіи были отдѣлены другъ отъ друга непреодолимою пропастью: существовавшія учрежденія и условия, порядки и обычаи считались грудою и скопленіемъ отжившихъ инстинктовъ, формъ и возрѣвій, которые слѣдовало замѣнить созданіями разума, рациональнаго мышленія, здраваго человѣческаго смысла. Два міра, реальный и идеальный стояли другъ противъ друга какъ враждебныя противоположности безъ всякаго посредничества: вожаки

одного пользовались притупленными и презрѣнными орудіями власти, а другаго — опирались на мощь слова и напиравшаго впередъ духа времени. Великій, кто задавалъ тонъ или пользовался вліяніемъ въ изящной литературѣ, въ искусствѣ и поэзи, въ произведеніяхъ мысли и науки, состоялъ въ оппозиціи противъ всего существующаго и внушалъ внимающимъ его рѣчамъ и бесѣдамъ образованнымъ кружкамъ французской столицы тотъ же духъ противорѣчія, прои и сатиры, скептицизма и бойкаго остроумія. Вліяніе этихъ людей на складъ мыслей во всей Европѣ было чрезвычайно сильное, тѣмъ болѣе что тогда Парижъ постановлялъ умственные и общественныя формы жизни, а въ высшихъ кругахъ только и говорили по-французски и читали одну лишь французскую литературу, такъ какъ произведенія послѣдней, благодаря пріятной формѣ и остроумному изложенію возбуждали всеобщій интересъ. Державцы, Фридрихъ II, Густавъ III король шведскій, Карлъ III испанскій, Екатерина II, государственные люди, Помбаль, Шуазель, Аранда и др., самыя вліятельныя особы всѣхъ сословій и націй находились съ большею частью этихъ писателей въ личныхъ и письменныхъ сношеніяхъ и восторгались ихъ произведеніями. Молодежь изъ дворянъ со всей Европы стекалась въ столицу Франціи, съ тѣмъ чтобы тамъ закончить свое образованіе. Весь культурный міръ находился подъ вліяніемъ французской литературы просвѣщенія, религіозныхъ и политическихъ, философскихъ и филантропическихъ идей, исходившихъ изъ Парижа, съ цѣлью просвѣтить міръ. Мы впоследствии узнаемъ, что даже нѣмецкіе поэты и писатели усвоили себѣ эти воззрѣнія, и въ особенности Шиллеръ въ свой юпошескій періодъ подчинялся гению Руссо. — Вслѣдствіе этого великаго движенія эпохи въ большей части государствъ введена была вѣротерпимость, суевѣріе и предразсудки уничтожались, инквизиція и сожженіе еретиковъ, преслѣдованіе вѣдьмъ, пытки и жестокія казни, позорныя феодальныя права и тому подобныя порожденія рабской эпохи, постыднаго умственного гнета устранились или смягчались, князья и министры подвергали все существующее смѣлымъ реформамъ. Другимъ слѣдствіемъ, однако, было то, что французскій народъ утратилъ благоговѣніе къ святынямъ, почтеніе къ учрежденіямъ предковъ, уваженіе къ обычаямъ, къ законамъ и постановленіямъ, къ религи и церкви, такъ что впоследствии, когда устранились отжившія злоупотребленія, онъ не удержался въ предѣлахъ права, гражданскаго порядка, разумныхъ реформъ. Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ (Банкрофтъ) сопоставляетъ сущность просвѣтительной мудрости въ такихъ рѣзкихъ словахъ: «Аристотель сказалъ, человѣкъ отличается отъ другихъ животныхъ способностью, признать нечто высшее и лучшее самаго себя. Восемнадцатый вѣкъ, однако, не захотѣлъ поискать чего-либо лучшаго Вѣра въ божественный разумъ осмѣивалась такъ же, какъ и

страхъ передъ привидѣніями, домовыми, и культъ человѣческой природы былъ преобладающимъ идолослуженіемъ. Искусствомъ пользовались для удовлетворенія прихотей; нравоученіе поставило себѣ задачею возвысить наслажденіе; совершенно забывая, что высшая свобода состоитъ въ томъ, чтобы при посредствѣ правильнаго разума избрать лучшее, люди чувственность развили въ систему, и удовлетвореніе чувственнымъ побужденіемъ стало закономъ дворовъ и аристократіи. Господствовавшая философія глумилась надъ всякимъ знаніемъ, выходившимъ за предѣлы нашихъ чувствъ; она ограничилась подчиненными выводами наблюденій и отвергала идеи, которыя суть первообразы предметовъ, съ тѣмъ чтобы благоговѣть передъ другими, которыя ничто иное какъ химеры. Она ничего знать не хотѣла про всеобщее нравственное міродержавіе, а напротивъ, все относилъ къ своему личному Я». Однако, наперекоръ такому строгому пуританскому взгляду не слѣдуетъ забывать, что возстановлены были также законы гуманности, человѣколюбія, свободы совѣсти, что въ тѣхъ же идеяхъ просвѣщенія коренятся важнѣйшіе факторы современнаго государственнаго строя.

Торжество просвѣщенія повело также къ отмианію іезуитскаго ордена. Въ такое время, когда весь образованный міръ стремился къ духовному развитію, къ терпимости и гуманности, не могла имѣть мѣсто духовная корпорація, все стремленіе которой направлено было на то, чтобы весь свѣтъ подчинить воззрѣніямъ и уставамъ римской церкви и ея главы, чтобы воспрепятствовать образованію народа и держать его подъ опекой, которая на знамени своемъ главною задачею начертала обращеніе всѣхъ некаатолическихъ христіанъ въ «единственно спасительную» вѣру и противоборствовала всякимъ реформамъ и нововведеніямъ. Іезуиты сдѣлались предметомъ ненависти и соблазна для всей эпохи. Янсенисты ратовали уже противъ ихъ шаткой морали и принципа приспособленія; а ихъ система воспитанія, ихъ усердіе къ культу Богородицы и святыхъ, ихъ посползновеніе поддержать въ народѣ суевѣріе, невѣжество и умственный застои, вознестъ безплодное ханжество надъ практическою добродѣтелью, надъ исполненіемъ долга, — все это теперь и подавно состояло въ противорѣчій съ общимъ настроеніемъ эпохи. Мы ознакомились уже (въ XI т.) съ всемірно-историческимъ положеніемъ общества Іисуса и съ значеніемъ всесторонней ихъ дѣятельности. Оно и въ настоящее время преслѣдовало тѣ же цѣли и тенденціи: въ качествѣ духовниковъ государей и знати члены этого ордена старались удалить всякде просвѣщеніе и всякую реформу; изъ ихъ учебныхъ заведеній исключены были успѣхи наукъ и философскаго изслѣдованія; стремленія къ свободѣ мысли они пытались подавить отжившими институтами инквизиціи и цензуры. Однако у современниковъ восемнадцатаго вѣка ненависть къ ордену усилилась еще вслѣд-

ствіе вмѣшательства его въ политическія и коммерческія дѣла. Этотъ орденъ, подобно крупнымъ коммерческимъ обществамъ, а именно въ родѣ Британско-остиндской компаніи, составлялъ самостоятельную общину внутри государствъ, новый церковно-государственный организмъ съ свѣтскими и духовными интересами и цѣлями, съ обширными торговыми оборотами, съ вексельными дѣлами и банковыми учреждениями. Старѣйшины іезуитовъ не только пользовались суевѣріемъ народа и обогащали свое общество распродажею мощей и освященныхъ предметовъ, они занимались даже морскою торговлею, сбытомъ товаровъ и денежными спекуляціями. Эти вмѣшательства членовъ ордена въ свѣтскія дѣла и ихъ то явная, то тайная оппозиція противъ законовъ и постановленій правительствъ главнѣйше и довели орденъ до паденія. Помбаль въ Португаліи и Аранда въ Испаніи велѣли закрыть коллегіи іезуитовъ, а самихъ членовъ ордена препроводить въ Церковную область; ихъ примѣру послѣдовали также во Франціи и при другихъ бурбонскихъ дворахъ, даже на Мальтѣ; вслѣдствіе всего этого и самъ папа Климентъ XIV, разумный и умѣренный глава церкви, рѣшился, «уносивъ на внушеніе и помощь святаго духа», уничтожить общество Іисуса и закрыть въ Церковной области коллегіи іезуитовъ. А затѣмъ и Марія Терезія, которая долго поддерживала орденъ, сокративъ однако его вліяніе, вынуждена была согласиться на постановленное напою уничтоженіе; въ Баваріи и остальныхъ католическихъ областяхъ Германіи тоже исполнили приказаніе главы церкви. «Насъ изгоняютъ какъ собакъ», сказалъ тогда генералъ ордена, патеръ Риччи, «но мы вернемся орлами». Одинъ только Фридрихъ II. терпѣлъ на время орденъ въ Силезіи, да еще Россія покровительствовала ему въ польскихъ провинціяхъ подъ вѣдѣніемъ главнаго викарія. Однако по распадѣнн ордена дѣятельность отдѣльныхъ его членовъ отнюдь не прекратилась. Бывшіе іезуиты съ непоколебимою пастойчивостію преслѣдовали цѣль общества и съ бѣльшимъ или меньшимъ успѣхомъ противодействовали духу времени до тѣхъ поръ, пока послѣдній не измѣнился и пока, благодаря всеобщему возврату къ старымъ порядкамъ, орденъ не ожилъ вновь.—Въ видѣ какъ бы противовѣса стремленіямъ и вліянію прежнихъ іезуитовъ *Адамъ Вейсгауптъ*, профессоръ каноническаго права въ Ингольштадтѣ, въ связи съ Книгге, Цвакомъ и др., основалъ по образцу ордена франкмасоновъ тайное общество, прозванное *иллюминатами*. Оно имѣло цѣлью просвѣщать народъ и совершенствовать людей, не обращая вниманія на церковные расколы. Иллюминаты всѣми силами старались противодействовать проискамъ бывшихъ іезуитовъ и поплзновеніямъ монаховъ и духовенства; вскорѣ, однако, они подверглись преслѣдованію баварскаго и другихъ правительствъ.—Въ средѣ католическаго духовенства тогда тоже поднялись громкіе голоса противъ посягательства папы на права мѣст-

ныхъ церквей, за своевременныя реформы въ церковной системѣ, за отдѣленіе отъ Рима при посредствѣ основанія нѣмецкой національной церкви. Такого рода побужденія подтверждаются въ особенности латинскою книгою викарнаго епископа Гонтгейма Трирскаго; въ изданномъ 1763 подъ именемъ *Юстина Фребоніуса* сочиненіи «О состояніи церкви и законной власти папы» онъ установилъ систему церковнаго права, противоположную папско-іезуитской. «Вынужденное у умирающаго старца отреченіе отъ этой книги не могло ослабить дѣйствіе его доводовъ касательно происхожденія папской власти». Послѣдствіемъ этой замѣчательной книги былъ *конгрессъ въ Эмсъ*; тамъ, раздразненные расширеніемъ власти папскихъ пословъ, а именно вновь учрежденныхъ нунціатуръ въ Баваріи, въ ущербъ нѣмецкимъ кафедральнымъ правамъ, четыре архіепископа (Майнцскій, Трирскій, Кельнскій и Сальцбургскій), по такъ называемой Эмской пунктаціи согласились касательно основъ свободной національной церкви и удаленія отъ нѣмецкихъ областей чужеземнаго духовнаго вѣдомства. Этой реформѣ содѣйствовала наклонность вѣка, освободить верховную власть отъ всякихъ тормозящихъ ея преградъ. Архіепископы возстали противъ римскаго вліянія, оттого что хотѣли высвободить отъ папы свою духовную власть, такъ же, какъ свѣтская—отдѣлалась отъ императора. Они заявили, что возлагаемая понтификатомъ на епископовъ присяга противорѣчитъ достоинству державы. Однако, ихъ предпріятіе не удалось,—частію оттого что остальные прелаты, предпочитая дальнее римское судебное вѣдомство болѣе близкому епископскому, отказались присоединиться къ реформѣ,—частію вслѣдствіе приверженности баварскаго княжескаго дома къ папскому престолу, благодаря которому первый всегда пользовался преобладаніемъ надъ церковью въ своей странѣ,—частію еще вслѣдствіе разногласія между императоромъ и имперскими чинами, а наконецъ вслѣдствіе угрожающихъ движеній во Франціи. Та же участь постигла постановленія Пистойскаго синода (1786), гдѣ нѣсколько тосканскихъ прелатовъ при либеральномъ правленіи Леопольда (XII, 652) добивались ограниченія папскаго церковнаго права, отмѣны суевѣрныхъ обрядовъ, распространенія св. Писанія и введенія въ богослуженіе роднаго языка. Въ этихъ попыткахъ еще разъ обнаружился духъ Костницкаго и Базельскаго соборовъ: вновь ожили тѣ стародавніе противорѣчивые интересы епископской и папской іерархіи, которые такъ сильно возбуждали пятнадцатое столѣтіе. Опасаясь болѣе тѣсной связи духовныхъ князей съ Австріею вслѣдствіе такой архіепископской реформы, Пруссія старалась устраничь эту распрію съ Римомъ и за свои услуги добилаь назначенія просвѣщеннаго Карла Теодора фонъ-Дальберга коадьюторомъ въ Майнцѣ.

25. авг. 1785.

V. Исторія математики и естественныхъ наукъ до начала де-
вятнадцатаго столѣтія ¹⁾.

Англія и Франція предшествовали, предлагали образцы и служили примѣромъ остальному міру не только на поприщѣ изящной литературы и въ философскихъ попыткахъ изслѣдовать и преобразовать религію, государство и жизнь; онѣ же дали толчокъ и указали направленіе естествознанію, въ чемъ участвовали отчасти даже тѣ же самые ученые, съ именами которыхъ мы ознакомились уже прежде. Въ то богатое живое время умы подстрекали и подвизали другъ друга, «однимъ шагъ шевелилъ тысячу нитей, однимъ ударомъ возбуждалась тысяча сочетаній». Въ религіозныхъ и философскихъ вопросахъ, какъ извѣстно, Британцы сообщали Французамъ и возбужденіе и научный матеріалъ, а они въ свою очередь искусно развивали заимствованное и на своемъ всесвѣтномъ языкѣ переносили ко всѣмъ культурнымъ націямъ; то же самое было и съ научными произведеніями. Присоединивъ къ чужеземному свое родное, Французы на данной основѣ сооружали новыя зданія и, сбросивъ съ себя путы англійскихъ воззрѣній и традиціоннаго кругозора, открыли новыя научныя области, или указали по крайней мѣрѣ новыя пути и цѣли для дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Великія преобразованія, какія въ естественно-историческихъ и философскихъ воззрѣніяхъ произведены открытіями семнадцатаго вѣка, твореніями Кепплера, Галилея, Ньютона, предначертаны изслѣдованіямъ будущія пути и придали научной дѣятельности отпечатокъ, который явѣе всего обнаружился въ умственной жизни подъ исходомъ восемнадцатаго столѣтія. Благодаря важнымъ открытіямъ всеобщаго тяготѣнія Ньютона, пріобрѣтена твердая основа для механическаго объясненія естественныхъ явленій; а благодаря попыткамъ современныхъ англійскихъ философовъ, Локке, Толанда, философское мышленіе освободилось отъ схоластическихъ путъ, и изслѣдованія изъ царства спекуляціи перешли въ настоящую область естественныхъ наукъ, къ наблюденіямъ и чувственному постиженію. Это направленіе духа времени къ точнымъ изслѣдованіямъ много способствовало развитію естественныхъ наукъ въ такую пору, когда еще такъ мало пользовались опытомъ; а съ другой стороны оно даже въ вопросахъ философіи, религіи и морали способствовало наклонности къ реалистическому и материалистическому міросозерцанію. Это материалистическое движеніе въ самой Англии, какъ было уже упомянуто, задерживалось преградами господствовавшего вѣроисповѣданія: ихъ не могли совершенно преодолѣть даже самыя смѣлыя англійскіе изслѣ-

¹⁾ Составлено специалистомъ.

дователи, хотя бы въ своихъ попыткахъ они и содѣйствовали реалистическому и материалистическому міровоззрѣнію. Извѣстно, что самъ Ньютонъ и его современникъ Бойль строго придерживались церковныхъ ученій и отстаивали необходимость признать разумнаго Творца міра. Это и впредь осталось знаменательною чертою философскаго материализма въ Англии. Такъ точно и врачъ Давидъ Гартлей въ 1749 году обнаружилъ сочиненіе, въ которомъ пытался даже духовныя дѣятельности человѣка объяснить механическими причинами, нисколько, впрочемъ, не нанося тѣмъ ущерба благоговѣнію къ мудрому Открытелю и Созидателю міровой машины. Въ такомъ же положеніи находился оказавшій естествовѣдѣнію значительныя услуги Пристлей: въ качествѣ приверженца и проповѣдника диссентеровъ онъ съ жаромъ и самоотверженіемъ отстаивалъ точку зрѣнія строгаго и благочестиваго рационалиста, такъ же нападалъ на правовѣрное духовенство, какъ и на современныхъ ему побужденія французскаго материализма, хотя самъ въ своихъ научныхъ убѣжденіяхъ склонялся къ механическому постиженію естественныхъ законовъ. Со стороны правовѣрныхъ и консерваторовъ ему пришлось вынести самыя яростныя нападки, доходившія даже до направленного противъ него возстанія черни. Онъ лишился вслѣдствіе этого своего имущества и былъ вынужденъ переселиться въ Пенсильвенію, гдѣ и умеръ въ 1804 году.

Совершенно въ иномъ видѣ предстали сродныя и одновременныя, частью самою Англіею вызванныя побужденія на материкѣ. И въ самомъ дѣлѣ: англійскіе ученые, вопреки всей свободѣ изслѣдованій, старались какъ можно осторожнѣе противодѣйствовать господствовавшимъ воззрѣніямъ, тогда какъ во Франціи, гдѣ тлѣлся уже огонь, который разгорѣлся подъ бурями революціи и охватилъ пламенемъ всю Европу, — тамъ, напротивъ того, изъ научныхъ изслѣдованій и ковались самыя сильныя орудія, съ цѣлью поборотъ и уничтожить существующія условія и унаслѣдованныя воззрѣнія; самыя вожди въ этой великой умственной борьбѣ были вмѣстѣ съ тѣмъ передовые двигатели науки. И вотъ отчего въ то самое время, какъ политическій и социальный строй стремился къ совершенному распаденію, не замеръ зародышъ науки, а напротивъ, онъ какъ разъ подъ самыя грозныя бури революціи и распустился прекраснымъ цвѣтомъ.

Въ первое десятилѣтіе восемнадцатаго вѣка во Франціи господствовали Вольтеръ какъ одинъ только философскія воззрѣнія Декарта сдѣлалъ попытку естествоиспытатель. механически объяснить движеніе небесныхъ тѣлъ, предполагая вихри въ невидимой жидкости, въ которой какъ бы плаваютъ тѣла; эта теорія, однако, не выдержала испытанія огнемъ математическаго анализа, при посредствѣ котораго одни только Ньютоновы открытія одержали блистательную побѣду. Декартъ также и для объясненія другихъ земныхъ явленій построилъ произвольныя и несостоятельныя гипотезы; всѣ онѣ основаны были

на вынужденной атомистикѣ и не согласовались съ духомъ правильного изслѣдованья природы. Въ столицѣ, однако, при дворѣ и въ основанной кардиналомъ Ришелье французской академіи, которая въ научныхъ дѣлахъ пользовалась неограниченнымъ господствомъ во Франціи, однѣ только эти теории и признавались; а иезуиты, въ чьихъ рукахъ находилось болѣею частью воспитаніе юношества, преобразовали Декартову систему въ новый родъ схоластики, которая была такъ же враждебна свободному изслѣдованью, какъ и старая. Въ виду этой оконченѣйшей системы Вольтеръ оказалъ великую услугу, водворивъ и распространивъ во Франціи и вообще на материкѣ учене Ньютона. Въ свое пребываніе въ Англіи въ 1727 году онъ былъ очевидцемъ, когда шестеро графовъ и герцоговъ съ торжествомъ пронесли гробъ Ньютона въ Вестминстерское аббатство. Этотъ знакъ благодаренія, воздаваемый мѣстною знатною умственному величію, произвелъ на него такое впечатлѣніе, что онъ съ той поры ревностно сталъ изучать Ньютонovu систему и рѣшился по мѣрѣ силъ передать ее своимъ соотечественникамъ. Мы знаемъ уже, что онъ съ своею даровитію и ученою подругою, съ маркизою дю Шателе, въ ея замкѣ Сире въ Шампаньи, ревностно и не безъ успѣха занимался разнаго рода естественнонаучными изслѣдованьями; Ньютоновы принципы натурфилософіи и служили тогда именно предметомъ особеннаго изученія; въ первый періодъ письменныхъ сношеній съ Фридрихомъ, бывшимъ тогда еще кронпринцемъ Пруссіи, также много обсуждались естественнонаучные вопросы. Вслѣдствіе такихъ побужденій и возникло замѣчательное сочиненіе Вольтера: „Начала Ньютоновой философіи“, благодаря чему новыя воззрѣнія были всѣмъ признаны и съ восторгомъ приняты въ обществѣ; однако, эти ученія казались тогда дѣломъ неслыханнымъ, такъ что во Франціи запрещено было печатать послѣднее произведеніе, хотя оно и было чисто предметнаго содержанія и лишено всякой антирелигіозной тенденціи; потому и пришлось воспользоваться свободою печати въ сосѣдней Голландіи. Хотя и нельзя предположить, чтобы Вольтеръ провинилъ въ глубь Ньютонovýchъ математическихъ выкладокъ; однако, благодаря блеску своего имени и увлекательности своего слога, онъ скорѣе всякаго другаго способенъ былъ въ высшихъ образованныхъ кружкахъ доставить торжество новымъ воззрѣньямъ. Этими онъ оказалъ плодотворную услугу естественнымъ наукамъ, хотя личный его интересъ къ нимъ вскорѣ остылъ, а съ раннею смертію его подруги даже окончательно погасъ. Онъ совершенно отрекся отъ естественныхъ наукъ съ той поры, какъ математикъ Клеро тонкимъ намекомъ посоветовалъ ему, предоставить эту науку тѣмъ, которые не могутъ въ то же время быть великими поэтами.

Математика и механика.

И въ самомъ дѣлѣ, успѣхи въ естественныхъ наукахъ обусловливались болѣе основательными математическими и механическими знаньями, которыми были не по плечу Вольтеру. Для механики, составлявшей съ этихъ поръ единственное надежное основаніе теоретическаго изслѣдованья природы, Галилей заложилъ первыя твердыя начала. Однако, лишь подъ исходомъ восемнадцатаго столѣтія эта наука, благодаря великимъ французскимъ математикамъ, доведена была до извѣстнаго совершенства, далѣе котораго она въ сущности послѣ того даже не развивалась. Галилеемъ создана была наука движенія, по его теории примѣнялись лишь къ тѣмъ случаямъ, когда движущіяся тѣла безъ значительной погрѣшности можно считать отдѣльными точками. Такъ какъ міровыя тѣла отвѣчаютъ именно такому предположенію, то новыя теории и были достаточны для Ньютона. Въ этомъ направленіи оставалось только вновь созданныя средства математики приложить къ механикѣ, что систематически и было исполнено Леонардомъ Эй-

Эйлеръ. 1707—1783.

леромъ. Эйлеръ, одинъ изъ величайшихъ математиковъ и плодотворнѣйшихъ писателей въ этой наукѣ, родился въ 1707 году въ Базелѣ; въ 1727 онъ былъ приглашенъ въ основанную Екатериною I академію въ Петербургѣ, откуда въ 1741 переселился въ Берлинъ. Тутъ ему поручена была дирекція математико-физическаго класса въ академіи, преобразованной Фридрихомъ Великимъ. Въ 1766 году онъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ, совсѣмъ оставивъ, прожилъ еще до 1783 года, не сокращая своей неутомимой научной дѣятельности. Какъ механика, такъ тоже и математика во всѣхъ ея частяхъ одолжена Леонарду Эйлеру систематическою разработкою методовъ, дѣльми рядомъ превосходныхъ учебниковъ, обиліемъ плодотворныхъ мыслей, которыя и нынѣ еще оказываютъ свое вліяніе на науку.

Послѣ Галилея для механики предстояло еще открыть новыя средства, изслѣдовать движенія объемистыхъ тѣлъ, состоящихъ въ какомъ бы то ни было родѣ въ связи между собою. Въ этомъ отношеніи ученыхъ болѣе подустолѣтія занимала единственная задача, а именно качаніе маятника; она была поводомъ разныхъ преній и благодаря ей наука возвысилась до болѣе общихъ точекъ зрѣнія. Декартъ уже пытался рѣшить эту задачу, но безуспѣшно; одинъ только Гюйгенсъ избралъ вѣрный путь (XII, 303). Постѣ него развитію механики болѣе всего способствовали Яковъ и Іоаннъ Бернулли, также сыны послѣдняго, Данииль Бернулли. Бернулли принадлежатъ къ вышедшей изъ Нидерландовъ, водворившейся съ 1622 въ Базель, весьма знатной тамъ фамиліи, которая по всей справедливости прозывается математическою; она въ теченіе почти одного столѣтія поставила не менѣе восьми ученыхъ, сподрядъ занимающихъ почетное мѣсто въ истории математики, а изъ нихъ трое названныхъ принадлежатъ къ первымъ величинамъ науки. Двое старшихъ, Яковъ и Іоаннъ принимали весьма дѣятельное участие въ широкомъ развитіи новѣйшей математики вслѣдствіе великихъ твореній Лейбница и Ньютона. Младшій же, Данииль, бывший профессоръ математики въ Петербургской академіи, проживавшій потомъ въ Базелѣ, оказалъ плодотворныя и великія услуги развитію механики и приложенію математики къ разнымъ отраслямъ физики.

Гюйгенсъ. 1629—1695.
Яковъ Бернулли. 1754—1705.
І. Бернулли. 1667—1748.
Ден. Бернулли. 1700—1782.

Самый существенный успѣхъ, сдѣланный въ это время механикою, связанъ съ именемъ д'Аламбера, съ значеніемъ котораго для науки мы ознакомились уже прежде (стр. 155). Издавая вмѣстѣ съ Дидро знаменитую „Энциклопедію“, д'Аламберъ изъ всѣхъ французскихъ философовъ той эпохи далѣе всего вышелъ изъ предѣловъ господствовавшихъ грубо материалистическихъ воззрѣній: онъ былъ представителемъ того направленія, которое, сродни скептической точки зрѣнія Юма, сближалось съ основанною Кантомъ новою нѣмецкою философіею. Д'Аламберъ также математическія и механическія задачи постигалъ своимъ философскимъ умомъ, но въ тоже время и трезвымъ смысломъ естествоиспытателя, обращеннымъ къ дѣйствительности. Онъ обработалъ предложенную Берлинскою академіею тему для соисканія: „Необходимы или случайны истинны механики?“ Этотъ вопросъ, хотя бы выраженный другими словами, во все времена будетъ представлять высочайшій интересъ не только для естествоиспытателя, но также и для философа. А съ другой стороны наука одолжена ему принципомъ, который необходимо долженъ былъ примкнуть къ выводамъ Галилея какъ ихъ дополненіе и благодаря которому теория движенія во всѣхъ природою представляемыхъ случаяхъ стала доступною для математическихъ выкладокъ.

д'Аламберъ. 1717—1783.

Въ то время основныя вопросы механики часто служили предметомъ философскихъ мысленій, что прошло не безъ вліянія на способъ изслѣдованья математиковъ. Юмъ представилъ вѣрныя и мѣткія замѣчанія касательно основныя положенія механики; Кантъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ первыхъ

трудоу также занимался изслѣдованьями въ этой области. Дѣло въ томъ, что Лейбницъ поднялъ вопросъ о размѣрѣ такъ называемыхъ живыхъ силъ, (т. е. силъ, сопровождающихъ движеніе); объ этомъ-то вопросѣ тогда много судили и рядили философы и математики. Вслѣдствіе усилій, какіе научная механика сдѣлала, благодаря д'Аламберу, невозможно было болѣе продолжать эти пренія. Когда вопросъ былъ вѣрно и точно поставленъ, то онъ и былъ уже рѣшенъ.

Лагранжъ. Однако, научная механика окончательно была завершена *Лагранжемъ*: въ классическомъ для всѣхъ временъ твореніи онъ не только систематически соединилъ ученія всей механики, но также съ античною строгостью и ясностью рѣзче обосновалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обобщилъ каждую отдѣльную теорему. Историческія предисловія, какія онъ предислалъ обоимъ томамъ сочиненія, свидѣтельствуютъ въ то же время объ историческомъ пониманіи и объ ясномъ и точномъ философскомъ взглядѣ, съ какими онъ приступилъ къ своей задачѣ. — Жозефъ Луи Лагранжъ, изъ проживавшей въ Туринѣ французской фамилии, принадлежалъ къ кружку отличныхъ ученыхъ, которыхъ Фридрихъ привлекъ къ своей академіи; онъ занималъ тамъ послѣ Эйлера должность директора математико-физическаго класса. По смерти Фридриха Лагранжъ вернулся въ Парижъ, гдѣ имъ на долгое время овладѣло глубокое уныніе. Подвергаясь опасностямъ и напастьмъ, онъ пережилъ терроръ; а когда установилось спокойное время, то республиканское правительство и Бонапартъ отпеслись къ нему съ почетомъ и поручили ему важныя должности. Какъ въ механикѣ, такъ тоже и въ чистой математикѣ онъ отличался всегда яснымъ и точнымъ изложеніемъ; ему слѣдуетъ приписать большую часть существующаго нынѣ математическаго учебнаго зданія.

Лапласъ. Безсмертныя заслуги великаго *Лапласа* относятся главнѣйше къ теоретической астрономіи и къ физикѣ. Пользуясь новооткрытыми средствами, Лапласъ въ обширномъ твореніи „Небесная механика“ вывелъ послѣдствія Ньютонова ученія, изслѣдовалъ и представилъ во всей подробности вліяніе небесныхъ тѣлъ другъ на друга и тѣмъ на все будущее время предначерталъ пути астрономіи. Въ болѣе популярномъ произведеніи, въ „Системѣ міра“ онъ свои воззрѣнія на небесныя тѣла и на ихъ движеніе сдѣлалъ доступными для обширнаго кружка читателей; при этомъ развилъ также свою знаменитую гипотезу о возникновеніи нашего планетнаго міра изъ вращающагося первичнаго тумана. Великій философъ Имауилъ Кантъ и прежде еще въ одномъ изъ своихъ раннихъ сочиненій, „Всеобщая естественная исторія и теорія неба“ (1755), высказалъ ту же самую гипотезу, что, впрочемъ, тогда было мало извѣстно и только въ послѣднее время озарилось вновь подобающимъ свѣтомъ. Лапласъ не чуждался также политической дѣятельности и во время консульства не долгое время управлялъ даже министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Однако, онъ оказалъ мало способнымъ къ этой дѣятельности, и не даромъ упрекаютъ его въ раболѣпствѣ и въ шаткихъ помыслахъ.

Къ замѣчательнымъ личностямъ революціонной эпохи, стоявшимъ отчасти въ самомъ потокѣ событій, относятся много такихъ, которыя оказали большія услуги въ области естественныхъ наукъ и особенно въ математикѣ. Къ нимъ прежде всего слѣдуетъ отнести извѣстнаго также въ качествѣ политическаго и философскаго писателя, члена національнаго конвента и приверженца жирондистовъ, *Кондорсе*. — Затѣмъ имя *Монжа* также пользуется почетнымъ мѣстомъ въ исторіи науки. Во время революціи онъ былъ морскимъ министромъ, а потомъ директоромъ всѣхъ оружейныхъ и литейныхъ заводовъ республики, а во время директоріи осно-

Кондорсе.
1743—1794.
Монжъ.
1746—1818.

валъ Парижскую политехническую школу, въ которой самъ занялъ кафедру математики. Потомъ онъ сопровождалъ Наполеона въ его египетскую экспедицію и былъ президентомъ египетскаго института. Хотя Монжъ не измѣнялъ своимъ республиканскимъ убѣжденіямъ, но Бонапартъ все-таки и впоследствии, въ признаніе за его услуги, оказывалъ ему почетъ, тогда какъ послѣ второй реставраціи онъ лишился всѣхъ своихъ мѣстъ и былъ исключенъ изъ списка членовъ института. Труды Монжа въ области математики, физики и ихъ приложеній въ особенности къ военнымъ и инженернымъ наукамъ весьма многообразны; онъ оказалъ именно плодотворную услугу преобразованиемъ геометріи, создавъ для нея новые методы. — Здѣсь слѣдуетъ упомянуть также о великомъ организаторѣ революціонной арміи, о непреклонномъ республиканцѣ *Карно*, который не только споспѣшествовалъ во многихъ отношеніяхъ практической военной и инженерной наукѣ, но обогатилъ также и теоретическую механику открытіемъ фундаментальнаго закона. — Изъ французскихъ математиковъ того періода помимо названныхъ уже прославились еще *Лезандръ*, трудившійся преимущественно въ области чистой математики, потомъ открывтель основныхъ законовъ электрическихъ и магнетическихъ дѣйствій, *Куломбъ*, основатель математической теоріи тепла, *Фурье*, и наконецъ превосходный историкъ математики *Монтюлла*, произведеніе котораго продолжалъ астрономъ Лаландъ.

Послѣ Ньютонова открытія закона тяготѣнія астрономіи предстояло рѣшить двѣ задачи, которыя лишь въ ихъ взаимной связи могутъ споспѣшествовать наукѣ. Къ ихъ рѣшенію изслѣдованье можетъ приблизиться лишь исподволь, шагъ за шагомъ, никогда впрочемъ не достигая его вполне; изъ нихъ преуспѣвала то одна, то другая. Съ одной стороны необходимо было довести наблюденія до такой точности и непогрѣшимости, чтобы, благодаря механическимъ средствамъ и искусству наблюдателя, подлинное состояніе небесныхъ явленій опредѣлялось по возможности вѣрнѣе, а съ другой—слѣдовало развить математическую теорію такъ, чтобы она вполне и въ точности отвѣчала даннымъ, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько послѣднія окажутся извѣстными. Рѣшенію послѣдней задачи способствовали упомянутые уже труды Эйлера и въ особенности Лагранжа и Лапласа; наблюдательная астрономія, впрочемъ, также не отставала. Наблюденія и служаніе имъ инструменты и методы при Ньютонѣ уже были чрезвычайно усовершенствованы даровитымъ *Фламстедомъ*, первымъ астрономомъ основанной 1675 обсерваторіи въ Гриничѣ. Его преемникомъ при обсерваторіи былъ *Эдмундъ Галлей*, распространившій астрономическія наблюденія дальними путешествіями по остальнымъ частямъ свѣта; онъ же открылъ прозванную его именемъ комету, первую изъ тѣхъ, которыя возвращаются въ извѣстныя правильные періоды. Благодаря великому астроному *Брадлею*, развернутому важнѣйшую часть своей дѣятельности также на Гриничской обсерваторіи, наблюденія и инструменты достигли чрезвычайно высокой степени совершенства. Его преемникъ *Маскелливъ* трудолюбиво и тщательно продолжалъ наблюденія Браддея, не прибавивъ къ нимъ впрочемъ ничего существеннаго; такъ что труды послѣдняго все еще составляли самую главную основу наблюдательной астрономіи. Громаднымъ значеніемъ, въ особенности для физической астрономіи, пользовались затѣмъ обширныя изслѣдованья *Ф. В. Гершеля*. Родомъ изъ Ганновера, онъ въ 1757 году при-
былъ въ Англію въ качествѣ музыканта, открылъ тамъ въ 1781 году „Ге-
оргову звѣзду“, новую планету Уранъ, и былъ назначенъ приватнымъ астрономомъ короля Георга III. Обладая лучшими въ то время телескопами, Гершель сдѣлалъ множество открытій въ планетномъ мірѣ; ему слѣдуетъ приписать бо́льшую часть свѣдѣній, какими обладаемъ о свойствахъ поверхности

Карно.
1753—1823.
Лезандръ.
1752—1833.
Куломбъ.
1739—1806.
Фурье.
1768—1830.
Монтюлла.
1725—1799.
Астрономія.

Фламстедъ.
1646—1719.
Галлей.
1656—1724.
Брадлей.
1692—1762.
Маскелливъ.
1732—1811.
Ф. В. Гершель.
1738—1822.

планетъ и объ ихъ спутникахъ. Въ области неподвижныхъ звѣздъ онъ изслѣдовалъ туманныя пятна и обогатилъ астрономію важнымъ открытіемъ двойныхъ звѣздъ. — Упомянемъ, наконецъ, еще объ отличномъ нѣмецкомъ астрономѣ, *Томъ Майеръ*: онъ первый представилъ удовлетворительное изслѣдованье луннаго движенія; благодаря его дѣятельности, увѣнчавшейся плодотворными успѣхами, но прерванной раннею смертію, Гёттингенская обсерваторія пользовалась хотя кратковременною славою.

Географія и путешествія. Въ связи съ этими успѣхами астрономіи состоитъ наступившее въ теченіе восемнадцатаго вѣка расширеніе нашего знанія земной поверхности, ея физическихъ и математическихъ свойствъ. Благодаря развитію астрономическихъ средствъ, судоходство развилось до весьма высокой степени и могло приниматься за рѣшеніе задачъ, которыя были недоступны прежнимъ временамъ. Мореходныя націи не жалѣли жертвъ для того, чтобы споспѣшествовать научнымъ основамъ судоходства, и большія экспедиціи снаряжались съ цѣлью географическихъ, астрономическихъ и навигаціонныхъ изслѣдованій. Неустрашимые мореплаватели, падавшіе часто жертвою своей пылкости, со всѣхъ возможныхъ сторонъ, куда лишь въ состояніи была проникнуть человѣческая отвага и пастойчивость, изслѣдовали моря сѣвернаго и южнаго полярныхъ поясовъ, острова Тихаго океана, новооткрытыя материкъ Америки и Австраліи; они съ точностію извѣдали распредѣленіе суши и воды, обративъ при томъ вниманіе на физическія условія, на распространеніе царствъ животныхъ и растений, на нравы и тѣблосложеніе разныхъ племенъ.

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о важныхъ русскихъ экспедиціяхъ, отправленныхъ Петромъ Великимъ для изслѣдованья безконечныхъ сибирскихъ странъ и крайняго сѣверовостока азіатскаго материка, тамъ гдѣ онъ приближается къ сѣверозападнымъ берегамъ Новаго свѣта. Эти продлившія свыше четверти вѣка экспедиціи предводились превосходнымъ морякомъ *Витусомъ Берингомъ*, родомъ изъ Дании; въ 1741 году онъ съ большою частью своихъ спутниковъ погибъ во время плаванья въ сѣверныхъ моряхъ. Учеными сподвижниками въ этихъ изслѣдованьяхъ были большою частью нѣмцы: историкъ Г. Ф. Мюллеръ, тюбингенскій профессоръ естественныхъ наукъ *И. Г. Гмелинъ* и болѣе молодой помощникъ его *Г. В. Стедлеръ* изъ Франконіи, энергичный и рѣшительный человѣкъ, одушевляемый живою любознательностію и одинъ изъ немногихъ продѣлавшихъ до конца опасную экспедицію. Однако и ему также не суждено было увидѣть родину. Онъ умеръ на возвратномъ пути, немного не доѣхавъ до европейской границы. Ему одолжены мы единственнымъ подробнымъ отчетомъ о замѣчательной экспедиціи, онъ же принималъ весьма широкое участіе въ естественнонаучныхъ изслѣдованьяхъ ея. — Впослѣдствіи, въ 1768—1774 годахъ, нѣмецкій ученый, Берлинецъ *Симонъ Палласъ* также изслѣдовалъ Сибирь въ естественно-научномъ отношеніи, обогативъ въ особенности ботанику и зоологію важными открытіями. Палласъ обратилъ особенное вниманіе на географическое распространеніе царствъ животныхъ и растений и на зависящій отъ того различный характеръ отдѣльныхъ странъ.

Гораздо плодотворнѣе для успѣховъ географическихъ знаній были знаменитыя путешествія капитана *Джеймса Кука*. Первое изъ нихъ было предпринято главнѣйше съ цѣлью наблюдать на новооткрытомъ островѣ Таити прохожденіе Венеры по солнечному диску: это рѣдкое явленіе служить лучшимъ средствомъ для опредѣленія разстоянія солнца отъ земли. Съ этою цѣлью экспедицію сопровождалъ астрономъ *Гринъ*, къ ней же присоединились сверхъ того въ качествѣ естественспытателей *И. Банксъ* и *Шведъ Соландеръ*. Само путешествіе изобиловало новымъ изслѣдованьями,

въ особенности важными открытіями касательно природы мало еще тогда извѣстнаго островнаго міра въ Тихомъ океанѣ. Вторая экспедиція имѣла главнѣйше цѣлью изслѣдовать южное Полярное море. На этотъ разъ спутниками великаго морехода были оба Форстера, *Іоаннъ Рейнгольдъ* и *Іоаннъ Георгъ*; послѣдній, почти еще отрокомъ, положилъ тутъ начало своимъ восторженнымъ описаніямъ, которыя возбуждали чувство къ красотамъ природы и породили въ *Александрѣ Гумбольдтѣ* стремленіе къ чудесамъ тропическаго міра. — Во время третьяго путешествія, предпринятаго для изслѣдованья сѣверныхъ полярныхъ странъ, *Кукъ* на *Сандвичевыхъ* островахъ палъ подъ ударами туземцевъ, мѣсть которыхъ онъ вызвалъ нарушеніемъ ихъ святыни.

Весьма важны для науки были затѣмъ предпринятые французами экспедиціи для измѣренія градусовъ меридіана. Въ исходѣ предшествовавшаго столѣтія уже наблюденія надъ маятникомъ въ разныхъ мѣстахъ земли, повели къ тому заключенію, что наша планета не имѣетъ видъ совершеннаго шара, а напротивъ, что она вздута подъ экваторомъ; основываясь на теоретическихъ выводахъ, *Ньютонъ* предсказалъ то же самое. Для точнаго рѣшенія этого вопроса необходимо было сравнить длину градуса меридіана близъ экватора и въ наиболѣе сѣверномъ по возможности краѣ. На такой конецъ въ 1736 году изъ Франціи отправились экспедиціи въ сопровожденіи первостатейшихъ ученыхъ того времени. Одна изъ нихъ съ соучастіемъ *Мопертюи*, *Клеро*, *Камуса*, *Лемоннье*, къ которымъ присоединился *Шведъ Цельсій*, направилась въ Лапландію; въ наступившій затѣмъ годъ уже она представила во Францію достовѣрный фактъ, подтвердившій сжатость земли. Другая экспедиція, цѣлью которой было Перу, имѣла своими соучастниками *Бужера*, *ла Кондамина* и одного изъ старѣйшихъ членовъ ботанической семьи, *Жюссье*. Этому предпріятію пришлось преодолѣть большія трудности, чѣмъ первому; соучастники его провели нѣсколько лѣтъ въ Америкѣ, такъ что, благодаря ихъ дѣятельности, свѣдѣнія объ южно-американскомъ материкѣ обогатились во многихъ отношеніяхъ.

Съ этой поры на геодезическихъ измѣренія стали обращать постоянное вниманіе; съ одной стороны тутъ дѣло касалось научныхъ вопросовъ географіи и астрономіи, а съ другой—также практической потребности, снабдить мореходовъ по возможности точными и въ то же время удобными средствами для географическаго опредѣленія мѣсть въ ихъ плаваньяхъ. А потому Парижская академія въ 1751 году отправила двухъ астрономовъ *Лаландъ* и *Лажалъ*, перваго въ Берлинъ, а втораго въ Капштадтъ для точнаго дознанія разстоянія луны, что весьма важно для опредѣленія географической долготы.

Съ такими же цѣлями, а также въ особенности для провѣрки хода хронометровъ на судахъ, въ 1771 году подъ вѣдѣніемъ знаменитаго физика *Борда* предпринято было обширное плаванье; оно коснулось западныхъ береговъ Африки, Антильскихъ острововъ, Ньюфундленда, Исландіи и привезло съ собою драгоцѣнные астрономическіе и географическіе выводы.

Изъ того-же рода предпріятій упомянемъ еще о значительномъ измѣреніи градусовъ широты, которое въ 1792 по указу республиканскаго правительства исполнено было по протянутой черезъ всю Францію дугѣ меридіана; это предпріятіе съ цѣлью введенія новой метрической системы мѣръ и вѣсовъ поручено было научной комиссіи, въ которой приняли участіе знатнѣйшіе ученые, *Лапласъ*, *Лагранжъ*, *Борда*, *Монжъ*, *Кондорсе*.

Египетская экспедиція *Наполеона* также имѣла большое значеніе для естественныхъ наукъ. При полководцѣ не только состояли академики, сопровождавшіе экспедицію съ научною цѣлью, но даже между офицерами и

1779.

Измѣреніе градусовъ меридіана.

Лаландъ.
Лажалъ.
1732—1807.
1716—1762.

Берингъ.
1680—1741.

Кукъ.
1728—1778.

врачами въ полку находилось не мало выдающихся ученыхъ, такъ что въ Каирѣ образовалось научное общество, египетскій институтъ, который изслѣдовалъ страну въ географическомъ, астрономическомъ, естественнонаучномъ и историческомъ отношеніяхъ. Къ этому обществу принадлежали между прочимъ: Монжъ и Фурье, астрономъ Нуэ, химикъ Бертолетъ, зоологъ Жоффруа Сантъ-Илеръ, геологъ Доломьё.

На поворотѣ столѣтія (1799—1804) *Александръ Гумбольдтъ* и *Эме Бонплатъ* американское совершили свои знаменитыя путешествія по тропической Америкѣ, основывая новую эпоху для физической географіи. Тутъ-то Гумбольдтъ и запасся тѣмъ богатымъ матеріаломъ, которымъ впоследствии воспользовался съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ; тутъ онъ воспримчивой душою усвоилъ себѣ въ впечатлѣнія, которые даже въ преклонныхъ годахъ внушали ему увлекательныя описанія природы. У Гумбольдта съ самаго начала имѣлась въ виду болѣе высокая цѣль, нежели у большей части путешественниковъ до него. Одаренный вѣрнымъ всеобъемлющимъ взглядомъ на все великое и цѣлое, вполне обладая научнымъ матеріаломъ своего времени, онъ постоянно стремился создать общую картину природы на земной поверхности, воспользоваться собранными имъ съ трудомъ и стараніемъ отдѣльными наблюденіями для сравненія различныхъ поясовъ земли и такимъ путемъ развить физическую географію по всѣмъ направленіямъ. Онъ не только опредѣлилъ положеніе большаго числа мѣстъ, но пытался также посредствомъ барометрическихъ опредѣленій высотъ набросать рельефный очеркъ посѣщенныхъ имъ странъ. Онъ первый обратилъ вниманіе на распределеніе тепла на земной поверхности и въ болѣе широкихъ размѣрахъ собиралъ наблюденія о земномъ магнетизмѣ. Онъ изслѣдовалъ распределеніе растений не только въ горизонтальномъ, но также и въ вертикальномъ направленіи и сдѣлался такимъ образомъ основателемъ географіи растений. Онъ собиралъ также статистическія данныя и пользовался ими для изслѣдованія важныхъ законовъ торговли и сношеній.

Во второй половинѣ того же столѣтія *Гораций Бенедиктъ Соссюръ* предпринялъ съ цѣлью изслѣдованія свои путешествія не по отдаленнымъ частямъ свѣта и не по чуждымъ поясамъ земли, а по неудобно проходимымъ въ то время и мало еще извѣстнымъ въ научномъ отношеніи швейцарскимъ Альпамъ. Соссюръ происходилъ отъ зажиточной и знатной фамиліи въ Женевѣ, представлявшей въ то время блестящее средоточіе интеллектуальной жизни и научныхъ стремленій. Онъ изъ года въ годъ странствовалъ по горамъ своей прекрасной родины, изслѣдуя ее по всѣмъ направленіямъ. Онъ въ особенности первый обратилъ вниманіе на геологическія условія Альпійскихъ горъ, на ихъ составъ и ихъ строеніе.

Одна геологія какъ наука находилась тогда еще въ младенчествѣ. За немногими развѣ исключеніями, между которыми и тутъ также самымъ значительнымъ оказывается Лейбницъ, въ началѣ восемнадцатаго столѣтія все еще господствовали престранныя понятія о составѣ и образованіи каменныхъ породъ, о значеніи земныхъ слоевъ и въ особенности о свойствахъ окаменѣлостей. Изъ среды практическихъ рудокоповъ, по ихъ званію постоянно занятыхъ наблюденіемъ устройства горъ, возникла новал жизнь въ геологии. Такъ въ половинѣ столѣтія уже нѣмецкій рудокопъ Іоаннъ Готтлибъ Леманъ призналъ послѣдовательность наслоеній доказательствомъ разнаго возраста самихъ слоевъ и видѣлъ въ нихъ какъ бы историческія свидѣтельства образованія земной коры. Болѣе плодотворное вліяніе на преобразование геологии оказала, однако, дѣятельность *Авраама Готтлиба Вернера*. Онъ также вышелъ изъ среды рудокоповъ и заводскихъ людей и большую часть жизни провелъ учителемъ при горной академіи въ Фрей-

Вернеръ.
1750—1817.

бергѣ. Вернеръ впервые снабдилъ вѣрнымъ методомъ геологическое изслѣдованіе и указалъ на его опредѣленныя задачи. Онъ впервые призналъ одинакій возрастъ за сродными слоями въ разныхъ мѣстностяхъ и догадался уже, что находящіяся въ пластахъ окаменѣлости служатъ вѣрнымъ признакомъ различныхъ возрастныхъ ступеней; однако, для полнаго и окончательнаго развитія этой мысли у него не достало надлежащаго матеріала. По мнѣнію Вернера, вода была единственною въ большихъ размѣрахъ дѣйствующею силою при образованіи земной поверхности; возвышенной же температурѣ, какая обнаруживается при вулканическихъ проявленіяхъ, онъ приписывалъ лишь подчиненное и мѣстное значеніе (пейтунизмъ). Такъ какъ личныя наблюденія Вернера не выходили изъ предѣловъ его отечества, то ему и не были извѣстны рѣшающіе факты, которые противорѣчатъ его воззрѣнію. А потому, какъ бы велико ни было вліяніе Вернера на его учениковъ, которымъ онъ внушилъ духъ строгаго изслѣдованія и точнаго наблюденія природы, все-таки многие изъ его замѣчательнѣйшихъ послѣдователей, наученные болѣе обширнымъ опытомъ, выработали противоположную его ученію теорію: въ образованіи нынѣшняго вида земной поверхности они приписывали именно огню, первобытной внутренней теплотѣ земли, мощныя дѣйствія, слѣды которыхъ сохранились еще въ вулканическихъ изверженіяхъ (плутонизмъ). И тутъ также Александръ Гумбольдтъ, сравнивъ между собою географическое положеніе вулкановъ, первый призналъ замѣчательное распределеніе ихъ рядами; отсюда онъ и пришелъ къ смѣлому заключенію, что вулканы высятся по вытянутымъ продольнымъ щелямъ, пробитымъ снизу въ земной корѣ. Великій геологъ Леопольдъ Бухъ, ученикъ Вернера, впоследствии также обратился къ теоріи плутонизма.

Вліяніе Вернера простиралось далеко за границы Германіи; его ученики разсѣялись по всѣмъ концамъ Европы. Какъ бы, впрочемъ, ни уважался его научный методъ, однако теоретическія воззрѣнія его возбуждали въ свою очередь много противорѣчій. Во Франціи *Доломьё* заявилъ противоположный Вернеру взглядъ на образованіе земли; къ нему присоединился также его соотечественникъ, *д'Обюссонъ де Вуазенъ*; увлекшись славой Вернера, онъ поступилъ ученикомъ въ Фрейбергскую горную академію, но въ виду открытыхъ въ его родинѣ наблюденій не могъ болѣе поддерживать теорію послѣдняго.

Въ Англии геологическія условія края также указывали на исконныя дѣйствія огненныхъ расплавленныхъ массъ. Тамъ *Чарльсъ Геттонъ* и *Джеймсъ Галь*, опираясь, въ особенности послѣдній, на замѣчательные опыты по части плавки горныхъ породъ, возстали противъ теоріи пейтунизма и распространили ученіе, признающее главнѣйшее дѣйствіе возвышенной температуры.

Благодаря усовершенствованію физическихъ инструментовъ открылись средства для болѣе точныхъ наблюденій физическихъ условій атмосферы; изъ этого возникла метеорологія или наука о погодѣ. Самый важный инструментъ для этихъ наблюденій — термометръ, которому лишь въ началѣ восемнадцатаго вѣка придали надлежащее устройство. Прежде, правда, тоже имѣлись приспособленія, при помощи которыхъ узнавалась переменна температура, а именно во Флоренціи съ 1657 года; однако они не годились для надлежащихъ измѣреній или сравненій. Данцигскій ученый *Фаренгейтъ* впервые сталъ употреблять въ термометрахъ ртуть вмѣсто спирта и способилъ къ нимъ неизмѣнную шкалу. Однако, лишь съ 1730 французскій физикъ *Реомюръ*, оказавшій также и въ другихъ отрасляхъ естествознанія, а именно въ зоологии, значительныя услуги, ввелъ термометры, которыхъ яогли быть сравниваемы между собою; приспособленная имъ

Доломьё.

1750—1801.

д'Обюссонъ

де Вуазенъ.

1769—1841.

Геттонъ.

1726—1797.

Галь.

и 1761—1832.

Метеоролія.

Фаренгейтъ.

1686—1736.

Реомюръ.

показанія 1683—1757.

скала и до сих пор еще в ходу, хотя впоследствии, а именно во Франции, она и замѣнилась стоградуснымъ дѣленіемъ Шведа Цельсіуса.

Метеорологическія наблюденія въ прошлое столѣтіе производились, правда, въ разныхъ мѣстахъ, а именно въ Парижѣ, но не по вѣрнымъ научнымъ, и еще менѣе согласнымъ между собою началамъ. Въ 1780 году, наконецъ, курфирсть Карлъ Теодоръ основалъ въ Мангеймѣ метеорологическую академию, къ которой вскорѣ въ качествѣ членовъ приобщились отличные ученые изъ всей Европы. Они производили свои наблюденія по опредѣленнымъ предписаніямъ и съ согласными между собою снарядами. Эти наблюденія долгое время поставили первый и единственно надежный матеріалъ, годный для научнаго сравненія метеорологическихъ условій въ разныхъ краяхъ. Наблюденія этого общества простираются до 1792 года, когда подъ влияніемъ политическихъ бурь прекратилась его дѣятельность.

Здѣсь слѣдуетъ еще упомянуть объ открытіи воздушнаго электричества *Веняминомъ Франклиномъ*, къ имени котораго въ исторіи физики всегда будутъ относиться съ уваженіемъ. Съ самаго начала столѣтія электрическія явленія служили предметомъ многостороннихъ изслѣдованій физиковъ, и электрическую искру прежде уже сравнивали съ молніемъ. Однако Франклинъ, которому теорія этихъ явленій одолжена важными успѣхами, первый дѣйствительнымъ скопленіемъ атмосфернаго электричества доказалъ электрическое свойство грозы. Руководимый своимъ чрезвычайно практическимъ дарованіемъ онъ вслѣдствіе такого открытія сталъ помышлять о средствахъ, устранить пагубныя дѣйствія грозы, и изобрѣлъ такимъ образомъ громоотводы.

„Eripuit coelo fulmen sceptrumque tyrannis“,
«Исторъ у неба молнь и скипетръ у тирановъ»,

такими словами д'Аламберъ привѣтствовалъ освободителя отчизны и мужа науки при его приѣмѣ въ Парижскую академию.

Изобрѣтеніе аэростата братьями Монгольфьерами (1783) возбудило сначала великія надежды, которыми, однако, не суждено было осуществиться. Первые изъ устроенныхъ аэростатовъ поднимались посредствомъ подогрѣтаго воздуха, а потому во время воздухоплаванья необходимо было поддерживать огонь. Вскорѣ послѣ того французскій физикъ Чарльсъ съ большимъ успѣхомъ воспользовался водороднымъ газомъ для наполненія шара. Такой же опытъ въ маломъ видѣ прежде еще производили Кавалло въ Англии и извѣстный въ Германіи остроумный писатель и ученый физикъ Лихтенбергъ.

Галванизмъ. Въ исходѣ восемнадцатаго вѣка совершилось событіе, составившее эпоху въ исторіи физики, а именно открытіе *галванизма*. Относящееся сюда единичное явленіе, возбужденіе вкуса на языкѣ вслѣдствіе соприкосновенія двухъ металловъ, замѣчено было уже въ половинѣ столѣтія жившимъ въ Берлинѣ швейцарскимъ естествоиспытателемъ Зульцеромъ; это, впрочемъ, не повело ни къ какимъ дальнѣйшимъ выводамъ, ни также къ объясненію явленія. Гораздо плодотворнѣе для науки оказались сдѣланныя въ послѣднія два десятилѣтія наблюденія *Галвани*, профессора медицины въ Болоньи: онъ первый замѣтилъ производимыя какъ электричествомъ, такъ тоже и соприкосновеніемъ металловъ судороги лягушачьихъ мускуловъ, заготовленныхъ извѣстнымъ образомъ; явленіе послѣдняго рода онъ тотчасъ же и призналъ электрическимъ. Галвани съ неутомимымъ рвеніемъ сталъ всесторонне изслѣдовать область этихъ явленій, обнаруживъ притомъ множество неизвѣстныхъ до того фактовъ. Хотя онъ теоретически и преда-

вался еще заблужденіямъ относительно извѣстныхъ, распространенныхъ тогда понятій о животномъ электричествѣ, которыя нерѣдко были причиною того, что упускалась изъ виду настоящая суть дѣла; а все-таки его честныя стремленія и добросовѣстная ревность къ дознанію истины заслуживаютъ высшей благодарности потомства. Открытія Галвани обратили на себя сильное вниманіе въ научномъ мірѣ; опыты всюду повторялись и вездѣ пытались объяснить ихъ, такъ что вскорѣ физики той эпохи разбились на два противоположные лагера. Дѣло въ томъ, что за вопросъ принялся ученый, много превосходившій Галвани искусствомъ наблюденія, проницательностью и научными дарованіями: *Александръ Вольтъ* изъ Комо. Съ прозорливостью истаго физика Вольтъ успѣлъ въ новыхъ явленіяхъ отдѣлать существенное отъ несущественнаго; онъ въ особенности возсталъ противъ предположенія Галвани, который считалъ животный организмъ единственнымъ источникомъ новооткрытыхъ электрическихъ явленій и возлагалъ на свое открытіе самыя смѣлыя надежды для объясненія жизненныхъ отравленій и даже для исцѣленія недуговъ. Вольтъ, напротивъ того, источникомъ электричества призналъ соприкосновеніе двухъ металловъ и открылъ такимъ путемъ электрическіе токи, которые впоследствии такъ мощно преобразили не только физическую науку, но даже и общественную жизнь. Животное электричество потомъ вступило, правда, опять въ свои права, а именно благодаря опытамъ *Александра Гумбольдта* „о раздраженномъ мускульномъ и нервномъ волокнѣ“; но это совершилось все-таки не въ томъ смыслѣ, какъ предполагалъ Галвани; такъ что для той точки зрѣнія, на какой тогда находилось знаніе, возрѣніе Вольты слѣдовало признать болѣе вѣрнымъ, болѣе отвѣчавшимъ фундаментальной части явленій. Подъ руководствомъ Вольты знаніе электрическихъ токовъ сдѣлало быстрые успѣхи. Въ 1800 году Карлейлю и Никольсону въ Англии удалось посредствомъ галваническаго тока разложить воду, а въ 1809 г. врачъ Земмерингъ во Франкфуртѣ на Майнѣ воспользовался этимъ для первыхъ попытокъ по части электрической телеграфіи. Послѣ этого открылся широкій кругозоръ относительно многостороннихъ дѣйствій движущагося электричества, дальнѣйшее изслѣдованіе котораго предоставлено было нашему вѣку.

Въ оптикѣ также въ исходѣ восемнадцатаго столѣтія готовился переворотъ. Предположивъ особую свѣтовую матерію, Ньютонъ придалъ учению о явленіяхъ свѣта твердую систему, которою удовлетворительно объяснялись извѣстные тогда факты; хотя почти въ то же время Гюйгенсъ предложилъ другую теорію, основанную на гипотезѣ сотрясенія эфиръ, однако въ истекшемъ столѣтіи господствовала одна только теорія Ньютона. Изъ значительныхъ физиковъ одинъ только Эйлеръ призналъ возрѣніе Гюйгенса.

Изъ другаго источника вытекли извѣстные рѣзкіе и возбужденные Гёттевы нападки, направленные противъ Ньютона. Поэтическая натура Гётте всею душою возмущалась противъ расчленяющихъ методовъ, которыми физика поневолѣ пользуется для достиженія своихъ цѣлей. Подобно художественному произведенію природа также слагалась для него въ животрепещущее цѣлое, которое нельзя раздроблять, не разрушивъ его; потому Гётте и хотѣлось постичь законы природы изъ цѣльнаго ея состава силою животворнаго созерцанія. Онъ твердо вѣрилъ въ то, что природа сама собою открываетъ воспримчивой душѣ свои тайны, и отвергалъ пособія искусственнаго опыта, искажающаго въ его глазахъ природу. Но изъ самой сущности этой науки, настоящая задача которой состоитъ въ расчлененіи чувственныхъ постиженій, слѣдуетъ уже, что такое возрѣніе не могло пустить корни въ физикѣ, и Гёттева теорія цвѣтовъ не оказала плодотвор-

Оптика.

Гёттевская теорія цвѣтовъ.

наго влияния на теоретическую оптику. Впоследствии мы увидимъ, что въ другой отрасли естественныхъ наукъ, въ морфологии, Гёте, благодаря организующей силѣ своей фантазіи и истинному художническому дару живо-творнаго созерцанія, сдѣлался великимъ открытелемъ.

Однако, основы Нютоновой теории цвѣтовъ оказались совсѣмъ въ дру-гомъ родѣ несостоятельными въ виду накопившагося знанія фактовъ. Къ этимъ фактамъ относятся частью открытія *Малусомъ*, частью имъ точнѣе изслѣдованныя явленія поляризаціи и двойнаго преломленія, преимуще-ственно же открытія *Юнгомъ* въ 1801 году интерференціи свѣта. *Тома Юнгъ*, тотъ самый, что впервые разобралъ египетскіе геороглифы, былъ также однимъ изъ наиболѣе проницательныхъ физиковъ. Его изслѣдованія о свѣ-товыхъ ощущеніяхъ глаза до сихъ поръ служатъ основами для возрѣній физиологии касательно этого предмета; а своимъ открытіемъ интерференціи онъ создалъ самую прочную опору для теории сотрясенія, которую Юнгъ, а впоследствии Френель довели до высокой степени совершенства. Труды послѣдняго, однако, выходятъ уже изъ предѣловъ излагаемой нами эпохи.

Химія.

Химія сравнительно позднѣе избавилась отъ путъ, навязанныхъ ей съ одной стороны бреднями алхимиковъ, а съ другой — чисто практическими возрѣніями врачей. Въ началѣ прошлаго вѣка еще господствовали самыя смутныя понятія о составѣ тѣлъ и объ ихъ основныхъ частяхъ. Химія мало-по-малу лишь выбралась изъ схоластическаго ученія, по которому всѣ тѣла состоятъ будто бы изъ весьма ограниченаго количества элементовъ, называемыхъ также началами; послѣднія болѣею частью считались не дѣйствительно сущими конкретными веществами, а носителями извѣстныхъ общихъ свойствъ, хотя впрочемъ съ ними не рѣдко смѣшивались дѣйстви-тельно извѣстные вещества: такъ, напримѣръ, ртуть то означала извѣст-ный жидкій металлъ, то считалась представителемъ всего металлическаго вообще и въ этомъ смыслѣ признавалась составною частью всѣхъ метал-ловъ. Вообще, особенно во Франціи, господствуетъ мнѣніе, что химія только со времени Лавуазье существуетъ какъ наука; однако Коппъ въ „Исторіи химіи“ справедливо возразилъ на это, что уже Р. Бойль, современникъ Ньютона, съ яснымъ сознаніемъ отрѣшился отъ ученія алхимиковъ и пе-ренесъ также на химію духъ истиннаго изслѣдованія природы. Онъ прямо заявилъ, что химіей слѣдуетъ заниматься какъ естественною наукою ради самой ея, а не ради пользы для врачебнаго искусства или для другихъ цѣ-лей. Такому требованью и отвѣчали значительнѣйшіе химики предшество-вавшаго вѣка, хотя они болѣею частью и принадлежали къ званію врачей и были отчасти реформаторами также въ медицинѣ, а именно *Сталь*, *Ф. Гофманъ*, *Бюргавъ*.

Гофманъ.
1660—1742.
Бюргавъ.
1668—1738.

Изслѣдованью химиковъ подлежали преимущественно явленія горенія и вызываемыя имъ измѣненія веществъ, благодаря чему и развивалась наука. Въ этомъ отношеніи ученіе нѣмецкаго врача и химика, *Г. Э. Сталля*, такъ называемая флогистическая теорія всюду распространилась и всѣми при-знавалась. По ней во всѣхъ стараемыхъ тѣлахъ, особенно въ металлахъ, содержится особое „горючее вещество“, флогистонъ, который, переходя въ свободное состояніе, обуславливаетъ гореніе. Лавуазье въ началѣ своей научной дѣятельности тоже присталъ къ этому ученію, но впоследствии ему пришлось сильно ратовать противъ него. Не смотря на то, постановка этой теории въ свое время служила признакомъ значительнаго научнаго успѣха, такъ какъ благодаря ей многіе извѣстные факты подчинились одной и той же точкѣ зрѣнія и разныя химическія проявленія объяснялись до-вольно удовлетворительно. Сверхъ того, при ея господствѣ и отчасти подъ ея руководствомъ сдѣланы были значительныя новыя открытія. Правда,

Сталь.
1660—1734.

флогистическая теорія не могла объяснить одного факта, а именно, что вѣсъ тѣлъ послѣ ихъ горенія увеличивается; многіе въ этомъ случаѣ при-бѣгали къ странному объясненію, приписавъ горючему веществу отрица-тельный вѣсъ. А потому, когда въ прошломъ вѣкѣ стали въ химіи обра-щать болѣе строгое вниманіе на количественныя отношенія, то флогисти-ческая теорія оказалась несостоятельною. Обративъ вниманіе на эти вѣ-совыя отношенія, добились не только лучшаго пониманія извѣстныхъ яв-леній, но также весьма важныхъ открытій новыхъ фактовъ. Такъ между прочимъ, опираясь на вѣсовыя наблюденія, Шотландецъ *И. Блекъ* впервые призналъ углекислоту особеннымъ газообразнымъ веществомъ, отличнымъ отъ воздуха, и изслѣдовалъ ея свойства; этимъ онъ и подтвердилъ мнѣніе, что помимо обыкновеннаго воздуха существуютъ еще другія газообразныя тѣла; съ этой поры къ открытію новыхъ газовъ и примыкаютъ важнѣй-шіе успѣхи химіи. Всего плодотворнѣе въ этомъ отношеніи оказались труды обоимъ англійскихъ химиковъ, названнаго уже *Пристлеля* и еще *Кавендиша*. Первый изъ нихъ, неутомимо трудясь, открылъ нѣсколько новыхъ газовъ и описалъ ихъ отличительныя свойства, между прочимъ именно кислородъ и азотъ (1774). Обладая болѣе обширными физическими и математическими зна-ніями, Кавендишъ также занялся изслѣдованіемъ физическихъ свойствъ газовъ. Онъ первый имѣлъ вѣрныя понятія о составѣ атмосферы и о зна-ченіи ея составныхъ частей для поддержки процесса горенія и дыханія; онъ указалъ, какъ изъ открытаго (1766) имъ горючаго газа (водорода) и изъ кислорода путемъ горенія образуется вода. Однако, оба изслѣдователя были строгими приверженцами флогистической теории, которая въ этой части химіи менѣе всего способна была обнаружить настоящую суть дѣла, паденіе которой, впрочемъ, болѣе всего ускорилось именно ихъ открытіями.

Блекъ.
1728—1799.

Пристлей.
1733—1804.
Кавендишъ.
1731—1810.

Въ такомъ же духѣ въ это время дѣйствовалъ *К. В. Шеелъ*. Родившись въ Стральзундѣ, проживъ затѣмъ въ качествѣ аптекаря въ Швеци, онъ вскорѣ послѣ Пристлеля (1775) и совершенно независимо отъ него открылъ кислородъ и составъ атмосфернаго воздуха, потомъ еще другія химическія простыя вещества. *Т. О. Бермилль*, профессоръ химіи и фармаціи въ Упсалѣ также содѣйствовалъ ихъ успѣхамъ въ особенности усовершенствованіемъ методовъ химическихъ изслѣдованій.

Шеелъ.
1742—1786.

Новая эпоха для развитія химіи возникаетъ съ появленіемъ *Лавуазье* и съ побѣдоноснымъ распространеніемъ его ученія. Лавуазье былъ однимъ изъ превосходнѣйшихъ естествонаучныхъ изслѣдователей во Франціи. Усвоивъ себѣ чрезвычайное обиліе знаній въ различныхъ областяхъ естество-вѣдѣнія, ботаники, минералогіи, астрономіи, физики, математики, онъ при-ступилъ къ химическимъ вопросамъ и сдѣлался такимъ образомъ преобро-зователемъ этой науки. Строгою проверкою новооткрытыхъ фактовъ, тща-тельными изслѣдованіями мѣрою и вѣсомъ онъ убѣдился въ несостоятель-ности и шаткости флогистической теории и затѣмъ ратовалъ противъ этого ученія до окончательнаго паденія его. Своими изслѣдованіями горѣнія, состава воды, дыханія и пр. онъ неопровержимо доказалъ, что первое происходитъ не вслѣдствіе отдѣленія неизвѣстнаго вещества, а напротивъ, отъ соединенія съ кислородомъ. Такимъ образомъ онъ положилъ основаніе господствовавшему съ той поры въ химіи представленіямъ, которыя вполнѣ отвѣчаютъ всѣмъ фактамъ и въ силу которыхъ всѣ извѣстныя намъ тѣла составлены изъ извѣстнаго количества простыхъ первичныхъ веществъ. Количество этихъ первичныхъ веществъ, разложить которыя еще не уда-лось, гораздо значительнѣе прежнихъ такъ называемыхъ стихій, но поня-тіе объ ихъ отноудъ уже не метафизическое, а естествонаучное, вполнѣ эмпирическое, свободное отъ какой бы то ни было изъ метафизическихъ

Лавуазье.
1743—1794.

предположений вытекающей неопредѣленности. „Если подъ элементами (стихиями) разумѣть простыя и недѣлимыя частицы, то, вѣроятно, мы ихъ вовсе не знаемъ; если же подъ этимъ разумѣть крайнія, добытыя анализомъ составныя частицы, то всѣ неразложимыя для насъ вещества также элементы; не то чтобы ихъ считать дѣйствительными простыми тѣлами, а только потому, что они являются намъ такими, пока не удастся разложить ихъ“,— таково учение Лавуазье.— Исслѣдователь подъ гильотиною палъ жертвою террора, за то что въ качествѣ бывшаго главнаго откупщика податей онъ показался подозрительнымъ членамъ комитета народнаго блага. Хотя его ни въ чемъ нельзя было упрекнуть ни въ частной, ни въ общественной жизни.

Дальѣйшимъ, крайне важнымъ для химическихъ воззрѣній развитіемъ было открытіе закона неизмѣнныхъ пропорцій при химическихъ соединенияхъ, т. е. признание факта, что химическія соединения всегда происходятъ въ извѣстныхъ весьма простыхъ числовыхъ отношеніяхъ. Нѣмецкій химикъ *Рихтеръ* въ исходѣ столѣтія первый обратилъ вниманіе на этотъ фактъ. Онъ тщательно слѣдилъ за вѣсовыми отношеніями химическихъ соединений и съ пристрастіемъ примѣнял къ химіи математическія выкладки; однако его важныя открытія не обратили на себя особеннаго вниманія и не были признаны. Это совершилось лишь тогда, когда англійскій химикъ *Дальтонъ*, которому и физика также одолжена важными изслѣдованьями, особенно касательно свойствъ газовъ и паровъ, открылъ сродный тому законъ такъ называемыхъ сложныхъ пропорцій. Опираясь на новые факты, *Дальтонъ* придавъ новую форму и иное значеніе атомистической теоріи, которая, перешедши къ намъ изъ древности, играла важную роль во всѣхъ воззрѣніяхъ натурфилософін, а со временъ Ньютона подверглась существеннымъ преобразованьямъ; благодаря атомистической теоріи, открыты въ химіи отношенія объяснились чрезвычайно просто. Она съ этой поры и служила основою теоретическихъ воззрѣній химиковъ.

Научныя знанія органическихъ существъ и ихъ жизнѣдѣтельности, зоология, ботаника, физиология въ прошломъ столѣтіи обогатились обильнымъ матеріаломъ. Съ одной стороны, благодаря сношеніямъ съ отдаленными странами и ревностнымъ наблюденіямъ въ родномъ краѣ, успѣли ознакомиться со множествомъ новыхъ животныхъ и растительныхъ формъ; а съ другой—начатое уже въ предшествовавшемъ столѣтіи и все сильнѣе распространявшееся развитіе анатомическихъ и физиологическихъ изслѣдованій, поддерживаемыхъ усовершенствованными микроскопами, повело къ болѣе глубокому вникновенію во внутреннее устройство и въ органическія функціи животныхъ и растений. Подъ исходъ семнадцатаго столѣтія микроскопъ въ рукахъ *Мальпиги*, *Леувенгука*, *Сваммердамъ* изъ забавы знатныхъ людей преобразился въ орудіе науки, и въ виду многихъ и важныхъ сдѣланныхъ съ его помощью открытій исчезло предубѣжденіе, будто въ природѣ одно только громадное и поразительное заслуживаетъ вниманія. Прежде всего, однако, оказалось необходимымъ привести то и дѣло накопившейся матеріалъ въ порядокъ, въ системы, которыя по возможности признавались бы всесторонне и единогласно, снабдить языкомъ, равно понятнымъ естествоиспытателямъ всѣхъ странъ. Такимъ образомъ и возникли обширныя зоологическія и ботаническія системы; въ нихъ на первый планъ все болѣе и болѣе выступало стремленіе сопоставлять формы по ихъ внутреннему родству. Эти такъ называемыя естественныя системы и замѣнили собою распредѣленія по чисто наружнымъ признакамъ, въ томъ видѣ какъ въ первую половину столѣтія принималъ ихъ кѣнигсбергскій зоологъ *Клейнъ*, который по принципу отвергалъ, всякое анатомическое изслѣдованье, яко-бы чуждое зоологін.

Рихтеръ.
1762—1806.

Дальтонъ.
1766—1844.

Зоология. Ботаника. Физиология.

Мальпиги.
1628—1694.

Леувенгука.
1632—1723.

Сваммердамъ.
1637—1680.

Клейнъ.
1685—1759.

Изъ великихъ систематиковъ этой эпохи прежде всего назовемъ *Линнея*. Какъ ботаникъ, такъ и зоологъ онъ придавъ отчасти и инымъ еще признаваемыя формы. Карлъ Линнэ или Линнеусъ, какъ онъ сталъ называться по возведенію въ дворянство, былъ сынъ небогатаго сельскаго священника, потомука весьма многочисленнаго шведскаго крестьянскаго семейства. Преодолевъ разныя затрудненія и препятствія, Линнейъ развился въ великаго ботаника и зоолога. Одаренный рѣдкостною способностью къ наблюденіямъ природы, онъ многосторонне изслѣдовалъ и изучилъ именно свой родной край, и въ путешествіяхъ по Голландіи и Франціи ознакомился также съ научною жизнью этихъ странъ. Начиная съ 1741 года, Линнейъ неутомимо и съ возрастающимъ успѣхомъ трудился въ качествѣ профессора естественной исторіи въ Упсалѣ. Онъ первый ввелъ въ описательныя естественныя науки твердую, не подлежащую никакому двусмысленному толкованію поменклатуру; нельзя не оцѣнить значеніе этого прогресса. Онъ впервые съ точностью ограничилъ понятіе рода и указалъ на необходимость ясныхъ опредѣленій и краткихъ мѣткихъ описаній, чѣмъ въ свою очередь споспѣшествуется точность наблюденій. Линнейъ въ особенности занялся разработкою систематики, причѣмъ имѣлъ въ виду не только средства для того, чтобы скорѣе ориентироваться въ массѣ частныхъ, но также еще высшую точку зрѣнія, а именно прослѣдить за внутреннимъ сродствомъ различныхъ видовъ. Системы Линнея, благодаря высокому совершенству, добились распространенія и признанія болѣе всякой другой до и послѣ него.

Совсѣмъ отличную отъ Линнея натуру представляетъ знаменитый *Бюффонъ*, съ которымъ мы ознакомимся уже прежде въ его отношеніяхъ къ матеріалистамъ той эпохи. Георгъ Луи Леклеркъ, возведенный въ графское достоинство и прозванный по одному изъ его имѣній де Бюффонъ, родился въ одинъ и тотъ же годъ съ Линнеемъ; онъ принадлежалъ, однако, къ богатой и знатной французской фамилии, выросъ при иныхъ условіяхъ, вслѣдствіе чего и развилъ свои дарованія совершенно въ другомъ направленіи. Сначала онъ посвятилъ себя математическимъ занятіямъ; когда же былъ назначенъ интендантомъ Парижскаго ботаническаго сада, то призналъ естественную исторію настоящею задачею своей жизни. Бюффонъ принадлежалъ къ свѣтски образованнымъ интеллектуальнымъ кружкамъ французской столицы временъ Людовика XV и за блестящій слогъ былъ причисленъ къ классическимъ писателямъ той эпохи. Своими увлекательными и восторженными описаніями онъ въ образованныхъ и знатныхъ кружкахъ приобрѣлъ много почитателей и друзей мало уважаемой до него естественной исторіи. Бюффонъ не былъ тщательнымъ и ревностнымъ изслѣдователемъ и наблюдателемъ подобно Линнею; онъ питалъ явное отвращеніе отъ систематики, безъ которой все-таки не могъ обойтись. Въ своихъ описаніяхъ онъ пользовался сообщеніями путешественниковъ и наблюденіями другихъ лицъ (а именно своего сотрудника Добентона), которыя всегда были готовы къ его услугамъ, но принимались имъ зачастую безъ всякой проверки. Онъ имѣлъ въ виду, представить наглядную, отдѣльными очерками богато оживленную картину совокупной природы, постигши и озарить отдѣльные факты въ значеніи ихъ относительно всей совокупности. Смѣлясь, нерѣдко рискованныя гипотезы составлялъ онъ о возникновеніи органическаго міра, объ эпохахъ творенія, о жизни животныхъ и растений; но этими излагаемыми одушевленными языкомъ, проникнутыми его многообъемлющимъ взоромъ и философскимъ духомъ гипотезами онъ подалъ толчокъ къ господствующему падъ частностями сравненію и сопоставленію научныхъ выводовъ. Бюффонъ оказалъ еще несомнѣнную услугу тѣмъ, что, поддерживаемый духомъ отрицанія эпохи и всего окружающаго

Линней.
1707—1778.

Бюффонъ.
1707—1788.

его, онъ освободилъ изслѣдованье природы отъ догматическихъ предразсудковъ и навелъ его на свойственные ему пути.

Болѣе въ Линнеевомъ духѣ и столь же важными какъ его системы были труды семейства *Жюссѣ*, даровавшаго ботаникѣ цѣлый рядъ превосходныхъ ученыхъ. Самыми значительными между ними были *Бернаръ* и его племянникъ *Антуанъ Лоранъ де Жюссѣ*, работавшіе большею частью вмѣстѣ, *А. Л. де Жюссѣ*, такъ что теперь нельзя даже отдѣлать услуги одного отъ другаго. Оба они имѣли въ виду, установить распредѣленіе растений по естественному средству, и труды ихъ въ этомъ отношеніи служили основою для всѣхъ послѣдовавшихъ затѣмъ такъ называемыхъ естественныхъ ботаническихъ системъ.

Старшій *Б. Жюссѣ*, въ качествѣ надзирателя сада въ Трианонѣ, прежде всего осуществилъ свои идеи, размѣстивъ растения въ саду по естественнымъ группамъ. А младшій, который послѣ *Бюффона* былъ директоромъ ботаническаго сада въ Парижѣ, въ объемистомъ сочиненіи выработалъ и обнародовалъ естественную ботаническую систему, создавъ такимъ образомъ твердыя, донынѣ еще господствующія основы систематической ботаники.

Однако наука объ органическихъ существахъ помимо систематики преслѣдуетъ еще другія цѣли. Системы служатъ только какъ бы средствами, сама наука имѣетъ въ виду высшія задачи, нежели сопоставку и порядкомъ отдѣльныхъ фактовъ: изслѣдовать жизненную дѣятельность, сравнить между собою различныя формы, разобрать общія и частныя свойства, вывести изъ явленій основныя законы природы—вотъ каковы задачи физиологій и сравнительной анатоміи. Замѣчательныя наблюденія, какія въ половинѣ столѣтія *женевскій естествоиспытатель Абрагамъ Трамбле* дѣлалъ надъ воспроизведеніемъ полиповъ, оказали существенное вліяніе на воззрѣніе матеріалистовъ-философовъ той эпохи, а именно на *Ламеттри*, были впрочемъ также весьма важны для изслѣдованья природы. Въ такомъ же духѣ трудился другой болѣе молодой *женевецъ, Чарльсъ Бонне*.—Развитію физиологій той эпохи много содѣйствовалъ извѣстный уже намъ какъ поэтъ *Амбрехтъ Галлеръ*; онъ былъ родомъ изъ Берна, но научная дѣятельность его принадлежитъ большею частью *Гёттингенскому университету*, гдѣ онъ довелъ естественныя науки до высокаго расцвѣта. *Галлеръ* считается основателемъ опытной физиологій, и его вліяніе на современниковъ было весьма значительное. Его теоріи объ исторіи развитія животнаго зародыша долгое время были господствовавшими, хотя, впрочемъ, послѣдовавшія затѣмъ изслѣдованья, именно *Спаланцани* и *К. Ф. Вольфа*, существенно преобразовали и исправили ихъ. Въ области сравнительной анатоміи и физиологій слѣдуетъ еще упомянуть о трудахъ *Англичанина Д. Гентера* и *Француза Феликса Викъ д'Азира*, наконецъ еще *И. Ф. Блументаха*, основатели естественной исторіи человѣческихъ расъ.

Трамбле. 1710—1784.

Бонне. 1720—1793.

Спаланцани. 1729—1799.

Вольфъ. 1733—1794.

Гентеръ. 1728—1793.

Викъ д'Азиръ. 1748—1794.

Блументахъ. 1752—1840.

Ламаркъ. 1744—1829.

Жоффруа-Сентъ-Илеръ. 1772—1844.

Гётевы морфологическія труды.

Плывущее время морфологическихъ изслѣдованій, съ которыми связано имя *Кювье*, находится внѣ предѣловъ разсматриваемой нами теперь эпохи. Но отведемъ кстати имени *Гёте* подобающее ему значеніе естествоиспытателя.

Въ исторіи морфологій великій поэтъ всегда займетъ почетное мѣсто; и дѣйствительно, тутъ открывається поле, на которомъ животворное созерцаніе и эстетическая точка зрѣнія поэта, художественное чувство формы могли повести къ научнымъ открытіямъ. *Гёте* первый внесъ въ науку двѣ великія всеобщія идеи касательно образовъ органическихъ существъ; впоследствии онѣ были признаны всѣми и оказались плодотворными, а въ повѣйшее время, благодаря ученію *Дарвина*, приобрѣли даже новое значеніе; возникшія сначала скорѣе вследствие эстетической потребности художника, нежели вследствие объективнаго наблюденія, эти двѣ идеи въ теченіе многихъ лѣтъ подвергались самымъ *Гёте* тщательнымъ изслѣдованьямъ и подтвердились ими. Первая изъ нихъ состоитъ въ томъ, что великое множество животныхъ и растительныхъ образовъ устроены по одному общему основному плану, всѣ формы ничто иное какъ измѣненія одного первичнаго типа; эта мысль и повела его къ извѣстному анатомическому открытію межчелюстной кости у человѣка. Другая идея, которая мастерски изложена въ „*Метаморфозахъ растений*“ и подтверждается прекрасными наблюденіями, выражаетъ такой же законъ для отдѣльныхъ органовъ растительной или животной особи; вследствие чего эти отдѣльныя части также ничто иное какъ измѣненія основной формы, обусловленныя различными, свойственными имъ жизненными функциями.

Гёте прекрасно выражаетъ руководящую его идею въ двуступни:

«Всѣ образы сходны, и ни одинъ не похожъ на другой,
А вмѣстѣ они сопряженный законъ знаменуютъ».

II. ОБРАЗОВАНИЕ СЪВЕРОАМЕРИКАНСКАГО СОЮЗА И ЕВРОПЕЙСКІЯ ДЕРЖАВЫ.

Литература. Вслѣдствіе наболившихся во множествѣ монографій по поводу излагаемыхъ въ предлагаемомъ отдѣлѣ событій, ограничимся лишь названіемъ важнѣйшихъ и новѣйшихъ историческихъ сочиненій, которыми здѣсь пользовались. Помимо нѣсколькихъ разъ уже упомянутыхъ твореній *Плоссера*, *лорда Магона* и др. сюда относятся: 1) О времени царствования Георга III въ самой *Англіи*: *Aikin*, *Annals of the reign of K. G. III.* Lond. 1820, 2 voll.; *Hughes*, *Hist. of E. from the accession of G. III.* Lond. 1836, 7 voll.; *Massey*, *H. of E. during the reign of G. III.* Lond. 1861—1863. 4 voll.; *Brougham*, *Hist. sketch of G. III.* Lond. 1839 и 1855; *John Adolphus*, *Hist. of E. from the acc. of K. G. III. to the peace of 1783.* Lond. 1802, 3 voll. «Письма Юнія» (по англ. въ *Bohn stand. libr.* Lond. 1865. По нѣмцки *Arn. Ruge*, *Mannh.* 1847) и моногр. объ нихъ *Брокгауза* Лейпцигъ 1876: *Lesky*, *History of England in the eight centh Century*, 2 и 3 томы (нѣмецкій переводъ *Löwe*); *Fischel*, *Die Verf. Englds.* Berl. 1862.—2) О Сѣверной Америкѣ: Помимо старыхъ сочиненій *Ramsay*, *Hist. of the Am. revolut.* Lond. 1791, 2 voll.; *John Gorham Palfrey*, *History of New-England during the Stuart dynasty.* Boston 1858; *John C. Hamilton*, *History of the Republik of the United States of America, as traced in the writings of Alex. Hamilton and of his contemporaries.* New-York, 1857, 2 т. и пр. Изъ нѣмецкихъ сочиненій: *Dietr. H. v. Bülow*, *Der Freistaat von Nordamerika in seinem neuesten Zustande.* Berlin, 1797, 2 Bände; обширное твореніе *Bancroft*, *H. of the United Stades* New-York 1834—1864. 9 voll. перевелъ *Kretschmar*, *Leipz.*, 1845; *Robert Mohl*, *Das Bundesstaatsrecht der Vereinigten Staaten von Nordamerika. Erste Abtheilung; Verfassungsrecht.* Stuttgart u. Tübingen 1824 (Frgm.), *K. F. Neumann*, *Gesch. der Ver.-St. v. Am.* Berl. 1863—1866, 3 voll.; *Laboulay*, *Hist. pol. des Etats-Unis.* Par. 1855—1866. По нѣмцки, *Heidelberg* 1868—1870; *Fr. Kapp*, *Der Soldatenhandel der d. Fürsten nach Am.* Berl. 1864; *id.* *Das Leben des amerikanischen Generals F. W. v. Steuben.* Berlin 1858; *Leben des amerikanischen Generals Ioh. Kalb.* Stuttg. 1862; *Friedr. d. Gr. u. die Vereinigten Staaten.* Leipz. 1871; *G. von Holst*, *Verfassung und Demokratie in den Vereinigten Staaten von Amerika*, 1 T. *Staatssouveränität und Sklaverei.* Düsseldorf 1873.—3) Объ англійскомъ государствѣ въ Остидіи: сочиненія *James Mill*, *The hist. of Brit.-Ind.* Lond. 1820. 6 voll. *Thom. Keightley*, *Hist. of Ind* перевелъ *Seubt* въ: *Bülaus moderne Geschichtsch.* Leipz. 1857, 3 voll.; *K. Fr. Neumann*, *Geschichte des Engl. Reichs in Asien.* Leipz. 1857, 2 т. Биографія *Баррена Гастинга (Gleight)* и *лорда Клейва (Malcolm и Macaulay).*

1. БРИТАНСКІЯ КОЛОНИ СЪВЕРНОЙ АМЕРИКИ ДО ПАРИЖСКАГО МИРА.

а) Основаніе англійскихъ колоній.

Послѣ Губертусбургскаго мира въ теченіе слишкомъ двухъ десяти-
лѣтій Европу мало тревожили войны и шумъ оружія; а потому идеи
просвѣщенія, умственные и научные интересы усильли еще крѣпче
укорениться и распространиться. Въ послѣднемъ отдѣлѣ мы ознако-
мились съ завоеваніями ума по всѣмъ отраслямъ общественной жизни,
въ церковной, политической и народнохозяйственной области; проис-
ходившія тяжкія войны на западѣ и востокѣ также состояли въ связи
съ великими современными вопросами, какіе возбуждались умами въ
литературѣ и наукѣ. Нигдѣ, однако, соотношеніе между царствомъ
идей и историческою жизнью не проявлялось такъ сознательно, какъ
въ великой народной борьбѣ, послѣдствіемъ которой была незави-
симость англо-американскихъ колоній. Виргинецъ Тома Джеферсонъ,
этотъ апостолъ американской свободы, заявилъ: политика и религія
страдаютъ отъ суевѣрія прошедшаго; свѣтъ разума долженъ осво-
бодить человѣчество отъ этихъ историческихъ путъ. И въ самомъ
объявленіи независимости, составленномъ Джеферсономъ, принципы
философіи просвѣщенія помѣщены во главѣ въ видѣ коренныхъ правъ
человѣчества: «Мы признаемъ слѣдующія основныя положенія не-
опровержимо доказанными: всѣ люди равны отъ рожденія, всѣ они
одарены Творцомъ неотъемлемыми правами; къ нимъ принадлежатъ
право на жизнь, свободу и стремленіе къ блаженству; всѣ правленія
должны зависить отъ согласія управляемыхъ, а если правитель-
ство чѣмъ бы то ни было нарушаетъ вышесказанныя неотъ-
емлемыя права, то право революціи освящается». Мы знаемъ уже,
что Локке въ своемъ проектѣ конституціи для Южной Каролины
(стр. 114) требовалъ отдѣленія церкви отъ правительства. Этотъ
принципъ сталъ однимъ изъ основныхъ уставовъ въ Соединенныхъ
штатахъ. Вѣра и религія должны быть свободны и предоставлены
личной совѣсти. Образованіе религиозныхъ общинъ добровольнымъ
соединеніемъ единовѣрцевъ, такъ называемый «добровольный прин-
ципъ» («Voluntary Principle») въ духѣ времени признавался од-
нимъ изъ основныхъ законовъ и понятіе о государственной церкви
устраивалось.

«Американская революція», какъ превосходно, но конечно не безъ прикрасъ, замѣ-
чаетъ Банкрофтъ, «была крайне радикальна по своему характеру, однако, она испол-
нилась съ такимъ благодушнымъ спокойствіемъ, что даже самъ консерватизмъ осторожно
и воздержно осуждалъ ее. Междоусобная война вооружила другъ противъ друга людей
одного племени, а все-таки лишь съ цѣлью способствовать принципамъ вѣчнаго мира

Соотношеніе
между наукою
и жизнью.

и всеобщаго братства. Новая плебейская демократія стала о-бокъ съ первостатейными державами. Религія была освобождена отъ узъ гражданскихъ учреждений. Мысль добилась свободнаго выраженія словомъ и печатью. Промышленности предстояло впредь сдѣлать лишь указанія своего собственнаго гения. Система коммерческихъ разграниченій между отдѣльными штатами была отринута и разрушена, океанъ былъ предоставленъ всякому мирному судну. Отвѣчая требованіямъ гуманности, народное право было смягчено, благодаря взаимному соглашенію, новый болѣе гуманный и справедливый законъ о судоходствѣ вступилъ въ силу. Торгъ невольниками былъ заглаженъ позоромъ и ограниченъ. Родина языка Бекона и Милтона, Чатама и Вашингтона расширилась до того, что въ каждомъ полѣхъ, чуть ли не подъ каждымъ градусомъ широты дѣсныя уста лепечуть по англійски какъ на своемъ родномъ языкѣ. Равенство всѣхъ людей было заявлено, личная свобода въ полной ея индивидуальности была обезпечена, и всеобщее соглашеніе было признано единственно вѣрнымъ источникомъ основныхъ законовъ, такъ что народъ въ тринадцати отдѣльных штатахъ, съ обширною притомъ областью для основанія еще большаго ихъ числа, создалъ каждый самъ для себя свои собственные политическія учрежденія. Выбѣсъ съ принципомъ свободы личности и свободы отдѣльных штатовъ въ федеративномъ Союзѣ осуществился прекраснѣйшій плодъ человѣческаго ума. И этотъ Союзъ напередъ уже устранилъ всякій поводъ къ своей гибели, обезпечивъ за вѣдущимъ изъ грядущихъ поколѣній право совершенствовать свою конституцію согласно съ возрастающимъ разуміемъ живущаго народа“.

Съ той поры какъ Вальтеръ Ралей, «этотъ духовный пращуръ Соединенныхъ штатовъ С. Америки», при Елисаветѣ основалъ при Джемсъ-риверѣ первое поселеніе, назвавъ страну въ честь дѣвственной королевы «*Виргиніей*» (XII, 78, 84), и до того времени, когда квакеръ Вильямъ Пеннъ въ долинѣ Делавава заложилъ городъ Филадельфію, это убѣжище свободы и братской любви для «друзей» (II, 394), въ Сѣверной Америкѣ расцвѣло много колоній. По припятому въ то время принципу, всѣ новооткрытыя земли принадлежали тому державцу, который выслалъ морехода и во имя котораго захвачено было владѣніе. Такъ точно и англійскіе короли, основываясь на открытіяхъ Джованни Кабота и его сыновей, предъявили свои права на обладаніе Сѣверною Америкою. Согласно съ этимъ всякія поселенія только тогда считались законными, когда узаконялись королевскою льготною или жалованною грамотою. Такая грамота считалась святымъ основнымъ уставомъ, великою хартіею колоній. Слѣдуя по пятамъ Ралея, двѣ коммерческія компаніи при Яковѣ I. уже основали еще другія поселенія и получили грамоты съ широкими привилегіями, служившія впоследствии образцами для остальныхъ колоній. При сынѣ его, Карлѣ I., переселенія совершались еще чаще. Во время религіозныхъ и междоусобныхъ войнъ многіе изъ британскихъ подданныхъ всѣхъ сословій спасались за море отъ гоненій, надѣясь вмѣстѣ съ тѣмъ приобрести тамъ сокровища и богатства. Такъ точно и Джоржъ Кальверъ, возведенный впоследствии въ лорда Балтимора, получилъ отъ Карла I. грамоту на область, которая лежитъ на сѣверѣ отъ Виргиніи. По имени королевы Генриетты Мэри, онъ прозвалъ страну «*Мэрилендомъ*» и въ нѣ-

Англійскія
колонія.

Мэрилендъ.
1632.

сколькихъ миляхъ къ западу отъ Чезепикской бухты заложилъ новую столицу, до сихъ поръ носящую его имя, Балтиморъ (1632). Какъ Виргинія, такъ тоже и Мэрилендъ пребыли вѣрны традиціямъ родины, сохранили аристократическій и епископальный отпечатокъ; въ дни междоусобій они приняли сторону короля. Однако, изъ виргинскаго края изгнаны были всѣ сепаратисты, тогда какъ въ Мэрилендѣ признавалась свобода совѣсти. Двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ (1620) небольшая кучка Пуританъ, прозванныхъ «Пилигримами», остатокъ «убогой гонимой паствы Христовой», спасавшихся нѣкогда съ своимъ проповѣдникомъ, Джономъ Робинсономъ, въ Голландію отъ деспотизма англиканской церкви, пристала на кораблѣ «Майскій цвѣтъ» у мыса Кода къ суровому, неприютному берегу *Массачузета*. Капитанъ Джонъ Смитъ, авантюристъ и герой романа, возвратившись изъ Виргиніи, впервые посетилъ этотъ край и прозвалъ его «Новою Англіею». Пилигримы не могли добиться ни охранительной, ни жалованной королевской грамоты, оттого что Стюартъ ненавидѣлъ этихъ упорныхъ людей, поклонявшихся Богу въ простотѣ сердечной безъ всякихъ епископовъ и безъ всякой іерархіи. Лишь по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ имъ дарованы были такія же какъ и Виргинцамъ привилегіи и право самоуправления. Вѣдь расширеніе и преуспѣяніе колоній было выгодно для могущества, для коммерческаго и промышленнаго развитія метрополіи. Земля сначала воздѣлывалась сообща, и жатва дѣлилась поровну. Однако, вскорѣ убѣдились, что личное землевладѣніе сильнѣе подстрекаетъ каждаго къ труду и къ бережливой домовитости, потому и перешли къ системѣ частной собственности. Изъ прежнихъ очерковъ извѣстно уже, какиимъ напастямъ неопытные Европейцы подвергались на первыхъ порахъ въ Новомъ Свѣтѣ; все это, однако, ничего еще не значить въ сравненіи съ тѣми опасностями и препятствіями съ какими пришлось бороться по высадкѣ въ суровомъ лѣсисто-мъ краѣ кучкѣ пилигримовъ, всѣмъ этимъ Брюстерамъ, Стендишамъ, Бредфордамъ, Карверамъ, Винслоуамъ и ихъ соучастникамъ. Страдая отъ голода и холода, они то и дѣло подвергались нападкамъ непріязненныхъ дикарей. Однако нужда была матерью силы и мужественной добродѣтели. Они построили городъ Шлимутъ, расчистили лѣса и засѣяли почву хлѣбомъ, вступали въ мирныя и торговые договоры съ вождями сосѣднихъ племенъ, устроили свою общину по образцу роднаго края и поручили ее охранѣ «отцовъ пилигримовъ». Вскорѣ къ нимъ прибыли оставшіеся въ Европѣ единовѣрцы изъ Голландіи, и между прочимъ также семья умершаго тѣмъ временемъ проповѣдника Робинсона. Изъ самой даже Англій въ тяжкіе годы Стюартова деспотизма (XII, 107) Пуритане толпами спасались за море и вступали въ сообщество съ прежними поселенцами. Между ними былъ также Джонъ Впитропъ, благочестивый мужъ, по-

Массачузетъ.
1620.

томъ еще разумный пасторъ Джонъ Коттонъ изъ Бостоа въ Линкольнширѣ. Въ честь послѣдняго новый городъ и былъ прозванъ именемъ Бостонъ. «По чуждымъ мрачнымъ пустынямъ пилигримы пролагали пути къ убѣжищу для тѣхъ, которые ради чистоты вѣры или свободы совѣсти удалялись въ дебри». Они не покидали ни одной пяди прибрѣтенной почвы; одни проникали далѣе, а другіе тутъ же занимали ихъ мѣста. Предоставленные своимъ собственнымъ силамъ, созрѣвъ въ помыслахъ и самообразованіи, строгіе мужи старались въ своихъ учрежденіяхъ связать свободу и самоопредѣленіе съ общимъ благомъ и христіанскимъ духомъ. Хотя они и не пользовались благосклонностью королей изъ дома Стюартовъ, но были тѣмъ не менѣе вѣрными и покорными подданными: ихъ высшимъ желаніемъ было распространить славу британскаго имени и владычество метрополи. Они неизмѣнно сохраняли и поддерживали въ новой родинѣ языкъ и культуру, нравы, учрежденія и вѣру отцовъ; благодаря имъ торговля роднаго края сильно поощрялась.

Размноженіе колоній.

Новые поселенцы, опираясь на королевскую грамоту, изъ первой колоніи распространяли сѣверныя англійскія владѣнія, такъ что мало-по-малу въ «Новой Англии» помимо Массачузета возникли самостоятельные или въ томъ же родѣ сложившіяся и родственные по духу штаты: *Коннектикутъ*, *Родъ-Эйландъ* и *Нью-Гемширъ*; къ нимъ въ послѣдствіи присоединились еще *Мэнъ* и *Вермонъ*. Развившіяся политическія и религіозныя партіи, которыя такъ же какъ и въ метрополи волновали колоніи, служили не рѣдко поводомъ къ новымъ поселеніямъ: такъ между прочимъ предприимчивый Роджеръ Вильямсъ вмѣстѣ съ младшимъ Генри Веномъ и съ приверженцами Анны Гетчинсонъ, не ужившись при ихъ мистически-спиритуалистическихъ вѣрованіяхъ съ строгими Пуританами Массачузета, переехали въ Родъ-Эйландъ и основали тамъ городъ Провидѣнія (Провиденсъ). Благодаря впрочемъ совершенному отдѣленію государства отъ церкви, распри здѣсь отзывались не такъ рѣзко, какъ въ старой родинѣ. Здѣсь всѣ религіозныя общины основывались на одинакихъ коренныхъ воззрѣніяхъ, и какъ одинъ, такъ и другіа твердо рѣшились соблюдать какъ святыню великіе принципы свободы и равенства, не допуская въ свою среду ни знати, ни іерархіи. Самыя прозвища возникавшихъ постепенно городовъ свидѣтельствовали о воодушевлявшемъ всѣхъ мирномъ и согласномъ чувствѣ. Да развѣ не отъ этого единодушнаго содѣйствія зависѣло ихъ будущее благосостояніе? Имъ не разъ приходилось вести войну съ дикими соседними племенами, съ Пикводами, Наррегенсетами, Могиканами, и отставать противъ многочисленныхъ индѣйскихъ ордъ прибрѣтенія цивилизаціи. Въ памяти англійскихъ колонистовъ, этихъ «Янке», какъ прозвали ихъ туземцы, долго сохранялась борьба на смерть при р. Коннектикутъ, гдѣ Роджеръ Вильямсъ, Гукеръ и Гайнесъ въ 1637 году

Коннектикутъ.
Родъ-Эйландъ.
Нью-Гемширъ.
Мэнъ.
Вермонъ.

добились наконецъ побѣды и предали пламени вражескій станъ. Попытки миссіонеровъ, водворить христіанскую вѣру и культуру среди этихъ дѣтей природы и лѣсовъ, были безуспѣшны. Строптивый духъ свободы возбуждалъ дикарей противъ благъ цивилизаціи и понудилъ колонистовъ къ борьбѣ самообороны и истребленія. Да если-бъ имъ пришлось ратовать только противъ этихъ полунативъ, вооруженныхъ стрѣлами индѣйцевъ! Но они въ то же время должны были защищаться еще на сѣверѣ отъ Французовъ, а на югѣ отъ Голландцевъ.

Мы уже знаемъ, что мореходные Голландцы селились при Гулсонѣ и послѣ продолжительной тяжкой борьбы съ Шведами основали Новый Амстердамъ. Вопреки религіозному согласію между обѣими этими націями возникла ревность и вражда, подававшая поводъ къ разнымъ стычкамъ. Поселенцы Новой Англии, разпожалась и усиливаясь постояннымъ притокомъ европейскихъ выходцевъ во время усобицы въ родномъ краѣ, признали необходимымъ соединиться на общее дѣло болѣе тѣсными узамъ. Такъ въ 1643 году уже возникъ «Союзъ колоній въ Новой Англии»; въ недрахъ этого перваго государственнаго союза скрывались зародыши важныхъ развитій. «Охрана отъ захватовъ Голландцевъ и Французовъ, защита отъ дикихъ племенъ, свобода евангелія въ чистотѣ и мирѣ — таковы были поводы къ заключенію конфедерации; она просуществовала почти столѣтія и, даже расторгшись, оставила по себѣ надежду, что изъ ея корня возникнетъ новый и лучший союзъ». Избранные депутаты изъ всѣхъ связанныхъ между собою штатовъ составляли союзный совѣтъ; въ связи съ назначаемыми отъ короля чиновниками ему надлежало блюсти общіе интересы, рѣшать дѣла касательно войны и мира. Благодаря угрожавшимъ извнѣ опасностямъ, борьба религіозныхъ партій, истерзавшая родной край во время республики, здѣсь не доходила до такой крайности, чтобы вслѣдствіе этого союзъ надолго расторгся. Руководясь свободою совѣсти, пуритане Массачузета и анабаптисты Родъ-Эйланда протянули другъ другу руки на миръ. Строгий религіозный законъ, въ силу котораго изгонялись всѣ квакеры и трое изъ ихъ вождей, оказавшихъ неповиновеніе, умерли даже смертью мучениковъ, вскорѣ долженъ былъ уступить мѣсто болѣе сильному принципу терпимости и свободы вѣры, власти гуманности и христіанской любви.

Союзъ Новой Англии.

При Карлѣ II и Массачузету также пришлось терпѣть отъ реакціи роднаго края. Правительство пыталось преобразовать управление и законодательство въ королевскомъ и іерархическомъ духѣ и втянуть Новую Англию въ болѣе «ощутительную зависимость». Какъ города Великобританіи лишены были ихъ важнѣйшихъ правъ (XII, 370), точно такъ же была уничтожена грамота, которую некогда флотъ Виттропа привезъ къ берегамъ Новой Англии (1684). Однако, эта буря также миновала, а расширеніе колониальныхъ владѣній, совершившееся при томъ же королѣ вслѣдствіе европейской военной политики (XII, 279, 271), въ концѣ концовъ послужило въ пользу штатамъ Новой Англии. Когда Ричардъ Никольсъ по порученію генералъ-адмирала герцога Йоркскаго принудилъ къ

Колонія при Карлѣ II.

сдачу Новую Нидерландію при Гудсонѣ и морѣ съ городомъ Новымъ Нью-Йоркъ. Амстердамомъ (1664), то прибрѣтенное владѣніе, прозванное съ того времени по имени королевскаго брата Нью-Йоркомъ, вмѣстѣ съ лежащими южнѣ холмистыми побережьями, Нью-Джерси и Делаваромъ, также было присоединено къ англійскимъ колониальнымъ областямъ. Германо-протестантское населеніе колоній шведскаго, голландскаго и англійскаго происхожденія, вскорѣ вступило въ дружественныя сношенія съ сѣверными одноплешными сосѣдями. Невольничество не было отмѣнено, однако естественныя и почвенныя условія задерживали его развитіе. Изъ форта Орежа возникъ городъ Альбени. Когда статгальтеръ Голландіи сталъ въ то же время королемъ Англии, то потомки обѣихъ мореходныхъ націй и въ Новомъ Свѣтѣ также заключили братскій союзъ—на основаніи гражданской и религіозной свободы. Въ Нью-Джерси скоро расцвѣла значительная квакерская колонія, соревновавшая въ дѣлахъ Христовой вѣры и практическаго человѣколюбія съ «друзьями» при Делаварѣ и Сускеганнѣ, въ «лѣсной области» Пенна. Въ Пенсильваніи потомки семействъ, которымъ подарена была земля, сохранили за собою преобладающее вліяніе въ управленіи и законодательствѣ. При такихъ же условіяхъ какъ Пенсильванія и Мэрилендъ на историческое поприще выступили еще двѣ области, занявшія подъ именемъ Сѣверной и Южной Каролины весь край отъ 37 градуса широты и до рѣки Саванны. Нѣкогда подъ покровительствомъ Колинъ тамъ селились французскіе гугеноты и придали колоніи имя своего короля Карла IX. Поселенія не могли преуспѣвать; въ семнадцатомъ вѣкѣ край былъ еще мало заселенъ; одни только побережья по рѣкѣ и при мысѣ Фиръ были заняты Массачузетами. Южный участокъ отъ 36. градуса широты до рѣки король Карлъ II пожаловалъ за небольшой ежегодный взносъ въ собственность съ полнымъ самодержавнымъ правомъ восьми дворянамъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны Кларендонъ, Монкъ, Шефтсбери, Джонъ и Вильямъ Берклей и Джоржъ Картеретъ (1663). Для этой-то области, расширенной два года спустя послѣ того отъ 29. до 37. градуса, Локке и составилъ извѣстную конституцію; ея въ юный край переносились феодально-аристократическія учрежденія метрополи за исключеніемъ правительственно-церковныхъ, но съ соблюденіемъ землевладѣльческихъ интересовъ. Эта конституція, утверждая разные дворянскіе классы, надѣляя землевладѣльцевъ самодержавною властью съ правами патроната, вводя оброчныхъ и крѣпостныхъ людей, лишенныхъ политическихъ правъ, и придавая всей государственной системѣ монархически-аристократическій отпечатокъ, оказалась непрактичною, такъ что вслѣдствіе возстаній, гражданскихъ смуть и усилившагося переселенія ее пришлось отмѣнить послѣ двухъ десятилѣтій. Это повело къ тому, что въ Южной и Сѣверной Кароли-

Нью-Йоркъ.

Нью-Джерси и Делаваръ.

Пенсильванія.

Колонія юга.

Сѣверная и Южная Каролины. 1663.

нахъ, а также и въ старѣйшихъ колоніяхъ, Виргиніи и Мэрилендѣ, сложился отличный отъ сѣверныхъ провинцій характеръ, и онъ сохранился тамъ даже тогда, когда въ наступившее за сямъ столѣтіе (1729) правительство выкупило у дворянскихъ землевладѣльцевъ эту область и назначило въ Каролины королевскаго наместника. Войны съ Черокезами по р. Саваннѣ и въ долинахъ Аллегенъ поддерживали боевой рыцарскій духъ. Понятія монархическихъ державъ о томъ, что должны существовать высшія и низшія сословія, что власть и господство должны быть связаны съ собственностью и общественнымъ рангомъ, что аристократическія формы и образованіе также и въ государственной жизни и въ гражданскомъ положеніи должны надѣлять людей преимуществами и болѣе широкими правами,—эти и тому подобныя понятія укоренились и тутъ тоже: размножившіяся при Карлѣ II, вслѣдствіе раздачи земель и привилегій роялистамъ, землевладѣльцы и плантаторы отличались отъ народныхъ вожаковъ общинъ на сѣверѣ такъ же, какъ патриціи отъ плебеевъ. Виргинія, гдѣ при Джемсъ-риверѣ, «возносясь надъ зеркальною поверхностью водъ и надъ зеленѣющею равниною», возвышался гордый городъ Ричмондъ, и южные сосѣдніе штаты стали настоящимъ очагомъ и разсадникомъ невольничьей системы, особенно когда по трактату-ассиенто (XII, 599; XIII, 56) за англійскими негоціантами признано было исключительное право прибыльной торговли неграми.

„Въ Южной Каролинѣ бѣлому человѣку не было охоты заниматься рубкою лѣсовъ и пахотою; а климатъ споспѣшествовалъ цѣлямъ коммерческой алчности, и племя негровъ, благодаря непрестанному подвозу, размножилось такъ быстро, что черезъ нѣсколько лѣтъ уже чернокожіе численностью относились къ бѣлымъ какъ двадцать два къ двѣнадцати“. Красота и плодородіе края привлекали многихъ поселенцевъ. Политическія и религіозныя преслѣдованья при послѣднемъ Стюартѣ и уголовныя тяжбы Жеффри изгоняли людей тысячами изъ Англии и Шотландіи за море; отмѣна Нантскаго эдикта побуждала угнетаемыхъ гугенотовъ вновь обратиться къ убѣждающимъ ихъ отцовъ въ Южной Каролинѣ. — Съ размноженіемъ переселенцевъ въ край проникли также зародыши гражданскихъ беспорядковъ и мятежей. Противъ привилегированныхъ роялистовъ возстали поборники народной свободы и равноправности. Конституціонная борьба въ отчизнѣ отозвалась также за Океаномъ. Въ октябрѣ 1683 штаты Новой Англии, Нью-Йоркъ и Виргинія издали сообща „Хартію народныхъ правъ“ слѣдующаго содержанія: Въ каждомъ изъ колониальныхъ штатовъ законодательная власть имѣетъ поддежать королевскому губернатору въ связи съ сенатомъ и палатою депутатовъ, великія тяжбы должны рѣшаться судомъ присяжныхъ, никакія подати не могутъ быть взимаемы безъ согласія народныхъ представителей и никого, вѣрующаго въ Бога и Иисуса Христа, не должно преслѣдовать за религіозныя убѣжденія.

в. Вражда между англійскими и французскими колонистами.

Благодаря великодушному филантропу генералу Оглторпу, при лическія поселенія. Романо-като-

Испанія. пая его именемъ, при рѣкѣ Саваннѣ заселенная *Георгія* съ ея гуманнымъ законодательствомъ. Весь этотъ германо-протестантскій колониальный міръ былъ окруженъ поясомъ романо-католическихъ плантацій, которыя представляли всѣ возможные препятствія англійскимъ поселеніямъ и задерживали ихъ развитіе. Югъ сѣвернаго материка отъ *Флориды* до Миссиссипи составлялъ часть великой атлантической Испаніи, главныя владѣнія которой заключались въ Мексикѣ и въ штатахъ Центральной и Южной Америки. Считаая весь этотъ открытый Новый Свѣтъ своею собственностью, Испанцы никогда не признавали законными притязанія Англичанъ на сѣверныя земли и выдаваемые англійскими королями въ силу права открытія грамоты и раздачи участковъ. Они поневолѣ допускали фактически то, чему не могли помѣшать; въ теоріи же всегда считали англійскую колонизацію незаконнымъ захватомъ.

Новая Франція и станція на Миссиссипи.

Французы также враждебно относились къ англійскимъ колонистамъ. Намъ изъ прежнихъ томовъ (XI, XII) уже извѣстны возникновеніе и развитіе поселеній по рѣкѣ св. Лаврентія и до Великихъ сѣверныхъ озеръ. По религіи, складу жизни и монархически-аристократическимъ учрежденіямъ они подъ именемъ «Новой Франціи» готовились быть отискомъ прекраснаго роднаго края въ гордой золотой вѣкѣ Людовика XIV. Благодаря дѣятельности Кольбера и патристически-религіозной ревности Чамплена вскорѣ вновь расцвѣли старыя поселенія Квебека, Монреала и пр. въ Канадѣ, на почвѣ которой въ изобиліи преуспѣваютъ разнаго рода плоды, а густыя дебри поставляютъ лѣсной и пушной товаръ для прибыльнаго торговаго. Прекрасная долина Оттавы заселялась и воздѣлывалась. Французскіе сеньоры, которые именемъ короля вступили во владѣніе землею, заселили и расширили ее, перенесли съ собою изъ родины всѣ добродѣтели и пороки соотечественниковъ, храбрость и рыцарскій духъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и надменность и высокомеріе въ отношеніи къ низшимъ и подчиненнымъ. Патеры и иезуиты нахлынули гурьбой и покрыли церквами, часовнями и монастырями мѣста, отвоеванныя мечемъ кавалеровъ и воиновъ. Они отличались, какъ вообще французское духовенство, преданностью своему дѣлу и готовностью жертвовать собою, но также узкосерднымъ фанатизмомъ и закаленною ненавистью противъ всѣхъ иновѣрцевъ, какъ яansenистовъ, такъ и реформатовъ. Безстрашно пропавшая въ пристанища дикарей и не рѣдко претерпѣвая тамъ мученическую смерть, они въ средѣ колонистовъ, въ ихъ домахъ и семьяхъ, питая раздоръ, сѣяли сѣмя религиозной нетерпимости и духа гоненія. Однако, колонистамъ въ Канадѣ цѣльзю было сидѣть, сложа руки: дикія племена Ирокезовъ, Могауковъ, Онеидовъ, Алонкиновъ и др., владѣвшія обширными лѣсистыми пространствами въ области Великихъ озеръ и верхняго Миссиссипи, были народъ предприимчивый, войнолюбивый

и ненавидѣли бѣлаго человека съ его культурнымъ трудомъ. Соединяясь въ союзы, они при отважныхъ вождяхъ энергически сопротивлялись напору Европейцевъ. Одни только Гуроны относились къ нимъ дружелюбно, за что остальные туземцы презирали и поборали ихъ. Французскіе кавалеры въ заатлантической міръ перенесли тотъ же боевой духъ, благодаря которому въ старой ихъ отчизнѣ войска великаго короля такъ часто одерживали побѣды надъ сосѣдями; имена Роберналь, Фронтенакъ, Ла Салль, д'Ибервиль, Мопкальмъ въ преданьяхъ и поэзіи озаряются геройскимъ блескомъ, а имена отцовъ-иезуитовъ, Бребѣфъ, Рембо, Лаллеманъ, Жолье, Маркетъ—лучезарнымъ вѣнцомъ. Начальники отрядовъ исполнили наказъ своего державца въ Версалѣ, писавшаго губернатору: «Благо моихъ владѣній требуетъ, чтобы число Ирокезовъ по возможности сокращалось. Они рослы и сильны и изъ нихъ вышли бы хорошіе галерные невольники. Старайтесь забирать ихъ, сколько успѣете, въ плѣнъ и отправляйте во Францію». Это послужило паролемъ къ пескончаемой войнѣ на смерть. Цѣлый рядъ укрѣпленныхъ мѣстъ, мало по малу заложенныхъ колонистами внутри края, начиная отъ береговъ сѣверныхъ озеръ и до устья Миссиссипи, имѣлъ цѣлью служить оплотомъ противъ Индѣйцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ намъ уже извѣстно (стр. 91), окружить англійскія владѣнія и оттиснуть ихъ къ морскому берегу. Такъ въ нѣсколько лѣтъ возникли форты Фронтенакъ (нынѣшній Кингстонъ), Ніагара, Детруа, Дюкенъ, Мамшамъ, Венсенъ, С-тъ Луи, Лупсвилъ, Натчезъ, Новый Орлеанъ и др. Извѣстно также, для какихъ сумасбродныхъ денежныхъ операций при регентѣ злоупотреблялось ненадежное владѣніе Луизианы, заложенное въ долину Миссиссипи Ла-Саллемъ, который былъ тутъ убитъ рукою измѣнника (XII, 633). То были выпрепные планы, полные романтизма и рыцарства, всецѣло отвѣчавшіе характеру французскаго дворянства тѣхъ дней, но лишенные всякой практической основы. Вмѣсто того чтобы условиться и соединиться съ поселенцами Новой Англій и вооружиться противъ общаго врага, колонисты Новой Франціи заключили союзъ съ дикарями, снабдивъ ихъ оружіемъ противъ ненавистныхъ сосѣдей инаго происхожденія и иной вѣры. Въ Новую Францію прибывало мало свѣжихъ поселенцевъ; тамъ, такъ же какъ и въ старой отчизнѣ, помѣщикъ пользовался большими преимуществами, а земледѣлецъ обязанъ былъ вносить земельную ренту, духовенство же подавляло всякое образованіе, которое не находилось на службѣ церкви. Мѣстечки, состоявшія изъ вытянутыхъ въ рядъ домовъ по главной улицѣ, имѣли значеніе лишь какъ приставки къ пышно убранымъ церквамъ.

Войны между Англійей и Франціей въ концѣ семнадцатаго и въ началѣ восемнадцатаго вѣка отразились также и въ колониальныхъ областяхъ Сѣверной Америки. Французы прежде уже завладѣли и

Америка во время Утрехтскаго мпра.

соединили съ Канадою словно островъ орошаемую моремъ береговую землю на востокъ отъ рѣки Лаврентія, прозванную тогда *Акадією*, а теперь известную подъ именами Новый Брауншвейгъ, Новая Шотландія и Капъ-Бретонъ. На конгрессѣ въ Нью-Йоркѣ въ 1690 году рѣшено было отнять у Французовъ это владѣніе и присоединить его къ англо-американской конфедераціи. Полуостровъ былъ скудно населенъ, но важенъ для рыбнаго промысла, и вотъ на крайнемъ сѣверѣ Америки завязалась жестокая борьба между англійскими и французскими колонистами, такъ называемая «короля-Вилльямова война», въ то самое время, когда на Рейнѣ, въ Нидерландахъ, въ Италіи и на европейскихъ моряхъ разыгрывалась великая коалиціонная борьба. Война была кровопролитная и разрушительная, тѣмъ болѣе что Индѣйцы служили соратниками обѣимъ сторонамъ. По Ризвикскому миру какъ старая, такъ и новая Франція остались при своихъ владѣніяхъ: Акадія по прежнему соединилась съ Канадою. То была самая блестящая пора французско-американской колонизаціи. Тогда-то іезуиты Марестъ и Мерметъ съ помощью Индѣйцевъ zaloжили миссіонерскую станицю Каскаскію, первое поселеніе при Огейо; Лемуанъ д'Ибервиль, одинъ изъ искуснѣйшихъ и опытнѣйшихъ моряковъ, направившись по слѣдамъ Ла-Салля, проплылъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ и нѣсколькими отважными товарищами вверхъ по Миссиссипи, положилъ основаніе Патчесу, назначивъ быть ему главнымъ мѣстомъ для всей южной области до испанской крѣпости Пензакалы, и вступилъ въ сношенія съ индѣйскими вождями въ Иллиноисѣ. Деревянные кресты и врѣзанныя въ древесную кору лиліи повѣщали о томъ, что въ тѣхъ краяхъ, гдѣ и безъ того уже имена Луизиана и Новый Орлеанъ указывали на французское происхожденіе, съ этой поры имѣютъ господствовать католическая вѣра и бурбонскіе короли. А сколько высреннихъ надеждъ возникло съ тѣхъ поръ, какъ въ началѣ новаго столѣтія внукъ Людовика XIV., Филиппъ Анжуйскій, вступилъ на испанскій престолъ и скипетръ Бурбоновъ охватилъ такія обширныя пространства въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ! Какъ тамъ, такъ и тутъ одновременно велась также борьба за Испанское наслѣдство или, какъ называли ее въ американскихъ лѣтописяхъ, «война королевы Анны». Испанцы во Флоридѣ и Французы на Миссиссипи ратовали противъ англійскихъ колонистовъ обѣихъ Каролинъ, а на рѣкѣ св. Лаврентія возобновились пограничныя стычки и набѣги, сопровождаемые жестокостями дикарей въ тѣхъ и другихъ арміяхъ. Однако неудачи французскаго оружія на поляхъ Бленгейма и Мальплаке отразились также и въ Канадѣ. Метрополиі некогда было думать о дальнихъ колоніяхъ, когда бѣда угрожала собственному очагу. А съ другой стороны лѣтомъ 1711 появился въ Бостонѣ англійскій флотъ съ морскими солдатами и нѣсколькими полками Марльбороскихъ ветерановъ и направился вверхъ

по рѣкѣ св. Лаврентія. Благодаря однако преданности Индѣйцевъ дѣлу Новой Франціи и неспособности англійскаго военачальника, это предпріятіе имѣло скудный успѣхъ; а потому, когда вскорѣ вслѣдъ затѣмъ заключенъ былъ Утрехтскій миръ (XII, 598), то Квебекъ и Монреаль, также южная область Миссиссипи остались во власти Французовъ, только «Акадію и Новую Шотландію съ ея старыми границами» предполагалось присоединить къ колониальнымъ владѣніямъ Новой Англии.

Въ условіяхъ этого мирнаго трактата скрывались зародыши новыхъ враждебныхъ столкновеній. Какъ было указать въ тѣхъ невѣдомыхъ краяхъ, гдѣ именно были тѣ «старыя границы»? Вся Акадія находилась во власти незначительнаго количества французскихъ колонистовъ и нѣсколькихъ индѣйскихъ племенъ, обращенныхъ миссіонерами въ католическую вѣру. Когда поэтому Англичане Массачузета хотѣли вступить во владѣніе тѣмъ краемъ, то они наткнулись на сопротивленіе. Іезуиты раздували пламя, а французскіе Канадцы тайкомъ подавали помощь; дѣло дошло до открытыхъ битвъ, причемъ ревностный миссіонеръ Себастьянъ Ралэ, старецъ семидесяти лѣтъ отъ роду, заплатилъ жизнью. Акадія такъ и осталась неопредѣленнымъ владѣніемъ: Французы, правда, уступили Портъ Рояль Англичанамъ, которые прозвали его Аннаполисъ, однако при устьѣ С. Джонъ-ривера и въ другихъ мѣстахъ Французы держались стойко, такъ что англійскіе поселенцы не въ силахъ были справиться съ ними и съ преданными имъ туземцами. Съ той поры, какъ во Франціи и Испаніи царилъ одна и та же династія, притязанія и надежды французскихъ колонистовъ возросли. Старыя поселенія усилились; на берегахъ Огейо, Вабаша, въ Индианѣ водворены были семейства пастуховъ съ цѣлью овладѣть дальними мало еще заселенными землями; предѣлы Луизианы и Миссиссипи расширились къ западу и къ востоку; авантюристы и проходимцы всякаго рода, прельстясь фантастическими розсказами о золотыхъ приискахъ и несмѣтныхъ богатствахъ, нахлынули туда толпами. Какъ рушились, однако, ихъ заносчивые планы! Долина Миссиссипи для многихъ оказалась не золотымъ приискомъ, а могилою ихъ состоянія; водворившіеся въ селеніяхъ Патчеса Французы въ одинъ кровавый день были перебиты по наущенію вождя, прозваннаго «Великимъ волнцемъ» (28 ноябр. 1729). Число убитыхъ и изуродованныхъ послѣ смерти было свыше двухъ сотъ, и между ними нѣсколько миссіонеровъ. Это, однако, не обошлось безъ мести. Французы и негры захватили Патчесовъ въ расплохъ, продали «Великое солнце» и слишкомъ четыреста плѣнныхъ въ неволю и искоренили все племя. Тѣмъ и завершились колонизаціонные планы въ долину Миссиссипи. Коммерческая и морская война между Испаніей и Англійей въ началѣ борьбы за Австрійское наслѣдство (стр. 20), въ которую впу-

Акадія и
Патчесь.

талась также и Франція, не доставила никакой выгоды бурбонскимъ державамъ. Нападеніе на Флориду, учиненное Огльторпомъ изъ Георгіи послѣ удачной стычки при «Кровавомъ болотѣ» не повело, правда, къ овладѣнію этого испанскаго полуострова, а военныя предпріятія англійскаго флота въ Мексиканскомъ заливѣ, вслѣдствіе оплошности адмирала Вернона, тоже имѣли лишь скудный успѣхъ, и Ахенскій миръ, положившій въ Америкѣ также конецъ «войнѣ короля Георга», въ концѣ концовъ оставилъ или возстановилъ въ Новомъ Свѣтѣ дѣла въ томъ видѣ, въ какомъ они находились до войны; все-таки въ колоніяхъ подъ верховнымъ владычествомъ Англій пробудилось національное сознаніе и чувство совѣстныхъ интересовъ. Попытка вооруженныхъ добровольцевъ изъ Новой Англій подъ предводительствомъ Вильяма Пенпереля, купца изъ Майны, стать твердою ногою на островѣ Капъ-Бретонъ, и плѣненіе гарнизона въ Лунсбургѣ, — вотъ что было первымъ шагомъ къ подчиненію французскихъ владѣній по рѣкѣ св. Лаврентія. Англоамериканцы не упускали также изъ виду Флориду и область Миссиссиппи. Еще до окончанія войны въ Англію вернулся престарѣлый Огльторпъ, человекъ съ яснымъ взглядомъ и теплымъ сердцемъ, соединявшій въ себѣ романтическія и героическія черты минувшей рыцарской эпохи съ идеями гуманности, человеколюбія, свободы совѣсти. А во время Ахенскаго конгресса въ Виргиніи сынъ бѣдной вдовы, подъ гнетомъ нужды и лишеній, трудомъ и усиліями добивался честнаго пропитанія; лишенный ученыхъ познаній, онъ въ качествѣ землемѣра странствовалъ съ необразованными товарищами по берегамъ Шиннадоа по дремучимъ лѣсамъ, среди дикарей, проводя почти то на медвѣжьей шкурѣ, то на соломѣ. Это былъ *Джорджъ Вашингтонъ*, шестнадцати-лѣтній сынъ умершаго фермера; молодой человекъ, статный ростомъ и крѣпко сложенный, мужественный, предпримчивый, ревностно старался изученіемъ и размышленіемъ восполнить свое недостаточное образованіе.

Джорджъ Вашингтонъ,
род. 22 февр.
1732.

Англичане и
Французы въ
области Огею.

Послѣ Ахенскаго мира въ Англій стали обращать болѣе вниманія на флотъ и на колониальную систему. Мы впоследствии узнаемъ, какіе громадныя успѣхи были достигнуты въ Остиндіи; взоры англійскихъ государственныхъ мужей обратились теперь къ Вестиндіи и британскимъ колоніямъ въ Америкѣ. Свѣжіе выходцы, между прочимъ Богемскіе и Моравскіе братья, были препровождены въ Новую Шотландію, съ цѣлью противопоставить французско-католическому населенію германо-протестантское и окончательно подчинить Акадію англійскому владычеству. Новую крѣпость, которая вскорѣ стала главнымъ мѣстомъ и средоточіемъ полуостровнаго края, прозвали Галифаксомъ. А въ то же время изъ Виргиніи и Пенсильваніи на западъ пустились предпримчивые, опытные торговцы и путешественники, съ тѣмъ чтобы занять обширныя пространства земель, кото-

рыя виргинскій губернаторъ по приказу правительства метрополи отдалъ «Огейской компаніи». Они заключали мирныя и торговые договоры съ Міамисами и другими индѣйскими племенами, обитавшими къ западу отъ «великихъ горъ» по зеленѣющимъ долинамъ Огею и Вабаша; тамъ же залагались укрѣпленныя станицы, съ тѣмъ чтобы воспрепятствовать Французамъ селиться далѣе. Мы упоминали уже о попыткахъ, какія дѣлались въ началѣ пятидесятихъ годовъ изъ Канады, съ цѣлью размножить и укрѣпить романо-католическія поселенія. Благодаря вооруженнымъ кораблямъ Французы властвовали уже на озерѣ Оуптерю, а при посредствѣ форта у Ніагары они утвердились при озерѣ Ири и ни одному западному племени не позволяли заключать союзы помимо самихъ себя. Они хотѣли изгнать Англичанъ изъ долины Міамиса. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ плодородныя области западнаго Огею были поприщемъ кровопролитныхъ битвъ между Англичанами и Французами и соединенными съ ними индѣйскими племенами. Тутъ Вашингтону не разъ уже случалось выказывать ту отвагу и предпримчивость, осмотрительность и стойкость, какія предвѣщали будущаго героя. Въ рождественскіе холода онъ на ветхомъ плотѣ перебрался черезъ быстрый потокъ Аллегени, перешелъ по обширнымъ снѣжнымъ полямъ, ратуя противъ стихій и вражескихъ преслѣдованій. При разладѣ и плохомъ управленіи въ отдѣльныхъ колоніяхъ Вашингтону съ находившимися подъ его знаменемъ скудно вооруженными ратниками и добровольцами трудно было вести борьбу съ опытаннѣеми въ бояхъ Французами, которые, напирая впередъ, заняли укрѣпленную позицію въ форѣ Дюкенѣ, въ этой основѣ нынѣшняго Питсбурга; во всякомъ случаѣ, однако, начальникъ виргинской милиціи не былъ повиненъ въ неудачѣ, понесенной въ іюлѣ 1755 англо-американскими войсками. Англійскій генералъ *Браддокъ* вопреки его совѣту вступилъ съ непріятелемъ въ бой, который кончился полнымъ пораженіемъ на «Большихъ лугахъ». Самаго Браддока вывели раненаго съ поля битвы и вскорѣ затѣмъ онъ умеръ; большая часть офицеровъ и солдатъ были убиты; Вашингтонъ какимъ-то чудомъ избѣгъ смерти, которая около него подкашивала товарищей; его отрядъ ополченцевъ, прираемый регулярными англійскими войсками, прикрывалъ отступление. Онъ вернулся въ Виргинію и тамъ въ унаслѣдованномъ имъ отъ брата имени Моунтъ-Вернонѣ прожилъ фермеромъ до тѣхъ поръ, пока событія вновь не вызвали его на поле брани.

Съ этой поры политическая и національная ненависть между романо-католическимъ и англикано-протестантскимъ населеніемъ въ заатлантическомъ мірѣ все болѣе обострялась и ожесточалась. Въ то самое время какъ Англичане и Французы вели кровопролитный бой на большихъ лугахъ у Аллегени, а въ Европѣ сооружался англо-прусскій военный союзъ, жителямъ Акадіи предъявленъ былъ

Трагедія въ
Акадіи.

королевскій указъ, чтобы они покинули свои дома, дворы, стада и на ожидавшихъ ихъ въ гавани судахъ отиравились въ британскія колоніи. Созданныя Утрехтскимъ миромъ неопредѣленные владѣльческія условія казались нестерпимыми: жители все еще считали себя французскими подданными; они не присягали на вѣрность англійскому королю и всею душою были преданы Франціи; въ ихъ глазахъ квебекскій губернаторъ былъ ихъ законнымъ начальникомъ, католическое духовенство руководило всѣми ихъ дѣлами и поступками.

Когда въ пятидесятихъ годахъ усилилась вражда, то Англія не захотѣла терпѣть долѣе неопредѣленное нейтральное положеніе жителей Акадіи. Въдѣ нельзя было не опасаться, что при первомъ удобномъ случаѣ превышавшее численностью католическое поселеніе, подстрекаемое фанатическими членами ордена, не возстанетъ съ мечемъ противъ своихъ еретическихъ сосѣдей. И вотъ у англійскаго правительства созрѣла мысль, переселить жителей въ британскія колоніи; суровость и жестокость этого плана невольно напоминаетъ объ изгнаніи Мавровъ изъ Испаніи, Гугенотовъ изъ Франціи, Альбигойцевъ изъ Альпійскихъ долинъ Пьемонта. Принудивъ сдать фортъ Бо-Сежуръ и отобравъ у французско-католическихъ колонистовъ все оружіе, Англичане стали размѣчать послѣднихъ на корабли. Семь тысячъ человекъ всякаго возраста и пола, едва снабженные самыми необходимыми средствами, подъ коновоемъ отведены были на суда. Тутъ-то и совершались тѣ возмутительныя сцены, которыя поэтъ Лонгфелло изобразилъ въ поэтическомъ разсказѣ «Евангелина». Семейства расторгались, обрученные и супруги увозились на разныхъ корабляхъ въ разные края. Несчастныхъ разсѣяли по всему сѣверному матеріку, а чтобы отнять у нихъ всякій поводъ возвратиться назадъ, для этого, начиная отъ Аннполиса и до самаго перешейка, англійскіе чиновники опустошали и разрушали ихъ села, отбирали и продавали ихъ стада. И это совершалось въ то самое время, когда весь образованный міръ въ европейскихъ культурныхъ государствахъ грезилъ о правахъ человѣчества, о гуманности и свободѣ совѣсти!

с) Расширеніе англійскихъ колониальныхъ владѣній въ Америкѣ.

Знаменіе времени и люди будущего.

Семилѣтняя война для Новаго Свѣта имѣла такое же важное значеніе какъ и для Европы. Оправившись подъ министерствомъ Вильяма Питта отъ военной и морской немощи, Великобританія достигла перевѣса въ заатлантическихъ водахъ и на сѣверо-американскомъ материкѣ. Въ то же время въ Новой Англіи и остальныхъ колоніяхъ пробудилось сознаніе собственной силы; тамъ убѣдились, что только тѣсно сплотившись другъ съ другомъ, послѣднія будутъ въ

состояніи сохранить за собою самостоятельное политическое положеніе и отразить всякое вмѣшательство аристократическаго парламентскаго правленія въ ихъ внутреннія учрежденія. Войны противъ Французовъ въ Канадѣ, по Огею, въ Акадіи только при помощи помощи и могли вестись съ успѣхомъ: за эти услуги и жертвы въ Массачузетѣ, Нью-Йоркѣ, Пенсильваніи стали требовать права самоуправленія собственными государственными дѣлами. Въ Лондонѣ, напротивъ того, все сильнѣе покушались, водворить въ колониальныхъ штатахъ Америки болѣе строгую централизацию, подчинить намѣстничества отдѣльныхъ областей одному генералъ-губернатору, утвердить нормальные взносы, съ тѣмъ чтобы у законодательнаго собранія отобрать право разрѣшать ежегодные оклады должностнымъ лицамъ, распространить бюджетную и податную власть парламента также и на колоніи; въ Америкѣ вслѣдствіе этого тѣмъ еще сильнѣе развилося чувство собственного достоинства и стремленіе къ независимости. Всѣ умы были заняты тогда этими политическими проблемами: великіе современные вопросы, изложенные въ сочиненіяхъ Монтескье и Руссо, обратили на себя вниманіе *Джона Адамса*, потомка англійской пуританской фамиліи въ Массачузетѣ; окончивъ курсъ юридическихъ наукъ, онъ занялъ мѣсто учителя въ городской школѣ въ Ворчестерѣ, въ Новой Англіи, и любилъ въ уединеніи предаваться философскимъ размышленіямъ о человѣческихъ дѣлахъ. Величіе и независимость родины—вотъ что было предметомъ его думъ и помысловъ. Разумъ, естественное право и природную свободу считалъ онъ основными принципами общественной и государственной совмѣстной жизни, превыше всякихъ унаследованныхъ постановленій и политическихъ формъ, а демократію—единственно достойнымъ и справедливымъ учрежденіемъ. *Веніаминъ Франклинъ*, младшій сынъ богатой дѣтми, но бѣдной средствами ремесленной семьи близъ Бостона, съ молодости прошелъ трудную школу жизни; она рано принудила его стать на собственные ноги и добиться честнаго пропитанія. У одного изъ старшихъ сводныхъ братьевъ онъ изучилъ типографское дѣло и сверхъ того пользовался годами ученія, съ тѣмъ чтобы ревностнымъ чтеніемъ и занятіями, зачастую напромель цѣлыя ночи, усвоить себѣ полезныя знанія. Попытавшись въ разныхъ предпріятіяхъ, запасшись во время пребыванія въ Лондонѣ опытностью въ отношеніи свѣта и людей, онъ, двадцатичетырехъ лѣтъ отъ роду, завелъ въ Филадельфіи собственную типографію, основалъ газету, издавалъ полезныя, поучительныя народныя сочиненія, и такимъ образомъ добился нѣкотораго довольства и политическаго вліянія. Онъ примкнулъ къ сектѣ квакеровъ, которая, какъ уже было замѣчено, съ филантропическими принципами связывала вѣрный взглядъ на все практичное и прибыльное. Въ іюль 1754 года уже на конгрессѣ депутатовъ отъ разныхъ колоній предъявилъ онъ проектъ,

Джонъ Адамсъ.
род. 19 окт.
1735.

Веніаминъ Франклинъ.
род. 17 янв.
1706.

имѣвшій цѣлью согласить между собою коронныя права и народную власть. По немъ назначенный королемъ генераль-губернаторъ въ связи съ сепатомъ союза имѣлъ урядъ и вести общественныя дѣла. Съ этой поры значеніе Франклина возросло не только въ Пенсильваніи, но также въ Новой Англіи и Нью-Йоркѣ. Онъ составилъ себѣ имя даже въ средѣ людей науки. Известно, что физическія изслѣдованія электричества повели его къ открытію громоотводовъ (стр. 186). Онъ всегда былъ готовъ содѣйствовать цѣлесообразнымъ и полезнымъ учрежденіямъ. Лондонское правительство поручило ему должность главнаго почтмейстера во всѣхъ американскихъ колоніяхъ; а послѣднія потомъ не могли избрать для дипломатическихъ миссій болѣе подходящаго человѣка, какъ умнаго и патріотическаго квакера изъ Пенсильваніи. Франклинова лѣтвица не достигала до горныхъ высей, гдѣ витають идеалы и изящныя формы; данное ему прозвище «современнаго Прометей» относилось только къ изобрѣтателю громоотвода; однако, онъ также и не прижмлялся малодушно къ дому и очагу. Онъ успѣлъ собственныя выгоды связать съ общественнымъ благомъ, его себялюбіе всегда находилось въ тѣсной связи съ человѣколюбіемъ и съ преданностью отчизнѣ.

Национальная
борьба въ
Америкѣ.

Во время великой европейской войны между колоніями и метрополіей царило согласіе, особенно въ тѣ года, когда Питтъ находился во главѣ правленія. Тогда во что бы то ни стало надо было по р. св. Лаврентія и въ долинахъ Огеё и Миссиссипи изгнать враждебнаго соперника, съ которымъ такъ часто приходилось ратовать въ Европѣ на сушѣ и на морѣ! Благодаря сильной поддержкѣ со стороны Англоамериканцевъ англійскій флотъ въ скоромъ времени взялъ перевѣсъ надъ врагами; въ немъ при адмиралѣ Боскевенѣ служили отличные воины, между прочимъ также молодой еще генераль *Джемсъ Вольфъ*, заслужившій уже лавры при Деттингенѣ и Люфельдѣ. Французскіе корабли были перехвачены, кассы и всякій товаръ, какъ военная добыча доставлены въ Лондонъ. Правда, генераль *Монкальмъ* не такъ еще давно одержалъ блистательную побѣду у форта Освего на южномъ берегу Оуперіо и захватилъ тамъ много оружія и жизненныхъ припасовъ; однако, какъ бы мужественно и осмотрительно ни воевалъ этотъ доблестный губернаторъ Квебека, онъ все-таки не могъ помѣшать Англичанамъ завладѣть крѣпостью Луисбурга, утвердиться въ Капъ Бретонѣ и на островѣ Эдварда. А въ то же время, благодаря превосходной стратегіи Монкальма и безопасности англійскаго начальника Аберкромби, битвы, какія близъ озера Чамплена Англичане и Американцы давали Французамъ, кончались въ пользу послѣднихъ: молодой рыцарскій генераль лордъ Гоу палъ передъ крѣпостью Тикондерогою геройскою смертію, и около двухъ тысячъ убитыхъ и раненыхъ покрывали поле сраженія въ пустынѣ; однако, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда наступили уже

27 іюля 1758.

холодные осенніе дни, Вашингтонъ во главѣ виргинскихъ ополченцевъ принудилъ къ сдачѣ фортъ Дюкенъ и назвалъ цовое, возникшее на его развалинахъ поселеніе по имени Англійскаго государственнаго мужа «Питсбургомъ». Съ этой поры знамя Америки развѣвалось надъ водами Огеё.

Нбр. 1758.

Колоніи не даромъ почтили памятникомъ великаго государственнаго мужа; и дѣйствительно, благодаря его вліянію, парламентъ съ наступавшаго года разрѣшилъ двѣнадцать милліоновъ фит. стр. и морскія и сухопутныя войска, какихъ Англія еще не видала до тѣхъ поръ. Колоніи также напрягли всѣ свои силы: нѣкоторыя изъ нихъ обложили себя добровольною податью, и всѣ выслали въ походъ свою милицію. Лордъ Саундерсъ командовалъ флотомъ, при немъ находились Джервисъ, впоследствии графъ С. Венсешъ и мореплаватель *Джемсъ Кукъ*; начальство надъ арміею поручено было рыцарскому Вольфу. Имѣлось въ виду покорить Канаду, гдѣ Монкальмъ успѣлъ собрать подъ свои знамена не болѣе 7000 годныхъ къ бою солдатъ, не ожидая притомъ изъ Европы ни подвоза, ни подкрѣпленія, тогда какъ въ самомъ краѣ не хватало ни боевыхъ, ни съѣстныхъ припасовъ. На перешейкѣ между Оуперіо и Ири, тамъ гдѣ бурная *Ниагара* низвергается въ пучину, *Ла Салль* воздвигъ нѣкогда фортъ въ охрану торга пушнымъ товаромъ. На него прежде всего и напала милиція изъ Нью-Йорка; обративъ въ бѣгство подходившій на выручку французскій отрядъ, она принудила гарнизонъ сдаться на капитуляцію. Незадолго передъ тѣмъ Саундерсъ съ флотомъ и англійскою арміею подъ командою Вольфа, поднялся вверхъ по рѣкѣ св. Лаврентія и обратилъ часть Квебека въ пепелъ; однако, расположенная на высотѣ цитадель, куда Монкальмъ собралъ всѣ вооруженныя силы Канадцевъ, мужественно сопротивлялась. Французы ратовали съ рыцарскою доблестью; вѣдь отъ оружія ихъ зависѣла вся будущность, все, что создано и добыто ихъ предками. Атаки Англичанъ успѣшно отражались; кровопролитные бои происходили изо дня въ день. Вольфъ съ нетерпѣніемъ поджидалъ прибытія своего сослуживца Амгерста, который отъ озеровъ Чамплена и Джоржа шелъ на соединеніе съ нимъ; но этотъ осмотрительный воинъ удобное время года провелъ въ завладѣніяхъ и въ постройкахъ укрѣпленій. Вольфъ рѣшился наконецъ завершить походъ рѣшительнымъ боемъ. Развѣдавъ въ звѣздную сентябрьскую ночь мѣстность, проговоривъ изъ элетіи Грейа «Покинутая деревня» слова: «И гордость рыцарства, и пышность власти, и высшіе дары красоты и богатства, въ концѣ концовъ все обречено смерти, даже путь славы ведетъ лишь къ могилѣ», онъ на зарѣ повелъ свои рати на холмъ. Монкальмъ съ равносильнымъ отрядомъ поджидалъ наверху непріятеля, и жаркая схватка загорѣлась. Много храбрыхъ воиновъ уже пало, съ ними самъ генераль Вольфъ. Смертоносная пуля пронзила его грудь; чтобы не ли-

Взятіе
Квебека.
1759.

15. іюля 1759.

13. сеп. 1859.

шигъ своихъ солдатъ бодрости, онъ велѣлъ отпестъ себя въ тылъ арміи. Тутъ донесли ему, что непріятель обратился въ бѣгство: «слава Богу», сказалъ онъ умирая, «теперь я счастливъ!»

Таковы были его слова, говоритъ Байкрофтъ, когда духъ его вознеси въ сіяны славы. „Ночь, молчаніе, бурный потокъ, испытанная дисциплина и увѣренное въ себѣ вдохновеніе гетя были его союзники; возвышался надъ мореподобною рѣкою, его поле битвы было величественное земное поприще для славныхъ подвиговъ; его замѣчательнѣйшая въ лѣтонисяхъ чедовѣчества побѣда открыла англійскому языку и учрежденіямъ германской расы неизвѣданныя дотождъ и по видимому безпредѣльныя области запада и сѣвера. Онъ въ немногія мгновенія совокушилъ подвиги, которые могли бы озарить блескомъ долгую жизнь, и исполнивъ величіемъ свой день, завершилъ его до полудня“. До сихъ поръ еще памятникъ въ Лондонской церкви св. Павла свидѣтельствуетъ о національной скорби по рано павшемъ героѣ.

Нѣсколько часовъ спустя по смерти Вольфа мушкетная пуля поразила также Монкальма, «надежду Новой Франціи», этого рыцарскаго высокообразованнаго кавалера, «такъ же хорошо понимавшаго языкъ Гомера, какъ и боевое искусство», энергическаго и неутомимаго на бранномъ полѣ, осторожнаго и разумаго въ совѣтѣ, заботившагося болѣе о своихъ солдатахъ, чѣмъ о самомъ себѣ. Последнимъ его утѣшеніемъ было то, что ему не суждено было дожить до сдачи Квебека. Лишь по смерти его водружено было бѣлое знамя. Скоро и Монреаль также перешелъ во власть Англичанъ. Этимъ и рѣшилась побѣда въ Сѣверной Америкѣ. Паденіе Квебека возбудило восторгъ въ англійскихъ провинціяхъ, и на всѣхъ горахъ засверкали радостные огни.

17. сент.

Американскія колоніи и Парижскій миръ.

Въ наступившій затѣмъ годъ умеръ король Георгъ II. Мы знаемъ, какія послѣдствія на вѣщія дѣла оказала перемѣна державца. Питтъ лишился своего вліянія и вышелъ изъ кабинета; партія мира стала преобладать. Герцогъ Шуазель, этотъ ловкій царедворецъ, остроумный, образованный, безъ предрасудковъ, также старался избавить свое отечество отъ войны, которая до сихъ поръ причиняла только позоръ и убытки. Онъ надѣялся скорѣе всего достигъ цѣли, сдѣлавъ Испанію союзницею Франціи и возстановивъ такимъ путемъ, по крайней мѣрѣ въ Новомъ Свѣтѣ, общіе интересы романо-католическихъ націй. Мы упомянули уже, что онъ достигъ этой цѣли, заключивъ семейный договоръ, въ силу котораго всѣ отрасли бурбоискаго дома соединялись для совмѣстныхъ дѣйствій во всѣхъ политическихъ дѣлахъ. Эти происшествія и на Америку также оказали сильное вліяніе. Хотя Питтъ и вышелъ изъ кабинета и виги лишились власти въ правленіи, однако во флотѣ и въ англо-американскомъ войскѣ все еще царилъ геройскій духъ, возбужденный великимъ государственнымъ мужемъ. Мы говорили уже о тѣхъ успѣ-

хахъ, какіе британское оружіе достигло въ Вестиндіи: Мартиника и другіе острова въ Антильскомъ вѣнкѣ перешли во власть Англии; въ августѣ взято было приступомъ укрѣпленіе Моро въ Гавапѣ, при чемъ храбрый губернаторъ Донъ Луи де Веласко былъ смертельно раненъ; самый большой и самый важный островъ Вестиндіи вынужденъ былъ сдать на капитуляцію. Изъ гавани вывели девять линейныхъ кораблей и четыре фрегата, захваченную у Испанцевъ добычу оцѣнили въ десять милліоновъ долларовъ. Однако, въ Англии Георгъ III. и лордъ Бютъ не менѣе Шуазеля желали мира. Такимъ образомъ и состоялись извѣстныя уже намъ предварительныя условія въ Фонтебле (стр. 102), по которымъ завоеванный англійскими моряками среди лѣтняго зноя съ такимъ великимъ мужествомъ и трудомъ островъ Куба возвращенъ былъ Испанцамъ, а Мартиника и Гваделупа были отданы Французамъ; однако, Англія получила взамятъ того отъ первыхъ Флориду, а отъ послѣднихъ Канаду, весьма важный территориальный приростъ къ британскимъ колоніямъ. По заключеніи мира 10. февраля 1763 въ Сѣверной Америкѣ завершилось торжество германо-протестантской расы надъ романо-католической.

Тщетно индѣйскія племена подъ начальствомъ предприимчиваго и сильнаго вождя Попгика пытались воспрепятствовать Англичанамъ овладѣніе страной; хотя эти жители пустынь отъ водопадовъ Ниагары и лѣсныхъ скатовъ Аллегенъ до дремучихъ лѣсовъ Миссисипи, ратуи противъ укрѣпленныхъ мѣстъ, погубили многихъ бѣлыхъ поселенцевъ; однако, въ концѣ концовъ, благодаря соединеннымъ усиліямъ королевскихъ отрядовъ и милицій, превосходному боевому искусству англійскаго и шотландскаго войскъ, ихъ все-таки одолѣли. Нечего было и думать освободиться отъ власти Англии или ея колонистовъ на сѣверѣ и западѣ. Въ Канадѣ королевскимъ указомъ введены были англійскіе законы и формы правосудія; индѣйскія племена заключили съ новыми властителями такіе же договоры, какіе состояли между ними и Канадцами; тысячи дикарей покинули родной край, а тѣмъ временемъ туда нахлынули толпы чиновниковъ, судей и новыхъ поселенцевъ всякаго рода. — Надо было предвидѣть, что Луизиана, перешедшая по этому договору къ Испанцамъ взамятъ Флориды, тоже скоро отойдетъ къ германской расѣ. Противодѣйствіе французскаго населенія въ Новомъ Орлеанѣ испанскому господству возбудило республиканскія идеи на пижнемъ Миссисипи и облегчило впоследствии присоединеніе края къ Соединеннымъ штатамъ.

Въ это время общественная жизнь въ колоніяхъ сложилась и политическій развила такъ, какъ она и сохранилась до основанія союзной республики. Политическій строй въ колоніяхъ. Формы правленія въ нихъ были различныя: у однихъ демократическая съ равноправностью всѣхъ, у другихъ аристократическая съ предпочтеніемъ нѣкоторыхъ родовъ, надѣленныхъ королевскими грамотами и привилегіями. Избранный гражданскихъ осѣдлымъ населеніемъ въ городахъ и селахъ на болѣе или менѣе долгій срокъ совѣтъ или сенатъ съ палатою или собраніемъ депутатовъ

составлялъ законодательный корпусъ. Губернаторъ избирался сенатомъ, утверждался королемъ, чиновники и судьи назначались сообща совѣтомъ и губернаторомъ. Законодательныя собранія ежегодно разрѣшали потребныя для управленія и судопроизводства расходы; но на всѣ дѣланныя имъ предложенія, обложить жителей разъ навсегда неизмѣнною обязательною податью, они возражали рѣшительнымъ отказомъ.

2. РАЗЛАДЪ ПАРТІЙ И КОНСТИТУЦИОННАЯ БОРЬБА.

а) Министерство Гренвиля и штемпельный актъ.

Англійская
колоніальная
политика.

Едва лишь успѣли побороть враждебную пацію, какъ возникла распря между самими побѣдителями: не побуждаемая болѣе никакимъ общимъ врагомъ къ единодушному содѣйствію, метрополія и колоніи вскорѣ затѣмъ предались естественнымъ противоположностямъ ихъ характеровъ и существенныхъ свойствъ. Съ той поры, какъ Англія вышла изъ своей островной замкнутости и сдѣлалась міровою державою, всѣ стремленія аристократовъ, занимавшихъ мѣста въ кабинетѣ и въ обѣихъ палатахъ парламента, направились къ тому, чтобы разрозненныя части государства подчинить главной коренной странѣ, чтобы укрѣпить монархическо-парламентскую форму правленія и Лондонъ возвестить въ дѣйствительную метрополию обширныхъ территоріальныхъ владѣній. Государственные люди, занимавшіе должности при лордѣ Бьютѣ и при его преемникѣ, холодною, высокоумною, корыстолюбивою графѣ Гренвилѣ, считали Англію «рукою и сердцемъ всего государства», а остальные части ея лишь каналами, которымъ суждено «поставлять этой главѣ богатство и силу». Расширеніе колоніальныхъ владѣній въ Сѣверной Америкѣ было достигнуто, благодаря лишь напряженнымъ усиліямъ и паросшему государственному долгу; самую большую пользу изъ этихъ пріобрѣтеній извлекли, конечно, тѣ заморскія области, передъ которыми теперь открылись безпредѣльныя территоріи на западѣ; въ захватѣ послѣднихъ имъ не могли уже болѣе помѣшать ни ревность, ни соперничество Французовъ. Понятно поэтому, что пытались привлечь тѣ колоніи къ соучастью въ государственныхъ повинностяхъ. Король Георгъ III. вполнѣ соглашался съ этимъ планомъ своихъ министровъ. Исполненный гордынею нѣмецкаго самодержца, онъ ревностно отстаивалъ свою власть и пуще всего ненавидѣлъ демократическій духъ Новой Англіи.

Монополии и
коммерческія
заявы. Въ прежнее время королевскими указами утверждены были коммерческія сношенія между метрополіей и колоніями, и мало по малу въ ущербъ послѣднимъ установилась обременительная для нихъ монополия и захват-

ная система; Американцы обязаны были по возможности выискивать все изъ одной только Англіи, а свои продукты сбывать однимъ только британскимъ торговцамъ. Навигационный уставъ распространили также и на колоніи; по примѣру Испаніи вывозъ колоніальныхъ произведеній, какъ-то: табаку, рису, хлѣба и пр. разрѣшался только въ принадлежавшія британскому правительству страны, а ввозъ европейскихъ товаровъ предоставлялся исключительно англійскимъ судамъ, сверхъ того заатлантическимъ областямъ заказано было фабриковать желѣзныя и стальные издѣлія, заводить у себя ткацкія станки и т. п. Вслѣдствіе этого цѣна на американское сирѣе сократилась, стоимость англійскихъ фабричныхъ издѣлій возвысилась, развитіе американской промышленности тормозилось, и весь рынокъ былъ поставленъ въ зависимость отъ метрополіи. Даже сношенія колоній другъ съ другомъ затруднились внутренними пошлинами. Торговля неграми находилась исключительно въ рукахъ британскихъ купцовъ. Америка наводнялась англійскими ассигнаціями, курсъ которыхъ устанавливался правительствомъ и парламентомъ. Фрэнклинъ въ 1773 году въ Вудгалевой газетѣ „Общественный Вѣстникъ“, сатирически осмѣялъ эту англійскую монополю и запретительную систему: онъ обнародовалъ указъ якобы Фридриха II. „касательно утвержденія правъ Пруссіи въ отношеніи Англіи“; по этому указу въ силу переселенія Англосаксовъ на потомковъ ихъ возлагаются такія же повинности, какими король Великобританіи обременялъ Сѣвероамериканцевъ.

Хотя колоніи протестовали и жаловались по поводу такого рода ограниченіи и обремененій, однако до сихъ поръ терпѣли ихъ; а благодаря контрабандѣ, нѣкоторыя изъ обременительныхъ условій оказались фиктивными. Рука объ руку съ этой практической оппозиціей шла также теоретическая. Въ жалованныхъ грамотахъ или во владѣльческихъ актахъ англійскіе короли часть своихъ верховныхъ правъ переносили на владѣльцевъ; въ силу этого законодательная и судебная власти по примѣру старой Англіи во всѣхъ колоніяхъ предоставлялись избраннѣйшимъ народнымъ представителямъ и судьямъ, которые сообща съ намѣстниками или губернаторами совмѣщали въ себѣ государственную верховность и исполняли ее. Итакъ, законное опредѣленіе или постановленіе, по мнѣнію колонистовъ, вступало въ силу лишь тогда, когда туземный законодательный корпусъ соглашался съ намѣстникомъ короля, съ короннымъ вѣдомствомъ, когда въ колоніяхъ соглашались между собою губернаторъ и народное представительство, подобно тому какъ въ метрополіи король и парламентъ. Такое пониманіе было отнюдь не по нутру англійскимъ правителямъ и отстаивавшему свой авторитетъ королю Георгу III. Имъ, напротивъ, хотѣлось бы распространить на все царство монархическо-аристократическую, сосредоточенную въ коронѣ и въ парламентѣ власть, подчинить колонистовъ парламентскому правленію старой Англіи. Лордъ Гренвиль въ особенности задался цѣлью увеличить общественные доходы, по возможности воспользоваться колоніями для народно-хозяйственныхъ интересовъ метрополіи, расширить королевскую власть. Изъ прежнихъ главъ уже извѣстно, что

Вопросъ о
правѣ нало-
гать пошлыны.

английскій народъ сильно сочувствовалъ выходкамъ публициста и члена парламента Вилькса, когда онъ защищалъ достоинство и права палаты представителей противъ короны и министерства и отстаивалъ противъ незаконныхъ нарушеній личную свободу, гарантированную габееасъ-корпусъ-актомъ. Министерскія поповзновенія и тенденціи встрѣтили въ колоніяхъ такое же сильное сопротивленіе. Вскорѣ послѣ Парижскаго мира усилили навигаціонный актъ, а въ силу новаго «таможеннаго устава для колоній и поселеній» обложили привозные товары пошлиною; вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе строгими карательными мѣрами воспрепятствовали контрабандѣ, которая такъ бойко производилась до сихъ поръ, благодаря слабому исполненію таможенныхъ законовъ и систематическому подкупу. Послѣ всего этого необходимо долженъ былъ возникнуть вопросъ, имѣетъ ли парламентское правленіе право, включать колоніи въ кругъ своей законодательной дѣятельности? Въ Америкѣ возстали собственно вовсе не противъ ничтожной самой по себѣ пошлины, какою въ апрѣлѣ 1764 обложенъ былъ привозъ чужеземныхъ произведеній, какъ-то: кофе, сахара, индиго, вина, шелковыхъ товаровъ. Прежде зачастую сносили подобныя и даже болѣе тяжкіе налоги; да и теперь ихъ, пожалуй, сочли бы финансовою или коммерческою мѣрою, лишь бы обложеніе совершилось иными путями, лишь бы испросили на то согласіе туземнаго законодательнаго собранія или потребовали соотвѣтственную сумму, собранную путемъ самообложенія; теперь же, напротивъ, это было началомъ борьбы за принципы. Лордъ Гренвиль и его единомысленники слишкомъ ясно высказали, что колоніи облагаются вовсе не съ цѣлью облегчить или сравнить государственныя повинности и поправить финансы; напротивъ, этимъ имѣется въ виду «усилить королевскую власть», этимъ подтверждается принципъ, въ силу котораго авторитетъ парламента въ Лондонѣ простирается на всѣ части государства, а издаваемые короною и обѣими палатами законы становятся обязательными также и для колониальныхъ областей. Подобныя притязанія и прежде, когда они обнаруживались по нѣкоторымъ признакамъ, не разъ уже оспаривались собраніями и въ печати. Пылкій и краснорѣчивый Джемсъ Отисъ, членъ палаты представителей въ Бостонѣ, уже три года тому назадъ высказалъ принципъ, что конституція Новой Англій превышаетъ всякій парламентскій актъ, а философски и юридически образованный Джонъ Адамсъ ставилъ разумъ и естественное право выше всякихъ человѣческихъ и историческихъ уставовъ. Другой республикански настроенный писатель такъ выразилъ сознаніе американскихъ демократовъ: «Господь Богъ всѣхъ людей изначала создалъ равными; Онъ надѣлилъ ихъ правомъ жить, владѣть собственностью и пользоваться свободою на столько, на сколько возможно, не нарушая правъ ближнихъ. Всякое правительство ничто

пное, какъ политическое учрежденіе, безгласный договоръ между людьми, равными по природѣ,—учрежденіе, введенное ради общаго благоденствія, а не для того, чтобы возвеличить одну или нѣсколькихъ привилегированныхъ личностей». Съ этой поры сознаніе, что Англія своими успѣхами въ борьбѣ противъ бурбонскихъ державъ много одолжена усиліямъ, энергическому и самоотверженному содѣйствію колонистовъ въ Америкѣ, значительно подняло чувство собственнаго достоинства въ поселеніяхъ. Ученія Жакъ Жака Руссо о томъ, что природа не создавала ни князей, ни богачей, ни знатныхъ особъ, что самодержавіе народа старѣе всякихъ ограничивающихъ его учрежденій, что эти учрежденія получили обязательную силу лишь вслѣдствіе обоюднаго согласія — проникли въ кровь и плоть Американцевъ.

Понятно поэтому, что Американцы заявили протестъ противъ назначенія пошлины, въ которомъ заподозрили первую попытку распространить на колоніи законодательную власть парламента, подчинить заатлантическія области непосредственно английскому государству и конституціонному строю помимо ихъ туземныхъ органовъ. Однако, доводы, какіе приводились противъ такого обложенія находившимися въ Лондонѣ агентами разныхъ провинцій, между прочимъ также Фраплиномъ и Джонсономъ, были изложены такъ объективно, притомъ такъ осторожно избѣгали вопроса о правѣ, ограничившись исключительно подлежащимъ случаемъ, что министерство могло предположить, будто оппозиція обратилась лишь противъ порядка обложенія, будто сопротивленіе касается не принципа, а только формы податей, и камень преткновенія заключается не въ правѣ обложенія, а лишь въ свойствѣ взимаемаго налога. Министръ Гренвиль отмѣнилъ поэтому новый податной уставъ, который Американцы пытались обойти, отказавшись отъ всякихъ обложенныхъ пошлинами товаровъ, и приступилъ къ другому, болѣе объемистому, мѣропріятію. Онъ задумалъ ввести штемпельную бумагу, съ тѣмъ, чтобы она употреблялась для всѣхъ общественныхъ документовъ, актовъ и условій, которымъ захотѣли бы придать законную силу. Эта штемпельная такса, говоритъ Банкрофтъ, должна была служить краеугольнымъ камнемъ въ системѣ колониальныхъ узаконеній, которыя, какъ предполагалъ Гренвиль, были основаны на истинныхъ принципахъ коммерческой и финансовой политики. Съ биллемъ о штемпельномъ сборѣ былъ связанъ еще другой, которымъ на колоніи возлагалась постоянная повинность; къ ней не разъ уже и прежде прибѣгали, но противъ нея всегда возставали. Предполагалось въ Америкѣ содержать армію изъ двадцати полковъ, а издержки на нихъ возлагались на колоніи. По этому поводу въ первые мѣсяцы 1765 года, въ обѣихъ палатахъ, произносились жгучія рѣчи. Со стороны оппозиціи заявлено было много затрудненій и опровер-

Штемпельная такса 1765.

женій; однако правительство, которое американскій вопрос представило подъ видомъ повиновенія законамъ и уваженія къ парламентской власти королевства, одержало верхъ. Билль прошелъ въ нижней и высшей палатѣ; а такъ какъ король Георгъ III. одержимъ былъ душевною болѣзнию, то его утвердила назначенная для исполненія государственныхъ дѣлъ правительственная коммисія.

22. марта. Въ этомъ биллѣ заключались всѣ отдѣльныя постановленія, а за нарушение ихъ виновные предавались адмиралтетскимъ судамъ, „такъ что Американцы не только облагались британскимъ парламентомъ, но за нарушение или отказъ пошлины осуждались британскими судьями безъ участія присяжныхъ“. Вместе съ тѣмъ военный законъ также прошелъ въ духѣ министерства и высшая власть въ колоніяхъ была передана въ руки главнокомандующаго. Назначеніе чиновниковъ для итѣмпельнаго сбора свидѣтельствовало о твердомъ намѣреніи правительства, скоро и постоянно приступить къ новой системѣ.

Настроеніе въ Новой Англіи. Въ Америкѣ и безъ того уже возбудилась сильная оппозиція противъ введенія таможенныхъ уставовъ; теперь же, когда послѣ совѣщаній и рѣшеній парламента нельзя было болѣе сомнѣваться въ томъ, что король и министръ рѣшились подчинить колоніи власти правительства и законодательному вѣдомству метрополи, возбужденіе усилилось еще болѣе. Во время парламентскихъ совѣщаній уже жившій въ Лондонѣ Американецъ изъ Коннектикута писалъ своимъ соотечественникамъ: «Если колоніи теперь не соединятся, то пусть простятся съ своею свободою, сожгутъ свои жалованныя грамоты и да примирятся съ рабствомъ по мѣрѣ возможности». Въ Бостонѣ и по всей Новой Англіи въ газетахъ, брошюрахъ, собраніяхъ разглашалось, что по естеству, разуму и божескому постановленію люди свободны и равны между собою, и никакія учрежденія, ни традиціонныя уставы не могутъ устроить эту природную свободу и равноправность, что всякое правительство обязано имѣть въ виду благоденствіе цѣлаго и не отдавать преимущества одной странѣ, одному народу или одному сословію передъ другими. «Миръ находится наканунѣ великолѣпнѣйшаго зрѣлища земнаго могущества и величія, какое когда либо представлялось взорамъ человѣчества», заявилъ однажды Джемсъ Отисъ, самый пылкій вместе съ Самуиломъ Адамсомъ народный трибунъ въ Бостонѣ. «Кто побѣдитъ — одному Богу извѣстно. Но человѣческій родъ неминуемо освободится отъ долго тяготѣвшаго надъ нимъ всеобщаго рабства». А Джонъ Адамсъ, младшій родственникъ Самуила, сказалъ: «Я всегда съ благоговѣніемъ и удивленіемъ смотрю на колонизацію Америки, какъ на починъ новаго великаго дѣла провидѣнія, съ цѣлью просвѣтити невѣждъ и освободить томимыхъ еще въ неволѣ людей по лицу земли». По всей странѣ вѣялъ уже революціонный духъ; однако,

вожаки при всемъ томъ держались въ предѣлахъ умѣренности и законной оппозиціи. Уполномоченные и ходатаи колоній въ Лондонѣ доказывали, что парламентъ, въ которомъ они лишены представительства, не въ правѣ облагать ихъ пошлинами; что при ихъ бѣдности подати у нихъ и безъ того значительны; что имѣющій своихъ представителей въ обѣихъ палатахъ англійскій народъ не въ правѣ обращаться съ Американцами какъ съ безправными подданными и обременять ихъ произвольными налогами; что несправедливо лишать колоніи не только представительства, но даже юридической защиты передъ судомъ въ дѣлахъ съ урожденными Англичанами. При всемъ томъ они тщательно избѣгали всякаго нарушенія законности и повиновенія въ отношеніи къ королю и начальству, всякаго намека на отпаденіе. Ихъ жалобы и доводы возбудили сильное сочувствіе даже въ населеніи самой старой Англии. Исаакъ Барре, сподвижникъ и другъ генерала Вольфа, въ парламентской рѣчи, которая быстро распространилась по колоніямъ, съ одушевленіемъ и ироніей изложилъ, что метрополія не имѣетъ никакаго повода похваляться своими заслугами относительно колоній: «сыновья свободы» не съ помощью Англии, а благодаря собственной силѣ добились величія и благосостоянія. Эта рѣчь послужила поводомъ къ основанію политическаго союза «Сыновей свободы», братства единомысленныхъ Американцевъ, значительное вліяніе котораго обнаружилось впоследствии.

Въ это время въ Лондонѣ было неспокойно. Вслѣдствіе болѣзни короля, хотя и скоро оправившагося, оказалось необходимымъ установить на подобные случаи законъ о регентствѣ. А между тѣмъ Гренвиллю, изъ ненависти къ лорду Бьюту, не хотѣлось овдовѣвшую принцессу Вельскую, мать Георга III. принять въ число назначаемыхъ въ регентство членовъ королевской фамилии. Онъ требовалъ сверхъ того, чтобы друзья Бьюта, его братъ, лордъ Стюартъ Макензи, герцогъ Нортумберландскій, сынъ котораго былъ женатъ на дочери Бьюта, и лордъ Голландъ были лишены ихъ вліятельныхъ должностей. Король, который благоволилъ къ своей матери и къ ея любимцу и далъ тѣмъ тремъ вельможамъ свое слово, поддержать ихъ въ должностяхъ, крайне вознегодовалъ на такой поступокъ Гренвиля; при посредствѣ своего дяди, герцога Кумберландскаго, вступилъ онъ въ сношеніе съ возведеннымъ въ лорда Чатама Вильямомъ Питтомъ, съ тѣмъ чтобы послѣдній составилъ новое министерство. Этотъ планъ однако не удался: Питтъ хотѣлъ принять въ кабинетъ однихъ только приверженцевъ своей партіи, а упрямый, ревнующій своей власти и авторитету король не рѣшался предоставить управленіе всецѣло либеральнымъ членамъ оппозиціи; особенно въ такую пору, когда въ Лондонѣ и въ Новой Англіи демократія возстала съ такою заносчивостью, когда въ на-

Министерскій кризисъ въ Англіи и возрастающее сопротивление въ Америкѣ.

родныхъ собраніяхъ и на мятежныхъ сходкахъ такъ дерзко заговорили о нарушеніи конституціи. Сверхъ того, колониальная политика Гренвила была совершенно въ его духѣ; уклониться отъ нея значило бы измѣнить своимъ принципамъ. А потому министерскій кризисъ и продлился еще нѣсколько мѣсяцевъ. Лордъ Гренвилъ тѣмъ временемъ успѣлъ принять всѣ мѣры для введенія штемпельной таксы и для подкрѣпленія таможеннаго устава. Когда, наконецъ, въ іюль мѣсяцѣ маркизъ Рокингамъ, лордъ Грейтонъ и другіе аристократическіе члены виговъ съ престарѣлымъ горцогомъ Ньюкестльскимъ принялись за управленіе общественными дѣлами, то въ Новой Англіи поднялось уже сильное волненіе. Виргінія «ударилась въ набатъ»; издавъ декларацію народныхъ правъ; на колониальныхъ конгрессахъ въ Массачузетѣ, Пенсильваніи и во всей Новой Англіи согласились дѣйствовать единодушно; въ Нью-Йоркѣ уполномоченные всѣхъ областей объявили оба рѣшенія парламента незаконными и обратились къ Англіи съ заявленіемъ своихъ правъ и жалобъ. Такимъ путемъ революція распространилась все далѣе. Виргінія руководила возстаніемъ; Массачузетъ добивался союза; Нью-Йоркъ намекалъ на независимость. Въ то же время образовались общества, съ цѣлью воспротивиться куплѣ и употребленію англійскихъ товаровъ; въ другихъ обществахъ члены обязались обращаться впредь съ своими тяжбами къ мировымъ судьямъ, лишь бы обойтись безъ штемпельной бумаги; къ политическому братству «Сыновей свободы» пристало много новыхъ членовъ. Всюду отъ сѣвера до юга «Сыновья свободы» путемъ печати, въ перепискѣ, въ общественныхъ собраніяхъ или на сходкахъ по улицамъ, рассказывали другъ другу о своихъ бѣдствіяхъ и строили планы для отместки или устранения ихъ. Однажды утромъ въ августѣ мѣсяцѣ бостонскіе жители увидѣли повѣшеннымъ на пльмѣ изображенія Бьюта, Гренвила и штемпельмейстера Оливье. Она съ той поры стала называться «деревомъ свободы». Штемпельные чиновники боялись приступить къ своей должности; отведенные для новыхъ поминъ дома то здѣсь, то тамъ подвергались нападкамъ. Пуританскіе проповѣдники подливали масла въ огонь: защитники штемпельной таксы въ родѣ совѣтчиковъ Ровоама, сказалъ однажды пылкій проповѣдникъ Стефанъ Джонсонъ. Въмѣсто того, чтобы внять воплямъ благомыслящаго угнетеннаго народа и удовлетворить его жалобамъ, они готовы скорѣе нагрузить бремя на бремя, пока мизинецъ пастоящаго короля не станетъ въ тысячу разъ толще чрезлѣ его добраго дѣда, и имъ хотѣлось бы все связать военною цѣпью. Такіе совѣты въ Израилѣ кончались возстаніемъ и неизлѣпимымъ разрывомъ. Если Богу угодно будетъ, то наше дѣло, пожалуй, кончится тѣмъ же. Изъ устъ въ уста переходили слова Джона Адамса: Ваши права древнѣ всякаго правленія на свѣтѣ; эти права не могутъ быть отмѣнены, ни ограничены

никакими чловѣческими законами; эти права даровалъ вамъ великій Законодатель мірозданія.

б) Министерство Рокингама и право налагать подати.

Когда въ Америку дошла вѣсть о перемѣнѣ министерства, то умами овладело болѣе спокойное настроеніе: осторожные люди старались укротить возбужденныя народныя страсти. Надѣялись, что новые совѣтники короны, извѣстные болѣею частью какъ друзья и единомысленники «великаго гражданина» Питта, отмѣнятъ податной и военный уставъ, или, по крайней мѣрѣ, смягчатъ его, такъ чтобы дѣла могли идти прежнимъ порядкомъ. Какъ разъ въ это время принялись въ болѣе широкихъ размѣрахъ за колонизацію Иллиноиса и всей долины Миссисипи, только что покинутой Французами: война съ Англіей могла бы лишь помѣшать этимъ предпріятіямъ. Въ собраніяхъ по временамъ раздавались голоса, увѣщавшіе къ покою и порядку. Когда не оставалось болѣе никакого сомнѣнія, что новое министерство въ отношеніи штемпельной таксы намѣрено идти по предназначенному уже пути, даже тогда Франклинъ изъ Лондона совѣтовалъ покориться обстоятельствамъ. Король и его окружающіе до того раздражены обнаруженными въ колоніяхъ притязаніями на независимость и демократическое самоуправленіе, что правительству поневолѣ приходится плыть по теченію. Всякія увѣщанія американскихъ уполномоченныхъ безплодны. «Мы могли бы скорѣе задержать закатъ солнца. Но такъ какъ оно разъ уже закатилось и не скоро опять взойдетъ, то намъ остается лишь какъ можно лучше устроиться на ночь. Зажжемъ по крайней мѣрѣ свѣчи. Бережливостью и трудолюбіемъ мы авось наверстаемъ свои утраты. Тупеядство и суетность налагаютъ на насъ болѣе тяжкія подати, нежели короли и парламенты; если одолѣемъ первыя, то послѣдніе окажутся сноснѣе».

Эти увѣщанія запоздали. Хотя все еще отвергалась мысль объ отпаденіи отъ Англіи и заявлялись вѣрноподданническія чувства, но въ дѣйствительности ступили уже на путь революціи. Этому много способствовало излишнее рвеніе роялистовъ и грубое обращеніе нѣкоторыхъ губернаторовъ и военныхъ чиновниковъ. Во всѣхъ областяхъ, во всѣхъ общинахъ соединились на единодушное сопротивленіе неконституціоннымъ уставамъ. «Если нѣтъ иныхъ средствъ противъ штемпельной таксы и тому подобныхъ произвольныхъ законовъ», — повторяли въ обществѣ, — «то народъ долженъ взять опять назадъ свои естественныя права и свою власть, которою онъ наделенъ отъ природы и Бога». Въ Нью-Йоркѣ купцы обязались не посылать никакихъ товаровъ въ Англію, ничего тамъ не заказывать; въ томъ же городѣ депутаты шести колоній подписали союзный до-

Революціонное
движеніе.

25. окт. 1765.

говоръ, вслѣдствіе котораго области «стали подобны пучку прутьевъ, 1. нбр. 1765. который нельзя ни согнуть, ни сломать»; а въ первое пообръ, когда слѣдовало ввести штемпельную таксу, по улицамъ разнесся похоронный звонъ колоколовъ, сопровождаемый кликами народа: «Свобода и собственность, долой штемпели!» Сама мѣра эта вскорѣ оказалась неполною: не нашлось людей, которые отважились бы на такую ненавистную должность; газеты вышли безъ штемпелей; стали препятствовать распродажѣ штемпельной бумаги и ее цѣлыми кучами убирали подъ замокъ или сжигали всенародно. О судебномъ преслѣдованьи шигдѣ и рѣчи быть не могло.

Новые ми-
нистры и юри-
дическій во-
просъ въ пар-
ламентѣ.
1766.

Министры виговъ оказались въ затруднительномъ положеніи: всѣ они своими мѣстами одолжены были не талантамъ, а скорѣе богатству и связямъ; про Рокингама говорили, что онъ лучше смыслить лошадей и скачки, нежели финансовыя и административныя дѣла. Онъ зависѣлъ отъ своего секретаря и друга Эдмунда Бѣрка, ученаго, умнаго и честолюбиваго Ирландца, который своимъ бойкимъ перомъ и своимъ напыщеннымъ, фантастическимъ и патетическимъ краснорѣчіемъ служилъ своему высокородному покровителю. Про графа Дартмутскаго, завѣдывавшаго министерствомъ торговли, было извѣстно только то, «что онъ носилъ графскую корону и молился»; Графтонъ превозносился, правда, поэтомуъ Грейемъ какъ честный и справедливый мужъ, но не отличался особенными способностями; хранитель печати Ньюкестль былъ дряхлый старецъ. Положеніе на самомъ дѣлѣ оказалось затруднительнымъ. Какъ прѣверженцы и единомысленники Питта министры должны были бы отстаивать конституцію старой Англіи и отвергнуть штемпельную таксу; въ такомъ случаѣ имъ пришлось бы, пожалуй, вести борьбу съ сопротивленіемъ короля, съ партіею Гренвиля, съ большинствомъ аристократіи, и даже съ національною гордостью Англичанъ. А съ другой стороны, лондонское купечество, торговля котораго понесла сильный ущербъ отъ возникшаго разлада, настоятельно побуждало къ политикѣ примиренія. Правительство внесло дѣло въ обѣ палаты; тамъ возникли бурныя засѣданія, такія же какъ были во времена Стюартовъ. Роялисты сочли происшествія въ Сѣверной Америкѣ открытымъ мятежемъ, который слѣдуетъ подавить вооруженною силою. Герцогъ Кумберландскій, по ихъ мнѣнію, новымъ Кюлюдиномъ сразу потушилъ бы возстаніе. Но въ это время старый полководецъ внезапно скончался. Годъ былъ уже на исходѣ, и въ Лондонѣ все еще ничего не рѣшалось. Давно уже въ парламентѣ не происходили такія горячія пренія какъ въ первыя недѣли 1766 года. Вильямъ Питтъ въ это время пользовался цѣлебными водами въ Батѣ для возстановленія разстроеннаго здоровья; несмотря на то онъ поспѣшилъ въ нижнюю палату, съ цѣлью высказать тамъ мнѣніе, «что Америку, лишенную представительства въ Вестминстерѣ, ни по за-

кону и конституціи, ни по разуму и справедливости нельзя принудить подчиниться уставу о податномъ сборѣ; что введеніе штемпельной таксы лишитъ Англичанъ по ту сторону Океана послѣдней доли ихъ свободы». Бывшій министръ Гренвиль старался доказать, что правительству и парламенту подобаетъ имѣть безусловный авторитетъ надъ колоніями, что Американцы, отказываясь содѣйствовать облегченію финансовъ Англіи, поступаютъ неблагодарно, такъ какъ національный долгъ увеличился главнѣйше ради нихъ, а Нью-Йорскій союзный конгрессъ и буйныя выходки толпы онъ призналъ революціонными поступками; и такое мятежное движеніе вызвано духомъ партій въ палатѣ. Послѣднее замѣчаніе подало поводъ великому государственному дѣятелю во второй рѣчи вновь вступить за колоніи. Словами, поражающими умы словно удары меча, Питтъ доказалъ, что противузаконная штемпельная такса должна быть уничтожена; онъ радъ, что три милліона людей такъ живо одушевлены чувствомъ права, свободы и возстали противъ гнета и насилія; штемпельный палогъ долженъ пасть съ тѣмъ, чтобы еще сильнѣе настоять на верховномъ господствѣ Великобританіи надъ колоніями. Вопросы о государственномъ правѣ дѣльно, остроумно и краснорѣчиво освѣщались обѣими партіями; эти пренія напоминали собою 1688 годъ, созданія котораго теперь въ первый разъ поборолись въ духѣ современной эпохи. Тутъ-то поняли, что составленная такими неудовлетворительными выборами нижняя палата отнюдь не отвѣчаетъ истинному народному представительству; и тогда уже зародилось убѣжденіе въ необходимости рѣшительной парламентской реформы въ будущемъ, въ силу которой слѣдовало лишитъ незаконныхъ привилегій вымершія селенія (Роттенбору), привлечь къ соучаствію въ парламентѣ возрастающіе торговые и фабричныя города, приурочить Ирландцевъ къ полноправнымъ членамъ королевства. Однако, предложеніе Питта въ нижней палатѣ добилось лишь ограниченаго меньшинства, а въ палатѣ лордовъ и того еще менѣе. Министры предложили королю, назначить великаго политическаго дѣятеля въ государственный совѣтъ, по имъ было рѣшительно отказано въ этомъ. Право налагать подати подтвердилось, теорія Гренвиля восторжествовала. Обѣими палатами было признано принципомъ, что Англія въ правѣ поступать съ тремя милліонами свободныхъ гражданъ въ Америкѣ такъ, какъ вздумается казначейству.

Право налагать подати было признано въ принципѣ. Отмѣна штем-
пели, однако, примѣнять его въ томъ видѣ, какъ предлагалось мини-
стерствомъ Гренвиля? Мнѣнія по этому вопросу раздѣлились: Питтъ
и министръ Конве были за отмѣну штемпельной таксы, которая на-
песла англійской торговлѣ величайшій ущербъ и легко могла возбу-
дить войну. Партія Гренвиля упорствовала въ своемъ мнѣніи; ко-
роль Георгъ соглашался лишь на нѣкоторые измѣненія. Тогда при-
слѣдовало отмѣна штем-
пели, однако, примѣнять его въ томъ видѣ, какъ предлагалось мини-
стерствомъ Гренвиля? Мнѣнія по этому вопросу раздѣлились: Питтъ
и министръ Конве были за отмѣну штемпельной таксы, которая на-
песла англійской торговлѣ величайшій ущербъ и легко могла возбу-
дить войну. Партія Гренвиля упорствовала въ своемъ мнѣніи; ко-
роль Георгъ соглашался лишь на нѣкоторые измѣненія. Тогда при-

Франклинъ въ гласили агента Пенсильваніи, *Венямина Франклина*, въ наполнен-
 нижней пала- цую публичною нижнюю палату, съ тѣмъ чтобы онъ высказалъ свое
 тѣ. 13. февр. мнѣніе касательно нѣкоторыхъ предложенныхъ ему Гренвилемъ и
 1766: Тоуншендомъ-вопросовъ. Умный Американецъ далъ точное объясне-
 ніе: соотечественники его по прежнему допустить «внѣшнюю подать»,
 состоящую въ наложеніи извѣстныхъ пошлинъ и въ ограниченіи
 торговли, но никогда не согласятся на «внутреннюю», на которую
 туземное законодательство не давало своего согласія. Въ пер-
 вомъ случаѣ каждому предоставлено уклониться отъ обложенныхъ
 пошлиною товаровъ, а во второмъ—Американцы признавались бы
 подданными лишенными всякаго права. Въдъ послѣднія борьба про-
 тивъ Франціи и Испаніи была британскою войною, причемъ колоніи
 не менѣе самой Англии напрягали свои силы; и если изъ славной
 борьбы извлечена прибыль, то ею воспользовались не только первыя,
 22. февр. 1766. по также и послѣдняя.—Послѣ этого большинствомъ двухъ третей
 собранія рѣшено было отмѣнить таксу. По окончаніи засѣданія окру-
 жавшая палату народная толпа словно побѣдителей превозносила
 Питта и Конве, а Гренвила она встрѣтила знаками негодованія.
 Шотландскіе члены, покорные роялистскимъ землевладѣльцамъ, по-
 дали голосъ противъ отмѣны; за то великіе писатели ихъ, фило-
 софъ Гетчинсонъ, историкъ Юмъ и Робертсонъ, основатель полити-
 ческой экономіи Адамъ Смитъ, заодно со всеѣмъ общественнымъ
 мнѣніемъ сочувственно привѣтствовали настоящей неходѣ. Верхняя
 палата изъявила свое согласіе съ рѣшеніемъ нижней, только
 нѣкоторые изъ лордовъ внесли протестъ въ составленный Бедфор-
 домъ протоколъ. Король Георгъ весьма неохотно утвердилъ этотъ
 «роковой билль»; онъ весь свой вѣкъ считалъ его главнымъ источ-
 никомъ своего горя, «своимъ одромъ, усыпаннымъ терніями». Послѣ
 этого уставъ о наложеніи податей на самомъ дѣлѣ рухнулъ. Однако
 въ Лондонѣ тѣмъ еще настойчивѣе ухватились за самый принципъ.
 Къ биллю прибавили двѣ оговорки: по одной изъ нихъ англій-
 скій парламентъ признавалъ за собою власть и верховный авторитетъ
 надъ Америкою во всякихъ дѣлахъ, а по другой все противорѣчащія
 тому рѣшенія законодательныхъ собраній и конгрессовъ
 въ колоніяхъ объявлялись недействительными. Этотъ «декларацион-
 ный билль» и сохранившійся по прежнему уставъ о военномъ по-
 стоѣ ослабили дѣйствіе парламентскаго рѣшенія. Въ самой Англии
 зажигали праздничные огни и прославляли министерство, которое
 достигло популярности еще тѣмъ, что отмѣнило пошлину на фрук-
 товое вино (таксу на сидръ) и обпародовало амицію за все без-
 порядки, вызвавшіе штемпельною таксою; но король и окружавшіе
 его негодовали на «падемошій въ Карлтонъ-гоузъ»; а въ Бостонѣ
 публицисты Отисъ и Варренъ лозунгомъ провозгласили «свободу и
 равенство».

18. марта.

с. Большой министр и упорная страна.

Король негодовалъ на министерство Ньюкестль - Рокингама; а из- Лордъ Чатамъ
 мнѣнить систему онъ не рѣшался; потому и поручилъ главѣ бывшей и новый каби-
 доселѣ оппозиціи, Вильяму Питту, составить новое министерство. нетъ.
 Взявшись за дѣло, Питтъ назначилъ возведеннаго въ лорда Кемде-
 на главнаго судью Пратта хранителемъ печати и къ принадлежал-
 шимъ къ прежнему кабинету Графону, Конвею, Шельберну при-
 соединилъ еще нѣсколько членовъ изъ партіи Бьюта, а именно Джен-
 кинсона и Мекензи, вслѣдствіе чего Бёркъ и прозвалъ новое мини-
 стерство «мозаикою». Вильямъ Питтъ въ качествѣ графа Чатама
 поступилъ въ палату перовъ. Съ этой поры его роль «великаго
 гражданина» въ качествѣ вожака оппозиціи прекратилась. Всту-
 пивъ въ смѣшанный кабинетъ и въ верхнюю палату онъ ли-
 шился сочувствія и довѣрія народа какъ по сю, такъ и по ту сто-
 рону океана. Сознаніе этой перемѣны усилило его тѣлесный недугъ
 и лишило его ясности и бодрости духа. Не подлежало сомнѣнію,
 что король, лордъ Бьютъ и друзья его именемъ этого политическаго
 дѣятеля изъ виговъ прикрывали лишь свои реакціонныя покушенія.
 Не смотря на необходимость прибѣгнуть ради государственныхъ дол-
 говъ къ обременительнымъ налогамъ, все-таки понизили подать съ
 аристократическихъ землевладѣльцевъ. Подъ конецъ года Чатамъ
 опять отиравился въ Батъ. Остальные члены кабинета воспользо-
 вались этимъ для своихъ эгоистическихъ цѣлей или для того, что-
 бы угодить прихотямъ короля по отношенію къ колоніямъ. Георгъ
 III. всегда считалъ отмѣну штемпельной таксы «роковымъ уступ-
 комъ, нанесшимъ неслѣдимую язву величію Англии». Ему поэтому
 тѣмъ еще болѣе хотѣлось бы инымъ путемъ подавить все рѣзче и
 рѣзче выступавшій духъ независимости и демократизма. Постоянная
 повинность, таможенный и коммерческій уставы представляли для
 этого лучшія средства, а Чарльсъ Тоуншендъ оказался услужли-
 вымъ орудіемъ королевскихъ плановъ. Вслѣдствіе одолевавшихъ его
 припадковъ податры лордъ Чатамъ изрѣдка лишь могъ принимать
 участіе въ дѣлахъ, а потому и преобладало вліяніе честолюбиваго,
 податливаго и легкомысленнаго Тоуншенда. Благоволившій къ коло-
 ніямъ Шельбернъ не могъ совладать съ болѣе даровитымъ, бойкимъ
 на слово и остроумнымъ соперникомъ.

Противоположные интересы и стремленія Старой и Новой Англии Тоуншендъ и
 обострились все сильнѣе: чѣмъ болѣе въ Лондонѣ упорствовали въ таможенный
 правѣ налагать подати, тѣмъ сильнѣе возставали приверженцы на- билль. 1767.
 циональной независимости въ Нью-Йоркѣ и Массачузетѣ, тѣмъ не-
 пріязненнѣе становились отношенія между королевскою военною и
 чиновною властью и колонистами. Отъ прозорливаго взора герцога

Шуазеля не укрылось возраставшее озлобленіе: тайные агенты, въ родѣ полковника Кальба, извѣщали его о злобахъ дня и пытались въ то же время въ самой Америкѣ возбудить симпатіи къ Французамъ. Сокращеніе поземельной подати въ Англіи нанесло большой ущербъ государственнымъ доходамъ. Его-то и надѣялись покрыть таможенною пошлиною въ колоніяхъ. По законамъ ничего нельзя было возразить противъ такого мѣропріятія; пассивное сопротивленіе, на которое намекнулъ Франклинъ, надѣялись преодолѣть при посредствѣ роялистовъ, а противъ насильственного сопротивленія гарнизонные отряды казались достаточною охраною. Надо отсѣчь головы этой гидрѣ демократіи, — таковъ былъ приговоръ короля.

Май 1767. Однако, благоразуміе побуждало къ осторожности. Проведенный въ обѣихъ палатахъ кашцлеромъ Тоуншендомъ въ маѣ билль постановлялъ, чтобы съ нѣкоторыхъ привозныхъ предметовъ, какъ то съ чая, стекла, бумаги, красокъ, взималась небольшая пошлина и доходами съ нея уплачивались оклады коронныхъ чиновниковъ и судей. Незначительными размѣрами этой пошлины надѣялись предупредить всякое сопротивленіе и воспрепятствовать голландской контрабандѣ.

Лордъ Нортъ. Тоуншендъ не дожидая до послѣдствій своего таможенного билля. Этотъ даровитый государственный дѣятель вскорѣ послѣ своего торжества умеръ отъ лихорадки. Чатама все еще задерживалъ недугъ, и его замѣнялъ Графтонъ въ министерствѣ, душою котораго, впрочемъ, былъ въ сущности лордъ Нортъ, поборникъ партіи тори. Министръ лордъ Нортъ, въ то время тридцати пяти лѣтъ отъ роду, стало быть ровесникъ Вашингтона, пришелся какъ разъ по нраву королю: онъ не отличался блестящимъ умомъ, но обладалъ обширными познаніями, веселымъ нравомъ и трудолюбіемъ, ненавидѣлъ республиканское правленіе, реформы и всякія демократическія принципы. Въ обществѣ онъ былъ приятнымъ собесѣдникомъ съ изящными приемами, ловкій ораторъ и искусный дѣлецъ съ здравымъ смысломъ; но не обладалъ силою воли въ отношеніи трона и подобно своему товарищу Джепкинсону предавался свѣтскимъ наслажденіямъ и удовольствіямъ, подчинялся аристократическому образованію того времени.

Сопротивленіе п протесты. Въ Лондонѣ думали, авось удастся провести въ новой невинной формѣ право парламента налагать подати; однако правительству скоро пришлось убѣдиться въ своемъ промахѣ. Идеи о независимости развились уже слишкомъ сильно, вопросъ о принципахъ слишкомъ уже часто разбирался съ разныхъ сторонъ, въ народѣ черезъ-чуръ глубоко уже проникли противоположности между естественнымъ и государственнымъ правами, такъ что Американцевъ не удалось опутать сѣтями англійской политики. Въ Бостонѣ, гдѣ предполагалось открыть главную таможену, купцы и граждане сговорились не допускать ни одного изъ подлежащихъ пошлинѣ предметовъ, завести собственныя фабрики и по возможности воздерживаться отъ употребленія британскихъ произведеній и мануфактурныхъ издѣлій; это-

му примѣру скоро послѣдовали остальные города и провинціи, что и причинило ощутительный ущербъ англійской торговлѣ. Избѣгали однако какаго бы то ни было вызывающаго поступка, который въ Англіи могли бы счесть явнымъ сопротивленіемъ. Пусть упрекъ въ нарушеніи права падеть на британское правительство. Въ депутатскомъ собраніи Массачузета патриоты заявили протестъ противъ таможенного устава, противъ намѣренія этими доходами уплачивать постоянные оклады королевскихъ чиновниковъ, противъ постоянного закона, а въ поданной министрамъ и парламенту запискѣ они доказывали, что налагать подати на колоніи безъ согласія ихъ мѣстнаго законодательнаго корпуса значить посягать на ихъ естественныя и конституціонныя права. Вмѣстѣ съ тѣмъ они обратились къ королю съ адресомъ, въ которомъ ссылались на искони пожалованную грамоту и на гарантированныя въ ней права и привилегіи поселенцевъ. Такъ же поступили и другія провинціи, которымъ Массачузетъ сообщилъ эти заявленія. Въ брошюрахъ и газетныхъ статьяхъ обсуждался вопросъ дня. Особенное впечатлѣніе между прочимъ производили ясно и спокойно изложенныя «Письма землевладельца», авторомъ которыхъ былъ Пенсильванецъ Дикинсонъ. Чиновники и роялисты глумились надъ «мужицкими письмами» и надъ адресами, въ которыхъ недалеые умомъ подданные покушаются судить и рядить о важнѣйшихъ политическихъ вопросахъ; однако, губернаторъ Бернаръ тутъ же обратился къ правительству съ просьбою, выслать въ Бостонъ нѣсколько полковъ для поддержанія таможенныхъ законовъ.

Франклинъ нанечаталъ и распространялъ „Мужицкія письма“; французскій переводъ ихъ переходилъ изъ руки въ руки въ парижскихъ салонахъ. Въ одной нью-йоркской брошюрѣ заявлялось: „Мужайтесь, Американцы, свобода, религія и наука несутся къ нашимъ берегамъ. Перстъ Вошій указываетъ Вашимъ сыновьямъ мощное царство. Мы не затѣмъ изгнали изъ пустыни дикарей, чтобы замѣстить ихъ идолопоклонниками и рабами. Не пройдетъ и семи лѣтъ надъ нашими головами, какъ заложенъ будетъ краеугольный камень мощнаго царства, въ видѣ наследія дарованнаго провинціямъ Вашимъ предкамъ“.

Въ то самое время, какъ вышло нѣсколько кораблей съ войскомъ, Въ возраставшая оппозиція. съ тѣмъ чтобы поддержать таможенныхъ чиновниковъ въ исполненіи ихъ службы, въ бостонской гавани произошло сильное столкновеніе у «Сыпвой свободы» съ королевскими вѣдомствами и съ полиціейскими, которые наложилъ арестъ на принадлежавшее патриоту Джону Ганкоку грузовое судно за нарушеніе коммерческихъ законовъ. Это было починомъ революціоннаго возстанія, которое предвѣщалось всѣми признаками. Когда губернаторъ воспрепятствовалъ съѣхавшимся депутатамъ Новой Англіи устроить собраніе, то, возмущенные пыльными народными витіями — Отисомъ, Самуиломъ Адамсомъ, Варре-

номъ,—граждане на свой страхъ учинили конвентъ въ Бостонской оружейной палатѣ; тутъ они подтвердили рѣшеніе воспротивиться всякому обложенію податью со стороны парламента, постоянной повинности и твердымъ окладамъ чиновниковъ; купцы вновь обязались не брать англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій; нуританскіе проповѣдники, ссылаясь на св. Писаніе, предрекали близкое паденіе тираніи. Извѣстія объ этихъ беспорядкахъ въ Англій возбудили въ парламентскихъ и правительственныхъ сферахъ негодованіе, въ коммерческомъ мірѣ—страхъ и сумятицу по поводу ожидаемыхъ денежныхъ убытковъ; а Шуазель вмѣстѣ съ маркизомъ Дю-Шателе, сыномъ Вальтеровой пріятельницы, тогдашнимъ посланникомъ Людовика XV. въ Лондонѣ, обсуждали, какъ бы повысить для Франціи воспользоваться предстоявшею борьбою между Англіею и Америкою. «Народъ мечтаетъ о свободѣ и унаслѣдовалъ республиканскій духъ», — писалъ прозорливый дипломатъ,—«милиція колоній состоитъ изъ 400,000 человекъ,—ихъ не устрашатъ незначительныя боевыя силы Англій». Во всей Европѣ съ напряженнымъ интересомъ слѣдили за этой борьбой изъ-за принциповъ. Правительство и парламентъ тѣмъ еще болѣе считали необходимымъ, ради національной чести, настоять на поддержкѣ своего авторитета, принудить колоніи къ повиновенію. Возникнетъ всеобщій мятежъ, какъ увѣряли, если не успѣютъ низвергнуть этихъ «Катилинъ», этихъ Сыновъ свободы. Въ Бостонѣ прошла молва, будто въ Англій отпращиваютъ пятьдесятъ человекъ политическихъ преступниковъ съ цѣлью предать ихъ тамъ, на основаніи отжившаго устава Генриха VIII., суду за государственную измену. Вильямъ Питтъ все еще считался членомъ кабинета, хотя и не принималъ никакого участія ни въ дѣлахъ, ни въ совѣщаніяхъ. Но возведеніи въ графское достоинство онъ, чтобы не отстать отъ одного съ нимъ званія богачей, повелъ роскошную жизнь, превышавшую его средства; ему поэтому и не хотѣлось лишиться своего министерскаго оклада. Лишь подъ исходъ года онъ вышелъ изъ министерства. Не такъ еще давно «великому гражданину» воздвигались памятники въ городахъ Новой Англій; скоро настала пора, когда ихъ повергли въ прахъ.

Тянь передъ бурей.

Октября 1. въ бостонскую гавань вошла эскадра изъ восьми военныхъ кораблей съ орудіями, снарядами и тремя полками. Ихъ размѣстили въ замкѣ Вильяма и въ общественныхъ зданіяхъ; попеченіе объ ихъ продовольствіи возложено было на главнокомандующаго Геджа. Горожане были спокойны. Офицерамъ казалось, что не было никакого повода доставлять подкрѣпленіе войску, что губернаторъ преувеличилъ мятежъ отъ 10. іюня. Разбѣжавшіеся таможенныя чиновники вернулись безъ помѣхи. При всемъ томъ въ тронной рѣчи при открытіи вновь избраннаго парламента заявлялось о незаконныхъ поступкахъ въ Бостонѣ, имѣвшихъ цѣлью отторгнуть колоніи

8-го полбрь. 1768.

отъ Англій, а потому палата побуждалась оказать помощь правительству, съ тѣмъ чтобы подавить зловредныя замыслы мятежниковъ и крамольниковъ. Протесты и просьбы осуждались и отвергались. Парламентъ огромнымъ большинствомъ одобрилъ политику правительства. Рѣшено было Новую Англій силою заставить повиноваться. Министръ колоній Гильборо въ палатѣ лордовъ доказывалъ, что авторитетъ парламента и правительства поддерживаются и падаютъ за одно вмѣстѣ съ принципомъ обложенія податьми. Рѣшено было подвергнуть бунтовщиковъ всей строгости законовъ. Но вотъ Эдмундъ Бёркъ, краснорѣчивый ораторъ оппозиціи, напомнилъ, какъ однажды Альба воскликнулъ: «Подайте мнѣ головы коноводовъ», однако онъ вскорѣ оказались головами гидры.

Эдмундъ Бёркъ родился въ Дублинѣ и отъ природы надѣленъ былъ пр-Эдмундъ Бёркъ, ландскою живостью и подвижностью. Онъ обладалъ обширными познани- род. 1. инв. ями въ области классической литературы, философіи и исторіи, которыя 1730. приобрѣлъ тщательными занятіями въ Дублинѣ и Лондонѣ и проявилъ въ двухъ юношескихъ сочиненіяхъ философскаго содержанія въ духѣ Болинброка; посвятивъ себя государственнымъ дѣламъ, онъ, подъ руководствомъ Гаррика, изучилъ ораторское искусство. Благодаря маркизу Рокингаму, первому лорду казначейства, Бёркъ 1765 занялъ государственную должность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ качествѣ депутата города Виндовера, мѣсто въ нижней палатѣ. Въ благодарность своему покровителю, которому былъ признателенъ въ теченіи всей своей жизни, онъ примкнулъ къ министерству Рокингама. Въ одной изъ рѣчей, возбудившей одобреніе и вниманіе Питта, Бёркъ ратовалъ противъ штендельной таксы, а когда министерство Рокингама вышло въ отставку, то написалъ оправданіе его администраціи. Съ этой поры онъ нѣсколько лѣтъ кряду принадлежалъ къ партіи вигговъ и либеральной оппозиціи; во многихъ замѣчательныхъ парламентскихъ рѣчахъ, въ которыхъ любилъ блеснуть своею начитанностью, своими познаніями и своимъ риторическимъ пафосомъ, онъ выступилъ поборникомъ свободы печати, независимости судовъ и религіозной терпимости и всячески старался воспрепятствовать разрыву съ Америкою. Злоупотребленія въ законодательствѣ и управленіи, противоконституціонныя поступки небольшой, но сильной партіи, образовавшей о-бокъ съ кабинетомъ и парламентомъ, въ связи съ королевемъ, какъ бы личное правленіе, пѣчто въ родѣ камариллы, потеряли сильныя навады отъ краснорѣчивыхъ устъ Бёрка; вмѣстѣ съ Питтомъ и Фоксомъ онъ былъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся парламентскихъ ораторовъ.

д. Политическое возбужденіе въ Англій и письма Юніуса.

Во время этихъ событій по ту сторону океана, въ метрополиі также царствовало бурное политическое возбужденіе. Изъ исторіи демагога Вилькиса (стр. 103) извѣстно уже, какъ сильно разбушевались волны народнаго движенія въ Лондонѣ. Тогда какъ судъ приговорилъ памфлетиста къ тюрьмѣ и денежной пенѣ, а нижняя палата изгнала его изъ своей среды за «дерзкую, скандальную и возмутительную насмѣлку» на министра Веймута, въ то же время при-

Правительство и народная оппозиція.

верженцы его партіи прославляли Вилькиса какъ борца за свободу; отказъ нижней палаты принять въ свою среду вновь избраннаго значительнымъ большинствомъ голосовъ, былъ сочтенъ нарушеніемъ билля о правахъ. «Что же послѣ этого будетъ обезпечено въ старой Англіи, если парламентъ изъявитъ свою независимость и судьи лишатъ присяжныхъ ихъ правъ, лишь бы добиться удобнаго правительству обвиненія»? Продлившаяся долгое время въ печати и парламентѣ борьба завершилась кровопролитіемъ на улицѣ. Мятежи и народныя демонстраціи приняла, наконецъ, революціонный характеръ, такъ что вмѣшалось войско и нѣсколько лицъ были убиты выстрѣлами; скопища собирались на полѣ св. Георгія, потомъ двинулись къ Сентъ-Джемскому дворцу, чтобы представить тамъ народную казнь Карла I., причемъ молодой лордъ, скрывъ лицо, предсталъ будто бы въ роли палача.

Май. 1769.

Нападки на правительство.

Узнавъ объ этихъ событіяхъ, престарѣлый Чатамъ поднялся съ одра болѣзни и сказалъ въ верхней палатѣ рѣчь, глубоко потрясающую министерство Графтона. Лордъ Кемденъ сложилъ съ себя званіе канцлера, а Йоркъ, котораго личное честолюбіе и просьбы короля побудили принять великую печать, до того оскорбился упреками своихъ друзей, что самъ лишилъ себя жизни. Но болѣе жестокій ударъ правительству, парламенту, носителямъ и послужникамъ безхарактерной системы нанесенъ былъ въ рядѣ газетныхъ статей

Письма Юніуса. Авторъ и точка зрѣнія.

(въ Общественномъ Вѣстникѣ). Благодаря сильному языку, мастерству въ слогѣ и изложеніи, могуществу полемики и доводовъ, близкому знакомству съ дѣлами и лицами, онѣ подъ именемъ „Писемъ Юніуса“ приобрѣли всеобщую извѣстность. Кто былъ авторомъ этихъ замѣчательныхъ статей, собранныхъ впоследствии въ одну книгу и переходившихъ изъ рукъ въ руки,—это осталось тайною для современниковъ. Самъ онъ въ составленномъ имъ сборникѣ протиснулся съ слѣдующими словами: „Я единственный повѣренный моею тайны и она сойдетъ со мною въ могилу“. Объ немъ сложилось столько же догадокъ какъ и о желѣзной маскѣ. Въ наше время лишь съ достаточною достовѣрностью этимъ авторомъ признанъ сэръ Филиппъ Францисъ, даровитый, страстный писатель, честолюбіе котораго не удовлетворялось подчиненною должностью въ военномъ министерствѣ. Съ опущеннымъ забраломъ,—сказано у Брокгауза,—не узнаваемый ни друзьями, ни врагами, Юніусъ вмѣшивается въ ряды бойцовъ и, можно сказать, съ магическою властью господствуетъ въ теченіе трехъ лѣтъ (1769—1772) надъ общественнымъ мнѣніемъ въ Англіи: перо его то въ спокойномъ, сдержанномъ тонѣ изображаетъ бѣдствія страны, промахи и распутства торіевъ, то съ сокрушающею ироніею преслѣдуетъ, осмѣиваетъ и опозориваетъ враговъ свободы, то въ доведенныхъ до совершенства выраженіяхъ изливаетъ скорбь патріота, порывъ чрезвычайной ненависти. Не разъ

говорили, будто Францисъ за данное имъ обѣщаніе молчать получилъ въ 1774 году важное и доходное мѣсто совѣтника правительственной коллегіи въ Бенгаліи. Тамъ онъ, какъ узнаемъ впоследствии, скоро сдѣлался непримиримымъ врагомъ Варрена Гастингса. Своєю рѣзкою, беспощадною полемикою, письма Юніуса словно молнія поражали господствовавшую правительственную систему, короля, министровъ и раболѣпную парламентскую аристократію; они ратовали за древнесаксонское народное право, за свободу и независимость судовъ и печати, за унаслѣдованныя отъ отцовъ учрежденія въ противность злоупотребляемъ, растленію, произволу господствовавшей аристократической партіи. Тутъ излагаются не демократико-республиканскія теоріи въ духѣ Руссо, а указывается лишь на рѣзкія противоположности между современнымъ правленіемъ и національнымъ государственнымъ строемъ минувшихъ поколѣній. Революціонный духъ, какъ въ дни Стюартовъ, разлитъ по всемъ этимъ мощнымъ полемикамъ, но онъ вращается на староанглійской почвѣ; письма Юніуса ничто иное какъ слово, сказанное въ защиту древнебританской правительственной и юридической системы противъ современной малодушной олигархіи и деспотической феодальной монархіи, съ язвительными нападками на безхарактерность и безправственность властителей. Они произвели сильное впечатлѣніе на господствовавшую аристократію, тѣмъ болѣе что по близкому знакомству автора съ придворными и правительственными лицами и условіямъ, съ національными учрежденіями и правами, легко было догадаться, что онъ самъ принадлежитъ къ тѣмъ аристократическимъ кружкамъ, проступки, своекорыстіе, нечестіе, эгоизмъ и безхарактерность которыхъ онъ обличалъ съ такою беспощадною рѣзкостью.

Внутреннія тревоги, поддерживаемыя и еще болѣе возбуждаемыя письмами Юніуса и приверженцами Вилькиса, сильно отравляли жизнь министерству Графтонъ-Порту и оттиснули распри съ колоніями немало на задній планъ. Графство Мидльсексъ упорно поддерживало выборъ Вилькиса и объявило нарушеніемъ конституціи призывъ въ палату правительственнаго кандидата. Лондонскіе граждане пригласили изгнаннаго изъ палаты Вилькиса въ ратушу и торжественно предъявили королю адресъ съ просьбою удалить своихъ министровъ и совѣтниковъ, распустить парламентъ, котораго нельзя болѣе считать истиннымъ представителемъ народа. Въ отвѣтъ на это было заявлено: «Содержаніе адреса оскорбительно для короля, позорно для парламента и противно началамъ конституціи». Послѣ того лордъ-меръ Бекфордъ, представившись вновь королю во главѣ городскихъ чиновъ и ратмановъ, намекнулъ о „достопадной и необходимой революціи“, благодаря которой возникла „благодатная конституція“. Все это такъ сильно напоминало о прежнихъ событіяхъ, такъ согласовалось съ тономъ, заданнымъ письмами Юніуса, что въ прави-

Оппозиціонныя проявленія въ Лондонѣ.

тельственныхъ сферахъ сочли необходимымъ уступить и успокоить умы. Къ тому же еще и вышняя политика отнюдь не отвѣчала обществу: мнѣнію англійской націи. Благодаря господствовавшей ревности, съ какою постоянно слѣдили за Франціею, въ Англии сильно вознегодовали, когда правительство безучастно отнеслось къ борьбѣ Корсиканцевъ противъ французскихъ армій (XII, 649); настроеніе это обнаружилось въ тѣхъ почестяхъ, какими привѣтствовали прибывшаго въ Англию корсиканскаго борца за свободу. Сверхъ того, правительство, убоясь запутаться въ войну съ бурбонскими домами, постыднымъ образомъ поступило въ возникшій съ Испаніею распри изъ-за Манилы и Фалкландскихъ острововъ, придавъ затѣмъ политическому промаху видъ дипломатическаго успѣха. Все это отнюдь не могло подавить негодованіе народа противъ господствовавшей аристократіи.

Распри съ Испаніею изъ-за Манилы и Фалкландскихъ острововъ.

Дѣло въ томъ, что въ послѣднюю войну Вильямъ Драпе совершилъ высадку на Филиппины и на взятый приступомъ городъ Манилу наложилъ контрибуцію, которую жители обязались уплатить, лишь бы избѣжать опустошенія. Но такъ какъ они могли собрать только одну половину наличныхъ, то на другую половину выдали векселя на Мадридъ. По заключеніи мира испанское правительство отказалось платить по векселямъ; всякія требованія со стороны англійскаго министерства были тщетны. Изъ-за этого не хотѣлось начинать новой войны, а потому старались Драпе, офицеровъ и солдатъ его снабдить общащими или успокоить иными средствами. Такъ дополнительныя деньги манильской казначействѣ и не были уплачены.—Еще позорнѣе завершилась распри по поводу Фалкландскихъ острововъ: тамъ въ 1764 и 1766 годахъ мореплаватель Бугенвилль заложилъ на восточной сторонѣ французскую колонію Портъ-Дунъ, а Англичане на западной—основали Портъ Эгмонтъ. Испанцы не хотѣли допустить ни одно изъ этихъ поселеній. Шузэль велѣлъ, поэтому, вывести французскихъ колонистовъ, а англійскіе были силою изгнаны намететникомъ Буэносъ-Айреса. Изъ боязни, что война съ Испаніею повлечетъ за собою войну съ Франціею, лордъ Нортъ снесъ также и это оскорбленіе. При посредствѣ герцога д'Эгильона, занимавшаго въ 1771 году вмѣсто Шузэля министерство иностранныхъ дѣлъ, затѣяли поэтому дипломатическую игру, благодаря которой французскій министръ побудилъ испанское правительство дать Англии для виду удовлетвореніе, лишь бы кабинетъ былъ въ состояніи оправдаться передъ народомъ и парламентомъ, а именно: Испанцы вышли изъ порта Эгмонта, а Англичане приняли видъ, будто хотятъ тамъ утвердиться; но велѣвъ затѣмъ они опять покинули колонію, оттого что она причисляется будто бы много издержекъ и вводитъ только въ соблазнъ Испанцевъ. Посредникъ въ этой тайной продѣлкѣ, сэръ Вильямъ Гордонъ былъ богато награжденъ за это. Юшусъ, разумеется, и не преминулъ опозорить министерство за такую „измѣну чести и достоинству короля“.

е. Англійское правительство и кризисъ въ Америкѣ.

Пошлина на чай и привилегія права.

Въ это возбужденное время вопросъ о наложеніи податей на американскія колоніи подлилъ масло въ огонь. Правительство и парламентъ скоро убѣдились въ томъ, что необходимо отмѣнить пошлины

ный уставъ 1767 года, такъ какъ отъ него произошли только ущербъ и распри. При посредствѣ контрабанды и воздержанія отъ потребления чуждаго напитка обошли даже ввозную пошлину на чай, который англійскіе комисіонеры скупали на большихъ аукціонныхъ рынкахъ и затѣмъ препровождали въ колоніи. Для того однако, чтобы угодить королю, который только тогда допускалъ отмѣну какой нибудь повинности, если это совершалось «въ духѣ поворотности», и чтобы «не дать уснуть праву», пошлины не совсѣмъ еще были устранены. Король Георгъ и господствовавшая партія Бедфорда все еще настаивали на правѣ налагать подати; въ этомъ они видѣли основу верховности метрополи. «Самое введеніе акта и пошлину на чай», говорилъ лордъ Нортъ, «необходимо поддержать какъ знакъ верховной власти парламента и его права управлеть колоніями». Хотя въ верхней палатѣ лордъ Чагамъ, снова вернувшись къ воззрѣніямъ своей юности, а въ нижней—оппозиція виговъ съ Эдмундомъ Берке во главѣ съильно ратовали противъ пошлинъ, однако правительство все-таки одержало верхъ: чай обложили ввозною пошлиной по три пенса на фунтъ. Такою низкою таксою имѣлось въ виду переломить сопротивление въ колоніяхъ. Это была дипломатическая передержка подобная распри изъ-за Фалкландскихъ острововъ: надѣялись разными коварными уловками поддержать хоть призракъ права, мнимыми уступками затмить вопросъ о принципахъ. Замыселъ однако не удался. Американцы частью вовсе отказывались отъ чая, а не то добывали его запретнымъ путемъ. Въ Новой Англии и Нью-Йоркѣ не давались въ обманъ, тогда какъ лондонскій кабинетъ наставлялъ на принципъ, за одно съ которымъ, по мнѣнію короля и министровъ, держался и рушился монархически-парламентскій авторитетъ. «Я готовъ скорѣе сложить съ себя корону», сказалъ Георгъ III., «чѣмъ согласиться на требованья оппозиціи».

Въ воздухѣ надъ Лондономъ и Бостономъ носилась революція; противоборствующія начала бурными волнами напирала другъ на друга; вся Европа въ напряженномъ ожиданіи слѣдила за борьбою, сочувствуя той или другой сторонѣ, смотря по личному убѣжденію или интересу, по различнымъ наклонностямъ и воззрѣніямъ. Король Георгъ III. славился пѣкоторыми хорошами качествами: его вѣрованіе и церковное благочестіе были искренни и непритворны; онъ обладалъ семейными добродѣтелями и былъ довольно уменъ, для того чтобы вѣрно судить о лицахъ и предметахъ; онъ отличался умѣренностью, вѣрностью своему долгу, стойкимъ мужествомъ. Однако другія его качества губительно повліяли на политику въ эту тревожную эпоху: ревнуя своему авторитету, онъ не терпѣлъ противорѣчій, и всякая оппозиція казалась ему личнымъ оскорбленіемъ; натуры съ твердымъ послѣдовательнымъ характеромъ были ему не

Противоположность въ принципахъ и король Георгъ III.

пунутру, онъ любилъ податливыя, уступчивыя особы при дворѣ и въ кабинетѣ; его антипатія противъ всякаго рода философскихъ просвѣтителей, его ненависть къ демократіи и республиканскимъ идеямъ о свободѣ возбудили въ немъ отвращеніе отъ всякаго новшества, омрачили его пониманіе общественныхъ дѣлъ и современныхъ стремленій, вселили въ немъ предубѣжденіе и нерасположеніе ко всякаго рода реформамъ. Въ противоположность ганноверской семейной политикѣ онъ почтилъ своимъ довѣріемъ и благоволеніемъ членовъ торіи. По смерти (1772) Вельской принцессы бывшій любимецъ матери и сына вернулся въ свой шотландскій родной край, къ своимъ ботаническимъ занятіямъ, и ни оупъ, ни его креатуры не оказывали болѣе никакого вліянія на государственныя дѣла. Не смотря на то король охотнѣе всего придерживался консервативныхъ дѣятелей, которые предпочитали полумѣры и мелочныя средства рѣшительнымъ дѣйствіямъ, разными уловками и передержками пытались заклипать подымавшіяся бури, которые, пользуясь богатыми средствами подкупа и наградъ, наводняли правительственныя вѣдомства и парламентъ подкупными раболѣпными клеветами изъ растленныхъ слоевъ олигархической аристократіи. Высшею добродѣтелью въ его глазахъ были преданность престолу и вѣрнопопданническое чувство; ради такихъ качествъ Георгъ III. свисходительно относился даже къ распутству и содержанію любовницъ, хотя впрочемъ былъ весьма строгъ относительно пристойнаго, нравственнаго образа жизни. Известно, что французскіе и англійскіе дворяне походили другъ на друга какъ въ умственномъ и общественномъ образованіи, такъ точно и въ сладострастіи и вертопрашествахъ.

Положеніе и настроеніе въ колоніяхъ. Чѣмъ рѣзче проявлялись въ метрополіи противоположности между реформаторами и консерваторами, тѣмъ выше возносились идеи свободы и независимости въ колоніяхъ. Выступавшая въ письмахъ Юніуса и въ дѣлахъ Вилькиса оппозиція послужила въ пользу также и «Сынамъ свободы» въ колоніяхъ, хотя оба эти движенія и не состояли въ непосредственной связи другъ съ другомъ. Вслѣдствіе слишкомъ явно обнаруженной порчи парламентскихъ выборовъ Американцы отнюдь не соблазнялись возникашею по временамъ мыслью объ органической связи колоній съ законодательствомъ метрополіи. Главнымъ очагомъ политическихъ движеній былъ Бостонъ: тамъ присутствіе англійскихъ войскъ давало поводъ къ разнымъ столкновеніямъ, а грубый и корыстный губернаторъ Бернаръ произвольнымъ вмѣшательствомъ въ правительственныя дѣла Массачузета то и дѣло раздражалъ партію сопротивленія. Тотъ же демократическій духъ царилъ и въ остальныхъ провинціяхъ Новой Англій, въ подвижномъ Нью-Йоркѣ, въ средѣ вообще такъ мирно настроенныхъ квакеровъ Пенсильваніи и даже въ южныхъ штатахъ, гдѣ англійскій роялизмъ былъ болѣе распространенъ. Въ Сѣверной Каролиѣ образовалась реформатор-

ская партія «регуляторовъ», рѣшившихся даже съ оружіемъ отстаивать свободу противъ англійскаго главнаго чиновника Трейна. Въ Виргиніи губернаторъ Ботетуръ, доблестный мужъ съ изящными приемами, долгое время поддерживалъ добрыя отношенія съ фермерами; не смотря на то законодательное собраніе, въ которомъ заседали Вашингтонъ, Джефферсонъ, Ли, Патрикъ-Генри, этотъ «Демосеенъ лѣсовъ», и другіе вольнолюбивые патриоты, рѣзко высказалось противъ таможеннаго устава. А въ западныхъ краяхъ, гдѣ въ то время при Кентуки и въ Иллинойсѣ основались новыя поселенія,—гдѣ отважные охотники проникали въ первобытныя дебри,—или въ плодородныхъ долинахъ Тенессе, гдѣ, переваливъ черезъ Аллегены, сошлись преслѣдуемые бѣглецы,—тамъ нигдѣ уже не питали болѣе сочувствія къ давно забытой родинѣ предковъ въ Европѣ. Бернаръ, правда, былъ отозванъ, и въ преемники его назначенъ чиновникъ Гетчисонъ, уроженецъ Массачузета; но все было тщетно: господствовавшія по ею и по ту сторону океана непримиримыя противоположности относительно права облагать податью не обошлись безъ ссоръ. Вслѣдствіе возбужденія горожанъ противъ продажи чая въ Бостонѣ и Нью-Йоркѣ возникли народные мятежи, причѣмъ раздраженные солдаты, то и дѣло подвергаясь оскорбленіямъ и позору, стрѣляли по толпѣ. Это въ свою очередь подало поводъ къ подстрекающимъ рѣчамъ, къ демонстративнымъ похоронамъ. Въ Бостонѣ опасались сильнаго возстанія, такъ что губернаторъ отвелъ полки изъ города въ цитадель. Однако, внутри крѣпости войска стали опаснѣе прежняго. Поддерживаемыя военными кораблями въ гавани, они держали Бостонъ какъ бы въ осадномъ положеніи. Въ это критическое время Бенъяминъ Франклинъ, тогда шестидесяти-четырехъ лѣтъ отъ роду, былъ назначенъ также отъ Массачузета агентомъ въ Лондонѣ.

Англійская таможенная политика въ отношеніи къ колоніямъ была изліяніемъ немощи, причинившей самой метрополіи наибольшій ущербъ. Правительство изъ года въ годъ сотнями тысячъ тратило на корабли и солдатъ, а Остиндская компанія въ то же время сбывала на два съ половиной милліона менѣе товару, тогда какъ за пошлину на чай, вино и другіе припасы едва выручалось восемьдесятъ пять фунтовъ. И дѣйствительно, колонисты упорно сопротивлялись распродажѣ англійскаго чая: между тѣмъ какъ голландскіе контрабандисты при содѣйствіи населенія сбывали его тайными путями и широко распространялись общества воздержанія, въ то же время старались по возможности помѣшать выгрузкѣ, или распродажѣ и потребленію ввозимыхъ на англійскихъ судахъ товаровъ. Въ народныхъ иѣсеняхъ прощались съ излюбленнымъ напиткомъ, жертвуя имъ для свободы. А потому колониальная политика правительства въ самой Англій подвергалась самымъ рѣзкимъ противорѣчіямъ, какъ со стороны

5. марта 1770.

Окт. 1770.

Немощная политика.

либеральной оппозиции Чатама, Бёрка и др., отвергавших наложенные пошлины на колонии английским парламентом, — точно так же и со стороны Гренвиля и его приверженцев: считал необходимым сломить силою упорство и неповиновение американских подданных, последние все зло и все невзгоды приписывали полумбрам министерства Норта. Пытались было помочь нуждам и жалобам коммерческого мира тем, что решились возместить убытки Остиндской компании, так чтобы агенты ее могли поставлять чай по одной цѣнѣ съ контрабандистами; но тщетно: вѣдь дѣло шло не о меркантильных выгодах, а напротив, — о принципѣ.

Комитетъ корреспонденцій и тайныхъ писемъ. Ноябрь. 1772.

Озлобленіе усиливалось изо дня въ день. По почину и подъ руководствомъ вождей патриотической партіи, Джона и Самуила Адамса, Отиса, Джозефа Варрена, въ Бостонѣ образовался комитетъ дѣйствій или корреспонденцій, съ цѣлью популярными адресами и брошюрами выяснять права и учрежденія колоній, также наносимые имъ английскимъ правительствомъ удары и беззаконія; а въ это самое время Франклинъ въ Лондонѣ перехватилъ нѣсколько писемъ, которыми ясно обнаружилось, что вожаки партіи чиновниковъ и роялистовъ въ Массачузетѣ, Гетчинсонъ, Оливеръ, Пакстонъ, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ совѣтовали принять тѣ мѣры, которыя возбудили столько злобы: то былъ заговоръ высокопоставленныхъ роялистовъ въ нѣдрахъ самихъ колоній, задуманный для угнетенія послѣднихъ. Письма адресовались на имя члена парламента Вателея, сообщавшаго ихъ своему покровителю Гренвилю, а черезъ него лорду Темплю. По смерти Вателея эта корреспонденція, неизвѣстно какимъ образомъ, попала въ руки Франклина, а онъ отпривилъ ее въ Америку, съ темъ чтобы уличить людей, «которые продаютъ свободу отчизны изъ-за своекорыстныхъ цѣлей, возбуждаютъ ревность и гнѣвъ короны и сѣять раздоръ между обѣими родственными странами».

Июнь. 1773.

Въ іюнь мѣсяцѣ эти письма читались въ собранія депутатовъ Массачузета; послѣдніе признали въ нихъ тенденцію, испровергнуть конституцію и ввести власть произвола. Содержаніе ихъ вскорѣ было во всѣхъ устахъ. Франклинъ имѣлъ будто бы въ виду, облегчить соглашеніе между метрополіей и колоніями, сваливъ вину неудовольствій на нѣкоторыхъ особъ; вышло однако наоборотъ. Какъ въ Лондонѣ, такъ и въ Бостонѣ враждебное настроеніе усилилось. Франклина призвали къ отвѣту въ тайный государственный совѣтъ; а въ то же время неустранимый Самуилъ Адамсъ путемъ печати и въ комитетѣ корреспонденцій предлагалъ учредить копвентъ всѣхъ колоній. Въ Филадельфіи, Бостонѣ, Нью-Йоркѣ, Чарльстонѣ и др. назначены были депутаты изъ гражданъ, прежде всего съ цѣлью воспрепятствовать выгрузкѣ и продажѣ привезеннаго Остиндскою компаніей чая, а потомъ — обсудить средства и пути къ совершенному отпаденію отъ Англій. Горе агентамъ и товарополучателямъ,

не исполнявшимъ приказаній тайнаго общества! Вожди партіи говорили языкомъ, исполненнымъ увѣренности въ побѣдѣ. Комитетъ корреспонденцій, председателя котораго Кюинга подстрекали болѣе рѣшительные члены, Самуилъ Адамсъ, Гапкоксъ, Молинѣ, Варренъ, господствовалъ надъ Массачузетомъ. Зимой транспортное судно Остиндской компаніи прибыло съ грузомъ чая и вошло подъ защитою гарнизона форта Вильяма въ бостонскую гавань; тогда магистратъ запретилъ выгрузку и сообщилъ капитану приказъ, тотчасъ же возвратиться въ Лондонъ. Когда онъ замедлилъ, то Сыны свободы, вооруженные мушкетами, заняли всѣ выходы гавани. Было рѣшено не допускать обложеннаго пошлиною чая въ городъ. А что если удастся сложить товаръ въ цитадель и оттуда передать его въ руки экспедиторовъ и продавцовъ? Для того чтобы предупредить это, молодой пылкій патриотъ по имени Іосія Квинси задумалъ разомъ порѣшить дѣло. Подъ его веденьемъ толпа отъ сорока до пятидесяти человекъ, нарядившись Индѣйцами, овладѣла стоящимъ въ гавани кораблемъ Дартмутомъ и весь грузъ его, триста сорокъ цибиковъ чаю стоимостью въ 18,000 фит. стр., выкинула въ море. Чтобы не подвергнуться той же участи, остальные, назначенныя въ Нью-Йоркъ и Филадельфію суда повертели съ своимъ грузомъ вспять.

Взрывъ.

18. дек. 1773.

3. отпаденіе американскихъ колоній отъ Англии.

а. Билль о бостонскомъ портѣ и конгрессъ выборныхъ въ Филадельфіи.

Это отчаянное посягательство на англійскій товаръ было вызовомъ на борьбу. Жители Массачузета вполне сознавали, что они перешли черезъ рѣку и сожгли за собою мосты. Въ Лондонѣ и безъ того уже прежніе постулки въ Америкѣ признавались «мятежемъ» и не охотно постунались вопросамъ о податяхъ, такъ что въ Бостонѣ говорилось: «сердце короля ожесточено яко Фараоново»; чего же слѣдовало ожидать теперь, когда исполненный злобы и жажды мести губернаторъ Гетчинсонъ пошлетъ туда извѣстіе о послѣднихъ событіяхъ? А потому тогда уже разнесся кличъ о всеобщемъ союзѣ, «который отъ Флориды досягалъ бы до снѣжныхъ полей Канады!» А бостонская печать заявляла: «Медлить нечего; необходимо созвать конгрессъ или собраніе Американскихъ штатовъ, и да будетъ такъ, какъ рѣшилъ народъ». Отчетъ Гетчинсона о событіяхъ въ Бостонѣ не успѣлъ еще прибыть въ Англію, когда тамъ совершилось знаменательное засѣданіе тайнаго совѣта, въ которомъ въ присутствіи тридцатипяти лордовъ и многочисленныхъ слушателей, между прочимъ Пристлея и Бёрка, Франклинъ подвергнутъ былъ допросу по поводу прошенія отъ представителей Массачузета касательно удаленія предательскаго губернатора и главнаго судьи. Совѣщаніе при-

Впечатлѣніе этого поступка. Франклинъ передъ тайнымъ совѣтомъ.

29. янв. 1774.

ияло характеръ обвиненія: главный прокуроръ Веддербёрнъ отвергъ жалобу и просьбу представителей Бостона какъ беззаконныя; въ самыхъ гнусныхъ и оскорбительныхъ выраженіяхъ изложилъ онъ поступки колоній какъ цѣлую цѣпь преступленій, измѣнъ, непокорности и нечестія; самого Франклина, представителя Пенсильваніи, Нью Джерси, Массачузета и Георгіи онъ осыпалъ бранью и упреками, называлъ его «истымъ возмутителемъ», который путемъ подкупа добылъ частныя письма и опубликовалъ ихъ, съ цѣлью вытѣснить вѣрнаго губернатора и занять его должность. Франклинъ спокойно и невозмутимо выслушалъ злобную рѣчь прокурора, которую лорды встрѣтили громкими знаками одобренія; потомъ онъ отвѣтилъ такъ, «какъ впустила ему его добрая совѣсть». вмѣсто того чтобы оправдаться по поводу опубликованія писемъ, онъ призналъ это однимъ изъ лучшихъ поступковъ своей жизни, который онъ готовъ повторить при подобныхъ обстоятельствахъ. По рѣшенію тайнаго совѣта, одобренному королемъ, прошеніе было отринуто какъ порожденіе «лжи и злобы», имѣвшее въ виду возбудить въ провинціи вражду и мятежъ; правительство лишила престарѣлаго Франклина должности главнаго почтмейстера, которая въ сущности при немъ самомъ и достигла нѣкотораго значенія.

Фоксъ, род. 24 янв. 1749. Въ то же время гнѣву тогдашнихъ правителей Англій подвергся еще другой дѣятель, возбудившій своимъ краснорѣчіемъ и своимъ политическимъ талантамъ удивленіе современниковъ—*Чарльсъ Джэксъ Фоксъ*, второй сынъ бывшаго стасъ-секретаря лорда Голланда. Гениальный, ловкій, просвѣтивъ свой умъ ученіемъ и путешествіями, онъ членами торіи былъ привлеченъ въ управленіе и возведенъ въ лорды казначейства, не смотря даже на распутную его жизнь, на его страсть къ игръ и къ чувственнымъ наслажденіямъ. Теперь, однако, Фоксъ вмѣстѣ съ Бёркомъ перешелъ въ оппозицію и лишился своего мѣста; за то тѣмъ могучѣе гениальный человѣкъ выступилъ на ораторское поприще. Онъ про садилъ свое отцовское мнѣніе, своею расточительною жизнью и своимъ распутствомъ навлекъ на себя дурную славу, а своею склопностью къ просвѣщенію и вольнодумству возбудилъ ненависть правовѣрнаго короля; при всѣхъ его порокахъ не было однако человѣка, болѣе свободнаго отъ упрековъ злодѣи, тщеславія или лжи. Природа надѣлила его всѣмъ, что Бёрку давалось лишь непосильнымъ трудомъ при свѣтѣ лампы: въ немъ была не только жизнь, но также душа, и онъ изъ пѣдръ ея и изученія классиковъ черпалъ то, что Цицеронъ признаетъ единственно истиннымъ краснорѣчіемъ (rectus facit disertum). Недостатокъ знанія Фоксъ въ пзбыткѣ возмѣщалъ естественною простотою и истиннымъ, нетеатральнымъ, безыскусственнымъ вдохновеніемъ. Исполненный вольныхъ широкогуманныхъ идей и возрѣній, онъ вращался на высотѣ своей эпохи и гениальностью ума царилъ надъ традиціями отжившей политикѣ. Въ кругу парламентской борьбы онъ никогда не упускалъ изъ виду всеобщихъ принциповъ. Фоксъ прежде всѣхъ призналъ необходимость рѣшительнаго преобразования парламента.

Настроене и возрѣнія. Мартъ и апр. 1774.

Во время жаркой парламентской борьбы, происходившей весной въ обѣихъ палатахъ, когда совѣщались о мѣропріятіяхъ для подав-

ленія „мятежа“ въ Массачузетѣ, главными ораторами оппозиціи были Фоксъ и Бёркъ. Они отвергли предложенные противъ Американцевъ поудительные законы. Бёркъ отнюдь не хотѣлъ подвергнуть сомнѣнію авторитетъ англійскаго парламента: послѣднему какъ съ небеснаго престола подобаетъ господствовать и управлять всѣмъ; онъ требовалъ однако, чтобы за колоніями признали равныя права, чтобы безъ согласія провинціальныхъ собраній не налагали на нихъ никакихъ пошлннъ, ни повишностей, чтобы и имъ также предоставили гарантированную жалованными грамотами автономію въ законодательствѣ и судѣ. А Фоксъ воскликнулъ: „Если вы будете настаивать на правѣ облагать податями Американцевъ, то вы доведете ихъ до явнаго возстанія“.—Въ Бостонѣ оказалось не мало голосовъ, предостерегавшихъ патріотовъ словами: „Не отчаливайте съ вашей ладьей, пока не знаете, куда вамъ придется пристать“. По Сыны свободы возражали: „Намъ необходимо отчалить свою ладью, хотя бы мы и не знали еще, куда пристанемъ. Господь Богъ укажетъ намъ путь къ безопасной пристани“. Такое же боевое настроеніе обнаружилось въ Англій: начиная съ короля и до низшихъ слоевъ народа, всѣ единодушно согласились въ томъ, что необходимо поддержать авторитетъ метрополи въ отношеніи невѣрныхъ сыновъ. Оппозиція находилась въ меньшинствѣ противъ народной волн.

Такимъ-то образомъ, по предложенію правительства, въ обѣихъ палатахъ рѣшенъ былъ цѣлый рядъ постановленій, который по справедливости признали переходомъ черезъ Рубиконъ. Первымъ изъ биллей бостонскій портъ былъ лишенъ привилегій и съ 1. іюня объявленъ закрытымъ; вторымъ—ограничивалось свободное доселѣ устройство Массачузета; а именно—исполнительной власти предоставлялось право запрещать всякія собранія гражданъ, назначать членовъ совѣта и шерифовъ, и всякіе уголовные процессы, рѣшать которые тумѣстные суды оказались неблагонадежными, препровождать въ Новую Шотландію или Великобританію. Судъ присяжныхъ долженъ быть составленъ изъ шерифовъ. Третьимъ биллемъ постой солдатъ въ самомъ городѣ Бостонѣ признавался законнымъ; наконецъ четвертымъ постановленіемъ границы Канады были расширены до колониальныхъ владѣній, вслѣдствіе чего господствовавшее тамъ неограниченное правленіе распространилось также на всѣ дальнія области—отъ озеръ и до береговъ Миссисипи. Затѣмъ главнымъ комедантомъ всѣхъ колоній и вмѣстѣ съ тѣмъ гражданскимъ губернаторомъ Массачузета назначенъ былъ генералъ Геджъ, который и прежде уже командовалъ войсками и былъ любимъ и уважаемъ за добротный нравъ и за радушное, общительное обхожденіе. Съ нимъ было отправлено за океанъ четыре полка, съ тѣмъ чтобы добиться подчиненія. Ему поручено было запереть бостонскій портъ и наказать вожаковъ возстанія, въ особенности Самуэла Адамса, патріотическаго писателя и политика.

Билль о бостонскомъ портѣ.

Дѣйствія въ
Америцѣ.

17. мая 1774.

Актъ о бостонскомъ портѣ разразился словно молнія въ удушливомъ воздухѣ. Умы были и оглушены и возбуждены. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти постановленія печатались словно траурное извѣстіе въ газетахъ—съ черными каймами, а въ другихъ—они сжигались раздраженною толпою. Когда присталъ Геджъ, то его приняли весьма почтительно. Однако, мѣропріятія его тотчасъ же обнаружили, что онъ прибылъ въ качествѣ карателя и мстителя. Не внявъ протестамъ членовъ, губернаторъ перевелъ провинціальное собраніе въ Салемъ; онъ размѣстилъ полки въ Бостонѣ и окрестностяхъ, воздвигъ укрѣпленія на косѣ, образующей съ материка единственный доступъ въ городъ. Для того, чтобы лишить „демагоговъ“ всякой возможности къ революціоннымъ рѣчамъ или поступкамъ, онъ запретилъ публичныя сходы, а немного спустя послѣ того закрылъ неподчинившееся ему собраніе депутатовъ въ Салемѣ. Но передъ тѣмъ, какъ разойтись, члены разослали въ остальные колоніи циркуляръ, предложивъ избрать уполномоченныхъ ко всеобщему конгрессу, съ тѣмъ чтобы тамъ обсудить и рѣшить касательно совмѣстныхъ мѣропріятіи. Мѣстомъ собранія назначили Филадельфію, не смотря на то, что Пенсильванія, гдѣ въ отсутствіе Франклина самое сильное вліяніе возимѣлъ богатый и умный, но осторожный и лишенный энергіи Дикинсонъ, перѣшительно приступила къ возстанію. За то тѣмъ ревностию оказалась Нью-Йоркъ: тамъ „Сыны свободы“, которыхъ роялисты прозвали „пресвитеріанскою юнтою“, рѣшились дѣйствовать заодно съ Бостономъ и, такъ же какъ онъ, прекратить всякія торговыя сношенія съ Англіею. Въ Лондонѣ надѣялись было, что въ разныхъ мѣстахъ будутъ преобладать преимущественно частныя интересы. Однако роялисты, негодуя, убѣдились, что весь американскій материкъ всталъ какъ единое великое государство. Въ старѣйшей колоніи Виргиніи, въ аристократическомъ, богатомъ, образованномъ торговомъ Балтиморѣ, — гдѣ общество возбуждали блестящіе ораторы и политики, въ родѣ Патрика Генри, Джефферсона, Лд, патриоты въ родѣ Вашингтона, — представители рѣшили 1. июня, какъ день скорби и покаянія, провести въ постѣ и молитвѣ; даже Сѣверная Королина, гдѣ вся торговля Чарльстона находилась въ рукахъ британскихъ факторовъ, привлечена была къ дѣлу свободы, знамя которой водрузили Бостонъ и Новая Англія.

Собраніе депутатовъ въ
Филадельфію.
Сент. 1774.

Въ началѣ сентября пятьдесятъ пять патриотовъ, депутаты отъ дѣльныхъ провинціальныхъ собраній съѣхались въ Филадельфію, съ цѣлью на «конгрессѣ» обсудить затруднительное положеніе отчизны и принять рѣшительныя мѣры. Тутъ были люди, которые въ своей родинѣ, какъ дарованіями и юридическими знаніями, такъ и достойною уваженія жизнью, достигли выдающагося общественнаго положенія. Въмѣстѣ съ Патрикомъ Генри изъ Виргиніи, которому поручено было предсѣдательство, тутъ находились его сограждане, Ва-

шингтонъ и Джефферсонъ, изъ Бостона—Самуилъ и Джонъ Адамсы, изъ Южной Каролины — краснорѣчивый Редлечъ, изъ Нью-Йорка— Джонъ Джэ, молодой адвокатъ, происходившій изъ гугенотской семьи и сродни вліятельной фамилии Ливингстона. Его въ особенности поддерживалъ Александръ Гамильтонъ, который переселился изъ Вестиндіи въ Нью-Йоркъ и тогда впервые всепародно обнаружилъ свои политическія дарованія и свое высокое краснорѣчіе. Въ началѣ засѣданій, которыя происходили при закрытыхъ дверяхъ, находились пока представители одиннадцати провинцій; во время совѣщаній прибыли депутаты отъ Сѣверной Каролины, а въ наступившій затѣмъ годъ примкнула еще Георгія, такъ что конгрессъ въ Филадельфію состоялъ изъ представителей всѣхъ тринадцати колоній. Сколько бы депутатовъ ни было на лицо отъ одной провинціи, однако каждой изъ нихъ предоставлялся одинъ только голосъ. При открытіи засѣданія священникъ англиканской церкви прочелъ вслѣдъ (34, 1—3): «Вступись, Господи, въ тяжбу съ тяжущимися со мною, побори борющихся со мною. Возьми щитъ и латы и возстань на помощь мнѣ. Обнажи мечъ и прегради путь преслѣдующихъ меня; скажи душѣ моей: Я спасеніе твое». Это произвело глубокое впечатлѣніе тѣмъ еще болѣе, что въ то же самое время распространилась вѣсть о бомбардировкѣ Бостона. По зрѣломъ и основательномъ изслѣдованіи и обсужденіи всѣхъ условій, собраніе прежде всего обнародовало «объявленіе правъ», какія подобали колоніямъ частью на основаніи естественнаго закона, частью въ силу англійской конституціи и народнаго права или въ силу разныхъ льготныхъ грамотъ и договоровъ; затѣмъ конгрессъ издалъ рядъ адресовъ и посланій къ королю, къ англійской націи, соединеннымъ провинціямъ, генералу Геджу и къ Канадцамъ, приглашая ихъ примкнуть къ «конфедераціи». Этими умно и искусно составленными документами доказывалось, что, принимая на себя дѣло гражданъ Бостона, Американцы имѣютъ лишь въ виду змщитить природенныя или съ трудомъ прибрѣтенныя ими права на свободу, жизнь и собственность противъ произвола и самовластныхъ указовъ англійскаго правительства и парламента. Сверхъ того, было рѣшено, чтобы съ 1. 26. сент. 1774. декабря прекратился всякій ввозъ промышленныхъ произведеній изъ англійскихъ и англо-вестиндскихъ портовъ, а также всякій вывозъ изъ колоній въ Англію. Назначивъ затѣмъ новое собраніе въ будущей май, конгрессъ послѣ восьминедѣльныхъ засѣданій разошелся.

Этотъ своевольный поступокъ конгресса депутатовъ, рѣшенія и дѣйствія котораго были одобрены и приняты разными народными и общественными собраніями, отличался уже революціоннымъ впечатломъ, какъ ни старались притомъ соблюсти видъ покорности и общности съ метрополіей. Въ Лондонѣ такъ и поняли это дѣло. Адресъ къ королю, поданный Франклиномъ и двумя другими аген-

тами министру торговли Дартмуту, былъ съ презрѣніемъ возвращенъ кабинетомъ. Когда въ началѣ года вновь избранный парламентъ открылъ свои засѣданія, то главнымъ предметомъ совѣщаній были американскія дѣла, на которыя уже въ тронной рѣчи обращалось вниманіе. Оппозиція добилась, однако, чтобы прошеніе колоній было представлено палатѣ и чтобы по этому поводу допросили бывшего губернатора Пенсильваніи, Ричарда Пенна. Однако, ни такимъ путемъ, ни миролюбивыми предложеніями, составленными лордомъ Чатамомъ вмѣстѣ съ Франклиномъ, не успѣли достичь примиренія. Тщетно въ верхней палатѣ виги-лорды, Чатамъ, Ричмондъ, Шельбернъ, Камденъ; Темплъ и др. отстаивали право и разумъ; тщетно Бёркъ, Фоксъ и остальные вожаки оппозиціи въ нижней палатѣ предостерегали отъ междоусобія, которому не видать конца, совѣтовали отмѣнить билль о бостонскомъ портѣ и принять мѣры къ примиренію: общественное мнѣніе настаивало на подчиненіи и на насилии, соглашаясь съ королемъ, называвшимъ слова Чатама „трубнымъ гласомъ мятежа“. Джемсъ Отисъ въ одной изъ своихъ рѣчей постановилъ принципъ: «Обложеніе податью безъ представительства — деспотизмъ». Теперь же престарѣлый Самуилъ Джонсонъ, этотъ оракулъ образованнаго общества въ Лондонѣ, пытался въ брошюрѣ доказать, что «обложеніе податью отнюдь не деспотизмъ». Одни только лондонскіе граждане, понесшіе значительные убытки вслѣдствіе торговыхъ смутъ съ Америкою, черезъ своего лорда-мера, Джона Вилькиса (стр. 105), подали королю адресъ, чтобы онъ распустилъ парламентъ и отмѣнилъ тяготы колоній. Однако депутации пришлось выслушать строгій выговоръ за ея сочувствіе „мятежникамъ“. Послѣ долгихъ преній, послѣ разныхъ переговоровъ министровъ и парламентскихъ вождей съ Франклиномъ, всѣ билли были приняты; Массачузетъ объявилъ въ мятежномъ положеніи, съ Новой Англіею прекратились всякія коммерческія сношенія, запрещалось ввозить туда оружіе и боевые снаряды, возставшія провинціи лишались права англійской рыбной ловли.

в. Начало междоусобія.

Лексингтонъ
и Конкордъ.

А тѣмъ временемъ въ странѣ при Массачузетской бухтѣ дѣло дошло уже чуть ли не до войны и революціи. Распущенное комендантомъ законодательное собраніе самовластно продолжало свои засѣданія то въ Кембриджѣ, то въ Конкордѣ; подъ вѣдѣніемъ Ганкока оно завладѣло всѣми правительственными дѣлами и учредило комитетъ общественной безопасности; а такъ какъ Геджъ отобралъ всѣ запасы пороха и военныхъ снарядовъ, то собраніе путемъ контрабанды вновь добыло оружіе и свѣжіе боевые запасы, усилило милицію, установило воинское ученіе и по возможности вездѣ захва-

тивало кассы и продовольствія Англичанъ. Подстреки и враждебныя выходки усиливали озлобленіе съ обѣихъ сторонъ; дѣло не разъ уже доходило чуть ли не до схватки. По прибытіи въ Бостонъ билля о мятежѣ эта скрытая борьба перешла въ явную. Собраніе соорудило въ Конкордѣ складъ оружія и боевыхъ припасовъ. Главкомандующій Геджъ хотѣлъ уничтожить его и съ этою цѣлью отправилъ туда нѣсколько сотенъ солдатъ. Милиція въ Лексингтонѣ, патриотическомъ мѣстечкѣ между Бостономъ и Конкордомъ, преградила отряду путь; англійскіе солдаты дали залпъ, семеро американскихъ ратниковъ были убиты, девятеро ранены; кровью ихъ оросились поле и лугъ. Это были первые поборники за свободу въ возникавшей войнѣ; имена ихъ современниками и потомствомъ сохранялись въ доброй памяти. Послѣ этого кровопролитнаго весенняго утра отрядъ вошелъ въ Конкордъ; добыча тамъ была ничтожная, такъ какъ жители успѣли уже все припрятать; на возвратномъ пути опять произошла стычка у моста; начальникъ милиціи Исаакъ Дависъ и двое другихъ „деревенскихъ героев“ пали, съ англійской стороны нѣсколько человекъ также заплатились жизнью. Послѣ этого отрядъ двинулся далѣе, но его преслѣдовали почти до самаго Бостона и мѣстами милиція нападала на него отдѣльными кучками. Американцы насчитывали у себя около сотни убитыми и ранеными, Англичане — болѣе чѣмъ вдвое противъ того, такъ какъ первые скрывались за деревьями, заборами и оградами. Это и были прославленные битвы при Лексингтонѣ и Конкордѣ, восклицаетъ Банкрофтъ, болѣе роковыя, нежели Азенкуръ и Бленгеймъ.

И въ самомъ дѣлѣ, это кровопролитное столкновеніе послужило сигналомъ къ войнѣ между старою Англіею и колоніями. Въ Лондонѣ еще не было сказано послѣднее слово, тамъ все еще обсуждались разные средства для соглашенія и полюбовныхъ сдѣлокъ, тогда какъ въ Новой Англіи готовились уже къ войнѣ. Провинціальныи конгрессъ Массачузета отрекся отъ повиновенія главному коменданту Геджу, такъ какъ онъ оказался неспособнымъ служить впредь колоніи. Въ Нью-Гампширѣ, Коннектикутѣ, Родъ-Айландѣ и въ другихъ мѣстахъ обнаружилось сильное рвеніе къ сратничеству съ Бостономъ; милиція всюду усиливалась и обучалась воинскому строю, такъ что въ скоромъ времени въ походъ могло выступить войско числомъ по малой мѣрѣ въ 20,000 ополченцевъ. Въ Пенсильваніи, гдѣ Франклинъ по прибытіи своемъ побуждалъ къ болѣе рѣшительнымъ предпріятіямъ, въ Делаварѣ, Виргиніи также поднялось патриотическое чувство и боевое рвеніе. Въ Бостонѣ со всѣхъ сторонъ стекались чувственные адреса. Въ то же самое время отважная толпа ратниковъ изъ Массачузета и Коннектикута, съ храбрыми полковниками Бенедиктомъ Арнольдомъ и Этаномъ Алленемъ, двинулась къ канадской границѣ, завладѣла тамъ, именемъ общественнаго

19. апрѣля.
1775.

Боевое дви-
женіе въ ко-
лоніяхъ.

5. мая 1775.

комитета, фортомъ Тикондерогою и Кроунъ-Поинтомъ, ключами страны, вмѣстѣ съ орудіями и боевыми запасами, а на озерѣ Чампленѣ захватила англійское судно.

Въ то же самое время конгрессъ всѣхъ соединенныхъ провинцій второй разъ собрался въ Филадельфій (10. мая 1775.). Собрание это лишено было всякаго законнаго авторитета; однако, имена представителей служили порукою, что цѣлью ихъ совѣщаній будутъ свобода, право и благоденствіе отчизны. Къ Вашингтону, Патрику Генри и Ричарду Ли изъ Виргиніи, къ обоимъ Адамсамъ изъ Бостона присоединился также Франклинъ, и его присутствіе внушило болѣе энергіи и рѣшимости осторожному земляку его, Дикинсону. Конгрессъ и теперь даже еще не помышлялъ объ отпаденіи отъ Англій; нѣкоторые изъ присутствовавшихъ питали еще надежду на примиреніе; предложеніе Джона Джэ изъ Нью-Йорка, подать еще разъ адресъ королю, не встрѣтило противорѣчій. Однако, донесенія изъ Бостона о событіяхъ при Массачузетской бухтѣ и на канадской границѣ, а также вѣсть о томъ, что генералы Гоу, Клинтонъ и Бургойнъ приближаются моремъ съ свѣжими войсками, оживили и укрѣпили національный духъ. Джонъ Ганкокъ былъ избранъ въ председатели; снова попытались побудить Канадцевъ къ присоединенію. Однако французско-католическое населеніе, за которымъ англійское правительство Квебекскимъ актомъ обезпечило религію, языкъ и житейскіе обычаи, не соблазнилось звонкими словами и льстивыми рѣчами о національныхъ добродѣтеляхъ и достоинствахъ и не присоединилось къ сосѣдямъ. Губернаторъ Карлтонъ за-одно съ духовенствомъ и феодальными владѣльцами по естественному побужденію склонялись въ пользу монархическаго строя. По прибытіи свѣжихъ войскъ въ Бостонъ надо было ожидать болѣе энергическихъ боевыхъ дѣйствій со стороны Англій. А потому оба депутата Массачузета, Самуилъ Адамсъ и Ганкокъ, предложили конгрессу избрать главнокомандующаго всѣхъ американскихъ боевыхъ силъ. Согласившись на ихъ предложеніе, конгрессъ тутъ же поручилъ главное начальство находившемуся въ его средѣ Джоржу Вашингтону, воинскія и политическія дарованія котораго давно уже оправдались на опытѣ. Доблестный патриотъ внялъ почетному призыву отчизны, отказавшись отъ всякаго личнаго оклада. Удачному выбору этого разумнаго дѣятеля, который вѣрно судилъ о дѣлахъ, не прибѣгая къ гениальной отвагѣ, но наблюдая, молча и умно соображая, преслѣдовалъ лишь возможныя цѣли на основаніи данныхъ, одолжены были успѣхомъ великаго событія — освобожденіемъ Америки. На вторую должность при Вашингтонѣ назначались: Артемасъ Вардъ изъ Массачузета, Чарльсъ Ли, опытный въ боевомъ дѣлѣ, но двусмысленнаго, печестнаго и корыстнаго характера, Филиппъ Шюйлеръ, добросовѣстный богатый человѣкъ изъ Нью-Йорка, не обладавшій

особыми боевыми дарованіями, Исаакъ Пютнамъ, храбрый, но не образованный воинъ изъ Коннектикута въ качествѣ генераль-маіора, а Гораціо Гетсъ—генераль-адъютанта; всѣ эти люди обладали незначительными дарованіями. Для образованія и содержанія «континентальной арміи» конгрессъ рѣшилъ сдѣлать заемъ въ 6,000 фнт. стр. Однако, цѣлью боевыхъ снаряженій выставлялась лишь „вооруженная защита“. Новыми, написанными искуснымъ перомъ Джефферсона адресами королю, англійской націи, городу Лондону въ ясныхъ выраженіяхъ излагались воззрѣнія Американцевъ и поводы къ ихъ поступкамъ.

Но въ тотъ самый день, какъ Вашингтонъ принялъ начальство отъ конгресса, битва у Бенкергилля разсѣяла послѣднюю надежду на миръ и положила конецъ лицемѣрной передержкѣ. По приказу комитета общественной безопасности полковникъ Вильямъ Прескотъ изъ Пеппереля съ нѣсколькими баталіонами скудно одѣтыхъ и плохо вооруженныхъ ополченцевъ, темною ночью, въ виду англійскихъ военныхъ судовъ, съ чрезвычайною отвагою занялъ господствующія надъ полуостровами Бостона и Чарльстона высоты Бенкергилля и соорудилъ тамъ земляные валы и шанцы. Эту важную позицію нельзя было оставить во власти непріятели. А потому Геджъ велѣлъ генералу Гоу со стороны Чарльстона взять приступомъ крутые скаты холма, между тѣмъ какъ пушки съ военныхъ кораблей должны были обстрѣливать высоты со стороны моря. Американцевъ насчитывалось всего около полуторы тысячъ человѣкъ; одѣтые болѣею частью въ свое сельское платье, они были вооружены мушкетами; находившіяся при нихъ шесть пушекъ почти вовсе не пошли въ дѣло. Противъ этихъ-то изнуренныхъ отъ постройки окоповъ и отъ бессонницы, голодныхъ ополченцевъ повелъ Гоу отлично снаряженный, всѣмъ обильно снабженный отрядъ слишкомъ въ 4,000 воиновъ; предавъ пламени Чарльстонъ, они съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ смотрѣли на сбѣжавшихся, лишенныхъ всякой дисциплины ополченцевъ и милиціонеровъ и думали уже скоро справиться съ ними. Имъ даже совѣстно было вступать въ бой съ такою сволочью. Однако, какой ужасъ охватилъ ихъ и какъ разочаровались они, когда у подножія холма ихъ первые ряды полегли отъ мѣткихъ пуль искусныхъ охотниковъ, стрѣлявшихъ изъ-за невысокой ограды! Два раза шли они на приступъ, но тщетно пытались овладѣть высотами; трупы сотнями покрывали только-что скошенные луга. Лишь послѣ третьей атаки, когда генераль Клинтонъ привелъ еще британскія подкрѣпленія, а у Американцевъ не хватило уже ни пороху, ни пуль, Англичанамъ удалось, наконецъ, занять холмъ. Благодаря однако вспомогательному отряду, съ которымъ подоспѣлъ полковникъ Пютнамъ, отважные ратники Новой Англій отступили въ стройномъ порядкѣ. Намъ дорого обошлась эта побѣда, извѣщаль генераль Геджъ

Битва у
Бенкергилля.
16. мая 1775.

министра Дартмута; трудное дѣло, какое пришлось тутъ выполнить, служить доказательствомъ, что мятежники вовсе не такая презрѣнная сволочь, какою ее многіе считали. Съ англійской стороны пало болѣе тысячи человѣкъ; тринадцать офицеровъ было убито, семьдесятъ ранено. Хотя потери Американцевъ были вполнину, даже того еще менѣе, однако и они тоже оплакивали многіхъ изъ своихъ борцовъ за свободу, и въ особенности мужественнаго патріота Джо-зефа Варрена, который такъ часто и словомъ и перомъ ратовалъ за права колоній. У современниковъ и въ потомствѣ болѣе всего прославился полковникъ Прескотъ: благодаря его осмотрительному и стойкому мужеству день Бенкергилля былъ днемъ торжества для Американцевъ. „Англія навсегда лишилась своихъ колоній“, писалъ Франклинъ одному изъ своихъ друзей въ Лондонѣ.

Бостонъ по-
явнеть.

И въ самомъ дѣлѣ, битва на Бенкергиллѣ имѣла громадное вліяніе; она пробудила отвагу и самоувѣренность въ Американцахъ и положила конецъ состоянію нерѣшительности и полу-мѣрѣ. Ополченія Новой Англіи все болѣе и болѣе навывали и пріучались къ воинской дисциплинѣ, особенно съ тѣхъ поръ какъ Вашингтонъ при-нялъ главное начальство и ввелъ энергичныя и цѣлесообразныя преобразованія; благодаря этому, англійскимъ отрядамъ нигдѣ не удалось стать твердою ногою и они поневолѣ ограничились обороною Бостона. Въ октябрѣ главнокомандующимъ назначенъ былъ лордъ Гоу, а генералъ Геджъ вышелъ въ отставку; однако новый полководецъ не былъ удачливѣе въ своихъ предпріятіяхъ. Хотя онъ и обратилъ въ пепелъ Фальмутъ и другія приморскія мѣстечка, захватилъ или потопилъ нѣсколько судовъ, разсыпалъ и отразилъ отдѣльныя непріятельскіе отряды; но милиція повела войну въ такомъ родѣ, что дѣло не доходило до рѣшительнаго сраженія. Когда же съ наступившею весною Американцы подъ начальствомъ Вашингтона заняли высоты Дорчестера, отрѣзали Бостонъ отъ материка и стѣснили его, то Гоу счелъ за лучшее покинуть столицу Массачузета, этотъ настоящий очагъ революціоннаго движенія. Оставивъ тамъ большую часть своихъ военныхъ припасовъ, онъ съ сократившимся до 7,000 человѣкъ войскомъ перебрался въ Новую Шотландію. Около полторы тысячъ приверженцевъ короля, прозванныхъ роялистами или лоялистами, послѣдовали за отступившими войсками.

Зимній походъ
въ Канаду.

Главнокомандующій Вашингтонъ занялъ затѣмъ Бостонъ и съ согласия конгресса отправилъ съ генералами Монгомери, Шюллеромъ и Арнольдомъ отрядъ, съ цѣлью побудить Канадцевъ къ союзу. Предпріятіе однако не удалось. Храбрый Монгомери, доблестный воинъ, который въ семилѣтнюю войну служилъ въ англійской арміи, потомъ, переселившись въ Нью-Йоркъ, сдѣлался фермеромъ и, вступивъ въ бракъ, породнился съ патріотическою фамиліей Ливингстона, завладѣлъ, правда, нѣсколькими пограничными фортами и принудилъ

Монреаль сдаться на капитуляцію; потомъ, однако, подъ конецъ года онъ самъ при атакѣ Квебека былъ смертельно раненъ, послѣ чего солдатамъ и ополченцамъ, изнуреннымъ холодомъ, голодомъ и тяжкими переходами, пришлось отступить съ урономъ.

12 ноябрь
1775.
31 декабрь
1775.

с. Торгъ солдатами въ Германіи и объявленіе независимости въ Америкѣ.

Съ удаленіемъ англійскихъ войскъ и чиновниковъ изъ Бостона, королевское господство въ сѣверныхъ провинціяхъ было на самомъ дѣлѣ устранено. Но Георгъ III. прежде того уже ясно выразилъ на-мѣреніе силою заставить подчиниться своихъ мятежныхъ подданныхъ въ Америкѣ, такъ что нечего было и думать о соглашеніи, и военныя подвиги милиціи Новой Англіи были только первымъ шагомъ самообороны противъ предстоявшихъ непріятельскихъ нападе-ній. Въ отвѣтъ на адресъ главнаго конгресса королевская прокла- мація провозгласила «подавленіе мятежа и возстанія», угрожая карою всѣмъ, кто въ самой Англіи заявлялъ сочувствіе мятежникамъ или поддерживалъ ихъ совѣтами. Открывъ въ октябрѣ парламентъ, ко- роль въ тронной рѣчи сказалъ: ради чести націи необходимо при- бѣгнуть къ понудительнымъ мѣрамъ противъ колоній, которыя воз- мутились съ тѣмъ, чтобы основать независимое царство, и требо- вали эпергической поддержки. Управление департаментомъ колоній онъ поручилъ неспособному и небрежному человѣку, извѣстному уже намъ лорду Джоржу Секвиль-Джермену, тому самому, что военнымъ судомъ былъ исключенъ изъ арміи (стр. 89); онъ велѣлъ ему по- дать въ парламентъ «билль о запрещеніи», которымъ понудительныя мѣры билля о бостонскомъ портѣ распространялись на всю колони- альную область.

Воинственное
настроене
въ Англіи.

23. авг. 1775.

26. окт.

1. дек. 1775.

И такъ, не подлежало болѣе никакому сомнѣнію, что король, пра- вительство и парламентъ согласились и рѣшили возстановить гос- подство Англіи и наложить на подчиненныхъ болѣе тяжкое ярмо. Но для того, чтобы быстро и энергично привести этотъ планъ въ исполненіе, необходимо было заготовить болѣе многочисленнымъ су- хопутнымъ войскомъ, какаго не набралось бы въ самой Англіи. Сперва вступили было въ переговоры съ Россією съ цѣлью добыть тамъ вспомогательный отрядъ въ двадцать или пятнадцать тысячъ человѣкъ; однако императрица не согласилась на это; сперва она обна- деживала англійскаго посланника, потомъ, однако, отвѣчала уклон- чиво, что ея государство теперь лишь начинаетъ пользоваться ми- ромъ, а потому пуждается въ покоѣ, и совѣтовала примириться ¹⁾.

Въ службу
приняты чуже-
земныя вой-
ска.

¹⁾ Вотъ какъ объясняетъ это обстоятельство Банкрофтъ (History of the Unit. States): «Когда Екатерина въ первый разъ заявлено было, что англійскій король нуждается въ ея помощи, то это льстило ея самолюбію, и полагая, что дѣло касается затрудненій въ Европѣ, императрица гордилась тѣмъ, что ей предстоитъ быть судьей въ дѣлахъ короля».

Но вѣдь Германія была ближе и сподручнѣе? Голландцы давно уже пабирали тамъ войска, отправлявшія за нихъ и въ Батавіи, и въ Капскихъ колоніяхъ, и въ нидерландскихъ болотахъ смертоносную военную службу. Всѣмъ народамъ въ Гессенѣ распѣвалась трогательная пѣснь Шубарта «Мужайтесь, братцы!» А потому проще всего оказалось заключить условіе касательно поставки войска за извѣстную плату съ нѣмецкими князьями, у которыхъ было всегда больше солдатъ, чѣмъ имъ требовалось, и которые вѣчно нуждались въ деньгахъ. Самъ король Георгъ III, въ качествѣ ганноверскаго курфирста, первый подалъ примѣръ. Онъ изъ своихъ германскихъ подданныхъ уступилъ англійской націи за возмѣщеніе расходовъ пять баталіоновъ. Ихъ доставили въ Гибралтаръ и портъ Магонъ, съ тѣмъ чтобы находившіеся тамъ англійскіе гарнизоны отправить въ Америку. И какъ охотно соглашались нѣмецкіе владѣтельные князья на предложенія британскаго правительства! Пуце всего старались угодить богатой Англии князья брауншвейгскій и гессенъ-кассельскій. Ландграфъ Фридрихъ II. поставилъ всего двѣнадцать тысячъ солдатъ (XII, 702). Его примѣру послѣдовали князья Ангальтъ-Цербстскій, Вальдекскій, Ансбахскій; а ландграфъ въ Гессенъ-Ганау превзошелъ въ услужливости даже своего родственника въ Касселѣ. Съ герцогомъ Карломъ-Евгениемъ Вюртембергскимъ также вступили въ переговоры. Не сошлись однако въ условіяхъ. Такъ что Вюртембергцы на этотъ разъ избѣгли участи Гессенцевъ. Однако десять лѣтъ спустя тысяча солдатъ были таки проданы голландской республикѣ для ея индійскихъ и африканскихъ владѣній; изъ этой тысячи немногимъ лишь суждено было вернуться на родину.

Не даромъ въ послѣдствіи съ такимъ негодованіемъ отзывались о «торгѣ солдатами нѣмецкихъ князей»; да и тогда уже раздавались

Торгъ солдатами нѣмецкихъ князей.

Однако, когда отъ нея прямо потребовали отправить въ Америку двадцать тысячъ человѣкъ, съ тѣмъ чтобы они тамъ подъ британскою командою служили *не какъ вспомогательное войско, а какъ наемники*, и за ней притомъ не признавалось иного права, какъ назначить лишь цѣну своимъ поданнымъ, то *это предложеніе было отринуто, какъ оскорбительное для ея гордости и чести*. Не входя боаѣ ни въ какія объясненія по этому поводу, императрица написала саркастическій и недвусмысленный отвѣтъ, который заканчиваетъ такими словами: «Мнѣ кажется, необходимо взять также въ разсчетъ ущербъ, каковой нанесенъ будетъ нашему достоинству, если двѣ державы и двѣ націи соединять такимъ образомъ свои боевыя силы, для того только чтобы подавить возстаніе, которое въ свою очередь не поддерживается никакою иноземною властью».

Письмо англійскаго короля къ русской императрицѣ было писано имъ собственноручно; императрица же, напротивъ, отвѣтъ свой съ намѣреніемъ велѣла написать своему секретарю».

Къ этому Банкрофтъ прибавляетъ: «король былъ озадаченъ отказомъ русской императрицы и порицалъ ея поступокъ, какъ не „благонристойный“ („gentil“): „Она“, — сказала Георгъ III, — „не потрудилась даже отвѣтить мнѣ собственноручно и прибѣгла къ такимъ выраженіямъ, которые, можетъ быть, и пригодны для русскаго—но ужъ никакъ не для цивилизованнаго слуха“.

Прим. перев.

то пылкія, то скорбныя проклятія по поводу того, что вѣрные сыны Германіи германскими же государями, ради гнусной наживы, посылались на смертный бой за чуждое имъ дѣло, съ тѣмъ чтобы за моремъ свое европейское военное искусство попытать на свободныхъ сынахъ Новаго Свѣта. Хотя показаніе, будто Фридрихъ Великій велѣлъ отбирать поголовную пошлину съ проводимыхъ черезъ его область воиновъ, какъ со скота, потому что они и продавались словно скотъ, ничто иное, какъ историческій мифъ; но король, а съ нимъ и вся образованная часть націи, все-таки обнаружили сильное негодованіе по поводу безсовѣстнаго торга людьми, и онъ старался воспрепятствовать этому. Даже въ англійскомъ парламентѣ либеральная оппозиція заявляла свое негодованіе по поводу продажи душъ нѣмецкими «государями Божьей милостью». Но своекорыстіе и страсть къ наживѣ съ одной стороны, а малодушная политика съ другой—ожесточили сердца, и элегическіе стоны поэтовъ, скорбныя вопли и гнѣвные рѣчи друзей человѣчества не обращали на себя вниманія. Ни къ чему не можетъ послужить также оправданіе, что полки составлялись путемъ вербовки, такъ какъ въ то время не существовало ни конскрипціи, ни воинской повинности и, слѣдовательно, солдаты добровольно шли на службу. Стоитъ только вспомнить, что въ тѣ времена воля державца подданными считалась какъ бы высшимъ закономъ, и принять въ разсчетъ, что многіе заманивались въ сѣти гнусными соблазнительными продѣлками вербовщиковъ и душепродавцевъ, хитростью, насиліемъ и обманными посулами предавались гибели, смерти,—и паше отвращеніе и негодованіе усилятся еще болѣе. Въ Вальдекскомъ княжествѣ вербовки проповѣдывались даже въ церквахъ. Въ Гессенѣ развратный Фридрихъ II., перешедшій въ католическую церковь, хотя и считался другомъ Вольтера, далъ приказъ насильно хватать людей: во всемъ Гессенѣ не осталось семьи, въ которой не оплакивали бы кого-либо изъ членовъ ея. Правда, поступленіе въ ратники и военная служба за границей составляли какъ въ Германіи, такъ и въ Швейцаріи коренное зло; однако, прежде войны были не такъ продолжительны: обыкновенно, обязывались на одну только кампанію, оставаясь притомъ въ Европѣ; по опыту знали уже, что ушедшіе въ походъ большею частью скоро вернуться и даже съ богатою добычею. Теперь же завербованныхъ отправляли въ пустыню, въ нездоровый, непривычный климатъ, гдѣ они большею частью погибали; а если и возвращались хворые и искалѣченные, то впадали въ нужду, такъ что на закатѣ дней нередко нищенствовали по большимъ дорогамъ. Брауншвейгцы не разъ уже жаловались англійскому правительству на то, что къ нимъ возвращали инвалидовъ и такихъ военнопленныхъ, которыхъ освобождали съ условіемъ, чтобы они не поступали болѣе въ войско противъ Американцевъ. Пускай ихъ отправятъ въ британскую Вест-

индію и другіе края; а иначе жалобы возвратившихся могутъ повредить вербовкѣ. По смѣтѣ оказалось, что за море отправлено около 30,000 человекъ, изъ коихъ погибло 12,000, за что Англія выплатила семь милліоновъ фнт. ст. Случалось, правда, что этимъ путемъ родной край и общество избавлялись отъ инаго авантюриста, негодяя и развратника, за то сколько обманутыхъ и заблудшихся увлечены были лукавствомъ, хитростью и другими безчестными средствами, или легкомысленно, въ пылу озлобленія по поводу личныхъ и семейныхъ невзгодъ, подъ влияніемъ страсти или сознанія проступка предавались въ руки вербовщикамъ и безсовѣстнымъ агентамъ, — сколько такихъ исполненныхъ раскаянья и отчаянья людей погибло съ сокрушеннымъ сердцемъ!

Конгрессъ л- Когда Англія своими преобладавшими морскими и сухопутными силами готовилась вновь подчинить своей власти возставшія колоніи, то положеніе Американцевъ было до такой степени безнадежно, что въ Лондонѣ думали уже справиться въ одну непродолжительную кампанію. Главный конгрессъ былъ ничто иное какъ частное собраніе патриотовъ, которое лишено было всякаго легальнаго авторитета, зависѣло отъ настроенія и доброй воли избирателей и не было въ состояніи добыть ни денегъ, ни войска. Хотя во всемъ своемъ составѣ онъ и могъ считаться представителемъ тринадцати провинцій; однако сами провинціи отнюдь не были единодушны и согласны между собою, члены конгресса были уполномоченные одной лишь либеральной партіи и призваны только для того, чтобы совѣщаться и дѣлать предложенія. Въ среднихъ и южныхъ областяхъ оставалось еще много роялистовъ и консерваторовъ, которымъ намѣстники и чиновники служили сильною опорой. Въ Виргиніи дѣло дошло до открытаго побоища, причемъ вспыльчивый губернаторъ Дюморъ не преминулъ даже вооружить негровъ и предать пламени портовой городъ Норфолькъ. Въ Сѣверной Каролинѣ также завязалась стычка между партіями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поднялись голоса противъ отдѣленія отъ метрополи. Предложеніе Франклина, образовать конфедерацию, въ самомъ конгрессѣ даже было отринуту какъ преждевременное. Въ одной только Новой Англіи, гдѣ на самомъ дѣлѣ не было уже никакого правительства, отдѣльнымъ мѣстностямъ предложено было, на свой страхъ учредить независимое начальство, которое именемъ «правительства и народа» неклолось бы о благѣ и безопасности общественнаго строя; а въ Южной Каролинѣ Джонъ Ретледжъ ввелъ новое конституціонное правленіе.

Плохое поло- Если самъ конгрессъ находился въ такомъ шаткомъ состояніи, то женіе войска. какую же власть могъ передать онъ главнокомандующему Вашингтону? Послѣдній и былъ предоставленъ исключительно его геніальной натурѣ и патриотизму его согражданъ. Положеніе въ самомъ дѣлѣ было чрезвычайно трудное. Попытка втянуть въ движеніе Канаду

не удалась, а повела за собою только большія утраты и смерть одного изъ лучшихъ генераловъ. Канадцы перешли на сторону короля, и губернаторъ старался привлечь въ королевскую службу воинственные индѣйскія племена изъ-за озеръ. Ополченія и милиціи въ отдѣльныхъ колоніяхъ отличались, правда, мужествомъ и готовы были всемъ жертвовать для свободы и независимости; однако, они не составляли одной совмѣстной арміи, каждый изъ отрядовъ дѣйствовалъ самъ по себѣ; у нихъ не доставало ни боевой выправки, ни дисциплины, они были скудно снаряжены и вооружены и могли лишь на короткое время нести военную службу. А иначе некому было бы воздѣлывать поля, собирать жатву въ то время, когда сильные молодые люди находились въ лагерѣ. Предложеніе главнокомандующаго, обязать каждаго изъ солдатъ на все время войны, не было принято конгрессомъ. Откуда Вашингтону было взять денегъ на жалованье и содержаніе? Конгрессъ не могъ налагать податей и не имѣлъ кредита для того, чтобы дѣлать заемъ; а его ассигнаціи, доведенныя мало по малу до суммы въ десять милліоновъ долларовъ, не пользовались большимъ довѣріемъ. Къ этимъ затрудненіямъ слѣдуетъ еще прибавить, что многіе изъ второстепенныхъ военачальниковъ оказались неспособными или людьми сомнительной честности, мало преданными патриотическимъ интересамъ; понятно поэтому, что въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ въ Америкѣ господствовало шаткое, унылое настроеніе.

Понемногу лишь стали приступать къ нѣкоторымъ рѣшительнымъ мѣрамъ. Въ отвѣтъ на актъ парламента, въ силу котораго разрѣшалось забирать и конфисковать американскіе суда и грузы, контипенентальный конгрессъ обнародовалъ постановленіе о томъ, что порты колоній впредь будутъ открыты для всехъ націй, и избавилъ такимъ образомъ торговлю и судоходство отъ тяготѣвшихъ надъ ними стѣсненій. Возбранился также вывозъ для однихъ англійскихъ монополистовъ ввозъ негрскихъ невольниковъ. Въ наступившій затѣмъ мѣсяцъ принято было предложеніе Джона Адамса о томъ, что присягать на вѣрность подданства англійскому королю и его сановникамъ противорѣчитъ совѣсти и разуму колонистовъ, и чтобы каждой изъ провинцій предоставлено было для поддержки порядка и для обороны противъ непріятеля учредить самостоятельное правленіе. Богатая и мощная Виргинія, родина Вашингтона, вскорѣ и воспользовалась этимъ правомъ: объявивъ бывший доселѣ сенатъ отчѣвщнымъ и отрѣшивъ феодальныя учрежденія вмѣстѣ съ маѵратомъ, народъ установилъ „конвентъ“, снабдивъ его законодательною и исполнительною властью. Имъ и была начертана конституція, которой предшествовало объясненіе человѣческихъ правъ, основанное на принципахъ гражданской и религіозной равноправности. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ въ Пенсильваніи и Мэрилендѣ, не смотря на сопротивленіе Дикинсона и консерваторовъ, также низвергнуто было существовавшее тамъ доселѣ феодальное господство, а потомъ, на основаніи независимости и народнаго самодержавія, введено такое же правленіе, какъ и въ Виргиніи.

Нѣкоторыя перемены въ управленіи. 6. апрѣля 1776.

10. мая.

Отношения въ Франціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, конгрессъ присвоилъ себѣ право заключать союзы съ иностранными державами. Въ кабинетѣ вступившаго два года тому назадъ на престолъ французскаго короля Людовика XVI. уже поднятъ былъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли поддерживать Американцевъ. Завѣдывавшій въ то время иностранными дѣлами графъ Верженъ полагалъ, что настала мигъ отмстить за позоръ Парижскаго мира Англии, этому единственному и вѣчному врагу Франціи, возстановить утраченную въ семилѣтнюю войну боевую славу, вновь добиться для королевства прежняго его положенія въ колониальномъ мірѣ и въ морской торговлѣ. А прозорливый государственный мужъ Тюрго, вращаясь въ умственной атмосферѣ просвѣщенной, жаждущей реформъ и свободы эпохи, предсказалъ уже, что возникшая война завершится независимостью колоній и что это событие повлечетъ за собою величайшую революцію въ коммерческомъ бытѣ и въ политикѣ всей Европы. Рѣшено было: дозволить Американцамъ закупать во Франціи оружіе и боевые снаряды, и стороной, чрезъ посредство французскаго торговаго дома, выдать имъ въ суду миліонъ франковъ. Испанскаго министра Гримальди тайкомъ побудили склонить мадридскій дворъ къ такому же дѣйствию. Это опять было первымъ шагомъ къ совмѣстной политикѣ бурбонскихъ державъ противъ Англии и ея колоній.

Континентальная война.

Пока конгрессъ въ Филадельфіи жаркими преніями добивался, установить основныя черты новаго государственнаго строя, тѣмъ временемъ черезъ Океанъ прибыла англійская армада съ адмираломъ Гоу, братомъ главнокомандующаго сухопутной арміи, вмѣстѣ съ 40.000 войскомъ, и бросила якорь у Галифакса. Вашингтонъ съ согласія конгресса раздѣлилъ американскій континентъ на три военные департамента, подчинивъ каждый изъ нихъ особымъ начальникамъ. Генералъ Гоу начерталъ свой планъ наступленія. Клинтонъ долженъ былъ проникнуть въ южныя колоніи, Бургойнъ — очистить отъ непріятели Канаду и сѣверныя области, а самъ Гоу съ главною 20.000 арміею, съ гессенскими и нѣмецкими солдатами въ томъ числѣ, рѣшился занять Нью-Йоркъ и двинуться въ Пенсильванію, съ тѣмъ чтобы въ самомъ очагѣ потушить пламя мятежа. Однако, нападеніе Клинтона и Корнвалиса на приморскій городъ Чарльстонъ въ Южной Каролинѣ было храбро отражено и кончилось значительною утратою судовъ и войска. Этимъ славнымъ исходомъ одолжены были не столько пачальнику Ли, а скорѣе стойкому мужеству Мультири и героической храбрости патріотическихъ ратниковъ. Мѣсто, гдѣ находился береговой лагерь, прозвано съ тѣхъ поръ фортомъ Мультири.

Четвертое іюль.

Вѣсть объ этомъ доблестномъ боѣ внушила конгрессу мужество 4. іюля 1776. приступить къ смѣлому дѣлу. Іюля 4, въ знаменательный день, который до сихъ поръ празднуется какъ годовщина возникновенія американской республики, собраніе возвѣстило независимость колоній

отъ метрополи. Впрочемъ не всѣ пятьдесятъ представителей, которые съѣхались изъ разныхъ провинцій на конгрессъ въ Филадельфію, тотчасъ же пристали къ заявленію, что «соединенныя колоніи составляютъ и по всѣмъ правамъ должны составлять свободныя и независимыя штаты»; сначала къ этому примкнули лишь тѣ изъ провинцій, которыя, отчасти по примѣру Виргиніи, ввели уже у себя новое учрежденіе—правительство; а въ теченіе наступившей затѣмъ недѣли остальные тоже изъявили свое согласіе, такъ что актъ независимости, «которымъ завершалось прошедшее», и декларация коренныхъ правъ, «на основаніи которой пролагался новый путь», могли считаться закладкою союза соединенныхъ тринадцати штатовъ Сѣверной Америки и приобрѣли вслѣдствіе этого всемірноисторическое значеніе. Составленное Джефферсономъ, потомъ при содѣйствіи Джона Адамса и Франклина разработанное объявленіе независимости было плодомъ отнюдь не страстной революціонной вспышки, а напротивъ, дѣломъ разумныхъ государственныхъ мужей болѣе зрѣлаго возраста, сочетавшихъ въ себѣ умѣренность съ энергіей,—дѣломъ патріотовъ, которые вполне сознавали настоящее затруднительное и опасное положеніе, но «сквозь всю эту тьму провидѣли также лучи свѣта и славы». Эта декларация, съ введеніемъ касательно неотчуждаемыхъ правъ всякаго гражданина, въ Европѣ была встрѣчена съ сочувствіемъ всѣми, кто тяготился военнымъ управленіемъ или кто, подготовленный философомъ Монтеस्कье, освоился съ мечтами Руссо и его приверженцевъ.

Однако, дѣла все еще находились въ такомъ положеніи, что только величіе души и упованіе на мощь идеальныхъ силъ въ состояніи были поддержать мужество въ исполненіи начатаго подвига. Вашингтонъ, все войско котораго со включеніемъ вновь созванной милиціи не превышало 17.000 человекъ, лишень былъ и денегъ, и надлежащей амуниціи, и боевыхъ снарядовъ, и авторитета, необходимаго для того чтобы удержать при знамени солдатъ. Когда проходилъ для ополченцевъ обязательный срокъ, то они цѣлыми толпами слѣпили во свояси справить свои полевыя и домашнія работы. Рекрутамъ приходилось предлагать часто задатокъ, доходившій до ста долларовъ. А къ тому еще распри между патріотами и лоялистами, которыя въ предстоящую высадку генерала Гоу въ Нью-Йоркъ усилились до того, что составлялись заговоры, и заговорщики угрожали даже жизни главнокомандующаго. Американцы опасались, какъ бы не образовалось постоянное войско, а вслѣдствіе этого и не могла установиться никакая рѣшительная военная организація; притомъ каждая изъ провинцій ревновала своей самостоятельности, что и было помѣхою для поддержки необходимаго во всякомъ ратномъ дѣлѣ духа субординаціи. Вскорѣ и обнаружались послѣдствія всего этого. Когда лордъ Гоу съ своими опытными и отлично снаряженными отрядами подо-

Затруднительное положеніе.

Англійская главная квартира въ Нью-Йоркѣ. 1776.

шелъ моремъ къ Лонг-Эйланду, обѣщая жителямъ Нью-Йорка помилованье, если они покорятся, и грозя мечемъ и разрушеніемъ въ случаѣ ихъ сопротивленія, то плохо вооруженные и неопытные ратники за скудными окопами Бруклина не смогли устоять противъ превосходныхъ силъ. Послѣ храбраго сопротивленія и значительныхъ потерь они вынуждены были отступить и предать Нью-Йоркъ непріятелю. Случайно возникшій пожаръ обратилъ въ пепелъ множество большею частью деревянныхъ домовъ. Англичане заподозрили въ этомъ злонамѣренное покушеніе, съ цѣлью уничтожить ихъ зимнія квартиры, и стали на плѣнныхъ вымѣщать свой гнѣвъ. Вашингтонъ, подвергавшій себя во время боя и отступления величайшимъ напряженіямъ и опасностямъ, занялъ крѣпкую позицію въ Вейт-Пленъ: тутъ онъ довѣрился скорѣе мѣстной природѣ, лѣсамъ, болотамъ и кустарникамъ, скалистымъ вершинамъ, ущельямъ и наваленнымъ деревьямъ, нежели своимъ ратямъ, изъ которыхъ многія еще до наступленія зимы цѣлыми полками сложили свое оружіе. Непритель не воспользовался никакими дальнѣйшими успѣхами, единственно благодаря лѣни и ограниченнымъ боевымъ способностямъ британскаго главнокомандующаго Вильяма Гоу и безпутству его офицеровъ и солдатъ, про-

Ноябрь 1776.

водившихъ время въ игры и попойкахъ. Послѣ двухъ кровопролитныхъ стычекъ, причѣмъ Нѣмцы подъ начальствомъ Книппгаузена одержали верхъ, Вашингтонъ перешелъ черезъ Гудсонъ въ Нью-Джерси, а потомъ отступилъ за Делаваръ; онъ ограничился пока одною лишь обороною, выжидая, когда конгрессъ преодолѣетъ свое предубѣжденіе противъ постоянного войска и приступить къ предлагаемой имъ организаціи національной арміи. Неудачи, въ которыхъ болѣе всего виновны были ненадежныя его генералы Сулливанъ и Чарльсъ Ли, взваливались на него и лишали его авторитета. Ли, Англичанинъ родомъ, втайнѣ питалъ суетную надежду покрыть себя славою посредника, примирителя, и послѣ битвы подъ Чарльстономъ хлопоталъ лишь о томъ, чтобы добиться отъ конгресса значительнаго вознагражденія за понесенные имъ будто бы утраты въ прежней отчизнѣ; онъ самъ домогался главнаго начальства и не исполнялъ приказовъ Вашингтона. Послѣдній сказалъ тогда одному изъ своихъ друзей: «Мое положеніе такъ скверно, что если бъ мнѣ по сю сторону могилы пришлось изречь самое жестокое проклятiе врагу, то я пожелалъ бы ему быть на моемъ мѣстѣ». Нью-Йоркъ и Нью-Джерси покорились Англичанамъ. Конгрессу грозила опасность въ Филадельфіи, и, сопровождаемый язвительными насмѣшками торіевъ, онъ перенесся въ Балтиморъ.

12. дек. 1776. Гессенцы, напавъ въ расщель на генерала Ли и взявъ его въ Военный планъ плѣнъ, утвердились въ городѣ Трентонъ, гдѣ и намѣревались про- Англичанъ. зимовать. А между тѣмъ и британскій генералъ Бургойцъ съ нѣмецкими и английскими отрядами и съ союзными индѣйскими шай-

ками также успѣшно дѣйствовалъ на границѣ Канады: онъ отгѣснилъ генераловъ Гетса и Шюйлера къ озеру Чамплону, разрушилъ на немъ американскую флотилію и занялъ Кроунтъ-Поинтъ. Бургойцъ намѣревался подойти къ Гудсону, вверхъ по рѣкѣ проникнуть до Альбени и соединиться съ главною арміею. Овладевъ всѣми береговыми штатами сѣверо-востока, Англичане отгѣзали бы въ такомъ случаѣ Американцевъ отъ моря и могли бы подавить мятежъ, прежде чѣмъ успѣла укорениться республиканская форма правленія.

«Но въ то самое время, когда жизнь Соединенныхъ Штатовъ вспыхивала подобно угасавшему огоньку, Богъ браней внялъ воплямъ погибавшихъ и послалъ ангеловъ на ихъ спасеніе», писалъ старшина лютераиъ въ Пенсильваніи. Сѣверная армія, въ которой опытный полководецъ Карльтонъ былъ смѣненъ опрометчивымъ Бургойномъ, не въ состояніи была выполнить свой планъ, а отважный зимній походъ Вашингтона, котораго конгрессъ въ Балтиморѣ уполномочилъ произвести дополнительный наборъ, былъ починомъ новой эры американской борьбы. Вашингтонъ перешелъ по льду черезъ Делаваръ и въ расщель напалъ на наемные отряды въ мѣстечкѣ Трентонъ. Тысяча солдатъ, большею частью Гессенцы, были взяты въ плѣнъ и захвачены оружія, пушки и знамена. Нѣсколько дней спустя послѣ того онъ вновь перешелъ черезъ рѣку, и пока Гоу въ Нью-Йоркѣ въ праздники предавался лѣни, сладострастью и публич-

Побѣды Вашингтона при Трентонѣ и Принцтонѣ.

26. дек. 1776.

3. янв. 1777.

нымъ удовольствіямъ, онъ при Принцтонѣ одержалъ другую побѣду надъ Корнваллисомъ, лучшимъ генераломъ английской арміи. «Этою побѣдою мракъ смерти преобразился въ утро». Возмущенные злодѣйствами, какія пришлось вытерпѣть отъ европейскихъ солдатъ, жители Нью-Джерси, за исключеніемъ Нью-Брунсвика и Амбоя, вновь пристали къ отечественному дѣлу. Конгрессъ тоже пріободрился и приступилъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Онъ снабдилъ главнокомандующаго такими полномочіями, которыя можно было счесть «временною диктатурою». Вашингтону дано было право составить въ видѣ ядра національной арміи восемьдесятъ восемь батальоновъ, собирать даже силою военные припасы и вводить въ войскѣ реформы, какія сочтетъ цѣлесообразными. Всякій, кто отказывается принять выпущенныя континентальнымъ конгрессомъ ассигнаціи, подвергался наказанію; для покрытія первыхъ расходовъ Вашингтонъ и его патриотическіе друзья собрали потребныя деньги добротными взносами и ссудами. Франклинъ отправился уже во Францію, съ цѣлью побудить ее къ военному союзу, а другіе европейскіе дворы приглашались къ заключенію торговыхъ договоровъ.

4. расширение англо-американской войны.

а. Америка, Англія и Франція до капитуляціи Саратоги.

Когда объявленіе независимости дошло до Версаля, то Верженъ

Настроеніе во Франціи.

въ засѣданіи министровъ вновь развили свое предложеніе не упустить удобнаго случая, отмстить Англій. Союзъ съ Америкою доставилъ бы чрезвычайныя выгоды французской торговлѣ; европейской войны изъ-за этого не могло бы возникнуть, такъ какъ въ испанскому, петербургскому и берлинскому дворамъ не было бы никакого расчета вмѣшаться въ борьбу между Англійей и бурбонскими державами, а Голландія охотно воспользуется случаемъ низвергнуть британскую диктатуру на морѣ. Французское дворянство и образованные кружки въ Парижѣ сочувственно отозвались на политику министра. Вся молодая Франція, восприимчивая къ новымъ воззрѣніямъ, съ восторгомъ привѣтствовала борьбу за свободу по ту сторону Океана: впечатлительныя умы думали уже, что этимъ путемъ идеалы Руссо проникнутъ въ міръ дѣйствительности. Они подобно мотылькамъ обрадовались пылавшему свѣточу, вовсе не чая, что пламя въ свое время можетъ истребить ихъ самихъ. Великіе писатели, провозвѣстники новыхъ идей, большею частью были еще въ живыхъ: какъ же было не воспламениться сердцамъ въ виду осуществленія ихъ ученій? Самъ король былъ слишкомъ слабъ для того, чтобы задержать потокъ національной воли. По совѣту Франклина конгрессъ послалъ въ Парижъ Силаса Дина, врача и естествоиспытателя, но человѣка сомнительной честности и болѣе интриганта, чѣмъ дипломата; онъ служилъ тамъ въ качествѣ переносчика и посредника.

Лафайетъ.

Тогда девятнадцатилѣтній маркизъ *де Лафайетъ*, обладатель ежегоднаго дохода въ 200.000 ливровъ и съ годъ уже женатый, намѣревался съ другими молодыми дворянами отправиться за Океанъ, съ цѣлью помочь Американцамъ въ ихъ борьбѣ за свободу. Когда онъ сообщилъ о своемъ планѣ герцогу Бролье, то этотъ удерживалъ его: «Въ итальянскую войну на моихъ глазахъ умеръ вашъ дядя; вашъ отецъ палъ при мнѣ въ битвѣ подъ Минденомъ; я не хочу быть совиновникомъ гибели единственной отрасли вашего дома». Но молодой человѣкъ настоялъ на своемъ. Онъ сошелся съ Силасомъ Диномъ. Ходатайству Лафайета и друзей его Американцы одолжены тѣмъ, что правительство подъ видомъ продажи агенту изъ собственныхъ цейхгаузовъ нагрузило три корабля амуницией и орудіями и разрѣшило переселеніе французскихъ добровольцевъ. Самъ Лафайетъ отправился на собственномъ хорошо снаряженномъ кораблѣ за океанъ; его сопровождали двѣнадцать французскихъ офицеровъ и еще баронъ Кальбъ, съ которымъ мы уже встрѣчались въ Америкѣ какъ съ посредникомъ Шуазеля, и который находился при маркизѣ въ качествѣ адъютанта и ментора. Число добровольцевъ вскорѣ возросло; между ними были также польскіе патриоты, Фаддей Костюшко и Казиміръ Пулавскій.

Франклинъ въ Парижѣ.

Когда же подъ исходъ года въ Парижъ прибылъ опытный дипло-

мать, знающій свѣтъ и людей Франклинъ въ качествѣ представителя національнаго конгресса, то энтузіазмъ въ восприимчивой столицѣ Франціи дошелъ до высшей степени. Появленіе простаго разумнаго мужа въ обычной квакерской одеждѣ безъ орденовъ и звѣздъ, съ сѣдыми волосами безъ пудры и парика, съ кроткимъ ласковымъ выраженіемъ и умно разсчитанною скромностью возбудило настоящую бурю сочувствія и восторга. На знаменитаго чужестранца смотрѣли какъ на прототипъ изъ того первобытнаго и непорочнаго міра, который такъ увлекательно изобразили Руссо и С. Пьеръ, — какъ на представителя идеальной демократіи свободы и равенства. Конгрессъ назначилъ при немъ еще Артура Ли и Дина; но настоящимъ представителемъ Америки былъ собственно Франклинъ; Верженъ обѣщаль, что «король въ знакъ своего благоволенія и сочувствія готовъ назначить Американцамъ тайныя фонды, съ тѣмъ чтобы они могли обезпечить и расширить свой кредитъ и свои закупки». Это обѣщаніе и было исполнено: банкиру американскихъ комиссаровъ каждые три мѣсяца выплачивалось полмилліона ливровъ, и французскіе корабли отправлялись съ боевыми снарядами и всякаго рода припасами.

Высокомошныя особы въ Гаагѣ сочувствовали сосѣдней націи, однако англійская угрожающая нота понудила ихъ быть осторожнѣе. Въ Испаніи же король Карлъ III., смотря по измѣнчивымъ впечатлѣніямъ, предавался шаткому настроенію духа. Съ одной стороны унаслѣдованная вражда съ британской державой, которая постоянно ратовала противъ Испанцевъ въ колоніяхъ и на морѣ, внушала ему дружбу съ Американцами, а съ другой — онъ питалъ глубокое отвращеніе къ мысли, поддержать мятежниковъ и республиканцевъ вопреки святости самодержавной власти государя. А потому, когда Артуръ Ли намѣревался вступить въ переговоры, то его допустили только до Бургоса. Благодаря, однако, посредничеству Верженна, онъ добился по крайней мѣрѣ, что новое министерство Флориды Бланки, при которомъ рѣшительный и либеральный дипломатъ Аранда занималъ мѣсто послапника въ Парижѣ, въ силу стародавняго семейнаго союза между бурбонскими домами, послѣдовало политикѣ Франціи. Но для того чтобы не подать Англій повода къ прямымъ жалобамъ на Испанію, версальскій кабинетъ поручился также и за мадридскій.

Голландія и Испанія.

Эти симпатіи на европейскомъ материкѣ къ Америкѣ возбудили Война при Дедосаду и тревогу въ Англій. А потому намѣревались, усугубивъ усилія, раздавить заатлантическое возстаніе, пока скрытая борьба не перешла въ явную. Хотѣли въ теченіе лѣта порѣшить дѣло, пока Европа еще не вмѣшалась. Помимо оружія прибѣгли также къ злокозненнымъ уловкамъ и переметчикамъ, при чемъ илѣнншій генералъ Чарльсъ Ли игралъ весьма двусмысленную роль. Въ іюль мѣ-

Июнь 1777.

еяцѣ главнокомандующій Гоу двинулся съ многочисленною и превосходно снаряженною арміею къ Делавару, съ цѣлью завладѣть городомъ Филадельфій, куда конгрессъ вновь перенесъ свои засѣданія; однако берегъ такъ хорошо охранялся занявшимъ здѣсь твердую позицію Вашингтономъ, что генералу Гоу не удалось выполнить свой планъ. Онъ сѣлъ съ своими полками на корабль, съ тѣмъ чтобы попытаться счастья со стороны Чисепикской бухты. А 4.юля 1777. конгрессъ тѣмъ временемъ, въ первую годовщину объявленія независимости распустилъ новое знамя Союза, — тринадцать бѣлыхъ звѣздъ по голубому полю перерѣзанному пополамъ, «изображавшихъ какъ бы новое созвѣздіе». Четыре недѣли спустя послѣ того собраніе было обрадовано вѣстью о томъ, что генераль Шуйлеръ одержалъ блистательную побѣду при Орискени близъ форта Стенвикса на плоской возвышенности, составляющей водораздѣлъ между рѣками Гудсономъ и святаго Лаврентія, вслѣдствіе чего Бургойнъ и Карльтонъ вынуждены были отступить. При этомъ съ ополченцами изъ Новой Англи отличились въ особенности поселенцы изъ долины Могавка, большею частью сыновья Нѣмцевъ изъ Пфальца, подъ начальствомъ доблестнаго полковника Геркгеймера. Храбрый Николай Геркгеймеръ, о которомъ Вашингтонъ сказалъ, «что онъ первый далъ иной оборотъ мрачному походу на сѣверъ», палъ въ славномъ бою. Не такъ счастливы были Американцы въ долинѣ Делавара. Задержанный противными вѣтрами Августъ 1777. въ Чисепикской бухтѣ Гоу вышелъ наконецъ на берегъ съ своимъ многочисленнымъ хорошо снаряженнымъ войскомъ, съ тѣмъ чтобы привести въ исполненіе планъ противъ Филадельфіи; другой отрядъ подъ начальствомъ Корнваллиса и гессенскаго генерала Книппгаузена проникъ черезъ Нью-Джерси къ западу, такъ что Вашингтонъ не могъ болѣе противостать превосходнымъ силамъ непріятеля. Предусмотрительный и опытный боевой генераль Корнваллисъ съ значительнымъ урономъ отразилъ его при Брендивейнѣ, притока Делавара, и Вашингтонъ вынужденъ былъ отступить въ густые дебри за Филадельфій. Лафайетъ, котораго конгрессъ «въ уваженіе его преданности дѣлу свободы, его сана и семейныхъ связей» произвелъ въ генераль-маіоры, въ этой стычкѣ былъ раненъ въ ногу, но до самаго конца не покидалъ поля битвы. Луи де Флѣри, Пулавскій и другіе добровольцы также бились съ чрезвычайнымъ мужествомъ. 25. сент. 1777. Двѣ недѣли спустя послѣ того англійскія войска вступили въ Филадельфію. Конгрессъ поспѣшилъ убраться въ Ланкастеръ. Засѣвъ при Сьюлькилтѣ и присоединивъ къ себѣ нѣсколько разсѣянныхъ отрядовъ, Вашингтонъ тщетно надѣялся отбросить непріятеля въ Нью-Джерси; битва подъ Жерментоуномъ кончилась также пораженіемъ Американцевъ. Вашингтонъ весьма осмотрительно приступилъ къ дѣлу, но Грунтъ и Сулливанъ не поддержали своевременно его операцій, а потому онъ вынужденъ былъ отступить, что и было имъ

исполнено въ стройномъ порядкѣ. Казалось теперь, что Англичане прочно утвердились въ Пенсильваніи, такъ же какъ и въ Нью-Йоркѣ и по всему восточному побережью.

Но какъ разъ въ это время на сѣверѣ произошли дѣла, давшія Капитуляція Саратоги. 1777. всей войнѣ иной оборотъ. Бургойнъ не упалъ духомъ послѣ битвы при Орискени. Онъ завладѣлъ фортомъ Тигондерогою, между озерами Чампленомъ и Джоржемъ, и намѣревался оттуда перейти въ верхнюю долину Гудсона, гдѣ къ нему долженъ былъ присоединиться генераль Генри Клинтонъ съ англійскою флотиліей и съ экипажемъ. Переходъ былъ затруднительный: солдатамъ пришлось пролагать дороги, срубить деревья, прокладывать мосты черезъ пропасти и болота, и сверхъ того отражать американскіе отряды, которые Вашингтонъ отправилъ къ сѣверу съ генераломъ Гетсомъ, и къ которымъ примкнули храбрые ополченцы изъ Новой Англи. Вслѣдствіе этого было пропущено назначенное для соединенія время. Клинтонъ повернулъ назадъ, а Бургойнъ на возвратномъ пути очутился въ безвыходномъ положеніи: не надѣясь на выручку изъ Альбени и скудно снабженный съѣстными припасами на нѣсколько лишь дней, онъ вынужденъ былъ вступить въ переговоры съ обложившимъ его американскимъ войскомъ. Послѣднее, однако, сознавало всѣ выгоды своего положенія и настаивало на безусловной сдачѣ. Бургойнъ поневолѣ согласился на капитуляцію Саратоги: вся канадская армія, 17. окт. 1777. Нѣмцы, Англичане, лоялисты изъ провинцій, Канадцы, числомъ по меньшей мѣрѣ 6000 офицеровъ и рядовыхъ, сдались военнопленными и весь запасъ снарядовъ и оружія, въ томъ числѣ 42 мѣдныхъ пушки, достались Американцамъ.

Благодаря этой капитуляціи, которая была скорѣе слѣдствіемъ мѣстныхъ препятствій, отсутствія плана и единодушія со стороны англійскихъ полководцевъ, нежели дѣломъ искусныхъ распоряженій и отличной стратегіи со стороны Американцевъ, Гетсъ, малоспособный впрочемъ военачальникъ, удостоился незаслуженной славы. Въмѣсто того, чтобы присоединить теперь свой отрядъ или хотя часть его къ главному войску, съ тѣмъ чтобы Вашингтонъ могъ изгнать непріятеля изъ Филадельфіи и изъ области Делавара, онъ, завидуя главнокомандующему, расположилъ свои полки въ Альбени и окрестностяхъ, такъ что Англичане могли удержаться въ своихъ позиціяхъ. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ пришлось покинуть даже фортъ Редъ Банкъ, подъ стѣнами и на валахъ котораго при атакѣ палъ генераль Дюнопъ съ четырьмястами храбрыхъ Гессенцевъ. Въ своей записки- 22. окт. 1777. вости и надменности Гетсъ стремился даже къ главному начальству. Такъ для Вашингтона этотъ годъ и завершился подъ гнетомъ мрачныхъ впечатлѣній и горькихъ испытаній. Тогда какъ Гоу съ своими офицерами предавался въ Филадельфіи разгульной жизни, пользуясь въ домахъ жителей удобными зимними квартирами, въ то же время

Капитуляція Саратоги. 1777.

17. окт. 1777.

Генераль Гетсъ. Вашингтонъ въ Валл-Форже. Штейн-белъ.

22. окт. 1777.

главнокомандующій съ своими полками все холодное время года прожилъ въ лѣсахъ Пенсильваніи; тамъ въ Вали-Форже при Скюлькилѣ, лишенные теплыхъ одеждъ, одѣяль и съѣстныхъ припасовъ, они построили себѣ блокгаузовъ. Въ эти тяжкіе дни въ лѣсной лагерь прибылъ прусскій баронъ Штейбенъ и предложилъ Вашингтону свои услуги. Опытный офицеръ сорока пяти лѣтъ отъ роду, прослужившій у Фридриха II. въ семилѣтнюю войну, Штейбенъ былъ снабженъ рекомендаціями отъ Верженна и Франклина, произведенъ конгрессомъ въ генераль-маіоры и, благодаря его военнымъ знаніямъ, оказался весьма полезнымъ совѣтникомъ главнокомандующаго.

Союзъ между Франціей и Америкой. Франклинъ предъ королемъ.

Весною 1778 совершился переворотъ въ пользу Америки. Вѣсть о капитуляціи Саратоги произвела въ Европѣ сильное впечатлѣніе. Стали вѣрить тому, что колоніи добьются своей независимости. Во Франціи особенно общественное мнѣніе заявляло себя такъ сильно за свободу и независимость Американцевъ, что правительству нельзя было не признать ее. Франклинъ, проживавшій въ Пасси на дачѣ, былъ тогда героемъ дня. Его портретъ выставлялся во всѣхъ витринахъ; гдѣ бы онъ ни показался, въ театрѣ, въ засѣданіи парламента, на сходкахъ, вездѣ онъ былъ предметомъ общественныхъ овацій. Восьмидесятилѣтній Вольтеръ, въ послѣдній разъ пріѣхавшій тогда въ Парижъ, принялъ Франклина и благословилъ его внука словами: «Господь Богъ и свобода!» Въ академіи, какъ было уже упомянуто, д'Аламберъ привѣтствовалъ его какъ мужа, «исторгнувшаго у неба молнію и скипетръ у тирановъ». Мы знаемъ, что французское правительство два года уже поддерживало возставшихъ. Не мало кораблей изъ гаваней западнаго берега перевозили уже боевые снаряды и деньги за Океанъ. Однако, все это производилось пока тайкомъ или подъ предлогомъ торговыхъ сдѣлокъ. Американцы должны были поставлять за это виргинскій табакъ. Ни Франклинъ и никто изъ комиссаровъ не представлялся еще ко двору. Тамъ выжидали, хватить ли у колоній выдержки запечатлѣть дѣлами свое объявленіе независимости. Послѣ событія при Саратогѣ всякое сомнѣніе по этому поводу, казалось, исчезло. Передъ самымъ Рождествомъ секретарь министерства Жераръ сообщилъ комиссарамъ, что король въ государственномъ совѣтѣ рѣшилъ, признать независимость колоній и поддержать ихъ.

17. дек. 1777.

3. янв. 1778. Послѣ новаго года агентамъ было обѣщано выдать изъ государственной казны три милліона ливровъ, такая же сумма назначалась отъ Испаніи. Это служило какъ бы починомъ къ оборонительному союзу, заключенному нѣсколько недѣль спустя послѣ того въ видѣ дружественнаго и торговаго договора. По немъ Франція обязалась всѣми силами поддерживать Соединенные штаты до тѣхъ поръ, пока ихъ независимость не подтвердится миромъ. Правительство великодушно отреклось при этомъ отъ всякой выгоды собственно для себя, не смотря даже на то, что новая война грозила ухудшить и безъ того

затруднительное положеніе финансовъ. Американцы должны были обѣщать только, что и они также не вступятъ въ отдѣльный договоръ съ Англіей, который могъ бы лишить ихъ независимости и вновь подчинить лондонскому правительству. Министры Морепла и Верженъ полагали, что для Франціи и въ томъ уже будетъ выгода, если за-антлантическіе штаты отторгнутся отъ британскаго владычества, и такимъ путемъ нанесенъ будетъ чувствительный ударъ колониальному и морскому могуществу соперника, давно уже возбуждавшаго зависть и досаду Франціи. На этотъ разъ, сверхъ того, общественное мнѣніе сочувствовало военной политикѣ версальскаго двора, тогда какъ въ семилѣтнюю войну вся нація была противъ нея. Воодушевленіе народа къ свободѣ шло на этотъ разъ объ руку съ эгоистически-патріотическою политикою правительства, которому хотѣлось ослабленіемъ соперника вновь возстановить утраченное превосходство на морѣ и отмстить за понесенныя отъ него пораженія и невзгоды.

б. Чатамъ и Лафайетъ.—Бѣдствія войны въ Америкѣ и нужда въ деньгахъ.

Въ Лондонѣ поступки Франціи давно уже казались подозрительными: не было тайною, что бурбонскіе дворы оказывали пособіе отпавшимъ колоніямъ. Когда же дошла вѣсть о невзгодѣ при Саратогѣ, то всѣхъ обуяла сильнѣйшая тревога, а борьба партій и парламентскія боевыя рѣчи разгорячали умы. Сколько бессонныхъ ночей провелъ лордъ Нортъ, терзаясь неизвѣстностью, какой изъ путей лучше всего избрать ему! Какъ охотно уступилъ бы онъ кому бы то ни было свое мѣсто; но развѣ можно было въ это опасное время покинуть короля, который такъ довѣрялъ ему и все еще надѣялся на него, развѣ можно было измѣнить своему знамени? Старая оппозиція заговорила сильнѣе чѣмъ когда либо; лордъ Чатамъ совѣтовалъ, умиротворить Америку перемѣною министерства и уничтоженіемъ права облагать податью, а затѣмъ обратить оружіе противъ Франціи. Беркъ и Фоксъ предлагали, во что бы то ни стало примириться съ колоніями, хотя бы даже пришлось признать ихъ независимость. Возникъ вопросъ, не назначить ли во главѣ министерства лорда Чатама, имя котораго было бы для Американцевъ порукою благосклоннаго миролюбиваго настроенія. Однако, король и слышать не хотѣлъ объ этомъ: «какому сумасшедшему или наглому человеку можетъ прійти въ голову, побудить метрополию къ переговорамъ на основаніи независимости!» Когда трактатъ между Франціей и Америкой былъ уже заключенъ, но еще не обнародованъ, то правительство и парламентъ согласились послать въ Америку комиссаровъ, съ тѣмъ чтобы они предложили прекратить распри на основаніи отмены вѣкаго права облагать податью. Но было уже

Англія и конгрессъ.

поздно. Развѣ конгрессъ могъ приступить къ сепаратному миру, когда только что заключенъ былъ союзъ съ Франціей? Франклинъ, которому изъ Лондона сообщили объ этомъ предложеніи, призналъ его бесполезнымъ. Въ теченіе зимы депутаты чуть ли не на глазахъ англійскаго войска въ «статьяхъ конфедерации и вѣчнаго Союза» начертали основныя положенія Соединенныхъ Штатовъ, причемъ конгрессу, какъ преемнику короля, вручалась высшая государственная власть. И вотъ, творцамъ этого проекта конституціи предлагаются теперь условія, вслѣдствіе которыхъ независимость и республиканское самоуправленіе въ будущемъ подверглись бы сомнѣнію! Мечъ народной войны былъ уже обнаженъ, и теперь слѣдовало лишь отбросить ножны. Да и въ Англии тоже скоро убѣдились въ томъ, что время полубовныхъ сдѣлокъ миновало. Посольству, которому поручилось передать конгрессу послѣднія мирныя предложенія, придавалось такъ мало вѣсу, что не заключили даже перемирія. Это со стороны министровъ было только отводъ глазъ, съ цѣлью получше расположить англійскій народъ къ войнѣ и возбудить во французскомъ кабинетѣ недовѣріе къ новымъ союзникамъ. Конгрессъ догадался въ чемъ дѣло и отказалъ комиссарамъ. — Когда же обнародованъ былъ оборонительный союзъ между Франціей и Соединенными Штатами и въ мѣстѣ пахожденія конгресса водворился постоянный французскій посланникъ, то Англія сочла это поводомъ къ войнѣ и отдала приказъ поступать съ французскими кораблями какъ съ непріятельскими.

Предсмертная рѣчь Чатама. Въ эти дни возбужденнаго національнаго британскаго чувства въ лордѣ Чатамѣ еще разъ проснулась укоренившаяся въ немъ антипатія къ Франціи, направлявшая нѣкогда его политику въ семилѣтнюю войну. Герцогъ Ричмондъ внесъ въ палату лордовъ предложеніе, имѣвшее цѣлью признать независимость тринадцати мятежныхъ провинцій и на этомъ основаніи заключить съ ними мирный и союзный договоръ. Такимъ путемъ слѣдовало избѣжать войны съ Франціей и поддержать существовавшія доселѣ торговыя сношенія между метрополіей и колоніями. Для того чтобы разстроить эту политику немощи, семидесятилѣтній разбитый параличемъ государственный мужъ еще разъ предсталъ въ верхней палатѣ. Облеченный во фланель, блѣдный и согбенный, но съ прежнимъ пыломъ въ глазахъ, вступилъ онъ въ собраніе, опершись на своего сына, Вильяма Питта, и зятя, лорда Магона. Присутствовавшіе перы благоговѣнно встали, пока онъ, прихрамывая, проходилъ къ своему мѣсту. Когда сдѣлано было предложеніе, то онъ поднялся на своихъ костыляхъ и поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ друзьями, при глубокомъ молчаніи высказалъ свои воззрѣнія и чувства въ сильной рѣчи, такъ что она произвела поразительное впечатлѣніе. Отвергнувъ ошибочную политику прошлыхъ временъ, роковое дѣйствіе которой имъ всегда предсказывалось, онъ съ патріотическою гордостью предостерегалъ отъ по-

зорнаго мира, по которому Англія пала бы къ стопамъ Бурбоновъ. Если миръ нельзя соблюсти съ честью, отчего же въ такомъ случаѣ не объявить тотчасъ же войны? Вѣдь страна обладаетъ еще достаточными средствами, чтобы отстаивать свое доброе право. Рѣчь его поражала словно молнія во тьмѣ. Опять раздался голосъ «великаго гражданина»; тѣми же пылкими словами, какими онъ нѣкогда ратовалъ въ пользу колоній, онъ побуждалъ теперь къ войнѣ противъ извратившихся сыновей, которые соединились съ заклятыми врагами. Ричмондъ старался ослабить впечатлѣніе, заявивъ, что политическая мудрость требуетъ избѣгать войны, въ которой у Американцевъ союзниками будутъ Испанія и Франція. Чатамъ всталъ еще разъ и хотѣлъ возражать. Но силы его истошились. Онъ тутъ же палъ словно герой на полѣ битвы. Его вынесли безъ чувствъ. Четыре недѣли спустя послѣ того онъ умеръ въ своемъ помѣстьи Гебксѣ въ Кентѣ. Торжественное погребеніе на общественный счетъ, при- 11. мая 1778. чемъ передъ гробомъ несли скорбящую Британію, свидѣтельствоvalo о высокомъ уваженіи, какое нація питала къ великому политическому дѣятелю, къ оратору и патриоту, къ Вильяму Питту старшему. Его кончина уподобилась закату солнца въ сумрачный зимній день, среди тучъ и тумана. Сбылось то, чего онъ хотѣлъ. Отказъ Американцевъ вступить въ переговоры, понудилъ Англію продолжать войну по ту сторону Океана. Франція и Испанія открыто вступились за союзниковъ и война приняла размѣры всемірной борьбы.

Весною Гоу вновь открылъ кампанію съ скуднымъ, однако, успѣ- Война на сушѣ хомъ. Молодой Лафайетъ съ отрядомъ въ 2500 человекъ перешелъ и на морѣ. черезъ Скюльвилъ и отважился черезъ-чуръ далеко впередъ. Однако попытка Гоу, отрѣзать его отъ Вашингтоповой стоянки у Валли Форжа и захватить въ плѣнъ, не удалась, благодаря искуснымъ маневрамъ маркиза. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ лордъ передалъ главное 20. мая 1778. начальство сэру Гепри Клинтону, а самъ отправился въ Англію, напутствуемый сочувствіемъ своего войска. Не смотря на скудныя стратегическія способности, Гоу пользовался любовью въ арміи, особенно въ офицерскихъ кружкахъ. Его радушный нравъ, изящныя свѣтскія манеры, его любезное обхожденіе и невзыскательность привязывали къ нему подчиненныхъ. Новый начальникъ не долго пробылъ въ Филадельфіи. Для того чтобы не быть отрѣзану французскимъ флотомъ, который подъ начальствомъ д'Орвилле и д'Эстена вышелъ изъ Бреста и Тулона въ Америку, онъ съ сухопутнымъ войскомъ двинулся черезъ Нью-Джерси къ Нью-Йорку, тогда какъ флотъ, захвативъ съ собою лоялистовъ Пенсильваніи, вышелъ въ море внизъ по Делавару. Узнавъ о выходѣ непріятеля, Вашингтонъ выступилъ изъ Валли-Форжа, съ тѣмъ чтобы воспрепятствовать переходу въ Нью-Йоркъ; у мѣстечка *Монмутта* войска столкнулись. Вашингтонъ 28. іюня 1778.

одержалъ верхъ; но благодаря измѣническому послушанію генерала Ли, Американцы не воспользовались добытыми успѣхами, такъ что англійская армія съ Клинтономъ, Корнваллисомъ, Книпгаузенемъ достигла своей цѣли. Конгрессъ отрѣшилъ Ли на годъ отъ должности, а потомъ совсѣмъ исключилъ его изъ службы. Въ теченіе лѣта и осени обѣ воюющія стороны мѣрились своими силами и на сушѣ и на водѣ, но не происходило никакого рѣшительнаго дѣла. Успѣхи, какіе достигались Американцами на сушѣ, болѣе чѣмъ искупались пораженіями на морѣ, послѣдовавшими вслѣдствіе неспособности д'Эстена. Въ европейскихъ водахъ англійскій флотъ съ адмираломъ Кеппелемъ во главѣ также успѣшно противодѣйствовалъ эскадрамъ д'Орвиллье и Кишена.

27. июля 1778.

Бой близъ Кюссана, противъ Бреста, былъ нерѣшителенъ. Герцогъ де Шартръ, помышлявшій въ качествѣ командира корабля добиться сана генералъ-адмирала, до того оробѣлъ, что вынужденъ былъ выйти изъ морской службы. Сапъ, котораго онъ добивался, по протекціи королевы достался ея зятю, графу Артуа.

Затруднительное
положеніе
Лафайетъ въ
Версаль.

Въ эту пору молодая республика находилась въ плохомъ состояніи. Главное затрудненіе состояло въ безденежьи. Духъ партикуляризма не рѣдко былъ сильнѣе національнаго чувства: предписанные конгрессомъ добавочные платежи вносились неисправно или не вполнѣ, а выпущенныя его именемъ ассигнаціи утратили кредитъ и пали до шестой части номинальной стоимости, тѣмъ еще болѣе что Англичанамъ удалось пустить въ обращеніе множество фальшивыхъ бумагъ. Банковые билеты отдѣльныхъ штатовъ пользовались гораздо большимъ довѣріемъ. Конгрессъ не могъ располагать никакими понудительными мѣрами. На сѣверѣ такъ же какъ на югѣ дѣйствовали центробѣжныя силы. Какъ Лафайетъ и д'Эстега ни старались возбудить въ Канадцахъ національныя симпатіи къ Франціи, ихъ, однако, не удалось привлечь къ слявнѣ съ Соединенными штатами. Въ этомъ затруднительномъ положеніи Франція

14. сент. 1778.

была главною опорой конгресса. Онъ назначилъ Франклина своимъ единственнымъ полномочнымъ министромъ въ Парижѣ и былъ весьма доволенъ, когда Лафайетъ задумалъ съѣздить во Францію, чтобы

Февр. 1779.

провѣдать свою семью. Отбывъ въ Брестъ, въ домѣ своего тестя восьмидневный арестъ, за то что выселился безъ разрѣшенія, маркизъ поѣхалъ въ Версаль, гдѣ былъ милостиво принятъ королемъ и весьма благосклонно королевою. Этотъ приемъ служилъ порукою, что при дворѣ пробудились симпатіи къ Соединеннымъ штатамъ. Шыккі приверженецъ Вашингтона не преминулъ воспользоваться для республики благоприятнымъ настроеніемъ правительства и націи. «Для того чтобы одѣть американскую армію», говорилъ Морепа, «маркизъ готовъ разграбить весь Версаль»

с. Всеобщая борьба и вооруженный нейтралитетъ.

Политика Франціи въ отношеніи къ Англій и Америкѣ была ско- Англія и бур-
рѣе политикою чувства нежели разсудка. И въ самомъ дѣлѣ, межъ бонскія дер-
тѣмъ какъ правительство помогало Соединеннымъ штатамъ, въ то жавы.
же время усиливались его собственныя финансовыя затрудненія, а сверхъ того въ самомъ краѣ развивался духъ демократизма, подъ ударами котораго пала потомъ сама монархическая власть. И не смотря на все усилія, французскій флотъ все-таки не могъ добиться прежняго превосходства. Испанія также увлеклась политикою, вслѣдствіе которой королевство впоследствии пожало дурные плоды. Мы знаемъ, что Карлъ III. съ отвращеніемъ относился къ мятежнымъ колоніямъ. Даже его министръ, Флорида Бланка, долго противился настойчивости французскаго посланника, Монморена, товарища юности и любимца Людовика XVI. Однако Испанія также была вовлечена во французско-американскій союзъ. Религіозныя и политическія, изъ рода въ родъ переходившія антипатіи къ Англій, бургонскій фамильный духъ, надежда отвоевать для королевства Гибралтаръ и пылкое честолюбіе министра, мнившего исполнить міръ своею славою,—вотъ что рѣшило дѣло. Послѣ долгихъ колебаній и переговоровъ между Франціей и Испаніей былъ заключенъ особенный договоръ. По немъ версальскій кабинетъ обязался: произвести высадку въ Великобританіи или Ирландіи, помочь союзному государству отвоевать отнятыя у него Англичанами владѣнія въ Европѣ и по ту сторону Океана (Мипорку, Флориду и южную область Миссисипи) и не заключать мира, пока не будетъ возвращенъ Гибралтаръ.

Въ этомъ договорѣ таились зародыши политики, которая въ свое время должна была развестъ союзниковъ по разнымъ путямъ. И въ самомъ дѣлѣ, Америка имѣла лишь цѣлью съ помощью Франціи добиться отъ Англій признанія независимости и отнюдь не намѣревалась отказать въпредь отъ пріобрѣтенія новыхъ областей, тогда какъ Франція и Испанія были связаны другъ съ другомъ особыми интересами, чуждыми конгрессу. А потому можно было предвидѣть, что три союзныя державы будутъ идти рука объ руку только до тѣхъ поръ, пока у нихъ будутъ одни и тѣ же интересы и пока они станутъ стремиться къ одной и той же цѣли. Оставались однако еще не порѣшенные вопросы, какъ напр. право на рыбную ловлю въ Нью-фундлендскихъ водахъ, которое присвоивали себѣ все четыре державы и ради котораго впоследствии должны были возникнуть распри.

Во время пребыванія Лафайета во Франціи военнымъ министромъ Французское назначенъ былъ его родственникъ, маркизъ Сегюръ. Благодаря этому вспомогатель-
желанію маркиза, отправить вспомогательное войско въ Америку, испол-
нилось. До сихъ поръ французское правительство поддерживало со-
юзниковъ лишь деньгами, военными снарядами и судами; а теперь Америкѣ.

вышла цѣлая эскадра изъ семи линейныхъ кораблей, нѣсколькихъ фрегатовъ и транспортныхъ судовъ, на которыхъ перевозилась армія въ шесть тысячъ человекъ. Главное начальство поручено было графу Рошамбо; при немъ находились офицеры, имена которыхъ часто приводились впоследствии: маркизъ Шателю, графъ Кюстинъ, баронъ Виомениль, Шарль де Дама, Шарль Ламетъ, Маттье Дюма, Дюпортель, виконтъ де Ноэль, Александръ Бертъ, графъ Сегюръ, сынъ военного министра и др. Лафайетъ также вернулъ; въ Гаврѣ внукъ Франклина передалъ ему именемъ конгресса почетную шпагу съ благодарственнымъ письмомъ отъ своего дѣда. Войско надлежало высадить въ Родъ-Эйландъ; главное начальство надъ нимъ поручалось Вашингтону, котораго на такой конецъ назначили французскимъ генералъ-лейтенантомъ и адмираломъ. Въ іюлѣ совершилась высадка у Ньюпорта на Родъ-Эйландъ, добровольно покинутомъ Англичанами, съ цѣлью всѣми своими силами ударить на югъ.

10. іюля 1780.

Военное положение въ Америкѣ.

Послѣ вооруженнаго союза Франціи съ Испаніей война въ Европѣ и по всѣмъ морямъ поглотила чуть ли не всѣ боевыя силы Англій; а потому британскія предпріятія въ Америкѣ ограничились лишь высадками на берега Чесапекской бухты и у Ньюгевена, сопровождаемыя грабежами и разрушеніями. Тутъ захватывались корабли и товары, мѣстечки обращались въ пепель. Вашингтонъ также не могъ предпринять ничего значительнаго; ему пришлось лишь отражать и защищаться; однако у Стоки-Пойнта близъ Гудсона онъ одержалъ верхъ надъ англійскими отрядами и взялъ въ плѣнъ 543 человекъ, офицеровъ и рядовыхъ. Такими незначительными стычками на сушѣ и на водѣ и закончился этотъ годъ. Англичане изъ Нью-Йорка господствовали надъ большою частью восточнаго побережья, тогда какъ внутренній край по обѣ стороны Аллегонъ находился во власти Вашингтона и его генераловъ. Итакъ, гордая надежда, высказанная годъ тому назадъ въ Лондонѣ, «что колоніи скоро будутъ просить метрополию о помилованіи», не осуществилась. Однако, безъ европейской помощи Америкацамъ, пожалуй, также не удалось бы достичь своей цѣли.

16. іюня 1779.

Флоты въ европейскихкихъ водахъ.

Въ тотъ самый день, когда Вашингтонъ достигъ нѣкоторыхъ успѣховъ въ бою при Стоки-Пойнтѣ, Испанія объявила Англій войну и выслала свой флотъ, приказавъ ему соединиться съ французскою армiadoю, которая подъ начальствомъ д'Орвилль изъ Бреста вышла въ каналъ. Имѣлось въ виду сдѣлать высадку въ Англій и учинить возстаніе въ Ирландіи. Католическій священникъ, посѣтившій островъ въ качествѣ испанскаго эmissара, возбуждалъ страсти и исконныя симпатіи римско-католическихъ Ирландцевъ; а въ средѣ пресвитеріанъ на сѣверѣ американскій агентъ разжигалъ пуританскій фанатизмъ въ пользу единовѣрцевъ по ту сторону Океана. Однако, крейсировавшій въ британскихъ водахъ подъ начальствомъ сэра Чарльса Гарди

англійскій флотъ, въ связи съ добровольцами и стражниками изъ милиціи воспрепятствовали высадкѣ. А сверхъ того разладъ между французскимъ и испанскимъ начальниками послужилъ помѣхою совмѣстнымъ дѣйствіямъ. Ирландцы же на этотъ разъ остались вѣрны королю, и многіе изъ нихъ поступили ратниками въ англійскія войска, отправленные въ Америку «сражаться противъ свободы». Оппозиція въ ирландскомъ парламентѣ подъ веденіемъ мощнаго оратора Генри Граттана, избравшаго себя образцомъ Чатама, тогда не помышляла еще отдѣлиться отъ Англій, а добивалась только свободной торговли и улучшения тумѣтнаго законодательства и судопроизводства. Французскія морскія войска вернулись въ Бретань и Нормандію, гдѣ большая ихъ часть заболѣла дисентеріей; Испанцы направились частью къ Гибралтару, который имъ пуще всего хотѣлось отвоевать, частью пустились къ западу, съ цѣлью занять порты Пензаколы и Мобила и помѣшать британской торговлѣ лѣсомъ въ Кампешскомъ заливѣ у Гондураса.

Сент. 1779.

Бурбонскіе дворы надѣялись привлечь къ союзу также и нидерландскую республику. Намъ уже извѣстно, что голландское государство въ его межумочномъ положеніи не то монархіи, не то аристократико-республиканскаго союза штатовъ не въ состояніи было добиться единодушнаго сильнаго правленія, что ревность и соперничество между оранцами и партией купеческой аристократіи, именовавшей себя патриотами, раздѣляло население на два враждебные лагеря, и что этотъ разладъ разстроивалъ всю государственную жизнь. Вильгельмъ IV., которому, какъ мы знаемъ (стр. 53), въ моментъ національнаго подъема передалъ былъ самъ наслѣдственнаго штатгальтерства, частью по слабости, частью по воздержности, не воспользовался удобнымъ случаемъ создать болѣе твердую государственную организацию; важнѣйшія должности онъ поручалъ своимъ политическимъ противникамъ въ тщетной надеждѣ снискать ихъ дружбу. Когда же онъ нѣсколько лѣтъ спустя сошелъ въ преждевременную могилу, то распри партій обнаружилась рѣзче чѣмъ когда либо. Штатгальтеръ побудилъ принца Людвигъ Эрнста Брауншвейгскаго (XII, 717) промѣнять австрійскую службу на голландскую и назначилъ его генералъ-капитаномъ надъ всѣми войсками. Онъ питалъ къ нѣмецкому князю неограниченное довѣріе, такъ что передъ смертью назначилъ его опекуномъ своего трехлѣтняго сына того же имени, а свою супругу Анну, дочь Георга III., завѣдывавшую регентствомъ во время несовершеннолѣтія Вильгельма V., онъ обязалъ какъ въ воспитаніи такъ и во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ пользоваться содѣйствіемъ и совѣтомъ герцога. Это вліяніе Людвигъ Эрнстъ усилилось еще болѣе, когда восемь лѣтъ спустя послѣ своего супруга скончалась также Анна, прежде чѣмъ сынъ ея успѣлъ достигъ совершеннолѣтія. Съ этой поры Брауншвейгскій пользовался полною властью наслѣднаго штатгальтера какъ въ военномъ вѣдомствѣ, такъ и въ правительственныхъ дѣлахъ. Нѣмецкій исторіографъ Шаецеръ въ защитительной статьѣ по поводу опекунскаго управленія пытался выставить герцога вторымъ Фокіономъ: однако Гейне въ одномъ изъ археологическихъ очерковъ доказалъ, что представленная на заглавномъ листѣ голова Фокіана оказалась фальшивою; этотъ остроумный намекъ могъ служить мѣриломъ общественнаго мнѣнія по крайней мѣрѣ въ Голландіи. И въ самомъ дѣлѣ, пристрастіе къ

Голландія во время несовершеннолѣтія наслѣднаго штатгальтера.

22. окт. 1751.

22. окт. 1751.

12. янв. 1759.

Мартъ 1766.

Англія, какое Людвигъ Эрнстъ проявлялъ во время семилѣтней войны сначала вмѣстѣ съ Анною, а потомъ также одинъ, возбудило сильную досаду въ Генеральныхъ штатахъ, провинціальныхъ чинахъ и городскихъ магистратахъ, такъ какъ Англичане воспользовались войною въ ущербъ голландскаго судоходства и заморской торговли. Оттого-то старая распря между аристократическо-республиканскою партіей патриотовъ и оранскимъ правительствомъ выступала съ каждымъ годомъ все рѣзче. Это состояніе почти вовсе не поправилось даже тогда, когда три года спустя послѣ Парижско-Губертусбургскаго мира Вильгельмъ V. достигъ совершеннолѣтія и своимъ именемъ сталъ исправлять должность наслѣднаго штатгальтера. Дѣло въ томъ, что лишенаго самостоятельности молодого князя уговорили, при посредствѣ тайнаго противузаконнаго договора („консультаціоннаго акта“) дать обязательство, во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ слѣдовать совѣту бывшаго своего опекуна и охранять его отъ всякой отвѣтственности. Вслѣдствіе этого усилился и все болѣе обострился раздоръ между правительствомъ и патриотическою партіей. Аристократическіе роды, которые пользовались рѣшающимъ голосомъ въ Генеральныхъ штатахъ и въ провинціяхъ, систематически противодействовали политикѣ герцога и отвергали въ особенности всякія предложенія, имѣвшія цѣлью усилить армию и флотъ. Помышляя лишь о томъ, какъ бы воспользоваться мирными годами для развитія торговли, богатства, ихъ купеческихъ судовъ, недалеконвидные ратманы и магистраты безпечно смотрѣли на будущность, какъ будто миръ никогда болѣе не будетъ потревоженъ войною. Голландскіе лѣтоисписи прославляютъ размахъ, какой въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ приняли науки, мирныя искусства и благоденствіе; однако почва оказалась не совсемъ надежною; мѣры для обороны страны поспешно пренебрегались. Голландское купечество извлекло значительныя выгоды изъ распри Англичанъ съ Американцами; а потому коммерческимъ магнатамъ болѣе всего хотѣлось поддержать свой нейтралитетъ. Да развѣ возможно было такое положеніе, когда штатгальтеръ, герцогъ-совѣтникъ его и вся оранская партія придерживались Англіи, а аристократическіе вожди въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ по ненависти къ надменной морской націи склонялись къ Франціи?

Деспотизмъ Англіи на морѣ.

Едва ли когда либо британское королевство находилось въ такомъ опасномъ, изолированномъ положеніи какъ въ 1780 году. Не только Австрія, благодаря родственнымъ связямъ вѣнскаго и версальскаго дворовъ, склонялась болѣе къ Франціи и Испаніи, не питая, впрочемъ, никакой симпатіи къ Америкѣ и не признавая ея независимости; но и въ Голландіи также все болѣе развивалось пристрастіе къ протестанско-республиканскому союзу штатовъ по ту сторону Океана; не смотря даже на то, что штатгальтеръ Вильгельмъ V. Оранскій и совѣтникъ его, генералъ-капитанъ Людвигъ Эрнстъ Брауншвейгскій, твердо придерживались старой дружбы съ Англіей. Въ независимости Соединенныхъ штатовъ амстердамскіе негодіанты чаяли уже фактическое упраздненіе навигаціоннаго акта и, благодаря возникновенію новой республики, въ голландской націи вновь ожили самыя дорогія историческія воспоминанія. Мы знаемъ уже, какъ часто въ прежніе годы вслѣдствіе національнаго соперничества, политическихъ и коммерческихъ интересовъ обѣ морскія державы по-

буждались къ враждебнымъ дѣйствіямъ другъ противъ друга: эта глубоко укоренившаяся взаимная ненависть за послѣднее время усилилась еще болѣе, особенно съ той поры, какъ Англичане надменно и нагло стали пользоваться своимъ превосходствомъ на морѣ во вредъ и въ ущербъ нидерландской торговли и колониальной системѣ, съ презрѣніемъ взирая на несогласное распадавшееся правительство Генеральныхъ штатовъ, гдѣ своекорыстный мелочной духъ партій подавлялъ всякое единодушіе и всякій политическій порывъ. Теперь же они не хотѣли допустить, чтобы продолжались широко развившіяся во время распри метрополи съ колоніями торговыя сношенія между Голландіею и Америкою. Они подстерегали купеческія суда, ходившія изъ гаваней Роттердама и Амстердама къ Соединеннымъ штатамъ, и захватывали корабли, направившіеся изъ мятежныхъ странъ къ голландскимъ берегамъ или колошіямъ. Торговля и самая честь другихъ державъ, не принимавшихъ доселѣ никакого участія въ борьбѣ между морскими государствами, также сильно страдали отъ безпощаднаго деспотизма Британцевъ на морѣ: англійскіе крейсера въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ задерживали и забрала американскіе корабли, преслѣдуя чужеземныя суда до Бергена, до ледяныхъ областей Архангельска. Ходившіе даже подъ нейтральнымъ флагомъ суда задерживались и обыскивались, не везутъ ли съ собою товара, который пригодился бы американскимъ «мятежникамъ» въ ихъ войнѣ. Впрочемъ, все, что угодно, можно было признать контрабандою! Испанскіе и французскіе военные корабли отплачивали тѣмъ же, такъ что всѣ моря подвергались опасности, и торговыя сношенія тормозились.

Нейтральный союзъ и Голландцы.

Кому было помочь этой бѣдѣ? Три европейскія великія державы сами были непосредственно влуптаны въ борьбу; Австрія вслѣдствіе личныхъ интересовъ косвеннымъ образомъ тяготѣла къ Бурбонамъ; прусскій король вслѣдствіе новыхъ замѣшательствъ съ Австріей по поводу спора за баварское наслѣдство находился въ ожидательномъ положеніи. Развѣ когда Россія соединитъ подъ своимъ могучимъ веденіемъ находившіяся влѣ войны европейскія державы въ одинъ союзъ, тогда лишь откроется возможность создать новое морское народное право и заставить уважать принципы: «Нейтральный корабль—нейтральный грузъ». Пруссія была не прочь пристать къ этому плану: Фридрихъ не забылъ еще, какъ въ семилѣтнюю войну Англія позорно покинула его; съ той поры онъ стойко противился всякимъ попыткамъ Георга III. вовлечь его въ новый союзъ. Другимъ же мелкимъ морскимъ государствамъ, на сѣверѣ Даніи и Швеции, на южныхъ полуостровахъ Португаліи и Неаполю, было бы, конечно, пріятно, подъ эгидію великой державы избавиться отъ невзгодъ и тревогъ чуждой имъ войны. Марта 8. (февраля 26. ст. ст.) императрица Екатерина II. и ея министръ Панинъ подписали заявленіе, установившее слѣдую-

8. марта 1780.

щія принципы: «Нейтральные корабли пользуются свободнымъ плаваньемъ отъ одной гавани къ другой и вдоль береговъ воюющихъ державъ. На свободныхъ корабляхъ всякій грузъ свободенъ за исключеніемъ контрабанды. Къ контрабандѣ относятся оружія, боевые снаряды, и ничего болѣе. Никакая гавань не считается въ блокадѣ, пока неприятельскіе корабли не настолько близки и многочисленны, чтобы воспрепятствовать входу или подвергнуть опасности доступъ въ нее». Къ этому великому плану при посредствѣ вооруженнаго союза создать народное право для нейтральныхъ государствъ въ морской войнѣ пристали также Фридрихъ II. и императоръ Іосифъ за Бельгію. Но при существовавшихъ тогда условіяхъ этотъ планъ могъ бы осуществиться на дѣлѣ, если бы къ вооруженному морскому союзу примкнула Голландія, которая, благодаря своему положенію и флоту, только и была бы въ состояніи въ Атлантическомъ океанѣ и Нѣмецкомъ морѣ понудить къ соблюденію законныхъ принциповъ. Судя по преобладавшему тамъ настроенію, нельзя было сомнѣваться, что Генеральные штаты охотно присоединятся къ оборонительному союзу; однако, вслѣдствіе ревности провинцій и городскихъ общинъ за свою автономію и за свое право голоса махинація правленія была такъ неуклюжа, что высокомошные господа въ Гаагѣ лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя могли добиться окончательнаго рѣшенія. А тѣмъ временемъ члены оранско-брауншвейгской партіи успѣли обо всѣхъ дѣлахъ сообщить достовѣрныя свѣдѣнія англійскимъ министрамъ, такъ что послѣдніе могли приготовиться ко всякимъ предстоявшимъ случайностямъ и принять на такой конецъ надлежащія мѣры. Въ противность остальнымъ воюющимъ державамъ, Испаніи, Франціи и Америкѣ, англійское правительство отказалось признать вооруженный нейтралитетъ; въдѣ это было бы признаніемъ, «что британское господство на открытомъ морѣ низвергнуто»; такой манифестъ ничто иное какъ опасное произвольное нововведеніе, нарушающее всякое народное право. Оно готово было даже вооруженною силою воспрепятствовать Голландіи признать этотъ законъ. Курьеръ не успѣлъ еще доставить въ Петербургъ рѣшенное наконецъ согласіе государственныхъ чиновъ въ Гаагѣ, какъ въ Лондонѣ придумали уже предложить, объявить войну голландской республикѣ. Ее упрекали въ томъ, что она не доставила британскому королевству условленной прежними договорами помощи и что городъ Амстердамъ договаривался съ американскимъ посланникомъ касательно дружественнаго и торговаго союза. Проектъ этого союза былъ силою и хитростью перехваченъ Англичанами: они взяли въ плѣнъ переѣзжавшаго въ Европу американскаго уполномоченнаго и подобрали въ морѣ клочки изорваннаго документа, съ тѣмъ чтобы воспользоваться имъ какъ уликою. Генеральные штаты тщетно заявляли, что этотъ союзъ былъ только частною сдѣлкой одного города, за что они и высказали ему свое

4. дек. 1780.

порицаніе; въ Лондонѣ со рвеніемъ ухватились за поводъ къ войнѣ. Вслѣдствіе этого Генеральные штаты выдѣлились изъ ряда нейтральныхъ державъ и не могли уже пристать къ вооруженному оборонительному союзу. Такимъ образомъ все предпріятіе рухнуло. Сама императрица признала нейтральный союзъ — недействительнымъ. Англичане еще прежде, объявленія войны напали на своихъ исконныхъ соперниковъ, суда которыхъ во время распри изъ-за чая много содѣйствовали Американцамъ. Англійскіе крейсера перехватили двѣсти голландскихъ кораблей съ ихъ грузами стоимостью въ пятнадцать милліоновъ гульденовъ.

Эти событія въ самой Англійи возбудили сильныя смуты и вызвали сдѣны, Бурныя народныя выходки въ Англійи. Засѣданія въ парламентѣ были до такой степени бурны, что одинъ изъ членовъ сравнилъ его съ польскимъ сеймомъ, и не разъ члены оппозиціи и правительства вызывали другъ друга на дуэль. Взрывы фанатизма, ворвавшіеся словно привидѣнія прошлыхъ вѣговъ въ эпоху просвѣщенія, также имѣли своимъ источникомъ всеобщее возбужденіе умовъ и ненависть противъ обѣихъ католическихъ державъ, соединившихся съ врагами Англійи на гибель британской націи. Англійскіе католики, ссылаясь на ихъ дольныя отношенія къ королю и государству, подали прошеніе, которымъ домогались отмены отмененныхъ уголовныхъ законовъ противъ напскихъ священниковъ и прихожанъ римско-католической церкви. Основываясь на этомъ адресѣ сэръ Джоржъ Савиль внесъ въ палату депутатовъ предложеніе усгнать нѣкоторыя оскорбительныя для исповѣдующихъ католическую вѣру постановленія, которыя, правда, рѣдко или никогда болѣе не исполнялись, но все еще считались государственными законами. Согласно съ духомъ реформадіи и съ просвѣщенной эпохою не слѣдуетъ ни одну изъ религіозныхъ сеетъ лишать правъ гражданства. Отменю отмененныхъ законовъ, въ силу которыхъ богослуженія римско-католическихъ священниковъ карались какъ государственная измѣна, и имущества папистовъ во всякое время могли отбираться ихъ протестантскими родственниками и наслѣдниками, слѣдовало проложить путь къ полной свободѣ совѣсти, какъ было уже провозглашено въ Соединенныхъ штатахъ. Беръ и вся либеральная оппозиція поддерживали предложеніе. Это подало поводъ шотландскимъ фанатикамъ вповь поднять кличъ противъ папистовъ, вновь распусить знамя пресвитерьянскаго правовѣрія и, какъ въ дни Кромвеля, соорудить пуританскій союзъ и ковенантъ противъ явного и тайнаго папизма по сю и по ту сторону Твида. Взабланный шотландскій дворянинъ, лордъ Джоржъ Гордонъ, младшій сынъ герцога того же имени и членъ нижней палаты, служилъ вождемъ этимъ ревнителямъ; его частью подстрекалъ собственный узкій религіозный фанатизмъ, частью увлекала грубая возбужденная чернь, скрывавшая подъ религіознымъ знаменемъ инья, болѣе подлія побужденія. Въ Единбургѣ и Глазговѣ составились ассоціацин съ цѣлью не допускать новаго закона въ Шотландію; затѣмъ въ печати, съ каедрн, въ собраніяхъ разжигался фанатизмъ толпы. На улицахъ Единбурга католическіе жители подвергались опасности и оскорбленіямъ, нѣсколько часовенъ было разрушено. Это возбужденіе и религіозное волненіе скоро отозвалось также въ Англійи. Гордонъ созвалъ митингъ искреннихъ протестантовъ въ Сентъ Джоржъ Фильдъ близъ Лондона, съ тѣмъ чтобы составить адресъ парламенту. Собралось около шестидесяти тысячъ человекъ; они по предложенію агитатора прицѣпили къ

Лордъ Джоржъ Гордонъ. 1779, 1780.

Май 1779.

2. іюня 1780.

шляхамъ голубя кокарды и ставили свои имена, а не то просто кресты подъ прошепемъ. Вскорѣ число подписавшихся дошло до двадцати тысячъ. Огромная толпа Англичанъ и Шотландцевъ, разбились въ четыре отряда, подъ предводительствомъ Гордона понесли адресъ въ парламентъ. Тутъ не приняли никакихъ предохранительныхъ мѣръ, хотя день передачи и былъ предварительно объявленъ, а происходившія передъ этимъ въ Единбургѣ событія заставляли опасаться насильственныхъ поступковъ. Толпа остановилась на площади и охраняла входы, а Гордонъ между тѣмъ съ адресомъ вошелъ въ залу засѣданія, съ тѣмъ чтобы побудить лордовъ и депутатовъ тотчасъ же обсудить и рѣшить его. Онъ рассчитывалъ, что ожидавшая внизу толпа застрашаетъ собраніе и заставитъ его скорѣе покончить дѣло. Нѣкоторые изъ лордовъ, которыхъ заподозрили въ католическихъ симпатіяхъ, Мансфильдъ, Нортумберландъ, Востонъ, также епископы подверглись уже оскорбленіямъ на улицѣ. Когда открылось засѣданіе, то Гордонъ потребовалъ, чтобы палата тотчасъ же въ формѣ комисіи утвердила адресъ. Большинство отказалось удовлетворить этому предложенію подъ давлениемъ вторгнувшейся въ переднюю залу толпы, восклицавшей: „Долой панство! Отмѣнить его!“— Разгорячившійся депутатъ, который слово умалишенный расходился въ собраніи, воскликнулъ, обратившись къ толпѣ: шотландскому народу нечего надѣяться на другихъ, пока онъ самъ не сокрушитъ панскія капеллы. Это послужило сигналомъ къ выходкамъ, исполнѣ походившимъ на буйства черни во время революціонныхъ пародныхъ возстаній. Бѣшеная толпа тутъ же ринулась къ капелламъ сардинскаго и баварскаго пословъ и подожгла ихъ. Въ слѣдующій затѣмъ день вмѣшательство гвардіи и нѣсколько арестовъ установили спокойствіе; но четвертаго іюня, въ воскресенье, вновь собралась скопища, и въ слѣдующіе затѣмъ дни выросли до такой степени, что Лондонъ въ нѣкоторыхъ кварталахъ походилъ на завоеванный непріателемъ городъ. Въ Мурсфильдѣ и въ другихъ мѣстахъ разрушались капеллы, алтари и орнаменты. Городская полиція не въ состояніи была поддержать порядокъ, а такъ какъ нижняя палата отложила свои засѣданія на нѣсколько дней, то и нельзя было присутіи ни къ какимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Вслѣдствіе этого дерзость и необузданность черни усилилась еще болѣе. Жилища нѣкоторыхъ куницовъ, свидѣтельствовавшихъ противъ возмутителей въ пятницу, были разрушены и разграблены, точно также и домъ Савилля, внесшаго предложеніе объ отмѣнѣ карательныхъ законовъ. Шестаго іюня собралось съ сотню членовъ нижней палаты, не смотря на угрожающую имъ опасность; они рѣшились обсудить адресъ, какъ только прекратится смятеніе. Но разъярившіяся толпы знали не хотѣли ни закона, ни порядка. Въ наступившіе затѣмъ дни надъ всѣмъ Лондономъ господствовала власть черни. Сорокъ тысячъ пуританъ, писалъ Гиббонъ, очевидецъ этихъ событій, вышли словно изъ могилъ, напоминая дни Кромвеля. Честные ревнители протестантской общины удалились, но мѣста ихъ съ избыткомъ восполнялись болѣе дикими скопищами изъ подонковъ народа. Толпа хлынула къ Ньюгетской тюрьмѣ, куда отвели подъ арестъ нѣкоторыхъ изъ соучастниковъ: не смотря на крѣпкія стѣны, зданіе было разрушено орудіями и огнемъ. Триста заключенныхъ, между прочимъ четверо къ смерти приговоренныхъ преступниковъ, избѣжали кары правосудія. Также поступили съ Клеркенвилемъ и другими тюрьмами въ городѣ: вривались внутрь, освобождали заключенныхъ, а жилища зрителей предавали пламени. Домъ лорда верховнаго судьи Мансфильда былъ совершенно разрушенъ, домашній утварь, картины, книги и бумаги были уничтожены; едва лишь успѣли спасти бань отъ нападавшихъ; они подожгли таможию у Блэкфрейерскаго моста и расхитили кассу. Въ одну эту ночь ужасовъ сгорѣло тридцать шесть домовъ.

4. іюня.

6.—7. іюня 1780.

Лондонъ походилъ на взятую приступомъ крѣпость; всѣ лавки были заперты, вселія дѣла прекратились. Правительство не рѣшалось безъ согласія парламента на свой страхъ провозгласить военное положеніе; въ дѣлѣ Вилькиса оно подверглось столькимъ непріятностямъ, что опасалось приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Когда наконецъ самъ король въ тайномъ засѣданіи настоялъ на строгихъ мѣрахъ, то изъ сосѣднихъ графствъ вызвали милицію, около 10,000 человекъ, и городъ былъ поставленъ на военное положеніе. Теперь наконецъ хорошо вооруженные и снабженные пушками ратники стали отрядами обходить по возставшимъ кварталамъ и разгонять нападавшія толпы. Лондонъ исполнѣ походилъ на завоеванный непріателемъ городъ: по улицамъ, на площадяхъ, у мостовъ раздавались выстрѣлы, стукъ оружія, дикіе крики ужаса, слышанные со стонами умирающихъ и раненыхъ, съ мольбою о помощи утопавшихъ въ волнахъ Темзы. Убитыхъ и смертельно раненыхъ насчитывалось до пяти сотъ; но какъ было знать, сколько труповъ лежало подъ развалинами разрушенныхъ и сгорѣвшихъ домовъ, сколько ихъ унесло рѣкою въ море, сколько раненыхъ тайкомъ было убито друзьями и товарищами и умерло въ сараяхъ и по скрытымъ угламъ! Для того чтобы предупредить впредь такіа бѣдствія, образовались общества „для охраны свободы и собственности“. По возстановленіи порядка судьи подвергли карѣ забранныхъ въ тюрьму нарушителей спокойствія. Двадцать одинъ человекъ были казнены; но главный виновникъ, Джоржъ Гордонъ, не проявившій ни мужества, ни здраваго смысла во время смуты, послѣ долгаго заключенія въ Тоуеръ былъ наконецъ признанъ невиновнымъ и освобожденъ. Его обвинили въ государственной измѣнѣ, но въ этомъ преступленіи нельзя было уличить Гордона. Объ его умственномъ состояніи можно судить уже потому, что онъ наконецъ перешелъ въ іудейство и подвергся въ Бирмингамѣ обрѣзанію. Деять лѣтъ спустя послѣ только что описанныхъ лондонскихъ событій онъ кончилъ жизнь въ Ньюгетской тюрьмѣ, куда былъ посаженъ за насквилъ на французскую королеву. Въ парламентѣ не обратили никакого вниманія на поданное нѣкогда съ такимъ шумомъ прошеніе по поводу возраставшаго пализма, а напротивъ, поддержали принципъ религіозной терпимости.

d. Заатлантическая сухопутная и морская война; заговоръ Арнольда и Андрэ.

Въ то самое время, когда противъ Англій со всѣхъ сторонъ воз- Успѣхи Англи- стали враги, а внутри буйныя народныя смуты и революціонныя чанъ на югѣ выходки свидѣтельствовали о всеобщемъ возбужденіи умовъ, остров- 1779—1781. ная держава во всѣхъ частяхъ свѣта проявила необычайную силу и энергію. Болѣе года тому назадъ британскій отрядъ подъ началь- 17. дек. 1778. ствомъ полковника Камибеля проникъ уже въ Георгію и, принявъ подъ свое знамя многочисленныя толпы лоялистовъ, распространился по Южной Каролинѣ. Немногіе ополченцы, которыхъ могъ вывести противъ нихъ Веньяминъ Линкольнъ, поддержанный Пулавскимъ и патриотами Мульти и Ретледжемъ, не въ силахъ были воспрепятствовать нашествію Британцевъ. Въ октябрѣ въ ихъ власть перешла Саванна. Потомъ, опустошая и наводя ужасъ, они двинулись къ Чарльстону. Тутъ къ нимъ присоединился генералъ Генри Клинтонъ съ арміей въ 8500 человекъ и принялъ начальство. Онъ

Окт. 1779.

Рождество. 1779.

передалъ команду надъ оставленнымъ въ Нью-Йоркѣ гарнизономъ Книппгаузену и послѣдшилъ на югъ, съ тѣмъ чтобы отмстить за поражение, нанесенное ему нѣкогда республиканцами въ Чарльстонѣ. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ къ нимъ примкнулъ еще генералъ Корваллисъ съ 3000 воинами, такъ что Клинтонъ командовалъ уже войскомъ въ 13,000 человекъ. Американцы не могли противостоять такимъ превосходнымъ силамъ; Линкольнъ вынужденъ былъ

12. мая 1780.

сдать укрѣпленный городъ Чарльстонъ. Англичане захватили большую добычу и Клинтонъ извѣщалъ министра Джермена, что онъ взялъ въ плѣнъ 5000 человекъ и что жители Южной Каролины спѣшатъ заявить свою покорность королю. Однако система ужаса, при помощи которой онъ надѣялся подчинить окончательно Георгію и Южную Каролину, возбудила сопротивление со стороны доведенныхъ до отчаянья жителей.

Вскорѣ послѣ того Клинтонъ, узнавъ о прибытіи французской армады, вернулся съ частью войскъ въ Нью-Йоркъ, поручивъ генералу Корваллису довершить завоеваніе края. Корваллисъ былъ храбрый, предприимчивый воинъ, но жестокой и насильчивый. Раздраженные безчеловѣчными поступками, какіе совершалъ въ особенности лордъ Раудонъ, помощникъ Корваллиса, патріоты собрались къ знамени полковника Семптера и организовали партизанскую войну, ожидая помощи отъ главной арміи. Вашингтонъ сдѣлалъ все, что могъ: онъ отправилъ храбраго и осторожнаго барона Кальба съ нѣсколькими полками, съ тѣмъ чтобы черезъ Мэрилендъ и Виргинію подойти къ мѣсту военныхъ дѣйствій. За нимъ долженъ былъ слѣдовать генералъ Гринъ и принять главное начальство. Однако конгрессъ разстроилъ этотъ планъ, назначивъ суетнаго высокопоставленнаго Гетса начальникомъ южной арміи, независимымъ отъ главнокомандующаго. Пораженіе при Камдена было послѣдствіемъ этого промаха. Американскіе ратн, большею частью милиціонеры, вовсе непривычные къ военному дѣлу, были разбиты и въ дикомъ бѣгствѣ спасались въ лѣса; орудія и багажъ достались въ руки побѣдителей. Одинъ только Кальбъ поддерживалъ еще битву, но и онъ палъ весь израженный. Признавъ его заслуги, конгрессъ воздвигъ ему впоследствии памятникъ въ Аннаполисѣ. Гетсъ бѣжалъ въ Шарлотъ, преданный презрѣнію и никуда болѣе не назначаемый; туда же нѣсколько дней спустя послѣ него прискакалъ верхомъ Семптеръ, шайка котораго была захвачена въ плѣнъ. Онъ одинъ спасся безъ шляпы и сѣдла. Какъ тогда прославлялось имя Корваллиса; онъ былъ гордостью и надеждою министра Джермена; послѣдній торжествовалъ уже, узнавъ, что его генералъ вернулъ разбѣжавшихся чиновниковъ и лоялистовъ, что онъ съ ихъ совѣта и съ ихъ помощью ввелъ царство ужаса и реакціи; это, по ихъ мнѣнію, лучшее средство подавить мятежъ въ самомъ корнѣ его. Позднею осенью Корваллисъ двинулся къ сѣверу,

Корваллисъ
и баронъ
Кальбъ. Юль
1780.

16. авг. 1780.

Сент. 1780.

съ тѣмъ чтобы проникнуть въ Сѣверную Каролину и Виргинію. Его увѣрили, что при появленіи тамъ войска жители объявятъ себя вѣрнопопданними. Въ южныхъ областяхъ онъ конфисковалъ передъ тѣмъ все имѣнія патріотовъ. Присоединивъ къ себѣ еще отрядъ Лесли изъ Нью-Йорка, онъ подвигался къ Шарлоту и Салисбюри, то и дѣло вступая въ стычки съ туземными ополченцами, которыхъ собрали полковники Вильямъ, Семптеръ и Мэрионъ. Однако послѣ жаркой битвы близъ Конкорда, между только что названными городами, генералъ могъ уже убѣдиться въ томъ, что лестныя надежды, возбужденныя въ немъ лоялистами, не осуществляются. Тутъ со стороны Англичанъ палъ полковникъ Фергюзонъ, а со стороны Американцевъ храбрый и доблестный патріотъ Джемсъ Вильямъ, но потери Британцевъ были значительнѣе нежели у противниковъ. Корваллисъ отказался отъ мысли проникнуть въ Виргинію и вернулся въ Шарлотъ, а оттуда въ Камденъ. Тѣмъ временемъ генералъ Гринъ, которому теперь конгрессъ по совѣту Вашингтона поручилъ начальство надъ южною арміею, занялъ войсками Сѣверную Каролину и присоединилъ къ себѣ ополченіе. Съ наступившимъ новымъ годомъ Гринъ отправилъ полковника Моргана съ частью войска и милиціи, съ тѣмъ чтобы Южную Каролину также присоединить къ Соединеннымъ штатамъ. Штейбенъ оставался въ Виргиніи, а Костюшко велъ передовую отрядъ. Англійскій полковникъ Карльтопъ съ нѣсколькими полками конницы и пѣхоты двинулся противъ Американцевъ. Близъ Спартабургга, между рѣками Инорромъ и Бродриверомъ, на травянистой, окаймленной первобытными сосновыми и дубовыми лѣсами равнинѣ, онъ, не выждавъ прибытія главной арміи, опрометчиво вступилъ въ битву и былъ разбитъ на голову. Триста убитыхъ и раненыхъ остались на мѣстѣ, Американцы захватили 500 плѣнныхъ, офицеровъ и рядовыхъ, и слишкомъ двѣсти лошадей. Находившіяся всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ поля битвы Корваллисъ, предавъ пламени покинутые Карльтономъ запасы, фургоны и багажъ, пошелъ за Американцами форсированными маршами, съ тѣмъ чтобы отмстить за поражение у «коровьихъ загоновъ»; но хорошо знакомому съ мѣстностью Моргану удалось окольными путями, прикрываясь лѣсами и болотами, добраться до главной арміи Грина. Приблизившись при рѣчкѣ Денъ къ соединенному американскому войску, Корваллисъ не отважился съ своими изнуренными отрядами вступить въ бой. Онъ направился по дорогѣ въ Пилсборо, съ тѣмъ чтобы выждать тамъ до весны, пригласивъ манифестомъ лоялистовъ пристать къ королевской арміи и обѣщавъ республиканцамъ въ награду за отпаденіе отъ союза помилованіе.

Окт. 1780.

Ноябрь. 1780.

16. янв. 1781.

14. февр. 1781.

Когда генералъ Гринъ Вашингтономъ и конгрессомъ былъ назначенъ начальникомъ южной арміи, то ему только что пришлось пережить крайне непріятное дѣло—военное слѣдствіе по измѣнническому повину Андре.

Генералъ Арнольдъ и полковникъ Андре.

заговору. Генералъ *Арнольдъ* прежде еще заявилъ себя при сѣверной арміи отличимымъ воиномъ. Когда Англичане удалились изъ Филадельфіи, то конгрессъ поручилъ ему важную, но для такого расточительнаго и вѣчно нуждавшагося въ деньгахъ человѣка какъ онъ опасную должность. Въ качествѣ коменданта города онъ долженъ былъ произвести судебное дознаніе о поведеніи гражданъ во время занятія города Англичанами. Въ этомъ дѣлѣ его уличили въ безчестныхъ поступкахъ и за растрату, взяточничество и вымогательство предали военному суду, который подвергъ его выговору и отрѣшилъ отъ должности. Этотъ хотя и снисходительный приговоръ подстрекнулъ къ мести честолюбиваго мужа, и безъ того считавшаго себя обойденнымъ и не довольно вознагражденнымъ за свои услуги. Онъ тайкомъ сообщилъ главнокомандующему Клинтону въ Нью-Йоркѣ о своемъ желаніи перейти изъ американской службы въ английскую. Послѣдній поддержалъ его въ этомъ намѣреніи, обѣщавъ ему отъ имени министра лорда Джоржа Джермена награды и повышеніе. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ Вашингтонъ, всегда признававшій боевыя способности Арнольда, призвалъ его къ себѣ, съ тѣмъ чтобы воспользоваться его помощью въ предполагаемомъ предпріятіи противъ Нью-Йорка. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ война велась все въ областяхъ къ востоку и югу отъ Гудсона, гдѣ между Вашингтономъ и Книпгаузеномъ происходило нѣсколько стычекъ, не имѣвшихъ впрочемъ никакихъ иныхъ послѣдствій, кромѣ опустошеній и военныхъ бѣдствій. Теперь же, когда французскій флотъ съ армією присталъ къ Родъ-Эйланду и Клинтонъ вновь принялъ главное начальство въ Нью-Йоркѣ, слѣдовало приступить къ болѣе энергическимъ дѣйствіямъ. На такой конецъ Вашингтонъ и занялъ позицію, съ которой онъ могъ поддерживать сношенія съ Французами, обезпечить за собою связь съ сѣверными и средними провинціями и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдать за движеніями непріятели. Средоточіемъ этой позиціи служила крѣпость Вестъ-Поинтъ при Гудзонѣ, который охватывалъ все американскіе форты по нагорной странѣ. Этотъ постъ главнокомандующій поручилъ генералу Арнольду, который самъ просилъ его о томъ. И вотъ послѣдній путемъ тайной переписки условился съ Клинтонемъ, съ тѣмъ чтобы предать эту важную позицію Англичанамъ, за что ему посулили денежное вознагражденіе и генеральскій чинъ. Сношеніе поддерживалось при посредствѣ военного судна «Вельтчюръ» въ верхнемъ теченіи рѣки, а для облегченія предательства злоупотребили парламентарнымъ флагомъ. Маіоръ Андрэ, котораго Клинтонъ назначилъ своимъ генералъ-адъютантомъ, служилъ посредникомъ. Въ осеннюю мѣсячную ночь Андрэ, прикрывъ свой мундиръ широкимъ синимъ плащомъ, въ лодкѣ подъѣхалъ къ мѣсту на правомъ берегу Гудсона, гдѣ Арнольдъ поджидалъ его въ кустахъ. Вашингтонъ какъ разъ въ эту пору отправился въ сопровожденіи Лафайета

20. 21. сент.
1780.

и Гамильтона во французскую главную квартиру, съ тѣмъ чтобы привѣтствовать Рошамбо. Андрэ и Арнольдъ обсуждали, какъ бы предать во власть Клинтонъ фортъ Дефіансъ, считавшійся неприступнымъ и защищаемый 120 пушками. Окончивъ переговоры, маіоръ собрался въ обратный путь; но тѣмъ временемъ «Вельтчюръ», угрожаемый американскими ядрами, снялся съ якоря. Андрэ пришлось поэтому пѣшкомъ вернуться въ Нью-Йоркъ. Замѣнивъ мундиръ партикулярнымъ платьемъ, онъ въ сопровожденіи посвященнаго въ заговоръ человѣка, по имени Смитъ, вышелъ на большую дорогу. Тутъ Смитъ покинулъ его, такъ какъ теперь легко уже было добраться до английскихъ форпостовъ. Но вдругъ Паульдингъ, начальникъ партизанскаго отряда, и съ нимъ двое ратниковъ задержали маіора. У Андрэ, какъ у прямодушнаго воина, не хватило сметки и присутствія духа, чтобы выпутаться изъ критическаго положенія, хотя онъ тутъ же предъявилъ паспортъ отъ Арнольда. Однако, онъ такъ оробѣлъ и смутился, предложивъ притомъ сто гиней, лишь бы его отпустили, что подозрѣніе усилилось. Послѣ обыска въ его чулкахъ нашли три пакета съ бумагами. Ни одинъ изъ ратниковъ не сумѣлъ прочесть ихъ, а потому плѣнника вмѣстѣ съ документами представили въ ближайшій военный постъ. Тутъ оказался планъ крѣпостныхъ верховъ Вестъ-Поинта съ означеніемъ гарнизона, запасовъ, военныхъ снарядовъ и съ запиской о томъ, какъ ихъ захватить и удержать за собою. Андрэ былъ затѣмъ заключенъ въ Ольдъ Салемъ. Арнольда хотѣли извѣстить объ этомъ событіи; но онъ, узнавъ о плѣненіи Андрэ, перебрался на «Вельтчюръ» въ Нью-Йоркъ, чѣмъ самъ и подтвердилъ истину своей измѣны. Нѣсколько часовъ спустя послѣ того вернулся Вашингтонъ. Онъ назначилъ военный судъ подъ пресѣдательствомъ генерала Грина съ соучастіемъ другихъ американскихъ офицеровъ, также Лафайета и Штейбена. Андрэ тщетно ссылался на свое безукоризненное прошлое и на свою безупречную военную службу; тщетно клялся онъ, что единственнымъ побужденіемъ его было служить королю и что онъ по неволѣ попалъ въ обманщики; военный судъ рѣшилъ, что маіоръ Андрэ повиненъ въ шпіонствѣ, и присудилъ его къ смертной казни. Тщетно Клинтонъ пытался спасти жизнь несчастнаго, предлагая въ обмѣнъ за него другихъ плѣнныхъ, угрожая даже въ случаѣ отказа тяжкою отместкою; Вашингтонъ подтвердилъ приговоръ: только тогда, когда выдадутъ самаго Арнольда, Андрэ будетъ освобожденъ. Суровое рѣшеніе суда было исполнено съ неумолимою строгостью. Разгнѣванный полководецъ отказалъ даже въ просьбѣ подвергнуть его разстрѣліанію; Андрэ былъ повѣшенъ. Тѣмъ еще бо-

2. окт. 1780.

вный преступник избѣгъ кары и въ Англіи пользовался нажитыми измѣною плодами, хотя и заклеменный позоромъ и презрѣніемъ. Король призналъ Андрѣ мученикомъ за свое дѣло и велѣлъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ поставить памятникъ въ честь «павшаго жертвою своего рвенія къ королю и отечеству»; его матери и сестрамъ назначилъ онъ пожизненныя ренты, а брату—почетный санъ.

Адмиралъ
Родней.

Имѣя въ виду, при посредствѣ измѣны Арнольда завладѣть крѣпостью Вестъ-Понитъ и заручиться такимъ образомъ господствомъ надъ вѣсѣмъ побережьемъ по Гудсону и Делавару, Клинтонъ рассчитывалъ на содѣйствіе новаго начальника надъ флотомъ, сэра Джоржа Роднея, который только что возвелъ славу и значеніе англійскаго флота въ вестиндскихъ моряхъ. Отличаясь прозорливостью и рѣшительностью, Родней и прежде уже заявилъ себя ловкимъ даровитымъ морякомъ, но обезчестилъ свое имя безпутною жизнью, страстью къ игрѣ и расточительности. Когда возникла французско-англійская война, то онъ проживалъ въ Парижѣ, спасаясь тамъ отъ своихъ кредиторовъ. Однажды, какъ рассказываютъ, онъ обѣдалъ у пожилаго маршала де Бирона и досаждалъ вѣсѣмъ присутствовавшимъ своимъ хвастливыми рѣчами. Если бѣ долги не поупустили его покинуть Лондонъ, то онъ давно бы преодолѣлъ французско-испанскій флотъ. Оскорбленный въ своемъ національномъ чувствѣ Биронъ, какъ повѣщаютъ далѣе, тотчасъ же предложилъ ему взаемъ денегъ для удовлетворенія кредиторовъ, сказавъ: вотъ, оправдайте теперь ваши слова! Родней отправился въ Лондонъ, и такъ какъ тамъ недовольны были явными дѣйствіями на морѣ, то добился команды надъ эскадрой. Съ наступленіемъ новаго года онъ вышелъ въ море и черезъ нѣсколько недѣль вся Англія исполнилась его славою.

8. янв. 1780.

16. янв.

Въ январѣ 8. въ Бискайскомъ заливѣ захватилъ онъ богатый купеческій флотъ. Числа 16. того же мѣсяца на высотѣ мыса Винчен-та онъ встрѣтился съ эскадрой адмирала Донъ Жуана де Лангара; въ жаркой морской битвѣ, длившейся за полночь, Родней одержалъ рѣшительную побѣду: завладѣвъ адмиральскимъ и тремя линейными кораблями, потопивъ еще три другихъ судна, онъ подалъ помощь осажденнымъ въ Гибралтарѣ и портѣ Магонъ Англичанамъ. Затѣмъ Родней направился къ Вестиндіи, съ успѣхомъ велъ тамъ борьбу съ французскою и испанскою эскадрами подъ начальствомъ адмираловъ Кишана и Соламо и одерживалъ даже верхъ то врознь надъ каждою, то надъ обѣими вмѣстѣ. «Твои успѣхи возбуждаютъ всеобщій восторгъ и удивленіе», писала ему жена изъ Лондона. Парламентъ выразилъ ему благодарность націи.

Іюнь 1780.

Въ іюнь французскіе корабли возвратились въ Европу; а испанскіе—Соламо отвелъ въ Гавану; Родней же бросилъ якорь на высотѣ Саидигука, откуда могъ охранять Нью-Йоркъ и господствовать надъ нимъ со стороны моря, вмѣстѣ съ тѣмъ пре-

пятствовать приближенію французскихъ кораблей. Клинтонъ и надѣялся, что этотъ предприимчивый морякъ поможетъ ему отвоевать вновь среднія провинціи. «Вельтчюръ» принадлежалъ къ флоту Роднея. Если бѣ измѣна Арнольда удалась, то вновь утвердилось бы англійское господство изъ Нью-Йорка надъ областью Гудсона и Делаваара и даже далѣе къ югу. Тѣмъ болѣе что Вашингтоново войско терпѣло крайнюю нужду, вслѣдствіе чего въ немъ нарушалась дисциплина и обнаруживались уже мятежи. Однако, гордымъ надеждамъ Англичанъ суждено было скоро разсѣяться. Какъ разъ передъ открытіемъ злокозненныхъ покушеній Арнольда Американцы захватили четырнадцать судовъ изъ назначеннаго въ Канаду англійскаго флота; почти въ то же время направившіяся частью въ Вестиндію, частью въ Остиндію въ сопровожденіи только двухъ военныхъ кораблей купеческія суда были атакованы на высотѣ Азоровъ большою испанскою эскадрою и за исключеніемъ немногихъ захвачены. Шестьдесятъ судовъ, нагруженныхъ драгоценными товарами и военными снарядами были отведены въ Кадиксъ.

Эти потери вознаграждались успѣхамъ, какіе Родней одержалъ надъ Голландцами и огромною добычею на островѣ с. Евстатія. Мы знаемъ, по какому поводу Англія объявила войну Голландіи. Вѣсть объ этомъ не успѣла еще дойти до Антильскихъ острововъ, какъ Родней появился уже съ британско-вестиндскимъ флотомъ передъ островомъ св. Евстатія и потребовалъ сдачи его. Отказать не было никакой возможности. Богатство острова, бывшаго вольною гаванью вѣсѣхъ націй, изумило Англичанъ даже свыше всякихъ ожиданій. «Все это было однимъ сплошнымъ складомъ французскихъ, американскихъ, голландскихъ, также и англійскихъ товаровъ». Англійскіе купцы воспользовались нейтральнымъ положеніемъ острова, съ тѣмъ чтобы вѣрнѣй сохранить свои товары. По отчету самаго Роднея вѣсѣ магазины и амбары были переполнены, мало того, даже набережная была покрыта табакомъ и сахаромъ. Все вмѣстѣ оцѣнивалось въ три милліона фунт. ст. слишкомъ. Сверхъ того въ заливѣ настигли и вернули назадъ болѣе полутора ста купеческихъ кораблей, одинъ фрегатъ, пять небольшихъ военныхъ и тридцать разныхъ богато нагруженныхъ судовъ, вышедшихъ днѣ за два передъ тѣмъ. А для того чтобы заманить еще другія въ западную, водрузили въ портѣ голландское знамя и захватили еще семнадцать кораблей. Это разбойничье нападеніе на островъ св. Евстатія сильно порицалось даже въ англійскомъ парламентѣ. Краснорѣчивый Беркъ металъ рѣзкими словами противъ «современнаго Барбароссы».

Голландцы потеряли поражение также въ Южной Америкѣ, у мыса Доброй Надежды и въ остиндскихъ островныхъ и прибрежныхъ областяхъ. Одинъ только боевой подвигъ напомнилъ еще о временахъ Тромпа и Рюгтера,—морской бой при *Доперсбанкѣ*: адмиралъ Зоутманъ

5. авг. 1781.

и храбрый капитанъ Кинсбергенъ, служившій прежде въ русскомъ флотѣ, стойко сопротивлялись адмиралу Гейдъ Паркеру, сопровождавшему большой купеческій флотъ. Битва, правда, оказалась нерѣшительною, но она все-таки заняла почетное мѣсто въ лѣтописяхъ республики. Медаль и множество патріотическихъ стихотвореній свидѣтельствовали о духовномъ подъемѣ въ Голландіи вслѣдствіе того, что послѣ столькихъ ударовъ и пораженій совершился хоть *одинъ* энергическій подвигъ. Борьба противъ Англій имѣла послѣдствіемъ, что Соединенные голландскіе штаты все болѣе и болѣе сближались съ американскою конфедераціею. Въ наступившій затѣмъ годъ регенты въ Гаагѣ признали независимость заатлантическаго Союза штатовъ, приняли у себя Джона Адамса въ качествѣ посланника отъ конгресса и заключили съ нимъ торговый договоръ.

е. Катастрофа въ Юрктоунѣ и перемѣна министерства въ Англии.

Затруднительное положение Соединенныхъ штатовъ. Такъ колебалось военное счастье, и положеніе Американцевъ не могло еще считаться благонадежнымъ. Главное зло заключалось въ безсиліи конгресса. Не смотря на всѣ старанія представителей тринадцати штатовъ въ Филадельфіи, создать сосредоточенную власть съ сильнымъ авторитетомъ, партикуляризмъ отдѣльныхъ штатовъ противился всякой правительственной централизаціи. Соединенные штаты составляли—не одно цѣльное государство, а союзъ самодержавныхъ колоній, которыя не признавали никакихъ предписаній отъ конгресса. Онъ могъ только предлагать и совѣтовать, но не приказывать. Все зависѣло отъ согласія и доброй воли законодательныхъ корпусовъ. Не удивительно, что при такихъ условіяхъ не было возможности добиться необходимыхъ на военные издержки денегъ, что по истеченіи служебнаго срока солдаты разбѣгались цѣлыми полками, а оставшіеся на службѣ отряды находились въ бѣдственномъ состояніи. Лафайетъ писалъ своей женѣ: «Ни одна европейская армія не вынесла бы и десятой доли тѣхъ невзгодъ, какія приходится терпѣть американскимъ солдатамъ. Только такіе закаленные граждане какъ Американцы въ состояніи перенести въ такой мѣрѣ голодъ, трудъ, недостатокъ амуниціи и обойтись безъ всякаго жалованья». А Вашингтонъ сообщаетъ конгрессу: «У насъ нѣтъ ни денегъ, ни подвоза, ни снарядовъ, ни одежды, и скоро не будетъ даже солдатъ». Въ этомъ отчаянномъ положеніи военачальники и правительство были предоставлены иноземной помощи, и какъ ни постыдно было такому богатому и обширному краю просить у другихъ подаенія, однако они опять особымъ посольствомъ обратились къ Франціи; и это королевство, которое само находилось на краю гибели и запуталось въ очень дорогую войну, вновь выдало взаменъ десять, а въ даръ шесть милліоновъ ливровъ, лишь бы американ-

ская армія способна была опять выступить въ походъ. Въстѣ съ тѣмъ адмиралу де Грассу, командовавшему флотомъ въ Вестиндіи, предписывалось во всемъ слѣдовать совѣтамъ Вашингтона и Рошамбо. Такимъ образомъ американскіе полководцы оказались въ состояніи привести въ исполненіе стратегическій планъ, который существенно измѣнилъ положеніе дѣлъ и рѣшительно повліялъ на исходъ всей войны.

Генераль Кориваллисъ, какъ уже извѣстно, съ наступленіемъ года, вступая то и дѣло въ стычки съ континентальною арміею Грина и съ южными милиціями, проникъ въ Сѣверную Каролину и остановился въ Гильсборо. Полководцы и войска были почти равносильны: Американцы пользовались лучшимъ знаніемъ мѣстности и природы края, Англичане были за то опытнѣе и лучше обучены. Въ теченіе всего марта провоевали съ перемѣннымъ успѣхомъ. Послѣ жаркаго боя при Гильдфордѣ-Куртгоузѣ Кориваллисъ отказался отъ предполагаемаго похода въ Виргинію и повелъ свое войско въ Вильмингтонъ, единственный городъ, оставшійся за Англичанами въ Сѣверной Каролинѣ. Однако, въ наступившій затѣмъ мѣсяцъ предпринчившій вождь выступилъ вновь, съ тѣмъ чтобы выполнить задуманный планъ противъ Виргиніи. Онъ намѣревался черезъ Галифаксъ и Петербургъ проникнуть въ береговой край у Чисепиксой бухты, съ тѣмъ при посредствѣ британскаго флота вступить въ сношеніе съ главною арміею въ Нью-Йоркѣ. Подчиненные ему начальники Раудонъ и Кампбель должны были остаться на мѣстѣ съ нѣсколькими полками, большею частью Ирландцами, съ тѣмъ чтобы, опираясь на Камденъ, Нейнти Сиксъ и Чарльстонъ, удержать за собою Южную Каролину. Этотъ планъ оказался пагубнымъ для Англичанъ. Гринъ тотчасъ же двинулся къ югу; послѣ нѣсколькихъ удачныхъ битвъ съ ненавистнымъ за его жестокость полковникомъ Раудономъ онъ принудилъ сдать укрѣпленные мѣста и отбѣснулъ непріятели къ Чарльстону. Здѣсь англійскій начальникъ велѣлъ повѣсить взятаго въ плѣнъ богатаго плантатора Исаака Гайне.

Еще хуже была участь арміи, которую Кориваллисъ въ лѣтніе дни повелъ на сѣверъ до Джемсъ-ривера. Хотя въ этой кампаніи британскій вождь и доказалъ свои боевыя способности, однако, онъ повредилъ своему предпріятію опустошительною войною, какую велъ и которая подстрекала Виргинцевъ къ мести, а также разнотласіемъ съ главнокомандующимъ Клиптономъ, мѣсто котораго ему хотѣлось занять. Вашингтонъ отправилъ въ Виргинію Лафайета и Штейбена съ небольшимъ отрядомъ, съ тѣмъ чтобы въ окрестностяхъ Ричмонда задержать непріятели; самъ же онъ, соединившись съ Рошамбо, занялъ съ главною арміею высоты окрестъ Нью-Йорка, а адмираль Грассъ съ французскимъ флотомъ находился въ водахъ Лонг-Эйлан-

Кампанія въ Южной Каролинѣ.

Мартъ 1781.

Іюнь и июль 1781.

Кориваллисъ противъ Виргиніи.

да; вслѣдствіе этого генералу Клинтону угрожалo совмѣстное нападеніе съ суши и съ моря; потому-то онъ и обратилъ все свое вниманіе на Нью-Йоркъ, на этотъ главный лагерь англійскихъ боевыхъ силъ. Корнваллисъ двинулся противъ Лафайета въ полной увѣренности одолѣть и захватить въ плѣнъ его небольшой отрядъ. Однако молодой доблестный вождь, собравъ въ Балтиморѣ необходимыя для заготовки военныхъ припасовъ деньги и присоединивъ къ себѣ изъ Мэриленда и Виргиніи добровольцевъ, съ успѣхомъ отразилъ врага при «Сирингсъ-Фермъ» выше Джемстоуна.

6. июля 1781.

Капитуляція
Йорктоуна.

Корнваллисъ настаивалъ-таки на своемъ планѣ покорить Виргинію; онъ зналъ, что король и лордъ Джерменъ сочувствовали этому, какъ самому вѣрному средству потушить мятежь. Онъ занялъ главную квартиру въ Йорктоунѣ, на полуостровѣ выше широкаго устья Джемсъ-ривера. А Лафайетъ межъ тѣмъ увѣдомилъ уже Вашингтона о положеніи дѣлъ и звалъ его на помощь. Послѣдній не медля снялся съ лагеря при Гудсонѣ и двинулся съ американско-французскимъ войскомъ къ югу. Клинтонъ же съ такою увѣренностью ожидалъ нападенія на Нью-Йоркъ, что и не подозрѣвалъ выступленія непріятели. Въ то же время де Грассъ вошелъ съ флотомъ въ Чисенинскую бухту и высадилъ три тысячи солдатъ подъ начальствомъ маркиза Сентъ Симона. Англійскіе флотскіе начальники, Гревсъ и Гудъ, поступившіе на мѣсто Роднея, частью по неразумію, а частью и по разногласію промедляли до того, что не могли уже воспрепятствовать французскимъ судамъ войти въ бухту. Нѣсколько дней спустя послѣ того Вашингтонъ, Лафайетъ, Рошамбо и де Грассъ собрались въ Вильгельмбургъ и уговорились на счетъ общаго плана военныхъ дѣйствій. Англійскій генералъ сознавалъ всю опасность своего положенія; онъ поэтому и обратился къ Клинтону за подтвержденіемъ; послѣдній увѣрилъ его въ томъ, что къ концу октября придутъ свѣжія войска. Но этотъ срокъ еще не насталъ, какъ участь арміи Корнваллиса была уже рѣшена. Не смотря на мужество, съ какимъ вождь и солдаты сопротивлялись америкапо-французскому войску, но крѣпостные верки были не достаточно тверды, такъ что не могли устоять противъ безпрестанныхъ натисковъ и приступовъ. Французы съ неодолимою отвагою взбирались на брустверы, переходили рвы и палисады, брали приступомъ редуты. Чарльсъ Ламетъ былъ при этомъ двумя мушкетными пулями раненъ въ колѣно. Убѣдившись въ невозможности ни удержаться на мѣстѣ, ни спастись внутрь края, Корнваллисъ предложилъ сдаться. Затѣмъ полковникъ Лоренсъ и виконтъ де Ноэль съ одной, — а двое высшихъ англійскихъ офицера съ другой стороны подписали капитуляцію Йорктоуна, въ силу которой Корнваллисъ со всею своею арміею, 7247 человекъ, отдался въ плѣнъ и выдалъ все военныя запасы, орудія и оружія. Такъ-то Англія

18. окт. 1781.

лишилась цвѣта своей арміи и одного изъ лучшихъ своихъ полководцевъ. Въ Филадельфіи совершили благодарственное молебствіе и городъ былъ иллюминированъ. Когда джокъ де Лозюнь въ Версалѣ передалъ вѣсть о томъ, что въ Йорктоунѣ «побѣда обвила двойнымъ вѣнкомъ знамена Франціи и Америки», то Морепа лежалъ при смерти; но онъ успѣлъ еще услышать радостную вѣсть. Король и нація были въ восторгѣ, и все прославляли Вашингтона, Лафайета и ихъ храбрыхъ сподвижниковъ.

19. ноября
1781.

Совсѣмъ инныя чувства возбудило извѣстіе объ йорктоунской катастрофѣ въ Англіи. Двадцатидвухлѣтній Вильямъ Питчъ уже называлъ американскую войну безбожною, варварскою и неестественною, «которая зачата въ несправедливости, порождена и вскормлена въ безразсудствѣ, слѣды которой отмѣчены убійствомъ и разрушеніемъ»; а Фоксъ неуклонно предвѣщалъ, что Америка безповоротно утрачена для англійской державы. Теперь же во всѣхъ слояхъ населенія пронесся кличъ, что слѣдуетъ прекратить всякія дальнѣйшія попытки, подчинить возставшія колоніи, и положить конецъ несчастной и неестественной войнѣ. Тѣмъ еще болѣе, что въ то же время прибыли печальныя извѣстія изъ Вестиндіи. Маркизь де Булье, намѣстникъ на о. Мартиникѣ, предприимчивый доблестный воинъ, тайкомъ высадившись на островъ св. Эвстація, плѣнилъ оставленный тамъ Роднейемъ гарнизонъ съ его комендантомъ Кокбёрномъ и вновь отвоевалъ для Голландіи островъ вмѣстѣ съ находившимися еще въ свободной гавани товарами; своимъ великодушіемъ и благороднымъ безкорыстіемъ онъ тѣмъ еще ярче освѣтилъ хищничество англійскаго начальника флота. Лордъ Джерменъ сложилъ съ себя должность и подъ именемъ виконта Саквила вступилъ въ верхнюю палату; но тутъ онъ подвергся позору, такъ какъ нѣкоторые изъ пэровъ заявили протестъ противъ его вступленія. Эти вѣсти одного только короля не могли понудить перемѣнить свои мысли. Однако съ наступившимъ годомъ со всѣхъ сторонъ стали напирать такъ сильно, что даже Георгъ III. поневолѣ смягчился и внялъ всеобщему голосу націи. Не мало труда стоило побудить къ уступчивости этого своеправнаго государя. Нортъ все еще былъ министромъ по его нраву; о перемѣнѣ же военныхъ операцій противъ невѣрныхъ колоній онъ и слышать не хотѣлъ; только лорда Клинтона отозвали изъ Нью-Йорка, а главное начальство поручили сэру Гей Карльтоу съ наказомъ, держаться пока въ оборонительномъ положеніи. Однако оппозиція въ парламентѣ все болѣе усиливалась, такъ что оказалось необходимымъ измѣнить господствовавшую доселѣ систему. Все вѣсти, доходившія изъ-за Атлантическаго океана, — взятіе острова Христофа маркизомъ Булье, завоеваніе Пензаколы Испанцами — служили новымъ оружіемъ для противной партіи. Въ нижней палатѣ принято было предложеніе объ адресѣ къ королю 4. марта 1782.

Перемѣна министертва въ
Англіи.

съ просьбою, чтобы онъ заключилъ съ Америкою миръ или перемирие. Фоксъ, къ которому на этотъ разъ присоединился новый знаменитый ораторъ, драматическій писатель *Ричардъ Бринсли Шериданъ*, въ бурномъ засѣданіи назвалъ даже министровъ людьми «лишенными правды и чести»; затѣмъ самое предложеніе выразить, что министерство лишилось довѣрія націи, едва отвергнуто было въ парламентѣ большинствомъ одного только голоса. Послѣ всего этого лордъ Нортъ счелъ невозможнымъ оставаться долѣе въ своей высокой должности. Уже назначенъ былъ день, съ тѣмъ чтобы снова предложить заявленіе о недовѣрїи, какъ къ удивленію собравшихся членовъ лордъ Нортъ наканунѣ еще объявилъ, что приступить къ этому дѣлу нѣтъ надобности, такъ какъ онъ подалъ уже прошеніе объ отставкѣ. Итакъ, насталъ министерскій кризисъ: послѣ долгихъ переговоровъ между королемъ и вождями либеральной партіи рѣшено было наконецъ, чтобы новые совѣтники короля были выбраны изъ оппозиціи. Помимо лорда Рокингама, предсѣдателя въ кабинетѣ, въ министерство вступили Фоксъ въ качествѣ статсъ-секретаря, Кавендишъ, Ричмондъ, Шельбёрнъ, Кемденъ и др., такъ что у партіи тори оказался въ правительствѣ одинъ только представитель, канцлеръ лордъ Тюрловъ. Бёркъ, не принадлежавшій къ значнымъ фамиліямъ виговъ, получилъ лишь мѣсто военного казначея, а Шериданъ былъ Фоксомъ назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря. Главнымъ условіемъ своего вступленія Рокингамъ поставилъ требованье, чтобы король своимъ абсолютнымъ вето не воспрепятствовалъ независимости Америки. Шельбёрнъ, которому теперь поручены были американскія дѣла, былъ стариннымъ другомъ Франклина. Благодаря этому между ними и завязалась дружеская переписка, послужившая въ пользу мирныхъ переговоровъ. Министръ отправилъ прожившаго нѣсколько лѣтъ въ Америкѣ Шотландца, Ричарда Освальда, въ качествѣ тайнаго агента въ Парижъ и отрекомендовалъ его своему старому другу.

f. Продолженіе войны. Осада Гибралгара.

Французско-англійская война. Битва при Доминикѣ.

«Между обѣими отраслями англійской націи» подготовлялся и уравнивался уже путь къ умиротворенію, тогда какъ бурбонскія державы находились еще въ самомъ разгарѣ войны противъ Великобританіи. Въ то самое время, какъ Освальдъ былъ посланъ въ Парижъ, французскій флотъ адмирала де Грасса собирался отнять у Англичанъ островъ Ямайку; но въ великой морской битвѣ при Доминикѣ онъ потерпѣлъ полное пораженіе отъ адмирала Роднея, вновь получившаго главное начальство въ вестиндскихъ моряхъ. Это было двойное сраженіе. Послѣ перваго дня де Грассъ могъ бы остушить безъ значительныхъ потерь; но по возобновленіи боя англійскій начальникъ,

прорвавъ центръ неприятельской линіи и разбивъ ее на двѣ половины, успѣлъ одержать блистательную побѣду. Прекрасный и большій линейный корабль, «городъ Парижъ», а вмѣстѣ съ нимъ пять другихъ большихъ военныхъ судовъ были взяты, два остальныхъ потонули во время боя. Де Грассъ геройски защищался; по словамъ самого Роднея его адмиральскій корабль выступалъ передъ всею армadoю подобно гомерическому герою передъ строемъ простыхъ воиновъ; адмиралъ сдалъ его лишь тогда, когда вся палуба была покрыта мертвыми и ранеными и только два человѣка стояли еще на «лишенномъ движенія островѣ». Плынныхъ насчитывалось до пяти тысячъ, такъ какъ на французскихъ корабляхъ было много сухопутнаго войска; добыча амуниціи, орудій, денегъ и запасовъ всякаго рода была чрезвычайная.—Такимъ блистательнымъ успѣхомъ началось правленіе виговъ. Однако, дальнѣйшій ходъ дѣлъ не отвѣчалъ этому почину; счастье не благоприятствовало также и новому министерству. Захваченныя суда вскорѣ всѣ погибли, а въ гавани Портсмута непонятнымъ образомъ потонулъ линейный корабль въ сто восемь пушекъ, «Рояль Джоржъ», причемъ лишилось жизни около тысячи человѣкъ.

12. апрѣль 1782.

Какъ бы обѣ державы не нуждались въ мирѣ, однако при такихъ натянутыхъ отношеніяхъ нечего было и думать объ этомъ. Необходимо было привести сперва дѣла въ болѣе ясное и рѣшительное положеніе. Это въ высшей еще мѣрѣ относилось къ Испаніи. Флорида Бланка не могъ примириться съ мыслью, чтобы независимость Соединенныхъ штатовъ была единственнымъ результатомъ народной войны, ради которой Испанія и Франція принесли столько жертвъ. Съ политическою прозорливостью сознавалъ онъ вліяніе, какое это событіе окажетъ на весь колониальный и коммерческій строй, постигая, что югъ и вестиндскіе острова скоро также послѣдуютъ примѣру сѣвернаго материка. У министра было неспокойно на душѣ, и онъ хотѣлъ признать независимость только тогда, когда Испанія за всѣ свои усилія получить надлежащее вознагражденіе. Таковымъ онъ считалъ воссоединеніе съ пирнейскою державою Гибралгара, Минорки и Флориды.

Англія и Испанія.

Въ войну за испанское наслѣдство, какъ извѣстно, Англія завла- Осадная война передъ портомъ Магономъ, и по Утрехтскому миру удержала ихъ за собою (XII, 583, 598). Магономъ и Гибралгаромъ. Оба они были крайне важны для Англіи какъ главные складочныя мѣста для контрабандной торговли и какъ укрѣпленія въ сухопутную и морскую войну. А потому-то Испанцы и добивались съ такимъ рвеніемъ своей цѣли, присоединить къ государству эти оторванные отъ него члены. Не даромъ король Карлъ III., вступивъ въ союзъ съ Франціей, постановилъ условіемъ требованье, чтобы послѣдняя не заключала мира съ Англіею иначе, какъ на основаніи

возврата Испаніи тѣхъ господствующихъ надъ моремъ крѣпостей. Оттого-то и напрягались всѣ силы для достиженія этой цѣли. Въ теченіе двухъ лѣтъ уже Гибралтаръ облагался съ суши и съ моря. Небольшой изъ Ганноверцевъ состоявшій гарнизонъ едва ли смогъ бы противостоятъ долго, если бѣ адмиралу Роднею не удалось, послѣ побѣды при мысѣ Винцента снабдить крѣпость на болѣе продолжительную осаду свѣжими отрядами, съѣстными припасами и боевыми снарядами. А сверхъ того генералъ Эллиотъ оказался искуснымъ и осмотрительнымъ, храбрымъ и стойкимъ защитникомъ города.

Осада Минор-ли.

Легко было предвидѣть, что крѣпостью удастся овладѣть развѣ послѣ долговременнаго обложенія; а потому герцогъ Крильонъ, образованный во Франціи воинъ, поступивъ на испанскую службу, прежде всего направилъ свое нападеніе на менѣе крѣпкій портъ Магонъ. Онъ отдѣлилъ отъ осаднаго войска передъ Гибралтаромъ восемь тысячъ человекъ и отправился съ ними къ Миноркѣ. Съ помощью сочувствовавшего Испанцамъ населенія герцогъ скоро завладѣлъ всѣмъ островомъ за исключеніемъ главнаго города и форта Фелипе. Здѣсь, однако, Крильонъ встрѣтилъ самый рьяный отпоръ. Не смотря на то, что небольшой англо-ганноверскій гарнизонъ за недостаткомъ свѣжихъ съѣстныхъ припасовъ страдалъ скорбутомъ, при всемъ томъ подѣ начальствомъ доблестнаго Муррея онъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ съ величайшею храбростью и съ твердою стойкостью защищалъ и городъ и фортъ противъ Испанцевъ и вызванныхъ ими на помощь французскихъ войскъ въ такомъ же количествѣ. Наконецъ городъ и островъ сдались черезъ-чуръ сильному неприятелю, съ условіемъ свободнаго выступленія со всѣми воинскими пожитками. Тутъ осаждавшіе сами дивились тому, что гарнизонъ, состоявшій едва ли изъ тысячи больныхъ и изнуренныхъ человекъ, смогъ оказать такое сопротивленіе. Итакъ, островъ Минорка, который восемьдесятъ лѣтъ пробылъ во власти Англичанъ и въ началѣ семилѣтней войны не надолго лишь находился въ рукахъ Французовъ, вновь подчинился испанскому владычеству.

Осада Гибралтара. 1. Первый періодъ. 1779—1781.

Соединенными усиліями бурбонскихъ державъ островъ Минорка былъ отнятъ у Англичанъ. Отчего бы имъ не овладѣть также и Гибралтаромъ? Король Карлъ III. настаивалъ на этомъ всѣми своими помыслами. Честь бурбонскихъ державъ, какъ казалось, была связана съ воссоединеніемъ этой скалистой твердыни съ испанскимъ королевствомъ. Однако, и Англія также считала дѣломъ чести удерживать за собою знаменитую морскую крѣпость, которую нѣкогда такъ легко захватили распахомъ и потомъ отстаивали во всѣхъ мирныхъ трактатахъ. А потому натискъ и отпоръ ведены были съ такою энергіею, что осада Гибралтара принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ событіямъ, какія совершались въ столь обильный боевыми подвигами восемнадцатый вѣкъ, и на эти происшествія обратились

взоры и вниманіе всей Европы. Начиная съ 1779 г. уже Испанцы лагеремъ въ Санъ-Роке тѣсно обложили городъ съ суши, а эскадрою пытались воспрепятствовать всякому подвозу съ моря. Однако, они не могли достигъ своей цѣли. Не смотря на всѣ ихъ труды и издержки, потраченные на сооруженіе батарей, на заложеніе траншей, опытному, знающему генералу Эллиоту, рѣшительному и предприимчивому, дѣятельному и осторожному, лично руководившему всѣмъ, вмѣстѣ съ его храбрымъ, большею частью изъ Ганноверцевъ состоявшимъ гарнизономъ, всякій разъ удавалось разрушить фортификаціонныя работы неприятеля. Моремъ успѣхъ оказался еще скуднѣе. Попытка сжечь брандерами оба англійскіе корабля, которыя защищали гавань, не удалась; а испанскій флотъ не былъ въ состояніи поддержать болѣе тѣсную блокаду, такъ что адмиралу Роднею удалось, какъ мы видѣли, снабдить крѣпость подкрѣпленіемъ, боевыми снарядами и съѣстными припасами. Съ этой поры какъ самый гарнизонъ, такъ и средства защиты много усилились. Самъ адмиралъ Донъ Жуанъ де Лагара находился плѣнникомъ въ крѣпости. По временамъ наступала, правда, крайняя нужда въ съѣстныхъ припасахъ и въ одеждѣ; въ такихъ случаяхъ выручали маврскія шляпки, тайкомъ пробиравшіяся въ портъ. Въ теченіе лѣта Испанцы до того расширили и вооружили апроши, что навѣрное ожидали паденія крѣпости. Однако бдительному коменданту удалось-таки въ ночной вылазкѣ, при посредствѣ своей превосходно обставленной и искусно направленной артиллеріи, совершенно разрушить осадныя работы и въ одинъ часъ уничтожить труды нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Англичане благополучно вернулись въ свою крѣпость, заклепавъ пушки и заложивъ пороховыя дорожки, при посредствѣ которыхъ взорвали на воздухъ верки и магазины, чѣмъ и довершили опустошеніе. Испанцы смѣтились до такой степени, что лишь нѣсколько недѣль спустя принялись возстановлять все еще дымившіяся развалины.

Янв. 1780.

27. ноябрь. 1781.

Покоривъ Минорку, Крильонъ со всѣмъ испанско-французскимъ флотомъ двинулся къ проливу, съ тѣмъ чтобы въ качествѣ главнокомандующаго всѣхъ боевыхъ силъ завладѣть также и Гибралтаромъ. Съ этой поры осадная борьба, по замѣчанію одного изъ новѣйшихъ историковъ, съ виду напоминала собою о походѣ Ксеркса противъ Грековъ и о постройкѣ моста черезъ Геллеспонтъ. Когда Крильонъ принялъ главное начальство, то передъ скалистыми берегами собралось Французовъ и Испанцевъ до 33,000 человекъ, съ 170 осадными орудіями. Войска и военачальники исполнены были чувства только-что одержанной побѣды и надѣялись уже добыть еще новые лавры. Однако, осажденные также были полны самоувѣренности. Благодаря подвозамъ и подкрѣпленіямъ, крѣпость приведена была въ лучшее оборонительное состояніе. На валахъ стояло восемьде-

Сент. 1782.

сять большихъ пушекъ, а въ войскѣ, со включеніемъ морской бригады, насчитывалось болѣе 7,000 воиновъ; все это были испытанные трудами и лишениями ветераны, которые за-одно съ вождемъ рѣшились удержать твердыню для старой Англій и короля. Былъ проектированъ новый планъ нападенія, причемъ въ особенности разсчитывали на дѣйствіе изобрѣтенныхъ французскимъ военнымъ инженеромъ д'Арсонемъ «пловучихъ батарей». По плану д'Арсона, предполагалось нѣсколько кораблей, лишенныхъ мачтъ и покрытыхъ слоями пробкового дерева и сыраго песка, снабженныхъ наклонною эластичною крышею изъ гладкихъ шкуръ, подвешенъ къ крѣпости, въ надеждѣ, что непріятельскія ядра будутъ отскакивать отъ крыши изъ шкуръ.

Пловучія батареи.

Опишемъ словами лорда Магона атаку при посредствѣ пловучихъ батарей, на которыя Крильонъ возложилъ все свои надежды. Эти батареи, которыя д'Арсонъ, знаменитый французскій инженеръ, строилъ въ сосѣдней гавани Альгесирасъ, были, какъ предполагалось, непроницаемы и негоряемы. На поверхности совершенно твердыя, онѣ съ боковъ охранялись большими балками толщиной отъ шести до семи футовъ, которыя были свлзаны бревнами и покрыты сырыми шкурами. На суда имѣлось въ виду поставить осадныя орудія, затѣмъ на половинномъ разстояніи пушечнаго выстрѣла утвердить ихъ передъ валомъ желѣзными цѣпями на якорѣ. Надѣялись, что они заставятъ Англичанъ прекратить пальбу, и тогда при посредствѣ подвижныхъ щитовъ удастся высадить на берегъ французскіе войска; ихъ атака въ связи съ дѣйствіемъ артиллеріи съ суши и подъ защитою военнаго флота неминуемо поведетъ къ взятію крѣпости приступомъ.—Гавань Альгесираса въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ оглашалась шумомъ громаднхъ работъ. Десять большихъ кораблей были переилены настолько, чтобы служить основой для пловучихъ батарей. На постройку пошло 200,000 кубическихъ футовъ дѣсу; на суда было поставлено 142 орудія. Не смотря на эти страшныя приготовления, которыя изо дня въ день сваряжались тутъ на виду, губернаторъ не падалъ духомъ. Онъ съ неослабною энергіею принималъ свои оборонительныя мѣры и въ особенности разсчитывалъ на систему раскаленныхъ ядеръ, которыя изобрѣлъ и прлсовѣтывалъ вице-губернаторъ Бойдъ. Для того чтобы въ достаточномъ количествѣ заготовлять эти ядра, всемъ англійскимъ отрядамъ назначили по нѣсколько печей и колосниковъ. Солдаты до того освоились съ этимъ новымъ средствомъ разрушенія, что прозвали его „поджареннымъ картофелемъ“. Въ началѣ сентября приготовления Испанцевъ и Французовъ были почти окончены, а на второй недѣлѣ соединенный флотъ ихъ, только что угрозавшій англійскому Каналу, вошелъ въ бухту Альгесираса. Намѣревались тотчасъ же начать приступъ, чтобы предупредить прибытіе лорда Гоу. Утромъ тринадцатаго сентября раздался сигналъ. Все береговыя батареи продолжали страшную пальбу, открытую ими уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ, а десять пловучихъ батарей изъ Альгесираса въ изумительномъ порядкѣ направились къ предназначеннымъ имъ мѣстамъ. Въ десятомъ часу онѣ въ равныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ бросили якоря въ шести стахъ локтяхъ отъ англійскихъ верковъ. Тутъ съ обѣихъ сторонъ изъ множества орудій открылась такая сильная и непрерывная пальба, какой не слыхивали со временъ открытія пороха. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ натискъ и отпоръ настойчиво продолжались, ни та, ни другая сто-

рона не уступала. Англійскія пушки не смолкали, но не могли также одолѣть съ другой стороны громадныя и накрѣпко сколоченныя морскія башни. Самыя крупныя ядра отскакивали отъ поверхности послѣднихъ и даже до красна раскаленные—по видимому не причиняли ихъ бокамъ никакого вреда; если иногда и вспыхивали искры, то ихъ тотчасъ же тушили находившимися на палубѣ пожарными трубами. Послѣ полудни, наконецъ, пальба съ нихъ стала замѣтно утихать; нѣсколько раскаленныхъ ядеръ пробили крышу изъ шкуръ, и ихъ не успѣли потушить. Около полуночи самая сильная изъ пловучихъ батарей, „Рѣзпой камень“, и стоявшій возлѣ нея флагманскій корабль, „Пастушка“, объаты были пламенемъ; при свѣтѣ его осажденные возобновили крайне мѣткую пальбу. Скала и ближайшіе предметы,—разсказываетъ очевидецъ,—ярко освѣщались и при непрерывномъ сверканіи нашихъ пушекъ являли ужасное, вмѣстѣ съ тѣмъ величественное зрѣлище. Затѣмъ загорѣлись еще шесть пловучихъ батарей, и находившіеся на нихъ Французы и Испанцы помышляли уже не о побѣдѣ и ватискѣ, а лишь о спасеніи своей жизни. Въ промежутки между выстрѣлами слышались отчаянные вопли несчастныхъ, погибавшихъ въ пламени или въ волнахъ; многіе изъ нихъ повисли по бокамъ горѣвшихъ кораблей, а не то носились на обломкахъ по волнамъ. Тутъ лишились жизни болѣе 1600 непріятелей. Ихъ погибло бы еще гораздо болѣе, если бы не свалились Англичане, особенно капитанъ Куртисъ съ матросами морской бригады. Эти молодцы, какъ только увидѣли, что побѣда рѣшена, напрягли теперь все силы, чтобы спасти побѣжденныхъ. Они успѣли высадить на берегъ отъ трехъ до четырехъ сотъ человѣкъ. Восемь пловучихъ батарей были уже уничтожены или готовы погибнуть; надѣялись, по крайней мѣрѣ, остальные двѣ сохранить въ видѣ трофеевъ; однако, одна изъ нихъ неожиданно воспламенилась и взлетѣла на воздухъ, а послѣдняя по тщательномъ осмотрѣ была сожжена самими Англичанами. И вотъ, восходившее солнце—вмѣсто того чтобы озарить въ прежнемъ видѣ громадную башню, которыя наканунѣ словно одаренныя жизнью и движеніемъ такъ гордо разсѣкали волны, освѣтило теперь лишь разбитыя остовы и выброшенные обломки кораблей. Такъ-то Геркулесовы столбы, которые съ ихъ древнимъ изреченіемъ: *non plus ultra* въ видѣ эмблемы прославились въ гербѣ императора Карла V. и красовались на его знамени въ войнѣ противъ короля Франциска I., теперь во власти Британцевъ разстроили соединенныя усилія потомковъ и Карла V. и Франциска I.—Изобрѣтатель этого такъ жалко сокрушившагося плана, рыцарь д'Арсонъ, пробылъ за полночь на палубѣ „Рѣзпаго камня“ и въ первыя минуты отчаянья написалъ французскому посланнику: „Я предалъ иаменн Эфесскій храмъ. Все погибло и по моей винѣ! Въ этомъ несчастіи утѣшаюсь только тѣмъ, что честь обонхъ королей не пострадала!“ По истинѣ, честь обонхъ королей и ихъ подданныхъ была соблюдена. Когда храбро бьются, то честь не страдаетъ.

g. Версальскій миръ. Голландская республика и американскіе Соединенные штаты.

Когда это великолѣпное, сопряженное съ чрезвычайными издержками нападеніе потерпѣло неудачу, то испанскій король утратилъ надежду, присоедиить къ своему государству ключъ Средиземнаго моря; тѣмъ еще болѣе что вскорѣ послѣ того адмиралъ Гоу вошелъ съ флотомъ въ проливъ. Не убоясь превосходства непріятеля, онъ смѣло

и искусно ввелъ въ портъ много сопровождаемыхъ его военною эскадрою грузовыхъ судовъ съ амуницией и запасами всякаго рода и подкрѣпилъ гарнизонъ нѣсколькими свѣжими полками. Съ этой поры война на самомъ дѣлѣ прекратилась; ограничивались лишь защитою или укрѣпленіемъ позицій, какія каждый занималъ въ полѣ или въ колоніяхъ и на морѣ. Только по южнымъ штатамъ Сѣверной Америки бродили еще разбойничьи шайки, которыя грабили и совершали насилія на свой страхъ. А тѣмъ временемъ въ Парижѣ начались переговоры о мирѣ. На такой конецъ министръ Шельбѣрнъ присоединилъ къ упомянутому агенту Освальду еще другаго повѣреннаго въ лицѣ Томаса Гренвиля, сына виновника штемпельной таксы, а Франклинъ вызвалъ къ себѣ изъ Гааги Джона Адамса и изъ Мадрида Джона Джея. Въ Англии господствовало великодушное настроеніе съ тѣхъ поръ, какъ побѣдою Роднея при Доминикѣ и оборонительною борьбою Эллиота въ Гибралтарѣ такъ блистательно возстановилась воинская честь. Министерство не измѣнило своему либеральному началу. Не подлежало уже никакому сомнѣнію, что миръ съ Америкою заключенъ будетъ на основаніи независимости. Согласились даже на болѣе снисходительныя условія съ Голландцами. Оранская партія успѣла повліять къ счастью настолько, что замысль Генеральныхъ штатовъ, принять участіе въ осадѣ Гибралтара, отлагался до тѣхъ поръ, пока само дѣло не рухнуло. Внутри также готовились реформы: существовавшія доселѣ ограниченія въ судебной системѣ и въ законодательствѣ Ирландіи предполагалось впредь отмѣнить, и дублинскому парламенту предоставлялось дѣйствовать самостоятельно и рѣшать дѣла именемъ короля такъ же какъ и лондонскому; впервые стали обсуждать, какъ бы создать болѣе справедливое и всеобщее національное представительство въ Англии. Фоксъ высказался въ пользу нейтралитета въ смыслѣ русской императрицы, но не добился согласія ни короля, ни старо-англійской аристократіи.

Мирные переговоры между Англійей и Америкой.

Министерство сохранило этотъ миролюбивый характеръ и тогда даже, когда Рокингамъ внезапно скончался пятидесяти двухъ лѣтъ отъ роду (1 июля 1782), и пришлось измѣнить личный составъ. Фоксъ, который съ крутымъ своенравіемъ хотѣлъ проводить лишь свои собственныя идеи, вышелъ и опять поступилъ въ оппозицію; Шельбѣрнъ, однако, продолжалъ свои переговоры о мирѣ, причѣмъ опирался въ особенности на младшаго Питта, который въ это время, двадцати трехъ лѣтъ отъ роду, былъ канцлеромъ казначейства. Американскіе комиссары, въ особенности Франклинъ, какъ казалось, рѣшились идти лишь рука объ руку съ Франціей; они увѣряли великодушныхъ союзниковъ въ своихъ благодарныхъ чувствахъ и отрекались отъ всякаго самовластнаго заключенія сепаратнаго мира; въ сущности же думали только о самихъ себѣ. Въ версальскихъ

совѣщаніяхъ своекорыстная политика Джея и Джона Адамса взяла верхъ и переселила Франклина, который скорѣе стремился къ совмѣстному дѣйствию съ Франціей.—Конгрессъ въ Филадельфіи надѣялся было Канаду и Акадію также присоединить къ конфедераціи; однако англійское правительство рѣшительно отказало въ этомъ требованіи, такъ что мысль эту покинули. За то и Франклинъ тоже не уступилъ Англичанамъ; а именно, агенты Шельбѣрна требовали, чтобы лоялистамъ, которые подняли оружіе за британское владычество и послѣдовали за удалившимися Англичанами, разрѣшено было вернуться безнаказанно изъ заточенія; Франклинъ возразилъ, что это дѣло правительствъ отдѣльныхъ штатовъ и что они, безъ сомнѣнія, согласятся, если эмигранты изъявятъ готовность вознаградить за разрушенное ими или за поврежденное имущество противной партіи. Такое условіе повлекло бы за собою безконечный рядъ жалобъ и тяжбъ, что было бы хуже прямого отказа; а потому Англичане совсѣмъ устранили эту статью, не смотря даже на то, что она сильно затрогивала національную честь; они удовольствовались тѣмъ, что поручили эмигрантовъ гуманности и великодушію конгресса. Касательно свободы рыболовства на меляхъ Ньюфоундленда также вошли въ соглашеніе. Въ сентябрѣ, когда колебалась еще участь Гибралтара, переговоры между англійскими и американскими уполномоченными созрѣли уже настолько, что въ ноябрѣ могъ быть заключенъ предварительный договоръ въ качествѣ подготовительныхъ статей; по немъ за «республикою Соединенныхъ штатовъ» признали не только независимость, но также выгодныя границы на сѣверѣ и западѣ и право рыболовства въ водахъ Ньюфоундленда. Что же касается лояльныхъ эмигрантовъ, то конгрессъ обѣщалъ посовѣтовать отдѣльнымъ штатамъ изъяснить амнистію и возвратить имъ конфискованное имущество.

Заключеніе предварительныхъ условій было первымъ шагомъ къ распаденію союза четырехъ соединившихся противъ Англии державъ; оно служило какъ бы предтечею всеобщаго мира между всѣми западноевропейскими государствами. Англійское правительство готово было вступить и съ Голландіею также въ особое соглашеніе. Но Генеральные штаты, гдѣ преобладала аристократико-республиканская партія, питали слишкомъ глубокую ненависть къ властолюбивымъ сосѣдямъ, такъ что не захотѣли отдѣлиться съ своимъ дѣломъ отъ Франціи. Даже съ Испаніей ведены были сепаратные переговоры; королю Карлу III. подали надежду исполнить излюбленную его мечту, уступить Гибралтаръ. Англійское правительство однако скоро убѣдилось въ томъ, что вся нація съ негодованіемъ отнесется къ такому исходу славной борьбы и что парламентъ никогда не согласится на это. Такъ и затянулись до поры до времени переговоры о всеобщемъ умиротвореніи между западными государствами. Однако,

Версальскій миръ.

и по сю и по ту сторону Канала крайне желали покончить войну, такъ что усилія Верженна увѣнчались наконецъ успѣхомъ. Требования со всѣхъ сторонъ стали сокращаться. Англія допустила, чтобы и Французамъ также предоставлено было право рыбной ловли у Ньюфоундленда, согласилась на обмѣнъ иноземныхъ владѣній, которыя во время войны въ Ост- и Вестиндіи и на берегахъ Африки подверглись перетасовкѣ: она на Востокъ возвратила имъ Пондишери, факторію Суратъ и пр., а на Западъ уступила Табаго въ обмѣнъ за другіе острова, за Гренаду, с. Винцентъ, Доминику и пр.; она разрѣшила, чтобы крѣпость Дюнкирхена вновь была возстановлена (XII, 599). Испанія отказалась отъ своихъ притязаній на Гибралтаръ, но удержала за собою Минорку и получила назадъ уступленные въ Фонтенебло Англійи области во Флоридѣ. На основѣ такихъ

20. янв. 1783.

Май 1784.

Положеніе Голландіи послѣ войны и споръ съ императоромъ Иосифомъ II.

Внутренній разладъ и вражда партій между аристократіей и оранжизмъ правительствомъ все еще продолжались; пристрастіе послѣдняго къ Англійи усиливало негодованіе, тѣмъ болѣе что трехлѣтняя война въ высшей степени ожесточила умы противъ могучаго на морѣ соперника. Оттого-то французскому посланнику, герцогу де ла Воююну, и его „политическому адъютанту“, бывшему иезуиту Маршалу, не трудно было вновь оживить въ республиканской партіи прежнія симпатіи къ Франціи и возбудить сильную оппозицію противъ нидерландскаго правительства и его приверженцевъ. Эта дружба Генеральныхъ штатовъ оказалась плодотворною, но не падало. Императоръ Иосифъ II. посѣтилъ подъ именемъ графа Фалькенберга голландскіе города и съ завистью смотрѣлъ на меркантильную дѣятельность и благоденствіе ихъ, но замѣтилъ также политическую распушенность и слабость. Онъ задался мыслью, извлечь изъ затруднительнаго положенія республики пользу для австрійской сосѣдней области. Свокорыстныя переговоры въ предшлю годъ пользовались въ своихъ интересахъ военнополитическимъ положеніемъ зачастую въ ущербъ бельгійскимъ областямъ. Мы знаемъ, что по барьерному трактату они имѣли право, обезпечить за собою разныя укрѣпленные мѣста на южной границѣ, гарнизоны которыхъ находились главнѣйше на содержаніи австрійско-нидерландскаго правительства. Фортами Лилло и Лифкенсгѣкъ они заперли вл-

ходъ изъ Шельды и стѣснили тѣмъ морскую торговлю Антверпена. По прежнимъ трактатамъ они успѣли присвоить себѣ нѣкоторые владѣнія, которыя искони считались бельгійскими областями. Императоръ воспользовался ихъ стѣсненнымъ положеніемъ въ войнѣ противъ Англійи, съ тѣмъ чтобы отмѣнить обусловленные барьернымъ трактатомъ гарнизоны. Умы были возбуждены еще болѣе, когда вѣнскій кабинетъ, вѣроятно по наущенію антверпенскихъ купцовъ, потребовалъ, чтобы открыли Шельду. Сверхъ того носился еще слухъ о другомъ опасномъ проектѣ. Мы скоро узнаемъ, что между императоромъ Иосифомъ и баварскимъ курфирстомъ шли переговоры касательно обмѣна земель. Имѣлось въ виду Вельгію возвести въ королевство Бургундію и передать Карлу Теодору за его курфиршество при Изарѣ и Дунаѣ. На такой конецъ императоръ желалъ получить округлить границы и возымѣлъ поэтому притязанія на Маастрихтъ и на нѣкоторыя другія области, вовсе не заботясь объ уступкахъ по прежнимъ трактатамъ. А потому въ Гаагѣ сильно ужаснулись, когда австрійскіе отряды заняли близъ форта Лифкенсгѣка два пограничныя селенія и среди мира изгнали голландскихъ солдатъ изъ ихъ квартиръ, а сверхъ того императорское правительство предъявило рядъ требований, между которыми первое мѣсто занимали уступка города и крѣпости Маастрихта и нѣкоторыя пограничныя мѣстности, также свободное судоходство по Шельдѣ. Когда голландское правительство отказало въ этихъ требованіяхъ и силою заставило вернуться въ Антверпенъ двѣ бельгійскія бригадинны, которыя, надѣясь на брусельское правительство, пустились было ввысь по рѣкѣ, то императоръ отозвалъ своего посла и усилилъ австрійскія войска въ Вельгіи. Все, повидимому, предвѣщало новую войну. Но развѣ ослабѣвшая республика, не успѣвъ еще оправиться послѣ убыточной морской войны, могла вновь начать сухопутную борьбу противъ Австріи? Между вызванными всеобщимъ возмущеніемъ политическими и дипломатическими заявленіями за и противъ самымъ замѣчательнымъ была статья графа Мирабо, проживавшаго тогда эмигрантомъ въ Амстердамѣ. Въ своемъ „Мнѣніи о свободѣ Шельды“ онъ отстаивалъ дѣло голландской купеческой аристократіи. Генеральные штаты обратились къ Франціи за помощью. Пособіе, доставленное Версалемъ, было въ томъ же родѣ, какъ сначала помогали Американцамъ: французскимъ добровольцамъ, офицерамъ и родовымъ разрѣшалось вступить на нидерландскую военную службу и имъ выдавались орудія и снаряды. Благодаря этому штаты въ состояніи были дать энергическій отпоръ, такъ что императорскому правительству показалось опаснымъ приступить къ военнымъ дѣйствіямъ. Когда же Людовикъ XVI. собственноручными письмами увѣщалъ своего шурина, не доводить до крайности своихъ притязаній, то Иосифъ принялъ посредничество Верженна; онъ согласился на сдѣлку, въ силу которой за взносъ значительной суммы въ вознагражденіе и за уничтоженіе барьернаго трактата онъ отступился отъ своихъ требованій касательно Маастрихта и открытія Шельды. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ касательно размѣра отступившихъ денегъ, назначеннаго наконецъ въ десять милліоновъ талеровъ, изъ коихъ пять Франція взяла на себя, въ ноябрѣ 1785 и былъ окончательно подписанъ мирный трактатъ. Республика выплатила пять милліоновъ, отказалась отъ барьернаго договора и уступила брусельскому правительству Лилло, Лифкенсгѣкъ и два другія форта, однако удержала за собою Маастрихтъ и исключительное право плаванья по Шельдѣ. Герцогъ Людвигъ Эрнстъ Брауншвейгскій, находившійся все еще на австрійской службѣ, во время этихъ происшествій до того навлекъ на себя ненависть нидерландскаго народа, что не могъ долѣе тамъ держаться. Его обвиняли въ нарушеніи конституціи, оттого что, не спросясь чиповъ, онъ

„консультационнымъ актомъ“ ограничили свободу политическаго дѣйствія наследнаго штатгальтера; ему угрожали даже судебнымъ слѣдствіемъ. Онъ поэтому сложилъ съ себя свои должности и вернулся въ Германию. Удаленіе его было знакомъ, что восторжествовала политика Верженна, имѣвшая въ виду разсорить республику Голландію съ Англіей и Австріей и привлечь ее на сторону Франціи. Союзъ между Франціей и республикой былъ запечатленъ трактатомъ, который заключили нѣсколько дней спустя послѣ мирнаго договора въ Фонтенебло, и отпразднованъ веселыми пирами патриотической партіи. „Не чаяли какъ слаба трость, на которую оперлись“.

12. ноября 1785.

Соединенные штаты послѣ мира.

Версальскій миръ, который лишь въ сентябрѣ 1783 г. былъ окончательно заключенъ и утвержденъ всѣми, въ европейскихъ государствахъ нигдѣ не возбудилъ радостнаго настроенія. Въ одной только Америкѣ были довольны исходомъ минувшей борьбы; хотя по предстоявшимъ затрудненіямъ и предвидѣли, что придется еще преодолѣть не мало подводныхъ камней, пока юная республика не войдетъ въ гавань политическаго спокойствія и устоя. Британское войско очистило Нью-Йоркъ; иноземные отряды на американской службѣ были распущены и вознаграждены. Самъ Вашингтонъ сложилъ въ руки конгресса должность главнокомандующаго и, подобно Цинцинату, вернулся въ свое помѣстье Моунтъ-Вернонъ, которое въ кампаніи противъ Кориваллиса увидѣлъ въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ. Въ наступившій затѣмъ годъ Джонъ Адамсъ, въ торжественной аудіенціи во дворцѣ Сентъ-Джемса, былъ принятъ королемъ Георгомъ III. какъ первый посланникъ Соединенныхъ штатовъ Сѣверной Америки. Прежде того еще министерство Нортъ-Фокса, захватившее въ бурные дни власть изъ рукъ бывшихъ совѣтниковъ короны, подтвердило Версальскій миръ. Король въ аудіенціи заявилъ: «Я послѣдній согласился на отдѣленіе; но съ той поры, какъ оно стало неизбѣжнымъ и совершилось, я первый готовъ вступить въ дружбу съ Соединенными штатами какъ съ независимой державой». — Теперь предстояло оборонять и укрѣпить добытую свободу противъ враждебныхъ элементовъ внутри, союзною конституціею связать отдѣльные штаты въ одно органическое цѣлое, въ совокупную державу. Мы прежде уже ознакомились съ затрудненіями, съ какими во время войны пришлось бороться конгрессу въ Филадельфіи, а именно: съ ревностью отдѣльныхъ штатовъ къ ихъ политической самостоятельности и съ своекорыстнымъ духомъ партій, который скупился всякою жертвою на общую пользу. По окончаніи войны все эти недостатки обнаружилась еще рѣзче. Отдѣльные штаты затруднялись, когда пришлось уплачивать союзные долги, которые конгрессъ сдѣлалъ во Франціи и въ Голландіи, — потавить войско для общей охраны, — подчинить демократико-представительныя правленія и вольности одному общему правительству, одной центральной власти. — Испанцы тормозили торговые сношенія въ

1. іюня 1785.

устьяхъ Миссисиппи; въ отдѣльныхъ штатахъ царилъ безденежье, отсутствіе кредита и законности, Союзъ лишенъ былъ довѣрія и силы. Когда конгрессъ обратился къ Вашингтону, чтобы онъ воспользовался своимъ влияніемъ для устраненія недостатковъ, то онъ возразилъ: «Вамъ нужно правленіе, а не влияніе». Тутъ Алекс. Гамильтонъ, который адъютантомъ Вашингтона участвовалъ въ войнѣ за освобожденіе, потомъ былъ адвокатомъ и членомъ законодательнаго собранія въ Нью-Йоркѣ, попалъ на настоящую стезю. Онъ проводилъ такую идею: пусть отдѣльные штаты продолжаютъ существовать съ ихъ своеобразными управленіями и правами, но вмѣстѣ съ тѣмъ для дѣйствительно общихъ интересовъ надлежитъ основать единое совмѣстное законодательство, правительство и судопроизводство. Съ неутомимою дѣятельностью въ связи съ Виргинцемъ Джеймсомъ Мадисономъ, ревностнымъ поборникомъ демократической свободы и національнаго единства, и съ краснорѣчивымъ Моррисомъ изъ Пенсильваніи, онъ старался побудить отдѣльные штаты признать такого рода государственный организмъ; онъ долго боролся съ сильнымъ сопротивленіемъ; наконецъ-то, не смотря на рьяную оппозицію партикуляристовъ, въ собранномъ подъ предѣдательствомъ Вашингтона въ Филадельфіи совѣтѣ, въ 1787 г. штаты соединились для организаціи республиканской системы; изъ нея и развился существующій понынѣ государственный строй Союза.

Согласно съ этимъ законодательная власть и высшее союзное правленіе поручается конгрессу и избираемому на четыре года ответственному президенту. Первый состоитъ изъ сената, въ который каждый изъ штатовъ высылаетъ по два выборныхъ и въ которомъ предѣдательствуетъ вице-президентъ Союза, и изъ палаты представителей, которые избираются всѣми гражданами республики, такъ чтобы на каждыя 70,000 жителей приходилось по одному депутату. Право выбора не обуславливается никакимъ цензомъ и печать свободна. Въ республиканской Америкѣ, такъ же какъ и въ монархической Англіи, не существуетъ правильнаго рекрутскаго набора, ни конскрипціи, ни всеобщей воинской повинности. Колоніальные штаты ищутъ такое же отвращеніе къ постоянному войску какъ и метрополія; армія составляется вербовкою добровольцевъ. Небольшое лишь количество наемныхъ ратей сторожатъ на границахъ и охраняютъ ихъ. — Судебная власть въ высшей инстанціи находится въ вѣдѣніи верховнаго союзаго суда, который состоитъ изъ главнаго судьи и восьми засѣдателей, рѣшаетъ тяжбы, касающіяся штатовъ и Союза, и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ апелляціоннымъ судомъ. Ему подчинены областные суды, въ каждомъ изъ штатовъ по одному или по нѣсколькы, съ присяжными, и такъ-называемые передвижные суды, тоже съ присяжными. Судебная власть отдѣлена отъ администраціи, габасъ-корпусъ-актъ, эта крѣпкая твердыня британской свободы, соблюдается также и въ Соединенныхъ штатахъ; вездѣ господствуетъ свобода вѣроисповѣданія безъ господствующей церкви. У каждаго изъ отдѣльныхъ штатовъ своя особая конституція, свободное самостоятельное правленіе для веденія своихъ внутреннихъ дѣлъ вмѣстѣ съ народнымъ собраніемъ; все они пользуются самодержавною властью во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, которыя не поручаются Союзу. Конгрессу подле-

Республиканское правленіе Соединенныхъ штатовъ.

жить право законодательства для всей республики, таможенные и коммерческие постановления, общее финансовое управление и уставы национального банка, объявление войны, заключение мира, договоры с державами и пр. Президент, получающий годовой оклад в 25,000 долларов и проживающий в так-называемом „Бѣломъ домѣ“ в Вашингтонѣ, считается главнокомандующимъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, назначаетъ всѣхъ чиновниковъ, однако лишь съ согласія сената, исполняетъ рѣшенія сената и палаты представителей, отправляетъ и принимаетъ пословъ, заключаетъ договоры и т. д. Вашингтонъ восемь лѣтъ (до 1797) занималъ эту почетную должность, на которую впервые былъ избранъ всеобщимъ довѣріемъ согражданъ. Въ это время онъ, при рьяной борьбѣ партій, урядилъ правленіе, судопроизводство и народное вооруженіе, привелъ въ порядокъ и обезпечилъ уплату государственнаго долга при посредствѣ пошлинъ, которыя ему удалось назначить вопреки сильному противодѣйствію со стороны партикуляристовъ и демократовъ, упрочилъ государственный доходъ при помощи подоходнаго и имущественнаго налога и создалъ национальный банкъ. Онъ былъ признанъ настоящимъ творцомъ Соединенныхъ штатовъ, и потому самая столица во вновь возникшей области между Мэрилендомъ и Виргиніей, въ Колумбѣ, гдѣ воздвигли новый капиталъ съ мѣстопробываніемъ правительства, была прозвана по его имени. Франклинъ умеръ въ 1790 г. восьмидесятичетырехлѣтнимъ старцемъ, всѣмъ оплаканный. Мы въ разныхъ житейскихъ положеніяхъ и съ разныхъ сторонъ познакомились съ этимъ дѣятелемъ, который, за-одно съ Вашингтономъ, болѣе всего содѣйствовалъ основанію американской союзной республики. Онъ былъ практически-разумный человѣкъ безъ высреннихъ идеаловъ; къ нему въ дѣлахъ и поступкахъ, въ авторской дѣятельности, всегда принимало что-то мелочное изъ его первоначальнаго занятія. Въ своемъ „Календарѣ убогаго Ричарда“ онъ является одною изъ тѣхъ натуръ, которыя полагаютъ, что человѣкъ о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ. А потому, не смотря на многія преимущества и прекрасныя качества, онъ отнюдь не можетъ служить представителемъ того, къ чему стремится человѣческая натура въ широкѣмъ ея значеніи и чего она падѣется достигнуть.

5. Англія и Остиндія.

а. Англія послѣ Версальскаго мира.

Смѣшанное министерство Нортъ-Фокса. Двадцать лѣтъ тому назадъ Парижскій миръ возбудилъ уже сильное ожесточеніе въ англійской націи и породилъ чрезвычайныя народныя смуты; теперь же общественное мнѣніе забушевало еще сильнѣе по поводу Версальскаго мира, который такъ скудно отвѣчалъ жертвамъ деньгами и людьми и боевымъ подвигамъ! Въ обѣихъ палатахъ парламента стали жестоко нападать на правительство. Хотя и нельзя уже было отказать въ ратификаціи мирнаго трактата, однако устроившее его министерство не могло устоять подъ бурями. Сперва палъ самъ Шельбѣрнъ, котораго и безъ того подозрѣвали, что онъ пустился въ корыстную игру государственными бумагами, а потомъ Питтъ, котораго не могло поддержать даже покровительство короля. И вотъ, Георгу III. пришлось помириться съ министерствомъ, составленнымъ изъ весьма разнородныхъ элементовъ. Это и было

смѣшанное министерство Нортъ-Фокса, въ которомъ Бѣркъ и Шериданъ вновь заняли свои прежнія мѣста казначея и секретаря казначейства. Герцогъ Портландскій, въ качествѣ лорда казначейства, далъ свое имя смѣшанному министерству, по душою его были Нортъ и Фоксъ,—первый для внутреннихъ, а послѣдній для иностранныхъ дѣлъ. Георгъ III. долго отказывался признать этотъ союзъ нѣсколькихъ честолюбцевъ; онъ намѣревался даже уѣхать въ Ганноверъ; наконецъ, когда убѣдился въ невозможности достигнуть большинства парламента для другаго министерства, и когда приостановились всякія государственныя дѣла, король подчинился необходимости. Опъ однако пребылъ холоденъ и сдержанъ; даже лордъ Нортъ, къ которому Георгъ III. такъ сильно благоволилъ прежде, вслѣдствіе своей связи съ Фоксомъ лишился довѣрія монарха.

Это смѣшанное министерство уже по свойству своему не могло долго просуществовать; оно сокрушилось вслѣдствіе попытки Фокса прибрать дѣла Индіи къ рукамъ правительства, обратить обширную богатую страну въ государственное имущество алчной до денегъ и власти олигархіи министровъ. Мы сейчасъ ознакомимся съ условіями и состояніемъ Остиндіи, гдѣ въ это время залагались основы индо-британскаго государства, которому въ нашъ вѣкъ суждено было достигнуть такого великолѣпнаго развитія. Остиндская компанія, которая сначала была ничто иное какъ товарищество на акціяхъ, съ теченіемъ времени изъ коммерческаго общества преобразовалась въ политическую власть, которая, подобно нѣмецкой Ганзѣ, обладала городами и территоріями, самовластно назначала своихъ чиновниковъ и содержала на службѣ солдатъ и военачальниковъ. Она пользовалась привилегіями и правами, придававшими ей характеръ самостоятельной политической корпораціи въ средѣ монархическаго государства. Со временемъ, однако, интересы общества и государства такъ перепутались, что не было никакой возможности отдѣлать вполне торговья дѣла отъ политическихъ и военныхъ условій націи. Во время великой британско-романской народной борьбы въ Америкѣ остиндскій коммерческій міръ также охваченъ былъ военною тревогою; флотъ и войска, какъ англійской такъ и французской націи, дѣйствовали за-одно съ ихъ остиндскими компаніями; коммерческія дѣла частнаго общества смѣшались съ военною и завоевательною политикою его правительства. Отсюда возникло не мало затрудненій: англійскому правительству было не поутру, что чиновники и офицеры коммерческой компаніи назначались и получали окладъ отъ правленія директоровъ; а компанія, отчасти ради чуждыхъ ей цѣлей, вынуждена была напрягать свои усилія до такой степени, что они превосходили средства всякой хотя бы и столь мощной и богатой корпораціи. А потому въ случаѣ нужды и опасности она поневолѣ обращалась за помощію къ государству; британское правитель-

Остиндская компанія и правительство.

ство, въ свою очередь, за свою поддержку требовало соучастія и содѣйствія въ организаціи и дѣятельности товарищества. Лордъ Нортъ уже десять лѣтъ тому назадъ «регулятивнымъ биллемъ» постановилъ, чтобы, въ возмездіе за увольненіе общества отъ условленной подати и за значительную ссуду, правительству дано было право участвовать въ назначеніи чиновниковъ въ высшее административное вѣдомство и въ верховный судъ. Виредъ слѣдовало лишь съ согласія и разрѣшенія короля и его министровъ назначать намѣстниковъ, членовъ магистрата и суда въ Калькуттѣ, и всякія пріобрѣтенія земель и областей должны считаться британскимъ государственнымъ имуществомъ.

Индійскій
Билль Фокса-
Бёрра.
Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы узнаемъ, что этотъ регулятивный уставъ отнюдь не былъ въ состояніи устранить разные недостатки. Жалобы на дурное управленіе, на вымогательства, несправедливый судъ, на деспотизмъ и насилие противъ туземныхъ князей усиливались, такъ что въ 1782 году уже назначена была двойная коммисія изслѣдовать дѣла. Но послѣдняя не успѣла еще представить новыхъ проектовъ, какъ Фоксъ начерталъ реформу, въ силу которой существовавшая доселѣ организація и власть остиндской компании совершенно измѣнилась, управленіе директоровъ совсѣмъ затмевалось и веденіе остиндскихъ дѣлъ передавалось во власть олигархической партіи изъ господствовавшихъ парламентскихъ кружковъ. По двумъ проектамъ Фокса «для лучшаго управленія англійскихъ владѣній въ Индіи» бывшее доселѣ вѣдомство директоровъ замѣнялось семью поименованными въ индійскомъ биллѣ комиссарами, которые имѣли назначаться королемъ, т. е. всемошною тогда въ парламентѣ и въ кабинетѣ олигархическою коалиціею, и снабжаться диктаторскимъ полномочіемъ, такъ что они управляли бы владѣніями, доходами и торговлею компании, назначали и смѣняли бы всѣхъ ея чиновниковъ въ Англии и Индіи. Самыя имена членовъ, назначенныхъ для этой высокой сенаторской коллегіи, отрѣшить которыхъ отъ должности могъ одинъ лишь король вслѣдствіе адреса отъ обѣихъ палатъ, ясно обнаруживали тенденцію, передать господствовавшимъ тогда фамиліямъ власть надъ всѣмъ великолѣпнымъ институтомъ, верховенство надъ индійскимъ коммерческимъ міромъ. Для исполненія торговыхъ мелочныхъ дѣлъ имѣлась въ виду подчиненная коллегія изъ девяти директоровъ, составъ которой, по крайней мѣрѣ впоследствии, долженъ былъ зависеть отъ воли акціонернаго товарищества. Второе предложеніе содержало въ себѣ указанія для устраненія царившихъ недостатковъ. Весь этотъ индійскій билль предназначался только на четыре года, а затѣмъ его опять слѣдовало подвергнуть разсмотрѣнію новаго парламента. Этимъ постановленіемъ имѣлось въ виду олигархическую партію, для которой былъ выгоденъ самый уставъ, привязать къ коалиціи и подстрекнуть къ энергическимъ усиліямъ въ

Ноябрь 1783.

предстоявшихъ выборахъ въ нижнюю палату. Итакъ, предполагалось обезпечить существовавшее министерство отъ всякихъ перемѣнъ, смѣлымъ пріемомъ привязать короля, парламентъ и націю къ господствовавшей олигархіи выговъ. Георгъ III. не препятствовалъ этому дѣлу, и билль нѣсколько недѣль спустя послѣ того былъ принятъ въ палатѣ депутатовъ значительнымъ большинствомъ. Въ верхней палатѣ пренія также приняли благопріятный оборотъ. Не смотря на то, что лордъ Темплъ, глава противоминистерской партіи, громко возставалъ противъ устава, который онъ называлъ «подлымъ», а лордъ Тюрловъ пытался доказать, что такимъ образомъ собственность и подтверждаемая грамотами права подвергаются опасности; однако, при первомъ и второмъ чтеніи предложенный уставъ и тутъ также былъ принятъ большинствомъ голосовъ. Тогда противники обратились къ королю и, изложивъ опасныя послѣдствія, какія могутъ возникнуть отъ индійскаго билля, побудили его къ незаконному противоконституціонному поступку. Онъ выдалъ лорду Темплю письменное полномочіе объявить отъ его имени пѣрамъ, что всякаго, кто подастъ голосъ за билль его министровъ, онъ сочтетъ своимъ личнымъ врагомъ. Вслѣдствіе этого многіе изъ духовныхъ и свѣтскихъ лордовъ, которые подавали до сихъ поръ голоса за предложеніе, но не желали прогнѣвить короля, пристали къ другой стороне, такъ что при третьемъ чтеніи билль былъ отвергнутъ.

17. дек. 1783.

Такой въ парламентской жизни небывалый поступокъ привелъ въ разстройство все правленіе. Король и министерство, лорды и депутаты открыто враждовали другъ противъ друга; въ нижней палатѣ говорились рѣчи и предлагались мѣры, которыя отзывались революціоннымъ духомъ и напоминали о временахъ Стюартовъ. Фоксъ сравнивалъ пѣровъ оппозиціи съ преторіанцами Тиберія, съ янычарами, которые по приказу султана задушили индійскій билль. Лорда Темпля называли государственнымъ преступникомъ, орудіемъ деспотизма. Король ожидалъ послѣ такихъ бурныхъ сценъ, что министры подадутъ въ отставку, и желалъ этого; когда же они замѣшкали, то онъ велѣлъ въ полночь отобрать у нихъ печати, которыя взялъ пока на сбереженіе лордъ Темплъ, а затѣмъ отрѣшилъ отъ должности всѣхъ членовъ кабинета. Образовалось новое министерство, душою котораго былъ двадцатичетырехлѣтній Питтъ. Онъ въ нижней палатѣ ревностнѣе всѣхъ ратовалъ противъ индійскаго билля Фокса. Теперь же, въ качествѣ перваго лорда казначейства, Питтъ сталъ во главѣ правленія, и совершенною перемѣною во всѣхъ придворныхъ и государственныхъ должностяхъ обнаружилось, что съ этой поры наступитъ новая политическая система. Оппозиція въ нижней палатѣ тщетно пыталась рѣзкимъ адресомъ къ королю отбѣнить такой поворотъ: она заклинала его внять мнѣніямъ и приговорамъ парламента, а не совѣтамъ нѣкоторыхъ руководившихся своекорыстными интересами

Перемѣна министровъ и волненія.

19. дек. 1783.

личностей, не откладывая и не тормозить столь необходимые реформы в индийских дѣлах; многочисленная депутация, передавъ адресъ, была отпущена новымъ министромъ съ вѣжливымъ, но уклончивымъ отвѣтомъ. Въ праздники засѣданія прекратились; когда съ наступившимъ затѣмъ новымъ годомъ они опять открылись, то повторились тѣ же выходы: въ нижней палатѣ предъявлено было заявленіе, которое очень походило на выраженіе недоверія, а нѣсколько дней спустя послѣ того оно дѣйствительно принято было большинствомъ. Однако разумный министр не испугался: верхняя палата приняла его сторону и порицала противозаконный, односторонній поступокъ одной части законодательной власти противъ прерогативъ короны въ отношеніи выбора высшихъ сановниковъ и севѣтниковъ; въ нижней палатѣ большинство голосовъ въ оппозиціи съ каждымъ разомъ уменьшалось; въ газетахъ и брошюрахъ индійскій билль Фокса подвергся рѣзкой критикѣ; въ кружкахъ виѣ парламента олигархическая коалиція обсуждалось иначе, нежели въ подкупленной нижней палатѣ. Въ средѣ гражданъ, особенно въ торговомъ и финансовомъ мірѣ, мало довѣряли человѣку въ родѣ Фокса, извѣстнаго расточителя и азартнаго игрока. Все эти признаки убѣдили Питта въ томъ, что со временемъ общественное мнѣніе измѣнится. Онъ поэтому съ умысломъ отложилъ распущеніе парламента, къ чему побуждалъ его лордъ Темплъ: опасаясь такаго событія, оппозиція приняла болѣе умѣренное положеніе; а между тѣмъ можно было все болѣе и болѣе вліять на народъ и привлечь его къ консервативной политикѣ. Коалиція была еще настолько сильна, что въ февралѣ и мартѣ провела разныя заявленія и резолюціи противъ министерства, обратившись къ королю съ просьбой, чтобы онъ, распустивъ послѣднее, положилъ бы основаніе сѣльнаго и устойчиваго правительства. Адресы вновь, хотя и вѣжливо, были отклонены. Послѣдній изъ нихъ, предложенный самимъ Фоксомъ, прошелъ большинствомъ всего только одного голоса; вслѣдствіе этого вождь виговъ пришелъ къ сознанію, что ему уже не совладать съ положеніемъ дѣлъ и не увлечь нижнюю палату къ крайнимъ мѣрамъ, съ тѣмъ чтобы отказать въ бюджетѣ или въ солдатахъ для арміи.

13. янв. 1784.

Мартъ 1784.

Новый парламентъ и Питтовъ индійскій билль.

25. марта 1784.

А между тѣмъ Питтъ убѣдился, что настроеніе народа достаточно уже измѣнилось въ пользу консервативной партіи, и онъ смѣло можетъ обратиться къ націи; если при томъ правительство воспользуется вошедшими въ привычку средствами при выборахъ, то можно будетъ достигъ согласнаго съ министерствомъ состава нижней палаты.

А потому въ мартѣ уже былъ распущенъ коалиціонный парламентъ и назначены были новые выборы. Правительству удалось вытѣснить Фокса изъ избирательнаго округа Вестминстера; онъ остался лишь представителемъ небольшого шотландскаго участка. Когда новый парламентъ былъ созванъ, то вскорѣ оказалось, что министерство распо-

лагаеть значительнымъ большинствомъ голосовъ. А между тѣмъ индійскія дѣла все болѣе и болѣе становились злобою дня: національный инстинктъ призвалъ въ восточномъ колоссальномъ мірѣ единственное подходящее возмѣщеніе утраченныхъ поселеній въ Сѣверной Америкѣ; а потому парламентская оппозиція по поводу ея жалобъ и агитацій противъ новаго консервативнаго министерства всегда встрѣчала сочувствіе со стороны націи. Для того, чтобы упрочиться въ своемъ положеніи, Питту нельзя было оставить дѣла въ Индіи въ томъ неизвѣстномъ и шаткомъ положеніи, до какаго они дошли; необходимо было реформамъ угодить общественному мнѣнію. Въ индійскомъ билль Фокса, помимо политическихъ побочныхъ тенденцій, заключалось нѣсколько цѣлесообразныхъ предложеній. Еслибъ министру удалось усвоить себѣ эти хорошія стороны и возстановить болѣе тѣсную связь между коммерческой корпораціей и англійскимъ государствомъ не въ ущербъ лишь самостоятельности и автономіи ея, то онъ могъ надѣяться на согласіе и сочувствіе какъ англійскаго народа, такъ тоже и заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Питтъ избралъ этотъ средній путь своимъ знаменитымъ «индійскимъ биллемъ», который въ августѣ былъ принятъ обѣими палатами и утвержденъ королевемъ, послѣ чего и получилъ силу закона. По этому уставу компанія удержала за собою свое прежнее самостоятельное законное положеніе и свою организацію, но въ отношеніи политики, управления и судопроизводства она подчинялась контрольному совѣту, составлявшему особую коллегію индійскихъ дѣлъ въ министерствѣ. Составъ директоровъ и акціонерное товарищество, «собраніе владѣльцевъ», остались по прежнему и пользовались своими автономическими правами и привилегіями во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ; по высшая власть и самый авторитетъ подлежали верховному вѣдомству, состоявшему изъ двухъ министровъ и четырехъ членовъ тайнаго совѣта. Оно имѣло надзоръ за компаніей, изслѣдовало и контролировало ея распоряженія, непосредственно руководило назначеніемъ всѣхъ высшихъ чиновниковъ, судей и военачальниковъ, или подчиняло это по крайпей мѣрѣ своему одобренію, оказывало рѣшающее вліяніе на все дѣйствія и предпріятія, на губернаторовъ и севѣтниковъ трехъ президентствъ Калькутты, Мадраса и Бомбея, предлагало и исполняло расширеніе территорій и ленныхъ областей компаніи въ единую импо-британскую державу. Для облегченія дѣлопроизводства директоры назначили комитетъ изъ трехъ членовъ, поддерживавшій официальные сношенія съ контрольнымъ вѣдомствомъ, въ которомъ Генри Дюндесъ пользовался самымъ спльнымъ вліяніемъ. Съ этихъ поръ индійскія дѣла вошли въ составъ англійскихъ государственныхъ правительственныхъ учреждений, остиндская компанія уступила свое прежнее самодержавіе великобританской коронѣ, собраніе директоровъ поступило на службу министерства.

13. авг. 1784.

Вскорѣ послѣ того вниманіе англійской націи и дѣятельность парламента увлечены были судебнымъ и государственнымъ дѣломъ противъ генералъ-губернатора Варрена Гастингса; это событіе напомнило собою процессъ противъ Верреса, разбойничьяго пропретора Сициліи въ древнемъ Римѣ. Подобно тому какъ тамъ Цицеронъ, такъ и здѣсь Бёркъ приурочилъ къ своему имени пальму ораторской славы.

в. Возникновеніе индобританской державы.

1. положеніе и условия въ остиндіи.

Царство мо- Моголь Тимуръ указалъ своимъ преемникамъ путь въ богатія страны
гола въ Дели. Индуса и Ганга и впервые назначилъ Дели столицей великаго могола. Его
внукъ *Баберъ*, опытный воинъ и образованный государь, непрерывными войнами съ Индусами и съ древнѣйшими магометанскими династіями, подвергался превратностямъ судьбы, расширилъ и укрѣпилъ власть своего дома. Его сыну *Гимаюну* трудно было удержать за собою обширныя области Афганстана, въ странѣ Пятирѣчья и въ древнихъ браманскихъ государствахъ при Гангѣ и Джамны; онъ велъ непрерывную борьбу то съ персидскимъ шахомъ, то съ афганстанскимъ княземъ и съ независимыми вождями Пенджаба, Синда и Гузерата. Гамаюнъ бѣглецомъ вернулся въ отчужденную столицу Самаркандъ. Счастье однако улыбнулось ему подъ конецъ его жизни. Онъ успѣлъ вновь вступить въ Дели, гдѣ и умеръ, унавъ съ лѣстницы своего дворца.

Расцвѣтъ го- Сынъ Гамаюна отъ прекрасной Персіянки былъ тотъ самый *Акбаръ*, съ
сударства при которомъ мы ознакомились уже, какъ съ ревнителемъ просвѣщенія и па-
Акбаръ. укль. Онъ едва вышелъ изъ отроческаго возраста, какъ вступилъ на угро-
1555—1605. жаемый со всѣхъ сторонъ престолъ Дели. Предпримчивый и храбрый, разумный и доблестный юноша преодолѣлъ мятежныхъ вождей, къ которымъ принадлежалъ даже братъ его Гахимъ въ Кабулѣ, затѣмъ также враждебныхъ сосѣднихъ владѣтелей. Такимъ образомъ онъ сталъ настоящимъ основателемъ царства могола въ сѣверномъ Индустанѣ со включеніемъ Кашмира и долины Инда вмѣстѣ съ полуостровомъ Гузератомъ, главнымъ мѣстопробываніемъ воинственныхъ *Раджпутовъ*, великаго племени, которое поддерживало у себя патріархальное ленное управленіе, гордилось своими предками и отличалось романтически-рыцарскимъ пошибомъ. Исторія Акбара представляетъ достойную уваженія жизнь правителя, въ которой боевые подвиги и завоеванія связаны съ цивилизаторскимъ творчествомъ и законодательною дѣятельностью. Послѣ взятія приморскаго города Сурата онъ заключилъ съ вождями Раджпутовъ союзы и договоры съ равными суиружескими правами.—Бегаръ и Бенгаліи подчинились афганскимъ владѣтелямъ, которые при Гамаюнѣ отдѣлились отъ господства великаго могола и основали независимыя царства. Акбаръ въ дождливое время года двинулся противъ нихъ изъ Агры съ большимъ, изъ разныхъ пародностей составленнымъ наемнымъ войскомъ и присоединилъ къ царству Дели плодородныя области къ югу отъ Ганга. Съ этой поры афганскія династіи исчезли изъ Индустана.—За нѣсколько лѣтъ до того магометанскіе авантюристы завладѣли прелестною кашмирскою долиною, этимъ плодороднымъ, цвѣтущимъ земнымъ раемъ у подножія покрытыхъ снѣгомъ Гималайскихъ горъ, и область Пешаверомъ при верхнемъ Индѣ; они деспотически владычествовали надъ туземцами. Акбаръ подчинилъ магоме-

тавъ своей власти и обложили ихъ податью. Владѣтель Синда, принявъ на службу португальскія и арабскія наемныя рати, также вынужденъ былъ признать верховную власть Акбара.—Подъ исходъ шестнадцатаго столѣтія владычество великаго могола простиралось отъ персидскихъ границъ и до восточныхъ рубежей Бенгаліи, отъ моря и Виндійскихъ горъ до могучаго Гималайскаго хребта. Вскорѣ моголы утвердились также въ Деканѣ. Здѣсь въ теченіе двухъ вѣковъ уже господствовали разбитые на многіе роды потомки афганскаго вождя Гуссуна Гангу Багмени. Туземцы были большею частью Индусы, тогда какъ потомки Багмени, ихъ сановники и придворные исповѣдали исламъ. Но, разбившись на политическія и религіозныя партіи, эти династіи вели между собою постоянную борьбу. Въ 1595 году изъ-за престола Агмеднугура ратовали другъ противъ друга три сопскаателя. Одинъ изъ нихъ обратился за помощью къ Акбару; послѣдній не медля двинулъ туда войско и осадилъ столицу. Однако султанша Чандъ Биби, прелестная амазонка, въ качествѣ опекуниши своего племянника защищала крѣпость съ такою осмотрительностью и храбростью, что всѣ приступы были отбиты. Въ латахъ, обнаживъ мечъ и покрывъ фатою лице, она бросалась въ проломъ и отражала нападавшихъ. Лишь тогда, когда въ женскихъ покаяхъ Бибіи была умерщвлена раздраженными солдатами, удалось взять Агмеднугуръ. Въ теченіе наступившихъ затѣмъ годовъ Акбаръ и знаменитый визирь его *Абуль Фазль* покорили большую часть полуострова Декана. Мы уже знаемъ, что этотъ образованный и свободомыслящій дѣятель и полководецъ въ „Акбарнамѣ“ изложилъ программу своего государя. Абуль Фазль за два года до смерти Акбара былъ убитъ вооруженною шайкою, какъ думаютъ по наущенію развратнаго и жестокаго Селима, старшаго сына великаго могола; послѣдній возвелъ его въ наместники вновь основанной столицы Аллахабада при впадѣніи Джамны въ Гангъ и назначилъ своимъ наслѣдникомъ. Акбаръ былъ истый реформаторъ. Въ религіозныхъ дѣлахъ онъ соблюдалъ терпимость и свободу, запретивъ въ своихъ владѣніяхъ стѣснять подданныхъ въ вѣроисповѣданіи, такъ что магометане и Индусы съ одинаковыми правами отправляли свои богослуженія и занимали государственныя должности; онъ приглашалъ даже ко двору иезуитовъ и заставлялъ ихъ при себѣ изложить и защищать ихъ ученія. Немагометанъ онъ освободилъ отъ законовъ установленныхъ во всѣхъ мусульманскихъ державахъ податей, отмѣнилъ уставъ пилигримства для магометанъ и Индусовъ, запретилъ принудительное сожженіе вдовъ и разрѣшилъ имъ вновь вступать въ бракъ. Податную систему и правительственную администрацію Акбаръ съ помощью своего визиря также подвергъ реформамъ. Онъ велѣлъ обмежевать всѣ годныя къ воздѣлѣнью земли въ государствѣ, разбить ихъ, смотря по плодородію, на классы, и постановилъ, чтобы изъ средняго дохода двѣ трети поступали въ пользу общины, а одна треть—въ пользу правительства. Государство дѣлилось на пятнадцать субъ или провинцій, двѣнадцать въ Индустанѣ, три въ Деканѣ. Во главѣ каждой изъ провинцій состоялъ субадаръ съ полною гражданскою и военною властью. Ему подчинялись всѣ чиновники, сборщики податей и начальники округовъ, называемые впоследствии набобами (навабами) т. е. наместниками. Со временемъ набобъ того или другаго округа получалъ равныя права съ субадаромъ, въ родѣ того какъ въ нѣмецкое средневѣковье графъ въ маркіяхъ — съ герцогомъ. Царство могола напоминаетъ собою римскую имперію нѣмецкой націи еще тѣмъ, что преемники Акбара не въ силахъ были содержать въ повиновеніи и покорности этихъ начальниковъ провинцій и округовъ, вслѣдствіе чего субадары и набобы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и раджи или ленные князья Индусовъ хозяйничали на свой страхъ. Намѣстники повиновались только тогда, когда имъ

было выгодно, а раджи платили столько податей, сколько имъ было угодно: субадары и подчиненные имъ чиновники распоряжались словно самостоятельные владѣтели и оставляли землевладѣнн въ наслѣдство своимъ потомкамъ. Акбаръ любилъ блестящій придворный штатъ; сидя на тронѣ, окруженный своимъ дворянствомъ, „сверкая алмазами подобно звѣздному небу“, онъ производилъ величественное впечатлѣнне.

Царство Дели По смерти Акбара въ царствѣ великаго могола въ Дели обнаруживаются такая же явленія, какъ и въ другихъ восточныхъ державахъ, въ Константинополѣ и Испаганѣ: смуты и усобицы, гаремныя интриги, разстроеныя семейныя отношенія, господство женщинъ и вліяніе временщиковъ, развратъ и расточительность, пороки и сладострастіе. Все это зло водворилось уже при *Селимѣ*, принявшемъ титулъ *Джамшира*, т. е. завоевателя міра. При немъ надъ дворомъ и страной царя прекрасная Миръ-эя-Нисса, которую Селимъ присвоилъ себѣ такъ же, какъ король Давидъ жену Уриѣ. Сынъ и наслѣдникъ Селима, назвавшійся шахомъ *Джамшомъ*, царемъ міра, любилъ пышность. Говорятъ, будто такъ называемый „павлиный тронъ“ благодаря обилію драгоценныхъ камней стоилъ свыше шести милліоновъ фунт. ст. Его великолѣпныя чертоги въ Дели и мавзолей, который онъ воздвигъ въ Агрѣ своей супругѣ, признаются чудесами искусства и пышности. Однако правленіе его омрачилось домашними невзгодами. Еще при жизни шаха, какъ нѣкогда во Франціи при Людовикѣ Благочестивомъ, возгорѣлась усобица между его четырьмя сильными, по страстнымъ склонностямъ. Трое младшихъ, Шудшахъ, Аврунгибъ и Морадъ завладѣвали первенцу Даръ Шико въ предназначенномъ отъ отца престолонаслѣдіи.

Онѣ объявились независимыми въ своихъ наместничествахъ и присвоили себѣ царскій титулъ. Самъ шахъ Джамшъ былъ побѣжденъ и закончилъ жизнь свою плѣнникомъ. Послѣ продолжительныхъ междоусобій лукавый и коварный Аврунгибъ, ревностный поклонникъ Корана, велѣлъ измѣннически убить старшаго изъ братьевъ, а двухъ остальныхъ — засадить въ тюрьму, и добился престола въ Дели. Онъ назвался *Алумиромъ*, т. е. всемірнымъ завоевателемъ. Но не оправдалъ этого притязательнаго прозвища. Правда, пятидесятилѣтнее царствованіе жестокаго и деспотическаго великаго могола было непрерывною цѣнью войнъ и походовъ, и онъ рѣдко выпускалъ мечъ изъ рукъ; однако, Аврунгибъ по смерти своей оставилъ разстроенное царство, въ нѣкоторыхъ изъ самыхъ богатыхъ провинцій господствовали мятежи, и онѣ отчасти перешли даже къ другимъ владѣтелямъ. Магометанскіе писатели исполнены удивленія къ Аврунгибу; они ставятъ его выше Бабера и Акбара. Но именно тѣ качества, за которыя они его такъ прославляютъ, его религиозная ревность къ исламу и жестокое гоненіе иновѣрцевъ, и потрясли царство моголовъ. Раджпуты, которыхъ умѣренная и мудрая политика Акбара привязала къ престолу въ Дели, оскорбившись ихъ пренебреженіемъ, обнажили мечъ въ защиту своей національной самостоятельности и не разъ вступали въ бой съ войсками могола. Мало того, храбрый, умный и предприимчивый вожь вооруженныхъ племекъ, *Севаджи* († 1680), изъ воинственнаго племени *Маграттовъ*, въ Деканѣ, въ долинахъ Гатскихъ горъ и въ прибрежной странѣ Конкана до самыхъ португальскихъ колоній въ Гоа, собралъ нѣсколько отрядовъ подъ свое знамя и положилъ основаніе особаго независимаго царства. Исповѣдая древнюю религію Индусовъ, Магратты, которые принадлежали болѣею частью къ низшимъ кастамъ, были закаленные, бодрый народъ небольшого роста; они вели простой, суровый образъ жизни, ловко и быстро скакали на лошадяхъ и, разбившись на отдѣльныя племена, вели боевую, разбойничью жизнь подъ начальствомъ туземныхъ вождей. Попытавшись сначала въ малой войнѣ, Севаджи довелъ число своихъ воору-

Аврунгибъ
Алумиръ.
1658—1707.

женныхъ приверженцевъ до того, что къ нему на смотръ явилась рать въ 30,000 конныхъ и 40,000 пѣшихъ волновъ, и онъ могъ даже побѣдно сразиться съ высланнымъ противъ него войскомъ могола. Съ этой поры его значеніе и его предприимчивость усилились еще болѣе. Онъ ратовалъ противъ царя *Голконды*, проживавшаго въ замкѣ, на горѣ близъ Гейдерабада, напалъ на богатый приморскій городъ Суратъ, удачно и успѣшно отражалъ войска государя. Его братъ и преемникъ, присвоивъ себѣ названіе *рамъ раджи* (верховнаго царя или великаго князя) перенесъ свою столицу въ Саттару и продолжалъ совершать военныя и хищныя набѣги, такъ что въ началѣ восемнадцатаго вѣка царство Маграттовъ обнимало всю среднюю часть Передней Индіи. Но лишенное крѣпкой центральной власти, оно не могло долго просуществовать. Распри между рамъ раджею и предсѣдателемъ въ царскомъ совѣтѣ, по прозванію *пейшиа*, который жилъ въ своемъ пышномъ дворцѣ въ Пунѣ, и связанные вмѣстѣ съ тѣмъ козни и заговоры по прошествіи нѣсколькихъ десятилѣтій повели къ раздѣлу на западное и восточное царство Маграттовъ, на Пуу и Бераръ; сверхъ того возникли раздоры между мелкими династіями и князьками, чѣмъ воспользовались Англичане въ интересъ своего владычества. Выше всѣхъ стоялъ дома Спиндеевъ и Голькаровъ, также Гвиковаръ, царствовавшій въ Гузератѣ.

Сынъ и наслѣдникъ Аврунгиба, *Багадери Шахъ*, достигъ престола лишь Багадери Шахъ постѣ побѣдоносной битвы съ своимъ братомъ и соперникомъ, Азимомъ. 1707—1712 Онъ не только продолжалъ воевать съ Маграттами, по ему пришлось еще вести борьбу противъ новаго врага, теократическаго военнаго царства *Сейковъ*. Въ концѣ пятнадцатаго столѣтія Нанахъ, Индусъ изъ касты воиновъ въ области Лагоръ въ Пенджабѣ, знавшій Коранъ и Веда, пытался соединить индійское вѣроученіе съ магометанскимъ: онъ призналъ простой монотеизмъ и очищенное правоученіе, въ которомъ согласовались обѣ религиозныя системы, высшею всеобщюю религіею, — религіею міра и человеколюбія. Вскорѣ образовалась секта, на челѣ которой находился духовный глава въ качествѣ учителя. Вислѣдствіи простое ученіе Нанака; благодаря догматическому изложенію его учениковъ, получило мистическое направленіе. Самаго основателя признали воплощеніемъ Вишну, атаваромъ или богочеловѣкомъ, ученіе его облекли въ фантастическій языкъ, а ему самому приписывали чудеса и пророчества. По мнѣнью распространія ученія усиливались власть и значеніе духовнаго главы или гуру, а также и ненависть магометанъ и брамановъ къ сектѣ, которая отвергала и Коранъ и Веда, отмѣняла всякія различія кастъ и религій и ввела особенную одежду. *Арджуна*, самый прославленный изъ гуру, написавшій древнѣйшую часть св. писаній Сейковъ, умеръ мученикомъ въ тюрьмѣ (1606). Это было началомъ рьяныхъ войнъ между Сейками и магометанами. Изъ филантропической секты образовалась воинственно-политическая община на теократической основѣ съ видимымъ верховнымъ главою. Гонимые изъ Пенджаба Сейки въ горахъ сѣвера искали защиты отъ преслѣдователей. Убіенство гуру Говинда, послѣдняго потомка Арджуна, однимъ Афганомъ (1708) придало государственной системѣ Сейковъ другой характеръ: послѣ духовнаго князя такой святости никто уже не былъ достоинъ занять это высокое мѣсто. При томъ, гуру Говиндъ довершилъ св. писанія второю книгою: благодаря чему воля и заповѣдь Господа были всѣмъ открыты. Банда, другъ убитаго, поддерживалъ наружный составъ общины, возбуждалъ въ ней воинственный пылъ и пытался занять санъ мірскаго верховнаго главы съ политико-воинскою властью. Изъ своихъ безопасныхъ жилищъ между Сутледжемъ и горами они совершали опустошительныя набѣги по всѣмъ направленіямъ до Лагора и Дели. Противъ нихъ двинулся въ поле моголъ Багадери; жажда мести и фанатизмъ при-

1712. давали силы его армии. Сейки были разбиты и прогнаны в горы. Банда едва избѣгъ плѣна, благодаря хитрости вѣрнаго приверженца. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, когда *Фуроксиръ* наследовалъ своему отцу Багадеру, Сейки потеряли новое поражение. Ихъ вождь Банда отравленъ былъ съ семьюстами единовѣрцевъ въ Дели, гдѣ всѣ были казнены. Среди окровавленныхъ головъ, оскалившихся на него съ желѣзныхъ шестовъ, Банда былъ растерзанъ раскаленными клещами. Послѣ этого удара Сейки долго не могли оправиться. Мелкими шайками укрывались они въ долинахъ и ущельяхъ Гималая, совершая по временамъ опустошительныя набѣги въ сосѣднія страны.

Унадогъ царства могола. Не смотря на нападки враговъ царство могола до сихъ поръ все еще держалось. Но послѣ убійства Фуроксира Гуссуномъ Али, намѣстникомъ Могомедъ Шахъ. Бегара, и съ восшествія на престолъ его сына *Могоммеда Шаха* оно стало быстро клониться къ упадку. Слабые князья, злокозненные и жестокие визиря и полководцы, влияние женщинъ и сладострастие быстро довели царство до края гибели. Намѣстникъ Асофъ Джахъ, предприимчивый воинъ турецкаго происхожденія, основалъ близъ Гейдерабада самостоятельное владѣнiе, не обращая вниманія на государя, находясь то въ ссорѣ, то въ союзѣ съ Маграттами, особенно съ фамилией Баладжи, въ которой должность пейливы при раджахъ была наследственной. Въ странѣ Маграттовъ и тогда уже про моголовъ въ Индустанѣ говорилось: „Намъ стоить только ударить по чинлому стволу, тогда вѣтви и сами отпадутъ“. Магратты впрочемъ не успѣли еще исполнить свой замыселъ, какъ Дели потерялъ уже самыя жестокия напасти съ другой стороны. Надиръ Шахъ, тотъ самый что въ Исфаганѣ водворилъ свое деспотическое владычество (XII, 661), польстился на богатые сокровища Индiи. Овладевъ Кандагаромъ и Кабуломъ, онъ двинулся къ Инду, разбилъ въ кровопролитномъ бою великаго могола Могоммеда Шаха и вступилъ съ плѣнникомъ въ столицу Дели. Возстанiе моголовъ подало ему поводъ, насытить свою ярость и свое хищничество. Убитыхъ насчитывалось до 30,000, а сокровищъ онъ отвезъ въ Персiю на 30 миллионъ фнт. стр. Могомедъ остался на престолѣ, уступивъ по договору всѣ земли къ западу отъ Инда персидскому царю. Годъ спустя послѣ того, какъ Надиръ Шахъ былъ убитъ въ своей памяти шайкою персидскихъ заговорщиковъ, умеръ также и Могомедъ. Въ это самое время царству моголовъ угрожалъ — на западѣ афганскiй вождь Ахмедъ ханъ, на югѣ Магратты, на сѣверѣ Сейки, на востокѣ дикое племя Рогилласовъ между Гангомъ и Аудомъ, а внутри свирѣпствовали возстанiя и распри партiй. Новый моголъ, *Ахмедъ Шахъ*, не въ силахъ былъ справиться съ этими напастями. Послѣ одинадцатилѣтняго, исполненнаго боевыхъ тревогъ и мятежей правленiя онъ былъ убитъ по приказанiю вождя мятежниковъ; а тѣмъ временемъ Магратты, призываемые на помощь то одною, то другою партiею, производили убiйства, грабежи и опустошенiя по всему индустанскому краю. Для того чтобы катъ болѣе сильный отпоръ вопиющимъ ордамъ Индусовъ, пейива которыхъ взымалъ дань изъ всѣхъ частей государства, нѣсколько магометанскихъ князей и намѣстниковъ заключили между собою оборонительный союзъ. Они не могли однако воспрепятствовать Маграттамъ занять Дели и вновь разграбить столицу. Въ наступившiй затѣмъ годъ, однако, послѣднiе въ битвѣ при Панипатѣ, на границѣ Ауда, потерпѣли полное пораженiе отъ вопиющаго Ахмеда Дурани, намѣстника Пенджаба. Они послѣпно отступили къ югу, но были болѣею частью перебиты преслѣдовавшими ихъ воинами и жителями. Подъ сокрушительнымъ влиянiемъ этого пораженiя пейива умеръ, а царство Маграттовъ вслѣдствiе разлада вождей и внутреннихъ усобицъ быстро рушилось.

2. ЕВРОПЕЙСКИЯ КОЛОНИИ ВЪ ПЕРЕДНЕЙ ИНДИИ.

Въ этотъ мiръ Индусовъ и магометанъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ ловко Старѣйшiя по- вмѣшались англiйскiе негоданты остиндской компанiи и достигли громад- селенiя и ан- ныхъ успѣховъ сверхъ всякаго ожиданiя. Извѣстно, что Португальцы въ глiйская ком- шестнадцатомъ столѣтiи уже утвердились въ Индiи; въ удобно расположен- панiа. ныхъ береговыхъ мѣстахъ они основали колонию и факторiю, средоточи- емъ которыхъ былъ городъ Гоа. А потомъ, когда Португалия подчинилась владычеству Испанiи, въ восточный мiръ проникли Голландцы и zaloжили поселения и рынки на Цейлонѣ, въ Малакѣ и на Зондскихъ островахъ. Англии трудно было тогда совладать съ испанскимъ могуществомъ и съ господствовавшей надъ морями республикою Генеральныхъ штатовъ. Тяжкая конституцiонная борьба въ теченiе семнадцатаго столѣтiя тормозила развитiе ея морскаго и меркантильнаго владычества. При королевѣ Елисаветѣ въ послѣднiе годы ея царствованiя образовалось, правда, остиндское торговое общество съ значительными капиталами, снабженное отъ правительства важными автономическими правами; однако Португальцы и Голландцы хитростью и насплѣмъ пытались удалить новыхъ соперниковъ; они возбуждали противъ нихъ магометанскихъ князей, выдавая Британцевъ за морскихъ разбойниковъ; извѣстно, съ какою возмущительною жестокостью Голландцы влѣтѣняли англiйскiя колонiи съ Молукскихъ острововъ. А потому англiйскимъ негодантамъ слѣдовало вести себя весьма скромно. Сэръ Томасъ Ро, пробившiй при Яковѣ I. два года въ Дели, добился у великаго могола, Джигангира, чтобы компанiи разрѣшено было для распродажи товаровъ открыть рынки въ Суратѣ, Камбе и Ахмедабадѣ. Этотъ посоль давъ вождямъ компанiи, состоявшей изъ губернатора и двадцати директоровъ, мудрый совѣтъ, назначить хорошее жалованье повѣреннѣмъ въ колонiяхъ, но поздравить ихъ принимая участiе въ торговыхъ предпрiятiяхъ. Остиндская компанiя лишь при Карлѣ II. приняла болѣе широкiй размахъ. Она утвердилась на Коромандельскомъ берегу и воздвигла въ Маграспатамѣ фортъ для охраны своего рынка. Затѣмъ компанiя приобрѣла еще на другой сторонѣ важную станицю: король уступилъ торговому обществу за десять фнт. стр. ежегодной арендной платы островъ Бомбей, который супруга его, Екатерина Португальская, получила въ приданое. Въ то же время общество списало себѣ расположенiе великаго могола храброю защитою Сурата противъ вождя Маграттовъ, Севаджи. А сверхъ того Карлъ и братъ его Яковъ II. расширили еще права корпорацин. Компанiи разрѣшалось самостоятельно назначать своихъ пачальниковъ и чиновниковъ; мало того, ей предоставлялось особое судопроизводство и право набирать рекрутъ, залагать крѣпости, вести войну съ невѣрующими, заключать договоры и т. п. Такiя преимущества общества, устраняющаго отъ себя всякую конкуренцiю, возбудили зависть въ остальномъ торговомъ мiрѣ. А потому при королѣ Вильямѣ лондонскiе купцы образовали новую остиндскую компанiю; она оказала государству помощь значительною ссудою въ стѣпенномъ его положенiи, за что и добилась признанiя правительства и парламента. Слѣдовало опасаться, какъ бы эти два общества въ пылу конкуренцiи и соревнованiя не повредили другъ другу и, въ родѣ того какъ прежде Португальцы и Голландцы старались воспрепятствовать британскимъ колонiямъ, такъ и теперь не возникло бы враждебное состязанiе въ одной и той же нацiи, какъ бы притомъ Францiя, гдѣ Кольбертъ тоже основалъ остиндскую компанiю, не предупредила бы Англичанъ, съ которыми она тогда вела войну. Эта опасность была

1613.

1668.

1670.

удачно устранена. Убѣдились въ томъ „что въ Англии въ одно и то же время не могутъ состоять двѣ остиндскія компаніи, такъ же какъ и два короля въ *одномъ* государствѣ“. Мы уже видѣли (XII, 563), что оба общества вошли между собою въ соглашеніе. Они слылись въ еднѣю „соединенную компанію торгующихъ съ Остиндіею кушцовъ“, увеличили число акцій и назначили двадцать четыре директора. Послѣдніе избирались всѣми акціонерами изъ числа наиболѣе заинтересованныхъ членовъ, такъ что они составляли аристократическій совѣтъ, среди общины владѣльцевъ (Bord of Proprietors) и губернаторомъ.

Англичане и Французы въ Карнатикѣ. Теперь скорѣе могла осуществиться мысль о приобрѣтеніи областей, съ цѣлью стать націей въ Индіи“. Члены остиндской компаніи, которая подобно нѣмецкой Ганзѣ въ средневѣковьи сложилась въ самостоятельную общинную систему съ твердою организаціею, въ восемнадцатомъ вѣкѣ являются завоевателями. Они расширили свои колоніи постепенно до царства, которое размѣромъ и населеніемъ далеко превысило метрополию. Въ этомъ предпріятіи вожди компаніи явились за одно и державцами и купцами. Принимая на службу европейскихъ наемныхъ солдатъ всѣхъ націй поручая команду надъ ними английскимъ офицерамъ, неограниченно прежде всего вступили въ борьбу съ Французами изъ-за обладанія прибрежныхъ странъ въ Передней Индіи. Подъ конецъ семнадцатаго столѣтія французская компанія на Коромандельскомъ берегу приобрѣла у туземнаго вождя деревню Пудушерри и въ скоромъ времени расширила ее постройками и укрѣпленіями, такъ что область города „Пондишерри“ стала средоточіемъ восточной торговли. Не обошлось, конечно, безъ того, чтобы войны между обѣими націями въ Европѣ не отразились также на Индію, чтобы Карнатикѣ не стали ареною жестокихъ битвъ между Англичанами въ Мадрасѣ и Французами въ Пондишерри, и чтобы и тѣ и другіе не пытались приобрѣсть союзниковъ среди сосѣднихъ вождей, магометанъ и Индусовъ. Известно уже, что во время войны за австрійское наслѣдство морской герой Лабурдонне въ связи съ умнымъ и предприимчивымъ Дюпле, губернаторомъ въ Пондишерри, занялъ Мадрасъ и удерживалъ его нѣкоторое время за собою (стр. 54). Однако, по Ахенскому миру городъ былъ возвращенъ Англии, потому расширенъ и укрѣпленъ, такъ что онъ скоро сталъ оплотомъ британскихъ колоній въ Деканѣ. Въ это время английскій лейтенантъ Робертъ Клейвъ поступилъ на службу компаніи въ надеждѣ на почетн и богатства и прославился своимъ мужествомъ и боевыми дарованіями. Онъ былъ произведенъ въ полковники и отличился доблестною обороною Аркота (Аркаду), главной крѣпости въ краѣ; Англичане завладѣли ею при помощи вождя Маграттовъ, возставшаго противъ набоба въ Карнатикѣ; Дюпле тщетно пытался отвоевать ее опять для магометанскаго владѣтеля.

Бенгалия и Деланъ. 1750. Компания обратила свои взоры также на долину Ганга, въ особенности на богатую Бенгалию: тамъ подъ конецъ семнадцатаго столѣтія уже для охраны колоніи при рѣкѣ Гугли воздвигнуть былъ фортъ Вильямъ, а въ Калькуттѣ создано новое средоточіе англо-остиндскаго колониальнаго міра. Мы знаемъ, въ какомъ разстроеномъ состояніи находилось царство могола въ половинѣ этого столѣтія: тѣснимый со всѣхъ сторонъ врагами государь не въ силахъ былъ болѣе отстоять цѣлость державы; не только Магратты и Сейки угрожали ему, не только Дели былъ вновь завоеванъ и разграбленъ, но даже намѣстники провинцій и округовъ, субадары и набобы объявили себя независимыми; покоренные народы начали свергать съ себя иго; вожди шаекъ и смѣлые авантюристы основали самостоятельныя владѣнія; весь Деканъ былъ вооруженъ; отъ Тацджора до Нербудды свирѣпствовала малая война между туземными племенными вождями и властолю-

бивыми намѣстниками; и всѣ партіи прибѣгали за помощію къ Европейцамъ съ ихъ пушками и ихъ опытными войсками. Англичане и Французы вѣшивались во все, такъ что борьба между туземцами отзывалась въ то же время въ Лондонѣ и Парижѣ. Однако, какъ въ долинахъ Миссисипи и св. Лаврентія, такъ тоже и въ Деканѣ успѣхъ былъ большею частью на сторонѣ Англичанъ. Французы никогда не проявляли большой способности къ колонизаціи. Дюпле, безспорно самый способный и предприимчивый изъ французскихъ губернаторовъ въ Остиндіи, былъ, подобно другимъ до него, отозванъ и пожалъ одну лишь неблагодарность. Французскіе намѣстники любили роскошничать: Бюсси, преемникъ Дюпле, постоянно носилъ платье изъ дорогой парчи, шляпа и башмаки его были вышиты золотомъ; за своимъ роскошнымъ столомъ онъ возсѣдалъ на чѣмъ-то въ родѣ трона, украшеннаго королевскимъ гербомъ; когда онъ выѣзжалъ верхомъ, то его сопровождали нѣщцы и музыканты, славившіе рыцарскіе подвиги своего повелителя. Всѣ эти условія были на руку английской компаніи. Ея чиновники и начальники призывались на помощь то одной, то другою партіей, а не то и сами предлагали свои услуги, охотно вѣшивались во внутреннія распри; потому договорами привлекали тѣхъ, которые казались наиболѣе полезными для британскихъ интересовъ, къ намѣстничествамъ Мадраса, Бомбея или Калькутты. Вскорѣ послѣ того, какъ отозванъ былъ Дюпле, въ Бенгаліи случилось трагическое происшествіе. Субадаръ области, Сураджъ-эдъ-Даула, горячій, жестокій молодой человекъ, ненавидѣвшій Англичанъ, захватилъ фортъ Вильямъ и велѣлъ весь гарнизонъ, сто сорочекъ шесть воиновъ сунуть въ конуру, въ такъ называемую „черную яму“, въ которой едва могло помѣститься двадцать человекъ. Въ этой ужасной норѣ заключенные въ одну страшную ночь перемерли отъ истомы и удущья самою мучительною смертію. Утромъ двадцать три человека, жалкій остатокъ несчастныхъ плѣнниковъ, словно привидѣнія, шатаясь, вышли изъ ямы. Всѣхъ объ этой катастрофѣ и о взятіи Калькутты магометанскимъ тираномъ возбудила въ Мадрасѣ страхъ и злобу. Всѣ, у кого въ жилахъ текла британская кровь, жаждали мести. Противъ Французовъ и Голландцевъ, которые отказали гарнизону въ просимой имъ помощи, также вспыхнула сильная неаппетитъ; всего въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда находился французскій фортъ, Чандернагоръ, и при всемъ томъ допустили совершиться этой гнусной жестокости!

Въ это самое время Клейвъ, которому компанія выхлопотала чинъ полковника, воевалъ съ морскимъ разбойникомъ Ангрисомъ на берегу Конканы. Ему удалось съ помощію Маграттовъ уничтожить царство пиратовъ внутри страны. Когда ему сообщили ужасную вѣсть о паденіи Калькутты и о злодѣйствѣ въ фортѣ Вильямѣ, то онъ тотчасъ же сѣлъ на корабль и отправился въ Мадрасъ, съ тѣмъ чтобы предпринять въ отместку походъ въ Бенгалию. Начальники колоніи поручили ему главную команду надъ арміей, состоявшей изъ 900 Европейцевъ и 1500 туземцевъ (силаевъ); она не медля на десяти корабляхъ, принадлежавшихъ на половину компаніи, а на половину королевскому флоту, отправилась въ путь. Въ первые дни ноября года Калькутта была вновь во власти Англичанъ; вскорѣ сдался также городъ Гугли, въ нѣсколькихъ миляхъ вверхъ по рѣкѣ. Клейвъ рѣшился завоевать Бенгалию для компаніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣсть также для себя сокровища либо путемъ военной добычи, либо договорами. Предпріятіе было не легкое, такъ какъ у Сураджъ-эдъ-Даулы было 40,000 воиновъ, а подъ командою англійскаго полководца едва насчитывалась десятая часть. Сверхъ того еще субадаръ поддерживалъ Французовъ и слышать не хотѣлъ объ ихъ изгнаніи. Однако Клейвъ всѣми силами добивался достигнуть своей цѣли. Онъ отнялъ у Французовъ ихъ главнѣйшій оплотъ Чандер-

1755.

Юня 1756.

Робертъ Клейвъ.

3. янв. 1757.

нагорь; мелкими стычками и трактатами успѣлъ онъ провѣсть субадара, пока не удалось возбудить возстаніе и измѣну въ средѣ окружавшихъ его; онъ заключилъ тайкомъ военный союзъ съ Маграттами и грозилъ владѣтелю, „заключить въ его области такое пламя, что вся вода Ганга не въ состояніи будетъ потушить его“. Клейвъ достигъ своей цѣли. Когда дѣло дошло до битвы при Плассеѣ, то благодаря измѣнѣ одноплеменнаго съ нимъ вождя, Мира Джаффира, Сурадъ-эль-Даула былъ разбитъ. Этотъ юноша, едва двадцати лѣтъ отъ роду, лукавый и вмѣстѣ съ тѣмъ насильчивый, спасаясь въ Муржибадъ, былъ казненъ по приказу вѣроломнаго и жестокаго городского директора. Семь сотъ ящиковъ съ деньгами и драгоценностями были при грубныхъ звукахъ доставлены въ Калькутту; на долю Клейва изъ добычи выпало 230,000 фт. стр. Это было починомъ англійскаго господства въ Бенгаліи. Клейвъ, подобно римскимъ проконсуламъ, пользовался всякими средствами, силою и хитростью, обманомъ и измѣною, лишь бы достигъ цѣли. Новый набобъ Миръ Джаффиръ и сынъ его Мирумъ совершенно зависѣли отъ Англичанъ, охранявшихъ ихъ какъ отъ вождей Маграттовъ, такъ и отъ царскаго двора въ Дели. Клейвъ директорами былъ назначенъ президентомъ Калькутты и добился для компаніи исключительной торговли селитрою, а для себя несмѣтныхъ сокровищъ. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того онъ переехалъ съ ними въ Англію, припудивъ напередъ угрожающимъ положеніемъ голландскую факторію Чинсуру и тревожитъ болѣе англійское владычество происками и кознями.

Преобладаніе Тѣмъ временемъ въ Европѣ возгорѣлась борьба между Франціей и Англіей, превратности которой отзывались также и въ Остидіи. Изгнаніе Французовъ изъ Бенгаліи сопровождалось упомянутыми уже утратами въ Карнатикѣ (стр. 91). Французскому военачальнику, Лалли-Толлендалю, удалось, правда, принудить къ сдачѣ плохо снаряженный снарядами и гарнизономъ фортъ съ Давида; за то онъ вынужденъ былъ съ урономъ снять продолжавшуюся два мѣсяца осаду Махраса. Затѣмъ война на югъ полуострова длилась еще два года съ перемѣнными успѣхомъ; въ ней то съ одной, то съ другой стороны принимали участіе раджи Танджора, Тричинонти, Масулинатама. Въ кровопролитной битвѣ при Вандевалѣ, гдѣ храбрый полковникъ Бюссеп попалъ въ плѣнъ, англійскій начальникъ Кутъ, котораго Клейвъ изъ Бенгаліи отправилъ въ Карнатикъ, завладѣлъ неурядицѣю лагеремъ со всѣми орудіями; послѣ того Лалли Толлендаль собралъ всѣ французскія войска и наемные отряды въ Пондичери, съ тѣмъ чтобы отстоять этотъ оплотъ французскаго владычества. Однако, истощеніе и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ понудили генерала и губернатора послѣ длившейся нѣсколько мѣсяцевъ осады сдать Англичанамъ на условіяхъ городъ и штадель Пондичери. Вслѣдствіе этого навсегда разсѣлились блестящіе мечты о французскомъ царствѣ на Востокѣ; двѣ факторіи на Малабарскомъ берегу были теперь единственными владѣніями Французовъ въ Индіи. Съ этой поры англійское господство приняло болѣе широкіе размѣры въ Карнатикѣ и по всему южному Декапу. Туземные субадары, набобы и раджи вступили въ союзъ съ компаніей, а вскорѣ затѣмъ въ податныя и служебныя къ ней отношенія. Лалли-Толлендаль, какъ уже было упомянуто, умеръ на эшафотѣ. Компанія и правительство требовали жертвы, и работливый парижскій парламентъ удовлетворилъ этой жаждѣ мести юридическимъ убійствомъ. По прелиминарнымъ статьямъ въ Фонтенебло, на основаніи которыхъ въ послѣдствіи заключенъ былъ Парижскій миръ, Пондичери, какъ уже извѣстно, былъ возвращенъ Франціи; однако, французское владычество въ Деканѣ прекратилось такъ же, какъ и господство на Миссисипи. Пондичери осталось факторіей и колоніей для французской торговли, а Гоа для португальской. Политическая же власть всецѣло перешла къ Англіи.

3. АНГЛО-ОСТИНДСКАЯ КОМПАНИЯ ПРИ ЛОРДѢ КЛЕЙВѢ И ВАРРЕНТЪ ГАСТИНГСѢ.

Клейвъ въ Бенгаліи указалъ пути, какъ посредствомъ коварства и вѣроломной политики въ связи въ вооруженною силою можно достигъ владычества и богатства. Этотъ образъ дѣйствій систематически развивался и примѣнялся въ Индіи. Царскій дворъ въ Дели, гдѣ послѣ убійствъ Ахмедъ Шаха престолъ моголовъ зянялъ сынъ его, шахъ Сада, не пользовался ни властью, ни достаточнымъ значеніемъ для того, чтобы отстоять цѣлость царства. Всякія попытки, подчинить отпавшихъ намѣстниковъ, окружныхъ начальниковъ или вождей разныхъ шаекъ, кончались въ пользу Европейцевъ, которые съ большимъ искусствомъ вмѣшивались во внутреннія распри. Религіозная ненависть между Индусами и магометанами, обычныя въ восточномъ мірѣ семейныя раздоры, честолюбіе, алчность и великаго рода страсти,—все это представляло много слабыхъ сторонъ, въ которыя Британцамъ стоило только вонзить свое острое оружіе. Они то поддерживали измѣнниковъ противъ царскаго начальника или визиря, то навязывались посредниками въ междоусобіяхъ. Когда обнаруживался мятежъ или возстаніе въ войскахъ, въ которое вынуждены были принимать все болѣе туземцевъ (синаевъ), то дисциплина восстанавливалась съ безпопачною строгостью и жестокими наказаніями. Директоры компаніи одобрили и поощряли завоевательныя планы своихъ предводителей и служащихъ, оттого что вмѣстѣ съ этимъ достигались выгодныя торговыя связи и монопольныя преимущества. Внутреннія попоймы часто приходилось отбѣивать въ угоду англійскаго кумечества. Вскорѣ послѣ отставки Клейва начальники компаніи въ Калькуттѣ воспользовались дальнѣйшими важными завоеваніями. Когда Мирумъ, сынъ Мира Джаффира, которому покровительствовали Англичане, во время похода былъ убитъ молніей въ своей палаткѣ, то въ семьѣ набоба возникъ споръ изъ-за наслѣдія: братъ Джаффира, Миръ Коссимъ, хотѣлъ лишить своихъ младшихъ племянниковъ высокаго сана. Англичане уговорили Мира Джаффира уступить имъ свои права за годовою окладъ; онъ былъ первый царскій пенсіонеръ общества. Миръ Коссимъ сталъ готовиться къ отпору; онъ назначилъ швейцарца, по имени Сомру, находившагося на французской службѣ, начальникомъ своей армии и открылъ враждебныя дѣйствія, перебивъ всѣхъ плѣнныхъ Англичанъ въ своей столицѣ Патнѣ,—непостояство равное жестокости Сурадъ-эль-Даула въ фортѣ Вильямѣ. Убитыхъ по распоряженію Сомру насчитывалось до двухъ сотъ. Вскорѣ Англичане вступили въ Бегаръ и подошли къ Патнѣ. Не смотря на превосходное число войска, набобъ не отважился одинъ выступить противъ врага. Онъ обратился за помощью въ Аллабадъ къ аудскому набобу. Послѣдній исполнилъ его желаніе; однако въ битвѣ при Буксарѣ 22. окт. 1761. европейское боевое искусство преодолѣло соединенныя силы обѣихъ индійскихъ союзниковъ. Никогда еще въ колоніяхъ не собиралось такъ много войска на полѣ брани. Въ индійской армии было около 40,000 вояковъ, тогда какъ бригадскіе начальники могли выставить противъ нихъ всего 1200 Европейцевъ и 8000 синаевъ. Эта побѣда, стоившая Англичанамъ 847 человекъ убитыми и ранеными, положила основаніе господству компаніи на сѣверѣ Индійскихъ горъ. Въ Патнѣ набобомъ назначенъ былъ младшій сынъ Мира Джаффира; онъ обязался предоставить охрану края англійскимъ военачальникамъ и въ дѣлахъ правленія сообразоваться съ совѣтомъ компаніи. Виновики кровопролитія, Миръ Коссимъ и Сомру, спаслись бѣгствомъ и кончили жизнь въ неизвѣстности. Даже моголъ Шахъ Алумъ, владѣвшій съ набобъ-визиремъ аудскимъ, вступилъ въ сно-

шение съ директорами въ Калькуттѣ; компания векорѣ приняла подъ свое покровительство этого потомка Тимура и Бабера. Англичане всеѣмъ намѣстникамъ и днастамъ, которые имъ подчинялись, доставляли богатый доходъ и освобождали ихъ отъ бремени правленія. Набоѣ низамутскій былъ такъ доволенъ предложенными ему условіями, что въ восторгѣ воскликнулъ: „Слава Богу, теперь я могу содержать тапцовницъ, сколько моей душѣ угодно!“ Для такого дѣла необходимо было заручиться надежными и опытными челоѣкомъ. А потому вѣдомство директороѣ въ Лондонѣ во второй разъ послало Клейва въ Калькутту, куда онъ и прибылъ 3. мая 1765.

3. мая 1765. Клейвъ въ Англии. 1761—1765. Какъ удивлялись знаменитому завоевателю, когда четыре года тому назадъ онъ вернулся съ сокровищами, приносившими ему 40,000 фунт. стер. ежегоднаго дохода! Онъ былъ возведенъ въ лорды и избранъ въ пикниую палату. Графъ Бьютъ старался его привлечь на свою сторону, Клейвъ, однако примкнулъ къ Питту. Не обошлось, впрочемъ, безъ завистниковъ и противниковъ. Сулванъ, предсѣдатель собранія директороѣ, приверженецъ Бьюта, помышлявшій болѣе о торговлѣ чѣмъ о политикѣ, пытался было повредить доброму имени Клейва. Но ему не удалось это; напротивъ, встревоженная вѣстями изъ Калькутты компания рѣшилась вновь поручить Клейву дѣла въ Бенгаліи, убѣдившись въ томъ, что только такой опытный и энергическій челоѣкъ въ состояніи умѣло и усильно довершить начатое предиріятіе. Вѣдомство директороѣ было преобразовано новыми выборами. Тогда лорду возвратили полученные изъ Миръ Джаффира подарки, которые оскаривали у него по суду, зачѣмъ назначили его губернаторомъ и главнокомандующимъ въ Бенгаліи. У Клейва хватило настолько чести и національнаго чувства, что онъ интересы страны предпочелъ спокойной жизни въ родномъ краѣ.

Второе на- мѣстничество Клейва и послѣдствія. Въ теченіе своего втораго индійскаго періода Клейвъ проявилъ сильную организаторскую дѣятельность, съ цѣлью упрочить британское владычество въ долинѣ Ганга и въ то же время устранить существовавшіе недостатки въ армии и администраціи. При личномъ свиданіи въ Бенаресѣ онъ побудилъ набобъ-визиря аудскаго, заключить съ компаниею дружескій союзъ и уступить области Аллахабадъ и Кора. Съ государемъ въ Дели, которому Магратты вновь угрожали нападеніемъ, былъ заключенъ договоръ: по невь великій моголъ передалъ компании въ качествѣ ленныхъ областей за значительную ежегодную ренту провинціи Бенгалію, Ориссу и Бенаръ, за что общество обязалось защищать могола противъ Маграттоѣ и другихъ враговъ. За государемъ въ Дели сохранился одинъ лишь призракъ царскаго величія; власть и господство перешли къ торговой компании. „Въ индійской государственной премудрости“, писалъ Клейвъ британскому правительству, „сущность заключается болѣею частью въ формѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы взимаемъ подати, мы на самомъ дѣлѣ владѣтели края. За государемъ и намѣстниками остается только имя и тѣнь господства. Намъ подбааетъ, однако, и полезно даже, уважать эту тѣнь“. Въ отсутствіи Клейва въ войскѣ и въ средѣ чиновниковъ вкрался разныя злоупотребленія. Офицеры выговорили себѣ у туземныхъ княжескихъ вождей значительную прибавку жалованья, „двойную батту“, уплаты которой они требовали потому также и отъ совѣта въ Бенгаліи; чиновники съумѣли повысить свудши, директорами назначенный имъ окладъ, то обманывая въ торгѣ. „Въ Бенгаліи“, говоритъ Магонъ, „почти каждый Англичанинъ считалъ своимъ правомъ поскорѣе обогатиться и смотрѣлъ на покоренныхъ туземцевъ какъ на свою добычу“. Клейвъ хотѣлъ устранить это зло. Гражданскіе чиновники письменно обязались, впредь не принимать болѣе подарковъ отъ туземныхъ князей и не вмѣшиваться въ торговлю. Клейвъ

добился за то, чтобы компания предоставила имъ за незначительный взносъ солидную монополию, дававшую значительный доходъ. Попытка, отнять у военныхъ чиновъ двойную батту, оказалась затруднительна. Когда распространился слухъ, что губернаторъ на основаніи приговора директороѣ не разувить болѣе прибавки, то все офицеры въ Монгирѣ втайнѣ стоворились въ извѣстный день разомъ подать въ отставку. Они считали себя необходимыми и хотѣли такимъ единодушнымъ приступомъ понудить намѣстника согласиться на ихъ условія. Сэръ Робертъ Флетчеръ, второй начальникъ, былъ тайнымъ коноводомъ. Но благоразуміемъ и энергіею Клейвъ разстроилъ этотъ замыселъ. Онъ распорядился, чтобы въ случаѣ выхода въ отставку изъ Мадраса прислали взаменъ надлежащее число офицеровъ моремъ въ Калькутту. Въ то же время онъ заручился вѣрностью ридовыхъ и въ особенности туземныхъ сипаевъ. Обезпечивъ себя такимъ порядкомъ со всеѣхъ сторонъ, онъ приступилъ къ рѣшительнымъ и энергическимъ мѣрамъ противъ мятежа. Виновыне были арестованы и преданы суду въ Калькуттѣ. Коноводы были заключены въ тюрьму или изгнаны изъ службы, а младшіе, которые повинились и просили о помилованіи, подверглись меньшей карѣ. Двойная батта была отменена, а взаменъ того Клейвъ изъ завѣщанной ему недавно умершимъ набобомъ Миръ Джаффиромъ суммы учредилъ вспомогательную кассу въ пользу инвалидовъ остиндской компании. Въ этотъ второй періодъ своей индійской администраціи самъ губернаторъ выказалъ великое безкорыстіе и отказывался отъ всякихъ подарковъ; а потому впоследствии и въ правѣ быть похваляться въ парламентѣ, что, покинувъ свое второе индійское управление онъ былъ бѣднѣе, чѣмъ когда вступилъ въ него. Его враги могли, конечно, возразить на это, что не трудно соблести безкорыстіе постѣ того, какъ приобрѣлъ себѣ доходъ въ 40,000 фунт. стер. Правителя Клейва по всей справедливости и можно было упрекнуть въ томъ, что въ первое свое индійское пребываніе онъ оказался не чистъ на руку, что въ погонѣ за наживой, въ дѣлахъ съ туземными князьями и правителями онъ не разъ прибѣгалъ къ безчестнымъ и безнравственнымъ средствамъ: однако англійская нація все-таки чтитъ этого „барона фонъ Плассей“ какъ основателя индо-британской державы. Когда въ началѣ 1767 года онъ по разстроенному здоровью выпужденъ былъ вернуться въ Европу, то исторіи въ правѣ была заявить, „что второе правленіе его своимъ реформамъ было также важно, какъ первое своимъ завоеваніями“. Онъ совѣтовалъ директорамъ въ Лондонѣ быть щедрѣе относительно должностныхъ лицъ, съ тѣмъ чтобы избѣгать всякихъ хищеній, всякихъ искушеній къ корыстнымъ поступкамъ и къ нарушенію закоповъ; однако малодушные коммерсанты имѣли въ виду лишь собственную наживу, свое личное обогащеніе. Имъ не хотѣлось умалить свои высокіе дивиденды. Мало того, зависть на обогатѣннаго лорда и его расточительную жизнь доходила до того, что враги, не уступавшіе ему въ страсти къ наживѣ, но далеко оставшіе отъ него въ „паревихъ щедротахъ“, подали на него въ парламентъ жалобу, будто онъ злоупотреблялъ своею властью, явилъ дурной примѣръ служащимъ въ компании, причинилъ вредъ и безчестье англійской державѣ. Обвиняемый защищался въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ съ такою силою и съ такимъ достоинствомъ, что предложеніе было отринуто словами: Клейвъ въ то же время оказалъ отечеству великія и славныя услуги. А все-таки это обвиненіе было гвоздемъ къ его гробу, гордый духъ его былъ оскорбленъ. И безъ того уже меланхолическаго темперамента, онъ съ той поры пріунылъ еще болѣе. Въ своихъ пыльных залахъ въ Кларенсѣ или подъ величественными кедрами своего парка онъ былъ менѣе счастливъ, нежели прежде въ лагерѣ Карпатика и въ думскихъ палатахъ Бенгалии. Его здоровье раз-

Янв. 1767.

строилось въ тропическомъ климатѣ; онъ страдалъ сильными часто повторявшимися судорогами, отъ которыхъ прибѣгалъ къ мимолетной опасной помощи опиума. Когда страданія стали невыносимы, то онъ самъ покончилъ съ собою, всего сорока восьми лѣтъ отъ роду; даровитый политикъ и военачальникъ, онъ своимъ развитіемъ одолженъ былъ не научнымъ занятіямъ, а практической школѣ жизни.

22. апр. 1774. Гайдеръ Али. Въ то время, какъ Клейвъ вернулся въ Лондонъ, въ южномъ Деканѣ началъ свое чудное поприще лукавый авантюристъ; коварный и предприимчивый, этотъ сынъ бѣднаго факира и предводитель разбойничьей шайки сдѣлался владѣтелемъ царства въ южной Индіи, которое простиралось отъ одного берега до другаго и средоточіемъ котораго былъ Майсуръ, а столицей Серингалатамъ. Это былъ *Гайдеръ Али*. Благодаря своему брату, находившемуся при дворѣ у раджи индусскаго царства Майсуръ, онъ поступилъ на службу къ этому князю, а потомъ храбростью и умомъ, и пуще всего наглостью, жестокостью и пренебреженіемъ всякихъ нравственныхъ правилъ добился положенія, въ которомъ самоуправно господствовалъ не только надъ самимъ раджею, но также и надъ другими туземными князьями. Порывчатое честолюбіе этого человѣка стало беспокоитъ Англичанъ въ Мадрасѣ: они падѣлись заручиться противъ него союзниками, Низамомъ Али, субадаромъ Декана и Маграттами: однако проникливы Гайдеръ успѣлъ привлечь ихъ на свою сторону. Низамъ, правда, оказался слабой опорой: въ битвѣ при Тринемали, гдѣ сражался въ связи съ Маисурами противъ британской арміи, онъ обратился въ бѣгство, чѣмъ и помогъ неприятелю одержать рѣшительную побѣду; однако Гайдеръ сумѣлъ соединить туземныя силы и оказать европейскимъ владѣтелямъ болѣе успѣшное и энергичное сопротивление, нежели прежніе вожди изъ Индусовъ или магометанъ, съ которыми компанія приходила въ столкновение. Англичане, находившіеся въ Бомбей, завладѣли приморскимъ городомъ Мангалоромъ; но Гайдеръ Али совершенно неожиданно съ Гатскихъ горъ ринулся съ своими закаленными толпами и понудилъ Англичанъ къ быстрому отступленію. Въ наступившій затѣмъ годъ онъ опять появился въ южныхъ равнинахъ Карнатика, напавъ на аркотскаго набоба, союзника Англичанъ и подоцѣль къ гравицѣ мадрасскаго округа. Непримиримый врагъ английской націи онъ всегда готовъ былъ вступить противъ нихъ въ союзъ съ вождями Маграттовъ въ Пуниѣ, а не то съ французскими намѣстниками въ Пондичеріи. Не обладавъ никакими познаніями — онъ не умѣлъ ни читать, ни писать — одаренный за то здравымъ смысломъ и чрезвычайною сметкою, онъ и на полѣ битвы и въ управленіи всегда прибѣгалъ къ цѣлесообразнымъ мѣрамъ; его склонность къ наслажденіямъ и чувственности никогда не овладѣвала имъ до такой степени, чтобы изъ-за нихъ онъ опускалъ изъ виду свои честолюбивыя замысли. Сколько бы не предавался онъ вину и тапцивицамъ, но всегда вовремя поспѣвалъ на хитрости и козни, на войну и боевыя подвиги. Его поступки вдали казались до такой степени страшными, что весной 1769 индійскія ассигнаціи въ нѣсколько дней упали болѣе чѣмъ на шестьдесятъ процентовъ. Онъ сумѣлъ даже английское правительство настроить въ свою пользу: его агентъ Макферсонъ, представивъ дѣла въ ложномъ свѣтѣ, успѣлъ восстановить министерство противъ компаніи. — Съ его помощью Магратты въ Пуниѣ и Саттарѣ оказали такое сильное противодействие, что остиндская Ганза въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не могла сдѣлать никакихъ значительныхъ успѣховъ въ бомбенскомъ президентствѣ. Капитанъ Гартлей вынужденъ былъ согласиться на Варгамскій договоръ, который въ Англіи справедливо сочли величайшимъ позоромъ британской арміи, Саратогою въ маломъ видѣ. Владѣтельство Англіи ограничилось главнымъ городомъ вмѣстѣ съ островомъ

Сальсеттою и нѣсколькими мѣстностями на Конканскомъ берегу, пока наконецъ главный намѣстникъ Варренъ Гастингсъ изъ Бенгаліи не вступился въ дѣло энергичнѣе и съ большимъ успѣхомъ при посредствѣ полковника Годдарда и капитана Погема. Первый блестящими боевыми подвигами возстановилъ занятанную Варгамскимъ договоромъ честь англоиндійскаго имени, а послѣдній снискалъ себѣ великую славу, взобравшись по лѣстницамъ на считающуюся недоступною горную крѣпость, на „увѣнчанную башиями скалу“ Гвалюръ.

Гордъ Клейвъ былъ еще въ живыхъ, когда въ Бенгаліи вслѣдствіе засухи настала неурожай, имѣвшій послѣдствіемъ голодъ. Люди изо дня въ день тысячами мерли на улицахъ, во многихъ мѣстностяхъ треть населенія погибла отъ страшной нужды. Чиновниковъ общества обвиняли въ томъ, что они, барышничая рисою, усилили бѣдствіе. Это подало правительству и парламенту поводъ, вмешнуть въ дѣла и регламентами подчинить остиндскую Ганзу извѣстному административному контролю. Дивидендъ не долженъ былъ превышать шести до восьми процентовъ въ годъ; право выбора акціонеровъ ограничилось повышеіемъ вылада до тысячи фнт., наконецъ, правительству предоставлялось право, назначать въ Калькуттѣ верховный судъ и утвердить избираемаго директорами губернатора вмѣстѣ съ совѣтниками. Назначаемый такимъ порядкомъ намѣстникъ былъ въ то же время генераль-губернаторомъ всей Индіи.

Эту важную должность поручили *Варрену Гастингсу*, потому древней, но въ имущественномъ отношеніи оскудѣвшей фамилии изъ графства Ворчестера. Онъ нѣсколько лѣтъ уже прожилъ въ Индіи и оказалъ важныя услуги какъ въ арміи, такъ и въ администраціи; малорослый, непримялый съ виду, онъ обладалъ, однако, твердой силою воли и научно образованнымъ умомъ. Между совѣтниками находился сэръ Филиппъ Франсисъ, предполагаемый авторъ писемъ Юніа. Гастингсу предстояла трудная обязанность: зависѣвъ отъ директоровъ и отвѣтственный въ то же время передъ правительствомъ, онъ долженъ былъ сочетать средства, которыя расходились по разнымъ направленіямъ. На Могаммеда Реза Хана, въ теченіе семи лѣтъ завѣдовавшаго въ Муржидабадѣ важною должностію наибъ девана или министра финансовъ, поступило много жалобъ по поводу обмана и утайки; Гастингсъ велѣлъ его представить для судебного слѣдствія въ Калькутту, а подалую и финансовую администрацію поручилъ непосредственно чиновникамъ компаніи. Набобу, несовершеннолѣтнему сыну Мира Джаффира, онъ назначилъ годовую ренту и передалъ опеку не матеріи, а Мунни Бегумѣ, бывшей тапцивицѣ изъ гарема набоба, „отъявленной неприятельницѣ“ Мирзы Хана. — Шахъ Алумъ въ Дели вступилъ съ Маграттами въ тайную связь, съ цѣлью вновь отнять у Англичанъ провинціи, которыя онъ передалъ Клейву. Гастингсъ разстроилъ этотъ замыселъ и въ наказаніе лишилъ могола выдаваемой ему доселѣ годовой ренты. — Мы знаемъ уже, что Рогилласы, сильное афганское племя, водворились въ странѣ между Гангомъ и горами въ „Рогилькендѣ“. Съ ними аудскій набобъ-визирь велъ постоянную борьбу. Его собственныя рати не въ силахъ были противостать закаленнымъ сосѣдямъ. Набобъ при свиданіи съ Гастингсомъ въ Бенаресѣ заключилъ съ нимъ договоръ, въ силу котораго намѣстникъ обѣщаль помочь англійскими войсками, а набобъ обязался за то внести значительный капиталъ въ кассу Ганзы въ Калькуттѣ. Рогилласы были разбиты; ихъ престарѣлый вождь Гафисъ, съ холма ободрившій своихъ на бой, жаждалъ смерти и былъ убитъ британскимъ копьемъ; солдаты набоба, которые такъ позорно вели себя въ битвѣ, ревностно принялись теперь грабить и опустошать край. Гастингсъ ввелъ новую систему поземельнаго налога, основаннаго на пятилѣтнихъ арендахъ, и пекся о лучшемъ судопроизводствѣ и управленіи, устроивъ окружныя суды и вѣдомства. Князь Ин-

Регламенты
лорда Порты,
1770.

Февр. 1773.

Варренъ Гас-
тингсъ, пер-
вый генералъ-
губернаторъ.

Апрѣль 1774.

дусовъ Шейте Снягъ, проживавшій въ богатомъ обезьянахъ и богомолами городѣ на Гангѣ, въ Бенаресѣ, обязался вносить доселѣ въ Аудъ дань выплачивать въ Калькутту.

Гастингсъ и его противники въ Калькуттѣ. Не обошлось, конечно, безъ того, чтобы эти рѣшительныя и самовластные мѣропріятія не вызвали нападокъ и противорѣчій. Дѣйствіе противъ Рогилласовъ возбудило многихъ противниковъ въ парламентѣ. Однако, самую сильную оппозицію Гастингсъ встрѣтилъ среди окружавшихъ его новыхъ совѣтниковъ, особенно въ раздражительномъ, страстномъ и неуязвимомъ Францисѣ. Они послали въ Лондонъ гнусные доносы, старались тормозить распоряженія генераль-губернатора и выѣхали въ совершенно чуждыя имъ дѣла Бомбея, который по новому уставу составлялъ теперь подчиненное президентство. Они приняли даже жалобу раджи Нункомара, браждебнаго намѣстника брамапа, будто губернаторъ подкупомъ побуждался къ самовластнымъ дѣйствіямъ. Вопреки имъ, однако, судъ присяжныхъ въ Калькуттѣ съ главнымъ судьей Импейемъ, школьникомъ товарищемъ Гастингса, приговорилъ донощика за подлогъ документа къ смерти, и глава брамановъ въ Бенгаліи, семидесятилѣтній старецъ, былъ повѣшенъ. Понятно, что оппозиція обратилась затѣмъ также противъ Импея. Говорили, что главный судья и генераль-губернаторъ школьные товарищи, и потому оба дѣйствуютъ за одно. Въ Калькуттѣ, однако, энергическая мѣра повела къ тому, что авторитетъ намѣстника усилился и всѣ стали повиноваться его приказамъ и постановленіямъ. Страхъ заглушилъ всякую и справедливую и несправедливую жалобу. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ тотъ же судья Импей приговорилъ Франциса за скандальныя любовныя похождения съ замужнею дамою къ значительной денежной пенѣ. — Въ Англіи голоса раздѣлились за и противъ Гастингса. Лордъ Нортъ охотно отозвалъ бы его: по уставомъ назначался пятилѣтній срокъ службы; отозвать можно было бы лишь въ такомъ случаѣ, если бы директоры обратились къ правительству съ формальнымъ предложеніемъ по этому поводу. Однако, такого предложенія нельзя было добиться ни въ совѣтѣ директоровъ, ни въ обществѣ акціонеровъ. Тогда полковникъ Маклинъ, науганный угрозами министра противъ общества и губернатора, отъ имени Гастингса, своего друга и покровителя, подалъ прошеніе объ отставкѣ, сославшись при этомъ на полученное имъ прежде еще письмо, хотя намѣстникъ рѣшительно отрицалъ послѣднее. Директоры приняли прошеніе. Какъ удивился въ Калькуттѣ, когда въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Гугли вошелъ англійскій пакетъ-ботъ и передалъ извѣстіе, что губернаторъ по его просьбѣ получилъ отставку. Какъ разъ въ эту пору Гастингсъ занялъ былъ новыми реформами: онъ учредилъ особое вѣдомство, съ тѣмъ чтобы произвести новую оцѣнку поземельной пошлыны, вполнѣ возстановилъ въ Аудѣ свой авторитетъ, начерталъ великодушный планъ для субсиднаго договора съ туземными князьями. Неужели послѣ всего этого уступить своимъ врагамъ? Онъ протестовалъ противъ рѣшенія. Однако Клаверингъ, за одно съ Францисомъ его ожесточенный противникъ въ совѣтѣ, вступилъ тотчасъ въ должностъ намѣстника. Вся Бенгалія разбилась на двѣ партіи; большинство было, впрочемъ, на сторонѣ Гастингса. Обратился къ суду за рѣшеніемъ. Послѣдній подъ предѣлательствомъ Импея произнесъ такой приговоръ: „Удаленіе Гастингса отъ должности незаконно, а Клаверингъ былъ не въ правѣ присвоить себѣ высшую власть“. Этому заявленію главнаго судьи, говорили Гастингсъ впоследствии, я одолженъ спасеніемъ моего имущества, моей чести, моей славы. Послѣ того ему захотѣлось расширить свою побѣду; онъ заявилъ, что Клаверингъ своимъ дерзкимъ поступкомъ лишился своего мѣста въ совѣтѣ и своей команды въ индійскомъ войскѣ. Однако тутъ судъ рѣшилъ, что совѣтъ не имѣетъ права, исключать кого либо изъ своихъ членовъ. Нѣсколько недѣль спустя послѣ того Клаверингъ умеръ; эти со-

5. авг. 1775.

Окт. 1776.

Іюль 1777.

Авг. 1777.

бытія разстроили здоровье строгаго пылкаго мула. Онъ, однако, передъ тѣмъ примирился съ Гастингсомъ и присутствовалъ на его свадьбѣ съ Маріанною Имгофъ, разведенною женою нѣмецкаго миниатюриста. Имгофъ получилъ въ возмездіе значительную сумму, уѣхалъ въ Веймаръ, гдѣ и вступилъ во второй бракъ съ сестрою Гётевой пріятельницы, госпожи Штейнъ. Сэръ Филиппъ Францисъ прожилъ еще три года въ Калькуттѣ, не примирившись искренне съ Гастингсомъ. Передъ своимъ отъѣздомъ въ Европу онъ вызвалъ намѣстника на дуэль; къ великому изумленію любопытныхъ Индусовъ поединокъ дѣйствительно состоялся на равнинѣ при святой рѣкѣ Ганга, и Францисъ былъ легко раненъ. Исцѣлившись отъ раны, онъ уѣхалъ въ Лондонъ.

Вслѣдствіе отъѣзда Франциса и смерти его двухъ товарищей оппозиція въ Калькутскомъ совѣтѣ прекратилась, и Гастингсъ могъ теперь со всею энергіею обратиться къ вышнимъ дѣламъ. Скоро какъ въ Бомбей, такъ и въ Мадрасѣ сознали, что рулемъ управляетъ мощный умъ и твердая рука. На югѣ Декана кинѣла война. Между набобомъ Карнатика въ Аркотѣ и раджею Танджора возникла вражда и усобица, а служившіе при компаніи вмѣшались въ дѣло; вспыхнувшая изъ-за Америки война между Франціей и Англіей распространилась до Индіи и имѣла слѣдствіемъ завоеваніе Англичанами всѣхъ французскихъ владѣній, Пондичери, Чандернагора въ Бенгаліи и Магэ на Малабарскомъ берегу; въ Мадрасѣ между намѣстникомъ Пиготомъ, совѣтниками и начальниками происходили такіа же распри, какія недавно были въ Калькуттѣ; онѣ тормозили и заступались ходъ политическихъ и военныхъ дѣлъ. Пиготъ, который нѣкогда прибылъ писцомъ въ Мадрасъ и приобрѣлъ состояніе въ 400,000 фнт. стр. и санъ лорда, былъ за обѣдомъ арестованъ полковникомъ Стюартомъ и нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того умеръ вслѣдствіе лихорадочнаго возбужденія. Ростовщикъ, Павелъ Винфильдъ, бывшій сначала однимъ изъ низшихъ чиновниковъ компаніи, которому рѣчь Бёрка „о долгахъ аркотскаго набоба“ доставила такую же извѣстность, какъ древле рѣчь Цицерона Верресу, подалъ денежный искъ въ 162,000 и въ 72,000 фнт., которые ему задолжали набобъ и нѣкоторые изъ жителей въ Танджорѣ. Хитрый Гайдеръ Али отлщно сумѣлъ воспользоваться всѣми этими смутами. Онъ мало по малу довелъ свое войско до 100,000 человекъ; въ немъ служило нѣсколько сотенъ французовъ, и оно снабжено было европейскою артиллеріей, такъ что Али могъ выступить владѣтелемъ во всемъ полуостровѣ. Подобно „мрачной тучѣ“ ринулся онъ съ своими ратями съ горъ и грозилъ разрушить прекрасныя дачи вокругъ Мадраса. Слывъ его, Типпо Саибъ, началъ на отрядъ британской арміи подъ начальствомъ полковника Бэллы и подавить его превосходствомъ силъ: тридцать шесть офицеровъ пали на полѣ битвы, а оставшіеся въ живыхъ начальники и рядовые попались въ плѣнъ и подверглись варварскимъ истязаніямъ. Тутъ Варренъ Гастингсъ не замедлилъ вмѣшаться въ дѣло, тѣмъ болѣе, что въ силу своего званія генераль-губернатора онъ имѣлъ на то право и былъ даже къ тому обязашъ. Видъ не дагъе какъ въ прошломъ году онъ отступилъ за упомянутый позорный Варгамскій договоръ въ бомбейскомъ намѣстничествѣ. И вотъ, для того чтобы отразить опаснѣйшаго и сильнѣйшаго врага британскаго имени, онъ отправилъ въ Деканъ нѣсколько тысячъ воиновъ съ генераломъ сэромъ Эйре Кутомъ; назначенный отъ правительства военачальникомъ и членомъ совѣта, послѣдній недавно лишь во второй разъ прибылъ въ Индію. Присоединивъ къ себѣ подкрѣпленія изъ Мадраса, онъ обомъ вождямъ, отцу и сыну, далъ сраженіе при Валдеваліи или Порто Ново; тутъ Англичане одержали рѣшительную побѣду надъ вдесятеро сильнѣйшимъ войскомъ майсурскаго султана. Непріятель бѣжалъ, утративъ 10,000 человекъ, тогда какъ въ британской арміи на-

17. авг. 1780.

Гастингсъ противъ Гайдера Али и Типпо Саиба.

Авг. 1776.

10. сент. 1780.

Янв. 1779.

1. июля 1781.

считывалось всего 300 убитыми и ранеными. Другая битва, прозванная по деревни Полянурт, завершилась также победою. Открытая страна была вновь отвоевана, Карнатикъ былъ спасенъ. Однако, Гайдеръ Али и сынъ его все еще полны были мужества и жажды брани. Они продолжали совершать свои набѣги, соединившись съ Французами, которые выслали съ флотомъ въ Индѣйское море своего самаго знаменитаго адмирала, Сюффрена, бывшаго судью въ мальтійскомъ орденѣ, сыѣлаго и предприимчиваго, но также осмотрительнаго и разумнаго. Англичанамъ, къ которымъ въ Мадрасѣ

Февр. 1782.

прибылъ въ это время опытный губернаторъ, лордъ Макартней, удалось завладѣть городомъ Каликутомъ въ Малабарѣ, принудить къ сдачѣ богатый городъ Негапатамъ при устьѣ Кавери, увезть добычею въ Мадрасъ много имущества, боевыхъ снарядовъ и плѣнныхъ; полковникъ Бретветъ, напротивъ того, потерялъ при Танжорѣ отъ Типпо Саиба поражение, которое можно было сравнить съ невзгодою Вэллы. Всѣ, кто не палъ въ кровопролитномъ бою, были добыты потомъ или отведены въ тюрьмы Серингапатама. Подъ конецъ года Гайдеръ Али умеръ отъ болѣзни въ глубокой старости, и его столь же даровитый и энергическій сынъ, *Типпо Саибъ*, сталъ теперь самостоятельнымъ владѣтелемъ въ Майсурѣ. Настойчивая осада Магалора скоро доказала Англичанамъ, что юный правитель намѣренъ идти по слѣдамъ отца и продолжать борьбу съ тою же хитростью и силою. Султану въ его предпріятіяхъ много споспѣшествовала обильная битвами морская война, каковая въ то же время съ перемежнымъ счастьемъ велась цѣлый годъ между обоими доблестными моряками, Сюффреномъ и сэромъ Эдв. Гюгосемъ. Когда же Французы по заключеніи Версальскаго мира отказали въ помощи Саибу, то онъ съелъ цѣлесообразнымъ примириться съ Англичанами до поры до времени и выждать болѣе благоприятныя условія. Въ маѣ 1784 между компаніей и майсурскимъ султаномъ состоялся миръ, по которому всѣ завоеванія возвращались другъ другу. Было уже упомянуто, что Французамъ также выданы были Пондичери и другія утраченные во время войны владѣнія. Незадолго передъ тѣмъ умеръ въ

Дек. 1782.

Мадрасѣ отъ чрезмерныхъ трудовъ и отъ климата храбрый полководецъ Кутъ, никогда не покладавшій меча изъ рукъ. Въ это трудное время, когда британскому господству въ Индіи угрожали со всѣхъ сторонъ, когда внутреннія распри и усобицы споспѣшествовали вражескимъ покушеніямъ извнѣ, генералъ-губернаторъ Бенгаліи проявилъ духъ предприимчивости и мужество, а вмѣстѣ съ тѣмъ государственную мудрость и любовь къ отчизнѣ. Онъ удержалъ Низама и Магратовъ отъ союза съ Гайдеръ Али, подалъ своевременную помощь президентамъ Вомбея и Мадраса; радушиемъ обхожденіемъ успѣлъ побудить къ кампани въ Деканѣ ургюмаго и упорнаго генерала Кута, „за которымъ слѣдовало ухаживать какъ за любовницею и котораго пришлось ублажать какъ ребенка“. Однако всѣ эти усилія и жертвы превышали средства компаніи. Въ торговлѣ произошло много помѣхъ и утратъ, а членамъ общества при всемъ томъ не хотѣлось сокращать свои дивиденды. Десять лѣтъ тому назадъ уже правительство упомянутымъ регламентомъ лорда Норта ссудило вѣдомство директора полтора милліонами фунт. стер.; оно отказалось при этомъ отъ ежегоднаго роста въ 4000 фунт., за то выговорило себѣ соучастіе въ назначеніи высшихъ сановниковъ, военачальниковъ и главныхъ судей. Теперь же нужда въ деньгахъ и бремя долговъ снова сильно возросли; если остиндская Гаиза вздумаетъ опять обратиться за помощію къ правительству, то ей предстоятъ новыя ограниченія ея привилегій и автономической власти. Варренъ Гастингсъ старался прежде всего въ самой Индіи открыть новыя вспомоگательныя средства, побудить туземныхъ ленныхъ князей къ болѣе обширнымъ вносамъ. Подражая деспотамъ Востока, онъ пользовался правомъ сильнаго и добывался денегъ у всѣхъ,

Май 1784.

26. апрѣля 1783.

Въ это трудное время, когда британскому господству въ Индіи угрожали со всѣхъ сторонъ, когда внутреннія распри и усобицы споспѣшествовали вражескимъ покушеніямъ извнѣ, генералъ-губернаторъ Бенгаліи проявилъ духъ предприимчивости и мужество, а вмѣстѣ съ тѣмъ государственную мудрость и любовь къ отчизнѣ. Онъ удержалъ Низама и Магратовъ отъ союза съ Гайдеръ Али, подалъ своевременную помощь президентамъ Вомбея и Мадраса; радушиемъ обхожденіемъ успѣлъ побудить къ кампани въ Деканѣ ургюмаго и упорнаго генерала Кута, „за которымъ слѣдовало ухаживать какъ за любовницею и котораго пришлось ублажать какъ ребенка“. Однако всѣ эти усилія и жертвы превышали средства компаніи. Въ торговлѣ произошло много помѣхъ и утратъ, а членамъ общества при всемъ томъ не хотѣлось сокращать свои дивиденды. Десять лѣтъ тому назадъ уже правительство упомянутымъ регламентомъ лорда Норта ссудило вѣдомство директора полтора милліонами фунт. стер.; оно отказалось при этомъ отъ ежегоднаго роста въ 4000 фунт., за то выговорило себѣ соучастіе въ назначеніи высшихъ сановниковъ, военачальниковъ и главныхъ судей. Теперь же нужда въ деньгахъ и бремя долговъ снова сильно возросли; если остиндская Гаиза вздумаетъ опять обратиться за помощію къ правительству, то ей предстоятъ новыя ограниченія ея привилегій и автономической власти. Варренъ Гастингсъ старался прежде всего въ самой Индіи открыть новыя вспомоگательныя средства, побудить туземныхъ ленныхъ князей къ болѣе обширнымъ вносамъ. Подражая деспотамъ Востока, онъ пользовался правомъ сильнаго и добывался денегъ у всѣхъ,

Администра- тивная систе- ма Гастингса.

Въ это трудное время, когда британскому господству въ Индіи угрожали со всѣхъ сторонъ, когда внутреннія распри и усобицы споспѣшествовали вражескимъ покушеніямъ извнѣ, генералъ-губернаторъ Бенгаліи проявилъ духъ предприимчивости и мужество, а вмѣстѣ съ тѣмъ государственную мудрость и любовь къ отчизнѣ. Онъ удержалъ Низама и Магратовъ отъ союза съ Гайдеръ Али, подалъ своевременную помощь президентамъ Вомбея и Мадраса; радушиемъ обхожденіемъ успѣлъ побудить къ кампани въ Деканѣ ургюмаго и упорнаго генерала Кута, „за которымъ слѣдовало ухаживать какъ за любовницею и котораго пришлось ублажать какъ ребенка“. Однако всѣ эти усилія и жертвы превышали средства компаніи. Въ торговлѣ произошло много помѣхъ и утратъ, а членамъ общества при всемъ томъ не хотѣлось сокращать свои дивиденды. Десять лѣтъ тому назадъ уже правительство упомянутымъ регламентомъ лорда Норта ссудило вѣдомство директора полтора милліонами фунт. стер.; оно отказалось при этомъ отъ ежегоднаго роста въ 4000 фунт., за то выговорило себѣ соучастіе въ назначеніи высшихъ сановниковъ, военачальниковъ и главныхъ судей. Теперь же нужда въ деньгахъ и бремя долговъ снова сильно возросли; если остиндская Гаиза вздумаетъ опять обратиться за помощію къ правительству, то ей предстоятъ новыя ограниченія ея привилегій и автономической власти. Варренъ Гастингсъ старался прежде всего въ самой Индіи открыть новыя вспомоگательныя средства, побудить туземныхъ ленныхъ князей къ болѣе обширнымъ вносамъ. Подражая деспотамъ Востока, онъ пользовался правомъ сильнаго и добывался денегъ у всѣхъ,

у кого онѣ были. Отъ инду-раджи Шейте Спита бенаресскаго, всегда неприязненно относившагося къ намѣстнику, онъ потребовалъ взноса, который окончателно доведенъ былъ до полумилліона фунт. стер. Шейте Спитъ, слѣдуя мѣстнымъ обычаямъ, прибѣгнулъ къ подкупу; онъ поднесъ губернатору въ даръ 23,000 фунт. Гастингсъ принялъ деньги, не смотря на то настоялъ на своемъ прежнемъ требованіи и лишь по истеченіи тѣхъ котораго времени внесъ полученную сумму въ кассу общества. Съ этого началась одна изъ самыхъ мрачныхъ страницъ въ администраціи Гастингса въ такую пору, когда совѣтъ осиротѣлъ и генералъ-губернаторъ пользовался неограниченною властью. Когда раджа замѣшпалъ, то Гастингсъ съ отрядомъ сипаевъ вошелъ въ Бенаресъ и отдалъ князя во дворцѣ его подъ надзоръ. Возмущенные такимъ нанесеннымъ князю позоромъ, вооруженные туземцы напали на стражу и перебили ее, а Шейте Спитъ задними воротами бѣжалъ въ крѣпость Чунаръ. Когда майоръ Понтемъ, побѣдитель три Гвалюрѣ, вступилъ съ сильнымъ отрядомъ въ встревоженную народными возсташиями и буйными мятежами страну, то князь изъ замка Биснегура, гдѣ хранился его сокровища, бѣжалъ за границу, послѣ чего сушруга его сдала на условіяхъ крѣпость. Эти условія, однако, не были вполне соблюдены: армія присвоила себѣ въ видѣ добычи находившуюся тамъ казну въ 250,000 фунт. Гастингсъ впоследствии отрицалъ, что это совершилось по его приказанію, былъ однако того мнѣнія, что наказаніе раджи оправдывалось его враждебными измѣнительскими подвохами и обязанностью всякаго вассала оказывать пособіе ленному владѣльцу въ случаѣ крайней нужды. Компанія все-таки вытребовала у великаго могола требуемую дань. Даже Вильямъ Пяттъ, защитникъ Гастингса, признавалъ этотъ поступокъ произвольнымъ, несправедливымъ, деспотическимъ. Мѣра наказанія черезъ-чуръ уже превысила проступокъ. Въ Бенаресѣ въ раджи былъ возведенъ молодой родственникъ Шейте Спита и дань была увеличена. Аудскій набобъ-визирь, Асафъ эдъ Даула, перенесшій столицу въ развивавшійся городъ Лакнау, посѣпшилъ заблаговременно поднесеннымъ подаркомъ въ 100,000 фунт. стер. избѣгнуть подобной участи. За то губернаторъ порадѣлъ ему, когда развратный и расточительный князь, для того чтобы уплатить свои недомыи компаніи, отпалъ у обѣихъ Бегумовъ, у своей родной матери и бабушки, которыя жили въ Файзабадскомъ дворцѣ и бережливостью накопили себѣ три милліона фунт., всѣ предоставленные имъ отъ англійской Ганзы доходы, сокровища и земли. Доводомъ противъ престарѣлыхъ княгинь послужило то, что имущество подобаетъ не вдовѣ, а сыну, и будто прислуга Бегумовъ въ Бенаресѣ во время мятежа возбуждала народъ противъ Англичанъ. Расхищеніе совершено было самымъ жестокимъ образомъ и съ содѣйствія англійскаго посланника въ Аудѣ. Содержавъ прислугу впроголодь подъ арестомъ, засадивъ въ тюрьму двухъ старыхъ евнуховъ и подвергнувъ ихъ, вѣроятно, шакъ, вынудили у несчастныхъ въ теченіе 1782 года одну сумму за другою.

Въ Англии давно уже ходили слухи о злоупотребленіяхъ въ Индіи. Говорили о распряхъ въ совѣтѣ, о хищныхъ намѣстникахъ, о несправедливыхъ судьяхъ и ничѣмъ не оправдываемыхъ войнахъ. Такія рѣчи и обвиненія подали министерству Порту поводъ, назначить двѣ комиссіи для изслѣдованія индійскихъ дѣлъ. Въ одной изъ нихъ предсѣдалъ Ричардъ Смитъ, а въ другой Генри Дупласъ, главный адвокатъ Шотландіи. Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ былъ Эдмундъ Бертъ. По ихъ предложенію главный судья сэръ Илія Импей былъ отозванъ, съ тѣмъ чтобы оправдаться въ разныхъ обвиненіяхъ. Гастингса также имѣлось въ виду удалить отъ должности, „такъ какъ онъ въ разныхъ обстоятельствахъ прибѣгалъ къ мѣрамъ, какія противорѣчили чести и политикѣ англійской націи“. Вѣдомство директоровъ хотѣло уступить требованіямъ правитель-

Янв. 1782.

Процессъ Вар- рена Гастингса и походъ его.

Май 1782.

ства, однако общество акционеровъ возбудило протестъ. Когда послѣ Вер-
8. февр. 1785. сальскаго мира дѣла въ Инди приняли болѣе спокойное направленіе, и
министерство Нортъ-Фокса между тѣмъ сокрушилось объ индійскій во-
просъ, то Варренъ Гастингсъ покинулъ, наконецъ, свое мѣсто и уѣхалъ
въ Англію. Онъ зналъ, что у него много враговъ, но чувствовалъ себя
сильнымъ настолько, чтобы воспротивиться имъ. Онъ питалъ въ груди
своей сознание, что во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ всегда имѣлъ въ виду
интересы остиндской компаніи, могущество и честь Англіи; мало того,
онъ въ правѣ былъ заявить, что не смотря на его произвольныя и само-
властныя вмѣшательства въ общественныя условія и законныя отношенія
индійскихъ вассальныхъ владѣній, не смотря на обременительныя тягости,
какія онъ возлагалъ на вождей, положеніе народа улучшилось. Въ Англіи
Клейва и Гастингса всѣ порицали какъ тирановъ, говоритъ Магонъ,
тогда какъ въ Инди ихъ прославляли какъ благодѣтелей. Сознавая это,
Гастингсъ самъ вызвалъ на бой своихъ враговъ и потребовалъ судебного
слѣдствія, которое въ теченіе семи лѣтъ (1788—1795) сильно возбуждало
умы въ Англіи и Инди. Во главѣ комисіи пажней палаты находились
вожди виговъ, Фоксъ, Бёркъ, Шериданъ. Поданная въ палатѣ лордовъ
жалоба на генераль-губернатора, благодаря возраставшему интересу и со-
участію такихъ отличныхъ и высокооставленныхъ лицъ, разрослась до
судебнаго и государственнаго дѣла высочайшей важности. Не смотря од-
нако на то, что Бёркъ цѣлыми горами нагромоздилъ обвиненія, пытался
напыщенными рѣчами возбудить страсти, не смотря на то, что въ пылу
фантазіи онъ вызывалъ призраки ужаса и тираніи, которые возмущали
чувства и одолевали умы; однако великій процессъ, для котораго въ судъ
вызвано было множество свидѣтелей изъ Инди и Англіи, въ концѣ кон-
цовъ завершился оправданіемъ главнаго намѣстника. Обвиненія оказались
большею частью несостоятельными. Нельзя было, правда, отрицать, что
онъ часто поступалъ произвольно и пристрастно, что въ угоду мнимои го-
сударственной необходимости ни во что не ставилъ законы нравственно-
сти и гуманности и во время своей администраціи прибѣгалъ иногда къ
кривымъ путямъ, потакалъ угнетеніямъ и насиліямъ, не разъ по личному
убѣжденію дѣйствовалъ пристрастно и несправедливо. Но даже обвинители
должны были согласиться, что онъ оказалъ большія услуги англійскому вла-
дычеству въ Инди, что въ своихъ предпріятіяхъ обнаружилъ благоразу-
міе, мужество и любовь къ очисти, что вынужденные имъ у туземныхъ
династическихъ фамилій капиталы употреблялись въ интересахъ компаніи
или государства. Его защита произвела бы даже еще лучшее впечатлѣніе,
еслибы онъ, вмѣсто того чтобы прибѣгать къ отговоркамъ, уловкамъ, къ
опроверженію свидѣтелей и тому подобнымъ двусмысленнымъ средствамъ,
изложилъ просто все дѣло такъ, какъ оно было. Въ широкой политиче-
ской жизни государственная необходимость на самомъ дѣлѣ признается
неизбѣжною властью; никогда нельзя обойтись безъ доводовъ правитель-
ственной мудрости; они становятся предосудительными только тогда, когда
злоупотребляются для своекорыстныхъ цѣлей, для удовлетворенія эго-
истическихъ побужденій и страстей, когда высшими всеобщими отноше-
ніями прикрываются и скрываются личные пороки и преступленія. На-
сколько жизнь и характеръ Варрена Гастингса подлежатъ такому упреку,
объ этомъ въ англійскомъ мірѣ, какъ тогда такъ и впоследствии, судили
различно. Бывшій генераль-губернаторъ пережилъ свое оправданіе слиш-
комъ двадцатью годами. Такъ какъ издержки процесса много превзошли
его состояніе, то компанія назначила ему годовой окладъ въ 4000 фунт.
стер. и ссудила его 50,000 фунт. безъ процентовъ; впоследствии, впрочемъ,
онъ былъ большею частью уволенъ отъ уплаты этого капитала.

III. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ПОДЪ ВЛІЯ- НІЕМЪ ИДЕЙ ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Литература. 1. *Къ Португаліи*: Помимо упомянутыхъ уже твореній *Шефера*, для
этого періода имѣются особенно въ виду: John Smith, Memoirs of the marquis
of Pombal cet. Lond. 1843. 2. voll. 8.; Vita di Seb. Gius. di Carvalho e Mello,
march. di Pombal cet. По-нѣмецки Jagemann. Dessau 1782; Balbi, Essai
statist. sur le royaume de Port. et d'Alg. Paris, 1822.—Обо всемъ, что касается
ордена иезуитовъ въ эту эпоху и его уничтоженія, Theiner, Gesch. des Pont. Clem.
XIV. Paris und Leipzig, 1852, а по-французски P. de Geslin. 2 voll.— 2. *Къ
Франціи*: Къ упомянутымъ уже сочиненіямъ Мартина, Сисмонди, Мишле, Шлоссера,
Вольтера, Лакрелла и др. Barbier, Chronique de la Régence et du règne de
Louis XV. Paris 1866., 8 v.; Desodoards, Hist. de L. XV. Par. 1798. 3 v.;
Capefigue, Louis XV. et la société du 18-me siècle. Par. 1842. 4 v.; То-
cqueville, Hist. philos. du règne de L. XV. Par. 1847. 2 v.; Bontarie, Cor-
respondance secrète inédite de Louis XV. 2 voll. Paris, 1866.—О Людовикѣ XVI.
Soulavie, Mémoires de L. XVI. Paris 1801, 6. voll.; Droz, Hist. du règne
de L. XVI. Paris 1839, 3 voll.; Jobez, La France sous Louis XVI. 2 voll.
1877—81.; M-me. Campan, Mémoires sur la vie privée de Marie Antoinette, 2
voll. 3 изд. 1823; Arneht, Maria Theresia u. Maria Antoinette. Paris u. Wien
1865.—О социальномъ состояніи до революціи, Тоcqueville, L'ancien Régime
et la Révolution. Par. 1866; Taine, Les origines de la France contemporaine
I. v. По-нѣмецки Katscher „Die Entstehung des modernen Frankreich“. Leipz. 1877;
Oberleitner, Frankreichs Finanzverhältnisse unter Ludwig XVI. von 1774—
1792. 1 Bd. Wien 1866; Tissot, Turgot sa vie, son administration, ses ouvrages,
1 v. Paris 1862; de Larcy, Louis XVI. et Turgot d'après des documents inédits.
Par. 1866; Foncin, Essai sur le ministère de Turgot, 1 v., Par. 1877.—
3. *Къ Испаніи и Италіи*: Помимо упомянутыхъ уже твореній Лафюента, Посе-сентъ-
Илера, Танин, Корка, Viollet, Hist. des Bourbons d'Esp. Paris 1843; G. Moore,
Lives of Alberoni, Ripperda, Pombal. Lond. 1814; Briand, Hist. d'Esp. Par.
1808. 4 voll.; Bigland, Hist. d'Esp. trad. de l'Angl. p. le comte Matth. Du-
mas. Par. 1823. 3 voll.; H. Baumgarten, Gesch. Spaniens vom Ausbr. der
franz. Revolut. (in „Staatengeschichte der neuesten Zeit“) Leipz. 1865—1871. 3
voll.; Colletta, Storia del reame di Napoli dal 1734. sino al 1825. Paris 1833.
2 voll. По-нѣмецки Leber. Grimma 1848. u. a. (Fortsetzung von Gianne [VIII.,
313]).—4. *Къ Нидерландамъ*: 1. *Голландія*: Kampen, Gesch. d. Nied.; Har-
ris (Lord Malmesbury), An introduction to the hist. of the Dutch republ. cet.
Lond. 1788; упомянутая уже книга *Шлецера*, Ludw. Ernst Herz. v. Br. u. Lüneb.
Gott. 1787.; Jacobi, Vollständ. Gesch. der siebenjährigen Verwirrungen in den
vereinigen Niederl. Halle 1789., 2 voll.—2. *Бельгія*: Rapédus de Berg,
Mém. et docum. cet. par Gérard. Brux. 1842. 4 v.; Borguet, Hist. des Belges
à la fin du 18-me siècle. Brux. 1844.; Adam Wolf, Maria Christine Erz. v.
Österr. Wien 1863. 2 voll.; Arneht, Marie Antoinette, Joseph II. und Leopold II.;
Lorenz, Joseph II. u. d. belg. Revolution; W. A. Arendt, Die brabant.
Revolution 1789—1790. in Rauners hist. Taschenb. Jahrg. 1843., гдѣ приводятся
также собранія актовъ и писемъ.

I. Государства въ западной и южной Европѣ и борьба противъ иезуитовъ.

1. Португалия и министерство Помбала.

а. Иоаннъ V. и Иосифъ. Начатки Помбала.

Король
Иоаннъ V.
1706—1750.

Когда во время войны за испанское наслѣдство скончался король Педро II., то въ Португаліи наступила политика мира. Его сынъ и преемникъ *Иоаннъ V.* соблюдалъ нейтральное положеніе, тогда какъ королевство все болѣе клонилось къ упадку. Не смотря на то, что золотыя и алмазныя копи Бразиліи поставляли въ Лиссабонъ несмѣтныя сокровища, народъ бѣдствовалъ, торговля и судоходство пришли въ застой, промышленность страны оскудѣла, войско и флотъ низшли до жалкаго состоянія. И въ самомъ дѣлѣ, богатства заморскаго колониальнаго царства пошли въ прокъ не португальскому населенію, а прежде всего Англичанамъ, которые, въ силу Метвеновскаго договора (XII, 573), наводнили своими товарами гавани и рынки и все королевство приковали къ своей государственной колесницѣ, — потомъ еще римскому двору, собиравшему отъ клерикально настроеннаго короля несмѣтныя суммы, — затѣмъ также духовнымъ и свѣтскимъ фаворитамъ, ученымъ и художникамъ, которыхъ Иоаннъ V. осыпалъ наградами, — или, наконецъ, они приносились въ жертву расточительнымъ предпріятіямъ и учрежденіямъ короля. Въ этихъ неурядицахъ былъ болѣе всѣхъ виноватъ самъ монархъ. Не лишенный природныхъ дарованій, но скучно и односторонне образованный иезуитскими учителями, онъ хотѣлъ всѣмъ распорядиться по своему, назначалъ во главѣ правленія только такихъ государственныхъ мужей, которые не перечили его волѣ, пересталъ собирать кортесовъ и придерживался блестящей придворной жизни, подражая Людовику XIV. въ Версалѣ. Но какъ мало во всемъ своемъ существѣ и во всѣхъ дѣйствіяхъ походилъ португальскій король на французскаго державца. Правда, Иоаннъ V. тоже добивался славы любителя искусствъ и мецената, но его щедрость не принесла никакой пользы ни наукамъ, ни литературѣ. Его академія португальской исторіи и другія учрежденія были лишь слабыми подражаніями французскихъ институтовъ и притомъ безплодны. Развѣ государь, который такъ слѣпо предался духовенству, благоволивъ лишь священникамъ и монахамъ, могъ оказать живительное вліяніе, плодотворное дѣйствіе въ области науки и умственнаго развитія? Во всю свою жизнь король самое сильное вниманіе обращалъ на церковныя и религіозныя дѣла. Его высшимъ интересомъ было увеличить іерархическій блескъ своей страны, основать и царски снарядить мо-

настыри и церковные институты, корону привести въ самую тѣсную связь съ церковью и понтификатомъ. Какъ радовался онъ, когда Климентъ XI. за значительные капиталы согласился отдѣлить часть отъ лиссабонскаго архіепископства и возвестъ его во второе патриаршество съ званіемъ кардинала для владѣтеля этого духовнаго мѣста, съ капитуломъ изъ двадцати четырехъ канониковъ подъ личнымъ покровительствомъ короля! Онъ украшалъ церковь драгоценными камнями, оживлялъ столицу процессіями и храмовыми праздниками, преобразилъ свою обстановку въ Римъ въ маломъ видѣ. Вънпомъ всѣхъ его духовныхъ учрежденій было великолѣпное зданіе въ Мафрѣ, прекраснѣйшій архитектурный памятникъ современной Португаліи, въ одно и то же время дворецъ, церковь и монастырь, разукрашенный всѣми сокровищами искусства. На этотъ португальскій Эскурьяль, надъ которымъ трудились четырнадцать лѣтъ, израсходовано сорокъ пять милліоновъ крузадовъ. Къ иезуитамъ король также благоволилъ: въ ихъ церкви с. Рока онъ велѣлъ въ самомъ пышномъ и блестящемъ видѣ разукрасить капеллу Иоанна. Вообще, онъ обнаруживалъ величайшее рвеніе къ церковной пышности, къ монастырямъ и монахамъ, къ размноженію и возвеличенію духовнаго сословія, поручалъ даже правительственныя дѣла духовнымъ особамъ, сперва кардиналу да Мотта, а потомъ патерамъ Гаспарду и Гусману. Понятно, что такой государь въ высшей степени пользовался благоклонностью и милостью св. отца. Дружественное отношеніе между Римомъ и Лиссабономъ мимоходомъ омрачалось лишь, пока строгій, исполненный монашескимъ духомъ Бенедиктъ XIII. (XII, 646) занималъ папскій престолъ и упорно настаивалъ на своихъ іерархическихъ правахъ. Король допускалъ у себя инквизицію, только съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы приговоры ея утверждались государственнымъ совѣтомъ. Когда же оба преемника Бенедикта, Климентъ XII. и Бенедиктъ XIV. благоразумно уступили дорожившему своимъ прерогативами королю, то оказалось, что проникнутый церковнымъ духомъ государь оспаривалъ всемогущество духовнаго судилища отнюдь «не изъ состраданія къ еретикамъ, а скорѣе изъ желанія самому удостоятся заслуги сжигать ихъ». И въ самомъ дѣлѣ, въ ноябрѣ 1742. уже былъ сооруженъ великолѣпный аутодафе. За всѣ эти добродѣтели и услуги папа даровалъ ревностному защитнику церкви новый титулъ «благовѣрнаго величества». Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ Иоаннъ V. постигла болѣзнь и меланхолія; онъ велѣлъ собрать въ замкѣ мощи изъ всѣхъ монастырей и святыхъ мѣсть, съ цѣлью излѣчиться ихъ чудотворною сплюю. Не смотря, однако, на щедрыя припошенія, выданныя за то святымъ мѣстамъ, леченіе оказалось безуспѣшнымъ. Онъ умеръ 31. июня 1750. отъ водянки.

Долговременное правленіе Иоанна V., судя по отзыву одного изъ современнѣйшихъ государственныхъ мужей у Шефера, оказалось весьма злопо- Результаты его правленія.

лучнымъ для Португаліи. Государь, одаренный великими талантами, воспитался въ самомъ пагубномъ суевѣріи. Послѣдствія этого обнаружались съ самаго поступленія его на престоль. А богатые золотые рудники въ Бразиліи, открытые въ царствованіе его отца, еще болѣе питали это суевѣріе. Онъ созидалъ монастыри и растратилъ на нихъ громадныя капиталы; онъ основалъ патриархальную церковь, члены которой занимали роль кардиналовъ съ папою во главѣ. Эти безумія дорого обошлись ему. Римъ еще сильнѣе отяготилъ ярмо суевѣрія и покушался еще болѣе расширить свое господство надъ всѣмъ королевствомъ. Земледѣліе пренебрегалось; промышленность пала; алчность къ деньгамъ все болѣе усиливалась; всюду господствовало мевѣжество и суевѣріе; страна погрузилась въ крайнее бѣдствіе, и подъ исходъ 1750 доходы короля и націи какъ бы изсякли.

Король Браганскій домъ, какъ уже извѣстно (XII., 230 п сл.), агтомъ Иосифъ I. національной воли былъ нѣкогда возведенъ на португальскій престоль. Иоаннъ V. упустилъ изъ виду это происхожденіе своей власти 1750—1777. и, благоволивъ лишь къ духовенству и высокому дворянству, царствоваль какъ неограниченный «король Божьей милостью». Такой Положеніе государства при перемены правителя. понятный шагъ къ отжившимъ формамъ, такое исключительное приобщеніе самодержавной власти къ двумъ привилегированнымъ и предпочтительнымъ сословіямъ, состоявшее въ рѣзкой противоположности съ господствовавшимъ направлениемъ и образоваемъ эпохи, пожалуй, снова подвергли бы едва утвердившееся королевство бурямъ анархіи, снова вызвали бы гражданскія возстанія, которыя легко могли бы поощрить подстерегавшее, завистливое сосѣднее государство возобновить враждебныя дѣйствія. Не даромъ колонія дель Сакраменто, на скалистомъ мысѣ сѣвернаго берега ріо де ла Платы, которую Португалцы заложили въ 1678 году и съ тѣхъ поръ защищали отъ разныхъ нападешій, служила яблокомъ раздора между обоими пиринейскими королевствами. Колонія производила бойкую контрабандную торговлю съ лежащимъ на противоположной сторонѣ Буэносъ-Айресомъ, чѣмъ въ значительной степени сокращались таможенные доходы Испанцевъ. Для того, чтобы выбраться изъ такого состоянія унадка, чтобы не отстать отъ другихъ странъ, государственная система Португаліи необходимо должна была приступить къ отвѣчающимъ духу времени реформамъ.

Эти реформы и были въ блестящемъ видѣ введены человекомъ, который при королѣ Иосифѣ Эмануилѣ занималъ такое же мѣсто, Карвальо, графъ де Оэй-расъ, маркизъ какъ нѣкогда Ришелье при королѣ Людовикѣ XIII. Это былъ Себа-Помбаль, род- стіанъ Хозе де Карвальо е Мелло, графъ де Оэйрасъ, болѣе извѣст- 13. мая 1699, ный подъ своимъ позднѣйшимъ титуломъ маркиза *де Помбалля*. По- томокъ древняго, но небогатаго дворянскаго рода, онъ, окончивъ ученіе въ Коимбрѣ, благодаря вліятельнымъ родственникамъ, получилъ должность въ Лиссабонѣ. Потомъ король Иоаннъ V. отправилъ его по дипломатическимъ дѣламъ въ Лондонъ и Вѣну. Маркизъ пробылъ также нѣкоторое время въ Парижѣ и такимъ путемъ ознако-

мился съ важнѣйшими европейскими городами: они-то и просвѣтили его даровитый восприимчивый умъ касательно государственнаго управления и народнаго хозяйства, церковныхъ и религіозныхъ дѣлъ, касательно образованія современной ему эпохи и духовно-иезуитскаго міровоззрѣнія. И чѣмъ болѣе онъ осваивался съ идеями философіи просвѣщенія, тѣмъ болѣе убѣждался, что въ Португаліи общественныя дѣла исправятся только тогда, когда будетъ разбита и сметена іерархически-аристократическая атмосфера, которая словно убійственная ржа напала на всѣ жизненныя отправленія. По смерти Иоанна V. онъ, благодаря вліянію вдовствующей королевы, дочери австрійскаго императора, былъ Иосифомъ I. назначенъ въ министерство. Передъ его мощною, энергическою личностью скоро должны были отступить прежніе клерикальные совѣтники, такъ что Карвальо управлялъ съ самодержавною властью и наложилъ на политику и государственную администрацію Португаліи иной отпечатокъ. Новому министру было уже отъ роду пятьдесятъ одинъ годъ и онъ состоялъ во второмъ бракѣ съ дочерью фельдмаршала Дауна. Необыкновенно высокаго роста, статный и красивый собою, онъ отличался умными и выразительными чертами лица, пріятельнымъ обращениемъ, легкою и плавною рѣчью при мелодичномъ, чрезвычайно пріятномъ голосѣ. Мало способный и скудно образованный король, избѣгая труда, предоставилъ бремя правленія искусному министру; послѣдній въ обращеніи съ королемъ всегда соблюдалъ формы кавалера и царедворца, но въ то же время деспотическою рукою подавлялъ своихъ противниковъ. Король между тѣмъ могъ посвящать все свое время любимымъ занятіямъ, безъ помѣхи заботиться о своей оперѣ и капеллѣ, о постройкѣ и учрежденіи великолѣпнаго театра, или предаваться охотѣ и ухаживать за красивыми дамами, насколько это возможно было, не возбуждая ревности его испанской супруги, дочери Филиппа V. Иосифъ предоставилъ министру полную власть оттого уже, что сама личность мужественнаго, рѣшительнаго мужа внушала уваженіе его слабой и робкой натурѣ, и онъ не рѣшался противорѣчить ему. Онъ притомъ вполнѣ сознавалъ, что Помбаль, напрягая и развивая національныя силы, укрощая и подавляя своекорыстные интересы феодальныхъ и клерикальныхъ элементовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ поднялъ и усилилъ королевскую власть и прерогативы короны.

Высшее дворянство, которое пользовалось неограниченнымъ обла- даніемъ всѣхъ важнѣйшихъ придворныхъ, правительственныхъ и судейскихъ мѣстъ, затѣмъ присвоило или понудило покойнаго короля выдать себѣ коронныя пмѣнія, недовѣрчиво и враждебно поглядывало на этого дворянина изъ провинціи, «единственнаго и пестиннаго обладателя властью королевскаго авторитета», который всѣ должности и дѣла подчинилъ тщательному надзору и контролю, замышлялъ разные реформы, все изслѣдовалъ пытливимъ взглядомъ и многое

Король Иосифъ и Помбаль.

Помбаль. Аристократическая и іерархическая оппозиція.

измѣнялъ. Тѣми же чувствами было проникнуто и духовное сословіе. Дворянство опасалось за свои синекуры, за свои доходныя мѣста, за добытыя имѣнія и годовые оклады, а духовенство—за свои преимущества, за свои прямые и косвенные доходы, за свои богатые институты и фондуши; оба они тревожились за свое вліяніе, за свою власть и свое господство. Опасенія ихъ были не напрасны. И точно, захвативъ въ руки власть, заручившись королемъ и замѣстивъ придворныя и государственныя должности надежными людьми, своими родственниками и клеветами, Карвальо, или Помбаль, какъ станемъ называть его теперь же, съ живостью и гибкостью южанина принялся за преобразование всей общественной жизни. Цѣлымъ потокомъ постановленийъ пытался онъ устранить недостатки администраціи, урядить разстроенныя финансы, оживить промышленность и торговлю. Энергическій государственный мужъ для своихъ преобразованій воспользовался даже великою національною невзгодою, лиссабонскимъ землетрясеніемъ, которое такъ сильно потрясло умы современниковъ и выдавалось духовенствомъ за судъ Божій.

Лиссабонское землетрясеніе 1. нбр. 1755 и распоряженія Помбаля. Известно, что въ праздникъ всѣхъ святыхъ, въ ясное солнечное ноябрьское утро, внезапно грянуло землетрясеніе, которое обратило большую часть Лиссабона въ груды развалинъ, причемъ тысячи людей лишились жизни подъ обвалившимися зданіями; въ то же время вода въ Тахо поднялась болѣе чѣмъ на двадцать футовъ и распространился пожаръ, который длился нѣсколько дней къ ряду, такъ что надъ испуганнымъ населеніемъ разразилась смерть и гибель всякаго рода. Королевскій замокъ, вновь выстроенный дворецъ патриарха, множество церквей, монастырей и жилищъ обрушились. Въ этотъ день ужаса и разрушенія подъ развалинами, въ огнѣ и водѣ погибло до 30,000 человекъ. Къ разъяреннымъ стихіямъ присоединились еще людскія страсти и дикіе порывы: изъ тюремъ вырвались преступники и разбойники; поддерживаемые скрытыми въ нѣдрахъ каждаго большаго города подонками населенія, они совершали всякія злодѣйства и неистовства, удовлетворяя своимъ дикимъ похотямъ звѣрскими поступками, убійствомъ и грабежемъ, подлою разнузданностью. Буйная стихійная сила пронеслась также надъ другими мѣстами, надъ Сетуваломъ, Опорто, Альгарвіей. Король, который въ это время съ семьей находился въ загородномъ замкѣ Белемъ и благодаря этому избѣгъ бѣды, тотчасъ же вызвалъ къ себѣ министра и въ душевномъ страхѣ обратился къ нему съ вопросомъ: «Что дѣлать, чѣмъ умиловитъ гнѣвъ Божій?» Графъ твердо и спокойно отвѣтилъ: «Государь, слѣдуетъ похоронить мертвыхъ и позаботиться о живыхъ». Монархъ съ изумленіемъ взглянулъ на стойкаго мужа, и съ этой поры его довѣріе къ нему было непоколебимо. Онъ уважалъ высокій геній, сулившій блескъ и славу его правленію, и охранялъ его отъ всякихъ козней, отъ коварства враговъ и завистни-

ковъ. И никогда еще государственный дѣятель въ дни бѣдствій и ужаса не дѣйствовалъ разумнѣе и рѣшительнѣе Помбаля въ то время. Его карета, въ которой онъ объѣзжалъ мѣста бѣдствій, въ теченіе нѣсколькихъ дней и ночей служила ему, постояннымъ мѣстопребываніемъ, рабочимъ кабинетомъ: съ изумительною энергіею принялъ онъ мѣры для поддержки порядка, для размѣщенія народа, для раздачи съѣстныхъ припасовъ. Онъ самъ въ нѣсколько дней издалъ около двухъ сотъ декретовъ. Мертвыхъ похоронили, частью сожгли и погрузили въ море, лишь бы чума не увеличила бѣдствія; раненыхъ отвезли для излеченія въ удобныя для того мѣста; для пріюта лишившихся крова выстроили шалаши и бараки; открывъ королевскіе хлѣбныя амбары и приказавъ доставить хлѣбъ извнѣ, онъ предупредилъ нужду и позаботился, чтобы ни одинъ бѣднякъ не умеръ отъ голода; онъ вызвалъ войска изъ провинцій, чтобы поддержать спокойствіе, строгимъ и быстрымъ судомъ извелъ воровъ и злодѣевъ. Никто не смѣлъ покидать городъ, дабы не уносилось похищенное имущество. Поврежденные водопроводы были исправлены, фанатиковъ, которые пугали и возбуждали народъ, укрощали. Процессіи и общественныя богослуженія были пріостановлены. Онъ никогда не забывалъ, что патерьъ іезуитовъ Гавриэль Малагрида національное бѣдствіе назвалъ небесною карою за печестивое правленіе. Когда умы успокоились и жители принялись вновь строить городъ, то онъ настоялъ, чтобы проводились широкія улицы и воздвигались удобныя красивые дома, чтобы народъ привыкалъ къ чистотѣ и Лиссабонъ сталъ пригляднѣе и здоровѣе. На такой конецъ онъ воздвигъ прекрасныя общепользныя зданія, въ родѣ биржи, торговыхъ рядовъ, арсенала, заложилъ обширныя площади и общественный садъ, усовершенствовалъ водопроводы и т. д. Сперва онъ государственными средствами пользовался для облегченія бѣдствій, а потомъ для общепользныхъ построекъ.

б. Португальское правительство въ борьбѣ противъ іезуитовъ и папства.

Имя Помбаля пользуется всемирноисторическимъ значеніемъ, благодаря его смѣлому противодѣйствію іезуитамъ. Мы знаемъ уже, что общество Іесуса съ самаго основанія оказывало сильное вліяніе въ обоихъ королевствахъ Пирнейскаго полуострова и что въ особенности Іоаннъ V. удостоивалъ орденъ своимъ довѣріемъ и покровительствомъ: они были не только духовниками и совѣтниками всей королевской фамиліи, дворянъ и придворныхъ, къ нимъ обращались даже по дѣламъ политики; самыя важныя должности проходили черезъ ихъ руки; школы и научныя заведенія находились подъ ихъ вѣдѣніемъ и попеченіемъ, имъ поручались миссіи въ колоніяхъ. По

Орденъ іезуитовъ въ Португаліи.

странному стечению обстоятельств члены ордена болѣе чѣмъ когда либо стали заниматься чуждыми имъ, свѣтскими дѣлами какъ разъ въ такое время, когда передовые личности льнули къ идеямъ просвѣщенія, и образованные умы отвращались отъ религіозныхъ и церковныхъ дѣлъ: подражая англо-индійской компаніи, они вмѣшивались въ торговля и денежные дѣла, добивались самостоятельнаго политическаго государственнаго организма и только для виду подчинялись высшему авторитету, на самомъ же дѣлѣ разными софистическими уловками и подвохами уклонялись не только отъ свѣтской власти, но даже отъ уставовъ и запретовъ папы. Ихъ купеческіе корабли привозили съ запада и съ востока колониальные товары въ европейскіе порты. Коммерческія предпріятія совершались, правда, отдѣльными членами; но прибыль шла въ пользу всего ордена. Мы впоследствии упомянемъ объ искѣ, поданномъ на общество торговымъ домомъ въ Марсели, когда оно не признало подписанныхъ главнымъ повѣреннымъ миссіей въ Вестиндіи принятыхъ тѣмъ домомъ векселей и отказалось уплатить по нимъ. Весь свѣтъ съ напряженіемъ слѣдилъ тогда за исходомъ судебного слѣдствія и съ негодованіемъ взиралъ на безчестныя продѣлки ордена. При такихъ-то обстоятельствахъ со стороны іезуитовъ было черезъ-чуръ рискованнымъ дѣломъ вступить въ борьбу съ администраціей отважнаго государственнаго дѣятеля въ Лиссабонѣ.

Иезуиты въ Парагваѣ.

Мы прежде уже ознакомились съ патриархальнымъ государствомъ, основаннымъ членами ордена въ Парагваѣ. При сильной преданности обществу королевскаго двора въ Мадридѣ владычество Испаніи было тамъ лишь призракомъ и тѣнью; миссіонеры распорядились какъ самостоятельные царицы и владытели прекрасной и богатой страны; они удаляли всѣхъ Европейцевъ и словно пастыри надъ своими стадами господствовали надъ Индѣйцами, которыхъ собирали изъ лѣсовъ и пустынь въ свои поселенія при Уругваѣ; въ деревняхъ и мѣстечкахъ пріурочили ихъ къ общности труда, имущества и жизни-быта. И вотъ между родственными дворами въ Мадридѣ и Лиссабонѣ заключенъ былъ мѣнновыи договоръ, въ силу котораго Португальцы спорную колонію дель Собраменто уступили за семь округовъ (редукцій) въ Парагваѣ. Іезуиты всѣми силами старались воспрепятствовать этому обмѣну; однако ихъ вліяніе и всѣ дипломатическія уловки ни къ чему не повели. Тогда духовные отцы возбудили своихъ индѣйскихъ подданныхъ къ сопротивленію, снабдили ихъ оружіемъ и поставили во главѣ принятыхъ на службу французскихъ офицеровъ. Тамъ возникла многолѣтняя междоусобица, которая кончилась лишь послѣ большихъ усилій, растратъ и жалобъ со стороны испанско-португальской армии. Гомесъ Фрейра де Андрада, наместникъ въ Ріо Жанейро, побѣдилъ Индѣйцевъ и обратилъ ихъ частью въ невольниковъ, частью прогналъ назадъ въ первобытныя лѣса и пустыни, откуда ихъ вывели иногда миссіонеры. Все, что послѣдніе создали подъ своимъ патриархальнымъ правленіемъ, было предано опустошенію. Мы узнаемъ впоследствии, какимъ нападамъ съ той поры въ Португаліи и въ бургонскихъ державахъ подвергся орденъ іезуитовъ, пока его не уничтожили совсѣмъ. Для Европейскаго общества такое уничтоженіе было, конечно, крайне необходимо; изгнаніе от-

1756.

цомъ оказалось, правда, благотворнымъ для развитія и подъема блага населенія въ Америкѣ, такъ какъ послѣднее теперь только начало занимать науками и участвовать въ умственной жизни Европы, однако въ отношеніи Индѣйцевъ это было великое несчастье. При Мараньонѣ, въ восточныхъ равнинахъ индѣйскаго Эквадора упали, а въ Калифорніи и совсѣмъ исчезли процвѣтавшія миссіи іезуитовъ; въ Парагваѣ по удаленіи ихъ все разстроилось и одичало; туземцы лишились обычнаго обученія, поощренія къ дѣятельности, нравственнаго надзора; даже въ городахъ школы пришли въ упадокъ.

Война въ Парагваѣ стоила Португаліи нѣсколько миллионновъ; понятно поэтому, что въ Лиссабонѣ всѣ чрезвычайно ожесточились противъ зачинщиковъ и виновниковъ ея. А духовныя особы въ то же время не упустили случая, возбудить народъ противъ правительства. Мало того, что они, какъ уже упомянуто, воспользовались землетрясеніемъ для подстрекающихъ цѣлей: когда Помбаль въ окрестностяхъ Оporto въ мѣстахъ мало годныхъ для лозы сократилъ виноградіе, частью съ нѣлюю выгодать поболѣе мѣста для хлѣба и другихъ продуктовъ, частью для того чтобы поднять качество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣну порвейна, когда затѣмъ онъ торговлю виномъ въ Оporto поручилъ привилегированному коммерческому обществу, то и тутъ также іезуиты всячески пытались разстроить или затормозить предпріятія министра. Дѣло дошло даже до мятежа, для подавленія котораго пришлось прибѣгнуть къ военной силѣ и къ строгимъ судебнымъ карамъ. Послѣ всего этого Помбаль счелъ себя въ правѣ и необходимымъ принять энергическія мѣры противъ враждебно настроеннаго ордена. Онъ зналъ, что государь предоставитъ ему полную свободу, ни въ чемъ не будетъ ему преніяствовать. И вотъ, — неслыханное дѣло, — въ сентябрьскую ночь духовниковъ короля, королевъ и инфантовъ отвезли въ монастырь іезуитовъ и всѣмъ членамъ ордена заказано было являться ко двору безъ особаго на то разрѣшенія. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ португальскій посланникъ въ Римѣ предъявилъ папѣ акты, которыми доказывались порча и суетность общества Іисуса, ихъ коммерческія продѣлки, ростовщичество, ихъ участіе въ торгѣ невольниками и въ контрабандѣ, ихъ политическія козни какъ въ королевствѣ, такъ и въ колоніяхъ. Министръ достигъ своей цѣли. Папа Бенедиктъ XIV. поручилъ кардиналу Сальданья визитацію и преобразование общества Іисуса въ королевствахъ Португаліи и Алгарви, а также въ португальскихъ ост- и вест-индскихъ колоніяхъ. Кардиналъ запретилъ членамъ общества всякаго рода торговля дѣла и ограничилъ ихъ дѣятельность въ предѣлахъ своего патриаршества. Однако папа Бенедиктъ XIV. и кардиналъ Сальданья померли въ тотъ же годъ, и іезуиты всѣми силами старались занять папскій престолъ въ интересъ своего ордена. Пріемникъ папы, Климентъ XIII., былъ кроткій и благонамѣренный, но мало свѣдущій въ современныхъ вопросахъ церковный владыка; онъ

Помбаль и іезуиты.

19. сент. 1757.

1. апрѣля 1758.

ревностно старался ненарушимо и неослабно поддержать авторитет иерархической власти. Генералъ ордена подалъ ему памятную записку, въ которой онъ отрицалъ всѣ взводимыя на общество проступки и неурядицы, и настаивалъ на перенесеніи слѣдствія въ Римъ. Климентъ XIII., считая иезуитовъ вѣрнѣйшими поборниками папства и религіи, вполне довѣрился имъ. Такимъ образомъ планы Помбала навѣрно рушились бы, еслибы не случилось событіе, которое повело гораздо быстрѣе къ цѣли, нежели какое бы то ни было духовное судопроизводство.

Покушеніе на убіиство и уголовныя суды. 3. сент. 1758. Однажды король въ сопровожденіи своего камерарія и любимца Педро Техейры возвращался изъ Белема съ почтаго посѣщенія супруги маркиза Люи Бернардо де Тавора въ замокъ Ахуду; тутъ въ карету попало два выстрѣла, которыми Иосифъ былъ легко раненъ въ руку и въ бокъ. Дѣло сохраняли въ большой тайнѣ, дабы избѣжать огласки и принять мѣры для открытія и захвата виновниковъ. Король скрылся отъ всѣхъ, тогда какъ министръ ревностно принялся за слѣдствіе. Подозрѣніе пало на герцога де Авейро и на фамилию Тавора. Убѣдились въ томъ, что существуетъ заговоръ съ цѣлью ниспровергнуть правительство и въ этотъ заговоръ замѣшаны высшіе дворянскіе роды. Прошло уже три мѣсяца послѣ таинственнаго покушенія; вдругъ трое дворянъ, которыхъ считали вождами заговора, герцогъ Авейро, маркизъ Тавора и его зять, графъ де Атугіа, отведены были въ тюрьму, а ихъ бумаги отобрали. Между послѣдними нашлись письма, въ которыхъ заподозрили загадочныя и темныя намеки на преступное покушеніе. Въ одномъ изъ нихъ значилось между прочимъ: «Для того чтобы разрушить авторитетъ короля Себастьяна (Себаст. Хоз. де Карвальо), необходимо уничтожить авторитетъ короля Хозе». Вскорѣ всѣ члены многочисленной и знатной фамилии Таворы, какъ мужчины такъ и женщины, были заключены въ разныхъ мѣстахъ подъ замкомъ: женщины въ монастырскихъ кельяхъ, а мужчины, обремененные цѣпями, въ тюремныхъ конурахъ и бывшихъ звѣриныхъ клѣткахъ. Такъ какъ извѣстны были близкія сношенія этихъ дворянскихъ родовъ съ иезуитами, то заарестовали также нѣкоторыхъ членовъ ордена, ихъ монастыри и коллегіи оцѣпили солдатами. Затѣмъ, основываясь на показаніяхъ и признаніяхъ, вынужденныхъ пыткой и насильственными мѣрами, заключенные особымъ судомъ признаны были виновными въ государственной измѣнѣ и оскорбленіи величества и приговорены къ самымъ позорнымъ и мучительнымъ казнямъ. Восемь человекъ изъ наиболее богатыхъ и древнихъ дворянскихъ родовъ, занимавшихъ доселѣ высшія почетныя должности при дворѣ и въ войскахъ, умерли на эшафотѣ; ихъ трупы были колесованы, ихъ имѣнія поступили въ казну, ихъ имена были преданы позору. Антонио Альваресъ Феррейра, выстрѣлившій изъ винтовки, былъ привязанъ

къ столбу и сожженъ живо. Хозе Маскареньясъ, герцогъ де Авейро, родственникъ королевскаго дома, въ фамилии котораго должность обергофмаршала была наследственной, маркизъ де Тавора, бывший вице-король Остиндіи, его гордая супруга, слышавшая нѣкогда красавицей, да и теперь, не смотря на преклонныя лѣта, все еще видная собою дама, одаренная тѣлесными и духовными качествами, сынъ ея Хозе Марія, превосходный даровитый молодой человекъ двадцати одного года, старшій братъ его Люи Бернардо, съ прекрасною супругою котораго король находился въ тайной любовной связи, графъ де Атугіа, зять маркиза и многіе изъ домашнихъ слугъ—всѣ они были преданы позорной казни. Одна только маркиза Тереза была отправлена въ женскій монастырь, гдѣ ее содержали согласно ея званію, потомъ опять освободили. О преступныхъ замыслахъ и поступкахъ осужденныхъ появился официальный отчетъ; всѣ они были отъявленными врагами министра, которому завидовали какъ вышедшему изъ ничтожества выскочкѣ; они ненавидѣли его за то, что онъ лишилъ ихъ благоволенія государя, за его глубоко вѣдрявшіяся въ церковныя, политическія и общественныя традиціи реформы, за то что онъ осмѣлился положить предѣлъ ихъ честолюбію, ихъ преобладавшему доселѣ господству, за то наконецъ, что онъ удалил изъ дворца и исповѣдной иезуитовъ, съ которыми домъ Таворы искони былъ связанъ узами набожности, вѣры и преданности. Множество родныхъ, друзей и единомышленниковъ томилась въ старшихъ тюрьмахъ.

При отвращеніи, какое питалъ къ сильному иезуитскому ордену Карвальо, возведенный въ награду за открытіе заговора въ графы Обвиненіе и угнетеніе иезуитовъ. де Оэйрасъ, слѣдовало ожидать, что духовное братство тоже подвергнется судебному слѣдствію. Десятеро изъ членовъ, заподозренные въ подстрекательствѣ и соучастіи, и между прочимъ патеръ Гавриилъ Малагрида, уроженецъ Милана, были уже арестованы, а бумаги и письма ихъ отобрали. Вскорѣ оказались улики свидѣтельствовавшія о злоумышленныхъ покушеніяхъ. Ихъ самоувѣренныя и наглые поступки, ихъ дерзость въ отношеніи къ общественному авторитету передъ самымъ покушеніемъ на убіиство, сверхъ того показанія Авейро на допросѣ, загадочныя заявленія о томъ, что король не долго проживетъ и тиранія графа скоро кончится, перехваченныя письма въ Римъ, въ которыхъ яркими красками изображались положеніе государства и угнетеніе членовъ ордена,—все это и другія дѣла признаны были доказательствами ихъ вины и злыхъ умысловъ. Нѣсколько недѣль спустя послѣ кровавыхъ казней французскій посланникъ въ Лиссабонѣ сообщилъ уже министру Шуазелю: „Утверждаютъ, что иезуиты намѣревались возмутить народъ, когда король будетъ убитъ;“ а впоследствии онъ писалъ въ Парижъ о томъ, какъ обнаружилось, что трое изъ арестованныхъ иезуит-

Февр. 1759.

сихъ священниковъ замѣшаны въ заговоръ и что члены общества Иисуса считаются виновниками покушенія на убійство. Они воспользовались озлобленіемъ и оскорбленнымъ честолюбіемъ герцога де Авейро и фампли Таворы по поводу испытаннаго ими пренебреженія со стороны короля и подстрекнули ихъ къ преступному предпріятію. На основаніи этихъ уликъ въ 1759 году привели въ исполненіе рядъ мѣропріятій противъ общества Иисуса, которыми положенъ былъ конецъ ихъ существованію и дѣятельности во всѣхъ подчиненныхъ португальскому правительству областяхъ.

Папское посланіе.

Изложивъ въ поданной папѣ Клименту XIII. памятной запискѣ уклоненія ордена отъ первоначальныхъ его принциповъ, беззаконныя и мятежныя поступки его членовъ въ Парагваѣ и Бразиліи, прошлогодня злокозненныя покушенія, кабинетъ обратился къ св. отцу съ прошеніемъ, разрѣшить судебное слѣдствіе надъ членами ордена, которыхъ подозревали въ государственной измѣнѣ, дабы подвергнуть ихъ законной карѣ. Вслѣдъ затѣмъ вышли королевскія предписанія, которыми запрещалось иезуитамъ покидать монастырскія ихъ мѣстопробыванія и поддерживать сношенія съ мирянами, прекращалась ихъ дѣятельность въ качествѣ духовниковъ и проповѣдниковъ, налагался арестъ на имущества и отбиралась ихъ письма. Папа не могъ воспрепятствовать всему этому: духъ времени, общественное мнѣніе, предубѣжденіе и отвращеніе правительства и господствовавшихъ классовъ пересилили церковный авторитетъ. Климентъ ограничился тѣмъ, что поручилъ обвиняемыхъ и преслѣдуемыхъ милосердію короля. Въ Римѣ однако не рѣшились предать свѣтскому суду отцовъ-иезуитовъ въ Португаліи; опасались какъ бы не повторилось нѣчто въ родѣ процесса противъ тампьеровъ. Сверхъ того нѣсколько сотенъ епископовъ и кардиналовъ изъ Германіи и Италіи обратились къ папѣ съ посланіемъ, требуя, чтобы онъ вступился за угнетаемыхъ членовъ ордена; иезуиты, друзья и приверженцы ихъ во всѣхъ странахъ распространяли пропасть насквелей, злословныхъ обвиненій, враждебныхъ памфлетовъ и нападковъ противъ тираніи португальскаго правительства. А потому, папское брѣве, которымъ разрѣшалось подвергнуть обвиняемыхъ клерикаловъ суду, сопровождалось такими оговорками, что оказалось недостаточнымъ для такого обширнаго процесса, какой замыслился министромъ. Тамъ разрѣшалось подвергнуть слѣдствію только нѣкоторыхъ особъ и то не иначе какъ подъ предсѣдательствомъ священника. Нунцію было сверхъ того приказано документъ этотъ вручить самому королю. Надѣялись, что душеспасительный слогъ римской курии возымѣетъ вліяніе на умъ государя, глубоко преданнаго церкви и римскому престолу. Однако Помбаль, провѣдавъ заранѣе о содержаніи посланія, побудилъ короля не принимать грамоты. Такое попользованіе, избавить отъ руки правосудія людей, которые возбуждали подданныхъ къ возстанію и вмѣшивались въ измѣнническіе заговоры, признали нарушеніемъ прерогативовъ короны.

Изгнаніе иезуитовъ.

Вступивъ такимъ образомъ въ борьбу противъ Рима, министръ прибѣгъ затѣмъ къ насильственному поступку, издавъ приказъ, который изумилъ весь свѣтъ и вскорѣ послужилъ примѣромъ для другихъ странъ. Воспользовавшись неблагоприятнымъ настроеніемъ, господствовавшимъ тогда въ бурбонскихъ державахъ противъ иезуи-

товъ, онъ велѣлъ забрать изъ ихъ домовъ и монастырей всѣхъ духовныхъ лицъ общества Иисуса и отвезть на корабляхъ въ Церковную область. Этотъ приговоръ былъ исполненъ съ чрезвычайною суровостью. Два рагузскіе корабля съ едва достаточнымъ помѣщеніемъ повезли нѣсколько сотенъ большею частью престарѣлыхъ, привыкшихъ къ удобствамъ жизни духовныхъ особъ въ Чивиту-Веккію; тамъ слишкомъ два мѣсяца, въ холодное время года, пришлось прожить имъ въ каютахъ, пока не были приняты мѣры пріютить ихъ. Но тѣ изъ отцовъ-иезуитовъ, которые какъ соучастники въ заговорѣ или соумышленники находились уже подъ арестомъ, были заключены въ фортъ с. Юліана при устьѣ Тахо, гдѣ народъ съ берега могъ видѣть ихъ въ орденской одеждѣ. Выѣсть съ тѣмъ напечатала официальнымъ порядкомъ цѣлый рядъ статей и разослала ихъ по всѣмъ судебнымъ и правительственнымъ мѣстамъ, съ тѣмъ чтобы онѣ служили выредъ законными свидѣтельствами вины, пагубныхъ принциповъ и поступковъ иезуитовъ, а также оправданіемъ присужденнаго имъ изгнанія.

Это было началомъ совершеннаго разрыва съ Римомъ. Не смотря на то, что богомольному и благовѣрному королю трудно было вступить во вражду со святымъ отцомъ, однако вліяніе всемогущаго министра, стращавшаго слабого несамостоятельнаго короля мятежными замыслами и покушеніями иезуитовъ, перевѣсило боязню передъ главою церкви и его духовными орудіями. Эти непріязненные отношенія между Лиссабономъ и Римомъ продлились цѣлыхъ десять лѣтъ; новыя оскорбленія и распри обострили вражду; злобные памфлеты и статейки, распространяемые съ той и другой стороны, то и дѣло подливали масло въ огонь. Въ наступившій затѣмъ годъ по случаю бракосочетанія инфанта Педро съ королевскою дочерью, наследницею престола, сооружено было великое національное торжество. Тогда одинъ только дворецъ нунція не былъ освѣщенъ, оттого что его официально не извѣстили о празднествѣ. Нѣсколько дней спустя послѣ того кардиналъ вынужденъ былъ по возможности скорѣе покинуть Лиссабонъ и все королевство. Слѣдствіемъ этого была высылка португальскаго посланника Альмады изъ Рима. Онъ отправился во Флоренцію и распространялъ тамъ брошюры, направленные противъ церкви; послѣ онѣ проклинались и сжигались въ Римѣ. Затѣмъ послѣдовали новыя насильственные мѣры: всѣ Португальцы были изгнаны изъ Церковной области, а папскіе подданные, какъ духовные, такъ и мірскіе—изъ Португаліи. Лиссабонское правительство запретило безъ королевскаго разрѣшенія вывозить деньги и товары въ Римъ и принимать какія бы то ни было буллы или брѣве. Враждебныя статьи, насквили, злословныя брошюры, которыя во всѣхъ странахъ распространялись противъ Помбаля и короля, имѣли слѣдствіемъ лишь то, что министръ при-

13. сент.
1759.

Разрывъ съ папскимъ престоломъ.

23. Февр. 1761. нималъ еще болѣе энергическія мѣры. Онъ хотѣлъ навсегда уничтожить общество Исуса въ Португаліи. На такой конецъ въ февралѣ 1761 было постановлено, что все имущество, земельные участки, дома, ренты, товары, какими орденъ обладалъ въ Португаліи, подлежатъ переходу въ казну, и чтобы всѣ прежде дарованныя ему короною земельныя были ей возвращены. Вскорѣ другое новое зрѣлище возбудило всеобщее вниманіе въ Европѣ. Арестованный за участіе въ заговорѣ патеръ Малагрида, который въ качествѣ духовника фамиліи Таворы и многихъ дворянскихъ домовъ пользовался большимъ значеніемъ въ аристократическихъ кружкахъ и слылъ за пророка и святаго, послѣ землетрясенія сталъ враждебно отзываться о господствовавшемъ правленіи, многое разглашать о божественныхъ откровеніяхъ, видѣніяхъ и прорицаціяхъ. По приказу Помбала его предали инквизиціонному трибуналу. Послѣдній осудилъ его за богохульство, обманныя пророчества, лжеученія, и какъ еретика и врага католической вѣры предалъ его мірскому суду. Патеръ въ виду огромной толпы былъ сперва задушенъ палачемъ, потомъ сожженъ. Казненный восьмидесятилѣтній старецъ, у котораго фантазія и религиозный фанатизмъ были гораздо сильнѣе его разсудка и сознанія, и умъ котораго, какъ казалось, былъ разстроенъ тревожными событіями и продолжительнымъ заключеніемъ, до послѣдняго мгновенія настаивалъ на истинѣ своихъ пророчествъ. Друзья іезуитовъ сочли его чудотворнымъ мученикомъ, погибшимъ жертвою ненависти Помбала, а другіе признали въ немъ фанатика, лишеннаго разсудка и здраваго смысла. Въ Римѣ и во всемъ католическомъ мірѣ, конечно, сильно вознегодовали на то, что правительство воспользовалось для своихъ враждебныхъ ордену цѣлей инквизиціею, юрисдикцію и власть которой самъ же Помбаль ограничилъ въ началѣ своего правленія, что оно затѣмъ предала патера какъ еретика пламени, вмѣсто того чтобы предать его суду просто за государственную измѣну. Это еще болѣе расширило пропасть между обѣими державами. Король назначилъ въ Багін архіепископа, не испросивъ на то папскаго разрѣшенія. Епископъ въ Коимбрѣ въ пастырскомъ посланіи враждебными словами возсталъ противъ невѣрія и церковнаго направленія правительства и предсказывалъ вслѣдствіе того новыя національныя бѣдствія, почему и былъ отрѣшенъ отъ должности и посаженъ въ тюрьму, а пастырское посланіе было всенародно сожжено; епископство поручили другому вѣдомству и приказали королевской цензурѣ или «трибуналу совѣсти» строго слѣдить за изданіями клерикальной печати. Тюрьмы словно въ цвѣтущую пору инквизиціи наполнились виновными, недовольными, заподозрѣнными. На сценѣ театра появился переведенный на португальскій языкъ «Тартюфъ» въ облаченіи іезуита.

Патеръ Малагрида.

20. сент. 1761.

Министръ вполнѣ сознавалъ, что нація однимъ лишь подъемомъ и распространеніемъ образованія можетъ освободиться отъ власти іерархіи, отъ узъ суевѣрія и отъ вліянія патеровъ. А потому онъ безустанно старался путемъ просвѣщенной печати, заложения народныхъ школъ и учебныхъ заведеній всякаго рода, призывомъ иноземныхъ учителей и типографшиковъ навсегда обуздать господство духовенства, въ противеніе безплоднымъ монашескимъ училищамъ основать практическія школы для жизни и національнаго образованія. Вслѣдствіи мы ознакомимся съ преобразовательною дѣятельностью министра по всѣмъ отраслямъ управленія и народнаго воспитанія, благодаря чему имѣлось въ виду возсоздать новую Португалію, достойную занять мѣсто на ряду съ другими державами. Помбаль прежде всего воспользовался временемъ пререканій съ Римомъ для того, чтобы ограничить клерикальныя и церковныя права. Одинъ изъ канониковъ по поводу пепси подалъ протестъ противъ приговора административнаго вѣдомства и пригрозилъ отлученіемъ отъ церкви. Такое покушеніе было отринуто королевскимъ декретомъ и притомъ въ строгихъ выраженіяхъ заявлено, что корона непосредственно отъ Бога получила власть и обязанность охранять подданныхъ; если же церковь, вмѣсто того чтобы защищать наследіе и вертоградъ Господа, нападаетъ на королевскій авторитетъ, то это ничто иное какъ неуваженіе къ самодержавной власти государя, которая въ мірскихъ дѣлахъ никого не признаетъ надъ собою. Потомъ было постановлено, что безъ непосредственнаго разрѣшенія короля никто не властенъ отлучать отъ церкви административныя вѣдомства или чиновниковъ. Для того чтобы положить предѣлы размноженію церковнаго имущества и проискать гонящагося за родовыми имѣніями духовенства, изданъ былъ уставъ, въ силу котораго всѣ члены ордена, женскаго или мужскаго пола, вступивъ въ духовную корпорацію, лишаются всякаго отцовскаго или материнскаго наследія. Даренія, благотивныя отъказы и завѣщанія на панхиды органичвались, такъ чтобы не превышали извѣстной доли имущества. Много мужскихъ и женскихъ монастырей было уничтожено, запрещено постригать въ монахи до двадцатилѣтнаго возраста и безъ именнаго разрѣшенія короля. Всякія безъ королевскаго одобренія обнародованныя папскія буллы и бреве, въ особенности введенная іезуитами булла „тайной вечери“ („in Coena Domini“) противъ лжеучителей, еретиковъ и раскольниковъ признавались незаконными; различіе между „новыми христіанами“ и „старыми“ отиѣнялось, благодаря чему устранялась также неравноправность, вслѣдствіе которой первые лишались общественныхъ должностей. Празднества и процессіи были сокращены. Этими законами и постановленіями ограничивались также власть и вѣдомство инквизиціи, хотя самый судъ продолжалъ существовать, но состоялъ болѣе на службѣ правительства нежели церковнаго правовѣрія. Однако аутодафе не пазначались болѣе, ограничивались однимъ заключеніемъ въ тюрьму. При Помбалѣ вообще рѣдко примѣнялась смертная казнь; за то въ тюрьму часто отводилось заразъ по двадцати или по тридцати человѣкъ, которые были замѣнены въ заговоры или въ мятежи. Однако, какъ бы отважно и мощно министръ ни принимался за дѣло, едва ли хватить силъ одного человѣка на то, чтобы уничтожить вкоренившіеся въ націю вѣковыми традиціями и обычаями недостатки и привычки. Сокрушать—вотъ что было дѣломъ Помбала, но для того чтобы созидать—потребовалось бы иной болѣе спокойной, осмотрительной природы и болѣе продолжительнаго господства царившаго папства эпохи.

10. марта 1646.

1768.

Булла Apostolicum pascendi manus и ея послѣдствія.

Иезуиты надѣялись, что имъ удастся при посредствѣ авторитета подчинявшагося имъ папы Климента XIII, подавить враждебное настроеніе, какое въ Португаліи и бурбонскихъ странахъ такъ рѣзко обнаружилось противъ ордена. Благодаря своему вліянію въ Ватиканѣ, они дѣйствительно добились, что тайкомъ была начертана булла, которою не только вновь подтверждалось общество Иисуса, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ распространяемыя за послѣдніе годы враждебныя показанія и доносы признавались злоумышленными навѣтами.

7. янв. 1765.

Эта булла, извѣстная подъ названіемъ Apostolicum pascendi manus, нунціями препровождалась ко всѣмъ епископамъ христіанства. Она имѣла цѣлью прекратить нападки противъ ордена, но произвела противоположныя послѣдствія, побудивъ враговъ принять оборонительныя мѣры: въ Неаполѣ и Венеціи запретили ея обнародованіе и распространеніе, во Франціи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эту грамоту предали пламени, а въ Португаліи, куда она проникла тайными путями, въ государственномъ совѣтѣ съ привлеченіемъ знатнѣйшихъ теологовъ и юристовъ по предложенію правительственнаго прокурора высказанъ былъ приговоръ, что булла, которую иезуиты добились постыдными происками, нарушаетъ права короны, подвергаетъ опасности спокойствіе государства и колеблетъ миръ церкви. А потому обладаніе, печатанье и распространеніе ея особымъ закономъ подвергалось тяжкимъ карамъ. Такъ-то все болѣе и болѣе разрывалась связь, тѣсно соединявшая доселѣ Римъ съ католическими державами. Между Лиссабономъ и Парижемъ шла уже переписка о томъ, какъ бы добиться отъ папскаго правительства отмены иезуитскаго ордена. Попытались привлечь къ содѣйствію также мадридскій кабинетъ. Если эти три державы, по мнѣнію Помбала, единодушно обратятся съ требованіями къ папскому правительству, то оно не могло бы отказать ни въ отменѣ общества Иисуса, ни въ устраненіи предосудительныхъ злоупотребленій въ религиозныхъ дѣ-

6. мая 1765.

лахъ. Новымъ королевскимъ манифестомъ заявлялось, что всякій застигнутый въ Португаліи иезуитъ будетъ наказанъ какъ государственннй преступникъ и виновный въ оскорбленіи величества. «Члены ордена, ихъ друзья и покровители неисправимы и совмѣстные враги всякой свѣтской власти, высшаго, законнаго и Богомъ установленнаго правительства, спокойствія, жизни христіанскихъ государей и общественнаго мира въ странѣ». Всѣ Португальцы присягою при магистратахъ торжественно обязывались, отнюдь не вступать въ сношеніе съ обществомъ Иисуса и не принимать участія въ ихъ ученіяхъ. Въ отвѣтъ на буллу король Иосифъ обратился къ Клименту XIII. съ посланіемъ: увѣряя въ своемъ уваженіи св. отца, онъ изъявляетъ сожалѣніе о томъ, что послѣдній взялъ подъ свою защиту орденъ, который цѣлью своихъ стремленій полагалъ убійство государей, возмущеніе подданныхъ, нарушеніе общественнаго спокойствія путемъ печати и дѣйствій.

28. авг. 1767.

Въ отвѣтъ на буллу король Иосифъ обратился къ Клименту XIII. съ посланіемъ: увѣряя въ своемъ уваженіи св. отца, онъ изъявляетъ сожалѣніе о томъ, что послѣдній взялъ подъ свою защиту орденъ, который цѣлью своихъ стремленій полагалъ убійство государей, возмущеніе подданныхъ, нарушеніе общественнаго спокойствія путемъ печати и дѣйствій.

6. дек. 1767.

Въ отвѣтъ на буллу король Иосифъ обратился къ Клименту XIII. съ посланіемъ: увѣряя въ своемъ уваженіи св. отца, онъ изъявляетъ сожалѣніе о томъ, что послѣдній взялъ подъ свою защиту орденъ, который цѣлью своихъ стремленій полагалъ убійство государей, возмущеніе подданныхъ, нарушеніе общественнаго спокойствія путемъ печати и дѣйствій.

Мы скоро узнаемъ, какія мѣры недавно передъ симъ приняты были въ Испаніи и еще ранѣе во Франціи противъ членовъ ордена. Нунцію въ Мадридѣ было уже заявлено, если Климентъ XIII. откажется приступить къ секуляризации общества Иисуса, т. е. освободить членовъ отъ ихъ присяги и причислить ихъ къ свѣтскому духовенству, то папскій престолъ лишится, пожалуй, нѣкоторыхъ изъ его владѣній. Борьба противъ иезуитовъ вредила самой церкви и авторитету ея верховнаго главы. Въ Португаліи стали даже помышлять объ отдѣленіи отъ Рима. Архіепископы самовольно давали церковное отпущеніе грѣховъ; упраздненные фондуши забирались правительствомъ; вопросъ о приматствѣ римскаго епископа подвергся историческому изслѣдованью, и доказывалась самостоятельность тумѣстнаго епископства; португальское духовенство освоилось съ мыслью, чтобы церковь и государство заключили другъ съ другомъ неразрывный союзъ, чтобы корона и епископство, въ родѣ того какъ въ Англіи, срослись въ совмѣстный организмъ. Хотя король, котораго тревожила совѣсть, сильно желалъ и добивался примиренія, однако самъ папа противился этому, упорно настаивая на возвратѣ изгнанныхъ иезуитовъ. Да развѣ Помбаль могъ согласиться на такія условія? Такъ враждебныя отношенія продолжались и разрослись въ борьбу всѣхъ романскихъ державъ противъ папскаго правительства. Мы скоро узнаемъ, какъ въ это самое время Климентъ XIII. рѣзко отнесся къ герцогу пармскому. Возгорѣвшійся изъ-за того споръ въ Лиссабонѣ признали общимъ дѣломъ всѣхъ державцевъ. Помбаль былъ того мнѣнія, что необходимо единодушнымъ вмѣшательствомъ въ дѣло освободить папу отъ узъ, которыми сковали его иезуиты: вся обстановка его состоитъ изъ членовъ этого ордена, такъ что скудно просвѣтленный и слабый старецъ въ Ватиканѣ о дѣлахъ міра сего узнаетъ лишь по ихъ одностороннимъ и эгоистическимъ изложеніямъ. Португальскій министръ считалъ уничтоженіе общества единственнымъ средствомъ навсегда исключить ихъ изъ королевства. А иначе надо было опасаться, что инфантъ Донъ Педро, который питалъ совершенно иныя воззрѣнія и гнушался антиклерикальнаго направленія графа, по смерти Иосифа вновь призоветъ въ край духовное братство. По мнѣнію Шуазеля однако слѣдовало выждать, пока тіара не перейдетъ къ другому папѣ, и тогда уже энергичнѣе приняться за дѣло. Болѣе сильное рвеніе обнаружилъ Карлъ III. испанскій, котораго пуще всего оскорбилъ рѣзкій поступокъ папскаго правительства противъ его племянника, герцога пармскаго. При посредствѣ своего министра Аранды онъ добился, чтобы Франція заняла папскую область при Ронѣ, чтобы Неаполь завладѣлъ Беневентомъ и Понтекорво и чтобы посланники бурбонскихъ дворовъ подали въ Ватиканѣ памятные записки, въ которыхъ между прочимъ настоятельно требовалось уничтоженіе общества И-

Единодушное дѣйствіе державъ противъ папскаго престола и Климентъ XIII. Исходъ дѣла.

Іюнь. 1768.

суса. Этотъ рѣшительный шагъ поразилъ больного папу въ самое сердце, онъ былъ гвоздемъ къ его гробу. Созванная для совѣщанія о затруднительномъ дѣлѣ консисторія не успѣла еще собраться, какъ умеръ Климентъ XIII. Отягченный скорбью сошелъ онъ въ могилу. «Его одиннадцатилѣтній понтификатъ былъ непрерывною цѣпью горькихъ неудачъ, невзгодъ и униженій. Зданіе іерархіи было потрясено внутри, расшатано и предано всѣмъ бурямъ той эпохи».

Примиреніе
курій съ Пор-
тугалиею.

Получивъ вѣсть о кончинѣ папы Климента XIII., португальскій посланникъ Альмада изъ Флоренціи вернулся въ Римъ и соединился съ послами трехъ бурбонскихъ дворовъ, Франціи, Испаніи и Неаполя, съ тѣмъ чтобы отъ новаго главы церкви добиться уничтоженія іезуитскаго ордена, которое такъ упорно отвергалось предшественникомъ. При этомъ онъ надѣялся также возстановить сношенія между португальскимъ правительствомъ и папскимъ престоломъ. Его попытки увѣнчались самымъ блистательнымъ успѣхомъ. Кардиналъ Ангелли былъ схожъ съ предшественникомъ только по имени, но расходился съ нимъ въ воззрѣніяхъ и въ политикѣ. Онъ подъ рукою намекнулъ посланнику, что требованья дворовъ будутъ удовлетворены, лишь только позволятъ обстоятельства. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ португальскому королю и его министру такія доказательства миролюбиваго и дружескаго расположенія, что вскорѣ слѣдовало ожидать полнаго прекращенія распри.

28. іюня
1770.

Въ 1770 новый нунцій, Иннокентій Коити, потомокъ древнеримской графской фамиліи, совершилъ свой въездъ въ Лиссабонъ, гдѣ былъ торжественно принятъ дворомъ и всѣмъ населеніемъ. Благодаря всеобщему желанію искренняго умиротворенія скоро нашлись средства и пути устранить эдикты, враждебные церкви, не нарушивъ притомъ королевскаго авторитета; такъ что папскій посолъ въ августѣ уже сообщалъ въ Римъ: «Въ настоящее время всѣ дѣла совершаются здѣсь въ лучшемъ порядкѣ и спокойно. Все прошлое забыто и вошло въ прежнюю колею. Нунциатура пользуется своими правами безъ всякаго ограниченія; видя, что сношеніе съ Римомъ возобновлено законнымъ порядкомъ, все населеніе ликуетъ». Въ Ватиканѣ также сильно радовались тому, что преграды наконецъ рушились. Папа отпраздновалъ это счастливое событіе, совершивъ молебствіе, а населеніе Рима устроило иллюминацію. Архіепископъ въ Коимбрѣ, не желавшій покинуть своей должности, былъ лишенъ сана «по преклонности лѣтъ и другимъ причинамъ»; упраздненныя епископства замѣстились достойными прелатами, всякія послѣдствія десятилѣтняго раскола устранялись самымъ предупредительнымъ образомъ.

Августъ 1770.

Министръ остался вполне доволенъ ходомъ дѣлъ. Ему нечего было болѣе опасаться, что іезуиты вернутся, разстроятъ или уничтожатъ его реформы. Король изъявилъ ему свою благодарность и признательность, даровавъ ему санъ маркиза Помбаля. Недовольны были

Климентъ XIV.
и Помбаль.

за то сами іезуиты и ихъ ультрамонтанные соучастники; они всѣми силами старались путемъ навѣтовъ, злословій, ужасъ наводящихъ прорицаній разрушить вновь заключенный между Римомъ и Лиссабономъ союзъ. Но конецъ ихъ былъ уже близокъ. Помбаль дожилъ еще до отмѣны ордена: приготовившись долгимъ уединеніемъ и размышленіемъ къ важному шагу, Климентъ XIV. объявилъ общество Иисуса уничтоженнымъ и въ то же время велѣлъ закрыть въ самомъ Римѣ всѣ коллегіи и дома ордена. Въ Лиссабонѣ это событіе привѣтствовали благодарственнымъ молебномъ, иллюминаціею и фейерверкомъ. «Маркизь Помбаль», такъ писалъ англійскій посланникъ изъ Португаліи въ Лондонъ, «въ особенности радъ уничтоженію корпорации, противъ которой онъ такъ долго ратовалъ. За нимъ слѣдуетъ признать ту заслугу, что онъ въ текущемъ столѣтіи первый отважился вступить въ борьбу съ обществомъ, которое при разныхъ дворахъ и въ особенности при португальскомъ пользовалось такимъ сильнымъ вліяніемъ».

с. Реформы Помбаля и его кончина.

Августъ 1773.

Хотя министру пришлось потратить много труда на церковныя дѣла, однако энергическій мужъ нашелъ еще время обратить свою широкую преобразовательную дѣятельность также и на другія стороны общественной жизни. Мы съ изумленіемъ смотримъ на творенія, созданныя его плодотворнымъ умомъ. Нельзя однако отрицать, что, приурочивая свои законодательныя идеи къ дѣйствительности, онъ зачастую деспотическою и насильственною рукою посягалъ на существовавшія условія, на права и преданія. «Безъ финансовъ и кредита, безъ торговли и промышленности, безъ сухопутнаго войска и флота, — какъ заявляетъ одинъ изъ его современниковъ, — въ борьбѣ съ враждебными началами, тормозившими всякія умно разсчитанныя начинанія съ цѣлью возстановить расшатанную государственную машину, этому великому дѣятелю удалось создать финансовыя средства, приобрести вновь довѣріе къ правительству, значительно расширить торговлю и судоходство, вдохнуть новую жизнь въ рыбную промышленность въ Алгарвіи, воздвигнуть множество фабрикъ и мануфактуръ, ободрить литературу и науку, преобразовавъ университетъ въ Коимбрѣ и основавъ разныя учрежденія для общественнаго образованія, урядить войско, воздвигнуть новыя крѣпости, возстановить старыя, создать внушающій уваженіе флотъ, вернуть королевству то значеніе, какимъ оно пользовалось иѣкогда за границей, и изъ развалинъ Лиссабона возстановить городъ болѣе пышный, обширный и болѣе прежняго населенный».

Ограничивъ алчность церкви къ наживѣ, воспрепятствовавъ расширенію дворянскихъ имѣній въ ущербъ казны и свободнаго крестьянскаго сосло-

Продуктивный
умъ министра.
Торговля и
промышлен-
ность.

вид, Помбаль положил предѣлъ накопленію имущества въ непроезжихъ рукахъ; онъ отдѣлил отъ винодѣлія неспособные и невыгодныя для него участки, что и послужило къ подъему и усовершенствованію земледѣлія, къ расширенію хлѣбопашества. Онъ обратилъ особенное вниманіе на успѣхи торговыхъ и промышленныхъ интересовъ. Учрежденіе большой компаніи для винодѣлія въ окрестностяхъ Оporto, что, какъ было уже упомянуто, подало поводъ къ мятежнымъ пропскамъ, и поощреніе шелководства, для чего изъ Франціи выписали около 20,000 туговыхъ деревьевъ,—все это имѣло прежде всего цѣлью поднять торговлю и промышленность. Шерстяныя и другія фабрики также поддерживались государственными средствами, причемъ старались привлечь иноземныхъ рабочихъ и ремесленниковъ. Какъ доволенъ былъ министръ, когда въ своемъ помѣстьи Оэйрасъ, украшенномъ превосходными парками и садами, онъ разъ представилъ королю выставку туземныхъ произведеній! Помбаль основалъ коммерческую юнту, уставъ которой начерталъ самъ, и открылъ въ Лиссабонѣ школу, въ которой двѣсти воспитанниковъ обучались по всѣмъ отраслямъ торговли и судоходства. Онъ самъ и другіе министры присутствовали на публичныхъ экзаменахъ, для того чтобы придать больше значенія новому учрежденію. „Мануфактуры и торговля“, сказалъ онъ однажды, „обогащаютъ и цивилизуютъ націю, усиливаютъ государство. А душа торговли въ свободѣ народа“.

Обученіе и народное образованіе. Помбаль увѣнчалъ свою преобразовательную дѣятельность, обративъ особенное вниманіе и попеченіе на народное образование и учебныя заведенія. Высокое пониманіе и широкій научный кругозоръ министра обнаружались при этомъ какъ въ отношеніи низшей элементарной школы, такъ и въ отношеніи университета. Основаны были сотни училищъ всякаго рода; въ нихъ всѣ предметы преподавались безвозмездно въ педагогически организованномъ порядкѣ; сотни профессоровъ и учителей, даже изъ заграницы, получили мѣста и должности; для дворянскаго юношества въ Лиссабонѣ открыта была „королевская коллегія дворянъ“ съ превосходными учителями по всѣмъ отраслямъ гуманитарскихъ и реальныхъ знаний; университетъ въ Коимбрѣ былъ совершенно преобразованъ, такъ что походилъ на новое учрежденіе. Увеличивъ число кафедръ, призвавъ научно просвѣщенныхъ профессоровъ, воздвигнувъ академическія зданія для учебныхъ занятій и инструментовъ, основавъ обсерваторію и начертавъ основанную на свободныхъ гуманыхъ началахъ организационную систему, Помбаль имѣлъ въ виду твореніе, которое совершенно затмило бы іезуитскія заведенія. Его помощникомъ и совѣтникомъ при учрежденіи были священникъ отъ ораторіи, Манозъ де Сенакуло де Вилласъ Боасъ, впоследствии эворскій архіепископъ, многосторонній ученый, „кладезъ безъ дна и безъ тины“; а этому въ свою очередь содѣйствовалъ Антоніо Перейра де Фигейредо, весьма либеральный теологъ. Въ среднія школы большею частью также назначались священники отъ ораторіи. Помимо древнихъ языковъ обучали еще португальскому и литературѣ, помимо римскаго права проходились также родные законы и учрежденія; особенное вниманіе обращалось на философскія и математическія науки. Преобразование университета въ Коимбрѣ послужило „сигналомъ для возрожденія наукъ“ въ Португаліи. Новые учебники и методы преподаванія вытѣснили схоластико-іезуитскій способъ обученія, и великолѣпная королевская типографія съ словолитнею при ней назначена была „оживить науки и произведеніями печати принести пользу обществу“.

Законодѣніе. Помбаль въ то же время обратилъ свое вниманіе на усовершенствованіе законодѣнія и судебного производства. По зрѣломъ совѣщаніи съ судьями и правовѣдами онъ издалъ сводъ законовъ, который одинъ изъ вели-

чайшихъ португальскихъ юристовъ называлъ „истинно золотымъ уставомъ“, гражданское право, составленное изъ исконныхъ указовъ, обычаевъ и юридическихъ постановленій, изложенное въ духѣ эпохи и согласно съ современною наукою, короткое и ясное, съ строгимъ разграниченіемъ суда и администраціи. Благодаря новой бдительной полиціи подъ вѣдѣніемъ дѣятельнаго интенданта въ Португаліи, особенно въ южныхъ ея областяхъ, воцарилось состояніе общественной безопасности, какаго не бывало до тѣхъ поръ.

Финансовая и податная системы, все государственное хозяйство также урядились разумно и осмотрительно. Благодаря устройству четырехъ счетныхъ приказовъ надзоръ и контроль надъ доходомъ и расходомъ облегчались; введеніемъ казначейства въ качествѣ главнаго податнаго вѣдомства упростились взиманіе общественныхъ податей и предотвращались всякіе обманы, утайки и притѣсненія. Министръ обратилъ свое вниманіе даже на придворный штатъ и королевское домоводство. Бразилія никогда еще не была такимъ обильнымъ источникомъ богатства для Португальцевъ, какъ въ управленіе Помбала. Изъ года въ годъ суда привозили золото, драгоценныя камни и дорогіе товары въ Лиссабонскій портъ. Два коммерческія общества поддерживали и содѣйствовали сношеніямъ; директора руководили администраціей, судопроизводствомъ и учебною системою въ отдѣльныхъ областяхъ обширнаго края, въ отдаленныя области его посылались миссіи съ тѣмъ, чтобы обращать туземцевъ, обучать и цивилизовать ихъ, приучать къ труду и культурному быту.

Съ правленіемъ маркиза Помбала открылась новая эра не только относительно внутреннихъ условий Португаліи: онъ съумѣлъ также и вовнѣ поддержать честь и достоинство королевства, снискать ему уваженіе великихъ державъ. Когда въ семилѣтнюю войну авглійская эскадра въ бухтѣ Лагоса преслѣдовала французскія суда и, не взирая на нейтралитетъ страны, захватила или разрушила ихъ (стр. 92), то Помбаль вступился ревнителемъ за нарушеніе народнаго права и чести португальскаго знамени. Онъ, конечно, не былъ въ состояніи выслать военный флотъ противъ первой морской державы въ Европѣ, ни прибѣгнуть къ отмсткѣ, съ цѣлью внушить авглійскій націи, что крайне недобросовѣстно пользоваться своимъ перевѣсомъ надъ мелкимъ, но дружественнымъ государствомъ; однако, его ноты къ авглійскому министерству дышали чувствомъ достоинства человека, который не потерпитъ, чтобы Англія обращалась съ Португаліей какъ съ вассальнымъ государствомъ или съ подчиненною ей областью. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ, сказалъ онъ, Великобританія велѣдствіе выгодныхъ торговыхъ договоровъ пользуется такими преимуществами и льготами въ Португаліи, что купечество островной державы извлекаетъ изъ страны около милліона фунт. стер. ежегодной прибыли, двѣ трети всего потребляемаго народомъ хлѣба, матерій, всякихъ фабричныхъ издѣлій доставляется одною Англіею. Эти торговые законы и монополіи, можно будетъ, пожалуй, отмѣнить и уничтожить; Франція всегда готова помочь португальской націи и удовлетворить ея потребностямъ избыткомъ своихъ естественныхъ продуктовъ и промышленныхъ произведеній. На берегахъ Темзы попили этотъ намеръ съ прикрытою имъ угрозою и министръ Питтъ оказался настолькоъ благоразумнымъ, что уступилъ и удовлетворилъ требованьямъ Помбала. Тогда доброе согласіе вновь установилось и Англичане опять стали забирать богатые золотые грузы. Однако они ревниво поглядывали на творческую дѣятельность Помбала, благодаря которой Португалія добивается независимости отъ инострапныхъ державъ. Жалобы британскихъ купцовъ раздавались все громче и сильнѣе; въ газетахъ и брошюрахъ слышался все болѣе непріязненный тонъ; основаніе коммер-

Финансы.

Бразилія.

Отношеніе къ Англіи.

Авг. 1759.

ческихъ обществъ, мануфактурныхъ предірія, попытки поставить Португальцевъ на собственныхъ ногахъ,—все это Англичане сочли посягательствомъ на ихъ коммерческія привилегіи, которыми они давно уже пользовались, нарушеніемъ ихъ монополій и льготъ.

Португальско-англійская и испанско-французская война.

Имперскій графъ Липпе-шаумбургскій.

Таки настроенія отступали временно на задній планъ, когда вслѣдствіе политическаго положенія въ Европѣ тѣснѣйшій союзъ съ Португаліей былъ выгоденъ для англійскаго правительства. Такъ напр., въ началѣ шестидесятихъ годовъ, когда Шуазель извѣстнымъ „фамилінымъ договоромъ“ сочеталъ всѣ отрасли бурбонскаго дома въ одинъ вѣчный союзъ, съ цѣлю сокрушить морское преобладаніе Англии, Португалію также пригласили приступить къ конвенціи, отречься отъ нейтральнаго положенія, которымъ она такъ настойчиво пользовалась доселѣ британскому морскому владычеству. Когда лиссабонское правительство отвергло это требованіе и пребыло вѣрнымъ дружественному союзу съ Англійей, то въ Парижѣ и Мадридѣ рѣшили, завладѣть португальскими портами и, занявъ королевство, заручиться такимъ путемъ реальнымъ залогомъ, которымъ въ свое время можно было бы воспользоваться противъ Великобританіи. Въ Испаніи возникли, вѣроятно, прежнія поползновенія отвоевать край. Въ Мадридѣ не забыли еще, что Португалія, благодаря лишь неожиданному революціонному перевороту изъ испанской провинціи преобразилась въ самостоятельное королевство. Въ это опасное время Помбаль опять проявилъ такую же дѣятельность и энергію, какъ послѣ землетрясенія. Крѣпости приведены были въ надлежащее состояніе и снаряжены значительными орудіями, арміи усилены, собраны оружейные запасы. Съ форта Юліана зало 120 пушекъ на р. Тахо. Лиссабонское правительство вѣжливо, но твердо изложенною дипломатическою нотою заявило испанскому и французскому двору, что Португалія рѣшилась не присоединяться къ наступательному союзу родственныхъ домовъ, а напротивъ, поддерживать бывший доселѣ пейтралитетъ и дружбу; вслѣдъ затѣмъ объявлена была война и въ Трасъ-осъ-Монтесъ вступила испанская оккупационная армія. Помбаль довелъ португальское войско до 60,000 человекъ; однако онъ скоро убѣдился, что отвыкшимъ отъ боя полкамъ не устоять противъ неприятельскихъ силъ, что патристическое чувство и національная независимость, какою португальская молодежь прониклась противъ Испанцевъ, не въ состояніи возмѣстить собою недостатокъ опытности и дисциплины; даже присланные лондонскимъ правительствомъ англійскіе офицеры и нѣсколько полковъ вспомогательнаго войска подъ начальствомъ лорда Тирауле оказались недостаточными. А потому министръ обратилъ свои взоры на богатую боевыми силами германскую имперію: онъ съ согласія Англии поручилъ главное начальство надъ португальскимъ войскомъ и англійскими вспомогательными отрядами графу Вильгельму Липпе-шаумбургскому, опытному воину, который, родившись въ Лондонѣ, прослужилъ нѣкоторое время въ англійской гвардіи, потомъ совершилъ при Фердинандѣ Брауншвейгскомъ нѣсколько кампаній въ семилѣтнюю войну (стр. 89, 105) и въ своемъ родномъ краѣ обнаружилъ воинское организационное дарованіе. Принцу Карлу Мекленбургъ-стрелицкому передано было начальство надъ артилеріей. Въ іюль француско-испанская армія, свыше 42,000 человекъ, собралась подъ начальствомъ графа Аранды въ окрестностяхъ Сіудадъ-Родриго и выступила въ Беиру, съ цѣлю проникнуть въ центръ страны. Въ португальско-англійскомъ войскѣ подъ главнымъ начальствомъ имперскаго графа, возведеннаго въ фельдмаршалы, состояли англійскіе командиры Бургойнъ, Тоунсендъ, Ленноксъ, Кларкъ; оно, однако, было вдвое слабѣе неприятельскаго, такъ какъ полки большею частью размѣшались по крѣпостямъ или охраняли сѣверную границу. Благодаря этому Испанцы

Половина іюля 1762.

и Французы вначалѣ сдѣлали быстрые успѣхи. Они принудили сдать крѣпость Альмейду, завладѣли нагорною страню къ востоку отъ Сьерры Эстреллы, между Мондего и Тахо, и открыли свою главную квартиру въ Кастелло Бранко. Скоро однако положеніе измѣнилось. Графъ и англійскіе командиры заняли крутые горные проходы и задержали дальнѣйшій натискъ непріятели: возмущенные жестокими и опустошительными нападеніями Испанцевъ и, пылая національною ненавистью, горды собирались шайками и организовали по ущельямъ и въ лѣсахъ малую войну противъ нахлынувшихъ враговъ; а Тоунсендъ весьма успѣшно совершилъ изумительный переходъ черезъ хребетъ Эстреллы. Осенью, съ наступленіемъ дождей и холодовъ люди и лошади гибли отъ голода и истощенія, такъ что Аранда былъ вынужденъ отвезти назадъ за границу часть своихъ ратей и приютить ихъ въ Алькантарѣ. Въ наступившій затѣмъ мѣсяцъ онъ и самъ послѣдовалъ туда же съ остальными отрядами, покинувъ въ лазаретахъ въ Кастелло Бранко больныхъ и раненыхъ. Однако Португальцы и Англичане также крайне пуждались въ отдыхъ; а потому имперскій графъ и разрѣшилъ войскамъ занять зимнія квартиры въ различныхъ пограничныхъ мѣстечкахъ. Девять полковъ размѣстились въ Порталегре, съ тѣмъ чтобы воспрепятствовать неприятелю проникнуть въ Алемтехо. Когда заключенъ былъ миръ въ Фонтенебло, то война въ Португаліи прекратилась, и все пришло опять въ то же положеніе, въ какомъ находилось до кампаніи.

Авг. 1762. Сент.

Окт. 1762.

Февр. 1763.

По заключеніи мира англійскіе вспомогательные отряды отправились во свояси. Имперскій графъ однако пробылъ еще нѣкоторое время въ Португаліи, и совѣтомъ и на дѣлѣ помогать министру привести въ боевое состояніе тумѣстныя войска, организовать милицію, возстановить крѣпости. Эльвастъ былъ поддержанъ фортомъ, который до сихъ поръ прозывается „Липпе“. Когда онъ покинулъ, наконецъ, пиринейскую страну, одолженную ему своею воинскою организациею и дисциплиною, и черезъ Англію вернулся въ Германію, то отказался отъ всякаго денежнаго вознагражденія и удовольствовался лишь славою и благодарностью націи. Онъ не былъ наемникомъ. Въ родномъ краѣ, въ Липпе-Бюкебургѣ графъ остался вѣренъ своимъ боевымъ наклонностямъ: на островѣ въ Штейнгудерскомъ морѣ устроилъ онъ небольшую крѣпость Вильгельмштейнъ и образовалъ изъ крестьянскихъ дѣтей своего края отличныхъ солдатъ. Ему, впрочемъ, не чужды были интеллектуальные интересы, въ чемъ убѣдились Гердеръ и Абтъ.

Военныя услуги имперскаго графа.

Сент. 1774.

Благодаря этому усовершенствованію арміи и вмѣстѣ съ тѣмъ успѣху Испанско-португальскаго флота, Португалія десять лѣтъ спустя послѣ того избавилась отъ такихъ же боевыхъ столкновеній съ Испаніей и ея союзниками. Споръ изъ-за границъ въ Южной Америкѣ послужилъ поводомъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ между губернаторами Бразиліи и Буэносъ-Айреса, причеиъ въ двухъ стычкахъ испанскіе отряды были побѣждены. Эта распри, какъ казалось, готова была перейти къ метрополіямъ. Португальскія и испанскія войска опять заняли пограничныя области. Англійскому правительству, которому и безъ того предстояла война съ Сѣвѣрною Америкой, не хотѣлось вмѣшаться еще въ пиринейскую усобицу, а потому оно старалось примирить враговъ. Ему, однако, удалось это лишь на столько, что на португальско-испанской границѣ вооруженныя уже войска не вступали въ бой. За то тѣмъ яростнѣе возгорѣлась война въ области Ріо Гранде. Король Карлъ III. отвергъ заключенный прежде мѣпвой договоръ, ему, однако, не хотѣлось лишиться колоній дель Сакраменто. Онъ направилъ большой испанскій флотъ съ 12,000 морскихъ солдатъ подъ начальствомъ Педро де Цеваллоса въ Буэносъ-Айресъ въ то самое время, когда король

Испанско-португальская война въ Америкѣ.

Иосифъ сильно заболѣлъ и его супруга, сестра Карла, приняла на себя регентство въ Лиссабонѣ, такъ что вліяніе Помбала на государственныя дѣла пошатнулось. Этому обстоятельству испанскій король и былъ одоженъ тѣмъ, что споръ рѣшился въ его пользу. Заключеннымъ между королевою-правительницею и ея братомъ предварительнымъ миромъ въ Санъ Ильдефонсо, за которымъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣдовалъ союзный договоръ въ Пардо, утверждена была граница при Лаплатѣ и Уругваѣ, а колонія дель Собраменто уступлена Испаніи. Съ этой поры контрабандный торгъ съ Буэносъ Айресомъ прекратился.

1. окт. 1777.

11. марта 1778.

Кончина ко-
роля Иосифа.

Когда между Испаніей и Португаліей заключенъ былъ мирный договоръ въ Пардо, то короля Иосифа Эмануила не было уже въ живыхъ. Ему суждено еще было насладиться великимъ трехдневнымъ празднествомъ, истиннымъ національнымъ торжествомъ съ процессіями, фейерверкомъ, банкетами и всякаго рода увеселеніями, который устроилъ министръ по поводу открытія великолѣпной конной статуи государя на «торговой площади» въ Лиссабонѣ. Но онъ былъ мрачно настроенъ; второе покушеніе на его жизнь во время охоты, разладъ и интриги въ королевскомъ семействѣ, недовѣріе къ окружающимъ лицамъ подточили ясность его души, а апоплексическіе припадки — здоровье его тѣла. Статсъ-секретарь Сеабра, самый дѣятельный сотрудникъ Помбала во всѣхъ цивилизаторскихъ трудахъ, былъ неожиданно отставленъ и сосланъ въ одно изъ помѣстій, причемъ никто не зналъ даже настоящей причины. Утверждали, будто онъ злоупотреблялъ своимъ положеніемъ для своекорыстныхъ цѣлей. Его удаленіе послужило первымъ признакомъ того, что кознямъ и коварству враждебной министру дворцовой партіи скоро удастся сокрушить даже власть Помбала. Самъ король, впрочемъ, до конца жизни сохранилъ свое довѣріе къ великому дѣятелю, который въ теченіе двадцати лѣтъ энергичною и искусною рукою управлялъ кормиломъ государства. Его за одно со всѣми друзьями новаго порядка радовало, что покушеніе итальянца, имѣвшаго въ виду при посредствѣ какой-то адеской машины во время упомянутаго національнаго торжества погубить перваго министра, было преждевременно открыто и разстроено; сознавшійся въ своемъ замыслѣ преступникъ былъ преданъ уголовному суду и казненъ. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ король опять подвергся болѣзненнымъ припадкамъ, принудившимъ его отказаться отъ государственныхъ дѣлъ и назначить правительницею супругу свою, Марію Анну. А три мѣсяца спустя послѣ того вновь повторившійся ударъ положилъ конецъ его скорбной жизни. Старшая дочь его, Марія, которая, какъ уже извѣстно, была замужемъ за своимъ дядею, Донъ Педро, наследовала престоль. Папское правительство, разрѣшившее еще прежде извѣстной распри этотъ родственныи бракъ, согласилось также по желанію умиравшаго короля на то, чтобы отпрыскъ этой связи, шестнадцатилѣтній внукъ короля Иосифа, принцъ Бейрскій, женился на сля-

6. июня 1775.

6. окт. 1775.

29. ноябрь 1776.

24. февр. 1777.

комъ тридцатилѣтней теткѣ своей, доннѣ Маріи Францискѣ Бенедиктѣ, второй дочери Иосифа; эти два династическіе брака, которые можно было признать кровосмѣшеніемъ, не послужили на благо державному дому. Король не успѣлъ еще скончаться, какъ Помбаль, рьяною ненавистью обрушатея всѣ враги его, подалъ правительницею прошеніе объ отставкѣ. Лѣта, труды и тѣлесные недуги истощили его силы. Пусть она довѣрится другимъ людямъ, которымъ онъ передастъ дѣла, и позволитъ ему прожить остатокъ немногихъ дней въ уединеніи въ его помѣстьяхъ. Онъ присовокупилъ къ прошенію отчетъ о своемъ управленіи и о состояніи финансовъ, который напомнилъ примѣръ Сюлли и по справедливости возбуждалъ всеобщее удивленіе. Онъ заявилъ, что помимо запаса алмазовъ въ казначействѣ и въ королевской кассѣ хранятся семьдесятъ восемь миллионъ крузадовъ, — небывалый случай въ португальской финансовой исторіи. Правительница не успѣла еще прійти къ рѣшенію, какъ умеръ король и Донна Марія вступила на престоль. Министръ возобновилъ прошеніе, и спустя четыре дня послѣ того новая королева въ самомъ благосклонномъ видѣ дала ему требуемую отставку. Теперь наступилъ полный переворотъ въ системѣ и въ личностяхъ. Марія была слабоумна и обнаруживала уже признаки душевнаго разстройства, которое впоследствии оказалось даже неисцѣлимимъ; а ея дядя-супругъ до того предался церковной набожности, что каждое утро по нѣсколькx разъ посѣщалъ обѣдню и каждый вечеръ благоговѣнно присутствовалъ въ богослуженіи. Потому оба поспѣшили раскрыть тюрьмы, освободить священниковъ и дворянъ, находившихся въ заключеніи за соучастіе въ заговорахъ или за сопротивленіе оказанное правительственнымъ мѣропріятіямъ. Коимбрскій епископъ прямо изъ тюрьмы послѣшилъ во дворецъ, гдѣ Донъ Педро обнялъ его; по предложенію нунція много духовныхъ должностей перешло къ другимъ клерикаламъ; важнѣйшія государственныя и дворцовыя должности поручались дворянамъ, завязаннымъ врагамъ маркиза. Прежде всего распустили слухъ, что Помбаль пользовался своимъ положеніемъ для личнаго обогащенія: но онъ документально доказалъ, что во все свое управленіе получалъ только свой министерскій окладъ съ незначительнымъ содержаніемъ и никогда не принималъ ни королевскихъ дареній, ни иныхъ наградъ, какими государи надѣляютъ обыкновенно своихъ любимцевъ. Однако, тѣмъ еще ревностнѣе старались омрачить и отмѣнить введенныя Помбалемъ реформы и учрежденія. Судъ, которымъ ограничивалось юридическое право нунція, былъ устраненъ; папа получилъ полмилліона гульденовъ въ вознагражденіе за убытки, причиненные нѣкогда римскому правительству доставкою іезуитовъ въ Чивигу-Веккію; патриаршеству возвратили всѣ имущества и доходы, отпя-

Отставка Пом-
бала и новая
система.

1. марта 1777.

тые у него маркизомъ; изгнавъ начальника королевской типографіи изъ края, восстановили всѣ вычеркнутые изъ календаря праздники, братства, процессіи и т. п.

Нападки на Помбали и его преслѣдованіе. Своимъ деспотическимъ управленіемъ Помбаль нажилъ себѣ много враговъ, и они всѣми средствами старались погубить его. Дворяне, духовныя лица, іезуиты словно изъ могилъ вышли изъ тюремъ и соединенными силами напали на столь мощнаго прежде мужа. Они не удовольствовались тѣмъ, что пересмотромъ процессовъ ихъ признали невинными, что имъ возвратили честь, санъ, общественное положеніе, что судебные приговоры, учиненные противъ фамилии Таворы были признаны несправедливыми, что наказанные освобождались отъ всякой вины, отъ всякаго подозрѣнія; многіе требовали удовлетворенія отъ своего преслѣдователя; всѣ жаждали мести. Посылались памфлеты и полемическія статьи; одна изъ нихъ пресловутый «Памфлетъ», написанный какимъ-то дворяниномъ, была пропитана злословіемъ и клеветою, такъ что министръ издалъ рѣзкое опроверженіе позорной статьи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ своемъ дворцѣ Помбалѣ, гдѣ уединился, сталъ собирать матеріалы для оправданія своего правленія, не съ тѣмъ чтобы отмстить за себя, какъ онъ самъ говорилъ, а съ тѣмъ чтобы возстановить оскорбленную истину. Королева стала тревожиться; въ душѣ ея возникла борьба между склонностью къ церковнымъ и политическимъ традиціямъ и чувствомъ благоговѣнія къ отцу: вѣдь отъ его имени, съ его согласія и за его подписью издавались всѣ постановленія преобразователя-министра. Она надѣялась усмирить бурю, упичтоживъ декретомъ обѣ брошюры, какъ «Памфлетъ»; такъ 3. сент. 1779. и «Оправданіе». Когда же голоса противниковъ стали раздаваться все громче, когда все болѣе накоплялись жалобы и обвиненія, то въ Помбаль отряжены были два королевскіе комиссара съ широкими полномочіями, съ тѣмъ чтобы они судебнымъ порядкомъ допросили маркиза. Передъ ними-то восьмидесятилѣтній старецъ долженъ былъ въ теченіе пятидесяти дней, по пяти и до восьми часовъ въ сутки, оправдываться, пока наконецъ его, больнаго и изнуреннаго, 16. авг. 1781. не отнесли въ постель. На основаніи этихъ письменныхъ показаній королева, выслушавъ своихъ совѣтниковъ, объявила, что маркиза слѣдуетъ признать виновнымъ и достойнымъ наказанія, но что она во вниманіе къ его недугу и старчеству, «памятуя скорѣе кротость чѣмъ справедливость», не налагаетъ на него никакого наказанія. Впрочемъ, потерпѣвшимъ отъ него не возбраняется подать въ судъ искъ о вознагражденіи. Такъ-то надъ головою Помбали и впрямь все еще висѣлъ Дамокловъ мечъ.

Смерть Помбали и его заслуги. Высшею властью ему суждено было скоро избавиться отъ дальнейшихъ преслѣдованій и притѣсненій. Мая 5. 1782 скончался онъ на рукахъ своей супруги восьмидесяти трехъ лѣтъ отъ роду. «Моею 5. мая 1782.

цѣлью всегда было благо моего короля», были послѣдніе слова его, «если я погрѣшилъ, то это совершилось по недоразумѣнію, а никакъ не съ умысломъ». Помбаль безспорно слѣдуетъ причислить къ величайшимъ государственнымъ дѣятелямъ эпохи: онъ былъ рожденъ для того, чтобы властвовать, обладалъ яснымъ взглядомъ, руководился высшими политическими идеями, былъ энергиченъ и рѣшителенъ въ исполненіи. По его смерти созданія его понемногу рушились; патеры и монахи вновь властвовали при дворѣ и въ школахъ; вмѣсто заведеній для искусства и науки созидались и поддерживались монастыри и богоугодныя учрежденія; суевѣріе, всякая нечисть, невѣжество вновь проникли въ народъ, и нація опять погрузилась въ состояніе зависимости и безпомощности, изъ чего пыталась высвободить ее мощная рука Помбали. Однако, въ наступившія послѣ него десятилѣтія все еще замѣтно было благотворное вліяніе преобразовательной дѣятельности министра. Какъ реформаторъ по всѣмъ областямъ общественной жизни онъ возбудилъ много новыхъ воззрѣній, проложилъ путь многимъ новымъ направленіямъ; эти слѣды никогда нельзя было стереть совершенно, не смотря на то, что ни королева, склонная къ фанатическимъ религіознымъ отправленіямъ и строго преданная папскому престолу и духовенству, ни также ея ограниченный «крайне набожный» супругъ не постигали и не уважали духа времени, подъ вліяніемъ котораго подвизался Помбаль. Уныніе, душевный страхъ и тоска до того охватили несчастную, измученную сомнѣніями и ужасами женщину, что душа ея наконецъ омрачилась тьмою безумія; а потому, когда первенецъ ея, Іосифъ, умеръ уже въ 1788 году, то второй сынъ до смерти королевы завѣдывалъ правленіемъ.

2. БУРБОНСКІЯ ДЕРЖАВЫ.

А. Франція въ послѣднія десятилѣтія истекшаго вѣка.

а. Король Людовикъ XV. и версальскій дворъ.

Когда Людовикъ XV. началъ царствовать самостоятельно, то въ Людовикъ Возлюбленный. нація еще сильна была восторженная привязанность къ королю, которую съумѣлъ возбудить его предшественникъ. Молодаго государя называли «Возлюбленнымъ», и когда во время войны за австрійское наслѣдство, вернувшись съ фландрскаго похода, онъ опасно заболѣлъ въ Мецѣ, то вся страна была опечалена и смущена; въ Парижѣ отслужили шесть тысячъ обѣденъ, моля Господа объ исцѣленіи; а когда наконецъ здоровье возстановилось, то вся нація съ невыразимымъ восторгомъ встрѣтила благою вѣсть и торжествовала счастливое событіе одушевленными изъявленіями радости. Однако народъ

ная любовь скоро изсякла и превратилась постепенно въ ненависть и презрѣніе, когда король предался самому циничному распутству, когда соучастникамъ своихъ оргій и прислужникамъ своего сладострастія и своей чувственности онъ предоставилъ управленіе страпою, начальство надъ войскомъ, власть надъ закономъ и политикою, и когда безправственныя и безстыдныя любовницы стали господствовать надъ дворомъ и государствомъ. Мы прежде уже упомянули объ этомъ поворотѣ въ королѣ: сначала робѣя и воздерживаясь, онъ потомъ быстро сталъ спускаться по скольскому пути. Когда онъ заболѣлъ, то благочестивой партіи придворныхъ, съ епископомъ Суассонскимъ и герцогомъ Шартрекимъ во главѣ, удалось застрашать совѣсть большаго ожидавшими его адскими наказаніями; тогда изъ четырехъ сестеръ, поспѣнно пользовавшихся его благоволеніемъ, двухъ младшихъ, герцогиню Шатору и Лорагюэ удалили за пятьдесятъ лѣтъ отъ Меца. Вызвали королеву, съ тѣмъ чтобы она приняла на себя уходъ вмѣсто Шатору. Однако по выздоровленіи Людовикъ раскаялся въ своей слабости; любовница вернулась ко двору, тогда какъ епископъ и всѣ содѣйствовавшіе ея удаленію, были отставлены въ немилости.

Маркиза Помпадуръ и министр Шуазель. Вскорѣ затѣмъ умерла герцогиня Шатору, и мѣсто излюбленной наложницы заняла молодая, прекрасная, честолюбивая жена Ленормана д'Этіоля, помощника откупщика: король познакомился съ нею на охотѣ, благодаря свиданію, которое устроилъ камердинеръ. Она получила санъ маркизы *Помпадуръ*, и заняла пышные комнаты въ версальскомъ замкѣ рядомъ съ королевскими покоями; мужа вознаградили доходною административною должностію. Въ юности маркиза пользовалась тщательнымъ воспитаніемъ; она отлично знала музыку, рисовала, обладала вкусомъ и умомъ, питала склонность къ искусствамъ и наукамъ, но въ особенности была мастерица въ любовныхъ дѣлахъ; ими-то маркиза и приковала короля къ своей особѣ даже послѣ того, какъ онъ пересталъ уже питать къ ней прежнюю склонность. Она съумѣла развлечь его дряблую натуру увеселеніями и забавами и удовлетворить чувственности, то и дѣло доставляя ему болѣе молодыхъ красавицъ. Мы не разъ уже встрѣчались съ этой замѣчательной дамой, игравшей такую роковую всемірноисторическую роль за послѣдніе годы неограниченной королевской власти во Франціи. Въ ея блестящихъ чертогахъ въ Версалѣ происходили обыкновенно государственныя засѣданія, на которыхъ рѣшались судьбы Европы. Въ теченіе двадцати лѣтъ, до самой смерти, въ мартѣ 1764, она оказывала самое сильное вліяніе на общественныя дѣла: когда кардиналъ Бернисъ, сперва вполнѣ подчинявшійся ея волѣ, сталъ все болѣе и болѣе удаляться отъ нея и пытался ограничить ея власть, то она вытѣснила его изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, а вмѣсто того назначила своего друга, лю-

бимца и поклонника, герцога Шуазеля. Благодаря своей ловкости, своимъ талантамъ въ качествѣ кавалера, царедворца и дипломата, этотъ извѣстный уже намъ государственный мужъ вскорѣ сталъ пользоваться рѣшающимъ голосомъ въ кабинетѣ, а послѣдствіи, забравъ въ свои руки военное министерство, принимать даже роковое участіе въ событіяхъ. Въ связи съ этимъ преданнымъ трудолюбивымъ дѣятелемъ королевская любовница и была настоящею руководительною государственныхъ дѣлъ; она замѣщала всѣ важнѣйшія должности своими любимцами и креатурами, главнокомандующіе при арміяхъ назначались по ея предложеніямъ и указаніямъ, ей одолженъ былъ маршалскимъ жезломъ герцогъ Ришельё, этотъ гениальный развратникъ, беспощадный грабитель и опустошитель странъ, этотъ Донъ Жуанъ въ дамскомъ кружкѣ, кавалеръ, царедворецъ и дуэлистъ въ обществѣ. Извѣстно, что союзъ съ Австріей противъ Пруссіи былъ ея дѣломъ. Она распоряжалась государственными капиталами какъ своею собственною кассою, отъ нея зависѣли милость и гнѣвъ при дворѣ, награды и отставки, пенсіи, чины и почетныя мѣста. Благодаря годовымъ окладамъ, дареніямъ и жалованьямъ, ея собственныя доходы были до того значительны, что, проживъ въ блескѣ и пышности и скончавшись среди великолѣпной обстановки, мало оплакиваемая королемъ, презираемая націею, она оставила по себѣ миліоны. Она съ своими креатурами поддерживала чувственность и сладострастіе Людовика, лишь бы онъ все глубже утопалъ въ тинѣ порока и предоставилъ имъ по своему распоряжаться государственными дѣлами. Совершавшіяся тогда оргіи въ придворныхъ кружкахъ, циничныя продѣлки и любовныя похиженія Ришельё, Морица Саксонскаго и другихъ гениальныхъ кавалеровъ, вся безправственная и распутная жизнь парижской и версальской знати той эпохи не разъ изображались французскими писателями. Люди жили тогда словно въ чаду, предаваясь веселью надъ пылавшимъ вулканомъ; съ самыми важными дѣлами общественной жизни обращались также легкомысленно какъ съ свѣтскими удовольствіями. Мы видѣли уже, съ какимъ безразсудствомъ эти правители вели политическія и военныя дѣла, какъ сильно объ великія войны, въ которыя опрометчиво вступалась Франція, повредили и боевой чести и благоденствію націи. Даже въ походахъ театры, оперы и балы смѣнялись кровопролитными боями. Все стало пустымъ призракомъ, жизнь для знати была комедіей, а для народа—трагедіей. Рассказываютъ, что наканунѣ битвы при Року актриса Фаваръ въ заключеніе спектакля заявила: «Завтра театръ закрытъ по случаю сраженія; а послѣ завтра будетъ дано и т. д.» Не удивительно послѣ всего этого, что національная восторженность къ бурбонскому королю все болѣе и болѣе ослабѣвала. Когда, въ началѣ войны съ Фридрихомъ II., противъ котораго король и маркиза Помпадуръ выслали французскія войска, пе-

редовые писатели и въ кружкахъ великосвѣтскаго общества просла-
вляли Людовика XV. и въ эту пору всеобщаго умственнаго возбуж-
денія произошло покушеніе на жизнь послѣдняго, то участіе націи
было уже гораздо слабѣе, нежели во время болѣзни въ Мецѣ. Ка-

5. янв. 1757.

кой-то полоумный человекъ, по имени *Дамьенъ* складнымъ ножомъ
ранилъ въ бокъ короля, когда онъ садился въ коляску; великая ка-

25. марта.

мера парламента присудила преступника къ смерти, и его казнили
самымъ мучительнымъ образомъ; по этому поводу заявляется, однако,
что благодарственныхъ молебствій за спасеніе было уже вдесятеро
меньше, нежели въ тотъ разъ, когда царила благочестивая предап-
ность.

Графиня Дю-
барри и цар-
ство похоти.

Наконецъ какой-то старый развратникъ предоставилъ королю Ма-
рию Жанну, прекрасную и веселую дочь разорившагося сборщика
податей: въ модномъ магазинѣ, гдѣ Марія провела вѣтреную юность,
она любовниками была прозвана Ангеломъ (l'Ange). Когда, соче-
тавшись фиктивнымъ бракомъ съ спившимся съ круга и проиграв-
шимся дворяниномъ, она въ качествѣ графини *Дюбарри* водворилась въ
Версаль, то дворъ утратилъ всякое достоинство. Необразованная, впол-
нѣ преданная сладострастію графиня легкомысленно присоединилась
къ враждебной министру Шуазёлю придворной и духовной партіи, съ
тѣмъ чтобы свергнуть вліятельнаго государственнаго мужа, который,
поклонявшись покойной маркизѣ, небрежно отнесся къ новой любов-
ницѣ, а либеральная политика и просвѣщенныя идеи котораго были
ненавистны приверженцамъ старой системы. Тѣмъ еще болѣе, что
не смотря на господствовавшее распутство, самъ король, семья его
и часть двора были весьма набожны. Людовикъ постоянно посѣщалъ
обѣдню, причащался, сопровождалъ процессіи, поклонялся святымъ,
добросовѣстно исполнялъ всѣ религіозныя обряды и принималъ сторону
іезуитски-папской партіи духовенства противъ янсенизма, парламента
и вольнодумства. Намъ извѣстно уже, что подъ конецъ 1770 года

24. дек. 1770.

Шуазель внезапно былъ отставленъ и удаленъ отъ двора, какъ разъ
въ такое время, когда народъ чтилъ его болѣе чѣмъ когда либо, такъ
что имя его озарилось ореоломъ мученика. Его замѣнилъ герцогъ
Эгильонъ, льстецъ и угодникъ королевской любовницы. При немъ
находились единомысленники, канцлеръ *Мону*, бывший президентъ
парламента, и ловкій, практически умный, но не добросовѣстный
аббатъ *Террей*; оба энергическіе, но склонные къ насильственнымъ
мѣрамъ люди стали самыми вліятельными членами кабинета.

Абсолютизмъ
и настроеніе
народа.

Въ это управленіе наша прежняя боевая слава: иноземныя владѣ-
нія въ Сѣверной Америкѣ и Остиндіи перешли большею частью во
власть Англичанъ, политическій перевѣсъ утратился, изсякъ и при-
низился до того, что Польшу, эту исконную союзницу Франціи, безъ
помѣхи разобрали по частямъ. Едва ли приобрѣтеніе острова Кор-
сики (XII, 650) можно было признать вознагражденіемъ, такъ какъ

онъ не стоилъ потраченныхъ на него расходовъ. Блескъ короны и
величіе державца исчезли; глубокая пропасть зіяла между правитель-
ствомъ и народомъ; всякая внутренняя связь государственнаго орга-
низма распалась; неизгладимыя противоположности раздѣляли сосло-
вія. Существовавшій порядокъ въ сущности былъ уже подточенъ и
поддерживался лишь виѣшною властью и силою привычки. Начиная
съ половины столѣтія возраставшая оппозиція высказывалась про-
тивъ господствовавшаго правленія то въ ѣдкихъ сатирахъ, въ ано-
нимныхъ памфлетахъ, то въ народныхъ пѣсняхъ и пасквиляхъ. Про-
никнувъ во всѣ сословія, она признавалась какъ бы хорошимъ то-
номъ общества, и никто, ни правители, ни критики ихъ не чаяли
бездны, которая съ каждымъ годомъ все глубже разверзалась подъ
ихъ ногами.

в. Государство и церковь.

Благодаря обоимъ министрамъ-кардиналамъ семнадцатаго столѣтія Государствен-
ный организмъ и Людовику XIV. Франція стала неограниченною монархіею; король, и его члены.
считавшій свою должность «мистическимъ полномочіемъ Божьей ми-
лостью», былъ источникъ всякой законной власти и всякаго автори-
тета. Въ королевскомъ совѣтѣ сходились всѣ нити государственныхъ
дѣлъ, воля короля признавалась высшимъ закономъ, Парижъ былъ
средоточіемъ деспотически-монархической централизаціи. При всемъ
томъ, однако, существовали еще самостоятельныя власти, съ кото-
рыми королю приходилось считаться. Мы знаемъ, что въ нѣкото-
рыхъ провинціяхъ, позже вступившихъ въ національную государ-
ственную связь, состояли особыя собранія чиновъ, обладавшія пра-
вомъ разрѣшать и распредѣлять требуемыя правительствомъ подати.
Городскіе магистраты также должны были изъявлять свое согласіе.
Впослѣдствіи это право обратилось, конечно, въ простую формаль-
ность; однако существовала все-таки возможность возстановить его,
что отчасти стѣсняло правительство и побуждало его быть снисхо-
дительное. — Феодальныя роды отrekliсь отъ прежней своей оппози-
ціи и столпились вокругъ престола. Бурбонскіе короли сочли однако
необходимымъ или цѣлесообразнымъ награждать или поддерживать
это лояльное настроеніе разными преимуществами и знаками благо-
воленія. Дворянство за небольшими исключениями освобождалось отъ
добавочной пошрины; оно одно только пользовалось правомъ охоты,
устраивать облавы и разводитъ дичь, ловить рыбу въ рѣкахъ и озе-
рахъ; оно въ помѣстьяхъ могло взимать мостовые и шоссейные сборы,
содержать помѣщичьи мельницы и пекарни, собирать базарныя
пошрины и поземельныя подати, исполнять владѣльческія и феодаль-
ныя права или получать за то вознагражденіе, карать за проступки
строгими мѣрами; ему предоставлялись государственныя и придвор-

1. Provinci-
альные чины и
магистраты.

2. Феодальное
сословіе.

ныя должности, офицерскія мѣста въ войскѣ. Епископскій санъ и всякія высшія духовныя должности тоже выпадали обыкновенно на долю дворянства. Назначаемыя королемъ духовныя особы за извѣстный взносъ получали отъ папскаго престола каноническое свидѣтельство. Не удивительно, что при такихъ преимуществахъ многіе изъ достаточныхъ мѣщанъ не щадили ни денегъ ни хлопотъ, лишь бы попасть въ привилегированный классъ и пользоваться почестями и преимуществами. Постоянно нуждаясь въ деньгахъ и заботясь лишь о настоящемъ мгновениі, правительство поощряло куплю дворянскихъ титуловъ и правъ. Оно пріобрѣтало такимъ путемъ капиталы, но сокращало за то ряды податныхъ плательщиковъ. Прежде землевладѣльческія права были наградою за дѣйствительную службу, а теперь они стали источникомъ пестерпимыхъ и несправедливыхъ злоупотребленій, привилегіями безъ всякихъ оказанныхъ обществу услугъ. Землевладѣльцы вообще лишь небольшую часть года проживали въ своихъ сельскихъ дворцахъ; они обыкновенно растрачивали свои ренты въ столицѣ, до дна испивая чашу веселья. А тѣмъ временемъ смотритель или арендаторъ управлялъ имѣніемъ обыкновенно исполу, причемъ самъ пользовался наибольшею выгодною, тогда какъ мелкіе поселяне, крестьяне и поденщики едва добивались самаго скуднаго пропитанія, и почва все болѣе и болѣе истощалась и обезцѣнивалась. Двѣ трети всего землевладѣнія принадлежали крупнымъ помѣщикамъ, дворянству, духовенству, городскому патриціату, а остальная треть состояла изъ мелкихъ и раздробленныхъ крестьянскихъ участковъ, которые едва могли прокормить владѣльцевъ. Сельскаго средняго сословія вовсе не существовало. Притомъ же самъ землевладѣлецъ не заботился о законной охранѣ поселянъ, а довольствовался лишь назначеніемъ сельскаго судьи, такъ что помѣщичья судебная власть стала язвою, гнетомъ и напастью сельскаго населенія: въ прежніе годы глава дворянской семьи самъ въ качествѣ патріарха пекся о своихъ подданныхъ, тогда какъ теперь все подчинялось власти жестокихъ интендантовъ. Дѣло въ томъ, что разнородные законы и права, смотря по тому, принимались ли къ свѣдѣнью римское, или ленное, или обычное право или королевскіе указы, затрудняли судебную расправу, такъ что все было предоставлено на произволъ судьи. Подобные недостатки царил также въ городахъ. Общинныя должности занимались не по вольному избранію, а продавались въ пользу казны большею частью въ наслѣдственное владѣніе; потому онѣ и находились во власти немногихъ богатыхъ семействъ, которыя распредѣляли повинности и подати такъ, чтобы онѣ касались ихъ самихъ по возможности менѣе всего. А представители и мастера цеховъ и ремесленныхъ обществъ ревностно старались, ограничить по возможности распространеніе промысловъ, не допускать новичковъ къ соучастію въ промышлен-

3. Городскія
вѣдомства.

ныхъ правахъ и расширить монополіи. Повсюду привилегированные классы—въ противень лишенной правъ, подавленной, бѣдствующей толпы. Эта противоположность, это презрѣніе и пренебреженіе въ отношеніи къ низшимъ слоямъ народа со стороны высшихъ сословій, по мнѣнію Токвиля, и были главною причиною того, что французскіе земледѣльцы восемнадцатаго вѣка, хотя большею частью свободные, владѣвшіе даже мелкими участками, все-таки находились противу прежняго въ худшемъ положеніи, были болѣе безпомощны и покинуты нежели въ иныхъ странахъ. Зіяющая пропасть раздѣляла высшія сословія отъ низшихъ слоевъ, а потому великое враждебное столкновеніе грозило разрушеніемъ!

Такимъ же могуществомъ, какъ дворянство, пользовалось и духовенство: вѣдь представители послѣдняго вышли изъ перваго, а потому и тѣ и другіе связаны были другъ съ другомъ сословными и семейными интересами; такая солидарность повела ко многимъ несправедливостямъ и злоупотребленіямъ. Часто даже члены дворянства взимали доходы съ церковныхъ должностей, хотя вовсе и не принадлежали къ духовному званію! Духовенство тоже не вносило никакихъ податей за свои обширныя землевладѣнія. Удѣляя государству небольшую лишь частичку отъ своихъ богатствъ, какія доставлялись ему десятинами, церковными доходами и окладами, религиозными отправлениями, оно ревниво охраняло свои льготы. Разрѣшаемые духовнымъ конвентомъ и по собственному усмотрѣнію распределяемые взносы считались «доброхотными дарами». При Людовикѣ XV. церковь и духовенство пользовались еще большими преимуществами, нежели при его предшественникѣ. При посредствѣ отпущенія грѣховъ и церковнаго благословенія онъ надѣялся избавиться отъ адскихъ каръ за свою безбожную жизнь. А потому дворъ и правительство ревностно поддерживали правовѣріе.

4. Духовенство.

Когда въ сороковыхъ годахъ въ южныхъ областяхъ реформаты вновь отважились выйти изъ своихъ убѣжищъ, и въ Лангедокѣ собрался тайкомъ синодъ, то прежнія гоненія опять возобновились. Какъ бы въ философіи той эпохи ни прославлялась терпимость, однако интенданты и судьи предавали виновныхъ самымъ тяжкимъ карамъ. Ихъ отправляли на эшафотъ, на галеры, въ ссылку; обращенные, католическое правовѣріе которыхъ подвергалось сомнѣнію, облагались или угрожались высокими денежными пенями; трое реформатскихъ священниковъ были обезглавлены; драгуны рыскали по краю, и вновь возникли ужасы прежнихъ дней. Прибѣгая къ этимъ средствамъ фанатизма, правительство отвѣчало настроенію народа и судовъ. Масса французскаго простаго люда была все еще также предана ханжеству и суевѣрію, какъ и во дни лиги: къ нему не проникало ни одного луча того свѣта, что началъ тогда озарять міръ; находясь въ зависимости отъ духовенства, неспособный по-

Преслѣдованье
еретиковъ и
ханжество.
Авг. 1744.

1746.

учаться произведениями печати, народъ въ селахъ и мѣстечкахъ признавалъ сущность религіи лишь въ формальностяхъ культа, въ обѣднѣ и причастіи, восхищался церковными празднествами и процессіями, въ непонятномъ лопотаньи обращался съ молитвами къ Маріи и святымъ, считалъ протестантовъ и масоновъ чадами сатаны. Такою же религіозною яростью проникнуты были и суды; парламентъ въ Греноблѣ присудилъ болѣе трехъ сотъ реформатовъ словно преступниковъ къ позорнымъ наказаніямъ. Въ то самое время, какъ несчастный Каласъ въ Тулузѣ палъ жертвой фанатизма

1762.

Борьба съ янсенистами.

Отношеніе судовъ къ спорнымъ вопросамъ янсенистовъ было иное. Мы ознакомились уже (XII, 318) съ этимъ глубоко проникшимъ въ церковную жизнь Франціи расколомъ. Папско-иезуитское духовенство хотѣло искоренить послѣдніе слѣды оппозиціи противъ церковнаго авторитета и для этой цѣли не убоилось даже прибѣгнуть къ деспотизму совѣсти. Христофоръ де Бомонъ, парижскій архіепископъ, приказалъ священникамъ своей епархіи предложить всѣмъ духовнымъ чадамъ ихъ вопросъ, признаютъ ли они буллу «Unigenitus»? и всѣхъ, кто отказывается отвѣчать или не признаетъ, лишить причастія. Парижскій парламентъ, въ которомъ большинство членовъ пристало къ воззрѣнію янсенистовъ, объявилъ такое стѣсненіе въ дѣлахъ вѣры противозаконнымъ и грозилъ священниковъ, которые исполняютъ приказы архіепископа, наказатъ какъ нарушителей спокойствія. Такимъ образомъ возникла распря между мірскимъ и духовнымъ законодательствомъ; отказы въ причастіи, то и дѣло повторяясь, повели къ тяжбамъ; спорный вопросъ горячо разбирался въ печати и обострился въ жестокою полемику. Король и правительство воздерживались до поры до времени отъ всякаго вмѣшательства. Клерикальной партіи удалось, наконецъ, добиться декрета въ пользу церковнаго авторитета: мірскіе суды не имѣютъ права вмѣшиваться въ дѣла, касающіяся спасенія души. Парламентъ однако отказалъ принять декретъ и приостановилъ всякія судебныя производства. Даже аресты и удаленіе нѣкоторыхъ совѣтниковъ не въ состоянн были преодолѣть сопротивленіе корпораціи. Споръ между высшими властями длился нѣсколько лѣтъ къ ряду; вскорѣ присоединились еще новыя распри; права парламента то и дѣло ограничивались, пока наконецъ не состоялся компромисъ, которымъ весь спорный вопросъ былъ прикрытъ покровомъ молчанія.

Апрѣль 1752.

1766.

5. Парламенты.

Парламенты побуждались къ оппозиціи не столько духомъ просвѣщенія, ни наклоностью къ вольнодумнымъ и даже противорелигіознымъ идеямъ, а скорѣе ихъ корпоративнымъ духомъ, гордымъ самосознаніемъ, что они одни истинные хранители и истолкователи государственныхъ законовъ, защитники юридическаго строя въ ко-

ролевствѣ, свободы галликанской церкви. Парламентскіе совѣтники были противники всякихъ реформъ, всякихъ уклоненій отъ обычая; кумирами ихъ были пергаменты, скрѣпленные подписями документы и жалованные грамоты, ихъ палладіумомъ былъ партикуляризмъ провинцій и городовъ, сословій и корпорацій, они охраняли его какъ зѣницу ока и отстаивали отъ всякаго посягательства. По ихъ мнѣнію, «всѣ Французы были раздѣлены на постоянныя корпораціи, цѣль которыхъ отъ престола и до послѣдняго ремесленника составляетъ одно цѣлое, необходимое для государственнаго устоя, нерасторгемое, а иначе погибнетъ весь общественный урядъ». Руководясь такими воззрѣніями и консервативными принципами, парижскій парламентъ въ иезуитскомъ вопросѣ принялъ сторону правительства, а въ борьбѣ противъ вольнодумной литературы — сторону церкви. Известно, что «Эмиль» Жанъ-Жака Руссо былъ всепародно сожженъ по приговору государственнаго суда.

Энергическія дѣйствія Помбала противъ иезуитовъ отозвались также и Изгнаніе иезуитовъ во Франціи. Было уже упомянуто, что П. Лавалетъ, генераль-пріоръ миссій на французскихъ островахъ Вестиндін, вель обшпринял торговли дѣла съ портами своей родины. Ему пришлось какъ-то разъ въ марсельскомъ домѣ занять подъ вексель значительныя суммы, которыя слѣдовало уплатить колониальными товарами. Но суда съ грузомъ во время войны были перехвачены Англичанами, вслѣдствіе чего домъ обанкрутился. Марсельскіе купцы и другіе занмодавцы Лавалетта предъявили ордену требованье, чтобы онъ возмѣстилъ ущербъ, такъ какъ торгъ миссіонерскимъ начальникомъ производился нѣсколько лѣтъ съ разрѣшенія и въ пользу общества Исуса. Консульскій судъ въ городѣ призналъ требованье справедливымъ; однако генераль и его совѣтникъ въ Римѣ отказались уплатить и замѣнь того предложили купцамъ отслужить душевспасительныя обѣдн. Они рассчитывали на свое вліяніе при дворѣ; вѣдь духовникъ короля, патеръ Перюссо, былъ членомъ ордена. Однако тамъ дѣла ихъ приняли неблагопріятный оборотъ. Перюссо требовалъ отъ короля, чтобы онъ удалилъ изъ дворца маркизу Помпадуръ. Любовница тщетно заявляла, что она находится съ королемъ лишь въ дружескихъ отношеніяхъ, отрѣшенныхъ отъ всякой порочной страсти, и что ея совѣтъ и вліяніе необходимы королю, полезны государству и церкви; духовникъ настаивалъ на своемъ увѣщанн. Маркиза вознегодовала на весь орденъ, а Шуазель сочувствовалъ ея гнѣву. Этому вольтерьянцу и безъ того по принципу ненависти была иезуитская система. При такихъ-то обстоятельствахъ орденъ поступилъ весьма опрочетливо, когда, вмѣсто того чтобы пойти на мировую, онъ согласился передать процессъ суду парламента. Это надѣлало много шума: во время судопроизводства, въ присутствн большой толпы нахлынувшихъ слушателей, высказывалось много предосудительнаго по поводу шаткой правственности и пагубныхъ принциповъ общества Исуса; такъ что приговоръ, въ силу котораго орденъ обязанъ былъ не только уплатить по векселю, но возмѣститъ также всѣ проторы и убытки, возбуждилъ всеобщій восторгъ. Этимъ однако дѣло еще не кончилось. Парламентъ потребовалъ, чтобы орденъ представилъ свои уставы, и назначилъ комиссію для ихъ изслѣдованья. Но докладу, сообщенному послѣднею о книгѣ уставовъ, судъ рѣшилъ, что 3. іюля 1761. статуты ордена несомѣстны съ государственными законами и привиле-

итовъ.

Апрѣль 1761.

что 3. іюля 1761.

гими нации. Законность его существования вообще подлежит сомнению, и онъ во всякое время можетъ быть устраненъ. Провинциальные суды присоединились къ этому приговору; мало того, нѣкоторые изъ нихъ оказались даже строже въ своемъ осужденіи. Іезуитскія сочиненія признаны были большею частью опасными для христіанской нравственности и монархическаго государственнаго строя, истребованные и захваченные экземпляры были разорваны или сожжены. Во множествѣ брошюръ за и противъ дѣло передавалось на судъ папѣ, и возбужденіе усиливалось. Изъ сочиненій іезуитовъ дѣлались выводы объ ихъ шаткихъ направленіяхъ и казуистическихъ доводахъ; издавались лѣтописи, въ которыхъ яркими красками излагалась нагубная дѣятельность братства. Общественное мнѣніе высказалось за уничтоженіе ордена; даже болѣе умѣренные люди должны были согласиться, что для французскихъ членовъ ордена необходимо измѣнить статуты и поставить ихъ въ большую независимость отъ римскаго главнаго іезуитскаго начальства. Не легко было подвинуть короля къ рѣшительнымъ мѣрамъ: онъ слишкомъ долго находился подъ властью іезуитскихъ духовниковъ, такъ что его религіозная совѣсть содрогалась при мысли о насильственныхъ мѣрахъ. Онъ испрашивалъ мнѣніе французскаго духовенства; запретилъ парламентамъ приводить въ исполненіе и обнародовать ихъ рѣшенія; воспрепятствовалъ или приостанавливалъ ограниченія, назначенныя противъ коллегій. Однако, враждебныя ордену лица, окружившія напуганнаго покушеніемъ Даміена короля, доказали ему, что по іезуитскимъ правиламъ въ извѣстныхъ случаяхъ разрѣшается даже царевобійство; а сверхъ того король опасался, какъ бы парламентъ, если еще дальѣе противиться его рѣшеніямъ и приговорамъ по іезуитскому вопросу, не отказалъ ввести повые финансовыя и податныя эдикты и не лишилъ правительство возможности собрать деньги для войны; все это побудило его наконецъ отказаться въ своемъ покровительствѣ ордену, такъ строго осужденному общественнымъ мнѣніемъ. Прежде всего онъ сталъ добиваться перемѣны статутовъ для Франціи: генералу ордена, Лоренцо Риччи, предложили назначить викаря, который водворился бы во Франціи и подчинился бы мѣстнымъ законамъ. Однако Риччи, особа съ авторитетомъ и строгій церковный правитель, отказалъ въ этомъ требованіи своими извѣстнымъ изреченіемъ: *sint ut sunt aut non sint*. Тогда наконецъ Людовикъ далъ свое согласіе на правительственный приговоръ, которымъ объявлялось, что существованіе общества Іисуса въ его настоящемъ положеніи не совмѣстно съ благомъ государства, такъ какъ оно подрываетъ авторитетъ всѣхъ державцевъ; а потому ихъ коллегіи и орденскіе дома закрываются, на ихъ имущество налагается запрещеніе, съ тѣмъ чтобы воспользоваться послѣднимъ частью для учебныхъ заведеній, частью для иныхъ государственныхъ и церковныхъ дѣлей. Отдѣльные члены вольны были въ качествѣ свѣтскихъ духовныхъ лицъ отправлять церковную службу; замѣтивъ, однако, что они продолжали жить по правиламъ ордена, отъ нихъ по рѣшенію парламента потребовали присяги въ томъ, что они впредь откажутся отъ своихъ уставовъ и не станутъ поддерживать никакихъ связей съ генераломъ. Іезуиты большею частью отказались присягать и должны были покинуть страну. Это изгнаніе не обошлось безъ суровыхъ мѣропріятій, однако Шуазель избѣгъ тѣхъ крутыхъ средствъ, къ какимъ прежде него прибѣгали Помбаль въ Португаліи, а потомъ Аранда въ Испаніи. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣдовалъ новый королевскій эдиктъ, которымъ общество Іисуса навсегда отиѣнялось во Франціи; имъ же прекращались всякія искн по суду, а парижскому архіепископу, изгнанному за пылкое пастырское наставленіе въ пользу ордена, разрѣшалось возвратиться; если выселившіеся іезуиты соглашались поступить въ свѣтскія ду-

5. авг. 1762.

22. февр. 1764.

Нбр. 1764.

ховныя лица, то они допускались; всѣмъ партіямъ предписывалось молчаніе. Упомянутая булла „*Apostolicum ascendit*“, которую генераль Риччи въ наступившій затѣмъ годъ тайкомъ вынулъ у папы Климента XIII., ухудшило положеніе общества во всѣхъ странахъ, принизила авторитетъ церкви и уготовила пути къ уничтоженію ордена.

Едва улеглась распря изъ-за іезуитовъ, какъ уже вновь возгорѣлась борьба между королемъ и парламентомъ по поводу болѣе важнаго и глубже захватывающаго вопроса о деньгахъ и податяхъ; эта борьба длилась почти во все царствованіе Людовика XV. и не разъ угрожала возобновить эпоху фронды. Генераль-прокураторъ Ла-Шалотэ, извѣстный тоже какъ писатель о воспитаніи и обученіи, также нѣкоторые другіе члены парламента поплатились за оппозицію противъ правительства тюремнымъ заключеніемъ и судебными преслѣдованіями. Коронѣ не разъ уже приходилось прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ противъ упорной корпорации; разбитая на нѣсколько камеровъ съ президентами и свѣдущими въ законахъ совѣтниками, наполненная ватагою писцовъ, прокураторовъ, адвокатовъ, чиновниковъ, послѣднія на ряду съ дворянствомъ и духовенствомъ составляла самое мощное сословіе. Не разъ уже отиѣнялись неприятныя рѣшенія ея, не разъ на нее насильственно налагалось молчаніе, лишь бы прекратить горячія пренія, запрещалось угрожающимъ декретомъ задерживать судебныя и административныя дѣла!

Мы прежде уже ознакомились съ положеніемъ и организаціею этого судейскаго и чиновничьяго міра, этой „приказной аристократіи“. Уплатою извѣстной суммы въ государственную казну члены парижскаго парламента покупали право передавать свои должности въ наслѣдство своимъ семьямъ; въ важныхъ случаяхъ они вольны были призывать въ свои засѣданія принципевъ и пэровъ, заявлять такія же самодержавныя права, какъ и короля; такъ что парламентъ составлялъ вершинную точку магистратуры или чиновной іерархіи; послѣдняя глубоко проникла въ государственную жизнь, въ законодательство и управленіе, въ особенности же забрала въ свое вѣдѣніе финансовую и податную системы, а благодаря неопредѣленности собственныхъ правъ и сознававшему свои грѣхи безутрому правительству, она, выходя изъ формъ и обычаевъ юридическія основы, не рѣдко даже превышала свою власть. Намъ не разъ также приходилось упоминать о разстроенныхъ финансахъ, о гнетѣ податей и оскуднѣннй край въ первыя десятилѣтія восемнадцатаго вѣка. Въ царствованіи Людовика XV. бѣдственное состояніе и экономическія затрудненія ухудшились еще болѣе. Роскошь двора, громадныя пенсіи и жалованья, дорогія бесполезныя войны истощали государственную казну и усилили бремя долга. Подати и займы—вотъ единственныя средства, которыми покрывался возраставшій изъ года въ годъ дефицитъ; и тѣ и другіе были обременительны для страны. Такъ какъ правительство лишилось довѣрія и кредита, то суды выдавались лишь за высокія проценты, все болѣе затруднявшея финансы дѣла; что же касается до податей и налоговъ, то добываемыя ими суммы въ сравненіи съ вышшими сборами, были, правда, незначительны; по самый способъ взиманія при посредствѣ главныхъ откушниковъ и подчиненныхъ имъ кровопійць-чиновниковъ сильно отягощала низ-

Правительство и парламентъ.

Споръ съ парламентомъ по поводу податнаго эдикта и приказовъ объ арестованіи.

ния сословия, которые и без того были обременены десятинами, барщинами и другими обязательными работами для оумьщика, тогда как привилегированные классы освобождались почти от всяких податей. Поземельный и имущественный налог (Taille), подушная, домовая подать (двадцатина), акцизы, соляная пошлина и др. лишали бѣднаго люда всѣхъ плодовъ его добытковъ и препятствовали возникновенію достаточнаго средняго сословія въ городахъ и селахъ; а между тѣмъ, главные откупщики, которымъ правительство за известную плату предоставляло всѣ поборы, наживались до того, что въ короткое время становились миллионерами. Сверхъ того интенданты, которые при дворскихъ губернаторахъ въ провинціяхъ забрали въ руки все управление, судопроизводство и податное вѣдомство, своею алчностью и жестокостью подвергались всеобщей ненависти.—Вошло въ обычай, что всѣ податные указы и королевскія постановленія вносились парижскимъ парламентомъ въ реестръ, и тогда лишь вступали въ законную силу. Изъ этого-то парламентъ и заключилъ, что за отсутствіемъ генеральныхъ чиновъ государства, которые съ 1614 г. вовсе не созывались, введеніе налоговъ и постановленій зависить отъ его утвержденія, и что поэтому, отказавъ внести ихъ въ реестръ, оныя власти не воспротивятся законамъ и податнымъ указамъ или заявить протестъ противъ нихъ. Вслѣдствіе этого при каждой постановкѣ бюджета, при каждомъ новомъ налогѣ или при перемѣнѣ его между парламентомъ и правительствомъ возникали споры; дѣло кончалось обыкновенно тѣмъ, что король назначалъ тронное засѣданіе (lit de justice) и подавлялъ сопротивление. Такимъ порядкомъ въ семилѣтнюю войну уже министр Силуэти ввелъ разные налоги, прозванные имъ „пособіями“; это сильно раздражало плательщиковъ, и они клеймили за то его имя, назвавъ имъ всякіе тѣневые портреты. Людовику XV. отнюдь не хотѣлось сократить королевскую власть, которую создалъ и которою пользовался его предшественникъ, допустивъ между собою и націею контрольное вѣдомство. „Мнѣ одному“, — заявилъ оны оджажды, — „принадлежитъ законодательная власть независимо и безраздѣльно, отъ меня выспія палаты надѣляются авторитетомъ; самодержавная власть заключается въ моей личности; намѣреваются въ націю признать отдѣленную отъ монарха общественность, но ея интересы и права тождественны съ моими и обрѣтаются лишь въ моихъ рукахъ“.—Помимо этихъ податныхъ указовъ права парламента нарушались еще въ особенности произвольными тайными письмами (lettres de cachet), служившими предметомъ раздора между судебною палатой и правительствомъ. Не только министры, но и низшіе чиновники, епископы, отцы семействъ, всѣ пользовавшіеся иѣкоторымъ вліяніемъ при дворѣ, могли раздобыть себѣ эти ужасныя письма съ королевскою печатью: они были деспотическимъ нарушеніемъ личной свободы, такъ какъ по нимъ безъ допроса и суда всякаго можно было подвергнуть заключенію. Парижскій парламентъ и связанные съ нимъ провинціальныя судебныя палаты десять лѣтъ ратовали противъ двора и правительства, но не за свободу и народныя права, а за привилегіи и корпоративныя преимущества. Они были стойкими поборниками всѣхъ существовавшихъ порядковъ и съ одинаковою ревностью возставали какъ противъ благотворительныхъ реформъ, такъ точно и противъ произвольныхъ мѣропріятій деспотическаго правительства. Они признавали новыя идеи развѣ тогда, когда ихъ собственныя выгоды совпадали съ требованіями народа. Въ такихъ случаяхъ парламены считались защитниками національных правъ противъ королевскаго произвола и пользовались мимолетною популярностью, у которой, впрочемъ, не было устойчивой основы въ народномъ духѣ. Оттого-то въ послѣдніе годы царствованія Людовика XV. министерство Эгильона-Мону и

3. марта 1766.

Тайныя письма.

могло приступить къ преобразованію всей корпораціи, не возбудивъ тѣмъ никакихъ матежей, ни беспорядковъ. И дѣйствительно, наскучивъ упорнымъ сопротивленіемъ, послѣ тщетныхъ попытокъ путемъ выговоровъ и арестовъ нѣкоторыхъ совѣтниковъ, или ограниченій ихъ правъ сломить оппозицію и воспрепятствовать постояннымъ вѣтшателствамъ въ дѣла правительства, король далъ парижской судебной палатѣ новую организцію, распустивъ собраніе, а строптивыхъ членовъ велѣлъ отвезти подъ Апрѣль 1771. конвоемъ въ тюрьму; особы высшей магистратуры не возбудили тогда особеннаго сочувствія въ народѣ, такъ что они заблагоразсудили подчиниться государственному перевороту, покориться всякому ограниченію и допустить новый строй и порядокъ, отъ котораго имъ досталось меньше власти, двору — меньше неприятностей, а народу — болѣе скорое судопроизводство.

с. Царствованіе Людовика XVI.

1. дворъ и министерство тюрго-мальзербера.

Людовикъ XV. умеръ вслѣдствіе распутства среди грѣха жертвою Людовика XVI. страшной болѣзни (10 мая 1774) и тѣло его, сопровождаемое бранью и Маріа Антуанетта. и насмѣшками народа отвезено было въ Сень-Дени для погребенія въ склепѣ. Государственная казна была истощена, королевство было обременено долгомъ въ четыре тысячи миллионовъ ливровъ, лишлось кредита, а народъ былъ отягощенъ повинностями, вся держава распаталась. При такихъ-то затруднительныхъ условіяхъ скипетръ самой неограниченной монархіи перешелъ въ руки государя, у котораго было хорошее сердце, но слабый умъ, у котораго было искреннее желаніе прекратить бѣдственное состояніе и исправить положеніе народа; но у него не хватило ни умѣнія, ни дарованія для того, чтобы избрать вѣрные пути и средства, ни даже стойкости и энергіи, чтобы мужественно противостать вліяніямъ окружавшихъ его лицъ. Родившись 23. августа 1754, Людовикъ по смерти своего отца, въ 1765 году, одиннадцатилѣтнимъ отрокомъ получилъ санъ дофина, а пять лѣтъ спустя послѣ того оны вступилъ въ бракъ съ Маріей Антуанеттой, младшей дочерью императрицы Маріи Терезіи. Зловѣщимъ предзнаменованіемъ ея тревожной жизни служило уже печальное свадебное торжество въ Парижѣ, причемъ по поводу фейерверка на площади Людовика XV., тамъ гдѣ впоследствии стояла гильотина, произошла такая толкотня, что нѣсколько сотенъ человекъ было задавлено и истоптано. На двадцатомъ году отъ роду дофинъ подъ именемъ Людовика XVI. вступилъ на престолъ, со страхомъ предчувствуя, что съ этой поры кончатся его счастливые дни. Его супруга (род. 2. ноябр. 1755) была годомъ и нѣсколькими мѣсяцами моложе. Юня 11. 1775, совершилось коронованіе въ Реймсѣ. 11. юня 1775. Людовикъ не былъ зараженъ распутною жизнью версальскаго двора, оны сохранилъ чистый нравъ, благочестивые помыслы и семейныя добродѣтели; первымъ дѣломъ его правленія было устранить нена-

10. мая 1770.

11. юня 1775.

вистное министерство и очистить дворъ отъ гнусныхъ соучастниковъ его дѣда. Но время восторженной приверженности къ королю миновало, а молодая царская чета не обладала качествами для возбужденія вновь этого утраченнаго чувства. Не смотря на его добрыя и благодущныя свойства, Людовику XVI. не по силамъ было, управлять твердою рукою потрясаемымъ бурями государствомъ: онъ былъ ограниченнаго ума, скудно обученъ, мало сочувствовалъ интеллектуальнымъ и политическимъ вопросамъ, не любилъ трудиться и зависѣлъ отъ совѣтовъ окружавшихъ его людей. Онъ любилъ охоту, съ пристрастіемъ занимался слесарнымъ ремесломъ, молоткомъ и напилкомъ, предоставивъ своей супругѣ придворную и общественную жизнь, а своимъ совѣтникамъ — правительственныя дѣла и политику.

Слѣва министр.
Слѣва министр.

Министерскій «триумvirатъ» Эгильона, Мопу, Террея, ненавидимый и негодный, не способенъ былъ установить новую эпоху, какая всѣми ожидалась, и былъ распущенъ. Герцогъ Эгильонъ, который въ качествѣ полководца при десантѣ Англичанъ спрятался въ мельницѣ, такъ что пародный юморъ разгласилъ про него, что онъ покрытъ болѣе мукою нежели славой, который своимъ высокимъ положеніемъ одолженъ былъ благосклонности Дюбарри и своей ловкости въ качествѣ великосвѣтскаго кавалера, удалился во мракъ презрѣнной частной жизни. Мопу, совершившій государственный переворотъ съ парламентомъ, и Террей, затѣявшій въ пользу королевской кассы подѣ либеральною личною свободной торговли систему перекупки хлѣба, которую, намекая на бурбонскій «фамилійный договоръ» (*acte de famille*) прозвали «голоднымъ договоромъ» (*acte de famine*), — оба они пали жертвою общественной ненависти. Къ несчастію однако слабый Людовикъ по совѣту своей тетки Аделаиды довѣрилъ человѣку, главные заслуги котораго состояли въ ловкихъ и угодливыхъ манерахъ царедворца и кавалера. Это былъ маркизь *Морена*, дядя Эгильона, котораго Помпадуръ изгнала когда-то за его острый языкъ, который, впрочемъ, съ тѣхъ поръ не сдѣлался разсудительнѣе, хотя ему и было уже шестьдесятъ три года отъ роду. Король назначилъ его главою кабинета и во всѣхъ дѣлахъ слѣдовалъ его совѣту. Говорятъ, будто Людовикъ XVI. хотѣлъ призвать бывшаго министра Машольта, опытнаго свѣдущаго финансиста, но въ рѣшительный мигъ перемѣнилъ имя на адресъ. Совѣту этого «ментора» и слѣдуетъ приписать первый важный промахъ молодого короля, а именно восстановление магистратуры съ прежнею ея властью и съ прежнимъ устройствомъ. Морена надѣялся возобновленіемъ корпорации, которая въ глазахъ народа считалась поборницею національныхъ нравъ противъ правительственнаго деспотизма, осѣнить себя и новую королевскую власть ореоломъ популярности. Людовику XVI. лучше удался выборъ остальныхъ совѣт-

никовъ кабинета, которымъ поручены были разныя отрасли государственнаго управления: *Тюрго*, съ которымъ мы ознакомились уже, какъ съ ревностнымъ приверженцемъ физиократической системы политической экономіи, *Мальзербъ*, гуманный и вмѣстѣ съ тѣмъ образованный правовѣдъ, *Верженъ*, извѣстный уже намъ бывший разумный министръ иностранныхъ дѣлъ, и наконецъ *Сенъ-Жерменъ*, храбрый воинъ суроваго нрава; послѣ тревожной боевой жизни онъ въ Даніи при Струэнзе организовалъ армию, потомъ получилъ отставку; лишившись вслѣдствіе банкротства гамбургскаго дома своего состоянія, онъ съ небольшою пенсіею проживалъ въ Эльзасѣ, пока его подобно Циципату не отозвали отъ сельскаго труда въ огородѣ въ военное министерство.

Подъ веденіемъ такихъ мужей, съ реформаторскою дѣятельностью Король. коро- которыхъ мы тотчасъ же ознакомимся, могли бы исцѣлиться порчи лева и дворъ. и недуги больной государственной системы и установиться болѣе правильные и сносные порядки, еслибъ ихъ планамъ и реформамъ не противопоставлялись черезъ-чуръ сильныя преграды. Эти препятствія исходили не отъ короля, а отъ привилегированныхъ сословій, отъ магистратуры и поддерживались придворными кружками. Какъ бывало прежде, такъ и теперь члены королевскаго дома и высшее общество въ Версалѣ оказывали рѣшающее вліяніе на дѣла правительства и разстроивали всякія крупныя преобразованія, которыя могли бы нанести ущербъ ихъ правамъ, привычкамъ, наслажденіямъ. Отъ этихъ враждебныхъ вліяній приходилось страдать также Маріи Антуанеттѣ, прекрасной молодой дочери Габсбурговъ, желавшей перенести въ версальскую придворную жизнь болѣе свободный духъ, которымъ она дышала въ вѣнскомъ дворцѣ; она небрежно относилась къ обычнымъ преградамъ и къ табели о рангахъ, отличала людей или пренебрегала ими по своему расположенію и по своей прихоти. Этимъ она въ аристократическихъ придворныхъ кружкахъ нажила себѣ много враговъ, отравлявшихъ ея жизнь злословіемъ и клеветою. Французскій народъ вообще не любилъ ее; она всегда считалась чужестранкою, «Австріячкою». Своими прихотливыми поступками, своимъ презрѣніемъ французскаго національнаго характера она навлекла на себя дурное расположеніе націи, оттого-то послѣдняя и толковала въ дурную сторону всякія вольности, какія королева позволяла себѣ въ частной жизни, какъ бы ни были онѣ невинны сами по себѣ. При дворѣ и безъ того давно уже привыкли видѣть во всемъ одну безнравственность, а Марія Антуанетта вслѣдствіе живости своего нрава, вслѣдствіе непосредственности оцущеній, симпатій и антипатій не всегда умѣла избѣгать дурныхъ толковъ. Вслѣдствіе ея склонности къ роскоши и расточительности касса ея истощалась, что ставило ея иногда въ затруднительное положеніе. Особенною благосклонностью ея пользовались принцесса *Ламбаль*, вдова

прица Бурбонъ-Пантьевра, урожденная княжна Савойя-Кариньянъ, и графъ *Артуа*, братъ Людовика XVI., молодой кавалеръ съ рыцарскими манерами, свѣтскій человѣкъ, безопасно сорившій деньгами, вовсе не похожій на своего болѣе флегматическаго и тяжелаго на подъемъ брата. Другой прицъ, графъ *Прованскій*, игралъ менѣе блестящую роль въ обществѣ, за то и менѣе бросающуюся въ глаза. Непопулярность королевы возрастала съ годами и распространялась по всѣмъ сословіямъ и классамъ. Ея враги и противники, къ которымъ прежде всего относился злонравный развратный герцогъ Шартрскій, а впоследствии *Орлеанскій*, старались распространять ненавистные толки, площадныя пѣсни, карикатуры, пасквили, которыми изъ сердца народа искоренялся всякій слѣдъ уваженія къ «Австріячкѣ» и ко всему двору. Король искренне любилъ свою супругу, особенно съ тѣхъ поръ какъ бракъ совершился на самомъ дѣлѣ и родилось нѣсколько дѣтей. Ея вліяніе на государственныя дѣла и на придворную жизнь усиливалось все болѣе. Вслѣдствіе ея наклонности ревностно вступаться во всякія дѣла, Маріи Антуанеттѣ приписывались всѣ непопулярныя мѣры, имя ея примѣшивалось ко всему, изъ всѣхъ неосторожныхъ рѣчей и дѣйствій извлекались доказательства ея вины и проступковъ. Какъ возбуждено было противъ нея общественное мнѣніе въ пресловутомъ процессѣ по поводу таинственной исторіи съ ожерельемъ!

Исторія съ ожерельемъ.

Королевѣ предложили купить драгоцѣнное ожерелье, но она отказалась отъ чрезъ-чуръ дорогой покупки. Воспользовавшись этимъ, авантюристка по имени Валуа, называвшаяся послѣ замужества съ лейбъ-гвардейцемъ графинею Ламоттъ, сплела цѣлую сеть обмана и интриги. Подложными записками отъ имени Маріи Антуанетты она увѣрила безразвѣннаго, расточительнаго кардинала Рогана, страсбургскаго епископа, что покупкою ожерелья онъ успѣетъ вновь добиться утраченной милости при дворѣ. Дѣло въ томъ, что этотъ бывшій посланникъ въ Вѣнѣ, по нерасположенію къ нему королевы не могъ получить желанной должности въ министерствѣ. Пробѣжавшій тогда по всей Европѣ подъ именемъ графа Калиостро итальянскій проходимецъ, морочившій легковѣрную знать вызовами духовъ и мнимымъ тайнымъ ученіемъ, поддерживалъ предсказаніями замыслы графини; она же наконецъ волюнѣ убѣдила одураченнаго кардинала, устроивъ тайное свиданіе его съ передѣтою въ Марію Антуанетту кокеткою. Ожерелье было куплено на вексель и передано графинѣ; а она поручила своему мужу, мнимому графу Ламотту, въ Англіи распродать камни по одиночкѣ. Епископъ удивлялся, правда, что Марія Антуанетта никогда не являлась съ этимъ украшеніемъ, но нисколько не сомнѣвался въ дѣлѣ. Когда же въ теченіе двухъ лѣтъ не послѣдовало официальной именемъ королевы уплаты, а кардиналъ не получилъ министерской должности и не могъ выкупить вексель у ювелира, то возникъ крайне неблагоприятный процессъ, и обманъ обнаружился. Рогана арестовали во время большаго церковнаго празднества и предали суду, однако послѣ продолжительной возбужденной тяжбы его освободили, а графиню клеймили и присудили къ пожизненному заключенію, но она успѣла спастись бѣг-

1785.

ствомъ. Народъ охотно вѣрилъ тому, что ненавистная королева также виновна въ этомъ дѣлѣ, и утверждался въ своемъ убѣжденіи разными памфлетами, особенно со стороны глубоко оскорбленной фамилии Рогановъ.

Тюрго и Мальзербъ.

Когда Морепа побудилъ короли призвать въ кабинетъ правовѣда и экономиста Тюрго, бывшаго сперва совѣтникомъ въ руанскомъ парламентѣ, а потомъ интендантомъ въ Лиможѣ, и по удаленіи Террея назначить въ качествѣ контролера главою финансоваго вѣдомства, то привилегированные консервативные кружки были поражены и удивлены. Реформаторскія идеи, которыя онъ обнаруживалъ и старался ввести въ занимаемыхъ имъ доселѣ вѣдомствахъ, встревожили приверженцевъ прежнихъ порядковъ. Приурочивъ человѣка, составившаго себѣ доброе имя въ свое управленіе, Морепа надѣялся достичь популярности и приписать себѣ результаты его дѣятельности. Онъ рассчитывалъ, что Тюрго, лишенный при дворѣ протекціи, вопли подчинится ему и будетъ всецѣло зависѣть только отъ него. Однако король скоро возымѣлъ довѣріе къ дѣятелю, откровенно и ясно излагавшему свое мнѣніе и свои замыслы. Сверхъ желанія и ожиданія Морепы Тюрго сталъ душою кабинета, особенно съ той поры, какъ къ нему въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ присоединился *Мальзербъ*, изъ знаменитой магистратской фамилии Ламуаньона, который въ качествѣ совѣтника парламента и президента податной палаты уже придерживался идей просвѣщенія и прогресса. Оба они согласились въ необходимости, основательными реформами урядить разстроенное финансовое управленіе, возстановить монархическую форму правленія на новыхъ основаніяхъ, замѣнить подгнившія опоры престола новыми прочными столбами.

Мы прежде уже ознакомились съ политическими взглядами Тюрго (стр. Преобразова- 168). Новые министры предложили совершенное преобразование административныя планы страціи при посредствѣ расчлененія народа въ смыслѣ самоуправленія на общины, округа, провинціи; они настаивали на допущеніи мѣщанъ къ высшимъ должностямъ и судебнымъ мѣстамъ, на устраненіи тайной полиціи и чиновничьяго произвола, на измѣненіи податной системы, на бережливости въ государственныхъ расходахъ и на устраненіи всѣхъ стѣснявшихъ земледѣліе, торговлю и промыслы преградъ, а именно на смягченіи стѣснительныхъ цеховыхъ уставовъ, тормозившихъ индивидуальную дѣятельность и производительность. По ихъ плану слѣдовало существовавшіе налоги по-прежнему замѣнить новою системою податей, распространенною на дворянство и духовенство и основанною на общемъ обмежеваніи (кадастрѣ); для подъема мѣщанскаго и крестьянскаго сословія имѣлось въ виду отмѣнить барщины и выкупить феодальныя повинности, уничтожить цехи, гильдіи и внутреннія таможи, ввести однообразныя вѣсы и мѣры; для того чтобы положить основаніе согласному съ эпохою народному образованію и вытѣснить пристрастіе къ ложному просвѣщенію надлежало ввести вѣротерпимость къ реформатамъ и отмѣнить эдикты по поводу гоненія за вѣру, ограничить число монастырей, улучшить учебную систему и освободить печать; для того чтобы уничтожить чиновничій произволъ и возбудить довѣріе къ пра-

вительству, необходимо было сократить или отменить тайные письма, которых выдавалось болѣе тысячи въ годъ; для того чтобы водворить порядокъ въ разстроенныхъ финансахъ, имѣлось въ виду ограничить злоупотребленія по раздачѣ пенсій, сократить размѣръ процентовъ государственнаго долга и расходы. Вѣнцомъ всего долженъ былъ служить всеобщій сводъ законовъ. Военный министръ Сень-Жерменъ намѣревался отменить продажность офицерскихъ мѣстъ и преимущества королевской гвардіи передъ остальными частями войска.

Хлѣбный законъ и «мучная война».

Тюрго предвидѣлъ, что вслѣдствіе его преобразовательныхъ плановъ на его голову обрушатся страшныя бури; развѣ когда король осѣнитъ его своимъ авторитетомъ, тогда лишь могъ онъ надѣяться, преодолѣть сопротивление. И онъ выступилъ на бой исполненный мужества и поддерживаемый сознаниемъ благотворныхъ для народа замысловъ своихъ. Однако, первый эдиктъ, которымъ предписывалась свобода хлѣбной торговли внутри страны, и имѣлось въ виду посредствомъ отмены всякихъ внутреннихъ пошлинъ на хлѣбъ, установивъ рыночныя цѣны и запрета вывоза устранить пагубныя послѣдствія неурожаевъ въ той или другой области, вызвалъ уже такую оппозицію, по которой можно было судить объ участи всѣхъ остальныхъ преобразовательныхъ плановъ. Не одни только парламены, противъ возобновленія которыхъ тщетно возставалъ и ратовалъ Тюрго, оказали противодѣйствіе, но всѣ, кто опасался погнѣбнаго убытка отъ нововведенія, выступили въ борьбу противъ постановленій и оспаривали ихъ цѣлесообразность и справедливость. Злокозненные люди воспользовались наступившею по веснѣ дороговизною, съ тѣмъ чтобы возбудить народъ къ мятежу. Новый хлѣбный законъ, говорили они, былъ причиною всѣхъ бѣдствій. Тутъ и тамъ появлялись шайки съ угрожающимъ видомъ. Они расхищали хлѣбные рынки и магазины, нападали на булочныя и грабили ихъ, захватывали воза съ хлѣбомъ. Случалось даже, что выбрасывали запасы въ Сену. Они проникли въ Версаль и навели на дворъ такой страхъ, что король тотчасъ же велѣлъ понизить цѣну на хлѣбъ.

13. сент. 1774.

Апрѣль и май 1775.

Тюрго не сомнѣвался въ томъ, что вся «мучная война» (guerre des farines), какъ тогда прозвали эти мятежныя выходки, была искусственно возбуждена коноводами изъ высшихъ кружковъ, но его это нисколько не пугало. Благодаря энергическимъ мѣропріятіямъ и вмѣшательству войска буйства прекратились, народныя толпы разсѣялись, и постановленія исполнялись; однако слабость и шаткость, какія король обнаружилъ по этому поводу, свидѣтельствовали уже о томъ, что у него не хватаетъ ни мужества, ни рѣшимости.

Преобразовательные эдикты.

Не смотря на то трое министровъ, Тюрго, Мальзербъ и Сень-Жерменъ, продолжали свою преобразовательную дѣятельность, не обращая даже вниманія на возраженія Морены и его приверженцевъ въ кабинетѣ, ни на оговоры и брани поклонниковъ старины. Рядъ

постановленій, которыми устранились разныя злоупотребленія и пролагались пути къ свободному развитію, служилъ какъ бы введеніемъ къ болѣе важнымъ законнымъ проектамъ. Въ январѣ Тюрго предложилъ королю шесть эдиктовъ, изъ которыхъ два, отменивъ дорожную барщину и цеховъ, имѣли весьма важное значеніе. Реакціонная и консервативная партія возбудила жестокую полемику противъ новыхъ доктринъ, порожденныхъ революціонною философіею; въ разныхъ памфлетахъ отстаивались феодальныя права, которымъ, какъ гласила молва, грозитъ отмена предложенными эдиктами. Однако Людовикъ XVI. все-таки изъявилъ свое согласіе, а когда парламентъ послѣ долгихъ жаркихъ преній и патетическихъ рѣчей отказалъ принять эдикты, то король понудилъ его троннымъ засѣданіемъ. Такимъ образомъ Тюрго восторжествовалъ надъ своими жесточайшими противниками.

Янв. 1776.

12. марта 1776.

Отставка министровъ.

Торжество его, однако, не долго продолжалось. Оппозиція противъ министровъ-реформаторовъ распространялась все сильнѣе: не только правовѣды, поборники существовавшихъ учреждений негодовали на смѣлаго нововводителя, но даже въ придворныхъ кружкахъ королевы и принцевъ сѣтовали на то, что пришлось ограничить расходы, бережливостью и сокращеніемъ доходовъ положить предѣлъ расточительности. Духовенство озлобилось противъ приверженца философіи просвѣщенія; даже практическіе дѣловые люди, въ родѣ Неккера, возстали противъ фізіократа въ пользу меркантильной системы. Когда же старикъ Вольтеръ въ Фернеѣ вступился за опозореннаго государственнаго мужа и за его планы, то противники раздражились еще болѣе, какъ можно было судить по множеству современныхъ памфлетовъ. Тюрго убѣдился, что у короля не хватитъ ни силъ, ни энергіи поддержать его противъ нападокъ и клеветъ противниковъ. Онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ и получилъ ее. За то у Людовика хватило чести признаться въ томъ, что онъ и его министръ единственные люди, которые сочувствуютъ народу; отпустивъ Тюрго, онъ сказалъ ему: «Вы счастливѣе меня, вы вольны отказаться отъ должности». Мальзербъ также вышелъ въ отставку, а вслѣдъ за нимъ и Сень-Жерменъ, котораго дворянство, дворъ и армія тоже возненавидѣли за его военныя новшества, въ особенности за предполагаемое введеніе прусской дисциплины и сокращеніе офицерскихъ мѣстъ.

12. мая 1776.

2. трудное положеніе финансовъ. Неккеръ и калоннѣ. государственные чины.

Преемникомъ Тюрго въ финансовомъ управленіи былъ Клоньи; Первое министерство этотъ человекъ старой системы, бывший доселѣ интендантъ въ Бордо, хоторонился возстановить дорожную барщину и цехи. Послѣ

стерство Неккера.

кратковременнаго управленія, прозваннаго однимъ изъ современниковъ «четыремьсячнымъ грабежемъ, о которомъ одинъ только король ничего не зналъ», онъ умеръ. Вотъ тогда-то взялись за чело-
 18. окт. 1776. вѣка, отъ котораго народъ ожидалъ, что онъ вернетъ блаженное
 Неккеръ, род. время Кольбера, за *Жака Неккера*, женеваго уроженца, сына нѣ-
 30. сент. 1732. мецкаго юриста. Неккеръ открылъ въ Парижѣ банкъ и во время
 войны нажилъ большое состояніе. Имя его въ торговомъ мѣрѣ поль-
 зовалось доброю славою; въ литературѣ онъ также подвизался съ
 успѣхомъ, благодаря похвальному слову Кольберу и статьѣ о хлѣб-
 ной торговлѣ: въ противность односторонней системѣ экономистовъ
 онъ по поводу уничтоженія Остиндской кампаніи въ 1769 году при-
 далъ опять большее значеніе ученіямъ меркантилистовъ. Ловкій, много-
 сторонне образованный челоѣкъ, желавшій играть роль въ большомъ
 свѣтѣ, онъ съ помощью своей умной жены сумѣлъ поднять свой
 домъ такъ, что послѣдній сталъ сборнымъ мѣстомъ и средоточіемъ
 самаго избраннаго общества, и многіе высокопоставленные и знат-
 ныя особы изъ образованныхъ кружковъ посѣщали его запросто. Нек-
 керъ назначенъ былъ финансовымъ директоромъ, такъ какъ мѣща-
 нину реформатскаго вѣроисповѣданія, не принадлежавшему къ фран-
 цузской аристократіи, не хотѣли поручить высокую должность глав-
 наго контролера. Съ этого началось политическое поприще челоѣка,
 котораго впоследствии много прославляли и сильно порицали. Онъ
 былъ разсудителенъ, дѣятеленъ, безкорыстенъ и сочувствовалъ фи-
 лантропическимъ идеямъ той эпохи; но вслѣдствіе тщеславія и по-
 хвалы, расточаемыхъ ему женою и домашними друзьями, онъ соста-
 вилъ себѣ слишкомъ высокое мнѣніе о своихъ дарованіяхъ. У него
 прежде всего не хватало ни рѣшимости, ни энергіи духа. При гос-
 подствовавшихъ тогда условіяхъ, впрочемъ, это былъ еще довольно
 удачный выборъ; по крайней мѣрѣ благодаря имени Неккера прави-
 тельство опять стало пользоваться кредитомъ, коммерческій внутрен-
 ній и заграничный мѣръ охотно сталъ выдавать ссуды за умѣренный
 ростъ. Благодаря этому, министръ былъ въ состояніи покрыть те-
 кущіе расходы и сбыть съ плечъ нѣкоторыя обременительныя обя-
 зательства. Однако, примѣнивъ финансовыя средства банкирскаго
 дома къ государственному хозяйству, онъ прибѣгъ лишь къ памя-
 тивнымъ мѣрамъ, которыми отнюдь не обезпечивалась будущность.
 Онъ, правда, старался устранить злоупотребленія при взиманіи по-
 датей, сократить годовыя содержанія и пенсіи, ограничить расточи-
 тельность двора, строже блюсти и контролировать общественныя кассы,
 уменьшить несмѣтное число чиновниковъ податнаго и финансоваго вѣ-
 домствъ, разными улучшеніями и сбереженіями привести въ равно-
 вѣсіе приходъ съ расходомъ, возстановить порядокъ и довѣріе, до-
 стать даже денегъ для вспыхнувшей войны съ Англіей, не увеличи-
 вая притомъ бремени налоговъ; но основательнаго исцѣленія можно

было достигъ однимъ только совершеннымъ преобразованіемъ государ-
 ственнаго организма. А для такого мощнаго исцѣленія у мѣщанскаго ми-
 нистра финансовъ не хватило доблестнаго мужества и поддержки въ
 господствовавшихъ кружкахъ. Не принятый въ государственный со-
 вѣтъ, мало уважаемый при дворѣ вслѣдствіе его самодовольства и
 патетическихъ рѣчей, ненавидимый духовенствомъ, онъ лишенъ былъ
 всякихъ средствъ, для того чтобы съ успѣхомъ противоборствовать
 кознямъ и интригамъ Морепы и другихъ противниковъ. Могъ ли при
 такихъ условіяхъ Неккеръ отважиться своими крутыми реформами воз-
 будить противъ себя гидру оппозиціи! А истому во все время пяти-
 лѣтняго управленія главная забота его состояла прежде всего въ
 томъ, чтобы устранить нѣкоторыя злоупотребленія въ финансовой
 системѣ, при посредствѣ пересмотра и вѣрной постановки догово-
 ровъ, купчихъ крѣпостей, дарственныхъ записей и тому подобныхъ
 документовъ отмѣнить мнимыя права и притязанія, вернуть прави-
 тельству отчужденныя владѣнія и доходные источники, перемѣною
 долговыхъ обязательствъ и новыми ссудами на болѣе выгодныхъ
 условіяхъ увеличить прибыль государственной казны, поднять про-
 мышленность при помощи предохранительнаго тарифа, побудить ду-
 ховенство къ повышенію его «добровольныхъ взносовъ», подъемомъ
 патріотическихъ чувствъ подвигнуть націю къ жертвамъ. Онъ до-
 бился, чтобы король въ казенныхъ имѣніяхъ отмѣнилъ крѣпостни-
 чество, но у него не стало силъ на то, чтобы всеобщимъ законо-
 дательнымъ актомъ понудить помѣщичье дворянство къ такому же
 своевременному освобожденію. Онъ въ разныхъ мѣстахъ созывалъ
 провинціальныя собранія, которыми ограничивалась власть интен-
 дантовъ и ихъ уполномоченныхъ, напоминалъ притомъ націи, что ей
 полезно и она въ правѣ принимать участіе въ государственныхъ дѣ-
 лахъ; онъ вернулся къ прежней реформѣ Тюрго, облегчивъ отмѣною
 дорожной барщины и цеховъ бремя мѣщанскаго и крестьянскаго со-
 словій, съ тѣмъ чтобы воспользоваться его услугами для обществен-
 ныхъ цѣлей.

Однако, чѣмъ болѣе Неккеръ переходилъ на путь преобразователь-
 ной партіи, тѣмъ сильнѣе становилось противодѣйствіе со стороны
 людей стараго порядка. Его система бережливости была не понутру
 придворнымъ кружкамъ, аристократія съ безпокойствомъ слѣдила за
 его попытками нарушить феодальныя порядки; когда же министръ,
 желая возбудить довѣріе къ новому займу, обнародовалъ поданный
 королю отчетъ (Compte-rendu), въ которомъ ловко группируя доходы
 и расходы и искусно, хотя не совсѣмъ честно сопоставляя числовыя
 отношенія, старался въ наиболѣе благоприятномъ видѣ представить
 финансовое состояніе государства и свое собственное управленіе, то
 это оказанное общественному мнѣнію уваженіе возбудило крайне
 сильное негодованіе въ консервативныхъ кружкахъ. Все, что до сихъ

Паденіе Нек-
 керъ.

поръ тщательно сохранялось какъ государственная тайна, разоблачалось теперь передъ простымъ людомъ и подвергалось критическому изслѣдованью. Впервые было ясно изложено и доказано числами, что государственная казна расходовалась на дѣла, не имѣвшія ничего общаго съ народнымъ благосостояніемъ, что расточительность двора и чрезвычайныя расходы на окружающую престолъ аристократію составляютъ главную причину бѣдственнаго состоянія финансовъ, самое большое мѣсто хилаго государственнаго тѣла. Не удивительно, что этотъ отчетъ пользовался небывалою популярностью, на зло людямъ стараго порядка, въ особенности Морены, который самый документъ въ синей оберткѣ прозвалъ «синюю сказкою» (Conte Bleu), причемъ своими саркастическими замѣчаніями подвергнулъ сомнѣнію истинность его показаній. Великій успѣхъ брошюры, правда, льстилъ тщеславію и самодовольству Неккера, но размножилъ за то число его противниковъ. Оскорбленный и огорченный нападками и клеветою, онъ потребовалъ, чтобы король возвелъ его въ настоящаго главнаго контролера и назначилъ ему мѣсто и голосъ въ королевскомъ кабинетѣ. Когда же ему отказали, то онъ убѣдился, что его пора миновалась. Онъ въ короткой, не придворнымъ слогомъ изложенной запискѣ потребовалъ отставки и получалъ ее. Сочувствіе и уваженіе націи сопровождали его. Хотя онъ, какъ впоследствии оказалось, увеличилъ государственный долгъ слишкомъ на пятьсотъ милліоновъ ливровъ и искусно скрылъ дефицитъ, однако его министерство все-таки пользовалось успѣхомъ вовнѣ и относительно менѣ бурными движеніями внутри. Мы прежде уже ознакомились съ участіемъ Франціи въ англо-американской борьбѣ: при этомъ впервые вновь заговорили о побѣдахъ французскаго флота въ Ост-и Вестиндіи, сухопутнаго войска въ Америкѣ. Имена Сюффрена, Булье, Грасса, Рошамбо, Лафайета и др. напоминали о славныхъ минувшихъ дняхъ. Съ ними въ сердцѣ народа связано было имя Неккера. Его отставка была послѣднимъ торжествомъ Морены. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того смерть положила предѣлъ его жалкой дѣятельности.

19. мая 1817.

21 нбр. 1781.

Министерство Калонна. 1783—1787.

Увольненіе Неккера избавило дворъ отъ докучной бережливости, а привилегированныя классы—отъ угрожавшихъ имъ реформъ, увеличило однако безпорядокъ въ государственномъ хозяйствѣ. Издержки превышали доходъ на нѣсколько милліоновъ въ годъ; вслѣдствіе шаткаго кредита и безъ того уже великаго государственнаго долга займы заключались лишь на весьма невыгодныхъ условіяхъ и, не исцѣляя зла, доставляли одно только кратковременное облегченіе. Американская война поглотила доходы за три года и, возбудивъ гражданскую гордость, распространивъ демократическія идеи, создала могучихъ невѣдомыхъ доселѣ враговъ престолу помимо даже финансоваго затрудненія. Роковыя слова «свобода и равенство», какъ извѣстно, возникли въ заатлантическомъ мірѣ. И какъ разъ въ эту пору самая важная государственная

должность поручалась бѣдовому человѣку. Послѣ кратковременнаго управления финансами Жоли де Флери и д'Ормессона, въ тотъ самый годъ, когда Версальскимъ миромъ завершилась великая всеобщая борьба и общественная жизнь вновь стала вращаться все болѣе около внутреннихъ дѣлъ, главнымъ контролеромъ казначейства, благодаря вліянію Артуа и Верженна, назначенъ былъ Шарль Александръ де Калоннъ, Лильскій интендантъ, талантливый, но легкомысленный потомокъ древней семьи юристовъ. Новый министръ избралъ совершенно иные пути. Калоннъ отступилъ отъ системы бережливости женеваго банкира, доброхотно угождалъ желаніямъ двора и королевы, прихотямъ принцевъ, знатныхъ кавалеровъ и дамъ въ Версаль и обморочилъ весь свѣтъ, наобѣцавъ такія финансовыя реформы, которыя положить конецъ всемъ нуждамъ. Соружались самыя блестящія празднества, замки Сенъ Клу, Рамбулье и другія владѣнія были куплею приобретены для короля. Толпаищевъ щедро поддерживали въ ихъ расширѣ съ императоромъ Иосифомъ (стр. 292), «по всему лучезарному придворному кругу разлился сказочный блескъ», хвастанво выставляясь на показъ пышности и изобиліе. По мнѣнію Калонна роскошь и казовое богатство скорѣе всего могутъ доставить правительству уваженіе и кредитъ и побудить финансовый міръ къ дальнѣйшимъ ссудамъ. Таланты Калонна возбуждали удивленіе и превозносились. Вскорѣ однако обнаружилось, что онъ подобно безсовѣстному управителю хозяйничалъ только изъ руки да въ ротъ, умноживъ притомъ государственный долгъ на сотни милліоновъ и все болѣе и болѣе увеличивая дефицитъ. Наконецъ-то и онъ тоже убѣдился, что помочь государственной казнѣ можно развѣ позитивноэкономическими реформами, при помощи которыхъ открылись бы невзякаемые источники пособія. У истощеннаго народа ничего уже нельзя было вынудить, одни только привилегированныя классы могли бы еще выручить изъ бѣды. На такой конецъ онъ составилъ программу съ предложеніями въ духѣ Тюрга, Неккера и другихъ прежнихъ финансистовъ: по ней предполагалось облегчить повинности мѣщанскаго и крестьянскаго сословія, отмѣнить привилегіи дворянства и духовенства, ввести болѣе цѣлесообразныя торговыя договоры и поземельныя уставы, выравнить повинности всехъ гражданъ въ государствѣ.

Калоннъ не отважился однако такія крутыя перемѣны привести въ исполненіе чрезъ посредство именныхъ декретовъ. Хотя и можно было надѣяться съ помощью троннаго засѣданія подавить неминуемую оппозицію въ парламентѣ, однако не разъ уже громко требовали созыва государственныхъ чиновъ, такъ что нельзя было обойтись безъ національнаго совѣта. А при всемъ томъ не рѣшались пробудить отъ мертваго сна старый государственный сеймъ; общественное мнѣніе стало силою, идеи о свободѣ, о республикан-

Собрание по-
таблей и па-
деніе Калонна.

скомъ самоуправленіи, о демократизмѣ послѣ американской борьбы за независимость проникли во все слои націи, и не даромъ опасались, какъ бы народными выборами не вызвать къ жизни невѣдомыя силы и опасныхъ духовъ. А потому Калоннѣ посовѣтовалъ королю, прибѣгнуть къ собранію нотаблей. По уничтоженіи государственныхъ чиновъ въ затруднительныхъ случаяхъ созывались на совѣтъ главы націи, состоявшія изъ представителей дворянства и духовенства, изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, парламентскихъ совѣтниковъ и нѣкоторыхъ членовъ городскихъ магистратуръ (XII, 25). Король созывалъ ихъ именнымъ указомъ безъ всякаго посторонняго выбора. Послѣ нѣкотораго колебанія Людовикъ XVI. согласился на это предложеніе. И вотъ, нѣсколько дней спустя со смер-
 22. февр. 1787. ти Верженна, устроилось собраніе, какое не заседало уже съ 1626 года и о которомъ современники знали лишь по предапію. Въ собраніи нотаблей находилось около 140 членовъ, все высокопоставленные лица, принцы, знатные дворяне, архіепископы, особы изъ административнаго и судебного вѣдомства, но всего только восемь мѣщанъ, въ большинствѣ приверженцы и поборники самодержавно-феодалныхъ порядковъ и сословныхъ правъ; нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Лафайетъ, ратовали за новыя идеи, почти все были противъ предложеній Калонна. Насколько его попытка пользовалась довѣріемъ общественнаго мнѣнія, объ этомъ можно было судить по прибитой въ Версалѣ театальной афишѣ, на которой значилось, что Калоннѣ собралъ новую театральную труппу, съ цѣлью представить сочиненный имъ балетъ съ наштампованной «Бочка Данаядовъ». Сперва король во вступительной рѣчи указалъ на задачу, какую придется рѣшить собранію, затѣмъ самъ Калоннѣ съ великою ораторскою ловкостью, съ полною самоувѣренностью и наглостью, какою отличался въ продолженіе всего своего управленія, развилъ свои преобразовательныя планы. Однако, вмѣсто ожидаемаго согласія и поддержки онъ встрѣтилъ самое рьяное сопротивленіе. Лафайетъ и его приверженцы порицали самыя причины зла и настаивали на созывѣ государственныхъ чиновъ какъ на единственномъ цѣлебномъ средствѣ, а привилегированныя особы въ дворянствѣ и духовенствѣ возстали противъ предложенія облагать всеобщую податью на новой основѣ и ратовали противъ злоупотребленій и промаховъ управленія. Калоннѣ долженъ былъ признаться, что дефицитъ государственной казны превышаетъ сто милліоновъ; онъ старался, однако, доказать, что большая часть его перешла къ нему отъ предшественниковъ; на это Неккеръ возразилъ ему въ рѣзкой полемической статьѣ, за что навлекъ на себя гнѣвъ двора и былъ высланъ за двадцать миль отъ Парижа. Не смотря на различіе воззрѣній и направленій собранія, но противъ главнаго контролера, его народнохозяйственныхъ распоряженій и политики оно сомкнулось въ оппозиціонную фалангу.

При этомъ даже Лафайетъ шель рука объ руку съ тулузскимъ архіепископомъ, Ломені де Бриенномъ. По мѣрѣ того какъ длились совѣщанія и пренія, нападки становились все рѣзче, засѣданія—все возбужденнѣе; а когда министръ финансовъ поссорился еще съ Бретюилемъ, любимцемъ королевы, и его положеніе стало подрываться даже придворными кознями, то онъ изнемогъ подъ разразившимися надъ нимъ бурями. Калоннѣ потребовалъ и получилъ отставку; онъ призналъ свое положеніе до того опаснымъ, что послѣ короткаго пребыванія въ Лотарингіи уѣхалъ въ Лондонъ, лишь бы избѣжать грозившаго ему обвиненія.

Теперь во главѣ финансоваго управленія былъ самый ревностный изъ противниковъ Калонна, *Ломені де Бриеннѣ*. Опытъ научилъ при съ парла-
 25. мая 1787. ментомъ. его, что съ собраніемъ нотаблей ничего не подѣлаешь. А потому онъ побудилъ короля, распустить его и опять попытать дѣло съ парламентомъ и съ прежней методой. Но такъ какъ помимо перемѣны существовавшей податной системы, невысказано было поправить разстроенное финансовое положеніе, то ему предстояла трудная борьба съ людьми укоренившагося права и обычая. Когда онъ хотѣлъ внести въ парламентъ два новыя постановленія касательно поземельнаго и штемпельнаго налога, то встрѣтилъ упорное сопротивленіе, такъ что король сперва прибѣгнулъ къ обычному по-
 6. авг. 1787. дительному средству, къ тронному засѣданію, а когда и оно не помогло, то сослалъ самыхъ смѣлыхъ совѣтниковъ въ Труа. Увлечшись со времени американской войны идеями о свободѣ и о человѣческихъ правахъ и ознакомившись чрезъ собраніе нотаблей съ состояніемъ государственной казны, французскій народъ принялъ самое ревностное участіе въ расприхѣ. Онъ шумно окружалъ палату засѣданія, восторженными кликами встрѣчалъ ораторовъ оппозиціи и бранью—сторонниковъ правительства; и тогда уже не было возможности руководиться правомъ и судомъ. Какъ въ парламентѣ, такъ и на улицахъ стали громко требовать созыва государственныхъ чиновъ. Министръ тщетно вошелъ въ соглашеніе съ старшими осторожными членами сосланнаго въ Труа парламента съ тѣмъ, чтобы отмѣнить податные эдикты, а за это разрѣшить заемъ въ 440
 19. нбр. 1787. милліоновъ; едва лишь въ «королевскомъ засѣданіи» предложено было утвердить заемъ, какъ многіе члены, и пуще всего герцогъ Орлеанскій, домъ котораго былъ сборнымъ мѣстомъ либераловъ и прогрессистовъ, протестовали противъ этой мѣры; а когда удалился король, то разразились такими пылкими рѣчами, что дворъ рѣшился вновь приступить къ арестамъ. Написанное парламентскимъ совѣтникомъ, Дювалемъ д'Эпременилемъ, и одобренное всеми его товарищами заявленіе опровергало господствовавшее со временъ Ришелье воззрѣніе, будто одному только монарху подобаетъ законодательная и исполнительная власть; сверхъ того приводились ясные и эпер-

гичные доводы о правѣ чиновъ разрѣшать подати, о противозаконности приказовъ объ арестованіи (*lettre de cachet*) и о пенарушимости правъ и привилегій, такъ что король и министры, озлобленные такою дерзостью и встревоженные овладѣвшимъ, какъ казалось, всею палатою новымъ духомъ, рѣшились подвергнуть парламенты такимъ же преобразованіямъ, какъ при Людовикѣ XV. На такой конецъ арестовали самыхъ смѣлыхъ совѣтниковъ, а затѣмъ, выведя войсками и троннымъ засѣданіемъ понудили остальныхъ принять новую организацію. По ней записаніе законовъ и разрѣшеніе податей вмѣсто парижскаго парламента предоставлялось составленному изъ высшаго дворянства и нѣсколькихъ придворныхъ особъ собранію (*Conseil plénier*); судебная сфера въ провинціальныхъ парламентахъ была ограничена, такъ какъ почти все гражданскія тяжбы и уголовныя дѣла, въ которыхъ не были замѣшаны ни духовныя особы, ни дворяне, предоставлялись вѣдѣнію среднихъ судовъ (высшихъ приказовъ). Однако, смѣлый протестъ совѣтниковъ противъ вынужденнаго у нихъ согласія, вмѣстѣ съ тѣмъ неудовольствіе народа, который заявлялъ о своихъ побужденіяхъ возстаніями и буйными выходками въ Провансѣ, Лангедокѣ, Дофинѣ и особенно въ Бретани, сожигая притомъ изображеніе министра, — все это должно бы было болѣе прозорливое правительство убѣдить въ томъ, что время самовласти и автократіи миновало.

Совыль госу- Возраставшая противъ министра буря понудила наконецъ дворъ дарственныхъ согласиться на отставку Бриенна (августъ 1788) въ такую пору, чиновъ. когда безденежье дошло до крайности, такъ что пришлось приостановить все платежи, и государственное банкротство казалось неминуемымъ. Тогда министерство финансовъ вновь поручено было популярному Неккеру, изъ чего заключили, что король согласился наконецъ на не разъ уже обѣщанный и всеми настоятельно требуемый созывъ чиновъ. И дѣйствительно, освободивъ арестованныхъ совѣтниковъ и отменивъ эдикты противъ парламентовъ, Неккеръ успокоилъ волненіе и возобновилъ довѣріе къ правительству, а вслѣдъ затѣмъ сдѣлалъ необходимыя распоряженія къ важному и чреватому послѣдствіями событію. Вскорѣ оказалось, что парламенты сочувствовали наступательному движенію лишь настолько, насколько оно не вредило ихъ сословнымъ интересамъ: и въ самомъ дѣлѣ, не только они, но и вновь опрошенные Неккеромъ нотабли были того мнѣнія, что новое собраніе относительно числа депутатовъ и дѣлопроизводства должно сообразоваться съ чинами 1614 года, тогда какъ Неккеръ за третьимъ сословіемъ (*tiers état*) признавалъ двойное число и требовалъ, чтобы голоса подавались поголовно, а не по сословіямъ; къ этому мнѣнію присоединились самые даровитые защитники народа въ разныхъ памфлетахъ. Изъ послѣднихъ ни одинъ не произвелъ такого сильнаго впечатлѣнія какъ брошюра аб-

Нбр. 1788.

Дек. 1788.

бата *Сисси*: «Что такое третье сословіе?» Въ ней-то и было выставлено главное положеніе революціи, «что третье сословіе — сама нація, народъ въ его истинномъ самодержавіи и полномъ властѣ». При этомъ французское государство въ его настоящемъ составѣ уподобляется поставленной на вершинѣ пирамиды; его и слѣдуетъ перевернуть въ болѣе естественное положеніе, установивъ на основу, — на народъ. Скорѣе мыслитель и теоретикъ нежели ораторъ, Сисси своими обширными познаніями, своимъ яснымъ умомъ и мастерскимъ умѣньемъ распредѣлять и группировать политическія идеи достигъ значительнаго положенія между ревностными борющимися эпохи. — Мнѣніе Неккера восторжествовало. Королевскимъ постановленіемъ назначалось по триста членовъ отъ дворянъ и отъ духовенства, а отъ средняго сословія шесть сотъ; открытіе было назначено 1 мая наступающаго года. Возбуждивъ противъ себя негодованіе народа, парламентъ слишкомъ поздно раскаялся въ своемъ противодѣйствіи и тщетно пытался уступчивостью общественному мнѣнію вновь добиться прежняго своего положенія: популярность его была утрачена, и блескъ, озарившій вскорѣ новое собраніе, помрачилъ собою парламентъ до того, что впоследствии упраздненіе его прошло почти незамѣченнымъ. Неккеръ былъ героемъ дня, но не управлялъ государственнымъ кораблемъ, а неся лишь по волѣ вѣтра. Безъ плана и подготовки нежданно-негаданно явился передъ народными представителями, исполненными самыхъ смѣлыхъ и разнообразныхъ позрѣній. Вслѣдствіе несправныхъ и различныхъ по провинціямъ выборовъ представительство земельной собственности въ новой палатѣ оказалось недостаточнымъ, а вслѣдствіе удержаннаго отъ государственныхъ чиновъ учрежденія, по которому избирательныя корпораціи снабжали своихъ депутатовъ письменными инструкціями (*Cahiers*) и требованіями, въ собраніе поступило много опрометчивыхъ предложеній о реформахъ. Въ этихъ запискахъ заключалось все, что обременяло людей при старыхъ порядкахъ, и что хотѣлось бы устранивъ при новыхъ. Уничтоженіе неограниченной королевской власти, отмена феодальныхъ условій, улучшеніе судопроизводства упрощеніемъ процедуръ и сокращеніемъ частнаго и общаго права, ограниченіе власти и богатства іерархіи — вотъ что стояло на первомъ планѣ. «Во всей Франціи была только одна мысль, что съ этой поры для народа и государства наступаетъ новая эпоха, и она во что бы то ни стало должна исполниться». Благодаря гражданскимъ смутамъ въ разныхъ сосѣднихъ странахъ въ возбужденное государство перешло много эмигрантовъ демократическаго и республиканскаго образа мыслей: изъ Голландіи, Бельгіи, изъ Лютиха и въ особенности изъ Женевы, гдѣ незадолго передъ тѣмъ съ помощью французскаго правительства вновь утвердилось аристократическое правленіе. Эти выходцы и развернули теперь агитаторскую дѣятельность.

Мирабо Самым красноречивым оратором, явше всех выразившим либеральные преобразовательные идеи, был Оноре Гавр. Виктор Рикетти граф *Мирабо* (род. 9. марта 1749). Во время италійских усобиц флорентинская семья из партіи гибеллиновъ, Арриетти, водворилась въ Провансъ и приняла отъ приобретенаго тамъ влослѣдствіи имѣнія титулъ графовъ Мирабо. Нѣкоторые изъ членовъ семейства Рикетти въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ вѣкахъ уже играли выдающуюся роль въ гражданскихъ смутахъ. Вебъ Рикетти были южныи, страстныи природы, говорили Гейссеръ, съ несокрушимой энергіей, съ высокимъ чувствомъ собственнаго достоинства; при всей рѣзкости индивидуальныхъ чертъ въ каждомъ изъ нихъ все-таки проявлялся сильный семейный отпечатокъ; это были упорные, подъ часъ неукротимые люди, дюжие и красноречивые по словамъ, энергичные на дѣлѣ, неодолимые въ преніяхъ. Жанъ Антуанъ Рикетти, одаренный чрезвычайною силою, въ войну за испанское наслѣдство участвовалъ при Вандомѣ въ кампаніяхъ и вернулся покрытый ранами на родину въ Провансъ, гдѣ женился на одной изъ прекраснѣйшихъ женщинъ. Съ старшимъ изъ сыновей его мы уже встрѣчались какъ съ приверженцемъ физиократической системы (стр. 167), второй сынъ былъ мальтійскій рыцарь, весьма заслуженный и отличный воинъ. Маркизь Мирабо, даровитый, образованный господинъ, издавшій нѣсколько политикоэкономическихъ сочиненій подъ заглавіемъ „Другъ человѣчества“, пылкій страстный правомъ былъ деспотъ въ семьѣ. Какъ помѣщикъ онъ для своихъ крестьянъ дѣйствительно оказался другомъ человѣчества, тогда какъ съ женою и дѣтми жилъ въ вѣчной ссорѣ и враждѣ. Всильчивый отецъ, горячая мать, подстрекавшая дѣтей противъ отца, и любовница, интриговавшая между ними, а сверхъ того возраставшее съ годами разстройство состоянія—вотъ впечатлѣнія, какія молодой Мирабо вынесъ изъ родительскаго дома; ими-то и объясняются заблужденія его позднѣйшихъ лѣтъ. Отецъ въ душѣ ненавидѣлъ сына, родоваго наслѣдника, который, заболѣвъ на третьемъ году оспою, поражалъ безобразною „харею“; эта ненависть росла по мѣрѣ того, какъ сынъ въ домашней и супружеской распрѣ все болѣе принималъ сторону матери. Вслѣдствіе такого укоренивагося въ немъ отвращенія онъ иногда упускалъ изъ виду высокаго дарованія отрока, его удивительную способность быстро и легко усвоивать себѣ знанія всякаго рода, „все преодолѣти“, и мощь и притягательную силу, какую послѣдній оказывалъ на всѣхъ сходящихся съ нимъ людей. Пятнадцати лѣтъ отъ роду Оноре былъ отданъ въ строгую военную школу, а потомъ въ кавалерійскій полкъ, стоявшій гарнизономъ въ мѣстечкѣ Сентѣ. Скука, чувствительныя наклонности и юношеское легкомысліе скоро довели его до такихъ поступковъ, которые еще болѣе разсорили сына съ отцомъ. Онъ кутилъ и игралъ, потомъ нажилъ себѣ кучу неприятностей по дѣламъ чести и по любовнымъ интригамъ, надѣлалъ долговъ, наконецъ, поссорившись съ своимъ полковникомъ, бѣжалъ въ Парижъ. Разгнѣванный такимъ поступкомъ сына, „рожденнаго на горе родителямъ и на позоръ всему дому“, отецъ выхлопоталъ тайное писмо (*lettre de cachet*), вслѣдствіе котораго Мирабо отправили на островъ Рэ противъ Ларошеля и подчинили надзору строгаго губернатора (1768). Когда же Французы вознамѣрились завладѣть приобретеною Генуэзцами Корсикою (XII, 649, XIII, 350), то экспедиція противъ острова побудила маркиза купить для сына чинъ лейтенанта съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ участіе въ кампаніи. По возвращеніи Оноре, дядя его, проживавшій въ Провансъ, любившій сильнаго даровитаго племянника, примирилъ сына съ отцомъ (1770). Мирабо хотѣлось остаться въ арміи, такъ какъ онъ чувствовалъ къ ней склонность и способности, но маркизь поручилъ ему сельское хозяйство.

Въ своемъ имѣніи въ Лимузинѣ Оноре долженъ былъ подвизаться въ качествѣ физиократа. Хотя это дѣло не отвѣчало его натурѣ и не удовлетворяло его уму, однако и тутъ молодой дворянинъ сумѣлъ приладиться; на своихъ рабочихъ онъ произвелъ такое же чарующее впечатлѣніе, какъ и на всѣхъ, съ кѣмъ бы ему ни пришлось войти въ сношеніе. Даже старшій маркизь не могъ не признать высокихъ дарованій сына. Такъ какъ состояніе было уже не блестящее, то для поддержки дома рѣшились прибѣгнуть къ браку. На такой конецъ Оноре присватался къ прекрасной, всемъ восхваляемой дамѣ изъ знатной семьи Мариньяновъ, которая подобно дому Мирабо слылъ болѣе богатою, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ; онъ гордился тѣмъ, что, не смотря на его безобразную харю, восторжествовалъ надъ всеми своими соперниками. Бракъ былъ заключенъ (1772), собранное обими сторонами приданое снабдило повобрачныхъ средствами для того, чтобы великолѣпно и весело прожить нѣкоторое время, поддержать блестящій домъ и роскошную обстановку. Бракъ оказался неудачнымъ: родители поощряли его въ виду живыхъ предположеній, а дѣти заключили безъ сердечной склонности и душевной симпатіи. Средства скоро истощились; молодой мужъ надѣлалъ долговъ и опять предался безпутной жизни. Маркизь вышелъ изъ себя, а такъ какъ въ его собственной семейной жизни сынъ всегда былъ противъ него, то онъ вполне отдался своему гнѣву. Онъ вновь добылъ тайное писмо и въ силу такого королевскаго приказа объ арестѣ велѣлъ безпутнаго сына словно преступника заключить въ тюрьму, сначала въ Маноскъ, потомъ въ замокъ Ифъ, наконецъ въ фортъ Жу. Во время этого двухлѣтняго заключенія Оноре ревностно занимался науками и выработалъ тѣ воззрѣнія и идеи, которыя онъ излагалъ впоследствии въ качествѣ публициста. Благодаря покровительству начальника форта Жу, его арестъ былъ смягченъ, такъ что онъ могъ посѣщать даже сосѣдній городокъ Понтарлье. Тутъ онъ пользовался доступомъ въ домъ президента Моннье, стараго драхлага дворянина, женатаго на восемнадцатилѣтней дѣвицѣ, Софіи Рюффе. Вскорѣ возникла пылкая любовная связь. Мирабо создавалъ, что это поведетъ его къ преступному безцѣльному пути, а потому и написалъ женѣ, чтобы она пріѣхала къ нему, съ цѣлью отправиться съ нимъ въ Швейцарію, гдѣ онъ надѣялся авторскимъ трудомъ снискать себѣ необходимыя средства къ жизни; такъ надѣялся онъ избѣжать пронасти. Получивъ холодный отказъ отъ эгоистической тщеславной свѣтской дамы, не желавшей раздѣлить съ нимъ бѣдствія изгнанія, покинутый отцомъ и друзьями, Мирабо ринулся въ свою погибель. Онъ расторгъ свой собственный бракъ и нарушилъ честное слово, похитилъ жену другаго. Софія Моннье сочеталась съ Мирабо въ Швейцаріи, а потомъ послѣдовала за нимъ въ Амстердамъ (августъ 1776). Здѣсь они прожили въ скрытности; онъ кое-какъ пробивался литературнымъ трудомъ и переводами. Тѣмъ временемъ судъ въ Понтарлье заочно приговорилъ Мирабо „за обольщеніе и похищеніе“ къ смерти и прибилъ къ вислицѣмъ обликъ его, а Софію Моннье осудилъ къ пожизненному заключенію. Старшій маркизь всеми силами старался разузнать убѣжище бѣглецовъ. Наконецъ ему удалось это. Генеральные штаты вынуждены были выдать осужденнаго, который съ годъ прожилъ въ ихъ странѣ подъ чужимъ именемъ. По новому тайному писму Оноре Мирабо былъ отправленъ въ ужасную крѣпость Венсеннъ, а Софія въ монастырь, служившій исправительнымъ заведеніемъ для женщинъ (7. іюня 1777). Литературный сначала книгъ и письменныхъ принадлежностей, всецѣло преданный своей страсти и своему отчаянію въ ужасномъ одиночествѣ, онъ успѣлъ впоследствии смягчить сердце своего тюремщика Ленуара и возбудить въ немъ состраданіе. Оноре получилъ не только все необходимое для научныхъ занятій и литературныхъ трудовъ, но Ленуаръ

сверхъ того пересылать къ Софьи его письма, тѣ замѣчательные памятники его внутренней жизни, что содержали въ себѣ помимо пѣкнѣйшихъ любовныхъ изліяній Вергеровскаго періода припадки кипучаго гнѣва на старые порядки, идеальныя черты въ связи съ чувственностью и страстностью. Въ заключеніи развился его гений, удрученіе возбудило въ немъ высокіе помыслы. „Въ удрученномъ казематѣ темница, къ которой дрыхла монархія прибѣгала какъ въ послѣднему своему средству, она сама себѣ воспѣвала мстителя; когда онъ покинулъ тюрьму, то характеръ его политической будущности установился безповоротно“. Послѣ четырехлѣтняго заключенія Мирабо опять былъ на свободѣ; тогда своимъ краснорѣчіемъ онъ добился, чтобы по возобновленіи процесса въ Потарлье приговоръ отменили, онъ самъ отбывался кратковременнымъ тюремнымъ заключеніемъ, а Софья Монье разрѣшено было получать содержаніе отъ своего мужа. Въ послѣдствіи онъ разошелся съ горячо любимою прежде женою, поведеніемъ которой со временемъ обнаружилось, что не трудно было пріобрѣсти ея благосклонность. Страсть довела ее наконецъ до самоубійства. Возбудивъ самозащитою въ жалобѣ на свою первую супругу во всей провинціи изумленіе и тревогу, представивъ знатному обществу Франціи его страшно безобразный листъ, Мирабо удался въ Англію: ему не хотѣлось подвергнуться новому заключенію за написанную имъ въ Голландіи статью „О деспотизмѣ“, въ которой содержалась частичка его собственной жизни; тамъ онъ прожилъ въ качествѣ литератора и ознакомился съ состояніемъ края. Вернувшись оттуда, онъ путешествовалъ по Германіи и долго пробылъ въ Берлинѣ. Плодомъ непосредственныхъ впечатлѣній было замѣчательное сочиненіе о прусскомъ государствѣ въ томъ видѣ, какъ оно по смерти Фридриха II. представилось его пытливому взору. Благодаря этому и еще другимъ политическимъ сочиненіямъ, имя графа Мирабо было уже извѣстно въ болѣе обширныхъ кругахъ, когда революція вывела его на великое поприще. „Теперь настало мое время!“ воскликнулъ. Онъ, испытавшій въ венсенской тюрьмѣ на самомъ себѣ самодержавіе въ самомъ ужасномъ его видѣ. Отвергнутый дворянствомъ, онъ выступилъ поборникомъ третьяго сословія и сталъ самымъ ревностнымъ противникомъ привилегированныхъ классовъ абсолютнаго королевства. Ему не зачѣмъ было поступать сперва въ сукошники, какъ кто-то выдумалъ про него, энтузіазмъ народа и безъ того вознесъ его. „Онъ созрѣлъ горькимъ опытомъ жизни“, говоритъ Гейсесеръ, „онъ тридцати лѣтъ отъ роду испыталъ болѣе, чѣмъ кто-либо въ его года, и виравъ былъ сказать про себя: „Врядъ ли кто изъ людей работалъ надъ собою съ такимъ усиліемъ, какъ я“. Онъ вдоволь испыталъ превратности судьбы, съ раннихъ поръ уже съ пристрастіемъ занялся политическими вопросами, зналъ учрежденія народовъ не только изъ книгъ, но также изъ жизни; онъ нагляднымъ путемъ усвоилъ себѣ болѣе обширное и основательное знаніе свѣта, чѣмъ другіе люди и особенно чѣмъ кто-либо изъ современныхъ ему Французовъ. Онъ жилъ и наблюдалъ въ Швейцаріи, Англіи, Голландіи, Германіи, такъ что въ политическихъ дѣлахъ кругозоръ его былъ самый широкий и самый богатый. Съ той поры какъ онъ сталъ самостоятельно мыслить, на первомъ планѣ у него стояли государство и государственная жизнь: двадцатипятилѣтнимъ юношей онъ дѣ заключеніи въ Маноскѣ принялся за свой „Опытъ о деспотизмѣ“, а въ венсенской тюрьмѣ за свои Тайныя письма (Lettres de cachet), и начиная съ 1783 вся дѣятельность его посвящалась политикѣ. А наравленіе этой политики обуславливалось его жизнью. Онъ стоялъ на исходѣ деспотическаго порядка, вызвавшаго судъ Божій; съ молодыхъ лѣтъ онъ, какъ истый Ринѣтти, любилъ свободу болѣе жизни и полагался какъ никто подѣ гнетомъ стараго деспотизма; вотъ источникъ пылкихъ потрясающихъ вепышекъ его независимы къ деспотамъ.

В. Испанія и Италія

а. Испанія при Филиппѣ V. и Фердинандѣ VI. Неаполь при Карлѣ III.

За два года до окончанія войны за австрійское наслѣдство скончался Филиппъ V., первый Бурбонъ въ Испаніи. При немъ изъ прежнихъ наслѣдственныхъ владѣній по крайней мѣрѣ Неаполь съ Сициліей опять достался одному изъ инфантовъ, старшему его сыну отъ втораго брака, Дону Карлосу, въ потомствѣ котораго онъ и долженъ былъ остаться въ качествѣ самостоятельнаго королевства, съ тѣмъ чтобы никогда болѣе не соединяться съ испанскою державою. По Ахенскому миру его второй сынъ, Донъ Филиппъ, получилъ герцогство Парму-Пiacенцу (стр. 56). Для самой же Испаніи долговременное царствованіе бурбонскаго короля составило новую эпоху во всей общественной жизни. Превнія бѣдствія, о которыхъ было уже упомянуто, исцѣлялись, правда, медленно и только отчасти, преобладаніе церковнаго владычества все еще не ослабѣвало, долго еще длились социальные недуги, оскудѣвшее дворянство, лѣтний певѣжественный народъ, который изъ-заграницы снабжался мануфактурными издѣліями, обременительныя подати, безтолково и неровно разложенныя; однако, благодаря войнѣ, перемѣнѣ династїи, политическимъ отношеніямъ къ иностраннымъ державамъ, въ край все-таки проникли новыя идеи и вліянія, которыми понемногу разлагалась и умѣрялась замкнутая своеобразность и закоенѣлая національная натура испанскаго населенія. Отдѣльныя представительства чиновъ, которые вопреки даже деспотическому правленію габсбургскихъ королей все еще пользовались хотя только призрачнымъ существованіемъ, совершенно прекратились съ тѣхъ поръ, какъ даже восточныя области лишились своихъ исконныхъ земскихъ правъ и пали преграды, отдѣлявшія Кастилію отъ Арагоніи (XII, 602). «Абсолютная власть», съ какою Филиппъ освоился въ своей французской родинѣ, была введена отчасти съ помощію и подѣ вліяніемъ чужеземныхъ государственныхъ мужей, въ родѣ Альберони, также и въ испанско-бурбонской монархіи, и единство государства окончательно утвердилось. Но завоевательная политика, въ связи съ весьма дорогимъ содержаніемъ двора, поглощали, конечно, государственные доходы до такой степени, что на администрацію и на судопроизводство почтиго оставалось. А съ чужеземнымъ людомъ въ край проникли также чужеземныя идеи. По нѣкоторымъ попыткамъ, ограничить преобладаніе іерархіи, придать литературѣ и наукѣ болѣе практическое направленіе, можно уже было подмѣтить слѣды философіи просвѣщенія. Однако на рѣшительныя реформы у короля не хватало необходимой силы и энергїи, а его супруга, Елисавета (Изабелла Фарнезе),

Филиппъ V.
1709—1746.

хотя и была исполнена честолюбия, однако болѣе интересовалась иностранною политикою, нежели внутреннею государственною жизнью. Оба они, сверхъ того, находились подъ вліяніемъ патеровъ, и это усилилось еще болѣе, когда Филиппъ V. съ годами впалъ въ меланхолическое состояніе, такъ что вовсе неспособенъ былъ заниматься текущими дѣлами. Мы знаемъ, что онъ и прежде уже въ припадкѣ унынія отказался отъ правленія и потомъ неохотно опять принялся за него (XII, 641); это настроеніе вернулось вновь: онъ по цѣлымъ днямъ лежалъ въ постели, ни съ кѣмъ не говорилъ, не присутствовалъ на аудіенціи, едва могли добиться, чтобы онъ подписывалъ свое имя; онъ былъ воспримчивъ для одной только музыки. Это побудило его супругу выписать изъ Неаполя скопца Карло Фаринелли, который въ качествѣ опернаго пѣвца приводилъ въ восторгъ Лондонъ и Парижъ. Когда голосъ его прозвучалъ впервые въ сосѣдней съ королевскимъ покоемъ комнатѣ, то пѣніе произвело такое впечатлѣніе на исполненную унынія душу монарха, что онъ всталъ, потребовалъ одѣваться и опять сталъ принимать участіе въ дѣлахъ. Съ этой поры Фаринелли былъ неизмѣннымъ сообщникомъ короля; но въ началѣ онъ не обладалъ ни наклономъ, ни честолюбіемъ для того, чтобы вмѣшиваться въ государственныя дѣла.

1737. Фердинандъ VI. У сына и наследника Филиппа V., у короля Фердинанда VI., былъ такой же унылый, робкій темпераментъ какъ у отца, и такая же склонность къ музыкѣ. Благодаря этому неаполитанскій пѣвецъ и директоръ оперы, Фаринелли, занявъ при новомъ дворѣ еще болѣе значительное положеніе чѣмъ при старомъ, такъ какъ супруга Фердинанда, Марія Барбара, дочь Иоанна V. португальскаго, обладала такимъ же душевнымъ настроеніемъ, какъ и мужъ. Хотя ихъ фаворитъ и теперь все еще ставилъ на первый планъ свой артистическій интересъ, однако его вліяніе на политику и государственныя дѣла такъ явно обнаруживались, что иностранные дворы и дипломаты домогались его ходатайства и поддержки. Онъ склонился на сторону Австріи и Англіи и старался отгнать французскіе интересы, которые до сихъ поръ преобладали при мадридскомъ дворѣ. А потому находившаяся при перемѣнѣ престола въ полномъ разгарѣ война стала вестись уже съ меньшимъ рвѣніемъ, и министерство Энсенады-Карвахала въ Ахенскомъ мирѣ едва могло добиться, чтобы младшему сводному брату короля удѣлили съ извѣстнымъ ограниченіемъ фарнезское наследіе въ Верхней Италіи. Съ этихъ поръ Испанія принимала слабое участіе въ политическихъ и военныхъ дѣлахъ остальной Европы, и правительство могло съ большою ревностью и съ успѣхомъ заняться внутренними реформами. Хотя оба министра, маркизъ де ла Энсенада и Донъ Жозе де Карвахаль, какъ по всему ихъ образованію, такъ и по возрѣніямъ принадлежали еще къ старой системѣ, и въ нихъ не было и слѣда жилки Помбаля и Шуа-

зеля, однако они все-таки старались, устранить или уменьшить царившіе недостатки и въ особенности исправить и исцѣлить по возможности экономическія бѣдствія. И дѣйствительно, пагубная отдача на откупъ податей совершенно устранилась, гнетущее бремя такъ наз. провинціальной ренты, алькавалы и косвенныхъ податей было облегчено, таможенная система, служившая до сихъ поръ однимъ лишь интересамъ непродовольственныхъ классовъ, преобразовалась согласно съ нуждами земледѣлія и промышленности, расирежденіе процентовъ государственныхъ долговъ и уплата чиновничьихъ окладовъ приведены были въ порядокъ, благодаря постройкѣ дорогъ и возстановленію общественной безопасности внутренняго сношенія стали опять возможны, а постройка гаваней, усиленіе флота, поощреніе судостроенія и реформа старыхъ порядковъ довели виѣшнюю торговлю, именно съ Америкою, до весьма цвѣтущаго состоянія. Благодаря продолжительному мирному времени, оказалось возможнымъ сократить армію, такъ что доходы государства значительно возросли: въ прежнее царствованіе бюджетъ сопровождался ежегодно значительнымъ дефицитомъ, тогда какъ подъ конецъ царствованія Фердинанда оказался излишекъ въ восемьдесятъ пять милліоновъ слишкомъ. Но развѣ можно было добиться болѣе прочнаго улучшенія экономическихъ условій до тѣхъ поръ, пока половина всего государственнаго имущества находилась во власти духовенства! Всякая война, которой не можетъ же избѣжать раскинутое въ двухъ частяхъ свѣта государство, всякая невзгода неизбѣжно должна была повести къ прежнему разстройству. Это сознали также и въ Испаніи; конкордатъ отъ 1753 года былъ первою успѣшною попыткою правительства ограничить преобладаніе церкви: корона добилась этимъ права замѣщать большую часть церковныхъ должностей, и папскому двору поневолѣ пришлось значительно сократить денежный сборъ въ Испаніи. Духъ времени и тутъ также принялъ сторону правительства и понудилъ папу уступить. Даже изъ пѣдръ самой церкви возстали поборники либеральныхъ идей: Фрейхо, который критическимъ оружіемъ философіи просвѣщенія ратовалъ противъ схоластики, суевѣрія, религіознаго фанатизма, былъ бенедектинецъ; «Братъ Герундіо», эта рѣзкая сатира на монашество написана іезуитомъ. Ипквизиціи пришлось удовольствоваться немногими лишь жертвами. Въ позднѣйшіе годы свои король впалъ въ то же самое апатическое состояніе, какъ его отецъ, и едва могъ поддержать наружный видъ сознательной дѣятельности; а потому министры пользовались полною свободой дѣйствія. Благодаря этому, имъ подолгу удавалось избѣгать интригъ, какія заводились съ одной стороны Англіей, а съ другой—Франціей, съ цѣлью побудить мадридскій дворъ къ участію въ семилѣтней войнѣ. Однако когда Карвахаль умеръ, а Энсенада былъ вытѣсненъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ ирланд-

дежь Валль, который до сихъ поръ былъ посланникомъ въ Лондо-
 лѣ и сочувствовалъ политикѣ Питта, то, казалось, испанскому двору
 также суждено было пристать къ новой всесвѣтной борьбѣ. Въ это
 27. авг. 1758. время скончалась сперва королева, которая, не смотря на свое соб-
 ственное уныніе, поддерживала еще сколько нибудь своего супруга;
 10. авг. 1759. а въ наступившій затѣмъ годъ послѣдовалъ за нею въ могилу ко-
 роль Фердинандъ, послѣ того какъ онъ восемь мѣсяцевъ провелъ
 въ полномъ душевномъ разстройствѣ, что однако скрывалось отъ
 народа. Такъ какъ дѣтей у него не было, то ему наследовалъ свод-
 ный братъ его, Карль, бывшій доселѣ неаполитанскій король. Пра-
 вленіе въ Неаполѣ Карль въ торжественномъ собраніи поручилъ
 своему третьему сыну Фердинанду; а такъ какъ послѣднему было
 всего еще только восемь лѣтъ отъ роду, то до его совершеннолѣ-
 тія онъ назначилъ правительственный совѣтъ, во главѣ котораго
 находился образованный государственный мужъ, Тануччи. Старшій
 сынъ Карла былъ слабоумный и потому отрѣшенъ отъ престолона-
 слѣдія, а второй, Карль Антонъ, возведенъ въ принца астурийскаго.
 По окончаніи церемоніи Карль передалъ молодому королю Неаполи
 мечъ, который онъ нѣкогда получилъ отъ отца, а послѣдній отъ
 Людовика XIV, и сказалъ: «Владѣй имъ въ охрану вѣры и твоихъ
 подданныхъ»; потомъ онъ съ своимъ семействомъ отправился мо-
 ремъ на присланномъ за нимъ испанскомъ флотѣ.

Карль коро-
 лемъ въ Неа-
 полѣ-Спццалии.

Неаполитанцы съ сожалѣніемъ разстались съ Карломъ. Онъ въ теченіе
 двадцатилѣтняго царствованія много сдѣлалъ для улучшенія страны. Со-
 оруженія и постройки въ столицѣ и ея окрестностяхъ до сихъ поръ на-
 поминаютъ объ его имени. Имъ, конечно, имѣлось прежде всего въ виду
 удовлетворить его пристрастію къ охотѣ и къ искусствамъ, какъ напр.
 виллы въ Портичи и Каподимонте, великолѣпный театръ С. Карло съ кры-
 тою галереєю къ дворцу, роскошное зданіе въ Казерть, которое для Не-
 аполя то же, что Версаль для Франціи и С. Ильдефонсо для Испаніи;
 впрочемъ, пролагались также мосты и дороги; часто подвергавшійся на-
 водненіямъ, густо населенный прибрежный кварталъ былъ прикрытъ мо-
 ломъ или плотиною и преобразованъ въ одну изъ прекраснѣйшихъ частей
 города; сооружались другія общепользныя учрежденія въ родѣ обширнаго
 пріюта для бѣдныхъ и покинутыхъ дѣтей. Царствованіе Карла ознамено-
 валось также открытіемъ Геркулана и Помпеи и раскопками въ нихъ,
 сверхъ того сооруженными по поводу этого замѣчательнаго событія худо-
 жественными и научными заведеніями, бурбонскихъ музеевъ и геркулан-
 скою академіею. Самъ Карль обладалъ математическими и историческими
 знаніями, знакомствомъ съ французскою и итальянскою литературою, со-
 чувствовалъ идеямъ просвѣщенія, старался поднять народное образованіе,
 насколько возможно было при недоброхотѣ духовенства, невѣжествѣ
 и суевѣріи толпы.

Преобразо-
 вательная дѣя-
 тельность
 Карла и Та-
 нууччи.

Реформы, какія Карль частью выполнялъ, частью пытался выполнить въ
 свое царствованіе, представляютъ самое ясное свидѣтельство объ его обра-
 зованномъ умѣ. Онъ пользовался при этомъ главнѣйше совѣтами и посо-
 біемъ правовѣда *Тануччи*, котораго еще во время своего пребыванія въ
 Тосканѣ (XII, 651) вызвалъ къ себѣ изъ университета въ Пизѣ и который

затѣмъ послѣдовалъ за нимъ въ Неаполь. Цѣль Карла состояла въ осно-
 ваніи монархическаго самодержавія въ томъ видѣ какъ оно существовало
 во Франціи и Испаніи. Хотя при вице-короляхъ многое было уже под-
 готовлено въ этомъ смыслѣ, однако, судя по общественному состоянию
 соединеннаго королевства по обѣ стороны Фароса, социальная и полити-
 ческая жизнь все еще въ сущности опиралась, какъ извѣстно, на феодально-
 іерархическихъ основахъ. Шаткое положеніе и повторявшаяся династи-
 ческая перемѣна въ первую половину восемнадцатаго столѣтія способство-
 вали лишь къ расширенію и утвержденію власти и притязаній духовенства и
 дворянства. Развѣ можно было утвердиться могучему и блестящему коро-
 левству, когда привилегированныя сословія уклонялись отъ общественныхъ
 повинностей, когда папа, въ качествѣ главы государства и церкви, при-
 своивалъ себѣ ежегодно большую часть доходовъ, а духовенство, въ осо-
 бенности многочисленныя монастыри и землевладѣльческое дворянство
 захватывали въ свою пользу плоды народнаго труда! А потому король и
 его министръ старались главнѣйше устранить или уменьшить эти недо-
 статки. А такъ какъ во время войны за австрійское наследство, когда
 войска Маріи Терезіи подходили къ границѣ королевства (стр. 21), не
 слѣдовало оскорблять ни папу, ни привилегированное сословіе, то при-
 шлось осторожно и бережно приступить къ дѣлу. Только тогда, когда ми-
 новала опасность войны, Тануччи, основываясь на заключенномъ съ Вене-
 ціею XIV. копкордатѣ, въ состояніи былъ принятъ за клерикальныя
 злоупотребленія и возстановить право и авторитетъ правительственной
 власти. Преимущества духовенства въ ихъ тройной формѣ,—въ видѣ мѣст-
 ныхъ вольностей съ пагубными и правомъ убѣжища въ церковныхъ и мона-
 стырскихъ зданіяхъ и округахъ для всякаго рода преступниковъ,—въ видѣ
 преимущественной или реальной льготы, въ силу которой всѣ дома и имѣнія
 духовной корпораціи были свободны отъ податей,—наконецъ въ видѣ лич-
 ной свободы отъ большей части мѣстныхъ законовъ,—все они были суще-
 ственно ограничены, а частью даже отмѣнены; епископская юрисдикція
 сократилась, а правительственные суды размножились; распространенію
 священническаго званія и накопленію имущества мертвой руки были по-
 ложены предѣлы, церковныя имущества внесены въ податную опись, за-
 копность испанскихъ буллъ признавалась лишь съ королевскаго согласія,
 вступленіе въ орденъ іезуитовъ и въ остальные монастырскія учрежденія
 ограничивалось цѣлѣннымъ числомъ, невизитируемое зданіе, которое кар-
 диналь-архіепископъ Стинелли воздвигъ самовластно, снабдивъ его над-
 писью *Santo Ufficio*, вѣдѣтвіе народнаго возстанія противъ ненавистнаго
 судилища, было закрыто и пр. Многимъ хотѣлось, чтобы убѣжища и ду-
 ховныя суды совсѣмъ были уничтожены, чтобы епископскія мѣста были
 сокращены, десятины и поземельныя отмѣнены, чтобы число свѣтскихъ
 священниковъ и конвентуаловъ было сокращено еще болѣе; однако Карль
 не торопился черезъ-чуръ; онъ предпочелъ приниматься за дѣло осто-
 рожно и затѣмъ уже не уступать. И нельзя не похвалить, замѣчаетъ
 Коллетта, что онъ въ отношеніяхъ къ первыи договорамъ или законамъ
 устраивалъ сперва преніятевля для высшей культуры, а потомъ на са-
 момъ дѣлѣ уже проложилъ путь къ новымъ успѣхамъ.—Въ такомъ же родѣ
 Карль и Тануччи поступили съ землевладѣльческимъ феодальнымъ дво-
 рянствомъ. Они не касались ихъ владѣній, ни доходовъ, ни матеріальныхъ
 интересовъ, а ограничили ихъ политическую власть; на дворянскіе суды
 внослѣдствіи разрѣшалось подавать апелляцію въ королевскую судебную
 палату; составъ ихъ домашней рати соотрился, король побудилъ самихъ
 дворянъ водвориться въ столицѣ, гдѣ они вѣдѣтвіе чрезмѣрной расточи-
 тельности скоро обѣдѣли и ввали въ зависимость; надѣлая ихъ новыми

2. июля 1746.

Олекулское
правление Та-
нуччи при
Фердинандѣ IV
1759—1767.

леномъ, король не передавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ права уголовного судопроизводства; спорныя дѣла между общинами и землевладельцами по поводу какихъ-нибудь правъ большею частью разрѣшались въ пользу первыхъ.

Этими и другими постановленіями Карль положилъ починъ къ сокращенію громаднаго зданія ленныхъ учреждений, которое такъ сильно сложилось во время испанскаго господства. Преобразовательная дѣятельность короля и его министра распространялась по всѣмъ областямъ общественной жизни. Улучшеніемъ податной системы и тарифныхъ уставовъ они увеличили доходы государства, не обременивъ народа болѣе тяжкими повинностями; коммерческими судами и торговыми договорами они способствовали торговымъ сношеніямъ внутри края и съ границей. Принимались также мѣры для составленія всеобщаго свода законовъ на основаніи многочисленныхъ отдѣльныхъ уставовъ. Эта организаторская дѣятельность правительства вопреки оппозиціи недовольныхъ привилегированныхъ классовъ пользовалась все болѣе возрастающимъ сочувствіемъ. Нѣсколько образованныхъ патриотовъ, увѣряетъ Коллетта, и друзей прогресса примкнуло къ правительству, такъ какъ реформы Карла способствовали всеобщей свободѣ, и переходъ отъ феодальной монархіи къ самодержавному королевству оказался необходимою ступенью въ жизни народовъ. Эти патриоты и составили ядро партіи, на которую опирался Тануччи въ свое восьмилѣтнее регентство до совершеннолѣтія Фердинанда IV., приступивъ къ дальнимъ реформамъ въ королевствѣ обѣихъ Сицилій. Когда молодой король сталъ царствовать самостоятельно, то и тогда даже Тануччи долго еще оставался во главѣ администраціи и съ полнаго одобренія Карла продолжалъ ту же систему. Вассальная присяга на вѣрность, какую согласно обычаю Фердинандъ далъ папскому престолу, не помѣшала министру уничтожить большое число монастырей по сю и по ту сторону Фароса и ихъ имущество присвоить государству. Въ одной Сициліи двадцать восемь орденскихъ домовъ были обращены въ свѣтскія владѣнія; передавать въ мертвыя руки, завѣщать церквямъ, часовнямъ, братствамъ и т. п. запрещалось, доходы упраздненныхъ духовныхъ мѣстъ перешли въ казну, папскія и духовныя „права“ ограничивались болѣе тѣсными предѣлами, а свѣтскіе суды и государственные уставы снабжались болѣе широкою властью; все, что начато Карломъ въ этомъ направленіи, развилось и осуществилось. Бракъ былъ объявленъ гражданскимъ договоромъ, и брачныя дѣла впродъ рѣшались свѣтскими судами. Во время Тануччи все законодательство прониклось духомъ революціоннаго періода просвѣщенія. Церковныя наказанія, запреты книгъ и другія дѣйствія духовной цензуры подлежали рѣшенію свѣтскаго начальства; назидательными сочиненіями старались противоудѣствовать суевѣрью и невѣжеству народа. Однако всякія тому подобныя реформы въ запущенной, угнетенной и истерзанной странѣ могли бы принести благодатные плоды развѣ тогда, когда продолжительная правительственная система дѣйствовала бы въ томъ же направленіи. Но какую будущность можно было ожидать при королѣ, который находилъ удовольствіе въ однихъ только тѣлесныхъ упражненіяхъ, въ охотѣ и рыболовствѣ, который любилъ бесѣдовать на простонародномъ диалектѣ съ грубыми соучастниками своихъ удачныхъ похожденій, которому опротивляли всякіе интеллектуальные интересы и всякое дѣльное занятіе! Мы въ другомъ мѣстѣ ознакомились съ судьбами королевства при Фердинандѣ IV. и эрцгерцогинѣ Маріи Каролинѣ, съ которою весною 1768 онъ сочетался бракомъ, сопровождавшимся въ теченіе нѣсколькихъ недѣль великими празднествами. Послѣ кратковременной утраты зари, исполненной надеждъ, Неаполь съ Сициліей вновь подверглись яму самаго жестокаго деспотизма, сложившему на народѣ безчувственнымъ королемъ и страстною королевою.

b. Король Карль III. и уничтоженіе ордена іезуитовъ.

До своего прибытія въ Мадридъ Карль назначилъ правительницею Карль III и свою мать Елисавету, которая на свои большіе доходы проживала его министры. вдали отъ двора въ великолѣпной виллѣ; въ ея честолюбивой душѣ зародилась надежда, вновь пріобрѣсть утраченное вліяніе. Однако роль престарѣлой пронырливой королевы была сыграна; инныя идеи, инныя стремленія взяли верхъ и требовали новыхъ дѣятелей. Безпокойной, жаждавшей дѣятельности душѣ Карла III. не по праву пришлась политика мира и нейтралитета, какая поддерживалась въ Мадридѣ при Фердинандѣ VI.; ему хотѣлось вмѣшаться въ политическія дѣла своей эпохи, онъ желалъ европейскимъ державамъ вновь внушить уваженіе къ Испаніи. А потому министру Шуазёлю, которому Карль сочувствовалъ уже въ Неаполѣ, за одно съ которымъ онъ питалъ отвращеніе къ преобладанію іерархіи, не трудно было привлечь въ свою политическую атмосферу исполненнаго державнаго сознанія монарха. По его совѣту король отставилъ министра Валля, дѣйствовавшего до сихъ поръ въ интересахъ Англіи, и окружилъ себя новыми государственными людьми, которые сочувствовали больше господствовавшей во Франціи системѣ и новымъ воззрѣніямъ. Помимо Скилаци, котораго Карль привезъ съ собою изъ Неаполя, и который осмотрительно и умѣло управлялъ финансами, и Генуэзца Гримальди, который руководилъ иностранными дѣлами въ духѣ Шуазёля, королю содѣйствовали единомысленные знатные Испанцы, а именно: графъ *Аранда* (Педро Пабло Абарака де Болеа), арагонскій грандъ, воинъ съ рѣзкимъ характеромъ, который зналъ свѣтъ, состоялъ въ сношеніи съ Вольтеромъ и другими передовыми литераторами вольнодумнаго направленія и съ крутою рѣшительностью боеваго человека соединялъ великосвѣтское образованіе кавалера,—Д. Педро Родригесъ Кампоманесъ, «астурійское деревенское дитя», самый замѣчательный изъ испанскихъ писателей въ области политическихъ, юридическихъ и народнохозяйственныхъ наукъ, основательно знавшій исторію и законы Испаніи, искренній другъ свободы, безкорыстно любившій отчизну, воодушевленный призваніемъ поднять упавшій народъ свой и отвоевать ему блага новѣйшей цивилизаціи; при всемъ томъ онъ уважалъ традиціи и національныя особенности болѣе чѣмъ образованный на французскій ладъ Аранда. Шавель Олавидесъ, Фигероа, свободномыслящій священникъ, заключившій упомянутый конкордатъ между Римомъ и Мадридомъ, а впоследствии еще Д. Жозе Мопьино, завѣдывавшій въ качествѣ графа Флориды Бланки внутренними дѣлами въ позднѣйшіе годы Карла,—оба слѣдовали тому же умственному направленію, какое господствовало тогда въ высшихъ слояхъ парижскаго и лондонскаго общества и при берлинскомъ дворѣ.

Внѣшняя и
внутренняя
политика.

Перемена министерства и возрастающее вліяніе французскихъ идей и симпатій сначала не было выгодно для Испаніи; все это повело къ извѣстному уже намъ важному по послѣдствіямъ фамильному договору бурбонскихъ державъ, въ силу котораго пиринейское государство примкнуло къ версальской политикѣ и вовлеклось въ войну противъ Англіи и Португаліи. Мы знаемъ какой ущербъ понесло королевство вслѣдствіе этого военного союза. Финансовое положеніе Испаніи, такъ усѣбно поднимавшееся при Фердинандѣ, вновь пришло въ прежнее смутное и затруднительное состояніе. Война съ Португаліей, какъ мы видѣли, не доставила государству никакой выгоды (стр. 342); при взятіи Англичанами Гаваны (стр. 101) побѣдителямъ достались несмѣтные запасы корабельныхъ, военныхъ снарядовъ и государственнаго имущества цѣнностью въ сорокъ пять милліоновъ гульденовъ; большой корабль Гермона, съ которымъ отправили въ Испанію на одиннадцать милліоновъ гульденовъ драгоценнаго металла, былъ перехваченъ передъ самымъ входомъ въ гавань; статная королевская галіона, Санта Три니다дъ, поддерживавшая обмѣнъ драгоценностей между Манилою и мексиканскимъ портомъ Акапулкою, также попала во власть Англичанъ; даже завоеваніе Санъ Сакраменто, не смотря на богатую добычу, какая досталась притомъ Испаніи изъ складовъ англійской контрабанды, оказалось все-таки въ ущербъ, оттого что этимъ поддерживалась только вражда съ Португаліей. По окончаніи войны, какъ уже извѣстно, Испаніи, по Парижскому миру, уступила Англіи Флориду (стр. 102). Тѣмъ плодотворнѣе французскій союзъ оказался за то для внутренняго развитія. Время, протекшее между Парижскимъ миромъ и новою войною съ Англіей, было для испанской націи періодомъ полезныхъ трудовъ и наслажденій: въ эту пору бурбонскій державецъ съ помощью образованнаго министерства и преданныхъ ему людей ввелъ въ пиринейскомъ царствѣ тѣ же реформы, какія развивалъ вмѣстѣ съ Тануччи въ Неаполѣ. Во всѣхъ истинно религіозныхъ вещахъ Карлъ былъ такимъ же вѣрующимъ католикомъ, какъ и современникъ его Иосифъ въ Португаліи; но и онъ также, подобно послѣднему, вынужденъ былъ возстать противъ папства и церкви. Въ Неаполѣ женная власть первосвященника, укоренившаяся тамъ традиціи страны, близкое и угрожающее положеніе Австріи—все это вмѣстѣ заставляло короля быть уступчивымъ и осторожнымъ; теперь, напротивъ того, поддерживаемый дружественнымъ кабинетомъ Шуазеля, онъ былъ въ состояніи положить предѣлы іерархическимъ вмѣшательствамъ въ государственныя дѣла. Какъ въ Неаполѣ, такъ и здѣсь, церковное имущество подчинилось податному кадастру, сократились церковныя имѣнія мертвой руки, вредъ и опасность которыхъ такъ ясно доказалъ Кампоманесъ въ своемъ народнохозяйственномъ твореніи; вышло также постановленіе, чтобы никакія папскія буллы или бреве не были обнародованы безъ разрѣшенія короны.

Вскорѣ реформаторскій духъ проникъ въ высшее общество Мадрида. Приверженцы старины, во главѣ ихъ священники и орденское духовенство, встревожились и напрягли всѣ силы, съ тѣмъ чтобы обратить вспять этотъ потокъ. Они воспользовались недовольствомъ низшаго народа по поводу нѣкоторыхъ нововведеній министра Скилачи и тайными наговорами, подстреками и кознями возбуждали къ возстаніямъ и мятежамъ. Во главѣ этихъ ратоборцевъ за клерикально-средневѣковую систему находились іезуиты. Партія реформы старалась, конечно, убѣдить ревниваго за свою королевскую власть и за свои самодержавныя права короля въ томъ, что немисливо поддерживать достоинство короны и прогрессъ въ экономической и государственной жизни, пока существуетъ орденъ, который папство ставить выше всякой государственной власти, избѣгаетъ всякаго свѣтскаго правосудія и владѣетъ исповѣдными и кафедрными проповѣдниковъ. Извѣстно, съ какимъ успѣхомъ незадолго передъ тѣмъ Помбаль въ Португаліи сокрушилъ общество Іисуса и съ какимъ пыломъ въ то же время парижскій парламентъ, тайно одобряемый и поддерживаемый министромъ Шуазелемъ, возсталъ противъ опасныхъ для государства ученій ордена. Теперь въ Испаніи еще рѣзче стали ратовать противъ поборниковъ клерикальныхъ идей и папскаго верховенства.

Іезуиты въ Мексикѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ уже съ упорствомъ и злобно противодѣйствовали какъ предписаніямъ архіепископа Палафокса, такъ тоже приговорамъ свѣтскихъ судовъ и приказамъ административнаго вѣдомства; они даже въ могилѣ позорили имя всѣми уважаемаго прелата, оттого что онъ осмѣлился обнаружить ихъ своекорыстныя и властолюбивыя продѣлки. Король предложилъ папскому правительству канонизировать покойника, но іезуиты успѣли воспрепятствовать тому, чтобы ихъ врагу оказали такой почетъ. Въ то же время сама Испанія наводнилась цѣлымъ потокомъ анонимныхъ бфшюръ, пасквилей и сатиръ въ прозѣ и стихахъ, въ которыхъ глумились и насмѣхались надъ правительствомъ и надъ носителями и радѣтелями новой системы. Кампоманесъ и его друзья мстили за то, изложивъ яркими красками принципы и дѣла ордена, а лучше всего пагубное вліяніе іезуитскихъ учебныхъ заведеній на народное образованіе. Итакъ, „культурная борьба“ была уже въ полномъ разгарѣ, когда появилась конституція „Apostolicum nascendi“. Изъ португальской исторіи намъ уже извѣстны содержаніе и цѣль этой іезуитской апологіи. Подобнымъ документомъ, который вступилъ противъ общественнаго мнѣнія католическаго міра такъ же рѣзко, какъ сто лѣтъ спустя послѣ него энциклика Пія IX., хотѣли подавить свободный духъ эпохи и бойкою рѣчью возбудить увѣренность, что въ Римѣ ничего не боятся и что объ уступкѣ либерализму и рѣчи быть не можетъ. Однако этотъ боевой манифестъ, отъ котораго іезуиты ожидали великихъ успѣховъ для своего дѣла, оказался безвреднымъ ударомъ по воздуху. Мы упоминали уже о томъ, что будда большею частью съ негодованіемъ отвергалась, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее даже сжигали. Въ Неаполѣ и Сициліи Тануччи тоже запретилъ распространять ее. Вышло совершенно противоположное тому, что замыслилось іезуитами и Климентомъ XIII. Эта апологія послужила сигналомъ

Реакціонная
партія и
іезуиты.

Іезуиты и папское правительство.

борьбы не на животь, а на смерть. Остальные ордены, враждебно настроенные против притязательных и запосланных иезуитовъ, также большая часть епископства и свѣтскаго духовенства не разъ уже противодействовали имъ и успивали подозрѣніе правительства.

Народный мятежь въ Мадридѣ. Когда наконецъ Скилачи ввелъ монополющую систему для снабженія столицы масломъ, хлѣбомъ и другими свѣстными припасами и ради общественной безопасности издалъ полицейскій приказъ, запрещающій нахлобученныя шляпы и широкіе плащи, въ которые облекались обыкновенно убійцы и разбойники, для того чтобы ихъ не узнали, тогда въ вербное воскресенье 1766 года въ Мадридѣ возникъ народный мятежь. Толпа напала на дворецъ министра, такъ что онъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ; затѣмъ окружила королевскій замокъ и громко требовала отставки ненавистнаго Итальянца. Тщетно король подъ охраною своей гвардіи вмѣстѣ съ Скилачи отправился въ Арагуесъ; движеніе приняло такіе размѣры, что Карлъ пашелся вынужденнымъ, пожертвовать своимъ министромъ въ угоду народа. Скилачи покинулъ должность и вернулся въ Неаполь. Этотъ случай сильно оскорбилъ чувство собственного достоинства монарха. Поступки народа во время мятежа ясно доказали, что возстаніе было хорошо организовано и управлялось таинственными руками. Никакихъ буйствъ не совершалось, въ самомъ разгарѣ движенія раздавались увѣренія въ покорности королю. А потому подозрѣвали, что вожди противной партіи, по преимуществу иезуиты и ихъ покровитель, прежній министръ Эисенада, устроили это возстаніе, съ цѣлью достигъ своихъ реакціонныхъ тенденцій. Судебное слѣдствіе подъ вѣдѣніемъ Аранды, котораго король возвелъ въ президенты кастильскаго совѣта, высшаго государственнаго вѣдомства, и въ генераль-капитаны, и котораго снабдилъ обширными полномочіями, обнаружило слѣды враждебныхъ правительству, опасныхъ замысловъ иезуитовъ и усилило подозрѣніе въ томъ, что возстаніе затѣяно ими. Короля увѣрили, будто они имѣли въ виду возвестъ на престолъ брата его Дона Люиса. Основываясь на этихъ доказательствахъ, троихъ членовъ ордена заключили въ тюрьму, а Эисенаду выслали изъ Мадрида.

Изгнаніе иезуитовъ.

Это было поводомъ къ удару противъ всего общества Іисуса въ Испаніи, который по своей жестокости и безпощадности превзошелъ все, что до сихъ поръ обрушалось на нихъ. Не успѣли еще обнародовать королевскій декретъ, которымъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ предписывалось уничтоженіе иезуитскаго ордена въ предѣлахъ государства, какъ Аранда столь-же рѣшительный и энергичный какъ Помбаль, въ тихомолку принялъ уже надлежащія мѣры: въ одну и ту же ночь всѣ члены ордена, числомъ около пяти тысячъ, во всѣхъ провинціяхъ королевства были захвачены въ домахъ; не взирая на возрастъ, санъ и привычки, ихъ словно преступниковъ отвезли

4. апрѣля 1767.

къ берегу и отправили на приготовленныхъ тамъ корабляхъ въ Церковную область. Когда народъ въ Испаніи узналъ по манифесту, что король для поддержки порядка, спокойствія и законности въ государствѣ, согласно съ своими мудрыми совѣтниками рѣшилъ уничтожить общество Іисуса и членовъ его препроводить въ Церковную область, гдѣ каждому священнику назначено выдавать отъ него на содержаніе въ годъ по сту, а каждому изъ остальныхъ членовъ по девяносто піастровъ, то корабли были уже въ открытомъ морѣ. Тысячи духовныхъ особъ, многіе изъ нихъ знатнаго рода и высокой учености, нѣкоторые престарѣлые, больные и хилые, всѣ привычные къ удобной жизни, были размѣнены по тѣснымъ каютамъ, скудно снабжены свѣстными припасами и доставлены сперва въ Чивита-Веккьо; а потомъ, когда тутъ отказали принять ихъ, то они мѣсяцами посились по морю, пока наконецъ по распоряженію Шуазёля не дозволено было высаждать ихъ на островъ Корсику, гдѣ имъ отвели жалкое, исполненное лишений убѣжище. Курьеръ передалъ папѣ посланіе, которымъ король въ иронически звучащемъ тонѣ извѣщалъ его, что онъ вынужденъ былъ, жившихъ въ Испаніи иезуитовъ переслать въ Церковную область подъ непосредственное вѣдѣніе папы, какъ самага милосердаго отца и повелителя всѣхъ вѣрующихъ. На содержаніе этихъ родившихся его подданными духовныхъ лицъ онъ разрѣшилъ годовые оклады. Подъ этимъ разумѣлась нищенская подача, назначенная каждому изъ нихъ. Какъ въ метрополи, такъ тоже въ испанскихъ колоніяхъ были закрыты ихъ конветты и учрежденія, а имущества конфискованы. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того Тануччи въ королевствѣ обѣихъ Сицилій слѣдовалъ примѣру бывшаго своего повелителя: въ силу самодержавной, Богомъ дарованной королю власти онъ велѣлъ по государственнымъ причинамъ всѣхъ членовъ ордена по сю и по ту сторону Фароса вывезть въ Папскую область.

Ибр. 1767.

По словамъ Коллетты, Тануччи слѣдовалъ при этомъ вполнѣ примѣру Аранды: „Среди ночи съ третьяго на четвертое поябри всѣ дома, монастыри и учебныя заведенія иезуитовъ окружены были королевскими чиновниками и жандармами, двери растворились, а не то выламывались, затѣмъ проникли въ кельи и охраняли ихъ. Членовъ ордена, учениковъ и слугъ собрали потомъ въ особомъ залѣ, отобрали у нихъ всякое движимое имущество, такъ что у каждаго осталось только его платье, и толпами препровождали ихъ къ гавани или къ ближайшему прибрежному мѣстечку, гдѣ тотчасъ же сажали на корабль. Даже старцамъ и хворымъ не позволили остаться. И дѣло повели такъ быстро, что иезуиты изъ столицы до разсвѣта уже находились въ пути“. И здѣсь также государство присвоило себѣ всѣ владѣнія и имущества, воспользовалось ими для благотворительныхъ и христіанскихъ цѣлей, или для устройства народныхъ школъ. Даже на островѣ Мальтѣ гроемейстеръ Іоаннитовъ, ленникъ Неаполя, поудилъ иезуитовъ выѣхать.

Папа Климентъ XIII. и окружавшіе его иезуиты воспылали гнѣ-

Климентъ XIII. противъ Пармы.

вомъ на беспощадные и самовластные поступки правительствъ. Но что могъ верховный іерархъ противопоставить первымъ державцамъ католическаго христіанства? Прибѣгнуть къ отлученію или интердикту при господствовавшемъ вольнодумномъ и враждебномъ церкви направленіи эпохи было опасно. Не попытаться ли впрочемъ еще разъ, не противопоставить ли церковный авторитетъ дерзости свѣтской власти? Съ крупными монархами не осмѣлились, конечно, вступить въ открытый бой; но вотъ представился какъ разъ удобный случай придрасться къ мелкому. Въ 1765 году инфантъ Филиппъ, получившій по Ахенскому миру для себя и своихъ потомковъ герцогство Парму съ Пiacенцею и Гвасталлою, скончался. Наслѣдникомъ былъ малолѣтній сынъ его, Донъ Фернандо, рожденный отъ дочери Людовика XV. До совершеннолѣтія правленіемъ въ качествѣ опекуна завѣдывалъ французскій дворянинъ *Вильгельмъ дю Тильо*, свободномыслящій государственный мужъ въ духѣ Шуазёля. Въ Римѣ, какъ извѣстно, герцогства все еще считались папскимъ леномъ, а потому въ Ватиканѣ крайне вознегодовали, когда герцогское правительство такъ называемою прагматическою санкціею издало рядъ постановленій, которыми ограничивалось духовное преобладаніе и расширялись самодержавныя права герцога и государства. Согласно съ этимъ, перенесеніе суда по духовнымъ дѣламъ въ Римъ должно было прекратиться, накопленіе землевладѣнія мертвой руки ограничивалось, раздача фундушей не уроженцамъ края запрещалась, съ новопріобрѣтенныхъ духовныхъ имѣній взымались подати, всякое папское предписаніе подлежало вѣдѣнію и одобренію правительства и пр. Климентъ XIII. издалъ поэтому грозное бреве, въ которомъ требовалось вернуть назадъ герцогскія постановленія, ссылаясь на то, что по буллѣ *In coena domini* духовенству запрещалось повиноваться въ духовныхъ дѣлахъ свѣтской власти. Въ случаѣ отказа папа пригрозилъ отлученіемъ отъ церкви. Это непріязненное дѣйствіе противъ всѣми европейскими державами признаннаго самовластнаго государя возбудило всеобщее негодованіе, а такъ какъ извѣстно было, что престарѣлый папа вполнѣ подчинялся іезуитамъ, то ненависть къ властолюбивому ордену усилилась еще болѣе. Однако Тильо, подобно Тануччи, вовсе не былъ запуганъ: вѣдь въ силу фамиліаго договора и родственныхъ связей герцогъ пользовался защитою великихъ бургонскихъ державъ! Заявивъ съ лукавою ироніею сомнѣніе касательно подлинности бреве, онъ возразилъ на эту угрозу тѣмъ, что выслалъ всѣхъ іезуитовъ изъ герцогства и конфисковалъ ихъ имущество. Такъ же, какъ въ Испаніи и Неаполѣ, заарестовали сто шестьдесятъ членовъ ордена и препроводили ихъ подъ конвоемъ въ Церковную область. Мы уже знаемъ, что лиссабонскій, мадридскій и версальскій дворы дружно вступились за это дѣло; въ Римъ отовсюду прибыли курьеры съ нотами, въ ко-

30. янв.
1768.

7. февр. 1768.

торыхъ правительства протестовали противъ закопости той буллы, требовали, чтобы бреве противъ Пармы вернули назадъ, и настаивали на секуляризаціи общества Іисуса. Наконецъ, даже заняли папскія территоріи при Ронѣ и въ Неаполѣ. Сама Марія-Терезія, къ помощи которой Климентъ взывалъ въ жалостномъ посланіи, не захотѣла выступить защитницей папскихъ и священническихъ притязаній и поползновеній противъ свѣтской власти. Подъ бурями и напоромъ враждебной къ церкви эпохи скончался Климентъ XIII., годъ спустя послѣ изгнанія іезуитовъ изъ Пармы. О результатахъ его управленія мы уже упоминали (стр. 337).

Когда кардиналы собрались на совѣщаніе о томъ, на чью голову Папа Климентъ возложить тройную митру, то положеніе было трудное и опасное. Изъ нападенія противъ ордена іезуитовъ возникла война противъ папства и церкви: бургонскія державы, обнаживъ мечъ, угрожали Ватикану. Конклавъ раздвоился: приверженцы строгаго принципа настаивали на сохраненіи существовавшей доселѣ политики, умѣренные же были того мнѣнія, что мудрая уступчивость свѣтской власти послужитъ во благо церкви. Обѣ партіи сошлись наконецъ на францисканцѣ Лоренцо Ганганелли, въ которомъ благородный нравъ и челоуѣколюбивое чувство соединялись съ философскимъ и теологическимъ образованіемъ. Въ его юности одинъ изъ учителей сказалъ про него: «не удивительно, что онъ любитъ музыку, вѣдь въ немъ самомъ все гармонія». Онъ зналъ творенія древнихъ философовъ, ознакомился съ схоластиками и отцами церкви и, благодаря ревностному изученію св. Писанія, усвоилъ себѣ «ту кроткую и чистую мистику, которая во всѣхъ дѣлахъ видитъ Бога и посвящаетъ себя благу ближнихъ». Сначала вовсе не были увѣрены въ томъ, какою путъ избереетъ Ганганелли, а когда онъ принялъ имя своего предшественника, то это обстоятельство намекало какъ бы на то, что Климентъ Четырнадцатый станетъ поддерживать систему и церковную политику Тринадцатаго. Вскорѣ, однако, миролюбивыя и полюбивныя сдѣлки съ свѣтскими властями обнаружили, что онъ намѣренъ соображаться съ общественнымъ мнѣніемъ. Предписанныя имъ изслѣдованія ученій и дѣятельности іезуитовъ убѣдили его въ основательности большей части взводимыхъ на нихъ жалобъ, а въ особенности въ томъ, что ихъ вмѣшательство въ свѣтскія дѣла, ихъ властолюбіе, погоня за богатствомъ и наживою, ихъ распри и завистливые, враждебные поступки противъ другихъ орденовъ и яansenистовъ часто нарушали спокойствіе и благоденствіе церкви и исполняли правительства недовѣріемъ и враждою противъ всей іерархіи. Клеветою и живыми сочиненіями, исходившими отъ іезуитовъ и ими распространяемыми, всюду производимыми кознями и подвохами они ухудшили свое дѣло и обострили оппозицію. Доводъ, будто орденъ можетъ быть упраздненъ однимъ только вселенскимъ

Папа Климентъ
XIV. и іезуиты.

9. мая 1769.

соборомъ, такъ какъ онъ въ свое время утвержденъ былъ триестскимъ, оказался несостоятельнымъ. На дѣлѣ подтвердилось, что послѣднему собранію просто сообщалось о существованіи общества Исуса.

Упраздненіе ордена.

А все-таки Климентъ долго ни на что не могъ рѣшиться окончательно. Принципу непогрѣшимости верховной папской власти противорѣчило, какъ казалось, если папа отмѣнитъ то, что признали его предшественники. Наконецъ-то внутренняя борьба добросовѣстнаго и молчаливаго старца окончилась. И вотъ—не разъ уже упомянутая катастрофа совершилась. Въ бреве Dominus ac redemptor Кли-

21. іюля 1773.

ментъ XIV. возвѣстилъ свѣту папское рѣшеніе слѣдующаго содержания: «Исполнившись духа Божія, по нашей увѣренности, побуждаемые долгомъ возстановить согласіе въ церкви, убѣдившись въ томъ, что общество Исуса не приноситъ болѣе той пользы, для которой было предназначено, руководимые также иными доводами благоразумія и правительственной мудрости, которые сохраняемъ въ своемъ умѣ, мы упраздняемъ и уничтожаемъ общество Исуса, ихъ должности, дома, институты». Упраздненіе иезуитскаго ордена было самымъ значительнымъ завоеваніемъ либеральнаго, порывавшагося къ духовной свободѣ и къ прогрессу генія философскаго вѣка просвѣщенія. Климентъ XIV. примирилъ этимъ враждебныя державы и возвратилъ миръ папской власти и Церковной области. Однако ему не

22. сент. 1774.

суждено было дожить до послѣдствій своего дѣла. Въ наступившемъ затѣмъ году уже подъ недугами и страданіями испустилъ онъ духъ, въ полномъ сознаніи и благочестивомъ настроеніи. Показанія лейбъ-медика Салличетти о болѣзни и смерти папы не могли потушить въ обществѣ подозрѣніе въ отравѣ. Годъ спустя послѣ того, при папѣ Пій VI., престарѣлый генералъ ордена, Лоренцо Риччи, умеръ по-

29. нбр. 1775.

слѣ двухлѣтнаго заключенія въ замкѣ св. Ангела, чѣмъ и избавился отъ судебного слѣдствія: его обвиняли въ мятежныхъ проискахъ и утайкѣ орденскихъ капиталовъ.

с. Послѣдніе годы царствованія Карла III.

Либеральныя реформы въ Испаніи.

Пока продолжалась борьба противъ ордена иезуитовъ и папскаго престола, государственныя дѣла были вполнѣ предоставлены вѣдѣнію Аранды, и графъ воспользовался выгоднымъ положеніемъ, съ тѣмъ чтобы въ связи съ Кампоманесомъ и другими единомысленниками ввести цѣлесообразныя реформы. Какъ въ бургонскихъ государствахъ Италіи, такъ и въ Испаніи тоже существенно ограничили апелляцію къ духовному трибуналу въ Римѣ и рѣшеніе церковныхъ вопросовъ предоставлено было тумѣстному духовному суду; дома орденовъ были подчинены испанскимъ начальникамъ и болѣе строгому надзору; право убѣжища, вслѣдствіе котораго всякое карательное правосудіе оказывалось фиктивнымъ, было сокращено или отмѣнено,

ежедневныя процессіи запрещались, духовная цензура лишилась своей обширной власти, всякія папскія грамоты подлежали королевскому одобренію, на мѣсто существовавшихъ доселѣ иезуитскихъ школъ были основаны новыя учебныя заведенія въ либеральномъ и просвѣщенномъ духѣ и поручены вѣдѣнію свѣтскихъ священниковъ или учителей изъ мірянъ, инквизиція сдерживалась и проч. Такъ-то, благодаря Арандѣ и Помбалу, полуостровъ, служившій доселѣ оплотомъ католической религіи, сталъ теперь очагомъ либерализма, просвѣщенія, волюнтаризма.

Аранда для своихъ реформаторскихъ цѣлей воспользовался Перуанцемъ Олавидесемъ; добившись удачными торговыми предпріятіями огромнаго состоянія, послѣдній жилъ попеременно то въ Парижѣ, то въ Мадридѣ, сочинялъ и ставилъ на сцену оперы и театральныя пьесы въ легкомъ французскомъ вкусѣ той эпохи, вращался въ свѣтѣ и пристрастился къ философіи и современному образованію. Въ награду за услуги, какія оказалъ ему богатый, живой, любящій роскошь Перуанецъ въ культурной борьбѣ противъ иезуитовъ, Аранда возвелъ его въ генералъ-интенданты Андалузіи, съ тѣмъ чтобы Олавидесъ хозяйственными реформами въ духѣ французскихъ экономистовъ возбудилъ новую жизнь и благоденствіе въ уныломъ и обезлюдѣвшемъ краѣ. Исполненный благихъ намѣреній, Олавидесъ тотчасъ же принялъ мѣры для водворенія въ пустынную Сьерру Морену чужеземныхъ переселенцевъ и привлечь именовъ короля выходцевъ изъ рейнскихъ странъ и другихъ краевъ въ новую колонію „Ла Каролину“, пообѣщавъ имъ между прочими преимуществами такую свободу вѣроисповѣданія: однако, что удалось бы, вѣроятно, въ его родной американской странѣ, то въ Испаніи оказалось неудачнымъ предпріятіемъ. Прельстясь лживыми обѣщаніями шарлатановъ-вербовщиковъ, множество беззачтнаго люда и авантюристовъ поселились въ указанной для колонизаціи нагорной странѣ, ремесленники и фабричныя работницы вызывались въ мѣста, гдѣ нуждались только въ земледѣльцахъ и поденщикахъ; мало того, благодаря обольстительнымъ продѣлкамъ безсовѣстнаго душепродавца, по имени Тюрригелъ, успѣли уговорить даже многихъ протестантовъ изъ Германіи, въ особенности изъ Пфальца и Нидерландовъ, отправиться въ обѣтованную пристань или въ богатое казнохранилище, какое предлагалось имъ отъ имени испанскаго короля. Когда старовѣрческой реакціонерной партіи удалось, при посредствѣ королевскаго духовника, строгаго доминиканца, возбудить бургонскаго державца противъ либеральнаго Аранды и добиться его удаленія изъ министерства, то поемному стала возникать явная система. Аранду отправили въ качествѣ испанскаго посланника въ Парижъ, гдѣ, какъ уже извѣстно, во время американской войны, онъ ревностно содѣйствовалъ интересамъ своего отечества и поддерживалъ союзъ съ Франціей. Безъ сильной поддержки графъ Олавидесъ не могъ при болѣе и болѣе возрастающемъ реакціонерномъ движеніи продолжать съ успѣхомъ свою либеральную цивилизаторскую дѣятельность. Поселеніи, въ средоточіи которыхъ, въ Ла Каролинѣ, онъ выстроилъ себѣ виллу съ великолѣпнымъ паркомъ, не преуспѣвали, и вскорѣ врагамъ удалось погубить друга Аранды. Баварскій капуцинскій патеръ, по имени Ромальдъ, котораго генералъ-интендантъ принималъ въ своемъ гостеприимномъ и радужномъ домѣ, былъ отправленъ орденомъ по церковнымъ дѣламъ въ Севилью и тамъ инквизицiи донесъ на Олавидеса. Капуцины и доминиканцы подали заявленіе инквизиціонному суду о томъ, что онъ въ испанской странѣ

Олавидесъ и заселеніе Сьерры Морены.

1773.

Нбр. 1776.

поселил чуждых еретиковъ, запыталъ святой край католической вѣры и поддерживаетъ сношенія съ атеистами и матеріалистами во Франціи. Олавидеса вызвали въ Кастилію, а короля усилѣи духовными увѣщаніями убѣдить въ преступныхъ побужденіяхъ и замыслахъ Перуанца, котораго заключили въ инквизиціонную тюрьму. Инквизиція и монахи вновь ожили. Миссіонеры странствовали по Андалузїи, ратуя противъ заразы еретичества, противъ печестивыхъ оперъ и театральныхъ представленій; и вотъ—въ эпоху просвѣщенія вновь запылали костры въ Кадиксѣ, а въ Мадридѣ инквизиціонное вѣдомство какъ въ бывшее время торжествовало свою высокую годовщину. — Олавидеса два года продержали въ тюрьмѣ; затѣмъ судъ обвинилъ его въ безвѣрїи и принудилъ въ присутствїи большаго собранія духовныхъ и свѣтскихъ саловниковъ покаяться въ грѣхахъ, послѣ чего онъ присужденъ былъ проводить въ монастырѣ монашескую жизнь. Ему однако вскорѣ удалось бѣжать въ Парижъ, а оттуда въ Женеву. Когда возникла французская революція, то бывший генераль-интендантъ перемѣнилъ свой образъ мыслей. Онъ написалъ книгу „Торжество христіанства“, и благодаря этому добился позволенія вернуться на родину, гдѣ и умеръ въ 1803 году. А его созданіе въ Сьеррѣ Моренѣ поемногу совсѣмъ погибло.

1778.

Кончина
Карла III.

Однако при Карлѣ III. реакція не дошла еще до полнаго расцвѣта. Аранда во время своего пребыванія въ Парижѣ все-таки еще оставался душою правительства, такъ какъ другъ его Фигероа и, главнѣйше, ученый и просвѣщенный государственный мужъ Кампоманесъ продолжали, по возможности, подвизаться въ прежнемъ духѣ. Поступая осторожно и умѣренно, Кампоманесъ благотворно вліялъ своею литературною и административною дѣятельностью. Онъ-то собственно и подточилъ въ корнѣ существенныя педуги испанской народной жизни, превратныя житейскія воззрѣнія, нищенскую дворянскую спѣсь, набожное тунеядство, презрѣніе гражданскаго труда и полезныхъ знаній. Онъ-то, въ качествѣ писателя и президента исторической академіи, въ качествѣ фискала и начальника кастильскаго совѣта своими изслѣдованіями и декретами просвѣтилъ всю общественную жизнь, съ успѣхомъ ратовалъ противъ чрезмѣрныхъ владѣній мертвой руки, противъ расширенія монастырей, церковнаго покровительства нищенства, пагубныхъ привилегій разныхъ церковныхъ обществъ, цеховъ и нѣкоторыхъ портовъ, противъ распущенности университетовъ, заупущенія математическихъ, экономическихъ и естественнонаучныхъ знаній. Онъ старался приурочить къ уголовному праву филантропическіе принципы Беккарія. Даже Моньино, которому король, по совѣту Гримальди, въ 1777 году поручилъ иностранныя дѣла и предсѣдательство въ министерствѣ, и который вскорѣ прославился подъ именемъ графа Флориды Бланки, сперва способствовалъ либеральному направленію, хотя и не такъ рѣшительно, какъ Аранда, и не такъ послѣдовательно, какъ Кампоманесъ. Потомъ, однако, онъ былъ того мнѣнія, что неограниченная монархическая власть, которой онъ преданъ былъ съ пылкимъ рвеніемъ, должна

опасаться не столько церковной іерархіи, а скорѣе возникавшаго демократизма; а потому онъ сталъ противникомъ либерализма и всякихъ побужденій, имѣвшихъ цѣлью свободу и самоуправленіе народа. Предпримчивый и дѣятельный Флорида Бланка ревностно старался поддержать и улучшить общественный бытъ; однако, его улучшенія ограничивались такими дѣлами, которыми или усиливалось вліяніе правительственной власти, или которыя поражали наружнымъ блескомъ. Онъ лишилъ кортесовъ Кастиліи всякаго значенія и сталъ, такимъ образомъ, настоящимъ основателемъ неограниченной королевской власти въ Испаніи. Въ иностранныхъ дѣлахъ онъ былъ не такъ счастливъ, какъ въ своихъ административныхъ предпріятіяхъ. Извѣстно, какъ скудно Испанія была вознаграждена за ея воинственныя усилія противъ Англіи; двѣ экспедиціи противъ Алжира также имѣли весьма жалкій исходъ. Одна только морская война противъ Португалїи завершилась, какъ мы видѣли, завоеваніемъ колонїи Санъ-Сакраменто (стран. 344). «Флорида Бланка былъ», — по мнѣнію Баумгартена, — «государственный мужъ въ духѣ восемнадцатаго вѣка, безустанно трудившійся для преуспѣанія матеріальныхъ интересовъ, для развитія государственныхъ силъ, для строгаго и благотворнаго порядка, но всегда въ качествѣ повелителя, бюрократическими и полицейскими мѣрами. Онъ былъ истый Испанецъ, пыллаго нрава, ревниваго честолюбія, мастеръ строить козни». Его прославили меценатомъ за то, что онъ покровительствовалъ наукамъ и ученымъ, поднѣялъ искусства и украсилъ столицу. Король Карлъ III. весьма благоволилъ къ нему, такъ что на смертномъ одрѣ высказалъ своему сыну и наслѣднику желаніе, чтобы графа и впредь оставили во главѣ государственныхъ дѣлъ. Карлъ IV. послѣдовалъ совѣту отца; Флорида Бланка при новомъ правительствѣ продержался еще четыре года; наконецъ, однако, королевѣ, которая во всѣхъ дѣлахъ пользовалась рѣшающимъ словомъ, и многимъ противникамъ графа удалось свергнуть его, какъ разъ въ ту пору, когда пламя французской революціи распространилось также и по Пиринейскому полуострову. Флорида Бланка дожилъ еще до глубочайшаго униженія своего отечества. Онъ скончался лишь 20. поября 1808 г., пять мѣсяцевъ спустя послѣ отреченія короля Карла IV.

14. дек.
1788.
Карлъ IV.
1788—1808.

3. нидерланды.

а. Голландія и революціонныя движенія въ 1786 и 1787 г.

Во время внѣшней и внутренней борьбы, съ которой мы ознакомились въ прежнихъ главахъ, въ соединенныхъ Нидерландскихъ штатахъ возникъ новый политическій духъ. Стали тщательнѣе вникать въ недуги учрежденія и администраціи; идеи свободы, равенства,

Положеніе
партїи.

демократин, которыя въ Американскомъ Союзѣ приурочились на практикѣ, а въ дружественной Франціи признавались литературно-образованными кружками, въ Нидерландской республикѣ также встрѣтили плодородную почву. Прежній раздоръ между аристократико-республиканскою партией, которая пользовалась преимуществомъ среди чиновъ въ провинціи Голландіи, а именно въ столицѣ Амстердамѣ, и оранско-монархической, къ которой пристали дворянство, большинство народа и провинціи Зеландія и Гельдернъ, продолжался неослабно и даже еще болѣе обострился, тогда какъ въ многихъ городахъ составлялись демократическія общества, пытавшіяся устранить олигархическое правленіе магистратовъ и ввести реформы въ смыслѣ свободы и равноправности всѣхъ гражданъ. Вся государственная жизнь разбилась на партіи. Высокомощные господа въ Гаагѣ и олигархическія фамиліи, завѣдывавшія правленіемъ въ Амстердамѣ и въ большихъ городахъ, хотѣли воспользоваться своими связями съ Франціей, съ тѣмъ чтобы усилить свою власть и свой авторитетъ, поддержать и расширить республиканскія учрежденія и права. Это было, правда, отнюдь не по нутру демократамъ. Однако была еще одна общая область, въ которой сходились обѣ стороны—недовольство существовавшими условиями, антипатія къ національному врагу, къ Англіи, и къ расположенному къ ней штатгалтерскому правленію.

Оранская пар- Мы прежде не разъ уже замѣчали, съ какими затрудненіями при-
тія и патриоты ходилось бороться союзу государствъ такого центробѣжнаго свой-
въ Голландіи ства какъ Голландская республика: опасаясь, какъ бы штатгалтеръ
и Утрехтѣ. въ качествѣ главнокомандующаго надъ войскомъ и флотомъ не усилить черезъ-чуръ монархически-центральную власть, аристократические Генеральные штаты старались ослабить національныя боевыя силы. При помощи милицій и земскаго войска, къ которымъ присоединили нѣсколько наемныхъ отрядовъ и которые обучались иноземными военными людьми, надѣялись поддержать порядокъ и спокойствіе внутри и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣжать опасности военного господства. Во всѣхъ провинціяхъ и городахъ, преимущественно въ самой Голландіи организовались батальоны ополченцевъ, состоявшіе изъ прислуги купеческой аристократіи, изъ ремесленниковъ, добровольцевъ низшихъ народныхъ классовъ и изъ наемныхъ чужеземныхъ солдатъ. Въ этихъ государственнымъ законами установленныхъ воинскихъ учрежденіяхъ оказались полезными французскіе и нѣмецкіе офицеры, въ Амстердамѣ генераль Мельбуа, а въ Утрехтѣ рейнграфъ Сальмъ-Грумбахъ. Оба они пользовались довѣріемъ аристократіи и въ связи съ Гизелеромъ, дортрехтскимъ национариемъ, считались главами враждебной штатгалтеру партіи. Патриции въ большихъ торговыхъ городахъ Голландіи приобщались къ демократамъ; негодуя на штатгалтерское правленіе, они не чаяли опа-

сности, какая должна была возникнуть для нихъ отъ подобнаго союза. Въ Утрехтѣ, въ этомъ главномъ очагѣ демократическаго движенія, гдѣ выходила наиболѣе распространенная газета «Почта ниджняго Рейна», сожгли оранское знамя и вмѣстѣ съ тѣмъ потребовали возобновленія городского совѣта на основаніи всеобщихъ выборовъ. Всюду раздавался кличъ: «Долой войско!» Вскорѣ вся Голландія разбилась на два военные лагеря: оранскій и патриотическій. Въ городахъ, гдѣ преобладалъ послѣдній, считалось преступленіемъ носить оранскіе цвѣта; въ Роттердамѣ и Гаагѣ, гдѣ большинство населенія принадлежало къ оранской партіи, произошли непріязненные столкновенія между гражданами и добровольцами. По этому поводу Голландскіе штаты отобрали у штатгалтерскихъ армейскихъ начальниковъ военную полицію столицы и подчинили ее веденію патриотическаго начальника. Негодуя на такое посягательство его правъ, Вильгельмъ V. покинулъ Гаагъ и переехалъ въ другія болѣе надежныя мѣста, наконецъ въ Лoo, что въ Гельдернѣ, а штаты поручили начальство надъ гарнизонами, находившимися въ главныхъ городахъ провинціи, генералу своей партіи. Затѣмъ последовалъ рядъ постановленій, имѣвшихъ вообще цѣлью, принизить въ глазахъ народа послѣдственное штатгалтерское достоинство и возбудить возрѣніе, что самодержавная и верховная власть подобаетъ не оранскому дому, а Генеральнымъ штатамъ. Эти мѣропріятія были болѣею частью мелочнаго свойства, способныя угодить личной суетности и раздражить противную партію. Такъ между прочимъ двое депутатовъ, Гевертсъ и упомянутый Гизелеръ, нарушили присвоенное одному только принцу право въѣзжать такъ называемыми «штатгалтерскими воротами» во внутренней дворъ, гдѣ находился дворецъ съ коллегіями: эти патриотическіе ревнители и коноводы намѣревались въѣхать тѣми же воротами къ дому засѣданія. Однако, французскій парикмахеръ, по имени Морандъ, разстроилъ ихъ попытку, схвативъ лошадей за поводъ, причемъ вмѣшалась еще народная толпа. Это сочли государственнымъ преступленіемъ и Моранда приговорили къ смерти. Но просьбѣ Гизелера смертная казнь была замѣнена пожизненнымъ заключеніемъ, вслѣдствіе чего единомысленники депутата прославили его какъ великодушнаго и гуманнаго господина.

Борьба между партіями обострялась все болѣе, всѣ провинціи находились въ разладѣ: въ Утрехтѣ демократы настояли на томъ, чтобы городской уставъ былъ измѣненъ и чтобы магистратъ былъ вновь избранъ народомъ; однако провинціальныя чины и другіе города воспротивились этому; подобныя распри произошли въ Фрисландіи, Обериссель, даже въ Гельдернѣ, не смотря на то, что здѣсь многочисленное дворянство и городъ Нимвегенъ ревностно отстаивали прежніе порядки. Когда города Гагтемъ и Эльбургъ на

Сент. 1785.

17. марта 1786.

Правительство и оппозиція.

Сент. 1786.

сѣверѣ этой провинціи по примѣру Утрехта замѣнили аристократическихъ городскихъ начальниковъ новыми мѣщанскими выборами, то Гельдернскіе штаты добились, чтобы двинули оранское войско, которое принудило не безъ насилія оба города къ сдачѣ и отмѣнило нововведеніе. Это вмѣшательство штатгалтерскаго войска возстановило демократовъ всѣхъ остальныхъ городовъ противъ Вильгельма V., и хотя до сихъ поръ патриотическая партія не во всемъ соглашалась съ нововводителями, однако, теперь они шли рука объ руку. Вслѣдствіе этого оппозиція противъ штатгалтерскаго правительства приняла революціонный характеръ. Утрехтъ пребылъ средоточіемъ движенія, а потому чины перенесли свои засѣданія въ Амерсфортъ. Партіи въ рѣзкихъ выраженіяхъ заявляли свои мнѣнія въ печати, такъ что Фрисландскіе штаты въ грозномъ посланіи къ Голландскимъ—обозвали журналы «стоячею лужею лжи и клеветъ». Демократы уподобили слабого, незначительнаго, но добродушнаго Вильгельма V. испанскому королю Филиппу II; однако они пуще всего озлоблены были противъ гордой, энергичной штатгалтерши, Фридрики Вильгельмины Прусской, племянницы Фридриха Великаго, которая при дворѣ и во всѣхъ политическихъ вопросахъ пользовалась большимъ вліяніемъ.

Отношеніе партій къ иностраннымъ державамъ.

Такое положеніе въ Голландіи казалось тѣмъ еще опаснѣе, что обѣ стороны обратились уже къ дружественнымъ державамъ, къ Франціи и Пруссіи, за посредничествомъ или вмѣшательствомъ. Фридрихъ II. всегда старался полюбовно рѣшать распри: онъ уговаривалъ племянницу держаться въ предѣлахъ законности и конституціи, исключалъ слишкомъ рѣзкія выраженія изъ посланій, какія Герцбергъ обращалъ къ Генеральнымъ штатамъ. Онъ зналъ, что вслѣдствіе неразумныхъ поступковъ штатгалтерскаго правленія усилятся вліяніе Франціи, которая открыто вступилась за патриотическую партію. Однако въ августѣ 1786 года старый король скончался и на престолъ вступилъ братъ штатгалтерши подъ именемъ Фридриха Вильгельма II. Тогда настроеніе при берлинскомъ дворѣ скоро измѣнилось. Министръ Герцбергъ и главнокомандующій арміи, Фердинандъ Брауншвейгскій, близкій родственникъ прежняго генерал-капитана Людвигъ Эрнста, были того мнѣнія, что необходимо энергическимъ вмѣшательствомъ въ нидерландскія дѣла поддержать и умножить честь короля и политическое значеніе прусскаго государства. Явное возстаніе демократовъ и республиканцевъ въ Утрехтѣ и Гельдернѣ противъ штатгалтерскаго правленія, враждебное отношеніе Голландскихъ штатовъ, поддержавшихъ мятежъ, все это побудило прусскаго короля подать помощь зятю. Демократы упрекали даже оранскую партію въ томъ, что она намѣренно вызвала борьбу въ Гельдернѣ, съ цѣлью въ виду иноземныхъ державъ дать прусскому королю поводъ вмѣшаться въ нидерландскія дѣла. При

господствовавшемъ броженіи, при озлобленіи партій нечего было прибѣгать къ какимъ либо подвохамъ, для того чтобъ довести дѣло до открытаго возстанія. Патриотическая партія въ большихъ голландскихъ городахъ и безъ того добилась уже, что чины, не обративъ вниманія на депутатовъ дворянства и не испросивъ согласія Генеральныхъ штатовъ, окончательно отняли у штатгалтера главное начальство надъ арміей и передали команду рейнграфу Сальмъ-Грумбаху, поручивъ ему защищать утрехтскихъ патриотовъ даже вооруженною силою противъ оранскихъ войскъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣло доходило до бурныхъ поступковъ и кровопролитныхъ столкновеній между гражданами и солдатами, между республиканскими патриотами и оранскими приверженцами. Распри и озлобленіе партій проникли въ дома и семейства; все предвѣщало междоусобіе. У мѣстечка Бресвика близъ Утрехта произошла кровопролитная стычка, въ которой патриоты одержали верхъ. Людвигъ Эрнстъ Брауншвейгскій, перебравшійся изъ Ахена въ Эйзенахъ, интригуя и подстрекая при берлинскомъ и лондонскомъ дворахъ, усилилъ еще вражду и недовѣрчивость къ демократико-республиканской партіи патриотовъ съ ея французскими симпатіями и замыслами. Гаррисъ, вполнѣтвѣн лордъ Мальмесбюри, опытный, искусный государственный мужъ и дипломатъ, котораго министръ Питтъ назначилъ посланникомъ при штатгалтерскомъ дворѣ, дѣйствовалъ за одно съ Герцбергомъ и прусскимъ полководцемъ. Его рѣшительное заступничество за Вильгельма V. и явное намѣреніе англійскаго правительства въ связи съ Пруссіей посредничествомъ или силою оружія, подавить революціонное движеніе въ Нидерландахъ, удержали Францію отъ воинственнаго вмѣшательства, лишь бы не затруднить политическое положеніе. Ограничились отправкою нѣсколькихъ отрядовъ въ Живэ, съ цѣлью внушить болѣе самонадѣянности патриотической партіи и наблюдать за ходомъ дѣлъ. А въ то же время между графомъ Гёрцомъ и барономъ Райневалемъ, прусскимъ и французскимъ уполномоченными въ Нидерландахъ, велись переговоры касательно полюбовнаго соглашенія. Вслѣдствіе политическихъ и экономическихъ условій Франціи, гдѣ по смерти Верженна въ февралѣ во главѣ министерства былъ Калоннъ, правители государства справедливо опасались, какъ бы вооруженнымъ вмѣшательствомъ не увеличить затрудненія. Фердинандъ Брауншвейгскій съ войскомъ въ 20,000 человекъ находился уже у нижняго Рейна, съ тѣмъ чтобы со стороны Клеве вступить въ Нидерланды, если воспротивятся возвратить наслѣдному штатгалтеру его военную и политическую власть.

Тогда какъ на востокѣ и югѣ стояли чужеземныя войска на границѣ, съ цѣлью вступить въ вооруженною силою за штатгалтерскую или за республиканскую партію, и Англія вновь пыталась

22. сент.
1786.
Апрѣль и май
1787.

Мятежи и вступленіе Пруссаковъ.

утвердить свое влияние внутри, въ то же время нидерландская государственная система находилась въ полномъ разладѣ. Самоуправство голландской провинціи, которая лишила послѣднаго штатгальтера подобающаго ему по уставу главнаго начальства надъ войсками, потомъ соединилась съ революціонною партіею въ Утрехтѣ и въ другихъ областяхъ и городахъ, поручивъ рейнграфу и генералу Рисселю защищать границы, возбудило негодованіе и сопротивленіе со стороны Генеральныхъ штатовъ, дворянства и аристократическаго городского начальства. Оппозиція разилась гораздо сильнѣе и шире, чѣмъ предполагалось въ этихъ кругахъ. Въ Амстердамѣ, Гаагѣ, Роттердамѣ образовалась умѣренная республиканская партія, которая добивалась соглашенія съ штатгальтеромъ. Вильгельмъ V. по открытіи явныхъ непріязненныхъ дѣйствій вступилъ во главѣ оранскихъ отрядовъ въ Аригеймъ, заявивъ въ военномъ манифестѣ, что партія мятежниковъ нарушила законныя права магистратовъ, штатгальтера и Генеральныхъ штатовъ, чѣмъ и принудила его, съ помощью своихъ приверженцевъ, прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ, какими онъ располагаетъ по конституціи. Штатгальтерша, которую заподозрили въ томъ, что она побудила брата двинуть прусскія войска, и которую республиканцы въ особенности ненавидѣли за ея самовластные побужденія, предприняла довольно опасное при такихъ обстоятельствахъ путешествіе изъ Нимвегена въ Гаагу, съ тѣмъ, какъ она увѣрила, чтобы посоветываться съ главами приверженной партіи. Надо было предвидѣть, что, при господствовавшемъ въ рядахъ возставшихъ озлобленномъ настроеніи, предпринятое принцессою путешествіе чрезъ непріятельскія линіи, вызоветъ оскорбительныя для высокопоставленной дамы поступки: не удивительно поэтому, что въ кружкахъ противниковъ увѣрили, будто путешествіе было предпринято съ умысломъ возбудить такія выходки, которыя понудили бы прусскаго короля выступить изъ нерѣшительнаго положенія, съ тѣмъ чтобы возстановить вооруженною силою права своего зятя и отмстить за нарушенное уваженіе къ его сестрѣ. Какъ бы то ни было, но то, что предвидѣли, оправдалось на дѣлѣ. Когда штатгальтерша въ сопровожденіи графа Бенгтика Роопе, крайне ненавистнаго патріотамъ за его оранскую привязанность, съ небольшою прислугой прибыла къ пограничной стражѣ между Шоонговенемъ и Гудюю, то на большой дорогѣ начальникъ ополченцевъ задержалъ ее и, помѣстивъ въ крестьянскомъ домѣ, обращался съ нею, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказовъ отъ штатовъ, словно съ арестанткою. Не по заносчивости и не вслѣдствіе демократическаго нахальства, а скорѣе по незнашію общественныхъ формъ и свѣтскаго обращенія неопытный капитанъ милиціи стоялъ передъ нею, обнаживъ мечъ. Высокомощные господа въ Голландіи были того мнѣнія, что путешествіе по краю, гдѣ простой народъ болѣею частью

28.—30.
июня 1787.

принадлежали къ оранской партіи, не въ ихъ интересахъ; а потому принцесса вынуждена была вернуться въ Нимвегенъ. Оранская партія и гаагскій дворъ признали и представили этотъ случай нарушеніемъ конституціи и глубокимъ оскорбленіемъ принцессы; а потому наслѣднику Фридриха Великаго казалось, что на него возложено королевскій и рыцарскій долгъ, потребовать удовлетворенія за нанесенное его дому и его родитѣмъ оскорбленіе. Надѣясь, что Французы не допустятъ чужеземныя войска въ дружественную имъ страну, голландскіе чины отказали удовлетворить предъявленнымъ берлинскимъ кабинетомъ требованіямъ. И дѣйствительно, изъ Живэ произведено было нѣсколько военныхъ демонстрацій, а министръ Монморенъ заявилъ въ Версалѣ, что не слѣдуетъ покидать союзниковъ сосѣдней страны; однако въ виду шаткаго состоянія финансовъ и угрозы англійскаго посланника, что въ Лондонѣ всякую попытку, помѣшать прусскому королю, добиться справедливаго удовлетворенія, сочтуть поводомъ къ войнѣ, слабый, равнодушный къ національной чести Ломени де Бриеннъ, тогдашній президентъ министерства, не рѣшился принять рѣшительныя мѣры въ угоду Голландской республики. Вѣдь и въ версальскихъ придворныхъ кружкахъ заявлялось, что король Вильгельмъ въ полномъ правѣ требовать удовлетворенія. Неужели же Франціи начать войну за республиканско-демократическую партію противъ штатгальтерства и Генеральныхъ штатовъ? Вѣдь союзные договоры заключались со всѣмъ государствомъ вообще; кому же надлежало помогать при такой сумятицѣ и при разладѣ партій въ республикѣ?

Во Франціи предоставили дѣло на произволъ судьбы, и оно окончилось такъ, какъ и слѣдовало ожидать. Гдѣ же было патріотической арміи, составленной изъ неопытныхъ милиціонеровъ и безродныхъ наемниковъ, которая едва ли могла бы справиться съ одними только штатгальтерскими отрядами, устоять передъ боевымъ прусскимъ войскомъ, предводимымъ самымъ знаменитымъ полководцемъ того времени. Не встрѣтивъ почти никакого сопротивленія, Пруссаки тремя отрядами вступили въ Голландію, проникли до Амстердама, который послѣ короткаго сопротивленія сдался по договору, и возвратили провинцію въ качествѣ покоренной области штатгальтеру; а онъ самъ между тѣмъ подчинилъ себѣ Утрехтѣ. Вожди патріотической партіи бѣжали за границу; одинъ изъ первыхъ скрылся рейнграфъ Сальмъ, тайкомъ захвативъ съ собою военную кассу. Бѣглецы болѣею частью отравились въ Живэ, а потомъ воспользовались защитой и убѣжищемъ во Франціи, именно въ Омерѣ и Дюнкерхенѣ. Остальные положили оружіе, спокойно предоставивъ штатгальтеру вступить въ обладаніе всѣми подобавшими ему правами и поручить своимъ приверженцамъ и друзьямъ управленіе въ Голландіи, Утрехтѣ и въ другихъ республикански настроенныхъ мѣстахъ.

Конецъ.

3. юл. 1787.

Вся реакція совершилась бы безъ всякихъ насилій, безъ всякаго кровопролитія, если бы оранскіе приверженцы не вздумали своею необузданностью и грубостью мстить противникамъ, такъ что даже прусскимъ солдатамъ пришлось останавливать ихъ неистовства. Озлобленіе партіи всего яростіе проявлялось въ Зеландіи. Къ концу года спокойствіе и миръ были восстановлены и Пруссаки могли вернуться во свояси. По желанію штатгальтера на нѣкоторое время осталось еще три тысячи солдатъ на службѣ Генеральныхъ штатовъ. Штатгальтерская чета при восторженныхъ кликахъ народа въѣхала въ Гаагу. Въ апрѣлѣ слѣдующаго года Англія и Пруссія заключили съ Голландіей оборонительный союзъ, съ цѣлью поддержать существовавшую конституцію и оранское правительство въ соединенныхъ штатахъ Нидерландовъ. Прусскій король великодушно отказался отъ возмѣщенія военныхъ издержекъ.

б. Австрійскіе Нидерланды при Іосифѣ II и событія въ Люттихѣ.

Нидерланды
при Маріи
Терезіи.
Іюль 1780.

Въ то же самое время въ одноплеменной странѣ на югѣ, которая съ Утрехтскаго мира находилась подъ габсбургско-австрійскимъ владычествомъ, также возникли смуты. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти императрицы скончался зять ея, Карлъ Лотарингскій, болѣе тридцати лѣтъ управлявшій въ Брюсселѣ въ качествѣ ея наместника. Въ трудные военные годы Бельгія не измѣняла Австріи и не разъ жертвовала деньгами и солдатами. Въ благодарность за то императрица неизмѣнно поддерживала ихъ старыя учрежденія, права и привычки. Предпринятая ею въ восточныхъ частяхъ государства реформы въ администраціи и въ церкви не распространялись на западную страну. Хотя государыня въ австрійскихъ наслѣдственныхъ областяхъ ревностно старалась создать болѣе прочный центральный государственный строй, однако въ Нидерландахъ она отнюдь не измѣняла унаслѣдованныхъ учрежденій, законовъ, частныхъ правъ. Она совѣтовала своему зятю: удовольствоваться быть «первымъ пѣтухомъ въ деревнѣ, и пусть дѣла идутъ себѣ, какъ шли до сихъ поръ».

Бельгіяская
государствен-
ная система.

Намъ не разъ уже приходилось знакомиться съ многообразною государственною жизнью въ нидерландскихъ провинціяхъ. Въ Брюсселѣ, такъ же какъ и во время испанскаго владычества, находилось штатгальтерское правительство съ дворомъ, уполномоченнымъ министромъ и тремя высокими членами государственнаго совѣта. Штатгальтерское достоинство было почетною должностію, на которую назначались обыкновенно члены императорской фамилии или родственники мужскаго и женскаго пола; государственный совѣтъ (Konseil) управлялъ общественными дѣлами въ обычныхъ строго ограниченныхъ формахъ; законодательная власть принадлежала чинамъ отдѣльныхъ провинцій; они разрѣшали всякіе налоги, подати, субсидіи и назначали сборъ и распредѣленіе ихъ. Самымъ важнымъ зна-

ченіемъ между ними пользовались чины Брабанта. Постоянный комитетъ наблюдалъ за исполненіемъ приговоровъ и такимъ образомъ принималъ участіе въ правленіи. Судопроизводство въ каждой изъ провинцій отправлялось самостоятельными верховными судами по исконному праву и обычаю; изъ нихъ великій судъ въ Мехельнѣ обладалъ наивысшимъ авторитетомъ, такъ что къ нему можно было апеллировать на рѣшенія другихъ провинціальныхъ судовъ. Постановленія правительства вступали въ силу только тогда, когда эти самодержавныя судилища изслѣдовали и подтвердили ихъ. Всѣ судьи и чиновники были уроженцы края, и ни одинъ Бельгецъ не могъ быть судимъ виѣ страны или по чужеземнымъ законамъ. Армія состояла изъ милиционеровъ или ополченцевъ и изъ немногихъ австрійскихъ полковъ, размѣщенныхъ гарнизонами по крѣпостямъ. Одна только почетная гвардія для украшенія и охраны двора состояла подъ непосредственнымъ начальствомъ штатгальтера. Южныя Нидерланды подобно сѣвернымъ составляли союзъ штатовъ, и въ тѣхъ и другихъ партикуляризмъ былъ развитъ до такой степени, что однородный организмъ ихъ едва можно было признать въ блѣдныхъ лишь чертахъ. Тамъ различныхъ законовъ, правъ и обычаевъ, должностей и учреждений, разсѣянныхъ по областямъ и городамъ, раздробляла общественную жизнь. Старый порядокъ кое-какъ волочился. Государство было составлено изъ отдѣльныхъ, слабо связанныхъ между собой провинцій. И въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ въ сѣверныхъ штатахъ въ преобладавшемъ авторитетѣ наслѣднаго штатгальтера и главнокомандующаго арміей таились зародыши и начатки монархическаго организма, которые, какъ мы видѣли, проявлялись иногда рѣзче и сильно коренились въ народѣ; въ то же время на югѣ государственную власть захватили отдѣльныя вѣдомства и въ особенности мощное и многочисленное духовенство, главы котораго, такъ же какъ и въ романскихъ странахъ, принадлежали къ дворянскимъ родамъ. Обладая значительными богатствами и доходами и открывъ въ Лёвенскомъ университетѣ свое средоточіе и свое образовательное заведеніе, это духовенство господствовало надъ всею религіозною и умственною жизнью и руководило ею. Въ подчиненномъ мехельнскому архіепископу высшемъ Лёвенскомъ заведеніи, гдѣ монахи и бывшіе иезуиты преподавали въ схоластическомъ духѣ, обучались должностныя лица, клерики и свѣтскіе чиновники, такъ что всѣ члены высшихъ сословій проникнуты были одними и тѣми же строго церковными убѣжденіями.

Эта клерикальная партикуляристическая государственная система Іосифъ II. и въ высшей степени претила державцу съ рѣшительнымъ характеромъ и съ пристрастіемъ къ реформамъ, какимъ былъ императоръ 1. церковныя реформы и Іосифъ II. Мы скоро на болѣе широкомъ поприщѣ встрѣтимся съ клерикальная оппозиція. этимъ замѣчательнымъ государемъ, который, какъ истый сынъ философской эпохи, пренебрегая всѣмъ исторически сложившимся, хотѣлъ преобразовать міръ по рациональнымъ доктринамъ. Вступивъ на престолъ, онъ посѣтилъ также фландро-брабантскіе штаты и, какъ требовалось обычаемъ, подтвердилъ присягою (въ «радостномъ въѣздѣ» — «Joyeuse Entrée») всѣ вольности, права и обычаи страны въ томъ видѣ, какъ они вопреки всякимъ переменамъ владѣльцевъ испоконъ вѣка почти неизмѣнно господствовали въ краѣ. Его мать незадолго передъ своею смертію назначила правительницею вышед-

шую за саксен-тешенскаго герцога Альберта дочь свою, Марию Христину. Иосифъ подтвердилъ это назначеніе и приставилъ къ супругамъ, которые, какъ прежде въ Венгріи, сообщались высшимъ саномъ, князя Штаргемберга въ качествѣ перваго министра; этотъ дворянинъ знатнаго рода вовсе не обладалъ необходимыми для такой высокой должности умственными способностями и поручилъ дѣла статскому совѣтнику Крумпинену, челоуѣку лукавому, двусмысленнаго свойства, который, въ свою очередь, вслѣдствіе торозилъ и разстроивалъ замышляемые императоромъ планы и реформы. Во время своего посѣщенія уже Иосифу пришлось слышать жалобы по поводу медленнаго судопроизводства, дурной администраціи, положенія крестьянъ, множества монастырей и монаховъ, такъ что въ пемь тогда же возникла мысль, съ помощью государственной реорганизации усилить самодержавныя права и придать правительству больше единства и власти. Нидерландцы впрочемъ довольны были первыми приемами управленія. Намъ извѣстно уже, что Иосифъ ревностно пытался воспользоваться военнымъ положеніемъ того времени для коммерческихъ интересовъ фландрскихъ торговыхъ городовъ (стр. 292). Ихъ гордыя надежды, конечно, не совсѣмъ оправдались; восторгъ ихъ значительно охладѣлъ, когда Иосифъ удовольствовался небольшою суммою денегъ; когда же возникъ планъ, преобразовать провинціи въ новое бургундское королевство и промѣнять на Баварію, то ихъ напугала страсть къ нововведеніямъ изобиловавшего проектами безпокойнаго Габсбургца. А когда императоръ, порываясь къ реформамъ, задумалъ измѣнить устарѣвшія несвоевременныя учрежденія, устранивъ прежнюю запущенность судебной системы, преобразовать въ смыслѣ современнаго прогресса недостатки въ церкви и школѣ, въ законодательствѣ и воспитаніи, то клерикалофанатичный, склонный къ партикуляризму духъ населенія и въ особенности привилегированнаго сословія сильно возмущился. Какой ужасъ обуялъ мехельнскаго архіепископа и папскаго пунція, ультрамонтанскія горячія головы дворянъ и духовенства, когда они услышали, что постановленія, изданныя императоромъ для его австрійско-венгерскихъ наслѣдственныхъ областей, будутъ введены также и въ Нидерландахъ, что въ мрачныя пространства устарѣваго гнилаго государственнаго и церковнаго зданія проникнетъ свѣточъ современнаго духа, что судопроизводство и методъ обученія подвергнутся улучшенію на основахъ опыта и разсудка! Предки обнажили пѣюгда мечъ противъ инквизиціи и противъ фанатической нетерпимости, съ тѣмъ чтобы добиться религіозной и гражданской свободы, а потомки ихъ отстаивали теперь учрежденія обскурантизма. Въ клерикально-аристократическихъ кружкахъ съ величайшимъ негодованіемъ встрѣчены были императорскія постановленія, 0рт. 1786. въ силу которыхъ и въ Бельгіи также, въ этой твердыѣ католи-

ческой вѣры, ограничивались духовное судебное вѣдомство и апелляціи въ Римѣ, а папскія посланія и всякіе папскіе и епископскіе эдикты прежде обнародованія предъявлялись административнымъ вѣдомствамъ, браки заключались мірскими судьями, сокращалось количество монастырей, ограничивались праздники, процессіи, пилигримства, отмѣнялись религіозныя братства, — въ силу которыхъ всѣ вѣроисповѣданія должны пользоваться свободой и равноправностью, на мѣсто епископскихъ семинарій главная семинарія въ Лёвенѣ и отдѣленія ея въ Люксембургѣ имѣютъ поступить подъ надзоръ правительства, съ тѣмъ чтобы руководить ученіемъ и наблюдать за нимъ, производить испытанія и положить предѣлъ «господствовавшей порчѣ нравовъ и невѣжеству». Правительство имѣло въ виду согласовать преподаваніе и учебный методъ клерикальныхъ университетовъ съ наукою и съ современнымъ образованіемъ, измѣнить монашески-схоластическій характеръ католической высшей школы, мирскими предписаніями урядить ходъ занятій и научныя работы воспитанниковъ, изъять ихъ изъ единовластія духовенства, — все это признавалось нестерпимымъ вмѣшательствомъ въ права церкви, оскорбленіемъ религіи; могли-ли католики допустить, чтобы въ странѣ единовѣрія терпимы были и участвовали въ гражданскихъ правахъ люди, непринадлежавшіе къ единой душеспасительной церкви? Ультрамонтаны подняли сильную тревогу и взволновали всѣ слои богемальнаго населенія. Въ печати, въ исповѣдныхъ, въ проповѣдяхъ всѣ тѣ реформы представлялись въ видѣ нападковъ на религію, а императоръ съ его совѣтниками признавались врагами святой вѣры. Молодые клерики въ Лёвенѣ, которые, «присходя болышею частью изъ богатыхъ семействъ, въ пріятномъ ожиданіи доходныхъ мѣстечекъ при наименьшемъ по возможности трудѣ домогались покойной и обеспеченной жизни», избалованные юности епископскихъ семинарій возстали противъ новаго заведенія и его профессоровъ; 6. дек. 1786. они подали заявленіе, въ которомъ жаловались не только на пагубныя и нехристіанскія ученія, но также на дурное пиво и на плохой хлѣбъ. Присланный императоромъ въ Брюссель на мѣсто отозваннаго слабаго князя Штаргемберга новый министръ Бельгіозозо подавилъ студенческое возстаніе, напрасно прибѣгнувъ при томъ къ вооруженному насилию. Нанесенные при этомъ побои и раны усилили только возбуденіе; молодыхъ людей оплакивали какъ поборниковъ Божьихъ, какъ мучениковъ за святое дѣло. Стали настоятельно требовать отмѣны новаго учебнаго устава; главная семинарія вскорѣ совсѣмъ опустѣла. Духовенство составляло сомкнутую фалангу противъ нововведеній въ церкви и университетѣ. Искони возбуждавшій кличъ, «слѣдуетъ повиноваться скорѣе Богу нежели людямъ», пропесся по всѣмъ провинціямъ. И безъ того не сочувствуя преобразовательнымъ намѣреніямъ императора и неохотно

повинуясь, брюссельское правительство лишилось мужества и самоуверенности; оно вступило въ переговоры и этимъ еще болѣе ободрило оппозицію. Императоръ однако рѣшился, во что бы то ни стало провести свои реформы. Онъ снабдилъ новыми инструкціями графа Бельгиозо, который послѣ мятежа поѣхалъ въ Вѣну. Однако ненадежный Крумпиненъ все еще пользовался своимъ вліятельнымъ положеніемъ, съ тѣмъ чтобы тишкомъ разстроить императорскіе планы или парализовать и ослабить ихъ дѣйствія.

2. Переѣзжа конституція и суда.

Церковныя нововведенія и университетскія реформы уже сильно возбуждали и подстрекали къ сопротивленію; но волны оппозиціи стали вздыматься еще грознѣе, когда императоръ вознамѣрился прекратить государственное раздробленіе, подъ сѣнью котораго такъ привольно жилось бездушному и своекорыстному партикуляризму, когда вмѣсто того онъ хотѣлъ создать новый сосредоточенный государственный строй, когда въ хламъ одряхлѣвшихъ судебныхъ и юридическихъ формъ онъ сталъ вводить органически расчлененное судоустройство.

1. янв. 1787.

Въ началѣ 1787 года Бельгиозо обнародовалъ рядъ указовъ, которыми ископн существовавшие порядки въ администраціи и судебной системѣ преобразовывались въ интересѣ централизаціи и однообразія. Вмѣсто бывшихъ доселѣ провинціальныхъ союзовъ съ ихъ традиционными правами, должностями, коллегіями и институтами имѣлось въ виду новое территориальное распредѣленіе съ императорскими главными чиновниками. По указамъ вся страна дѣлилась на девять областей со столькими же интендантами, а каждая область — на нѣсколько округовъ съ комиссарами; власть правительства сосредоточилась въ одномъ совѣтѣ, въ которомъ заседали нѣсколько депутатовъ изъ провинцій; такимъ путемъ возникла бюрократическая административная система. Согласно съ этимъ судопроизводство слѣдовало упростить и органически урядить; всякія отдѣльныя судилища, территориальныя, ленныя и духовныя судебныя палаты, за исключеніемъ городскихъ судовъ, устранялись, а взамѣнъ того учреждались высшія судебныя вѣдомства и два апелляціонные суда въ Брюсселѣ и Люксембургѣ.

Мятежныя движенія.

Эти учрежденія, имѣвшія цѣлью создать сосредоточенное государственное управленіе и судоустройство, навсегда отмѣнить феодализмъ и федерализмъ, и высшимъ принципомъ поставить власть закона и равноправность, отвѣчали, правда, потребностямъ эпохи и благосостоянію края; однако, они нарушали слишкомъ много частныхъ интересовъ и черезъ-чуръ противорѣчили традиціямъ, такъ что неминуемо должны были встрѣтить сильное противодействие. Дворянство, послѣдствешныя почетныя права и привилегіи котораго подвергались опасности, адвокаты и прокураторы, которымъ пришлось изучать новое правовѣдѣніе, городскіе совѣтники, вообще весь судейскій и чиновничій міръ стали громко протестовать противъ устраненія старыхъ учреждений. Реформы вводились мѣстами медленно и не вполне,

при возникавшемъ то и дѣло противорѣчіи. Благодаря всеобщему неудовольствію, клерикальная партія заручилась новыми силами; народъ, религіозный и умственный кругозоръ котораго всецѣло состоялъ подъ вліяніемъ священниковъ и монаховъ, привыкъ считать императора тираномъ и врагомъ церкви; страсти и предрасудки взяли верхъ надъ сознаніемъ и разумомъ. Реформы представлялись нарушеніемъ собственности, семьи, религіи. Когда купца Гондта за мошенничества при поставкѣ въ армію отвезли подъ конвоемъ въ Вѣну и заставили тамъ въ оковахъ мечь улицу, то по всему краю поднялась тревога. Признали юридическимъ тиранствомъ, произвольнымъ нарушеніемъ гражданскихъ правъ каждаго Нидерландца то, что преступнику было отказано въ тумѣстномъ судѣ, — гдѣ, какъ слѣдовало ожидать, приговоръ оказался бы весьма снисходительнымъ, — и предали его императорскому трибуналу въ Вѣнѣ. Бельгійскій народъ думалъ, что онъ ратуетъ за свободу, за личное право, за національныя и отечественныя блага, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ служилъ лишь своекорыстнымъ цѣлямъ привилегированныхъ классовъ, помогая поддерживать церковныя и государственныя злоупотребленія! Революціонныя смуты, распространившіяся въ то же самое время въ сѣверной сосѣдней странѣ, отозвались также и въ Бельгіи, не смотря на различныя поводы и цѣли. Настоящее положеніе уподобили даже эпохѣ Филиппа II.; вытаскили на свѣтъ Божій старыя льготныя грамоты и конституціонные уставы; напомнили, что вслѣдствіе данной въ Брабантѣ присяги подданные вольпы, въ случаѣ нарушенія конституціи, отказать государю въ повиновеніи, пока не возстановится право.

Брюссельское правительство пришло въ ужасъ отъ всеобщаго броженія: оно успокоительными завѣреніями старалось примирить умы и въ то же время побудить императора отказаться отъ своихъ плановъ или по крайней мѣрѣ отложить ихъ исполненіе. Занятый тогда русско-турецкими военными дѣлами, Иосифъ не могъ самолично явиться въ Нидерланды и потому согласился на то, чтобы политико-административныя реформы исподволь приводились въ исполненіе, но чтобы, напротивъ того, все предписанія касательно церкви и университета совершались безотлагательно. А эти церковныя нововведенія и служили самымъ подходящимъ горючимъ матеріаломъ для демагогическихъ происковъ, причемъ содѣйствовали другъ другу крайне разнородные элементы и тенденціи: клерикальные и феодальные интересы, своекорыстіе партикуляризма и демократико-республиканскія идеи о свободѣ. Протесты и адреса переносились изъ дома въ домъ. Весною броженіе распространилось и усилилось до того, что брабантскіе чины не только воспротивились обнародованію императорскихъ указовъ, но, ссылаясь на данную императоромъ присягу, отказались даже собирать подати до тѣхъ поръ, пока не будутъ удо-

Поступки ту- мѣстнаго правительства.

19. апрѣля 1787.

влетворены все поданные ими жалобы и протесты. Брабантский совет заявил, что он не намерен признать законными приговоры новых судов; в городах составлялись вооруженные ополчения; из провинций вносились бурные адреса, которыми требовалось устранить новые учреждения и участвовавших в них людей; народными толпами ходили по улицам с трехцветным брабантским знаменем; в Антверпен и Намур угрожали гарнизонам и ругали их; в Брюссель дело дошло до мятежа, сопровождавшегося грубыми выходками. Наместники Альберт и Христина пришли в ужас, а так как они не могли получить никаких приказов от находившагося в дальних краях императора, то и велели приостановить нововведения, обещав вместе с тем выхлопотать в Вьне отмену постановлений. Этот ответ возбудил в населении неопределенный восторг. В день это служило торжеством национальной оппозиции против правительства. Учиненные в честь штатгалтерской четы орации в театре, звон колоколов, блестящая иллюминация в столице, эти и тому подобные заявления торжественного настроения свидетельствовали не столько о лояльности и верности, за какие они выдавались, а скорее о сознании победы. Альберт и Христина праздновали поражение своего собственного дела. К умиленiu эрцгерцогини по поводу воздаваемых ей почестей примешивалось чувство страха: как-то отозвется на это известие император, брат ее.

Император и оппозиция. Иосиф получил вести из Брюсселя во время путешествия в Крым, предпринятого им с императрицею Екатериною. Он из Херсона слышал как можно скорее вернуться в Вьну. Как некогда Филипп II, так и Иосиф в поступках Нидерландцев признавал «прямые нападки на его самодержавие». Запершись в своем кабинете, он с свойственным ему трудолюбием разобрал все документы касательно положения дела. Известия о дальнейших незаконных поступках существенно утвердили его решение, отвергнуть уступки нидерландскаго местного правительства и настоять на исполнении преобразовательных планов. Боязливая робость наместников, как и следовало предвидеть, побуждала еще вождей оппозиции к новым проискамъ. Как в Голландии так и здесь партия оппозиции называлась «патриотами»: в городах размножались отряды добровольных ополченцев; появились национальные кокарды; всякий, кто показывался без значка этого патриотическаго настроения, подвергался оскорблениям; сам Бельгиозо не отважился выходить безъ такого знака. Главы возставшей партии, в особенности *ван дер Нюотъ и Вонкъ*, два адвоката при высшемъ суде в Брабанте, были могучее правительства и чиновников; они управляли клерикальною и демократическою толпою, къ которой затѣм примкнули старые консерваторы и партикуляристы.

Духовенство и дворянство поддерживали возстаніе денежными взносами.

Юль 6. в Брюссель пришли депешы из Вьны, которыми наместники Императорский вместе с министромъ Бельгиозо и несколькими депутатами из чинов рескрипта. всех провинций вызывались в дунайскую столицу. Император, какъ 6. юль 1787. было заявлено, желаетъ обсудить съ ними, какими путями лучше всего содействовать благоденствию края. Он отнюдь не намерен испровергнуть местную конституцию, какъ разглашалось злокозненными людьми, имевшими в виду лишь собственную пользу; он хочет только устранить недостатки, на какие во многих прошениях указывалось ему какъ на вредные для блага страны. Улучшениемъ судебного ведомства имется в виду установить болѣе скорое и не столь дорогое судопроизводство, а введениемъ окружнаго начальства—болѣе тщательное исполненіе и соблюдение законовъ. Он готовъ отечески извинить совершившіеся доселѣ незаконные поступки, въ надеждѣ, что депутаты съ нимъ и его уполномоченными доверчиво обсудятъ и порешатъ, какія мѣры необходимо принять для всеобщаго блага. Если эти ожиданія не исполнятся, то пусть они сами себя припишутъ послѣдствіямъ неповиновения.

Не смотря на умеренный тонъ императорскихъ посланий, они все-таки сильно взволновали умы. О возвратѣ указовъ в нихъ вовсе не упоминалось, а стягиванье войскъ, которое генералу графу Иосифу Мурраю поручено было отвезти для подкрѣпленія гарнизоновъ, отнюдь не предвѣщало уступчивости и умиротворения. Въ оппозиционныхъ кружкахъ стали обсуждать, посылать ли депутатовъ в Вьну, выпускать ли изъ Брюсселя чету наместниковъ; брабантские чины совѣщались, не обратиться ли къ Франціи за посредничествомъ. При всемъ томъ однако покорились обстоятельствамъ. Эрцгерцогиня съ мужемъ и депутаты в юль прибыли в Вьну. Но какой ужасъ возбудило сообщеніе имперскаго канцлера, что графъ Муррай, назначенный временнымъ генералъ-губернаторомъ комендантъ нидерландскихъ войскъ имется передать приказъ о томъ, чтобы исполнить императорскіе эдикты, собрать все подати, распустить отряды добровольцевъ, а главную семинарію безпрекословно открыть до 1. ноября. Это все въ напоминало Альбу; на самомъ же деле генералъ, шотландскій уроженецъ, вовсе не походилъ на испанскаго гранда. Вместо того чтобы подобно желѣзному герцогу подчинить страну власти меча, новый генералъ-губернаторъ пытался, напротивъ, укротить возбужденіе кроткими, миролюбивыми средствами; старался избѣжать междоусобія, онъ робкими поступками своими внушилъ оппозиции еще болѣе мужества и самоуверенности, такъ что не смогъ даже подавить мятежныя выходки, и отряды добровольцевъ, национальная гвардія, патриотическіе значки продолжали существовать по прежнему, а в Брюссель воздвигались баррикады, готовились къ уличнымъ боищамъ. Когда же наконецъ, съ целью побудить чиновъ разрѣшить крайне необходимыя ему субси-

дн, онъ издалъ прокламацію, въ которой именемъ государя ручался за сохраненіе существовавшей доселѣ конституціи, всѣхъ коренныхъ законовъ, привилегій, вольностей, и обѣщалъ возстановить церковныя административныя порядки, то въ Вѣнѣ убѣдились, что Мурраю не справиться съ важною задачею. А потому его въ немилостивыхъ выраженіяхъ отрѣшили отъ должности генераль-губернатора.

8. окт. Еслибъ Муррай болѣе отвѣчалъ возрѣніямъ своего государя, то Христина съ ея супругомъ, какъ нѣкогда Маргарита Пармская, едва ли вернулась бы въ Брюссель; но при теперешнихъ условіяхъ присутствіе ихъ въ Нидерландахъ казалось самою цѣлесообразною мѣрою.

Новое начальство и возвращеніе. Янв. 1788. Они съ наступившимъ новымъ годомъ вновь прибыли въ Брабантъ въ сопровожденіи генерала д'Альтона, честолюбиваго рѣшительнаго война, которому поручалось главное начальство надъ войсками, и графа Траутмансдорфа, благодушнаго, но отнюдь не энергическаго дворянина, поступившаго на мѣсто Бельгиозо. Вернувшись, намѣстники застали дѣла и настроеніе въ гораздо худшемъ видѣ, нежели они были до ихъ отъѣзда. Благодаря шаткой политикѣ за послѣдніе мѣсяцы, въ умахъ еще болѣе прежняго укрѣпилась надежда, что дальнѣйшимъ сопротивленіемъ въ концѣ концовъ удастся таки добиться отмѣны эдиктовъ. А потому приказъ новаго министра о томъ, что всѣ въ предшествовавшемъ году изданныя постановленія должны быть исполнены, встрѣтилъ самое рьяное противорѣчіе. Оппозиція духовенства противъ нововведеній въ церкви и въ системѣ преподаванія, протесты чиновъ противъ реформъ въ правительственномъ и судебномъ строѣ не только продолжались по прежнему, но подъ влияніемъ раздраженнаго настроенія толпы обнаруживались все сильнѣе и смѣлѣе. Само правительство раздѣлилось въ мнѣніяхъ: Траутмансдорфъ былъ за кроткія выжидающія мѣропріятія, а д'Альтонъ — за крутыя средства. При такихъ-то условіяхъ дѣло не обошлось безъ столкновеній. Когда главная семинарія въ Лёвенѣ была вновь открыта, а епископскія учебныя заведенія въ Антверпенѣ и Мехельнѣ были закрыты, и свѣтскіе факультеты университета перенесены въ Брюссель, то въ клерикальномъ мірѣ поднялась всеобщая тревога. Духовенство съ мехельнскимъ архіепископомъ, кардиналомъ Франкенбергомъ во главѣ, студенты, фанатическое населеніе большихъ городовъ — всѣ стали заявлять протесты и демонстраціи противъ новыхъ профессоровъ и противъ преобразования существовавшаго доселѣ учебнаго строя. Составлялись въ тайнѣ патриотическіе союзы клерикальнаго и демократико-революціоннаго оттѣнка (такъ называемые «Serments»), которыми организовалась и ободрялась оппозиція противъ правительства. Распространялись мятежныя памфлеты, роялисты подвергались оскорбленіямъ, даже побоямъ, мѣстами возникали мятежныя поступки. Велѣно было арестовать ванъ деръ Ноота, онъ од-

нако бѣжалъ въ Голландію и изъ Гааги, Лондона, Берлина ратовалъ противъ плановъ Іосифа, частью дипломатическими подвохами при чужеземныхъ дворахъ, частью подстрекательствомъ бельгійскаго народа. Всѣ патриоты должны были отстаивать и соблюдать исконныя права и учрежденія отцовъ какъ священный палладіумъ. Это былъ тщеславный, властолюбивый интригантъ, лишенный особенныхъ дарованій, и фанатическій приверженецъ всего традиціоннаго и коснаго, тогда какъ Вонкъ, его сотрудникъ въ дѣлахъ демагогіи, исполненъ былъ идеями демократической свободы и народнаго самодержавія, проникшими въ міръ изъ Америки и Франціи. Вонкъ хотѣлъ національными усиліями и самопомощью народа добиться освобожденія страны, тогда какъ ванъ деръ Ноотъ возлагалъ надежды на пособіе дружественныхъ иностранныхъ державъ. — Съ этой поры въ бельгійскихъ областяхъ возникло нѣчто въ родѣ войны, которую однако ни съ той, ни съ другой стороны не вели ни съ одушевленіемъ, ни съ доброю совѣстью. Эрцгерцогиня и ея мужъ въ душѣ не сочувствовали реформамъ; они все еще жили въ политическомъ и религіозномъ кругозорѣ Маріи Терезіи и охотно примирились бы съ духовенствомъ и дворянствомъ; даже Траутмансдорфъ только изъ повиновенія и по чувству лояльности къ своему государю отстаивалъ нововведенія. Однако у національныхъ властей также не хватало мужества приступить къ открытому возстанію. Въ собраніи брабантскихъ чиновъ гражданскіе депутаты городовъ большею частью отказались взимать налоги и разрѣшили только подати, назначенныя на содержаніе двора эрцгерцогини и ея мужа, желая тѣмъ заявить имъ свое довѣріе; дворянство и духовенство, напротивъ того, изъявили согласіе на полныя взносы. То же произошло и въ Геннегау, впрочемъ лояльно настроенной провинціи. Въ Вѣнѣ сочли это мятежемъ, и министръ Траутмансдорфъ объявилъ чинамъ, что Брабантъ лишился льготной грамоты и что впредь подати будутъ взиматься безъ разрѣшенія чиновъ. Убоясь насильственныхъ мѣръ, вѣдомство чиновъ выдало наконецъ свое разрѣшеніе и достигло такимъ путемъ отмѣны приказа, а въ Геннегау согласія добились при помощи войска, остальные провинціи подчинились добровольно. Правительство такимъ образомъ достигло, повидимому, своей цѣли; въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ дѣла безъ помѣхи шли своимъ порядкомъ. Теперь-то, думалъ императоръ, настала пора для того, чтобы со всею рѣшительностью привести въ исполненіе его реформы и навсегда подавить сопротивленіе духовенства и патриотовъ. Генеральнымъ чинамъ былъ сообщенъ императорскій указъ, въ силу котораго преобразовалось представительство третяго сословія, разъ навсегда утверждалось взиманіе податей, такъ чтобы государственные доходы были независимы отъ періодическихъ разрѣшеній, и брабантскій совѣтъ лишился права протестовать

Июль 1788.

7. Янв. 1789.

16. Юня 1789.

противъ императорскихъ эдиктовъ. Когда чины стали упорно сопротивляться этимъ требованіямъ, то д'Альтонъ окружилъ палату войсками, распустилъ собраніе, наложилъ запрещеніе на всѣ бумаги и граматы. Въ то же время кардинала-архіепископа призвали къ отвѣту по поводу мятежнаго духа въ Лёвенскомъ университетѣ и агитаторскихъ происковъ патеровъ и монаховъ.

Начало между-
усобія.

Въ Нидерландахъ господствовало состояніе близкое къ междуусобію, которому и пришлось вскорѣ разгорѣться. Однако, какаго исхода можно было ожидать послѣ того, какъ императоръ заболѣлъ въ Вѣнѣ, штатгальтеровъ вслѣдствіе явнаго ихъ несочувствія политикѣ Иосифа устранили отъ дѣлъ, а Траутмансдорфъ и д'Альтонъ жили въ разладѣ и противодѣйствовали другъ другу; сверхъ того революціонныя партіи во Франціи и Голландіи подстрекали Бельгійцевъ, содѣйствовали и помогали имъ; даже правительства въ Гаагѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, по недовѣрчивости къ честолюбивому абсолютизму австрійскаго державца и въ видахъ собственной политики, поощряли мятежныя движенія въ нидерландскихъ провинціяхъ. Вопреки строгимъ запретамъ и уголовнымъ законамъ выселеніе въ теченіе лѣта приняло широкіе размѣры; въ Люттихѣ и Бредѣ образовались даже комитеты эмигрантовъ, съ цѣлью доставлять оружіе и военные снаряды для народнаго возстанія. Вонкъ основалъ республиканское общество «для алтаря и очага», руководилъ мятежными интригами, ванъ деръ Ноотъ въ качествѣ «уполномоченнаго агента брабантскаго народа» велъ въ Бредѣ переговоры съ чужеземными правительствами и съ помощью распространенныхъ тайныхъ союзовъ поддерживалъ вмѣстѣ съ тѣмъ возстаніе въ собственной странѣ.

Іюль 1789.

Въ іюлѣ уже въ разныхъ городахъ, въ Тирлемонѣ, Монсѣ, Лёвенѣ, Антверпенѣ и др. дѣло доходило до мятежныхъ столкновеній членовъ патриотическихъ обществъ съ императорскими войсками и полицейскими отрядами. Движеніе приняло болѣе рѣшительный характеръ, когда Вонкъ въ епископской области Люттиха собралъ толпу переселенцевъ и въ связи съ остальными бѣглецами изъ голландскихъ порубежныхъ областей проникъ въ Брабантъ. Ни Вонкъ, ни ванъ деръ Ноотъ не могли взять на себя команду, а потому они вызвали удалившагося во Францію, бывшаго офицера *ванъ деръ Меерша* въ Бреду, гдѣ соединились обѣ патриотическія вооруженныя толпы, съ тѣмъ чтобы онъ принялъ главное начальство. Армія инсургентовъ состояла изъ нѣсколькихъ тысячъ плохо вооруженныхъ и необученныхъ ратниковъ, лишенныхъ орудій и амуниціи; нѣсколько австрійскихъ полковъ безъ труда одолѣли бы ихъ и обратили бы въ бѣгство, если бы только въ правительскихъ кружкахъ не господствовали безурядица, нерѣшительность и разладъ. Проникнувъ въ Брабантъ, ванъ деръ Меершъ въ Гоогштратенѣ издалъ отъ имени чиновъ прокламацію, по которой вслѣдствіе нарушенія подтвержденныхъ присягою правъ

Сент. 1789.

Иосифъ II. волею самодержавнаго народа лишается герцогской короны и всѣ подданные отрѣшаются отъ клятвы вѣрности. Узпавъ объ этомъ, д'Альтонъ послалъ генерала Шредера, съ тѣмъ чтобы отразить мятежниковъ. При видѣ императорскихъ отрядовъ инсургенты упали духомъ; они отступили и укрѣпились затѣмъ въ Турнгоутѣ. Желая поскорѣ подавить возстаніе, Шредеръ опрочетчиво напалъ на городъ, гдѣ ванъ деръ Меершъ занялъ укрѣпленную засѣками, окопами и баррикадами позицію, а жители, женщины и мужчины, съ крышъ и изъ домовъ поражали атакующихъ всякаго рода метательными снарядами и оружіями. Слѣдствіемъ было то, что Австрійцы послѣ пятичасоваго боя должны были отступить съ урономъ.

Этотъ исходъ незначительной стычки повлекъ за собою чрезвычайныя послѣдствія. Онъ послужилъ сигналомъ ко всеобщему возстанію Нидерландцевъ противъ императорскаго правительства. Въ Генгѣ отрядъ волонтеровъ съ помощью городской полиціи прогналъ австрійскій гарнизонъ и завладѣлъ цитаделю; вскорѣ затѣмъ вся Фландрія, Брабантъ и Геннегау взяли за оружіе. Опрочетчивость, нерѣшительныя и шаткія дѣйствія, полумѣры, всѣ промахи, какими отличались въ правительственныхъ кружкахъ, заразили также и армію. Находившіеся въ австрійской службѣ Валлоны толпами покидали свои полки и присоединялись къ патриотическимъ ватагамъ ванъ деръ Меерша. Никогда еще регулярныя войска великой воинственной державы не были такъ позорно поражаемы милиціей и добровольцами. И какое впечатлѣніе должно было произвестъ на инсургентовъ и на партію патриотовъ, когда Траутмансдорфъ, объятый ужасомъ, издалъ рядъ эдиктовъ, въ которыхъ обѣщаль возстановить конституцію, отмѣнить главную семинарію, устранивъ военныя мѣропріятія и даровать амнистію? Развѣ эти уступки не свидѣтельствовали о робости и слабости, развѣ они не должны были ободрять возставшихъ? Кто могъ поручиться въ томъ, что на этотъ разъ обѣщанія будутъ надежнѣе и дѣйствительнѣе прежняго? Вѣдь императоръ былъ еще живъ, хотя и изнемогалъ на одрѣ болѣзни. Чины значительнѣйшихъ провинцій собрались уже въ Брюсселѣ, съ тѣмъ чтобы, вступивъ въ соглашеніе съ ванъ деръ Ноотомъ и съ эмигрантами изъ Бреды, провозгласить независимость бельгійскихъ Нидерландовъ отъ Австріи. Пруссія, находясь изъ-за сумятицы въ епископствѣ Люттихѣ въ разладѣ съ императорскимъ правительствомъ, и республика Голландія тайкомъ поддерживали революціонную партію. Когда толпы инсургентовъ со всѣхъ сторонъ стали подходить къ Брюсселю, то Траутмансдорфъ побудилъ эрцгерцогиню и ея мужа уѣхать изъ страны. Съ сокрушеннымъ сердцемъ и съ чувствомъ страха намѣстники покинули тревожный край и направились въ Боннъ, гдѣ курфиреть Максимилианъ Францъ велѣлъ приготовить для нихъ жилище въ Поппельсдорфѣ.

26. окт. 1789.

Возстаніе по-
бѣдоносно
усиливается.

Ноябрь 1789.

Австрийцы по-
кидают Брюссель.

Отъездъ намѣстниковъ ускорилъ отпаденіе провинцій. У коменданта д'Альтона хватило бы еще средствъ на то, чтобы отстоять Брюссель противъ волонтеровъ и городскихъ милиціонеровъ; но возникшія между нимъ и министромъ распри тормазили всякія предпріятія. Для того чтобы устранить нападеніе на столицу, начальникъ заключилъ съ вождами инсургентовъ перемиріе на десять дней, что и дало революціонной партіи возможность приготовить все на досугъ для своихъ цѣлей. Городскихъ ополченцевъ успѣли увлечь къ независимости, императорскіе солдаты бельгійскаго происхожденія перешли къ инсургентамъ. Еще не прошелъ срокъ перемирія, какъ въ Брюсселѣ возникло давно уже подготовленное возстаніе.

10.—12. дек. 1789. Однимъ только энергическимъ военнымъ дѣйствіемъ можно было бы отстоять это средоточіе австрійскаго владычества. Но Траутмансдорфъ не позволилъ начальнику стрѣлять по гражданамъ; онъ зналъ о настроеніи въ высшихъ кругахъ и опасался, какъ бы его потомъ не привлекли къ отвѣтственности. Когда затѣмъ цѣлые отряды изъ императорскаго войска перешли къ патріотамъ, то послѣ двухдневнаго срока, проведеннаго частью въ боевыхъ подготовкахъ, частью въ переговорахъ, д'Альтонъ вынужденъ былъ очистить городъ; и вотъ онъ отвелъ въ Намуръ и Люксембургъ, словно разбитыхъ бѣглецовъ, храбрыхъ впрочемъ солдатъ, которые такъ охотно обнажили бы мечъ на врага. Вслѣдъ за ними отправились императорскіе чиновники, не успѣвъ захватить съ собою ничего кромѣ платя, которое было на нихъ; Траутмансдорфъ спасся въ Ахенъ. На слѣдующій затѣмъ день ванъ деръ Меершъ совершилъ свой вѣздъ въ Брюссель. Королевская казна съ тремя милліонами гульденовъ военная касса, архивъ съ важными документами касательно новѣйшихъ событій, пушки и множество оружія достались инсургентамъ. Прекрасная армія разсѣялась беспорядочными толпами; императорское владычество въ Брабантѣ, повидимому, прекратилось.

Республиканскій союзъ штатовъ.

Правленіе перешло теперь къ брюссельскому революціонному комитету. Ванъ деръ Нооту какъ поборнику свободы воздавались королевскія почести. На улицахъ по перекресткамъ вывѣшенъ былъ манифестъ, которымъ заявлялось, что императоръ лишенъ всѣхъ державныхъ правъ. Вицеканцлера Филиппа Кобенцля, котораго Юспфъ отправилъ въ Нидерланды въ качествѣ миротворца съ широкими полномочіями, не допустили до Брюсселя. Собравшіеся въ столицѣ главные чины всѣхъ провинцій въ началѣ новаго года образовали изъ себя верховное правительство «соединенныхъ бельгійскихъ штатовъ» съ самодержавнымъ «конгрессомъ», совмѣщавшее въ себѣ законодательную и исполнительную власть. Это оказалось несчастною попыткою влить новое вино въ старые мѣха. И въ самомъ дѣлѣ: демократическимъ вонкистамъ мерещилась уже республика въ томъ родѣ, какъ она устроилась въ Америкѣ и какъ имѣлась

въ виду во Франціи; тогда какъ приверженцы старой системы съ ванъ деръ Ноотомъ и аббатомъ ванъ Эйленомъ во главѣ стремились къ господству аристократико-клерикальныхъ сословій со всѣми отдѣльными правами, корпоративными и обособленными учреждениями и строго католическимъ единовѣріемъ. Извѣстіе объ этихъ событіяхъ разбило сердце большаго короля. «Ваша страна убила меня», говорилъ онъ, умирая, князю Карлу Іосифу Линье, постигшему въ Вѣну съ дурною вѣстью отъ императорской арміи: «утраченный Гентъ былъ моимъ послѣднимъ вздохомъ, а покинутый Брюссель — смерть моя». Февраля 20. онъ скончался. Его братъ и наслѣдникъ 20 февр. 1790. Леопольдъ ревностно старался вновь присоединить къ австрійскому владычеству отпавшія провинціи. Его стремленіе поощрялось самими Бельгійцами. И точно, республиканское правленіе не успѣло еще укорениться, какъ распался уже неестественный союзъ. Вонкисты, къ которымъ примкнулъ ванъ деръ Меершъ съ своими поборниками за свободу, вовсе не желали, взамѣнъ свергнутаго монархическаго самовластія обременить себя феодально-клерикальнымъ ярмомъ ванъ деръ Ноота и кардинала ванъ Франкенберга, предсѣдателя въ конгрессѣ. Имъ хотѣлось, подобно ихъ парижскимъ единомысленникамъ, ввести у себя новую конституцію, для разработки которой надлежало созвать всеобщее національное собраніе. Вонкъ въ брошюрѣ «Безпристрастный взглядъ на существующее положеніе въ Брабантѣ» пытался доказать, что только на основаніи народнаго самодержавія возможно установить законное правительство съ раздѣленіемъ трехъ властей. Тутъ-то на дѣлѣ оказалось, какъ мало устоя въ націи имѣла бельгійская революція. Ванъ деръ Ноотъ и его духовные и феодальные сообщники подстрекнули набожную чернь противъ либераловъ, такъ что въ Брюсселѣ возникло народное возстаніе, причемъ угрожали вонкистамъ, оскорбляли ихъ, разграбили ихъ дома. Ванъ деръ Меершъ, котораго не поддерживали въ кампаніи противъ императорскихъ войскъ и къ которому ванъ деръ Ноотъ привѣтилъ своего брата въ качествѣ кригсъ-коммисара и наблюдателя, былъ отставленъ, а главное начальство надъ республиканскимъ войскомъ поручили прусскому офицеру, Шенфельду. Когда же оскорбленный генералъ отъ имени арміи обратился къ конгрессу съ рѣзкимъ посланіемъ, угрожая контрреволюціей, то его преодолѣли и отправили арестантомъ въ антверпенскую цитадель, гдѣ онъ подвергся ругани и оскорбленіямъ грубыхъ сторожей. Духовенство и приверженцы старой системы господствовали въ краѣ и съ одинаковою яростью преслѣдовали какъ партизановъ Іосифа, такъ и демократическихъ патріотовъ. Монахи съ крестомъ въ одной — съ мечемъ въ другой рукѣ вели вѣрующихъ въ бой. Тюрьмы вскорѣ переполнились гражданами, которыхъ заключали помимо всякихъ судебныхъ формъ; неприкосновенность домашняго очага, тайна переписки, са-

16. марта 1790.

мыя дорогія гарантія конститудіи нагло попирались ногами. Въ столицѣ господствовала система ужаса и гнета. Кардиналъ ванъ Франкенбергъ и священники поджигали толпу къ крестовому походу не только противъ императорскихъ отрядовъ, которые послѣ отставки и послѣдовавшей затѣмъ смерти д'Альтона подъ начальствомъ генерала Бендера намѣревались со стороны Люксембурга вновь покорить край, но также противъ либеральныхъ воюющихъ, которые подъ вліяніемъ якобинскихъ эмисаровъ порывались къ демократической республикѣ. «Какъ жаль», воскликнулъ Камилль Демуленъ въ своей еженедѣльной газетѣ по поводу событій сосѣдней страны, «что эти патеры такъ портятъ брабантскую революцію». У социальнаго переворота, какъ во Франціи, такъ тоже и въ Бельгіи были свои высокородные покровители: герцогъ Урсельскій, графъ Маркскій изъ дома Аремберговъ, другъ Мирабо, виконтъ Валькьерскій и др.

Австрія вновь покоряетъ страну.

При такихъ-то далеко разошедшихся тенденціяхъ новое республиканское правительство не могло долго просуществовать. Къ нему, точно такъ же какъ и къ правленію Юсифа, примѣнимо было изреченіе: коль скоро царство само съ собою въ разладѣ, то оно не устойчиво. О превратностяхъ, какимъ подверглась бельгійская страна, мы узнаемъ въ другомъ мѣстѣ. Леопольдъ II. велѣлъ предложить конгрессу возстановленіе прежней конституціи во всемъ ея объемѣ, отнѣну всѣхъ преобразовательныхъ указовъ своего брата съ гарантіей Голландіи, Англіи и Пруссіи, и полную амнистію за все прошлое, если онъ разоидется, откажется отъ объявленія независимости и вновь подчиниться австрійскому владычеству. Когда же конвентъ чиновъ отрицалъ это предложеніе, то австрійскія войска вступили въ Бельгію. Многорѣчивыя воззванія къ бельгійскому народу касательно добровольнаго вооруженія не въ силахъ были создать дисциплинированныя войска. Послѣ легко одержанной побѣды надъ вооруженными шайками Шенфельда императорскія войска, не встрѣтивъ особеннаго сопротивленія, проникли въ Брабантъ и доставили намѣстниковъ Христину и Альбрехта опять въ Брюссель. Вожди партіи штатовъ, ванъ деръ Ноотъ и ванъ Эйпенъ, рассчитывали на помощь со стороны Голландцевъ и Пруссаковъ; однако Рейхенбахскимъ договоромъ отъ іюля 1720 политическое положеніе державъ измѣнилось. Вступленіе императорскихъ войскъ не встрѣтило никакихъ препятствій, и прежнее правительство безъ затрудненій было вновь возстановлено въ столицѣ Брабанта. Кардиналъ-архіепископъ самъ совершилъ молебствіе по поводу возврата габсбургскаго владычества. Республиканскіе члены чиновъ бѣжали за границу, и революція кончилась какъ сонъ, послѣ котораго не остается ничего кромѣ смутнаго воспоминаія. Бонкъ и ванъ деръ Меершъ успѣли перебраться во Францію, откуда въ связи съ голландскими и лютихскими эмигрантами содѣйствовали распространению

нью новыхъ идей въ родномъ краѣ. Вскорѣ затѣмъ они тамъ умерли. Леопольдъ II. также скончался въ наступившій послѣ того годъ; не прошло и двухъ лѣтъ какъ Французы овладѣли всѣми Нидерландами. Либералы и патриоты въ южныхъ и сѣверныхъ провинціяхъ, и въ особенности въ Лютихѣ приняли ихъ съ отверзтыми объятіями.

Подъ вліяніемъ событій въ сосѣднихъ краяхъ пылкое валлонское население въ Лютихѣ побудило принадлежавшаго къ нѣмецкой имперіи владыка и реакціонное дѣтельнаго епископа къ устраненію нѣкоторыхъ недостатковъ и къ реформѣ правленія. Дѣло въ томъ, что лютихские граждане въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ уже жаловались въ имперскомъ судѣ на превышеніе духовной власти, не добившись никакаго рѣшительнаго приговора. Наконецъ-то населеніе, возмущенное погромомъ Бастиліи, причемъ лютихская амазонка, Теруанъ де Меркуръ играла важную роль въ качествѣ бойкой народной ораторши, взялось за оружіе въ городѣ и въ селахъ и принудило епископа утвердить избранный народомъ новый магистратъ и разрѣшить разныя либеральныя требованія. Епископъ Константинъ Францъ не могъ отказать и согласился на все, но съ заднею мыслью, взявъ назадъ эти уступки, какъ только позволятъ обстоятельства. Успокоивъ городъ своею мнимою уступчивостью, онъ покинулъ тайкомъ страну и изъ Трира отрекся ото всего, на что по неволѣ согласился. Онъ обратился за помощію къ имперскому суду въ Вецларѣ, и эта палата, осмотрительность которой и умѣнье волочить дѣло вошли въ поговорку, вдругъ проявила поразительную энергію. Она осудила „гнусное покушеніе“ епископскихъ подданныхъ и пригрозила имперскою экзекуціей. Лютихские граждане не хотѣли отстать отъ пововеденій и готовились къ отпору; тогда сосѣднимъ имперскимъ владѣтелямъ, кельнскому и пфальцскому курфирстамъ, монстерскому епископу и королю прусскому какъ клевскому герцогу поручено было силою привести въ исполненіе экзекуціонный приговоръ. Пока войска подвигались къ границѣ, въ то время Пруссія, отрядъ которой въ 7000 человекъ при генералѣ Шлиффенѣ составлялъ ядро экзекуціонной арміи, старалась при содѣйствіи своего разумнаго и справедливаго комиссара фонъ-Дома добиться полюбовнаго соглашенія. Пусть граждане побудятъ магистратъ разойтись и примутъ вновь епископа какъ своего законнаго государя, въ такомъ случаѣ онъ обѣщаль имъ устранивъ всякія недостатки и всеобщую амнистію. Жители готовы были согласиться на эти условія; но уполномоченные отъ Пфальца и Кельна воспротивились такому соглашенію, а епископъ выхлопоталъ у имперскаго суда новый указъ, которымъ отвергалось прусское посредничество, повелѣвалось во всей строгости исполнить экзекуцію и безусловно возстановить прежнее положеніе. Тогда между комиссарами возникъ разладъ. Пруссія настаивала на своей миротворной политикѣ; король письменно заявилъ епископу, „что онъ скорѣе отзоветъ свои войска и откажется отъ миссіи, которую не можетъ исполнить по справедливости и съ честью, если тотъ не снизойдетъ къ разумнымъ уступкамъ“. Когда реакціонная партія одержала верхъ, то Фридрихъ Вильгельмъ II. на самомъ дѣлѣ отозвалъ свое войско и великодушно отказался отъ вознагражденія. Затѣмъ въ страну отправили новыя имперскія отряды; они однако понесли позорное пораженіе отъ лютихскихъ добровольцевъ. Пруссія еще разъ предложила свое посредничество; однако епископъ и имперскій судъ, опасаясь, что уступкою поощрятся будущія революціонныя элементы въ нѣмецкихъ порубежныхъ странахъ, настаивали на своемъ рѣшеніи. Они добились своего желанія, но въ вели-

Революціонное движеніе въ Лютихѣ.

26. нбр. 1789.

4. дек.

9. марта 1790.

16. апрѣля 1790.

чайший ущерб самимъ себѣ. Когда вслѣдствіе Рейхенбахской конвенціи у Пруссіи были связаны руки и брабантская республика была подавлена, то имперскій судъ поручилъ австрійскому правительству въ Брюссель, какъ представителю бургундскаго округа, исполнить экзекуцію. И вотъ, въ епископство вступило императорское войско; Пруссія не могла помѣшать тому, что лютихскіе граждане, которые надѣялись на ея посредничество и заступничество, покорились насилію и уплатили военныя издержки. Владѣтельный епископъ затѣмъ вернулся, заявилъ манифестомъ о томъ, что вновь вступаетъ во владѣніе страной и людьми какъ собственностью его церкви, сталъ преслѣдовать виновниковъ движенія и всѣхъ свободно мыслящихъ ужасными наказаніями. Бѣглецы и выходцы отправились во Францію и вмѣстѣ съ вонкистами изъ Бельгіи и патриотами изъ Голландіи содѣйствовали возстанію нидерландскихъ провинцій, а австрійскій гарнизонъ тѣмъ временемъ охранялъ городъ и епископство Лютихъ. Такимъ-то образомъ эти страны при нижнемъ Рейнѣ, при Маасѣ и Шельдѣ были подготовлены къ французскому владычеству.

Янв. и февр.
1791.
13. февр.
1791.

II. Германія и германскія великія державы.

Литература. 1. *Къ имперской исторіи* въ эпоху Фридриха Великаго и французской революціи: L. Häusser, Deutsche Gesch., 4. Aufl. Berlin 1869, 4 Bde; Perthes, Das deutsche Staatsleben vor der Revol., Hamb. und. Gotha 1845; W. Wenck, Deutschland vor hundert Jahren. Polit. Meinungen und Stimmungen bei Anbruch der Revolutionszeit. Leipz. 1887; W. A. Schmidt, Gesch. der preuss-deutschen Unionsbestrebungen seit Fr. d. Gr., Berlin 1851; C. A. E. v. Hoff, Deutschland vor der Revol. und nach dem Lün. Frieden, Gotha 1801—1805, 2 Bde. Сверхъ того упомянутыя уже сочиненія: K. A. Menzel (Neuere Gesch. d. Deutschen, Bd. 6) и Berghaus: Deutsche. vor hundert Jahren (XII 652); Reimann, Gesch. des bayr. Erbfolgekriegs, Leipzig 1869. Das Aktenmaterial in: Vollst. Sammlung von Staatschriften zum Behuf der bayr. Gesch. nach Absterben Kurf. Max. III., Frankf. 1778; v. Dohm, Über den deutschen Fürstenbund, Berl. 1785; Joh. v. Müller, Zur Gesch. des deutschen Fürstenb. (Bd. 24 s. samtl. W.); L. v. Ranke, Die deutschen Mächte und der Fürstenb. 2. Bd. Leipz. 1871. 1872.—2. *Къ исторіи Австріи*: Arneth, Maria Theresias letzte Regierungszeit, пока 2 тома (ст. 7. 8 въ упомянутомъ уже на 1. стр. сочиненія: Gesch. Mar. Th.); A. I. Gross-Hoffinger, Lebens- und Regierungsgesch. Josephs des Zweiten und Gemälde seiner Zeit, 4 Bde. Stuttg. 1842, 2. Ausg. Старѣйшія историческія сочиненія объ императорѣ Иосифѣ II: F. X. Huber (1792, 2 Bde.), Burckhardt (Meissen 1835, 2 Bde.), Heune (Leipz. 1848, 2 Bde.) замѣняются новѣйшими трудами: A. Jäger, Joseph II, und Leopold II., Reform u. Gegenreform, 1780—1792, Wien. 1869, v. Alf. Huber, Die Politik Kaiser Josephs II., beurteilt von seinem Bruder Leopold, Innsbr. 1877; Meunert, Kaiser Jos. II., ein Beitrag zur Würdigung des Geistes s. Reg. (Wien 1862). Fr. Koretzky, Joseph. und Franz von Sonnenfels. Wien 1882; W. Müller, Joseph von Sonnenfels. Wien. 1882; G. Frank, Das Toleranz-Patent K. Joseph II. Urkundliche Geschichte seiner Entstehung und seiner Folgen. Wien 1882.—Много свѣту о личностяхъ и событіяхъ распространяютъ разныя собранія писемъ, не только старыя письма Иосифа II., Лейпц. 1822, 2 т., но также изданныя въ новѣйшее время корреспонденціи Иосифа и Леопольда A. v. Arneth (Maria Ther. u Jos. II. Ihre Korresp. samt Briefen Josephs an seinen Bruder Leop., Wien 1867. 1868, 3 Bde.—

Joseph II. und Kath. v. Russland. Ihr Briefwechsel, Wien 1869.—Joseph II. u Leopold von Toscana. Ihr. Briefw. von 1781—1790, 2 Bde. Wien 1872), von Beer (Jos. II, Leop. II. u. Kaunitz. Ihr Briefw., Wien 1873.—Leop. II., Franz II. и Katharina. Ihre Korresp. Leipz, 1874), Seb. Brunner (Corresp. intimes de l'Emp. Jos. II. avec le comte de Cobenzl et le prince de Kaunitz, Mayence 1871), сверхъ того еще упомянутая уже книга: A. d. Wolf, Marie Christ. Erzherzogin v. Österr. Wien 1863, 2 Bde.—О дѣятельности Леопольда въ Тосканѣ: Reumont, Gesch. Toscanas, Bd. 2—3. Къ исторіи Пруссіи: къ часто приводимымъ (XII. 682; XIII, 1) сочиненіямъ объ исторіи Пруссіи и о Фридр. В. Ранке, Дройзена, Штенцеля, присоединимъ еще біографію: I. D. E. Preuss, Friedr. d. Gr. 4 B., Berlin. 1832 и сл. Carlyle (ср. XIII, 1), F. Förster (Leipz. 1842), Kugler (Leipz. 1860). Потомъ Oeuvres de Frederic le Grand, въ разн. изданіяхъ, особенно въ учиненномъ берлинскомъ академію при Фридр. Вильг. IV. (Berlin 1846—1857, 30 Bde. fol.), сверхъ того: Preuss, Friedrich der Grosse als Schriftsteller, Berlin 1837; Pröhle, Friedrich der Grosse und die deutsche Litteratur; F. Zeller, Friedrich der Grosse als Philosoph, Berlin 1886; Chr. W. Dohm, Denkwürdigkeiten meiner Zeit (1778—1806), 5 Bde., Lemgo 1814—1819; Riedel, Der brandenb.-preuss. Staatshaushalt in den letzten beiden Jahrhunderten, Berlin 1867; Rördenbeck, Finanzsystem Fr. d. Gr., Berlin 1838; A. Trendelenburg, Friedr. d. Gr. und. sein Grosskanzler Samuel von Cocceji. Berlin 1883; Adolf Stoelzel, Karl Gottlieb Svarez. Ein Zeitbild aus der zweiten Hälfte des achtzehnten Jahrhunderts. 1 Bd. Berlin 1885; Mirabeau, De la monarchie pruss. sous Fréd. le Gr. Lond. 1788, его же Hist. secrète de la cour de Berlin (1786—1787), 2 т. 1789; M. Dunker, Aus der Zeit Fr. d. Gr. und Fr. Wilh. III; Leipz. 1876; K. A. Menzel, Zwanzig Jahre preuss. Geschichte (1786—1806), Berlin 1849; Ségur, Hist. des princip. événements. du règne de Fréd. Guill II., 3 v., Par. 1800.

I. Нѣмецкая имперія при императорѣ Иосифѣ II

1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Намъ извѣстно, въ какомъ видѣ послѣ Вестфальскаго мира оказались конституція и общественныя условія германской имперіи и какъ они юридически просуществовали до распадения ея. Немошь и неспособность, на которыя мы не разъ указывали во всѣхъ жизненныхъ проявленіяхъ ея, отнюдь не исправились въ послѣдовавшемъ затѣмъ развитіи нѣмецкой исторіи. Отдѣльныя территоріи, самодовольно и самосознательно опираясь на собственную мощь, выступали, правда, сильнѣе прежняго изъ этого хаоса немощи и раздробленія, но чѣмъ болѣе они отторгались отъ имперіи или даже враждебно возставали противъ нея, тѣмъ безнадежнѣе и несостоятельнѣе оказывалось положеніе тѣхъ самодержавныхъ властей въ Германіи, которыя сами по себѣ неспособны были представить собою государство въ настоящемъ смыслѣ этого слова. При всемъ томъ болѣе половины нѣмецкой націи проживало въ такихъ уродливыхъ условіяхъ! Мы прежде уже изобразили развитіе болѣе крупныхъ и

Упадокъ въ имперіи.

сильных нѣмецких княжествъ (XII, 682, и сл., 694 и сл.). Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ народъ жестоко страдалъ подѣ гнетомъ державнаго деспотизма; но для того, чтобы постичь всю полноту бѣдствій національной, политической и матеріальной жизни въ окончателно погибавшей св. римской имперіи, слѣдуетъ обратиться къ тѣмъ вымершимъ и окоченѣвшимъ мелкимъ территориямъ, которыя въ видѣ патриархальныхъ помѣстій, духовныхъ владѣній или республиканскихъ общинъ словно призракныя, разложившіяся остатки мицувшаго развитія вторглись въ новую эпоху великихъ абсолютныхъ монархій. Мы ознакомились съ тѣми жалкими политическими созданіями, которыя въ качествѣ императорскихъ баронствъ и графствъ, епископствъ и аббатствъ, въ качествѣ имперскихъ городовъ и даже деревень сохраняли свое самодержавіе до самой эпохи Фридриха В. Изобразимъ здѣсь нѣсколько подробнѣе эти лишь въ общихъ очеркахъ нами нащеченныя, столь характеристичныя для Германіи государственныя системы.

Имперскія графства.

Въ самыхъ крошечныхъ имперскихъ княжествахъ и графствахъ,—говоритъ Гейссеръ,—въ областяхъ, гдѣ едва хватало простора для простой патриархальной администраціи, и тамъ даже покупились властвовать, и тамъ даже имѣлся свой дворъ, существовали министры, судопроизводство, церковная и учебная системы, финансы и военныя дѣла распределялись по отдѣльнымъ департаментамъ, и чѣмъ скорѣе мелкія средства могли возбудить сомнѣніе въ державномъ величьи, тѣмъ ревнивѣе соблюдалась полновластіе и установленное Божьей милостью самодержавіе. Въ этихъ областяхъ въ половинѣ прошлаго столѣтія вполнѣ процвѣтало все то, что въ другихъ мѣстахъ замѣнялось уже лучшими государственными началами и болѣе гуманными правами. Тамъ все еще господствовала та хвастливая скудость обширнаго придворнаго штата и чиновничества, тамъ царило еще эльдорадо чужеземныхъ авантюристовъ и прихлебателей, тамъ—въ ту самую эпоху, когда въ болѣе крупныхъ территорияхъ, какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ, появлялись доблестные державцы,—находились все еще мелкіе деспоты, варварскіе охотники и мучители крестьянъ, а не то личности, которыя въ самомъ жалкомъ видѣ гибли отъ пьянства и распутства. Въ такихъ-то рукахъ самодержавная власть была ужасною игрушкою, острымъ мечемъ въ рукѣ немощнаго младенца, слишкомъ слабая для дѣла, чрезвычайно сильная для забавы.

Имперское дворянство.

Области имперскаго дворянства находились еще въ болѣе жалкомъ и скудномъ положеніи: въ этихъ полугоратысячахъ дворянскихъ территорий, раскинутыхъ чрезвычайно мелкими участками и клочками по Швабій, Франконіи и по Рейну, на пространствѣ всего 200 квадратныхъ миль, владѣльцы пользовались правомъ издавать законы, облагать податью, чеканить монету, имѣть особую таможенную, свиту, почту, охоту, свое судопроизводство и свою полицію. Но дѣйствительныя условія власти и значеніе имперскаго дворянства въ жизни націй отнюдь не отвѣчали такимъ обширнымъ державнымъ правамъ. Въ болѣе крупныхъ государственныхъ территорияхъ дворянство давно подчинилось мѣстному правительству и оказалось весьма драгоценною и дѣльною силою на службѣ государства. Только на югѣ и на западѣ, тамъ гдѣ мѣстныя державныя власти не достигли преобладающаго значенія, оно, ревностно охраняемое императорами и

надѣльное нѣкоторыми преимуществами, все еще сохраняло свою свободу; въдѣ это дворянство въ связи съ другими мелкими имперскими чинами орапичивало власть мѣстныхъ державцевъ, искони съ преданностью подчинялось императорамъ и добротными субсидіями, замѣнявшими собою установленныя вносы, доставляло имъ финансовую поддержку. Извѣстнаго рода общаа организація по кантонамъ и округамъ соединяла дворянскую корпорацію и усиливала ея сопротивленіе и ея вліяніе. Однако упорно поддерживаемое самодержавіе не послужило дворянамъ во благо, а подданнымъ ихъ и подавно. Первые гибли и дичали въ тунеядствѣ и въ бездѣльной жизни, въ тщетной борьбѣ съ новыми порядками въ государствѣ и обществѣ, тогда какъ владѣнія ихъ являли ужасный видъ анархіи и глубокаго экономическаго упадка. Налоги и барщины вслкаго рода истощали народъ до мозга костей, а сверхъ того онъ лишался всѣхъ тѣхъ выгодъ, какія въ иныхъ мѣстахъ возникали вслѣдствіе болѣе обширнаго общества и болѣе устойчивой администраціи. Долги, безтолковое хозяйство, пагубныя и безчестныя финансовыя продѣлки,—вотъ чѣмъ отличались всюду дворянскія экономіи; безразсуднымъ подражаніемъ великимъ державцамъ, распутствомъ и пышностью ускорялся экономическій и нравственный упадокъ и наносился сильный вредъ значенію этого привилегированнаго сословія въ народѣ. Изъятыя отъ сношеній и торговли, лишеныя всѣхъ общественныхъ учрежденій для поддержки безопасности и матеріальнаго благоденствія, неспособныя выйти изъ самыхъ первобытныхъ бытовыхъ состояній, эти владѣнія, величиною съ одну пядь, представляли собою наскудный и жалкій видъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, заявляетъ Мозеръ, не нужно даже справляться о мѣстномъ владѣльцѣ, по всей деревнѣ и безъ того видно, что она дворянская. Эти всюду между большими территориями втиснутыя черезполосныя владѣнія служили притомъ тормазомъ для развитія первыхъ, и не было конца спорамъ, взаимнымъ перехватамъ и придиравкамъ. Всюду жаловались, что они мѣшаютъ спошеніямъ, нарушаютъ общественную безопасность, что при нихъ невозможны ни строгое судопроизводство, ни полиція. Въ дворянскихъ областяхъ, какъ утверждали, не въ состояніи развиться ни коммерческій, ни таможенный уставъ, тамъ вовсе нѣтъ превосходныхъ школъ, какія всюду существуютъ. За то тамъ расплодился бродяги, цыгане, нищие, янды и шарлатаны.

Изъ процвѣтавшихъ нѣкогда гордыхъ имперскихъ городовъ теперь преуспѣвали лишь немощіе. Въ восемнадцатомъ столѣтіи ихъ существовало еще пятьдесятъ девять числомъ; раздѣленные на рейнскіе и швабскіе города, они на сеймѣ составляли особую коллегію; однако значеніе ихъ для политической жизни націй давно рухнуло, а внутри исконныя средоточія живаго гражданскаго трудолюбія пришли какъ въ нравственный, такъ и въ матеріальный упадокъ; въ этихъ республикахъ всюду господствовали мелочныя торгашескія продѣлки. Они и теперь уже съ трудомъ оборонялись отъ мѣстныхъ державцевъ, при всемъ томъ дѣико держались неконныхъ гордыхъ формъ имперской непосредственности, но изъ нихъ улетучилась всякая жизненная сила. Окоченѣвшія учрежденія, семейныя олигархіи и жалкое безземельное крестьянство, дурное управленіе и судопроизводство, распушенность государственныхъ имуществъ и подкупность, распри между магистратомъ и гражданами, неоплатныя долги и экономическія бѣдствія—вотъ что господствовало во всѣхъ этихъ общинахъ, которыхъ вскорѣ все болѣе и болѣе стали превосходить столицы державцевъ. Процвѣтавшая прежде промышленность пала, ремесленный составъ населенія частью совсѣмъ окоченѣлъ, частью не въ силахъ былъ, вслѣдствіе несообразнаго цеховаго законодательства, развитъ свободную и самостоятельную дѣятельность. А за одно съ матеріальною силою утратились также и само-

Имперскіе города.

увѣренность и доблестное чувство свободы минувшихъ дней. Городскіе отряды имперской арміи служили предметомъ глумленія и насмѣшки. Такое состояніе не смогло уже выдержать болѣе сильныхъ потрясеній. Имперскіе города, отрѣшенные отъ умственного движенія націи, лишившись всѣхъ выгодъ, какал государственная жизнь доставляла на болѣе обширномъ поприщѣ, глубоко упавъ въ матеріальномъ благосостояніи, и въ то же время ослабѣвшие и оконечѣлые, безъ всякаго живаго порыва vybrаться изъ этого разстройства, а гордые лишь тѣнью прежняго величія и минувшей славы— въ такомъ видѣ они могли бы, пожалуй, еще прозябать въ мирное время, но не въ силахъ были устоять подъ бурей, нагрянувшей съ новою міровою эпохою. Они за одно съ духовными областями и съ владѣніями мелкихъ имперскихъ державцевъ подверглись одинаковой участи: въ нихъ всего сильнѣе скопились матеріалы броженія, и они скорѣе всего подвергались всякому революціонному напору. Оттого-то они за одно съ послѣдними быстрѣе всего пали подъ натискомъ новаго времени.

Духовныя владѣнія.

Духовныя владѣнія подобно только что изображеннымъ территориямъ тоже составляли неисцѣлимую язву политическаго строя въ Германіи, странное созданіе іерархическихъ идей средневѣковья, которое словно распавшаяся развалина вторглось въ новѣйшую эпоху. Намъ извѣстны уже тяжкія недуги, какими поражены были эти церковно-свѣтскія государства. Изъ нихъ все болѣе и болѣе составлялись благотворительныя заведенія для дворянства и болѣею частью даже не для туземнаго; богатые доходы— вотъ все чѣмъ интересовались духовные владѣтели и капитулы, управляя страной; народъ страдалъ подъ нравственнымъ и матеріальнымъ гнетомъ, который отзывается еще до нынѣ. Тутъ ничто уже не побуждало, — какъ въ свѣтскихъ государствахъ, благодаря заботѣ о династіи и потомствѣ, — пещься о производительныхъ средствахъ края, облегчать тягости народа, умѣрнить гнетъ аристократіи и феодализма, поднять силы гражданъ и крестьянъ, возстановить стройное и бережливое хозяйство; напротивъ, здѣсь самымъ составомъ господствовавшего класса поощрялось еще сохраненіе аристократическихъ злоупотребленій, поддерживались прежнія несообразности. Когда иной разъ появлялся благомыслий и энергичнѣйшій духовный владѣтель, то онъ неминуемо встрѣчалъ самое цѣлкое противодѣйствіе со стороны своекорыстной и замкнутой олигархической капитулы, а болѣею частью краткосрочное духовное правленіе и безъ того мѣшало проводить прочныя реформы. Описанія Гейссера и Пертеса въ выше приведенныхъ ихъ сочиненіяхъ представляютъ мрачную картину залученнаго и безобразнаго состоянія этихъ духовныхъ княжествъ. Однако эпоха Фридриха и Иосифа повліяла также на владѣнія духовенства, хотя, конечно, слишкомъ поздно для того, чтобы отвратить ихъ неминуемую гибель. Пристрастіе къ реформамъ, просвѣщенный абсолютизмъ, вольный умственный порывъ эпохи во вторую половину восемнадцатаго столѣтія проникли также и въ соборныя капитулы: въ духовныхъ курфиршествахъ при Рейнѣ, въ епископскихъ владѣніяхъ въ Вестфалии, при Майнцѣ и въ другихъ мѣстахъ обнаружилось ревностное стремленіе, вывести народъ изъ ступня и бездѣйствія, открыть новые пути образованію и промысламъ. Въ Кельнѣ, гдѣ *Клементъ Августъ* Баварскій процарствовалъ тридцать семь лѣтъ (1724—1784) съ королевскимъ блескомъ, воздвигъ замки и пышныя зданія, тароватою рукою награждалъ и угощалъ свою свиту, тамъ оба его преемника, бережливый *Максъ Фридрихъ Кенигсбергскій* 1763—1784) и *Максимиліанъ Францъ* (братъ императора Иосифа) посвятили свои заботы улучшенію учебной системы и судопроизводства, пытались сокращеніемъ праздниковъ и поощреніемъ промышленности поднять благосостояніе страны. — Въ *Мюнстерѣ*, гдѣ съ давнихъ поръ кельнскій курфирсть былъ также епископомъ, каноникъ

Кельнъ.

Мюнстеръ.

Фридр. Вильм. Францъ Фюрстенбергъ, который съ семилѣтней войны былъ тамъ министромъ и однимъ изъ самыхъ лучшихъ духовныхъ государственныхъ дѣятелей, оказалъ весьма благотворное вліяніе въ духѣ Фридриха II. Много пострадавшій отъ войны край былъ поднятъ, бремя долговъ было облегчено, замедлѣніе и промышленность поощрялись бдительнымъ попеченіемъ, во всѣхъ сферахъ маленькаго государства пробуждались жизнь и движеніе, заботились о лучшихъ школахъ и дѣльномъ воспитаніи духовныхъ лицъ, администрація, судопроизводство и полиція были приведены въ такое состояніе, какаго не существовало ни въ одной изъ церковныхъ областей. — Въ курфиршествѣ *Триръ*, гдѣ послѣ простаго старообычнаго Франца Георга Шёнборна и пристрастнаго къ роскоши, расточительнаго Иоанна Филиппа Вальдерндорфа на архіепископскій престолъ вступилъ (1768) саксонскій принцъ *Клементъ Венцеславъ*, старое и новое направленія ратовали другъ противъ друга. Старовѣрческій принцъ, преданный знати и художественнымъ наклонностямъ своей фамилии, въ душѣ былъ, правда, чуждъ новымъ идеямъ, но и онъ даже ввелъ разныя улучшения для подъема промышленности и трудолюбія, предпринялъ реформы въ учебной системѣ, способствовалъ эдиктомъ о вѣротерпимости отъ 1783 года водворенію протестантскихъ торговцевъ и фабрикантовъ въ своей области. Въ курфиршествѣ *Майнцъ*, съ 1763 года царствовалъ *Эммерихъ Иосифъ Брейдбахъ*, благородный, разумный мужъ, „котораго украшали добродѣтели чистѣйшаго благоволенія и безпредѣльнаго добродушія, щедрый безъ расточительности, благочестивый епископъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельный, бдительный правитель“. Онъ велѣлъ заложить новыя дороги и облегчить узы, обременявшія торговлю; онъ не сочувствовалъ идеямъ просвѣщенія въ дѣлахъ вѣры, однако подъ господствомъ гуманныхъ и кроткихъ воззрѣній эпохи произвелъ реформы въ церковной и монастырской системѣ, улучшилъ школы и оказывалъ терпимость къ нововѣрцамъ. Но въ государствѣ, гдѣ на 320,000 жителей приходилось 2928 особъ духовнаго званія и 2200 состоявшихъ на жалованьи чиновниковъ, тамъ даже этотъ благонамѣренный и весьма добросовѣтный государь не былъ въ состояніи исцѣлить недуги. Только тотъ, кто насчитывалъ по малой мѣрѣ шестнадцать предковъ могъ занять мѣсто въ капитулѣ архіепископства, получившаго свой гербъ отъ благороднаго Виллигиса, сына колесника. Преемникъ Брейдбаха, *Фридрихъ Карлъ Иосифъ Эрталъ*, прелата съ французскимъ образованіемъ и французскими нравами, сочувствовалъ вольтеровскому просвѣщенію и какъ бы тщеславился своею терпимостью, такъ что собиралъ вокругъ себя нѣсколько литературныхъ знаменитостей протестантскаго вѣроисповѣданія, а именно Иоанна Мюллера, Форстера, Земмеринга, Гейнцъ; но въ своей дѣятельности вообще онъ все-таки былъ слабодушный князь, который подчинялся женщинамъ, придворнымъ и относился благосклонно только къ монастырскому дворянству, къ священникамъ и монахамъ. Благодаря потребностямъ и пышности многочисленнаго дворянства и не менѣе многочисленнаго духовенства въ Майнцѣ прокармливалось ужасное множество дѣловыхъ туендцевъ, посредниковъ или орудіи ихъ роскоши, и упомянутый выше прототипъ праздности, невѣжества и чувственнаго наслажденія воспиталъ также въ народѣ изнѣженность, пустоту и легкомысліе, составлявшія какъ бы фізіономію духовнаго населенія. Въ послѣднее десятилѣтіе правленія Эрталя коадьюторомъ его былъ *Карлъ Теодоръ Дальбергъ*, къ избранію котораго много способствовали поднесенные прусскимъ министромъ Герцбергомъ подарки каноникамъ. — Въ франконскихъ соборныхъ капитулахъ, *Бамбергъ* и *Вюрцбургъ*, съ 1779 по 1795 годъ благотворно царствовалъ *Францъ Людвигъ Эрталъ* по примѣру Фридриха II. Онъ устранилъ множество злоупотребленій, превосходно устроилъ администрацію и судопроизводство, при-

Триръ.

Майнцъ.

Бамбергъ.
Вюрцбургъ.

велъ въ порядокъ финансы, ввелъ образовое призрѣніе бѣдныхъ, школы, поддерживалъ въ университетѣ свободомыслие и направленіе и духъ терпимости. Въ Вюрцбургѣ въ духовныхъ кружкахъ царил радужная общительность, просвѣщенный непринужденный тонъ и научный интерес.— Въ рѣзкой противоположности съ этими духовными государствами съ ихъ довольно кроткимъ правленіемъ, состояли остальные южногерманскія владѣльческія епископства, гдѣ за одно съ умственнымъ просвѣщеніемъ избѣгались также всякія матеріальныя и нравственныя улучшения. Однако въ народѣ и тутъ также кое-гдѣ уже обнаруживались смутныя порывы къ новому строю; во всѣхъ сословіяхъ проникло уже убѣжденіе въ томъ, что духовныя владѣчества оказываются несостоятельными. Реформы еще болѣе обнаружили недуги и возбуждали разрастающуюся страсть къ нововведеніямъ. Ни одна изъ нѣмецкихъ государственныхъ системъ не пала подъ напоромъ французскихъ революціонныхъ движеній такъ легко, какъ духовныя; ихъ порывъ къ реформамъ былъ какъ бы вечернею зарею, освѣтившею ихъ гибель.

Преобразова-
тельные по-
пыткы Иосифа II.

Насколько неисцѣлимы были недуги и насколько уже вымерли формы имперскихъ учрежденій, это въ самомъ яркомъ свѣтѣ обнаружилось, когда Иосифъ II., достигши 1764 сана римскаго короля, а въ слѣдующій затѣмъ годъ, по смерти своего отца Франца I., императорской короны, еще разъ попытался внушить силу и жизнь оконченному тѣлу. Намъ скоро придется ознакомиться съ преобразовательнымъ рвеніемъ, какое въ своихъ австрійскихъ наслѣдственныхъ земляхъ обнаружилъ молодой державецъ, увлекаемый своими человѣколюбивыми идеалами. Бразды правленія въ Австріи тогда находились еще въ рукахъ Маріи Терезіи, и дѣятельному государю пришлось свои порывы къ преобразованіямъ ограничить пока скудными предѣлами имперіи. Но его попытки, произвестъ реформы въ Германіи могли только навсегда отбить охоту къ нововведеніямъ. Онъ началъ съ имперскаго суда, пытался очистить имперскій придворный совѣтъ отъ самыхъ явныхъ золь взяточничества, пристрастія, проволочекъ въ дѣлопроизводствѣ, назначилъ комиссію для ревизіи верховнаго судилища. Однако мощь закоренѣлыхъ привычекъ оказалась сильнѣе вспыхнувшей ревности благонамѣреннаго государя. Имперское судопроизводство нисколько не улучшилось; послѣ девятилѣтнихъ безплодныхъ трудовъ члены ревизіонной комиссіи разошлись во враждѣ другъ противъ друга, а Иосифъ вовсе не былъ способенъ вопреки всѣмъ препятствіямъ энергически добиваться предназначенной цѣли. Онъ скоро отказался отъ неблагородной попытки, вдохнуть жизнь въ это оконченнѣе твореніе, и обратилъ свое вниманіе на политику територіальнаго расширенія власти, чему весьма благопріятствовали условія въ Баваріи.

1767.

2. Война за баварское наслѣдство и союзъ государей.

Баварское на-
слѣдіе.

Съ курфирстомъ Максимилианомъ Иосифомъ (XII, 710) вымерла про-
30 дек. 1777 исходившая отъ императора Людвигъ линія виттельбахскаго до-

ма, и на престолѣ вступила пфальцская отрасль въ лицѣ Карла Теодора. Австрійская политика воспользовалась этимъ случаемъ, съ цѣлью осуществить давно желѣянные ею поползновенія на счетъ Баваріи. Съ трудомъ подобрали стародавнія притязанія. Извѣстно, что въ 1429 году еще дѣло о наслѣдіи Штраубингера было покончено императорскимъ приговоромъ, и что тогда же герцогъ австрійскій, Альбрехтъ, заявилъ о своихъ правахъ на преемство. Въ рѣшеніи отъ 1429 г. герцога Альбрехта вовсе обошли, и съ тѣхъ поръ никому и въ голову не приходило вновь перерывать этотъ запыленный трехсотлѣтній архивный хламъ. Теперь же, когда вымерла баварская линія, сказанное рѣшеніе упразднилось само собою, и въ силу вступила мнимая ленная грамота отъ 1426 года, подлинность которой донинѣ подлежитъ сомнѣнію и которою императоръ Сигизмундъ поддерживалъ будто бы права герцога Альбрехта. Мы здѣсь не станемъ въ подробности излагать тяжеловѣсное здапіе юридическихъ доводовъ, какое созидалось обѣими сторонами на основѣ сомнительныхъ, во всякомъ случаѣ за давностью недѣйствительныхъ грамотъ въ доказательство и опроверженіе австрійскихъ притязаній; современники и потомство единодушно согласились въ томъ, что габсбургскія притязанія были совершенно ничтожны и несостоятельны; самъ вѣнскій дворъ съ печистою совѣстью приступилъ къ дѣлу и лишь мало по малу, и то только по настоятельному требованью выступилъ съ своими юридическими доказательствами. Хотя австрійскія требованья были крайне шаткаго свойства, однако алчный до завоеваній императоръ Иосифъ все-таки мнилъ этими отжившими грамотами придать призрачное право своей политикѣ захвата и округленія. Легкомысленный курфирстъ Карлъ Теодоръ вовсе не имѣлъ наслѣдниковъ и не питалъ никакой любви къ упавшему краю; застигнутый врасплохъ лукавою австрійскою дипломатіей и поставленный въ безвыходное положеніе, онъ былъ напуганъ угрозами и опасаясь, какъ бы Австрійцы не овладѣли всею Баваріей, и какъ бы другія державы тоже не заявили алчныхъ требованій; а потому онъ согласился на договоръ, которымъ 3. янв. 1778. притязанія Иосифа на Нижнюю Баварію, на область Миндельгеймъ въ Швабіи и богемскіе лены въ Верхнемъ Пфальцѣ были признаны законными. За то подтвердилось право наслѣдія рудольфинской отрасли виттельбахскаго дома на остальную часть Баваріи; курфирсту обѣщали сверхъ того даровать разныя преимущества многимъ незаконнорожденнымъ дѣтямъ его и повысить ихъ въ санѣ. Австрійскіе отряды вскорѣ заняли имѣвшуюся въ виду область; не смотря на противорѣчія со стороны чиновъ по поводу такого раздробленія края, казалось, что при тогдашнемъ политическомъ строѣ предпріятіе безъ труда удастся. Иностранныя державы были запутаны въ свои собственныя дѣла; а отъ самой имперіи печего было опасаться

Пруссія про-
тивъ австрій-
скихъ прятя-
заній.

сопротивленія, хотя насильственный поступокъ императора и угрожалъ существованію всѣхъ имперскихъ членовъ.

Однако, тутъ вновь возникли ревность и противорѣчіе со стороны другой нѣмецкой великой державы. Не смотря на сближеніе, какаго вскорѣ послѣ своего выбора въ императоры домогался Иосифъ съ великимъ прусскимъ соперникомъ, не смотря на личное свиданіе въ Нейссъ (августа 1769) и моравскомъ Нейштадтѣ (сентября 1770), между обоими государями все-таки не состоялись прочныя и искреннія дружескія отношенія. Иосифъ съ чувствомъ, сложившимся изъ удивленія и зависти, изъ уваженія и ненависти, смотрѣлъ на геніальнаго престарѣлаго короля; но ревность и недоувѣрчивость не покидали его души, точно также и Фридрихъ никогда не льстил себя надеждою вступить съ Австріей въ искреннюю дружбу. Королю ни за что не хотѣлось допустить угрожавшее расширеніе австрійскаго дома, черезъ-чуръ усиливавшее его положеніе въ южной Германіи; онъ счелъ это нарушеніемъ равновѣсія, покушеніемъ на свободу и учрежденія имперіи и рѣшилъ всеми средствами дипломатіи, юриспруденціи, а въ крайности даже оружія, воспротивиться габсбургскимъ захватамъ. Согласившись съ энергической пфальцграфиней Анной Маріей, вдовою баварскаго герцога Клементя, съ цвейбрюкенскимъ герцогомъ Карломъ, ближайшимъ наслѣдникомъ послѣ предстоявшей смерти не имѣвшаго законныхъ дѣтей курфюрста Карла Теодора, онъ обратился за помощію къ Франціи какъ къ поручительницѣ Вестфальскаго мира, потомъ протестовалъ на Регенбургскомъ сеймѣ противъ договора объ уступкѣ. Прусскій король вошелъ также въ соглашеніе съ Фридрихомъ Августомъ III. Саксонскимъ, который въ качествѣ сына сестры покойнаго баварскаго курфюрста имѣлъ притязаніе на аллодіальное наслѣдство и былъ въ нѣкоторомъ родѣ оскорбленъ Австріею; король подкрѣпилъ свои войска саксонскими. И вотъ началась томительная игра переговоровъ и полюбовныхъ сдѣлокъ, обмѣнъ дипломатическихъ нотъ и полемическихъ доводовъ, чему даже возникшія широкія вооруженія и открытіе враждебныхъ дѣйствій не положили конца. Эта чернильная война по поводу баварскаго наслѣдства породила сотни ученыхъ статей и возбуждала остроуміе цеховыхъ юристовъ и дипломатовъ до ужасающей по истинѣ плодовитости.

Война за ба-
варское на-
слѣдство.
Юль 1778.

Императрица Марія Терезія стала осторожна и робка, такъ что она охотно согласилась бы на миръ, но гордый и честолюбивый императоръ настаивалъ на войнѣ. Онъ самъ отправился къ арміи, собравшейся въ Богеміи, а въ юль Пруссаки вновь вторглись въ гористый край, гдѣ бывало такъ часто между ними и Австрійцами рѣшалась борьба. Но полководцы минувшихъ дней, самъ король Фридрихъ, братъ его Генрихъ, фельдмаршалъ Лаудонъ утратили прежнюю энергію и рѣшительность, такъ что *борьба за баварское*

наслѣдство была жалкимъ подобіемъ семилѣтней войны. Утомительные переходы, выжидающія другъ противъ друга позиціи, мелкія аванпостныя перестрѣлки или стычки—вотъ въ чемъ состояла вся эта однолѣтняя война или эти «вооруженные переговоры». Изнуряющая трудность лагерной жизни, малодушное настроеніе Маріи Терезіи, опасеніе, что вопреки всѣмъ усиліямъ, все-таки не въ состояніи будутъ справиться съ соединенными Пруссаками и Саксонцами, истощеніе края,—все это, наконецъ, склоняло даже воинственный пылъ императора Иосифа къ миру. А къ тому же еще и надежда на французскую поддержку не осуществилась, тогда какъ русское вмѣшательство, напротивъ того, вызванное Пруссіею, грозило исполниться на дѣлѣ и обнаружилось уже въ весьма ясныхъ заявленіяхъ вѣнскому двору. Пруссаки, правда, не предпринимали никакаго рѣшительнаго удара, а напротивъ, съ наступленіемъ зимы изъ богемскихъ квартиръ вернулись въ Саксонію и Силезію, однако военный и политическій перевѣсъ былъ, безспорно, на ихъ сторонѣ; это сознаніе усилило мирное настроеніе при вѣнскомъ дворѣ. При всемъ томъ военныя операціи продолжались въ теченіе всей зимы, и еще 28 февраля Австрійцы безъ всякой нужды страшною бомбардировкою испепелили пограничный прусскій Нейштадтъ.

23. февр.
1779.

Тешенскій
миръ.

Однако, благодаря французскому и русскому посредничеству, переговоры въ теченіе зимы подвинулись настолько, что обѣ стороны согласились касательно предварительныхъ условій. Съ 10. марта въ Тешенѣ открылся мирный конгрессъ, въ то же время было назначено перемиріе. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль удалось наконецъ устранить все препятствія и заключить *Тешенскій миръ*. Австрія от- 13. мая 1779.
реклась отъ обширныхъ притязаній, какія она на основаніи мнимыхъ наслѣдственныхъ правъ и договора отъ 3. января 1778 заявила на Баварію, и получила путемъ уступки округа при Иннѣ съ Браунау лишь скромную долю имѣвшагося въ виду приобрѣтенія. Въ угоду прусскому королю Австрія отказалась отъ всякаго противорѣчія по поводу слиянія франконскихъ княжествъ Ансбаха и Байрейта съ Бранденбургомъ; предстоявшее упраздненіе ихъ давно уже возбуждало габсбургскую ревность, и этотъ вопросъ занималъ важную роль въ мирныхъ переговорахъ. Саксонія за свои аллодіальныя притязанія получила верховную власть надъ шенбургскими владѣніями, которыя въ качествѣ косвеннаго богемскаго леннаго имѣнія служили поводомъ къ неприятымъ оскорбленіямъ съ саксонскимъ правительствомъ, потомъ еще 4 милліона талеровъ вознагражденія отъ курфюрста Карла Теодора. Обѣ посредническія державы, Россія и Франція, гарантировали миръ.

Императоръ Иосифъ послѣ этихъ событій не упускалъ, однако, слу- Недовѣріе къ
чая, извлекать изъ имперіи пользу въ интересахъ Австріи. Разныя помянутыя Ио-
нарушенія имперскихъ учреждений, продолжавшіяся дѣйствія свое- сифа.

властия и насилия противъ слабѣйшихъ имперскихъ чиповъ, — все это возмущало умы, возбуждало опасеніе, что императоръ замышляетъ обширные планы, съ цѣлью низвергнуть существующія условия въ Германіи, содѣйствовало попыткамъ Фридриха, имѣвшаго въ виду поколебать традиціонное вліяніе, какимъ въ имперіи все еще пользовалась габсбургская держава. Жалобамъ на императорскіе захваты не было конца, и поводомъ къ этимъ неудовольствіямъ служили не одна только мелочныя дѣла, но также явные признаки обширныхъ честолюбивыхъ замысловъ, какіе преслѣдовались юнымъ императоромъ. Избраніе брата его, Максимилиана, въ коадьюторы въ Кельнѣ и Мюнстерѣ, чего успѣлъ добиться Іосифъ, возбудило справедливыя опасенія касательно усиленія австрійскаго вліянія на сѣверѣ и западѣ; слѣдовало опасаться, что соборныя капитулы, одинъ за другимъ, перейдутъ въ руки императорской династіи, и такимъ путемъ господство послѣдней надъ сеймомъ черезъ-чуръ усилится. Обширныя секуляризаціи церковныхъ имуществъ, незаконное и неправильное отдѣленіе австрійскихъ областей отъ духовной юрисдикціи иностранныхъ учредителей, а именно въ пассивскомъ приходѣ, обнаруживали уже, что императоръ не обращаетъ никакого вниманія на традиціонное подчиненіе церкви; все это возбуждало опасенія относительно подобныхъ насильственныхъ мѣръ въ имперіи. Духовные владѣтели, находившіеся, конечно, всегда на сторонѣ католической имперіи, сильно встревожились и вознегодовали по этому поводу. Опасеніе и тревога усилились еще болѣе, когда явно обнаружилось, что Іосифъ отнюдь еще не покинулъ своихъ видовъ на Баварію, а напротивъ, намѣревался инымъ путемъ приурочить это владѣніе къ своему дому.

Нидерландск.
проектъ об-
мѣна.

Обладанію бельгійскими Нидерландами императоръ придавалъ относительно подчиненное значеніе. Вѣдь имъ то и дѣло угрожала Франція, а по договору съ Голландцами они какъ въ торговомъ, такъ и въ военномъ отношеніи стѣснялись закрытіемъ устья Шельды и «барьерною системою» по случаю занятія пограничныхъ крѣпостей. У нихъ были иные интересы, чѣмъ вообще въ имперіи, и своимъ сочувствіемъ къ западнымъ державамъ они зачастую тормозили свободное движеніе австрійской политики. Вѣнская дипломатія, какъ мы видѣли (стр. 61, 74), не разъ уже безъ сожалѣнія предлагала въ обмѣнъ этотъ край. Гораздо сильнѣе, напротивъ того, прельщали ее округленіе Австріи при посредствѣ присоединенія Баваріи, расширеніе императорской власти надъ южною Германіей, болѣе тѣсная связь съ итальянскими владѣніями! Курфирстъ Теодоръ готовъ былъ согласиться на этотъ планъ. Въ Баваріи онъ всегда чувствовалъ себя чужеземцемъ, тогда какъ воспоминанія юности переносили его въ бельгійскій край; сверхъ того его прельщали еще ожидаемые доходы и блескъ «бургундскаго королевства». Императоръ,

правда, предполагалъ отдѣлить Люксембургъ, Лимбургъ и Намуръ, съ тѣмъ чтобы пріобрѣсть взаменъ ихъ Сальцбургъ, безъ котораго не могъ обойтись обширный проектъ округленія; но курфирстъ согласился бы даже на это ограниченіе, надѣясь свои родовыя владѣнія, Пфальцъ и Юлихъ-Бергъ слить съ новымъ владѣніемъ въ одну обширную рейнскую территорію. Въ то же время обратились также къ герцогу Карлу Цвейбрюкенскому, какъ къ ближайшему родственнику, добываясь его согласія на предполагаемый договоръ; однако тутъ встрѣтили рѣшительный отказъ.

Когда вѣсть объ этихъ тайныхъ переговорахъ обнаружилась, то она возбудила ужасную тревогу. Опасеніе по поводу широкаго захватывающихъ стремленій императора возникло вновь съ полною силою. Въ расиряхъ съ Голландіей (стр. 292), у которой Іосифъ хотѣлъ вынудить отмѣну закрытія Шельды и барьернаго права, этихъ оковъ Бельгіи, опять проявился его рѣзкій, презирающій всякіе договоры пошибъ. А тогдашній политическій строй вообще благопріятствовалъ Австріи болѣе, чѣмъ когда либо. Сближеніе, какое императоръ Іосифъ устроилъ при личномъ свиданіи въ Могилевѣ съ императрицею Екатериною (іюня 1780), повело къ союзу, которымъ существенно опредѣлились политическія комбинаціи на цѣлое десятилѣтіе. Хотя эта связь главнѣйше направлена была противъ Турціи, однако ею очень хорошо можно было воспользоваться также и въ западныхъ дѣлахъ, въ которыхъ была запутана Австрія, и Пруссія въ особенности оказалась въ опасномъ и тревожномъ положеніи. Іосифъ не безъ расчета далъ Русскимъ возможность занять Крымъ, не потребовавъ для себя никакихъ выгодъ. Такимъ образомъ онъ добился, что русская политика добродушно отнеслась къ его захватнымъ планамъ въ Германіи. Франція все еще находилась въ добрыхъ отношеніяхъ съ Австріей; она же была обезсилѣна внутренними безурядицами, англійскою войною и ея послѣдствіями, а сверхъ того надѣялась даже при обмѣнѣ пріобрѣсть кое-что для себя, или, по крайней мѣрѣ, подчинить своему вліянію новое нидерландское государство. На непосредственное вмѣшательство Англии въ континентальныя смуты въ то время тоже нечего было рассчитывать. Такимъ образомъ Іосифу удалось бы исполнить свои планы, не встрѣтивъ возраженій извнѣ. Однако, тѣмъ еще энергичнѣе возстали на этотъ разъ нѣмецкія княжества.

Общее положе-
ніе благо-
пріятствуетъ
Австріи.

И прежде уже царилъ мысль о томъ, чтобы тѣсными союзами от-
дѣльныхъ имперскихъ членовъ создать охрану, какой нельзя было
ожидать болѣе отъ тяжелыхъ на подъемъ формъ совокупной имперіи.
Самая существенная разница между возникшими теперь и прежними свя-
зями состояла въ томъ, что религіозный вопросъ тутъ не игралъ уже
никакой роли; протестантскій характеръ союза вовсе не обнаружи-

Основаніе кня-
жескихъ сою-
зовъ.

вался, тѣмъ болѣе что самая главная цѣль его состояла въ сохраненіи католическаго курфиршества и цѣлости имперскихъ владѣній. Покушенія императора Иосифа только ускорили давно уже замышляемые проекты княжескихъ ассоціацій. Въ средѣ мелкихъ и среднихъ имперскихъ чиновъ, а именно — марграфа Карла Фридриха Баденскаго и Цвейбрюкенскаго двора, не разъ уже возникала мысль объ имперскомъ союзѣ мірскихъ и духовныхъ князей на защиту отъ захватныхъ поползновеній императора — въ связи съ Франціей или Пруссіей; вслѣдствіе чего Фридрихъ II. горячо ухватился за эти проекты. За недостаткомъ иной европейской опоры имперія казалась ему въ нѣкоторомъ родѣ поддержкою. Подъ конецъ жизни онъ опять вернулся къ попыткамъ, какія имѣлъ уже въ виду во время силезскихъ войнъ и которыя отчасти, но еще не вполне осуществилъ во Франкфуртскомъ союзѣ (стр. 29), съ тѣмъ чтобы въ противовѣсъ исконному габсбургскому вліянію создать болѣе тѣсный союзъ нѣмецкихъ имперскихъ членовъ подъ веденіемъ Пруссіи. Политика Вестфальскаго міра вновь возстала противъ стремленія, придать императорской монархіи болѣе реальное содержаніе и укрѣпить ее въ ущербъ самодержавнымъ княжествамъ. Тутъ еще разъ столкнулись два политическія направленія, которыя въ исторіи Германіи получили уже роковое значеніе: съ одной стороны габсбургско-австрійскія попытки воспользоваться Германіею для расширенія и округленія владѣній своего собственнаго дома, а съ другой — стремленіе княжествъ ограничить до самыхъ крайнихъ размѣровъ эти вновь возникшія императорскія покушенія, въ случаѣ нужды даже вовсе вытѣснить ихъ изъ имперіи. Самое дѣло возникло по личной инициативѣ Фридриха и могло осуществиться лишь благодаря его рвенію. Начавшись сперва договорами между Пруссіей, представителемъ которой былъ министръ Герцбергъ, Ганноверомъ и Саксоніей, этотъ *княжескій союзъ* скоро значительно расширился. Впослѣдствіи сюда присоединились Саксенъ-Веймаръ и Гота, Цвейбрюкенъ, Курмайнецъ, Брауншвейгъ, Баденъ, Гессенъ-Кассель, Ангальтъ, Мекленбургъ и другіе имперскіе члены. Что касается до Курмайнца, важнаго по своему положенію въ курфиршеской коллегіи и по званію имперскаго канцлера, то въ дѣлѣ его присоединенія баронъ Штейнъ впервые проявилъ свои дипломатическія дарованія, а благосклонный приемъ предложенія со стороны Ганновера былъ главнѣйшею заслугою Карла Августа Гарденберга, который служилъ тогда въ Брауншвейгѣ, а впослѣдствіи занималъ должность прусскаго статсъ-канцлера.

Содержаніе и значеніе княжескаго союза. Цѣлью этого союзнаго трактата была поддержка существовавшей системы государствъ и имперскихъ учреждений; владѣтели условились единодушно дѣйствовать на рейхстагѣ, охранять имперскіе суды отъ императорскаго самоуправства и отстаивать права и владѣнія

всѣхъ вообще имперскихъ чиновъ. Въ тайныхъ статьяхъ сверхъ того уговорились, энергично воспротивиться предполагаемому обмѣну областей и тому подобнымъ проектамъ, секуляризаціямъ и раздробленіямъ, а въ крайнемъ случаѣ возстать даже общими вооруженными силами. Итакъ, этотъ союзъ по своей основной цѣли, поддержать имперскій законный строй, германское и европейское равновѣсіе, былъ вполне консервативнаго свойства; онъ еще разъ имѣлъ въ виду утвердить независимость владѣтельныхъ князей, «нѣмецкую свободу» въ смыслѣ Вестфальскаго мира. Хотя въ немъ и заключались въ предѣлахъ прежняго имперскаго правленія зародыши новой политической организациі, объединенія союзныхъ государствъ подъ прусскою гегемоніею съ рѣшительнымъ вліяніемъ ея на имперскія дѣла въ противень императорскому насилию, однако этимъ зародышамъ не суждено было развиваться. Не было никакой возможности добиться дальнѣйшаго развитія этой ассоціаціи союзныхъ государствъ, которая, сложившись въ виду настоятельныхъ потребностей и опасностей, обеспечивала неизмѣнное существованіе полной княжеской власти, но распадалась вслѣдствіе разныхъ противорѣчій и исключительныхъ интересовъ. Когда опасность отъ австрійскихъ захватовъ миновала и творецъ союза, Фридрихъ В., умеръ, то эта связь все болѣе и болѣе утрачивала свое прежнее значеніе. Попытки патристическаго веймарскаго герцога, Карла Августа, воспользоваться союзомъ для рѣшительной реформы имперскихъ учреждений, создать національное единство, добиться общаго нѣмецкаго свода законовъ для гражданскаго и уголовнаго права, основательнаго улучшения имперской юстиціи, оживленія всего имперскаго законодательства и дѣятельности рейхстага, — ограничились одними достохвальными начинаніями. Майнцскій курфирстъ и его коадьюторъ Дальбергъ также пеклись о поддержкѣ союза, но опять-таки иными болѣе осторожными путями. Въ концѣ концовъ все ограничивалось одними проектами и намѣреніями. Во всякомъ случаѣ союзъ былъ полезенъ для Пруссіи: онъ обуздалъ неукротимое честолюбіе императорскаго соперника, возвелъ въ протекторы его Фридриха В., который до сихъ поръ все еще считался нарушителемъ священныхъ уставовъ имперіи, поднялъ въ Германіи прусское и, наоборотъ, подрылъ австрійское вліяніе, отбилъ у габсбургской династіи всякую охоту возвращаться къ замысламъ Карла V. и Фердинанда II.

II. Австрія послѣ Губертусбургскаго мира.

1. послѣднее время царствования Маріи Терезіи; юность и принципы Иосифа II.

Внутреннія ре-
формы Маріи
Терезіи.

Пылкая преобразовательная ревность юнаго императора не въ силахъ была расшевелить и подвинуть окопѣвшую имперскую систему. За то весьма плодотворная почва представилась въ этомъ отношеніи въ австрійскихъ наслѣдныхъ областяхъ: тутъ ограниченныя въ правахъ и преимущества чины не противопоставляли неодолимыхъ преградъ самодержавной власти монарха. Марія Терезія уже, какъ извѣстно изъ прежнихъ главъ (напр. стр. 58 и пр.), въ теченіе сорокалѣтняго царствованія въ связи съ своимъ умнымъ и образованнымъ министромъ Кауницемъ устранила разные недостатки, ввела цѣлесообразныя перемѣны, совершила нѣсколько реформъ въ существовавшихъ учрежденіяхъ. Армія и военная система подъ руководствомъ графовъ Дауна, Ласки и другихъ боевыхъ и стратегически образованныхъ мужей подверглись совершенному переустройству, причемъ образцомъ служили прусскія учрежденія. Судопроизводство было преобразовано улучшеніемъ законовъ и судебныхъ формъ, отмѣною пытки и другими перемѣнами въ духъ времени. Супругъ Маріи Терезіи, императоръ Францъ I., который отлично постигалъ торговлю и экономію и обладалъ болѣе талантами купца, нежели дипломата и воина, водворилъ порядокъ и бережливость въ финансовое управленіе и государственное хозяйство, не нарушая впрочемъ обычнаго великолѣнія и блеска при дворѣ; въ связи съ графомъ Гаугвицемъ (стр. 59) онъ придалъ лучшее устройство обору пошлинъ и податей. При всемъ томъ вслѣдствіе дорого стоившихъ войнъ не хватало обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, такъ что пришлось не только прибѣгать къ иноземнымъ пособіямъ, но сверхъ того еще ввести бумажныя деньги. — Марія Терезія, какъ извѣстно (стр. 61), старалась основаніемъ академій и школъ, поощреніемъ научныхъ заведеній, поднять образованіе высшихъ слоевъ и народа, воспитать дѣльное чиновничье сословіе. Подъ ея веденіемъ австрійское правительство старалось также ввести порядокъ и единообразіе въ общинныя учрежденія, въ ремесленную и цеховую систему и подчинить ихъ надзору городскаго вѣдомства, отмѣнить все еще существовавшее хотя не по имени, но на самомъ дѣлѣ крѣпостничество крестьянъ въ нѣмецкихъ областяхъ, ограничить барщину, поднять земледѣліе, промышленность и торговлю. Преобразовательная дѣятельность Маріи Терезіи простиралась даже на церковныя дѣла, хотя она, какъ не разъ уже упоминалось нами, не сочувствовала болѣе свободнымъ религіознымъ воззрѣніямъ эпохи.

Правительство удерживало за собою право разрѣшать папскія грамоты, учебная система все болѣе и болѣе отрѣшалась отъ вліянія духовенства, число праздниковъ сократилось, льгота духовенства отъ податей ограничилась, нѣкоторыя изъ монастырскихъ учреждений согласно съ духомъ времени были преобразованы. Когда императрицу убѣдили, что тайны исповѣди ея сообщаются въ Римъ, то она послѣ нѣкотораго колебанія привела въ своемъ государствѣ въ исполненіе папское брево, которымъ уничтожалось общество Іисуса.

Въ Венгріи совмѣстное управленіе съ Австріей не встрѣтило никакихъ особенныхъ препятствій. Хотя старые законы и уставы не совсѣмъ соблюдались, не католикамъ приходилось страдать отъ антипатіи «короля» Маріи Терезіи и нѣкоторыхъ фанатическихъ магнатовъ и прелатовъ; хотя въ послѣдніе годы ея царствованія, самовластная система все болѣе проникала также и въ венгерскую государственную жизнь, по смерти графа Лудвига Батіани (1765) вовсе не назначались палатины, не собирався болѣе сеймъ; хотя вѣнскій дворъ старался приурочить въ Венгріи нѣмецкіе права и нѣмецкое образованіе; не смотря на все это венгерская нація слишкомъ довѣрилась доброй волѣ, мудрости, справедливости и правдивости императрицы, такъ что прежнія страсти не пробуждались болѣе, мятежныя анархическія выходки минувшихъ дней не дерзали болѣе обнаруживаться. Благодаря утвержденію общихъ нормальныхъ правъ великимъ «поземельнымъ уставомъ», крестьянскія условія тоже подверглись благотворному преобразованію и развитію, нисколько не нарушивъ правъ и привилегій высшихъ сословій. Этотъ законъ опредѣлялъ права каждаго собственника или владѣльца въ принадлежавшей ему землѣ, и неопредѣленная прежде барщина для крѣпостныхъ замѣнилась теперь опредѣленною и ограничивалась извѣстными днями въ недѣлю.

По смерти своего супруга, 18. августа 1765, Марія Терезія передала своему сыну Иосифу отцовскую должность соправителя въ габсбургскихъ наслѣдныхъ владѣніяхъ, тогда какъ курфирсты возвели его въ преемника на нѣмецкій императорскій престолъ; императрица, впрочемъ, такъ же мало какъ и покойнаго мужа, допускала сына вліять на правленіе и государственныя дѣла; первый, какъ извѣстно, соучаствовалъ въ финансахъ, а сынъ по преимуществу — въ арміи и военномъ вѣдомствѣ. Ее пугалъ порывистый, пристрастный къ повешествамъ правъ высокоодареннаго, но чересчуръ живо и страстно стремившагося къ реформамъ сына ея. Однако, въ послѣдніе годы царствованія императрицы обнаруживались признаки, свидѣтельствовавшіе, что Иосифъ и государственный канцлеръ Кауницъ пользовались все болѣе широкимъ вліяніемъ на политику и на государственную жизнь въ дунайской имперіи. Австрія, какъ узнаемъ впоследствии, принимала участіе въ раздѣлѣ

Марія Терезія
и Венгерцы.

Иосифъ сопра-
витель.

Польши, и даже сама несправедливымъ захватомъ Ципскихъ городовъ подала первый поводъ къ этому роковому насильственному акту; а во время турецкой войны вѣнскій кабинетъ понудилъ порту уступить Буковину, и Темесварь вмѣстѣ съ Банатомъ онъ соединилъ опять съ Венгріей; вся эта политика расширения была скорѣе дѣломъ Іосифа и государственнаго канцлера, нежели императрицы; про нее говорили даже, будто она со слезами приняла свою долю въ польской добычѣ, Галицію и Лодомерию. Мы видѣли, какъ она мало сочувствовала поползновеніямъ своего сына на Баварію. Но мысль, округлить свое государство виттельбахскою областью, до того проникла въ плоть и кровь императора Іосифа, что вся его иностранная политика, въ особенности его союзъ съ Россіей, внушались и руководились желаніемъ, пріобрѣсть въ видѣ возмездія Баварію. При помощи Екатерины надѣялся онъ добиться разстроенаго Фридрихомъ Великимъ плана.

Марія Терезія
и ея семья.

Ноября 29. 1780 г. скончалась Марія Терезія, государыня съ выдающимися качествами, не только какъ владѣтельница на первомъ изъ христіанскихъ престоловъ въ ту тревожную эпоху, но также какъ жена и мать въ семейномъ кружкѣ и въ высшемъ обществѣ. Она до конца жизни соблюдала не разъ восхваляемыя нами семейныя добродѣтели. Къ покойному мужу она сохранила любовь и вѣрность, какія оказывала ему при жизни, даже за гробовой доской въ теченіе пятнадцатилѣтняго вдовства. Изъ ея шести дочерей мы упоминали уже о трехъ: вторая была намѣстницей въ Нидерландахъ, обѣ младшія, Марія Антуанетта и Каролина были королевами Франціи и Неаполя; первая и третья постриглись и были игуменьями въ Прагѣ и Инсбрукѣ; четвертая вышла замужъ за пармскаго герцога. Изъ сыновей ея мы тоже знаемъ уже троихъ, Іосифа, ея соправителя и наслѣдника, Леопольда, тосканскаго великаго герцога, и Максимилиана, послѣдняго кельскаго и мюнстерскаго курфирста архіепископа; четвертый, эрцгерцогъ Фердинандъ, былъ женатъ на наслѣдницѣ изъ дома Эсте. Наполеонъ, какъ узнаемъ впоследствии, лишилъ его правъ на герцогство Модену, однако сынъ впоследствии вступилъ-таки въ наслѣдіе матери.

Мать и сынъ.

За послѣдніе годы Марія Терезія обнаружилили крайне натянутыя отношенія между матерью и сыномъ; это было естественное вліяніе ихъ разнородныхъ воззрѣній и принциповъ. Императрица подъ старость все болѣе и болѣе внимала совѣтамъ камариллы, состоявшей изъ духовныхъ и аристократическихъ особъ, въ особенности кардинала Мигацци, вѣнскаго архіепископа; тогда какъ Іосифъ находился во главѣ противоположной партіи, которая пыталась и къ габсбургскимъ странамъ также пріурочить современные идеи, водворить въ средневѣговья составныя части наслѣднаго царства то государственное единство, которому Пруссія одолжена своею мощью. Марія Терезія сѣтовала на недостатокъ дѣтскаго почтенія со стороны сына, а послѣдній жаловался на то, что мать такъ мало довѣряетъ ему. Несогласіе не дошло еще до разрыва, и противорѣчія

умѣрялись, благодаря единственно ловкости государственнаго канцлера Кауница: сочувствуя скорѣе порывавшейся впередъ натурѣ Іосифа, онъ все-таки успѣлъ удержать за собою прежнее довѣріе императрицы.

Іосифу было тридцать девять лѣтъ отъ роду, когда онъ сталъ Основное воз- единовластителемъ во всемъ австрійскомъ царствѣ, и жаждавшей зрѣніе Іосифа. славныхъ подвиговъ душѣ его открылось широкое поприще дѣятельности. Іосифа II. не даромъ прозвали истиннымъ сыномъ его эпохи: въ немъ отразились все тѣ черты, съ какими мы ознакомились на прежнихъ страницахъ. Онъ, какъ самъ увѣрялъ, былъ «исполненъ фанатизма во благо государства», но различные народы онъ считалъ лишеною собственной воли массою, которую можно образовать по своему желанію; онъ никакъ не могъ понять, отчего бы одинъ и тотъ же законъ не могъ годиться для всѣхъ областей и для всѣхъ людей. Вѣдь благо для всѣхъ одно, заявилъ онъ въ одномъ изъ своихъ постановленій, а потому и націи, религія, сословія и т. д. не должны быть различныя. «Монархія», писалъ онъ своему брату, «должна составлять единую, во всѣхъ учрежденіяхъ и повинностяхъ однородную область», «единую массу, руководимую одинаковымъ способомъ». Онъ къ государственному организму примѣнялъ военныя понятія централизаціи и одноформенности, къ которымъ привыкъ какъ высшій начальникъ арміи при Маріи Терезіи, а потому и пытался все свои области и народы связать узами однообразныхъ учреждений, законодательства и управленія, въ качествѣ «философскаго монарха» понудить своихъ подданныхъ къ разумному жизнебыту и душевному уряду.

Своимъ образованіемъ и умственнымъ развитіемъ Іосифъ былъ одолженъ Воспитаніе и скорѣе собственной любознательности и пытливости. Венгерскій графъ юность Іо- Баттіани, которому Марія Терезія поручила первоначальное воспитаніе сына, былъ суровый воинъ и пытался строгою воинскою дисциплиною смирить пылкій нравъ своего питомца; извѣстный статсъ-секретарь Бар- тенштейнъ, весьма свѣдущій ученый, руководившій научнымъ преподаваніемъ, утомлялъ живой пытливый умъ принца бедантическими подробностями и сухостью. Для своего преподаванія онъ самъ написалъ даже историческія сочиненія въ нѣсколькихъ фолиантахъ. На умственное развитіе Іосифа болѣе всего повліялъ Карлъ Антонъ Мартини, профессоръ естественнаго права при Вѣнскомъ университетѣ. Этотъ знаменитый законовѣдъ въ духѣ рациональной философіи той эпохи выводилъ и развивалъ понятія о юридическомъ строѣ изъ отвлеченныхъ принциповъ естественнаго права, врожденнаго человѣчеству; отъ него молодой принцъ и заимствовалъ воззрѣніе, что все существующее и исторически сложившееся должно уступить мѣсто законамъ разума и естественному юридическому состоянію. Въ отрочѣ уже можно было подмѣтить все тѣ главныя черты и свойства, которыя придали особый историческій отпечатокъ государю на престолѣ: ловко сложенный, порывистый и живой въ движеніяхъ, онъ ненавидѣлъ всякаго рода застои; отличныи гимнастикъ,

онъ обладалъ сердцемъ, исполненнымъ чувства и благороднаго человѣколюбія, дѣйтельнымъ своевольнымъ умомъ, сангвиническимъ, склоннымъ ко всему идеальному темпераментомъ, по вмѣстѣ съ тѣмъ нетерпѣливымъ, вспыльчивымъ нравомъ и сильнымъ своеволиемъ. „Непрестанный порывъ господствовать, дѣйствовать, разрушать и созидать, быстрый и пылкій нравъ“,—говоритъ Легеръ,—„который однако, встрѣтившись съ препятствіями также скоро вновь остывалъ, неутомимое побужденіе къ вѣднѣйшей дѣятельности, чѣмъ отличается его царствованіе,—все это обнаружилось уже въ быстрой походѣ, въ порывистыхъ жестахъ, а еще болѣе въ своемъ нравѣ и вспышкахъ отрока, проявившихся въ отношеніи къ его учителямъ и воспитателямъ, почему Марія Терезія и говорила обыкновенно: „Мой сынъ Іосифъ не способенъ повиноваться“.

Жизнь и образъ мыслей.

Для такой природы лучшимъ школою оказывается сама жизнь, личное наблюденіе надъ человѣческимъ обиходомъ; и этимъ-то Іосифъ пользовался болѣе чѣмъ кто-либо изъ государей. Онъ объѣхалъ чуть ли не всѣ европейскія страны, не съ тѣмъ чтобы наслаждаться празднествами и разсѣяться, а напротивъ, чтобы изучать свѣтъ и людей. Безъ всякой пышности, сопровождаемый небольшою скромною свитою, онъ подъ именемъ графа Фалькенштейна посѣтилъ всѣ значительные города Европы. Въ Пармѣ онъ вступилъ въ сношеніе съ корифеями высоко образованныхъ общественныхъ кружковъ, съ наиболѣе выдававшимися научными и политическими знаменитостями, и своимъ умомъ, своимъ любезнымъ нравомъ и своею начитанностью возбуждалъ всеобщее удивленіе. Фридрихъ В. послѣ свиданія въ моравскомъ Нейштадтѣ хвалилъ дѣятельный умъ молодого государя, который освободился отъ суевѣрія своего дома и ревностно читаетъ сочиненія Вольтера. Съ какимъ бы удовольствіемъ Іосифъ повидался лично съ „фернейскимъ мудрецомъ“, но Марія Терезія запретила своему сыну, посѣтить „патріарха теринности“. На Апеннинскомъ и Шпринейскомъ полуостровахъ Іосифъ знакомился съ искусствомъ и общественнымъ бытомъ. Брачная жизнь его лишена была радостей и продолжалась недолго, какъ будто сама судьба хотѣла вознестъ его превыше личныхъ и домашнихъ интересовъ и направить на великіе вопросы и интересы народной и государственной жизни. Первая его супруга, Изабелла Пармская, прекрасная, но слабая здоровьемъ, рано скончалась; вторая жена, Іосифа Баварская, не въ состояніи была овладѣть его сердцемъ и вскорѣ послѣдовала за первую; единственная дочь его умерла восьми лѣтъ отъ роду. Тамъ Іосифъ всецѣло посвятилъ себя государству и своимъ идеямъ. Ему хотѣлось освободить и осчастливить человѣчество и избавить его отъ зла, но мѣрило и прототипы его созданій и реформъ найдены въ собственной его душѣ, въ его личной волѣ и въ творческихъ его стремленіяхъ. А эти творческія стремленія все-таки подчинялись власти обыденныхъ воззрѣній, во многихъ отношеніяхъ зависѣли отъ измѣнчивыхъ человѣческихъ созиданій, за которыми признавалась лишь условная, ограниченная истина. Образовавшись на воззрѣніяхъ Мартини объ естественномъ правѣ,—завлечетъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ,—императоръ не признавалъ и не уважалъ историческаго развитія. Онъ не обинуясь низвергалъ стародавнія учрежденія церкви и государства, если они противорѣчили его идеалу политическаго строя, того абсолютнаго господства, которое стремилось озарить народъ свѣтомъ просвѣщенія, признать волю державца воплощеннымъ государственнымъ разумомъ и все нити управленія совокупить въ рукѣ государя.

2. Іосифъ II. Единодержавный монархъ.

а. Отношеніе Іосифа къ церкви и папству.

По письмамъ Іосифа къ кардиналу Герцану, своему посланнику въ Римѣ и къ салцбургскому архіепископу, Іерониму графу Коллоредо, «достойнѣйшему преемнику св. Рупрехта», которыхъ Гросъ-Гоффингеръ напечаталъ во второмъ томѣ своего историческаго сочиненія, видно, что императоръ твердо рѣшился приступить къ преобразованію церкви и государства. Первому писалъ онъ: «Съ той поры, какъ вступилъ на престолъ и сталъ носить первый вѣнецъ въ свѣтѣ, я сдѣлалъ философію законодательницею моего царства. Согласно съ ея логикою Австрія получить иной видъ. Презирая суевѣріе и садукеевъ, я хочу освободить отъ нихъ свой народъ. Въ виду этого распущу монаховъ, отмѣню монастыри и подчиню епископамъ ихъ округи. «Въ Римѣ», говоритъ онъ далѣе, «сочтутъ, пожалуй, вмѣшательствомъ въ права Божьи, если все это совершится безъ одобренія раба рабовъ, тамъ скажутъ, пало величіе Израиля, если закономъ возбранится, чтобы сыны Левія присвоили себѣ монополію человѣческаго разума». Въ другомъ письмѣ значится: «Внутреннее управленіе моихъ областей слѣдуетъ пересоздать безъ оличностей. Государство, въ которомъ я царствую, должно управляться по моимъ принципамъ, предрасудки, фанатизмъ, раздоръ партій и рабство должны быть изгнаны; пусть каждый изъ моихъ подданныхъ пользуется свойственною ему отъ рожденія свободою». Его дѣятельный, жаждущій подвиговъ умъ разомъ охватилъ всѣ области общественной жизни.

Собственное признание въ письмахъ.

Прежде всего надлежало преобразовать въ духѣ времени церковныя и религіозныя условія, вытѣснить католицизмъ изъ его единовластія, вывести государство и его самодержавнаго главу изъ недостойнаго положенія подчиненности. Цѣлымъ рядомъ указовъ Іосифъ II. почти совершенно отрѣшилъ отъ Рима духовенство своего государства и подчинилъ его правительственной власти, закрылъ многіе монастыри, сократилъ число монаховъ, даровалъ терпимость некаатоликамъ, ограничилъ вѣднѣйшія формы богослуженія, противопоставилъ церковному ханжеству уставы практически дѣятельнаго человѣколюбія, пытался разсѣять суевѣріе народа: все это рѣзко поражаало габсбургскія традиціи, систему Фердинандовъ.

Церковныя и религіозныя реформы.

Тамъ между прочимъ въ первые же два года единодержавія Іосифа всѣмъ архіепископамъ, епископамъ и духовнымъ владыкамъ въ австрійскихъ наслѣдственныхъ областяхъ строжайше запрещалось безъ предварительнаго предьявленія свѣтскимъ вѣдомствамъ и безъ разрѣшенія на то высшей власти принимать папскія буллы и бреве или предписанія и постановленія

Ограниченіе папскою властью. 26. марта. 1781.

иноземных начальствъ. Даже распоряженія, поученія и пастырскія посланія епископовъ къ ихъ прихожанамъ прежде обнародованія должны были домогаться разрѣшенія мѣстнаго вѣдомства. Затѣмъ отменялись давныя епископамъ отъ папскаго престола полномочія относительно отпущенія и разрѣшенія грѣховъ, а папскія буллы „In Coena Domini“ и „Unigenitus“, считавшіяся „источникомъ и оплотомъ правъ папскаго престола“, объявлялись недействительными, епископамъ предоставлялось право, въ силу высочайшаго полномочія въ брачныхъ дѣлахъ отрѣшать отъ каноническихъ препятствій, причемъ слѣдовало принимать въ расчетъ не церковныя, но естественныя законы родства. Апелляціи епископскихъ консисторій въ Римъ запрещались и переносились къ свѣтскимъ судамъ и высшимъ придворнымъ вѣдомствамъ. Новъ избираемые епископы прежде утверждения папою обязывались присягою въ томъ, что они пребудутъ вѣрнопопданными его величества и стануть споспѣшествовать благу государства, „дабы предотвратить, чтобы данная папѣ присяга не противорѣчила самодержавнымъ правамъ и подданническимъ обязанностямъ“. Вместе съ тѣмъ запрещалось посѣщать коллегію Германікумъ, гдѣ молодые дворяне изъ Австріи и Венгріи приготавлились къ духовному званію, а въ Павии на такой конецъ основана была новая школа. Постановленія касательно духовенства завершились инструкціей, по которой духовному сословію предоставлялось только проповѣдывать евангеліе, отправлять богослуженіе, совершать таинства и блюсти церковный урядъ, всякія же иныя права и привилегіи отменялись.

Ограниченіе монастырской системы. „Мнѣ предстоитъ трудное дѣло“, писалъ Іосифъ сальцбургскому архіепископу въ февр. 1781: „я долженъ сократить армію монаховъ, преобразовать въ людей тѣхъ факіровъ, передъ бритыми головами которыхъ черныя благоговѣніемъ преклоняють колѣна, господство которыхъ надъ сердцами гражданъ сильнѣе всего, что когда либо оказывало влияние на чело-вѣческую душу“. Монастыри и монашество онъ считалъ не только безразсудными и бесполезными, но даже „опасными для государства“ учрежденіями, вслѣдствіе ихъ связи съ иноземными начальствами; они казались ему несомнѣтельными съ его политикоэкономическими принципами, „такъ какъ потребляли только тумфствныя средства и ничего не производили“. Онъ рѣшился поэтому обратить въ пользу государства этотъ „мертвый людской капиталъ“. Для починя издано было постановленіе, въ силу котораго прерывалась связь австрійскихъ монастырей съ заграницею, орденскіе дома становились независимыми отъ иноземныхъ начальниковъ, представителѣй и генераловъ и подчинялись тумфствнымъ областнымъ вѣдомствамъ и надзору епископовъ. Потомъ послѣдовало нѣсколько декретовъ, которыми предписывалось удалить чужеземныхъ монаховъ изъ австрійскихъ орденскихъ домовъ, запрещался приемъ послушниковъ на десять лѣтъ, епископы уполномочивались, „въ силу ихъ служебной власти“ освобождать конвентуаловъ отъ присяги повиновенія ихъ начальству, потребовались списки всѣхъ учрежденій и братствъ съ указаніемъ имущественнаго состоянія. Послѣ этихъ подготовительныхъ приемовъ послѣдовалъ главный ударъ. Двумя высочайшими рескриптами императоръ приказалъ отменить всѣ тѣ ордены и монастыри въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ, которые вели одну лишь созерцательную жизнь. „Я разумѣю подъ этимъ“, сказано въ рескриптѣ отъ 20. декабря, „всѣ тѣ ордены обоюго пола, которые не содержатъ школъ, не ухаживаютъ за больными, не проповѣдуютъ, не имѣютъ исповѣдной, не посѣщаютъ умирающихъ, не занимаются никакими научными предметами, всѣхъ картезианцевъ, камальдулявъ, пустынножителѣй и всѣхъ женскія ордена кармелитокъ, клариссинокъ, капуцинокъ и т. п. Всѣ они впрямь имѣютъ быть отменены во всѣхъ монашескихъ владѣніяхъ“. Января 12. воспослѣдовало уничтоженіе. Монахи и монахини получали по-жизненнымъ рентъ, а если они покидали край, то деньги на проѣздъ; они большую часть пріютились въ другихъ монастыряхъ, нѣкоторые изъ монаховъ перешли въ свѣтскіе священники и епископы поручали имъ духовную паству. Изъ имущества отобранныхъ орденскихъ домовъ образовался „религіозный фондъ“; впоследствии онъ все болѣе и болѣе увеличивался новыми секуляризаціями, захватомъ церковныхъ учрежденій и святыхъ мѣстъ съ богатыми часовнями, отменно братствъ и конгрегацій; этотъ фондъ подъ вѣдѣніемъ государственныхъ чиновниковъ употреблялся частью для поддержки и содержанія вышедшихъ конвентуаловъ, частью для устройства новыхъ приходовъ и школъ и для улучшенія учебной системы, частью для основанія и содержанія общепользныхъ и человеколюбивыхъ учрежденій. Тамъ гдѣ население слишкомъ густо, или церкви черезъ-чуръ удалены другъ отъ друга, устроены новые приходы или часовни съ школами, дабы шире распространились и обученіе и духовное попеченіе. Такихъ вновь основанныхъ духовныхъ стацій насчитывалось свыше 1500. Взамѣнъ уничтоженныхъ церковныхъ общинъ подъ веденіемъ вѣнскаго кардинала-архіепископа развилось и распространилось по всей Австріи „братство дѣятельной любви къ ближнему относительно безпомощныхъ бѣдняковъ“.

Этими церковно-административными постановленіями,—говоритъ Гросъ-Горфингеръ по официальнымъ документамъ.—Іосифъ II. въ 8 лѣтъ закрылъ 700 монастырей и сократилъ число монаховъ на 36,000 душъ. Но все еще осталось много монастырей, а именно 1324, въ которыхъ проживало 27,000 монаховъ и монахинь. Остались притомъ самыя богатые, чѣмъ и устраняется упрекъ въ своекорыстіи. Благодаря уничтоженію монастырей, дурно воздѣлываемыя имѣнія и земли ихъ перешли за дешевую цѣну къ гражданамъ и крестьянамъ, которые улачивали соразмѣрную подать и прокармливали большія семейства. Испроданныя имѣнія в земли перешли въ вѣдомство государственныхъ имуществъ, которое взяло съ крѣпостныхъ незначительный оброкъ или аренду.

Объ этихъ мѣропріятіяхъ судили, конечно, различно. Клерикалы разразились бранью и клеветою, тогда какъ просвѣщенные люди прославляли энергическаго императора, „который поколебалъ іерархическое зданіе и сбросилъ ярмо, наложенное на націю средневѣковымъ деспотизмомъ суевѣрія“. Политико-экономъ Шлетвейтъ призналъ это вторженіе въ монашескую систему нарушеніемъ права собственности, и архіепископъ Мигацци въ непосредственномъ заявленіи императору ревностно вступился за духовенство, тогда какъ остроумный и саркастическій Борнъ, въ отвѣтъ на это защитительное посланіе архіепископа издалъ, сатирическую книгу: „Естественная исторія монашества“ (Монахология); въ ней онъ описалъ монаховъ въ ихъ вѣнчанныхъ проявленіяхъ и съ такими же техническими терминами какъ Линней описывалъ насѣкомыхъ и жуковъ. Миръ раздѣлился на два лагеря, и вновь раздался ратный кличъ Гвельфовъ и Гибеллиновъ. Капуццискій монахъ *Игнатій Фесслеръ* изъ Венгріи, находившійся тогда въ Вѣнѣ, сообщилъ императору свѣдѣнія о господствовавшихъ въ его ордени злоупотребленіяхъ и мерзостяхъ. Преслѣдуемый и гонимый за это ультрамонтанамъ онъ поступилъ подъ охрану барона Презеля, президента комисіи придворныхъ благотворительныхъ учрежденій. Дальнѣйшія свои пріключенія—въ Лембергѣ въ качествѣ профессора, въ Силезіи, гдѣ онъ перешелъ въ протестантскую церковь, и въ Россіи, гдѣ онъ въ качествѣ лютеранскаго священника и суперинтендента развилъ многостороннюю дѣятельность и написалъ нѣсколько сочиненій, большую часть историческіе романы,—онъ самъ наглядно и увлекательно изобразилъ въ своей биографіи: „Воспоминанія изъ моего семидесятилѣтняго странствія“.

12. января. 1782.

Голоса за и противъ. Фесслеръ.

Реформы во внешнем культе. Клерикалы досадовали еще болѣе, когда рвеніе къ реформамъ въ смыслѣ просвѣщенія коснулось даже самаго культа, богослужебныхъ формъ, обрядовъ и церемоній; когда „уставомъ о молитвахъ“ предписывалось, въ какомъ видѣ служить обѣдни и литургіи, когда вышли постановленія объ украшеніяхъ алтарей, церквей и часовенъ, когда запрещались иконы, обѣдныя доски, выставка мощей, отпущенія и всякія „блестки и мишура“, а процессіи и богомолья ограничивались лишь нѣсколькими днями и извѣстными мѣстами, когда отменялись колокольный звонъ въ бурю, освященіе и благословеніе хлѣба, воды, вина, плодовъ и т. п., когда хотѣли даже въ экономическихъ видахъ сократить расходы на гроба при похоронахъ. Въдъ именно въ этихъ внешнихъ обрядахъ, обычаяхъ и привычкахъ, отвергаемыхъ просвѣщеніемъ какъ суевѣріе и безуміе, народная толпа и представляется сущность религіи, ядро набожности и благочестія. Оттого священники испоконъ вѣка ревностно старались такими внешними знаками и церковными обрядами привлечь народную фантазію, чувствительными средствами возбудить набожность.

Законъ вѣротерпимости. Императоръ Іосифъ увѣнчалъ свои церковныя реформы знаменитымъ „патентомъ вѣротерпимости“, которымъ во всѣхъ австрійскихъ владѣніяхъ съ извѣстными ограниченіями, какъ протестантамъ обонхъ вѣроисповѣданій, такъ и неуніатскимъ Грекамъ разрѣшались свобода богослуженія и гражданскія права. Этимъ закономъ, изданнымъ для Австріи, Богеміи и Моравіи 13. и 27. октября 1781, для белгійскихъ провинцій 12. ноября, для Венгріи 21. декабря, политика, какая съ Фердинанда II. и до смерти Маріи Терезіи строго соблюдалась въ габсбургскомъ державномъ домѣ, перешла въ царство мертвыхъ. Признанный въ Вестфальскомъ мирѣ принципъ равноправности вѣроисповѣданій никогда не допускался въ нѣмецко-богемскихъ областяхъ; мы видѣли, съ какою суровостью даже великая императрица принудила некатолическихъ подданныхъ выселиться изъ католическихъ мѣстностей въ Венгрію и Трансильванію; даже въ большихъ городахъ протестантамъ разрѣшалось жить лишь съ условіемъ, чтобы они довольствовались домашними молебствіями.

Взглядъ Іосифа на вѣротерпимость. По письму къ представителю „высшей учебной комисіи“, Готфриду фонъ-Свитену, отъ декабря 1787, въ которомъ императоръ съ свойственною ему рѣзкостью и ясностью изложилъ свои взгляды и принципы, можно видѣть, что сначала его намѣренія простирались гораздо далѣе, и что, опасаясь лишь оппозиціи ультрамонтанскихъ ревнителей, онъ не объявилъ полной равноправности всѣхъ религіозныхъ толковъ. „До сихъ поръ“, пишетъ онъ, „протестантская религія угнеталась въ моихъ владѣніяхъ, съ исповѣдующими ее обращались какъ съ чужеземцами, они всего лишались, и гражданскихъ правъ, и владѣнія имѣніями, и чиновъ, и почетныхъ должностей. Въ началѣ моего царствованія я рѣшился уже украсить вѣнецъ мой любовью своего народа, выразить въ административной системѣ принципы, которые безъ различія были бы великодушны и справедливы. Вслѣдствіе этого я издалъ законъ вѣротерпимости и снялъ ярмо, въ теченіе вѣковъ обременявшее протестантовъ. Въ моихъ владѣніяхъ фанатизмъ впредь да будетъ извѣстенъ лишь по презрѣнію, какое я питаю къ нему; никто да не подвергнется болѣе напастьмъ изъ-за своей вѣры, никто впоследствии не будетъ вынужденъ признавать государственное евангеліе, если оно противъ его убѣжденія, если у него нѣтъ понятія о блаженствѣ. Проявленія гнусной нетерпимости да будутъ совсѣмъ изгнаны изъ моего государства. Къ счастью, у насъ не случались еще жертвы въ родѣ Каласа и Сирвана, и ни одно изъ предшествовавшихъ царствованій не было осквернено такимъ позорнымъ пятномъ. Терпимость—это плодъ того благодатнаго, озаряющаго Европу просвѣщенія, основой котораго была философія, а основа-

телями—были великіе мужи. Она служитъ яснымъ доказательствомъ поступательнаго движенія человѣческаго ума, смѣло пробившаго себѣ сквозь владычество суевѣрія путь, которымъ за тысячелѣтія тому назадъ шли Зороастръ и Конфуцій, и который, къ счастью человѣчества, сталъ широкимъ путемъ монарховъ“.

Въ такихъ размѣрахъ нельзя было осуществить религіозную равноправность. За католическою религіею все-таки осталось преимущество открытаго богослуженія; однако некаатоликамъ разрѣшалось строить собственные молельни и школы, назначать священниковъ, содержать конспекторы и суперинтендентовъ. Они пользовались также наравнѣ съ католиками всѣми гражданскими и почетными правами. Права впрочемъ были весьма ограниченныя, такъ что даже въ протестантскихъ кружкахъ раздавались недовольные голоса. Извѣстно, что берлинскій Николай своими диссанами разстроивалъ хвалебныя пѣсни энтузіастовъ. Пуще всего жаловались въ Венгріи приверженцы Аугсбургскаго и Гельветическаго исповѣданія на то, что ихъ „признавая“ имперскими законами религія съ этой горы принизилась до „терпимой“. При всемъ томъ скоро дѣйствія обнаружилась слишкомъ явно, такъ что католики начали громко ронять и жаловаться: страпа лишилась единовѣрія, этого унаслѣдованнаго отъ праотцевъ сокровища, императоръ сочувствуетъ еретикамъ и покровительствуетъ невѣрію. Во всѣхъ городахъ и провинціяхъ изъ скрытыхъ убѣжищъ стали появляться тайные протестанты; опираясь на патентъ вѣротерпимости, они образовали изъ себя приходы; многіе, изгнанные ради вѣры или выселенные, возвратились; нѣкоторые изъ господствовавшей церкви присоединились къ иновѣрцамъ; близъ императорскаго дворца, на мѣстѣ закрытаго монастыря Дороеи, возникли двѣ молельни, богато надѣленные добровольными взносами иновѣрцевъ; все это усилило упрекъ и злобу фанатиковъ, такъ что императоръ нашелся вынужденнымъ допустить впоследствии нѣсколько ограниченій, которыми затруднялось, по крайней мѣрѣ, принятіе другой вѣры. Подобнаго рода мотивамъ надо, вѣроятно, приписать также указъ относительно богемской общины сепаратистовъ въ округѣ Пардубицѣ, приводимый часто въ доказательство деспотической натуры „философскаго монарха“. Дѣло въ томъ, что декретомъ отъ 10. іюня 1783 еретической крестьянской общинѣ, называвшейся сперва авраамитами, а потомъ денстами, повелѣвалось пристать къ одной изъ трехъ главныхъ вѣроисповѣданій, „такъ какъ она выдаетъ себя за что-то, о чемъ и сама не вѣдаетъ, что это такое“. Когда же она воспротивилась, то мужичья, числомъ 247. душъ, размѣстили по трансильванскимъ пограничнымъ полкамъ, а дѣтей отобрали.

Католическій міръ, а пуще всего высшее духовенство пришли въ ужасъ отъ новой системы въ Вѣнѣ, порвавшей всякую связь съ прошлою габсбургскою политикою. Понятно, что въ церковныхъ кружкахъ всѣми силами старались воздержать императора отъ его пагубныхъ для церкви намѣреній. Не только вѣнскій кардиналъ-архіепископъ, но также и примасъ въ Венгріи, графъ Іосифъ Баттани, обратились къ державцу австрійскихъ владѣній отъ имени духовенства съ представленіями и увѣщаніями, а трирскій курфирсть-архіепископъ, Клементъ Венцеславъ, по родственной связи счелъ своимъ долгомъ отеческими просьбами и увѣтами умолять «великодушное императорское сердце». Но сильнѣе всего встревожился Ватиканъ.

Значеніе и дѣйствіе закона вѣротерпимости.

Императоръ и клерикальная оппозиція.

14. апрѣля
1781.

Генералы орденовъ, преклонивъ колѣна, просили св. отца, чтобы онъ приостановилъ пагубныя секуляризации. Послѣ этого Пій VI. обратился къ Іосифу съ бресте, которымъ увѣщавъ его отказаться отъ нововведеній, и поручилъ нунцію Гарампи, войти по этому поводу въ сношеніе съ государственнымъ канцлеромъ. Кауницъ по порученію императора далъ касательно «отношенія свѣтской власти къ духовной» папскому посланнику такой отвѣтъ: «Его Величество никогда не будетъ сопротивляться основательнымъ и законнымъ требованьямъ папскаго престола и всеобщей церкви въ предметахъ догматическихъ и касающихся исключительно души; но онъ никогда также не допуститъ чуждаго вмѣшательства въ дѣла, которыя признаетъ явно подлежащими его государственной власти; подъ этимъ безъ изъятія разумѣется все, что въ церкви относится не къ божескому, а къ человѣческому происхожденію и постановленію, и какъ таковое зависитъ единственно отъ соизволенія и одобренія высшей власти. Послѣдней по этому подобаетъ, не только измѣнять и ограничивать всякія таковаго рода добровольныя и произвольныя разрѣшенія, но даже совсѣмъ отмѣнять ихъ, когда это требуется государственными причинами, злоупотребленіями, измѣнившимися временами или условіями». По ученію церкви весь церковный организмъ былъ божескимъ учрежденіемъ, созданиемъ святаго духа, а тутъ онъ по его высшимъ развитіямъ и проявленіямъ признается человѣческимъ происхожденіемъ и постановленіемъ, чѣмъ-то исторически сложившимся, что можетъ быть измѣняемо и отчасти устраняемо государственною властью. До сихъ поръ изъ Рима поучали, что государство ничто иное какъ мірская рука церкви, призванная исполнять приказы и приговоры послѣдней; а тутъ государство является высшимъ авторитетомъ во всѣхъ дѣлахъ подлежащихъ временной жизни и міру явленій. Трирскому архіепископу Іосифъ отвѣчалъ самъ съ мѣткою рѣзкостью: «Ваше Святѣйшество принимаете форму за суть дѣла; въ религіи я неотступно придерживаюсь дѣла и отмѣняю лишь злоупотребленія, которыя вкрались въ нее и осквернили ея чистоту».

Папа Пій VI.
въ Вѣнѣ.

Когда всякія представленія, просьбы и увѣщанія оказались тщетными, то папа Пій VI. рѣшился предпринять поѣздку въ Вѣну, съ цѣлью въ личныхъ сношеніяхъ съ императоромъ урядить церковныя дѣла. Многие тщетно отговаривали отъ этого рискованнаго шага, который легко могъ бы повредить значенію первосвященника; вѣнскій дворъ тщетно пытался разстроить это предпріятіе, давъ черезъ австрійскаго посланника понять, что императоръ ни подъ какимъ видомъ не свернетъ съ избраннаго имъ пути церковныхъ реформъ; Пій VI. уповалъ на могущество своей личности, на присущее католическому міру уваженіе къ его высокому пастырскому сану и на поражающее впечатлѣніе, какое должно произвесть на душу и фан-

тазію такое неслыханное появленіе его. Привлекательная наружность и благородныя черты лица почтеннаго старца, величавая поступь, выраженіе кротости и ласки въ его взорахъ, поражавшее достоинство при благословеніи,—вотъ эти и другія качества, надѣялись, окажутъ свое дѣйствіе. И въ самомъ дѣлѣ, путешествіе изъ Рима черезъ Венецію, Герцъ, Лайбахъ въ Вѣну и пріемъ въ столицѣ отвѣчали всѣмъ ожиданьямъ. Іосифъ съ великимъ почетомъ принялъ іерарха, отвелъ ему во дворцѣ свои собственные покои, и какъ онъ самъ, такъ и всѣ придворные относились къ нему съ почтеніемъ и съ высокимъ уваженіемъ. Однако, хотя оба представителя христіанства видѣлись ежедневно, а о дѣлахъ, ради которыхъ папа предпринялъ путешествіе, не было никакихъ переговоровъ. Когда же въ государственномъ совѣтѣ подняты были горячіе вопросы дня, то императоръ, извинившись, что мало знакомъ съ каноническимъ правомъ, просилъ изложить дѣло письменно, такъ чтобы онъ могъ представить его своимъ богословамъ, и сказалъ въ заключеніе: «Все, что дѣлалъ я до сихъ поръ, все, что будетъ еще сдѣлано впредь, имѣетъ цѣлью благо монахъ подданныхъ. Предпріятыя учрежденія были крайне необходимы; и я настойчиво буду поддерживать ихъ, тѣмъ болѣе что ни одно изъ нихъ нисколько не нарушаетъ церковнаго ученія». Панъ, какъ казалось, для того только и назначили помѣщеніе во дворцѣ, чтобы удобнѣе слѣдить за его сношеніями. Весьма поразило святаго отца, когда князь Кауницъ, котораго онъ посѣтилъ въ его великолѣпной виллѣ, принялъ его какъ обыкновеннаго почетнаго гостя: привѣтствовалъ его, князь по привычкѣ надѣлъ шляпу, «оттого-де что у него болитъ голова»; потомъ, при осмотрѣ дворца и картинъ, онъ взялъ папу подъ руку, и водилъ его туда и сюда, тогда какъ къ нему подходили обыкновенно не иначе, какъ преклонивъ колѣна и съ знаками глубочайшаго благоговѣнія. За то народъ изъявлялъ превеликое уваженіе и святой восторгъ всякій разъ, когда папа показывался публично или служилъ обѣдню. Когда же послѣ четырехдѣльнаго пребыванія онъ покинулъ столицу и возвращался черезъ Баварію и Тироль, то со всѣхъ концовъ собирались толпы людей и бросались на колѣна у дороги, по которой проѣзжалъ св. отецъ. На императора и его совѣтниковъ пребываніе папы оказало мало вліянія, что и доказывалось продолжавшеюся по прежнему секуляризаціей во всѣхъ владѣніяхъ австрійской монархіи.

Въ началѣ наступившаго затѣмъ года появился „патентъ о бракѣ“; имъ бракъ вполне отрѣшался отъ церковнаго понятія и таинственнаго характера, отдѣлялся отъ церковной почвы и просто перешелъ на почву гражданскаго договора; разводы и вступленіе разведенныхъ въ новый бракъ разрѣшались. А для того, чтобы церковныя дѣла въ Австріи освободить отъ всякаго чужеземнаго вліянія и подготовить будущія поколѣнія къ государствен-

27. февр. до
22. марта.
1782.

22. апрѣля
1782.

Законы о
бракѣ и выс-
ша селана-
рин. 16. янв.
1783.

ной религии, Иосифъ отнялъ у иезуитскихъ епископовъ, напримѣръ, у савскаго соборнаго капитула, у сальцбургскаго епископства и др. тѣ участки ихъ епархій, которые относились къ австрійской области; онъ основалъ новыя епископства безъ папскаго содѣйствія, даровалъ упрямое мплавское епископство „въ силу собственной самодержавной власти“ именнымъ письмомъ пробсту Филиппо Висконти; наконецъ основалъ высшій семинари, въ которыхъ подъ вѣдѣниемъ просвѣщенныхъ директоровъ надлежало образовывать выдающееся нравственною чистотою и научными знаниями духовенство, привязанное къ престолу и преданное новымъ религиознымъ и философскимъ идеямъ. Такія семинарии появились въ Вѣнѣ, Пестѣ, Павии и Лёвенѣ, имъ подчинились еще другія филиальныя заведенія. Мы видѣли уже, къ какимъ возстаніямъ это учрежденіе повело въ Нидерландахъ.

Императоръ и папа.

Возвратившись въ Ватиканъ, папа Пій VI. былъ въ глубинѣ души оскорбленъ. Во время пребыванія его въ Вѣнѣ вышло нѣсколько брошюръ язвительнаго содержанія, такъ что даже протестантскій историографъ, Іоаннъ Мюллеръ изъ Шафгаузена, тогдашній профессоръ исторіи въ Касселѣ, въ сочиненіи «Путешествія папъ» счелъ своимъ долгомъ выступить защитникомъ іерарха. То и дѣло повторившееся вмѣшательство Іосифа въ бывшіе доселѣ церковныя права и порядки въ Австріи еще болѣе усилили скорбь и негодованіе; а бѣдная переписка между Римомъ и Вѣною подливала масла въ огонь: опасались разрыва, подобнаго тому, что недавно былъ съ Португаліей. А потому всѣхъ чрезвычайно поразило, когда императоръ среди зимы предпринялъ поѣздку въ Италію и совершенно неожиданно явился въ Римѣ. Отъ такого человека какъ Іосифъ II. нельзя было ожидать ничего подобнаго «поѣздкѣ въ Каноссу»; а потому надо было предположить, что онъ намѣревался, либо вынудить у папы согласіе на свои реформы, а не то вовсе изъять отъ папскаго верховенства церковныя дѣла имперіи. И, какъ кажется, онъ дѣйствительно замышлялъ нѣчто подобное англійской церковной системѣ, но лишь такъ чтобы вѣра и догматы не подверглись никакому измѣненію. Однако французскому кардиналу Бернису и испанскому агенту Азарѣ удалось удержать императора отъ такого крутого поворота. Онъ вошелъ съ папою въ соглашеніе касательно права назначать ломбардскихъ епископовъ и вернулся въ Вѣну съ болѣе покойнымъ духомъ. Скоро другія заботы и обстоятельства отвлекли его умъ отъ церковныхъ дѣлъ. Онъ сталъ поступать снисходительнѣе и осторожнѣе; церковныя реформы, правда, не совсѣмъ прекратились, но за нихъ принимались не съ прежнею враждебностью и рьяностью; онъ напоминали собою какъ бы послѣднія колебанія не вполнѣ еще улегшагося волненія.

23. дек. 1783.

20. янв. 1784.

в. Реформы въ учебной системѣ, въ государственномъ управленіи и въ гражданскихъ отношеніяхъ.

Императоръ Іосифъ по уму былъ доктринеръ: ему хотѣлось бы Практическій все централизовать, все устроить по обдуманному плану и по издоктринаризмъ. вѣстной системѣ, наложить однообразный отпечатокъ на государство, которое онъ считалъ совокупностью всякой власти и жизнедѣятельности, высшею цѣлью всякаго органическаго творчества и дѣйствія. Понятно поэтому, что его преобразовательная дѣятельность не ограничивалась церковью и религіею, а распространялась въ то же время на всѣ области государственнаго управленія и общественной жизни. При этомъ, отвѣчая духу времени, онъ всегда имѣлъ въ виду практическія и общепользыя цѣли. Его самымъ важнымъ стремленіемъ было, пробудить, оживить народныя силы, сдѣлать ихъ пригодными и плодотворными для государственнаго цѣлаго. Исходя во всѣхъ дѣлахъ отъ рационалистическихъ мотивовъ, онъ по строю своего ума и по характеру эпохи, поступалъ совершенно послѣдовательно.

Главную заботу Іосифа составляло народное образованіе. Большая часть „религіознаго фонда“, какъ было уже упомянуто, пошла на основаніе народныхъ школъ. Изъ всѣхъ твореній Іосифа ни одно не было такъ благотивно и такъ плодотворно, какъ усовершенствованіе и расширеніе національнаго обученія. Марія Терезія заботилась главнѣйше о воспитаніи дворянства, тогда какъ при Іосифѣ въ городахъ и селахъ создались школы, въ которыхъ образовались также и низшіе классы. Этотъ планъ приводили въ исполненіе въ обширныхъ размѣрахъ, такъ что напр. въ Богеміи число учениковъ въ селахъ въ теченіе десяти лѣтъ съ 14,000 возрасло до 117,000. При этомъ какъ императоръ, такъ тоже и президентъ высшей учебной комисіи, *графъ Коцтекъ*, руководились въ сущности практическими цѣлями. Распространяли самыя необходимыя познанія въ народѣ, они имѣли въ виду болѣе рациональное производство ремеслъ и земледѣлія, благодаря чему достигалась высшая государственная цѣль, состоявшая въ усиленіи производительности, въ ростѣ населенія, въ повышеніи налоговъ и государственныхъ средствъ, а въ концѣ концовъ въ разпространеніи матеріальнаго благосостоянія въ народѣ. Высокое значеніе придали практической и матеріальной полезности, „утилитарному принципу“, чѣмъ и объясняется болѣе скудное попеченіе о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Гимназіи въ сущности остались въ томъ же состояніи, въ какомъ были устроены при Маріи Терезіи, ихъ только очистили отъ монашескаго и клерикальнаго характера; въ университетахъ имѣлись въ виду не столько научное образованіе, а скорѣе такъ называемыя хлѣбныя науки; главное цѣлью считались не свободное образованіе ума, а скорѣе нужды государственной службы; взаимнѣ существовавшихъ доселѣ средневѣковыхъ схоластическихъ ученій, которыя по преимуществу преподавались священниками и монахами и слѣдовательно отзывались теологическимъ оттѣнкомъ, стали поощрять и разрабатывать реальныя, полезныя для практической жизни и для государства науки, высшія школы отрѣшались отъ ихъ клерик-

Народное образованіе и учебная система.

кально корпоративного характера и преобразовались в государственные заведения, причем профессора увольнялись от присяги, какая до тех пор давалась папскому престолу.

Человѣколю- В учебной системѣ при цѣлесообразныхъ реформахъ не обходилось бивша учреж- иногда безъ недостатковъ; за то великолѣпныя человѣколюбивыя учрежде- денія. ния, съ которыми Иосифъ впервые ознакомился въ Парижѣ, вполнѣ были отмѣчены печатью самой благодатной гуманности и прославили имя его у современниковъ и въ потомствѣ. Сюда прежде всего относится всеобщая *больница* въ Вѣнѣ; она въ различныхъ отдѣленіяхъ служила страждущему человѣчеству убѣжищемъ въ качествѣ не только собственно лазарета, но также родильнаго и воспитательнаго дома, богадѣльни и заведения для изумашенныхъ, а сверхъ того еще болѣе обширнымъ поприщемъ для изучения медицинскихъ наукъ; потомъ — „*Иосефинумъ*“ для образованія военныхъ врачей и полевыхъ хирурговъ; сюда же принадлежить еще „*институтъ для глухонемыхъ*“ по образцу великолѣпнаго заведения, устроеннаго въ Парижѣ аббатомъ де л'Энэ; потомъ также домъ призрѣнія убогихъ, благодаря которому при содѣйствіи полиціи, общинъ и мѣстныхъ священниковъ неспособные къ работѣ бѣдные люди находили приютъ, и такимъ путемъ устранялось нищенство и бродяжничество.

Свободная пе- Прекраснымъ свидѣтельствомъ правдиваго ума и довѣрія Иосифа къ чать. 11. ю- литературному міру служить его знаменитый „именой декретъ каса- нн. 1781. тельно цензурнаго вѣдомства“, которымъ онъ печати даровалъ свободу, какою она не пользовалась тогда ни въ одной странѣ. Если злоупотребленіе такого дара повлекло за собою потокъ дурныхъ статей и брошюръ, то это нельзя ставить въ упрекъ дарителю. Мысль, которою онъ руководился, объявивъ свободу печати, послужила къ высшей его славѣ. „Онъ хотѣлъ ободрить научную жизнь въ своихъ владѣніяхъ, встряхнуть умственную лѣнь, умножить капиталъ національной славы и силы, создавъ литературу, которая могла бы занять достойное мѣсто рядомъ съ вновь пробудившеюся умственной жизнью въ сѣверной протестантской Германіи“. Но для благодатныхъ посѣвовъ требуется хорошо воздѣланная почва.

Уничтоженіе Вѣ церковныхъ реформахъ и въ попыткахъ поднять народное обра- брѣностяче- разованіе и способствовать всеобщему благоденствію, Иосифъ былъ ства. сыномъ своей эпохи, но въ социальныхъ и гражданскихъ преобразованіяхъ, въ своихъ стремленіяхъ создать для всѣхъ сословій одно общее право и полное равенство передъ закономъ — въ этомъ онъ далеко опередилъ свой вѣкъ. Врагъ феодальной системы и коренящихся въ ней преимуществъ дворянства, Иосифъ пытался устроить гражданское общество, въ которомъ по возможности сгладились бы противоположности сословій, равномерно распредѣлялись бы государственныя повинности, поднялась бы государственная власть. Опредѣливъ въ точности «патентомъ о подданствѣ» отношенія между крѣпостными и ихъ владѣльцами, ограничивъ «патентомъ о наказаніяхъ» право помѣщика наказывать и вручивъ большую власть окружнымъ вѣдомствамъ, онъ издалъ наконецъ важный законъ объ отмѣнѣ крѣпостничества въ нѣмецкихъ, венгерскихъ и славянскихъ областяхъ. Въ связи съ послѣдовавшими затѣмъ указами объ уничтоженіи фидеикоммисовъ, маіоратовъ и помѣщичьяго судопроизводства, этотъ законъ нанесъ смертельный ударъ дворянству и его привиле-

1. сент. 1781.

гійямъ. Этими законодательными актами, которые крестьянину даровали личную свободу, право свободного бракосочетанія, свободу перехода и пр., а помѣщика понуждали передать освобожденному земледѣльцу за соразмѣрную плату земельный участокъ въ его неотъемлемую собственность и допустить раздробленіе и раздѣленіе имѣній между дѣтьми и наслѣдниками, Иосифъ положилъ починъ социальной реформы, которая нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того въ болѣе обширныхъ размѣрахъ совершилась во Франціи. Понятно, что императора по всей Европѣ прославляли какъ «второго Моисея, освободившаго народъ отъ рабства». Евреи также лучше были обставлены въ гражданскихъ правахъ. Императоръ желалъ по возможности болѣе сблизить ихъ съ христіанскимъ населеніемъ, понудивъ принять фамильныя прозвища, заняться ремеслами и земледѣліемъ.

Въ тѣсной связи съ этими постановленіями касательно личной свободы и гражданскихъ правъ состояли реформы въ податной системѣ; начертавъ ихъ, императоръ хотѣлъ осуществить свои у французскихъ фізіократовъ заимствованныя политико-экономическія воззрѣнія. Уставъ о податномъ сборѣ отъ 15. апрѣля 1785 г. слѣдуетъ считать его собственнымъ твореніемъ; онъ служитъ доказательствомъ тому, что Иосифъ всячески старался мѣрилу философскаго идеалиста подчинить даже самыя матеріальныя стороны жизни, въ которыхъ сильнѣе всего обнаруживается человѣческое своекорыстіе, — а вмѣстѣ съ тѣмъ и тому, что онъ не обинуясь пренебрегъ существовавшими условіями и историческимъ правомъ, сословными интересами и традиционными формами развитія.

Уставъ о податномъ сборѣ.

Исходя отъ того принципа, что польза государства и общее благо составляютъ цѣль и задачу всякаго правительства, Иосифъ считалъ правильнымъ методъ сбора податей съ справедливымъ распредѣленіемъ всѣхъ повинностей на гражданахъ душою управления. И онъ, такъ же какъ и французскіе политико-экономы, признавалъ землю истиннымъ источникомъ національнаго богатства, а слѣдовательно по возможности равномерно оцененную и распределенную поземельную подать единственно вѣрною основою справедливой и цѣлесообразной системы сборовъ. На такой конецъ, патентомъ уравнивая податей предписывалось точное размежеваніе земель и взиманіе дѣйствительныхъ доходовъ въ среднемъ размѣрѣ, такъ чтобы на этомъ основаніи установить вносы для покрытія государственныхъ потребностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря устраниенію внутреннихъ таможенъ, отдѣльныя провинціи государства пользовались свободою торговли естественными произведеніями и фабричными издѣліями, налоги на съѣстные припасы и соль отмѣнились, вывозъ и привозъ урядились таможенными уставами и преміями, промышленность поощрялась уничтоженіемъ цеховыхъ преимуществъ въ городахъ. Какъ было не восторгаться такими отъ престола исходившими принципами? Однако, осуществленію этого великолѣпнаго дѣла представились непреодолимыя преграды. Размѣры земель и средніе доходы съ участковъ вслѣдствіе своекорыстія, подлога и злыхъ умысловъ передавались невѣрно: когда даже строгіе парательные законы не повели къ цѣли, то приступили къ временнымъ мѣрамъ, основаннымъ

на предположеніи, что изъ 100 гульденовъ валоваго дохода крестьянину приходится 70. на его хозяйство; изъ остальныхъ 30. гульденовъ 12. фл. 14. кр. слѣдуетъ выплатить казнѣ, а 17. фл. 46. кр. землевладѣльцу. Когда же приступили къ размежеванію, то не достало геометровъ, такъ что пришлось назначать въ землемѣры чиновниковъ въ ущербъ исполненію ихъ собственныхъ должностей, или приставить людей, которые ничего не понимали въ этомъ дѣлѣ. Весь планъ, — говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ, — представляется „смѣсью филантропическихъ принциповъ, доброжелательной честности и того фанатическаго заблужденія, съ какимъ тогда порывались не только усовершенствовать, но даже вновь возсоздать міръ“.

Реформа судебного вѣдомства.

Историческое право и общественный строй, переходя изъ рода въ родъ, словно «вѣчный недугъ», стали мученіемъ для внука; а потому имѣлось въ виду объ руку съ «прирожденнымъ намъ правомъ» возстановить естественный строй. Это возрѣніе и обнаружилось въ реформахъ Іосифа по судебному вѣдомству. Передъ принципомъ: «одинъ законъ для всѣхъ», не могли устоять разные юридическіе сборники и судебныя учрежденія, и въ эпоху гуманности, голосъ которой благодаря Беккаріо проникъ даже въ тюрьмы и въ трибуналы уголовного права, не могли продлиться варварскія наказанія средневѣковыхъ судовъ.

При Маріи-Терези уже новымъ „уголовнымъ судебнымъ уставомъ“ смягчались ужасныя карательныя мѣры Каролины (уголовнаго устава Карла V.); но и тогда все еще богохульства наказывались вырываніемъ или вырѣзаніемъ языка, даже сожженіемъ, а колдовство и связь съ дьяволомъ — самыми тяжкими тѣлесными карами и смертью на кострѣ. Іосифъ прежде всего составилъ гражданскій сводъ законовъ, который отличался простотою, точностью и краткостью, а потомъ велѣлъ изготovitъ „сводъ законовъ по преступленіямъ и ихъ наказаніямъ“, который во многихъ отношеніяхъ свидѣтельствуетъ о духѣ гуманной эпохи, признающемъ чело- вѣка даже въ преступникѣ, хотя, впрочемъ, позоряща наказанія биче- вы и подмета улицъ или тюремнаго заключенія въ оковахъ подверглись сильному порицанію. Тутъ не обращалось никакого вниманія на званіе преступника, — дворянинъ и поденщикъ за одно и то же преступ- леніе подвергались одному и тому же наказанію; это свидѣтельствуетъ, конечно, о чувствѣ справедливости Іосифа, однако нерѣдко глубоко оскор- бляло. Измѣнившіеся законы и юридическія условія повлекли за собою также перемѣны въ судоустройствѣ и въ судебной процедурѣ. „Всеобщимъ судебнымъ уставомъ и управленіемъ“ во всѣхъ австрійскихъ владѣніяхъ система юстиціи была устроена одинакимъ образомъ, такъ что шестьдесятъ шесть вновь открытыхъ трибуналовъ отправляли въ извѣстныхъ окру- гахъ уголовное судопроизводство, а надъ ними въ каждой изъ провинцій предполагались апелляціонныя суды, и въ высшей инстанціи — три судеб- ныя сената. Въ связи съ этимъ находился также новый общинный строй; по немъ, вмѣсто прежнихъ „общинныхъ учреждений въ городахъ и на рынкахъ“, поступили „магистраты“ съ гражданскими, знающими законы совѣтниками, которые обязаны были пеѣщисъ о всемъ городскомъ управ- леніи и о судопроизводствѣ; это нововведеніе повело впоследствии къ тому, что гражданскіе элементы болѣе и болѣе вытѣснялись изъ городскихъ кол- легій, замѣняясь юридически образованными чиновниками, и что общин- ный бытъ получилъ бюрократическій характеръ.

Своды за- коновъ.

Организація суда.

Общинный строй.

с. Отношенія къ заграничнымъ областямъ и событія въ Венгріи.

Іосифъ II. въ отношеніи заграничныхъ областей проявилъ тотъ же энергичный, пристрастный къ новшествамъ, дѣятельный духъ, что и въ австрійско-богемскихъ провинціяхъ. Но здѣсь опыты посѣвы да- вали зрѣлый плодъ, тогда какъ тамъ онъ пожималъ почти одни только неудачи. Мы уже знаемъ, какой жалкій исходъ приняла его распря съ Голландіей (стран. 292). Вмѣшательство въ восточныя дѣла, особенно союзъ съ Россіей противъ Турціи, возбудило недо- вѣріе европейскихъ державъ и не доставило никакихъ выгодъ имперіи. При этой политикѣ, какъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, Іосифъ, по- мимо усиленія власти и расширенія владѣній, имѣлъ, правда, въ виду благоденствіе своихъ народовъ: ему хотѣлось открыть для тор- говли новые пути, создать для произведеній богатой венгерской почвы новые рынки и условія для болѣе обширнаго сбыта въ дунайскихъ областяхъ и въ заморскихъ странахъ; но военныя предпріятія въ дальнихъ, нездоровыхъ краяхъ повлекли за собою значительныя утраты. Постройкою новыхъ торговыхъ дорогъ и судоходныхъ кана- ловъ, таможенными и коммерческими договорами съ Портою и Рос- сіей, открывались, правда, обширныя страны для производительныхъ богатствъ Венгріи, — а благодаря опытному губернатору въ Триестѣ, Карлу Цинцендорфу, морскія и торговыя предпріятія приняли ши- рокій размахъ, австрійскія корабли въ Левантѣ, въ ост- и вестинд- скихъ моряхъ впервые вступили въ соперничество съ другими евро- пейскими морскими державами, и дѣлались даже попытки zalo- жить заморскія колоніи: не смотря на то, и тутъ обнаружилась та же торопливость, та же перетуга, которая на всѣ начинанія этого дѣятельнаго государя налагала печать хилости и непрочной жизнен- ности. Когда довременная смерть положила конецъ творческой дѣ- ятельности, то созданія его большею частью стали распадаться.

Мы недавно видѣли, что баварскіе планы Іосифа не увѣнчались успѣхомъ. Даже побужденія нѣмецкихъ курфирстовъ защитить свои интересы въ качествѣ владѣтельныхъ державцевъ и свой автори- тетъ въ качествѣ духовныхъ сановниковъ отъ римскихъ притязаній, даже ихъ заявленіе въ Эмсѣ, «написанное перомъ, пропитан- нымъ желчью Паоло Сарпи», не повели къ болѣе тѣсной связи и къ болѣе близкому соглашенію нѣмецкихъ имперскихъ княжествъ съ императоромъ, не смотря на то, что обѣ стороны сочувствовали другъ другу въ антипапскихъ тенденціяхъ.

Побужденіе императора все уравнивать и централизовать, встрѣтило самое сильное противодѣйствіе въ областяхъ, гдѣ самодержавная власть ограничивалась скрѣпленными вольностями и правами, которыя под- тверждались присягою каждымъ новымъ правителемъ, а именно въ

Поощреніе торговли и промышлен- ности.

Отношеніе къ нѣмецкимъ имперскимъ князьямъ. Нбр. 1786.

Положеніе Іо- сифа относи- тельно Вен- гріи.

австрийских Нидерландах и в королевствѣ Венгріи. Мы прежде уже ближе ознакомились (стр. 400) съ событіями въ Бельгіи, гдѣ оппозиція дошла до революціонныхъ возстаній, до междоусобія и отпаденія отъ габсбургской династіи. Скорбныя впечатлѣнія, поразившія вслѣдствіе того Іосифа, отравили послѣдніе годы его жизни. Однако отпоръ, учиненный Венгерцами противъ нововведеній императора, также сильно оскорбилъ императора, тѣмъ болѣе, что въ началѣ онъ старался поддержать доброе согласіе, какое при Маріи Терезіи царило между обоими государствами. Первые правительственныя мѣропріятія возбудили полное сочувствіе въ средѣ Венгерцевъ. Вскорѣ однако настроеніе измѣнилось во всѣхъ классахъ, прежде всего въ средѣ духовенства и дворянства, когда Іосифъ сталъ преобразовывать существовавшія доселѣ законоположенія въ государствахъ и церкви, а потомъ во всѣхъ сословіяхъ, когда онъ оскорбилъ венгерское національное чувство, не исполнивъ коронаванія, вводя нѣмецкій языкъ въ администраціи и дѣлопроизводствѣ, когда, сверхъ того, преобразовалъ традиціонныя учрежденія по поводу новой системы податнаго сбора и воинской повинности.

Неисполненіе коронаванія. Мы видѣли, что даже свобода вѣроисповѣданія, въ томъ видѣ, какъ была дарована, не возбудила всеобщаго удовольствія. Но венгерское національное чувство съ самаго начала было глубоко оскорблено, оттого что Іосифъ не исполнилъ обычнаго коронаванія въ Пресбургѣ и связаннаго съ нимъ клятвеннаго обязательства передъ сеймомъ касательно поддержки конституціи и исконныхъ законоположеній; а сверхъ того, имѣя въ виду избѣгнуть присяги на конституцію, онъ велѣлъ взять изъ пресбургскаго замка и перенести въ Вѣну корону св. Стефана, которая Венгерцами всегда считалась символомъ всѣхъ правъ и всякаго владѣнія, сущностью всякаго вѣдчія!

Оскорбленное національное чувство. Нельзя было сомнѣваться въ добромъ желаніи императора, сдѣлать венгерское королевство цвѣтущимъ и великимъ; упомянутое нами выше поощреніе торговли, при посредствѣ улучшенія сношеній, послужило главнѣйше въ пользу венгерскихъ областей и городовъ: но подозрѣвая, что король Іосифъ, отказавшись отъ коронаванія и отъ присяги, не созвавъ сейма, замышляетъ измѣнить существовавшія права и учрежденія, Венгерцы стали недоступны чувству признательности и симпатіи. А дальнѣйшія распоряженія короля были отнюдь не такого рода, чтобы подавить это подозрѣніе. Венгерская національная гордость, которая возбуждалась даже безъ всякаго къ тому повода, была крайне поражена, когда Іосифъ, съ цѣлью оживить земледѣліе и промышленность, поселилъ на

6. мая 1784. венгерскихъ земляхъ нѣмецкихъ колонистовъ; а потомъ издалъ приказъ, чтобы впредь вмѣсто заведеннаго дотолѣ латинскаго языка въ администраціи и въ дѣлопроизводствѣ употреблялся нѣмецкій и чтобы чиновники въ теченіе трехъ лѣтъ усвоили его себѣ, съ цѣлью пользоваться имъ письменно и словесно.

Народная пеллепись и конскрипція. Неудовольствіе по поводу этихъ вызванныхъ стремленіемъ къ централизаци нововведеній императора выразилось во многихъ комитетскихъ собраніяхъ: члены ихъ горько сѣтовали на то, что наносится глубокая рана національному чувству народа, который всегда былъ такъ вѣрно пре-

данъ Австрій, и призывали всѣхъ къ совмѣстной оппозиціи. Раздраженіе еще усилилось, когда нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того назначена была народная перепись, при чемъ повелѣвалось перечислять и перенумеровать дома: это сочли приступомъ къ новому обложенію податью и къ рекрутскому набору. По всѣмъ комитетамъ распространились циркуляры въ охраненіе дворянскихъ правъ. Для того, чтобы подавить возстаніе, въ странѣ размѣстили войска; эту мѣру легко было исполнить во время русско-австрийской войны съ Турціей; а съ цѣлью показать Венгерцамъ примѣръ того, что ожидаетъ ихъ въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія, комитетскія учрежденія въ Трансильваніи были уничтожены. Этотъ примѣръ не произвелъ ожидаемаго дѣйствія: волненіе росло; къ королю обратились съ заявленіемъ о томъ, что Венгерцевъ, „родившихся на лонѣ безцѣнной свободы, хотѣтъ свергнуть въ жалкое состояніе рабства и подчинить неконституціонному образу правленія нѣмецкихъ провинцій“; причемъ съ угрозой намекали на то, „что они готовы жертвовать жизнью и скорѣе рѣшатся умереть въ сладкой свободѣ, чѣмъ жить въ низкой неволѣ“.

Новые сборы войскъ доказали Венгерцамъ, что Іосифъ рѣшился силою подавить возстаніе противъ народной переписи и описи домовъ, которое дошло до нападеній на занятыхъ этимъ дѣломъ чиновниковъ. Въ наступившій затѣмъ годъ появился королевскій рескриптъ, которымъ отмѣнялось древнее комитетское учрежденіе въ Венгріи и королевство разбивалось на десять округовъ подъ вѣдѣніемъ королевскихъ комиссаровъ. На новыя заявленія „противъ уничтоженія исконнаго института и стародавнаго права націи“, императоръ отвѣтилъ презрительнымъ замѣчаніемъ объ ихъ „чудовищномъ учрежденіи“ и тутъ же ввелъ новую систему налоговъ.

Нѣсколько недѣль спустя затѣмъ послѣдовало постановленіе „относительно обмежеванія и оцѣнки недвижимаго имущества“. Крестьяне скоро поняли, что законы Іосифа имѣютъ цѣлью облегчить ихъ участь, и что дворянство возстаетъ противъ нововведеній единственно изъ своекорыстныхъ видовъ. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого было то, что валахское сельское населеніе въ Трансильваніи возмутилось противъ своихъ помѣщиковъ и отомстило за долгодѣтныя страданія и гнетъ въ ужасной усобицѣ, — причемъ сгорѣло 132 барскія усадьбы, разорено 62 деревни и пало жертвою 4000 душъ. Когда въ венгерскихъ областяхъ крестьянское населеніе тоже начало волноваться, то привилегированныя сословія постигли, что одинъ только король служить имъ сильнымъ оплотомъ противъ болѣе грозныхъ опасностей, и, хотя негодуя, покорились однако меньшему злу. Такимъ образомъ и можно было въ Венгріи ввести и приурочить законы объ отношеніяхъ между подданными и владѣльцами, объ отмѣнѣ крѣпостничества, феодальныхъ условій, о свободномъ переходѣ и личномъ правѣ прикрѣпленнаго къ землѣ народа, въ томъ родѣ какъ оно было уже введено въ нѣмецко-богемскихъ провинціяхъ. Но дворянство съ затаенною злобою и съ страстнымъ вождѣленіемъ выжидало время, когда вновь вернутся прежніе условія.

Благодаря затрудненіямъ, какія подѣ исходѣ восьмидесятихъ годовъ со- брались надъ головою императора, вожди Венгерцевъ вновь пріободрились. Во время турецкой войны Іосифъ обратился ко всѣмъ помѣщикамъ свѣтскаго и духовнаго сословія съ требованіемъ, поставить для арміи хлѣбъ и новыхъ рекрутовъ; но тутъ онъ встрѣтилъ сильный отпоръ. Венгерцы объявили, что на войну, предпринятую безъ запроса и согласія сейма они не обязаны ни къ какимъ жертвамъ. Рекрутскій наборъ и поставку хлѣба пришлось выполнить насильно. Перенесеніе разныхъ архивовъ, содержащихъ въ себѣ документы владѣльческихъ правъ, изъ бывшихъ доселѣ церковныхъ хранилищъ въ Офенъ, тоже возбудило неудовольствіе. Мѣстами

Уничтоженіе комитатовъ.

18. марта 1785.

Дек. 1785.

Отмѣна феодальной системы и крѣпостничества.

Возстанія и отмѣна постановленій.

начали уже самовольно опять вводить старые порядки. Какъ во Франціи, такъ и тутъ всюду раздавался кличъ о сеймѣ. Когда такимъ образомъ забродило во всѣхъ концахъ, когда даже въ Богеміи и Тироля стала угрожать оппозиція, требуя созыва земскаго собранія для прекращенія смуты и неудовольствій, когда Пруссія, враждуя противъ обѣихъ императорскихъ державъ, всюду поощряла царившія смуты и неудовольствія, когда самъ императоръ страдалъ на одрѣ болѣзни, то ему поневолѣ пришлось отречься отъ большей части своихъ реформъ. Касательно Бельгіи онъ даже рѣшился просить о посредничествѣ папу, котораго онъ не такъ еще давно глубоко оскорбилъ; Венгерцамъ онъ разрѣшилъ возстановить прежнія земскія и судебныя учрежденія, возобновилъ комитаты въ прежнемъ видѣ, возвратилъ королю св. Стефана и обѣщалъ созвать сеймъ. Одинъ только постановленія о церковной терпимости и объ отношеніяхъ крѣпостныхъ къ помѣщикамъ были вновь подтверждены.

28. янв.
1790.

3. ХАРАКТЕРЪ ЮСИФА И ЕГО КОНЧИНА. ИМПЕРАТОРЪ ЛЕОПОЛЬДЪ II.

Болѣзнь и
смерть Юси-
фа. Его пси-
хическое зна-
ченіе.
† 20 февр.
1790.

Не успѣли еще успокоиться умы, а въ Нидерландахъ, въ городахъ и селахъ бушевала уже революція, когда императоръ съ сокрушенною душою погинулъ свѣтъ, всего сорока девяти лѣтъ отъ роду. Неудача его человѣколюбивыхъ плановъ, ложное истолкованіе и непризнание его благородныхъ замысловъ сгубили его жизнь и ускорили его смерть, зародышъ которой онъ носилъ въ себѣ съ турецкой кампаніи, когда въ измѣнностяхъ Венгріи подвергся опасной болѣзни легкихъ. Составленная имъ самимъ надгробная надпись была правдивымъ, но скорбнымъ сознаніемъ: «Здѣсь лежитъ государь, намѣренія котораго были чисты, но, къ несчастью, всѣ планы его сокрушались». Имя его послѣ смерти долго то восхвалялось, то поносилось. На немъ исполнилось изреченіе поэта: «обликъ его колеблется въ исторіи, подвергаясь то благоволенію, то ненависти партій»; какъ бы то ни было, но весь міръ согласенъ въ томъ, что съ нимъ произошло въ могилу сердце благороднаго человѣка. Юсифъ былъ истый типъ той идеалистически настроенной эпохи, которая хотѣла освободить міръ отъ узъ суевѣрія, духовной и социальной неволи, устарѣвшихъ доктринъ и учреждений, ввести разумъ и природу въ ихъ права. Смѣло, правда, было понозвеніе его, устроить счастье людей по собственному усмотрѣнію, а все-таки источникъ, изъ котораго истекали его мотивы, былъ чистъ и ясенъ, и онъ былъ въ правѣ воскликнуть на одрѣ смерти: «Господи, Тебѣ одному открыто мое сердце, Ты знаешь, все, что я дѣлалъ, то дѣлалось для блага моихъ подданныхъ». Къ Юсифу болѣе чѣмъ къ кому-либо изъ смертныхъ примѣнимо изреченіе: «Жизнь его была исполнена труда и работы». Императоръ безъ сомнѣнія питалъ самыя благородныя цѣли въ отношеніи ко всѣмъ своимъ подданнымъ, и потомство, которое вѣрнѣе можетъ оцѣнить его попытки и намѣренія, всегда съ уваженіемъ будетъ произносить его имя; однако, онъ по-

ступалъ черезъ-чуръ торопливо и самопроизвольно, онъ слишкомъ мало обращалъ вниманіе на историческое право, на существовавшія условія, обычаи и предразсудки и не давалъ времени созрѣть поспѣху. Онъ путемъ указовъ хотѣлъ облагородить и усовершенствовать міръ. Вотъ отчего гуманныя идеи его, имѣвшія цѣлью благо народа, гибли и заподозрѣвались: ими оскорблялись и нарушались исконныя преимущества и привычки; его стремленія устранить церковныя злоупотребленія, положить предѣлы суевѣрью, внести въ народъ образованіе и просвѣщеніе,—все это порицалось какъ невѣріе и вольнодумство, а его попытки, создать единство въ государственномъ строѣ съ равномѣрнымъ судопроизводствомъ и болѣе простою администраціею, считались тиранствомъ и проявленіями деспотической души. Его доблестный порывъ, осчастливить народы, оцѣнили немногіе; умѣренность въ его образѣ жизни, простота его приемовъ, неутомимая дѣятельность и усилія, съ какими онъ во все вникалъ, открывъ какъ высшимъ такъ и низшимъ личностямъ свободный доступъ въ свой кабинетъ, прекративъ чиновничій произволъ и оградивъ подданныхъ отъ насильственныхъ мѣръ, всѣми силами споспѣшествовавъ благотворительнымъ заведеніямъ,—все это мало признавалось его современниками, оттого что ихъ обычный покой, ихъ строй жизни, ихъ традиціонныя права, обычаи и представленія были встревожены его нововведеніями. Многіе изъ его проектовъ и созданий миновались словно сонъ; но духъ его—остался. Благодаря ему, Австрія и впослѣдствіи даже не совсѣмъ подчинилась ультрамонтанизму и іезуитизму подобно инымъ странамъ, хотя впрочемъ въ высшихъ придворныхъ и дворянскихъ кружкахъ эти мрачныя власти всегда встрѣчали симпатическія сердца. Въ Австріи, заявляетъ Мейнертъ, Юсифъ по настоящему почти никогда не переставалъ царствовать; иногда онъ какъ будто отступалъ временно на задній планъ, однако народы духовно все-таки цѣпко держались за его руку, и признаваемые принципы, правда, болѣе или менѣе отчуждались его, но только не совсѣмъ.

Леопольдъ II., преемникъ своего брата Юсифа на австріискомъ престолѣ и въ нѣмецкомъ императорскомъ санѣ, двадцать пять лѣтъ царствовалъ въ тосканскомъ великомъ герцогствѣ. Известно уже съ какою славою онъ исполнялъ эту высокую должность (XII, 652). Въ его царствованіе введенъ былъ рядъ реформъ, которыя коренились въ тѣхъ же воззрѣніяхъ на церковныя и политическія условія, какъ и у Юсифа II. Инсбрукскій профессоръ Губеръ на основаніи очерковъ Реймонта изображаетъ разныя стороны его дѣятельности въ слѣдующемъ видѣ: старые разнородные общинные порядки замѣнены были однообразнымъ общиннымъ учрежденіемъ съ равными правами и обязанностями, введена была новая система податнаго сбора по размѣру чистаго дохода, фидеикомиссы были отмѣнены, обременявшія земли сервитуты — устранены или выкуплены, поощрялось раздѣленіе земельныхъ участковъ, въ особенности ограничивались владѣнія мертвой

Леопольдъ,
тосканскій ве-
лкій герцогъ.
1765—1790.

руки, поддерживалось преобразование латифундій въ мелкія имѣнія для наследственной аренды, облегчался переходъ послѣднихъ въ свободную собственность; уничтожались внутреннія таможи, преграды цеховаго гнета были разрушены, судопроизводство преобразовалось, конфискація имѣній, пытка, даже смертная казнь были отмѣнены. Въ церковной сферѣ производились такія же широкія реформы. Кладбища перенесены были изъ городовъ, разныя братства отмѣнились, были изданы постановленія, ограничивающія вступленіе въ монастырь, особенно въ женскій, многіе изъ конвентовъ были совсѣмъ закрыты, а имущества ихъ потреблены для улучшенія скудныхъ доходовъ, остальные орденскіе дома подчинены вѣдомству епископовъ, визитація ихъ воспрещалась иноземцамъ. Инквизиція и судопроизводство папскаго нунція были отмѣнены и принадлежавшія имъ доселѣ права переданы епископамъ. Однако судебное вѣдомство епископовъ ограничивалось лишь чисто церковными дѣлами и духовенство подчинялось свѣтскому суду. Для образования священниковъ была введена болѣе однообразная система, старались также сократить число свѣтскихъ священниковъ. Для предписаній иноземныхъ церковныхъ вѣдомствъ введена была экsekватура, вносимыя доселѣ въ Римъ платы разнаго рода запрещались, вообще пытались ослабить зависимость тосканскаго духовенства отъ Рима. Во всѣхъ этихъ реформахъ Леопольдъ дѣйствовалъ съ полнымъ убѣжденіемъ. Мы прежде уже говорили объ отчетѣ, въ которомъ онъ явно и откровенно изложилъ своему народу результаты своего царствования. Въ письмахъ къ сестрѣ Маріи Христинѣ онъ начерталъ свой политическій „символь вѣры“, который во всѣхъ отношеніяхъ отвѣчалъ началамъ и теоріямъ Монтеस्कьё и другихъ представителей государственнаго права въ эпоху просвѣщенія и высшимъ закономъ державца не обинуясь признаетъ всемогущество государства надъ церковью и самодержавною властью государя.

Императоръ
Леопольдъ II.
1790—1792.

По этому изложенію видно, что бывшее доселѣ царствование Леопольда въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ вращалось въ томъ же направленіи, какъ и брата его на болѣе обширномъ поприщѣ. Въ своихъ письмахъ онъ съ полнымъ сочувствіемъ относится къ реформамъ Иосифа, особенно въ церковной сферѣ: «Религія возблагодарить тебя за то, что ты просвѣтилъ Европу и очистилъ истинную вѣру отъ суевѣрія и злоупотребленій, которыя вкрались и на которыя многіе жаловались, не обладая подобно тебѣ мужествомъ, для того чтобы прямо напасть на нихъ и зло вырвать съ корнемъ». Онъ заявляетъ свое удовольствіе по поводу того, что въ отношеніи церковныхъ дѣлъ его собственные планы болѣею частью согласуются съ распоряженіями Иосифа. А потому понятно, что приверженцы старой системы подозрительно и сдержанно встрѣтили новаго державца, и что послѣднему надлежало разумно и осторожно приняться за дѣло, лишь бы успокоить волненіе умовъ и привести въ порядокъ общественныя дѣла, которыя онъ по прибытіи въ Вѣну засталъ въ разстройствѣ. Леопольдъ исполнилъ это съ умомъ, благодушіемъ, умѣренностью и достигъ своихъ цѣлей, насколько было возможно при царившихъ условіяхъ. Но имя Леопольда все-таки далеко отошло на задній планъ передъ блистательною славою его

высокаго брата и предшественника. Причина этого заключается отчасти въ его кратковременномъ царствованіи, отчасти въ естественномъ историческомъ законѣ, по которому всякая понятная политическая система, какъ бы ни казалась она необходимою и цѣлесообразною, у потомства никогда не пользуется такимъ сочувствіемъ и признаніемъ, какъ дѣятельность посвященная прогрессу и современнымъ реформамъ: виновникъ хотя бы даже умѣренной антиреформации въ глазахъ человѣчества всегда считается отставшимъ отъ преобразовательнаго гения.

Двухлѣтнее правленіе Леопольда II. вообще было реакціонное или Затруднительное возстановляющее, которымъ вновь приводилась въ правильное движение расшатанная государственная машина. Еще при жизни Иосифа онъ въ письмѣ къ сестрѣ своей, Маріи Христинѣ, ясно заявилъ, что не можетъ поручиться за все, что сдѣлано Иосифомъ, а потому отнюдь не намѣренъ, даже еслибъ его назначили въ соправители, вмѣшиваться въ государственныя дѣла. «А иначе народъ и иноземные дворы подумаютъ, что я отстаиваю тѣ же принципы и системы, какъ государь, и одобряю всѣ его дѣйствія; я навсегда лишился бы кредита и довѣрія дворовъ и народа, безъ всякой пользы повредилъ бы государству; мнѣ пришлось бы то и дѣло противорѣчить императору и связать себѣ руки на будущія времена». И въ самомъ дѣлѣ, положеніе было до того запутано, что только прозорливый, ловкій умъ и искусная, опытная рука могли выбраться изъ лабиринта. На западѣ провинція находилась въ полномъ возстаніи, которое явно и тайкомъ раздувалось съ одной стороны Англійей и Голландіей, а съ другой—Франціей; по Дунаю и Тейсу королевство находилось на краю мятежа, вопреки отмѣнительному указу покойнаго императора, а быть можетъ ободряемое этимъ; въ Богеміи, въ вѣрныхъ и всегда покорныхъ наследственныхъ областяхъ южной Австріи усиливались броженіе и неудовольствіе. На восточной границѣ война съ Турками, которая до сихъ поръ не доставила императорской арміи никакихъ лавровъ; Пруссія въ угрожающемъ положеніи, съ тѣмъ чтобы въ связи съ Османами и Поляками, при поддержкѣ Англии и разныхъ государствъ средней руки отстоять противъ обѣихъ императорскихъ державъ равновѣсіе Европы. Сверхъ того еще ультрамонтанская іерархія, покушавшаяся возстановить расшатанную церковную администрацію.

Всѣ эти затрудненія Леопольдъ поборолъ съ умомъ и осмотрительностью, съ энергіей и твердостью. Онъ поставилъ себѣ цѣлью возстановить миръ съ иностранными державами, спокойствіе и конституціонный строй внутри. Легче всего удалось ему утвердить покой и порядокъ въ самой Австріи, въ южныхъ иѣмецкихъ наследственныхъ владѣніяхъ и въ Богеміи. Вѣдь и самъ онъ, вопреки его высокому уваженію къ императорскому брату, не всегда соглашался

Реакція Леопольда.

ся съ самовластными дѣйствіями послѣдняго: «Не слѣдуетъ», писалъ онъ своей сестрѣ въ Брюссель, «насиліемъ навязывать людямъ добро, если они не убѣждены въ его пользѣ. Насиліемъ можно отвратить отъ себя сердца и умы, но не убѣдить людей въ ихъ взглядахъ, и въ концѣ концовъ этимъ ничего не добьешься». Поэтому онъ и отмѣнилъ разныя постановленія, которыя болѣе всего оскорбляли и возбуждали неудовольствіе, какъ напр. новыя способы наказанія подмета улицы и бичевы, кондуктныя списки чиновниковъ, служившіе источникомъ злобы и правдивой порчи. Онъ устранилъ новую систему податнаго сбора, также связанную съ нею круговую поруку общины, «пока въ болѣе спокойное время въ соглашеніи съ чинами не удастся отвратить злоупотребленія»; онъ обновилъ собраніе земскихъ чиповъ въ отдѣльныхъ областяхъ и назначилъ сеймы. Епископы приглашались заявить свои жалобы и желанія; однако ихъ широкія требованія не во всемъ удовлетворялись, особенно если дѣло касалось прищиповъ, такъ какъ самъ Леопольдъ, а еще болѣе суровая имъ «духовная высшая коммисія» подъ предсѣдательствомъ канцлера Кресселя почувствовали церковнымъ реформамъ Іосифа; при всемъ томъ отмѣнились или смягчались нѣкоторые предметы, возбуждавшіе негодованіе духовенства и народа. Главныя семинаріи, которыя Леопольдъ не одобрялъ съ самаго начала, какъ черезъ-чуръ сильное вмѣшательство въ права духовенства, были закрыты, епископамъ было предоставлено образовать священниковъ, уряды богослуженія, созывать синоды и пр. Законъ о бракѣ подвергся дальнѣйшему совѣщанію. Но постановленія Іосифа о монастыряхъ, объ императорскомъ разрѣшеніи обнародовать буллы, о духовномъ судопроизводствѣ, терпимости и о другихъ важныхъ вопросахъ сохранились въ полной силѣ.

Венгрія успокоена.

Въ Венгріи Леопольдъ менѣе всего соглашался съ распоряженіями своего брата, а потому здѣсь онъ готовъ былъ на широкія уступки. Не смотря на то ему не скоро удалось направить въ надлежащую колею расхолодившееся тамъ движеніе. Леопольдъ вернулъ назадъ постановленіе о введеніи нѣмецкаго языка въ officialныя вѣдомства, многое измѣнилъ въ церковныхъ дѣлахъ въ угоду обычаямъ и распорядился касательно коронаванія и сейма; все это однако не удовлетворяло уже венгерской знати духовнаго и свѣтскаго званія: магнаты хотѣли воспользоваться обстоятельствами, съ тѣмъ чтобы присягою прежде коронаванія связать королю руки и сдѣлать впредь невозможнымъ такое противузаконное состояніе, какое при Іосифѣ просуществовало въ теченіе десяти лѣтъ; раздавались даже дерзкіе вопросы, не нарушено ли самое престолонаслѣдіе прошлымъ самовольнымъ владычествомъ. Однако Леопольдъ настоятельно отказывался, выдать грамоту не такую, ка-

кая требовалась отъ Карла VI. и Маріи Терезіи, и твердо заявилъ, что онъ не позволитъ нарушать ни свои королевскія права, ни имперскія учрежденія. Благодаря посредничеству весьма вліятельныхъ магнатовъ, въ Венгріи состоялось наконецъ примиреніе. При созванномъ въ Пресбургѣ сеймѣ совершилось коронаваніе и дана была присяга конституціи; сверхъ того король назначилъ своего сына Александра Леопольда палатиномъ, какъ залогъ своей любви и достойнаго посредника между королемъ и чинами. 15. нбр. 1790.

Не такъ легко удалось Леопольду усмирить Бельгійцевъ. Они, какъ уже извѣстно, отвергли его предложеніе, возстановить прежній порядокъ со всеми правами, привилегіями и привычками. При всемъ томъ имъ было извѣстно, что Леопольдъ съ самаго начала одобрялъ соблюдаемую нѣмѣстническою четкою уступчивую политику и затѣмъ порицалъ насильственные поступки императора, такъ что онъ поэтому искренне и безъ всякой задней мысли хотѣлъ возстановить прежнюю конституцію. Они надѣялись съ помощью Англии, Голландіи и Пруссіи соорудить самостоятельное республиканское государство, подобное Соединеннымъ штатамъ Нидерландовъ или Америки. Однако Леопольдъ успѣлъ побудить покровительствующія державы отступить отъ ихъ политики, пригрозивъ имъ возможностью союза Австріи съ Франціей. Англія и Голландія послѣ этого отклонились отъ связи съ Пруссіей и перешли на сторону имперіи. Это и въ Берлинѣ повело къ политическому повороту. Тамъ отказались отъ Герцбергской теоріи равновѣсія и по конгрессу австрійскихъ и прусскихъ дипломатовъ въ Рейхенбахѣ, что въ Силезіи, вступили въ соглашеніе съ вѣнскимъ кабинетомъ. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ Леопольдъ во Франкфуртѣ былъ избранъ въ императоры и короновался. Начатыя между Австріей и Портою переговоры велись съ успѣхомъ, такъ что въ наступившій затѣмъ годъ въ Систерѣ заключенъ былъ миръ на основаніи существовавшихъ до войны территориальныхъ условій. Послѣ этого Леопольдъ съ болѣею силою и энергіей могъ прийтись за подчиненіе истерзанной яростью партій и распрями бельгійской республики. Окруженный и угрожаемый неистовыми толпами народа конгрессъ въ Брюсселѣ думалъ было избавиться отъ затруднительнаго положенія, провозгласивъ эрцгерцога Карла, третьяго сына Леопольда, державцемъ и послѣднимъ государемъ Нидерландовъ съ условіемъ, чтобы корона новаго государства никогда не соединялась съ австрійскимъ домомъ или съ иною чужеземною властью. Однако императорскія войска подъ начальствомъ генерала Бендера уже подходили. По вступленіи ихъ въ Брюссель въ Гаагѣ была подписана примирительная грамота, въ силу которой нидерландскія провинціи, упрочивъ за собою амнистію и возстановленіе прежняго политическаго и церковнаго строя, вернулись въ подданство Австріи. Это торжество, однако, было кратковремен-

Бельгія покорена.

Юня 1790.

9. окт. 1790.
4. авг. 1791.

10. дек. 1791.

ное: даже поручительство Англии, Голландии и Пруссии въ соблюдении граматъ, какъ скоро увидимъ, не въ силахъ было удержать за габсбургской династіей прекрасныя области по Маасу и Шельдѣ. Революціонный потокъ уже забушевалъ, волны его скоро разлились по южнымъ и сѣвернымъ Нидерландамъ и поглотили ихъ.

Смерть Лео-
польда. Его
наслѣдникъ
Францъ II.
1. марта.
1792.

Въ то самое время, какъ Леопольдъ въ связи съ Фридрихомъ Вильгельмомъ II. собирался противостать этому бурному потоку, изъбавить французскаго короля отъ невольнаго положенія и оружіемъ положить предѣлъ революціи, онъ простился съ міромъ. Мы въ другомъ мѣстѣ упомянемъ о свиданіи обоихъ монарховъ въ Пильницѣ и о состоявшемся тамъ наступательномъ и оборонительномъ союзѣ. Сынъ и преемникъ его Францъ съ престоломъ унаслѣдовалъ также рѣшенную уже отцомъ войну. Этотъ молодой государь, нацѣленный ограниченными понимаемъ великихъ современныхъ задачъ и малымъ сочувствіемъ къ преобразовательнымъ стремленіямъ своего дяди и въ нѣкоторомъ смыслѣ также своего отца, принявъ въ роковой моментъ бразды правленія въ Австріи, заботясь болѣе о себѣ и о своемъ самовластіи, нежели о благоденствіи своихъ народовъ.

III. Пруссія при Фридрихѣ II. и Фридрихѣ-Вильгельмѣ II.

1. Внутреннее правленіе и кончина Фридриха великаго.

Возрѣніи
Фридриха на
государство.

Въ прежнихъ главахъ мы ознакомились съ Фридрихомъ Великимъ какъ съ увѣнчаннымъ славою полководцемъ. Теперь намъ предстоитъ обратить вниманіе на его не менѣе знаменательную дѣятельность правителя, на его внутреннее управленіе, которому онъ во вторую половину царствованія почти не прерывая посвящалъ свои заботы. Фридрихъ имѣлъ самыя высокія понятія о сущности и задачахъ государства, и онъ проводилъ исконный абсолютный монархическій принципъ еще разъ со всею строгостью и послѣдовательностью, пока послѣдній не разлагаясь все болѣе и болѣе подъ вліяніемъ французской революціи. Исходя, правда, въ своихъ теоретическихъ соображеніяхъ отъ естественно-рационалистическихъ возрѣній французской философіи просвѣщенія, онъ выводилъ происхожденіе монарха изъ акта народной воли; однако онъ отнюдь не извлекалъ отсюда опасныхъ послѣдствій для существующей системы государства и для сущности историческаго развитія, а въ своей прусской державѣ и подавно. Вообще, его философскіе и поэтическіе идеалы зачастую вовсе не отвѣчали его абсолютной практикѣ. Въ государствѣ его и помина нѣтъ о какомъ бы то ни было соучастіи народа

въ политической жизни и въ законодательствѣ, о самостоятельныхъ органахъ о-богъ съ королевскою властью, о самоуправленіи и объ общинной свободѣ; его державство ничто иное, какъ строго выполненное абсолютное именное правленіе, которому, однако, нравственная строгость и возвышенныя цѣли этого великаго державца внушили болѣе высокую идею, нежели какая существовала въ неограниченныхъ монархіяхъ восемнадцатаго вѣка. Насколько широка, по немъ, власть государя, настолько же широки его обязанности. Всеобщее благо—вотъ цѣль государства и задача монарха. Въ своемъ опытѣ о формѣ правленія онъ самъ заявилъ: «народы существуютъ не ради правительствъ, а, напротивъ, послѣднія ради первыхъ. Для того, чтобы исполнить свои высокія обязанности, правители должны безустанно трудиться и постоянно обращать вниманіе на все, что можетъ имѣть близкое или отдаленное вліяніе на благо подданныхъ». Подданные не должны служить игрушкой произвольной прихоти тирана, а, напротивъ, государство, право, законъ стоятъ надъ монархомъ. Законъ служитъ подданному оплотомъ, государю преградой отъ произвола, высшею нравственною властью, витающею надъ всѣмъ государственнымъ составомъ. Фридрихъ считалъ себя первымъ слугою государства, и всѣмъ своимъ царствованіемъ доказалъ, что эта преданность благу цѣлаго была не фразою. «Долгъ—вотъ мой высшій Богъ», сказалъ онъ однажды, и этимъ духомъ онъ исполнилъ всѣхъ остальныхъ слугъ государства, все свое бюрократическое сословіе, обладавшее съ тѣхъ поръ тою удивительною преданностью, тою добросовѣстностью и тѣмъ безпристрастіемъ, которыя составили его высшую славу. Изъ этого чувства долга, посвящающаго всѣ тѣлесныя и духовныя силы, всю жизнь службѣ націи, вытекла та изумительная неутомимая дѣятельность Фридриха, которая во все вникала, слѣдила за всѣми условіями общественнаго быта и руководила ими, та самоотверженная забота объ исполненіи королевскихъ обязанностей.

Въ строгомъ бюрократическомъ государствѣ Фридриха Великаго сослов- Сословное рас-
ный элементъ, прозябавшій все еще въ округахъ, общинахъ и провинці- члененіе.
яхъ, не пользовался никакимъ политическимъ значеніемъ и не примѣнялся къ общественной службѣ. Государство, представлявшее совокупность подданныхъ, и сословное начало, выражавшее частные интересы отдѣльных классовъ, состояли въ прямомъ противорѣчьи одно съ другимъ. Хотя, впрочемъ, различіе сословій, сливаясь съ совокупностью, исчезало въ государствѣ, однако въ общественномъ отношеніи Фридрихъ не хотѣлъ нарушать историческое развитіе сословныхъ расчлененій и разграниченій. Разграниченіе сословій считалъ онъ необходимымъ, для того чтобы всесторонне исполнить различныя задачи государства. Ему казалось полезнымъ поддерживать дворянскій, мѣщанскій и крестьянскій классы въ ихъ обособленныхъ положеніяхъ, ибо у каждаго изъ этихъ сословій свое, ему свойственное призваніе въ государственномъ и общественномъ строѣ, которое не можетъ выполняться другими. Дворянство имѣетъ поставлять офицеровъ

и высших сановников; въ немъ коренится армія; мѣщане должны заниматься промыслами и торговлей; крестьянскому сословию подлежитъ самая первобытная задача матеріальной производительности. Всякимъ вмешательствомъ одной среды въ область другой нарушаются тѣ условія, при которыхъ государственное общество въ состояніи выполнить свои многостороннія задачи жизни. Оттого-то въ „земскомъ правѣ“ и значится: крестьяне никогда не должны обладать дворянскими имѣніями, а дворяне присвоивать себѣ крестьянскія, на томъ основаніи, что первые не могутъ служить офицерами, а послѣдніе, обративъ крестьянскія имѣнія въ фольверки, сократятъ тѣмъ число жителей. Мѣщане тоже не должны покупать имѣнія дворянъ; это имъ препятствовало бы только владѣть свои капиталы въ торговлю и промыслы.

Реформа
суда.

Одна изъ самыхъ существенныхъ заслугъ Фридриха относится къ области судопроизводства; онъ и считается собственно творцомъ прусской юстиціи. Дѣйствія его отца въ этой области ограничивались одними лишь благонамѣренными попытками и отдѣльными мѣропріятіями. Судопроизводство въ томъ видѣ, какъ засталъ его Фридрихъ, было искажено самыми гнусными злоупотребленіями; пристрастное и медленное, въ рукахъ судно оплачиваемыхъ, посторонними доходами промышленниковъ судей, а не то и вовсе незнакомыхъ съ законами людей, зависящее вездѣ отъ администраціи, вовсе непонятное для народа, оно служило поприщемъ кривотворства, подкупа и произвола. Фридрихъ всю жизнь трудился надъ реформою этихъ безотрадныхъ условій. Известно уже (XII, 694), что, вступивъ на престолъ, онъ тотчасъ же устранилъ пятку, это позорное пятно средне-вѣковаго уголовного права. Затѣмъ послѣдовало преобразование всей юстиціи. Добившись для всѣхъ своихъ владѣній имперской привилегіи „de non appellando“, предоставляемой обыкновенно однимъ только курфиршествомъ, и избавившись такимъ путемъ отъ ужасно разстроенной имперской юстиціи, онъ подготовилъ почву для реформы, которая въ равной мѣрѣ относилась къ судоустройству, процессу и матеріальному праву. Фридрихъ имѣлъ самыя высшія и идеальныя понятія о главныхъ условіяхъ хорошаго судопроизводства, и онъ всѣми силами старался осуществить ихъ на практикѣ. Ослобне судей должно быть исполнимо, вліяніе партій, администраціи, самаго короля на правильное судопроизводство должно быть исключено; „не слѣдуетъ обращать никакого вниманія на рескрипты, хотя бы они и выходили изъ нашего кабинета“. Занимать мѣста въ судахъ должны правовѣды съ надлежащимъ охладомъ, посвятившіе себя исключительно своей должности; скорый судъ, правильное слѣдствие, справедливое, безпристрастное рѣшеніе должны служить основными столбами юстиціи. Въ этомъ смыслѣ тотчасъ же послѣ силезскихъ войнъ преобразованы были судебныя коллегіи, и въ своемъ новомъ видѣ онѣ развили весьма благотворную дѣятельность. Въ этихъ реформахъ королю содѣйствовалъ дѣлатель, заслуженный и энергическій правовѣдъ *Самуель Кокцейи*, сынъ извѣстнаго профессора государственнаго права, возведенный въ предшествовавшее царствование уже въ министры юстиціи, а въ 1748 году въ государственные канцлеры. Кокцейевъ судебникъ (codex Fridericianus) и его сводъ гражданскихъ законовъ (corpus juris Fridericianum) были, правда, лишь очерками или вопли въ употребленіе только окая и въ ограниченномъ видѣ, такъ какъ онъ во многихъ отношеніяхъ оказался преждевременнымъ и неисполнимымъ, черезъ-чуръ отзывались господствовавшими попытками естественнаго права, но они все-таки проложили путь, по которому въ послѣдніе годы жизни короля съ рѣшительнымъ успѣхомъ двинулись впередъ. Важнѣйшимъ результатомъ Кокцейевой реформы слѣдуетъ признать то, что она какъ бы вновь обосновала прусское сословіе юри-

31. мая 1746.

стовъ. Кокцейи указалъ на ихъ существенное значеніе и доставилъ имъ средства посвятить себя этому званію; онъ передалъ имъ вновь судопроизводство, котораго онъ большею частью лишился, и требовалъ для исполненія его научной подготовки. Прусскіе суды исполнялись сознаніи независимости и добросовѣстнаго отправленія обязанности даже скорѣе, чѣмъ предполагалъ самъ зачастую недовѣрчивый король. Это обнаружилось между прочимъ въ пресловутомъ процессѣ мельника Арнольда, причемъ король, подозрѣвая, что верховный судъ произнесъ предвзятый пристрастный приговоръ, въ несправедливомъ рвеніи вмѣшался въ дѣло суда, уничтожилъ рѣшеніе его, и судей, судившихъ по чистой совѣсти, отправилъ въ крѣпость. А насколько въ народѣ распространилось чувство правоты, объ этомъ можно судить по тому всѣмъ извѣстному происшествію съ „мельникомъ Сансуси“, мельница котораго и нынѣ еще стоитъ у Потсдама въ видѣ памятника чувства справедливости прусскихъ королей.

То, чему Кокцейи положилъ починъ, было нѣсколько десятилѣтій спустя послѣ того воспринято и исполнено другимъ дѣтелемъ—высокопрославленнымъ въ исторіи прусскаго права графомъ *Кармеромъ*, основателемъ процессуальнаго и матеріальнаго права, которое въ основныхъ чертахъ сохранилось до новѣйшаго времени. Назначенный на мѣсто Фюрета государственнымъ канцлеромъ, Кармеръ энергически принялся за реформу юстиціи и приобрѣлъ превосходнаго помощника въ лицѣ тайнаго совѣтника *Свареши*. Фридрихъ не дожидая до завершения этого дѣла, оно было обнародовано лишь при его наслѣдникѣ; не смотря на то, самое дѣло слѣдуетъ признать славнымъ памятникомъ короля, завѣщаннымъ наследіемъ его гуманныхъ воззрѣній. Кармерова реформа юстиціи заключается въ уставѣ судопроизводства и во „всеобщемъ сводѣ законовъ“, во введенномъ въ 1794 году послѣ четырнадцатилѣтней разработки и ревизіи прусскомъ *гражданскомъ правѣ*, самой обширной кодификаціи со временъ Юстиниана, за которую вкорѣ послѣдовалъ французскій и австрійскій своды законовъ. „Гражданское право“, помимо частнаго, составляющаго главное его содержаніе, объемлетъ также всю совокупность общественнаго, государственнаго, церковнаго и уголовного правъ; это достойный памятникъ тогдашняго законодѣлель, твореніе весьма свѣдущаго и добросовѣстнаго ученаго, вопреки всѣмъ недостаткамъ, обусловленнымъ состояніемъ науки, абстрактно-естественнымъ направлениемъ эпохи и господствовавшимъ доктринаризмомъ, который мало сообразовался съ практическимъ опытомъ.

Кармера
1721—1801.

Ариде въ Государственномъ словарѣ Баушля заявляетъ: „Гражданское право это произведеніе основательнаго законодѣлель и добросовѣстнаго труда, въ которомъ разнообразные начала тогдашней юриспруденціи съ самостоятельнымъ господствомъ надъ громаднымъ матеріаломъ разработаны въ одно цѣлое, доведенное до мельчайшихъ подробностей, было предметомъ заслуженной гордости Пруссаконъ. Это былъ первый примѣръ до совершенства доведенной системы нѣмецкаго законодательства; а въ отношеніи языка оно тоже заслужило похвалы и радостно приветствовалось, какъ попытка избавиться отъ формальнаго господства замкнутыхъ чужеземныхъ правъ. Къ сожалѣнію, однако, великое твореніе не лишено было важныхъ ошибокъ въ начертаніи и выполненіи, которыя существенно повредили вліянію его на жизнь и большую частью обманули ожиданія. Въместо того, чтобы сгруппировать разнородныя частныя отношенія по ихъ характеристическому различію и для каждаго изъ нихъ кратко и ясно представлять руководящіе начала и подходящіе законныя опредѣленія, гражданское право, исходя отъ всеобщихъ отвѣченныхъ понятий, на доктринарскій ладъ, не щадя опредѣлений и подраздѣленій, созидаетъ искусственную, неудачную систему; тутъ разнородныя правовыя положенія, зачастую перелутывався, сливаются другъ съ другомъ, внутренни

Прусское
гражданское
право.

сущность и постройка ихъ часто представляются не въ ясныхъ чертахъ, и изъ разсыпанныхъ въ обширномъ твореніи общихъ и частныхъ предписаній нѣрѣдко съ трудомъ лишь можно отыскать подлежащія нормы. — О принципахъ государственнаго права въ этомъ судебникѣ Шульце въ своемъ твореніи говорятъ: «Правительственный абсолютизмъ, въ которомъ автократія восемнадцатаго столѣтія сталкивается съ идеями французской революціи, — вотъ главная черта этого свода законовъ, которымъ всѣ корпоративные элементы претворяются въ государство, который общинами распорядается какъ правительственными заведеніями, ея чиновниками какъ правительственными слугами, и даже въ отношеніи церкви поддерживаетъ ту же точку зрѣнія. Бюрократическая система опеки проникаетъ всѣ области общественной и частной жизни. Въ высшихъ сферахъ государство является современнымъ бюрократическимъ, тогда какъ въ низшихъ слояхъ все еще сохранилось сословное феодальное царство средневѣковья. Существовавшую въ то время во всей Германіи неволю крестьянъ Фридрихъ II. еще не рѣшился отнять. Помѣщичье право и крѣпостничество поддерживаются также въ судебникѣ. А сословія разграбичиваются рѣзче чѣмъ въ какомъ либо изъ новѣйшихъ законодательствъ. Такимъ-то образомъ, прусское Гражданское уложеніе представляетъ удивительный обликъ Януса, обращеннаго однимъ лицомъ назадъ — къ феодальнымъ порядкамъ средневѣковья, а другимъ впередъ — къ новѣйшимъ воззрѣніямъ эпохи. Не смотря однако на всѣ недостатки, этотъ сводъ законовъ оказалъ самое благотворное вліяніе на прусскую и вообще на нѣмецкую государственную и юридическую жизнь. Тутъ государство впервые по закону было признано все превышающею и надъ всѣмъ господствующею личностью, — понятіе, почти совсѣмъ утраченное въ хаосѣ патримониальныхъ державъ съ преобладавшимъ характеромъ частнаго права».

Земледѣіе и
крестьянскія
условія.

Самую существенную задачу государства великій король съ одной стороны считалъ охраненіе правъ, а съ другой — подъемъ матеріальнаго благосостоянія народа, земледѣлія, промышленности. Въ этихъ плодотворныхъ побужденіяхъ онъ воплотилъ стѣдовалъ по стопамъ отца. Благодаря попеченію и благоразумію правительства, страна относительно скоро исцѣлилась отъ бѣдствій семилѣтней войны, и въ ней съ каждымъ годомъ нарастали населеніе, производительность и благосостояніе. Вслѣдствіе непрерывнаго поощренія и денежныхъ пособій короля земледѣліе и сельское хозяйство преуспѣвали, вводились техническія усовершенствованія всякаго рода, почва систематически улучшалась, огородничество и садоводство развивались, въ пустошахъ водворялись поселенцы, высушались болота, залагались каналы, рѣки регулировались плотинами. Лѣсоводство и горное дѣло пользовались большимъ попеченіемъ и рациональнымъ уходомъ; тогда только по настоящему и стали знакомиться съ минеральными богатствами Пруссіи, съ желѣзными и угольными коями. Благодаря дѣятельности Фридриха поднято 300,000 моргеновъ нови, основано 500 новыхъ деревень, заселено 50,000 семей колонистовъ. Вслѣдствіе устроенной кредитной и ипотечной системы крупнымъ землевладѣльцамъ открылась возможность поднять свои нѣвнія. Основательное улучшеніе матеріальнаго состоянія крестьянскаго сословія было, конечно, немислимо до тѣхъ поръ, пока оно прикрѣплено было къ почвѣ и подавлено феодальными налогами, барщиной и службой помѣщику. Опасаясь сильнаго соціального переворота, Фридрихъ не рѣшился сразу устранить эти отношенія крѣпостничества, укоренившіяся условія оказались сильнѣе его воли; притомъ же военныя учрежденія слишкомъ сильно опирались на отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, такъ что король не покусился затронуть эту организацію. Предпріятыя имъ единичныя попытки, изъ крѣпостныхъ сдѣлать свободныхъ людей, утвердить и урядить юридическія условія, не имѣли успѣха, сами крестьяне имъ не сочувствовали. Однако, человѣколюбивыми постановленіями, администра-

тивнымъ надзоромъ, утвержденіемъ законныхъ притязаній онъ въ иныхъ случаяхъ старался избавить по возможности крестьянское сословіе отъ жестокаго обращенія, отъ гнета и чрезмернаго обремененія. Еще не настала пора для болѣе рѣшительной соціальной реформы; однако, не далеко уже было время великаго аграрнаго законодательства и освобожденія крестьянъ.

Прусская промышленность чтитъ великаго короля своимъ настоящимъ творцомъ. Многое изъ того, что было создано его отцомъ, погибло въ военные годы. Фридрихъ со скорбью замѣтилъ, что промышленность въ его странѣ отстала, что народъ вынужденъ былъ за важнѣйшими своими потребностями обращаться за границу, что туда утекало много денегъ. А потому самымъ ревностнымъ стремленіемъ его было, поднять промыслы, техническое искусство, духъ предприимчивости. Для того, чтобы содѣйствовать открытію фабрикъ и заводовъ, ввести улучшеніе въ производствѣ, дѣлать опыты для водворенія иностранныхъ заведеній, онъ раздавалъ значительныя пособія изъ государственныхъ средствъ; многи отрасли промышленности, какъ напримѣръ, полотняныя, шерстяныя и хлопчатобумажныя мануфактуры, стеклянныя, фарфоровыя и рафинадныя заводы успѣшно расцвѣли, благодаря попеченію короля. Высшею политикоэкономическою точкою зрѣнія эпохи признавалось: выпускать за границу по возможности больше денегъ; Фридриху и удалось на самомъ дѣлѣ, значительно сократить ввозъ извнѣ и усилить вывозъ своихъ продуктовъ, такъ что торговый балансъ вскорѣ получилъ значительный перевѣсъ въ пользу послѣднихъ. Въ этой области также сильно стѣснялась свобода движенія; административное вмѣшательство простиралось черезъ-чуръ далеко и бюрократическая ревность вела ко многимъ превратнымъ и непрактичнымъ мѣропріятіямъ. Весь трудъ организовался административнымъ путемъ, надъ ремесленниками и художниками производился самый строгій надзоръ, ихъ разможеніе и сокращеніе, ихъ переходъ въ другія мѣста урядились правительствомъ. Охранительная и запретительная системы поддерживались съ прежнею строгостью, привозъ иностранныхъ товаровъ, вывозъ внутреннихъ сырыхъ продуктовъ крайне затруднялись. Этими запретами хотѣли внутренніе рынки обезпечить за мѣстной промышленностью, доставить ей дешеваго сырья и облегчить конкуренцію съ заграницею; запрещая вывозъ мѣстныхъ плодовъ, а именно хлѣба, имѣли въ виду удешевить съѣстные припасы. А съ другой стороны эта система тормазила, конечно, торговлю и затруднила сельскимъ хозяевамъ сбытъ ихъ произведеній. Меркантильная система Фридриха, безъ сомнѣнія, была слишкомъ натянута и одно-сторонняя, и физіократы справедливо замѣчали, что промышленности придается черезъ-чуръ великое значеніе въ ущербъ остальнымъ отраслямъ производства. И точно, вслѣдствіе этой охранительной системы и неосредственныхъ правительственныхъ пособій возникло много такихъ промысловъ, у которыхъ не было естественной почвы въ странѣ и которые поддерживались лишь съ трудомъ и съ бесполезными тратами, какъ напримѣръ шелководство. Много другихъ, однако, расцвѣли въ лучшемъ видѣ; возникло трудолюбивое и дѣльное промышленное сословіе, которое и впредь сохранилось въ странѣ. Такая экономическая система, которая урядилась свыше, охранялась преградами, но также стѣснялась, отвѣчала духу того времени и была чрезвычайно полезна для молодой и неразвитой, лишенной образованія, капитала, источниковъ сбыта промышленности въ родѣ тогдашней прусской. Въ эпоху позднѣйшаго развитія, конечно, когда прусская промышленность окрѣпла и набралась силы, такая ограниченная политика оказалась несостоятельною. Свободныя и превосходныя экономическія теоріи новѣйшаго времени скоро измѣнили также и обычную хо-

Промышлен-
ность и тор-
говля.

злейшую политику в Пруссии. Не смотря на затруднения, какая запретила системой представлялась коммерческому сношению с иностранцами, прусская торговля все-таки поднялась. Король то и дело пытался открыть, чужеземные источники сбыта и завязать торговые сношения, а приобретение восточной Фрисландии и польского побережья существенно способствовало морскому положению Пруссии. Благодаря основанию двух великих финансовых учреждений, — компании морской торговли и прусскому банку, — торговые сношения и правильное денежное обращение пользовались благотворною поддержкою.

Финансы и
податная си-
стема.

На все, что могло способствовать материальному преуспеянию страны, Фридрих не щадил расходов и тратил на это миллионы; продолжительные войны, при которых одни только недостаточные английские субсидии и кое-какие контрибуции служили подспорьем, поглощали, конечно, громадные суммы, помимо того войско и в мирное время тоже поддерживалось в состав чуть-ли не превышавшем средства государства; а сверх этого вследствие щедрости короля возникли великолпные постройки, именно в столицу (опера, парк в Тиргартен, собор и др.), какие создавались большею частью по проектам даровитого Кнобельсдорфа; не смотря на все эти расходы финансовая система находилась в порядке. Благодаря бережливому, осмотрительному, экономическому строю, господствовавшему над управлением финансов при Фридрихе, все нужды удовлетворялись, а сверх того ежегодно накоплялась еще наличная государственная казна, доходившая при смерти короля до семидесяти миллионов талеров слишком; такое само по себе, конечно, нерациональное накопление капиталов обуславливалось необходимостью быть постоянно готовым к войне. Правда, фискальная система Фридриха была очень жестока и возбуждала неудовольствие в народе. Военные налоги (на кофе, пиво, соль и т. п.) доведены были до крайности и сократили употребление необходимых жизненных припасов; фискальные доходы увеличились благодаря обременительным монополиям, но последние породили с одной стороны недостойную, весьма вредную для общественной нравственности систему шпионства и надзора, а с другой — контрабанду, запретный торг и всякого рода нарушение закона. Неудовольствие усилилось еще вследствие способа взимания податей. Знаменитый французский философ и главный откупщик Гельвеций ввел новое *таможенное и акцизное управление* (Regie), в которое назначались исключительно одни Французы. Получавшие большой оклад, высокомерные французские финансовые мастера руководили этим управлением, которое обособлялось как самостоятельный департамент, в качестве главной администрации королевских доходов. Иностранцы чиновники, которых было несколько сот человек, действительно увеличили доходы; но своим тщеславным контролем, своею грубою заносчивостью и вследствие оскорбительного чувства, как будто прусский народ не способен сам устроить свое податное дело, они возбудили чрезвычайную ненависть. Король сам впоследствии убедился в том, что он привлеч в страну недостойных людей. Зведение государственной лотереи также была опасная фискальная мера.

Армия.

Следя извонной прусской традиции, Фридрих одною из важнейших своих задач считал поощрение об армии; и в самом деле, безопасность и вся будущность молодой державы среди врагов обуславливались всегдашней готовностью к бою и возможностью во всякое время дать сильный отпор всякому врагу. Законом самосохранения требовалось, чтобы вооруженная сила, возмечившая государство в войне, в мирное время была бы также готова отразить опасность. Такое чрезвычайное напряжение, содержание армии, доведенной под конец царствования Фри-

риха до 200,000 человек, конечно, сильно обременило все еще бедный и скудно населенный край. Около двух третей государственных доходов потреблялись на войско, а рекрутский набор крайне отягощал крестьян. Тем более, что образованные классы и промышленное население городов не подлежали воинской повинности. Армия все еще состояла на созданных Фридрихом Вильгельмом основах; она на половину образовалась из завербованных иностранцев, а на половину из учиненного по системе военных капитанов набора (XII, 685). Король всячески пытался смягчить суровости, несправедливости и произвольные действия этой системы, но он не мог добиться, чтобы она не легла тяжелым бременем на земледельческое сословие, не мог также устранить злоупотребления вербовки. Вследствие которой в страну неминуемо проникали чужеземные неоднородные элементы, не связанные с нею никакими национальными интересами. Ни строгость дисциплины, ни безустанный старание короля, поднять в солдатском сословии нравственный дух, воинскую честь, не могли совсем уничтожить зло, причиняемое этой системой. При всем том прусская армия была бесспорно наилучшею в Европе, самую дисциплинированную и всегда готовую к бою. Къ испытанной с давних пор ихотью Фридрих присоединил такую же отличную конницу. Постоянные учения, смотры, упражнения в оружейных приемах и в быстрых эволюциях, подготавливали к войне, развивали искусство и ловкость. Для образования офицерского сословия были основаны Берлинская военная академия и несколько кадетских корпусов.

В заботах о материальных средствах государства Фридрих не мог воспользоваться досугом и средствами для подъема умственного образования в той мере, в какой следовало бы ожидать от государя, который сам так глубоко вник в науку. Он сам, правда, принимал ревностное участие в трудах академии, которую вновь поднял после глубокого ее упадка; однако для преуспеяния собственно народного обучения им не много сделано. С этой стороны его деятельности мы ознакомимся еще ближе в связи с переворотом педагогике в эпоху просвещения. Должность учителей не редко служила как бы для призыва отставных пшвалдов, а не то она поручалась в вид побочного занятия скудно оплачиваемым ремесленникам, не справляясь даже, насколько их собственные познания превышают хотя бы самые элементарные начала. Вообще отношение короля к национальному образованию и к немецкому народному духу представляет странное и много порицаемое явление. Со времени тевтонского воодушевления Клопштока и строгого немецкого духа Арндта заявлялось много скорбных слов по поводу этой черты в характере Фридриха. При всем том эта черта легко объясняется духом времени и образованием короля. Вся жизнь его обуславливалась впечатлениями юности. Когда он вступил на престол, то Готшед и его школа господствовали над немецкою поэзиею и над вкусом; их бездушные подражания и переводы французских стихотворений не могли удовлетворять высоко развитого государя. Он обратился к ясней и гладкой, но пустой и лишней фантазии французской поэзии, удивлялся Вольтеру как поэту и философу тогда даже, когда они разошлись врагами, наговорив друг другу самые оскорбительные вещи; он постоянно поддерживал переписку с литературными знаменитостями Франции. Вкус его подчинился пристрастию к французскому языку и к французской литературе, которую он усвоил себе как едва ли кто либо из иностранцев. Он, конечно, был настолько прощителен, что постигал литературные заблуждения Французов и высказал даже колкие замечания по этому поводу; однако все-таки не мог отрешиться от вкуса

Фридрих и на-
циональное об-
разование и ли-
тература.

и художественнаго возрѣнія, внушеннаго ему постояннымъ занятіемъ французскими классиками. Онъ не повималъ ни первобытной силы и естественности Шекспира, ни поэзіи нѣмецкаго средневѣковья, которая тогда вновь оживилась. О послѣдней король, какъ извѣстно, заявилъ, что она ничего не стоитъ и онъ въ своей библиотекѣ не помѣстилъ бы такой дряни. Фридрихъ считалъ свой народъ неспособнымъ и незрѣлымъ, для того чтобы состязаться съ умственными твореніями другихъ націй. Его замѣчательный трактатъ „О нѣмецкой литературѣ“ обнаруживаетъ съ какимъ пренебреженіемъ онъ относился къ тогдашнимъ литературнымъ произведеніямъ своихъ соотечественниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ какимъ патриотическимъ интересомъ и глубокимъ чуждымъ онъ вѣрилъ въ то, что Германія нѣкогда въ царствѣ изящныхъ искусствъ также займетъ достойное мѣсто среди націй. Но король не могъ постичь того широкаго размаха, какой подъ исходъ его жизни дѣйствительно приняли уже науки и искусства. А все-таки онъ самъ по преимуществу, своими свѣтозарными подвигами пробудилъ дремавшій нѣмецкій гений и способствовалъ духовному подъему націи. И дѣйствительно, какъ говоритъ Гёте: первое истинное и высшее живое содержаніе въ нѣмецкую поэзію проникло, благодаря Фридриху Великому и подвигамъ семилѣтней войны.—Фридрихъ былъ поклонникомъ французскаго вкуса не въ одной только литературѣ: всѣ дѣла и весь бытъ этой націи возбуждали его удивленіе и по возможности подражались. Французскіе авантюристы сотнями пользовались въ Пруссіи почетомъ и содержаніемъ, а такъ какъ это поклоненіе иностранцамъ при другихъ дворахъ тоже относилось къ хорошему тону, то во всѣхъ концахъ Германіи кишмя кишѣли веселые французы. Парижскіе парикмахеры, учителя и танцмейстеры при занятіи придворной и административной должностей не рѣдко предпочитались самымъ заслуженнымъ тумѣтнымъ уроженцамъ.

Церковные
принципы.

Само собою разумѣется, что Фридрихъ съ его великодушными возрѣніями основнымъ началомъ своей политики призналъ также традиціонную терпимость прусскихъ королей. Мы и прежде уже упоминали объ этомъ направленіи его ума (XII, 693) и еще ближе ознакомимся съ нимъ въ связи съ общепе культурною. Принципъ, что государство превыше всякаго вѣроисповѣданія, поддерживался и имъ также во всемъ объемѣ, и онъ предоставилъ римской церкви полную свободу дѣйствія; это тогда было дѣломъ неслыханнымъ и заслуживало уваженія тѣмъ болѣе, что католическое общественное чувство возбуждалось противъ него довольно часто. Благодаря значительному приросту населенія вслѣдствіе силезскихъ и польскихъ приобрѣтеній, стали настойчивѣе добиваться, чтобы съ мыслью о совмѣстномъ подданствѣ сгладились религиозныя противоположности. Король не желалъ углубляться въ подробныя теоретическія изслѣдованія касательно положенія католической церкви въ государствѣ, протестантскомъ по своему преобладающему составу, по происхожденію и монархическому главѣ; онъ предоставилъ самой жизни сравнять то, что по принципу тогда, можетъ быть, и нельзя было бы сравнять; такимъ образомъ онъ на самомъ дѣлѣ добился того, что вновь присоединенные католическіе подданные скоро стали себя чувствовать такими же добрыми Пруссакими, какъ Бранденбургцы и Померанцы. Въ Берлинѣ возникла католическая церковь св. Гедвиги, и къ самымъ вѣрнымъ слугамъ короля принадлежали люди римскаго вѣроисповѣданія; даже фезуиты пользовались уваженіемъ въ Пруссіи, когда орденъ былъ отмѣненъ папскою буллою. Съ тѣмъ чтобы способствовать мирной совмѣстной жизни вѣроисповѣданій, Фридрихъ всѣми силами сдерживалъ также фанатизмъ и всякое ярое гоненіе ереси со стороны протестантовъ. Въ Силезіи кардиналь-архіепископъ

графъ Синцендорфъ содѣйствовалъ его примирительнымъ побужденіямъ. Съ другой же стороны Фридрихъ всѣми силами противоодѣйствовалъ, когда подъ религиозною личиною вопомнились измѣнническіе и опасные для государства проски. Предоставивъ всѣмъ церквамъ и сектамъ и каждой личности свободу религиознаго убѣжденія и ученія, онъ однако съ сознательною энергіею противился всякому вмѣшательству іерархическихъ притязаній въ сферу дѣятельности и въ область власти правительства. О политической роли духовенства прѣчи не могло быть, даже его пополюзовенію, руководить воспитаніемъ, онъ противопоставилъ принципъ: школы суть государственныя учрежденія; этотъ принципъ признавался также въ земскомъ правѣ и съ той поры всегда соблюдался, хотя, конечно, церковные фанатики постоянно ратовали противъ него.

О широкой многосторонности и высокомъ дарованіи этого своеобразнаго Фридрихъ В. чуткаго ума, о его неподкупной правдивости, влеченіи къ знанію, какъ писасклонности ко всякимъ научнымъ и умственнымъ интересамъ, о его тель. чрезвычайномъ дарѣ изложенія свидѣлствуютъ собранные въ тридцати фоліантахъ литературные труды Фридриха В. Значительную часть на французскомъ языкѣ написанныхъ сочиненій его составляютъ прежде всего историческія творенія: „Mémoires pour servir à l'histoire de la maison de Brandenbourg“, очеркъ прусской исторіи, доведенный до эпохи самаго короля, полный мѣткихъ сужденій и неподдѣльной исторической правды, біографическое зеркало державцевъ, исполненное уваженія и патристическаго признанія достоинства предковъ; продолженіемъ этому служить: „Histoire de mon temps“, историческое сочиненіе, обнимающее эпоху силезскихъ войнъ, написанное по древнимъ образцамъ съ изумительнымъ прямодушіемъ; а дальнѣйшимъ продолженіемъ: „Histoire de la guerre de sept ans“, написаннымъ непосредственно послѣ мира на основаніи собственныхъ опытовъ короля и самыхъ достовѣрныхъ отчетовъ военачальниковъ, полнымъ любвеобильной признательности къ своимъ храбрымъ подвижникамъ и почетной благодарности за славные подвиги отважныхъ солдатъ и офицеровъ. О дальнѣйшихъ годахъ своего царствованія король даетъ отчетъ въ „Mémoires depuis la paix de Hubertsbourg jusqu'à la fin de partage de la Pologne“ и наконецъ въ „Mémoires de la guerre de 1778“. Такимъ образомъ Фридрихъ самъ изложилъ свое долготѣнее царствованіе, и хотя въ этихъ болѣею частью по воспоминаніямъ написанныхъ сочиненіяхъ не обошлось безъ ошибокъ и небрежностей, но онъ никогда не прибѣгалъ ни къ красному словцу, ни къ преднамѣренному искаженію; его исторіографическіе труды вытекли изъ искренняго желанія, дать себѣ самому, современникамъ и потомству честный и ясный отчетъ о своихъ дѣлахъ, какъ то сдѣлали нѣкогда Ксенофонтъ и Цезарь. Къ историческимъ трудамъ примыкаютъ похвальные слова своимъ старымъ рейнсбергскимъ соучастникамъ, Вольтеру и другимъ заслуженнымъ мужамъ, полная трогательной, любвеобильной признательности къ тѣмъ, которыми дорожило его сердце. Въ связи съ этимъ состоятъ также его философскія и политическія статьи, трактующія о разныхъ отрасляхъ государственнаго управленія и о различныхъ психологическихъ вопросахъ; изъ нихъ въ особенности замѣчательны „Антимахагавель“, юношескій трудъ короля, написанный непосредственно передъ восшествіемъ на престолъ. Этимъ сочиненіемъ имѣлось въ виду „опровергнуть врага челоуѣчества и поносителя государей“; въ немъ король классическому тиранскому эгоизму италийскаго политическаго философа противопоставилъ свое пониманіе идеала королевскаго долга; это былъ политическій символъ вѣры, исполненный прекрасной гуманности, просвѣщенной правительской мудрости и благородныхъ патристическихъ помысловъ, пронизанный сознаніемъ высшихъ обязанностей, какія предстояли ав-

Фридрихъ В.
какъ писа-
тель.

Историческія
творенія.

Философ. и
полит. сочи-
ненія.

тору. Справедливость, говорить онъ, должна быть первою задачею короля; благо своего народа онъ долженъ предпочесть всякимъ другимъ интересамъ. Основную черту этого творения составляетъ восторженный юношескій идеализмъ. Подобные принципы и поучения содержатся также въ „Зерцалѣ“, въ этомъ увѣщаніи юному герцогу Карлу Евгению Вюртембергскому. Вопреки благороднымъ и гуманнымъ правиламъ, какія Фридрихъ изложилъ въ этихъ сочиненіяхъ и осуществилъ въ жизни, осмѣлились приписать ему произведение въ родѣ пресловутыхъ „Matinées Royales“ или утрення размышленія объ искусствѣ управлять, мнимыя поученія короля своему племяннику и преемнику. Въ этой пасквилл, которая не разъ и даже въ новѣйшее время воспроизводилась съ цѣлю опозорить великаго короля, Фридрихъ изложилъ будто бы свои сокровеннѣйшія мысли о государствѣ, религіи и жизни, разоблачилъ тайны побудительныя причины своихъ дѣйствій, оставилъ по себѣ признаніе и политическое завѣщаніе, обнаруженіе котораго, конечно, не имѣлось въ виду. Предлагаемые тутъ махиавелистическіе принципы состоятъ лишь въ своекорыстіи и честолюбіи, въ циническомъ лицемѣрїи и гнусномъ презрѣніи людей; политика ничто иное какъ мошенничество; вся суть ея заключается въ томъ, чтобы ради собственной выгоды обмануть другихъ и нанести насиле сосѣдямъ. Не безъ искусства поддѣланное произведение это ничто иное какъ пасквилл на Фридриха, вышедшая изъ парижскихъ придворныхъ кружковъ, можетъ быть на основаніи краткаго сообщенія какаго-нибудь отставленнаго берлинскаго царедворца и разныхъ выхваченныхъ изъ связи и извращенныхъ, а не то даже и придуманныхъ заявленій короля.

Военныя со-
чиненія.

Другую сторону литературной дѣятельности короля представляютъ его *военныя сочиненія*, написанныя ради практическихъ цѣлей понѣмекки; въ нихъ содержатся частью просто инструкціи для офицеровъ, дисциплинарныя предписанія и служебныя регламенты, частью также стратегическіе и тактическіе вопросы и предметы изъ военной исторіи; это были попытки короля къ простымъ механическимъ упражненіямъ, какія производились при Фридрихѣ Вильгельмѣ I., присоединить для своихъ войскъ необходимое дополненіе умственнаго и военнаго образованія.

Стихи и
письма.

Внутренняя жизнь чувства и настроенія великаго короля самымъ непосредственнымъ образомъ сказывается во многихъ его *стихахъ* и *письмахъ*. „Въ теченіе пятидесяти лѣтъ“ — говоритъ его биографъ Прейсъ, — „стихи Фридриха являются свидѣтелями наиболѣе трогательныхъ моментовъ его жизни: онъ поетъ при судорогахъ, которые угрожали смертью его цвѣтушей юности, при одрѣ болѣзни своего отца, въ самую критическую минуту семилѣтней войны, при пятидѣльныхъ страданіяхъ подагрой въ шестидесятилѣтнемъ возрастѣ и въ ожиданіи смерти. Въ стихахъ и въ письмахъ короля обнаруживается необычайная плодовитость его ума, рѣдкій избытокъ историческаго образованія, богатый запасъ знанія людей и свѣта. Хотя не всегда можно соглашаться съ философїей монарха, но его благородное сердце всегда трогаетъ насъ — восхваляетъ ли онъ добродѣтель или бичуетъ порокъ, осмѣиваетъ ли глупость или разоблачаетъ иллюзіи и лицемѣріе: все, что касается человѣка, служитъ ему матеріаломъ поэтическихъ или письменныхъ изліяній, въ которыхъ его собственное сердце обнаруживалось въ самомъ привлекательномъ видѣ“. Стихотворенія „философа въ Сансуси“ содержатъ въ себѣ самые разнообразныя поэтическіе предметы и формы, комедїи и трагедїи, торжественный эпосъ, въ родѣ „Военнаго искусства“, скользкія остроумныя эпопеи, въ родѣ необузданнаго фантастическаго произведенія „Палладїи“, оды и поэтическія посланія, разговоры въ царствѣ мертвыхъ и сатиры, часто съ безпощадною рѣзкостью противъ тогдашнихъ державныхъ и дипломатическихъ особъ, летучіе лист-

ки и остроумныя шутки противъ политическихъ и литературныхъ корифеевъ, строгія историческія гнѣсны выхваченныя изъ самыхъ бѣдствій войны. Въ ясныя и трудныя, въ веселыя и печальныя мгновенія короля поэтичало, смотря по настроенію, высказалъ въ поэтической формѣ изящное, пикантное, трогательное, скорбное, гнѣвное слово; онъ враговъ своихъ не рѣдко поражалъ перомъ такъ же сильно, какъ и мечемъ. Какъ въ этихъ поэтическихъ произведеніяхъ, такъ и во многихъ письмахъ его свѣжо и непосредственно проявляются чувствованія, мышленія и вся духовная жизнь великаго короля не столько въ дѣловыхъ кабинетныхъ посланіяхъ, въ которыхъ намъ представляется только монархъ, во всей конечно многосторонности его патріотическихъ попеченій, во всей предусмотрительности и неутомимости его должностной дѣятельности, а скорѣе въ интимной корреспонденціи съ родными, друзьями и замѣчательными личностями. Эта шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ длившаяся переписка служитъ самымъ вѣрнымъ, неподдѣльнымъ свидѣтельствомъ всѣхъ душевныхъ настроеній и впечатлѣній, всѣхъ отрадныхъ и скорбныхъ ощущеній многосторонней, живой натуры, во всѣхъ фазахъ ея богатаго содержаніемъ бытія, вмѣстѣ съ тѣмъ — прекраснымъ залогомъ прямодушія и правоты, задушевности и привязанности къ друзьямъ самаго автора. Это объемистое собраніе писемъ исполнено высокаго историческаго интереса какъ компетентный отзывъ о современныхъ историческихъ событіяхъ и лицахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ оно же въ исключительно семейныхъ отношеніяхъ обнаруживаетъ передъ нами любвеобильный и нѣжный характеръ короля.

Непомѣрное духовное и тѣлесное напряженіе, какое приходилось испытать Фридриху II. на войнѣ и въ государственной службѣ, рано истощило его жизненную силу и довременно старило его. Потрясающія превратности и чрезвычайныя трудности семилѣтней войны окончательно сломили его здоровье; съ этой поры уже терзали его тяжкіе недуги, особенно припадки подагры, такъ что онъ казался старше своихъ лѣтъ; при всемъ томъ его хворое старческое тѣло сохранилось еще въ теченіе болѣе двухъ десятилѣтій, съ непреклонною энергіею преодолевая недуги. Обликъ его, въ томъ видѣ какъ онъ появлялся въ послѣдніе годы жизни, глубоко запечатлѣлся въ народной памяти и перешелъ въ потомство во множествѣ изображеній: сухощавое, вналое, рѣзко очерченное лицо съ большими ясными пронизательными глазами, высокій задумчивый лобъ, замысловатая саргастическая улыбка на тонкихъ устахъ, наклоненный станъ, опиравшійся на историческую клюку, чуть ли не изысканно небрежная одежда и наружная простота какъ бы указывали на то, что этотъ для царствованія рожденный мужъ не нуждается въ наружной пышности и въ блескѣ для поддержки своего достоинства. И какъ наружность такъ и жизнь его была проста, безъ прикрасъ, проникнута умомъ. Съ ранняго утра она посвящалась самому усиленному и добросовѣстному исполненію долга. Король принималъ личное участіе во всѣхъ отрасляхъ общественной службы; онъ наблюдалъ за всѣмъ, направлялъ, рѣшалъ все самъ; вліятельнаго министра вовсе не было, да же правая рука короля, дѣйствительный тайный совѣтникъ Эйхель

Образъ жвз-
ни и кончина
Фридриха В.

былъ ничто иное какъ добросовѣстный, трудолюбивый, свѣдущій, но простой чиновникъ, исполнявшій приказы своего начальника. Аудіенціи министровъ и просителей, пересмотръ полученныхъ писемъ, маневры и смотры наполняли цѣлый день, если только король не находился въ разъѣздахъ, въ которыхъ онъ постоянно старался выслѣдить состояніе и потребности своихъ различныхъ областей. Однообразно тихая жизнь безустаннаго трудолюбія прерывалась и оживлялась сократовскими пирами въ оживленномъ кругу друзей, остроумною бесѣдою, дѣльнымъ чтеніемъ и литературными трудами, игрою на флейтѣ, которою самъ король владѣлъ мастерски, концертами и драматическими представленіями. Часто однако становилось тихо и скучно въ прекрасныхъ хоромахъ художественно разукрашеннаго Сансуси; старые друзья, наиболѣе дорогія личности перемерли одинъ вслѣдъ за другимъ, и въ послѣдніе годы жизни презрѣніе къ людямъ, озлобленіе и грусть изгнали веселіе изъ души короля. Раздражительный и саркастическій нравъ монарха, его недовѣрчивость и замкнутость не давали наконецъ возникнуть иптимной дружбѣ, для которой Фридрихъ былъ въ свое время такъ воспримчивъ. Его жена не родила дѣтей; не смотря на взаимное уваженіе и вниманіе, супруги во всю жизнь избѣгали другъ друга и почти всегда жили врознь; его племянникъ былъ преемникомъ престола. Домашнее счастье, котораго былъ лишенъ король, онъ возмѣстилъ полною, самоотверженною, можно сказать, святою преданностью своему великому призванію. Когда смерть избавила его отъ долгихъ страданій, то вся Европа признала, что скончался одинъ изъ величайшихъ, благороднѣйшихъ и мудрѣйшихъ въ исторіи государей; особенно въ прусскомъ народѣ память о немъ сохранялась какъ святыня; ею поддерживалось патріотическое воодушевленіе наступившей затѣмъ эпохи. Впослѣдствіи, правда, политическіе и церковные реакціонеры порицали вольнодумство короля, а провозвѣстники народныхъ правъ, въ свою очередь, — его строго монархическую практику; приверженцы хваленной имперской конституціи и партикуляризма нѣмецкихъ державъ ненавидѣли пути, какіе Фридрихъ указалъ прусской политикѣ; пустозвонный или лицемерный патріотизмъ отрицалъ, правда, нѣмецкія цѣли этого «исключительно прусскаго завоевателя»; не смотря на все это нація всегда съ благодарнымъ благоговѣніемъ сохранила память о немъ. Этотъ неустанно дѣятельный и бдительный король съ его простыми непритязательными приѣмами, съ проницательнымъ взглядомъ, съ его дюжимъ здравымъ смысломъ, съ его настойчивою силою воли, съ презрѣніемъ всякой иллюзіи, лжи, лести, съ его любовью къ справедливости, путемъ множества исторій, рассказовъ и анекдотовъ проникъ въ память народа и сталъ живою собственностью націи, какъ еще ни одинъ изъ дѣятелей нѣмецкой исторіи.

17. авг. 1786.

Благодаря силезскимъ, польскимъ и фрисландскимъ приобрѣтеніямъ, прусское государство при Фридрихѣ В. возрасло населеніемъ съ $2\frac{1}{4}$ до $5\frac{1}{2}$ милліоновъ, а пространствомъ съ 2160 до 3540 квадратныхъ миль; оно побѣдоносно помѣрилось силою съ полъ Европою и исторія его исполнилась неувядаемыхъ славныхъ подвиговъ; оно стало одною изъ великихъ державъ и заняло свое мѣсто въ средѣ европейскіхъ монархій. Такой подъемъ былъ конечно возможенъ, благодаря единственно тому, что Фридрихъ рѣшительно и не смотря ни на что порвалъ съ отжившими политическими имперскими формами, что онъ сознательно и настойчивѣе своихъ предшественниковъ прекратилъ связи съ императоромъ и имперіей. Обвинять его за это въ недостаткѣ національнаго чувства, было бы крайне опрочетливо. И въ самомъ дѣлѣ, преслѣдуя свои собственные пути помимо избитыхъ колеи имперскихъ учреждений и имперской политики, Пруссія исполнила вмѣстѣ съ тѣмъ націю новымъ патріотическимъ размахомъ и обратила надежды патріотовъ на политическую будущность, которая, отринувъ ничтожныя и нетодныя формы вымершаго священнаго римскаго государства, создалась на новыхъ, естественныхъ и твердыхъ основахъ. Вѣдь всякій разсудительный человекъ сознавалъ, что на прогнившемъ основаніи Вестфальскаго мира немыслимо было никакое плодотворное развитіе. Эта чисто нѣмецкая Пруссія съ ея свѣжими, бодрыми силами, съ экономическимъ и умственнымъ подъемомъ, съ энергіей и рвеніемъ всего управленія вообще, съ ея устоями матеріальныхъ основъ власти, съ свободою вѣроисповѣданій и мнѣній отличалась отъ великихъ старыхъ абсолютныхъ державъ такъ же рѣзко, какъ отъ политической немощи и раслученности нѣмецкихъ мелкихъ владѣній. Въ административной области, въ государственной и общественной организаціи дѣятельность короля, какъ мы видѣли, нельзя было назвать творческою; старые порядки поддерживались вообще въ ихъ основныхъ составахъ и преобразовались только въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Ни крѣпостничество, ни вотчинный судъ, ни преимущества дворянства въ сущности не измѣнились; стѣсненіе гражданскаго промысла, городского самоуправленія, всемогущество бюрократизма, гнетъ фискальной системы, охранительныхъ пошлинъ и монополій — все это было свойственно правленію Фридриха, и прошелъ еще цѣлый вѣкъ, пока подъ вліяніемъ мощныхъ переворотовъ не распались эти узы. Однако, даже въ тѣхъ формахъ сословныхъ преградъ, бюрократическаго всемогущества, монархическаго абсолютизма для каждаго уже ясно было, что въ противоположность державному деспотизму, который единственною цѣлью государства считалъ удовлетвореніе страстей и похотей державцевъ, а на подданныхъ смотрѣлъ какъ на лишенныхъ воли рабовъ, возсталъ теперь мощъ права и закона, королевская власть, которая на самую себя возлагала

Послѣдствіе царствованія Фридриха В.

высшія требоваія, права которой обуславливались добросовѣстнымъ попеченіемъ о всеобщемъ благѣ, которая всей совокупности своего господства противопоставляла въ такой же мѣрѣ совокупность обязанностей, не признавая противоположныхъ или хотя бы исключительныхъ интересовъ правительства и народа. Сущность монархіи представляется Фридриху В. не мистическимъ сверхъестественнымъ чудомъ, не истеченіемъ Божьей милости: она ничто иное какъ человеческое учрежденіе, которое своими дѣйствіями должно поддерживать свои права, которое, нравственно по крайней мѣрѣ, обязано давать отчетъ гражданамъ; ни одинъ человекъ, говоритъ онъ, не предназначенъ быть рабомъ другаго; подданные повинуются державцу единственно какъ блюстителю законовъ. Этимъ высокимъ и благороднымъ пониманіемъ призванія державца знаменуется точка поворота политическихъ воззрѣній во всей Европѣ, и всего ошутительнѣе въ Германіи. «Личность въ родѣ этого короля, высоко превосходя пустые слѣпки вѣка Людовика XIV., которыми все еще исполнены были нѣмецкіе княжескіе дома и ихъ дворы, такая здоровая, вопреки ея французскому лоску, простая—, такая чисто-нѣмецкая личность сама по себѣ уже была великимъ событіемъ. Теперь только владычеству по версальскому образцу въ Германіи нанесенъ былъ смертельный ударъ, благодаря тому, что въ Фридрихѣ предстала противоположность въ обликѣ дѣльнаго нѣмецкаго государя, личность котораго вновь пробудила къ себѣ уваженіе и любовь народа». По Германіи впервые опять пронеслось чаяніе того, что вопреки прискорбнаго раздробленія не исчезла еще всеобщая національная жизнь, что нѣмецкій народъ, не смотря на понесенные имъ позоръ и униженіе, еще способенъ составить изъ самаго себя государственную мощь, которая съ исконною нѣмецкою честью и силою дастъ отпоръ обычной кичливости сосѣдей. Опять появился обликъ, благодаря которому поднялось національное чувство собственного достоинства, патріотическое сознаніе; вотъ отчего «старый Фрицъ» и сталъ во всѣхъ слояхъ народа такою популярною и любимею личностью, какой еще не было въ новѣйшей нѣмецкой исторіи. Правда, вскорѣ послѣ того подъ вліяніемъ французской революціи и вслѣдствіе мощныхъ переворотовъ всѣхъ традиціонныхъ политическихъ и социальныхъ формъ сокрушилось также государственное созданіе Фридриха В.: передъ этимъ натискомъ нигдѣ не устояли существовавшія учрежденія, и черезъ-чуръ искусственный механизмъ Фридрихова государства слишкомъ уже управлялся одною рукою, одушевлялся однимъ лишь духомъ, такъ что во всѣхъ своихъ частяхъ онъ ощутилъ утрату разсудительнаго творца своего. Силы все еще меньшаго государства были чрезмерно напряжены, такъ что онъ ослабли при менѣ сильномъ руководителѣ. Блестательный подъемъ націи породилъ, особенно въ столицѣ, самодоволь-

ство и высокомеріе, которое приписало собственнымъ заслугамъ то, что было дѣломъ одного лишь великаго державца; французскіе обычаи и просвѣщеніе расшатали въ высшихъ кругахъ благонавіе предковъ, легкомысліемъ и страстью къ наслажденіямъ вытѣснили прежній трезвый, трудолюбивый, строгій бытъ. Пришлось подвергнуться тяжкимъ, скорбнымъ испытаніямъ для того, чтобы въ подроставшемъ поколѣніи вновь возбудить сознаніе строгой жизни, чувство собственного достоинства и своего долга, чтобы въ глубокомъ упадкѣ наступившей затѣмъ эпохи изошрить народную силу, патріотическое чувство, нравственный строй и такимъ путемъ добиться основательнаго возрожденія.

2. начало царствования Фридриха вильгельма II.

По смерти Фридриха В. на престолъ вступилъ человекъ болѣе Фридрихъ
мягкаго нрава, нежели тѣ державцы, которые въ теченіе сто- Вильгельмъ II.
лѣтія управляли Пруссіей, — а именно *Фридрихъ Вильгельмъ II.*, 1786—1797.
сынъ того принца Августа Вильгельма, который въ семилѣтнюю год. 1744.
войну навлекъ на себя гнѣвъ своего державнаго брата (стр. 76) и рано скончался. Новаго государя привѣтствовали съ великимъ восторгомъ, тѣмъ болѣе что обременительная фискальная система Фридриха В. и его крутой самовластный способъ дѣйствовать часто возбуждали негодованіе и ожесточеніе. Чрезмѣрная лесть, какою окружали сначала «многолюбимаго», перешла правда, впоследствии въ невоздержное презрѣніе къ нему. Вслѣдствіе кроткой и благодушной, въ сущности благородной и доброжелательной природы короля надѣялись на болѣе легкое и мягкое правленіе. Мирабо въ обратившей на себя вниманіе запискѣ изложилъ новому монарху его задачи и обязанности, сильно осудивъ систему предшествовавшаго царствованія; проникшія тогда въ міръ великія политическія и социальныя идеи на порогѣ новаго царствованія разоблачались однимъ изъ самыхъ отважныхъ борниковъ ихъ. Король не былъ лишень добрыхъ качествъ ума и сердца, но у него не хватало ни энергіи воли, ни твердости характера, ни проницательности сужденія. Вслѣдствіе этого онъ рано попалъ въ руки фаворитовъ и льстецовъ, злоупотреблявшихъ его слабостью, во власть розенкрейцеровъ, фанатиковъ, вѣровавшихъ въ чудеса, и лицемѣрныхъ заклинателей духовъ, самымъ гнуснымъ образомъ пользовавшихся его врожденною наклоностью къ мистицизму и его щедростью. Сильное пристрастіе короля къ чувственности, еще болѣе возбужденное двумя несчастными браками, предала его во власть любовницъ и злокозненныхъ женщинъ; настало царство паломницъ, какаго никогда еще не видали при строгомъ и простомъ берлинскомъ дворѣ. Примѣръ измѣнчивыхъ любовныхъ связей и незаконныхъ браковъ подточилъ доб-

рые нравы въ высшихъ кругахъ и даже въ народѣ. Морганическіе браки короля стали учрежденіемъ, которое никого уже не соблазняло; въ такой связи съ государемъ состояли дѣвица Фоссъ (графиня Ингенгеймъ), графиня Дёнгофъ, мать президента министровъ въ послѣдствіи, графа Бранденбурга. Изъ любовницъ короля ни одна не пользовалась такъ долго его благосклонностью и не оказывала такого роковаго вліянія, какъ пронырливая, алчная и лукавая графиня *Лихтенау*, пресловутая «прусская Помпадуръ»; къ этой дочери придворнаго музыканта Энке, женѣ запосчиваго и наглаго камердинера Рица, король былъ привязанъ почти до своей кончины.

Начало новаго правленія. Начатки Фридриха Вильгельма II. также отличались свойственною новымъ правительствамъ погоней за популярностью. Тотчасъ по вступленіи его на престолъ приведены были въ исполненіе разныя благотворныя мѣры: французскій способъ взиманія доходовъ вмѣстѣ съ табачною и кофейною монополіей были устранены, французскіе чиновники замѣнены прусскими, военная администрація подверглась поверхностному преобразованію вслѣдствіе учрежденія военной директоріи, нѣкоторыхъ улучшеній относительно набора и кантонистовъ, смягченія варварской солдатской дисциплины, система воспитанія и обученія повелась правильнѣе и съ большею щедростью, національная литература и народное образованіе поощрялись. На поддержку промышленности, сельскаго хозяйства, торговли и сношеній, на общественныя постройки и продолженіе дорогъ потрачены были значительныя средства; начатая реформа судопроизводства, какъ мы выше упомянули, доведена была до конца. Однако, эти преобразовательныя попытки не были ни рѣшительны, ни глубоки: они скорѣе ослабили твердую организацію, предусмотренную систему управленія предшественника, не устранивъ ни недостатковъ, ни ошибокъ послѣдней. Жалобы на податной гнетъ, на чиновничій произволъ, на полицейскія придирки, на таможенныя обремененія раздавались громче прежняго. Эти робкія попытки къ тому же скоро прекратились, старые министры прежняго царствованія должны были уступить мѣсто недостойнымъ фаворитамъ и выскочкамъ; послѣдніе перешли на новые пути, которые вели лишь къ гибели. Многія возбужденныя и начатыя Фридрихомъ II. благотворныя предпріятія были совсѣмъ покинута, такъ напр. стремленіе положить предѣлъ произвольному обремененію крестьянъ, вводя правильныя узаконенія и точное распредѣленіе обязанностей. Новое правительство пуще всего покушалось возстать противъ раціоналистическаго духа эпохи и противъ религіознаго просвѣщенія, такъ широко развившагося при Фридрихѣ II. Правда, это просвѣщеніе большею частью исказилось въ пошлое легкомысліе и въ тривіальность, такъ что оно стало противно болѣе глубокимъ и строгимъ умамъ. Однако,

возставшая противъ него реакція отнюдь не вела къ здоровому оживленію религіознаго чувства и строгихъ нравовъ, а напротивъ, къ поддерживаемому свыше мистически-набожному, сладко-сентиментальному направленію, къ которому безнравственное житье-бытье при дворѣ представляло отнюдь не благовидный контрастъ. Самъ король, какъ то часто случается съ чувственными и слабыми натурами, и безъ того уже одержимъ былъ склонностью къ ханжеству и фанатической вѣрѣ въ чудеса, въ чемъ сверхъ того поддерживался еще по лукавому расчету окружавшихъ его. Между особами, успѣвшими крѣпко завладѣть Фридрихомъ Вильгельмомъ и болѣе всего погрузить его въ это болѣзненное религіозное настроеніе, первое мѣсто, помимо названной уже жены Рица, занимали майоръ *Бишофсвердеръ* и тайный совѣтникъ *Вельнеръ*.

„Гансъ Рудольфъ фонъ-Бишофсвердеръ“,—значится въ нѣмецкой исторіи Гейссера,—родился 1741 въ тюрингской Саксоніи, потомъ состоялъ на военной и придворной службѣ при разныхъ державцахъ, а съ войны за баварское наслѣдство успѣлъ ближе сойтись съ прусскимъ принцемъ и сталъ его неразлучнымъ спутникомъ и совѣтникомъ. Обладая острымъ пронырливымъ умомъ, неодолимою скрытностью, одаренный царедворческимъ талантомъ казаться незначительнымъ, умѣя при всемъ томъ своею таинственною мистически-торжественною осанкою весьма искусно внушать къ себѣ уваженіе, исполненный властолюбія, но никогда не обнаруживая его, онъ вполне опуталъ простодушную и откровенную натуру Фридриха Вильгельма, такъ что одно только вліяніе жены Рица и то не надолго въ состояніи было перечить ему.—„Іоаннъ Христофъ фонъ-Вельнеръ родился 1738 въ Дёберницѣ близъ Шпандау; сначала теологъ, а съ 1755 пасторъ въ Веницѣ, онъ въ 1759 отказался отъ этого званія и сталъ компаніономъ дворянина изъ провинціи, своего бывшаго воспитанника; вскорѣ спутникъ молодого Иценлица сдѣлался соарендатормъ Веницкихъ помѣстій, а потомъ его зятемъ. Прежде онъ выступалъ авторомъ однихъ только напечатанныхъ проповѣдей, теперь же посвятилъ себя вполне сельскому хозяйству и политической экономіи; благодаря своимъ литературнымъ попыткамъ онъ сдѣлался даже сотрудникомъ Николаевой „Всеобщей нѣмецкой бібліотеки“. Съ 1782 онъ сталъ обучать прусскаго наслѣдника тѣмъ же наукамъ, потомъ былъ однимъ изъ многихъ, которымъ король 1786 расточалъ дворянское званіе, и получилъ мѣсто при финансовомъ вѣдомствѣ съ чиномъ тайнаго совѣтника, а сверхъ того должность интенданта надъ королевскими постройками вмѣстѣ съ надзоромъ за такъ называемою диспозиціонною кассою. Эта пестрая жизнь свидѣтельствовала о такомъ же какъ у Бишофсвердера искусствѣ, руководить и пользоваться людьми и обстоятельствами; но только у Вельнера натура проныры сопрождалась набожностью и поповскимъ властолюбіемъ. Бишофсвердеръ и Вельнеръ давно уже подружились, послѣдній даже возвысился отчасти, благодаря поддержкѣ перваго; оба они вступались въ мистическія общества, таинственности, духовидцы и тому подобныя шарлатаны которыхъ составляютъ такой страшный контрастъ къ погонѣ за просвѣщеніемъ въ эту эпоху. Трудно, конечно, удостовѣриться, насколько эти господа и ихъ соучастники злоупотребляли нѣжною душою короля и его впечатлительною фантазіею для розенкрейцеровскаго обмана; у современниковъ ходило

Бишофсвердеръ и Вельнеръ.

много преданій по поводу гнуснаго шарлатанства этого рода, которымъ они хотѣли обезпечить за собою власть надъ душою Фридриха Вильгельма.

Религиозный и цензурный адиктъ. Теперь-то открылся полный просторъ для умственной и церковной реакции. Тотчасъ же по своемъ назначеніи министромъ юстиціи и духовнаго вѣдомства *Вѣлнеръ* издалъ пресловутый *религиозный адиктъ*; въ немъ онъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ возстаетъ противъ необузданности свободы и просвѣщенія, противъ распространія церковныхъ новшествъ и заблужденій. Священникамъ подъ страхомъ лишенія сана запрещалось всякое уклоненіе отъ церковнаго, символическими книгами утвержденнаго ученія; проповѣдники и учителя, передъ тѣмъ какъ назначались къ должности, подвергались строгому надзору и испытанію въ правотѣрности; отдѣльнымъ личностямъ предоставлялась свобода вѣроисповѣданія, пока онѣ скромно исполняли свои гражданскія обязанности, но тайли про себя свое личное мнѣніе. Взрывъ негодованія, разразившійся противъ такого религіознаго гнета придворной котеріи ханжей, отнюдь не убѣдилъ творцовъ въ бесплодности и негодности ихъ попытки, полицейскими средствами добиться лицемѣрнаго, фарисейскаго вѣрованія. Напротивъ, для того чтобы заглушить противорѣчіе, они приняли такъ 19. дек. 1788. же за свободу печати. Воспоследовалъ зазорный *цензурный адиктъ*; имъ налагались тяжкія узы на примодушные разборы политическихъ вопросовъ въ газетахъ и на строгую научную литературу, писколько впрочемъ не помѣшавъ разлиться по странѣ цѣлому потоку злостныхъ и гнусныхъ пасквилей.

Иностранная политика. Иностранная политика также во многомъ измѣнила яснымъ цѣлямъ и рѣшительной энергіи Фридриха В. Вмѣшательство въ извѣстныя уже намъ голландскія смуты доставили весьма дешевое торжество, исполнившее армію опаснымъ высокомѣріемъ и чувствомъ неодолимости, за которое впоследствии пришлось жестоко поплатиться. Единственнымъ возмездіемъ за этотъ нравственный урокъ и за значительныя финансовыя жертвы можно бы еще счесть болѣе тѣсную связь съ Англіей и Голландіей, сложившуюся въ тройственномъ союзѣ отъ 1788 года; этимъ Пруссія и въ самомъ дѣлѣ добилась на время блестящаго положенія въ европейскомъ политическомъ мірѣ; впоследствии однако союзъ этотъ преобразился въ зловредную зависимость отъ политики и субсидій британской державы.

Восточная политика Пруссіи. Важнѣйшимъ событіемъ въ великой европейской политикѣ подъ исходъ восьмидесятихъ годовъ были завоевательные планы, какіе Россія питала противъ Турціи и въ связи съ Австріей приводила въ исполненіе. Русско-австрійскій союзъ существовалъ уже при Фридрихѣ II. и сильно беспокоилъ его; хотя онъ и не выходилъ изъ своего наблюдательнаго положенія, но считалъ нецѣлесообразнымъ

прямо вмѣшаться въ восточныя смуты. Правда, въ живомъ умѣ Іосифа блеснула какъ-то мысль, воспользоваться перемѣною державца въ Пруссіи для восстановленія искренняго дружескаго союза. Но завѣдывавшіе иностранною политикою дипломаты въ обоихъ государствахъ, Кауницъ и Герцбергъ, были слишкомъ проникнуты исконными традиціями естественнаго антагонизма и несовмѣстимой противоположности интересовъ. Отношеніе къ нѣмецкимъ вопросамъ въ глазахъ Іосифа придавало самое главное значеніе австрійско-русскому союзу: поддерживая русскіе интересы на Востокѣ, онъ надѣялся, что эта связь вознаградитъ его впоследствии, обративъ свое оружіе противъ Пруссіи, и поможетъ ему привести въ исполненіе свои планы въ Германіи. Замыселъ, присоединить Баварію къ Австріи, не былъ еще покинутъ. Изъ этихъ отношеній естественнымъ образомъ и возникла связь Пруссіи съ противниками русско-австрійскаго союза. Соединившись съ Англіей, Голландіей и Швеціей она старалась поддержать систему европейскаго равновѣсія и защитить отъ обѣихъ императорскихъ державъ угнетаемую Порту и угрожаемую Польшу. Итакъ, австрійско-русскому союзу, увѣренному во французскомъ содѣйствіи, противостоялъ прусско-англійско-турецкій. Это былъ важный моментъ для прусской политики; когда же австрійскія войска противъ Турокъ не достигли ожидаемыхъ успѣховъ, когда бельгійскія и венгерскія возстанія встревожили имперію, то Пруссія изъ своего благопріятнаго положенія и превосходныхъ политическихъ условій могла бы, пожалуй, извлечь значительныя выгоды. Король и министръ Герцбергъ вполнѣ сознавали это. Въ самомъ австрійско-русскомъ союзѣ, въ приращеніи власти и земель, какое обѣ имперіи имѣли въ виду, при берлинскомъ дворѣ съ самаго начала провидѣли пагубное нарушеніе европейскаго равновѣсія и опасность для положенія Пруссіи въ Германіи. Однако, для того чтобы извлечь всѣ послѣдствія изъ такого сознанія, на это не хватало рѣшимости. Герцбергъ начерталъ было планъ, съ цѣлью изъ восточной сумятицы пожать значительныя территориальныя выгоды. Его во всѣхъ совѣщаніяхъ повторявшаяся мысль была: пусть Австрія въ видѣ возмездія за будущія турецкія пріобрѣтенія выдастъ Галицію Польшѣ, а послѣдняя за то — Данцигъ и Торнъ Пруссіи. Однако этотъ тонко задуманный и цѣлко поддерживаемый планъ не былъ принятъ соучастниками, и Герцбергъ надѣялся достичь цѣли дипломатическимъ путемъ или даже военными демонстраціями, но опасался начать наступательную войну противъ Австріи. Вѣскіе голоса, какъ напр. прусскаго посланника Дица въ Константинополь, совѣтовали принять энергическія наступательныя мѣры противъ опаснаго русско-австрійскаго расширенія владычества; даже самъ король, который яснѣе и шире постигалъ условія, нежели министръ, былъ за войну; однако Герцбергъ продолжалъ развивать свой искус-

ственный планъ съ цѣлью дипломатическимъ путемъ рѣшить восточный вопросъ, добиться для Пруссіи за ея посредничество безъ всякаго дѣятельнаго вмѣшательства вождѣннаго округленія вмѣстѣ съ прежними нѣмецкими городами и областями при Вислѣ. Но, колеблясь, не рѣшаясь и опасаясь, прусская политика все-таки не прибѣгла къ вѣрнымъ средствамъ для осуществленія этого плана. Правда, послѣ нескончаемыхъ переговоровъ и дипломатическихъ возней

20. янв. 1790.

состоялся, наконецъ, прусско-турецкій союзъ, въ Силезіи и Богеміи стояли другъ противъ друга готовые къ бою войска; не миновать, казалось, тому, чтобы прусское оружіе соединилось съ турецкимъ противъ Австріи: но въ то самое время умеръ императоръ Іосифъ II., а на престолѣ вступилъ болѣе податливый и миролюбивый Леопольдъ II., и положеніе дѣлъ вскорѣ измѣнилось. Леопольдъ не чувствовалъ брату ни въ широкихъ планахъ, ни въ закоренѣлой враждѣ къ Пруссіи. Австрійская политика отказалась теперь отъ турецкихъ пріобрѣтеній и отъ захватовъ въ Германіи; она отнеслась къ Пруссіи болѣе миролюбиво, перейдя какъ бы отъ угрожающей позиціи къ отступленію. Цѣлью всѣхъ мирныхъ переговоровъ было, возстановить бывшее до войны положеніе, что Англіей и поддерживалось на томъ же основаніи.

Рейхенбахскій договоръ. По своей робости и нерѣшительности Фридрихъ Вильгельмъ II. не надѣялся уже поддержать планы касательно расширенія и возмездія для Пруссіи; онъ опасался предстоящихъ путаницъ, затрудненій и препятствій, такъ что когда Леопольдъ въ открытомъ и до вѣрчивомъ посланіи обратился лично къ королю, онъ протянулъ руку на миръ. Фридрихъ Вильгельмъ въ сильной мѣрѣ обладалъ свойствомъ преданности и настойчивости; не смотря на высокое сознание своего достоинства, онъ легко поддавался первому приступу довѣрія, и въ такомъ случаѣ впадалъ въ большіе промахи, которыхъ никогда не простилъ бы своему министру. Такъ и теперь тоже

27. іюля 1790.

онъ согласился на упомянутый и много порицаемый *Рейхенбахскій договоръ*. Значительныя издержки, расхорованныя на собранное уже въ Силезіи прусское войско, остались безъ всякаго вознагражденія, и роль безкорыстнаго великодушнаго миротворца доставляла Фридриху Вильгельму удовлетвореніе, вовсе неумѣстное въ ту эпоху эгоистической политики. Этимъ путемъ даже отношеніе къ Австріи не сложилось въ искренне дружескомъ видѣ, а русскимъ завоевательнымъ покушеніямъ на югѣ открылся теперь полный просторъ, такъ что связь съ Пруссіей не доставила никакого облегченія Туркамъ, а она сама, послѣ этой путаницы утратила лишь свое значеніе въ средѣ европейскихъ государствъ. Это былъ первый попятный шагъ отъ великой и энергической политики Фридриха II., вскорѣ послѣдовали и другіе такіе же шаги, которые въ самыхъ основахъ потрясли прусское міровое значеніе. При такихъ

то событіяхъ новыя свѣтила, графы *Лукезини* и *Гаугвицъ* затмили собою Герцберга; этотъ достойный уваженія и вопреки нѣкоторымъ промахамъ весьма заслуженный государственный мужъ изъ доброй старой школы вскорѣ покинулъ политическое поприще; исполненный высокимъ чувствомъ долга и неутомимою ревностью, онъ, правда, не лишенъ былъ упрямства, высокомерія и пристрастія къ дальновиднымъ идеямъ, но безкорыстно и искренне преданный отечеству и королевству, онъ не даромъ удостоился высокаго довѣрія, которымъ пользовался при двухъ короляхъ. Подъ влияніемъ выступившихъ теперь безхарактерныхъ и безтолковыхъ проныръ исконная противоположность къ Австріи болѣе и болѣе переходила въ зависимость отъ императорскаго двора, что не послужило ни къ чести, ни къ выгодѣ прусской политикѣ. Мы скоро по отношеніямъ Пруссіи къ событіямъ французской революціи ознакомимся съ послѣдствіями этого новаго направленія при берлинскомъ дворѣ.

Графъ *Генрихъ Христианъ фонъ Гаугвицъ*, человекъ маленькаго роста съ ласковымъ лицомъ и услужливымъ нравомъ, но съ выраженіемъ поверхностнаго и ненадежнаго нрава,—такъ Гейссеръ въ своей Нѣмецкой исторіи изображаетъ новаго совѣтника короля,—обладалъ ловкимъ, гибкимъ, лукавымъ умомъ, но характеръ его лишенъ былъ чистоты, постоянства и всякой правды. Въ теченіи жизни онъ являлся въ разнородныхъ и противорѣчивыхъ видахъ: сперва сладенькій студентъ, потомъ подражатель такъ называемыхъ гениевъ, нѣмецкій острякъ съ поползновеніемъ казаться неисправимымъ чудачкомъ, затѣмъ сельскій хозяинъ, теософъ, духовидецъ, ханжа, приверженецъ герингутеровъ, у которыхъ онъ воспитывался и въ духѣ которыхъ написалъ молитвенникъ; наконецъ распутный и сластолюбивый до истощенія, съ поверхностнымъ белегристическимъ и свѣтскимъ образованіемъ, пріобрѣтеннымъ имъ, благодаря чтенію и путешествіямъ, лишенный основательныхъ знаній, опытности въ дѣлахъ, лѣнливый, вялый, разсѣянный. Съ такими-то качествами онъ не внушалъ ни уваженія, ни довѣрія, не былъ способенъ овладѣть великою мыслью и въ борьбѣ съ великими препятствіями осуществить ее въ дѣйствительности. Онъ завистль отъ приближенныхъ короля, въ особенности отъ тайнаго совѣтника *Ломбарда*, съ которымъ состоялъ въ тѣсной связи, доходившей до пошлаго цинизма; его сношенія съ младшимъ братомъ, Петромъ Ломбардомъ, были самаго гнуснаго свойства.—*Лукезини*, род. въ Лукѣ 1752, сперва библіотекаръ и чтець при Фридрихѣ II., исполнялъ потомъ при Фридрихѣ Вильгельмѣ II. разныя дипломатическія порученія и въ особенности содѣйствовалъ въ Рейхенбахѣ заключенію договора. „Это былъ человекъ обширнаго, научными знаніями и свѣтскимъ опытомъ развитаго ума, весьма проницательный и хитрый, вполне изопрепенный эгоистъ, всегда готовый отказаться отъ своего мнѣнія, лишь бы избѣжать непріятностей. Удостоившись высочайшаго довѣрія, онъ кончилъ тѣмъ, что занялъ должность камергера у Елизы Батчіокки.

Гаугвицъ.
Ломбардъ.
Лукезини.

Благодаря обширнымъ територіальнымъ пріобрѣтеніямъ при второмъ и третьемъ раздѣлѣ Польши, держава Фридриха Вильгельма II. расширилась вовнѣ, какъ еще ни при одномъ изъ прежнихъ прави-

Польша и
Франскія пріобрѣтенія.

тельство; несмотря на то государство отнюдь не усилилось внутри. Самые приобретения были большею частью чуждыя, неподатливыя области, неспособныя сплотиться съ нѣмецкою Пруссіею въ одно общее государство; они поглотили много жертвъ, доставивъ мало выгодъ, и послѣ недолговременнаго соединенія были опять утрачены. Этотъ приростъ къ прусскому государству чужестранныхъ составныхъ частей, въ связи съ послабленіемъ формъ прежней абсолютной монархіи, съ разстройствомъ всей администраціи и въ особенности финансоваго управленія, много способствовало тому, что политическимъ наслѣдіемъ Фридриха Вильгельма II. былъ упадокъ всей державы, совершившійся лѣтъ десять спустя послѣ него. — Приобрѣтенія старыхъ бранденбургскихъ маркграфствъ во Франконіи, *Ансбахъ* и *Байрейта*, также оказались непрочными. Послѣдній бездѣтный маркграфъ Карлъ Александръ († 1806), соединившій оба княжества, еще при своей жизни договоромъ отъ 2. декабря 1791 предоставилъ ихъ за пожизненную ренту Пруссіи, которая вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣла также орденъ краснаго орла. Маркграфъ перѣѣхалъ съ своею супругою, леди Кравенъ въ Англію. Карлъ Авг. Гарденбергъ, наиболѣе содѣйствовавшій заключенію договора, вступилъ потомъ въ качествѣ прусскаго кабинетъ-министра во владѣніе странюю. Однако, спустя послѣ того два десятилѣтія, это родовое владѣніе бранденбургскихъ государей перешло къ Франціи, а затѣмъ было уступлено Баваріи.

III. Сѣверъ и Востокъ.

Литература. I. *Данія*. Къ приведеннымъ XII, 547 твореніямъ *Аллеа*, *Филиппи*, *Вайма*, *Шлоссера*: J. Kragh Nöst, König Christ. VII. Leben und Regierung. Kopenh. 1813—1816, и того же автора: Der dänische Kabinettsminister J. F. Struensee u. sein Ministerium. Kopenh. 1896 f.; Falkenskiöld, Mémoires sur l'époque du minist. et de la catastrophe du comte de Str. publ. par Secretan. Par. 1826; Jenssen-Tusch, Die Verschwörung gegen die Königin Karol. Math. u. die Gr. Struensee u. Brandt. Leipz. 1864; (Sturz?), Authentische und höchst merkwürdige Aufklärungen über die Geschichte der Grafen Struensee u. Brandt 1788; Struensee et la cour de Copenhage 1760—1772. Mémoires de Reverdil, conseiller d'état du roi Chrétien VII. Paris 1859; Karl Wittich, Struensee, Leipzig 1879. — *Швеція*: Scheridan, Hist. of the late revolut. in Sweden Lond. 1778; по-нѣмецки, Berlin 1781; Canzler, Nachrichten zur genaueren Kenntnis der Gesch. u. s. w. von Schweden. Dresd. 1778; E. L. Posselt, Gesch. Gustavs III. cet. Karlsr. 1792; Collect. des e'crits polit. lit. et dram. de Gust. III. roi d. S. suivie de sa correspond. Stockh. 1803. 5 voll.; Des Königs Gust. III. nachgelassene Papiere von E. G. Geijer. Aus dem Schwed. Hamb. 1843; E. M. Arndt, Schwed. Geschichten unter Gustav III. u. s. w. Leipz. 1839; Herrmann, Schweden in dez sog. Freiheitszeit und die polit. Katastrophen unter Gust. III. in Raumers hist. Taschenb. Jahrg. 1856—1857. — *Россія*, *Польша*, *Турція*: Помимо упомяну-

тыхъ уже твореній о *Россіи* (особенно *Германа VI* т. и дополнительный т., и *Бернади*), о *Польшѣ* (*Леллелля*, Ист. Польш.) и о *Турціи* (*Гаммера*, *Цинкэйзена*) присоединилась еще богатая историческая литература о слѣдующемъ періодѣ. Rulhière и его продолжатель Ferrand, Hist. des trois demembr. de Pol. 1820. 3 voll.; Goertz-Schlitz, Mémoires et actes relatifs aux négociat. qui ont précédé le demembr. de Pol. 1810; Die Biographie Peters III. Tübingen 1808. 2 Bde. und Russische Günstlinge. Ib. 1809 (v. Helbig?); Castéra, Hist. de Cath. II. impérat. de Russie. Par. 1799; (Bernhardi) Züge zu einem Gemälde des russischen Reichs unter der Reg. Kath. II. in vertrauten Briefen 1798; Schlözer, Neuverändertes Russland oder Leben Kath. II. Riga 1769 и въ видѣ продолженія: Denkwürdigkeiten der Reg. Kath. II. Riga 1780; Ickel, Darst. der Staatsveränderungen Pol. Wien 1794; Тооке, Hist. de l'empire de Russie sous le règne de Cath. II. trad. de l'Angl. Par. 1801. 6 voll.: эти и другія старшія произведенія, благодаря тому, что открылась возможность съ большею свободою пользоваться архивамъ, дополнены теперь цѣлымъ рядомъ сочиненій и трактатовъ, обнаружившихъ много новаго. Такъ напр. *Германъ* въ 6 т. своей Истории русск. государства воспользовался отчетами саксонск. посланника Эссена; сообщенныя имъ тамъ и въ нѣкоторыхъ статьяхъ (Preuss. Jahrb. von J. 1859 Bd. III. IV) мнѣнія оны отстоятъ, (Forschgn. zur d. Gesch. IV. und „Die österr.-preuss. Allianz v. t. Febr. 1792 und die zweite Tlg. Pol.“ Gotha 1861) противъ заявленій Зибеля (Gesch. der Revolutionszeit und verschiedene Aufsätze in der hist. Zeitschr. u. einzeln). Пау меръ изъ англ. государств. арх. также доставлялъ „Beitr. zur neuern Gesch.“ Leipzig 1836—1839. 5 voll.; in Hietor. Taschenb. vom Jahr 1831 eine Abo handlung über „Polens Untergang“. Много новаго матеріала изъ архивовъ появилось въ русск. журналахъ. A. L. Brückner, Kath. die Zweite, Berlin 1883; Graf O'ginski, Denkw. über Polen vom Jahr 1788—1815. Leipz. 1827. 2 voll.; Fr. de Smitt, Fréd. II. Cath. et le partage de Pol. Par. 1861; Janssen, Zur Genesis der ersten Teilung Polens. Freib. i. Br. 1865; Kurt v. Schlözer, Friedr. der Gr. und Kath. II. Berlin 1859; (Prince de Ligne) La cour de Russie il y a cent ans (1725—1783); extr. des dépêches des Ambass. Fr. et Angl. Berlin. 1858; Rich. Roepell, Polen um die Mitte des achtzehnten Jahrhunderts. Gotha 1876, u. Leop. Prowe, Polen in den Jahren 1766—1768. Berl. 1870; v. d. Brüggen, Die erste Teilung Polens u. d. Konst. vom 3. Mai 1791 (Pr. Jahrb. v. 1873 u. 1875); *Соловьева*, Ист. паденія Польши; Ad. Beer, Erste Theilung Polens. Wien 1872; Его же, Die orientalische Politik Österreichs seit 1774. Prag-Leipzig 1883; „Die Besitzergreifung Westpreussens“ въ упомянутомъ выше сочиненіи *Дункера* и нѣкоторыя главы въ сочиненіи Ранке: „Die Deutschen Mächte u. der Fürstenbund“; K. L. Blum, Ein russischer Staatsmann (des Grafen J. J. Sievers Denkwürdigkeiten). Leipzig und Heidelberg 1857 f. 4 voll. im Auszug. Jv. 1864. На разные языки переведенные Mémoires de l'imp. Cath. II. écrits par elle-même, изд. Герценомъ. Лондонъ 1858; въ нихъ содержатся только года до ея самодержавія. Другія монографическія произведенія приведены въ концѣ книги: Dr. Arthur Kleinschmidt, Russlands Geschichte u. Politik dargestellt in der Geschichte des russischen hohen Adels. Kassel 1877.

I. Скандинавія.

1. ДАНІЯ ВЪ ВОСЕМНАДЦАТОМЪ СТОЛѢТІИ. ВЕЛИЧІЕ СТРУЭНЗЕ И ЕГО ПАДЕНІЕ.

Благодаря революціи 1660 года рушились преграды, которыми до той поры стѣснялась датская королевская власть. Извѣстно, какъ

Король Фридрихъ IV.

1700—1730.

Христианъ V. воспользовался своимъ новымъ положеніемъ (XII, 480). Его преемникъ Фридрихъ IV. въ высшей еще мѣрѣ пожалъ плоды абсолютнаго владычества (XII, 604, 672). Онъ царствовалъ совершенно въ духѣ другихъ державцевъ восемнадцатаго вѣка. Онъ руководилъ политикой на свой страхъ, не спроесясь страны, принималъ участіе въ войнахъ и мирныхъ договорахъ европейскихъ властей, соединилъ съ своею державою Шлезвигъ и ввелъ въ этомъ герцогствѣ законы королевства; въ столицѣ, Копенгагенѣ, онъ открылъ блистательный придворный штатъ, поощрялъ народное образованіе, любилъ красивыхъ женщинъ и издалъ разныя постановленія въ духѣ того времени. Въ казенныхъ имѣніяхъ Зеландіи и на маленькихъ островахъ отмѣнено было крѣпостничество, «дабы поселяне со временемъ пользовались такою же свободою, какъ и подданные въ остальныхъ провинціяхъ, дабы въ нихъ развилась охота и бодрость къ трудолюбію и промысламъ, а въ случаѣ нужды они были готовы жертвовать жизнью за короля и отечество»; помѣщиковъ, принуждали по человѣчески обращаться съ ихъ крестьянами и арендаторами, не прогонять противъ ихъ желанія съ участковъ, не продавать ихъ, и за вознагражденіе въ тридцать до пятидесяти талеровъ предоставлять имъ свободу переселенія; дѣйствіе этого постановленія, правда, значительно ослаблено было новою организаціей ополченія, въ силу которой всѣ способные къ оружію молодые люди въ теченіе ихъ служебнаго срока могли быть задерживаемы въ помѣстьяхъ или въ тѣхъ «мѣстахъ», гдѣ они были внесены; однако постановленіе отъ 21. февраля 1702 все-таки было починомъ болѣе человѣчнаго существованія помѣщичьихъ крестьянъ, первымъ шагомъ къ освобожденію отъ оковъ пожизненнаго рабства. Фридрихъ IV. и въ другихъ также отношеніяхъ оказался сыномъ пристрастной къ реформамъ живой эпохи. Онъ соорудилъ коммерческую коллегію для поощренія морской торговли; гренландская компанія возобновила поѣздки на дальній сѣверъ и поддержала миссію къ язычникамъ, которую Гансъ Эгеде предпринялъ съ религиознымъ одушевленіемъ. Съ цѣлью поднять промышленность вызывались въ край свѣдущіе въ технику иноземцы и поддерживались при основаніи фабрикъ и мануфактуръ; почтовое вѣдомство изъ частныхъ рукъ перешло къ правительству и было существенно усовершенствовано. Народное обученіе, которое почти вовсе не существовало въ селахъ до сихъ поръ, сильно развилось, благодаря тому, что король понуждалъ сельскія общины и помѣщиковъ строить школы и нанимать учителей. Таможеннымъ уставомъ и дарованіемъ монополіи на вино, водку, соль и табакъ городу Копенгагену король пытался увеличить общественные доходы и воспрепятствовать контрабандной торговлѣ. Фридрихъ IV. вообще хозяйничалъ разумно и осмотрительно, такъ что не смотря на разныя бѣдствія, каковымъ въ его царствованіе подверга-

лась страна, въ особенности столица, и вопреки дорогимъ новымъ постройкамъ, при смерти его финансы государства находились въ хорошемъ состояніи. Онъ былъ трудолюбивъ, дѣятеленъ, любилъ порядокъ и промыслы. Онъ нѣсколько лѣтъ прожилъ во враждѣ съ своимъ сыномъ и послѣдникомъ, Христианомъ, оттого что по смерти Луизы Мекленбургской вступилъ во второй бракъ съ Анною Софіей, честолюбивою, коварною дочерью покойнаго государственнаго канцлера, Конрада Ревентлова, съ которой онъ и прежде уже состоялъ въ тѣсной любовной связи. А потому первымъ дѣломъ новаго короля было удалить неровно-мачиху въ замокъ Клаусгольмъ въ Ютландіи и распустить многихъ чиновниковъ и придворныхъ, которые добились высокаго положенія, благодаря благосклонности и протекціи властолюбивой княгини.

По этой расправѣ Христиана VI. съ королевскою вдовою и по Христианъ VI. выбору совѣтниковъ, въ средѣ которыхъ Иваръ Розенкранцъ и 1730—1746. братья Людвигъ и Карлъ Плесъ достигли наибольшаго вліянія, ясно ^{1. Церковный бытъ.} видно было, что новое правительство приметъ иной характеръ, изберетъ иную систему; это скоро и обнаружилось также въ другихъ мѣропріятіяхъ. Король и супруга его, Софія Магдалина Бранденбургъ-Кульмбахская, придерживались строго религіознаго направленія пѣтистовъ, которые въ то время въ Германіи пытались въ противень закоснѣлому догматизму и возраставшему умственному просвѣщенію сохранить и водворить въ средѣ евангелически-протестантскихъ единовѣрцевъ христіанско-религіозную жизнь. Оттого при дворѣ быстро исчезъ господствовавшій при Фридрихѣ IV. веселый свѣтскій образъ жизни; придворный пасторъ Блуме пользовался высокимъ значеніемъ и добился своимъ вліяніемъ того, что все правительство получило высокоцерковный характеръ, что въ придворныхъ и чиновничьихъ кружкахъ поддерживалось и чтилось христіанское благочестіе и что религіозное настроеніе народа строгими регламентами заковано было въ узы наружной набожности. «Постановленіемъ субботы» повелѣвалось, чтобы въ воскресные и праздничные дни всякій по два раза посѣщалъ церковь. Въ городахъ за такое уиущеніе наказывали денежною пеней, а въ селахъ—желѣзнымъ ошейникомъ. Въ такіе посвящаемые покою и религіозному благоговѣнію дни прогулки и увеселительныя поѣздки совсѣмъ запрещались, а потому городскія ворота на это время запирались. Театры, танцы, маскарады, всякія громкія и шумныя увеселенія прекращались. «Главная церковная инспекторская коллегія»—имѣла печью о томъ, чтобы церковное благочиніе строго соблюдалось, и богослуженіе вездѣ отправлялось «назидательнымъ и согласнымъ образомъ». Божба, клятва и всякія безбожныя рѣчи подлежали наказанію, и всякому вмѣнялось въ обязанность, доносить о такихъ проступкахъ. Строгая цензура слѣдила за всѣми произведеніями печати. Театръ для котораго

при Фридрихъ IV. гениальный поэтъ *Людвигъ Гольбергъ*, отецъ новейшей датской литературы, сочинилъ свои излюбленные народомъ комедіи, былъ закрытъ, за то поощрялась духовная лирика Брорсона и Стуба.

„Это одностороннее, строго религіозное направленіе двора принесло въ высшей степени жалкіе плоды“, замѣчаетъ Алленъ; „всюду развились ханжество, набожность и лицемеріе, такъ какъ люди, которые изобличали благочестивыя черты, попикали головою и сѣтовали на суеты мірскія, преусиѣвали на службѣ, тогда какъ другіе, которые не унижались до этого, оставались на заднемъ планѣ“. А вмѣсто того чтобы при посредствѣ главнаго церковнаго вѣдомства добиться религіознаго согласія и единообразія, возникла, напротивъ, то тутъ то тамъ, оппозиція, послужившая поводомъ къ образованію сектъ и отдѣльныхъ приходоѡ. Совѣсть болѣе слабыхъ людей была смущена и запугана, оравиченные умы исполнились пресыщенія жизни и душевнаго страха.

2. Придворная и общественная жизнь. Слѣдовало бы ожидать, что такая хрстіански настроенная королевская фамилія и такое начальство, которое такъ ревностно поощряло миссіонерское дѣло въ Гренландіи и такъ тщательно поддерживало благочестіе и религіозный духъ въ датской націи, станутъ также соблюдать и поощрять хрстіанскія заповѣди человѣколюбія, равенства и братства всѣхъ вѣрующихъ. Но ни у Хрстіана IV., ни у его гордой супруги не было и слѣда подобнаго настроенія. Оба они высшею заповѣдью хрстіанства считали слова апостола: «Будьте покорны всякому человѣческому началству». Они и совѣтчики ихъ, повидимому, болѣе всего заботились о томъ, какъ бы поддержать въ народѣ чувство преданности и повиновенія, утвердить въ сознаніи подданныхъ, что гражданское неравенство людей, различіе сословій и правъ, раздѣленіе на господъ и рабовъ, на державцевъ и подданныхъ ничто иное какъ божескій уставъ. Королева перенесла съ собою въ Данію изъ своей родины воззрѣнія мелкихъ нѣмецкихъ княжескихъ дворовъ, наклонности и привычки династическихъ деспотовъ священной римской имперіи; ея вліяніе на слабого, незначительнаго короля было довольно сильно, такъ что при копенгагенскомъ дворѣ тоже воцарился напыщенный, педантичскій духъ знати, и весь придворный и общественный бытъ скованы были узами формальности, замкнутости и этикета, какія поддерживались тогда только въ Вѣнѣ и Мадридѣ. Табелъ о рангахъ строго соблюдалась, и тщеславіе въ дворянскихъ и чиновничьихъ кружкахъ поддерживалось раздачей чиновъ и орденовъ. Датскій языкъ рѣдко употреблялся при дворѣ; королева и король говорили и писали только по-нѣмецки и по-французски. Дворецъ былъ занятъ многочисленною стражею и обведенъ цѣпью. Проходившій по дворцовому двору обязанъ былъ, какъ разсказываютъ, несть шляпу въ рукѣ; когда сопровождаемая всадниками, гайдуками и лагеями

королевская карета проѣзжала по улицамъ, то всѣ ѣхавшіе навстрѣчу верхомъ или въ экипажѣ обязаны были сойти на мостовую и изъявить свое благоговѣніе. Понятно, что съ этою кичливостью соединялись пристрастіе къ роскоши и расточительность. Хрстіанова постройка копенгагенскаго дворца производилась съ пышностью, далеко превышавшею средства мелкаго бѣднаго государства; нѣкоторые изъ старыхъ замковъ были разукрашены и увеличены. Такимъ образомъ, вопреки даже значительнымъ субсидіямъ, какія во время военныхъ смутъ въ Европѣ король получалъ отъ Англій, не только поглощались сбереженія предшествовавшаго царствованія, но увеличился также государственный долгъ.

Вообще царствованіе Хрстіана VI. во многомъ уклонялось отъ отцовскаго. Подъемъ и улучшеніе крестьянскаго сословія, что имѣлъ уже въ виду Фридрихъ IV., были не по мыслямъ сына и его супруги: королевскимъ указомъ всякому крестьянскому подданному запрещалось безъ разрѣшенія и пропускнаго вида владѣльца покидать помѣстье, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію, а иначе онъ «лишался покровительства законовъ». Бѣглецы ловились и выдавались стражниками. Въ первый годъ царствованія Хрстіанъ отмѣнилъ, правда, учрежденное Фридрихомъ ополченіе; но крестьянамъ не долго суждено было радоваться этой льготѣ. И въ самомъ дѣлѣ, года два спустя послѣ того обязательство восьмилѣтней военной службы восстановлено было въ такомъ видѣ, которымъ открывалось обширное поприще для алчности и тираніи помѣщиковъ, ихъ управляющихъ и смотрителей. «Такъ-то Хрстіанъ VI., заставъ при началѣ царствованія все датское крестьянское сословіе въ обладаніи хотя ограниченной свободы, самъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ предоставивъ ему вполне пользоваться ею, по смерти своей оставилъ его въ видѣ толпы прикованныхъ къ землѣ рабовъ».

Въ контрастъ этимъ мрачнымъ сторонамъ датскіе историки прославляютъ попеченіе, какое Хрстіанъ VI. посвятилъ наукамъ, искусствамъ обученія, также промышленнымъ и торговымъ дѣламъ. Изъ упадка, какому копенгагенскій университетъ подѣ исходъ предшествовавшаго царствованія подвергся послѣ пожара (1728), онъ возникъ къ новой жизни вслѣдствіе zaloженія цѣлесообразныхъ построекъ и замѣненія кафедръ отличными профессорами. Благодаря попеченіямъ канцлера Ивара Розенкранца и ученаго Гауса Грама, правовѣдѣніе изучалось съ большимъ успѣхомъ, и вслѣдствіе этого былъ проложенъ путь къ улучшенію судопроизводства и варварскаго уголовного законодательства. Весьма свѣдущими и опытными юристами, въ родѣ Андрея Гойера, Кофода Анхера, Геприха Стампе, всѣ отрасли права создавались и оиллотворялись какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи. Основаны были два ученыхъ общества, съ цѣлью изслѣдовать языкъ, исторію и древности Даніи. Труды

Крестьянскія отношенія.

Наука и промышленность.

Ганса Резена, Торфеуса, Арие Магнуссена о датскихъ и исландскихъ древностяхъ свидѣтельствовали о томъ, что общество вѣрно поняло свою задачу. Для образованія священниковъ и учителей открыта была семинарія. Среднія школы также подверглись цѣлесообразнымъ реформамъ. Но духу свободы нигдѣ не давалось ходу. Цензурное вѣдомство бдительно слѣдило за преподаваніемъ и за учебниками. Когда столь знаменитый внослѣдствіи историографъ Лангебекъ осмѣлился обнаружить свое критическое искусство по поводу датской церковной исторіи профессора и придворнаго пастора Эриха Нонтопидана и порицалъ въ ней нѣкоторые промахи, то его принудили, извиниться передъ авторомъ въ консисторіи. Благочестивому королю хотѣлось бы и въ селахъ также поднять народное обученіе, съ тѣмъ чтобы въ крестьянскомъ юношествѣ распространить религиозное образованіе; этому намѣренію однако воспротивились своекорыстные и безжалостные помѣщики: они старались по возможности менѣе расходовать на школы и учителей, лишь бы къ бѣднымъ не проникъ лучъ познанія и просвѣщенія. Введеніе конфирмаціи придворнымъ священникомъ Блауме было лишь скудною замѣною недостаточнаго школьнаго образованія. — Поддержка, оказанная королемъ торговлѣ и промышленности — вотъ что было самою лучшею стороною царствованія Христіана VI. Отставъ вообще во всей своей политикѣ отъ духа времени, онъ всѣми средствами поощрялъ торговлю общества, какія по образцу другихъ морскихъ державъ образовались также и въ Копенгагенѣ, съ тѣмъ чтобы болѣе живыми сношеніями съ ост-и вест-индскимъ міромъ сообщить сильный толчекъ меркантильной и морской жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣсть заморскія владѣнія. Въ Копенгагенѣ основанъ былъ вексельный и заемный банкъ, сооруженъ магазинъ для склада внутреннихъ произведеній промышленности, поощрялось водвореніе иноземныхъ техниковъ, флотъ подъ веденіемъ энергическаго, но властолюбиваго и деспотическаго графа Фридриха Даннескіольда-Самсё и адмирала Сума поднялся и размножился. Этимъ успѣхамъ существенно способствовало миролюбіе короля. И дѣйствительно, не смотря на угрожавшее положеніе дѣлъ, когда два князя герцогскаго ротторпскаго дома назначены были наследниками въ Россіи и Швеціи, Христіанъ VI успѣлъ избѣжать всякой воинственной путаницы и все-таки удерживать за собою владѣтельство надъ Шлезвигомъ.

Характеръ Христіана VI. Король Христіанъ VI. обладалъ нѣкоторыми хорошими качествами и добродѣтелями, говоритъ Алленъ, но онъ былъ слабъ и не самостоятеленъ; онъ не смогъ противостать своей гордой и расточительной супругѣ, придворному священнику Блауме и вліянію дворянскихъ помѣщиковъ, вслѣдствіе чего вовлекался въ мѣропріятія, которыя причинили бѣдствіе крестьянскому сословію, внесли путаницу въ церковь и безпорядки въ финансы, вслѣдствіе чего онъ былъ менѣе любимъ, чѣмъ заслуживалъ. Его доброе

сердце, его честныя намѣренія, попеченіе о наукахъ и народномъ образованіи, о флотѣ, торговлѣ и судоходствѣ должны сохранить за нимъ почетную память въ потомствѣ. — Датчане осуждали королеву нуще всего за ея пристрастіе къ Германіи. Ея бѣдные родственники, говорили они, вмѣстѣ съ толпою нѣмецкихъ дворянъ нахлынули въ Данію словно въ обѣтованный край и получали подарки, почетныя мѣста и годовые оклады. *Шуллицъ*, нѣмецъ, обладавшій большими знаніями и способностями, былъ членомъ тайнаго совѣта и вмѣстѣ съ *Юанномъ Людов. Гольштейномъ* принималъ въ послѣдніе годы царствованія Христіана наибольшее участіе въ управленіи государствомъ.

При сынѣ и пріемникѣ Христіана VI. даровитый и весьма свѣдущій Шуллихъ до своей смерти (1750) занималъ ту-же значительную должность. А при всемъ томъ новое правительство рѣзко отличалось отъ стараго, вся общественная и социальная жизнь по восшествіи на престолъ Фридриха V. скоро совершенно измѣнилась. За свое пристрастіе къ національному языку и къ отечественнымъ нравамъ онъ еще при жизни родителей матерью въ намѣшку назывался «датскимъ принцемъ». Это прозвище было мѣтко въ томъ отношеніи, что новый король стремился приобрѣсть симпатіи своего народа, но отсюда отнюдь нельзя заключать объ его отвращеніи отъ иноземнаго. И точно, ни одинъ изъ датскихъ государей не обнаруживалъ столько сочувствія и не былъ такъ восприимчивъ къ иноземнымъ искусствамъ, наукамъ и литературѣ какъ Фридрихъ V. Господствовавшая доселѣ въ столицѣ оковенная односторонность быстро замѣнилась веселымъ подъемомъ жизни; цѣпь, ограждавшая королевскій замокъ словно крѣпость отъ народа, была устранена; пропасть между дворомъ и націей, строгое раздѣленіе сословій по чинамъ и по происхожденію выравнились; напыщенные педантскія формы обращенія смѣнились болѣе свободною общественною жизнью; мрачное религиозное міросозерцаніе было вытѣснено болѣе задушевнымъ воззрѣніемъ, которое признаетъ права также за радостью, за веселіемъ жизни, за свѣтлою стороною бытія. Тетатры опять открылись, и вмѣстѣ съ пьесами Гольберга на сцену ставились французскія драмы и итальянскія оперы, балы и концерты вновь услаждали придворные и дворянскіе кружки; крестьянамъ разрѣшалось какъ прежде по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ «выѣзжать верхомъ въ деревню». Самъ король былъ благодушный, восприимчивый къ твореніямъ гения и къ обогащенію наукъ государь; его поддерживала въ этомъ англійская супруга Люиза и единомысленники, которымъ онъ довѣрился. Изъ нихъ помимо упомянутаго Гольштейна первое мѣсто занимали великодушный *Эрнстъ Гартвигъ Бернсторфъ*, преемникъ Шуллиха, и любимецъ Фридриха, *Адамъ Готтлибъ Мольтке*. Графъ Бернсторфъ превосходный государственный мужъ, успѣлъ искусными дипломатическими сношеніями съ заграницею сохранить миръ, а поощряя торговлю, сельское хозяйство, промыслы, народ-

Фридрихъ V.
1746—1766.
Характеръ
правления.

Старшіи Бернсторфъ.

ное образование, опъ внутри поднялъ благосостояніе и достоинство наци; мало того, освободивъ въ своихъ помѣстьяхъ крѣпостныхъ крестьянъ, опъ подалъ землевладѣльческому дворянству примѣръ, съ тѣмъ чтобы основательно и прочно исцѣлить датскій народъ и датское королевство отъ глубоко укоренившейся порчи. Въ своемъ имѣніи Берпсторфѣ подъ Копенгагеномъ опъ велѣлъ разверстать земли и раздалъ ихъ крестьянамъ въ наслѣдственную аренду, уволивъ послѣднихъ отъ барщины и десятины; такимъ образомъ опъ представилъ образецъ, и благодаря тому, что вскорѣ обнаружили благотворныя послѣдствія этого мѣропріятія, другіе помѣщики понемногу также послѣдовали его примѣру.

Фамилійный договоръ съ голштейнъ-готторпскою линіей.

Поддержать мирное состояніе въ Даніи было труднымъ дѣломъ въ такое время, когда вся остальная Европа запутана была во всеобщей борьбѣ, а въ Швеціи и Россіи господства достигли голштинскіе князья, которые родственному королевскому дому въ Копенгагенѣ не могли простить то, что большая часть готторпскихъ территорій была присоединена къ Даніи. Потому Фридрихъ не разъ уже находился въ опасномъ положеніи, такъ что вынужденъ былъ обнажить мечъ и, снарядивъ значительныя сухопутныя и морскія силы, опъ готовился отразить вражеское нападеніе. Наибольшая опасность наступила, когда Петръ III. занялъ русскій престолъ и намѣревался вооруженною силою вытребовать владѣнія своихъ предковъ. Въ Мекленбургѣ стояли уже другъ противъ друга русскія и датскія войска, а въ Балтійскомъ морѣ крейсировали уже военныя суда обѣихъ націй, готовыя помѣриться въ бою; но неожиданная катастрофа въ Петербургѣ вдругъ измѣнила политическія отношенія. Екатерина, не принимая участія въ династическихъ интересахъ, отказалась отъ войны противъ Даніи и была готова путемъ полюбовной сдѣлки „съ корнемъ вырвать господствовавшія въ ольденбургскомъ домѣ несогласія“. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ съ свѣдущимъ въ дѣлахъ, но честолюбивымъ и корыстнымъ Сальдерномъ и съ генералъ-лейтенантомъ Философовымъ, вліятельнымъ уполномоченнымъ русской императрицы, графу Берпсторфу удалось, годъ спустя по смерти Фридриха V., заключить фамилійный договоръ. Въ силу послѣдняго сынъ Петра III., великій князь Павелъ, уступилъ Даніи всѣ права готторпскаго дома на Шлезвигъ, а свою долю въ Голштиніи промѣнялъ на графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ. Благодаря этому договору, который Павелъ достигнуть совершеннолѣтія, подтвердилъ, окончательно прекратилась жившаяся болѣе столѣтія распря между старшимъ и младшимъ ольденбургскими домами, и Шлезвигъ-Голштинія присоединилась къ владѣніямъ королевскаго дома. При этомъ за герцогствомъ, за кильскимъ университетомъ, за всѣми сословіями обезпечивались ихъ права и вольности. Вскорѣ послѣ того Павелъ передалъ соединенныя въ одно „ольденбургское герцогство“ владѣнія на вѣчныя времена князю-епископу Фридриху Августу Любекскому и его потомству, младшей линіи голштинскаго дома.

Апрѣль 1767.
1773.

Промышленность и сельское хозяйство.

При Фридрихѣ V. Данія во всѣхъ сферахъ государственной жизни принимала живѣйшее участіе въ направленіяхъ и стремленіяхъ эпохи. Вѣдь своеобразный характеръ этого порывистаго, преобразующаго и цивилизующаго вѣка въ послѣднихъ его десятилѣтіяхъ

и отличался именно тѣмъ, что во всѣхъ созиданіяхъ и дѣйствіяхъ царилъ одинакіе взгляды, цѣли и стремленія. Христианъ VI. уже, вопреки даже тому, что самъ воздерживался отъ вольнодумнаго духа эпохи, поневолѣ пользовался иноземными успѣхами въ области торговли, промышленности и наукъ. При сынѣ его, Фридрихѣ V., это совершалось еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ: совѣтники послѣдняго, Берпсторфъ, Шиммельманъ, Даннескіюльдъ, Мольтке и др. занялись съ такимъ вниманіемъ и рвеніемъ промыслами, торговлею и судоходствомъ, что Данія могла стать на одну доску съ великими культурными державами. Возникли шелковыя и суконныя фабрики, залагались желѣзные и оружейные заводы, поощряли опытныхъ иностранныхъ техниковъ водвориться въ край и основать мануфактурныя производства, промышленность строгими таможенными уставами охранялась отъ чужеземнаго соперничества. Всеобщее коммерческое товарищество придавало болѣе широкой размахъ меркантильной жизни: въ Ост- и Вест-индіи, въ водахъ западной Африки появлялись купеческіе корабли подъ датскимъ флагомъ. Судоходство по Средиземному морю обезпечивалось и оживлялось трактатами съ пограничными государствами. Въ датскихъ городахъ дѣлались попытки освободиться отъ обременительнаго цеховаго гнета.—Крестьянское сословіе, напротивъ того, за исключеніемъ развѣ упомянутыхъ уже случаевъ, пребывало все въ томъ же рабскомъ и угнетенномъ положеніи, какъ и въ предшествовавшемъ царствованіи. Это состояніе даже еще ухудшилось, когда Фридрихъ V. велѣлъ разверстать и продать коронныя имѣнія, съ тѣмъ чтобы помочь финансовымъ затрудненіямъ, возникшимъ въ военныя приготовленія и вознагражденія выданнаго голштейнъ-готторпской линіи. Немногіе лишь изъ крестьянъ были въ состояніи сами пріобрѣсть свои участки; послѣдніе болѣею частью перешли въ руки своеобразныхъ помѣщиковъ, которые усиленіемъ барщины, повышеніемъ аренды и другими жестокими мѣропріятіями пытались извлечь изъ купленныхъ имѣній по возможности большія выгоды. А сверхъ того, простому люду черезъ-чуръ дорого обходились всякіе внутренніе товары вслѣдствіе запретительнаго тарифа на иноземныя промышленныя произведенія. При такихъ-то условіяхъ нечего было удивляться тому, что прикрѣпленные къ землѣ крестьяне порывались бѣгствомъ и выселеніемъ избавиться отъ жестокаго ярма, и много пашенъ запустѣло. Тщетно пытались поднять полеводство, поощряя чужеземныхъ пришельцевъ изъ Германіи: гессенскіе и пфальцскіе крестьяне по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ возвращались во свояси; однако, они успѣли перенести въ сѣверный край столь благотворную воздѣлку картофеля. Когда наконецъ помѣщики убѣдились въ томъ, что обѣдненіе и оскуденіе крестьянскаго сословія вредно отзывалось для нихъ самихъ, то стали мѣстами принимать мѣры для облегченія

и улучшения быта сельского населения. Благодаря мощи общественного мнѣнія, все сильнѣе заявлявшаго себя въ печати, въ Даниі также подготовлялась согласная съ духомъ времени реформа въ смыслѣ личной свободы и личной собственности.

Успѣхи ис-
кусствъ и
наукъ.

Принимая живое участіе въ успѣхахъ наукъ, въ полетѣ гения, проявившемся въ поэзіи и вообще въ литературѣ, король и его просвѣщенные совѣтники не могли, конечно, не прислушиваться ко всеобщему голосу европейскаго культурнаго міра. Не даромъ царствованіе Фридриха V. прослыло золотымъ вѣкомъ искусствъ и наукъ въ Даниі. Всѣмъ извѣстно, что король нѣмецкому поэту Клопштоку назначилъ годовой окладъ для окончанія его Мессіады. Цѣвецъ самъ заявлялъ, «что датскій Фридрихъ цвѣтами осыпалъ тѣ выси, къ которымъ ему предстояло еще подняться, что онъ ободрялъ нѣмую предстоящую впереди заслугу и съ улыбкой привѣта взиралъ на всякаго, кто посвящалъ себя музамъ». Предпринятое на счетъ короля Карстеномъ Нибуромъ въ связи со многими учеными научное путешествіе на Востокъ послужило мощнымъ толчкомъ для изслѣдованія арабскихъ и персидскихъ древностей. Другія знаменитыя личности, въ родѣ естествоиспытателя Ёдера, педагога Базедова, историографовъ Гр. Шлегеля и Маллета, Швейцарца Ревердила, также приглашались въ Данию и провели тамъ часть жизни. При Фридрихѣ V. наступилъ самый цвѣтущій періодъ копенгагенской академіи; благодаря щедрымъ пособіямъ короля возникли ученые общества и научныя заведенія, ботаническій садъ, музей и другія учрежденія для преуспѣянія полезныхъ знаній. Поэтъ Гольбергъ пожиналъ послѣднія свои лавры. Въ герцогствахъ, благодаря Герстенбергу, Клавдіусу, Бойе, Фоссу, графамъ Штольбергамъ и др. также развился живой интересъ къ литературѣ. Эти расходы для художественныхъ и научныхъ цѣлей, блестящій придворный штатъ, пышныя празднества, которыя нравились королю, въ связи съ упомянутыми уже издержками по арміи и флоту и по вознагражденіямъ гольштинскимъ родственникамъ истощили финансовыя средства мелкаго государства. Правительство поэтому было вынуждено приступить къ обременительному налогу и къ займамъ. Такимъ-то образомъ при смерти Фридриха V. государственный долгъ составилъ 20 милліоновъ, а проценты со 100,000 возросли до 900,000 рейхсталеровъ слишкомъ.

Чужеземныя
вліянія старо-
датская реак-
ція.

При Христіанѣ VI. и Фридрихѣ V. съ пристрастіемъ поощрялось и отличалось все чужеземное, особенно нѣмецкое и французское. Нѣмецкая наука и литература поддерживались въ Копенгагенѣ, французская философія просвѣщенія и нѣмецкая поэзія пользовались доступомъ и поощреніемъ въ придворныхъ и дворянскихъ кружкахъ; французскій генераль Жерменъ, который впоследствии въ качествѣ военнаго министра приглашенъ былъ въ Версаль (стр. 364), командовалъ датскими войсками, когда вспыхнула была война съ великимъ

княземъ Петромъ, и ввелъ прусскую военную систему. Въ царствованіе Христіана VII., старшаго сына и преемника Фридриха V., это предпочтеніе всего иноземнаго грозило упрочиться навсегда и сокрушить традиционное дворянское господство; стародатской государственной системѣ предстояло подвергнуться рѣшительной реформѣ вслѣдствіе преобразовательныхъ нововведеній по образцу остальныхъ европейскихъ странъ; а потому и пробудилась реакціонная оппозиція; подкрѣпленная личными страстями и придворными кознями, она разразилась наконецъ насильственной кровопролитною катастрофою.

Новый король Христіанъ VII. былъ слабоумный государь; вслѣд-
ствіе неудачнаго воспитанія онъ увлекся на дурной путь и въ 1766—1808.
превратное направленіе, и своею склонностью къ чувственному распутству, къ необузданному сумасбродству въ юныхъ лѣтахъ уже составлялъ предметъ опасенія для всѣхъ благомыслящихъ людей. Женитьба на *Каролинѣ Матильдѣ*, сестрѣ англійскаго короля Георга III., остроумной княжнѣ, любившей общественныя увеселенія, верховую ѣзду и охоту, не послужила къ исправленію страннаго, прихотливаго, непостижимаго короля. Съ своими спутниками и товарищами, между которыми самое сильное вліяніе имѣлъ возведенный въ гофмаршалы графъ Голькъ, онъ продолжалъ вести грубый и распутный образъ жизни, окончательно погубившій его здоровье. Вопреки разстроенымъ финансамъ и наложенной безчеловѣчнымъ корыстолюбивымъ министромъ Шиммельманомъ обременительной подати Христіанъ VII., вскорѣ послѣ рожденія кронпринца Фридриха, предпринялъ безразсудное, дорогое и для бѣдной страны накладное путешествіе въ Лондонъ и Парижъ. Потребныя на содержаніе многочисленнаго общества высокнхъ путешественниковъ и на безумную расточительность короля издержки пришлось собирать при посредствѣ обременительной, даже на прислугу наложенной подушной подати. Изъ путешествія король вернулся слабый тѣломъ и большой душою. Въ этомъ путешествіи сопутствовалъ врачъ *Іоаннъ Фридрихъ Струэнзе*, прекрасный, образованный молодой человекъ (род. въ Галле 5. августа 1737), который своею остроумною бесѣдою и общительными свойствами снискалъ расположеніе короля. Какъ лейбъ-медику ему не трудно было сдѣлаться необходимымъ и съ помощію королевы переходить съ одной ступени на другую. Наконецъ въ качествѣ рейхсграфа и всемогущаго министра онъ совершенно по своей волѣ сталъ управлять королемъ и государствомъ и былъ снабженъ неслыханнымъ полномочіемъ, вслѣдствіе котораго всѣ имъ подписанныя и снабженныя государственною печатью постановленія признавались какъ бы подписанныя самимъ королемъ. Струэнзе отиѣнилъ тайный совѣтъ, удалилъ отъ короля бывшихъ досель министровъ и дворянскихъ совѣтниковъ съ графомъ Бернсторфомъ во главѣ, также гофмаршала Голька. Благодаря ему вели-

Струэнзе.

кодушная королева, которая сперва подозрительно отнеслась къ чужеземцу, а потомъ стала питать къ нему чрезвычайную склонность и высшее довѣріе, стала пользоваться большимъ вліяніемъ на мужа. Короля, слабоуміе котораго все болѣе обнаруживалось, онъ окружилъ надежными людьми. Между ними своимъ вліяніемъ и своею трагическою кончиною въ особенности былъ замѣчательнъ возведенный также въ графы компаньонъ короля, *Эневольтъ фонъ Брандтъ*, старій другъ Струэнзе. Преобразившись изъ благочестиво и правдолюбиво воспитаннаго сына нѣмецкаго священника въ Альтонъ и Рендебургъ въ свѣтскаго человѣка и вольнодумца въ духѣ Вольтера и энциклопедистовъ, Струэнзе возбудилъ рядъ весьма важныхъ нововведеній въ Даніи. До сихъ поръ большая часть должностей раздавалась дворянами, высшія—людямъ одного съ ними сословія, а низшія—ихъ подчиненнымъ, первыя съ черезъ-чуръ большими, а послѣднія съ скудными окладами. Струэнзе положилъ конецъ этому злу, такъ что управленіе улучшилось, значеніе чиновниковъ поднялось, а расходы сократились. Ни одинъ слуга, прислуживавшій господину, не могъ быть представленъ къ должности. Струэнзе упростилъ и удешевилъ также судопроизводство, запретивъ судьямъ брать взятки и назначивъ имъ постоянный окладъ отъ казны, сокративъ веденіе тяжбыныхъ дѣлъ и уменьшивъ число судебныхъ палатъ. Онъ отмѣнилъ «жестокое испытаніе», т. е. безобразный обычай кнута добиваться признанія, уничтожилъ чрезвычайное обиліе чиновъ, отличій и пенсій, награждалъ способности, познанія и заслуги произволствами по должности и сократилъ права дворянскаго государственнаго совѣта; онъ уничтожилъ монополіи, гильдіи и цехи, урядивъ барщину, подчинилъ крестьянъ законной охранѣ, всякія натуральныя повинности замѣнилъ денежными вносами, измѣнилъ городское управленіе и полицейскій порядокъ въ Копенгагенѣ. Эти и тому подобныя учрежденія, возвысивъ власть правительства, утвердивъ гражданское равенство и снабдивъ финансы сбереженіями, раздразнили мощное дворянство, а безпощаднымъ своимъ насиліемъ возстановили вмѣстѣ съ тѣмъ низшіе слои чиновнаго и рабочаго міра. Сверхъ того, пользуясь въ своихъ эдиктахъ, въ административной и судебной системахъ нѣмецкимъ языкомъ, Струэнзе оскорбилъ національное чувство и безъ того уже ревнивыхъ къ нѣмецкому элементу Датчанъ, а уничтоживъ нѣкоторые праздники, смягчивъ строгую церковную дисциплину и разныя стѣснительныя церковныя уставы, возстановилъ лицемѣрное лютеранское духовенство. При такихъ условіяхъ отмѣна цензуры оказалась крайне опасною, оттого что печать тотчасъ же обратила свои нападки главнѣйше на самаго министра. Надъ головою Струэнзе, жившаго въ королевскомъ замкѣ съ княжескою пышностью, и надъ тѣсно-связанною съ нимъ королевою собралась роковая гроза, и онъ самъ отсутствіемъ му-

жества и рѣшимости ускорилъ взрывъ ея. Возбужденный тремястами матросами мятежъ такъ напугалъ его, что онъ съ дворомъ обратился въ бѣгство и исполнилъ все требованія мятежниковъ. Лейбгвардія, которую онъ хотѣлъ распределить между другими полками, возмутилась и вынудила у него свою отставку и денежные подарки. Воспользовавшись такою перѣшительностью и робостью Струэнзе, пренебрегаемая набожная матица короля, Юліана Марія Брауншвейгская, и приближенныя къ пей лица,—бывшій учитель ея сына, наследнаго принца Фридриха, Овѣ Гульдбергъ, и коварный графъ Шакъ-Ранцау, который благодаря самому Струэнзе добился высшаго сана и былъ искренне привязанъ къ нему, потомъ однако пренебрегался временемъ,—задумали низвергнуть ненавистнаго государственнаго министра. Полковникъ Келлеръ-Банперъ обѣщавъ имъ содѣйствіе гвардіи. Захвативъ ночью послѣ придворнаго бала въ расплохъ слабоумнаго короля, представивъ ему будущія опасности, они побудили его, подписать приготовленный заранѣе приказъ объ арестованіи Струэнзе, Брандта и двѣнадцати другихъ вліятельныхъ, тѣсно связанныхъ съ господствовавшимъ правительствомъ мужей, а именною запискою препроводить въ крѣпость Кроиборгъ королеву, честь и супружеская вѣрность которой не безъ основанія были заподозрѣны. Струэнзе и Брандтъ въ оковахъ были повергнуты въ прогнившую тюрьму; послѣ пятинедѣльнаго поды страхомъ и лишеніями проведеннаго заключенія ихъ предали чрезвычайному, болѣею частью изъ ихъ противниковъ состоявшему суду. Не обнаруживъ никакаго слѣда предполагаемаго или мнимаго заговора графа противъ короля, судъ приговорилъ ихъ какъ государственныхъ преступниковъ къ лишенію чести, состоянія и жизни. Затѣмъ исполнилась казнь самымъ возмутительнымъ образомъ. Палачъ прежде всего разбилъ ихъ графскіе гербы, затѣмъ у каждаго изъ нихъ отсѣкли сперва правую руку, а потомъ голову, тѣло четверговали и помѣстили на колесо, а голову выставили на колъ. Королева Каролина Матильда, которую выдалъ слабый Струэнзе, была разведена съ королемъ. Она прожила затѣмъ въ Целле, сдѣлавшись любвеобильною покровительницею бѣдныхъ и обиженныхъ, но года три спустя послѣ того умерла отъ тоски, двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду. Совѣтникъ юстиціи К. А. Струэнзе, братъ министра, и самые дѣятельные сотрудники послѣдняго, Гелеръ и Фалькенскіельдъ, содержались въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ пока они, благодаря иностранному ходатайству, не добились освобожденія. По низверженіи Струэнзе Юліана завладѣла регентствомъ и приказала черезъ *Гульдберга*, Министерство назначеннаго тайнымъ статсъ-секретаремъ, а потомъ государственнымъ министромъ и возведеннаго въ дворянское званіе, отмѣнить нововведенія. Способные дѣятели, которые, благодаря нѣмецкому государственному мужу, пользовались должностями и вліяніемъ,

17. янв. 1772.

28. апр. 1772.

1775.

Министерство Гульдберга.

были устранены и замѣнены приверженцами стародатской системы и креатурами «пронырливаго ханжи» Гульдберга; «жестокое испытаніе» и цензура были возстановлены, реформы въ администраціи, судопроизводствѣ, придворномъ штатѣ за немногими исключеніями были отмѣнены, все иноземное изгонялось, датскій языкъ и датская литература исключительно поощрялись, а «индигенатскимъ постановленіемъ» подтверждалось, чтобы одни только мѣстные уроженцы могли занимать почетныя должности. Крестьянское сословіе осталось въ угнетенномъ положеніи, такъ что Гульдбергово управленіе прозвали «эпохою помѣщиковъ». По мнѣнію министра, свобода крестьянства немислима безъ того, чтобы Даниа не была потрясена въ ея основахъ. По прошествіи лишь двѣнадцати лѣтъ Гульдбергово министерство было смѣнено крошпринцемъ Фридрихомъ, который, заручившись властью во имя впаваго въ совершенное слабоуміе и въ состояніе невмѣняемости короля Христиана VIII., передалъ веденіе министерства и управленіе младшему *Бернсторфу*, племяннику вышеупомянутаго дворянина. Этотъ отличный государственный дѣятель до своей смерти энергично и разумно управлялъ государствомъ и со славою пекся о подъемѣ земледѣлія, промышленности, торговли и наукъ. Онъ доказалъ, что даже въ абсолютной монархіи можетъ существовать свобода печати, лишь бы администрація находилась въ надежныхъ рукахъ и правительство добросовѣстно соблюдало народное благо.

1784.

2. Швеція подѣ дворянскою олигархіей и король густавъ III.

Швеція при Фридрихѣ I. Въ то самое время какъ въ Копенгагенѣ стародатская дворянская придворная партія, благодаря кровопролитной дворцовой революціи, 1720—1751. положила конецъ преобразовательной дѣятельности ненавистнаго иноземца и вновь укрѣпила союзъ между неограниченною королевскою властью и аристократіей, въ сосѣдней Швеціи подобнымъ государственнымъ переворотомъ, но только безъ юридическаго убійства, низвергнута была недостойная, сама собою разпавшаяся семейная олигархія; послѣ многолѣтняго приниженія правительство вновь возвысилось, государство опять было въ состояніи занять мѣсто наряду съ остальными европейскими культурными державами и возстановить утраченный блескъ прежнихъ временъ. Намъ извѣстны уже революціонныя событія, вслѣдствіе которыхъ послѣ кровавой кончины Карла XII. въ роковую ночь подѣ Фридрихсгалемъ совершенно измѣнилась шведская государственная система (XII, 670). При Ульрихѣ Элеонорѣ и ея супругѣ Фридрихѣ Гессенскомъ шведское государство было по одному только имени монархіей; корона и скипетръ служили лишь наружнымъ украшеніемъ, но отнюдь не символомъ власти. Последняя находилась всецѣло въ рукахъ выс-

шихъ дворянскихъ фамилій, изъ которыхъ состояли государственный совѣтъ и правительственная коллегія; на сеймахъ, гдѣ по временамъ собирались представители четырехъ сословій, они пользовались рѣшающимъ голосомъ и основали олигархическое правленіе, въ которомъ за королемъ признавались чуть ли не меньшія права, нежели за президентомъ республиканской общины. Его имя служило «какъ бы одною лишь печатью къ рѣшеніямъ властителей». И никогда еще преобладаніемъ партій въ государствѣ не пользовались такъ позорно, въ духѣ и въ угоду безпощаднаго эгоизма, какъ то дѣлали вожди дворянства, которые по смерти геройскаго короля захватили въ свои руки власть и съ своекорыстною цѣлью злоупотребляли упавшимъ народнымъ духомъ и разстройствомъ страны, послѣ дикой боевой и завоевательной страсти Карла XII. Эти господа, которые назывались государственнымъ людьми и совѣтниками правительства и короля, которые то и дѣло говорили о свободѣ, законности и отчизнѣ, самымъ наглымъ образомъ раздѣлили между собою власть и почести въ странѣ, такъ что народъ вновь пожелалъ возвратитъ ту королевскую власть, которая считалась источникомъ всѣхъ бѣдъ и всякой тирани. Король Фридрихъ I., лѣтний и сладострастный, покорялся своему безславному мнимому царствованію, къ которому имя монархіи пристало лишь какъ «античное украшеніе». Если у коренныхъ магнатовъ не обнаруживалось никакаго чувства къ исконной славѣ и чести шведской націи, то какое же сочувствіе къ этимъ идеальнымъ благамъ, можно было ожидать отъ нѣмецкаго князя? Такимъ то образомъ при немъ и при его слабомъ, безхарактерномъ наслѣдникѣ шведская исторія была періодомъ позора и униженія. Господствовавшая аристократія или олигархія состояла изъ людей лишенныхъ чувства чести и патриотизма, которые продавались чужеземнымъ державамъ и служили тѣмъ дворамъ, отъ которыхъ получали большыя денегъ; честь и благоденствіе страны при этомъ вовсе не входили въ расчетъ. По заключеніи упомянутыхъ позорныхъ мирныхъ договоровъ, вслѣдствіе которыхъ принесены были въ жертву всѣ завоеванія ихъ великихъ королей за исключеніемъ влючна нѣмецкой земли, одни съ графомъ *Карломъ Гилленбергомъ* во главѣ продались Франціи, а другіе подѣ знаменемъ графа *Арвида Горна*—Россіи. Первые именовались *шлятами*, а послѣднихъ обозвали *шатками*, и эти прозвища двухъ партій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ раздѣляли шведскіе дворянскіе роды на два враждебныхъ лагеря, подобныхъ гвельфамъ и гибеллинамъ въ Италіи. Обѣ партіи ненавидѣли и преслѣдовали другъ друга до зарѣза и превращали сеймы въ арены взаимныхъ враждебныхъ нападогъ. Продажность и подкупы стали явными обычными пороками. Когда вспыхнула война за австрійское наслѣдство, то французскому правительству хотѣлось отвлечь Рос-

- сію, съ тѣмъ чтобы удержать ее отъ союза съ Маріей Терезіей. Для этой цѣли оно побудило своихъ приверженцевъ въ Швеціи, чтобы государственные чины объявили войну Россіи, поводомъ къ которой послужило учиненное русскими убійство шведскаго посланника. Но такъ какъ господствовавшее дворянство раздѣлило промежъ себя полученныя отъ Франціи субсидныя деньги, то армія оказалась въ самомъ жалкомъ положеніи. Швецы поэтому были позорно разбиты на голову при *Вильманстрандѣ*; потомъ ихъ окружили при *Гельсингфорсѣ*, такъ что въ этомъ безвыходномъ положеніи они предали бы Россіи всю Финляндію, если бы императрица Елисавета въ *Абовскомъ* мирѣ не умѣрила своихъ требованій съ тѣмъ условіемъ, чтобы Гольштейнъ-готторпскую линію ольденбургскаго дома вознаградили за причиненную ей несправедливость. Швецы признали Гольштейнъ-готторпскаго герцога, *Адольфа Фридриха*, ближайшаго родственника русскаго великаго князя, наследникомъ престола и согласились на уступку Финляндіи до рѣки Кюмени. При послѣдовавшемъ затѣмъ царствованіи, придворная партія, возмущившись такимъ позоромъ страны, пыталась возвратитъ престолу прежнюю власть. Предпріятіе не удалось, и виновники его Браге, Горнъ и другіе знатные дворяне изъ партіи «шапокъ» погибли на эшафотѣ. Господствовавшая олигархія хотѣла терроромъ отвадить отъ всякой попытки къ перевороту. Она достигла своей цѣли. Въ царствованіе слабаго короля Адольфа Фридриха, «котораго даже супруга его Люиза, сознававшая себя сестрою Фридриха Великаго, не могла подстрекнуть къ отвагѣ», шведскому дворянству удалось еще болѣе ограничить королевскія права и лишить корону окончательнo всякой власти и всякаго значенія. Сеймъ вмѣшивался въ домашнія дѣла королевскаго семейства и въ воспитаніе принцевъ; онъ завладѣлъ правомъ замѣщать важнѣйшія государственныя должности, а рѣшенія, которымъ король дважды отказывалъ въ своемъ согласіи, собственноручно снабжалъ его подписью и печатью. Послѣ неудавшагося переворота «шапокъ» въ государственномъ совѣтѣ и въ коллегіяхъ владычествовали «шляпы». Вслѣдствіе этого Швеція въ качествѣ союзницы Франціи, вопреки желанію короля, родственника прусскаго двора, вовлечена была въ семилѣтнюю войну; и безъ того уже обѣдѣвшая страна пришла затѣмъ въ самое жалкое положеніе. Мы выше уже видѣли, что при этомъ столь храбрый впрочемъ народъ, вслѣдствіе негоднаго начальства лишился послѣднихъ слѣдовъ своей прежней боевой славы. Подобныя гнусныя дѣйствія «шляпъ» повели, правда, послѣ мира къ паденію французской дворянской шайки, однако новая олигархія русской партіи не меньше предшественниковъ тиранили короля и народъ. Когда, наконецъ, крестьянскія возстанія и анархическое состояніе довели государство до крайней опасности, то Адольфъ Фридрихъ, угрозою отказаться

Адольфъ Фридрихъ. 1751—1771.

отъ престола, понудилъ правителей созвать чрезвычайный сеймъ. Послѣдній распустилъ большую часть сопротивлявшихся государю совѣтниковъ и вновь вернулъ престолу нѣкоторое значеніе; однако совершенное преобразование существовавшихъ порядковъ, какое имѣлъ въ виду смѣлый и умный кронпринцъ, не удалось вслѣдствіе миролюбія и правдивости отца. Разумно воспитанный графомъ Тессингомъ и генераломъ Шефферомъ, тая въ себѣ живое чувство своего державнаго достоинства, двадцатидвухлѣтній юноша, негодуя, взиралъ на поблекшій блескъ шведской короны. На предпріятіи имъ въ прошломъ году путешествіи по Швеціи онъ убѣдился, что народъ приверженъ къ нему и сильно ненавидитъ своекорыстную олигархію.

„Живой и глубокой умъ“, — такъ изображаетъ Поссельтъ качества кронпринца, — „острота, готовая выплхнуть каждый мигъ, богатія свѣдѣнія въ политикѣ и исторіи, краспорѣчіе, которое чрезвычайно правилось бы даже въ обыкновенномъ смертномъ, а въ королевскомъ сынѣ даже очаровывало, задушевное радушіе къ народу въ связи съ чувствомъ собственного достоинства — вотъ совокупность врожденныхъ и приобретенныхъ преимуществъ, благодаря которымъ Густавъ въ состояніи былъ мастерски исполнить всякую роль, за какую бы ни взялся“.

Вскорѣ послѣ того Густавъ въ сопровожденіи младшаго брата, Густавъ III. Фридриха Адольфа, предпринялъ путешествіе во Францію, на что сеймъ изъявилъ свое согласіе и назначилъ необходимыя деньги. Въ Парижѣ, гдѣ принцъ пользовался большимъ почетомъ, онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ отца, Адольфа Фридриха. Густавъ тотчасъ же вознамѣрился низвергнуть конституцію, на что и былъ снабженъ средствами и совѣтомъ отъ французскаго двора, который надѣялся вновь возстановитъ въ сѣверномъ королевствѣ свое упавшее вліяніе. Густавъ, однако, все-таки далъ присягу на существовавшіе порядки. Посѣтивъ своего дядю съ материнской стороны, Фридриха II. въ Берлинѣ, онъ изъ Штральсунда, гдѣ его привѣтствовало собственное посольство изъ Швеціи, прибылъ въ Стокгольмъ. Расири заносчиваго дворянства, ненависть лишеннаго правъ народа къ господствовавшей олигархіи и жалкое положеніе страны поддерживали въ молодомъ, опытномъ въ искусствѣ притворяться государѣ по возвращеніи его намѣреніе вернуть коронѣ прежнюю ея власть. Онъ приступилъ къ дѣлу съ осторожностью, какую никто не могъ ожидать отъ живаго, порывавшагося къ подвигамъ человѣка двадцати шести лѣтъ отъ роду. Надлежало, пока еще не созрѣла жатва, усыплять дѣятельность и поддерживать бездѣйствіе государственнаго совѣта, въ распоряженіи котораго находились и войска и флотъ, и который въ значительномъ большинствѣ принадлежалъ къ руссофильской партіи «шапокъ». А потому онъ вновь подписалъ «актъ завѣре-

1771—1792.

Революционный государственный переворотъ.

30 мая 1771.

5. мар. 1772.

29 мая 1772.

нія», который послѣ восьмидесяти тысячъ совѣщаній сеймъ утвердилъ и вручилъ ему. Коронаваніе совершилось не по исконному обычаю предковъ, какъ ему хотѣлось, не на извѣстныхъ лугахъ въ тучныхъ равнинахъ подъ Упсалою, а напротивъ, въ столицѣ съ великимъ торжествомъ и блескомъ, причемъ епископъ Филеій избралъ знаменательный текстъ: «Не страшись и не ужасайся; ибо съ тобою Господь Богъ твой, вездѣ, куда не пойдешь». Лишь послѣ этого замыселъ приведенъ былъ въ исполненіе. Когда олигархія распалась болѣе чѣмъ когда либо, когда члены партій шляпъ были окончательно изгнаны изъ сейма и изъ всѣхъ вліятельныхъ должностей, когда вслѣдствіе безжалѣбности во всемъ краѣ царило великое недовольство, въ этотъ роковой мигъ въ Христіанштадтѣ командиръ Геллихусъ съ своимъ отрядомъ по тайному уговору отказалъ собравшимся государственнымъ чинамъ въ повиновеніи, оттого что, какъ гласилъ манифестъ, они повергли въ бѣдствіе страну и оскорбляли королевское величество. Пока угрожаемые принимали мѣры, съ тѣмъ чтобы наказать за дерзкій поступокъ и подавить мятежъ въ самомъ зародышѣ, доблестному королю удалось кетати сказанною рѣчью увлечь находившуюся въ столицѣ гвардію и побудить къ присягѣ, которая подчинила ее только ему одному. Потому онъ легко склонилъ на свою сторону народъ, который расположенъ былъ къ ласковому, радушному королю и ненавидѣлъ, напротивъ, дворянскую аристократію; а братья его тѣмъ временемъ въ провинціяхъ старались задобрить войска. При такихъ-то условіяхъ собравшемуся 20. августа сейму поневолѣ пришлось принять предложенную королемъ конституцію, тѣмъ болѣе, что палата засѣданія окружена была войскомъ и орудіемъ. Благодаря этой безкровной революціи, причемъ Густавъ обнаружилъ великую осмотрительность, умѣренность и хладнокровную рѣшимость, шведскому престолу возвращены были и почетъ и власть. Въ этотъ знаменательный мигъ въ исторіи Швеціи Густавъ III., окруженный своими офицерами, съ престола внушительными, трогательными словами изобразилъ бѣдствіе и позоръ, какіе шайка смутителей распространила по краю и завѣрялъ, что, опираясь на новый коренной законъ, онъ возстановитъ право, свободу и честь.

По этому новому конституціонному уставу, начертать который помогаль бывший учитель Густава, Шефферъ, государственный совѣтъ состоялъ изъ семнадцати королемъ избираемыхъ дворянъ и ограничивался предѣлами совѣщательнаго вѣдомства, которому предоставлялось лишь право предлагать членовъ для занятія вакантныхъ мѣстъ въ совѣтѣ. Чины имѣють собираться по одному только пригласенію короля и заниматься исключительно дѣлами, какія предложитъ король, тогда какъ онъ самъ обязался, безъ ихъ согласія не начинать войны. Однако, исполнительная власть, право распоряжаться арміей и флотомъ, назначать лица къ административнымъ и военнымъ должностямъ, заключать договоры съ иноземцами — все это всецѣло подлежало самому государю. Даже обложеніе податью

почти вполнѣ подчинялось его волѣ, такъ какъ ему стоило только обратиться къ совѣту зависѣвшаго отъ него комитета; постановленіе крайне опасное въ виду такого пристрастнаго къ пышности и расточительнаго короля, какимъ былъ Густавъ III.

Когда сеймъ присягнулъ на новый образъ правленія, то король Царствованіе
Густава III. снялъ съ головы корону и запѣлъ духовную благодарственную пѣснь; все собраніе съ благоговѣніемъ подхватило. Такъ совершилось замѣчательное событіе, послужившее въ Швеціи основаніемъ новой эры. Объ немъ судятъ весьма различно. Одни превозносятъ мужество, умную осмотрительность и державный духъ, тогда какъ другіе порицаютъ за нарушеніе слова, за притворство и коварство. Такое различіе воззрѣній и сужденій вызывается всякимъ насильственнымъ переворотомъ существующихъ государственныхъ формъ и юридическихъ порядковъ. Съ точки зрѣнія гражданской нравственности всякій государственный переворотъ есть преступленіе; однако, онъ можетъ стать политической необходимостью, когда общественный бытъ перешелъ въ состояніе гнилости и разстройства, такъ что государство и нація только рѣшительнымъ ударомъ могутъ быть спасены отъ гибели. Въ подобныхъ случаяхъ государственный переворотъ въ человѣческой и общественной жизни принимаетъ такой же характеръ, какъ мощныя явленія и сокрушительныя катастрофы въ жизни природы, и тогда судь грядущихъ поколѣній существенно обуславливается послѣдствіями, какія проистекли изъ него для общества, тѣми выгодами, какія виновники и исполнители извлекли изъ созданнаго «спасительнымъ подвигомъ» положенія. Въ этомъ отношеніи нельзя отрицать, что въ первое десятилѣтіе вновь основаннаго монархическаго строя совершилось много хорошаго въ духѣ времени и на пользу народа; король не расширялъ или не примѣнялъ своей власти въ такихъ размѣрахъ, чтобы совсѣмъ уничтожить или нарушить національныя права и вольности. Ему, правда, по образцу другихъ государей того времени хотѣлось во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ казаться самодержцемъ, однако онъ все-таки предоставилъ имперскимъ чинамъ право, принимать въ извѣстныхъ размѣрахъ участіе при изданіи новаго закона и при введеніи новыхъ налоговъ или податей, и обѣщаль не начинать наступательной войны, не посовѣтовавшись предварительно съ ними. Отчеканенная въ память великаго дня медаль, «спасенная Швеція», на которой былъ изображенъ бросаемый волнами корабль съ сломанною мачтой, и Густавъ привѣтствующій въ качествѣ кормчаго съ поднятою рукою восходящее солнце, вполнѣ отвѣчала настроенію шведскаго народа. Гимнъ «Слава Густаву, лучшему изъ королей», былъ истинною народною пѣснью, которая распѣвалась вездѣ при семейныхъ торжествахъ и въ веселыхъ собраніяхъ. Послѣ великаго Вазы ни одинъ государь не пользовался такою популярностью какъ Густавъ III.

«И никто», — заявляет Арндт, — «не представлял дѣла въ такомъ пріятномъ для Шведовъ свѣтѣ. Онъ былъ веселъ, любезенъ, радушенъ, остеръ, краснорѣчивъ, любилъ увеселенія и празднества, чтилъ науки и искусства, которыя понималъ, онъ былъ славный собесѣдникъ и игрокъ, умѣлъ превозносить всякія заслуги, щадить слабости другихъ и льстить всякому тщеславію». Этими личными качествами отвѣчали также правительственныя дѣла, реформы и учрежденія, возникшія въ его единодержавіе. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли цѣлью благоденствіе народа, какъ напр. реформа судопроизводства, — причемъ отмѣнялась пытка, — заложеше больницъ и сиротскихъ домовъ, поощреніе хлѣбопашества, горнаго дѣла, желѣзныхъ и стальныхъ заводовъ, постановленіе въ пользу свободной печати, улучшеніе финансовъ и денежныхъ условій барономъ Лиленкранцемъ, подъемъ торговли и промышленности и пр. Однако созданія короля истекали большею частью также изъ любви къ родинѣ, изъ страсти къ подражанію французскимъ правамъ и изъ приверженности къ минувшей рыцарской эпохѣ. Основаніе академіи по французскому образцу, созиданіе театровъ и оперъ, возстановленіе турнировъ и карусели, продолжительное путешествіе по Италіи и Франціи въ 1783 и 84 г. не принесли странѣ никакой пользы, а стоили денегъ болѣе того, что сберегалось устраниеніемъ старыхъ злоупотребленій. Несвоевременныя богатырскія бредни короля, возстановленіе исчезнушаго рыцарства, попытка ввести во всей странѣ національную одежду и т. п. отвлекли его дѣятельность и умъ на ничтожныя предметы, и міръ обманулся въ великихъ надеждахъ, какія возлагались на его таланты. Его зачастую необдуманныя повеленія все болѣе оскорбляли возбужденное противъ него дворянство; а уставъ, которымъ винокуреніе объявлялось королевскою монополіей и на всѣхъ Шведовъ налагалось обязательство, покупать за дорогую цѣну въ королевскихъ винокурняхъ напитки, который прежде каждая семья изготовляла сама у себя, возбудилъ сильное неудовольствіе также въ низшихъ слояхъ.

Послѣдніе
годы Густава.
1788.

Враждебное настроеніе обнаружилось прежде всего, когда Густавъ, не сироясь чиновъ, затѣялъ войну съ Россіей. Желаніе, отвоевать шведскія владѣнія минувшихъ столѣтій, честолюбіе, сыграть воинственную роль, надежда на пособіе со стороны соединенныхъ противъ русско-австрійской завоевательной политики державъ, Пруссіи и Англии, твердая рѣшимость, прервать козни тайныхъ русскихъ сношеній съ его подданными и положить конецъ вліянію царскаго двора на большую часть шведскаго дворянства, — эти и другія причины увлекли Густава III. въ военную политику, отъ которой онъ пожалъ дурные плоды. При такихъ-то обстоятельствахъ рѣшено было или погубить или по крайней мѣрѣ опозорить его; тутъ забыли честь, обязанность, отчизну и предали его закоренѣлому врагу, лишь бы

удовлетворить личной, дворянской мести». Подкупленная русскими агентами финская армія, послѣ нѣсколькихъ стычекъ, возстала подъ крѣпостью Фридрихсгамомъ противъ незаконной войны. Командиры заключили «Альвальскій союзъ» и обратились въ Петербургъ къ Императрицѣ, дабы она въ качествѣ сопоручительницы прежней шведской конституціи защитила ихъ и отечество отъ тиранской власти. Въ то же время подстрекнули Датчанъ, съ тѣмъ чтобы они съ войскомъ и флотомъ напали на Швецію съ югозапада. Пустившись на эту войну словно на турниръ, король вдругъ постигъ угрожающую ему опасность, и къ нему воротилось его прежнее мужество. Онъ тотчасъ же покинулъ войско и, подобно своему пращуру Вазѣ, обратился съ своимъ внушительнымъ краснорѣчіемъ къ народу, въ особености къ дюжимъ Далекарлійцамъ въ сѣверныхъ горахъ. Они скоро дали ему возможность отмстить своимъ противникамъ и первый государственный переворотъ довершить вторымъ. Когда на сеймѣ 1789 года обнаружилась сильная оппозиція, то онъ велѣлъ арестовать тридцать вождей изъ знати и дворянъ, между прочимъ графа Акселя Ферзена и барона Геера; потомъ, сказавъ: «скорѣе моя рука изсохнетъ, чѣмъ подпишу позоръ государства», заставилъ оробѣвшее собраніе принять «актъ объединенія и охраненія». Этими новымъ нарушеніемъ конституціи король присвоилъ себѣ право, начинать войну не сироясь чиновъ, отмѣнилъ государственный совѣтъ и всякія оставшіяся еще преграды самодержавія, предоставилъ мѣщанскому сословію доступъ ко всѣмъ должностямъ и право пріобрѣтать дворянскія имѣнія. Снабженный при посредствѣ новаго обременительнаго налога необходимыми деньгами, Густавъ настойчиво повелъ войну противъ Россіи на морѣ и на сушѣ; не смотря на проявленные имъ опыты личной храбрости, не смотря на то, что слава шведскаго оружія блестяще возстановилась Стедингомъ и другими предводителями въ финляндскихъ областяхъ и гребнымъ флотомъ въ Балтійскомъ морѣ, однако по миру въ *Вереле* границы остались въ прежнемъ положеніи и дорого стоившая борьба не принесла никакихъ выгодъ. Не успѣли зажить еще раны, нанесенныя сухопутною и морскою войною противъ московскаго царства, и тяжкое бремя долга обременяло страну, когда Густавъ, теперь въ союзѣ съ Россіей затѣялъ уже новую кампанію противъ Франціи, съ тѣмъ чтобы противостать распространенію революціонныхъ идей и въ связи съ французскими эмигрантами въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, предпринять рыцарскій крестовый походъ для спасенія злополучнаго Людовика XVI. Шведскій король собирался уже ѣхать черезъ Германію въ городъ Спаа, съ тѣмъ чтобы для этой превышающей силы его народа войны пріобрѣсть еще союзниковъ и сдѣлать нѣкоторыя приготовленія; но предпріятіе не удалось прежде всего вслѣдствіе упорнаго сопротивленія сейма въ Гефле, разрѣшить необходимыя на

Февр. до апр.
1789.

14. авг. 1790.

то денежные средства. Для того однако, чтобы не подвергнуться новому государственному перевороту, нѣсколько глубоко оскорбленныхъ 17. мар. 1792. дворянъ составили заговоръ, вслѣдствіе котораго Густавъ III. на маскарадѣ былъ смертельно раненъ выстрѣлившимъ въ него быв-
 † 29 марта. шимъ гвардейскимъ офицеромъ Анкаристрёмомъ. Двѣнадцать дней спустя послѣ того умеръ государь, одаренный необычайными способностями, великимъ личнымъ мужествомъ, идеальнымъ геройскимъ духомъ, отличавшійся романтическими рыцарскими чертами, которые иногда омрачались тѣнью гордаго самодержавнаго своеволия и сластолюбія, склоннаго ко всему необычайному, фантастическому.
 Густавъ IV. Его сынъ, Густавъ IV., состоявшій до совершеннолѣтія подъ руководствомъ своего дяди, Карла Зюдерманландскаго, унаслѣдовалъ отъ отца романтической рыцарскій духъ и гордый своевольный нравъ; однако, какъ узнаемъ впоследствии, своимъ безразсуднымъ и неполитичнымъ противоборствомъ современнымъ условіямъ уготовилъ гибель старому королевскому дому.

1. польскія условія и партія.

Монархическая дворянская республика въ Польшѣ. Въ тотъ самый годъ, въ который совершилась кровопролитная катастрофа въ Копенгагенѣ и переворотъ олигархической конституціи въ Швеции, въ польской республикѣ, долгое время находившейся въ династической связи и въ политическихъ взаимныхъ отношеніяхъ съ шведскою націей, также произошелъ насильственный переворотъ, повліявшій на государственный организмъ гораздо рѣзче, нежели тѣ революціонныя событія въ скандинавскихъ государствахъ. Тутъ всѣ учрежденія, на которыхъ созидалась государственная система, вслѣдствіе яраго неистовства партій и безопаднаго своекорыстія распутнаго дворянства дошли до такого расстройтва, вся общественная жизнь впала въ такое состояніе анархіи и распущенности, что невысказано уже было никакое возрожденіе собственной національною силою и самопомощью. Это анархическое состояніе достигло вершинной точки въ бессильное и шаткое царствованіе Августа, съ чѣмъ мы прежде уже ознакомились (XII, 678). Корона лишилась всякой власти вслѣдствіе крайне стѣснительныхъ договоровъ при избраніи (pacta conventa). Королю было мало пользы отъ того, что его называли «источникомъ всякихъ благъ»: богато на-
 дѣленные помѣстьями правительственныя и высшія церковныя должности находились въ рукахъ знати, «паповъ», которые считали ихъ послѣдственнымъ достояніемъ своего сословія и управляли ими по-
 жизненно почти независимо отъ короны. Онѣ снабжали владѣльца властью и громадными доходами, оттого между магнатами изъ-за ихъ обладанія и возникала борьба не на животь, а на смерть. Канцлеры, коронные гетманы, казначей, воеводы и т. д. прини-

мали отъ короля только такіе приказы, которые имъ были угодны; они давали отчетъ не ему, а только сейму, который обыкновенно «срывался», прежде чѣмъ кончались совѣщанія; свои же должности и судейскія мѣста они считали лишь средствами къ умноженію доходовъ. Старосты, въ рукахъ которыхъ находились коронныя имущества, вносили въ государственную казну весьма скудную долю изъ чистаго дохода и по своекорыстію или легкомыслію управляли крайне небрежно. Низшее дворянство, шляхта, — сотнями и тысячами душъ — состояло при дворахъ, при домашнихъ ратяхъ, при управленіи помѣстьями въ непосредственной службѣ этихъ «пановъ»; а другіе зависѣли отъ нихъ въ качествѣ арендаторовъ, залогодержателей нѣкоторыхъ помѣстій, должниковъ или заимодавцевъ; благодаря этому у каждаго магната въ распоряженіи, подъ его «протекціей» находилась цѣлая ватага кліентовъ изъ шляхты, съ помощью которыхъ онъ въ состояніи былъ презирать законъ и право. Не смотря впрочемъ на неравенство состояній, званій и власти отдѣльныхъ личностей, всѣ дворяне пользовались одинаковыми политическими правами и равною личною свободою; всѣ они составляли общество «пановъ-братьевъ», которое одно только пользовалось гражданскими правами и обязанностями. Конституціонная форма дворянской республики намъ извѣстна уже изъ прежнихъ главъ. Свободное вето (Liberum Veto), которое избранные на отдѣльныхъ сеймахъ земскіе депутаты удерживали за собою какъ основу общей равноправности и признавали «зѣницей свободы», также право вооруженнаго конфедератства дѣлали невозможными своевременныя реформы мирнымъ путемъ и возбуждали страстную борьбу партій, благодаря которой польскій сеймъ сталъ притчею во языцѣхъ. Избирательное начало давно уже заразило націю язвою подкупа и обнаружило передъ сосѣдними странами всѣ недостатки и слабыя стороны. Города, беззащитно переданные правительствомъ кичливому дворянству, давно утратили свои исконныя вольности и привилегіи, оскудѣли и обезсилили. Крестьяне изнывали подъ гнетомъ крѣпостничества, животное отупѣніе и невѣжество искоренили въ нихъ почти «всякій слѣдъ мыслительной способности» и сдѣлали ихъ безчувственными ко всѣмъ высшимъ благамъ, ко всѣмъ невзгодамъ отчизны. Польское государство было прогнившимъ зданіемъ; оно держалось уже не собственной силою, а благодаря лишь раздорамъ и взаимной зависти сосѣднихъ государствъ.

Польская республика, — такъ судить отличный знатокъ польской исторіи (Ренель), — въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія находилась въ полномъ упадкѣ. „Соціальная и политическая жизнь всѣхъ ея членовъ была испорчена до мозга костей. Въ высшихъ сословіяхъ, у образованныхъ „пановъ“, царилъ гордость, тщеславіе и самомнѣніе, которое порывалось лишь по прихоти воспользоваться вліяніемъ и властью, какія давало имъ ихъ положеніе въ общественной жизни, для удовлетворенія страстей, властолюбія

и сладострастія. Шляхта, большею частью необразованная и грубая, сво- евольная и въ то же время раболѣпная, преданная тунеядству и необузданному сладострастію, безсмысленно проживала день за день; крестьяне въ ужасномъ уназдкѣ, подъ гнетомъ и въ пугдѣ; города въ развалинахъ и въ нищетѣ, лишены промысловъ и торговли; воспитаніе и обученіе въ крайнемъ запущеніи; школы и университеты во власти невѣжественныхъ священниковъ и монаховъ, которые не способны были принять живое участіе въ современныхъ успѣхахъ наукъ и знаній; релігіозная жизнь окоченѣла въ паружныхъ формахъ и лицемѣрной набожности; сверхъ всего этого, наконецъ, навшая вѣра въ то, что польскій дворянинъ самый свободный человекъ въ мірѣ, а республика существуетъ благодаря авархіи. Финансы находились въ страшномъ разстройствѣ; маленькая армія довольно часто не получала жалованья, а потому и была лишена дисциплины и ученія, на половину разстроена, суды были посмѣшницею всякой правды. Недаромъ польская поговорка гласитъ: правосудіе подобно паути- нѣ, которую разрываетъ воробей, въ которую однако попадаетъ комаръ". — Нигдѣ пропасть между дворянствомъ и народомъ, нигдѣ тираниа господствующаго сословія надъ крѣпостными людьми не были такъ велики какъ въ славянскомъ краѣ при Вислѣ. Король-авторъ, Станиславъ Лещинскій, уже изобразилъ это въ рѣзкихъ очеркахъ. Польша, заявляетъ онъ, един- ственная страна, гдѣ масса народа лишена всѣхъ человѣческихъ правъ. Дворянинъ осуждаетъ здѣсь своихъ подданныхъ даже безъ всякаго закон- наго основанія, а еще чаще—безъ юридическаго производства и безъ вся- кой формальности. Крестьянъ считаютъ здѣсь тварями совершенно иного рода, имъ чуть ли не отказываютъ даже въ воздухѣ, которымъ они ды- шать; между ними и животными, пашущими въ полѣ, нѣтъ почти никакой разницы.

Преобразова- тельныя по- пытки.

Въ попыткахъ, преобразовать государственную конституцію, не было недостатка. Въ началѣ столѣтія уже сенаторъ Душинъ Карвиц- ки въ трактатѣ доказалъ, что господствующая въ Польшѣ смѣсь монархіи, аристократіи и демократіи разрушаетъ государственный организмъ, что надлежитъ перейти или къ чистой монархіи или къ чистой республикѣ; Станиславъ Лещинскій, домогаясь королевской ко- роны, предложилъ конституцію по образцу Англии, гдѣ «величество и свобода» могутъ существовать о-бокъ одно съ другою. У дворян- ской молодежи, которая, благодаря путешествіямъ и научнымъ заня- тіямъ, ознакомилась съ культурными европейскими державами и съ воззрѣніями французскихъ и англійскихъ писателей того времени, также обнаруживались преобразовательныя идеи. Всѣ были согласны въ томъ, что слѣдуетъ отмѣнить вето, улучшить дѣлопроизводство на земскихъ и государственныхъ сеймахъ, сократить размѣръ власти великихъ коронныхъ должностей, усилить и обезлечить армію, пре- образовать судопроизводство.

Партія Чарто- рыйско-Пона- товская или «фамилія».

Во главѣ этой преобразовательной и прогрессивной партіи находились высокопоставленные главы дворянства, прежде всего *Чарторыйские*, дре- вній литовскій княжескій родъ, изъ котораго вышло много знамени- тыхъ въ военной исторіи мужей; его въ особенности Флоріанъ Чарторый- скій, сенаторъ и наконецъ архіепископъ гнезенскій и познанскій, озарилъ

славою и блескомъ въ исходѣ семнадцатаго столѣтія. Чарторыйскіе неко- ги исповѣдали греко-католическую вѣру, но впоследствии перешли къ римской церкви и стали ревностными приверженцами и защитниками іе- зуитовъ. Племянникъ архіепископа, Казиміръ, довелъ блескъ дома до вер- хинной точки, женившись на Изабеллѣ Морстинъ; эта остроумная, пре- летная польская дворянка высокаго званія и съ значительнымъ состоя- ніемъ, воспитанная въ Парижѣ, открыла по образцу послѣдняго въ Вар- шавѣ салонъ, въ которомъ вскорѣ стала собираться вся знать—министры, придворные, дворяне. Изъ ея сыновей двое старшихъ, Михаилъ Фридрихъ и Августъ Александръ, достигли впоследствии влиятельныхъ положеній въ государствѣ, третій, Теодоръ Казиміръ, былъ епископомъ; дочь ея, Кон- станція, вышла за генерала *Станислава Понятовскаго*, отца будущаго ко- роля. Женижба Августа, прослужившаго нѣкоторое время въ австрійской арміи, на прекрасной, богатой вдовѣ воеводы Денгофа Полоцкаго, урож- денной Сѣнны, руки которой многие домогались, вывела Чарторыйскихъ въ ряды первыхъ и самыхъ могучихъ польскихъ фамилій. Хотя Станиславъ Понятовскій по рожденію принадлежалъ къ мелкому дворянству, но, бла- годаря расположенію саксонскихъ королей, онъ пользовался важными дол- жностями и влияніемъ при дворѣ, и усердно рѣдѣлъ своимъ зятямъ. Чар- торыйскіе, Понятовскіе и нѣсколько ближайшихъ родственниковъ состав- ляли «фамилію», которая поддерживала и распространяла идею о рефор- мѣ. Они заданіе мысляю, преобразовать Польшу въ наследственное ко- ролевство. Въ избирательной борьбѣ между Лещинскимъ и саксонскимъ курфиретомъ они примкнули сначала къ французской партіи; однако, по- слѣ завоеванія Данцига и бѣгства короля Станислава подчинились «волѣ Божьей». Съ этой поры они отрѣшились отъ давно питаемыхъ ими фран- цузскихъ симпатій и стали служить интересамъ Россіи. При этомъ надѣя- лись со временемъ добиться со стороны петербургскаго двора поддерж- ки для своихъ преобразовательныхъ плановъ, которые сохранялись и тай- нѣ дѣлялись ими, и для своего выспренняго честолюбія. Имъ удалось въ то же время приобрести благоволеніе Августа III. и такимъ путемъ не толь- ко самимъ достигъ высшихъ почетныхъ мѣстъ, но доставить должности и чины также родственникамъ, друзьямъ и приверженцамъ своимъ. Въ фа- миліиномъ совѣтѣ обсуждалась всѣ важныя государственныя дѣла и рѣша- лось, какъ поступать при этомъ. Выдача замужъ дочерей старшаго брата, капцлера Михаила, за богатаго графа *Флеминга* и за князя *Михаила Сатту*, потомъ также дочери младшаго,—воеводы Августа, за князя *Любо- мірскаго* и дочери Понятовскаго за *Яна Клементя Браницкаго*, усилила власть и влияние «фамиліи». Въ ихъ душѣ тайнѣ витала гордая мысль о томъ, что авось польская корона достанется впоследствии кому нибудь изъ ихнихъ.

Могущество Чарторыйскихъ возбудило зависть въ другихъ магнатахъ. Со- ставилась оппозиція, возставшая противъ влияния и политики «фамиліи». Во главѣ находился великій коронный гетманъ *Потоцкій*, жестокий врагъ Русскихъ. Раздраженный безпощадными поступками московскихъ полковод- цевъ, которые обращались съ Польшею словно съ вассальною областью, проходили съ войсками по польскому краю, не спросивъ ни правительства, ни сейма, онъ со всѣми врагами петербургскаго двора завелъ тайныя свя- зи и интриги, съ тѣмъ чтобы подорвать вліяніе послѣдняго. Эта противо- положность партій рѣзко обозначилась въ войну за австрійское наследство. Потоцкому и его приверженцамъ хотѣлось направить саксонско-польскую политику въ пользу Франціи и Пруссіи, тогда какъ Понятовскій написалъ свое знаменитое «Письмо польскаго дворянина», въ которомъ единствен- нымъ средствомъ, «вырвать отечество изъ плачевнаго состоянія», онъ счи-

Потоцкіе.

таеть усиленіе арміи и введеніе реформъ. Вслѣдствіе неистовства партій сеймъ не могъ состояться. Раздѣленные на двѣ линіи, на серебряную и золотую, Потоцкіе превосходили противниковъ своимъ землевладѣніемъ, своимъ родствомъ и своею стародавнею славою. Они обладали крупными имѣніями въ Украйнѣ, Подолии, въ Россіи и Малоросіи, у нихъ были свои царскіе дворцы. Ихъ придворный штатъ составленъ былъ на подобіе королевскаго: у нихъ были гофмаршалы, іегера, шталмейстеры, камергеры и т. п., все изъ хорошихъ семействъ; они содержали не только драгуновъ, казаковъ и пѣхотинцевъ въ качествѣ лейбъ-гвардіи, но даже значительную милицію и артиллерію, офицеры которыхъ отъ короля снабжались патентами и состояли въ равныхъ чинахъ съ офицерами коронной арміи. Въ восточныхъ областяхъ безъ протекціи Потоцкихъ никто не могъ добиться должности, выиграть тяжбу, быть избраннымъ въ сеймъ. Польскій коронный гетманъ пользовался почти неограниченною властью. Не даромъ Фридрихъ Августъ какъ-то разъ заявилъ, еслибъ онъ зналъ, что въ этомъ краѣ значить коронный гетманъ, то онъ скорѣе домогался бы этой должности чѣмъ короны. Чарторыйскіе опирались на дворъ, тогда какъ Потоцкіе примкнули къ среднему и низшему дворянству, поддерживали близкія сношенія съ „панамъ братьями“, соблюдали „старосарматскую“ добродѣтель гостепримства, въ одеждѣ и образѣ жизни сохраняли нравы и обычаи старой Польши. Изъ ихъ приверженцевъ преимущественно отличались краковскій воевода, *Любомірскій*, оба *Тарло* изъ древняго знаменитаго рода, дядя и племянникъ, первый—сандомирскій, а послѣдній, *Адамъ*, люблинскій воевода, энергическій, горячій человекъ. Онъ въ 1744 году уже былъ убитъ въ дуэли графомъ *Казиміромъ* *Понятовскимъ*, и съ этой поры вражда запылала еще сильнѣе.

Около половины столѣтія, когда готова уже была всникнуть новая все-свѣтная борьба, когда европейская дипломатія развернула все свои уловки, въ Польшѣ распри партій достигли высшей степеніи. Европейскіе дворы употребляли все усилія для подкупа приверженцевъ партій, съ тѣмъ чтобы они повудили польскую республику принять участие въ войнѣ за одну или другую сторону. Тогда уже имѣлся въ виду будущій выборъ короля: Франція желала доставить престолъ князю *Копти*, Австрія—герцогу *Карлу* *Лотарингскому*; въ самой Польшѣ въ средѣ магнатовъ возникла мысль, возвестъ на престолъ потомка *Пястовъ* изъ ихъ среды: графъ *Брюль* дѣйствовалъ въ пользу саксонскаго двора; въ Россіи вопросъ оставался открытымъ, съ тѣмъ чтобы воспользоваться имъ, смотря по обстоятельствамъ. Въ это время *Янъ Клементъ Браницкій* достигъ великаго вліянія, особенно когда по смерти престарѣлаго *Іосифа* *Потоцкаго* къ нему перешелъ санъ великаго короннаго гетмана. Въ молодые годы онъ состоялъ во французской военной службѣ и въ теченіе всей своей жизни питалъ въ душѣ „словно старую любовь юныхъ лѣтъ“ симпатіи къ версальскому двору, къ образованію и правамъ Парижа. Обыкновеннымъ его мѣстопробываніемъ былъ *Бѣлостокъ*, гдѣ онъ жилъ съ царскимъ блескомъ въ великолѣпномъ дворцѣ. Его ежегодный доходъ простирался до 1,200,000 ливровъ. Въ преклонныхъ лѣтахъ уже онъ жевалъ на прекрасной *Изабеллѣ* *Понятовской* и сблизился такимъ образомъ съ „фамиліей“. Однако, тщеславію его льстило то, что онъ сохранилъ нѣкотораго рода самостоятельность и могъ въ случаѣ нужды стать посредникомъ или третейскимъ судьей. Его повѣренный, ловкій, мужественно красивый *Мокраповскій*, пользовавшійся расположеніемъ графини, также пристрастился ко всему французскому. Посланникъ *Людвика XV.*, маленький графъ *Бролье* съ пылкимъ зоромъ и соперникъ его, серъ *Генбери* *Вильямсъ*, другъ *Роберта* *Вальпола*, часто посѣщали *Бѣлостокъ*. Благодаря главнѣйше коронному гетману, въ 1754 году не

Браницкій и партія патриотовъ.

удался планъ *Чарторыйскихъ*, овладѣть при посредствѣ генеральной конфедерации положеніемъ дѣлъ и увлечь республику къ союзу съ Россіей и Англіей, при чемъ вліяніе „фамиліи“ ослабѣло. Многие изъ дворянскихъ вождей, приверженныхъ доселѣ къ *Чарторыйскимъ*, какъ напр. *Радзивиль*, *Сапѣга*, гетманъ *Ржевускій* отдѣлились отъ нихъ и примкнули къ *Браницкому* и *Мокраповскому*. Такъ образовалась „партія патриотовъ“, которая пыталась отворотить грозное преобладаніе Россіи.

Когда вспыхнула семилѣтняя война, то польское государство вслѣдствіе разлада партій и невозможности добиться на сеймѣ единогласнаго рѣшенія, лишилось, конечно, всякаго значенія. Происшедшія вслѣдствіе этой войны переменны политико-дипломатическихъ отношеній европейскихъ дворовъ отразились также и на польскіе дворянскіе кружки, возбудили новыя связи и разрывы. Дворъ водворился съ этой поры въ *Варшавѣ*. Благодаря его союзу съ Россіей, *Чарторыйскіе* вновь возвысились. Король *Августъ III.* и его министръ *Брюль* согласились на то, чтобы *Станиславъ Понятовскій*, который прежде уже снискалъ расположеніе великой княгини *Екатерины*, былъ отправленъ въ *Петербургъ* въ качествѣ посланника, съ тѣмъ чтобы поддержать дружбу между сосѣдними государствами. Даже версальскому двору, который подозрительно смотрѣлъ на возрастающее вліяніе Россіи въ Польшѣ и не покидалъ еще мысли о будущемъ французскомъ претендентѣ на престолъ, пришлось быть уступчивѣе. Отозваніе *Бролье* было торжествомъ политики *Чарторыйскихъ*. И никто кромѣ поваго посланника не могъ бы связать такими крѣпкими узами Россію и Польшу. Прибывшій 3 января 1757 въ *Петербургъ* *Станиславъ Понятовскій*, четвертый сынъ своихъ родителей, былъ молодой человекъ двадцати трехъ лѣтъ отъ роду; онъ пропутешествовалъ по *Германіи*, *Франціи*, *Англіи* и *Нидерландамъ* и съ необычайною тѣлесною красотой соединялъ многостороннее умственное образованіе. Веселый, остроумный, ловкій собеседникъ, владѣвшій съ одинаковымъ искусствомъ нѣсколькими языками, съ знаніемъ и со вкусомъ судившій о литературѣ и объ искусствѣ, отличаясь притомъ великимъ добродушіемъ, онъ обладалъ всеми преимуществами свѣтскаго человека. Не удивительно, что между нимъ и прекрасною, живо всему сочувствовавшюю великою княгинею *Екатериною* возникла теплая любовная связь, впечатлѣніе которой никогда не изгладилось изъ души его, не смотря даже на то, что впоследствии желѣзная рука политики подавляла юношескія чувства. Двору хотѣлось бы побудить республику къ военному союзу противъ *Фридриха II.* и увлечь ее къ солидарному соучастию въ великой борьбѣ; однако, магнатовъ въ сепатѣ и на сеймѣ не удалось побудить къ этому. Они предпочли, какъ нѣкогда въ сѣверной войнѣ, отдѣлится дѣло государства отъ короля и поддерживать нейтральное положеніе, предположивъ, что зависть и со-

Польша въ семилѣтнюю войну. *Станиславъ Понятовскій*.

перничество великихъ державъ послужить самою вѣрною гарантіею существованія дворянской республики, что поддержка господствующей конституціи и нѣкотораго рода равновѣсія партій будетъ выгодно для всѣхъ. Присоединившись искренне къ Пруссіи, Поляки, можетъ быть, и успѣли бы оградиться отъ угрожавшаго имъ преобладанія Россіи; патриоты втайнѣ имѣли отчасти въ виду этотъ планъ; но раздоръ партій, національныя предубѣжденія и близорукое ослѣпленіе не давали ходу такой политикѣ. Своекорыстнымъ главамъ дворянства самою безопасною и самою выгодною политикою казался безучастный нейтралитетъ. Однако, развѣ эта дворянская республика, глубоко упавшая въ мнѣніи иностранцевъ, съ ея разстроенною военною системою, способна была съ достоинствомъ и силою поддержать такой нейтралитетъ? Мы уже знаемъ, что русскія войска безъ околичностей проходили по польской области, словно они были господами въ краѣ, требовали продовольствія, «крайне безцеремонно» обращаясь съ дворянами и крестьянами, «пріобрѣгая даже къ побоямъ и убійствамъ»; Фридрихъ II. также безъ обиняковъ нападалъ на польской почвѣ на русскіе магазины и разорялъ ихъ, взымалъ въ Польшѣ контрибуціи и массами распространялъ фальшивую, въ Дрезденѣ отчеканенную монету съ польско-саксонскимъ штемпелемъ. Графъ Любомірскій, который на свой страхъ съ своими домашними отрядами принялъ участіе въ войнѣ, былъ прусскимъ войскомъ обезоруженъ на польской почвѣ. Вотъ каковы были плоды нейтралитета.

„Патріотамъ“ дружба съ Россіей казалась опасною; Брауншвейгъ въ 1762 г. писалъ французскому посланнику: „Кто поручится въ томъ, что по заключеніи мира наши алчные сосѣди не извлекутъ для себя пользы изъ нашей слабости и анархіи?“ На такой случай онъ пытался обезпечить за республикою поддержку со стороны Франціи. Шуазель призналъ петицу заявленій короннаго гетмана, однако, въ своемъ отвѣтѣ посланнику онъ возразилъ, что пока не имѣется никакаго спасительнаго средства противъ этого зла. „Поддерживать въ Польшѣ настоящее ея положеніе будетъ полезнѣе, нежели поощрять ее къ энергическому дѣйствію, которое окажется, пожалуй, не въ нашу пользу“.

Польша по
смерти Ав-
густа III.

Вскорѣ послѣ того смерть императрицы Елисаветы, катастрофа Петра III. и воцареніе Екатерины въ быстрой смѣнѣ другъ за другомъ измѣнили политическія условія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и составъ партій польскихъ магнатовъ. Саксонскія надежды рушились, тогда какъ ожиданія Чарторыйскихъ повысились. Новая императрица завѣрила своего друга, Полятовскаго, въ своемъ расположеніи и въ своей благосклонности, но устраняла его отъ Петербурга. Съ этой поры государственные интересы стали преобладать надъ сердечными наклонностями. Политика ея относительно Пруссіи существенно обусловливалась отношеніями къ Польшѣ. Въ союзѣ съ Фридрихомъ II.

она съ увѣренностью могла положиться на то, что будущая участь республики рѣшится въ ея кабинетѣ. При жизни короля еще антипатія большей части дворянства противъ чужеземнаго господства обнаружилась весьма бурно, такъ что на сеймѣ обнажились мечи, и онъ былъ сорванъ влѣдствіе вето, заявленнаго однимъ изъ земскихъ депутатовъ, благодаря чему избѣгли кровопролитнаго столкновенія. Событія въ Курляндіи, гдѣ саксонскій принцъ долженъ былъ уступить мѣсто Бирону, могли служить предзнаменованіемъ того, что слѣдовало ожидать по смерти давно уже хворавшаго короля Августа III. Протестъ Брюли и его польскихъ приверженцевъ противъ учиненныхъ въ Курляндіи сдѣлокъ прошелъ безслѣдно, и тщетна была также надежда ихъ на непрочное царствованіе императрицы. Вскорѣ по заключеніи Губертусбургскаго мира Августъ III. вернулся въ Дрезденъ, съ тѣмъ чтобы въ столицѣ своихъ предковъ провести еще послѣдніе дни. Октября 5. 1763, онъ скончался. Въ тотъ же годъ на польскомъ языкѣ появилась книга, въ которой значилось: «весьма распространенное мнѣніе, будто сосѣди не допустятъ паденія Польши, оказывается заблужденіемъ; напротивъ, они помышляютъ уже о раздѣлѣ и потому всѣ желаютъ поддержать республику въ ея агоніи. Только отмѣною свободнаго вето, конфедерацій, избирательныхъ капитуляцій и основательною реформою всего государственнаго строя можно спасти польскую державу и національность». Это было зловѣщее слово Кассандры. Польша находилась на краю усобицы, когда въ Варшаву прибыла вѣсть о кончинѣ Августа III. Русскіе тремя отрядами перешли границу, съ тѣмъ чтобы поддержать партію Чарторыйски-Полятовскихъ, имѣвшую въ виду возстановить конфедерацію, съ цѣлью осуществить свои преобразовательныя идеи; въ Литвѣ Радзивилъ собралъ подъ свое знамя приверженцевъ, «бѣлыхъ рубахъ» и готовился къ вооруженному отпору; во всѣхъ областяхъ происходили бурные, связанные съ взрывами дикихъ страстей выборы къ новому сейму; графъ Кейзерлингъ, русскій посланникъ въ Варшавѣ, руководилъ народнымъ движеніемъ по предписаніямъ своей императрицы. Она нѣкоторое время соглашалась съ образовательными попытками Чарторыйскихъ и поощряла образованію генеральной конфедераціи; вскорѣ однако перешла къ мнѣнію своего союзника въ Берлинѣ, утверждавшаго, что для сосѣдей выгоднѣе продолженіе польской анархіи, нежели сильное объединенное государство; затѣмъ императрица старалась укротить ревность своихъ друзей.

2. РОССИЯ ПРИ ЕЛИСАВЕТЪ, ПЕТРЪ III И ПРИ ЕКАТЕРИНЪ II ¹⁾.

IV. Литературная и умственная жизнь въ Германіи до исхода восемнадцатаго столѣтія.

Литературныя пособія. Ни въ одной исторической области не развилась такая богатая авторская дѣятельность, какъ по поводу нѣмецкой культуры и литературы трехъ послѣднихъ десятилѣтій восемнадцатаго вѣка. Ни къ чему не повело бы поэтому, еслибъ захотѣли изъ чрезвычайнаго множества монографическихъ трудовъ касательно классическихъ поэтовъ и ихъ твореній назвать хотя бы только наиболѣе важное изъ всего того, что напечатано въ біографіяхъ, лекціяхъ, критическихъ и эстетическихъ статьяхъ, въ сборникахъ писемъ и т. п. Многие изъ этого стало общимъ достояніемъ и предполагается всѣмъ извѣстнымъ. Потому ограничимся лишь въ отношеніи *нѣмецкой поэзіи классическаго періода* указаніемъ на болѣе обширные историческіе труды, о которыхъ отчасти не разъ уже упоминалось, на творенія *Гервингуса, Гёдке, Коберштейнъ-Барча, Г. Курица, Геттнера, Бидермана* (XII, 496, 682), *Шлоссера*, *Ист. восемнадц. стол.* и проч., къ которымъ присоединимъ еще: *Loebell, Die Entwicklung der deutschen Poesie u. s. w. in Vorlesungen. Braunschweig 1856—1865. Bde.*; *Los. Hillebrand, Die deutsche Nationallitteratur u. s. w. Hamb. u. Gotha, 1850., 1851., 2. Aufl. 3 Bde.*; *H. Gelzer, Die neuere deutsche Nationallitteratur u. s. w. Leipz. 1847—1849. 2 Bde. Bd. 1, 3. Aufl. 1858; Julian Schmidt, Gesch. des geist. Lebens in Deutschl. von Leibniz bis auf Lessings Tod. 2 Bde. Leipz. 1862—1864, и того же: Gesch. der deutschen Litteratur seit Lessings Tod. Leipz. 1858. 3 Bde. 4. Aufl.*; *Wilh. Scherer, Geschichte der deutschen Litteratur. Berlin 1883. u. a. W.*—Относительно *науки и прозаической литературы*, помимо упомянутыхъ уже сочиненій *Целлера, Филлера, Юбервега, Геттнера* и др., присоединимъ еще: *Die Darstellungen der Gesch. der Pädagogik von R. v. Raumer; 4. Aufl. 1874; Karl Schmidt (3. Aufl. 1873 ff.), Die Encyclopädie des gesamten Erziehungs- und Unterrichtswesens von Schmid (10 Bde. 1859—1875);* также болѣе малые трактаты: *A. Trendelenburg, Friedrich der Grosse und sein Staatsminister Freiherr von Zedlitz (Kleine Schriften, I, s. 127 ff.), Leyser, C. F. Bahrdt, sein Verhältnis zum Philanthropinismus und zur neuern Pädagogik (Neustadt 1867. 2. Aufl. 1870); Christoffel, M. Planta, der Vorläufer Pestalozzis und Fellenbergs (1865), Schenkel, I. H. Pestalozzi und dessen Bedeutung für seine und unsere Zeit (Heidelberg 1863); Hundeshagen, Über die Natur und die geschichtliche Entwicklung der Humanitätsidee (Ausgewählte kleinere Schriften und Abhandlungen, Gotha, 1874, I, S. 159 ff.), F. Nitzsch, Die geschichtliche Bedeutung der Aufklärungstheol. (Jahrb. f. protestantische Theol. 1875, S. 39 ff.), Sierke, Schwärmer u. Schwindler su Ende des achtzehnten Jahrh. Leipz. 1874; Paulsen, Gesch. des gelehrten Unterrichts auf den Schulen u. Universitäten. Leipz, 1855; X. v. Wegele, Gesch. der deutschen Historiographie. Gesch. der Wissensch. in Deutschl. 20 Bde. Münch. 1885.*—Для публицистической и исторической литературы восемнадцатаго столѣтія пользовались: *I. C. Bluntschli, Gesch. des Allg. Staatsrechts und der Politik (Gesch. der Wissenschaften in Deutschl. 1. Bd.), München, 1867.* и относящихся сюда статьи въ словарь Блунчли и Братера; *R. von Mohl, Gesch. u. Litter. der Staatswissensch., 3 Bde. Erlang. 1855—1858* (во 2 т. подробно изложено рядъ нѣмецкихъ учителей государственнаго права); *L. Wachler, Gesch. der*

¹⁾ Согласно съ сказаннымъ въ XII. томѣ (стр. 495) этотъ и другіе отдѣлы касательно исторіи Россіи здѣсь также выпущены.

histor. Forschung u. Kunst, Göttingen 1812 ff.; *Wesendonk, Die Begründung der neuern deutschen Geschichtsch. durch Gatterer und Schlözer. Leipz. 1876; F. Kreyssig, Justus Möser. Berlin 1857.*—Самые замѣчательные изъ приводимыхъ ниже публицистовъ очерчены въ особыхъ біографіяхъ, о которыхъ въ сказанномъ словарѣ имѣются точныя свѣдѣнія.

A. Нѣмецкая поэзія на ея вершинѣ.

I. Движеніе поэтическаго образованія.

Прежде чѣмъ пронесется передъ нами могучій потокъ французской революціи съ его все одолювательною и сокрушающею силою, бросимъ взглядъ на умственную и задумевную жизнь нѣмецкаго народа, въ которой высокія волны также переливались черезъ береговья окраины, производя однако лишь плодотворныя и живительныя дѣйствія. Во вторую половину восемнадцатаго столѣтія поэзія, наука, вся умственная и литературная жизнь націи получили сильный размахъ, такъ что произведенія Нѣмцевъ въ области фантазіи или умственной дѣятельности заняли мѣсто наравнѣ съ знакомыми уже намъ твореніями Англичанъ и Французовъ; а по глубинѣ, многосторонности и уму они перѣдко даже превосходили ихъ. Высокоодаренные писатели различныхъ наклонностей и направленій пошли по новымъ путямъ и, частью поборая и разрушая отжившія заблужденія, суевѣрія и ложные взгляды, частью создавая гениальныя творенія въ области поэзіи или науки, достигли такой высокой степени образованія, какая едва-ли встрѣчается еще въ новѣйшей исторіи. Германія также переживала эпоху реформъ и революцій, въ которой однако ратовали только орудіями ума, добивались только идеи чело-вѣческаго образованія, чело-вѣческаго совершенства и духовной свободы какъ высшей цѣли. Наибольшій размахъ сдѣлали поэзія и художественный вкусъ, такъ что поэтическое образованіе опередило всякое другое, и философія, и религія состояли въ союзѣ съ поэзіей, а настоящая почва ея, фантазія и чувствованіе, была перенесена даже на поприще науки. Таланты величайшихъ представителей націи обратились къ поэзіи. *Клопштокъ* одушевилъ ее и возбудилъ въ народѣ воспримчивость и восторгъ: своимъ эпосомъ, 1724—1803. «Мессіада», своими «одами» и «пѣснями бардовъ» онъ важнымъ, величавымъ стихомъ внулъ въ сердца порывистой молодежи свою христианскую вѣру, свое теплое чувство и свой патріотическій либерализмъ. *Лессингъ* своею критикою бичевалъ французскую театральную литературу и своими сценическими произведеніями, между которыми яркими звѣздами сіяютъ три пьесы: «Минна фонъ Баргельмъ», «Эмилія Галотти», «Натанъ Мудрый», онъ указалъ путь,

Клопштокъ,
1724—1803.

Лессингъ,
1729—1781.

которымъ можно достигъ истинной драматической поэзи, въ то же время въ своемъ «Лаокоонѣ» открылъ мыслящимъ людямъ глаза касательно сущности поэзи и образовательныхъ искусствъ, пониманіе которыхъ инымъ путемъ разоблачено было Винкельманомъ. Какъ „знатокъ и судья художественныхъ проявленій, провѣряя и очищая научныя мнѣнія“, онъ господствовалъ словно царь въ области духа. По слѣдамъ Лессинга шелъ исполненный фантази и остроумія *Гердеръ*; онъ обращался къ источнику всякаго языка и всякой поэзи, чуткимъ умомъ разоблачалъ красоты естественной поэзи Востока и глубокий смыслъ безыскусственныхъ народныхъ пѣсенъ у различныхъ націй, пытался воодушевить людей къ благамъ гуманности и своими идеями о философи исторіи человечества сильно побуждалъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованьямъ. *Виландъ*, этотъ веселый житейскій философъ, въ своихъ романахъ („Агаонъ“, „Аристипъ“, „Абдериты“), основою которымъ служила большею частью древнегреческая и восточная жизнь съ современною ея окраскою, подлаживался къ мнѣніямъ и образу мыслей высшихъ, на французскій ладъ образованныхъ сословій, и прекраснымъ, иногда шуточнымъ и сладострастнымъ языкомъ, поучалъ мудрому наслажденію жизнью; такое ученіе пришлось по нраву высшимъ классамъ общества и доставило нѣмецкой литературѣ доступъ въ такіе круги, которые до того читали одни только французскія книги. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ своемъ „Оберонѣ“, въ этой поэмѣ въ духѣ и формѣ Аріоста, съ навѣяною веселою ироніей, возобновилъ романтическую богатырскую поэзію средневѣковья, а въ цѣломъ рядѣ мелкихъ рассказовъ изъ рыцарскаго, волшебнаго и сказочнаго міра развилъ большой талантъ сочинителя и повѣствователя. Благодаря этимъ тремъ писателямъ нѣмецкая проза совершенно преобразилась: Лессингъ придавалъ ей силу, мѣткость и ясность, Гердеръ — размахъ и образность, Виландъ — легкость и грацію. — На подготовленной ими почвѣ величайшій поэтический гений вѣка, *Гёте*, воздвигъ свои созданія, въ которыхъ отразились духовная жизнь націи и его собственный ходъ образованія. Въ сильную, гениальную пору семидесятыхъ годовъ, когда молодежь въ бурномъ порывѣ презрѣла всѣми правилами искусства и благопристойности, придавая лишь цѣну хотя бы и нескладнымъ произведеніямъ гения, хвалила глубину первобытной и естественной поэзи, восторгалась народной пѣснью, жадно усваивала душѣ фанатическій порывъ къ природѣ Руссо и съ изумленіемъ внимала Оссіану и Шекспиру, тогда-то возбудили бурный восторгъ „Страданія Вертера“ и „Гётцъ фонъ Берлихингенъ“, подпочвою которымъ служили почерпнутыя изъ тѣхъ поэтовъ впечатлѣнія и ощущенія; когда Лессингъ и Винкельманъ возбудили въ Германіи интересъ къ античному искусству, то какъ разъ въ-время появились классическія драмы „Тассо“ и „Ифигенія“, въ духѣ и въ свѣт-

лой гармонической формѣ древности, одушевленные личными впечатлѣніями и ощущеніями, какія Гёте вынесъ изъ своего путешествія по Италиі. Идиллическая поэма „Германъ и Доротея“, вызванная въ поэтѣ „Лонзою“ Фосса, коснулась великихъ политическихъ событій эпохи и бѣдствій переселенцевъ; романъ „Вильгельмъ Мейстеръ“, въ которомъ къ изображенію артистическаго быта во всѣхъ его проявленіяхъ присоединяется самое богатое и разнообразное очертаніе характеровъ, исполненное психологической глубины и тонкой наблюдательности, и повѣсть „Избирательное сродство“ обнаруживаютъ вліяніе этого рода романтической поэзи съ ея пристрастіемъ ко всему чудесному, таинственному и сказочному; въ „Поэзи и правдѣ“ Гёте изображаетъ свой собственный жизненный путь и условия, какія способствовали его образованію, а въ величественномъ драматическомъ стихотвореніи «Фаустъ», которымъ занимался всю свою жизнь, онъ передалъ потомству обликъ стремящейся и неудовлетворенной человѣческой души въ духовной и чувственной необузданности. — А тѣмъ временемъ политическій міръ принялъ великолѣпный видъ, и взоры народовъ обратились къ исторіи, къ политикѣ и общественному строю: тутъ-то *Шиллеръ* своими историческими драмами, представилъ воображенію націи подобные бурные періоды изъ родной и иноземной исторіи, и своимъ одушевленіемъ къ свободѣ, отчизнѣ и человѣческому благу затронулъ струны, которыми возбудилъ самый сильный отголосокъ въ народѣ. Первые три трагедіи, «Разбойники», «Коварство и любовь» и «Фіеско», относятся къ его бурной юношеской порѣ; драмою «Донъ Карлосъ» поэтъ вступаетъ въ новый просвѣтленный періодъ, который и обнаруживается также въ самой формѣ, въ отдѣлкѣ стиха; во время своего пребыванія въ Іенѣ въ качествѣ профессора исторіи, онъ написалъ «Тридцатилѣтнюю войну», «Отпаденіе Нидерландовъ» и драму въ трехъ частяхъ «Валленштейнъ», а въ лирической поэзи создалъ «Колоколъ», увлекательное изображеніе человѣческой жизни въ ея блаженныхъ и скорбныхъ мгновеніяхъ; въ послѣдніе, отравленные болѣзнью годы своей жизни въ Веймарѣ, онъ сочинилъ: «Марію Стюартъ», «Орлеанскую дѣвственницу», «Мессинскую невѣсту» и превосходную драму «Вильгельмъ Тель». Благодаря искренности чувства и правдѣ своихъ порывовъ, Шиллеръ приобрѣлъ дружбу Гёте, не смотря даже на разницу обѣихъ натуръ; ихъ совмѣстная дѣятельность составляетъ вершинную точку нѣмецкой поэзи: благодаря ихъ союзу, засвидѣтельствованному славною «Перепискою», согласно сочетались обѣ вѣчныя противоположности — идеализмъ и реализмъ, субъективность и объективность. Нравственною и художественною цѣлью обонхъ было развитіе и осуществленіе чистой и прекрасной человѣческой натуры.

Шиллеръ.
1759—1805.

II. Клопштокъ и окружавшая его группа поэтовъ.

1. Клопштокъ и швейцарцы.

Жизнь Клопштока и его стихотворения. Съ Фридриха Готтмита Клопштока начинается классический период немецкой литературы. Родившись 1724 года в Кведлинбургѣ, въ прелестной мѣстности Гарца, тамъ гдѣ по преданію Генриха Птицелова привѣтствовали какъ нѣмецкаго короля, онъ провелъ свою молодость подъ впечатлѣніями прекрасной природы и великаго прошлаго, подъ руководствомъ благочестивой вѣрующей матери и мужественнаго энергичнаго отца. Любовь къ природѣ, патріотическое чувство и христіанское настроеніе—вотъ тѣ блага и дары, какіе онъ вынесъ съ собою изъ роднаго города и отчяго дома, когда поступилъ въ знаменитое учебное заведеніе Шулльфорте близъ Наумбурга, въ прелестной долинѣ Саалы. Тутъ онъ съ одушевленіемъ посвятилъ себя классической литературѣ древности; у нея заимствовалъ онъ силу рѣчи, разнообразіе стихосложенія, размахъ и музыкальность поэтическаго языка и полетъ фантазіи, какими отличаются его „оды“; этому пристрастію къ поэзіи древности слѣдуетъ приписать также то, что онъ въ своихъ стихахъ пренебрегъ римою, что великую поэму „Мессиаду“ написалъ гекзаметромъ, какимъ до него въ видѣ опыта пользовался только Финшартъ, и что свои оды онъ писалъ античнымъ размѣромъ. Въ Шулльфорте развилась въ немъ также склонность къ сентиментальности, что и обнаружилось въ его любви къ природѣ, къ уединенію и возбудило въ немъ эгегическое настроеніе. Въ Лейпцигѣ, гдѣ онъ занимался науками, потребность дружбы вовлекла его въ кружокъ тѣхъ молодыхъ дѣятельныхъ людей, которые освободились отъ вліянія Готтшеда и, какъ было упомянуто, основали новый журналъ „Бременскія приложенія“; въ немъ онъ напечаталъ (1748) первыя три пѣсни своей „Мессиады“, которыя возбудили во всей Германіи чрезвычайный восторгъ, такъ что его сочли творцомъ новой литературной эпохи, основателемъ новаго поэтическаго языка. Безотвѣтная любовь къ Фанни, къ сестрѣ одного изъ друзей, усилила его грустное, сентиментальное настроеніе, не нарушая впрочемъ мужественнаго, энергичнаго нрава и склада его мыслей, что въ особенности обнаружилось во время его пребыванія въ Цюрихѣ у Бодмера и проявилось въ пристрастіи ѣздить верхомъ и бѣгать на конькахъ. Благодаря графу Бернсторфу, онъ въ 1751 году получилъ отъ датскаго короля Фридриха V. годовой окладъ (стр. 488), съ тѣмъ чтобы всецѣло посвятить себя поэзіи, не заботясь о содержаніи. Съ этой поры онъ жилъ то въ Копенгагенѣ, то въ Гамбургѣ; пробылъ недолго также въ Карлсруэ, куда пригласилъ его маркиграфъ Фридрихъ. Послѣдніе годы онъ провелъ исключительно въ Гамбургѣ, и когда тамъ въ 1803 году скончался „лебедь при Альстерѣ“, какъ называли Клопштока, то его съ королевскими почестями похоронили рядомъ съ рано умершей супругой, Метюю, въ деревнѣ Оттезенѣ близъ Альтоны. Двадцать пять лѣтъ прошло до тѣхъ поръ, пока двадцатую пѣсню не завершилась великая поэма „Мессиада“, и въ теченіи этого времени пѣмецкая нація съ напряженнымъ ожиданіемъ слѣдила за величавымъ эпосомъ. Содержаніемъ его служить восемнадцать вѣковъ господствовавшая въ христіанскомъ челоѣчествѣ идея объ искупленіи міра смертію Спасителя, и къ этому присоединяется вся древнехристіанская мѣология о добрыхъ и злыхъ ангелахъ; чувствительныя души заливались слезами и утопали въ эгегическомъ восторгѣ. Однако самъ Клопштокъ дожилъ до того, что у него стало больше поклонниковъ, нежели читателей, и число послѣднихъ съ каждымъ го-

домъ убывало. Человѣческая натура не способна поддерживать въ себѣ непрерывное торжественное и религиозное настроеніе, и фантазія не можетъ подолгу витать въ горнемъ мірѣ, какой представленъ въ поэмѣ, ни возвращаясь въ средѣ небесныхъ ратей добрыхъ и злыхъ духовъ; растлутыя рѣчи и разсужденія, скученные образы и описанія, какъ бы прекрасны и поэтичны они ни были, торжественная патетическая рѣчь—все это утомляетъ читателя; онъ жаждетъ покоя и перемены, чего тутъ тщетно добивается. Не даромъ порицали недостатокъ дѣйствія и творческой изобрѣтательности, скорѣе лирической, нежели эпической характеръ Мессиады; въ изложеніи религиозныхъ предметовъ изобличается, правда, сила умозрительной эпохи; а при всемъ томъ эта поэма великолѣпное произведеніе, и никто въ такой мѣрѣ какъ Клопштокъ не достоинъ занимать мѣсто стражника при входѣ въ храмъ классической нѣмецкой литературы. Его благочестивые помыслы, твердая вѣра въ христіанское ученіе, которая помимо Мессиады высказывается также во многихъ *одахъ*, въ *духовныхъ письмахъ* и *библейскихъ драмахъ*, его высокое патріотическое чувство, которое въ драматико-лирическихъ *тысячахъ бардовъ* впервые обратило вниманіе современниковъ на великіе подвиги нѣмецкаго народа въ древности и на съверную мѣологию, его чистая нравственная жизнь—все это имѣло рѣшительное вліяніе на душевный строй всей націи. Въ эпоху религиознаго индифферентизма и политическаго униженія Клопштокъ противопоставилъ безвѣрью славу христіанства, презрѣнію всего отечественнаго—гордость Германіи. Горячій другъ свободы, онъ въ одѣ „Восхваленіе царя“ строго бичуетъ льстецовъ государей и благодаритъ своего генія за то, что онъ рѣшился, „никогда не осквернять царедворческою лестію святую поэзію“; нѣмецкій пѣвецъ съ восторгомъ привѣтствовалъ первыя проявленія французской революціи; скоро однако онъ съ негодованіемъ отвернулся отъ господства террора и чистосердечно сознался въ своемъ „заблужденіи“, когда „мывало упоеніе прелестныхъ грезъ“. Въ предшествовавшемъ томѣ (стр. 214) мы ознакомились съ эпическими стихотвореніями Милльтона, которыя витали передъ глазами у пѣвца Мессиады. „Потеренный рай“ британскаго поэта, переведенный на нѣмецкое Бодмеромъ (XII, 733) и ораторія Генделя „Мессія“, о которой рѣчь впереди, оказали, безъ сомнѣнія, сильное вліяніе на нѣмецкаго поэта. Однако, музыкальныя чувства послѣднего отозвались у Клопштока сильнѣе, нежели эпическая образность перваго.

Сколько бы недостатковъ, впрочемъ, ни находила критика впоследствии въ Мессиадѣ, какъ относительно выбора предмета, такъ и поэтическаго исполненія основной религиозной идеи, но въ свое время появленіе ея составило эпоху, она была творческимъ подвигомъ въ области поэзіи. Въ теченіе трехъ десятилѣтій пѣвецъ Мессиады составлялъ средоточіе нѣмецкой поэзіи; только то, что писалось въ его духѣ, могло разсчитывать на успѣхъ. Начиная съ веселой застольной и эротической пѣсни и до торжественнаго гимна—во всемъ онъ служилъ образцомъ; удивлялись его таланту изображать и живописать, его мастерству въ области языка и стихотворчества; всѣми признавались его въ „*Республикѣ ученыхъ*“ пзложенныя мнѣнія о языкѣ и литературѣ; ему оказывалось неограниченное уваженіе не только за благородство его помысловъ и отличный характеръ, но также за стихотворенія; это уваженіе не утратилось даже тогда, когда онъ въ горделивой замкнутости удалился отъ народа, сталъ вращаться только въ тѣсномъ аристократическомъ кружкѣ, составленномъ изъ изящно образованныхъ мушкетеровъ и дамъ, писалъ о грамматикѣ и орфографіи и не принималъ уже никакого участія въ умственной жизни, кипавшей вокругъ него. По образцу Клопштока въ особенности обрабатывались въ стихахъ

Мѣсто Клопштока въ нѣмецкой литературѣ.

идиллическіе рассказы и описанія изъ Ветхаго завѣта; книжный рынокъ переполнился тагъ называемыми „патріархадами“. Сатира Захаріа не совратила общества съ этого пути.

Швейцарцы. Появленіе Клопштока нигдѣ не привѣтствовалось съ такимъ восторгомъ, какъ въ Швейцаріи. Бодмеръ пригласилъ къ себѣ пѣвца Мессиады и заразился отъ него юношескимъ пыломъ, такъ что начатое имъ уже прежде произведеніе, Ноахиду, онъ закончилъ теперь по образцу Клопштока и написалъ еще другія сочиненія въ томъ же родѣ. Клопштокъ былъ весьма польщенъ этимъ участіемъ и искренне привязался къ Бодмеру; тѣмъ еще болѣе, что Готтшедъ въ безразсудномъ ослѣпленіи порицалъ новое направленіе поэзіи; ратуя противъ этихъ серафимскихъ стихотвореній, онъ пользовался всякаго рода оружіемъ, подстрекаемъ духовенства и безсильною насмѣшкой; бездарнѣйшаго изъ поэтовъ, упоминаемаго барона *Шейнааса*, сочинившаго поэму на старомъ ладѣ и сатирическую эстетику противъ Бодмера и Клопштока, выставилъ онъ соперникомъ пѣвца Мессиады, признавъ за первымъ палму поэзіи. Соотечественникъ Бодмера, живописецъ и книготорговецъ, *Саломонъ Геснеръ* изъ Цюриха, въ своихъ прозою написанныхъ сентиментальныхъ „идилліяхъ“ или пастушескихъ сочиненіяхъ съ пристрастіемъ избиралъ предметы и описанія изъ Ветхаго завѣта („Смерть Авеля“ и т. п.); однако поэту былъ чуждъ міръ, въ которомъ вращалась его поэзія, оттого-то его идиллическія правоописанія, его изображенія и очертанія отдѣльныхъ сценъ невинной естественной и пастушеской жизни лишены не только силы, но даже естественности и правды. Пастухи его ничто иное какъ велико-свѣтскіе господа, посаженные на лугъ въ пастушеской одеждѣ. Всѣ эти какъ бы призрачныя тѣни не выходятъ изъ неопредѣленныхъ очерковъ и вращаются въ такъ называемомъ простодушномъ, но слащавомъ, однообразномъ и скучномъ мірѣ. Третій швейцарецъ, *Иог. Касп. Лафатеръ*, подъ

вліяніемъ Клопштока также предался религиозной поэзіи; этотъ знаменитый цюрихскій проповѣдникъ прославился въ послѣдствіи въ качествѣ поборника вѣры противъ вольнодумства, сверхъ того отличался еще въ другихъ областяхъ умственной жизни, при всемъ томъ въ качествѣ религиознаго писателя оказалъ самое сильное и устойчивое вліяніе. Его первыи поэтическіи произведенія были частью Швейцарскія пѣсни, но всегда съ христіански-правственной точки зрѣнія, частью духовныя гимны въ торжественномъ душеспасительномъ тонѣ, частью эпическіе парафразы нѣкоторыхъ мѣстъ изъ Библии въ Клопштоковомъ родѣ. Въ качествѣ члена пылко ревновавшаго за религію и отчизну „Патріотическаго общества“ въ Швейцаріи, онъ со многими изъ своихъ соотечественниковъ сочувствовалъ возбужденному Клопштокомъ мечтательному одушевленію, но предавшись ханжеству, самоиспытаньямъ и религиознымъ созерцаньямъ, дошелъ въ

послѣдствіи до фанатизма. Что швейцарскіе поэты исполняли практически, то же самое соотечественникъ ихъ *Иог. Г. Зуммеръ* изъ Вишпертура изложилъ теоретически: въ своей знаменитой „Теоріи изящныхъ искусствъ“ онъ конечною цѣлью поэзіи призналъ возбужденіе нравственныхъ чувствованій, а слѣдовательно поэзію Клопштока, связующую нравственность съ красотою, считалъ исключительно истинною, хотя съ другой стороны оправдывалъ также французскую поэзію разсудка.

2. вліяніе клопштока на нѣмецкую поэзію. общество поэтовъ въ гёттингенѣ.

Нѣмецкіе сочинители пѣсенъ и одъ. У Клопштока въ Германіи также было много поклонниковъ. Не только лейпцигскіе друзья юности, *Гертнеръ*, *Эбертъ*, *Гизеке*, озарялись славою

царя поэтовъ, который принадлежалъ нѣкогда къ ихъ кружку и воспѣлъ товарищей въ одѣ „Вингольфъ“ (XII, 735); но и всѣ лирическіе поэты того времени, даже тѣ, которые въ послѣдствіи перешли на другіе пути, примкнули къ Клопштоку и считали его своимъ мастеромъ и наставникомъ. Къ нимъ относились ревностные писатели, которые, вопреки ихъ дружескимъ отношеніямъ къ Клопштоку, придали лирической поэзіи болѣе свободный, легкій тонъ, большее разнообразіе, и какъ по формѣ, такъ и по содержанію добивались скорѣе самостоятельнаго положенія. Они избавили лирическое стихосложеніе, въ особенности оды, отъ рабскаго подражанія древнему размѣру и, благодаря новаго рода метру, придали ему складъ нѣмецкаго стиха; вмѣстѣ съ тѣмъ придерживались болѣе отрадной стороны бытія и передавали въ своихъ стихахъ усладу и веселье древнихъ лириковъ, въ особенности Горация. Оттого ихъ прозвали „*Анакреонтиками*“. Средоточіемъ этого кружка былъ *И. В. Людв. Глеймъ*, который, впрочемъ, отличался

Глеймъ.
1719—1803.

скорѣе благородными помыслами и челоѣколюбіемъ, нежели высокимъ поэтическимъ дарованіемъ. Его домъ въ Гальберштадтѣ, гдѣ онъ занималъ должность при соборѣ, былъ сборнымъ мѣстомъ знаменитыхъ писателей, съ которыми Глеймъ поддерживалъ постоянную переписку; его благородный характеръ, высокіе порывы, щедрость въ отношеніи нуждающихся талантовъ привлекали всѣхъ единомысленниковъ. Его сердце билось только для дружбы и поэзіи; какъ бы иной разъ нѣжно и забавно ни проявлялось его восторженное чувство признанія, во всякомъ случаѣ такая принимающая личность была весьма полезна для прусскаго поэзіи; онъ спомоществовалъ ей скорѣе своею натурою и своимъ существомъ, нежели своими „Анакреонтическими стихами“, своими „Боевыми пѣснями прусскаго гренадера“, военными и торжественными одами въ честь прусскаго короля и войска, написанными естественнымъ народнымъ складомъ и простымъ размѣромъ, наконецъ своимъ дидактическимъ стихотвореніемъ Галладатъ. Наиболѣе замѣчательные изъ собиравшихся около Глейма лирическихъ поэтовъ были: 1) *Петръ Уль* изъ Ансбаха (оды, дидактическое стихотвореніе и теодицея по принципамъ Лейбница и Вольфа); 2) *Эвальдъ Христ.*

Уль.
1720—1796.

Клейстъ, патріотическій воинъ, павшій геройскою смертію въ битвѣ при Куверсдорфѣ (стр. 90). Изъ его произведеній наиболѣе извѣстно описательное стихотвореніе, весна, въ элегически-сентиментальномъ тонѣ; 3) *Карль Вилгельмъ Рамлеръ* (профессоръ въ берлинской кадетской школѣ, а

Клейстъ.
1715—1759.

въ послѣдствіи директоръ театра) прославился какъ сочинитель одъ (по Горацию, тщательно отдѣланныхъ и гладкихъ, не рѣдко натяннутыхъ), какъ переводчикъ и остроумный критикъ, снискалъ извѣстность и заслуги критическими сужденіями о стихахъ своихъ друзей; 4) *И. Георгъ Якоби* пѣзъ Нем-

Рамлеръ.
1725—1798.

пельфорта близъ Дюссельдорфа. Въ первый періодъ, въ качествѣ каноника въ Гальберштадтѣ онъ (въ своихъ анакреонтическихъ пѣсняхъ и въ письмахъ къ Глейму) довелъ до крайности дружескія изліянія и нѣжности къ Глейму и его кружку; въ послѣдствіи, когда издалъ свою книжку *Ирисъ*, онъ сочинялъ разныя пѣсни, не лишеныя задумчивости и религиознаго чувства („Пѣснь въ величественную среду“, „Денницы славилы“ и пр.), воспѣвалъ часто по примѣру мишенингеровъ женскую любовь и въ своихъ чувствительныхъ изліяніяхъ впадалъ иногда въ слащавый тонъ; наконецъ, когда онъ уже

Якоби.
1740—1814.

былъ профессоромъ въ Фрейбургѣ, а потомъ совѣтникомъ правленія, настроеніе его окупло, и поэзія послужила украшеніемъ его домашняго очага. Къ этому же кружку принадлежали *Фридр. Кронекъ* изъ Ансбаха и *Люиза*

Кронекъ.
1731—1758.

Каринъ (*Каринна*); выросши въ бѣдственныхъ условіяхъ и несчастная въ бракѣ, она въ послѣдствіи получала пособіе отъ Глейма; также сочинитель одъ и басенъ *Вилламовъ* изъ Морунгена и лирическіе поэты *Кламеръ*, *Шмидтъ*, и

Каринъ.
1722—1791.

Михаэлисъ, Гётцъ и др. Кронекъ писалъ сперва разныя стихотворенія

Вилламовъ.
1736—1777.

(его лирико-дидактическая поэма „Уединение“), однако его трагедии (Кодры) были всего больше известны. Каршль была незначительна как художница, но не лишена прекрасных природных дарований.

Гёттингенский союз «Дубрава».

Молодые ревностные поэты, которые в начале семидесятых годов основали в Гёттингене союз „Дубрава“ („H a i n b u n d“), также признали поэта Мессады своим вождем и знаменосцем. Во главе этого союза находился *Йоанн Генрих Фосс* из Мекленбурга, которого поэт Г. Хр. Бойе из Мельдорфа, что в южном Дитмаршене, вызвал в Гёттинген, с тем чтобы он помог ему в издании альманаха Музы; Бойе основал этот альманах в связи с Готтером и по совету известного своими эпиграммами, также математическими и физическими трактатами профессора *Кестнера* (XII, 736). Помимо Фосса наиболее известными членами союза были: *Л. Г. Хр. Гельми*, оба графа *Штольберга*, *Крамерь*, *Гань*, *Миллерь* (автор Зигварта) и др.; в связи с ними находились также оба национальные поэта *Бюргерь* и *Клавдиусь*, хотя первый по его направлению и образу жизни, а последний вследствие дальнего расстояния от Гёттингена и не принадлежали к союзу бардов. Они предавались мечтам о дружбе, религии, патриотизме, обо всем доблестном и высоком; они читали Клопштока как царя поэтов и осуждали легкомысленных, развращающих произведений Виланда. В их собраниях под немецким союзным дубом не обходилось, конечно, без экзальтации, однако их стремление к возвышенной, доблестной цели было достойно уважения. Клопшток вступил также в союз; он возмнил высокое доверие к вдохновенным юношам, которые его „Республику ученых“ считали единственно верной теорией вкуса, и у которых решительно обнаружилось все три его направления, патристическое, античное и христианское. Увлеченные духом энергично гениальной эпохи, гёттингенские барды в то же время сочувственно отнеслись к новой естественной и народной поэзии, презирали ученость и школьную премудрость, пренебрегали правилом и искусством. В этом кружке возникла простая, естественная поэзия сельского быта, в нем, как бы вновь возродилась народная поэзия. Отсюда самые известные народные песни распространились по всем немецким краям. Впоследствии многие из гёттингенских бардов прославились также переводчиками классических творений древности.

Бюргерь. 1748—1794.

1. *Готф. Авг. Бюргерь* из Мольмерсвенде в Гальберштадтской области был высоко одаренная поэтическая натура; однако распутная жизнь, гнетущие условия, бедность и заботы о насущном хлебе, три вследствие странности и безразудства злосчастных брака и склонность к грубым наслаждениям разстроили его дарования, довели его до печальной и ранней кончины. Бюргерь обладал всеми качествами народного поэта; он верным чутьем постигал немецкую натуру, оттого-то его лирические стихи, в которых низкий комизм сочетался с искренней задушевностью, и возбуждали такое сочувствие. Помимо любовных стихотворений, лучшими и наиболее известными оказываются сочиненные по шотландским образцам и заимствованные отчасти из немецких преданий баллады и романсы; простота, сила и исполненная фантазия живость их сильно увлекает и очаровывает нас. Благодаря им он стал любимцем народа; как бы сурово ни судили о нем Шиллерь, но своею „Леонорою“ он пленил сердца всех, а его Дикий охотник, Дочь пастора, Государь и аббатъ, Песнь о честном муже, Жена Магдалисъ и др. и доныне еще пользуются у народа большою известностью, нежели многие новейшие стихотворения.—Съ Бюргеромъ и съ другими членами гёттингенскаго союза былъ друженъ *Леоп. Фр. Г. Гёкиль*, известный в литературномъ мирѣ своими эпиграммами, поэтическими посланіями и своими „Песнями двухъ любящихъ“.

Гёкиль. 1748—1828.

2. *Матв. Клавдиусь* из Голштинии проживал большею частью в Вандсбекѣ, почему и прозвался Вандсбекскимъ вѣстникомъ (или Асмусомъ). Клавдиусь обладал еще больше сильнымъ талантомъ народнаго пѣвца нежели Бюргеръ и былъ изъятъ отъ колебаній послѣдняго между искусственною и естественною поэзіей. Съ студенческой поры въ Ленѣ онъ принадлежалъ уже къ поклонникамъ Клопштока; сочувствовалъ его религіозности и добродѣтели, либеральности и патриотизму, и эти чувства, особенно отрадное благочестіе, всегда одушевляли его. Признавая согласно возрѣнію семидесятыхъ годовъ, что дарованіе и природа выше искусства, онъ обратился къ народной поэзіи. Складъ рѣчи и стиховъ его былъ слѣшкомъ высшей простоты въ отношеніи нрава и помысловъ, оттого-то пѣсни его, озаренныя задушевностью, чистосердечіемъ, благочестіемъ и веселіемъ, проникли въ уста и сердца народа („Увѣнчайте кубокъ, — Bekränzt mit Laub“; „Къ чему слезы—Warum sind der Thränen“; „Луна взшла—Der Mond ist aufgegangen“ и др.). Въ большей части стиховъ его преобладаетъ отчасти заимствованная у Оссиана и Гюрика склонность къ сентиментальности и меланхолии, что усилилось съ годами по мѣрѣ того, какъ имъ овладѣла христианская мистика.

Клавдиусь. 1740—1815.

3. *Лода. Генр. Христовъ Гельми*, юноша пѣжнаго, чувствительнаго строя души и болѣзненнаго тѣла, умеръ уже въ молодости. Въ его лирическихъ стихотвореніяхъ (одахъ, пѣсняхъ, идилліяхъ и т. д.) вмѣстѣ съ кроткимъ наслажденіемъ красотами сельской природы преобладаетъ грустное элегическое настроеніе, навѣянное какъ бы предчувствіемъ ранней смерти („Сельская жизнь“; „Смерть“; „Элегія на деревенскую дѣвушку“; „Бѣдный Вильгельмъ“ и др.). Больше всего известно стихотвореніе: „Будь всегда вѣренъ и честенъ“ („Üb immer Treu und Redlichkeit“). Онъ съ теплою всеобъемлющею любовью созерцалъ природу и воспѣвалъ то, что его сердце чувало.

Гельми. 1748—1776.

4. *Христианъ и Фридрихъ Леопольдъ*, графы *Штольберги*, славились какъ поэты (лирические и драматическіе) и переводчики; оба заявили свое отвращеніе къ вольнодумному направленію эпохи тѣмъ, что перешли въ католическую церковь. Христианъ, менѣе даровитый, но и менѣе сумасбродный изъ братьевъ, оставилъ по себѣ пѣсни, драмы (Бельсазаръ; Отанесь), баллады (Блалъ женщина) и переводъ Софокла, который до сихъ поръ еще много читается.—Важнѣе оказывается младшій, болѣе плодовитый братъ, Фридрихъ Леопольдъ, послѣ котораго кромѣ лирическихъ стихотвореній, драмъ (Тезей) и переводовъ (Эсхила, Иліады) остались еще замѣчательныя прозаическія произведенія. Въ Штольбергѣ ясно обнаруживаются свойства Клопштоковой поэзии, одушевленіе древностью, свободою, отчизною и религіей, но только въ позднѣйшіе года религіозность стала преобладать по мѣрѣ того, какъ прежній либерализмъ, вдохновлявшій его патристическими пѣснями („Рука моя крѣпка“; „Мой сынъ! вотъ тебѣ копье мое“; „Въ отчѣихъ хоромахъ покоился“ и др.) и сильными ямбами (сатпирами), уступалъ мѣсто неволѣ и аристократическому высокоумію. Эта перемѣна въ мысляхъ возникла вследствие французской революціи, и его сумасбродный умъ вышелъ изъ всѣхъ предѣловъ умѣренности. Отвращеніе отъ религіознаго вольнодумства и отъ порывовъ къ демократической свободѣ одолѣло его до того, что онъ съ своею семьею перешелъ въ католицизмъ (1800) и тутъ въ кружкѣ княгини Голициной, съ которымъ впоследствии ознакомился, написалъ тѣ произведенія религіознаго содержанія, въ которыхъ обнаруживается его узкое вѣрованіе и склонность къ умственному помраченію (Исторія религіи Иисуса Христа; Книга любви, причемъ у него передъ глазами былъ Тома Кемпійскій, и др.). Поворотную точку, „когда Фридрихъ Штольбергъ былъ изгнанъ съ Парнаса и за то попалъ въ царство небесное“, составляетъ идил-

Христианъ Штольбергъ. Фрид. Леоп. Штольбергъ. 1750—1819.

лический романъ „Островъ“, въ которомъ пылкая фантазія Штольберга проявляется въ послѣдній разъ. „Путешествіе въ Италію“ и „Разговоры Платона“ отличаются уже „чванною мелкотюю“ и „напускнымъ публичнымъ“, что послѣ его перехода и было основнымъ тономъ его сочиненій.

Фоссъ. 5. *Иоганнъ Георгій Фоссъ* по поэтическому дарованію былъ ниже Штольберга, но по характеру и доблестному духу гораздо выше его. Выросши въ строгой школѣ жизни и въ бѣдственныхъ условіяхъ, онъ съ раннихъ поръ сталъ на свои ноги и добился самостоятельности. Въ Гёттингенѣ, гдѣ Фоссъ женился на сестрѣ Вейеса, онъ проникся любовью и восторгомъ къ классическимъ твореніямъ древности, благодаря чему и сталъ превосходнымъ истолкователемъ и переводчикомъ послѣднихъ. Онъ проникъ въ духъ и въ самую сущность античной жизни и своими мастерскими переводами Гомера, Виргилія и другихъ греческихъ и римскихъ классиковъ сдѣлалъ для всего образованнаго міра доступнымъ пониманіе тѣхъ поэтовъ, у которыхъ такъ гармонично сочетались искусство и природа. Переводъ Гомера размѣромъ подлинника (гекзаметромъ), причемъ онъ съ новыми удачно составленными словами соединилъ устарѣвшія выраженія, заимствованныя изъ Лютеровой Библии и у Буркарда Вальдуса, служить памятникомъ нѣмецкаго трудолюбія и нѣмецкой способности, усвоивать себѣ иноземное. Переводъ обѣихъ великихъ поэмъ іонійскаго пѣвца, проникнутый чистымъ духомъ античнаго искусства и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣжей естественности, пробудилъ въ обширныхъ кружкахъ чувство и любовь къ великому античному міру. Эта любовь къ классической древности никогда не покидала Фосса; помимо Библии, съ которою онъ освоился еще въ молодости, древніе писатели составляли его излюбленное чтеніе; у нихъ онъ перенялъ совершенство формы и стихосложенія, ритмическую рѣчь и музыкальное созвучіе, которымъ отличаются его стихи.—Что же касается его собственныхъ стихотвореній, то онъ великъ въ *одномъ* только родѣ, въ идилліи. И тутъ также онъ поучался у Грековъ и перенялъ у нихъ неподдѣльную наивность, правдивость и чистую натуру, благодаря чему его „Люиза“ стала любимой книгой націи. Въ его пѣсняхъ, одахъ и элегіяхъ, напротивъ того, ощущается отсутствіе размаха и творческой фантазіи; стремленіе къ точности и вѣрности въ переводахъ Горация, Шекспира, Аристофана побуждало его прибѣгать къ грубымъ, натянутымъ выраженіямъ. Народную поэзію, о которой мечтало тогдашнее поколѣніе, онъ перетолковалъ въ смыслѣ „поэзіи для народа“.—Послѣ многолѣтняго пребыванія въ Эйтпнѣ и Іенѣ Фоссъ былъ вызванъ въ Гейдельбергъ. Тутъ прожилъ и дѣйствовалъ онъ до своей смерти. Образецъ почтеннаго мѣщанскаго отца семейства, неизмѣнный другъ единомысленниковъ, онъ былъ борникомъ за свѣтъ, за правду и настоящую гуманность, врагомъ и гонителемъ всего, „что малодушно привязывается къ прадѣдовщинѣ, очагу и школѣ, что безцѣльно порывается въ даль“. Какъ убогий приверженецъ евангелической церкви, какъ трезвый, разсудительный человѣкъ онъ былъ врагъ религіозной нетерпимости и всякаго рода фанатизма; оттого и разошедся съ Штольбергомъ, когда послѣдній перешелъ въ католическую церковь, и выпустилъ противъ друга юности рѣзкую брошюру: „О томъ, какъ Фрицъ Штольбергъ сталъ невольникомъ?“. Романтическая литература съ ея романскими и восточными наклонностями ему тоже не нравилась; о значеніи греческой мнелогии (о символизмѣ) онъ завелъ сильный споръ съ своимъ товарищемъ Крейцеромъ.

Гебель. Чѣмъ Фоссъ хотѣлъ быть своими идилліями въ нижнегерманскомъ на-
1760—1836. рѣчн для сѣвера, тѣмъ же и нагорный житель *Петръ Гебель* былъ своими „Алеманскими стихотвореніями“ для юга. Въ Калсруѣ, гдѣ онъ занималъ высокую церковную должность, его одолевало тайное влеченіе, нѣко-

торого рода тоска по мирной сельской жизни и по простымъ, благочестивымъ обитателямъ Шварцвальда, гдѣ онъ выросъ; это возбудило въ радужномъ, младенческомъ мужѣ то отчасти грустное, отчасти отрадное настроеніе, составляющее основной тонъ его прекрасныхъ, алеманскимъ нарѣчіемъ написанныхъ идиллическихъ стиховъ. Освоившись съ кругозоромъ народа, онъ никогда не переходилъ въ чуждую область; его народныя сочиненія („Рейнский другъ дома“, „Драгоценный сборникъ“ и др.), свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ вѣрно постигъ духъ, остроуміе, юморъ простаго люда. Въ томъ же родѣ Швейцарецъ *Мартинъ Устери* сочинялъ свои сельскіе очерки нравовъ, отчасти въ нарѣчьи своихъ земляковъ. Имъ написана извѣстная народная пѣсня: „Наслаждайтесь жизнью“ („Freut euch des Lebens“).

Устери.
1763—1827.

3. РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОТИВНОЕ ТЕЧЕНІЕ.

До этой поры Саксонія была главнымъ мѣстомъ нѣмецкаго образованія; Лейпцигъ подвизался въ литературѣ, Дрезденъ—въ искусствѣ; когда, однако, въ семилѣтнюю войну курфиршество было занято, то, казалось, литература также переселилась въ страну побѣдителя, хотя Фридрихъ II. и мало поощрялъ ее. Благодаря ему и подвигамъ семилѣтней войны, въ нѣмецкую поэзію впервые проникло истинное высшее, животрепещущее содержаніе. Великаго короля не разъ упрекали въ томъ, что онъ въ свое царствованіе не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣтить переворота въ нѣмецкой литературѣ, оставаясь вѣрнымъ французской поэзіи. Понятно, что такому почитателю Вольтера не по сердцу была высокопарная поэзія сентиментальнаго Клопштока; религіозныя стихотворенія напоминали вольному королю о молодости, когда въ наказаніе его заставляли учить наизусть духовныя пѣсни; онъ не сочувствовалъ даже возбужденному его побѣдами патриотическому одушевленію, ни возникшей вслѣдствіе того поэзіи бардовъ и скальдовъ, которая, поощряемая Клопштокомъ, проникла въ нѣмецкую литературу, благодаря ревностному лирическому и драматическому поэту, *Георг. Вильг. Герстенбергу* изъ Шлезвига, также *Карлу Фр. Кречману* и австрійскому іезуиту *Михаилу Денису*. Король Фридрихъ II.
и нѣмецкая
литература.
1738—1809.
Денисъ.
1729—1800.

былъ равнодушенъ къ древнегерманскому богатирскому и мнелогическому міру, который чѣмъ-то чуждымъ отзывался въ этихъ стихотвореніяхъ бардовъ и скальдовъ, также и къ трогательной поэзіи Оссиана, сильно увлекавшей нѣмецкіе умы при сентиментальности Клопштока, и къ тѣмъ описаніямъ пустынной, унылой туманной природы, среди которой вращались такіе же безцѣтные, призрачные образы. „Гармоническое сочетаніе, красота формъ—вотъ что составляетъ для него необходимое условіе. Съ наивностью, недоразвившеюся до такихъ формъ, съ гениальною силою, презирающею ими, онъ не можетъ примириться“. Лессингъ, который критическимъ умомъ такъ ясно и прозрачно разоблачилъ слабыя стороны французской поэзіи, ему также не нравился. А между тѣмъ это отвращеніе прославленнаго монарха, послужило, можетъ быть, боже въ пользу нѣмецкой литературы, чѣмъ еслибъ онъ взялъ ее подъ свое покровительство. Съ благороднымъ рвеніемъ старался прославить нѣмецкое имя въ области наукъ и искусствъ такъ же, какъ Фридрихъ прославилъ его на полѣ брани и въ политикѣ. Благодаря этому нѣмецкая литература сохранила свою свободу, и самостоятельное развитіе ея ничѣмъ не задерживалось, ни отклонялось, что едва ли случилось бы, еслибъ Фридрихъ ревностнѣе занялся ею; государь съ такимъ сильнымъ умомъ, съ такимъ преобладавшимъ вліяніемъ необходимо наложилъ бы на поэзію свое-

образный, быть может, царедворческий и чужеземный отпечаток. Его величая личность, его подвиги и принципы оказали за то благотворное влияние на образование и на воззрения современников. Своими действиями в качестве державца он осуществлял царивши в эту эпоху идеи и побуждал литературу воспользоваться ими для своего содержания, тем и сообщил сильный толчок современному образованию и умственному направлению.

Литературный
письма. Немецкая литература плодотворно подвизалась критическим повременным изданием — *Литературными письмами*, основанными берлинским книгопродавцем *Николаи*. В них помимо величайшего критика того времени, Лессинга, сотрудничали разумные писатели, в роду дельного еврейского купца и философа, Моисея Мендельсона, искреннего друга Лессинга, с которым мы впоследствии встретимся еще раз, — в роду Ом. Аббта, автора этически-философического трактата „О смерти за отчизну“ и др. Это издание ратовало против заимствованных у Французов теорий и школьных систем, противопоставило сентиментальному направлению Клопштока здравый человеческий смысл, опыт и знание света, пыталось ясно и резко критиковать незаслуженный авторитет посредственных умов, также поощрять юные дарования, руководить их (Виландъ) и создать изящную прозу. При этом Лессинг впервые обнаружил чрезвычайный дар свой, изложением, складом и живостью речи привлечь внимание читателя ко всякому, хотя бы даже сухому и ученому предмету. Николаи был человек житейский; он с практическим смыслом сознавал условия и потребности эпохи, наблюдал и постиг людей; трезвый прозаический ум сбивал его, правда, с истинного пути; питая отвращение ко всякого рода преувеличениям, он ратовал против сентиментальности и поэзии чувства, будучи плохим судьей искусства и вкуса, судил и рядил обо всяких литературных произведениях; несмотря на то Николаи своим изданием оказал важные услуги литературѣ.

III. Виландъ.

Жизнь Виланда и влияние
его. У Клопштока с его поэзией чувства было, правда, много почитателей, но ряды их покинул крупный ренегат — *Христоф Мартин Виландъ*, сын священника в швабском имперском городе Виберахъ. Это была живая, впечатлительная, упругая натура с рано развившимся талантом. На него сильно повлияли строгое, старобытное благочестие в родительском доме, воспитание в пиетистической школе и господствовавшее тогда религиозное настроение. Отроком он пылал платонической любовью къ Софи Гутерманъ, къ известной впоследствии писательнице романовъ, Ларошъ. Меланхолическим, сентиментальным юношею он в Тюбингенскомъ университете сочинял стихи в духъ Клопштока и благочестивыхъ швейцарскихъ подражателей его. Вследствие этого Бодмеръ пригласил Виланда какъ новаго сотрудника в Цюрихъ и принял его в своемъ доме. Проживъ нѣсколько лѣтъ в Цюрихъ и Бернѣ, Виландъ написалъ разные стихотворения, в которыхъ вполне предался серафимской поэзии чувствъ и христиански-благочестивому мирозерцанию („Испытаніе Авраама“, патриарха). Когда Виландъ занялъ должность в своемъ родномъ городе, то влияние Бодмера на юнаго поэта прекратилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ утра-

тилось понемногу и религиозно-сентиментальное настроение послѣдняго; в домъ графа Стадіона, бывшаго министра в Майнцѣ, пріемышъ котораго Ларошъ женатъ былъ на Софи, вышеупомянутой подругѣ Виланда, он освоился съ болѣе утонченнымъ свѣтскимъ образованиемъ, съ французскою философіей и съ мудрымъ неумениемъ наслаждаться жизнью. Благодаря отчасти личнымъ сношениямъ съ дворянствомъ, исполненнымъ житейской опытности и знания людей, отчасти знакомству съ англійскою и французскою литературой просвѣщенія, Виландъ вышелъ изъ ограниченнаго кругозора, в которомъ вращался до той поры, и душа его открылась для болѣе свободныхъ, для болѣе широкихъ житейскихъ созерцаній. Онъ сталъ посреди потока своего вѣка и подвергся влиянію всѣхъ произведеній современной литературы. Сперва онъ попытался написать драму (Иоанна Грай или Торжество религии); однако, когда Лессингъ жестоко напустился на него в Литературныхъ письмахъ и доказалъ, что трагедія не его дѣло, то онъ обратился къ беллетристикѣ, в которой талантъ его проявился въ самомъ блестящемъ видѣ, — къ роману и забавному разсказу. Въ этихъ произведенияхъ онъ изложилъ свои воззрѣнія, свое свѣтлое мирозерцаніе и свои привлекательные, легкимъ, прелестнымъ языкомъ написанные, мѣстами чувственные и скользкіе очерки любви и пѣзъ прежняго почитателя Клопштоковой поэзии преобразился въ такого же ревностнаго противника ея. Изъ платоническаго идеалиста вышелъ артистическій житейский философъ. До 1769 года, въ который его назвали профессоромъ философи и изящныхъ наукъ в Эрфуртскомъ университете, быстро поспѣдовали одно за другимъ: „Донъ Сильвіо“ или торжество природы надъ фанатизмомъ, остроумная сатира на царившій мистицизмъ и на религиозную экзальтацію, при сочиненіи которой образцомъ служилъ ему „Донъ Кихотъ“, — философскій романъ „Агафонъ“, в которомъ французскія воззрѣнія на жизнь и современное образование являются в древнегреческомъ облаченіи, какъ бы отраженіе его собственной внутренней жизни и его развитія, — отличное по своей прелести и легкости очертанія стихотвореніе „Мусаріонъ“, — потомъ „Граци“, твореніе посвященное богинямъ красоты, в которомъ стихи смѣняются прозою, — „Наслѣдство Диогена Синопскаго“ и пр. Благодаря этимъ и другимъ произведениямъ в родѣ назидательнаго романа, в легкомысленномъ французскомъ тонѣ, с заимствованною у нихъ „бойкостью“ в формѣ и языкѣ, Виландъ сталъ „свѣтскимъ авторомъ нации“ и добился для немецкой поэзии доступа въ высшіе, образованные кружки, куда прежде проникала одна только французская литература. Однако, у него было много противниковъ. Набожные люди предали его сочиненія проклятію, приверженцы Клопштока мстили отщепенцу своею ненавистью, Гёттингенское общество сожгло его произведенія; даже болѣе снисходительные критики отъ скольскаго мѣстами содержания, отъ чувственныхъ очерковъ и намековъ стали опасаться за немецкую нравственность и добродѣль. Виландъ ссылался на чистоту своихъ намѣреній, на свое стремленіе къ правдѣ, на свой образцовый образъ жизни; однако, опасенія противниковъ оправдывались тѣми заблужденіями, в какія впадали его приверженцы и подражатели. Благодаря утонченному экиренскому, беззаботному аристократическому эвдемонизму и сластолюбію, которые прославлялись въ его произведеніяхъ, они, конечно, нравились образованной свѣтской знати, за то вредно вліяли на нравы и помыслы народа. Они разрушили правда, не мало узкихъ и пошлыхъ понятій в религиозной и общественной области, но вмѣстѣ съ тѣмъ ослабили побужденіе къ строгимъ задачамъ жизни.

В Эрфуртѣ Виландъ помимо Горациа и Лукіана, житейскимъ воззрѣніемъ, образу мыслей и изложенію которыхъ онъ болѣе всего сочувство-

Литературная валь, изучалъ также Руссо и Вольтера, Шефтсбери, Стерне и другихъ дѣятельность французскихъ и англійскихъ писателей эпохи просвѣщенія. Однако, отъ природы врагъ всего насильственного и непостояннаго, онъ избѣгалъ бурнаго порыва исправителей міра. Человѣчскій родъ, по его мнѣнію, и въ особенности каждый человѣкъ самъ по себѣ, своими внутренними усилиями можетъ и долженъ спокойнымъ, вольготнымъ путемъ достигнуть высшей цѣли. Но своей цѣлѣюй задушевности и великодушной снисходительности къ людскимъ ошибкамъ, предрасудкамъ и слабостямъ, которые не бичуются, а только остро осмѣиваются имъ, онъ отвергалъ Вольтеровъ духъ разрушенія и пытался противъ Руссо отстоять тотъ принципъ, что благоденствіе человѣчества заключается—не въ основаніи на незнаніи зла состояніи пассивности,—а напротивъ, на самосознаніи и добытой такимъ путемъ власти надъ страстью и похотью, которыя ведутъ къ злу. То и дѣло возникшія реформы въ церкви и государствѣ обратили его вниманіе на административныя системы и на образъ правленія. Онъ былъ приглашенъ въ Веймаръ въ качествѣ воспитателя принца и очутился такимъ образомъ въ наиболѣе отвѣчающихъ его натурѣ условіяхъ. Въ тотъ же годъ онъ изложилъ свои воззрѣнія на государственныя формы въ дидактическомъ романѣ „Золотое зеркало или Шешіанскіе короли“. Въ этомъ политическомъ романѣ излагается, что благо государствъ зависитъ прежде всего отъ правильнаго настроенія и цѣлесообразнаго стремленія особей къ блаженству, а затѣмъ отъ все связующаго порядка, отъ обузданія тревожныхъ страстей и ложныхъ возжеланій добрыми, мудрыми, добросовѣстными правилами. Въ „Золотомъ зеркалѣ“ излагались тѣ же воззрѣнія, какія Виландъ и прежде уже высказалъ въ трактатѣ противъ понятія о государственномъ обществѣ у Руссо. У каждаго народа, развитаго настолько, что онъ самъ уже добивается основательнаго совершенствованья, оно поручается тому, кто обладаетъ одновременно достаточною мудростью и властью, для того чтобы осуществитъ такое законодательство и такое правленіе, въ которомъ мотивы человѣческой природы отвѣчаютъ мотивамъ государства, которымъ съ наименьшими затрудненіями достигается наибольшая по возможности свобода и не допускается никакая власть, интересы которой не совпадаютъ съ благомъ всего общества. Въ такомъ правленіи различныя классы и сословія подготавливаются къ ихъ назначенію наиболѣе цѣлесообразными учрежденіями, и законы исполняются не какъ законы, а какъ привычки,—тутъ религія всегда способствуетъ великой цѣли всеобщаго блаженства, но никогда не тормозитъ,—слуги ея уважаются и пользуются довольствомъ, но (подобно трутнямъ въ пчелиномъ царствѣ) лишены жала,—тутъ имѣется въ виду не столько награждать, а скорѣе уважать добродѣтель, и всякій порокъ предупреждается, такъ что закону рѣдко приходится карать,—тутъ желаніе всякаго друга человѣчества, общественное благо, начертано не только на медаляхъ и триумфальныхъ воротахъ, но и на лицахъ всѣхъ гражданъ. „Исторію премудраго Данишменда и трехъ календарей“ самъ Виландъ назвалъ „дополненіемъ къ исторіи Шешіана“; однако изображеніе пассивнаго, нравственно-чистаго народа въ идиллическомъ первобытномъ состояніи по образцу Руссо, народа, который потомъ десютами и священниками, недугами цивилизаціи и утонченности доводится до упадка и гибели, слѣдуетъ скорѣе признать понятнымъ шагомъ по отношенію къ воображаемому идеальному государствѣ въ смыслѣ женеваго философа.—Окончивъ воспитаніе принца, Виландъ прожилъ въ Веймарѣ на полномъ досугѣ и въ уютимомъ авгорской дѣятельности. Тутъ вмѣстѣ съ Фр. Г. Якоби основалъ онъ литературный журналъ „Нѣмецкій Меркурій“, который былъ важнѣе своими критиками и объявленіями, въ особенности тѣмъ, что служилъ органомъ нѣкоторыхъ значительныхъ произведеній; въ то же время онъ обратился

къ богатому поприщу романтики; тутъ своею поэмою „Оберонъ“, туманные облыки котораго заимствованы изъ „Лѣтней ночи“ Шекспира, онъ достигъ высшей и наиболѣе прочной славы; однако историко-философскій романъ съ сатирическимъ и ироническимъ отбѣнкомъ все еще былъ настоящимъ поприщемъ его плодотворнаго ума. Въ этихъ романахъ („Исторія Абдеритовъ“, „Аристипъ“ и др.) онъ изложилъ свои житейскія воззрѣнія, о которыхъ новѣйшій историкъ литературы (Лебель) заявляетъ: „Человѣку отъ природы не суждено отвращаться отъ чувственнаго міра и довольствоваться духовнымъ стремленіемъ къ сверхчувственнымъ властямъ и бытію. Тщетно помышляя и мечтая объ этихъ темныхъ, недосигаемыхъ областяхъ, онъ предается лишь мучительнымъ сомнѣніямъ и только нарушаетъ покой своей души, который такъ радушно предлагается ему благодѣтельнымъ божествомъ. Въ беззавѣтномъ наслажденіи житейскими благами, окружающими человѣка, оно сулить его уму и сердцу совсѣмъ иное довольство, истинное счастье. Но для того чтобы наслажденіе жизнью сопровождалось душевнымъ покоемъ, оно должно опредѣляться и руководиться разумомъ, т. е. быть умѣреннымъ, а иначе оно само себя уничтожитъ,—основывается на справедливости, а иначе всякій сталъ бы возставать противъ притязаній ближнихъ на одно и то же наслажденіе,—оно должно сочетаться съ благоволеніемъ, человѣколюбіемъ и великодушіемъ, оттого что всѣмъ благороднымъ натурамъ присуще сочувствіе къ этой добродѣтели и оттого что исполненіе ея оставляетъ по себѣ отрадное и высокое чувство, которое добронравнымъ душамъ доставляетъ прекраснѣйшее и чистѣйшее наслажденіе. Чувственныя побужденія слѣдуетъ не подавлять, а только сдерживать и обуздывать, животная часть человѣка должна подчиняться духовной“. Итакъ, у Виланда цѣль поэтическихъ произведеній, въ которыхъ вымышленная, болѣею частью изъ древнегреческаго міра заимствованная исторія составляетъ какъ бы только оболочку, тонкое прозрачное покрывало для поученій,—назидательная: „прославленіе кроткаго душевнаго покоя путемъ правильнаго употребленія даровъ божества и природы въ чувственно проявляющейся жизни“. Такъ и философскій романъ Агаѳонъ ничто иное какъ исторія прекраснаго, богато одареннаго греческаго юноши, котораго орфико-платоническій идеалъ добродѣтели не предохранилъ отъ мірскихъ соблазновъ, и который, благодаря повороту его мыслей, вышелъ на путь истины. По заявленію самаго Виланда тутъ имѣлось цѣлью указать, до чего можетъ дойти въ добродѣтели и мудрости слабый смертный, одаренный одними только силами природы, какъ сильно вліяютъ на насъ современныя условія, и что мы становимся мудрыми и добрыми, благодаря лишь испытаніямъ, проступкамъ, безустанной работѣ надъ самими собою, частымъ перемѣнамъ въ нашемъ образѣ мысленія, въ особенностяхъ благодаря добрымъ споменіямъ и примѣрамъ“. Позднѣйшую свою дѣятельность Виландъ посвящалъ то подобнымъ романамъ съ дидактическою тенденціей, то переводамъ посланій и сатиръ Горация, твореній Лукіана и писемъ Цицерона. Изъ Шекспира, котораго Виландъ впервые перевелъ на нѣмецкое, онъ также заимствовалъ то, что было ему болѣе сродно; но самъ онъ не касался тѣхъ величавыхъ изображеній героизма, могучихъ страстей, трагическихъ судебъ въ драмахъ британскаго поэта. Относительно религіозныхъ воззрѣній Виланда важны его разговоры боговъ, Перегринусъ Протей и особенно Агаѳодемонъ. Онъ за одно съ вольподумцами, пока они ратуютъ противъ наружныхъ сторонъ христіанства, противъ церковныхъ учрежденій, противъ духовенства, іерархіи и суевѣрія, но онъ отстаиваетъ вѣру въ Бога, въ безсмертіе и сущность христіанской религіи.

Романтическія повѣсти изъ рыцарскаго, чародѣйнаго и волшебнаго міра, какъ бы навѣяныя нѣжою и сладострастіемъ: „Зимняя сказка“, „Ланде-

линь или любовь за любовь“, „Геронъ дворянинъ“, „Идрий и Зенда“ и др.—все онѣ прелестны и привлекательны; ни въ чемъ такъ не обнаружилось великое искусство впечатлительнаго поэта въ легкихъ прекрасныхъ очеркахъ, какъ въ этихъ романтическихъ разсказахъ изъ фантастическаго царства; написанная въ Ариостовомъ духѣ романтическая поэма „Оберонъ“, въ которой восхитительно сочетались проза и правда, шутка и строгая дума,—совершеннѣйшее твореніе въ этомъ родѣ. Приятный языкъ, легкій стихъ и очаровательное изложеніе Оберона привлекали читателей изъ всѣхъ классовъ и сдѣлали имя Виланда популярнымъ. Въ героико-комическомъ стихотвореніи „Новый Амадисъ“ легковравя отношенія и житейскія формы на французскій ладъ въ образованныхъ современныхъ ему общественныхъ кружкахъ перенесены на придуманный восточный рыцарскій мѣръ. Въ „Абдеритахъ“ Виландъ осмѣиваетъ безуміе и пошлость мелкихъ городовъ и тщеславныхъ мечтателей и идеалистовъ: въ забавныхъ очеркахъ онъ живо и юмористически представляетъ тутъ читателю контрастъ между пзвѣдавшимъ въ путешествіяхъ свѣтъ и людей философомъ Демокритомъ и его пошлыми, ограниченными и узколобыми соотечественниками въ Абдерѣ. Въ его пздвѣйшихъ произведеніяхъ нельзя не признать вліянія Лудана. „Перегрипусъ Протей“, религіозный фанатикъ, предающій себя пламени, съ тѣмъ чтобы вступить въ сношеніе съ богами и духами, написать, конечно, не безъ намека на Лафатера. Въ „Агаодемонѣ“ заключаются превосходныя замѣтки касательно историческаго значенія христіанской религіи и искаженія ея духовенствомъ и церковью. Представленный въ немъ въ противоположность къ чудодѣю Аполлонію Тіанскому (IV, 388) типичный обликъ Іисуса внушаетъ уваженіе. Въ историческомъ романѣ „Аристидъ“ съ принадлежащими къ нему письмами Виландъ въ интересномъ видѣ изображаетъ интеллектуальную жизнь въ Афинахъ въ цвѣтущую эпоху, но все-таки съ субъективнымъ отбѣнкомъ, который вносится авторомъ изъ своего времени и образа мыслей. Виландъ былъ сродни и сильно сочувствовалъ этому философу изъ Кирены (II, 716), который привелъ въ систему искусство жить вольготнo и приятно, которому приписывалось ученіе: „Образъ мыслей мудреца долженъ быть таковъ, чтобы онъ чувствовалъ себя свободнымъ и независимымъ, считая весь мѣръ своимъ достояніемъ, и чтобы онъ могъ всемъ наслаждаться и ко всему пріурочиться“. Въ сужденіи о французской революціи, помѣщенномъ въ его составленныхъ по Лудану „Разговорахъ боговъ“, Виландъ выказалъ политическое пониманіе и благоразуміе, до какаго дошли лишь немногіе изъ его современниковъ въ Германіи. То же самое обваруживается въ позднѣйшихъ изданіяхъ „Золотого зерцала“ и „Данишменда“, гдѣ поэтъ въ разныхъ дополненіяхъ высказалъ свои взгляды на версальскія и парижскія событія въ началѣ девятнадцатыхъ годовъ; также въ „Бесѣдахъ съ глазу на глазъ“, помѣщенныхъ въ „Новомъ нѣмецкомъ Меркуріѣ“, гдѣ пророческимъ взглядомъ предсказано единственное средство спасти государство при посредствѣ выдающагося гения съ диктаторскою властью.

Гейнзе.

Противники Виландовой поэзіи были отчасти правы, приписавъ ей пагубное вліяніе на нравственность, доказательствомъ чему служить подражатель его, *Вилгельмъ Гейнзе*. Сынъ бѣднаго органиста въ Тюрингіи, онъ провелъ жалкую, убогую молодость, пока наконецъ не получилъ мѣста тещи и бібліотекаря у образованнаго на французскій ладъ майнцкаго архіепископа Карла Іосифа. Доводя до крайности натурализмъ Руссо въ духѣ періода бурь и порывовъ и соединивъ съ этимъ чувственно-художественную жизненность Виландова эллинизма, онъ сталъ прославлять естественный и искусственный бытъ, который объявилъ борьбу всему, что ограничивается нравственными уставами и обычаями, и доходить до „эманципаціи плоти“. „Лайдѣонъ или

Елевзинскія таинства“, очеркъ которой набросалъ онъ еще студентомъ,— вотъ гдѣ ярче всего разоблачается эта „философія гетеръ“. Гейнзе обладалъ при томъ глубокимъ пониманіемъ художественной сущности и рѣдкимъ даромъ, наглядно изображать произведенія образовательнаго искусства и музыки. Одаренный пылкою фантазіей и талантомъ живаго, увлекательнаго изложения, онъ сладострастными описаніями природы и искусства овладевалъ воображеніемъ и возбуждалъ чувственную нѣту; представилъ однако назидательный примѣръ того, „до какаго душевнаго разстройства доводитъ разпузданная чувственность“. Продолжительное пребываніе въ Италіи и знакомство съ итальянскими поэтами, особенно съ Тассомъ и Ариостомъ, которыхъ онъ перевелъ прозою, оказали сильное вліяніе на его художественное направленіе, причемъ онъ добивался мелодическаго благозвучія южанъ. Его главное произведеніе—романъ „Ардингелло и блаженные острова“; разсказъ здѣсь служитъ ему только рамкою для изображеній и возрѣвій касательно искусства, науки и государства. Въ противность теоріи Лессинга и Винкельмана, признававшихъ лишь подражаніе античному вѣрнымъ путемъ къ художественному образованію, Гейнзе совѣтуетъ изучать природу и сочувственно относится ко всему романтическому въ бытовой и ландшафтнoй живописи. Объ „Ардингелло“ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ литературы заявляетъ: „Основная идея, бурная и пламенная страсть выражена съ безошадною энергіей и съ неодолимою силой; прекрасные очерки природы озаряются чарующимъ блескомъ южнаго солнца; а вставленные художественныя разсужденія отличаются чрезвычайною чуткостью и глубокимъ пониманіемъ, такъ что не смотря на художественные недостатки, на всю безумную распущенность и опрометчивость, этотъ романъ все-таки составляетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ и остроумныхъ произведеній нѣмецкой литературы“. Въ Ардингелло основой служатъ образовательныя искусства, а въ романѣ „Гильдегардъ изъ Гонталла“—мысли и разсужденія о музыкѣ.

IV. Лессингъ и Винкельманъ.

„Какъ бы значительно ни была дѣятельность Клопштока и Виланда, для насъ она составляетъ минувшее, завершившееся событіе. Мы принимаемъ въ нихъ главнѣйшее историческое участіе. Лессингъ, напротивъ того, является передъ нами полный свѣжести и жизни; его дѣятельность непосредственно проникаетъ въ наши дни; читая его, мы чувствуемъ вѣяніе его духа, онъ возбуждаетъ, ободряетъ, поощряетъ насъ на каждомъ шагѣ“. *Годольмъ Эфраимъ Лессингъ* былъ сынъ священника въ Каменцѣ, что въ Лузатиѣ. Онъ пять лѣтъ пробылъ въ мейсенской княжеской школѣ, гдѣ его необычайныя дарованія и жажда знанія возбуждали вниманіе наставниковъ, такъ что ректоръ сравнилъ его съ конемъ, требующимъ двойнаго корма. Покинувъ заведеніе, шестнадцатилѣтній юноша поступилъ въ Лейпцигскій университетъ (1746). Теологія, которой онъ долженъ былъ посвятить себя, скоро опротивѣла ему; учителя не сумѣли своими лекціями привлечь къ этой наукѣ порывчатый умъ. Онъ занимался философіей и изящною литературой, учился танцамъ, верховой ѣздѣ и фехтованію, заводилъ знакомство съ актерами и ревностными молодыми людьми, хотя бы они даже прослыли вольнодумцами, подобно Миліусу. Не поладивъ съ своими родителями, онъ отправился въ Берлинъ,

Жизнь и характеръ Лессинга.

гдѣ, благодаря небольшимъ статьямъ и трактатамъ, познакомился съ Николаемъ и Моисеемъ Мендельсономъ и др. Онъ принялъ участіе въ Литературныхъ письмахъ, однако, побуждаемый безпокойнымъ духомъ, скоро удалился оттуда; ему хотѣлось извѣдать жизнь и людей со всѣхъ сторонъ: его вольнолюбивый нравъ противился всякому устойчивому положенію, всякой обязательной должности, и вотъ мы застаемъ его то въ Виттенбергѣ, то въ Бреславлѣ (1760—1765), секретаремъ генерала Тауенцина, то опять въ Берлинѣ, то въ Гамбургѣ (1767—1770), вѣчно исполненнымъ новыхъ плановъ, занятымъ новыми трудами, окруженнымъ новыми людьми. Въ Гамбургѣ онъ обручился съ Евою Кёнигъ, вдовою фабриканта шелковыхъ издѣлій, умною и симпатичною женщиной: но за недостаткомъ обезпеченнаго содержанія женитьбу пришлось отложить на шесть лѣтъ. Въ 1770 году онъ занялъ мѣсто бібліотекаря въ Вольфенбюттелѣ; въ этомъ городѣ онъ, правда, воспользовался богатými сокровищами для научныхъ изслѣдованій и разными другими источниками для статей изъ области „Исторіи и литературы“, но былъ за то черезъ-чуръ отлученъ отъ сношеній съ литературнымъ міромъ. А потому по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ отправился въ Вѣну, въ надеждѣ получить почетное, отвѣчающее его дарованіямъ и умственнымъ потребностямъ мѣсто при проектированной новой академіи въ столицѣ. Этотъ планъ не осуществился; за то Лессингъ совершилъ оттуда, въ качествѣ спутника принца Леопольда Брауншвейгскаго, путешествіе по Италіи (1775—1776). Эта поѣздка, впрочемъ, произвела на него далеко не такое сильное и восторженное впечатлѣніе какъ прежде на Винкельмана и вполнѣдствіи на Гёте. Его художественный вкусъ былъ далеко не такъ изощренъ и развитъ, какъ его умъ и критическій даръ. Вернувшись, онъ женился на любимой имъ женщинѣ и надѣялся основать теперь спокойное домашнее хозяйство и „закончить наконецъ такъ, какъ люди живутъ“; однако „ему не посчастливилось“. Въ слѣдующемъ году уже смерть похитила жецу и новорожденную дочь; это несчастіе сильно потрясло его. Онъ пытался заглушить скорбь усиленною дѣятельностью и небольшими поѣздками; но внутренняя борьба въ концѣ подточила его жизнь. „Тогда, въ наши лучшие дни“—писалъ онъ въ декабрѣ 1780 Мендельсону, — „я былъ здоровымъ, статнымъ деревцомъ, а теперь я прогнившій суковатый пенъ“. Онъ умеръ въ Брауншвейгѣ 15 февраля 1781. Насколько жизнь Лессинга была разбросана, нзмѣнчива и безпокойна, настолько и занятія его оказались многосторонними и разнообразными. Неутомимый порывъ къ изслѣдованію и безустанные стремленіе къ истинѣ—вотъ коренныя черты его энергичной мужественной натуры. Какъ-то разъ заявилъ онъ: „Еслибъ Господь въ правой рукѣ держалъ всю истину, а въ лѣвой одинъ только живой порывъ къ ней, хотя бы даже съ придачею всегда и вѣчно заблуждаться, и сказалъ мнѣ: выбирай! я смиренно принялъ бы къ лѣвой рукѣ, воскликнувъ: Отець, дай! вѣдь чистая истина для Тебя одного!“ Жизнь и порывы его состояли изъ непрерывныхъ битвъ и побѣдъ. Лессингъ также далекъ былъ отъ Клоппштоковой сентиментальности и восторженнои патяжки, какъ и отъ энциклопедизма и житейской премудрости Виланда; онъ обладалъ дюжимъ нѣмецкимъ нравомъ, умъ его развивался на здоровомъ смыслѣ классической древности, которую онъ черпалъ изъ самаго источника. Онъ никогда не занесивалъ у великихъ міра сего, никогда не добивался чиновъ и орденовъ, всякая зависимость и всякое подчиненіе претили его гордому нраву, и самъ созная свое истинное достоинство, онъ отвергалъ всякія призрачныя, мнимыя почести. Съ царскою щедростью расточалъ онъ свои умственные сокровища. „Его бесѣда“, писалъ Моисей Мендельсонъ, „была обильнымъ источникомъ, изъ котораго не прерывалъ черпались новыя идеи до-

бра и красоты, бившія изъ него ключемъ словно простая вода на потребу всѣмъ и всякому“. Лессингъ былъ скорѣе критикъ и ученый, нежели поэтъ; умъ и разумъ его превосходили фантазію. Онъ самъ лучше всѣхъ создавалъ это. Лессингъ откровенно заявляетъ, что не ощущаетъ въ себѣ живаго ключа поэзіи, который своею собственною силою бьетъ богатыми, свѣжими, чистыми струями,—что ему приходится все выжимать изъ себя тисками и усилями,—что критика и рефлексія служатъ опорю его продуктивности. А потому онъ и подвизался преимущественно въ такихъ поэтическихъ родахъ, которые не пугаются ни въ высокомъ полетѣ вдохновеніи, ни въ трагическомъ пылѣ, какъ напр. басни, эпиграммы и гражданскія драмы; если же онъ и покушался на высшіе роды, какъ напр. въ „Эмилии Галотти“ и въ „Натанѣ Мудромъ“, то пользовался какимъ нибудь старымъ матеріаломъ и передѣлывалъ его, а именно, въ первой драмѣ рассказомъ Ливія о Виргиніи, а въ послѣдней—вѣроятно заимствованною съ Востока притчею „О трехъ кольцахъ“ у Боккачю. Не смотря на то Лессингъ безспорно принадлежитъ къ первымъ величинамъ нѣмецкой литературы, высокому расцвѣту которой онъ сильно способствовалъ своею многостороннею и возбуждающею дѣятельностью. Онъ былъ поэтъ, критикъ, знатокъ искусства, ученый теологъ и философъ, и по всѣмъ этимъ отраслямъ написалъ замѣчательныя сочиненія плодотворнаго свойства. Его трактаты объ искусствѣ и о древности заняли яркій свѣточъ, драматическая поэзія и сценическое искусство обогатились художественными произведеніями, благодаря критическимъ и эстетическимъ статьямъ его они достигли новой ступени развитія и правильного пониманія, а наука о религіи онъ далъ сильный толчекъ для плодотворныхъ изслѣдованій. Во всѣхъ изученіяхъ и трудахъ высшею цѣлью его было, распространить всеобщее человѣческое образованіе, утвердить истину въ областяхъ знанія и искусства и уничтожить всякую призрачность, всякое заблужденіе. Онъ всю свою жизнь былъ неутомимымъ борцомъ противъ всякаго непріязннаго и мнимаго авторитета, то и дѣло порывался встряхнуть своихъ современниковъ отъ умственной косности, которая мирится со всѣмъ обычнымъ, оттого что оно вошло въ привычку, и со всѣми преданіями, которыя, не прошедъ сквозь чистилище испытаній, пользуются незаслуженнымъ значеніемъ. Въ критическомъ методѣ, въ языкѣ и изложеніи Лессингъ былъ первымъ мастеромъ. Тайна свойственнаго ему творчества состоитъ въ томъ, что у него идеи сообщаются намъ не готовыми, а напротивъ, онѣ наглядно возникаютъ передъ нашими глазами, и мы переживаемъ ихъ какъ бы въ самихъ себѣ.

1. ОБЪ ИСКУССТВѢ И О ДРЕВНОСТИ. ВИНКЕЛЬМАНЪ.

Важный вопросъ о сущности и задачахъ искусства и поэзіи въ одно и Винкельманъ, то же время разбирался двумя гениальными писателями въ сочиненіяхъ, 1717—1768. которыя по своему значенію составили эпоху въ исторіи эстетики,—Винкельманомъ и Лессингомъ. *Иоанъ Иоакимъ Винкельманъ* изъ Стендала выросъ въ скудныхъ условіяхъ; восторгался высокимъ духомъ древнихъ, онъ, при видѣ античныхъ художественныхъ произведеній въ Дрезденѣ, созналъ свое призваніе, разоблачить свѣту величіе и значеніе греческаго искусства. Въ самую цвѣтущую пору стила рококо онъ въ первомъ сочиненіи своемъ: „Мысли о подражаніи греческимъ произведеніямъ въ живописи и скульптурѣ“, высказалъ принципъ о томъ, что единственный путь къ вѣрному художественному вкусу заключается въ подражаніи древнимъ. Это было его „реформаціонныя тезисы“. Онъ перешелъ въ католицизмъ, что

впрочемъ не имѣло никакого вліянія на его антично языческую натуру, такъ какъ у него понятіе о божествѣ совпадало съ идеей о красотѣ, которая отражается въ изящныхъ формахъ тѣлеснаго міра. Благодаря этому онъ добился средствъ и важныхъ рекомендацій для путешествія въ Римъ. Тамъ, сперва въ качествѣ бібліотекаря кардинала Альбани, потомъ—смотрителя надо всѣми древностями въ Римѣ и въ окрестностяхъ, онъ цѣлымъ рядомъ остроумныхъ трактатовъ основалъ науку объ археологич.; наконецъ своею первою, превосходно написанною *Исторіей искусства*, въ которой всѣ лучи его художественнаго созерцанія собрались словно въ общемъ фокусѣ, онъ раскрылъ царство красоты и зажегъ свѣточъ, возбудившій далеко озарившимъ блескомъ своимъ много дремавшихъ силъ. Постановленные Винкельманомъ законы касательно исторіи и объясненія древняго искусства пользуются донынѣ неопровержимымъ значеніемъ. Для него, по словамъ Гёте, древнія произведенія искусства служили какъ бы отвѣтными отраженіями всего того, что вложила въ него природа. Пробывъ болѣе двѣнадцати лѣтъ въ разныхъ городахъ Италіи, Винкельманъ задумалъ вернуться на родину. Едва перебрался онъ черезъ Альпы, какъ на него напала тоска по покинутой сторонѣ искусствъ, и онъ изъ Регенсбурга повернулся вспять, проѣхавъ Веною въ Триестъ. Но тутъ его постигла смерть. Злодѣй, вкрадись въ доврѣе къ Винкельману, убилъ его въ гостинницѣ ради предполагаемыхъ у него сокровищъ. „Охотно отдалъ бы я ему нѣсколько лѣтъ моей собственной жизни“, писалъ Лессингъ, узнавъ о трагической кончинѣ великаго писателя, безсмертное твореніе котораго отличается не только своимъ высокимъ содержаніемъ, но также простотою и изяществомъ изложенія. Винкельманъ нанесъ смертельный ударъ вычурному слогу. Огрубѣвшая художественная жизнь прониклась святостью и живымъ чувствомъ вкуса.

Ласкоонъ.

Новыя художественныя идеи побудили ревностнаго Лессинга написать замѣчательную критико-эстетическую книгу, *Ласкоонъ* или о предѣлахъ живописи и поэзіи: сравнивъ грушу Ласкоона съ Софокловой драмою „Филоклетъ“, съ Виргилевой Энеидою и со многими мѣстами древнихъ и современныхъ поэтовъ, онъ великолѣпными очерками установилъ основныя черты эстетики и правила о художественномъ стилѣ. Оба художественныя произведенія древности, въ которыхъ изображается тѣлесное страданіе, послужили ему основою для эстетическаго принципа, по которому въ пластическомъ искусствѣ высшею цѣлью и высшимъ закономъ служить тѣлесная красота и идеальный человѣческій образъ, а въ поэзіи—идеальныя подвиги. Согласно съ этимъ слѣдуетъ отдѣлять образовательное искусство отъ словеснаго; исконное изреченіе, которое называетъ живопись пѣмою поэзіей, а поэзію говорящею живописью, оказывается невѣрнымъ; поэзія вращается въ области послѣдовательнаго движенія, а живопись—совмѣстнаго состоянія; описательная и живописная поэзія, изображающая природу, не можетъ по этому считаться настоящею художественною формою. Нѣкоторыя дополненія и подробности этихъ основныхъ чертъ Лессингъ предложилъ въ прекрасной статьѣ: „О томъ, какъ древніе изображали смерть“ и въ „Антикварныхъ письмахъ“. Тутъ въ цѣломъ рядѣ изслѣдованій и разсужденій онъ отстаиваетъ свои воззрѣнія противъ нѣкоторыхъ нападокъ со стороны профессора Клоца въ Галле. Этотъ писатель славился въ ученomъ мѣрѣ какъ латинскій и нѣмецкій стихотворецъ, филологъ и знатокъ древностей; онъ списалъ себѣ также имя какъ издателя критическихъ журналовъ и подобно Готтшеду приобрѣлъ себѣ много приверженцевъ и поклонниковъ умно разсчитанными похвалами и порицаніями. Споръ еще не былъ порѣшенъ, какъ Клоцъ умеръ въ лучшей порѣ жизни, пораженный впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него Анти-

варными письмами, полемика которыхъ своею мѣткою острою и мастерскою ироніей, своимъ дивнымъ краснорѣчіемъ, благодаря искусству и силѣ рѣчи, оказалась сокрушительною.

2. ДРАМЫ И ДРАМАТУРГИЯ.

Хорошій театръ въ Лейпцигѣ пробудилъ интересъ къ драматической поэзіи, котораго не подавили даже ни жалкія пьесы Готтшеда, ни напыщенныя, по французскому вкусу составленныя трагедіи и комедіи друга его *Иог. Якоб Шлегеля*. Однако, нѣмецкая сцена, въ Вѣнѣ и Берлинѣ, далеко еще отстала отъ французской и англійской. Мы знаемъ какая пропасть отдѣляла тогда художественную драму отъ народной (XII, 733). Сравнять эту пропасть и примирить художественно идеальное начало съ своеобразно народнымъ,—вотъ въ чемъ великая заслуга Лессинга. Его первыя драматическія пьесы, какъ „комедіи“, такъ и трагическій очеркъ „Генци“, въ которомъ онъ хотѣлъ представить мятежника въ противоположность патриоту и угнетателя въ противоположность истинному начальнику, все еще строго вращаются во всѣхъ формальностяхъ французскихъ сценическихъ правилъ; не смотря на то комедія „Молодой ученый“ обнаружила уже нѣкоторый успѣхъ въ драматическомъ искусствѣ, а заявленія Лессинга въ Литературныхъ письмахъ и въ другихъ периодическихъ изданіяхъ доказывали, что единственнымъ путемъ къ лучшему онъ считалъ отреченіе нѣмецкой сценической поэзіи отъ французской и сближеніе съ англійскою. Онъ самъ вышелъ на этотъ путь, сочинивъ подъ руководствомъ англійскихъ драматиковъ мѣщанскую трагедію: „Миссъ Сара Самсонъ“, не лишнюю трагическихъ элементовъ, не смотря на всю неуклюжесть относительно формы и плана. Онъ сталъ такимъ образомъ на новую точку зрѣнія. Благодаря этому отрѣшились отъ предразсудка, будто „шлемъ и діадема составляютъ трагическаго героя“; убѣдились въ томъ, „что трагедія способна возбуждать не одно только холодное удивленіе и разводитъ скучныя сентенціи“. Природа и дѣйствительность стали достояніемъ трагической музы. Интересъ къ драмѣ и театру вновь пробудился, когда Николай въ своемъ новомъ журналѣ, въ „Библіотекѣ изящныхъ наукъ“ (1757), назначилъ премію за лучшую трагедію. Премущество было отдано „Кодру“ умершаго молодца Кронекка. Однако у искуснаго, хотя и поверхностнаго *Христиана Феликса Вейсе* все еще преобладалъ вообще французскій вкусъ, иногда только александрийскій размѣръ уступалъ мѣсто неріюванному ямба или даже прозѣ. Вейсе сочинялъ сперва трагедіи („Эдуардъ III“ „Освобожденіе Фивъ“, „Ромео и Юлія“ и др.) и комедіи („Матрона изъ Эфеса“, „Амалия“ и др.), а потомъ, смущенный и напуганный рѣзкою критикою Лессинга, онъ перешелъ къ комической оперѣ („Шарлотта“, „Сельскій цирюльникъ“ и др.) и наконецъ составлялъ дѣтскія книжки („Другъ дѣтей“, „Пѣсни для дѣтей“) и „Забавныя пѣсни“. Однако, далеко еще было до самостоятельной, независимой національной сцены. Даже драматическое стихотвореніе Лессинга „Филотасъ“, свидѣтельствующее о его тщательномъ изученіи Софокла и Шекспира, не было въ состояніи изгнать изъ нѣмецкой сцены художественную идеальность французской трагедіи, которую Шиллеръ прозвалъ „блестящимъ выраженіемъ должной благопристойности“. И вотъ, -- когда битва при Росбахѣ была еще въ свѣжей памяти, пробуждая въ каждой нѣмецкой груди чувство собственнаго достоинства и національную гордость,—явилась комедія Лессинга „*Мишна фонъ-Барнгеймъ*“ и сильно заинтересовала публику. Истинный нѣмецкій характеръ честнаго прусскаго майора, мастерски очерченная фигура хвастливаго двусмысленнаго авантюриста,

Нѣмецкій театръ.

Вейсе.
1726—1804.

Рико де ла Марлиньера, удачно схваченный национальный жизне-быть и искусно проведенное драматическое дѣйствіе — все это словно молнье озарило всю націю. Мысль о національномъ театрѣ пустила корни въ народѣ. Въ Гамбургѣ собрались хорошіе артисты (семейство Авермана-Шрёдера, Экгофъ и др.); Лессингъ (1767) былъ приглашенъ туда же въ качествѣ драматическаго писателя и критика. Тутъ онъ написалъ *Гамбургскую драматургію*, которая изъ простой театральн. газеты преобразилась въ классическое произведеніе. Разбирая представляемыя пьесы, Лессингъ подвергъ строгой критикѣ существовавшія драматическія произведенія Нѣмцевъ, съ neodолжимою силою, краснорѣчіемъ и знаніемъ поколебавъ значеніе Вольтера и французскихъ драматическихъ писателей, и тутъ же развилъ принципы настоящей трагедіи и комедіи съ такою ясностью и чистотою вкуса, что Гамбургская драматургія стала матерью всей эстетики и навсегда уничтожила вѣру въ превосходство и изящество французской драматической поэзіи. Въмѣсто французовъ превозносится Шекспиръ съ восторженнымъ признаніемъ его мастерства. Лессингъ пощадилъ одну только „мѣщанскую драму“, которая, будучи создана Англичанами и развита далѣе у Дидро, поставила себѣ художественною цѣлью поучать и исправлять: онъ сознавалъ, что такія „трогательныя пьесы нравственнаго содержанія“ пришлись бы болѣе по нраву нѣмецкому характеру, нежели героическія трагедіи Грековъ. То, что Лессингъ въ Гамбургской драматургіи говоритъ объ искусствѣ очерчивать характеры, о сочиненіи и перипетіи дѣйствій, о сообразности мотивовъ и устраненіи изъ нихъ всякихъ чудесъ, объ отношеніи исторической трагедіи къ историческимъ фактамъ и о многихъ другихъ вопросахъ въ этомъ родѣ, — все это золотыя неизмѣнныя правила.

Прославленный Лессингомъ Шекспиръ, который, благодаря переводамъ Виланда и Эшенбурга, приурочился въ Германіи и выводился на сцену гениальными артистами, Шрёдеромъ и Флекомъ, все болѣе и болѣе вытѣснялъ драмы Корнеля и Вольтера. Ужасная пьеса „Утолино“ извѣстнаго пѣвца бардовъ и скальдовъ, *Герстенберга*, „эта Лаокоонова группа передѣланная въ трагедію“, была первымъ шагомъ къ англійской драмѣ. Трагедія „Юлій Цезарь“ *Лейсвица*, члена гёттингенскаго союза, тоже обнаруживаетъ, что поэтъ имѣлъ въ виду Гамлета Шекспира. Ученіе объ Аристотелевыхъ единствахъ было окончательно отвергнуто; хотя Лессингъ и возсталъ противъ французскаго способа примѣненія законовъ греческаго философа, однако онъ не упустилъ изъ виду то глубокое художественное чувство, изъ котораго вытекли эти законы, и ту пользу, какую можно извлечь изъ нихъ для искусства. Это знаніе мѣры не соблюдалось однако ни Герстенбергомъ, ни другими бурными умами, и надо было опасаться, какъ бы вмѣсто „тиранской правильности“ Французовъ не возникла „развудавная жажда гениальности“. Тѣмъ еще болѣе что поэты „бурнаго и порывистаго періода“, о которыхъ рѣчь впереди, по преимуществу обратились къ драмѣ. Сцена, какъ славный міръ фантазій, казалась имъ спасительнымъ убѣжищемъ отъ напастей и гнета дѣйствительности, единственнымъ поприщемъ, гдѣ можно было удовлетворить ненасытному желанію, самому пережить всѣ явленія человеческой жизни. Но для того чтобы пристрастіе ко всему дикому и грубому не укоренилось и не разрослось, все заглушал. Лессингъ въ своемъ мастерскомъ произведеніи, „*Эмилиа Галотти*“, показалъ, какъ слѣдуетъ подражать Шекспиру и романтическимъ драматургамъ. Въ этой пьесѣ онъ трагическую исторію Виргиніи изъ эпохи римскихъ децемвировъ облекъ въ современную одежду, а античный патриотизмъ замѣнилъ личнымъ психологическимъ пагосомъ. Эмилиа Галотти, говоритъ Штаръ, ничто иное какъ образецъ къ Гамбургской драматургіи Лессинга, поскольку послѣдняя существенно касается его теоріи

Герстенбергъ.
1737—1823.

Эмилиа Га-
лотти.

драмы. Тотъ же писатель, который теоретически освободилъ свою націю отъ неестественности и напыщеннаго пагоса Французовъ, обязанъ былъ и практически исполнить это освобожденіе, и онъ создалъ произведеніе, вполне удовлетворявшее существеннымъ требованіямъ, какія постановилъ самъ относительно содержанія и формы, слѣдуя Аристотелю и ссылаясь на Шекспира и на древнихъ поэтовъ. Въ исторіи литературы Геттнера значится: эта трагедія до нашихъ дней сохранила свою несокрушимую привлекательную силу и сохранить ее во всѣ времена. Такое живое, вѣрное, до мелочей доведенное очерчаніе индивидуальныхъ характеровъ не появлялось со временъ Шекспира. Правдивое и поразительное изображеніе развратной жизни государя возбудило сильное неудовольствіе при Брауншвейгскомъ дворѣ (XII, 717). Какія высокія заслуги относительно развитія драматической поэзіи ни приписывали бы по справедливости Лессингу, однако, въ его пониманіи истинной сути трагедіи, въ особенности относительно взаимодѣйствія трагической вины и катастрофы, оказывается все еще значительный пробѣлъ. Онъ не могъ возвыситься до характерной трагедіи британскаго поэта, у котораго гибель героя происходитъ по собственной винѣ послѣдняго, и вмѣстѣ съ тѣмъ у него не было также высшаго рока древнихъ; потому онъ вмѣсто глубокаго понятія о винѣ поневолѣ прибѣгалъ къ наружнымъ мотивамъ. По словамъ Геттнера поэтъ, „который лишень трагическаго фона античнаго рока и не пришелъ къ сознанію, что новая трагедія взамѣнъ того обрѣтаетъ роковыя звѣзды въ самой груди героя, — такому поэту доступна одна лишь трагическая завязка интриги или случая“. Если бы Лессингъ довелъ до конца драму „Фаустъ“, надъ которою ревностно трудился въ одно время съ Гёте, то безъ сомнѣнія онъ преодолѣлъ бы и этотъ недостатокъ.

3. ТЕОЛОГІЯ И ФИЛОСОФІЯ. НАТАНЪ МУДРЫЙ.

Многосторонній умъ Лессинга изъ-за поэзіи не упустилъ изъ виду великое движеніе эпохи въ области религіи и теологіи. Въ рядѣ статей и изслѣдованій („Мысли о гернгутерахъ“; „О происхожденіи религіи отъ кровенія“; „О распространеніи христіанской религіи“) онъ въ смыслѣ англійскихъ вольнодумцевъ высказался объ отношеніи вѣры къ разуму и нравственности, объ естественной и положительной религіи и о другихъ вопросахъ. Издавъ затѣмъ открытую въ вольфенбютельской библиотекѣ рукопись Беренгара Турскаго о причастіи (1770), онъ доказалъ, что умѣетъ придавать интересъ даже самымъ сухимъ теологическимъ предметамъ. Большая часть его „Спасеній“ написана съ цѣлью добиться въ области исторіи религіи окончательнаго вывода относительно то и дѣло поднимавшихся догматическихъ преній того столѣтія. Онъ однако не примкнулъ безусловно ни къ одному изъ господствовавшихъ направлений, такъ что и въ этой самой важной области духовной жизни сохранилъ за собою самостоятельность сужденія, свободу изслѣдованья. Оттого и навлекъ на себя гнѣвъ всѣхъ партій. Когда онъ отстаивалъ глубокія изслѣдованья схоластиковъ противъ мелочной погони за просвѣщеніемъ новшечковъ и противъ господствовавшего въ Берлинѣ вольнодумства, то рационалисты обвинили его въ склонности къ католицизму; когда же онъ отвалился обнародовать „Вольфенбютельскіе отрывки неизвѣстнаго“, то на него излилась ярость правовѣрныхъ. Этотъ трактатъ извлеченъ изъ болѣе обширнаго творенія: „Апологія или защитительная рѣчь для разумныхъ богочитателей“, которое гамбургскій профессоръ *Реймарусъ* написалъ въ духѣ англійскихъ деистовъ касательно отношенія Библии къ христіанству и въ

Вольфенбю-
тельскіе от-
рывки, Натанъ
и пр.

рукописи сообщили тѣсному кружку друзей. Возбужденными въ немъ сомнѣніями касательно подлинности и правды библейскихъ сказаній, достоинствъ евангелій, поддержанными сверхъ того обширною ученостію и начитанностію, этотъ трактатъ нанесъ сильный ударъ христіанскому вѣроученію. Не смотря на заявленіе издателя, что онъ не во всемъ согласенъ съ неизвѣстнымъ авторомъ, не смотря на приводимые имъ въ опроверженіе замѣтки, на Лессинга хлынулъ потокъ брани, клеветъ и нападокъ. Раздраженный этимъ, онъ своими полемическими статьями противъ одного изъ главныхъ противниковъ, пастора Мельх. Гёца въ Гамбургѣ, передалъ на судъ народный дѣло, которое сначала предназначалось для однихъ только ученыхъ. Эти извѣстныя подъ заглавіемъ „*Anti-Jude*“ трактаты по силѣ языка и все побѣждающему способу доказательствъ принадлежатъ къ наиболѣе совершеннымъ произведеніямъ подобнаго рода. Они ратовали противъ старой догматики, не касаясь, впрочемъ, сущности христіанской религіи. Лессингъ чтилъ ядро христіанства, заключающееся, — какъ доказываетъ равговоръ его: „Завѣщаніе Іоанна“ — въ любви, а въ „Разговорѣ для масоновъ“ онъ высшею цѣлью христіанства призналъ осуществленіе великой идеи гуманности. Однако, Ветхій и Новый Заветъ онъ считалъ отнюдь не послѣдними откровеньями Господа, а приготовительною школою, въ которой началось „Воспитаніе человѣческаго рода“, какъ доказываетъ онъ въ прекрасномъ написанномъ трактатѣ подъ этимъ заглавіемъ. То же вытекаетъ изъ отрывка, „Христіанство разсудка“; это ничто иное какъ изложенная уже въ пятидесятыхъ годахъ попытка, философски обосновать христіанское вѣрованіе о Троицѣ, предложенія изъ спекулятивной теологии, въ которыхъ заключается зародышъ и ядро новѣйшей философіи. Онъ не скрывалъ, что самъ по себѣ преданъ религіозно-философскому воззрѣнію Спинозы, но отличалъ лишь эзотерическое изслѣдованіе религіозныхъ основныхъ ученій отъ экзотерическаго. Изъ разныхъ его попытокъ, примирить мыслящій умъ съ догматами церкви, ясно видно, что онъ христіанство всегда считалъ міровою религіею, а Библию — святымъ завѣтомъ Божья начертанія для развитія человѣчества. Основываясь на ней, онъ съ помощію разума хочетъ довести человѣчскій родъ до высшей степени сердечной чистоты и умственного просвѣщенія, такъ чтобы люди стали дѣлать добро ради самаго добра, а не ради какаго бы то ни было за то награжденія, чтобы оправдалось изреченіе Спинозы: „Блаженство отнюдь не награда за добродѣтель, а напротивъ, сама добродѣтель есть блаженство“. Утвердить эту эпоху завершения, осуществить „это новое вѣчное евангеліе“, — вотъ въ чемъ видѣлъ онъ высшую цѣль всякаго изслѣдованія. Преобразуя истинныя откровенія въ истинны разумъ, человѣчество достигаетъ нравственнаго совершенства. — Прекраснѣйшимъ плодомъ теологическихъ преній былъ „*Натанъ Мудрый*“, котораго незадолго передъ своею смертію Лессингъ какъ бы завѣщалъ наци. Въ этой драмѣ, превосходной по своему стилю, языку и начертанію, поэтъ показалъ, какаю громадную разницу между истинною сердечною и жизненною религіозностію и церковнымъ нравовѣріемъ, нравственною благотворною дѣятельностію и механическимъ религіознымъ отравленіемъ. Лессингъ какъ бы отпечатлѣлъ въ этой драмѣ символъ своего религіознаго и философскаго воззрѣнія; не вѣра и церковный догматъ, а единственно только нравственная сила, чистота помысла, благотворная любовь составляютъ суть и жизнь религіи. Ссылаясь на то, что въ „*Натанѣ*“ представителями еврейской и магометанской вѣры являются идеальныя личности, а послѣдователи христіанства взяты изъ самой дѣйствительности, противники обвиняли поэта въ флктораго рода предубѣжденіи и ненависти къ христіанской церкви.

В. Гердеръ.

1. ГЕНІАЛЬНАЯ ЭПОХА. ГАМАНЪ И КЛИНГЕРЪ.

Съ Руссо лозунгомъ дня сталъ возвратъ къ природѣ и первоначальному Возвратъ къ состоянію: все обычное, все унаслѣдованныя формы общественной и природѣ. умственной жизни надлежало стереть; все существовавшія дотолѣ воззрѣнія и доктрины, все установленныя правы и догматы, привычки и правила казались отжившими заблужденіями и несообразностями; все порывалось возродиться и возобновиться; человѣку надлежало изъ прогнившей современности и дѣйствительности вернуться вновь къ потерянному раю своего безугратно прирожденнаго естественнаго состоянія. Въ Германію также проникли чужеземныя идеи касательно воззрѣнія на религіозныя предметы и на систему воспитанія; Винкельманъ и Лессингъ открыли новые пути въ области искусства и эстетики; въ поэзи пытались разрушить преграды, которыя сковывали творческую дѣятельность извѣстными правилами, признавая красоту лишь подъ покровомъ общепринятыхъ законовъ. Мы знаемъ, какъ рѣзко Гамбургская драматургія ратовала противъ тираніи французской формальности; однако, когда Лессингъ замѣтилъ, что необузданность стала выходить изъ всякихъ предѣловъ, то въ умѣ его, привычномъ къ мѣрѣ и уряду, возникло опасеніе. Съ этими правилами Французовъ, говорилъ онъ, начали смѣшивать все правила вообще и считать педанствомъ предписывать гению, что ему дѣлать и чего не дѣлать. Словомъ, мы готовы были опрометчиво пренебречь всею опытностію минувшихъ временъ и скоро же требовать отъ поэтовъ, чтобы каждый изъ нихъ самъ для себя вновь открывалъ искусство. Лессингъ поставилъ себѣ задачей задержать это броженіе вкуса, которое невоздержаніе всего проявилось въ „*Уголино*“ Герстенберга и въ „*Близнецахъ*“ Клингера. Однако духъ эпохи пробивался своимъ путемъ: возвратъ къ природѣ и простота въ нѣмецкой поэзи стали также лозунгомъ дня. Эти года броженія и борьбы назывались „геніальною эпохою“, а главные представители ея — „самобытными гениями“. Ссылаясь на старое изреченіе, что поэты *родятся*, они признавали истинною поэзіею только то, что какъ бы бессознательно изливается изъ прирожденной поэтической природы, въ родѣ пророческихъ словъ изъ устъ боговдохновеннаго прорицателя. Всякіе господствовавшіе дотолѣ законы и художественныя правила были отринуты, все вернулось къ первоначальной поэзи минувшихъ временъ, къ народной пѣснѣ, къ Гомеру и Оссіану и къ нестоющему Шекспиру; въ области поэзи и искусства добивались дара, при посредствѣ котораго не по предписанію и правилу создавались гуженичскія произведенія, а напротивъ, однимъ взмахомъ вызывались творенія, заключающія въ себѣ свои собственные законы. Этотъ даръ назывался геніальностію; какъ ему самому, такъ и созданію его, надлежало быть естественнымъ, самобытнымъ. Геніальность и самобытность — вотъ что было девизомъ дня. Прежде, бывало, свободный полетъ ума и фантази тормозился узкими предѣлами общепринятыхъ началъ, и поэзіей признавалось только то, что вращалось въ обычныхъ формахъ и законахъ; теперь же, въ этотъ періодъ „*буря и порывовъ*“, перешли къ другой крайности: теперь стало нравиться всякое отсутствіе порядка, а презирать принятыми обычаями считалось достоинствомъ, и порожденія необузданной фантази не рѣдко признавались геніальными. Иной раздвѣтавшій талантъ погибалъ подъ бурями этой эвергичной геніальной эпохи, какъ напр. драматическій и лирический поэтъ Рейтольдъ Ленцъ изъ Лифляндіи; соревнуя Гёте, онъ вслѣдствіе необуздан-

наго порыва къ величію погибъ въ сумасшествіи; но сильныя умы преодолѣвали всякія преграды и достигали цѣли совершенства. Въ стародавнемъ преданіи о Фаустѣ они признали настоящій отпечатокъ своего существа. Бурный переворотъ всего обычнаго и возвратъ къ природѣ и простотѣ, какъ переходный періодъ отъ натянутыхъ формъ и правилъ къ свободѣ, оказалъ въ высшей степени благотворныя. Въ этой почвѣ коренились юношескія произведенія Гёте и Шиллера. Гердеръ перенесъ естественное евангеліе Жанъ Жака Руссо на условія поэтическаго помысла и ощущенія. Сильныя гении добивались въ царствѣ поэзіи того же, чего домогался Руссо въ общественной жизни и въ политикѣ.

Клингеръ. Наибольше выдающимся представителемъ этого направленія считается 1752—1831. *Максъ Клингеръ* изъ Франкфурта, отъ драмы котораго, „Бури и порывы“, и возникло названіе этого періода. Это былъ въ юности „рехнувшійся Шекспиръ“, страстно любившій школьничья, исполненный необузданнаго натурализма, а въ зрѣлыхъ годахъ—идеалистъ, обладавшій нравственною энергіей, чувствомъ свободы и строгостью, презиравшею свѣтъ. Въ произведеніяхъ Клингера обнаруживается внутренняя борьба идеала съ міромъ, сердца съ умомъ, свободы съ обычаемъ, естественности съ культурою; во многихъ его трагедіяхъ и философскихъ романахъ сказывается негодованіе и горькая скорбь по поводу извращенныхъ условий жизни („Влизнецы“, „Отто“, „Страждущая жена“, „Дамоклъ“, „Медея на Кавказѣ“ и пр.). Сынъ бѣдныхъ родителей изъ Франкфурта, Клингеръ послѣ измѣнчивой бурно прожитой юности въ Россіи былъ сперва чтецомъ у великаго князя Павла, потомъ достигъ высокихъ степеней на военной и гражданской службѣ. Изъ романовъ его болѣе всего извѣстны „Жизнь, дѣянія и сошествіе въ адъ Фауста“, „Рафаель де Аквила“, „Исторія Пафара Бармецида“, „Свѣтскій человѣкъ и поэтъ“. Въ нихъ онъ изложилъ свои мрачныя воззрѣнія на религію, правительство, социальные условія, житейскія отношенія и пришелъ къ стоическому выводу, по которому „міромъ править немощный рокъ и высшая мудрость смертнаго состоитъ въ томъ, чтобы угадать влеченіе этого рока и умѣть пріурочиться къ нему“. Онъ восторженный ученикъ Руссо, за одно съ которымъ признаетъ хорошимъ все, что выходитъ изъ рукъ природы, тогда какъ подъ людскими руками все искажается. Среди распутной великосвѣтской и придворной жизни Клингеръ сохранилъ въ душѣ идеализмъ своей восторженной юности и оттого тѣмъ еще прискорбнѣе ощущалъ противорѣчія въ дѣйствительности. Его романы—„потрясающія, глубокомысленныя, но суровыя и непримиримыя изображенія человѣческой борьбы съ судьбою и свѣтскими обычаями“. „Сагиръ“ и „Путешествія до потопа“ ничто иное какъ политическія сатиры, а именно на нѣмецкія церковныя и государственныя состоянія. Въ романѣ „Исторія Нѣмца новѣйшей эпохи“ изображается исполненный свободы и юношескихъ идеаловъ государственный мужъ, который подобно Георгу Форстеру горькимъ опытомъ жизни дошелъ до ненависти къ людямъ, однако все-таки поддерживаетъ вѣру въ добродѣтель какъ единственное спасеніе отъ отчаянія. Та же мысль лежитъ въ основѣ романа „Фаустъ восточныхъ народовъ или странствія Бенъ Гафиса“. „Мощь вытекающая изъ нѣдръ сердца идеаловъ, вопреки всѣмъ препонамъ и противорѣчіямъ, несокрушима. Сердце да не гибнетъ подъ холодомъ разсудка“. „Разсужденія и мысли о разныхъ свѣтскихъ и литературныхъ предметахъ“ Клингера служатъ зеркаломъ его думъ и дѣятельности. Все, чего онъ самъ добился для себя въ жестокой борьбѣ за образованіе,—героизмъ нравственной энергіи, сочувствіе къ прогрессивному политическому подвигу,—все это должно быть достоинствомъ нѣмецкаго народа. Помимо Клингера живописецъ *Мюллеръ* изъ Крейцнаха (обращенный во время болѣзни въ Римѣ. 1750—1825.

въ католическую вѣру) оказывается самымъ значительнымъ соучастникомъ этой бурной эпохи, носителемъ грубой силы, одушевленія и страстности ея. Въ его „современно крестьянскихъ“ идилліяхъ съ библейскимъ, мифологическимъ и народнымъ содержаніемъ, въ его драмахъ „Фаустъ“ и „Женева“ обнаруживается характеръ этой нескладной, но животрепещущей естественной поэзіи.

Еще большимъ значеніемъ пользовался *Ф. Георгъ Гаманъ*, не столько Гаманъ. влѣдствіе его произведеній, а скорѣе благодаря влиянію на современниковъ. 1730—1788. Исполненная превратностей безотрадная жизнь, то домашнимъ учителемъ, то чиновникомъ, то купцомъ, болѣею частью въ гнетущей зависимости и не лишенной нравственныхъ заблужденій, навела уныніе и грусть на болѣзненного смолоду мужа, подточила и разбила силы его. Гаманъ брался за всѣ науки, но ни въ одной изъ нихъ не произвелъ ничего значительнаго, и, не смотря на его великія дарованія, былъ лишь подчиненнымъ членомъ въ средѣ самобытныхъ гениевъ. Лишенный жизненной цѣли и твердой воли, онъ не сумѣлъ добиться почетнаго гражданскаго положенія, а въ своей авторской дѣятельности не преслѣдовалъ никакого ленаго обдуманнаго плана. Какъ въ жизни, такъ и въ творчествѣ онъ отдавался случаю и вѣшнымъ впечатлѣніямъ. Гаманъ читалъ книги легкаго содержанія, заявлялъ Гёдеке, причемъ ему приходили въ голову разныя хорошія мысли, которыя онъ и записывалъ; но у него не хватало ни дара, ни охоты развивать ихъ. Онъ силталъ ихъ въ короткія статейки, запутанность которыхъ выяснялась лишь съ помощью толкованій и тщательнаго изученія. Онъ писалъ болѣею частью простыя разсужденія и помыслы объ явленіяхъ, какія поражали его, и влѣдствіе отношенія ихъ къ какому нибудь тексту, выхваченному изъ современной ему литературы, его отрывочные трактаты чрезвычайно темны и трудны, а зачастую и вовсе непонятны. Отсутствие строгой логики прикрывается причудливымъ юморомъ и притязаніемъ на пнеическій даръ прорицанія. Великій Гаманъ, говорилъ Жанъ Поль, напоминаетъ собою глубокое небо, усыпанное телескопическими звѣздами, а нѣкоторыхъ изъ туманныхъ планетъ не разрѣшить никакое зрѣніе. При всемъ томъ произведенія его, благодаря сокровеннымъ въ нихъ молниеноснымъ мыслямъ, сильно возбуждали современниковъ. Какъ врагъ всякой школьной премудрости, какъ поборникъ противъ всего обычнаго общепринятаго Гаманъ былъ настоящимъ творцомъ энергично гениальнаго порыва. „Его прозвище: сѣверный магъ—изобличаетъ уже глубокой и мрачной умъ человѣка, который любилъ изрекать оракулы и все относилъ къ неизвѣданному и вѣчному“. Поклонникъ и проповѣдникъ естественности противъ всякихъ правилъ и образцовъ, Гаманъ обращается вспять къ первобытной поэзіи, возстаетъ противъ всякихъ новѣйшихъ стихотвореній, противъ произведеній ума и юмора; онъ признаетъ лишь отражающую дѣтскій возрастъ человечества восточную поэзію Библии и благородную простоту евангелій, причемъ для него имѣютъ еще нѣкоторое значеніе только Гомеръ, Оссіанъ и Шекспиръ. Написанныя темнымъ, мистическимъ языкомъ пророковъ произведенія его („Библейскія разсужденія христіанина“, „Сократовскія достопримѣчательности ради скуки публики“, „Крестовые походы филолога“, рядъ смѣшанныхъ статей и излѣдованій, „Голгоета и Шелблинни, или страданія и вознесеніе сына Вожія“ и пр.), не смотря на неизящную ихъ форму, но благодаря разсыпаннымъ тутъ и тамъ золотымъ крупинкамъ, оказали сильное влияніе на родственные ему умы. Всего сильнѣе онъ повліялъ на Гердера, которому истинною поэзіей казалось только то, въ чемъ есть природа, простодушіе, задушевность и фантазія. Последніе годы жизни Гаманъ провелъ въ обществѣ образованной, исполненной художественной восторженности, религіознаго и чувствительнаго

фанатизма княгини Голицыной въ Мюнстерѣ, гдѣ впоследствии и встрѣтился съ нимъ.

2. жизнь и дѣятельность Гердера.

Судьба его и характеръ. Глубокомысленный теологъ Гердеръ съ либеральнымъ направлениемъ ума и съ критическимъ даромъ Лессинга, которому онъ во всемъ слѣдовалъ, соединялъ еще идеи мистическаго Гамана и научные результаты великаго философа Канта, какіе появились тогда въ обильныхъ содержаніемъ трактатахъ. Іоаннъ Готфридъ Гердеръ родился 25. августа 1744 г. въ Морунгенѣ, что въ восточной Пруссіи. Сынъ мало достаточныхъ родителей, онъ провелъ тяжкую молодость, отчего и сдѣлался робкимъ, чувствительнымъ, скрытнымъ. Отецъ его, школьный учитель и органистъ, былъ человѣкъ задумчивый, а мать отличалась нѣжнымъ, кроткимъ, женственнымъ нравомъ; всѣ эти свойства сынъ, единственная утѣха и надежда родителей, вынесъ съ собою въ жизнь словно наслѣдіе. Какъ у Руссо, замѣчаетъ Геттнеръ такъ тоже и у Гердера, тяжело сознанный разладъ желаній и потребностей порывистаго духа съ гнетомъ вышней обстановки породилъ ту мечтательную жизнь чувства, которая всегда отзывалась въ его душѣ, мощно подвинула его къ исторической славѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ трагической немощи. Усвоивъ себя въ своемъ родномъ городѣ съ великимъ трудомъ и усиленіемъ начальное научное образованіе, онъ, благодаря поддержкѣ русскаго военнаго доктора, проживавшаго въ Морунгенѣ, поступилъ въ Кѣнигсбергскій университетъ. Ему надлежало посвятить себя хирургіи, но эти занятія были не по нутру его нервной натурѣ. Онъ обратился къ теологій и къ родственнымъ съ нею наукамъ и, благодаря своимъ дарованіямъ и своему трудолюбію, вскорѣ самъ сталъ добывать себя пропитаніе. Молодымъ человѣкомъ двадцатипяти-одного года отъ роду онъ въ Ригѣ занялъ должность учителя и священника. Въ теченіе девяти лѣтъ исполнялъ онъ свою обязанность ко всеобщему удовольствію своихъ прихожанъ и учениковъ, а въ то же время разными литературными трудами прославился въ болѣе обширныхъ кругахъ. Его жажда знаній и славолюбіе возбудили въ немъ желаніе, расширить путешествіями свое знакомство съ свѣтомъ и людьми, усвоить себѣ умственное развитіе эпохи, которому онъ сочувствовалъ всею душою, въ самыхъ средоточіяхъ, откуда оно исходило. Въ сопровожденіи своего друга, Густава Беренса, онъ на кораблѣ отправился изъ Риги въ Нантъ; душа его исполнилась высокопарныхъ плановъ будущаго величія, какъ оказывается по путевымъ запискамъ, какія онъ велъ во время переѣзда. Въ Парижѣ онъ познакомился со многими знаменитостями, въ особенности съ Дидро. Тамъ предложили ему сопровождать въ качествѣ наставника и священника принца Гольштейнъ-Эйттинскаго. Онъ поѣхалъ черезъ Брюссель и Антверпенъ, черезъ Гаагу, Лейденъ и Амстердамъ въ Гамбургъ, гдѣ познакомился съ Лессингомъ; потомъ, изъ герцогскаго двора въ Эйттинъ онъ отправился въ условленное путешествіе на югъ. Въ Дармштатѣ Гердеръ познакомился съ совѣтникомъ Меркомъ и Каролиною Флахландъ, своею будущею супругою, молодою, умною и любезною дамою. Однако, отношенія къ шестнадцатилѣтнему княжескому сыну и къ его оберъ-гофмейстеру не понравились Гердеру; въ то же время Линне-шаумбургскій имперскій графъ пригласилъ его въ Бюкебургъ на мѣсто Аббта, и Гердеръ отказался отъ своего мѣста. Но прежде чѣмъ отправиться въ маленькій нѣмецкій столичный городъ, онъ въ 1770 и 1771 годахъ прожилъ въ Страсбургѣ, гдѣ лѣчилъ свои глаза, болѣвшіе у него смолоту. Тутъ онъ сошелся съ Гѣте и Юнгъ-Стіллингомъ. Очерки, набросанные первымъ въ его „Правдѣ и поэзіи“ про впечатли-

тельнаго мужа, съ которымъ ему суждено было часто встрѣчаться впоследствии, живыми чертами изображаютъ дѣятельнаго, глубокомысленнаго, но раздражительнаго писателя. Пять лѣтъ пробылъ онъ въ Бюкебургѣ въ качествѣ старшаго придворнаго пастора и суперъ-интендента имперскаго графа Вильгельма, который, какъ мы уже знаемъ (стр. 343), съ военными наклонностями соединялъ также интересъ къ умственному развитію націи. Въ это время Гердеръ женился и написалъ большую часть сочиненій, съ которыми мы сейчасъ познакомимся. Въ 1776 году ему въ одно и то же время предложили занять должность профессора теологій въ Гёттингенѣ и совѣтника консисторіи и придворнаго пастора въ Веймарѣ. Онъ принялъ послѣднее предложеніе, главнѣйше по настоянію Гѣте. Сказавъ надгробное слово своей покровительницѣ, графинѣ Марьи Шаумбургской, умершей въ этомъ году, онъ переселился въ Веймаръ, и провелъ жизнь въ этомъ убѣжищѣ музѣ, въ сообществѣ высокихъ и благородныхъ личностей, украсившихъ тогда княжескій городъ въ Тюрингіи. Въ 1788, года два спустя послѣ Гѣте, онъ предпринялъ путешествіе въ Италію, гдѣ встрѣтился съ матерью герцога, Анною Амаліей. Въ 1801 году онъ отъ курфирста баварскаго получилъ дворянское достоинство. Ему нѣсколько разъ пришлось по болѣзни посѣщать воды въ Пирмонтѣ, Аахенѣ и Егерѣ; не смотря на то, онъ до своей смерти (18 декабря 1803 года) продолжалъ содѣйствовать подъему церковной и учебной системы—практически въ веймарскомъ герцогствѣ, а—литературно для всей націи вообще, какъ поборникъ гуманности и всякихъ доблестныхъ идей. Судя о человѣчествѣ по тому, что намъ извѣстно о немъ, сказалъ онъ однажды, по тѣмъ законамъ, какіе присущи ему, мы не знаемъ ничего выше гуманности въ человѣкѣ; для этой ясной цѣли организована наша природа, для нея даны намъ наипоболѣе чуткія чувства и побужденія, нашъ разумъ и языкъ, искусство и религія. Благодаря научному изслѣдованію и изученію естественныхъ начатковъ человѣческаго образованія и ихъ постепеннаго правильнаго развитія, Гердеръ сталъ основателемъ новой философской, религіозной и исторической науки, по пути которой продолжаемъ идти понинѣ, хотя бы съ той поры мы чрезвычайно обогатились и много двинулись впередъ. Съ годами у Гердера усиливалось мрачное настроеніе и недовольство съ свѣтомъ, такъ что онъ въ уныніи восклицалъ, что ошибся въ цѣли своей жизни; источникомъ такого грустнаго чувства помимо его впечатлительнаго щепетильнаго темперамента, было, надо полагать, сознаніе рѣзкаго разлада его натуры и умственнаго направленія съ его официальной должностью. Объ этомъ настроеніи свидѣлствуютъ также многія написанныя въ послѣдніе годы жизни сочиненія. „Метакритика“ и „Калипсона“ направлены были противъ его стараго учителя Канта, эстетическія сужденія котораго, какъ ему казалось, выходили изъ „безголосой души“; а въ „Адрастенѣ“, обсуждая и изображая событія и характеры восемнадцатаго столѣтія, онъ все минувшее прославляетъ въ ущербъ современности.

Многосторонній умъ Гердера схватывалъ самые разнородные предметы и придавалъ имъ новые оттѣнки. Онъ былъ равно великъ какъ глубокомысленный теологъ, творческій философъ, идеальный критикъ, и создалъ безсмертныя произведенія; они проникнуты духомъ поэтическаго созерцанія и творческой силы, исполненной фантазіи; образными поэтическимъ языкомъ они свидѣлствуютъ, что въ немъ поэтъ слился съ философомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ своими историко-философскими идеями открылъ новую эпоху въ пониманіи и изложеніи всемірной исторіи. Онъ соединилъ эллинскую свѣжесть съ восточнымъ достоинствомъ и въ то же время вмѣшалъ въ себя глубоко христіанское начало. Отъ Гамана перешло къ нему пристрастіе къ естественной поэзіи и къ младенческому возрасту человѣ-

чества, любовь къ Востоку и къ Библии, также поэтическое постиженіе христіанскихъ ученій и преданій. На него имѣлъ въ особенности вліяніе Лессингъ: на все, что-бы ни написалъ послѣдній, Гердеръ, раньше или позже, отзывался то одобрительно, то полемически; а отъ Винкельмана онъ усвоилъ себѣ пристрастіе къ аллегоріямъ, къ которымъ влекла его натура. Все, чему учили прежніе философы, въ особенности Спиноза и Лейбницъ, въ чемъ подвизались знаменосцы эпохи просвѣщенія, все это онъ воспринялъ въ свою впечатлительную душу и на все наложили своеобразный отпечатокъ. Одаренный чрезвычайнымъ пониманіемъ эпохъ и народовъ, онъ съ открытымъ воспримчивымъ чувствомъ усвоивалъ себѣ поэтическія и величавыя созданія чужеземныхъ націй и съ гениальнымъ тактомъ преобразовывалъ ихъ на свой художественный ладъ. У Гердера впервые зародилась мысль о всеобщей сравнительной исторіи литературы. Благодаря этой способности, воспринимать чуждую природу и поэзію, благодаря этой универсальности знанія и сочувствія, душа его открылась для идеи о всемірномъ гражданствѣ (космополитизмѣ), который выше патриотизма и ограниченной національности. Удивляясь творческому человѣческому уму, служащему основой истинному образованию, онъ призналъ гуманизмъ высшею цѣлью человѣческой природы. Всеобщее человѣческую культуру онъ считалъ высшимъ завершеніемъ религіи, почему и желалъ чтобы догматы были по возможности обобщены и проще, чтобы церковь была по возможности всеобъемлющая, и признавалъ терпимость и человѣколюбіе первою христіанскою добродѣтью. „Свѣтъ, любовь, жизнь“,—вотъ избранная имъ самымъ надпись на гробницѣ его.

Сочиненія
Гердера.

Подъ вліяніемъ Литературныхъ писемъ Гердеръ написалъ свои „Отрывки о новѣйшей нѣмецкой литературѣ“. Въ нихъ онъ бойкимъ поэтическимъ слогомъ приводитъ превосходныя замѣтки касательно литературы, языка, метрики, съ пылкимъ краснорѣчіемъ превозноситъ благородное величіе Гомера и эллинскихъ поэтовъ, обнаруживаетъ свою начитанность въ древней и новой литературѣ, говоритъ о своихъ чаяньяхъ и понятіяхъ по поводу высшей поэзіи. Тутъ онъ своими возбуждающими изслѣдованіями возсталъ противъ новыхъ поэтическихъ произведеній, а въ „Критическихъ мѣсахъ“ ратовалъ противъ новой критики, именно противъ высказанныхъ Лессингомъ въ Лакоонѣ художественныхъ сужденій; однако, яснымъ изложеніемъ этого остроумнаго мыслителя онъ не рѣдко противоставлялъ одни лишь темныя ощущенія и намеки. Въ этихъ произведеніяхъ уже слышалось вѣяніе періода бурь и порывовъ; но оно еще рѣзче выступило въ издаваемомъ имъ вмѣстѣ съ Гёте листкѣ о нѣмецкомъ искусствѣ. Тутъ онъ впервые языкомъ полнымъ чувственного пыла изложилъ свое пристрастіе къ Оссіану, къ естественной поэзіи, къ языку первобытныхъ временъ, когда еще не существовало различія между низкими и высокими выраженіями, ни между поэтическими и прозаическими словами; онъ возстаетъ противъ всякаго искусства и правила, въ его глазахъ имѣетъ значеніе одна только народная поэзія съ ея сильною чувственностью, съ ея образною фантазійю, съ ея буйными страстями и естественными побужденіями. Гердеръ съ его искреннею поэтическою чуткостью, съ его заимствованнымъ у Руссо пристрастіемъ ко всему элементарному и естественному, первый вполне оцѣнилъ понятіе о народной поэзіи и призналъ послѣднюю естественнымъ роднымъ языкомъ человѣческаго духа, зародышемъ и ядромъ всякой религіи, философіи и исторіи. Это пристрастіе къ размахистой безискусственной народной поэзіи побудило его составить художественную книгу „Голоса народовъ въ пѣсняхъ“; это ничто иное какъ собраніе національныхъ пѣсень, въ которыхъ съ поразительною вѣрностью и простотою схвачены и сверхъ того съ умѣлымъ выборомъ и чут-

кимъ даромъ претворенія изображены настроенія, душевныя состоянія и характеры разныхъ націй. Подъ тѣмъ же вліяніемъ Гердеръ написалъ о „Соломоновыхъ пѣсняхъ любви“ и животворную книгу о „Духѣ еврейской поэзіи“ (1782), въ которой проявилъ свой даръ усвоивать и мастерски излагать предметъ. Онъ показалъ, что поэтическія произведенія Евреевъ обладаютъ высокимъ достоинствомъ не только какъ носители религіозныхъ преданій и божественнаго откровенія, но такъ же какъ самыя пылкія и величавыя произведенія, какія создавались человѣческимъ умомъ у всѣхъ народовъ и во всѣ вѣка, что помимо религіознаго значенія, имъ присуще еще поэтическое и художественное. Эта книга была излюбленнымъ произведеніемъ его; ею онъ хотѣлъ пріохотить образованное общество къ дорогой для него Библии, оттого-то переложенія изъ нея мѣста ничто иное какъ „средство и плодъ“, а все остальное одна „шелуха“. По немъ еврейская поэзія была самая древняя, самая простая и задумчивая на свѣтѣ, исполнена искренняго естественнаго чувства, всецѣло проникнута поэтическимъ постиженіемъ и созерцаніемъ Бога и его твореній, то возносясь до восторженности, то нисходя до глубочайшаго подчиненія; она была по немъ естественная и національная поэзія народа, все бытіе и сущность котораго исполнились самаго глубокаго и твердаго богопознанія. Въ томъ же духѣ написаны переводы восточныхъ сказаній, стихотвореній и притчей, переданные въ „Пальмовыхъ листьяхъ“ поучительные рассказы Востока, въ „Параміюяхъ“ передѣланные въ параболы мнѣи Грековъ, подражаніе нѣкоторымъ стихамъ греческой анталогіи и незадолго передъ его смертію оконченные романсы о *Сидѣ*, въ которыхъ искусство переводчика сочеталось съ поэтическимъ даромъ Гердера. Онъ былъ свободный гений съ высокимъ порывомъ и широкимъ кругозоромъ; подобно титаническому Прометею Гердеръ стремился духовно проникнуть во всѣ условія жизни, во всѣ науки и усвоить себѣ самыя разнородныя знанія. Но философія и первобытная исторія были главными областями, въ которыхъ вращался его поэтически творческій даръ. Въ остроумной статьѣ о „Происхожденіи языка“, онъ призналъ послѣдній „развитіемъ разума, произведеніемъ человѣческихъ душевныхъ силъ“. Въ оспориваемомъ многими, написанномъ въ восточномъ духѣ „Древнѣйшемъ свидѣтельствѣ человѣческаго рода“ онъ гнѣвными словами пророка ревнуетъ противъ сухихъ изложеній исторіи о сотвореніи міра и поясняетъ ее поэтическою аллегоріей. Обѣ книги служили какъ бы подготовкою къ самому обширному и замѣчательному произведенію: „Идеи о философіи исторіи человечества“. Въ этомъ поэтическомъ твореніи, которому предшествовали другіе трактаты историко-философскаго содержанія, Гердеръ пытался изъ свойствъ земли и природы доказать поступательное развитіе или постепенное образованіе существъ, вывести изъ организаци человѣка, изъ его разумной способности и вѣшняго образованія его наклонность къ гуманности и религіи и представить его посредствующимъ членомъ двухъ міровъ; затѣмъ онъ воздвигаетъ исполненное фантазіи и восточныхъ красотъ зданіе первобытныхъ сказаній, изъ которыхъ возникаютъ науки, искусства, правительства и т. д., и признаетъ религію самымъ древнимъ и святымъ изъ всѣхъ унаслѣдованныхъ преданій. Точкою отправления при этомъ ему служилъ Моисеева исторія сотворенія міра, которую онъ смѣлымъ, гениальными толкованіями сумѣлъ согласовать съ выводами новѣйшаго естествознанія. Это съ поэтическимъ размахомъ и благородною восторженностью, образнымъ языкомъ написанное твореніе, поставившее чисто человѣческое выше христіанскаго и національнаго, произвело громадное дѣйствіе, оно было настоящимъ евангеліемъ принципа гуманности. Всѣ образованные люди, которымъ сухіе символическіе догматы ортодоксовъ были такъ же не

по душѣ, какъ и разрушающее разсудочное вѣрованіе нововводителей, прибѣгли къ религиозной поэзіи Гердера, такъ какъ она давала пищу фантазіи и чувству, не налагал оковъ на мыслящій умъ. Строго вѣровавшие теологи, напротивъ того, были недовольны ни смѣлыми вольными принципами и идеями въ „Христіанскихъ трактатахъ“, „Весѣдахъ о Богѣ“ и др., ни нечестивыми передѣлками ветхозавѣтныхъ книгъ („Пѣсни любви“, древнѣйшія и прекраснѣйшія съ Востока, „Маравъ Ата или о будущности Господа“ и др.). Гердеръ однако не смущался; въ своихъ „Письмахъ объ изученіи теологій“ онъ пытался внушить воспримчивому уму молодежи поэтическое и широкое пониманіе христіанства, поставить гуманность цѣлью и высшимъ завершеніемъ всякой религіи; въ „Письмахъ о гуманности“ и въ другихъ трактатахъ онъ ссылался на крайніе источники, на чистѣйшее и простѣйшее ядро христіанства и, въ противоположность къ господствующимъ церквамъ и сектамъ, возвѣстивъ общечеловѣческую религію и всемірную церковь, причемъ, конечно основу, должно бы было составить по возможности широкое и всеобщее вѣроисповѣданіе. Такимъ образомъ религія и національность подчинились принципу гуманности: и въ самомъ дѣлѣ, отчизна и церковь зависятъ отъ случая рожденія, а вѣра въ достоинство человѣчества, напротивъ того, приобрѣтается собственнымъ стремленіемъ къ культурѣ. Въ этихъ воззрѣніяхъ Гердеръ соглашался съ масонскимъ орденомъ. Изъ ихъ вѣдръ возникли идеи объ освобожденіи рабовъ, о мирныхъ конгрессахъ, о филантропіи.

VI. Гёте и Шиллеръ.

1. ГЕТЕ ВЪ ПЕРІОДЪ БУРЬ И ПОРЫВОВЪ.

Жизнь и
развитіе.

Ни въ одномъ изъ поэтовъ духъ времени не отражается такъ ясно и вѣрно какъ въ Гёте, что свидѣтельствуетъ о его наблюдательности и воспримчивости относительно всякаго рода впечатлѣній. Родившись во Франкфуртѣ на М. (28. августа 1749), въ достаточномъ, знатномъ семействѣ, Иог. Вольфгангъ Гёте пользовался отличнымъ воспитаніемъ, которое и довершилъ въ Лейпцигѣ и Страсбургѣ. Онъ однако рано ознакомился съ запутанными отношеніями и нравственными условіями большаго города въ ущербъ своей юношеской невинности. Оттого-то его первые драматическіе опыты, написанные во время пребыванія въ Лейпцигѣ, комедія „Прихоть влюбленнаго“ и „Совинювники“, имѣютъ своимъ средоточіемъ порчу нравовъ въ семейномъ бытѣ и не изобличаютъ никакого слѣда юношескаго поэтическаго вдохновенія. Однако, и въ студенческіе годы въ нѣкоторыхъ мелкихъ лирическихъ стихотвореніяхъ проявлялось уже стремленіе къ творчеству, пробивавшееся самостоятельнымъ путемъ. Въ Лейпцигѣ, гдѣ молодой Гёте занимался правовѣдѣніемъ, онъ вступилъ въ сношеніе съ Геллертомъ и съ авторами Бременскихъ прибавленій; его однако отталкивалъ узкій духъ и низменный кругозоръ этихъ вялыхъ поэтовъ. Клопптокъ, стихи котораго онъ читалъ уже въ родительскомъ домѣ къ великой досадѣ его строгого, педантическаго отца, служилъ для него предметомъ удивленія до той поры, пока „Лаокоонъ“ Лессинга, „Исторія искусства“ Винкельмана и преобразование естественныхъ наукъ Бюффонномъ не открыли его уму новаго міра. Съ этой поры пылкій духъ его охотнѣе всего вращался въ области искусства и естествовѣдѣнія. Но живой

умъ виталъ также и въ другихъ отрасляхъ человѣческаго знанія и старался усвоить себѣ все, что могло бы способствовать его внутреннему развитію, освѣтить ему страшныя загадки жизни, которыя ведѣтъ и непрерывно навязывались живымъ помысламъ и чувствамъ, и могло бы примирить его съ ними. Послѣ кратковременнаго пребыванія во Франкфуртѣ, гдѣ онъ занимался мистико-химическими сочиненіями и поддерживалъ сношеніе съ педистами и гернгутерами (съ дѣвницею фонъ Клеттенбергъ, изъ бесѣдъ съ которою возникли „Признанія прекрасной души“ въ Вильгельмѣ Мейстерѣ), онъ отправился въ Страсбургъ. Тутъ Гердеръ своимъ возбуждающимъ вліяніемъ на Гёте обратилъ его вниманіе на естественную и народную поэзію, внушилъ ему пристрастіе къ Библии, къ Оссиану и Шекспиру и породилъ въ немъ вѣру въ то, „что поэзія отнюдь не частное надлѣіе нѣкоторыхъ высоко образованныхъ людей, а всесвѣтлый и народный даръ“. Величавый соборъ возбудилъ въ немъ воодушевленіе къ готическому водчеству, которое тогдашними знатоками считалось варварскимъ вусомъ. Любовная связь съ дочерью священника въ Сезенгеймѣ, внушила дѣлу его тѣ задушевные чувствительные звуки, которые такъ обаятельно отзываются въ его пѣсняхъ, посвященныхъ Фридерикѣ. Такъ во всю жизнь Гёте имѣлъ привычку и потребность, „все, что радовало, тревожило и занимало его глубокую и легко возбуждаемую душу, ради собственного самоосвобожденія возносить въ свѣтлыя выси поэтическаго созданія“.

Обширные планы замыслились тогда, однако разумно сдерживались. Молодой поэтъ носился съ тишичнымъ образомъ Цезаря въ драматической формѣ, съ жизнью Сократа, „философскаго геройскаго гения, ратовавшаго противъ фарисейскаго міра филистровъ“. Плодомъ страсбургскихъ впечатлѣній и одушевленія Шекспиромъ было драматическое произведеніе, „Гёте фонъ Берлихингенъ“, въ которомъ пробилось наружу чувство свободы, проникшее тогда въ нѣмецкій край. Мужественная нѣмецкая натура рыцаря съ жельзною рукой дышетъ тѣмъ смѣлымъ, сильнымъ духомъ періода бурь и порывовъ, сходнаго въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ тревожною эпохой въ началѣ реформации. Съ изумительною историческою прозорливостью усвоилъ себѣ и изобразилъ Гёте то мощное время съ ея сильными характерами и живыми страстями, съ ея любовью и ненавистью, — то отживавшее средневѣковье съ его рыцарскою добродѣтелью и вѣрностью въ Гёцъ и окружавшихъ его, — тотъ новый наступавшій культурный міръ съ его чувственною похотью и придворными кознями при бамбергскомъ дворѣ. Въ благородномъ образѣ Лерзе поэтъ увѣковѣчилъ своего рано умершаго страсбургскаго друга. За одно съ Гёдомъ поэтъ до поры до времени „свалилъ съ плечъ“ британскаго поэта, который прозвель на него такое мощное впечатлѣніе; послѣ того онъ изъ своей собственной души уже сталъ черпать новые предметы. Гёте въ качествѣ адвоката водворился въ своемъ родномъ городѣ; съ цѣлью расширить юридическія знанія и ознакомиться въ имперскомъ судѣ съ судопроизводствомъ, а пуще всего съ тѣмъ чтобы добиться испости и самоопредѣленности въ сутолокѣ своей бурной души, онъ въ 1772 г. отправился въ Вецларъ. Тутъ изъ приключеній, пережитыхъ имъ самимъ и посторонними лицами, развился романъ въ письмахъ: „Страданія молодого Вертера“. Въ этомъ поэтическомъ произведеніи изображаетъ онъ юношу, проникнутаго энергическою гениальною эпохой и грезами Руссо; заразившись болѣзненною „міровою“ скорбью, онъ въ разладѣ съ дѣйствительностью удалился въ царство поэзіи, къ унылому Оссиану и въ уединеніе природы, а наконецъ, подъ гнетомъ ощущеній и чрезмѣрной чувствительности, отъ любовной скорби лишилъ себя жизни. Эта „гениальная трагедія сердца“, которую Гёте исцѣлился отъ собственнаго недуга изну-

Гёцъ и Вер-
теръ.

равшей сентиментальности и которую онъ самъ прозвалъ существомъ, вскормленнымъ имъ, подобно пелликану, кровью своего сердца, произвело бурю восторга, подражания и противорѣчя. Нѣжныя и сентиментальныя души обожали Вертера и его автора и вызвали тѣмъ цѣлый потокъ исполненныхъ любви и грусти романовъ; изъ нихъ, впрочемъ, одинъ только *Миллера „Зигартъ, монастырская исторія“*, пережилъ эту сентиментально мечтательную эпоху; правовѣрные лютеране, напротивъ того, и „Гѣце съ знаменемъ осажденнаго Сіона во главѣ“, возопяли противъ грѣховной книги, въ которой самоубійство прославляется словно геройскій подвигъ, а Николай, глава сухихъ, прозаическихъ нравственныхъ и художественныхъ суждѣній въ Берлинѣ, пытался въ вялой народнѣ „Радости и страданія молодого Вертера“ осмѣять поэтическое произведеніе, въ которомъ находилъ гибельныя для нравственности ученія, извуряющія характеръ. Любовь самаго Гѣте къ обрученной съ „Альбертомъ“ Лотте, дочери старшины въ Вецларѣ, послужила главнымъ поводомъ къ изложенному въ письмахъ роману, и эта дѣйствительная основа придала ему теплоту и свѣжесть. На трагическій исходъ явно имѣло сильное вліяніе самоубійство знакомаго Гѣте, молодого Иерусалема, совершившаго его, какъ полагали, вслѣдствіе любви къ замужней дамѣ. Изъ этого Иерусалема и изъ самаго себя Гѣте создалъ одну личность, Вертера, „молодого человѣка (какъ онъ самъ выражается), одареннаго глубокими, чистыми чувствами и способностью искренне проникаться; но, предавшись грезамъ, онъ самъ подточивалъ себя думами, пока наконецъ, разбитый возникшими несчастными страстями, особенно безвыходною любовью, не пустилъ себя пули въ лобъ“. Пошлая народія Николай, въ которой Вертеръ отдѣлался, запачкавшись отъ заряженнаго куриную кровью пистолета, повредила развѣ самому автору, несколько не ослабивъ дѣйствія Гѣтева романа. Миллеръ въ своемъ *Сиггартѣ* хотѣлъ изобразить добродѣтельную любовь, потому герой и не кончаетъ самоубійствомъ, а умирать съ тоски на могилѣ Маріанны. Гѣте отомстилъ своимъ противникамъ во „Франкфуртскихъ вѣдомостяхъ“, которыя онъ издавалъ съ своимъ зятемъ Г. Георгомъ Шлоссеромъ и съ своимъ саркастическимъ другомъ, подлинникомъ Мефистофеля, дармштатскимъ совѣтникомъ Меркломъ, исполненнымъ вкуса и критическаго дара. Бойкими, набросанными статьями Гѣте поражалъ „Берлинскій фонарный свѣтъ“ и „Гамбургскій мравъ“, а эпиграмма его „Николай на могилѣ Вертера“ перешодила изъ рукъ въ руки и распалила злобу врага; потомъ, раздраженный неблагоприятною рецензіей по поводу Гѣце въ Меркуріѣ Виланда, онъ въ остроумной путкѣ „Боги, герои и Виландъ“ осмѣялъ его вялое и водяное изображеніе эллинскаго быта.

Эти произведенія, положившія въ нѣмецкой литературѣ основаніе новой эпохи, обратили вниманіе всей Европы на гениальнаго поэта; въ эту самую цвѣтущую пору его жизни онъ отличался статнымъ сложеніемъ и мужественною красотой, легко примѣнялся ко всякой чуждой натурѣ, такъ что на всѣхъ производилъ чарующее дѣйствіе. Его радушный нравъ, его теплота, уваженіе ко всякой цѣльной натурѣ, хотя бы она и отличалась отъ его собственной, влекли къ нему сердца людей. Онъ находился въ письменныхъ и личныхъ сношеніяхъ съ передовыми личностями того времени и совершенно отдался своему творческому гению, „выражалъ веинныя чувства юности въ мелкихъ стихотвореніяхъ, а болѣе острыя приправы жизни—въ разныхъ драмахъ“. Въ то время возникли его бойкія сатиры, юмористическіе очерки въ родѣ и въ формѣ Ганса Сакса, вытекшіе болѣею частію изъ дѣйствительности, имъ пережитой, изъ личныхъ встрѣчъ, сношеній и событій, составлявшихъ злобу дня, какъ напр. „Патеръ Брей“ (на чувствительнаго, нѣжнаго остроумца Лейхсенринга), „Са-

Франкфуртъ и
Веймаръ.

тиръ или обоготворяемый лѣшій“ (на Базедова и на сумасбродныхъ поклонниковъ природы), „Ярмарка въ Пундерсвейлерѣ“; потомъ также мелкія болѣе строгія произведенія въ родѣ „Земное странствіе художника“ и „Поэтическое посланіе Ганса Сакса“, юношескія пѣсни, въ которыхъ по образцу старой народной былинны онъ все оживлялъ картинными, всѣмъ мыслямъ придавалъ образы, а сверхъ того еще наброски болѣе обширныхъ стихотвореній, въ которыхъ впоследствии увлекательно отразилась титаническая натура порывистаго поколѣнія, „демонская мука неумиротворенной мировой скорби“, какъ въ Вертерѣ (Фаустъ, Прометей). Литературная дѣятельность не мѣшала ему проводить веселую жизнь, ни также заниматься адвокатскими дѣлами, которыми онъ посвятилъ себя по желанію отца, хотя они его вовсе не удовлетворяли. Онъ легко примѣнялся ко всякимъ условіямъ, во всемъ овладѣвалъ поэтической стороной. Походы и прогулки въ окрестностяхъ съ веселыми товарищами, катанье зимою на конькахъ, любовныя походы и проказы поддерживали въ немъ свѣжесть и живость. Веселымъ свѣтскимъ юношею совершилъ онъ съ Лафатеромъ и Базедовымъ („пророкъ справа, пророкъ слѣва“) извѣстное путешествіе по Рейну. Его лирическія стихотворенія, особенно задушевныя пѣсни, служатъ зеркаломъ этой жизненной полноты. Нѣжныя отношенія, въ родѣ его помолвки съ „Лили“ (Анной Елисаветой Шенеманъ), его сношеній съ Максимилианою Brentano, урожден. Ларопъ, поэтической переписки съ Августою Штольбергомъ, возбуждали его умъ и поэтическую фантазію. Мизанская трагедія „*Клавдио*“, по запискамъ французскаго поэта Бомарше съ намеками на отношенія самаго Гѣте къ Фридерикѣ въ Сезенгеймѣ, „*Стелла*“, драма для влюбленныхъ, по соблазнительной исторіи изъ велико-свѣтскаго круга безъ всякаго высшаго нравственнаго содержанія, какъ бы „искаженный противень Вертера“, оперетки „Эрвинъ и Эльмира“ и „Клавдина изъ виллы Беллы“,—все это въ первоначальномъ видѣ возникло во Франкфуртскій періодъ и свидѣтельствуетъ о быстрой изобрѣтательности, о способности изображать и о высокомъ искусствѣ владѣть языкомъ. Стихотворенія „Магометъ“ и „Вѣчный жидъ“, отъ которыхъ сохранились небольшіе отрывки, созданы были по поводу религиозныхъ проявленій того времени.—Затѣмъ Гѣте отправился по приглашенію въ Веймаръ (1775), въ это обorne мѣсто передовыхъ талантовъ той эпохи. Въ средѣ образованнаго, веселаго двора, душою котораго была умная, возбуждавшая всѣхъ герцогиня Анна Амалія, пользуясь дружбою и расположеніемъ молодого, воспримчиваго ко всему благородному герцога Карла Августа, который произвелъ его въ тайные совѣтники и не могъ дня обойтись безъ его общества и бесѣды, чтимый и восхваляемый всѣми, Гѣте сначала всецѣло предался водовороту жизни. За празднествами и общественными удовольствіями, причѣмъ господствовалъ вольный, радушный тонъ и отрадное веселье, не рѣдко доходившее до рѣзвости и необузданности, за хлопотами по театру любителей, для котораго онъ сочинилъ оперетки („Жери и Бетели“, „Лила“, „Рыбачка“) и мелкія драматическія пьесы („Торжество чувствительности“, „Братья и сестры“, оперетку „Шутка, хитрость и месть“), за путешествіями (первое и второе путешествіе на Гарцъ, путешествіе въ Швейцарію), за государственными дѣлами и развлеченіями всякаго рода у него не хватало досуга, выполнить великіе задуманные въ немъ замыслы, ни окончить начатія произведенія („Эльпеноръ“, „Тайны“ и пр.). Исторія Бернгарда Веймарскаго, обработать которую побуждалъ его герцогъ, и для которой Гѣте собралъ уже богатый матеріалъ, также не была довершена. Онъ предался наслажденію и внѣшней жизни, „словно Самсонъ, у котораго Делла похитила локоны“, однако въ то же время запасался на будущее время богатымъ внутреннимъ опытомъ. Онъ посту-

паль согласно пречению: „Если хочешь достичь безконечнаго, то исходи во всё стороны въ конечномъ“. Сношеніе съ госпожею Штейнъ, „которая смотрѣла на свѣтъ въ настоящемъ его видѣ, а все-таки сквозь призму любви“, имѣло плодотворное вліяніе на его поэтическія произведенія, въ особенности на лирическія, самыя живыя и задушевные отголоски которыхъ относятся къ веймарской эпохѣ.

2. ГѢТЕ ВЪ ИТАЛІИ. ФАУСТЪ.

Ифигенія,
Тассо, Эг-
монгъ.

Предпринятое въ 1786 году путешествіе въ Италію сообщило энергичный толчекъ душѣ Гёте и пробудило заснувшее въ немъ творчество. Отвѣчавшій его натурѣ южный жизне-быть, богатство естественныхъ произведеній и художественныхъ сокровищъ въ Италиі, вольная, непринужденная жизнь и всё разлитыя по этой странѣ чары дѣйствовали чрезвычайно возбуждительно на его духъ. „Въ Римѣ я опомнился“, писалъ онъ, „я впервые поладилъ съ самимъ собою, сталъ счастливъ и благоразуменъ“. Онъ предавался самымъ многообразнымъ впечатлѣніямъ и занимался разнообразными предметами. Довольство въ виду классическаго совершенства древнихъ вытѣснило гениальную безурядицу; сѣверная угрюмая поэзія, преобладавшая въ Вертерѣ, замѣнилась ясною, гармоническою красотою Грековъ; Оссіанъ и Шекспиръ уступили мѣсто Гомеру и Софоклу. Греческое искусство и эллинскій духъ получили въ его глазахъ главное значеніе и заглушили въ немъ прежнее пристрастіе къ христіанско-готическому зодчеству. Самымъ чистымъ слѣнкомъ этого античнаго созерцанія, какъ по содержанию такъ и по формѣ, была дивная, проникнутая эллинскимъ духомъ драма „Ифигенія съ Тавриды“; въ ней поэтъ въ гармоническомъ сочетаніи связалъ чистѣйшій цвѣтъ современной цивилизаціи съ самыми чистыми формами безсознательно творческой древности. Великій, свѣтлый духъ древности смягченъ нѣжностью и задушевностью новѣйшей эпохи, и надо всѣмъ разлито вліяніе мира и покоя. Нѣмецкія переселенія въ тотъ дальній восточный край завоеваннаго Русскими полуострова Крыма (Тавриды) придали своеобразный интересъ современности пьесѣ, которую поэтъ „какъ драгоцѣнное бремя“ перенесъ съ собою черезъ Альпы, а потомъ у Гардскаго озера и въ городахъ Италиі передѣлалъ въ метрическія строки. Въ Ифигеніи Гёте передалъ впечатлѣнія античнаго міра, а въ трогательной задушевной драмѣ „Торквато Тассо“ — ощущенія, почерпнутыя изъ итальянскихъ поэзій Тассо и Аріоста. Въ это художественное произведеніе, въ которомъ съ чрезвычайнымъ психическимъ знаніемъ и искусствомъ очерченъ разладъ поэта съ свѣтскимъ человѣкомъ, Гёте внесъ весь свой внутренній опытъ и свои самыя сокровенныя чувства. Эти личныя отношенія выступили еще ярче вслѣдствіе сравненія пристрастныхъ къ искусствамъ дворовъ въ Феррарѣ и Веймарѣ, а въ „тайнѣ благородной любви, скромно довѣренной прелестной пѣснѣ“, поэтъ вспоминалъ обо отсутствовавшей госпожѣ Штейнъ. Въ обихѣ пьесахъ мало дѣйствія, однако Гёте сумѣлъ преобразить въ дѣйствіе внутреннее настроеніе, совершавшійся въ душѣ нравственный порывъ. Главное достоинство Тассо заключается въ обилии благородныхъ помысловъ и въ прекрасныхъ поученіяхъ житейской мудрости, Ифигенія же отличается своимъ глубоко обдуманномъ художественнымъ планомъ, совершенствомъ формы и простотою дѣйствія. — Гётевъ дневникъ итальянскаго путешествія, его живое описаніе римскаго карнавала доказываютъ, что новыми впечатлѣніями и духовнымъ подъемомъ прозаическій слогъ его также доведенъ былъ до высокаго совершенства. Къ чему бы онъ ни прикоснулся своимъ перомъ, во всемъ разлита

неподражаемая прелесть и какъ бы осязаемая грація. Онъ самодержавно владѣлъ литературнымъ языкомъ. На всемъ, что Гёте писалъ съ этихъ поръ, лежитъ отпечатокъ итальянскихъ созерцаній и все это, особенно относительно формы, словно широкою пропастью отдѣляется отъ произведеній перваго періода. Онъ опомнился, и все, что сочинялъ до сихъ поръ, возвелъ на высоту самаго чистаго искусства. Въ трагедіи „Эгмонтъ“, которую онъ, подобно „Ифигеніи“ и „Тассо“, начерталъ уже въ прежніе годы и отчасти разработалъ, но довершилъ лишь послѣ поѣздки въ Италію старое и новое направленія сочетались вмѣстѣ. Эгмонтъ также одаренная натура, но обращенная не къ мрачной, а къ отрадной, свѣтлой сторонѣ жизни. Содержаніе и живо очерченныя народныя сцены напоминаютъ Шекспира и Гёте, но приспособленіе всей пьесы къ главному герою, смѣлый порывъ и гениальное благодушіе котораго поэтъ очертилъ съ такою любовью и съ такимъ искусствомъ, изобличаетъ вліяніе античныхъ художественныхъ правилъ. Ясная рыцарская личность Эгмонта и преданная ему Клерхенъ съ ея прелестною свѣжестью и сердечною чистотою — все это мастерски задуманные и исполненные образы, однако, цѣлое лишено единства въ развитіи трагическаго дѣйствія. На странный исходъ имѣло, вѣроятно, вліяніе то, что поэтъ въ это время былъ занятъ итальянскою опереткой.

Въ боргезскихъ садахъ въ Римѣ нѣмецкіе художники и путешественники до сихъ поръ указываютъ то мѣсто, гдѣ Гёте сочинялъ кухню вѣдьмы для своего „Фауста“. Ни въ одномъ изъ произведеній поэтъ не представилъ свою собственную внутреннюю жизнь, свое человѣческое и поэтическое развитіе такъ ярко, какъ въ драматическомъ твореніи „Фаустъ“. Это поэтическое произведеніе, основныя черты котораго были набросаны уже въ ранней молодости, и которое закончилось лишь за годъ до его смерти, протянулось во всю долгую жизнь Гёте; оттого такъ рѣзко отличаются не только первая часть отъ второй, но многія явленія даже въ первой части одно отъ другаго. Всѣмъ давно ужъ рѣшено, что въ этомъ произведеніи съ завидною легкостью и превосходствомъ излагается прекраснѣйшій цвѣтъ поэтической фантазіи, и поэтъ погружается въ нѣдра человѣческой души, обстоятельно возводя сокровеннѣйшія свойства ея въ перль созданія; не всё однако могли освоиться съ „путаницею и смутеніемъ темныхъ представленій съ темными словами“, которыя, конечно, объясняются глубокомысленнымъ содержаніемъ. Примкнувъ къ народному сказанію, Гёте преобразилъ Фауста въ носителя и представителя современныхъ идей, умственныхъ направленій и стремленій; въ первой части онъ очертилъ личность его, а во второй — представилъ скорѣе идеальнымъ существомъ. Въ первой части Фаустъ является однимъ изъ тѣхъ энергичныхъ демонскихъ людей періода бурь и порывовъ, который проникъ во всѣ глубины знанія, тщетно добывая внутренняго удовлетворенія; доведенный до отчаянія ложью и скудостью всякаго человѣческаго знанія, онъ задумалъ самоубійствомъ освободиться отъ тѣлесныхъ узъ, мѣшающихъ ему проникнуть въ нѣдра природы и познать сущность вещей. Но вотъ — пасхальная пѣснь пробуждаетъ въ немъ отрадное воспоминаніе о блаженныхъ дняхъ невинной юности, когда душа его обрѣтала покой въ вѣрѣ, когда цѣлью его желаній и стремленій было удовлетвореніе чувственныхъ потребностей чистаго свойства, и удерживаетъ его отъ замысла. „Слеза скатилась, и я спова въ жизнь вступлю“. Теперь онъ всѣми помыслами хочетъ вновь утвердить въ душѣ эту вѣру въ божественное откровеніе; но вкусивъ уже отъ древа познанія, онъ не можетъ болѣе вернуться къ наивному вѣрованію. Пытаясь „перевести на свое излюбленное нѣмецкое“ начало евангелія отъ Іоанна, онъ начинаетъ умствовать и подпадаетъ власти лукаваго, ко-

Фаустъ.

торый въ образѣ пуделя уже обошелъ его обширными кругами. Смѣло побившись объ закладъ, онъ вступаетъ въ связь съ Мефистофелемъ, отрывается отъ будущей жизни, отъ теорій и умозрѣнй, и, сложивъ съ себя порывъ къ знанью и фантастическій идеализмъ, помолодѣвъ, онъ предается веселью жизни и наслажденю во всѣхъ его видахъ; и вотъ — умственный герой Фаустъ пошелъ по путямъ Донъ Жуана, героя чувственнаго міра, но также тщетно добивался удовлетворенія. Да и могъ ли одинокій идеалистъ, который въ титаническомъ чувствѣ безпредѣльности хотѣлъ быть всѣмъ челоѣчествомъ, удовольствоваться одностороннимъ реализмомъ, одною житейскою дѣятельностью? Онъ падѣется достигъ челоѣческаго счастья въ обладаніи женскимъ существомъ (Гретхенъ), которое такъ мастерски очертилъ поэтъ; но лукавый разстроилъ и это счастье, такъ какъ оно опиралось не на правдѣ и добродѣтели, а на чувственной натурѣ челоѣвѣка. Отдавшись любви и соблазну, Гретхенъ лишилась цѣломудрія и невинности, вышла изъ предѣловъ женственнаго права, дѣтскаго благочестія, семейной добродѣтели, общественнаго уряда и вполне предалась похоти запретной любви; за первымъ грѣхомъ слѣдуетъ другой. Она усни- тельнымъ зельемъ лишаетъ жизни мать свою; ея братъ, честный солдатъ Валентинъ, палъ въ ночномъ поединкѣ съ Фаустомъ и Мефистофелемъ; она сама умерщвляетъ свое родное дитя; земное блаженство ея погнбло; но преданная суду за дѣтоубійство, искупаетъ свои преступленія и удостоивается небесной благодати. Она сошла съ ума, но исполненная чувства христіанской добродѣтели, отказывается бѣжать изъ тюрьмы и спасается для небесъ, а впоследствии, во второй части, появляется въ блаженномъ сонмѣ кающихся. Тревожная совѣсть Фауста усыпляется пошлыми развлеченіями на Брокенѣ въ Вальпургіеву ночь.—Для того чтобы трагедія „Фаустъ“ повела къ удовлетворительному рѣшенію, надлежало добиться примиренія духовной свободы и умственного развитія съ чувственною природою челоѣвѣка; вѣдь только такое согласіе высшаго духовнаго образованія съ сильными побужденіями чистой природы составляетъ идеаль челоѣческаго совершенства; осуществить эту гармоническую связь и ввести организованнаго такимъ образомъ челоѣвѣка въ дѣйствительную и практическую жизнь, такъ чтобы знаніе и наслажденіе сопровождалось подвигомъ — вотъ въ чемъ состояла задача второй части Фауста; однако, вызванныя самимъ Гёте продолженія его трагедіи оказались лишь слабыми повтореніями прежняго, а вторую часть самаго Гёте, въ которой обнаруживаются слѣды старчества и измѣнившихся убѣжденій, нельзя считать удачнымъ рѣшеніемъ задачи. Идея Фаустовой трагедіи въ смыслѣ символической всеобщей драмы челоѣчества едва ли можетъ вмѣститься въ рамку законченнаго въ самомъ себѣ художественнаго произведенія. Въ ассистентѣ Вагнерѣ Гёте увѣковѣчилъ одного изъ своихъ страсбургскихъ и франкфуртскихъ друзей, драматическаго поэта буйно гениальнаго направленія, Генр. Леопольда Вагнера, который, подобно Ленцу, выдавалъ себя за соперника Гёте („Прометей“, „Дѣтоубійца“, исторія Гретхенъ въ описанномъ видѣ); а въ Мефистофелѣ онъ изобразилъ личность упомяну- таго дармштадтскаго критика, Мерка, который своими собственными сочиненіями (романами, переводами, критическими статьями) прославился менѣе, нежели своимъ вліяніемъ на Гёте. Основная мысль критико-эстетическаго сужденія Мерка о франкфуртскомъ другѣ сводится къ слѣдующему приговору: „Ты стараешься, ты неуклонно стремишься придать дѣйствительности поэтическій образъ; другіе же пытаются осуществить такъ называемое поэтическое, воображаемое, а изъ этого кромѣ нелѣпности ничего не выходитъ“. Несчастныя семейныя обстоятельства довели Мерка до самоубійства.

3. Гёте и французская революція.

Преобразившись душою, обогатившись впечатлѣніями и плодотворными задатками умственной жизни, Гёте 10. іюня 1788, прекраснымъ луннымъ вечеромъ, вернулся въ Веймаръ. Отношенія его къ госпожѣ Штейнъ и до отъѣзда уже тяготили его, теперь же онъ пытался совѣмъ отъ нихъ избавиться. Ему скоро удалось это, благодаря знакомству съ Христіаною Вульпусъ, которую онъ принялъ въ домъ и на которой впоследствии женился. Рѣзвая, наивно веселая дѣвочка и была именно тотъ цѣточекъ, у котораго „прекрасныя очи сверкали какъ звѣзды“, который онъ увидѣлъ въ лѣсу и съ корнемъ увезъ въ садъ къ прелестному дому. Онъ привязанъ былъ къ своей любимицѣ до смерти ея, даже тогда, когда она давно уже утратила свою прелесть, и цвѣтущая юность смѣнилась дурными житейскими привычками. Госпожа Штейнъ не вынесла такого пренебреженія. Исполнившись ревности и ненависти, она чуждалась его и излила свою злобу въ непріязненной драмѣ „Дидо“, которая однако издава была долго спустя послѣ смерти обоихъ. Къ этому времени относятся „Римскія элегіи“, въ которыхъ Гёте по древнимъ образцамъ, особенно по Проперцію, воспѣваетъ наивную чувственную жизнь въ природѣ и увлеченіе отрадными мгновеніями, примѣняясь отчасти къ собственному своему состоянію. Передъ возбужденною фантазіей вновь оживаютъ древне-веселые боги и чувственно радостное бытіе античныхъ людей. „Венеціанскія эпиграммы“, поводъ къ которымъ подала поѣздка въ Венецію къ возвращавшейся изъ Италіи матери герцога (въ мартѣ 1790), имѣютъ также отношеніе къ впечатлѣніямъ и наблюденіямъ, вынесеннымъ изъ веймарскихъ житейскихъ условій. Въ этихъ произведеніяхъ недовольнаго настоящимъ положеніемъ поэта вѣетъ суровое чувство негодованія и сатиры. — Такое раздраженное настроеніе поддерживалось и обострялось еще бурными событіями. Вскорѣ по возвращеніи Гёте изъ Италіи вспыхнула французская революція. Мощное событіе съ его политическими и воинственными тревогами, его демократическими волненіями, мѣшавшее благодушной и спокойной привольной жизни, было не по душѣ аристократическому нраву и художественной, наклонной къ мирнымъ наслажденіямъ натурѣ поэта. Онъ, правда, сопровождалъ веймарскаго герцога въ Шампанью, находился при осадѣ Майнца и описалъ ее, однако, въ душѣ негодовалъ на „ниспроверженіе всего существующаго“, на „наступленіе новой эпохи всемірной исторіи“, которое, какъ онъ чаялъ, будетъ слѣдствіемъ злополучной кампаніи. Онъ все болѣе и болѣе отвращался отъ общественной жизни и прибѣгалъ къ изученію искусствъ и природы или углублялся въ свои итальянскія воспоминанія. Чѣмъ тревожище и смутнѣе волновался вокругъ него міръ, тѣмъ глубже и крѣпче замыкался онъ въ тихую область своей внутренней умственной жизни. Къ этому времени относятся его естественнонаучные труды, „Теорія цвѣтотъ“ и „Метаморфоза растений“, съ которыми мы ознакомились уже прежде (стр. 187, 193), также его изученія геологій, горныхъ породъ и минераловъ. Только тогда, когда онъ, наслаждаясь и созерцая, жилъ въ искусствѣ, говоритъ Гервиндусъ, или когда наблюдалъ величавыя и спокойныя проявленія и дѣйствія природы, Гёте наслаждался безмятежнымъ счастьемъ. Изучая искусства, онъ задумалъ также написать біографію Бенвенуто Челлини. Все новое, что Гёте сочинилъ во время революціи, состояло большею частью въ связи съ событіями во Франціи, какъ напр. „Побочная дочь“, по запискамъ принцессы Бурбонъ Конти, драма въ торжественномъ тояѣ и въ

Гёте послѣ путешествія по Италіи.

знатной обстановкѣ, съ типичными характерными лицами; рассчитанная сначала на трилогию, она должна была представить вѣчто въ родѣ философи и естественной исторіи революціи, — „Гроскофта“, „Гражданскій генералъ“, „Путешествіе сыновей Мегабразона“, „Возбужденные“. Даже поэма „Рейнеке-Лисъ“, переведенная на ново-нѣмецкій языкъ текзаметрами, не лишена политическихъ намековъ. 1).

Германъ и Доротеа. Вильгельмъ Мейстеръ.

Благодаря лишь сношеніямъ съ Шиллеромъ, что для Гёте было, новою весною, когда все радостно зарождалось одно вслѣдъ за другимъ и возникало изъ распустившихся сѣмянъ и вѣтвей“, авторъ „Фауста“ вырвался изъ этого неприятнаго настроенія. Онъ попытался, въ прекрасной идиллической поэмѣ: „Германъ и Доротеа“ связать стародавнее происшествіе съ современными политическими событіями, которыя издалека лишь угрожають ограниченному кружку мѣщанскаго счастья, придать вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе глубокой знаменательный смыслъ стихотворенію, изобразивъ скорбную участь переселенцевъ. Въ то же время онъ окончилъ свой романъ: „Годы ученія Вильгельма Мейстера“. Въ немъ Гёте мастерски и изящно, съ удачною характеристикой, особенно женскихъ личностей, очертилъ главнѣйше театральныи бытъ и похощенія актеровъ во всѣхъ подробностяхъ, такъ что это произведеніе возбудило всеобщій восторгъ, не смотря даже на неясную тенденцію и на шаткій обликъ героя. Въ „Лѣсномъ царѣ“ онъ изобразилъ мощь природы въ ея страшныхъ проявленіяхъ, а въ „Рыбакѣ“ — въ ея притягательной чарующей силѣ. Романъ „Вильгельмъ Мейстеръ“, которымъ Гёте занимался лѣтъ двадцать, передедывавая его нѣсколько разъ, можетъ считаться дополненіемъ къ Вертеру и Фаусту, завершеніемъ періода борьбы между идеаломъ и дѣйствительностью. Какъ въ тѣхъ произведеніяхъ, такъ и тутъ тоже поэтъ изложилъ свою собственную самую сокровенную исторію развитія. Годы ученія Вильгельма Мейстера, по словамъ Шиллера, ничто иное какъ исторія воспитанія человека, который изъ неопредѣленнаго идеала вступаетъ въ опредѣленную практическую жизнь, не отрекался притомъ отъ своего идеализма. Вильгельмъ отправился изучать драматическое искусство; но онъ извѣдалъ опытомъ, „что наружный міръ не можетъ образовать художника, если въ немъ нѣтъ живаго призванія къ искусству, если при посредствѣ этого призванія онъ не въ состояніи воспринять въ себѣ наружный міръ и духовно претворить его“. Онъ не достигъ своей цѣли. За то приобрѣлъ настоящую житейскую опытность. По словамъ Геттнера онъ добился идеальности прекраснаго призрака, а постигъ идеальность прекрасной дѣйствительности. Вильгельмъ Мейстеръ, это — мудрый совѣтъ не пре-

1) Чтожъ всего хуже по мнѣ, такъ это та вредная похоть
Мелкой, заблудшейся страсти, что всѣми теперь овладѣла:
Каждый подъ чарами воли нетрезвой только и мыслитъ,
Какъ бы свѣтъ въ свои руки загрести, судить и рдять въ немъ.
Итъ — чтобъ жену и дѣтей въ порядкѣ держать, свою челядь
Грубую, злую обуздать; нѣтъ — чтобъ себѣ въ тихомолку,
Коль мотають глауцы, вкушать плодъ умѣренной жизни.
Какъ же неслѣ того улучшитья міру? Вѣдь каждый
Все позволить себѣ, насильно хотеть быть первымъ.
Такъ-то гаубже и глубже въ тяжкое зло мы впадаемъ.
Ложь, обманъ, и измѣна, и вража, и лживыя клятвы,
Низость, грабежъ и разбой — объ этомъ только и слышишь.
Лже-пророки и плуты жестоко людей надувають.

Рейнеке-Лисъ
переводъ М. М. Достоевскаго.

даваться всякой безцѣльности и всякому краснорудію, это — твердое приуроченіе распущенныхъ порывовъ гениальности къ строю и къ тревоженіямъ установившагося гражданскаго общества, это — воспитаніе для труда и дѣятельности, конечно, не для тупой и ограниченной, а для одухотворенной и человѣчной, для свободной и благородной въ античномъ духѣ. При этихъ поискахъ практическаго призванія въ романѣ какъ замѣчательное провлєніе обнаруживается устраненіе сословныхъ различій, слияніе мѣщанства и дворянства, обобщеніе образованія, стремленіе къ человѣческой свободѣ вопреки общественнымъ преградамъ. — Въ стихотвореніи „Германъ и Доротеа“ (1797) Гёте, подъ вліяніемъ „Люпанъ“ Фосса, хотѣлъ создать идиллію; но подъ рукою художника низшій родъ поэзіи преобразился въ высшій и вышла небольшая поэма, въ которой греческая форма тѣсно слилась съ нѣмецкою натурою. Своими чисто объективнымъ складомъ эта идиллическая поэма приближается къ наивному искусству древнихъ гораздо болѣе, чѣмъ какое либо другое поэтическое произведеніе новѣйшей эпохи; замыселъ Гёте, написать большую поэму „Ахиллъ“ и вступить въ состязаніе съ самимъ Гомеромъ, не удался, и самое стихотвореніе сохранилось лишь въ отрывкѣ.

4. ЮНОСТЬ И ЮНОШЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ ШИЛЛЕРА.

Гёте писалъ эти произведенія, когда Фридрихъ Шиллеръ былъ профессоръ въ Йенѣ. Сначала Гёте отстранялся отъ знакомства съ поэтомъ изъ инвабскаго города Марбаха, бывшимъ десятью годами моложе его; ему не по душѣ пришли первыя драмы Шиллера съ ихъ энергично гениальнымъ порывомъ, съ ихъ дикою, необузданною страстью; Шиллеръ нѣкоторое время также избѣгалъ этого знакомства. Когда же они ближе узнали другъ друга, то между великими поэтами возникла тѣсная дружба, такъ что они стали сообщать другъ другу свои произведенія, обмѣниваться планами и идеями. Мало того, оба соединились для совмѣстной дѣятельности въ періодическихъ изданіяхъ, въ „Горахъ“, въ альманахѣ Музы и въ особенности въ рѣзкихъ эпиграммахъ, которыя они по примѣру Марциала прозвали „Ксеііями“. Послѣднія имѣли цѣлью сатирическими выходками и личною проііей поборать пошлыя произведенія, всякія превратныя и вредныя направленія эфемерной литературы и очистить затхлый воздухъ. Этотъ союзъ, въ который, вопреки различію ихъ натуръ, оба высокодаренные писателя вступили законченными характерами, знаменуетъ высшій расцвѣтъ нѣмецкой поэзіи. Они сошлись въ общихъ цѣляхъ жизни и стремленій, вполне согласились въ художественномъ отношеніи на эллинской основѣ 1). Совмѣстная дѣятельность обоихъ служитъ лучшимъ признакомъ ихъ высокаго стремленія, чистыхъ помысловъ. Третьимъ въ союзѣ ихъ былъ Вильгельмъ Гумбольдтъ, тонкій критикъ и эстетикъ.

Личныи отношенія между обоими поэтами.

Гёте съ юныхъ лѣтъ пользовался счастьемъ и благосостояніемъ и до глубокой старости провель здоровую жизнь, тогда какъ Шиллеръ былъ и мало взысканъ счастьемъ. Скудныя условія, въ какихъ онъ провель свою юность, никогда не покидали его совѣмъ, и въ сорокъ шесть лѣтъ онъ перенесъ немало болѣзней. Отецъ Шиллера былъ сперва офицеромъ-Штутгартъ и Мангеймъ.

1) Это «согласіе» Шиллеръ выразилъ въ эпиграммѣ:

Истину ищемъ мы оба; ты въ жизни наружной, а я
Въ сердцѣ своемъ, и каждый навѣрно находитъ ее:
Если оно здорово, то оно созерцаетъ наружу Творца,
Если сердце здорово, то въ немъ отразится навѣрное міръ.

Шубартъ.
1739—1794.

вербовщикомъ, потомъ инспекторомъ сада у герцога вюртембергскаго Карла, у того деспотическаго князя, который знаменитаго правовѣда Иоганна Икова Мозера шесть лѣтъ протомилъ въ крѣпости Гогенвиль при Боденскомъ озерѣ, а поэта *Дантла Шубарта*, автора „Квижескаго сслена“ и „Вѣчнаго жида“, десять лѣтъ въ крѣпости Гогенаспергъ, за то что они право и свободу чтили выше воли тирана. Когда улеглись страсти молодости, то герцогъ задумалъ полезными заведеніями предать забвенію свою жизнь. Къ нимъ между прочимъ относится академія или „Карлова школа“, основанная въ замкѣ Солигюдѣ близъ Штутгарта. Тутъ учился Фридрихъ Шиллеръ (род. 10 окт. 1759) сначала правовѣднью, потомъ медицинѣ; помимо того онъ, однако, предавался своему внутреннему призванію, которое влекло его къ поэзии. Въ школѣ уже, гдѣ строжайшая военная дисциплина подавляла всякое свободное развитіе, Шиллеръ обнаруживалъ свое негодование на умственный гнетъ. Въмѣсто предписанной ему науки онъ обращался къ запретному чтенію, которое хитростью успѣлъ добыть себѣ вмѣстѣ съ своими единомысленными товарищами. Они читали Клоппштокка, Гетѣва Гѣда и Вергера, Уголино Герстенберга, восторгались стихами Шубарта и распространяли ихъ; съ послѣднимъ Шиллеръ нѣсколько разъ видѣлся на Аспергѣ; они восхищались очерками естественной жизни у Руссо и героями древности у Плутарха. Въ это время бурь и порывовъ появилось нѣсколько лирическихъ стихотвореній Шиллера (собранныхъ въ „Анталогъ за 1782 годъ“); всѣ они преисполнены стремленіемъ къ свободѣ, геройскимъ духомъ и мужественнымъ порывомъ въ высокопарныхъ изліяніяхъ съ отбѣнкомъ Спинозовскаго пантеизма, особенно въ одахъ Лауры. Къ тому же періоду относится драма „*Разбойники*“, плодъ глубокаго недовольства извращенными условіями свѣта, гдѣ на геній налагаются пути свѣтскихъ обычаевъ, цеховаго гнета, и „подлымъ пронырствомъ“, этимъ медленнымъ ядомъ, дѣйствующимъ губительнѣе всякихъ великихъ пороковъ и преступленій. Когда эта дико-гепіальная пьеса, написанная Шиллеромъ на девятнадцатомъ году, была съ большимъ успѣхомъ разыграна на придворной сценѣ въ Мангеймѣ, то онъ рѣшился покинуть военную службу, куда поступилъ уже въ качествѣ полковаго врача, и всецѣло посвятить себя поэзии. Дѣло въ томъ, что герцогъ, изумленный сильнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ пьесой съ ея ужасъ и страхъ наводящими сценами, съ ея смѣлою, въ душу проникающею рѣчью, запретилъ ему заниматься поэзіей, а съ этимъ строгимъ господиномъ было не до шутокъ. Шиллеръ бѣжалъ ночью изъ Штутгарта, прожилъ нѣкоторое время въ Мангеймѣ и въ сосѣднемъ Отгерсгеймѣ, въ нуждѣ, заботахъ и то и дѣло опасаясь, какъ бы его не выдали герцогу. Онъ провелъ тутъ суровые трудные дни, терзаемый лихорадкою и неувѣренностью о своемъ пропитаніи. Неудивительно, что при такомъ подавленномъ, безотрадномъ положеніи въ первыхъ драмахъ и стихахъ Шиллера обнаруживается мрачное міросозерцаніе; подобно Ж. Ж. Руссо онъ въ человѣческомъ обществѣ видѣлъ одну только превратность и порчу, гдѣ царствуетъ лишь порокъ, а доблестные люди изгоняются къ разбойникамъ или съ отчаянья лишаютъ себя жизни. Главною темою всѣхъ юношескихъ произведеній Шиллера, въ особенности драматическихъ, служить представляла у Руссо трагическая противоположность между довольствомъ и чистою первобытною человѣческой натурой и неощутимую порчею существующей дѣйствительности. Директоръ мангеймскаго театра, Дальбергъ, которому Шиллеръ такъ восторженно предался, поступилъ съ поэтомъ мелочно и гнусно. Онъ предоставилъ его гнету бѣдности. А когда написанная Шиллеромъ подъ напоромъ нужды и страха республиканская трагедія „*Диего*“, „изображавшая энергично, но низвергнутое честолюбіе“, принята была довольно холодно,

то Дальбергъ возвратилъ подавленному поэту пьесу, на которую послѣдній надѣялся какъ на средство, избавиться отъ гнетущихъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ. Послѣ этой революціонной пьесы Шиллеръ открылъ рядъ историческихъ драмъ, которыми онъ воспламенялъ потомство на добродѣтелихъ минувшихъ поколѣній и твердою рукою создалъ высшія трагическія произведенія. Въ нихъ вѣялъ уже духъ политической свободы, которымъ съ сѣвероамериканской войны за независимость прониклись всѣ образованные люди, благодаря которому швабскій поэтъ сталъ истолкователемъ нѣмецкаго народа, славнымъ вѣвцомъ свободы.—Шиллеръ не палъ духомъ подъ роковыми невзгодами; мужественная самоувѣренность, стойкость и честолюбіе поддерживали его. Онъ привялъ убѣжище въ Бауербахѣ близъ Мейнингена, предложенное покровительницей его, госпожею Вольгогенъ, матерью одного изъ друзей Шиллера въ академіи. Тутъ, въ средѣ сочувствовавшихъ ему друзей, участіе которыхъ благотворно поддѣйствовало на нѣжную душу поэта, онъ докончилъ начатую въ Отгерсгеймѣ трагедію, „*Коварство и любовь*“. Полнозвучнымъ языкомъ, преувеличенными очертаніями характеровъ благородныхъ и подлыхъ натуръ и животрепещущимъ изображеніемъ распущенной, порочной придворной жизни съ явнымъ намеромъ на штутгартскій княжескій дворъ—всѣмъ этимъ трагедія увлекла современниковъ, такъ же какъ „*Разбойники*“, хотя въ художественномъ отношеніи она относится къ наименѣе удачнымъ пьесамъ. Изображеніе возмутительныхъ условій, вслѣдствіе которыхъ привилегированная особа могла себѣ все позволить, а мѣщанину приходилось все сносить, придало пьесѣ также и въ политическомъ смыслѣ знаменательное значеніе; и въ самомъ дѣлѣ, тутъ на нѣмецкой сценѣ впервые благородство души выступило превыше благородства рожденія, такъ что господствовавшее противоположное отношеніе оказалось несостоятельнымъ. „*Дочь Миллера Юнга*“, какъ сначала была озаглавлена пьеса, заявляетъ ясное, неотъемлемое, естественное право сердца въ трагической борьбѣ съ мрачными и цѣпкими властями общественныхъ формъ и предрасудковъ. Изображая отдѣльные характеры, представляя особенно князя и дворъ, поэтъ, какъ кажется, нѣмѣлъ передъ глазами „*Эмилию Галотти*“ Лессинга.—Вскорѣ послѣ того Дальбергъ вызвалъ Шиллера опять въ Мангеймъ и назначилъ его драматическимъ писателемъ при театрѣ; но мелочной претендентъ то и дѣло подставлялъ разные препятствія рвенію и планамъ его, что и побудило Шиллера издавать на свой страхъ періодическій листокъ „*Талио*“ и возложить свою надежду на націю. Къ этимъ годамъ относятся стихи „*Вольводумство страсти*“ въ презрѣннѣ ихъ видѣ; это было изліяніе его пылкой любви къ Шарлоттѣ Кальбъ, женой стоявшаго въ Ландау капитана.

5. ГОДЫ ДУХОВНАГО СООБЩЕСТВА ГЕТЕ И ШИЛЛЕРА.

Шиллеръ не обманулся въ своей надеждѣ; онъ получилъ радужныя приглашенія въ Саксонію, гдѣ въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ искренними почитателями его оказались Губеръ и благородный, высокообразованный Кёрверъ; потомъ онъ проживалъ то въ Веймарѣ, то въ Рудолштатѣ, пока наконецъ, женившись, не поступилъ въ Лепу профессоромъ исторіи (1789). Эти года для Шиллера оказались такимъ же періодомъ чистилища отъ дикихъ бурь и порывовъ, какимъ для Гете было пребываніе въ Италіи. Внутреннее преобразование обоихъ совершилось, благодаря болѣе глубокому проникновенію въ духъ классической древности. „*Вѣсь радости*“ Шиллера была предвѣстницей болѣе чистаго творчества; его „*Дочь Карлосъ*“,

Допл. Карлосъ.

три первых дѣйствія котораго, написанныя въ прозѣ и прежнимъ бурнымъ слогаемъ, напечатаны были въ Талии, подвергся совершенной передѣлкѣ, какъ по формѣ, такъ и по замыслу. Сначала въ „Донъ Карлосъ“ имѣлась въ виду княжеская семейная драма, въ которой главное вниманіе обращалось на безнадежную страсть принца, на разстроенныя семейныя отношенія, на гнетъ деспота, и отстаивались права сердца противъ закона и брака; тогда какъ теперь на первый планъ выступилъ Маркизь Поза съ его космополитическими идеями о свободѣ, съ его грезами о блазѣ народовъ и съ его самоотверженіемъ. Вступиться за человѣческіе уставы противъ деспотическаго произвола, за разумъ и естественное право противъ гнета тираніи, за космополитизмъ противъ кабинетной премудрости, — вотъ что составляло средоточіе этой высокой драмы, вѣрнее пониманіемъ которой облегчалось „Письмами о Донъ Карлосѣ“. Тутъ провозглашаются и распространяются въ народѣ тѣ идеи о свободѣ, правѣ и національности, которыя впоследствии подстрекали нѣмецкое юношество къ борьбѣ. Его переводъ „Ифигенія“ и „Финиклянокъ“ Эврипида и одной части Виргилія, его пристрастіе къ Гомеру свидѣтельствуютъ о ревностныхъ занятіяхъ древнею литературою. Его тоска по погибшемъ мірѣ язычества сильно излилась въ стихотвореніи „Боги Греція“, тогда какъ въ вѣскомъ произведеніи „Отреченіе“ („Resignation“) обнаруживаются его сомнѣнія и думы по поводу христіанскаго ученія о возмездіи, а „Пилигримъ“ его свѣтуетъ на то, что небеса никогда не коснутся земли и здѣсь никогда не быть тому, что тамъ. Въ философическомъ стихотвореніи „Художникъ“ репальными чертами излагается вліяніе искусства на развитіе человѣчества, начиная съ естественнаго его состоянія и до культурной жизни. Благодаря такому пониманію идеи и задачи искусства, „патологическое“ творчество его прежнихъ лѣтъ окончательно отошло на задній планъ; оттого-то онъ и не окончилъ свой тенденціозный романъ „Духовидецъ“, который самъ называлъ „очеркомъ по части исторіи обмана и заблужденій человѣческаго духа“. Это не отвѣчало болѣе его художественному идеалу съ той поры, какъ фантазія его, прежде такая буйная, создала свои предѣлы и заключила тѣсный и вѣчный союзъ съ разумомъ. Женитьба Шиллера на Шарлоттѣ Ленгефельдъ и искренняя дружба съ ея сестрой, Каролиною Вольцогенъ, довершили гармоническое настроеніе его души.

Историческіе
и философскіе
труды.

Занимаясь древнимъ искусствомъ и литературою, Шиллеръ не упускалъ однако изъ виду дѣйствительной жизни: всемірная исторія казалась ему зеркаломъ, въ которомъ онъ созерцалъ современныя событія, а потому онъ все болѣе и болѣе углублялся въ историческія изслѣдованія; въ особенноти занимался онъ тревожнымъ реформаціоннымъ вѣкомъ, на который навели его подготовки къ Фіеско и Донъ Карлосу, и религіозная борьба котораго имѣла много сходнаго съ политическими волненіями его времени. Плодомъ его историческихъ занятій подъ исходомъ восьмидесятихъ годовъ появилась „Исторія отпаденія Нидерландовъ“; это — съ большимъ жаромъ и поэтическою наглядностью исполненное описаніе доблестной борьбы за свободу. Въ Іенѣ, гдѣ онъ занялъ кафедру, поэтъ еще ревностнѣе принялся за исторію. Его вступительная лекція: „Что такое всеобщая исторія и на какой конецъ изучаютъ ее?“ была попыткою постичь исторію съ точки зрѣнія философа по идеямъ Канта. Рядъ историческихъ статей о различныхъ предметахъ изъ всѣхъ эпохъ свидѣтельствуетъ о безустанныхъ занятіяхъ ревностнаго поэта въ этой области; наконецъ онъ принялся за свое знаменитое произведеніе, за „Тридцатимыльную войну“. Это поэтическимъ духомъ проникнутое и съ драматическою силою, въ пору самыхъ тяжкихъ недуговъ написанное историческое сочиненіе, благодаря пылкому и привлекательному изложенію, стало любимою книгою націи, не смотря

даже на то, что впоследствии мелочные критики и религіозные фанатики старались унижить ее, упрекая автора въ неосновательности, односторонности и церковномъ пристрастіи. Цѣлью его было, возбудить при посредствѣ поэзіи интересъ народа къ исторіи, облагородить пошлыя воззрѣнія нѣмецкаго быта, породить самоотверженное чувство къ высшимъ жизненнымъ благамъ, къ свободѣ и религіи, и противопоставить окованному юридическому изложенію нѣмецкой имперской исторіи поэтическій взглядъ на реальныя отношенія. — Помимо исторіи Шиллеръ занимался преимущественно философіей, такъ что поэзія до поры до времени отступила на задній планъ предъ наукою. Опираясь на принципы Аристотеля и на изслѣдованія Лессинга и Винкельмана, онъ урядилъ и изложилъ свои мысли о сущности и цѣли поэзіи и искусства. Но тутъ его поразили и сильно возбудили критики Канта. Шиллера однако не удовлетворили ни приемы, ни результаты изслѣдованій кенгсбергскаго философа, который, не обращая вниманія на существующія художественныя произведенія и художественную критику, и не зная ихъ, примѣнилъ къ поэзіи и ко вкусу строгіе законы отвлеченнаго мышленія. Онъ задумалъ провѣрить, пополнить и оживить тугіе основныя выводы и „враждебное чувствамъ правоученіе“ этого мыслителя, привлекая къ дѣлу опытъ и признавая чувственность, пользуясь идеями Лессинга и Винкельмана, принимая къ свѣдѣнію существующія художественныя и поэтическія произведенія. По его мнѣнію не тутая нравственность, а нравственная красота составляетъ высшее совершенство человѣческаго характера; оно осуществляется, когда разумъ и чувственность, долгъ и склонность совпадаютъ; выраженіе этой гармоніи проявляется въ граціи, присущей прекрасной душѣ. Соединяя съ философскимъ умомъ творческую фантазію и знаніе всего, что произведено въ области искусства и поэзіи, Шиллеръ рядомъ философскихъ трактатовъ, лекцій и статей (для Горь) довелъ ученіе о красотѣ и вкусѣ до такой высоты и ясности, что въ его трудахъ содержится все существенное касательно понятія о красотѣ, эстетическаго начала въ творествѣ и въ дѣйствіи, основъ всякаго искусства и касательно самаго искусства. Эстетическіе трактаты, а именно статья „О граціи и величіи“, письма объ эстетическомъ воспитаніи и сочиненіе *О наивной и сентиментальной поэзіи*, возбудили бездну идей и содѣйствовали тому, что художественная критика и исторія литературы приняли иной видъ. Въ послѣднемъ трактатѣ Шиллеръ съ глубокимъ пониманіемъ призналъ за новѣйшею поэзіей право занять мѣсто обокъ съ древнею, причѣмъ и выяснилъ противоположность между романтической и классическою поэзіей. Въ благородномъ самоотреченіи онъ теоретически отдалъ преимущество древнему или наивному роду, которому сочувствовалъ Гете, передъ современнымъ или сентиментальнымъ, послѣдователемъ котораго онъ практически самъ оказался, или признавалъ по крайней мѣрѣ равноправность за обѣими формами поэтическаго творчества; благодаря чему эти глубокозадуманныя статьи еще тѣснѣе связали дружбою обоихъ поэтовъ и одушевили ихъ къ соревнованію въ совмѣстной дѣятельности. Шиллеръ заявилъ про Колумба: „Съ геніемъ природа въ вѣчной связи: что одинъ обѣщаетъ, то другая навѣрно исполнитъ“, — то же онъ могъ бы сказать и про себя. Но гораздо важнѣе теоретическихъ изложеній о сущности поэзіи и всякаго художественнаго творчества были философскія стихотворенія Шиллера; вѣдь лучше его никто не сумѣлъ путемъ поэзіи вознестъ въ міръ идей преданный благодушнымъ грезамъ народъ. Благодаря этой поэзіи вся нація возбуждалась къ философіи и идеальности, въ скорбные дни возносилась надъ печальною современностью, подкрѣплялась и закалывалась для наступающей поры испытаний и борьбы. Всѣ эти стихи отличаются живостью изображенія, звучностью

и блеском рѣчи, силою и глубиною чувства, высокимъ постиженіемъ идеаловъ человѣчества; это все громкіе клики бурной, порывающейся въ даль, а все таки со всѣхъ сторонъ стѣсненной души. Въ Іенѣ возникли тѣ прекрасныя баллады, „Кубокъ“, „Порука“, „Рыцарь Тотгенбургъ“ и др., самое драгоцѣнное сокровище нѣмецкаго народа; тамъ возникли глубокомысленныя стихотворенія „Геній“, „Идеалы“, „Идеалъ и жизнь“, „Достоинство женщины“, элегія, „Прогулка“ и особенно „Колоколъ“, эта музыкальная лѣствица всѣхъ глубокихъ человѣческихъ ощущеній. Когда по свѣту вѣтникомъ счастья пронесся кликъ „свобода и равенство“, то Шиллеръ воскликнулъ: „Отъ житейскихъ тревоженій погрузись въ святые тихія нѣдра твоей души; свобода витаетъ лишь въ царствѣ грезъ, а красота цвѣтеть лишь въ пѣсняхъ“.

6. послѣдніе годы шиллера.

Драма и театр.

Въ Іенѣ Шиллеръ въ трилогіи „*Лиреръ Валленштейна*“, „*Шиколомини*“ и „*Смерть Валленштейна*“ создалъ національную драму, составившую эпоху въ исторіи театра. Благодаря вліянію Гёте и собственной воздержности и умѣренности поэта, въ этой трагедіи смягчились прежніе бурные порывы, риторическій полетъ и его пристрастіе все идеализировать. Два достоинства придали этому драматическому произведенію высокое значеніе: во первыхъ, удачный выборъ, благодаря которому возбужденнымъ и сурово настроеннымъ государственными переворотами современникамъ, когда „ратовали изъ-за великихъ достоинствъ человѣчества, изъ-за господства и свободы“, представился обильный событіями періодъ нѣмецкой исторіи, а во вторыхъ, высокая формальная законченность пьесы, особенно бурныхъ сценъ; это служило доказательствомъ, что поэтъ на обширномъ поприщѣ исторіи и мировыхъ событій, войны и борьбы, доблестныхъ подвиговъ и порывистыхъ идей находитъ болѣе въ своей сферѣ, нежели въ области нѣжныхъ ощущеній. Въ этой пьесѣ драмъ удачно отводится область новой исторіи и, благодаря идеальному постиженію, послѣдней придается поэтический складъ; національный, не забытый еще народнымъ преданіемъ герой представляется въ ней не только въ мощной борьбѣ съ традиціями и унаследованными правами, но также въ его трагическомъ паденіи; въ ней искусно сочетались характерная и античная роковая трагедія, благодаря именно тому, что большая часть вины героя взваливается на злополучныя созвѣздія. Эта пьеса вывела драму изъ мелочныхъ узкихъ условій, въ которыя низвели ее *Ифландъ*, за одно актеръ и драматическій поэтъ, и обильный сочинитель театральныхъ пьесъ. *Августъ Котцебу*, съ ихъ сентиментальными и семейными сценами, на болѣе высокую арену, достойную эпохи, когда современныя поколѣнія „жили порывами“. Однако, драмъ Ифланда („*Охотники*“, „*Игроки*“, „*Холостяки*“ и др.), также трогательныя и веселыя драмы и комедіи Котцебу („*Ненависть къ людамъ и раскаяніе*“, „*Вѣдность и великодушіе*“ и др.) долго еще пользовались успѣхомъ на нѣмецкой сценѣ, тогда какъ такія же пьесы *Эмеля* („*Пажъ*“, „*Присяга и долгъ*“) скоро были забыты. Большимъ успѣхомъ пользовались за то другія сочиненія Энгеля, „*Философъ для міра*“, трактатъ „*Сонъ Галилея*“, и въ особенности трогательная мѣщанская повѣсть, „*Лоренцъ Штейнъ*“.—Тогда въ Веймарѣ, гдѣ, благодаря вліянію Гёте, возникъ хорошо обставленный придворный театръ, имѣлось въ виду изгнать посредственныя и пустыя пьесы и поставить превосходныя художественныя произведенія на сцену, съ тѣмъ чтобы придать ей болѣе высокое значеніе и преобразить ее въ школу искусства по древнему образцу. Съ этою цѣлью Шиллеръ, которому не пришлось болѣе его положе-

ніе въ Іенѣ, переселился въ Веймаръ и сообщая съ Гёте посвятилъ себя театру. Артисты привлекались и упражнялись для новаго направленія, основаннаго на эллипскихъ законахъ красоты. Прежнее пристрастіе къ Шекспиру отошло на задній планъ; образцовою формою считалась одна только античная сцена, какъ „изображенная изящнымъ слогомъ природа“. Помимо пьесъ Шиллера на сцену ставились классическія, предназначенныя болѣе для чтенія, чѣмъ для представленія драмы Лессинга, Гёте, даже вовсе не приспособленныя для театра драматическія стихотворенія Клопштока, Штольберга и романтиковъ; когда всего этого не хватало для хорошаго репертуара, то пытались передѣлкою иноземныхъ пьесъ возмѣстить недостатокъ. На такой конецъ Гёте обработалъ французскія драмы, „*Танкредъ*“ и „*Малгометъ*“ Вольтера, причемъ, однако, старался придать болѣе живости трезвому подлиннику, а Шиллеръ—„*Федра*“ Расина, восточную сказку „*Турандотъ*“ (по Гоци) и двѣ французскія комедіи Пикара („*Племянникъ вмѣсто дяди*“ и „*Паразитъ*“); представлялись также испанскія, даже римскія пьесы въ нѣмецкомъ переводѣ; благодаря передѣлкѣ Шиллеромъ „*Макбета*“, Шекспиръ также попалъ на Веймарскую сцену, но только въ античномъ видѣ и трагическомъ величіи. Все это были попытки примирить и слить вмѣстѣ требовавшая новѣйшей и древней трагедіи.—Этотъ чужеземный наплывъ могъ бы, чего добраго, повредить нѣмецкому театру, еслибъ Шиллеръ по своему водворенію въ Веймарѣ (1800), частью поощряемый тамошней обстановкою, частью также понуждаемый стѣсненными обстоятельствами, не создавалъ, въ ущербъ своему разстроенному здоровью, изъ года въ годъ по одной новой пьесѣ для театра. „*Марія Стюартъ*“ (1799), гдѣ въ духѣ древней роковой драмы изображаются высокая трагичность страданія и мощныя впечатлѣнія сокрушительной катастрофы; потомъ еще „*Орлеанская дѣвственница*“ (1801), гдѣ греческій рокъ,—вмѣстительство боговъ въ драматическія дѣйствія,—сочетался съ представленіями христіанскаго вѣрованія; обѣ эти пьесы и по замыслу и по исполненію были преимущественно приспособлены для сцены. Въ нихъ нельзя не признать вліянія новаго романтизма, тамъ въ характерѣ фанатика Мортимера, тутъ въ исполненной релігіозною восторженностью и рыцарствомъ самой героинѣ. Въ „*Мессинской невестѣ*“ (1804) съ великимъ искусствомъ и удачнымъ выборомъ мѣста (Сицилія) сочетались по формѣ и содержанію античный и романтический элементъ. Хоръ и рокъ, таинственно руководящій человѣческою участію, намекаютъ на древность, на Софоклову трагедію „*Эдипъ*“, тогда какъ любовная страсть и сліяніе языческой релігіи съ христіанскою относятся къ романтизму. За этой своеобразно прекрасной пьесой съ ея чудеснымъ языкомъ и увлекательнымъ изложеніемъ вышла послѣдняя, самая излюбленная драма Шиллера, „*Вилгельмъ Тель*“, которую поэтъ передъ своею раннею кончиною завѣщалъ народу на добрую память въ тяжкія времена. Эта пьеса подобно Валленштейну, по своимъ историко-патріотическимъ отношеніямъ также получила высокое значеніе; любовью къ отчизнѣ, свободнымъ вѣяньемъ народныхъ волненій въ драмѣ воодушевлялось нѣмецкое юношество для борьбы за свободу противъ господствовавшаго гнета, отчасти похожаго на изображенный въ „*Телѣ*“. Пятая великіе замыслы („*Лжедмитрій*“, „*Мальтійцы*“), Шиллеръ умеръ наканунѣ роковаго событія (май 1805). Въ глухую майскую ночь поклонники поэта сложили его тѣло въ скромную погребальницу, изъ которой нѣсколько десятилѣтій спустя послѣ того съ трудомъ vybrали останки, съ тѣмъ чтобы похоронить ихъ возлѣ гробницъ герцога и Гёте въ новомъ княжескомъ склепѣ.

VII. Романисты и Жанъ Поль.

Романисты во-семнадцатаго столѣтїа. Романическая литература, оживившись вновь въ бурную эпоху сепятидесятихъ годовъ, вскорѣ достигла твердой почвы и важнаго значенїа для всего повѣйшаго образованїа, такъ что ей нерѣдко посвящали себя перво-статейные таланты и пользовались ею въ видѣ рамки для своихъ принциповъ и воззрѣній, для своихъ чувствъ, наблюденїй и опыта. Мы уже упомянули о тенденціозныхъ романахъ въ эпоху бурь и порывовъ, когда от-важные пионеры просвѣщенїа или не поладившіе съ міромъ умы противопоставляли прозаической дѣйствительности поэтической идеальной міръ, поэтическую жизнь чувства и ума, въ родѣ „Вертера“ Гёте, „Зигварта“ Миллера, „Фауста“ Клингера и т. п. Къ нимъ можно причислить еще не-счастливаго соотечественника Шиллера, *Фридр. Гельдерлина*; проникнутой пантеистическимъ культомъ природы и восторженностью къ эллинскому міру, къ этой роднѣ свободной и чистой челоуѣчности, исполненный по-рывовъ, онъ въ лирическихъ стихахъ и въ романѣ „Гиперионъ“ изложилъ свои элегическія сѣтованья о погибшемъ величїи; вслѣдствїе скорбныхъ житейскихъ напастей впаде, наконецъ, въ неизлѣимое душевное раз-стройство. Въ противоположность этимъ „генїямъ“ въ ту же живую эпоху появился рядъ писателей, которые „мировой скорби“ противопоставили всеобщую „мировую забаву“,—не имѣли въ виду преобразовать всю жизнь, а хотѣли только устранить нѣкоторые недостатки и недуги или возбудить интересъ и участїе къ индивидуальнымъ особенностямъ, которые не ратовали противъ всего мелочнаго и слабаго, а напротивъ, зачастую величайшія цѣли и стремленїа людей связывали съ самыми ничтожными причинами, поводами и средствами, которые восхищались челоуѣческими слабостями, умилялись мелочностью людей и потому въ своихъ рома-нахъ вмѣсто трагической суровости прежнихъ генїевъ выставляли юмо-ристическое, веселое, скромное, даже ограниченное созерцанїе жизни. Отсюда и возникли тѣ юмористическіе романы, примкнувшїе къ Англи-чанамъ, къ Стерну, Смоллету, Фильдингу и Гольдсмиту или къ „Донъ-Кихоту“ и „Ильблазу“; они охотнѣе всего изображали оригинальныя лич-ности и чудаконъ, у которыхъ преобладаетъ какал нибудь страсть, при-хоть или слабость. Переводы названныхъ и подобныхъ имъ иностранныхъ авторовъ способствовали этому, болѣе или менѣе на подражанїи осно-ванному роду литературы. Но такъ какъ Германїа лишена была той сво-бодной общественной жизни, какою пользовались британскїе романисты, то нѣмецкія юмористическія произведенїа трактуютъ главнѣйше о при-вычкахъ и мнѣніяхъ, о семействѣ и домѣ, объ учености и наукѣ, осо-бенно же о религїи и теологїи. Такъ между прочимъ двое писателей, под-держивавше сношенїа съ Гёте, изобразили измѣнчивую жизнь свою въ формѣ романа: Юнгъ-Стіллингъ, съ которымъ ознакомился послѣ, и *Карль Фил. Моринъ*, разбросавшїйся ученый и неудавшїйся генїй подъ име-немъ „Антоня Рейзера“; эти двѣ противоположныя натуры все-таки на-дѣлены нѣкоторымъ семейнымъ сходствомъ: „У обонхъ одинъ и тотъ же порывъ къ невоздержному истолкованїю своего Я, у обонхъ одно и то же суетное самосозерцанїе, то же фантастическое уношенїе чувствами, хотя и направленными въ разныя стороны и къ разнымъ цѣлямъ“. *Гермесъ* изъ Померанїи также пытался въ рядѣ пространныхъ романовъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстно „Путешествїе Софїи изъ Мемела въ Саксонїю“, изло-жить свои нравственныя принципы, воззрѣнїа и поученїа о бракѣ, семьѣ, женскомъ воспитанїи и особенно свои мысли о духовномъ сословїи и о

Гермесъ
1738—1821

подъемъ его. Врагъ всякой сентиментальности, онъ прославляетъ стро-гость, честность и домовитость, но также и мѣщанскую пошлость ста-ринны. Точно также и *Теод. Готл. Гиппель* воспользовался своими напи-саннными съ такимъ отсутствїемъ вкуса, но съ болѣе сильнымъ себялю-бїемъ романами (особенно „Житейскїя поприща по восходящей линїи“ и „Похожденїа вдоль и поперекъ рыцаря А—V“), чтобы то въ строгомъ, то въ юмористическомъ и прихотливомъ видѣ изложить развитїе свое-ей собственной внутренней жизни, участїе своихъ родственниковъ и дру-зей, свои религіозныя, политическія и научныя воззрѣнїа, наблюденїа и идеи объ общественныхъ условїяхъ, о бракѣ и женской жизни. *Гот. К. Музеусъ*. *А. Музеусъ* (изъ Гены, учитель гимназїи въ Веймарѣ) въ своемъ „нѣмец-комъ Грациосонѣ“ съ Виландовскою иронїей подшучивалъ надъ господ-ствовавшю сентиментальностью (въ родѣ того какъ *Гот. Готвертъ Мюл-леръ* изъ Ипеге въ „Зигфридѣ фонъ Липденбергѣ“), а въ „Физиономиче-скихъ путешествїяхъ“—надъ Лафатеромъ; въ *Народной сказкѣ* пытался онъ возбудить интересъ къ отечественнымъ мнѣческимъ временамъ; однако, его пропїа и искusstвенная наивность лишаютъ послѣднюю книгу ея народной простоты и естественности. Сентиментальныя романы *Ла-фонтена* также имѣли цѣлю устранить предрасудки въ воспитанїи *Лафонтенъ* („Сны природы“) и сословныя преграды („Квинцїи Геймеранъ фонъ Фламмингъ“). *Гот. Карль Вецель* изъ Сондерсгаузена своею „Исторїей Товїа Кнахта“, чудака, возбудилъ сильныя ожиданїа, которыя не оправ-дались его позднѣйшими произведенїями. Оскорбленное самолюбїе и уязвленное тщеславїе довели наконецъ до душевнаго расстройства болѣз-ненную раздражительность его натуры. Даровитѣе и болѣе надѣленный знанїемъ людей былъ *Мор. Авт. Ф. Тюммель* (род. близъ Лейпцига). Въ его заимствованныхъ у Стерна „Путешествїяхъ по южнымъ провинціямъ Францїи“ излагается самая суть современнаго ему недуга. Въ нихъ изящ-нымъ слогомъ и живымъ изложенїемъ представляется душевная жизнь челоуѣка, который, терзаемый тїпохондрїей, тѣлесными и духовными стра-данїями, отправляется во Францїю, предается тамъ любви и эпикурензму и, наконецъ, умудренный и исцѣленный отъ всѣхъ заблужденїй возвра-щается въ своиа. Первое произведенїе Тюммеля „Вильгельмина или женатый педантъ“, комическїй эпосъ въ поэтической прозѣ, менѣе удачно, не лишено, впрочемъ, веселой прелести и живости въ очеркахъ. Первое мѣсто въ средѣ авторовъ юмористическихъ романовъ занимаетъ *Жанъ Поль*. *Жанъ Поль Фридрихъ Рихтеръ* изъ Вунзиделя во Франконїи. Произведенїа его представляютъ вѣрный оттискъ его внутренней жизни и его мелочнаго замкнутаго міра ощущенїй, а потому и становятся понятными только по истории и по описанїю развитїа самаго автора. Выросши въ уединенномъ деревенскомъ затишѣ и въ бѣдныхъ условїяхъ сельскаго священника, лишенный товарищей и школы, Жанъ Поль былъ предоставленъ своей живой дѣтской фантазїи и міру, исполненному чувствованїи; вслѣдствїе этого въ немъ возникла наклонность къ мелочной и тихой жизни, сопро-вождавшая его весь вѣкъ; въ связи съ сентиментальною и пылкою, не-измѣнно юною его натурою эта наклонность и составляетъ основной тонъ его сочиненїй. Въ школѣ въ Гофѣ онъ оказалъ большїе успѣхи и тутъ уже началъ собирать подробныя замѣтки и развивать въ себѣ пристрастїе къ мелочной учености. Такимъ образомъ сложилась привычка, изъ науч-ныхъ сочиненїй, изъ путешествїй и романовъ записывать странныя и своеобразныя предметы, съ тѣмъ чтобы при случаѣ воспользоваться ими въ своихъ произведенїяхъ, въ ущербъ ясности и художественнаго ихъ со-вершенства. Когда онъ хотѣлъ поступить въ Лейпцигскїй университетъ, то отецъ его умеръ, и Жанъ Поль очутился въ самомъ бѣдственномъ положенїи,

Гиппель
1741—1796.

Музеусъ.
1735—1787.

Мюллеръ.
1744—1828.

Лафонтенъ
1759—1783.

Вецель
1747—1819.

Тюммель.
1738—1817.

Жанъ Поль.
1763—1825.

философские вопросы, за учение о Боге и бессмертии. Всего полнее личность Жань Поля выразилась в „Титант“ и в „Юных годах“, которые считаются лучшими его романами. В первом он с увлекательною правдою изображает титанической природы своей эпохи, как с их идеальною доблестью, так и с безпредельно испорченною стороною, хотя и в преувеличенном видѣ, но тѣмъ не менѣе глубоко и правдиво, съ великодушнымъ художественнымъ исполненіемъ. Очерки Итали, восторженное описаніе юга, изъ котораго образъ Линды выступаетъ словно олицетворенное воплощеніе ея, дышать такими же сильными чарами, какъ и идиллическая предель юношескихъ Альбанскихъ очерковъ. Въ странностяхъ и воззрѣніяхъ Линды намекается на отношенія къ Шарлоттѣ Кальбъ, которая послѣ несчастной любви къ Шиллеру шгала такую же склонность къ Жань Полю. Въ неоконченныхъ „Юныхъ годахъ“ на двухъ разнохарактерныхъ братьяхъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ трогательный образъ мечтательной юношеской невинности и нѣмецкой задушевности, а другой—знатока свѣта и юмориста, наглядно изображено двойное направленіе Жань Поля и отлично описано трагикомическое столкновеніе юношескихъ идеаловъ съ прозаическимъ свѣтомъ. Въ этихъ двухъ произведеніяхъ поэтъ, казалось, исчерпалъ весь избытокъ своей фантазіи; оттого-то остальные его сочиненія, изданныя имъ въ разныхъ городахъ Тюринги, Саксоніи и Байрѣйтѣ, гдѣ онъ окончательно водворился („Поѣздка на воды Каценбергера“, „Жизнь Фибеля“, „Кометъ“, сатирический романъ, въ которомъ онъ бичуетъ нечѣпости эпохи), содержатъ въ себѣ уже мало новаго и написаны сдержаннѣе. Годовой окладъ, получаемый имъ отъ князя-примаса Дальберга, а по сверженіи Наполеона отъ баварскаго короля, избавилъ его отъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ, отравлявшихъ прежнюю жизнь поэта. Послѣднія произведенія Жань Поля были научнаго рода: Подготовка къ эстетикѣ, Лезана или ученіе о воспитаніи, Селена или о бессмертіи (по поводу смерти своего въ Гейдельбергскомъ университетѣ помѣшавшагося единственнаго сына, выраженіе вѣры и надежды); но такъ какъ Жань Поль былъ человекъ воображенія и не изучилъ вполне ни одной науки, хотя и занимался всѣми ради своихъ сочиненій, то эти послѣднія произведенія его не отличаются научнымъ достоинствомъ; они избоблуютъ, впрочемъ, отдѣльными глубокомысленными педагогическими и эстетическими замѣтками и блестящими идеями. За то его идиллическіе очерки изъ нѣмецкой задушевной жизни, его школьный учитель Вуцъ, Квинтусъ Фикслеинъ, Зибенкезъ были горячими поборниками за родной задушевный міръ противъ пристрастія веймарскихъ авторовъ къ эллинизму. Во время Наполеоновскаго гнета и послѣдовавшей затѣмъ реакціи Жань Поль оказался мужественнымъ провозвѣстникомъ либеральныхъ идей и любви къ отчизнѣ.

Расширеніе романтической литературы. Съ прогрессивнымъ развитіемъ ни одна отрасль литературы не была такъ сильно разработана и не пользовалась такимъ обширнымъ кругомъ читателей, какъ романъ. Онъ соединялъ въ себѣ всѣ рефлексы нѣмецкаго образованія до ихъ сокровеннѣйшихъ крайностей, всѣ направленія, тенденціи, всѣ цвѣта. Въ его область вошли и государство, и церковь, и общество, и семья; эти предметы въ ихъ совокупномъ составѣ источили всю нашу современную жизнь. Однако, ни въ какой другой отрасли посредственность и бездарность не заивляла себя въ такой мѣрѣ, ни въ одной изъ нихъ рабское подражаніе тумѣстнымъ и иноземнымъ образцамъ не доходило до такихъ широкихъ размѣровъ, какъ въ этой. Юмористическій романъ послѣ Жань Поля разрабатывался менѣе прежняго; только *Ави. Ламбейнъ* (Ома Келлервурмъ, женихъ безъ невѣсты), *Адолфъ Книге* (болѣе извѣстный по его распространенной книгѣ „Объ обращеніи съ

людьми“ нежели по комическому роману „Путешествіе въ Брауншвейгъ“) и особенно *Эристъ Валнеръ* („Виллебальдовы воззрѣнія на жизнь“, „Странствующие живописцы“ и др.), вращаясь подобно Жань Полю въ мелочной обстановкѣ, достигли въ этомъ отношеніи нѣкоторой славы. За то чрезмѣрно размножились историческіе романы, въ которыхъ выразилось пристрастіе эпохи къ романтизму и рыцарству. Гётевъ Гейцъ фонъ Берлингенъ вызвалъ цѣлый потокъ рыцарскихъ романовъ, а драма Шиллера „Разбойники“ послужила толчкомъ къ сочиненію разбойничьихъ повѣстей. Въ этомъ родѣ „Ривальдо Ринальдони“, написанный зятемъ Гёте, Вульпусомъ, пользовался извѣстнымъ патологическимъ значеніемъ для народнаго направленія той эпохи. Такое возраставшее для общественной жизни значеніе литературы повѣстей и романовъ повело къ тому, что даже первостатейные поэты посвящали себя этому роду произведеній, благодаря чему въ нихъ проникло болѣе разнообразія и глубины. Неоконченный, но увлекательный романъ Шиллера, „Духовидецъ“, направленный противъ коварной и зловредной пропаганды иезуитовъ, имѣлъ, правда, ближайшимъ слѣдствіемъ то, что помимо рыцарскихъ и разбойничьихъ романовъ Германія наводнилась еще повѣстями изъ царства колдуновъ и привидѣній; Гёте, напротивъ того, своимъ „Вильгельмомъ Мейстеромъ“ и „Избирательнымъ сродствомъ“ обратилъ вниманіе на богатую семейную жизнь съ ея радостями и скорбями, съ ея борьбою и сумятицею, съ ея многосторонними душевными тревоженіями; этимъ онъ побудилъ романистовъ обращать свое вниманіе болѣе на современность, изслѣдовать условія дѣйствительности по всѣмъ направленіямъ и изображать въ своихъ произведеніяхъ всякія отношенія семейной и общественной жизни, всякіе духовные и религіозные интересы различныхъ сословій, всякія превратности земнаго бытія. Такимъ образомъ все человѣческое было вовлечено въ область романа, такъ что имъ воспользовались какъ формою и рамкою для распространенія извѣстныхъ идей.

В. Научная дѣятельность и прозаическая литература ¹⁾.

I. Духовная жизнь Германіи въ области церкви и школы, религіи и философіи.

1. общий обзоръ.

Въ теченіе восемнадцатаго столѣтія на нѣмецкой почвѣ совершается чреватый послѣдствіями процессъ, ядромъ и сущностью котораго было освобожденіе всеобщихъ культурныхъ интересовъ отъ узъ и власти теологіи. Послѣдняя, благодаря реформации, призвана была руководить умственнымъ развитіемъ новаго времени и, несмотря на черезъ-чуръ быстро наступившую порчу ея, удержалась на высотѣ этого положенія до тѣхъ поръ, пока длились великія религіозныя войны. По окончаніи тридцатилѣтней войны кредитъ рели-

Теологія и культура.

¹⁾ Съ содѣйствіемъ профессора Гольцмана и Ф. Вебера.

гіозной догматики и чистаго ученія сталъ понемногу падать, и величавое достоинство, съ какимъ представители теологіи выдавали ее за владычицу наукъ, подвергалось уже сильному сомнѣнію. Вліяніе мужей, въ родѣ Каликста въ половинѣ —, или Спенера подъ исходъ того столѣтія, послужило, правда, въ пользу благочестія, но не правовѣрія. Съ 1700 г. окончательно размножается по крайней мѣрѣ число единичныхъ лицъ, порвавшихъ съ традиціонною догмою и церковью. Впрочемъ, даже въ средѣ теологическаго міра къ вліяніямъ, какія прежде уже исходили изъ Гельмштедта, Франкфурта, Дрездена, Берлина, Галле, присоединились еще новыя побужденія, которыя дѣйствовали сильнѣе и рѣшительнѣе прежняго. Сюда относятся, во-первыхъ, послѣдствія, какими сопровождались нидерландскій арминіанизмъ, англійскій деизмъ и въ особенности нѣмецкій вольфіанизмъ, а также указанный правовѣдѣнъ путь къ освобожденію отъ схоластическихъ точекъ зрѣнія. Впослѣдствіи къ тѣмъ же вліяніямъ присоединились еще французская литература просвѣщенія, особенно Вольтеръ и Руссо, потомъ филантропическая педагогика, на которую повліялъ послѣдній, наконецъ самый тонъ, который, вполнѣ подчинившись вліянію Вольтера, исходилъ отъ двора Фридриха Великаго, и дополненіемъ котораго служили также просвѣщенныя преобразовательныя попытки Іосифа II. въ Вѣнѣ. Императоръ и министръ Фридриха II., Зедлицъ, называли иногда «просвѣщеніемъ», а другіе также «просвѣтлѣніемъ» то, что вскорѣ стало обозначаться общеупотребительнымъ словомъ «просвѣщеніе», о чемъ Моисей Мендельсонъ и Кантъ написали особые трактаты; этотъ руководящій принципъ съ начала столѣтія уже легъ въ основу духовнаго развитія нѣмецкаго народа, а во вторую половину его онъ побѣдопосно проникъ повсюду. Цѣлью стремленій слѣдуетъ признать образованіе ума, самоубѣжденіе, освобожденіе мысли отъ стѣсняющихъ ее преградъ, путемъ частью самостоятельнаго мышленія, частью эмпирическаго изслѣдованія въ областяхъ природы и исторіи. Во всемъ этомъ развитіи обнаруживается весьма характеристичное свойство, вслѣдствіе котораго все, что бы то ни было, даже само освобожденіе отъ теологіи, совершалось по прежнему въ области и на почвѣ той же теологіи. Почти во все восемнадцатое столѣтіе въ Германіи всякіе культурные вопросы все еще рѣшались въ предѣлахъ теологически опредѣленныхъ міровоззрѣній; всякое развитіе науки, искусства и литературы вступало предварительно въ соглашеніе съ теологіей; даже чуждые религіи вопросы все еще считались теологическими проблемами. Не только Лейбницъ и Вольфъ служатъ доказательствомъ и иллюстраціей этого положенія, но даже Лессингъ вынужденъ изложить свое вѣроисповѣданіе и вступить въ теологическую полемику. Какъ онъ, такъ тоже и Вольфъ, Геллертъ, Вингелманъ и другіе наиболѣе вліятельные педагоги, философы,

критики и поэты были сначала теологами; филологи, оріенталисты и историки того времени занимались мірскими науками большею частью послѣ или вмѣстѣ съ ихъ спеціальнымъ теологическимъ предметомъ. Ни одинъ изъ нихъ еще не стряхнулъ съ себя совершенно теологической скорлупы.

Это направленіе завершилось, правда, окончательнымъ уничтоженіемъ мірскаго господства теологіи и преобладавшаго доселѣ значенія ея. Благодаря умственному подвигу восемнадцатаго столѣтія, наука, искусство, литература—все существенные факторы свѣтской культуры избавились отъ тѣсной связи съ религіей и церковью. Опошаніе теологическаго міровоззрѣнія Послѣдствія для теологіи были сперва чрезвычайно жалкія, лишь со временемъ они отчасти оказались благотворными и крѣпительными. Жалкія оттого, что религія, коренясь въ неизбѣжной дѣятельности человѣческой души, но прибѣгая для своего выраженія къ фантазіи и поэтическому чаянію, вовсе не способна подчиняться разбору и педантически строгому изслѣдованію въ эпоху преобладающаго умственнаго образованія, которая прежде всего требуетъ трезвыхъ теорій и очевидныхъ понятій. «Выводы умозрѣнія излагаются языкомъ безцвѣтнымъ, трезвымъ, холоднымъ. Когда же онъ деспотически навязывается религіозной жизни, то послѣдняя поневолѣ нѣмѣетъ». Вольфіанизмъ нерѣдко проповѣдывался въ церквахъ, однако не удовлетворялъ уже религіозной потребности народа. Проповѣди, хотя все еще правовѣрныя, черезъ-чуръ уже предавались широко расхристанію умствованіямъ. Вся вообще теологія не приводилась, правда, въ систему, но распредѣлялась въ таблицахъ, и иные священники проповѣдывали лучше всего, когда поясняли каждое слово въ текстѣ. Съ половины столѣтія подъ вліяніемъ распространившейся популярной философіи эта сухость еще болѣе усилилась; но вмѣсто пошлой отвлеченности вступила еще болѣе пошлая тривиальность. Эта популярная философія вообще оказала услугу тѣмъ, что вновь признала значеніе здраваго человѣческаго смысла; за то, съ другой стороны, она нерѣдко обнаруживала смѣшное отвращеніе ко всякимъ явленіямъ и факторамъ жизни, которые не подчинялись расчетамъ обыкновеннаго человѣческаго разсудка и предполагали болѣе эстетическую способность для оцѣнки; такъ же поступала и теоретическая и практическая теологія того Религія разсудка и морали. періода, пока наконецъ религія не преобразилась совершенно, съ одной стороны въ общія мѣста извѣстныхъ разсудочныхъ истинъ, а съ другой—въ утилитарную мораль. Содержаніе научныхъ или популярно изложенныхъ мыслей, возникшее отнюдь не на религіозной почвѣ, стало евангеліемъ раціоналистическихъ теологовъ. Выраженія въ родѣ покаянія и обращенія, вѣры и оправданія, которыхъ не разгадали ни старопротестантская, ни схоластическая теологія, стали мало по малу просто непонятны; вмѣсто того начали говорить

Популярная философія.

Религія разсудка и морали.

о невинности и добродѣтели, о разумѣ и просвѣщеніи, объ исправленіи и совершенствованіи. Не одни только достоинства естественной морали, но также и философской метафизики признавались религиозными достоинствами. Философскія доказательства бытія Божія и безсмертія души считались благочестивыми занятіями и назидательными побужденіями. А впрочемъ занимались тѣмъ, что полезно не только для небесной, но преимущественно для земной жизни. «Церковь преобразилась съ одной стороны въ академію, а съ другой — въ сельскую школу, и въ этомъ вышемъ или низшемъ училищѣ преподавалось все, что могло принести пользу въ обыденной жизни». Въ то время появилась пресловутая книга Шпальдинга «О пользѣ священнической должности» (1772); въ ней окончательно слагается клерикальный характеръ съ духовнаго званія, которое именно въ лютеранской церкви все еще окружалось ореоломъ апостольской святости; за то это званіе признается полезнымъ учрежденіемъ для поддержки общественной нравственности.

А все-таки теологія именно въ этотъ періодъ крайняго распадѣнія всякихъ религиозныхъ идей добилась выводовъ, которые оказываются прочными плодами просвѣщенія и сдѣлали навсегда невозможнымъ искренній возвратъ къ прежнему вѣрованію. И дѣйствительно, толкованіе и критика Библии свергли съ себя традиціонныя пути и авторитетъ церковныхъ догматовъ: ученые въ родѣ *Эрнсти*, *Михамиса*, *Землера*, отрѣшившись отъ догматическихъ условій, изслѣдовали и объяснили библейскій текстъ исключительно съ точки зрѣнія мірской филологіи и согласно съ этимъ привели его въ связь съ языковѣдѣніемъ, археологіей, съ литературной и исторической критикой. Какъ бы робко ни принимались за это дѣло, однако самую суть этого направленія нельзя было скрыть: а именно то, что догматика есть историческій продуктъ, корень котораго заключается въ собраніи извѣстныхъ книгъ; хотя бы послѣднія и признавались святыми и вдохновенными, а все-таки онѣ подлежатъ историческимъ и мѣстнымъ условіямъ развитія свѣтской литературы; какъ національная литература іудейства и возникшаго изъ него первобытнаго христіанства, онѣ могутъ быть постигнуты только при помощи точнаго знанія и изслѣдованья языка, исторіи, древностей, нравовъ и религиознаго кругозора Востока. Такимъ путемъ, однако, должна была утратиться вѣра въ исключительное положеніе именно этой, такъ называемой канонической литературы, а слѣдовательно также и въ ея непосредственно божественное внушеніе и безусловно связующую силу.

Вообще, поставивъ все свои выводы подъ защиту и охрану здраваго человѣческаго смысла, теологія сама вырыла себѣ могилу. Она совсѣмъ перестала понимать религиозное чаянье и побужденіе, и насколько не удовлетворяла имъ, а къ тому же стало обнаруживаться,

Национальная литература и христіанство.

что церковнослужители льнутъ къ обычной современной дѣйствительности и предаются пошлымъ прихотямъ; вслѣдствіе этого все, кто обладалъ чувствомъ и фантазіей, прибѣгали къ національной поэзіи, которая какъ разъ въ ту гениальную эпоху мощно распустила свои крылья. Геллертъ и Галлеръ, а въ особенности Клопштокъ представляютъ, правда, все еще сознательную связь съ положительною религіей; а послѣдствіи и Гердеръ даже отводитъ еще христіанству выдающееся мѣсто въ области умственныхъ силъ, содѣйствовавшихъ осуществленію идеи гуманности. Но вообще, чѣмъ далѣе, тѣмъ все исключительно стало прославляться идеальное гречество. Съ религиознаго поворота Виланда національная литература, по крайней мѣрѣ въ лучшихъ ея представителяхъ, отвернулась отъ традиціоннаго и историческаго христіанства, хотя впрочемъ она отнюдь не пристала къ антихристіанству во французскомъ духѣ. Это помогло лишь довершить гибель теологіи во всѣхъ ея видахъ, — мало того, къ концу вѣка почти совершенно заглохъ, по крайней мѣрѣ въ образованныхъ и причастныхъ къ національной умственной жизни кружкахъ, даже тотъ религиозный интересъ, который господствовалъ еще въ теченіе всего столѣтія; на мѣсто его поступилъ сперва философско-эстетическій, а потомъ, что далѣе, то все сильнѣе, политическій интересъ.

Философія, которая призвана была восполнить этотъ пробѣлъ, перешла въ лицѣ Канта изъ переходной формы, такъ называемой популярной —, во всемірноисторическую фазу критической философіи, а именно, прежде всего въ фазу субъективнаго идеализма. Популярная философія оказала, правда, значительныя услуги въ дѣлѣ освобожденія и подъема средняго общественнаго образованія восемнадцатаго столѣтія; благодаря ей философское изслѣдованье много выиграло въ отношеніи ясности и формальной отдѣлки; но она была лишена глубокаго содержанія и основательности. Поверхностный эклектизмъ, немногимъ чѣмъ отличаясь отъ простаго дилетантизма, выдавалъ себя за настоящую премудрость. Все представители этого направленія провозглашаютъ, что предметомъ философіи и человѣческаго интереса вообще служить только человѣкъ. Это положеніе, въ томъ смыслѣ, какъ оно постигалось и проводилось, сводится къ утилитаризму. Эвдемонизмъ и тому, что блаженство человѣка составляетъ истинную цѣль всякихъ теоретическихъ и практическихъ побужденій; а потому значеніе всякаго познанія и дѣйствія вполне оцѣнивается тою пользою, какаю намъ доставляется ими. Въ концѣ концовъ даже Богъ и безсмертіе, эти исключительные предметы философскаго воодушевленія той эпохи, оказываются необходимыми статьями въ зданіи человѣческаго блаженства. Медочной утилитаризмъ и эвдемонизмъ господствуютъ поэтому также и надъ великою педагогическою реформою, въ которой вообще вѣрнѣе всего отражаются тенденціи и инте-

Реформа въ педагогикѣ.

ресы вѣка, какъ въ здоровомъ, такъ и болѣзненнымъ ихъ отношеніи. Эти стремленія всюду пролагали себѣ путь, и изъ филантропическихъ заведеній мало по малу исходило основательное и благотворное преобразованіе учебной системы.

Тогда какъ вліяніе педагоговъ въ родѣ *Базедова*, *Рохова*, *Фельбиера*, *Песталоци* стало понемногу отзываться въ каждой народной школѣ, въ то же время изъ Кѣнигсбергскаго университета исходилъ толчокъ, который въ исторіи человѣческаго мышленія составляетъ величайшую эпоху послѣ Аристотеля. Развивая идеи, какія встрѣчались частью у Лейбница и Вольфа, частью у Локке, дошли наконецъ до установки въ человѣческомъ самосознаніи того мѣста, съ котораго прежде всего должно начаться изслѣдованіе философіи. Однако *Кантъ* впервые постигъ и сталъ поучать, что всякія попытки развить и восполнить нѣмецкія и англійскія изслѣдованія лишены всякой прочной основы, пока не будутъ основательнѣе прежняго изслѣдованы важныя вопросы о происхожденіи нашихъ представленій. Онъ открылъ новую эпоху въ исторіи человѣческаго мышленія, установивъ принципъ, по которому наши представленія и понятія слагаются частью изъ впечатлѣній чувственного міра, частью изъ самодѣятельности самаго представляющаго субъекта. Нѣмецкій рационализмъ прежде считалъ разумъ чѣмъ-то въ родѣ начертанія сверхчувственного міра, которое человѣкъ носитъ готовымъ въ своей душѣ; но *Кантъ* пояснилъ, что разумъ только путемъ опыта усваиваетъ свое содержаніе, что дѣятельность разума ограничивается лишь разработкою даннаго опытомъ матеріала; англійскій эмпиризмъ, въ свою очередь, считалъ опытъ единственнымъ источникомъ нашихъ представленій и мѣриломъ ихъ истины, однако *Кантъ* поучаетъ, что наши представленія воспринимаютъ, правда, свое содержаніе изъ ощущенія, но форма ихъ, напротивъ того, вполне обуславливается собственной духовною дѣятельностью человѣка, которая опредѣляется сложившимися «априори» законами. Такимъ образомъ, частью исправивъ, частью восполнивъ одно другимъ воззрѣнія своихъ предшественниковъ о происхожденіи и истинѣ представленій, онъ связалъ ихъ въ новомъ и плодотворномъ принципѣ «критической» философіи, которая признаетъ, что предметы постигаются отнюдь не «сами по себѣ», а лишь постольку, поскольку они представляются намъ подъ вліяніемъ нашихъ человѣческихъ формъ созерцанія и мышленія. Вслѣдствіе этого центръ тяжести философіи, заключавшійся до сихъ поръ въ вопросѣ о свойствахъ представляемыхъ предметовъ, перешелъ въ вопросѣ о свойствахъ представляющаго субъекта; съ открытіемъ же, что этотъ субъектъ не только представляетъ, но самъ въ себѣ содержитъ законы своей собственной дѣятельности, приобрѣтена была новая область, а именно — сверхчувственного, нравственного міра; ею-то и надлежало возмѣстить всѣ утраты познанія, которое ограничивалось областью опыта.

Философская
революція
Канта.

Помимо религіи и церкви, педагогики и философіи *политика* и *Публицистика* исторія также служили плодородною почвою умственной дѣятельности и исторіографія. Въ Англійи и во Франціи политическія ученія вытекали изъ философскихъ принциповъ, тогда какъ Нѣмцы обратились болѣе къ практикѣ и пытались внести порядокъ и ясность въ запутанную массу имперскихъ правъ и частныхъ интересовъ отдѣльныхъ державъ. Оба *Мозера*, отецъ и сынъ, добросовѣстно и тщательно изслѣдовали обширную область юридической и политической жизни и заложили твердую основу для зданія государственнаго и народнаго права, первый — на положительномъ основаніи фактовъ, а послѣдній — въ духѣ свободныхъ и гуманныхъ идей той эпохи въ связи съ вѣрующимъ настроеніемъ Клопштока, которое онъ обнаружилъ даже въ духовныхъ пѣсняхъ и въ поэмѣ прозою «Даніилъ въ львиномъ логовищѣ». Затѣмъ *Плоттеръ* основалъ политическую школу, которая господствовала надъ послѣдними десятилѣтіями римско-нѣмецкой имперіи и пережила ее. *Юстусъ Мѣзеръ*, истый Нѣмецъ изъ оснабрюкского края, въ одно и то же время публицистъ и историкъ, въ введеніи къ своей «Оснабрюкской исторіи» и въ своихъ «Патріотическихъ фантазіяхъ» показалъ, какъ посредствомъ изслѣдованія отечественнаго прошлаго, нравовъ, житейскихъ условий и сословныхъ особенностей достигается твердая основа для правдивой народной и мѣстной исторіи; совѣтуя присоединить къ существующему реформы общественныхъ дѣлъ, религіозныхъ и политическихъ воззрѣній, онъ пытался спасти юридическія и историческія основы и отстоять ихъ противъ нивелирующихъ покушеній абсолютизма и противъ рационализма просвѣщенной эпохи. Благодаря *Мѣзеру* и другимъ одновременнымъ писателямъ, исторіографія получила новый размахъ. Идеи *Гердера* о философіи исторіи человѣчества дали толчекъ болѣе свободному, болѣе широкому постиженію всемірной исторіи, возводя изслѣдователя на философскую вершину, съ которой однимъ взоромъ обозрѣваются народныя массы нѣсколькихъ столѣтій; *Шлѣйеръ*, за одно съ *Фаттереромъ*, главный основатель болѣе методической и рациональной исторіографіи и отецъ періодической политической литературы, возставалъ, правда, противъ такого поэтическаго постиженія, пренебрегалъ классическими авторами, практическимъ умомъ лишь постигалъ и пытался исправить существующія условія, однако высшее философское воззрѣніе исторіи все-таки признавалось. *Людв. Тимъ Шнитцеръ*, размѣстивъ въ порядкѣ скученный матеріалъ обычной церковной и государственной лѣтописи, выяснилъ духъ и сущность исторіи, обратилъ вниманіе на стремленіе человѣческой природы къ свободѣ, на священныя права народовъ и придалъ историческому изложенію ясность, достоинство и благородство слога. Въ его духѣ *Домъ* съ политическимъ разумѣніемъ обработалъ въ своихъ «Достопамятияхъ» эпоху союза нѣмецкихъ князей. Швейцарецъ

Иоганъ Мюллеръ добивался славы нѣмецкаго Фукидида, созерцая величавыя проявленія всемирной исторіи изъ объективнаго далека и изображая ихъ художественнымъ риторическимъ языкомъ; ему удалось озарить свѣтомъ разума историческій матеріалъ, который онъ усвоилъ себѣ обширною начитанностью, и изложить его въ изящной формѣ. Этотъ въ своей «Исторіи швейцарскаго союза» восторженный глашатай борьбы за свободу и республиканской добродѣтели своихъ соотечественниковъ на дѣлѣ не обладалъ мужественною стойкостью и твердостью и скончался въ санѣ министра Наполеоновскаго военнаго господства въ Касселѣ; въ этомъ отношеніи онъ составляетъ противоположность своему майнцкому товарищу, мечтавшему о свободѣ и космополитизмѣ *Георгу Форстеру*, который погибъ въ водоворотѣ французской революціи. *Фридрихъ Генцъ*, остроумный ученый податливаго права, въ своихъ сочиненіяхъ и въ своей жизни былъ вѣрнымъ отраженіемъ измѣнчиваго потока эпохи и неустойчиваго міросозерцанія.

II. Переворотъ въ теологіи.

1. РЕЛИГИОЗНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Мы прослѣдили за развитіемъ идей просвѣщенія въ Англии (стр. 107) и во Франціи (стр. 135). Гораздо позже онѣ вступили также на почву Германіи, гдѣ впрочемъ были подготовлены съ другой стороны: частью преобразовательными стремленіями pietistovъ (XII, 718), но еще болѣе философскими произведеніями Лейбница и Вольфа (XII, 522). Со стороны pietistovъ послѣдовали нападки, которыя фанатическій *Диттель* (XII, 725), писавшій подъ именемъ христіанскаго Демокрита, направилъ противъ новаго царства лютеранскаго клира. Опаснѣе всего оказалась философія, не смотря на всѣ старанія ея представителей приладиться. *Вольфъ* былъ „учителемъ Германіи“ опять въ новомъ, совершенно въ иномъ родѣ, чѣмъ Грабанъ Маурусъ и Меланхтонъ, къ именамъ которыхъ обыкновенно присоединяется это названіе. Онъ первый изъ нѣмецкихъ филозофовъ образовалъ школу и вмѣстѣ съ тѣмъ до извѣстной степени сдѣлалъ философію всеобщимъ публичнымъ достояніемъ. Главнымъ девизомъ этой школы была такъ наз. естественная теологія, которую Вольфъ по примѣру схоластиковъ отличилъ отъ теологіи откровенія. На первую съ этой поры и обратилось все вниманіе современниковъ; ее одну только и считали возможнымъ доказать и утвердить неопровержимо. Привести ее въ соглашеніе съ чудотворнымъ міромъ откровенія и защитить послѣдній, предоставлялось исключительно теологамъ. Затѣмъ мало, конечно, интересовались противоположностью религиозныхъ системъ; вмѣсто этой противоположности наступила борьба между философіей и теологіей, между разумомъ и откровеніемъ, между мышленіемъ и вѣрою. Со стороны теологовъ, однако, появились лишь единичныя противорѣчія, а именно въ Іенѣ и въ Лейпцигѣ, тогда какъ цѣлый рядъ другихъ богослововъ, — *Рейлбекъ* въ Берлинѣ, *Рейнъ* въ Іенѣ, *Рибовъ* въ Гёттингенѣ, *Канцъ* и *Бильфингеръ* въ Тюбингенѣ, *Баумгартенъ* въ Галле, — успѣли демонстративному способу новой философіи доставить доступъ въ вѣроуче-

Вольфианизмъ.
1720—1740.

ніе. Такимъ-то образомъ сама теологія была увлечена и доведена до того, что она съ своей стороны также способствовала процессу, результатомъ котораго могло быть только окончательное отрѣшеніе и освобожденіе философіи отъ ярма теологической схоластики. Подобной эманципации добилось также правовѣдѣніе, благодаря Пуфендорфу и Томазіусу, а естествознаніе давно уже побуждалось къ болѣе самостоятельному развитію. Помимо того многое еще способствовало умамъ выбраться изъ круга традиціонной и заученой системы и въ особенности произносить болѣе краткіе приговоры въ дѣлахъ вѣроисповѣданья. Въ Германію не только проникали умственные произведенія иностранцевъ, но сверхъ того сама реформатская церковь стала оказывать сильное вліяніе на нѣмецкое лютеранство. Въ Германіи нельзя было оставаться безучастнымъ, когда въ Голландіи арминіанизмъ дѣлалъ такія чрезвычайныя успѣхи въ области церковно-историческихъ и экзегетическихъ изслѣдованій, — когда тамъ же помимо классической учености расцвѣла еще восточная, способствовавшая пониманію Ветхаго Завета, — когда въ слѣдствіе остроумной публицистики *Петра Байлеса* развился извѣстный духъ сомнѣнія и критики въ религиозныхъ дѣлахъ въ связи съ отвращеніемъ отъ религіознаго гнета и нетерпимости, — когда сверхъ того въ Англии, послѣ того какъ вольнодумцы сыграли свою роль, даже въ самой государственной церкви продолжала бродить вольнодумная закваска; — когда во Франціи, прежде еще чѣмъ тамъ возникла собственно литература просвѣщенія, *Ришаръ Симонъ* съ успѣхомъ ратовалъ противъ предрасудковъ отвлеченной протестантской вѣры въ Библию. Однако, старая система, при всей ея внутренней шаткости, все-таки представляла весьма сомкнутую совокупность мыслей и представленій, такъ что нельзя было безъ ущерба для цѣлаго сомнѣваться въ нѣкоторыхъ отдѣльных частяхъ ея. Символическія книги, которыя до сихъ поръ крайне стѣсняли всякія изслѣдованья, не такъ еще давно злоупотреблялись для осужденія весьма благочестивыхъ людей, въ родѣ Каликста и Спенера, а потому ихъ кредитъ въ обществѣ упалъ. Въ нихъ признали норму — не того, во что вѣрить, а лишь того, чему слѣдуетъ обучать публично. Такимъ образомъ возникло нѣчто въ родѣ умѣренной и либеральной теологіи, которая была далеко еще не рационализмомъ, но также и не ортодоксіей. Не хотѣлось совсѣмъ отрѣшиться отъ угнѣщенной прежней вѣры; не стали даже прибѣгать къ новымъ формамъ; пытались только устранить изъ прежняго все пошлое и жесткое. Такъ напр., вѣрили еще въ откровеніе Священнаго писанія, допускали однако, что слогъ и грамматика не подлежатъ вліянію Святаго Духа. Старались въ особенности смягчить крутую и строгую антропологию Августина и реформаторовъ, такъ между прочимъ ослабленіе догмата о наслѣдномъ грѣхѣ отнеслось къ наиболѣе общимъ и знаменательнымъ статьямъ этого новаго, господствовавшаго въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія церковнаго ученія. А съ другой стороны къ этой же умѣренной теологіи относятся замѣчательнѣйшіе поборники, возставшіе на защиту положительнаго христіанства. Въ Англии апологеты сами заразились духомъ деизма, противъ котораго ратовали; то же случилось и съ нѣмецкими теологами, которые частью переводили сочиненія англійскихъ предшественниковъ, частью также самостоятельно возставали противъ деистически-вольнодумной, матеріалистической и антихристіанской литературы, проникавшей изъ Англии и Франціи.

Обратимъ прежде всего наше вниманіе на этотъ послѣдній элементъ, который слѣдуетъ отличить отъ теологическаго движенія: онъ одинъ и отвѣчаетъ только вполне явленіямъ, какія мы наблюдали на англійской и французской почвѣ. Переводы изъ Колинса, Вистона, Тиндаля, Толанда размножались изъ года въ годъ. Одни изъ первыхъ плодовъ этого сбли-

Разлагающіе дѣтели.

Умѣренная теологія.
1740—1760.

Вертегейская жения была такъ наз. Вертегейская Библия, произведеіе Вольфганга Го-
 Библия. гана Лоренца Шмидта; будучи запрещена верховною властью, она ограни-
 1735. чилась однимъ только Пятикнижіемъ. Не смотря на безвкусіе и насильствен-
 ныя искаженія, на всѣ нелѣпости и пошлости, эта книга все-таки признается
 настоящимъ путеводнымъ подвигомъ нѣмецкаго просвѣщенія, а отъ глав-
 наго недостатка, отъ неспособности, отличать собственную философію отъ
 мірописанія библейскихъ авторовъ, нѣмецкій рационализмъ основательно
 исцѣлился лишь сто лѣтъ спустя послѣ того. Эту слабую сторону и тогда
 уже постигъ другой писатель, который безопадно и смѣло ратовалъ про-
 тивъ вѣры въ Библию и сверхъестественное откровеніе, за то честно от-
 рекся отъ всякаго попользованія вольфганцевъ приладиться къ религию.
 Это былъ извѣстный уже (XII, 729) *Иоаннъ Христианъ Эдельманъ*, котораго
 можно признать первымъ открытымъ противникомъ положительнаго хри-
 стианства въ Германіи, хотя онъ и прошелъ почти безслѣдно: его вліяніе
 нельзя сравнить съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое возбудили Вольфенбу-
 тельские отрывки, вообще тѣ статьи *Реймаруса* и *Лессинга*, о которыхъ
 также уже упоминалось (стр. 531), и трактаты *Бардта*, о которыхъ рѣчь
 впереди.

Политическія и социальныя причины не-
 вѣры. Хотя нѣмецкому народу приписывается особая склонность къ религию
 и теософіи, но именно въ этой реформаціонной и шетистической паціи
 невѣріе, основанное на принциѣ, укоренилось тверже нежели въ Англии
 и Франціи. Такое на первый взглядъ поразительное явленіе объясняется,
 впрочемъ, не только вообще признаннымъ запустѣніемъ и обмелѣніемъ
 теологіи семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій, но обусловливается также
 политическими и социальными условіями. И дѣйствительно, во Франціи іезу-
 итизмъ, освѣщавшій деспотизмъ и злоупотреблявшій имъ для собственныхъ
 цѣлей, болѣе всего повиненъ въ томъ, что общество отсеклось отъ хри-
 стианства; въ Германіи же протестантская, особенно лютеранская церковь
 играеть, правда, совершенно иную роль, но вызвала опять-таки подобныя
 слѣдствія. Какъ во Франціи Людовикъ XIV. отождествлялъ себя съ государ-
 ствомъ, точно также и самый мелкій нѣмецкій владѣтель считалъ себя въ правѣ,
 пренебрегать всякими преградами, увѣривъ всѣхъ, что онъ отвѣтственъ пе-
 редъ однимъ только Богомъ: такой произволъ правительствъ и полиціи при
 чрезвычайно мелочныхъ условіяхъ нѣмецкой имперіи ощущался гораздо силь-
 нѣе, нежели въ обширныхъ сосѣднихъ государствахъ, не находя притомъ ни
 малѣйшаго противовѣса въ лютеранской церкви. На всякія вопли нарушен-
 наго и возмущеннаго человѣческаго права послѣдняя ссылалась лишь на
 букву Священнаго Писанія (Римл. 13, 8) и грозила гнѣвомъ Божьимъ.
 Вслѣдствіе этого лютеранское духовенство, принимая всякій разъ сторону
 власти, оскорбляло чувство образованныхъ сословій и поселяло въ нихъ
 недовѣріе къ нравственному значенію церкви. Возникавшее чувство граж-
 данской свободы съ самаго начала побуждало къ союзу съ вольнодумствомъ
 и безвѣріемъ. Просвѣщеніе энергично и плодотворно вступило за пре-
 небрегаемую церковью идею гуманности, а національная литература, ко-
 торая только что созрѣвала для новаго расцвѣта, отстаивала этотъ союзъ
 противъ враждовавшей съ нимъ теологіи и церкви. Такимъ-то образомъ враж-
 дебное положительному христіанству направленіе все глубже проникало въ
 нѣдра нѣмецкой народной жизни, оттого именно что упомянутыя причины
 его не сознавались и дѣйствовали по прежнему, такъ что протестантская
 Германія и шла собственно во главѣ антихристіанскаго движенія. Всту-
 пивъ въ разладъ со всѣмъ существующимъ, общественное мнѣніе создало
 свои органы преимущественно на протестантской почвѣ; тутъ оно и
 воплощалось поемногу въ возникавшей національной литературѣ. На
 мѣсто разныхъ родовъ и ступеней сословнаго образованія, какія царилы

до сихъ поръ въ Германіи, вступило теперь общее всѣмъ разнороднымъ
 элементамъ возрѣніе на вещи,—самостоятельное общее образованіе, въ
 которомъ участвовалъ всякій, кто хотѣлъ чтò нибудь значить въ обще-
 ственной жизни. Къ этому присоединился еще тотъ чреватый послѣд-
 ствіями фактъ, что съ переменною державца въ Пруссіи 1740 однимъ изъ
 нѣмецкихъ дворовъ сталъ средоточіемъ такихъ возрѣній. „На свѣтѣ
 одинъ только Богъ и одинъ Вольтеръ“—писалъ уже 1739 послѣднему Фрид-
 риху II. Въ своемъ трактатѣ, „Что такое просвѣщеніе?“ Кантъ прямо Фридрихъ II и
 отвѣчаетъ: это — вѣкъ Фридриха Великаго. Настоящее ядро его истори-
 ческаго величія и заключается въ томъ, что онъ гонимымъ доселѣ и по-
 даваемымъ мыслями и побужденіямъ придавъ господствующую власть въ
 государствѣ и церкви. Изъ его возрѣній на сущность религию вытекало,
 какъ уже было упомянуто (стр. 464), безусловная свобода мысли и совѣ-
 сти, самая неограниченная терпимость, хотя онъ лично терпѣть не могъ
 ценовъ. Не смотря на то, лютеранскіе священники величали его вторымъ
 Соломономъ, оттого что онъ не интересовался болѣе уней, какую замыш-
 лилъ его отецъ; католики также пользовались плодами его религіознаго
 индифферентизма. Такой выдающійся примѣръ неизбѣжно сопровождался
 самыми обширными послѣдствіями. Рѣдкій эдиктъ имѣлъ такое всемірное
 культурно-историческое значеніе, какъ знаменитый именной указъ отъ 22.
 іюля 1740: „Религию всѣ должны быть терпимы, и фискаль обязанъ слѣдить
 за тѣмъ, чтобы ни одна не мѣшала другой, пусть всякій на своей ладъ
 добивается блаженства“. Такъ-то церковный, религіозный индифферентизмъ
 сталъ впоследствии формальнымъ принципомъ жизни въ образованныхъ
 слояхъ средняго сословія, тогда какъ идея гуманности стала матеріальнымъ
 его принципомъ.

2. ТЕОЛОГИЧЕСКІЙ РАЦИОНАЛИЗМЪ.

Отъ просвѣщенія, сущность и происхожденіе котораго мы изложили,
 слѣдуетъ отличать настоящій рационализмъ. Послѣдній былъ рѣшительно
 теологическимъ явленіемъ, тогда какъ первое обнимаетъ болѣе обшир-
 ную область, а именно систему воспитанія, правовѣдѣніе, историографію,
 изящную литературу и популярную философію. При всемъ томъ
 теологическій характеръ, какимъ отличалась вся эта реформа и какимъ
 она характеризуется въ противоположность параллельнымъ позднѣй-
 шимъ процессамъ, влечетъ за собою то, что на теологическій рациона-
 лизмъ выпадаетъ по крайней мѣрѣ руководящая роль. Ученые, которые
 съ половины столѣтія развивали рационализмъ, были—не легкомысленные
 остроумцы, не пустые насмѣшники,—а болѣею частью дѣльные предста-
 вители и поборники науки; но ихъ звали имъ предстояло рѣшить небла-
 годарную задачу, сгладить и преодолѣть существовавшую противополож-
 ность, которую нельзя было скрыть долѣе. Многие изъ нихъ, обсуждая
 религіозныя предметы, ратовали въ то же время противъ англійскаго
 вольнодумства и французскаго легкомыслія. Благодаря этому устранивъ
 былъ разрывъ въ нѣдрахъ евангелической церкви въ Германіи, не смотря
 даже на все сильнѣе выступавшую противоположность между право-
 вѣріемъ и ересью. Дѣло въ томъ, что настоящіе провозвѣстники и отцы
 рационализма сами по себѣ были даже преданы или по крайней мѣрѣ
 мнили быть преданными лютеранскому правовѣрію. А именно рефор-
 маторы библейскихъ наукъ: *Иоаннъ Августъ Эрнестъ*, *Иоаннъ Давидъ Эрнестъ*.
Михаилъ и *Иоаннъ Саломонъ Землеръ*. Первый изъ нихъ, высокоуважае- 1707—1781.

мый учитель в Лейпцигѣ, окончательно освободилъ изложение Нового Завета отъ узъ традиціонной догматики, вывелъ его изъ теологическаго исключительнаго положенія и подчинилъ всеобщей точкѣ зрѣнія филологическаго или, такъ прозваннаго имъ, „грамматико-историческаго“ толкованія. Онъ же впервые высказалъ идею объ исторіи догматовъ и своею „Теологическою бібліотекою“ создалъ для своихъ возрѣпій плодотворный органъ. Для Нового Завета онъ былъ тѣмъ же, чѣмъ для Ветхаго „рыцарь“ *Михаэльс* в Геттингенѣ, основатель историческаго толкованія Библии, тогда какъ Эрнести обрабатывалъ грамматическую и филологическую сторону предмета. Михаэльсъ обладалъ обширными познаніями восточныхъ условій; въ своемъ произведеніи „О Моисеевомъ правѣ“ и въ другихъ трактатахъ онъ успѣлъ еврейскій народъ перенести съ религіозно-идеальной почвы на историческую. Его „Введеніе въ Новый Заветъ“, не смотря на догматическія подробности, въ концѣ концовъ также оказывается въ сущности чисто литературно-историческимъ трактатомъ, и его „Восточная и Экзегетическая бібліотека“ была важнымъ органомъ теологическаго переворота. И онъ уже возсталъ противъ главнаго недуга ортодоксіи, не имѣвшей никакаго понятія о національной сторонѣ библейской религіи; такъ же поступалъ и ученикъ его *Іоаннъ Готфридъ Эйхгорнъ* въ Геттингенѣ, для котораго Библия была ничто иное какъ произведеніе восточнаго духа. Но сюда въ особенности относился *Землеръ*, котораго прозвали отцомъ рационализма. Онъ рано уже вегушилъ въ отношеніи съ шетизмомъ, къ которому хотѣлъ привлечь его отецъ, священникъ въ Зальфельдѣ. Свойственна ему веселость похипула Саломона; онъ добивался чувства благодати и увѣренности въ блаженствѣ, но „всегда подчинялся закону“. То же самое совершалось съ нимъ въ университетѣ въ Галле, гдѣ, отчаявшись наконецъ въ шетизмъ, онъ примкнулъ къ Ваумгартену, который 1751 доставилъ ему теологическую профессуру. Онъ изучалъ съ большимъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе что все свое знаніе самостоятельно приобрѣлъ изъ источниковъ. Это знаніе простиралось главнѣйше на области новозавѣтной экзегетики и критики, также на исторію догматовъ. Последняя, которую онъ собственно и основалъ, подама ему поводъ развить свою оригинальность. Онъ съ пристраіемъ обнаруживалъ человеческое участіе въ составленіи догматовъ, доказалъ, что не Святой Духъ, а епископы и государи сочинили символы, что платонизмъ, стоицизмъ, іуданзмъ обусловливаютъ образованіе христіанскихъ догматовъ и т. п. При этомъ онъ зачастую, правда, изъ-за мелочныхъ подробностей утускалъ изъ виду болѣе обширную связь, а все-таки окончательно устранилъ прежнее пелсторическое возрѣпіе, вслѣдствіе котораго будто бы не было никакаго развитія, а лишь вѣчное пребываніе правотѣрнаго свѣта обокъ съ еретической тьмою. Еще важнѣе заслуги его въ истолкованіи Библии, причемъ онъ отважно добивался оригинальнаго смысла, принималъ притомъ во вниманіе обстоятельства и историческое положеніе автора и современныхъ ему читателей. Онъ впервые постигъ различіе и отношеніе между іудейскимъ христіанствомъ и павллизмомъ въ апостольскую эпоху; большую часть обычныхъ предубѣжденій касательно главныхъ вопросовъ библейской экзегетики и критики, въ особенности касательно текста, онъ навсегда лишилъ ихъ основы, высказавъ въ то же время свои догадки относительно истинной сущности дѣла, которые впоследствии вполне подтвердились изслѣдованьями. Еслибъ онъ могъ писать въ порядкѣ и систематично, то его вліяніе было бы громадное; но неспособный обрабатывать изложение, лишенный философскаго спокойствія и вразумительной точности, онъ ограничился лишь чрезвычайною ученою копотливостью. Его произведенія ничто иное какъ сборники матеріаловъ; ихъ почти ни-

Іоаннъ Давидъ
Михаэльсъ.
1717—1791.

Іоаннъ Сало-
монъ Землеръ.
1725—1791.

кто не читаетъ болѣе, но существенное содержаніе ихъ перешло въ науку. Землеръ всегъ занимался дѣльно и основательно, не изъ тщеславія, а побуждаемый совѣстью и свитымъ рвеніемъ къ дѣлу христіанства, которое, казалось ему, существуетъ для „исправленія человеческого сердца“.

Однако, пока Эрнести все еще отстаивалъ ученіе о причастіи, Михаэльсъ Рационализмъ. всѣми силами старался быть правотѣрнымъ, а постарѣвшій Землеръ писалъ противъ Вольфенбюттельскихъ отрывковъ, въ то же время настояще теологическіе поборники рационализма въ научномъ отношеніи были, правда, мѣнѣе замѣчательными, за то въ сущности болѣе рѣшительными писателями. Первые чтли откровеніе, пытались однако сдѣлать его болѣе доступнымъ для разума. Последніе же извлекали отсюда дальнѣйшія послѣдствія, а именно: все, что въ ученіи церкви противорѣчитъ разуму, надо считать смутною примѣскою къ Св. Писанію, произвольнымъ постановленіемъ священниковъ или школьною ученостью. Вѣра въ откровеніе, правда, все еще поддерживается, но религія откровенія отличается отъ естественной не по содержанію, а только по способу ея возникновенія и обнародованія; откровеніе служить не расширеніемъ, а только полезнымъ подспорьемъ разума; его сравниваютъ съ телескопомъ, безъ котораго разумъ неясно лишь видѣлъ бы самыя важныя предметы. Эта разумная и естественная религія, которую однако постоянно считали существеннымъ ядромъ протестантскаго вѣроисповѣданія, была особенно въ Берлинѣ сильно распространена не только въ средѣ философовъ, но также между теологическими главами церкви. Къ нимъ относятся именно главный придворный священникъ *Сакъ* и членъ консисторіи *Шпальдингъ*; къ нимъ же слѣдуетъ при- соединить брауншвейгскаго президента консисторіи, *Іерусалема*, съ кото- рымъ мы ознакомимся впоследствии. Последній три года пробылъ въ Ан- глїи; первый изучилъ Локке, Толаца, Коллинса, Моргана, а второй — въ особенности Шафтсбери. Всѣ они переняли у деиствовъ искусство, посред- ствомъ общепонятнаго и изящнаго изложенія распространять въ обществѣ релігіозные вопросы, выяснять христіанское ученіе здравому человеческому уму и все существенное въ христіанствѣ сводить—не къ догматамъ, а скорѣе къ исходящимъ отъ него нравственнымъ побужденіямъ. Съ 1767 открыто ратовали за отміну присяги на символическія книги, чего въ особенности добивался Сакъ; впоследствии пришлось горько раскаться въ томъ, что въ должной самонадѣянности не отважились на это дѣло тогда, когда властни были исполнить его. Въмѣсто того ограничили дальнѣйшимъ преобразованиемъ догматики; выходившіе другъ за дружкой учебники копируютъ одинъ староцерковный догматъ за другимъ, пока наконецъ берлин- ской пробстъ и членъ консисторіи, *Теллеръ*, не подалъ сигналъ къ разруше- нію всей старой догматики, совершенно выкинувъ троицу, личность духа, наслѣдній грѣхъ, святыхъ тайны и пр., требуя, чтобы религія претворилась въ мораль, и признавъ за христіанствомъ способность совершенствоваться. За то онъ конечно, и былъ, при Фридрихѣ Вильгельмѣ II. отрѣшенъ отъ должности, тогда какъ за подобный, но еще болѣе смѣлый поступокъ священникъ *Іоаннъ Генрихъ Пульцъ* въ Гильдсдорфѣ близъ Берлина по имен- ному приговору того же короля лишился должности и насущнаго хлѣба.

Августъ Фрид-
рихъ Виль-
гельмъ Сакъ.
1703—1786.
Іоаннъ Іоахимъ
Шпальдингъ.
1714—1804.

Вильгельмъ
Авраамъ Тел-
леръ.
1734—1804.

3. ортодоксіи и супранатурализмъ въ борьбѣ съ просвѣщеніемъ.

Противъ этихъ, прозванныхъ впоследствии „рационалистами“ или „разумно вѣрующими“, теологовъ, водворившихся по прошествіи нѣкотораго времени именно въ Галле, возстали не только настояще ортодоксы и вѣрующіе въ символы, но также и то шаткое правотѣріе, которое потому

въ противоположность рационализму называлось супранатурализмомъ. Отвергнувъ разв навсегда наслѣднѣй грѣхъ, послѣднѣй лишился, конечно, всякой послѣдовательности въ догматическомъ отношеніи. Во главѣ настоящей ортодоксіи, находился извѣстный въ свое время подъ именемъ **Иоаннъ Мельнеиъ** Сноова стража главный пасторъ въ Гамбургѣ, *Иоаннъ Мельхиоръ* хіоръ Гёце. *Гёце*. Въ связи съ тобою забытыхъ теперь „сборниковъ въ Богѣ“ 1717—1780. онъ ратовалъ противъ всѣхъ, кто расшатывалъ букву Библии или уставы лютеранской школьной теологіи. Врагъ всякаго философскаго толкованія религіи, онъ съ наглою смѣлостью вступилъ въ борьбу, которая была вовсе не по силамъ его одностороннему теологическому образованию, такъ что Лессингу ничего не стоило воздвигнуть ему позорный памятникъ, благодаря которому имя этого человѣка пользуется незавиднымъ безсмертіемъ. Извѣстныя подъ названіемъ „Антигёце“ статьи Лессинга отстаивали свободу мысли и права разума противъ ограниченной ревности правовѣрныхъ инквизиторовъ въ такомъ духѣ, что отнюдь не оскорбляли ни религіи, ни христіанства; благодаря именно этому обстоятельству рѣзкія осужденія ихъ и повліяли такъ сильно на современниковъ.

Этой борьбѣ между *Лессингомъ* и *Гёце* предшествовала непосредственно другая буря, не менѣ знаменательная въ отношеніи преобладанія, какими все еще пользовались теологическія вопросы. Главою и средоточіемъ берлинскихъ вольнодумцевъ давно уже считался ученый книгопродавецъ **Николай** въ Берлинѣ. Въ связи съ искренне-привязанными къ нему друзьями, *Христофъ* съ Лессингомъ и Моисеемъ Мендельсономъ онъ въ 1757 г. уже издавалъ *Фридрихъ* „Библиотеку изящныхъ наукъ и свободныхъ искусствъ“, а послѣ того какъ 1733—1811. это изданіе перешло во владѣніе Христіана Феликса Вейсе, — „Письма касательно новѣйшей литературы“ (1759—1765); затѣмъ онъ по своей собственной программѣ сталъ издавать „Всеобщую нѣмецкую библиотеку“; въ теченіе сорока лѣтъ послѣдняя занимала выдающееся и руководящее положеніе въ нѣмецкой культурной жизни; но лишилась довѣрія и пала въ ту гениальную эпоху, произведенія которой Николай не понималъ и высококомфрно отрицалъ. Она служила какъ бы открытою пріемною для всѣхъ, кто имѣлъ что-нибудь сказать противъ иезуитовъ и ортодоксовъ, противъ „фанатиковъ“ и „ханжей“, противъ суевѣрія и предрасудка; это было отборное оружіе честнаго и трезваго человѣческаго ума, который избѣгаетъ всего туманнаго, но замыкается также ото всего, что относится къ фантазіи и чувствованью, къ сентиментальности и вѣрѣ. Богъ и безсмертіе составляли содержание, а правоученіе — единственную цѣль религіи; все остальное у Николая признавалось зломъ и сильно преслѣдовалось какъ суевѣріе и обскурантизмъ. Съ цѣлью распространить эти принципы, онъ написалъ знаменитый, сатирическій романъ „Жизнь и мѣнія магистра Себадуса Нотанъера“; эта въ художественномъ и религіозномъ отношеніи значительная книга направлена противъ правовѣрнаго духовенства. Содержание составляютъ судьбы и бѣдствія сельскаго священника, котораго суперинтендентъ Стауциусъ и его единовѣрцы лишили должности и насущнаго хлѣба за его вольнодумныя и здравыя воззрѣнія; сильно гонимый, наконецъ, вошелъ въ надежную гавань. Мѣткими и дюжими чертами изображены лицемѣрные священники, „которые свои личные позорныя дѣланья возводятъ въ дѣло своего сословія, религіи и самаго всемогущаго Бога“. Въ этой книгѣ явно осмѣивались также поэты и писатели, не нравившіеся Николаю, а именно сладковатый, пустяшный **Иоаннъ Георгъ Якоби** (подъ именемъ господина Зейглица) и его съ напыщенной важностью выступающій братецъ, **Фридрихъ Генрихъ**, а правяры **Ходовецкаго** придали ей еще больше значенія, такъ что это произведеніе пользовалось большимъ успѣхомъ, и въ короткій срокъ вышло уже три изданія. Всѣ выведенныя тутъ

личности разразились гнѣвомъ и жестоко напали на прозаическаго пророка пошлаго ума. Николай и его приверженцы, „**николаиты**“, въ устахъ благочестивыхъ людей служили тогда и еще долго послѣ того, подобно Штраусу въ наше время, „прозвищемъ всякаго дурнаго дѣла“. Точно также попо-**И. Э. Вистеръ**. сплосъ или *Вистера*, издателя печатавшагося у Николая „Берлинскаго еже-1749—1816. мѣсячнаго изданія“, въ которомъ просвѣщеніе ратовало противъ неволи во Берлинское изданіе. всѣхъ житейскихъ областяхъ, напр. также въ школь.

Для теологическаго просвѣщенія гораздо опаснѣе ортодоксіи и супранату-1783—1811. рализма была его собственная односторонность и скудость. Извѣстные недостатки свойственны были всей эпохѣ. Такъ между прочимъ отвѣчающее паткому космополитизму ея непопозволеніе, открыть самую суть всякой религіи и назидаться какъ бы оглавленіемъ книги вмѣсто ея дѣйствительнаго содержанія. Андрей, однако, точнѣе опредѣляетъ особую границу именно просвѣщеннаго направленія въ религіозномъ отношеніи. Вѣдь религія искони коренится, такъ сказать, въ художественномъ побужденіи массъ; для своего выраженія она обладаетъ въ человѣческой душѣ и въ его способности члвчл общемо почвою съ поэзіей, а въ фантазіи такимъ же общимъ орудіемъ; тогда какъ со стороны просвѣщенія все, что сколько нибудь намекало на фантазію и чувство, на искусство и поэзію съ мелочнымъ педантизмомъ изгонялось изъ области религіи, и она ограничивалась самымъ бездушнымъ нравственнымъ и умственнымъ хламомъ. Случалось, что по поводу проповѣди на текстъ Матѣ. 21, 8: „другіе рѣзали вѣтви съ деревъ“ темою служила лѣсная порубка; или что при развившемся пристрастіи исправлять пѣсенники, глупая и нелѣпая по мнѣнію Фридриха Великаго пѣснь: „Успокоился всѣ лѣса, успокоился весь свѣтъ“, ради болѣе точнаго согласія съ физическою географіей подверглась такому преобразованію: „успокоилось полсвѣта“. Въ такого рода безвкуси и заключалась самая главная и коренная причина того страннаго явленія, что, хотя восемнадцатое столѣтіе было все еще теологично и религіозно настроено, однако подъ исходомъ этого вѣка и въ началѣ слѣдующаго религіи, казалось, заснула мертвымъ сномъ, изъ котораго лишь Шлейермахеръ вновь пробудилъ ее. Всѣ, кто жила не однимъ только умомъ, по также чувствомъ и душою, спасались впоследствии изъ безплодныхъ пустыней теологіи на цвѣтущія нивы поэтической національной литературы, а на мѣсто культуры божества, переименованнаго въ „высшее существо“, наступилъ культъ творческаго генія. Однако, вслѣдствіе броженія, какимъ сопровождался Реакція чув- семидесятые годы и изъ котораго національная литература черпала свои ства противъ свѣжія силы, въ религіозной области прежде Шлейермахера уже возникли просвѣщенія. первые признаки новыхъ стремленій. Герои литературы представили взору нѣмецкаго народа вообще новый идеалъ жизни и поучали достигать цѣльнаго человѣка не въ однихъ только просвѣщенныхъ представленіяхъ и проявленіяхъ твердой воли, но прежде всего въ тѣхъ бессознательныхъ естественныхъ пѣдрахъ души, въ той гениальной сущности, что составляетъ основу непостижимой и самобытной индивидуальности; точно также и гениальная эпоха имѣла своихъ представителей въ области религіи, которая по мнѣнію *Лафатера* „ничто иное какъ гениальность“. Онъ самъ, *Гаманъ*, *Юль Стимлингъ*, *Гердеръ*, *Клавдиусъ*, *Якоби*, какъ бы не отличались другъ отъ друга, сходны между собою въ томъ, что среди постепенно, но безповоротно совершавшагося отвращенія умовъ отъ христіанства и церкви, всѣ они лично ищали оригинально религіозное настроеніе и распространяли его въ болѣе или менѣе обширныхъ кружкахъ, собиравшихся около нихъ.

При этомъ *Гердеръ* болѣе другихъ уклонился отъ такъ называемаго историческаго или положительнаго христіанства. Онъ, правда, тоже возставалъ *Гердеръ*.

противъ оношляющаго направленія Шпальдинга и рационалистовъ, а въ слѣдствіи, когда ему показалось, будто критическая философія производитъ сумятицу въ умахъ теологической молодежи, даже противъ Канта. Въ своихъ „Провинціальныхъ листкахъ“ онъ пытался возвратитъ духовному званію достоинство древнихъ пророковъ и проповѣдниковъ, а христіанству его святость, какъ религіи человѣчества. Но именно всесторонне развитое у Гердера пристрастіе ко всему человѣческому и составляетъ преобладающую своеобразность новаго направленія въ искусствѣ и литературѣ, такъ что онъ самъ все болѣе и болѣе переходилъ къ этому направленію, а старовѣры недовѣрчиво стали относиться къ нему. Онъ обнаружилъ явное сочувствіе ко всѣмъ эпохамъ и народамъ, ко всякому индивидуальному и общественному образу мыслей и чувствъ, такъ что христіанство тоже представлялось лишь съ точки зрѣнія чисто человѣческаго начала, въ которое по немъ оно какъ бы претворилось. Христосъ не былъ его богомъ, скорѣе гуманность была его богиней. Такимъ образомъ онъ идеальной религіей призналъ поэтическое первобытное христіанство, лишенное всякаго догматизма, но также и всякой исторіи и возвѣщалъ всемірную перекорь съ простымъ по возможности вѣрованіемъ; но дѣйствительно вѣрующимъ стараго пошиба эта церковь казалась суетнымъ тщеславнымъ отпрыскомъ отъ міра сего.

Изъ существовавшихъ въ гениальную эпоху кружковъ религіозно возбужденныхъ знаменитѣе всѣхъ другихъ былъ кружокъ княгини Голлицыни Голлицыни въ Мюнстерѣ; въ которое время онъ въ религіозномъ отношеніи считался даже антитезою придворнаго кружка въ вольнодумномъ Веймарѣ. Тутъ не отстаивались церковныя догматы и символы противъ просвѣщенія и рационализма, а скорѣе доискивались въ чувствѣ, поэзии и мистикѣ источники религіи; тутъ восторгались глубиною восточной поэзии въ Библии, обрѣтали въ вѣрѣ начало и конецъ всякой премудрости, предавались думамъ и энтузіазму. Самыми близкими друзьями фанатической княгини, проживавшей въ разлукѣ съ извѣстными по естествонаучнымъ трудамъ мужемъ, Дмитриемъ Алексѣевичемъ, были *Гемстергейсъ* и *Гаманъ*. Она—именно та Диогена, которой первый изъ нихъ писалъ свои „Письма объ атенѣ“ (1799); „Магусъ съ сѣвера“, какъ прозвалъ Гаманъ, умеръ въ ея домѣ. Ее запросто посѣщала также самый выдающійся религіозно философскій пророкъ гениальной эпохи, *Фридрихъ Генрихъ Якоби*, подалливый и шаткий авторъ философскихъ романовъ „Сборникъ писемъ Альвила“ (1781) и „Вольдемаръ“ (1799), въ которыхъ онъ вообще развивалъ свою философію чувства, частью разбиралъ нравственный вопросъ объ отношеніи права и долга личности къ общепринятому нравственному правилу. Подъ влияніемъ той же обстановки совершился упомянутый выше переходъ къ католицизму графа *Фридриха Леопольда Штолберга* съ его семьею. Эти писатели не только ратовали противъ Берлинцевъ, сухому умственному образованію которыхъ они противопоставили силу чувства и фантазіи, но Якоби былъ даже того мѣтла, будто всякій, кто за разрѣшеніемъ міровой загадки обращается исключительно къ разуму, неминуемо приходитъ къ спинозизму. Такимъ спиновистомъ, и пожалуй даже не безъ основанія, призналъ онъ именно великаго Лессинга. Это до того оскорбило друга послѣдняго, денста Мендельсона, что трактатъ, которымъ онъ хотѣлъ оправдать покойника отъ такого обвиненія, ускорилъ смерть его.

Иоаннъ Каспаръ Лафатеръ, соотечественникъ и современникъ Песталоцци, въ своемъ воззрѣніи на религію, какъ на „непосредственное божественное чувство“, рѣзко возставалъ противъ всего направленія эпохи, а въ то же время въ своемъ постиженіи гениа, какъ „незаученаго, неизучаемаго, своеобразнаго, божественнаго, вдохновеннаго свыше дара“, соприкасался

съ культомъ гениальности, который подготавливали Гердеръ, Шиллеръ и Гёте. Преданный смодолу религіознымъ порывамъ, склонный къ супранатурализму, даже къ мистикѣ, онъ уже списалъ себѣ извѣстность своими „Швейцарскими пѣснями“ и „Надеждою на вѣчность“, когда занялъ мѣсто священника въ своемъ родномъ городѣ Цюрихѣ. Назидательные трактаты, проповѣди и стихотворенія прославили его такъ, что во многихъ благочестивыхъ кружкахъ онъ прослылъ чуть-ли не пророкомъ и святымъ. Во всѣхъ концахъ Германіи находились семейства, въ которыхъ онъ по его общественной перенескѣ признавался какъ бы духовнымъ пастыремъ. Его путешествія были триумфальными поѣздками. Человѣку рѣдко удается выносить подобнаго рода почетъ и не заразиться притомъ суетностью и самообольщеніемъ. Лафатеръ зачастую тоже поддавался этой опасности, тѣмъ еще болѣе что самодовольство и честолюбіе относились къ природнымъ ему слабостямъ. Изъ его „Тайнаго дневника наблюдателя надъ самимъ собою“ узнаемъ, что онъ сознательно стремился къ окружающему его ореолу и робко охранялъ его отъ роковаго помраченія. Онъ не разъ служилъ предметомъ сатирическихъ выходовъ. Послѣднія исходили отъ Уммуса (Радостная пѣснь учениковъ Лафатера), Книге (Путешествіе въ Фрицларъ), Вианда (Эдмундъ), а въ особенности отъ Лихтенберга, который подвергъ своимъ насмѣшкамъ не только неудавшійся Лафатеру попытку обратитъ въ свою вѣру Мендельсона (Тиморъ), но даже излюбленное его чадо, физиономику. Руководимый рано развившимся даромъ наблюденія, Лафатеръ съ 1760 замышлялъ создать особую науку, съ тѣмъ чтобы по образованію головы и по чертамъ лица изучитъ оболочку духа. Согласно съ направлениемъ той эпохи, которая подъ влияніемъ идей Руссо стала прислушиваться къ непосредственному голосу природы, Лафатеръ поучалъ, какъ по чертамъ профила читать въ самой душѣ и отсюда дѣлать выводы касательно характера, преобладающихъ свойствъ и наклонностей духа. И въ самомъ дѣлѣ, его „Физиономическіе отрывки съ цѣлью способствовать познанію людей и человѣколюбію“, изданные въ четырехъ роскошныхъ томахъ in quarto, съ гравюрами Ходовецкаго и другихъ художниковъ, надѣлали много шума. Однако, торжественный токъ 1775—1778. оракула, напыщенные фразы и высокопарныя восклицанія, какими уснащался объясненіи Лафатера, скоро подверглись насмѣшкамъ. Музеусъ написалъ на нихъ свои остроумныя „Физиономическія путешествія“. Въ особенности принципъ, въ силу котораго, по мнѣнію эстетическаго Лафатера, въ прекрасномъ тѣлѣ живетъ прекрасная душа, не понравился математику и физику *Лихтенбергу* въ Гёттингенѣ, изуродованному вслѣдствіе приключившагося съ нимъ несчастія въ дѣтствѣ; вообще Лихтенбергъ во всемъ былъ противоположенъ Лафатеру: первый—невѣрующій вольнодумецъ, а другой—вѣрующій христіанинъ. У перваго все основано на натурѣ и наклонности, а у послѣдняго болѣею частью все тщательно усвоено образованіемъ и воспитаніемъ. Лафатеръ съ виду исполненъ торжественности, достоинства, елейности; а у Лихтенберга отличительными чертами оказались разсудокъ и остроуміе, шутка и насмѣшка. Онъ болѣе всякаго другаго былъ бы способенъ пересадитъ въ Германію юмористическій романъ Англичанъ, такъ какъ и самъ въ своемъ характерѣ соединялъ всѣ причуды, настроенія и противорѣчія юмориста и своими остроумными толкованіями Гогартовыхъ гравюръ доказалъ, что глубоко проникъ взглядомъ въ душевную жизнь людей. Но по своей странной натурѣ онъ не могъ настойчиво запятъся болѣе обширными трудами; юмористическія и сатирическія статьи, летучія листки и отрывки, гдѣ онъ осмѣивалъ всякія искаженныя направленія, сумасбродныхъ гениевъ литературы, пророчество и напыщенность Лафатера („О физиономикѣ противъ физиономовъ“ и „Отрывокъ о хвостахъ“), хватили

Георгъ Хри-стофъ Лихтен-бергъ. 1742—1799.

вые фокусы Якова Филадельфия,—вот все, что помимо нѣкоторыхъ научныхъ трактатовъ было плодомъ его высокаго дарованія и его яснаго самосознательнаго ума. Своими сатирическимъ бичемъ онъ поражаѣ также напуганые таланты періода бурь и порывовъ; по его мнѣнію, они добились имени гениа, точно такъ же какъ осликъ имени стоюга, не потому чтобы у него было столько ногъ, а потому что никому нѣтъ охоты досчитатъ до четырнадцати.

4. МИСТИЦИЗМЪ И ЕГО ФАНАТИЧЕСКІЕ ОТПРЫСКИ.

Религія Лафатера.

Потерпѣвъ такіа пораженія, Лафатеръ молча покынулъ свои физіономическіа попытки или, скорѣе, преобразилъ ихъ въ художественныа попытки, такъ какъ онъ вообще гениально совмѣщаль въ себѣ идеалы прошлаго и настоящаго. Вопреки всякому догматизму его христіанство было рѣшительно этическое, сродни всему человѣчески прекрасному и правдивому. При всемъ томъ онъ непоколебимо вѣрилъ въ непосредственное сношеніе Христа съ Богомъ, въ доступность молитвы, въ чудотворныа силы и въ откровенія. Мистическіа подъемъ религиозныхъ чувствъ доставлялъ ему величайшее наслажденіе; во всемъ, что окружало его и что случалось съ нимъ, онъ чалъ перстъ Божій. Никакая критика не могла поколебать его вѣры въ божественность Библии, и окружающее его невѣріе, вольнодумство и просвѣщеніе усиливали лишь его убѣжденіе въ томъ, что онъ явился на свѣтъ, „съ цѣлю засвидѣтельствовать божественную истину“. На этомъ тѣмъ не менѣе и основано его значеніе въ исторіи религиозной и культурной жизни той эпохи. Помимо громаднаго вліянія, наконецъ, какое онъ въ качествѣ проповѣдника и духовнаго пастыря имѣлъ непосредственно, особенно на высшіе классы общества, не надо также забывать ту услугу, какую Лафатеръ въ качествѣ неустрашимаго и твердаго защитника свободы оказалъ въ юности противъ аристократическаго гнета въ Цюрихѣ, а въ старости—противъ республиканскаго произвола. Вернувшись изъ Базеля, куда былъ изгнанъ на нѣсколько мѣсцевъ, онъ послѣ побѣды Массены надъ Русскими, защищаль на улицахъ Цюриха угнетаемыхъ жителей, причемъ былъ раненъ въ бою выстрѣломъ пьянаго гренадера и скончался послѣ полуторагодовыхъ страданій.

26. сент. 1799.

Иоаннъ Генрихъ Юнгъ-Стиллингъ, 1740—1817.

1771.

Такаго же направленія и убѣжденія какъ Лафатеръ, но одаренный больше естественностью и болѣе богатою душевною жизнью былъ *Иоаннъ Генрихъ Юнгъ*, по прозванію *Стиллингъ*, воспитанный въ бѣдности сынъ портнаго и школьнаго учителя въ области Зигена. Онъ сначала также былъ портнымъ, потомъ поступилъ въ Радеформвальдъ къ купцу, у котораго образовался на столько, что въ Страсбургѣ, гдѣ вошелъ въ сношеніе съ Гѣте и Гердеромъ, въ состояніи былъ изучитъ медицину и добиться докторской степени. Въ Эльберфельдѣ практиковаль онъ преимущественно въ качествѣ глазаго врача; потомъ былъ профессоромъ финансовыхъ и камеральныхъ наукъ съ 1778 въ Кайзерслаутернѣ, съ 1781 въ Марбургѣ, съ 1803 въ Гейдельбергѣ; а съ 1806 прожилъ въ чинѣ тайнаго совѣтника въ Карлсруѣ при великомъ герцогѣ Карлѣ Фридрихѣ. Въ научной области онъ не произвелъ ничего основательнаго, ему, напротивъ, приходилось преодолевать всѣ недостатки самоучки. Въ романахъ его („Утренняа роса“, „Флорентина и Фалендорфъ“, „Теобальдъ мечтатель“ и др.), не лишенныхъ глубокаго чувства и поэзіи, заключается такъ много мистической мечтательности, чудесъ и суевѣрія, что они не даромъ теперь забыты. Излюбленнымъ чтеніемъ свободныхъ членовъ общества были его „Сцены изъ царства духовъ“. Долѣе всѣхъ сочиненій продержалось еще

его душевное описаніе собственной жизни, особенно „юношескихъ лѣтъ“. Отсюда видно, какъ жившій внутреннею жизнью фантастическіа отрокъ мало по малу дошелъ до элегично-сентиментальнаго мировоззрѣнія, но также и до твердой вѣры въ Бога, ни на мигъ не покидавшей его, вопреки всѣмъ экономическимъ невзгодамъ, съ какими приходилось ему бороться всю жизнь. Вліяніе благочестивой, хотя и суевѣрной обстановки, строгая замкнутость воспитанія, сладостныа грезы среди уединенія природы, вдали отъ свѣта и людей, гнетъ бѣдности, которая смолоду приучила его въ своей душѣ искать утѣшенія не только отъ разнаго рода лишеній, но также и отъ презрѣнія свѣта,—все это возбудило въ его нравѣ чувствительность и мягкость въ чрезвычайной степени; такъ что, избѣгая столкновеній съ суровымъ внѣшнимъ миромъ, онъ предался созерцанію собственнаго нравственнаго и религіознаго источника и погрузился въ миръ фантазіи. Пособія, которыа выручали его зачастую, правда, довольно страннымъ образомъ, изъ крайней нужды,—весь обиходъ его жизни, вслѣдствіе котораго школьный учитель преобразился въ глазаго врача, портной—въ академическаго преподавателя,—все это утвердило въ немъ вѣру въ особое провидѣніе, которое охраняло его. Въ каждомъ малѣйшемъ событіи онъ чалъ и чтилъ руку Божию, всѣ волосы на головѣ его были сочтены. Съ Богомъ онъ находилъ въ личныхъ сношеніяхъ, съ Христомъ его связывала личная любовь; плодомъ этой вѣры было то, что онъ во всѣхъ превратностяхъ жизни сохранялъ свою кротость, свое человѣколюбіе и упованіе на Бога. Словомъ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся въ средѣ немногихъ христіанъ стараго закала, какіе встрѣчались въ новѣйшую эпоху.

Съ именемъ Лафатера, къ сожалѣнію, связаны еще другаго рода воспоминанія, о которыхъ кстати здѣсь упомянемъ, такъ какъ они обнаруживаютъ, что общій характеръ эпохи не совсемъ отвѣчаетъ установленному за нимъ прозвищу „вѣка просвѣщенія“. Напротивъ, обратной стороною того безъ сомнѣнія доблестнаго и плодотворнаго порыва къ эманципации отъ тысячеклѣтныхъ предрасудковъ, подавшаго поводъ къ такому прозвищу, оказывается ребяческое пристрастіе ко всему чудесному, волшебному и малпческому, состоявшее въ самой рѣзкой противоположности съ постуцательнымъ развитіемъ разума. Прямыми антиподами просвѣтителей и вольнодумцевъ явился цѣлый рядъ обманутыхъ и обманщиковъ, которые подъ разными заманчивыми знаменами наполняли умы пристрастіемъ къ чудесному и сверхестественному, какъ бы для того, чтобы подготовить ихъ такимъ образомъ къ предстоящему возврату реставраціонной эпохи. И этой суетною страстью къ чудесамъ была заражена и увлечена отнюдь не безразсудная, всегда невѣрляемая чернь, а напротивъ, до высшихъ слоевъ общества простиралась эта вѣра въ сверхестественный даръ тѣхъ авантюристовъ, которые появлялись въ качествѣ маговъ, заклинателей бѣсовъ, кабалистиковъ, знахарей, ясновидцевъ и алхимиковъ, бойко промышляя тою всегда выгодною спекуляціей на людское легковѣріе и тугоуміе. Этотъ всеобщій недугъ способенъ былъ инаго разсудительнаго человѣка съ выдающимся умомъ преобразитъ на время или даже навсегда въ мечтателя и фантазера. Примеръ Лафатера и обнаруживаетъ именно, какъ близко въ ипыхъ головахъ соприкасались между собою ясный міръ свѣта, въ которомъ жили Гѣте и его единомысленники, съ ужасною тьмою, гдѣ витали мнимые демоны и духи, при посредствѣ которыхъ извѣстныа обманщики и шарлатаны пыгались повернуть вспять „эпоху просвѣщенія“. Религіозный пылъ Лафатера пробуждался всякій разъ, когда ему казалось, что озаряется связь между видимымъ и невидимымъ мірами; тогда его восторженное чувство и воображеніе не отступало даже передъ

Лафатеръ и мистическое шарлатанство.

чудодейною сверхестественностью. Онъ не только къ упомянутому уже прежде (XII, 727) духовнику Сведенборгу обращался съ вѣрующими и испренними письмами, какъ къ „боготвожденному мужу“, но благодаря главнѣйше ему проникли въ общество и распространились также магнетизмъ Месмера и сомнамбулизмъ Пюисегюра; въ экзорцизмахъ Гаснера онъ привѣтствовалъ возобновленіе древнехристіанскаго чудотворства и совершилъ даже путешествіе къ мѣстопробыванію этого грубаго фокусника, посѣтилъ продувнаго, отъявленнаго мошенника Каліостро въ Страсбургѣ и пришелъ къ тому убѣжденію, что природа создаетъ въ каждое столѣтіе только по одной такой личности.

Для того, чтобы понять, какъ такого рода фокусники могли удостоиться чести играть роль въ культурной исторіи, стоитъ только вспомнить о томъ великомъ значеніи, какимъ въ прошлое столѣтіе пользовались тайны общества и орденскія учрежденія, въ особенности распавшееся на множество искаженныхъ сектъ масонство. Тогда вообще правилось окружать себя загадочнымъ, понятнымъ только для посвященныхъ церемоналомъ, мистическими символами и аллегорическими приемами. Въ Германіи, во Франціи, въ Англии бродило множество кабалистико-магическихъ обществъ, заимствовавшихъ свои формы у масоновъ. Такъ тоже и сведенборгианизмъ проникъ въ масонство, а въ послѣдствіи онъ слился еще съ другими формами мистицизма, въ особенности съ месмеризмомъ и сомнамбулизмомъ. Въ этихъ обществахъ вообще распространена была вѣра, что прежде когда-то существовала таинственная премудрость, которая обладавшихъ ею надѣляла способностью вступать въ ближайшую связь съ Богомъ и проявить извѣстную власть надъ царствомъ духовъ. Такъ называемыя шотландскія ложи добивались этого „истиннаго масонства“, т. е. средствъ пріобрѣсть сказанное высшее знаніе, тогда какъ розенкрейцеры ¹⁾ прямо принимались за магію и алхимию, за волшебство и заклинаніе духовъ. Болѣе на своей страхъ взялся за дѣло Шрепферъ. Въ молодости онъ служилъ въ лейпцигской гостинницѣ, гдѣ одна изъ ложъ открыла свои собранія, потомъ завелъ тамъ же кофейню, посѣтителей которыхъ вскорѣ увѣрилъ въ томъ, что самъ обладаетъ высшею масонскою наукою чѣмъ та, какаѣ предлагается въ обыкновенныхъ ложахъ. Графу Каліостро, повторившему въ послѣдствіи продѣлки Шрепфера въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, никогда не удалось бы достигнуть баснословныхъ успѣховъ, еслибъ мономанія по поводу тайнъ масонства не завладѣла окончательно умами современниковъ. Самъ Шрепферъ въ своихъ „работахъ“, поприщемъ которыхъ служилъ мрачный залъ въ его заведеніи, съумѣлъ — сначала пуншемъ, а потомъ кабалистическимъ и апокалиптическимъ пустословіемъ — отуманить умы своихъ адептовъ, а затѣмъ, при посредствѣ ловко приспособленныхъ физическихъ аппаратовъ и чревоушщанія, вызывать на сцену духовъ умершихъ людей. Вѣра въ его заклинаніе духовъ не исчезла даже тогда, когда лейпцигская ложа Минерва запретила ему продолжать эти продѣлки, и когда курляндскій принцъ, который въ качествѣ наместника Саксоніи былъ въ то же время протекторомъ тамошнихъ масоновъ, велѣлъ задать ему сто палокъ, въ полученіи которыхъ осужденный обязанъ былъ выдать квитанцію. Мало того, ему удалось даже, воплѣвъ подчинить своему вліянію самый саксонскій дворъ съ названнымъ принцемъ включительно, съ министромъ Вурмбомъ, и въ особенности съ камергеромъ Бишофсвердеромъ, въ послѣдствіи духовнымъ совѣтчикомъ короля Фридриха Вильгельма II. (стр. 473). Даже отношенія къ отиѣненному ордену иезуитовъ и къ пре-

1) Такъ называлось братство, основанное въ XVIII вѣкѣ нѣмецкимъ дворяниномъ Розенкрейцеромъ.

Иоганъ Георгъ Шрепферъ. 1730—1774.

словутому, тайно перешедшему въ католичество придворному пастору Штарку въ Дармштатѣ занимали роль въ его шарлатанскихъ продѣлкахъ. Пронутешествовавъ по главнымъ нѣмецкимъ городамъ и добившись тамъ значительныхъ успѣховъ, онъ сильно запутался въ денежные дѣла, такъ что въ Розенталѣ близъ Лейпцига положилъ наконецъ самоубійствомъ пре- 8. окт. 1774. дѣлъ своимъ подвигамъ.

Подобнаго рода побужденія встрѣчаются тоже и въ духовномъ званіи, у воспитаннаго иезуитами, застрявшаго впрочемъ въ собственномъ суевѣріи заклинателя бѣсовъ, Гаснера. Онъ былъ священникомъ въ Клѣстерле въ Иоганъ Иосифъ Гаснеръ. хурскомъ епископствѣ и выступилъ съ своими фантастическими и причудливыми заклинаніями въ то время, когда Шрепферъ только что покинулъ свое поприще. Гаснеръ привлекъ къ себѣ вѣрующихъ поклонниковъ особенно въ Эльвангенѣ, куда въ теченіе нѣсколькихъ недѣль стеклось около 20,000 пилигримовъ, чаявшихъ исцѣленія отъ чудотворца, а въ послѣдствіи въ Зульбахѣ, куда вызвала его овдовѣвшая цвейбрюкенская фальцграфиня, потомъ также при дворѣ курфюрста въ Мюнхенѣ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что большая часть исцѣленныхъ имъ больныхъ состояла изъ нервичныхъ женщинъ; пользовался именемъ Иисуса словно командою, онъ самымъ грубымъ образомъ заставлялъ ихъ возбуждать въ себѣ силу волн. Своимъ лѣченіямъ, къ которымъ въ послѣдствіи стекалось ежедневно отъ 2 до 3000 пришельцевъ, придавалъ онъ видъ театральнаго представленія; для знатныхъ особъ отводились особыя мѣста. Благодаря ему, разбогатѣли почтосодержатели и хозяева гостинницъ по баварскимъ дорогамъ, тогда какъ онъ самъ никогда не бралъ платы за свое лѣченіе. Не смотря на то продѣлки его были до того зазорны, что пражскій и зальцбургскій архіепископы осудили ихъ, Театионецъ Фердинандъ Штерцингеръ ратовалъ противъ нихъ доводами разума, а императоръ Иосифъ II. положилъ имъ конецъ именнымъ указомъ. 1775.

Тотчасъ же послѣ того какъ Шрепферъ въ Саксоніи, а Гаснеръ въ Баваріи содѣйствовали къ помраченію человѣческаго ума, появился сперва въ Австріи, а потомъ во Франціи человѣкъ, которому въ послѣдствіи суждено было сдѣлаться основателемъ совершенно новаго шарлатанства, дѣйствующаго даже понынѣ подъ личиною то религіи, то естествовѣдѣнія, и оказавъ въ этомъ направленіи громадное вліяніе, распространившееся наконецъ за океанъ. Родившись близъ Боденскаго озера, Месмеръ изучалъ одно Францъ Антонъ Месмеръ. 1734—1815. вслѣдъ за другимъ теологию, философію, правовѣдѣніе и медицину, женился въ Вѣнѣ на богатой дѣвицѣ, а затѣмъ въ полемическомъ сочиненіи „О вліяніи планетъ на человѣческое тѣло“ возвѣстилъ міру, какъ бы въ родѣ открытаго имъ философскаго камня, слѣдующее ученіе о „животномъ магнетизмѣ“: міровыя тѣла вслѣдствіе присущей имъ и всѣмъ другимъ тѣламъ силы притяженія оказываютъ вліяніе на животный организмъ, которое будто бы нарушаетъ въ послѣднемъ равновѣсіе магнетическихъ силъ и производитъ нѣчто въ родѣ смѣны отлива и прилива. По прошествіи затѣмъ десяти лѣтъ послѣдовало дополнительное объясненіе, будто онъ въ магнитѣ открылъ вѣрное цѣлебное средство противъ множества болѣзней, причемъ все дѣло состоитъ собственно въ возстановленіи сказаннаго нарушеннаго равновѣсія. Онъ сталъ практиковать въ качествѣ медика, пользуясь то магнитомъ какъ проводникомъ для накопившейся яко бы въ немъ самомъ изначала цѣлебной силы, то для краткости изливалъ послѣднюю непосредственно изъ себя, протягивая указательный палецъ. За такія оказанныя страждущему человечеству услуги его назначили членомъ Мюнхенской академіи; затѣмъ онъ въ Вѣнѣ покусился на сумасбродное излѣченіе чернаго бѣльма у одной дамы; когда же его положеніе, вслѣдствіе рѣзрыва съ семействомъ послѣдней, пошатнулось, то онъ переселился въ 1777.

Парижъ, гдѣ интересное его искусство скоро вошло въ моду. Магнетизмъ послужилъ новою завяскою въ общественной жизни. Месмеръ жилъ въ роскошномъ отелѣ; въ одномъ изъ пышно убранныхъ залъ съ большими зеркалами стоялъ такъ называемое бакѣ, магнетическая чудотворная машина: большыя ставились вокругъ нея, прикасаясь къ торчавшимъ изъ нея желѣзнымъ прутьямъ и другъ къ другу. Тусклыя лампы, одуряющія благовопія и музыкальныя звуки способствовали нервному возбужденію, отуманивали чувства. Однако, какъ въ Вѣнѣ медицинскій факультетъ, такъ и въ Парижѣ академія, въ члены которой онъ мѣтилъ, оказалась скалою, о которую ему суждено было сокрушиться. Одинъ изъ членовъ факультета, врачъ Деслонъ, котораго успѣлъ увлечь Месмеръ, былъ даже исключенъ за это своими товарищами. Чудотворный лѣкарь, напротивъ того, пользовался благосклонностію парижскаго двора подобно тому, какъ до него Гасперъ въ Мюнхенѣ и Шренферъ въ Дрезденѣ обрѣли своихъ сіятельныхъ вѣрующихъ. На основѣ акціонернаго предпріятія Месмеръ основалъ затѣмъ общество Гармоніи, по образцу котораго въ провинціяхъ открылось около тридцати подобныхъ сумасбродныхъ очаговъ. Эта магія магнетизма словно чума распространилась по Франціи, и бакѣ стало такою же популярною забавою какъ впоследствии биліардъ. Правительство рѣшилось наконецъ подвергнуть административному слѣдствію все сильнѣе разрастающееся сумасбродство. Четыре члена медицинскаго факультета и пятеро академиковъ, между прочимъ Балли и Лавуазье образовали комиссію, которая подвергла дѣло обстоятельному и подробному, вполне безпристрастному изслѣдованію и обнародовала его по приказу короля. При этомъ несомнѣннымъ, отличавшіяся чудесными свойствами послѣдствія въ области нервной и душевной жизни подверглись совершенно точному научному обсужденію. Этимъ подтвердилось, что магнетизмъ тутъ не при чемъ, а все зависитъ отъ воображенія. Для того чтобы испытать силу, съ какою послѣднее дѣйствуетъ при извѣстныхъ условіяхъ, производился цѣлый рядъ цѣлесообразно придуманныхъ опытовъ, которые повели къ самымъ поразительнымъ выводамъ; даже Деслонъ, который тѣмъ временемъ открылъ у себя лѣчебницу подъ своимъ именемъ, вынужденъ былъ сознаться въ своемъ заблужденіи; а Месмеръ заблаговременно скрылся; но двадцать лѣтъ спустя послѣ того онъ вновь появился, когда прусское правительство обратилось къ чудотворцу и чуть не уготовило ему послѣднее торжество передъ самою смертію его.

1784.

1812.

Маркизъ де Пюисегюръ. Тогда какъ остальной свѣтъ съ презрѣніемъ отворачивался отъ бывшаго моднаго безумія, въ то же время гдѣ тридцать магнетическихъ клубовъ во Франціи не прекращали своего дѣла. Однимъ изъ средоточій таинственныхъ сборищъ былъ Страсбургъ. Тамъ маркизъ де Пюисегюръ, этотъ Донъ

1784.

Кихотъ легитимизма, изобрѣлъ совершенно новую вариацию магнетизма, такъ называемое ясновидѣніе; подъ этимъ разумѣли проявляющійся въ состояніи сноподобнаго бдѣнія даръ пророчанія. Послѣднія тогда сѣмена стали расцвѣтать особенно въ наступившее затѣмъ столѣтіе; послѣдовавшій за эпохою революціи періодъ реставраціи своеобразно характеризовалъ сильно расплодившееся вѣроу въ сомнамбулизмъ. Открытіе страсбургскаго маркиза стало небывалою въ мірѣ всеобъемлющею модною болѣзью по сю и по ту сторону Океана, такъ что даже знаменитыя и ученныя медики не рѣдко подвергались роковому заблужденію.

Джузеппе Вальзамо, извѣстный графъ Калиостро. То, чему положили починъ мудрствующіе Нѣмцы и сумасбродные Французы, суждено было довершить продувному Итальянцу. Въ немъ лишь проявился „универсальный гений въ искусствѣ высшего шарлатанства“, въ одномъ лицѣ сведенборгіанецъ, розенкрейцеръ, магнетизеръ, знахарь, заклинитель духовъ, алхимикъ и чудотворъ. Родившійся въ низшемъ сословіи въ Палермо, рано осиротѣвъ и скоро развратившись, Вальзамо, прозванный

впослѣдствіи графомъ Калиостро, подвизался на попріщѣ мошенничества и преступленія: въ Римѣ, наконецъ, встрѣтилъ онъ служавку Лоренцу Фелицану; это была достойная его сожительница, сообщница и пособница въ плутовствѣ. И тогда уже этой четвѣ проходивцевъ, посвятившей себя свѣтскому сводничеству, удалось въ Италиі, Испаніи, а впоследствии также во Франціи соблазнить многихъ простаковъ. Но заняться искусствомъ молодить и дѣлать золото графу вздумалось лишь тогда, когда послѣ неудавшагося покушенія на денежныя сундуки Альбіона онъ вернулся омытъ въ Парижъ. Послѣ долгихъ странствій и хищническихъ наѣздовъ онъ въ Лондонѣ былъ посвященъ въ тайны духовидящаго сведенборгіанизма и мистико-чудотворныхъ отраслей масонства; потомъ усовершенствовался въ искусствѣ надувательства у юриваго алхимика и обманщика, графа Сент-Жермена въ Голландіи, и наконецъ въ качествѣ возобновителя египетскаго масонства направился прежде всего въ Россію. Въ Митавѣ и Петербургѣ онъ, выводя съ невѣроятною наглостію привидѣнія, забавлялъ высшую аристократію и въ то же время практиковалъ въ качествѣ чудотворнаго врача; а жена его, минималъ принцесса Санта Крость, успѣла между тѣмъ обольстить князя Потемкина. Императрица Екатерина, однако, вмѣсто того чтобы довѣрчиво внять дерзкой лжи обманщика, велѣла осмѣять его въ театрѣ. Послѣ этого онъ направился въ Варшаву; тамъ, въ имѣніи графа Мощинскаго, не смотря даже на то, что послѣдній и много другихъ особъ вполне угадывали его, онъ на удивленіе Поляковъ занимался искусствомъ дѣлать золото; затѣмъ при помощи грубоватаго маскарада вывелъ даже на сцену своего египетскаго „начальника“, такъ называемаго великаго Кофту. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ пользовался уваженіемъ словно Мессія, сперва въ Страсбургѣ, гдѣ кардиналъ-епископъ Роганъ и комендантъ маркизъ де Ласаль были имъ вполне обольщены, потомъ также въ Бордо и Лионѣ. Но верха счастья и славы онъ достигъ лишь въ Парижѣ, гдѣ вскорѣ однако пренизко палъ съ высоты и, подозрѣваемый въ соучастіи въ извѣстной исторіи ожерелья (стр. 362.), просидѣлъ девять мѣсяцевъ въ Бастильи, а затѣмъ былъ изгнанъ изъ Франціи. Изъ Англии онъ написалъ посланіе французской націи, въ которомъ клялся, что Бастилья неминуемо обратится въ груды развалинъ, а на ея мѣстѣ возникнетъ общественное гулянье. Однако, подъ исходъ того же года, когда такъ неожиданно сбылось его пророчаніе, самъ пророкъ попалъ въ тюрьму, изъ которой не вышелъ уже больше. И дѣйствительно, посѣтивъ еще разъ Англию, потомъ Швейцарію и Верхнюю Италию, онъ, вездѣ улчиаемый, попытался было вновь озарить свой помраченный ореолъ святымъ сіяніемъ въ Римѣ; но тутъ графъ подалъ въ лапы инквизиціи: его заключили въ замокъ Святаго Ангела, и онъ умеръ какъ присужденный къ смерти лжеучитель въ мрачной кельи крѣпости Сант-Леона.

1779.

1780—1783.

1785.

Въ его житейскихъ похожденияхъ въ трагикомическомъ видѣ отражаются всѣ болѣзненные недуги, какими во вторую половину прошлаго столѣтія заражено было челоуѣческое общество. Одинъ нѣмецкій путешественникъ, видѣвшій его въ Ровередо за годъ до заключенія, высказалъ чистую правду, заявивъ: всякій большой чалъ въ немъ своего Эскулапа, масонъ—своего гросмейстера, алхимикъ—Парацельса, пожилая дѣва—возобновителя юности, и наконецъ даже космополитъ—истаго государственнаго мужа и наставника царей. Очень мѣтко также сказано было въ предисловіи къ одной изъ упомянутыхъ комедій императрицы Екатерины: „Хотя наше столѣтіе льститъ себя названіемъ философскаго и мы напередъ готовы поставить ему эпитафіей великое слово „просвѣщеніе“, при всемъ томъ множество умовъ вездѣ заражается такимъ упорнымъ сумасбродствомъ, что богиня премудрости вынуждена просить у комической музы лѣкарства для этихъ боль-

ных". Так и мы должны были во имя всемирной истории обратить здѣсь нѣкоторое вниманіе на явленія, которыя сами по себѣ относятся лишь къ анекдотамъ челоѳчества, оттого что эти явленія были симптомами дѣйствительныхъ и сильныхъ умственныхъ теченій и не безслѣдно прошли въ народной жизни вообще, а въ нѣмецкой въ особенности.

3. Переворотъ въ педагогикѣ.

1. Фридрихъ великій и просвѣщеніе.

Общая замѣ-
чанія.

Такая пристрастная къ реформамъ эпоха, какою является восемнадцатое столѣтіе со второй его половины, по существу дѣла не могла обойтись также безъ нововведеній въ области общественнаго и домашняго воспитанія. Мы живемъ въ будущемъ и не даромъ говорится: новыя идеи требуютъ новыхъ людей; будущность принадлежитъ молодежи. Однимъ только педагогическимъ преобразованиемъ, казалось, можно упредить реформу въ сознаніи подрастающихъ поколѣній и завѣщать имъ въ наслѣдіе, съ тѣмъ чтобы развивать ее далѣе. Оттого именно, что въ Германіи не ограничились педагогическими программами въ томъ видѣ, какъ ихъ преобразовали въ Англіи Локке и во Франціи Руссо, но на самомъ дѣлѣ приступили къ педагогическимъ реформамъ въ духѣ просвѣщенія, послѣднее и оказалось на нѣмецкой почвѣ гораздо устойчивѣе, чѣмъ на французской. Идеи просвѣщенія, коснувшись сначала только высшихъ сословій или образованнаго средняго слоя, лишь путемъ педагогической реформы успѣли проникнуть также въ школы и дома. И въ самомъ дѣлѣ, съ тою же безысходною настойчивостью, съ какою приступали къ дѣлу преобразования, когда казалось, что существующая въ церковномъ и гражданскомъ обществѣ дѣйствительность не отвѣчаетъ ненарушимымъ правамъ и требованьямъ челоѳческой природы, и теперь также принимались за систему обученія и воспитанія; за это дѣло взялось, правда, само просвѣщенное правительство, однако педагогическіе реформаторы рьянымъ порывомъ далеко опередили его. Эти стремленія знаменательны не только въ отношеніи духа восемнадцатаго столѣтія, но они и впоследствии также оказались то благотворными, то роковыми для всей системы образованія, а потому не лишнимъ считаемъ войти здѣсь въ нѣкоторыя подробности.

Реализмъ.

Въ семнадцатомъ столѣтіи лишь появились первые слѣды сознательной оппозиціи, направленной противъ имѣвшей почти исключительно цѣль латинское образованіе школьной системы, которую съ одной стороны создалъ тогда связанный съ реформацией гуманизмъ, а съ другой—иезуитизмъ. Преобразовательныя стремленія такъ называемыхъ „реалистовъ“ (особенно *Ратисха* и *Коменіуса*) подъ исходомъ семнадцатаго и въ началѣ восемнадцатаго вѣка были вновь, частью по крайней мѣрѣ, восприняты шестистами; они не только ввели въ школы реальныя учебники Коменіуса, но стали, въ противоположность собственно ученому образованію, способствовать обученію, которое имѣло главнѣйше въ виду удовлетворять все болѣе расширявшимся требованьямъ жизни. Естественныя науки въ сильной степени завладѣли вниманіемъ современниковъ; дѣлались разнаго рода изобрѣтенія, благодаря которымъ обогатилось содержаніе промышленной и гражданской жизни; такимъ-то образомъ изъ настоятельныхъ потребностей эпохи и развились понятіе и составъ реальной школы. Это названіе

впервые высказалъ священникъ *Христофъ Землеръ* († 1740), который завѣдывалъ нѣмецкими школами Франка въ Галле и для нагляднаго обученія обладалъ уже шестидесятью тремя машинами, представлявшими напр. приливъ и отливъ. По Землеру юношество въ реальной школѣ слѣдуетъ обучать полезнымъ и крайне необходимымъ въ обыденной жизни наукамъ: согласно съ изреченіемъ: „мы учимся для жизни, а не для школы“ и надлежитъ сообщать свѣдѣнія о вѣсѣ и мѣрахъ, объ употребленіи циркуля и линейки, о календарѣ, объ астропомини и географіи, сверхъ того объ естественной исторіи и физикѣ, о хозяйствѣ и полицейскомъ уставѣ и пр. Подобнаго рода требованья заявляли ректоры *Геснеръ* въ Ротенбургѣ, *Шётгенъ* въ Дрезденѣ, *Вениккй* въ Пренцловѣ; но собственно отцомъ реальной системы былъ выпешій изъ школы Франка членъ консисторіи *Гекеръ*, который пользовался высокимъ значеніемъ въ исторіи прусской учебной системы. Онъ сказалъ въ Вустергаузенѣ проповѣдь при Фридрихѣ Вильгельмѣ I.; король на дворцовой площади назначилъ его затѣмъ священникомъ при новой Троицкой церкви въ Берлинѣ, заявивъ притомъ: „Онъ долженъ такъ же, какъ сегодня, проповѣдовать народу и ревностно печется объ юношества; ибо отъ этого все зависитъ“. Гекеръ исполнилъ свой долгъ, основавъ нѣсколько безплатныхъ и другихъ школъ.

1739.

Иоаннъ Юліи
Гекеръ.

1707—1768.

1739.

Однако, нѣмецкая реальная система преподаванія возникла лишь въ царствованіе *Фридриха Великаго*. Прежде всего Гекеръ основалъ свою, состоявшую изъ трехъ связанныхъ между собою заведеній, реальную школу, которая въ 1748 г. уже была признана правительствомъ. Онъ считалъ учебныя заведенія разсадниками государства, изъ которыхъ молодые люди, подобно деревьямъ изъ питомника, должны размѣщаться по особымъ словіямъ. А потому, кто не поступалъ въ университетъ, тотъ уже не долженъ былъ учиться въ латинской школѣ; Гекеръ требовалъ особыя заведенія, которыя подготовляли бы къ научнымъ занятіямъ, а другія—къ промышленному и сельскохозяйственному сословію. Правда, эти реальныя школы въ первоначальномъ ихъ видѣ страдали отъ чрезмѣрнаго изобилія предметовъ. Въ одиннадцать учебныхъ часовъ въ день здѣсь преподавались рисованіе, арифметика, геометрія, механика, архитектура, астрономія, географія, анатомія, естествознаніе, трактовали объ растеніяхъ, металлахъ, камняхъ, о деревѣ, краскахъ, о вѣсѣ, мѣрахъ, циркулѣ, линейкѣ, календарѣ, о дѣтѣ и полицейскомъ уставѣ, о ичеловодствѣ, горномъ дѣлѣ, бухгалтеріи, давались также наставленія объ уходѣ за туювыми деревьями и о выкормкѣ шелковичнаго черва.

Фридрихъ II.
и реальная
школа. 1746.

Помимо Гекера тому же содѣйствовали еще два педагога изъ pietistической школы, а именно его преемникъ *Зильбершлагъ* и завѣдывавшій съ 1753 по 1759 реальной школою *Г. Г. Гентъ*. Послѣдній настаивалъ, чтобы дѣтямъ не только сообщались устные описанія, но чтобы имъ показывались самые предметы либо въ натурѣ, либо въ моделяхъ. Такъ между прочимъ для мануфактурнаго класса онъ велѣлъ изготовить собраніе девяти сортавъ кожи, каждую величиною въ восьмую долю листа. Онъ же первый завелъ геометрическія и тригонометрическія таблицы, вообще перенесенныя впоследствии Фельбигеромъ въ Австрію такъ называемый literalный методъ; послѣдній состоялъ въ томъ, что главные предметы преподаванія писались на доскѣ одними только начальными буквами словъ, а основныя правила науки изображались въ таблицахъ.

Методъ Гента.

Такимъ-то образомъ и возникъ самый прочный плодъ реалистической педагогикки, реальная школа. Она послужила основой тому развитію въ нѣмецкой учебной системѣ, которое съ этой поры стремится главнѣйше къ усовершенствованію метода, къ цѣлесообразнымъ учебникамъ, которое на первый планъ ставитъ родной языкъ, наглядность и отвергаетъ „мер-

Фридрих твоя долбежка на память". Потомъ ей оказалъ услуги также *Резевичъ*, ко- Гавриилъ Резе- торый въ своемъ „Воспитаніи гражданина“ (1773) требуетъ для сельскихъ виць. обществъ земледѣльческія, а для городскихъ—ремесленныя школы. Однако, 1725—1806. лишь въ 1811 г. реальная школа совершенно отдѣлилась отъ латинской; и послѣ того даже прошло еще много времени, пока новая учебная система не добилась такого же развитія и попеченія, каковымъ пользовались гимназій и латинскія школы, имѣвшія цѣлью научное образованіе.

Общій уставъ Преобразованная такимъ образомъ изъ народнаго училища реальная сельскихъ школа много поощрялась въ царствованіе Фридриха Великаго, хотя впо- школь отъ 23. слѣдствіи она болѣе всего пострадала отъ политическихъ смутъ и воен- сент. 1763, ныхъ тревоженій. Когда смолкъ громъ орудій, то король издалъ общій в циркуляръ, установившій систему визитацій и испытаній. И тутъ также отъ 1. марта 1764. болѣе всѣхъ содѣйствовалъ Гекеръ, присоединивъ къ своей реальной школѣ первую имъ основанную учительскую семинарію; король назначилъ ей ежегодное пособие въ 600 талеровъ на содержаніе двѣнадцати воспитанниковъ. Такимъ образомъ Фридрихъ II. въ области учебной системы также оказалъ героическѣ прѣмецкаго просвѣщенія; хотя впрочемъ его учебное законо- дательство, возникшее подъ вліяніемъ Гекера, все еще отзывается духомъ правленія Фридриха Вильгельма I., регламентами котораго (*principia regulativa*) народная школа тѣсно связывалась съ церковью. Самъ же Фридрихъ вполнѣ сочувствовалъ уже педагогическимъ реформаторамъ и теоретикамъ, когда писалъ: „Всего важнѣе хорошо жить, быть здоровымъ, имѣть друзей и обладать спокойною душею“.

Въ 1770 году появилось написанное самимъ королемъ письмо „о воспитаніи“; онъ особенно настаиваетъ на развитіи разума и навыка къ самостоятельному мышленію. „Мы убѣждены, что изъ человѣка можно сдѣлать все, что угодно“, заявляетъ при этомъ король, касаясь вообще только воспитанія высшихъ сословій, а именно будущихъ офицеровъ. Въ то же время во главѣ системы обученія сталъ баронъ *Зедлицъ*, рѣдкостный министръ просвѣщенія, считавшій долгомъ, „не обращать вниманія на нападки суевѣрія“. Онъ вездѣ имѣлъ главнѣйше въ виду возбуждающій методъ и назначалъ надлежащихъ людей къ надлежащимъ мѣстамъ, напр. къ гимназіямъ *Шюца*, *Мейеротто*, *Нимейера*, *Гедике* и др. Строго слѣдуя предписаніямъ короля, онъ помимо филологической части преподаванія въ особенности налегалъ на логику и риторику. Въ прусскихъ школахъ дѣти должны были научиться мыслить и говорить; философію же по приказу короля „долженъ преподавать не священникъ, а мірянинъ, иначе выйдетъ то же, еслибъ юристъ сталъ обучать офицера военному искусству“. Личныя и письменныя сношенія съ барономъ *Роховымъ*, живое сочувствіе популярной дѣятельности послѣдшаго,—все это служило лучшимъ свидѣ- тельствомъ попеченія министра о народной школѣ. Но именно въ этой области намѣренія короля не удалась вслѣдствіе недостатка учителей и повсемѣстнаго сопротивленія крестьянъ и юнкеровъ. Негодуя, Фридрихъ отказался наконецъ отъ своихъ культурныхъ плановъ; учительскія должности въ мелкихъ мѣстечкахъ онъ сталъ замѣщать инвалидами и остав- шими унтеръ-офицерами, тогда какъ высшія заведенія зачастую поручались вѣдѣнью Французовъ. При наступившемъ затѣмъ правленіи баронъ *Зедлицъ* успѣлъ, однако, добиться независимаго положенія въ системѣ обученія и воспитанія, основавъ „главную учебную коллегію“, которая дѣйство- вала самостоятельно помимо верховной консисторіи. Затѣмъ настала ре- акція, и умный министръ вышелъ въ отставку, уступивъ мѣсто *Вельнеру*.

Между теоретиками воспитанія въ эпоху просвѣщенія необходимо отли- чать такихъ, которые въ педагогическихъ принципахъ шли рука объ руку

Карль Авра- амъ Зедлицъ, 1731—1793.

Инвалиды школьнымъ учителями съ 1779.

съ рациональною теологіей, отъ педагогическихъ реформаторовъ и рево- люціонныхъ практиковъ. Къ первымъ относятся рациональные священники и директоры, появившіеся особенно въ сѣверной Германіи. Самымъ замѣчательнымъ между ними былъ, конечно, *Иерусалемъ*. Сынъ священника въ Оснабрюкѣ, онъ, ознакомившись въ Англии и Ганноверѣ съ знатнымъ свѣтомъ, назначенъ былъ придворнымъ диакономъ въ Вольфенбюттелѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ воспитателемъ семилѣтняго наследнаго принца Карла Вильгельма Фердинанда, также наставникомъ религіи четырехъ младшихъ принцевъ. Ихъ матерью была сестра Фридриха Великаго. Принципы и методъ его воспитанія выясняются отчасти въ его книгѣ „Жизнь принца Альбрехта Генриха“, частью въ отрывкѣ „О лучшей подготовкѣ тѣхъ, кто посвящаетъ себя духовному званію“. И у него также принципъ наследнаго грѣха ограничивается нѣкоторыми недостатками и отклоненіями, какія встрѣчаются при всякой индивидуальной наклонности. „Мы родимся для добродѣтели, но не съ добродѣтелью“. „Оставлять въ мірѣ подобныхъ себѣ, которые послѣ насъ пользовались бы земными плодами,—вотъ что у насъ общее съ животными. Но оставлять по себѣ потомству благодѣ- тельныхъ, мудрыхъ правителей и разумныхъ, добродѣтельныхъ гражданъ,— вотъ въ чемъ долгъ человѣка“. Однако, торопливостью и скороспѣлостью не достигнешь этого. „И то уже благо, если мы созрѣемъ въ надлежащее время года, когда свѣтъ пожинаетъ плоды“. Все это опосредствуется такъ же къ принципамъ, какъ и къ дѣтямъ остальныхъ смертныхъ.

Для президента консисторіи въ эпоху просвѣщенія знаменательно то, что онъ въ отношеніи преподаванія религіи протестуетъ противъ „жалкаго, изсушающаго самаго благороднаго, отраднаго и свѣтлаго душевныя силы, убійственнаго заучиванія назвустъ пустыхъ непонятныхъ словъ.“; ему болѣе всего хотѣлось бы возбудить въ дѣтяхъ чувства благоговѣнія, состраданія, кротости, съ тѣмъ чтобы потомъ религіозно оживить и укрѣ- пить ихъ. Преподавать религіозныя истины полатыни, какъ тогда было заведено въ гимназіяхъ, онъ признаетъ ни съ чемъ несообразнымъ. Иеру- салемъ напротивъ того, своихъ воспитанниковъ основывалъ именно съ рели- гіозными и нравственными истинами путемъ живой поучительной бесѣды. По такимъ правиламъ онъ воспиталъ пятерыхъ принцевъ, изъ которыхъ старшій, Фердинандъ, приобрѣлъ извѣстность въ семилѣтнюю и француз- скую войну, а младшій, Леопольдъ, спасая людей, 1785 погибъ въ водахъ Одера.

На учебную систему сѣверной Германіи Иерусалемъ оказалъ плодотвор- ное вліяніе, основавъ въ Брауншвейгѣ Каролинскій коллегіумъ, который занялъ среднее положеніе между весьма неудовлетворительными тогда гим- назіями и университетомъ. Впрочемъ, не только готовившіеся къ универ- ситету, но также посвящавшіе себя высшему военному или торговому званію, вообще стремившіеся къ гуманному образованію, посѣщали эту вскорѣ переполненную и излюбленную школу, которою завѣдывали Иерусалемъ и Мосгеймъ. Первый изъ нихъ въ 1751 водворился въ Брауншвейгѣ, тогда какъ Мосгеймъ переселился въ Гёттингенъ. Затѣмъ Иерусалемъ въ теченіе тридцати семи лѣтъ состоялъ во главѣ Брауншвейгской духовной семинаріи въ монастырѣ Риддагсгаузенѣ, гдѣ онъ по нѣскольку дней въ недѣлю зани- мался эзегетическими, догматическими и гомилетическими бесѣдами и упражненіями. Въ противоположности между очеркомъ этой жизни и слѣ- дующей мѣтко отражается противоположность между консервативною и революціонною педагогикой въ періодъ реформъ.

Иоаннъ Фрид- рихъ Виль- гельмъ Иеруса- лемъ, 1709—1789, 1742.

Каролинскій коллегіумъ, 1745.

2. БАЗЕДОВЪ И ФИЛАНТРОПИИ ВЪ ДЕССАУ.

Иоаннъ Бернгардъ фонъ Нордальбингенъ, какъ онъ самъ любилъ называть себя, исторически же извѣстный подъ своею фамиліею Басседау или *Базедовъ*, прослылъ въ школь Юганнеумѣ, въ своемъ родномъ городѣ Гамбургѣ, буйнымъ школьникомъ. Деньги на свои потребности онъ добывалъ, изготовляя стихи и ученическія работы, давалъ также частныя уроки. Изучивъ, весьма впрочемъ безтолковымъ образомъ, теологію и философію въ Лейпцигѣ, онъ сдѣлался домашнимъ учителемъ, и самъ въ этой должности тщательнѣе занялся науками, на примѣръ латинскимъ языкомъ. Въ то же время онъ старался, играя и какъ бы пользуясь случаемъ, поучать своего питомца. Занимаясь вмѣстѣ съ нимъ гувернантка научила его французскому языку, а впоследствии вышла за него за мужъ. Добившись (1752) степени доктора, онъ въ слѣдующемъ затѣмъ году страннымъ образомъ очутился профессоромъ морали и изящныхъ наукъ въ дворянской академіи Сорбѣ; отсюда его 1761 перевели въ гимназію въ Альтопфъ. Вѣчно вступаясь въ теологическія споры и находя въ нихъ наслажденіе, онъ и тогда уже публично сталъвалъ еретическія воззрѣнія и писалъ, на примѣръ, противъ вѣковѣчности адскихъ наказаній. За это онъ вмѣстѣ съ семьєю былъ отлученъ отъ церкви, т. е. со стороны послѣдней предоставленъ общественному вниманію. Въ это время въ Парижѣ сожгли всенародно Эмиля Руссо. И вотъ Базедовъ, для котораго, казалось, нарочно написана была эта книга, всецѣло преданъ педагогикѣ. Онъ одаренъ былъ всеми свойствами агитатора и сталъ торжественно оповѣщать о совершенно новомъ, непогрѣшимомъ методѣ воспитанія. Въ 1768 г. онъ написалъ „Увѣщаніе друзьямъ человечества“, въ 1770 „Книгу о методахъ“, и въ 1771 своего „Атотократора“. У министра Бернсторфа онъ успѣлъ выхлопотать себѣ увольненіе отъ своихъ обычныхъ занятій по должности; а затѣмъ сталъ у всѣхъ высшихъ и низшихъ главъ христіанства и у „всемірныхъ гражданъ“ собирать пособія для своего педагогическаго творенія. Въ 1771 г. уже ему удалось собрать нѣсколько тысячъ талеровъ, что и служило доказательствомъ того святаго воодушевленія, какимъ проникнуты были его современники въ интересахъ умственного освобожденія, но также несравненнаго искусства Базедова составлять сборы и разглашать о себѣ молву. Послѣ этого онъ въ 1774 г. издалъ свою „Элементарную книгу“, которая въ 1785 появилась вторымъ изданіемъ подъ заглавіемъ „Элементарное твореніе“. Эта энциклопедія въ четырехъ томахъ съ сотнею гравюръ Дан. и Вильг. Хадовецкихъ содержитъ въ себѣ все достойное изученія для дѣтей,—это былъ orbis pictus восемнадцатаго столѣтія, и Базедовъ вообще много пользовался идеями Коменюса.

1774.

Что же касается исхода этого предпріятія, то оно напоминаетъ собою въ нѣкоторомъ отношеніи участъ Ратиха въ Кетентѣ; и дѣйствительно, славный князь *Леопольдъ Фридрихъ Францъ* вызвалъ Базедова въ свою столицу и снабдилъ его всеми средствами для убранства образцоваго заведенія. Въ этотъ годъ Гёте и познакомился съ нимъ во Франкфуртѣ на М. и проѣхалъ съ нимъ и Лафатеромъ — „пророкъ справа, пророкъ слѣва“ — въ Эмсъ. Въ „Поэзіи и правдѣ“ Гёте описываетъ его растрепанную, безалаберную наружность, его скверный табакъ, его навязчивость и пронырства, а также его слабость по части теологіи. „Едва успѣлъ онъ доводками и рьянымъ краснорѣчіемъ увлечь умы, какъ его обуялъ уже злой противорѣчивый духъ и онъ разразился самыми диковинными рѣчами, по его понятіямъ крайне религіозными, а по убѣжденію общества крайне нече-

стивыми“. Дѣло въ томъ, что за одно съ латинскимъ гуманизмомъ историческое христіанство казалось ему главною помѣхою разумнаго воспитанія, и не привыкнувъ воздерживаться въ своихъ воззрѣніяхъ, онъ передъ всякою публикою ратовалъ противъ Троицы, божества Христова и другихъ догматовъ. Когда его обуялъ задоръ отрицанья, то онъ оскорблялъ всѣхъ и всякаго и не могъ понять, что рѣчи его никого не интересуютъ. У Базедова была рѣшительно невыносимая натура. Онъ никого не могъ оставить въ покоѣ; ему то и дѣло надо было заговаривать со всякимъ встрѣчнымъ и поучать весь міръ. Когда другіе спали, то онъ диктовалъ; а когда онъ самъ спалъ, то его писецъ долженъ былъ бодрствовать и тотчасъ же, какъ только Базедовъ пробуждался отъ своихъ грезъ, быть наготовѣ и записать ихъ. Въ его головѣ то и дѣло нарождались новыя замыслы и проекты, а когда дѣло доходило до осуществленія ихъ, то весь міръ поневолѣ вовлекался въ соучастіе и подвергался контрибуціи. Это былъ энергичный, страстный умъ, умѣвшій говорить сильно, писать смѣло и убѣждать рѣчами, не подлежащими сомнѣнію; но Гердеръ сказалъ, онъ не только что дѣтей, даже телятъ не отдалъ бы Базедову на воспитаніе. У него, впрочемъ, была дочь, прозванная по книгѣ Руссо Эмилией; она послужила первымъ предметомъ новыхъ опытовъ воспитанія. Выучившись четырёхъ лѣтъ отъ роду пофранцузски и полатыни, она въ дѣтствѣ считалась феноменомъ, но впоследствии закончила свою жизнь обыкновенною женою пастора.

1776.

Классическая программа Базедовской теоріи содержится въ рекламѣ, какую обнародовалъ директоръ Дессаускаго филантропіна. „Воспитаніе должно имѣть цѣлью образованіе Европейца, жизнь котораго была бы такъ безвредна, такъ общепользна, и такъ исполнена довольства, какъ только можно осуществить воспитаніемъ. Поэтому, слѣдуетъ прежде всего заботиться о томъ, чтобы онъ поменьше подвергался непріятности, скорби, болѣзни и привыкъ сознательно пользоваться благами“. Въ тѣлесномъ развитіи должны, слѣдовательно, преобладать закалываніе и гимнастика. Съ дѣтьми, которыя вслѣдствіе непослушанія и злости оказываются „больными душою“, надлежитъ по всѣмъ правиламъ обращаться какъ съ пациентами, и они должны оставаться не только въ комнатѣ, но даже въ постели. Обычныя школьныя наказанія были вообще отринуты, а на мѣсто ихъ *Тратль*, самый послѣдовательный теоретическій педагогъ этой школы, изобрѣлъ другія, на примѣръ тереть учениковъ жесткою шеткою по спинѣ, заставлять ихъ ѣсть изъ деревянной посуды, и т. п. Преподавать господствующую религію поручалось мѣстному духовенству. Обученіе религіи независимо отъ „сектъ и партій“, напротивъ того, было однимъ изъ первыхъ учебныхъ предметовъ въ филантропіи. Затѣмъ преподавались еще нѣмецкій, латинскій, французскій языки и нѣкоторыя свѣдѣнія о природѣ, объ искусствѣ и исторіи. Судя по высказаннымъ заявленіямъ Базедова каждый изъ языковъ навѣрняка изучался въ шесть мѣсяцевъ, и ученикъ, пробывъ четыре года въ филантропіи, могъ поступить въ университетъ. На самомъ же дѣлѣ собственно научныя занятія плохо преуспѣвали въ школѣ, въ особенности полатыни проходило не много. Однако Базедовъ одаренъ былъ необходимымъ въ его положеніи свойствомъ, не смущался никакими неудачами. Претерпѣвъ уже не мало неудачъ и стыда, онъ все-таки возвращается къ старой пѣснѣ и обращаетъ вниманіе всего свѣта на свое предпріятіе, „подъ страхомъ подвергнуться позорному осмѣянію“, если его обѣщанія не исполнятся. „Вы мудрые космополиты, вѣдь такъ говорить не безумные прожектеры, не суетные хвастуны, а люди, заслуживающіе вашей дружбы и вашего пособія“. Все ученіе будетъ втрое короче и пріятнѣе прежняго; въ особенности же латынь будетъ впродъ усвои-

ваться непосредственно путем упражненія. „Благо тебѣ, милое молодое поколѣніе! ты учишься латини—латини безъ розогъ и палокъ“.

13. мая 1776.

Эта программа имѣла цѣлью пригласить къ публичному испытанію, въ которомъ успѣхи филантропіи должны были обнаружиться передъ всѣмъ свѣтомъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ Дессау собрались знаменитѣйшіе учителя, космополиты и филантропы, съ тѣмъ чтобы основательно проэкзаменовать тринадцать учениковъ этого заведенія. Оказалось, что изученіе языковъ согласно съ реалистическимъ предписаніемъ считалось здѣсь лишь средствомъ для того, чтобы сообщить ребенку реальныя свѣдѣнія. Все излагалось полатыни, естественныя знанія играя сообщались дѣтямъ. Мальчики могли уже подробно объяснить совокуленіе и рожденіе животныхъ. Разбирались также „различныя богопочитанія“. На третій день Базедовъ сказалъ заключительное слово, которое завершилось увѣщаніемъ: „Отцы, отцы! матери, матери! Сжальтесь! Дайте частицу лишняго удобренія этимъ растеніямъ“. Имена наиболѣе щедрыхъ филантроповъ предполагалось вырѣзать на липахъ и присоединить къ нимъ числа, обозначая, сколько полсотенъ талеровъ они пожертвовали.

Преподаваніе и воспитаніе въ филантропінѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что съ такимъ шумомъ заложенный филантропінъ оказалъ дѣйствительныя услуги. До сихъ норъ коллегиезуитовъ служили педагоги съ цѣлью пропаганды, заведенія pietistovъ — съ тѣмъ чтобы сообщить народу благочестіе и знаніе Библии; но въ филантропінѣ педагогика была сама себѣ цѣлью. Этимъ и объясняется то, что Кантъ въ 1777 г. собиралъ деньги для филантропіи, что Оберлинъ съ восторгомъ восхвалялъ систему его, не говоря уже объ увлеченіяхъ Сака, Шнальдинга, Николан, Зудлицера, Мендельсона, Гарве, Изелина. Надо признать за основателемъ этого заведенія заслугу въ томъ, что онъ въ широкихъ размѣрахъ и сильно возбудилъ интересъ къ реформамъ преподаванія, энергически противодѣйствовалъ исконн заведенному, закоснѣлому и бессмысленному механизму школьнаго обученія. Филантропизмъ спасъ воспитаніе отъ пагубной распушенности, оживилъ его болѣе свободнымъ духомъ, вновь возстановилъ права здраваго человѣческаго ума. Послѣдовательно проводя реалистическій принципъ, онъ исходною точкою призналъ чувственное постиженіе; онъ все сводилъ къ самому точному знанію всеневныхъ, такъ называемыхъ общечеловѣческихъ предметовъ, устранялъ при посредствѣ нагляднаго обученія механизмъ и долбленіе на память, въ религіи принималъ въ уваженіе естественныя побужденія; онъ во многомъ облегчилъ и сдѣлалъ приятнымъ само ученіе, особенно при посредствѣ назидательныхъ книгъ для легкаго чтенія, и свѣтлыя классы его исполнены были здоровья и отрады. Тутъ не было уже ни безобразной французской одежды, ни шитыхъ галуномъ кафтановъ, ни шелковыхъ чулковъ, въ какихъ тогда поглядывали обыкновенно ученики въ среднихъ школахъ. Отрадное тѣлесное развитіе, веселые рекреационныя залы, гимнастика и руководѣніе привлекали молодежь. Но недостатки заключались въ томъ, что алчныя души дѣтей исключительно питались объясненіями, реальными и наглядными предметами. Единственный идеальный элементъ въ этой учебной системѣ заключался въ преподаваніи естественной религіи съ домашними молитвами и литургическими богослуженіями, въ которыхъ могли участвовать христіане, евреи и магометане. Тамъ находилась молебенія съ скрижалями законовъ; введены были символическіе знаки и жесты, сочинялись пѣсни, исполненные невѣроятнаго и невыразимаго простодушія. Излагаемая въ нихъ и на самомъ дѣлѣ содержавшая въ себѣ все естественное религія была, конечно, связана съ оптимистическими предположеніями касательно человѣческой натуры, а потому выдающимся свойствомъ филантропическаго воспитанія и была кротость. Если вспомнить

о тѣхъ мрачныхъ классахъ, гдѣ тогда все еще царяла палка, гдѣ ничѣмъ не занимались съ охотой и любовью, гдѣ долбили грамматику и катехизисъ, а школьныя наказанія сопровождалась не только тѣлесными, но и душевными муками, напримѣръ заучиваніемъ наизусть 119 псалма, то нельзя не признать, что и въ этомъ также отношеніи филантропінъ, учителя котораго всею душою отдавались юношеству, проложилъ путь къ прогрессу. Базедовъ, правда, доходилъ до крайностей. Его ученикамъ ничего не полагалось учить наизусть, а бить ихъ и по давню не позволялось; ихъ просто считали ангелами и согласно съ этимъ обращались съ ними. Директоръ *Нейендорфъ* въ Дессаускомъ филантропінѣ былъ отнюдь не „постояннымъ диктаторомъ“ школы,—въ родѣ того какъ вѣкогда признавался Тронендорфъ въ Гольдбергѣ,—а лишь „старшимъ, болѣе опытнымъ другомъ“ дѣтей. Сюда и относится извѣстная и въ самомъ дѣлѣ знаменательная эпиграмма Кестнера:

Въ наши дни учитель руку подавалъ дѣтяти,
Дѣти стремились вверхъ и возростало до него,
Теперь же педагогическіе пигмеи
Сами принизились до дѣтей.

Базедовъ вскорѣ разошелся съ своими сотрудниками, занявъ частнымъ человѣкомъ, посвятивъ себя въ Магдебургѣ отчасти содержанію школы при разныхъ заведеніяхъ, отчасти своему прежнему пристрастію къ теологіи. Скончавшись въ бѣдности, онъ оставилъ по себѣ характеристичное завѣщаніе: „Желаю, чтобы меня вскрыли на пользу моихъ ближнихъ“. Сколько бы онъ ни нахристарачивалъ въ свою жизнь, но лично для себя не извлекъ изъ того никакой пользы. Напротивъ, онъ на свою миссію потратилъ все силы; часто лишался сна за своею работою; онъ въ высшей мѣрѣ обладалъ самоотверженіемъ и истиннымъ, хотя и грубымъ одушевленіемъ. Но также и преемникъ его въ Дессау, переѣхавшій впоследствии въ Россію директоръ *Вольке*, и отличный учитель математики *Буссе*, потомъ еще возведенный Зедлицемъ въ профессоры педагогики въ Галле систематикъ *Трангъ*, даровитый практикъ *Оливье* — все пылало ревностью къ своему дѣлу; воодушевляясь сами, они умѣли воодушевлять другихъ и были связаны между собою узамъ чуть ли не юношеской восторженности. Къ нимъ съ 1782 г. принадлежалъ также *Маттисонъ*, въ особенноти же съ 1781 г. *Зальцманъ*, который въ Шнейфенталѣ 1784 основалъ свой особый институтъ; въ этомъ заведеніи устранялись Базедовскія несообразности, и путеводными звѣздами служили чистая нравственность, искреннее человѣколюбіе. Въ этомъ институтѣ царилъ какъ бы патріархальный строй, благодаря чему онъ долго просуществовалъ; тогда какъ филиалныя заведенія, въ Маршлинѣ и Гейдесгеймѣ, къ которымъ сейчасъ перейдемъ, также военная школа въ Кольмарѣ при *Пфеффелъ* и *Лерзе*, и еще много другихъ педагогическихъ учрежденій и частныхъ институтовъ скоро прекратились.

1778.

Вольке
1741—1825.

Когда три года спустя послѣ смерти *Базедова* главное заведеніе закрылось, то многие сочли все это предпріятіе шарлатанствомъ и безуміемъ. Вспомнилъ завѣщаніе Базедова, убѣдился въ томъ, что воспитанія тамъ дѣти были тѣмъ-то въ родѣ тѣхъ кроликовъ, надъ которыми физиологи производятъ свои опыты во благо будущихъ поколѣній. Въ 1779 году уже въ книгѣ „Шпцбартъ“ появилась жесткая критика системы, причѣмъ именно порицалось паршивее въ филантропінѣ своеволие. Базедовъ забылъ, что однимъ лишь развитіемъ разсудка еще не насаждается дѣльное образованіе, да и самъ разсудокъ развивается только настойчивымъ трудомъ. А вмѣсто того стали заниматься исключительно методомъ, такъ что въ

этомъ отношеніи настала чрезвычайный избытокъ. Всякому невѣждѣ хотѣлось притомъ еще разъ попытать свое счастье; всѣ неудавшіеся таланты также, наконецъ, пошли по этой стезѣ. Однако, порицая систему за ея недостатки, упустили изъ виду ея дѣйствительныя заслуги, и на самомъ дѣлѣ нигдѣ уже не могли совершенно уклониться отъ послѣдствій филантропическихкихъ тенденцій. Апостолы послѣднихъ то и дѣло развѣзжали по Европѣ; господствуя надъ дѣтскимъ міромъ своими назидательными, для легкаго чтенія написанными книгами, они и старшихъ также поучали произведеніями въ родѣ „Муравейной“ и „Раковой книжечки“ *Залымана*, въ родѣ „Всеобщей ревизіи системы обученія и воспитанія“ наставника Александра и Вильгельма Гумбольдта, *Кампе*, затѣмъ также попытками *Гутмутса* и *Витса* ввести гимнастическое обученіе. Послѣднее и послужило тѣмъ бойкимъ словомъ, которымъ впоследствии представители педагогической реформы такъ мѣтко означали свои тенденціи, говоря объ „умственной гимнастикѣ“. Всему слѣдовало учиться такъ, „чтобы образовался умъ“. Этимъ само по себѣ на все будущее время постановлена была вѣрная мысль: и дѣйствительно, дѣло состоитъ не въ томъ, что знаютъ, а скорѣе въ томъ, какъ изучаютъ это; цѣль преподаванія заключается не въ объектѣ, а въ субъектѣ, и потому оно должно восходить по присущимъ воспитаннику ступенямъ развитія и гармоническимъ порядкомъ. Во всякомъ случаѣ въ Германіи филантропизмъ собственно и положилъ починъ наукѣ о воспитаніи.

3. ФИЛАНТРОПИИНЫ ВЪ МАРШЛИНѢ И ГЕЙДЕСГЕЙМѢ; ПЛАНТА И БАРДТЪ.

Мартинъ
Планта.
1727—1772.

Въ нѣмецкой Швейцаріи *Цоцилли* первый приступилъ къ реформѣ преподаванія. Основавшую имъ каѳедру физики въ Цюрихѣ въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія занималъ ученикъ Боэргава, *Іоаннъ Геснеръ*. Подъ его руководствомъ математическія и физическія науки изучалъ молодой теологъ изъ Нижняго Энгадина, *Планта*, съ появленіемъ котораго Швейцарія выступаетъ на первый планъ педагогическаго движенія. Сперва (съ 1745) Планта былъ домашнимъ учителемъ въ Германіи, потомъ (1750) — священникомъ нѣмецко-реформатскаго прихода въ Лондонѣ, откуда вернулся, однако, вслѣдствіе вреднаго для него климата; затѣмъ Планта въ своемъ отечествѣ приступилъ къ первымъ педагогическимъ попыткамъ: онъ обучалъ дѣтей ландфохта Якова фонъ Планта-Цуца, а 1753 открылъ небольшое воспитательное заведеніе въ Хурѣ. Потомъ съ 1755 до 1761 онъ былъ пасторомъ въ приходѣ Цицерѣ. Но педагогическое призваніе не давало ему покоя. Въ его душѣ съ юныхъ лѣтъ пылало сильное побужденіе къ умственному и матеріальному благоденствію отчизны; его огорчало, что въ Граубюнденѣ не только пренебрегалась система народныхъ школъ, но не было даже высшаго научнаго образовательнаго заведенія. Свирѣпствовавшій съ пачала семнадцатаго и до исхода восемнадцатаго вѣка въ этой нагорномъ краѣ раздоръ партій, истощивъ лучшія силы страны, мѣшалъ открытію полезныхъ заведеній. Дѣти дворянъ обучались у гувернеровъ и въ иностранныхъ университетахъ. Объ образованіи народа, которымъ враждующіе лагери злоупотребляли для своихъ цѣлей, никто и не думалъ. Духъ партій обурялъ всѣхъ до того, что Планта въ поданномъ „Гельветическому обществу“ въ Шницбахѣ докладѣ о своемъ предиріятіи говорить, если бы даже былъ принятъ планъ учебнаго заведенія, то выборъ мѣста для него представилъ бы непреодолимыя затрудненія, такъ какъ ни одинъ изъ округовъ не захотѣлъ бы уступить это преимущество другому. Ему поэтому пришлось на умъ, что только человекъ, непричастный политическимъ воз-

1776.

нимъ, способенъ приступить къ реформѣ; съ 1760 г. онъ сталъ совѣщаться объ этомъ планѣ съ педагогомъ *Іоанномъ Петромъ Неземамомъ*, выпешшимъ изъ Франкскаго заведенія въ Галле. Имъ удалось склонить на свою сторону ландмана *Самиса Маршмиса*, и въ теченіе 1761 года уже открыта была первая швейцарская семинарія въ Гальденштейнѣ, въ получасовомъ разстояніи отъ Хура, въ одномъ изъ отдѣленій тамошняго господскаго Салискаго замка. Въ этомъ заведеніи образовалось много знаменитыхъ и дѣльныхъ Швейцарцевъ той эпохи, напримѣръ поэтъ *І. Г. Салисъ-Севизъ* и статскій совѣтникъ *Цезаръ Лагартъ* изъ Ваадта, воспитатель русскаго императора Александра I. Слава заведенія привлекала сюда воспитанниковъ не только изъ Граубюндена и изъ остальной Швейцаріи, но также изъ Германіи, Франціи, Италіи, Голландіи и даже изъ Мартиники. Въ упомянутомъ отчетѣ Плянты цѣлью заведенія полагаетъ, образовать христианъ и способныхъ людей. Касательно преподаванія религіи знаменательно то, что она подъ руководствомъ реформата Плянты и лютеранина Неземава преподавалась въ духѣ любвеобильной уни. „Любовь, которая все терпитъ, все выноситъ— вотъ религія, каковую мы преподаемъ“. Эти уроки закона Божія, не вдававшиеся впрочемъ въ разсужденія, служили главнымъ средствомъ, которымъ директоры поддерживали духъ дисциплины. За закономъ Божіимъ слѣдовали языки, между прочимъ также и новѣйшіе; они преподавались учителями, для которыхъ нѣмецкое, французское, итальянское были родными нарѣчіями. По всѣмъ предметамъ обращалось большое вниманіе на умственное развитіе, чѣмъ на память. Дисциплина въ школѣ исполнялась по примѣру Троцендорфа чѣмъ-то въ родѣ школьной республики. Въ досужіе часы производились гимнастическія упражненія, полезныя занятія и веселыя игры, а въ вакаціонное время—походы по Альпамъ.

Планта и самъ былъ изобрѣтателемъ въ естественно-научной области. Онъ весьма искусно изготовлялъ физическія и механическія аппараты, которыми пользовался въ своихъ опытахъ. Онъ первый соорудилъ электрическую машину съ кругами; его впрочемъ болѣе всего занимала мысль, устроить машину, при помощи которой корабли, плоты и кареты приводились бы въ движеніе силою пара. Онъ представилъ свое изобрѣтеніе французскому министру Шуазёлю, которому оно показалось слишкомъ неуклюжимъ и дорогимъ въ отношеніи топлива; министръ выдалъ, впрочемъ, въ награду изобрѣтателю сто луидоровъ. Планта утѣшился и благодушно заявилъ въ письмѣ: „Эта поѣздка все-таки прошла для меня не безъ великой пользы, если не для вѣщныхъ условій, то по крайней мѣрѣ для моей души. Болѣе скромное мнѣніе о самомъ себѣ, болѣе широкое знакомство съ мірскою суетою, искреннее влеченіе къ Божьей милости— вотъ плоды моего путешествія“. Этому любвеобильнаго мужа, которому все еще присуща была старая связь благочестія съ реализмомъ, сильнѣе всего огорчало то, что въ его семинарію поступаютъ только дѣти знатныхъ и богатыхъ людей. Иногда онъ принималъ, правда, и такихъ, которые совсѣмъ или частью учились даромъ. Однако средства не позволяли ему дѣлать это въ такихъ размѣрахъ, какъ бы ему хотѣлось. За то въ его отчетѣ отъ 1766 приводится обстоятельный планъ о томъ, какъ распространеніемъ хорошихъ, одушевляющихъ пѣсенъ помочь простому народу, который едва умѣетъ читать; *Лафатеръ*, выслушавъ это предложеніе, сочинилъ „Швейцарскія пѣсни“, которыя *Элли* положилъ на музыку. Планта начертилъ уже планъ и собралъ деньги на воспитательное заведеніе для бѣдныхъ и сиротъ, но преждевременная смерть его помѣшала исполненію.

Въ послѣдній годъ его дѣятельности въ семинаріи насчитывалось уже 96 воспитанниковъ. Время хозяйственныхъ хлопотъ взялъ на себя самъ господинъ Салисъ. Но по смерти Плянты изъ заведенія исчезла душа. Са-

1775.

Карлъ Ульсъ
Салисъ
Маршмисъ
1628—1800.

лись в 1775 г. перенесъ его въ свой замокъ Маршлинсъ, находящійся въ одной изъ прекраснѣйшихъ мѣстностей Рейнской долины. Надъ воротами замка стояла надпись: „Другу дѣтей“. Такъ возникъ второй болѣе обширный филантропич. Къ сожалѣнію, нравственный кредитъ заведенія подвѣдѣнъ Бардта упалъ. Пожертвовавъ на него большую часть своего состоянія, Салисъ въ 1777 г. уже вынужденъ былъ закрыть филантропич. Но по образцу его возникло новое заведеніе въ Рейхенау—то самое, въ которомъ подвизались нѣкоторое время *Циокке* и *Луи Филлипп Орлеанскій*; основанная 1804 на казенный счетъ Граубюнденская кантонская школа въ Хурѣ также руководилась Гальденштейнскими воспитанниками. Характеристикою превосходнаго мужа, возбуждавшаго все эти предпріятія, а вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіемъ извѣстныхъ основныхъ воззрѣній, господствовавшихъ надъ всею эпохою, могутъ служить слѣдующія слова изъ его „Самонапытанія“: „Я странное созданіе. Я возношусь надъ всѣмъ видимымъ, и какимъ бы великимъ мнѣ ни казался предметъ, которымъ обладаю, онъ все-таки составляетъ лишь каплю для моей жаждущей любознательности; такъ что мнѣ кажется, еслибъ я обладалъ даже всѣми науками въ мірѣ, то и тогда чувствовалъ бы такую же сильную жажду, знать еще болѣе. Какъ у ничтожной твари могутъ быть такія вождѣнія, которыя постоянно стремятся къ безконечному, къ непостижимому? Отчего у другихъ людей такія же вождѣнія? Еслибъ насъ создало конечное существо, то оно вселено бы въ насъ вождѣніе къ себѣ, къ конечному; еслибъ мы сами себя создали, то мы надѣлили бы себя любознательностью не свинье той, какую могли бы постоянно уголять. Ты, Непостижимый, единый и сущій Самъ изъ себя, премудрость, могущество и милосердіе котораго разливаются въ безпредѣльности, Ты всюду живущій, возникни и во мнѣ также!“

Карль Фридрихъ Бардтъ. Прямую противоположность, настоящее исчадіе просвѣщенія составляетъ *Бардтъ*. Смолоду развращенный, онъ въ Лейпцигѣ, тогдашнемъ маленькомъ Парижѣ при Плейсѣ, читалъ сперва въ качествѣ приватдоцента правовѣрную догматику, потомъ (съ 1762) при церкви св. Петра тамъ же правовѣрную проповѣди и только что издалъ назидательную книгу „Истинный христіанствъ въ единеніи“, какъ вынужденъ былъ вслѣдствіе огласившейся любовной интриги сложить съ себя свои должности и покинуть Лейпцигъ. Въ качествѣ профессора библейскихъ древностей въ Эрфуртѣ (съ 1769) онъ окончательно отрѣшился какъ отъ общественныхъ правовъ, такъ и отъ вѣры; но лишь въ Гисенѣ, гдѣ 1771 былъ пасторомъ и профессоромъ, Бардтъ по образцу Вертгеймской Библии (ср. 570) издалъ „Новѣйшія откровенія Вожеи въ письмахъ и разсказахъ“; гамбургскій Гёте и другіе теологи тотчасъ же напали на нихъ, тогда какъ Гёте въ извѣстномъ фарсѣ окончательно убилъ ихъ. Впрочемъ, эта пресловутая книга не содержитъ въ себѣ еще никакихъ нападокъ на фактическую сторону евангелической исторіи, подобно вышедшимъ впоследствии „Письмамъ о Библии въ народномъ тонѣ“ и „Выполненію плана и дѣли Иисуса для жажущихъ истинныя читателей“; напротивъ, въ ней имѣлось лишь въ виду передать Библию современнымъ языкомъ, разукрасить и сгладить ее. Такъ между прочимъ Бардтъ вмѣсто „Евангелія“ говоритъ „Достопамятности изъ жизни Иисуса“—совершенно во вкусъ своего времени.

А между тѣмъ Базедовъ обратилъ на Бардта вниманіе господина Салиса, и послѣдній пригласилъ его къ себѣ въ Маршлинсъ; однако Бардтъ предварительно провелъ на счетъ Салиса четыре недѣли въ Дессаускомъ филантропич., готовясь тамъ въ наставники. Онъ самъ разсказываетъ про тамошнія свои занятія: „Мы проводили дни въ веселомъ обществѣ, хорошо ѣли и пили. Каждый день играли въ ломберъ. Курили табакъ, за-

пивая малагой. И все дѣло Базедова, лишь бы хоть что нибудь сдѣлать, состояло въ томъ, что онъ мучилъ меня своимъ воображаемымъ филологическимъ методомъ и нѣсколько разъ продиктовалъ мнѣ объ этомъ нѣчто, не имѣвшее ни пачала, ни конца“.

Но баронъ Салисъ, человѣкъ степенный и строгій не могъ поладить съ докторомъ Бардтомъ; послѣднему только что едва удалось ускользнуть отъ своихъ гессенскихъ кредиторовъ; для него самый невоздержный разгулъ сталъ второю натурою, и онъ самъ признавалъ легкомысліе своимъ прирожденнымъ, неодолимымъ недугомъ. Онъ не посовѣстился даже изобразить своего благодѣтеля въ видѣ деспотическаго скареда, тогда какъ пріѣхавшій съ нимъ студентъ *Христофъ Гересъ* изъ Дармштадта въ своихъ сообщеніяхъ вопреки теологу оправдываетъ барона. Кромѣ того Бардтъ изъ Гисена привезъ съ собою *Христіана Шелла*, и при заведеніи нахотилось еще человѣкъ шесть другихъ учителей; самъ Бардтъ былъ директоромъ и преподавалъ религію, латынь, философію и физику. Затѣмъ онъ устроилъ такое же торжественное испытаніе, какое полгода спустя послѣ 18. снт. 1775. того имѣло совершиться въ Дессаускомъ образцовомъ заведеніи. Бардтъ подготовилъ экзаменъ съ ревностью театральнаго директора и доказалъ при этомъ, что онъ научился-таки кой-чему въ Дессау. „Я сознавалъ—писать онъ самъ—невозможность, удовлетворить публику одною голою правдой; а потому рѣшился обманомъ восполнить то, чего не хватало по правдѣ. Я начерталъ свой планъ такъ, чтобы у насъ было три торжественныхъ дня и каждый день любопытнымъ зрителямъ представлялось что-нибудь новое, съ цѣлью расположить ихъ въ пользу нашего института“. „Я каждый день подготовлялъ своихъ учителей къ тѣмъ урокамъ, какіе предстояло выставить на показъ. Я изготовилъ рѣчь, длвшуюся цѣлый часъ, для того чтобы въ первый день открыть торжество, потомъ болѣе короткую рѣчь на послѣ обѣда и заключительное слово. Я написалъ три рѣчи, которыми освящались три филантропическіе храма въ тѣнистыхъ дубравахъ. Такъ подготовилъ я комедію, которую предстояло разыграть ученикамъ“. При самомъ представленіи *Лафатеръ* исполнилъ роль фізіономиста. Торжество завершилось закладкою трехъ храмовъ, которые впрочемъ никогда не были выстроены. А въ Германіи въ то же время появилась педагогическая программа самаго Бардта, „Планъ воспитанія въ филантропич.“, причемъ онъ заведеніе въ Маршлинсъ называетъ „первымъ настоящимъ филантропич.“.

Вскорѣ затѣмъ педагогическая дѣятельность надѣла новому директору; онъ сталъ чаще прежняго отлучаться въ Хурѣ, вступалъ въ долги и ужъ готовъ былъ посориться съ барономъ, какъ, пробывъ съ годъ въ Маршлинсѣ, приглашенъ былъ въ качествѣ придворнаго пастора къ графу *Лейпштетъ-Дажсбергскому* въ Дюркгеймъ при Гаардтѣ, куда и прибылъ въ іюль 1776. Но въ сентябрѣ уже онъ объявилъ свѣту па нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ новый проектъ. Въ незанятомъ замкѣ Гейдестеймъ предполагалось открыть новый, третій филантропич., и съ нимъ для Пфальца, гдѣ до сихъ поръ царило одно только варварство, имѣла „звѣзды утренняя звѣзда“. Здѣсь вообще повторился учебный планъ Маршлинса; только обязательный разговоръ полатыни былъ отмѣненъ; взамѣнъ того каждый день говорили или пофранцузски, или понѣмецки. Вообще это было самое великолѣпное учрежденіе, какъ значилось въ объявленіи. Ловкому господину на самомъ дѣлѣ удалось добыть денегъ для устройства помѣщеній. Потомъ онъ набралъ „невыроютное множество достойныхъ мужей“, которыхъ и представилъ публикѣ въ качествѣ профессоровъ новаго заведенія; это была педагогическая гвардія Фальстафа, надъ которою онъ самъ потѣшался. Профессоромъ теологіи и морали напр. былъ егеръ и ружьеносецъ лейпни-

генскаго графа, Сигизмундъ; онъ же обязанъ былъ изготовлять каретную мазь и курить вино, а прекрасная жена его блистала передъ другими дамами въ искусствѣ курить табакъ. Торжественное открытіе у веселыхъ жителей Пфальца преобразилось въ народное празднество. Бардтъ сказалъ при открытіи пошлую рѣчь, въ которой своекорыстіе прославлялъ какъ основной мотивъ всякой божеской и человѣческой дѣятельности. Всю ночь протанцовали; на третій день празднество завершилось всеобщей попойкой профессоровъ, причемъ воспитанникамъ въ синихъ мундирахъ дозволялось присутствовать въ качествѣ зрителей. На другой день надлежало начаться учению. Но изъ учителей никто не былъ на то способенъ. Бардтъ отправился опять въ Дюркгеймъ; новые профессора перессорились и стали бродить по окрестнымъ деревнямъ. Но хуже всего было то, что Бардтъ нажилъ себѣ злаго врага въ графскомъ надворномъ совѣтникѣ Рюль, который 1795 умеръ въ Парижѣ членомъ конвента; онъ во „Всеобщей нѣмецкой библиотекѣ“ обнародовалъ шарлатанства Бардта. Доведенный до крайней пужды, изобрѣтательный педагогъ отправился на полгода въ Голландію и Англію съ цѣлью набрать тамъ богатыхъ воспитанниковъ. А тѣмъ временемъ вормскій викарій принесъ на него жалобу имперскому надворному совѣту по поводу его въ 1777 г. вторымъ изданіемъ вышедшей еретической книги „Новѣйшія откровенія Господа“. Онъ 1. февраля 1778 вновь прибылъ въ Гейдесгеймъ, а въ то же время пришла также вѣсть объ его отставкѣ. Нисколько не смутившись этимъ, Бардтъ открылъ второе публичное испытаніе, съ тѣмъ чтобы спасти погибавшее заведеніе. Между тѣмъ, однако, по его дѣлу вытребовано было мнѣніе факультета въ Вюрцбургѣ и Гёттингенѣ; наконецъ вѣнскій имперскій судъ приговоромъ отринулъ защиту Бардта и тотчасъ же отставилъ его отъ всѣхъ должностей. Тутъ уже онъ не могъ удержаться долѣе и во время самаго годичнаго испытанія бѣжалъ съ женой и дѣтьми изъ Гейдесгейма. Этимъ въ то же время положенъ былъ конецъ филантропину, а подъ бурями революціонныхъ войнъ самый замокъ, свидѣтель шумныхъ сумасбродствъ, тоже былъ разрушенъ. Бардтъ бѣжалъ въ Галле къ крайней досадѣ Землера. Однако, пока живъ былъ Фридрихъ Великій, министръ Зедлицъ принималъ его подъ свою защиту противъ факультета и сената. Ему разрѣшалось читать философскія лекціи. Наконецъ, когда онъ открылъ для студентовъ питейный домъ и сталъ думать надъ религіознымъ эдиктомъ, то его отставили и засадили на годъ въ крѣпость.

11.—13. марта 1778. Теоретическія и практическія приобрѣтенія филантропизма. Оба филантропина Бардта, не смотря на неудавшуюся жизнь, продуктомъ которой они являются, прошли не безъ положительной пользы для педагогики. Въ своемъ ученіи о воспитаніи онъ вообще опирается на „Книгу методовъ“ Базедова. Приучить человѣка къ дѣятельности, къ постоянному употребленію всѣхъ своихъ силъ—вотъ его конечная цѣль. Средствами для достиженія этого служатъ подражаніе, дисциплина и обученіе. Онъ болѣе всего полагается на первое. Согласно съ этимъ надлежитъ обстановку ребенка устроить такъ, чтобы его глазамъ наглядно представилось одно лишь совершенство и удалилось отъ него всякое несовершенство. Такую обстановку и долженъ создать институтъ. Итакъ, филантропическое воспитаніе стоитъ, какъ извѣстно, за институтскую и связанную съ нею предметную систему, натуралистическое—за гувернера, а реалистическое—за школу. Базедовъ и Бардтъ за одно съ Руссо исходятъ отъ одного и того же антропологическаго принципа: люди скорѣе слабыя, нежели зловредныя существа. Вслѣдствіе этого прежде всего говорится не о грѣхѣхъ и спасеніи, а о добродѣтели и безсмертіи. Бардтъ въ особенности спускается даже еще ниже, признавая за одно съ Гельвеціемъ себялюбіе единственнымъ дѣйствительнымъ рычагомъ всякой духовной и физической дѣ-

тельности человѣка. Исходною точкою его педагогики былъ эгоизмъ, а конечною цѣлью—эвдемонизмъ. Области же, на которыя такое воспитаніе должно распространиться, онъ самъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: волевыхъ, усовершенствованіе тѣла, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ и прославляетъ какъ нововведеніе филантропина, причисляя къ этому также свѣтское обращеніе; вторыхъ, преподаваніе наукъ, которое онъ весьма разсудительно признаетъ поступательнымъ движеніемъ отъ наглядки къ понятію; третьихъ, нравственное образованіе сердца, чему особенно должны содѣйствовать уроки, посвящаемые религіи и исторіи. Въ этомъ отношеніи отличными средствами считаются также дисциплина и надзоръ, а въ особенности индивидуальное по возможности обращеніе съ каждою личностію. По всѣмъ этимъ направленіямъ Бардтъ преподавалъ принципы своего „Элементарнаго творенія“, не рѣдко съ вѣрными поправками и всякій разъ въ болѣе изящной формѣ. Въ особенности его наглядное обученіе благотворнымъ образомъ отличается отъ тѣхъ сухихъ недѣтскихъ умозрѣній, такъ называемыхъ умственныхъ упражненій. Онъ представляетъ дѣтямъ цвѣтущіе очерки луговъ и лѣсовъ, дѣятельную человѣческую жизнь. Они прежде всего вступаютъ въ природу, въ дома, въ мастерскія; все что они видѣли ихъ заставляють потомъ отыскивать въ книгахъ съ картинками, и даже срисовывать. Затѣмъ лишь приступаютъ къ упражненіямъ въ разговорахъ. Содержаніе въ книгѣ для чтенія также должно быть замѣтено изъ ближайшаго нагляднаго кругозора. Дѣти не должны читать то, чего они не понимаютъ. Отъ Базедова Бардтъ перенялъ машину для обученія чтенію, къ сожалѣнію также и чтеніе по складамъ, несообразность котораго тогда было уже доказано. На родной языкъ обращалось, конечно, достоюжное вниманіе; врагъ всякихъ оконченнѣйшихъ формъ и правилъ, Бардтъ добивался у своихъ воспитанниковъ бѣглости и ловкости въ устномъ и письменномъ выраженіи мысли. Онъ былъ того мнѣнія, какъ впоследствии заявилъ тоже Гердеръ, что грамматика изучается по языку, а не языку по грамматикѣ. Съ этой поры убѣдились въ томъ, что преподаваніе языка можетъ созидаться лишь на самой полной, богатой рѣчи, и наиболѣе вѣрнымъ мѣриломъ цѣлесообразности обученія языку служить умѣнье, письменно излагать свои мысли. Для изученія чужеземныхъ нарѣчій Бардтъ придерживался аналитическаго метода и былъ въ этомъ отношеніи предтечею *Жакото* и *Гамилтона*. Въ счетъ онъ, такъ-же какъ Базедовъ, все еще въ сущности пользовался готскимъ учебнымъ планомъ герцога Эрнста, тогда какъ Бардтъ пытался уже уроки чтенія связать съ рисованіемъ. Общепользныя знанія играютъ у него, конечно, важную роль. Въ отношеніи метода Бардтъ былъ ревностный послѣдователь такъ называемаго сократическаго приѣма. Онъ всякій разъ пытается доказать, а потомъ уже выразить предложеніе, или, точнѣе говоря, дѣти должны думать, что они собственнымъ умомъ дошли до предложенія, при чемъ учитель обязанъ, конечно, строго слѣдить за тѣмъ, чтобы приводились лишь такіа данныя, которыя находятся уже въ предѣлахъ дѣтскаго кругозора. Рука объ руку съ этимъ въ филантропинахъ шло то смягченіе дисциплины, оборотной стороною котораго служило честолюбіе. Система наградъ сильно напоминаетъ объ иезуитахъ, а такъ называемое судилище, гдѣ каждый подвергался суду всѣхъ учениковъ,—о дисциплинѣ въ школахъ Планты. Участвуя въ дисциплинѣ заведенія, дѣти стали сознавать истинныя причины издаваемыхъ приказаній и заповѣдей; это совершалось, правда, въ интересѣ человѣческаго достоинства, но въ ущербъ дѣтской натурѣ, что въ свое время признавалъ даже Руссо. Вслѣдствіе стремленія, наконецъ, избавить дѣти по возможности отъ всякой муки учебной, возникла система учить играя, на что Бардтъ по-

тратилъ много трудовъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ онъ дѣйствовалъ, конечно, плодотворно, и когда Бардта похоронили въ одинокую его могилу въ Нидлебенѣ, то даже такой жестокой противникъ, какъ *Лаукгардъ*, сказалъ: „Я знаю многихъ, которымъ докторъ указалъ истинныя и коренныя начала высшей и благороднѣйшей гуманности, которые и теперь еще питаютъ къ нему дѣтскія чувства, какъ къ своему отцу, и цѣнятъ его дѣйствительно великія заслуги. Пятна истѣбуютъ, а заслуги пребудутъ вѣчно“.

4. нѣмецкая система обученія въ восемнадцатомъ столѣтіи.

Успѣхи педагогикѣ поширились и выносились всѣмъ духовнымъ развитіемъ эпохи. Стремленіе популяризировать знаніе сильно уже развилось; а именно, возникло много ученыхъ обществъ съ цѣлью совместнаго научнаго изслѣдованія и изложенія всего дознаннаго. Дѣтская литература также получила болѣе реальное содержаніе и улучшилась, благодаря Лейпцигскому еженедѣльному листу и „Другу дѣтей“ драматическаго поэта въ Лейпцигѣ, *Христіана Феликса Вейса*. Множество дѣтскихъ и народныхъ книжекъ было вообще непосредственнымъ слѣдствіемъ филантропическихъ стремленій. Ни одна изъ этихъ книгъ, однако, не могла сравниться съ „Робинзономъ Крузэ“ и „Открытіемъ Америки“ *Кампе*. Вставленные тутъ разговоры и нравственныя сентенціи съ вышней точки зрѣнія покажутся, пожалуй, вялыми, и вообще вся литература — черствою, водяною и скучною: не подлежатъ, однако, сомнѣнію, что юношество во вторую половину восемнадцатаго столѣтія читало не только гораздо болѣе, но и гораздо лучшія произведенія, нежели въ первую. Возникло всеобщее рвеніе къ образованію юношества и къ системѣ воспитанія, а въ половинѣ столѣтія появились уже педагогическіе писатели въ родѣ *Зульцера* („Разумныя мысли объ обученіи и воспитаніи дѣтей“), *Майа* („Искусство разумнаго воспитанія“) и *Миллера* („Основные правила мудраго и разумнаго воспитанія“). Отличныя правила излагаются въ сочиненіяхъ вюртембергскаго прелата, *Иоанна Амбрехта Бенгеля*. Какъ онъ, такъ еще и берлинскій членъ консисторіи, *Бюшмилъ*, и *Флаттихъ* дѣйствовали отчасти въ духѣ А. Г. Фралка. Первый написалъ „Очеркъ наставленія о томъ, какъ въ особенности учителя и гувернеры дѣтей и юношей обязаны вести себя благопристойно и разумно“ — руководство, впадающее зачастую въ мелочныя подробности и руководимое лишь практическими тенденціями. Своимъ „Землеописаніемъ“ онъ положилъ основаніе новѣйшей географіи. Швабъ *Флаттихъ* рожденъ педагогомъ, полный неизсякаемаго яснаго и веселаго нрава, свѣтлаго и пронзительнаго ума, съ чѣмъ связывались еще добрая воля, прекрасное сердце и искреннее душевное спокойствіе. Какъ бывало студентомъ, такъ и пасторомъ онъ не переставалъ „поучать“. Такимъ образомъ этотъ чуждый всякаго доктринерства наставникъ мало по малу образовалъ около двухъ сотенъ воспитанниковъ отъ десяти до двадцатилѣтняго возраста, и болшею частію все такихъ, съ которыми сами родители не знали, что начать. Не смотря на свою по преимуществу практическую дѣятельность, онъ написалъ однако „Замѣтки къ дѣлу обученія“, въ которыхъ развиваетъ реалистическія принципы: съ юношествомъ надлежитъ переходить отъ наглядки къ учебѣ, съ каждымъ воспитанникомъ слѣдуетъ обращаться согласно съ его индивидуальностью и т. п.

Другъ дѣтей.
1775—1784.

Ф. А. Бюшмилъ
1724—1793.

Иоаннъ Фридрихъ Флаттихъ.
1713—1797.

Народная школа.

Новыя теоріи лишь посторонними путями и медленно вліяли на систему народныхъ школъ. Самымъ важнымъ успѣхомъ было то, что съ тѣхъ поръ, какъ названный выше Гекеръ положилъ починъ основаніемъ учительской

семинарии, во второй половинѣ прошлаго столѣтія вездѣ стали открываться подобныя заведенія; всѣ они, конечно, страдали тѣмъ недостаткомъ, что являлись лишь придатками къ другимъ высшимъ школамъ. Весьма плодотворны были также энергичныя и здоровыя воздѣйствія, какія оказали католическіе священники, *Фельбигеръ* и *Киндерманъ*, въ Австріи (стр. стр. 443), протестантскій баронъ *Фридрихъ Эбергардъ Роховъ*, перенесшій идеи Вазедова и Кампе въ область народной школы, въ Пруссіи. Помимо „Учебника“ *Рохова* (1772) и „Друга дѣтей“ (1776) Гётева зятя подъему собственно мѣщанскаго и крестьянскаго сословія много способствовали еще „Катехизисъ правоученія для сельскаго люда“ (1771) дѣльнаго и разумнаго *Иоанна Георга Шоссера* и „Предложенія, мысли и желанія касательно улучшенія общественнаго образованія“ (1777 — 1785) названнаго уже выше (стр. 586) *Резевица*. Упомянемъ здѣсь также о милдтеймской „Необходимой вспомогательной книжкѣ“ *Захарія Бенера* (1788). Всѣ эти тихо и скромно дѣйствовавшіе педагоги были чуть ли не болѣе Песталоци отцами нѣмецкой системы народныхъ школъ, которая, впрочемъ, въ этотъ періодъ уже всюду проникла, благодаря именно промышленнымъ школамъ, изъ которыхъ первая появилась 1784 въ Гёттингенѣ, воскреснымъ и въ особенности дѣтскимъ школамъ, открытымъ въ 1800 г. княгинею *Паулиною Литте-Детмоладскою*.

Однако, въ противоположность реализму утвердилась также система, Ученая школа. унаслѣдованная отъ шестнадцатаго вѣка, которая цѣлью всякаго образованія признаетъ гуманность и стремится достигъ эту цѣль изученіемъ классической древности; но только вкусъ въ средѣ этой запоздавшей филологіи сталъ скоро такою же рѣдкостью, какъ искреннее, дѣйствительно назидательное благочестіе въ средѣ младшаго поколѣнія пѣтистовъ. Къ тому же такъ называемое гуманистическое образованіе въ слѣдствіи искажилось въ сухое изученіе латинской грамматики. Преподаваніе греческаго языка со времени тридцатилѣтней войны было совсѣмъ устранено. Ученые семнадцатаго и первой половины восемнадцатаго столѣтія болшею частію знали погречески лишь настолько, чтобы читать Новый Заветъ. Представителями этой филологіи, лишь поверхностно занимавшейся греческимъ, были *Целларій* въ Галле и *Геснеръ* въ Гёттингенѣ. Но только *Иоаннъ Вилхельманъ*, творецъ исторіи искусства (стр. стр. 527), вновь открылъ для Германіи и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе чѣмъ кто-либо до него научилъ постигать эллинизмъ въ его внутренней сущности, въ его вѣчно человѣчномъ значеніи. Съ нимъ въ одно время жили и дѣйствовали тѣ филологи, благодаря которымъ гуманистическія ученія опять приобрѣли болѣе достойное содержаніе и объемистое расширеніе: *Иоаннъ Августъ Эрнестъ* въ Лейпцигѣ, который ввелъ бѣглое чтеніе классиковъ съ короткими поясненіями, и *Христіанъ Готтлибъ Гейне*, изъ школы котораго въ Гёттингенѣ въ теченіе почти сорока лѣтъ выходили лучшіе филологи. О первомъ говорилось уже прежде (стр. 571); а значеніе послѣдняго въ настоящемъ свѣтѣ обнаружится лишь при изложеніи нѣмецкой науки девятнадцатаго вѣка.

Помимо дѣятельности этихъ педагоговъ въ университетской системѣ прошлаго столѣтія оказывается не очень много свѣтлыхъ сторонъ. Все еще царяла жалкая противоположность между фантастическимъ студенческимъ побытомъ и вялымъ филистерскимъ житьемъ. Вопреки всѣмъ запретамъ корпораціи студентовъ распространялись все болѣе, а при этомъ образовались связанныя извѣстнымъ корпоративнымъ духомъ ордена; союзы обоего рода зачастую переходили одинъ въ другой. Въ средѣ преподавателей прежвій цеховой духъ и чудная дѣйствительности книжная ученость замѣтно ослабляли кое-гдѣ лишь къ исходу столѣтія. Нѣкоторыя гимназіи, на-

Христофъ Целларій
1638—1707.
Иоаннъ Маттіасъ Геснеръ.
1691—1761.

Университетъ и гимназія.

противъ того, вновь достигли прежней высоты нѣмецкаго школьнаго образованія. Баварскія гимназін заняли тогда первое мѣсто между католическими учебными заведеніями; въ евангелической Германіи лучше всего организованы были педагогическій институтъ въ Клостеръ-Бергенѣ, при упомянутомъ настоятелѣ *Резовитъ*, и берлинскія гимназін при *Фридрихѣ Гедике*, *Людвигѣ Мейеротто* и его ученикѣ *Бернгардѣ*. Значеніе такого заведенія, вообще, зависѣло еще воиолнѣ отъ личныхъ достоинствъ директора.

Борьба противъ традиціонной школьной учености.

Улучшеніе гуманистической учебной системы было отчасти связано съ тѣмъ, что тогда литература въ Германіи стала силою; она не преминула возстать противъ ученаго педантизма и противъ буквоедства цеха филологовъ. Рабнеръ выводитъ на сцену полатыни, погречески, риторически и логически образованнаго юношу, который говоритъ противъ педагогическихъ нововведеній: „Не прискорбно ли, что молодежь заставляють изучать исторію? Это усиливаетъ лишь ея легкомысленное любопытство, къ которому она и безъ того черезъ-чуръ склонна. Не могу понять, къ чему служатъ географія и принадлежащая къ ней наука? Я и безъ того знаю дорогу отъ школы къ моей родинѣ, и безъ всякой географіи пройду, пожалуй, въ Лейпцигъ. Учиться въ немецкому—мнѣ кажется просто смѣшно. Нашъ привратникъ въ школѣ хорошо говорилъ по-нѣмецки, хотя никогда не посѣщаль уроковъ“. Въ томъ же родѣ Николай въ „Себальдусѣ Нотандерѣ“ описываетъ юношеское образованіе своего героя, воспитаннаго теологическимъ гувернеромъ въ Ваальсѣ въ Голландіи: „Ансельмино дѣлалъ констукціи, объяснялъ, анализировалъ, выписывалъ фразы, говорилъ латинскія рѣчи и сочинялъ латинскіе стихи. Онъ изучалъ даже кое-что изъ римскихъ древностей и зналъ, какъ въ Римѣ избирались консулы и эдилы. Но, само собою разумѣется, онъ вовсе не зналъ, какъ избираются генеральныя штаты, и имѣють ли они какую нибудь власть надъ Ваальсомъ. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, дѣтей въ ученыхъ школахъ знакомить съ конституціей отечества, въ знаніи которой нѣтъ никакой учености? За то Ансельмино имѣлъ хорошее понятіе о предложеніяхъ Дордрехтскаго синода“. „Онъ толковалъ, анализировалъ и говорилъ не занимаясь, лучшею школьною латынью отвѣчалъ на всѣ вопросы изъ *Grammii theologia didactica*, и всѣ экзаменаторы единогласно заявили, что еще никогда мальчишки въ такомъ пѣдномъ возрастѣ не давалъ такихъ отвѣтовъ“.

Хотя, впрочемъ, Николай и былъ единомысленикомъ Базедова, но онъ все-таки сохранилъ трезвый взглядъ также на филантропическія заблужденія. И вотъ, его Ансельмино попалъ изъ кулъка да въ рогожу, когда, выдержавъ столь блестящій экзамень, перешелъ, по волѣ родителей, изъ рукъ своего наставника въ только-что открытій филантропінъ въ Горбокѣ; тамъ „между миленькими воспитанниками онъ вскорѣ сталъ самымъ миленькимъ. Онъ пріучился по нѣскольку миль безъ толку ходить пѣшкомъ, купаться каждый день въ холодной водѣ, прыгать черезъ палку, — словомъ всему, что вовсе не требуется въ дѣйствительномъ мѣрѣ; и онъ учился всему съ большимъ рвеніемъ, такъ какъ учителя его громкогласно заявляли, что вскорѣ весь свѣтъ будетъ такимъ же, какъ филантропінъ въ Горбокѣ,—всѣ люди будутъ купаться въ холодной водѣ, бѣгать, прыгать, носить высокія шляпы и ботинки“. Въ учебѣ Ансельмо не слишкомъ напрягался. Согласно съ принципами филантропина въ Горбокѣ онъ учился только тогда, когда ему хотѣлось; а ему рѣдко хотѣлось, такъ что еслѣбъ не его дарованія, то онъ ничему не научился бы“. „Пробывъ тамъ два года, нашъ герой вернулся восвоюи совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Онъ научился думать и разсуждать; по воиолнѣ разучился разсудительно вести себя въ обществѣ. Онъ счелъ совершенно излишнимъ сообщаться съ остальнымъ свѣтомъ, оттого что въ Горбокѣ часто говорили

ему, что свѣтъ извращенъ; а потому онъ требовалъ, чтобы общество соображалось съ нимъ, какъ съ пришедшимъ изъ лучшаго міра въ Горбокѣ.

Не только Николай, но даже знаменитости, въ родѣ Гердера и Виланда, писали о педагогическихъ вопросахъ. Въ литературу того времени рѣшительно проникла новая тема; этому предмету посвящались даже особыя періодическія изданія. Но надъ всѣми такими побужденіями и трактатами господствовали противоположности между филантропизмомъ и гуманизмомъ. Первый былъ, безъ сомнѣнія, правъ, обращалъ вниманіе родителей и учителей на интересы современности и отдавая души дѣтей впечатлѣніямъ природы. Недостатокъ его заключался въ неспособности постичь высокое образовательное достоинство классическихъ языковъ и типическое значеніе греческой древности для всякаго истинно человѣчнаго образованія. Въ педагогической системѣ Базедова и его преемниковъ не цѣнились и не постигались ни матеріальныя выгоды отъ знакомства съ блескомъ и величіемъ классическаго міра, ни формальная польза вслѣдствіе того, что изученіемъ латинскаго языка развивается способность къ логической постройкѣ рѣчи, а изученіемъ греческаго — къ чистотѣ и изяществу выраженія. Гуманизмъ, съ своей стороны, твердо, конечно, поддерживалъ эти незамѣнимыя средства образованія. Сила его вообще заключалась въ томъ, что онъ имѣлъ въ виду умственный трудъ и болѣе идеальныя цѣли воспитанія, тогда какъ филантропическій реализмъ снабжалъ ученика лишь потребными для его будущаго назначенія и призванія предварительными знаніями и, какъ выразился Жанъ-Поль, большею частью ограничивался умственной вкормкою. *Нитгаммеръ* представилъ рѣзкій перечень этихъ противоположностей въ своемъ „Спорѣ между филантропизмомъ и гуманизмомъ“, причемъ, однако, послѣднему отдается слишкомъ одностороннее преимущество. И въ самомъ дѣлѣ, гуманизмъ вовсе не развивалъ способности наблюденія, онъ пренебрегалъ образовательнымъ значеніемъ естественныхъ наукъ, математики, повѣйшихъ языковъ; гуманисты въ родѣ Эрнести даже провически относились къ родному языку,—въ виду такихъ односторонностей требованія противной партіи оказываются еще болѣе справедливыми. Гуманисты, въ свою очередь, отвергали эти требованія подъ предлогомъ, будто слишкомъ раннія занятія реальными предметами вредятъ изученію языковъ, даютъ лишь поверхностное образованіе и т. д. — Эти замѣчанія оказались крайне несостоятельными въ эпоху, симпатіи которой рѣшительно находились на сторонѣ реализма.

Противоположность между гуманизмомъ и филантропизмомъ.

1808.

5. РЕФОРМА ПЕСТАЛОЦИ.

Филантропическое стремленіе къ естественному способу воспитанія и Іоаннъ Генрихъ Песталоци. 1745—1827.

обученія въ болѣе глубокой и облагороженной формѣ было воспринято и исполнено уроженцемъ Цюриха, *Песталоци*, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣателей въ повѣйшей исторіи культуры. Постигая все лишь чувствомъ, надѣленный воспримчивой душою и живой фантазіей, онъ смолоду усвоилъ себѣ педагогическія и соціально-политическія идеи Руссо и вслѣдствіе того погрузился, какъ самъ заявляетъ, „въ крайне непрактическую жизнь грезъ“. Онъ восторгался „Эмилемъ“, оттого что эта книга казалась ему цѣлѣбнымъ средствомъ отъ его собственной односторонности. А впрочемъ, его всю жизнь не покидала ненависть ко всякаго рода аристократіи. Но эта ненависть у него сопровождалась весьма положительною оборотною стороною, а именно — святою, самоотверженною и непоколебимою любовью къ народу. Такъ какъ истощеніе народныхъ силъ вслѣдствіе крайняго пренебреженія народнымъ образованіемъ служило глав-

нимъ рычагомъ аристократическаго господства, то Песталоцци гениальнымъ взоромъ постигъ въ здоровомъ, напрягающемъ все силы, доводящемъ все способности до полнаго развитія образованіи народа великое цѣлебное средство противъ порчи эпохи. Но самъ онъ ничего не могъ выполнить. За то — обладалъ даромъ въ хаотическомъ изложеніи сообщить другимъ любвеобильные порывы своей души. А впрочемъ, его жизнь была непрестанною, изнурительною борьбою съ собственною непрактическою натурой. Убѣдившись, что онъ неспособенъ быть ни теологомъ, ни юристомъ, онъ купилъ на деньги своей жены помѣстье и сталъ производить экономическіе опыты въ „Нейгофѣ“, вслѣдствіе которыхъ вступилъ въ большіе долги. Чувство собственной нужды возбудило въ немъ мысль стать отцомъ бѣдныхъ и покинутыхъ. Онъ открылъ въ Нейгофѣ школу для бѣдныхъ, — однако ему не только не удалось утѣшить нищихъ дѣтей, но онъ же довелъ до нищеты того, кто хотѣлъ обучить и воспитать ихъ. Плодомъ испытанныхъ имъ доселѣ горькихъ опытовъ появилась его книга „Вечеръ пустытника“. Всякое истинное школьное образованіе должно быть образованіемъ чистой человѣчности. У Руссо онъ заимствовалъ, что при этомъ надежить слѣдовать природѣ; онъ также отстаиваетъ реальныя знанія, исходя притомъ отъ постиженія окружающихъ предметовъ. Но онъ отличается отъ своего образца воспитаніемъ задушевной жизни и убѣждаетъ въ томъ, что послѣдняя въ сущности основана на религіи, на дѣтскомъ чувствѣ въ отношеніи къ божественному началу. Затѣмъ слѣдовала книга, про которую онъ говоритъ: „она сама собою вышла изъ-подъ пера, такъ что я не составлялъ въ умѣ никакого плана“; предтечею этой книги, впрочемъ, служило „Хозяйство философскаго крестьянина“ (1761) цюрихскаго врача, *Томаса Кастара Гирцеля*, а вышеупомянутыя произведенія Шюссера, Рохова, Бекера и др. были ея совѣстниками. Но ни одна изъ тѣхъ народныхъ книгъ, ни даже филантропическій романъ Зальмана „Карлъ изъ Карлсберга или о человѣческихъ бѣдствіяхъ“, не могутъ сравниться съ тѣмъ, что написалъ Песталоцци. „Липгардъ и Гертруда, книга для народа“, изображаетъ исторію бѣднаго домашняго быта, который выбрался изъ разстроеннаго состоянія, благодаря нравственной силѣ и трудолюбию, а въ особенности умному и вѣрному праву работающей жены, — вмѣстѣ съ тѣмъ исторію экономически и политически, постепенно развивающейся крестьянской общины. „Это было мое первое слово сердцу бѣдныхъ и покинутыхъ въ странѣ; — мое первое слово сердцу тѣхъ, кто бѣднымъ и покинутымъ въ странѣ замѣняетъ Бога; — мое первое слово матерямъ страны и данному имъ отъ Господа сердцу, дабы онѣ были для своихъ тѣмъ, тѣмъ ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не можетъ быть вмѣсто нихъ“. Эта книга возбудила всеобщее вниманіе, „благодаря простотѣ и искренности, съ какою въ ней заимствуется у народа его кругозоръ, изображаются его образъ мыслей и поступковъ, отрады домашняго очага, съ тѣмъ чтобы развивать народъ самимъ собою и въ предѣлахъ собственнаго бѣга“. Эта книга была плодомъ не только проницательнаго наблюденія, но также совершенной преданности и сочувствія бѣдствіямъ и надеждамъ народа со стороны человѣка, который въ то же время превосходилъ его своими правдивыми стремленіями и глубокими чаяньями. Героиня его крестьянской исторіи и впредь также осталась его идеаломъ. Въ противность гувернерскому воспитанію у Руссо, Песталоцци образованіе народа вручаетъ прежде всего матерямъ. Безъ ихъ содѣйствія всякая социальная реформа казалась ему бесплодною, даже невозможною. Затѣмъ, семнадцать еще лѣтъ послѣ выхода названной книги прожилъ онъ въ бѣдственномъ, подавленномъ состояніи въ Нейгофѣ; однако, ни основанное имъ еженедѣльное изданіе („Швейцарскій листокъ“), ни его „Христофъ и

Песталоцци въ
Нейгофѣ.
1769—1798.
1775.

1781.

1782.

Эльза“, ни продолженіе книги „Липгардъ и Гертруда“ не отвѣчали возбудившимъ сначала ожиданіямъ; они не отзывались уже прежнимъ народнымъ ладомъ. Загранично, однако, обратили вниманіе на смѣлаго реформатора системы воспитанія и, вслѣдъ за Клопштокомъ, Шиллеромъ и Кампе, Песталоцци также удостоился права гражданства французской республики. Въ своихъ „Исслѣдованьяхъ касательно естественнаго движенія въ исторіи развитія человѣческаго рода“ онъ всецѣло идетъ по стезямъ Руссо, представляетъ естественный бытъ, изображаетъ переходъ человѣчества изъ животнаго состоянія въ общественное и нравственное. Онъ предложилъ гельветическому правительству свои услуги въ качествѣ учителя. Послѣднее назначило его въ Станцъ, гдѣ вслѣдствіе военныхъ невзгодъ многие изъ бѣдныхъ дѣтей оказались безъ пріюта. Пятидесятидвухлѣтній педагогъ въ теченіи девяти мѣсяцевъ не только обучалъ въ монастырѣ Урсуннокъ восемьдесятъ человѣкъ дѣтей, но съ утра до вечера ухаживалъ за ними, оберегалъ ихъ и прислуживалъ имъ. Онъ былъ ихъ отцомъ, учителемъ, дядькой, врачомъ и слугою. „Я проливалъ слезы вмѣстѣ съ ними, я улыбался ихъ улыбкамъ“. Такая мощь самопожертвованія могла лишь укорениться, благодаря его твердой вѣрѣ въ несокрушимое ядро добра въ человѣческой натурѣ. Тутъ также онъ практическимъ путемъ дошелъ до своего метода. Онъ обучалъ, подсказывая слова и предложенія, которыя относились къ окружающей его обстановкѣ. Песталоцци стремился не къ скорому изученію чтенія, а къ развитію умственныхъ и душевныхъ силъ, — однимъ словомъ, онъ пытался перенести въ школу преимущества домашняго обученія. „Песталоцциева школа для бѣдныхъ въ Станцѣ признается колыбелью современнаго народнаго воспитанія; надъ нею паритъ крошкѣй олео мученичества, которое для своего прославленія не нуждается въ прикрасахъ легендою“.

Изгнанный Французами изъ Станца, Песталоцци поступилъ помощникомъ учителя народнои школы, а потомъ элементарнымъ преподавателемъ при городскомъ заведеніи въ Бургдорфѣ. Здѣсь онъ также продолжалъ свои опыты, признавъ наглядное обученіе исходною точкою всякаго преподаванія, но возможности долге останавливался на низшихъ ступеняхъ и перешелъ къ слѣдующимъ высшимъ лишь тогда, когда дѣти хорошо усвоили себѣ все предшествовавшее. Въ Бургдорфѣ изъ кантона Аппенцеля прибыло двадцать шесть покинутыхъ вслѣдствіе военныхъ бѣдствій дѣтей подвѣненіемъ учителя изъ Гайса, *Германа Крюзи*. Песталоцци соединился съ нимъ для основанія совѣстнаго учебнаго заведенія, а гельветическое правительство отвело для этого замокъ въ Бургдорфѣ. Тутъ вновь начали преподавать и воспитывать крайне естественнымъ и свободнымъ образомъ. Книгъ здѣсь не было; Песталоцци ихъ ни во что не ставилъ. Наизусть также ничего не учили. Не было ни программы, ни росписанія уроковъ! Рисованье, счетъ, разговоры — все переплеталось какъ попало. Песталоцци обыкновенно такъ громко говорилъ и кричалъ, что къ десяти часамъ доходило уже до хрипоты. На растрепанныхъ обояхъ замка онъ приступилъ къ своему наглядному обученію. „Методически я тамъ ничему не учился“, — рассказываетъ извѣстный впоследствии педагогъ *Рамсауеръ*, одинъ изъ тогдашнихъ мальчиковъ изъ Аппенцеля — „такъ же какъ и остальные ученики; но святѣе рвеніе Песталоцци, его преданная до самозабвенія любовь, его бросающееся даже дѣтямъ въ глаза крайне угнетенное состояніе производило на меня глубокое впечатлѣніе и на вѣкъ привязало къ нему мое дѣтски благодарное сердце“. Въ Бургдорфѣ онъ написалъ книгу „Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей: опытъ дать матерямъ руководство, самимъ обучать своихъ малютокъ“. Нечего было, конечно, отъ подобной книги въ рукахъ матерей народа ожидать плодотворнаго усилія; однако, какъ

1798.

Сент. 1798.

Бургдорфское
заведеніе
съ 1800.

въ этомъ, такъ въ нѣкоторыхъ слѣдовавшихъ затѣмъ твореніяхъ обнаруживаются основы Песталоцѣевой системы. Горячо ратуя противъ безсмысленной „долбежки“ высшихъ сословій, противъ лопотанья на подобіе попугаевъ и противъ всякаго мнимаго блеска заученаго знанія, онъ для народной школы требуетъ не столько учености, а скорѣе образованія здраваго человѣческаго ума. Организмъ человѣческой натуры — по его убѣжденію — подлежитъ тѣмъ же самымъ законамъ, по которымъ и вѣнчая природа также образуетъ свои органическія произведенія; на этомъ-то и основано философское требованье сообразнаго съ природою воспитанія. Всякое обученіе должно соответствовать вѣчнымъ законамъ, въ силу которыхъ человѣскій умъ отъ чувственныхъ наглядокъ восходитъ къ яснымъ понятіямъ. Лишь послѣ нагляди переходятъ къ названію, описанію, опредѣленію; вообще, все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы, подвигаясь впередъ по возможности безъ пробѣловъ, возбуждая притомъ постоянно самодѣятельность, изъ дознаннаго и усвоеннаго выводить высшія познанія. Такимъ образомъ, не смотря на всѣ недостатки и промахи въ исполненіи, разъ навсегда были открыты и установлены основныя законы всякаго элементарнаго обученія.

1803. Когда заведеніе изъ Бургдорфа было переведено въ Мюнхенбухзэ и спустило въ вѣдѣніе Фелленберга въ Гофвилѣ, то Песталоци по предложенію города Иффертена (Ивердена) основалъ здѣсь учебное заведеніе, прославившее имя его по всей Европѣ. Тутъ-то, въ старомъ замкѣ надъ городомъ, гдѣ Песталоци устроилъ свою новую школу совершенно по бургдорфскому образцу, исполнилъ развернула его гениальность. До 1810 года, до высшаго расцвѣта этого заведенія, въ немъ насчитывалось около 150 воспитанниковъ; при немъ трудилось отъ пятнадцати до двадцати учителей. А сверхъ того то и дѣло прибывали и отходили еще иностранцы съ цѣлью изучить методъ. Его навѣщали русскій императоръ и голландскій король. Подобно тому, какъ Кантъ отъ Базедова ожидалъ возрожденія народа, такъ и Фихте указывалъ на Песталоци. Однако въ этой всесвѣтной славѣ таился зародышъ погибели. Песталоци пришлось производить опыты, а ученикамъ — выставяться на показъ. Онъ никогда не умѣлъ распорядиться хозяйственнымъ дѣломъ. Такъ и теперь тоже конца не было денежнымъ затрудненіямъ. А съ 1810 г. окончательно вспыхнула непримиримая распря между двумя самыми даровитыми педагогами, помогавшими директору управлять заведеніемъ, между *Юанномъ Нидереромъ*, образованнымъ священникомъ изъ Рейнтала, и *Иосифомъ Шмидомъ*, уроженцемъ Тирольскихъ горъ. Первый былъ реформатской вѣры, вѣжливый въ обращеніи и съ философскими познаніями; послѣдній, родомъ католикъ, практическій талантъ, одаренный рѣдкостнымъ даромъ преподаванія, но нестерпимый и неуживчивый. Не смотря на то Песталоци принялъ его сторону, такъ какъ Шмидъ силою своей воли заставилъ уважать себя и казался ему необходимымъ. Скоро директоръ не въ силахъ былъ укротить мрачныхъ духовъ, которые съ сильнѣею копошились въ груди его ближайшихъ помощниковъ. Наконецъ — въ самый день похоронъ его вѣрной престарѣлой жены — буря негодованія всѣхъ учителей разразилась противъ Шмида. Когда же Песталоци не захотѣлъ отпустить его, то шестнадцать учителей подали въ отставку, въ числѣ ихъ также и Рамсауеръ; вскорѣ затѣмъ вышелъ Крюзи, Нидереръ также покинулъ своего стараго друга. Затѣмъ, по поводу уплаты долговъ возникли пренепріятныя споры, газетныя стычки и процессы, окончательно погубившіе славу заведенія. Когда Шмидъ и Нидереръ примирились, то нельзя уже было помочь институту. Восьмидесятилѣтній Песталоци, наконецъ, поневолѣ закрылъ свою школу. Изъ его семейства въ живыхъ остался одинъ только внукъ, жившій въ Нейгофѣ. Туда, гдѣ за

полстолѣтія тому назадъ Песталоци основалъ первое заведеніе для бѣдныхъ, онъ и удалился теперь, съ тѣмъ чтобы наконецъ сложить усталую голову свою на покой. Учителя и ученики окрестныхъ мѣстностей пѣли на его могилѣ.

Не разъ говорилось, что онъ хотѣлъ преобразовать весь свѣтъ, а не съумѣлъ даже справиться съ простой сельской школой. Это правда. За то онъ способевъ былъ на болѣе великое дѣло, и нинѣ нѣтъ такой сельской школы, въ которой не ощущалось бы хоть что нибудь отъ его вліянія, отъ его духа, отъ благодати его жизненнаго подвига. Онъ сословію народныхъ учителей внушилъ собственно сословный духъ, воодушевленіе къ ихъ призванію и сознаніе въ типѣ творить великое дѣло. Свою слѣбную вѣру во всемогущество абсолютнаго метода онъ раздѣлялъ со всѣми реформаторами-педагогами, начиная съ Ратиха и Коменюса. Но присущая ему мощь генеральной любви, связанная съ пронщательнымъ даромъ наблюденія и знаніемъ людей, достигла на развалинахъ всѣхъ житейскихъ надеждъ прекрасной и долговѣчной славы.

17. февр. 1827.

4. Переворотъ въ философіи.

1. ПОПУЛЯРНАЯ ФИЛОСОФІЯ.

Когда духъ сомнѣнія, пристрастіе къ нововведеніямъ и потребность самостоятельно изслѣдовать традиціонныя ученія овладѣли всѣми, кого вообще постигъ и коснулся стремительный потокъ образованія, въ такое время формализмъ Вольфовой школы не могъ болѣе заявлять свои исключительныя притязанія на устойчивость и непогрѣшимость. И въ самомъ дѣлѣ, появились даже явные противники, и наиболѣе вліятельнымъ изъ нихъ былъ *Крузіусъ* въ Лейпцигѣ. Однако, мудрованья этого ученаго и сухаго мужа, для котораго обыкновенная связь между причинами и слѣдствіями служила камнемъ преткновенія, не успѣли приковать къ себѣ вниманіе трудолюбивыхъ и добивавшихся послѣдовательности молодыхъ философовъ. А съ другой стороны, еще при жизни Вольфа обокъ съ нимъ распространился эклектизмъ, присвоившій себѣ всюду права нестѣсняемаго никакою школьною системою мышленія. Какъ эти эклектики, такъ точно и позднѣйшіе представители и послѣдователи теоріи Вольфа, почти исключительно пользовались англійскимъ и французскимъ подвозомъ (ср. стр. 113, 137). Англичане при этомъ преобладали надъ Французами. Самое сильное вліяніе оказалъ Локке, заявившій опытъ единственнымъ источникомъ всякаго знанія; изъ его эмпиризма въ Англии возникъ сперва идеализмъ Берклея, окончательно отрицательнаго бытіе тѣлеснаго міра, а потомъ скептицизмъ Давида Юма. Вотъ тѣ предположенія, при которыхъ именно Кантъ еще писалъ свою „Критику чистаго разума“, тѣ точки зрѣнія, съ которыми ему предстояло разобраться. А съ другой стороны, эмпиризмъ Локке во Франціи былъ преобразованъ Кондильякомъ и его преемниками въ сенсуализмъ; сдѣлана была попытка, всѣ вообще душевныя дѣятельности свести къ вѣишему постиженію, какъ къ единственному ихъ первоначальному источнику, и Ламетри вывелъ отсюда всѣ послѣдствія самаго безпощаднаго матеріализма. Философія и просвѣщеніе Нѣмцевъ совершенно отрекались отъ этихъ сенсуалистическихъ и матеріалистическихъ вліяній, за единственнымъ развѣ исключеніемъ Фридриха Великаго,

Христіанъ Августъ Крузіусъ. 1712—1776.

смотрѣвшаго на душу съ матеріалистической точки зрѣнія. Во вторую половину столѣтія сильное вліяніе на нѣмецкія стремленія гуманизма оказали Руссо, который отвлекъ эпоху отъ ложнаго образованія и направилъ ее къ природѣ и къ простому, неподдѣльному сужденію разума. Изъ смѣси этихъ различныхъ данныхъ въ то время элементовъ и возникла нѣмецкая популярная философія, въ томъ видѣ какъ она проявилась въ широкой промежутокъ вѣка послѣ Вольфа и до Канта.

Заслуги популярной философіи.

Научное пониманіе большей части этихъ популярныхъ философовъ, къ которымъ впрочемъ въ первую половину его философской дѣятельности причислялся даже самъ Кантъ, было, правда, еще мало обработано и выяснено; ихъ религиозное міросозерцаніе въ особенности вращалось исключительно въ предѣлахъ изложеннаго у Вольфа и Локке деизма; но честной и страстной борьбѣ, какую они вели противъ существовавшихъ недостатковъ и злоупотребленій, слѣдуетъ главнѣйшее приписать то, что въ средѣ нѣмецкаго средняго сословія добились болѣе обширной и болѣе твердой почвы для свободнаго мышленія и безпристрастнаго изслѣдованія, нежели въ Англіи, гдѣ послѣдніе слѣды вольнодумства уничтожены были методизмомъ, и во Франціи, гдѣ римской реакціи удалось одержать еще болѣе невѣроятныя побѣды. А потому, не смотря на ихъ философскую непродуманность, за представителями популярной премудрости нельзя не признать заслуги въ томъ, что они сознание своихъ современниковъ вообще освободили отъ преобладанія теологическихъ предрасудковъ, что они добились независимости морали отъ всякой церковности и главнѣйшимъ принципомъ всеобщаго мышленія признали терпимость и болѣе свободное воззрѣніе. А сверхъ того, господствуетъ, по видимому, тотъ законъ поступательнаго умственнаго движенія, въ силу котораго за продуктивными періодами слѣдуютъ популярныя, за научными открытіями — общепонятныя изложенія и воспроизведеніе всего дознаннаго на языкѣ обычныхъ сношеній. Такъ и тогда съ Лейбницемъ и Вольфомъ завершилось время теорій и терминологіи. Философы въ родѣ Аббта („О смерти за отчизну“, 1761), *Иоанна Августа Эбергарда* („Новая апологія Сократа“, 1771), *Эгелли* („Философъ для свѣта“, 1775—1777) и въ родѣ либеральнаго моралиста *Гарве* („Цицероновъ трактатъ объ обязанностяхъ“, 1793) облекали уже свои философскія разсужденія въ изящную и понятную форму, избѣгая всякихъ неуклюжихъ и темныхъ выраженій. Даже университетскіе преподаватели философіи, въ родѣ *Иоанна Георга Генриха Федера* въ Геттингенѣ, отвѣчали требованіямъ эпохи и старались читать лекціи и писать общедоступнымъ языкомъ. Никто, однако, не оказалъ такого обширнаго и

Моисей Мендельсонъ. 1729—1786.

вмѣстѣ съ тѣмъ глубокаго вліянія, какъ *Моисей Мендельсонъ*, этотъ городвѣйшій и достойнѣйшій представитель нѣмецкаго просвѣщенія, этотъ прототипъ Лессингова Натана. Слабый, болѣзненный сынъ еврея, онъ лишь трудною, душевно изпурияющею борьбою добился своего положенія. Имѣя въ виду въ противность французскому матеріализму при посредствѣ философіи доказать ученіе о бытіи Бога („Утренніе часы“, 1785) и о безсмертіи души („Федонъ“, 1767), онъ какъ былъ, такъ и остался притомъ евреемъ, и на дѣлѣ опровергъ предубѣжденіе современниковъ, будто въ его изложенныхъ съ такимъ пристрастіемъ идеяхъ заключается просто суть христіанства, „весь составъ нашей догматики“, какъ выразился Гарве; а своимъ переводомъ Пятикнижія и Псалмовъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сблизилъ іудейство съ нѣмецкими нравами и образованіемъ, своимъ произведеніемъ „Иерусалимъ или о религиозномъ могуществѣ и объ іудействѣ“ (1783) онъ тѣсно связалъ признаніе правъ своего угнетеннаго племени съ современными побужденіями терпимости и гуманности. Этотъ трактатъ былъ первымъ, общепонятнымъ и плодотворнымъ программю касательно отдѣле-

нія церкви отъ государства; по словамъ Канта онъ былъ „провозвѣстникомъ великой, хотя медленно наступавшей и развивавшейся реформы, которая касалась не однихъ только евреевъ, но вообще всѣхъ религій“.

Утилитарная мораль.

Не смотря на эти заслуги философіи просвѣщенія, русло ея все болѣе и болѣе мелѣло вслѣдствіе того своеобразнаго направленія, какое приняло усвоенное представителями ея изреченіе Поле: человекъ—самое достойное занятіе для человека. Человекъ, его сущность и назначеніе, его положеніе и дѣятельность въ созданномъ имъ самимъ мірѣ, — вотъ что и было предметомъ самаго тщательнаго и всесторонняго изслѣдованія. Оттого-то вся литература и прониклась правоучительнымъ содержаніемъ и такою же цѣлью, оттого и преобладало такое пристрастіе къ психологическому анализу нравственныхъ и эстетическихъ ощущеній и получило перевѣсъ въ телеологическое міросозерцаніе, которое обнаруживается въ безчисленныхъ изложеніяхъ и толкованіяхъ о томъ, что весь міръ существуетъ лишь ради разумныхъ и нравственныхъ существъ, все до мелочей въ немъ разчитано во благо, въ пользу, въ удовольствіе и угоду людей; Богъ же съ этой точки зрѣнія ничто иное какъ Существо, которое такимъ образомъ всецѣло печется о людяхъ; вездѣ въ природѣ проявляется Его благодѣтельность и мудрость. Въ этомъ смыслѣ *Реймаркусъ* написалъ свои „Трактаты о важнѣйшихъ истинахъ естественной религіи“, популярное изложеніе физико-теологическаго доказательства въ пользу бытія Бога и безсмертія. Сюда же относятся *Готтвольфа Самуэля Штейнбарта* „Система чистой философіи или христіанское ученіе о блаженствѣ“ (1778), „Единственно истинная система христіанской религіи“ (1787), которая вѣроятно заимствована у *Мозильсона*, и многое другое.

Однако, философія существуетъ не для того, чтобы поучать человека о такихъ предметахъ, отъ которыхъ зависитъ его матеріальное и душевное благополучіе, и не для того также, чтобы усыпить его въ этомъ направленіи суетными плюзіями, которыя находятся въ рѣзкомъ противорѣчій съ суровой дѣйствительностью. Но отвѣчающее такой дѣйствительности связное и научное міровоззрѣніе недостижимо и недоступно въ формѣ легкаго и изящнаго изложенія. Наконецъ, Лессингъ уже признавалъ негодность такого смутнаго смѣшенія теологіи и философіи въ томъ видѣ, какъ она представляется литературою просвѣщенія. „Подъ предлогомъ, обратить людей въ разумныхъ христіанъ, насъ преобразуютъ въ крайне неразумныхъ философовъ“. Но лишь въ *Кантѣ* возсталъ вершитель дѣлъ, положившій конецъ шаткому состоянію.

Несостоятельность популярной философіи.

2. КРИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ.

Происходя отъ шотландской фамиліи, Имануэль Кантъ въ своемъ родномъ городѣ Кѣнигсбергѣ, изъ котораго никогда не выѣзжалъ слишкомъ далеко, изучалъ теологію, философію и математику. Въ 1755 г. онъ занялъ каеедру при университетѣ, но лишь съ 1770 получилъ мѣсто съ окладомъ въ качествѣ профессора логики и математики. Сначала Кантъ находился подъ вліяніемъ Ньютона; первая эпоха его авторской дѣятельности ограничивалась естественными науками, и его „Всеобщая естественная исторія и теорія неба“ (1755) оказывается настоящимъ предвѣстникомъ Лапласовой теоріи о происхожденіи и долговѣчности планетной системы. Лишь въ теченіе шестидесятихъ годовъ совершился переходъ отъ естественной науки къ логикѣ и метафизикѣ подъ рѣшающимъ вліяніемъ Юма, сомнѣніе котораго касательно объективнаго значенія винословнаго закона произвело на него сильное впечатлѣніе. Съ этихъ поръ онъ посвящаетъ свои изслѣдованія теоріи

Имануэль Кантъ. 1724—1804.

и естественной истории—не вещества уже—а человеческого духа. Знаменательными произведениями, в которых изложены выводы его исследований, следующие: „Критика чистого разума“ (1781, второе исправленное издание 1787), „Критика практического разума“ (1788), и „Критика разсудка“ (1790). Къ этимъ тремъ основнымъ творениямъ примыкаетъ еще много другихъ трактатовъ, которые частью дополняютъ систему, частью излагаютъ ея примѣненіе къ теологii, правовѣдѣнью, этикѣ и эстетикѣ, а именно: „Основанія метафизики правовѣдѣнія“, „Религія въ предѣлахъ простаго разума“, „О вѣчномъ мирѣ“, „Правовѣдѣніе“, „Этика“, „Антропология“, „Споръ факультетовъ“ и пр.

Критицизмъ.

По оглавленію основныхъ произведеній уже видно, что Кантъ свою собственную философію въ противность догматизму, эмпиризму и скептицизму обозначаетъ критицизмомъ, такъ какъ она всякое философское изслѣдованіе приводитъ въ зависимость отъ результата испытанія, какое надлежитъ произвести касательно происхожденія и начала, а въ особенности касательно необходимыхъ предѣловъ человеческого познанія. Онъ называетъ свою философію также „трансцендентальною“ въ томъ смыслѣ, что это испытаніе ведетъ къ возможности такого познанія, которое становится „трансцендентнымъ“, т. е. выходитъ изъ предѣловъ нашего опыта. Дѣло въ томъ, что прежде, какъ правовѣрная, такъ и просвѣщенная философія высказывала разныя мнѣнія о Богѣ и о мирѣ, не отдавая себѣ никакого отчета объ основномъ вопросѣ, насколько именно оправдываются такія чисто догматически высказанныя мнѣнія. При этомъ не обращалось еще никакого вниманія на субъективныя условія человеческого познания. И дѣйствительно, по выводамъ Канта постигающій умъ дѣйствуетъ подъ влияніемъ извѣстныхъ независимыхъ отъ какаго бы то ни было опыта, такъ сказать предвзятыхъ или „априористическихъ“ формъ и нормъ. Анализируя процессъ разработки, какому чувственный матеріалъ подвергается со стороны ума, Кантъ открылъ въ этомъ отношеніи законъ, въ силу котораго умъ, по присущей ему самому натурѣ, исключительно уже влияетъ на содержаніе чувственного наблюденія. Предметы чувственного опыта—по-стольку, по-скольку они становятся нашими представленіями,—отвѣчаютъ извѣстнымъ, обусловленнымъ сущностью человеческого ума формамъ познания, которыя сенсуализмъ почти вовсе не принималъ въ разсчетъ. Онѣ состоятъ частью изъ формъ чувственного наблюденія (пространство и время), частью изъ тѣхъ „категорій“ или разсудочныхъ формъ, при посредствѣ которыхъ умъ только и способенъ все многообразіе наблюденія привести къ единству сознанія (количество, качество, отношеніе, образность). Тѣ „чувственные“ формы составляютъ какъ бы рамку, въ которой являются передъ нами всѣ образы чувственного міра; а эти категоріи „ума“, напротивъ того, обусловливаютъ необходимость, въ силу которой вмѣсто простой случайной ассоціаціи идей составляется всеобщая и законосообразная связь явленій, всѣми признанныя условія нашихъ представленій. Такое свойство человеческого мыслительнаго аппарата составляетъ „априорный“ факторъ нашей умственной дѣятельности, тогда какъ матеріалъ человеческого мышленія состоитъ изъ аффектовъ нашего ощущенія, возбуждающая причина которыхъ находится внѣ насъ. Мы, однако, постоянно сознаемъ лишь эти ощущенія, притомъ въ такихъ формахъ, какія присущи намъ самимъ. Мы познаемъ лишь пространственно-временное проявленіе вещей, но предметы наблюденія, какъ „вещи сами по себѣ“, по-стольку, по-скольку они существуютъ безъ отношенія къ нашей познавательной способности, находятся внѣ предѣловъ послѣдней, точно такъ же какъ все то, что никогда не можетъ стать явленіемъ, а именно подлежащее сомнѣнію сверхчувственное бытіе.

Этимъ объясняется прежде всего трагическая, на первый взглядъ по крайней мѣрѣ, участь, какой у Канта подвергается вся теологія и философія религіи, общія постиженія сверхчувственного, въ особенности Бога. Оттого что отъ наблюденія къ понятію о Богѣ ведутъ лишь темныя пути, или, говоря точнѣе, это понятіе само становится темнымъ товаромъ, такъ какъ не существуетъ никакого постиженія, слѣдовательно никакого яснаго познанія о Богѣ. Коль скоро наше мышленіе покидаетъ свое первоначальное отношеніе къ конечнымъ явленіямъ міра и выходитъ изъ ихъ предѣловъ, то оно становится пустымъ мышленіемъ, которому ничто не отвѣчаетъ въ дѣйствительномъ мирѣ. Оно переходитъ въ мечтанія, становится „трансцендентнымъ“, запутывается въ противорѣчіяхъ и ошибкахъ. „Понятія безъ наблюденій пусты“, и на оборотъ „наблюденія безъ попятій слѣпы“. Оба фактора всегда должны совмѣстно дѣйствовать, съ тѣмъ чтобы образовать отвѣчающій дѣйствительности, жизненный продуктъ. Напротивъ того, если уму присвоивается то, что, какъ указываетъ „Критика практического разума“, свойственно только волѣ, то образуется пустой призракъ. Въ „Критикѣ чистаго разума“ Кантъ пришелъ къ такому выводу: изъ субъективнаго побужденія разума представлять себѣ идею о безконечности, нельзя еще заключать о дѣйствительномъ ея существованіи самой по себѣ, внѣ нашего мышленія. Такимъ образомъ онъ ограничивается лишь объяснить, что путемъ религіозно-философскаго размышленія подтверждается отнюдь не безконечность внѣ насъ, а скорѣе побужденіе къ безконечности въ насъ самихъ, по эту безконечность въ насъ самихъ не слѣдуетъ въ то же время переносить внѣ насъ, „ни устанавливать, ни воспроизводить, ни воображать дѣйствительно существующимъ предметомъ“. Всякій, кто рѣшился бы на это, погрѣшилъ бы въ неправильномъ примѣненіи къ сверхчувственному міру тѣхъ умственныхъ опредѣленій, которыя относятся къ міру явленій. А потому чувственное постиженіе служить исключительнымъ признакомъ понятной для насъ реальности. То, что находится за предѣлами явленія, не можетъ быть мыслимо, оттого что для мышленія необходимо наблюденіе, а для наблюденія—явленіе. Богъ же данъ не „объективно“, а скорѣе какъ идея безусловнаго и абсолютнаго начала въ человеческомъ умѣ.

Оказавшись такимъ образомъ неспособностью теоретическаго разума въ области сверхчувственного міра возмѣщается лишь тѣмъ, что Кантъ называетъ практическимъ разумомъ. А именно, человеческой волѣ свойственно дѣйствовать не только, какъ всякому другому предмету природы, по своему закону, но также еще по представленію объ этомъ своемъ законѣ, въ качествѣ практическаго разума. Существуетъ теоретическій разумъ, который относится къ матеріалу ощущенія и своими законами опредѣляетъ форму явленія, въ томъ видѣ, какъ оно дано намъ въ видѣ предмета наблюденія; существуетъ также еще практический разумъ, который, въ качествѣ доброй воли пытается проникнуть въ то, что составляетъ идеальную суть вещей. Оно съ предметами наблюденія существуетъ также область свободы; но она открывается лишь нравственному сознанію. Хотя Кантъ отрѣшилъ всякія понятія о томъ свѣтѣ, уничтожилъ всякія отношенія человѣка къ абсолютному, за то внесъ безконечность въ человеческую волю, открылъ въ нравственномъ сознаніи слѣдъ безусловности и самодержавія божественнаго существа. Шиллеръ, какъ поэтический последователь этой философіи, вѣрно поясняетъ: „Призывайте божество вашей волею, и оно снизойдетъ съ своего міроваго престола“. Ибо представленіе о внутреннемъ законѣ воли, изложенное въ извѣстной формулѣ, и служить тѣмъ „категорическимъ императивомъ“, который состоитъ въ средоточіи этого правоученія. Законъ природы исполняется самъ собою,

Теоретическій
и практический
разумъ.

а нравственный законъ требуетъ, чтобы мы его исполнили, онъ — императивъ. И требуемый образъ дѣйствія долженъ быть исполненъ независимо отъ всякой предполагаемой цѣли, его не слѣдуетъ признавать средствомъ, которое становится необходимымъ для иныхъ цѣлей, а напротивъ, онъ, помимо всякаго посторонняго условія, признается самъ по себѣ: онъ, слѣдовательно, категорическій императивъ, (т. е. безусловное требованье разума). А его формула гласитъ: „Поступай такъ, чтобы челоѳчество, какъ въ твоей личности, такъ и въ лицѣ всякаго другаго, служило тебѣ не только средствомъ, но также цѣлью“, — и эта формула, говоритъ Кантъ, вслѣдствіе ея всеобщности и безусловнаго значенія, не можетъ быть выведена изъ опыта. Никто не можетъ хотѣть добра иначе, какъ для всѣхъ и во имя всѣхъ людей. Нравственное требованье относится ко всѣмъ людямъ одинаково, оно независимо отъ пользы, какую опытъ могъ бы извлечь изъ соблюденія закона. И такъ, этотъ законъ ничто иное какъ та же разумная, чистая воля, которая существуетъ и обнаруживается лишь тѣмъ, что доводитъ самой себя. Возбужденное этими принципами укрѣпленіе нравственнаго сознанія бесспорно относится къ самымъ благотворнымъ послѣдствіямъ критической философіи. Этимъ путемъ Кантъ доходитъ, наконецъ, до своего главнаго положенія, что въ концѣ концовъ нравственность обуславливается самодержавіемъ, „автономіей“ воли, и этотъ открытій имъ нравственный міръ только и составляетъ для него сверхчувственный міръ божества. Богъ, который теоретическому разуму являлся лишь гипотезою, что вѣчно направляется, но также вѣчно пользуется отъ всякихъ доводовъ, становится ощутительнымъ для практическаго разума, какъ вѣчно привлекающій, но конечно также, во вѣки недосягаемый идеаль. Въ этой противоположности между теоретическимъ и практическимъ разумомъ заключается одинъ изъ самыхъ плодотворныхъ выводовъ Канта. И точно, безусловное начало или божество теоретически не можетъ быть постигнуто, а признается постулатомъ практическаго ума; вотъ это и составляетъ переходъ не только къ *Г. Ф. Якоби*, который отношеніе между теоретическимъ и практическимъ разумомъ разсматривалъ съ точки зрѣнія произвольнаго выбора, сверхчувственный міръ, какъ болѣе глубокую первооснову дѣйствительности, вполне предоставилъ вѣрѣ и заявилъ, что онъ по уму спинозистъ, а по сердцу христіанинъ, — но также къ *Шлейермахеру* и ко всей вообще современной школѣ вѣроученія, которая на той противоположности основала свою теорію о знаніи и вѣрѣ.

Вѣроученіе
Канта.

Однако, Кантъ, какъ смертный, тоже заплатилъ дань господствовавшимъ надъ его временемъ властямъ деистически-просвѣщенной теологіи и эвдемонистической морали; и дѣйствительно, не довольствуясь тѣмъ, что основнымъ характеромъ своихъ познавательныхъ-теоретическихъ и моральныхъ открытій задавалъ также вѣроученію новыя задачи, онъ и самъ тоже приступилъ къ теологическимъ вопросамъ, съ тѣмъ чтобы формулировать ихъ зачастую скорѣе согласно съ духомъ времени, нежели съ сокровеннѣйшими принципами собственной философіи. То, на что не способна никакая спекуляція, исполняетъ, по его словамъ, „моральная религія“. Первая становится лишь „справителемъ разума“, а послѣдняя возбуждаетъ процессъ мышленія, который необходимо долженъ исполниться въ силу практической потребности. И точно, если нравственный законъ дѣйствительно существуетъ, то практическій разумъ въ полномъ правѣ признаетъ реальность за своими предположеніями, дабы избѣжать явнаго противорѣчія съ самимъ собою. Къ этимъ предположеніямъ, помимо свободы, относятся именно Богъ и безсмертіе. Для этихъ двухъ идей въ области теоретическаго разума не было мѣста, а потому, выпроводивъ въ переднія двери, ихъ вновь пришлось ввести въ заднія — практическаго разума. То,

что создается на такой шаткой основѣ, Кантъ и называетъ „постулатами“, т. е. необходимыми предположеніями практическаго быта нравственнаго челоѳка на этомъ свѣтѣ. Такими постулатами онъ признаетъ: безсмертіе, такъ какъ осуществленіе высшаго блага вслѣдствіе дознаннаго опытомъ разлада между разумомъ и чувственностью въ этой жизни оказывается невозможнымъ, — и Бога, такъ какъ установить присущую понятію о высшемъ благѣ гармонию убѣжденія и міроустройства можетъ лишь интеллигентный и моральный наблюдатель міра. Основною добродѣтели служить именно убѣжденіе, основою блаженства — міроустройство. И такъ, тутъ просто утверждается, что необходимо обезпечить выходящимъ изъ предѣловъ опыта путемъ то, въ чемъ намъ отказываетъ опытъ: необходимо внѣ фактической системы силъ признать особую силу, которая восстанавливаетъ сложившуюся въ понятіи о совершенномъ добрѣ связь добродѣтели и блаженства, и помимо земнаго времени — особое время, въ которое эта связь осуществляется. Но строгому вообще духу Кантовой морали въ сущности противорѣчить то, что помимо добродѣтели, высшую ступень блага занимаетъ также блаженство; это объясняется лишь тѣмъ, что почти во всѣхъ прежнихъ системахъ, со временъ Грековъ уже, блаженство всегда играло великую роль, и было важно для всеобщаго сознанія эпохи, такъ что даже Кантъ не могъ обойтись безъ него.

Этими доказательствами о Богѣ и безсмертіи, этимъ скуднымъ опредѣленіемъ религіи, по которому „сознаніе всѣхъ нашихъ обязанностей обуславливается Божьими заповѣдями“ и воспользовалась всерѣвностію рационалистическаго теологія, тогда какъ извѣстныя болѣе глубокія выводы вѣроученія Канта, какъ, наприм., знаменитая глава „о радикальномъ злѣ“, были совсѣмъ упущены изъ виду. Лишь прижмнувъ къ моральной философіи, рационализмъ достигъ болѣе твердаго склада и болѣе точнаго развитія, добился вообще нѣкотораго содержанія, выходящаго изъ предѣловъ наивныхъ доселѣ общихъ мнѣній и преченій о челоѳческомъ счастьи и о блаженствѣ. Лишь Кантова теологія признается настоящимъ рационализмомъ, тогда какъ все, что ей предшествовало, скорѣе можно назвать натурализмомъ и теологіей просвѣщенія. Онъ самъ былъ того мнѣнія, что нельзя ни доказать, ни отрицать возможность откровенія, прибавилъ однако, что отъ утвержденія или отрицанія послѣдняго ни въ какомъ случаѣ не должна зависеть сущность религіи; мало того, единственнымъ мѣриломъ для обсужденія всякой религіи и всякаго откровенія служить нравственное ихъ содержаніе. Теологія того времени и приняла это къ свѣдѣнію, и такимъ образомъ „практическій разумъ“ съ сопровождавшими его „постулатами“ сталъ исходною точкою рационалистическаго мышленія. Вслѣдствіе этого изъ догматикъ исключались прежде всего ученія, которыя противорѣчили „автономіи разума“ либо въ интеллектуальномъ смыслѣ (какъ, напр., инспирированное ученіе), либо въ практическомъ — (какъ, наприм., августинское), и все предоставлялось личнымъ мотивамъ. Поэтому въ изложеніи исторіи также проникъ тотъ признанный прагматизмъ, вслѣдствіе котораго въ главные факторы возведены слабость и чувственность массъ, своекорыстіе и властолюбіе духовенства, а религіи низведены въ измышленныя произведенія челоѳческой премудрости. Превосходное сочиненіе геттингенскаго *Готтмоба Якова Платца* — „Исторія происхожденія, перемѣнъ и образованія нашихъ протестантскихъ догматовъ“ — всецѣло находится подъ влияніемъ этого воззрѣнія.

Самый даже супранатурализмъ, въ его скуднѣйшемъ видѣ, въ концѣ концовъ пользовался поддержкою этой философіи религіи, и передовые кантіанцы, *Тифтурникъ*, *Штеудлинъ*, *Аммонъ* и др., при всей рационалистической ихъ основѣ склонялись по крайней мѣрѣ къ супранатурализму. Однако, вся-

Рационализмъ
Канта въ цер-
кви и въ теоло-
гич.

кое непосредственное отношеніе къ божеству прекращается, когда послѣднее существуетъ лишь для того, чтобы сочетать вмѣстѣ обѣ расходящіяся врознь стороны алчной до блаженства чувственности и строго соблюдающей свой долгъ добродѣтели, и чтобы такимъ путемъ возстановить совершенное добро. Не ради самаго себя существуетъ этотъ Богъ, а лишь для того, чтобы надѣлать людей подобающе имъ степеню блаженства. Но подобно тому, какъ Кантъ вызываетъ его лишь съ цѣлью согласовать между собою нравственный міръ съ естественнымъ урядомъ, такъ точно можно, пожалуй, вызвать, именно умалить Его, съ цѣлью восполнить своею благодатью шаткое состояніе нравственной жизни. Словомъ, это понятіе о Богѣ было какъ разъ на руку супранатурализму, который окончательнымъ доводомъ Канта касательно помощи человѣческаго разума, постичь сверхчувственные предметы, воспользовался для косвеннаго доказательства истины лютеранскаго катехизиса. А потому, какъ съ этой, такъ и съ противоположной стороны долго еще съ величайшимъ довѣріемъ все созидалось на критической философіи и на моральной теологіи, и лишь немногіе изъ теологовъ, жившихъ на поворотѣ столѣтія, освободились отъ этого вліянія. А именно Гердеръ, противорѣчіе котораго Канту отнюдь не основывалось на личныхъ только побужденіяхъ, а напротивъ, на весьма знаменательныхъ, реальныхъ мотивахъ, — Шторръ, послѣдній ортодоксъ въ Тюбингенѣ, и Реймардъ, знаменитый придворный священникъ въ Дрезденѣ. Философія Канта сначала обращала на себя мало вниманія, за то съ 1790 г. она цѣлѣй вѣкъ не только господствовала надъ теологіей, но проникла даже во всѣ науки и отрасли литературы, въ поэзію и практическую жизнь. Впервые твердо постигнувъ и вѣрно формулировавъ вопросы, предлагаемые бывшимъ доселѣ развитіемъ философіи, Кантъ произвелъ совершенную реформу въ этой наукѣ; пылкость, съ какою способные и неспособные люди вступали въ бой то въ качествѣ поборниковъ за новую премудрость, то въ качествѣ противниковъ ея, свидѣтельствовала о чрезвычайномъ возбужденіи умовъ, какое произвели его основныя теоріи, объ охватившемъ всѣхъ чувствѣ чрезвычайнаго могущества, какое присуще послѣднимъ. Распространенію новой философіи не мало, впрочемъ, способствовалъ исключенный изъ иезуитскаго ордена и перешедшій въ протестантизмъ зять Виланда, Рейнгольдъ; въ „Нѣмецкомъ Меркурѣ“ обнародовалъ онъ свои „Письма о Кантовой философіи“, а въ Іенѣ читалъ объ ней много посѣщаемыя лекціи. Но существенное ядро этого ученія стало непосредственно общимъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей, благодаря философскимъ стихотвореніямъ и эстетическимъ трактатамъ Шиллера. Вообще, Кантъ не только придавъ праводѣльному простѣйшее основаніе, сводя въ духѣ времени всѣ юридическія отношенія къ прирожденнымъ и первобытнымъ человѣческимъ правамъ, но въ своей „Критикѣ разсудка“ онъ изложилъ также болѣе устойчивыя воззрѣнія на сущность красоты. А именно, приурочивая общее начало къ особенностямъ природы, разсудокъ руководится притомъ точкою зрѣнія цѣлесообразности. Цѣлесообразность же въ предметахъ обнаруживается не только тогда, когда можно указать на извѣстную цѣль, а, напротивъ, сплалась отчасти на Мендельсона, Кантъ доказываетъ: существуетъ вполне безынтересное, но тоже вполне необходимое наслажденіе чистою формою предмета, возбуждающаго удовольствіе тѣмъ, что приводитъ созерцающее его воображеніе въ согласіе съ постигающимъ его умомъ. Вотъ это и есть чисто эстетическое наслажденіе, принципъ всякаго художественнаго творчества.

Всестороннее
торжество
критицизма.

Карлъ Леон-
гардъ Рейн-
гольдъ.
1758—1823.
1786—1787.

II. Публицистика и историческая литература въ восемнадцатомъ столѣтіи.

1. НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВЪ ОБЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА И ПОЛИТИКИ.

Мы прежде уже (въ XI т.) разсматривали исторію развитія нѣмецкаго государственнаго права до той поры, когда ложныя основы средневѣковой схоластики и римскаго права смѣнились болѣе здоровыми и свѣжими источниками нѣмецко-историческаго направленія, хотя послѣднее, въ свою очередь, изъ трезваго изслѣдованія и такой же критики извратилось, нѣкоторымъ образомъ, въ пристрастіе къ гипотезамъ и къ антиварской забавѣ. Старшій Кокцейи и Людевиъ своими странными отступленіями въ эпоху Тацита и переселенія народовъ, также теоретики естественнаго права своими отвлеченно-философскими умозрѣніями вводили въ заблужденіе современное практическое государственное право; за то трудолюбивые собиратели актовъ, въ родѣ Антона Фабера въ его европейской государственной канцеляріи и Іоанна Христиана Люнга въ его нѣмецкомъ имперскомъ архивѣ, въ родѣ Гертнера и Мейерна въ ихъ Вестфальскихъ мирныхъ договорахъ представили достовѣрные документы, на которыхъ можно было создать практическую систему государственнаго права. Но разработать для современной жизни невоздѣланный, спутанный и мертвый матеріалъ, скопленный въ фоіантахъ этихъ ревностныхъ собирателей, привести въ порядокъ, очистить и практически примѣнить всю массу данныхъ,—это составляетъ преимущественно заслугу Іоанна Якова Мозера.

Іоаннъ Яковъ Мозеръ провелъ измѣнчивую жизнь ученаго и чиновника. Родившись 1701 въ Штутгартѣ, рано созрѣвшій мужъ занимался разными юридическими дѣлами при вѣнскомъ и вюртембергскомъ дворахъ, въ качествѣ профессора въ Тюбингенѣ и при имперскомъ верховномъ судѣ въ Вецларѣ. Гнусная администрація при герцогѣ Карлѣ Александрѣ заставила честнаго и самосознательнаго Мозера удалиться изъ Вюртемберга въ сѣверную Германію. Послѣ короткаго пребыванія на прусской службѣ въ качествѣ профессора въ Франкфуртѣ на О., онъ восемь лѣтъ прожилъ въ маленькой рейсской столицѣ Эберсдорфѣ, потомъ въ качествѣ ландграфскаго гессенскаго шефа канцеляріи въ Гамбургѣ; наконецъ (въ 1751 г.), тоска по родинѣ побудила его, по предложенію вюртембергскихъ земскихъ чиновъ, принять мѣсто земскаго судьи. Мы знаемъ уже, что этотъ неустрашимый и мужественный поборникъ земскихъ правъ навлекъ на себя гнѣвъ властителей и прогомился нѣсколько лѣтъ (1759—1764) въ крѣпости Гогентвилъ (XII, 708). Наконецъ-то, послѣ пятилѣтняго жестокаго заключенія, просьбы земскихъ чиновъ и дружескихъ князей, также приговоръ имперскаго совѣта, побудили герцога освободить мученика. Съ той поры онъ тихо и одиноко прожилъ въ Штутгартѣ, занимаясь научными трудами до самой смерти, 30. сент. 1785. Онъ самъ въ крайне откровенномъ и благодушномъ видѣ описалъ свою измѣнчивую жизнь, поучительную въ отношеніи политическихъ и культурныхъ условій эпохи.

Благодаря многолѣтней практикѣ въ различныхъ должностяхъ, Мозеръ зналъ какъ никто гражданскіе законы Германіи, и при обширной, единственной въ своемъ родѣ учености, владѣлъ громаднымъ научнымъ матеріаломъ, который находился въ нестоимыхъ собраніяхъ документовъ и актовъ, въ разбѣянныхъ историческихъ и юридическихъ трактатахъ. Его ученость и практическая опытность при поразительномъ трудолюбіи оказали большую пользу знанію гражданскихъ уставовъ. Европейское народ-

Наука о госу-
дарственномъ
правѣ.

І. Я. Мозеръ.
1701—1705.

Его научныя
заслуги.

ное право и въ особенности нѣмецкіе государственные законы одолжены ему своимъ существенными успѣхами и твердою положительною основою. Мозеръ первый положилъ начало учению объ имперскомъ правѣ. У Мозера, конечно, нѣтъ ни органическаго расчлененія, ни систематическаго изложенія громаднаго матеріала, ни глубокаго историческаго и философскаго постиженія фактовъ; критика его также не замѣчательна. Вслѣдствіе своего отвращенія къ теоріямъ, ко всякимъ школьнымъ вопросамъ, къ философскимъ отвлеченностямъ и къ забавамъ антикварскаго историческаго изслѣдованія, онъ гражданское право не постигалъ ни въ его историческомъ происхожденіи, ни въ его связи со всею духовною жизнью. Но недостатки высшаго научнаго пониманія и систематическаго распределенія матеріала у него искупаются чрезвычайною полнотою и точностью въ собираніи и изложеніи всего наличнаго нѣмецкаго государственнаго права. Онъ практикъ отъ головы до пятокъ, и цѣль его была не обработать научнымъ путемъ подлинный юридическій матеріалъ, а просто приспособить его къ непосредственному практическому употребленію, создать прочныя основы положительнаго знанія, на которыхъ потомъ другіе могли бы строить далѣе. И это ему вполне удалось. То, что практики и теоретики знали впоследствии объ имперскомъ правѣ, почти все исключительно основано на его трудахъ, которые ни одинъ вопросъ изъ этой громадной разбѣянной области не оставляютъ безъ отвѣта; онъ же, въ противоположность Гуго Гроціусу, какъ, отцу естественнаго философскаго народнаго права, настоящий творецъ положительнаго народнаго права. Въ противоположность всеобщимъ юридически-философскимъ предложеніямъ, съ какими бывшіе доселѣ теоретики, особенно изъ Вольфовой школы, приступали къ фактамъ народнаго права, онъ имѣетъ въ виду „просто изложить вкратцѣ выводы положительныхъ отношеній и привычекъ въ европейскихъ государствахъ и пояснить ихъ по возможности многими и подробными примѣрами“. При этомъ Мозеръ, какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ, былъ человекъ неподкупной честности и искренняго прямодушія, твердаго характера и правдиваго убѣжденія, поистинѣ почтенная личность, патриотъ въ лучшемъ смыслѣ слова, — все весьма дорогія свойства въ такое время, когда учителя и знатоки права слишкомъ часто подчинялись властителямъ. Литературная плодovitость Мозера просто изумительна и едва ли достигалась кѣмъ-либо изъ нѣмецкихъ писателей; онъ самъ въ своей біографіи насчитываетъ 312 сочиненій, всего около 500 томовъ. Самое значительное его произведеніе — „Нѣмецкое государственное право“; съ дополненіями и прибавленіями оно обнимаетъ 70 томовъ in quarto; къ этому примыкаетъ цѣлый рядъ специальныхъ сочиненій объ особыхъ предметахъ изъ имперскаго и территориальнаго права, множество приговоровъ, рѣшеній, собраній документовъ, государственныхъ бумагъ всякаго рода. Въ области народнаго права первое мѣсто занимаетъ его „Опытъ новѣйшаго европейскаго народнаго права въ мирное и военное время“.

Фридр. Карлъ Мозеръ. Такое же значительное мѣсто въ нѣмецкой публицистикѣ, хотя и въ другомъ направленіи, занимаетъ *Фридрихъ Карлъ Мозеръ*, достойный сынъ Іоанна Якова. Родившись въ 1723 году въ Штутгартѣ, онъ рано, подъ вѣдѣніемъ отца, сталъ заниматься публицистическо-литературными трудами и практическими политическими дѣлами. Даровитый и умный государственный мужъ свои годы юности и зрѣлаго возраста провелъ въ разнообразныхъ дипломатическихъ миссіяхъ, а именно: служилъ различнымъ гессенскимъ князьямъ, также въ качествѣ имперскаго надворнаго совѣтника въ Вѣнѣ; а въ 1772 году онъ, въ должности президента тайнаго совѣта, находился во главѣ управления въ Гессенъ-Дармштадтѣ. Эту должность онъ получилъ, благодаря умной правительницѣ Генриетѣ Каролинѣ, сунругѣ

ландграфа Людовика IX., давно уже уважавшей и чтившей Мозера (XII, 702). Онъ ревностно старался привести въ порядокъ и улучшить крайне разстроенное финансовое управленіе, водворить вновь благосостояніе въ оскудѣвшемъ краѣ, устранить сильныя злоупотребленія. Однако, крутая и безнадежная энергія, съ какою онъ припался за укоренившіися извы деспотической правительственной системы, страстный и пылкій характеръ его, сознаніе своего достоинства, — все это возбудило противъ него жестокую вражду; а нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти его высокой покровительницы враги подрывали его положеніе, такъ что онъ не успѣлъ выполнить свои реформы. Младшему Мозеру такъ же, какъ и отцу его, пришлось сильно пострадать отъ державнаго абсолютизма и презиравшаго всякія црва произвола. Въ 1780 году онъ вышелъ въ отставку; однако ненависть его враговъ при дворѣ и въ чиновничьемъ мірѣ не удовольствова-лась этимъ. Они обвинили названаго министра въ томъ, что онъ своимъ произволомъ, деспотизмомъ, злоупотребленіемъ власти привелъ край въ безвыходное состояніе. Въмѣсто настоящимъ судамъ, дѣло было предано слѣдственной комиссіи; она тотчасъ же конфисковала имущество обвиненнаго и безъ суда и расправы подвергла его высшей немилости и изгнанію. Вопреки возраженію имперскаго совѣта, крайне безобразный и произвольный процессъ протянулся до смерти ландграфа. Преемникъ его отмѣнилъ судопроизводство и конфискацію, вновь возстановилъ честь глубоко оскорбленнаго мужа и назначилъ ему пенсію. Мозеръ послѣ того прожилъ еще восемь лѣтъ († 1798).

Литературное значеніе младшаго Мозера заключается не столько въ его ученыхъ трактатахъ о государственномъ правѣ, а скорѣе въ его политическихъ тенденціозныхъ сочиненіяхъ. Изъ нихъ прославились именно произведенія: „Господинъ и слуга“ (1759), „Политическія истины“, „О правленіи властителей и е министровъ“, также періодическое изданіе: „Патріотическій архивъ“. Тутъ Мозеръ оказывается исполненнымъ доблестнаго прямодушія и патриотизма, одушевленнымъ всецѣло тѣмъ гуманнымъ сочувствіемъ человѣческому достоинству и народному благу, какое въ періодъ, предшествовавшей французской революціи, возбудили политико-философскіе идеалисты. Рагуя оружіемъ рѣзкой сатиры противъ недуговъ существующей политической жизни въ Германіи, противъ произвола и тиранинъ государей, противъ растлѣннаго быта при дворѣ и въ бюрократіи, противъ нравственной придворной грязи, противъ всей гнусности мелкихъ государствъ, онъ пытается закалить унавившій политическій характеръ націи, возбудить патриотическое чувство, поднять порывъ къ правдѣ, отчизнѣ, свободѣ. Онъ неутомимо ратуетъ за гласное и независимое судопроизводство, за свободное выраженіе мыслей, за охрану подданныхъ отъ злоупотребленій державной власти, за обязанность чиновниковъ руководиться не прихотью государей, а благомъ государства; онъ безопасно разоблачаетъ недуги социальнаго и государственнаго строя, мимоходомъ озаряетъ яркимъ свѣтомъ современное ему общество и въ особенности грѣшки высшихъ, властвующихъ классовъ. „Надо себѣ представить“, говоритъ Моль, „восемнадцатое столѣтіе съ его рабодѣніемъ, съ его безсовѣстною поблжкою великимъ беззаконіямъ и всякой подлости, лишь бы они совершались въ высшихъ слояхъ, съ его чуть ли не полною ничтожностью общественнаго мнѣнія: тогда только оцѣнимъ то мужество, какимъ обладалъ Мозеръ, и тѣ перевороты въ воззрѣніяхъ и помыслахъ, какіе онъ возбудилъ по-немногу въ обширныхъ сферахъ. Надо также представить себѣ житье-бытье при духовныхъ и свѣтскихъ дворахъ въ ту эпоху, а именно, дикую, пагубную для края охотничью систему, страсть играть въ солдаты, безстыдное распутство метрессъ, неоплатные долги и нескончаемые подати:

Его политическія сочиненія.

и тогда только постигнемъ, какъ зачастую поразительно и рѣзко дѣйствовали его во всѣ стороны метаемые сарказмы и укоры. Ни одинъ изъ современнѣхъ ему Нѣмцевъ не вытѣшивался такъ непосредственно въ жизнь, ни одинъ не прикасался такъ часто и такъ смѣло къ большимъ и гнилымъ лэвамъ“. Въ его сочиненіяхъ обнаруживается уже полное сознание того, что нѣмецкая нація имѣетъ исполнить высшія задачи и занять болѣе достойное положеніе, чѣмъ то, какое ей суждено было въ скорбныя времена отживавшей римской имперіи; не смотря на то, онъ не могъ еще освободиться отъ понятій о державномъ патримональномъ государствѣ, просвѣщенномъ бюрократизмѣ и о правовѣрномъ благочестіи, а о земскихъ учрежденіяхъ онъ былъ крайне низкаго мнѣнія, какаго не заслуживалъ этотъ глубоко упавшій институтъ. Мозеръ ожидаетъ блага подданныхъ не отъ соучастія народа въ политической жизни, а скорѣе отъ дѣльнаго, энергичнаго и благосклоннаго правительства. Тѣ же самыя политическія условія, противъ недуга которыхъ онъ ратовалъ, владѣли всѣми его воззрѣніями все-таки сильнѣе, нежели слѣдовало ожидать. А впрочемъ, слогъ его, какъ замѣчаетъ Блунчли, „исполненъ силы и всегда готовъ къ бою, какъ онъ самъ. Его психологическая прозорливость изумительна: онъ мастерски характеризуетъ многими чертами. Его предложенія смѣлы, его прямоудшіе неукротимо и умѣряется лишь тонкимъ юморомъ. У него прѣстѣпныя картины, и очерки его понятны всякому. Нравственно-строгий духъ, живое христіанство просвѣчиваютъ въ его сочиненіяхъ и сторожатъ на заднемъ планѣ, когда въ пылу онъ даетъ волю своему свѣтлому юмору. Его политическіе трактаты исполнены превосходныхъ наблюденій и полезныхъ правилъ. Придворную жизнь и государственную службу своей эпохи онъ изобразилъ съ мѣткою правдою, такъ что она поневолѣ пугала романтическихъ поклонниковъ добраго стараго времени“.

1. Стеф. Пюттеръ. 1725—1807. Громадный матеріалъ, собранный и практически примѣненный старшимъ Мозеромъ, разработалъ научно и распредѣлил систематически великій государственный правовѣдъ старой имперіи: *Иоаннъ Стефанъ Пюттеръ*. Дополнилъ собою практическаго Мозера, Пюттеръ явился теоретическимъ систематикомъ имперскаго права. Родившись въ 1725 году въ Изерлонѣ, что въ Марбургѣ, изучивъ философскія и юридическія науки въ Галле и Лейпъ, Пюттеръ девятнадцати лѣтъ отъ роду уже занялъ катедру и съ 1747 года въ теченіе цѣлыхъ шестидесяти лѣтъ состоялъ при Гёттингенскомъ университетѣ. Послѣдній, благодаря ему и цѣлому ряду дѣльныхъ сотрудниковъ его по юридическимъ и другимъ предметамъ, въ родѣ *И. Я. Шмауса*, *Ахенвала*, *Шлецера* и пр., сталъ настоящимъ средоточіемъ политическихъ наукъ въ Германіи. Въ качествѣ преподавателя и практическаго знатока имперскаго права Пюттеръ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій неоспоримо занималъ въ ней первое мѣсто; вполне удовлетворенный своимъ блестящимъ академическимъ успѣхомъ, онъ отказывался отъ вслѣдствіи другихъ предложеній, такъ между прочимъ отъ должности имперскаго надворнаго совѣтника въ Вѣнѣ. Вся лобознательная молодежь, также изъ высшихъ сословій, стекалась на его лекціи о гражданскихъ законахъ; въ самыхъ затруднительныхъ и важныхъ случаяхъ обращались къ нему за юридическимъ приговоромъ и мнѣніемъ; онъ былъ совѣтникомъ всѣхъ дворовъ, всѣхъ крупныхъ и мелкихъ имперскихъ чиновъ. Въ своей автобіографіи онъ съ истиннымъ довольствомъ воспоминаетъ о почестяхъ и отличіяхъ, какими пользовался. Литературная дѣятельность Пюттера весьма разнообразна и простирается даже за предѣлы юридическихъ наукъ, но его научное значеніе относится все-таки къ области нѣмецкаго государственнаго права. Обладая многосторонними и глубокими познаніями, не уступавшими даже Мозеру, онъ много превосходилъ послѣдняго формаль-

ною разработкою предмета, систематическимъ распредѣленіемъ, юридическою логикою, методомъ, постановкою руководящихъ идей, ясностью и изяществомъ изложенія. Однако, у него нѣтъ истиннаго государственнаго духа и настоящаго патріотическаго помысла, ни также гениальнаго размаха ума, а въ прямоудшіи, мужественной доблести и характерной крѣпости онъ далеко уступаетъ обонимъ Мозерамъ. Онъ не признаетъ государства нравственною національною общиною, ни движущихъ силъ въ политической жизни; абсолютная державная монархія, смиренная извѣстнымъ патріархальнымъ отношеніемъ,—вотъ его идеаль. Онъ, правда, не былъ раболѣпнымъ защитникомъ державнаго произвола, его чувство справедливости и добросовѣстность возставали противъ этого; однако, Пюттеръ не питаетъ никакого сочувствія къ земскимъ учрежденіямъ, къ народнымъ правамъ, къ національнымъ идеямъ, къ законнымъ требованіямъ, съ какими человекъ и гражданинъ вправѣ обращаться къ государству; онъ не сдѣлалъ ничего, чтобы вновь оживить подавленный политическій духъ нѣмецкаго народа, пробудить патріотизмъ и государственное настроеніе, которое вознеслось бы надъ скорбными условіями господствоваваго гражданскаго права. Когда ему съ рѣдкостнымъ знаніемъ дѣла и чрезвычайнымъ остроуміемъ удавалось выбраться изъ путаницы нѣмецкаго, имперскаго и владѣльческаго права, изъ сбивчивыхъ путей всѣхъ этихъ курьезныхъ отношеній въ общественномъ уставѣ пестрой нѣмецкой государственной системы, изъ самыхъ причудливыхъ, безтолковыхъ и нестойкихъ юридическихъ условій, то онъ самодовольно сознавалъ, что изъ этого лабиринта помимо него никто не находилъ выхода. Но ему и въ голову не приходило, что все это зданіе до корней прогнило и распалось, что политическая жизнь и гражданское право въ Германіи нуждались въ основательномъ переустройствѣ. А при всемъ томъ, когда престарѣлый публицистъ все еще съ благоговѣніемъ и самодовольствомъ взиралъ на государственныйя учрежденія, передъ его глазами рухнуло подгнившее зданіе. „Пюттеръ“, говоритъ Кальтенборнъ, „едва ли сознаетъ существенную разницу между частнымъ и государственнымъ правомъ и, вслѣдствіе этого, необходимость вополнѣ своеобразно воздѣлать и излагать послѣднее. Въ обсужденіи государственныхъ вопросовъ онъ лишенъ всякаго политическаго пониманія; онъ приступаетъ къ дѣлу съ знаніями и тенденціями адвоката и вслѣдствіе этого не рѣдко запутывается въ мелочи, въ подробности, даже въ каверзы формальнаго права, не постигая настоящей натуры и всего великаго нравственнаго строя государственныхъ условій, при обсужденіи которыхъ все дѣло должно состоять скорѣе въ охраненіи національной мысли, идеѣ государства, а не въ спорѣ о формальномъ правѣ. Ему даже не представлялась связь между народомъ и государствомъ, между народнымъ правомъ, духомъ и государственнымъ уставомъ. Съ послѣднимъ онъ обращался какъ съ обыкновеннымъ договорнымъ и общественнымъ правомъ“. Не смотря, однако, на промахи и недостатки, которые присущи теоріи и идеямъ этого мужа, о которыхъ въ виду характера той эпохи и общественной жизни, состоянія тогдашняго философскаго, юридическаго и историческаго изслѣдованія надо судить снисходительнѣе, Пюттеръ все-таки основательнымъ знаніемъ нѣмецкаго общественнаго права оказалъ значительныя услуги, и имя его въ наукѣ всегда займетъ почетное мѣсто. Изъ его сочиненій прежде всего слѣдуетъ назвать руководства: „Учебникъ нѣмецкаго государственнаго права“, „Историческое развитіе конституціи нѣмецкой имперіи“, „Литература нѣмецкаго государственнаго права“, „Система частнаго княжескаго права“, все это отчетливыя и остроумныя, съ тѣмъ и ясныя, даже въ настоящее время весьма полезныя произведенія; потомъ его „Статьи“ и „Объясненія и примѣры“ по поводу государствен-

наго и княжескаго права, разными монографіи объ отдѣльныхъ юридическихъ случаяхъ и отношеніяхъ, также его „Духъ Вестфальскаго мира“; наконецъ, собраніе его практическихъ юридическихъ трудовъ („Избранныя юридическіе случаи“).

Конецъ имперской публицестии.

Распѣтъ научной имперской публицестии совпалъ съ изнеможеніемъ и предсмертною борьбою самой имперской конституціи. Могучіе перевороты Наполеоновои эпохи совершенно преобразили общественное право въ Германіи; имперское, государственное и терригоріальное право утратило болъшею частью всякое практическое значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ самъ собою уменьшился научный интересъ къ этому безотрадному предмету. Имперская публицестика, проявившая во вторую половину восемнадцатаго вѣка изумительную плодovitость, какъ еще ни одна отрасль правовѣдѣнія, стала изсякать по мѣрѣ того, какъ изъ-подъ нее ускользала практическая почва и великія событія французской революціонной эпохи низвергли старыя политическія воззрѣнія и условія. Научныя изложенія существовавшего нѣмецкаго государственнаго права, какія предпринимались въ то тревожное время на поворотѣ столѣтія, учебники Карла Фридриха Геберлина, сына придворнаго историка Франца Доминика Геберлина, Лейста, Гённера и Шмальца, лишились всякаго значенія вслѣдствіе кратковременнаго переходнаго состоянія, общественное право котораго они хотѣли возстановить. Наиболѣе замѣчательные представители этой публицестической переходной литературы, *Карль Саломонъ Захаріе* (изъ Лингентала) и *Іоаннъ Людвигъ Клюбержъ* по ихъ научному значенію и по важнѣйшимъ литературнымъ трудамъ относятся къ позднѣйшему періоду, къ эпохѣ нѣмецкаго союза, гдѣ мы впоследствии и встрѣтимся съ ними.

Гёттингель средоточіе политическихъ наукъ.

Но не одно только имперское право ревностно разрабатывалось въ ту эпоху: мы въ этомъ же отдѣлѣ увидимъ, что великіе ученые восемнадцатаго столѣтія заложили для нашего времени основу во всѣхъ отрасляхъ политическихъ и историческихъ наукъ. Гёттингельскій университетъ, какъ было уже упомянуто, служилъ средоточіемъ послѣднихъ. Изъ кружка ученыхъ этого города назовемъ здѣсь еще двухъ мужей, содѣйствовавшихъ основательному развитію отдѣльныхъ отраслей политическихъ наукъ. *Готфридъ Ахенвалль* изъ Эльбинга, основатель статистики, науки, которая съ тѣхъ поръ возбуждала сильное вниманіе: изсѣдую вѣщныя факты и проясляющія народной жизни, она сдѣлала весьма важныя указанія благонамѣренной цѣлесообразной администраціи касательно народнаго благосостоянія.

Статистика. Ахенвалль. 1719—1772.

Ахенвалль, сверхъ того, авторъ весьма значительныхъ руководствъ объ естественномъ правѣ и о политикѣ („Политика по ея первоначальнымъ принципамъ“) и очерка „Исторіи важнѣйшихъ европейскихъ государствъ“. Другимъ младшимъ членомъ Гёттингельской политической школы былъ: *Георгъ Фридрихъ Мартенсъ* изъ Гамбурга, съ 1784 до 1808 профессоръ при томъ же университетѣ, потомъ въ разныхъ государственныхъ должностяхъ и, наконецъ, посланникъ Союза. Его произведенія относятся главнѣйше къ области положительнаго народнаго права и въ настоящее время даже достойны вниманія. Старшій Мозеръ, какъ извѣстно, и тутъ также проложилъ уже дорогу, собралъ обильный матеріалъ и привелъ его въ нѣкоторый порядокъ: но настоящая научная разработка матеріала, постановка руководящихъ законныхъ принциповъ по интернаціональнымъ договорамъ и привычкамъ, постройка систематическаго учебнаго зданія положительнаго народнаго права—все это было предоставлено Мартенсу. Его заслуга состоитъ главнѣйше въ томъ, что онъ изъ массы фактовъ вывелъ всеобщіе принципы и отдѣльныя правила; онъ съ прозрачною ясностью и искусствомъ правовѣда сумѣлъ сформулировать свои предложенія и установить систему, „преимущество которой состоитъ въ томъ, что она условія на-

Народное право. Мартенсъ. 1756—1821.

роднаго права и вытекающіе изъ нихъ уставы признаетъ чѣмъ-то своеобразнымъ и отвѣчалъ этой своеобразности раздѣляетъ и размѣщаетъ ихъ“. Его руководство европейскаго народнаго права до сихъ поръ занимаетъ важное мѣсто въ наукѣ. Сверхъ того, онъ занялся собираніемъ и обнародованіемъ матеріала по народному праву. Его знаменитое собраніе государственныхъ договоровъ (*Recueil des traités*) составляетъ послѣ великаго документальнаго творенія француза Дюмона единственное произведеніе международнаго права и незамѣнимо до сихъ поръ. Его очерки о международныхъ законахъ и политическихъ отношеніяхъ европейскихъ державъ, его рассказы о замѣчательныхъ случаяхъ повѣйшаго европейскаго народнаго права, его труды о коммерческомъ и вексельномъ уставѣ, объ англійскомъ и скандинавскомъ государственномъ правѣ были въ свое время весьма полезными и основательными произведеніями.

Ученые знатоки и сочинители имперскаго права мало содѣйствовали подъему и образованію нѣмецкаго народа, съ тѣмъ чтобы исполнить его высшими національными и патриотическими идеями, отдѣлить въ существующихъ юридическихъ и социальныхъ условіяхъ унаслѣдованное добро отъ всего несвоевременнаго и нуждающагося въ реформѣ. Но обокъ съ нимъ цѣлый рядъ весьма заслуженныхъ публицистовъ задачей своею признали не столько научное изученіе и систематическую разработку матеріала, а скорѣе политическое воспитаніе націи, образованіе общественнаго мнѣнія, борьбу противъ учреждений и воззрѣній, которыя казались имъ негодными и отжившими. Мы ознакомимся уже съ литературною дѣятельностью младшаго Мозера въ этомъ скорѣе публицистическомъ, нежели научномъ направленіи. Въ такихъ же побужденіяхъ, хотя во многихъ отношеніяхъ и въ другомъ духѣ, обокъ съ нимъ подвизались преимущественно Мёзеръ, Шлёдеръ, а впоследствии Іоаннъ Мюллеръ, Генцъ, Форстеръ, которые отчасти признаются также яркими свѣтилами нѣмецкой исторіографіи.

Политическое направление.

Родившійся въ 1720 году въ Оснабрюкѣ, *Юстусъ Мёзеръ* всю жизнь провелъ въ разныхъ юридическихъ должностяхъ въ томъ же соборномъ капитулѣ. Это былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ типовъ „добраго стараго времени“, вымершихъ съ французскою революціей. Онъ, говоритъ Влунчли: „благодарнѣйшій представитель историко-реалистической политикѣ той эпохи. Рѣшительно возставаъ противъ радикальныхъ умозрѣній Руссо, онъ посвятилъ свое вниманіе и свою любовь отечественной исторіи. Консерваторъ до мозга костей, сторонникъ кореннаго народнаго обычая и унаслѣдованныхъ правъ, онъ отнюдь не отстаиваетъ всякія исконныя злоупотребленія и предрасудки, но, выясняя и возстановляя духъ древнихъ учреждений, цѣлается лишь по возможности спасти ихъ отъ все сокрушающаго рвенія современныхъ ему просвѣтителей; относясь подозрительно къ нововведеніямъ міропреобразователей, онъ самъ, однако, изобилуеалъ полезными преобразовательными замыслами“. Идеаломъ его былъ народъ изъ свободныхъ крестьянъ, которые уволены отъ барщины и господской службы, владѣютъ землею и соблюдаютъ стародавній отцовскій обычай; крестьянское сословіе по немъ составляетъ средоточіе всего гражданскаго общества, свѣдѣій источникъ государственнаго благоденствія. А потому онъ предпочитаетъ время первобытной германской свободы, въ томъ видѣ какъ она царилъ до Карла Великаго. Въ средневѣковьи онъ видитъ уже упадокъ, торжество рабства надъ свободнымъ обладаніемъ, распадены тѣхъ основъ, на которыхъ созидалось благо нѣмецкой націи. Съ этой поры, говоритъ онъ, у насъ едва ли сохранилось понятіе объ обычной чести, т. е. о законномъ состояніи коренныхъ свободныхъ владѣльцевъ, хотя оно составляло и должно бы вѣчно составлять духъ нѣмецкихъ учреждений. Эти идеальныя условія германской старины изслѣдуетъ онъ въ своемъ „Введеніи къ Осна-

Юстусъ Мёзеръ. 1720—1794.

брюкской истории, в произведении исполненомъ проникательныхъ наблюдений и патристическихъ чувствъ, любвеобильнаго сочувствія къ политическимъ и социальнымъ, государственнымъ и юридическимъ условиямъ нидерландскихъ племенъ до введения христіанства. На этихъ добросовѣстныхъ изслѣдованіяхъ Мёзера, на его залушевныхъ очеркахъ, которые иногда бывають ошибочны или разукрашены и идеализованы, въ сущности же вообще правдивы, основано собственно знаніе и изученіе нѣмецкой старины, политическаго и юридическаго быта, общественныхъ и домашнихъ условій въ дохристіанскій періодъ. Мёзеръ, однако, не удовольствовался своею Оснабрюкскою исторіею; онъ пытался даже въ иначе сложившейся современности по возможности сохранить или возстановить основы общественной жизни и политическаго общества, которыя считалъ здоровыми; вслѣдствіе этого вступилъ въ ожесточенную борьбу съ духомъ времени, съ нивелирующимъ абсолютизмомъ и съ новѣйшими филантропическими или фанатическими идеями періода просвѣщенія и гуманности, противъ которыхъ онъ строго и сурово отстаиваетъ историческое право. Онъ изложилъ политическіе принципы свои въ большомъ рядѣ отдѣльныхъ разсыпанныхъ и безсвязныхъ статьяхъ, которыя впоследствии вышли подъ общимъ заглавіемъ: „Патріотическія фантазіи“. Мёзеръ лучше всего скорбитъ объ угнетеніи крестьянскаго сословія, состоявшемъ въ рѣзкомъ противорѣчьи съ его идеаломъ. Улучшить положеніе крестьянскаго сословія, защитить его отъ всякаго рода злоупотребленій, сохранить въ немъ старый обычай и первобытную народную мощь, — вотъ та цѣль, къ которой неуклонно стремилась его литературная дѣятельность. Онъ, конечно, крайне осторожно и робко касается вопроса о крѣпостничествѣ и барщинѣ; при всемъ его пристрастіи къ древнегерманской свободѣ онъ все-таки уважалъ существующія и исторически разившіяся условія; эта консервативная черта его ума была слишкомъ сильна, такъ что онъ не могъ помимо нѣкоторыхъ реформъ воодушевиться въ пользу насильственныхъ социальныхъ переворотовъ и вывести изъ своихъ принциповъ крайнія послѣдствія. Уваженіе ко всему унаслѣдованному не рѣдко побуждаетъ его отстаивать даже явно несостоятельныя и негодныя учрежденія. Онъ ставитъ историческое право выше естественнаго, а на государство и общественныя уставы онъ ошибочно смотритъ съ точки зрѣнія частной юридической собственности. „Ему и хотѣлось бы иногда приступить къ преобразованіямъ, но власть существующаго словно желѣзною цѣпью связала ноги робкаго реформатора и тормозила каждый шагъ его“. Въ противность современнымъ идеямъ равенства и братства онъ поддерживалъ также различіе сословій; сѣтовалъ на возникшее въ этихъ условіяхъ разстройство, и помпшлялъ о средствахъ, преобразовать сословные порядки и назначить имъ достойное и цѣлесообразное положеніе въ современномъ политическомъ обществѣ. Извѣстны его предложенія касательно реформы нѣмецкаго дворянства, которому онъ представилъ англійскую аристократію какъ образецъ. Основы своей политической системы, которыя рѣшительно консервативнаго свойства и отвѣчаютъ историческому праву, онъ старается охранить отъ разрушительнаго духа современнаго ему просвѣщенія, также отъ нивелирующаго свойства бюрократическаго управленія. Его національное, но естественному сословному уставу расчлененное государство должно поддерживать добрыя старыя нравы. Мёзеръ ратуетъ противъ деспотизма и полицейскаго правительства, точно такъ же какъ и противъ радикальнаго искорененія всего традиціоннаго. Онъ не шутя предлагаетъ вопросъ: Не слѣдуетъ ли каждому городу дать особое политическое учрежденіе? Онъ горячо вступаетъ за самоуправленіе, и общинную свободу, за судъ присяжныхъ и земское войско. Вездѣ возвращается онъ къ простотѣ и естественности, ко всему

здоровому и національному, какъ въ общественной жизни, такъ и въ своихъ воззрѣніяхъ на литературу; между прочимъ въ своемъ юмористическомъ произведеніи „Арлекинъ или защита причудливо-комичнаго“ онъ защищалъ противъ Готшеда и подражателей иноземнаго все естественное и національное на сценѣ. Философское просвѣщеніе эпохи не соблазнило его также признать за религіей низкое значеніе въ государствѣ. Въ его знаменитомъ „Посланіи савойскому викарію съ передачею господину Руссо“, онъ отстаиваетъ необходимость положительной религіи и церковнаго культа для народа, конечно лишь по политическимъ и цѣлесообразнымъ причинамъ, такъ какъ догматическая сторона ему совершенно чужда. Онъ однако ратуетъ за самую широкую терпимость, за свободу совѣсти. Желая возстановить здоровую, докую національность, онъ подвергаетъ своему изслѣдованію также воспитаніе и учебную систему, но и тутъ тоже въ противность фантастическимъ реформамъ и доктринерскимъ методамъ сохраняетъ свой практическій реалистическій взглядъ. Рѣзкая критика Мёзера поражаетъ не одни только условія общественной жизни; онъ въ своихъ статьяхъ въ залушевномъ и остроумномъ, въ напвномъ и юмористическомъ, зачастую также въ колкомъ сатирическомъ тонѣ говоритъ о нравственныхъ и общественныхъ условіяхъ частнаго быта, о модныхъ нецѣлостяхъ, о глумомъ подражаніи иноземнымъ правамъ, о господствовавшей сентиментальности и изнеженности, обо всѣхъ возможныхъ хорошихъ и ошибочныхъ культурныхъ проявленіяхъ и характерныхъ чертахъ. Сохранить и развить простыя здоровыя нравы, докую національную натуру, честныя помыслы въ отчизнѣ, возбудить патріотическія чувства, національную гордость и любовь къ родинѣ противъ расплывчиваго космополитизма, — вотъ неизмѣнныя стремленія честнаго стараго Мёзера, который черезъ-чуръ скоро исчезъ изъ живой памяти націи. Трагическая участь постигла этого цѣлко лннувшего къ доброй старинѣ ученаго: ему суждено было дожить до мощныхъ переворотовъ французской революціи и до разрушенія всѣхъ его идеаловъ.

2. исторіографія и публицистика.

Помимо дѣятельности публициста Мёзеръ, какъ мы видѣли, существенно Нѣмецкая пе-споспѣшествовалъ историческому изслѣдованію и нѣмецкой лѣтописи. Да торіографія. и пора было вселить новую жизнь въ эти залущенные знанія. По возникновеніи реформаторской и гуманистической эпохи ни одна наука въ Германіи не подверглась такому застою и заблужденію какъ исторіографія. Она считалась просто прислужницею другихъ знаній, въ особенности теологіи и юриспруденціи, и большею частью извращалась въ тощее изложеніе сухихъ фактовъ, лишенное метода и критики, ума и мыслей. Нелѣпыя басни, пустыя гипотезы, а въ лучшемъ еще видѣ мелочное доктринерство и антикварскія забавы — вотъ что искажало всякую попытку историческаго изслѣдованія; исторіей занимались по стародавнему традиціонному образцу, съ исконными заблужденіями и негодными методами, безъ всякаго размаха, безъ жизни и высшей цѣли; въ изложеніи всеобщей исторіи напр. до семнадцатаго столѣтія все еще господствовала система Меланхтона и Каріуса о четырехъ всемирныхъ монархіяхъ. Обширные сборники, въ которыхъ накоплялась современная лѣтопись, громадныя фоліанты, такъ наз. *Theatrum Europaeum* или правдивое изложеніе событій, совершавшихся отъ 1618 до 1718, основанное Страсбургцемъ І. Фил. Абѣлномъ, и тому подобныя скорѣе журнальныя нежели исторіографическія предпріятія, — все это лишено вкуса и порядка, критики и достовѣрности. Правда, эпоха ве-

ликихъ религіозныхъ войнъ сильно возбуждала духъ партій и литературныя страсти, породила много летучихъ листковъ и газетъ, полемическихъ и политическихъ трактатовъ; однако, этому матеріалу тревожной эфемерной литературы отнюдь нельзя придать научно-художественнаго значенія. Въ два послѣдовавшія за реформаціей столѣтія въ Германіи у одного только извѣстнаго намъ *Цуфендорфа* (XII, 523) было болѣе возвышенное пониманіе исторіографіи, что доказалъ онъ своими шведскими и бранденбургскими историческими произведеніями, въ особенности своимъ описаніемъ подвиговъ великаго курфирста. Онъ исторіографіи внушилъ политической и патриотическій духъ, строгую любовь къ правдѣ и болѣе свободное направленіе; но побужденія его не были плодотворны. Историческіе труды великаго *Лейбница* (XII, 521) оказали, правда, услугу открытіемъ подлинныхъ историческихъ источниковъ и критическимъ методомъ, однако вліяніе ихъ было не такъ устойчиво и не такъ рѣшительно какъ его произведенія въ другихъ научныхъ областяхъ. Лишь во вторую половину восемнадцатаго столѣтія нѣмецкая исторіографія прониклась новою жизнью и новымъ духомъ.

Вліяніе философіи и поэзіи. Развитие философіи въ восемнадцатомъ столѣтіи, возбужденное въ особенности Кантомъ, послужило также въ пользу исторіографіи: въ эту науку тоже проникли руководящія идеи, болѣе свободный духъ и глубокое содержаніе, возвышенныя и широкія воззрѣнія на событія въ народной жизни, притомъ болѣе строгая критика изслѣдованія и эстетическая форма изложенія. Вліяніе Болинброка и Вольтера отразилось на нѣмецкой исторіографіи и способствовало болѣе свободному постиженію, разумному воззрѣнію и художественной формѣ. Мы ознакомились уже съ смѣлыми, поэтическими, глубокомысленными идеями, съ какими Гердеръ проникъ въ философію исторіи человѣчества. Въ историческихъ произведеніяхъ *Исаака Изелина* изъ Базеля („Исторія человѣчества“, „Эфемериды человѣчества“), „въ народы и эпохи являлись лишь невольными средствами и орудіями сознательной цѣли природы, несамостоятельными переходными ступенями предначертаннаго провидѣніемъ воспитательнаго плана, достигъ крайнюю цѣль котораго предоставляется крайней эпохѣ поднаго расцвѣта добродѣтели и блаженства“. Гердеръ, напротивъ того, впервые вновь указалъ на сущность историческаго развитія. Противъ философско-поэтическаго постиженія и изложенія исторіи у Гердера и Шиллера, которое зачастую черезъ-чуръ заносилось въ облака идеальна-художественнаго воззрѣнія, скоро возникло противодѣйствіе со стороны историковъ реально-эмпирической прагматикки; однако новая исторіографія въ отношеніи формы и содержанія извлекла много пользы изъ свободнаго широкаго кругозора, изъ возвышеннаго идеальнаго воззрѣнія, изъ эстетическаго образованія названныхъ поэтовъ-философовъ.

Московъ. Предтечами новой критической и методической, болѣе свободной и разумной исторіографіи въ Германіи слѣдуетъ признать *Иоанна Якова Москово*,

профессора въ Лейпцигѣ и Графа *Генриха Бюнау*. Они освободили нѣмецкую имперскую исторію, которая дотолѣ излагалась лишь въ видѣ сборника примѣровъ для выводовъ государственнаго права, отъ цеховой зависимости публицистовъ, указали ей самостоятельное положеніе въ системѣ наукъ и сочетали основательное изслѣдованіе, дѣльные знанія съ изящнымъ изложеніемъ и разумнымъ распредѣленіемъ. Еще болѣе значительныя услуги

Гаттереръ. по части развитія новѣйшей исторіографіи оказалъ *Иоаннъ Христофъ Гаттереръ*. Родившись 1727 въ Нюрнбергскомъ округѣ, онъ, благодаря чрезвычайному трудолюбію, выбрался изъ бѣдственныхъ условій и съ 1759 до своей смерти въ теченіе сорока лѣтъ былъ профессоромъ въ Геттингенѣ, гдѣ занялъ кафедру послѣ заслуженнаго исторіографа *И. Д. Кёллера*. Гат-

тереръ и Шлѣцеръ — настоящіе реформаторы нѣмецкой исторіографіи, основатели ея какъ самостоятельной науки, творцы критическаго изслѣдованія, систематическаго плана, разумнаго понятія, цѣлесообразнаго метода и изложенія. Оба изслѣдователя оказали въ особенности важныя услуги всеобщей исторіи, которую изложили въ разныхъ руководствахъ: въ этой области прежде нихъ съ успѣхомъ дѣйствовали уже Христофъ Целмарій (+ 1707). Въ ихъ произведеніяхъ громадныя матеріалы впервые распредѣляются ясно и кратко, систематично и разумно; вмѣсто четырехъ всемирныхъ монархій повлается теперь раздѣленіе на древнюю, среднюю и новую исторію; въ запутанныхъ подробностяхъ устанавливаются общіе принципы и точки зрѣнія; выясняется связь, внутреннее развитіе, прагматизмъ, существенное значеніе историческихъ фактовъ; отмѣчаются не только политическія и церковныя событія, но также успѣхи умственной и матеріальной культуры. Трудолюбивый изслѣдователь Гаттереръ оказалъ также существенныя услуги развитію такъ называемыхъ вспомогательныхъ наукъ исторіи, дипломатикѣ (ученію о документахъ), географіи, статистикѣ, генеалогіи, хронологіи, пумизматикѣ, геральдикѣ, — все дотолѣ сильно пренебрегаемыя знанія, для которыхъ онъ написалъ полезныя, основательныя руководства.

Въ области политико-преобразовательной публицистики, а также въ научной исторіографіи, болѣе всего прославился *Августъ Людвигъ Шлѣцеръ*. Родившись въ 1735 году сыномъ бѣднаго сельскаго пастора въ Гогенлоэ-Кирхбергской области, онъ въ Виттенбергскомъ и Геттингенскомъ университетахъ изучалъ теологическія, философскія, историческія и юридическія науки; потомъ пустившись путешествовать по бѣлу свѣту, былъ воспитателемъ въ Швеции, занимался въ Петербургѣ разными литературными дѣлами и преподаваніемъ; однако, большую часть зрѣлаго возраста онъ провелъ также въ дѣятельномъ Геттингенскомъ университетѣ. Хотя въ Шлѣцерѣ и отзывался отчасти дилетантъ и полгисторъ, однако какъ ученый онъ обладалъ самыми многосторонними и основательными знаніями; не только, какъ историкъ и публицистъ, но также какъ практическій политикъ оказалъ онъ чрезвычайно плодотворныя дѣйствія. Въ послѣднемъ отношеніи слѣдуетъ прежде всего упомянуть о его заслугахъ по части научнаго развитія статистики („Теорія статистики“); изъ мертваго накопленія разрозненныхъ чиселъ и фактовъ онъ сумѣлъ вывести общія истинныя, поучать народъ, бичевать дурныя административныя принципы, воспользоваться приобрѣтеннымъ матеріаломъ для народной жизни, для политическихъ реформъ. Его публицистическая дѣятельность имѣла въ виду не столько чисто-научную цѣль, а скорѣе побужденіе раскрывать современныя условія въ государственной жизни и по мѣрѣ силъ улучшить ихъ. Великая заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ въ опустившейся нѣмецкой націи вновь пробудилъ участіе къ политическимъ дѣламъ и либеральнымъ государственнымъ идеямъ, отстаивалъ здравый смыслъ, благоденствіе народа и законъ противъ феодальныхъ условій средневѣковья, противъ нарушенія правъ, тираніи и иезуитскаго фанатизма. Онъ изложилъ свои политическіе принципы не въ ученыхъ систематическихъ твореніяхъ, а въ безсвязныхъ журнальныхъ статьяхъ, исполненныхъ оригинальныхъ выраженій, сравненій, картинъ, основательнаго знанія, мѣткихъ примодушныхъ приговоровъ. Его политическія повременныя изданія: „Переписка“ и „Правительственный Вѣстникъ“ во время, непосредственно предшествовавшее французской революціи, оказали весьма глубокое вліяніе на общественное мнѣніе въ Германіи; напугавшая государей и правительства ихъ критика политическихъ условій проложила путь не одной реформѣ. Онъ создалъ литературное судилище, „приговоры котораго заставляли блѣднѣть всѣхъ

Шлѣцеръ.
1735—1809.
Публицистика.

обскурантовъ въ Германіи, всѣхъ мелкихъ тирановъ, ихъ чиновниковъ и прислужниковъ“. Онъ безпощадно предавалъ гласности распутство, злоупотребленія и несправедливости мелкихъ деспотовъ, прогнанныхъ условіи въ духовныхъ княжествахъ, въ городскихъ республикахъ и въ цѣлой дюжины державъ. Впрочемъ, въ его политическихъ воззрѣніяхъ встрѣчаются противорѣчія и шаткости. Онъ, конечно, возмущался душою, когда нарушалось право, но при всемъ томъ высоко чтить твердый государственный строй, сильную администрацію, юстицію и полицію, такъ что восхвалялъ даже самыя абсолютныя монархіи, лишь бы усматривалъ въ нихъ твердое правленіе и судопроизводство, подъемъ матеріальнаго благодѣянія. Не даромъ его же родина, мелкая область Гогенлоэ среди сонма политически отжившихъ республиканскихъ, духовныхъ, дворянскихъ державъ, представляла въ отношеніи къ нимъ такой яркій контрастъ. Впрочемъ, и Шлѣцеръ тоже не далеко ушелъ отъ просвѣщеннаго деспотизма восемнадцатаго вѣка.—Вліяніе его статей было глубокое и устойчивое. Изъ его школы вышли много лучшихъ патріотовъ войны за независимость. Замѣчательны между прочимъ его рѣзки статьи противъ цюрихской городской олигархіи, когда она совершила гнусное юридическое убійство, предавъ казни пастора Вазера, который въ качествѣ корреспондента Шлѣцера бичевалъ цюрихскія неурядицы и тѣмъ будто провинился въ возбужденіи народа къ возстанію; потомъ также его письма въ Эйхштегъ, гдѣ вслѣдствіе неслыханно жестокаго судопроизводства доведенъ былъ до самоубійства престарѣлый пасторъ, который разоблачилъ распутство въ тамошнихъ духовныхъ кружкахъ. Къ ганноверскому правительству то и дѣло поступали жалобы на Шлѣцера, но все было большею частью тщетно. Въ Ганноверѣ также отразился господствовавшій въ Англии свободный духъ; университетъ въ Гёттингенѣ пользовался небывалою въ Германіи свободою цензуры. Притомъ Шлѣцеръ очень осторожно касался англо-ганноверскаго правительства, онъ напр. заявилъ себя рѣшительно противъ отторженія Американцевъ. Периодическія изданія Шлѣцера помимо публицистическихъ и полемическихъ статей, содержали въ себѣ обильный статистическій матеріалъ о населеніи, земледѣліи, промышленности, торговлѣ, школахъ въ различныхъ странахъ, официальные документы, путешествія и т. п.; у него было много сотрудниковъ и нерѣдко даже изъ высокопоставленныхъ особъ. Замѣчательною попыткою его, возбудить участіе образованныхъ людей къ политической жизни, оказались также „Газетныя коллегии“, въ которыхъ онъ, пользуясь газетами, говорилъ о злобахъ дня. Слава его пронеслась по всей Европѣ, и предпринятое имъ осенью 1781 путешествіе преобразилось для него въ настоящую триумфальную поѣздку: высокопоставленные лица, соревнуя другъ передъ другомъ, оказывали ему почетъ и уваженіе. Вліяніе его упало лишь впоследствии, когда онъ, бывъ сначала явнымъ поборникомъ революціи, даже разгрома Ватиліи и объявленія человѣческихъ правъ, измѣнилъ свои помыслы и свое мнѣніе. Онъ и безъ того не рѣдко отталкивалъ образованныхъ людей своимъ невольнымъ и безвкуснымъ изложеніемъ, грубостью слога, неясностью и противорѣчіемъ принциповъ; а рьяная вспыльчивость то и дѣло запутывала его въ литературныя распри и личную вражду.

Периодическія изданія Шлѣцера были первою удачною попыткою свободной политической печати въ Германіи въ такое время, когда общественныя дѣла обсуждались еще съ крайнею сдержанностью. Издаваемый знаменитымъ географомъ А. Фр. Бюшингомъ „Магазинъ“, какъ въ сущности ученое изданіе, нельзя причислить къ настоящей политической прессѣ. Благодаря, однако, проложенному разъ навсегда пути, периодическія изданія историко-политическаго содержанія съ критическою и реформаторскою тен-

Политическая
печать въ Гер-
маніи.

денцей, по англійскому и французскому образцамъ, стали размножаться также въ Германіи, значеніе и вліяніе ихъ все болѣе усиливались. Изъ этой публицистической литературы назовемъ еще „Журналь о Германіи и для нея“, основанный поэтомъ и либеральнымъ патріотомъ Гекимомъ и перешедшій затѣмъ къ славному канонику и президенту Биберъ въ Фульдѣ; изданіе достойное стать на ряду съ „Правительственнымъ Вѣстникомъ“ Шлѣцера и „Патріотическимъ архивомъ“ Мозера. Реакція, которая въ виду революціонныхъ событій во Франціи вскорѣ затѣмъ овладѣла правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ, повредила также развитію этой юной отрасли литературы. Политическія повременныя изданія, осыпая обширную область государственной, юридической, экономической культурной жизни, сообщая интересныя документы, правительственные указы, судебныя приговоры и т. п., излагаая критически современныя событія, избѣгая злоупотребленія, предлагая реформы, въ послѣднія десятилѣтія восемнадцатаго вѣка оказали сильное вліяніе на общественное мнѣніе; тѣмъ еще болѣе, что собственно политическая газетная и повседневно-пресса, которая въ нашей современной жизни играетъ такую сильную роль, находилась тогда въ самыхъ скудныхъ начаткахъ, довольствуясь лишь ничтожными замѣтками объ иностранныхъ правительственныхъ и военныхъ дѣлахъ, официальными извѣстіями, рабочими сообщениями придворнаго дневника и мелкими мѣстными событіями; по объему, содержанию и значенію она въ рѣдкихъ лишь случаяхъ возносила надъ точкою зрѣнія самаго скромнаго еженедѣльнаго листка.

Въ качествѣ исторіографа Шлѣцеръ придерживается матеріально-реалистической точки зрѣнія и пылко ратуетъ противъ философскаго и поэти- Шлѣцеръ какъ
исторіографъ.
ческаго направленія, какое пытались внушить нѣмецкой исторіографіи Гердеревы идеи о философіи исторіи человѣчества. Трезвый практический историкъ, въ глазахъ котораго все матеріальное было выше духовнаго, количественное величіе выше нравственнаго, который скорѣе восторгался физическою мощью великихъ деспотическихъ державъ, нежели моральною высотой и гуманнымъ образованіемъ древне-классическаго міра, не могъ понять поэтическаго полета, свободнаго философскаго величія Гердера. Послѣдній, какъ выражается Шлоссеръ, созерцалъ исторію съ облаковъ, а первый съ вершины голой горы; оба они были односторонни и черезъ-чуръ пристрастны къ своему кругозору. Лишь сочетаніе обоихъ направленій, философскаго воззрѣнія и основательнаго разбора матеріальныхъ фактовъ могло способствовать истинному историческому изслѣдованію. Изъ историческихъ трудовъ Шлѣцера болѣе всего извѣстны: его краткая Всеобщая исторія, книжечка, „въ которой остроумныя мысли и замысловатые намеки смѣняются рѣзкими и сильными приговорами“, потомъ и въ настоящее еще время драгоцѣнное мастерское произведеніе: „Всеобщая исторія Сѣвера“, также его изданіе, поясненіе и переводъ русскаго лѣтописца Нестора, его исторія російскаго государства, и цѣлый рядъ сочиненій по шведской, польской, русскай, трансильванской, сѣверо-африканской исторіи. Онъ собственно положилъ основаніе изслѣдованію славянскаго лѣтописи, причѣмъ ему пригодились обширныя его знанія языковъ; онъ вообще съ пристрастіемъ созидалъ отдаленныя и запущенныя историческія области, какъ напр., турецкую исторію. Недлищемѣрная любовь къ правдѣ, доходящая до самаго ядра предмета, трезвый практический взглядъ, стремленіе сдѣлать исторію плодотворною для жизни и современной политики,—вотъ основная черта его историческихъ трудовъ.

Людвигъ Тимовой Шиттлеръ обильнѣе Шлѣцера идеями и искусѣе въ отво- Шиттлеръ
шеніи слога и изложенія. Родившійся въ 1752 году въ Штутгартѣ, изучивъ 1752—1810.
сначала теологію, онъ былъ потомъ профессоромъ философіи и исторіи въ
т. хпв. 40

Гёттингенѣ, гдѣ съ 1780 до 1795 года принадлежалъ къ наиболѣе блестящимъ свѣтлѣамъ университета. Впослѣдствіи онъ былъ тайнымъ совѣтникомъ, жилъ въ своемъ родномъ городѣ, а съ 1806 барономъ и первымъ государственнымъ министромъ въ Вюртембергѣ. Приводя въ порядокъ накопившіяся матеріалы сухихъ чиселъ и фактовъ, Шпитлеръ извлекъ изъ нихъ духъ и сущность исторіи, вывелъ ее изъ тьмы запыленныхъ документовъ и фолиантовъ на свѣтъ Божій, обратилъ вниманіе на потребность свободы въ человѣческой натурѣ, на священныя права народовъ и придалъ историческому изложенію ясность, достоинство и благородство рѣчи. Первые труды его относятся къ области церковной исторіи и каноническаго права („Исторія каноническаго права до временъ самозванца Исидора“, „Очеркъ исторіи христіанской церкви“) и отличаются сокрушительною крикою папскаго церковнаго права и іерархическаго преданія; онъ съ чрезвычайнымъ прямотушемъ представилъ постепенное возникновеніе церковныхъ догматовъ и учрежденій, нанесъ тяжкіе удары папству, духовенству и разнымъ подлогамъ, на которыхъ созидалось ученіе средневѣковаго церковнаго права. Затѣмъ онъ обратился къ политической исторіографіи, которую обработалъ съ такимъ же прямотушемъ, съ тою же основательностью критики и изслѣдованья. Его „Очеркъ исторіи европейскихъ государствъ“ вездѣ указываетъ на потребность свободныхъ конституціонныхъ учреждений и на право народовъ противъ державныхъ и аристократическихъ попятновеній; онъ постоянно слѣдитъ за поступательнымъ и попятнымъ стремленьемъ къ политической свободѣ и, ссылаясь на уроки прошлаго, указываетъ, какія права слѣдуетъ отстаивать гражданамъ противъ державцевъ и привилегированныхъ классовъ. Въ томъ же духѣ написаны его частныя исторіи: Вюртемберга и Ганновера. Эти произведенія впервые преобразили сухую хроніку въ очерки совокупной культуры и народной жизни. Какъ разумный, практическій человѣкъ онъ, конечно, останавливается всегда на исторіи своего времени и не слишкомъ преается вѣянію новаго свободаго духа, когда послѣдній предсталъ въ необузданномъ революціонномъ видѣ; при всемъ вольнодумствѣ онъ опасался „вторженія бурь и порывовъ въ тихое царство исторіи“; благодаря этой осторожности, онъ и могъ состоять министромъ при деспотическомъ вюртембергскомъ дворѣ. Издавая вмѣстѣ съ своимъ поверхностнымъ, много писавшимъ товарищемъ, *Христофомъ Мейнерсомъ*, Гёттингенскій историческій магазинъ, Шпитлеръ помѣстилъ тамъ отличныя статьи для выясненія затруднительныхъ и важныхъ случаевъ въ исторіи разныхъ государствъ. Обладая здравымъ прямотушнымъ сужденіемъ, основательнымъ знаніемъ предмета, житейскимъ опытомъ и политической прозорливостью, излагая все изящно и обстоятельно, усвоивъ себѣ необходимое для хорошаго историка всеобъемлющее образованіе, Шпитлеръ въ новѣйшей нѣмецкой исторіографіи занимаетъ весьма значительное мѣсто. Его знаменитый „Очеркъ исторіи европейскихъ государствъ“ въ томъ же духѣ умѣренного прогресса, но съ меньшимъ искусствомъ продолжалъ *Сартoriusъ*, который приобрѣлъ также извѣстность произведеніями: „Исторія нѣмецкой крестьянской войны“ и „Ганзатическій союзъ“. Къ гёттингенскому ученому кружку, который вообще философскому идеализму противопоставлялъ эмпирическій реализмъ, принадлежалъ тоже *І. Готфр. Эйхорнъ* (отецъ знаменитаго юриста); помимо своихъ критико-теологическихъ трудовъ (см. стр. 572) онъ воздѣлывалъ также поле политической и культурной исторіи въ гладкой и изящной формѣ, зачастую однако небрежно и однообразно („Всеобщая исторія культуры и литературы новѣйшей Европы“, „Исторія трехъ послѣднихъ столѣтій“, „Исторія литературы отъ ея начала и до новѣйшихъ временъ“, произведеніе, исполненное объемистой библиографической учености, и др.).

Въ духѣ Шпитлера современную исторію изложилъ *Христ. Конр. Домъ*. Домъ отличался доблестнымъ прямотушемъ, онъ въ послѣдніе годы Фридриха В. занималъ высокую должность въ кабинетѣ Герцберга и въ теченіе многихъ лѣтъ исполнялъ важныя дипломатическія и политическія миссіи. Ознакомившись съ государственными дѣлами такъ же, какъ и съ кнѣгами, Домъ въ исторической литературѣ отличился своими превосходными „Достопримѣчательностями моего времени“ и своимъ произведеніемъ о Союзѣ нѣмецкихъ князей. Событія, которыя онъ самъ переживалъ и въ которыхъ принималъ также значительное участіе, изложены имъ въ простомъ естественномъ видѣ, съ искреннимъ либерализмомъ и патриотизмомъ, съ высокою правдивостью и съ безпристрастіемъ, служа прекраснымъ памятникомъ этого образованнаго прусскаго государственнаго мужа. Домъ былъ также основателемъ „Нѣмецкаго музея“, критическаго журнала, который въ области изящной литературы игралъ такую же роль, какъ „Правительственный вѣстникъ“ Шлѣпера на поприщѣ современной исторіи и политики. Послѣ Дома редакция перешла къ Бойе.

Однимъ изъ блистательнѣйшихъ представителей нѣмецкаго исторіографическаго искусства на порогѣ новѣйшаго времени былъ *Іоаннъ Мюллеръ*, сынъ конфектора и пастора. Онъ родился въ 1752 году въ Шафтаузенѣ, изучалъ въ Гёттингенскомъ университетѣ теологическія и историческія науки. Исполненный идей просвѣщенія, религіознаго свободомыслія, патристическаго воодушевленія, молодой человѣкъ въ 1771 г. вернулся въ свой родной городъ, получилъ тамъ мѣсто учителя и занялся подготовкой къ своему главному произведенію, къ „Исторіи швейцарскаго союза“. Вскорѣ, однако, онъ сталъ порываться вонъ изъ тѣсныхъ предѣловъ и ограниченнаго кругозора своего роднаго городишка; ему хотѣлось ознакомиться съ свѣтомъ и людьми, подвергнуться вліянію великихъ политическихъ условій и возрѣвнѣй, образоваться изъ себя государственнаго человѣка и исторіографа. На такой конецъ онъ принялъ мѣсто воспитателя въ Женевѣ, въ городѣ исполненномъ умственныхъ и политическихъ побужденій. Тутъ-то, въ сношеніи съ государственными людьми, съ учеными и знатыми кружками, Мюллеръ расширилъ свой кругозоръ, восполнилъ свой умъ новыми идеями и въ благородной жадѣ славы задумалъ, подобно Тациту и Фукидиду, показать своему народу въ зеркалѣ его историческій обликъ. Послѣ шестилѣтняго пребыванія Мюллеръ въ 1780 году поѣхалъ въ Женеву и сталъ помогать государственной должности. Попытка его, поступить на службу къ Фридриху В., не удалась; вмѣсто того онъ по приглашенію образованнаго и умнаго гессенскаго министра, Шлиффена, поступилъ въ Кассель преподавателемъ, а въ 1786 году перешелъ въ качествѣ курфиретскаго бібліотекаря въ Майнцъ, гдѣ впервые добился вліятельнаго соучастія въ практическихъ государственныхъ дѣлахъ. Въ то время заключенъ былъ союзъ князей, къ которому присоединился также Майнцъ. По поводу этого событія Мюллеръ написалъ трактатъ, надѣлавшій много шума; исходя отъ всеобщихъ политическихъ принциповъ, онъ изложилъ развитіе имперскаго учрежденія и необходимость европейскаго равновѣсія въ виду угрожавшей всемірной монархіи и опаснаго деспотизма Іосифа II., возбудивъ притомъ вновь исконную швейцарскую ненависть къ австрійскому дому. Боязнь, внушаемая австрійскою всемірною монархіею, которая грозила погубить свободу и разнообразіе европейскихъ государствъ, внушила Мюллеру недовѣріе даже къ церковнымъ нововведеніямъ Іосифа. Въ распрѣ императора съ куріей онъ сталъ на сторону послѣдней; въ своемъ вышеупомянутомъ сочиненіи „Путешествія нашъ“ выразилъ свое полное уваженіе ко всему тому, что католическая церковь успѣла совершить для культуры въ средніе вѣка, и рѣдкостное

Домъ 1751—1820.
 І. Мюллеръ. 1752—1809.
 Его жизнь.

у протестантских писателей воодушевление ко всемирноисторическому значению папства. Защищая имперское учреждение в исторически-консервативном смысле против захватов Иосифа II. и не ожидая от Габсбурга плодотворной реформы для Германии, он все-таки вполне сознавал необходимость и внутренней недуры имперских условий. Когда надежды, которые привязали всех патриотов к союзу князей, оказались большею частью тщетными, то он в „Германских ожиданиях от союза князей“ издал воззвание, исполненное страстной возбужденности и извительной насмешки. Как тут, так и в других политических и современно-исторических трактатах („Письма двух каноников“) разсыпано пропасть патриотических, либеральных и разумных предложений и принципов, в которых обнаруживается горячий и благонамбранный ревнитель о благе отечества. Пока, однако, патриоты пытались преобразовать имперские учреждения, последние сами рухнули под ударами французской революции. В обильное событиями время от 1786 до 1792 Мюллер занимался в Майнце, занятый в государственной канцелярии важными политическими и дипломатическими делами, а сверх того еще многосторонними публицистическими и историческими трудами; он был тогда чуть-ли не самым влиятельным человеком при майнском дворе. Когда в 1792 году курфиршество занято было Французами, то Мюллер поступил на императорскую службу в венскую государственную канцелярию. По смерти Иосифа II. он успел заручиться дружбою нового императора Леопольда и добился дворянства. В Вене он пробыл слишком десять лет (до 1804). Сначала Мюллер, как большая часть Немецев, с одушевлением приветствовал французскую революцию, признав ее очипающею воздуху грозою; наконец, однако, ужасы и неистовства изменили его образ мыслей и преобразили его в ярого врага французских переворотов; несколько лет кряду он в страстных публицистических статьях ратовал против революции и Наполеона. „По мнѣ“, писал он однажды, „на свете нет ничего гнуснее разрушения всякого порядка и истовством черни, низвержения всего достойного яростью демоногов, подавления гуманности фразами“. Не смотря на то, вследствие реакционного влечения, вследствие умственного гнета и пренебрежения в Австрии, ему нестерпимо было оставаться долге в Вене. С 1804 года он находился в Берлине на прусской службе. Разразившаяся в то время над Австрией и Пруссией ужасная катастрофа усилила его ненависть к „мировому, все угнетавшему тирану“ и он лишился всякой веры в немецкую будущность; это настроение выразилось именно в весьма замечательной переписке с Генцем. Сокрушительные роковые удары до того потрясли его, что он счел погибшим весь мировой строй и признал в Наполеонѣ оружие Божие для преобразования всех существующих условий. От такого воззрения оставался один шаг к благоговению пред великим Корсиканцем, и когда Наполеон в личной аудиенции любезно и ласково приветствовал знаменитого ученого, то суетный, честолюбивый, безхарактерный муж тут же увлекся им. В то время крутых роковых ударов, многие изменили своим принципам и идеалам, однако „измена“ Мюллера все-таки произвела удручающее впечатление в Германии. Он ведь порвал со всеми своим прошлым, когда „от политики исторического права, величайшим представителем которого он был на материкѣ, перешел в лагерь побѣдоносного вражеского императора и к абстрактной французской политике, против которой вѣкъ свой ратовал“. Колебаясь и под влиянием изменчивых впечатлений, он решился даже поступить на службу наполеоновского правительства, против которого так долго и сильно боролся; его, может быть, прельщала мысль,

теперь, когда всякое сопротивление оказалось тщетным, в качестве слуги чужеземной власти лучше всего споспѣшествовать немецким интересам. Подъ исходъ 1807 года он вступил в должность министра вновь созданного вестфальского королевства и старался по мѣрѣ сил отстаивать немецкий дух и немецкое образование, в особенности университеты, против грубого чужеземного военного деспотизма. В этой истощающей и безплодной борьбе скоро сокрушились его душевные и телесные силы. Он умеръ 29. мая 1809 в Касселѣ.

Из исторических и политических произведений Мюллера, большею частью уже поименованных нами, первое мѣсто занимает „История Швейцарского союза“, как творение, составившее эпоху в немецкой историографии. Подобно древним писателям и он также имел в виду из истории прошлого внушить живущим поколениям политическую мудрость и патриотизм; история по нем имеет практически-воспитательную цель, по прошлому объясняет современность и вперить в последнюю полезные уроки и благородные помыслы. Вместе с тем он придавал историографии эстетически-художественную задачу, как впоследствии Шиллер, многому научившийся у историка Швейцарцев. Его увлекательное изложение, его потрясающая сила, чарующая прелесть языка, великодушное изображение родной мѣстности, дивная историческая живопись,—все это придает его произведениям своеобразный отпечаток в немецкой прозе. Зачастую, конечно, Мюллер, а еще болѣе его подражатели, вдаются в натянутую напыщенную риторику, в изысканную патетическую манеру и искусственное подражаніе Тацитовой сжатости, что не могло уже нравиться. Швейцарская история, над которой Мюллер трудился весь вѣкъ свой, не только художественное и научное мастерское произведение, но имѣла также значение великаго патриотического и политическаго подвига. „Развернув картины прошлого“, говорит Блунчли, „и изобразив сильными словами борьбу швейцарских городов и областей за свободную общинную систему, он рѣшительно помышлял о будущности. Он опасался новых нападков на швейцарскую свободу и хотѣл научить свой народ, как отстаивать свою свободу, показав ему, как добились ея. Он хотѣл преодолѣть малодушие кантонских и сословных побуждений, оживив общее национальное чувство. Книга должна была содѣйствовать политическому воспитанию его народа и возвѣститъ вѣчныя политическія истины. Даже под тяжкими ударами, какія нанесла Швейцарии французская революція, он постоянно помогал своему отечеству отличными совами и указывал на необходимые реформы, с тем чтобы избѣгнуть совершеннаго упадка“. — Другое знаменитое историческое произведение Мюллера: „Двадцать четыре книги всеобщей истории“, исполнено изумительной начитанности и учености; для этого труда он в течение всей своей жизни собирал самые тщательныя выписки. Это произведение, в которое он хотѣл вложить все свое историческое знание и все свои помыслы, осталось недоконченным. При всем умѣ и при всей учености его всемирная история страдает от невѣдранности, от шаткости воззрений, от напускной античности и односторонности. Мюллер, как человек и как историк, был лишенъ твердыхъ принциповъ и стойкаго убѣжденія; патетикъ его впечатлительный и опущенный просвѣчиваетъ сквозь всю его напускную объективность. Увлекаясь всякимъ великодушнымъ проявлениемъ в истории, он восторгается то народною свободою, то неограниченнымъ самодержавіемъ, если оно проявляется съ мощною энергіей; он прославляетъ геройскіе подвиги, свободный духъ, простые нравы классической древности или швейцарскихъ предковъ, а вмѣстѣ съ темъ также деспотизмъ Людовика XIV. или Петра В., увлекается просвѣще-

Его значеніе как исторіографа.

нiемъ, образованiемъ и въ извѣстной мѣрѣ политическимъ прогрессомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и феодальными проявленiями рыцарской эпохи или iерархическими порядками церкви.

Фридрихъ Генцъ. Одинъ изъ самыхъ блестящихъ нѣмецкихъ публицистовъ всѣхъ временъ, Фридрихъ Генцъ, во многихъ отношенiяхъ сходенъ съ Мюллеремъ. Сынъ прусскаго чиновника при монетномъ дворѣ, онъ родился 1764 въ Бреславлѣ. Образовавшись въ Кѣнигсбергскомъ университетѣ подъ влиянiемъ Канта, Генцъ провелъ нѣсколько лѣтъ на прусской службѣ; а съ 1802 г. онъ находился при вѣнской государственной канцелярiи, гдѣ до своей смерти занималъ весьма влиятельное мѣсто въ дипломатической должности и въ иностранной политикѣ. Въ исторiи нѣмецкаго умственнаго движенiя память объ этомъ дѣятелѣ не лишена пятенъ: не только его частное житiе-бытiе, его ладкость къ женскому полу, его игра, расточительность, суетность и алчность къ деньгамъ, но даже политико-публицистическая дѣятельность подверглись порицанiю. Генцъ отъ глубины души былъ консерваторъ, а въ послѣдствii даже реакционеръ; своею задачею онъ считалъ, ратовать противъ излишка прогресса, противъ черезъ-чуръ рьяной опрометчивой культуры, и отстаивать устойчивый принципъ традицiоннаго строя. Коренною чертою его политическихъ помысловъ было благоговѣнiе передъ господствующимъ авторитетомъ, передъ государственною властью и отвращенiе отъ взрывовъ дикой народной силы. Настоящею же задачею своей жизни онъ считалъ борьбу противъ французской революцiи и наполеоновскаго деспотизма. Къ первымъ трудамъ его относится переводъ и объясненiе знаменитыхъ разсужденiй Бѣрка о французской революцiи; а послѣ того онъ съ страстною энергiей, съ мужественнымъ одушевленiемъ и побѣдоноснымъ успѣхомъ, хотя зачастую односторонне и несправедливо ратовалъ противъ великаго переворота до самаго паденiя всемирнаго деспота. Захватывающая пылка рѣчь и искусно отдѣланный слогъ безчисленныхъ его публицистическихъ трактатовъ надѣлали много шуму („О происхожденiи и характерѣ войны противъ французской революцiи“, „О политическомъ состоянii Европы до и послѣ французской революцiи“, „Отрывки изъ новѣйшей исторiи политическаго равновѣсiя въ Европѣ“, „Отношенiе между Англiей и Испанiей до и послѣ начала войны между обѣими державами“, и др.). Въ нихъ-то, а потомъ еще въ официальныхъ политическихъ статьяхъ и манифестахъ австрiйскаго правительства (напр. военный манифестъ отъ 1809 и 1813) онъ вызывалъ нѣмецкую націю на брань до ножей противъ новаго порядка вещей, противъ невыносимаго чужеземнаго господства и деспотизма, въ излиянiяхъ, ставящихъ его въ одинъ рядъ съ лучшими патриотами Германii и съ передовыми писателями всѣхъ временъ. О его прозорливомъ постиженii политическихъ условii и причинъ наполеоновскихъ побѣдъ и объ его патристической скорби свидѣтельствуетъ также знаменитый дневникъ касательно пребыванiя въ прусской главной квартирѣ наканунѣ битвы при Иенѣ. Когда Иоаннъ Мюллеръ, дѣйствовавшii долго сообща и въ одномъ и томъ же духѣ съ Генцемъ, перешелъ въ непрiятельскiй лагерь, то другъ написалъ ему прощальное письмо, исполненное глубокой печали и страстнаго гнѣва. Это была самая блестящая пора его дѣятельности. Онъ всею душою выигралъ въ политикѣ и сумѣлъ исполнить ее болѣе глубокимъ содержанiемъ. „Генцъ не пошлый материалистъ, не рутинистъ въ политикѣ. Онъ знаетъ и любитъ власть идей, подвизающихся съ глубокаго дна частную и народную жизнь“. И какъ бы высока ни была плата, какую требовало и получало его перо, но его нельзя упрекнуть въ томъ, чтобы онъ торговалъ своимъ убѣжденiемъ. Съ подавленiемъ революцiи и Наполеоновскаго правленiя, съ возстановленiемъ прежняго законнаго порядка истощилась также энергiя духа и тѣла у Генца; съ этой поры онъ сталъ слѣпымъ по-

борникомъ реакцiи, и прожилъ еще довольно долго, такъ что его дѣятельность на службѣ реставрацiи прочнѣе залегла въ памяти потомства, нежели его полноправная борьба противъ Наполеоновскаго деспотизма. Въ прежнюю пору своей дѣятельности онъ все-таки питалъ сочувствiе къ либеральнымъ идеямъ и въ своемъ консервативномъ принципѣ отнюдь не доходилъ до поклоненiя средневѣковымъ феодальнымъ условiямъ, абсолютному державному произволу или iерархическимъ властолюбивымъ поношенiямъ; тогда въ знаменитомъ своемъ посланii королю Фридриху Вильгельму III. онъ требовалъ свободы печати; но въ послѣднюю половину жизни Генцъ, къ сожалѣнiю, сталъ глашатаемъ тупаго духа реакцiи, который распространился по свѣту и считалъ всякое свободное побужденiе опаснымъ послѣдствiемъ революцiи. Мощь пера его надломилась съ этихъ поръ; этотъ славный великiй талантъ послѣднii скудныя силы свои истощалъ въ мелочной литературно-полицейской борьбѣ противъ либерализма, защищая Меттерниховскiя „политическiя козни“. Католическая церковь также все болѣе и болѣе исполняла его благоговѣнiемъ, хотя, впрочемъ, онъ не совершилъ, кажется, формальнаго обращенiя. Какъ высокооставленный дипломатъ, какъ составитель протоколовъ на всѣхъ великихъ конгрессахъ, украшенный дворянскимъ званiемъ и множествомъ орденовъ, онъ занялъ высокое мѣсто въ свѣтѣ, однако, работавшii дипломатъ палъ въ народномъ уваженii и долженъ былъ признаться самому себѣ, что, ратуя противъ духа времени и всякаго свободнаго развитiя народной жизни, онъ вступился за погибшее дѣло. На Генца по всей справедливости выпала не малая доля тѣхъ горькихъ чувствъ, съ какими народы взирали на послѣдствiя ихъ борьбы за освобожденiе. Онъ дожилъ до июльской революцiи и самъ былъ очевидцемъ того, къ чему ведетъ ослабленная малодушная политикъ реставрацiи. Литературная продуктивнотъ Генца состоитъ не въ объемистыхъ систематическихъ произведенiяхъ, а въ болѣе короткихъ разсѣянныхъ публицистическихъ статьяхъ и брошюрахъ, которыя отчасти оказали чрезвычайно сильное влiянiе на ходъ общественнаго мнѣнiя. Ученныя научныя цѣли были ему совершенно чужды; онъ хотѣлъ только влiять на жизнь и на современность. Много поучительнаго касательно современной исторiи, касательно хода развитiя и внутреннихъ переворотовъ въ государственномъ мужѣ, много замѣчательныхъ политическихъ идей содержитъ также его обширная частная корреспонденцiя, въ особенности его переписка съ Адамомъ Генрихомъ Мюллеромъ, съ этимъ перекрещенцемъ, реакцiоннымъ публицистомъ и австрiйскимъ государственнымъ мужемъ, съ которымъ мы встрѣтимся еще, когда рѣчь пойдетъ о политикѣ въ эпоху реставрацiи. Генцъ, по мнѣнiю Моля, „представляется намъ человѣкомъ, который обладалъ великими дарованiями и энергической мужественною волею для борьбы съ тѣмъ, что ему казалось несправедливымъ и невыносимымъ; но онъ пренебрегалъ судомъ народа, не питалъ сочувствiя къ его правамъ; какъ вслѣдствiе вѣшняго положенiя и заслуженной зависимости, такъ точно и вслѣдствiе высомѣрiя и крайняго пристрастiя къ формальному порядку и мертвому покою онъ вынужденъ былъ отринути тѣ требованiя, которыя составляютъ естественное и потому неодолимое слѣдствiе всего европейскаго развитiя; а вслѣдствiе наклонности и привычки онъ побуждался къ презрѣнiю всякихъ идеальныхъ повиманii гражданской жизни“.

Противоположный типъ Генцу во многихъ отношенiяхъ былъ *Иоаннъ Георгъ* I. Г. Форстеръ *Форстеръ*, непризванный и оклеветанный дѣятель, котораго лишь Герви- 1754—1794. нусъ вывелъ на подобающее ему мѣсто въ нѣмецкой умственной жизни. I. Г. Форстеръ родился 1754 въ Нассенгубенѣ близъ Данцига, гдѣ отецъ его Иоаннъ Рейнгольдъ, потомокъ англiйской фамилии, занималъ должность

пастора. Безпокойный духъ, страсть къ путешествіямъ и любовь къ природѣ увлекли отца его, многосторонне одареннаго, но непостояннаго, высокоумнаго и неуживчиваго человѣка, изъ тѣсныхъ условій въ дальніе края; по порученію петербургскаго правительства онъ проѣхалъ далеко во внутрь Россіи, въ Волжскія страны, а потомъ, какъ извѣстно (стр. 183), сопровождалъ мореплавателя Кука въ его второе путешествіе. Его спутникомъ при этомъ и рано созрѣвшимъ помощникомъ въ переводахъ и другихъ литературныхъ трудахъ, которыми отецъ перебивался въ Англии, былъ его первенецъ, Иоаннъ Георгъ, унаслѣдовавшій отъ отца любовь къ природѣ, знаніе языковъ и безпокойный духъ. Двадцатидвухлѣтнимъ юношей описалъ онъ великое кругосвѣтное путешествіе; въ этомъ идиллическомъ изображеніи нравовъ и увлекательномъ отчетѣ объ естественномъ состояніи племенъ Южнаго океана онъ удачно держался середины между бреднями Руссо о первобытныхъ, естественныхъ условіяхъ и самодовольнымъ возрѣніемъ на европейскую цивилизацію. Денежное разстройство его отца, просидѣвшаго даже въ долговой тюрьмѣ, рано понудило молодаго Форстера стать на свои ноги и вступить въ жестокую борьбу съ жизнью. Въ 1778 году онъ былъ преподавателемъ естественной исторіи при Каролинскомъ заведеніи въ Касселѣ; тутъ онъ вмѣсто извѣстныхъ ему до сихъ поръ широкихъ англійскихъ условій вступилъ въ мелкія отношенія литературной и ученой нѣмецкой дѣятельности, которая не совсѣмъ-то привлекала его по нравствѣннѣй и не удовлетворяла его. Въ Касселѣ онъ заплатилъ дань современному направленію къ мистицизму и ко всему таинственному, примкнувъ съ своимъ другомъ, анатомомъ Сёммерингомъ, къ обществу розенкрейцеровъ. Въ 1784 году онъ былъ приглашенъ въ Виленскій университетъ; однако, ему не жилось также на этой грубой почвѣ славянскаго варварства. Новые замыслы о великихъ морскихъ путешествіяхъ, къ которымъ онъ привязался всею душою, разстроились. Въ 1788 г. открылась для него должность библиотекаря въ Майнцѣ, гдѣ въ ту пору царилъ страсть къ просвѣщенію. Тутъ Форстеръ, дѣятельность котораго до сихъ поръ вращалась главнѣйше въ естественнонаучной, географической, этнографической, физической области, впервые пустился въ политическое авторство. Тогда вышло его лучшее произведеніе: „Картины нижняго Рейна“,—плодъ предпринятаго имъ въ сопровожденіи Александра Гумбольдта путешествія въ Нидерланды, Францію и Англию. Это произведеніе отличается классическою прозою, исполненною прозрачною ясности и высокаго благородства, подобною изображеніямъ Шиллера, съ которыми у Форстера вообще было много сроднаго. Въ „Картинахъ“ предлагается самое разнообразное содержаніе, частью художественно-эстетическаго, частью историко-политическаго свойства; въ нихъ вездѣ обнаруживается мѣткое прозорливое сужденіе автора о свѣтѣ, и людяхъ и обо всѣхъ ихъ житейскихъ проявленіяхъ. „Его взгляды на искусство вездѣ изобличаютъ самый утонченный эстетическій вкусъ, а публицистическіе и политическіе приговоры его исполнены идеи о свободѣ“. Такой дѣятель, который избралъ себѣ девизомъ слова: „Быть свободнымъ, значить быть человѣкомъ“, которому давно наскучили мелочность и пошлость общественныхъ условій въ Германіи, съ восторженнымъ сочувствіемъ, конечно, привѣтствовалъ великій французскій переворотъ; по своимъ республиканскимъ принципамъ онъ сталъ рѣшительнымъ поборникомъ революціи. Форстеръ, быть можетъ, первый изъ Нѣмцевъ справедливо отнесся къ Мирабо и призналъ его достоинство, даже въ дни террора не отрекся отъ своихъ убѣжденій. Онъ все надѣялся, что изъ великаго движенія возникнетъ блаженство свободы, питая эти чаянья въ глубинѣ своей души. Его нѣмецкій патриотизмъ при этомъ потерялъ, конечно, крушеніе. Англичанинъ, отчужденный отъ своего отечества вслѣдствіе долголѣтнаго пребы-

ванія въ дальнихъ краяхъ, онъ сталъ космополитомъ и зналъ одну только политику человѣчества. Изъ тѣсныхъ предѣловъ ученаго нѣмецкаго затѣнья онъ порывался къ практической дѣятельности на великой всемирной аренѣ. Послѣ занятія Майнца, которое изобразилъ съ язвительною проноей, онъ всецѣло присталъ къ новому правленію; въ клубныхъ собраніяхъ въ Майнцѣ, въ которыхъ Форстеръ былъ президентомъ, и въ газетѣ „Другъ народа“ онъ выражался языкомъ крайняго радикализма. Въ 1793 году Форстеръ агентомъ города Майнца отправился въ Парижъ, съ тѣмъ чтобы содѣйствовать соединенію съ Франціей. Отторгнутый нѣмецкими правительствами и лишенный покровительства законовъ, опозоренный общественнымъ мнѣніемъ въ Германіи, онъ прожилъ еще нѣкоторое время во французской столицѣ. Его „Парижскіе очерки“ исполнены язвительною насмѣшкою надъ обычнымъ сужденіемъ въ Германіи о французской революціи, всемирно-историческое значеніе которой онъ выставилъ уже прежде въ возрѣженіи на извѣстную книгу Бѣрка. Однако, и въ Парижѣ также Форстеръ не нашелъ того, чего добивался. Обманутый въ своихъ надеждахъ, лишенный не любившею его женою супружескаго и домашняго счастья, въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, разставшись со свѣтомъ, онъ съ сокрушеннымъ сердцемъ умеръ въ январѣ 1794 года. Незадолго до своей смерти онъ помышлялъ еще о путешествіи въ Индію, такъ какъ ему наскучило жить во Франціи, а въ Германію, гдѣ его осудили и назначили цѣну за его голову, онъ не могъ уже вернуться. Отецъ, который наконецъ занялъ кафедру естественной исторіи въ Галлѣ, пережилъ его еще четыре года. I. Г. Форстеръ былъ человѣкъ благородныхъ стремленій, остраго ума, обладалъ обильными идеями и славною гуманностью, но былъ лишенъ внутренняго мира и самъ съ собой не въ ладу; въ качествѣ ученаго и писателя онъ могъ бы осуществить высшіе замыслы, а все-таки этотъ апостолъ и мученикъ свободы въ концѣ концовъ огрубѣлъ и погнѣбъ. Какъ его жизнь, такъ и литературная дѣятельность была непостоянная, безсвязная и рассыпанная, истощилась большею частью по мелкимъ статьямъ, отрывкамъ и письмамъ, которые служатъ свидѣтельствомъ его доблестнаго стремленія и характера, его проницательной чуткости ко всему прекрасному и своеобразному въ природѣ, въ искусствѣ и въ бытѣ народномъ. Изъ его литературныхъ заслугъ упомянемъ еще о переводѣ индійскаго стихотворенія Сахунталы, съ которымъ онъ впервые познакомилъ Нѣмцевъ.

С Нѣмецкое искусство.

I. Образовательное искусство.

Не только поэзія и наука, но также и образовательное искусство и музыка проявили съ половины прошлаго вѣка значительный размахъ и развили богатую, многостороннюю жизнь. Какъ вообще въ литературѣ, такъ точно и въ живописи и ваяніи обнаруживается стремленіе, освободиться отъ оковъ, которыми закосяблила правила и власть благопристойности и моды такъ долго тормозили свободный полетъ фантазіи. Этотъ подъемъ выходилъ главнѣйше изъ Германіи. Мы замѣтили уже, что Винкельманъ и Лессингъ, подъ руководствомъ

Общій
характеръ.

античныхъ образцовъ, впервые возбудили новыя художественныя воззрѣнія, утвердили новые законы эстетики, постановили новые идеалы; мы упоминали о томъ, что надѣленный художественною чуткостью Гёте воздѣйствовалъ на всѣ области художественнаго производства, а благородный духъ Шиллера оживлялъ всякія идеальныя направленія и порывы; благодаря Гейнзе, а еще болѣе Жаку Руссо—природа была признана настоящею матерью и наставницею всякаго искусства; такимъ образомъ обокъ съ подражаніемъ древности свѣжая естественность появилась какъ-бы согрѣвательною противоположностью. Такое мощное возбужденіе не прошло безъ вліянія на поколѣніе, рьяно стремившееся къ отбѣнѣ отжившихъ формъ и къ свободной умственной дѣятельности. И вотъ, изъ разныхъ направленій и порывовъ передъ нами постепенно развивается художественный цвѣтъ, который достойнымъ образомъ примыкаетъ къ великимъ произведеніямъ пятнадцатаго и шестнадцатаго столѣтій и даже превосходитъ ихъ разнообразіемъ предметовъ и свободою творчества. То прежнее искусство состояло главнѣйше на службѣ господствовавшей церкви, а новое, созрѣвшее подъ вліяніемъ протестантскихъ религіозныхъ понятій и носимое обширнымъ всемірнымъ образованіемъ, избрало полемъ дѣятельности широкую область исторіи, преданія и поэзіи; сверхъ того оно для идеальныхъ художественныхъ произведеній пользовалось также богатою естественною и народною жизнью, какъ въ спокойномъ, такъ и въ тревожномъ ея проявленіи. Такимъ образомъ къ исторической живописи примкнули пейзажъ и жанръ какъ равноправные съ нею виды; въ архитектурѣ вернулись къ античнымъ образцамъ и, свободно примѣняя ихъ гармоническія линіи и формы, величавыя колоннады, созидали по ихъ законамъ великолѣпныя зданія, которыя служатъ достойнымъ свидѣтельствомъ художественно-историческаго образованія эпохи; въ ваяніи, которому предстояло сообщить сильное выраженіе вновь пробудившемуся историческому сознанію и національному чувству народовъ, пытались сочетать античную красоту и реальность съ современнымъ умственнымъ и душевнымъ міромъ.

1. Живопись. Въ электической болонской школѣ уже преобладало стремленіе къ эффекту, поражающему чувства. Въ этомъ таился зародышъ порчи, которая вскорѣ сильно проникла во все искусство. Пьетро да Кортоня, Андреа Сакчи и Карло Маратта были послѣдними представителями великаго художественнаго періода въ Италіи, въ которыхъ проявилось, по крайней мѣрѣ, техническое искусство. Вскорѣ затѣмъ послѣдовало время неестественности и пустоты, вслѣдствіе чего живопись дошла до полнаго упадка и принизилась до служенія извращенному вкусу. Скорбя о такомъ упадкѣ, саксонскій придворный живописецъ Измаиль Менгсъ рѣшился образовать въ живописцы своего старшаго сына и путемъ тщательнаго обученія развить изъ него возстановителя художественнаго

образованія. Онъ прозвалъ его Рафаелемъ; напругая его силы и указывая на великіе образцы, старался подготовить его съ ранней молодости къ великому призванію. И въ самомъ дѣлѣ, Рафаель Менгсъ достигъ высокаго художественнаго совершенства, насколько оно можетъ быть достигнуто трудомъ, изученіемъ и хорошими образцами. Но онъ вовсе лишенъ былъ врожденнаго гениа, божественнаго дара, присущаго каждому истинно великому художнику. И не смотря на то, что имя саксонскаго живописца пользовалось у современниковъ великимъ почетомъ, что дрезденскій и римскій, неаполитанскій и мадридскій дворы старались привлечь и привязать его къ себѣ окладами и отличіями; однако, потомство чтить въ немъ скорѣе основателя чистаго художественнаго вкуса, основаннаго на изученіи древности и на подражаніи великимъ мастерамъ, нежели творца значительныхъ художественныхъ произведеній. Мы хладнокровно смотримъ на его картины, не взирая на правильность рисунка и постановки. Рафаель Менгсъ, подобно искреннему другу его, Винкельману, перешелъ въ католическую церковь. Изъ многихъ его по Германіи, Италіи, Испаніи и по другимъ краямъ разсыпанныхъ произведеній наиболѣе знаменита фресковая живопись на потолкѣ въ виллѣ Альбани въ Римѣ, прозванная „Парнасъ“.

Хотя Менгсъ отнюдь не былъ гениальнымъ художникомъ и не отличался ни плодотворною фантазіей, ни богатымъ даромъ изобрѣтенія, однако онъ благотворно вліялъ на развитіе искусства, вытѣснивъ царившую пустоту и вялость и заставивъ уважать гениальную красоту и формальную правильность. Его примѣръ былъ до того заразителенъ, что даже противникъ его, *Помп. Батони* въ Римѣ („Паденіе колдуна Симона“), поневолѣ слѣдовалъ болѣе строгому стилю новаго направленія. Въ Германіи многие извѣстные художники отчасти примкнули къ нему, а именно художница *Ангелика Кауфманъ* изъ Хура, которая отличалась ясными пріятными формами и колоритомъ, хотя нѣжность ея и доходила иногда до сентиментальности, а прелесть—до слащавости, потомъ еще *Г. Генр. Фюсли* изъ Цюриха и др.,—отчасти пошли далѣе по указанному имъ пути и смѣло рукою срывали плоды съ античнаго дерева. Появившееся у *Дан. Ним. Ходовецкаго* и ландшафтнаго живописца *Фил. Гакерта* реалистическое направленіе тоже имѣло своимъ источникомъ болѣе тщательное наблюденіе вѣшняго міра, основательное изученіе природы и моделей, правдивое подражаніе дѣйствительности,—все такія правила, которыя Менгсъ постановилъ кореннымъ условіемъ всякаго художественнаго творчества. Ходовецкаго изъ Данцига преимущественно прославили мелкіе рисунки (гравюры), которыми онъ украшалъ литературныя произведенія своей эпохи и которые представляютъ вѣрное изображеніе обликовъ и фізіономій, одѣяній, привычекъ и нравовъ тогдашняго общества, зачастую съ отбѣнкомъ проны и насмѣшки,—драгоценный сборникъ индивидуальныхъ наблюденій и нѣмецкаго благодушія. Гакертъ изъ Пренцлова преусиѣвалъ въ ландшафтной живописи, благодаря вѣрному, тщательному и искусному рисунку предметовъ природы, особенно древесной листвы.

Это направленіе искусства не обошлось впрочемъ безъ опасностей и заблужденій. Воображеніе и творческая способность цѣнились черезъ-чуръ мало и художники ограничивались однимъ лишь подражаніемъ, тщательнымъ изученіемъ дѣйствительности, вѣрнымъ изображеніемъ моделей. Въ этомъ направленіи далѣе всего ушла основанная во Франціи *Давидомъ* классическая школа; у нея подражаніе древнимъ произведеніямъ, связанное съ изученіемъ природы, моделей и театра, составляло коренной характеръ, надъ которымъ изливался затѣмъ искусственный, страстный пафосъ. Такимъ образомъ, возникли произведенія, заслуга которыхъ состояла лишь въ хорошо исполненныхъ деталяхъ и въ техническомъ искусствѣ, которыя

Рафаель
Менгсъ
1728—1779.

Школа
Менгса.

Батони.
1708—1787.

Ангелика
Кауфманъ.

1742—1808.

Фюсли.
1742—1808.

Ходовецкій.
1726—1801.

Гакертъ.
1737—1807.

Механическое
направленіе
искусства и
реакція Кар-
стена.

Карстенсъ.
1754—1798.

однако лишены были настоящей жизни и органическаго единства, которыя были искусственно составлены, а не воспроизведены какъ бы *однимъ* излияніемъ духа. Дѣйствительность пыталась усовершенствоваться по античнымъ идеаламъ, а недостатокъ творческой фантази замѣнили искусственною рефлексіей ума и натянутымъ драматическимъ выраженіемъ. Противъ этого механическаго метода энергично и рѣшительно возсталъ молодой уроженецъ Шлезвига, *Асмусъ Яковъ Карстенсъ*, художникъ высоко гениальный въ изобрѣтеніи, исполненный задушевности и поэзи; къ сожалѣнію, кратковременная жизнь его состояла изъ цѣлаго ряда невзгодъ, который какъ лучемъ счастья озарился лишь яснымъ сознаниемъ художественнаго призванія. „Я видѣлъ художественную выставку въ здѣшней французской академіи“, писалъ Карстенсъ въ 1793 году изъ Рима, „и мнѣ не случилось видѣть болѣе безмысленной живописи. Этимъ художникамъ, какъ кажется, никогда не приходитъ въ голову, что искусство ничто иное, какъ языкъ оцущей, который пишется тамъ, гдѣ кончается выраженіе словами, что оно имѣетъ цѣлью наглядно изобразить понятія, что оно служитъ наслажденіемъ для разумныхъ людей, а не для глухцовъ. Эти люди отлично понимаютъ все механическое въ искусствѣ и, какъ кажется, воображаютъ себя, будто это и есть само искусство“. Подстрекаемый, подобно Винкельману, врожденнымъ художественнымъ чувствомъ, Карстенсъ вышелъ изъ ремесленнаго сословія, къ которому предназначался, и добился въ Копенгагенской академіи техническаго развитія, которое усовершенствовалъ въ Любекѣ и Берлинѣ. Наконецъ ему удалось посѣтить Италію, гдѣ помимо Микель Анджело образцами служили ему творенія античной пластики. Въ 1793 году онъ водворился въ Римѣ и тамъ создалъ тѣ замѣчательныя произведенія искусства, которыя проложили новую эпоху въ живописи. вмѣсто того, чтобы копировать древнія картины и механически усвоить себѣ ихъ формы, онъ погружался во внимательное ихъ созерцаніе и старался запечатлѣть въ умѣ и памяти цѣльное впечатлѣніе, такъ что могъ самъ воспроизводить ихъ въ свободныхъ очеркахъ. Онъ приучалъ себя вездѣ и всегда созерцать природу широкимъ античнымъ взглядомъ. Одаренный плодовитымъ и истиннѣ поэтическимъ воображеніемъ, Карстенсъ этимъ путемъ дошелъ до того, что свободно вернулся къ жизни античной художественный міръ, проникъ въ духъ древнихъ художниковъ, не подчиняясь имъ рабски. Изучая древность, у которой перенималъ формы прекраснаго человѣческаго тѣла, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ тщательно изучалъ Микель-Анжело и Рафаеля. Но у него было мало друзей и много противниковъ. Тщетно *Карлъ Людвигъ Ферновъ*, впоследствии бібліотекаръ въ Веймарѣ, пытался указать на достоинство взглядовъ и произведеній Карстенса: голоса его завистниковъ и враговъ, въ средѣ которыхъ первое мѣсто занималъ „живописецъ Мюллеръ“, оказались сильнѣе. Непризнанный и немногими лишь замѣченный, онъ не могъ добиться необходимой поддержки для великихъ композицій масляными красками или *al fresco*. Подавленный бѣдностью и недугомъ, Карстенсъ въ молодости умеръ въ Римѣ. Лишь послѣдовавшее затѣмъ поколѣніе признало его высокое дарованіе. Художественное наслѣдіе Карстенса состоитъ исключительно изъ рисунковъ и акварелей; наиболѣе замѣчательныя изъ нихъ находятся въ Веймарѣ. Все это болѣею частью мотивы изъ античнаго міра боговъ и героевъ, изображенные съ свободою и умственною самодѣятельностью, напр. „Походъ Аргонавтовъ“, „Ночь съ парками“, „Гомеръ пѣвцомъ передъ народомъ“, „Золотой вѣкъ“, „Ворьба Кентавровъ съ Лапцеянами“ и др. Въ его произведеніяхъ встрѣчались, конечно, промахи въ рисункѣ формъ, — вотъ эти ошибки и неточности и послужили его противникамъ подводкою ихъ критики.

Ферновъ.
+ 1808.

Карстенсъ указалъ путь, какъ возстановить въ искусствѣ истину и достоинство. Благодаря его указаніямъ вскорѣ пробудился живой духъ въ средѣ нѣмецкихъ художниковъ. *Иосифъ Антоны Кохъ*, сынъ тирольскаго крестьянина изъ верхней долины Леха, воспитанный въ Карловой школѣ въ Штутгартѣ, образовавшись на великой альпійской природѣ Швейцарии, заимствовалъ у сѣверогерманскаго художника, съ которымъ въ искренней дружбѣ прожилъ въ Римѣ, одушевленіе къ древности и къ Божественной Комедіи Данта. По послѣднему творенію онъ создалъ рядъ рисунковъ и нѣсколько большихъ композицій альфреско (въ виллѣ Массими), которые свидѣтельствуютъ о своеобразной, великолѣпной фантази. Помимо флорентинскаго поэта онъ въ живописныхъ изображеніяхъ увлекался преимущественно греческою міеологіей и Ветхимъ завѣтомъ. Однако, художественная слава Коха основана главнѣйше на его ландшафтныхъ рисункахъ, на гравюрахъ и картинахъ, зачастую наполненныхъ сценами изъ міеологии и изъ жизни древнихъ народовъ. Всего удачнѣе были его картины изъ окрестностей Рима. — *Готлобъ Шикъ* вышелъ на новый путь также благодаря Карстенсу. Одаренный богатою поэтическою фантазіей (говорить Рафинскій), владѣя средствами, для того чтобы осуществлять произведенія ея въ живописи, Шикъ въ началѣ текущаго столѣтія прибылъ въ Римъ. Онъ покинулъ школу Давида въ Парижѣ вслѣдствіе полнѣйшаго непоэтическаго ея направленія (вѣдь Давидъ въ изобрѣтеніи былъ манеристъ); не смотря на то, онъ перенималъ у нея средства выразить свои удачныя идеи, такъ что въ его работахъ впервые истинно поэтическая мысль сочеталась съ стремленіемъ изобразить ее въ совершенствѣ. Для первыхъ своихъ произведеній Шикъ избралъ предметы изъ Ветхаго завѣта и міеологии („Давидъ, играющій передъ Сауломъ на арфѣ“, „Жертвоприношеніе Ноя“ и прекрасная картина „Аполлонъ среди пастуховъ“). Подстрекаемый Тикомъ, Шлегелемъ и др., онъ обратился было къ новоромантическому направленію, но умеръ въ молодые годы, уподобясь своему другу Карстенсу также и въ этомъ отношеніи. — Соотечественникъ Шика, *Эбергардъ Вехтеръ* изъ Балингена мотивы для своихъ картинъ также съ пристрастіемъ черпалъ изъ міеологии, изъ Ветхаго завѣта и исторіи древности. Онъ, подобно Карстенсу, питалъ восторженную любовь къ искусству и творческой фантази, однако уступалъ ему въ величавомъ чувствѣ формы и въ ясной выраженіи мысли. Къ его замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ относится „Іовъ и его друзья“. Къ этому направленію принадлежитъ также ландшафтный живописецъ *І. Христ. Реймартъ* изъ Фохтланда, картины котораго (въ особенности изъ окрестностей Рима) въ гармоническомъ исполненіи представляютъ все величіе и важное значеніе природы. Намъ извѣстно уже, что Франція въ восемнадцатомъ столѣтіи оказала сильное вліяніе на бытовые формы, на моды и художественный вкусъ всей Европы. Понятно поэтому, что и въ зодчествѣ и въ ваини также отразились то загроможденіе, та манерность и неестественность, какія служили отпечаткомъ всего вѣшняго быта во Франціи. Тамъ господствовалъ вычурный стиль, который въ особенности отличался кривыми выпуклыми формами и декоративными орнаментами и презиралъ все прямолинейное, извѣстный подъ названіемъ *рококо*. Этотъ художественный вкусъ, доведенный до совершенства Мессоньеромъ, придворнымъ архитекторомъ и рисовальщикомъ при Людовикѣ XV., проникъ не только въ Берлинъ и сѣверогерманскіе города, вопреки даже пристрастію Фридриха II. къ иеземвму, а скорѣе на югъ, именно въ столицу духовныхъ государей; что и слѣдуетъ приписать вліянію, какое оказала сильная отличная художественная дѣятельность архитектора и скульптора *Андрея Шлютера* при первомъ прусскомъ королѣ (XII, 457). Выказавъ гениальный художественный та-

Школа Карстенса.
Кохъ.
1768—1839.

Шикъ.
1779—1812.

Вехтеръ.
1762—1842.

Реймартъ.
1761—1846.

Ваиніе.

Шлютеръ.
1662—1714.

лантъ свой въ постройкѣ дворца, цейхауза и въ колоссальной конной статуѣ великаго курфирста, Шлютеръ на старости лѣтъ вълѣдствіе прои-
ковъ былъ отставленъ отъ должности придворнаго архитектора и послѣдніе
годы жизни провелъ въ Россіи. Не смотря на то, съ именемъ его свя-
зана была художественная традиція, которая еще долго держалась. Подъ
пеходъ этого столѣтія, однако, на путь выступило другое направленіе, ко-
торое особенно въ пластикѣ повело къ превосходнымъ твореніямъ. *Ант.*

Канова. *Канова* изъ Посаньо пробудилъ въ скульптурѣ, подобно Менгсу въ живо-
писи, новую жизнь указаніемъ на мастерскія произведенія древности. Ода-
ренный, великимъ талантомъ въ исполненіи и чуткимъ пониманіемъ красоты
и прелести, онъ придавалъ своимъ статуямъ дивную грацію, отчего ему и
удавались въ особенности юные и женскіе образы. Но при своей рѣши-
тельной наклонности ко всему нѣжному и чувствительному, онъ все болѣе
и болѣе предавался чувственно-сентиментальному направленію эпохи и
хотѣлъ править скорѣе театральнымъ эффектомъ и изысканною миловид-
ностью, нежели строгостью и правдою. Оттого-то при прогрессивномъ
развитіи художественнаго образованія понемногу стали смолкать похвалы,
какими обсыпались первыя произведенія Кановы: убѣдились въ томъ, что
подъ наружною формою, поверхностно извальной по античнымъ образ-
цамъ, скрывается недостаточное знакомство съ устройствомъ человѣче-
скаго тѣла и погоня за чувственнымъ эффектомъ, что онъ не столько вы-
тѣснилъ вычурный методъ Бернини, а скорѣе слилъ его съ подражаніемъ
древнимъ художественнымъ произведеніямъ и законамъ. И вотъ, этотъ
многоуважаемый и прославляемый художникъ, „Персея“ котораго приз-
нали достаточнымъ возмездіемъ за похищенную медийскую Венеру, ста-
тун котораго одѣлъ только и удостоились красоваться рядомъ съ мастер-
скими произведеніями древности въ Ватиканѣ, обращалъ уже на себя мало
вниманія въ позднѣйшіе годы: его помрачили болѣе великіе художники.
Торвальдзень. Въ средѣ послѣднихъ первое мѣсто занимаетъ *Бертель Торвальдзень* изъ
1757—1822. Копенгагена, сынъ бѣдныхъ, изъ Исландіи вышедшихъ родителей. Замѣ-
чательно, что всѣ трое художниковъ, заложившихъ храмъ новаго иску-
ства, Винкельманъ, Карстенсъ и Торвальдзень, рождены на дальнемъ
сѣверѣ, гдѣ были лишены всякаго наружнаго возбужденія. Тѣмъ громче
и явственнѣе заявлялъ себя врожденный имъ гений и указывалъ путь къ
славѣ. Щедро поддерживаемый датскимъ правительствомъ, Торвальдзень
въ 1797 году водворился въ Римъ и съ этой поры рѣдко, и то лишь нако-
роткѣ покидалъ его. Тамъ молодой художникъ засталъ знающаго руко-
водителя въ своемъ соотечественникѣ, археологъ Зѣгъ, а въ Карстенсъ—
вѣрнаго, возбуждающаго друга. Античное искусство было тѣмъ богатымъ
источникомъ, изъ котораго оба черпали свои идеалы. Однако счастье улыб-
нулось Датчанину болѣе, нежели Шлезвигцу. Первая же статуя „Язонъ“
возбудила такой восторгъ, что вскорѣ заказы последовали одинъ за дру-
гимъ, и онъ отказался отъ своего намѣренія вернуться на родину. Антич-
ный міръ боговъ и героевъ, пластичная идеальность Грековъ,—вотъ тотъ
источникъ, изъ котораго онъ долго и съ пристрастіемъ черпалъ свои пред-
меты: въ своихъ статуяхъ онъ сумѣлъ сочетать заимствованную у древ-
нихъ красоту и ясность формъ и линій съ результатами современнаго об-
разованія и жизненной полноты въ одно задушевное цѣлое (Венера, Марсъ,
Адонисъ, Амуръ и Психея, Гермесъ, убивающій Аргуса, Аркадскій пасту-
шокъ, Геба, Ганимедъ, Авакreonъ, Гомеръ и др.); въ своихъ рельефахъ
онъ опять сталъ ограничиваться, по греческому принципу, простою ровною
площадью; избѣгая перспективы и сокращеній, слѣдовательно уклонился
отъ вошедшаго въ употребленіе живописнаго способа. Въ этой отрасли
Торвальдзень создалъ самыя замѣчательныя произведенія и вновь перешелъ

на естественный путь. То, что при такомъ способѣ утрачивается будто бы
въ отношеніи свободы, съ избыткомъ возмѣщается опредѣленностью формъ,
простою композиціи и гармоніей всѣхъ частей. „Триумфальный въздъ
Александра въ Вавилонѣ“, фризь, которымъ онъ въ 1811 году украсилъ
комнату папскаго дворца на Квириналѣ, гдѣ приготовили жилище для На-
полеона, былъ первымъ памятникомъ новаго искусства въ этомъ родѣ,
исполненнымъ еще два раза изъ мрамора: въ виллѣ Соммаривѣ при озерѣ
Комо, и въ копенгагенскомъ дворцѣ.

Древній міръ боговъ и героевъ въ ихъ ясной, прекрасной образности и
въ ихъ наивности былъ, правда, постоянно тою областью, въ которой Тор-
вальдзень преимущественно жилъ сердцемъ и умомъ, и въ которой обрѣ-
талъ свои законы и образцы; однако, онъ все-таки находился въ самомъ
разгарѣ дѣятельной жизни и не избѣгъ господствовавшаго направленія
эпохи и требованій дѣйствительности. А эти требованія обратились къ ре-
лигиознымъ и практическимъ вопросамъ, и по мѣрѣ того, какъ росъ и
расширялся интересъ къ искусству, свѣтъ сталъ требовать, чтобы худож-
никъ посвящалъ себя духу времени. Оттого-то позднѣйшая дѣятельность
Торвальдзена и обратилась главнѣйше къ церковной пластикѣ и монумент-
альному искусству. Самъ Христосъ, апостолы и другія лица изъ священ-
ной исторіи (проповѣдь Іоанна, двѣнадцать громадныхъ статуй и группъ
въ полѣ фронтона каедральной церкви въ Копенгагенѣ) изображены имъ
въ цѣломъ рядѣ художественныхъ произведеній, озаренныхъ поэзіей и
религиозностью. Христосъ, его ученики и жизнь Іисуса служили также
предметами нѣсколькихъ христіанскихъ рельефовъ (Входъ Господень въ
Іерусалимъ и восшествіе на Голгофу). Эти произведенія болѣею частью
находятся въ Франценкирхѣ и Торвальдзеновомъ музеѣ въ Копенгагенѣ.
Изъ его памятниковъ всего замѣчательнѣе: монументъ Гуттенберга въ
Майнцѣ, статуя Шиллера въ Штутгартѣ, конная статуя Максимилиана въ
Мюнхенѣ, графа Потоцкаго въ Краковѣ, гробницы Пія VII въ храмѣ Петра
въ Римѣ и герцога Лейхтенбергскаго въ Мюнхенѣ, умирающій левъ въ
Люцернѣ и др.

Осыпанный почестями и отличіями, какъ ни одинъ художникъ до него,
Торвальдзень все-таки предпочиталъ всякому блеску простоту и задушев-
ную бесѣду въ кругу друзей. Его путешествіе на родину въ 1838 году и воз-
вращеніе въ Римъ въ 1841 уподобились триумфальной поѣздкѣ. Онъ скон-
чался безболѣзненно въ копенгагенскомъ театрѣ 24 марта 1844. Въ Тор-
вальдзень наша эпоха чтитъ величайшаго художника, говоритъ Э. Ферстеръ:
со времени прославленнаго Рафаеля д'Урбино никто не пользовался та-
кимъ всеобщимъ признаніемъ, поклоненіемъ и такою любовью, какъ онъ.
И не даромъ! Одаренный художественнымъ талантомъ, который ставитъ
има его обокъ съ великими мастерами греческой древности, онъ обладалъ
правомъ, привлекавшимъ и приковавшимъ къ себѣ всѣ сердца. Въ его
прекрасномъ станѣ и на благородномъ челѣ отражались величіе и до-
стоинство его духа. Три народа съ одинаковымъ правомъ признаютъ его
своимъ: Датчане, которымъ онъ принадлежалъ по рожденію, Нѣмцы, по
которымъ онъ образовался, и Итальянцы, среди которыхъ онъ жилъ и
творилъ.

II. Классическая эпоха музыки ¹⁾.

Послѣ того, какъ помимо прежняго контрапункта изобрѣтена была драматическая музыка и вообще распространилась въ операхъ, ораторіяхъ, кантатахъ и мотеттахъ, оказались на лицо средства, создавать величайшія произведенія, какія могутъ быть приведены въ исполненіе соединенными силами музыки. вмѣстѣ съ этимъ скоро достигнуто было высокое совершенство и возникла та блестящая эпоха, которая въ потомствѣ признается классическою. Эта эпоха распадается на два періода: первый доходитъ до половины восемнадцатаго столѣтія и достигаетъ вершинной точки въ Генделѣ и Бахѣ, а второй завершается Бетгоеномъ въ третье десятилѣтіе текущаго вѣка. Это развитіе всецѣло совершается широкими взмахами и рѣшительно въ европейскомъ духѣ, чуждомъ всякой ограниченной національности. Мелочность общественныхъ отношеній и ничтожество житейскихъ условій, въ какихъ находились музыканты въ то время, блистательно преодолевались тогда музыкальнымъ искусствомъ.

Первый периодъ.
Генрихъ Шютцъ.
1585—1672.

На челѣ *перваго периода* стоятъ два артиста, произведенія которыхъ избличаютъ характеръ, свойственный этому времени: Кариссими въ Римѣ и Шютцъ въ Дрезденѣ. *Генрихъ Шютцъ* первый изъ Нѣмцевъ сочинилъ оперу (Дафна, 1628) и въ теченіе всей своей долгой жизни пребылъ величайшимъ и самымъ вліятельнымъ музыкантомъ въ Германіи. Онъ господствовалъ надъ всеми формами композиціи и создалъ произведенія самыхъ разнообразныхъ видовъ, главнѣйше въ области полногласнаго церковнаго пѣнія. Его музыка весьма искусна, мѣтка въ выраженіяхъ, возвышенна и сильна въ изложеніи. Многія изъ его церковныхъ мелодій можно признать даже ораторіями; пятью музыкальными произведеніями въ Великую пятницу и одною пасхальною ораторіей этотъ „отецъ нѣмецкой музыки“ какъ бы точнѣ предвѣщаетъ наступающую эпоху. *Джакомо Кариссими* около (около 1600 до 1674, итакъ современникъ Шютца) придалъ около 1640 ораторіи тотъ видъ, котораго она даже впоследствии при высшемъ развитіи не покидала. Въ его ораторіяхъ, которыя написаны къ латинскому тексту и исключительно посвящены библейскимъ и духовнымъ предметамъ, встрѣчаются всѣ формы вокальной музыки: речитативъ какъ въ разсказѣ, такъ и въ дѣйствіи, богато развитое художественное соло, исполняемое или совершенно однимъ голосомъ, или съ акомпаниментомъ, хоръ во всѣхъ его формахъ, и акомпаниментъ по средствамъ тогдашняго оркестра. Слѣдующая за нимъ эпоха могла все это развивать лишь далѣе, но не измѣнить ничего существовавшаго, не повредивъ ораторіи. Самое знаменитое изъ его твореній—Иефѣай; а самыя обширныя—Иона и потомъ съ двойнымъ и тройнымъ хорами. Кариссими въ свѣтской кантатѣ также сочинялъ образцовыя пѣсни для одного и для нѣсколькихъ голосовъ; въ особенности прелестна и увлекательна его кантилена при всей простотѣ ея. Въ сравненіи съ Шютцемъ онъ ровнѣе, искуснѣе, зрѣлѣе во всѣхъ тѣхъ формахъ, на которыя преимущественно обратилось развитіе искусства.

¹⁾ Д-ра Хризандера.

Ораторія Кариссими не проникла въ другія страны; а что касается его отечества, то эта отрасль музыки вскорѣ послѣ него вступила въ зависимость отъ оперы, отъ которой она не могла уже освободиться. Не ораторія, а опера завладѣла эпохою и скоро изъ Италіи проникла во всѣ культурныя страны. Существовавшіе съ 1637 въ Венеціи оперные театры сообщили толчекъ въ этомъ отношеніи. Въ одно время съ Кариссими тамъ съ 1639 подвизался *Франческо Кавалли*, плодовитый, для сценической музыки гениально одаренный композиторъ; многіе послѣдовали за нимъ какъ тутъ, такъ и въ Болоньи, на второй большой оперной сценѣ въ странѣ. Подъ исходъ семнадцатаго столѣтія въ Италіи не было ни одного хоть сколько нибудь значительнаго мѣста или мелкой княжеской столицы, въ которой не сооружались бы свои оперныя произведенія. Послѣ тридцатилѣтней войны Нѣмцы также ревностнѣе прежняго стали подражать этимъ музыкальнымъ песнямъ; то же самое сдѣлали и Англичане послѣ Стюартовой реставраціи; но Франція въ этихъ подражаніяхъ скорѣе всѣхъ достигла самостоятельнаго и своеобразнаго развитія.

Франческо Кавалли.

Французская опера возникла 1671 въ видѣ придворной подъ именемъ Королевской музыкальной академіи (Academie royale de musique). Основателями ея были поэтъ Перренъ и композиторъ Камберъ; но въ слѣдующій годъ уже на ихъ мѣсто поступилъ *Жанъ Батистъ Люлли* (род. 1633 во Флоренціи, ум. 1687 въ Парижѣ), композиторъ, оперы котораго къ текстамъ Кино прославили по всему свѣту эту молодую сцену и придали французской музыкальной драмѣ опредѣленный національный стиль. Подъ его управленіемъ въ этой академіи представлено было около двадцати его произведеній. Высокое положеніе, какое онъ занималъ при театрѣ и парижскомъ дворѣ, отвѣчало его значенію. Музыка его въ пылкихъ выраженіяхъ была слѣнкомъ его характера; въ операхъ онъ болѣе итальянцевъ пользовался инструментами и хорами, въ особенности же Люлли сумѣлъ сочетать вмѣстѣ дѣйствіе и танцы, а также выразительнымъ речитативомъ и разнообразною смѣною въ формахъ и тактахъ создать музыку, которую въ сравненіи съ итальянскою слѣдуетъ признавать скорѣе сценичною, нежели вокальною, и вообще достойною подражанія. Эти музыкальныя трагедіи (какъ озаглавливались онѣ) занимаютъ какъ бы середину между итальянскою оперою и разговорною драмою. Люлли постигла та же участь, что и Кариссими: ему также всѣ удивлялись, его прославляли, но за границей рѣдко представляли и тѣмъ еще менѣе подражали ему. За то въ Парижѣ его произведенія долго еще господствовали на сценѣ; въ 1740 ихъ обновили извѣстный также въ качествѣ музыкальнаго теоретика *Жанъ Филиппъ Рамо*, который присовокупилъ къ нимъ цѣлый рядъ такихъ же оперъ; вмѣстѣ съ произведеніями этого послѣдняго композитора творенія Люлли все еще славились и были силою, съ которою приходилось считаться даже въ то время, когда Глукъ собирался сочинять для этого театра.

Жанъ Батистъ Люлли.
1633—1687.

Жанъ Филиппъ Рамо.
1683—1764.

Нѣмецкая опера теперь также стала развиваться. При разныхъ дворахъ, особенно въ Брауншвейгѣ, съ 1650 уже пошли въ ходъ оперетки: тогда общество знатныхъ и богатыхъ людей въ Гамбургѣ основало свой особый театръ, въ которомъ при открытіи 2. января 1678 дана была оперетка объ Адамѣ и Евѣ. Итакъ, сѣверная торговая метрополия уюдилась своей соперницѣ при Адриатическомъ морѣ и въ томъ также, что обладала постоянною оперою. Послѣ разныхъ стычекъ съ духовенствомъ и другими противниками этихъ новыхъ представленій молодая нѣмецкая сцена добилась наконецъ въ *Рейнгардъ Кейзеръ* композитора, который не уступалъ первостатейнымъ музыкантамъ, такъ что по смерти его соотечественники признали Кейзера „величайшимъ опернымъ композиторомъ“. Обладая изумительною плодовитостью и обиліемъ оригинальныхъ идей, онъ написалъ около

Рейнгардъ Кейзеръ.
1673—1739.

сотни сценических произведений. Если от них в памяти людей осталось меньше, нежели от подобных же его знаменитых современников, то это следует приписать безвкусию тогдашних Нѣмцев в сравнении съ Французами и Англичанами, а также одностороннему развитію театральной музыки, при чемъ пренебрегались болѣею частью остальные отрасли этого искусства: недостатокъ свойственный вообще Кейзеру. Великіе проземные композиторы, изъ которыхъ ни одинъ не превзошелъ его богатствомъ изобрѣтенія и обиліемъ мелодій, отличались за то болѣе обширнымъ музыкальнымъ образованіемъ. Благодаря оперѣ Кейзера, Гамбургъ около 1700 сталъ для всей сѣверной половины Германіи средоточіемъ музыкальнаго развитія, куда обращались всѣ молодые силы, между прочимъ также Гендель и Бахъ.

Послѣ реставраціи *англійская* музыка также поддерживалась преимущественно театромъ; по настоящія оперы въ итальянскомъ стилѣ давались лишь съ 1706, когда умеръ уже великій *Георги Пюрсель*. Англійскій языкъ по время Шекспира обладалъ слишкомъ твердымъ развитіемъ для разговорной драмы, такъ что не легко поддавался итальянской музыкальной свободѣ. Пюрсель написалъ нѣсколько оперетокъ и музыкальных сценъ для театральныхъ пьесъ, обнаруживъ рѣшительное дарованіе въ драматическомъ искусствѣ: однако, его главными произведеніями были антифоны, оды, гимны, торжественныя и хвалебныя пѣсни;—этимъ уже онъ какъ бы пророчески предрекъ ту область, въ которой англійской музыкѣ суждено достигъ высшей славы, а именно ораторію.

Непосредственно послѣ Люлли и Пюрселя, но когда Кейзерова опера находилась еще въ полномъ блескѣ, *Италія* опять новымъ размахомъ превзошла остальные страны. Тамъ во всѣхъ главныхъ городахъ находились твердо укоренившіяся музыкальныя школы, между которыми особенно отличались Болонья при Колоннѣ и Венеція при Легренси и Лотти; тамъ артисты въ родѣ Страделлы и Стефани довели соло до высшаго совершенства; тамъ въ семнадцатомъ вѣкѣ явились классическіе представители всѣхъ инструментовъ, какъ въ отношеніи ихъ постройки, такъ тоже въ отношеніи игры и композиціи. Самымъ влиятельнымъ былъ великій композиторъ оперъ и кантатовъ, *Алессандро Скарлатти*, уроженецъ Южной Италіи, благодаря которому югъ достигъ, наконецъ, преимущества надъ господствовавшимъ въ теченіе двухъ вѣковъ сѣверомъ этой страны. Скарлатти былъ основатель неаполитанской музыкальной школы, которая въ теченіе почти всего восемнадцатаго столѣтія подчиняла себѣ итальянскую оперу въ Европѣ. Онъ превзошелъ въ плодовитости даже Кейзера, написавъ свыше ста двадцати оперъ и тому подобныхъ произведеній. Его музыка отличается настоящею драматическою жизнью. Это отозвалось уже въ его первыхъ операхъ, благодаря болѣе тѣсной связи речитатива съ аріей, чѣмъ то было свойственно его предшественникамъ; а потомъ, произведеніями своихъ позднѣйшихъ годовъ онъ окончательно установилъ тѣ гармоническія формы, которыя сохранили свое значеніе для всѣхъ послѣдовавшихъ оперныхъ композиторовъ, со включеніемъ Глюка и Моцарта въ ихъ раннихъ произведеніяхъ. Нѣмцы, Гассе и Грауни, Итальянцы Винчи, Перголезе и многіе другіе составляли свои „*dramma per musica*“ (т. е. оперы), такъ же какъ и Скарлатти, но только въ болѣе обширныхъ формахъ. Противъ этого-то преобразившагося послѣдствіи въ лишнюю содержанія манеру скарлатто-неаполитанскаго опернаго стиля и возсталъ Глукъ, послѣ того какъ самъ подчинился ему въ теченіе двадцати пяти лѣтъ.

Инструментальная музыка совершила въ семнадцатомъ вѣкѣ богатое развитіе и оказала сильное вліяніе на композицію вообще. Когда *Клавдій* была.

Георги Пюрсель.
1658—1495.

Алессандро Скарлатти.
1649—1725.

Меруло около 1600 обнаруговалъ свои тожкаты, то ни одна изъ формъ Клавдій Меруло.
инструментальной музыки не стояла еще на своихъ ногахъ; а когда умеръ Корелли 1713, то всѣ онѣ достигли уже нѣкотораго совершенства. Изъ всѣхъ музыкальных инструментовъ въ это время средоточіемъ служили органъ, клавикорды и скрипка. Тщательнѣе всего изучались игра и композиція именно на органѣ. Италія и въ этой также области нѣкоторое время была руководительницею. *Джироламо Фрескобалди* (1590—1660), современникъ и соотечественникъ Кариссини, сдѣлалъ для органа и композиціи то же, что послѣдній для ораторіи; подобно тому, какъ Шютцъ соперничалъ съ Кариссини, такъ и Нѣмецъ *Самуиль Шейдтъ* — съ Фрескобалди; а съ 1650 Нѣмцы достигли перевѣса въ игрѣ на органѣ. Клавикорды (*Clavicembalo, Cembalo*) были тогда гораздо тѣснѣе связаны съ органомъ, чѣмъ теперь, какъ въ техническомъ, такъ и въ художественномъ отношеніи. Оба эти инструмента участвовали, то вмѣстѣ, то попеременно, во всѣхъ музыкальныхъ представленіяхъ какъ сопровождающія гармонію, руководящія части; органистъ или цембалистъ былъ вслѣдствіе этого естественнымъ дирижеромъ представленія и потому самою важною личностью. Понятно поэтому, отчего тогда великіе музыканты выходили изъ этихъ кружковъ. Игра на клавикордахъ была усовершенствована именно Французомъ *Франсуа Купереномъ* и сыномъ великаго опернаго композитора *Доминико Скарлатти*; композиціи ихъ составляютъ основу позднѣйшей игры на фортепиапахъ. Скрипки и при нихъ гобой, въ качествѣ инструментовъ для оркестра, во время Люлли употреблялись главнѣйше въ Парижѣ, а оттуда распространились по Германіи и Англии. *Арканжело Корелли* былъ въ свое время первостатейнымъ композиторомъ для скрипки; его трехъ и четырехголосныя „сонаты“ обладаютъ уже формою позднѣйшихъ трио и квартетовъ и относятся къ тогдашнимъ болѣе обширнымъ произведеніямъ для оркестра, называемымъ *Concerti grossi*, какъ струнные квартеты къ современнымъ симфоніямъ. Всѣ остальные отрасли музыки постоянно развивались и совершенствовались, благодаря множеству замѣчательныхъ музыкантовъ, такъ что нельзя именовать здѣсь хотя бы самыхъ главныхъ.

Джироламо Фрескобалди.

Самуиль Шейдтъ.
1587—1654.

Франсуа Куперень.

Доминико Скарлатти.
1668—1733.

Арканжело Корелли.
1653—1713.

Около 1700 года все это развитіе обострилось въ лишнюю посредствомъ звена противоположность между итальянскою и французскою музыкою; Нѣмцы и Англичане пока еще вовсе не принимались въ расчетъ, и никто не ожидалъ, что они въ этомъ отношеніи когда либо достигнутъ высшаго единства, которое гармонично разрѣшило бы противоположности. Но такого именно единства добились двое Нѣмцевъ, каждый въ своемъ родѣ: *Гендель* и *Бахъ*; первый родился 23. февраля 1685 въ Галлѣ, а послѣдній четырьмя недѣлями позже, 21. марта въ Эйзенахѣ. Оба они вышли изъ кружковъ или изъ школъ нѣмецкихъ органистовъ; не смотря, однако, на общественныя по племени и по духу натуры, жизнь ихъ рѣзко отличалась одна отъ другой.

Георги Фридрихъ Гендель восемнадцати лѣтъ отъ роду покинулъ юридическія занятія въ университетѣ своего роднаго города, съ тѣмъ чтобы на- рихъ Гендель.
правиться прежде всего къ оперѣ въ Гамбургъ. Съ этой поры онъ про- 1685—1759.
дѣлъ вольную жизнь и на короткое лишь время, въ молодые его годы, былъ связанъ должностію. Послѣ гамбургской школы онъ посѣтилъ итальянскую; изъ Италіи Гендель 1710 черезъ Ганноверъ прибылъ въ Лондонъ. Отли-

чаясь и превосходя почти всѣхъ въ игрѣ на фортепьянахъ и на органѣ, въ мірскихъ и духовныхъ композиціяхъ, онъ скоро достигъ всеобщей славы. Съ 1720 г. итальянская опера въ Лондонѣ составляла средоточіе его дѣятельности; тамъ онъ съ лучшими произведениями, пѣвцами и артистами того времени своружалъ самыя блистательныя представленія. Достигнувъ полнаго зрѣлаго возраста, онъ въ это время уже грудился надъ главною цѣлью своей жизни, надъ ораторіей. Съ Эсепрю, возникшею въ 1720 г. покинулъ онъ опошленную манеру ораторскихъ композицій своей эпохи, примкнувъ какъ бы вновь къ Кариссини и снабдивъ свое произведение всѣмъ, что добыто современностью: богато развитымъ соло, выработаннымъ для самыхъ разнообразныхъ выраженій оркестромъ, болѣе свободнымъ составомъ текста и хоровыми средствами, доведенными до чрезвычайнаго совершенства. Онъ не только съ удивительною легкостью освоился съ подлиннымъ итальянскимъ способомъ музыкальной композиціи и въ своихъ сорока операхъ представилъ законченныя образцы художественнаго пѣнія; но скоро также пріурочился къ основному существу англійской музыки; благодаря чему всякое національное торжество прославлялось его искусствомъ. Въ Англии Гендель скоро достигъ званія національнаго композитора. Поддержка, какою онъ пользовался во всеобщемъ уваженіи, оказала ему существенную выгоду въ долгой ожесточенной борьбѣ, которую пришлось ему вести въ своей собственной средѣ, въ лондонской итальянской оперѣ. Когда около 1740 г. онъ покинулъ наконецъ эту оперу и всецѣло перешелъ къ ораторіи, то помимо Эсепри находились уже на лицо еще другія главныя произведенія въ этомъ родѣ—Саулъ, Израиль въ Египтѣ, праздникъ Александра,—а теперь 1741 возникли непосредственно одно за другимъ Мессія и Самсонъ. Мессію онъ написалъ въ двадцать три дня для Дублина, куда и поѣхалъ на представленіе; это произведеніе было поворотною точкою въ его жизни и творчествѣ. Вернувшись 1743 въ Лондонъ, онъ засталъ тутъ измѣнившуюся публику, которая съ восторгомъ приняла его новыя ораторіи и тѣмъ доставила ему для композицій этого рода поддержку, какой ему до сихъ поръ не хватало. А потому онъ и остался при этомъ родѣ, и его дѣятельность ограничивалась теперь тѣмъ, что въ великій постъ, когда прекращалась опера, онъ сооружалъ рядъ концертовъ изъ двѣнадцати ораторій. Изъ года въ годъ въ неистощимой плодовитости умножалъ онъ и безъ того уже значительное количество своихъ ораторій новыми; изъ нихъ наиболѣе извѣстны Валтасаръ, Иракль, Иосифъ, Иуда Маккавей, Исусъ-Навинъ, Сусанна, Федора, Іефеай. Этотъ необычайный рядъ великихъ произведеній внезапно прекратился 1781 Іефеаемъ, оттого что во время композиціи его Гендель ослѣпъ. Въ послѣднія восемь лѣтъ своей жизни онъ, какъ и прежде, лично участвовалъ въ ораторіяхъ, и совершенно слѣпой своею игрою на органѣ приводилъ въ восторгъ слушателей. Онъ умеръ 14. апрѣля 1759 на семьдесятъ четвертомъ году отъ роду и былъ похороненъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Преобладающее величіе Генделя рѣшительнѣе всего засвидѣтельствовано именно тѣми изъ его преемниковъ, которые состоятъ къ нему ближе всѣхъ—Глукомъ, Гайдномъ, Моцартомъ, Бетговенемъ. „Въ монархіи всѣ знаютъ, кто первый,“ сказалъ про него Бетговенъ. Ораторія какъ художественное произведеніе доведена имъ до совершенства; своею многолѣтнею дѣятельностью онъ въ то же время доставилъ этой отрасли музыки право гражданства на свѣтѣ; и въ самомъ дѣлѣ Гендель—настоящій основатель великаго концерта или тѣхъ сочиненій, которыми это искусство въ представленіи освободилось отъ оковъ какъ церковной, такъ и театральной музыки. Этимъ онъ подалъ также поводъ къ образованію обществъ любителей пѣнія, содѣйствіемъ которыхъ музыка, какъ даже и не

чаяли прежде, проникла во всѣ слои народа. А потому историческое значеніе его произведеній такъ же велико, какъ и эстетическое.

Иоаннъ Себастьянъ Бахъ происходилъ отъ многочисленной фамиліи органистовъ и самъ всю жизнь пробылъ въ этомъ званіи. Подобно Генделю онъ также развивалъ главнѣйше самообразованиемъ. Съ великимъ музыкальнымъ дарованіемъ онъ соединялъ усидчивый трудъ и проникательный умъ. Бахъ главнѣйше стремился къ усовершенствованной игрѣ на органѣ и къ лучшей композиціи церковныхъ музыкальныхъ пьесъ; при этомъ онъ музыку на фортепьяно по образцамъ композиторовъ различныхъ націй окончательно преобразовалъ въ новомъ видѣ. Эти три отрасли онъ и обогатилъ главнѣйше бессмертными произведениями. Изъ его композицій для фортепьяна болѣе всего распространено собраніе дважды двадцатичетырехъ прелюдій и фугъ, которыя онъ озаглавилъ „Das wohltemperierte Klavier“. Это заглавіе знаменательно какъ въ отношеніи дидактической черты Бахова искусства, такъ и шаткой на практикѣ, нестройной музыкальной системы той эпохи: Бахъ хотѣлъ этимъ выразить, что существовавшіе дотошныя недостатки относительно связи различныхъ тоновъ на клавишныхъ инструментахъ устрояются стройною игрою. Теперь на фортепьянахъ можно пользоваться всѣми клавишами, играть на всѣхъ тонахъ; такимъ образомъ инструментъ, игра и музыка приведены въ стройность. Для органа, для своего любимаго инструмента, онъ написалъ много прекрасныхъ пьесъ, начиная съ прелюдій и до самыхъ законченныхъ художественныхъ произведеній; они всегда будутъ служить кореннымъ началомъ игры на органѣ. Онъ считался (помимо Генделя въ концертномъ отношеніи) величайшимъ органистомъ своей эпохи и сохранить это положеніе, пожалуй, на всѣ будущія времена, такъ какъ немислимо, чтобы когда нибудь другой композиторъ съ подобными дарованіями посвятилъ свою жизнь на достиженіе въ этой отрасли такого же всеобщаго совершенства. Въ своей церковной музыкѣ онъ примкнулъ къ тогдашней эпохѣ, преобразившей такъ называемыми „церковными кантатами“ богослуженіе чуть-ли не въ настоящій концертъ; и дѣйствительно, тутъ исполнялись свободно сочиненныя, связныя пьесы изъ речитативовъ, арій, хоръ и хораловъ съ акомпаниментомъ оркестра въ двухъ отдѣленіяхъ, до и послѣ проповѣди. Бахъ написалъ болѣе двухсотъ такихъ кантатовъ, примыкающихъ къ извѣстному строю церковнаго года; нѣкоторыя изъ нихъ состоятъ между собою въ связи, напр. шесть пьесъ, прозванныхъ имъ „Рождественскими ораторіями“. Вершиною точкою этихъ произведеній считаются „Страсти Христовы“, которыя Бахъ сочинилъ къ текстамъ всѣхъ евангелистовъ; страсти Маттея и Иоанна сохранились и вездѣ распространены въ настоящее время. Къ этому присоединяются нѣсколько обѣднъ и др. пьесы къ латинскимъ текстамъ, между прочимъ величавая H-moll-обѣдня. Меланхоличное искусство связанное съ задумчивою искренностию составляютъ главный элементъ Баха; ему менѣе свойственно пѣвуче свободное и легко постигаемое выраженіе; его вокальныя произведенія лишь въ наше время достигли всеобщей извѣстности. Но какъ артистъ и композиторъ фугъ для органа и фортепьяна, которыя и въ мелодическомъ также отношеніи составлены гораздо свободнѣе его пѣвческихъ мелодій, и какъ наставникъ въ этихъ предметахъ онъ всегда признавался по заслугамъ. Никто какъ Бахъ не научилъ насъ въ такомъ законченномъ видѣ всему, что въ состояніи исполнить музыка въ качествѣ искусства. Его послѣднее твореніе, „Искусство фугъ“, руководство въ нотахъ, было самымъ лучшимъ завершеніемъ его дѣятельности, а естественнымъ слѣдствіемъ этого — большое число учениковъ. Бахъ умеръ канторомъ при школѣ и церкви св. Thomy въ Лейпцигѣ 28. іюля 1750. Изъ его учениковъ самыми выдающ

собственные сыновья, Фридеманъ и Филиппъ Эмануилъ; первый изъ нихъ утопалъ въ причудливостяхъ, а второй, усовершенствовавъ игру на фортепьянахъ, перешелъ къ современной композиціи и достигъ прочнаго значенія.

Когда наконецъ ораторія, а при ней и та Бахова мелодія, которая, выражаясь философски, можетъ быть названа «искусство само по себѣ», завершилась, то отошедшая было на задній планъ опера выступила опять съ новою силою и послужила поводомъ къ слѣдующему значительному шагу въ развитіи музыки. Помимо оперы музыкальною областью вообще овладѣла затѣмъ инструментальная музыка; ее и слѣдуетъ признать главною силою наступавшаго второго періода классической эпохи.

Христофъ Виллибальдъ Глюкъ родился въ Вейденвагтѣ въ Верхнемъ Пфальцѣ и образовался въ Италіи совершенно по образцамъ неаполитанской школы. Въ Англии, однако, 1746 творенія Генделя побудили его приступить къ изученію болѣе глубокаго выраженія музыки, и послѣ многихъ хорошо принятыхъ итальянскихъ оперъ онъ 1762 съ „Орфеемъ и Евридикой“, покинулъ прежній путь и перешелъ на новый, возстановивъ болѣе тѣсную связь между дѣйствіемъ, текстомъ и музыкой. Въ знаменитомъ предисловіи къ своей слѣдующей оперѣ, къ Альцестѣ (1766, написанной и разыгранной также въ Вѣнѣ) Глюкъ изложилъ принципы, которыми онъ руководился; въ своемъ пристрастіи къ сценическому искусству онъ сталъ утверждать, будто выразительная иллюстрація текста должна быть главнымъ дѣломъ, такъ что при композиціи онъ старается совсѣмъ забыть музыканта. Гениальный энтузіастъ достигъ этимъ путемъ дивнаго согласія своей музыки съ драматической сценою; однако великія его творенія лишены музыкальной прелести, такъ что они никогда не пользовались популярностью и съ трудомъ лишь принимались на сцену, для которой исключительно предназначались. Принципы его скорѣе и рѣшительнѣе всего могъ еще привиться къ французской оперѣ, такъ какъ въ ней со временъ Люлли преслѣдовалась подобная тенденція. А потому, когда 1773 Глюкъ отправился въ Парижъ, то онъ попалъ на свое постоянное музыкальное поприще. Тутъ противъ него возстали двѣ партіи: приверженцы старо-французской музыкальной трагедіи и любители итальянской современной оперы. Первая партія скоро перешла на его сторону, убѣдившись, что онъ не разстроивалъ ихъ излюбленную мелодію, а напротивъ, какъ бы вновь оживилъ ее болѣе высокимъ и болѣе современнымъ искусствомъ. Итальянцы же выставили противъ него опаснаго соперника въ лицѣ своего знаменитаго композитора, *Николо Пиччини*; тутъ-то и возникла та извѣстная горячая борьба между Глюкистами и Пиччинистами, которая велась то операми, то памфлетами; Глюкъ своими произведеніями (1774: Ифигенія въ Авлидѣ и французская отдѣлка Орфея; 1776: Альцеста во французской отдѣлкѣ; 1777: Армида; 1779: Ифигенія въ Тавридѣ, Эхо и Нарцисъ) одержалъ, наконецъ, рѣшительную побѣду. Вслѣдствіе этого французская опера, казалось, вообще обновилась, такъ какъ французскіе композиторы болѣею частью пошли по слѣдамъ своего нѣмецкаго учителя, и ихъ произведенія, сочетавъ драматическую силу съ музыкальною, удержались на сценѣ отчасти до настоящаго времени.

Вольфгангъ Амедей Моцартъ. Въ Германіи реформа Глюка была менѣе подготовлена, и нѣмецкій театръ обходился тогда безъ его произведеній оттого именно, что во пятаямъ за нимъ въ лицѣ *Вольфганга Амедея Моцарта* слѣдовалъ компо-

Николо Пиччинъ.
1728—1800.

зиторъ, музыка котораго, сохранивъ драматическія преимущества, вмѣстѣ съ тѣмъ содержала въ себѣ все то, чего не доставало у Глюка. Моцартъ двадцати пяти лѣтъ отъ роду (1781) написалъ свою оперу „Идоменео“ совершенно въ духѣ Глюка, но съ болѣе богатою музыкальною полнотою. Въ „Похищеніи изъ серали“ 1781, а затѣмъ 1791 въ „Волшебной флейтѣ“ онъ довелъ до изящнаго совершенства другую отрасль недавно возникшей музыки, а именно новѣйшую нѣмецкую оперетку, образовавшуюся съ 1780 по англійскимъ и французскимъ примѣрамъ. Въ „Свадьбѣ Фигаро“ (1786) и въ „Cosi fan tutte“ (1790) онъ создалъ превосходные образцы комической оперы въ испанско-французскомъ родѣ. Потомъ въ Донъ-Жуанѣ, написанномъ 1787 для Праги къ итальянскому тексту да Понте, онъ представилъ оперу всѣхъ оперъ и заключилъ свою дѣятельность для музыкальной сцены 1791 главною и государственною оперою въ старомъ итальянскомъ стилѣ, *Clemenza di Tito*. Такимъ образомъ, онъ въ немногихъ относительно твореніяхъ, составляющихъ основу нѣмецкихъ оперъ, начерталъ всю область дѣйствующей на сценѣ музыки. Новѣйшая нѣмецкая однополосная пѣсня съ аккомпаниментомъ фортепьяна также обязана ему нѣкоторыми первыми и прекраснѣйшими образцовыми пьесами. Цѣлая половина его дѣятельности принадлежитъ инструментальной музыкѣ; онъ внушилъ ей новый духъ во всѣхъ формахъ, начиная съ простой пьесы для фортепьяна и до полногосложной симфоніи для оркестра. Формы, сами по себѣ взятыя, достались Моцарту отъ его предшественниковъ въ болѣе готовомъ видѣ нежели въ драматической музыкѣ, такъ что его дѣятельность въ этой области пользуется меньшимъ значеніемъ; однако, все, къ чему бы ни коснулся онъ своей рукою, переносилось какъ бы въ очарованное царство красоты. Моцартъ родился 27. января 1756 въ Зальцбургѣ. На шестомъ году отъ роду онъ уже какъ феноменъ развѣзжалъ по Европѣ, давая концерты. Изъ всѣхъ первостатейныхъ композиторовъ ему суждена была самая кратковременная жизнь: на тридцать шестомъ году уже онъ умеръ въ Вѣнѣ 5. декабря 1791. Обѣднл и другія произведенія церковной музыки онъ писалъ смолоду въ большомъ количествѣ; знаменитое произведеніе въ этомъ родѣ, реквиемъ, было послѣднимъ его трудомъ, которымъ онъ занялся незадолго до своей смерти. Моцартъ во всѣхъ своихъ твореніяхъ исполненъ музыки и красоты; вотъ выдающіяся его качества, и передъ ними далеко отступаютъ всѣ преимущества или недостатки, какіе бы еще ни попадались у него. Въ смыслѣ музы онъ болѣе всякаго другаго заслуживаетъ имя „божественнаго“ учителя, которое часто придается ему поклонниками.

Йосифъ Гайднъ двадцатью четырьмя годами старше Моцарта; онъ собственно и продолжилъ путь современной инструментальной музыкѣ. Происходя изъ нѣмецко-венгерской пограничной области, онъ образовался главнѣйше въ одной изъ тѣхъ аристократическихъ частныхъ кашель (князя Эстергази), какия тогда находились вездѣ въ видѣ образовательныхъ кварталъ и симфонія для оркестра выработавъ Гайдномъ до такого совершенства, что онѣ служили впоследствии образцами. Этотъ композиторъ въ чрезвычайной мѣрѣ обладалъ богатствомъ мысли, естественною свѣжестью, мелодичною и гармоничною полнотою и живостью. Онъ не освоился съ оперой, за то подъ вліяніемъ Генделева искусства обогатилъ ораторію двумя долговѣчными произведеніями, „Твореніемъ“ и „Временами года“. Моцартъ, котораго онъ очень любилъ и восхвалялъ, въ инструментальной музыкѣ шелъ вполнѣ по его слѣдамъ.

Болѣе молодой *Людвигъ ванъ Бетховенъ*, которій одно время былъ непосредственнымъ ученикомъ Гайдна, превзошелъ его не только въ духѣ,

Людвигъ Бетховенъ.
1700—1827.

но также и въ формахъ. Беттговенъ родился 16. декабря 1770 въ Боннѣ, но съ юныхъ лѣтъ уже водворился въ Вѣнѣ, гдѣ и умеръ 26. марта 1827; а потому его слѣдуетъ всецѣло причислить къ вѣнской школѣ, къ которой принадлежать вообще первостатейные композиторы этого періода. Въ музыкѣ Беттговена, такъ же какъ и Генделя, вмѣстѣ съ красотой опять проявляются мощь и величіе, но только въ другой совершенно области. Онъ наложилъ отпечатокъ своего мощнаго духа на *инструментальную музыку* во всѣхъ ея формахъ и видахъ. Соната для фортепьянъ благодаря лишь ему достигла своего совершенства; всякіе созданные имъ тріо, струнные квартеты, концерты и тому подобныя произведенія досягали подъ его руками до нежданнаго, а зачастую даже непонятаго величія. Въ особенности симфонію онъ въ девяти произведеніяхъ поднялъ до высоты, какой она не достигала болѣе послѣ него. Нѣкоторымъ изъ этихъ произведеній, третьему (Eroica) и шестому (Pastorale), онъ придалъ отношеніе къ вѣшнимъ предметамъ, съ тѣмъ чтобы еще нагляднѣе представить образовательную силу музыки, а прославленную и многими оспариваемую девятую симфонію онъ закончилъ одиночнымъ и хоровымъ пѣніемъ Шиллеровой оды „Радости“. Въ вокальной музыкѣ имѣются отъ него исполненныя чувствъ пѣсни съ акомпаниментомъ фортепьянъ, дивныя сцены въ его единственной оперѣ „Фидело“, въ этомъ отпрыскѣ нѣмецкой оперетки, трогательныя соло и хоры въ его обѣдняхъ, изъ которыхъ послѣдняя въ D-moll самая объемистая и величественная, хотя и не самая привлекательная. Вокальной музыкѣ, впрочемъ, онъ далеко не посвятилъ того настойчиваго глубокаго изученія, какое употребилъ на инструментальную; а потому первая и удалась ему въ меньшей мѣрѣ; въ особенности великія творенія изъ позднѣйшаго періода его жизни грѣшатъ неправильностями въ частностяхъ и несообразностями въ цѣломъ. Та художественная свободная вокальность всѣхъ родовъ, какая господствовала въ періодъ Генделя, теперь вообще ограничилась театральнымъ пѣніемъ и пѣснями. Тѣмъ болѣе, благодаря Беттговену, торжествовала за то инструментальная музыка. Онъ создалъ въ свѣтѣ настоящій культъ этой отрасли; вся концертная система, въ томъ видѣ какъ она сложилась съ 1800, въ сущности состоитъ подъ вліяніемъ Беттговена; и въ этомъ отношеніи его власть такъ сильна, что распространилось даже ошибочное мнѣніе, будто инструментальная музыка, признаваемая чистою или абсолютною, есть самая совершенная отрасль этого искусства, а Беттговенъ величайшій изъ композиторовъ.

Два другихъ нѣмецкихъ композитора, Шубертъ и Веберъ, жили, правда, еще въ классическую эпоху, но по ихъ искусству относятся уже къ слѣдующему періоду. *Францъ Шубертъ* въ Вѣнѣ, развивая Моцартовскіе и Беттговенскіе образцы, придавъ пѣснѣ съ акомпаниментомъ на фортепьянахъ то совершенство и тотъ законченный видъ, которые впоследствии всѣми признавались нормою и, въ ущербъ художественнаго образованія вокальныхъ произведеній, примѣнялись къ самымъ различнымъ областямъ пѣнія. Однако, благодаря этому способу композиціи, собственно для пѣсни приобретена новая область музыкальнаго выраженія. Искусство *Карла Вебера* въ сущности театральное. Своимъ „Волшебнымъ стрѣлкомъ“ онъ создалъ самое популярное твореніе въ области нѣмецкой оперы, а попытка, какую онъ учинилъ съ „Эвриantomъ“ въ области великой оперы, подобно горчичному зерну, распустилась лишь въ музыкально-драматическихъ стремленіяхъ современной намъ эпохи.

Францъ Шубертъ.
1797—1828.

Карлъ Марія Веберъ.
1796—1826.

С. ЭПОХА РЕВОЛЮЦІИ.

Литература. Въ слѣдующихъ изложеніяхъ авторъ воспользовался двумя обстоятельствами: во первыхъ тѣмъ, что, начиная съ университетскихъ лѣтъ, когда слушалъ лекціи Шлоссера, онъ постоянно посвящалъ особенное вниманіе эпохѣ революціи, именно во время долгаго пребыванія въ Парижѣ въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, — во вторыхъ тѣмъ, что въ Гейдельбергской университетской библіотекѣ находится богатое собраніе историческихъ сочиненій всякаго рода объ этомъ важномъ періодѣ, такъ какъ она въ своемъ собственномъ запасу приобрѣла еще частныя бібліотеки Шлоссера и Гейссера, писавшихъ и читавшихъ лекціи объ исторіи революціи. Такимъ образомъ открылась возможность воспользоваться старѣйшими твореніями, которыя появились прежде 1848 года и изъ которыхъ нѣкоторыя, напр. сочиненія *Тьера*, *Мильте* (Histoire de la révolution française), *Ламартина* (Histoire des Girondins), *Ф. Бѣрка* (Reflections on the Rev. of France, 1790) распространены во многихъ изданіяхъ и переведены на всѣ европейскіе языки. Сюда относятся большая часть названныхъ уже на стр. 321 сочиненій, особенно Droz и Soulayie, а также исторіи революцій Toulougeon (Hist. de Fr. depuis la révol. P. 1801—1810, 7 voll.), Fantin-Desodoards (Hist. philos. de la révol. de France. 1806. 5. Ed. 10 voll.), Montgaillard (Hist. de Fr. depuis la fin de L. XVI. jusqu'à 1825. 3. Ed. 15 voll.), Rabaud и La cretelle jun. (Précis de la rév. fr. 1801. 1810. 1813. 4 voll. 12°), Eug. Labaume (Hist. monarch. et constit. de la Rév. fr. P. 1836. 5 voll.) и др.; ср. Desmairis, Etudes critiques des historiens de la Revolut. Par. 1835. Сюда принадлежатъ прежде всего обширный сборникъ: Histoire parlementaire de la Révolution française cet. par Buchez et Roux. 40 voll. 1834—1838 (ср. Wachsmuth Beil. IX къ 1 т. ниже названной книги). Сюда относится множество *Записокъ* о революціонной эпохѣ, въ которыхъ участвовавшія въ событіяхъ личности изложили свои приключенія и воззрѣнія, въ родѣ Малуэ, Мунье, Бальп, Феррьеря, Дюмурье, Лафайета, Булье, Бертрапа де Молевилля, Лалли Толендаля, въ родѣ жирондистовъ Бюзо, Бриссо Ламета, въ родѣ члена конвента Баррера, Австрийца Вебера изъ придворнаго штата королевы, многія дамы, въ родѣ мад. де Кампанъ, Роланъ, де Жанлизъ, госпожи Сталь-Лекеръ, Considerations которыхъ отличаются тѣмъ же характеромъ; записки и корреспонденціи къ ист. Mallets du Rau, ed. v. A. Sayous, 2 г. Paris 1851. Нѣкоторыя изъ этихъ современныхъ извѣстій, между прочимъ записки о вождахъ Вандейской войны, Ларош-Жакансъ, Боншанъ и др. находятся въ сборникѣ Бервиля и Баррера: Berville et Barrière, Collection des mémoires relatifs à la Revolut. franc. Paris 1822 и сл.—Въ особенности обильны сочиненія *Мирабо* и объ немъ. Помимо Mémoires biographiques lit. et polit. de M. écrits par lui même, par son père, son oncle et son fils adopt. Par. 1834. 3 voll. (Rec. von Schlosser, Heid. Jahrb. Jahrg. 27), помимо его корреспонденціи съ гр. *Ламаркомъ* (Corresp. des Comtes de M. et de la Marck par Bascourt. 1853. 3 voll. Польшевъ v. Städtler. Leipz. 1851 f. 3 Bde.), біографій *Питица* (Leipz. 1850. 2 Bde.), *Вермореля* (P. 1864—1866. 5. voll.) и др. объ этомъ замѣчательномъ государственномъ мужѣ существуетъ еще множество монограф. тру-

довъ, лекцій и т. п. отчасти отдѣльными изданиями, отчасти разсыпанныхъ по журналамъ.— Сюда относятся также собранія писемъ, документовъ, рѣчей, судопроизводствъ, брошюръ, журналовъ и т. п., въ родѣ (Deschiens) Collect. de matériaux pour l'hist. de la révol. de France. Par. 1829; Grille, Introduction aux mémoires sur la révol. fr. ou tableau comparatif des mandats et pouvoirs donnés par les Provinces à leurs députés aux états gén. de 1789. Par. 1825, 2 voll.—Сюда относятся наконецъ нѣмецкія произведенія: (v. Schütz) Gesch. der Staatsveränderungen in Frankreich unter L. XVI. Leipzig 1827—1833, 6 Bde.; W. Wachsmuth, Gesch. Frankr. im Revolutionszeitalter. Gotha 1840—1844, 4 Bde.; B. Niebuhr, Vorlesungen über die letzten 40 Jahre (Geschichte des Zeitalters der Revolution), herausgeg. vom Sohn 1845; Dahemann, Gesch. der franz. Revolut. (bis zum Sturz des Königtums). Leipzig. 1845, 3. Aufl. 1853; Leo, Gesch. der Revol. Halle 1842; Thom. Carlyle, French Revolution. Lond. 1837, 3 Bde. (часто издавалось).—Годы 1848 и 1849, въ которые первая революція еще лучше выяснилась для молодого поколѣнія, внесли также новую дѣятельность въ историографію о событіяхъ послѣдняго десятилѣтія восемнадцатаго вѣка. Упомянемъ только о пространномъ сочиненіи Michelet pp. 1. ed. Paris 1847—1851, 2. ed. 1869; Louis Blanc, Hist. de la révol. française. Par. 1847—1862, 12 voll.; Edgar Quinet, La révolution française, 2 v., Paris 1866; Histoire de la Terreur, Mortimer-Ternaux. P. 1862—1867, 6. voll.; Michelet, Hist. de la révol. fr. 1869, 6 voll.; Lanfrey, Essay sur la révol. fr., Par. 1857; Henri Taine, Origines de la France contemporaine, v. 2—4 (La Révolution), 1878; Chérest, La chute de l'ancien régime, 2 v. 1885; о нѣмецкихъ сочиненіяхъ: Sybel, Gesch. der Revolutions-Zeit von 1789—1800, 3 Aufl. Düsseld. 1865, 5 Bde.; Ludw. Häusser, Gesch. der franz. Revolut. 1789—1799. Herausg. v. W. Oncken. Berl. 1867; E. Arnd, Gesch. der Revolut. von 1789—1899, Braunschw. 1851, 6 Bde.; I. W. Zinkeisen, Der Jakobiner-Klub. Berl. 1853, 2 Bde.; Adolf Schmidt, Pariser Zustände während der Revolutionsz. von 1789—1800. Iena 1875, 2 Bde. Tableaux de la révol. fr. publiés sur des pap. inédits cet. Leipzig. 1867—1870, 3 voll.; Oncken Zeitalter der Revolutionen u. s. w., 2 Bde., Berl. 1884—1886; о названной прежде уже книгѣ Tocqueville (L'ancien régime et la révol. Par. 1866); Hamel, Hist. de Robespierre. Par. 1865—1867, 3 voll.; книги о Кааро, Шарлотѣ Корде, Дантонѣ, Фла. Орлеанскомъ и др. Съ особеннымъ интересомъ освѣщены личности и отношенія при версальскомъ дворѣ, болѣею частью по неизданнымъ доселѣ источникамъ. Такъ между прочимъ въ 1864—1873 года Feillet de Conches обнародовалъ 6 томовъ Lettres et docum. inédits sur Louis, XVI., Marie Antoin. et Mad. Elisabeth (въ сжатіи болѣею частью подложныя, какъ доказалъ Зибель) и Leseure въ 1866 году correspond. secreta et inédite, 2 v. Другія переписки М. Антуанеты съ ея матерью, братьями и приближенными особами были сообщены 1864 графомъ Гунгольмштейномъ (и тутъ много подложнаго), 1865 и 1866 Арнетомъ (Вѣна и Лейпц.). Въ томъ же 1865 году явилась Mémoires sur M. Ant. par Nuard. Потомъ Ancelon, La vérité sur la fuite et l'arrestation de Louis XVI. à Varennes, Paris 1866; M. A. de Beauchesne, Louis XVII., sa vie, son agonie, sa mort, 4. ed. Paris 1866. Исторія войнъ и политика союзовъ также вновь освѣтились разными сочиненіями, основанными на архивныхъ изслѣдованіяхъ. Упомянемъ только о: Häusser, Deutsche Gesch. Berl. 1861, 3. Aufl. 4 Bde.; L. v. Ranke, Ursprung und Beginn der Revolutionskriege. Berl. 1872, 2 Bde.; и др. сочиненія, которые отчасти будутъ названы ниже.

I. Французская революція въ восхожденіи.

I. Годы учредительнаго національнаго собранія.

1. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЧИНЫ ВЪ ВЕРСАЛѢ.

Въ первые мѣсяцы 1789 Франція была сильно возбуждена: суровая зима, нужда и дороговизна вслѣдствіе скуднаго урожая и политическія сходы по поводу выборовъ къ предстоявшему собранію палаты поддерживали тревогу въ населеніи. Отъ созыва чиновъ ожидали устранения всѣхъ бѣдствій, наступленія новаго золотого вѣка. Записки (Cahiers—тетради) касательно жалобъ и требованій, какими избиратели снабжали своихъ депутатовъ, съ тѣмъ чтобы онѣ служили послѣднимъ цѣлью и руководствомъ въ совѣщаніяхъ и при баллотировкѣ, свидѣтельствовали о тѣхъ бѣдствіяхъ и нуждахъ, какія одолевали государство и общественную жизнь, о тѣхъ правахъ, какіхъ домогались провинціи, города и корпораціи. Мы упоминали уже о разнообразномъ содержаніи этихъ письменныхъ наказовъ и инструкцій. Они болѣею частью касались воззрѣній, какія возбуждались вольнодумцами, подкрѣплялись и освѣщались американскими идеями, какія съ прошлаго поколѣнія уже стали общимъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей. Эти записки добивались не только устранения золь, отъ которыхъ болѣе всего страдалъ народъ, обременительнаго и неравнаго обложенія податью, феодальныхъ тягостей, недостаточнаго и пристрастнаго судопроизводства, хаотическаго накопленія разнородныхъ законовъ и обычныхъ правъ, но обратили свои нападки также на фундаментальныя порядки французскаго государства. Парижской избирательной запискѣ предшествовало «Объявленіе правъ», гдѣ значилось: «Во всякомъ политическомъ обществѣ всѣ люди равны по ихъ правамъ; всякая государственная власть исходитъ отъ народа и должна употребляться только на пользу его; всеобщая воля признается закономъ; общественною властью обезпечивается его исполненіе; подати могутъ назначаться только пацєю; личность и собственность гарантируются и охраняются закономъ» и т. д. Во всемъ этомъ обнаруживаются уже тѣ доктрины, осуществленіе которыхъ революція признаетъ своими важѣйшими пріобрѣтеніями. Помимо этихъ радикальныхъ требованій появлялись, конечно, также консервативныя и партикуляристическія принципы: іерархія отнодь не желала поступиться своимъ господствомъ въ дѣлахъ вѣры и своимъ иммунитетамъ, признать свободу религіи и совѣсти; а дворянство цѣпенно держалось за свои сословныя права; оно подобно духовенству со-

глашалось лишь на добровольное самообложение, на «дворянский сборъ», съ цѣлью выручить государство изъ временной его нужды; но объ отмѣнѣ своихъ помѣщичьихъ правъ, своей судебной власти, своего привилегированнаго положенія оно и слышать не хотѣло. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, напр. Дофине, дворяне и мѣщане согласились дѣйствовать за одно; а въ другихъ они были на пожахъ. Въ Бретани противоположности до того обострились, что дворянство вовсе не выбрало представителей. Не только свѣтскіе члены, но и духовные также находились въ разладѣ. Низшее духовенство состояло къ высшей іерархіи въ такомъ же отношеніи въ какомъ среднее сословіе къ дворянству; оттого избранные въ общее собраніе чиновъ священники большею частью сочувствовали среднему сословію. Такъ-то мнѣнія и цѣли, партіи и побужденія безтолково перепутались между собою. Правительство обращалось къ націи за помощью отъ финансоваго разоренія государства; а нація стремилась къ соучаствію въ политической власти, которая въ рукахъ стараго правительства оказалась немощною и пагубною. Франція походила на ветхое поврежденное судно, которое безъ знающаго кормчаго, безъ опытнаго и сильнаго экипажа носится по бурному морю.

Открытие госу-
дарственныхъ
чиновъ.
Мая 5. 1789.

Въ прекрасный солнечный день въ Версалѣ собрались депутаты трехъ сословій. Толпы народа стекались со всѣхъ концовъ, особенно изъ возбужденнаго Парижа, съ тѣмъ чтобы въ разукрашенной, сіяющей въ праздничномъ блескѣ резиденціи французскаго королевства присутствовать при великомъ событіи, которому предстояло положить починъ новой эрѣ во всемірной исторіи. Обѣдня, какая въ видѣ вступленія отслужена была наканунѣ открытія, отзывалась скорѣе политическимъ, нежели церковнымъ характеромъ. Проповѣдь епископа служила отголоскомъ переходившихъ тогда изъ устъ въ уста бойкихъ словъ и то и дѣло сопровождалась кликами одобренія. Взорамъ многочисленной толпы, наполнявшей улицы, окна и крыши, предстало своеобразное зрѣлище давно минувшихъ временъ; дѣло въ томъ, что правительство хотѣло придать собранію видъ какъ бы продолженія и возобновленія прежнихъ генеральныхъ чиновъ и строго придерживаться преданій. На такой конецъ депутаты явились въ одеждѣ стародавняго времени, духовенство — въ блестящемъ облаченіи, дворянство — въ черныхъ бархатныхъ епанчахъ, обшитыхъ золотомъ и кружевами, въ шляпахъ съ перьями, а третье сословіе въ простыхъ черныхъ плащахъ, въ шляпахъ безъ перьевъ и кокардъ. Въ томъ же нарядѣ и порядкѣ 5. мая шествѣ двинулось въ залу собранія; привилегированныя сословія вошли туда въ большія распахнутыя главныя ворота, а простолюдины боковою дверью. Занявъ мѣсто на престолѣ, окруженный своею семьею и всѣмъ блестящемъ прежняго придворнаго штата, король открывъ засѣданіе рѣчью;

«она была полна доброжелательства, но скудна политическими идеями»; король заявилъ о затруднительномъ положеніи государства, о возникшемъ вслѣдствіе того волненіи умовъ, и увѣщавъ собраніе къ согласію, увѣряя его вмѣстѣ съ тѣмъ въ самомъ искреннемъ желаніи, способствовать народному благоденствію. Хранитель печати Барентень, который началъ говорить послѣ тронной рѣчи, указавъ на важные предметы, какими предстояло заняться депутатамъ и увѣщавъ ихъ, не увлекаться опасною страстью къ нововведеніямъ, охватившею умы. Вопросъ о формѣ совѣщанія предоставлялось рѣшить самимъ государственнымъ чинамъ. Послѣ этого на трибуну взомель Неккеръ. Онъ пользовался всеобщимъ довѣріемъ, а потому собраніе выслушало его съ напряженнымъ вниманіемъ. Однако, трехчасовая рѣчь его мало удовлетворяла; онъ пытался доказать, что финансовое положеніе отнюдь не такъ безнадежно, что дефицитъ можетъ быть покрытъ бережливостью и разумною экономіей, что собраніе генеральныхъ чиновъ совершилось по свободной волѣ короля, а потому — да заявитъ оно благодарность своимъ единодушіемъ и умѣренностью. Однако, изъ его указаній касательно доходовъ и расходовъ ясно обнаружилось, что онъ, какъ и прежде, старался ложными отчетами, разными передержками и утайками неисплаченныхъ долговъ скрыть настоящее состояніе. По всему, что произносилось въ этомъ первомъ засѣданіи, собраніе убѣдилось, что правительство очутилось въ безпомощномъ положеніи передъ великою задачею, что оно безъ плана и безъ цѣли стремится къ мрачной будущности, что національному представительству предстоитъ обнажить общественные язвы и недостатки, съ цѣлью изыскать средства и пути къ исцѣленію.

Однако, и тутъ тоже плохо сознавались цѣли и задачи; въ средѣ депутатовъ было мало единодушія и довѣрія другъ къ другу! Къ собранію, состоявшему слишкомъ изъ полторы тысячъ человекъ всѣхъ сословій, принадлежало изъ рядовъ духовенства двѣ трети низшаго разряда священниковъ, изъ дворянства преобладавшее большинство феодалныхъ помѣщиковъ, изъ третьяго сословія помимо мѣщанъ и поселянъ свыше трехъ сотъ адвокатовъ и судей. Какъ было состоявшему изъ такихъ разнородныхъ элементовъ собранію слиться наскоро для совмѣстнаго дѣла? Съ самаго начала уже возникъ споръ по поводу важнаго вопроса: составляютъ ли чины одно цѣльное національное представительство или самостоятельныя корпораціи? слѣдуетъ ли совѣщаться и дѣлать приговоры порознь или совокупно? Для третьяго сословія было жизненнымъ вопросомъ, какъ подавать голоса, по сословіямъ или поголовно? Правительство не высказалось на этотъ счетъ; однако, такъ какъ третьему сословію предоставлено было двойное число, то надо полагать, имѣлось въ виду поголовное совѣщаніе. Вслѣдствіе этого члены третьяго сословія пригласили ос-

Какъ подавать
голоса?

тальных чиновъ присоединиться къ нимъ въ отведенномъ для нихъ самомъ большомъ залѣ для провѣрки полномочій и выборовъ. Чины, однако, отвергли это предложеніе и требовали, чтобы какъ духовенство, такъ и дворянство, каждое порознь провѣрили мандаты своихъ избирателей. Такимъ путемъ вернулись бы къ старому отжившему порядку дѣлъ, причемъ немыслима была рѣшительная реформа государственнаго управленія. И въ самомъ дѣлѣ, къ чему послужило бы третьему сословію двойное число членовъ, если остальные вольны были внести свое вето и взять большинствомъ голову? Итакъ, дѣло началось съ борьбы за принципъ. Если привилегированные классы будутъ настаивать на своемъ предложеніи, то третье сословіе не могло разсчитывать на то, чтобы составить конституцію, которая отвѣчала бы потребностямъ и желаніямъ народа. Нѣсколько недѣль прошло въ бесплодной борьбѣ. Предлагаемое нѣкоторыми членами духовенства посредничество оказалось безуспѣшнымъ. Дворянство, въ средѣ котораго находилось нѣсколько приверженцевъ новыхъ идей, клиръ, въ которомъ прелаты опасались большинства низшаго духовенства, — оба они трепетали при мысли о поголовной подачѣ голосовъ, такъ какъ при этомъ ихъ сословныя преимущества подвергались величайшей опасности. Привилегированные классы знали, что наиболѣе вліятельныя особы при дворѣ находятся на ихъ сторонѣ, что въ министерствѣ царить разногласіе, и оно лишено плана и цѣли, а въ высшихъ кружкахъ были бы весьма довольны, если бы собраніе вовсе не приступало къ организаторской дѣятельности. Такъ какъ они и безъ того отреклись уже отъ принадлежавшихъ имъ доголдъ преимуществъ касательно податей, то всякія дальнѣйшія совѣщанія казались излишними.

Исходъ борьбы.

Общины преслѣдовали, однако, совсѣмъ другія цѣли. Дворянство усилѣло уже устроиться, тогда какъ третье сословіе лишнее главы, имени и стройнаго дѣлопроизводства подъ веденіемъ старшины еще колебалось. Мирабо, который своимъ политическимъ смысломъ явнѣе всѣхъ постигъ трудное положеніе, хотѣлъ соединиться для совмѣстнаго дѣйствія съ Неккеромъ, творцомъ національнаго собранія; однако суетный, самодовольный государственный мужъ облекся въ свою добродѣтель. Ему не хотѣлось связываться съ человекомъ такого запятаннаго прошлаго, на возраставшее вліяніе и умственное превосходство котораго онъ и безъ того взиралъ съ завистью и подозрѣніемъ. Эти недѣли неувѣренности были тревожнымъ починкомъ революціи. Въ теченіе этого времени дѣйствовали стихійныя народныя силы, которыя частью ободряли и поддерживали, частью подстрекали депутатовъ. Въ самомъ Версалѣ адвокат Де Шапелье изъ Ренна по наущенію Мирабо основалъ „клубъ Бретонъ“, который сталъ уже сборнымъ мѣстомъ, гдѣ политическіе единомысленники соглашались касательно совмѣстныхъ дѣйствій въ собраніи, утверждали выборы и баллотировку. Они поддерживались и поощрялись людьми, которые развивали свою дѣятельность въ *Пале-Рояль*, жилищѣ герцога Орлеанскаго, и воспламенили революціонный духъ „деспотизмомъ популярнаго

Клубъ Бретонъ и Пале-Рояль.

краснорѣчія“. Внутри страны, гдѣ отъ возраставшей дороговизны и безхлѣбницы въ хижины бѣдняковъ проникло отчаяніе, крестьяне, батраки и поденщики собирались толпами и угрожали усадьбамъ богатыхъ арендаторовъ и замкамъ помѣщиковъ. Въ городахъ образовались гражданскія ополченія для охраны собственности и жизни, готовые вмѣстѣ съ тѣмъ поддержать и помочь депутатамъ своего сословія въ основаніи новаго и общественнаго строя. Въ воздухѣ чулось рѣзкое вліяніе поднимавшейся бури. А правительство, лишенное денегъ и авторитета, мнило при этомъ скрыть затруднительное положеніе мелочными средствами, въ особенности ограниченіемъ печати и наблюденіемъ за нею. При такихъ обстоятельствахъ третье сословіе навѣрняка могло разсчитывать на побѣдоносный исходъ. Въдъ за нимъ стояла нація въ преобладавшемъ ея большинствѣ. Когда совѣщанія комиссаровъ не повели ни къ какому соглашенію, а напротивъ, противоположности все болѣе обострились, то Сіезь, одинъ изъ парижскихъ депутатовъ (стр. 373) предложилъ отправить къ обоимъ сословіямъ послѣднее требованіе, явиться для провѣрки полномочій въ „залу чиновъ“, а въ случаѣ отказа приступить къ дѣламъ самостоятельно. Умѣривъ нѣкоторые выраженія, поставивъ вмѣсто „требованья“ (sommatіon) „приглашеніе“ и отложивъ на одинъ сутки срокъ рѣшенія, собраніе приняло это предложеніе. — Однако, у привилегированныхъ корпорацій консервативныя и реакціонныя начала все еще пользовались большинствомъ. Третье сословіе не приняло приглашенія; третье сословіе само по себѣ приступило къ провѣркѣ. Во время этого дѣла, продолжавшагося три дня, появились члены низшаго духовенства и заняли мѣста среди общины, которыя радушно привѣтствовали ихъ. Собраніе признало себя „представительствомъ націи“ и назначило президентомъ естествоиспытателя и астронома *Балли*, благороднаго, проникнутаго любовью къ отчизнѣ и духомъ свободы парижскаго депутата. Но какое названіе придать собранію? „Генеральными чинами“ нельзя было назвать его, пока дворянство и духовенство устраняются; прозвище „третье сословіе“ оказалось уже неподходящимъ и оскорбляло чувство собственного достоинства гражданскихъ депутатовъ, бывшихъ представителями свыше девяти десятыхъ всего народонаселенія. Предложеніе Мирабо: „Представители французскаго народа“ возбудило предубѣжденіе противъ названія „народа“ (peuple), которому придадутъ, пожалуй, презрительное значеніе. Наконецъ согласились на названіи „Национальное собраніе“. 17. Юня 1789 года третье сословіе организовалось въ качествѣ собранія французской націи, заявивъ, что остальнымъ чинамъ всегда открытъ къ нему доступъ. За этимъ рѣшительнымъ шагомъ слѣдовали другія постановленія высокой важности: Собраніе объявило, что пока оно само не будетъ распущено, слѣдуетъ по прежнему вносить установленныя пошлины и подати, какъ бы противозаконны онѣ ни были, и уплачивать проценты государственнаго долга, вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдовать причины голодовки и принять дѣйствительныя мѣры для устраненія бѣдствій. Первымъ изъ этихъ рѣшеній третье сословіе самоуправно присвоило себѣ власть, какая подобала только королю и совѣту министровъ; остальные же были разсчитаны съ цѣлью, предостеречь правительство и государственныхъ законодательцевъ, намекаявъ имъ, что ихъ собственное существованіе самымъ тѣснымъ образомъ связано съ существованіемъ собранія, а голодавшему народу внушить увѣренность, что опъ только отъ національнаго собранія можетъ надѣяться на прекращеніе бѣдствія и нужды.

10. Юня 1788.

Третье сословіе объявляетъ себя народнымъ собраніемъ.

12.—15. Юня 1789.

Семнадцатое іюня было «днемъ рожденія революціи». Объявивъ Неккеръ и по-себя помимо двухъ остальныхъ факторовъ прежняго феодальнаго го- ложеніе партій.

сударства національнымъ собраніемъ, и присвоивъ себѣ исключительное право разрѣшать подати, третье сословіе стало въ положеніе народнаго самодержавія и исторгло почву изъ-подъ ногъ у старой монархіи. Такое состояніе было создано главнѣйше Неккеромъ: колебаясь между дворомъ и популярностью въ народѣ, онъ не имѣлъ духу сказать рѣшительное слово. Онъ, повидимому, имѣлъ въ виду идеалъ конституціи, въ которой, — какъ въ Англіи, дворянство и высшее духовенство, слившись въ верхнюю палату, представили бы народному представительству утвержденный закономъ противовѣсъ. Депутаты третьяго сословія большею частью, пожалуй, согласились бы на это, тѣмъ болѣе что краснорѣчивые вожаки ихъ, въ особенности Мирабо, отстаивали монархическій принципъ. Но для этого государственному правителю слѣдовало бы твердою рукою управлять кормиломъ, собрать вокругъ себя разумныя и умѣренныя силы, рѣшительно противостоять аристократическимъ придворнымъ кружкамъ. Теперь же, вслѣдствіе бездѣйствія и слабости Неккера, будущая конституція Франціи стала колебаться между демократіей и абсолютизмомъ. Оставаться ли монархическому феодальному государству въ прежнемъ видѣ, съ незначительными лишь жертвами со стороны привилегированныхъ классовъ относительно податей, или предоставить національному собранію путемъ самоопредѣленія, на который оно перешло, установить будущія условія общественной жизни? Король колебался и не рѣшался ни на что; высокіе придворные кружки, королева, принцы, Полиньяки и другія главы дворянства были того мнѣнія, что надлежитъ, чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, избавиться отъ собранія; ихъ поддерживали высокородные члены обоихъ привилегированныхъ сословій въ Версалѣ. Къ нимъ присоединились даже старые совѣтники парламента, возстававшіе нѣкогда противъ всемогущаго престола, въ родѣ д'Эпремениля. Неужели, однако, придется развить подобно мимолетному туманному призраку то организаторское твореніе, на которое указывалось столько лѣтъ, къ которому обратились надежды всего населенія какъ къ спасительному якорю? На такой насильственный поступокъ не отважились. Въ собраніи окрѣпло уже сознаніе своего могущества, особенно когда къ нему присоединилась большая часть духовенства, а народъ былъ сильно возбужденъ, армія же въ Парижѣ, благодаря искусно распускаемымъ кознямъ изъ Пале-Рояля, оказалась крайне ненадежною, такъ что не дерзнули послѣдовать совѣту ультра-аристократовъ. Въ такомъ случаѣ пришлось бы также смѣнить министерство. Въдъ Неккеръ никогда не согласился бы на такое дѣло, которое для него равнялось бы правственному самоубійству и окончательно лишило бы его популярности: онъ все еще пользовался ею. И вотъ, рѣшились прибѣгнуть къ средству, какое могло бы имѣть успѣхъ, еслибъ къ нему обратились съ самаго начала; теперь же было слиш-

комъ поздно: король и правительство хотѣли предложить генеральнымъ чинамъ въ ихъ тройномъ раздѣльномъ составѣ проектъ конституціи, съ тѣмъ чтобы ограничить извѣстными предѣлами ходъ совѣщаній и рѣшеній, укротить порывистый духъ демократизма, спасти отъ феодальнаго государства все, что можно при такихъ условіяхъ.

Наскоро начертали новую конституціонную грамату. Король самъ хотѣлъ предъявить ее въ торжественномъ собраніи. На такой конецъ оказалось необходимымъ спарядить большую залу, вслѣдствіе чего въ ней нельзя было отправлять засѣданія. Когда президентъ Бальи, котораго слишкомъ поздно уведомили объ этомъ, явился съ остальными депутатами, то ихъ не пустили въ залу. Собравшіеся отравились затѣмъ въ сопровожденіи нахлынувшей изъ Парижа громадной народнои толпы, въ сосѣдній домъ, гдѣ находился просторный залъ для игры въ мячъ. Стали обсуждать, что дѣлать. Тутъ заявлялись разныя мнѣнія и предложенія, явное доказательство, что сначала сомнѣніе и нерѣшительность обуяли умы депутатовъ. Болѣе рьяные члены были того мнѣнія, что собранію надлежитъ засѣдать въ Парижѣ. Мунье, депутатъ изъ Прованса, умѣренный впрочемъ человекъ, сказалъ тутъ зажигательное слово: надо остаться здѣсь и поклясться не расходиться до тѣхъ поръ, пока не составится конституція и не установится общественный порядокъ. Это рѣшеніе было принято. Бальи прочелъ формулу присяги, и всѣ присутствовавшіе, поднявъ руки, дали клятву. Всеобщее одушевленіе обуяло сердца; «собравшіеся бурными, то и дѣло возобновлявшимися кликами повторяли присягу, за одно съ которою стали биться пульсъ новой эпохи для Франціи, и многіе изъ членовъ приносили свою голову въ жертву отчизнѣ и свободѣ». Когда по приказу графа Артуа закрыли также мячную залу, то депутаты стали засѣдать въ церкви св. Людовика. Тутъ къ третьему сословію примкнула большая часть духовенства съ епископами, аббатами и священниками, также съ дворянствомъ изъ Дофине. Юня 23. было королевское засѣданіе. Людовикъ XVI. въ богатомъ королевскомъ облаченіи среди блестящей обстановки, въ которой однако отсутствовалъ Неккеръ, съ трона сталъ упрекать собраніе за то, что оно въ два мѣсяца ничего не успѣло сдѣлать, потомъ онъ велѣлъ прочесть декларацію о томъ, что приговоры третьяго сословія отъ 17. юня противозаконны и недѣйствительны, что будущая конституція должна быть издана чинами посословно съ одобренія короля. Все это напоминало прежнія тронныя засѣданія (Lits de justice). Но, какая разница между этимъ національнымъ собраніемъ и прежнимъ парижскимъ парламентомъ! Прочитанныя затѣмъ хранителемъ печати предложенія реформъ были приняты холодно, не смотря на значительныя уступки, какіе въ нихъ дѣлались духу времени и либераль-

Королевское
засѣданіе.
25. юня 1789.

нымъ политическимъ идеямъ. Государственнымъ чинамъ предоставлялось все финансовое управленіе, податная свобода и барщина отмѣнялись, судъ и военная система преобразовывались, королевскія предписанія объ арестѣ и цензура устранились, вводились провинціальныя чины и пр. Центръ тяжести всего государственнаго строя былъ перенесенъ на представителей націи, послѣдніе, однако, по прежнему раздѣлялись на три разряда, и закономъ признавались лишь единодушныя ихъ рѣшенія, одобренныя правительствомъ. Съ разрѣшенія короля, впрочемъ, по финансовымъ дѣламъ могли составляться также совмѣстныя совѣщанія. Какъ бы широки ни были предложенныя уступки, однако, онѣ уже не удовлетворяли; то, что прежде приняли бы съ восторгомъ, теперь казалось недостаточнымъ третьему сословію. И дѣйствительно, всѣ права, какими тутъ поступалось правительство, могли принести пользу не столько общему благу, а скорѣе однимъ привилегированнымъ сословіямъ. Помимо даже выказаннаго въ проектѣ конституціи заявленія, что законныя права обезпечиваются и собственность лицъ признается неприкосновенною, развѣ можно было ожидать плодотворной реформы государственныхъ и общественныхъ условий, когда всякое рѣшеніе должно было зависѣть отъ согласія всѣхъ трехъ сословій, когда противорѣчіе дворянства и духовенства могло задержать всякій законодательный актъ! Когда третье сословіе вслѣдствіе присоединенія къ нему многихъ лицъ изъ высшаго и низшаго духовенства и либеральныхъ дворянъ составило уже преобладавшее большинство, то неужели ему теперь согласиться на самоотреченіе, на сокращеніе сферы своей власти? Такъ какъ Неккеръ «блисталъ своимъ отсутствіемъ», то это служило какъ бы признакомъ, что онъ не одобряетъ самый проектъ. А если единственный человѣкъ, которому еще довѣрялъ народъ, покинеть министерство, кто поручится тогда, что обѣщанія будутъ дѣйствительно исполнены? Вотъ какія чувства обуревали большинство членовъ, когда король закрылъ засѣданіе словами: «Приказываю вамъ господа, тотчасъ же разойтись и завтра утромъ посословно собраться въ отдѣльныхъ совѣщательныхъ залахъ для возобновленія вашихъ занятій», и вслѣдъ затѣмъ покинулъ собраніе. Большая часть духовенства и почти всѣ дворяне послѣдовали за королемъ; остальные члены не трогались съ мѣста. Настало роковое молчаніе. Тутъ поднялся Мирабо и внушилъ мужество смутившемуся собранію. Онъ заговорилъ объ опасныхъ подачкахъ деспотизма; назвалъ постыдною диктатурою то, что «уполномоченный» націи (mandataire) осмѣливается издавать законы, тогда какъ ему слѣдуетъ принимать ихъ; онъ напомнилъ депутатамъ о святости присяги, возбраняющей имъ расходиться, пока не составлена конституція для страны. Но тутъ явился оберъ-церемоніймейстеръ, маркизъ де Бреэ, человѣкъ самаго строгаго придворнаго этикета, и пригласилъ господъ повинно-

ваться приказу короля. Мирабо спокойно и твердо возразилъ ему: «Если вамъ поручено удалить насъ изъ залы, то вамъ слѣдовало бы заручиться разрѣшеніемъ на вооруженную силу, потому что мы покинемъ наши мѣста не иначе, какъ подъ напоромъ штыковъ». По народному преданію онъ выразился такъ: «Скажите вашему господину, что мы здѣсь волею народа и прогнать насъ отсюда можно только силою штыковъ». Со всѣхъ сторонъ раздался крикъ: «Такова воля собранія». Король не рѣшился прибѣгнуть къ насилію: «Если они не хотятъ покинуть залу», сказалъ онъ церемоніймейстеру, «то пусть остаются». Это была рѣшительная битва, которую проиграла королевская и феодальная власть, — первая побѣда революціи. «Мы сегодня то же, чѣмъ были вчера», заявилъ Сіесъ, когда собраніе рѣшилось продолжать засѣданіе; оно предложило объявить личность депутатовъ неприкосновенною и всякое насиліе противъ нея измѣною и уголовнымъ преступленіемъ; Мирабо поддержалъ это предложеніе, а собраніе утвердило его приговоромъ.

Въ наступившіе затѣмъ дни къ третьему сословію присоединились мно- Національная
гіе члены изъ дворянства и духовенства. Изъ среды послѣдняго два лица партия усили
вскорѣ достигли выдающагося значенія: *Талейранъ-Перморъ*, епископъ отѣн
скій, податливый дворянинъ, отличный знатокъ людей, „поступившій въ ду- вагся.
ховное званіе съ самыми свѣтскими помыслами вслѣдствіе тѣлеснаго не-
достатка“, и *Алри Греуаръ*, вполнѣдствіи епископъ въ Блуа. Въ рядахъ
дворянства, слѣдовавшихъ за духомъ времени, блистали имена, пользовав-
шіяся историческою извѣстностью, какъ напр. герцогъ *д'Эммонъ*, сынъ
извѣстнаго министра, одинъ изъ самыхъ богатыхъ феодальныхъ господъ
въ провинціи Аженуа, графы *Монморанси* и *Клермонъ-Тоннеръ*, *Ларошфуко*,
Лалли Толендаль, *Латуръ Мобуръ* и даже одинъ изъ прищевъ крови, из-
вѣстный уже намъ *Филиппъ Орлеанскій*; смертельный врагъ королевы, дво-
рецъ и садъ котораго въ Парижѣ были сборнымъ мѣстомъ революціо-
неровъ, откуда выходили паролы для города и страны.

2. ВЗЯТІЕ БАСТИЛИ.

Національное собраніе на самомъ дѣлѣ пользовалось уже властью. Революціонное
Со всѣхъ сторонъ его побуждали стойко держаться, предлагалось движеніе рос-
даже пособіе. Послѣ королевскаго засѣданія Неккеръ подалъ въ от- теть.
ставку; ему отказали въ ней, король лишился всякой самоувѣрен-
ности и отрекся отъ мысли, задержать движеніе, дать потоку другое
направленіе. Юлія 27. онъ письменно предложилъ обоимъ высшимъ
сословіямъ присоединиться къ третьему. Свѣтская и духовная ари-
стократія, скрѣпя сердце, подчинилась приказанію. Она, впрочемъ,
все еще надѣялась, что ея сторонникамъ въ придворныхъ круж-
кахъ удастся придать дѣлу иной оборотъ. Тѣмъ болѣе, что дви-
женіе приняло опасный революціонный характеръ и грозило поко-
левать монархическую власть. Газеты и брошюры, издаваемые большою

частью депутатами, во множествѣ расходились по краю и увлекали народъ въ радикальный потокъ. Затруднительное положеніе, безхлѣбница, застой торговли и промышленности, бѣдствіе и нужда низшихъ классовъ,—все это приписывалось правительству и дурнымъ государственнымъ учрежденіямъ. Политическія собранія поддерживали броженіе въ народѣ и руководили общественнымъ мнѣніемъ. Парижскіе избиратели, назначившіе депутатовъ въ собраніе чиновъ, даже по открытіи послѣдняго собирались обыкновенно въ ратушѣ, съ цѣлью поддержать связь съ національнымъ собраніемъ и посредствомъ адресовъ вліять на ходъ совѣщаній. Главнымъ очагомъ агитаторскаго движенія былъ однако Пале-Рояль, гдѣ вращались крайніе прогрессисты. Образовавшееся тамъ съ самаго начала демократическое общество то и дѣло размножалось притокомъ пришельцевъ со всѣхъ концовъ страны и достигло популярнаго значенія. На защищенной деревьями отъ солнца и дождя открытой площади дворца, въ питейныхъ домахъ, въ кофейняхъ и въ другихъ мѣстахъ, которыя велѣлъ устроить герцогъ ради удовольствія и прибыли, по цѣлымъ днямъ до глубокой ночи собирался народъ; тутъ пылкіе народныя витіи, въ родѣ *Камилль-Демулена*, въ родѣ журналистовъ Люстало, Марата и др. возбуждали рѣчами толпу, пользуясь для своихъ цѣлей всякою злобою дня. «Самый талантливый изъ нихъ, говоритъ Зибель, былъ безъ сомнѣнія Камилль-Демуленъ: его легкая болтовня то и дѣло пересышалась патриотизмомъ и сладострастіемъ, либерализмомъ и язвительными насмѣшками, прелестью и жестокостью; его статьи были словно цвѣты въ тинѣ, жизнь его—словно пестрый, но жгучій и быстро потухающій фейерверкъ». «Клубъ Пале-Рояля» пользовался диктаторскою властью надъ массами, такъ что даже на умѣренныхъ членовъ національнаго собранія нагонялъ страхъ и опасеніе. Оттуда распространялись мятежныя статьи и газеты; отсюда исходили агенты, которые въ кофейняхъ и въ питейныхъ домахъ произносили жгучія рѣчи или читали вслухъ памфлеты; отсюда соблазнялись солдаты и поджигались противъ ихъ дворянскихъ офицеровъ; тамъ собравшіеся обсуждали событія въ Версалѣ и, то прищипывая, то одобряя, стращали и запугивали однихъ членовъ, одобряли и поддерживали другихъ. Послѣ королевскаго засѣданія изъ Пале-Рояля отправилась въ Версаль депутация, съ цѣлью предложить представителямъ третьяго сословія помощь отъ парижскихъ гражданъ. Въ провинціальныхъ городахъ возникли подобныя собранія, которыя возбуждались парижскими клубами и слѣдовали ихъ указаніямъ. Всюду раздавались демагогическія рѣчи о народной свободѣ, о человѣческихъ правахъ и равенствѣ всѣхъ сословій. Возбужденіе росло день ото дня: то тутъ, то тамъ возникали народныя мятежи, и начальство не въ силахъ было подавить ихъ. Нельзя было даже положиться на правительственные органы; гвардейскій полкъ былъ зараженъ,

развращенъ и грозилъ распасться въ необузданныя шайки. Когда полковникъ велѣлъ арестовать и отвезти дѣйствовавшихъ для Пале-Рояля мятежниковъ въ «аббатство», военную тюрьму, то товарищи въ сопровожденіи народной толпы отправились къ здаію и принудили выпустить заключенныхъ. Посланные противъ нихъ драгуны держали руку мятежниковъ. Всякое ослушаніе проходило безнаказанно, всякое нарушеніе воинской дисциплины ободрялось и награждалось сочувствіемъ мѣщанскихъ народныхъ классовъ.

Тогда впервые возникла мысль, учредить въ Парижѣ вооруженное ополченіе или „городскую милицію“. Мирабо присовѣтовалъ и побудилъ къ этому, имѣя въ виду создать институтъ, который можно было бы обратить какъ противъ реакціонерныхъ тенденцій свѣше, такъ и противъ анархическихъ происковъ снизу. Однако, всякому народному ополченію свойственно, что оно не въ состояніи удержать самостоятельное положеніе, дѣйствовать по своему собственному побужденію; а напротивъ, оно всегда служитъ лишь рычагомъ п орудіемъ партіи, господствующей надъ общественнымъ мнѣніемъ. Французская національная гвардія, какъ прозывалась она впоследствии, скоро поступила на службу и во власть демократовъ и террористовъ коммуны.

Парижская
милиція.

Въ придворныхъ кружкахъ возникли опасенія; даже лейбъ-гвардія оказалась не совсѣмъ надежною. Короля и уговорили поэтому поручить главное начальство надъ всею арміею маршалу *Броми*, ветерану Семилѣтней войны. Онъ тотчасъ же распорядился перемѣщеніемъ военныхъ отрядовъ. Стоявшіе въ Парижѣ и Версалѣ полки были удалены, а призваны новыя, въ особенности иноземныя наемныя войска, Швейцарцы, Нѣмцы, Фламандцы, Валлопы, отчасти подъ начальствомъ иностранцевъ. Послѣ соединенія чиновъ правительство примирилось съ національнымъ собраніемъ: засѣданія шли своимъ чередомъ; президенты смѣнялись обыкновенно черезъ каждыя двѣ недѣли; тревожный наплывъ народа въ галереи старались ограничить; образовавъ комисію для отдѣльныхъ предметовъ съ особенными совѣщаніями, ввели въ дѣлопроизводство болѣе цѣлесообразный порядокъ; вслѣдствіе соучастія дворянства и высшаго духовенства консервативный элементъ усилился. Во всѣхъ рядахъ находились высоко образованные люди, надрѣленные научными знаніями и блестящимъ краснорѣчіемъ; тутъ собрались передовые умы націи, и соревнуя другъ другу, стремились создать наилучшія условія. Большинство отстаивало династію, однако партія прогресса хотѣла королевскую власть связать съ либеральнымъ учрежденіемъ, въ родѣ англійской конституціи. Но сторонники высшей аристократіи съ королевой и принцами во главѣ питали другія идеи: то, чего не удалось достигнуть королевскимъ засѣданіемъ, надлежало теперь добиться вооруженною силою. Въ рядахъ либеральныхъ депутатовъ почуяли этотъ планъ и подозрительно слѣдили за передвиженіемъ войскъ;

Реакціонерные
придворные
планы и от-
ставка Некке-
ра.

все знали о глубоко укоренившейся злобѣ въ извѣстныхъ придворныхъ кружкахъ на представителей народныхъ правъ. И вотъ, анархическія и революціонныя волненія въ Парижѣ и въ другихъ мѣстахъ подали кстаті поводъ, скрыть реакціонерныя тенденціи подъ видомъ усиленія административной власти ради поддержки порядка и общественной безопасности. Самоувѣренность, какая проглядывала на лицахъ посвященныхъ особъ, ихъ таинственные рѣчи и намеки, скрытыя угрозы и посулы, — все это усиливало опасенія національнаго собранія. По предложенію Мирабо члены рѣшили подать королю адресъ съ просьбой, прекратить скучиваніе войскъ: вслѣдствіе этого, говорили они, усилятся волненія въ странѣ, цѣны на съѣстные припасы и нужды бѣдныхъ людей возрастутъ еще болѣе, а сверхъ того это мѣшаетъ спокойно продолжать занятія въ засѣданіяхъ. Адресъ былъ составленъ въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, въ тонѣ просьбы лояльныхъ подданныхъ и врученъ многочисленной депутаціей. Король отвѣтилъ: войска стягиваются съ цѣлью, поддержать общественное спокойствіе и охранять собраніе. Если же члены питаютъ ни на чемъ не основанное подозрѣніе, то онъ готовъ, перенести генеральныя чины въ Пойонъ или Суассонъ, а самъ лично переѣдетъ въ Компіенъ. Слова эти отзывались ироніей: если-де господамъ здѣсь страшно, то пусть ихъ удаляются въ крѣпость. Это служило какъ бы прелюдіей къ государственному перевороту 11. іюля, какой готовился во дворцѣ, съ цѣлью разстроить ненавистное конституціонное дѣло. Людовикъ XVI. не самъ придумалъ этотъ планъ, но по слабости согласился принять и исполнить его. Когда Неккеръ собрался съѣсть за столъ съ своими гостями, ему передали королевское посланіе, которымъ извѣщали его, что онъ отрѣшенъ отъ должности, и предписывалось тотчасъ же и тайкомъ покинуть государство. Не говоря ни слова, онъ послѣ обѣда сѣлъ съ своей женой въ карету словно на прогулку и отправился въ Брюссель, а оттуда въ Швейцарію. Остальные министры также вышли въ отставку. Во главѣ правленія появились новыя особы, въ томъ числѣ помимо маршала Брольи баронъ Бретейль и интендантъ Фулонъ.

Вѣсть о переимѣннѣ министровъ поразила умы словно ударъ молніи. То, что чуяли и чего давно опасались, настало: насильственнымъ мѣрамъ противъ приверженцевъ конституціи положенъ починъ. Однако, первымъ слѣдствіемъ этого было то, что общественная власть отъ правительства и національнаго собранія перешла къ парижской коммунѣ. Скучиваніе чужеземныхъ войскъ въ окрестностяхъ обѣихъ столицъ, а въ особенности размѣщеніе трехъ полковъ подъ начальствомъ генерала Безанваля на Марсовомъ полѣ возбудило тревогу во всемъ населеніи. Жители бродили по улицамъ; вмѣстѣ съ пристойными гражданами и иностранцами изъ разныхъ краевъ, тутъ снова наводняли ужасъ толпы изъ низшихъ классовъ, голодные пролетаріи,

Народное дви-
женіе въ Па-
рижѣ.
Кокарда, ми-
лиція, муниципалитетъ.
11. 13. іюля.

недовольные ремесленники и рабочіе, бѣглые каторжники. Подъ покровомъ политическаго возбужденія скрывались также алчныя страсти, буйство. Эта подвижная масса поддерживалась въ лихорадочной тревогѣ глухими слухами объ угрожающихъ опасностяхъ и насиліяхъ. Быть можетъ, члены изъ бретанскаго клуба и національнаго собранія раздували огонь. Вѣсть о смѣнѣ министровъ еще не успѣла распространиться, когда молодой Камилль Демуленъ 11. іюля послѣ полудня въ Пале-Рояль вскочилъ на столъ и побуждалъ собравшихся запастись оружіемъ, такъ какъ готовится новая Варолюмеевская ночь. Друзья свободы должны отличаться внѣшними знаками. Онъ сорвалъ листь съ дерева и приткнулъ его къ шляпѣ, приглашая толпу сдѣлать то же. Все деревья вмигъ оголились. Вотъ происхожденіе кокарды. Но зеленый цвѣтъ былъ цвѣтомъ ненавистнаго Артуа, а потому приняли цвѣта города Парижа, синій и красный; къ нимъ впоследствии, по предложенію Лафайета, присоединили бѣлый, цвѣтъ Бурбоновъ, въ знакъ союза націи съ королевскою властью. Такъ возникло многозначительное трехцвѣтное знамя. Въ оба слѣдующіе затѣмъ дня, когда версальскіе слухи подтвердились, тревога и волненіе усилились, возникли даже мятежи. Отдѣльныя шайки проникали въ оружейные магазины и арсеналы, грабили хлѣбные амбары и булочныя, нападали на караульни и таможни. Іюля 12., въ воскресенье, несмѣтныя толпы празднаго люда кишмя кишѣли по городу. По улицамъ проносились бюсты Неккера и герцога Орлеанскаго, покрытые траурнымъ флѣромъ; театры были закрыты; угрожающій видъ полковъ, занявшихъ Марсово поле, Элисейскія поля и площадь Людовика XV., раздражалъ толпу; она стала бросать камнями. Тутъ принцъ Ламбескъ, начальникъ нѣмецко-королевскаго полка, велѣлъ проникнуть въ тюльерійскій садъ, гдѣ бродили несмѣтныя кучи. Солдаты вообще дѣйствовали осторожно; все-таки не обошлось безъ ранъ и насилій, а разбѣжавшіяся шайки разносили вѣсть объ убійственномъ нападении; это всехъ привело въ ярость. День прошелъ въ страхѣ, взывали о мести, борьбѣ, кричали о нападенияхъ, непріятельскихъ угрозахъ, злодѣяніяхъ. Законъ и начальство были безсильны. Пришлось гражданамъ самимъ взяться за администрацію, а иначе Парижъ былъ бы преданъ деспотическимъ властямъ, которыя «изъ мрачныхъ трущобъ столицы» вышли на свѣтъ божій. Общество избирателей заняло ратушу, установило безсмѣнный комитетъ, которому поручено было за одно съ прежнимъ магистратомъ, а не то даже безъ него, пещись о безопасности и порядкѣ въ городѣ, и назначило наборъ и вооруженіе гражданскихъ отрядовъ изъ всехъ округовъ. Вотъ начало парижской «національной гвардіи», которая принимала такое существенное участіе въ наступавшихъ бурныхъ событіяхъ. Ядромъ ея сталъ отпавшій гвардейскій полкъ, къ которому прим-

кнули затѣмъ шатавшіяся по улицамъ необузданныя шайки и многіе способные къ службѣ граждане, одушевленные свободою и демократіей. На другой же день отрядъ національной гвардіи занялъ разные кварталы, подавляя буйные мятежи и злостныя покушенія разнузданныхъ ватагъ. Дезертиры и недовольные солдаты, увлеченные духомъ времени элементы изъ французской арміи,— всѣ поступили въ ряды гражданскихъ ополченій. Такъ возникла быстро городская милиція, числомъ около 80,000 человекъ, большею частью обученныхъ воиновъ; украшенная кокардою и подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ она состояла въ распоряженіи новаго муниципалитета, составленнаго изъ комитета избирателей и изъ одной части прежняго магистрата, служа оплотомъ противъ роялистскихъ и аристократическихъ насилій, охрапою отъ злодѣевъ и преступниковъ.

Взятіе Басти-
ли.

Избирательная и муниципальная коллегія въ ратушѣ пользовалась дѣйствительною властью только до тѣхъ поръ, пока она ни въ чемъ не отставала отъ мятежныхъ сподвижниковъ. Но какъ ей было справиться съ массою народа, подстрекаемаго всѣми человеческими страстями, порывомъ къ свободѣ и дикими похотями, патриотизмомъ и жаждою мести, ненавистью и честолюбіемъ; то и дѣло возбуждаемая новыми слухами о предстоящихъ опасностяхъ, о непріязненныхъ покушеніяхъ, о придворныхъ козняхъ и военныхъ насиліяхъ, она волновалась по улицамъ и поджигалась еще агентами герцога Орлеанскаго, приверженцы котораго имѣли въ виду назначить его регентомъ съ титуломъ генераль-лейтенанта! Желавшихъ поступить въ ополченіе было такъ много, что инымъ пришлось отказать. Это приписали злокозненности городского начальства, гдѣ будто бы засѣдали еще люди, въ родѣ купческаго головы и члена безсмѣннаго комитета, Флесселя; преданные старымъ учрежденіямъ, они питаютъ аристократическіе замыслы и стараются поэтому воспрепятствовать народному вооруженію. Гражданъ морочать-де ложными показаніями и передаютъ ихъ. Получившіе отказъ пытались поэтому добиться оружія и военныхъ снарядовъ гдѣ бы то ни было. Цѣлыми толпами двинулись они къ инвалидному дому, и когда испуганный комендантъ отворилъ ворота, то забрали тамъ 28,000 ружей, сверхъ того пушки, сабли и шпаги, сохранявшіяся въ подвалахъ; на Сенѣ застали судно съ 5000 фнт. пороху; арсеналы и оружейные склады были разграблены. Такимъ-то образомъ вооружились въ особенности дюжіе обитатели предмѣстій. Болѣе значительные запасы, какъ узнали, доставлены были въ *Бастилью*, въ эту средневѣковую крѣпость, обнесенную широкимъ ровомъ съ двумя подъемными мостами; своими крѣпкими стѣнами толщиною въ десять футовъ, своими восьмью мрачными массивными башнями, своими зубцами съ торщащими изъ-за нихъ пушками

этотъ оплотъ деспотизма грозно глядѣлъ на Парижъ и на Антуанское предмѣстье, гдѣ жили рабочіе и поденщики, для которыхъ онъ давно уже составлялъ предметъ ненависти и омерзенія. Вотъ на эту твердыню абсолютизма и нахлынулъ теперь народъ. Одно имя «Бастилія» словно боевой кличъ повліяло на жителей; въ немъ для революціонной толпы сразу выяснилась цѣль военныхъ дѣйствій, которыхъ она алкала. «Долой Бастилію!» разнеслось съ одного конца города до другаго. Толпы вооруженнаго люда, вновь образовавшаяся милиція съ отпавшими отрядами, мятежныя шайки разъяренной черни— всѣ устремились къ крѣпости. Статный гвардейскій унтеръ-офицеръ Гели, и ополченецъ по имени Гюленъ, уроженецъ Жене-вы, знакомый съ семействомъ Неккера, отважный, рѣшительный и популярный ораторъ, руководили нападеніемъ. Мальяръ, съ которымъ еще не разъ встрѣтимся, и нивоваръ Сангеръ изъ Антуанскаго предмѣстья также были въ числѣ предводителей. Въ крѣпости находился гарнизонъ изъ 80 инвалидовъ и 32 Швейцарцевъ; она была весьма скудно снабжена съѣстными припасами. Депутатѣмъ изъ ратуши старались побудить начальника Делоне къ сдачѣ; но послѣдній не соглашался на предложеніе, которымъ по его понятіямъ нарушалась воинская честь. Вотъ осаждающіе ринулись на приступъ; нѣкоторымъ смѣльчагамъ удалось разорвать цѣпи наружнаго подъемнаго моста; такъ открылся доступъ на первый крѣпостной дворъ. Но только что стали проникать далѣе, какъ раздался залпъ: многіе изъ инсургентовъ были убиты, нѣкоторые ранены. Тутъ ярость толпы усилилась; стали думать, что комендантъ нарочно подпустилъ бойцовъ такъ близко, съ цѣлью навѣрняка побить ихъ. Приступъ возобновился съ ожесточеніемъ, такъ что гарнизонъ упалъ духомъ. Онъ требовалъ, чтобы начальникъ сдался; послѣдній все еще противился; говорятъ будто онъ хотѣлъ взорвать на воздухъ крѣпость, но одинъ изъ его офицеровъ силою помѣшалъ ему. Наконецъ онъ уступилъ; подняли бѣлое знамя, и въ мостовое отверстіе выпущена была записка съ предложеніемъ сдачи на почетныхъ условіяхъ. Ихъ не успѣли еще подтвердить, какъ инвалиды, испуганные грознымъ крикомъ разъяренной толпы, спустили второй подъемный мостъ. Съ радостнымъ крикомъ: «Бастилія сдается!» осаждающіе проникли въ зданіе. Вожди всѣми силами старались предупредить всякія насилія; они взяли въ плѣнъ коменданта и гарнизонъ и велѣли отвести ихъ въ ратушу. Но какъ тутъ было удержать отъ мести разгоряченныхъ и озлобленныхъ людей? Нѣкоторые изъ несчастныхъ были убиты въ самомъ зданіи, а Делоне и его офицеры по дорогѣ въ ратушу пали жертвою народнаго неистовства, не смотря даже на мужественную защиту храбраго Гюлена; насадивъ ихъ головы на копья, народъ протащилъ ихъ по городу. Флесселя, председателя муниципалитета, заподозрили въ томъ, что онъ поощрялъ комен-

данта къ сопротивленію и препятствовалъ революціонному вооруженію. Его хотѣли отвести къ допросу въ Пале-Рояль, но по дороге туда онъ былъ застрѣленъ изъ пистолета.

Взятіе Бастили было первою побѣдою народа, и онъ праздновалъ свое торжество съ необузданнымъ восторгомъ. Дикія ватаги всю ночь сновали по улицамъ; слухи смѣнялись одинъ другимъ и усиливали волненіе; то говорили, будто изъ Версаля подходятъ войска бомбардировать Парижъ, то—будто арестованы всѣ либеральнѣе члены національнаго собранія; улицы были освѣщены, частью съ радости, частью со страха; тутъ и тамъ воздвигались барикады и стали прибѣгать къ оборонительнымъ мѣрамъ. Въ наступившіе затѣмъ дни, принялись за Бастилю, разрушили ее и сравнили съ землей. Съ какимъ любопытствомъ, съ какимъ разнузданнымъ порывомъ послѣ погрома шныряли шайки по мрачнымъ проходкамъ и канурамъ, которыя народному воображенію представлялись притономъ ада! Тамъ нашлось только семеро заключенныхъ, пятеро преступниковъ и двое сумасшедшихъ; ихъ тотчасъ же освободили; также еще гарнизонаго солдата, который тутъ скрылся.

Король въ ратушѣ. Возвратъ Неккера. Начало эмиграціи.

Когда версальское собраніе получило первое извѣстіе о господствовавшемъ въ столицѣ народномъ волненіи, то оно пыталось побудить короля, отозвать войска изъ Парижа и распустить новыхъ министровъ. А тѣмъ временемъ засѣданія должны были продолжаться днемъ и ночью. Однако, аристократическая камарилья при дворѣ все еще цѣпко держалась той вѣры, что демократическое движеніе удастся подавить силою и дать иной поворотъ теченію дѣлъ. Двѣ депутаціи получили отказъ. Лишь 14. іюля произошла перемѣна. Когда вѣсть о погромѣ Бастили дошла до дворца, то король отправился уже спать. Его не хотѣли беспокоить на ночь; однако герцогъ Ланкуръ, гротмейстеръ королевскаго гардероба, не рѣшился оставить своего господина въ неизвѣстности о грозившей ему опасности. Онъ вошелъ въ спальню и доложилъ королю о случившемся. «Вѣдь это возстаніе!» воскликнулъ, оторопѣвъ, Людовикъ. «Нѣтъ, это скорѣе революція!» было отвѣтомъ. Затѣмъ по утру 15. іюля 1789. король въ сопровожденіи братьевъ отправился въ собраніе членовъ. Его приняли въ мрачномъ безмолвіи, памятью слова Мирабо: «Молчаніе народа—урокъ королямъ». Но настроеніе смягчилось, когда монархъ объявилъ депутатамъ, къ которымъ онъ впервые обратился какъ къ «народному собранію», что онъ приказалъ отозвать войска. Въ Парижъ тотчасъ отправилась депутація изъ восьмидесяти восьми членовъ, съ тѣмъ чтобы передать радостную вѣсть и успокоить умы. На другой день за ними послѣдовалъ самъ король. Послѣ тяжелой внутренней борьбы онъ рѣшился уступить требованьямъ народа: новое министерство было распущено, Неккера вызвали изъ заточенія, парижская національная гвардія подъ начальствомъ Лафайета и избраніе Бальи въ меры столицы были подтверждены. Этою цѣною Людовикъ надѣялся купить миръ и согласіе съ своимъ

народомъ. Послѣ такого рѣшенія власть и вліяніе реакціонной партіи рухнули. Вожди ея, графъ Артуа, принцы Конде и Конти, Полиньяки, также министръ Броли и Бретѣиль покинули отечество. Это было починомъ столь чреватой послѣдствіями «эмиграціи», благодаря которой старая монархическая Франція со всею ея порчею, расточительностью и съ ея безденежемъ перешла во вѣншію Францію. Послѣ трогательнаго прощанья съ глубокою опечаленной королевой и приготовившись, словно шель на смерть, Людовикъ XVI. отправился въ путь. У заставы встрѣтилъ его Бальи, глава новаго городского муниципалитета. Передавая ему ключи городскихъ воротъ, онъ произнесъ: это тѣ самые ключи, которые нѣкогда переданы были Генриху IV., когда онъ вновь завоевалъ свой народъ, нынѣ же народъ завоевалъ своего короля. Послѣ полуторачасовой ѣзды межъ густыхъ рядовъ буйнаго вооруженнаго народа, дикаго на взглядъ и грознаго съ виду, поѣздъ подѣхалъ къ ратушѣ. Съ кокардою, которую передалъ ему Бальи, на шляпѣ, Людовикъ вышелъ на балконъ и показался собравшимся на площади и по улицамъ скопищамъ, прощая и одобряя все совершившееся; народъ привѣтствовалъ его громкими ликованиями. Самъ онъ ни слова не могъ произнести; за него говорили Бальи и Лалли Толендаль. Вотъ чѣмъ завершилась катастрофа «бастильскаго погрома,» эта предсмертная борьба феодальной монархіи и зарождеенье новаго времени. Министры и высшая аристократія покинули прекрасную Францію, а въ то же время въ нее возвращался Неккеръ. Его переѣздъ по городамъ и селамъ походилъ на триумфальную поѣздку увѣнчанаго побѣдителя; опьянѣвъ отъ тщеславія, онъ принялъ за дань своимъ заслугамъ и стремленіямъ то, что было лишь изліяніемъ новаго чувства свободы и ненависти къ двору и аристократіи. Неккеръ еще разъ принялся управлять государственными дѣлами, и душа его упивалась оваціями, какія изъявлялись ему городскимъ обществомъ, національнымъ собраніемъ, королемъ и королевой. Онъ воображалъ, что съ его возвратомъ революція кончилась. Скоро, однако, пришлось ему лишиться своей популярности и довѣрія депутатовъ! Въ первый мигъ восторга магистратъ по просьбѣ его объявилъ всеобщую амнистію и освободилъ отъ ареста швейцарскаго генерала Безенвала, который послѣ бастильскаго погрома захваченъ былъ по пути на родину. Однако, на другой же день отмѣнили это рѣшеніе, на которое городской совѣтъ не былъ уполномоченъ. Колеблясь и ни на что не рѣшаясь, Неккеръ не успѣлъ добиться никакого вліянія, ни составить свою партію; подъ роковыми событіями наступавшаго времени его имя совсѣмъ исчезло. Годъ спустя послѣ того онъ вернулся въ Швейцарію, и никто ни помянулъ, ни сожалѣлъ о немъ.

3. ЧЕЛОВѢЧЕСКІЯ ПРАВА И ПАДЕНІЕ ФЕОДАЛЬНАГО ГОСУДАРСТВА.

Популярныя движѣнія и сла-
быя правитель-
ственные вла-
сти.

Съ той поры какъ рушилась старая крѣпость, умолкли законъ и право; правительственныя власти лишились силы и значенія; интенданты не показывались болѣе; присутственныя мѣста исчезли; полиція скрылась. Анархическое состояніе царило въ городахъ и въ селахъ; войсковая власть была шатка и ненадежна. По примѣру Парижа, вездѣ составлялись національныя гвардіи; новые муниципальныя совѣты и народныя комитеты захватили въ свои руки власть; все общественныя дѣла рѣшались демократическими собраніями. Налоги и подати скудно вносились; таможи у городскихъ воротъ и на границахъ разрушались. Нужда и дороговизна усиливались; крестьяне задерживали свой хлѣбъ, опасаясь грабежа и насилія, которые угрожали всякому продавцу или агенту, заподозрѣнному въ «перекупкѣ хлѣба». Національное собраніе и новосозданный парижскій муниципалитетъ были единственными властями, хоть сколько нибудь обладавшими авторитетомъ, и нельзя не признать, что большая часть депутатовъ, въ особенности оба славные вождя во главѣ городской администраціи, Бальи и Лафайетъ, всеми силами старались обуздать народное волненіе и сдержать его въ законныхъ предѣлахъ; но и у нихъ не хватало власти настолько, чтобы помѣшать злодѣйскимъ покушеніямъ. Фулонъ, самый ненавистный въ реакціонерномъ министерствѣ, и его зять, Бертье де Совиньи, парижскій интендантъ, пали жертвою народной ярости. Возмущившись такимъ злодѣйствомъ, Бальи и Лафайетъ хотѣли сложить съ себя должности; ихъ умолили вытерпѣть изъ любви къ отчизнѣ; они согласились и пытались лучшею организаціей городского и избирательнаго комитета и гражданской обороны создать болѣе твердую административную власть. Муниципалитетъ изъ 120 членовъ, по два изъ каждаго округа, руководилъ городскимъ управленіемъ; національная гвардія, устроившись цѣлесообразнѣе прежняго и избавившись отъ мятежныхъ элементовъ, должна была поддержать законъ и порядокъ. Передавая на первомъ смотрѣ полкамъ трехцвѣтную кокарду, Лафайетъ произнесъ знаменательныя слова: «Эта кокарда обойдетъ весь міръ». Національное собраніе также старалось укротить революціонныя силы и на основѣ либеральныхъ учрежденій осуществить новый государственный строй и новое народное развитіе. У него не хватало, однако, силы единодушнаго дѣйствія, твердаго согласія съ правительствомъ и практическаго пониманія того, что на первыхъ порахъ было всего необходимо. Большинство депутатовъ, безъ сомнѣнія, одушевлено было горячимъ самоотверженнымъ патріотизмомъ, чувствомъ справедливости и свободы; но все они подчинялись господству отвлеченныхъ политическихъ доктринъ, вліянію проникшихъ въ міръ послѣ американской революціи идей свободы, равенства, прирожденныхъ человѣческихъ правъ; опасаясь, какъ бы отъ соучастія съ правительственными властями не лишиться популярности и не навлечь на себя народной ненависти, прослывъ «аристократами», многіе поддерживали оппозицію противъ короны и правительства даже тогда, когда послѣдніе сами нуждались въ опорѣ и подкрѣпленіи. Когда нѣкоторые изъ депутатовъ заявили свое негодованіе по поводу убійства Фулона и Бертье, то пылкій и даровитый ораторъ Барнавъ, увлекшись, предложилъ проницательный вопросъ, развѣ пролитая кровь ужъ такъ чиста? И въ такое время, когда наружу все вышибало изъ предѣловъ, и стихійныя силы съ неистовою страстью порывались со дна на поверхность, въ самомъ собраніи обстоятельно обсуждался вопросъ о коренныхъ и человѣческихъ правахъ, который имѣлось въ виду помѣстить во главѣ новой конституціи.

22. июля 1789.

Мирабо и другіе поборники практической политики тщетно совѣтовали, обработать сперва новый государственный организмъ въ реальныхъ его отдѣлахъ, а потомъ уже, въ видѣ ключа свода, присоединить сюда философскіе принципы о человѣческихъ правахъ; Лафайетъ и приверженцы американскихъ доктринъ настояли на своемъ проектѣ, по которому, исходя отъ принципа естественной свободы и равенства и отъ права подданныхъ сопротивляться угнетенію, признавались за особую извѣстную природенныя ненарушимыя права, а за дѣлѣмъ—народное самодержавіе, и помѣщались во главѣ конституціи; эта политическая теорія противорѣчила какъ естественнымъ свойствамъ человѣчества, такъ и историческому развитію, а въ практическомъ примѣненіи она неминуемо вызвала на борьбу человѣческія страсти. Приложивъ одно и то же мѣрило къ юному простому народу, лишенному историческаго проплага и преданія, и къ старой монархіи съ запутанными общественными условіями, съ тысячелѣтними узаконенными порядками, привычками и традиціями, низвергали господство династической феодальной власти, съ тѣмъ чтобы замѣнить ее тираніей массы. Прежде говорилось только объ однихъ обязанностяхъ подданныхъ, тогда какъ теперь также односторонне преувеличивали ихъ права. Эта теоретическая политика поощрилась направленіемъ эпохи. «Всякое унаслѣдованное право было сомнительно, шатко, ненавистно новому либеральному сознавію», замѣчаетъ Зибель; «все прониклись глубокимъ, пылкимъ и вѣрнымъ чувствомъ, что будущее государство должно созидаться на основѣ совершенно иныхъ воззрѣній на міръ и нравы, а потому, весьма естественно было желаніе, прежде всего выснить самимъ себѣ, современникамъ и потомству руководящія принципы этого воззрѣнія. Рвеніе, устранить всякій историческій хламъ и воздвигнуть новое всемірное государство чистаго разума, было неудержимо». Итакъ, во главѣ новой конституціи стояло объявленіе человѣческихъ правъ, «словно величественный межевой столбъ на рубежѣ двухъ столѣтій».

Человѣческія
права.

Не смотря на всю эту сумятицу, консервативныя элементы въ Волненіе и національномъ собраніи, въ институтахъ общинаго представительства и гражданской обороны были все еще достаточно сильны для государствъ.

того, чтобы въ Парижѣ и въ другихъ городскихъ коммунахъ поддержать или возстановить нѣкоторый порядокъ, охранить жизнь и собственность противъ необузданныхъ страстей и алчности низшихъ народныхъ классовъ. Въ селахъ же, напротивъ того, всякія законныя и административныя преграды низвергались яростью и жаждою мести крестьянъ и поденщиковъ. Батраки и крѣпостное сельское населеніе отказались отъ всякихъ работъ, барщинъ, десятинъ, такъ что помѣщикамъ и арендаторамъ угрожало окончательное оскудѣніе; крестьяне вторгались въ заказные лѣса и парки, опустошали рыбныя пруды, присвоивали себѣ господскія поля, производили порубки; мало того: случались даже насильственные поступки и дикіе разрушительные ужасы, напоминавшіе о нѣмецкой крестьянской войнѣ. Для простаго люда настала, казалось, пора, отмстить и отплатить за весь гнетъ, за всѣ несправедливости, бѣдствія и варварства, какія испоконъ вѣка приходилось ему выстрадать отъ феодальныхъ владѣльцевъ, отъ кровожадныхъ начальниковъ и судей. Въ Овернѣ, Дофинѣ, Франшъ-Конте крестьяне, вооружась, а не то просто снарядившись сельскими убійственными орудіями, собирались мятежными ватагами, жгли замки и монастыри съ находившимися тамъ ненавистными грамотами и долговыми документами, грабили и убивали дворянъ, ихъ управителей и слугъ. Всякое сопротивленіе разжигало только ярость и жажду мести и вело къ новымъ неистовствамъ. Въ Дофинѣ семьдесятъ два замка въ двѣ недѣли были преданы разрушенію и пламени; въ южной Франціи пылкій и страстный темпераментъ проявлялся въ дикихъ злодѣйствахъ; въ Бретани и Нормандіи анархія сопровождалась кровопролитною борьбою партій. Винонымъ и невиннымъ пришлось расплачиваться за несправедливости стараго феодализма; народное правосудіе расправлялось на удачѣ, грѣхи отцовъ вымещались на внукахъ. Общество грозило распасться на свои стихійныя начала.

А въ національномъ собраніи все еще шли пренія объ основныхъ и человѣческихъ правахъ, тогда какъ «надъ государствомъ разбушевались уже волны необузданной и кровожадной анархіи». Депутаты хотѣли прокламаціями задержать бурное волненіе. Но какое вліяніе въ этомъ хаосѣ страстей могли оказать успокоивающія рѣчи? Сообщая собранію докладъ о поступившихъ адресахъ и отчетахъ, коммисія разоблачила ужасное состояніе края: «во всѣхъ провинціяхъ собственность всякаго рода стала добычею самаго паглаго грабежа, повинности, владѣльческія права, все уничтожено, законы безсильны, магистраты лишены власти, правосудіе стало пустымъ призракомъ». При такихъ условіяхъ одни только рѣшительныя дѣйствія могли бы спасти отъ бѣды. Національное собраніе было единственною властью въ государствѣ, которая пользовалась еще нѣкоторымъ значеніемъ, на которую смотрѣли съ уваженіемъ и довѣ-

Августовская
ночь.

3. авг. 1789.

ріемъ. Но корпорація, въ которой либералы и демократы составляли большинство, которая стремилась обновить государство на основѣ конституціи съ свободою, равенствомъ и человѣческими правами, — такая корпорація прибѣгла, конечно, не къ усиленію правительства или къ закрѣпленію и возстановленію угрожаемыхъ привилегій, а напротивъ, къ облегченію низшихъ классовъ, къ снятію оковъ, связывавшихъ народныя силы и тормозившихъ національное стремленіе къ свободѣ и самоопредѣленію: вотъ что и слѣдовало уже предвидѣть, судя по характеру собранія и по преобладавшему направленію умовъ. Въѣдъ это политическое и социальное неравенство, эта несправедливость феодальныхъ учрежденій, несоразмѣрность житейскихъ благъ, правъ и имуществъ въ высшихъ и низшихъ сословіяхъ и служили широкою основою, плодотворнымъ содержаніемъ для непрестанныхъ нападокъ со стороны литературы! Не даромъ за мечтаніями о природѣ Жанъ Жака и за американской демократіей лозунгомъ эпохи послѣдовало уничтоженіе феодализма и неестественныхъ общественныхъ отношеній! Разнузданная народная власть съ свойственнымъ ей инстинктомъ прежде всего возстала противъ феодальныхъ повинностей; вотъ это и послужило законодательству указаніемъ, на что направить свои усилія. Отмѣняя законодательнымъ актомъ все, что и безъ того было утрачено и никогда уже не могло вернуться, представители націи поддерживали лишь собственное достоинство, отняли у самопомощи народа характеръ несправедливаго насилія и подчинили его законной формѣ, заклеили собственныя утраты печатью закона. Добровольное сверженіе прежнихъ оковъ было дѣломъ самосохраненія, вопросомъ существованія для національнаго собранія. А иначе, еслибъ оно воспротивилось инстинктивной самопомощи народа, то рисковало бы лишиться власти и авторитета, и государство неудержимо ринулось бы въ самую дикую анархію, а народнымъ представителямъ пришлось бы тогда безпомощно смотрѣть на разрушеніе. Вотъ какъ объясняется то, что дѣло дошло наконецъ до сильно порицаемыхъ одними и сильно восхваляемыхъ другими постановленій четвертаго августа. Какъ бы тяжки ни были раны, нанесенныя этимъ днемъ всему государственному и общественному организму, но четвертое августа всегда будетъ блескѣть въ исторіи какъ актъ великодушной рыцарской преданности общему благу и отечеству, какъ величавый подвигъ самоотреченія. Это была побѣда идеальности надъ реально-политическимъ своекорыстіемъ. Но земля искони принадлежитъ злымъ гениямъ, «коварнымъ силамъ, которыя зловредно кишатъ среди бѣла дня». Народъ принялъ эту жертву восторженнаго подъема души какъ подобавшее ему по праву владѣніе, однако Сіесъ не даромъ сказалъ: «они хотятъ быть свободными, но не умѣютъ быть справедливыми». — Когда докладъ о насиліяхъ поселянъ произвелъ глубо-

кое впечатлѣніе въ національномъ собраніи, то виконтъ де Ноаль, зять Лафайета, предложилъ, чтобы привилегированныя сословія на дѣлѣ доказали народу желаніе, облегчить его тягости, и чтобы на такой конецъ отмѣнили всякія обременительныя подати и владѣльческія права. Такъ какъ онъ былъ младшимъ сыномъ, то лишился, конечно, не многого, однако онъ принадлежалъ къ весьма знатному дворянскому роду. Его поддержалъ герцогъ д'Эгильонъ, извѣстный уже намъ какъ одинъ изъ наиболѣе богатыхъ феодальныхъ владѣльцевъ. Предложеніе, расиредѣлить подати равномерно между всѣми, выкупить феодальныя права по умѣренной оцѣнкѣ, прекратить всякія личныя обязанности, было выслушано сперва съ изумленіемъ и въ торжественномъ молчаніи. Но собраніе быстро одушевилось идеей патриотическаго самоотреченія, особенно когда сельскій депутатъ изъ Бретани яркими чертами изобразилъ царившее еще во многихъ мѣстахъ феодальное варварство и приписалъ анархическіе поступки «позорнымъ пергаментамъ» ленныхъ владѣльцевъ. За принятымъ съ восторженными кликами предложеніемъ обоимъ дворянъ послѣдовали воззванія къ новымъ жертвамъ. Никто не хотѣлъ отстать. Сословія, города, провинціи соревновали другъ передъ другомъ въ чести, предоставить общему благу наибольшіе дары. Доклады и предложенія съ лихорадочною поспѣшностью и живостью спѣшили другъ за другомъ, такъ что одно до ночи продлившееся засѣданіе уничтожило искусственное зданіе болѣе чѣмъ тысячелѣтняго государственнаго и общественнаго строя и совершенно преобразило прежнее состояніе Франціи. Сколько бы, впрочемъ, исторически унаслѣдованныхъ правъ ни уничтожила ночь четвертаго августа, она во всякомъ случаѣ чревата была великими благами, приобретенными на вѣки вѣчные: «свободою труда, равенствомъ правъ, единствомъ государства». Съ этой точки зрѣнія поборники революціи и въ правѣ были назвать ее «божественною ночью».

Наиболѣе существенныя рѣшенія достопамятнаго почваго засѣданія четвертаго августа, какія были приняты въ возбужденные часы и облечены въ законную форму въ наступившіе затѣмъ дни, постановляли: уничтоженіе всякаго крѣпостнаго состоянія, всякихъ барщинъ и феодальныхъ тягостей, какія землевладѣлецъ имѣлъ право требовать отъ крестьянъ, прекращеніе вотчиннаго суда, права на охоту и варварскихъ наказаній за нарушеніе его, разведеніи голубей и кроликовъ и т. п. Другими рѣшеніями отмѣнялись десятины, устранялся торгъ должностями, преобразовались цехи и гильдіи, уничтожались всякія особыя городскія и провинціальныя преимущества, всякія податныя льготы и сословныя привилегіи; сверхъ того признавался въ принципѣ доступъ всѣхъ гражданъ къ государственнымъ и военнымъ должностямъ и т. д. Для исполненія рѣшеній, а именно для опредѣленія надлежащихъ вознагражденій за отмѣну земельной ренты и церковной десятины, за утрату сулебныхъ пошлинъ и сборовъ духовенства, за возвратъ денегъ издержанныхъ на покупку должностей, за право ма-

стера и т. п., были назначены особыя коммисіи. Но она не успѣла еще завершить трудное дѣло полюбовнаго разсчета, какъ рухнуло все монархическое государство, и феодальныя права и десятины отмѣнились безъ всякаго возмездія. Въ два часа ночи разошлось бурное собраніе; охваченъ отъ восторга, оно рѣшило еще поднести Людовику XVI., какъ бы возстановителю свободы, благодарность нации и отслужить молебень. Такими образомъ хотѣли за революціоннымъ государственнымъ переворотомъ сохранить видъ лояльности.

Погромъ Бастиліи низвергъ въ прахъ власть трона и правитель- Партія въ на-
ства, а четвертое августа, въ свою очередь, возбудило алчность въ ціональномъ
народѣ, властолюбіе демагогическихъ вождей и радикальныхъ энту- собраніи.
зіастовъ въ національномъ собраніи. А потому, совѣщанія объ отдѣльныхъ составныхъ частяхъ конституціи только тогда возбуждали нѣкоторый интересъ, когда приходилось создавать органы или утверждать постановленія, которыми осуществлялись въ дѣйствительности принципы и основныя теоріи, установленныя въ объявленіи человѣческихъ правъ. При этихъ совѣщаніяхъ о формахъ будущаго государственнаго и общественнаго строя рѣзче опредѣлялись воззрѣнія отдѣльныхъ личностей, и смотря по сходству или различію точекъ зрѣнія и цѣлей, составлялись группы или отдѣлы, которые подъ парламентскими бурями развились въ партіи и союзы. Правая сторона, гдѣ засѣдали приверженцы старины, и наибольшимъ вліяніемъ пользовались—острожный аббатъ Мори, одаренный бьющею черезъ край бойкою рѣчью, но лишенный нравственной строгости и погрязшій въ развратѣ,—капитанъ Казалесъ, боевой и рыцарскій витія и воинъ,—потомъ младшій Рикетти-Мирабо, стойкій аристократъ пылкаго темперамента,—все болѣе и болѣе сокращалась влѣдствіе возрастающаго выселенія дворянъ. Центръ, великая средняя партія, гдѣ восторженные поборники за свободу и отчизну, въ родѣ Лалли Толендала, Малуэ, Мунье и др. отстаивали свои разумныя воззрѣнія въ духѣ либеральной политики, оказавъ бы значительное вліяніе на ходъ преній, еслибы его поддержало энергическое министерство съ болѣе широкимъ кругозоромъ и болѣе умѣлымъ дѣлопроизводствомъ, нежели Неккеръ и его сообщники. Теперь же лѣвая сторона, гдѣ поклонники человѣческихъ правъ, народнаго самодержавія, демократіи, потакали алчности массъ и послѣ бастильскаго погрома даже направляла свои удары противъ прежней монархической феодальной власти, все болѣе и болѣе овладѣвала почвой, въ особенности когда во главѣ ея появились даровитые дѣятели изъ бретонскаго клуба, Дюпонъ, Ламетъ и Барнавъ. Ихъ друзья охарактеризовали тогда всѣхъ троихъ такими словами: «что задумалъ Дюпонъ, то Барнавъ осуществляетъ въ рѣчахъ, а Ламетъ на дѣлѣ». Крайнее лѣвое крыло занимали приверженцы герцога Орлеанскаго, между прочимъ адвокатъ Петіонъ, Бюзю и Робеспьеръ. Четвертая

партия, говорит Луи Бланъ, состояла изъ одного только человѣка, и это былъ *Мирабо*. Чѣмъ болѣе Сіесъ, предаваясь «негодующему отчужденію», отступалъ на задній планъ, тѣмъ неограниченнѣе Мирабо господствовалъ надъ трибуною и собраніемъ. По смерти своего отца (13. іюля) онъ въ это время добился состоянія и болѣе значительнаго общественнаго положенія. Онъ принадлежалъ къ семейству, которое унаслѣдовало помѣстья роялистовъ; его родной братъ, какъ мы только что видѣли, въ качествѣ члена дворянской партіи, отличался своею аристократическою рѣзкостью; Оноре также всегда былъ монархистомъ въ душѣ. Но врагъ деспотизма, отъ котораго самъ пострадалъ, и высокоумной аристократіи, которая отвергла его, онъ пылалъ местию и къ тому и къ другой. Мирабо сталъ главою оппозиціи, знаменосцемъ революціи, но лишь въ томъ смыслѣ, что хотѣлъ разбить истлѣвшее, разнузданное и безнравственное феодальное государство, съ цѣлью создать новый порядокъ вещей, который даровалъ бы его отчизнѣ болѣе благодатныя условія. Не пристаивая вполнѣ ни къ одной изъ партій, не слѣдуя всецѣло господствовавшему теченію эпохи, онъ все-таки былъ главою собранія, которое нехотя и съ завистью подчинялось его преобладавшему уму, его политическому разсудку. Оноре постигалъ всякую слабость и посредственность и поражалъ ее сокрушительными ударами; онъ вступилъ въ сношеніе со всѣми партіями и направленіями и при всемъ томъ успѣлъ сохранить свою самостоятельность. Онъ былъ противникъ министерства Неккера, сознавая, что управлялъ бы болѣе твердою и болѣе надежною рукою кормиломъ государства, и самъ охотно поддержалъ бы престолъ, еслибъ только король и придворная камарилья довѣрились отщепенцу, человѣку съ такимъ запятаннымъ прошлымъ. Вслѣдствіе этого ему поневолѣ пришлось обратиться за помощью къ оппозиціи, съ тѣмъ чтобы основать новый государственный строй, какой сложился по его политическимъ идеямъ. «Такой же гордый аристократъ, какъ любой изъ кавалеровъ стараго пошиба, онъ съ пламенною патріотическою ненавистью преслѣдовалъ растлѣніе феодальнаго государства». Онъ не стѣснялся идти по временамъ съ людьми крайняго направленія, даже поддерживать сношенія съ герцогомъ Орлеанскимъ и съ его приверженцами; въ немъ жило чувство, что онъ всегда успѣетъ укротить бьющій черезъ край разливъ. «Сильный не затыкаетъ слабаго источника, оттого что всегда сможетъ противоудѣйствовать потоку». Дворъ и аристократія ненавидѣли его какъ настоящее жерло революціи, и враждовали противъ него, тогда какъ онъ постоянно старался спасти изъ угрожаемаго крушенія то, что ему казалось пригоднымъ для новаго государственнаго зданія, гдѣ нація и отечество, благо которыхъ онъ постоянно имѣлъ въ виду, могли бы вести болѣе счастливую жизнь, исполненную свободы, порядка

и права. Его гений все преодолевалъ, такъ что онъ увлекалъ даже враговъ, чуть ли не вопреки ихъ собственному желанію, и не смотря на чрезмѣрное его честолюбіе, онъ все-таки былъ превыше всякой личной обидчивости и своекорыстной раздражительности. Упорные доктринеры и идеальные политики были ему не понутру. Про Робеспьера онъ, негодуя, сказалъ разъ: «Этотъ человѣкъ добьется своего, онъ вѣритъ въ то, что говоритъ». Противъ отвлеченныхъ теорій энтузіастовъ и разрушительныхъ тенденцій радикаловъ онъ постоянно поддерживалъ знамя разумной практической реальной политики. Геніальнымъ краснорѣчіемъ, зачастую въ мгновенныхъ порывахъ, онъ разбивалъ исполненные ученыхъ и философскихъ доводовъ предложенія, какія противною стороною не рѣдко излагались по запискамъ.

Въ совѣщаніяхъ касательно основныхъ формъ будущаго правленія, происходившихъ въ августѣ и сентябрѣ, Мирабо твердо отстаивалъ точку зрѣнія конституціонной монархіи. Дѣло касалось прежде всего жгучаго вопроса, какъ должно быть образовано будущее національное представительство и въ какомъ юридическомъ отношеніи оно должно стать къ престолу и правительству. Средняя партія, къ которой примкнулъ также Неккеръ, добивалась учрежденія по английскому образцу съ двумя палатами, съ трехлѣтнимъ срокомъ за сѣданія и съ непрерываемою послѣдовательностью законодательства. Для утвержденія закона требовалось согласіе обѣихъ корпорацій и короны, королю однако предоставлялось право, распусить парламентъ, назначить новые выборы и противопоставить свое вето нецѣлесообразнымъ рѣшеніямъ. Однако, предлагаемая конституція не подлежитъ королевской санкціи. По поводу этихъ основныхъ постановленій возникли горячія пренія, который съ живостью отзывались въ клубахъ, особенно въ Пале-Роялѣ. Противъ раздѣленія законодательной власти на пожизненный сенатъ и палату депутатовъ возникло возраженіе: хотя сенатъ и признавался не палатою перовъ, а только корпораціей, для которой потребовались бы извѣстный возрастъ и болѣе крупное землевладѣніе или высшее научное образованіе, а все-таки такое предпочтеніе противорѣчило, какъ казалось, понятію о равенствѣ гражданъ. Мирабо отстаивалъ это раздѣленіе, большинство постановило, однако, соединеніе всѣхъ представителей въ одно только собраніе чиновъ. Пренія стали еще возбужденнѣе, когда дѣло дошло до отношеній короля къ законодательной власти. Мирабо хотѣлъ предоставить коронѣ власть, абсолютнымъ вето воспрепятствовать исполненію парламентскихъ приговоровъ, которые показались бы опасными или сомнительными для монархіи. Это постановленіе лѣвой сторонѣ показалось нарушеніемъ принципа народнаго самодержавія: волю 25 милліоновъ ставить въ зависимость отъ произвола одного лица—это просто безуміе или преступ-

Отношеніе законодательства къ коронѣ.
Вето.
10 сент. 1879.

леніе противъ челоѣчества. Такое воззрѣніе сочувственно отозвалось въ Пале-Рояль, гдѣ имъ съ успѣхомъ воспользовались для возбужденія толпы, тѣмъ болѣе что народъ плохо постигалъ значеніе и важность слова «вето». Многие подъ этимъ разумѣли новаго рода налогъ. Ссылаясь на англійскую революцію, Мирабо тщетно доказывалъ, какъ опасно черезъ-чуръ ограничивать власть короны и во избѣжанія абсолютнаго королевства создавать парламентскій деспотизмъ; демократы и доктринеры, преимущественно Сіесъ, возстали противъ «двухъ самодержавцевъ въ одномъ и томъ же государствѣ»; клубъ въ Пале-Рояль грозилъ вооруженнымъ нашествіемъ на Версаль, «съ тѣмъ чтобы изгнать измѣнниковъ изъ собранія». Противодѣйствіе абсолютному вето усиливалось съ каждымъ днемъ: Лафайетъ, съ которымъ совѣтовался Неккеръ, былъ того мнѣнія, что изъ-за этого можетъ возникнуть мятежъ. А потому министръ уговорилъ короля, избрать средній путь и объявить, что онъ готовъ признать только «суспензивное вето», въ силу котораго парламентское рѣшеніе откладывается на четыре года; если же двѣ слѣдующія затѣмъ легислатуры стануть настаивать на исполненіи, то оно вступаетъ въ силу. Монархисты не могли, конечно, помѣшать принятію суспензивнаго вето. Они покинули корону, которая сама себя покинула. Такъ составила конституція, предоставившая общественную власть представителямъ народа; соединившись въ одну парламентскую корпорацію, надѣленные правомъ инициативы, они пользовались настоящимъ самодержавіемъ, тогда какъ «король Французовъ» былъ только исполнителемъ ихъ воли и ихъ законовъ.

11 сент.

4. пятое октября и переселеніе въ Парижъ.

Парижское городское общество. Завладѣвъ вслѣдствіе конституціи самодержавною властью въ теоріи и отодвинувъ исполнительную власть на задній планъ, національное собраніе и на практикѣ также стало вмѣшиваться въ управленіе и совершенно устранило правительство. Для того чтобы поддержать хоть призракъ законнаго порядка въ провинціяхъ, гдѣ королевскіе чиновники были уже совсѣмъ безсильны, собраніе учредило особые административные и полицейскіе комитеты, которые состояли въ официальной связи съ общественными вѣдомствами и предоставляли имъ право, набирать вооруженные отряды на защиту жизни и собственности. То же самое происходило и въ Парижѣ. Къ счастью оба дѣятеля, которые по ихъ положенію пользовались самымъ сильнымъ значеніемъ, Лафайетъ и Балли, принадлежали національному собранію и обращались къ его поддержкѣ какъ противъ реакціонныхъ покушеній придворной аристократіи, такъ и противъ происковъ, очагомъ которыхъ былъ Пале-Рояль. Парижская ком-

муна въ гражданскомъ комитетѣ или главномъ совѣтѣ и въ муниципалитетѣ съ меромъ во главѣ обладала законнымъ органомъ, а въ національной гвардіи подъ начальствомъ Лафайета регулярною боевою силою и служила главною опорою конституціонному собранію. Состоявшій изъ представителей округовъ гражданскій комитетъ доведенъ былъ до трехъ сотъ членовъ. Хорошо вооруженная городская гвардія, въ красивыхъ мундирахъ, въ рядахъ которой находилось много прежнихъ солдатъ, по ядру своему принадлежала къ среднимъ гражданскимъ классамъ, такъ называемой «буржуазіи», которая въ противность безпокойнымъ низшимъ народнымъ элементамъ составляла консервативную власть и тогда уже радикалами и революціонерами заподозрѣвалась какъ новая аристократія и подвергалась ненависти толпы. *Лафайетъ* все еще былъ великимъ героемъ дня: рыцарская натура, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, онъ, отрекшись отъ предубѣжденій своего сословія, жертвовалъ собою и своимъ имуществомъ для свободы и демократіи, искреннѣе и рѣшительнѣе всѣхъ въ національномъ собраніи вступался за челоѣческія права; готовый на всякія жертвы, онъ всецѣло былъ преданъ своимъ идеаламъ о народномъ благѣ, о правѣ и гражданской свободѣ; въ дни воодушевленія, когда настала демократическая весна, такой челоѣкъ неизбѣжно сталъ любимцемъ Французовъ, предметомъ восторженныхъ поклоненій! Но сознаніе своего значенія и положенія вскружило ему голову. Онъ не обладалъ ни мощнымъ умомъ, ни героическимъ характеромъ, и не ему было среди раздора партій и интересовъ, въ разгарѣ борьбы изъ-за мнѣній того времени поддерживать роль рѣшающаго третейскаго судьи. Отъ глубины души преданный монархическому законному государству и въ то же время, добываясь славы и почестей популярнаго народнаго героя, онъ нерѣдко впадалъ въ разладъ между убѣжденіемъ и наклонностью. Онъ вообразилъ себя, что своимъ вліяніемъ и своею личностью сможетъ по своему рѣшать дѣла во всѣхъ жизненныхъ вопросахъ; ему льстиво, когда король и министры думали, что правительство держится лишь съ его помощью, если же не обращались къ его поддержкѣ, то онъ готовъ былъ пристать даже къ враждебной сторонѣ, наперекоръ своей совѣсти и своему убѣжденію вступать даже въ мятежные заговоры, въ суетной самоувѣренности, что въ свое время всегда успѣетъ укротить разнузданныя страсти. Но тутъ его постигла участь ученика кудесника. Подобно Лафайету *Балли* также былъ честный воодушевленный идеальными благами дѣятель, чуждый всякаго своекорыстія. Но, посвятивъ всю жизнь свою наукамъ, не зная практическаго быта, неопытный въ дѣлахъ обширной администраціи, этотъ ученый лишенъ былъ необходимыхъ въ его важной должности способностей и познаній. Даже въ обычную пору не легко было поддерживать порядокъ въ Парижѣ, теперь же эти затрудненія дошли

Балли.

до высшей степени. Вследствие безработной поры, дороговизны, царившей всюду тревоги и опасности бездомное и бродячее население разрослось до чрезвычайных размѣровъ. Насчитывалось до 40,000 пришлецовъ, не имѣвшихъ никакихъ опредѣленныхъ занятій, а сверхъ того оказалось еще много ремесленниковъ, подмастерій и мелкихъ мастеровъ, которые, лишась заработковъ и доходовъ, бѣдствовали и нуждались въ пособіи. Городу надлежало позаботиться о дешевомъ хлѣбѣ, и для этого задорого покупать зерно и муку, а отдавать задешево; ему предстояло также печься о заработкѣ для беззанятыхъ пролетаріевъ и на такой конецъ назначать пенушныя и бесполезныя работы. А такъ какъ вследствие отмѣны городскихъ таможенныхъ заставъ послѣ августовской ночи, городская касса лишилась самой прибыльной доходной статьи, своей пошлины съ съѣстныхъ принадлежностей (октруа), и не могла покрыть эти расходы, то пришлось за пособіемъ обратиться къ правительству, которое, въ свою очередь, также перебывало изъ рукъ да въ ротъ. Словомъ, нужда усиливалась, затрудненія накапливались день ото дня; по улицамъ сповали тысячи безпріютныхъ; многіе изъ нихъ послѣ взятія Бастиліи владѣли ея оружіями всякаго рода, пикенеры, не принятые въ національную гвардію. Всѣ они считали Пале-Рояль своею родиной, своимъ пристанищемъ. Вскорѣ городская администрація не въ силахъ была справиться съ этимъ подвижнымъ населеніемъ.

Пале-Рояль и его демагоги.

Филиппъ Орлеанскій.

Дантонъ.

Въ Пале-Рояль царили самыя вліятельныя демагоги, которые подвизались на службѣ у герцога Орлеанскаго, поддерживали газетами и брошюрами броженіе въ толпѣ какъ въ городѣ, такъ и въ провинціяхъ, раздавали даже деньги или угощали. Герцогъ Филиппъ надѣялся при посредствѣ революціи лишиться короля престола или жизни и стать во главѣ государства. Лишенный личнаго мужества и нравственной силы, развратный, сластолюбивый, но обладающій несмѣтнымъ богатствомъ, которое успѣлъ размножить гнусными средствами паживы, онъ другимъ предоставилъ дѣйствовать за себя. При помощи народной толпы онъ надѣялся достигнуть званія генераль-лейтенанта или государственнаго регента и проложить себѣ путь къ престолу. Даровитые пародіе вѣти и публицисты, съ которыми мы уже ознакомились какъ съ вождями клуба Пале-Рояля, Демуленъ, Лустало, Маратъ, пользовались его поддержкой; Санъ-Гюрюгъ и адвокатъ *Жоржъ Дантонъ*, рожденный въ Арси на Обѣ въ Шампань, принадлежали къ его партіи и участвовали въ его оргіяхъ. За энергическое содѣйствіе при взятіи Бастиліи Дантона назначили председателемъ въ кордельерскомъ округѣ, гдѣ онъ вскорѣ возымѣлъ сильное вліяніе на близкіе классы народа. „Его атлетическая фигура, медузныя глаза на широкомъ, съ осыпью порябѣвшемъ лицѣ, вздутыя ноздри и губы, изобличители наглою самоувѣренности, — все въ немъ напоминало будущаго Мирабо простаго люда“. Его громовый голосъ и страстный пылъ рѣчей производили мощное впечатлѣніе на толпу. Въ эти мятежные дни основалась власть журналистики. И тогда уже „Другъ народа“ врача *Марата* изъ Невшательскаго кантона пользовался чрезвычайнымъ значеніемъ. Безобразный съ виду „словно Гуннъ“ и горячаго фантастическаго нрава, но даровитый

ораторъ и публицистъ, Маратъ, провозглашая демагогію, возбуждалъ алчность народной толпы.

Жанъ Поль Маратъ род. 24. мая 1744 г., сынъ протестантскихъ родителей, провелъ тревожную молодость. Запасшись хорошими знаніями въ медицинѣ и физикѣ, онъ покинулъ отечество, съ тѣмъ чтобы въ чужой странѣ добиться пропитанія. Онъ долго прожилъ въ Эдинбургѣ, зарабатывая насущный хлѣбъ преподаваніемъ французскаго языка, писалъ на англійскомъ и французскомъ языкахъ революціонный трактатъ: „Цѣни рабства“ и нѣкоторыми произведеніями въ духѣ матеріалистовъ-философовъ обратилъ на себя вниманіе; потомъ водворился въ Парижѣ, гдѣ при дворѣ графа Артуа занималъ подчиненную должность врача. Когда вспыхнула революція, онъ выступилъ на поприщѣ публицистики и скоро достигъ на немъ высокаго значенія. Никто не обладалъ въ такой степени искусствомъ, разжигать народныя страсти, бранью, клеветою, насквилю возбуждать ненависть и презрѣніе къ правительству и высшимъ сословіямъ. Нѣсколько недѣль спустя послѣ взятія Бастиліи въ „Другѣ народа“ появилась уже пресловутая статья о томъ, чтобы въ Тюльерійскомъ саду обратить 800 деревъ въ висѣлицы, повѣсить на нихъ измѣнниковъ націи, и прежде всѣхъ Мирабо. Когда его хотѣли предать суду, то онъ скрылся на время въ монастырѣ кордельеровъ подъ охраною Дантона. Его лицо было крайне безобразно: приплюснутый носъ, — такъ изображаетъ его Дун Бланъ, — какой былъ развѣ у короля Гунновъ, губы словно у змѣи вздутыя отъ яда, притомъ пламенный какъ у пророка взоръ, и фізіономія, на которой отпечатлѣлись презрѣніе къ людямъ, иронія и вызовъ.

Маратъ.

Король и придворная партія не смогли одолѣть свое отвращеніе Заявленія роть новаго порядка. Они все еще обсуждали, какъ бы выбраться акціонеровъ и изъ подневольнаго состоянія. Нѣкоторое время Людовикъ носился роялистомъ въ съ планомъ, отправиться въ Мецъ и оттуда съ помощью вѣрныхъ Версалѣ. ему войскъ противоудѣйствовать мятежу. Въ такомъ настроеніи онъ не рѣшался утвердить статьи, постановленныя въ ночное засѣданіе четвертаго августа. Во дворцѣ опасались противоудѣйствія со стороны папскаго престола, когда отмѣнятся аннаты, также со стороны нѣмецкихъ имперскихъ князей, когда въ Эльзасѣ и Лотарингіи уничтожатся феодальныя права; опасались новыхъ финансовыхъ затрудненій, когда государственной кассѣ придется возвращать деньги, собранныя ею за судебныя мѣста и должности; спрашивалось, съ какой стати десятины, отъ которыхъ въ порывѣ патріотизма добровольно отказалось духовенство, были подарены землевладѣльцамъ, а не присвоены стѣсненной государственной кассѣ на общую пользу? Вотъ по какимъ причинамъ король мѣшкалъ своею подписью. Это послужило новымъ поводомъ къ тревожнымъ волненіямъ, подозрѣніямъ, слухамъ о замышляемыхъ насильственныхъ переворотахъ. Въ національномъ собраніи опирались на постановленіе, что настоящій уставъ не нуждается въ королевской санкціи, и не признавали за королемъ права отказа. Даже Мирабо, не сочувствовавшій впрочемъ тревожной августовской ночи, ревностно настаивалъ на немедленномъ обнародованіи постановленій. Онъ опасался лишиться

популярности, если станеть сопротивляться исполненію приговоровъ, которые массы народа, особенно мелкіе землевладѣльцы привѣтствовали съ такимъ радостнымъ восторгомъ. Людовикъ не отважился однако рѣшительно воспротивиться этому со всѣхъ сторонъ мощно нахлынувшему потоку общественнаго мнѣнія; по прошествіи трехъ дней король подтвердилъ всѣ рѣшенія за исключеніемъ правъ человѣческихъ. Однако, колебаніе возбудило недовѣріе. Въ воздухѣ усилились и усиливались слухи о предполагаемыхъ насильственныхъ мѣрахъ, тѣмъ еще болѣе что для большей безопасности двора въ Версалѣ перевели фландрскій полкъ. Эту мѣру вовсе нельзя было считать подозрительною: при тогдашнихъ обстоятельствахъ одна тысяча солдатъ, присоединенныхъ къ версальской лейбъ-гвардіи не имѣла почти никакого значенія. Однако по Парижу съ нѣкоторыхъ уже поръ разнесся пароль, что слѣдуетъ побудить дворъ перенести резиденцію въ главный городъ. Такимъ образомъ уменьшится бѣдственное состояніе и королю нельзя будетъ удалиться въ другое мѣсто. А тутъ агитаторы изъ Пале-Рояля распространили еще слухъ, будто реакціонная придворная партія замышляетъ повторить то, что ей не удалось до бастильскаго погрома. Случившееся съ прибытіемъ новаго полка событіе въ Версалѣ пришлось какъ разъ къ стати коноводамъ. Дѣло въ томъ, что лейбъ-гвардія въ большой оперной залѣ дворца задала обѣдъ новоприбывшимъ офицерамъ; вернувшись съ охоты, король имѣлъ неосторожность къ концу пира явиться съ королевою и дофиномъ въ обѣденный залъ; разгоряченное виномъ общество излило свои лояльныя чувства громкими демонстративными выходами. Пили за здоровье короля и королевской семьи, не помня объ нации; королевская капелла заиграла извѣстную пѣсню: «О Ричардъ, мой король, весь міръ тебя покинулъ?» Дамы надѣлали изъ своихъ бѣлыхъ лентъ кокарды и раздавали ихъ; офицеры въ хмѣльномъ чаду клялись въ вѣрности и преданности королю и его дому. Эти происшествія дѣйтельными языками быстро разнеслись по Парижу и послужили ораторамъ Пале-Рояля новымъ матеріаломъ для возбужденія массъ. «Парижъ голодаетъ», говорилъ народъ, «а въ Версалѣ совершаются оргіи». Благодаря преувеличеннымъ слухамъ волненіе усилилось. Рассказывали, будто трехцвѣтныя кокарды топтались ногами; замышляется заговоръ противъ народа. А дороговизна, быть можетъ искусственно созданная, все еще продолжалась; когда закрылись національныя мастерскія на Монмартрѣ, то городъ наполнился голодными рабочими; шайки пролетаріевъ день и ночь сновали по улицамъ, національная гвардія съ трудомъ сдерживала ихъ отъ мятежа и буйства. Утромъ 5. октября на Гревской площади скопились толпы народа, большею частью женщины, и съ крикомъ требовали хлѣба; вскорѣ тутъ собралось нѣсколько тысячъ человѣкъ. Они проникли въ ратушу, гдѣ триста депутатовъ

21 сент. 1789.

1 окт. 1789.

Парижъ 5. октября.

обсуждали, какъ бы устранить безхлѣбницу; шайка вломилась въ оружейную палату. Другія толпы нахлынули изъ Пале-Рояля и Антуанскаго предмѣстья. Раздались толки о томъ, что въ дороговизнѣ повинны аристократы; необходимо привести короля, чтобы онъ добылъ хлѣба голодающему народу. Было около десяти часовъ, когда разнесся этотъ лозунгъ. Подобно тому какъ въ іюлѣ кличъ «въ Бастилію!» такъ и теперь слова: «Короля въ Парижъ!» указали разбушевавшейся массѣ общую цѣль дѣйствія. Оба эти толчка имѣли своимъ источникомъ вызывающія заявленія со стороны придворной знати. Первое дѣло имѣло слѣдствіемъ паденіе феодализма, а второе — было началомъ конца королевской власти.

Съ нѣкоторыхъ поръ возникла мысль, что дворъ вмѣстѣ съ собраніемъ депутатовъ и высшими правительственными вѣдомствами слѣдуетъ перенести въ Парижъ. Народу наговорили, что этимъ положится конецъ проискамъ аристократіи и хлѣбъ въ Парижѣ подешевѣтъ; національно-либеральная партія одобрила этотъ планъ въ надеждѣ, такимъ путемъ вѣрнѣе предупредить всякія покушенія реакціонеровъ и попытки къ бѣгству, тверже установить народное самодержавіе; въ Пале-Роялѣ способствовали всему, что могло подвергнуть опасности короля и возвысить герцога Филиппа. Неизвѣстно, впрочемъ, отъ кого впервые вышелъ роковой пароль. Прежде всего, разумѣется, виновникомъ сочли герцога Орлеанскаго; однако, для его честолюбивыхъ цѣлей было бы полезнѣе, еслибъ король удалился въ Мецъ или въ другой отдаленный городъ: въ такомъ случаѣ регенство не ушло бы отъ него. Ужь не Лафайетъ ли вызвалъ это событіе, роковыхъ послѣдствій котораго онъ не постигъ? На него и тогда уже взваливали тяжкую вину, а новѣйшіе писатели революціи, Зибель и Гейссеръ, вторили этому заявленію. Досадуи на отказъ или по крайней мѣрѣ на уклончивое отношеніе короля къ человѣческимъ правамъ, онъ хотѣлъ перенести дворъ въ Парижъ, съ тѣмъ чтобы съ помощью коммуны и милиціи оказать надлежащее давленіе на правительство и на короля. Говорятъ, что онъ рано утромъ уже, когда мятежныя толпы женщинъ стекались на Гревской площади и никто еще не зналъ о цѣли движенія, послалъ вице-президента городского совѣта въ Версалѣ, съ цѣлью извѣстить министра, что грозитъ походъ народа на Версалѣ, пусть переведутъ правительство и собраніе въ Парижъ. Обращается еще вниманіе на то, что національная гвардія, служившая всегда столпомъ порядка, воздерживалась отъ всякаго энергическаго сопротивленія, и Лафайетъ на предложеніе французскихъ гренадеровъ, повести ихъ въ Версалѣ, возразилъ, что ему слѣдуетъ выждать приказа отъ городского совѣта; а этотъ приказъ былъ доставленъ ему только послѣ полудня. Основываясь на этомъ, Зибель приходитъ къ такому заключенію: «Слова, которыя въ потокѣ революціи оказались наиболее роковыми, — „короля въ Парижъ“, — высказаны прежде всего не женщинами, а сторонниками Лафайета, не изъ Пале-Рояля или орлеанистами, а вице-президентомъ коммуны». Но жестокий упрекъ, будто „Лафайетъ любилъ кокетничать восташемъ и потомъ выпутываться двоязычіемъ изъ выходящей сумятицы“, противорѣчитъ рыцарскому лояльному характеру генерала и основанъ лишь на стоустой молвѣ того времени.

Внутренній прагматизмъ.

Революціонныя
происшествія
въ Версалѣ.

Когда кличъ «въ Версалѣ» проникъ въ массы, то тысячеголовый потокъ, женщины смѣшавшись съ пикерами, возрастая подобно лавинѣ, хлынула по западному направленію, впереди всѣхъ пресловутая Теруанье де Мерикуръ изъ Люттиха и «царица рынка», Роза-Лакомбъ, бывшая актриса. Предводительствовалъ герой Бастилии Мальяръ, а при немъ мясникъ и вивоторговецъ Журданъ, по прозвищу «головорѣзъ». Весь Парижъ былъ на ногахъ; поволокли съ собою нѣсколько старыхъ пушекъ, многіе были вооружены, все вмѣстѣ походило на дикое вакхическое шествіе. Въ это время національное собраніе совѣщалось подъ предѣтельствомъ Мунье. Тутъ Мирабо шепнулъ президенту: сорокъ тысячъ Парижанъ идутъ на насъ, распустите засѣданіе. Отсюда заключили, будто онъ былъ совинникомъ замысла. Но это подозрѣніе ни на чемъ не основано. Поддерживая связи со многими лицами, Мирабо и безъ того могъ заранѣе извѣститься объ угрожавшей бурѣ. Мунье не послушался совѣта, и вслѣдствіе этого собраніе было опозорено: Мальяръ вышелъ на трибуну и сталъ осыпать депутатовъ упреками, а въ то же время женщины и мужчины нахлынули въ галереи, даже въ залу засѣданія и прерывали совѣщанія шумомъ и гамомъ. Мунье отправился къ королю, который не медля утвердилъ человѣческія права; президента сопровождала толпа красивыхъ, приличной наружности дѣвушекъ и женщинъ; онѣ отъ имени парижскаго населенія изъявили просьбу, чтобы король устранилъ безхлѣбницу и перенесъ резиденцію въ Парижъ. Людовикъ XVI. старался успокоить ихъ благодушными словами. Къ вечеру въ Версалѣ прибылъ Лафайетъ съ національною гвардіей, снабженный отъ коммуны актомъ, въ которомъ помимо тѣхъ двухъ прошеній требовалось еще подтвержденіе конституціи, а охрана двора поручалась національной гвардіи; затѣмъ онъ принялъ надлежащія мѣры для защиты дворца и для отраженія всякихъ насилій и буйствъ. А между тѣмъ дикіе прайдохи, прибывшіе частью съ Мальяромъ, частью въ сопровожденіи генерала, проширыли всѣ углы въ версальскомъ замкѣ. Они убѣдились, что всѣ входы заняты и сторожко охраняются конною лейбъ-гвардіей, фландрскимъ полкомъ, Швейцарцами и версальскою милиціей, а потому воздержались отъ всякихъ покушеній, тѣмъ еще болѣе что Лафайетъ обнаружилъ твердое намѣреніе, воспрепятствовать всякому насилію. Однако лазутчики скоро провѣдали, что въ средѣ охранителей не было настоящаго единодушія и что король запретилъ стрѣлять по народу. Людовикъ XVI. прочелъ въ исторіи Юма, что пролитіе гражданской крови болѣе всего вмѣнялось англійскому королю въ преступленіе, достойное смертной казни. Съ этой поры участь Стюарта мерещилась ему словно угрожающій призракъ. Ему совѣтовали спастись въ Рамбулье, но Лафайетъ поручился своею кровью, что онъ поддержитъ порядокъ. Затѣмъ и прокинула мысль о бѣгствѣ.

Когда парижская національная гвардія заняла важнѣйшіе посты въ замкѣ, а нѣсколько батальоновъ размѣстились по церквамъ или у сторожевыхъ костровъ по улицамъ, то Лафайетъ, утомившись отъ дневныхъ трудовъ, въ два часа по полуночи прилегъ отдохнуть. Этимъ воспользовались бродившія по городу необузданныя шайки: прежде всего они нагрянули на ненавистную лейбъ-гвардію, ворвались въ ея казармы и разграбили ихъ: потомъ направились къ замку, впереди всѣхъ дикіе орды, поджигаемыя паролемъ изъ Пале-Рояля. Имъ удалось, наконецъ, открыть задній входъ, никѣмъ не охраняемый. Отсюда онѣ и проникли внутрь. Мужчины и женщины, снаряженные всякаго рода оружіями, ворвались во дворы и проходы. Лейбъ-гвардейцы у дверей и по лѣстницамъ были избиты, у труповъ отрублены головы. Потокъ неудержимо стремился впередъ, добираясь къ покоямъ королевы. Она неминуемо погибла бы, еслибъ гвардейцы, жертвуя собой, не отстояли переднюю, пока королева, полураздѣтая, не спаслась съ своими придворными дамами къ королю. Разбуженный вѣстью о нападеніи и объ убійствахъ въ замкѣ Лафайетъ подоспѣлъ, наконецъ, съ національною гвардіей и энергическими дѣйствіями отвратилъ дальнѣйшія злодѣйства.

Внутренніе покои дворца были очищены; наружу, однако, все еще бушевалъ дикій мятежъ. Изъ тысячи глотокъ раздавался кличъ: «Короля въ Парижъ!» Людовикъ XVI. вышелъ на балконъ съ кокардою на шляпѣ и подалъ знакъ согласія. Раздалось громогласное: «да здравствуетъ!» которымъ привѣтствовали даже королеву, когда Лафайетъ вывелъ ее и поцѣловалъ ея руку. Нѣсколько часовъ послѣ того двинулся роковой поѣздъ, и въ толгѣ въ знакъ радости раздались выстрѣлы. Этотъ семь часовъ длившійся переѣздъ въ столицу въ сопровожденіи ужасной толпы оравшихъ и лиговавшихъ женщинъ и мужчинъ, былъ мучительной пыткой для вѣнценоснаго Бурбона и для гордой дочери Маріи Терезин. Послѣ привѣтствія, сказаннаго имъ въ ратушѣ городскимъ совѣтомъ, они поздно вечеромъ вошли въ пустынный тюльерійскій дворецъ, который давно уже не былъ обитаемъ и не приготовленъ для ихъ приѣма; тутъ подъ охраною парижской національной гвардіи они зажили словно въ плѣну! Двѣ недѣли спустя послѣ того перебралось также и національное собраніе, для котораго приготовили находившуюся близъ тюльерійскаго дворца школу верховой ѣзды. Однако болѣе ста членовъ, между прочимъ Мунье и Лалли Толендаль, вышли изъ собранія. Герцога Орлеанскаго, въ которомъ заподозрили настоящаго виновника октябрьскихъ неистовствъ, отправили подъ предлогомъ дипломатическаго посольства въ Лондонъ—какъ бы въ ссылку. Говорятъ, будто въ ту убійственную ночь въ самую горячую свалку его видѣли въ версальскомъ дворцѣ; а на слѣдующій затѣмъ день онъ извѣстилъ своего банкира, не выдавать за него платы: «деньги не заслужены, простофія еще живъ».

Королевская
семья въ
Парижѣ.

5. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО. АССИГНАТЫ. РАЗВЕРСТКА СТРАНЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ СУДА. ГРАЖДАНСКИЙ УСТАВЪ КЛИРА.

Отношение Ми-
рабо къ коро-
нѣи национ. ор-
ганію.

Политическая дѣятельность Мирабо была направлена къ возста-
новленію парламентарно-монархическаго государства, въ которомъ
личная свобода могла бы на просторѣ безпрепятственно развиваться
въ законныхъ предѣлахъ, въ которомъ общественныя власти, раз-
бившись согласно сферы ихъ дѣйствія на три фактора, на законо-
дательную, исполнительную и судебную, но гармонически сочетав-
шись, въ состояніи были бы исполнить свои обязанности, въ ко-
торомъ, наконецъ, совсѣмъ исчезло бы неравенство гражданъ, какое
порождается привилегіями, преимуществами, монополіями, городскими
и промышленными ограниченіями. Въ этомъ смыслѣ онъ горячо ра-
товалъ до сей поры противъ феодальнаго государства съ его помѣ-
щичьими правами, противъ королевскаго абсолютизма съ его дво-
рянствомъ и камарильей, противъ церкви съ ея іерархическимъ
господствомъ и религіозною нетерпимостью; исполненный патриоти-
ческаго чувства онъ содѣйствовалъ національному единству. Въ пе-
ренесеніи двора и правительства въ неугомонную столицу Мирабо
чувялъ опасность для равновѣсія общественныхъ властей, для необ-
ходимой силы и для авторитета короны. Онъ опасался, какъ бы
государственный корабль, избѣгнувъ Сциллы феодализма, не попалъ
въ Харибду народной анархіи, если энергичный кормчій не откло-
нитъ его отъ такого пагубнаго направленія. Вотъ почему въ то
время, какъ доктринеры и фанатики дешеваго популярнаго пошиба
настаивали на своей прежней точкѣ зрѣнія и все еще метали свои
стрѣлы на разбитаго уже и лежачаго врага, великій народный три-
бунъ помышлялъ о средствахъ, какъ бы подкрѣпить расшатанный
престоль и въ то же время устроить конституціонное государство
на либеральныхъ и національныхъ основахъ,—какъ бы воспрепят-
ствовать разрушительнымъ дѣйствіямъ революціонныхъ элементовъ,
не подвергая опасности основаніе новаго государственнаго строя,
какой третье сословіе съ самаго начала сдѣлало задачей и цѣлью
своихъ дѣйствій. Никогда Мирабо не былъ такъ великъ, какъ въ
мѣсяцы послѣ октябрьскихъ событій. Когда нѣсколько дней спустя
послѣ нихъ буйная чернь напала на булочника и убила его, то по
предложенію Мирабо издавъ былъ законъ о мятежѣ, вслѣдствіе ко-
торога городской совѣтъ уполномочивался для поддержки обществен-
ной безопасности послѣ троекратнаго предостереженія прибѣгать къ
вооруженной силѣ. Мужество и мощь дѣятеля обнаруживается не
въ такіе моменты, когда онъ предшествуетъ или слѣдуетъ за об-
щимъ потокомъ, а скорѣе — когда онъ сопротивляется нахлы-
вающимъ волнамъ. Въ Парижѣ проживалъ тогда знатный Бельгіецъ,

22. окт. 1789.

графъ Ламаркъ, впоследствии князь Арембергъ; пользуясь всѣмъ
при дворѣ, онъ поддерживалъ дружбу съ Мирабо. Изъ писемъ и
бесѣдъ съ этимъ дворяниномъ, какія лишь впоследствии стали из-
вѣстны, узнаемъ, съ какою прозорливостью депутатъ предвидѣлъ
опасности, грозившія монархіи, и какъ ревностно онъ обсуждалъ
средства, съ тѣмъ чтобы задержать вторгшуюся анархію и укрѣпить
исполнительную власть. Пребываніе короля въ революціонномъ Па-
рижѣ казалось ему чрезвычайно опаснымъ; подъ гнетомъ населенія,
которое мятежными ораторами и журналистами поддерживается въ
постоянной тревогѣ, онъ считалъ невозможнымъ установить консти-
туціонное правленіе и энергическую власть. Въ докладной запискѣ
для передачи королю онъ развилъ свои воззрѣнія о томъ, какъ
можно бы спасти монархію и вмѣстѣ съ тѣмъ довершить новый
государственный строй. Людовикъ XVI. долженъ уѣхать изъ Пари-
жа, но не тайкомъ бѣжать въ Лотарингію, съ тѣмъ чтобы прибѣг-
нуть къ помощи эмигрантовъ и иностранцевъ, а напротивъ, откры-
то среди бѣла дня отправиться въ Руанъ, и тамъ, опираясь на
войско и національную гвардію, окруженный населеніемъ вѣрнопод-
данныхъ провинцій, Нормандіи и Бретани, сообщая съ представите-
лями государста вызвать къ жизни новую конституцію, прямо и чи-
стосердечно, безъ реакціонныхъ заднихъ мыслей, но и безъ вся-
кой уступки анархистамъ. Графъ Монморенъ, министръ иностран-
ныхъ дѣлъ, достойный уваженія рѣшительный человѣкъ, сочувство-
валъ воззрѣніямъ Мирабо о необходимости монархической реставра-
ціи. Да развѣ Бурбоны, окончательно упавшій духомъ послѣ октябр-
скихъ дней, могъ рѣшиться на такой подвигъ? Онъ скорѣе согла-
шался на другой замыселъ, который предлагался дворянствомъ и
поддерживался графомъ Прованскимъ. Слабость и неспособность
короля обнаруживались все яснѣе, а потому послѣдній и надѣялся
захватить въ свои руки бразды правленія подъ какимъ бы то ни
было титуломъ. Но и этотъ планъ откладывался до поры до вре-
мени. Мирабо неустанно добивался, чтобы король предался новымъ
политическимъ идеямъ и принялъ дѣятельное участіе въ ихъ осу-
ществленіи съ помощью конституціонно настроенныхъ и консерва-
тивныхъ элементовъ. Потому-то ему и хотѣлось, чтобы король
пригласилъ его въ министерство. Такое положеніе не только отвѣ-
чало бы его политическимъ дарованіямъ, но оно выручило бы его
также изъ финансовыхъ затрудненій, въ какія ввергли его распу-
ство и старые долги. Смерть отца не избавила его отъ безденежья.
Извѣстно, что состояніе Мирабо было крайне разстроено. Эти често-
любивые замыслы глубоко скрывались въ душѣ великаго политика,
но ихъ все таки угадали. Когда, съ цѣлью создать сильное прави-
тельство и сгладить противоположность между законодательною и
исполнительною властями, онъ предложилъ предоставить минис-

15. окт.

6. ябр. 1789. трамь мѣсто въ національномъ собраніи съ совѣщательнымъ голо-
сомъ, то встрѣтилъ сильное сопротивленіе. Бретанецъ Ланжюинъ,
профессоръ каноническаго права, подалъ предложеніе противнаго
свойства, чтобы никто изъ членовъ національнаго собранія въ этотъ
законодательный періодъ не вступалъ въ министерство или въ иную
правительственную должность. Тщетно Мирабо всѣми силами своего
краспорѣчія ратовалъ противъ такого самоограниченія; наконецъ,
такъ какъ причина его предложенія ни для кого не была уже тай-
ною, онъ прибѣгъ къ иронической уловкѣ, предложивъ, чтобы къ
закону о допущеніи министровъ прибавить: за исключеніемъ лишь
графа Мирабо, депутата отъ Э. Собраніе однако постановило, чтобы
ни одинъ изъ присутствующихъ членовъ не принималъ никакой дол-
жности отъ правительства; вслѣдствіе этого приговора разладъ между
парламентомъ и правительствомъ сталъ неисцѣлимъ. Такимъ обра-
зомъ Мирабо лишился цѣли своего пламеннаго честолюбія. Онъ по-
этому могъ служить впредь королю—не какъ официальный санов-
никъ правительства, а лишь въ качествѣ оратора на трибунѣ или
тайнаго совѣтника при посредствѣ указаній, предложеній и запи-
сокъ. Такая дѣятельность поставила его въ ложное положеніе: такъ
какъ вслѣдствіе своихъ разстроенныхъ денежныхъ условій онъ вы-
нужденъ былъ за свои совѣты принять отъ короля въ уплату сво-
ихъ долговъ около 200,000 фр. и сверхъ того пожизненную ренту
въ тысячу талеровъ ежемѣсячно, то вскорѣ распространилась молва,
будто онъ состоитъ у двора на жалованьи; демагоги не упустили
случая заподозрить его въ преступныхъ замыслахъ. Въ началѣ
1790 года между Англіей и Испаніей грозила разгорѣться война за
обладаніе важнымъ для торговли мѣхами заливомъ Нуткою въ Ка-
лифорніи; въ силу семейнаго договора Франція могла бы тоже
впутаться въ борьбу. Въ одной изъ своихъ блестящихъ рѣчей Ми-
рабо одной лишь коронѣ приписывалъ право рѣшать вопросъ о
мирѣ и войнѣ, тогда какъ Барнавъ и его сторонники признавали
это право только за представителями націи. По этому поводу на
улицахъ продавался трактатъ: «Великая измѣна графа Мирабо». Онъ
сказалъ тогда на трибунѣ: «Недавно хотѣли меня пронести въ
тріумфѣ по улицамъ, а теперь называютъ меня измѣнникомъ. Мнѣ
и безъ этого урока извѣстно, что отъ Капитолія до Тарпейской
скалы всего нѣсколько шаговъ, но не легко одолѣть того, кто ра-
гуется за разумъ и отечество». Логика его политическихъ доводовъ
была неотразима; онъ съ неодолимой силою провелъ слѣдующій
принципъ: рѣшеніе вопроса подлежитъ не одному только законодатель-
ному корпусу, но соединенному въ законодательной и исполнительной
власти самодержавію народа. Благодаря этому приговоръ былъ обле-
ченъ въ форму, по крайней мѣрѣ близко подходившую къ его пред-
ложенію. Самый декретъ гласилъ: «Право войны и мира принадле-

7. ноября

Май 1790.

жить націи; война можетъ быть объявлена лишь по приговору
національнаго собранія, который постановляется по именному и
непремѣнному предложенію короля и имъ утверждается».

По переселеніи двора и правительственныхъ вѣдомствъ въ Па-
рижъ власть сосредоточилась въ представителяхъ коммуны, засѣдав-
шихъ въ ратушѣ, и въ подчиненной имъ національной гвардіи,
одна часть которой отправляла правильную службу и получала жа-
лованье. Упомянутый законъ о мятежѣ или маргіальный уставъ,
введенный содѣйствіемъ Мирабо и Лафайета, также перенесеніе
всѣхъ тяжбъ по преступленіямъ «оскорбленной націи» въ прежнее
судилище Шателе, пока не устроено новое судопроизводство, слу-
жили законными средствами противъ анархическихъ вспышекъ мас-
сы, и дали національному собранію возможность разработать госу-
дарственный и общественный организмъ во всѣхъ подробностяхъ. Въ
этомъ великомъ предпріятіи проявилось все обиліе знаній, научнаго
образованія, разнородныхъ талантовъ, какіе вмѣщало въ себѣ со-
браніе. Нѣкоторыя изъ постановленій изобличаютъ, правда, харак-
теръ пристрастный къ реформамъ эпохи или прилаживаются къ фи-
лософскимъ и политическимъ доктринамъ того времени; а все-таки
созданія 1789 и 1790 составляютъ основы современнаго государ-
ства. «Приобрѣтенія революціи» не только для Франціи, но и для
всего культурнаго міра открыли новую эру образованія государ-
ственной и конституціонной жизни. Личная свобода, равноправность
всѣхъ передъ закономъ, развитіе общественныхъ властей изъ са-
модержавія и самоопредѣленія всѣхъ членовъ государства — вотъ
неотъемлемыя основныя права всѣхъ современныхъ политическихъ
обществъ.

Первою заботою національнаго собранія было, добыть необходи-
мыя денежные средства для покрытія государственныхъ расходовъ
и для устраненія все возрастающаго дефицита. Дѣло чисто практи-
ческое скоро развилось въ одинъ изъ самыхъ важныхъ и наиболѣе
вліятельныхъ жизненныхъ вопросовъ. Извѣстно, что галликанская
церковь обладала большими имуществами и доходами; стоимость цер-
ковныхъ имуществъ оцѣнивали въ два милліарда, а годовой доходъ
со включеніемъ десятины — въ 170 милліоновъ. Изъ этого духовен-
ство до сихъ поръ «доброхотными дарами» выдавало государству
ежегодно въ среднемъ выводѣ отъ 3 до 4 милліоновъ, и сверхъ того
облегчило себѣ по возможности возложенное на него бремя препода-
ванія и призрѣнія бѣдныхъ. Въ ночное засѣданіе четвертаго августъ
та духовенство, правда, тоже увлеклось всеобщимъ самоотвержен-
нымъ воодушевленіемъ, но все это было лишь мелкою долею сосло-
вія; а за пожертвованныя десятины имѣлись уже въ виду иныя воз-
награжденія. Весьма естественно поэтому, что въ эпоху просвѣщенія,
когда господствовавшіе умы равнодушно, даже враждебно относились

Всесмірно-исто-
рическое зна-
ченіе націо-
нальнаго со-
бранія.

Ассигнаты.

къ религии, въ національномъ собраніи зародилась мысль, воспользоваться церковнымъ имуществомъ для устранения финансовыхъ нуждъ. Идея вышла отъ самаго духовнаго сословія. Октября 10. уже Талейранъ внесъ чрезъ чреватое послѣдствіями предложеніе, воспользоваться церковнымъ имуществомъ для государственныхъ учреждений. Мирабо поддержалъ предложеніе, которое вскорѣ было изложено въ формѣ проекта закона. По этому все церковное имущество представлялось въ распоряженіе націи, объявлялось государственною собственностью, а производство жалованья духовенству и издержки по церковнымъ и благотворительнымъ дѣламъ возлагались на правительство, остальное же поступало въ кассу для погашенія долговъ и недоимокъ, и для покрытія дефицита. Послѣ долгихъ преній предложеніе было принято и постановленъ приговоръ: «духовныя имущества въ 400 милліоновъ предоставить муниципалитетамъ государства, съ тѣмъ чтобы они распорядились распродажею его по частямъ, удержавъ въ свою пользу шестнадцатую долю чистой прибыли». Этотъ богатый даръ и былъ прозванъ «приданымъ революціи». Такъ какъ продажа церковныхъ имуществъ не могла совершиться тотчасъ же, а настояла крайняя нужда въ деньгахъ, то Мирабо по совѣту выселившагося изъ Женева Клавьера предложилъ, на основѣ приобретенныхъ церковныхъ имуществъ, которыя служили бы гипотечнымъ залогомъ, выпустить кредитные билеты цѣнностью въ 400 милліоновъ и управленіе государственнымъ долгомъ поручить новому, отдѣленному отъ финансоваго министерства вѣдомству. Предложеніе было принято. Для устройства экономическаго порядка прибѣгли къ письменнымъ векселямъ или къ «ассигнатамъ». Это вначалѣ съ доброю цѣлью введенное учрежденіе оказалось въ послѣдствіи тиранскою мѣрою и повлекло за собою разореніе тысячи людей. Государственные доходы день ото дня сокращались, частью вслѣдствіе отмены разныхъ косвенныхъ налоговъ или пошлинъ, частью вслѣдствіе скудныхъ сборовъ общественныхъ податей съ земель и промысловъ, частью вслѣдствіе утраты суммъ, притекавшихъ за продажу должностей и судебныхъ мѣстъ, словомъ—безденежье сильно разрасталось; а потому правительство вынуждено было вынустать все болѣе и болѣе этихъ денежныхъ знаковъ, которые много превысили предназначенную сначала сумму. Вслѣдствіе этого народъ, и безъ того не падѣясь на прочность дѣлъ, утратилъ всякое довѣріе и отказывался принимать ассигнаты или покрайней мѣрѣ неохотно и строптиво относился къ бумажнымъ деньгамъ, которыя вначалѣ радостно привѣтствовались «какъ оплодотворяющій дождь съ неба». Впослѣдствіи, въ дни террора, конвентъ тщетно установилъ принудительный курсъ: въ обыденномъ обращеніи цѣнность ассигнатовъ падала день ото дня; наконецъ послѣдовало государственное банкротство, которое мшили отвратить бумажными деньгами.

17. марта
1790.

Съ осени и до весны національное собраніе развивало изумительную парламентарную дѣятельность. Вѣдь предстояло преобразовать существовавшія учрежденія, результаты свыше тысячелѣтняго историческаго развитія, такъ чтобы они согласовались съ новыми идеями свободы, равенства и естественныхъ человѣческихъ правъ! Тутъ прежде всего пришлось утвердить гражданскія права всѣхъ Французовъ, — урядить и разверстать государственную область на новыхъ основаніяхъ, — преобразовать стародавнія на совершенно новыхъ предположеніяхъ опиравшіяся юридическія власти и судилища, — тутъ пришлось, наконецъ, внести иныя формы и законы во взаимныя отношенія государства и церкви. Борьба пристрастнаго къ реформамъ духа времени противъ всего унаслѣдованнаго и исторически сложившагося, какая въ теченіе десятилѣтій велась уже въ наукѣ и литературѣ, возникла теперь въ дѣйствительности, добилась практическихъ успѣховъ. Поставивъ себѣ задачею возобновленіе государственной и общественной жизни, члены собранія съ неумолимою логикой разсѣкали отжившій организмъ, съ тѣмъ чтобы руководясь разумомъ и философіей создать новыя жизненныя формы, на развалинахъ всего существовавшаго утвердить идеи личной свободы и равноправности.

Организаторская дѣятельность національнаго собранія.

Однако, доктринерамъ скоро пришлось убѣдиться въ томъ, что человѣческій міръ нельзя устроить по отвлеченнымъ понятіямъ! Для того чтобы будущій законодательный корпусъ дѣйствительно былъ представителемъ націи, чтобы общественныя власти на самомъ дѣлѣ служили органами общей народной воли, были изліяніемъ народнаго сомодержавія, необходимо чтобы всеобщее избирательное право было неограниченное, чтобы проявленіе активнаго гражданского права не стѣснялось никакими наружными условіями. А потому собраніе погрѣшило уже противъ святаго духа человѣческихъ правъ тѣмъ, что оно сохранило мѣстную общину и постановило чтобы всякій коренной избиратель принадлежалъ ей по крайней мѣрѣ одинъ годъ, былъ 25 лѣтъ отъ роду, платилъ налогъ, равный трехдневной заработной платѣ, не находился въ услуженіи у другаго лица и не подлежалъ банкротству. Этими основными постановленіями уже нарушались понятія о народномъ сомодержавіи и индивидуальномъ равенствѣ всѣхъ; но логическая послѣдовательность извратилась еще болѣе, когда ввели различный способъ выборовъ съ постепенно нарастающимъ цензомъ. Избираемые первоначальными собраніями выборщики должны были принадлежать къ высшему податному сословію, а депутаты въ національное собраніе избирались лишь изъ гражданъ, которые платили одну марку серебромъ налогу и обладали земельною собственностью. Какъ бы ничтожны ни были съ виду органиченія избирательнаго и гражданского правъ, однако радикалы въ собраніи и демократическіе журналисты признали въ этомъ предпочтеніе собственности, и послѣд-

Избирательное и гражданское право.

не не преминули возстать противъ такой несправедливости своими возбуждавшими статьями. Понятіе о равноправности передъ закономъ стали уже расширять также на собственность. Но неравенство состояній въ человѣческомъ мірѣ все-таки естественный законъ: оно основано на неравенствѣ силъ и на свободѣ воли, которую нельзя устранить ни побудительными выводами логики, ни деспотическою властью.

Партикуляризмъ во Франціи уничтоженъ.

За то доктринеры свободнѣе распоряжались въ устройствѣ и организациі матеріальной основы государства и въ установкѣ формъ, въ которыхъ вращается общественная жизнь. Они создали новыя раздѣленія областей, новыя административныя и судебныя округа, новыя органы судопроизводства, народнаго благосостоянія и общественной охраны. Намъ изъ прежняго достаточно уже извѣстно, какимъ образомъ отдѣльныя части Франціи соединялись въ одно политическое совокупное тѣло. Не смотря на это объединеніе въ отдѣльныхъ провинціяхъ сохранилось чрезвычайное разнообразіе правъ, привилегій, административныхъ формъ, которое не поспѣла бы нарушить прежняя монархія. Въ иныхъ провинціальныхъ собраніяхъ упоминалось даже о стародавнихъ капитуляціяхъ, заключенныхъ съ французскою и королевскою властью. Не только языкъ отличался разными говорами, а законы и судопроизводства носили мѣстный особый характеръ, и въ округахъ господствовала чрезвычайная разнородность управленія, но многія провинціи отдѣлялись даже другъ отъ друга таможенными, пользовались своими особыми мѣрами и вѣсами; словомъ, во Франціи господствовалъ партикуляризмъ, который въ нѣкоторомъ родѣ походилъ на мозаическій хаосъ священной Римской имперіи нѣмецкой націи или на Соединенные штаты австрійскихъ Нидерландовъ. Эта пестрая масса областныхъ особенностей словно бурнымъ вихремъ была сметена теперь однимъ ударомъ, все прошлое было сразу похерено. Не только историческія имена провинцій, но даже пестрое расчлененіе территорій и округовъ — все пало жертвой системы однообразія.

Разверстка областей.

Всю Францію разверстали на 83 *департаменты*, придавъ имъ названія отъ рѣкъ, горъ и другихъ естественныхъ особенностей почвы, и разбивъ ихъ затѣмъ на 574 округа (*Arrondissements*), 4760 *кантоновъ* и на 44,000 *общинъ* или муниципалитетовъ. Вслѣдствіе такого рѣзкаго рационализма изъ мѣстностей образовались географическія понятія, искоренились провинціальныя особенности, весь историческій исключительный жизне-бытъ съ его недостатками и преимуществами, и ввелось однообразіе, причемъ столица сообщила умственные и политическіе импульсы, составляла какъ бы очагъ и средоточіе всякихъ жизненныхъ возрѣній, метрополию всякой культуры для всей Франціи. *Однообразіе мѣръ, вѣса, монеты*, одноформенность управленія и судебной системы довершили политическое единство государства.

Обруженія вѣдомства и муниципалитеты.

Отвѣчая принципу самоопредѣленія, учредили для отдѣльныхъ общинъ, областей и департаментовъ обруженія вѣдомства съ совѣтами и правитель-

ственными коллегіями, члены которыхъ избирались дѣйствительными гражданами и утверждались королемъ; они завѣдывали всѣми общественными дѣлами, за что получали небольшой окладъ. Центръ тяжести находился въ муниципалитетахъ, которые во всѣхъ городскихъ и сельскихъ общинахъ устраивались по парижскому образцу. Мѣрь и муниципальный совѣтъ вели малые налоги и подати; въ ихъ распоряженіе предоставлялись національныя гвардіи, даже строевые отряды, расположенные гарнизонами въ ихъ городахъ. Парижъ образовалъ особую политическую общинную систему, состоящую изъ 48 секцій съ муниципальнымъ совѣтомъ и гражданскимъ комитетомъ, съ мѣромъ во главѣ.

Итакъ, вся Франція распалась на множество избирательныхъ и административныхъ округовъ, которые сами по себѣ составляли столько же мелкихъ самостоятельныхъ областей. Каждая община образовала республику въ маломъ видѣ. При общинныхъ властяхъ правительственные коллегіи и административные совѣты въ кантонахъ, округахъ и департаментахъ пользовались ограниченою властью и небольшимъ значеніемъ. А положеніе министерства, опиравшагося на избираемое чиновничество, было патико и безсильно при собраніи, въ которомъ все болѣе и болѣе исчезали консервативныя, и все болѣе и болѣе прибывали радикальные элементы, изъ котораго по закону исключались члены министерскаго совѣта и, слѣдовательно, лишались всякаго вліянія на движеніе государственнаго законодательства! А для монархически-династической власти тутъ вовсе не было мѣста. Людовика XVI. изъ „короля Франціи“ переименовали уже въ „короля Французовъ“, а вскорѣ затѣмъ нанесли сокрушительный ударъ духовенству и дворянству. Но престолъ, котораго не окружала наследственная аристократія, который въ политическихъ и экономическихъ дѣлахъ опирался на избираемую бюрократію съ правительственной автономіей, былъ „словно обнаженная отовсюду обуреваемая башня на обширной равнинѣ.“ Мирабо не сочувствовалъ созданіямъ нивелирующихъ политиковъ, образованіямъ строгихъ систематиковъ; по его мнѣнію, слѣдовало принимать въ расчетъ естественныя свойства отдѣльныхъ мѣстностей, температуры и привычки населенія, обращать вниманіе на установившіяся особенности провинцій. „Я предпочелъ бы скорѣе реальное дѣленіе“, сказалъ онъ, „которое было бы приурочено къ матеріальнымъ условіямъ, къ мѣстнымъ особенностямъ и къ обстоятельствамъ, а не математическое, такъ сказать идеальное; такое дѣленіе имѣло бы въ виду не только устроить отвѣчающее численности населенія представительство, но также сблизить администрацію съ жителями и предметами, и приобщить ей болѣе сильное соревнованіе гражданъ; это сразу подняло бы просвѣщеніе и самостоятельность, т. е. истинную силу и истинное могущество“. Однако вліяніе времени было противъ него. Онъ, быть можетъ, предвидѣлъ уже то, что вскорѣ и обнаружилось; и дѣйствительно, такая на широкой демократической основѣ созданная, раскрошенная государственная система въ дни политическихъ тревоженій должна преобразиться въ разнузданное господство черни, въ охлократію съ честолюбивыми и своекорыстными демагогами, а въ дни утомленія и истощенія—въ произвольное бюрократическое правленіе, — такая до крайности доведенная децентрализациія впоследствии должна уступить мѣсто какой-либо централизации, и тогда вслѣдъ за лихорадочно возбужденною народною дѣятельностью съ анархическими язвами неминуемо наступитъ деспотизмъ.

Послѣдствія новой территориальной системы.

Новое территориальное дѣленіе съ демократически управляемыми округами повело также къ новой организациі суда. Старые парла-

Новая организациія суда.

менты не отвѣчали болѣе воззрѣніямъ юной Франціи, ученію о народномъ самодержавіи. Хотя юридическая корпорація и служила въ прежнее время оплотомъ противъ чрезвычайнаго могущества абсолютизма, но она все-таки была аристократическимъ и консервативнымъ учрежденіемъ. Не смотря на протесты и мятежные происки со стороны угрожаемыхъ судовъ, продлили обыкновенныя осеннія вакаціи, во время которыхъ одна только камера исполняла самыя безотложныя дѣла, пока не завершили новой разверстки страны; согласно съ этимъ устроили также суды, съ логическою послѣдовательностью создали однообразное производство съ простыми ясными ступенями по инстанціямъ и съ правильнымъ разграниченіемъ законныхъ правъ. Какъ политико-административная Франція распалась на департаменты, округи и кантоны, такъ и судейская—на уголовныя суды съ присяжными (ассизы) для рѣшенія вопроса о фактѣ преступленія, на трибуналы или окружныя и мировыя (кантональныя или городскія) суды. А сверхъ того, кассационная палата имѣла слѣдить за формальною правильностью всѣхъ приговоровъ. Въ постановкѣ и разработкѣ судопроизводства юридическое знаніе и проницательность собранія выказалась въ полномъ блескѣ. Суды присяжныхъ, извѣстные дотошъ въ одной лишь Англии, стали съ тѣхъ поръ достояніемъ всѣхъ культурныхъ народовъ. Средневѣковое судопроизводство при закрытыхъ дверяхъ, сопровождаемое пытками и грудями бумагъ, замѣнилось публичнымъ и гласнымъ судомъ. Судьи избирались народомъ на шесть лѣтъ изъ среды образованныхъ правовѣдовъ. Парламентскимъ членамъ за утрату купленныхъ ими мѣстъ выдано было вознагражденіе.

Гражданское
устройство
духовенства.

Судебная организація, послужившая переходомъ къ новому законодательству Наполеоновой эпохи, вполне оправдалась на дѣлѣ; но «гражданскій уставъ духовенства», которымъ опредѣлялось отношеніе государства къ церкви, повелъ, напротивъ того, къ великому разстройству. Объявленіе церковныхъ имуществъ собственностью государства и послѣдовавшее затѣмъ упраздненіе монастырей и духовныхъ орденовъ безъ содѣйствія папскаго престола возбудило уже сильное неудовольствіе; а постановленный національнымъ собраніемъ основной законъ о всеобщей свободѣ вѣроисповѣданій, благодаря которому протестанты и евреи стали пользоваться гражданской равноправностью, былъ ватиканскимъ правительствомъ признанъ нарушеніемъ каноническихъ уставовъ и вѣры въ единственную душе-спасительную силу католической церкви; но папская іерархія вознегодовала еще сильнѣе, когда законодательное собраніе осмѣлилось подвергнуть существовавшее доселѣ церковное устройство Франціи такому же крутому перевороту, какъ и политическій организмъ государства. Засѣданія, въ которыхъ совѣщались о законѣ касательно положенія духовенства, были чрезвычайно бурныя. Члены правой сто-

роны, въ особенности аббатъ Морп, Казалесъ, Монлозье, Эпремениль и младшій Мирабо всѣми силами старались разстроить этотъ законъ. Подстрекаемый ими честный картезіанскій монахъ, Домъ Жерль, предложилъ собранію объявить, «что римско-католическо-апостольская церковь всегда должна быть національною и культъ ея долженъ быть признанъ исключительно законнымъ»; это вызвало, однако, такое рѣзкое противорѣчіе, что монахъ, и безъ того принадлежавшій къ народной партіи и только подставленный другими, со слезами взялъ назадъ свое предложеніе. Пренія длились нѣсколько недѣль. Главнымъ ораторомъ былъ ипполитъ Камусъ. «Сочетавъ съ религіозною ревностью политическую, онъ неотразимо доказалъ, что предложенный законъ согласуется съ Новымъ Завѣтомъ и съ рѣшеніями Вселенскаго собора четвертаго вѣка». Юля 12. 1790 законъ былъ готовъ и предложенъ королю для утверждения. Послѣдній, однако, замѣшкавъ подписью. Папа Пій VI, на запросъ короля возразилъ: онъ воленъ отречься отъ правъ своей короны, но не жертвовать своими обязанностями къ Богу и церкви, старшимъ сыномъ которой считается. Немного спустя послѣ того, онъ все-таки вынужденъ былъ подтвердить законъ; однако, это сильно встревожило короля: его религіозная совѣсть страдала при мысли, что, нарушивъ папскія права, онъ отрѣшился отъ церкви и что вслѣдствіе незаконнаго выбора епископовъ и священниковъ осквернятся для него святые дары. Съ этой поры между нимъ и народнымъ собраніемъ легла пропасть. Онъ равнодушно лишился шага за шагомъ своихъ державныхъ правъ; но не могъ стерпѣть, когда стали насиловать его религіозную совѣсть.

По „гражданскому уставу кляра“ каждый департаментъ впредь составлялъ епископскую епархію съ подчиненною правительству семинаріей, а все королевство содержало десять архіепископствъ. Епископы и священники должны выбираться народомъ „по образцу первобытной церкви“ большинствомъ голосовъ; всѣ церковнослужители будутъ получать жалованье отъ правительства и затѣмъ они не должны требовать никакой платы. Епископъ обязанъ былъ присягнуть лишь въ томъ, что онъ исповѣдуетъ католико-апостольскую религію и извѣститъ только папу о своемъ выборѣ, не обращаясь къ нему за утвержденіемъ. Духовнымъ лицамъ воспрещалось признавать авторитетъ епископа или митрополита, мѣстопробываніе котораго находится внѣ французской области и внѣ французскаго государства, или присовнать себѣ титулъ, санъ, должности, которые не признаются въ конституціи. Такимъ образомъ государственная религія и власть духовенства во Франціи были подточены въ корень.

Ни одинъ изъ декретовъ собранія не возбудилъ такого вниманія дѣйствіе гражданскаго дѣлѣ, хотя господствовавшій духъ времени вообще направленъ былъ противъ духовнаго сословія, въ которомъ видѣли естественнаго врага всякаго просвѣщенія и всякой реформы, однако, это сословіе все-

таки не утратило своего влияния на народъ и само оно въ большинствѣ отношеній не намѣрено было подчиниться закону, который признавался имъ нарушеніемъ свободы совѣсти, вмѣшательствомъ въ основанную на божественномъ уставѣ церковную систему. А потому, когда нѣсколько мѣсяцевъ спустя потребовали, чтобы французское духовенство присягнуло новому порядку, то оно большею частью отказывалось дать гражданскую присягу, на которую не воспоследовало разрѣшенія изъ Рима, и предпочло покинуть свои должности. Одна только треть духовенства подчинилась присягѣ. Въ числѣ ихъ былъ благородный другъ челоѣчества блуаскій епископъ Апри Грегуаръ; какъ своимъ общественнымъ содѣйствіемъ въ учредительномъ собраніи и въ конвентѣ, такъ и своими трактатами онъ доказалъ, «что въ дѣлѣ революціи признаетъ лишь дѣло гуманности и челоѣвѣколюбія». Съ этой поры церковная Франція разбилась на два враждебные лагеря: много духовныхъ мѣстъ оставалось не занятыми и священники стали различаться на присяжныхъ и неприсяжныхъ; послѣдніе не должны были впредь признаваться священниками, но въ глазахъ вѣрующихъ они тѣмъ еще болѣе считались ими. Раздоръ усиливался изъ года въ годъ, пока, наконецъ, вслѣдствіе клирикальскихъ происковъ, онъ не разросся до междоусобія. Предубѣдившись противъ всякой корпоративной замкнутости и противъ обособленія, національное собраніе хотѣло также церковный организмъ и народную религію подчинить правительственной власти; но оно скоро узнало на опытъ, «что помимо просвѣщенныхъ клубныхъ ораторовъ и невѣрующей столичной черни цѣлую половину страны занимаетъ крестьянское населеніе, которое съ цѣлкою твердостью и воинственнымъ пыломъ льнетъ къ церкви своихъ отцовъ». Пользуясь своимъ влияніемъ на умы, приверженное Риму духовенство подстрекало фанатизмъ и вносило во все семьи жгучую распрю. Подобно кальвинистскимъ проповѣдникамъ въ дни гоненій, неприсяжные священники и теперь также собирали вѣрующихъ своей паствы на таинственное богослуженіе въ лѣсахъ и пустыняхъ. Тутъ вновь пробудился прежній религіозный фанатизмъ. Новые церковные законы еще не успѣли вступить въ силу и породить религіозный расколъ, а въ южной Франціи, особенно въ прежнихъ городахъ гугенотовъ, въ Нимѣ, Юзѣ, Монтобанѣ, возникли уже волненія, напоминавшія о прежнихъ религіозныхъ войнахъ. Католическіе жители строго церковнаго направленія составили религіозный союзъ, съ цѣлью не уступать реформатамъ признающую національнымъ собраніемъ свободу культа и совѣсти. Мѣстами дѣло доходило до кровопролитныхъ стычекъ; чернь возмущалась, а гражданскія гвардіи разбивались на два лагеря; патриоты и либералы едва смогли удержаться и обратились за помощью къ собранію. А иные выпускали адресы въ противоположномъ смыслѣ. Однимъ только энергическимъ вмѣшательствомъ

правительственныхъ войскъ противъ мятежныхъ ватагъ удалось возстановить спокойствіе, и то лишь тогда, когда побито было болѣе восьми сотъ членовъ клирикальной партіи.

За декретомъ противъ римско-католическаго церковнаго устройства послѣдовалъ смертельный ударъ противъ дворянства. Послѣдовательно проводя философскій принципъ о равенствѣ людей, національное собраніе отмѣнило наследственное дворянство вмѣстѣ со всеми признаками сословныхъ различій и общественныхъ ранговъ, въ родѣ титуловъ, гербовъ, ливреевъ, почетныхъ званій и т. п., уничтожило майораты или право первородства, этотъ главный источникъ имущественнаго различія и преобладающаго положенія въ обществѣ, подтвердило закономъ равенство всехъ «гражданъ» даже во взаимныхъ сношеніяхъ и привѣтствіяхъ. — таковъ былъ отголосокъ американскихъ впечатлѣній. Думали, что этимъ путемъ гражданское равенство, разстроенное нѣкогда вслѣдствіе феодальной системы германскими Франками, вновь возстановится романо-кельтійскимъ народомъ.

Отмѣна дворянства.

Анахарзисъ Клоотсъ.

Тогда пресловутый Клоотсъ, богатый нѣмецкій баронъ съ Нидерло Рейна, но воспитанный и проживавшій въ Парижѣ, приобрѣлъ прозвище «вѣти челоѣческаго рода». Этотъ чудаковатый, эксцентричный поклонникъ республиканскаго принципа равенства высшею цѣлью своихъ космополитическихъ стремленій поставилъ объединеніе всехъ народовъ и людей въ одну демократическую общинную систему по образцу древнихъ Аѣнъ съ естественною религіей, лишенной вѣры въ Бога, и затѣмъ измѣнилъ свое христіанское имя Жавъ Баллистъ въ древне-греческое «Анахарзисъ». Во главѣ нѣсколькихъ иностранцевъ, которые, нарядившись во все національные костюмы парижскаго театральнаго гардероба, изображали собою представителей народовъ земнаго шара, Клоотсъ явился въ національное собраніе, съ тѣмъ чтобы отъ имени всего челоѣчества благодарить за издавнѣя постановленія и упросить его принять во французскую общину всехъ находящихся въ Парижѣ иностранцевъ. Увлеченіе свободой дошло до степени страшнаго недуга, и прекрасныя и благородныя въ сущности идеи филантропіи и космополитизма злоупотреблялись теперь фанатиками и сумасбродами для потѣнныхъ сценъ, для напыщенныхъ декламаций и искажались въ карикатуры. Этотъ пророкъ новаго всемирнаго гражданства былъ весьма высокаго мнѣнія о своей миссіи. «Наконецъ-то, 19. іюня я былъ вознагражденъ за мои труды», писалъ онъ одному изъ англійскихъ друзей, «моя рѣчь въ собраніи разбила оковы порабощенныхъ націй, уничтожила гнусныя надписи, низвергла гербы, въ клочки изодрала ливреи, устранила титулы и званія дворянства. Я былъ виновникомъ этого достопамятнаго засѣданія и съ радостью умру, если мнѣ суждено быть непосредственною причиною всеобщаго счастья». (Ср. Карла Рихтера, Анахарзисъ Клоотсъ, Берлинъ 1865).

6. развитие революціи. клубы. праздникъ федерации. смерть мирабо.

Законодательная дѣятельность національнаго собранія часто прерывалась посторонними дѣлами. И въ самомъ дѣлѣ, пока она пыталась создать твердую популярную основу для новой Франціи, сдѣ-

Прогрессъ и повстанія.

лать третье сословіе и достигшихъ собственного землевладѣнія крестьянъ посетителями новаго государственнаго строя, въ то же время подвижная масса низшаго, лишеннаго собственности народнаго класса все болѣе усиливалась и организовала изъ себя особую власть. Послѣдняя становилась опасною и грозною, тѣмъ болѣе что, благодаря безпокойнымъ демагогамъ, она направлялась къ одной общей цѣли, возбуждалась необузданною печатью, не сдерживаемою ни предварительною, ни запретительною цензурою, и состояла въ связи съ радикальными элементами самаго собранія. Въ провинціяхъ даже послѣ 4. августа продолжались возстанія и анархическія тревоги. Конституціонныя постановленія верѣдко нарушались сценами грубаго насилия. Въ Марсели и въ другихъ южныхъ городахъ, въ Брестѣ и Нанси, дѣло доходило до шумныхъ возстаній, до мятежей и самоуправствъ, и никакая судебная или административная власть не въ силахъ была подавить ихъ. Въ старыхъ провинціяхъ Бурбонне, Берри, Ниверне и др., гдѣ встарь вслѣдствіе народнаго неистовства распространялись пожары, крестьяне продолжали разрушать усадьбы помѣщиковъ и богатыхъ арендаторовъ, требовали аграрныхъ законовъ и раздѣла имуществъ. Къ правительству и національному собранію отовсюду обращались съ прось-

бою о помощи. Самъ король явился въ засѣданіе, изобразилъ въ написанной Неккеромъ рѣчи бѣдствіе края и побуждалъ къ энергическимъ мѣропріятіямъ, увѣряя вмѣстѣ съ тѣмъ въ своей искренней приверженности къ принципамъ конституціонной свободы. Троекратное и одушевленное королевскими словами собраніе постановило, чтобы каждый изъ депутатовъ поклялся быть вѣрнымъ націи, закону и королю и всеми силами отстаивать конституцію. Муниципалитеты обязывались дать ту же присягу. Однако, что вышло изъ этой роялистской вспышки? Восторженная рѣчь, въ которой было мало толку, — скоро всеми позабытая. Правая сторона потребовала, чтобы министровъ уполномочили снарядить войска противъ мятежниковъ, но это было отринуто съ негодованіемъ, «какъ пагубное для свободы» предложеніе. Одна лишь клерикальная мятежная партія юга,

Июнь 1790. какъ уже извѣстно, была низринута въ кровь.

Когда вскорѣ послѣ того была обнародована „красная книга“, въ которой со вступленія на престолъ Людовика XV. записывались имена получившихъ пенсіи и награды, и обнаружилась чрезвычайная расточительность и растрата общественнаго имущества, то роялистскій восторгъ охладѣлъ. Впечатлѣніе было до того поразительно, что братья Ламеты, мать которыхъ, какъ значилось по книгѣ, получила 40,000 ливровъ для воспитанія сыновей, вернули эту сумму въ казну. „Теперь невозможна болѣе никакая контрреволюція!“ — воскликнулъ торжествуя Лустало.

Якобинскій Возникшая обокъ и въ противень министерства и національнаго собранія народная власть вскорѣ стала поддерживаться и руково-

диться главнѣйше обществомъ, которое собиралось обыкновенно въ монастырѣ якобинскаго ордена на улицѣ Сентъ-Оноре. Когда національное собраніе перебралось въ Парижъ, то члены бретонскаго клуба напяти покинутую монастырскую залу для своихъ засѣданій. Они назывались «Обществомъ друзей конституціи въ якобинскомъ монастырѣ»; «тріумвиры» Дюпонъ, Барнавъ, Ламетъ считались его главами. Противники на смѣхъ прозвали ихъ монашескимъ именемъ: «Якобинцами»; они присвоили его себѣ и придали ему всемірно-историческое значеніе. Вначалѣ они ограничивались единомысленными членами въ собраніи, но это скоро прекратилось: стали принимать также и недепутатовъ, въ особенности людей прославившихся, не только изъ парижской общины, но также чужеземцевъ, которые, желая поближе познакомиться съ могучими событіями, во множествѣ стекались въ столицу. Число сочленовъ разрослось до нѣсколькихъ тысячъ; вскорѣ пришлось засѣданія изъ трапезной и библиотеки монаховъ перевести въ ихъ церковь; члены основали особый журналъ и способствовали образованію во всѣхъ городахъ Франціи подобныхъ обществъ или клубовъ, которые у парижскихъ якобинцевъ заимствовали названіе и принципы. Вскорѣ вся Франція покрылась сѣтью якобинскихъ обществъ, получившихъ пароль отъ парижской метрополи. Болѣе полутора ста подобныхъ братствъ стремились съ самою строгою послѣдовательностью, по новому евангелію человѣческихъ правъ, соорудить на развалинахъ всего существовавшаго новый государственный и общественный строй съ свободою и равенствомъ всѣхъ «гражданъ». Связь парижскихъ якобинцевъ съ городами въ департаментахъ и съ мѣстечками въ провинціяхъ поддерживалась комитетами и жожаками, состоявшими въ непрерывной связи съ главнымъ клубомъ; такое органическое расчлененіе придавало обществу ужасную власть съ сосредоточенною дѣятельностью. Парижскій якобинскій клубъ сталъ центромъ и возбуждающимъ очагомъ для огромной массы лишеннаго собственности населенія, которая могла только выиграть отъ анархіи и составляла боевую армію, всегда готовую поднять мятежъ, — власть улицы противъ власти закона. Радикальныя газеты, въ особенности Маратовъ «Другъ народа» и «Парижскія революціи» Лустало, разжигали страсти черни противъ буржуазіи и аристократіи, возбуждали къ возстанію, то и дѣло упоминая о «деспотизмѣ коммуны» и о «роялистскихъ заговорахъ», прославляя добродѣтели и патріотическую преданность неимущихъ классовъ, твердя о національной обязанности уничтожить бѣдность и объявляя «войну дворцамъ и церковнымъ именьямъ». Въ теченіе зимы клубная система проникла также въ полки; комитетъ изъ унтеръ-офицеровъ составилъ средоточіе этого собранія и руководилъ засѣданіями. «Увеличить жалованье, обезпечить состояніе кассы, ускорить производство, смягчить дисциплину — вотъ что было

первыми предметами совѣщаній». Вслѣдствіе этого воинская дисциплина была окончательно подрыва. Солдаты братались съ національными гвардейцами и въ критическихъ случаяхъ перестали повиноваться своимъ аристократическимъ начальникамъ и офицерамъ.

Теруанъ де
Меркуръ.

Въ засѣданіяхъ якобинцевъ въ монастырѣ, которыя совершались по образцу національнаго собранія, могли присутствовать также женщины на особой возвышенной площадкѣ. *Теруанъ де Меркуръ* не преминула воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для поддержки славы, какую бастильскій погромъ и версальскій октябрьскій походъ списали ей у народа. Ея мужество, ея естественное краснорѣчіе приобрѣли ей значеніе въ женскомъ конвентѣ, такъ же какъ и на улицѣ. Одинъ взглядъ, одинъ взмахъ хлыста, одно ея слово въ рѣшительный мигъ въ состояніи были электризовать массы до восторженности или усмирить въ самомъ разгарѣ мятежа; отъ нея зависѣли одобреніе и негодованіе публики. А потому вожаки партій добивались ея благоволенія. Къ самымъ интимнымъ друзьямъ ея принадлежали оба Шенъе, аббатъ Сіесъ, ея политическій ораторъ, Роммъ и Петіонъ, впоследствии члены конвента. Даже Мирабо, какъ говорятъ, поддерживалъ съ ней сношенія. Во время господства гильотины, ея значеніе померкло; побой, какіе пришлось ей претерпѣть отъ „Робеспьера бабья“, произвели на ея фантастическую натуру такое впечатлѣніе, что она помѣшалась и послѣ двадцатилѣтняго сумасшествія умерла въ домѣ умалишенныхъ (9. мая 1817), „проявивъ собою одну изъ ужасныхъ и мрачныхъ картинъ революціонной драмы“.

Другія об-
щества.
1. Фѣльяне.

Рядомъ съ демократическимъ народнымъ клубомъ якобинцевъ не могли уже преуспѣвать остальные общества, болѣе консервативнаго направленія. «Клубъ безпристрастныхъ», который Клермонъ-Тоннеръ и Малуэ хотѣли сдѣлать средоточіемъ роялистской партіи, также «Общество друзей народа», составленное изъ клерикальныхъ и аристократическихъ членовъ правой стороны, имѣвшее главнѣйше цѣлью охранять интересы духовнаго сословія и поддержать католическую церковь, какъ единственно признанную народную религію и какъ національный культъ, недолго просуществовали. Даже великая конституціонная партія, которая въ 1790 году отдѣлилась отъ якобинцевъ и сперва учредила «Патріотическое общество» или «Клубъ 1789 года», а потомъ, когда послѣ бѣгства короля республиканскія идеи распространились еще болѣе, основала въ монастырѣ *Фѣльяновъ* (цистеріанцевъ) самостоятельное общество, — не могла добиться значительнаго вліянія. Фѣльяне, къ которымъ пристали болѣею частью члены «безпристрастныхъ», стремились къ королевству съ республиканскими учрежденіями, къ «демократической монархіи», въ томъ видѣ, какъ она сложилась въ умѣ Лафайета, бывшаго душою этого общества. Опираясь на составленную національнымъ собраніемъ и утвержденную королемъ конституцію, имѣя въ виду парламентскую систему по образцу англійской, клубъ Фѣльяновъ хотѣлъ противо-дѣйствовать какъ монархическимъ идеямъ, такъ и «контрреволюціоннымъ бреднямъ» и прежде всего добиться возстановленія и укрѣп-

ленія общественнаго порядка. Фѣльяне считались настоящими представителями либеральной буржуазіи и національной гвардіи. Оттого-то злоба низшихъ классовъ народа и обратилась пуще всего противъ нихъ. Заподозрѣнный враждебными якобинцами, опозоренный демократическою печатью, клубъ друзей конституціи въ монастырѣ Фѣльяновъ скоро сталъ предметомъ народной ненависти. Собиравшіеся 2. Кордельеры. обыкновенно въ монастырѣ францискацевъ или *кордельеровъ* и прозванные по имени этихъ монаховъ отчаянные люди, составляли только отдѣлъ якобинскаго клуба; согласуясь съ послѣднимъ въ принципахъ, участвуя въ его засѣданіяхъ и рѣшеніяхъ, они хотѣли лишь понятія о свободѣ и равенствѣ осуществить еще въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, создать демократію на самой широкой основѣ. Подобно своему покровителю и патрону, герцогу Орлеанскому, который въ началѣ іюля 1790 вернулся въ Парижъ, но не достигъ никакого значительнаго положенія ни въ національномъ собраніи, ни въ якобинскомъ клубѣ, кордельеры опирались на низшіе классы народа, вслѣдствіе чего въ бурные, вскорѣ затѣмъ наступившіе дни и составили настоящую партію дѣйствія. Во главѣ ихъ находились оба адвоката, съ которыми мы уже встрѣчались, Дантонъ и Камилль Демуленъ. Послѣдній былъ другомъ юности Робеспьера, но сильнѣе привязался къ болѣе разгульной натурѣ Дантона. Къ нимъ примкнулъ также Маратъ; послѣ ранней смерти Лустало (19. сентября 1790) онъ почти исключительно завѣдывалъ демократическою пресою и сильнѣе всѣхъ возбуждалъ кровожадныя страсти, которыя впоследствии повели къ такимъ ужаснымъ злодѣйствамъ. Изъ нѣдръ кордельеровъ вышли также и другіе демагоги, имена которыхъ скоро стали ужасомъ и омерзѣніемъ свѣта: Геберъ, Моморо, Фабръ д'Эглантинъ. Въ Антуанскомъ предмѣстьи другъ Дантона пивоваръ Сантеръ скоро достигъ въ національной гвардіи болѣе сильнаго значенія, чѣмъ Лафайетъ. Кордельеры были достойными сообщниками герцога, своего покровителя, и въ томъ также отношеніи, что вели болѣею частью безпутную, развратную жизнь и презирались всѣми, кто чтилъ добродѣтель и нравственность.

Пока въ національномъ собраніи трудились надъ государственнымъ устройствомъ, подошла годовщина разрушенія Бастилли. Другамъ конституціи хотѣлось память объ этомъ событіи отпраздновать всеобщимъ торжествомъ примиренія и братства. Въдъ съ паденіемъ этой старой твердыни феодальной эпохи пачалась новая эра, на развалинахъ мпупшаго возникала свѣжая жизнь. Приверженцы конституціонной монархіи главнѣйше и соорудили этотъ праздникъ въ знакъ внутренняго довольства всѣмъ достигнутымъ, выражая какъ бы надежду, что съ этой поры во Франціи люди стануть проводить блаженную жизнь въ мирѣ, въ гражданской свободѣ и въ общемъ согласіи. Въ зажиточныхъ кругахъ третьяго и крестьянскаго сословія, Новыя условія и праздники братства.

изъ которыхъ составила національная гвардія, которые призваны были управлять муниципальными и окружными вѣдомствами, завѣдывать судопроизводствомъ, произносить приговоры въ законодательномъ корпусѣ, эта идея была принята съ восторгомъ. Аристократико-клерикальной партіи, конечно, нечего было радоваться сокращенію своихъ бывшихъ доселѣ правъ, уменьшенію имущественнаго состоянія и доходовъ, а руководимые радикальными демагогами низшіе народные классы въ Парижѣ и другихъ большихъ городахъ, лишенные большею частью пристанища, дѣйствительнаго гражданскаго права, собственности, отнюдь не были согласны съ тѣмъ, чтобы прекратилось политическое и социальное преобразование. Ихъ цѣли и потребности вовсе не удовлетворялись тѣмъ, что имущество и власть перешли въ другія руки, что вмѣсто дворянства и духовенства правленіемъ завладѣла буржуазія. Не смотри однако на разныя возраженія, праздники братства или федерации были торжественно справлены въ назначенный день. Зрѣлище было поразительное: на Марсовомъ полѣ, гдѣ добровольнымъ соревнованіемъ рабочихъ сооруженъ былъ амфитеатръ, отѣнскій епископъ (Галейрапъ), во главѣ трехъ сотъ священниковъ въ бѣлой одеждѣ съ трехцвѣтными шарфами, освятили, предъ возвышавшимся посреди поля алтаремъ отечества, восемьдесятъ три департаментскія знамени, — Лафайетъ именемъ національной гвардіи, президентъ именемъ законодательнаго собранія, наконецъ самъ король присягали на вѣрность конституціи, — все, изъ полумилліона людей состоявшее собраніе, торжественно поднявъ руки, повторяло гражданскую присягу, — даже королева увлеклась всеобщимъ воодушевленіемъ и, поднявъ дофина, вторила народному восторгу. Это были «прекрасные дни» революціи; все въ Европѣ, сочувствовавшіе либеральному прогрессу и развитію человѣчества, радостно привѣтствовали ихъ. Нѣмецкіе поэты и филантропы думали уже, что настало время, когда осуществляются лучшія ихъ мечты.

Удаленіе Неккера и Кончина Мирабо. Этотъ праздникъ федерации не былъ торжествомъ мира: воодушевленіе конституціей прошло и положеніе короля стало все безнадежнѣе. Два мѣсяца спустя послѣ того Неккеръ, упавъ духомъ, изнемогши отъ тѣлесныхъ усилій и душевныхъ тревогъ, сложилъ съ себя должность министра и вернулся въ Швейцарію. Этотъ государственный мужъ отличался честнымъ, безкорыстнымъ и великодушнымъ характеромъ, но не обладалъ душевнымъ размахомъ и величіемъ политическаго ума ¹⁾. Мирабо, который во время

¹⁾ «У подножій этихъ горъ», писалъ онъ однажды одному изъ друзей, «куда загнала меня неблагодарность депутатовъ, въ мгновенія, когда неистовые вѣтры порываются разрушить мое убѣжище и повернуть деревья вокругъ меня, и часто вспоминаю слова Лира:

Рви всѣмъ животомъ! Дуй! лей, греми и жги!
Чего щадить меня? Огонь и вѣтеръ,

праздника желалъ занять мѣсто президента національнаго собранія, но былъ устраненъ вліяніемъ Лафайета, мрачно глядѣлъ на будущность. Когда Ламаркъ изъ Бельгіи вернулся въ Парижъ, то засталъ друга въ уныніи и печали. «Этотъ упадокъ духа», пишетъ онъ, «происходилъ влѣдствіе движенія общественныхъ дѣлъ, отъ возраставшаго со дня на день броженія умовъ, отъ явныхъ успѣховъ бѣшеной и сумасбродной анархіи, отъ шаткости всѣхъ внутреннихъ и вѣншихъ мѣропріятій правительства, отъ вѣчныхъ колебаній короля и безразсудной неумѣлости его министерства. «Извѣстно, что Мирабо часто сообщалъ двору памятные записки и свои соображенія, за что и получалъ плату. Онъ лишился оттого довѣрія своихъ товарищей въ собраніи. Въ сознаніи своихъ искреннихъ патриотическихъ помысловъ и правдивости своихъ убѣжденій онъ говорилъ друзьямъ: «Меня покупаютъ, но я не продаюсь»; однако двойственное его положеніе относительно престола и законодательнаго корпуса возбудило подозрѣніе и дурные толки, лишило его прямодушія и самоувѣренности. Его вліяніе въ національномъ собраніи сократилось; онъ только разъ былъ избранъ въ президенты; а король никогда не могъ преодолѣть свое стращаніе къ отпавшему дворянину съ занятнымъ прошлымъ, рѣдко слушался его совѣтовъ и былъ предубѣжденъ противъ него тѣмъ еще болѣе, что онъ согласился съ грѣховнымъ церковнымъ закономъ. Королева еще лучше оцѣнила его; онъ лично съ нею велъ переговоры въ Санъ-Клу и сказалъ о ней, что она единственный мужчина при королѣ. Ламарку часто приходилось слышать скорбное его восклицаніе: «О, сколько вреда распутство моею юности наноситъ общественному благу!» Какъ бы хотѣлось ему безсмертнымъ подвигомъ своего зрѣлаго возраста смыть безпутное прошлое. Это не было суждено ему. Когда на смертномъ одрѣ онъ услышалъ пушечный выстрѣлъ, то воскликнулъ: «Развѣ Ахилла уже хоронять?» Чрезмѣрные труды и усилія въ связи съ беспорядочнымъ распутнымъ образомъ жизни, который онъ не могъ уже покинуть, довременно сокрушили его силы.

И громъ и дождь не дочери мои!
Въ жестокости я васъ не укоряю:
Я царства вамъ не отдавалъ при жизни;
Дѣтьми моими васъ не называлъ.
Вы не подвластны мнѣ, такъ тѣштесь смѣло
Вы надо мной, стоящамъ въ вашей власти,
Презрѣннымъ, хилымъ, бѣднымъ старикомъ!
Такъ, тѣштесь въ волю, подлые рабы,
Угодники двухъ дочерей преступныхъ,
Когда не стыдно вамъ идти войною
Противу головы сѣдой и старой,
Какъ эта голова! О! о, позоръ!

Переводъ Дружинина.

2. апрѣля
1791.

Толковали объ отравѣ: но вѣдь онъ самъ отравилъ смертельнымъ ядомъ свое богатырское тѣло. Весною 1791 онъ скончался отъ изнурительной болѣзни, всего сорока двухъ лѣтъ отъ роду. Въ одно изъ послѣднихъ свѣтлыхъ мгновений онъ произнесъ: «Я уношу съ собою траурную одежду монархіи, лохмотья ея раздѣлять межъ собою мятежники». Когда президентъ національнаго собранія, Тронше, получивъ прискорбную вѣсть, прервалъ завѣщаніе словами: «Мнѣ предстоитъ исполнить горестную обязанность»,—то по всей залѣ прошелъ глухой шопотъ: «Ахъ, онъ умеръ!» Нечего было и называть по имени. Не смотря на рѣзкія отношенія партій и на множество противниковъ, какіе были у Мирабо въ рядахъ депутатовъ, однако его умственное превосходство до того признавалось всѣми, что надъ свѣжею могилой умолкли всѣ страсти и политическіе интересы сторонъ; ему учинили блестящія похороны, какихъ еще не бывало во Франціи. Церковь Женевьевы преобразили въ Пантеонъ и останки Мирабо освятили новый почетный храмъ. «Второе апрѣля было эпохою въ исторіи революціи. Послѣдняя и собраніе, порожденное ею, создали одного только человѣка, о которомъ могъ возникнуть вопросъ, былъ ли онъ въ состояніи, отвѣсть революцію въ ея русло? Это былъ Мирабо. Съ его смертью завершилась эта фаза ея. Съ этихъ поръ корабль беззащитно несетъ по бурнымъ волнамъ». Намекая на слова умиравшаго героя, самъ Робеспьеръ сказалъ: «Ахиллъ умеръ, Троя не будетъ взята». Братъ Мирабо выселился въ Германію и принялъ участіе въ военныхъ приготовленіяхъ эмигрантовъ, вскорѣ однако умеръ отъ удара (15 сентября 1792).

7. бѣгство королевскаго семейства.

Тревожные
слухи и мятеж-
ные планы.

Благодаря празднику федераціи и дѣятельности Мирабо въ пользу королевской власти, политическія дѣла притихли на время. А потому демагоги стали опасаться, какъ бы буржуазія и конституціоналисты не одержали верха и не затормозили революціи. Это отнюдь не было понутру народной партіи, которая уже сильно прониклась республиканскими идеями и надѣялась въ непрерывномъ анархическомъ тревоженіи лучше всего достигъ своей цѣли. А потому она непрестанно старалась тревожными слухами о предстоявшихъ опасностяхъ, о пагубныхъ для свободы замыслахъ роялистовъ и аристократовъ, о враждебныхъ воинственныхъ планахъ эмигрантовъ и иностранныхъ державъ поддерживать страхъ и опасеніе въ народѣ. По ея словамъ вся почва была подрита измѣною, весь воздухъ отравленъ заговорами. Нѣсколько недѣль спустя послѣ праздника братства вышла въ свѣтъ брошюра, написанная безъ сомнѣнія Маратомъ; она была проникнута небывалыми доселѣ мятежными

воззваньями противъ всякихъ авторитетовъ. «Мы пропали» стояло уже въ самомъ заглавіи «если не вооружимся опять тѣмъ героическимъ мужествомъ, которое 14. іюля и 5. октября спасло Францію». «Короля и дофина», сказано далѣе, «слѣдуетъ изъ Санъ-Клу вернуть въ столицу и строго сторожить ихъ; Австріячку и деверя ея слѣдуетъ засадить въ тюрьму, а министровъ схватить и заключить въ оковы; необходимо заручиться начальниками города и національной гвардіи, завладѣть пушками и пороховыми магазинами. Не мѣшайте: пять—шесть сотъ отрубленныхъ головъ доставятъ вамъ покой, свободу и счастье; ложная гуманность связываетъ ваши руки и ваши удары, она лишитъ жизни миллионъ вашихъ братьевъ; ваши враги восторжествуютъ и кровь потечетъ ручьями; они безъ пощады задушатъ васъ». Автора хотѣли схватить и предать суду, но ему удалось скрыться у кордельеровъ. Брошюра надѣлала много шума, тѣмъ болѣе что опасенія по поводу заговоровъ не были лишены основанія. Всѣ знали, что графъ Артуа и бывший министръ Калонъ проживали въ Туринѣ. Короля Виктора Амедея III. (XII, 648), тестя принца, побуждали вторгнуться въ Лионскую область и помочь роялистамъ освободить Людовика XVI. Бывшій министръ Бретель всѣми мѣрами старался изъ Швейцаріи возбудить во Франціи контрреволюцію, которую поддержали бы императоръ и нѣмецкіе князья. Въ Мецѣ стоялъ генераль Булье, предприимчивый, надежный воинъ лояльнаго закала; въ американскую войну онъ прославился своимъ мужествомъ и храбростью и, не смотря на происки якобинцевъ, успѣлъ поддержать воинскую дисциплину и повиновеніе въ арміи. Командуя линейными полками восточныхъ провинцій, онъ былъ готовъ пожертвовать всѣмъ для спасенія короля и монархіи. Когда въ Нанси вспыхнулъ сильный солдатскій мятежъ, охватившій весь край, то ему удалось съ помощью нѣсколькихъ вѣрныхъ полковъ и национальныхъ гвардейцевъ съ кровопролитною энергіей подавить возстаніе. Съ этимъ человѣкомъ тугаго боеваго пошиба самъ Мирабо при жизни поддерживалъ уже тайныя сношенія. Мы знаемъ, что рѣшительный народный трибунъ всегда хотѣлъ удалить дворъ изъ Парижа, лишь бы притомъ избѣгались всякія сношенія съ эмиграціей и иностранными державами. Мирабо рассчитывалъ, еслибы можно было, доставить королю безопасное мѣстопробываніе въ самомъ государствѣ, такъ чтобы онъ на свободѣ пользовался своею королевскою прерогативою, то, пожалуй, удалось бы, не подвергаясь реакціонному потоку, приостановить революцію и совмѣстною дѣятельностью всѣхъ консервативныхъ силъ, при посредствѣ строгой ревизіи очистить конституцію отъ ея пагубныхъ и антимонархическихъ составныхъ частей. Съ его смертью всѣ эти планы разстроились. Однако, при дворѣ тѣмъ еще сильнѣе пробудилось желаніе освободиться отъ гнетущей атмосферы

столицы. Королева въ особенности жаждала избавиться отъ состоянія, которое казалось ей мучительнымъ рабствомъ. А потому сношенія съ Булье ревностно поддерживались: надѣялись, что населеніе въ Лотарингіи, въ особенности войска еще сохранили въ душѣ вѣрность и преданность королевскому дому. Развѣ не лотарингская кровь текла въ жилахъ королевы? А въ крайнемъ случаѣ тамъ и помощь будетъ близка. Мы знаемъ, что курфиршескій престолъ въ Кельнѣ занималъ братъ французской королевы и обоихъ императоровъ, Иосифа и Леопольда (стр. 420), что саксонскій принцъ Клементъ Венцеславъ, который въ качествѣ архіепископа и курфирста властвовалъ въ Трирѣ и Кобленцѣ, и высокій духовный владыка, завѣдывавшій майнцскимъ архіепископствомъ, болѣе сблизился съ французскою націей и съ ея образованіемъ, нежели съ нѣмецкой имперіей. Эти прекрасные прирейнскіе города и были главными притоками эмиграціи; Кобленцъ, куда то и дѣло наѣзжали принцы крови и главы высшихъ дворянскихъ родовъ, сталъ очагомъ контрреволюціи. Извѣстно, что голландская революція была подавлена Пруссіей, а бельгійская и лютихская — Австріей (стр. 399, 414), что Леопольдъ и Фридрихъ Вильгельмъ II. въ Рейхенбахскомъ договорѣ заключили союзъ (стр. 455, 476), что Екатерина II. поддерживала романтико-рыцарскія попопозновенія шведскаго и прусскаго королей, спасти угнетеннаго французскаго монарха. Впослѣдствіи узнаемъ, что въ то же время Эдмундъ Бѣрке, этотъ горячій въ былое время поборникъ свободы и народныхъ правъ, отсталъ отъ своего давнишняго друга и единомысленника, Фокса, и вопреки своимъ прежнимъ принципамъ въ рѣчахъ и въ печати ревностно ратовалъ противъ французской революціи. При такихъ-то условіяхъ въ Тюльери все болѣе и болѣе утверждался и стремился осуществиться замыселъ, перенестъ столицу въ дружескій, близкій къ заграничной помощи край. Личная свобода королевской семьи подверглась опасности съ тѣхъ поръ, какъ по пути въ Италію задержаны были обѣ тетки Людовика, которыя, негодую на церковные декреты, намѣревались покинуть Францію; тѣмъ еще болѣе, что въ собраніи обсуждался законъ объ эмиграціи, въ силу котораго всѣ, покушавшіеся выѣхать изъ страны, предавались нѣкотораго рода инквизиціи. Когда королевская чета намѣревалась переѣхать въ Санъ-Клу, съ тѣмъ чтобы провестъ тамъ Пасху въ скромномъ благоговѣніи съ неприсяжными священниками, то поджигаемый революціонною печатью и исполненный подозрѣній парижскій народъ воспрепятствовалъ отъѣзду, насильно выпрягъ лошадей, когда королевская семья сидѣла уже въ каретѣ, и ни Балли, ни Лафайетъ не могли воспрепятствовать такому грубому поступку. И въ самомъ дѣлѣ, демократическими газетами признавалось измѣною, всякое заявленіе въ пользу короля или двора, осыпались жестокою бранью священники, не присягнувшіе на отвер-

13. апрѣли.

гнутое напскимъ посланіемъ гражданское постановленіе; голосъ этихъ газетъ сталъ уже силою, передъ которою все волей, неволей преклонялось. Въ якобинскомъ клубѣ громко говорили о союзѣ королей противъ всѣхъ народовъ, а кордельеры настоятельно требовали, чтобы предательскихъ патеровъ удалили изъ королевской капеллы. Само даже національное собраніе, которому Людовикъ жаловался на ограниченіе его личной свободы, возразило, что свобода его не подлежитъ сомнѣнію, но ради спокойствія желательно, чтобы онъ теперь пока отказался отъ своихъ замысловъ, лишь бы не подать повода къ подозрѣніямъ мятежной печати. Когда Маратъ въ своей газетѣ все еще утверждалъ, будто король хочетъ покинуть Парижъ, и возбуждалъ къ бдительности, то Лафайетъ обратился въ Тюльери съ запросомъ, правда ли это? Ему отвѣтили, никто и не думаетъ уѣзжать.

А все-таки въ интимныхъ придворныхъ кружкахъ съ конца апрѣля уже рѣшено было обратиться въ бѣгство къ сѣвернымъ границамъ государства. Стали обсуждать, какъ бы исполнить это, вступили въ переговоры съ Булье, который для этого послалъ своего сына въ Парижъ, готовились весьма обстоятельно. Планъ обсуждался цѣлыми недѣлями: тайну его довѣрили шведскому графу Ферзену, который питалъ романтическую любовь къ Маріи Антуанетъ и радужно принимался во дворцѣ. Онъ придумалъ средства и пути. Знакомая ему дама, баронесса Корфъ, вытребовала паспортъ, съ тѣмъ чтобы отправиться за границу, для себя, для своихъ двухъ дѣтей вмѣстѣ съ мужскою и женскою прислугой. Ферзенъ уговорилъ лифляндскую даму уступить ему этотъ видъ. Съ нимъ-то онъ и намѣревался короля, королеву и «дѣтей Франціи» отвезть въ Монмеди на люксембургской границѣ; самому Ферзену слѣдовало нарядиться кучеромъ, а другимъ—отвѣчающими въ паспортѣ личностями. Это былъ сумасбродный планъ, безмысленно и легкомысленно придуманный, неумѣло и безтолково исполненный. Утаить приготовленія въ такихъ обширныхъ размѣрахъ было немыслимо; заказанная карета по своей необыкновенной величинѣ уже бросалась всѣмъ въ глаза; мало того, какъ было добратся до самой цѣли, когда ни одинъ изъ ѣхавшихъ не зналъ ни дороги, ни почтовыхъ учреждений? Булье совѣтовалъ взять въ проводники маркиза д'Агу, опытнаго практическаго человѣка, но мадамъ Турсель, гувернантка королевскихъ дѣтей, на колѣняхъ умоляла, чтобы взяли ее съ собой, и какъ было отказать такой лояльной просьбѣ, тѣмъ болѣе что она оправдывалась придворными условіями? Вслѣдствіе этого для маркиза не оказалось мѣста, такъ какъ сестра короля, принцесса Елисавета, тоже ѣхала съ ними. Трое придворныхъ кавалеровъ, такіе же неопытные какъ и сами господа, заняли наружныя мѣста кареты. Назначено было выѣхать въ ночь съ 19. на 20. іюня, и Булье выслалъ

Бѣгство изъ
Парижа.
20. іюня
1791.

уже въ разныя мѣста предназначеннаго пути небольшіе конные отряды. Тутъ, незадолго до опредѣленнаго срока его извѣстили, что за болѣзнью одной изъ нянекъ выѣздъ отсрочивается на день. Вслѣдствіе этого всѣ приготовленія перепутались; драгуны и гусарскіе патрули разѣзжались взадъ и впередъ по дорогамъ, возбуждая подозрѣніе въ народѣ и въ національныхъ гвардейцахъ. Юня 20. королевская семья около полуночи покинула дворецъ, съ тѣмъ чтобы разными путями собраться на малой карусельной площади. Но Марія Антуанета заблудилась; остальное общество, крайне встревожившись, ожидало ее цѣлый часъ. Наконецъ-то она нашла дорогу; Лафайетъ, который, питая подозрѣніе, часто бывалъ около Тюльери, проѣхалъ въ кабриолетѣ мимо королевы, не узнавъ ея. Когда всѣ успѣли въ каретѣ, то Ферзентъ погналъ лошадей, чтобы по возможности скорѣе доѣхать до станціи Бовди у заставы, гдѣ ихъ ожидала большая дорожная карета. Тутъ графъ распростился съ ними; одинъ изъ придворныхъ кавалеровъ, одѣтый кучеромъ, взялъ въ руки возжи и поѣздъ двинулся далѣе.

Проезжествія въ Сень-Менегу и Вареннѣ. Въ ту же ночь графъ Прованскій покинулъ свой дворецъ и въ обыкновенной каретѣ, но инымъ путемъ благополучно достигъ Брюсселя. Ночь была прекрасная, теплая, за нею послѣдовалъ такой же прекрасный лѣтній день. Высокородные путешественники приободрились; все, казалось, шло хорошо. Дорога, по которой ѣхали, была главнымъ путемъ эмиграціи; окрестные жители приглядѣлись уже къ разнымъ дворянскимъ экипажамъ. Однако громадная карета шестерикомъ все таки обращала на себя вниманіе. Не смотря на камердинерскій костюмъ короля, который то и дѣло выглядывалъ изъ кареты, узнали нѣкоторые изъ проходившихъ. Не даромъ обликъ его красовался на всѣхъ монетахъ и ассигнатахъ. Въ Парижа, однако, народъ былъ еще не такъ враждебно возбужденъ и настроенъ противъ короля; путешественники благополучно доѣхали до Шалона, а оттуда до Сень-Менегу. Они надѣялись на другой день доѣхать до Вердена или Монмеди, гдѣ эскадроны Булье служили уже достаточною охраною. Увы, этотъ прекрасный сонъ скоро разсѣялся! Прибытіе коннаго отряда въ Сень-Менегу встревожило жителей, которымъ показалось, будто ему поручено силой взимать неуплаченные налоги. Когда же подѣхала странная карета и одинъ изъ офицеровъ, отдавая честь, подошелъ къ дверцамъ, то возникло подозрѣніе. Почтмейстеръ Друэ, пылкій приверженецъ революціи и бывший драгунъ, узналъ короля. Онъ не могъ помѣшать отѣзду, такъ какъ припрягли уже свѣжихъ лошадей; но какъ ловкій наѣздникъ онъ проселкомъ опередилъ карету и сообщилъ о своемъ открытіи начальнику національной гвардіи и городскому головѣ въ Вареннѣ. Изъ Парижа не было еще никакихъ вѣстей, они однако рѣшились на свой страхъ воспрепятствовать дальнѣйшему путешествію. Наступила уже вторая ночь; пока успѣла

собраться національная гвардія, лошади были вновь запряжены и карета покатила къ мосту, проложенному черезъ узкій, но глубокій протокъ. Если бъ удалось выбраться на другой берегъ въ самый городъ, то королевская семья очутилась бы подъ охраною стоявшаго тамъ на квартирахъ коннаго отряда. Но Друэ и нѣсколько якобинцевъ успѣли заградить проѣздъ, опрокинувъ на мосту фургонъ, и «именемъ націи» возбранили почтальонамъ ѣхать далѣе. Стеклись толпы народа и милиціи; городской голова, Соссъ, мелочной торговецъ и свѣчникъ, подошелъ къ каретѣ и пригласилъ путешественниковъ въ свой недалеко находившійся тутъ домъ. Людовикъ догадался, что его узнали; онъ признался, что онъ король и велѣлъ головѣ безъ задержки пропустить его; сперва говорилъ повелительнымъ тономъ, а потомъ сталъ упрашивать и умолять. Но тщетно; набатъ поднялъ со сна населеніе и національную гвардію; все вополонилось. Изъ окрестностей нахлынулъ народъ, частью вооруженный. Собранный тѣмъ временемъ на мосту гусарскій отрядъ не рѣшался обнажить мечи: въ такомъ случаѣ самая жизнь плѣнниковъ подверглась бы величайшей опасности. Не даромъ раздалась уже угроза, что короля живымъ не отпустить. Офицеры, пожалуй, рѣшились бы на атаку, но развѣ можно было положиться на то, что противъ милиціи и общинныхъ властей пойдутъ солдаты, у которыхъ систематически подрывалось уваженіе къ королю и поддерживались принципы революціи? Самъ король запретилъ прибѣгать къ оружію. Въ этомъ взволнованномъ настроеніи со страхомъ и съ тревожнымъ духомъ стали дожидаться, когда наслунитъ утро. Не подоспѣетъ ли самъ Булье съ болѣе сильнымъ отрядомъ и не выручитъ ли ихъ! Онъ послѣ долгаго ночнаго переѣзда и прибылъ въ самомъ дѣлѣ къ Варенну во главѣ вѣрнаго нѣмецко-королевскаго полка. Но было уже поздно: за часъ до его прибытія королевская семья уже вынуждена была отправиться въ обратный путь.

Вѣсть о ночномъ бѣгствѣ короля въ Парижѣ разошлась уже утромъ 21. юня и возбудила чрезвычайную тревогу. По улицамъ сновали несмѣтныя толпы народа, изливая ярость свою на королевскіе гербы и надписи и проникая въ Тюльери, а тѣмъ временемъ національное собраніе наскоро открыло свои засѣданія, съ тѣмъ чтобы принять надлежащія мѣры для поддержки безопасности и авторитета. Оно объявило себя безсмѣннымъ; въ то же время Балли и Лафайетъ поспѣшили на ратушу, чтобы съ муниципальнымъ совѣтомъ обсудить необходимыя мѣропріятія въ этомъ необыкновенномъ положеніи. Распространился слухъ, что король былъ похищенъ «врагами общества блага»; подозрѣвали даже не замѣшанъ ли въ этомъ дѣлѣ самъ Лафайетъ: собраніе рѣшило поэтому, произвести самое строгое слѣдствіе и арестовать виновниковъ «похищенія». Подозрѣніе это, впрочемъ, оказалось ложнымъ, какъ только президенту вручили

Впечатлѣніе бѣгства на Парижѣ. Национальное собраніе и городской совѣтъ.

оставленную королемъ, собственною рукою его написанную «прокламацію Французамъ», въ которой исчислялись оскорбленія и обиды, нанесенныя королевскимъ правамъ и власти, что и побудило монарха перенести свою столицу; а вмѣстѣ съ тѣмъ протестъ противъ всѣхъ вынужденныхъ у него съ 6. октября 1789 декретовъ. Дѣло, поэтому, выяснилось, и національное собраніе, не обинуясь, присвоило самому себѣ исполнительную власть, завладѣло государственною печатью, велѣло министрамъ исполнять по ея порученіямъ государственныя дѣла, привело присутствующихъ въ Парижѣ офицеровъ къ присягѣ на вѣрность и повиновеніе. Такимъ образомъ самодержавныя права короля были отрѣшены и перешли къ законодательному корпусу. На ратушѣ дѣйствовали также быстро и рѣшительно. Лафайетъ главнѣйше изъ всѣхъ силъ старался вернуть бѣглецовъ. Для него было очень важно, свалить съ себя подозрѣніе, будто онъ повиненъ въ этомъ бѣгствѣ или содѣйствовалъ ему. А потому тотчасъ же по слѣдамъ путешественниковъ отправлены были курьеры съ приказами начальникамъ національныхъ гвардій, задержать королевское семейство и препроводить его назадъ. Одинъ изъ нихъ, адъютантъ Лафайета, Ромѣфъ, прибылъ 22. іюня въ восемь часовъ утра въ Вареннъ въ сопровожденіи Баллона, чиновника парижскаго муниципалитета, съ повелѣніемъ тотчасъ же вернуться. Сопротивляться было немислимо; тѣмъ болѣе что въ городкѣ кишмя кишѣли ратники и крестьяне, которые сбѣжались по звуку набатнаго колокола. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ карета съ высородными путешественниками покатилась по той же дорогѣ въ обратномъ направленіи.

Письмо
Булье и кон-
чина его.

Прошло уже болѣе часу послѣ отъѣзда кареты, какъ Булье прибылъ въ Вареннъ съ своими драгунами. Негодуя и исполненный грустныхъ предчувствій, онъ воротился вспять. Вскорѣ послѣ того генералъ покинулъ свое отечество и примкнулъ къ эмиграціи въ Кобленцѣ. Этимъ онъ избавился отъ судебного преслѣдованья, назначеннаго національнымъ собраніемъ. Съ цѣлью смягчить озлобленіе противъ короля, онъ изъ Люксембурга обратился къ національному собранію съ посланіемъ, въ которомъ призналъ себя единственнымъ виновникомъ ночнаго похищенія и угрожалъ словно побѣдитель побѣжденнымъ: „Вы дадите отвѣтъ“, такъ въ мемуарахъ маркиза Ферьера заканчивается письмо, „въ жизни короля и королевы всѣмъ монархамъ на свѣтѣ; если тронете хоть волосъ на ихъ головѣ, то въ Парижѣ не останется камня на камнѣ. Я знаю пути и самъ укажу ихъ чужеземнымъ войскамъ; возмездіе достигнетъ васъ. Богъ въ помощь, господа, кончаю безъ формальностей; мои мысли вамъ извѣстны“. Булье не суждено было вернуться въ отечество. Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агитаторовъ эмиграціи, онъ въ свиданіи съ шведскимъ королемъ въ Аахенѣ и въ совѣщаніи князей въ Пильницѣ способствовалъ войнѣ противъ Франціи; однако послѣ неудачной кампаніи водворился въ Лондонѣ, гдѣ и умеръ въ 1800 году.

Возвратъ и
прибытіе въ
Тюльери.

Обратная поѣздка совершалась медленно. Народъ со всѣхъ сторонъ стекался толпами, частью снаряженный косами и разными сельскими

оружіями; возлѣ кареты шли пѣшкомъ національные гвардейцы, словно они съ торжествомъ сопровождали плѣннаго короля съ поля битвы. Несчастливая державная чета каждый день то и дѣло подвергалась неприятнымъ, оскорбительнымъ поступкамъ! Одинъ изъ вѣрноподанныхъ дворянъ, заявившій королю свою преданность, былъ тутъ же убитъ на его глазахъ, а голову его понесли на копьѣ. Близъ Эпернея, между Шалонемъ и Шато-Тьерри, подѣхали къ каретѣ три депутата, съ тѣмъ чтобы по порученію національнаго собранія сопровождать путешественниковъ. Двое изъ нихъ, Петіонъ и Барнавъ, завзятые республиканцы, заняли мѣста при королевской семьѣ, а третій, Латуръ-Мобуръ, конституціонный монархистъ и другъ Лафайета, сѣлъ въ другую карету. Матье Дюма принялъ начальство надъ вооруженнымъ конвоемъ. Чѣмъ болѣе приближались къ столицѣ, тѣмъ сильнѣе напирала возбужденная народная масса. Эта поѣздка при жгучемъ солнечномъ зноѣ была мукою для королевской четы, мрачнымъ предвѣстіемъ предстоявшей имъ мартирологіи. Сколько розказней, правдивыхъ и ложныхъ, ходило въ народѣ и залегло въ его памяти и воображеніи! Іюня 25. поѣздъ достигъ столицы. Публичными объявленіями запрещались громогласныя, какъ восторженныя, такъ и оскорбительныя заявленія. Такъ королевская семья подъ вечеръ, окольными путями, прибыла въ Тюльери; густая народная толпа встрѣтила ее молча: этотъ грустный возвратъ знаменовалъ могилу королевства. Вареннское путешествіе, замѣчаетъ Тьеръ, имѣло слѣдствіемъ, что всякое уваженіе къ королю утратилось, люди привыкли не обращать на него вниманія, и пристрастіе къ республикѣ стало усиливаться. Вслѣдствіе декрета національнаго собранія король, королева и дофинъ переданы были для охраны особенному отряду парижской національной гвардіи подъ начальствомъ Лафайета. Треть депутатамъ поручено было составить обстоятельный протоколъ объ исторіи бѣгства и подвергнуть королевскую семью допросу; короля все еще считали отрѣшеннымъ, министры исполняли правительственныя дѣла безъ королевскаго утвержденія. Людовикъ XVI. смиренно подчинился необходимости. Онъ настойчиво утверждалъ, что не хотѣлъ бѣжать изъ государства или прибѣгать къ помощи иностранцевъ; увѣрялъ, что его протестъ въ оставленной имъ прокламаціи относился не къ принципамъ конституціи, а къ скуднымъ державнымъ средствамъ, какими снабжали королевскую власть; дорогой же онъ успѣлъ убѣдиться, что народъ желаетъ конституціи и отрекся отъ старыхъ условій, а потому король впредь намѣренъ строго держаться новыхъ порядковъ и готовъ на всякую жертву для общаго блага.

8. ЗАВЕРШЕНІЕ КОНСТИТУЦІИ. КОНЕЦЪ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНІЯ.

Положеніе и настроеніе. Луи Бланъ назвалъ время, наступившее послѣ неудачнаго бѣгства, «междоуцарствіемъ». И въ самомъ дѣлѣ, до завершения конституціи характеръ правительства колебался между республикой и монархіей. Королевская власть потерпѣла смертельный ударъ, отъ котораго она не могла уже вполне оправиться. А развѣ авторитетъ Людовика XVI. не пострадалъ бы также, если бъ его планъ удался? Аристократія, какъ извѣстно, негодовала на короля за то, что онъ призналъ конституцію, которая противорѣчила монархически-феодальной системѣ старой Франціи. И такъ, еслибъ онъ обратился къ эмиграціи, еслибъ съ ея помощью и содѣйствіемъ иностранныхъ державъ добился вновь своей самодержавной власти, то реакція пересилила бы его; тогда противъ феодальныхъ властей онъ не устоялъ бы такъ же, какъ теперь противъ революціи. Оттого-то прозорливый императоръ Леопольдъ II. чрезъ австрійскаго посланника въ Парижѣ, графа Мерси, и совѣтовалъ сестрѣ отказаться отъ своего замысла: побѣдятъ-ли, погибнутъ-ли эмигранты, они все равно вовлекутъ королевство въ опасность; пусть королевская семья остается въ Парижѣ и дожидается, пока въ самой націи не произойдетъ поворота, пока противоборствующие революціи и анархіи элементы не окрѣпнутъ для отпора; тогда иностранныя державы могли бы съ успѣхомъ вступить за монархическую реставрацію; явные признаки того, что дѣло дойдетъ до такого отпора, стали уже обнаруживаться. Достаточные классы не даромъ встревожились мятежными возстаніями низшихъ народныхъ слоевъ, которые добивались скорѣе равенства имуществъ, чѣмъ равноправности; а религіозные люди, какъ извѣстно, сильно оскорбились и ожесточились вслѣдствіе вмѣшательства въ традиціонныя права церкви и духовенства. Нѣкоторые изъ членовъ національнаго собранія и якобинскаго клуба, Барнавъ, братья Ламеты, Дюпонъ и др. обнаруживали уже болѣе сильную сдержанность, они уже готовы были перейти къ политикѣ Мирабо, вступить въ соглашеніе съ министерствомъ, въ особенности съ Монмореномъ.

Послѣдствія бѣгства. Демократическія проясненія. Бѣгство и арестъ короля помѣшали такому повороту къ консервативной политикѣ, къ укрѣпленію монархической власти. Глава государства, находившійся подъ слѣдствіемъ и надзоромъ, былъ лишь призракомъ самодержца, лишень вліянія на общественныя дѣла и всякой власти. Форма правленія на самомъ дѣлѣ стала республиканская; и нѣкоторые члены были того мнѣнія, что слѣдуетъ поддержать отрѣшеніе, не занимать болѣе упраздненнаго престола, не возстановлять павшей монархической власти. Если королю возвратятъ его прежнія почести, то другая революція

свергнетъ его съ высоты въ еще болѣе глубокую пропасть и анархія займетъ опорожненное мѣсто. Того же мнѣнія былъ даже уважаемый философъ Кондорсе. Осуществленіе этой мысли предохранило - бы, можетъ быть, французскую націю отъ великаго преступленія. Въ печати и клубахъ тоже настаивали на отмѣнѣ королевской власти, со всѣхъ концовъ Франціи стекались адреса въ національное собраніе и поддерживали это требованіе. Бѣгство короля возбудило всѣ революціонныя умы: его заподозрили въ замыслѣ, соединиться съ Артуа и со всѣми выселившимися аристократами, ввести сто тысячъ иноземнаго войска въ государство, затѣмъ на развалинахъ и на крови возстановитъ феодальную державу. Национальная гордость возмущалась, въ каждой груди ожила боевая доблесть, помимо гражданскаго ополченія организовалось 169 батальоновъ добровольцевъ. Не такъ еще давно обнаруживалось кое-гдѣ попятное настроеніе, но теперь во всѣхъ классахъ и провинціяхъ твердо рѣшились пожертвовать скорѣе королемъ, нежели новымъ состояніемъ. Депутатъ Малюэ, сильно встревоженный, сообщилъ національному собранію, что воззваніе на дверяхъ палаты требуетъ отмѣны королевской власти; онъ предложилъ изслѣдовать дѣло и наказать виновниковъ; но послѣ бурныхъ возраженій собраніе перешло къ очереднымъ дѣламъ.

1. іюля 1791.

Вопросъ: монархія или республика? вотъ что было предметомъ совѣщаній и рѣчей всѣхъ политическихъ партій. Кордельеры обратились къ національному собранію съ адресомъ, требуя въ рѣзкихъ выраженіяхъ республиканскаго правленія. Ихъ поддерживала вліятельная газета „Французскій патриотъ“, которую издавалъ *Жанъ Пьеръ Бриссо*, сынъ трактирщика изъ Шартра; этотъ юридически образованный „литературный авантюристъ“ изучалъ политику въ Лондонѣ и Америкѣ и усвоилъ себѣ тамъ принципы Томъ Пена, въ прежніе годы часто подвергался наказанію за проступки по дѣламъ печати, а теперь занималъ важное мѣсто въ парижской коммуѣ. „Онъ обладалъ недюжиннымъ талантомъ, живостью во всѣхъ дѣлахъ, мягкостью и безкорыстіемъ въ личныхъ сношеніяхъ“. Надѣленный образованіемъ, даромъ слова и демагогическою ловкостью, исполненной пылкаго честолюбія, онъ вслѣдствіи сталъ во главѣ вліятельной партіи, которая иногда прозывалась бриссотистами, но вообще жиропрдистами. Теперь онъ высказалъ мнѣніе, что заявленный въ конституціи принципъ равенства всѣхъ передъ закономъ оказывается ложью, если одинъ стоитъ превыше закона; самодержавная нація не можетъ признавать надъ собою никакого вѣстелшна, иначе она становится рабомъ. Якобинцы также заявили свое мнѣніе объ этомъ жгучемъ вопросѣ. Тутъ-то *Робеспьеръ* и Робеспьеръ. произнесъ свою знаменитую рѣчь, которая поставила его во главѣ партіи. Онъ призналъ бѣгство королевскаго семейства противореволюционнымъ заговоромъ, которому способствовали многіе изъ членовъ народнаго собранія, министры, Лафайетъ; какъ нѣкогда въ Римѣ зорые триумвиры соединились противъ возстановителей республики и довели Брута и Кассія до самоубійства, такъ и теперь враги свободы снотнились съ тѣмъ, чтобы съ помощью короля и тирановъ подавить патриотовъ. Онъ вполне сознаетъ, что подвергаетъ себя этимъ всеобщей ненависти и противъ него

Клубные ораторы и журналисты. Бриссо.

изощряются тысячи ножей, но какъ прежде, такъ и теперь онъ слѣдуетъ голосу своей совѣсти и готовъ жертвовать жизнью за истину, свободу, отечество. Эта рѣчь произвела такое сильное впечатлѣніе, что Камилль Демуленъ тутъ же воскликнулъ: „Мы все умремъ съ тобою“, и восемь сотъ членовъ торжественно поклялись защищать его жизнь. Но съ свойственною ему осторожностью и воздержностью Робеспьеръ не высказался безусловно за республику. Въ національномъ собраніи онъ предложилъ, чтобы короля и королеву предали суду и обратились къ странѣ съ запросомъ о будущей формѣ правленія. Пылкій республиканецъ *Маратъ* высказался гораздо откровеннѣе противъ королевской власти. По его мнѣнію отъ широко развѣтвленнаго заговора одно только спасеніе: пусть народъ поставитъ военнаго трибуна съ неограниченною властью, который велѣлъ бы перебить измѣнниковъ. Такими измѣнниками онъ считалъ всѣхъ умѣренныхъ въ національномъ собраніи, также начальниковъ въ ратушѣ, Балли и Лафайета. Благодаря ихъ содѣйствію были отмѣнены общественныя мастерскія и иногородные рабочіе удалены изъ Парижа. Такими революціонными подстрекателами *Маратъ* привлекаетъ на свою сторону пролетаріатъ.

Маратъ.

Борьба между монархіей и республикой.
Половина іюля 1791.

Когда подходила вторая годовщина разрушенія Бастиліи, то въ національномъ собраніи обсуждался самый жизненный вопросъ изъ всего конституціоннаго дѣла: безответственность и неприкосновенность короля. Тутъ собраніе остановилось на распутьи. Если подъ давленіемъ уличной демократіи и бурной толпы въ галереяхъ лѣвая сторона добьется наконецъ обвиненія короля, то конституціонная монархія погибла и настанетъ новая эра революціи. Умѣренные въ собраніи, Ламеты, Барнавъ, Лафайетъ рѣшились, отстаивать королевскую власть и довершить конституцію въ господствовавшемъ доселѣ духѣ, не убоясь даже терроризма, которымъ извнѣ угрожали имъ клубы, уличный пролетаріатъ, демократическая журналистика. Положеніе ихъ было крайне затруднительное: они до сихъ поръ наносили наиболѣе жестокіе удары двору и престолу; а потому вступали какъ бы въ противорѣчіе съ своимъ прошлымъ, подвергались опасности, лишиться всей своей популярности, если перейдутъ къ защитникамъ и поборникамъ престола, который до сихъ поръ сами же признавали главнымъ тормазомъ свободы. Они сознавали, что государство и нація низрицуются въ бездну, если демократическая республика возьметъ верхъ; они видѣли передъ собою красное привидѣніе анархіи, передъ ихъ взоромъ партія разрушенія и грабежа выпустили уже свои когти. «Копчять ли намъ революцію или пачать снова?» воскликнулъ Барнавъ. «Теперь, когда мы вновь утвердили государство на принципѣ свободы и равенства, еще одинъ шагъ по пути революціи поведетъ уже къ упадку монархіи, къ уничтоженію собственности»; а Лафайетъ въ гнѣвѣ сказалъ: «Если вы сегодня умертвите короля, то я завтра же съ національною гвардіей возведу дофина на престолъ». Сіесъ также выразился за монархію, съ такою, впрочемъ, ограниченою властію, что король оказался лишь фигурантомъ, простымъ исполнителемъ народной воли.

Въ самомъ собраніи насчитывалось не много приверженцевъ республиканскихъ идей; да и въ большей части націи королевская власть все еще глубоко коренилась. Но тѣмъ сильнѣе развились эти наклонности въ Парижѣ. Въ якобинскомъ обществѣ умѣренные и конституціоналисты отдѣлились отъ демократовъ и основали клубъ фельяновъ (стр. 698 и сл.). Теперь-то для людей крайняго направленія открылся полный просторъ въ засѣданіяхъ монастыря. Они рѣшились бурною подачею просьбы произвести давленіе на пренія и голосованіе въ національномъ собраніи. На Марсовомъ полѣ предлагался для подписи народный адресъ, составленный депутатомъ Бриссо; по немъ требовалось: такъ какъ король своимъ бѣгствомъ отрекся отъ врученной ему власти, то пусть назначатъ новое конституціонное собраніе, съ тѣмъ чтобы оно судило бывшего короля и постановило новую исполнительную власть. Разложенный въ пѣсколькихъ экземплярахъ по ступенямъ воздвигнутаго въ праздникъ федераціи алтаря отечества адресъ быстро пополнился неимѣнными подписями. Среди множества неизвѣстныхъ прозвищъ и крестовъ попадались также имена Мальяра, Шомета, Геберта, Анріо и другихъ вождей черни во время терроризма. Однако, это покушеніе прекратилось насильственнымъ путемъ. На основаніи существовавшаго еще марціальнаго закона муниципальный совѣтъ, согласившись съ умѣренными членами національнаго собранія и фельяновъ, рѣшился разсѣять столпившуюся на Марсовомъ полѣ мятежную массу; а потому Лафайетъ съ національною гвардіей преградилъ входы. Когда троекратное предложеніе мирно разойтись не повліяло на толпу, то послѣдовалъ залпъ изъ ружей; нѣсколько человѣкъ было ранено и убито. Эта рѣшительная мѣра подѣйствовала и толпа разсыпалась во все стороны. Какъ бы сильно затѣмъ демократическія газеты ни неистовствовали противъ «кровопролитія», однако, національное собраніе могло спокойно продолжать свои занятія. Вожди кордельеровъ, которые затѣяли этотъ натискъ, скрылись до поры до времени. Даже Робеспьеръ побоялся спать у себя дома. Они опасались роялистской реакціи. Однако торжествующая партія фельяновъ не отважилась на это. Члены ея одобрили дѣйствіе муниципальнаго совѣта и національной гвардіи, издали строгое постановленіе противъ скопищъ, мятежныхъ объявленій и памфлетовъ; виновники, впрочемъ, не были наказаны, клубы и печать скоро опять заговорили на прежній ладъ. Но національное собраніе добилось по крайней мѣрѣ того, что конституція, въ духѣ ограниченной монархіи, могла быть довершена. Принципъ королевской неприкосновенности былъ утвержденъ, а отрѣшеніе монарха и надзоръ за королевскимъ семействомъ имѣли продлиться до обнародованья конституціи. Людовикъ XVI., Марія Антуанета и дофинъ въ собственномъ дворцѣ содержались словно въ плѣну.

17. іюля 1791.

Ревизія
конституціи

Конституціонная партія восторжествовала, однако поборники этого дѣла, Ламеты, Барнавъ, Лафайетъ, Шапелье и ихъ соучастники не отважились воспользоваться противъ демократіи всѣми плодами своей побѣды. Они слишкомъ часто и черезъ-чуръ сильно заявляли свою вражду къ престолу и связаннымъ съ нимъ аристократическимъ и клерикальнымъ элементамъ, такъ что теперь очутились въ крайне неловкомъ положеніи. Мятежная печать и вожди якобинцевъ и кордельеровъ поносили ихъ какъ отщепенцевъ, измѣнившихъ своимъ принципамъ, какъ тайныхъ друзей эмиграціи и войнолюбивыхъ иностранцевъ, какъ измѣнниковъ народнаго самодержавія. А потому, приступивъ въ слѣдующія затѣмъ недѣли къ ревизіи конституціи, члены хотѣли по возможности рѣзче обнаружить свой характеръ въ качествѣ друзей свободы и поборниковъ народа. Тщетно Малуэ, искренне и съ убѣжденіемъ ратовавшій за законную свободу и равноправность, побуждалъ членовъ ревизионнаго и учредительнаго комитета, воспользоваться обстоятельствами и настроеніемъ времени, съ тѣмъ чтобы вычеркнуть изъ документа нѣкоторыя опасныя приговоры. Стоило бы только устранить или смягчить декреты 6. октября 1789, противъ которыхъ протестовала королевская записка, возвратитъ «королю его вліяніе на судопроизводство, на войско и администрацію, дворянству—законныя права, а церкви ея каноническое устройство», и основы конституціи все-таки были бы еще несокрушимы: уничтоженіе феодальныхъ правъ въ августовскую ночь, права человѣчества съ принципомъ свободы и равенства всѣхъ гражданъ, народное представительство въ одной палатѣ съ широкими правами, ограниченіе самодержавной королевской власти съ отвѣтственными министрами и суспенсивнымъ вето, законы, обезпечивающіе свободу и безопасность личности и собственности, широкое избирательное право всѣхъ дѣйствительныхъ гражданъ въ духѣ національнаго самоуправленія и пр.—все это было бы драгоценнымъ приобретеньемъ, солидною основою достойной общественной жизни, либерально устроеннаго государства съ владычествомъ всѣми признаваемыхъ законовъ. Но развѣ доктринеры, которые идеаломъ своимъ считали демократико-республиканское народное правительство съ сосредоточенною властью, могли допустить измѣненія, называемыя ораторами лѣвой стороны «контрреволюціей»? Революціонное дѣло быстро подвигалось поэтому. Всѣ принятые доселѣ рѣшенія сохранились за исключеніемъ нѣкоторыхъ несущественныхъ поправокъ въ уставѣ о выборѣ и печати. Придавъ всему этому форму конституціоннаго документа, его предложили для одобренія и утвержденія королю. Какъ только онъ подтвердитъ ее присягою, то вступить вновь во всѣ королевскія права, и правленіе откроется согласно съ новымъ порядкомъ.

Вечеромъ 3. сентября при факельномъ освѣщеніи торжественная депутация изъ шестидесяти выборныхъ отправилась въ Тюльери и вручила королю документъ; ею, какъ заявилъ президентъ Туре въ своей рѣчи: «освящаются неотъемлемыя права французскаго народа, престолу возвращается подобающее ему достоинство, государству дается новая жизнь». Въ то же время королю возвратили полную свободу. Людовикъ XVI. потребовалъ времени на размысленіе, дабы обсудить дѣло и принять рѣшеніе. Депутация изъяснила свое согласіе. Прошло десять дней, исполненныхъ тяжелыхъ душевныхъ тревогъ въ Тюльери, пока не приняли окончательнаго рѣшенія. Борьба, наконецъ, завершилась: Людовикъ XVI. покорился необходимости, тѣмъ еще болѣе, что даже державный шурина его, Леопольдъ, совѣтовалъ уступить. Сильно скорбѣя, онъ подписалъ конституцію и на другой день отправился въ народное собраніе, куда шелъ словно на смерть. Тутъ, стоя передъ сидѣвшими представителями, онъ далъ торжественную присягу. Въ одной изъ боковыхъ ложъ присутствовала королева съ своею свитой. Присягнувъ и вмѣстѣ съ тѣмъ испросивъ амнистію за все прошлое, король при восторженныхъ кликахъ народа вернулся во дворецъ. Тамъ винулся онъ въ кресла и оплакалъ паденіе французской монархіи.

Послѣ всего испытаннаго до сихъ поръ Людовикомъ, ему нечего уже было надѣяться на то, что ненарушимо сохранится хотя призракъ величія и власти, какой предоставлялся ему конституціей національнаго собранія. Еще не улеглись бурныя волны революціоннаго потока. Хорошо было бы, еслибъ тѣ же дѣятели, которые составили конституцію, помогли правительству привести ее въ исполненіе! Но національное собраніе самоубійственнымъ актомъ уничтожило такую возможность. По предложенію Робеспьера, было рѣшено, чтобы члены конституціоннаго собранія не избирались въ послѣдовавшее затѣмъ законодательное: такимъ путемъ исключались всѣ приверженцы старой и умѣренной монархіи, всѣ послѣдователи идей Монтескье.

Благодаря этому, въ концѣ сентября, когда конституціонное собраніе закрыло свои засѣданія, герои демократическихъ обществъ и печати стали пользоваться полнымъ просторомъ. Нѣсколько недѣль спустя послѣ того начальники муниципалитета и національной гвардіи также покинули свои должности. На мѣсто Балли былъ избранъ якобинецъ Петіонъ, а вслѣдствіе приговора собранія, въ силу котораго должность главнокомандующаго упразднилась, и предводителямъ шести легионовъ поручалось ежемѣсячно смѣнять другъ друга въ главномъ начальствѣ, Лафайетъ также сложилъ съ себя команду надъ гвардіей; это для единства и крѣпости національной обороны оказалось весьма пагубнымъ нововведеніемъ. Надежда Лафайета занять должность мера послѣ Балли, не осуществилась; большинство

3 сент. 1791.
Конституція
утверждена
королемъ.

14. сент.
1791.

Актъ само-
отреченія кон-
ституціоннаго
собранія.

Перемѣна въ
муниципаль-
номъ совѣтѣ
въ національ-
ной гвардіи.
30 сент.
1791.

16. ноября
1791.

было за Петіона. Съ разрѣшенія законодательнаго собранія, изъ рабочаго сословія и недѣйствительныхъ гражданъ, не имѣвшихъ доступа въ національную гвардію, составились затѣмъ особыя ополченія; эти ополченцы, прозванные по ихъ оружію пикенерами, подчинялись гражданскимъ начальникамъ; благодаря подвижности и революціонному пылу, они вскорѣ забрали власть и стали вершителями во внутренней борьбѣ и въ уличныхъ мятежахъ; это была боевая рать клубныхъ вождей, легионъ мести за «кровопролитіе» 17. іюля на Марсовомъ полѣ.

II. Законодательное собраніе и паденіе королевской власти.

1. законодательное собраніе, эмиграція и иностранныя державы.

Новое собраніе и жиронда. Октября 1. 1791 открылось первое законодательное собраніе и одинъ изъ парижскихъ депутатовъ, Пасторе, былъ избранъ въ президенты. Оно состояло изъ семисотъ сорока пяти членовъ, которые во время послѣднихъ засѣданій конституціоннаго собранія избирались слѣдующимъ порядкомъ: дѣйствительные, водверившіеся на мѣстѣ граждане, вносившіе пошлину не менѣе тройной поденной платы и не состоявшіе на службѣ у другаго лица, назначали въ первичныхъ собраніяхъ выборщиковъ; послѣдніе же въ главныхъ городахъ департаментовъ выбирали депутатовъ. Выборщики и депутаты относились къ податному классу, который подлежалъ определенному закону не высокому цензу. Новое законодательное собраніе отличалось отъ конституціоннаго. Избранные подъ вліяніемъ якобинцевъ и радикальной народной партіи депутаты признавали большею частью демократическіе принципы, какіе могли осуществиться лишь въ республиканскомъ правленіи. Вслѣдствіе этого правая сторона, гдѣ заняли мѣста фельяне, роялисты и приверженцы конституціонной монархіи, въ родѣ Воблана, Беню, Жокура, Дюма и др., все болѣе и болѣе сокращалась и утрачивала свое значеніе, тогда какъ республиканцы лѣвой стороны, какъ явные, такъ и скрытые, постоянно усиливались. Однако въ рядахъ республиканцевъ тоже обнаружались рѣзкія противоположности и различные взгляды, такъ что они распались на два лагеря, на *жору*, гдѣ засѣдали крайніе демократы и радикалы, въ родѣ Шабо, Базира, Жанъ де Бри, Карно, Мерленъ де Тіонвиля, Кутона, Тюрію, Камбона, Дюгема и др., и на *равнину*, гдѣ помѣщались обыкновенно умѣренные республиканцы. Къ послѣднимъ принадлежали знатные, образованные, даровитые люди, въ особенности депутаты изъ Бордо и изъ департамента Жиронды, почему они и соучастники ихъ были прозваны «жи-

рондистами»; сначала этому прозвищу придавался насмѣшливый и ироническій оттѣнокъ, но сами члены сдѣлали его славнымъ, почетнымъ именемъ. Жирондисты были большею частью идеальные доктринеры, одаренные юношескою восторженностью, впечатлительностью юга, остроумною, бойкою рѣчью; подъ наитіемъ грезъ о природѣ и идей объ естественномъ правѣ Жанъ Жака Руссо, они стремились къ республикѣ въ духѣ древности или къ демократической федераціи въ родѣ Сѣвероамериканскаго союза. «Отличаясь пламеннымъ и блестящимъ краснорѣчіемъ, исполненные всею живостью и страстностью юга, честолюбивые и не безъ явной наклонности къ интригѣ, они своимъ доктринерскимъ демократизмомъ, сложившимся изъ школьныхъ воспоминаній о древности и изъ возрѣній восемнадцатаго столѣтія, быстро заняли преобладающее положеніе въ собраніи, изъ котораго актомъ неслыханной наивности исключались все дѣйствительные таланты и опытные дѣятели перваго собранія». Жирондисты вскорѣ добились самаго сильнаго вліянія въ законодательномъ корпусѣ; оттого-то впоследствии, когда волны политическаго потока вытѣснили изъ правленія рояльныхъ министровъ, Бертрана де Мольвиля, Делессара, Дюпортея и др., кабинетъ и былъ составленъ изъ ихъ среды. Сначала они собрались около Ролана и его остроумной и благородной супруги, молодой, высокообразованной дочери гравера Флипона; впоследствии наибольшаго значенія достигъ Бриссо, извѣстный поклонникъ Томы Пена и американской республики, и его имя стало прозвищемъ партіи. Исполненный безпокойнаго порыва, онъ отважно ринулся въ потокъ революціи. «Онъ былъ надѣленъ идеальнымъ воодушевленіемъ къ освобожденію міра и къ республиканскому правленію, но всего сильнѣе его подвизалъ неудержимый нравъ, который какъ бы тѣшится всякою сумятицею и самимъ пыломъ, и не заботясь о грядущихъ опасностяхъ, вѣрится счастью, балующему смѣлыхъ и ловкихъ дѣятелей». Помимо Бриссо и мадамъ Роланъ, садонъ которой часто посѣщалъ также честолюбивый теоретикъ аббатъ Сіестъ, сообщая тамъ свои совѣты и оракулы, самыми замѣчательными членами и соучастниками партіи были: Гаде, Верньо, Жансонне, Гранжнѣвъ, извѣстный философъ Кондорсе, потомъ Бюзо, Инаръ, Ланжюине, пылкій, красивый Марселецъ Барбару и др. Генераль Дюмурье также примкнулъ къ нимъ. «Хотя», по мнѣнію одного изъ новѣйшихъ историковъ, «жирондисты и не были способны создать прочное твореніе, однако они обладали истинно-революціоннымъ даромъ, раздуть страсти ораторскимъ возбужденіемъ, мощью слова привести въ лихорадочный пылъ такой легко воспламеняющійся народъ, какъ Французы, и вовсе не обладая свойствами грубой, кулачной демагогіи, они все-таки много содѣйствовали цѣлямъ самой дикой демагогической безурядицы». Порываясь къ свободѣ и республиканскому самоуправленію, они неу-

держимо неслись все впередъ по пути революціи и, ратуя противъ престола, вызвали на помощь демоническія силы, отъ которыхъ сами потомъ погибли. Почти всѣ изъ образованнаго средняго сословія, исполненные сознанія умственного превосходства, жирондисты гордо и съ достоинствомъ относились къ двору и носителямъ стараго порядка, но съ пренебреженіемъ къ плебейской демагогіи, пособіемъ которой не гнушались однако для своихъ политическихъ цѣлей. Члены законодательнаго собранія были большею частью молодые люди съ пылкимъ живымъ темпераментомъ, вносившіе въ политику чувство и фантазію, почти на половину адвокаты или судьи, сверхъ того литераторы, публицисты, присягнувшіе священники и отчасти землевладѣльцы. Демократическая журналистика и народныя общества, по преимуществу содѣйствовавшія выборамъ, какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціяхъ, достигали все большей силы и значенія.

Робеспьеръ и
якобинскій
клубъ.

Якобинскій клубъ былъ очагомъ оппозиціи противъ двора и роялизма, средоточіемъ всѣхъ элементовъ, имѣвшихъ цѣлью поддерживать революцію, сгладить сохранившіяся еще сословныя различія, образовать изъ Французовъ «единный народъ братьевъ». Тутъ сильнѣе всего вліялъ свѣдими рѣчами *Максимильянъ Робеспьеръ*. Вернувшись послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ своемъ родномъ городѣ Аррасѣ въ Парижъ, избранный въ городское управленіе, онъ въ собраніяхъ общества развилъ свою политическую дѣятельность. Его поддерживали демагоги въ родѣ Дантона и Маноэля, состоявшіе также при коммунѣ, демократическіе журналисты, въ родѣ Марата, Барры, Тальена, развратники съ сомнительнымъ прошлымъ, въ родѣ безнравственнаго кутилы, бывшаго капуцина Шабо, актеръ Колло д'Эрбуа, который въ популярномъ изданіи, «Альманахъ отца Жерара», пытался ученія якобинскаго клуба «въ соблазнительной оболочкѣ высокопарной морали» принаровить къ вкусу и пониманію сельскаго люда, драматическій писатель Фабръ д'Эглантинъ, адвокатъ Жоржъ Рутонъ, хромой, хилый человѣкъ, кроткій, радужный въ частной жизни, но политическій фанатикъ и ненавистникъ духовенства, и др. При помощи этихъ прислужниковъ, которые мстили благопристойному обществу за оказанное имъ прежде униженіе и презрѣніе, Робеспьеръ успѣлъ расположить къ себѣ чернь, не унижаясь самъ до плебейскихъ низменностей или до политическаго цинизма. Уступая многимъ другимъ въ пылкомъ увлекательномъ краснорѣчьи, зачастую утомляя слушателей своими душевспасительными рѣчами въ духѣ проповѣдника методистовъ, этотъ смѣтливый, холодный и скрытный адвокатъ успѣлъ, однако, легкимъ, свободнымъ, понятнымъ изложеніемъ, кстати принаровленною риторическою мимикой, въ связи съ твердою увѣренностью, которую въ немъ призналъ уже Мирабо, съ логическою послѣдовательностью доктринерскаго образа мыслей и съ пристойною наружностью относи-

тельно одежды и приемовъ снискать расположеніе и уваженіе въ собраніи и въ народѣ. Въ своихъ поступкахъ онъ избѣгалъ того «санкюлотства», которымъ якобинцы хвастливо заявляли свое презрѣніе ко всякимъ общественнымъ формамъ и къ образованію. Онъ велъ притомъ простой и порядочный образъ жизни въ противоположность большей части демагоговъ, которые погрязли въ тинѣ порока и чувственности. Слава гражданской честности, строгихъ правилъ, искренней любви къ свободѣ и отечеству, чѣмъ онъ самъ то и дѣло похвалялся передъ слушателями, снискала ему довѣріе и умножила число приверженцевъ, которые окружали Робеспьера словно лейбъ-гвардія, удивляясь его нравственной строгости. Его семья происходила изъ Англіи, и оттуда, вѣроятно, унаслѣдовалъ онъ пуританскій нравъ. Этимъ покровомъ добродѣтели облекалъ онъ пылавшее въ нѣдрахъ души его завистливое честолюбіе, глубокую ненависть ко всему выдающемуся, аристократическому, мрачную подозрительность, вслѣдствіе которой онъ постоянно чувалъ опасности и преслѣдованья, въ каждомъ соучастникѣ видѣлъ противника и врага. Добродѣтель его служила ему конькомъ въ его боевыхъ рѣчахъ; всякія клеветы и оговоры, всякія происки и гоненія, какія ему чудились, имѣли по его словамъ своимъ источникомъ досаду враговъ по его нравственной чистотѣ. Натура сухая, лишенная фантази, поэтическаго полета и гениальности, личность Робеспьера все-таки сильно вліяла на умъ и чувство народа.

Съ весны 1792 г., якобинскій клубъ сдѣлалъ значительные успѣхи по пути къ демократизму, признавъ якобинскую шапку знакомъ своего союза. Швейцарцы изъ полка Шатоввѣ, которые въ Нансѣ провинились пѣюгда въ кровавомъ мятежѣ и, преодолевъ которыхъ, Булье присудилъ къ галерамъ, были по просьбѣ якобинскаго клуба помилованы и освобождены. Когда они прибыли въ Парижъ, то демагоги соорудили освобожденнымъ каторжникамъ, какъ кровавымъ свидѣтелямъ свободы, шумное народное торжество; при этомъ развѣзжая по городу, для того чтобы устранить всякое различіе, они покрыли голову шапкою галерныхъ невольниковъ, которую осужденные Швейцарцы привезли съ собою съ галеръ. Незадолго передъ тѣмъ возникло также прозвище «санкюлотъ». Однажды, рассказываетъ Монтеляръ, двѣ либеральныя дамы то п дѣло, словами и жестами прерывали рѣчь депутата Мори; тутъ послѣдній обратившись къ президенту, воскликнулъ въ сердцахъ: „Велите замолчать этимъ безштанникамъ (Sansculottes)!“ Подхвативъ послѣднее слово, обратили его въ прозвище циничнаго и плебейскаго народнаго класса.

Якобинская
шапка.

15 апрѣля
1792.

Когда конституціонное собраніе засѣдало въ Версалѣ, то третье сословіе оскорбилось пренебреженіемъ со стороны двора; когда же сошлись новые представители, то собраніе дошло уже до такого сознанія своего величія и достоинства, что хотѣло въ обращеніи къ королю отмѣнить титулы «величество» и «сирь». Изъ этого явствуетъ уже, что нечего было ожидать гармоническаго согласія

Революція и ея
противники.
Причина
войны.

между обѣими властями вновь созданнаго конституціоннаго государственнаго организма. Да и какъ же было національнымъ представителямъ и коронѣ идти по одному общему пути въ такую пору, когда внутри и за границей возбуждались мятежныя силы противъ новаго порядка? какъ было угрожаемой этимъ противоборствомъ въ важнѣйшихъ ея функціяхъ законодательной власти соединиться для единодушнаго содѣйствія съ исполнительной, которая все еще надѣялась добиться прежняго своего могущества? Иностранныя державы давно уже съ безпокойствомъ слѣдили за событіями во Франціи. Много политическихъ выходцевъ изъ Бельгіи, Голландіи и Швейцаріи, какъ извѣстно, добивались и достигали охраны и убѣжища въ Парижѣ и въ пограничныхъ городахъ; они поддерживали связи съ своими друзьями и единомысленниками на родинѣ, а агенты революціи явно и втайнѣ содѣйствовали распространенію демократическихъ идей. Кличъ о «свободѣ и равенствѣ», пароль клубовъ «война престоломъ, миръ хижинамъ», отозвались во всѣхъ сосѣднихъ странахъ и взволновали умы народовъ. Національное собраніе и руководимое имъ правительство не преминули и въ восточныхъ провинціяхъ также осуществить постановленія ночи пятаго августа, не смотря на то, что этимъ нарушались права иностранныхъ владѣльцевъ.

1. Папская область при Ронѣ.

Въ прежнихъ томахъ не разъ приходилось упоминать о папской територии при Ронѣ, о графствѣ *Венессенъ* и объ области города *Авиньона*, которая въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ столѣтіяхъ присвоила себѣ римское правительство и, не смотря на разные протесты, все еще удерживало за собой. Это чужеземное владѣтельство на французской почвѣ пришлось не по душѣ проникнутымъ идеей національнаго единства Провансальцамъ. Хотя папское правительство и было необременительно, однако революціонная партія все-таки одержала верхъ. Она низвергла папское начальство, учредила муниципалитетъ по французскому образцу, разрушала замки и монастыри и домогалась сліянія съ Франціей. Однако въ селахъ, особенно въ мѣстечкѣ Карпентрасѣ, народъ цѣлко держался духовнаго владѣтельства, частью вслѣдствіе привязанности къ старинѣ, частью изъ сосѣдней ревности къ главному городу. Дворяне и монахи спасались у набояныхъ крестьянъ отъ преслѣдованья нововодителей. Такимъ образомъ вспыхнуло междоусобіе, сопровождавшееся неистовствами, на какія способно лишь пылкое населеніе юга, поджигаемое политическимъ и религиознымъ фанатизмомъ. Какъ тѣмъ, такъ и другимъ помогали единомысленные Французы. Демократы и паписты побивали другъ друга; мало того, вызванныя съ горь авиньонскимъ совѣтомъ дикія орды возмутились, овладѣли расположеннымъ на высотѣ замкомъ и чинили всякаго рода грабежи и насилия. Когда фанатическая народная толпа въ церкви убила одного изъ ихъ предводителей, Дескюйера, то они умертвили пятьдесятъ три человѣка, плѣненныхъ мужчинъ и женщинъ, поволокли ихъ въ замокъ и побросали изувѣченные трупы въ подземную темницу, прозванную ледникомъ. Французскимъ комиссарамъ и отрядамъ удалось, наконецъ, подавить возстаніе и настолько возстановить порядокъ, что можно было учинить соединеніе всей здѣшней папской области съ французскою монархіей. Конституціон-

ное собраніе наканунѣ своего отрѣшенія постановило, что на основаніи воли, заявленной населеніемъ, городъ и округъ Авиньона и Венессена приурочиваются къ департаменту устья Роны и подчиняются вѣдѣнію и охранѣ муниципалитета и національной гвардіи. Законодательное собраніе учредило потомъ изъ этого округа Воклюзъ. Однако, гражданская усобица все еще продолжалась и пламя религиознаго и политическаго неистовства партія охватила весь Провансъ. Изъ Марселя вышли четыре тысячи демократовъ подъ начальствомъ одного изъ друзей Барбару, съ тѣмъ чтобы подавить контрреволюцію въ Арлѣ. Народный вождь Журданъ во главѣ дикихъ ватагъ поражаля огнемъ и мечемъ жителей, которые не хотѣли старое владѣтельство промѣнять на новую свободу.

Присвоеніе папской области при Ронѣ французскимъ властями на основаніи воли, заявленной населеніемъ, служило яснымъ доказательствомъ, что новое правительство въ Парижѣ относится ко всему существующему въ иностранныхъ дѣлахъ такъ же безавѣтно какъ и во внутреннихъ, что государственные и національные договоры и сношенія пренебрегаются такъ же, какъ и унаслѣдованные законы и формы древнефранцузскаго феодальнаго государства. Понятно поэтому, что нѣмецкіе князья и чины, которые въ бывшихъ имперскихъ областяхъ восточной Франціи обладали по исконнымъ грамотамъ правами и доходами, съ опасеніемъ глядѣли на будущее, съ негодованіемъ и досадою узнали о самоуправствѣ революціи, объ уничтоженіи всѣхъ феодальныхъ правъ въ августовскую ночь. „Вслѣдствіе округленія, которое Франція вдругъ придала своему государству, утратилось много духовныхъ и свѣтскихъ державныхъ и доходныхъ правъ, которыя искони изъ нѣмецкой сосѣдней страны какъ бы клиньями глубоко врѣзались во Францію. Не мало французскихъ подданныхъ состояло подъ охраною нѣмецкаго епископа. Не мало нѣмецкихъ владѣтелей заявляли свои права на французскія области, пользуясь на основаніи государственныхъ договоровъ свободою отъ пошлинъ, десятинами, барщинами, патримоніальными судами и крѣпостными; а теперь отъ всего этого пришлось отказаться! Наибольше обижеными нѣмецкими имперскими чинами оказались трое духовныхъ курфирстовъ, рейнскіе епископы, дома гессенъ-дармштатскій, баденскій, нассаускій, вюртембергскій, цвейбрюкенскій и часть имперскаго дворянства“. Не только въ Эльзасѣ и Лотарингіи, но также и въ фрейграфствѣ, въ геннегауской и люксембургской области существовали такія запутанныя и трудно разрѣшимыя условія правъ и собственности. Графство Мемпельгаръ или Монбельяръ въ Бургундіи было все еще вюртембергскимъ владѣніемъ подъ французскимъ верховенствомъ. Переговоры касательно вознагражденій были безуспѣшны, такъ какъ предложенія національнаго собранія не удовлетворяли „владѣльцевъ извѣстныхъ лентъ въ Эльзасѣ“. Причиненыя утраты съ нѣмецкой стороны оцѣнивались по малой мѣрѣ въ 100 милліоновъ ливровъ, но большею частью тамъ вообще и слышать не хотѣли о вознагражденіи. Въ особенности духовные курфирсты по Рейну настаивали на сохраненіи своихъ старыхъ метропольныхъ правъ на епископства Меца, Тула и Вердюна.

Никто такъ сильно не сознавалъ трудность политическаго положенія, какъ императоръ Леопольдъ. Къ нему прежде всего обратились съ предложеніемъ, противодѣйствовать революціонному движенію во Франціи: нѣмецкіе князья и владѣтели требовали, чтобы императоръ и имперія вступились за ихъ Вестфальскимъ миромъ обезпеченныя и гарантированныя права въ Эльзасѣ, Лотарингіи и другихъ територіяхъ; король и королева считали близкаго родственника своимъ защитникомъ и спасителемъ изъ адской пасти революціи, и поддерживали при посредствѣ австрійскаго посла въ Парижѣ, графа Мерси, съ державнымъ братомъ и шуриномъ

2. Владѣнія и права нѣмецкихъ имперскихъ чиновъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи.

3. Императоръ Леопольдъ и политическое положеніе Европы.

живую переписку, въ которой повѣряли ему свои планы и надежды и просили совѣта и помощи. Вожди эмиграціи, съ графомъ Артуа во главѣ, пытались побудить его къ военному нашествію, къ которому они готовы были примкнуть, съ тѣмъ чтобы вооруженною рукою возстановить реставрацію. Вълѣдствіе этихъ и другихъ внушеній у императора возникла внутренняя борьба между его чувствомъ и политикою. Известно, въ какомъ смутномъ состояніи находились дѣла въ австрійской имперіи, когда Леопольдъ вступилъ на престолъ (стр. 453): наследственные области въ сильной тревогѣ, Венгрія въ угрожающемъ положеніи, нидерландскія провинціи въ полномъ возстаніи, турецкая война все еще не окончена, съ Пруссіей натянутыя отношенія, полныя подозрѣнія и ревности, въ Польшѣ гражданскія усобицы въ самомъ разгарѣ, въ Петербургѣ властолюбивая императрица, имѣвшая въ виду воспользоваться союзомъ съ вѣнскимъ дворомъ и соперничествомъ обѣихъ нѣмецкихъ великихъ державъ для расширенія своихъ владѣній въ Турціи и въ Польшѣ. Могъ ли при такихъ обстоятельствахъ осторожный умный государь вмѣшаться въ нескончаемую борьбу съ революціей? Переговоры съ Турціей, подготовлявшіе Сивостовскій миръ (стр. 455), еще не были окончены, когда парижскія событія, задержка поѣздки въ Санъ-Клу и неудачное бѣгство озабочили и огорчили императора. Мы знаемъ, что онъ отсовѣтовалъ отъ этого пагубнаго предпріятія; принцъ Артуа, который поѣхалъ къ нему въ Италію, добился только того, что Леопольдъ согласился находившіяся въ Бельгій войска стаять къ границѣ для прикрытія королевскаго семейства; но эта демонстрація только ухудшила положеніе. И дѣйствительно, что было толку въ угрозы, которая не сопровождалась никакимъ дѣйствіемъ? Получивъ извѣстіе, что королевское семейство содержится въ Тюльери словно въ плѣну, онъ сильно скорбѣлъ объ ихъ участи. Его братское чувство и сознание державца были глубоко возмущены оскорбленіями, какія наносились первому монарху христіанства. Но и теперь даже онъ ни на что не рѣшался, и теперь тоже довольствовался лишь одними демонстраціями, которыя только раздражали революціонную партію и еще болѣе вредили королевскому дѣлу: изъ Падун онъ разослалъ циркуляръ ко всемъ монархамъ Европы, приглашая ихъ единодушно заявить: „что они дѣло французскаго короля считаютъ своимъ собственнымъ и настаиваютъ на его свободѣ и личной безопасности, всѣ новые законы признаютъ дѣйствительными лишь тогда, когда король добровольно подтвердитъ ихъ. Иначе прибѣгнуть къ оружію“. Обнародованіе этой угрозы, которая еще болѣе обострилась одновременно поданіемъ парижскому національному собранію письма Булье, усилило лишь злобу революціонеровъ на Тюльери. Вълѣдствіе этого пришли къ заключенію, что иностранные государи находятся подъ влияніемъ эмигрантовъ, и еще строже стали сторожить королевскую семью въ Тюльери. Такой оскорбительный поступокъ сильно огорчилъ императора. Онъ снова пытался составить союзъ европейскихъ или по крайней мѣрѣ нѣмецкихъ государей для спасенія французской королевской четы. При этомъ кстали и прусскій посолъ, генералъ Бишофвердеръ, пользуясь доказательствами довѣрія и отличій со стороны императора и вѣнскаго двора, обнаружилъ сочувствіе къ императорской полнѣтѣ и своимъ влияніемъ въ Берлинѣ содѣйствовалъ осуществленію австрійско-прусскаго союза. Габсбургскій державецъ былъ очень радъ такой коалиціи, благодаря которой онъ могъ вступить за французскій королевскій домъ, не подвергаясь черезъ-чуръ большимъ жертвамъ; онъ надѣялся, когда прекратится недобѣре и соперничество между Берлиномъ и Вѣною, то прусскій король, слѣдующая своей романтически-рыцарской натурѣ, со всею энергіей вступится за реставрацію французской монархіи, увлечетъ за собою другихъ импер-

6. іюля
1791.

скихъ князей и откроетъ походъ противъ Франціи, причемъ австрійскимъ войскамъ придется содѣйствовать лишь во второмъ разрядѣ. Прусскій агентъ заключилъ съ вѣнскимъ кабинетомъ предварительный договоръ, по которому обѣ великія нѣмецкія державы согласились блюсти солидарную политику: впервыхъ, гарантируя другъ другу свои существующія владѣнія и обязуясь общими усиліями добиться соединенія главныхъ европейскихъ государствъ противъ Франціи, вступая въ связь съ другими державами не иначе какъ съ обоюднаго согласія, а вторыхъ, обязуясь помогать другъ другу, въ случаѣ нарушенія спокойствія въ ихъ странѣ. Въ Берлинѣ не соглашались на preliminary договоръ, который Пруссію могъ впутать въ войну и былъ полезенъ для одной только Австріи; вотю въ Вѣну обратили особенное вниманіе на то, что демонстрація противъ Франціи только тогда можетъ оказаться дѣйствительною, если вмѣстѣ съ тѣмъ связано сильное вооруженіе, такъ какъ ничего не можетъ быть хуже гордыхъ словъ, лишенихъ сильной поддержки. Вълѣдствіе этого Леопольдъ отказался отъ своего плана. Онъ окончательно пересталъ думать о вмѣшательствѣ, тѣмъ еще болѣе, что отношенія Питта къ національному собранію лишило всякой надежды на присоединеніе Великобританіи къ военной коалиціи. Онъ сталъ холодно относиться къ эмигрантамъ и посовѣтовалъ своему зятю въ Парижѣ принять конституцію. Леопольдъ былъ того мнѣнія, что только соединенная Европа можетъ съ успѣхомъ противостать революціи: но ни Англія, ни Пруссія не обнаружили до сихъ поръ склонности къ советному военному союзу, не говоря уже Россіи; а вторгнутся во французскія области одному въ связи съ эмигрантами, на это у Леопольда вовсе не было охоты. На такой подвигъ пускай отважатся ретивые нѣмецкіе князья или романтико-рыцарскій авантюристъ на шведскомъ престолѣ. Такъ то все и ограничилось одними угрозами и демонстраціями, которыя не подкрѣплялись штыками.

25. іюня
1791.

Эмигранты своими просками сильнѣе всего поджигали Германію къ войнѣ съ Франціей. Чѣмъ революція далѣе стремилась по какому пути къ демократизму и республикѣ, тѣмъ болѣе разнѣры принимала эмиграція за границу. Выселеніе стало какъ бы заразительною болѣзнію, въ нѣкоторомъ родѣ модою. Во всѣхъ пограничныхъ странахъ, въ особенности въ прирейнскихъ городахъ Вормежъ, Майнцъ, Кобленцъ, Боннъ и др. кишмя кишѣли выходцы изъ Франціи. Пока у нихъ хватало золота, привезеннаго съ собою изъ родины, до тѣхъ поръ они вели разгульную жизнь въ полной увѣренности, что скоро опять вернутся во свояси и тогда выместятъ на своихъ политическихъ враговъ всѣ понесенные ими убытки и невзгоды. Когда эти ожидаемыя торжества не наступали, а деньги израсходовались, то они стали прибѣгать къ пособіямъ, какія выдавались имъ изъ княжескихъ кассъ или дворянскими и духовными единомысленниками, а не то къ есудамъ. «Молодые дворяне проживали тамъ жизнь въ пирахъ и необузданныхъ удовольствіяхъ, въ комедіяхъ, азартной игрѣ и любовныхъ похожденияхъ, а ихъ раялистское одушевленіе ограничивалось безплодными жалобами или шумными демонстраціями въ пользу королевской власти.» Когда стали готовиться къ войнѣ, лишь тогда многие изъ нихъ поступили въ на-

4. Эмигранты.

вербованные отряды принца Конде, съ тѣмъ чтобы сообща съ Нѣмцами проникнуть во Францію и вернуть прежнее состояніе. Народъ не питалъ никакого сочувствія къ безпутной и кичливой аристократіи, которая за границей и въ нуждѣ проявляла все ту же порчу феодальной эпохи; при княжескихъ дворахъ и въ дворянскихъ замкахъ, напротивъ того, эти выходцы пользовались участіемъ, расположениемъ и поддержкой, пока наконецъ и здѣсь также не стали въ тягость. Они и за границу перенесли съ собою сословное высокомеріе и страсть къ пререканіямъ: княжескій дворъ въ Кобленцѣ вмѣнялъ европейскимъ державамъ въ обязанность помочь внукамъ святаго Людовика подавить гидру революціи, и былъ крайне оскорбленъ тѣмъ, что онѣ отказывались служить орудіями мести и кичливости. Дворяне высшаго ранга избѣгали низшихъ; кто прежде выселился, тотъ считался болѣе вѣроподданнымъ нежели позднѣйшій выходецъ. «Когда честный рыцарскій Казалесъ, не покидавшій своего короля до конца, прибылъ въ Кобленцъ, то отъ него сторонились, онъ казался подозрительнымъ». Парижскому національному собранію эмигранты вовсе не были страшны, хотя съ виду казалось будто оно опасается этихъ «ордѣ контрреволюціи»; они, напротивъ, служили ему для того, чтобы риторическими нападками разжигать страсти французскаго народа и сообщить революціи воинственный толчекъ. А потому обоимъ монархамъ, Леопольду и Фридриху Вильгельму, было вовсе не повутру, когда въ саксонскій увеселительный замокъ въ Пильницѣ, гдѣ во вторую половину августа у нихъ назначено было личное свиданіе, появился также графъ Артуа съ двумя выдающимися главами эмигрантовъ, съ бывшимъ министромъ Калонномъ и генераломъ Булье. Имъ казалось опаснымъ дѣло королевской власти связывать съ эмиграціей.

Пильницкая конвенція. 27. августа 1791.

При свиданіи въ Пильницѣ оба монарха не питали искренняго довѣрія другъ къ другу, они однако согласны были въ томъ, что въ интересѣ достоинства и устоя монархической власти вельзя покинуть на произволъ королевское семейство во Франціи; но по тогдашнему положенію дѣлъ вооруженное вмѣшательство не казалось необходимымъ, ни цѣлесообразнымъ; а въ особенности слѣдовало рѣшительно отклонить предложенную графомъ Артуа записку. Въ этомъ документѣ, исполненномъ своекорыстія и заносчивости стараго владѣльческаго класса, предписывались мѣры, какія Пильницкой конвенціи слѣдовало бы принять относительно Франціи. Имѣлись въ виду, чтобы братья короля и всѣ остальные члены бургонскаго дома съ согласія присутствовавшихъ на конгрессѣ монарховъ обнародовали манифестъ съ протестомъ противъ самоуправства національнаго собранія и противъ всѣхъ рѣшеній, на какія было вынуждено или проискамп добыто согласіе короля, причемъ заявлялось: такъ какъ Людовикъ XVI. лишенъ правительственной власти и свободы, то графъ Прованскій, по праву рождения, съ согласія и по признанію императора и большей части европейскихкихъ державъ назначается регентомъ; сверхъ того угрожали, что жители Парижа своею жизнью отвѣчаютъ за безопасность королевской семьи.

Монархи вовсе не намѣревались признать и распространить этотъ заносчивый документъ, или согласиться на связанное съ нимъ требованіе, мобилизовать свои войска, способствовать вооруженію эмигрантовъ; они ограничились лишь заявленіемъ, что возстановленіе порядка и монархи во Франціи—дѣло весьма важное для всей Европы, что они приглашаютъ всѣ державы для рѣшенія этой задачи и на случай согласія примутъ надлежащія мѣры для достиженія цѣли дѣйствительнымъ вмѣшательствомъ. Этимъ заявленіемъ имѣлось лишь въ виду запугать парижскихъ демократовъ; о войнѣ при этомъ и не помышляли, что подтвердилось даже обнаруженіемъ постановленіемъ обоихъ монарховъ, въ силу котораго эмигрантамъ разрѣшалось только мирное пребываніе въ нѣмецкихъ и австрійскихъ областяхъ, но запрещались всякія военныя спарженія. Людовикъ XVI. согласился съ этими мирными намѣреніями, онъ интимнымъ письмомъ побуждалъ своихъ братьевъ отречься отъ великихъ боевыхъ замысловъ и съ покорностью подчиниться обстоятельствамъ. Вскорѣ затѣмъ онъ, какъ уже извѣстно, утвердилъ законченную конституцію и пользовался вновь свободою и своими правами. Однако, молодая пылкая Франція въ Пильницкомъ конгрессѣ съ его заявленіемъ признала скрытую боевую угрозу, а бургонскій документъ сочла подлиннымъ заявленіемъ самихъ монарховъ. Въ сердцахъ Французовъ укоренилось глубокое недовѣріе къ реставраціонной политикѣ заграницы, что и послужило въ пользу властолюбивымъ планамъ якобинцевъ.

2. жиронда и начало революціонной войны.

Нѣсколько недѣль спустя послѣ Пильницкой конвенціи открылось законодательное собраніе. Безыкопные, честолюбивые и пристрастные къ нововведеніямъ дѣятели, составившіе ядро этого собранія, не имѣли пока въ виду, восполнить и довершить дѣло конституціи разработкою въ области законодательства, внутренними политическими и экономическими реформами, возобновленіемъ разстроеной учебной системы; они покушались, напротивъ, продлить революцію, низвергнуть королевскую власть, утвердить республиканскій образъ правленія. На такой конецъ необходимо было новыми подстрелками разжечь страсти толпы, поддержать національное броженіе, встряхнуть и вновь подвигнуть демона революціи. Стоитъ только увѣрить народъ, что король, патеры, эмигранты и иноземныя державы стаянулись при помощи нѣмецкихъ войскъ возстановить прежнюю правительственную систему, и тогда большинство нація вступится, конечно, за принципы свободы, равенства, и всѣми силами станетъ ратовать за тенденціи якобинцевъ.

Главными врагами революціи были неприсяжные священники, которые пытались возстановить народъ противъ новаго порядка, возбудили въ немъ недовѣріе и ненависть къ его представителямъ, а затѣмъ еще эмигранты, которыхъ обвиняли въ томъ, что они на границѣ сооружали «очагъ контрреволюціи», протестуя противъ принятой и утвержденной королемъ конституціи, обнаруживая вооруженіями и наборомъ войска въ Кобленцѣ, Вормсѣ, Эттенгеймѣ и

Характеръ законодательнаго собранія.

Декреты противъ эмигрантовъ и неприсяжныхъ священниковъ.

пр. намѣреніе, силою вернуться къ прежнему состоянію, а сверхъ того еще побуждая европейскія державы папастъ на обновленную Францію. Противъ этихъ-то враговъ законодательный корпусъ и направилъ прежде всего свои удары. Священниковъ, которые сначала болышею частью искренне пристали къ національному дѣлу, но затѣмъ отказались дать присягу на гражданское учрежденіе клира, противорѣчившее ихъ церковному обѣту, хотѣли насильно заставить повиноваться. Они подверглись лишенію назначеннаго имъ по конституціи содержанія, тюрьмѣ и изгнанію. Возведенный въ епископы въ Кальвадосѣ, Клодъ Фоше, заявилъ: нельзя требовать отъ государства, чтобы оно на своей собственной груди вскормило змѣю. Въ то же время былъ утвержденъ уголовный законъ противъ выходцевъ, жало котораго было направлено скорѣе противъ пріютившихъ и охранявшихъ ихъ иностранныхъ державъ, нежели противъ самихъ эмигрантовъ: ихъ возврата никто не желалъ. Въ весьма возбужденныхъ преніяхъ по этому поводу Кутонъ указывалъ на опасности, какими пребываніе неприсяжныхъ священниковъ угрожаетъ свободному развитію націи, а Инаръ съ риторическимъ пафосомъ излагалъ, «что слѣдуетъ отрѣзать зараженный членъ, лишь бы сохранить здоровымъ все тѣло»; Бриссо и его сообщники изъ жиронды, въ свою очередь, бойкими словами бичевали измѣническіе планы выходцевъ, замышлявшихъ съ помощью монархической Европы подавить революцію, — «этихъ жалкихъ пигмеевъ, дерзающихъ безразсудно подражать борьбѣ титановъ противъ неба». Затѣмъ въ 9 и 29 ноября 1791. ноябрѣ составились два рѣшенія, которыя въ ближайшемъ будущемъ оказали сильное вліяніе на судьбу Франціи и на все европейскія государства.

Относительно эмигрантовъ было постановлено: Французы, находящіеся за границей, заподозриваются въ заговорѣ противъ Франціи. Если до 1. января наступающаго года они не прекратятъ свои сборища, то присуждаются къ смертной казни какъ измѣнники и заговорщики противъ отечества, а ихъ имущество и доходы объявляются собственностью націи. Это постановленіе относится также къ французскимъ принципамъ и ко всѣмъ, занимавшимъ во время бѣгства общественныя должности. Декретъ противъ священниковъ гласилъ: „Неприсягнувшіе еще священники обязаны въ теченіе недѣли явиться въ ихъ муниципалитеты для принесенія присяги; муниципалитеты составятъ списки присягнувшихъ и отказавшихся отъ присяги священниковъ; послѣдніе лишаются своихъ пенсій; если же гдѣ либо возникнутъ мятежи, то они удаляются изъ такихъ мѣстъ, какъ заподозрѣнные въ возстаніи противъ закона и въ злоумышленіи противъ отечества, а оказавшіеся коповодами подвергаются двухгодичному заключенію“.

Король вносилъ своеволе. Могъ ли однако король, въ глубинѣ души чаявшій свое спасеніе отъ иноземныхъ властей и эмигрантовъ, хотя по наружности онъ и отговаривалъ отъ воинственныхъ предпріятій, признававшій въ не-

присяжныхъ священникахъ своихъ истинныхъ и вѣрныхъ слугъ, могли онъ согласиться на приговоры, которыми его родственники и все выселившіеся противники революціи объявлялись измѣнниками и преступниками, а священникамъ, не измѣнявшимъ своей совѣсти и духовному долгу, предоставлялся выборъ между голодомъ и клятвенно-преступленіемъ? А потому, ободренный адресомъ, какой нѣкоторые почетные члены административнаго совѣта въ сенскомъ департаментѣ подали ему съ ободренія министровъ и Бертрана Мольвиля, и пользуясь своимъ правомъ вето, король отказалъ въ своемъ подтвержденіи. Якобинцы были весьма довольны, когда оба декрета были отвергнуты. Это подало имъ поводъ и основаніе представить на трибунѣ и въ демократической печати этотъ запретъ яснымъ доказательствомъ стачки Людовика XVI., эмигрантовъ, императора и нѣмецкихъ князей, воздѣйствіемъ тайныхъ плановъ и надеждъ! Всѣмъ было извѣстно, что Марія Антуанета поддерживала сношенія съ своимъ братомъ Леопольдомъ и чаяла поддержку и спасеніе отъ выходцевъ дворянскаго сословія. Съ этихъ поръ люди революціоннаго прогресса твердо рѣшились, лишить короля его власти, или дѣйствовать помимо него. Самымъ вѣрнымъ средствомъ для этого, казалось имъ, было, дать разразиться національной мощи въ войнѣ противъ иноземныхъ государей, защитниковъ эмигрантовъ. Не такъ еще давно духовные и свѣтскіе князья на Регенсбургскомъ сеймѣ затрубили въ боевыя трубы, съ цѣлью застрашать конституцію возмездіемъ; теперь же законодательный корпусъ въ свою очередь мститъ за это. «Французскому народу стоитъ только разъ обнажить мечъ», воскликнулъ Инаръ, «и онъ далеко отброситъ ножны; если вызовутъ его, то въ пылу свободы онъ одинъ въ состояніи преобразить лицо земли и привести въ трепетъ тирановъ на ихъ глиняныхъ тронахъ». Произнося эти высокопарныя слова, тутъ опирались на национальную силу и на пропаганду революціонныхъ идей, тогда какъ за границей угрозы не поддерживались ни войсками, ни оружіемъ.

Въ зимніе мѣсяцы съ 1791 на 1792 въ національномъ собраніи Воинственный и въ якобинскомъ клубѣ происходили жаркія пренія, и въ Тюльери пылъ въ Парижѣ. также умы колебались между страхомъ и надеждою. Жиронда рьяно настаивала на войнѣ: рѣчи Бриссо, который горячо доказывалъ, что для чести націи, для охраны конституціи отъ внутреннихъ и вѣшнихъ враговъ необходимо взяться за оружіе, что свободный народъ не можетъ равнодушно видѣть, какъ на всѣхъ его границахъ тираны и заговорщики обнажили мечи, съ цѣлью понудить Францію вновь подчиниться ярму прежняго рабства, — эти рѣчи прославились во всемъ свѣтѣ; онѣ воспламенили пожаръ, уничтожившій старую Европу. Робеспьеръ хладнокровно относился къ этимъ воинственнымъ увлеченіямъ и не разъ вступалъ въ ораторскія со-

стязанія съ Бриссо и Инаромъ. Этотъ разчетливый человекъ очень хорошо сознавалъ, что война поведетъ отнюдь не къ свободѣ и демократіи, а скорѣе либо къ усилению королевской власти чрезъ посредство арміи, либо въ военной диктатурѣ. Но онъ не смогъ задержать потокъ. Въ воздухѣ носились тревожные слухи о предстоящихъ покушеніяхъ противъ революціи. Всякимъ дипломатическимъ и политическимъ событіямъ приписывался враждебный смыслъ: попытки императора, составить европейскій конгрессъ, какъ то имѣлось въ виду въ Пильницѣ, послужили военной партіи средствами, подстрекнуть народъ. Въ одной изъ нотъ Леопольдъ заявилъ о томъ, что монархи согласились поддержать спокойствіе и престолы; это сочли—не попыткою къ умиротворенію путемъ посредничества, какъ то имѣлось въ виду императоромъ,—а вызовомъ и угрозою; въ законодательномъ корпусѣ и въ клубахъ отвѣтили встрѣчною угрозою: союзу королей противопоставить союзъ народовъ, тиранию станутъ поборать революціей; всякаго Француза, участвовавшаго въ собраніи, которое имѣло-бы цѣлью измѣнить французскую конституцію, объявили измѣнникомъ отечества. Избрали особый дипломатическій комитетъ. Тщетно императоръ приказалъ трирскому курфирсту обезоружить эмигрантовъ, вслѣдствіе чего въ Кобленцѣ и въ другихъ городахъ прекратились военныя приготовленія и наборы солдатъ; тщетно Людовикъ XVI., ожидавшій, какъ уже предостерегалъ императоръ, отъ военныхъ предпріятій только новыхъ опасностей и униженій, обнародовалъ требуемое національнымъ собраніемъ заявленіе о томъ, что признаетъ врагомъ своимъ всякаго изъ европейскихъ монарховъ, кто посягнетъ на призванную имъ и присягою подтвержденную конституцію и станетъ содѣйствовать эмигрантамъ; при возбужденномъ настроеніи Французовъ враждебное столкновение было уже неминуемо. Перемѣну лица въ военномъ министерствѣ, гдѣ вмѣсто Дюпортеля, ревностнаго поборника мирной политики, поступилъ графъ *Нарбонъ*, слѣдовало признать дальнѣйшимъ шагомъ въ воинственномъ направленіи.

21 дек.
1791.

Предвѣстники
войны.
Нарбонъ.

Нарбонъ былъ изъ тѣхъ французскихъ дворянъ, которые, подобно друзьямъ его, Лафайету, Талейрану и многимъ другимъ, частью изъ честолюбія, частью по патриотическому убѣжденію примкнули къ революціи. Этотъ кавалеръ, соединившій съ общественнымъ образованіемъ и легкомысленными правами старой Франціи новыя идеи, былъ всегда званымъ гостемъ въ салонъ мадамъ Сталь, дочери Неккера, которая въ качествѣ супруги шведскаго посланника вернулась въ это время въ Парижъ. Поддерживая дружбу съ Бриссо и другими жирондистами, Нарбонъ слѣдовалъ либеральному направленію, насколько это можно было дворянину стараго пошиба и знатнаго рода. Онъ однако оставался въ предѣлахъ конституціонной монархической власти.—На французскую угрожающую ноту трирскому курфирсту императоръ отвѣтилъ заявленіемъ, что онъ генералу Бендеру въ Люксембургѣ отдалъ приказъ, всякое покушеніе на имперскую область отражать вооруженною силой; на это въ видѣ отпора во Фран-

Военное при-
крытіе гра-
ниць.

ціи воспослѣдовалъ созывъ 150,000 воиновъ, которые назначались на сѣверную границу въ трехъ отрядахъ подъ командою *Рогамбо*, *Люкнера* и *Лафайета*. А государственныи судъ сверхъ того обвинилъ братьевъ короля и вождей эмиграціи; Коиде, Калонна, младшаго Мирабо и др. въ государственной измѣнѣ. Ихъ имущества были конфискованы и объявлены государственною собственностью, они послужили залогомъ будущимъ ассигна-
тотъ.—Попытка Нарбона и его друзей, при содѣйствіи *Вирона*, испитаннаго въ интригахъ и придворныхъ козняхъ дипломата старой школы, отдѣлится Пруссію отъ Австріи и привлечь первую къ Франціи, или по крайней мѣрѣ побудить не вмѣшиваться въ войну и разрѣшить герцогу Фердинанду Брауншвейгскому, принять главное начальство надъ французскою арміей, была разстроена жирондистами. Но и помимо такого препятствія король Фридрихъ Вильгельмъ, настроенный гораздо воинственнѣе императора, никогда не согласился бы на политику, которою поощрялась революція. По смерти Леопольда Пруссія опять подверглась искушенію: новый министръ Дюмурье чрезъ младшаго *Кюстина* предложилъ въ Берлинѣ французско-польскій союзъ, а въ награду за это посулилъ гегемонію въ Германіи и даже упраздненную императорскую корону; но эта попытка также не удалась. Планъ жирондистовъ былъ: „Война во что бы то ни стало, наперекоръ народному праву, а путемъ войны революціонное господство надъ Франціей и распространеніе революціи по соедѣннымъ государствамъ“. Умѣренные и миролюбивые признавались врагами новаго порядка.

Дипломати-
чески непол-
зовениа.

Пильницкое заявленіе о томъ, что державы, соединившись, по- стараются измѣнить французскую конституцію, съ цѣлью возвра-
тять королю полную свободу и прекратить разладъ, поселенный
между престоломъ и націей, признано было покушеніемъ на честь
Франціи. Было бы недостойно гордаго народа, воскликнуть Гаде,
принимать законы отъ шайки вѣчныхъ деспотовъ. При кликахъ
«свобода или смерть» собраніе подало голосъ за рѣшеніе, которое
равнялось объявленію войны: «Пусть король обратится къ импера-
тору съ рѣшительнымъ запросомъ, прекратить ли онъ всякое по-
ползновеніе противъ конституціи, останется ли какъ глава австрій-
скаго дома другомъ и союзникомъ Франціи и станетъ ли согласно
прежнимъ союзамъ помогать ей противъ другихъ державъ. Если въ
теченіе трехъ недѣль онъ не дастъ на это удовлетворительнаго от-
вѣта, то — признается врагомъ. А тѣмъ временемъ правитель-
ство пусть приметъ энергическія мѣры для обороны границъ». По-
слѣ такого грознаго вызова императору нельзя уже было преда-
ваться бездѣйствію. «Французы хотятъ войны», сказалъ онъ, «да
будетъ по ихъ желанію, они узнаютъ, что миролюбивый Леопольдъ
въ крайнемъ случаѣ сумѣетъ также владѣть оружіемъ. Имъ же
придется уплатить издержки и ужь отнюдь не ассигнатами». Онъ
усилилъ австрійскія войска въ Бельгіи и по Рейну, собралъ армію
въ Богеміи и убѣдилъ прусскаго короля заключить договоръ, въ
силу котораго обѣ стороны обязались оказывать другъ другу по-
собіе. Однако, какъ въ своемъ заявленіи національному собранію,

Национальное
собраніе и
императорская
нота.

25. января
1792.

7. февр.

17. февр. такъ и въ письмахъ Маріи Антуанетъ, Леопольдъ настаивалъ на томъ, что онъ имѣеть лишь въ виду охранить собственное государство, что онъ не намѣренъ поддерживать выходцевъ, ни также вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, за исключеніемъ развѣ если королевскому семейству будетъ грозить личная опасность. Его цѣль, усилить и ободрить умѣренную партію, съ тѣмъ чтобы она съ большимъ успѣхомъ возстала противъ мятежныхъ происковъ якобинцевъ, отъ которыхъ исходитъ вся боевая тревога. Князь Кауницъ дополнилъ это запискою съ рѣзкимъ порицаніемъ терроризма въ демократическихъ клубахъ. Прочитавъ ноту, министры и дипломатическій комитетъ отвергли, правда, критику внутренняго состоянія какъ неумѣстную и оскорбительную, а впрочемъ изъявили свое удовольствіе по поводу «миролюбивыхъ и дружественныхъ» заявленій императора; однако войнолюбивая партія съ негодованіемъ отвѣтила на разоблачившую передъ всѣмъ свѣтомъ мѣткую и правдивую характеристику ея. Это «памфлетъ», сказалъ Базаръ. Съ той поры въ исторической литературѣ распространилась легенда, будто императоръ и прѣмецкіе князья вызвали войну, «такъ какъ національная гордость во Франціи возмущалась противъ угрожающихъ совѣтовъ иностранныхъ державъ». Агитаторы клубовъ объясняли дѣло въ такомъ свѣтѣ: имъ просто нужна была война для осуществленія ихъ революціонныхъ цѣлей.

1. марта 1792. Въ тотъ самый день какъ императорская нота читалась въ національномъ собраніи, внезапно и неожиданно скончался Леопольдъ II., вѣроятно отъ чрезмѣрнаго приема наркотическаго лѣкарства. Если бы онъ прожилъ даже долѣе, то при господствовавшемъ въ Парижѣ настроеніи война все-таки была неизбежна; а по смерти осторожнаго, миролюбиваго монарха она загорѣлась еще скорѣе. Юнаго и неопытнаго сына и наследника его, Франца II., легче было увлечь антиреволюционными побужденіями; а въ Берлинѣ, гдѣ проживало много эмигрантовъ, король Фридрихъ Вильгельмъ II. все болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, «что обузданіе революціи составляетъ призваніе государей и вносить нѣкоторое оживленіе въ обыденное однообразіе». Эта личная наклонность короля преодолѣла недовѣріе и антипатію къ Австріи, какія все еще поддерживались въ придворныхъ кружкахъ, особенно герцогомъ Брауншвейгскимъ. Но и въ этомъ даже случаѣ вызовъ послѣдовалъ отъ Франціи. Жирондисты стали у кормила правленія. Въ якобинскомъ клубѣ рѣшили извергнуть министерство. Марта 10. Бриссо сказалъ демагогическую рѣчь, «въ которой правда и ложь, основательныя жалобы и шаткія, бездоказательныя обвиненія сочетались въ одно эффектное цѣлое», и которая завершилась предложеніемъ, обвинить министра иностранныхъ дѣлъ, Делессара, въ измѣнѣ отечеству. Верньо въ пламенной рѣчи поддержалъ это заявленіе, причемъ подобно тому,

Перемѣна
правленія въ
Вѣнѣ.
Жирондисты
въ министер-
ствѣ.

10. марта
1792.

какъ нѣкогда Мирабо по поводу обсужденія церковнаго закона, указалъ на окна дворца, гдѣ замышляется заговоръ, съ цѣлью путемъ междоусобицы и анархіи вернуть страну къ рабству; затѣмъ предложеніе было принято при бурныхъ одобреніяхъ галерей. Итакъ роялистское министерство Мольвиля пало, и король былъ вынужденъ избрать новыхъ совѣтниковъ изъ торжествовавшей оппозиціи. Такъ возникло министерство жиронды съ *Роланомъ*. За исключеніемъ генерала *Дюмурье*, который въ качествѣ дипломата и воина провелъ исполненную приключеній жизнь, въ качествѣ агента и развѣдчика Шуазеля перебивалъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ и всегда приставалъ къ сторонѣ, болѣе всего удовлетворявшей его честолюбію, его страсти къ наслажденіямъ и властолюбивой душѣ, остальные члены министерства отличались незавидными талантами. Роланъ, завѣдывавшій внутренними дѣлами, блисталъ лишь благодаря своей супругѣ, которая идеала Платона и Руссо хотѣла приурочить къ подонкамъ народа; она была истинною душею вольнолюбивой сентиментальной политики своей партіи, но въ тайнѣ отвращалась отъ безправственнаго двусмысленнаго Дюмурье. Клавьеръ, присовѣтовавшій нѣкогда своему другу Мирабо планъ ассигнаговъ, и Серванъ, завѣдывавшій послѣ короткаго промежутка упрямственнымъ отставкою Парбона военнымъ министерствомъ, были безукоризненные, благонамѣренные люди и трудолюбивые работники, но имъ не по плечу оказались трудныя и бурныя условія эпохи. При дворѣ не долюбливали жирондистовъ, за то что на челѣ ихъ слишкомъ явно обнаруживалось сознаніе ихъ патриотической добродѣтели и ихъ либерализма, они нарочно выказывали презрѣніе къ придворнымъ костюмамъ и манерамъ. Ихъ прозвали министерствомъ сапюлотовъ. «Что жъ, если мы безштанники», сострилъ Дюмурье съ свойственнымъ ему цинизмомъ, «то тѣмъ скорѣе признаютъ въ насъ мужей».

Министерству жиронды выпала задача, осуществить съ дѣйствительности давно уже угрожаемую войну и добыть необходимыя для того средства. Въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ Дюмурье обратился въ вызывающемъ тонѣ къ вѣнскому кабинету съ запросомъ, обезоружить ли Австрія свои войска и расторгнетъ ли заключенные или начатыя противъ Франціи договоры съ другими державами, или нѣтъ? Вицекацлеръ Кобенцль возразилъ: «все это неполнится, если Франція вознаградитъ имперскихъ князей и папу за нарушенные ихъ права, если она у себя въ странѣ восстановитъ порядокъ и не станетъ болѣе угрожать безопасности Европы». Это послужило поводомъ къ объявленію войны, на что самъ Людовикъ XVI. заявилъ свое согласіе въ національномъ собраніи. Самый докладъ онъ прочелъ дрожащимъ и взволнованнымъ голосомъ, со слезами на глазахъ. И не даромъ: чѣмъ бы война ни кончилась,

Объявленіе
войны.
18. марта
1792.

20. апрѣля
1792.

для него и для его семьи из всего этого возникали одни лишь бѣды. Даже побѣда Австріи и эмигрантовъ не могла бы улучшить его положение. Волны революціи бушевали еще слишкомъ сильно, такъ что печего было надѣяться на монархическую реставрацію. Вслѣдствіе отпаденія и выселенія ряды роялистовъ порѣдѣли до того, что отъ нихъ нельзя было ожидать успѣшнаго переворота, а религиозный фанатизмъ; ради котораго крестьяне вооружались отдѣльными кучками, могъ возбудить одно только лишенное всякаго плана возстаніе.

Положеніе
Франціи въ
началѣ войны.

Однако, и жиронда также выкопала себѣ могилу этимъ объявленіемъ войны, которое съ восторженными кликами безъ всякихъ обсужденій и преній было принято собраніемъ. Съ неистовымъ легкомысліемъ вызвала она на бой монархическую Европу, а при всемъ томъ не рѣшалась вызвать изъ бездны демоническія силы, которыя одни только и въ состояніи были бы преодолѣть врага. Жирондисты раздули пламя, а когда уже не въ силахъ были потушить пожаръ, то сами же подверглись справедливой участи поджигателей. И точно, когда вспыхнула война, то во Франціи господствовало состояніе дикой анархіи: въ растерзанной націи партіи рьяно угрожали другъ другу, государственная казна была пуста и уплачивала свои издержки бумажными деньгами, которыя падали въ цѣнѣ по мѣрѣ того, какъ размножались ассигнаты; финансовое вѣдомство поневолѣ прекратило платежи государственнымъ заимодавцамъ, тѣмъ болѣе что налоги взимались весьма скудно, и государству угрожало банкротство; общественныя вѣдомства и администрація лишились власти и значенія; торговля, виѣшнія и внутреннія сношенія находились въ застоѣ, даже рынки были покинуты, оттого что крестьяне задерживали свой хлѣбъ, свой скотъ, свои сельскіе продукты; съ цѣлью добыть для арміи дешеваго товара, обложили вывозъ пошлиною, которая равнялась запрету; въ одной изъ самыхъ доходныхъ колоній, въ Санъ Доминго вспыхнуло возстаніе: мулаты и негры съ оружіемъ въ рукахъ добивались отъ бѣлыхъ плантаторовъ свободы и человѣческихъ правъ; армія лишена была дисциплины, зараженные духомъ революціи и якобинскихъ клубовъ рядовые не довѣряли своимъ болѣею частью роялистскимъ или аристократическимъ офицерамъ, не повиновались имъ, считая право мятежа слѣдствіемъ человѣческихъ правъ, принципа свободы и равенства, а въ случаѣ нарушенія ими порядка, они прибѣгали къ защитѣ якобинцевъ и добивались амнистіи; неспособные и ненадежные военачальники зачастую находились въ ссорѣ и разладѣ съ министрами и національнымъ собраніемъ; войска скудно и дурно снаряжались; вотъ эти и другіе недостатки были темными точками, когда вспыхнула всемірная борьба. Жансонне, правда, заявилъ въ военномъ манифестѣ, что война, на которую вынуждается Франція, отнюдь не борьба одной націи съ другою, а лишь законная оборона

свободнаго народа отъ незаконныхъ нападокъ вѣнчанскихъ особъ; по всему міру распространялись соблазнительныя обѣщанія, что иностранцевъ, приставшихъ къ французскимъ знаменамъ на защиту свободы, признають своими друзьями и союзниками. Все было тщетно: какъ бы сильно ни сочувствовали въ Нидерландахъ, по Рейну, въ войскѣ идеямъ революціи, но одинъ только побѣдоносный натискъ французскихъ войскъ могъ бы возбудить дѣйствительное соучастіе, уготовать пути для революціонной пропаганды противъ феодальной Европы.

Но Франція жирондистовъ не пользовалась подобными военными успѣхами. Пламенное воодушевленіе не въ силахъ было задержать непріятельскія пушки и штыки, Іерихонскія стѣны не рушились отъ трубныхъ звуковъ доктринеровъ, которые къ рабочему столу жены Ролана приходили совѣщаться о государственныхъ дѣлахъ. Они надѣялись, что въ Бельгіи вновь вспыхнетъ только что потухшее пламя революціи; однако 30,000 Австрійцевъ достаточно уже было для того, чтобы понудить вступившіе туда французскіе отряды поспѣшно отступить за границу. Солдаты и городская чернь въ Лиллѣ обвиняли генераловъ и офицеровъ въ измѣнѣ и возбудили мятежъ, вслѣдствіе котораго Дильонъ и другіе «измѣнники» были умерщвлены. «Я вѣдь предсказалъ это шесть мѣсяцевъ тому назадъ», писалъ Марать, «арміи слѣдовало бы прежде всего изрубить въ куски своихъ генераловъ». Но Рошамбо и Лафайетъ навѣрное не помышляли объ измѣнѣ; причина неудачъ заключалась болѣею частію въ досадѣ на Дюмурье и жирондистовъ, въ недовольствѣ политикою и въ отсутствіи всякаго плана военныхъ дѣйствій. Рошамбо затѣмъ сложилъ съ себя начальство; Лафайетъ пытался отстоять пограничную область отъ Меца до Живе и въ «то же время защищать человѣческія права противъ эмигрантовъ и конституцію противъ якобинцевъ». Люкнеръ охранялъ въ Эльзасѣ рейнскую границу. Военный министръ Серванъ вооружилъ свѣжіе отряды, національное собраніе издало вопреки Робеспьеру и кордельерамъ строгій и дисциплинарный законъ; Роланъ принялъ мѣры, съ цѣлью низвести королевскую власть до призрака и положить конецъ интригамъ «австрійскаго комитета» во дворцѣ. Вѣдь всякій разъ, когда дѣло не ладилось, демократы приписывали вину измѣнническимъ проискамъ придворной партіи, въ особенности королевны. Тогда быстрый военный натискъ со стороны нѣмецкихъ властей могъ бы, пожалуй, дать дѣлу иной оборотъ: и дѣйствительно, съ тѣхъ поръ какъ въ Берлинѣ роялистская романтика короля одержала верхъ надъ политикою недовѣрія и сдержанности, тамъ также рѣшено было принять участіе во французской войнѣ. Только вялость, съ какою Австрія и Пруссія приступили къ вооруженіямъ и къ военнымъ дѣйствіямъ, оконченность и неуклюжесть

Неудачи
Французовъ въ
кампаніи.

1. мая
1792.

имперіи, своекорыстіе большей части князей и отсутствіе единодушія спасли Французовъ отъ поражений и окончательной гибели. Нѣмецкія великія державы имѣли главнѣйше въ виду спасти престоль и королевскую власть во Франціи; именно это и не удалось имъ вслѣдствіе вилой, мѣшкотной кампаіи. Пока совѣтъ курфирстовъ занять былъ во Франкфуртѣ выборомъ императора, а король Венгріи и Богеміи въ годовщину бастильскаго погрома съ обычными церемоніями короновался подъ именемъ Франца II., пока затѣмъ торжественный конгрессъ князей въ Майнцѣ сталъ совѣщаться о глужемъ военномъ вопросѣ, пока тамъ съ напряженнымъ вниманіемъ выслушивались отчеты Швейцарца Малле дю Пана, посланнаго туда Людовикомъ XVI. съ тайными порученіями, не внявая, впрочемъ, его добрымъ совѣтамъ: въ это время въ Парижѣ подготавливалось и совершалось низверженіе королевской власти.

14. іюля.

3. буря противъ королевской власти.

Шаткость престола.

Для того, чтобы въ возникшую уже войну противъ феодальной Европы лишить непріятеля поддержки со стороны Франціи, жиронда сочла необходимымъ устранить все, что могло бы послужить реакціи или снабдить короля и придворную партію средствами къ сопротивленію, привести правительство въ такое положеніе, въ которомъ монархическая власть безъ всякой опасности могла бы существовать или исчезнуть. На такой конецъ старались прежде всего вновь оживить революціонныя страсти, возбудить въ народѣ подозрѣніе въ томъ, что преданная Австрійцамъ камарилья, подущая короля и разжигая его ненависть къ конституціи и національному собранію, поддерживаетъ измѣнническія сношенія съ врагомъ, что готовится реакціонный ударъ, причемъ рассчитываютъ на поддержку неприсяжныхъ патеровъ и лейбъ-гвардіи, которая конституціей была предоставлена королю, но тайкомъ усилена и пополнена отборными, испытанными людьми. Эти тѣлохранители, обязанные служить лично государю, въ связи съ швейцарскими полками составляютъ достаточно сильный отрядъ, который при первомъ удобномъ случаѣ, при какой нибудь національной неудачѣ въ состояніи произвести реакціонерный переворотъ, споспѣшествовать планамъ непріятеля. Національное собраніе и направило поэтому сокрушительные удары на патеровъ и на лейбъ-гвардію. Оно постановило декретомъ, что всякій неприсяжный священникъ подлежалъ ссылкѣ, если двадцать человекъ въ его мѣстонахожденіи потребуютъ удаленія его; другимъ декретомъ оно отмѣнило королевскую гвардію и лишило такимъ образомъ монарха всякой охраны. Члены однако не ограничились этимъ. Для того чтобы предохранить столицу и

25. мая 1792.

національное собраніе отъ всякой опасности, послѣднее по предложенію военного министра Сервана, подъ предлогомъ возобновленія бастильскаго торжества, рѣшилось вызвать изъ южныхъ провинцій 20,000 національныхъ гвардейцевъ; имѣлось въ виду размѣстить ихъ лагеремъ подъ Парижемъ, съ тѣмъ чтобы они могли служить защитой города, и выдать имъ пушки изъ цейггауза. Такимъ путемъ жиронда надѣялась окружить себя надежнымъ войскомъ въ отпоръ пикенерамъ, приверженцамъ кордельеровъ. Дѣло въ томъ, что ядро этихъ южныхъ федератовъ состояло изъ марсельскихъ демократовъ, получившихъ пароль отъ Барбару. По утверждени этого декрета, который галереи пріивѣтствовали восторженными кликами, «жиронда вскорѣ стала бы обладать арміей, достаточно сильной для того, чтобы господствовать надъ трономъ или низвергнуть его: будущность Франціи, казалось, была вполне предана въ ея власть».

4. іюня.

А потому вожди жиронды крайне досадовали, когда ихъ планъ разстроился. Ободренный разладомъ въ министерствѣ, гдѣ Дюмурье, негодуя на то, что Серванъ внесъ это важное предложеніе безъ содѣйствія своихъ товарищей, добивался смѣны личностей, также заявленною въ рядахъ національной гвардіи и фельяновъ оппозиціей противъ привлеченія яacobинскихъ федератовъ, король отказалъ въ своемъ утвержденіи и послѣ нѣкотораго колебанія наложилъ свой запретъ на оба декрета. Это подало поводъ къ бурнымъ сценамъ, положившимъ починъ къ паденію трона. Министры жиронды, Роланъ, Серванъ, Клавьеръ сложили съ себя должности, а первый изъ нихъ вручилъ при этомъ королю написанное его женою письмо, исполненное рѣзкихъ упрековъ по поводу его реакціонернаго поступка и непристойныхъ поученій въ его обязанностяхъ; Дюмурье соглашался составить новое министерство, но только съ условіемъ, что король по его предложенію утвердитъ оба декрета; но вслѣдствіе отказа и онъ также отрекся отъ должности и отправился въ армію Люкнера, гдѣ принялъ команду надъ однимъ изъ отрядовъ. Назначеніе новыхъ министровъ изъ лагеря фельяновъ и партіи Лафайета какъ будто указывало на замыселъ со стороны Людовика, прибѣгнуть къ помощи консерваторовъ и монархистовъ и съ ихъ содѣйствіемъ произвести политическій переворотъ. Лафайетъ изъ лагеря сѣверной арміи прислалъ въ національное собраніе письмо съ грознымъ вызовомъ яacobинцевъ на бой, осуждая ихъ за то, что они своими кознями и просками пытаются испровергнуть конституцію и законы, самодовольно указывая притомъ на собственныя заслуги. Это поджило масла въ огонь и повело къ тому, что всѣ революціонныя силы соединились для совместнаго сопротивленія, что даже Робеспьеръ, этотъ мужъ «чистой добродѣтели», подавилъ свою злобу на Бриссо

Королевское вето и увольнение министра жиронды.

18. іюня 1792.

Народное
возстаніе 20.
іюня 1792.

и жирондистовъ и убѣждалъ всѣхъ патриотовъ, соединиться противъ угрожающей реакціи, замышляемой «австрійскимъ комитетомъ» въ связи съ фельянами, монархистами и приверженцами стараго порядка. Письмо Романа, обнародованное вопреки обѣщанію министра и распространенное по всему свѣту, превозносилось національнымъ собраніемъ и обществами какъ патриотическій подвигъ. Удаленіе министровъ и отверженіе декретовъ въ такую пору, когда предстояло вторженіе непріятеля, было представлено опаснымъ покушеніемъ противъ свободы и отечества. Умы были взволнованы, парижское населеніе угрожало мятежемъ. Вожди клубовъ и республиканскіе агитаторы рѣшились воспользоваться этимъ и учинить новое народное возстаніе, въ родѣ бастильскаго погрома и октябрьскаго похода. Въ муниципалитетѣ всѣми руководили Петіонъ въ качествѣ мера, общинные старшины Дантонъ и Мануэль, члены городской полиціи Панись и Сержанъ; а самые вліятельные и и краснорѣчивые депутаты въ разьединенномъ законодательномъ собраніи питали республиканскіе замыслы; такъ что нечего было надѣяться, чтобы всѣ они и ненадежная національная гвардія твердо и энергично воспротивились возстанію, которое готовилось въ Антуанскомъ предмѣстьи. Агенты кордельеровъ изъ внутреннихъ частей города, «изъ вертеповъ бѣдствія и распутства» подняли цѣлыя ватаги черни, а пикенеры направляли ихъ къ цѣли. Депутаты не могли или не хотѣли воспрепятствовать движенію, одни радуясь втайнѣ тому, что разбивается наконецъ этотъ бесполезный аппаратъ королевскаго двора и сметаются остатки клерикальнаго и аристократическаго феодальнаго царства, а другіе — вслѣдствіе немощи или малодушія. Жирондисты и кордельеры расходились, правда, въ воззрѣніяхъ и тенденціяхъ касательно будущности Франціи, намѣренія Бриссо и его друзей, этихъ людей образованія, республиканскихъ добродѣтелей и правовъ отличались, конечно, отъ той цѣли, къ которой порывались Дантонъ и сластолюбцы изъ клуба кордельеровъ; однако при нападкахъ, какіе въ лѣтніе дни 1792 направлялись на престолъ и монархическій государственнй строй, они шли рука объ руку и поддерживались сверхъ того Робеспьеромъ и строгими якобинцами. Такъ дѣло и дошло до народнаго возстанія 20. іюня, напомнившаго собою версальскія событія. Въ годовщину присяги въ мясной залѣ изъ Антуанскаго предмѣстья въ западныя части города хлынули дикія толпы, вооруженныя пиками, топорами и вообще чѣмъ попало. Ихъ сопровождала праздная чернь, расростаясь по пути подобно лавинѣ пристававшими со всѣхъ концовъ шайками. За исключеніемъ батальона, который подъ начальствомъ пивовара Сантера предшествовалъ толпѣ изъ Антуанскаго предмѣстья, тутъ было мало національныхъ гвардейцевъ. Помимо Сантера главными вожаками были мясникъ Лежандръ, зо-

лотыхъ дѣлъ мастеръ Россиньоль, оскудѣвшій маркизь Санъ-Гюрюжъ, Мальяръ, герой бастильскаго погрома и пятаго октября, отчаянные малые, въ родѣ Александра и Фурнье. Подходя къ Тюльери и къ манежу, толпа возросла до сотни тысячъ человекъ, въ томъ числѣ отъ тридцати до сорока тысячъ вооруженныхъ. Съ тѣмъ чтобы всему придать видъ законнаго поступка, они цѣлю своего пришествія выставили подачу прошенія о возвращеніи уволенныхъ министровъ и объ отмѣнѣ королевскаго вето. Они обратились прежде всего къ національному собранію, дабы имъ дозволили, изложить свои желанія. Когда по предложенію Верньо имъ разрѣшилось это, то въ залу вошла кучка вооруженныхъ пикенеровъ, вождь которыхъ, Сюльписъ Гюгёненъ изъ Лотаринги, прочелъ высокопарный адресъ въ тонѣ демократическаго пафоса, требуя крови заговорщиковъ и сверженія короля, если онъ станетъ сопротивляться волѣ націи. Ибо воля самодержавнаго народа превыше воли вѣнчаннаго деспота. По прочтеніи адреса народъ длинной вереницей хлынулъ въ залу засѣданія и прошелъ по ней при звукахъ флейтъ и барабановъ, съ крикомъ, пѣснями и пляской, — настоящее шествіе санкюлотовъ, сопровождаемое революціоннымъ гимномъ «Ca ira», частью гъ якобинскихъ шапкахъ, пронося на копѣяхъ кровавое телячье сердце съ надписью «аристократическое». Потомъ толпы направились къ Тюльери, съ цѣлю самому королю сообщить о желаніи народа. Выставленная для охраны національная гвардія, которую Петіонъ намѣренно покинулъ, ничего не приказавъ ей, не оказала ни малѣйшаго сопротивленія; подача адреса былъ вѣдь законный поступокъ. Тутъ вдругъ изнутри распахнулась большая дверь и дикая толпа хлынула внутрь и разлилась по всему дворцу. Одна изъ кучъ проникла въ залу, гдѣ находился король съ нѣсколькими солдатами національной гвардіи. Раздались клики: «долгой вето, да здравствуютъ патриотическіе министры, утвержденіе декретовъ!» Но даже въ этотъ ужасный мигъ Людовикъ былъ спокоенъ и не поколебимъ. Онъ въ теченіе двухъ часовъ противился всѣмъ опасностямъ и угрозамъ, и втиснутый съ своею сестрой Елисаветой въ нишу, охраняемый нѣсколькими храбрыми ополченцами, съ мужествомъ мученика переносилъ насмѣшки грубой черни, которая насильно надѣла на него красную якобинскую шапку, заставила пить вино изъ бутылки, тутъ же вторила ему, угрожала даже копьемъ, и въ грубыхъ выраженіяхъ упрекала его въ измѣнической политикѣ. Наконецъ явился Петіонъ съ нѣсколькими ополченцами и ласковыми словами уговорилъ толпу выйти, такъ какъ она успѣла уже исполнить свою миссію и изъяснить королю свои патриотическія чувства. А въ то же время въ другомъ покоѣ Марія Антуанета и дофинъ также подверглись оскорбленіямъ и насмѣшкамъ дикихъ мужчинъ и женщинъ. Однако ея достоинство и вели-

чие внушили толпѣ уваженіе и обезоружили наглецовъ. Поздно вечеромъ, когда всѣ удалились, королевская семья собралась вновь: король и королева съ невыразимою скорбью, со слезами на глазахъ бросились другъ другу въ объятія. Въ толпѣ зрителей, тысячами окружавшихъ дворець, — рассказываетъ Буррьенъ, — находился молодой артиллерійскій капитанъ съ блѣднымъ лицомъ и пламеннымъ взоромъ; скрестивъ руки, онъ сказалъ двумъ друзьямъ своимъ: «Будь у меня три — четыре пушки, я разсѣялъ бы всю эту сволочь». — То былъ Наполеонъ Бонапартъ.

Лафайетъ въ Парижѣ. Эти происшествія исполнили всѣхъ, кто сохранялъ еще хоть какое нибудь уваженіе къ законности и порядку, негодованія и омерзения къ терроризму черни. Національная гвардія устыдилась; не доставало лишь рѣшительнаго вождя, для того чтобы отвратить ихъ отъ республиканскаго муниципалитета; министръ Террье де Монсьель, честный человекъ, исполненный конституціонныхъ принциповъ и живаго чувства правды, помышлялъ о средствахъ, какъ бы въ связи съ умѣренными и консервативными членами въ законодательномъ корпусѣ произвести переворотъ; въ адресахъ королю, покрытыхъ множествомъ подписей изъ средняго класса, выражалось негодованіе по поводу случившагося; Петіона и коноводовъ мятежа подвергли судебному слѣдствію; лѣвая сторона и клубы присмирѣли. Этотъ поворотъ общественнаго мнѣнія высказался еще рѣзче, когда Лафайетъ неожиданно явился въ Парижъ. Онъ покинулъ лагерь сѣверной арміи у Бавэ, съ тѣмъ чтобы, какъ онъ сообщалъ уже въ прежнемъ посланіи національному собранію, сломить господство якобинскаго клуба, возстановить авторитетъ законовъ и конституціи, спасти королевское достоинство. Это былъ отважный рыцарскій подвигъ; республиканцы и анархисты перепугались; они думали, что онъ прибылъ съ войскомъ, къ которому примкнуть національные гвардейцы и приверженцы конституціи. Когда же онъ одинъ явился въ собраніе съ адресомъ своихъ офицеровъ, на основаніи котораго выразилъ негодованіе, какъ свое такъ и своего войска, и потребовалъ наказанія мятежниковъ и террористскихъ клубовъ, то они вздохнули опять свободно. Одинъ изъ ораторовъ правой стороны прозвалъ гегерала «первенцомъ французской свободы», но въ рядахъ демократовъ и на трибунахъ поднялся ропотъ противъ новаго «Кромвеля»; дѣло поручили комитету, лишь-бы замять бурю. Во дворцѣ король принялъ его вѣжливо, но сдержанно; тамъ никогда не могли терпѣть человека съ американскими принципами; особенно Марія Антуанета отъ всей души ненавидѣла «гражданскаго генерала». Когда, по его удаленіи, сестра короля сказала, чтобы забыли прошлое и довѣрились человеку, который одинъ можетъ всѣхъ спасти, то королева въ сердцахъ воскликнула: «Лучше умереть, чѣмъ прибѣгать къ помощи Лафайета и конституціоналистовъ». Она по-

28. июня 1792.

надѣялась на вооруженныхъ спасителей, которые перешли уже черезъ Рейнъ. Лафайетъ скоро убѣдился, что при господствовавшей нерѣшительности и распушенности нечего и думать о спасительномъ переворотѣ. Когда онъ съ своими единомыслениками обсуждалъ планъ, какъ-бы разсѣять якобинскій клубъ, то встрѣтилъ столько противорѣчій и опасеній, что самъ отказался отъ такого покушенія. Съ немногими батальонами парижской національной гвардіи, которые чрезъ посредство своихъ офицеровъ, въ ночной сходкѣ на Елисейскихъ поляхъ, заявили ему свою преданность, онъ не отважился на такое опасное предпріятіе. Преслѣдуемый ненавистью якобинцевъ и подозрѣніемъ жирондистовъ въ національномъ собраніи, онъ вернулся къ сѣверной арміи. Съ трудомъ лишь удалось отклонить предложеніе лѣвой стороны, предать генерала суду.

30. іюня.

Съ этой поры Парижъ и вся Франція находились въ страшной тревогѣ: непріятельская армія наступала, скудные числомъ французскіе отряды на границѣ, лишились мужества и самоувѣренности, разладъ партій внутри дошелъ до лихорадочной крайности, монархисты и республиканцы готовились къ рѣшительному бою, страна терзалась въ анархическихъ судорогахъ. Единомысленники Лафайета, Лалли Толендаль и остальные фельяне съ министромъ Монсьелемъ во главѣ еще разъ собрались съ силами, чтобы спасти престолъ и конституцію. Рассчитывая на негодованіе и ожесточеніе всѣхъ правдивыхъ, умѣренныхъ людей по поводу буйства черни 20-го іюня и на вновь заявленные симпатіи къ бурбонскому королевскому дому, они начертали планъ, придуманный нѣкогда самимъ Мирабо: Людовика XVI. намѣревались подъ охраною арміи отвести въ Компіень, при помощи національной гвардіи разсѣять якобинскій клубъ, въ департаментахъ возбудить контрреволюціонное движеніе, на основаніи котораго распустить законодательный корпусъ, созвать новое государственное собраніе, которому и поручить затѣмъ пересмотръ конституціи. Если такимъ путемъ самопомощи удастся возстановить внутри порядокъ и власть, то иноземныя державы согласятся, пожалуй, на выгодный миръ. Вѣдь цѣль, какою онѣ сами признали единственнымъ поводомъ къ войнѣ, была бы тогда достигнута, анархія была бы подавлена и ничто не угрожало бы болѣе спокойствію Европы. Итакъ, рѣшено было вернуться вспять по пути революціи и примириться съ Гермашей. Смѣлый въ самомъ дѣлѣ планъ, но при преобладавшемъ въ ту пору настроеніи онъ могъ бы, пожалуй, осуществиться, еслибъ приняты за него мужественно и рѣшительно. А въ Тюльери и не хватало именно этихъ необходимыхъ условій. Въ средѣ короля и приближенныхъ его царила крайняя безпомощность и сумятица. Рѣшенія и настроенія смѣнялись со дня на день, съ часу на часъ; нерѣшительно колебались изъ стороны въ сторону и, наконецъ, отвергли предложеніе. Рѣ-

Последнія попытки фельяновъ и замыслы республиканцевъ.

10. юля 1792. шились ждать, пока не явится помощь извнѣ. Эта надежда на чуждую и непріятельскую помощь и повела именно къ пагубѣ. Порываясь къ перевороту, революціонеры подстрекающими рѣчами успѣли разоблачить симпатіи двора къ эмиграціи и къ иностраннымъ державамъ и воспользоваться этимъ для мятежныхъ возбужденій. Вслѣдствіе того, что въ Тюльери желали успѣха непріятельскимъ войскамъ, республиканскія идеи распространились еще болѣе и демократія усилилась пуще прежняго. Жиронда всѣми мѣрами добивалась господства въ національномъ собраніи и въ муниципалитетѣ. Начатое противъ Петіона и Манюэля слѣдствіе по поводу 20. іюня рѣшилось оправданіемъ подсудимыхъ. Призывъ федератовъ, которому помѣшалъ королевскій запретъ, все-таки совершился, но въ другой лишь формѣ. Воспользовались именно предстоявшимъ возобновленіемъ праздника братства въ годовщину взятія Бастиліи для декрета, въ силу котораго всѣ ополченцы, какіе придутъ къ празднику въ Парижъ, получаютъ даровыя пристанища и содержаніе, а послѣ праздника займутъ лагерь подъ Суасономъ для охраны столицы отъ непріятельскаго нашествія. Король не рѣшился отказать въ утвержденіи этому декрету. Жирондистъ Барбару и воспользовался имъ для того, чтобы изъ своего роднаго города вызвать батальоны дюжихъ ополченцевъ, къ которымъ затѣмъ примкнули вооруженныя шайки изъ Бреста и другихъ приморскихъ городовъ. Въ рядахъ этихъ революціонныхъ добровольцевъ Парижане впервые услышали жгучій военный гимнъ, который съ тѣхъ поръ подъ именемъ «Марсельезы» достигъ всемірнаго значенія и существенно способствовалъ побѣдамъ французскихъ войскъ. Руже де-Лиль недавно сочинилъ его подъ названіемъ «Боевая пѣснь рейнской арміи» и присоединилъ къ ней возбуждающую мелодію, тему для которой онъ заимствовалъ будто бы у нѣмецкаго церковнаго гимна. Изъ старшихъ солдатъ въ то же время образовался охранный и полицейскій отрядъ, какъ то требовалось для Паниса и Сержана. Приготовившись такимъ образомъ, начертали пастоящій военной планъ противъ монархическаго строя. Еслибъ удалось доказать измѣнническое сношеніе короля съ врагами и эмигрантами или заподозрить его въ этомъ, то на основаніи конституціи можно было бы отрѣшить или низвергнуть главу государства. На такой конецъ радикальныя партіи національнаго собранія стали добиваться права, въ надлежащемъ случаѣ соединить исполнительную власть съ законодательною, присвоить себѣ диктаторское право независимо отъ короны.

Национальному собранію представляется диктатура. Этотъ республиканскій переворотъ затѣялъ Верньо. Въ мастерской рѣчи, исполненной ораторскаго пыла и патріотическаго порыва, онъ изложилъ, что всѣ враги отечества стараются прикрыть свои измѣнническіе поступки именемъ короля; что спасеніемъ престола, возстановленіемъ королевской власти, достоинствомъ и честью

короны пользуются какъ щитомъ для всякихъ антинаціональных предприятий; что имя короля служить источникомъ и предлогомъ всѣхъ бѣдствій, какія обрушаются на французскій народъ. Словами, проникавшими въ умы слушателей словно обоюдоострый мечъ, онъ поставилъ вопросъ: исполняетъ-ли свой конституціонный обѣтъ человекъ, который не сочувствуетъ ни чести, ни благу націи, который въ угоду своему властолюбію протягиваетъ руку всѣмъ деспотамъ, потакаетъ всѣмъ кознямъ и измѣнническимъ партіямъ; не прикрывается-ли онъ скорѣе лживою личиною, съ цѣлью обмануть великодушную Францію? Затѣмъ онъ предложилъ: «Пусть національное правленіе будетъ уполномочено, когда найдетъ то своевременнымъ, заявить всенародно, что отечество въ опасности,—и въ силу этого заявленія захватить въ свои руки всю государственную власть, такъ чтобы всѣ вѣдомства въ государствѣ были безсмѣнны и всѣ національныя гвардіи призывались къ оружію». Вліяніе и власть печати, какъ революціонной, изображавшей въ ужасныхъ очеркахъ бѣдствія, какія грозятъ отечеству отъ враговъ и измѣнниковъ, такъ и феодальной, съ торжествомъ и злорадствомъ разглашавшей о тайныхъ сношеніяхъ офицеровъ съ эмигрантами и нѣмецкими князьями, о предстоявшемъ будто бы отпаденіи полковъ, придали еще болѣе вѣсу словамъ Верньо и республиканцевъ. Юля 4-го было рѣшено: національному правленію предоставляется право безъ соизволенія короля объявить отечество въ опасности. Въ такомъ случаѣ Франція признается въ осадномъ положеніи и подчиняется диктатурѣ собранія.

Если бы уволеннымъ министрамъ удалось вновь захватить бразды правленія, то торжество жиронды было бы полное. На такой конецъ также были приняты мѣры. Стали уже опасаться, какъ бы революціонная чернь, съ которою связались, не взяла верха; а съ другой стороны боялись также, какъ бы король не бросился наконецъ въ объятія фельяновъ и Лафайета. Вслѣдствіе этого жирондисты вступили въ переговоры съ дворомъ. Людовикъ XVI., казалось, готовъ былъ согласиться на предложенія: устроенная епископомъ Ламуретомъ примирительная и братская сцена служила какъ бы знаменіемъ согласія всѣхъ партій; какъ въ первый праздникъ федерации, такъ и теперь друзья и противники восторженно обнимались и въ качестве сыновей отечества облобызались братскимъ поцѣлуемъ. Но не прошло и двадцати четырехъ часовъ, какъ восторгъ примиренія испарился. Король не рѣшался связать свою участь съ судьбою собранія и министерство фельяновъ замѣнить жирондистами; въ клубахъ глумились надъ сентиментальною сценою, а Бильо-Варенъ, сынъ бѣднаго адвоката въ Ларошелѣ, не разъ уже, въ теченіе измѣнчивой и безнравственной жизни, то въ качествѣ питомца патерновъ и учителя, то въ качествѣ актера и бродяги, вступавшій въ раздоръ

Ламуретовъ поцѣлуй примиренія.

7. іюля 1792.

сь закономъ и обществомъ, выразился, что на вѣнчаныхъ разбойниковъ слѣдуетъ выпускать въ бой Геркулеса съ его палицей.

Предвѣстники революціоннаго переворота. 11. июля 1792. Скоро пришлось взмахнуть и палицею Геркулеса. Въ жаркіе польскіе дни 1792 года Франція находилась въ лихорадочномъ возбужденіи: національное собраніе обнародовало роковое заявленіе, «отечество въ опасности», и эта вѣсть повсюду стала разглашаться театральнымъ образомъ при звукахъ трубъ въ торжественныхъ процессіяхъ; съ этихъ поръ явно и тайно стало высказываться требованье устранить короля путемъ или отрѣшенія или низверженія, постановленіемъ самодержавной народной власти, которая непосредственно и неограниченно совмѣщаетъ въ себѣ все общественное право государства, а не то учрежденіемъ регенства, которому за несовершеннолѣтняго дофина была бы поручена прерогатива короны въ духѣ конституціи. Когда справлялся третій июльскій праздникъ, то въ воздухѣ носился уже новый революціонный переворотъ. Королева присутствовала на немъ съ сердцемъ, исполненнымъ скорби и со слезами на глазахъ; Людовикъ XVI., по увѣренію мадамъ Сталь, словно божій агнецъ взомель по ступенямъ алтаря, а недавно передъ тѣмъ уволенный Петіонъ былъ героемъ дня. Въ объявленіяхъ на стѣнахъ, во многихъ адресахъ, поданныхъ законодательному корпусу отъ имени самодержавнаго народа, требовалось удалить короля, который нарушилъ свои клятвы, измѣнилъ націи и закону. У якобинцевъ Робеспьеръ разслѣдовалъ причины всѣхъ бѣдствій Франціи и единственнымъ цѣлебнымъ средствомъ призналъ самодержавную народную власть, которая замѣнила бы собою и королевское правленіе и законодательное собраніе; у кордельеровъ Даптонъ, Марать, Бильо-Варенъ совѣщались о средствахъ, какъ бы приурочить господство къ массѣ народа, съ тѣмъ чтобы въ качествѣ вожаковъ его, удовлетворить своему честолюбію, сладострастію, своей ненависти къ образованному обществу. Досадуя и негодуя на то, что король отвергъ ея помощь, жиронда вступила въ сообщество съ радикальными демагогами, и вожаки ея воспользовались своимъ вліяніемъ на національное собраніе и муниципалитетъ, съ цѣлью создать орудія и средства для второй революціи. Пять тысячъ марсельскихъ федератовъ, отчаянное безпутное скопище изъ самаго порочнаго класса многолюднаго торговаго города, даже послѣ праздника остались въ Парижѣ, такъ какъ Барбару хотѣлъ воспользоваться ими для «величественнаго возстанія», которымъ по плану жирондистовъ надлежало безъ ужасовъ и кровавыхъ насилій уничтожить оковы тирани. Въ ратушѣ Петіонъ и Манюэль учредили «бюро корреспонденцій», которое подъ вліяніемъ якобинцевъ было набрано изъ сорока восьми секцій и въ качествѣ революціоннаго общиннаго совѣта замѣняло собою бывший доселѣ магистратъ и муниципальные совѣты.

Итакъ, шлюзы, въ которые изъ глубин предстояло хлынуть дикому потоку революціи и демократіи, открылись въ то самое время, когда нѣмецкія войска въ сопровожденіи эмигрантовъ ступили на почву Франціи и своею заносчивостью и надменностью раздули революціонный пылъ въ яркое пламя. Послѣ долгихъ совѣщаній и переговоровъ кампанія наконецъ открылась; тотчасъ же вслѣдъ за объявленіемъ войны Австріи—со стороны министерства жиронды и короля—берлинскій дворъ также объявилъ войну Франціи, къ великой радости прусскихъ офицеровъ, которые отъ «военной прогулки», какъ они называли французскую кампанію, ожидали немного труда, но славной добычи. Подъ начальствомъ герцога Фердинанда Брауншвейгскаго, щедро надѣленнаго умственными и нравственными свойствами, который, вышедъ изъ школы Фридриха Великаго, озаренный блескомъ побѣдъ въ семилѣтнюю войну, пользовался у современниковъ высокимъ уваженіемъ, въ Лотарингію вступила прусская армія въ 45,000 человекъ; ее сопровождали 6,000 Гессенцевъ, которыхъ изъ всѣхъ мелкихъ нѣмецкихъ князей одинъ только ландграфъ Вильгельмъ выслалъ въ походъ. Два австрійскихъ корпуса, одинъ подъ командою Клерфе на бельгійской границѣ, а другой—Гогенлоэ-Кирхберга на верхнемъ Рейнѣ, оба числомъ около 82,000, должны были поддерживать главнокомандующаго, а 8,000 примкнувшихъ къ нему эмигрантовъ, сгарали отъ жажды низвергнуть «правительство адвокатовъ» и отмстить своимъ противникамъ. Выступивъ въ походъ, герцогъ выпустилъ составленный однимъ изъ эмигрантовъ, крайне несообразный военный манифестъ; обѣ державы, увѣряя, что не имѣютъ въ виду никакихъ завоеваній и не намѣрены вмѣшиваться во внутреннее управленіе Франціи, угрожали національному собранію, городу Парижу, гражданской гвардіи и всѣмъ сторонникамъ нововведеній, если Французы и впродъ еще будутъ подвергать короля неволѣ и насилію; если же жители Парижа подчинятся и раскаются въ своей винѣ, то императоръ и король, по вступленіи арміи въ столицу, будутъ ходатайствовать предъ королемъ Людовикомъ о томъ, чтобы онъ простилъ ихъ заблужденія. Въ заключеніе королю предлагалось, отправиться подъ конвоемъ, который вышлютъ ему, въ одинъ изъ пограничныхъ городовъ и тамъ, по своему усмотрѣнію, съ новыми совѣтниками учредить будущее правительство. Если же, гласило дальнѣйшее заявленіе герцога, будетъ учинена попытка, увезти королевское семейство изъ столицы, то всѣ мѣстности, которыя не воспротивятся этому покушенію, понесутъ ту же кару, что и самый Парижъ. Эта высокомѣрная рѣчь произвела на воодушевленный новыми порядками, исполненный національной гордости, пылавшій свободою и независимостью народъ чрезвычайное впечатлѣніе. Онъ узналъ въ ней заносчивый духъ выселившихся дворянъ, покушавшихся вновь захватить свои привилегіи, свою собственность, которая только что была

Вступленіе нѣ-
мецкихъ
войскъ во
Францію.

25. июля 1792.

объявлена национальным имуществом и конфискована, свою власть и свои феодальные права, он исполнился сильного ожесточения против эмигрантов, которые своим поведением позорили за границей французское имя, против их покровителей, которые только что совершили второй раздѣлъ Польши, и против двора, который сочувствовал их поползновениямъ. Но приписать одному Кобленцеву манифесту причину паденія престола, или обвинить, какъ это дѣлалось, выселившихся принцевъ въ «братоубійствѣ» было бы ужь черезъ-чуръ опрометчиво; не подлежитъ однако никакому сомнѣнію, что эти заявленія существенно споспѣшествовали планамъ и намѣреніямъ республиканцевъ. «Теперь мы вынуждены», говорили вожаки, «увлечь націю къ удару, который разрушитъ всѣ мосты и безповоротно свяжетъ съ нами народъ».

4. десятое августа и его послѣдствія.

Подготовка. Въ первыхъ числахъ августа въ питейныхъ домахъ парижскихъ предмѣстій собирались шумныя толпы. Агенты республиканскихъ вождей кордельеровъ и якобинскаго клуба, Дантона, Марата, Робеспьера совѣщались съ вліятельными уличными демагогами, съ Сантеромъ, Лежапдромъ, Лакруа, о средствахъ и путяхъ нападенія на королевскую власть, о революціонномъ возстаніи. Жиронда также не бездѣйствовала, при этомъ. Марсельскіе федераты состояли на службѣ у Барбару. Бриссо былъ самымъ излюбленнымъ ораторомъ демократіи; Редереръ, который въ департаментскомъ совѣтѣ пользовался рѣшающимъ голосомъ, и Петіонъ, глава муниципалитета, были обо всемъ извѣщены. Въ секціяхъ, собранія которыхъ были объявлены безсмѣнными, и куда пассивные граждане, пикенеры также имѣли доступъ въ качествѣ соучастниковъ въ совѣщаніяхъ, Карра и товарищи его составили адресъ, требуя, чтобы національное собраніе не признавало болѣе главою государства измѣнника отечества, Людовика. При дворѣ съ тревожнымъ страхомъ глядѣли на напиравшій со всѣхъ сторонъ революціонный бурный потокъ. Пытались было снова прибѣгнуть къ подкупу главныхъ вождей, — средство, какимъ нѣкогда успѣшно пользовались при Мирабо. Дантонъ взялъ деньги, но не сдѣлалъ ничего для спасенія престола. Въ воздухѣ носились слухи о предполагаемомъ бѣгствѣ или похищеніи короля. Для вѣрности назначенъ былъ охранный комитетъ, который въ то же время могъ бы служить комитетомъ возстанія. Въсѣтъ съ тѣмъ марсельскіе и брестскіе федераты переведены были изъ Антуанскаго предмѣстья поближе къ францисканскому монастырю, такъ что они вполне предоставлялись въ распоряженіе кордельеровъ и вождя ихъ, Дантона. Полиція выдала имъ и секціямъ Санъ-Марсо и Санъ-Антуана 50,000 патроновъ съ пулями.

Августа 4. уже все было готово для рѣшительной катастрофы. Национальное Но вожди жиронды медлили; они все еще надѣялись достигъ господ- собрание и ко- ства безъ кроваваго насилія. Петіонъ, въ качествѣ вожака комис- митетъ возста- саровъ секцій, подалъ національному собранію адресъ, въ которомъ нія. отъ имени города Парижа требовали сверженія короля и созыва конвента. Тамъ между прочимъ значилось: глава исполнительной власти составляетъ первое звено въ антиреволюціонной цѣпи, и онъ повидимому причастенъ пильническимъ заговорамъ. Имя его служить сигналомъ борьбы и раздора какъ въ народѣ, такъ и въ арміи. Въ силу конституціи, которую онъ то и дѣло нарушаетъ, коммуна требуетъ, чтобы Людовикъ XVI. былъ свергнутъ съ престола и чтобы націи предоставлено было на основаніи народнаго самодержавія избрать новую исполнительную власть именною баллотировкою. — Законодательный корпусъ рѣшилъ отвѣтить на это 9. августа. Вліяніе жирондистовъ, которые въ случаѣ благоприятнаго декрета достигли бы своей цѣли законнымъ путемъ, было еще достаточно сильно, для того чтобы отъ руководящаго комитета добиться отсрочки возстанія. Въсѣтъ съ тѣмъ члены рѣшили и сообщили всѣмъ секціямъ, если по истеченіи этого срока національное собраніе не дастъ никакого приговора, то въ полночь ударить въ набатный колоколь и воззвать всѣхъ къ нападенію. Однако еще до истеченія срока по настроенію народныхъ представителей легко было догадаться, что предложеніе Петіона не добьется большинства. Вновь возбужден- 8. авг. 1792. ное обвиненіе Лафайета въ измѣнѣ отечеству было отвергнуто. Республиканцы убѣдились поэтому, что парламентское большинство не посягнетъ на сверженіе короля, и комитетъ возстанія рѣшилъ, прибѣгнуть къ матеріальному насилію помимо собранія. Надо было, конечно, ожидать отпора со стороны парижской національной гвардіи, тѣмъ болѣе что ею командовалъ надежный вѣрный начальникъ, генералъ Мандатъ, бывший капитанъ французской гвардіи. Но Петіонъ, этотъ пронырливый двусмысленный лицемѣръ, притворявшійся, будто отстаиваетъ конституцію и законъ, зналъ о планахъ инсургентовъ и втайнѣ споспѣшествовалъ имъ; а муниципальное вѣдомство, которому подчинялась національная гвардія, было разбито на старый общинный совѣтъ и на революціонное центральное бюро корреспонденцій; вслѣдствіе всего этого можно было надѣяться, что нагрянувшая масса народа въ концѣ концовъ побѣдитъ. Въдѣ шесть недѣль тому назадъ чуть было не достигли цѣли.

Итакъ, принялись за дѣло. Въ полночь раздался набатъ со старой Возстаніе и го- церкви Санъ-Жерменъ л'Оксеруа и заиграли генералъ-маршъ; всѣ сударственный ратники поспѣшили на свои сборныя мѣста, а въ то же время переворотъ на члены муниципалитета и комиссары секцій—на ратушу. Марсельцы, ратушѣ. 10. авг. 1792. которыхъ Дантонъ въ казармѣ поджигалъ къ возстанію, брестскіе добровольцы и пикенеры изъ демократическихъ предмѣстій послѣдо-

вали за своими начальниками, получившими пароль отъ клубныхъ ораторовъ. Национальные гвардейцы, по крайней мѣрѣ тѣ, у которыхъ хватило мужества выступить на бой за порядокъ и за право, стали подъ знамя Мандата; онъ повелъ ихъ къ Тюльери, оставивъ на Новомъ мосту батальонъ съ двумя орудіями. Этотъ отрядъ могъ бы, пожалуй, помѣшать подходившимъ инсургентамъ, такъ какъ онъ прерывалъ сообщеніе Санъ-Антуана съ Санъ-Марсо; когда однако они подошли къ мосту, то войска были уже удалены. Манюэль отозвалъ ихъ именемъ муниципалитета. Путь къ Тюльери былъ теперь открытъ передъ республиканскими вооруженными скопищами, которые нараставшими по пути колоннами подходили подъ начальствомъ Сантера и Эльзаса Вестермана. Дворецъ однако находился въ хорошемъ оборонительномъ положеніи. Помимо національной гвардіи, окружавшей зданіе въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ и состоявшей большею частью изъ благонамѣренныхъ гражданъ средняго сословія подъ начальствомъ Мандата, ворота, входы и внутренніе покои охранялись швейцарскимъ полкомъ, состоявшимъ изъ девятисотъ пятидесяти воиновъ, и конными жандармами почти въ такомъ же количествѣ; въ залахъ же находилось около двухъ сотъ дворянъ, большею частью пожилыхъ особъ высшаго сана, появившихся въ старомодной аристократической придворной одеждѣ со шпагой или съ инымъ неспособнымъ оружіемъ, съ тѣмъ чтобы посвятить свои послѣднія силы королевству или погибнуть съ нимъ. Меръ Петіонъ, прокураторъ и синдикъ Редереръ также были вызваны ко двору. Петіонъ увѣрилъ короля, хотя волненіе очень сильно, однако онъ принималъ мѣры для охраны ихъ величествъ. Вскорѣ затѣмъ онъ исчезъ въ паркѣ, конечно не оттого, что ему было жарко, какъ онъ говорилъ Редереру, а скорѣе оттого, что ему хотѣлось избѣжать распросовъ Мандата, которому онъ отдалъ приказъ силою отразить натискъ. При такихъ обстоятельствахъ инсургенты, которые отнюдь не отличались геройскимъ и воинственнымъ духомъ, едва ли рѣшились бы на приступъ; но чего не успѣли достичь мужествомъ и рѣшительностью, того добились, благодаря слабости короля и измѣнѣ. Еще до разсвѣта представители секцій, наущаемые демагогами изъ Антуанскаго предмѣстья и агентами якобинцевъ и кордельеровъ, проникли въ ратушу; отъ семидесяти до восьмидесяти неизвѣстныхъ лицъ подъ руководствомъ знакомаго уже намъ Гюгюнена, стараго приказнаго, организовали революціонную коммуны и заставили остальную часть бывшаго муниципальнаго совѣта, въ которомъ за отсутствіемъ Петіона предсѣдалъ якобинскій профессоръ Кузенъ, подчиниться и повиноваться себѣ. По требованью комитета Кузенъ именемъ бывшаго муниципалитета призвалъ къ допросу генераль-коменданта Мандата, съ тѣмъ чтобы онъ далъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ и замыслахъ. Честный Мандатъ повиновался приказу. Онъ былъ крайне озадаченъ, когда въ залѣ засѣ-

данія увидѣлъ почти все незнакомыя лица! Когда Кузенъ сталъ его допрашивать по поводу его самовластнаго поступка, то онъ сослался на полученное отъ мера приказаніе. Онъ хотѣлъ уже вернуться въ Тюльери, но тутъ предсѣдатель комисіи сталъ осыпать его самыми жестокими упреками за то, что онъ собирается пролить кровь патриотическихъ гражданъ, и требовалъ, чтобы онъ подписалъ приказъ арміи, въ силу котораго національная гвардія не смѣла бы вступать въ бой. Мандатъ рѣшительно отказался выдать такой приказъ; тогда его собирались отвезти въ тюрьму. Но едва онъ вышелъ изъ ратуши, какъ на него наскочили убійцы и пистолетнымъ выстрѣломъ въ тылъ повергли наземь, а потомъ выкинули трупъ въ Сену. Революціонная коммуна назначила Сантера изъ Антуанскаго предмѣстья генераль-комендантомъ, смѣнила именемъ самодержавнаго народа прежнихъ городскихъ совѣтниковъ и захватила въ свои руки власть надъ городомъ. Такимъ-то образомъ и возникла эта пресловутая коммуна отъ 10. августа, это революціонное демократическое общинное вѣдомство изъ полтора ста приблизительно членовъ; между ними помимо нѣкоторыхъ прежнихъ муниципальных членовъ и совѣтниковъ, въ родѣ Дантона, Манюэля, Сержана, Ройеръ Коллара и пр. засѣдали люди, имена которыхъ скоро стали ужасомъ всего свѣта, въ родѣ Шометта, Россиолья, Бурдона, Гюгюнена, Фабръ д'Эглянтина, Шамбона, Робера, Бильо-Варена, и въ особености Геберта, этого журналиста и остряка, который подъ аристократическими формами и привычками скрывалъ циническое распутство, грубые, черные помыслы и демократическій фанатизмъ. Когда дѣло удачно завершилось, то сюда же примкнулъ и Робеспьеръ. Петіонъ же самъ побуждалъ національное собраніе вызвать его изъ дворца; потомъ комитетъ секцій отправилъ его на квартиру, назначивъ надъ нимъ военный надзоръ. Такимъ образомъ онъ избавился отъ всякой ответственности.

Революціонный государственный переворотъ коммуны, проектированный ночью въ мрачныхъ вертепахъ Антуанскаго предмѣстья, а раннимъ утромъ завершившійся насиліемъ и распахомъ въ ратушѣ, имѣлъ слѣдствіемъ паденіе престола и двухлѣтнее господство террора, исполненное кровавыхъ ужасовъ. Собранная для охраны Тюльери національная гвардія, и безъ того лишенная единодушія и всякой охоты ратовать противъ согражданъ, пришла въ окончательное смятеніе и разстройство, когда главнокомандующій не вернулся. Наболѣе шаткіе и робкіе гвардейцы удалились: они опасались, какъ бы не возбудить народной ненависти и подозрѣнія черни, если соединятся съ Швейцарцами и съ находившимися во дворцѣ дворянами на защиту короля, который повидимому самъ себя предалъ и въ этотъ отчаянный мигъ не проявилъ ни малѣйшаго слѣда мужества, никакого подъема души. Благодаря этому пикенеры и напиравшія рево-

Натискъ на
Тюльери.

люционныя скопища приободрились. На улицах Дантонъ и Камилль Демуленъ поджигали нападавшихъ; остальные выдающиеся клубные герои, въ родѣ Робеспьера, Марата, Фабръ д'Эглантина и др. «скрывались по своимъ берлогамъ», пока угрожала опасность. Толпа на площади становилась все гуще и грознѣе; многіе изъ жандармовъ удалились, другіе перешли къ народу; пушки были частью разряжены, частью наведены на дворець; Марсельцы, кордельеры, вооруженныя шайки предмѣстій напирали все сильнѣе. Людовикъ по совѣту окружающихъ его вышелъ на балконъ, обращенный къ площади Карусели. Тутъ раздались возгласы: «Да здравствуетъ король!» но ихъ заглушили противные крики: «Да здравствуетъ нація, долой вето, долой измѣнника!» Поблѣднѣвъ и упавъ духомъ, Людовикъ скрылся и окончательно утратилъ всякую самоувѣренность. Королева, одна проявившая стойкость и силу души, не смогла примѣромъ своимъ побудить робкаго государя на мужественное рѣшеніе. Тутъ изъ ратуши явилась депутація и объявила, что народъ громогласно требуетъ отрѣшенія короля; это еще болѣе усилило смятеніе.

Королевское
семейство въ
національномъ
собрании.

Не смотря на громадныя кишѣвшія по улицамъ и площадямъ скопища, не смотря на множество извергаемыхъ угрозъ, не отважились однако штурмовать дворець, пока Швейцарцы охраняли входы и лѣстницы: стойкимъ воинственнымъ строемъ, непоколебимою стѣною противостояли они недисциплинированнымъ ратаямъ пикенеровъ и мятежныхъ шаекъ. Рѣшительный мужественный поступокъ Людовика все еще могъ бы произвести переворотъ, предотвратить крайнюю бѣду; но чего было ожидать отъ короля, который за совѣтомъ обращался къ своему духовнику? При всемъ томъ трагическая катастрофа дня рѣшилась, благодаря лишь новой измѣнѣ. Когда тревога наружи и смятеніе внутри достигли высшей степени, то синдикъ Редереръ, не покидавшій замка, какъ то сдѣлалъ товарищъ его Петіонъ, подошелъ къ королю и посоветовалъ ему, отправиться съ своими подъ его охраною въ нѣдра національнаго собранія: только тамъ онъ можетъ поручиться за ихъ безопасность. Королева всплила на это, въ ней заговорила кровь Маріи Терезіи; король колебался. Но Редереръ коснулся его слабой стороны: онъ взвалилъ на него отвѣтственность въ кровопролитіи, какое можетъ возникнуть отъ его замедленія, и запугалъ его, указавъ на угрожающую опасность, если они промѣшкаютъ хоть мигъ. Товарищъ Петіона достигъ своей цѣли. Король всталъ и воскликнулъ: «Идемъ!» Такъ королевское семейство, въ сопровожденіи госпожи Турсель, принцессы Ламбаль и нѣкоторыхъ министровъ, покинуло дворець, въ который ему не суждено было болѣе вернуться. Деревья рано оголяются, сказалъ Людовикъ, проходя черезъ дворцовый садъ и увидѣвъ листья на землѣ. На террасѣ, мимо которой проходилъ король со свитою, они увидѣли трупы одиннадцати роялистовъ, чась тому назадъ убитыхъ патруль-

ною командой; окружавшая ихъ чернь съ Теруанъ-де-Мерикуррой во главѣ глумилась и ругалась надъ ними. Вошедъ въ залу собранія, король сказалъ: «Я пришелъ сюда, чтобы предупредить великое преступленіе и думаю, что среди васъ, господа, я всего менѣе подвергаюсь опасности». Онъ хотѣлъ было сѣсть на стулъ возлѣ президента Верньо, но одинъ изъ членовъ замѣтилъ, что законодательная власть не можетъ совѣщаться въ присутствіи исполнительной; тогда король покинулъ это мѣсто и удалился съ своимъ семействомъ въ тѣсную и низкую ложу, гдѣ помѣщались обыкновенно стенографы газетныхъ редакцій. Здѣсь несчастные провели остатокъ дня и половину наступившей затѣмъ ночи; шестнадцать томительныхъ часовъ они были свидѣтелями, какъ внутри сводили въ могилу корону старой Франціи, а наружи избивали послѣднихъ защитниковъ и поборниковъ престола.

И въ самомъ дѣлѣ, едва король покинулъ дворець, какъ остальные національные гвардейцы частью удалились, частью пристали къ возставшимъ. Вѣдь ихъ задачей было охранять короля, а не отстаивать стѣны дворца. Затѣмъ мятежники безпрепятственно проникли до воротъ, буйно требуя, чтобы ихъ впустили. Но Швейцарцы присягали королю на вѣрность и повиновеніе. Людовикъ, уходя, не освободилъ ихъ отъ клятвы; воинская честь обязывала защищать порученный имъ охранѣ дворець со всеми оставшимися тамъ придворными, дворянами и прислугой. Когда толпа нахлынула бурнымъ потокомъ, то гвардія отступила къ большой дворцовой лѣстницѣ. Полковникъ сталъ договариваться съ вожаками пикенеровъ; но не успѣли еще условиться, какъ нахлынувшая толпа все сильнѣе стала напирать на Швейцарцевъ, и начальникъ велѣлъ открыть пальбу. Въ переднихъ рядахъ пало нѣсколько человекъ убитыхъ и раненыхъ. Народъ отхлынулъ съ неистовымъ ревомъ, преслѣдуемый пулями стрѣлявшихъ изъ оконъ и дверей Швейцарцевъ. Вылазка усилила панику; въ дикомъ бѣгствѣ разсыпались вооруженные и безоружные, голоса: «Убіиство, измѣна!» Услышавъ въ національномъ собраніи пальбу, депутаты обратились къ королю съ грозными словами и такъ запугали его, что онъ тутъ же отправилъ къ Швейцарцамъ посла съ приказомъ, прекратить огонь, покинуть Тюльери и отступить къ національному собранію. Это обрекло гибели вѣрныхъ защитниковъ монархіи. Замѣтивъ, что стрѣльба прекратилась, инсургенты, пылая яростью и жаждою мести, вломилась во дворець, только что покинутый гвардіей; тамъ они перебили всѣхъ оставшихся въ комнатахъ людей, переломали всю утварь и мебель, перетащили въ ратушу всѣ драгоценности и все серебро. Переходя черезъ садъ и по площади Людовика XV, Швейцарцы попали въ перекрестный огонь: они большею частью погибли безъ сопротивленія. Немногіе лишь дошли до манежа, гдѣ и сдали оружіе національной гвардіи. Остальные же,

Взятіе
Тюльери.

около восьми сотъ офицеровъ и солдатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе тысячи роялистовъ, дворянъ и королевскихъ слугъ пали въ бою или жертвой народной ярости. Трупъ Клермонъ-Тоннера найденъ былъ его женою на улицѣ; одинъ изъ бывшихъ его слугъ указалъ на депутата шайкѣ убійцъ. Всѣхъ погибнувшихъ 10. августа насчитывается до пяти тысячъ человѣкъ. Наполеонъ на островѣ св. Елены вспоминалъ еще о трупахъ, грудами раскинутыхъ по Тюльерійскому парку.

Рѣшенія національнаго собранія.

Пока совершались эти событія, національное собраніе по предложенію Верньо постановило, устранить на время королевскую власть, поставить короля съ его семействомъ подъ надзоръ, назначить дофина воспитателя и созвать національный конвентъ, который долженъ быть избранъ всеобщей подачею голосовъ и рѣшить вопросъ о будущемъ государственномъ устройствѣ. Вскорѣ затѣмъ отвели королевское семейство, но не въ Люксембургскій дворецъ, какъ предполагалось сначала, а въ Тамплъ, древній укрѣпленный замокъ, выстроенный тамплерами; притомъ поручили комисіи составить взаимныя бывшаго доселѣ придворнаго штата проекты касательно содержанія высокихъ плѣнниковъ. Осыпаемые бранью и оскорбляемые сторожами, лишеныя всѣхъ удобствъ, настрого отрѣзанные отъ всякихъ сношеній съ остальнымъ міромъ, они прожили въ мрачной крѣпости тяжкіе горестные дни, пока смерть не избавила ихъ отъ всѣхъ скорбей. Итакъ, престолъ опростался, замѣчаетъ Гейссеръ, не оттого что его защитники пали отъ неодолимой храбрости героевъ 10. августа, а скорѣе оттого что монархія сама себя предала. Она могла бы, въ крайнемъ случаѣ, совершить тутъ блестящія поминки по себѣ; она могла бы пасть въ бою и даже у враговъ вызвать удивленіе; но на это не стало Людовика XVI.; онъ готовъ былъ скорѣе переносить позоръ за позоромъ, унижаться все болѣе и болѣе и лишиться собственнаго достоинства; чѣмъ хотя бы на мигъ отдаться такому порыву. Этотъ человѣкъ отупѣлъ до того, что дорожилъ жизнью болѣе, нежели геройскою смертію въ собственномъ дворцѣ!

Положеніе жиронды.

Жиронда думала уже пожать плоды побѣды 10. августа: прежнее министерство Ролана, Сервана, Клавьера намѣревалось вернуться и въ связи съ національнымъ собраніемъ управлять государствомъ. Вскорѣ оказалось однако, что революціонное движеніе пересилило ихъ. Трое поименованныхъ жирондистовъ заняли, правда, вновь свои мѣста въ министерствѣ, а съ ними также и якобинецъ Монжъ, даровитый математикъ, однако душою кабинета въ качествѣ министра юстиціи и хранителя печати былъ ужасный Дантонъ. Въдъ революцію 10. августа совершили кордельеры вмѣстѣ съ марсельскими федератами; понятнo поэтому, что вождь ихъ, который содѣйствовалъ возстанію, направлялъ и поджигалъ его, тогда какъ жирондисты оста-

вались у себя дома или засѣдали въ манежѣ, сталъ теперь во главѣ новаго правленія. Роланъ и друзья его скоро постигли, что они были лишь орудіями въ рукахъ Дантона. Время полумѣръ прошло. Якобинцы негодовали на то, что постановленное въ собраніи устраненіе вмѣсто низверженія короля все еще оставляетъ за собою лучъ надежды на реставрацію королевской власти. Въ такое тревожное время какъ тогда приходится быть или молотомъ или наковальнею; все, что попадаетъ между тѣмъ и другою, раздробляется. Десятымъ августомъ жирондисты сами вырыли себѣ могилу. «Немезида рѣдко такъ быстро и неумолимо карала партію, которая заигрывала и съ республикой и съ монархіей, и не приставала рѣшительно ни къ той, ни къ другой».

Национальное собраніе, заправлявшее дѣлами до окончательныхъ выборовъ въ конвентъ, разослало въ департаменты комиссаровъ, съ тѣмъ чтобы распространить послѣднія постановленія и привести войска къ новой присягѣ. Вездѣ подчинились преобладавшему могуществу столицы, хотя мѣстами не безъ затаеннаго недовольства. Да и какъ было поступить иначе при царившихъ обстоятельствахъ? Роялистскіе и консервативные элементы лишены были плана и организаціи, тогда какъ якобинскіе клубы повсюду повиновались опредѣленнымъ предписаніямъ великаго парижскаго общества. Кондорсе въ манифестѣ націи настаивалъ только на необходимости возстанія въ виду грозящей изъ заграницы опасности, вовсе не упоминалъ притомъ о введеніи республики. Постановленное такимъ образомъ устраненіе короля могло быть поѣтому временнымъ, какъ было послѣ бѣгства его, и монархическое правленіе могло опять вернуться. Вся нація прониклась единодушіемъ въ двухъ отношеніяхъ, въ отвращеніи къ старому порядку и въ гнѣвѣ на вмѣшательство иноземцевъ. Подвигъ 10. августа отвѣчалъ обоимъ этимъ чувствамъ. А потому въ провинціяхъ съ покорностью отчаянья примирились съ тѣмъ, что не могли измѣнить. Только въ Седанѣ сдѣлана была попытка мужественнаго сопротивленія. Тамъ стоялъ лагеремъ Лафайетъ съ линейными полками и съ національными гвардейцами, съ цѣлью воспрепятствовать проникнуть во французскія области прусскому войску, которое, исполнившіе жажды боя и самоуверенности, подвигалось изъ Кобленца черезъ Триръ въ Лотарингію. По первому извѣстію о новой уличной революціи Лафайетъ побудилъ общину и окружныя вѣдомства заявить протестъ противъ переворота и привелъ офицеровъ и солдатъ къ присягѣ на вѣрность королю, націи и конституціи. Когда же 14. августа трое комиссаровъ національнаго собранія прибыли въ Седанъ, съ цѣлью принять присягу на новые порядки, то генералъ приказалъ арестовать присланныхъ. Но что значилъ такой единичный фактъ, когда всѣ остальные начальники, и прежде всего Дюмурье, подчинились приказу національнаго собранія? Могъ ли Лафайетъ въ виду непріятельской арміи покинуть лагерь, съ тѣмъ чтобы учинить смѣлый переворотъ въ Парижѣ? Его патріотизмъ и чувство чести отвергли такое покушеніе; да и по своей натурѣ онъ неспособенъ былъ на самоуправный диктаторскій поступокъ. Къ тому же по прибытіи новыхъ посланниковъ изъ Парижа онъ скоро убѣдился, что солдаты и департаментскія вѣдомства большею частью сочувствовали республиканцамъ. Национальное собраніе объявило его измѣнникомъ и потребовало къ отвѣту; тутъ всѣ покинули генерала, и жизнь его подверглась опасности. Онъ рѣ-

Поведеніе націи. Лафайетъ и Талейранъ.

шилса бѣжать. Лафайетъ намѣревался съ нѣкоторыми единомысленниками, между прочимъ съ Александромъ Ламетомъ, Латурь-Мобуромъ, и съ приверженными ему офицерами и солдатами черезъ Бельгію отправиться въ Сѣверную Америку. Но онъ попалъ въ руки враговъ, которые, захвативъ его въ плѣнъ, поступили съ нимъ гнусно и жестоко какъ съ политическимъ преступникомъ. Въ теченіе пяти лѣтъ Лафайетъ содержался въ тюрьмѣ въ Магдебургѣ и Ольмюцѣ. Когда онъ вышелъ на волю, то настало новое время; но для вѣстника американскихъ идей о свободѣ не нашлось уже мѣста въ новомъ устройствѣ Франціи. Главное начальство надъ сѣвѣрною арміею вмѣсто Лафайета принялъ генераль Дюмурье. Люкнера замѣнилъ якобинецъ Келлерманъ. Епископъ Талейранъ при настоящихъ условіяхъ опасался оставаться въ Парижѣ. До объявленія войны онъ поддерживалъ съ англійскимъ министромъ Питтомъ дипломатическія сношенія, стараясь удержать правительство Великобританіи отъ присоединенія къ континентальнымъ державамъ. Теперь онъ выхлопоталъ себѣ отъ Дантона паспортъ, съ цѣлью вновь взяться за прерванную миссію. Когда же нѣсколько мѣсяцевъ спустя Англія все-таки ввязалась въ войну противъ Франціи, то ему вѣльно было покинуть Великобританію. Онъ не рѣшился вернуться въ истерзанное революціей отечество, гдѣ его ожидало слѣдствіе. Потому и отправился съ Боменомъ въ Соединенные штаты Сѣверной Америки и выждалъ тамъ болѣе спокойное время.

II. Революція на вершинѣ.

I. Республиканская Франція до паденія жиронды и европейская коалиція.

1. Парижская коммуна и сентябрьскіе дни.

Новый муниципальный советъ и его вожди.

Десятое августа было великимъ подвигомъ демократіи, мощь которой заключалась въ собраніяхъ секцій и въ вооруженномъ пролетаріатѣ предмѣстій. Новый муниципальный советъ, который въ ночь ужасовъ своевольно водворился въ ратушѣ въ качествѣ комитета самодержавнаго народа, а потомъ послѣ одержанной побѣды дополнился и подкрѣпился изъ рядовъ самыхъ рьяныхъ демагоговъ, былъ животворнымъ энергичнымъ органомъ этой демократіи. Робеспьеръ, какъ было упомянуто, тоже примкнулъ къ нему 11. августа, и внесъ въ собраніе весь избытокъ своей ненависти, подозрительности и своего властолюбія. Но на первыхъ порахъ не онъ былъ руководящимъ главою, а смѣлый Дантонъ, котораго, по его собственному выраженію, пушечное ядро занесло въ министерство. Онъ лежалъ уже въ постели, какъ Фабръ д'Эглантинъ и Камилль Демуленъ ворвались въ его спальню съ извѣстіемъ, что національное собраніе огромнымъ большинствомъ избрало его въ министры юстиціи, и тутъ же выпросили у него должности для себя. Мы не разъ уже встрѣчались

Дантонъ.

съ этимъ человѣкомъ, который изъ мелкаго адвоката путемъ революціи вознесся до диктаторской власти. Впослѣдствіи сравнивали его то съ Юпитеромъ громовержцемъ, то съ сатаною Мильтона. Лицо его было зеркаломъ его души: грозное, изуродованное оспою, оно то привлекало, то отталкивало своимъ безобразіемъ, молніеносный блескъ его взора — все это служило признакомъ отважной властительной натуры, которая всемію рискуетъ, лишь бы добиться своего, — съ порывомъ хищнаго звѣря въ пустынь безжалостно низвергаетъ врага, лишь бы удовлетворить собственнымъ дикимъ побужденіямъ и страстямъ; въ рѣзко очерченныхъ устахъ сказывалась пылкая чувственность и демоническая энергія, съ едва замѣтною чертою ласки и великодушія. Выброшенный изъ узкихъ мѣщанскихъ провинціальныхъ кружковъ въ клокочущую столицу, онъ ринулся въ самый кратеръ революціи, съ цѣлью удовлетворить своимъ страстямъ, своей логоты, своему сластолюбію, этой единственной цѣли его жизни. Онъ прошелъ по всемію притонамъ порока и въ средѣ, въ которой вращался, утратилъ всякое уваженіе къ принципамъ и морали, всякое одушевленіе къ идеаламъ, всякую вѣру въ человѣческую добродѣтель и нравственность. Онъ участвовалъ въ оргіяхъ герцога Орлеанскаго, бралъ деньги у запуганнаго двора, нисколько, впрочемъ, не стѣсняясь чувствомъ благодарности, не сдерживая свободы своихъ поступковъ, всегда преслѣдуя свои эгоистическія цѣли. Онъ отнюдь не скрывалъ, что революцію считаетъ боевымъ поприщемъ, на которомъ добивается всехъ благъ и чувственныхъ наслажденій, казавшихся его своекорыстной душѣ наградой и цѣлью бытія, ограниченного лишь земною жизнью. Дантонъ былъ типъ французской народной натуры, оттого-то онъ и пользовался такимъ могучимъ господствомъ надъ массами; дикій беспорядочный потокъ его рѣчей подходилъ на расплавленную вулканическую лаву, которая съ собою все уноситъ. Не даромъ его прозвали Мирабо низшихъ слоевъ, великимъ трибуномъ улицы и баррикадъ; циническій санкюлотъ, онъ все-таки внушалъ уваженіе грубой толпѣ и заставлялъ ее служить себѣ; неистовый тиранъ въ минуты страсти и жажды мести, онъ въ свою очередь среди сластолюбцевъ и веселыхъ кутилъ былъ разгульнымъ веселымъ малымъ и добрымъ товарищемъ; въ моменты революціонныхъ возбужденій онъ носился словно буря, не щадя ни человѣческой жизни, ни земныхъ благъ; при всемъ томъ по природѣ не былъ ни жестокъ, ни кровожаденъ; въ разгарѣ свирѣпыхъ убійствъ онъ подавалъ инымъ противникамъ благонамѣренные знаки, помогать имъ спастись; въ пѣдрахъ его души скрывалось нѣкоторое благодушіе, эта коренная черта французскаго народа, и нерѣдко прорывалось въ страстные моменты. Бѣдствіе отдѣльныхъ лицъ возбуждало въ немъ сильнѣйшее участіе, самое искреннее сочувствіе. Это былъ настоящій «гросмейстеръ санкюлотовъ»; онъ повелѣвалъ ско-

нищами съ самодержавною мощью и пользовался имъ для своихъ цѣлей, не лѣстя имъ и не страшась ихъ.

Могущество коммуны.

Благодаря демагогической энергій Дантона и его сообщниковъ у кордельеровъ, пронырливой, злокозненной политикѣ Робеспьера, метавшаго ядовитыми стрѣлами въ якобинскомъ клубѣ, извергавшаго изъ своего мрачнаго чловѣконенавистнаго сердца чреватые бѣдами замыслы и многозначительныя рѣчи,—благодаря цинично-рѣволюціонной публицистикѣ Марата, «Другъ народа» котораго по уничтоженіи всѣхъ роялистскихъ газетъ сталъ настоящимъ правительственнымъ органомъ, и который дѣльною и вѣрною политикой исключительно признавалъ убійство всѣхъ реакціонеровъ и конфискацію ихъ имущества,—благодаря наконецъ террористамъ, которые слѣдовали по пятамъ этого тріумвирата, парижская коммуна стала господствующею правительственною властью, она оттиснула на задній планъ національное собраніе жирондистовъ съ ихъ полумѣрами и возобновила царство террора и кровопролитія, подобное которому со времени Суллы и Маріи не бывало во всемірной исторіи. Вслѣдствіе принципа, по которому народъ въ состояніи мятежа непосредственно исполняетъ свое самодержавіе, коммуна захватила диктаторскую власть, а національное собраніе волей, певелей служило орудіемъ. Она-то и настояла на томъ, чтобы королевское семейство отвели въ тюрьму стараго здаія тампліеровъ; по ея требованью отрѣшили отъ должности всѣхъ мировыхъ судей, которые до сихъ поръ производили политическія слѣдствія, и поручили муниципальнымъ вѣдомствамъ и секціямъ открывать, избличать и арестовать всѣхъ враговъ свободы и отечества. Когда національное собраніе хотѣло вновь подчинить парижское муниципальное управленіе департаментскому совѣту, то Робеспьеръ во главѣ депутаціи заявилъ: «муниципальный совѣтъ избранъ народомъ и долженъ сохранить за собою полномочіе верховной власти, а иначе народъ еще разъ возстанетъ на мечь». И національное собраніе не осмѣлилось настаивать на своемъ рѣшеніи, а напротивъ, вынуждено было заявить, «что департаментская администрація не въ правѣ слѣдить за дѣйствіями муниципального совѣта въ столицѣ». Итакъ, парижская коммуна присвоила себѣ всю власть; обороняемая пушками ратуша уподобилась главной квартирѣ революціоннаго народнаго войска. Члены засѣдали днемъ и ночью; они обѣдали и спали въ залѣ и въ помѣщеніяхъ комитета; народъ обращался къ нимъ со всѣми своими требованьями; какъ въ манежѣ и въ якобинскомъ клубѣ, такъ и здѣсь устроены были трибуны, и шумные зрители изъясляли тутъ свое одобреніе или негодованіе.

Революціонный терроризмъ.

Сохранить это преобладающее народное владычество и уничтожить всѣхъ враговъ демократіи, вотъ что было теперь самымъ рьянымъ побужденіемъ террористовъ коммуны. Запуганное угрозами національ-

ное собраніе само должно было содѣйствовать этому, и Дантонъ, которому какъ въ министерствѣ, такъ и въ ратушѣ принадлежало рѣшающее слово, принялъ надлежащія мѣры для достиженія этой цѣли. Его изреченіе «необходимо дать острастку роллистамъ», избличало весь терроризмъ, какой наступилъ послѣ 10. августа. Уничтоженіе всѣхъ королевскихъ изображеній, знаковъ и памятниковъ въ Парижѣ,—учрежденіе военнаго суда, который осудилъ на смерть разныхъ роялистовъ и защитниковъ Тюльери и велѣлъ ихъ казнить при посредствѣ изобрѣтеннаго парижскимъ врачомъ и депутатомъ Гильотеномъ и прозваннаго по его имени орудія смертной казни,—рѣшеніе національнаго собранія, чтобы подъ стѣнами столицы устроенъ былъ постоянный лагерь для приема патриотовъ, которые желаютъ поступить добровольными ратниками,—все это служило починомъ дальнѣйшихъ мѣропріятій терроризма. Вторженіе непріятеля во французскую территорію было страшнымъ поджигающимъ орудіемъ въ рукахъ революціонеровъ, возбуждавшихъ національныя страсти. По всей странѣ разсыпались вербовщики, принимавшіе патриотовъ добровольцами въ войско, у дворцовъ отбирались желѣзные рѣшетки, съ церковей снимались колокола, съ цѣлью восполнить оружейные склады, въ храмахъ конфисковали серебряную утварь; мало того, въ силу декрета національнаго собранія, что высшая охранительная полиція поручается муниципалитетамъ и что надлежитъ произвести поиски оружія и огнестрѣльныхъ снарядовъ, коммуна предписала всеобщіе домашніе обыски и открыла господство террора, систему шпіонства и доносовъ, съ тѣмъ чтобы истребить всѣхъ враговъ революціи, всѣхъ роялистовъ, аристократовъ и реакціонеровъ. Хотѣли однимъ ударомъ сокрушить всѣхъ противниковъ революціи. Демократическая энергія ратуши вскорѣ затмила собою назначенный національнымъ собраніемъ комитетъ всеобщей охраны. Главный совѣтъ коммуны учредилъ особый блюстительный полицейскій комитетъ, который съ помощью вновь избранныхъ комиссаровъ секцій долженъ былъ пецись о безопасности столицы, и постановилъ чрезвычайное народное судилище безъ кассаций, поручивъ ему подвергать обвиняемыхъ короткому суду,—зародышъ возникшаго впоследствии революціоннаго трибунала. Кромѣ Паниса, Сержана, Ланфана въ средѣ членовъ блюстительнаго комитета встрѣчаются большею частью имена, которые лишь послѣ въ качествѣ орудій терроризма достигли выдающагося значенія, въ родѣ Россиньоля, Матье, Реаля, Дюгема, Меге дела Туша и др. Преслѣдованья и кровопролитія, какія замышлялись въ ратушѣ, усиливались и расширялись еще болѣе вслѣдствіе приказа національнаго собранія, запретить городскія ворота, который вытребовала у него городская депутація подъ руководствомъ Робеспьера, «такъ какъ убійственные заговоры со всѣхъ сторонъ угрожаютъ святому дѣлу, и открытыя заставы каждому измѣннику служатъ во спасеніе».

Революционеры заботились не столько об отражении военного натиска, хотя, возмущая народъ, и выставляли это на первый планъ, а скорѣе—о предстоявшихъ выборахъ въ національный конвентъ. Они достигали этого прежде всего, истребивъ противниковъ кровавою расправою и очистивъ деспотизмомъ террора поле своимъ единомысленникомъ и членамъ якобинскаго клуба. Ихъ воинственный планъ былъ направленъ скорѣе противъ внутренняго, чѣмъ противъ вѣншнаго врага. Той же цѣли отвѣчало преобразование парижской національной гвардіи: она распредѣлилась по секціямъ, усилилась присоединеніемъ пикенеровъ къ прежнимъ ополченцамъ и подчинилась главному начальству Сантера; вслѣдствіе этого городская военная сила поступила на самомъ дѣлѣ во власть пролетаріевъ и санкюлотовъ. А сверхъ того, декретъ національнаго собранія, въ силу котораго конфискованныя имущества эмигрантовъ мелкими долями за дешево продавались въ пользу государственной казны, былъ первою дѣйствительною попыткою, распространить понятіе о равенствѣ также на собственность и на имущественное состояніе.

Постановлены
ночные
обыски.

Когда такимъ образомъ демократы ратуши заручились полиціей, судомъ и національною гвардіей, то Дантонъ явился въ національное собраніе; тамъ подъ впечатлѣніемъ сдачи Лонгви Пруссакамъ и величественной тризны по падшимъ въ Тюльерскомъ саду патріотамъ онъ сказалъ рѣчь: ея вкратцѣ возвѣщалось полное господство терроризма, которому предстоитъ разлиться по всей Франціи. «Судорожными народнымъ возстаніемъ мы низвергли деспотизмъ», сказала онъ, «такимъ же возстаніемъ слѣдуетъ отразить деспотовъ. Вы заперли ворота столицы и хорошо сдѣлали; весьма важно захватить измѣнниковъ; и будь ихъ хоть тридцать тысячъ, ихъ завтра же слѣдуетъ арестовать. Мы требуемъ, чтобы вы разрѣшили намъ произвести домашніе обыски. Въ Парижѣ навѣрно найдется до восьмидесяти тысячъ годныхъ ружей, ихъ слѣдуетъ предоставить въ распоряженіе муниципальнаго совѣта; все принадлежитъ отечеству, когда отечество въ опасности». Національное собраніе разрѣшило все, чего потребовалъ Дантонъ. Коммуна декретомъ была уполномочена произвести домашніе обыски. Она выбрала для этого ночь съ 29. на 30. августа. Какой видъ представилъ въ эту ужасную ночь оживленный обыкновенно Парижъ! Съ закатомъ солнца всѣ дома, всѣ магазины заперты; на улицахъ, по бульварамъ—ни души; городскіе ворота охраняются Марсельцами; семейства одержимы страхомъ и безпокойствомъ; воображенію роялистовъ представляются призраки Варооломеевской ночи. Коммисары секцій съ полуночи переходили по кварталамъ изъ одной улицы въ другую; ихъ сопровождали шайки «патріотовъ», доносившихъ на враждебныхъ демократіи обывателей, и пикенеры изъ предмѣстій, которые забирали оружія и отводили въ тюрьму арестованныхъ. Ружей нашлось не свыше двухъ тысячъ; но гораздо болѣе было за то количество людей, которые по доносу или по подозрѣнію въ томъ, что питали роялистскія реакціонерныя или аристократическіе помыслы, отводились въ разныя тюрьмы.

28. авг. 1792.

Два дня и двѣ ночи длились ужасные домашніе обыски; весь Парижъ былъ подъ душимымъ гнетомъ ужасъ наводившихъ опасеній; всѣ, кто не принадлежалъ къ якобинскому пролетарьяту, смиренно сдѣлали дома; немногимъ удалось скрыться у друзей.

Жирондистовъ въ національномъ собраніи и въ министерствѣ обуялъ Національное страхъ. Вѣдь даже Петіонъ, какъ оказалось, былъ исключенъ изъ болѣе собраніе подтайныхъ совѣщаній инсургентовъ. Они поэтому пытались было сломить революционную власть: предложеніе Гаде, распустить коммуну отъ 10. августа и поручить секціямъ новые выборы, получило, правда, въ національномъ собраніи большинство голосовъ, но это рѣшеніе не привелось въ исполненіе; напротивъ, депутація, къ которой водей, певолей примкнулъ также Петіонъ, сообщила изъ ратуши составленный Робеспьеромъ адресъ; въ немъ собраніе рѣзкими и угрожающими словами порицается за то, что оно медлитъ наказаніемъ измѣнниковъ, и ему вновь настоячиво подтверждается, что муниципальный совѣтъ отъ самодержавнаго народа получилъ полномочіе и будетъ отстаивать его. Шумная толпа, окружавшая палату, подтвердила содержаніе прочитаннаго Талліеномъ адреса. Жиронда не могла даже добиться, чтобы армія инсургентовъ отправилась изъ Парижа на мѣсто военныхъ дѣйствій; развѣ можно патріотамъ уйти въ походъ, для того чтобы восторжествовалъ внутренній врагъ? Когда министры и вожди партій національнаго собранія въ вечернемъ засѣданіи совѣщались о положеніи страны, то Дантонъ повторилъ свои слова: «надо задать острастку роялистамъ», и сдѣлалъ тутъ жестъ, который не оставлялъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ подразумѣвалъ.

Планъ убійства былъ гнуснымъ образомъ составленъ министромъ Дантономъ и вожаками коммуны. Для того чтобы комитетъ всеобщей охраны могъ лучше отвѣчать требованьямъ высшей революціонной полиціи, онъ заручился отъ муниципальнаго совѣта полномочіемъ, принимать къ себѣ новыхъ членовъ. Вожди демократіи, Дантонъ, Робеспьеръ, Марать, Бильо-Варенъ, Манюэль, Талліенъ и др. воспользовались этимъ, для того чтобы, непосредственно вступая въ коммисію или косвеннымъ путемъ, чрезъ посредство своихъ сообщниковъ, принимать участіе въ совѣщаніяхъ и вліять на всѣ полицейскія постановленія и дѣйствія столицы. Чрезъ Сантера, который вполне зависѣлъ отъ Робеспьера и отъ своего тестя Паниса, можно было располагать пикенерами и національною гвардіей Антуанскаго предмѣстья. Марать не разъ уже доказывалъ необходимость, огульнымъ убійствомъ избавить націю отъ всѣхъ измѣнниковъ; не такъ еще давно, когда защитниковъ Тюльери, предали чрезвычайному суду, онъ воскликнулъ: «Что за глупость, предавать суду такихъ людей; они и безъ того уже осуждены. Вѣдь это все измѣнники, которыхъ слѣдовало бы избить на мѣстѣ». Насталъ часъ, когда послушались его кровожадныхъ совѣтовъ. Всѣ тюрьмы наполнились заключенными, политическіе и религіозные помыслы которыхъ уклонялись отъ возрѣвѣній тѣхъ дней. Министръ юстиціи велѣлъ полиціи коммуны составить списокъ заключенныхъ; затѣмъ онъ и друзья его по лич-

Планъ душегубнаго суда.

нымъ или политическимъ побужденіямъ вычеркнули пѣкоторыхъ изъ списка и освободили многихъ арестованныхъ за долги или за другія провинности; наконецъ онъ принялъ мѣры, для исполненія кровавыхъ ужасовъ, которые подъ именемъ сентябрьскихъ убійствъ относятся къ самымъ мрачнымъ страницамъ въ исторіи человѣческихъ злодѣйствъ и бѣдствій. Кстати и событія на поприщѣ военныхъ дѣйствій пригодились вождямъ демократіи. Въ тотъ самый день, какъ

2. сент. 1792. предполагалось совершить душегубства въ тюрьмахъ, Вердюшъ сдался Пруссакамъ. Эту сдачу предвидѣли и въ ратушѣ воспользовались страстною тревогою и яростью, возбужденною натискомъ непріятельской арміи для новаго «судорожнаго возстанія», о необходимости котораго не такъ еще давно заявилъ Дантонъ. По предложенію Манюэля коммуна обнародовала воззваніе, чтобы всѣ способные носить оружіе снарядились и собрались на Марсовомъ полѣ; необходимо отразить наступавшаго врага. Набатный звонъ, грохотъ барабановъ и громъ пушекъ возбудили въ городѣ лихорадочную тревогу. Національное собраніе не отставало отъ патріотическаго подъема; Верньо послѣдилъ на трибуну и осыпалъ похвалами муниципальный совѣтъ, — который дня два тому назадъ хотѣли было уничтожить, — за то что онъ призвалъ къ оружію весь Парижъ. Только соединенными силами патріотовъ можно отстоять государство, можно вырыть могилу врагу. Дантонъ въ грозной рѣчи требовалъ смертной казни всѣхъ, кто откажется идти въ походъ, всѣхъ, кто такъ или иначе ослушается постановленія правительства, и заключилъ словами: «Смѣлость, смѣлость и опять смѣлость, и отечество спасено». Собраніе все одобрило и выдало министерству самыя широкія полномочія.

Сентябрьскія убійства. 2. — 7. сент. 1792. Вождямъ коммуны и якобинскаго клуба казалось, что насталъ настоящій мигъ однимъ ударомъ въ громаднѣхъ размѣрахъ, однимъ актомъ «титанической смѣлости» избавиться отъ своихъ враговъ. По ихъ знаку пѣкоторые изъ секцій заявили требованье, въ виду опасности, какая угрожаетъ отечеству, очистить тюрьмы, чтобы въ тылу не засѣли измѣнники, пока патріоты ратуютъ противъ виѣшняго врага. Дантонъ и кровожадные соучастники его въ ратушѣ рьяно ухватились за этотъ поводъ, съ цѣлью, какъ уже давно предполагалось, окончательно довершить революцію, огульнымъ убійствомъ истребить противоборствующіе элементы, отрѣзать всякую возможность возвратиться къ феодальному государству, терроромъ предупредить всякую попытку къ реакціи, «широкимъ кровавымъ потокомъ» отдѣлить старое время отъ новаго. Такъ поданъ былъ сигналъ къ ужасамъ сентябрьскихъ дней. Стоило только дать волю страстямъ и жаждѣ мести парижской уличной черни, исполненной злобы и ярости. Первый ударъ разразился надъ неприсяжными священниками. Національное собраніе въ одномъ изъ прежнихъ засѣданій постановило, чтобы всѣ неприсягавшіе священники, которые въ двѣ недѣли не

покинуть добровольно государства, были отправлены въ Кайеншу. Когда эти несчастные, въ числѣ двадцати четырехъ человѣкъ, отвозились въ монастырскую тюрьму, то чернь, подстрекаемая сопровождавшимъ карету отрядомъ изъ федератовъ, папала на патероу и перебила ихъ всѣхъ безъ изыятія. Потомъ, по приказу комитета охраны шайки убійцы и злодѣевъ съ ужаснымъ Мальяромъ во главѣ, снабженные именными списками заключенныхъ, стали обходить тюрьмы, окруженные пикетерами. Одни исполняли должность присяжныхъ и судей, другіе — палачей. Съ соблюденіемъ какъ бы формы судопроизводства эти безчеловѣчныя шайки безъ пощады убивали заключенныхъ, за исключеніемъ немногихъ отмѣченныхъ Дантономъ. Послѣ священниковъ настала очередь Швейцарцевъ, королевскихъ гвардейцевъ, придворныхъ и дворянъ; потомъ всѣхъ, кто только извѣстенъ былъ или подозрѣвался въ качествѣ роялиста или аристократа. Убійства длились нѣсколько дней подрядъ; все неистовѣе и яростнѣе свирѣпствовали кровожадныя шайки, все омерзительнѣе становились злодѣйства, все безчеловѣчнѣе — насилія. Въ Лафорсѣ убійцы умертвили принцессу Ламбаль, задушевную подругу королевы, отличавшуюся благородствомъ какъ происхожденія, такъ и помысловъ; отсѣкши отъ обезображеннаго трупа голову, толпа на копьѣ поднесла ее къ Тамплю, къ самому окну Маріи Антуанеты. Въ Шателѣ, Консьержери, Бисетрѣ и въ другихъ мѣстахъ ужаса и мученій кровь лилась ручьями, тамъ совершались злодѣйства, о которыхъ нельзя вспоминать безъ содроганія и омерзенія. Не даромъ сказано: «изъ всѣхъ ужасовъ всего ужаснѣе человѣкъ въ пылу изувѣрства». Сколько жертвъ тутъ пало, это въ точности неизвѣстно. Полагаютъ, что въ эти ужасные дни душегубцами, получавшими плату за «работу», частью отдѣльно умерщвлены, частью огуломъ перебиты до трехъ тысячъ невинныхъ, въ томъ числѣ заслуженныхъ и знатныхъ людей, въ родѣ бывшаго министра Монморена. Всѣ найденныя при нихъ вещи, сокровища и драгоценности, также все отобранное при домашнихъ обыскахъ, сдавалось въ ратушу; эта добыча составила нѣсколько милліоновъ, не считая того, что присвоили себѣ воровскія шайки. Въ національномъ собраніи и у нѣкоторыхъ членовъ секцій обнаруживались, правда, признаки сожалѣнія, омерзенія, робкаго угрызненія совѣсти и негодованія, но никто не осмѣлился энергически заставить вождей коммуны приостановить эти неистовства, опасаясь попасть въ ряды государственныхъ измѣнниковъ и также погибнуть отъ топора убійцы. Не даромъ у сообщниковъ Робеспьера и тогда уже возникло предложеніе, предать народной ярости подкупленныхъ будто-бы непріятелемъ измѣнниковъ, Ролана, Бриссо и другихъ жирондистовъ, совѣтовавшихъ перенести засѣданія правительства въ Блоа. Этотъ планъ не состоялся, благодаря лишь противорѣчію Дантона. Запуганная и одолеваямая пикетерами Сантера національная

гвардія и не пыталась даже противостать деспотизму. Нѣкоторые смирно просиживали у себя дома, другіе поступали въ батальоны пролетаріевъ. Благодаря клубамъ и революціоннымъ комитетамъ секцій, парижская коммуна господствовала съ самою неограниченною властью, а разсвирѣпѣвшая чернь была ея страшнымъ орудіемъ. Напрасно Луи Бланъ силится представить сентябрскія злодѣйства актомъ инстинктивной народной мести, который будто бы не былъ ни подготовленъ, ни приказанъ, ни награждаемъ; такое предположеніе опровергается уже самою систематичностью исполненія. Агенты демократическихъ партій пытались произвестъ подобныя убійства также въ другихъ городахъ. Составленный Маратомъ отъ имени комитета охраны циркуляръ извѣщалъ всѣ общины въ государствѣ о томъ, что народъ подвигомъ необходимой справедливости истребилъ часть заключенныхъ заговорщиковъ, и побуждалъ согражданъ, братьевъ и друзей, повторить по мѣрѣ силъ своихъ это крайне важное мѣропріятіе; министръ Дантонъ присоединилъ къ этому манифесту, призывая къ оружію всѣхъ гражданъ Франціи и сопровождая это ужаснымъ требованьемъ, «да будетъ въ городахъ кровь всѣхъ измѣнниковъ первою жертвою, принесенною свободѣ»; этому требованью и послѣдовали въ Орлеанѣ, Лионѣ, Марсели и въ другихъ большихъ городахъ. Въ Лионѣ даже нѣмецкій принцъ, Карлъ Гесенскій, служившій въ королевской арміи, помогалъ якобинскому клубу и способствовалъ домашнимъ обыскамъ и арестамъ, которые побуждались членами парижскаго городского совѣта. Въ Орлеанѣ комиссаръ Бурдонъ велѣлъ препроводить въ Парижъ сорокъ арестантовъ, которыхъ однако перебили уже въ Версалѣ, между прочимъ также бывшаго министра Делессара. Въ Реймсѣ толпа парижскихъ добровольцевъ живо сожгла священниковъ и чиновниковъ. Такія же злодѣйства совершались въ Санѣ, Мо и въ другихъ мѣстахъ. Революція имѣла въ виду добиться для человѣка «свободы сношеній и труда, признанія его человѣческаго достоинства, его связи съ равноправными согражданами, свободы вѣры и мысли»; а вмѣсто того она экономическую свободу замѣнила захватомъ собственности, всеобщую равноправность — гоненіемъ высшихъ сословій, свободу вѣроисповѣданій — избіеніемъ священниковъ и епископовъ; господство человѣческихъ правъ она освящала кровопролитіемъ, въ которомъ безжалостно погибали приверженцы стараго порядка.

Выборы въ національный конвентъ. При такихъ-то условіяхъ начались выборы въ національный конвентъ. Всякій Французъ двадцати одного года отъ роду, не состоявшій на службѣ у другаго лица, могъ быть избирателемъ, а всякій двадцатипятилѣтній, не взирая на состояніе или гражданское званіе, могъ засѣдать въ избирательной коллегіи и въ конвентѣ; притомъ прежнее сомоотреченіе отмѣнялось: члены учредительнаго и законодательнаго собраній могли также поступить въ конвентъ, если ихъ изби-

рали. Благодаря энергической дѣятельности якобинцевъ и терроризму, учиненному демагогами подъ веденіемъ парижской коммуны, выбрались почти исключительно демократическіе и республиканскіе приверженцы. Однако, гнусное злоупотребленіе власти и сентябрскіе ужасы въ столицѣ возбудили реакцію, такъ что въ провинціи въ значительномъ количествѣ стали избираться жирондисты; они наконецъ пріободрились въ національномъ собраніи, преодолѣвъ прежнее малодушіе и свою уступчивость, настояли на восстановленіи порядка и личной безопасности гражданъ, положили копецъ домашнимъ обыскамъ и произвольнымъ арестамъ; такимъ образомъ умѣренные республиканцы законодательнаго корпуса, во главѣ ихъ Бриссо, Роланъ, Верньо, и всѣ восторженныя ораторы, съ которыми мы прежде ознакомились, заняли и въ новомъ собраніи также выдающееся положеніе. Въ конвентъ перешло не менѣе ста восьмидесяти одного члена изъ втораго и семидесяти семи членовъ изъ перваго національнаго собранія, а изъ новыхъ депутатовъ многіе также сочувствовали возрѣніямъ жиронды. Въ самомъ Парижѣ, напротивъ того, демократія коммуны успѣла, частью кознями на выборахъ, частью запугиваньемъ или ловкими подвохами, провести все людей самаго радикальнаго направленія. Въ числѣ двадцати четырехъ депутатовъ столицы находились всѣ демагоги, всѣ клубные и уличныя герои, занимавшіе до сихъ поръ главную роль въ убійствахъ и народныхъ возстаніяхъ, Дантонъ, Камилль Демуленъ, Колло д'Эрбуа, Фабръ д'Эглантинъ и др.; Робеспьеръ, голосъ котораго пользовался преобладающимъ значеніемъ, былъ избранъ не только самъ, но увлекъ за собою даже своего младшаго брата; герцогъ Орлеанскій, прозывавшійся теперь Филиппомъ Эгалите (Egalité-равенство), благодаря поддержкѣ кордельеровъ также попалъ въ депутаты собранія. Маратъ встрѣтилъ самыя сильныя препятствія: демократы стыдились его, но они, особенно другъ его капуцинъ Шабо, обратили вниманіе на то, что онъ можетъ пригодиться «въ видѣ закваски для возстанія народа», и этотъ самый подлый и самый гнусный изъ всѣхъ демагоговъ также очутился въ средѣ правителей государства. Однако презрѣніе послѣдовало за нимъ въ конвентѣ: никому не хотѣлось сидѣть возлѣ человѣка, «который освящаетъ все злословіемъ, желчью и кровью».

2. война въ шампани.

Событія внутри Франціи, какъ мы видѣли, состояли въ тѣсной связи съ военными происшествіями. Роговой манифестъ герцога Брауншвейгскаго вызвалъ въ сущности сцены 10. августа, а дальнѣйшіе успѣхи прусско-австрійской арміи на французской почвѣ послужили якобинцамъ для утвержденія терроризма, изъ котораго возникла новая Франція. Если-бъ въ то время, когда парижскія событія

Положеніе арміи.

совсѣмъ разстроили французское войско, усиливъ разладъ между офицерами и рядовыми, изгнавъ изъ страны Лафайета и другихъ опытныхъ и знающихъ военачальниковъ, пѣмецкія войска, проникавшія черезъ Лотарингію въ Шампань, совершили быстрый натискъ, то дѣло приняло бы, пожалуй, иной оборотъ. И дѣйствительно, не смотря на рьяные возгласы въ національномъ собраніи, которое, 26. авг. 1792. узнавъ о сдачѣ крѣпости Лонгви, террористскимъ декретомъ пыталось возбудить самоотверженный патриотизмъ и вызвало въ походъ 30,000 національныхъ гвардейцевъ, не смотря на хвастливыя рѣчи въ якобинскомъ клубѣ, возвѣщавшія, что борцы за свободу и отчизну уничтожатъ пачеминокъ деспотизма и сокрушатъ рабское ярмо народовъ, французскія войска подъ начальствомъ Дюмурье и Келлермана вовсе не были способны вступить съ нѣкоторою надеждой на успѣхъ въ открытой бой. Побѣги, дурное содержаніе и отсутствіе дисциплины были ихъ худшими врагами; національные добровольцы, подходившіе для подкрѣпленія, были не обучены, дурно вооружены и одѣты; не хватало денегъ, а сельское населеніе не охотно поддавалось на жертвы. Пограничныя крѣпости находились въ дурномъ состояніи. Генералу Дюмурье было не по себѣ въ Седанѣ; ему бы лучше хотѣлось отправиться въ Бельгію, съ тѣмъ чтобы тамъ содѣйствовать революціи и такимъ образомъ разбить непріятельскія силы, отвлекая ихъ въ иные мѣста.

Фермопласы
Франціи.

Дюмурье самъ рассказываетъ, когда Пруссаки двинулись къ Вердону, то въ его военномъ совѣтѣ рѣшено было отступить внутрь черезъ Шалонъ; тутъ онъ своему адъютанту Туveno указалъ на картѣ отрасль Арденскихъ горъ, которая подъ названіемъ Аргонскаго лѣса тянется отъ Седана до Сентъ-Менегу и далѣе къ югу, замѣтивъ: вотъ Фермопласы Франціи. Но не легкомысленному суетному и самодовольному Дюмурье, а военному министру Сервану пришла въ голову благая мысль, занять узкіе проходы этихъ водами и болотами перерѣзанныхъ лѣсистыхъ горъ и такимъ образомъ отрѣзать непріятелю переходъ изъ самой скудной части Шампани въ наиболѣе плодоносный край. Медленность и нерѣшительность пѣмецкаго фельдмаршала дали возможность французскому генералу занять проходы, прежде чѣмъ Вердюнь перешелъ во власть Нѣмцевъ. Герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій, упрямый господинъ, — не терпѣвшій эмигрантовъ и постоянно спорившій съ своимъ королемъ, находившимся при арміи съ своими двумя сыновьями, въ этой кампаніи, какъ извѣстно, мало оправдалъ ту воинскую славу, какая связана была съ его именемъ. Фридрихъ Вильгельмъ II. съ «роялистскимъ романтизмомъ» порывался вступить въ рыцарскую борьбу съ революціей, отмстить за оскорбленіе величества и возстановить навшій престолъ. Но онъ тщетно пытался подвинуть герцога къ быстрому натиску на Парижъ. Привыкши къ методической и осмотра-

тельной тактикѣ семилѣтней войны, герцогъ тратилъ время на медленные переходы, на осады незначительныхъ крѣпостей, въ родѣ Лонгви и Вердюна, и вступилъ въ Шампань въ самое неудобное время года, когда дороги стали непроходимы, и войска ослабѣли и истощали отъ нездоровой пищи и неспѣлыхъ плодовъ.

Прусскій фельдмаршалъ давно уже успѣлъ убѣдиться въ живыхъ Герцогъ Брауншвейгскій въ показаніяхъ эмигрантовъ касательно настроенія націи, въ которой об- Аргонскомъ лѣсу. наружилось мало склонности къ контрреволюціи; тѣмъ еще сильнѣе поразилъ его воинственный пылъ, какой во время осады Вердюна вспыхнулъ въ Парижѣ и во всей Франціи. Благодаря пророчкамъ монархически настроенныхъ гражданъ, Вердюнь, правда, сдался; однако полковникъ Боренеръ въ военномъ совѣтѣ пустилъ себѣ пулю въ голову, а отступавшій гарнизонъ, съ увѣренностью въ побѣдѣ восклицалъ осаждавшимъ: До свиданія подъ Шалономъ! Такия знаменія и революціонный порывъ въ столицѣ лишили герцога надежды, съ усильемъ завершить кампанію, и онъ сталъ еще осмотрительнѣе и сдержаннѣе. Онъ видѣлъ, что по мѣрѣ его наступленія положеніе короля ухудшается, что демагоги всѣ неудачи въ полѣ приписываютъ двору и роялистамъ, что они страхомъ и ужасомъ стремятся съ корнемъ истребить всякіе измѣнническіе замыслы, всякое явное или тайное сочувствіе къ эмигрантамъ и къ ихъ защитникамъ. Въ половинѣ сентября, когда происходили выборы въ конвентъ, и Пруссаки приблизились къ Аргонскому нагорному лѣсу, Франціи предстояло рѣшить, возстанетъ ли съ помощью ивоземцевъ королевство въ прежнемъ его видѣ или оно окончательно рухнетъ, и затѣмъ утвердится демократическая республика. Въ представленіи націи король былъ такъ тѣсно связанъ съ эмиграціей и съ непріязненными державами, что война съ ними неминуемо обуславливалась его гибелью. Фридрихъ Вильгельмъ горячо порывался достигъ цѣли своего роялистскаго крестоваго похода, раздавить голову гидрѣ революціи, выручить бургонскаго монарха изъ рукъ демократіи; онъ приказалъ поэтому фельдмаршалу дать сраженіе и открыть путь къ Парижу. Давъ непріятельскимъ генераламъ время, укрѣпиться между лѣсистыми холмами и приготовиться къ оборонѣ, герцогъ не смѣлъ противиться приказу, но принялся за дѣло такъ мѣшкотно и осторожно, что за промедленіемъ подходившаго Клерфе, за заботою обезпечить себя на всякій случай, за хлопотами о доставкѣ продовольствія, прошло самое удобное время, и французскимъ военачальникамъ удалось присоединить къ себѣ добровольцевъ и укрѣпить свои позиціи. Таковъ ужъ былъ норовъ герцога, никогда явно не противорѣчить королю, но втайнѣ настоять на своемъ.

Итакъ, Дюмурье успѣлъ занять важнѣйшіе проходы, укрѣпить ихъ шанцами и заставками, присоединить къ себѣ свѣжіе отряды. Между добровольцами, занявшими тогда упраздненныя мѣста офице- Канонады при Вальми.

ровъ, встрѣчаются имена, которыя впоследствии покрылись громкою военною славою, въ родѣ Брюна, Сень-Сира, Журдана, Ланна, Масены, Моро, Удино, Виктора. Чужлось уже вѣянье революціоннаго воинственнаго духа, которому скоро пришлось такъ мощно развернуться. Въ своихъ твердыхъ позиціяхъ Дюмурье могъ принять сраженіе. Оно и загорѣлось послѣ нѣсколькихъ мелкихъ стычекъ съ австрійскими и прусскими отрядами въ сѣверныхъ горныхъ проходахъ, 19. сентября у хребта на западъ отъ Сень-Менегу, гдѣ Келлерманъ занялъ укрѣпленную позицію на высотахъ *Вальми*. Герцогъ два раза давалъ сигналъ къ атакѣ, но всякій разъ велѣлъ трубѣ отбой, не дожидаясь даже, чтобы войска вступили въ рукопашную. Въ военной исторіи значителенъ лишь «канонада, но не битва при Вальми». Съ обѣихъ сторонъ выпалили по нѣскольку тысячъ ядеръ, и тамъ и тутъ — пало по нѣскольку сотенъ воиновъ; но все это ни къ чему не повело. Такой исходъ показался современникамъ до того непонятнымъ, что въ средѣ эмигрантовъ и въ революціонной печати разглашалось обвиненіе, будто полководецъ, министръ Гаугвицъ и др. были подкуплены добычею сентябрьскихъ убійствъ, государственными алмазами. Герцогъ не хотѣлъ перейти за линію Мааса, ни двинуться на Парижъ.

Военное без-
дѣйствіе и
дипломатичес-
кіе перего-
воры.

Однако французское войско все еще не избѣгло опасности, ему грозила мрачная и шаткая будущность, въ случаѣ возобновится нападеніе. До сихъ поръ натискъ Нѣмцевъ принесъ пользу однимъ только якобинцамъ; извѣстно однако, что Дюмурье отнюдь не принадлежалъ къ безусловнымъ друзьямъ Дантона и Робеспьера. А потому политическія и военныя причины возбудили въ немъ желаніе войти съ Пруссаками въ соглашеніе. Благодаря своему дипломатическому и министерскому поприщу, онъ уже зналъ, что союзъ между Вѣною и Берлиномъ не могъ быть искреннимъ; именно въ то время, когда дѣло шло о раздѣлѣ Польши, интересы обѣихъ державъ крайне расходились, прежняя ревность пробудилась съ новою силою. Не удастся ли теперь возобновить съ большимъ успѣхомъ попытки, къ какимъ парижскій кабинетъ еще до войны порывался въ Берлинъ (стр. 729), нельзя ли будетъ разорвать союзъ и перенести затѣмъ революцію въ Нидерланды? Дюмурье, въ которомъ умъ опытнаго свѣтскаго человѣка и знаніе людей соединялись съ смѣлою предпримчивостью якобинца, успѣлъ внушительными доводами склонить короля и герцога на свой миролюбивый планъ. При нападеніи на прусскій багажъ королевскій секретарь Ломбардъ попалъ въ плѣнъ къ Французамъ. Дюмурье выпустилъ его на волю и далъ ему съ собою памятную записку, въ которой доказывалось, что дальнѣйшее нашествіе войска грозитъ крайнею опасностью Людовику XVI., что Пруссія нѣтъ никакого расчета, жертвовать собою для вѣчно враждебно настроенной къ ней Австріи, что положеніе прусской

арміи въ осеннее время года можетъ оказаться весьма шаткимъ. Герцогъ съ радостью ухватился за мысль о соглашеніи; а у короля въ пользу того же плана дѣйствовалъ генераль-адъютантъ полковникъ Манштейнъ, честолюбивый практическій политикъ и воинъ изъ мистически-набожнаго придворнаго кружка Бишофвердера и Вельнера (стр. 473). Такимъ образомъ военныя дѣйствія приостановились на нѣсколько дней, пока велись дипломатическіе переговоры; это перемиріе послужило въ большую пользу Французамъ. У Фридриха Вильгельма была подвижная натура, быстро воспринимавшая самыя разнородныя впечатлѣнія; своекорыстная политика Австріи на востокѣ побудила его воспользоваться свободою дѣйствія на западѣ. Личныя чувства отступили на задній планъ передъ государственными интересами. А потому прусскій король былъ не прочь, отказаться прежде всего отъ предполагаемаго похода на Парижъ съ условіемъ, чтобы Людовика XVI. вновь освободили и возстановили его королевское достоинство, также чтобы прекратилась революціонная пропаганда Франціи въ соседнихъ краяхъ. Объ эмигрантахъ или о вмѣшательствѣ во французскую правительственную систему при этомъ и рѣчи не было. Однако Дюмурье вынужденъ былъ возразить, что первое условіе оказалось невозможнымъ, такъ какъ новое національное собраніе провозгласило уже отрѣшеніе королевской власти. Этимъ разстроилась всякая надежда на миръ или договоръ, такъ какъ Фридрихъ Вильгельмъ, выступивъ въ походъ съ цѣлью спасти и сохранить бурбонскую династію, никакъ не могъ вернуться, признавъ французскую республику! Но переговоры все еще не совсѣмъ прекратились. Обмѣнъ плѣнныхъ послужилъ поводомъ къ тому, чтобы еще на цѣлую недѣлю приостановить военныя дѣйствія. Дюмурье хорошо съумѣлъ воспользоваться этимъ временемъ. Къ нему то и дѣло подходили свѣжіе отряды, онъ старался укрѣпить свою позицію, прочіе обставить свое военное положеніе. Для него выгодно было уже то, что онъ непріятеля приковалъ къ мѣсту и довелъ его до болѣе затруднительнаго положенія. Пруссаки въ теченіе пяти сутокъ оставались безъ хлѣба, такъ изображаетъ Зибель ихъ положеніе; съ истощеннаго края нечего уже было взять болѣе, отъ дурной пищи заболѣвали и люди и животныя, сырая холодная погода, изнурившая ихъ уже въ походѣ, окончательно установилась, дождь лилъ безъ перерыва, такъ что почва размякла, палатки разрушались и въ нѣсколько дней третья часть арміи подверглась убійственной диссентеріи.

Цѣлью Дюмурье было, заставить Пруссаковъ покинуть Францію, признать республику, разорвать союзъ съ Австріей. Военный министръ Серванъ помогалъ ему по мѣрѣ возможности. Въ прусскій лагерь были отправлены двое уполномоченныхъ, съ тѣмъ чтобы въ глубочайшей тайнѣ, но настойчиво содѣйствовать соглашенію въ этомъ смыслѣ. Однако, дѣло не удалось; съ одной стороны якобинская

Отступление
нѣмецкихъ
войскъ.

печать, которая и слышать не хотѣла о мирѣ, пока непріятель па- ходится на французской почвѣ, а съ другой—опасеніе прусскаго короля, какъ бы отдѣлившись отъ союзниковъ, не погубить общаго дѣла и не по- вредить монархическому интересу, разстроили этотъ планъ. Маркизь Лукезини, шурина Бишофсвердера, прибывъ на дняхъ въ лагерь, возсталъ противъ продленія мирныхъ переговоровъ, представивъ, какъ шатко всякое дипломатическое соглашеніе съ революціоннымъ правительствомъ, которое того и смотри исчезнетъ со сцены и не представляетъ никакихъ гарантій въ поддержкѣ какого бы то ни было договора. Однако, приступать ли послѣ этого вновь къ не- пріятельскимъ дѣйствіямъ? Многіе и побуждали къ этому, въ средѣ эмигрантовъ сильно обрадовались переѣнѣ настроенія и со дня на день ожидали сигнала къ новому натиску. Но герцогъ не поддался на это. Въ теченіе переговоровъ французская армія укрѣ- пилась физически и морально, тогда какъ нѣмецкая въ той же мѣрѣ ослабѣла. Возобновленіе борьбы могло бы повести лишь къ урону и къ пораженіямъ. Приближенные короля пришли къ тому же убѣжденію; итакъ, переговоры продолжались, съ цѣлью добиться но крайней мѣрѣ безопаснаго и безпрепятственнаго отступленія, дабы крайне изнуренное войско безъ урона провестъ по непрохо- димымъ ущельямъ Аргонскаго лѣса. Эти переговоры, слагавшіеся благодаря продажности Вестермана все выгоднѣе для Пруссіи, воз- будили сильную подозрительность Австрійцевъ. Клерфе и Гогенлоэ- Кирхбергъ, опасаясь сдѣлаться жертвою измѣны, старались какъ можно скорѣе покинуть французскую территорию и перейти въ Бель- гію. А сверхъ того французскіе отряды угрожали уже духовнымъ державамъ отъ Шпейера до Кобленца и возбуждали въ нихъ революціонныя народныя движенія. Въслѣдствіе этого ландграфъ гессен- скій поспѣшилъ отвести свои полки во свояси и объявить по при- мѣру остальныхъ имперскихъ князей нейтралитетъ. При такихъ условіяхъ герцогу Брауншвейгскому ничего болѣе не оставалось, какъ отступить съ своимъ ослабѣвшимъ, изнуреннымъ отъ голода и болѣзней войскомъ въ дружественный край. Онъ опросталъ Вер- дюнъ и Лонгви, которые тотчасъ же были вновь заняты Францу- зами, и былъ доволенъ, что непріятель не помѣшалъ ему перейти черезъ Люксембургъ въ Триръ. Фридрихъ Вильгельмъ тоже отка- зался до поры до времени отъ крестоваго похода для освобожденія Людовика XVI. Поползновеніе вѣнскаго двора на счетъ Баваріи и франкскихъ княжествъ Апебахъ-Байрѣйтъ, также политическіе про- неки Россіи въ отношеніи польской республики отвлекли его вни- маніе къ другимъ мѣстамъ. Такъ завершилась «кампанія во Фран- ціи»; участвуя въ ней Гете изобразилъ ее живыми очерками. Когда послѣ канонады при Вальми нѣкоторые изъ спутниковъ спро- сили, какого онъ мнѣнія объ этомъ дѣлѣ, то онъ сказалъ: «Отселѣ

13. 22. окт.
1792.

и отнынѣ начинается новая эпоха всемірной исторіи, и вы можете заявить, что сами присутствовали при этомъ». Такъ оно и вышло.

3. національный конвентъ. осужденіе и смерть короля.

Въ то время, когда въ Аргонскомъ лѣсу при Сенъ-Менегу вой- ека стояли другъ противъ друга и въ «канонадѣ при Вальми» помѣ- рились силами, въ Парижѣ совершалось совѣщаніе третьяго націо- нальнаго собранія, пресловутаго конвента, который въ первомъ же засѣданіи изрекъ постановленіе, что «королевская власть отмѣняется». Исторія королей, сказала Грегуаръ, ничто иное какъ исторія на- родныхъ страданій. Этимъ конституціонному творенію нанесенъ смертельный ударъ, во Франціи впредь должно установиться респу- бликанское правленіе. А потому во всѣхъ департаментахъ стали избираться новые административные чиновники и судьи. Должна ли однако столица подобно республиканскому Риму деспотически вла- стствовать надъ остальными частями государства или—всюду господ- ствовать равноправность и полная свобода? По поводу этого жиз- неннаго вопроса о будущемъ государствennomъ строеѣ съ самаго начала возникъ сильный разладъ партій. Жиронда и всѣ умѣренныя члены, составляя большинство, хотѣли избавить націю отъ возврата деспотизма, какой исполнялся обгагреными кровью демагогами ра- туши; они требовали слѣдствія надъ сентябрьскими убійствами, на- казанія ихъ виновниковъ, учрежденія конвентнаго войска для охраны національныхъ представителей. Всѣмъ памятно было еще предло- женіе Робеспьера, распространить обвиненіе въ государственной измѣнѣ также на Бриссо, Ролана, Гаде и на другихъ вождей жи- ронды и арестовать ихъ; въ такомъ случаѣ они неминуемо погибли бы подъ ударами сентябрьскихъ убійцъ; теперь же угрожаемые обратили мечъ на противниковъ. Но сильная единодушіемъ, дисциплиною и безшабашною отвагою партія горы въ противенъ раздробленнаго въ самомъ себѣ, зачастую въ отдѣльныхъ вопросахъ расходящагося большинства успѣла ослабить и отразить нападки враговъ, удержи- таться въ своемъ положеніи и овладѣть понемногу перевѣсомъ. Республика готовилась перенести революцію за границу и подстрек- нуть сосѣдніе народы къ сверженію деспотическаго ига, она надѣ- ляла правомъ французскаго гражданства передовыхъ иностранцевъ, которые отличились какъ провозвѣстники либеральныхъ и гуман- ныхъ идей, между прочимъ Пристлея, Пена, Вильберфорса, Вашинг- тона, Песталоци, Костюшко, также Клопштока, Шиллера и Кампе, и объявила Францію очагомъ и пристанищемъ всей освобождаемой Европы; въ то же время члены горы упрекали жирондистовъ въ томъ, что они хотѣли ослабить націю въ мигъ подъема и возрож- денія, возмутить провинціи противъ столицы, взамѣнъ единства и

Положеніе и
разладъ пар-
тій.
21. сент.
1792.

нераздельности республики ввести несколько независимых штатов по американскому образцу. Они достигли своей цели. Предложения жиронды против коммуны и ее вождей не добились необходимого большинства голосов: тирания ратуши и собраний секций удержалась в прежней силе, а на неистовства прошлого набросили покров декрета невменяемости. «Теперь нечего больше скрывать», воскликнул торжествуя Колло д'Эрбуа в якобинском клубе, «второе сентября — великий член символа вьры нашей свободы». Гора испытала уже, какая сила присуща той партии, которая сплотилась как один человек. В этом сознании таилась вся будущая победа. Однако кровь второго сентября стуждала жиронду от горы; республика, какую хотели основать друзья жены Ролана, не могла примириться с таким Канвским клеймомъ.

6. нбр. 1792. Может ли
король быть
судимъ и казнь? Разладъ партий в собраніи обнаружился еще сильнее и разразился непримиримою враждою, когда дѣло дошло до участи короля. Монархическая власть была отмѣнена, республика — введена, пока былъ живъ король, до тѣхъ поръ все еще можно было попытаться возстановить престолъ. То и дѣло повторялось: «Король — средоточіе всѣхъ внутреннихъ и вѣншихъ заговоровъ противъ революціи; онъ раздуваетъ усовицу въ странѣ и нашествіе извѣвъ». А потому всѣ помыслы и стремленія вождей партии горы направились къ устраненію Людовика XVI. посредствомъ смерти. Но какъ достигъ этой цели? Для отмѣны королевской власти можно было сослаться на статью въ конституціи, гласившую: «Если король и его совѣтники примутъ враждебныя мѣры противъ націи, призовутъ противъ нее чужеземное войско, то самъ король лишается престола, а его совѣтники подвергаются всей тягости законовъ». Въ отношеніи Людовика XVI. это уже исполнилось. Но какъ же затѣмъ было добиться смертнаго приговора? вѣдь по находившейся еще въ силѣ конституціи ясно объявлена неприкосновенность короля, тѣмъ еще болѣе, что за все прошлое обнародована амнистія и Людовикъ всегда робко избѣгалъ кровопролитія? Писаннымъ закономъ тутъ нельзя было воспользоваться; поборники смертнаго приговора могли развѣ сослаться на тотъ исконный уставъ, что благо государства есть высшій законъ, что молодая республика, угрожаемая вѣншими и внутренними врагами, не можетъ добиться безопаснаго существованія, пока королевское имя служитъ знаменемъ для всѣхъ ея противниковъ. Демократы втайнѣ радовались тому, что не ими былъ возбужденъ вопросъ объ уголовномъ судѣ короля, что членъ жиронды, Валазе, первый въ напыщенный рѣчи перечислялъ преступления, которыя Людовикъ XVI. совершилъ будто бы во все свое царствованіе, а потомъ членъ центра, Мелэ, освѣтилъ юридическій вопросъ, можетъ ли конституціонный государь быть преданъ суду и передъ какимъ судьямъ надлежитъ вести и рѣшать процессъ?

Онъ доказалъ, что заявленная конституціей неприкосновенность въ республиканскомъ государствѣ не имѣетъ уже никакого значенія, что поэтому Людовикъ, тайно призвавъ въ помощь чужеземные орды въ страну, лишилъ жизни многихъ гражданъ и долженъ быть судимъ какъ обыкновенный государственный измѣнникъ, и что представители самодержавнаго народа, который на основаніи неотчуждаемаго права ввелъ республику и тѣмъ отрѣшилъ святость исконной королевской власти, по естественному закону и составляютъ высшее судилище, приговоръ котораго не подлежитъ никакой апелляціи. Такъ такъ конвентъ представляетъ власть и верховность самодержавнаго народа, то рѣшеніе его и не нуждается въ дальнѣйшемъ подтвержденіи. Право націи судить короля вытекаетъ изъ свойства общественнаго договора, въ силу котораго онъ получилъ власть и который онъ нарушилъ. Въ духѣ политики пропаганды, которую стали уже вездѣ распространять, ораторъ воскликнулъ: всѣ народы обратили свои взоры на конвентъ, чтобы узнать отъ него, «можетъ ли призванный исполнять законы, стать когда нибудь независимымъ отъ творцовъ этихъ законовъ? даетъ ли королевская неприкосновенность право безнаказанно душить гражданъ и общество; монархъ развѣ Богъ, карающаго десницу котораго мы должны благословлять, или человекъ, преступленіе котораго карается?» Онъ былъ того мнѣнія, что вся Европа станетъ подражать примѣру Франціи, и это повлечетъ за собою низверженіе всѣхъ королей и государей. Такимъ духомъ проникнуты были большею частью рѣчи, которыя въ теченіе ноября мѣсяца говорились съ возрастающимъ возбужденіемъ и порывомъ. Тщетно нѣкоторые, а именно Мориссонъ и Фоше, пытались поддержать законную почву конституціи и опровергнуть выведенныя изъ естественнаго права и самообороны доказательства; тщетно члены горы, а именно Робеспьеръ и пылкій Сень-Жюсть, пытались разстроить судопроизводство какъ неумѣстное и лишнее дѣло, признавъ смертную казнь «мѣрою общественнаго блага, актомъ національнаго провидѣнія»; большинство было за процессъ. Такое зрѣлище, заявилъ Тома Пенъ, котораго республиканцы избрали въ конвентъ, запугаетъ вѣнчанныхъ разбойниковъ Европы, а Грегуаръ предсказывалъ, что это придастъ новый видъ земному шару и вулканы вездѣ разразятся.

По принципу народнаго самодержавія и по теоріи о государствѣ какъ о договорѣ, которая со временъ Руссо стала основнымъ воззрѣніемъ всѣхъ либераловъ, не подлежало никакому сомнѣнію, что конвентъ какъ законный представитель націи былъ въ правѣ и обязанъ чрезвычайнымъ уголовнымъ судомъ карать за нарушеніе договора вслѣдствіе государственной измѣны. Съ этимъ положеніемъ согласно было большинство собранія. Но только гора съ этой точки зрѣнія непосредственно переходила къ смертному приговору, тогда

Тенденціи партий и народное возмущеніе.

какъ жиронда, частью изъ боязни передъ такимъ насильственнымъ актомъ, частью въ виду мнѣнія свѣта, частью для того чтобы сохранить за собою призракъ лицемѣрной гуманности и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность приличнаго мира съ заграницей, хотѣла комедией національнаго суда признать короля виновнымъ, но сохранить его жизнь. Пусть онъ подъ Дамокловымъ мечемъ, «какъ заложникъ между престоломъ и плахою» влачить существованіе осужденнаго преступника. На такой конецъ имѣлось въ виду величавымъ государственнымъ процессомъ доказать вину измѣнника, но отложить исполненіе приговора до тѣхъ поръ, пока сама нація въ первичныхъ собраніяхъ не заявитъ своей окончательной воли. Если конвентъ и осудитъ короля, то народъ все-таки могъ бы еще оправдать его, такимъ образомъ его жизнь была бы спасена, тогда какъ признавъ его большинствомъ прямо невиннымъ, жирондисты опасались, какъ бы парижская чернь новымъ возстаніемъ не умертвила его на ихъ глазахъ. Пропасть бурныхъ прошеній, которыя сооружены были якобинцами и настаивали на немедленномъ рѣшеніи, и то уже свидѣтельствовали о господствовавшемъ броженіи. Къ политикѣ присоединились еще социальныя невзгоды, дороговизна, застои сношеній, задержка съѣстныхъ припасовъ, безденежье и ростовщичество. Всѣ эти бѣдствія, говорили якобинцы, прекратятся, когда надеть голова короля; они искусственно производятся монархистами, капиталистами и аристократами, съ цѣлью подавить революцію. Революціонныя страсти воспламенились со свѣжими силами, говоритъ Зибель. Возобновились всѣ бури, какими сопровождалась прежняя катастрофа революціи. На мостовыхъ вновь появились народные витіи истинной свободы: площадные крикуны и женщины братскаго клуба закишѣли; происходили скопища, угрозы, мѣстныя насилія. Тревога росла по мѣрѣ того, какъ въ теченіе процесса все болѣе и болѣе обнаруживалось намѣреніе жирондистовъ, спасти короля. Они не даромъ все сильнѣе убѣждались въ томъ, что его смерть значитъ «всемирная война вовнѣ и господство террора внутри», что ихъ собственное существованіе тѣсно связано съ жизнью Людовика.

Изъ среды жирондистовъ брошенъ первый камень въ королевскую голову, и имъ же пришлось при судопроизводствѣ взяться за починъ дѣла. Барбару прочелъ составленный комиссіей перечень всѣхъ измѣнъ, какія будто бы совершилъ «послѣдній король Французовъ». Главные документы обвиненія заимствованы изъ желѣзнаго шкафа, который нашли въ одной изъ стѣнъ Тюльери; содержавшіяся тамъ бумаги забралъ министръ Роландъ и предъявилъ ихъ конвенту. Тутъ были тайныя письма и акты, которыми обнаруживалось, что французскій дворъ не только сносился съ Австріей и эмигрантами, составляя съ ними планы къ испроверженію французской конституціи,

Процессъ
короля.
10. дек. 1792.

но старался также годовыми окладами, подкупамъ и другими средствами склонить къ той же цѣли нѣкоторыхъ изъ членовъ національнаго собранія, въ особенности Мирабо. На основаніи этихъ изобличеній, поступковъ или упущеній, въ которыхъ король провинился съ 1789 г. противъ національнаго собранія или въ ущербъ страны, составился обширный обвинительный актъ, имѣвшій цѣлью доказать, что Людовикъ замышлялъ измѣну и заговоръ противъ Франціи и націи. На слѣдующій затѣмъ день передъ собраніемъ явился самъ король, о которомъ Сантеръ доложилъ подъ именемъ «Луи Капета». Небрежная одежда, изнуренное лицо свидѣтельствовали о дурномъ обращеніи, какому онъ подвергался въ Тампль. Предсѣдатель Бареръ, членъ конституціоннаго собранія, одаренный чуткимъ «инстинктомъ относительно положенія временной власти», служа локкимъ ораторомъ всякимъ политическимъ мнѣніямъ, какія именно пользовались преобладаніемъ, приступилъ къ допросу. Королю, сохранившему спокойный, исполненный достоинства видъ, не трудно было опровергнуть всѣ обвиненія, хотя они и не были сообщены ему заранѣе: все, что онъ дѣлалъ до сентября 1791, оправдывалось неограниченною тогда самодержавною его властью надъ государствомъ и войскомъ, а за все послѣдовавшее затѣмъ отвѣтственны были министры. Просьба о защитникахъ была разрѣшена вопреки противорѣчію коммуны. Два адвоката, къ которымъ по добровольному побужденію присталъ благородный Мальзербъ, бывший министръ, взяли на себя его защиту. Рѣчь, которую де Сезъ изъ Бордо произнесъ передъ собраніемъ въ присутствіи короля, была мастерскимъ произведеніемъ юридической ясности и доблестнаго праводушія: набросавъ очеркъ жизни Людовика, онъ доказалъ, что человекъ съ такимъ характеромъ не способенъ совершать преступленія, въ какихъ его обвиняютъ; онъ опровергъ по статьямъ всѣ обвиненія, съ тѣмъ чтобы доказать невозможность осудить короля. Но въ подлежащемъ случаѣ дѣло шло не о томъ, виновенъ или нѣтъ подсудимый, а о политическомъ вопросѣ, можетъ ли низверженный король жить въ республикѣ, не подвергая опасности ея существованіе, обуславливается ли казнь необходимостью на основаніи виѣшней и внутренней политики, должна ли отмѣна королевской власти имѣть слѣдствіемъ убійство короля, ведетъ ли путь къ свободѣ лишь черезъ трупъ монарха? Вотъ по какой альтернативѣ разбивалось мнѣніе собранія, вотъ та твердая точка, на которую слѣдовало бы опереться оратору, съ тѣмъ чтобы воодушевить шаткихъ и нерѣшительныхъ членовъ для оправданія. Это было бы дѣйствительнѣе, нежели доказательства, что король никогда не давалъ приказанія проливать кровь гражданъ, обвиненіе, которое самъ Людовикъ рѣшительно опровергъ немногими словами.

Въ послѣдовавшихъ затѣмъ преніяхъ, продлившихся до наступившаго новаго года, обсуждался главнѣйше вопросъ, предоставить ли націю или нѣтъ?

11 дек.

26. дек. 1792.

Апеляровать
къ націи или
нѣтъ?

ли рѣшеніе всему народу въ его первичныхъ собраніяхъ, или самому конвенту опредѣлить и исполнить судебный приговоръ. Жиронда вступилась за апелляцію къ народу, т. е. къ провинціямъ, гдѣ она разсчитывала на свое могущество; ей хотѣлось сохранить жизнь короля, не изъ челоуѣколюбія, а оттого, что имѣлось въ виду заключить миръ съ Пруссіей и союзъ съ Англіей противъ Австріи, и оттого что только этимъ путемъ она могла бы отклонить отъ себя подобную казнь. Фоксъ и остальные расположенные къ республиканцамъ Англичане увѣряли своихъ друзей жирондистовъ, что казнь короля для Питта послужитъ сигналомъ объявить войну. Вожди партіи рѣшили поэтому, пусть конвентъ произнесетъ приговоръ, но предложить его для утвержденія первичнымъ собраніямъ въ департаментахъ. Якобинцы и монтеньяры, которымъ извѣстно было, что съ сентябрьскихъ убійствъ народное настроеніе въ провинціяхъ обратилось противъ нихъ, возстали противъ всякой отсрочки, противъ всякой апелліаціи къ народу. Въ ихъ глазахъ такое вмѣшательство націи, какъ оно требовалось умѣренной партіей, равнялось оправданію. Въ самомъ конвентѣ происходили самые рьяные ораторскіе бои, въ которыхъ принимала ревностное участіе парижская уличная демократія на галереяхъ и у воротъ. Дѣло касалось не только спасенія короля, не только торжества челоуѣколюбія надъ кровожаднымъ воємъ монтеньяровъ; ядро спорнаго вопроса заключалось въ томъ: будетъ ли парижская коммуна и впредь также терроризировать всю націю и, не заботясь о мирѣ и свободѣ, продолжать революцію, или не спознаются ли, не сомнутся ли и не ободрятся ли наконецъ при рѣшеніи участи короля умѣренные и консервативные классы, жаждающее покоя и порядка среднее сословіе. Сень-Жюсть и Робеспьеръ, оба главные ораторы горы, всѣми силами возстали противъ плана первичныхъ собраній; они чуяли въ нихъ зародыши всякихъ бѣдъ, паденіе республики, междоусобіе, торжество деспотизма и порока надъ добродѣтелью и справедливостью. Своими лицемѣрными извѣтами Робеспьеръ укорялъ противниковъ въ томъ, что они патриотамъ ставятъ въ упрекъ мятежное меньшинство, но вѣдь добродѣтель на землѣ всегда была въ меньшинствѣ: Сократъ и Катонъ были преданы смерти преобладавшимъ большинствомъ. Тщетно Верньо подъ исходъ года въ одной изъ самыхъ блестящихъ рѣчей своихъ представилъ собранію все бѣдствіе, какое возникнетъ отъ убійства короля: всемірная война, оскуднѣніе и голодъ во всей странѣ, раздоръ и усобица во всѣхъ классахъ; тщетно онъ, негодуя и сокрушаясь патриотическою скорбью, бичевалъ ядовитые замыслы и тенденціи якобинцевъ, которые теперь хотятъ умертвить короля, съ тѣмъ чтобы потомъ самый конвентъ свестъ на эшафотъ; героямъ, которыхъ Робеспьеръ привелъ свидѣтелями добродѣтели и меньшинства онъ противопоставилъ заговорщика и преступника Катилину;

терроризмъ коммуны, кровожадная газета Марата, грозившая народною местию, полицейскіе комитеты секцій, сулившіе новыя сентябрьскія убійства, вопль уличной черни, требовавшей своей жертвы, всѣ эти мрачныя власти словно оскалившіяся привидѣнія предстали воображенію умѣренныхъ, робкихъ, нерѣшительныхъ гражданъ и заглушили голосъ состраданія, челоуѣчности, симпатіи къ державному страдальцу. Лихорадочное возбужденіе и броженіе обуюло всѣ умы: прислужники коммуны, пикенеры и пролетаріи закопошились; охранная стража конвента состояла всего изъ пяти тысячъ съ небольшимъ недавно прибывшихъ изъ провинціи федератовъ, такъ какъ въ пользу якобинцевъ настроенный военный министръ Пашъ, вѣрный сообщникъ Геберта и Шомета, выслалъ все войско и добровольцевъ изъ департаментовъ на мѣсто военныхъ дѣйствій въ восточныхъ и сѣверныхъ пограничныхъ краяхъ, а орудія передалъ секціямъ. Въ послѣднюю недѣлю около 14,000 челоуѣкъ бѣжали изъ столицы, изъ этого притопа страха и ужаса. Тюрьмы опять, какъ за три мѣсяца тому назадъ, стали наполняться арестантами, которыхъ забирали комиссары секцій какъ измѣнниковъ и подозрительныхъ людей. Когда же сверхъ того въ первые дни наступившаго года новыя федераты, подобно тому какъ предшественники ихъ въ августовскіе дни, измѣнили Барбару и жирондѣ, примкнувъ къ якобинцамъ и демагогамъ ратуши, то не оставалось уже никакого сомнѣнія касательно исхода процесса и торжества монтеньяровъ. У кого не хватало убѣжденія, тотъ подчинялся изъ страха.

Когда 14. января и въ оба слѣдовавшіе затѣмъ дня конвентъ собрался для окончательнаго совѣщанія, сперва касательно вопроса о винѣ, потомъ объ апелліаціи къ народу и наконецъ о размѣрѣ наказанія, то онъ походилъ уже на осажденную крѣпость, у воротъ которой царить мятежъ, а внутри страхъ и измѣна. О первомъ вопросѣ почти все собраніе согласилось единодушно. Изъ 749 членовъ 683 подтвердили вину. Когда голоса были собраны, то предсдатель Верньо отъ имени конвента объявилъ, что «Людовикъ Капетъ» виновенъ въ заговорѣ противъ націи и въ покушеніи на безопасность государства. Во второмъ вопросѣ 423 голоса противъ 281 отвергли воззваніе къ народу. Вопросъ о размѣрѣ наказанія отложили до слѣдующаго дня, 16. января. Тутъ-то пришлось пустить въ ходъ всѣ средства, для того чтобы острасткой понудить конвентъ къ королевскому убійству. Съ наступленіемъ дня уже страшныя ватаги Мальяра и Фурнье потянулись по улицамъ, парижская чернь заняла входы и галереи палаты, съ цѣлью произвести давленіе на подававшихъ голоса. Ланжюинъ и еще одинъ изъ жирондистовъ предложили, чтобы въ настоящемъ случаѣ признано было правомъ законное постановленіе, въ силу котораго въ уголовномъ судопроизводствѣ для произнесенія смертнаго приговора требуется

Осужденіе короля.

15. янв. 1793.

чтобы двѣ трети изъ всѣхъ присяжныхъ подали голосъ за нее. Но по настоянью Дантона это было отвергнуто и положено, требовать простаго большинства, какъ во всѣхъ рѣшеніяхъ комитета. Каждый изъ депутатовъ поочередно вызывался на трибуну и оттуда, произносилъ свой приговоръ, объясняя его доводами, вслѣдствіе чего голосованіе продолжалось весь вечеръ и всю ночь. Многие изъ страха передъ ножами и штыками грозныхъ скопищъ дрожавшими устами подавали голосъ за убійство короля. Когда Орлеанъ-Эгалите прочелъ свой приговоръ, признавъ своего родственника заслуживающимъ казни, то собраніе прониклось нравственнымъ негодованіемъ. Нѣкоторые сопровождали свои отзывы сентенціями, какъ напр. Бареръ: «дерево свободы, сказалъ древній писатель, прозябаетъ лишь, когда оно орошено кровью тирана». Верньо также подаль голосъ за смерть, такъ какъ, предвидя возникновеніе междоусобія, онъ не рѣшался изъ-за жизни одного человѣка подвергнуть опасности благо Франціи. Возбужденіе въ Парижѣ доходило до того, что въ одномъ изъ ресторановъ молодой человѣкъ убилъ депутата Лепелетье де

17 янв. 1793.

Сенъ-Фарго, за то что онъ подаль голосъ за казнь. Подъ вечеръ слѣдующаго дня лишь сталъ извѣстенъ исходъ голосованія, совершавшагося при дикихъ взрывахъ рьянаго скопища, шумѣвшей и ревѣвшей уличной черни въ галереяхъ и проходахъ палаты. Оказалось, что смертная казнь безусловно рѣшена была большинствомъ *одного* только голоса; около сорока голосовъ было за казнь, но лишь съ тѣмъ, чтобы она была отсрочена; многие подали голосъ за тюрьму и изгнаніе. На слѣдующій затѣмъ день возникъ еще вопросъ объ отсрочкѣ; но болѣе половины требовали немедленнаго исполненія приговора, по чувству человѣколюбія, какъ увѣряли Тальенъ и Робеспьеръ, чтобы не томить Людовика предсмертной агоніей.

Кончина

Людовика XVI.

Такъ завершилась драма суда. Король не ожидалъ инаго исхода: Когда благородный Мальзербъ, обливаясь слезами, объявилъ своему бывшему повелителю рѣшеніе конвента, онъ спокойно и твердо произнесъ: «смерть меня не страшитъ, я уповаю на милосердіе Божіе». Въ такомъ же душевномъ настроеніи принялъ онъ депутацію съ министромъ юстиціи Гаратомъ во главѣ, сообщившую ему смертный приговоръ. Ему съ самаго обвиненія пришлось сносить оскорбленія, разлуку съ своими, гнусное обращеніе грубыхъ сторожей, тагъ что смерть казалась избавленіемъ. Покорность судьбѣ, упованіе на Бога, и всѣ качества и добродѣтели благочестиваго страдальца—вотъ что въ послѣдніе часы выступило во всей своей силѣ и придало душѣ его крѣпость, перенести всю горечь смерти. Преодолевъ самыя тяжкія мгновенія разлуки съ своей семьей, онъ спокойно проспалъ до утра, когда настала пора отправиться на мѣсто казни на революціонной площади. И тутъ на этомъ послѣднемъ пути ему пришлось терпѣть отъ грубости и ожесточенія людей, возбужденныхъ поли-

тическимъ фанатизмомъ. Послѣ десяти часовъ несчастный государь взошелъ на эшафотъ. Обратившись къ народу, онъ клялся въ своей невинности, прощалъ своимъ врагамъ и изъявилъ желаніе, да не падетъ на Францію кровь его. Онъ хотѣлъ говорить еще, но барабанный бой національной гвардіи по командѣ Сантера заглушилъ его слова. Онъ спокойно далъ связать себѣ руки, остричь волоса, обнажить верхнюю часть тѣла; когда подъ рукою палача Самсона пала голова, то изъ рядовъ окружавшей толпы и «Робеспьеровыхъ бабъ» раздался крикъ: «Да здравствуетъ республика!»

21. янв.

„Людовикъ былъ единственный человѣкъ въ Парижѣ“, такъ заканчиваетъ Зибель свое описаніе трагической катастрофы 21-го января, „обладавшій спокойствіемъ души въ день своей казни. Болѣе кроткіе приверженцы революціи терзались угрызениемъ совѣсти, жиронда видѣла передъ глазами свою гибель, якобинцы скрежетали съ досады надъ одиночествомъ своего торжества. Весь день магазины въ Парижѣ были закрыты, надъ городомъ царилъ тишь тунаго недоумѣнія, открытые по приказу театры мало посѣщались вечеромъ. Женщины въ этотъ день были печальны, заявляетъ якобинская газета, и это не мало способствовало мрачному виду всего города. Мы сожгли корабли за собою, воскликнулъ Маратъ. Это было самымъ короткимъ выраженіемъ факта. Краеугольный камень республики рукою убійцъ въ этотъ день былъ погруженъ въ кровь,—кровь и убійство—вотъ что вошло въ составъ всѣхъ частей возникшаго зданія. Съ этой поры побѣдителямъ не оставалось инаго выбора, какъ—или умереть самими, или уничтожить прогнившихъ. Такое положеніе имъ не было неприятно, оттого что они только въ радикальномъ наденіи всего существующаго признавали значеніе и цѣль революціи. Но великая и образованная нація не можетъ надолго жить преступленіемъ и управляться убійствомъ.“

4. война и завоеванія въ пограничныхъ областяхъ.

Хотя якобинцы и увѣряли, что со смертью короля устранится междоусобіе, возстановится миръ съ границей, но это было одно лишь лицемѣріе или самообольщеніе съ ихъ стороны; кровавый актъ послужилъ скорѣе сигналомъ къ европейской всемірной войнѣ, а внутри онъ повелъ къ кровавому террору и самоистерзанію націи, небывалому въ историческихъ лѣтописяхъ. Пока въ Парижѣ доканчивали борьбу съ престоломъ и старою Франціей, въ это время французскія войска успѣли перейти восточную и сѣверную границу. Сначала это совершалось лишь съ цѣлью отразить враговъ, которые хотѣли воспрепятствовать низверженію стараго правительства во Франціи и оградить отъ революціоннаго натиска собственныя государства и права,—вмѣстѣ съ тѣмъ помочь народамъ «освободиться отъ ярма тирановъ». Вскорѣ однако война приняла болѣе наступательный характеръ: увлекшись успѣхами своихъ оружіи и симпатіями народовъ, Французы стали слѣдовать политическому плану, съ цѣлью втя-

Виднѣніа
дѣла.

нуть сосѣднія государства въ водоворотъ революціи, вознестъ Францію въ преобладающую державу въ преобразуемой по новымъ демократико-республиканскимъ принципамъ Европѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ военною добычею помочь внутреннему бѣдственному состоянію. Итакъ, обокъ съ военною борьбой успѣшно дѣйствовала политико-революціонная пропаганда. Ноября 19. уже конвентъ издалъ знаменитый декретъ, въ силу котораго Франція предлагала помощь всѣмъ народамъ, добивавшимся свободы. Слабость и безурядица въ сосѣднихъ государствахъ, а въ то же время своекорыстная политика трехъ восточныхъ державъ въ отношеніи Польши споспѣшествовали дѣламъ французской демагогіи. Всюду мелкіе раздоры и соперничество между государствами, распушенность въ войскахъ и управленіи, власть заносчивой аристократіи, обладавшей всѣми почетными мѣстами и должностями, подавленное и обремененное мѣщанское и крестьянское населеніе, алкавшее свѣжаго воздуха и свободы: все это весьма благоприятствовало порывавшейся впередъ войнолюбивой націи съ ея воинскими дарованіями. Даже двѣ великія державы съ ихъ испытанными въ бояхъ арміями не пожалы лавровъ въ Шампани, гдѣ же было послѣ этого пограничнымъ мелкимъ владѣніямъ противиться натиску.—Побѣды, съ такою поразительною легкостью одержанныя республиканскими войсками въ альпійскихъ и рейнскихъ краяхъ, исполнили конвентъ самыми смѣлыми надеждами.

1. Савойя и Пиемонтъ. Положение и условія. Въ прежнихъ главахъ мы ознакомились съ политическимъ состояніемъ европейскихъ странъ до возникновенія французской революціи. Въ королевствѣ *Пиемонтъ-Сардиніи* съ 1773 г. царствовалъ Викторъ Амедей III. (XII, 648), близкій родственникъ бургонскаго дома во Франціи и Испаніи. Дочери его были замужемъ за братьями Людовика XVI; его собственная супруга была испанская принцесса, для своего первенца онъ предназначилъ въ супруги также дочь Франціи. Туринскій дворъ былъ слѣнкомъ версальскаго; на высшемъ обществѣ лежалъ французскій отпечатокъ, самъ король, хотя и удивлялся Фридриху II. прусскому и даже подражалъ ему по наружности, вращался всецѣло въ воззрѣніяхъ и привычкахъ абсолютной королевской власти и феодальнаго господства. Страна пользовалась продолжительнымъ миромъ, при всемъ томъ казна, накопленная расчетливою экономіей Карла-Эмануила, безъ толку расточалась, такъ что на странѣ лежалъ долгъ свыше 100 милліоновъ франковъ. Король содержалъ большую армію, скорѣе для парада и для того, чтобы снабдить дворянъ офицерскими мѣстами, чѣмъ для полевой службы, какой вовсе не имѣлось въ виду. Празднества и охотничьи выѣзды въ пиемонтскихъ придворныхъ и высшихъ кружкахъ относились также къ самымъ важнымъ занятіямъ, какъ и во французскихъ; благодаря долготѣнному миру было достаточно досуга на удовольствія. Но въ эти дни покоя и наслажденій ослабѣла энергія, извратились политическіе помыслы и патріотическая доблесть. „Многочисленное военное дворянство“, заявляетъ Рейхлинъ, „которое здѣсь несравненно болѣе чѣмъ гдѣ-либо въ Италіи отзывалось юнкерствомъ, было нахально, высокомерно, отчасти расточительно, и въ погонѣ за наживой оно выживало мѣщанъ изъ выс-

шихъ государственныхъ и изъ всѣхъ военныхъ должностей“. Можно себѣ представить поэтому, какимъ неприятнымъ отголоскомъ прозвучали версальскія и парижскія событія въ странѣ у подножія Альпъ! Туринъ подобно Коблену вскорѣ сталъ лагеремъ эмиграціи. Какъ въ Германіи, такъ и въ Италіи княжескіе выходцы и аристократическіе спутники ихъ пытались поднять контрреволюціонную лигу, съ тѣмъ чтобы она подъ знаменемъ Пиемонта вооружилась противъ опасныхъ враговъ всякой монархической власти и всякихъ сословныхъ преимуществъ. Однако, какъ тамъ, такъ и тутъ ихъ принимали неохотно и съ неудовольствіемъ. Пока пожаръ не угрожалъ собственному дому, до тѣхъ поръ никому охоты не было тушить его. Въ самой даже Вѣдѣ не очень-то пытались вовлечь пиемонтскаго державца въ военный союзъ. Тамъ же забыли еще, что Карлъ-Эмануилъ подобно прусскому королю воспользовался нѣкогда затруднительнымъ положеніемъ Австріи, и съ той поры стали недоброжелательно относиться къ западному сосѣду. Когда же наконецъ рѣшились принять его въ союзъ, то не сочли нужнымъ распространить военный планъ на Савойю и Пиемонтъ. Королю Виктору Амедею предоставлялось дѣйствовать на свой страхъ. Впослѣдствіи вѣнскій кабинетъ сталъ, правда, болѣе заботиться о королевствѣ и назначилъ даже австрійскаго главнокомандующаго надъ всѣми милано-пиемонтскими военными силами; но это дѣлалось съ тайнымъ расчетомъ, захватить вновь миланскія территоріи, которыя Марія-Терезія уступила нѣкогда, скрѣпя сердце, или пріобрѣсть въ видѣ вознагражденія за инія уступки весь заальпійскій край.

При такихъ-то условіяхъ Викторъ Амедей поступилъ весьма опрометчиво, отвергнувъ изъ ненависти къ демократическому національному союзу французовъ, Савойя и Ниццы присоединяются къ Франціи. 15. іюля 1792. желавшаго склонить туринскій дворъ къ сепаратному союзу; король подалъ такимъ образомъ правительству жирондистовъ поводъ, объявить ему войну. Тогда въ Парижѣ еще не совсѣмъ покинули надежду, изолировать Австрію, отдѣливъ отъ военнаго союза и Сардинію и Пруссію. Престарѣлому королю скоро пришлось пенять послѣдствія своего поступка. Когда генералъ *Монтескью-Фезанзакъ* переплылъ черезъ Варъ, то жители Савойи и Ниццы заявляли самыя пылкія симпатіи къ французскимъ солдатамъ и бездѣ оказывали имъ содѣйствіе. Въ сентябрѣ уже пиемонтскіе полки, охранявшіе край, были поставлены въ затруднительное положеніе и такъ озадачены, что они форсированнымъ маршемъ отступили за границу, послѣ чего Монтескью занялъ Шамбергъ, а генералъ *Ансельмъ* безъ боя подчинилъ Ниццу. Въ то же время французскій флотъ подъ начальствомъ адмирала *Трогэ* крейсировалъ въ Лигурійскомъ морѣ, и когда одинъ изъ кораблей, который хотѣлъ подъ парламентарскимъ флагомъ пристать къ берегу, былъ отраженъ, то онъ наказалъ приморскій городъ Онеглію, предавъ его огню и грабежу. Для Саволровъ и Ницціанъ появленіе французовъ послужило знакомъ къ отпаденію. Аллоброгическое населеніе никогда не питало сильной привязанности къ династіи, вышедшей изъ его горы. Искони привязанные языкомъ и матеріальными интересами къ великой западной сосѣдней державѣ, Саволры теперь ревностно ухватились за случай, прижмуть къ странѣ свободы и равенства. Заявивъ нѣсколькими варварскими революціонными выходками свое сочувствіе новой эрѣ и отрекшись отъ феодальнаго господства, они, послѣ кратковременной попытки соорудить самостоятельное управленіе съ клубами и избранными чиновниками, обратились къ конвенту съ предложеніемъ соединиться съ Франціей. Послѣдній согласился на ихъ просьбу. Съ этой поры повья области примкнули къ французской республикѣ подъ названіемъ департаментовъ Монблана 27. нбр. 7. дек. 1792. и Приморскихъ Альпъ.

Савойя и Ниццы присоединяются къ Франціи. 15. іюля 1792.

25. сент. 1792

27. нбр. 7. дек. 1792.

Женева. Изъ Ниццы и Шамбери демократы простерли свои виды на богатия, управляемые аристократами республики Генуу и Женеву. Министръ Клавьеръ не забылъ еще, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ олигархи его роднаго города Женевы принудили его бѣжать со многими единомысленниками, добивавшимися реформы. Теперь стали придираться къ случаю для вмѣшательства въ эту небольшую общину. Совѣтъ принявъ въ городъ бернскую милицію; это сочли нарушеніемъ стараго договора о гарантіяхъ, по которому безъ согласія Франціи не могли присутствовать ни къ какимъ политическимъ нововведеніямъ. Монтескью получилъ приказъ проникнуть въ область города Женевы. Но вмѣсто того, чтобы исполнить приказъ, генералъ вступилъ въ переговоры и заключилъ трактатъ, который не понравился демократамъ въ Парижѣ. Давно уже заподозрѣнный вслѣдствіе его древне-дворянскаго происхожденія Монтескью былъ поэтому преданъ суду. Не желая попасть въ руки своимъ врагамъ, онъ предпочелъ воспользоваться убѣжищемъ въ Швейцаріи.

Продолженіе войны въ 1793 году. Благодаря поднявшимся вѣтромъ при Ронѣ и во всей южной Франціи бурямъ противъ конвента, приостановились завоевательныя войны въ пограничныхъ альпійскихъ областяхъ и женевская республика воспользовалась кратковременнымъ отдыхомъ. Однако мечъ все еще висѣлъ надъ городомъ Лемана, а съ итальянской стороны тоже упустили случай воспользоваться обстоятельствами для переворота. У пиемонтскаго короля, который вмѣстѣ съ двумя своими сыновьями принялъ начальство надъ войскомъ, и у его австрійскаго совѣтника Девинса не хватило ни мужества, ни духа предпримчивости, ни стратегическаго соображенія для того, чтобы извлечь выгоды изъ затруднительнаго положенія непріятеля. Мы скоро узнаемъ, что раздоры, своекорыстіе и недовѣріе союзниковъ сильно тормозили военныя дѣйствія противъ Франціи. Въ заальпійскомъ краѣ также обнаружился дурныя послѣдствія такого разлада. Австрія отказывалась въ требуемой поддержкѣ, а потому сардинскія войска не имѣли успѣха и предпріятія пришли въ застой. Нападеніе на графство Ниццу было отражено уроженцемъ края, молодымъ пылкимъ *Массеномъ*, обрѣтшимъ въ рядахъ республиканскаго войска военное поприще, изъ котораго при старыхъ порядкахъ навсегда исключало его низкое происхожденіе. Массена и молодой корсиканецъ *Наполеонъ Бонапартъ* подъ начальствомъ престарѣлаго разбитаго парализованнаго полководца Дюгоммье завлали хребты у Коль-ди-Тенды, соединительной цѣпи приморскихъ Альпъ съ Апенинами, а тѣмъ временемъ революціонная пропаганда въ Туринѣ и во всей Италіи дѣйствовала въ пользу республики. Защищенные крѣпостными веревками горныя проходы составили порубежную линію, пока гениальный полководецъ изъ Корсики, получившій по этому случаю чинъ бригаднаго генерала, не сталъ во главѣ альпійской арміи и не открылъ снова кампаніи съ блестящимъ успѣхомъ. Въ февралѣ 1793 г. княжество *Монако* было присоединено къ республикѣ. Франція хотѣла округлить свои естественныя границы. Но борьба между якобинцами и жирондистами, которая отозвалась даже на Корсику и произвела тамъ такой же разладъ, какъ въ Лионѣ и Тулонѣ, помогла англійскому правительству завладѣть островомъ съ помощью престарѣлаго національнаго героя Паоли (XII, 650), который противъ республикански настроеннаго прибрежнаго населенія призывалъ къ оружію крестьянъ, пастуховъ и охотниковъ. Французскіе приморскіе города инсургентами и британскими моряками вынуждены были сдать-ся на капитуляцію, Англичане заняли потомъ Корсику и Георгъ III. былъ провозглашенъ королемъ. Унаслѣдованныя распри враждебныхъ родовъ, поджигаемые обычаемъ кровомщенія еще болѣе усиливали политическій разладъ и снабжали партіи предпримчивыми, рьяными вожаками.

Такимъ же быстрымъ успѣхомъ пользовалась воинственная пропаганда въ мелкихъ имперскихъ областяхъ по Рейну. Мы достаточно уже ознакомились съ жалкими условіями въ духовныхъ владѣніяхъ по большой „поповской дорогѣ“; распущенность правительства, разстроенныя финансы, нерадивая военная система, несмѣтное духовенство, отчасти чужеземное дворянство, лишенное патріотизма и любви къ родинѣ, небрежное чиновничье сословіе, которое свою службу считало лишь источникомъ личной наживы, притомъ вѣчныя распри между епископами и капитулами, между правительствомъ и земскими чинами, ни слѣда національнаго сознанія въ народѣ, а въ образованныхъ мѣщанскихъ кружкахъ болѣе или менѣе живыя симпатіи къ новымъ идеямъ, — вотъ какія явленія рѣзко обнаруживались всюду. Помышляя лишь о мирѣ и наслажденіяхъ, ни духовные, ни свѣтскіе владѣтели не были способны ободриться для отпора угрожавшей опасности. Области и города недостаточно охранялись, крѣпости находились въ самомъ жалкомъ состояніи. Эмигрантовъ встрѣтили съ отверстыми объятіями и разражались наперерывъ съ ними бранью и хвастливыми угрозами на революцію; когда же нагрянула бѣда, то самохвальство разрѣшилось самымъ трусливымъ малодушіемъ.

Въ княжескихъ кружкахъ величайшій переполохъ произвела вѣсть, что генералъ *Кюстинъ* изъ Ландау съ 18,000 воиновъ началъ на *Шпейерѣ*, разогналъ императорскій гарнизонъ, завладѣлъ магазинами, наложилъ контрибуцію на капитулы и магистратъ. Кюстинъ, подобно Монтескью, маркизъ стариннаго рода, съ пламеннымъ рвеніемъ примкнулъ къ революціи, которая, думалъ онъ, утвердитъ величіе Френціи, исполнитъ Старый свѣтъ духомъ свободы, гуманности, просвѣщенія. Сдружившись съ жирондистами, онъ свою опытность въ качествѣ дипломата и воина хотѣлъ посвятить интересамъ своего обновленнаго отечества. Жители нѣмецкихъ порубежныхъ областей, тяжко обремененные несправедливыми налогами, охотничьими беззастѣливыми и феодальными повинностями, лишенные безпристрастнаго суда и всякой защиты, охотно припимали чужеземцевъ, возмущавшихъ всѣмъ господство человеческихъ правъ, равенство и свободу. То, что у Гёте въ поэмѣ „Германъ и Доротеа“ говоритъ судья, было всеобщимъ настроеніемъ 1):

Появленіе Французовъ въ Шпейерѣ и Вормсѣ нагнало паническій страхъ на всѣ прирейнскія владѣнія: много позорныхъ и гнусныхъ примѣровъ встрѣчается въ нѣмецкой имперской исторіи, всякое патріотическое чувство не разъ заглушалось наглымъ своекорыстіемъ, но никто и представить себѣ не могъ, чтобы до такой степени поскудны и жалки были условія, какія обнаружались теперь на самомъ дѣлѣ. Самъ Кюстинъ удивлялся своимъ легкимъ побѣдамъ. Достаточно было одного легучаго отряда при посредственномъ генералѣ для того, чтобы въ нѣсколько недѣль навѣсть страхъ и ужасъ на весь лѣвый рейпскій берегъ. Трирскій архіепископъ, его чиновники, множество дворянскихъ и богатыхъ семействъ сна-

2. Рейпскія страны. Положеніе въ условія.

генералъ Кюстинъ въ Шпейерѣ. 28 сент. 1792.

Переполохъ и бѣгство князей и феодальныхъ господъ.

1) Кто не сознается, какъ трепетало въ немъ весело сердце,
Какъ въ свободной груди всѣ пульсы забились живѣ
Въ ту минуту, когда засвѣтилось новое солнце,
Какъ услышали впервые объ общихъ правахъ человѣка,
О вдохновенной свободѣ и равенствѣ также похвальномъ!
Всякій въ то время надѣлся жить для себя и, казалась,
Всѣ оковы въ рукахъ эговзла и лѣни, такъ долго
Многія страны собой угнетавшія, разомъ распались.

Перев. А. Фета.

сались из Кобленца вниз по рѣкѣ; майнцскій курфирстъ, пристрастный къ просвѣщенію и французскому образованію (стр. 421), переѣхалъ черезъ Рейнъ въ Ашафенбургъ и Вюрцбургъ, что и послужило для духовныхъ особъ и дворянства знакомъ ко всеобщему бѣгству. Никогда еще рѣка Рейнъ не оживлялась такъ, какъ въ эти осенніе дни: множество судовъ всякаго рода, переполненныхъ людьми и товарами, спускалось внизъ по рѣкѣ! Нѣкоторымъ изъ князей хотѣлось объявить нейтралитетъ въ надеждѣ, что непріятель поддержитъ права войны. Пфальцъ-Баварія по своимъ рубежамъ выставила большія доски съ французскою надписью: „Пфальцская нейтральная область“; гессенъ-дармштадтскій ландграфъ, такъ рьяно возстававшій прежде противъ Франгузовъ, лишившихъ его эльзасскихъ доходовъ, отвелъ свои отряды, назначенные для защиты имперской крѣпости Майнца, на правый берегъ въ Гизенъ.

Итакъ Майнцъ, этотъ оплотъ имперіи, и безъ того уже весьма скудно снабженный гарнизономъ и орудіями, съ крайне запущенными стѣнами и крѣпостными верками, окончательно лишился всякой возможности мужественно обороняться. Покинутый курфирстомъ и дворянствомъ и предоставленный шаткому безпомощному начальству при населении, которое прониклось новыми идеями, Майнцъ, подобно Шпейеру и Вормсу, можетъ-бы было взять распахомъ, еслибъ Кюстинъ съ своимъ небольшимъ войскомъ отважился на такое отчаянное предпріятіе. Но онъ промѣшлялъ нѣсколько недѣль, выжидая дѣйствія революціонной пропаганды. Благодаря этому комендантъ крѣпости, *Гиммичъ* успѣлъ принять мѣры для обороны. Ему помогъ въ этомъ подполковникъ *Эйкемейеръ*, знающій, дѣятельный воинъ мѣщанскаго происхожденія, сочувствовавшій скорѣе новымъ воззрѣніямъ, нежели старой системѣ сословныхъ привилегій. Такъ по крайней мѣрѣ успѣли избѣжать позора взятія Майнца распахомъ, когда Кюстинъ подошелъ къ нему черезъ Оппенгеймъ. Однако Франгузы на другой же день убѣдились, что о настоящей оборонѣ тутъ и думать нечего, а сопротивляются лишь для виду, съ цѣлью добиться выгодной капитуляціи. Такъ оно и вышло. Когда на военномъ совѣтѣ главнокомандующій представилъ, что не хватаетъ ни войска, ни снарядовъ для отпора непріятеля, то рѣшено было сдаться. Эйкемейеръ передалъ французскому генералу залечатанный документъ такого содержания: по безпреступному отступленіи гарнизона съ чиновниками и духовенствомъ, по данному обѣщаніи охранять собственность, непріятельскія дѣйствія прекращаются и крѣпость сдается. Кюстинъ согласился на эти условія: но такъ какъ австрійскій гарнизонъ, числомъ 800 человекъ, не былъ упомянутъ особенно, то онъ вовремя, пока во французскомъ лагерѣ заняты были изготовленіемъ договорнаго документа, перебрался черезъ Рейнъ, съ тѣмъ чтобы черезъ Вестервальдъ достигъ Кельна. Затѣмъ Франгузы вступили въ Майнцъ. Впослѣдствіи постыдную сдачу главной крѣпости нѣмецкой имперіи приписали измѣнѣ Эйкемейера. Однако, нечего было прибѣгать къ измѣнѣ тамъ, гдѣ и безъ того было столько малодушія и безразсудства. Паническій страхъ, обурявшій всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ князей и владѣтелей, свидѣтельствовавъ о полной безпомощности и растерянности всѣхъ имперскихъ чиновъ, вслѣдствіе власти-тельныхъ и привилегированныхъ особъ. Не разъ уже живыми очерками изображалось, въ какомъ страхѣ и переполохѣ находился тогда весь державный и дворянскій міръ въ самой Германіи: всѣ приготовлялись къ бѣгству, укладывались сундуки и чемоданы, вездѣ царилъ ужасъ и смутеніе! Изъ Кобленца явилась уже депутація, съ цѣлью вступить въ переговоры касательно сдачи Эренбейтштейна; крѣпость удержалась однако, благодаря подоспѣвшимъ къ ней гессенскимъ и прусскимъ полкамъ.

Сдача
Майнца.

18. окт. 1792.

21. окт.

За то удался набѣгъ на Франкфуртъ, на который Кюстинъ выслалъ генерала Нейвингера. Городъ вынужденъ былъ выплатить контрибуцію въ два милліона гульденовъ „за то, что онъ оказалъ помощь эмигрантамъ“. Французскій генералъ хотѣлъ было возложить эту пеню на одни только богатые и преобладавшіе гражданскіе классы, соблюдая народъ: „война дворцамъ, миръ хижинамъ!“ Однако цехи и ремесленники на такое „якобинское лицемѣріе“ возразили, что имъ до сихъ поръ не было повода жаловаться на знатныхъ. Гушаръ совершалъ такіе же хищные набѣги на монастыри въ Веттерау и при Ланѣ.

Вслѣдствіе такихъ событій нѣмецкое воодушевленіе свободою на правомъ берегу Рейна замѣтно поостыло. Когда Кюстинъ, памѣтуясь на пасть на солончарни Наугейма, послалъ къ Гессенцамъ воззваніе, приглашая ихъ къ отпаденію отъ ландграфа, „который, повидимому, не знаетъ еще, что для всѣхъ тирановъ настала день суда“, то скоро убѣдился, что обольстительный голосъ Франціи не во всѣхъ нѣмецкихъ сердцахъ возбуждаетъ сочувствіе. Хотя Гессенцамъ не за что было жертвовать жизнью ради своего государя Вильгельма IX., однако доблестное сопротивленіе нѣсколькихъ батальоновъ свидѣтельствовавало, что не всѣмъ еще погукло доблестное мужество и патриотическое чувство. Битва, данная гессенскимъ авангардомъ прусской арміи у Фридбергскихъ воротъ подъ Франкфуртомъ, была единственнымъ энергическимъ подвигомъ въ это время нѣмецкаго позора. Кюстину пришлось покинуть Франкфуртъ и правый берегъ Рейна за исключеніемъ Кастеля и наружныхъ укрѣпленій Майнца. Еслибъ и ландграфа тоже хватило настолько духа, то, пожалуй, возникла бы народная война. Однако нѣмецкіе государи и тогда и три года спустя послѣ того пуце всего заботились о томъ, какъ бы избѣжать народныхъ волненій. Страхась внутреннихъ мятежей, они только споспѣшествовали революціонной пропагандѣ, которая въ Майнцѣ вполне расцвѣла теперь.

Извѣстно, что курфирстъ свою столицу возвелъ въ средоточіе свободной умственной дѣятельности въ духѣ французской философіи просвѣщенія и пригласилъ нѣсколькихъ ученыхъ и литераторовъ, которые въ радужномъ „золотомъ Майнцѣ“ образовали какъ бы иноземную колонію и „заразившись пагубнымъ для государства космополитизмомъ“, не признавали ни отечества, ни національности. Въ первомъ ряду среди ученыхъ и писателей находился *Георгъ Форстеръ*, кругосвѣтный путешественникъ, съ которымъ мы уже прежде ознакомились какъ съ человекомъ высокаго ума, сочувствующимъ идеѣ свободы и гуманнаго образованія (стр. 631). Сюда же примкнули изъ области Майнца недовольные и обиденные, въ родѣ упоминаемаго *Эйкемейера*, честолюбиваго врача *Ведекинда*, профессора *Гофмана*, священники съ пльоминатскими воззрѣніями въ родѣ *Блау* и *Дорша*, исписавшихся литераторовъ въ родѣ учителя гимназіи *Бѣмера* въ Вормсѣ и др. Въ этомъ кружкѣ съ величайшимъ интересомъ слѣдили за событіями въ Парижѣ. Однако, обвиненіе противной партіи, будто майнцскіе либералы митевными просками способствовали паденію крѣпости, опровергается какъ ни на чемъ не основанное; достовѣрно только то, что во время занятія города Франгузами они содѣйствовали распространенію революціонныхъ идей, что ими былъ основанъ клубъ якобинцевъ, что они возбуждали и поддерживали мысль о присоединеніи къ французской республикѣ. Въ самомъ Майнцѣ, гдѣ во дворцѣ курфирста собиралось крайне смѣшанное общество „друзей свободы и равенства“, также и въ другихъ городахъ по лѣвому берегу Рейна, французскій духъ и республиканское настроеніе подъ вліяніемъ „клубистовъ“ приобрѣли много приверженцевъ, не смотря даже на то, что новые властители вовсе не соблюдали принциповъ свободы и народнаго самодержавія, обращаясь

Набѣгъ на
Франкфуртъ.
22. окт. 1792.

Франгузы от-
ражены съ
праваго берега.

2. дек. 1792.

Майнцъ подъ
французскими
владыче-
ствомъ.
Клубисты.

съ старою скорѣе какъ съ завоеванною областью. Форстеръ и его соучастники были настолько проникательны, что признали господство и значеніе политическихъ идей революціи даже тамъ, гдѣ „онѣ скрывались подъ тинной распутныхъ страстей и демагогическихъ козней“. Вообще, приверженцы республики встрѣчались чаще среди образованныхъ, чѣмъ среди простаго люда. Сначала, такъ же какъ въ Савойи, пытались было преобразовать въ духѣ времени существовавшія условія и по принципу народнаго самодержавія и самоуправленія устроить независимую государственную систему. Но это было не по душѣ новымъ властителямъ; революціонная пропаганда такъ ревностно отстаивала слияніе съ французскимъ соѣдомъ „въ одну семью“, что достигла своей цѣли. Въ мартѣ собраніе подъ предсѣдательствомъ Гофмана и Форстера постановило „вскъ край отъ Ландау до Бингена преобразовать въ республику, отрѣшиться отъ всякой связи съ нѣмецкой имперіей и объявить навсегда упраздненными державныя права духовныхъ владѣтелей Майнца, Вормса и Шпейера, князей нассаускаго, баденскаго, сальмскаго, лейнингенскаго, также графовъ, дворянъ и имперскихъ городовъ, находившихся въ этой области“. Эта „Рейнская республика“ не могла держаться сама собою, а потому 21. марта состоялось опредѣленіе: „рейнско-нѣмецкій свободный народъ желаетъ присоединиться къ франкской республикѣ, и слѣдуетъ послать депутацію, съ тѣмъ чтобы заявить это желаніе франкскому национальному конвенту“. Во главѣ этой депутаціи находились Георгъ Форстеръ и Адамъ Луксъ. Ни тотъ, ни другой не увидали болѣе своей родины. Последній въ тотъ же годъ былъ казненъ за то, что всенародно заявилъ свое сочувствіе Шарлоттѣ Корде, а Георгъ Форстеръ, какъ мы уже знаемъ, умеръ въ январѣ слѣдующаго года (1794) съ сокрушеннымъ сердцемъ, разочаровавшись въ своихъ лучшихъ надеждахъ и сильно негодуя на совершившіяся передъ его глазами ужасы.

Мартъ 1793.

5. происшествія въ нидерландахъ и присоединеніе англій къ коалиціи.

Дюмурье въ Бельгіи.

Если уже въ западныхъ Альпахъ и на Рейнѣ сочувствіе народовъ царству «свободы, равенства и братства» споспѣшествовало французскому оружію, то чего же слѣдовало ожидать отъ Нидерландовъ, гдѣ не такъ еще давно революціонное возстаніе подавлено было австрійскими штыками, гдѣ въ Люттихѣ и Брабантѣ жители стогорали желаніемъ свергнуть насильственно наложенное на нихъ монархическое иго! Извѣстно уже, что многіе нидерландскіе бѣглецы во Франціи выжидали время, когда имъ удастся съ французскимъ войскомъ вернуться на родину (стр. 399, 414). Лафайетъ уже питалъ планъ, перенести революцію въ Бельгію. То, что не удалось вождю фельяновъ, пришлось выполнить Дюмурье, приверженцу жиронды. Съ какимъ самодовольствіемъ этотъ честолюбивый воинъ излагалъ министрамъ въ Парижѣ свой широко задуманный военный планъ, по которому онъ надѣялся изолировать Австрію, привлечь Бельгію къ революціи и побудить Пруссію къ сепаратному миру! Министры внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, Роланъ и Лебрёнъ, споспѣшествовали его замысламъ по политическимъ причинамъ и по не-

нависти къ Австріи; министръ финансовъ, Клавьеръ, надѣялся въ богатомъ коммерческомъ государствѣ пополнить истощенную казну, а военный министръ, Пашъ, всегда готовъ былъ служить революціонной пропагандѣ. Хотя и не согласились на гордое требованіе побѣдителя при Вальми, передать въ его руки главное начальство надъ всѣми военными силами по Рейну, Мозелю и Маасу, и онъ отправился лишь въ качествѣ «генерала арденскаго войска», съ тѣмъ чтобы напасть на соединенныя войска Клерфе и герцога Альбрехта Саксенъ-Тешена; но побѣда его при *Жеманнъ*, близъ Люттиха, со- 6. нбр. 1792. провождалась такими послѣдствіями, что затмила собою всякія иныя торжества. Два дня спустя послѣ битвы и по отступленіи Австрійцевъ демократически настроенные граждане Монса заключили капитуляцію съ французскимъ начальникомъ и отворили ворота, а недѣлю спустя послѣ того онъ вступилъ въ Брюссель, тогда какъ его генералы, Валансъ и Лабурдонне, заняли Намуръ и Антверпенъ. Вездѣ Французовъ принимали какъ освободителей, какъ апостоловъ новаго евангелія «свободы и равенства»; демократическій Люттихъ предавался радостнымъ торжествамъ при ихъ появленіи. Не прошло и шести недѣль, какъ австрійскіе Нидерланды до Мааса находились уже во власти французскаго генерала. Лишь при этой рѣкѣ его остановили соединенныя войска непріятели. Дюмурье подступилъ уже къ границѣ Голландіи и предложилъ Генеральнымъ штатамъ выборъ между союзомъ и войною. Еслибъ Кюстинъ и остальные военачальники проникли въ это время въ область между Маасомъ и Рейномъ, заняли Триръ и Люссембургъ, какая будущность представляла бы тогда французской республикѣ!

14. нбр.

27. нбр.

Голландія

Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ голландская республика въ борьбѣ противъ Оранскаго дома была покинута королевскою Франціей и предоставлена прусско-англійскому вліянію: теперь же обновленная Франція могла бы исправить промахъ прежняго правительства, возстановить прежній союзъ на новомъ основаніи. Нечего было опасаться сильнаго сопротивленія отъ федеративнаго государства, боевая сила котораго помимо нѣсколькихъ наемныхъ полковъ состояла главнѣйше изъ милиціи отдѣльныхъ союзныхъ штатовъ и городскихъ общинъ, политика котораго съ прежней высоты великой державы давно уже принизилась до низменной области внутреннихъ распрей и разлада партій, государственная жизнь котораго, вслѣдствіе частныхъ своекорыстныхъ интересовъ, какъ намъ извѣстно, ослабѣла, надломилась, лишилась всякаго духа общности. Тѣмъ соблазнительнѣе казались богатства приморской республики, общественныя сокровища въ торговыхъ городахъ и коммерческихъ товариществахъ.

Дюмурье политическимъ взглядомъ постигъ всю важность такого военнаго положенія и высокую задачу, какая вслѣдствіе того пред-

Дюмурье и демократическое правительство въ Парижѣ.

ставилась національному правительству Франціи: онъ поѣхалъ въ Парижъ, съ тѣмъ чтобы личнымъ воздѣйствіемъ склонить министровъ и вліятельныхъ членовъ конвента къ своимъ планамъ. Прежде всего надлежало снабдить войска денежными средствами и привести армію въ такое состояніе, чтобы она за границей возбуждала къ себѣ уваженіе и довѣріе и не была бы вынуждена перебиваться реквизиціями и военными поборами, вслѣдствіе чего симпатіи народовъ скоро обратятся въ ненависть и отвращеніе. Грабежъ и анархію не слѣдуетъ допускать въ странѣ, которая имѣетъ въ виду преобразовать свои учрежденія по образцу французской республики, создать свое собственное народное войско и всеобщими выборами созвать конституціонное собраніе. Но находившіеся тогда у кормила плебейскіе политики и фразеры не понимали генерала старой школы, который въ дѣлахъ и жизни все еще соблюдалъ аристократическіе приемы, не присталъ къ повой «политикѣ отваги и порыва». Нашъ и окружавшая его шайка санкюлотовъ подозрительно смотрѣли на честолюбиваго воина, желавшаго разыграть «Цезаря», при которомъ находился сынъ герцога Орлеанскаго, генералъ Филиппъ Эгашите, который избѣгалъ якобинскихъ сборищъ, порицалъ насильственные средства революціонной пропаганды, подстрекательство пролетаріевъ противъ богачей и знати. Поставка продовольствія для войска поручалась мошенническимъ агентамъ изъ коммуны, военная касса снабжалась ассигнатами, которые упали на половину ихъ стоимости и не охотно принимались Голландцами. Вслѣдствіе этого въ арміи возникли беспорядки и нужда, солдаты скудно содержались и продовольствовались, дезертировали цѣлыми толпами, а не то добивались необходимаго насильственнымъ захватомъ и грабежемъ. Добровольцы и якобинскіе національные гвардейцы словно саранча накидывались на страну. Властителямъ въ Парижѣ не было до этого никакого дѣла: они считали анархію и распаденіе существующихъ государственныхъ порядковъ тѣмъ-то въ родѣ подготовки къ осуществленію предполагаемой всемірной республики подъ гегемоніей Франціи. Солдатскіе грабежи прежде всего поражали знатныхъ и богачей, а демократическій конвентъ своею главною опорою признавалъ низшіе народные классы. Эта радикальная политика сообщалась французскому военачальнику такими циничными и властными словами, что ему пришлось либо покориться, либо выйти въ отставку. Онъ до поры до времени подчинился парижскимъ демократамъ: осадилъ Аахенъ, съ тѣмъ чтобы сообщая съ рейнскою арміей поддержать всемірную пропаганду, двинулъ часть своего войска къ границѣ Голландіи, чтобы въ Амстердамѣ и Гаагѣ также ободрить соучастниковъ Франціи къ революціоннымъ предпріятіямъ.

16. апр. 1792.

Республиканское правительство открыло уже свободное судоходство по Шельдѣ и впустило французскую флотилію въ гавань Антверпе-

на. Мы знаемъ, какъ упорно Генеральные штаты оспаривали у императора Іосифа входъ съ моря въ эту рѣку. Теперь копвентъ мечемъ разрубилъ Гордіевъ узелъ, и заявилъ тѣмъ, что готовитъ голландской республикѣ ту же участь, что и австрійскимъ Нидерландамъ.

Эта насильственная, наступательная политика французскихъ вла-

Республик. пропаганда и нѣмецкія воюющія державы.

ститителей, которые въ завоеванныхъ странахъ тотчасъ же низвергали всякіе монархическіе, феодальные и іерархическіе порядки, вводили республиканское правленіе по принципу народнаго самодержавія и самоуправленія, сопровождая все это якобинскими клубами, деревами свободы и наглостью санкюлотовъ, и не только ободряли жителей требовать сліянія съ метрополіей «свободы и равенства», но предлагали даже подданнымъ всѣхъ монархическихъ государствъ помощь Франціи, для того чтобы свергнуть духовное и феодальное владычество,—эта революціонная политика поповолѣ обезпокоила и встревожила всѣ европейскія державы и побудила ихъ съ большею настойчивостью возстать противъ якобинской пропаганды. Пруссія и Австрія откредлись до поры до времени отъ своей политики недоувѣрія и ревности, такъ сильно мѣшавшей до сихъ поръ успѣху ихъ оружія, и приняли мѣры для отвоеванія утраченныхъ имперскихъ областей. Аристократическіе кружки въ Австріи старались восполнить военную казну добровольными взносами и пожертвованіями драгоцѣнностей и сокровищъ. Изгнаніе Кюстипа изъ Франкфурта и со всего праваго берега Рейна при помощи подходившей изъ Таунуса прусской арміи съ храбымъ гессенскимъ авангардомъ, было первымъ знаменіемъ подъема духа. Въ освобожденномъ городѣ происходили затѣмъ совѣщанія между Фридрихомъ Вильгельмомъ II. и Брауншвейгомъ съ одной — и принцемъ Кобургскимъ вмѣстѣ съ австрійскими генералами съ другой стороны и приняты были распоряженія касательно совмѣстнаго натиска. Нѣмецкая имперія также присоединилась къ воюющимъ державамъ и усилила армію союзниковъ имперскими отрядами.

По измѣнившемуся настроенію англійской политики не подлежало уже сомнѣнію, что островная держава также не станетъ болѣе по-

Поворотъ англійской политики.

творствовать пропагандѣ парижскихъ демагоговъ, которая въ Бельгіи водрузила уже свое красное знамя и грозила поглотить Голландію, революціонные манифесты которой поджигали Ирландію, возбуждали и ободряли къ шумнымъ волненіямъ добивавшіеся парламентскихъ реформъ партіи въ самой Англии.—Мы видѣли уже, что осторожный разумный министръ Питтъ не увлекся ни роялистскимъ рвеніемъ Фридриха Вильгельма II., ни династическими интересами вѣнскаго двора. Когда война уже началась, то посольскія сношенія между государствами по сю и по ту сторону Канала все еще продолжались. Талейранъ похвалялся приѣмомъ, какимъ онъ пользовался въ Лон-

Поведеніе Питта.

донъ; эмигранты не добились тамъ никакого политическаго вліянія. Лишь послѣ 10. августа посольства утратили официальный характеръ, впрочемъ дипломатическая связь не совсѣмъ прерывалась. Хотя возрѣнія касательно происшествій въ Парижѣ сильно расходились, однако въ странѣ, гдѣ свобода рѣчи и печати принадлежала къ святѣйшимъ благамъ общественной жизни, къ сокровищамъ парламентскаго конституціоннаго и правоваго государства, поклонники и враги революціи безпрепятственно могли высказать свое мнѣніе.

Разладъ
парцій.
Беркъ и
Фоксъ.

Какъ вообще въ Европѣ, такъ и въ Великобританіи умы были крайне возбуждены событіями во Франціи: находившаяся тогда у кормила консервативная партія тори (стр. 300) осуждала новыя доктрины; а либералы, которые въ американскую войну такъ отравляли жизнь правительству, раздѣлились: тогда какъ Беркъ въ ноябрѣ 1790 обнародовалъ свои «Возрѣнія на революцію во Франціи», книгу, переведенную впоследствии Генцомъ на нѣмецкое (стр. 630), которая считалась евангеліемъ вообще антифранцузской партіи во всей Европѣ, въ то же время Фоксъ и Шериданъ поддерживали переписку съ Кондорсе и Бриссо. Всѣмъ извѣстно, что Беркъ, осудившій революцію какъ продуктъ легкомыслія, безразсудства и злобы, не обнаруживая и не порицая недостатковъ и злоупотребленій существовавшего абсолютизма, отрекся отъ дружбы съ своимъ многолѣтнимъ соучастникомъ въ парламентѣ, съ Фоксомъ, когда этотъ «англійскій Мирабо», въ преніяхъ по поводу будущей конституціи Канады, вступился за Лафайетовы права человѣчества и французскую революцію назвалъ однимъ изъ самыхъ достопамятныхъ событій въ исторіи человѣчества. Извѣстно, что англійскій государственный строй опирался на аристократическія и іерархическія основы. Благодаря воздѣйствію французскихъ доктринъ съ этой поры все большаго и большаго вліянія достигала партія, которая и въ Англии также стремилась осуществить принципы революціи, но избѣгая ея недостатковъ.

Агитаторскія
озиды въ Англии
и Ирландіи.

Помимо этой прогрессивной партіи, добывавшейся прежде всего парламентской реформы, эманципации католиковъ и диссидентовъ отъ преимуществъ государственной церкви, отмѣны сословныхъ различій, въ Англии существовали еще республиканскія общества, которыя по примѣру Томаса Пена содѣйствовали распространенію «правъ человѣчества». Эти общества не обратили бы на себя вниманія и не пользовались бы значеніемъ, еслибы парижскій конвентъ не učinилъ одной изъ ихъ депутацій почетнаго приѣма въ палатѣ, гдѣ представившій въ то время Грегуаръ сочувственно отвѣтилъ на ея радикальныя рѣчи. Поползновенія этихъ обществъ поддерживались агентами парижской демократіи; обильно снабженные ассигнатами, послѣдніе содѣйствовали революціоннымъ цѣлямъ въ средѣ недоволь-

ныхъ и угнетенныхъ низшихъ классовъ народа, въ особенности фабричныхъ рабочихъ. Въ самой Англии не предстояло отъ этихъ агитаторскихъ происковъ никакой опасности для существовавшего порядка, тѣмъ болѣе что консервативные классы съ такимъ же рвеніемъ вступались за «короля и церковь». Но доктрины якобинцевъ легко проникали за то къ впечатлительному живому населенію Ирландіи. Вотъ гдѣ было большое мѣсто великобританскаго государства, вотъ гдѣ революціонная пропаганда могла дѣйствовать съ успѣхомъ. Если конвентъ приметъ Нидерланды въ лоно республики, если Генеральные штаты покорятся французскому нашествію, а наступательная демократія арміями и флотомъ подкрѣпитъ свои демагогическія бойкія рѣчи, то британская монархія, пожалуй, также вовлечется въ водоворотъ революціи.

Вслѣдствіе этого лондонскій кабинетъ сталъ тоже помышлять о Англіи и евр-присоединеніи къ союзникамъ. Созывъ милиціонеровъ, сооруженіе Тоуера, болѣе строгій полицейскій надзоръ за иностранцами, запретъ французскихъ бумажныхъ денегъ—всѣ эти мѣропріятія предвѣщали близкую войну. Великая судебная драма въ конвентѣ обострила англійскій роялизмъ; общественное мнѣніе, которое въ Англии въ рѣшающихъ вопросахъ часто словно по командѣ вступаетъ на службу правительства, единодушно и рѣзко высказалось противъ конвента. Реформаторская партія лишилась всякой поддержки для своихъ французскихъ симпатій; предложеніе, признать французскую республику, было отвергнуто большинствомъ; самъ Фоксъ предвѣщалъ своимъ парижскимъ друзьямъ, что казнь Людовика XVI. для Англии также будетъ сигналомъ къ войнѣ. Ударъ, нанесенный королевской головѣ, послужилъ знакомъ для всемірной борьбы, въ которой приняли участіе Англія и Испанія. Европейскія державы хотѣли потушить очагъ, грозившій истребить всю существовавшую доселѣ государственную систему. Парламентъ, засѣданія котораго открылись въ половинѣ февраля, въ совѣщаніяхъ объ адресѣ уже выразилъ полное довѣріе министерству. Въ то же самое время Дантонъ, въ качествѣ комиссара парижскаго національнаго конвента, при содѣйствіи французскихъ сторонниковъ въ одномъ изъ собраній въ Брюсселѣ добился присоединенія Союза къ французской республикѣ. Дюмурье пытался удержать французское правительство отъ шага, который навѣрное повлечетъ за собою войну съ Англіей, и хотѣлъ было создать изъ Бельгіи самостоятельную республику, но тщетно: министръ Камбонъ откровенно признался ему, что имъ нужны бельгійскія церковныя и государственныя имущества для покрытія ихъ ассигнаговъ и потому надлежитъ обратить страну во французскую провинцію.

Англійское правительство никоимъ образомъ не могло допустить присоединенія Бельгіи, ни самовластнаго открытія Шельды, ни погашенія на Голландію, оно не могло равнодушно относиться къ

15. дек. 1792.

войны.

такому беспощадному оскорбленію своихъ давнихъ союзниковъ и допустить въ то же время, чтобы войнолюбивая нація могла содѣйствовать пылкимъ Ирландцамъ въ ихъ попыткѣ отдѣлиться. Питтъ чрезъ бывшего посланника Шовелена, все еще проживавшаго въ Лондонѣ въ качествѣ дипломатическаго агента, обратился къ республиканскому правительству съ потою, на которую возражили не совсѣмъ учтиво, коротко и уклончиво. Послѣ этого въ лондонскомъ кабинетѣ война была рѣшена. Не смотря на то въ теченіе нѣсколькихъ недѣль мечъ все еще не обнажался, и въ случаѣ всеобщаго умиротворенія имѣлось даже въ виду признать республику; это произошло съ одной стороны вслѣдствіе опасенія по поводу насильственныхъ поступковъ восточныхъ державъ въ Польшѣ, а съ другой—въ надеждѣ спасти жизнь Людовика XVI. Жирондисты, какъ извѣстно, пытались предоставить приговоръ націи, опирались главнѣйше на шаткій военный вопросъ. Въ январѣ еще Маре, котораго Наполеонъ впоследствии часто употреблялъ въ политическихъ дѣлахъ, отправился въ Лондонъ, съ цѣлью отвратить по возможности разрывъ. Партія горы воспользовалась побѣдою, которую доставила ей кровавая катастрофа на республиканской площади для того, чтобы объявить войну Англій и союзной съ нею Голландіи. Высылку Шовелена изъ Лондона послѣ казни Людовика признали въ Парижѣ оскорбленіемъ національной чести, и заносчивые демократы, которымъ тогда въ конвентѣ принадлежало рѣшающее слово, отвѣтили на нее войною; они уже впередъ приготовились къ ней. Для англійскаго правительства такой бурный и насильственный поступокъ представилъ ту выгоду, что оно поводомъ къ борьбѣ могло выставить мечь за пролитую королевскую кровь; и роялистскій Альбионъ, который хотя и соблюдаетъ культъ королевскаго достоинства, но тѣмъ ревнивѣе обуздываетъ его власть и самодѣятельность, гордился тѣмъ, что выступилъ въ бой подъ благороднымъ предлогомъ и при великодушномъ военномъ воззваніи. Въ Англійи паролемъ и цѣлью борьбы рьяно выставляли кровную мечь за трагическую участь вѣнчаннаго Бурбона. Но простоватый Георгъ III. былъ такъ же далекъ отъ рыцарской романтики, какая витала въ груди Фридриха Вильгельма II. или Густава III., какъ и практически разумный министръ Питтъ. Съ воззваніемъ «борьбы противъ царубійственной революціи» тѣсно связаны были въ то же время сохраненіе собственной безопасности, господство надъ моремъ и колоніями, также обезпеченіе коммерческихъ интересовъ островной державы. Такъ Англія и начала чреватую послѣдствіями борьбу на морѣ и на сушѣ, и прекратила ее лишь тогда, когда революція и возникшее изъ нея военное владычество Бонапарта были окончательно низринуты. Для того, чтобы внутренніе проекты не препятствовали военнымъ силамъ развернуться на-

1. февр. 1793.

ружу и чтобы недовольные беспокойные Ирландцы не служили помѣхою, Питтъ потребовалъ у парламента полномочія отмѣнить габеасъ-корпусъ-актъ. Такимъ образомъ онъ могъ объявить военное положеніе, прибѣгнуть къ политическимъ процессамъ, къ исключительнымъ законамъ и къ мѣрамъ общественнаго спокойствія, точно такъ же какъ и національное собраніе, когда объявлялось отечество въ опасности. Съ этихъ поръ не только англійскіе корабли и войска стали ратовать противъ Франціи, но англійскія денежные пособія также подстрекали государей и правительства съ большимъ жаромъ и рвеніемъ приняться за войну.

Нѣсколько недѣль спустя послѣ того Испанія тоже присоединилась къ европейскому военному союзу. Тщетно король Карлъ IV. старался спасти жизнь родственнаго монарха: его министръ Аранда, приверженецъ, какъ намъ извѣстно, либеральныхъ и философскихъ идей, въ видѣ вознагражденія за королевскую жизнь предлагалъ нейтралитетъ и отступленіе испанскихъ пограничныхъ отрядовъ, а преемникъ его по иностраннымъ дѣламъ, бывший прежде лейбгвардеецъ Годой, фаворитъ королевы, а впоследствии герцогъ Альгудіа, повторилъ тоже предложеніе. Когда попытка оказалась безплодною, то французскій посланникъ въ Мадридѣ получилъ свои паспорта, послѣ чего конвентъ по предложенію Барера объявилъ войну также Испаніи, «съ тѣмъ чтобы и тамъ низвергнуть престолъ Бурбоновъ и перенести свободу въ прекрасный край къ югу отъ Пиринеевъ».

Объявленіе войны Испаніи.

7. марта 1793.

Въ Парижѣ не сомнѣвались въ томъ, что въ виду нахлынувшей со всѣхъ сторонъ военной опасности необходимо прибѣгнуть къ самымъ энергическимъ усиліямъ. Распри партій были до поры до времени устранены, лишь бы конвентъ могъ сосредоточить въ себѣ всю власть и дѣйствовать съ неослабною мощью; яacobинцы согласились съ тѣмъ, чтобы безсовѣстный, неспособный губитель арміи Пашъ былъ удаленъ изъ военнаго министерства и замѣненъ Бѣр-нонвиллемъ, другомъ Дюмурье. За то коммуна назначила своего единомысленника меромъ Парижа. Выпустили новые ассигнаты на восемьсотъ милліоновъ, ввели обязательную военную службу, благодаря чему армія, помимо добровольцевъ, усилилась еще 300,000 національныхъ гвардейцевъ, затѣмъ возобновили стародавній принципъ монархической Франціи, въ силу котораго нація должна обладать своими естественными границами, Рейномъ, Альпами и Пиринеями. Вотъ тѣ первые шаги, которые повели къ диктатурѣ конвента, къ терроризму коммуны и ея опьянѣвшихъ отъ королевской крови вожаковъ.

Конвентъ на-прагаетъ силы.

6. ИЗМѢНА ДЮМУРЬЕ И ПОТЕРЯ БЕЛЬГИИ И МАЙНЦА.

Соединеніе
Бельгіи съ
Франціей.

Тѣмъ временемъ комиссары конвента и агенты демократическихъ клубовъ сновали по австрійскимъ Нидерландамъ, съ цѣлью про- известъ революцію въ городахъ и провинціяхъ, наблюдать за Дю- мурье и подстрекать его къ нашествію въ Генеральные штаты. Когда Іосифъ II. въ свое время хотѣлъ преобразовать разрозненный хаосъ бельгійскихъ областей въ духъ болѣе рациональной административ- ной и юридической системы, ввести болѣе единства и однообразія, освѣтить мракъ клерикальнаго обученія лучами образованнаго мыш- ленія, тогда весь народъ возсталъ противъ такой тирани; а теперь высшія сословія, духовная и свѣтская аристократія, также город- ское гражданство поневолю допускали, чтобы подъ вліяніемъ Данто- на и парижскихъ демагоговъ, путемъ всеобщей подачи голосовъ устранились старыя учрежденія и корпоративныя институты, чтобы управление въ краѣ перешло въ руки Вонкистовъ и демократовъ, и чтобы послѣдніе затѣмъ потребовали и достигли слиянія Бельгіи съ великою французскою республикой. Въ началѣ февраля, когда де- мократическій Лютихъ рѣшилъ уже присоединиться, комиссары конвента согласились, что надлежитъ приурочить Бельгію въ лоно республики «всеми средствами разума, человеколюбія и революціон- ной тактики, наконецъ по праву завоеванія». Они достигли своей цѣли. Въ Брюсселѣ, Гентѣ, Монсѣ, во всѣхъ большихъ городахъ южныхъ Нидерландовъ самодержавный народъ устами новыхъ го- родскихъ совѣтниковъ провозгласилъ соединеніе съ Франціей, при чемъ не обошлось безъ террористическихъ насилій со стороны низ- шихъ классовъ и демонстративныхъ разрушеній «аристократическихъ» памятниковъ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль комиссары конвента и агенты клубовъ достигли своихъ цѣлей. Они наполнили француз- скую казну захваченными церковными сокровищами, а собствен- ные карманы серебромъ и золотомъ общественныхъ кассъ. Несмѣт- ные капиталы исчезали подъ руками Дантона и его сообщниковъ, напавшихъ словно гарпіи на чужое имущество.

Дюмурье и ре-
волюціонная
демократія.

Наступленіе австрійскихъ войскъ подъ начальствомъ Кобурга и Клерфе неожиданно пріостановило продѣлки французскихъ и бель- гійскихъ революціонеровъ. Прокламація, которая въ награду за воз- вратъ къ прежнему владычеству судила амнистію и признаніе ис- конныхъ земскихъ правъ, вновь ободрила среднія и высшія сословія. Кое-гдѣ обнаружались попытка движенія; Аахенъ при содѣйствіи гражданъ сдался австрійскимъ войскамъ; эрцгерцогъ Карлъ, кото- рый въ эту кампанію выказалъ первые опыты своего стратегичес- наго дарованія, подошелъ къ Маасу и принудилъ французскаго ге- нерала Миранду снять осаду Маастрихта; въ Лютихѣ демократы

встревожились. Дюмурье открылъ уже свою голландскую кампанію, припудилъ къ сдачѣ Бергенъ опъ Цоомъ и Бреду, хотѣлъ форси- рованнымъ маршемъ черезъ Дордрехтъ и Утрехтъ проникнуть внутрь Генеральныхъ штатовъ и расилохомъ овладѣть Амстердамомъ. Вѣсть о приближеніи Австрійцевъ отвлекла его отъ этого предпріятія. При- казъ конвента понудилъ его вернуться въ Бельгію; ему поневолю пришлось отказаться отъ излюбленнаго плана, покорить Голландію. Досадуя, онъ опять вступилъ въ Брабантъ, собралъ отряды и на- дѣялся быстрымъ походомъ къ Маасу отразить непріятели, прежде чѣмъ нѣмецкіе и прусскіе контингенты, которые уже подходили изъ Трира и Люксембурга, усилить не очень значительныя боевыя силы Кобурга и Клерфе. Тутъ-то онъ съ великимъ негодованіемъ увидѣлъ продѣлки французскихъ комиссаровъ и ихъ бельгійскаго сброда, подавившія республиканскія симпатіи въ гражданскихъ кружкахъ, чѣмъ и способствовали отвоеванію страны Австрійцами. Онъ прямо вы- сказалъ свое негодованіе, энергически возсталъ въ Брюсселѣ, Ант- верпенѣ и въ другихъ мѣстахъ противъ якобинскаго клуба и шаекъ санкюотовъ, обратился къ конвенту съ посланіемъ, исполненнымъ обвиненій и упрековъ. Этимъ онъ навлекъ на себя смертельную не- нрависть парижскихъ властителей. Дантонъ и кордельеры были еще свисходительнѣе, оттого что онъ подобно имъ самимъ считался дру- гомъ и приверженцемъ Орлеана-Эгалите. Не даромъ сынъ послѣд- няго, Филиппъ, бывший герцогъ Шартрскій, служилъ въ его арміи. Якобинцы же и главы городского совѣта, напротивъ того, сильно озлобились на него за то, что онъ препятствовалъ революціоннымъ выходкамъ. Робеспьеръ и его сообщники считали генерала, который подобно всѣмъ жирондистамъ хотѣлъ достичь цѣлей революціи, по- только безъ насильственныхъ средствъ, своимъ смертельнымъ врагомъ.

И не даромъ. Дюмурье, какъ казалось, замышлялъ военными успѣхами противъ Австрійцевъ и покореніемъ Голландіи овладѣть расположеніемъ и уваженіемъ своего войска и привязать солдатъ къ своей личности, а затѣмъ во главѣ ихъ нагрянуть на парижскихъ властителей. Начало благоприятствовало ему; онъ успѣлъ съ собран- ными подъ Лёвеномъ войсками отразить при Тирлемонѣ болѣе слабыя австрійскіе отряды. Однако, когда онъ двинулся далѣе къ востоку, съ тѣмъ чтобы достигъ Маастрихта и линію Мааса, то армія его между Сень-Трондомъ и Тонгерномъ близъ деревни *Неервиндена* была съ 18. мар. 1793. такимъ успѣхомъ отражена Кобургомъ, Клерфе и эрцгерцогомъ Карломъ, что онъ вынужденъ былъ отступить къ Лёвену. Битва при Неервинденѣ была гибельна для Французовъ не столько по утра- тамъ на самомъ полѣ сраженія, а скорѣе по нравственному влія- нію на войско. Солдаты, отрѣшившись вслѣдствіе демагогическихъ козней въ клубахъ отъ всякой дисциплины и отъ повиненія, ли- шившись отъ безсовѣстныхъ поставщиковъ надлежащаго содержанія,

Битва при
Неервинденѣ
и ея послѣд-
ствія.

и упавъ духомъ послѣ похожаго на бѣгство отступленія Мирандовыхъ полковъ, утратили всякое довѣріе. Одни разбѣгались толпами, въ особенности добровольцы, такъ что число дезертировъ въ два дня дошло до десяти тысячъ и по всемъ дорогамъ сновали мятежные бѣглецы, съ громкимъ крикомъ «измѣна» спѣша къ французской границѣ. Благодаря только осторожному и методическому способу военныхъ дѣйствій принца Кобургскаго, питомца старой школы, французскій генералъ успѣлъ безпрепятственно отступить къ Лёвену и Брюсселю.

Эти невзгоды и эту распущенность революціонныхъ войскъ Дюмурье приписывалъ безтолковымъ мѣропріятіямъ республиканскаго правительства, проискавъ якобинцевъ, анархическому безчинству демократовъ и санкюлотовъ. Онъ далъ свободу своему негодованію, разразившись жесткими нападками и угрозами на конвентъ и парижскихъ демагоговъ, и, какъ нѣкогда Лафайетъ, задался мыслью съ помощью арміи разсѣять конвентъ и якобинскій клубъ, освободить заключенныхъ въ Тамплъ и возстановить конституціонную монархію 1791 съ молодымъ сыномъ казненаго короля во главѣ. Рассчитывая на зависть и презрѣніе линейныхъ полковъ къ предпочитаемымъ имъ добровольцамъ и національнымъ гвардейцамъ, которые отличались лишь своею революціонною заносчивостью и демократическою наглостью, деморализуя тѣмъ духъ арміи, генералъ вполнѣ надѣялся, что старые солдаты, это ядро арміи, числомъ около 15,000 воиновъ, охотно послѣдуютъ за нимъ для осуществленія государственнаго переворота и успѣютъ разгромить шайки пролетаріевъ въ коммунахъ. Нѣтъ никакого повода предполагать, будто Дюмурье предлагалъ Орлеанскому дому корону Франціи. Въ національномъ конвентѣ возникли подозрѣнія, въ лагерь явились шпіоны, съ цѣлью развѣдать планы генерала и донести въ Парижъ. Дантонъ, поддерживавшій тогда добрыя отношенія съ жирондою, добивался примиренія. Онъ отправился съ другимъ депутатомъ, Лакруа, въ Брюссель, съ цѣлью уговорить Дюмурье, чтобы онъ взялъ назадъ оскорбительное письмо къ конвенту: полководецъ однако извилился лишь уклончиво. Подозрѣніе усилилось, когда онъ сталъ отступать къ французской границѣ, а непріятель и не пытался помѣшать ему. Дѣло въ томъ, что онъ чрезъ полковника Мака изъ австрійскаго генеральнаго штаба увѣдомилъ главнокомандующаго Кобурга о своемъ планѣ и добился безгласнаго перемирія, въ теченіе котораго онъ безпрепятственно могъ бы отступить къ югу, Австрійцы должны были послѣдовать за нимъ, но отнюдь не переходить границу. Онъ зналъ сильное отвращеніе Французовъ къ иностранцамъ и эмигрантамъ. А потому ни тѣмъ, ни другимъ не слѣдовало показываться. Только въ томъ случаѣ, когда не хватить его собственныхъ силъ, Кобургъ долженъ былъ поддержать его своимъ войскомъ, а пока занять

Дюмурье замышляетъ государственный переворотъ.

укрѣпленные мѣста Лилль и Валансьенъ и удержать за собою залогомъ до мира. Дюмурье не сомнѣвался въ томъ, что союзники охотно приступятъ къ заключенію мира, лишь бы ему удалось возстановить монархическій порядокъ и устроить парламентское правленіе, подобное англійскому, удержавъ однако все пріобрѣтенія августовской ночи 1789 года.

Только такой честолюбивый, пылкій и самопадѣянный человекъ какъ Дюмурье могъ рассчитывать на то, что этотъ отчаянный планъ удастся. Когда войска въ послѣднихъ числахъ марта разными путями подошли къ границѣ, то въ его лагерь близъ крѣпости Конде явились четверо комиссаровъ конвента (Банкаль, Кинетъ, Камюсъ, Ламаркъ) вмѣстѣ съ военнымъ министромъ Бѣрнонвиллемъ, съ тѣмъ чтобы пригласить его къ отвѣту въ Парижъ, а въ случаѣ отказа, смѣнить и арестовать. Они въ присутствіи генеральнаго штаба сообщили ему о цѣли своего посольства. Дюмурье возразилъ, что положеніе арміи не позволяетъ ему покинуть лагерь. «Итакъ, вы не намѣрены повиноваться конвенту?» спросилъ Камюсъ. «Нѣтъ», сказалъ Дюмурье. «Въ такомъ случаѣ я объявляю, что вы отрѣшаетесь отъ должности и велю васъ арестовать». Генералъ вспыхнулъ и крикнулъ своимъ гусарамъ: «Заберите этихъ господъ!» Итакъ, онъ сжегъ за собою мосты. Вскорѣ однако ему пришлось разочароваться въ своихъ расчетахъ. Не только гарнизоны въ Валансьенѣ, Конде, Лиллѣ приняли сторону конвента, но даже въ его собственномъ войскѣ возникъ сильный разладъ, такъ что надо было ожидать побоища между полками и даже его жизнь подверглась опасности. Дюмурье не захотѣлъ доводить дѣла до такой крайности. Онъ отправилъ арестованныхъ въ Турне, гдѣ находился лагерь Клерфе, а на другой день послѣдовалъ за ними съ своими приверженцами, между прочимъ съ Луи Филиппомъ Шартръ-Орлеанскимъ. Къ нему примкнуло около 1800 человекъ его войска, остальные пребыли вѣрны республиканскому знамени и поступили подъ начальство Дамьера и другихъ генераловъ. «Такъ безотрадно потухъ этотъ блестящій метеоръ революціи. Богато надѣленный умомъ, слою воли и неутомимостью, онъ выросъ среди пороковъ и заблужденій стараго царства, воспитался тамъ въ козняхъ, сластолюбіи и безнравственности, и въ потоки революціи развился наконецъ до необузданнаго честолюбія; по сомнительнымъ, опаснымъ путямъ онъ не рѣдко доходилъ чуть-ли не до преступленія и съ дерзкимъ легкомысліемъ покушался на судьбы своего народа». Роль его въ исторіи завершилась безчестною измѣной. Осужденный конвентомъ, изгнанный націей, онъ еще двадцать лѣтъ пробродилъ по разнымъ странамъ Европы, пока не умеръ въ чужбинѣ.

Нидерландскія провинціи такъ же быстро, какъ три мѣсяца тому назадъ достались во власть Франціи, теперь вновь подчинились

Пеходъ Дюмурье.

2. апрѣля 1793.

5. апрѣля.

Франція и воюющія державы.

Австріи. Брюссель еще разъ увидѣлъ у себя габсбургскаго вице-короля. Среднее сословіе обрадовалось перевороту, французская партія пострадала за ея республиканскія симпатіи; знамя Австріи развѣвалось уже въ крѣпостяхъ Лилль, Конде и Валансьенъ. Въ отчаянномъ натискѣ генералъ Дампьеръ былъ смертельно раненъ. Но все это оказалось лишь быстротечнымъ спомъ. вмѣсто того чтобы, какъ предполагалось сначала и какъ Дюмурье условился съ австрійскимъ главнокомандующимъ, единственною цѣлью войны считать спасеніе королевскаго семейства и восстановленіе монархической власти, вмѣсто того чтобы отречься отъ всякихъ завоевательныхъ замысловъ и быстрымъ движеніемъ на Парижъ рѣшить дѣло прежде, нежели конвентъ успѣетъ оправиться и закончить свои обширныя вооруженія, стали торговаться и раздорить по поводу будущихъ вознагражденій военныхъ издержекъ. Нѣсколько дней спустя послѣ бѣгства Дюмурье въ Антверпенъ, на военномъ совѣтѣ, уполномоченные Англіи и Голландіи, которые теперь также двинули свои отряды въ Бельгію, прямо заявили, что они за свои издержки и усилія рассчитываютъ получить вознагражденіе въ областяхъ, какія будутъ отвоеваны. Принцъ Кобургскій вынужденъ былъ взять назадъ изданный прежде манифестъ въ сказанномъ смыслѣ; затѣмъ появился другой, — которымъ разоблачилось все гнусное своекорыстіе трехъ державъ: главною цѣлью войны было уже не восстановление французскаго престола, ни также безопасность Европы, а расширение собственныхъ владѣній. Съ этой поры въ Вѣнѣ смотрѣли на герцога Юркскаго, главнокомандующаго англійскими войсками въ Нидермандахъ, съ такою же ревностью какъ и на прусскихъ военачальниковъ, добивавшихся вознагражденія на Вислѣ. Всѣхъ обуяла политика недоувѣрія и своекорыстія въ ущербъ военнымъ дѣйствіямъ, но выгодная для французскихъ властителей. Указывая на Польшу, они могли представить націю участь, какая суждена ей, если иноземныя военныя державы въ связи съ внутренними измѣнниками одержать побѣду, и поджечь всѣхъ патриотовъ къ борьбѣ не на животъ, а на смерть.

Министръ Тутутъ и вѣдѣвшая политика.
27. марта
1793.

Въ то же время въ Вѣнѣ произошла знаменательная перемѣна министровъ. Императору казалось, что Кобенцль и его совѣтникъ Шинльманъ не довольно ревностно соблюли австрійскіе интересы въ польскихъ дѣлахъ. Ихъ слѣдовало поэтому устранить. „Францъ II. по своему обыкновенію принявъ ихъ съ благосклонною улыбкой и отпустилъ отъ себя радушаще тѣмъ когда либо: вернувшись изъ дворца домой, они застали у себя свидѣтельства объ отставкѣ. Ихъ надѣлили богатыми пенсіями и почетными должностями, но навсегда устранили отъ дѣлъ“. Затѣмъ въ кабинетѣ поступилъ знакомый уже намъ баронъ Францъ Тутутъ, про котораго Екатерина II. сказала: теперь въ министры попалъ якобинецъ. Этотъ назкаго происхожденія питомецъ іезуитовъ, благодаря своимъ способностямъ, быстро возвысился. Исполняя дипломатическія миссіи, онъ

въ Версалѣ ознакомился съ придворною и общественною жизнью стараго склада и съ первыми движеніями революціи, въ Константинополь — съ злоупотребленіями серальнаго правленія, въ Варшавѣ — съ распутствомъ и продажною польскаго дворянства, обогатилъ свое знаніе свѣта и людей, проникая притомъ глубокимъ взглядомъ въ мрачныя стороны общества и освоившись съ правиломъ, что своекорыстіе составляетъ самый сильный принципъ политической жизни. Лишенный вѣры въ добродѣтель и нравственность въ человѣческой душѣ, исполненный глубокой ненависти къ свѣту, онъ отвергалъ прямыя и честныя средства, возлагалъ свои надежды на козни и хитросплетенія, признавалъ кривые пути интригъ, обмана, лукавства торжествомъ политической премудрости. Хладнокровно, бездушно, деспотически и бесовѣстно преслѣдовалъ онъ съ плебейскою безопасностью свои цѣли, основанныя на макіавелльевскомъ правилѣ, что въ политикѣ своекорыстіе — наиболѣе полезный двигатель, смѣлый рискъ и захватъ — самыя вѣрные пути, а владычество — высшая цѣль. Трудюбивый, умѣренный, довольствуясь скуднымъ содержаніемъ, онъ никогда и ничѣмъ не уклонялся отъ своего пути. Вѣроломныя государственныя принципы, которые благодаря Тутуту и его сообщникамъ стали душою кабинетовъ вообще и въ исторіи раздѣла Польши достигли своей вершинной точки, послужили въ пользу властителямъ революціи съ ихъ демократическимъ терроромъ. Возраставшій разладъ съ Пруссіей побудилъ Австрію къ тѣснѣйшему союзу съ Англіей, который заключилъ графъ Мерси, бывший посланникъ при французскомъ дворѣ. Оттого-то имена „Питтъ и Кобургъ“ и стали паролемъ для агитаторской дѣятельности демагоговъ на трибунѣ и въ печати.

Въ то же время, какъ вслѣдствіе измѣны Дюмурье французская порубежная область предоставлена была непріятелю, на среднемъ Рейнѣ утрачены были также почти всѣ плоды Кюстинской кампаніи. Въ мартѣ уже, какъ извѣстно, депутація изъ Майнца передала парижскому національному конвенту актъ о присоединеніи «Рейнской республики» къ Франціи. Вскорѣ послѣ того имперская крѣпость, которая пропалою осенью безъ сопротивленія перешла во власть Французовъ, была со всѣхъ сторонъ обложена прусскими и нѣмецкими войсками. Осажденные успѣли исправить обвалившіеся крѣпостныя верки и, поджигаемые двумя находившимися въ ихъ средѣ членами конвента, Мерленомъ и Ревбелемъ, защищались нѣсколько мѣсяцевъ съ величайшимъ мужествомъ; наконецъ, понуждаемые крайнимъ голодомъ, сдали городъ Пруссакамъ на капитуляцію. Имъ разрѣшалось отступить съ оружіемъ и знаменами съ условіемъ, въ теченіе года не служить противъ союзниковъ; этотъ договоръ утратилъ впрочемъ всякое значеніе, такъ какъ тотъ же гарнизонъ подъ начальствомъ генерала Клебера отправился въ Вандею для подавленія мятежа, о которомъ рѣчь впереди. Нѣмецкіе поборники за свободу въ Майнцѣ, которымъ Французы не успѣли выхлопотать помилованья, заплатились за свой республиканскій сонъ большею частью многолѣтнимъ заключеніемъ и лишеніемъ имущества.

Завоеваніе
вновь Майнца
и реакція.

12. іюля 1793.

Какъ безразсудны и безпутны были поступки майнцскихъ демократовъ, говоритъ Гейссеръ, такъ тоже грубы и необузданны были приемы восстановленной законной власти. Жестокости и конфискации, тюремное заключение и грубыя насилія, не взирая ни на возрастъ, ни на полъ, стали производиться изо дня въ день. Высшее каноническое дворянство, предавшее такъ позорно свое государство, тѣшилось теперь, подло издѣваясь надъ жертвами торжествующей реакціи. Нелѣпыя комедіи демократическаго клуба, его процессія, деревья свободы и праздники братства замѣнялись теперь такими же пошлыми выходками противниковъ. Указомъ 31. іюля, напр., постановлено было сжечь остатки дерева свободы и на такой конецъ „вызвать живодеровъ, соорудить возвышенный помостъ, положить наверхъ красную шапку, привлечь музыкантами побольше зрителей, и подъ конвоемъ прусскихъ солдатъ вывести на площадь арестованныхъ главныхъ клубистовъ“. Удары майнцской реакціи отозвались во всей Германіи болѣе строгимъ надзоромъ за печатью и крутыми полицейскими мѣрами противъ всякихъ заявленій свободы. По этому можно было судить о томъ, какаю участь постигла-бы Французовъ въ случаѣ побѣды иностранныхъ державъ и эмиграціи.

7. повѣда партіи горы и паденіе жиронды.

Жирондисты
и парижская
охлакратія.

Пока совершались эти военныя событія, сама Франція внутри была предана всемъ бѣдствіямъ анархическаго состоянія. Жиронда содѣйствовала отмѣнѣ королевской власти, она горою увлечена была къ казни Людовика XVI., отказалась отъ преслѣдованія сентябрьскихъ убійцъ, и потакала фуріямъ революціи въ ея самыхъ дикихъ проявленіяхъ. Парижская охлакратія все грознѣе напирала на нее и необходимость сильной исполнительной власти стала вопросомъ государственной жизни, а между тѣмъ конвентъ, въ которомъ умѣренные демократы середины все еще составляли большинство, по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ совѣщался о составленной философскимъ доктранеромъ Кондорсе новой республиканской конституціи со всеми возможными первобытными и коренными правами, съ самыми широкими постановленіями въ смыслѣ свободы, равенства, самоуправления, общинныхъ и народныхъ выборовъ. Однако жирондисты тщетно расточали все блески своего краснорѣчія, пытаясь создать идеальное свободное государство для идеально одаренныхъ людей: имъ скоро пришлось убѣдиться, что у парижскихъ демократовъ преобладаютъ совѣтъ инныя наклонности и побужденія, чѣмъ какія предполагались у Руссо въ его первичномъ челоуѣкѣ, что вождямъ коммуны и секцій не по путру былъ проектъ конституціи, которымъ освящалось своекорыстіе собственниковъ, признавалась равноправность всѣхъ, а слѣдовательно также аристократовъ, денежныхъ тузовъ и враговъ свободы вообще. Вслѣдствіе всесвѣтной борьбы и застоя сношеній, нужда все болѣе угнетала низшіе классы, особенно въ столицѣ; а по мѣрѣ того все сильнѣе копошилась зависть и алчность, требуя пособія путемъ мѣропріятій, которыя въ угоду

демоса уничтожали равноправность всѣхъ, постановляли принудительные займы и раздачу хлѣбовъ, какъ въ древнемъ Римѣ, для содержанія голоднаго пролетаріата, потомъ еще возрастающей размѣръ налоговъ на богатыхъ ради большаго уравненія имуществъ, также гарантію труда, раздѣленіе общинныхъ полей въ пользу бѣдныхъ и другія социалистическія узаконенія. Муниципальный совѣтъ, съ наиболѣе вліятельными членами котораго, съ меромъ Пашомъ, синдикомъ Шометтомъ, гнуснымъ Гебертомъ, мы уже ознакомились, былъ настоящею господствовающею властью въ Парижѣ, а слѣдовательно и во всей Франціи. Въ его распоряженіи находилась національная гвардія, а такъ какъ средній классъ все болѣе избѣгалъ военной службы, то послѣдняя при Сантерѣ уже, и еще болѣе при его преемникѣ, Анріо, преобразилась въ скопище санкюлотовъ. Тому же совѣту подчинялись комитеты секцій, состоявшіе каждый изъ двѣнадцати членовъ, болшею частью простолюдиновъ и ремесленниковъ, которые по вечерамъ въ свободные отъ работъ часы собирались по своимъ кварталамъ и ночью поддерживали городскую стражу. Эти комитеты съ «помощью дюжихъ кулаковъ», вооруженныхъ пролетаріевъ подъ начальствомъ Мальяра, «великаго судьи народной расправы», завѣдывали полиціей въ своихъ округахъ, выдавали охранные билеты, производили обыски и аресты по указанію городского совѣта. Къ нимъ-то и обращались демагоги и вожди клубовъ, съ тѣмъ чтобы бурными адресами или уличными мятежами по сигналу Марата понудить конвентъ къ террористическимъ мѣропріятіямъ. Благодаря демократіи секцій и этой расчлененной городской полиціи, распространенной якобинскимъ клубомъ и подчиненными ему союзамъ во всемъ государствѣ, власть всецѣло перешла въ руки народной массы, такъ что Франція управлялась нѣсколькими всемогущими муниципальными совѣтами подъ веденіемъ коммуны въ угоду пролетаріата.

А въ какомъ родѣ исполнялось такое правленіе, это обнаружилось уже въ концѣ февраля, когда конвентъ, распорядившись наборомъ 300,000 рекрутовъ изъ способной къ военной службѣ молодежи, въ пользу отправлявшихся въ походъ добровольцевъ и ихъ семействъ паломилъ на богачей особую подать и выдалъ вспомошествованія изъ казны; когда эти деньги истощились, то по наущенію Марата женщины и переодѣтые мужчины разграбили булочныя и мелочныя лавки. Городской совѣтъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ не мѣшалъ грабежу, а потомъ потребовалъ новыя взносы изъ государственной казны, съ тѣмъ чтобы пониженіемъ цѣнъ на съѣстные припасы предупредить подобныя происшествія впослѣдствіи. Это требованіе было удовлетворено и тѣмъ самымъ возбудило только сильнѣйшую алчность. Коммуна и ея орудія въ секціяхъ нѣсколько дней спустя потребовали, чтобы приняли мѣры противъ ростовщичества и барышничества, и, усиливая свои притязанія, понудили наконецъ установить высшій размѣръ цѣны на все жизненные припасы. Вербовка производилась конвентомъ ревностно, не только для того, чтобы защищать

25. февр.
1793.

отечество, но также, чтобы сбыть за границу скопища пролетариевъ съ ихъ грабежами. Робеспьеръ намекалъ уже о социальныхъ законахъ, подъ которыми подразумевалось раздѣленіе имущества. То, что потребно для содержанія всего общества, доказывалъ онъ, надлежитъ признать общимъ имуществомъ, и только избытокъ сверхъ этой потребности долженъ считаться личною собственностью и предоставляться промышленному производству. Грезы и бредни о свободѣ всѣхъ людей и народовъ, замѣчаетъ Зибель, улетучились. Далеко было то время, когда низшій классъ народа по уничтоженіи привилегій руюнлескалъ равноправности гражданъ! Попавъ разъ на стезю насилия, онъ не признавалъ уже пнаго состоянія, кромѣ господства пролетаріата надъ высшими нѣкогда классами. Вожди парижской черни, охмелѣвъ отъ королевской крови, при посредствѣ декретовъ лишеннаго воли конвента, насильно забирали на свою службу французскихъ крестьянъ, съ цѣлью наложить на всю Европу иго своихъ алчныхъ вожделѣній.

Дантонъ и
жиронда.

Жиронда негодуя смотрѣла на деспотизмъ коммуну, который покорилъ республику и издѣвался надъ великимъ здоровымъ государственнымъ строемъ. Однако, пока партія горы и клубы за одно съ городскимъ совѣтомъ и комитетами секцій составляли сомкнутую фалангу, до той поры умѣренная середина была безсильна. Положеніе ея стало еще опаснѣе, когда въ Парижъ дошли первыя вѣсти о невзгодахъ въ Бельгій и демократическая чернь приписывала эти неудачи аристократическимъ офицерамъ и пустомелямъ жирондистамъ. Мальяръ и его ватага, Фурнье, прозванный американцемъ, коноводъ версальскихъ сентябрьскихъ неистовствъ, полякъ Лазовскій, уличный демагогъ Варле и др. угрожали измѣнникамъ новымъ десятымъ августомъ. Тутъ вернулся изъ Нидерландовъ Дантонъ: онъ сознавалъ, какая опасность грозила французской республикѣ, если иностранцы вторгнутся съ ихъ войсками и воспользуются внутреннею распушенностью, анархическими продѣлками коммуны и упоеніемъ свободою доктринерскихъ жирондистовъ. Единственное спасеніе, казалось ему, заключалось въ соединеніи национальныхъ силъ противъ врага, въ передачѣ конвенту диктаторской власти: поголовнымъ народнымъ вооруженіемъ надлежитъ отразить врага, присоединить Бельгію и Голландію къ Франціи; вольнолюбивое созиданіе государственной жизни должно уступить мѣсто спасенію отечества; необходимо дѣйствовать, а не совѣщаться и разглагольствовать; вмѣсто ораторскихъ боевъ и словопреній слѣдуетъ мужественно ратовать оружіями. Оно готовъ былъ идти объ руку съ жирондистами, освободить конвентъ отъ деспотизма коммуны, уладивъ распри партій, создать единое сильное правительство. Популярность его не ослабѣла еще, мощь его личности, демагогическая власть, признанный патріотизмъ, просвѣчивавшій сквозь всѣ его безчинства, упрочивали за нимъ влияние и довѣріе у демократовъ. Однако жиронда отвернулась отъ него: она не рѣшалась протянуть руку виновнику сентябрьскихъ убійствъ.

Колебаніе и нерѣшительность жирондистовъ имѣли слѣдствіемъ, Бурные мартовскіе дни.
9. марта 1794.
что Дантонъ сошелся съ Робеспьеромъ и такимъ образомъ опять сблизился съ партіей горы. Съ ея помощью онъ добился, что семьдесятъ два члена конвента отправились въ департаменты, съ цѣлью приступить къ назначенному 24. февраля всеобщему набору молодыхъ рекрутъ и содѣйствовать сбору податей съ богатыхъ на военныя издержки; вмѣстѣ съ тѣмъ напередъ подавить всякое возстаніе провинцій противъ имѣвшей въ виду диктатуры, для чего и назначались исключительно республиканскіе патріоты, безусловные царевубійцы, восторженные демократы и монтаньяры. Такимъ путемъ Дантонъ надѣялся достигъ двойной цѣли: вооруженія націи противъ иноземнаго врага и созданія демократической исполнительной власти съ неограниченнымъ самодержавіемъ въ нѣдрахъ самаго національнаго собранія. Итакъ, онъ заключилъ союзъ съ адскими демонами горы, и имъ досталась побѣда. Террористы и вождь ихъ, Робеспьеръ, добивались пуще всего устранить своихъ противниковъ въ конвентѣ: надлежало низвергнуть или по крайней мѣрѣ содержать въ страхѣ жиронду.

Для этого долженъ былъ послужить революціонный трибуналъ, чрезвычайный уголовный судъ съ самодержавною властью. Робеспьеръ велѣлъ своему другу, Роберту Линде, внести проектъ закона такого содержанія: учредить судилище, состоящее изъ девяти конвентомъ назначаемыхъ судей, которые безъ содѣйствія присяжныхъ и независимо отъ какаго бы то ни было порядка судопроизводства присуждало бы къ смерти совратителей и враговъ народа. По прочтеніи этого ряда жирондистовъ содрогнулись отъ смущенія и гнѣва. «Лучше умереть», — воскликнулъ Верньо, — «чѣмъ постановить такую венеціанскую инквизицію». Послѣдовало возбужденное и бурное засѣданіе. Наступилъ вечеръ и никакое рѣшеніе не было еще принято. Тутъ въ городѣ почувалось тревожное движеніе: комитеты секцій закопошились, якобинцы и кордельеры встрепенулись; городской совѣтъ былъ въ сборѣ; по улицамъ потянулись поднившіе рекруты и пикенеры съ Фурнье, Варле и Лазовскимъ во главѣ; всѣ агенты и прислужники грубой власти, вся демагогія второй руки закишѣла. Въ демократическихъ собраніяхъ обсуждался вопросъ, не освободить ли конвентъ отъ измѣнниковъ народа при посредствѣ новой Варооломеевской ночи. Этотъ злодѣйскій замыселъ не состоялся лишь, благодаря только противорѣчію нѣкоторыхъ клубныхъ ораторовъ, въ особенности дантониста Дюбуа-Крансэ. Вожди жиронды находились на совѣщаніи у Петіона, когда Луве извѣстилъ ихъ объ угрожавшей опасности. Отворивъ окно и, убѣдившись, что идетъ дождь, бывший меръ сказалъ: «Въ эту ночь ничего не будетъ». Созванный брестскій батальонъ окончательно разсѣялъ мятежниковъ. Въ наступившее затѣмъ засѣданіе конвента рѣшено было устройство

Революціонный трибуналъ.

10. марта
1793.

революціоннаго трибунала, но только не въ томъ ужасномъ видѣ, какъ онъ былъ предлагаемъ: къ нему присоединили присяжныхъ, выбираемыхъ конвентомъ изъ всѣхъ департаментовъ; онъ же назначалъ публичнаго обвинителя и судей. «Этимъ, конечно, подточили мечъ на строптивыхъ въ странѣ, однако главная цѣль Робеспьера, основать независимую отъ конвента власть для низверженія жиронды, разстроилась».

Комитетъ общаго блага.

Ослабить такимъ образомъ судебную тиранію жиронда успѣла лишь при помощи Дантона и его приверженцевъ. Послѣдній считывалъ за то на ихъ поддержку въ другомъ своемъ планѣ, который былъ для него важнѣе, а именно въ основаніи сильной правительственной власти. И въ самомъ дѣлѣ, жирондисты преодолѣли свое отвращеніе къ обгабренному кровью челоуку и, хотя отвернувшись, протянули ему руку на союзъ. Плодомъ этого союза былъ «комитетъ общаго блага» въ первоначальномъ его видѣ, отличавшійся характеромъ компромисса и полумѣръ, нѣчто въ родѣ наблюдательнаго совѣта изъ двадцати пяти членовъ, большею частью жирондистовъ и людей середины, который самъ не управлялъ, а только состоялъ при министрахъ. Въ этой новой исполнительной власти было мало толку, но она послужила сосудомъ, который монтаньяры вскорѣ наполнили совсѣмъ инымъ снадобьемъ.

25. марта 1793.

Побѣда партіи горы.

Этотъ двойной успѣхъ исполнилъ жирондистовъ великой самонадѣянности. Они сочли себя достаточно сильными для того, чтобы избавиться отъ тяготѣвшихъ узъ союза съ Дантономъ. Послѣдній только что вернулся изъ Бельгіи, гдѣ, какъ уже извѣстно, онъ находился въ интимныхъ сношеніяхъ съ Дюмурье. Когда въ Парижѣ распространился слухъ объ измѣнническихъ продѣлкахъ генерала, прежде еще чѣмъ совершилось дѣйствительное его отпаденіе, и въ конвентѣ, въ коммунѣ, въ народныхъ собраніяхъ возникло вслѣдствіе того сильное волненіе, то жирондисты задумали воспользоваться этимъ и избавиться отъ гнуснаго демагога. Дѣйствительно они признали Дантона соучастникомъ въ злоумышленныхъ планахъ Дюмурье, или пользовались этимъ подозрѣніемъ лишь для своихъ нападковъ, но они заявили «предположеніе», что оба члена конвента, Дантонъ и Лакруа, давнишшіе сотоварищи орлеанскихъ оргій, были за-одно съ Дюмурье. Предложеніе, учредить диктаторскую правительственную власть, служило лишь приступомъ къ возстановленію королевства съ орлеанскою династіей. Дантонъ обуздалъ сначала свою досаду на эти навѣты; когда же они разоблачались все болѣе, когда Ласурь эти «предположенія» облекъ въ «формальное обвиненіе», заключивъ свою воинственную рѣчь словами: «Народъ требуетъ правосудія; ему приглядѣлись Капитоли и тронъ, теперь онъ хочетъ видѣть Тарпейскую скалу и эшафотъ», то и Дантонъ зпать не хотѣлъ никакой пощады. Онъ заявилъ своимъ

1. апрѣля 1793.

прежнимъ соучастникамъ горы, что опять всецѣло присталъ къ нимъ, что отрекся отъ людей, которые прежде сами хотѣли было избавить тирановъ отъ меча правосудія, а теперь осмѣливаются обвинить его въ измѣнѣ, что онъ на смерть готовъ ратовать противъ нихъ. «Я окопался въ крѣпости разума, я нагрюну на нихъ съ орудіемъ правды и въ прахъ обращу наглецовъ, обвинившихъ меня». Монтаньяры и галереи ликуя привѣтствовали возвратъ потеряннаго сына въ отчій домъ. Не даромъ въ этомъ виновникъ десятаго августа и сентябрьскихъ дней всѣ демократы, стоявшіе на вершинѣ революціи и служившіе ей, признавали своего вождя и руководителя. Въ пылу гнѣва онъ возобновилъ связь съ демонскими властями, поглотившими сперва его противниковъ, а потомъ самого Дантона съ его друзьями. Робеспьеръ и его сообщники стали точить теперь оружіе на смертный бой со всѣми, кто дерзалъ задерживать революцію въ ея всеокрушающемъ натискѣ. Революціонному трибуналу дано было полномочіе, призывать по доносамъ конвента къ своему суду народныхъ представителей, министровъ и полководцевъ, принимать по собственному усмотрѣнію рѣшительныя мѣры противъ всякихъ подозрительныхъ людей. Комитетъ общаго блага сократился до девяти членовъ, которые избирались ежемѣсячно и были собственно правительственною коллегіей, при которой министры составляли лишь исполнительное вѣдомство. Душею этого комитета государственнаго блага былъ Дантонъ, въ рукахъ котораго находилось вѣдомство иностранныхъ дѣлъ. Приняты были мѣры для образованія «народной гвардіи», въ составъ которой вошли всѣ подвижныя ополченія столицы, а также дюжіе кулаки Мальяра и Фурнье, поистинѣ «армія санкюлотовъ», какъ называлъ ее въ насмѣшку Лакруа. Къ комитету общаго блага присоединили комитетъ общественной охраны», который вѣдалъ полицейскими дѣлами и подобно первому все болѣе и болѣе наполнялся изъ господствовавшей партіи, надѣлялся все болѣе широкою властью. И для того, чтобы нигде болѣе не могли возникать реставраціонные замыслы въ духѣ Дюмурье, по настоянію Робеспьера рѣшено было заключить въ тюрьму всѣхъ жившихъ еще во Франціи Бурбоновъ. Эта участь постигла также бывшаго герцога Орлеанскаго: его не смогли даже спасти прежніе соучастники, Марать и Дантонъ, которые пировали за его столомъ и пользовались его золотомъ.

3 апрѣля.

5 апрѣля.

6 апрѣля 1793.

Итакъ, органы, благодаря которымъ республиканскому владычеству внутри и вовнѣ предстояло развернуться до ужасъ наводящихъ раз-

Дантонъ и европейская политика.

прогнали Кюстина черезъ Пфальцъ на Вейсенбургскую линію, когда нѣмецкая союзная армія подъ начальствомъ Брауншвейгскаго и на глазахъ короля Фридриха Вильгельма II. обложила Майицъ, то, казалось, революціонная Франція скоро станетъ добычею непріятеля. Тѣмъ еще болѣе, что въ провинціяхъ также стали обнаруживаться предвѣстники междоусобія, а въ Парижѣ уличная демократія въ секціяхъ и ревъ проголодавшейся черни на рынкахъ становились все наглѣе и грознѣе, бурные адреса противъ измѣнниковъ, аристократовъ и подозрительныхъ депутатовъ отзывались все болѣе рьянымъ настроеніемъ. Но когда комитетъ общаго блага подъ мощною рукою Дантона приступилъ со всѣхъ сторонъ къ энергической дѣятельности, въ то самое время Австрія и Пруссія, вслѣдствіе извѣстныхъ уже намъ завоевательныхъ замысловъ, находились въ натянутыхъ отношеніяхъ другъ съ другомъ, такъ что изо дня въ день слѣдовало ожидать распаденія военнаго союза, наступательная война противъ Франціи велась вяло, и безъ того уже осторожный и осмотрительный прусскій военачальникъ изъ политическихъ видовъ не воспользовался выгодными военными условіями. Неужели же жертвовать прусскою кровью, говорили приближенные короля, для того лишь чтобы Австрія тѣмъ вѣрнѣе достигла своихъ завоевательныхъ цѣлей въ Баваріи и Эльзасѣ, тогда какъ та же Австрія въ Варшавѣ и Петербургѣ пользуется всякими злокозненными средствами, лишь бы по возможности умалить долю Пруссіи въ раздѣлѣ польскихъ областей? Благодаря всему этому революціоннымъ противникамъ и удалось ускользнуть отъ меча. Король опять всецѣло предался своей страсти къ наслажденіямъ и удовольствіямъ. Изъ главной квартиры въ Гунтерсблумѣ онъ навѣщалъ дружественные дворы въ Цвейбрюкенѣ и Дармштатѣ, тѣшась празднествами и увеселеніями, какія тамъ сооружались для него. Не смотря на дипломатическія непріятности, говоритъ Зибель, въ весеннемъ воздухѣ, на пышно расцвѣтшей почвѣ Пфальца, въ повседневномъ возбужденіи мелкой войны, еще разъ ярко вспыхнуло потухшее въ королѣ желаніе жизни: часто съ небольшою свитою спѣшилъ онъ во Франкфуртъ, гдѣ сильная привязанность приковала его сердце, и страсть короля пылала еще сильнѣе отъ неодолимыхъ препятствій. Извѣстно, какъ Екатерина I. успѣла воспользоваться этимъ разладомъ нѣмецкихъ великихъ державъ; да и Дантонъ точно также успѣлъ политическими передержками и дипломатическими переговорами произвести сумятицу въ непріятельскомъ станѣ, обострить недоувѣрчивость и ревность, и, предлагая територіальныя обмѣны, возбудить своекорыстіе и алчность къ добычѣ. Негодуя на внутреннія революціонныя смуты, Дантонъ со всею своею безпокойною мощью ударился въ область европейскихъ козней, замышлялъ, какъ говорить, Пруссію и Баварію привлечь къ Франціи, предлагая секуляризовать въ ихъ пользу три духовныя курфиршества при Рейнѣ, и затѣмъ

все военныя силы обратить противъ Бельгіи. Министръ Лебрюнъ соглашался съ этими замыслами; а генераль Кюстинъ, примкнувъ къ жирондѣ и приписавъ свои неудачи въ войнѣ властителямъ въ Парижѣ, которые не поддержали его, послѣдовалъ примѣру Дюмурье. Подобно ему и онъ также домогался диктаторской правительственной власти, съ цѣлью соединить все военныя силы отъ Страсбурга до Дюнкирхена въ одну великую армію противъ Нидерландовъ. Новый комитетъ общаго блага, казалось ему, соглашался съ его планами. Дантонъ былъ не только демагогъ, но также политикъ высшаго пошиба; проинцательнымъ умомъ онъ постигъ, что въ разрозненной раздорами Европѣ, въ особенности у имперскихъ князей, политикою въ духѣ стараго времени и разсчитливымъ благоразуміемъ скорѣе достигнешь цѣли, чѣмъ революціоннымъ порывомъ. Тѣмъ еще болѣе что въ это время монархическая Швеція, которая годъ тому назадъ громче всѣхъ трубила къ военному походу противъ революціи, къ вящему удовольствію конвента изъ ненависти къ коммерческому эгоизму Англіи завязала черезъ барона Сталя переговоры о союзѣ. Кюстинъ предложилъ герцогу Брауншвейгскому, который довольно вяло велъ осаду Майнца, «чтобы онъ сталъ миротворцемъ утомленнаго свѣта!»

Однако развѣ фанатическая демократія парижскихъ рынковъ и Демократическая цѣли. ратуни, якобинцы и члены горы могли свернуть на такую извилистую стезю и на такія тайныя пути? Какъ разъ въ это время Робеспьеръ при восторженныхъ кликахъ своихъ единомысленниковъ предложилъ дополненіе къ человѣческимъ правамъ, вслѣдствіе чего всѣмъ народамъ вмѣнялось въ долгъ, «поборать не на животь, а на смерть всякаго короля и государя, какъ угнетателя человѣчества и мятежника противъ естества». Опять, какъ не разъ уже бывало подъ бурями послѣднихъ лѣтъ, рѣзко противодѣйствовали другъ другу два теченія, олицетворенныя въ двухъ сильныхъ партіяхъ: идти ли по прежнему путемъ революціоннаго терроризма или повернуть на путь полюбовныхъ сдѣлокъ съ заграницею и съ умѣренными элементами внутри страны? Однако, республиканское правительство осуществило уже первую систему, предоставивъ въ столицѣ и въ провинціяхъ распоряжаться якобинцамъ и ихъ органамъ. Мы знаемъ, что конвентъ отправилъ восемьдесятъ два комиссара, съ цѣлью поторопить наборъ добровольцевъ, который немного замѣшкался, и вмѣстѣ съ тѣмъ при помощи якобинскихъ клубовъ вездѣ администрацію пріурочить къ власти республиканскихъ фанатиковъ и анархистовъ. Мы скоро узнаемъ, какими тревогами сопровождались насильственные поступки этихъ орудій горы въ городахъ и областяхъ юга и запада. Рекрутскій наборъ совершался насильственными мѣрами а въ то же время имъ воспользовались для цѣлей партіи. И дѣйствительно, назначаемые для войны ратники набирались преимуще-

ственно изъ среднихъ классовъ и, скудно снаряжаемые, отправлялись поскорѣ къ границамъ, тогда какъ изъ пролетаріевъ составлялись національныя гвардіи, которыя служили тѣлохранителями комиссарамъ и назначаемымъ ими чиновникамъ, также городскими въ полиціи; съ ихъ-то помощью и наполнялись потомъ тюрьмы явными или подозрѣваемыми противниками революціи, такъ называемыми аристократами, ростовщиками и врагами свободы. Скоро пошли еще далѣе. Въ Монпелье радикальный муниципальный совѣтъ постановилъ снарядить національную гвардію для отраженія непріятеля, и расходъ на это покрытъ принудительнымъ займомъ съ богатыхъ; конвентъ призналъ и одобрилъ такой поступокъ какъ «патріотическій подвигъ». Вскорѣ вездѣ стали подражать этому примѣру обора достаточныхъ въ пользу пролетаріевъ, что послужило поводомъ къ разнымъ вмѣшательствамъ въ частную собственность, къ настоящей хищнической системѣ противъ всѣхъ «аристократовъ, умѣренныхъ, перекупщиковъ и эгоистовъ». Примѣръ Монпелье въ особенности послужилъ образцомъ для парижской коммуны. Если тамъ для снаряженія пяти тысячъ патріотовъ назначили принудительный заемъ въ пять милліоновъ, то столичной ратушѣ для двѣнадцати тысячъ парижскихъ гвардейцевъ, назначенныхъ противъ возставшей Вандеи, само собою разумѣется, слѣдовало наложить на самыхъ богатыхъ гражданъ такой же заемъ въ двѣнадцать милліоновъ. Наборъ и здѣсь тоже производился большею частью изъ среднихъ сословій, для того, чтобы шайки санкюлотовъ Мальяра и Фурнье одни властвовали въ городѣ.

Борьба между
жирондою и ма-
ратистами.

Вслѣдствіе опасности, угрожавшей жизни и собственности, средней классъ пробудился наконецъ отъ бездѣйствія. Онъ сталъ принимать болѣе ревностное участіе въ собраніяхъ секцій и рѣшительно возсталъ противъ тираніи ратуши и уличной демократіи. Это внушило жирондистамъ и полудемократамъ, робкимъ или нерѣшительнымъ людямъ, подчинявшимся всегда господствовавшей партіи, мужество, съ тѣмъ чтобы рѣшительнѣе противостать монтаньярамъ. Муниципальный совѣтъ требовалъ изъ казны все болѣе денегъ для прокормленія праздношатавшейся черни въ Парижѣ. Но сколько бы ни бросали въ пастъ «проголодавшимся патріотамъ», все было мало. Все громче раздавалось требованье низкихъ принудительныхъ цѣнъ на насущныя потребности пищи и одежды, наказанія ростовщиковъ и барышниковъ, которымъ приписывались всѣ бѣдствія, принудительнаго курса ассигнатовъ вровень съ металлическою монетою; демагоги доказывали, что земные плоды такое же всеобщее достояніе какъ воздухъ и вода. Понятно, что при нестерпимомъ деспотизмѣ парижской коммуны жирондисты вернулись къ прежней мысли, преобразовать Францію въ республиканское федеративное государство по американскому образцу, съ цѣлью предотвратить бѣдствія централизаціи. — Однако,

развѣ эта мысль не согласуется съ вражескими планами раздробленія, съ реставраціонными идеями Дюмурье и Кюстина? Мы знаемъ, что жиронда вовсе не была причастна мятежнымъ замысламъ бывшаго ея сообщника, что она, напротивъ, сама же обвинила Дантона въ соучастіи и тѣмъ навлекла на себя его вражду; теперь же ей самой бросили въ лице этотъ упрекъ. Мальяръ собралъ толпу, которую прозвалъ «защитниками безраздѣльной республики»; коммуна подала адресъ, которымъ требовала исключить двадцать два депутата, оттого что они какъ совиновники въ государственной измѣнѣ Дюмурье «нарушили уставъ своихъ избирателей». Въ числѣ названныхъ были ораторы и вожди жиронды. Основываясь на этомъ, Робеспьеръ предложилъ, чтобы Ролана и всѣхъ членовъ конвента заподозрѣнныхъ въ стачкѣ съ Дюмурье предали революціонному суду. Этотъ первый натискъ былъ отраженъ побѣдоноснымъ краснорѣчіемъ Верньо. Послѣ того жирондисты задумали напасть на самаго жестокаго изъ своихъ противниковъ, на Марата. А именно, вскорѣ затѣмъ этотъ пошлый демагогъ сталъ возбуждать коммуны, которую лишили выдаваемого доселѣ пособія изъ городской казны, къ возстанію противъ республики и къ самопомощи противъ виновниковъ дороговизны. Конвентъ большинствомъ рѣшилъ обжаловать лютаго демократа въ мятежѣ и предать его революціонному суду. Это былъ тщетный ударъ, которымъ они повредили самимъ себѣ. Судъ оправдалъ Марата, а «гражданинъ и гражданка», дождавшись на улицѣ приговора, съ торжествомъ отнесли своего, украшеннаго вѣнками изъ дубовыхъ листьевъ идола назадъ въ конвентъ. Съ этой поры стали учащаться буйныя тревоги по улицамъ и на рынкахъ, подстреки въ собраніяхъ секцій и въ клубахъ. По предложенію Марата учредили комитетъ инсуррекціи, совѣщанія котораго происходили въ епископскомъ дворцѣ. Въ этихъ сферахъ жирондисты лишены были почвы; «они не хотѣли спуститься въ арену уличной демагогіи, презирали чернь, которая теперь господствовала, и не хотѣли опозлиться кознями, какія тогда исключительно преуспѣвали. — Трибуна, вотъ что было ихъ поприщемъ». Они, правда, и сами не разъ поневолѣ поддавались порыву монтаньяровъ и прибѣгали къ мѣрамъ, угрожавшимъ опасностью праву и собственности, обычаемъ и спокойствію, какъ напр. 2. мая 1793. когда согласились на требуемую съ такою настойчивостью демократами высшую цѣну на хлѣбъ; однако они въ собраніи все-таки составляли сомкнутую фалангу противъ дикой демократіи и противъ тираніи охлократіи. Потому-то партія горы и рѣшила уничтожить ихъ.

Республиканцамъ робеспьеровскаго пошиба ничто не претило такъ сильно, какъ застой по пути революціи, или возвратъ къ прежнимъ общественнымъ порядкамъ. По ихъ радикальному доктринаризму состояніе свободы и равенства, утвержденіе человѣческихъ правъ могло осуществиться лишь съ уничтоженія всѣхъ традиціонныхъ житей-

15 апрѣля
1793.

Жирондисты
отталкиваютъ
Дантона.

скихъ формъ и законоположеній. Имѣя въ виду съ безопадною логическою послѣдовательностью твердо пріурочить принципы революціи прежде всего во Франціи, а потомъ распространить ихъ по свѣту, монтаньяры питали глубокую ненависть къ жирондѣ, за то что она своею ораторскою напыщенностью ослѣпляла умѣренныхъ и полудемократовъ, тормозила всякое быстрое дѣйствіе или ослабляла послѣдовательное исполненіе его, подкрѣпляла средніе классы въ ихъ оппозиціи противъ якобинскихъ санкюлотовъ и пускалась въ переговоры съ иностранными державами, вслѣдствіе чего возникали мятежные планы и измѣнническія козни. Пока Бриссо, Верньо, Жансонне и подобные имъ виртуозы слова господствовали надъ собравшемъ, до тѣхъ поръ, по мнѣнію монтаньяровъ и радикальныхъ якобинцевъ, потокъ революціи былъ запруженъ. Дантонъ хотѣлъ спасти угрожаемыхъ отъ гибели; вѣдь и онъ также помышлялъ тогда о мировыхъ сдѣлкахъ; но для этого потребовалось доброй воли и дружескаго дозвѣрія.

Конецъ апрѣля. На роскошномъ пиру въ увеселительныхъ садахъ Мо, гдѣ Дантонъ и его друзья сошлись съ вождями жиронды, онъ хотѣлъ объясниться съ ними. Но какъ разъ въ эту пору партія чувствовала себя сильнѣе чѣмъ когда либо; не даромъ считала она себя центромъ среднесословной оппозиціи, которая вслѣдствіе якобинскаго терроризма рѣзко обнаруживалась и въ Парижѣ и въ провинціяхъ. Жирондисты опасались лишиться этого положенія, если вступятъ въ союзъ съ вождемъ сентябрьскихъ убійцъ. А потому они во второй разъ отвергли руку, которая только и могла бы еще спасти ихъ отъ гибели: и точно, куда бы этотъ могучій человекъ ни обратился съ своею когортою, вездѣ отъ него зависѣлъ исходъ дѣла. Съ этой поры Дантонъ и его сообщники въ комитетѣ общаго блага вполнѣ предалися горѣ. Таковъ ужъ былъ трагизмъ его судьбы: кровавый призракъ прошлыхъ злодѣйствъ преслѣдовалъ его самого всякій разъ, когда ему хотѣлось вернуться на законный путь, отстать отъ убійцъ. Вотъ въ чѣмъ и состоитъ тяготящее надъ злодѣяньемъ проклятіе: оно не прерывая порождаетъ одно только зло».

Монтаньяры и коммуна противъ жирондистовъ. Въ ночной сходкѣ въ Шарантонѣ Дантонъ вступилъ съ Робеспьеромъ, Пашомъ, Маратомъ въ заговоръ на пагубу жирондистовъ. Повтореніе десятаго августа казалось самымъ подходящимъ для того средствомъ, такъ какъ этимъ путемъ устраняется упрекъ въ половномъ душегубствѣ, и злодѣяніе опять можно будетъ облечь въ формы судопроизводства, вновь прикрыть авторитетомъ закона и начальства. На это требовалось пособіе муниципальнаго совѣта. Благодаря содѣйствію послѣдняго вооруженныя скопища санкюлотовъ въ предмѣстьяхъ сошлись по своимъ сборнымъ мѣстамъ и шумными выходками, угрозами и запугиваньемъ возбудили въ городскомъ населеніи тревогу и страхъ. Отъ жирондистовъ не укрылось, что въ основѣ этой анархической выходки скрывается заговоръ. Они

попытались поэтому предупредить плакъ своихъ противниковъ и разстроить покушенія «патріотовъ». Изобразивъ, въ видѣ иллюстраціи современнаго положенія, событія въ англійской революціи незадолго до Кромвелева протектората, Гаде предложилъ, чтобы парижскій городской совѣтъ былъ устраненъ и замѣненъ членами секцій. Съ той поры, какъ предполагался принудительный заемъ, собранія секцій стали посѣщаться болѣе всего людьми изъ средняго сословія, а потому послѣдніе и могли считаться законными представителями общины. Такимъ образомъ рухнулъ бы противоконвентъ въ ратушѣ, гора лишилась бы своей сильной поддержки. Однако Бареръ, этотъ хитроумный посредникъ партій, успѣлъ искусною уловкой отвести ударъ отъ головы монтаньяровъ, замѣнивъ рѣзкое предложеніе Гаде другимъ, по которому конвенту поручалось назначить комиссію изъ двѣнадцати членовъ для обсужденія недавно постановленныхъ городскихъ совѣтомъ рѣшеній. Это предложеніе большинствомъ было принято вмѣстѣ съ внесеннымъ жирондою дополненіемъ, чтобы слѣдствіе распространилось на всѣ мятежные заговоры, какіе въ теченіе мѣсяца замышлялись городскимъ совѣтомъ. При выборѣ комитета жирондисты оказались въ выгодѣ.

Двѣнадцать членовъ тотчасъ же принялись за дѣло. На основаніи документовъ, доставшихся имъ въ ратушѣ, они приступили къ энергическимъ мѣрамъ: запретили сходки въ секціяхъ, смѣнили нѣкоторыхъ якобинскихъ чиновниковъ, велѣли арестовать журналиста и члена ратуши Гебера, любимца уличной демократіи, вмѣстѣ съ другими коноводами и возмутителями, какъ виновниковъ безпорядковъ и убійствъ. Монтаньяры и ихъ сообщники въ клубахъ и въ коммунѣ перепугались; вся радикальная партія была бы поражена на смерть, еслибъ открылись мятежныя покушенія, въ которыя посвященъ былъ Геберъ. А что если изъ возставшихъ городовъ юга и запада на Парижъ нагрянутъ національныя гвардіи, съ тѣмъ чтобы избавить конвентъ отъ владычества анархистовъ? Оттого-то «патріоты» ратуши и комитета инсurreкціи въ епископскомъ дворцѣ всѣми средствами добивались бурнаго адреса отъ секцій, съ цѣлью потребовать освобожденія Гебера, этого «превосходнаго гражданина» и отмѣны комитета двѣнадцати. Возражая, президентъ собранія, Инаръ, намегнулъ, если коммуна станетъ мятежными тревогами угрожать конвенту, то Парижъ навлечетъ на себя месть Франціи и исчезнетъ съ лица земли. Эта скрытая угроза еще сильнѣе озлобила анархистовъ. Сборныя мѣста клубовъ и секцій кишмя кишѣли и днемъ и ночью; всѣ были вооружены, конвентъ и ратуша уподобились главной квартирѣ военнаго стала. Въ Тюльери, гдѣ со введенія республики совершались засѣданія національнаго собранія, дѣло часто доходило чуть не до рукопашной. Рьяная толпа все неистовѣе бушевала противъ комитета двѣнадцати, противъ «децемвировъ», какъ назы-

18 мая 1793.

Комитетъ двѣнадцати.

25 мая 1793.

27 мая. вали комиссію въ память аристократической тираніи древняго Рима. Мая 27. большинствомъ собранія подѣ гнетомъ горы и народной толпы, которая и наружу и внутри довольно ясно выражала свое намѣреніе, рѣшено было освободить Гебера и отмѣнить комитетъ двѣнадцати, потому что, какъ выразился другъ Дантона, Геро де Сешель, власть народа и власть разума—одно и то же. На другой же день постыдились этой трусости; при новой балотировкѣ рѣшеніе прежняго засѣданія было отмѣнено и признано дальнѣйшее существованіе комитета двѣнадцати. Однако не осмѣлились арестовать вновь освобожденныхъ уже демагоговъ, въ особенности Гебера. Это «до поры до времени» было признано совершившимся фавтомъ.

Конвентъ подѣ гнетомъ черни 31 мая. Даже такая скудная побѣда партіи порядка при господствовавшемъ въ провинціяхъ броженіи могла бы повлечь за собою важныя послѣдствія и положить конецъ охлократической тираніи. А потому демократія напрягла всѣ свои силы, съ тѣмъ чтобы рѣшительнымъ ударомъ, подобно 10. августа, «спасти республику». Имѣлся даже въ виду планъ поголовнаго душегубства открытымъ насиліемъ, но въ епископскомъ дворцѣ, гдѣ вожди демократіи собирались въ качествѣ «мятежнаго совѣта» или революціоннаго центрального комитета, опять вернулись къ плану, составленному въ Шарантонѣ.

Намѣревались понудить конвентъ, чтобы онъ самъ на основаніи петиціи коммуна изрекъ обвиненіе и арестъ тридцати четырехъ жирондистовъ, въ томъ числѣ членовъ комитета двѣнадцати и министровъ Ролана, Клавьера и Лебрюна. Затѣмъ все окажется само собою. Были приняты всѣ мѣры для великаго возстанія, и оно началось бурнымъ адресомъ муниципальнаго совѣта противъ комитета двѣнадцати, длилось трое сутокъ и завершилось арестомъ вождей жиронды. Подкрѣпившись комиссарами секцій, которые какъ представители самодержавнаго народа снабжены были безусловнымъ полномочіемъ, муниципальный совѣтъ назначилъ заклеименнаго Анріо, бывшаго прежде лакея, потомъ контрабандиста, наконецъ полицейскаго сыщика и состоявшаго подѣ судомъ за воровство, главнокомандующимъ національной гвардіи или, скорѣе, собранныхъ изъ отребья столичнаго населенія ватагъ санкюлотовъ, и громомъ пушекъ, набатнымъ звономъ поднялъ на ноги всю парижскую чернь.

31 мая. 1. 2. іюня 1793. Мальяровы шайки пролетаріевъ, которымъ обѣщали поденную плату по два франка, и ужасныя рыночныя торговки, сплотившись въ «батальонъ амазонокъ», съ ранняго утра осадили дворецъ Тюльери, такъ что депутаты силой должны были пробиваться въ залу засѣданія. По прочтеніи адреса ратуши монтаньяры, поддержанные буйшевавшею въ галереяхъ толпою, требовали, чтобы исполнили волю народа. Комитетъ, какъ доказывалъ Дантонъ, учрежденъ лишь для того, чтобы ослабить энергію націи и утвердить политику робкой умѣренности, съ цѣлью предать республику во власть тирановъ и аристо-

кратовъ. Двѣнадцать членовъ тщетно цѣлыхъ три часа защищались подѣ шумной сумятицей, отступили наконецъ передѣ бурей и передали свое полномочіе комитету общаго блага, къ которому присоединилось еще нѣсколько членовъ изъ рядовъ дантонистовъ. Однако въ этотъ день партія горы не успѣла добиться ничего болѣе. Коварная попытка Анріо при посредствѣ батальоновъ изъ Антуанскаго предмѣстья обезоружить нѣкоторые пастроенныя въ пользу конвента секціи, оттого что, какъ онъ живо доносилъ, онѣ замышляли роялистскую контрреволюцію, разстроилась. Убѣдившись въ республиканскихъ чувствахъ стоявшихъ въ Пале-Роялѣ національныхъ гвардейцевъ, населеніе предмѣстій побраталось съ ними и разошлось по домамъ.

Въ ратушѣ, однако, не отчаялись. Сегодня не выгорѣло, авось завтра удастся. Ночью и на слѣдующій затѣмъ день революціонный центральный комитетъ въ связи съ Геберомъ и демагогами велѣлъ арестовать въ секціяхъ множество заподозрѣнныхъ въ реакціонныхъ замыслахъ лицъ; потомъ онъ тайкомъ отправилъ курьеровъ въ Курбеуа, гдѣ подѣ командой Сантера стояли 72,000 національныхъ гвардейцевъ, готовая идти въ Вандею; имъ велѣно было отсрочить походъ и вернуться въ городъ. Съ наступившимъ утромъ, въ воскресенье, самъ Маратъ съ башни ратуши забилъ въ набатъ. Революціонная комиссія въ епископскомъ здаціи была уже на ногахъ. Вооруженныя толпы со всѣхъ концовъ Парижа двинулись къ Тюльери. Сношеніе съ загородомъ было совсѣмъ отрѣзано. Несмѣтныя шайки скорѣе окружили дворецъ, такъ что конвентъ засѣдалъ уже словно въ осажденной крѣпости. Депутація изъ ратуши внесла адресъ, которымъ требовалось арестовать семь членовъ поименованныхъ въ немъ членовъ за измѣническіе замыслы. Пога въ страшномъ возбужденіи при шумѣ галерей совѣщались о томъ, на что рѣшиться, избрать ли, какъ предлагалъ Бареръ, комиссію для немедленнаго доклада или предложить означеннымъ членамъ тотчасъ же выбыть добровольно, въ то же время Анріо велѣлъ батальонамъ изъ Курбеуа преградить всѣ выходы и занять двери и лѣстницы гвардейцами съ наказомъ, не выпускать изъ дому ни членовъ конвента, ни министровъ, пока не выдадутъ приговоренныхъ коммунаю депутатовъ. Угрожаемые съ мужественною отвагою отказались добровольно выйти въ отставку. Подобно римскимъ сенаторамъ въ войну съ Галлами, они готовы были умереть на своихъ мѣстахъ. Жирондисты 2. іюня, по словамъ Гейссера, исполнили все, что умъ и бойкія рѣчи, доблесть и нравственное превосходство могли сдѣлать надѣ дикими толпами; это былъ ихъ славный день. Но тщетно Ланжюине, Барбару, Верньо и другіе ораторы напрягали всѣ силы своего краснорѣчія, изображая опасности, если конвентъ не въ состояніи будетъ поддержать свое достоинство и величіе и въ немощи

Анріо осажда-
етъ Тюльери.
1. іюня 1793.

2. іюня.

подчиниться терроризму коммуны; ободряемая партией горы чернь, тѣсясь въ залѣ и по галереямъ, съ неистовымъ шумомъ и ревомъ требовала своей жертвы. Съ проходовъ разносился гулъ толпы и грохотъ оружія. Лакруа хотѣлъ выйти изъ залы, но его не выпустили, не смотря на то, что онъ принадлежалъ къ друзьямъ Дантона. Послышались восклицанія, «конвентъ не свободенъ болѣе!» Бареръ предложилъ собранію самому убѣдиться въ истинѣ и всѣмъ своимъ составомъ покинуть залу засѣданія. Депутаты съ президентомъ Геро де Сешелемъ встали и двинулись къ выходу; но около сотни монтаньяровъ остались на своихъ мѣстахъ. Когда депутаты подошли къ главному выходу, то подпившій Анріо преградилъ имъ путь и, ругаясь, прогналъ ихъ назадъ. При язвительномъ смѣхѣ монтаньяровъ они опять разошлись по мѣстамъ. Кутонъ взошелъ на трибуну и предложилъ, пусть конвентъ, убѣдившись теперь въ томъ, что нація чтитъ его и довѣряетъ ему, исполнить волю ея. Послѣ этого прочли списокъ, который тѣмъ временемъ провѣрили Марать и другіе монтаньяры, и большинствомъ голосовъ рѣшено было арестовать означенныхъ членовъ, всего тридцать два человѣка. Все это были главные вожди жирондистовъ.

Конецъ жирондистовъ.

Дантону хотѣлось удалить изъ конвента людей, которые тормозили энергическое дѣйствіе революціи, но отнюдь не лишать ихъ жизни. А потому онъ добился, чтобы ихъ подвергли лишь легкому наказанію. Ихъ приговорили къ приличному домашнему аресту подъ надзоромъ полиціи. Да развѣ можно было пущенное развѣ въ ходъ колесо задержать въ его роковомъ раскатѣ? Нѣкоторымъ изъ заключенныхъ, между прочимъ Бриссо, Ролану, Барбару, Бюзо, Горазу, Гаде, Гранжнёву, Петіону, удалось у скользнуть отъ своихъ сторожей и бѣжать въ Нормандію, въ Бретань, въ южные города, гдѣ они своими рассказами о господствовавшей въ Парижѣ демократической тираниі поджигали и безъ того уже возставшіе средніе классы на борьбу противъ якобинцевъ. Но этимъ ускорили только собственную гибель. Мы еще узнаемъ, какими ужасами завершились попытки къ мятежу. Проявленная притомъ жирондистами агитаторская дѣятельность подала комитету общаго блага желанный поводъ окончательно истребить всю партію. Всѣ, кого успѣли захватить, числомъ двадцать одинъ человѣкъ, преданы были революціонному суду; они обвинялись въ роялизмѣ. По этому случаю Верньо, Гаде, Бриссо и др. еще разъ разразились всею мощью своего краснорѣчія, не столько ради своей защиты, такъ какъ они предвидѣли свою участь, а скорѣе для того чтобы показать противникамъ въ зеркалѣ всю подлость и гнусность ихъ; всѣ они были 31. окт. 1793. приговорены къ смерти и казнены.

Остальные, избѣгнувъ этой катастрофы, тоже перемерли въ теченіе слѣдующихъ мѣсяцевъ насильственной смертью, Барбару—въ Бордо на ги-

лотинѣ, другіе—Роланъ, Петіонъ, Бюзо, Кондорсе, Ребеки—сами лишили 25. іюня 1794. себя жизни. Жена Ролана, обвиненная въ томъ, что поддерживала съ бѣжавшими мятежныя сношенія, была отведена въ тюрьму, гдѣ и написала свои воспомнанія или, какъ она назвала эти записки, свой „Апель къ потомству“. Осужденная революціоннымъ трибуналомъ, она мужественно сложила свою голову подъ гильотину. „Она исполнилась одного лишь чувства, 8. нбр. 1793. что тюрьма и эшафотъ ведутъ къ свободѣ и блаженному покою, и шла на смерть не только съ мужественною твердостью, но даже съ славшею отрадою“. Мужъ ея, узнавъ о смерти жены, по примѣру древнихъ Римлянъ, поразилъ себя своимъ мечемъ. Трупы Петіона и Бюзо найдены были въ пшеничномъ полѣ близъ Сентъ-Эмильона, полуистлѣвшіе и изгрызанные волками. Кондорсе тайкомъ скрывался у благородной женщины, по имени Верне. Узнавъ по газетамъ, что оказавшіе пріютъ осужденнымъ подвергать смертной казни, онъ покинулъ свое убѣжище, не желая подвергать великодушную даму опасности, и отправился переодѣвшись въ Парижъ. Тутъ онъ недолго проблуждалъ; его схватили наконецъ какъ подозрительное лицо и отвели въ тюрьму. Тамъ марта 28. 1794 его нашли мертвымъ на полу; онъ, какъ думаютъ, отравился. Почти всѣ жирондисты умерли молодыми людьми; ихъ политическая жизнь была непрерывнымъ лихорадочнымъ возбужденіемъ, которое по естеству своему не могло долго продлиться.

II. Терроризмъ и всемірная война.

1. тираниа якобинцевъ.

Якобинцы для своего оправданія ревностно распространяли ходячую легенду французскихъ лѣтописцевъ, и возвели въ догматъ, Франціи послѣ второго іюня. будто лишь по изгнаніи умѣренныхъ велеречивыхъ жирондистовъ конвенту внушена была та сосредоточенная мощь и энергія, благодаря которой Франція спаслась отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, будто единственно при посредствѣ организованнаго партией горы терроризма устранена была опасность, угрожавшая тогда существованію націи и государства. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что терроръ существенно содѣйствовалъ развернуть народнымъ силамъ, что воодушевленіе идеями революціи во многихъ сердцахъ возбудило порывъ къ борьбѣ и воистинный размахъ; однако насильственный переворотъ 2. іюня и якобинскій терроризмъ, вспламенивъ внутри междоусобицу, предоставивъ границы внѣшнему врагу и открывъ 200,000 арміи путь къ Парижу, едва ли спасли бы Францію отъ контрреволюціи, едва ли оправдали бы предположеніе, будто, благодаря разнузданности революціонной власти, войска и офицеры, оружія и припасы словно волшебствомъ выбивались изъ почвы: если бѣ коалиція дѣйствовала дружнѣе и рѣшительнѣе, и союзники, вмѣсто того чтобы преслѣдовать своекорыстныхъ, возбуждавшія взаимное недовѣріе цѣли, подали руку помощи внутреннимъ

противникамъ республиканцевъ, энергично поддерживали оппозицію среднихъ классовъ, и если бъ изъ среды террористовъ не вышелъ организаторскій талантъ съ военнымъ знаніемъ и творческою силою, который, не заботясь о политикѣ, самоотверженно посвятилъ всю свою личность благу отечества. И въ самомъ дѣлѣ, на первыхъ порахъ по низверженіи жпронды Франція являла безотрадное зрѣлище анархіи и разстройства. Въ средѣ конвента партія горы воспользовалась своею побѣдой, съ тѣмъ чтобы острасткою умѣренныхъ, робкихъ и слабыхъ, добиться неоспоримаго господства въ собраніи, наполнить министерство демократами чистаго пошиба, и въ согласіи съ городскимъ совѣтомъ и предводителями столичныхъ ополченій, довести до крайняго развитія господство охлократіи въ парижской коммуны; монтаньяры продолжали арестовать подозрительныхъ людей, а въ то же время облагали принудительною податью богатыхъ, устанавливали наивысшія цѣны на хлѣбъ и съѣстные припасы, прокармливали немущихъ, воздавая такими и тому подобными нарушающими право собственности мѣрами свою благодарность скопищу санкюлотовъ и «дюжимъ кулакамъ» пролетаріевъ за военную тиранію тѣхъ трехъ дней: они поручили комитету подъ предѣдательствомъ Геро де Сешеля разработать новую демократико-республиканскую конституцію съ расширеніемъ человѣческихъ правъ въ пользу низшихъ классовъ народа и ихъ притязаній на пособіе отъ государства. А между тѣмъ въ областяхъ и городахъ запада и юга вспыхнули жестокия междоусобицы, на Рейнѣ и въ сѣверныхъ порубежныхъ странахъ непріятельскія войска напирала все сильнѣе. Въ конвентѣ со всѣхъ сторонъ приходили печальныя вѣсти. Въ Майнцѣ французскій гарнизонъ оказался въ крайней опасности, пограничныя крѣпости Конде и Валансенъ готовы были сдаться; съ тѣхъ поръ какъ бѣжавшіе жирондисты принялись раздувать огонь, западъ и югъ явно возстали противъ якобинскаго радикализма и анархическихъ продѣлокъ парижской коммуны; въ особенности Бордосцы пылали местию за нанесенный имъ депутатамъ позоръ. Въ самомъ даже Парижѣ нѣкоторые изъ секцій приступили къ попятному движенію: «Настроеніе», воскликнулъ Геберъ въ ратушѣ, «вездѣ зловредное, намъ вездѣ приходится подавлять зародыши реакціи». Даже въ конвентѣ раздавались голоса въ пользу поворота на болѣе мирный путь, возвращенія находившихся еще подъ арестомъ членовъ жиронды на ихъ парламентскія мѣста.

Диктаторская
власть комитет
та общаго
блага.

Если это положеніе продлится, если недовольство республиканскимъ безобразіемъ распространится далѣе, то вожди демократіи погибли; они ради собственнаго существованія вынуждены идти далѣе по проложенному разъ пути, острасткою подавлять всякое сопротивленіе, поддерживать революціонный духъ въ націи. А это достигнется лишь тогда, когда комитетъ общаго блага будетъ занятъ исключительно

надежными якобинцами, которые не содрогнутся ни передъ какими злодѣйствами, и снабженъ абсолютнымъ полповластіемъ. Дантонъ и его ближайшіе приверженцы не были достаточною порукою въ этомъ случаѣ: хотя въ пылу гнѣва и революціонной страсти народный трибунъ и неистовствовалъ словно раздраженный левъ, но, какъ извѣстно, онъ тоже склонялся къ полюбовнымъ сдѣлкамъ, къ умиротворенію и соглашенію. Онъ не разъ предлагалъ жирондистамъ свой союзъ, да и теперь даже обнаруживалъ подозрительную умѣренность. Потому при возобновленіи комитета общаго блага онъ и друзья его были обойдены и замѣнены креатурами Робеспьера, а нѣсколько дней 10. іюля 1793. спустя послѣдній самъ захватилъ высшую правительственную власть, которою и пользовался затѣмъ до своего паденія. Съ этимъ якобинскимъ государственнымъ переворотомъ 10. іюля вступила въ силу система, которая имѣла цѣлью «безусловное подчиненіе страны, окончательное истребленіе противниковъ, безопаздную войну противъ Европы», система ужаса, насилія, убійства и козней, уничтоженія высшихъ и среднихъ сословій при посредствѣ кроваваго владычества черни.

Душею этого республиканскаго правленія, которое теперь подобно Робеспьеръ и
адскому пандемонію надѣлало французскій народъ полною мѣрою бѣдствій, мукъ и страданій, былъ *Робеспьеръ*, этотъ сухой, разсудочный человѣкъ, все отрицавшій доктринеръ съ мелкою душою и злымъ сердцемъ; достаточно уже знакомый намъ по прежнимъ очеркамъ, онъ достигъ теперь верха своей власти и своего честолюбія. Пока болѣе мощные умы руководили нитями революціи, до тѣхъ поръ этотъ односторонній апостоль Жанъ-Жакова общественнаго договора, лишенный всякаго признака гениальности и возвышенной фантазіи, всякаго воодушевленія и увлекательнаго краснорѣчія, далеко отставалъ отъ другихъ, и во всѣ чреватія событіями мгновенія, требовавшія мужества или угрожавшія опасностью, осторожно скрывался; однако, за нимъ признавалась мощь послѣдовательнаго мышленія и дѣйствія, онъ никогда не измѣнялъ себя, и строгостью и логикою своихъ доводовъ внушалъ посредственнымъ натурамъ съ ограниченнымъ кругозоромъ уваженіе. Онъ никогда не увлекался страстнымъ порывомъ, подстерегалъ слабую сторону противника и нападалъ на него въ самый удобный мигъ. „При его коварныхъ елейныхъ рѣчахъ, уснащенныхъ ядовитыми доносимами, клеветою и подозрѣніями, невольно вспоминается гена, которая тайкомъ обходитъ свою жертву и внезапно бросается па вѣрную добычу“. Было уже замѣчено, какъ самодовольно кичился онъ заслугами своей добродѣтели и безнорочности; онъ вѣлъ простой, умѣренный, трезвый образъ жизни и успѣлъ облечься въ ореолъ святаго человѣка, хотя болѣе близкіе пріятели разсказывали о происходившихъ у него „оргіяхъ“. — Совсѣмъ инаго пошиба былъ человѣкъ, съ которымъ мы ознакомились какъ съ властителемъ въ области демократической прессы, *Маратъ*. Плебен до мозга костей своихъ, исполненный цинической наглости, сластолюбивый и безравственный, онъ часто былъ въ тягость даже своимъ якобинскимъ друзьямъ, хотя они и пользовались для своихъ цѣлей его газетными талантами. Онъ вошелъ въ славу за одно съ могуществомъ черни, оттого что въ своемъ безграничномъ высокомѣріи обладалъ способностью подл.

видомъ честности и безпристрастія, какъ доброе право народа, требовать всего, что признается безумемъ и злодѣйствомъ,—избіенія политическихъ противниковъ, захвата чужой собственности, мятежа солдатъ противъ офицеровъ. Про него говорили, что онъ на деньги, вырученныя съ революціи, приобрѣлъ себѣ домъ и роскошно убралъ его; тутъ, на улицѣ Медицинской школы онъ, сибаритствуя, проводилъ плынную жизнь съ любовницей; Луи Бланъ слабыми, впрочемъ, доводами отрицаетъ это показаніе.

Шарлотта Корде убиваетъ Марата.

Дѣятельность Марата скоро, впрочемъ, прекратилась. Какъ разъ въ то время, когда терроризмъ, который онъ проповѣдывалъ всю жизнь, достигъ владычества, его постигла нежданная смерть. Дѣвушка изъ Кана, Шарлотта Корде, молодая, прекрасная и восторженно преданная идеальной свободѣ, подобно жены Ролана, исполнилась, благодаря рѣчамъ Барбару и другихъ бѣжавшихъ жирондистовъ, ненависти къ парижскимъ террористамъ и рѣшилась освободить міръ отъ изверга, котораго считала главнымъ виновникомъ злодѣйствъ, хотя онъ былъ только орудіемъ въ рукахъ болѣе хладнокровныхъ и разсудительныхъ вожаковъ. Подъ предлогомъ доставить свѣдѣнія о про-
13. июля 1793. искахъ въ Бретани, она добилась доступа къ народному агитатору, который въ это время бралъ ванну, и поразила его кинжаломъ. Этотъ подвигъ, «отличавшійся отпечаткомъ древняго убійства тирановъ», пришлось очень кстати демагогамъ конвента. Они такимъ образомъ избавились отъ назойливаго человѣка и воспользовались отличнымъ предлогомъ поддержать броженіе въ народѣ, страдая его заговорами съ цѣлью перебить патриотовъ и низвергнуть свободу, облекая притомъ свою собственную кровожадность покровомъ справедливой мести. Послѣ позорнаго допроса въ революціонномъ судилищѣ Шарлотта Корде отведена была на эшафотъ, гдѣ «гордая и безстрашная съ твердостью» умерла отъ руки палача; трупомъ Марата воспользовались для театральныхъ овацій, а затѣмъ похоронили его въ Пантеонѣ на мѣсто останковъ Мирабо, которые забросили въ яму. Неспособный самъ быть дѣятельнымъ, увлекающимъ вождемъ, говорить Тьеръ, Маратъ былъ апостоломъ революціи; когда же въ апостолѣ не стало болѣе надобности, а требовались только энергія и стойкая твердость, то кинжалъ негодующей дѣвушки какъ разъ кстати преобразилъ его въ мученика и даровалъ святаго народу, которому надоѣли его старые идолы и хотѣлось сотворить себѣ новые.

Терроризмъ конвента общаго блага.

Прежде всего воспользовались этимъ кровавымъ событіемъ для дальнѣйшихъ преслѣдованій жирондистовъ. Девятерыхъ предали революціонному суду, бѣжавшихъ же осудили и приговорили къ смерти. У одного изъ заключенныхъ нашли подписанный семидесятью тремя депутатами протестъ противъ насильственныхъ поступковъ 2. іюня. Эти подписавшіеся также подверглись мести монтаньяровъ. Ихъ подчинили надзору и исключили изъ засѣданій, такъ что конвентъ съ

этихъ поръ сталъ лишеннымъ всякой воли орудіемъ комитета общаго блага. Такъ возникло царство ужаса, какого еще не бывало во всемирной исторіи. Война, убійство и насиліе стали всеобщимъ лозунгомъ. Демократическій деспотизмъ, признавъ главнымъ средствомъ своего владычества «благотворную острастку» и «святую гильотину», проникъ въ государственную и общественную жизнь. Онъ обнаружился въ варварскомъ угнетеніи возставшихъ городовъ и областей на югѣ и западѣ «проконсулами» и комиссарами конвента и комитета; онъ проявился въ кровавыхъ мѣропріятіяхъ противъ аристократическихъ военачальниковъ и офицеровъ въ арміи; онъ въ своемъ ужаснѣйшемъ видѣ предсталъ въ парижскомъ революціонномъ трибуналѣ и въ учрежденныхъ по его образцу уголовныхъ судахъ въ провинціяхъ. Ярость партій и духъ гоненія во все вѣка создавали средства и орудія, съ цѣлью удовлетворить своей страсти и жестокости; но ни «совѣтъ мятежей» герцога Альбы, ни «кровавые суды» лорда-канцлера Джефриса, не могли сравниться съ судебною тираніей «революціоннаго трибунала»; разбитая на четыре отдѣла и подчиненная надзору комитета всеобщей охраны, эта страшная уголовная палата своими кровавыми расправами спискала себѣ всемирноисторическое значеніе. Неистовая ярость членовъ суда, въ особенности председателей Германа, Дюма, Коффингала и пуще всего оберъ-прокурора Фукье Тенвиля, исполнявшаго должность общественного обвинителя, также усердіе судей и присяжныхъ содѣйствовать всякой судебной тираніи, преобразили этотъ революціонный трибуналъ въ вертепъ убійць, власть котораго со временемъ расширялась все болѣе. Образованная и благонамѣренная часть націи, правда, съ негодованіемъ возставала противъ демократическаго деспотизма; но лишенная единодушнаго плана и вождя, который мощною рукою соединилъ бы элементы оппозиціи, эти возстанія низвергались и подавлялись поодиночкѣ желѣзными кулаками безпощадныхъ демократовъ, примѣнявшихъ къ противникамъ древнее изреченіе: Горе побѣжденнымъ! Якобинскіе клубы во всехъ городахъ, революціонные комитеты, передача государственныхъ и общественныхъ должностей самымъ рьянымъ республиканцамъ, уголовные суды и другія орудія терроризма—вотъ какими бичами владѣли комитеты общаго блага и его жестокіе органы. Несмѣтное число чиновниковъ, смотрителей, полицейскихъ служителей, членовъ секцій и коммуны, всякаго рода искателей мѣстъ поглощали государственную казну; эти агенты и слуги народнаго правительства въ своекорыстномъ расхищеніи національнаго имущества превосходили даже придворный и чиновный штатъ старой монархіи; изъ милліоновъ, собранныхъ путемъ конфискацій, принудительныхъ налоговъ, церковныхъ захватовъ и вымогательствъ, скудная лишь доля попадала въ государственную казну.—И все эти насилія и мерзости совершались какъ бы при гла-

захъ европейскихъ армій, по всей границѣ облежавшихъ Францію, властители которыхъ помышляли, впрочемъ, скорѣе о томъ, какъ бы самимъ захватить клочъ земли и помѣшать въ этомъ другимъ, нежели о томъ, чтобы пріостановить безчеловѣчное зрѣлище французскихъ злодѣйствъ. Союзники дѣйствовали безъ всякаго единодушія, говоритъ Тьеръ, и подъ видомъ священной войны скрывали самыя своекорыстныя цѣли. Австрійцы зарились на Валансьенъ, прусскій король — на Майнцъ, Англичане — на Дювкирхенъ. Подрытая по всѣмъ частямъ и готовая распасться коалиція предоставила комитету общаго блага подъ веденіемъ Робеспьера, якобинскому военному министру Бушотту и парижскому муниципальному совѣту съ Пашомъ, Шометтомъ и Геберомъ во главѣ полную волю, безпрепятственно проводить терроризмъ, подчинить націю невыразимой тирани. Бареръ, котораго Бѣркъ прозвалъ «Анакреономъ гильотины», за то что онъ уголовные приговоры облакалъ лукавымъ покровомъ благодушной фразеологіи, на основаніи «великаго слова» коммуны предложилъ, чтобы «конвентъ поставилъ терроръ очереднымъ дѣломъ»: тогда исчезнутъ-де всѣ роялисты и умѣренные, и гора истребитъ всѣхъ заговорщиковъ. По смерти Марата самою распространенною и наиболѣе вліятельною народною газетою былъ Перъ Дюшенъ Гебера. Получая отъ господствовавшей партіи значительныя денежныя пособія, это изданіе раздавалось солдатамъ, пролетаріямъ и пріобрѣло какъ бы характеръ государственныхъ вѣдомостей. Доходя до крайнихъ предѣловъ цинизма, эта газета по своему пошлону, грубому языку и площаднымъ замашкамъ была подлиннымъ выраженіемъ якобинской охлократіи, настоящимъ органомъ правленія санкюлотовъ, что тяготѣло тогда надъ Франціей словно въ укоръ бывшему всемірному образованію прежнихъ временъ. Газеты, которыя осмѣливались заявлять оппозицію противъ тирани комитета блага, уничтожались чернью, издатели ихъ преслѣдовались, типографіи разрушались. Никто не смѣлъ выразить неудовольствіе, ни противорѣчить; отдѣльныя личности, робѣя, попрятались у себя по домамъ и скрывали чувства и помыслы въ глубинѣ своей души.

2. возстанія на югъ и западъ и ихъ исходъ.

1. Нормандія и Бретань. Въ Нормандіи и Бретани населеніе съ самаго начала революціи было разбито на партіи, которыя нерѣдко съ оружіемъ въ рукахъ ратовали другъ противъ друга. Находясь подъ вліяніемъ клерикаловъ, сельскій людъ споконъ-вѣку неизмѣнно сохранилъ свои исконныя кельтическія особенности, свое исключительное провинціальное положеніе, и отличался отъ остальной Франціи языкомъ, правами, одеждою, враждебно относился ко всякимъ новшествамъ; мало того, даже городское населеніе, не смотря на его большею частью рес-

публиканскія наклонности, разбито было на партіи: среднему сословию пришлось отстаивать жизнь и собственность, законъ и обычай отъ притязаній низшихъ классовъ народа, несмѣтныхъ скопищъ пролетаріевъ, которыя подъ эгидію якобинскаго клуба собирались вооруженными ватагами, подъ названіемъ карабатовъ, и не очень-то чтли святость собственности. Неистовство партій усилилось еще болѣе по прибытіи сюда нѣкоторыхъ изъ бѣжавшихъ жирондистовъ. Клерикально-роялистское крестьянское населеніе пріобрѣло смѣлаго рѣшительнаго вожака въ лицѣ сильнаго Жана Коттеро, бывшаго контрабандиста, семья котораго въ насмѣшку прозывалась шуанами или ночными совами (*chat-huans*), и это имя перешло на всю шайку мятежниковъ. Къ нимъ примкнуло еще нѣсколько добровольцевъ подъ веденіемъ великана, отчаяннаго Жоржа Кадудала. Средніе классы также возстали противъ конвента подъ предводительствомъ Бюзо и графа Пуизея, бывшаго члена конституціоннаго собранія, мужественнаго дворянина, величаваго съ виду и ловкаго въ обращеніи, но ненадежнаго характера. Они съ омерзеніемъ относились о господствѣ парижской черни и о безпутныхъ поступкахъ якобинцевъ; генералъ Вимпфенъ, либеральный роялистъ, занимавшій, должность главнокомандующаго въ провинціи, предложилъ вызвать на помощь Англичанъ; это предложеніе было однако отринуто съ негодованіемъ. Лишенные единодушія, военной выправки, плана и практической цѣли, мятежники не въ силахъ были противостать конвенту и якобинцамъ въ собственной средѣ. Агенты комитета общаго блага посулами и угрозами, брошюрами и ассигнатами успѣли задуть возстаніе въ Бретани, прежде чѣмъ инсургенты присоединились къ Вандеѣ. Когда переходъ Ларошъ-Жакелена и «католической арміи» черезъ Луару подстрекнулъ и шуанъ также къ новой дѣятельности, то возстаніе почти уже потухло. Однако, революціонное правительство воспользовалось этимъ поводомъ, чтобы послать комиссаровъ, Каррьеру въ Нантъ и Франкастля въ Анжеръ, съ цѣлью подчинить всю область отъ Сены до Луары и до крайняго побережья. Всѣ возможныя злодѣйства, какія только изобрѣтались терроромъ, доводились ими до ужасающихъ размѣровъ. Ихъ военными судами изо дня въ день осуждались на смерть 150 до 200 человекъ. Каррьеръ въ Нантѣ велѣлъ разстрѣливать свои жертвы цѣлыми сотнями, а не то топить ихъ въ Луарѣ при посредствѣ судовъ съ подвижными дниами (такъ наз. «наядовъ»); во время его четырехмѣсячной дѣятельности погибло по малой мѣрѣ 15,000 человекъ — «мятежные крестьяне, католическіе священники, нантскіе горожане, якобинскіе пролетаріи, — словомъ всѣ, кто по личной ненависти или по мѣстной враждѣ попадался палачамъ подъ пьяную руку». Въ немъ жестокость сопровождалась самою наглою насмѣшкою, кровожадность — звѣрскою похотью.

2. Города юга. Въ болѣе обширныхъ еще размѣрахъ свирѣпствовали террористы конвента въ богатыхъ торговыхъ южныхъ городахъ, въ Лионѣ, Марсели, Тулонѣ. Въ великомъ фабричномъ городѣ при Ронѣ военныя событія въ Савойи и близость эмигрантовъ то и дѣло освѣжали гражданскія волненія и разладъ партій, а застой всякихъ сношеній породилъ въ средѣ рабочаго населенія нестерпимыя бѣдствія. Бывшій священникъ Шалье въ качествѣ представителя якобинскаго клуба возбудилъ тутъ такую же террористическую дѣятельность, какъ и Маратъ въ Парижѣ. Добившись введенія демократическаго муниципальнаго совѣта и учрежденія революціоннаго ополченія, онъ, развѣсивая по стѣнамъ злодѣйскія воззванія, поднималъ чернь противъ богатыхъ, знатныхъ гражданъ и купцовъ, называя ихъ аристократами и врагами порядка. Средніе классы, собственность и жизнь которыхъ подверглись опасности, ободрились наконецъ: «Лучше пасть въ честномъ бою, чѣмъ погибнуть отъ руки убійцы», — вотъ что стало лозунгомъ дня. Они добились избранія новаго муниципальнаго совѣта и назначили начальникомъ національной гвардіи либеральнаго роялиста, Перрена де Преси; заявили притомъ, что не признаютъ конвента высшею государственною властью до тѣхъ поръ, пока изгнанные жирондисты вновь не займутъ въ немъ прежнія свои мѣста. Одержавъ въ уличной стычкѣ побѣду надъ революціонными шайками, они присудили Шалье какъ возмутителя къ смерти и казнили его. Это возстаніе втораго города въ государствѣ привело демагоговъ въ Парижѣ въ ужасную ярость. По настоянію Кутона конвентъ издалъ декретъ, которымъ на вожаковъ лионскаго возстанія налагалась опала, имущество всѣхъ соучастниковъ объявлялось государственною собственностью и повелѣвалось раздать его патриотамъ въ городѣ и окрестностяхъ. Затѣмъ ревізійная армія подступила къ стѣнамъ города. Коммисаръ при альпійской арміи, Дюбуа-Крансэ, подоспѣвшій съ подкрѣпленіемъ, требовалъ безусловной сдачи. Когда горожане отказали въ ней, пачалась осада. Лионцы мужественно сопротивлялись. Но гдѣ же было буржуазіи, лишенной единодушія, рѣшительности и военнаго начальника, заботившейся лишь о сохраненіи собственности и жизни, не руководимой политической идеей, — гдѣ же ей было устоять передъ рьянымъ войскомъ, которое подвизалось фанатизмомъ и жаждою мести? Не смотря на геройскую защиту гражданъ, батареи Дюбуа-Крансэ и революціонныя полки Кутона принудили Лионъ послѣ трехмѣсячной осады сдаться безусловно. Затѣмъ конвентъ наложилъ на него жестокое наказаніе такого неслыханнаго варварства, что даже Кутонъ, не уступавшій до сихъ поръ никому въ кровожадной ярости, замѣшкалъ исполненіемъ убійственнаго приказа; пришлось поэтому послать изъ Парижа съ новыми революціонными полками людей, надѣленныхъ болѣе безпощаднымъ деспо-

12. Юли 1793.

тизмомъ и болѣе звѣрскими наклонностями, въ родѣ Колло д'Эрбуа, Фуше и генерала санкюлотовъ Ронсена. Эти фанатики съ своими безчеловѣчными ордами предали цвѣтушій фабричный городъ разрушенію. Они разстрѣливали жителей цѣлыми кучами, такъ какъ гильотина дѣйствовала черезъ-чуръ мѣшкотно; дома разрушались или взрывались порохомъ сплошь цѣлыми улицами: декретомъ предписывалось падать только фабрики, школы, больницы и жилища бѣдняковъ; имущество достаточныхъ гражданъ разбиралось чернью, золото и серебро отиравалось въ Парижѣ; богослуженіе прекратилось, надъ христіанскими обычаями глумились, священниковъ преслѣдовали. Республіканецъ, заявилъ Фуше въ воззваніи къ пролетаріямъ, не признаетъ никакого божества кромѣ отчизны, никакого культа кромѣ свободы, никакого обычая кромѣ естественнаго; кто дѣйствуетъ въ духѣ революціи, тому все дозволяется. Перебитыхъ до конца декабря гильотиною и картечью насчитывается до шести тысячъ. По приговору конвента Лионъ, обпавшій мечъ противъ свободы, слѣдовало исключить изъ числа городовъ и низвести въ безымянную общину. Промыслы и искусства, по мнѣнію Гебера, закоренѣлые враги свободы.

Ремесла и промышленность въ городѣ прекратились, — такъ Зибель изображаетъ время террора въ Лионѣ; — въ селахъ перестали заниматься хлѣбопашествомъ, и лишь подъ угрозой немедленнаго разстрѣлянія земледѣльцы весною принялись за воздѣлку полей. Въ линейныхъ полкахъ набила злорада при видѣ распутивша нарѣжскихъ ратей; дѣло дошло наконецъ до того, что между ними по нѣскольку дней кряду происходили настояція битвы; въ Парижѣ доставлялись объ этомъ самыя тревожныя вѣсти. Колло нисколько не смущался этимъ: онъ съ еще болѣею ревностью сталъ арестовывать, грабить и убивать. Самъ онъ окружалъ себя восточною пышностью и наглымъ величіемъ. Его аудіенціи можно было добиться лишь послѣ троекратной просьбы; до его пріемной залы надлежало пройти по длинному ряду комнатъ; а тамъ проситель обязанъ былъ остановиться въ пятнадцати шагахъ отъ него: при немъ пахотились двое гренадѣровъ съ заряженными ружьями, устремивъ взглядъ на посетителя. Его отвѣты были коротки и холодны, къ просителямъ онъ относился болѣею частью съ циническою насмѣшкой, отвѣты своимъ прислужникамъ облакалъ часто въ преднамѣренную двусмысленность. За каждымъ обѣдомъ онъ кутилъ съ шайкою разгульныхъ малыхъ и неопределенныхъ женщинъ, тутъ-же за столомъ подписывалъ новые смертные приговоры, пилъ за благо республики, тогда какъ грохотъ картечныхъ выстрѣловъ трещалъ съ мѣста казней.

Въ такомъ же родѣ республиканцы неистовствовали въ приморскихъ и торговыхъ городахъ юга. Марсель, какъ извѣстно, самъ сначала былъ звѣрецъ революціи; его «федеративныя отряды» въ бурные дни играли выдающуюся роль въ Парижѣ; республиканская военная пѣснь называлась Марсельезою. Но и здѣсь также послѣ изгнанія жирондистовъ произошелъ переворотъ. Собранія якобин-

Марсель.

цевъ были закрыты, вожди ихъ, какъ разбойники и убійцы, преданы особому на такой конецъ установленному суду, комиссары конвента — изгнаны. Комитетъ общаго блага крайне возмущился этими событіями, тѣмъ еще болѣе, что другіе города въ родѣ Монпелье, Тулузы, Нима и большая часть Прованса примкнули къ тому же попятному движенію.

с. Тулонъ.

Члены горы нуще всего озлобились, когда въ важномъ приморскомъ городѣ Тулонѣ средніе классы, подъ угрозой черни, грубыхъ дюжихъ матросовъ и судорбочихъ якобинскаго клуба, обнажили мечъ за свое добро и за свою жизнь, установили новый муниципальный совѣтъ и, организовавшись въ національную гвардію, нагрянули на замышлявшія грабежъ и убійство революціонныя шайки. Одержавъ побѣду въ уличной стычкѣ, они захватили вождей клуба и предали

Половина іюля,
1793.

казни пятерыхъ наиболѣе виновныхъ коноводовъ. За такія дѣла нечего было ждать помилованья отъ конвента, а потому принадлежавшіе къ высшему гражданскому сословію вожаки города замыслили полный разрывъ. Они провозгласили конституцію 1791 года подъ владычествомъ Людовика XVII. и побуждали мелкіе приморскіе города и окрестныхъ крестьянъ къ возстанію противъ республиканскаго правительства. На это воззваніе однако робко отозвались: не рѣшались примкнуть частью изъ страха мести со стороны террористовъ, частью по симпатіи къ республикѣ. Подходило уже революціонное войско, сопровождаемое комиссарами Баррасомъ и Фрерономъ, прибѣгавшими ко всѣмъ возможнымъ средствамъ, лишь бы поддержать въ солдатахъ вѣрность къ существовавшему правительству. Марсель былъ взятъ и жестоко наказанъ живописцемъ по имени Карто, который, благодаря своей демагогической ревности, добился военныхъ почестей; конвентъ подчинилъ себѣ приморскую область,

25. авг. 1793.

и осадная армія обложила Тулонъ. Въ этомъ положеніи роялистскій городской совѣтъ рѣшился на поступокъ, къ которому Вимпфенъ тщетно пытался побудить Бреганъ: онъ обратился за помощью къ англійскому адмиралу Гуду, блокировавшему въ связи съ Испанцемъ Лаугарою портъ, предалъ непріятелю гавань и флотъ и принялъ въ городъ гарнизонъ союзниковъ. Надѣясь на эти вооруженные отряды, которые вмѣстѣ съ національнымъ ополченіемъ доходили числомъ до 16,000 воиновъ, и на твердость крѣпостныхъ верховъ, тулонскіе граждане отважились на борьбу съ своими республиканскими противниками. Не смотря на распри и вражду партій въ средѣ гражданъ и англо-испанско-итальянскихъ гарнизонныхъ отрядовъ, неспособный Карто не успѣлъ достичь важныхъ успѣховъ; цѣлыя недѣли проходили, а осада нисколько не подвигалась. Наконецъ въ декабрьскую ночь молодой капитанъ, *Наполеонъ Бонапартъ* съ острова Корсики, проявившій при этомъ первые опы-

16. — 17. сеп., ты своего дарованія полководца, взялъ приступомъ высшіе форты,

господствовавшіе надъ обѣими частями города, и республиканцы завладѣли Тулономъ. Союзники въ попыткахъ кинулись на корабли; тысячи перепуганныхъ жителей проталкивались къ гавани, спасаясь на чужеземныя суда отъ угрожающей смерти; бѣглецовъ набралось такъ много, что не было возможности размѣстить всѣхъ. Ужасъ и отчаянье обуялъ толпу, когда союзники уѣхали и увели съ собою часть французскаго флота, предавъ пламени остальные суда, а въ то же время въ среду сумятицы и смертельнаго страха врывались гранаты побѣдителей. Болѣе четырехъ тысячъ знатнѣйшихъ гражданъ спаслось бѣгствомъ. Но осталось еще много жертвъ для мести комиссаровъ конвента, Фрерона, Барраса и младшаго Робеспьера. Четыреста флотскихъ рабочихъ, содѣйствовавшихъ мятежу, были тутъ же разстрѣляны; восемьсотъ захваченныхъ въ плѣнъ гражданъ пали жертвою разбойничьей шайки, которую ужасный Фреронъ набралъ изъ Савояровъ и французскихъ пролетаріевъ, сформировавъ изъ нихъ республиканскій легионъ. Потомъ уже установили революціонный судъ, который въ теченіе трехъ мѣсяцевъ помимо всякихъ доказательствъ и слѣдствія предалъ смерти свыше десяти тысячъ восемьсотъ человекъ. Празднуя одну изъ республиканскихъ годовщинъ, на эшафотъ взвели одиннадцать молодыхъ и красивыхъ женщинъ. Имущество осужденныхъ и бѣжавшихъ было конфисковано въ пользу республики и за безцѣнокъ роздано санкюлотамъ. Послѣ разстрѣливаній и казней Тулонъ оказался во власти сволочи и каторжниковъ; населеніе съ 28,000 сократилось до 7,000.

Такія же неистовства совершались въ Бордо, въ родинѣ партіи жирондистовъ; тамъ комиссаръ Тальенъ, этотъ извергъ и кутила въ то же время, казнями, захватомъ церковныхъ сокровищъ, революціонными налогами и вымогательствами всякаго рода возбудилъ страхъ и омерзене къ своему имени, пока вліяніе прекрасной женщины не произвело переворота. Въ сѣверной Франціи террористъ Юсифъ Лебонъ изъ Арраса, бывший священникъ, перѣзжалъ съ гильотиною съ одного мѣста на другое и нагналъ ужасъ на весь край. Чтобы отнять всякую возможность къ возстанію, всѣ оружія отбирались для республики и раздавались отиравающимся въ походъ солдатамъ. Для якобинцевъ было одно спасеніе: безграничное владычество; а оно обезпечивалось за ними лишь тогда, когда вся страна обратится въ пустыню. Они были безавѣтно смѣлы и кровожадны изъ страха передъ смертью.

Самая ужасная участь постигла Вандею, этого своеобразнаго, лѣсами, изгородями и кустами покрытаго и канавами перерѣзаннаго края въ западной Франціи. Тутъ, раскинувшись по деревнямъ и одинокимъ хуторамъ, въ сельскомъ затишьѣ и въ простотѣ прадѣдовской старины, проживалъ довольный народъ, занимаясь скотоводствомъ, хлѣбопашествомъ, луговодствомъ и мало заботясь объ остальномъ

d. Бордо,
Тальенъ.

3. Вандея,
Ронсенъ и
Россинъ оль.

миръ. Крестьяне и арендаторы были привязаны къ своимъ помѣщикамъ, которые никого не притѣсняли; они любили короля, отъ котораго имъ не приходилось страдать, и съ уваженіемъ относились къ духовенству и церковнымъ обычаямъ, которыя имъ съ молодости были дороги и святы. Когда же національное собраніе стало изгонять и избивать ихъ неприсягавшихъ священниковъ, когда король умеръ подъ гильотиною, а крестьянскихъ сыновей по принудительному набору отправляли въ армию защищать отечество, то вандейскіе поселяне исполнились злобы и мести, что и повело къ сопротивленію и междоусобию. Предводимые искусными, отважными вождями изъ простолюдины, которые мало по малу усвоили себѣ военныя познанія и искусство, въ родѣ извожика Кателино, лѣсничаго Стоффлета и др., къ которымъ примкнули потомъ бывший флотскій лейтенантъ Шареттъ и нѣкоторые клерикально и роялистски настроенные дворяне, въ родѣ Ларошъ-Жакелена, Лесюра, д'Эльбэ и др., возставшіе, не смотря на плохое вооруженіе, отразили сначала республиканскія войска подѣ начальствомъ Сантера и другихъ якобинцевъ, завоевали Сомюръ и угрожали Нанту. Они изъ-за деревьевъ и кустовъ обстрѣливали врага, а потомъ, когда онъ оторопѣвъ, отступалъ, рьянымъ натискомъ поражали разсѣянныхъ и бѣжавшихъ. Ихъ храбрость и фанатизмъ возмѣщали собою тактическія правила. Конвентъ отправилъ, наконецъ, въ Вандею пабравную изъ отребьевъ народа революціонную армию подѣ веденіемъ Вестермана и неистовыхъ якобинцевъ Ронсена и Россиньоля. Словно лютые волки нагрянули они на несчастныхъ жителей, предавая пламени деревни, города, хутора, лѣса, пытаясь страхомъ и ужасомъ сломить сопротивленіе «роялистовъ». Злополучный край обнесенъ былъ широкимъ огненнымъ поясомъ,—такъ описываетъ эти неистовства одинъ изъ новѣйшихъ авторовъ,—отдѣльные отряды крестьянъ были побѣждены, всякое попадавшееся живое существо истреблялось; непріятельскія войска со всѣхъ концовъ рубежа хлынуло во внутрь, гоняясь за перепуганнымъ населеніемъ. Однако мужество вандейскихъ поселянъ не поколебалось. Ни ужасы мучительной смерти, ни опустошенія ихъ хуторовъ и пашней не смогли измѣнить настроеніе крестьянъ, ни ослабить ихъ силы. Они одерживали не одну побѣду, въ особенности пока предводительствовали неспособный Россиньоль, проводившій цѣлыя дни въ праздныхъ кутежахъ, и якобинскій поджигатель Лешель. Когда, наконецъ, по сдачѣ Майнца вернувшіяся во свояси храбрыя войска подѣ начальствомъ опытныхъ боевыхъ генераловъ, Клебера, Марсо и др. отправлены были въ Вандею противъ мятежниковъ, то истощенный народъ сталъ изнемогать подѣ ударами противниковъ. Послѣ кровавой битвы при Шолѣ, гдѣ д'Эльбэ и Боншапъ были смертельно ранены, такъ же какъ и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Кателино, писургенты, числомъ 30,000 ратниковъ, и

10. іюня 1793.

17. окт. 1793.

огромное безоружное скопище женщинъ, стариковъ и дѣтей переправились черезъ Луару, надѣясь на поддержку Бретанцевъ и Англи; не смотря однако на побѣдоносный бой при Антретѣ, они въ большинствѣ погибли частью въ битвахъ при Леманѣ, Лавалѣ и Савенѣ, частью отъ лишеній и истощенія, а многіе изъ плѣнныхъ были перебиты. Ларошъ-Жакеленъ повелъ скудный остатокъ войска назадъ черезъ рѣку, но и онъ также въ февралѣ уже палъ въ сраженіи противъ преемника Россиньоля, Турро, который съ своими «адскими колоннами» продолжалъ самымъ беспощаднымъ образомъ опустошать край и избивать жителей. Лишь весною отчаянная борьба, истощившись, стала понемногу ослабѣвать: весь край обратился въ безлюдную пустыню и тысячи жителей оросили своею кровью родную почву. Подѣ конецъ война приняла характеръ убійственнаго единоборства. Жестокости съ одной стороны возбуждали кровавую месть съ другой. Успокоилась Вандея лишь тогда, когда послѣ гибели Робеспьера, храбрый, но и человѣколюбивый генералъ и государственный мужъ Гошъ, вышедъ изъ тюрьмы, сталъ во главѣ войска; инымъ, утомленнымъ отъ борьбы, онъ предложилъ миръ, а другихъ, сопротивлявшихся заставилъ подчиниться силою своего меча и превосходствомъ своей тактики. Штоффлетъ и Шареттъ, которые не приняли предложенныя конвентомъ мирныя условія и продолжали борьбу, были взяты въ плѣнъ и разстрѣляны. А тѣмъ временемъ завершился самъ терроризмъ и наступило господство болѣе кроткаго пастроенія.

3. коалиціонная война.

Лѣтомъ 1793 почти вся Европа угрожала французскимъ границамъ. Англійскіе флоты пытались уничтожить морскія силы Франціи, завоевать ея колоніи, и Питтъ поддерживалъ военныя дѣйствія богатыми субсидіями, въ то же время Голландцы, Австрійцы и Англичане изъ Нидерландовъ вторглись во Фландрію, нѣмецкіе, прусскіе и австрійскіе полки перешли черезъ Рейнъ, а Сардинія и Тоскана угрожали юговостоку; у Пиринеевъ стояли испанскія и португальскія войска: Неаполь и Португалія слѣдовали предписаніямъ Англи. Однако, неспособность предводителей, отсутствіе плана и дурное снабженіе армій, разногласіе союзниковъ, которые имѣли лишь въ виду свои частныя выгоды и интересы,—все это препятствовало блестящимъ успѣхамъ въ такую пору, когда Франція еще не создала своей новой военной системы, благодаря которой впоследствии она могла противостоять всей Европѣ. Австрійцы, руководимые политикою Тургута, врага Пруссіи, намѣревались послѣ взятія Конде и Валансьена утвердиться во французской Франдріи и съ завистью и недовѣріемъ смотрѣли на расширеніе владѣній Пруссіи въ Польшѣ; Англичане

22. нбр.
Декабрь.Военныя дѣй-
ствія лѣтомъ
и осенью
1793.

подъ начальствомъ герцога Йоркскаго зарились на Дюнкирхенъ, которымъ они нѣкогда обладали и который надѣялись вновь захватить. Британское правительство въ то же время воспользоваться сумятицею въ Европѣ для своего морскаго владычества и для своего коммерческаго преобладанія. «Первая коалиція», говоритъ современный нѣмецкій историкъ, «потерпѣла неудачу не вслѣдствіе сильной обороны Франціи, а вслѣдствіе слабаго натиска. Распри и безтолковая тактика союзниковъ воспитали новую французскую армию и были виною ея перевѣса». При такихъ-то обстоятельствахъ военныя предпріятія ихъ не могли имѣть большаго успѣха, хотя въ началѣ лучшая выправка австрійскихъ и прусскихъ отрядовъ, также мужественный строй ихъ конницъ и одержали нѣкоторый верхъ надъ непріателемъ. Въ Нидерландахъ подозрительные Австрійцы не подержали какъ слѣдуетъ англо-голландское войско, вслѣдствіе чего республиканскому генералу Гушару удалось одержать немаловажную побѣду при *Гондшоотенъ* надъ Голландцами подъ начальствомъ Оранскаго и Ганноверцами съ Вальмодемомъ во главѣ. Хотя ганноверскіе и гессенскіе полки бились при этомъ съ обычною ихъ храбростію, однако они вынуждены были отступить къ Фурне, а Йоркъ снялъ осаду Дюнкирхена. Дѣйствіе этого разлада и взаимнаго недовѣрія отразилось еще вреднѣе на рейнской арміи. И точно, послѣ взятія Майнца прусскія войска подъ предводительствомъ герцога Брауншвейгскаго заняли область при Квейхе и Лаутерѣ до Саара и съ прежнимъ мужествомъ отразили Французовъ при Пирмазенцѣ и въ кровопролитной битвѣ при *Кайзерслаутернѣ*, а въ то же время генералъ Вурмзеръ въ Эльзасѣ велъ войну на свой страхъ. Онъ хотѣлъ при содѣйствіи роялистовъ и аристократовъ распахомъ овладѣть городомъ Страсбургомъ и произвести какъ тамъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ контрреволюцію. Это предпріятіе поимѣшало только герцогу своевременно воспользоваться своими побѣдами и совсѣмъ не удалось, а сверхъ того подвергло еще недовольныхъ и подозрительныхъ гражданъ въ Эльзасѣ кровавой мести республиканцевъ. И точно, считая всякое поражение и всякую неудачу слѣдствіемъ аристократической измѣны, конвентъ проявилъ ужасную энергію, съ тѣмъ чтобы острасткою восторжествовать надъ всѣми врагами и противниками.

Якобинскій
терроризмъ
въ арміи.

Главная вина тому, что французскія войска, не смотря на отсутствіе единодушія у враговъ, не достигали болѣе блистательныхъ успѣховъ, заключалась, конечно, въ доведенной якобинцами до разстройства арміи; однако комитетъ общаго блага принялъ за правило, обвинять въ неудачахъ генераловъ, съ тѣмъ чтобы предавать ихъ революціонному трибуналу. Вѣдь они болшею частью были изъ стараго знатнаго дворянства, а потому, хотя и пристали къ революціи, все-таки казались подозрительными въ глазахъ де-

магоговъ. Сверхъ того генералы не разъ уже обнаруживали, что имъ крайне ненавистны продѣлки клубовъ, анархія въ военномъ мундирѣ. «Всѣ дворяне», сказалъ Бареръ, «осуждены общественнымъ мнѣніемъ; всѣ они отъявленные измѣнники». Оттого-то и начали «патріотическую очистку войска съ изгнанія или преслѣдованія всѣхъ офицеровъ, которые своимъ происхожденіемъ или помыслами соблазняли властителей въ Парижѣ. Такимъ образомъ дворянскіе генералы одинъ за другимъ предавались революціонному суду, а оттуда отводились на гильотину. Началось съ *Кюстина*, за то что онъ уступилъ Австрійцамъ крѣпости Конде и Валансьенъ. Сначала, опасаясь солдатъ, поступали осторожно; но когда въ арміи все пребыло въ покоѣ, то Фуке Тенвилъ сталъ уже дѣйствовать смѣлѣе. За Кюстиномъ послѣдовалъ *Богарне*, котораго обвинили въ утратѣ Майнца, такъ какъ онъ изъ Ладау опоздалъ на выручку; а нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того—*младшій Кюстинъ*, воспитанникъ отца на военномъ и дипломатическомъ поприщѣ. Даже генерала *Гушара*, этого рубаку ограниченнаго ума и слабаго характера, не спасли ни его побѣда при Гондшоотенѣ, ни его казвое республиканское усердіе; когда онъ вынужденъ былъ при Куртрѣ отступить передъ австрійскими превосходными войсками, то воспользовались этою неудачей, съ тѣмъ чтобы на основаніи злостныхъ навѣтовъ со стороны комиссаровъ конвента обвинить его въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ Йоркомъ и Кобургомъ и отправить на эшафотъ. Подъ исходъ года той же участи подвергся *Биронъ*, главнокомандующій республиканской арміи въ Бретани и Вандеѣ. Высшіе офицеры сотнями отрѣшались, арестовывались, предавались казни; на ихъ мѣста поступали неопытные воины; правители въ Парижѣ были того мнѣнія, что рьяное мужество республиканцевъ не нуждается въ педантическомъ военномъ искусствѣ. Ихъ не тревожило то, что армія все болше приходила въ упадокъ и во всемъ нуждалась; они мнили наверстать количествомъ. Несмѣтный расходъ людей нисколько не беспокоилъ террористовъ. Не смотря на то, благодаря воинскимъ дарованіямъ Французовъ, образовались новые вожди, проявившіе вскорѣ великія стратегическія способности. Такъ на мѣсто Гушара поступилъ *Жанъ Баптистъ Журданъ*, сынъ незначительнаго хирурга въ Лиможѣ; онъ чуть ли не отрокомъ участвовалъ въ американской войнѣ, потомъ, водворившись мелочнымъ торговцемъ въ своемъ родномъ городѣ, распродалъ свой товаръ по окрестнымъ рынкамъ. Такъ и главное начальство надъ рейнскою и мозельскою арміей получили два воина съ выдающимися дарованіями: *Шарль Пишерию*, гигантскій силачъ; благодаря его усердію въ качествѣ главы якобинскаго клуба въ Безансонѣ, онъ изъ унтеръ-офицеровъ быстро дослужился до генерала; молчаливый, рѣшительный, богатый мыслями, онъ обладалъ воинскими знаніями всякаго рода; также

Авг. 1793.

Ибр. 1793.

Лазарь Гош, сынъ стараго инвалида, скудно воспитанный; выросши въ версальскихъ казармахъ, онь, побуждаемый жаждою знанія, честолюбіемъ и предчувствіемъ будущаго величія, образовалъ самъ себя трудолюбивымъ изученіемъ. Сильный, статнаго роста воинъ, пылкій исполненный гордой независимости и самоувѣренности, этотъ молодой высокоодаренный полководецъ возмѣшалъ недостатокъ воинской опытности и научныхъ знаній природною геніальностью, здравымъ человѣческимъ смысломъ, проникательнымъ взглядомъ и смѣлою естественностью. Своими рѣшительными своевольными поступками и Гошъ также навлекъ на себя гнѣвъ мощнаго враждебнаго Сень-Жюста; въ качествѣ комиссара комитета общаго блага послѣдній находился при рейнской и мозельской арміи; когда же послѣ трехдневной битвы при Кайзерслаутернѣ Гошъ вынужденъ былъ отступить передъ прусско-нѣмецкою арміей, то Сень-Жюсть отправилъ его въ Парижъ, гдѣ велѣлъ заключить въ тюрьму. Благодаря однако низверженію господствовавшаго тогда правительства, жизнь его была спасена.

Воинскія подвѣды Франціи черезъ Карно.

Если и при такихъ даже условіяхъ нѣмецкія и англійскія войска не смогли одолѣть истерзанную, и снаружи и внутри угрожаемую республиканскую Францію, то имъ и подавно не удалось это тогда, когда въ комитетъ общаго блага поступилъ *Карно* и съ поразительною сосредоточенностью и энергіей, по новой смѣлой системѣ организовалъ военное вѣдомство. Съ лихорадочнымъ усиліемъ напрягались всѣ силы націи, имущество и жизнь, мысли и оружіе, деньги и кровь, съ тѣмъ чтобы служить цѣли самообороны; вся страна преобразилась въ громадный военный станъ. Вслѣдствіе этого война вскорѣ приняла иной оборотъ. Всюду ковались оружія, отливались пушки; вслѣдствіе поголовнаго ополченія (*levée en masse*), объявленнаго 23. августа, которымъ къ знаменамъ сзывались всѣ способные нести военную службу, нація всецѣло приняла участіе въ борьбѣ; противъ непріятеля выступали фанатическія скопища уже не мелкими отрядами, а цѣлыми массами; изъ рядовъ простыхъ воиновъ образовались величайшіе полководцы текущаго столѣтія. Панегиристы конвента насчитываютъ четырнадцать армій и болѣе милліона воиновъ. Противъ единодушнаго и энергическаго развитія такихъ силъ, которыя подстрекались терроромъ и которымъ предоставлялось добывать себѣ пропитаніе въ завоеванныхъ странахъ, не могли уже устоять старые генералы съ ихъ методическою тактикою и съ войсками, которыя бились не за отчизну и свободу, а за плату; тѣмъ еще болѣе что военныя дѣйствія союзниковъ то и дѣло тормозились политическими условіями и колебаніями, разстроивались дипломатическими интригами, лишались своихъ плодовъ отъ стратегическихъ промаховъ. Вслѣдствіе своеволия начальниковъ или разрозненности интересовъ державъ въ станѣ союзниковъ съ трудомъ

можно было добиться совмѣстнаго дѣйствія; тогда какъ на сторонѣ противника вышшимъ патріотическимъ долгомъ внушалось рьяное порывистое мужество. «Ни на мигъ не давать покою», гласить тактика республиканцевъ, «непрестанные переходы въ бурю и непогоду, то и дѣло тревожить непріятеля въ мелкой войнѣ, всегда напирать сомкнутыми рядами, сколько бы ни пало людей,— у республики хватить народу, лишь бы она побѣдила, лишь бы войска, непріятель, нація убѣдились, что французская армія никогда не можетъ быть разбита». Рука объ руку съ военными предпріятіями шла революціонная пропаганда, при помощи которой въ сосѣднихъ странахъ, особенно въ Италіи, Швейцаріи, Нидерландахъ подкупались и посулами возбуждались республиканскія симпатіи, націи опутывались сѣтью демагогико-дипломатическихъ интригъ.— При *Ваттими* новыя войска подъ начальствомъ Журдана въ рядѣ стычекъ помѣрились силами съ Австріяцами; и хотя боевая опытность старыхъ полковъ вообще одержала верхъ, однако Французы справедливо сочли побѣдою уже то, что съ наставшею зимою непріятели сняли осаду Мобѣжа и отступили черезъ Самбръ къ прежнимъ своимъ мѣстамъ.

15. 16. окт. 1793.

Французскія войска достигли еще болѣе рѣшительныхъ успѣховъ при Рейнѣ, гдѣ все сильнѣе и сильнѣе возникало несогласіе между герцогомъ Брауншвейгскимъ и графомъ Вурмзеромъ, особенно съ тѣхъ поръ какъ Фридрихъ Вильгельмъ II. покинулъ тамошнюю армію, съ тѣмъ чтобы своимъ присутствіемъ споспѣшествовать прусскимъ интересамъ на Вислѣ; Французы, напротивъ того, приобрѣли тутъ отличныхъ полководцевъ въ лицѣ Пишегрю и Гоша. Потерпѣвъ вслѣдствіе смѣлаго натиска Гоша у Гейсберга поражение при Гагено, Вурмзеръ вынужденъ былъ покинуть долго отстаиваемую вейсенбургскую линію и перейти черезъ Рейнъ, Пруссаки же не могли завоевать Ландау, а напротивъ, должны были отступить. Негодуя и «взнемогая нравственно», герцогъ вышелъ въ отставку. На его мѣсто поступилъ фельдмаршалъ Меллендорфъ. Манштейнъ, Калькрейтъ, Лукезини и другіе прусскіе государственные мужи воспользовались этими событіями для того, чтобы склонить короля къ заключенію мира съ Франціей. Событія въ Польшѣ, гдѣ подъ предводительствомъ Костюшко вспыхнула національная война, и истощенное положеніе королевства придали еще болѣе вѣсу ихъ совѣтамъ. При вѣнскомъ дворѣ тоже желали покончить войну съ Франціей, тѣмъ болѣе что при господствовавшемъ недовольствѣ въ провинціяхъ рекрутскій наборъ и взиманіе денегъ сопряжены были съ большимъ затрудненіями. И вотъ, когда Франція напрягла всѣ силы на борьбу, въ это самое время нѣмецкія державы покинули военное поприще на Рейнѣ, съ тѣмъ чтобы обезпечить за собою добычу на востокѣ. Въ Берлинѣ рѣшили уже отозвать войска за исключеніемъ

Война при Рейнѣ.

29. сент. 1793.

28. дек.

обязательнаго по условію имперскаго отряда; однако искусному английскому дипломату, лорду Мальмесбюри, удалось субсиднымъ договоромъ въ Гаагѣ, по которому морскія державы, Англія и Голландія обѣщали значительными суммами помочь слабымъ прусскимъ финансамъ, удержать при коалиціи короля, въ груди котораго все еще пылала жажда борьбы противъ якобинцевъ. Вслѣдствіе этого Мёллендорфъ и гусарскій полковникъ Блюхеръ при Вогезахъ и у Гардтской цѣпи, гдѣ Французы и Нѣмцы такъ часто ратовали другъ противъ друга, еще разъ мужественно противостояли врагамъ и на орошенныхъ кровью высотахъ *Кайзерслаутерна* вновь помѣрились съ противникомъ силами. Однако положеніе скоро измѣнилось. Манштейнъ убѣдилъ короля, который опять хотѣлъ отправиться на рейнское военное поприще, что присутствіе его при Вислѣ необходимо, такъ какъ здѣшнія дѣла гораздо важнѣе: «Ваше величество одни соблюдаете всеобщіе интересы», сказалъ онъ, «и честно исполняете дѣло; но такъ какъ всѣ остальные поступаютъ своекорыстно, то Пруссія потерпитъ сильный ущербъ, если и она также не станетъ соблюдать исключительно свои интересы». Фридрихъ Вильгельмъ согласился. Извѣстно, что онъ самъ командовалъ прусскою арміею въ Польшѣ. Этотъ поворотъ военной политики въ Берлинѣ въ связи съ задержанною выдачей субсидій со стороны Англій, вновь разстроилъ Гаагскій договоръ. Когда Мальмесбюри побуждалъ двинуться въ Бельгію, то Мёллендорфъ заявилъ, что онъ съ своею слабою, скудно снаряженною арміею не можетъ покинуть рейнскія области и идти въ отдаленные сѣверные края. Но тамъ-то въ это время какъ разъ и предполагалось нанести рѣшительный ударъ Франціи.

Въ началѣ апрѣля императоръ Францъ II. самъ отправился на фландрское поприще военныхъ дѣйствій, съ тѣмъ чтобы принять главное начальство надъ союзною арміею. При немъ находились братъ его, эрцгерцогъ Карлъ, тогдашній штатгальтеръ Нидерландовъ, министръ его Тугутъ, его любимцы князь Вальдекъ и Роллинъ, оба пронирливые царедворцы исполненные козней и честолюбія. Въ Брюсселѣ сооружались блестящіе празднества въ честь молодаго державца, который впервые посѣтилъ обильный городами край и старалъ отъ нетерпѣнія перейти изъ однообразной вѣнской жизни въ атмосферу полную военныхъ тревогъ. Начало кампаніи шло хорошо. Взявъ крѣпости Валансиенъ, Конде и ле Кенуа, союзники врѣзались въ республику острымъ клиномъ. И онъ напнулся еще далѣе, когда полководцы Кобургъ, Йоркъ и Оранскій на глазахъ у императора отразили Французовъ при Ландреси и Шато Камбрези, принудивъ эти крѣпости также сдаться на капитуляцію. Въ то же время австрійскіе генералы Болѣ и Кауніцъ одержали при Сомбрѣ верхъ надъ Журданомъ. Однако принцъ Кобургъ не сумѣлъ воспользоваться выгоднымъ условіемъ, открывшимъ ему

29. апрѣля
1794.

23. мая.

Успѣхи Пи-
шегрю въ
Нидерландахъ.

30. апрѣля
1794.

путь къ Парижу. Пока, слѣдуя своему методическому способу, онъ занялся завоеваніемъ крѣпостей, въ то же время Пишегрю въ западной Франдріи стянулъ значительныя войска, такъ что соединилъ подъ свое знамя армію въ 100,000 человекъ подъ начальствомъ генераловъ Сугама, Моро, Макдональда, Ренье. На военномъ совѣтѣ въ Менинѣ Французы рѣшили напасть на отряды союзниковъ, стоявшіе при *Туркуэнѣ*, Ватерлоо и Рубѣ; это предпріятіе увѣчалось полною побѣдой республиканцевъ. Не смотря на то, что английская гвардія съ Йоркомъ и Аберкромби во главѣ мужественно отстаивала поле битвы, не смотря на твердость и храбрость, съ какою ратовали гессенскіе полки и Ганноверцы, предводимые Гаммерштейномъ, вопиющій желѣзной силы и рѣшительности: однако Австрійцы не подоспѣли вовремя и не вступили въ битву, и союзныя войска были подавлены непріятельскимъ превосходствомъ. Герцогъ Йоркскій, благодаря лишь быстротѣ своего коня, избѣгъ плѣна. Этою проигранною при Туркуэнѣ битвою завершилось великое наступательное движеніе союзниковъ на Францію, хотя четыре дня послѣ того и была отражена атака Пишегрю на Турнѣ. Союзники вели войну лишь съ заднею мыслью и не очень ревностно, а для Французовъ бельгійская кампанія послужила школою новой энергической стратегіи. Тревожить, непрестанными ударами утомлять противника, разрознить его, пока не насталъ мигъ однимъ мощнымъ натискомъ разгромить его силы,—вотъ въ чемъ состояла тактика республиканскихъ полководцевъ. Всѣ эти большею частью молодые люди, возносимые размахомъ эпохи и собственной натуры, быстро шли отъ ступени къ ступени и недостатокъ опытности возмѣщали врожденнымъ талантомъ и рѣшительною отвагой. Про Сугама, воина исполинскаго роста и могучей тѣлесной силы, который въ пять лѣтъ отъ рядоваго кавалериста возвысился до дивизионнаго генерала, сослуживцы говорили, что подъ его командою они никогда не могутъ быть разбиты.

Союзники не въ силахъ были противостоять такому воистественному подъему Французовъ, а императоръ заявилъ къ тому же свое намѣреніе вернуться въ Вѣну. Тугутъ игралъ при Францѣ II. такую же роль, какъ Манштейнъ при Фридрихѣ Вильгельмѣ II. и съ такимъ же успѣхомъ. Не даромъ какой-то политическій пройдоха и авантюристъ, который подъ именемъ графа Монгельяра служилъ орудіемъ комитета общаго блага, поддерживалъ сношенія съ министромъ! Говоря о миролюбіи Робеспьера, онъ отнюдь не лгалъ. Этотъ фанатическій республиканецъ никогда не былъ сторонникомъ всемірной борьбы. Ему то и дѣло мерещился призракъ военной диктатуры. Французская война отходила все болѣе на задній планъ передъ другими дѣлами. Бельгія не интересовала болѣе Австрійцевъ. Это обстоятельство лишило защитниковъ мужества. Въ іюнѣ Пишегрю осадилъ Ипернъ. Солдаты готовы были храбро защищаться; но старый генералъ Салисъ на-

Битва при
Туркуэнѣ.
18. мая 1794.

Бельгія запята
Французами.

19. іюня 1794.
Побѣда Журдана при Флерюсѣ.
23. іюня 1794.

перекоръ рядовымъ и офицерамъ сдался на капитуляцію, въ силу которой гарнизону предоставлялось выйти, по съ условіемъ сдать свое оружіе. Нѣмецкіе и австрійскіе батальоны, скрежеща отъ ярости, разбивали въ дребезги свои ружья и покинули западную Фландрію. Такъ Французамъ открылся путь во внутрь Нидерландовъ.—А тѣмъ временемъ армія при Самбрѣ и Маасѣ, гдѣ находился Сепъ-Жюсть въ качествѣ уполномоченнаго отъ комитета общаго блага и съ свойственною ему террористическою строгостью поджигалъ къ бою, дала союзнымъ войскамъ Австрійцевъ и Голландцевъ рядъ кровопролитныхъ сраженій. Французы подъ начальствомъ Журдана четыре раза были отражены черезъ Самбру; лишь побѣдою при Флерюсѣ, одержанною ими послѣ трудныхъ битвъ надъ Кобургомъ, Оранскимъ и эрцгерцогомъ Карломъ, республиканцы въ юговосточныхъ областяхъ также добились перевѣса. Какъ у Пишегрю, такъ и у Журдана служили превосходные полководцы будущихъ войнъ, Марсо, Клеберъ, Лефевръ, Шампюанне, Бернадотъ, Мареско и др. Въ день самой битвы Моро съ западною арміею обложилъ городъ Брюгге. Если бъ оба военачальника дѣйствовали единодушно, то фландро-брабантскія провинціи въ скоромъ времени перешли бы во власть Французовъ; однако, комитетъ общаго блага, имѣя въ виду высадку въ Англію, съ тѣмъ чтобы поразить главнаго врага въ самыхъ нѣдрахъ его, приказалъ Пишегрю — остаться въ западной Фландріи и отстаивать побережье къ сѣверу отъ Остенде, а Журдану — утвердиться въ восточныхъ областяхъ.

Успѣхи ли-
шенная едино-
душія и силы.

Военная политика враговъ также помогала республиканцамъ. Мы знаемъ, что Тугутъ освоился уже съ мыслью покинуть Бельгію; Австрія могла бы воспользоваться миромъ съ Франціей, съ тѣмъ чтобы добиться вознагражденія и выгодъ въ другихъ, болѣе удобныхъ для нея мѣстахъ, въ Баваріи, въ Польшѣ или даже въ Верхней Италіи. Умный политикъ зналъ, что парижскіе властители болѣе интересуются войною противъ Англіи, чѣмъ противъ Австріи. Комитетъ общаго блага все еще придерживался старыхъ традицій въ томъ отношеніи, что признавалъ національнымъ врагомъ не Австрію, а Англію. Императоръ уѣхалъ уже съ министромъ. Въ австрійскомъ генеральномъ штабѣ стали догадываться о политическихъ тенденціяхъ министра и умѣрили воинственный пылъ. Къ чему проливать кровь храбрыхъ солдатъ за дѣло, которое высшими кругами считалось уже потеряннымъ? Такъ и въ союзномъ войскѣ произошло раздѣленіе военныхъ силъ: герцогъ Йоркскій и принцъ Оранскій направились къ сѣверу, съ тѣмъ чтобы съ англо-голландскими войсками и со служившими у нихъ нѣмецкими наемниками прикрыть порубежную область между Шельдою и Герцогенбушемъ, а австрійскіе полки, послѣ того какъ Кобургъ очистилъ крѣпость Намюръ, заняли мѣста по берегамъ Мааса между Люттихомъ и Маастрихтомъ, изо дня въ день ожидая приказа

вернуться во свояси. Какъ же при такихъ условіяхъ Французамъ было не завладѣть главными провинціями внутри края? Перенесеніе правительства изъ Брюсселя въ Мехельнъ, потомъ въ Дистъ и наконецъ въ Дюссельдорфъ, поголовное выселеніе дворянства и купечества изъ большихъ брабантскихъ городовъ служили свидѣтельствомъ шаткой вѣры въ будущую безопасность и страха передъ парижскимъ терроризмомъ. Франціи чрезвычайно благопріятствовало, что какъ разъ въ то время, когда ея войска выступили на военное поприще, великіе противники въ попыткахъ покидали его. Такимъ образомъ Французы въ первой половинѣ іюля уже могли почти безъ сопротивленія завладѣть городами Брюсселемъ, Антверпеномъ, Левеномъ и др. Мальмесбюри тщетно пытался побудить прусскаго фельдмаршала двинуться въ Бельгію; послѣдній настойчиво отказывался оставить безъ войскъ рейнскія области и Майнцъ и открыть Французамъ возможность вторично вторгнуться въ край; эта военная политика одобрялась въ Берлинѣ. Мальмесбюри въ сердцахъ представлялъ своему правительству прусскую измѣну въ самомъ гнусномъ видѣ. Вслѣдствіе этого Англія прекратила выдачу субсидій и отказалась даже внести недоплаченные суммы. Лужезини и берлинскіе министры старались стоявшаго тогда подъ Варшавою короля Фридриха Вильгельма отговорить отъ войны противъ Франціи. Они увѣрили его, что нѣмецкіе князья крайне желаютъ мира, и для Пруссіи было бы весьма полезно, если бъ она именемъ имперіи заключила съ французскою республикой миръ съ сохраненіемъ бывшихъ владѣній. Тогда рейнскую армію можно бы нереслать на Вислу. Въ Вѣнѣ также считали Нидерланды потерянною провинціей. Для виду только показывали, будто намѣреваются еще ратовать за нее, лишь бы Англія не отвернулась съ негодованіемъ и не лишила императорское правительство, какъ и прусское, субсидій.

Гдѣ же было посѣдѣвшему полководцу Кобургу съ малоопытною арміею, лишенной пособія, надлежащихъ снарядовъ и поддержки изъ Германіи или Австріи, противодѣйствовать съ успѣхомъ генераламъ Журдану и Пишегрю, побѣдоносно наступавшимъ по линіи Мааса, которую онъ съ трудомъ отстаивалъ? Тщетно обращаясь за помощью въ Вѣну и къ нѣмецкимъ имперскимъ князьямъ, въ особенности къ своему дядѣ Максимилиану, курфирсту кельнскому, негодую на малодушную, своекорыстную военную политику и страдая тѣлеснымъ недугомъ, онъ подалъ въ отставку и покинулъ армію. Преемникомъ его въ начальствѣ былъ графъ Клерфе, дворянинъ, ли- 9. Авг. 1794. шенный выдающихся военныхъ или политическихъ способностей. Журданъ съ войскомъ въ 50,000 стоялъ между Маастрихтомъ, Люттихомъ и Намуромъ, а Пишегрю съ арміею почти такого же размѣра—между Антверпеномъ и Бредою, значительные отряды сверхъ того облагали крѣпости; при такомъ раздѣленіи французскихъ

Вслѣдствіе воен-
ныхъ дѣйствій.
Отступленіе
австрійскихъ
и прусскихъ
войскъ черезъ
Рейнъ.

войскъ, быстрый энергическій натискъ союзниковъ все еще могъ бы совершиться съ успѣхомъ, и можно бъ было отвоевать занятые провинціи. Но такъ какъ вѣнскій и лондонскій кабинеты не успѣли согласиться касательно дѣйствій и вознагражденій, то и не приступили къ совмѣстному нападенію. Австрійцы на Маасѣ и англо-голландскія войска съ ганноверскими и гессенскими вспомогательными отрядами подъ начальствомъ Юрка и Оранскаго въ области Шельды, безъ всякаго дѣла и лишенныя довѣрія и самонадѣянности, размѣщались по кантониръ-квартирамъ. Это нанесло большой ущербъ воинской дисциплинѣ, и особенно въ англо-голландскомъ лагерѣ царилъ крайній безпорядокъ. А тѣмъ временемъ осажденные крѣпости, Остенде, Конде, Валансьенъ и др. сдались на капитуляцію, такъ что французскія осадныя войска освободились и могли примкнуть къ обѣимъ главнымъ отрядамъ. Послѣ этого республиканскія арміи стали дѣлать быстрые успѣхи. Въ половинѣ сентября Пишегрю съ значительнымъ войскомъ явился подъ Герцогенбушомъ и привелъ союзниковъ въ такое смятеніе, что герцогъ Юрскій рѣшился очистить сѣверный Брабантъ и отвелъ свои войска черезъ рѣку въ Генеральныя штаты. Въ то же время Журданъ въ связи съ Марсо напалъ при Уртѣ и Рѣрѣ на армію Клерфе. Хотя въ битвѣ австрійскіе солдаты и тутъ также доказали свое военное превосходство, но предводитель счелъ нецѣлесообразнымъ при затруднительномъ снабженіи въ наступавшую зиму оставаться между Маасомъ и нижнимъ Рейномъ съ своими войсками, число которыхъ все еще простиралось до 77,000 человекъ. Онъ назначилъ отступленіе и съ небольшими потерями перевелъ свое войско черезъ нѣмецкую рѣку. Въ позднюю осень Французы овладѣли не только бельгійскими провинціями, но также голландскими пограничными крѣпостями. Покоренныя страны были наводнены ничего нестоившими ассигнатами, истощены военными поборами и налогами, ввергнуты въ бѣдствіе и отчаянныя небывалою хищническою системою. Нѣсколько недѣль спустя послѣ того Меллендорфъ также изъ Берлина получилъ приказъ, обезпечивъ крѣпость Майнцъ, перевести на правый берегъ Рейна прусскую армію, которая незадолго передъ тѣмъ подъ начальствомъ Гогенлоэ въ третій разъ близъ Кайзерслаутерна со славою сразилась съ Французами. Прусскій дворъ освоился уже съ мыслью о мирѣ съ Франціей. Это послужило сигналомъ къ нарушенію Гаагскаго договора, къ полному распаденію и безъ того уже шаткаго союза съ Англіей. Такъ какъ при ревливой недовѣрчивости къ Пруссіи со стороны Тугута совмѣстные мирные переговоры обѣихъ нѣмецкихъ державъ оказались невозможными, то въ Берлинѣ рѣшили дѣйствовать на свой страхъ. Совершившіяся между тѣмъ событія въ Парижѣ облегчили мирное соглашеніе. Дѣло въ томъ, что въ то самое время, какъ австрійскія и прусскія войска опростали лѣвый берегъ Рейна и французскіе военачальники готови-

16. сент. 1794.

6. окт.

18. — 20. сент.

лись внести войну въ нѣдра голландскихъ Генеральныхъ штатовъ, правительство парижскаго терроризма было уже низвергнуто.

4. ТЕРРОРИЗМЪ КОМИТЕТА ОБЩАГО БЛАГА И ВОРЬБА ПАРТІЙ ВЪ КОНВЕНТѢ.

а. Терроризмъ, ея орудія и жертвы.

Франція цѣлый годъ подвергалась ужасной тирани комитетѣ общаго блага: въ связи съ коммуною, при посредствѣ комитетовъ секцій и революціоннаго войска въ 6,000 человекъ онъ наложилъ оковы и ярмо на столицу, а при посредствѣ комиссаровъ конвента и якобинскихъ клубовъ подчинилъ всѣ города и провинціи тяжкому игу небывалаго демократическаго деспотизма. Жизнь и собственность преданы были произволу господствовавшей партіи; на всѣ съѣстные припасы, товары, пощенныя платы назначалась крайняя цѣна, за упущеніе въ земледѣліи наказывалось тюремнымъ заключеніемъ, личная безопасность ни во что не ставилась. Во главѣ девяти членовъ, составлявшихъ комитетъ, находились три человека, имена которыхъ долго были ужасомъ страны: *Робеспьеръ*, *Кутонъ* и юноша *Сенъ-Жюстъ*, неистовый доктринеръ и апостолъ евангелія Руссо о демократической свободѣ и равенствѣ, проводившій свои принципы съ непоколебимою энергіей «сквозь кровь и слезы». Въ ихъ средѣ одинъ только сынъ бургундскаго адвоката, *Лазарь Карно*, одаренный рѣдкостнымъ трудолюбіемъ, вѣрностью своему долгу и силою характера, честный и прямой, равнодушный ко всѣмъ земнымъ наслажденіямъ и благамъ, сохранилъ самостоятельное положеніе. Но для того, чтобы онъ не мѣшалъ кровавымъ распоряженіямъ своихъ товарищей, на которыхъ никогда не согласился бы, триумвиры поручили ему управленіе военными дѣлами, лишь бы отвлекъ его отъ внутреннихъ. Остальные члены комитетѣ были большею частью креатуры Робеспьера (Бареръ, Бильо-Варенъ, Колло д'Эрбуа, Пріеръ, Линде, Жанъ Бошъ де сенъ-Андре). Крайне демократическая конституція, какую второнахъ начертали и которую по утвержденіи націей 10. августа обнародовали съ большимъ торжествомъ, причемъ знаменитый живописецъ Давидъ, фанатическій поклонникъ античнаго искусства и республиканской свободы, былъ учредителемъ праздника, была до поры до времени устранена. Взамѣнъ того установили подъ надзоромъ комитетѣ общаго блага революціонное правительство, которому всѣ государственныя власти, министры, генералы, мѣстные начальники обязаны были подчиняться безусловно, и поддержкою и орудіями которому служили полицейскій комитетъ общественной безопасности и революціонныя комитеты секцій. О томъ, какъ это на остreeчъ меча основанное правительство пользовалось своею властью для истребленія приверженцевъ старины, можно уже судить по тому, что въ іюнѣ

Тираниа и
гильотина.

и июль мѣсяцахъ 1794 подъ гильотиною погибло не менѣе 1285 человекъ. По требованью трибунала, сократить судебныя формальности, Робеспьеръ провелъ декретъ, въ силу котораго послѣ трехсуточного совѣщанія надлежало спросить присяжныхъ, достаточно ли они изучили дѣло, и если заявить, что убѣжденіе ихъ сложилось, то пусть прекратятъ всякое дальнѣйшее разбирательство. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ погубить всѣхъ, кто мѣшалъ господствовавшей партіи, служилъ ужасный законъ противъ подозрительныхъ людей, который всѣмъ «врагамъ отечества», всѣмъ, кто обнаруживалъ привязанность къ иржежнему состоянью, или къ духовенству и дворянству, угрожалъ тюрьмою и смертю и налагалъ арестъ на ихъ имущество, съ цѣлью воспользоваться имъ для «снабжения бѣдныхъ патриотовъ». Въ силу этого и тому подобныхъ уставовъ всѣ тюрьмы переполнились множествомъ такъ называемыхъ аристократовъ и каждый день отправлялось на казнь въ среднемъ выводѣ по двадцати девяти человекъ. Всѣ порядочные люди, отличившіеся званіемъ, имуществомъ, образованіемъ и благородствомъ помысловъ отъ господствовавшихъ демократовъ, то и дѣло подвергались опасности. Домашніе обыски и аресты производились днемъ и ночью. Злостная клевета врага, доносъ шпіона, ненависть санкюлота — все это доводило невиннаго до тюрьмы, а изъ тюрьмы на эшафотъ. На особыхъ телегахъ гуртомъ (Fourrées) отвозились осужденныя къ ужасному мѣсту казни. Переходъ былъ такъ быстръ, что смерть утратила свои ужасы и тюрьмы стали сборищемъ веселаго, утопченнаго общества и остроумныхъ бесѣдъ. Продолжали шутить даже въ когтяхъ смерти и всякія различія званія тутъ забывались. Въ числѣ жертвъ находились благороднѣйшіе и превосходные люди Франціи, бывшій министръ Мальзербъ, члены конституціоннаго собранія Балли, Барнавъ, Ленгю и др., названные уже жирондисты и жена Ролана, прежній членъ парламента д'Эпремениль, многія республиканскіе депутаты умѣреннаго направленія, между прочимъ также бывшій прокуроръ коммуны, Маниоэль, ученые и писатели, химикъ Лавуазье, поэтъ Андр. Шенье, Руше и др. Флоріанъ написалъ своего «Вильгельма Телля» въ тюрьмѣ не задолго до своей смерти; всѣ приверженцы прежней королевской власти, не успѣвшіе спастись бѣгствомъ, умерли подъ гильотиною. Всѣ до послѣдняго мгновенія проявляли мужество и стойкость. Балли съ стоическимъ спокойствіемъ вынесъ истязанія черни. Осужденія и казни стали обыденнымъ зрѣлищемъ, которое проходило большею частью незамѣтно. Особенности случаи развѣ составляли исключеніе. Къ нимъ относится процессъ и казнь много пострадавшей королевы *Маріи Антуанетты*; при допросѣ и смерти она обнаружила всю стойкость и душевную силу, достойную ея рода и образованія, такъ что среди вѣчнаго однообразія убійствъ возбудила даже нѣкоторое вниманіе. Сынъ ея исчахъ подъ ужаснымъ над-

17. сент. 1793.

16. окт.

зоромъ якобинца, сапожника Симона, а дочь, въ послѣдствіи герцогиня Ангулемская, на всю жизнь вынесла мрачный духъ и горечь въ сердцѣ. Послѣ королевы умерла на эшафотѣ благочестивая сестра Людовика XVI., Елисавета, а нѣсколько недѣль спустя послѣ казни жирондистовъ пала также голова гнуснаго герцога Орлеанскаго, котораго даже дружба Дантона не спасла отъ ненависти Робеспьера. Каясь и смирившись, герцогъ всенародно повинился въ прегрѣшеніяхъ противъ короля Людовика. У каждаго города было по одному или по нѣскольку террористовъ, которые подражали Робеспьеру и другимъ «великимъ злодѣямъ», развѣзжали по краю съ странствующею гильотиною и съ своими вооруженными шайками по произволу распоряжались имуществомъ и жизнью гражданъ. Между прочимъ Эвлогій Шнейдеръ, бѣглый нѣмецкій монахъ и профессоръ въ Страсбургѣ, котораго даже Сень-Жюсть за подлую алчность и подкупность отправилъ въ Парижъ на гильотину, Менье въ Оранжѣ и др. комиссары конвента вторгались въ провинціи съ «революціонными войсками», забирали и умерщвляли всѣхъ «аристократовъ», «эгоистовъ» и «фанатиковъ», взимали деньги и товары для республики и отправляли парижскому конвенту награбленныя сокровища, состоявшія изъ золота, серебряной посуды, церковной утвари, разныхъ матерій и т. п., набивъ сперва собственные карманы или обогативъ друзей и соучастниковъ. Такъ между прочимъ дѣйствовали Дюмонъ въ Пикардіи, Изорэ во Фландріи, Рюль въ Шампани, Лакость въ Лотарингіи, Бассаль и Ламаркъ на югѣ и др. «Я вездѣ поставилъ терроръ очереднымъ дѣломъ», докладывалъ одинъ изъ комиссаровъ комитету общаго блага, «смѣнилъ федералистовъ, арестовывалъ подозрительныхъ людей, казилъ роялистовъ». Фуше въ департаментахъ Ньевра и Аллье потребовалъ выдачи всей монеты и всѣхъ драгоценностей, кучами отводилъ въ тюрьму священниковъ и «аристократовъ» и забиралъ украшенія въ церквяхъ.

До послѣднихъ чиселъ іюля 1793 Марія Антуанета содержалась въ Тамплѣ съ обоими своими дѣтьми. Тогда комитетъ общаго блага рѣшилъ разлучить мать съ сыномъ. Общинный совѣтъ и исполнилъ этотъ приговоръ, какъ говоритъ Зибель, съ злорадною жестокостью. Чиновники его явились среди ночи, объявить поднятой со сна матери приказъ. Затѣмъ послѣдовала возмутительная сцена. Мать болѣе часа отчаянно сопротивлялась злодѣямъ, бросилась на постель ребенка и укрыла его собою отъ нападавшихъ. Ни увѣщанія, ни угрозы не помогали, она не уступала — пока наконецъ одинъ изъ этихъ людей не схватилъ ея дочери, и не сказалъ, что убьетъ дѣвочку, если мать не отдастъ сына. Тутъ несчастная надломилась, она упустила одно дитя, лишь бы спасти другое. Послѣ ужасной ночи ничего хуже этого не могло постичь ее: при всѣхъ слѣдовавшихъ затѣмъ мучахъ она проявляла лишь кроткую покорность и ожиданіе неминуемой смерти. Ей не долго пришлось ждать. Дѣйствительныя или вымышленныя попытки къ спасенію поудили демагоговъ постѣшить казнь. Комитетъ общаго блага 1. августа велѣлъ конвенту препроводить королеву въ Консьержерн, и предать ее

Страданія и
смерть
королевы.

революционному суду.—Послѣ восьминеделнаго, исполненнаго всякаго рода оскорбленій пребыванія въ тюрьмѣ, королеву привели въ ужасный судъ. „Она явилась въ изодранномъ платьѣ съ посѣдѣвшими волосами“, говоритъ далѣе Зибель, „но съ такимъ спокойнымъ достоинствомъ и съ такимъ свѣтлымъ самоотреченіемъ, что даже публика этого трибунала пожелала почувствовать благоговеніе и состраданіе“. Это настроеніе достигло высшей степени, когда Геберъ выступилъ свидѣтелемъ. Онъ измучилъ восьмилѣтняго сына и двѣнадцатилѣтнюю дочь допросами о томъ, не состояла ли мать съ мальчикомъ въ порочной связи; сына, котораго сапожникъ Симонъ то истязалъ побоями, то спаивалъ водкою, былъ доведенъ Герберомъ до того, что подписалъ оскверненный такою клеветою протоколъ; вся партія была до такой степени отмѣчена позорнымъ клеймомъ этой гнусности, что муниципальный совѣтъ одобрилъ выходку Гебера, якобинскій клубъ рукоплескалъ его разсказу. И вотъ, онъ явился въ судъ, съ цѣлью передъ казнью обезчестить королеву, обвинивъ ее въ неестественной похоти. Сперва она смолчала, а потомъ, когда отъ нея требовали отвѣта, она уничтожила клеветника, чуть не задыхалась, словами: мать ничего не можетъ отвѣчать на это, ссылаюсь на матерей, которыя здѣсь присутствуютъ. Глухой ропотъ прошелъ по залѣ, и судьи не осмѣлились продолжать допросъ. Услышавъ объ этомъ, Робеспьеръ воскликнулъ: этотъ пошлый глупецъ сдѣлаетъ еще враговъ нашихъ предметомъ состраданія. Окончательный приговоръ разумѣлся самъ собою; 16. октября голова королевы пала на эшафотъ.

б. Паденіе дантонистовъ и гебертистовъ.

Якобинцы и кордельеры. Такая чрезмѣрная ярость и жестокость возмутила наконецъ вождей кордельеровъ, Дантона и Камилль-Демулена, которые, господствуя надъ массами, руководили до сихъ поръ революціей и основали республику. Дантонъ, скорѣе сластолюбивый, чѣмъ страстный, доступный даже благодушнымъ порывамъ, усталъ отъ убійствъ и удалился на нѣсколько недѣль въ провинцію, съ тѣмъ чтобы съ молодою женой насладиться богатствомъ, нажитымъ въ революціи; Филиппо, депутатъ Сарты, принадлежавшій всегда къ самымъ рьянымъ членамъ горы, возставалъ въ конвентѣ, въ клубѣ, въ комитетѣ общаго блага противъ подлости, безчестія и неспособности якобинскихъ комиссаровъ и генераловъ; а Камилль-Демуленъ въ своей остроумной, весьма распространенной газетѣ: «Старый Кордельеръ», такъ мѣтко и внушительно примѣнялъ къ своему времени мѣста, гдѣ римскій историкъ Тацитъ самыми яркими красками изображаетъ тиранію и жестокость Тиберія, что нельзя было не признать намековъ на трехъ вождей комитета общаго блага и на ихъ декреты противъ подозрительныхъ личностей. Робеспьеръ воспользовался этимъ разладомъ и распаденіемъ партій, съ тѣмъ чтобы низвергнуть всѣхъ своихъ соперниковъ по части популярности въ толпѣ. Въ то же время нѣкоторые изъ друзей и приверженцевъ Дантона, — бывший капуцинъ Шабо и подлый, алчный Фабръ д'Эглантинъ, его орудіе во всякихъ темныхъ продѣлкахъ, и др. — попались въ обманахъ и под-

купахъ по случаю обмѣны остиндской торговой компаніи; другіе же своими святотатствами и безбожными процессіями подали поводъ къ соблазну. Комитетъ и воспользовался этимъ случаемъ, погубить всю партію Дантона и вмѣстѣ съ тѣмъ вождей коммуны. Дѣло въ томъ, что съ той поры какъ конвентъ измѣнилъ календарь и названіе мѣсяцевъ¹⁾, перенесъ начало года и новой эры на 22. сентября 1792, устранилъ воскресные и праздничные дни, замѣнивъ ихъ декадами и праздниками санкюлотовъ, многіе сумасбродные революціонеры, прозванные бѣснующимися (Enragés), въ родѣ Гебера, Шометта, Моморо, Клоотса, этого «глашатая человечества» и др., возбуждали сильное неудовольствіе своими неистовыми выходками противъ христіанства и духовенства. Они оскверняли и грабили церкви, глумились надъ облаченными, мощами и церковною утварью, пронося ихъ въ кощунскихъ процессіяхъ по улицамъ, словно Вандалы неистовствовали противъ всякихъ памятниковъ христіанства, оскверняли королевскія гробницы въ Сенъ-Дени, и при посредствѣ депутацій требовали, чтобы національное собраніе, замѣнило католическое богослуженіе *культомъ разума*. Торжественное празднество, причемъ кра- 19. нбр. 1793. сивая жена Моморо олицетворяла въ Нотръ-Дамъ богиню разума, ознаменовало начало этого порожденія сумасброднаго, необузданнаго вольнодумства. Церкви, за исключеніемъ немногихъ, были закрыты муниципальнымъ совѣтомъ; собирались даже уничтожить христіанскія имена.

Робеспьеръ, человѣкъ воздержный и педантическій труженикъ, Казнь анархистовъ и моде- твердо вѣровавшій по примѣру Руссо въ божественное провидѣніе, стовъ и моде- признававшій сентиментальный рационализмъ, независимо отъ культа рантистовъ. и откровенія, крайне возмущался такими выходками. Въ жестокосердін онъ никому не уступалъ: поголовное избіеніе въ Вандеѣ было ему какъ разъ по душѣ; революціонный трибуналъ никогда не могъ достаточно угодить ему кровавыми приговорами; однако его методическому уму претили безпорядки и безпутные анархическіе поступки санкюлотовъ и атеистовъ, его трезвая натура гнушалась разврата и сладострастія кордельеровъ. А тутъ еще пронеслась молва о мятежныхъ замыслахъ, которыми предполагалось высшую государственную власть передать коммунѣ. Робеспьеръ рѣшился поэтому погубить республиканскихъ буяновъ и впутать въ ихъ паденіе Камилль-Демулена и Дантона. Докладъ объ иностранной политикѣ, въ которомъ диктаторъ предостерегалъ отъ подозрительнаго «модерантизма» и отъ

1) Имена мѣсяцевъ республиканскаго календаря заимствовались отъ временъ года и преобладавшихъ въ нихъ явленій природы. Такъ *осенніе мѣсяцы*, начиная съ 22. сентября назывались вандемьеръ, брюмеръ и фримеръ, *зимніе* — нивозъ, вентозъ, плювиозъ; *весенніе* — жерминаль, флоріаль, преріаль; *лѣтніе* — мессидоръ, термидоръ, фривтидоръ. Мѣсяць состоялъ изъ тридцати дней; високосные дни назывались «санкюлотидъ» и посвящались національнымъ празднествамъ (добродѣтели, генію, труду и т. п.).

«систематических крайностей лжепатриотов», служилъ какъ бы введеніемъ и прелюдией предстоявшей катастрофы. Оба направленія онъ призналъ средствами и орудіями предполагаемой контрреволюціи въ угоду иностраннымъ державамъ и съ цѣлью устранить конвентъ. Этимъ змѣямъ слѣдуетъ раздавить голову. Едва Дантонъ занялъ опять свое мѣсто въ конвентѣ (февраль 1794), какъ самый безпощадный и энергическій поборникъ демократическаго государственнаго и общественаго идеала, Сенъ-Жюсть, именемъ комитета общаго блага вошелъ съ замѣчательнымъ докладомъ, въ которомъ онъ враговъ республики дѣлилъ на три класса, на развратныхъ, крайнихъ революціонеровъ и умѣренныхъ, и требовалъ ихъ наказанія. Этимъ началась борьба, въ которой ярость революціонеровъ достигла высшей степени. Вслѣдствіе того доклада въ наступившіе затѣмъ дни комитетъ охраны велѣлъ арестовать множество лицъ и уже 24. марта девятнадцать крайнихъ революціонеровъ, между прочимъ Клоотъ, Геберъ, Моморо, Ронсенъ, лонскій герой санкюотовъ, Венсанъ и другіе члены муниципальнаго совѣта, а также и прокуроръ Шометтъ и Фабръ д'Эглантинъ отправлены были на гильотину. Марта 31. къ революціонному трибуналу вызваны были развратные; Дантона, Камилль-Демулена, Геро де Сешеля, Филиппо и др. признали ихъ соучастниками и припутали къ процессу. «Крайнихъ» и «умѣренныхъ» хотѣли поразить *однимъ* ударомъ. Но Дантонъ и Демулень, которыми при всемъ ихъ распутствѣ не были чужды благородные порывы, при неистовомъ шумѣ толпы, болѣе расположенной къ обвиняемымъ смѣлымъ безбожникамъ, нежели къ бездушнымъ, подлымъ якобинцамъ, изъ которыхъ состояли судьи, настойчиво и буйно требовали очной ставки съ обвинителями или суда въ самомъ конвентѣ. Три дня зычный голосъ Дантона и гулъ народной толпы мѣшали изречь приговоръ. Впервые кровопійцы революціоннаго трибунала сами смутились. Наконецъ Сенъ-Жюсть добился постановленія конвента, которымъ для поддержки существующаго порядка судилище уполномочивалось, въ случаѣ упорнаго сопротивленія обвиняемыхъ безъ дальнихъ слѣдствій приговорить къ наказанію. Затѣмъ обогранные кровью герои 10. августа и сентябрьскихъ дней отведены были на гильотину и обезглавлены вмѣстѣ съ шайкою подлыхъ гебертистовъ. Они умерли мужественно и рѣшительно. Дантонъ съ трагическою ироніей издѣвался надъ ничтожествомъ жизни и быстрой измѣнчивостью рока. Палачу сказалъ онъ: «Одного ремня довольно, другой побереги для Робеспьера».

5. апрѣля
1794.

с. Паденіе Робеспьера.

Робеспьеръ Низверженіе Дантона было послѣднимъ торжествомъ Робеспьера: и его против- диктаторъ задохнулся отъ крови своего могучаго противника. Трое-ники.

вождей комитета общаго блага господствовали, правда, еще въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ съ неограниченною властью и учащенными казнями и арестами довели терроризмъ до крайнихъ предѣловъ. Имѣлось въ виду опростать мѣсто для новаго государственнаго строя по принципамъ Руссо, въ которомъ человекъ всецѣло, тѣломъ и душою, съ своими внѣшними благами и духовными силами, помыслами и наклонностями принадлежалъ бы обществу, особь исчезла бы въ государственномъ цѣломъ, все проиклилось бы спартанскимъ патриотизмомъ, для всехъ признавались бы одни и тѣ же нравы, одинъ и тотъ же урядъ жизни. Робеспьеръ воспользовался временемъ послѣ катастрофы, благодаря которой онъ завладѣлъ политическимъ господствомъ, для того чтобы укротить анархическіе элементы. Онъ усилилъ полицію и помѣстилъ нѣкоторыхъ изъ самыхъ безусловныхъ и раболѣпныхъ своихъ приверженцевъ въ городской совѣтъ и въ двѣнадцать комиссій, которымъ по его настоянію конвентъ передалъ все государственныя дѣла министерствъ. Однако фащатическіе главы комитета общаго блага утратили власть въ муниципалитетѣ и въ секціяхъ, лишились довѣрія въ конвентѣ; они сознавали уже, что стали предметомъ несправедливости и омерзенія для народа; Робеспьеръ никогда уже не выходилъ безъ оружія и безъ сопровожденія дюжихъ спутниковъ. Какъ-то разъ въ его домѣ схватили дѣвочку съ ножомъ, которой хотѣлось взглянуть, на чѣмъ похожъ тиранъ; по этому поводу онъ учредилъ тайную канцелярію высшей полиціи для своей личной безопасности. Друзья Дантона подстерегали властителей, съ тѣмъ чтобы улучшить добрый мигъ для нападенія. Число враговъ возросло, когда Робеспьеръ, съ цѣлью прекратить богохульные выходки приверженцевъ кутьба разума и положить начало религіозному преобразованію общества на раціоналистически-филантропической основѣ, въ маѣ побудилъ конвентъ утвердить такое постановленіе: «Бытіе высшаго Существа и безсмертіе души есть истина»; а затѣмъ онъ подвергся ненависти и насмѣшкѣ, когда на новомъ праздникѣ въ честь высшаго Существа въ Тюльерійскомъ саду въ качествѣ президента задумалъ въ театральномъ уборѣ разыграть роль верховнаго жреца. Такое религіозное зрѣлище съ его аллегорическими прикрасами представляло чудовое явленіе рядомъ съ однообразнымъ грохотомъ колесницы, отвозившей изо дня въ день жертвы на гильотину. Съ тѣмъ чтобы кровавая расправа шла еще спорѣе, парижскій революціонный трибуналъ два дня спустя послѣ того получилъ новую организацию, вслѣдствіе которой сокращалось судопроизводство, а судьи и присяжные превращались въ простыя орудія и пособники обвинителя для присужденія къ смерти всехъ «враговъ народа». По закону отъ 22. преріаля (10. іюня) судьи и присяжные должны были руководиться исключительно ихъ «просвѣщенною патриотизмомъ совѣстью». Однако дни неслыханной

8. іюня 1794.

тираніи и терроризма подходили къ концу. Въ комитетахъ общаго блага и охраны члены стали опасаться за свою жизнь, вслѣдствіе чего тамъ возникъ разладъ въ средѣ господствовавшихъ партій: террористы изъ партіи Дантона вооружились противъ Робеспьера и его сообщниковъ. Его мистическое сношеніе съ Екатериною Теотъ, полусумашедшею изувѣркой, признавшею въ пророческихъ видѣніяхъ республиканскаго властителя духовно-свѣтскимъ верховнымъ главою новаго религіознаго союза, усилило подозрѣніе и ненависть противъ запосчиваго злоковеннаго демагога, который въ то время все болѣе и болѣе удалялся отъ политической жизни и отъ сношеній съ людьми, но при всемъ томъ съ чуткою подозрительностью слѣдилъ за всѣми. Рѣчь въ конвентѣ, исполненная лицемѣрныхъ выходокъ противъ преступниковъ и заговорщиковъ, которые будто бы въ пѣдрахъ самой корпорации куютъ козни на погибель республики, возбудила подозрѣніе о новыхъ затѣваемыхъ душегубствахъ. Сень-Жюсть доказывалъ, что республика можетъ быть исцѣлена только сосредоточеніемъ власти, единствомъ правленія, мощнымъ учрежденіемъ, и присовѣтовалъ диктатуру Робеспьера; его другъ, Леба, заговорилъ о необходимости, быстрымъ ударомъ истребить всѣхъ враговъ народа.

9. термидоръ. Эти признаки приближавшейся бури ускорили враждебную коалицію. Къ противникамъ Робеспьера принадлежалъ Тальенъ, свирѣпствовавшій нѣкогда въ Бордо, но обратившійся къ инымъ принципамъ, благодаря очаровательной Фонтене-Кабаррю. Съ нимъ соединились Фреронъ и Фуше, лютые тираны Ліона и Тулона, Вадье, Камбонъ, Колло-д'Эрбуа, Бильо-Варенъ и наконецъ медоточивый витія Бареръ. Термидора 9. въ конвентѣ началась борьба не на животь, а на смерть. Робеспьеру и приверженцамъ его не дали слова сказать; противники перекричали ихъ и въ бурномъ, прерываемомъ то и дѣло гвалтомъ и шумомъ засѣданіи добились приговора, вслѣдствіе котораго трехъ вождей комитета общаго блага, потомъ еще младшаго Робеспьера, Леба и Анріо, коменданта національной гвардіи, предали суду и отвели подъ арестъ въ Люксембургскій дворецъ. Но вотъ, коммуна возстала за своихъ героевъ. Городской совѣтъ вызвалъ своихъ поборниковъ, съ цѣлью, какъ было уже рѣшено въ предшествовавшемъ почпомъ засѣданіи якобинцевъ, нагрянуть опять на конвентъ, какъ 2. іюня. Но пути городская чернь освободила арестованныхъ; подпившій Анріо сталъ угрожать конвенту національною гвардіей, тогда какъ Робеспьеръ, Кутонъ, Сень-Жюсть и др. въ ратушѣ помышляли о мести. Однако національное собраніе предупредило ихъ на этотъ разъ быстрою рѣшительностью. Громко провозглашенная опала на предводителя лишила шайку санкюотовъ мужества, тогда какъ буржуазія, бывшая національная гвардія Лафайета, сторонившаяся до сихъ поръ отъ политическаго поприща, вновь пріободрилась и, вооружившись, собралась вокругъ конвента, ко-

торый тутъ же назначилъ депутата Барраса, бывшего офицера, главнокомандующимъ. На Гревской площади передъ ратушей ряды войскъ съ орудіями стояли другъ противъ друга и, казалось, онять закипитъ кровавый бой между гражданами. Однако у якобинцевъ и у черни съ предмѣстевъ не хватило болѣе мятежной храбрости. Самъ Робеспьеръ своею яростью противъ дантонистовъ и гебертистовъ погубилъ вожаковъ уличной демократіи и народныхъ возстаній. По прочтеніи опалы на Анріо канониры повертели свои орудія и отказались стрѣлять, а комендантъ поспѣшилъ къ остальнымъ въ ратушу. Тутъ полицейскій отрядъ конвента проникъ въ зданіе, съ тѣмъ чтобы вновь захватить обвиненныхъ. Сень-Жюсть сдался, безмолвно подчинившись участи; его вмѣстѣ съ Кутонемъ, меромъ Дюма и др. отвели въ Консьержери. Анріо трусостью возбудилъ негодованіе въ своемъ соучастникѣ Коффингалѣ, членѣ революціоннаго судилища, который тутъ же столкнулъ его на дворъ; тамъ Анріо вытасили потомъ изъ водосточной трубы; старшій Робеспьеръ съ другими товарищами удалился въ сосѣднюю комнату; Леба подалъ ему пистолеть, а другимъ тутъ же самъ застрѣлился. По словамъ большей части историковъ бывшій диктаторъ комитета общаго блага тоже пытался застрѣлиться, но раздробилъ себя только челюсть и страшно обезобразилъ себя, подтирая клочками бумаги лившуюся съ лица кровь; потомъ, сопровождаемый проклятіями и бранью нахлынувшего народа, онъ былъ отведенъ на мѣсто казни. Луи Вланъ, напротивъ того, пытается доказать, что выстрѣлилъ жандармъ Меда, когда Робеспьеръ сталъ сопротивляться аресту. Такъ какъ всѣ захваченные вслѣдствіе опалы были объявлены «внѣ закона», то и не требовалось никакого судебного производства. Младшій Робеспьеръ бросился изъ окна на улицу, однако его подхватили еще живымъ. Всѣ арестованные, числомъ двадцать два человѣка, были въ тотъ же день обезглавлены. Въ наступившіе затѣмъ два дня семьдесятъ 28. іюля 1794. два якобинца и члена коммуны тоже подверглись участи своихъ вожаковъ. Древняя басня о богѣ времени Кроносѣ, поглощающемъ своихъ дѣтей, осуществилась въ революціи. Ужасныя насилія, съ какими члены комитета общаго блага и городского совѣта злоупотребляли правительственною властью, исполнили націю такимъ омерзѣніемъ къ системѣ и ея вожакамъ, что вскорѣ произошелъ поворотъ въ общественномъ мнѣніи. Всѣ вздохнули словно послѣ пережитаго въ смертельномъ страхѣ кошмара. Девятый термидоръ въ Парижѣ и во всей Франціи праздновался словно воскресеніе отъ мрачной смерти.

III. Революція на исходѣ.

I. Послѣднія времена конвента.

1. Термидорианцы и якобинцы.

Попытки къ политическому повороту. Низверженіе Робеспьера и его друзей термидорианцами было по-чиномъ возврата къ порядку и миролюбію. Умѣренная партія, центръ и остатки правой стороны, цѣлый годъ уже обреченная на терпѣніе и молчаніе, вновь пріободрилась и рѣшительнѣе выступила противъ членовъ горы. Стремленіе ея прежде всего имѣло цѣлью ослабить или устранить органы, при посредствѣ которыхъ Робеспьеръ и его сообщники поддерживали терроризмъ, и вновь сдѣлать конвентъ въ полномъ его составѣ носителемъ общественной власти. Все еще многочисленныя и могущественныя монтаньяры всѣми силами пытались сохранить въ цѣлости бывшіе доселѣ рычаги и орудія революціи, и допустить лишь кой-какія ограниченія и перемѣщенія личностей; однако они не могли уже отразить жестокіе удары, наносимые всей системою терроризма, поддержать и сохранить главныхъ его поборниковъ въ коммунахъ, въ комитетахъ секцій, въ революціонныхъ трибуналахъ.

Дѣло „очистки“ („Epuration“), за которое теперь принялись съ возрастающимъ рвешемъ, день отъ дня все ускорялось. Прежде всего пытались въ самомъ національномъ собраніи внутреннимъ преобразованиемъ возстановить болѣе здоровый организмъ. Владычество комитетовъ общаго блага и охраны сокрушалось тѣмъ, что въ члены назначили туда нѣсколько членовъ умѣреннаго направленія, въ родѣ Бреара, Трельяра и др., присоединили къ нимъ другіе комитеты, равномерно распредѣлили трудъ и власть; національной гвардіи придали иное устройство, отлѣпивъ санъ генераль-коменданта и поручивъ главное начальство генеральному штабу, который каждыя пять дней избирался изъ начальчиковъ секцій; сократили революціонныя комитеты, ограничили собранія секцій одними республиканскими воскресными днями или декадами, и лишили присутствовавшихъ назначенной доселѣ пенной платы въ два франка. Благодаря этому въ собраніяхъ скоро стала преобладать болѣе достаточный классъ гражданъ; такимъ образомъ труднѣе стало сооружать возстанія и анархическія тревоги, какія прежде возбуждались демагогами якобинскаго клуба для достиженія ихъ цѣлей; а если онѣ и случались еще, то подавали конвенту желанный поводъ, отбирать оружіе у низшихъ классовъ. Въ катастрофѣ девятаго термидора парижская коммуна утратила своихъ главъ и самыхъ влиятельныхъ вожаковъ; теперь ее лишили сосредоточеннаго могущества, учредивъ для каждой изъ двѣнадцати секцій особые муниципалитеты. Въ провинціи были отравлены комиссары конвента, съ тѣмъ чтобы тамъ также муниципальные совѣты и народныя собранія очистить отъ террористическихъ элементовъ. Тысячи заключенныхъ вернулись во связи изъ откываемыхъ тюремъ; они застали у себя большею частью опустѣлыя жилища, прежнее благосостояніе ихъ рушилось, ихъ конфискованное имущество оказалось

въ чужихъ рукахъ, изъ ихъ родныхъ многіе пали подъ гильотиною. Негодуя и пылая мстью, они возстали теперь противъ прежнихъ властителей. Скоро во всей странѣ почувалось вѣяніе полтнаго движенія, печать, не сдерживаемая болѣе терроромъ, какъ голосъ общественнаго мнѣнія заявляла, что надлежитъ вернуться къ порядку и законности.

Термидорианцевъ горы неприятно поразилъ такой поворотъ: хотя Термидорианцы и вступили въ заговоръ для низверженія нестерпимой диктатуры Робеспьера и его соучастниковъ, однако демократико-республиканская система была совершенно въ духѣ большинства. Якобинскій клубъ и революціонный трибуналъ продолжали существовать, но только подъ болѣе строгимъ надзоромъ комитета охраны. Перешли на болѣе умѣренный путь лишь въ томъ отношеніи, что лишили уголовный судъ неслыханнаго полномочія и произвольной власти, какими надѣлили его законъ отъ 22. преріаля, пока не настало время преобразовать все судопроизводство, — что предали судебному слѣдствію злодѣевъ, которые своими безчеловѣчными поступками возбудили всеобщее негодованіе, въ родѣ Фуке Тенвиля, президентовъ и судей парижскаго трибунала, въ родѣ Лебона и Карьера, этихъ свирѣпыхъ террористовъ. Однако понятное движеніе уже не задерживалось болѣе термидорианцами, и самъ конвентъ волей, неволей плылъ по теченію. Въ комитетѣ общаго блага день ото дня все рѣзче выступалъ разладъ между дантонистами, Тальеномъ, Фрерономъ, Тюрьо, и гебертистами, Колло д'Эрбуа и Бильо. Послѣдніе опирались на якобинскій клубъ, первымъ служила за то поддержкою народная воля, которая все рѣшительнѣе высказывалась въ пользу поворота и политической умѣренности. Новая газета Фрерона «Народный витія» и Тальена «Другъ гражданъ» сильно напирали на террористовъ и ратовали за челоуѣчность и непристрастную справедливость ко всѣмъ. Фреронъ, тотъ самый, что годъ тому назадъ въ Тулонѣ въ качествѣ комиссара конвента исполнялъ самый кровавый терроризмъ, все болѣе и болѣе переходилъ на путь умѣренности и антидемократическаго настроенія. Онъ собралъ около себя толпу юношей изъ болѣе знатныхъ семействъ. Прозванные ихъ противниками «Золотою молодежью» («Jennesse dorée») или «Фраптами», «Мюскаденами» («Muscadins»), они пытались возстановить болѣе утонченныя нравы, изящный бытъ и пристойныя общественныя формы, приличную одежду и обстановку. Организовавшись по военному словно легіонъ мести, снаряженные обыкновенно тяжелыми палками, молодые люди то и дѣло нападали на якобинцевъ на улицахъ и въ клубѣ. Марсельезѣ и Карманьоль они противопоставили нѣсью о «пробужденіи народа» (le reveil du peuple). Потеримъ ли еще долѣе, значилось въ ней, чтобы злодѣи водрузили знамя убійства и преступленія, чтобы гнусная шайка душегубцевъ и разбойниковъ своимъ дыханіемъ оскверняли французскую почву? Успокойтесь тѣни невинно умерщвленныхъ, вождѣтнныи день мести

Термидорианцы и якобинцы.
Золотая молодежь.

настанеть; мы уничтожимъ злодѣевъ и низринемъ ихъ въ адъ. Бывшій монтаньярь и террористъ Тальенъ также энергически востаеъ противъ своихъ прежнихъ соучастниковъ. Послѣдовавшая за нимъ изъ Бордо въ Парижъ Фонтено-Кабаррю, благодаря термидору, освободилась изъ тюрьмы, въ которую попала по подозрѣнiю Робеспьера, и избѣгла смерти. Добродушная и прекрасная, хотя не дальняго ума и не очень-то строгихъ правилъ, она пользовалась влiянiемъ на своего втораго мужа, съ тѣмъ чтобы внушить ему человѣчныя чувства. Сотни людей одолжены ей своей свободою и жизнью, и они впоследствии всячески прославляли «излюбленную жену отъ термидора», тогда какъ якобинцы осыпали ее бранью. Разладъ между нѣкогда столь могучимъ обществомъ и термидорiанцами болѣе умѣренного направленiя усиливался съ каждымъ днемъ и перешелъ на всю партiю горы. Фреронъ, Лекуантръ, Тальенъ и Фуше были исключены изъ клуба и затѣмъ сами преслѣдовали его смертельною ненавистью. Тщетно монтаньяры якобинскаго направленiя и клубные члены пытались адресомъ въ конвентъ задержать попятное движенiе, настаивая на заарестованiи вновь выпущенныхъ аристократовъ, на ограниченiи печати; тщетно они предостерегали отъ всякаго послабленiя революцiонной власти; тѣмъ подстрекали только термидорiанцевъ къ новымъ нападкамъ. Обѣ партiи весь августъ и сентябрь находились въ непрерывной борьбѣ другъ съ другомъ. Августа 28. уже Лекуантръ, человекъ раздражительный и нѣсколько фантастическiй, внесъ предложенiе, чтобы предали суду семерыхъ членовъ обоихъ прежнихъ комитетовъ. Но онъ не добился этого: реакцiя еще не достаточно окрѣпла. Колло д'Эрбуа смѣло, съ гордымъ спокойствiемъ возражалъ на обвиненiе, и слова его: «все, что было учинено комитетомъ общаго блага, падаетъ на конвентъ, который такъ долго терпѣлъ тиранию Робеспьера,» — произвели сильное впечатлѣнiе. Послѣ заявленiя президента Тюро, «что обжалованные члены всегда дѣйствовали по желанiю народа», собранiе перешло къ очереднымъ дѣламъ. Но это было лишь короткое перемирiе, во время котораго собирались съ новыми силами на бой. Разъ вечеромъ, когда Тальенъ шелъ домой, на него напалъ кто-то и ранилъ въ плечо выстрѣломъ изъ пистолета. Это покушенiе стали приписывать якобинцамъ, и все громче раздавался кличъ, слѣдуетъ изрубить «хвостъ Робеспьера». Террористы подверглись еще большей ярости и омерзенiю вслѣдствiе процесса, какой разбирался тогда въ революцiонномъ трибуналѣ. Въ Нантѣ революцiонный комитетъ подъ веденiемъ Каррьера, не довольствуясь казнями въ своемъ городѣ, переслалъ слишкомъ сто арестованныхъ въ Парижъ. Судебный допросъ, которому ихъ подвергли здѣсь въ присутствiи огромной, въ лихорадочномъ возбужденiи собравшейся толпы, разоблачилъ такую возмутительную картину мерзостей и

28. авг. 1794.

20 сент.

безчеловѣчныхъ злодѣйствъ, какiя совершались на Луарѣ и въ Вандеѣ республиканскими террористами, что вопль негодованiя пронесся по всему гражданскому обществу. То были первые достовѣрныя вѣсти, какiя съ поприща междоусобiя и революцiонныхъ ужасовъ проникли въ парижскiе кружки средняго сословiя. Онѣ прозвучали словно погребальный звонъ. Обвиняемыхъ освободили, а кровопийцъ, Каррьера и нѣкоторыхъ изъ его соучастниковъ подвергли судебному преслѣдованью.

Якобинцы чуяли, что почва колеблется у нихъ подъ ногами. Они попытались обратиться еще разъ къ прежнему испытанному средству острастки. Конвентъ со всѣхъ концовъ стали осыпать адресами и жалобами на притѣсненiя патриотовъ и усиленiе аристократической реакцiи. Въ Марсели терроризмъ еще разъ подвѣлъ свою кровавадую голову: по тюрьмамъ совершались новыя душегубства. комиссарамъ конвента, дѣйствовавшимъ въ духѣ примиренiя, стали угрожать смертью, на улицахъ поднялся мятежъ, такъ что линейнымъ войскамъ пришлось восстанавливать спокойствiе. Въ парижскихъ секцiяхъ пытались вновь оживить прежнiй анархическiй духъ, возбудить рабочихъ въ предмѣстьяхъ. Однако обнаруживались также признаки противоположнаго настроенiя: нѣкоторые изъ филлалныхъ союзовъ отказались отъ якобинскаго клуба; депутацiя изъ Лиона, описавъ вынесенные ею страданiя и ужасы, возбудила въ конвентѣ жалость и негодованiе; тутъ и тамъ зашевелились вновь приверженцы умерщвленныхъ жирондистовъ. То было послѣднею вспышкою революцiоннаго пыла, послѣднею схваткою анархистовъ съ яборинками порядка изъ-за господства. Конвентъ разбился на партiи: большинство все еще предаво было демократико-республиканскимъ принципамъ; однако, терроризму и его властямъ не пришлось болѣе терзать государство и общество. Главныя ихъ опоры заключались въ якобинскомъ клубѣ и во множествѣ его развѣтвленiй, раскинутыхъ по всей странѣ. Пока эти народныя собранiя съ ихъ бойкими рѣчами, съ ихъ охлократическимъ терроризмомъ, съ ихъ мятежными возгласами о „патриотахъ“ и „аристократахъ“ стануть поддерживать постоянное возбужденiе умовъ, до тѣхъ поръ нечего было и думать о прочномъ создании республиканской конституцiи. А потому внутренняя борьба и направилась прежде всего противъ популярной власти, имѣвшей своимъ средоточiемъ якобинскiй клубъ. Уличныя тревоги, какiя то и дѣло возбуждались стычками „золотой молодежи“ Фрерона съ якобинцами въ Пале-Рояль и въ другихъ мѣстахъ, подали конвенту поводъ, обсудить вопросъ объ ограниченiи народныхъ сборищъ. Торжественное перенесенiе останковъ Марата въ Пантеонъ было послѣднимъ триумфомъ санкюлотовъ. По поводу доклада Роберта Линде о внутреннемъ положенiи республики, причемъ краснорѣчиво прославлялись заслуги „популярныхъ обществъ“, оказавшыя освобожденiю народа отъ деспотизма и тирании, распространенiю свѣта, образованiя и патриотической добродѣтели во всемъ государствѣ, президентъ Мерлепъ де Тюнвилъ разразился жестокими нападками на парижскiй якобинскiй клубъ, на зтогъ „разбойничiй вертепъ“, гдѣ замялись противъ добродѣтели и справедливости, гдѣ марсельскихъ „поджигателей“ подстрекали къ новымъ злодѣйствамъ, воставали противъ національнаго собранiя: во всемъ этомъ чуялся уже приступъ къ сокрушительному удару. Президентъ требовалъ, чтобы клубъ очистили, запечатали канцелярiю корреспондентовъ и чтобы впредь ни одинъ депутатъ не посѣщалъ болѣе этого сборища. Даже такіе люди какъ Баррасъ, Камбасересъ, Мерлепъ де Дуэ, которые до сихъ поръ

Якобинскiй клубъ закрытъ. Каррьеръ казненъ.

20. сент. 1794.

или вмѣстѣ съ монтаньярами, да и теперь все еще готовы были энергически отстаивать приобрѣтенія революціи, образумились и стали дѣлать нѣкоторыя уступки, лишь бы спасти дѣло. Тщетно председатель клуба манифестомъ ко всѣмъ народнымъ обществамъ призывалъ „братьевъ и друзей“ къ единодушію и къ стойкому сопротивленію врагамъ свободы и равенства, аристократіи и модерантизму, которые теперь такъ дерзко поднимаютъ голову; матеріальная власть и сила общественнаго мнѣнія находилась на сторонѣ ихъ противниковъ; сокращеніе и ограниченіе революціонныхъ комитетовъ сокрушило главныя орудія ихъ дѣятельности. Камбасересъ составилъ и отъ имени конвента издалъ воззваніе „къ французскому народу“, изобразивъ пагубныя послѣдствія, когда собранія присвоиваютъ себѣ авторитетъ, какой подобаетъ исключительно одной націи, и тѣмъ поддерживаютъ народъ въ непрерывной лихорадочной тревогѣ; вслѣдствіе этого 16 октября принятъ былъ „декретъ объ организаціи популярныхъ обществъ“, который нанесъ смертельный ударъ якобинскому клубу. Тутъ значилось: всякія филиальныя сообщества, союзы, братства, также всякія корреспонденціи между обществами одного и того же названія запрещаются. Они несомнѣнны съ устоємъ какого бы то не было правительства и противорѣчатъ единству республики. Этотъ законъ, которымъ каждое отдѣльное народное общество предоставлялось только самому себѣ, обязывалось представить точный списокъ членовъ и не смѣло присоединиться ни къ какому дѣйствию во имя совокуности, подѣлъ жизненный нервъ политическихъ ассоціацій и лишилъ якобинскій клубъ корней его могущества. Мало проку было въ томъ, что члены конвента, которые пытались поддержать общество хотя бы даже подъ ограниченными условіями, а именно Роммъ, Дюгемъ, Колло, то и дѣло отстаивали якобинскіе принципы, превозносили патриотическія заслуги клуба, оказанныя принципамъ свободы и равенства,—правамъ человѣчества; число приверженцевъ все болѣе и болѣе сокращалось; въ особенности когда клубъ всушился за презираемаго всѣми благонамѣренными людьми комиссара конвента, Каррьера. Мало проку было въ томъ, что Бильо-Варенъ грозилъ мнѣніемъ патриотовъ, когда левъ вновь проснется и нагрянетъ на своихъ гонителей; „мюскаденъ“ все сильнѣе напиралъ на „санкюлотовъ“, они проникли даже въ самый клубъ своихъ противниковъ, занимали порошнія мѣста и мѣшали совѣщаніямъ. Ноября 9 дѣло дошло до настоящей схватки и рукопашной въ залахъ, галереяхъ, на дворѣ и даже на улицѣ. Эти сцены подали конвенту поводъ, внести предложеніе о закрытіи клуба. Нѣкоторые изъ депутатовъ все еще были членами собранія, хотя не разъ уже повторялось, чтобы никто изъ народныхъ представителей не показывался въ этомъ „разбойничьемъ вертепѣ“; однако гололъ ихъ былъ уже не на столько силенъ, чтобы спасти отъ наденія „общество друзей свободы и равенства въ бывшемъ якобинскомъ монастырѣ въ Парижѣ“. Когда послѣ ночнаго засѣданія 11 ноября члены съ ихъ жепскими спутниками, которыхъ прозвали „фуриями гильотины“, рано утромъ разошлись, съ тѣмъ чтобы никогда болѣе не сходиться въ этомъ мѣстѣ, которое слишкомъ четыре года было пылающимъ очагомъ революціи, то заперли залу засѣданія, и никто пальцемъ не шевельнулъ въ защиту разсадника республиканскаго демократизма. Зданіе монастыря было окружено сильною стражею, чтобы воспрепятствовать насильственному вторженію. Одинъ изъ членовъ конвента извѣщалъ объ этомъ собраніе и оправдывалъ такую мѣру, заявивъ, такъ какъ якобинцы осмѣлились соревновать національному представительству, то ихъ надлежало вразумить, что въ республикѣ имѣется только одна національная власть; сообщеніе это было встрѣчено знаками одобренія и радости. Въ слѣдующемъ затѣмъ году домъ былъ раз-

16. октября
(25. ванде-
мьера).

11. нбр.
21. брѳм.

рушенъ и преобразованъ въ рынокъ. Паденіе клуба повлекло за собою его любимца, Каррьера. Революція, сказала одинъ изъ монтаньяровъ, ничто иное какъ бурный потокъ, что заливаешь и уносишь съ собою все; такъ пусть же уцѣлѣвшіе не клянутъ виновника стихійнаго бѣдствія, а радуются и благодарятъ за спасеніе жизни. Но даже эти слова не смогли смыть омерзене, возбужденное судебными слѣдствіями. Подъ исходъ года еще террористъ Нанта былъ казненъ. Опозоренная имъ человѣчность требовала покупительной жертвы.

16. дек.
(26. фримера)
1794.

Однако, развѣ Каррьеръ дѣйствовалъ не по порученію комитета общаго блага? Уничтоживъ орудіе, развѣ можно было щадить руку, которая имъ пользовалась? И вотъ Лекуантръ, поддерживаемый Лежандромъ, вновь внесъ предложеніе, предать суду семерыхъ членовъ обоихъ комитетовъ терроризма. Назначили слѣдственную комиссію, которая рѣшила, что относительно Вуланда, Амара, Давида нѣтъ достаточнаго основанія для судебного преслѣдованія, которому подлежали за то Бареръ, Бильо, Колло и Вадье. Вотъ до чего дошло уже обратное теченіе. А какой исходъ предстоялъ обжалованнымъ террористамъ, это они легко могли уже предвидѣть по измѣнившемуся характеру національнаго конвента. И въ самомъ дѣлѣ, наперекоръ возраженію монтаньяровъ, собраніе рѣшило вернуть на прежнія мѣста семьдесятъ трехъ членовъ конвента, которые нѣкогда подали протестъ противъ исключенія жирондистовъ и за то были насильственно изгнаны изъ собранія и заключены въ тюрьму. Немного спустя послѣ того за оставшимися въ живыхъ членами прежней жиронды, за Ланжюине, Инаромъ, Луве и др. оиать признали депутатскія права и имъ возвратили ихъ гражданское достоинство¹⁾. Этими постановленіями конвентъ заявилъ, что онъ порицаетъ насильственный поступокъ 31. мая и 2. іюня и считаетъ его преступнымъ, что онъ намѣренъ искоренить всю систему терроризма, которой впрочемъ Франція одолжена будто бы своимъ спасеніемъ отъ чужеземныхъ войскъ, что онъ отвергаетъ и осуждаетъ всю политику горы. Понятно поэтому, что уцѣлѣвшіе еще монтаньяры, содѣйствовавшіе этой системѣ и этой политикѣ, всѣми мѣрами старались задержать все сильнѣе напиравшую реакцію. А потому конецъ 1794 и первыя недѣли наступившаго затѣмъ года изобиловали тревожными сценами и мятежными событіями. Чѣмъ сильнѣе выступала антиреволюціонная оппозиція, тѣмъ рѣшительнѣе возставали противъ враговъ террористы, въ родѣ Ромма, Дюгема, Камбона. За одно съ дѣломъ своихъ друзей они также отстаивали свое собственное. Они въ правѣ были Фрерону, Тальецу и ихъ сообщни-

Конвентъ и
террористы.

8. дек. 1794.

1) Въ этихъ преніяхъ вновь заговорилъ Сіесъ. Въ пору терроризма онъ замолкъ; когда его спросили, что онъ дѣлалъ въ это время, то Сіесъ отвѣтилъ: «я жилъ». Этому ловкому аббату скоро удалось составить особую партію, которая прозывалась независимою и занимала среднюю между монтаньярами и жирондистами.

камъ указать на ихъ искаженный обликъ и спросить, оттого ли эти менѣе виновны, что покинули знамя и перешли въ непріятельскій станъ? Они въ правѣ были умѣренными членами конвента, которые изъ страха передъ комитетомъ общаго блага и изъ раболѣбства предъ Робеспьеромъ и его сообщниками участвовали во всѣхъ декретахъ, заявить, что члены теперь разрушаютъ собственное свое твореніе, отрекаются отъ прошлаго законодательства, отъ правоспособности и приобрѣтенія всей революціи. Стараясь очиститься отъ соучастія въ терроризмѣ, они теперь тѣмъ ревностнѣе ударились въ противоположное направленіе.

Бурныя рѣчи въ залѣ собранія обострялись и оживлялись адресами и докладами, какіе поступали изъ провинцій, частью отъ оскорбляемыхъ и гонимыхъ мѣщанскихъ классовъ, частью отъ демократической партіи патриотовъ: первые сѣтовали на причиняемыя имъ террористами бѣдствія и напасти, просили о возвратѣ отобраннаго у нихъ имущества и о прекращеніи продолжавшагося еще мѣстами гнета; послѣдняя же жаловалась на то, что выселившіеся государственные измѣнники возвращаются толпами и требуютъ назадъ отчужденную ихъ собственность, что аристократы и роялисты вновь заносчиво поднимаютъ чело. Всѣ эти просьбы, представленія и жалобы возбуждали соотвѣтственный отзывъ въ конвентѣ, однако симпатія къ революціи явно были въ ущербѣ. Вандейцы, которые вооружились на борьбу за престолъ и за алтарь и послѣ казни Людовика XVI. признали королемъ молодого дофина, еще до окончанія этого года широко амнистіей всѣмъ, кто въ четыре недѣли сложитъ оружіе, были избавлены отъ революціонныхъ гоненій, благодаря чему добились умиротворенія. Съ мятежниками въ Вандеѣ и Бретани, которыхъ до сихъ поръ признавали лишь разбойниками и бандитами, стали обращаться словно съ самостоятельной воюющею державою. И дѣло дѣйствительно дошло до соглашенія въ Ла-Жонэ, въ силу котораго инсургенты обязаны были признать республику и за то сохранять свои права и провинціальныя особенности. Только антипатія Вандейцевъ и шуановъ, въ особенности вождей Стоффлета и Корматена, къ республиканскимъ учрежденіямъ, потомъ еще подстрекательства священниковъ и проживавшихъ въ Англии эмигрантовъ продлили войну, пока весь край не изнемогъ окончательно. Вслѣдствіе этого и Шареттъ, который охотно согласился бы на предложенный миръ, доведенъ былъ до гибели.

Вѣдственное состояніе и свое дѣло о судебномъ слѣдствіи арестованныхъ патриотовъ общественной жизни въ Парижѣ. Въ зимніе мѣсяцы, въ теченіе которыхъ коммиссія завершала пятаго комитета общаго блага, предстала мрачная картина бѣдствій, общественной неурядицы, возбужденнаго умственного и душевнаго настроенія, какія причинилъ готовый теперь стечь революціонный потопъ. Нигдѣ, а въ Парижѣ и подавно, не хватало съѣстныхъ припасовъ и топлива: хлѣбопашество вслѣдствіе всеобщаго набора было запущено, а мѣса въ общинахъ опустошались самоуправствомъ черни; бумажныя деньги все болѣе падали въ цѣнѣ, тѣмъ болѣе что помимо чрезмѣрнаго количества ассигнаатовъ изготовленнаго правительствомъ, они вслѣдствіе поддѣлокъ

за границею размножились до несмѣтнаго количества; дѣйствительная цѣнность, за которую крестьяне и ремесленники принимали ихъ въ уплату за свой товаръ, состояла въ самомъ несообразномъ отношеніи къ номинальной цѣнѣ. Назначенная наивысшая или постоянная цѣна за хлѣбъ, какая во время террора изъ страха передъ плахой или галерой соблюдалась хоть сколько нибудь, теперь, когда миновалъ страхъ, стала пустымъ звукомъ, такъ что наконецъ необходимо было отмѣнить понудительный тарифъ, вслѣдствіе чего бѣдствіе усилилось. На рынокъ поставлялось мало хлѣба, булочныя не успѣвали удовлетворять требованью; подвозъ извнѣ былъ отрѣзанъ; голодъ, дороговизна, холодъ довели до бѣдствія и отчаянья низшіе классы народа, которые теперь лишились получаемой прежде поддержки отъ общины и правительства. Раздавались голоса, желавшіе вернуть «золотой вѣкъ» Робеспьера. А роскошь и наслажденія, какія вновь обнаружили у знатныхъ и богатыхъ людей, представили тѣмъ еще болѣе рѣзкую противоположность этой нужды. Долго томилась страхомъ передъ гильотиною, часто лицомъ къ лицу встрѣчались съ блѣднымъ призракомъ смерти, такъ что теперь съ тѣмъ еще сильнѣйшею алчностью спѣшили насладиться прелестью спасеннаго бытія. Театры, балы, празднества всякаго рода то и дѣло смѣнялись одни другими; идеи о свободѣ и подражаніе античному быту и античнымъ формамъ, какія пронизали въ общественную жизнь, отразились также въ платьяхъ, модахъ и общественныхъ сношеніяхъ. Натянута чопорность и свѣтская манерность стараго времени исчезли съ нимъ за одно. Какъ въ государствѣ и искусствѣ, такъ и въ одеждѣ и нравахъ вернулись къ естественности и простотѣ; Руссо, греческая и римская древности и тутъ также послужили прототипами.

Женщины стали носить платье, сказано у Тера, которое пытались сдѣлать античнымъ согласно духу времени и картинамъ Давида. Пудра и филы были давно покинуты; онѣ носили банты въ волосахъ и покрой ихъ одежды по возможности подходилъ къ простой туникѣ греческихъ женщинъ. Это была просто нарядка изъ тонкой матеріи, которая едва прикрывала наготу. Обувь походила на сандали древнихъ статуй. *Аделаида Талменъ* слыла очаровательной красавицею сезона, новою Аспазіей, салонъ ея служилъ сборнымъ мѣстомъ всей „современной аристократіи“; тутъ дорогимъ гостемъ былъ также либеральный рыцарь Карлетти, тосканскій посланникъ, который заключилъ миръ между великимъ герцогомъ и республикой. Помимо Талменъ своей граціей и прелестью блистала также молодая вдова казначейнаго генерала *Богарне*, рожденная на Мартиникѣ дочь капитана Талпера де-ла-Пажери. Тутъ межъ любовными интригами и пирами занимались высшею политикою. Кокетство, чувствительность и свѣтская вѣжливость оиъ проявились въ новомъ облаченіи. Остроумная дочь Неккера также прибыла въ Парижъ съ своимъ мужемъ, барономъ *Сталемъ*, который по признаніи республики шведскимъ правительствомъ назначенъ былъ посланникомъ во Францію. Противоположности исполненнаго борьбы и кризиса

времени никогда еще не проявлялись такъ рѣзко, какъ въ первые мѣсяцы 1795 года: въ конвентѣ—борьба партій не на животь, а на смерть; на улицахъ—голодные и замерзшія существа, осаждавшія съ ранняго утра булочныя; въ салонахъ и по увеселительнымъ мѣстамъ—легкомысленное буржуазно-аристократическое общество, которое наслаждалось спасенною жизнью и пыталось искоренить якобинскій терроризмъ въ послѣднихъ его посителяхъ, съ тѣмъ чтобы на его развалинахъ самому добиться власти и вліянія.

Отчаянный ус-
ловъ террори-
стовъ.

Въ первыхъ числахъ марта Парижъ находился въ сильной тревогѣ: въ предмѣстьяхъ якобинцы вновь обнаружили лихорадочную дѣятельность, съ цѣлью возбудить голодныхъ рабочихъ къ революціоннымъ заявленіямъ и возстаніямъ. Конвентъ закрылъ клубъ и родственное ему демократико-коммунистическое общество избирателей съ Гракхомъ Бабёфомъ во главѣ, отмѣнилъ наивысшія цѣны, вновь принявъ въ свою среду жирондистовъ и ихъ соучастниковъ, уничтожилъ праздникъ 31. мая; мало того, коммисія завершила свой докладъ, гдѣ въ цѣломъ рядѣ рѣзкихъ очерковъ изображалась вся тиранія революціонныхъ комитетовъ, постановивъ предать четверыхъ комиссаровъ революціонному суду и содержать ихъ въ тюрьмѣ до окончательнаго приговора. Опасность, угрожавшая «великимъ виновникамъ», встревожила всю партію горы; если ихъ накажутъ, то очередь дойдетъ также до другихъ. А потому террористы и якобинцы напрягли все силы, лишь бы задержать реакціонный потокъ. Приверженцы старой системы въ конвентѣ всеми средствами ратовали за обвиняемыхъ патриотовъ, бывшіе члены комитета общаго блага, непричастные преступленіямъ его вожаковъ, Карно, Линде, Пріёръ, съ великодушною настойчивостью требовали, чтобы и ихъ подвергли участи сотоварищей; а въ то же время якобинскіе единомышленники дѣйствовали уже въ комитетахъ и декадныхъ собраніяхъ демократическихъ секцій, съ тѣмъ чтобы соорудить новое народное возстаніе въ духѣ прежней коммуны.

Мятежные вы-
ходы и под-
цѣпскія
заговоры.

Отчаянье низшихъ классовъ народа вслѣдствіе дороговизны състныхъ припасовъ, возрастающаго упадка ассигнатовъ, недостаточнаго подвоза хлѣба и муки, пришлось какъ разъ подъ стать политическимъ пронкамъ. Какъ ни старался выполнить свои обязанности Боасси д'Англасъ, которому поручили трудное дѣло прокормленія столицы, однако задача превысила его силы, и воли голодныхъ пролетаріевъ, въ особенности женщинъ, разносились по улицамъ и бѣднѣйшимъ кварталамъ. Въ половинѣ марта стало еще шумнѣе. Народная толпа изъ двухъ демократическихъ предмѣстій явилась въ палату національнаго собранія, требуя отъ имени ихъ секцій устранить голодовку. По поводу этого Лекюантръ изъ Версаля, который съ досады на то, что жирондистовъ вновь пришли въ конвентъ, перешелъ къ партіи горы, предложить, чтобы возстановили конституцію 1793 года. Известно, что монтаньяры во время ихъ преобладанія сами устранили ее съ цѣлью управлять съ диктаторскою властью; теперь же, когда власть перешла въ другія руки, они настаивали на возстановленіи этой демократико-республиканской конституціи. Но развѣ собраніе

въ его антидемократическомъ направленіи могло признать законнымъ государственнѣй уставъ, которымъ опять возстановлялась коммуна, народу предоставлялось неограниченное право образованія обществъ и въ иныхъ случаяхъ даже инсurreкціи, а пролетаріямъ открывалась возможность пропитаться на счетъ государства? Съ тѣмъ чтобы выиграть время, поручили коммисіи обсудить это предложеніе. Нѣсколько дней спустя послѣ того явилась новая депутація изъ Антуанскаго предмѣстья съ просьбою о болѣе широкомъ подвозѣ хлѣба и о введеніи конституціи 1793 г. Она сопровождалась несмѣтною толпою мужчинъ и женщинъ. Пока депутація излагала свои требованія, а президентъ Тибодо возражалъ, «что онъ отъ такихъ сильныхъ и искреннихъ защитниковъ свободы никогда не ожидалъ подачи такой лукаво внушенной просьбы», въ то же время наружу, въ Тюльерійскомъ саду, по дворамъ и на сосѣднихъ улицахъ якобинская толпа затѣяла сильную схватку съ золотою молодежью. По воздуху неслись дикіе крики, удары и неистовыя вопли. По этому поводу Сіесъ предложилъ «законъ высшей полиціи», въ силу котораго конвентъ и его вѣдомства охранялись бы отъ всякаго насилія, мятежники подвергались бы ссылкѣ и собранію предоставлялось бы право, въ случаѣ опасности перенести свои засѣданія въ Шалонъ. Не смотря на сильное сопротивленіе революціонеровъ, этотъ новый «марціальный законъ» былъ принятъ большинствомъ. Требованіе же о возстановленіи конституціи 1793 г. было отклонено предложеніемъ Лежандра, вслѣдствіе чего коммисія поручила разработать необходимые для введенія ея исполнительные законы, что равнялось преобразовательной ревизіи. Увѣреніе президента въ томъ, что онъ никогда не согласится на конституцію, которая вновь предала бы національное собраніе власти якобинцевъ и парижской ратуши, было вполне въ духѣ большинства.

21. марта
1795.

Съ этихъ поръ Парижъ находился въ небывалой съ 9. термидора тревогѣ. Засѣданія конвента, гдѣ обсуждалась участь обвиненныхъ, преобразились, вслѣдствіе шумныхъ сценъ наружу, волненія и возгласовъ партій по галереямъ, яростныхъ взрывовъ сторонниковъ въ самой залѣ, въ арену дикихъ страстей. Монтаньяры всеми силами противились наказанію «великихъ преступниковъ», какъ роялисты и умѣренные называли обвиненныхъ, и требовали, чтобы все члены бывшаго комитета общаго блага подлежали одному и тому же суду; въ залу собранія изо дня въ день приходили депутаціи изъ предмѣстій и демократическихъ секцій, требуя освобожденія арестованныхъ патриотовъ, устраненія голода и возстановленія конституціи девяносто третьяго года; все это сопровождалось громкими воплями о хлѣбѣ мужчинъ и женщинъ въ проходахъ и по галереямъ. Эти мятежныя заявленія поддерживали въ теченіе цѣлой недѣли чрезвычайное возбужденіе въ Тюльери и въ столицѣ. Въ другихъ городахъ совершались подобныя событія, чѣмъ и подтвердилось, что якобинскій клубъ все еще поддерживалъ тайныя сношенія. Высшей степени эти революціонныя происшествія достигли тридцать перваго марта и перваго апрѣля, или по республиканскому календарю, 11. и 12. жерминаля. Но съ тѣхъ поръ какъ смѣлые демагоги сошли съ поприща, время терроризма и тираніи черни миновало. Лишен-

Возстаніе
жерминаля.

ныя плана и энергическихъ предводителей, безпутныя пародныя скопища были уже не опасны и не такъ страшны. На основаніи новаго полицейскаго закона конвентъ вызвалъ національныхъ гвардейцевъ изъ кварталовъ, населенныхъ болѣе достаточными гражданскими классами, и поручилъ команду надъ войсками въ столицѣ находившемуся какъ разъ въ Парижѣ генералу Пишегрю; онъ скоро разогналъ мятежныя скопища. На другой уже день Пишегрю могъ объявить собранію, что порядокъ и спокойствіе возстановлены. Конвентъ нѣсколько часовъ подрядъ противился натиску, и, не уступая никакимъ угрозамъ, вовсе не пустилъ требованье патриотовъ на голоса; а теперь онъ безъ помѣхи могъ докончить свои дѣла. Четверо обжалованныхъ членовъ комитета общаго блага, составлявшихъ недавно еще ужасъ націи, Бареръ, Колло д'Эрбуа, Бильо-Варенъ и Ваде приговорены были къ ссылкѣ. Бареръ и Ваде, впрочемъ, успѣли бѣжать; Колло на другой же годъ умеръ отъ горячки; Бильо-Варенъ послѣ многихъ лѣтъ кончилъ жизнь на Санъ-Доминго, до конца вѣрный своимъ якобинскимъ принципамъ. Такъ какъ во время преній многіе монтаньяры своими поступками и рѣчами оскорбили президента и большинство, то самыхъ рьяныхъ членовъ партіи, пылкаго Дюгема, котораго народъ въ предмѣстьи называлъ «щитомъ санкюлотизма», Леонарда Бурдона, Рюампа, Амара, Гюгёта, Менье и др. арестовали какъ совинниковъ возстанія и отвели въ замокъ Гамъ. Нѣсколько дней спустя, когда вѣсти объ одновременныхъ возстаніяхъ въ другихъ городахъ обнаружили якобинскій заговоръ, партія горы была объявлена очагомъ и средоточіемъ мятежныхъ происковъ, и остальные члены, между прочимъ Тюро, Камбонъ, Левассеръ, Моисъ, Бэль, Гране, Генцъ, свирѣпый проконсулъ Вандеи, были также отведены въ тюрьму. Къ нимъ присоединили и Лемуантра, который опять всецѣло предался монтаньярамъ.

2. низверженіе террористовъ. заключенные въ тамплъ.

Контрреволюционные предзнаменования.

Неудачное возстаніе во время Жерминаля было тяжкимъ пораженіемъ партіи горы; она однако все-таки не отреклась отъ своей оппозиціи. Попятное движеніе, какое обнаружилось во всей странѣ и превзошло даже ожиданія республиканскаго правительства въ конвентѣ, придало ему новыя силы. По прекращеніи терроризма народъ сталъ все болѣе и болѣе пренебрегать вышедшими въ дни Робеспьера постановленіями и законами и вернулся къ правамъ, привычкамъ, житейскимъ формамъ стараго времени. Въ очень многихъ приходяхъ жители самовластно возстановили католическое богослуженіе, церквямъ придано вновь первоначальное ихъ назначеніе, неприсягавшіе священники призваны для церковной службы. Когда республиканскіе чиновники и комиссары сопротивлялись этому, то граж-

дане ссылались на принципъ народнаго самодержавія и человѣческихъ правъ, въ силу котораго противодѣйствію всякой тираніи составляетъ ихъ долгъ и право; наконецъ конвентъ уступилъ настолько, что разрѣшилъ пользоваться церквями для общественнаго богослуженія и призналъ священниковъ, которые просто заявили о своемъ подчиненіи государственнымъ законамъ. На республиканскій календарь съ его декадами и праздниками санкюлотовъ обращалось мало вниманія; да развѣ крестьяне и граждане могли отрѣшиться отъ воскресенья, отъ воспоминаній и домашнихъ привычекъ своей молодости? Дикія пѣсни и пляски революціоннаго времени, Карманьола, Сага, даже Марсельеза все болѣе устранялись, частью даже порицались: золотая молодежь и среднее сословіе дѣйствовали все рѣшительнѣе; отваживались даже говорить о реставраціи королевской власти; вѣдь молодой дофинъ былъ еще живъ, и инсургенты Вандеи и шуаны въ Бретани ратовали подъ королевскимъ знаменемъ. Возвратившіеся во свояси эмигранты завязали обширныя сношенія съ выселившимися принцами. Хотя конвентъ съ термидора измѣнилъ свой характеръ, однако къ его имени пристало черезчуръ ужъ много кровавыхъ воспоминаній, такъ что онъ былъ постояннымъ предметомъ ненависти и затаенныхъ проклятій. Стали громкогласно требовать, чтобы возвратили конфискованное имущество эмигрантовъ, если только они не воевали противъ Франціи; а спасались лишь отъ террора, отъ политическаго и религіознаго гоненія,—чтобы имущество казненныхъ передали ихъ родственникамъ,—чтобы даже изъ церковныхъ имуществъ выдали столько, сколько необходимо для отправленія службъ и церковныхъ требъ. Но захваченныя имѣнія составляли вѣдь главную основу національнаго имущества, ипотеки ассигнатовъ? не рухнетъ ли государственный кредитъ окончательно отъ тайной мѣры? не окажется ли тогда безвыходнымъ гнетущее финансовое затрудненіе? Республиканское правительство всѣми силами возстало противъ подобныхъ покушеній. Декретомъ постановлялось, чтобы изъ списка эмигрантовъ имя исключалось только по приговору конвента. А все-таки необходимо было подумать объ исцѣленіи самыхъ сильныхъ ранъ терроризма. Въ январѣ уже правительство взяло на себя долги тѣхъ эмигрантовъ, имущество которыхъ оно захватило; а въ маѣ конвентъ былъ вынужденъ ограничить конфискацію немногими случаями государственной измѣны и имущество казненныхъ во время террора по политическимъ причинамъ возвратитъ ихъ семействамъ. Съ этой поры во всей Европѣ безнравственность конфискаціи признавалась общественною совѣстью. Но именно вслѣдствіе такого отклоненія отъ системы терроризма Франція все болѣе и болѣе вовлекалась въ финансовое разстройство. Ассигнаты въ повседневномъ обиходѣ упали до крайне низкой цѣны, а правительство при сборѣ пода-

25. апрѣля 1795.

3. мая.

тей все-таки обязано было принимать ихъ по номинальной цѣнѣ, такъ какъ и само оно тѣмъ же порядкомъ расплачивалось съ своими чиновниками и кредиторами государства. Крестьяне и мѣщане обогащались; они за дорогую цѣну продавали свои произведенія и свой трудъ, задешево скупали захваченныя имѣнія эмигрантовъ и церквей, выплачивая по купчей ассигнатами. Долги, аренда, частныя обязательства погашались бумажными деньгами.

«Бѣлый терроръ» на югѣ. Какъ бы, впрочемъ, правительство конвента не пыталось устранить и сгладить жестокости прежняго терроризма, однако оно не смогло уговорить или сдержать возникшую контрреволюцію: родственники «мятежниковъ», убитыхъ террористами и ихъ прислужниками въ южныхъ и западныхъ провинціяхъ, явные и тайные роялисты, вернувшіеся эмигранты, неприсяжные священники, агенты проживавшихъ за границею князей и дворянъ,—все эти несмѣтные противники республиканскаго правительства составляли легионъ противоборствовавшихъ элементовъ, который мѣстами бралъ верхъ надъ администраціей, надъ комиссарами и организовалъ «бѣлый терроръ». Въ Лионѣ, Авиньонѣ, Марсели и Тулонѣ, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде совершали свои злодѣянія революціонные изверги и ихъ пособники, противная партія возстала теперь, пылая местию, и своимъ ужаснымъ возмездіемъ не уступала республиканскимъ фанатикамъ. Народныя шайки организованными ватагами стали опять проникать въ тюрьмы и дикимъ народнымъ судомъ отправляли на тотъ свѣтъ заарестованныхъ соучастниковъ Колло, Фрерона, Менье. Въ Лионѣ неистовая толпа въ свирѣпой ярости избивала девяносто девять заключенныхъ террористовъ; въ Авиньонѣ кровавая месть обратилась противъ убійцъ въ ледяной ямѣ; въ Э фанатическая шайка ворвалась въ тюрьму и на глазахъ у комиссара конвента Шамбона умертвила тридцать заключенныхъ. Въ Таррасконѣ бросали несчастныхъ съ высокой башни на острые утесы берега Роны. Такія же злодѣянія совершались въ Марсели. «Дѣти солнца» или «товарищество Иисуса», какъ прозывались ватаги мстителей, порывались ускорить медленный ходъ судопроизводства. Въ Тулонѣ болѣе ста заключенныхъ были убиты картечью или сожжены заживо. Все грознѣе и мятежнѣе раздавалась рѣчь оппозиціонныхъ журналовъ, Марать и Геберъ вновь возстали изъ гроба, но удары ихъ направились въ противоположную сторону. Во всей южной Франціи жестоко преслѣдовали якобинцевъ и патриотовъ; народный фанатизмъ вновь воспылалъ злобою второй Варооломеевской ночи. Эти ужасы сопровождалась развратомъ и дикою похотью, такъ что Луи Бланъ все дѣло «бѣлаго террора» сравниваетъ съ пляскою мертвецовъ у Гольбейна. Попытка якобинцевъ въ Тулонѣ, возстаніемъ отразить реакцію, кончилась совершеннымъ подчищеніемъ города.

Однако, якобинизмъ не былъ еще окончательно подавленъ или лишенъ бодрости, такъ что онъ могъ попытаться еще разъ остановить реакціонный потокъ, вновь вдохнуть жизнь и силу изнемогавшей власти революціи. Конвентъ въ большинствѣ все еще состоялъ изъ республиканцевъ, хотя и разныхъ оттѣнковъ. Неужели же имъ стоило дожидаться, чтобы враги исторгли у нихъ власть и господство? Даже Тибодо, который отрекся отъ своихъ прежнихъ демократическихъ принциповъ и сталъ выдающимся вождемъ умѣренной партіи, настаивалъ, чтобы въ комитетѣ общаго блага опять сосредоточили полную правительственную власть для подавленія вновь возникшей анархіи и положили предѣлъ необузданной печати. Партія горы и вся лѣвая сторона все еще образовали значительную составную часть національнаго собранія. Еслибъ удалось опять доставить перевѣсъ этимъ элементамъ, то при господствовавшихъ условіяхъ демократія, пожалуй, еще разъ поднялась бы. Якобинцы воспользовались мирными переговорами въ Базелѣ, съ которыми ознакомимся въ слѣдующемъ отдѣлѣ. Заключеніе мира съ монархическими державами они сочли измѣною принципамъ революціи и народодержавнымъ идеямъ. Но демагогическимъ проискамъ въ столицѣ пуще всего пришлось на руку нескончаемая дороговизна съѣстныхъ припасовъ, скудный подвозъ хлѣба и муки изъ заграницы, вслѣдствіе чего бѣднѣйшее населеніе доходило до отчаянья. Обитатели предмѣстій жадно внимали подстрекающимъ рѣчамъ якобинцевъ, которые возобновеніе Робеспьерова времени признавали единственнымъ выходомъ изъ гнетущаго бѣдствія и предстоявшаго угнетенія врагами республики. Всѣхъ дѣятельнѣе оказались депутаты Гужонъ и Бурботъ, къ которымъ пристали ускользнувшіе изъ заключенія монпаньяры Тюро и Камбонъ.

Такъ дѣло дошло до новаго великаго народнаго мятежа 1. преріала, послѣдняго демократическаго возстанія въ духѣ терроризма. Созванныя барабаннымъ боемъ и гуломъ набатныхъ колоколовъ толпы черни съ раннего утра скоплялись въ предмѣстьяхъ; снаряженные кошками и другими оружіями, онѣ потянулись къ залѣ собранія; а тамъ въ галереяхъ и проходахъ толпились шумѣвшія женщины и всякая сволочь; бушующими дикими волями онѣ прерывали совѣщанія членовъ конвента, и не давали имъ ходу. Подобно тому, какъ 12. жерминаля поводомъ къ задуманному государственному перевороту служила бурная петиція, въ которой опять требовали освобожденія патриотовъ, хлѣба и конституціи девяностотретьяго года. Подъ гнетомъ вломившейся черни монпаньяры надѣялись достичь своей цѣли и, опираясь на мнимые декреты конвента, захватить власть. Престарѣлый слабый президентъ Вернье не могъ помѣшать тому, чтобы тревожнымъ голосованіемъ подъ шумъ толпы не были приняты нѣкоторыя изъ постановленій въ смыслѣ петиціи, всилу

Возстаніе преріала. 1. преріаль. 20 мая 1795.

которыхъ монтажеры быстро избрали изъ своей среды исполнительный комитетъ. Но вотъ большинство провозгласило президентомъ стойкаго, мужественнаго и энергическаго Буасси д'Англаса; онъ рѣшительно возсталъ противъ всѣхъ бурь и угрозъ. Депутатъ Феро послѣшилъ къ нему на помощь и ограждалъ своимъ тѣломъ жизнь, которой угрожала неистовая чернь; онъ былъ убитъ изъ пистолета; насадивъ на копье голову, злодѣи подставляли ее къ самому лицу предсѣдателя. Ужасные часы протянулись одинъ за другимъ, а вызванная національная гвардія все еще не подходила. Граждане и золотая молодежь, болѣею частью роялистскаго настроенія, и не думали вступаться за республиканскій конвентъ. Лишь поздно вечеромъ собралось столько батальоновъ, что они въ силахъ были одолѣть инсургентовъ и выручить осажденное собраніе изъ ужаснаго положенія. За полночь уже вторглась національная гвардія и обратила нападавшихъ въ бѣгство. Затѣмъ собраніе объявило принятыя постановленія недѣйствительными и велѣло арестовать тринадцать монтажеровъ, которые болѣе всѣхъ содѣйствовали мятежу санкюлотовъ; между прочимъ Бурбота, Ромма, Гужона, Приера Марискаго, Субрани, Файана, Рюля. Опасность, однако, все еще не прошла. Инсургенты овладѣли ратушей и поставили Камбона и Тюрью во главѣ

2. преріаль. 21. марта 1795. новой коммуны. Когда же національная гвардія подѣ начальствомъ Дельма двинулась къ Гревской площади, то мятежники вновь сгучились въ Антуанскомъ предмѣстьѣ, отѣснили національную гвардію назадъ до Тюльери и навели на дворецъ и на защитниковъ пушки. Опять готовъ былъ загорѣться бой между гражданами и революціонерами. Дѣло, однако, не дошло до кровопролитія. Конвенту, котораго Лежандръ убѣдилъ остаться въ засѣданіи, удалось посулами и умиротворяющими рѣчами успокоить мятежниковъ и воздержать отъ пальбы. Обѣщали неотложно приять мѣры для доставки болѣе обильныхъ съѣстныхъ припасовъ и поручить конституціонной комиссіи въ теченіе четырехъ дней представить органическіе законы. Инсургенты удовольствовались этимъ и послѣ акта примиренія отправились во свояси.

Уголовные суды противъ террористовъ. Однако, кара послѣдовала по пятамъ за этими событіями. Конвентъ призвалъ войска изъ сѣверной арміи, которая въ связи съ столичными ратями принудили предмѣстья выдать пушки и убійцъ Феро; затѣмъ правительство обезоружило террористовъ во всѣхъ секціяхъ и подвергло національную гвардію новой организаціи, въ силу которой рабочіе, слуги, неимущіе и бродяги исключались изъ ополченія. Теперь рѣшились положить навсегда конецъ якобинскому терроризму и поразить самихъ вождей всего революціоннаго организма. Нѣсколько мѣсяцевъ уже судьямъ революціоннаго трибунала и прокурору Фукье Тенвиллю угрожалъ уголовный процессъ, который, разоблачивъ гнусное производство, какое совершалось террористами,

приводилъ всѣхъ въ ярость и негодованіе. Подсудимые были признаны виновными, Фукье Тенвилль съ пятнадцатью судьями, въ 7. мая 1795. томъ числѣ президентъ Германъ, приговорены къ смерти и, сопровождаемые проклятіями народа, отведены на эшафотъ. Революціонный трибуналъ отмѣнили; на мѣсто его поступили военные комисіи. Оттого что для совершеннаго искорененія терроризма, за которое теперь принялись, все еще нуждались въ чрезвычайныхъ судебныхъ учрежденіяхъ. Съ этихъ поръ съ неутомимою торопливостью открыли цѣлый рядъ процессовъ противъ всѣхъ коповодовъ терроризма, противъ Паша и его соучастниковъ въ военномъ министерствѣ, противъ комиссаровъ конвента, противъ членовъ правительственныхъ комитетовъ охраны и общаго блага за исключеніемъ Карно, оказавшаго услуги какъ «организаторъ побѣдъ», и двухъ другихъ,—противъ всѣхъ монтажеровъ, которые въ возстаніи 1. преріала обнаружили особенное революціонное рвеніе. Приговоръ довольно скоро послѣдовалъ. Юня 17. уже шестеро членовъ горы, Гужонъ, Роммъ, Субрани, Дюкенуа, Бурботъ и Дюруа были присуждены къ смерти, а двое другихъ къ ссылкѣ. Роммъ, Дюкенуа и Гужонъ умертвили себя въ тюрьмѣ ножомъ, который утаилъ Роммъ и умирая передалъ другимъ; остальные ихъ сотоварищи также ранили себя, но не смертельно, и всѣ трое умерли подѣ гильотиной. Та же участь вскорѣ постигла комиссара Лебона Арраскаго. Современникамъ до того опротивѣли воспоминанія о революціи, что декретомъ конвента запрещались и устранялись всякіе имена и символическіе знаки, царившіе въ дни владычества черни.

Въ умахъ нѣкоторыхъ изъ членовъ конвента возникала уже мысль о монархической реставраціи, а въ большинствѣ націи такой поворотъ былъ предметомъ самыхъ пылкихъ вождедній. Но какъ разъ въ эти дни несчастный мальчикъ, происхожденіе котораго было для него источникомъ нескончаемыхъ бѣдствій, постоянныхъ мукъ, и который по смерти отца роялистами признавался королемъ Людовикомъ XVII., избавился смертью отъ своей многострадальной участи. Разлучивъ его съ матерью и сестрой, съ нимъ стали обращаться съ разсчитанною суровостью и жестокостью въ тѣсномъ сумрачномъ помѣщеніи Тампля,—сперва грубый, отъ революціоннаго фанатизма вконецъ одичавшій якобинецъ башмачникъ Симонъ, приверженецъ и сосѣдъ Марата, потомъ,—когда онъ былъ избранъ въ муниципальный совѣтъ и казненъ вмѣстѣ съ гебертистами—двое другихъ сторожей, которые съ такою же немилосердною строгостью продолжали мучить и терзать мальчика. Для республики необходимо было, чтобы потомокъ столькихъ королей исчезъ съ лица земли; этой цѣли хотѣли достигъ нестерпимыми терзаніями, медленнымъ измореніемъ всѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ. Когда прекратился терроризмъ, то съ нимъ стали обращаться человѣчнѣе; однако термидорианцамъ

Двое королево-слихъ дѣтей.

тоже не желалось, чтобы изъ Тампля вышелъ мститель. Но королевскій отрокъ подъ гнетомъ своихъ смотрителей изъ санкиюловъ былъ уже до того надломленъ и изморенъ, что оказался неспособнымъ ни къ какому человѣчному жизне-быту. Такъ онъ и остался въ своей копурѣ, пока не постигла его смерть. Это событіе было на руку республиканцамъ въ конвентѣ: теперь графъ Прованскій, вождь вооруженной эмиграціи, былъ наследникомъ престола. Онъ и сталъ уже называться королемъ Людовикомъ XVIII.; однако съ нимъ немислимо было соглашеніе въ смыслѣ 1791 года; съ его воцареніемъ было бы связано возстановленіе старыхъ порядковъ, дворянскихъ привилегій и духовной іерархіи. А этому противилось уже большинство націи. Даже монархистамъ не было уже охоты вернуться къ ярму абсолютной королевской власти и феодализма. Вслѣдствіе тщательнаго присмотра за юнымъ Бурбономъ въ плѣну и устраненія всѣхъ чуждыхъ личностей отъ ора несчастнаго, послѣ таинственной смерти его возникли разные слухи, то объ отравленіи, то о тайномъ похищеніи и подлогѣ нѣмага мальчика одинаковаго возраста, чему многіе и вѣрили даже;—все это слѣдуетъ, конечно, приписать склонности человѣческой природы къ чудесному и мистическому. По смерти королевскаго сына конвенту не было уже никакого расчета держать въ заключеніи единственный живой еще членъ изъ семейства Людовика XVI., принцессу Марію Терезію: вѣдь дочь не могла быть опасна республикѣ. Мы скоро узнаемъ, что Испанія выдачу ее включила въ условіе мира. Предпочли однако предложить императору Францу обмѣнять его родственницу на депутатовъ, которыхъ Дюмурье нѣкогда выдалъ Австріянамъ; этотъ обмѣнъ вскорѣ и совершился на самомъ дѣлѣ

3. конвентъ и коалиція. базельскій миръ съ пруссіей и испаніей.

Во время этихъ событій внутри Франція вовнѣ одерживала одну побѣду за другой. Мы знаемъ уже, что Бельгія и лѣвый берегъ Рейна перешли во власть республиканскихъ генераловъ; лишь на рублику. Батавскую бежѣ Гельдерна появился еще разъ австрійскій корпусъ подъ командою Альвинци, для того чтобы прикрыть нижній Рейнъ. Въ осенніе мѣсяцы Пишегрю и Моро овладѣли всею линіей крѣпостей въ Сѣверномъ Брабантѣ. Бергенъ-оп-Сомъ, Бреда, Герцогенбушъ, Граве, Венлоо покорились почти безъ сопротивленія съ торопливостью, служившею свидѣтельствомъ полнаго унынія и разстройства союзниковъ, недостатка самоувѣренности въ арміи. Герцогъ Йоркскій въ декабрѣ уже покинулъ армію и вернулся въ Лондонъ, поручивъ начальство надъ англо-гановерскими войсками генераламъ Гарткурту и Вальмодену; въ средѣ голландскаго штатгальтера обнаружился такой упадокъ духа, что въ Парижѣ уже посланы были два агента, съ цѣлью

вступить съ комитетомъ общаго блага въ переговоры касательно сепаратнаго мира. И въ самомъ дѣлѣ, страна находилась въ такомъ положеніи, что надо было ожидать проявленія, подобнаго тѣмъ, какія происходили нѣкогда въ Майнцѣ и въ прирейнскихъ краяхъ. Выселенные патріоты съ предприимчивымъ Денделемъ во главѣ примкнули къ революціоннымъ войскамъ и пылали жаждою свергнуть оранское владычество: при Дюмурье уже особый батавскій легіонъ служилъ подъ французскимъ знаменемъ; въ Парижѣ находился патріотическій революціонный комитетъ, который пытался брошюрами и агентами въ городахъ и селахъ распространять идеи республиканской свободы и равноправности; вездѣ составлялись народныя общества по образцу якобинцевъ; попытка правительства, образовать ополченіе добровольцевъ, не удалась вслѣдствіе скуднаго количества охотниковъ: съ какой стати имъ присоединяться къ безпутному, негодному войску союзниковъ и валикать на себя впоследствии месть Французовъ, съ которыми они и безъ того согласовались въ житейскихъ воззрѣніяхъ? Лишь трудность похода въ перерѣзанной рѣками и каналами странѣ и бѣдственное состояніе собственной арміи, которая терпѣла недостатокъ въ амуниціи, пищѣ и во всѣхъ жизненныхъ потребностяхъ и крайне скудно снаряжалась военными припасами, удерживали французскихъ полководцевъ отъ перехода черезъ Вааль и Маасъ. Однако, сама природа благопріятствовала предприятиямъ и устранила всѣ препятствія. Въ декабрѣ и январѣ наступили сильныя морозы, и всѣ воды, рѣки, озера, каналы покрылись толстымъ льдомъ, такъ что войска, артилерія и обозъ могли пройти по нимъ какъ по твердой землѣ. Неужели же Пишегрю и служившимъ при немъ отличнымъ генераламъ, Моро, Сугаму, Макдональду, Вандамму и др. упустить такой случай для покоренія края, который сулилъ имъ обильныя пособія, въ которомъ широко распространившаяся патріотическая партія принимала ихъ съ распростертыми объятіями, а упавшій духомъ, утомившійся отъ войны врагъ едва могъ противостоятъ имъ? И такъ, Пишегрю въ рождество перешелъ по льду черезъ Вааль и въ двѣ недѣли покорилъ весь край къ югу отъ Лека. Вскорѣ перебрался онъ также черезъ эту рѣку. И вотъ генералы Гарткуртъ и Вальмоденъ съ ихъ сократившимися, изнуренными вслѣдствіе лишеній, походовъ, вялой дисциплины и упавшимъ духомъ отрядами вынуждены были среди зимы отступить черезъ Иссель и до Эмса по скудно населенной, бѣдной и враждебно настроенной странѣ; это отступленіе изобиловало и ознаменовалось бѣдствіями и невздами, трудностями и опасностями. Изъ Эмдена Англичане успѣли перебраться на родину и предоставили голландскіе генеральныя штаты ихъ участи. Наслѣдный штатгальтеръ, Вильгельмъ V., котораго сильно не взлюбили съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ утверждёнъ прусскими войсками и расширилъ съ ихъ помощью

свои державныя права, съ своей семьей также переѣхалъ на рыбачей баркѣ въ дружественное островное королевство и предаль страну своихъ предковъ Французамъ. Послѣдніе въ январѣ уже совершили торжественное вступленіе въ главные города, Амстердамъ и Гаагу. Усиленные и ободренные возвратившимися бѣглецами, комитеты и клубы патриотовъ захватили власть и приняли мѣры для основанія Батавской республики съ помощью и по образцу Франціи. Благодаря разумной умѣренности французскихъ вожаковъ и новыхъ властителей въ Парижѣ, вся страна покорилась почти безъ боя и признала новый порядокъ вещей; даже неизмѣнно настроенная въ пользу оранскаго дома провинція Зеландія съ военнымъ флотомъ примкнула послѣ недолгаго обсужденія; въ февралѣ генералы Моро и Сугамъ заняли фрисландскія мѣстности между Исселемъ и Эмсомъ. Итакъ, богатая страна съ ея сокровищами, кораблями, гаванями и колоніями присоединилась къ республиканской Франціи. И тутъ также насаждались деревья свободы, объявлялись человѣческія права и другія пріобрѣтенія революціи, основались республиканскія общества, правленіе вездѣ поручалось патриотической партіи и устроивалось по французскому образцу. Штатгальтерское достоинство и санъ великаго пансіонарія были отмѣнены, самодержавная власть вручалась избранному всѣми провинціями народному представительству, управленіе и судопроизводство въ духѣ національнаго самоопредѣленія исполнялись муниципалитетами, магистратами и судебными комитетами, прежнее раздѣленіе страны замѣнилось департаментскою системою. Однако Голландцамъ скоро пришлось испытать всѣ невыгоды такого львиного союза. Голодные и оборванные войска надлежало прокормить, одѣть и содержать на жалованьи; по заключенному 16. мая въ Гаагѣ союзному договору съ Франціей за послѣднее обезпечивалось свободное судоходство по водамъ и право пользоваться гаванями; сверхъ того она пріобрѣла сто милліоновъ гульденовъ въ вознагражденіе военныхъ издержекъ, голландскую Фландрію съ Маастрихтомъ и гарнизонное право въ важнѣйшихъ крѣпостяхъ; а между тѣмъ какъ при новомъ республиканскомъ правленіи съ его французскими въ конецъ изнурявшими край защитниками истощалась государственная казна и разстроивались финансы, въ то же время Англичане, признавъ съ этой поры соединенную съ Франціей «Батавскую республику» враждебною державою, не только захватили купеческіе корабли Голландцевъ и ограничили или уничтожили ихъ рыбныя ловли, но присвоили себѣ также большую часть ихъ отдаленныхъ поселеній. Соединившись съ Франціей и учредивъ нераздѣльную Батавскую республику, Голландское государство лишилось своей самостоятельности и своего прежняго историческаго значенія.

16. мая 1795.

Мирное настроеніе въ Берлинѣ.

Присоединеніе Голландіи къ французской республикѣ нанесло европейской коалиціи сокрушительный ударъ. Не только военныя и де-

нежныя силы богатаго государства утратились для союзниковъ и перешли къ непріятелю, но этимъ расширилась также нуждавшаяся въ оборонѣ порубежная область, на что потребовались еще большія усилія. Пруссія, силы которой были совсѣмъ истощены двойною борьбою на Вислѣ и при Рейнѣ, не въ мочь было бороться съ такими новыми препятствіями? А отъ мелкихъ нѣмецкихъ имперскихъ чиновъ, которые давно уже томилась войною и въ Регенсбургѣ упорно настаивали на заключеніи мира съ Франціей, печого было ждать или требовать дальнѣйшихъ жертвъ. Национальный духъ, чувство доблестной имперской политики давно исчезли въ кругу нѣмецкихъ князей: всякій помышлялъ только о своей выгодѣ, о томъ, какъ бы охранить собственную область и старался спасти все, что можно изъ предстоявшаго крушенія распадавшейся имперской системы. Въ зимніе мѣсяцы 1794—1795 въ берлинскихъ придворныхъ и министерскихъ кружкахъ господствовала сильная тревога: мы знаемъ, что оба императорскіе двора поддерживали между собою тѣсное согласіе въ отношеніи Польши и Турціи. Въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ вернулись къ прежней политикѣ Іосифа II.: притязанія Пруссіи надлежало отринуть или ограничить, Россія и Австрія обязались помогать другъ другу въ расширеніи своихъ владѣній. Оттого-то въ Берлинѣ все сильнѣе укоренялось недовѣріе къ враждебной политикѣ Тугута: министрамъ прежде всего хотѣлось развязаться съ коалиціей. Продолжая войну съ Франціей, необходимо значительными войсками защищать отъ напиравшаго изъ Голландіи врага герцогство Клеве и Вестфалію, а сверхъ того Пруссіи приходится еще отстаивать отъ завистливыхъ враговъ свои интересы на востокѣ и силою оружія поддерживать свои притязанія. Вѣдь съ той поры, какъ восторжествовала революція и голова короля пала подъ гильотиной, война съ Франціей утратила свою первоначальную цѣль. Самые вліятельные государственные мужи въ Берлинѣ, Гаугвицъ, Лукезини, Альвенслебенъ, были за возможно скорѣйшее заключеніе мира съ Франціей, объ условіяхъ котораго графъ Гольцъ велъ уже переговоры съ уполномоченнымъ французской республики, Франсуа Бартеlemi. Однако, не легко было сломить на эти предложенія короля. И дѣйствительно, хотя съ польской кампаніи въ немъ и замѣчался упадокъ силъ, возбуждавшій въ немъ въ связи съ тѣлесными недугами и мрачнымъ настроеніемъ желаніе покоя и мира; однако онъ не могъ примириться съ мыслью, чтобы прусскій король вступилъ въ сношеніе съ республиканскимъ конвентомъ, чтобы онъ измѣнилъ императору и имперіи. Со стороны Англии пытались поддержать это настроеніе. Генри Спенсеръ посулилъ графинѣ Лихтенау значительную сумму, если она отсовѣтуетъ отъ мира; предложеніе это было отринуто. Мало по малу удалось преодолѣть отвращеніе Фридриха Вильгельма; мнѣніе министровъ и полководцевъ, истощеніе государственной казны, не-

приятныя вѣсти изъ Польши,—всѣ эти и другіе доводы понуждали къ миру. Ему внушили, что вѣдь отрасль габсбургскаго дома, тосканскій эрцгерцогъ Фердинандъ, вошелъ уже въ мирное соглашеніе съ комитетомъ общаго блага, что испанская бурбонская линія готова приступить къ тому же, и слѣдовательно монархическая солидарность, подъ эгидію которой два года тому назадъ началась кампанія, теперь уже рушилась. Эти доводы подѣйствовали; Фридрихъ Вильгельмъ согласился заключить сепаратный миръ; легационному совѣтнику Гарниеру поручили отправиться изъ Базеля въ Парижъ, съ тѣмъ чтобы вступить въ непосредственные переговоры въ этомъ смыслѣ. Его приняли съ радушною угодливіостью. Находившіеся съ Э. термидора во главѣ правленія дѣятели были убѣждены въ томъ, что по окончаніи всеобщей борьбы надежнѣе всего можно будетъ возстановить твердый порядокъ внутри, что страхъ наводившій призракъ нашествія иноземцевъ всегда служилъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ средствъ агитаціи въ рукахъ мятежной партіи.

Конвентъ и
поллиція.

Мартъ 1795.

Какъ въ Парижѣ, такъ и въ Базелѣ, отдѣленіе Пруссіи отъ военнаго союза скоро стало дѣломъ рѣшеннымъ, особенно когда по смерти графа Гольца уполномоченнымъ въ швейцарскій прирейскій городъ посланъ былъ министръ франкскаго края, Гарденбергъ (стр. 478), образованный, остроумный, ловкій дипломатъ съ привлекательными приемами. Долго не могли согласиться лишь касательно вопроса, въ какой формѣ и на какихъ условіяхъ должно исполниться это отдѣленіе. Пруссія прежде всего требовала только перемерія, чтобы приготовить присоединеніе мелкихъ князей къ заключенію договора, Франція же настаивала на утвержденіи мира и союза; комитетъ общаго блага главнымъ условіемъ поставилъ уступку завоеванныхъ областей по лѣвому берегу Рейна, тогда какъ Гарденбергу хотѣлось бы территоріальный вопросъ отложить до будущаго всеобщаго умиротворенія и за крѣпостью Майнцомъ обезпечить нейтральное положеніе. Нѣсколько разъ расходились такъ круто, что грозили возобновить военныя дѣйствія. Эти угрозы, впрочемъ, были не слишкомъ настойчивы: умѣренная партія въ конвентѣ, только что низвергнувъ возстаніе террористовъ и опасаясь роялистской реакціи, нуждалась въ мирѣ, такъ же какъ и прусское правительство, для того чтобы передохнуть и собраться съ силами. Кто могъ поручиться берлинскому кабинету, что Тугутъ не предупредитъ его заключеніемъ мира съ Франціей, съ цѣлью тѣмъ скорѣе захватить добычу на востоцѣ? Не даромъ прошелъ слухъ о такомъ замыслѣ. Въ Англіи такъ же стали склоняться къ миру. Говорили даже, будто Питтъ навѣдался въ Парижѣ о томъ, какъ тамъ настроены въ этомъ отношеніи. Итакъ, національный конвентъ въ два года достигъ такого могущества, что коалиція у него на глазахъ разбилась на части, а монархическая Европа, не только не успѣла разрушить очагъ револю-

ціи и предохранить остальные государства отъ всякой заразы, но сама даже добивалась мира и дружбы съ республикой. Съ Бельгіей стали уже обращаться какъ съ завоеваннымъ краемъ, а Голландія преобразилась въ демократическую республику по французскому образцу и подъ покровительствомъ парижскихъ властителей: и вотъ теперь прекрасный рейнскій край, эта жемчужина имперіи, также готовъ перейти во власть французской республики,—мечтѣ, за которою нѣсколько вѣковъ уже гонялась старая Франція, суждено осуществиться при молодой! И въ самомъ дѣлѣ, не смотря на то, что прусскіе дипломаты въ Базелѣ и Берлинѣ сильно возставали противъ уступки областей по лѣвому берегу Рейна, однако парижскій комитетъ ни на пядь не отступалъ отъ своихъ требованій. Все, чего могъ добиться Гарденбергъ, состояло въ тайной статьѣ, по которой при предстоящемъ имперскомъ мирѣ за Пруссіей обезпечивалось территоріальное вознагражденіе по правому берегу Рейна. Сверхъ того согласились еще на то, что французскія войска въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не станутъ воевать съ тѣми мѣмецкими имперскими чинами, которые по ходатайству Пруссіи также изъявятъ готовность заключить миръ съ республикою; это условіе было особенно важно для Ганновера и подняло значеніе Пруссіи въ сѣверной Германіи. Оттого что, если курфиршество не присоединится къ миру, то берлинскому правительству предоставлялось принять страну подъ прусское покровительство.

Такъ 5. апрѣля и состоялся, наконецъ, этотъ много опозоренный *Базельскій миръ*; онъ конечно занялъ мрачную страницу въ прусско-нѣмецкой исторіи, но былъ естественнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ вѣроломной и недовѣрчивой политики европейскихъ великихъ державъ. Этимъ мирнымъ договоромъ области, занятыя Французами по лѣвому берегу Рейна, уступались республикѣ, такъ что нѣмецкая рѣка стала «естественною границею» Франціи; за то всѣ завоеванія французскихъ войскъ по правому берегу Рейна возвратились Пруссіи и соединеннымъ съ нею имперскимъ князьямъ; всѣ военнопленныя освобождались. Затѣмъ, вооруженная демаркаціонная линія, проходя вдоль Майна къ Некару у Вимфена, обнимая области вестфальскаго, франкскаго и верхнесаксонскаго округовъ, разбивала съ этой поры нѣмецкую имперію на сѣверную и южную половины; первая—подъ эгидію Пруссіи пользовалась выгодами нейтральнаго мирнаго положенія, а вторая—подъ протекторствомъ Австріи пребывала въ борьбѣ съ Франціей. Это былъ смертельный разрѣзъ изнемогаго имперскаго тѣла, первый сокрушительный ударъ по тысячелѣтнему рыхлому зданію. Въ Вѣнѣ ощутили все бремя и значеніе Базельскаго мирнаго трактата, которымъ разрушалось единство имперіи и большая часть имперскихъ князей освобождалась отъ вліянія императора. И точно, расположенныя на сѣверъ отъ демаркаціонной линіи

Базельскій
миръ 5. апрѣля
1795.

владѣнія, даже Гессенъ и Ганноверъ, поспѣшили обратиться къ ходайству Пруссіи и воспользоваться для себя выгодами нейтралитета; съ этой поры они были безучастными зрителями войны между Франціей и державами, пребывшими еще къ коалиціи. Даже Георгъ III., находясь въ качествѣ короля Англіи въ борьбѣ съ республикой, заключилъ въ качествѣ ганноверскаго курфюрста миръ, опасаясь, какъ бы Пруссія не завладѣла его нѣмецкой областью. Онъ избѣгъ такимъ образомъ участи наслѣднаго штатгальтера, Вильгельма Оранскаго, для котораго берлинскій кабинетъ не могъ добиться ни возстановленія въ Голландіи, ни какого-либо инаго вознагражденія. Король Фридрихъ Вильгельмъ очень жалѣлъ и впоследствии не мало скорбѣлъ о томъ, что его сестра, принцесса Оранская, низведена на степень «простой частной личности» и что французская администрація такъ безжалостно истощала области Клеве; но духъ его былъ надломленъ и тѣло все болѣе и болѣе хилѣло отъ чувственныхъ возбуждающихъ средствъ. По своей немощи онъ соглашался на все, чему не могъ помѣшать. Теперь и внѣ Германіи также обнаружались мирныя наклонности. Тоскана въ февралѣ уже примирилась съ республикой, въ июлѣ Испанія по примѣру Пруссіи также заключила съ нею миръ въ Базелѣ, а въ Сардиніи со всѣхъ сторонъ стали побуждать короля Виктора Амадея, войти въ соглашеніе съ парижскими властителями. За уступку Савойи и Ниццы можно бы получить вознагражденіе въ Миланской области. Такъ все болѣе и болѣе распадалась коалиція, и принципъ солидарныхъ интересовъ совокупныхъ монархическихъ государствъ противъ революціи лишь отчасти признавался. «Союзъ королей, возвѣстившій крестовый походъ за престолъ и алтарь, скоро преобразился въ своекорыстную борьбу изъ-за частныхъ интересовъ, и ни одинъ изъ участниковъ не могъ похвалиться тѣмъ, чтобы онъ больше другихъ оказалъ преданность и самоотверженіе принципу, ради котораго началась борьба».

ИСПАНІЯ И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

Министръ
Флорида
Бланка.

Мы знаемъ уже (стр. 393), что *Флорида Бланка* въ первые годы царствованія Карла IV. управлялъ испанскимъ государствомъ такъ же неограниченно, какъ при отцѣ его. Но когда возникла революція, то онъ перешелъ къ управленію, вслѣдствіе котораго государство лишилось значенія вовнѣ и добытыхъ плодовъ внутри. Въ упомянутой распрѣ съ Англіей изъ-за Нуткаунда у калифорнскаго берега Испанія вынуждена была уступить требованьямъ ревнивой морской державы; въ борьбѣ съ Марокко она искупила миръ лишь уступкою нѣсколькихъ крѣпостей, а во внутренней политикѣ министръ предался реакціонной системѣ, состоявшей въ полномъ противорѣчій съ прежнимъ духомъ его управленія. Всѣ предпріятыя реформы были приостановлены,—заявляетъ Ваумгартенъ,—а уже законченныя по возможности обращены вспять, либеральные принципы въ управленіи и обученіи осуждались, возбужденное съ такимъ трудомъ умствен-

ное движеніе подавлялось, газеты и общества обуздывались и стѣснялись, жизнь отдѣльныхъ личностей подверглась опасливому надзору. Въ соревнованіи противъ „французскаго неистовства“, какъ министръ называлъ революцію, Флорида Бланка никому не уступалъ; онъ содѣйствовалъ монархической коалиціи, покровительствовалъ и поддерживалъ эмигрантовъ, возбуждалъ гнѣвъ короля противъ національнаго собранія, споспѣшивалъ антиреволюціоннымъ и злокозненнымъ интригамъ придворной камарильи въ Версалѣ и Парижѣ. Ему, впрочемъ, не было суждено пожать плоды своихъ трудовъ. Королева Марія Луиза и ея недостойный фаворитъ, *Мануиль Годой*, опасаясь, какъ бы министръ не помѣшалъ ихъ вліянію и ихъ безмѣрной расточительности, побудили тупоумнаго слабаго Бурбона, Карла IV., въ невѣроятномъ ослѣпленіи подчинявшася имъ обомъ, вдружь отрѣшиться въ немилости Флориду Бланку отъ должности. Онъ окончилъ дни свои въ невольной ссылкѣ въ дальней Мурсіи, откуда вышелъ нѣкогда бѣднымъ ницемъ.

28. февр.
1792.

Аранда и
Годой.

Затѣмъ министерство иностранныхъ дѣлъ поручено было графу *Арандѣ*, извѣстному другу и поборнику французскаго союза, семидесятипятилѣтнему дипломату изъ эпохи просвѣщенія, приверженцу идей о свободѣ и прогрессѣ, подобно предшественнику своему въ прежніе годы. При немъ испанскій кабинетъ придерживался политики мира и нейтралитета въ то самое время, какъ Пруссія и Австрія собирались подавить революцію силою оружія. Итакъ, когда національная и монархическая политика требовала соучастія въ коалиціи, въ то именно время въ Мадридѣ рѣшились остаться нейтральными. Въ другихъ государствахъ такая политика воздержанія и сближенія съ Франціей могла бы рассчитывать на одобреніе со стороны жаждущихъ свободы народовъ; въ Испаніи же вся нація, въ особенности дворянство и духовенство, съ фанатическимъ рвеніемъ добивалась войны противъ враждебныхъ къ церкви и королю революціонеровъ. Политика Аранды, впрочемъ, была отнюдь не въ духѣ двора, — ни короля, которому хотѣлось бы выручить своего несчастнаго родственника изъ стѣсненнаго положенія, — ни королевы и ея фаворита, которые отъ всей души ненавидѣли революціонныя идеи. Оба они выбрали престоублаго, упрямаго, грубаго на слова Аранду вообще съ дѣлюю, чтобы устранить Флориду Бланку и опростать мѣсто для Годоя, котораго и теперь уже вывели на первый планъ общественной жизни настоящимъ руководителемъ государственныхъ дѣлъ. Онъ получилъ великое государственное имѣніе Алькюдю, былъ произведенъ въ гранды перваго класса, въ маркизы и герцоги, въ члены государственнаго совѣта; его родственники и креатуры наводнили собою высшія и наилучше оплачиваемыя мѣста; его вліяніе было весьма сильное; даже Аранда не осмѣливался предпринимать ничего важнаго безъ согласія всемогущаго любимца королевы и короля.

Годой, герцогъ
Алькюдя,
главный министръ.

Вскорѣ, впрочемъ, обнаружилось тайное намѣреніе, поставить фаворита во главѣ правленія. Когда парижская партія войны представила министру слѣдующую альтернативу: „Испанія въ отношеніи къ республиканской Франціи также должна исполнить обязательства, принятія ею по фамильному договору, а не то Франція объявитъ войну кастильскому тирану, подобно тому, какъ и остальнымъ деспотамъ“, — то нейтральная политика Аранды оказалась уже несостоятельною. Онъ былъ милостиво уволенъ отъ должности и во главѣ государственныхъ дѣлъ назначенъ Годой, герцогъ Алькюдя; это былъ роковой день для испанской монархіи. Съ нимъ открылось царство легкомыслія, разгула, порока. И дѣйствительно, въ этотъ день прежній гвардейскій лейтенантъ изъ оскудѣвшаго дворянскаго рода въ Вадахосѣ, у котораго не было иныхъ заслугъ кромѣ того, что

15. ибр. 1792.

онъ былъ красивымъ ловкимъ кавалеромъ и любовникомъ чувственно-страстной королевы, достигъ въ древней гордой испанской державѣ наивысшей власти, въ которой сумѣлъ продержаться цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ. Намое легкомысліе и безсовѣстная заносчивость этого человѣка далеко превосходили его естественныя способности и быстрое постиженіе дѣлъ и лицъ; его познанія и образованіе были до того скудны, что какой-то англійскій лордъ разсказывалъ про него, будто онъ лишь въ теченіе министерской дѣятельности постигъ разницу между Пруссіей и Россіей (Prussia—Russia), и ганзейское считалъ равнозначущимъ съ азиатскимъ (Anseatique—Asiatique).

Испанія при- Принявъ бразды правленія, Годой успѣлъ воспользоваться обстоятель- соединилась ствами, съ тѣмъ чтобы благодѣтельными предпріятіями и энергическимъ въ коалиціи. содѣйствіемъ общественному мнѣнію, голосу націи, не только разсѣять Воинственною предубѣжденія и недоброжелательства, съ какими встрѣчено было въ одушевленіе. страшъ его повышение, но даже приобрести популярность. Въ это самое время, какъ намъ извѣстно, въ конвентѣ рѣшалась судьба Людовика XVI., и раздавался воинственный кличъ противъ всѣхъ монархій. Мадридское правительство всѣми силами пыталось спасти жизнь короля; мы знаемъ, что жирондисты главнымъ доводомъ своего воззванія къ націи приводили именно необходимость, избѣгнуть войны съ Испаніей и Англійей. Когда же ходатайство родственнаго двора было съ презрѣніемъ и съ демократическою заносчивостью отринуто членами горы, когда голова Людовика XVI. пала подъ гильотиной, то ярость испанскаго народа вышла изъ границъ. Годой дѣйствовалъ вполне въ духѣ націи, сообщивъ въ февралѣ европейскимъ державамъ, что Испанія рѣшилась совмѣстно съ союзниками „отомстить за оскорбленную природу и монархическую власть“, и выславъ въ отвѣтъ на объявленіе войны со стороны республики свои войска къ Пиринеямъ. Испоконь вѣка въ Испаніи не обнаруживалось такого воинственнаго одушевленія, какъ весной 1793. Высшее дворянство и духовенство наперерывъ соревновали другъ другу въ самоотверженіи: они снаряжали полки, предлагали миллионы добровольныхъ приношеній на военныя издержки; всѣ требовали оружія и шли подъ знамена; изъ конца въ конецъ раздавался кличъ о мести царевубійцамъ и враждебнымъ духовенству республиканцамъ. „Нація съ такимъ единодушіемъ поднялась на эту Богу угодную войну, что правительство могло обойтись безъ набора, и добротные дары притекали къ такому обилію, что оно надѣялось выдержать двѣ кампаніи, не прибѣгая ни къ займу, ни къ новымъ налогамъ.“

Однако успѣхи отнюдь не отвѣчали такому воинственному размаху. И Походъ въ Ни- безъ того самыми сильными пособниками французской революціи во всѣхъ ринелъ. странахъ были разладъ между воюющими державами, отсутствіе у нихъ всякой системы; къ пиринейскому же войску все это примѣнялось въ высшей еще степенн. Тогда какъ весь югъ Франціи находился въ судорожномъ возстаніи противъ якобинскаго терроризма, и натиски испанскаго войска могъ бы оказать сильное содѣйствіе, въ это время генералы Д. Антоніо Рикардось на востокѣ и Д. Вентура Каро на западѣ ограничивались тѣмъ, что заняли и защищали пиринейскіе проходы, такъ что армія въ 50,000 человѣкъ во все лѣто не совершила ничего важнаго; мало того, „санкюлоты“ при Перпиньянѣ въ Руссильонѣ достигли даже нѣкоторыхъ успѣховъ. Въ Тулонѣ зависть между Испанцами и Англичанами не мало способствовала тому злополучному исходу, о которомъ мы упоминали выше. Генераль Рикардось вообще не былъ расположенъ вести войну съ Франціей; онъ за одно съ Арандою находился на сторонѣ оппозиціи противъ политики Годоя; но король и королева настаивали на продолженіи борьбы съ якобинскими царевубійцами. Рикардось умеръ прежде,

тѣмъ вновь доѣхалъ до лагеря; преемникъ его, графъ де ла Юніонъ, переводя войско изъ Руссильона черезъ хребетъ Пиринеевъ, потерпѣлъ отъ генерала Дюгоммы сильное поражение, такъ что вся артиллерія, 150 пушекъ, обозъ и 1500 плѣнныхъ достались неприятелю, остальное войско послѣдно сбѣжало въ Каталонію, а приморскія крѣпости большею частью сдались. Съ такимъ же успѣхомъ Французы ратовали на западѣ, гдѣ Фуентеррабіа и Санъ Себастьянъ почти безъ сопротивленія сдались на условіяхъ.

А тѣмъ временемъ израсходованы были предназначенныя для войны Общественное капиталы; солдаты терпѣли нужду, неприятель проникалъ въ Наварру и мнѣніе противъ Каталонію. При такихъ обстоятельствахъ нечего было удивляться тому, Годой. что неудовольствіе на неспособное и легкомысленное правленіе въ Мадридѣ возрасло, что оппозиціонная партія Аранды усилилась, хотя самъ престарѣлый министръ и находился въ изгнаніи, и что стали обнаруживаться мятежные признаки. Лояльныя чувства, такъ живо проявившіяся въ началѣ войны, разсѣялись, а съ ними за одно и воинственной ищлѣ. Все громче раздавались бранныя рѣчи, угрозы, проклятія противъ вертопрашнаго, заносчиваго, расточительнаго фаворита и безнравственной, похотливой королевы. Дворъ встревожился; стали поговаривать о перенесеніи столицы въ Севилью.

И съ какой стати затѣяли войну противъ націи, которая всегда была Мирныя жела- самая вѣрная союзница Испаніи, да еще въ связи съ морскою державою, нія въ при- съ Англійей, которая искони пыталась подавлять пиринейское государство, дворянскихъ слѣдила за нею ревнивыми взорами? Такъ спрашивали себя въ придворныхъ кружкахъ и обсуждали, нестрѣчься ли отъ воинственной политики. Сласти короля уже нельзя было. Быть можетъ, термидоріанцы, находившіяся теперь во власти, заключивъ миръ, выдадутъ королевскихъ дѣтей. Вслѣдствіе этого въ Парижѣ тайкомъ завязались переговоры. Однако они прекратились вслѣдствіе крутаго отказа, удовлетворить требованьямъ мадридскаго двора.

Но неспособный, ненавистный войску генераль де ла Юніонъ на востокѣ Несчастная потерпѣлъ полное поражение отъ Дюгоммы, который самъ при атакѣ неприятельскихъ окоповъ былъ смертельно раненъ. Въ этомъ пораженіи Испанцы кампанія. 20. нбр. 1794. лишились 9000 солдатъ и офицеровъ, а съ ними и самаго полководца, и 200 пушекъ. Затѣмъ сильна крѣпость Фигерась, снабженная гарнизономъ въ 8000 человѣкъ со 170 пушками и обильными съѣстными припасами, по приближеніи Французовъ, заключила позорную капитуляцію, не сдѣлавъ даже ни одного выстрѣла. Послѣ всего этого Годой, который тѣмъ временемъ ни на мигъ не покидалъ своей распутной жизни, своихъ любовныхъ интригъ и пошлыхъ развлеченій, вынужденъ былъ возобновить и рѣшительнѣе повести мирныя переговоры. На легкомысленнаго царедворца мало повліяло то, что Баски и Каталанцы съ бурной энергіей, съ ихъ дикою истощающею страну системою борьбы, возстали на защиту своихъ горъ противъ ненавистныхъ Французовъ; онъ сознавалъ, что это населеніе ненавидѣло его власть такъ же, какъ и сѣвернаго врага, и не поддержало поголовнаго ополченія Каталанцевъ и Басковъ. Благодаря только опытному генералу Уррутинъ, преемнику падшаго де ла Юніона, Французамъ не удалось проникнуть внутрь края.

Годой между тѣмъ черезъ Кабаррю, тестя Тальена, члена конвента, Мирныя пере- завязалъ болѣе настойчивыя переговоры съ комитетомъ общаго блага. говоры въ Базелѣ. Узнавъ, что въ Базелѣ между Пруссіей и Франціей открытъ мирный конгрессъ, онъ послалъ графа Ириарта въ швейцарскій пограничный городъ, съ тѣмъ чтобы также вступить въ соглашеніе съ Бартелеми. Переговоры затянлись: соглашеніе замедлилось вслѣдствіе безпечности всемогущаго министра въ Мадридѣ, вслѣдствіе страха передъ Англійей, грозившей мир-

ный договоръ съ Франціей признать поводомъ къ войнѣ между британскою и пиринейскою державами, и вслѣдствіе отказа республики удовлетворить требованьямъ испанскаго посланника. Миръ съ Пруссіей былъ уже заключенъ, тогда какъ переговоры между Иріартомъ и Бартелеми все еще колебались. Честь испанскаго двора и бурбонскаго имени обязывали министра Годол, вступить за обонхъ дѣтей Людовика XVI. въ Тамплъ и за выселившихся принцевъ; однако конвентъ отвергалъ всякое вмѣшательство во внутрення дѣла Франціи. Тѣмъ временемъ Французы подъ начальствомъ Моисея проникли въ сѣверозападныя области и водрузили свои знамена на границахъ беззащитной Кастили. Въ виду этой угрожающей опасности герцогъ поневолѣ склонился къ уступчивости. А такъ какъ члены конвента въ большинствѣ тоже были въ пользу мира, то въ іюлѣ наконецъ добились дѣла. Главныя затрудненія и безъ того были устранены. Несчастный сынъ Людовика XVI. незадолго передъ тѣмъ скончался, а дочь рѣшили уже выдать Австріи. Такимъ образомъ завершился *Базельскій миръ*, въ которомъ для Испаніи заключалось менѣе утратъ и униженій, нежели сколько можно было ожидать при господствовавшихъ условіяхъ. Франція отвела свои войска назадъ за границу и выдала завоеванныя области и крѣпости, взамѣнъ того она удовлетворялась уступкою республики испанскаго участка на Санъ-Доминго, вслѣдствіе чего этотъ островъ всецѣло перешелъ во француское владѣніе. Этимъ мирнымъ трактатомъ польстили также испанской національной гордости, передавъ мадридскому правительству посредничество въ договорахъ съ Португаліей и итальянскими государствами, въ особенности съ напою. Возобновленіемъ прежняго союза, въ томъ видѣ какъ онъ обусловливался прежде бурбонскими фамильнымъ договоромъ, обезпечивалось, правда, за пиринейскою державою могущественное заступничество дружественной республики и повело къ выгоднымъ торговымъ сношеніямъ, но послужило за то причиною войны съ Англіей и увлекло испанскую политику на роковые пути.

22. іюля 1795.

Годомъ въ ка-
чествѣ «миро-
творца».
Договоръ въ
Ильдефонсо.

Во всей Испаніи и особенно въ мадридскихъ придворныхъ кружкахъ Базельскій мирный трактатъ возбудилъ величайшую радость и доставилъ герцогу Альвудю награды и почести, много превысившія его заслуги. Королевскимъ декретомъ отъ 4. сентября онъ получилъ титулъ „миротворца“ и государственное имущество въ одинъ миллионъ годового дохода. Однако не всѣми раздѣлялось такое настроеніе. Дворянство, духовенство, все ревностные католики и гугаи сильную ненависть къ французскимъ республиканцамъ. Годомъ ради собственной безопасности самымъ тѣснымъ образомъ примкнулъ къ конвенту; онъ сознавалъ, что у нихъ общій интересъ, что онъ только обокъ съ мощными сосѣдями въ состояніи противиться своимъ врагамъ, а потому онъ изъявилъ готовность, быть во всемъ къ услугамъ французской республики. Съ этой поры Испанія была соединена съ Франціей чуть ли не тѣснѣе, чѣмъ когда либо при бурбонскомъ владѣнствѣ, и эта связь въ нѣдрахъ своихъ заключала самыя роковыя плоды для пиринейской державы. И точно, Англія не упустила случая отмстить союзницѣ Франціи за сѣвероамериканскую войну, сбытъ съ шенъ соперницу на морѣ и въ колониальномъ мѣрѣ. Вождѣннымъ къ тому поводомъ послужилъ англійскому правительству договоръ въ *Ильдефонсо*, который въ слѣдующій затѣмъ годъ, когда побѣды Бонапарта въ Италіи значительно подняли могущество и значеніе парижскаго правительства, Годомъ заключилъ съ Периньономъ, уполномоченнымъ французскаго правительства, и который судьбы обѣихъ сосѣднихъ державъ связалъ еще сильнѣе, нежели династическій фамильный союзъ 1761 года. Договоръ въ Ильдефонсо сталъ такимъ образомъ источникомъ величайшихъ невзгодъ: онъ истребилъ морскія силы Испаніи, подорвалъ колониальное владѣнство и разстроилъ финансы ея.

19. авг. 1796.

4. КОАЛИЦИОННАЯ БОРЬБА СЪ АВСТРІЕЙ И АНГЛЕЙ; СОБЫТІЯ ВЪ ВАНДЕѢ И НА КВИБЕРОНѢ.

Гарденбергъ вообразилъ себѣ, что Базельскій договоръ послужитъ ^{Коалиція въ} починомъ и основою всеобщаго мира. Это вскорѣ оказалось иллю- ^{видѣ союза} зіей. Не было, правда, тайною, что между агентами Тугута и нѣ- ^{трехъ державъ.} которыми членами конвента, особенно съ Сіесомъ, происходили ди- ^{28. сент. 1795.} плломатическіе переговоры, что имперскій дворъ также изъявилъ на- ^{клонность къ миру, если въ вознагражденіе за уступку прежнихъ австрійскихъ Нидерландовъ за нимъ обезпечится баварское курфиршество; однако, этотъ планъ не осуществился, благодаря стараніямъ Англій, предложившей новый субсидный договоръ, также — императрицы Екатерины, которая флотомъ и сухопутною арміей обѣщала поддержать коалицію противъ Франціи.}

Извѣстно, что императрица ревностно пыталась поджигать войну противъ Франціи, но сама не охотно склонилась къ дѣятельному соучастію. Находившійся тогда въ Петербургѣ графъ Артуа тщетно надѣялся соорудить кампанію противъ республиканцевъ. Великія сооруженія и воинскія снаряженія, какія учиняла Екатерина, имѣли лишь цѣлю, понудить Пруссію къ большей уступчивости въ отношеніи раздѣла Польши. Всякія пныя демонстраціи были только мичиною.

Итакъ, военныя дѣйствія возобновились не только въ Германіи, ^{Происки роя-} которая теперь разбилась на два лагера, но также на морѣ и у за- ^{листовъ и ду-} падныхъ береговъ Франціи. И пока республиканскія войска ратовали ^{ховенства во} противъ внѣшняго врага, въ то же время эмигранты, главнѣйше ^{Франціи.} проживавшіи въ Веронѣ Людовикъ XVIII. и графъ Артуа, переѣхавшіи изъ Петербурга въ Англію, ревностно старались возбудить роя- ^{листовъ къ возстанію и мятежу внутри Франціи. Ихъ агенты, въ особенности пронырливый аббатъ Бротье и неутомимый шуанъ Ла Пюисей всѣми средствами пытались низвергнуть республиканское правленіе. Англія и Австрія вновь подчинились вліянію эмиграціи и споспѣшествовали ея мятежнымъ покушеніямъ; бурбонскіе сторопники поддерживали предпріятія иноземныхъ державъ внутренними смутами и роялистскими происками. Гошъ и комиссары конвента старались, правда, по заключеніи мира въ Ла Жонэ и Ла Мабилэ по- ложить конецъ ужасному междоусобію въ Вандеѣ и Бретани, побудить инсургентовъ сложить оружіе и признать республиканское правительство: благодаря однако подстрекательству эмисаровъ и агентовъ, подосланныхъ эмигрантами, агитаторскимъ пронырствамъ духовныхъ и роялистскихъ фапатиковъ, это умпротвореніе не было искреннимъ, взаимное довѣріе не установилось. Успѣхи реакціи въ южной Франціи вновь воспламенили возбужденные умы шуановъ и Вандейцевъ. Тщетно новые комиссары конвента за одно съ Гошемъ}

Май 1795. въ прокламаціи обнародовали строжайшія кары всѣмъ вооруженнымъ, охрану, безопасность и свободу богослуженія всѣмъ мирнымъ обитателямъ, щетно главнокомандующій велѣлъ арестовать восьмерыхъ вождей отрядовъ, между прочимъ Корматена: подстрекательства роялистовъ и священниковъ, надежда на помощь изъ за границы побуждали къ новымъ возстаніямъ.

Экспедиція роялистовъ къ западнымъ берегамъ Франціи. Никогда эмигранты не были такъ дѣятельны, исполнены такихъ надеждъ какъ весной и лѣтомъ 1795 года. Выселившіеся роялисты изъ всей Европы стекались въ Англію, съ тѣмъ чтобы подъ начальствомъ Пюисея и д'Эрвилли принять участіе въ кампаніи противъ западнаго побережья Франціи. Англійское правительство поставило на такой конецъ высадную эскадру и множество военныхъ снарядовъ всякаго рода, оружія, пороху и пушекъ, съѣстныхъ припасовъ и мундировъ. На восьми фрегатахъ и десяти болѣе мелкихъ судахъ, сопровождаемыхъ пятнадцатью линейными кораблями, повезъ серъ Джонъ Варренъ войска и припасы мимо мыса Квиберона въ Морбиганскую бухту, которая близъ приморскаго города Ванна вдается въ южную Бретань. Экспедиція имѣла въ виду подать сигналъ роялистамъ Франціи къ поголовному возстанію противъ конвента и въ то же время споспѣшествовать операціямъ австрійской рейнской арміи. Республиканскій флотъ, пытавшійся воспрепятствовать предпріятію, былъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство, такъ что Варренъ

10. іюня 1795. успѣлъ пристать при Карнакѣ между полуостровомъ Квиберономъ и бухтою Морбиганомъ и въ слѣдующіе затѣмъ дни учинить высадку. Графъ Пюисей вывелъ на сушу около 4000 эмигрантовъ; къ нимъ присоединились около 10,000 шуановъ подъ начальствомъ *Жоржа Кадудалля*; они вскорѣ завладѣли окрестною областью отъ Орэ до Ванна. Роялисты и клерикалы встрепенулись по всей Франціи; въ Парижѣ и въ другихъ городахъ образовались бурбонскіе комитеты, дѣйствовавшіе въ интересъ принцевъ; отвращеніе страны къ конвенту было съ руки возмутителямъ; казалось, что республикѣ насталъ конецъ, и монархія вновь съ торжествомъ водворится. Скоро однако обнаружилось, какъ еще мало созрѣли дѣла для роялистски-клерикальной реставраціи, какъ еще далеко расходились цѣли и тенденціи вождей. Пюисей, бывший нѣкогда членомъ конституціоннаго собранія и другомъ жирондистовъ, въ качествѣ агента Людовика XVIII. дѣйствовалъ въ пользу примиренія партій подъ знаменемъ конституціонной монархіи и съ признаніемъ созданнаго революціей государственнаго строя, тогда какъ Бротье, довѣренный графа Артуа, добивался возстановленія исконнаго монархически-феодалнаго состоянія. Самые вліятельные вожди инсургентовъ въ Ваннѣ также не соглашались между собою. Изъ зависти къ Шаретту, котораго Людовикъ XVIII. возвелъ въ генералъ-лейтенанты, его соперникъ Стоффлетъ удержалъ свои отряды отъ участія въ борь-

бѣ; а графъ д'Эрвилли, упрямый и фанатическій эмигрантъ самаго непримиримаго свойства, не хотѣлъ подчиниться графу Пюисею, котораго ненавидѣлъ такъ же сильно, какъ республиканцевъ. Въмѣсто того чтобы обомъ соединенными силами проникнуть внутрь полуострова и присоединить къ себѣ шуановъ, д'Эрвилли обратилъ все свое вниманіе на занятіе узкой, песчаной, населенной лишь немногими рыбаками косы Квиберона и на обложеніе форта Пантьевра на сѣверной ея оконечности, покинувъ безъ всякой поддержки Пюисея и возставшихъ крестьянъ въ окрестностяхъ Орэ. Благодаря этому дѣятельный и осмотрительный Гошъ успѣлъ усилить свое небольшое войско, присоединивъ къ себѣ генераловъ Дюбейе и Капкло, и удержать непріятели отъ дальнѣйшаго натиска. Инсургенты щетно порывались взять приступомъ укрѣпленный лагерь при Сень-Барбѣ; отбитые отъ окоповъ, они мелкими отрядами разсыпались по краю или направились въ Квиберонъ, гдѣ вскорѣ столпилось около 20,000 душъ, лишенныхъ крова и съѣстныхъ припасовъ. Разбредшіяся по краю небольшія шайки были истреблены въ мелкихъ стычкахъ, причемъ палъ храбрый Тинтеніакъ; а когда д'Эрвилли съ 3500 эмигрантовъ переправился черезъ бухту и вступилъ въ сраженіе при Карнакѣ, то онъ былъ разбитъ превосходившимъ его непріятеlemъ и самъ смертельно раненъ въ отважномъ бою. Уцѣлѣвшіе перебѣжали на полуостровъ подъ защиту форта Пантьевра и англійскихъ военныхъ кораблей. 16.—18. іюня. 1795.

Тамъ въ то же время высадилось другое отдѣленіе въ 1500 эмигрантовъ съ молодымъ графомъ Сомбрѣилемъ. Тогда-то и разыгралась военная трагедія, что напомнила собою участь Спартанцевъ на Сфактеріи (II, 617). Англичане дополнили ряды эмигрантовъ плѣнными Французами въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человекъ, которые отъ всей души были преданы республикѣ; гарнизонъ форта, поступившій по сдачѣ послѣдняго на службу къ д'Эрвилли, питалъ большую частью такія же воззрѣнія. Гошъ и комиссары конвента, Тальенъ и Бладъ, посланные на мѣсто военныхъ дѣйствій, черезъ переметчика получили точныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ. Основываясь на нихъ, генералъ составилъ смѣлый военный планъ. Самъ онъ спереди осадилъ фортъ, а тѣмъ временемъ въ бурную ночь, въ часы отлива, два отряда прокрались по обомъ узкимъ, орошаемымъ волнами краямъ между подножіемъ крѣпости и Атлантическимъ океаномъ, на другую сторону, гдѣ единомышленники радостно приняли ихъ. Захваченный съ тылу и съ фронта фортъ не могъ долѣе держаться. Утромъ республиканцы овладѣли крѣпостью и вмѣстѣ съ тѣмъ всею косою. И вотъ роялисты и тысячи всякаго возраста и пола людей, искавшихъ убѣжища въ фортѣ, гурьбой ринулись къ южному краю, спѣша на англійскія суда. Однако прошло нѣсколько часовъ, пока на корабляхъ замѣтили и поняли знаки осажденныхъ и затѣмъ подошли

Катастрофа на Квиберонѣ.

20. іюля 1795.

къ берегу. Республиканцы, поддрѣвленные перебѣжчиками, напирали между тѣмъ все грознѣе. Гошъ изъ челоуѣколюбія нарочно замедлил натискомъ; но Тальенъ, въ которомъ вновь проснулся прежній якобинецъ, гналъ впередъ. Бросившаяся въ смертельномъ страхѣ толпа въ лодки, слѣша на корабли, была осыпана картечью и ружейными пулями. Переѣздъ на суда сопровождался дикою сумятицей и картинами ужаса. Съ тыла напиралъ врагъ, съ моря канонада Англичанъ, пытавшихся задержать натискъ непріятельскихъ отрядовъ. Пуисей заблаговременно спасъ свою особу и свои документы; онъ одинъ изъ первыхъ поспѣлъ на корабль, отнюдь не добываясь роялистскаго мученическаго вѣнца. Молодой доблестный Сомбрѣиль, престарѣлый отецъ котораго палъ подъ гильотиной, пренебрегъ бѣгствомъ и старался съ своими храбрыми соратниками прикрыть спасавшихся. Однако, пока отвозили на корабли, подошли республиканскіе отряды съ генералами Гумберомъ и Менажемъ. Послышались крики: «Сдайтесь, вамъ ничего не будетъ!» Но какъ было раз- слышать въ суматохѣ и въ пылу боя эти возгласы? Когда наконецъ послѣдніе изъ лондонскихъ военноплѣнныхъ перешли къ непріятелю и для эмигрантовъ все было потеряно, Сомбрѣиль и его товарищи сложили оружіе. Гошъ встрѣтилъ его съ почетомъ, но когда они сослались на предположенную капитуляцію, то онъ вовсе не призналъ ее, такъ какъ никого не уполномочилъ на это. Онъ остановилъ дальнѣйшій отъѣздъ и всѣхъ плѣнныхъ, слишкомъ 6000 челоуѣкъ, отправилъ въ Ваанъ и Орэ. Тамъ отпустили на волю женщинъ, дѣтей и всѣхъ, кто былъ насильно привлеченъ къ соучастию, а эмигрантовъ, числомъ около тысячи челоуѣкъ, предали военному суду. Гошу хотѣлось бы спасти графа Сомбрѣиля; но мужественный дворянинъ рѣшительно отказался отъ его предложенія; онъ самъ предъявилъ себя искупительною жертвою за своихъ сподвижниковъ. Республиканскій генералъ двинулся затѣмъ съ своими отрядами внутрь края, лишь бы не участвовать въ кровавой расправѣ. По предложенію Тальена въ конвентѣ рѣшили подвергнуть дѣло всей строгости закона. Бывшій монтаньяръ не хотѣлъ дать своимъ противникамъ поводъ къ подозрѣнію, будто онъ питаетъ симпатіи къ роялистамъ. Итакъ, отъ шести до семи сотъ эмигрантовъ, офицеровъ и ратниковъ, съ доблестнымъ Сомбрѣилемъ во главѣ, покинутымъ въ Англіи прекрасную невѣсту, присуждены были къ смерти и разстрѣляны. И нынѣ еще это мѣсто казни въ Орэ прозывается жертвеннымъ лугомъ. Въ возмездіе за то Шареттъ велѣлъ убить столько же плѣнныхъ республиканцевъ. Такими-то кровавыми подвигами освящалась годовщина 9. термидора.

Въ Англіи несчастный исходъ экспедиціи навлекъ тяжелыя упреки на правительство. Его обвиняли въ томъ, что оно не достаточно поддержало это предпріятіе. Такой упрекъ былъ не основателенъ, но крайней мѣрѣ

относительно снаряженій и сооружений. Министерство не скупилось на денежные расходы. Питтъ утѣшался тѣмъ, что въ этой экспедиціи не пролито по крайней мѣрѣ ни капли англійской крови; за это Шериданъ возразилъ, за то англійская честь лилась изъ всѣхъ поръ.

Высадка эмигрантовъ на Квиберонгъ возбудила новыя надежды и Исходъ вандей- воинственный порывъ въ Вандеѣ. Онъ усилился еще, когда нѣсколько своей усобицы. недѣль спустя послѣ того прибылъ новый транспортъ съ оружіемъ, амуницией и мундирами, съ извѣстіемъ, что графъ Артуа съ нѣсколькими французскими офицерами пристанетъ на англійскихъ корабляхъ къ берегу и самъ приметъ начальство надъ инсургентами. Принцъ и съ нимъ нѣсколько тысячъ эмигрантовъ и Англичанъ дѣйствительно отправились изъ Портсмута въ море. Возставшіе на югѣ 25. авг. 1795. и сѣверѣ отъ устья Луары Вандейцы охвачены были новымъ воинственнымъ пыломъ. Шареттъ и Стоффлетъ ожидали поголовнаго возстанія клерикальнаго и роялистскаго населенія во всей Франціи подъ бурбонскимъ знаменемъ. Однако, этимъ ожиданіямъ также не суждено было осуществиться. Послѣ продолжительнаго безцѣльнаго пребыванія въ той же злополучной бухтѣ Квиберонъ и при островѣ Нуармутъ и послѣ разныхъ обсужденій касательно мѣста высадки, флотъ наконецъ бросилъ якорь у небольшого скалистаго острова д'Іе. Оттуда Шаретту дали знать, чтобы онъ привелъ свои отряды къ берегу, гдѣ принцъ и его спутники присоединятся къ нему. Когда же вождь инсургентовъ съ своею шайкой роялистовъ появился у поморья, то другой адъютантъ передалъ ему почетную шпагу и извѣстіе, что принцъ отложилъ высадку до болѣе благопріятнаго 10. окт. 1795. времени. Разгнѣванный вождь велѣлъ доложить Бурбону, что это извѣстіе—его смертный приговоръ. Онъ зналъ, что вслѣдствіе этой послѣдней несбывшейся надежды истомленная и жаждущая мира Вандея подчинится республиканскому генералу, въ которомъ гуманность сочеталась съ энергіей и великою опытностью, который съ диктаторскою властью повелѣвалъ значительнымъ отрядомъ. Все это предпріятіе имѣло послѣдствіемъ лишь то, что республиканцамъ досталась несмѣтная военная добыча, и нація окончательно убѣдилась въ томъ, что эмиграція неспособна водрузить вновь знамя роялизма. Не совершивъ никакого геройскаго подвига, Бурбонъ отправился моремъ вспять. «Мнѣ ничего болѣе не остается», сказалъ Шареттъ, «какъ бѣжать или умереть, и я умру». За смертью дѣло не стало. Побѣжденный въ сраженіи послѣ отважнаго боя и покрытый ранами, вождь инсургентовъ попалъ въ плѣнъ и военнымъ судомъ въ Анжерѣ былъ приговоренъ къ смерти. Выше было уже упомянуто, что оба хра- 24. 26. февр. 1796. брые вождя мятежниковъ, Шареттъ и Стоффлетъ были разстрѣляны. Рейнская кампанія. Если Англичане, поддерживая походъ эмигрантовъ въ западныя прибрежныя области Франціи, имѣли въ виду облегчить дѣйствія австрійско-нѣмецкихъ войскъ на Рейнѣ, разбить и ослабить фран-

цузскія военныя силы, то они отчасти достигли цѣли. Военныя дѣйствія республиканцевъ на востокъ не могли сравниться съ успѣхами на западѣ. И дѣйствительно, ободренный побѣдою надъ эмигрантами и Англичанами, комитетъ общаго блага предписалъ обоимъ полководцамъ, Пишегрю на верхнемъ и Журдану на нижнемъ Рейнѣ, во что бы то ни стало перейти черезъ рѣку, подкрѣпить въ непрітельской области свои арміи и заставить нѣмецкія государства безусловно сдаться побѣдителямъ. Австрію думали такимъ путемъ пону-

1. окт. 1795. дить къ уступкѣ Нидерландовъ, которые конвентъ присоединилъ въ это время къ французской республикѣ, а также всѣхъ владѣній на лѣвомъ берегу Рейна. Однако Французы черезъ-чуръ понадеялись на свои силы и наткнулись на болѣе сильное сопротивленіе, чѣмъ ожидали; мало того, они потерпѣли даже пораженія въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, куда прежде вступали побѣдителями, не смотря даже на то, что баварско-пфальцское правительство опять оказалось такимъ же малодушнымъ и двусмысленнымъ, какъ и въ 1792 году. Еще разъ австрійско-нѣмецкія войска озарились послѣднимъ солнечнымъ лучемъ. Австрійскія и южно-нѣмецкія арміи подъ предводительствомъ отличныхъ полководцевъ, Клерфе и Вурмзера, съ успѣхомъ противостали французскимъ войскамъ. Надѣясь на распрю нѣмецкихъ князей, на трусость и измѣну чиновниковъ и начальниковъ, послѣдніе перешли черезъ Рейнъ и, послѣ того какъ пфальцскій министръ Гомпешъ малодушно сдалъ имъ городъ Дюссельдорфъ, пытались завладѣть областями по Майну и Неккару. Перепугавшись, духовные и свѣтскіе владѣтели при Рейнѣ обратились какъ три года тому назадъ во внутрь края, прибѣгая къ защитѣ за нейтральнымъ рубежомъ; всѣ дороги переполнились бѣглецами и выходцами. Гейдельбергъ и долина Неккара перешли во власть непріятеля. Благодаря однако австрійскимъ войскамъ, дѣла вскорѣ приняли иной оборотъ.

24. сент. 1795. Послѣ побѣды Клерфе при Гандшухсгеймѣ надъ Пишегрю и послѣ удачныхъ боевъ Австрійцевъ съ Журданомъ при Нидлѣ, Французы отступили черезъ Рейнъ, грабя, опустошая и предаваясь звѣрскому цинствоству по пути. Они надѣялись вновь завладѣть крѣпостью Майнцомъ, которую окружили сильными осадными верками. Но это предпріятіе имъ также не удалось. Въ бурную октябрьскую ночь Клерфе вторгся въ окопы и на утро вытѣснилъ изъ нихъ непріятеля, забравъ 138 орудій и 1700 плѣнныхъ. Благодаря этой блистательной побѣдѣ, вновь возстановившей воинскую славу Нѣмцевъ, австрійскій полководецъ завладѣлъ областями по Рейну и отнялъ у Французовъ Гейдельбергъ; затѣмъ, послѣ ужасной, нѣсколько дней длившейся бомбардировки онъ взялъ укрѣпленный городъ Мангеймъ, который пфальцграфскій начальникъ Оберндорфъ вслѣдствіе тайнаго приказа изъ Мюнхена по первому востребованью позорно сдалъ непріятелю съ богатыми запасами военныхъ снарядовъ, подобно тому

какъ Гомпешъ прежде еще сдалъ Дюссельдорфъ. Часть города находилась въ развалинахъ, когда Нѣмцы опять вступили въ него. Голодъ и военныя бѣдствія тяжкимъ бременемъ подавляли благословенныя пажити по Рейну, когда побѣдоносный полководецъ, негодуя на коварную политику Тугута и на несправедливые упреки военнаго совѣта, на удивленіе всѣмъ потребовалъ отставки и дѣйствительно получилъ ее. Преемникомъ его былъ эрцгерцогъ Карлъ, братъ императора, который скоро проявилъ блестящіе опыты даровитаго полководца. Благодаря лишь перемирію, на которое зимою 1795—96 вынуждены были согласиться австрійскіе генералы, Французы избѣгли дальнѣйшихъ поражений. Однако въ Вѣнѣ крайне вяло относились къ военнымъ дѣйствіямъ по Рейну, оттого что Тугутъ, ненавидя Пруссію, все еще по прежнему не довѣрялъ ей, даже послѣ того какъ договоръ о раздѣлѣ Польши былъ наконецъ заключенъ; потому онъ и не рѣшился отправить на войну съ Франціей выставленную противъ Пруссіи обсервационную армію. Въ глазахъ австрійскаго министра Пруссія была «живымъ воплощеніемъ политической гнусности». Когда Россія и Англія пытались внушить ему болѣе благое мнѣніе, то онъ съ досадою возразилъ, «Пруссія какъ всегда хочетъ надуть всѣ стороны, продержаться между воюющими державами, воспользоваться ихъ истощеніемъ, наконецъ всѣмъ предписать миръ по своей прихоти и при этомъ пожать для себя ощутительныя выгоды». Въ этой взаимной непріязни и заключалась главная причина бѣдствій, которыя не замедлили обрушиться на Германію.

II. Переходъ къ директоріи.

Литература. Помимо приведенныхъ на стр. 649 твореній въ этомъ отдѣлѣ пользовались слѣдующими сочиненіями: Barante, Histoire du Directoire de la republ. Franç. Par. 1855. 3 voll. (продолженіе Hist. de la convention nationale. Paris 1851 и пр. 6 voll. того же автора); Buonarotti, Conspirat. de Babeuf. Bruxelles 1828. 2 voll.; Delarue, Hist. du 18-me Fructidor. 1821. 2 voll. — 0 первыхъ годахъ военной и политической дѣятельности Наполеона Бонапарта особенно важны: Correspondance de Nap. Bonap. въ разныхъ сборникахъ, также его Mémoires écrits à St. Hélène. P. 1822. 8 voll. Затѣмъ Мемуары Бурренина (вмѣстѣ съ возраженіемъ: Bourrienne, ses erreurs cet. 1830. 2 voll.); Мармона (Duc de Raguse) 1856. 9 voll.; Лавалента (Mémoires et souvenirs. P. 1831. 2 voll.) и пр.; Schlosser, Nap. neueste Lobredner und Tadler, in „Archiv. für Gesch. u. Litt.“ Bd. 3. 4. Отпечатано также особо подъ загл. Zur Beurtheilung Napol. 1833); Albert Sorel, La paix de Bâle (Revue hist. 1877 и пр.); Clausewitz, Der Feldzug von 1796 in Italien. Berl. 1869. Lanfrey, Hist. de Nap. I. 5 voll. Par. 1867 и пр. Также D. von E. v. Glümer, Berl. 1869; Böhlingk, Nap. Bonap., seine Jugend u. sein Emporkommen. 2 Bde., Jena 1877, 1880. — Объ Италіи: Botta, Storia d'Italia dal 1789 al 1814. Par. 1824. Также по-нѣмецки Förster, Quedlinb.

u. Leipz. 1827—1831. 8 Bde.; Corpi, Annali d'Italia dal 1750. Firenze 1862. 11 voll.; прежде уже упомянутая книга Daru, Hist. de la républ. de Venise. Также D. v. Th. Ruprecht. Leipz. 1859. t. IV.—О Германии и обь Австрии имѣются подробныя библиограф. указанія въ концѣ творения С. Th. Perthes. Polit. Zustände u. Personen in D. zur Zeit der franz. Herrschaft. Gotha 1862. 1869. 2 Bde.; L. v. Ranke, Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten v. Hardenberg bis 1806. 5 Bde., Leipzig 1877; Hüffer, Österreich u Preussen gegenüber der franz. Revolution. Bonn 1868; A. v. Vivénot, Herzog Albrecht von Sachsen-Teschen als Reichsfeldmarschall. 2 Bde. Wien 1864—1866; id. Thugut, Clerfait und Wurmser, Juli 1794 bis Febr. 1797. Wien 1869; id., Vertraul. Briefe des Frh. v. Thugut (1790—1801), 2 Bde. Wien 1872; id., Quellen zur Gesch. der Deutschen Kaiserpolitik Österreichs 1790—1801. 3 Bde. (3. Bd. von H. v. Zeissberg), Wien 1873. 1874. 1882; P. Bailleu, Preussen u. Frankreich von 1795—1807, Diplomatische Korrespondenzen, 2 Bde., Berlin 1881, 1887 (Publ. aus den Preuss. Staatsarchiven).

1. конецъ конвента и 13. вандемьера.

Конституція
III. года.

Въ Парижѣ между тѣмъ совершились событія, придавшія новый видъ общему политическому строю. Въ то самое время, какъ конвентъ побѣдоносно преодолѣлъ послѣдніе анархическіе взрывы, а республиканскія войска успѣшно побороли клерикально-роялистское возстаніе и трехцвѣтное знамя развѣвалось уже на правомъ берегу Рейна, коммисія одиннадцати членовъ подъ предсѣдательствомъ Буасси д'Англаса довершила третій конституціонный уставъ, который долженъ былъ служить основою и образцомъ республиканскому политическому строю въ будущемъ. Конституціонно-монархическое учрежденіе 1791 года не отвѣчало болѣе современнымъ условіямъ; а демократико-республиканская конституція, присвоившая исключительно одной корпораціи исполнительную и законодательную, даже судебную, вообще всю правительственную власть не согласовалась болѣе съ настоящимъ возрѣніемъ и направленіемъ: а потому создали новую государственную форму, въ которой принципы и пріобрѣтенія революціи оставались неприкосновенными, признавалось народное самодержавіе, но исполненіе его опредѣлялось твердыми предѣлами и извѣстными, закономъ установленными актами, а принципы свободы, равенства, человѣческихъ правъ рѣзко ограничивались, утверждалось равновѣсіе между гражданскими правами и обязанностями. Въ противность утопическимъ мечтамъ коммунистовъ о равенствѣ и ученіямъ о мнимомъ естественномъ правѣ центръ тяжести въ государствѣ перешелъ къ обладанію и собственности. «Страна, управляемая собственниками», заявилъ Буасси д'Англакъ, «состоитъ въ вѣрномъ социальномъ урядѣ; правленіе людей, лишенныхъ собственности, ничто иное какъ дикое естественное состояніе». Согласно съ этимъ въ проектѣ конституціи гражданское право выбора и поступленіе въ національное собраніе связывалось съ вноси-

мою податью и съ постояннымъ мѣстожительствомъ, а правительственной формѣ придали такое устройство, чтобы законодательная власть отдѣлялась отъ исполнительной. Законодательный корпусъ, избранный первоначальными собраніями въ мелкихъ округахъ, распался на совѣтъ пятисотъ, для котораго требовались извѣстный цензъ и тридцатилѣтній возрастъ, и на совѣтъ старшинъ, числомъ въ половину противъ того и по малой мѣрѣ сорокалѣтній возрастъ. Касательно исполнительной власти коммисія послѣ продолжительныхъ преній согласилась на то, чтобы пятьсотъ членовъ составили списокъ кандидатствъ, изъ котораго совѣтъ старшинъ имѣеть избрать пятерыхъ директоровъ въ родѣ высшаго правительственнаго вѣдомства. Національное собраніе согласилось съ проектомъ коммисіи во всѣхъ существенныхъ статьяхъ, но только возстановила выборы чрезъ посредство избирателей. Предложенный Сиссомъ встрѣчный проектъ съ трибуналомъ, который соблюдалъ бы интересы гражданъ, и съ «конституціоннымъ судомъ», который надзиралъ бы за исполненіемъ законовъ, поддерживался немногими. Конституція III. года была попыткою упрочить существующую систему: утвердить умѣренную демократическую республику со всѣми религіозными и политическими вольностями и правами, какія создала революція, удержать среднюю ступень между якобинизмомъ и клерикало-роялистскою реакціей; а потому и рѣшено было признать законы касательно собраний и имуществъ эмигрантовъ.

Конвентъ по разнымъ признакамъ чуялъ однако, что общественное мнѣніе мало сочувствовало такимъ дѣятелямъ, которые принимали участие въ Робеспьеровомъ террорѣ, что попятное теченіе чрезвычайно усилилось. Нѣкоторыя изъ парижскихъ секцій подали прошеніе о томъ, чтобы собраніе исключило находившихся въ его средѣ террористовъ, а заключенныхъ предало военному суду для скорѣйшей расправы. При такомъ настроеніи конвентъ навѣрное могъ рассчитывать на то, что новый выборъ депутатовъ будетъ для большинства членовъ смертнымъ приговоромъ, что среднее сословіе присоединится къ роялистской реакціи. Намѣреваясь противостоять такому опасному союзу, собраніе вновь сблизилось съ демократіей и прибѣгло къ помощи республиканскаго войска, съ цѣлью обезпечить за собою выборы при посредствѣ нѣкотораго рода государственнаго переворота. Конституція постановляла, чтобы въ обѣихъ совѣтахъ ежегодно избиралась вновь одна треть депутатовъ. На основаніи этого постановленія по предложенію члена коммисіи Бодена конвентъ присовокупилъ къ уставу крайне самовластную оговорку: примѣняя это для будущности предназначенное постановленіе къ предстоящему первому избранію, онъ рѣшилъ и утвердилъ, чтобы двѣ трети законодательнаго совѣта избирались департаментскими собраніями изъ среды наличныхъ депутатовъ кон-

Пополненія и
заговоръ роя-
листовъ.

5. и 13. фруктидора.
22. 29. авг.
1795.

вента, а если два или нѣсколько округовъ изберуть одного и того же депутата, то замѣстить вакантное мѣсто предоставляется— не народу посредствомъ новаго выбора, а самому конвенту. Сверхъ того войско также привлекалось къ голосованію. Опасаясь, какъ бы такимъ путемъ упраздненіе ненавистнаго конвента не отлагалось въ дальнее будущее, парижское среднее сословіе, подстрекаемое роялистами и бурбонскими агентами, воспротивилось такимъ дополненіямъ и требовало полной свободы выбора для націи. Парижскія секціи, гдѣ пользовались вліяніемъ противники республики, нѣсколько молодыхъ литераторовъ и журналистовъ, золотая молодежь, которая въ своихъ реакціонныхъ побужденіяхъ шла далѣе первоначальныхъ замысловъ Фрерона, поборники эмигрантовъ,— всѣ эти и другіе вожди и орудія попятной роялистской агитаціи всѣми силами старались погубить конституцію съ ея избирательными декретами. Въ силу народнаго самодержавія окончательное свободное рѣшеніе надлежало предоставить первобытнымъ собраніямъ въ секціяхъ и округахъ: всѣмъ патріотамъ вмѣнялось въ святую обязанность, сохранить за націей это право и въ случаѣ насилія добиться его вооруженнымъ возстаніемъ. Это движеніе сообщилось также провинціямъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ комиссары конвента подверглись поруганію и оскорбленіямъ. Совершались такія же явленія какъ и въ дни господства якобинцевъ, но только въ обратномъ направленіи. Даже въ самомъ войскѣ, хотя оно вообще твердо стояло за знамя республики, обнаруживались признаки отпаденія. Генераль Пишегрю при посредствѣ нефшательскаго книгопродавца Фоше-Борея поддерживалъ тайную переписку съ принцемъ Конде, который командовалъ небольшимъ отрядомъ эмигрантовъ на верхнемъ Рейнѣ. Республиканскій генераль, какъ предполагалось по плану, долженъ былъ перейти на правый берегъ, соединиться тамъ съ Конде и его войскомъ, а потомъ двинуться на Парижъ, гдѣ къ нимъ примкнули бы единомышленники. Однако, прежде чѣмъ успѣли осуществить этотъ заговоръ, побѣда конвента была уже рѣшена.

Республиканцы торжествуютъ.

Когда 6. сентября во всемъ государствѣ начались первоначальные выборы, то оказалось, что монархическое движеніе далеко еще не такъ разрослось, какъ надѣялась клерикально-роялистская партія, хотя какъ разъ въ эту пору графъ Артуа появился у западнаго берега. Не только конституція была принята преобладавшимъ большинствомъ, но также избирательные декреты, противъ которыхъ преимущественно направилась роялистская агитація, получили гораздо большее число голосовъ, быть можетъ не столько вслѣдствіе сочувствія къ республикѣ, а скорѣе оттого что масса гражданъ жаждала покоя и порядка, ей не хотѣлось попасть въ водоворотъ новой революціи. Полки линейныхъ войскъ также выразились за конституцію отъ фруктидора. Въ несомнѣнной надеждѣ

на полное торжество конвентъ назначилъ выборы депутатовъ 12. октября, а открытіе новаго законодательнаго корпуса отложилъ до 6. ноября.

Итакъ, антиреспубликанской партіи оставалось одно изъ двухъ: Возстаніе или подчиниться, или силою воспрепятствовать исполненію избирательнаго декрета. Парижскія секціи, количество которыхъ послѣ отмѣны муниципальнаго совѣта пользовались властью и располагали національною гвардіей, рѣшились на борьбу. Со времени террора сборныя мѣста въ столицѣ никогда не были такъ оживлены какъ въ послѣднихъ числахъ сентября и въ первыхъ октября, въ вандемьеръ республиканскаго календаря. Подъ веденіемъ секціи Лепеллетье, которая своимъ роялистскимъ рвеніемъ превосходила всѣ остальные, обсуждались и рѣшались средства, какъ бы воспрепятствовать дальнѣйшему владычеству конвента. Можно было рассчитывать на вооруженное ополченіе въ 20,000 человекъ по крайней мѣрѣ, тогда какъ національное собраніе въ Тюльери имѣло въ своемъ распоряженіи едва ли 5000 ратниковъ. Однако опасность внушила конвенту единодушіе и мужество. Хотя въ средѣ его находилось нѣсколько членовъ, которые въ родѣ Буасси д'Англаса, Ланжюнне и др. въ душѣ были роялисты, но въ критическіе моменты всѣ они дѣйствовали за одно. Когда парижскіе избиратели намѣревались собраться уже 3. вмѣсто 12. октября, то имъ воспрепятствовали въ этомъ; угрожающими эдиктами возбранялись всякаго рода ратныя собранія; какія бы то ни было народныя собранія запрещались. Правительственные комитеты избрали комиссію изъ пяти членовъ, «для охраны общественнаго порядка», подъ предѣлательствомъ назначеннаго въ предшествовавшемъ году въ генералы депутата Барраса. Послѣдній, не колеблясь, призвалъ къ оружію остатки прежняго революціоннаго войска, «дюжіе кулаки» предметій, и соединилъ ихъ съ находившимися въ Парижѣ линейными отрядами. Отставленные чиновники изъ времени террора дополнили ряды. Въ средѣ «патріотовъ 1789 года» появилось еще разъ даже имя Сантера. Всѣ эти мѣропріятія до того напоминали время якобинскаго господства, что гражданская и роялистская оппозиція усилилась еще болѣе. Комитетъ общаго блага поручилъ команду генералу Мену, съ тѣмъ чтобы онъ опросталъ и закрылъ залу собранія въ секціи Лепеллетье. Питая отвращеніе къ бывшимъ орудіямъ терроризма подъ правительственнымъ знаменемъ, Мену поступалъ такъ снисходительно и двусмы- 4. окт. 1795. сленно, что многіе обвиняли его въ измѣнѣ. Возставшимъ удалось побудить генерала Даникана, который нѣкогда ратовалъ въ Вандеѣ противъ инсургентовъ, но былъ отставленъ комитетомъ общаго блага, принять главное начальство; благодаря этому, въ возстаніи воцарилось болѣе единства, такъ что положеніе конвента оказалось не безопаснымъ.

13. вандемьера (5. окт. 1795). Это не укрылось от національного собрания, которое даже ночью оставалось в сборе в Тюльери, ни также от генерала Барраса, которому при сомнительном поведении Мену надлежало главнейше распорядиться военными действиями. Тут вспомнил он о генерале *Наполеон Бонапартъ*, который по низвержении Робеспьера лишенъ былъ директоромъ военного комитета Обри команды надъ артилеріей въ итальянской арміи и теперь находился въ Парижѣ въ отпуску безъ должности, съ скуднымъ окладомъ, едва удовлетворявшимъ его потребностямъ. Въ военномъ отдѣленіи комитета общаго блага, гдѣ преемникъ Обри, Дульсе де Понтекуланъ иногда совѣщался съ нимъ и поручалъ ему работы въ топографическомъ бюро, признали уже по случаю испанской войны его стратегическую проницательность, и успѣшная кампанія генерала Монсе у верхняго Эбро исполнилась главнейше по его начертаніямъ. Рано утромъ Бонапартъ получилъ извѣстіе о своемъ назначеніи. Онъ поспѣшилъ въ Тюльери, гдѣ тотчасъ же принялся за дѣло, устранивъ какъ Мену, такъ и Барраса. Ему удалось находившіяся въ одномъ изъ парковъ виѣ города пушки національной гвардіи перевезть въ Тюльери, прежде чѣмъ возставшіе успѣли овладѣть ими; онъ размѣстилъ ихъ вокругъ дворца, такъ чтобы обстрѣливать берега рѣки и прилегающія улицы. Затѣмъ разставилъ вооруженные отряды по надлежащимъ мѣстамъ и велѣлъ даже раздать ружья семисотъ членамъ конвента, такъ чтобы въ случаѣ нужды они служили резервомъ; это распоряженіе не мало напугало нѣкоторыхъ изъ депутатовъ. До полудня подошли полки національной гвардіи и расположились по сосѣднимъ улицамъ и у входовъ, такъ что форпосты стояли одинъ противъ другаго. Однако, особеннаго рвенія къ натиску не обнаруживалось: Даниганъ былъ того мнѣнія, чтобы національная гвардія вовсе не затѣвала боя, а оградилась баррикадами всеѣ подходы ко дворцу и такимъ образомъ довела конвентъ до того, чтобы онъ вынужденъ былъ вступить въ соглашеніе и помириться. Въ собраніи также многіе увѣщевали, чтобы не доводить дѣла до крайности. Такъ прошло нѣсколько часовъ: начались переговоры; солдаты и граждане стали дружелюбно сноситься между собою. Еслибъ депутаты согласились выдать остальныхъ монтаньяровъ и обезоружить якобинскія шайки предмѣстій, то могли бы избѣгнуть кроваваго столкновенія. Но на счастье Бонапарта, котораго никогда не облазняла роль Монка и который отъ возврата монархіи не ожидалъ никакого проку для своего честолюбія, горячія головы во дворцѣ и виѣ его одержали верхъ. Секція Лепеллетье, гордясь своими накануне добытыми лаврами, настаивала на томъ, чтобы рѣшить дѣло боемъ, а термидоріанцы требовали прежде всего, чтобы мятежники сложили оружіе, и съ негодованіемъ отказались удалить «патріотовъ». День

клонился уже къ вечеру, и дѣло все еще ничѣмъ не рѣшалось. Вдругъ раздался выстрѣлъ и подалъ сигналъ къ бою. Съ какой стороны и кто выстрѣлили, никогда нельзя было узнать навѣрно. И вотъ закипѣла кровавая уличная битва. Національные гвардейцы, занявъ позиціи по улицѣ Сентъ-Оноре, сначала съ церкви Рошно бойко напирала на батальоны патріотовъ; вскорѣ однако картечный огонь линейныхъ войскъ сталъ сильно поражать ихъ и привелъ въ совершенное смятеніе, такъ что они быстро обратились въ бѣгство и опростали улицу. Не прошло и часу, какъ все было уже рѣшено. Съ обѣихъ сторонъ осталось на мѣстѣ по нѣсколькимъ сотнямъ убитыхъ и раненыхъ; однако исходъ былъ бы гораздо кровопролитнѣе, еслибъ Бонапартъ, вопли увѣренный въ побѣдѣ, не велѣлъ бы затѣмъ стрѣлять холостыми зарядами. На слѣдующій затѣмъ день все важнѣйшія мѣста въ городѣ были заняты безъ сопротивленія и произведены аресты. Конвентъ впрочемъ также не жаждалъ крови согражданъ. Зачинщики и коноводы мятежа остались большею частью въ живыхъ. Только двое, оказавшіеся особенно рьяными въ качествѣ роялистскихъ агентовъ, были осуждены военнымъ судомъ и разстрѣляны.

2. юные годы наполеона бонапарта. приобретенья революціи.

День 13. вандемьера имѣлъ высокое значеніе для французской націи. Онъ рѣшилъ побѣду и дальнѣйшее существованіе республики, а для Наполеона Бонапарта послужилъ первою ступенью къ владычеству. Сначала оно дѣйствительно казалось, будто партія патріотовъ намѣревалась воспользоваться своимъ мимолетнымъ перевѣсомъ и утвердить новое якобинское правленіе. Негодуя на то, что выборы въ Парижѣ и провинціяхъ выпали большею частью въ пользу умѣренныхъ членовъ конвента или людей роялистскаго и аристократическаго направленія, демократы въ собраніи замыслили учинить государственный переворотъ. Опираясь на открытые у нѣкоторыхъ вождей ипсургентовъ документы, вѣдствіе которыхъ многіе изъ депутатовъ оказались въ двусмысленномъ свѣтѣ, дѣвалъ сторона, къ которой опять примкнулъ политическій переметчикъ Тальенъ, потребовала, чтобы всехъ, кто состоялъ въ сношеніяхъ съ эмиграціей или питалъ роялистскіе и аристократическіе помыслы, вычеркнули изъ избирательнаго списка и выключили такимъ образомъ изъ назначенія въ законодательныя корпораціи. Благодаря, однако, миротворному вліянію и посредничеству нѣкоторыхъ патріотическихъ членовъ, между которыми въ особенности отличался Тибодо, къ великой досадѣ демократовъ въ собраніи и галереяхъ, отвергнуты были всякія попытки, возстановить новый революціонный терроризмъ. Въ назначенный срокъ оба совѣта

Исполненіе конституціи директоріи. Баррасъ и Бонапартъ.

могли открыть свои засѣданія. Умѣренные республиканцы и такъ называемые независимые подъ веденьемъ Сіеса составляли большинство; между ними самымъ большимъ вліяніемъ пользовался Баррасъ, которому конвентъ былъ главнѣйше одолженъ своею побѣдой. Въ его рукахъ находилась вся внутренняя военная власть. Когда конвентъ разошелся, и согласно новой конституціи образовались оба совѣта, то его выбрали въ число пяти директоровъ, обязанныхъ завѣдывать правительственными дѣлами. Тогда-то Баррасъ, этотъ баловень революціи, который наслажденіями и кутежами дорожилъ болѣе всякаго труда и исполненія обязанностей, выхлопоталъ своему корсиканскому пріятелю, содѣйствовавшему его превосходному положенію, главное начальство надъ всѣми внутренними войсками. А такъ какъ молодой генералъ своими энергическими и разумными распоряженіями подавлялъ противоборствовавшіе элементы и привелъ государственную жизнь въ стройный порядокъ, то правленіе директоровъ назначило его предводителемъ итальянской арміи, той самой, въ которой онъ совершилъ свою первую кампанію и гдѣ приобрѣлъ себѣ лавры и друзей. Бонапартъ былъ твердо убѣжденъ, что всемірная война, которая началась тогда съ Австріей и не доставляла никакой выгоды французскимъ войскамъ, должна рѣшиться въ Ломбардіи. Переговоривъ съ Дульсе-Понтекуланомъ, онъ быстро начерталъ свой планъ и предложилъ его властителямъ въ Парижѣ. Теперь, наконецъ, удалось ему привести въ исполненіе намѣченный въ краткихъ чертахъ съ гениальнымъ взоромъ и великою смѣлостью проектъ кампаніи. Нѣсколько дней спустя послѣ своего совершившагося 23. февраля назначенія двадцатисемилѣтній полководецъ отпраздновалъ свою свадьбу съ упомянутою выше вдовою виконта Богарне. Ея супругъ, родившись какъ и она сама на островѣ Мартиникѣ, сражался нѣкогда при Лафайетѣ и Рошамбо въ американской войнѣ за освобожденіе, а потомъ, какъ мы уже знаемъ, палъ жертвою плебейски-демократической жажды мщенія и тирании. Наполеонъ черезъ Барраса познакомился съ Жозефиною и страстно полюбилъ ее, хотя она была старше его и матерью двухъ дѣтей, Евгенія и Гортензіи.

9. марта 1796.

Наполеонъ Бонапартъ, главнокомандующій итальянской арміи.

Съ этой поры судьба Франціи и Европы была связана съ именемъ человека, который приговалъ побѣду къ своему знамени и дивными успѣхами своихъ военныхъ предпріятій положилъ основаніе небывалому властительскому поприщу. Никто не чаялъ будущаго величія въ молодомъ офицерѣ небольшого роста съ рѣзко очерченнымъ лицомъ оливковаго цвѣта и спускавшимся на лобъ темными волосами, молчаливаго и замкнутаго въ себѣ; но пылая внутреннимъ огнемъ, исполненный жизни и рвенія къ строгимъ трудамъ и ученіямъ, онъ шелъ своимъ собственнымъ путемъ; всякій, кто сходилъ съ нимъ, скоро по ясному, точному приговору

о людяхъ и дѣлахъ, по твердой волѣ, съ инстинктивною силою преслѣдующей свою цѣль, узнавалъ гениальную способность его природы и прирожденное призваніе властелина.

Наполеонъ Бонапартъ (Буонапарте), сынъ корсиканскаго дворянина, отличившагося въ войнахъ, предшествовавшихъ овладѣнію острова Французамъ (XII, 650), друга Паоли, и Летиціи Рамолино, корсиканки низкаго происхожденія и безъ состоянія, но весьма красивой собою, родился 15. августа 1769 въ Аяціо, два мѣсяца спустя послѣ присоединенія острова къ Франціи. „Я родился, когда моя отчизна умирала“, писалъ онъ 1789 Паоли; „стоны умирающихъ, вопли угнетенныхъ, слезы отчаянія окружали мою колыбель со дня моего рожденія“. Отецъ Карлъ Бонапартъ, образованный, богатый потомокъ древняго, изъ Тосканы вышедшаго дворянскаго рода, примкнулъ къ новымъ властителямъ, благодаря чему снискалъ себѣ расположеніе французскаго правительства, что и послужило въ пользу многочисленной семьи его, особенно второму сыну. Десятилѣтнимъ отрокомъ, который плохо говорилъ по французски и чужестраннымъ выговоромъ долго еще изобличалъ свое итальянское происхожденіе, Наполеонъ поступилъ въ военное училищѣ въ Бриеннѣ, гдѣ и пробылъ пять лѣтъ (1779—1784), а затѣмъ перешелъ въ парижское военно-учебное заведеніе. Въ обоихъ мѣстахъ онъ посвящалъ себя въ особенности математическимъ и историческимъ наукамъ, къ которымъ и въ послѣдствіи всегда питалъ сильное пристрастіе, потому усвоилъ себѣ обширныя знанія по инженерной части. Поступивъ въ французскую армію, онъ въ чинѣ артилерійскаго поручика, своимъ мужествомъ и воинскимъ искусствомъ скоро обратилъ на себя вниманіе въ южной Франціи и на островѣ Корсикѣ, гдѣ вслѣдствіе революціи наступилъ страшный разладъ партій съ разнородными цѣлями; въ февралѣ 1792 Наполеонъ былъ уже возведенъ въ капитана артилеріи. Ревностно преданный революціоннымъ идеямъ и демократическимъ свободнымъ порывамъ, дружный съ младшимъ Робеспьеромъ, онъ былъ желаннымъ помощникомъ новыхъ властителей Франціи, и его исполненная честолюбія душа скоро почувала выгоды, какія принесутъ связи съ членами горы. Когда корсиканскій національный герой, Паоли, вернувшись изъ Англии, сталъ дѣйствовать въ пользу независимости и отдѣленія Корсики отъ Франціи, то Наполеонъ рѣзко возсталъ противъ стараго друга, которымъ прежде такъ восторгался; а потомъ онъ въ памфлетѣ того времени („*Souper de Beaucaire*“), отстаивалъ насильственный переворотъ противъ жиронды. Междоусобная борьба на Корсикѣ, причемъ онъ съ своимъ братомъ Жозефомъ и съ земляками Салицетти и Арено ратовалъ противъ вождей національной и реакціонной партіи Паоли и Поццо ди Борго, кончилась присоединеніемъ острова къ Англии, а семейство Бонапарта, подвергнувшись изгнанію и конфискаціи, удалилось въ южную Францію, гдѣ Наполеонъ въ республиканской арміи вступилъ на новое поприще военной дѣятельности. Мы знаемъ, какъ онъ отличился при осадѣ Тулона. Завоеваніе мятежнаго порта было главнѣйше его дѣломъ. Онъ однако не участвовалъ въ совершавшихся тамъ революціонныхъ злодѣяніяхъ. Его произвели затѣмъ въ бригадные генералы и ему поручили укрѣпить южный берегъ до Ментоны, съ цѣлью воспрепятствовать приближенію непріятельскаго флота. Онъ съ большимъ искусствомъ исполнилъ это порученіе. Его относящіяся сюда отчеты и предписанія по ясности, осмотрительности и точности слѣдуетъ признавать классическими: они обнаруживаютъ законченнаго мастера въ артилерійскомъ искусствѣ и необычайный организаторскій даръ, который все властно подчинялъ себѣ для цѣлесообразнаго порядка. Ему поручена

Юные годы Наполеона Бонапарта.

была также дипломатико-военная миссія въ Геную. Прежде Тулона еще онъ-познакомился съ двумя молодыми людьми, которые впоследствии достигли высокихъ почестей, съ унтеръ-офицеромъ Жюно, который обратилъ на себя вниманіе своею неустрашимостью и четкимъ почеркомъ, и съ артилерійскимъ поручикомъ Мармономъ. Вслѣдствіе дружескихъ связей съ Робеспьерами Наполеонъ послѣ 9. термидора подвергся опасности. Коммиссары конвента, желая прислужиться новымъ властителямъ своею ревностью, велѣли арестовать корсиканскаго республиканца и захватить его бумаги. Его скоро, впрочемъ, освободили, однако его планъ высадки на Корсику для отвоеванія острова не состоялся вслѣдствіе перевѣса Англичанъ на морѣ. Вскорѣ затѣмъ его поразилъ чувствительный ударъ; реакція противъ террористовъ коснулась также и Наполеона; Обри, засѣдавшій вмѣсто Карно въ комитетѣ общаго блага членомъ по военнымъ дѣламъ, занялся „очисткою“ арміи, вслѣдствіе чего молодой генералъ былъ исключенъ изъ артилеріи и итальянской арміи и прикомандированъ бригаднымъ генераломъ отъ инфантеріи къ войску въ Вандеѣ. Онъ тотчасъ же отправился въ Парижъ съ цѣлью отмѣнить это рѣшеніе. Когда Обри, который, не смотря на преклонные года, дослужился только до капитана, поставилъ генералу на видъ его черезъ-чуръ молодой возрастъ, то Наполеонъ рѣзко возразилъ: „На полѣ брани скоро старѣются, и я только что оттуда!“ Быть можетъ онъ узналъ о предстоящемъ возстаніи террористовъ, почему какъ разъ въ это время и уѣхалъ въ провинцію. Послѣ того, впрочемъ, какъ надежда на низверженіе термидоріанцевъ не осуществилась, Наполеонъ взялъ отпускъ, лишь бы не ѣхать въ Вандею. На скудномъ жалованьи и безъ дѣлъ, онъ нѣсколько мѣсяцевъ праздно провелъ въ Парижѣ, занятый разными планами, постоянно посѣщалъ салонъ мадамъ Тальенъ, но гости ея мало симпатизировали этому угловатому молодому человѣку, съ его странными приемами. Такимъ застало его 13. вандембера. Среди хаоса той эпохи, говоритъ Ланфре, и съ добрыми имъ усвоенными себѣ оружіями, — съ гениемъ великаго полководца, съ искусствомъ завладѣть фантазіей современниковъ, съ изумительною проницательностью, съ глубокимъ знаніемъ людей и презрѣніемъ къ нимъ, съ лукавствомъ Итальянца и съ неодолимымъ уморствомъ Корсиканца—для него была достижима всякая цѣль.

Результаты законодательной дѣятельности національнаго собрания. Революція была хаотическимъ періодомъ творчества, въ который одновременно дѣйствовали разрушительныя и образовательныя силы; но развиться имъ въ гармоническія формы предоставлялось будущему. Конвентъ съ доктринерскою послѣдовательностью не только сокрушилъ провинціальный партикуляризмъ, но пытался также ко всей національной жизни приурочить принципъ свободы и равенства, на развалинахъ всякихъ корпоративныхъ учреждений и институтовъ, всякихъ традицій, обычныхъ узаконеній и обязанностей съ безпощадною строгостью возсоздать всемогущество государства; однако, онъ успѣлъ только выравнить почву, на которой могли бы возрасти новыя образованія, и только отчасти насадилъ зародыши новыхъ жизненныхъ порядковъ, онъ заложилъ лишь начатки къ будущимъ организациямъ.

Имущественныя условія. Землевладѣльческія и имущественныя условія подверглись существенному преобразованію. Мы знаемъ, что государство захватило имѣнія церквей и эмигрантовъ, распродало ихъ болѣе или менѣе круп-

ными долями, что изъ этой юридической тираніи лишь по прекращеніи терроризма изъяты были имущества казенныхъ. Даже большая часть общинныхъ земель перешла въ частныя руки. Въ спискахъ эмигрантовъ, какіе якобинскими чиновниками коммуны составлялись зачастую съ невѣроятнымъ легкомысліемъ по личной злобѣ и враждѣ, стояло около 170,000 именъ, изъ которыхъ около 10,000 вооружились противъ отечества. Всѣ они считались опальными и лишеными правъ, ихъ имущество отбиралось въ казну; во время террора эта кара постигла даже родителей и родственниковъ до третьяго колѣна. Бывшіе крѣпостные поселяне и арендаторы стали вольными собственниками, крестьяне и мѣщане за дешевую цѣну пріобрѣтали въ собственность помѣстья и церковныя имѣнія, усадьбы и замки, лѣса и дачи. А на западѣ и югѣ владѣнія и имущества гражданскаго населенія, вслѣдствіе междоусобій, подверглись чрезвычайнымъ переменамъ!

Конвентъ не одно только матеріальное имущество подвергъ такому глубокому перевороту; республиканскій рационализмъ преобразилъ также и юридическую жизнь и образовательныя заведенія. Вслѣдствіе отмѣны прежняго церковнаго и іерархическаго строя необходимымъ оказалось ввести много новыхъ учреждений. Такъ какъ духовенство въ его господствовавшихъ органахъ настаивало на осужденіи всѣхъ съ 1790 года совершившихся церковныхъ нововведеній и не только неприсяжные священники, но даже тѣ, которые во избѣжаніе нужды и бѣдствія обязались повиноваться свѣтскому начальству, постоянно находились въ явной или тайной оппозиціи противъ республиканскаго правительства; то конвентъ необходимо долженъ былъ по возможности разъединить церковь и государство, ограничить вліяніе духовенства на гражданскую и семейную жизнь. Мы знаемъ, что въ католической Франціи монархической эпохи брачная жизнь, воспитаніе и обученіе, даже самое юридическое положеніе дѣтей сильно пропитались клерикальными воззрѣніями. Подвергнуть это рѣшительному перевороту можно было не иначе, какъ съузвивъ кругъ служебнаго вѣдомства и юридическихъ правъ духовенства. Принципамъ свободы, равенства и человѣческихъ правъ скорѣе всего отвѣчало бы, еслибъ, какъ въ Америкѣ, церковь и государство вполне отдѣлились другъ отъ друга, если бѣ религіозная жизнь была предоставлена чувству и совѣсти каждой отдѣльной личности. Однако, не слѣдовало ли въ такомъ случаѣ опасаться, какъ бы въ романокельтическомъ населеніи юга и запада на основѣ фанатически-суетвѣрнаго настроенія не возникла новая теократико-клерикальная власть наперекоръ юнымъ республиканскимъ порядкамъ? Или какъ бы вслѣдствіе сплываго вліянія Парижа на умственное направленіе всего государства атеистическое, враждебное церкви воззрѣніе коммуны не проникло черезъ-чуръ въ низшіе народныя слои большихъ городовъ

Церковныя и гражданскія юридическія условія.

и не содѣйствовало террористическимъ выходкамъ? Рационалистическая демократія пыталась устранить оба недостатка тѣмъ, что не препятствовала отправленію христіанской религіи, но сдерживала всякое клерикальное вмѣшательство, также всякое религиозное и нравственное распутство. Последнюю цѣль она достигала, подавляя народныя сборища и возстанія, что, начиная съ 9. термидора, исполнялось съ строгою послѣдовательностью; а первую—путемъ законодательства, пытаясь овладѣть въ пользу государства семейною жизнью и школою. На такой конецъ она бракъ лишила священнаго характера таинства, преобразивъ постановленіемъ гражданскаго брака супружество въ гражданскій договоръ, и допустивъ при извѣстныхъ условіяхъ разводъ съ правомъ вновь вступать въ бракъ; на такой же конецъ конвентъ создалъ новое семейное право наслѣдованья, постановивъ закономъ въ протививъ прежнему правительству, которое поддерживало неразрывность семейныхъ владѣній, равное распределеніе наслѣдства родителей между всѣми дѣтьми, урядивъ юридическое положеніе незаконнорожденныхъ дѣтей, отмѣнивъ всякое юридическое преимущество, основанное на рожденіи, расторгнувъ корпоративную семейную общину.

Гражданскій
бракъ и право
наслѣдованія.

Учебныя и
образователь-
ныя заведенія.

Республика точно также уничтожила прежнія образовательныя и учебныя заведенія, находившіяся большею частію подъ надзоромъ и веденіемъ духовенства; учрежденія и владѣнія послѣдняго были присвоены государству и употреблялись имъ для новыхъ созиданій. Похвалы, расточаемыя поборниками революціи, въ родѣ Луи Блана, новымъ народнымъ учебнымъ заведеніямъ, открытымъ конвентомъ, не лишены основанія. Въ республикѣ, конечно, не хватало ни необходимыхъ на то средствъ, ни досуга, довести до успѣшнаго плодотворнаго развитія новыя созданія, которыя независимо отъ церкви и религіи служили бы только цѣлямъ народнаго просвѣщенія, умственнаго образованія, научнаго и техническаго обученія; для этого она лишена была и внѣшняго и внутренняго спокойствія. Однако, заложены были основы, на которыхъ мало-по-малу развилась новая умственная жизнь, опираясь на богатый опытъ, на идеи, на учебныя средства и на примѣры эпохи просвѣщенія. Въ разгарѣ терроризма состоялся законъ объ организаціи элементарнаго обученія, всилу котораго въ каждой общинѣ устраивалась народная школа, поддерживаемая на счетъ государства. По другому закону отъ 25. февраля 1795 предписывалось, чтобы въ каждомъ департаментѣ устроена была центральная школа для научнаго образованія съ шестилѣтнимъ курсомъ. О подготовкѣ искусныхъ учителей пеклась «нормальная школа» въ Парижѣ, въ которой отличные ученые по всѣмъ предметамъ читали лекціи съ такимъ совершенствомъ, какъ едва ли гдѣ въ другомъ мѣстѣ на свѣтѣ. Въ Парижѣ, Монпелье и Страсбургѣ были основаны медицинскія школы, которыя впоследствии пользовались

высокою славою. Болѣе всего, однако, республикѣ одолжены своимъ возникновеніемъ два заведенія, которыя донинѣ составляютъ гордость образованной Франціи: національный институтъ, куда перешли прежнія академіи, отъ 25. октября 1795, и политехническая школа отъ 12. декабря 1794 для всѣхъ наукъ по инженерной части.

3. Франція подъ властью директоріи до 18. Фруктидора.

Благодаря 13. вандемьеру и Наполеонову побѣдоносному мечу, Директорія и члены 1793 г. утвердились въ правленіи; царевубійственный конвентъ при новыхъ конституціонныхъ формахъ также былъ руководящею государственною властью. И въ самомъ дѣлѣ, хотя происшедшіе изъ двойныхъ выборовъ и по возрастамъ и жребію распределенные въ оба совѣта члены придерживались большею частью умѣренно-республиканскихъ принциповъ, однако прежніе террористы, монтаньяры и термидоріанцы были все еще многочисленны и сильны и настолько мощны, что въ связи съ вышедшими изъ ихъ среды директорами могли поддержать въ правительствѣ революціонный характеръ. Изъ списка составленнаго пятьюстами, совѣтъ старшинъ избралъ пятерыхъ членовъ, которые во все время терроризма находились въ конвентѣ и отчасти въ значительной мѣрѣ участвовали тогда въ правительственной жизни. Баррасъ, Реубель, Карно достаточно извѣстны какъ якобинцы самаго чистаго пошиба. Карно избрали уже послѣ того, какъ Сіесъ, частью досадуя на то, что отвергли его проектъ конституціи, частью изъ лѣни и убоия напряженнаго труда, отказался отъ выбора; впрочемъ правительство съ преобладавшимъ воинственнымъ характеромъ едва ли могло обойтись безъ организаторскаго таланта Карно. Его прямота, чистота нрава и любовь къ отечеству признавались всѣми, такъ же какъ и его трудолюбіе, энергія, испытанное дарованіе въ военномъ дѣлѣ. Двое остальныхъ директоровъ, Ларевельеръ-Лепо и Летуриеръ, были республиканцы въ духѣ жирондистовъ. Первый изъ нихъ, образованный, свѣдущій въ философіи и естественныхъ наукахъ ученый былъ трудолюбивъ, добродушенъ, но тщеславенъ, упоренъ и фанатическій врагъ церковной системы и духовенства; онъ основалъ теофилантропическое общество, которое съ доктринернымъ рационализмомъ христіанство замѣняло естественною религіею, культомъ божественной и человѣческой любви, безъ мистерій и чудесъ, съ вольными поученіями достопочтенныхъ старцевъ и съ нравственнымъ хоровымъ пѣніемъ одѣтыхъ въ бѣлое дѣвицъ. Летуриеръ былъ трудолюбивый дѣлецъ, искусный инженеръ и опытный знатокъ морскаго дѣла, но не особенно замѣчательный. За исключеніемъ чувственнаго сластолюбиваго графа Барраса, который послѣ короткаго военнаго поприща въ Америкѣ прежде революціи

проживалъ въ большомъ свѣтѣ кавалеромъ стараго пошиба и сохранилъ старыя привычки также въ качествѣ якобинца и террориста, директоры были достойные уваженія люди, исполненные республиканской простоты и патриотическихъ помысловъ; посвятивъ себя съ величайшимъ рвеніемъ и самоотверженною преданностью общественной службѣ, они въ отведенномъ для нихъ, почти опустѣломъ Люксембургскомъ дворцѣ вели жизнь, исполненную труда и хлопотъ, но скудную по части содержанія и удобствъ. Изъ министровъ одинъ только Мерленъ де Дуэ, правовѣдъ и якобинскій руководитель юридическаго вѣдомства и полиціи возвышался надъ уровнемъ посредственности. Директорія не была ни единодушнымъ, ни сильнымъ правительствомъ, и желаніе придать директорамъ значеніе и важность при посредствѣ нестраго, изъ багреца и бархата состоявшаго мундира, не оказало ожидаемаго вліянія на народъ и общественное мнѣніе, не смотря даже на свойственное націи пристрастіе къ театральному блеску.

Положеніе и политика правительства. Правительство директоріи, составленное вслѣдствіе взаимныхъ уступокъ изъ республиканцевъ различныхъ оттѣнковъ, было преемникомъ конвента, а потому и служило для большинства націи предметомъ ненависти. Оттого-то оно съ самаго начала и обратилось поневолѣ къ политикѣ, которая была не понутру жаждавшему покоя, мира и безопасности народу. Циркуляръ отъ 9 декабря ясно и открыто объявлялъ, что правительство всѣми силами будетъ отстаивать республику, что оно для себя и для всѣхъ служащихъ ему признаетъ высшимъ долгомъ, исполнить народъ вновь той священной любви къ свободѣ, «которая иѣкогда освятила зарю революціи», и впредь, также какъ въ былое время, не на животь, а на смерть ратовать противъ дурныхъ священниковъ, «этихъ отъявленныхъ лжецовъ, интригантовъ и крамольниковъ», и противъ эмигрантовъ, «заклеймепныхъ братоубійцъ, безпокойно подобно Каину рыскающихъ по свѣту». Этому манифесту отвѣчали самыя дѣйствія. Въ началѣ наступившаго затѣмъ года въ свѣтѣ старшинъ, гдѣ, благодаря вновь избранной трети членовъ, умѣренныя, консерваторы и роялисты составили большинство, сдѣлана была попытка, смягчить суровыя постановленія противъ эмигрантовъ, подвергнуть судамъ для пересмотра составленные съ неслыхашымъ произволомъ списки и изъять изъ секвестра имущества родителей и родственниковъ. Но демократико-республиканская партія у пяти сотъ и въ директоріи всѣми силами возстала противъ этого; она сочла это государственною измѣною республикѣ. Партія директоріи на самомъ дѣлѣ добилась, что имущество эмигрантовъ и ихъ будущее наслѣдіе предоставлено было въ распоряженіе правительства, исключеніе изъ списковъ поручилось не судамъ, а директоріи и административнымъ вѣдомствамъ; послѣднія такъ небрежно, такъ произвольно и своекорыстно произ-

водили дѣло, что прошенія выходцевъ почти вовсе не принимались въ уваженіе. Опасались вліянія возвратившихся на общественное настроеніе. Итакъ, терроризмъ противъ священниковъ и эмигрантовъ не оскудѣвалъ. Изъ пародныхъ выборовъ выходило много чиновниковъ и судей антиреспубликанскаго настроенія; а потому стали пользоваться правомъ отрѣшать отъ мѣстъ и назначать по произволу въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что свобода выбора оказалась призракомъ. Печать, не стѣсняемая болѣе терроромъ, не обуздываемая ни запретительнымъ, ни понудительнымъ уставомъ, приняла оппозиціонный, враждебный характеръ, который директоры, «пятеро тирановъ Люксембурга», какъ прозвали ихъ, тщетно пытались обуздать. Политическія собранія и общества, возникшія вновь подъ другими именами и формами, болшею частью также возставали противъ господствовавшей системы. Ихъ стремленія были направлены на низверженіе директоріи, частью въ духѣ прежняго терроризма, частью въ виду монархической реставраціи. Правительство, которое пользовалось такимъ скуднымъ сочувствіемъ въ народѣ, могло удержаться лишь до тѣхъ поръ, пока массы находились въ тревожномъ состояніи, пока длилась революція, и забота о спасеніи и благоденствіи государства возбуждала умы. И тогда какъ большинство французскаго населенія жаждало мира и уряженнаго состоянія, въ то же время правительство для поддержки собственнаго существованія поневолѣ пыталось продлить и обострить войну съ Англіей и Австріей. Не обладая достаточными средствами, подъ бременемъ государственнаго долга въ двадцать семь миллиардовъ ассигнатовъ, директоры и рьяные республиканцы въ обоихъ совѣтахъ вновь ринулись на всесвѣтную борьбу. И счастье, въ одномъ мѣстѣ по крайней мѣрѣ, благопріятствовало имъ. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы ознакомимся съ военными успѣхами Наполеона въ верхней Итали. Но между тѣмъ какъ онъ между Альпами и Апеннинами подъ республиканскимъ знаменемъ залагалъ основу своему будущему владычеству, въ то же время въ самой Франціи правительство директоріи лишено было власти и значенія; находясь въ вѣчной распрѣ съ законодательнымъ корпусомъ, оно не пользовалось ни уваженіемъ, ни довѣріемъ націи и подвергалось жесточайшимъ нападкамъ партій.

Не смотря на его республиканскій характеръ, правительство директоріи отнюдь не удовлетворяло демократамъ и революционерамъ; общество равныхъ. мало того, именно съ ихъ стороны и послѣдовали нападки, напоминавшіе возстанія жерминаля и преріаля. *Граксъ Бабёфъ*, террористъ временъ Робеспьера, въ связи съ нѣкоторыми якобинцами основалъ общество «равныхъ» или клубъ Пантеона, къ которому примкнулъ весь наличный остатокъ гебертистовъ и прежней коммуны, съ которымъ вѣдались также нѣкоторые изъ прежнихъ мон-

таньяровъ, какъ Роб. Линде, Амаръ и др. Бабёфъ издавалъ газету подъ названіемъ «Народный трибунъ»; въ ней, подобно тому Римляину, имя котораго присвоилъ себѣ, онъ добивался уравненія имущества и новаго раздѣленія владѣній. Онъ писалъ языкомъ, какъ нѣкогда Марать, прославленный имъ прототипъ, въ «Другъ народа». То, что конвентъ во время террора сдѣлалъ въ угоду пролетаріата, далеко еще не удовлетворяло его; цѣлью его было полное равенство всѣхъ даже въ отношеніи имущества:

„Собственность“ такъ гласитъ его новое евангеліе, „есть источникъ всѣхъ золъ, тяготящихся надъ людьми; вслѣдствіе этого человѣческое общество стало разбойничьимъ вертепомъ, а гармонія въ немъ оказалась преступленіемъ. Говорятъ о собственности и законахъ; собственность ничто иное какъ похищенное имущество, законы—дѣло насилия. Солнце свѣтитъ для всѣхъ, земля никому не принадлежитъ. Итакъ, друзья, низриньте и разбейте это общество, которое вамъ не понутру! Заберите все, что вамъ угодно; разрушьте межевые столбы и постановленія; избежите тирановъ, патрицевъ, денежныхъ людей, всѣ нечистыя существа, которыя противятся общему благу. Все, что творитъ народъ, законопно; что онъ призываетъ, свято“. Вотъ начало позднѣйшаго евангелія социалистовъ: „собственность—кража“.

- Коммунистическій заговоръ.
- Пока Бабёфъ ограничивалъ свои демагогическіе происки газетными статьями и манифестами, до тѣхъ поръ правительство не стѣсняло его. Однако, когда директорамъ донесли, что въ обществѣ равныхъ при Пантеонѣ замышляется заговоръ съ цѣлью ниспровергнуть конституцію, то они приказали арестовать коноводовъ и предать суду.
11. дек. 1795. Бабёфу удалось ускользнуть, и онъ изъ скрытнаго убѣжища у одного содержателя кофейни возлѣ старой церкви Женевиёвы продолжалъ свои мятежные происки и свою агитаторскую публицистику. Когда правительство и чины вслѣдствіе скуднаго финасового состоянія прекратили выдачу пособія городу для доставки дешевыхъ съѣстныхъ припасовъ, то вслѣдствіе нужды среди бѣднѣйшихъ классовъ народа возрасло число недовольныхъ: единственное спасеніе отъ бѣдствія и голода они чаяли въ возобновеніи демократическаго господства 1793 года съ терроризмомъ, въ наивысшихъ цѣнахъ, въ распродажѣ имѣній, въ прогрессивномъ подоходномъ налогѣ, а соблазнительное раздѣленіе имущества Бабёфа сулило имъ еще болѣе блестящую будущность. Признаки новыхъ революціонныхъ замысловъ и заговоровъ принимали все болѣе и болѣе тревожный характеръ, такъ что директорія прибѣгла наконецъ къ военной силѣ, приказала закрыть клубъ равныхъ при Пантеонѣ и всѣ остальные политическія общества оппозиціоннаго свойства, установила строгій полицейскій надзоръ за инородцами. Два мѣсяца спустя послѣ того вышло постановленіе, которое угрожало смертною казнию всякому, кто въ рѣчахъ или въ печати станеть возбуждать къ уничтоженію

законодательнаго корпуса или директорія, къ низверженію конституціи или къ изданію аграрнаго закона; строгость этого постановленія направлена была не только противъ красной демократіи, но также противъ роялистской реакціи. Это однако не помѣшало друзьямъ равенства продолжать ихъ тайныя сборища; образовавъ демократическую коллегію изъ семи революціонеровъ, въ средѣ которыхъ помимо Бабёфа самыми дѣятельными членами были итальянскій террористъ Буонаротти, сообщникъ Лебона по имени Дартэ и литераторъ Феликсъ Лепеллетье, они обсуждали средства, какъ бы возстановить республиканскую диктатуру въ духѣ Робеспьера и Сень-Жюста, при которой понемногу ввелась бы система равенства имуществъ. Совмѣщеніе всѣхъ государственныхъ и общинныхъ владѣній въ единое великое «національное имущество»,—вотъ что должно было служить починомъ ихъ коммунистическаго социальнаго государства, а отмѣною всякаго наслѣдства надлежало исподволь пріурочить къ нему всю частную собственность. Въ этомъ смыслѣ составлялись мятежныя брошюры и распространялись по кварталамъ рабочихъ, въ казармахъ линейныхъ полковъ, въ жилищахъ пролетаріевъ. Давнишнія грезы о государственной общинѣ крестьянъ, воиновъ и ремесленниковъ съ спартанскимъ воспитаніемъ и общимъ имуществомъ стали еще разъ обуревать души демократическихъ мечтателей и обманутыхъ обманщиковъ. Коммунистическая революція должна была проложить къ этому путь. На такой конецъ составлялись тайныя списки именъ всѣхъ, кто готовъ былъ участвовать въ возстаніи. Въ концѣ апрѣля заговоръ созрѣлъ настолько, что въ мятежномъ комитетѣ насчитывалось уже до 17,000 соучастниковъ. Такъ какъ заговорщики, помимо приставшихъ къ нимъ солдатъ, лишены были оружія, то предполагалось по поданному сигналу напасть прежде всего на оружейные и запасные магазины. Руководить предпріятіемъ поручалось военному комитету, во главѣ котораго находился капитанъ Гризель; этотъ офицеръ своими демократико-патріотическими рѣчами и газетными статьями въ высокой степени снискалъ себѣ довѣріе мятежной коллегіи. Нѣкоторые извѣстные террористы временъ Робеспьера также были посвящены въ тайну, между прочимъ генераль санкюлотовъ Россиньоль и знакомый намъ по поводу бѣгства королевской семьи почтмейстеръ Друэ, который изъ конвента перешелъ въ совѣтъ пятисотъ.

Правительство директоріи провѣдало о мятежномъ заговорѣ, и Искходъ заговора. хотя нѣкоторые члены, особенно Баррасъ, сочувствовали демократико-республиканской политикѣ прежняго конвента, однако имъ все-таки не хотѣлось довести дѣло до новаго террористическаго возстанія. Мерленъ де Дуэ, который своимъ прошлымъ черезъ-чуръ тѣсно связанъ былъ съ прежнею партіей горы, вынужденъ былъ выйти изъ министерства полиціи. Преемникъ его, Кошонъ Лаппаранъ, преж-

16. апрѣля 1796. ній членъ конвента, человѣкъ умѣреннаго направленія, былъ рѣшительнымъ врагомъ революціонной партіи. Законъ, угрожавшій за всякое нападеніе на существующую конституцію смертною казною, былъ первымъ признакомъ, что правительство приняло свои мѣры; вскорѣ послѣдовало уничтоженіе полицейскаго легіона, настроеніе котораго казалось неблагонадежнымъ. Большая часть его отослана была къ пограничнымъ полкамъ. Это понудило заговорщиковъ поторопиться. Семеро членовъ и ихъ ближайшіе сообщники тайно совѣщались между собою и пазначили день возстанія. Но Карпо черезъ Гризели былъ уже извѣщенъ о заговорѣ. На основаніи его сообщеній директоры и министръ полиціи приняли надлежащія мѣры, съ тѣмъ чтобы завладѣть лицами и бумагами мятежнаго комитета.
10. мая. Утромъ 10. мая Бабѣфъ и Буанаротти были арестованы въ отдаленномъ жилищѣ перваго, а въ теченіе дня остальные вожди, Друэ, Дартэ, Жермень, Дидье и др.; ихъ всѣхъ отвели въ тюрьму. Феликсъ Лепеллетье прежде еще попалъ въ руки полиціи. Затѣмъ приступили къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ анархическихъ покушеній въ столицѣ. Бывшіе члены конвента, не избранные вновь ни въ одинъ изъ совѣтовъ, должны были покинуть Парижъ; полицію усилили, ея полномочія расширили, и послѣ многихъ жаркихъ преній въ законодательномъ корпусѣ постановили предать вожаковъ заговора суду виѣ Парижа, и лишитъ процессъ права кассации. Бабѣфъ тщетно пытался воспрепятствовать этому рѣшенію, обратившись изъ темницы къ директоріи съ гордымъ посланіемъ, въ которомъ придавалъ себѣ видъ, будто онъ все еще находится во главѣ патріотической народной власти и потому въ правѣ требовать, чтобы правительство вело съ нимъ переговоры, какъ власть съ властью; тщетно доказывалъ онъ, что въ интересахъ республиканскихъ правителей и будущей безопасности ихъ господства необходимо отказаться отъ судебного преслѣдованья и освободить заключенныхъ, а иначе патріотическій народъ станетъ всегда почитать ихъ мучениками и постарается отмстить за нихъ; тщетно друзья и соучастники ихъ пытались освободить заключенныхъ и произвести правительственный переворотъ: толпа въ шесть сотъ анархистовъ, вооруженныхъ саблями, шпагами и пистолетами, ночью нагрянула на находившійся въ Гренельской равнинѣ лагерь, гдѣ они успѣли вступить въ мятежныя связи, восклицая: «Да здравствуетъ конституція 1793 года, долой новыхъ тирановъ»; но мятежники были отражены подослѣвшими войсками, коноводы ихъ захвачены въ плѣнъ и военнымъ судомъ присуждены къ смерти или къ ссылкѣ. Зачинщики заговора, числомъ тридцать одинъ человѣкъ, между ними многіе соучастники терроризма, были разстрѣляны, а остальные плѣнные отведены въ Вандомъ, куда перевели судъ, — за исключеніемъ Друэ, которому удалось бѣжать, вѣроятно съ помощью Барраса. Затѣмъ

начался процессъ коммунистовъ, продлившійся нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ обвиняемые, съ цѣлью по возможности протянуть производство пользовались всякими средствами защиты, отрицая вину, подвергая обвинителей подозрѣнію и клеветѣ, и т. п.; но дѣло завершилось наконецъ ихъ осужденіемъ. Бабѣфа и Дартэ приговорили къ смерти, остальныхъ семерыхъ къ ссылкѣ. По объявленіи приговора оба главные зачинщика вонзили себѣ въ грудь кинжалъ. Однако рана была не смертельная, такъ что ихъ еще живо успѣли предать гильотинѣ.

26. мая 1797.

Двадцать лѣтъ спустя послѣ того Буанаротти написалъ исторію заговора Бабѣфа; это твореніе вслѣдствіе изложенія въ немъ коммунистическихъ тенденцій и идей, служившихъ основаніемъ плану, послужило началомъ и исходною точкою для развитія позднѣйшихъ социалдемократическихъ системъ новой государственной и общественной организаціи.

Едва успѣли подавить коммунистическій заговоръ, какъ правительству стали угрожать монархическіе происки. Директорія скоро справилась съ кознями, какія пустили въ ходъ агенты Людовика XVIII., въ особенности аббатъ Броттье въ Парижѣ и герцогъ да Ла Вогиюонъ, министръ безземельнаго короля. Благодаря предательству одного изъ соучастниковъ, она завладѣла бумагами, которыми изобличался планъ, имѣвшій цѣлью совратить войско и низвергнуть существовавшее правительство; основываясь на этомъ, обвиненные преданы были военному суду, который троихъ главныхъ виновниковъ бурбонскаго заговора приговорилъ къ десятилѣтнему заключенію. Опаснѣе, однако, оказались антиреволюціонные симптомы, какіе обнаружались во всей націи, какіе возстали противъ республиканскихъ властителей, противъ поборниковъ вандемьера не вслѣдствіе монархическаго заговора, а въ силу законной оппозиціи на основаніи конституціи. Съ этой оппозиціей труднѣе было совладать, тѣмъ болѣе что народное самодержавіе, независимость законовъ, свобода печати служили при этомъ такимъ оплотомъ, который можно было одолѣть только насиліемъ и нарушеніемъ конституціи. «Не подлежитъ никакому сомнѣнію», заявилъ Дюбуа-Крансэ въ собраніи пяти сотъ, «между нами находятся истые роялисты, непримиримые враги свободы, которые проклинаютъ всѣхъ республиканцевъ, требуютъ назадъ національныя имущества, желали бы возстановить права дворянства, духовенства, парламента, — губители народа, помыслы которыхъ обнаруживаются въ письмѣ Ла Вогиюона къ Броттье». Онъ былъ того мнѣнія, что главная вина такой порчи общественнаго мнѣнія заключается въ печати, и требовалъ, чтобы строже слѣдили за газетами и брошюрами и карали ихъ. Однако, въ самомъ даже законодательномъ корпусѣ находились члены, которые добивались поворота къ политикѣ спокойствія, мира, твердаго юридическаго

Роялизмъ усиливается.

Янв. 1797.

строю, хотя и не въ такомъ размѣрѣ, какъ предлагалъ Дюбуа-Крансэ; а потому они и старались воздержаться отъ всякой угрозы свободѣ печати путемъ поудительныхъ мѣръ и особенныхъ законовъ; выборы должностныхъ лицъ и судей доказали, что большая часть націи сочувствуетъ такому настроенію. Въ мѣстахъ, гдѣ народъ волею былъ свободно выразить свою волю, избирались роялисты, умѣренные, противники республиканскаго господства, родственники эмигрантовъ. Такое направленіе безпокоило тогдашнихъ властителей тѣмъ болѣе, что наступалъ срокъ, когда согласно конституціи одна треть совѣтниковъ должна была выйти и замѣститься новыми выборами. Судя по тогдашнему настроенію большинства націи, нельзя было сомнѣваться въ томъ, что выборы будутъ антиреспубликанскіе, и что новые члены въ связи съ прежними ихъ единомысленниками составятъ большинство въ совѣтахъ. И въ самомъ дѣлѣ, нація истомилась и жаждала покоя, она питала непримиримую злобу на конвентъ. Тщетно директора и друзья ихъ пытались въ законодательномъ собраніи ограничить свободу выбора, объявивъ гражданъ, внесенныхъ въ эмиграціонные списки, неспособными производить выборы, или потребовавъ, чтобы избиратели подобно чиновникамъ передъ выборами присягали на вѣрность конституціи 3 года и обязались противодѣйствовать роялистскимъ и анархическимъ пропискамъ; эти попытки также сокрушились о сопротивленіе въ обоихъ совѣтахъ. Свобода выбора ограничивалась лишь тѣмъ, что каждый избиратель обязанъ былъ заявить покорность республикѣ и привязанность къ ней.

Наступило то, что предвидѣли директора и ихъ единомысленники: не смотря на ихъ попытки посредствомъ распространенія избирательныхъ списковъ и другихъ воздѣйствій пріурочить къ совѣту членовъ съ ихъ отѣнкомъ, новые депутаты, поступившіе 9 апрѣля, какъ изъ столицы, такъ тоже изъ провинцій, почти все принадлежали къ умѣренному направленію; вслѣдствіе чего противъ директоріи сложилось сомнѣнное, и значительное большинство, и надо было ожидать, что даже въ ея среду поступитъ членъ иного отѣнка. И дѣйствительно, въ исполнительное вѣдомство на мѣсто Легурнера избранъ былъ Бартеlemi, тотъ самый политикъ съ умѣренными либеральными принципами, который заключилъ миръ въ Базелѣ. Однако, бывшіе члены конвента, не хотѣли поступиться своими мѣстами. Они рѣшились «для спасенія республики прибѣгнуть къ штыкамъ противъ самодержавнаго народа», возобновить подъ видомъ самообороны государственный переворотъ вандемьера. Избраніе генерала Пишегрю, заподозрѣннаго въ злоумышленныхъ связяхъ съ Бурбонами, въ президенты пяти сотъ, было явнымъ признакомъ, что большинство законодательнаго корпуса тяготѣло къ правой сторонѣ. Это и послужило лозунгомъ къ борьбѣ. Совѣщанія въ обѣихъ

Противоположныя побужденія у правительственныхъ властей.
9. апрѣля 1797.

12. мая.

палатахъ болѣе и болѣе отзывались антиреволюціоннымъ характеромъ. Имѣлось въ виду смягчить законы объ эмигрантахъ, уволить священниковъ отъ обязательной присяги, возстановить христіанское богослуженіе съ колокольнымъ звономъ. Законодательный корпусъ сваливалъ на директорію причину беспорядковъ въ колоніяхъ, разстройство финансоваго управленія, а послѣдняя обвиняла депутатовъ въ томъ что они отвергали предложенія о налогахъ, съ цѣлью ослабить республиканское правительство, и самовластно вмѣшивались въ управленіе. Касательно иностранной политики взгляды также расходились. Совѣты провозглашали политику мира, тогда какъ директорія настаивала на системѣ войны и поступательнаго революціоннаго движенія въ Европѣ. Самовластный поступокъ Бонапарта въ отношеніи Венеціи усилилъ разрывъ. Хотя директорія тоже не одобряла все дѣйствія своего генерала, но упрекъ, брошенный въ совѣтѣ пятисотъ Дюмоларомъ въ лице правительству, будто оно повинно въ проступкахъ Бонапарта, возстановилъ тѣсную солидарность интересовъ между правительствомъ директоріи и главнокомандующимъ итальянскою арміею. Наполеонъ сознавалъ, что усиленіе умѣренной и роялистской партіи несомнѣнно съ его «честолюбивыми задушевными грезами о власти», что онъ можетъ достичь своихъ цѣлей только при посредствѣ демократико-республиканской политики, торжеству которой онъ содѣйствовалъ въ вандемьерѣ. Хотя онъ мало сочувствовалъ членамъ конвента, однако не преминулъ предложить имъ вновь свои услуги.

Во вторую половину іюля въ оживленныхъ проискахъ партій, въ директоріи и тревожныхъ сборнищахъ и переговорахъ политическихъ дѣятелей и генералъ Гошъ, обществу, въ возбужденныхъ преніяхъ въ средѣ законодательнаго корпуса и директоріи чуялись уже предвѣстники наступавшей бури. У членовъ правой стороны, у роялистовъ и умѣренныхъ происходили частыя собранія и совѣщанія въ одномъ изъ домовъ на улицѣ Клиши. Изъ директоровъ трое якобинцевъ, Ревбель, Ларевельеръ-Лепо и Баррасъ настаивали на насильственномъ подавленіи реакціонныхъ происковъ, тогда какъ Карпо и Бартеlemi предлагали политику соглашенія и примиренія. Въ салонѣ мадамъ де Сталь, въ которомъ остроумный Белжаменъ Констанъ и вернувшійся изъ Америки Талейранъ играли выдающуюся роль, который посѣщалъ также Баррасъ, въ этомъ такъ называемомъ «конституціонномъ кружкѣ», сочувствовали Бонапарту и республикѣ, и ратовали противъ всякихъ реставраціонныхъ замысловъ. Пишегрю и его приверженцы встревожились, когда большинство въ директоріи стало ревностно сноситься съ генераломъ *Гошемъ*, съ этимъ пылкимъ республиканцемъ, когда оно преобразовало министерство въ своемъ духѣ, назначивъ Талейрана въ вѣдомство иностранныхъ дѣлъ и поручивъ генералу Шереру, земляку и единомышленнику Ревбеля, администра-

24. іюня 1797.

цію военной системы. Эта тревога усилилась еще, когда Гошъ перевелъ нѣсколько полковъ въ окрестности Парижа подъ предлогомъ отвести ихъ въ Брестъ для экспедиціи противъ Ирландіи, не бывъ на то уполномоченъ законодательнымъ собраніемъ, какъ бы слѣдовало по конституціи. Пишегрю предложилъ затѣмъ, возстановить вновь національную гвардію съ вождями по собственному выбору. Такимъ путемъ изъ умѣренныхъ гражданскихъ элементовъ можно было бы создать оплотъ для законодательнаго корпуса. Этотъ рѣзкій поступокъ оппозиціи озадачилъ директорію. Предполагаемый государственный переворотъ оказался неосуществимымъ вслѣдствіе подозрительности совѣтовъ. Опрометчивое появленіе пылкаго республиканца Гоша прежде времени выдало планъ. Баррасъ и оба соучастника его отреклись отъ генерала: они отрицали, что онъ съ ихъ согласія распорядился диспозиціей войскъ. Оскорбленный такимъ лицемѣріемъ и такою трусостью, Гошъ отвелъ полки и вновь отправился къ рейнской арміи, ревностно пытаясь въ связи съ нѣмецкими либералами на лѣвомъ берегу Рейна основать Цисренанскую республику. Нѣсколько недѣль спустя послѣ того онъ въ молодыхъ лѣтахъ умеръ въ Вецлярѣ отъ болѣзни. Его смерть, какъ легко понять, приписали отравленію. Своею искреннею преданностью отечеству и республикѣ, незапятнанною ни своекорыстіемъ, ни подлою страстью, онъ снискалъ себѣ высокое уваженіе, широкую популярность въ націи и въ особенности среди солдатъ. Если бъ Гошъ прожилъ долѣе, то онъ одинъ лишь былъ бы въ состояніи въ надлежащій мигъ подать помощь республикѣ, охранить ее отъ насилія.

18. сент.

Государственный переворотъ.
18. фруктидора.

Директоры робко и нерѣшительно отступились отъ своего собственного замысла. Но вотъ имъ представилась болѣе сильная помощь. Въ слѣдующей главѣ мы узнаемъ, что въ это самое время главнокомандующій итальянской арміи хлопоталъ лишь о томъ, какъ бы ему привести въ исполненіе свои миротворныя планы, такъ чтобы никакая роялистская реакція не тормозила его самовластныхъ дѣйствій. Въ годовщину бастильскаго погрома уже, который армія отпраздновала съ торжествомъ и попойками, Наполеонъ въ бойкой прокламаціи побудилъ солдатъ присягнуть на вѣрность республикѣ и конституціи, въ непримиримой ненависти ко всѣмъ роялистамъ и врагамъ свободы. Въ наступившіе затѣмъ дни по всѣмъ полкамъ пущены были въ ходъ и подписаны адреса, которыми директорія побуждалась, принять строгія мѣры противъ реакціонныхъ совѣтовъ, противъ соучастниковъ на улицѣ Клиши, противъ этихъ органовъ роялизма. Однако Бонапарту не было никакой охоты взяться самому за неудачную миссію Гоша. Онъ предпочелъ руководить нитями издали, не принимая личнаго участія въ государственномъ переворотѣ, который сулилъ ему мало славы, и сдѣлалъ бы его только явнымъ совиновникомъ якобинскихъ директоровъ. А потому

онъ послалъ въ Парижъ своего адъютанта, Лавалетта, съ цѣлью предъявить три милліона нуждавшемуся въ деньгахъ правительству, и тутъ же представилъ ему генерала Ожеро, рубаку и стараго пошиба якобинца, который доставилъ солдатскіе адреса въ Парижъ, какъ патріотическаго ревностнаго воина. Трое директоровъ, Баррасъ, Реувель, Ларевельеръ поняли этотъ намекъ; они вступили съ Ожеро въ интимныя сношенія и назначили его начальникомъ парижской военной дивизіи. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ прибылъ еще генералъ Бернадотъ; ему поручалось привести въ Парижъ нѣсколько завоеванныхъ прежде знаменъ. Тріумвиры думали было назначить его на мѣсто Шерера военнымъ министромъ. Назначеніе патріотическихъ чиновниковъ въ департаментахъ, появленіе прежнихъ якобинцевъ и террористовъ на улицахъ и въ кофейняхъ, сосредоточеніе войскъ въ окрестностяхъ Парижа, — все это служило какъ бы предвѣстіемъ предстоящаго насильственнаго переворота въ интересъ демократической республики. Пишегрю и Вильо, болѣе всего проникнутые роялистскими симпатіями и мыслями о реставраціи, обсуждали, какъ бы неожиданнымъ вооруженнымъ натискомъ на Люксембургскій дворецъ при посредствѣ гвардіи законодательнаго корпуса предупредить революціонныя покушенія директоріальнаго тріумvirата; однако, имъ не удалось большинство народнаго представительства увлечь на такую насильственную мѣру. Даже въ средѣ умѣренныхъ находились члены, прошлое которыхъ подвергало ихъ опасности при монархическомъ переворотѣ. Никому изъ нихъ не хотѣлось рисковать своей головой. Попытка возстановить національную гвардію не удалась также вслѣдствіе всеобщей неохоты гражданъ. Тринадцатый вандемьеръ повліялъ слишкомъ внушительно. Въ началѣ сентября недовѣріе и распря между партіями до того обострились, что невозможно, казалось, продолжать управленіе въ такомъ натянутомъ положеніи. А потому тріумвиры рѣшились наконецъ не медлить долѣе и условились съ Ожеро касательно очистки законодательнаго корпуса и правительственныхъ органовъ. Такъ и совершился государственный переворотъ восемнадцатаго фруктидора. Въ ночь съ 3. на 4. сентября Ожеро обложилъ Тюльери войсками и пушками. У гвардейцевъ, защищавшихъ дворецъ, не хватило ни силы, ни охоты къ сопротивленію; имъ не хотѣлось повторить роль Швейцарцевъ отъ 10. августа, и они безъ помѣхи допустили арестовать своего коменданта Рамея. Утромъ дворецъ Тюльери находился уже во власти Ожеро и затѣмъ не оказалось уже никакихъ препятствій къ осуществленію переворота, задуманнаго тріумвирами директоріи.

10. авг. 1797.

3—4. сент.

Кровопрлитіе прежнихъ дней не возобновилось; настолько революціонная политика стала человѣчнѣе прежняго; однако, въ произвольномъ, нарушающемъ всякія права насиліи 18. фрукти-

Республиканский терроризмъ.

доръ не уступалъ 1. іюню 1793 г. Арестовавъ обоихъ директоровъ, Карно и Бартеlemi, вмѣстѣ съ нѣсколькими роялистскими и оппозиционными совѣтниками, республиканская партія обопхъ собраній открыла чрезвычайныя засѣданія въ Одеонѣ и въ Медицинской школѣ. Въ Парижѣ еще разъ вспомнили о времени террора: остатки якобинцевъ и уличной демократіи столпились въ галереяхъ и гвалтомъ привѣтствовали заявленія собранія не расходиться до тѣхъ поръ, пока республика не будетъ спасена. Изъ остатковъ пяти сотъ тутъ же избрана была коммисія изъ пяти членовъ, которая подъ предсѣдательствомъ Буле изъ Мёрты составила рядъ приговоровъ и предложила ихъ собранію на утверженіе. По нимъ пятьдесятъ три депутата и оба директора, Карно и Бартеlemi, осуждались въ ссылку, запрещались нѣкоторыя газеты, издатели, редакторы и сотрудники ихъ ссылались, а печать подчинялась полицейскому надзору, возвратившіеся эмигранты вновь изгонялись, въ сорока восьми департаментахъ назначались новые выборы и пр. Послѣ горячихъ преній объ палаты приняли эти предложенія вмѣстѣ съ спискомъ осужденныхъ. Мерлинъ изъ Дуэ и Франсуа изъ Нефшателя избраны были въ директора, а затѣмъ «измѣнники республики» изгнаны были изъ отечества. Карно, которому пришлось тяжело поплатиться за то, что онъ измѣнилъ терроризму и пытался содѣйствовать соглашенію политическихъ противоположностей, избавился бѣгствомъ въ Германію отъ присужденной ему участи; точно также и Буасси д'Англасъ. Всѣ остальные, напротивъ того, имена которыхъ значились въ списокѣ опальныхъ, свыше двухъ сотъ человекъ, между прочимъ Пишегрю, Вильо, Бартеlemi, Барбе-Марбуа, Обри, Рамель, были посажены на корабль и послѣ переезда, сопряженнаго съ лишеніями и жестокимъ обращеніемъ, доставлены въ сырую, нездоровую Кайенну (Гвиану) въ Южной Америкѣ, гдѣ отъ болотной лихорадки многіе изъ нихъ перемерли, а остальные переболѣли. Впослѣдствіи однако нѣкоторымъ изъ болѣе значительныхъ ссыльныхъ, между прочимъ Пишегрю, Бартеlemi, Рамелю, удалось бѣгствомъ избавиться отъ смертопоснаго изгнанія.

Итакъ, республика была спасена; возстановленное якобинское правительство мишло уже, что новою присягою на вѣрность господствующей конституціи въ государствѣ и церкви оно обезпечивалось отъ подобныхъ тенденцій и опасностей на всю будущность. При такихъ-то условіяхъ новые выборы въ департаментахъ совершились вполне въ духѣ правительства, такъ какъ не упустили изъ виду ни одного средства, съ тѣмъ чтобы назначеніемъ новыхъ чиновниковъ и всякаго рода давленіемъ на избирателей склонить перевѣсъ на сторону патріотовъ. Терроризмъ конвента вернулся, но только не въ такомъ уже кровавомъ видѣ. Взамѣнъ гильотины и шаекъ санкюотовъ опирались теперь на организованную военную власть;

Послѣдствія
государствен-
наго перево-
рота.

взамѣнъ ассигнатовъ прибѣгли къ систематическому высасыванію чужихъ краевъ. Нидерланды, Швейцарія и пуще всего владѣтели и города въ Италіи самымъ безсовѣстнымъ образомъ обирались директорами и ихъ дипломатами, военачальниками и комиссарами; получая отъ правительства скудную плату и плохое содержаніе, солдаты, доведенные подлыми поставщиками до лишеній и нужды, сами промышляли на свой пай реквизиціями, контрибуціями, и грабежемъ. Насиліе, хитрость и угрозы — все шло въ дѣло. Весь свѣтъ жаждалъ освободиться отъ такого обременительнаго и безхарактернаго правительства. Но общественное мнѣніе лишилось голоса: свобода печати подавлялась; независимость суда нарушалась: республиканская партія патріотовъ наполняла всѣ вѣдомства. Генераль Ожеро въ награду за его услуги назначенъ былъ главнокомандующимъ рейнской и самбрской арміи, такъ какъ Гошъ въ это время умеръ, а Моро, заподозрѣнный въ томъ, что зналъ о заговорѣ Пишегрю, былъ отозванъ въ Парижъ и лишенъ команды. Ему не могли простить, что онъ до государственнаго переворота весьма холодно относился къ директоріи и попавшія въ его руки письма Пишегрю, избличавшія сношенія послѣдняго съ Конде, лишь 3. сентября подъ секретомъ доставилъ Бартеlemi вмѣстѣ съ доносомъ, крайне опозорившимъ его.

Самое большое затрудненіе для правительства директоріи заключалось въ совершенномъ разстройствѣ финансовой системы и въ безурядицѣ государственнаго хозяйства, особенно въ первые мѣсяцы, когда вслѣдствіе неудачнаго исхода нѣмецкой войны большая часть французскихъ войскъ отступили въ собственные края и еще не открылись денежные источники въ Италіи. Торговля и сношенія все еще тормозились, промышленность и земледѣліе находились все еще въ крайнемъ упадкѣ; недоимки послѣднихъ лѣтъ доходили до тринадцати миллиардовъ, и не было никакой надежды собрать ихъ; для содержанія армій не имѣлось никакихъ средствъ, такъ что даже въ дружественныхъ странахъ пришлось прибѣгать къ реквизиціямъ и насильственнымъ наборамъ; чиновники, учителя, должностныя лица всякаго рода не получали оклада; государственнымъ заимодавцамъ отказывалось въ уплатѣ. Главною причиною общей нужды былъ совершенный упадокъ цѣнности ассигнатовъ. Мы не разъ уже упоминали о вредѣ, какой былъ нанесенъ введеніемъ бумажныхъ денегъ. Съ прекращеніемъ терроризма курсъ ихъ постоянно падалъ, такъ что наконецъ ассигнаты едва сбывались за сотую часть ихъ номинальной цѣны, и даже ниже того. Когда сумма ассигнатовъ дошла до сорока пяти миллиардовъ, то директоры и совѣты прекратили дальнѣйшее ихъ изготовленіе, извѣстивъ націю объ этомъ рѣшеніи торжественнымъ сожженіемъ печатнаго станка. Все было тщетно: курсъ не поднимался. Пришлось прибѣгнуть къ инымъ средствамъ. Сперва попытались было привлечь наиболѣе богатыхъ гражданъ къ принудительному займу, но народъ и совѣты рѣшительно возстали противъ подобной мѣры въ духѣ прежняго терроризма, такъ что этого рода заемъ оказался безуспѣшнымъ. Однако, вѣдь имѣлись еще государственныя и національныя имуществы: по новому закону правительство удерживало за собою и отчуждало собственность и будущее наслѣдіе эмигрантовъ. Поль-

Начало марга
1795.

зуюсь этимъ, открыли новую финансовую систему: создали новаго рода бумажныя деньги, въ размѣрѣ двухъ тысячъ четыреста милліоновъ, названныя *мандатами*; ихъ обладателямъ предоставлялось право вступать во владѣніе какимъ угодно національнымъ имѣніемъ, помимо аукціона, по предъявленіи мандатовъ въ офѣночную сумму. Эти мандаты или свидѣтельства, основою которымъ служила четырехкратная реальная цѣнность, предписано было признавать во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ чистыми деньгами и принимались въ казну по номинальной цѣнѣ. Прежніе ассигнаты обмѣнивались на новыя свидѣтельства по ходячему курсу, а затѣмъ уничтожились. Не смотря на такия кары, какими угрожали всѣмъ, кто отказался бы принять новыя бумажныя деньги, заподозрить или понизить ихъ, эти мандаты не пользовались довѣріемъ; въ обыденномъ обращеніи они принимались лишь за десять процентовъ, а впоследствии упали даже еще ниже. Ближайшимъ слѣдствіемъ была продажа за безцѣнокъ государственныхъ имуществъ, имѣній эмигрантовъ, старыхъ монастырскихъ и церковныхъ владѣній, которыя задешево отдавались всякому, у кого хватало смѣлости покупать и довѣрія къ устойчивости республики настолько, чтобы рискнуть незначительными расходами. Имущественныя условія пришли въ невѣроятное смятеніе и разстройство. Всѣ долги и ссуды, какіе прежде выдавались звонкою монетою, уплачивались бумажными деньгами низкой стоимости. Всякія попытки законодательства по правдѣ и справедливости устроить поповныя сдѣлки частныхъ долговъ сократились о затрудненіи, даже невозможности исполненія. А государственныя финансы подвергались чрезвычайному разстройству. Экономически бѣдствія, дефицитъ и неурядица въ хозяйствѣ, растрата общественныхъ имуществъ, хищничество и обманная биржевая продѣлка, надувательство поставщиковъ, — все это составляло неистощимый источникъ споровъ и распрей, подозрѣній и обвиненій между исполнительною и законодательною властями. Послѣ переворота 18-фруктидора, еще разъ утвердившаго якобинское господство произвола, ухватились за новыя финансовыя насильственные средства: не только повысили и расширили налоги и подати, но избавили даже государственную казну отъ великаго бремени бумажныхъ денегъ, преобразовавъ одну треть мандатовъ при посредствѣ „облигацій“ въ консолидированный государственный долгъ, а за остальныя двѣ трети рѣшили не выдавать никакихъ уплатъ. Это было первымъ шагомъ къ полному государственному банкротству. Можно ли было довѣрять правительству, которое такъ безсовѣстно распоряжалось общественнымъ кредитомъ и имуществомъ. Капиталисты понесли несмѣтныя утраты. Государственныя имущества были растрачены, владѣнія богачей и привилегированныхъ лицъ перешли къ среднему и низшему сословіямъ; поставщики и маклеры наживались. При всемъ томъ государственное хозяйство находилось въ разстройствѣ и безпорядкѣ; такъ что правительство и генералы ея для содержанія арміи и для открытія возрастающихъ расходовъ подвергали завоеванныя страны неслыханной системѣ грабежа.

4. ИТАЛЬЯНСКІЕ ПОХОДЫ БОНАПАРТА И МИРЪ ВЪ КАМПО-ФОРМІО.

Бонапартъ и итальянская армія. Французская армія въ Италіи, одна часть которой при генералѣ Шерерѣ расположилась въ генуезской Ривьерѣ, а другая при Келлерманнѣ — въ Савойи, осенью 1795 находилась въ бѣдственномъ положеніи. Солдаты во всемъ терпѣли недостатокъ; они голодали и амуниція ихъ была въ самомъ жалкомъ состояніи; съ той поры

какъ терроръ пересталъ подстрекать ихъ, силы солдатъ, казалось, истощились: — тогда-то явился въ Ниццѣ Наполеонъ Бонапартъ въ званіи главнокомандующаго. Надѣленный отъ природы отличными воинскими дарованіями и искусствомъ повелѣвать, онъ вскорѣ успѣлъ воодушевить упавшій духомъ войска, при которыхъ находились даровитые начальники и офицеры, и привязать ихъ къ себѣ, такъ что подъ его веденіемъ они преодолевали всякія опасности и слѣдовали за нимъ отъ одной побѣды къ другой. Въ первомъ воззваніи, какимъ онъ привѣтствовалъ свою армію, проявилась уже вся виртуозность этого человѣка; немногими словами, полными аптичной силы и простоты онъ польстилъ самолюбію воиновъ, возбудилъ въ нихъ увѣренность въ побѣдѣ и представилъ имъ цвѣтушія равнины Италіи въ видѣ побѣдоноснаго поприща, гдѣ вмѣсто нужды и лишений ожидаютъ ихъ одни только наслажденія и слава. «Я сведу васъ въ одну изъ самыхъ плодородныхъ равнинъ на свѣтѣ. Богатая область, большіе города будутъ въ вашей власти; тамъ ожидаютъ васъ почести, слава и богатство».

До наступленія 13. вандемьера Наполеонъ въ бюро комитета общаго блага изложилъ уже изумленному Дюльсе-Понтекулану свои мысли касательно плана кампаніи: быстрымъ вторженіемъ въ Пьемонтъ надлежало сардинскаго короля заставить отдѣлиться отъ Австріи и впустить ему, «что послѣ всѣхъ блистательныхъ побѣдъ французской республики ему не удастся уже отвоевать Ниццу и Савойю, а потому для него лучше всего будетъ, если онъ въ союзѣ съ Франціей получитъ за тѣ области вознагражденіе отъ Австріи въ Ломбардіи». Потомъ слѣдовало быстрымъ натискомъ завоевать Ломбардію, между тѣмъ какъ другая французская армія черезъ южную Германію проникнетъ въ дунайское государство. По исполненіи этого плана французская армія изъ Ломбардіи должна вступить въ горныя области Тироля, соединиться подъ Вѣною съ подошедшими изъ Германіи войсками и понудить императора заключить миръ, какой предприметъ Франція. Этотъ смѣлый и гениальный проектъ двойной кампаніи въ Италіи и Германіи директорія осуществляла теперь на самомъ дѣлѣ и, насколько зависѣло отъ Наполеона, онъ былъ исполненъ.

Планъ кампаніи.

а. Отъ Альповъ до Эчи.

Австрійско-сардинская армія, состоявшая подъ начальствомъ болѣе Пьемонтъ зачѣмъ семидесятилѣтняго фельдмаршала Болье, ветерана старой школы, включаетъ себѣ храбраго въ бою, но тяжелаго на подъемъ и педантическаго вонца, коллечествомъ много превосходила французское войско, хотя разница была и не такъ ужъ велика, какъ разгласили наполеоновскіе писатели для пушей славы своего героя. Однако, изъ прежнихъ главъ намъ уже извѣстно, что между обѣими націями и арміями царило мало единодушія и симпатій.

Онъ были союзниками, замѣчаетъ Клаузевицъ, съ двумя расходившимся линиями отступленія: одни олядывались на Вѣну, а другія — на Туринъ, и настроенія обѣихъ было крайне дурное. Не такъ давно повесенное ими поражение при Лоано не могло, конечно, ободрить ихъ. Большѣ старался главнѣйше нейтральный приморскій городъ Генуя, который французскій правительственный комисаръ Салличетти хотѣлъ понудить къ ссудѣ въ три милліона, охранить отъ внезапнаго нападенія Французовъ и за одно съ крейсировавшимъ передъ гаванью англійскимъ флотомъ подъ начальствомъ Нельсона обезпечить связь между Пьемонтомъ и Ломбардіей. Ему удалось это, благодаря искусно проектированному и успѣшно выполненному плану: переваливъ между Нови и Генуей черезъ крутыя зубчатыя горы, отдѣляющія ломбардскую долину отъ лигурійскаго берега и отразивъ при *Волтри* неприятеля, онъ добился такимъ образомъ своей цѣли. Это было послѣднее торжество, какого коалиція достигла въ Италіи. Затѣмъ послѣдовало одно поражение за другимъ. Наполеонъ съ удивительнымъ искусствомъ успѣлъ преодолѣть численное превосходство противниковъ тѣмъ, что онъ великій разъ оказывался сильнѣйшимъ въ надлежащемъ мѣстѣ: тогда какъ неприятель по старой методѣ растягивалъ свои полки пространнымъ кордономъ, съ цѣлью охранять отъ нападенія заразъ всѣ пункты, въ то же время онъ сосредоточивалъ свои войска и сильнѣе натискомъ напиралъ впередъ. Французы быстро одержали рядъ побѣдъ, обратившихъ вниманіе всего свѣта на заальпійскій край. Преодолевъ въ упорномъ бою при *Монтенотти* прикрытаго сильными штыками неприятеля и принудивъ его отступить съ великимъ урономъ, онъ затѣмъ быстро ударилъ по разбѣденнымъ позиціямъ союзной австро-сардинской арміи и разбилъ ихъ въ рядѣ стычекъ прѣ *Миллесимо*, *Чезъ*, *Мондовы*. Благодаря этимъ успѣхамъ французскій генералъ успѣлъ разлучить Пьемонтцевъ отъ Австрійцевъ, вдвинуть побѣдоносную французскую армію между сильно пострадавшими полками Колли и Болье. Начальники, находясь постоянно въ разладѣ, не довѣряя и приписывая другъ другу вину въ этихъ неудачахъ, стали дѣйствовать каждый на свой страхъ, слѣдуя своимъ „расходившимся линиямъ отступленія“. Бонапартъ успѣлъ воспользоваться настроеніемъ упавшаго духомъ короля Виктора Амадея. Онъ съ Колли заключилъ перемиріе, выговоривъ лишь выдачу двухъ крѣпостей въ залогъ искренняго миролюбія; а когда согласился на эти условія, то возвысилъ свои требованья. Убоясь быстрыхъ побѣдоносныхъ успѣховъ врага и признаковъ революціонныхъ движеній въ Туринѣ, разсорившись притомъ съ Болье, король согласился на перемиріе въ *Хераско*, съ тѣмъ чтобы выиграть время для мирныхъ переговоровъ. Директорія, правда, вознегодовала на такой самовластный поступокъ генерала; Ревбель и Баррасъ хотѣли было возбудить въ Пьемонтѣ революцію, поощрить народъ къ республикѣ; однако побѣды итальянской арміи произвели такой всеобщій восторгъ въ паціи, что поневолѣ пришлось уступить молодому герою. Притомъ Наполеонъ сумѣлъ такъ ловко обойтись съ правителями въ Парижѣ и съ ихъ комиссаромъ при арміи, что настоялъ на своихъ предложеніяхъ, а при всемъ томъ представилъ такъ, какъ будто исполняются ихъ приказы и предписанія. Сверхъ того онъ наметнулъ о томъ, что у побѣжденных или угрожаемыхъ областей и государей можно будетъ вынудить значительные капиталы; этотъ намекъ особенно повліялъ на находившихся въ затруднительномъ финансовомъ положеніи директоровъ. Такимъ образомъ миръ съ сардинскимъ королевемъ и былъ заключенъ на основаніи прелиминарныхъ условій. Викторъ Амадей отдалъ республикѣ Савойю и Ниццу, обязался пооставить военные припасы и, уступивъ французскимъ военачальникамъ три крѣ-

10. апрѣля
1796.

11. апрѣля.

13.—22.
апрѣля.

26. апрѣля.

15. мая.

пости, между прочимъ Александрію, также нѣсколько военныхъ дорогъ, развѣстивъ собственныя войска по квартирамъ и распустивъ ополченіе. призналъ какъ бы побѣдоносныхъ сосѣдей настоящими властителями въ своемъ королевствѣ. Въ угоду республиканскому правительству эмигранты были изгнаны, политическіе процессы противъ друзей революціи — прекращены. Итакъ, Пьемонтъ сталъ передовымъ операціоннымъ базисомъ противъ Ломбардіи. Благодаря такимъ блистательнымъ успѣхамъ, значеніе Наполеона возвысилось до того, что вскорѣ его воля стала выше постановленій директоріи, и послѣдняя оказалась даже въ зависимости отъ своего полководца.

Французскіе солдаты за вынесенные походы и лишенія вознаградили себя грабежомъ и насилями въ завоеванныхъ областяхъ. Наполеонъ сильно вознегодовалъ на это: онъ опасался, какъ бы вѣсть о дурномъ обращеніи съ пьемонтскимъ населеніемъ не произвела дурнаго впечатлѣнія на остальную Италію и не затруднила завоеванія. Дѣло въ томъ, что симпатіи народовъ къ революціи и республикѣ споспѣшествовали Французамъ, тогда какъ онъ же наводили страхъ на правительства и побуждали его заключать миръ. Наполеонъ подвергъ карѣ эти пенствованья и старался внушить солдатамъ сознаніе ихъ высшей задачи. Въ тотъ самый день, когда заключили перемиріе, онъ издалъ вторую прокламацію войску такого содержания: „Солдаты, вы въ двѣ недѣли одержали шесть побѣдъ, взяли 21 знамя, 55 пушекъ, нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ и завладѣли самою богатою частью Пьемонта; вы захватили 15,000 плѣнныхъ, побили или поразили 10,000 враговъ. До сихъ поръ вы бились изъ-за голыхъ скалъ съ блестящимъ мужествомъ, но безъ пользы для отечества; теперь вы сражаетесь съ голландскими и рейнскими войсками. Вы прежде дичались всего, а теперь добились всего оружіемъ. Вы побѣждали безъ пушекъ; переходили рѣки безъ мостовъ, совершали форсированные переходы безъ обуви, ночевали подъ открытымъ небомъ безъ воды и зачастую безъ хлѣба. Все это по силамъ лишь республиканскимъ солдатамъ, только солдатамъ свободы. Неприятельскія арміи, на которыхъ вы нападали съ такою отвагою, испуганныя и пораженныя обратились въ бѣгство. Но вы еще ничего не сдѣлали; Миланъ еще не въ вашей власти; прахъ побѣдителей Тарквина все еще попирается убіицами Вассевилля. Вамъ нельзя ослабѣвать; необходимо освободить Италію, свергнуть оковы съ дружественнаго народа, прославить французское имя“. Взоры полководца, какъ видно, тогда уже устремлялись отъ По къ Тибру.

Послѣ перемирія съ Пьемонтомъ Наполеонъ быстро двинулъ побѣдоносную войска на Ломбардію. При Агоньѣ, одномъ изъ вытекающихъ съ Альповъ пригововъ По, Болье занялъ укрѣпленную положеніемъ и штыками по правому берегу вышъ по рѣкѣ, а 7. мая недалеко отъ Пиаченцы по погонному мосту перешелъ черезъ потокъ. За военными движеніями слѣдовали дипломатическіе переговоры. Въмѣсто того, чтобы подражать прежней революціонной политикѣ, возбуждать народы къ борьбѣ противъ ихъ тирановъ, въ Парижѣ и въ лагерѣ Бонапарта предпочли палатать контрибуціи на загнанныхъ и озадаченныхъ князей, на правительства и города, помочь собственному безденежью хищничествомъ и польстить тицеславию Французовъ. Ни деньги, ни провіантъ, — какъ гласитъ строгій приговоръ Данфре, — ни созданія искусства и науки, ни произведенія промышленности и земледѣлія, — ничто не избавилось отъ системы грабежа, подобной которой не бывало въ новѣйшей исторіи народовъ. Отъ этой военной политики прежде всѣхъ пришлось пострадать извѣстному уже намъ Фердинанду *Пармскому*, испанскому инфанту. Онъ присталъ

Полководецъ и солдаты.

Парма искусная хищническая система.

ко всеобщей коалиции и подалъ тѣмъ директоріи и генералу поводъ къ враждебнымъ поступкамъ. Только ради Испаніи, съ которою республика находилась въ мирѣ, Бонапартъ согласился на перемиріе съ бурбонскимъ княземъ. Однако послѣднему пришлось заплатить за это двумя милліонами франковъ, 1700 лошадей, хлѣбомъ, убойнымъ скотомъ и двадцатью картинами знаменитыхъ художниковъ. Въ отношеніи захвата и похищеній художественныхъ сокровищъ, картинъ и рукописей Бонапартъ подражалъ римскимъ полководцамъ и проконсуламъ, съ которыми ознакомился по біографіямъ Плутарха. Онъ обогатилъ французскую столицу созданными геніемъ, съ тѣмъ чтобы потѣшить лобопытный и суетный народъ. А директорія не только соглашалась на это, но поощряла, даже предписывала вымогательства.

Мая 1796.

Взятіе моста при Лодѣ. Вступленіе въ Миланъ. Моденскій герцогъ.

10. мая 1796.

Нѣсколько дней спустя послѣ того французскія войска подошли къ Аддѣ, гдѣ Волье съ значительными боевыми силами охранялъ мостъ при Лоди. На этотъ разъ Наполеонъ не сталъ пробираться окольными путями, на что онъ былъ великій мастеръ, а напротивъ, рѣшился „схватить быка за рога“, чтобы поразительнымъ военнымъ подвигомъ прославить свое вступленіе въ Ломбардію. И въ самомъ дѣлѣ, взятіе моста при Лоди, который защищался 9000 Австрійцевъ и батареею изъ тридцати орудій, относится къ самымъ блестящимъ успѣхамъ корсиканскаго героя. Натискъ упорно отражался, пока наконецъ кавалерія въ болѣе верхнемъ теченіи не перевернулась черезъ рѣку и не ударила во флангъ неприятеля. Съ остатками своего войска Волье отступилъ за Ольо и Минчіо, съ тѣмъ чтобы въ Мантуѣ собрать свѣжіе отряды, тогда какъ французскій главнокомандующій совершилъ блестящій въѣздъ въ Миланъ при восторженныхъ крикахъ сочувствовавшаго революціоннымъ идеямъ народа. Вскорѣ затѣмъ были заняты города Кремона, Павія, Комо и др. И гордая душа республиканскаго генерала исполнилась въ эти дни чувства радости по добытымъ лаврамъ и въ чашки будущаго величія! Когда Мармонъ вечеромъ увѣрилъ его, что удивленію въ Парижѣ нѣтъ границъ, то онъ передъ изумленнымъ адъютантомъ развернулъ смѣлыя картины, какія представляла ему фантазія: „Парижане еще ничего не видѣли“, — сказалъ онъ, — „я надѣюсь добиться отъ богини счастья не такихъ еще успѣховъ; скоро мы будемъ на Эчѣ и вся Италія будетъ въ нашей власти. Если мы тогда доставимъ необходимыя средства, то мы приступимъ къ болѣе обширнымъ предпріятіямъ. Въ наши дни никто еще не видалъ великихъ подвиговъ; мы суждено подать примѣръ“. Ему все еще грезилась планъ кампаніи черезъ Тироль къ Дунаю. И въ виду изумительныхъ успѣховъ развѣ онъ не могъ считать все для себя возможнымъ? Три дня спустя послѣ въѣзда въ Миланъ Геркулесъ Ринальдо III. Моденскій, наслѣдница-дочь котораго, Марія Беатриче, была замужемъ за эрцгерцогомъ Фердинандомъ, однимъ изъ дядей императора, послѣдовалъ примѣру своего нармскаго сосѣда: онъ псеунилъ перемиріе цѣною десяти милліоновъ франковъ и двадцати картинъ, которыя выбрали парижскіе знатоки живописи. Миланъ и Ломбардіи точно также должны были за освобожденіе отъ австрійскаго ига поставить въ Парижъ двадцать милліоновъ и нѣсколько драгоценныхъ произведеній искусства, рукописей и т. п.

14. мая.

17. мая.

Наполеонъ и директорія.

Въ это время Наполеонъ получилъ отъ директоріи предвѣсаніе, чтобы онъ раздѣлилъ свою армію: съ одной половиною Келлерманъ долженъ остаться въ Верхней Италіи, а съ другой—пусть онъ самъ двинется въ Ливорно, Римъ и Неаполь. Генералъ рѣшился скорѣе подать въ отставку, чѣмъ повиноваться такому приказу. Однако, онъ поступилъ съ свойственнымъ ему политическимъ благоразуміемъ. Въ посланіи къ Карно, исполненномъ почтенія и преданности, онъ увѣдомилъ о подчиненіи Ломбардіи

и старался доказать, что для дальнѣйшихъ успѣховъ противъ Австріи необходимы не только единство команды, но даже неограниченное полномочіе для полководца. Онъ просилъ, чтобы правительство вполне довѣрилось ему, такъ какъ онъ имѣетъ лишь въ виду истинный интересъ Франціи. „Служить отечеству, занять мѣсто въ исторіи, доказать на дѣлѣ мою преданность правительству,—вотъ въ чемъ все мое честолюбіе“. Какъ же директорія, которая едва въ состояніи была противостоять непріязненнымъ ей партіямъ и при несправимомъ финансовомъ разстройствѣ никакъ не могла обойтись безъ итальянскихъ контрибуцій,—какъ она посмѣла бы воспротивиться полководцу, имя котораго прославлялось всѣми устами, которому законодательный корпусъ выразилъ благодарность отечества, къ которому офицеры и солдаты привязались съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ? Раздѣленіе главнаго начальства было отмѣнено, 21. мая 1796. Келлермана оставили въ Савойи, а Наполеона снабдили такими полномочіями, что онъ на самомъ дѣлѣ могъ считаться самодержавнымъ повелителемъ итальянской арміи. „Начиная съ 21. мая, онъ распорядился военными и дипломатическими вопросами, владычествовалъ надъ управленіемъ и финансами покоренныхъ странъ, рѣшалъ участь итальянскихъ государствъ по своему усмотрѣнію“.

21. мая 1796.

Такъ какъ Наполеону пришлось печся о томъ, чтобы удовлетворить потребности директоріи и арміи, то система конфискацій и вымогательства принимала все болѣе широкіе размѣры. Капиталы и драгоценности изъ церквей и дворцовъ то и дѣло перевозились черезъ Альпы; мало того, реквизиціямъ комиссаровъ, поставщиковъ, офицеровъ, грабежамъ солдатъ не было конца. Главнокомандующій на многое смотрѣлъ сквозь пальцы: чѣмъ болѣе подчиненные сознавали себя виновными, тѣмъ болѣе они зависѣли отъ него; однако, когда безчинства выходили изъ границъ или нарушалась дисциплина, то онъ энергично вмѣшивался въ дѣло. Это производило сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе что онъ самъ не маралъ своихъ рукъ. Французы заявляли себя освободителями народовъ, а теперь нагрянули на области и города словно грабители и притѣснители. Мѣстами возставалъ истерзанный народъ, однако кровавая расправа, какому подверглась мятежная Павія, навела страхъ на всѣхъ другихъ. Наполеонъ старался, впрочемъ, основать свою власть не на одной только военной силѣ, все его поступки таковы, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ внушалъ къ себѣ уваженіе и довѣріе. Даже непріязненные историки, въ родѣ Ланфре, хвалятъ его за самообладаніе, за строгую нравственность, за простоту его жизни. Онъ превъшалъ всѣхъ не только превосходствомъ своего генія, но также и своимъ нравственнымъ перевѣсомъ. Его помпѣсы устремлялись не на богатство, а на славу, на власть и почести, все его думы и дѣйствія были направлены лишь на собственное величіе, на удовлетвореніе пылкаго тщеславія и безпредѣльнаго властолюбія. Въ пѣдрахъ души его таилась мысль о всемірномъ царствѣ.

25. 26. мая.

Когда смуты и возстанія въ Ломбардіи были подавлены, и временное правленіе поручено вѣрнымъ людямъ, то главнокомандующій двинулся далѣе на востокъ. Не ухвативъ нейтралитета венеціанской республики, Волье занялъ ея крѣпость Пескьеру, съ цѣлью охранить долину Минчіо до Мантуи. Когда же Наполеонъ, который также ни на что несмотря завладѣлъ городомъ Брешией, внезапно явился у Борретто, то Австрійцы очистили долину. Нѣкоторые полки вступили въ Мантую, гарнизонъ которой возросъ такимъ образомъ до 14,000, остальные двинулись вверхъ по Эчи въ Тироль. Въ началѣ іюня вся австрійская Верхняя Италія за исключеніемъ названной крѣпости находилась во власти Французовъ. Пескьера послѣ отступленія Австрійцевъ также была занята. А нѣсколько дней спустя послѣ того Брешиа и Верона заняты.

Массена подошелъ къ городу Веронѣ, въ стѣнахъ котораго долгое время проживали претендентъ Людовикъ XVIII. и разныя вожди эмиграціи, и принудилъ его сдаться. Проведиторъ Фоскарини тщетно добивался признанія нейтралитета за венеціанскою республикою; исполненный притворнаго гнѣва отвѣтъ побѣдопоснаго полководца имѣлъ лишь цѣлю, внушить страхъ правителямъ и сдѣлать ихъ болѣе податливыми.

в. Венеція и другія итальянскія государства.

Венеціанское аристократическое государство.

Прошлая исторія Венеціи исполнена трагическихъ событій; теперь разыгралась послѣднее дѣйствіе потрясающей драмы. Мы познакомились уже съ аристократическимъ строемъ этого государства на лагунахъ: во главѣ его все еще стоялъ пожизненно избираемый дожъ; сообща съ синьоріей, съ тайнымъ совѣтомъ, государственными инквизиторами и съ совѣтомъ десяти, какъ высшимъ полицейскимъ вѣдомствомъ, онъ правилъ республикой, тогда какъ сенату или избираемому изъ благородныхъ родовъ великому совѣту подлежала законодательная власть. Формы были все еще средневѣковыя, но духъ, энергическая дѣятельность и политическій разумъ минувшихъ временъ утратились. Самый ужасъ, возбуждаемый въ воображеніи инквизиціей и свинцовыми камерами служилъ лишь искусственнымъ средствомъ содержать въ страхъ и повиновеніи пристрастную къ новизнѣ толпу. Съ тѣхъ поръ, какъ турецкія войны истощили ея силы, республика не принимала болѣе участія въ великихъ всемірныхъ торговыхъ оборотахъ. Хотя французская революція была не понутру правителямъ, однако Венеція никогда не присоединилась къ коалиціи; мало того, она прежде всѣхъ другихъ державъ признала французскую республику, принявъ отъ нея дипломатическаго представителя. Австрійскія войска одвою лишь утвержденною старымъ договоромъ этапною дорогою могли проходить въ свою Миланскую область. Графу Прованскому разрѣшено было жить въ Веронѣ лишь послѣ того, какъ комитетъ общественного блага изъявилъ на то свое согласіе; но его заставили выхъать отсюда еще до появленія въ Италіи Наполеона. Однако, нейтралитетъ въ отношеніи обѣихъ враждебныхъ державъ можно было бы поддержать только въ такомъ случаѣ, когда его подкрѣпляло бы внушающее уваженіе войско. Но объ этомъ-то республика и не позаботилась: большая часть линейныхъ полковъ ея были расположены по далматской и альбанской границамъ; на материкѣ находилось около 5000 воиновъ, размѣщенныхъ по гарнизонамъ; ополченіе, которое могло быть доведено до 30,000, было неопытно въ военномъ отношеніи; флотъ служилъ только коммерческимъ цѣлямъ. По поводу нарушенія нейтралитета со стороны Болье и Наполеона подавались одни лишь заявленія, на которыя не обращалось никакого вниманія. Притомъ среди населенія въ столицѣ, а еще болѣе въ провинціяхъ господствовало сильное недовольство, мѣстами стали требовать реформъ, либеральной конституціи въ духѣ времени съ привлеченіемъ мѣщанъ къ законодательной дѣятельности; пробудились демократическіе элементы, которымъ не было охоты сносить долге единодержавіе аристократическихъ родовъ. При такихъ-то обстоятельствахъ положеніе Венеціанской республики оказалось крайне затруднительнымъ. Но оно стало еще опаснѣе вслѣдствіе безсилія и вялости синьоріи и сената. Не смотря на угрожающее положеніе, какое Наполеонъ и вѣнскій кабинетъ приняли въ отношеніи венеціанскаго правительства, оно настаивало на своемъ нейтралитетѣ. Нѣсколько славянскихъ батальоновъ, вызванныхъ въ городъ, въ крайнемъ случаѣ могли служить лишь для подавленія демократическихъ

волненій, но не для отраженія врага. Обитатели твердой земли, особенно граждане Бергамо, Вероны и другихъ городовъ, возмущенные насиліями и пригнѣсеніями, какія напосылись имъ французскими солдатами, приступили было къ мѣрамъ самообороны; но правители поудили ихъ смириться. „Въ государствахъ, какъ и въ отдѣльныхъ личностяхъ, изсякаетъ жизненная энергія, коль скоро они отрекаются отъ болѣе широкихъ цѣлей, довольствуясь одними насущными благами“.

Директорія и ея главный полководецъ устремили уже алчные взоры на богатое коммерческое государство, сулившее большую и легкую добычу, лишь бы удалось совсѣмъ выгнать изъ Италіи Австрійцевъ. Однако, пока не покорепа богато снабженная всѣми потребностями и охраняемая сильнымъ храбрымъ гарнизономъ Мантуа, пока она снаряжалась свѣжими средствами изъ Германіи и Тироля, до тѣхъ поръ трудно было добиться этой цѣли. Благодаря этому синьорія и аристократическій сенатъ могли еще просуществовать до поры до времени.

Тѣ же самыя условія послужили въ пользу Неаполитанскому королю-Миръ съ Неаполемъ. Когда бельмонтскій князь, Пшьятели, явился во французскую главную квартиру, съ цѣлю предложить перемиріе на условіяхъ, какія заключались съ Сардиніей, Пармою и Моденой, то Наполеонъ перѣшлся черезъ-чуръ напирать свои требованія. Онъ удовольствовался тѣмъ, что 5. іюня 1796. король по договору въ Брешии отказался отъ коалиціи, удалилъ находившуюся еще въ Верхней Италіи неаполитанскую кавалерію и залеръ для английскихъ кораблей гавани королевства. Отъ денежнаго вознагражденія, какого добивалась директорія, пришлось на этотъ разъ отказаться. Лишь впоследствии, заключая миръ съ парижскимъ правительствомъ, Фердинандъ обязался поставить натурою припасы стоимостью въ восемь милліоновъ.

Во всемъ, что предпринималъ Наполеонъ въ наступившія затѣмъ недѣли, обнаружился его замыселъ, основать въ этой странѣ новое итальянское государство подъ французскимъ протекторствомъ. Директоріи имѣла главнѣйше въ виду, извлечь по возможности болѣе выгоды изъ завоеванныхъ городовъ и областей, а впоследствии по мирному договору уступить Австрій за Бельгію миланскую область; а главнокомандующій, напротивъ того, пытался создать въ прибрѣтенныхъ областяхъ такія организаціи, изъ которыхъ со временемъ могло бы возникнуть государственное цѣлое на современныхъ рационалистическихъ основахъ. Партикулярстическія побужденія строго подавлялись, вездѣ споспѣшествовалось и усиливалось либеральное мѣщанское сословіе, а влияние духовенства и феодальные элементы устранялись, вводилась однообразная военная администрація. Приобрѣтенія французской революціи надлежало даровать также націямъ между Альпами и Апеннинами.

Когда въ области Генуэзской республики и по соседнимъ нагорьямъ итальянскіе крестьяне и недовольные жители соединились съ австрійскими бѣглецами и организовали партизанскую войну, то Наполеонъ выслалъ противъ нихъ отряды подъ начальствомъ Ланпа, а черезъ Мюрата извѣстилъ аристократическое правительство, залозорѣнное въ соучастіи въ этомъ движеніи, если безпорядки не будутъ устранены, то онъ вступитъ въ край съ войсками. Дворецъ маркиза Спиноллы онъ велѣлъ разрушить.

Ту же систему Наполеонъ примѣнилъ къ Церковной области. При этомъ онъ поступалъ въ духѣ директоріи, которая сильно негодовала на папу за его враждебное отношеніе къ революціи и философскому просвѣщенію эпохи. Ларевелье-Дено призналъ въ главѣ церкви врага человечества, непримиримаго противника его теофилантроническихъ доктринъ. Не трудно было подчинить своей власти певниственныя, недовольныхъ съ духовнымъ владиче-

Миръ съ Неаполемъ.

5. іюня 1796.

10 окт.

Политическіе замыслы.

Генуа.

Церковная область.

ствомъ, пристрастныхъ къ нововведеніямъ жителей легаций. Ожеро почти безъ всякаго сопротивленія занялъ города Феррару и Болонью, а когда Наполеонъ совершалъ въездъ въ послѣдній изъ городовъ, то его привѣтствовали восторженными кликами. Испугавшись, Пій VI. отпривилъ испанскаго посла Азару въ главную квартиру, чтобы, подобно остальнымъ государямъ, добиться перемирія отъ побѣдоноснаго полководца и удалить Французовъ отъ Церковной области. Наполеонъ принялъ падменный тоизъ. Въдъ онъ самъ въ своей второй прокламаціи вмѣнилъ солдатамъ въ долгъ, отмстить за Базевилы, французскаго агента, убитаго 13. января 1793 г. вслѣдствіе его республиканской заносчивости разъяреннымъ народомъ. Уступкою завоеванныхъ городовъ и областей вмѣстѣ съ цитаделью Анконы и цѣною денежной суммы въ 21 милліоновъ франковъ, сотни картинъ и пяти сотъ рукописей нанѣ съ трудомъ удалось добиться вождѣннаго перемерія. Реквизици, вымогательства и грабежи, какіе потомъ производились Французами въ легацияхъ, скоро умѣрили первоначальное воодушевленіе и возбудили народные возстанія, какъ и въ Ломбардіи. Изъ Болоньи военный отрядъ двинулся въ портовую городъ *Ливорно*, съ цѣлью наказать его за то, что впустилъ англійскія купеческія суда. Сами корабли благополучно ушли въ Корсику, но магазины, въ которыхъ пашлись склады разныхъ націй, были конфискованы. Добыча превысила всякія ожиданія: она оцѣнивалась въ 40 милліоновъ франковъ. Она частью доставилась въ Парижъ, по частью разошлась также по рукамъ алчныхъ комиссаровъ, Салличети, Гаро и офицеровъ. Благодаря чему эти взяточники всецѣло подчинились власти Наполеона. *Тосканскаго* великаго герцога, давно уже отдѣливагося отъ союзниковъ и заключившаго миръ съ республикой, успокоили учтивымъ посланіемъ. Такъ какъ флорентинское правительство не въ силахъ было отстоять нейтралитетъ гавани противъ Англичанъ, то директорія велѣла занять ее; но съ герцогствомъ будутъ обращаться, какъ съ дружественною страной. И братъ императора не посмѣлъ даже воспротивиться мощному полководцу, который разграбилъ его самый цвѣтущій торговый портъ; мало того, онъ же три дня спустя послѣ этого гостеприимно угощалъ за своимъ столомъ посѣтившаго Флоренцію Бонапарта.—Покрытый новыми лаврами, Наполеонъ въ началѣ іюля вернулся въ Ломбардію, съ тѣмъ, чтобы взятіемъ крѣпости Мантуи довершить завоеваніе края. Къ нему подошли значительныя подкрѣпленія, такъ что онъ въ состояніи былъ не только осадить эту твердыню австрійскаго владѣчества въ Италіи, но въ то же время занявъ проходы изъ Тироля у Гардскаго озера и при Эчи снабдилъ гарнизоны Болонью, Ливорно, Миланъ. При этомъ ему послужило въ пользу то, что связанное съ Франціей вслѣдствіе наступательнаго и оборонительнаго союза въ Ильдефонсо испанское правительство (стр. 868) своимъ флотомъ охраняло берега Италіи отъ десантныхъ покушеній Англичанъ; это подкрѣпленіе морскихъ силъ въ Средиземномъ морѣ понудило британское министерство удалить гарнизоны изъ Корсики и предоставить островъ французскимъ приверженцамъ и наполеоновскимъ отрядамъ. Коммодоръ Нельсонъ весьма искусно въ виду непріятеля перевезъ войска на Эльбу и направился затѣмъ съ флотомъ въ Атлантическій океанъ, чтобы прикрыть Вестиндію и воспрепятствовать угрожающей высадкѣ республиканскихъ вспомогательныхъ отрядовъ въ Ирландію. Это было жестокимъ ударомъ для вѣнскаго кабинета, лишившагося такимъ образомъ надежды вновь отвоевать Италію.

23. іюня 1796.

Ливорно.

27. іюня.

20. іюня.

Корсика и Средиземное море.

Могущество Наполеона.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ Наполеонъ въ Италіи достигъ положенія, вслѣдствіе котораго онъ теперь уже сталъ настоящимъ повелителемъ края. Директорія не смѣла противорѣчить волѣ и усмотрѣніямъ начальника, который одерживалъ такия несдѣханныя побѣды, на котораго устремлялись

восторженные взоры націи. Въ его главной квартирѣ рѣшались политическіе и военные вопросы; онъ распоряжался и управлялъ съ монархическою властью. И тогда уже обнаружилось, что его душою обуялъ мощный эгоизмъ, демонскій порывъ къ величію и господству, руководившему всѣми его дѣйствіями. Онъ людей считалъ просто средствами и орудіями для своихъ цѣлей, не питая никакихъ болѣе глубокихъ чувствъ личной любви и преданности къ кому бы то ни было и быстро постигая своимъ умомъ, къ чему кто годенъ и за какою цѣну можно его купить. И никто такъ искусно, какъ онъ, не умѣлъ, то вкрадчивою любезностью, то угрозами или почти всегда разсчитанною вспышкою гнѣва, подчинить себя людей и воспользоваться ими для своихъ цѣлей. Достичь этихъ цѣлей, осуществить извѣстные планы,—вотъ все, что онъ имѣлъ въ виду, не обращая вниманія на средства и пути, какіе вели къ тому. Онъ мало сочувствовалъ нравственности, не вѣрилъ въ человѣческую добродѣтель. Знаніе свѣта и политику онъ ставилъ выше идеальности. Демонская обаятельная власть, кака я облекала имя и личность его, сильно повліяла впоследствии на дивное поприще его жизни. И смѣлъ же онъ съ глубокимъ расчетомъ возбуждать и усилить эту власть.

с. Осеннія кампаніи въ Италіи и Германіи.

Покинувъ Италію, Болье сложилъ съ себя главное начальство. На Побѣда Наполеона при Лонато и Кастильонѣ. его мѣсто отозванъ былъ Вурмзеръ отъ рейнской арміи. Онъ тотчасъ же съ 25,000 воинами двинулся къ Инсбруку, собралъ тамъ остальные австрійскіе отряды и принялъ мѣры для отвоеванія Италіи, которую вѣнскій кабинетъ дорожилъ болѣе нежели нѣмецкими имперскими областями. Когда его армія дошла до 50,000 человекъ, то онъ начерталъ свой планъ кампаніи, намѣревался съ главными силами двинуться на Верону и Мантую, тогда какъ генералу Квосдановичу поручалось овладѣть далѣе къ западу Брешией и Миланомъ, а третьему отряду направиться долиною Брептою къ нижнему теченію Эчи. Французскій полководецъ рисковалъ всѣмъ: его войска находились въ разныхъ мѣстахъ и численностью уступали непріятельскимъ; одна проигранная битва была бы могимою его владѣчества и его гордыхъ будущихъ плановъ; начало было довольно мрачное; Брешиа и Верона опять перешли во власть Австрійцевъ; въ военномъ совѣтѣ многіе высказывались за отступленіе; осадное войско изъ-подъ Мантуп было отозвано. Однако Наполеонъ быстро нашелся. Подстрекаемый генераломъ Ожеро, смѣлымъ воиномъ могучаго тѣлосложенія, котораго революція и якобинская ревность изъ парижскаго мальчишки вознесли въ высшій санъ, Бонапартъ рѣшился со всею энергіей напасть на непріятеля, прежде чѣмъ Вурмзеръ и Квосдановичъ успѣютъ соединиться. Онъ надѣялся на свою звѣзду и на осторожную стратегію австрійскаго фельдмаршала. И эта надежда блистательно оправдалась. Присоединивъ къ себѣ генерала Массену, Бонапартъ въ рядѣ сраженій, между югозападнымъ берегомъ Гардскаго озера и рѣкою Чезе, при *Лонато* и въ другихъ мѣстахъ, нанесъ австрійскому фельдмаршалу Квосдановичу такія пораженія, что послѣдній сталъ отступать въ Тироль. Тутъ Вурмзеръ съ главной арміей подошелъ къ Сольферино и Кастильонѣ. Если-бы другая дивизія присоединилась къ нему, то перевѣсъ былъ бы на сторонѣ Австрійцевъ. Но она уже отступила. Бонапартъ и оба генерала, Массена и Ожеро, атаковали на слѣдующій день Вурмзера и въ великой битвѣ при *Кастильонѣ* Австрійцы были разбиты, не смотря на стойкое мужество маршала и испытанную храбрость солдатъ; потерявъ большой уронъ, они

2.—4. авг. 1796.

5. авг.

перешли на восточную сторону Миччо. Августа 14. Вурмзеръ былъ опять въ Инсбрукъ, откуда незадолго предъ тѣмъ вышелъ въ полной увѣренности въ побѣдѣ; войска его, не такъ еще давно исполненные мужества и воинственной отваги, упали духомъ. Мантуа, которую тѣмъ временемъ успѣли спахити обильными съѣтными припасами и военными снарядами, была опять обложена.

Битва при Бас- Злополучный исходъ кампании поразили всѣхъ въ Вѣнѣ смущеніемъ и сано. Вурм- унышемъ, тѣмъ болѣе, что въ началѣ она возбудила благи ожиданія. зерь въ Ман- Неужели же, однако, предоставить неприятелю главную крѣпость, съ ко- тую. тороро связано было обладаніе всею областью рѣки По? На это не могли рѣшиться. А потому Вурмзеру данъ былъ приказъ опять двинуться впе- редъ. Было бы гораздо цѣлесообразнѣе, если-бъ поддерживали эрцгерцога Карла, ратовавшаго въ то же время въ Германіи противъ Моро! Согласно съ новымъ военнымъ планомъ Вурмзеръ отправилъ часть своего войска подъ начальствомъ генерала Давидовича въ долину Эчи, а самъ между тѣмъ съ другимъ отрядомъ пошелъ изъ Триента къ Бассано, съ цѣлью дви- нуться по долинѣ Бренты. Но Французы съ горъ нагрянули при Калиано на лагерь Давидовича, который, утративъ 6000 человекъ и 25 пушекъ, долженъ былъ отступить; а четыре дни спустя послѣ того Бонапартъ и дивизія Ожеро и Массены при *Бассано* на голову разбили растянутае войско Вурмзера. Побѣдителямъ достались 3000 плѣнныхъ, много орудій, повозокъ и знаменъ. Вурмзеръ съ остатками разбитаго войска съ трудомъ форсированными маршами черезъ Лешьяго достигъ крѣпости Мантуи; съ его приходомъ въ ней насчитывалось около 22,000 опытныхъ воиновъ. Италия во второй разъ была завоевана Наполеономъ. Австрийцы утратили въ битвахъ 29,000 человекъ, Французская армія 7500. Если-бъ въ Герма- нии война сопровождалась бы такими же успѣхами, то могъ бы осуще- ствиться смѣлый планъ, который начерталъ главнокомандующій передъ тѣмъ, какъ отправился въ армію. Но тамъ было далеко не то! И какъ, сильно вслѣд- ствіе такого рѣзкаго контраста между итальянскими побѣдами и нѣмецкими поражениями, возвысилась слава Наполеона, какъ восторгались Французы восходящимъ свѣтиломъ воинскаго блеска! А въ обычныхъ странахъ были все-таки одинакія условія: разрозненность государствъ, своекорыстные, только своими личными интересами занятыя державцы и правительства, узкій партикуляризмъ, лишенный сочувствія къ нации и къ общей отчизнѣ.

4. сент. 1796. 8. сент. 13. сент. На Рейнѣ, какъ было уже упомянуто, по отбытіи Клерфе, начальство надъ войскомъ принялъ эрцгерцогъ Карлъ, братъ императора, достойный соперникъ Корсиканца. Въ началѣ іюня генералъ Журданъ съ подчиненными ему военачальниками, Клеберомъ, Марсо, Вернадомъ и др. вновь съ мааст-самбрскою арміею перешелъ черезъ Рейнъ, съ тѣмъ, чтобы отг- снить врага къ Зигу и Лану; тутъ эрцгерцогъ съ Тауна двинулся на него со всеми своими силами и, послѣ удачной битвы при Вейларѣ и другихъ мелкихъ стычекъ, отбросилъ его назадъ на лѣвый берегъ Рейна. Нѣ- сколько дней спустя послѣ того Моро, назначенный на мѣсто Пингеррю главнокомандующимъ арміи на верхнемъ Рейнѣ, подготовивъ съ большимъ умѣньемъ всѣ средства для быстрой переправы, далѣе къ югу близъ Келя перешелъ черезъ нѣмецкую рѣку и въ тылу эрцгерцога проникъ Шварц- вальдскими проходами въ Швабію, пробившись сквозь слабый растянутый кордонъ неприятельскихъ отрядовъ и подчпняя себѣ по пути мелкія нѣ- мецкія области. При немъ служили Дезе и Сень-Спиръ. Послѣ жестокаго боя при Мальшѣ и въ окрестностяхъ, швабскія войска обратились въ послѣднее бѣгство, такъ что, не встрѣчая значительнаго сопротивленія, Моро черезъ суровые Альпы проникъ въ нѣдра южногерманскихъ обла- стей. Это былъ человекъ великаго ума и превосходнаго образа мшлей,

Журданъ и Моро въ Гер- маніи. 15. іюня 1796. 24. іюня. 10. іюля. На Рейнѣ, какъ было уже упомянуто, по отбытіи Клерфе, начальство надъ войскомъ принялъ эрцгерцогъ Карлъ, братъ императора, достойный соперникъ Корсиканца. Въ началѣ іюня генералъ Журданъ съ подчиненными ему военачальниками, Клеберомъ, Марсо, Вернадомъ и др. вновь съ мааст-самбрскою арміею перешелъ черезъ Рейнъ, съ тѣмъ, чтобы отг- снить врага къ Зигу и Лану; тутъ эрцгерцогъ съ Тауна двинулся на него со всеми своими силами и, послѣ удачной битвы при Вейларѣ и другихъ мелкихъ стычекъ, отбросилъ его назадъ на лѣвый берегъ Рейна. Нѣ- сколько дней спустя послѣ того Моро, назначенный на мѣсто Пингеррю главнокомандующимъ арміи на верхнемъ Рейнѣ, подготовивъ съ большимъ умѣньемъ всѣ средства для быстрой переправы, далѣе къ югу близъ Келя перешелъ черезъ нѣмецкую рѣку и въ тылу эрцгерцога проникъ Шварц- вальдскими проходами въ Швабію, пробившись сквозь слабый растянутый кордонъ неприятельскихъ отрядовъ и подчпняя себѣ по пути мелкія нѣ- мецкія области. При немъ служили Дезе и Сень-Спиръ. Послѣ жестокаго боя при Мальшѣ и въ окрестностяхъ, швабскія войска обратились въ послѣднее бѣгство, такъ что, не встрѣчая значительнаго сопротивленія, Моро черезъ суровые Альпы проникъ въ нѣдра южногерманскихъ обла- стей. Это былъ человекъ великаго ума и превосходнаго образа мшлей,

разумный и осторожный, но не способный творчески, отважными замы- слами придать обстоятельствамъ новый видъ. Обладая онъ гениальною бы- стротою Бонапарта, то достигъ бы такихъ же успѣховъ. И въ самомъ дѣлѣ, южно-германскія правительства, испытавши тяжкия невзгоды, стра- стно желали избавиться отъ бремени войны. Подобно итальянскимъ дер- жавцамъ, и нѣмецкіе также торопились значительными денежными вспомо- сами откупиться отъ непріятельскаго гнета. Въ іюль уже Вюртембергъ и Баденъ заключили съ Моро перемиріе на тяжкихъ условіяхъ, а въ на- ступившій затѣмъ мѣсяцъ мирные договоры съ тайными условіями, пред- вѣстниками будущаго Рейпскаго союза. Они отстали отъ коалиціи, обѣ- щали выдавать врагу имперіи ежемѣсячные взносы и за уступку ихъ зарейнскихъ земель выговорили себѣ вознагражденіе духовными владѣніями. Саксонія также отозвала свои войска и присоединилась къ сѣверо-герман- 5. авг. 1796. скому нейтральному союзу; даже Пруссія по возобновленіи базельскаго демаркаціоннаго договора вступила въ тайныя соглашенія съ директоріей, вслѣдствіе которыхъ имѣлись въ виду совершенная уступка лѣваго берега Рейна, секуляризація духовныхъ владѣній и отмѣна имперскихъ учрежде- ній. Регенбургскій сеймъ распался на части.

Для того, чтобы воспринять дальнѣйшему папору Моро съ его арміею и вмѣстѣ съ тѣмъ прикрыть переходъ Вурмзера чрезъ Тиролю въ Верхнюю Италию, эрцгерцогъ рѣшился теперь соединить всѣ военныя силы Австріи въ одинъ армейскій корпусъ между Майномъ и Дунаемъ. Благо- годаря этому Журданъ опять могъ проникнуть во Франконію и отбросить до Бамберга и до богемской границы генерала Вартенслебена, который долженъ былъ присоединиться къ эрцгерцогу. Мрачная картина народ- ныхъ бѣдствій развернулась бы передъ нами, если бы мы задумали изо- бразить злодѣйства и несправедливости, панасги, гнетъ и грабежъ, какія обру- шились на жителей Франконіи и Швабии отъ одичавшихъ республикан- скихъ солдатъ, отрѣшившихся за невѣдучею жалованья и содержанія отъ всякой дисциплины и предавшихся величайшему распутству,—отъ алчныхъ поставщиковъ и комиссаровъ,—отъ безжалостныхъ кровопийцъ и эксплуа- таторовъ въ эту кампанію. Если-бъ генералу Журдану удалось соединиться съ арміею Моро въ южной Германіи, то, пожалуй, осуществился бы на- чертанный Наполеономъ и принятый директоріей военно-политическій планъ. Къ счастью для Австріи обоимъ французскимъ полководцамъ при- шлось имѣть дѣло съ противникомъ, не уступавшимъ имъ ни въ военномъ искусствѣ, ни въ дарованіи, а сверхъ того они, вслѣдствіе приказовъ изъ Парижа, сбивались съ толку въ ихъ планахъ. Эрцгерцогъ съ большимъ искусствомъ успѣлъ задержать южнаго врага на Дунаѣ, а потомъ, при- соединивъ къ себѣ Вартенслебена, напалъ отдѣльно на подошедшія изъ Пфальца для соединенія съ войсками Моро колонны Журдана и разбилъ ихъ въ цѣломъ рядѣ стычекъ. Затѣмъ подкрѣпленный храбрымъ генера- ломъ Готце и тяжелою кавалеріею Вартенслебена онъ въ жаркой битвѣ при *Вюрцбургѣ* нанесъ поражение главнымъ силамъ, вслѣдствіе чего мааст-самбрская армія совѣмъ разстроилась и Журданъ вынужденъ былъ послѣдно отступить за Рейнъ. Жители Франконіи, Снессарта и Оден- вальда, озлобившись на угнетенія и конфискаціи, возстали противъ от- ступавшихъ враговъ и избивали ихъ вездѣ, гдѣ они попадались въ оди- почку. Вооружась топорами и косами, они жестоко мстили своимъ му- чителямъ. Марсо, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и рыцарскихъ вождей французской арміи, отступая въ Вестервальдѣ, палъ отъ австрийской пули. Однако нѣмецкія правительства не только не ободряли народное возста- ніе противъ враговъ имперіи, но, подражая большею частью Пруссіи, отсту- пили отъ коалиціи. Они пытались договорами съ Франціей избавиться

Побѣда эрцгер- герцога при Вюрцбургѣ.

22. 24. авг. 1796. 3. сент.

отъ тягости войны и добиться расширенія своихъ областей или иныхъ выгодъ.

Отступление
Моро.

Моро, поразивши тѣмъ временемъ въ разныхъ стычкахъ австрійскаго генерала Латура и прогнавъ его за Лехъ и Изаръ, поневолѣ долженъ былъ отступить, вслѣдствіе пораженія арміи Журдана. За нѣсколько дней до битвы при Вюрцбургѣ ему удалось еще слабое баварское правительство въ отсутствіе курфирста побудить къ *Пфаффенгофенскому договору*, по которому французскій генералъ за значительные денежные вносы и поставки натурою обѣщалъ Баваріи защиту и миръ, какъ разъ въ то время, когда онъ готовился отступать передъ Австрійцами и не могъ уже исполнить свое обѣщаніе. „Германіи въ тѣ дни пришлось покориться не одному акту позорнаго подчиненія“, замѣчаетъ Гейссеръ, „но Пфаффенгофенскій договоръ доказываетъ, что близорукая тупость его виновниковъ превышаетъ даже отсутствіе въ нихъ общаго духа“. Проживавшій въ увеселительномъ замкѣ подъ Дрезденомъ курфирстъ не успѣлъ еще подписать договоръ о перемиріи, какъ послѣдняя французская армія покинула Баварію. Моро былъ однако счастливѣе Журдана. Его отступление за Лехъ и по долинамъ Шварцвальда къ Рейну, обезпечиваемое врагомъ съ тыла и во флангъ, затрудняемое возстаніями жаждавшихъ мести населенія въ Шваби, считалось мастерствомъ стратегическаго искусства. Впрочемъ, его опасное предпріятіе облегчалось ошибками Австрійцевъ, которые нигдѣ не успѣли противопоставить ему достаточныхъ силъ, такъ какъ эрцгерцогъ послѣдилъ впередъ въ долину Кинцига, а оставленные имъ вожди не могли согласиться другъ съ другомъ. Такъ Моро, отбросивъ у Вибераха генерала Латура къ Боденскому озеру, успѣлъ безъ значительнаго урона черезъ Адскую долину и Брейсгау отвести свое войско къ Рейну, затѣмъ послѣ незначительныхъ стычекъ при Эммендингенѣ, Вальдкирхѣ и Шлингенѣ достигъ родной берегъ у Гюнингена и занять зимнія квартиры въ Эльзасѣ.

2. окт.

25. окт.
Положеніе и настроеніе.

Въ виду блестящихъ военныхъ подвиговъ Наполеона достойное удивленія отступление Моро было помрачено; хотя бы даже полководца и сравнивали съ Ксенофонтомъ, но отступление все-таки не побѣда. А потому попятно, что послѣдствіи, когда пути обоихъ полководцевъ разошлись, итальянскій побѣдитель презрительно относился о военныхъ заслугахъ соперника въ южной Германіи. Но эрцгерцога Карла въ нѣмецкихъ областяхъ прославляли какъ спасителя и мстителя. О него сокрушился планъ великой двойной кампаніи противъ Австріи. Въ Вѣнѣ особенно сильно ободрились вслѣдствіе военныхъ успѣховъ императорскаго сына. При такомъ торжествѣ въ собственномъ домѣ проигранная битва при Бассано признавалась неважнымъ пораженіемъ. Тѣмъ болѣе, что фельдмаршалу Вурмзеру удалось съ частью арміи достигъ Мантуи и усилить оборонительныя средства крѣпости. Вслѣдствіе недовольства итальянскихъ населеній и правительствъ, въ особенности папы и неаполитанскаго двора по поводу французскихъ насилій, ожидался вскорѣ новые союзники. Тѣмъ сильнѣе обострилась злоба на Пруссію, которая въ союзѣ съ врагомъ расширялась во франконскихъ областяхъ, подчинила своему протекторату Нюрнбергъ и, содѣйствуя сепаратнымъ союзамъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ князей съ республикою, способствовала распаденію имперіи. Антагонизмъ между Вѣною и Берлиномъ усилился болѣе чѣмъ когда-либо.

d. Арноле. Мантуа. Голектино.

Положеніе Наполеона въ Итали. Тамъ надѣялись наверстать убытки, какіе неминуемо предви-

дѣлись въ Вѣнѣ и въ другихъ мѣстахъ, и потому хотѣли добиться внушительнаго положенія. Мы упоминали уже, что директоріальное правительство въ итальянской кампаніи имѣло лишь въ виду по мѣрѣ возможности извлечь изъ края подзуду для истощенной государственной кассы, а потомъ возвратитъ его въ обмѣнъ за Бельгію, тогда какъ Наполеонъ преслѣдовалъ совсѣмъ иные цѣли. По его плану плодомъ его усилій предполагалась итальянская республика подъ эгидію Франціи; заключая договоры съ отдѣльными правительствами, онъ хотѣлъ только воспользоваться необходимымъ временемъ для образованія и усиленія французской партіи, изъ которой по изгнаніи Австрійцевъ имѣлось въ виду составить основы будущей администраціи и легіоны земскаго ополченія. Модепскаго герцога, удалившагося въ Венецію, прежде нежели исполнѣтъ уплаты была договоренная за перемиріе сумма, объявилъ онъ отрѣшеннымъ отъ престола и назначилъ въ странѣ правительство подъ охраною республики. Директорія волей, поневоле одобряла всѣ мѣропріятія главнокомандующаго; да и какъ бы осмѣлилась она, въ виду собственнаго шаткаго положенія внутри возстановитъ противъ себя побѣдоноснаго полководца? Наполеонъ увѣренъ былъ, что одна его угроза объ отставкѣ ко всему склонитъ парижское правительство. Для виду оно издавало приказы, какіе требовались предварительно самимъ полководцемъ. На основѣ договоровъ о перемиріяхъ совершались мирныя соглашенія. Съ римскимъ престоломъ, нравственное могущество котораго внушало ему почтеніе, Наполеонъ старался возстановитъ лучшія отношенія. Не заражаясь философскими антипатіями Ларевелье-Лено, онъ призналъ въ папствѣ реальную силу, съ которой слѣдуетъ считаться. Онъ велѣлъ увѣрить главу церкви, что самъ 28. окт. 1796. стремится скорѣе заслужить имя спасителя, нежели нарушителя папскаго престола. Въ виду поворота общественнаго мнѣнія, — говоритъ Лапфре, — онъ созналъ уже, что предстоитъ неминуемо религиозная реакція, и что поддержка священниковъ можетъ послужить могучимъ рычагомъ его честолюбію. Все политически предусматривалось. Но мира еще не заключили, оттого что Пій VI хотѣлъ выждать исхода новой кампаніи, которая какъ разъ въ это время предпринималась императорскимъ министерствомъ.

Битва при Арнолѣ.

Бывшія неудачи не вразумили Австрійцевъ въ томъ, что ихъ система, выступать въ походъ противъ Французовъ съ раздѣленными отрядами, ошибочна; осенняя кампанія, предпринятая въ ноябрѣ фельдцейхмейстеромъ Альвинци, пожимымъ, но еще бодрымъ и храбрымъ генераломъ, по долнамаъ Эчи и Brenty, начертана была по тому же методу и имѣла такой же исходъ, не смотря на то, что набранныя во всѣхъ провинціяхъ великой имперіи войска были многочисленнѣе французскихъ. Они, правда, состояли изъ молодыхъ солдатъ, и ощущался сильный недостатокъ въ офицерахъ. При всемъ томъ эта „куча бѣглецовъ и послѣднихъ рекрутовъ имперіи“, какъ въ своей надменной прокламаціи Наполеонъ прозвалъ австрійское войско, храбро сражалась при первомъ столкновеніи. Когда генералъ Вобуа долиною Эчи проникъ въ Тироль, то Давидовичъ отразилъ его и заставилъ отступить къ Каліано, а оттуда къ Риволи. Да и въ битвѣ на берегахъ Brenty, въ которую Ожеро и Массена въ то же время вступили съ главнокомандующимъ Альвинци и генераломъ Квосдановичемъ, Французы тоже не достигли никакихъ успѣховъ. Напротивъ, они съ значительнымъ уропомъ отступили къ Веронѣ. Положеніе было крайне опасное, однако прозорливость Наполеона вскорѣ придало дѣлу иной оборотъ. Разсчитывая на методическіе военные приемы противниковъ, не допускающіе быстрыхъ передвиженій, онъ забралъ подкрѣпленія изъ осаднаго войска подъ Мантуей и дивизіи Вобуа при Риволи, и двинулся потомъ ночью

6. 7. ноября 1796.

вниз по рѣкѣ до Зевіо, съ тѣмъ чтобы напасть въ распахъ на расположившихъ у Кальдіеро и с. Бонифаціо враговъ. Но у села Арколе, гдѣ горный потокъ Альпоне тихо протекаетъ къ Эчи, орошая окрестную мѣстность и обрашая ее мѣстами въ болото, Кроаты подъ командою генерала Бригидо, прикрытые плотною, оказали такой сильнейшій отпоръ, что Французы не могли двинуться далѣе, хотя Массена, Ожеро и самъ Бонапартъ съ героическимъ мужествомъ, подвергая жизнь опасности, подстрекали разстроеныя и отступавшія колонны противъ града пуль. Когда Наполеонъ съ знаменемъ въ рукѣ хотѣлъ добиться перехода, то низринувся съ плотина въ болото, откуда его съ трудомъ вытащили. Въ сумерки велѣно было отступить къ Ронко, и благодаря рано наступившей темнотѣ отступление совершилось благополучно. Но удаленіи войска въ Арколе прибылъ генералъ Гюбё; но не получая никакихъ вѣстей изъ главной квартиры, онъ покинулъ опустѣвшее почти село. Утромъ оно опять перешло во власть Австрійцевъ. Не въ духѣ Наполеона было отступать отъ предпріятія, пока не совсѣмъ еще была отрѣзана возможность удачи; къ тому же отъ этой удачи зависѣла участь всего войска среди непріятельскихъ боевыхъ силъ. Сами Австрійцы не дали ему никакого иного выхода кромѣ битвы, такъ какъ Альвинци въ свою очередь перешель въ наступленіе. И вотъ въ теченіе дня между Ронко и деревнями Арколе и Порсилье произошелъ цѣлый рядъ кровавыхъ битвъ, повергшихъ съ обѣихъ сторонъ много храбрыхъ воиновъ на сырую землю, но дѣло все еще ничѣмъ не рѣшалось. Ночью, однако, Французамъ удалось проложить мостъ черезъ нижнее теченіе Альпоне, такъ что на слѣдующій затѣмъ день они по обонмъ берегамъ горнаго потока двинулись на Арколе. Оба войска еще разъ напрягли всѣ свои силы; но послѣ долгой жаркой борьбы омытые закаленные солдаты подъ знаменами Бонапарта, Ожеро и Массены взяли верхъ надъ молодыми австрійскими отрядами. Альвинци приказалъ отступить въ с. Бонифаціо, и Французы побѣдителями вступили въ горячо охраняемую деревню Арколе. Отступление перешло въ безпорядочное бѣгство, когда Альвинци форсированными маршами пытался достигъ дороги изъ Вероны въ Бассапо, съ тѣмъ чтобы преслѣдовавшій его непріятель не предупредилъ и не отрѣзалъ его.

То были кровавые лавры въ побѣдномъ вѣнкѣ Наполеона, и „Аркольскій мостъ“ возбудилъ во французской націи не только гордое чувство славы, но также и тяжкую скорбь. Этимъ исходомъ рѣшилась однако судьба Мантуи и Италіи. Для того чтобы довершить побѣду, Бонапартъ отправилъ тотчасъ же дивизіи Ожеро и Массены противъ Давидовича, мѣлкотность котораго и повела главнѣйше къ пораженію Альвинци. Послѣдніе четыре дня спустя послѣ Аркольской битвы разбили Австрійцевъ при *Риволіи* и отбросили генерала Давидовича въ Тироль, лишивъ его 2000 воиновъ. Альвинци перевелъ свои войска за Бренту. Казалось, невозможно уже было продолжать войну. Войска Бонапарта были тоже истощены и нуждались въ отдыхѣ, а также въ возмѣщеніи великихъ утратъ офицерами и солдатами. Но если директорія была того мнѣнія, что теперь надлежитъ вступить въ переговоры съ Австріей, то это отнюдь не согласовалось съ планами Наполеона. Въ это самое время онъ заложилъ первый камень „Циспаданской республики“, побудивъ жителей моденскаго герцогства и легаціи собраться въ сеймъ, съ тѣмъ чтобы на основаніи самоуправленія и самообороны соорудить конституцію, и разрѣшивъ Ломбардцамъ вольнымъ избраніемъ депутатовъ принять участіе въ совѣщаніяхъ. Когда въ ноябрѣ генералъ Кларкъ, довѣренное лицо Карпо, явился въ Италію, чтобы сообщить главнокомандующему о намѣреніяхъ директоріи, то онъ тутъ же убѣдился, что пути обонхъ далеко рас-

15. ноября 1796.

16. ноября.

17. ноября.

Исходъ 1796 года.

21. ноября 1796.

ходятся. Коммисаръ скоро постигъ, что гениальному полководцу предстоитъ великая будущность; онъ всецѣло ему преданъ и сообщилъ ему свой докладъ передъ отпавкою его. Наполеонъ требовалъ подкрѣпленія въ 30,000 человекъ; затѣмъ онъ намѣренъ проникнуть въ имперію и добиться выгоднаго мира. Онъ постоянно возвращался къ этому первоначальному плану кампаніи.

Наполеону нечего было опасаться, чтобы его изъ Париза понудили заключить перемиріе; да и въ самой Вѣнѣ вовсе не склонялись къ этому. Вѣдъ Мантуа еще не пала. Для того, чтобы спасти это сокровище, рѣшились еще разъ собраться со всѣми силами. Среди зимы, когда земля покрылась снѣгомъ въ четыре фута глубины, предписано было Альвинци открытъ новую кампанію: опять съ сѣвера и востока потянулись войсковыя колонны къ долинѣ Эчи, съ тѣмъ чтобы выручить крѣпость. Наполеонъ приготовился встрѣтить ихъ; его войска отдохнули и получили подкрѣпленіе въ 8,000 человекъ подъ начальствомъ молодаго пылкаго генерала Жуберта. На его долю и выпала трудная задача, на плоской возвышенности Монтебальдо, близъ *Риволіи*, откуда за три мѣсяца тому назадъ отбросили Давидовича въ Тироль, задержать напавшаго съ превосходными силами врага до тѣхъ поръ, пока не подоспѣлъ самъ Бонапартъ съ дивизіями Ожеро и Массены и послѣ жестокаго боя не обратилъ въ бѣгство австрійскія войска. Въ самый разгаръ этой битвы Наполеонъ получилъ извѣстіе, что австрійскій генералъ Провера близъ Леньяго, въ шестнадцать мильхъ внизъ по рѣкѣ переправился черезъ Эчь, съ цѣлью, соединившись съ вышедшимъ изъ Мантуи Вурмзеромъ, напасть съ юга на Французовъ. Тутъ онъ поручилъ генералу Жуберту преслѣдовать отступавшаго къ Триенту Альвинци съ его обращенной въ бѣгство арміей, а самъ съ частью войскъ форсированнымъ маршемъ двинулся къ югу. Онъ поспѣлъ еще во время, чтобы воспренятствовать соединенію. Послѣ короткой стычки при увеселительномъ замкѣ *Фаворитте* Провера припустилъ бѣжать. Теперь ужъ и Вурмзеръ не могъ болѣе сопротивляться. Гарнизонъ *Мантуи* вслѣдствіе недостатка пищи, вслѣдствіе нужды и болѣзни былъ до того изнуренъ, что не могъ долѣе выдержать осады. Австрійскій генералъ сдалъ по договору крѣпость славному побѣдителя. Бонапартъ, уваживъ храбрость врага, предоставилъ сѣдому полководцу съ его генеральными штабомъ и частью мужественнаго гарнизона, офицерами и рядовыми свободное отступление по его собственному выбору. Этимъ завершилось подчиненіе Верхней Италіи, и корсиканскій завоеватель поджидалъ лишь требуемыхъ отъ директоріи подкрѣпленія, съ тѣмъ чтобы напасть на императора въ его послѣдственныхъ земляхъ и привести въ исполненіе свой первоначальный военный планъ. Отъ утраты при Эчи и Минчю до того истощились военныя силы Австріи, что у имперіи не хватало средствъ на продолженіе двойной войны въ Германіи и Италіи.

Прежде того однако надлежало раздѣлаться съ папою. Вслѣдствіе пораженія Альвинци и капитуляціи Вурмзера рушилась въ Римѣ надежда на помощь Австріи, а Наполеонъ пересталъ питать прежнее уваженіе къ папскому престолу. Революція и іерархія составляли самыя рѣзкія противоположности этой крайне тревожной эпохи, и мы достаточно уже ознакомились съ тѣми насильственными и кровавыми условиями, въ какихъ эти противоположности проявлялись во Франціи. Это была борьба изъ-за прижизненной и на животъ, а на смерть. Наполеонъ по своимъ религіознымъ воззрѣніямъ всецѣло выгаль въ революціонной атмосферѣ, хотя поприще его жизни и удаляло его отъ враждебныхъ столбовеній съ слугами и носителями папской системы. Въ его рѣчахъ и частныхъ письмахъ обнару-

Зимняя кампанія.

Риволі.

14. янв. 1796.

Бой при Фаворитте 16. янв.

Сдача Мантуи. 3. февр.

Наполеонъ и папа.

живалось равнодушіе и презрѣніе къ папскому ученію и церковной системѣ, едва-ли даже не рѣзче, чѣмъ оно проявлялось у членовъ конвента и директоріи. Въ его душѣ и слѣда не было клерикальнаго настроенія и вѣрованія. Если же оцъ, не смотря на то, обнаруживалъ до сихъ поръ нѣкотораго рода уваженіе къ іерархической системѣ, во главѣ которой находилось папство, то это дѣлалось лишь изъ политическаго расчета. Отъ его прозорливости и знанія людей и свѣта не укрылось, что церковь въ массѣ народа составляла значительную власть, и что духовенство служить важною опорой всякому мірскому владычеству. Еслибъ это духовенство оказалось ему покорнымъ и готовымъ къ его услугамъ, то оно могло-бы послужить сильнымъ средствомъ для его честолюбія, дѣйствицею для будущаго владычества. Вотъ отчего оцъ, вступивъ въ Папскую область, и заявилъ себя въ прокламаціи „защитникомъ религіи народа“, тогда какъ директорія предписала ему обращаться съ римско-католическою церковью какъ съ самымъ непримиримымъ врагомъ республики.

Пій VI. и революція.

И въ самомъ дѣлѣ, хотя въ прежніе годы Пій VI., этотъ осанистый мужчина съ его величавымъ достоинствомъ въ обращеніи и наружности, уступчивыми, мягкими пріемами успѣлъ избѣгать разныхъ затрудненій, однако оцъ все-таки подавалъ парижскимъ властителямъ не мало повода, обращаться съ ватиканскимъ правительствомъ въ сказанномъ духѣ. Мы знаемъ, что папство возбудило убійственную распрю во французскомъ клирѣ, восславившую междуособіе. Римъ служилъ убѣжищемъ вселенившихся монаховъ и неприсланныхъ священниковъ, ускользнувшихъ отъ терроризма комитета общаго блага. А сколько эмигрантовъ искали и находили пристанище въ Церковной области! Французы недавно еще перехватили письмо кардинала Бюска къ вѣнскому двору съ такимъ заявленіемъ: „Мы изъ Романы сдѣлаемъ Вандею“. Да и Наполеонъ убѣдился въ томъ, что въ Римѣ все еще царитъ такой же страшный антагонизмъ противъ республиканской Франціи, какъ и въ дни конвента, что всякая невзгода, какая поразитъ французскія войска, обостритъ въ Римѣ враждебную противоположность и воспламенитъ борьбу, которая при господствующемъ возбужденіи можетъ повредить французскимъ солдатамъ.

Бонапартъ въ Церковной области.

Намѣреваясь проникнуть въ австрійскія наслѣдственныя владѣнія, Наполеонъ, конечно, не могъ оставить въ тылу такого врага. Принимая поэтому всѣ мѣры военной предосторожности, оцъ изъ Болоньи съ войскомъ въ 10,000 человекъ, въ томъ числѣ 4,000 вновь сформированныхъ итальянскихъ легионовъ, вторгся въ Папскую область. Оцъ хотѣлъ на время своей сѣверной кампаніи обезпечить себя отъ враждебнаго возстанія въ Средней и Нижней Италіи. Вандей Наполеону нечего было опасаться въ Церковной области. И въ самомъ дѣлѣ, откуда у нравственно и матеріально упавшаго населенія, лишившагося подъ гнилымъ управленіемъ духовенства всякой стройной правовой жизни и всякой военной организаци и дисциплины,—откуда тутъ взяться подъему духа на мужественное сопротивление? Австро-сардинскій генералъ Колли, котораго Пій вызвалъ къ себѣ на службу, не былъ въ состояніи стоявшихъ у рѣчки Сепіо между Форли и Римини, подъ начальствомъ кардинала, папскихъ солдатъ подвигнуть хотя сколько-нибудь къ честному бою съ подходившею подъ командою Папы французско-ломбардскою арміею. Не смотря на увѣщанія множества монаховъ, испуганныхъ толпы солдатъ и вооруженныхъ крестьянъ послѣ короткой перестрѣлки ринулись въ невоздержанное бѣгство, такъ что Французы безъ помѣхи изъ Болоньи проникли въ Фаенцу, Форли, Римини, Фано. Соблюдалась строжайшая дисциплина, плѣнныхъ Наполеонъ отпустилъ на волю съ единственнѣмъ обязательствомъ, распространяя его прокламаціи и увѣщанія народъ въ его дружелюбныхъ и благомысленныхъ намѣре-

Февр. 1797.

няхъ. Оцъ пришелъ—не разрушать религію,—а отмѣнить для блага бѣднаго народа злоупотребленія духовнаго владычества. Еще быстрѣе и почти безъ кровопролитія подчинился отрядъ, охранявшій Анкону. По первому пушечному выстрѣлу одни разметались во всѣ концы, а остальные пали ницъ и сдались въ плѣнъ; генералы Ланни и Викторъ безъ боя заняли Анкону вмѣстѣ съ штабелемъ. Изъ Лорето въ Римъ увезли уже драгоценности, однако тамъ все еще нашлось около милліона для армейской кассы; деревянный образъ Богородицы отправился въ Парижъ. Исполнившись гордыхъ державныхъ думъ, Наполеонъ глядѣлъ на дальнее море. Оцъ надѣялся одолѣть нѣкогда властителя морей, Альбіонъ, въ его собственной стихіи.

10. Февр.

Страхъ и ужасъ обуялъ всѣхъ въ Римѣ. Народное вооруженіе не удалось, чудотворныя знаменія не помогли. Наконецъ Пій VI., „который по своей натурѣ отнюдь не соблазнялся мученичествомъ“, рѣшился вступить въ переговоры съ республиканскимъ полководцемъ, не преминувшемъ засвидѣтельствовать свое уваженіе и благоговѣніе. Оцъ отправилъ въ Толентино, гдѣ находилась главная квартира, депутацію изъ знатнѣйшихъ особъ своего двора; а Наполеонъ, порывався предпринять кампанію противъ Австріи, по возможности облегчилъ соглашеніе. Оцъ совѣтъ отстранилъ предписанные ему директоріей церковные вопросы, также призналъ гражданскаго устава французскаго духовенства, и настаивалъ только на уступкѣ территорій, на взносѣ денегъ и на нѣкоторыхъ концессіяхъ, на которыя папа могъ согласиться „не нарушая своихъ священнѣхъ обязанностей“. По Толентинскому договору Пій VI. отказался въ пользу республики отъ стародавнихъ владѣній папскаго престола на Ропѣ, отъ Авиньона и Венессена, уступилъ легатіи Болонью, Феррару и Романию вмѣстѣ съ Анконою, внесъ сверхъ уговоренной въ перемиріи суммы еще тридцать милліоновъ ливровъ, заперъ для враговъ Франціи гавани Церковной области и обѣщалъ искупленія за Бассевилы. Подписавъ мирный договоръ, Наполеонъ обратился къ папѣ съ почтительнымъ посланіемъ, увѣряя его въ своей самой искренней дружбѣ; а въ директорію оцъ писалъ, что при возложенныхъ на нее условіяхъ Церковная область не можетъ долго просуществовать, „что эта дряхлая машина развалится сама собою“. Съ скорбью и злобою Римляне провожали вереницу фуръ, на которыхъ въ наступившіе затѣмъ дни увозились золото, серебро и прежде уже выговоренныя сокровища искусства и науки.

Миръ въ Толентино.

19. февраля 1797.

е. Кампанія во внутрь Австріи.

Обезпечивъ себя Толентинскимъ договоромъ съ тыла, Наполеонъ послѣ- Наполеонъ и эригерцогъ Карлъ въ Каринтіи. Мартъ 1797.

шелъ къ арміи, чтобы въ связи съ Жубертомъ, Ожеромъ, Массею послѣдовать императорскимъ войскамъ, которые послѣ невзгодъ при Риволи и Мантуи, упавъ духомъ, обезсилѣвъ, скудно питаясь, отступали въ Тироль и Фріюль. Въ Вѣнѣ царилъ также уныніе, однако Тутуть устранялъ всякія мысли о мирѣ; еще не настало, казалось ему, время сдаваться. Престарѣлый Альвицци сложилъ главное начальство. На его мѣсто поступилъ эригерцогъ Карлъ въ качествѣ „генералиссимуса“. Но побѣдитель при Вюрцбургѣ также не могъ ободрить упавшіе духомъ полки и впуштить имъ довѣрія. Оцъ охотно сдалъ бы команду! Отряды перешли уже за Шаву, а потомъ ихъ переправили черезъ Тальяменто, съ цѣлью приготовить имъ лучшія квартиры и подкрѣпить присоединеніемъ новыхъ войскъ изъ нѣмецкихъ областей. Но и французская армія находилась не въ лучшемъ положеніи. Ея ряды также сильно порѣдѣли вѣдствіе

битвѣ, тягостей похода и болѣзней; въ итальянскихъ крѣпостяхъ пришлось оставить гарнизоны; Жубертъ съ одной дивизіей охранялъ тирольскіе проходы; вмѣсто 30,000 директорія изъ Рейнской арміи выслала всего 19,000 подъ начальствомъ Бернадота и Дельма; вслѣдствіе всего этого у самого Наполеона въ распоряженіи для предполагаемой кампаніи противъ внутренней Австріи оказалось всего 34,000 человѣкъ. И съ такимъ-то скуднымъ отрядомъ пришлось ему двинуться черезъ Фриуль и Каринтію на Вѣну, преслѣдовать непріятеля, превосходившаго его числомъ и подкрѣпляемаго ежедневно наборомъ свѣжихъ солдатъ, въ чужомъ краѣ, въ которомъ ему предстояли одни только препятствія, тогда какъ противникъ пользовался тамъ всякими пособіями! Но смѣлый вождь все-таки приступилъ къ дѣлу. Онъ поставилъ все ребромъ, лишь бы добиться высшей цѣли. Вѣдь тотъ, кто одолѣлъ самаго воинственнаго врага въ его собственномъ краѣ и понудилъ его къ миру, тотъ господствовалъ надъ всѣмъ, тотъ могъ повелѣвать во Франціи, тому принадлежала пальма славы, почета, владычества, котораго такъ жаждала честолюбивая душа Наполеона. Въ его неутомимо работавшемъ умѣ политика переплеталась съ войною, война должна ему проложить путь къ самовольному владычеству въ государствѣ; и онъ уже опытомъ узналъ, чего можно достигнуть отвагою и бистрою рѣшительностью.

Планы Наполеона.

Посредничество неаполитанскаго короля и тосканскаго великаго герцога главнѣйше способствовали переговорамъ о мирѣ съ папскою областію. Нельзя-ли ихъ же опять побудить, съ тѣмъ чтобы они оказали такую же услугу въ Вѣнѣ? Габсбургскому двору придется, конечно, предложить нѣкоторое вознагражденіе за Бельгію и за Ломбардію; такъ какъ первую не отдавала директорія, а вторую не уступалъ Бонапартъ. И вотъ Наполеонъ составилъ уже свой планъ. Вознагражденіемъ должна послужить венеціанская республика. Онъ не ошибся въ оцѣнкѣ Тугута, предложивъ, что австрійскій министръ, котораго императрица Екатерина прозвала лѣвою якобинцемъ, не затруднится вопреки всякому праву и всякой нравственности, принять выгодныя для него условія. Директорію онъ также надѣялся улагодворить. Онъ въ богатой Венеціи имѣлъ въ виду воспользоваться добычею, которою можно будетъ утолить самую алчную жажду. Носимый такими замыслами французскій генералъ и политикъ пустился въ кампанію противъ эрцгерцога Карла съ тѣмъ чтобы добиться мира, главныя черты котораго онъ уже намѣтилъ, но затанлъ въ пѣдрахъ своей души.

Военныя дѣянія въ австрійскихъ областяхъ въ 1797 году.

Для этого Наполеону необходимо было добиться новыхъ военныхъ успѣховъ, а добиться ихъ можно было развѣ, понудивъ эрцгерцога къ битвѣ, прежде чѣмъ къ нему подоспѣютъ свѣжіе отряды, которые уже подходили. А потому Наполеонъ торопился изъ вѣхъ силъ. Въ Бассано, гдѣ 10. марта паходилась главная квартира, онъ издалъ одну изъ тѣхъ размашистыхъ прокламацій, риторическій паеосъ которыхъ такъ мощно дѣйствовалъ на фантазію солдатъ, возбуждалъ въ нихъ жажду славы, льстилъ ихъ національной гордости, напоминая о геройскомъ духѣ древнихъ, выставляя замыслы и характеръ враговъ въ ненавистномъ свѣтѣ, признавая за своимъ дѣломъ всю правду, а за противникомъ всю неправду. Два дня спустя послѣ того Массена погналъ вверхъ по рѣкѣ полковника Луссньяна, стоявшаго при Пиавѣ между Фельтре и Беллуно съ отрядомъ, въ которомъ было около тысячи воиновъ, и въ скалпстомъ ущельи *Лотаро* онъ частью разсѣялъ ихъ, частью забралъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ начальникомъ. Затѣмъ Наполеонъ самъ съ главною арміею пагрянулъ на расположенныхъ въ растянутой линіи за Тальяменто Австрійцевъ, заставивъ солдатъ въ бродѣ перейти рѣку, и понудилъ эрцгерцога отступить.

12. мартъ 1797.

16. мартъ.

дальше къ Изонцо. Массена на сѣверѣ послѣ жестокихъ битвъ на покрытыхъ льдомъ вершинахъ занялъ потомъ Тарвисъ и привелъ 600 плѣнныхъ, а Серрюрье и Бернадотъ на югѣ атаковали Градиску и принудили начальника со всѣмъ его отрядомъ, 2700 человѣкъ, сдаться; австрійскій генералъ Баялихъ, попавшій между двухъ огней у Преділя, послѣ короткаго сопротивленія также вынужденъ былъ сдаться въ плѣнъ съ 3000 воинами елишкомъ; въ то же время генералъ Жубертъ въ южномъ Тиролѣ въ рядѣ побѣдоносныхъ стычекъ оградилъ врага съ большимъ уропомъ и пробился черезъ Пустерталь къ главной арміи въ Каринтіи: тутъ, казалось, кампанія была уже рѣшена. „Я перевалилъ черезъ Юлійскіе и Норическіе Альпы по льду въ три фута глубиною“, писалъ генералъ директоріи, „и перевелъ свою артиллерию по путямъ, по которымъ дотогдѣ не проѣзжала ни одна телѣжка“. Эрцгерцогъ Карлъ отступилъ къ Клагенфурту, поминиля лишь о томъ, какъ бы удержать непріятеля отъ дальнѣйшаго напора во внутрь Австріи и на Вѣну. Но мѣсяцъ еще не кончился, и онъ былъ уже вынужденъ съ остатками своей арміи отступить далѣе къ с. Вейту, послѣ чего самъ Бонапартъ занялъ главный городъ Каринтіи.

19. мартъ.

30. мартъ.

Наполеонъ достигъ великихъ успѣховъ; при всемъ томъ его положеніе Затруднительное въ дальнемъ краѣ среди враждебно настроеннаго населенія, при крайнее положеніе. ныхъ затрудненіяхъ относительно продовольствія, при угрожающихъ народныхъ волненіяхъ въ тылу, окружено было большими опасностями. Ожидаемыя имъ подкрѣпленія отъ рейнской арміи не прибыли: самъ Наполеонъ не очень-то побуждалъ Моро къ походу, оттого что опасался соперника своей славы. Когда Жубертъ покинулъ верхнюю долину Эчи, то тирольскіе отряды и стрѣлки опять двинулись впередъ; въ австрійскихъ нагорныхъ странахъ обнаружилось воинственное настроеніе, проявились симптомы народнаго возстанія; на венеціанскомъ материкѣ среди сельскаго и нагорнаго населенія господствовало опасное волненіе; разные слухи о пораженіяхъ Французовъ, распускаемые австрійскими эмиссарами, усиливали воинственной иль. Еслибъ императоръ, говоритъ Ланфре, рѣшился вести войну до крайности, еслибъ онъ покинулъ Вѣну, бѣжалъ въ Венгрію и взывалъ этотъ край къ оружію, то армія Бонапарта среди побѣды его очутилась бы въ самомъ критическомъ положеніи и ему пришлось бы отступить отъ своихъ успѣховъ. Мрачное подозрѣніе запало въ его душу, уже не парочно-ли директорія покинула его, съ цѣлію предать его въруной гибели.

Тутъ главнокомандующій съ свойственною ему прозорливостію возна- Мирныя пред- мѣрился разомъ порѣшнить дѣло. Онъ изъ Клагенфурта обратился къ эрцгерцогу съ собственноручнымъ посланіемъ, которымъ съ риторическимъ паеосомъ предлагалъ ему покончить роковую кровопролитную борьбу, столь гибельную для обѣихъ націй, снискать себѣ почетное имя благодѣтели человечества, сохранивъ жизнь многихъ храбрыхъ воиновъ и избавивъ Германію отъ дальнѣйшихъ онустоженій. „Еслибъ мое предложеніе“, такъ заканчивалось знаменательное письмо, „въ состояніи было спасти жизнь хотя бы одному только человѣку, то я заслуженнымъ такимъ образомъ гражданскимъ вѣнкомъ гордился бы болѣе, нежели жалкою славою военныхъ успѣховъ“. Все это отзывалось искусственно возбужденными чувствами гуманности, совершенно чуждыми его души, служило доказательствомъ его поразительной ловкости „разыгрывать всякія роли и расцѣплять на всѣ тоны“. Но вѣдь это были слова побѣдителя къ побѣжденному и не преминули произвестъ впечатлѣніе. Наполеонъ оскорбился тѣмъ, что эрцгерцогъ не поступилъ такъ же самовластно, какъ республиканскій генералъ, возразивъ въ отвѣтъ, что для заключенія мира ему необходимо заручиться полномочіемъ отъ правительства, а потому онъ ирепроводилъ

Мирныя пред- ложенія Наполеона. 31. марта 1797.

письмо въ Вѣну. Настроение французскаго генерала обнаружилось въ запискѣ къ Кларку въ Туринѣ: „Я написалъ эрцгерцогу философское письмо, а онъ отвѣтилъ мнѣ какъ ребенокъ, который боится получить нагопль отъ Тугута, или, скорѣе, какъ всѣ эти люди, которые рабы тѣмъ бо- лѣе, чѣмъ они ближе къ трону“.

Наполеонъ выступалъ на Вѣну. Бонапартъ не отчаялся однако. И съ цѣлью придать своему предложе- нию болѣе вѣсу, онъ всѣми силами ускорялъ наступленіе. Новыми удач- ными битвами при Неймарктѣ и Ундмарктѣ онъ оттѣснялъ эрцгерцога все далѣе къ сѣверу, такъ что 7. апрѣля уже авангардъ его вступилъ въ Ле- обенъ при Мурф, въ двадцати пяти миляхъ отъ Вѣны, у подножія могу- чаго читейерскаго хребта съ его скалами и ледниками, которыми почти совершенно преграждалась возможность получить подрѣзленіе изъ Германіи.

г. Прелиминарныя условія въ Леобенѣ.

Настроене въ Вѣнѣ. Тугутъ и коалиція. Приближеніе непріятельской арміи сильно встревожило дворъ, аристо- кратию и народъ; испуганные жители со страхомъ со дня на день ожида- ли появленія у воротъ столицы грозныхъ республиканцевъ. Императора со всѣхъ сторонъ умоляли согласиться на мирныя предложенія Наполео- на, ругали Тугута, этого „воинственнаго барона“, что прицѣпился къ ко- мпльшонной политикѣ, въ которой при измѣнившихся условіяхъ не было никакого смысла. Такое осужденіе, однако, было несправедливо; глава австрійскаго кабинета самъ уже помышлялъ о мирѣ, а получивъ письмо Наполеона, прибывшее 2. апрѣля въ Вѣну, еще сильнѣе склонился къ этому. Ему не хотѣлось только допустить сокращенія территориальныхъ владѣній, лишь бы монархія не съ ущербомъ вышла изъ борьбы. Онъ го- товъ былъ примириться съ Франціей, если Австрія за уступку Бельгии и за свои зарейнскія провинціи получить соответствующее вознагражденіе. Онъ не довѣрялъ болѣе коалиціи. Сколько бы денегъ Англія ни жертво- вала, уличивая субсидии, но она этимъ далеко не удовлетворяла мини- стра; къ тому же прландскія дѣла отвлекали Питта отъ континенталь- ныхъ интересовъ, а денежные взносы его задерживались кризисомъ лон- донскаго банка, „этого центральнаго органа британскаго финансоваго управленія“. Отправка флота въ Средиземное и Адриатическое моря, къ чему побуждалъ Тугутъ, не состоялась. Отъ Россіи также нечего было ждать помощи. И въ самомъ дѣлѣ, какъ бы императоръ Павелъ ни воз- ставалъ противъ революціи и якобинизма, однако ему не было никакой охоты ратовать противъ Франціи. Но хуже всего Тугута свѣдала зависть на возраставшее значеніе Пруссіи. Не одинъ только имперскіе князья об- ращали взоры свои къ Берлину: русскій дворъ также старался поддержать добрыя съ нимъ сношенія, а въ Англіи видимо пытались возобновить преж- нюю дружбу. Британскій посланникъ въ Вѣнѣ всячески пытался расно- ложить министра къ дружественному отношенію къ Пруссіи. Надлежало обнадежить берлинское правительство отвѣчающимъ вознагражденіемъ въ духовныхъ секуляризаціяхъ за уступку территорій по лѣвому берегу Рей- на и такимъ образомъ побудить его къ мирному посредничеству. Но та- кая мысль была невыносима для императорскаго двора и для его мини- стра. Они охотнѣе заключили бы съ Франціей сепаратный миръ на снос- ныхъ условіяхъ.

Вооруженная дипломатія. Бонапартъ готовъ уже былъ примириться. Незадолго передъ тѣмъ какъ французскіе отряды заняли Леобенъ, графы Мерфельтъ и Белльгардъ яви- лись во французскую главную квартиру въ Юденбургѣ, съ цѣлью добить- ся перемирія и приступить затѣмъ къ переговорамъ о мирѣ. Наполеонъ

9. апрѣля 1797.

согласился на шестидневный срокъ, занявъ предварительно своими отря- дами еще Роттенманъ, Брукъ и Грацъ, и отпустилъ пословъ съ отвѣтомъ, намекнувъ о возможности территориальнаго вознагражденія въ Италіи. За- тѣмъ и Тугутъ сталъ развивать дипломатическую дѣятельность, въ чемъ оказался достойнымъ соперникомъ французскаго генерала и политика. Оба они жаждали мира, но ни тотъ, ни другой не обнаружилъ своихъ желаній, съ тѣмъ чтобы добиться по возможности болѣе выгодныхъ условій; они хотѣли увѣрить другъ друга, что ни тому, ни другому нѣтъ необхо- димости прекратить военныя дѣйствія. Сначала, правда, увѣщанія партіи мира и жалобы эрцгерцога Карла на разстройство его арміи встревожили императорскій дворъ, такъ что предполагалось даже перенести столицу въ Прагу; однако Тугуту скоро удалось разсѣять черезъ-чуръ сильныя опасенія касательно угрожаемаго нападенія. Съ неутомимою дѣятельностью принялся онъ за дѣло, чтобы привести городъ въ оборонительное состо- яніе, причемъ помогала ему генералъ Макъ, и чтобы подрѣзнить войска. Въ населеніи пробудился энергическій воинственнй пылъ, такъ что добро- вольцы тысячами стекались къ знаменамъ; въ Зальцбургѣ обѣ дивизіи гене- раловъ Гоце и Сиорка, соединившись, насчитывали до 19,000 воиновъ, угрожая французскимъ отрядамъ съ сѣверо-запада, а въ Тироль поголо- вное ополченіе вновь собиралось съ сѣвными силами.

При такихъ-то обстоятельствахъ опасность, по мнѣнію Тугута, была во- все не такъ еще велика, и онъ съ нѣкоторою увѣренностью приступилъ къ дальнѣйшимъ переговорамъ. За нѣсколько часовъ до истеченія срока перемирія Мерфельтъ опять пріѣхалъ въ Леобенъ, сопровождаемый неапо- литанскимъ посланникомъ маркизомъ ди-Галло. Никто не настаивалъ на мирѣ такъ ревностно, какъ королева Каролина, тетка и теща императо- ра. Генералъ Мерфельтъ, храбрый воинъ, но неопытный въ дипломатиче- скихъ дѣлахъ былъ уполномоченъ согласиться на уступку австрійскихъ Нидерландовъ за соответственное вознагражденіе въ Италіи. Апрѣля 15. состоялась первая конференція въ замкѣ Гессъ, среди сада, признаннаго нейтральнымъ, а спустя три дня послѣ того былъ уже заключенъ *Леобен- ский прелиминарный договоръ*. Не даромъ въ это же время генералъ Гоцъ перешелъ черезъ Рейнъ, съ тѣмъ чтобы и въ Германіи также открыть кампанію противъ Австріи. Того и смотри, что послѣ первой побѣдонос- ной стычки у Нейвида дальнѣйшимъ натискомъ его создадутся условія, которыми затормозятся мирные переговоры, тѣмъ болѣе что и Моро так- же готовился уже возобновить свой прежній походъ. А потому въ Вѣнѣ и посѣбились утвердить основы окончательнаго умиротворенія. Въ этихъ попыткахъ самъ Бонапартъ сходилъ съ Тугутомъ. Французскому генера- лу хотѣлось самому пожать славу миротворца. Утвержденными въ Леобе- нѣ основными условіями обезпечивалось за Французами обладаніе Бельгі- ей и Ломбардіей, а за австрійской монархіей отвѣчающее тому вознагра- жденіе въ области Венеціанской республики; сверхъ того Франція надѣ- ялась приобрести австрійскія территоріи по лѣвую сторону Рейна и до- биться такимъ путемъ исполненія своего излюбленнаго замысла касательно „естественныхъ границъ“; при этомъ впрочемъ упоминалось еще о „цѣло- сти имперіи, такъ какъ императоръ въ присягѣ при коронованіи далъ обѣтъ поддержать прежній составъ ея“. Дальнѣйшія условія въ предѣлахъ данныхъ основъ отлагались до конгресса въ одномъ изъ нейтральныхъ городовъ, въ Вернѣ. Скоро обнаружилось впрочемъ, что сказанная цѣ- лость одинъ лишь пустой призракъ. Тугутъ въ своихъ политическихъ дѣ- лахъ имѣлъ въ виду одну только Австрію; жалкія имперскія дѣла мало интересовали его. Участъ Фердинанда модепскаго, который лишился до- ставнагося ему по браку съ наслѣдпою дочерью герцогства, хотя онъ

Прелиминар- ный договоръ въ Леобенѣ.

18. апрѣля 1797.

и былъ дядя императора, могла служить прелюдией къ дальнѣйшимъ территориальнымъ перетасовкамъ.

Послѣдствіе. Итакъ, въ уединенномъ замкѣ каринтискаго края создались или готовились условия, предвѣщавшія совершенно измѣненіе политической системы. Бывшій доселѣ поборникъ старой Европы противъ революціи, императоръ, вполнѣ вступилъ въ сферу Бонапартовскихъ попятновеній. Онъ подѣлился съ Французами въ обладаніи Италией, а о цѣлости Германіи заботился впредь лишь настолько, насколько можно было, не нарушая той главной цѣли. Не такъ еще давно пустились въ походъ для поддержки монархическаго законнаго строя противъ революціи и анархіи, а теперь пришли къ грубому насилию. Послѣ всего этого не могло быть и рѣчи объ историческомъ правѣ. Признавалось одно только право сильного. Сознавая это, Наполеонъ велѣлъ вычеркнуть изъ текста мирнаго договора статью, которою императоръ долженъ былъ призвать французскую республику: „Французская республика“, — гордо произнесъ онъ при этомъ, — подобна солнцу на небѣ; горе тѣмъ, кто не хочетъ видѣть его“.

g. Паденіе господства патриціевъ въ Венеци и Генуѣ.

Венеціанская республика. Теперь завершилась также и венеціанская драма. Правительство и сенатъ вполнѣ сознавали затруднительное положеніе, въ какое они поставлены были войсками обѣихъ враждебныхъ державъ. Робѣя, они пытались отстаивать нейтралитетъ, который не соблюдался ни той, ни другой стороной, и все-таки не имѣли духу въ случаѣ пужды напряженіемъ всѣхъ силъ энергически отстоять нейтральное положеніе. Какъ ни старалась республика поддержать согласіе и дружбу съ обѣими воюющими державами, а все-таки ея восточнымъ областямъ пришлось сильно пострадать отъ тяжелыхъ постоевъ заморенныхъ, скудно снабжаемыхъ австрійско-кroatскихъ отрядовъ и отъ реквизицій, тогда какъ западные города, Брешиа, Бергамо, Веропа, изнывали подъ гнетомъ и конфискаціями Французовъ. Протесты посланниковъ оказались тщетными какъ у Бонапарта, такъ и въ австрійской главной квартирѣ; мало того, Наполеонъ въ чрезмѣрномъ припадкѣ ярости, какой онъ такъ мастерски разыгрывалъ, осмѣлилъ жестокими упреками за склонность республики къ партіи Австрійцевъ: она-де во всемъ оказываетъ имъ содѣйствіе и нарочно поддерживаетъ въ народѣ враждебное настроеніе къ Французамъ. Ланфре и Вотта утверждаютъ, будто Кларкъ до похода Наполеона въ Фріоль предлагалъ уже австрійскому посланнику въ Туринѣ, Герардини, цѣною мира часть венеціанскихъ территорій. Вслѣдствіе отказа съборицъ, вступить въ предлагаемый Франціей союзъ, катастрофа ускорила. И дѣйствительно, 15,000 Славонцевъ, разсыпанныхъ по укрѣпленнымъ мѣстамъ на материкѣ для поддержанія нейтралитета и для охраны мира и порядка, не въ силахъ были удержать отъ дикихъ порывовъ ярости озлобленное на Французовъ населеніе. Паденіе столь могучаго иъкогда и знатнаго аристократическаго государства было такъ же трагично, какъ и гибель польской республики, но нанесенное побѣдителемъ насиліе было тутъ еще возмутительнѣе. А потому виновники и старались облечь непроницаемымъ мракомъ этотъ насильственный дипломатико-военный актъ и вину потрясающаго событія свалить на самихъ Венеціанцевъ, на „предательскую аристократію“. Французы съ своей стороны внутренними и вѣнскими доводами пытались доказать, что Наполеону было крайне необходимо во время кампаніи избѣгать всякихъ возстаній въ тылу; на такой конецъ онъ передъ отъѣздомъ своимъ, съ свойственнымъ ему искусствомъ польстить и пригрозить, на-

строго внушилъ проведитору Баттаію въ Брешии поддержать спокойствіе. Самая катастрофа вызвана была будто бы враждебными и насильственными поступками народа противъ оставшихся Французовъ, коварнымъ возстаніемъ въ тылу арміи, которое допустило, даже вызвало и поддержало правительство. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что правители города св. Марка питали сильную злобу на французскихъ республиканцевъ, которые побуждали ихъ преобразовать аристократическую конституцію, возбуждали и поддерживали демократическія возрѣвнія въ краѣ, подстрекали недовольные народныя элементы противъ аристократическаго владычества, возбуждали и питали въ нихъ стремленіе къ реформамъ въ духѣ свободы и равенства: что они только изъ страха и по чувству ихъ немощи показывали Французамъ дружелюбное лицо, а въ душѣ сочувствовали Австрійцамъ и желали имъ торжества; такъ какъ въ этомъ только случаѣ они могли надѣяться, спасти изъ революціоннаго бурнаго потока свой устарѣвшій государственный корабль. Не подлежитъ также сомнѣнію, что населеніе материка было озлоблено на чужеземцевъ, которые истощали и угнетали край, оскорбляли жителей своею заносчивостью и разжигали местные пылкихъ южанъ. А съ другой стороны нельзя отрицать и то, что какъ Бонапартъ, такъ и директорія придралась къ аристократическому правительству лагунаго города, что они пользовались всякимъ поводомъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ него. Итакъ, и та и другая сторона питала злобные замыслы, и много накопилось горячаго матеріала для опустошительнаго пожара.

Наполеонъ оставилъ въ Ломбардіи нѣсколько тысячъ чловѣкъ съ генераломъ Кильменомъ, съ тѣмъ, чтобы поддержать въ тылу спокойствіе и порядокъ, пока онъ самъ проникнетъ въ нѣдра австрійскихъ областей. Однако, въ средѣ итальянскаго населенія давно уже царилъ распри партій и тревоги: сельскій людъ отстаивалъ венеціанское правленіе нотаблей и ненавидѣлъ Французовъ съ ихъ реквизиціями и вымогательствами, а мѣщанскіе жители городовъ съ завистью и негодованіемъ взирали на господство венеціанской аристократіи и покушались преобразовать государственный строй по образцу демократической республики въ Парижѣ. Революціонные клубы, каіе образовались подъ вліяніемъ Французовъ во всѣхъ городахъ, поопирались и охранялись новыми вѣдомствами въ Миланѣ, Болоньи и пр., вовлекли всѣ эти народныя элементы въ мятежныя козни и подстрекали ихъ къ перевороту. Благодаря дѣятельности политической пропаганды партія возстанія все болѣе усиливалась; она знала, что за нею стоятъ французскіе республиканцы, хотѣя военныя и гражданскія вѣдомства, какъ казалось, добросовѣстно пытались соблюсти нейтралитетъ. Когда время и обстоятельство показали удобными для того, чтобы приступить къ дѣлу, то въ Бергамо учинили народное возстаніе, вслѣдствіе котораго избранъ былъ новый городской совѣтъ, а венеціанскій подеста Оттолини, у котораго было всего подъ ружьемъ нѣсколько славянскихъ отрядовъ, вынужденъ былъ удалиться. То же самое нѣсколько дней спустя послѣ того совершилось въ Брешии. Когда Баттаіа отказалъ ломбардскому легиону, направившемуся въ Пескьеру, пройти черезъ встревоженный городъ, то дѣло дошло до стычки съ коннымъ отрядомъ, послѣ чего городъ былъ занятъ, а проведиторъ вмѣстѣ съ гарнизономъ изгнанъ изъ него. Затѣмъ избрали демократическій городской совѣтъ, водрузили дерево свободы и провозгласили независимость Брешии отъ республики св. Марка. То же совершилось въ Сало и Кремѣ, такъ что владычество дожей на всей западной сторонѣ Эчи стало колебаться. Главный комендантъ Кильменъ публично не принималъ никакого участія въ движеніи, такъ что возстаніе и отпаденіе можно было признать свободнымъ актомъ народной воли. Не подлежитъ

Политическая пропаганда въ Бергамо и Брешии.

13. марта 1797.

19. марта.

однако никакому сомнѣнію, что инсургенты тайкомъ поддерживались съ французской стороны.

Венеціанское правительство и Наполеонъ. Ужасъ обуялъ всѣхъ въ Венеціи. А въ то же время Баттагіа, переправившись въ Верону, извѣстивъ правительство о томъ, что въ веронскомъ населеніи обнаруживается сильное волненіе и воинственный пылъ противъ мятежниковъ и вѣроломныхъ Французовъ, ихъ пособниковъ; болѣе тридцати тысячъ сельскихъ и городскихъ жителей исполнены преданности венеціанскому правительству; пусть примлютъ оружія и амуниціи, денегъ, офицеровъ и нѣсколько опытныхъ въ военномъ дѣлѣ отрядовъ, для того, чтобы опъ могъ организовать земское ополченіе и подавлять мятежныя попытки. Въ сенатѣ не могли отважиться ни на какое мужественное дѣло. Проведитору доставилась лишь скудное пособіе; уполномочивъ его на всякій случай охранять край по своему усмотрѣнію, сенаторы побуждали его соблюдать осторожность, умѣренность и нейтралитетъ; пусть опъ употребитъ вооруженную силу лишь противъ мятежниковъ, но отнюдь не противъ Французовъ. Въ то же время синьорія отпривила Франческа Пезаро и другаго государственнаго мужа къ Наполеону, съ цѣлью побудить его, чтобы опъ сдѣлалъ своимъ подчиненнымъ внушеніе въ пользу Венеціанской республики. А Бонапартъ, находясь тогда въ Герцѣ, упрекнулъ ихъ въ томъ, что венеціанскіе властители цѣлымъ рядомъ поступковъ обнаружили недоброжелательныя замыслы въ отношеніи Франціи, что прежде они оказали покровительство претенденту, а теперь моденскому герцогу; опъ предложилъ имъ свое посредничество въ расирѣ съ мятежниками, и ясно намекнулъ, что долженъ потребовать значительныхъ жертвъ отъ республики. Когда послы замѣтили, что государственная казна истощена, то Наполеонъ возразилъ: пусть они въ такомъ случаѣ прибѣгнутъ къ сокровищамъ, какія Модена, Англія и Россія отдали на сохраненіе въ Венецію. Тутъ и поминны не было объ искреннемъ снохожденіи къ ихъ просьбамъ. Ему хотѣлось только развязать себѣ руки и выиграть время, пока опъ не вошелъ еще въ соглашеніе съ Австріей.

24. марта.

Контрреволюція въ Веронской области.

Начало апрѣля 1797.

Вскорѣ послѣ того вспыхнула контрреволюція. Сельское населеніе альпійскихъ долинъ, исполненное привязанности къ владычеству дождей и ненависти къ демократамъ и Французамъ, толпами награнуло съ своихъ горъ, избило мятежниковъ и Ломбардцевъ, тутъ же нѣсколько Французовъ и проинило въ Сало, гдѣ опять возстановило прежнее правительство. Ломбардскіе инсургенты и отрядъ польскаго легіона на французской службѣ, прибывшіе на помощь демократической партіи, отражены были съ урономъ. Новыя вооруженныя толпы народа осадили Врешію и Бергамо; исполненные политическаго и религіознаго фанатизма, озлобленные на реквизицію, на угнетенія и насилія, какія пришлось имъ вытерпѣть, яростныя шайки отмщали всѣмъ попадавшимся въ ихъ руки демократамъ и Французамъ.

Возстаніе ростетъ. Жюно въ Венеціи.

Получивъ вѣсть объ этихъ происшествіяхъ, Бонапартъ ужасно всплилъ. Опъ отпривилъ въ Венецію своего адъютанта Жюно съ грознымъ посланіемъ къ дожу Людвигу Маинну, обвиняя правителей въ томъ, что они возбудили скопища, стонущія жизни сншкомъ пятидесяти Французамъ, угрожая притомъ войною, если его тотчасъ же не удовлетворятъ возмездіемъ. Въ то же время опъ приказалъ своему генералу Кильмену силою подавить возстаніе. Вслѣдъ затѣмъ французскіе отряды, конные егеря и пѣхота выступили въ походъ, опять заняли Сало и въ кровавыхъ стычкахъ, опустошая край, прогнали инсургентовъ назадъ въ горы. Когда Жюно въ полномъ собраціи сената суровымъ солдатскимъ голосомъ прочелъ посланіе, въ которомъ Наполеонъ строгими словами потребовалъ, чтобы отозвали венеціанскіе отряды и обезоружили крестьянъ, то сена-

15. апрѣля.

торы страшно перепугались. Они тотчасъ же снарядили посольство во французскую главную квартиру, общая устранить всѣ неудовольствія; затѣмъ издали манифестъ, строжайше предписавъ поддерживать спокойствіе и порядокъ, соблюдать нейтралитетъ. Но умы были уже черезъ-чуръ возбуждены, жажда мести и страсти сншкомъ раздражены кровавою карою инсургентовъ въ деревняхъ и горныхъ долинахъ Врешіи, Бергамо и Сало, такъ что пронзошли новыя битвы и насилія. То тутъ, то тамъ нападали на итальянскихъ демократовъ и на Французовъ, а французскіе отряды огнемъ и мечемъ карали за эти неистовства. Отъ Бергамо и до Вероны возстали крестьяне и горцы: монахи и патеры подстрекали фанатизмъ; память о понесенныхъ бѣдствіяхъ разжигала жажду мести; слухи о подвѣдшихъ тиродьскихъ стрѣлкахъ къ озеру Гарда возбуждали надежды.

Очагомъ и средоточіемъ этихъ мятежныхъ возстаній была Верона, гдѣ находились венеціанскіе Славонцы и французскій гарнизонъ. Жители были преданы правительству дожей и ненавидѣли Французовъ. Потому и не могло обойтись безъ столкновеній и непріязненныхъ поступковъ. Патрули то и дѣло подвергались ругани и оскорбленіямъ, не рѣдко нападали на стражу, чинились убійства, пока наконецъ возраставшее изодня въ день броженіе не разразилось кровопролитіемъ. Въ понедѣльникъ вечеромъ на Святой, когда на праздникъ стеклось множество сельскаго люда, произошло ужасное возстаніе. Французскій комендантъ Балланъ, спасая свой небольшой гарнизонъ отъ народной ярости, отвелъ его въ старый замокъ; когда вооруженныя шайки стали вламываться, опъ велѣлъ стрѣлять по атаковавшимъ шайкамъ. Видъ мертвыхъ и раненыхъ раздражилъ озлобленную пылкую ватагу до крайней ярости и довелъ ее до кровопролитія, напомниваго Сицилійскую вечерю. Пылая местию, народныя шайки накиннулись на находившихся въ городѣ и скрывшихся по домамъ Французовъ, перебили всѣхъ, мужчинъ, женщинъ, дѣтей, не пощадивъ даже больныхъ и раненыхъ въ госпиталяхъ. На слѣдующій затѣмъ день продолжалось кровопролитіе. Всѣ Французы, которымъ не удалось спастись въ крѣпости, числомъ свыше трехъ сотъ, пали жертвой народной ярости. Славонцы присоединились къ возставшимъ, съ тѣмъ, какъ они говорили, чтобы разрушить гнѣзда, въ которыя забрался тиранъ Италіи. Графъ Франческо дегли Эмилии подоспѣлъ съ венеціанскими отрядами и добровольцами и занялъ городскія ворота. Такимъ образомъ возстаніе поступило какъ бы подъ авторитетъ начальства и осада крѣпости приняла характеръ войны венеціанской республики съ Франціей. Попытка проведитора Джіованелли, побудить коменданта Баллана къ договорному соглашенію, не удалась частью вслѣдствіе требованій генерала, который равнялся безусловному подчиненію города, частью вслѣдствіе ярости дикихъ народныхъ ватагъ, которыя къ кровавымъ ужасамъ прибавили теперь еще грабежъ и разрушеніе, то и дѣло поджигались фанатическими монахами къ ненависти и изгнанію чужеземцевъ. Въ то же время въ самой Венеціи славонскій отрядъ, постановленный тамъ охранять гавань, напалъ на французскій корабль, безъ позволенія подошедшій изъ Анконы къ городу, и убилъ капитана Дожіера и часть экипажа.

Кровавая расха въ Веронѣ.

21. апрѣля 1797.

Расправа въ Веронѣ.

День возмездія скоро насталъ. Со всѣхъ сторонъ подходили французскіе отряды; Верона поневолѣ сдалась безусловно и подчинилась тяжелой расправѣ. Забравъ въ плѣнъ Славонцевъ, обезоруживъ сельскихъ и городскихъ жителей, Французы постановили военный судъ; многихъ участниковъ возстанія, между прочимъ графа Эмилии и одного капуцина, яраго патристическаго оратора, они приговорили къ смерти, а на городъ наложили значительныя взносы деньгами, военными припасами, сокровищами искусствъ и наукъ, церковнымъ серебромъ и т. п., въ возмещеніе за

Макиавелли-
стическая по-
литика Бона-
парта въ отно-
шении Венеци.

ущербъ нанесенный Французамъ жизнью и имуществомъ. Потомъ генералъ Лагоцъ, начальникъ ломбардскихъ и польскихъ полковъ обезоружилъ также Виенцу и Падую и поставилъ тамъ муниципальный совѣтъ.

Возстаніе въ Веронѣ и нападеніе на французскій корабль въ самой Венециі пришло на руку генералу Бонапарту. Ему какъ въ своемъ собственномъ интересѣ, такъ и по желанію Австріи хотѣлось, по возможности скорѣе, на основѣ предварительныхъ условій заключить окончательный миръ между имперіей и республикой, не привлекая къ этому союзниковъ, а имѣвшійся въ виду конгрессъ созвать лишь тогда, когда дѣло дойдетъ до имперскаго мира или до всеобщаго умиротворенія. Но какимъ образомъ исполнить обусловленное вознагражденіе Австріи въ Венециі? Въдѣ республика св. Марка все еще находилась подъ охраною ея нейтралитета: въдѣ революція не перешла еще черезъ Эчь. Директорія была такого мнѣнія: пусть Австрія сами овладѣютъ краемъ; такъ какъ подчинить насильно хотя бы даже олигархическую республику абсолютно — монархическому правительству явно противорѣчитъ постановленнымъ Франціей принципамъ о самоуправленіи народовъ. Но это не отвѣчало воззрѣніямъ Бонапарта, которому хотѣлось приобрести еще кое-что для Франціи, для своей предполагаемой Ломбардской республики. Теперь же оказался вожделѣнный поводъ къ острасткѣ и военнымъ угрозамъ; теперь-то онъ могъ подвести подъ Дамокловъ мечъ аристократическую республику и мало по малу выпудить у нея все, что ему желалось. Судьба Италии всецѣло находилась въ рукахъ Наполеона. Директорія предоставила генералу вмѣстѣ съ исполнѣн преданнымъ ему Кларкомъ не только мирныя переговоры съ Австріей, но также организацію Ломбардской республики. Онъ въ военныхъ и гражданскихъ дѣлахъ могъ распоряжаться съ монархическимъ повелѣніемъ, рѣшать вѣншіе и внутренние вопросы какъ самостоятельный государь; онъ исполнѣ сознавалъ свое могущество, доказательствомъ чему служить его всеобъемлющія дѣйствія, его рвеніе создать для завоеванныхъ областей новыя учрежденія и административныя вѣдомства, возвать къ жизни демократическія правительственные органы, пещься о продовольствіи войска, а въ особенности также его самоуправство съ Венецией. Онъ и до сихъ поръ уже при всякомъ удобномъ случаѣ завлялъ венеціанскимъ правителямъ враждебное подозрительное настроеніе и одобрялъ своихъ генераловъ и агентовъ за поддержку политико-демократической пропаганды; теперь же онъ сталъ угрожать имъ еще болѣе. Трусливому малодушному правительству суждено было пинить сперва до дна чашу позора и безчестія, а потомъ со срамомъ сойти въ могилу. Онъ всмѣлчиво напустился на обоихъ пословъ, на Довато и Мустициани, которымъ поручено было умилостивить разгнѣваннаго полководца въ Грацѣ и представить, что сами правители не повинны во враждебныхъ дѣйствіяхъ.

25. апрѣля 1797. „Ваше дворянство подстрекало народъ къ ненависти противъ Французовъ“, разразился онъ надъ ними, „мое войско взываетъ о мести, и увѣрю васъ, оно будетъ отмщено“. Онъ велѣлъ, чтобы всѣхъ илѣнныхъ выпускни на волю, „я не хочу ни инквизиціи, ни свинцовыхъ камеръ, никакого средне-вѣковаго варварства“. Онъ угрожалъ войною, если его не удовлетворять тотчасъ же, наставлялъ на наказаніи инквизиторовъ и всѣхъ вѣншнихъ чиновниковъ; онъ требовалъ преобразования конституціи по французскимъ принципамъ. Бонапартъ намѣревался, ослабить Венецию физически и морально, разграбить городъ, а потомъ разоренную, оскудѣвшую область предоставить Австріи въ вознагражденіе. Онъ сумѣлъ, однако, съ макиавеллистическою политикою подѣ лицемѣрными словами затаить этотъ планъ и питать надежду на дальнѣйшее существованіе республики до тѣхъ поръ, пока не исчезла всякая возможность сопротивленія со стороны патриоти-

ческой части населенія и пока не послѣдовало согласіе директоріи. „Венеция“, писалъ онъ парижскому правительству, „которая съ открытія мыса Доброй Надежды и съ разсѣвѣта Триеста и Анконы клонилась къ упадку, едва ли переживетъ нанесенный ей нами ударъ. Всего цѣлесообразнѣе оказывается предоставить городъ съ его вѣлымъ, трусливымъ, негоднымъ для свободы населеніемъ, лишеннымъ воды и земли, тому, кому мы передаемъ материкъ. Мы захватимъ всѣ корабли, опорожнимъ арсеналъ, увеземъ пушки и истребимъ банкъ; а Корфу и Анкону мы удержимъ за собою“.

При такихъ-то обстоятельствахъ, замѣчаетъ Итальянецъ Ботта, для республики св. Марка не оставалось иного выхода, какъ съ оружіемъ въ рукахъ. У государства была еще армія въ 14,000 человекъ Итальянцевъ и Далматовъ и оно обладало достаточными средствами, для того, чтобы умножить войско. Этотъ городъ лагуны по положенію и искусству былъ неодолимою крѣпостью; въ гавани находилось свыше двухъ сотъ вооруженныхъ судовъ; католическое вагорное и сельское населеніе всегда готово было возстать. Даже въ самомъ несчастномъ случаѣ государство не подверглось бы худшей участи, чѣмъ какая вполнѣдствіи обрушилась а него, но честь была бы сохранена, аристократическое правительство пало бы съ достоинствомъ. Но для такого мужественнаго подъема, для отчаянной борьбы, какую праотцы не разъ вели съ успѣхомъ, у изнеможенныхъ патрициевъ тѣхъ дней не хватало рѣшительной энергіи, нравственной доблести. Они то и дѣло подвергались униженіямъ, малодушно цѣплялись за жизнь, за имущество. По совѣту французскаго посла Лаллемана дождь при громѣ пушекъ, какими Бараге д'Илье обстрѣлывалъ 1. мая 1797. нъ Местре лагуны, съ согласія консулыты вѣншнихъ дворянскихъ сановниковъ рѣшился созвать великій совѣтъ, съ тѣмъ, чтобы преобразовать конституцію въ демократическомъ смыслѣ. Такимъ образомъ надѣялись задобрить директорію и умилостивить разгнѣваннаго генерала. Имъ скоро пришло разочарованіе! Чѣмъ болѣе они унижались и смирялись, тѣмъ болѣе повышались требованія Наполеона, постоянно сопровождаемыя военными угрозами. Олигархическая республика должна была перейти въ его руки обезоруженная и обезславленная. Подавая чрезъ своего посла Лаллемана надежду на дальнѣйшее существованіе республики въ прежнемъ ея объемѣ, если она преобразуетъ конституцію и правительственную систему въ демократическомъ смыслѣ, замѣнивъ сенатъ свободно избраннымъ народнымъ представительствомъ, дворянское правленіе — народными правительственными органами, онъ на дѣлѣ имѣлъ въ виду совсѣмъ другое; этими дипломатико-политическими передержками хотѣлъ онъ только выиграть время, пока не достигнетъ соглашенія съ Австріей. Въдѣ въ Леобенѣ было уже рѣшено, что имперія будетъ вознаграждена на счетъ Венециі, и никакою реформою конституціи и принциповъ нельзя уже было отстранить это. Напротивъ, анархическое переходное состояніе отъ одной системы къ другой было какъ разъ подходящею почвою для произвольныхъ дѣйствій и насильственныхъ пріемовъ, какіе замышлялъ Бонапартъ.

И вотъ въ Венециі зарелся интриги, причемъ не знаешь, чему болѣе удивляться: слабости ли и самоубійственной трусости дожа и привилегированныхъ аристократовъ или возмутительной яacobинской паглости и вѣроломству французско-демократическихъ интригантовъ. Подѣ эгидою секретаря французскаго посольства, Вильетара, рьянаго республиканца, образовался демократическій клубъ, къ которому пристали всѣ беззлойныя, пристрастныя къ нововведеніямъ личности; демагогическими продѣлками онъ поддерживалъ броженіе въ недовольныхъ народныхъ элементахъ и вступалъ даже въ сношеніе съ жадными до реформъ аристократами. Этотъ клубъ, въ которомъ бывший полицейскій сыщикъ Спада игралъ

Деспотизмъ и трусость.

Венециа демократическая республика.

значительную роль, кознями и запугиваниями, агитаторскими и мятежными проделками довел дѣло до того, что дожъ Маннини, синьорія и сенатъ добровольно отказались отъ своихъ должностей и почестей, согласились на назначеніе временнаго правительства и городского совѣта при посредствѣ всеобщихъ народныхъ выборовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — отменить и распустить славонскіе полки. Такъ свели въ могилу старую Венецію; временной муниципалитетъ безъ власти и авторитета сталъ во главѣ города св. Марка и принялъ мѣры для образования національнаго правленія при посредствѣ созыва представителей со всей страны. Народное возстаніе, возбужденное съ цѣлью сохранить старую систему, имѣло лишь слѣдствіемъ вступленіе французскихъ войскъ для охраны порядка и свободы въ Венеціи. Благодаря этой демократической революціи, великій совѣтъ и всѣ бывшія доселѣ государственныя власти сложили должности, и самодержавіе перешло ко всѣмъ гражданамъ вообще, такъ что въ городѣ на лагунахъ возникли новыя политическія условія. Прежняя Венеція, эта доселѣ великая держава въ мировыхъ торговыхъ сношеніяхъ и на морѣ, стала теперь лишь достоишемъ исторіи: а настоящая Венеція была массою неорганическихъ элементовъ, лишенною общаго правленія, властнаго авторитета, возникавшею демократическою общинною системою, существованіе которой воишь зависѣло отъ французской охраны. Наполеонъ заключилъ съ отряженными къ нему новымъ муниципальнымъ совѣтомъ посланниками мирный и дружественный договоръ въ Миланѣ: республика св. Марка обязалась выплатить пять миліоновъ франковъ депѣгами и корабельными запасами, выдать три военныхъ корабля и два фрегата, двадцать картинъ и пятьсотъ рукописей по выбору французскихъ комиссаровъ. Въ то же время въ Веронѣ генераль Барате д'Илье, начальникъ гарнизона, конфисковалъ церковное серебро и запасы ломбарда.

12. мая.

15. мая.

Новыя мирныя основы и демократическій произволъ.

Къ чему, однако, вели всякіе договоры между лишеннымъ власти правительствомъ крайне сомнительнаго авторитета и властолюбивымъ деспотомъ, помышлявшимъ лишь о своихъ эгоистическихъ цѣляхъ? Вскорѣ послѣ того въ Миланѣ прибылъ маркизъ ди Галло, съ тѣмъ, чтобы въ качествѣ уполномоченнаго Гугута заключить съ Бонапартомъ окончательный миръ. Пользуясь обстоятельствомъ, генераль не счелъ себя обязаннымъ стѣсняться прелиминарными условіями, въ силу которыхъ венеціанская материковая область уступалась Австріи до р. Ольо, а венеціанская республика вознаграждалась легациями Болоньи, Феррары, Романьи. Ему хотѣлось долгу Эчи назначить граничною линіею между республикой и имперіей, а легации присоединить къ своей Цисальпийской республикѣ. За это онъ въискому двору въ вознагражденіе предложилъ всю остальную часть Венеціи вмѣстѣ съ самымъ богатымъ городомъ на лагунахъ. А моденскому герцогу, которому родственное императорское правительство хотѣло добыть вознагражденіе въ Романьи и въ Феррарской области, можно, по мнѣнію генерала, передать соотвѣтственное владѣніе въ Брейгау. На этихъ измѣненныхъ условіяхъ маршалъ и вступилъ съ Бонапартомъ въ увеселительномъ замкѣ Монтебелло близъ Милана въ новыя соглашенія и носилъ съ проектомъ въ Вѣну, чтобы заручиться согласіемъ императорскаго правительства. Для того чтобы довести до крайности эту въроломную политику, въ Венеціи поддерживалась вѣра въ искреннюю дружбу и въ союзную связь, воспользовались даже венеціанскимъ флотомъ для того, чтобы въ связи съ французскими кораблями завладѣть и разграбить Корфу и Ионическіе острова для французской республики; подобныя интриги затѣялись въ Генуѣ. Вездѣ республиканскій преобразовательный порывъ и революціонная демократія должны

26. мая 1797.

были пролагать пути къ низверженію старинны, служить рычагами и орудіями къ утверженію деспотизма, которымъ помрачалась даже всякая прежняя тиранія. Искренніе республиканцы, въ родѣ Даллемана, якобинскіе демократы и фанатическіе радикалы служили застрѣльщиками и пионерами противъ родового дворянства, сословныхъ правъ и корпоративнаго духа касты, а потомъ уже они сознали, что сами какъ обманутые обманщики уготовили путь новому деспотическому владычеству и господству самоуправства.

Подобно тому, какъ въ городѣ на лагунахъ, такъ тоже и въ Генуѣ подъ предсѣдательствомъ аптекаря Морандо образовалось народное общество, къ которому помимо туземныхъ демократовъ присоединились радикальные элементы изъ Ломбардіи, Пьемонта, южной Франціи, бѣглецы изъ Рима и Неаполя, и который опирался на французскаго посланника Фену. Событія въ Венеціи отозвались также и въ Лигурійской приморской республикѣ. Погибалъ отъ революціоннаго потопа оба аристократическія государства, въ которыхъ вопреки ихъ соперничеству и враждѣ обнаруживалось столько сходныхъ чертъ во всѣхъ житейскихъ и правительственныхъ формахъ, подверглись одной и той же участи. Арестъ нѣсколькихъ коноводовъ, бывшихъ членами клуба, послужилъ поводомъ къ волненію и мятежу. Фену потребовали, чтобы ихъ освободили. Когда ему отказали, то мѣстные и чужеземные соумышленники Морандо возбудили возстаніе. Вооруженная ватага, съ трехцвѣтною кокардой на шляпѣ, хлынула на улицы съ крикомъ: „Да здравствуетъ народъ! да здравствуетъ свобода!“ освободила заключенныхъ, завладѣла внутреннею гаванью, Дарсеною, и усилила свои ряды галерными невольниками. Морандо провозгласилъ затѣмъ установку народнаго самодержавія и отменивъ аристократическаго правленія, велѣлъ занять ворота арсенала и нѣкоторые господствующіе надъ городомъ пункты. Сенатъ собрался и, растерявшись, унавь духомъ, обратился къ посредничеству французскаго посланника. Фену не успѣлъ еще ничего предпринять какъ толпа горожанъ, предшествуемая портовыми и корабельными работниками, подняла контрреволюцію. Трехцвѣтныхъ скоро одолѣли, даже Фену подвергся оскорбленіямъ и угрозамъ, многіе демократы, и въ томъ числѣ Французы были убиты; сельское населеніе заволновалось, охраняя законъ, начальство и религію отъ якобинскихъ враговъ церкви.

Демократія въ Генуѣ.

20. мая 1797.

22. мая.

Это было такое же явленіе какъ къ Веронѣ и Венеціи и сопровождалось такими же послѣдствіями. Узнавъ объ этомъ, Бонапартъ отправилъ своего адъютанта Лавалетта въ Геную, и послѣдній, какъ нѣкогда Жюно, прочелъ трепещущему сенату гнѣвное посланіе генерала, угрожаващаго войною, если виновники возстанія и убійства Французовъ не будутъ тотчасъ же наказаны, народъ обезоруженъ и не будетъ выдано полное возмездіе. Дождъ Жіакомо Бриньоль и ратманъ поступили такъ же трусливо и малодушно какъ Венеціанцы. Они удовлетворили всѣмъ требованьямъ, арестовали по требованью Фену троихъ знатнѣйшихъ патрициевъ и отправили къ Бонапарту уполномоченнаго съ предложеніемъ преобразовать правленіе по его желаніямъ. Генераль принялъ пословъ въ Монтебелло; и 6. іюня уже состоялся договоръ, всилу котораго въ генуезкой республикѣ вводилась конституція по образцу Франціи на основѣ народнаго самодержавія, а до завершенія ея временное правительство завѣдовало общественными дѣлами. Наполеонъ самъ назначилъ членовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ главное начальство надъ генуезскими войсками своимъ генераламъ, Казабіанкѣ и Дюфо. Директоріи онъ доносилъ: „Генуа съ бурнымъ порывомъ жаждетъ народнаго владычества“. Такъ и для древней аристократической Генуи насталъ конецъ; она замѣнилась Лигурійскою республикой на демократической основѣ.

Возникновеніе Лигурійской республики.

h. Миръ въ Кампо Форміо и паденіе Венеціи.

Наполеонъ въ Монтелелло. Замеченіе мнрапаго дого-вора.

Бонапартъ тогда уже поступалъ какъ самостоятельный владѣтель. Монтебелло, куда онъ вызвалъ свою супругу, мать и разныхъ членовъ своей семьи, походило на царскій дворъ. Его окружалъ блестящій генеральный штабъ, со всѣхъ концовъ появлялись послы и просители; художники и ученые нахлынули туда же и воздавали за любезный пріемъ лестью и похвальными рѣчами; душа полководца исполнилась выпренныхъ замысловъ. Тутъ-то ему было крайне не поутру, когда основы, на которыхъ онъ нмѣлъ въ виду создать свое миротворное твореніе въ Италіи, наткнулись въ Вѣнѣ на затрудненія: Тугутъ не рѣшался принять тѣ рѣзкія измѣненія въ прелпминнарныхъ условіяхъ, на которыя, благодаря своему дипломатическому превосходству, Бонапартъ успѣлъ побудить неаполитанскаго агента; онъ не соглашался на предложенія, какія казались менѣе выгодными для Австріи и дѣлали имперію совинновницей въ расхищеніи и уничтоженіи славной искони республики св. Марка, какія представляли Брепцію и Мантую власти алчной до завоеваній французской республики и ея энергической пропаганды. Министръ Тугутъ лишилъ маркиза полномочій и вмѣсто него отправилъ въ Монтебелло графа Кобенцля, бывшаго посланника въ Петербургѣ. Вмѣсто господствовавшаго доселѣ рвенія, порѣшить скорѣе дѣло, вѣнскій кабинетъ приступилъ теперь къ политикѣ замедленія и проволочки. Стали, можетъ быть, надѣяться, что недовольная директоріей и ея военною системою партія въ Парижѣ успѣетъ произвести переворотъ въ роялистскомъ духѣ, и тогда можно будетъ заключить миръ при менѣе насильственныхъ условіяхъ. Теперь завели рѣчь о конгрессѣ, тогда какъ прежде заявили, что его надлежитъ собрать только для формы, ради утвержденія австрійско-французскихъ соглашеній.

Наполеонъ въ раздражительномъ настроеніи.

Наполеонъ крайне вознегодовалъ на такой поворотъ къ политикѣ проволочки и задержки, тѣмъ еще болѣе что и директорія также мало сочувствовала мирнымъ договорамъ на предначертанныхъ основахъ. Развѣ для того, говорила она, въ Венециі при посредствѣ французскаго вліанія низвергли аристократическое владычество и сожгли „золотую книгу“, чтобы молодую демократію ввергнуть въ пасть монархическаго абсолютизма? Мы и прежде уже видѣли, что со вступленія въ совѣтъ вновь избранной трети поборники мира и роялисты составили большинство и образовали сильную оппозицію. Въ пѣдрахъ пятисотъ было заявлено: „Слава за нашими войсками останется; но честь нашего правительства запятнана“. Бонапартъ думалъ, что его политика осуждалась главнѣйше вслѣдствіе двухъ въ парижскихъ газетахъ напечатанныхъ писемъ извѣстнаго намъ бурбонскаго сторонника Малле дю Пана, проживавшаго въ Бернѣ, и что этимъ объясняется также Тугутова политика замедленія. Въ пылу гнѣва онъ выпустилъ газетныя статьи и памятные записки для опроверженія направленныхъ противъ него нападокъ, „въ которыхъ сильно переплетались ослѣпительная умственная энергія, ловкая ложь и грубая страсти“; потомъ онъ понудилъ бернское правительство изгнать изъ кантона агента эмиграціи.

Кряжись.

Такъ цѣлыми недѣлями тянулись договоры между Бонапартонъ, проживавшимъ въ Пассеріано, въ сельскомъ домѣ бывшаго дожа Маннини, и австрійскими уполномоченными, которыя вмѣстѣ съ Кларкомъ находились въ Удинѣ, и не могли прійти ни къ какому рѣшенію. Иногда казалось даже, будто война вновь возгорится; для того чтобы запугать императорское правительство, Наполеонъ приказалъ даже своимъ дивизіонамъ снарядиться къ походу. Лишь послѣ переворота отъ 18. фрунгидора, разбившаго всѣ надежды Тугута на переимѣну парижской политики, обязав-

шаго директорію изъявить благодарность и оказать въ свою очередь услугу начальнику итальянской арміи, переговоры оживились. Но вотъ, французское правительство опять вернулось къ прежнимъ своимъ затрудненіямъ: миръ долженъ былъ повести Италію къ демократіи, положить на всемъ полуостровѣ начало всеобщаго республиканскаго строя. Съ этимъ, однако, не согласовались ни королевство Сардинія-Піемонтъ, ни императорская Венеція. А потому директорія въ сознаніи своего торжества опять отвергла предложенія Наполеона. Лишь тогда, когда генералъ настойчиво представилъ, что безъ значительнаго подкрѣпленія и патриотическихъ напряженій немислимо воевать съ Австріей, хорошо снаряженные войска которой, готовые на бой, расположены по границѣ, когда онъ доказалъ, что республиканскія идеи у итальянскаго народа встрѣчаютъ мало сочувствія и укореняются лишь благодаря французской пропагандѣ, что итальянцы „изнѣжены, малодушны, лишены чувства свободы и не способны къ воинственной и политической организаціи“, и когда онъ, наконецъ, въ случаѣ дальнѣйшаго противоудійствія сталъ угрожать своею отставкой, то упорство директоріи пало, „какъ прострѣленный аэростатъ“. Министръ Талейранъ, признавъ въ Наполеонѣ человека будущности и желая ему прислужиться, увѣдомилъ генерала, чтобы онъ заключилъ миръ по своему усмотрѣнію. И вотъ, вполнѣ сознавъ свое властное положеніе, онъ вновь вступилъ въ дипломатическую борьбу съ Австріей.

Ревностно ведя съ Кобенцлемъ переговоры о мирныхъ условіяхъ, Наполеонъ въ то же время старался во всѣхъ областяхъ и городахъ, которые намѣревался подчинить протекторству Франціи, создать учрежденія въ духѣ республиканскаго самодержавія, усиленіемъ французскаго гарнизона въ Ренуи положить основаніе Лигурійской республики, вездѣ правленіе передать въ руки французскихъ сторонниковъ и демократовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ при помощи своего брата Иосифа, занимавшаго тогда въ Римѣ мѣсто посланника, оказывалъ такое властное вліаніе на папскій престолъ, что самостоятельность Церковной области была однимъ лишь призракомъ. Онъ обратилъ уже мощные взоры на Среднюю и Нижнюю Италію; какъ же послѣ этого уступить было Австріи столь рьяно требуемыя ею легации и тѣмъ пресѣчь себѣ пути сообщенія съ внутреннимъ Аппенинскимъ краемъ? При всей своей цѣлкости Кобенцль не успѣлъ побудить французскаго главнокомандующаго измѣнить означенную пограничную черту. Бонапартъ съ ловкимъ расчетомъ намекалъ на возможность союза съ Пруссіей въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, и этотъ намекъ не преминулъ повліять на подозрительный и ревнивый умъ Тугута. Въ Вѣнѣ все болѣе и болѣе склонялись къ уступчивости; хотѣли однако испытать всѣ средства, прежде чѣмъ совсѣмъ покинуть дипломатическое поле битвы. И вотъ послѣдовало еще нѣсколько засѣданій. Бонапартъ сталъ все сильнѣе раздражаться. Вѣсть о томъ, что мало способный Ожеро назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ французскихъ войскъ на Рейнѣ, усилила его гнѣвъ. Разъ онъ до того забылся, что въ пылу переговоровъ съ Кобенцлемъ въ сердцахъ швырнулъ съ каминна фарфоровый сервизъ на полъ и выбѣжалъ въ раздраженномъ настроеніи.

Бурная революціонная политика корепканскаго десюта одержала на-Миръ въ Кам-конецъ побѣду надъ вращавшеюся въ размѣренныхъ учтивыхъ формахъ по-Форміо старой дипломатіей графа Кобенцля. Въ ночь съ 17. на 18. октября под-18. окт. 1797 писанъ былъ мирный трактатъ, прозванный по имени лежащей между Удине и Пассеріано деревни *Кампо-Форміо*. Въ немъ были явныя и тайныя постановленія. По первымъ изъ нихъ Австрія отказывалась отъ Вельтин и Ломбардин и соглашалась на основаніе Цизальпинской республики, какал*должна была образоваться изъ областей къ западу отъ Эчи и Гард-

Политическая и дипломатическая дѣятельность Наполеона.

11. окт. 1797.

18. окт. 1797.

скаго озера, помимо австрийскаго герцогства Милана заключать въ себѣ венеціанскіе города Бергамо, Бреши, Верону, Феррару, также Модену съ Массою и Каррарою, Мантую, три легации, Болонью, Феррару, Романью, и простирались также на Вальтеллину съ Бормио и Чивенною. Эта альпійская область педавно передъ тѣмъ подъ французско-демократическимъ вліяніемъ оторвалась отъ Граубюндена и пожелала присоединиться къ Цизальпинии, на что Наполеонъ охотно согласился. Такимъ образомъ новая республика заручилась важнымъ въ военномъ отношеніи альпійскимъ переходомъ. Сверхъ того изъ венеціанскихъ владѣній Франція приобрѣла еще Корфу вмѣстѣ съ Ионическими островами. Остальная же Венеція съ Эчи до устьевъ По съ городами и съ его лагунами, также Истрія, Далмація, острова въ Адриатическомъ морѣ и другія территоріи присоединились къ Австріи, а герцогъ моденскій получилъ въ вознагражденіе Брейсгау. Для заключенія имперскаго мира предполагалось собрать конгрессъ въ Раштатѣ. По тайнымъ статьямъ императоръ обязался очистить крѣпости Майнцъ, Мангеймъ, Эрэнбрейтштейнъ, Филиппсбургъ, Ульмъ и весь лѣвый берегъ Рейна. Безусловная уступка не была заявлена съ тою цѣлью, чтобы Пруссія оставила за собою тѣ свои владѣнія по лѣвому берегу Рейна, которыя она обѣщала уступить за соответственное вознагражденіе по правому берегу, и чтобы она вслѣдствіе этого лишилась того желаемаго возмездія. Это было послѣднее торжество, какое зависть Тугута одержала надъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ II. Четыре недѣли спустя послѣ того (16. нбр.) король сошелъ въ могилу. Не подлежало сомнѣнію, что клеветскія терзательства, разсѣянные отдѣльными частіями въ области французской республики, такъ же какъ и другія имперскія земли, не въ состояніи будутъ сохранить свою независимость; и если они утратятся, то Пруссія и не могла уже требовать никакого вознагражденія. Австрія сверхъ того уступила долину Фриза и графство Фалькенштейнъ, за что Франція обязалась, въ вознагражденіе за Брейсгау и за это графство, помочь императору приобрести архіепископство Зальцбургъ и баварскіе округа къ востоку отъ Инна. Этими открытѣ былъ починокъ къ секуляризаціи духовныхъ княжествъ. Затѣмъ въ тайныхъ статьяхъ заявлялось, что имперскіе чины, понесшіе ущербъ на лѣвомъ берегу Рейна, будутъ съ общаго согласія съ Франціей вознаграждены въ Германіи. Помимо трехъ духовныхъ курфирстовъ сюда относились Пфальцбаварія, Цвейбрюкенъ, Вюртембергъ, Баденъ, оба Гессена, Нассау, Видъ, Сальмъ, Девенштейнъ, Лейпцигъ. Для Оранскаго также надлежало присказать територіальное вознагражденіе въ Германіи. Въ теченіе двадцати дней императорскія войска должны были покинуть прирейнскія области и крѣпости.

Настроения по Миръ въ Кампо-Форміо не даромъ радовала Наполеона. Благодаря этому договору въ Верхней Италіи возникла французская вассальная область, откуда открывалась возможность впоследствии предпринять завоеваніе всего Аппенинскаго полуострова; нѣмецкая имперія преобразилась въ территорію для обширныхъ вознагражденій; республикѣ досталась вождѣнная рейнская граница; главнокомандующій освободился отъ необходимости начать новый походъ въ австрийскую альпійскую область, который въ наступившее позднее время года и при подкрѣпившейся свѣжей австрийской арміи могъ кончиться неудачей, и республикѣ предоставилась возможность, напасть съ разныхъ сторонъ на самаго упорнаго и сильнаго ея противника, на Англію. Необходимо было сокрушить британское владычество на морѣ, къ Корфу и Ионическимъ островамъ присоединить еще Мальту и Египетъ, Средиземное море и сосѣднія страны подчинить властнымъ вѣдѣніямъ республиканской Франціи; фантазія его обратилась къ преисполненному чудесъ Востоку, о которомъ Наполеонъ мечталъ уже въ своей

люности. Въ Австріи народъ также радъ былъ, что кончилась шестилѣтняя война, наступилъ вождѣнный миръ, и столичное общество всею душою стало предаваться радостнымъ наслажденіямъ. Однако Тугутъ не вторилъ этому восторгу; его тяготило сознаніе, что эта бурная революціонная политика застигла Австрію въ расплохъ, нанесла ей ущербъ, повредила ея чести, что Габсбургъ какъ вѣроломный управитель измѣнилъ должности хранителя имперіи. Въ договорѣ Кампо-Форміо онъ видѣлъ лишь перемиріе, въ нѣдрахъ котораго таилась новая война. Этому сознанію суждено было скоро оправдаться; однако, когда началась новая кампанія, то Тугутъ для виду вышелъ изъ министерства, а Наполеонъ находился въ дальнемъ краѣ.

Исполненіе мирныхъ условій возбудило довольно грустные чувства въ Цизальпинская сердцахъ Итальянцевъ. Какъ бы дурно ни было прежнее состояніе, однако суровость, съ какою оно было сокрушено, глубоко оскорбляло душу. Всею легче совершилась организація Цизальпинской республики. Тутъ конституція, правительство и судопроизводство спокойно устроились совсѣмъ по французскому образцу; Наполеонъ самъ назначилъ пятерыхъ директоровъ, множество французскихъ авантюристовъ добились должностей и почетныхъ мѣстъ, часть французской арміи заняла край.

Тѣмъ слышѣе за то оцѣтили Венеціанцы паденіе своего государства. Самъ Паденіе Ве Биллетаръ, который по республиканскому убѣжденію такъ ревностно содѣйствовалъ низверженію аристократическаго владычества, при чтеніи мирнаго договора былъ охваченъ такою скорбью, что разразился громкими рыданіями. Но въ политикѣ Наполеона человѣческимъ побужденіямъ вовсе не было мѣста. Венеціанскіе патриоты могли лишь добиться свободнаго выхода съ сохраненіемъ ихъ имущества. Низвергнутая, истерзанная сама по себѣ республика не могла уже оказать никакого сопротивленія. Не оставалось ничего болѣе, какъ молча подчиниться. Муниципалитетъ разошелся; временное вѣдомство приняло бразды правленія, пока Австрийцы не вступили во владѣніе. Вскорѣ затѣмъ французскія войска покинули Венецію,—такъ короткими чертами Лафре описываетъ паденіе республики св. Марка,—Серрюрье взялъ съ собою все, что еще сохранилось изъ запасовъ въ магазинахъ, потопилъ корабли, которыхъ не могъ забрать съ собою, и сжегъ Буцентавра, стародавняго свидѣтеля республиканскаго блеска. Совершивъ это, онъ сдалъ городъ Австрийцамъ. Глухое отчаяніе, глубокое уныніе господствовали въ Венеціи, и мертвая тишина прерывалась лишь громкими возгласами шаекъ подкупленной черни.—Бывшій дожъ Мавини долженъ былъ отъ имени своихъ согражданъ подать присягу на вѣрность: онъ согласился на это съ растерзаннымъ сердцемъ. Но въ самый мигъ, когда онъ вышелъ, съ тѣмъ чтобы изречь роковыя слова, онъ запнулся и, сокрушенный скорбью и позоромъ, словно пораженный молніей, бездыханный палъ ницъ. Такъ послѣ долгаго славнаго существованія погибла Венеціанская республика.

Четыре недѣли спустя послѣ заключенія мира Бонапартъ напыщенною Наполеонъ въ прокламаціей распростился съ Италіей и отправился въ Раштатъ, гдѣ собралось уже посланники и уполномоченные имперскихъ чиновъ. Онъ самодично открылъ конгрессъ; однако томительные, запутанные мирные переговоры не могли приковать его жаждавшій подвиговъ умъ. Онъ поручилъ дѣла нѣкоторымъ дипломатамъ, а самъ отправился въ Парижъ; народъ привѣтствовалъ его восторженными кликами, а директорія, которой онъ представленъ былъ министромъ Талейраномъ, приняла его съ почестями и отличіями.

9. дек. 1797

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

- Аббт, Ома, философъ, 520, 606.
Аберкромби, англ. генераль, 210, 829.
Або, миръ въ А., 494.
Абуль Фазль, вазиръ въ Дели, 303.
Августъ III, король польск. и сакс.
см. Фридрихъ Августъ.
Августъ-Вильгельмъ, герцогъ-брауншвейгъ-бевернскій, 75, 78, 80, 97.
Августъ-Вильгельмъ, прусск. принцъ, бр. Фридриха, 73, 76, 471.
Авейро, герцогъ, 330 и сл.
Авиньонъ, папское владѣніе, соединено съ Франціей, 720.
Аврунгсиль Алумгиръ, моголь въ Дели, 304.
Австрія, смерть Карла VI., война за австрійское наслѣдство 2 и сл., 1. силезская война, 9 и сл., 2. сил. в. 27 и сл., Ахенскій миръ 55, преобразоват. дѣятельность Маріи Терези, 58 и сл., семилѣтняя война 62 и сл., 1757 г. 74 и сл., 1758 г., 82 и сл., отъ Кунерсдорфа до Торгау 88 и сл., исходъ войны 100 и сл., возстаніе въ австр. Нидерланд. 404 и сл., война за баварское наслѣдство 424 и сл., послѣднее время царствованія Маріи Терези, 430 и сл., императоръ Іосифъ II., церковныя реформы 435 и сл., народное образованіе, судебныя и пр. реформы, 443 и сл., положеніе относительно Венгрии 447 и сл., Леопольдъ II., 452 и сл., Францъ II., 456. 1. коалиціонная война противъ Франціи 761, 775, 823, компанія Наполеона въ Италиі и Австріи 1796 и 97 гг. 900, миръ въ Леобенѣ 920, въ Кампо Форміо 931.
Агу, маркизъ д'А. 705.
Адамсъ Джонъ, америк. политикъ, 209, 218, и сл., посланникъ въ Гаагъ 280 и сл.
Адамсъ, Самуилъ, америк. политикъ, 227 и сл. 244 и сл.
Аддисонъ. Іосифъ, англ. писатель, 108 112, 126 и сл.
Адольтъ, Фридрихъ, герцогъ голштейнъ-готторпскій, 49 и сл.
Азара, исп. посланникъ въ Римъ и Парижъ, 442.
Азиръ, Феликсъ В. д'А., франц. естествоиспытатель, 192.
Анадія, франц. колонія, 205 и сл.
Акбаръ, моголь въ Дели, 302.
Аламберъ, франц. философъ и математикъ, 155, 179 и сл.
Александръ Леопольдъ, сынъ императора Леопольда II., палатинъ Венгрии 455.
Александръ, вождь санкюлотовъ, 737.
Алленъ, Этанъ, американск. полковникъ, 243.
Альбени амер. городъ, 200.
Альбени, графъ, см. К. Эд. Стюартъ.
Альбертъ, герцогъ саксенъ-тешенскій, австр. генераль и губернаторъ въ Нидерл., 402, 406 и сл. 414.
Альвинни, австр. фельдцейгмейстеръ, 858, 913, и сл. 917.
Альмада, португ. посланникъ въ Римъ, 333.
Амаръ, членъ парижскаго комитета, 84, 852, 890.
Амгертъ, англ. генераль, 211.
Амнебургъ, битва при А., 101.
Аммонъ, философъ, 611.
Анакреонтики, пѣмецкіе, 515.
Англія, участіе въ войнѣ за австр. наслѣдство, 19 и сл., послѣднее возстаніе якобитовъ (Стюарта), 36 и сл., въ семилѣт. войнѣ, 64 и сл. 77 и сл. 91 и сл. 96 и сл., Вилькисъ, 103 и сл., колонія въ свѣв. Амер., 195 и сл., борьба съ франц. колонистами, 201 и сл., министерство Гренвилля, 214, министерство

Рокингам, 220, Питта, 225 и сл., письма Юниуса, 229, пошлина на чай, 232, билль о бостонском порте, 237, начало междоусобицы 242 и сл., объявление независимости въ Америкѣ, 247 и сл., до Саратоги, 259 и сл., союзъ между Франціей и Америкой, 260 и сл., смерть Питта, 263, вооруженный нейтралитетъ, 265, мятежъ Гордона, 271, заговоръ Арнольда и Андро, 273, капитуляція Гортюна, 282, осада Гибралтара, 284, Версальскій миръ, 289, и сл. — Министерство Нортъ-Фокса, Питта, 297 и сл., индобританская держава, 303 и сл., лордъ Клейвъ и В. Гастингсъ, 309 и сл. — Связь съ Португаліей, 342 и сл. — Военный союзъ противъ республик. Франціи, 786. 1. коалиціон. война 823 и сл.

Ангулемск. герцогиня, дочь короля Людовика XVI., 833, 857.

Анрада, Гомесъ Фрейра де А., намѣстникъ въ Рио Жанейро, 328.

Андрэ, англ. майоръ, 273 и сл.

Андрэ, Жанъ Бонъ де А., членъ комитета, 833.

Анкаштрёмъ, шведск. офицеръ, 500.

Анна Марія, супр. герцога Клем. Баварск., 424.

Анна (Англ.), супр. Вильгельма IV., наслед. штатгальтера Нидерландовъ, 267.

Аниетъ, Петръ, англ. деистъ, 118.

Апріо, франц. демагогъ, 713, начальникъ національной гвардіи, 797, 809, смерть, 840.

Ансбахъ, присоединяется къ Пруссіи, 478.

Ансельмъ, франц. генералъ, 777.

Апсонъ, англ. адмиралъ, 20, 54.

Антверпенъ, взятъ Французами, 51.

Антибъ, осада, 47 и сл.

Антренъ, битва при А., 823.

Анхеръ, датск. правовѣдъ, 483.

Аньяльскій союзъ, 499.

Apostolicum, pascendi minus, 336, 357, 385.

Апраксинъ, графъ, главнокомандующій, 76, 83.

Арапа, графъ, полководецъ, 343, министръ, 383, изгнаніе іезуитовъ, 386, 390 и сл., посланникъ въ Парижъ, 392, и сл. опять министръ, 789, 865.

Арбутиотъ, Джонъ, англ. сатирикъ, 120.

Аргонскій лѣсъ, битвы въ А., 762.

Арджуна, вождь Сейковъ, 305.

Арембергъ, графъ Ламаркъ, 414, 685, 701.

Аржансонъ, маркизъ, франц. дипломатъ, 52.

Аржанъ, маркизъ, франц. философъ, 161.

Арколе, битва при А., 913.

Арнольдъ, Бенедиктъ, америк. генералъ, 243, 246, 275 и сл.

Арсонъ, франц. военный инженеръ, 288 и сл.

Артуа, франц. графъ, 362, адмиралъ, 264, при осадѣ Гибралтара, 286, закрываетъ мячный домъ, 657, вождь эмиграціи, 667, 722, 870, въ Пильницѣ, 724, въ Вандеи, 873.

Архенгольцъ, исторіогр., 94.

Ассигнацы, 787 и сл., 899.

Ассіенто, трактатъ, 56, 201.

Атугіа, португ. графъ, 330 и сл.

Ахенваль, Готфр., основатель статистики, 618.

Ахенъ, миръ въ А. 55 и сл.

Ахмедъ шахъ, моголь въ Дели, 306, 311.

B.

Баберъ, моголь въ Дели, 302.

Бабёвъ, Гракхъ, парижск. коммунистъ, 850, заговоръ, 889 и сл.

Баварія, при курфирствѣ К. Альбертъ, 4 и сл. 13 и сл. 16 и сл. 23 и сл. 30 и сл., договоръ въ Фюсенѣ, 31, война за баварск. наследство, 422 и сл., договоръ въ Псаффенгофенѣ, 912.

Багидеръ шахъ, моголь въ Дели, 305.

Багмени, династія въ Денавъ, 303.

Базель, миръ въ Б., 863.

Базиръ, франц. депутатъ, 716.

Бейрѣйтъ, присоединяется къ Пруссіи, 478.

Бальмерино, шотл. лордъ, 44.

Бальтиморъ, шотл. лордъ, 44.

Балда, вождь Сейковъ, 305.

Банкаль, членъ франц. конвента, 793.

Бараге д'Илье, графъ, франц. генералъ, 928.

Барбару, франц. депутатъ, 717, 735, 740, 742, смерть 810.

Барбо-Марбуа, въ фруктидоръ сосланъ 898.

Бардтъ, Карлъ Фридр. педагогъ, 570, 592 и сл.

Берептенъ, хранитель печати, 653.

Бареръ, членъ парижск. конвента, 771, 774, 847, сосланъ 852.

Барнавъ, франц. депутатъ, 669 и сл. 697 и сл. смерть 834.

Баррасъ, членъ конвента, 820, 841, 879 и сл., директоріи 892, 895 и сл.

Барре, Исаакъ, членъ англ. парламента, 219.

Баррьерный трактатъ, 292.

Бартелеми, Франсуа, франц. дипломатъ, 861, членъ директоріи, 895 и сл.

Бартенштейнъ, австр. государств., мужъ, 3, 8, 433.

Бассаль, комиссаръ парижскаго конвента, 835.

Бассано, битва при Б., 910.

Бассано, герц. см. Маре.

Бассевиль, франц. уполномоченный въ Римъ, 980.

Бассиньяна, битва при Б., 23.

Бастилья, разрушеніе Б., 665 и сл.

Батавская республика, 859.

Батоши, Помп., живописецъ, 635.

Баттага, венец. провекторъ, 923.

Баттіани, графъ, австр. полководецъ, 30, 433.

Баттіани, графъ Людвигъ, канцлеръ и палатинъ, 15, 431.

Баттіани, графъ Іосифъ, венгер. при-мась, 439.

Баумгартенъ, теологъ въ Галль, 568.

Безенваль, франц. генералъ, 662, 667, Бекеръ, Захар., педагогъ, 599.

Беккария, итал. криминалистъ, 140.

Бекфордъ, меръ лондона, 231.

Бедфордъ, герцогъ, мѣинистръ, 224, 233.

Беегтовенъ, Людвигъ, 647.

Беллингъ, прусск. гусар. полковникъ, 97.

Белльгардъ, графъ, австрійскій генералъ, 920.

Бель (слѣдуетъ вмѣсто Байле), философъ, 569.

Бельгія, австр. Нидерл., 35, 50 и сл. при Іосифѣ II, 400 и сл., при Леопольдѣ II., 414, Дюмурье покоряетъ ее, 782, и сл., война въ Б. 790, вновь подчинена Австріи 791, походы Пипегрю и Журдана, 828 и сл.

Бель-Иль, графъ Карлъ Л., франц. полководецъ и дипломатъ, 6 и сл., 14, 17, 30, въ Италіи, 48 и сл., военный министръ, 84.

Бель-Иль, братъ предш., 6, 50.

Бёмеръ, учитель гимназіи, майнцскій клубистъ, 781.

Бенголія, Англич. водворяются въ Б., 308 и сл.

Бенгель, Іос. Альбр. педагогъ, 598.

Бендеръ, австр. генералъ, 414, 455, 728.

Бенедиктъ XIII, папа († 1730), 323.

Бенедиктъ XIV, папа († 1758), 323, 329.

Бёнкергиль, битва у Б., 245.

Бентингъ-Роонс, графъ, оранскій сторонникъ, 398.

Бенуа, франц. уполномоченный въ прус. главн. квартирѣ, 765.

Бёньо, франц. депутатъ, 716.

Бервикъ, герцогъ, 37.

Бергамо, отошла отъ Венеціи, 923.

Бергенъ, блигъ Франкфурта, битва при Б., 88.

Бергенъ-оп-Цоомъ, взята Французами, 54.

Бергманъ, Т. О., физикъ, 189.

Берингъ, Витусъ, мореплаватель, 182.

Берлей, Георгъ, англ. философъ, 132 и сл.

Бёркъ, Эдм., англ. политикъ и публик. 229 и сл., относит. америк. колоній, 211 и сл. 237 и сл. въ министерствѣ, 297 и сл. инд. билль, 300, процессъ В. Гастингса, 320, относит. франц. революціи, 704, 786.

Берлинъ, австр. набѣги, 79, 94.

Берлинское изданіе, 575.

Бернадотъ, въ битвѣ при Флёрюсъ, 830, 18. фруктидоръ, 897, кампанія 1796 и 1797, 910, 919 и сл.

Бернаръ, англ. губернаторъ въ Бостонъ, 227, 234.

Беригарди, учитель гимназіи, 600.

Бернисъ, кардиналъ, франц. министръ, 74, 87, 348.

Бернклау, австр. полководецъ, 16 и сл. 25, 30, палъ 46.

Бёрнонвилль, маркизъ, франц. военный министръ, 789, 793.

Беристорфъ, графъ, Эрнстъ Гартвигъ. датск. государств. мужъ, 485 и сл.

Беристорфъ, племянникъ предш., датскій министръ, 492 и сл.

Бернулли, Яковъ, Іоаннъ и Даниилъ, математики, 179.

Бертье, Александръ, 266.

Бестужевъ, русск. канцлеръ, 63, 82.

Бибра, каноникъ, публицистъ, 625.

Бистеръ Ф. Э. писатель, 575.

Бильфингеръ, теологъ, 568.

Бильо-Варенъ, франц. демагогъ, 741 и сл., 757, 833, 840 и сл., 852.

Бироизъ, франц. дипломатъ и генералъ. 278, 729, 825.

Бишофсвердеръ, Гансъ Рудольфъ майоръ, совѣтникъ Фридр. Вильг. II прусскаго 473 и сл., посланникъ въ Вѣнѣ, 722.

Біанкани, графъ, милан. дворян., 46.

Бладъ, комиссаръ парижск. конвента, 871.

Бланка, Флорида, см. Флорида.

Блау, майнцскій клубистъ, 781.

Блекъ, Г. химикъ, 189.

- Блуме, датскій придворный пасторъ, 481, 484.
 Блуменбахъ, I. Ф. нѣмецкій естествоиспытатель, 192.
 Блюхеръ, Гебгардъ Леберехтъ, при Кайзерслаутернѣ, 828.
 Богарне, виконтъ, франц. генер., 825.
 Богемія, въ силезск. войнахъ, 12 и сл. 23 и сл. 29 и сл., въ семпл. в., 75 и сл. 85.
 Боергавъ, химикъ, 188.
 Бойе, Г. Хр., поэтъ, 488, 516.
 Бойль, Р., химикъ, 188.
 Болеа, Педро Пабло Абарана де Б. см. Аранда.
 Болингброкъ, Г. виконтъ, англ. писатель, 108, 118.
 Болье, австр. фельдмаршалъ, 828, 901, 904 и сл., 909.
 Бомонъ, Христофоръ, парижскій архіепископъ, 354.
 Бонапартъ, фамилія, 883, а впрочемъ см. Наполеонъ.
 Бонневаль, врагъ Маріи Терези, 15.
 Боннегъ, Чарльсъ, 192.
 Бонпланъ, Эме, франц. естествоиспытатель, 184.
 Бопшанъ, вождь Вандейцевъ, 822.
 Борда, физикъ, 183.
 Бордо, терроризмъ конвента въ Б., 821.
 Боренеръ, франц. полковникъ, 763.
 Борнъ, естествоиспытатель, 437.
 Бородалъ, замокъ, 38, 43.
 Борромео, графиня Клеція, 46.
 Боскевешъ, англ. адмиралъ, 92, 210.
 Бостонъ, городъ 198, противъ англ. таможенн. устава 226 и сл., билль о портѣ 239 и сл., военныя событія 241 и сл., покинутъ Англичанами 246.
 Ботегуръ, англ. губернаторъ въ Виргиніи 235.
 Ботта Д' Адорно, маркизъ, австр. полководецъ и дипломатъ 7 и сл., 46 и сл.
 Браге, графъ, шведск. магнатъ († 1756) 494.
 Бразилія, при Помбалъ 341.
 Браддокъ, англ. генералъ 207.
 Брайлей, англ. астрономъ 181.
 Брандтъ, графъ Эневальдъ, дат. царедворецъ 490 и сл.
 Браницкій, Янъ Клементъ, 503 и сл.
 Бреда, конгрессъ въ Б. 51 и сл.
 Брезе, маркизъ, оберъ-церемоніймейстеръ 658.
 Бреславль, въ семилѣтн. войну 81, 93.
 Брешія, осаждена Наполеономъ, 905, отпадаетъ отъ Венеціи, 923.
 Бретейль, баронъ, франц. министръ 662, 667, 703.
 Бригидо, австр. генералъ, 914.
 Бригъ, притязанія Пруссаконъ 9, капитуляція 11.
 Бриньоля, Жіакомо, генуэзскій дожъ 929.
 Бриссо, Жанъ Пьеръ, франц. депутатъ и редакторъ, 711 и сл., 717, 726 и сл., 730, 806, смерть 810.
 Брولى, герцогъ, франц. полководецъ, 17 и сл.
 Брولى, франц. маршалъ, сынъ предш., 88, 95, 98, военный министръ 661 и сл.
 Брولى, франц. посланникъ въ Варшавѣ, 504 и сл.
 Бротье, аббатъ, роялист. агентъ, 869.
 Броунъ, графъ Максимилянъ, австрійскій полководецъ, 22, 46 и сл., 70 и сл., палъ 75.
 Брюль, графъ, саксон. министръ, 7, 26, 32, 34, 70.
 Брюссель, взятъ Французами, 51, возстаніе при Юсіѣ, II. 411.
 Буасси д' Англа, членъ парижскаго конвента, 850, 856, 876 и сл., 898.
 Бугенвиль, франц. мореплаватель, 232.
 Буда-Пестъ, см. Пестъ.
 Буксаръ, битва при Б., 311.
 Буле де ла Мерть, франц. государственн. чловѣкъ, 898.
 Булье, маркизъ, франц. генералъ, 283, 703, 705, 707, 724, кончина, 708.
 Бурбонскій фамильный договоръ (1761), 98.
 Бурботъ, членъ парижск. конвента, 856.
 Бургойнъ, англ. генералъ, 244, 252, 254 и сл., 259.
 Бургдорфъ, школа, 603.
 Бурдонъ, Леонаръ, парижскій демагогъ, 747, 760, 852.
 Бурдоше, см. Лабурдоше.
 Буффлеръ, герцогъ, полководецъ, 49 и сл.
 Бушотъ, франц. всенный министръ, 816.
 Букердорфъ, битва при Б., 100.
 Буссе, учитель математики, 591.
 Бутурлинъ, русск. фельдмаршалъ, 95, 97.
 Бютъ, лордъ, англ. государств. дѣятель, 96, 99, 102, 213, и сл., 225.
 Бузо, адвокатъ, франц. депутатъ, 673, 717, 817.
 Бюкебургъ, графъ Вильгельмъ см. Вильгельмъ, гр. Шаумбургъ-Линне.
 Бюнау, графъ Генрихъ, исторіогр., 622.
 Бюргеръ, Готфр. Авг., поэтъ, 516.
 Бюска, кардиналь, 916.
 Бюсси, губернаторъ Пондишери, 309 и сл.
 Бюфонъ, Жоржъ Луи Леклеркъ графъ, естествоиспытатель, 162, 191 и сл.

Бюшингъ, А. Ф., педагогъ и географъ, 598, 624.
 Бэль, членъ парижск. конвента, 852.

В.

- Вагнеръ, Эрнстъ, романистъ, 561.
 Вагнеръ, Генр. Леоп. поэтъ, 546.
 Ваде, англ. генералъ, 40.
 Ваде, членъ франц. конвента, 840, 847.
 Вазеръ, пасторъ въ Цюрихѣ, 624.
 Валазе, членъ франц. конвента, 768.
 Валансъ, франц. генералъ, 783.
 Вали-Форже, главн. квартира Вашингтона, 260.
 Валь, испанскій министръ, 380, 383.
 Валори, маркизъ, франц. посланникъ въ Берлинѣ, 71.
 Вальдекскій, князь, голландскій полководецъ, 36, 51.
 Вальдекъ, князь, намѣстникъ въ Нидерландахъ, 828.
 Вальдедорфъ, I. Фил., курфиреть-архіепископъ трирскій, 421.
 Вальднерскій, виконтъ, 414.
 Вальми, канонада при В., 763.
 Вальмоденъ-Гимборнъ, графъ, ганнов. генералъ, 824, 858.
 Вальполь, англ. министръ, 20 и сл.
 Вальши, англ. лордъ, якобитъ, 38.
 Вандбургъ, Джонъ, англ. поэтъ, 112.
 Вандамъ, франц. генералъ, 859.
 Вандевашъ, битвы при В., 310, 317.
 Вандея, возстаніе, 821 и сл., 870 и сл. конецъ междоусобія, 873.
 Вандемьеръ, возстаніе, 13. в. 880.
 Варгамскій договоръ, 315.
 Вардъ, Арт. амер. генералъ, 244.
 Варенъ, бюджетъ Людовика XVІ, 706.
 Варле, парижск. демагогъ, 798 и сл.
 Варренъ, Джонъ, англ. адмиралъ, 870.
 Варренъ, Юсіѣ, америк. публицистъ, 224, 227, 236 и сл., палъ, 246.
 Варенслебенъ, австр. генералъ, 911.
 Вателей, членъ англ. парламента, 236.
 Ваттигнись, битва при В., 827.
 Вашингтонъ, Джоржъ, американск. полководецъ, юность, 206 и сл., первые военныя подвиги, 208 и сл., виргинск. собраніе, 235, собраніе депутатовъ въ Филадельфіи, 240, главнокомандующій, 244 и сл. президентъ Союза, 296.
 Веберъ, Карлъ Маріа, композиторъ, 648.
 Веддербёрнъ, англ. прокуроръ, 238.
 Ведекшицъ, врачъ, майнц. клубистъ 781.
 Ведель, Георгъ, прусск. подполковникъ, 30.
 Ведель, Карлъ Генр., 82, 89.
 Везе, леда, 106.
 Веймаръ, собраніе поэтовъ, 542 и сл.
 Веймутъ, англ. министръ, 222.
 Вейссе, Христ. Феликсъ, поэтъ, 529, 598.
 Вейтъ-пленъ, битва при В., 254.
 Веласко, Донъ Луи де, испан. главнокомандующій, 213.
 Веллетри, битва при В., 22.
 Веллинггаузенъ, битва при В., 98.
 Вельперъ, I. Христофъ, прусск. министръ, 473 и сл.
 Вельтесъ, Ладисл., 21.
 Венгрія, поднимается за Марію Терезію, 15, состояніе при Маріи Терезіи, 430 и сл., реформы Юсіѣ II., 447 и сл.
 Венеція, во время итальянск. кампаніи Наполеона, 906, франц.-демокр. пропаганда, 922, демокр. республика, 924 и сл., присоединена къ Австріи, 933.
 Венсанъ, парижск. демагогъ, 838.
 С. Венсенъ, графъ, англ. адмиралъ, 211.
 Вещній, педагогъ, 585.
 Венъ, Генри, колонистъ въ свѣв. Америкѣ, 198.
 Вердунъ, въ коалиціонную войну, 758, 762, 766.
 Вереле, миръ въ В., 499.
 Верженъ, графъ, франц. министр. иностр. дѣлъ, 261, 293 и сл., 361, кончина, 369.
 Вермонъ, англ. колонія, 198.
 Верпошъ, англ. адмиралъ, 20, 41, 206.
 Вернеръ, прусск. генералъ, 97.
 Вернеръ, А. Готл., нѣмецк. теологъ, 184.
 Вернъ, членъ парижск. конвента, 855.
 Верньо, франц. депутатъ, 717, 741 и сл., кончина, 809 и сл.
 Веропа, занята Наполеономъ, 905, возстаніе, 924, кровавая пасха, 925.
 Версаль, дворъ при Людовикѣ XV., 348 и сл., національн. собраніе, 655, переселеніе двора въ Парижъ 683 и сл., австр.-франц. договоръ 67 и сл., миръ, 1783 г. 289 и сл.
 Вертгеймская Библия, 570.
 Вестерманъ, якобинецъ, 765, 822.
 Вестфальскій, Филиппъ, прусск. офицеръ и военный писатель, 81.
 Ветцларъ, битва при В., 910.
 Вецель, I. Карлъ, романистъ, 557.
 Визенготеръ, австр. государств. мужъ, 61.
 Викторъ, Перренъ, герцогъ Беллуно. франц. маршалъ, при Вальми, 764, въ Италіи, 917.
 Викторъ, Амадей, король Сардиніи, 776 и сл., 864, 902.
 Виландъ, Христофъ Мартиа, нѣмецкій поэтъ, 510, 520 и сл.

Виламовъ, поэтъ, 515.
 Вильетаръ, франц. дипломатъ, 927, 933.
 Вилльямсъ, Роджеръ, колонистъ въ Сѣв. Америкъ, 198.
 Вильо, въ заговоръ Писшегрю, 897.
 Вильгельмъ VIII, гессенъ-кассельск. ландграфъ, 76, 95.
 Вильгельмъ IX, гессенск. ландграфъ въ коалиціонн. войну противъ Франціи, 743.
 Вильгельмъ, графъ *Шнаумбург-Липпе*, 89, на службѣ Португаліи, 101, покровитель Гердера, 536 и сл.
 Вильгельмъ IV, Оранскій, штатгальтеръ, 53, кончина 267.
 Вильгельмъ V., сынъ предш., опека, 267 и сл., партіи 393 и сл., мятежи и вступленіе Пруссавъ, 397 и сл. бѣгство въ Англію, 859.
 Вильгельмъ I., какъ принцъ Оранск., полководецъ въ революц. войнѣ, 824, 828 и сл.
 Вильгельмина, сестра Фридрихъ В., марграфиня Байрейтъ, 87.
 Вильгельмсталь, битва при В., 101.
 Вильямъ, америк. полковникъ, 275.
 Вильямъ, фортъ въ Бенгаліи, 309.
 Вильямсъ, Джонъ, англ. демагогъ, членъ парламента, 103 и сл., 229, 242.
 Вильманстрандъ, битва при В., 494.
 Винпфенъ, франц. генералъ, 817.
 Винкельманъ, I. I. археологъ, 525 и сл. 599.
 Винтерфельдъ, Гансъ Карлъ, прусск. генералъ, 30, 75, палъ 78.
 Винтропъ, Джонъ, колонистъ въ Сѣв. А., 197.
 С. Винцентъ, морская битва, 286.
 Виргинія, англ. колонія, 196, 250 и сл. война въ В., 281 и сл.
 Вить, педагогъ, 592.
 Вичерли, Вилл. поэтъ, 111 и сл.
 Вобланъ, графъ, въ законодат. собраніи, 716.
 Вобуа, франц. генералъ, 913.
 Волюіонъ, герцогъ, франц. посланникъ въ Голландіи, 292.
 Воландъ, Софія, любовница Дидро, 153, 159.
 Волау, прусск. притязанія, 9.
 Воластонъ, англ. деистъ, 117.
 Вольке, педагогъ, 591.
 Вольта, Алессандро, итал. физикъ, 187 и сл.
 Вольтеръ, Франс. М. Ар., франц. писатель, 137, 141 и сл., какъ естествоиспытатель, 177.
 Вольтри, битва при В., 902.
 Вольфъ, философъ, 562 и сл.

Вольфъ, Джемъ, англ. генералъ, 91, 210 и сл.
 Вольфъ, естествоиспытатель, 192.
 Вонкъ, бельг. адвокатъ, 406, 408 и сл. 144.
 Вульпіусъ, романистъ, 561.
 Вульстонъ, Ф., англ. деистъ, 117.
 Вурмзеръ, графъ, австр. генералъ, 824, 827 и сл., 909 и сл.
 Вѣна, кампанія Наполеона,
 Вюрцбургъ, епископство, 421.

Г.

Гаагъ, субсидный договоръ, 827, договоръ, 1795 г. 860.
 Гавана, взята Англичанами, 101.
 Гавке, англ. адмиралъ, 92.
 Гаддикъ, австр. генералъ, 79.
 Гаддокъ, англ. адмиралъ, 21.
 Гажесь, графъ, испанск. полководецъ, 21.
 Гайдеръ-Али, индійскій князь, 314, 317 и сл.
 Гайдъ, Иосифъ, композиторъ, 647.
 Гакертъ, Филиппъ, живописецъ, 635.
 Гальвани, итал. физикъ, 11 86.
 Галичина, княгиня (Амалія Шметтау), ея мистическій кружокъ, 576.
 Галифаксъ, городъ, 206.
 Галифаксъ, статсъ-секретарь, 104.
 Галлей, Эдмундъ, англ. астрономъ, 181.
 Галлеръ, Альбрехтъ, поэтъ, 192.
 Галь, Джемъ, англ. геологъ, 185.
 Гамапъ, Ф. Георгъ, философъ, 535, 575 и сл.
 Гамаюнъ, моголъ въ Дели, 302.
 Гамильтонъ, Алекс. америк. государств. дѣятель, 241, 295.
 Гамилътонъ, шведск. генералъ, 86.
 Гамилътонъ, педагогъ, 597.
 Гаммерштейнъ, ганнов. генералъ, 829.
 Ганкокъ, Джонъ, америк. депутатъ, 227, 237, 242, 244.
 Гарампи, папскій нунцій въ Вѣнѣ, 440.
 Гаратъ, франц. министръ юстиціи, 774.
 Гарве, философъ, 606.
 Гарденбергъ, Карлъ Авг., князь, въ Брауншвейгъ, 428, въ Пруссіи, 478, въ Базель, 863 и сл.
 Гарди, Чарльсъ, адмиралъ, 266.
 Гаррахъ, графъ Ал. Р., австрійск. дипломатъ, 3.
 Гаррахъ, графъ Ферд. австр. дипломатъ, 52.
 Гаррахъ, графъ Фридр., богемск. канцлеръ, 52, 59.

Гаррикъ, Давидъ, англ. артистъ, 112.
 Гарригтонъ, лордъ, англ. министръ, 55.
 Гаргкуръ, англ. генералъ, 858.
 Гартлей, Давидъ, англ. естествоиспытатель, 177.
 Гасперъ, I. Иос. мистикъ, 581.
 Гастенбекъ, битва при Г., 77.
 Гастингсъ, Варренъ, памѣтникъ въ Индіи, 302, 315 и сл.
 Гаттереръ, I. Хр., историкъ, 567.
 Гаугвицъ, графъ Г. Хр., прусск. министръ, 477.
 Гаугвицъ, австр. министръ, 58, 60.
 Гауле, англ. подководецъ, 41 и сл.
 Гебель, Петръ, поэтъ, 518.
 Геберъ, франц. демагогъ, 699, 713, 747, 807 и сл., 816 и сл., смерть, 838.
 Гевертъ, голланд. депутатъ, 395.
 Геджъ, англ. генералъ, 228, 239 и сл. 242 и сл.
 Гедике, учитель гимназіи, 586.
 Гееръ, шведск. дворянинъ, 499.
 Гейде, прусск. полковникъ, 94, 97.
 Гейне, Хр. Г., филологъ, 599.
 Гейнзе, Вилг., романистъ, 524.
 Гельеръ, датск. сановникъ, 491.
 Гелл, вождь при взятіи Бастильи, 665.
 Гелихиусъ, шведск. капитанъ, 496.
 Гельвейцъ, Кл. Ад. франц. философъ, 162.
 Гельдерлихъ, Фр., поэтъ, 556.
 Гельти, Л. Г. Хр., поэтъ, 516 и сл.
 Гендель, Г. Фр., композиторъ, 640 и сл.
 Генри, Патрикъ, амер. политикъ, 235, 240, 244.
 Генрихъ, прусскій принцъ, братъ Фридр. В., 32, 75, 80, 88, 93, 424.
 Гёйтеръ, I., англ. естествоиспытатель, 192.
 Генуа, подчиняется Австріи, возстаніе и осада, 47 и сл., угрожается Наполеономъ, 907, основаніе Лигурской республики, 929.
 Генци, Фридр., публицистъ, 568 и сл.
 Георгія, англ. колонія, 202.
 Георгъ II., король Англии и курфюрстъ Ганновера, 17, 21, 25, 78, сконч., 96.
 Георгъ III., внукъ предш., характеръ, 233 и сл., отношеніе къ Америкѣ, 213, 219, 224 и сл., кризисъ въ Ам., 232 и сл. 294, индійск. бѣдъ 298, англо-франц. война 787.
 Гердеръ, I. Г. поэтъ, 510, 533—536, 565, 557 и сл.
 Гересъ, Хр. педагогъ, 595.
 Геркгеймеръ, Ник., амер. полковникъ 258.

Геркулесъ Ринальдо, герцогъ Модены, 904, 932.
 Германія, войны за австр. наслѣдство и силезскія, 2 и сл., семилѣтн. в., 62, имперія при Иосифъ II., 417 и сл., война за баварск. наслѣд., 422 и сл., Австрія при Иосифъ II. и Леопольдъ II., 430 и сл., Пруссія при Фридрихъ II. и Фридрихъ Вильгельмъ II., 456 и сл. — Классич. эпоха нѣмецк. поэзіи, 509 и сл., наука теологія и философія, 561 и сл., публицистика и исторія, 613, искусство, 633.
 Германъ, президентъ парижск. революціоннаго трибунала, 815.
 Гермесъ, нѣмецк. романистъ, 556.
 Геро Де Сешель, членъ парижск. конвента, 808, 810, 812, кончина 838.
 Герстенбергъ, Ген. В., поэтъ, 488.
 Гертнеръ, поэтъ, 514.
 Герцанъ, кардиналъ, 435.
 Герцбергъ, прусск. генералъ, 34.
 Герцбергъ, Эвальдъ Фр., прусск. министръ, 70, 102, 396, 428, 475 и сл.
 Гершель, астрономъ, 181.
 Геснеръ, С., поэтъ, 514.
 Геснеръ, I., филологъ, 599.
 Геснеръ, педагогъ, 585.
 Геснеръ, физикъ, 592.
 Гесслеръ, прусск. генералъ, 32.
 Гёте, I. Вольфг., поэтъ 510, 526, 536, въ періодъ бурь и порывовъ, 540, въ Италиі, 544, Фаустъ, 545, франц. революц., 547. какъ естествоиспытатель, 192 и сл.
 Гёттингенъ, университетъ, 618 и сл.
 Гёттонъ, Ч., геологъ, 185.
 Гётчинсонъ, Анна, приверженцы, 198.
 Гётчинсонъ, губернаторъ въ Бостонѣ, 236 и сл.
 Гёце, I. М., пасторъ въ Гамбургѣ, 532, 574.
 Гиббонъ, Эд., историкъ, 109, 134.
 Гибралтаръ, осада, 1779 г. 285 и сл.
 Гизеке, поэтъ, 514.
 Гизелеръ, въ Дордрехтѣ, 394 и сл.
 Гизоръ, графъ, сынъ маршала Бель-Иля, палъ при Крефельдѣ, 84.
 Гиленбургъ, Карлъ, шведск. графъ., 493.
 Гильтенъ, парижск. врачъ, 755.
 Гильдфортъ-Куртгоузъ, битва при Г., 281.
 Гильсбору, англ. министръ, 229.
 Гимпихъ, комендантъ въ Майнцѣ, 780.
 Гицфортъ, лордъ, англ. дипломатъ, 13.
 Глаффининъ, долина. 38.

Гаанъ, перешелъ въ Пруссию, 13, от-
воеванъ Австрійцами, 93.
Гайель, I. В. Людв., поэтъ, 515.
Глагоу, взятъ Прусаками, 11.
Гаукъ, Хр. В., композиторъ, 646.
Гогартъ, англ. живописецъ, 139.
Гогенридбергъ, битва при Г., 32.
Гогенлоз-Кирхбергъ, австр. генераль,
743.
Годдардъ, англ. полковникъ, 315.
Годой, М., герцогъ Алькудиа, испан.
министръ, 865, война съ Франціей,
866 и сл., базельскій миръ, дого-
воръ въ Ильдэфонсо, 868.
Гойеръ, Андр., датск. правовѣдъ, 483.
Голландъ, лордъ, 219.
Гольбахъ, баронъ, и его клубъ, 136,
160 и сл.
Гольбергъ, Людв., датск. поэтъ, 482,
488.
Гольдсмитъ, Оливеръ, англ. поэтъ,
130.
Гольконда, индійское королевство, 305.
Гольцъ, графъ, прусскій дипломатъ,
при Базельскомъ договорѣ, 862.
Гольштейн-Готторпъ, фамильный до-
говоръ, 486.
Гольштейн-Готторпъ, I. Людв., датск.
сановникъ, 485.
Гомпешъ, курфюрцъ, министръ, 875.
Гонтгейль, трирекий епископъ, 175.
Гондшоотенъ, битва при Г., 824.
Гордонъ, Джорджъ, шотланд. лордъ,
271 и сл.
Гордонъ, серъ Вил., посредникъ по
поводу Манилы и пр., 232.
Горнъ, графъ Арвидъ, шведск. ма-
гнатъ, 493.
Горзасъ, членъ франц. конвента, 810.
Гортензия (Богарне), 882.
Гоу, лордъ, англ. генераль, палъ,
1758 г., 210.
Гоу, лордъ Вил., англ. генераль, 244
и сл. 252 и сл. 259.
Гоу, адмиралъ братъ предш., 252,
289.
Гоуманъ, профессоръ, майнцск. клу-
бистъ, 781.
Гоуманъ, Ф., химикъ, 188.
Гохвирхъ, битва при Г., 86.
Гонъ, франц. генераль, 823 и сл., 869
и сл., 895, смерть, 896.
Гревсъ, англ. флотск. начальникъ, 282.
Грегваръ, членъ франц. констит. со-
бранія, 659, присягаетъ 694, членъ
конвента, 767, 769, 786.
Грениль, лордъ, англ. министръ, 215,
въ отставкѣ, 223 и сл., въ парла-
ментѣ, 236 и сл.

Грениль, сынъ предш., англ. дипло-
матъ, 590.
Гризель, капитанъ, соучастникъ Ба-
бёфа, 891.
Гримальди, исп. министръ, 252, 392.
Гриммъ, Фр. М., его записки, 140.
Грипъ, американ. генераль, 274 и сл.
277, 281.
Гросьегеридорфъ, битва при Г., 76.
Груиъ, америк. военачальникъ, 258.
Грюне, австр. генераль, 33.
Губертусбургъ, миръ, 102.
Гудсонъ, война при Г., 257.
Гудъ, англ. адмиралъ, 282.
Гульдбергъ, датск. министръ, 491 и сл.
Гумбольдтъ, Алекс., естествоиспытатель
184 и сл.
Гурскій епископъ, 22.
Гуроны, инд. племя, 203.
Густавъ III., король Швеции, 495—
500.
Густавъ Адольфъ, сынъ предш. ко-
роль Швеции, 500.
Гутмутъ, педагогъ, 592.
Гьерскіе остр., морская битва, 22.
Гейль, педагогъ, 585.
Гюгенъ, вождь санкюлотовъ, 737,
746.
Гюгенъ, естествоиспытатель, 179.
Гюетъ, членъ парижск. конвента, 852.
Гююсъ, англ. адмиралъ, 318.
Гюльзенъ, прусск. генераль, 94.
С. Гюрютъ, маркизь, вождь санкюло-
товъ, 737.
Гюль, франц. генераль, 914.

Д.

Давидовичъ, австр. генераль, 910, 913.
Давидъ, Жакъ Луи, франц. живопи-
сецъ, 635, 833, 847.
Дависъ, Исаакъ, американск. герой,
243.
Дальбергъ, Карлъ Ф., майнц. коадю-
торъ, 175, 421.
Дальбергъ, братъ предш., директоръ
театра въ Мангеймъ, 550.
Дальтонъ, англ. химикъ, 190.
Дамъ, Чарльсъ, въ америк. войну за
независимость, 266.
Дамьеръ, франц. генераль, 794.
Дамьенъ, виновникъ покушенія на
жизнь Людовика XV., 350.
Даниканъ, франц. генераль, 879.
Данія, въ 18. стол. 479. и сл.
Даннескільдъ-Самсъ, графъ Фридрихъ,
датск. адмиралъ, 484, 487.
Дантонъ, адвокатъ, парижскій дема-
гогъ, 678, вождь кордельеровъ, 699,

718, 736, 744, министръ 750 и сл. ха-
рактеръ 752 и сл., терроризмъ 754, 756,
757 и сл. членъ конвента 761, въ
Бельгій, 792, отношеніе къ жирондѣ
798, въ комитетъ блага, 800 и сл., паде-
ніе жирондистовъ 810, паденіе дан-
тонистовъ, 836.
Дартмутъ, графъ, англ. министръ,
222, 242.
Даунъ, графъ Л., австр. полководецъ,
76 и сл., 81 и сл., 92 и сл., 430.
Де Бри, Ж., франц. депутатъ и дипло-
матъ, 716.
Девиль, совѣтникъ Виктора-Амедея,
778.
Деисты, англійскіе, 108, 115 и сл.
Декань, Англичане утверждаютъ въ
немъ, 308 и сл.
Делаваръ, англ. колонія, 200.
Делаваръ, рѣка, война при Д., 257.
Делессаръ, франц. министръ, 717,
730, смерть, 760.
Дели, царство могола, 302 и сл. 311.
Делоне, начальникъ въ Бастильи, 665.
Делья, франц. генераль, 918.
Демуленъ, Камилль, адвокатъ, париж-
скій демагогъ, 660, 663, 678, 699,
761, смерть, 838.
Дейгофъ, графиня, морган. супруга
Фридр. Вильг. П. прусск., 472.
Дендель, голландск. генераль, 859.
Денисъ, М., поэтъ, 519.
Десе, франц. генераль, 910.
Деезау, филантропинъ, 588 и сл.
Деттингенъ, битва при Д., 24.
Део, Даниэль, англ. писатель, 108,
127.
Дефанъ, мадамъ, 136, 152.
Джаксонъ, (слѣдуетъ поставить вмѣ-
сто Джонсона) америк. дипломатъ,
217.
Дже-Джонъ, америк. депутатъ, 241,
244.
Дженкинсонъ, англ. министръ, 225 и
сл.
Джефферсонъ, Ф., америк. депутатъ,
195, 235, 240, 253.
Джиганъ, моголь въ Дели, 304.
Диро, Деиствъ, франц. писатель, 138,
153 и сл.
Дидь, соучастникъ Бабёфа, 892.
Дикinsonъ, амер. депутатъ, 227, 240,
251.
Динъ, С., амер. агентъ въ Парижѣ,
256 и сл.
Диншель, теологъ, 568.
Директорія французская, 887 и сл.

Доггерсбаикъ, морская битва, 279.
Доломбъ, франц. геологъ, 185.
Доминго, см. Гаити.
Доминика, морская битва, 284.
Dominus ac pedemptor, булла, 390.
Домштедтъ, битва при Д., 85.
Домъ, Хр. Копр. Вильг., историографъ,
567, 627 и сл., дипломатич. дѣя-
тельность, 415.
Дона, графъ, прусск. генераль, 85.
Донопъ, англ. генераль, 259.
Доршъ, майнцск. клубистъ, 781.
Драпе, Вил. англійскій генераль, 101,
232.
Дрезденъ, въ семилѣтн. войну, 70,
91, 93.
Дрейдель, Дж., англ. поэтъ, 108, 110
и сл.
Дризень, прусск. генераль, 82.
Друммондъ, лордъ, шотл. якобитъ 37,
38, 40, 41.
Друзъ, франц. почтмейстеръ, 707, 891
и сл.
Дуинъ, ванъ деръ, голландск. гене-
раль 51.
Дульсе-Понтекуланъ, членъ комитета
въ Парижѣ, 880 и сл.
Дюбеть, франц. генераль, 871.
Дюбарри, М. Ж. графиня, любовница
Людовика XV, 350.
Дюбуа - Крансе, парижск. демагогъ,
818, 893.
Дюгемъ, франц. депутатъ, 716, 852.
Дюгомье, франц. генераль, 867.
Дюкенау, членъ парижск. конвента,
857.
Дюна, М. франц. офицеръ 266, во
время революціи, 716.
Дюма, членъ парижск. революціоннаго
трибунала, 815, парижскій меръ,
841.
Дюмонъ, комиссаръ парижск. кон-
вента, 835.
Дюмурье, франц. генераль, членъ
законодат. собранія, 717, министръ
731, въ Шампани 762, въ Бель-
гій 782 и сл., противъ якобинцевъ 790
и сл., исходъ 793.
Дюндесъ, Генри, англ. чиновникъ, 301.
Дюпморъ, губернаторъ Виргиніи, 251.
Дюпле, губернаторъ Пондишера, 35,
54, 309.
Дюпонъ, членъ франц. національн.
собранія, 673, 697,
Дюпортель, въ Америкѣ 266, франц.
министръ, 717.
Дюруа, членъ парижск. конвента, 857.

Е.

- Евгеній, принцъ вюртембергскій, 97.
 С. Евстатій, островъ, во время американской войны за независимость, 279 и сл. 283.
 Едери, естествоиспытатель, 488.
 Екатерина, по поводу торга солдатами, 247.
 Елисавета, императрица, 7, 54, 63, 82, кончина, 99.
 Елисавета, сестра Людовика XVI, 705, кончина 835.
 Елисавета (Изабелла, Фарнезе, Пармская), супр. Филиппа V испанскаго, 5, 49, 377, 383.

Ж.

- Жакото, педагогъ, 597.
 Жанъ Поль см. Рихтеръ.
 Жансонне, франц. депутатъ, 717, 732.
 Желанпъ, битва при Ж., 783.
 Жераръ, франц. секретарь министерства, 260.
 Жерль, франц. депутатъ, 693.
 Жерментоунъ, битва при Ж., 258.
 Жерменъ, соучастникъ Бабёфа, 892.
 Жерменъ, франц. генераль, 361, 364 и сл.
 Жерменъ, графъ, алхимикъ, 583.
 Жерминаль, возстаніе, 851.
 Жироидисты, партія, 716 и сл., въ министерствѣ 731, паденіе 810.
 Жокуръ, франц. депутатъ, 716.
 Жолье, иезуитъ, 203.
 Жофренъ, мадамъ, 136, 152.
 Жофруа Сентъ-Илеръ, Этьенъ, естествоиспытатель, 192.
 Жу, фортъ, 375.
 Жубертъ, Бартелеми, французскій генераль, 915 и сл., 919.
 Журданъ, вождь санюлотовъ, 682.
 Журданъ, Жанъ Баптистъ, при Вальми, 764, въ Нидерландахъ 828 и сл., въ Германіи 910 и сл.
 Жоно, герцогъ Абрантесъ, франц. маршалъ, какъ унтеръ-офицеръ, 884, адъютантъ Наполеона, 924.
 Жусье, Б. и А., франц. ботаники, 192.
 С. Жюсть, членъ франц. конвента, 769, комиссаръ при арміи, 826, въ комитетъ общаго блага, 833, смерть 841.

З.

- Зальцманъ, педагогъ, 591 и сл.
 Захаріе, Карлъ Саломонъ, правовѣдъ, 618.

- Зедлицъ, Карлъ Ав., прусск. министръ народн. просвѣщ., 562, 586.
 Зейдлицъ, Фр. В., прусск. генераль, 79, 85 и сл., 100.
 Землеръ, I. Сал., теологъ, 564, 571 и сл.
 Землеръ, Хр., педагогъ, 585.
 Зильбершлагъ, педагогъ, 588.
 Зооръ, битва при З., 33.
 Зоутманъ, голланд. адмираль, 279.
 Зульцеръ, критикъ, 514.
 Зульцеръ, педагогъ, 585.

И.

- Ивердёнъ, учебное заведеніе въ И., 604.
 Изабелла (париска) супр. Юсефа II, 434.
 Изелингъ, Ис., исторіографъ, 622.
 Изендикъ, Французы завоевали, 52.
 Изоръ, комиссаръ парижск. конвента, 835.
 Иллюминаты, общество, 174.
 Ильдесонсо, предварит. миръ, 344.
 Ишпей, судья 316 и сл.
 Ивернесъ, средоточіе якобитовъ, 41.
 Индія, индобританск. держава, 302 и сл., европейск. колонія, 307, остинд. кампанія, 311 и сл.
 Иперпъ, сдается Французамъ, 829.
 Ириарте, графъ, испан. дипломатъ, 903.
 Ирландія, Французы возбуждаютъ къ революціи, 820.
 Испанія, англ.-исп. война, 20 и сл. въ семил. войну, 98, 101, колонія въ Ам. 202 и сл. 213, распри изъ-за Манилы и Фалклендск. остр., война съ Англ. 267 и сл. 284 и сл. Версальск. миръ 291, война съ Португ. 343 и сл., Филиппъ V и Фердинандъ VI 377 и сл., Карлъ III 383 и сл., война съ франц. республ. 864 и сл.
 Италия, въ войну за австр. наслѣдство 21 и сл., Неаполь при Карлѣ III 380, походы Наполеона 901 и сл., паденіе Венеціи и Генуи 933.
 Ифлаандъ, поэтъ, 554.

I.

- Иезуиты, борьба съ Помбалеми, 329, изгнаніе изъ Португаліи, 332, изъ Франціи 355, изъ Испаніи и Неаполя, 386, упраздненіе ордена, 390.
 Иерусалимъ, I. Фр. В., педагогъ, 573, 587.
 Иоаннъ Филиппъ (Вальдерндорфъ) курфюрстъ трирскій, 421.

- Иоаннъ V, португал. король, 322 и сл.
 Иоаннъ VI, принцъ регентъ, 347.
 Йорктоунъ, калитуляція, 282.
 Йоркъ, англ. министръ, 230.
 Иосефина, вдова Богарне, 849, супруга Наполеона, 882.
 Юсефа (баварская), супр. императора Юсефа II, 434.
 Юсефъ II, германск. императоръ 16, 425, юность, 430 и сл., отношеніе къ папству, 435 и сл., въ Римѣ, 442, реформы, 445 и сл., возстанія, 449, болѣзнь и смерть, 450.

К.

- Кавалли, композиторъ, 641.
 Кавендишъ, англ. министръ, 284.
 Кавендишъ, англ. физикъ, 189.
 Кадудаль, Ж., вождь въ Бретани 817, 870.
 Казабанга, франц. генераль, 927.
 Кай, битва при К., 89.
 Кайзерслаутернъ, битва при К., 824.
 Каласть, I., купецъ въ Тулузѣ, 143.
 Калоннъ, франц. министръ, 368 и сл., въ эмиграціи 703.
 Калоостро, графъ, шарлатанъ, 362, 582 и сл.
 Кальбъ, полковникъ, франц. агентъ, 226, 256, 274.
 Кальверъ, серъ Джоржъ, лордъ Бальтиморъ, 196.
 Калькутта, англ. владѣніе, 308 и сл.
 Камбассересъ, членъ конвента, 845.
 Камбонъ, членъ франц. конвента, 716, 840, 855 и сл.
 Камденъ, битва при К., 274.
 Кампбель, англ. полковникъ, 273, 281.
 Кампе, педагогъ, 592, 598.
 Кампосанто, битва при К. 21.
 Кампосорміо, миръ, 931 и сл.
 Камюсть, франц. депутатъ, 693, 793.
 Канада, франц. колонія, 202, перешла къ Англии 211, походъ въ К., 246.
 Канкло, франц. генераль, 871.
 Канова, ваятель, 638.
 Кантъ, Им., философъ, 562 и сл., 605 и сл.
 Канпъ, теологъ, 568.
 Кариссими, композиторъ, 640 и сл.
 Карлетти, тосканск. посланникъ въ Парижѣ, 849.
 Карлтонъ, англ. генераль, 244, 275.
 Карлъ VI, германск. императоръ, 2 и сл.
 Карлъ VII Альбрехтъ, баварскій курфюрстъ, 4 и сл., Нименбургскій союзъ 7, избранъ въ императоры 14,

- кампанія въ Богеміи и т. д., 18 и сл., смерть, 31.
 Карлъ Фр., баденскій маркграфъ, 428.
 Карлъ Теодоръ, пфальцск. курфюрстъ, 423 и сл., проектъ обѣна 427.
 Карлъ герц. Брауншвейг., 81.
 Карлъ пр. Гессенскій, при французской революціи, 760.
 Карлъ герц. Лотарингскій, братъ императора Франца I, австр. Фельдмаршалъ, 6, 12, 24 и сл. 32 и сл. 51, 75, 81 и сл., умеръ, 400.
 Карлъ эрцгерц. Австр., сынъ Леопольда II, намѣстникъ въ Нидерландахъ 455, кампанія въ Нидерл., 792 и сл. 1785, 96, 97 гг. 910 и сл.
 Карлъ принцъ Мекленбургъ-Стрелицъ въ Португаліи, 342 и сл.
 Карлъ Эдуардъ, князь Вост. Фрисландіи, 35.
 Каръ Филиппъ, курфюрстъ пфальц., 9.
 Карлъ герц. Пфальцъ-Цвейбрюкъ, 427.
 Карлъ Августъ, герцогъ Саксен-Веймар., 429.
 Карлъ Евгений, герцогъ Вюртемб., 248.
 Карлъ Эмануиль, король Сардиніи, 8, 21 и сл. 26, 46 и сл.
 Карлъ III, какъ король Неапол., 22 и сл. какъ кор. Испан., 380 и сл. изгнаніе иезуитовъ и реформы, 390 и сл.
 Карлъ IV, сынъ предш., 393, война съ Франц., 789, правленіе Флориды Бланки и Годоя, 865 и сл.
 Карлъ Эдуардъ (Стюартъ) глава якобитск. возстанія, 36 и сл.
 Карлъ XIII герцогъ Зюдерманл., 500.
 Карвальо см. Помбаль.
 Карвахаль, Донъ Хозе, испанск. министръ 378 и сл.
 Карвицки, Дунявъ, польск. сенаторъ, 502.
 Кармеръ, графъ, прусск. канцлеръ, 459.
 Карпакъ, битва при К., 871.
 Карпатикъ, война между Англией и Франц., 308, 310.
 Карно, Л., членъ законодат. собранія 716, его военная организація, 826 и сл., членъ директоріи 887 и сл., ъбство въ Германію 898.
 Каро, Венг. испанск. генераль, 866.
 Каролина, сѣв. и южн. штаты въ Америкѣ, 200.
 Каролина Мат. (Англ.) супр. Христиана VII датскаго, 489.
 Каролина Мар. (Австр.) супр. Фердинанда IV (Неапол.) 382.
 Карра, парижск. демагогъ, 718, 744.

Каррьеръ, комисаръ франц. конвента, 817, 843 и сл., смерть 847.
 Карстенсъ, А. Як. живописецъ, 639.
 Картеретъ, лордъ, англ. министръ, 18, 27, 38.
 Карто, париж. демагогъ, 820.
 Карисъ, Л., женщина-поэтъ, 515.
 Кассель, капитуляція, 101.
 Кастильоне, битва при К., 906.
 Кауницъ, В. А., графъ, потомъ князь, посланникъ въ Римъ 23 и сл., министръ въ Нидерл. 27, 51, въ Ахенъ, 62, посланникъ въ Парижъ 67 и сл. канцлеръ, 433 и сл., 440, 475.
 Кателино, вождь въ Вандеѣ, 822.
 Кацбахъ, битва при К., 93.
 Кауфманъ, Англ., художница, 635.
 Квиберонъ, коса, катастрофа роялистскаго войска, 871 и сл.
 Квинси, вождь возстанія въ Бостонъ, 237.
 Квостановичъ, австр. генераль, 909, 913.
 Кевенгулеръ, графъ, австр. фельдмаршалъ, 14, 16 и сл. 24 и сл.
 Кевенгулеръ, австр. сановникъ 62.
 Кейзеръ, Рейнг., композиторъ, 641.
 Кейтъ, Г., графъ, прусск. дипломатъ, 71.
 Кейтъ, Я., прусск. фельдмаршалъ, 71, 86.
 Келлерманъ, франц. генераль, 752, 764.
 Кёллеръ-Ванперъ, датск. полковникъ, 491.
 Кёльцъ, архіеписк., 420.
 Кене, франц. полицкономъ, 139, 167.
 Кёнигсегъ, графъ, австр. министръ, 3, 36.
 Кёнигсегъ, Макс. Фр., курфюрстъ кельнск., 420.
 Кенпелъ, англ. адмираль, 264.
 Кессельдорфъ, битва при К., 34.
 Кильменъ, франц. генераль, 923 и сл.
 Киндерманъ, педагогъ, 599.
 Кинетъ, членъ франц. конвента, 793.
 Кинсбергенъ, голанд. флот. капитанъ, 280.
 Кишанъ, франц. адмираль, 264, 278.
 Клавдій, М., поэтъ, 488 и сл.
 Клавирингъ, наместникъ въ Индіи, 316.
 Клавьеръ, жепевск. эмигрантъ, 688. франц. министръ, 731 и сл.
 Клеберъ, франц. генераль, 795, 910.
 Клейвъ, лордъ Робертъ, англ. офицеръ, 308 и сл., наместникъ въ Калькуттъ, 311 и сл.
 Клейнъ, нѣм. зоологъ, 190.
 Клейншеллендорфъ, договоръ, 12.

Клейстъ, Эв. Хр., офицеръ и поэтъ, 90, 515.
 Клейстъ, Фр. В., прусск. генераль, 100.
 Клементъ, Авг. (Баварскій), 420.
 Климентъ XII, папа, 323.
 Климентъ XIII, 66, 329, распря съ Португ., 332 и сл. съ Пармою, 385 и сл. смерть, 336.
 Климентъ XIV, (Лор. Ганганелли), папа отъѣвъ, іезуитовъ, 173, 338 и сл., 389 и сл.
 Клермонъ, графъ Людов., франц. полководецъ 84.
 Клермонъ-Тоннеръ, графъ, во франц. национ. собраніи, 659, 698.
 Клерфе, графъ, австр. полководецъ. 743, 763, 766, 790 и сл., 831.
 Клингеръ, Максъ, поэтъ, 533 и сл.
 Клинтонъ, Генри, англ. генераль, 244, 252, 259, 263 и сл. 273, 277, 282.
 Клоотъ, Анахаркисъ 695, и сл. смерть, 838.
 Клоштокъ, Фр. Е., поэтъ, 509, 512 и сл.
 Клотцъ, филологъ, 528.
 Клубисты, майнск., 781.
 Клубъ Бретонъ, въ Версалъ, 654.
 Клюберъ, І. Людв., правовѣдъ, 618.
 Ключи, вождь Макферсоновъ, 38.
 Клюни, франц. министръ, 365.
 Книгге, Ад., романистъ, 560, основатель общества иллюминатовъ, 174.
 Книппгаузенъ, Додо Г., прусскій посланникъ въ Парижъ, 68.
 Книппгаузенъ, гессенск. генераль въ Америкъ, 254, 258, 264.
 Коалиціонныя войны съ Франціей, 775 и сл., 782 и сл., 823, 858 и сл.
 Кобенцль, графъ, посредникъ въ мирѣ Кампо Форміо, 930.
 Кобенцль, графъ Филиппъ, австр. канцлеръ, 412, 731, отставленъ, 794.
 Кобленцъ, французск. эмиграція въ К., 704.
 Кобургъ, принцъ І., австр. фельдмаршалъ, 791, 796 и сл. 801, 828 и сл., въ отставкѣ, 831.
 Козель, взятіе К., 33.
 Коимбра, университетъ, 340.
 Коккейи, Сам. прусск. министръ юстиціи, 458.
 Коллегиумъ, Каролинскій въ Брауншвейгъ, 387.
 Колденбахъ, австр. надворн. совѣтникъ, 102.
 Колли, сардин. генераль, 902.
 Коллинъ, битва при К., 76.
 Коллинсъ, Ант. англ. действ., 115 и сл.
 Колларедо, графъ Герон. архіепископъ, сальцбургск. 435.

Колло д'Эрбуа, франц. демагогъ, 718, 761, 768, террористъ въ Лионъ, 818, въ комитетъ, 833, 840 и сл., смерть, 852.
 Колльеръ, Іерем., англ. историкъ, 112.
 Коловратъ, графъ, австр. генераль, 25.
 Коль д'Ассеть, битва у К., 50.
 Кольбергъ, въ семилѣтн. войну, 86, 94, 97.
 Коменіусъ, педагогъ, 584.
 Конве, англ. министръ, 223, 225.
 Конвентъ, франц., 767 и сл.
 Конгревъ, Вил., англ. поэтъ, 111 и сл.
 Конде, принцъ, глава эмиграціи, 667, 878.
 Кондильякъ, франц. философъ, 137.
 Кондорсе, маркизь, франц. философъ, 180, 183, какъ депутатъ, 711, 717, 751, смерть, 811.
 Конкордъ, стычки при К., 242, 275.
 Конфектикутъ, колонія, 198.
 Констанъ де Ребеке, въ директоріи, 895.
 Контакъ, маркизь, франц. полководецъ, 84, 88.
 Конти, франц. эмигр. 667.
 Копъ, англ. генераль, 39.
 Корде, Шарлотта, уб. Марата, 814.
 Кордельеры, 699, 836.
 Корелли, Акк., композиторъ, 643.
 Корматенъ, вождь въ Вандеѣ, 870.
 Корвалисъ, англ. генераль, 252, 258, 262, 274 и сл., 281 и сл.
 Корсика, въ юные годы Наполеона 883 и сл., имъ занята, 908.
 Коръ, баронесса, 705.
 Костюшко, въ Америкъ, 256, 275.
 Коттонъ, Джонъ, колонистъ въ Америкъ, 198.
 Котцебу, Авг., драмат. писатель, 554.
 Коффингаль, членъ парижск. трибунала, 815, 841.
 Кохъ, І. Ант., живописецъ. 637.
 Кравенъ, леди, супр. маркигр. Карла Александра, 478.
 Крамеръ, поэтъ, 516.
 Кребилювъ, франц. романистъ, 138.
 Крефельдъ, битва при К., 84.
 Крессель, австр. канцлеръ, 454.
 Кретчманъ, К. Фр., поэтъ, 519.
 Крильонъ, герцогъ, испан. генераль, 286 и сл.
 Кронекъ, фр., поэтъ, 515.
 Крумпигель, нидерл. совѣтникъ, 402 и сл.
 Крузіусъ, Хр. Авг., философъ, 605.
 Крюзи, герм. педагогъ, 603.
 Куба, взята Англич., возвращена Испаніи, 213.

Кузень, профессоръ, членъ муницип. совѣта, 747.
 Кукъ, Дж., англ. мореплаватель. 182, 211.
 Куломбъ, франц. математикъ, 181.
 Кулберландскій герцогъ, сынъ Георга II, англ. полководецъ, 24, 36, 41, 51, 72, 79, 80, 219, смерть, 222.
 Кунердорфъ, битва при К., 89.
 Кунеренъ, фр. композиторъ, 643.
 Куртисъ, англ. капитанъ, 289.
 Кутъ, серъ Э., англ. генераль, 317 и сл.
 Кутонъ, Ж., франц. депутатъ, 718 и сл. 810, 818, во главѣ комитета 833, кончина, 840.
 Куллоденъ, битва при К., 42.
 Кюссавъ, бой близъ К., 264.
 Кюстинъ, графъ въ Америкъ, 266, кампанія въ Германіи, 779 и сл., смерть, 825.
 Кюстинъ, сынъ предш., 729, смерть, 825.
 Кюшингъ, председатель комитета въ Бостонъ, 237.

Л.

Лабурдонне, франц. адмираль, 35, 45, 308.
 Лабурдонне, франц. генераль, 783.
 Лавалетъ, адъютантъ Наполеона, 897.
 Лавалетъ, іезуитъ, 355.
 Лавельдъ, битва при Л., 54.
 Ла-Вогюбонъ, герцогъ, посланникъ въ Голландіи, 292, роялистск. агентъ, 893.
 Лавуазье, франц. химикъ, 188 и сл. 834.
 Лагарпъ, Фр. Цез. воспитатель Александра І., 593.
 Лагранжъ, І. Л., математикъ, 180, 183.
 Лазовскій, полякъ, демагогъ, 798 и сл.
 Лакаль, франц. астрономъ, 183.
 Лакруа, вождь санюлотовъ, 744, членъ конвента, 792, 810.
 Лалаидъ, франц. астрономъ, 183.
 Лаллеманъ, франц. посланникъ въ Венеціи, 927.
 Лалли-Толлендаль, франц. начальникъ въ Индіи, 92, 310.
 Лалли Толлендаль, сынъ предш., франц. депутатъ. 660, 678, 696 и сл. 699.
 Ламаркъ, естествоиспытатель, 192.
 Ламаркъ, членъ франц. конвента, 793, 835.
 Ламбаль, принцесса, 361, 748, 759.
 с. Ламбертъ, маркизь, франц. философъ, 162.

Ламбеск, принцъ, франц. полковникъ, 663.
 Ламетъ, Ш. въ американск. войнѣ 266, 282, членъ франц. національнаго собранія, 673, 697.
 Ламеттри, франц. философъ, 162.
 Ламотъ, графиня, процессъ ожерелья, 362.
 Ла Мотъ-Фуке, Генр. Авг., прусск. генералъ, 93.
 Ламуретъ, франц. епископъ, 741.
 Лангара, Донъ Жуанъ, испанск. адмиралъ, 278 и сл. 287.
 Лангбейшъ, Авг. романистъ, 560.
 Лангбекъ, датск. историографъ, 484.
 Ландесгутъ, битва при Л., 93.
 Ланжюине, франц. депутатъ, 686, 717, 773, 809, 847, 879.
 Ланнъ, герцогъ, франц. маршалъ, при Вальми, 764, въ Итали, 907, 917.
 Ланфанъ, парижск. демагогъ, 755.
 Ланпласъ, франц. физикъ, 180, 183.
 Ларевелье-Лепо, членъ директоріи, 887, 895, 897, 907.
 Ларошфуко, герцогъ, членъ франц. націон. собранія, 659.
 Ларошъ-Жакеленъ, вождь въ Вандеѣ, 817 и сл.
 Ла-Салль, франц. колонистъ въ Америкѣ, 203, 211.
 Ласки, графъ, австр. фельдмаршалъ, 430.
 Ласуретъ, членъ франц. конвента, 800.
 Ласъ-Минасъ, испанск. полководецъ, 49.
 Латуръ, австр. генералъ, 912.
 Латуръ-Мобуръ, франц. депутатъ, 659, 709.
 Лаудоуъ, Г. Э., австр. фельдмаршалъ, 85 и сл., 92 и сл., 424.
 Лаукгардъ, педагогъ, 598.
 Ласайетъ, маркизъ, въ Америкѣ, 256 и сл. 263 и сл. 277, 281, въ Парижѣ, 368, 371 и сл. начальникъ парижск. націон. гвардіи, 663, 606, 668 и сл. 676 и сл. въ націон. собраніи, 681 и сл. 700, 704, 708 и сл. 712 и сл., предводитель сѣверн. арміи, 729, 735, 738, 745, въ плѣну, 751 и сл.
 Ласатеръ, І. Касп., теологъ, 575 и сл. 588, 593—595.
 Лавонгенъ, нѣмецк. романистъ, 557.
 Леба, членъ парижск. конвента, 841.
 Лебонъ, Іос. комисаръ париж. конвента, 821, 843, 857.
 Лебрюнъ, франц. министръ, 782, 803, 808.
 Левальдтъ, прусск. фельдмаршалъ, 34, 77.

Лёвендааль, франц. генералъ, 54.
 Лежандръ, франц. математикъ, 181.
 Лежандръ, мясникъ, вождь санкюлотовъ, 736, 744, членъ конвента, 847, 851, 856.
 Лейбницъ, филологъ, 622.
 Лейпнигенъ-Дахсбергъ, графъ, 595.
 Лейзевицъ, нѣмецк. поэтъ, 530.
 Лейтгенъ, битва при Л., 81.
 Лекуантръ, членъ парижск. конвента, 844, 847, 851, 853.
 Лексингтонъ, стычка при Л., 242.
 Леманъ, І. Г., нѣмецк. геологъ, 184.
 Ленгю, франц. депутатъ, 834.
 Ленцъ, Рейнг., поэтъ, 533 и сл.
 Леобенъ, миръ въ Л., 920 и сл.
 Леопольдъ II., германск. императоръ, 451 и сл., покоряетъ Бельгію, 414 и сл., рейхенбахск. договоръ, 476, отношеніе къ франц. республ., 721 и сл. пильниц. конвенція, 724, революціон. война, 727 и сл., смерть, 456.
 Леопольдъ, князь Ангальтъ-Дессау, 33, смерть, 35.
 Леопольдъ, князь Ангальтъ-Дес., сынъ предш. 11, 29.
 Леопольдъ, Фр. Фр., сынъ предш., 588.
 Лепеллетъ де Сепъ-Фарго, членъ франц. конвента, 892.
 Лепеллетъ, вождь роялистовъ, 879 и сл.
 Лепеллетъ, Феликсъ, соучастникъ Бабефа, 774.
 Лерзе, педагогъ, 591.
 Лескюръ, вождь въ Вандеѣ, 822.
 Лесли, англ. генералъ, 275.
 Лессингъ, Г. Э., нѣмецк. поэтъ, 509, 525 и сл., объ искусствѣ, 527 и сл., драмы, 529 и сл., теологія и философія, 531 и сл.
 Лествицъ, прусск. майоръ, 95.
 Летиція, Бонапарте, урожд. Рамолино, мать Наполеона, 883.
 Лёттрель, англ. полковникъ, 105.
 Летуриеръ, членъ франц. директоріи, 887, 894.
 Леуенгукъ, естествоиспытатель, 190.
 Лефевръ, французскій маршалъ, 830.
 Лешель, якобинецъ въ Вандеѣ, 822.
 Ли, Нат., англ. поэтъ, 111.
 Ли, Ричардъ, америк. государств. человекъ, 235, 240, 244.
 Ли, Чарльсъ, амер. генералъ, 244, 254, 257, 264.
 Ли, Артуръ, дипломат. агентъ, 257 и сл.
 Ливорно, взята Наполеономъ, 908.
 Лигницъ, притязанія Пруссаконъ, 9, битва при Л., 93 и сл.

Лилленгранцъ, шведск. садовникъ, 498.
 Лилло, Г., англ. поэтъ, 112.
 Линкольнъ, В., америк. полководецъ, 273.
 Линней, Карлъ, ботаникъ, 191.
 Линцъ, въ войну за австр. наслѣдство, 13, 17.
 Лихтенау, графиня, любовница Фридр. Вильг. II, 472.
 Лихтенбергъ, Г. Хр., сатирикъ, 577.
 Лихтенштейнъ, князь В., австр. генералъ, 23, 46.
 Лянкуръ, герцогъ, гротмейстеръ гардероба, 666.
 Люнь, терроризмъ конвента, 818 и сл.
 Лобковичъ, князь, австр. полководецъ, 18 и сл. 22, 32.
 Лобовицъ, битва при Л., 70.
 Ловатъ, лордъ, шотланд. якобитъ 37, 40, 45.
 Лоуди, взятіе моста Наполеономъ, 904.
 Лозюнь, герцогъ, 283.
 Локке, Джонъ, англ. философъ, 107, 113 и сл., его конституція для Южна. Каролины, 195.
 Ломбардъ, прусск. секретарь, 477, 764.
 Ломени де Бриеннъ, франц. министръ, 371 и сл.
 Лонато, битва при Л., 909.
 Лонгаро, битва въ долині Л., 918.
 Лонгви, въ войну 1782 г., 762, 766.
 Лондонъ, Гордонскій мятежъ, 271 и сл.
 Лопухинъ, его заговоръ, 7 и сл.
 Лоренсъ, Генри, американ. полковникъ, 282.
 Лотарингія, владѣнія присоединены къ Франціи, 721.
 Луизіана, подъ властью Испаніи, 213.
 Лувезини, маркизъ, прусск. дипломатъ, 477, 766, 827, 831, 861.
 Луксъ, Адамъ, майнцк. клубистъ, 781.
 Лусиньянъ, австр. полковникъ, 918.
 Лустало, парижск. публицистъ, 660, 678, 696 и сл.
 Луттербергъ, битва при Л., 101.
 Любомирскій, польская фамилія, 504, 506.
 Людвигъ Эрнстъ, принцъ брауншвейгскій, 267, 293, 396.
 Людерицъ, прусск. полковникъ, 34.
 Людовикъ XV., вмѣшательство въ войну за австр. наслѣдство, 6 и сл. 36, 51, король и версальскій дворъ, 347 и сл., правленіе, 357 и сл.
 Людовикъ XVI., вакуъ предш., царствованіе, 359 и сл., созывъ государственныхъ чиновъ, 372, пхъ открытіе 652 и сл., взятіе Бастиліи 659 и сл., паденіе феодальнаго

государства, 668 и сл., перенесеніе въ Парижъ 676 и сл., празникъ федераціи, 699 и сл., бѣгство, 702 и сл., утвержденіе конституціи, 715, король вноситъ свое вето, 725 и сл., объявленіе войны, 731, бури противъ королевской власти, 734 и сл., возстаніе 10 авг., 744 и сл., нападеніе на Тюльери, 747, въ Тампль, 750, процессъ, 768 и сл., смерть, 774 и сл.
 Людовикъ XVIII., сынъ предш., 835, смерть, 857 и сл.
 Люиза (Мекленбургск.) супр. Фридриха IV. датскаго, 481.
 Люиза (Англ.), супруга Фридриха V. датскаго, 485.
 Люиза (Прусс.) супр. Адольфа Фр. шведскаго, 494.
 Люкнеръ, франц. генералъ, 729, 733, 735, 752.
 Люлли, Ж. П., композиторъ, 659.
 Люттихъ, мятежъ, 1790 г. 414, присоединяется къ Франціи, 790.

M.

Мабли, аббатъ, франц. писатель, 138.
 Магратты, индійское племя, 304, 306.
 Мадисонъ Дж., американск. государственный человекъ, 295.
 Мадрасъ, осада Англичанъ, 308.
 Мадридъ, мятежъ, 386.
 Май, педагогъ, 598.
 Майеръ, Т., нѣмецк. астрономъ, 182.
 Майшцъ, архіепископство, 421, присоединяется къ франц. республикѣ, 781 и сл., отвоевывается Пруссакми, 795, побѣда Клерфе, 874.
 Майръ, прусск. полковникъ, 76.
 Маканазь, Донъ Мельхюръ де, испан. садовникъ, 52.
 Макартней, лордъ, губернаторъ въ Мадрасѣ, 318.
 Макдональдъ, шотл. родъ, 38, 42 и сл.
 Макдональдъ, герцогъ тарент., франц. маршалъ, въ Нидерланд., 829, 859.
 Максень, капитуляція, 91.
 Максимилианъ Іосифъ, курфиретъ баварскій, 31.
 Максимилианъ, Францъ (Австр.) курфиретъ кельнск., 420, 426, 831.
 Макферсонъ, Джемсъ, англ. поэтъ, 123.
 Макъ, австр. генералъ, 792, 921.
 Малагрида, Гавр., иезуитъ, 327, 331, 334.

Малле дю Панъ, бурбон. агентъ, 734, 930.
 Маллетъ, историографъ, 488.
 Малусъ, физикъ, 188.
 Малузъ, членъ франц. націон. собранія, 673, 698, 701.
 Мальзербъ, франц. министръ, 361, 363 и сл., защищаетъ Людовика XVI., 771, смерть, 834.
 Мальпиги, естествоиспытатель, 190.
 Мальшицъ, битва при М., 910.
 Мальяръ, вождь санкюлотовъ, 665, 682 и сл., 713, 737, 797 и сл., 808 и сл.
 Мангеймъ, взятъ Австрійцами, 874.
 Мандаты, франц. бумажныя деньги, 899.
 Мандевилъ, Берн., англ. деистъ, 117.
 Манила, взята Англ., 101, 232.
 Маниинъ, Людв., венеціанск. дожъ, 924, 928, 933.
 Мантуа, во время австр.-франц. войнъ, 905, 907 и сл., 914.
 Манштейнъ, прусск. полковникъ, 765, 827.
 Манюэль, парижск. демагогъ, 718, 736, 746 и сл., 758, смерть, 834.
 Маратъ, Жанъ П., врачъ и демагогъ, 660, 678 и сл., 699, 705, 733, 754, 757, членъ конвента, 761, 804 и сл., смерть, 814.
 Маре, герцогъ де Бассано, франц. дипломатъ, 788.
 Мареско, франц. генералъ, 830.
 Марестъ, франц. іезуитъ, 204.
 Маріанна (эрцгерцогиня австр.), супр. Карла Лотаринг., 27, 31.
 Марія Терезія, императр. Австр., 4 и сл., отношеніе къ Фридриху, В. 8, 1-ая силезская война, 11 и сл., въ Венгрии, 15 и сл., въ Прагѣ, 24 и сл., Ахенск. миръ 56, реформы, 57 и сл., семилѣтн. война, 62 и сл., миръ въ Губертсбургѣ, 102, Нидерланды, 400 и сл., послѣдніе годы, 430 и сл.
 Марія Амалия (Австр.), супр. Карла Альбр баварскаго, 4, 31.
 Марія Йозефа (Австр.), супруга Фр. Августа III, саксонск., 4, 27.
 Марія Антуанетта (Австр.), супр. Людовика XVI, 359 и сл., во время революціи, 683, 700, 705 и сл., 727, 730, 748, смерть, 835 и сл.
 Марія Барбара (Португ.), супр. Фердинанда VI, испанск., 378.
 Марія Анна (Испанск.), супр. Иосифа I, португ., 344.
 Марія I, доч. предш. супр. инфанта Петра, королева португ., 344 и сл.

Марія Франциска Бенедикта (Португ.), супруга принца Иосифа, 345.
 Марія Клементина (Собеска), супр. претендента Якова (III) Стюарта, 36.
 Мариво, франц. романистъ, 138.
 Марльборо, герцогъ, англ. полководецъ, 84.
 Марсельеза, 740.
 Марсель, терроризмъ конвента, 819 и сл.
 Марсо, франц. генералъ, 822, 910.
 Мартенсъ, Г. Фр., профессоръ народнаго права, 618.
 Мартини, Карлъ Ант., австр. правовѣдъ, 433.
 Мартиника, взята Англ., возвращена Франц., 101, 213.
 Маршалъ, франц. іезуитъ, 292.
 Маршллингъ, филантропинъ, 592 и сл.
 Масковъ, I. Яв. исторіогр., 622.
 Массачузетъ, англ. колонія, 197, 199.
 Массена, при Вальми, 764, въ Итали 778, 905 и сл., 915 и сл.
 Маттью, англ. адмиралъ, 21 и сл.
 Матра, монастырь, 323.
 Машольтъ, франц. министръ, 360.
 Меге де ла Туниъ, парижск. демагогъ, 755.
 Мѣзеръ, Ю., публицистъ, 567, 619 и сл.
 Мейерогто, Л., учитель гимназіи, 586, 600.
 Мейнерсъ, Хр., исторіогр., 626.
 Мелзъ, членъ франц. конвента, 768.
 Мѣллендорфъ, прусск. фельдмаршалъ, 827 и сл.
 Мелльебоа, франц. маршалъ, 18, 48.
 Мелльебоа, франц. генералъ, 394.
 Мельци, князь, миланск. дворянинъ, 46.
 Менажъ, франц. генералъ, 872.
 Менгсъ, Рафаэль, живописецъ, 634.
 Мендельсонъ, Моисей, философъ, 606.
 Менегу, бѣгство Людовика XVI., 706.
 Мепу (Абдалла), франц. генералъ, 879.
 Мещель, венгер. вождь, 16.
 Менье, членъ парижск. конвента, 835, 852.
 Мерикуръ, см. Теруанъ.
 Меркъ, крѣпикъ, 536, 546.
 Мерленъ изъ Дуа, членъ парижск. конвента, 795, министръ, 845, членъ директоріи, 898.
 Мерленъ, изъ Тонвиля, членъ конвента, 845, 898.
 Мерметъ, франц. іезуитъ, 204.
 Мерси, графъ, австр. посланникъ въ Парижѣ, 721, 733, 795.
 Меруло, Кл., композиторъ, 643.
 Мерфельдъ, графъ, австр. генералъ, 921.

Месмеръ, Фр. Ант., основатель теоріи животн. магнетизма, 580 и сл.
 Мессоньеръ, франц. архитекторъ, 637.
 Мигали, кардиналъ, 432, 437.
 Миланъ, всгупленіе Наполеона, 904.
 Миллеръ, поэтъ, 516, 542.
 Миллеръ, педагогъ, 598.
 Миллессимо, битва при М., 902.
 Мипорка, завоєвана Французамъ, 71, Испанцами 286.
 Мирабо, Викторъ Рикети, маркизь, политико-экономъ, 167, 374 и сл.
 Мирабо, Оноре Гавр. Викт. Рик., графъ, сынъ предш., 374 и сл., о свободѣ Шельды, 293, въ націон. собраніи 659, 661 и сл., 669 674, и сл., 682, 684 и сл., 688, 691, 698, смерть, 701 и сл.
 Мирабо, братъ предш., 673, 693, 702.
 Миамисъ, индійскій князь, 311.
 Митчель, Андр., англ. посланникъ въ Берлинъ, 66.
 Михаелисъ, I. Дав., теологъ, 564., 571.
 Миамисы, индійск. племя, 207.
 Мовильонъ, философъ, 607.
 Моголмедъ, Шахъ, моголъ Дели, 306.
 Могола царство въ Дели, 304 и сл.
 Модена, вынуждена заключить миръ, 904.
 Мозеръ, I. Я., правовѣдъ, 567, 613 и сл.
 Мозеръ, Ю. К. сынъ предш. министръ, 567, 614 и сл.
 Моастъ, членъ парижск. конвента, 852.
 Мойсъ, битва при М., 78.
 Мокраловскій, польск. дворянинъ, 504.
 Мольвиаль, Бертр., франц. министръ, 717, 727.
 Мольтке, Ад. Г., датск. сановникъ, 485, 487.
 Моморо, франц. демагогъ, 699, смерть, 838.
 Монако, присоединена къ Франц. республикѣ, 778.
 Монгельяръ, графъ, диплом. агентъ парижск. конвента, 829.
 Монгомери, американ. генералъ, 246.
 Мондови, битва при М., 902.
 Монжъ, франц. математикъ, 180, министръ, 750.
 Монкальмъ, губернаторъ Квебека, 91, 210 и сл.
 Монморенси, графъ М., членъ франц. нац. собранія, 659.
 Монморенъ, франц. посланникъ въ Мадридъ, 265.
 Монморенъ, графъ, франц. министръ, 685, 710, смерть, 759.
 Монмутъ, битва при М., 263.
 Моннье, Софи, любовница Мирабо, 375 и сл.

Монпреаль, взятъ Англичанами, 212.
 Монсей, герцогъ Конельяно, франц. маршалъ, 868.
 Монсель, Терриеръ де, франц. министръ, 738 и сл.
 Монсъ, взятъ Французамъ, 51.
 Монтегю, леди, англ. писательница, 109.
 Монтебелло, близъ Милана, главная квартира Наполеона, 929 и сл.
 Монтемаръ, испан. полководецъ, 21.
 Монтепотте, битва при М., 902.
 Монтескьё, Шарль де Секонда, баронъ де ла Бредъ и де Монтескьё, 137 и сл., 145 и сл.
 Монтескью-Фезензагъ, франц. генералъ, 778.
 Монтиокла, франц. математикъ, 181.
 Мопу, франц. канцлеръ, 350, 360.
 Моравія и Богемія, кампанія Фридриха II, 12.
 Морандо, глава демократовъ въ Генуѣ, 929.
 Морганъ, Э., англ. деистъ, 117.
 Морганъ, америк. полковникъ, 275 и сл.
 Мордоунтъ, Джонъ, англ. генералъ, 78.
 Морена, маркизь, франц. министръ, 261, 283, 360, 367 и сл.
 Мориссонъ, членъ франц. конвента, 769.
 Морицъ, Карлъ Фил., нѣмецкій романистъ, 556.
 Морицъ, принцъ Ангальтъ-Десе, сынъ старика Дессауца, 34, 82, 87.
 Морицъ, маршалъ саксонск., 14, 36, 50 и сл. 54.
 Моро, франц. генералъ, при Вальми, 764, въ Нидерланд., 829 и сл., 18. оруждитора, 899, въ Германіи, 910 и сл.
 Моррисъ, америк. государствен. дѣятель, 295.
 Мотта, кардиналъ, 323.
 Моцартъ, В. Ан., композиторъ, 642. и сл.
 Музеусъ, I. К. А., нѣмецк. романистъ, 577.
 Мультри, америк. вождь, 252, 273.
 Мунъе, франц. депутатъ, 657, 673, 682 и сл.
 Муррей, англ. генералъ, 286.
 Муръ, Эд., англ. поэтъ, 112.
 Мэкензи, лордъ Стюартъ, 219, англ. министръ, 225.
 Мэлльи, графиня, 6.
 Мэшъ, англ. колонія, 198.
 Мэрилендъ, англ. колонія, 196.
 Мэрионъ, америк. полковникъ, 275.

Мюллеръ, I., исторіогр., 568, 627 и сл.
 Мюллеръ, I. G., романистъ, 557.
 Мюнстеръ, епископство, 420.
 Мюнхенъ, въ войну за австр. наслѣдство, 17, 24.
 Мюхховъ, прусск. мѣштеръ, 12.
 Мюррей, лордъ Джоржъ, шотланд. яковитъ, 38 и сл., 42 и сл.

II.

Надасди, австр. сельдцеймейстеръ, 78, 82.
 Надиръ, шахъ персид., 306.
 Напюръ, взятъ Французами, 51.
 Нанакъ, индійск. основатель сектъ, 305.
 Нантъ, терроризмъ конвента, 816 и сл.
 Наполеонъ I. Бонапартъ, юность, 883, во время юнскаго мятежа, 738, при осадѣ Тулона, 820, кампанія въ Итали, 778, подавляетъ возстаніе 13. вандемъера, 880, главнокомандующій итал. арміи, 882, 18. фруктидора, 896, итал. походъ, 1796 и 97 г., отъ Альповъ до Эчи 901 и сл., Миланъ, 904, Церковная обл., 907, походъ въ Германію, 909 и сл., Аркола и Толентино, 912 и сл., въ Австріи, 916 и сл., Леобенъ, 919 и сл., паденіе Венеціи, 930 и сл. Генуи, 929, Кампо-Форміо, 931.
 Нарбонъ, графъ, франц. министръ, 728.
 Натчесь, инд. племя, 204 и сл.
 Национальное собраніе, 655 и сл.
 Неаполь, австр. экспедиція, 21 и сл., при Карлѣ IV., 380 и сл., миръ съ Наполеономъ, 907.
 Неервиденъ, битва при Н., 791.
 Нежеонъ, франц. философъ, 161.
 Неземанъ, Г. П., педагогъ, 593.
 Нейвингеръ, франц. генераль, 781.
 Нейсдорфъ, педагогъ, 602, 605.
 Нейтральный союзъ, 269.
 Неккеръ, Жакъ, франц. министръ, 365 и сл., 370 и сл., 653 и сл., 675 и сл., 700 и сл.
 Неккеръ, дочь предш., см. Сталь.
 Нельсонъ, англ. адмираль, 902.
 Нёшато, Франсуа, членъ директоріи, 933.
 Нибуръ, К., естествоиспытатель, 488.
 Нивернуа, герцогъ, франц. посланникъ въ Берлинъ, 68.
 Нидереръ, I., педагогъ, 604.
 Нидерланды, возстановленіе штатгальтерства, 52 и сл., во время несовершеннолѣтня штатгальтера, 267

и сл., нейтральн. союзъ, 269 и сл., споръ съ Юсифомъ П., 292 и сл., революціон. движенія въ 1786 и 1787 г., 393 и сл., вторженіе войскъ конвента, 782 и сл., 1. коалиц. война, 828 и сл., Батавская республика, 858.

Нидерланды, австр. см. Бельгія.
 Низамъ Али, инд. князь, 314.
 Николай, Хр. Фр., книготорговецъ, 520, 526, 574, 590.
 Никольсъ, Рич., англ. колонистъ въ С. Америкѣ, 199.
 Нимейеръ, нѣм. педагогъ, 586.
 Нимсенбургъ, договоръ, 7.
 Нитгаммеръ, педагогъ, 601.
 Ницца, присоединена къ франц. республикѣ, 777.
 Новая Англія, въ Америкѣ союзъ колоній, 199.
 Новая Франція, въ Америкѣ, 202 и сл.
 Ноотъ, бельг. адвокатъ, 406, 408 и сл.
 Нортумберландъ, герцогъ, 272.
 Нортъ, лордъ, англ. министръ, 226, 284, 297, 315.
 Ноэльъ, герцогъ, франц. маршалъ, 24.
 Нью Гемширъ, англ. колонія въ С. Америкѣ, 198.
 Нью-Джерси, англ. колонія въ С. Америкѣ, 200.
 Нью Йоркъ, англ. колонія, 200, конгрессъ, 204, во время войны за независимость, 243 и сл., 255 и сл.
 Ньюкестль, герцогъ, англ. министръ, 220, 222.
 Нэли, озеро, 22.

О.

Обри, членъ конвента, 880, 884.
 Обюссонъ де Вуазенъ, франц. геологъ, 185.
 Огейо, Англичане и Французы въ области О., 206.
 Огльторпъ, англ. генераль, 201, 206.
 Ожеро, франц. генераль, 18. фруктидора 897, главнокомандующій рейнскою арміею 899, кампанія въ Итали, 909 и сл.
 Олавидесъ, П., испанскій сановникъ, 383, 391 и сл.
 Оливье, педагогъ, 591.
 Ольденбургъ, графство, 486.
 Оранскій домъ, возстановленіе штатгальтерства, 52, партія въ Голланд., 396 и сл.
 Орвилль, франц. адмираль, 264, 266.
 Орискени, битва при О., 258.

Орлеанскій, герцогъ Филиппъ шартрскій (Эгалитѣ), 362, въ качествѣ командира корабля, 264, агитаторская дѣятельность, 371, 659, 663, 681, 683, 774, смерть, 835.
 Ормеа, маркизь, піемонт. министръ, 8.
 Оржессонъ, франц. министръ, 369.
 Оссианъ, шотл. пѣвецъ, 123.
 Остиндія, см. Индія.
 Остиндская кампанія, 302 и сл.
 Отвай, Ф., англ. поэтъ, 111.
 Отисъ, Джемсъ, америк. публицистъ, 216 и сл., 224, 227, 236.

III.

Пале-Рояль въ Парижѣ, жилище герцога Орлеанскаго, 654, 660 и сл., 676 и сл.
 Палласъ, нѣмецк. естествоиспытатель, 182.
 Пальффи, графъ I., венгер. палатинъ, 15.
 Панинъ, графъ Никита, русск. канцлеръ, 269.
 Панисъ, комиссаръ парижской полиціи, 736, 740.
 Паоли, корсиканск. національный герой, 778, 781.
 Парагвай, иезуитское государство, 328.
 Пардо, договоръ въ П., 344.
 Парижъ, взятіе Бастиліи, 664, 5. октябра и переселеніе въ Парижъ, 676 и сл., бѣгство и возвратъ королевской семьи, 702 и сл., мятежъ на Марсовомъ полѣ, 713, перемирие въ муниципальномъ совѣтѣ и т. д., 715, возстаніе 20 іюня 736, 10. авг. 744, нападеніе на Тюльери, 747, сентябрскія кровопролитія, 758, возстаніе монпансьеровъ, 806, возстаніе жерминаля, 851, 13. вандемъера, 880.
 Паркгемеръ, Игн., австр. іезуитъ, 61.
 Паркеръ, англ. адмираль, въ морской битвѣ при Доггербанкѣ, 280.
 Парламенты, франц. при Людовикѣ XV. и XVI, 357 и сл., 371 и сл.
 Парна, герцогство, распря съ папою 387 и сл., Наполеонъ принуждаетъ къ миру, 903.
 Пасторе, президентъ законод. собранія въ Парижѣ, 716.
 Паулина, книгичя Липпе-Детмольдск., 599.
 Пашъ, франц. министръ, 773, 782 и сл., меръ Парижа, 789, казень, 857.

Пейшва, князь Маграттовъ, 305.
 Пенсильванія, англ. колонія, 200.
 Пентъевръ, фортъ, взятый Гошемиъ, 871.
 Пеннъ, В., квакеръ, англ. колонистъ въ Америкѣ, 200.
 Пеннъ, Рич., губернаторъ, 242.
 Пенъ, Ф., англ. публицистъ, членъ франц. конвента, 769.
 Попперель, В., англ. колонистъ въ Америкѣ, 206.
 Перрешъ, де Преси, начальникъ національн. гвардіи въ Лючъ, 818.
 Пертъ, герцогъ, 39.
 Перъ Дюшенъ, парижск. газета, 816.
 Перюссо, іезуитъ, 355.
 Песталози, I. G., педагогъ, 566, 601 и сл.
 Петіонъ, адвокатъ, членъ, франц. націон. собранія 673, 698, меръ Парижа, 748 и сл. смерть, 810 и сл.
 Петръ, португ. инфантъ, 344.
 Пиготъ, намѣстн. въ Мадрасѣ, 317.
 Пилльницъ, договоръ, 724.
 Пирмазень, битва при П., 824.
 Пирна, капитуляція Сайсонцевъ, 70.
 Пистоя, синодъ, 175.
 Питсбургъ, основаніе города, 211.
 Питтъ, государственный дѣятель, 72, относительно американскихъ колоній, 92 и сл., 211, противъ Парижск. мира, 102, въ парламентѣ, 222 и сл., министръ, 225 и сл., въ верхней палатѣ, 233 и сл., предсмертная рѣчь, 262 и сл.
 Питтъ, Вилль., сынъ предш. 163, въ министерствѣ, 299 и сл., его индійск. билль 300, 1. коалиціонная война, 785 и сл.
 Піаченца, битва, при П., 46.
 Пій VI, папа, 330, поѣздка въ Вѣну, 440 и сл., перемирие съ Наполеономъ, 907 и сл. Наполеоновъ походъ въ Церковную область, 917.
 Планкъ, Г. Я., историкъ, 611.
 Планга, Март., педагогъ, 592 и сл.
 Плассей, битва при П., 310.
 Платень, прусск. генераль, 97.
 Плессенъ, Людвигъ и Карль, советчики Христіана VI датскаго, 481.
 Плато, прусск. посланникъ въ Регенсбургъ, 73.
 Позиньяки, князья, франц. эмигранты, 656.
 Польша, условія и партія, 500 и сл.
 Помбаль, С. X. де Карв. М., графъ Фейр., маркизь, португаль. министръ, 324 и сл., Лиссабонск. землетрясеніе, 326 и сл., борьба съ іезуитами, 329

и сл., изгнан. ихъ, 332 и сл., примиреніе съ куріей, 338 и сл., реформы, 339 и сл., война съ Испаніей, 342 и сл. отставка, 345, смерть, 346.

Помпадуръ, маркиза, любовница Людовика XVI., 65, 348 и сл. 355.

Пондшери, владѣнія Французовъ, 308, 310, 318.

Понтиакъ, вождь индѣйцевъ, 213.

Понтониданъ, Эрнхъ, датскій исторіогр. 484.

Понятовскій, фамилія, 502 и сл.

Понятовскій, Станиславъ Августъ, 503.

Попгемъ, англ. маюръ, 315, 319.

Понпе, Ал., англ. поэтъ, 109, 120 и сл.

Портландскій, герцогъ, англ. министръ, 297.

Паргобелло, взятіе П., 20.

Португалія, лиссабонское землетрясеніе, 326 и сл., иезуиты и борьба съ ними, 329 и сл., реформы Помбала, 339 и сл., война съ Испаніей, 342, королева Марія, 344 и сл.

Портъ Магонъ, взятъ Испанцами, 286.

Потоцкій, Иос., коронный гетманъ, 503 и сл.

Пошо ди Борго, корсик. вождь, 883.

Прага, во время войны за австр. наслѣдство, 14, 18 и сл., 24, 29, битва подъ П., 75.

Прагматическая санкція, австрійская, 4 и сл.

Преве, аббатъ, франц. романистъ, 138.

Прейоръ, М., англ. поэтъ, 113.

Преріаль, возстаніе въ п., 855.

Прескотъ, Вил., америк. полковникъ, 245.

Прессбургъ, коронованіе Маріи Терезіи, 15.

Припцгопъ, битва при П., 255.

Пристлей, англ. естествоиспытатель, 177, 189, 237.

Притвицъ, прусск. ротмистръ. 90.

Приѣръ, членъ парижск. комитета, 833, 850, 856.

Прованскій, графъ, 362, 763, во время Наполеона, Людовикъ XVIII, 858, 869.

Провери, австр. генералъ, 915.

Пруссія, 1. силезск. война, 9 и сл., 2. силезск. война, 27 и сл., семилѣтн. война 62 и сл., 1757 годъ, 74 и сл., 1758 г., 82, Губертсбург. миръ, 102, война за бавар. наслѣдство, 422 и сл., правленіе Фридриха II., 456 и сл., Фридр Вильг. II, 471 и сл., вмѣшен. въ голланд. дѣла, 397 и сл., война въ Шампани, 763, 1. коалиц. война, 824, Базельскій миръ, 864.

Пуфендорфъ, Сам., публицистъ и исторіогр., 569, 622.

Пуффенгофенъ, договоръ, 912.

Пюрсель, англ. композиторъ, 642.

Пуисье, мадамъ, 153.

Пуисегюръ, маркизъ, основатель теории сомнамбулизма, 580, 582.

Пютиаль, Ис., америк. генералъ-маюръ, 245.

Пюттеръ, I. Ст., правовѣдъ, 567, 616 и сл.

P.

Раджапуты, индійское племя, 302, 304.

Радзивиль, польская знатная фамилія, 504, 507.

Рале, Себастьянъ, миссіонеръ, 205.

Рамель, франц. генералъ, 897.

Рамлеръ, К. В., поэтъ, 515.

Рамо, Ж. Ф., композиторъ, 641.

Раль раджа, князь Маграттовъ, 305.

Ратихъ, педагогъ, 584.

Райналь, франц. исторіогр., 139.

Райневаль, франц. посланникъ въ Гаагъ, 397.

Раудонъ, лордъ, англ. полковникъ, 274, 281.

Раштатъ, конгрессъ, 933.

Реаль, парижск. якобинецъ, 755.

Ребеки, членъ парижск. конвента, 811.

Ревентловъ, Анна Софія, супр. Фридриха IV, датск., 481.

Ревердиль, швейцарск. ученый, 488.

Революція, великая французская, 651 и сл.

Революціонная война, 728 и сл.

Революціонный трибуналь, 799 и сл.

Регулятивный билль, индійскій, 298, 315.

Ревбель, членъ конвента, 795, директоріи, 887.

Рёдереръ, парижск. синдикъ, 748 и сл.

Редъ Банкъ, битва при Р., 259.

Резевицъ, Фр. Г., педагогъ, 586, 599 и сл.

Реймарусъ, пѣм. философъ, 531, 607.

Рейнбекъ, теологъ, 568.

Рейнгардъ, теологъ, 612.

Рейнгартъ, I. Хр., живописецъ, 637.

Рейнгольдъ, К. Л., философъ, 612.

Рейхенбахъ, въ Силезіи, битва при Р., 100, конгрессъ, 414, 476.

Рейшъ, теологъ, 568.

Ренъе, франц. генералъ, 829.

Реонюръ, франц. физикъ, 185.

Рётледжъ, Дж., америк. депутатъ, 241, 250, 273.

Рибовъ, теологъ, 568.

Рикардосъ, Ант., испанск. генералъ, 866.

Риволи, битвы при Р., 915.

Римъ, перемиріе съ Наполеономъ, 907, 917.

Риссель, голланд. генералъ, 398.

Рихтеръ, Жанъ Поль Фр., романистъ, 557 и сл.

Рихтеръ, пѣм. химикъ, 190.

Ричардсонъ, С., англ. романистъ, 107, 128.

Ричмондъ, городъ въ Виргиніи, 201.

Ричмондъ, лордъ, 242, министръ, 284.

Риччи, Лоренцо, генералъ иезуит. ордена, 174, 356, 390.

Ришельё, герцогъ, 6, 50, 71, 77, 83, 349.

Ро, серъ Т., англ. посланникъ въ Остиндіи, 307.

Роберъ, парижск. демагогъ, 747.

Робеспьеръ, Максимилианъ, француз. адвокатъ, 673, членъ націон. собранія, 702, 711, мятежъ на Марсовомъ полѣ, 713, самоотреченіе констат. собранія, 715, противникъ воинствен. политики, 728, мятежъ 20 июня, 736 и сл., 10 авг., 744, въ парижск. коммунѣ, 754 и сл., членъ конвента, 761, процессъ короля, 767 и сл., революціон. судъ, 799 и сл., въ комитетъ блага, 813, 833, низверженіе дантонистовъ, 836 и сл., смерть, 841.

Робине, франц. философъ, 160.

Робинсонъ, серъ Т., англ. дипломатъ, 13.

Роганъ, кардиналь, 362 и сл.

Рогиласы, индійское племя, 315.

Родней, Дж., англ. адмиралъ, 101, 278 и сл., 284 и сл.

Родъ-Эйландъ, амер. колонія, 198.

Розенкранцъ, Иваръ, датск. канцлеръ, 481, 483.

Розъ-Лакомбъ, „царица рынка“, 682.

Ройе Колларъ, членъ парижск. коммуны, 747.

Рокингамъ, маркизъ, англ. министръ, 220 и сл., 284, 290.

Рококо, стиль, 637.

Року, битва при Р., 51.

Роланъ, франц. депутатъ и министръ, 717 и сл., 731 и сл., 808, смерть, 811.

Роланъ, жена предш., 717, смерть, 811.

Розлиль, при императорѣ Францъ II,

Ромёвъ, франц. охидеръ, 708.

Росбахъ, битва при Р., 79.

Россиноль, золотыхъ дѣлъ мастеръ, вождь санкилотовъ, 737, 747, въ

Вандевъ, 821, въ заговоръ Бабеса, 891.

Роттофредо, битва при Р., 46.

Роу, Николай, англ. поэтъ, 112.

Рошамбо, графъ, франц. генералъ, въ Америкѣ, 266, 282, въ Нидерланд., 729, 733.

Руже-де-Лиль, I., франц. поэтъ, 740.

Румянцевъ, князь Петръ Александровичъ, 97.

Руссо, Жанъ-Жакъ, франц. писатель, 137, 147 и сл.

Рутовскій, графъ, саксон. фельдмаршалъ, 14, 33, 70.

Русеръ, франц. поэтъ, 834.

Рюампъ, членъ парижск. конвента, 852.

Рюль, комисаръ конвента, 835, 856.

C.

Саванна, взята Англичанами (Соединенные Штаты), 273.

Савойя, присоединилась къ франц. республикѣ, 776.

Савраменто, дель, португ. колонія, 324, 328, 344.

Саксонія, въ войну за австр. наслѣдство, 25 и сл., 31 и сл., въ семилѣтнюю, 70 и сл.

Сагъ, Авг. Фр. Вильг., теологъ, 573.

Салдервъ, русск. дипломатъ, 486.

Салисъ, австр. генералъ, 829.

Салисъ-Маршильсъ, Карлъ Уд., 593 и сл.

Салисъ-Севизъ, I. Г., поэтъ, 593.

Саличетти, корсик. вождь, 883.

Салоны, литературные въ Парижѣ, 151 и сл.

Сальданыя, кардиналь, 329.

Сальмъ-Грумбахъ, рейнграфъ, 391, 397, 399.

Самсонъ, палачъ въ Парижѣ, 775.

Санкилоты, 719.

Сантеръ, пивоваръ, вождь санкилотовъ, 665, 699, 736, 746 и сл., 756 и сл., 771, 821, 879.

Сапѣга, польскій вельможа, 505.

Саратога, капитуляція, 259.

Сардинія-Пиемонтъ, въ войну за австр. наслѣдство, 21, 25 и сл., 47 и сл., война съ франц. республикой, 776 и сл. миръ съ Наполеономъ, 901 и сл.

Сарторій, исторіогр., 626.

Саундеръ, лордъ, англ. адмиралъ, 211.

Сваммердамъ, естествоиспытатель, 190.

Сваренъ, судебн. реформа при Фридр., 73, 459.

- Свитень, лейбъ - медикъ Маріи Терезіи, 61.
 Свистепъ, Г., сынъ предш., президентъ учебнаго вѣдомства въ Вѣнѣ, 438, 443.
 Свистъ, Дж., англ. сатирикъ, 109, 123 и сл.
 Сейки, инд. племя, 305.
 Секвиль - Джерменъ, лордъ Джорджъ, англ. генералъ, 89, членъ колон. департам., 247, 276, 282 и сл.
 Семилѣтняя война, 69 и сл.
 Сѣмптеръ, америк. полковникъ, 275.
 Сидуэтъ, франц. министръ, 358.
 Симбахъ, битва при С., 24.
 Симоитъ, Рич., франц. теологъ, 569.
 Симонъ, салонникъ, тюремщикъ Людовика XVII, 834 и сл.
 С. Симонъ, маркизъ, франц. адмиралъ, 282.
 Сишцендорфъ, графъ Фил. Людв., австр. министръ, 3.
 Сишцендорфъ, графъ, кардиналъ, 465.
 Сиерра Морена колонизація, 391.
 Сіеель, графъ, аббатъ, его трактатъ: что такое третье сословіе? 373, членъ національнаго собранія, 655, 659, 671, 676, 698, 712, 717, членъ конвента, 847, 851, переходъ къ директоріи, 877, 881, 886.
 Скарлатти, Ал., композиторъ, 642.
 Скарлатти, Дом., сынъ предш., композиторъ, 643.
 Свилачи, министръ финансовъ въ Испаніи, 383, 386.
 Смитъ, Ад., англ. политико-экономъ, 139, 169 и сл.
 Смитъ, Дж., мореплаватель, 197.
 Сноулетъ, Т. Дж., англ. романистъ, 109, 130.
 Снелль, педагогъ, 595.
 Солапо, испан. адмиралъ, 278.
 Солтыковъ, графъ П., русск. полководецъ, 89.
 Сомбрѣиль, графъ, франц. эмигрантъ, 872.
 Сомру, инд. военальчаникъ 311.
 Спрингъфаръ, битва при С., 282.
 Сталь - Гольштейнъ, баронъ, шведск. дипломатъ, 849.
 Сталь, Ан. Л., урожд. Неккеръ, супр. предш., писательница, 849, политическая дѣятельность, 895.
 Стерне, Л., англ. романистъ, 109.
 Стиллинофилитъ, епископъ, 110.
 Стиль, Рач., англ. писатель, 108, 112, 126.
 Стоин Поинтъ, битва при С., 266.
 Стрела, битва при С., 94.
 Стригау, битва при С., 32.

- Стуруэнзе, графъ I. Фр., дат. министръ, 489 и сл.
 Стюартъ, послѣднее возстаніе, въ Шотл., 36 и сл., конецъ рода, 45.
 Стэръ, лордъ, англ. генералъ, 21, 25.
 Субизъ, принцъ, 6, 79, 84, 98, 100.
 Субрани, членъ парижск. конвента, 856 и сл.
 Сугамъ, франц. генералъ, 829.
 Сулливанъ, америк. генералъ, 254.
 Сумъ, датск. адмиралъ, 484.
 Сураджъ-адъ-Даула, вождь въ Бенгаліи, 309 и сл.
 Сутернъ, Э., англ. поэтъ, 112.
 Сюфренъ, франц. адмиралъ, 318.

Т.

- Тавара, португ. дворянская фамилія, 330 и сл., 346.
 Талейранъ-Периоръ, епископъ, членъ національн. собранія, 659, 688, 700, въ Америкѣ, 752, министръ иностр. дѣлъ, 895.
 Тальенъ, парижск. демагогъ, 718, 756, 774, въ Бордо, 821, 9. термидоръ, 840, врагъ якобинцевъ, 843, на Квиберонѣ, 872, въ директоріи, 881.
 Тальенъ (Фонтенъ - Кабаррю), супр. предш., 843.
 Тампль, въ Парижѣ, 750.
 Тансенъ, мадамъ, 152.
 Тансенъ, кардиналъ, 37.
 Талуччи, неаполит. сановникъ, 380 и сл., 385 и сл.
 Тарло, польск. знатная фамилія, 504.
 Тауэнциль, прусск. генералъ, 93.
 Тексторъ, городской старшина, во Франкфуртѣ, 84.
 Теллеръ, В. А., теологъ, 573.
 Темплъ, лордъ, членъ верхней палаты, 242, 299.
 Террей, аббатъ, франц. министръ, 350, 360.
 Теруаль де Мерикуръ, амазонка революціи, 415, 682, 698,
 Тешенъ, миръ въ Т., 425.
 Тиллотсонъ, англ. священникъ, 110.
 Тильо, В., пармезан. сановникъ, 388.
 Тиндаль, Мат., англ., деистъ, 117.
 Типпо Саибъ, манзурскій султанъ, 317 и сл.
 Тиструикъ, философъ, 611.
 Толандъ, Дж., англ. деистъ, 115 и сл.
 Толентино, миръ въ Т., 917.
 Томсонъ, Дж., англ., поэтъ, 109, 122.
 Торвальдсенъ, В., ваятель, 638.
 Торгау, битва при Т., 94.
 Тоскана, при Леопольдѣ I., 57, отношеніе къ Наполеону, 908.

- Тоуизендъ, англ. генералъ, 342.
 Тоуншендъ, Ч., англ. государств. мужъ 224 и сл.
 Тракверъ, графъ, 37.
 Траль, леди, 109.
 Грамбле, А., естествоиспытатель, 192.
 Траппъ, педагогъ, 591.
 Траунъ, графъ, австр. фельдмаршалъ, 22, 27, 29, 32.
 Траутмансдорфъ, графъ, австр. министръ въ Бельгіи, 408 и сл.
 Тренкъ, Фр., вождь Пандуровъ, 16, 58.
 Трентонъ, битва при Т., 255.
 Трионали, битва при Т., 314.
 Триръ, курфюрш., 421.
 Тронше, франц. депутатъ, 201.
 Триогетъ, франц. адмиралъ.
 Туveno, франц. офицеръ, 762.
 Тугутъ, Францъ, австр. министръ, 794, во время революціонныхъ войнъ, 828, 829 и сл., миръ въ Кампо Форміо, 931.
 Туре, франц. депутатъ, 715.
 Туркоэль, битва при Т., 829.
 Турноутъ, битва при Т., 411.
 Турсель, гвернантка парижскаго двора, 705, 748.
 Тюммель, Мор. Авг., поэтъ, 557.
 Тюнгенъ, австр. генералъ, 31.
 Тюрго, франц. министръ и политико-экономъ, 168, 252, 361, 363 и сл., отставка, 365.
 Тюрио, франц. депутатъ, 716.
 Тюрловъ, лордъ, англ. министръ, 284, 299.
 Тюрро, комиссаръ въ Вандеѣ, 823.

У.

- Удино, при Вальми, 764.
 Университеты, нѣмецкіе, въ 18. стол. 599 и сл.
 Уррутия, испан. генералъ, 867.
 Урсельскій, герцогъ, 414.
 Устери, Марг., поэтъ, 518.
 Утрехтъ, борьба партій, 394 и сл.
 Уль, Петръ, поэтъ, 515.

Ф.

- Фабръ д'Эглантинъ, франц. демагогъ, 699, 718, 747, 761, смерть.
 Фаворитъ, битва при Ф., 915.
 Фалькенскіѣльдъ, датск. чиновникъ, 491.
 Фалькиркъ, битва при Ф., 41.
 Фалькландск. острова, споръ между Испаніей и Англіей, 232.

- Фаренгейтъ, нѣм. физикъ, 185.
 Фарипелли, Карло, италецъ, 378.
 Фаустъ, драма, 545.
 Феброній, Юст., 175.
 Федерация праздникъ, 699.
 Федеръ, I. Г. Г., философъ, 606.
 Фёбляне, клубъ, 698, 713 и сл., 739.
 Феуу, франц. посланникъ въ Генуѣ, 929.
 Фердинандъ IV., неаполитанск. король, 382 и сл. миръ съ Франціей, 907.
 Фердинандъ, герцогъ пармск., 388.
 Фердинандъ VI., король испан., 378 и сл.
 Ферзенъ, графъ Аксель, швед. магнатъ, 499.
 Феркюгаръ, Дж., англ. писатель, 112.
 Ферморъ, В., русск. генералъ, 83, 85, 89.
 Фери, членъ конвента, 856.
 Феррейра, Ан. Альв., виноликъ покушенія на жизнь Іосифа I. 330.
 Фесселеръ, Игн., австр. священникъ, 437.
 Фигероа, испан. сановникъ, 383, 392.
 Филадельфія, городъ, основаніе, 196, конгрессъ, 240 и сл., 244, 252, Англичане въ городѣ, 258.
 Филантропіи, учебныя заведенія 588 и сл., 592 и сл.
 Филеій, швед. епископъ, 496.
 Филиппъ V., король испан., 377 и сл.
 Филиппъ, инфантъ, сынъ предш., 5, 22, 50, герцогъ пармск. 56, 61, 377, 388.
 Филиппъ, Вестфальск., секретарь Ферд. Брауншв. 81.
 Финкъ, прусск. генералъ, 91.
 Финкъ фонъ Финкенштейнъ, графъ, прусск. министръ, 75, 90.
 Фламстедъ, англ. астрономъ, 181.
 Флаттихъ, I. Фр., педагогъ, 598.
 Флеммингъ, графъ, 503.
 Флѣри, кардиналъ, франц. министръ, 6, 18, смерть, 19.
 Флѣри, Ж., франц. министръ, 369.
 Флѣри, Луи, франц. дворянинъ, въ Америкѣ, 258.
 Флѣрюсъ, битва при Ф., 830.
 Флессель, членъ парижск. муниципальн. совѣта, 665.
 Флорида, исп. колонія, 202, 206, переходитъ къ Англичанамъ, 213.
 Флорида-Бланка, Донъ Хоузе, графъ, испан. министръ 383, 392, 864, политика относит. Англіи и Америки, 257, 265, 285.
 Флоріанъ, франц. поэтъ, 834.
 Фоксъ, Ч. Дж., англ. государствен. дѣятель, 238 и сл., 242, 261, ми-

нистръ 283 и сл., 290, 297, 320 и сл., въ отношеніи франц. революціи, 704.
Фонтенуа, битва при Ф. 35 и сл.
Форстеръ, I. P., естествоиспытатель, 183, 631.
Форстеръ, I. P., сынъ предш., публицистъ, 183, 568, 631 и сл.
Фоскарини, венец. провекторъ, 905.
Фоссъ, I. G., поэтъ, 488, 577, 578 и сл.
Фоме, Кл., членъ конвента, 726, 769.
Фридриха Вильгельмина (прусс.) супр. штатгалт. Вильгельма, 396 и сл.
Фридриха, маркграфиня см. Вильгельмина.
Фридрихъ II., ландграфъ гессенъ-кассель., 95, 248.
Фридрихъ Карлъ Юсифъ, курфиреть майнц., 421.
Фридрихъ Августъ, герцогъ Ольденбургскій, 486.
Фридрихъ II. Вел., король прусск., 5, 7, силезск. войны, 8—14, 27 и сл., семилѣтн. война, 69 и сл. до 103, война за баварск. наслѣдство 424 и сл.—Внутреннее правленіе 456 и сл., его сочиненія 465 и сл., 472, 506 и сл., 519, 562, 571, 584 и сл.
Фридрихъ Вильгельмъ II., король прусск., 471 и сл., 476 и сл. 396 и сл. 415, договоръ въ Пильницѣ, 724. революціонная война, 730 и сл., 827 и сл., миръ въ Базель, 863.
Фридрихъ Августъ III., курфиреть саксонск. въ войну за австр. наслѣдство, 4, 7, 26, 32, въ семилѣтн. войну, 71.
Фридрихъ IV., король датскій, 480 и сл.
Фридрихъ V., король датскій, 485 и сл.
Фридрихъ VI., регентъ датскій, 492.
Фридрихъ I., ландграфъ гессенъ-касс., король шведскій, 492 и сл.
Фричъ, Тома, сакс. дипломатъ, 102.
Фруктидоръ, государств. переворотъ 18 фр., 896.
Фукъ-Тенвиль, франц. прокураторъ, 815, смерть, 856 и сл.
Фульда, битва при Ф., 89.
Фулонъ, франц. министр, 662, 668.
Фурнье, вождь санкюотовъ, 737, 798, 801 и сл.
Фурукиръ, моголъ въ Дели, 306.
Фурье, франц. математикъ, 181.
Футъ, англ., актеръ, 112.
Фуше, парижск. демагогъ, 819, 9. термидора, 840, 843.

X.

Хераско, перемиріе, 902.
Ходовецкинъ, Д. Н., живопис., 577, 588., 635.
Хотекъ, австр. военн. комиссаръ, 60.
Хотузицъ, битва при Х., 12.
Христина, Мар., супр. герцога Альберта саксенъ-теш., намѣстн. въ Нидерланд., 402, 406 и сл., 414.
Христиани, Бельтр., австр. сановникъ, 62.
Христианъ VI., король датск., 481 и сл.
Христианъ VII., король датск., 489 и сл.

II.

Цева, битва при Ц.
Цевалось, Педро, испан. генераль, 343.
Целларій, Хр., филологъ и исторіогр. 599, 623.
Цельсіусъ, шведск. математ., 186.
Церковная область, см. Римъ.
Цизальпинская республика, основаніе, 931 и сл.
Цинцендорфъ, Карлъ, губернаторъ Триеста, 447.
Циркена, домъ Ц., 35.
Цитенъ, Г. I., прусск. генераль, 30, 82, 95.
Цорндорфъ, битва при Ц., 85 и сл.
Цюке, I. Генр., поэтъ 594.
Цюлизау, битва при Ц., 89.

III.

Чаидъ-Биби, султанша Агмеднугура, 303.
Чарльстонъ, городъ, взятъ англичанами, 274.
Чарторыйскіе и ихъ партія, 502, 504.
Чарльсъ, франц. физикъ, 186.
Чѣббъ, Тома, теологъ, 117.
Чербиори, лордъ Герб., англ. писатель, 107.
Чернышевъ, русск. полководецъ, 100.
Чеславъ, битва при Ч., 12.
Честерфильдъ, лордъ, англ. министр и философъ, 55, 119.
Чисеникская бухта, 282.

III.

Шабо, франц. депутатъ, 716.
Шавиньи, франц. дипломатъ, 30 и сл.
Шазо, прусск. майоръ, 32.

Шанъ-Рапцау, датск. графъ, 491.
Шалье, демагогъ, въ Лонъ, 818.
Шамбонъ, парижск. демагогъ, 747, комиссаръ конвента, 854.
Шампань, война въ Ш., 761.
Шампионне, французск. генераль, 830.
Шапелле, франц. депутатъ, 654.
Шареттъ, вождь Вандейцевъ, 822 и сл., 873.
Шателе, марказа, пріятельница Вольтера, 142, 178.
Шателе, маркизъ, сынъ предш. франц. посланникъ въ Лондонъ, 228.
Шателю, маркизъ, въ войну за независимость въ Америкѣ 266.
Шатору, герцогины, любовница Людовика XV. 36, 348.
Швеція, въ семилѣтн. войну, 73, 76, 94 и сл. при Фридр. I, Густавъ III., 492 и сл.
Шверинъ, графъ, К., Хр., прусск. фельдмаршалъ, 11, 29, палъ подъ Прагой, 75.
Шенеръ, франц. полковникъ, 19.
Шейдтъ, Сам., композиторъ, 643.
Шейте Сингъ, князь въ Бенаресъ, 316.
Шеле, К. В., аптекаръ въ Швеціи, 189.
Шѣнайхъ, поэтъ, 514.
Шѣнборнъ, Фр. Г., Курфиреть трирскій 421.
Шѣнсельдъ, белг. генераль, 413 и сл.
Шенье, Андр., франц. поэтъ, смерть, 698.
Шердингъ, битва при Ш. 17.
Шѣтгенъ, педагогъ, 585.
Шефферъ, швед. генераль, 495 и сл.
Шигъ, Готл., живописецъ, 637.
Шиллеръ, Фридр., вѣм. поэтъ, 510, 548 и сл. 549 и сл., Довъ-Карлосъ, 551, исторія упаденія Нидерланд. и тридцатилѣтняя война, 552, Валленштейнъ, 554, Марія Стюартъ, и Вильгельмъ Тель 555.
Шиммельманъ, датск. министр 487, 489.
Шлегель, I. И., поэтъ, 529.
Шлѣцеръ, Авг. Людв., историкъ и публицистъ, 567, 623 и сл.
Шлифенъ, прусск. генераль, 415.
Шлоссеръ, I. G., педагогъ, 542, 599.
Шлютеръ, Андр., архитекторъ, 637.
Шметтау, прусск. генераль, 14, 30.
Шмидъ, Юс., педагогъ, 604.
Шмидтъ, I. Лор., теологъ, 570.
Шнейдеръ, комиссаръ парижск. конвента, 835.
Шовеленъ, франц. посланникъ въ Лондонъ, 888.
Шоле, битва при Ш. 822.

Шолеттъ, парижск. демагогъ. 713, 797, смерть, 838.
Шотландія, послѣднее возстаніе якобитовъ 36 и сл.
Шнейеръ, взятъ генераломъ Кюстиномъ, 779.
Шпильманъ, австр. министр, 794.
Шнитцеръ, Людв. Тим., исторіогр., 567, 625 и сл.
Шпоркъ, австр. генераль, 921.
Шрѣдеръ, австр. генераль, 411 и сл.
Шрефферъ, I. G., мистикъ и чудотворъ, 580 и сл.
Штейнбаргъ, Г. Сам., философъ, 607.
Штейнль, госпожа, въ Веймаръ, 544, 547.
Штейбенъ, въ америк. войну за независимость, 260, 275, 277, 281.
Шторръ, теологъ, 612.
Шуазель, герцогъ, франц. министр, въ семилѣтн. войну 87, 96, 98, относительно Америки 212, 228, 232;—337, 349, 355, 383 и сл.
Шубартъ, Дан., поэтъ. 550.
Шубергъ, Францъ, композиторъ, 648.
Шуленбургъ, графъ, прусск. генераль, палъ при Молвицѣ, 11.
Шуленбургъ, австр. фельдцеймейстеръ, 48.
Шумень, датск. сановникъ, 485.
Шульцъ, I. Генр., пасторъ, 573.
Шюцъ, учитель гимназіи, 536.
Шютцъ, Генр., композиторъ, 640.

IV.

Эбергартъ, I. Авг., философъ, 606.
Эбертъ, поэтъ, 514.
Эгеде, Гапсъ, миссіонеръ, 480.
Эгеръ, крѣпость, сдалась на капитуляцію, 25.
Эгилюнъ, герцогъ, франц. министр, 350, 360.
Эгилюнъ, герцогъ, сынъ предш. членъ національнаго собранія, 659, 672.
Эгли, композиторъ, 593.
Эдельманъ, I. Хр., философъ, 570.
Эдинбургъ, въѣздъ претендента Карла Стюарта, 39.
Эйкемейеръ, майнцк. полковникъ, 780 и сл.
Эйлеръ, Леонардъ, математикъ, 178.
Эйпенъ, белг. аббатъ, 413, 415.
Эйхгорнъ, I. Гот., теологъ и историкъ, 572, 626.
Эйхель, тайный совѣтникъ Фридриха В. 467.
Эллиотъ, англ. генераль, комендантъ Гибралгара, 287.
Эльбэ, вождь Вандейцевъ, 822 и сл.

Эльзась, владѣнія имперскихъ чиновъ
присоединены къ Франціи, 753 и сл.
Эль Пардо, договоръ въ Э., 20.
Эмиграція, франц. 723.
Эмсъ, конгрессъ, 175.
Энгель, поэтъ и философъ, 554. 606.
Энсенадо, маркизъ, исп. министръ,
378 и сл. 386.
Энциклопедисты, 152 и сл.
Эпремениль, Дюваль, депутатъ, 371,
693.
Эрнести, I. Авг., теологъ и философъ,
564, 571 и сл., 591.
Эргаль, Фр. К. I., курфюрстъ майнцск.,
421.
Эстенъ, франц. адмиралъ, 264.
Эстре, франц. маршалъ, 77, 100.

Ю.

Юлихъ-Клеве, родоначальникъ, 9.
Юлиана, Марія (брауншв.) супр. Фридриха V. датскаго, 491.

Юмъ, Давидъ, англ. философъ и исторіогр., 109, 132 и сл.
Юнгъ, Эд. англ. поэтъ, 122.
Юнгъ, Тома, физикъ, 188.
Юнгъ-Стиллингъ, I. Генр., романистъ и мистикъ, 578 и сл.
Юніонъ, графъ, испан. генералъ, 867.
Юшусъ, письма его, 230 и сл.

Я.

Якоби, I. Георгъ, поэтъ, 515.
Якоби, Фр. Генр., братъ предш. философа, 574.
Якобинцы, ихъ клубъ, 697 и сл., 824.
Якобиты, послѣднее ихъ возстаніе, 36 и сл.
Яковъ III. (Стюартъ), претендентъ на престолъ Англіи, 36 и сл.
Янсенизмъ, при Людовикѣ XV. 354.

ПОПРАВКИ.

Стр.	Строка			
42	4 св.	вмѣсто	Ивернеса	слѣдуетъ Инвернеса.
54	13 св.	"	боевые	" большіе
57	14 св.	"	боевыя	" военныя
70	21 св.	"	попавшими	" попавшимися
78 11 и	15 св.	"	боевыми	" воинскими
91	8 св.	"	очистилась	" очистилась
110	13 св.	"	противоставляли	" противопоставляли
112	5 св.	"	Мурса	" Мура
120	24 св.	"	противоставляется	" противопоставляется
217	21 св.	"	Джонсономъ	" Джаксономъ
244	3 св.	"	боевомъ	" ратномъ
245	1 св.	"	боевыми	" стратегическими
261	21 св.	"	боевыя	" пылкія
300	12 св.	"	прерогативъ	" прерогативовъ
331	21 св.	"	старшихъ	" страшныхъ
569	16 св.	"	Байлеса	" Беля
663	9 св.	"	деспотическимъ	" демоническимъ
673	22 св.	"	острожный	" остроумный

